

Психология секса (тома 1-6)

Хэвлок Эллис

***HAVELOCK
ELLIS***

***THE PSYCHOLOGY
OF SEX (VOL. 1-6)***

Хэвлок Эллис

Психология секса (тома 1-6)

Содержание

Том 1

Том 2

Том 3

Том 4

Том 5

Том 6

Том 1

Содержание

Содержание

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

ЭВОЛЮЦИЯ СКРОМНОСТИ.

Я.

II.

III.

IV.

ЯВЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧНОСТИ.

Я.

II.

III.

АУТОЭРОТИЗМ: ИССЛЕДОВАНИЕ СПОНТАННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

Я.

II.

III.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ВЛИЯНИЕ МЕНСТРУАЦИИ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. СЕКСУАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧНОСТЬ У МУЖЧИН.

ПРИЛОЖЕНИЕ С. АУТОЭРОТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РЕЛИГИИ.

ДИАГРАММЫ

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

Происхождение этих *исследований* восходит к давности. В юности я, как и другие, столкнулся с проблемой секса. Живя частично в австралийском городе, где образ жизни был хорошо виден, частично в уединении буша, я был свободен как созерцать, так и медитировать на многие вещи. Во мне постепенно росла решимость: одной из главных частей моей жизни должно быть прояснение проблем секса.

Это было более двадцати лет назад. С тех пор я могу честно сказать, что во всем, что я делал, эта решимость никогда не была далека от моих мыслей. Я всегда медленно приближался к этой центральной проблеме; и в книге, опубликованной около трех лет назад "*Мужчина и женщина: исследование вторичных половых признаков человека*", я выдвинул то, что, по моим собственным глазам, было введением в изучение основных вопросов сексуальной психологии.

Теперь, когда я наконец подошел к моменту начала публикации своих результатов, они едва ли кажутся мне значительными. В юности я надеялся решить проблемы для тех, кто пришел после; теперь я спокойно доволен, если делаю немногим больше, чем просто излагаю их. Ибо даже это, как я теперь думаю, уже много; это, по крайней мере, половина знания. В этой конкретной области зло невежества усиливается нашими усилиями подавить то, что никогда не может быть подавлено, хотя в процессе подавления оно может стать извращенным. Я, по крайней мере, попытался выяснить, каковы факты, как среди нормальных, так и среди ненормальных людей; ибо, хотя мне кажется, что для установления фактов необходима подготовка врача, врач по большей части получает только ненормальные факты, которые сами по себе проливают мало света. Я пытался разобраться в фактах, а, добравшись до фактов, взглянуть им просто и прямо в лицо. Если я, возможно, не смогу повернуть замок сам, я беру с собой ключ, который один в

конце концов может правильно открыть дверь: ключ искренности. Это моя единственная панацея: искренность.

Я знаю, что многие мои друзья, люди, на стороне которых нахожусь и я, возражают другим словом: сдержанность. Они говорят, что пытаться раскрыть эти вещи - ошибка; оставьте сексуальные инстинкты в покое, взрослейте и развивайтесь в любимом ими застенчивом одиночестве, и они обязательно вырастут и разовьются полноценно. Но, на самом деле, это именно то, чего мы не можем и никогда не позволим им сделать. Очень немногие мужчины и женщины среднего возраста могут четко вспомнить факты своей жизни и со всей честностью сказать вам, что их сексуальные инстинкты развивались легко и плодотворно на протяжении всего периода. И не должно быть трудно понять, почему это так. Пусть мои друзья попробуют перенести свои чувства и теории из репродуктивной области, скажем, в область питания, единственную, которая может сравниться с ней по важности. Предположим, что о еде и питье никогда не говорили открыто, разве что завуалированным или поэтическим языком, и что никто никогда не ел пищу публично, потому что считалось аморальным и нескромным раскрывать тайны этой естественной функции. Мы знаем, что произойдет. Значительная часть сообщества, особенно более молодые члены, охваченные инстинктивным и законным любопытством, сосредоточили бы свои мысли на этом предмете. Им пришлось бы ломать голову над множеством проблем: как часто я должен есть? Что я должен есть? Неправильно ли есть фрукты, которые я люблю? Должен ли я есть траву, которую я не люблю? Вопреки инстинкту, мы можем быть совершенно уверены, что лишь незначительному меньшинству удастся питаться разумно и полезно. Сексуальная скрытность в жизни еще более пагубна, чем была бы такая питательная скрытность; отчасти потому, что мы тратим такое богатство моральной энергии, направляя ее по ложному пути, отчасти потому, что сексуальное влечение обычно развивается одновременно с интеллектуальным импульсом, а не в ранние годы жизни, когда могли бы сформироваться полезные инстинктивные привычки. И всегда найдется какой-нибудь невежественный и глупый друг, готовый еще больше все запутать: Ешьте через день! Ешьте двенадцать раз в день! Никогда не ешьте фрукты! Всегда ешьте траву! Советы, которые настойчиво даются в сексуальных вопросах, обычно не менее абсурдны, чем этот. Однако, когда вопрос полностью открыт, проблемы с питанием на самом деле не решаются полностью, но опыт своих собратьев позволяет каждому достичь какой-то ситуации, подходящей для его собственного случая. И когда жесткая секретность однажды отброшена, впервые становится возможной разумная и естественная скрытность.

Эта секретность соблюдалась не всегда. Когда католическая церковь находилась на вершине своей власти и влияния, она полностью осознала масштаб сексуальных проблем и проявила активный и пытливый интерес ко всем деталям нормальной и ненормальной сексуальности. Даже до настоящего времени существуют определенные явления сексуальной жизни, которые едва ли были точно описаны, за исключением древних теологических трактатов. В качестве типа таких трактатов я упомяну большой том Санчеса, *Де Матримонио*. Здесь вы найдете всю сексуальную жизнь мужчин и женщин, проанализированную с точки зрения ее отношения к греху. Все изложено настолько ясно и сжато, насколько это возможно, — без болезненной стыдливости, с одной стороны, или болезненной сентиментальности, с другой, — самым холодным научным языком; указан правильный курс действий для всех случаев, которые могут произойти, и нам говорят, что является законным, что является простительным грехом, что является смертным грехом. Теперь я не считаю, что сексуальные вопросы касаются только теолога, и я полностью отрицаю, что он компетентен заниматься ими. В его руках они,

несомненно, также иногда становятся похотливыми, какими они едва ли могут не стать на неестественной и нездоровой основе аскетизма, и какими они с трудом становятся в открытом свете науки. Но мы обязаны признать тщательность, с которой католические богословы рассматривали эти вопросы, и, с их собственной точки зрения, действительно, всю разумность; мы обязаны признать замечательный дух, в котором, успешно или нет, они пытались подойти к ним. Сегодня нам нужно, чтобы тот же дух и темперамент применялся с другой точки зрения. Эти вещи касаются каждого; изучение этих вещей касается физиолога, психолога, моралиста. Мы хотим получить в свое распоряжение действительные факты, и на основе исследования фактов мы хотим установить, что нормально, а что ненормально, с точки зрения физиологии и психологии. Мы хотим знать, что естественно законно при различных сексуальных шансах, которые могут выпасть на долю человека, не как рожденного от греха ребенка, а как естественно общественного животного. Что такое простительный грех против природы, что такое смертный грех против природы? Найти ответы на эти вопросы не так легко, как обычно давались ответы теологов, но мы можем, по крайней мере, занять правильную позицию; мы можем преуспеть в том, чтобы задать этот вопрос, который иногда составляет даже больше половины знания.

Возможно, было бы ошибкой с самого начала так ясно показывать, что я подхожу к тому, что может показаться чисто психологическим вопросом, не без морального рвения. Но я не хочу, чтобы была допущена какая-либо ошибка. Я рассматриваю секс как центральную проблему жизни. И теперь, когда проблема религии практически решена и что проблема труда, по крайней мере, поставлена на практическую основу, вопрос о сексе - с вытекающими из него расовыми вопросами — стоит перед грядущими поколениями как главная проблема, требующая решения. Секс лежит в основе жизни, и мы никогда не сможем научиться благоговеть перед жизнью, пока не научимся понимать секс. — Так, по крайней мере, мне кажется.

Сказав так много, я попытаюсь представить результаты, которые я должен зафиксировать, в том холодном и сухом свете, через который только и можно по-настоящему увидеть цель познания.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

Июль 1897 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

Первое издание этого тома было опубликовано в 1899 году после "Сексуальной инверсии", которая сейчас составляет Второй том. Второе издание, выпущенное нынешними издателями и по существу идентичное первому изданию, появилось в следующем году. С тех пор прошло десять лет, и будет установлено, что это новое издание отражает ход этого длительного периода. Том не только значительно увеличен, но и почти каждая страница частично переписана. Это происходит главным образом по трем причинам: необходимо принять во внимание много новой литературы; мои собственные знания об исторических и

этнографических аспектах сексуального влечения расширились; в моих руках накопилось много свежих иллюстративных случаев ценного и поучительного характера. Именно этим трем источникам улучшения книга обязана своим значительно переработанным и дополненным состоянием, а не необходимости изменять какие-либо из ее существенных выводов. Они не претерпели никаких изменений, а благодаря новому материалу были значительно усилены.

Можно добавить, что общее предисловие ко всей работе, первоначально опубликованное в 1898 году в начале "Сексуальной инверсии", теперь занимает надлежащее место в начале настоящего тома.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.
Карбис-Бей,
Корнуолл, Англия

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

Настоящий том содержит три исследования, которые кажутся мне необходимыми *пролегоменами* к тому анализу сексуального инстинкта, который должен составлять главную часть исследования психологии секса. В первом набрасываются основные контуры сложного эмоционального состояния, которое имеет фундаментальное значение в сексуальной психологии; во втором, объединяя данные из самых разных областей, предлагается предварительное объяснение фактов, которые все еще недостаточно известны; в третьем делается попытка показать, что даже в областях, где мы предполагаем, что наши знания адекватны, более широкий взгляд на явления учит нас воздерживаться от суждений и занимать более осторожную позицию. Насколько можно судить, эти исследования полны сами по себе; их особая польза в качестве введения к более всестороннему анализу сексуальных феноменов заключается в том, что они представляют нам в различных аспектах характеристику, которая, хотя и часто игнорируется, имеет первостепенное значение для получения ясного понимания фактов: тенденция сексуального влечения проявляться спонтанно и в некоторой степени периодически, воздействуя на женщин иначе, чем на мужчин. Это тенденция, которую позже я надеюсь сделать еще более очевидной, поскольку она имеет практические и социальные, а также психологические последствия. Здесь — и особенно при изучении тех спонтанных одиночных проявлений, которые я называю аутоэротикой, - я попытался расчистить почву и указать основные направления, по которым наилучшим образом может быть достигнут прогресс наших знаний в этих областях.

Многих читателей-медиков может удивить, что в третьем и самом длинном исследовании я почти ничего не сказал, за исключением случайных упоминаний о лечении или профилактике. Опускание подобных соображений на данном этапе является преднамеренным. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной другой области человеческой деятельности нет такого огромного количества строгой дидактической морали, основанной на столь тонкой основе

фактов. В большинстве других сфер жизни мы, по крайней мере, делаем вид, что учимся, прежде чем осмеливаемся учить; в области секса мы довольствуемся самым маленьким и расплывчатым минимумом информации, часто демонстративно полученной из вторых рук, как правило, ненадежной. Я хочу подчеркнуть тот факт, что прежде чем мы сможем с уверенностью говорить о лечении или предотвращении этих проявлений, мы должны знать гораздо больше, чем нам известно в настоящее время, об их распространении, этиологии и симптоматике; и мы должны проявлять такое же хладнокровие и осторожность, которые требуются нам в любой другой области серьезных исследований, если мы хотим, чтобы наша работа была плодотворной. Мы должны подходить к этим фактам как врачи, это правда, но также и как психологи, в первую очередь заинтересованные в том, чтобы выяснить механизмы таких проявлений у довольно здоровых и нормальных людей. Если бы мы обнаружили, что судья по бракоразводным процессам пишет трактат о браке, мы должны были бы улыбнуться. Но в равной степени абсурдно для врача, пока его знания ограничены болезнью, писать о сексе в целом; какими бы ценными ни были приводимые им факты, он никогда не сможет обобщить их. И мне, во всяком случае, кажется, что у нас было более чем достаточно фотографий вопиющих сексуальных извращений, будь то в сумасшедшем доме или борделе. Они по-настоящему поучительны только тогда, когда на них смотрят с надлежащей точки зрения как на редкие и крайние проявления цепи явлений, которые мы можем с большей пользой изучить ближе к дому.

И все же, хотя мы со всех сторон окружены нормальными проявлениями секса, сознательными или бессознательными, наблюдать эти проявления чрезвычайно трудно, и в тех случаях, когда мы способны наблюдать их лучше всего, часто случается, что мы не в состоянии как-либо использовать наши знания. Более того, даже когда мы получили наши данные, трудности — во всяком случае, для английского исследователя — ни в коем случае не являются преодоленными. Он может считать само собой разумеющимся, что любое серьезное и точное исследование сексуального инстинкта не встретит всеобщего одобрения; его работа будет неправильно понята; его мотивы будут подвергнуты сомнению; среди тех, для кого он в основном работает, он встретит безразличие. Действительно, первопроходец в этой области вполне может считать себя счастливым, если не столкнется ни с чем худшим, чем безразличие. Следовательно, настоящий том не будет опубликован в Англии, но, пользуясь великодушным сочувствием, с которым моя работа была принята в Америке, я обратился к более широкой медицинской и научной аудитории Соединенных Штатов. В вопросах веры "свобода пророчествовать" была столетия назад красноречиво доказана англичанами; свобода исследования фактов все еще ставится под сомнение под тем или иным предлогом, и выяснение наиболее важных фактов жизни все еще является в Англии опасной задачей.

Я хочу от всего сердца поблагодарить многочисленных друзей и корреспондентов, некоторые из которых живут в отдаленных уголках мира, которые добровольно помогали мне в моей работе ценной информацией и личными историями. Мистеру Ф. Х. Перри-Косту я обязан приложением, которое является, безусловно, самой тщательной из когда-либо предпринятых попыток найти доказательства периодичности спонтанных сексуальных проявлений сна; мой долг различным медицинским и другим корреспондентам должным образом изложен в тексте. Многим подругам и корреспонденткам я могу здесь выразить свою благодарность за то, каким образом они предоставили мне интимные личные записи, и за перекрестный допрос, которому они позволили мне их подвергнуть. Я уже могу сказать здесь то, о чем у меня будет возможность сказать более решительно в последующих томах, что без помощи, которую я получал от

женщин с прекрасным умом и высоким характером, моя работа была бы невозможна. Я сожалею, что не могу выразить свою благодарность более конкретно.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

ЭВОЛЮЦИЯ СКРОМНОСТИ.

Содержание

Я.

Содержание

Определение скромности—Значение скромности—Трудности на пути ее анализа—Различные явления скромности у разных народов и в разные эпохи.

Скромность, которую можно условно определить как почти инстинктивный страх, побуждающий к сокрытию и обычно сосредоточивающийся вокруг сексуальных процессов, хотя и свойственна обоим полам, является более специфически женской, так что ее можно рассматривать почти как главный вторичный сексуальный признак женщин с психической стороны. Женщина, которой не хватает такого рода страха, также не обладает сексуальной привлекательностью для нормального мужчины. Очевидные исключения, по-видимому, подтверждают правило, поскольку обычно обнаруживается, что женщины, которые не являются нескромными (поскольку нескромность более тесно связана со скромностью, чем простое негативное отсутствие чувства скромности), но без того страха, который подразумевает наличие сложной эмоциональной женской организации для защиты, вызывают сильную сексуальную привлекательность только у мужчин, которым самим не хватает дополнительных мужских качеств. Как психический вторичный сексуальный признак первого ранга, необходимо, прежде чем приводить в порядок какую-либо психологию секса, получить ясное представление о скромности.

Огромная важность женской скромности в создании мужской страсти должна быть совершенно очевидна. Я могу, однако, процитировать наблюдения двух авторов, которые продемонстрировали проницательность и знания в этом вопросе.

Казанова описывает, как, находясь в Берне, он пошел в баню, и, согласно обычаю, его сопровождала молодая девушка, которую он выбрал из группы банщиц. Она раздела его, продолжила раздеваться сама, а затем вошла вместе с ним в ванну и тщательно растерла его с головы до ног, причем операция была проделана самым серьезным образом и без единого слова. Однако, когда все закончилось, он понял, что девушка ожидала от него ухаживаний, и он приступил к описанию и обсуждению своего собственного чувства безразличия при таких

обстоятельствах. "Хотя я и не разглядывал фигуру девушки, я увидел достаточно, чтобы понять, что у нее есть все, что мужчина может пожелать найти в женщине: красивое лицо, живые и правильно очерченные глаза, красивый рот с хорошими зубами, здоровый цвет лица, хорошо развитая грудь, и все в гармонии. Это правда, что я чувствовал, что ее руки могли бы быть более гладкими, но я мог приписать это только тяжелой работе; более того, моей швейцарской девочке было всего восемнадцать, и все же я оставался совершенно холодным. В чем причина этого? Это был вопрос, который я задал себе".

"Ясно, - писал Стендаль, - что скромности учат тремя составляющим. Это, пожалуй, единственный закон, порожденный цивилизацией, который не приносит ничего, кроме счастья. Было замечено, что хищные птицы прячутся, чтобы напиться, потому что, будучи вынуждены опускать голову в воду, они в этот момент беззащитны. Рассмотрев то, что происходит в Отахейте, я не вижу другого естественного основания для скромности. Любовь - это чудо цивилизации. У диких и крайне варварских народов мы не находим ничего, кроме физической любви грубого характера. Именно скромность дает любви помощь воображения и тем самым придает ей жизнь. Скромность очень ранопрививается маленьким девочкам их матерями, причем с особой ревностью, можно сказать, с помощью *корпоративного духа*. Они заранее следят за счастьем будущего возлюбленного. Для робкой и нежной женщины не должно быть большей пытки, чем позволить себе в присутствии мужчины то, за что, по ее мнению, она должна краснеть. Я убежден, что гордая женщина предпочла бы тысячу смертей. Небольшая вольность, допущенная нежным мужчиной, которого она любит, доставляет женщине мгновение острого удовольствия, но если у него такой вид, будто он винит ее за это или просто не наслаждается этим с энтузиазмом, в ее уме должны остаться ужасные сомнения. Таким образом, для женщины, стоящей выше вульгарного уровня, есть все, чтобы выиграть от очень сдержанных манер. Игра неравная. Она рискует лишиться легкого удовольствия или преимущества казаться немного любезной, подвергнуться опасности мучительных угрызений совести и чувству стыда, которое должно сделать даже возлюбленного менее дорогим. Вечер, проведенный весело и бездумно, без мыслей о том, что будет потом, дорого оплачивается такой ценой. Вид любовника, с которым человек боится, что с ним произошла такая ошибка, должен стать отвратительным на несколько дней. Можно ли удивляться силе привычки, малейшее нарушение которой карается таким чудовищным позором? Что касается полезности скромности, то она - мать любви. Что касается механизма чувства, нет ничего проще. Ум поглощен чувством стыда вместо того, чтобы быть занятым желанием. Желания запрещены, а желания ведут к действиям. Очевидно, что каждая нежная и гордая женщина — а эти две вещи, будучи причиной и следствием, естественно идут рука об руку, — должна приобрести привычки к холодности, которые люди, которых она смущает, называют ханжеством. Сила скромности настолько велика, что нежная женщина выдает себя со своим возлюбленным скорее делами, чем словами. Зло скромности в том, что она постоянно ведет ко лжи". (Стендаль, "О любви", глава XXIV.)

Таким образом, случается, что, как отмечает Адлер (*Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 133), сексуальное влечение у женщин сковано торможением, которое необходимо преодолеть. Тонкая завеса скрытности, застенчивости и беспокойства постоянно набрасывается на любовь женщины, и ее ухажер в каждом акте ухаживания получает удовольствие от того, что заново завоевывает часто завоевываемую женщину.

Интересным свидетельством роли скромности в осуществлении союза полов служит тот факт, на который часто обращалось внимание, что особая скромность женщин обычно имеет тенденцию уменьшаться, хотя и не исчезать, при полном удовлетворении сексуальных импульсов. Это можно отметить как среди дикарей, так и среди цивилизованных женщин. Сравнительно мимолетный характер скромности привел к утверждению (Вентури, *Degenerazioni Psico-sessuali*, стр. 92-93), что скромностью (*пудоре*) обладают только женщины, вместо этого мужчины демонстрируют чувство порядочности, которое остается примерно на том же уровне стойкости на протяжении всей жизни. Виацци ("*Пудоре нелл уомо и нелла донна*", *Ривиста Менсиле ди Психиатрия Форенсе*, 1898), напротив, вслед за Серджи утверждает, что мужчины во всем более скромны, чем женщины; но выдвигаемые им аргументы, хотя и часто справедливые, едва ли оправдывают его вывод. В то время как юная девственница, однако, более скромна и застенчива, чем молодой человек того же возраста, опытная замужняя женщина обычно менее скромна, чем ее муж, и в женщине, которая является матерью, застенчивая сдержанность девственной скромности была бы справедливо сочтена смешной. ("*Les petites pudeurs n'existent pas pour les mères*," remarks Goncourt, *Journal des Goncourt*, vol. iii, стр. 5). Она сняла сексуальную одежду, которая больше не играет никакой важной роли в жизни и, действительно, была бы неудобной и вредной, подобно тому, как птица теряет свое сексуальное оперение по окончании сезона спаривания.

Мадам Селин Ренуз в подробном исследовании психологических сексуальных различий между мужчинами и женщинами (*Сравнительная психология человека и женщины*, 1898, стр. 85-87) также считает, что скромность на самом деле не является женской характеристикой. "Скромность, - утверждает она, - это мужской стыд, приписываемый женщинам по двум причинам: во-первых, потому что мужчина верит, что женщина подчиняется тем же законам, что и он сам; во-вторых, потому что ход человеческой эволюции перевернул психологию полов, приписав женщинам психологические последствия мужской сексуальности. Таково происхождение общепринятой лжи, которая посредством своего рода социального внушения запугивает женщин. Они, по крайней мере, внешне, приняли правило стыда, навязанное им мужчинами, но только обычай внушает им скромность, за которую их хвалят; на самом деле это оскорбление для их пола. Однако это изменение психологических законов было принято женщинами только с трудом. Первобытная женщина, гордившаяся своей женственностью, долгое время защищала свою наготу, которую всегда олицетворяло древнее искусство. И в реальной жизни современной молодой девушки наступает момент, когда в силу тайного атавизма она ощущает гордость своего пола, интуицию своего морального превосходства и не может понять, почему она должна скрывать причину этого. В этот момент, колеблясь между законами природы и социальными условностями, она едва ли знает, должна ли нагота пугать ее или нет. Своего рода смутная атавистическая память напоминает ей о периоде, когда одежда еще не была известна, и раскрывает ей как райский идеал обычай той человеческой эпохи".

В поддержку этой точки зрения автор продолжает указывать на то, что *область декольте* постоянно появляется в женской одежде, но никогда в мужской; что миссионеры испытывают большие трудности в убеждении женщин прикрыться; что, в то время как женщины легко соглашаются на осмотр врачами-мужчинами, мужчины не могут заставить себя согласиться на осмотр врачом-женщиной и т.д. (Эти и подобные моменты уже были независимо выдвинуты Серджи, *Archivio di Psichiatria*, vol. xiii, 1892.)

Нельзя сказать, что все аргументы мадам Ренуз выдержат проверку, хотя бы на том основании, что нагота ни в коем случае не предполагает отсутствия скромности, но точка зрения, которую она выражает, обычно не находит признания, хотя, вероятно, содержит важный элемент истины. Совершенно верно, как сказал Стендаль, что скромности в значительной степени учат; с самых ранних лет девочку учат проявлять скромность, которую она быстро начинает по-настоящему чувствовать. Этот факт не может не поразить любого, кто читает истории псевдогермафродитов, на самом деле мужчин, которых с младенчества воспитывали в убеждении, что они девочки, и которые проявляют и чувствуют всю сдержанность и стыдливость, свойственные их предполагаемому полу. Но когда ошибка обнаруживается и им возвращают их надлежащий пол, это быстро меняется, и они проявляют всю смелость мужественности. (См., например, Neugebauer, "Beobachtungen aus dem Gebiete des Scheinzwittertumes", *Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, Jahrgang iv, 1902, особенно стр. 92.) В то же время это лишь одна нить в запутанном мотке, которым мы здесь занимаемся. Масса фактов, с которыми мы сталкиваемся, когда обращаемся к изучению скромности у женщин, не может быть отброшена как совокупность искусственно навязанных обычаев. Они скорее приобретут, чем потеряют свое значение, если мы осознали, что органические сексуальные потребности женщин, требующие застенчивости при ухаживании, приводят к временному подавлению другого женского инстинкта противоположной, хотя и, несомненно, родственной природы.

Но эти несколько противоречивые, хотя на самом деле и не противоречащие друг другу утверждения подчеркивают тот факт, что женская скромность часто является неисчислимым элементом. Женщина, которая при определенных обстоятельствах и в определенное время проявляет крайнюю скрытность, при других обстоятельствах или в другое время может проявлять крайнюю заброшенность. Не то чтобы ее скромность была искусственным одеянием, которое она сбрасывает или надевает по своему желанию. Он органический, но, подобно панцирю улитки, иногда образует непроницаемый покров, а иногда почти полностью соскальзывает. Мужская скромность более жесткая, с небольшой склонностью отклоняться в ту или иную крайность. Таким образом, будучи необразованным, мужчина склонен проявлять нетерпение к скрытности женщины и в то же время шокирован тем, что она его бросает.

Значимость нашего исследования возрастает, когда мы размышляем о том, что скрытности сексуальной скромности в их прогрессировании, расширении и усложнении мы в значительной степени обязаны не только утончению и развитию сексуальных эмоций — "*мужественности*", как заметил Гюйо, "*цивилизованной любви*", — но и той тонкой и всепроникающей роли, которую сексуальный инстинкт сыграл в эволюции всей человеческой культуры.

"Несомненно, что очень многое из лучшего в религии, искусстве и жизни, - отмечают Стэнли Холл и Аллин, - обязано своим очарованием постепенно расширяющемуся распространению сексуальных чувств. Возможно, нежелание самки сначала надолго связало изысканные ощущения, связанные с половыми органами и действиями, с выходками ухаживания животных и людей, в то время как сдержанность имела физиологическую функцию развития цветов, перьев, чрезмерной активности и буйной жизни в период спаривания. Чтобы прикрыть определенные части тела, излучалось чувство красоты глаз, волос, лица, цвета кожи, одежды, формы и т.д., В то время как многие дикарские танцы, костюмы и позы являются излучением полового акта. Таким образом, скрытность и сдержанность являются одними из основных

условий религии и человеческой культуры ". (Стэнли Холл и Аллин, "Психология щекотки", *Американский психологический журнал*, 1897, стр. 31.)

Гроос объясняет углубление супружеских отношений между птицами тем обстоятельством, что самец стремится преодолеть скрытность самки, демонстрируя свое обаяние и способности. "И в человеческом мире, - продолжает он, - происходит то же самое; без скромной сдержанности женщины, которая в большинстве случаев должна быть преодолена привлекательными качествами, сексуальные отношения с трудом нашли бы певицу, которая превозносила бы в любви высшие движения человеческой души". (Groos, *Spiele der Menschen*, p. 341.)

Однако мне не удалось обнаружить, чтобы тема скромности рассматривалась психологами сколь-либо всесторонне. Хотя физиологами, психологами, и этнографами были выдвинуты ценные факты и предположения, касающиеся сексуальных эмоций, отвращения, происхождения татуировок, орнаментов и одежды, по-видимому, было предпринято мало попыток или их вообще не было предпринято для достижения общего синтетического изложения этих фактов и предположений. Верно, что было предпринято очень много ненадежных, слабых или фрагментарных попыток установить конституцию или основу этой эмоции.^[1] Многие психологи считали скромность просто результатом одежды. Эта точка зрения опровергается хорошо установленным фактом, что многие расы, которые ходят абсолютно голыми, обладают высокоразвитым чувством скромности. Эти авторы не осознали, что физиологическая скромность проявляется раньше и более фундаментально, чем анатомическая. Частичный вклад в анализ скромности был внесен профессором Джеймсом, который со свойственной ему проницательностью и ясностью изложил некоторые из ее характеристик, особенно элемент, обусловленный "применением к нам самим суждений, в первую очередь выносимых нашими партнерами". Гюйо в очень кратком обсуждении скромности осознал ее огромное значение и затронул большинство ее главных элементов.^[2] Вестермарк, опять же, вслед за Гроссом, очень умело и убедительно изложил определенные факторы происхождения украшений и одежды, тему, которая, по мнению многих авторов, охватывает всю область скромности. Совсем недавно Рибо в своей работе об эмоциях смутно обрисовал большинство факторов скромности, но не выработал целостного представления об их происхождении и взаимосвязи.

С момента появления настоящего *исследования* Хоэнмсер, который считает, что мой анализ скромности неудовлетворителен, предпринял заметную попытку определить психологический механизм стыда. ("Versuch einer Analyse der Scham," *Archiv für die Gesamte Psychologie*, Bd. II, Heft 2-3, 1903.) Он рассматривает стыд как общее психофизическое явление, "определенное напряжение всей души" с наложенной эмоцией. "Состояние стыда заключается в определенной психической хромоте или заторможенности", иногда сопровождающейся физическими явлениями паралича, такими как опускание головы и неспособность встретиться взглядом. Это частный случай психического застоя по Липпсу (*psychische Stauung*), который всегда возникает, когда психическая деятельность одновременно направлена в двух или более разных направлениях. При стыде в сознании всегда присутствует что-то, что конфликтует с остальной частью личности и не может быть приведено с ней в гармонию, что не может быть приведено, то есть в моральную (не логическую) связь с ней. Молодому человеку, влюбленному в девушку, становится стыдно, когда ему говорят, что он влюблен, потому что его почтение к тому, кого он считает высшим существом, не может быть приведено в соответствие с его собственной низшей личностью. Ребенок точно так же испытывает стыд, приближаясь к

большому, взрослому человеку, который кажется существом высшего сорта. Иногда точно так же мы испытываем стыд, приближаясь к незнакомцу, поскольку новый человек имеет тенденцию казаться выше и интереснее нас самих. Это не так при приближении к новому природному явлению, потому что мы не сравниваем его с собой. Другой вид стыда проявляется, когда эта ментальная борьба находится ниже нашей личности и по этой причине вступает с ней в конфликт, например, когда мы стыдимся сексуальных мыслей. Сексуальные идеи имеют тенденцию вызывать стыд, замечает Хоэнемсер, потому что они так легко переходят в сексуальные чувства; когда они не проходят таким образом (как в научных дискуссиях), они не вызывают стыда.

Будет видно, что это обсуждение скромности носит весьма обобщенный и абстрагированный характер; оно имеет дело просто с формальным механизмом процесса. Хоэнемсер признает, что страх - это форма психического застоя, и я стремился показать, что скромность - это комплекс страхов. Мы вполне можем принять концепцию психического застоя с самого начала. Анализ скромности еще предстоит провести гораздо дальше.

Обсуждение скромности осложняется трудностью и даже невозможностью исключить тесно связанные эмоции - стыд, застенчивость, стеснительность, робость и т.д. — Все из которых, какими бы определенными они ни были, примыкают к скромности или перекрывают ее.^[3] Однако нет ничего невозможного в том, чтобы выделить основную часть эмоции скромности из-за ее особой связи в целом с осознанием пола. Здесь я пытаюсь, пусть и несовершенно, провести довольно полный анализ его строения и проследить его развитие.

В начале этого исследования нам могут быть полезны несколько фактов, касающихся различных проявлений скромности. Я отобрал их из разрозненных оригинальных источников и стремился показать разнообразие и сложность проблем, которыми мы здесь занимаемся.

Новые георгианцы Соломоновых островов, раса настолько низкая, что они не разбираются ни в гончарном деле, ни в ткачестве и носят только набедренную повязку, "имеют те же представления о том, что прилично в отношении определенных действий и обнажения, что и мы сами"; так что трудно определить, практикуют ли они обрезание. (Сомервилл, *Журнал Антропологического института*, 1897, стр. 394.)

На Новых Гебридах "в отношении пениса соблюдается строжайшая секретность, вовсе не из чувства приличия, а чтобы избежать Нарака, вид даже пениса другого мужчины считается наиболее опасным. Туземцы этого дикого острова, соответственно, обматывают пенис многими ярдами ситца и других подобных материалов, наматывая и сворачивая их до тех пор, пока не образуется нелепый сверток длиной 18 дюймов, или 2 фута, и диаметром 2 дюйма или более, который затем поддерживается наверху с помощью ремня, на конце украшенного цветущими травами и т.д. Яички остаются обнаженными". Других покровов на теле нет. (Сомервилл, *Журнал Антропологического института*, 1894, стр. 368.)

На островах Пелев, - говорит Кубари, цитируемый Бастианом, - говорят, что когда Бог Иракадеругель и его жена создавали мужчину и женщину (он формировал мужчину, а она - женщину) и работали над половыми органами, бог пожелал увидеть дело рук своей супруги. Она, однако, рассердилась и упорно скрывала то, что сделала. С тех пор женщины носят фартуки из листьев пандануса, а мужчины ходят голыми. (А. Бастиан, *Inselgruppen in Oceanien*, стр. 112.)

Семпер рассказывает нам, что на островах Пелев, приближаясь к большому водоему, он был удивлен, услышав испуганный протяжный крик своих друзей-туземцев. - Из кустов донесся девичий голос, и мои люди придержали нас, потому что там купались женщины, которые не давали нам пройти. Когда я заметил, что это всего лишь женщины, которых им не нужно бояться, они ответили, что это не так, что женщины имеют неограниченное право наказывать мужчин, которые проходят мимо них во время купания без их разрешения, и могут наложить штрафы или даже смерть. По этой причине женская купальня - безопасное и любимое место для тайных свиданий. К счастью, на этом острове дамский туалет длится недолго." (Carl Semper, *Die Palau-Inseln*, 1873, p. 68.)

Среди западных племен Торрессова пролива Хэддон утверждает: "раньше мужчины были обнажены, а женщины носили только нижние юбки из листьев, но я полагаю, что они были порядочным народом; теперь оба пола ведут себя чопорно. Мужчина никогда бы не обнажился передо мной. Женщины никогда добровольно не выставили бы свою грудь напоказ взорам белых мужчин; это относится к совсем молодым девушкам, в меньшей степени к пожилым женщинам. Между собой они, конечно, гораздо менее разборчивы, но я полагаю, что они становятся более разборчивыми. ... Раньше, я полагаю, не было никакой сдержанности в речи; теперь в ней много ханжества; например, мужчинам всегда было очень стыдно, когда я спрашивал названия половых органов женщины". (А. К. Хэддон, "Этнография западных племен Торрессова пролива", *Журнал Антропологического института*, 1890, стр. 336.) После последующей экспедиции в тот же регион автор повторяет свои наблюдения относительно "смехотворно ханжеских манер" мужчин, приписываемых миссионерскому влиянию в течение последних тридцати лет, и отмечает, что это затрагивает даже детей. "В Мабуяге несколько маленьких детей плескались в воде, и мальчик лет десяти сделал выговор маленькой девочке пяти или шестилет за то, что она слишком высоко задрала платье". (*Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции в Торрессов пролив*, том v, стр. 272.)

"Хотя женщины Новой Гвинеи, - говорит Вахнесс, - одеты очень скромно, у них ни в коем случае не отсутствует хорошо развитое чувство приличия. Если они замечают, например, что кто-то обращает особое внимание на их наготу, им становится стыдно и они отворачиваются". Когда женщине приходилось перелезть через забор, чтобы войти в вольер с дикими свиньями, она никогда не делала этого в присутствии Вахнесса. (*Zeitschrift für Ethnologie*, Verhdlgen., 1900, Heft 5, p. 415.)

В Австралии "чувство приличия явно менее распространено среди мужчин, чем у женщин"; одетые женщины удаляются с глаз долой, чтобы искупаться. (Карр, *австралийская раса*.)

"За исключением поясных лент, повязок на лбу, декольте и нарукавных повязок, а также обычной лобковой кисточки, ракушки или, в случае женщин, небольшого фартука, уроженка Центральной Австралии обнажена. Лобковая кисточка представляет собой миниатюрную конструкцию, размером примерно с монету в пять шиллингов, сделанную из нескольких коротких меховых ниточек, расплюснутых веером и прикрепленных к волосам на лобке. Поскольку струна, особенно во время *коррозии*, покрыта белым каолином или гипсом, она служит скорее украшением, чем покрытием. Среди племен арунта и лурича женщины обычно ничего не носят, но дальше на север шьют и носят маленький фартук." (Болдуин Спенсер и Гиллен, *Коренные племена Центральной Австралии*, стр. 572.)

О жителях Центральной Австралии Стирлинг говорит: "Мужчины не испытывали чувства стыда за то, что обнажились, снимая миниатюрные изделия, которые носили как обычную одежду; их снимали *coram populo*, и обменивали без колебаний. С другой стороны, потребовалось небольшое убеждение, чтобы разрешить проверку эффекта от субразреза [уретры], согласие было дано только после того, как женщин и маленьких детей отпустили на расстояние. Что касается женщин, то почти всегда было замечено, что, находясь в лагере без одежды, они, особенно те, что помоложе, демонстрировали своим поведением острое чувство скромности, если, конечно, сознание своей наготы можно считать таковым. Когда мы захотели сфотографировать группу молодых женщин, они очень застенчиво отнеслись к предложению снять свою скучную одежду и удалились для этого за стену; но, оказавшись обнаженными, они не возражали против того, чтобы их снимали в камеру". (*Отчет научной экспедиции Хорна*, 1896, т. iv, стр. 37.)

В Северном Квинсленде "фаллокрипты", или "маскирующие пенис средства", используемые только самцами на *вечеринках* и других общественных мероприятиях, изготавливаются либо из жемчужной раковины, либо из нитки опоссума. *Кум-па-ра*, или нитевидная форма фаллокрипта опоссума, образует нечто вроде кисточки и окрашена в красный цвет; она подвешивается к поясному ремню по средней линии. У обоих полов половые органы прикрываются только в особых общественных случаях или когда находятся в непосредственной близости от поселений белых. (У. Рот, *Этнологические исследования среди аборигенов Северо-Западного и Центрального Квинсленда*, 1897, стр. 114-115.)

"Принцип целомудрия, - сказал Форстер о своем опыте пребывания на островах Южного моря в их нетронутом виде, - мы обнаружили, что во многих семьях его чрезвычайно хорошо понимают. Я видел много прекрасных женщин, которые со скромностью, смешанной с вежливостью, отвергали самые заманчивые предложения, сделанные им нашими дерзкими юношами; часто они оправдывались простым *тирра-тано*: "Я женат", а в других случаях они улыбались и отклоняли это с *эпия*: "нет". ... Добродетельные женщины выслушивают шутку без эмоций, которая среди нас может заставить некоторых мужчин покраснеть. Ни суровость и гнев, ни радость и экстаз не являются следствием этого, но иногда на их лице появляется скромная, исполненная достоинства, безмятежная улыбка и, кажется, мягко укоряет неотесанного шута". (Дж. Р. Форстер, *Наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия*, 1728, стр. 392.)

Капитан Кук на Таити в 1769 году, совершив воскресное богослужение, стал свидетелем "Вечерни совершенно иного рода. Молодой человек ростом около шести футов совершал обряд Венеры с маленькой девочкой лет одиннадцати-двенадцати на глазах у нескольких наших людей и большого числа туземцев, без малейшего чувства неприличия или неприличности, но, как оказалось, в полном соответствии с обычаями этого места. Среди зрителей было несколько женщин более высокого ранга, о которых можно с полным правом сказать, что они помогали на церемонии; поскольку они давали инструкции девушке, как исполнять свою роль, в которой, несмотря на ее молодость, она, казалось, не очень нуждалась". (Дж. Хоксворт, *Отчет о путешествиях* др., 1775, т. i, стр. 469.)

На Таити, по словам Кука, было принято "удовлетворять любой аппетит и страсть при свидетелях", и добавляется: "в разговорах этих людей главной темой всегда является то, что

является основным источником их удовольствия; обо всем говорится без всякого стеснения или эмоций и в самых прямых выражениях обоими полами". (Хоксворт, указ. соч., том ii, стр. 45.)

"Я заметил, - писал капитан Кук, - что наши друзья в Южных морях не имеют даже представления о непристойности в отношении какого-либо предмета или какого-либо действия, но это никоим образом не относилось к жителям Новой Зеландии, в поведении и беседах которых было столько скромной сдержанности и благопристойности в отношении действий, которые, однако, по их мнению, не были преступными, сколько можно встретить среди самых вежливых людей Европы. Женщины не были неприступны, но условия и способ заключения соглашения были такими же пристойными, как и у нас в браке, и, по их представлениям, соглашение было таким же невинным. Когда кто-либо из наших людей делал предложение руки и сердца какой-либо из своих молодых женщин, ему давали понять, что необходимо согласие ее друзей, и под влиянием подобающего подарка оно обычно достигалось; но когда эти предварительные условия были улажены, также было необходимо обращаться с женой в течение ночи с той же деликатностью, которая здесь требуется жене на всю жизнь, и любовник, который осмеливался позволить себе любые вольности, которыми это нарушалось, несомненно, был разочарован". (Хоксворт, указ. соч., том ii, стр. 254.)

Кук обнаружил, что жители Новой Зеландии "натягивают крайнюю плоть на железу и, чтобы предотвратить ее оттягивание при сжатии части, обвязывают ее конец веревкой, которая свисает с пояса. Головка, действительно, казалась единственной частью их тела, которую они старались скрывать, поскольку они часто сбрасывали с себя всю одежду, кроме пояса и бечевки, с самым небрежным безразличием, но проявляли явные признаки смущения, когда, чтобы удовлетворить наше любопытство, их просили развязать бечевку, и они никогда не соглашались, кроме как с крайней неохотой и стыдом. ... Нижняя одежда женщин всегда была крепко повязана вокруг них, за исключением тех случаев, когда они заходили в воду ловить омаров, и тогда они очень старались не попадаться на глаза мужчинам. Этим занятием мы застали врасплох нескольких из них, и целомудренная Диана со своими нимфами не могла бы обнаружить большего смущения и огорчения при виде Актеона, чем эти женщины выразили при нашем приближении. Некоторые из них спрятались среди скал, а остальные сидели на корточках в море, пока не сделали себепояс и фартук из всех водорослей, какие смогли найти, и когда они вышли, даже в этой вуали, мы могли видеть, что их скромность сильно пострадала от нашего присутствия". (Хоксворт, указ. соч., том ii, стр. 257-258.)

В Ротуме, в Полинезии, где женщины пользуются большой свободой, но где, во всяком случае, в старые времена женатые люди были, как правило, верны друг другу, "язык не соответствует нашим представлениям о целомудрии, и в разговорах об аморальных пороках много свободы. В связи с этим мужчина и его жена будут свободно разговаривать друг с другом в присутствии своих друзей. Однако европейские торговцы, хорошо знакомые с языком, сообщили мне, что существуют разновидности языка и что некоторые грубые фразы никогда не были бы употреблены в адрес порядочной женщины; так что, вероятно, по-своему они очень скромны, только мы не можем это оценить". (Дж. Стэнли Гардинер, "Туземцы Ротумы", *Журнал Антропологического института*, май 1898 г., стр. 481.)

Мужчины Ротумы, говорит тот же автор, очень чистоплотны, женщины тоже, купаются в море дважды в день; но "купание на публике без кукулуги, или сулу [набедренной повязки, которая

является обычной одеждой], обернутой вокруг талии, абсолютно неслыханно, и на него смотрели бы свысока". (*Журнал Антропологического института*, 1898, стр. 410.)

В древнем Самоа единственной необходимой одеждой для мужчины или женщины был фартук из листьев, но они обладали настолько "тонким чувством приличия", что даже "во время купания у них был пояс из листьев или какое-либо другое покрытие вокруг талии". (Тернер, *Самоа сто лет назад*, стр. 121.)

После младенчества индейцев Гвианы никогда не видят обнаженными. Когда они меняют свою единственную одежду, они удаляются. Женщины носят маленький фартук, который сейчас обычно делают из европейского бисера, но варрау все еще делают его из внутренней части коры дерева и немного из семян. (Эверард им Турн, *"Среди индейцев Гвианы"*, 1883.)

Бразильские женщины племени Мандуруку, согласно Токантинсу (цитируется Мантегацца), полностью обнажены, но они старательно избегают любых поз, которые могли бы счесть неприличными, и делают это так искусно, что невозможно определить, когда у них начинаются месячные. (Mantegazza, *Fisiologia della Donna*, cap 9.)

У индейцев Центральной Бразилии нет "интимных частей тела". У мужчин маленький пояс, или тесемка, окружающая нижнюю часть живота, ничего не скрывает; его носят после наступления половой зрелости, при этом пенис часто приподнимают и помещают под него, чтобы удлинить крайнюю плоть. Женщины также используют небольшую полоску мочалки, которая спускается в пах и проходит между бедрами. У некоторых племен (карибов, тупи, нуарваков) маленький треугольный, кокетливо сделанный кусочек коры-лыка находится чуть ниже венерианской горы; он всего несколько сантиметров в ширину и называется *улури*. У обоих полов достигается сокрытие слизистой оболочки половых органов. Эти изделия нельзя назвать одеждой. "Красная нить Трумай, элегантный *улури* пестрый флаг Бороро привлекают внимание, подобно орнаментам, вместо того, чтобы отвлекать внимание". Фон ден Штайнен считает, что это необходимая защита от нападений насекомых, которые часто являются серьезными в Бразилии. Однако он действительно думает, что за этим кроется нечто большее, и что люди стыдятся показывать головку пениса. (Karl von den Steinen, *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*, 1894, pp. 190 et seq.)

Другие путешественники упоминают, что на Амазонке у некоторых племен женщины одеты, а мужчины обнажены; у других - женщины обнажены, а мужчины одеты. Так, среди гуайкурсу мужчины совершенно обнажены, в то время как женщины носят короткие нижние юбки; среди уаупас мужчины всегда носят набедренную повязку, в то время как женщины совершенно обнажены.

"Чувство скромности очень развито у жителей Огненной земли, которые привыкли жить обнаженными. Они проявляют это в своей осанке и в легкости, с которой они демонстрируют себя в обнаженном виде, по сравнению с неловкостью, смущением и стыдом, которые проявляют как мужчины, так и женщины, если смотреть на определенные части их тел. Между собой такого никогда не делается, даже между мужем и женой. На огненном языке нет слова, обозначающего скромность, возможно, потому, что это чувство у них всеобщее." Женщины носят крошечное треугольное одеяние из кожи, подвешенное между бедер и никогда не снимаемое, а просто приподнимаемое во время супружеских отношений. (Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорне*, том vii, стр. 239, 307 и 347.)

Среди индейцев кроу из Монтаны, пишет доктор Холдер, проживший с ними несколько лет, "чувство скромности запрещает присутствовать при родах любому мужчине, белому мужчине или индейцу, врачу или непрофессионалу. Эта антипатия к получению помощи от врача преодолевается по мере того, как племена продвигаются к цивилизации, и особенно заметно, что полукровки почти постоянно обращаются за помощью к врачу ". Доктор Холдер упоминает случай с молодой женщиной, которая, хотя и была близка к смерти во время очень тяжелых первых родов, неоднократно отказывалась позволить ему осмотреть ее; наконец она согласилась; "ее скромные приготовления заключались в том, чтобы взять куски одеяла и прикрыть бедра и губы вульвы, оставив открытым только отверстие. ... Их скромность не была бы столь поразительной, если бы не то, что самки этого племени почти для всех женщин являются проститутками и за вознаграждение допускают связь с любым мужчиной ". (А. Б. Холдер, *Американский журнал акушерства*, том xxv, № 6, 1892.)

"В каждом североамериканском племени, от самого северного до самого южного, юбка женщины длиннее, чем у мужчин. В стране эскимосов *парка* из оленьей и тюленьей шкур достигает колен. По всей Центральной части Северной Америки женская одежда из оленьей кожи доходила почти до лодыжек. Женщины Западного побережья, от Орегона до Калифорнийского залива, носили нижнюю юбку из измельченной коры, из сплетенной травы или из ниток, на которые были нанизаны сотни семян. Даже в самых тропических районах это правило было универсальным, как любой может видеть из кодексов или на фотографиях местных жителей ". (Отис Т. Мейсон, *Доля женщины в первобытной культуре*, стр. 237.)

Описывая набедренную повязку, которую носят никобарецкие мужчины, Ман говорит: "Из неуклюжести, в которой носят эту одежду мужчины, требующие частой подгонки складок, можно сделать вывод, что ее использование не является *обязательным*, а предназначено для особых случаев, например, при приеме или посещении незнакомцев". (Э. Х. Ман, *Журнал Антропологического института*, 1886, стр. 442.)

Полуобнаженные туземцы острова Нياس в Индийском океане "скромны по натуре", не обращают внимания на свою собственную наготу или наготу других и сильно возмущены любой попыткой выйти за рамки, установленные обычаем. Когда они проходят мимо мест, где купаются женщины, они повышают голос, чтобы предупредить их о своем присутствии, и даже если какой-нибудь смелый юноша обращался к женщинам, и те отвечали, не делалось никаких попыток приблизиться к ним; любая такая попытка была бы строго наказана старостой деревни. (Modigliani, *Un Viaggio a Nias*, p. 460.)

Мэн говорит, что андаманцы по скромности и самоуважению выгодно отличаются от многих классов цивилизованных народов. "Женщины настолько скромны, что не обновляют свои передники из листьев в присутствии друг друга, а удаляются для этой цели в уединенное место; даже когда они расстаются с одним из придатков своего *тела* [хвостики листьев, подвешенные сзади к поясу] подруге, деликатность, которую они проявляют к чувствам окружающих, снимая его, равносильна ханжеству; тем не менее, они не носят одежды в обычном смысле этого слова ". (*Журнал Антропологического института*, 1883, стр. 94 и 331.)

О женщинах гаро из Бенгалии Далтон говорит: "Их единственная одежда - это кусок ткани шириной менее фута, который прилегает только к чреслам, и для того, чтобы он не стеснял

конечности, он застегивается только там, где сходится под бедрами, в верхних углах. Таким образом, девочки сильно ограничены в позах, которые они могут скромно принимать, но, по их мнению, приличия сохраняются в достаточной степени, если они только хорошо держат ноги вместе, когда сидят или преклоняют колени". (Э. Т. Далтон, *Этнология Бенгалии*, 1872, стр. 66.)

О женщинах-нага из Ассама сказано: "Из одежды было не на что смотреть; но, несмотря на это, я сомневаюсь, что мы могли бы превзойти их в истинной порядочности и скромности. Ибн Мухаммед Вали уже отмечал в своей истории завоевания Ассама (1662-63), что женщины племени нага прикрывают только свою грудь. Они заявляют, что абсурдно прикрывать те части тела, которые каждый мог видеть с момента своего рождения, но иное дело груди, которые появились позже и, следовательно, должны быть прикрыты. Далтон (*Журнал Азиатского общества*, Бенгалия, 41, 1, 84) добавляет, что в присутствии незнакомцев женщины нага просто скрещивают руки на груди, не особо заботясь о том, какие еще прелести они могут открыть наблюдателю. Что касается некоторых кланов голых наг, к которым принадлежат банпара, это может оставаться в силе". (К. Клемм, "Ausflug nach Banpara" Пила, *Журнал этнологии*", 1898, Часть 5, стр. 334.)

"На Цейлоне женщина всегда моется в общественных ручьях, но никогда не снимает всю одежду. Она стирает под тканью, понемногу, а затем надевает сухую, новую ткань и вытаскивает мокрую из-под нее (почти таким же скользким способом, как у служанок и молодых женщин в Англии). Это распространенный обычай в Индии и малайских штатах. Грудь всегда обнажена в их собственных домах, но на дорогах общего пользования их прикрывают всякий раз, когда проезжает европеец. Вульва никогда не обнажается. Они говорят, что дьявол, представляемый в виде белого и волосатого существа, мог вступать с ними в половую связь". (Частное сообщение.)

На Борнео "*сират*", называемый *чавалом* малайцами, представляет собой полоску ткани шириной в ярд, которую носят вокруг поясицы и между бедер, чтобы прикрыть срамную полость и промежность; обычно она имеет шесть ярдов или около того в длину, но молодые мужчины нынешнего поколения используют целых двенадцать или четырнадцать ярдов (иногда даже больше), которые они с большой точностью скручивают и наматывают вокруг своего тела, пока талия и живот полностью не будут окутаны ее складками". (Н. Линг Рот, "Уроженцы Лоу с Борнео", *Журнал Антропологического института*, 1892, стр. 36.)

Говорят, что в своих собственных домах в глубине леса карлики пренебрегают одеждой из соображений приличия как на мужчинах, так и на женщинах, но, конечно, когда они выходят из леса в деревни негров-земледельцев, их всегда замечают одетыми в какой-нибудь маленький кусочек ткани из коры или кожи, или пучок листьев поверх пуденды. В других регионах Африки, посещенных автором или описанных другими наблюдателями, пренебрежение приличиями со стороны мужчин было зафиксировано только среди народа эфик из Старого Калабара. Нагота женщин - это другой вопрос. В некоторых частях Западной Африки, между Нигером и Габунгом (особенно на реке Камерун, в Старом Калабаре и в дельте Нигера), у молодых женщин есть или был обычай ходить полностью обнаженными до того, как они выходили замуж. В Свазиленде до недавнего времени незамужние женщины и очень часто матроны ходили совершенно голыми. Даже среди чопорных баганда, которые считали наказуемым проступком для мужчины обнажать любую часть своей ноги выше колена, жены короля появлялись при его Дворе совершенно обнаженными. Среди кавирондо все незамужние девушки полностью обнажены, и

хотя женщинам, ставшим матерями, положено носить крошечное покрывало спереди и сзади, они очень часто совершенно пренебрегают этим, находясь в своих деревнях. И все же, как правило, среди нильских негров, и еще более заметно среди хамитов и людей племени масаи, женщины особенно тщательно скрывают половые органы, в то время как мужчины демонстративно обнажены. Баганда считают наготу мужчин настолько отвратительной вещью, что на протяжении веков они с презрением и отвращением называли нильских негров "голыми людьми". Нагота мужчин распространяется на северо-запад примерно на 200 миль от Хартума, или, фактически, везде, где нильские негры племени динка-ачоли населяют страну". (Сэр Х. Х. Джонстон, *Протекторат Уганды*, т. ii, стр. 669-672.)

Среди нилотских джа-луо Джонстон утверждает, что "неженатые мужчины ходят голыми. Женатые мужчины, у которых есть дети, носят небольшой кусочек козьей шкуры, который, хотя и совершенно непригоден для соблюдения приличий, тем не менее является очень важным элементом этикета, поскольку женатый мужчина с ребенком ни в коем случае не должен наносить визит своей теще, не надев этот кусочек козьей шкуры. Навестить ее в состоянии абсолютной наготы было бы расценено как серьезное оскорбление, которое можно было бы искупить только выпивкой коз. Даже если по новым законам он носит европейские брюки, под ними у него должен быть кусок козьей шкуры. Замужние женщины носят сзади хвост из ниток". Для женщины очень невежливо подавать еду своему мужу, не надев этот хвост. (Сэр Х. Х. Джонстон, *Протекторат Уганды*, том ii, стр. 781.)

Миссис Френч-Шелдон отмечает, что масаи и другие восточноафриканские племена в отношении менструаций "соблюдают величайшую деликатность и более чем скромны". (*Журнал Антропологического института*, 1894, стр. 383.)

В то же время масаи, у которых пенис огромных размеров, считают недостойным скрывать этот член и в высшей степени достойным демонстрировать его, даже демонстративно. (Сэр Х. Х. Джонстон, *Экспедиция Килима-ньяро*, стр. 413.)

Среди африканских динка, которые безупречно чистоплотны и деликатны (мажутся подгоревшим коровьим пометом и ежедневно моются коровьей мочой) и являются изысканными поварами, достигшими, по мнению Швайнфурта, во многих отношениях более высокой ступени цивилизации, чем где-либо в Африке, только женщины носят фартуки. Соседние племена красной земли — бонго, митту, ниям-ния и др. — динка называют "женщинами", потому что среди этих племен мужчины носят фартук, в то время как женщины упрямо отказываются носить какую бы то ни было одежду из кожи или материи, однако каждый день уходя в лес, чтобы раздобыть гибкую ветку для пояса и, возможно, пучок прекрасной травы. (Швайнфурт, *Сердце Африки*, том i, стр. 152 и др.)

Ломброзо и Каррара, исследуя некоторых негров племени динка, привезенных с Белого Нила, отмечают: "Что касается их психологии, то первое, что нас поразило, - это преувеличенная скромность; ни в одном случае мужчины не позволили нам осмотреть свои половые органы или женщины - свою грудь; мы исследовали следы татуировок на груди одной из женщин, и она оставалась печальной и раздражительной в течение двух дней после этого". Они добавляют, что в сексуальном и всех других отношениях эти люди высоконравственны. (Lombroso and Carrara, *Archivio di Psichiatria*, 1896, vol. xvii, раздел 4.)

"Негр очень редко ведет себя заведомо непристойно или пристрастен к сластолюбию", - говорит сэр Х. Х. Джонстон. "В этой стране наготы, которую я знаю уже семь лет, я не помню, чтобы хоть раз видел неприличный жест со стороны мужчины или женщины, и только очень редко (и то не среди неиспорченных дикарей) в случае с этим самым бесстыдным членом общества — маленьким мальчиком". Он добавляет, что местные танцы являются лишь кажущимся исключением, поскольку они серьезны по своему характеру, хотя и неприличны на наш взгляд, и представляют собой почти религиозную церемонию. "Единственный по-настоящему неприличный танец коренных народов Центральной Африки" - это тот, который изначально представлял акт соития, но он настолько изменен до стереотипной формулы, что его точный смысл не очевиден, пока туземцы не объяснят его несколько застенчиво. ... Можно с уверенностью утверждать, что негритянская раса в Центральной Африке гораздо более по-настоящему скромна, гораздо более свободна от реальных пороков, чем большинство европейских наций. Ни мальчики, ни девочки не носят одежду (если только они не дети вождей) до достижения возраста половой зрелости. Среди ванконда мужчины практически не носят никаких покрывал, за исключением кольца из латунной проволоки вокруг живота. Женщины Ванконды также почти полностью обнажены, но обычно прикрывают половые органы крошечным передником, расшитым бисером, часто очень красивой работы, в точности напоминающим то же самое изделие, которое носят кафрские женщины. Подобная степень наготы преобладает среди многих племен авемба, среди а-лунгу, батумбука и ангони. Однако большинство мужчин-ангони перенимают зулусскую манеру прикрывать головку полового члена маленьким деревянным футляром или внешней оболочкой фрукта. У ва-яо сильно развито чувство приличия в вопросах подобного рода, что тем более любопытно, что они более склонны к непристойностям в своих обрядах, церемониях и танцах, чем любое другое племя. Мало того, что крайне редко можно увидеть какие-либо Яо непокрытыми, но и мужчины, и женщины испытывают сильнейшее отвращение к тому, чтобы подвергать свою персону даже осмотру врача. Атонга и многие из народа а-ньянга, а также все племена к западу от ньяссы (за исключением, возможно, а-лунда) не придерживаются присущего яо уважения к порядочности, и, хотя их редко или вообще когда-либо можно обвинить в преднамеренном намерении выставить себя напоказ, мужчинам относительно безразлично, скрывается их нагота или нет, хотя женщины скромны и осторожны в этом отношении". (Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, 1897, стр. 408-419.)

В стране Азимба, Центральная Африка, Х. Кроуфорд Ангус, который много лет провел в этой части Африки, пишет: "По моему опыту, чем более обнажены люди и чем более непристойными и бесстыдными для нас являются их манеры и обычаи, тем более моральными и строгими они являются в вопросе половых сношений". Далее он описывает *ченсамвали*, или церемонию посвящения девочек в период полового созревания, время ликования, когда девушку посвящают во все секреты брака, под песни и танцы, относящиеся к акту соития. "На все это смотрят как на нечто само собой разумеющееся, а не как на то, чего следует стыдиться или скрывать, и, когда к этому относятся таким образом открыто и не делают из этого секрета, вы обнаруживаете, что в этом племени женщины очень добродетельны. Они с самого начала знают все, что должно быть известно, и не видят никаких причин для секретности в отношении законов природы или сил и чувств, которые даны им от рождения". (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1898, Heft 6, p. 479.)

О монбутту из Центральной Африки другой наблюдатель говорит: "Удивительно, как урожденная монбутту может без помощи одежды производить впечатление на окружающих своим достоинством и скромностью". (*Британский медицинский журнал*. 14 июня 1890 г.)

"Женщины в Упото вообще не носят одежды и подошли к нам в самой непринужденной манере. Мы заметили интересную градацию в устройстве женского костюма: по мере того, как мы поднимались по Конго, чем выше по реке мы оказывались, тем выше поднималось платье, пока, наконец, оно не достигло кульминации в абсолютной наготе". (Т. Х. Парк, *Мои личные впечатления в Экваториальной Африке*, 1891, стр. 61.)

"Среди населения Конго существует выраженное понимание чувства порядочности и стыда применительно к частным действиям", - говорит г-н Герберт Уорд. Объясняя наготу женщин в Упото, вождь заметил Уорду, что "сокрытие - это пища для любознательных". (*Журнал Антропологического института*, 1895, стр. 293.)

На Золотом побережье и прилегающих странах полная нагота встречается крайне редко, за исключением тех случаев, когда обстоятельства делают это желательным; иногда беззаботно сбрасывают одежду. "Я несколько раз видел, - говорит доктор Фримен, - как женщины в Аккре шли с пляжа, где они купались, через дорогу к своим домам, где они вытирались и снова надевали одежду; и нередко можно было увидеть женщин, купающихся в прудах на обочине дороги, совершенно непринужденно беседующих со своими знакомыми мужчинами, которые сидели на берегу. Само по себе обнаженное тело не вызывает в их сознании ни малейшего представления о непристойности. Нескромность и бестактность в поведении практически неизвестны". Он добавляет, что чрезмерное рвение миссионеров, призывающих своих новообращенных носить европейскую одежду — что они с готовностью делают — вызывает большое сожаление, поскольку облегающая тонкая одежда на самом деле менее скромна, чем свободная одежда, которую они заменяют, к тому же она гораздо менее опрятна. (Р. А. Фримен, *Путешествия и жизнь в Ашанти и Джамане*, 1898, стр. 379.)

В Лоанго, говорит Печуэль-Леше, "хорошо воспитанная негритянка любит прикрывать грудь и чувствительна к критическим взглядам мужчин; если она встречает европейца без верхней одежды, она инстинктивно, хотя и не без кокетства, принимает позу Венеры Медичи". Мужчины и женщины моются отдельно и прячутся друг от друга, когда обнажены. Женщины также испытывают стыд, когда их обнаруживают кормящими грудью своих младенцев. (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1878, pp. 27–31.)

Коран (сура XXIV) запрещает показывать половые органы, а также лицо, однако мусульманка в чадре, замечает Стерн, даже на улицах Константинополя будет стоять неподвижно и закрывать одежду, чтобы почесать интимные места, а в Бейруте он видел турецких проституток, все еще в чадрах, принимающих позу для совокупления. (Б. Стерн, *Медицина и др.*, в *"Der Türkei"*, т. ii, стр. 162.)

"Англичанин застал врасплох женщину, купавшуюся в Евфрате; она закрыла лицо руками, не беспокоясь о том, что еще может увидеть незнакомец. В Египте я сам видел совершенно обнаженных молодых крестьянских девушек, которые поспешили посмотреть на нас, предварительно закрыв свои лица". (С. Niebuhr, *Reisebeschreibung nach Arabien*, 1774, т. i, стр. 165.)

Когда Хелфера отвели навестить дам во дворце имама Маската в Бушейре, он обнаружил, что их лица закрыты черными масками, хотя остальная часть тела может быть покрыта чем-то вроде прозрачного крепа; самим дамам было очень больно смотреть на обнаженное лицо; даже мать никогда не снимает маску с лица своей дочери после двенадцатилетнего возраста; это зарезервировано для ее господина и мужа. "Я заметил, что дамы смотрели на меня с некоторым замешательством, а после того, как они взглянули мне в лицо, пристыженно опустили глаза. Наведя справки, я обнаружил, что мое непокрытое лицо было неприличным, как и обнаженный человек был бы для нас неприличен. Они попросили меня надеть маску, и когда служанка повязала мне на голову великолепно украшенную маску, все они воскликнули: "Тахип! tahip!"— beautiful, beautiful." (J. W. Helfer, *Reisen in Vorderasien und Indien*, vol. ii, стр. 12.)

В Алжире — в провинциях Константина, в Бискре, даже в Ауресе — "особенно среди женщин, ни одна не стесняется расстегивать пояс перед любым встречным" (когда проводился поиск татуировок на нижних конечностях). "Несмотря на большую распушенность манер, - продолжает тот же автор, - араб и кабил обладают большой личной скромностью, и их с трудом убеждают демонстрировать обнаженное тело; является ли это результатом настоящей скромности или их закоренелых привычек активной педерастии? Какова бы ни была причина, они всегда прикрывают половые органы руками или носовыми платками, и даже малейшее прикосновение врача вызывает у них неприятные ощущения". (Батут, *Архив криминальной антропологии*, 15 января 1893 г.)

"Мусульманская скромность, - замечает Велльхаузен, - была доведена до крайности, было запрещено носить недостаточное количество одежды. Это было заметно даже среди арабов-язычников, как и среди семитов и древних цивилизаций в целом; нас не должны вводить в заблуждение случайные примеры нескромности в отдельных случаях. Сунна предписывает, что человек не должен обнажаться даже перед самим собой и не должен мыться нагишом — из страха перед Богом и духами; Иов сделал это и жестоко искупил свою вину. Когда в арабской древности взрослые люди показывались обнаженными, это случалось только при экстраординарных обстоятельствах и для достижения необычных целей. ... Женщины, носящие траур, обнажали не только лицо и грудь, но и разрывали всю свою одежду. Гонец, принесший дурные вести, разорвал свою одежду. Мать, желая оказать давление на своего сына, сняла с себя одежду. Человек, которому месть запрещена, демонстрировал свое отчаяние и неодобрение, обнажая зад и посыпая голову землей, или поднимая свою одежду сзади и прикрывая ею голову. Это было сделано также для удовлетворения естественных потребностей". (Wellhausen, *Reste Arabischen Heidentums*, 1897, pp. 173, 195–196.)

Мантегацца упоминает, что женщина из Лапландии отказалась даже за 150 франков позволить ему сфотографировать ее обнаженной, хотя мужчины предстали перед камерой в костюме Адама за гораздо меньшую сумму. В той же книге Мантегацца отмечает, что в восемнадцатом веке путешественникам было чрезвычайно трудно убедить самоедских женщин показать себя обнаженными. Среди тех же людей, по его словам, новобрачная жена должна скрывать свое лицо от мужа в течение двух месяцев после замужества и только потом уступить его объятиям. (Mantegazza, *La Donna*, cap. IV.)

"Красота китаянки, - говорит доктор Матиньон, - в значительной степени заключается в ее ступнях. "Нога, которая не деформирована, бесчестит", - говорит поэт. Для мужа нога интереснее лица. Только муж может видеть ногу своей жены обнаженной. Китаянка так же

сдержанно показывает свои ноги мужчине, как европейская женщина - свою грудь. Мне часто приходилось лечить китайок со смехотворно маленькими ступнями от ран и эскориаций, возникающих в результате тугих перевязок. Они проявили чопорность школьниц, покраснели, повернулись спиной, чтобы снять бинты, а затем завернули ногу в ткань, оставив открытой только пораженную часть. Скромность - это вопрос условностей; у китайцев она на ногах" (Ж. Матиньоньонъ, "Предложение одного китайца", *Архив криминологии*, 1898, стр. 445.)

Среди якутов Северо-Восточной Сибири "существовал хорошо известный обычай, согласно которому невеста не должна показывать себя или свое непокрытое тело своему свекру. Говорят, в древние времена невеста скрывалась в течение семи лет от своего свекра, братьев и других родственников мужского пола своего мужа. ... Мужчины также старались не встречаться с ней, говоря: "Бедному ребенку будет стыдно". Если встречи нельзя было избежать, молодая женщина надевала на лицо маску. ... В наши дни молодые жены избегают показывать своим родственникам-мужчинам обнаженное тело. Среди богатых они избегают появляться в присутствии этих людей только в одной сорочке. В некоторых местах они делают особый акцент на том факте, что молодым женам стыдно показывать свои непокрытые волосы и ноги родственникам мужского пола своих мужей. С другой стороны, родственники мужа мужского пола должны избегать показывать молодой жене обнаженное тело выше локтя или подошвы ноги, а также избегать непристойных выражений и вульгарной брани в ее присутствии. ... То, что эти обряды не являются результатом особой утонченной скромности, доказывает тот факт, что даже молодые девушки постоянно накручивают нитки на обнаженное бедро, не смущаясь присутствия мужчин, не принадлежащих к домашнему хозяйству; они также не выказывают никакого смущения, если незнакомый мужчина застаёт их обнаженными до пояса. Единственное, что им не нравится и на что они выказывают гнев, это то, что такие люди внимательно смотрят на свои обнаженные ноги. ... Исчезает прежняя простота, отсутствие стыда при обнажении тела". (Серошевский, "Якуты", *Журнал Антропологического института*, январь.- Июнь 1901 г., стр. 93.)

"В Японии (рассказывает мне капитан) место для купания женщин было совершенно открыто (мытье головы, действительно, производил мужчина), и англичанам не чинили препятствий и не вызвали ни малейшего отвращения; действительно, девушки после купания свободно проходили мимо, иногда как бы выставляя свои волосы для невинного восхищения, и это продолжалось до тех пор, пока наши соотечественники с помощью гнусного смеха и шуток не заставили их оградить себя от оскорблений секретностью. Таким образом, коррупция распространяется, и язычество становится еще чернее от нашего контакта". (Частное сообщение.)

"Однажды, разговаривая с японским джентльменом, я заметил, что мы считаем неприличным, когда мужчины и женщины моются вместе. Он пожал плечами и ответил: "Но у этих вестернов такие похотливые умы!" (Митфорд, *Рассказы о Старой Японии*, 1871.)

Доктор Карл Дэвидсон, который отмечает, что у него было достаточно возможностей отметить огромную красоту японских женщин в национальном танце, исполняемом обнаженными, указывает, что у японцев нет эстетического чувства обнаженности. "Это было показано на Юбилейной выставке в Киото. Здесь, среди множества залов, полных предметов искусства, один был посвящен картинам маслом в европейской манере. Среди них только одна изображала обнаженную фигуру, Психею или Истину. Такую картину видели впервые. Мужчины

и женщины столпились вокруг нее. После того, как они некоторое время смотрели на это, большинство начали хихикать; некоторые своим видом и жестами явно демонстрировали свое отвращение; все сочли, что рисовать обнаженную женщину неэстетично, хотя в Природе нагота никоим образом не была для них оскорбительной. Посреди одного и того же города, у фонтана, который считается обладающим особыми достоинствами, мужчины и женщины будут стоять обнаженными и позволять воде стекать по ним". (Карл Дэвидсон, "Как накачать Японию", *Globus*, 1896, № 16.)

"Очень трудно исследовать волосатость женщин-айнов, - замечает Бельц, - поскольку они обладают поистине невероятной степенью скромности. Даже когда летом они купаются, что случается, но редко, они остаются в одежде". Он записывает, что однажды его попросили осмотреть девочку в Миссионерской школе, чтобы дать совет относительно лечения больного позвоночника; хотя она проучилась в школе семь лет, она заявила, что "скорее умрет, чем покажет спину мужчине, пусть даже врачу". (Baelz, "Die Aino," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1901, Heft 2, p. 178.)

Греки, этруски и римляне, по-видимому, имели обыкновение прикрывать крайнюю плоть *кинодесмой* (лентой) или *малоберцовой костью* (кольцом), поскольку обычай и скромность требовали, чтобы головка была скрыта. Такое покрытие представлено у людей, которых заставляли быть обнаженными, и Цельс называет его "*decori causâ*". (L. Stieda, "Anatomisch-archäologische Studien", *Anatomische Hefte*, Bd. XIX, Heft 2, 1902.)

"Среди лидийцев, да и вообще среди варваров в целом, считается глубоким позором, даже для мужчины, показываться обнаженным". (Геродот, книга I, глава X.)

"Обычную сейчас простую одежду впервые носили в Спарте, и там, более чем где-либо еще, жизнь богатых была ассимилирована с жизнью народа. Лакедемоняне тоже были первыми, кто во время своих атлетических упражнений разделся догола и натерся маслом. Это не было древним обычаем; раньше атлеты, даже когда они соревновались в Олимпии, носили пояса на своих чреслах [еще раньше микенцы всегда носили набедренную повязку], практика, которая продолжалась до совсем недавнего времени и все еще сохраняется среди варваров, особенно азиатских, где бойцы на боксерских и рестлинговых поединках носят пояса". (Фукидид, *История*, книга I, глава VI.)

"Идея о том, что женщины тренируются обнаженными в школах вместе с мужчинами ... в наши дни показалась бы поистине нелепой. ... Не так давно у греков, как сейчас у большинства варварских народов, считалось позорным и нелепым видеть мужчин обнаженными. И когда первые критяне, а за ними и лакедемоняне начали практиковать гимнастические упражнения, умники того времени могли поиздеваться над этими новшествами. ... Что же касается человека, который смеется над идеей о раздетых женщинах, выполняющих гимнастические упражнения, как способ показать, что является самым совершенным, то его насмешки - всего лишь "незрелый плод, сорванный с древа мудрости". " (Платон, "*Республика*", книга V)

Однако, согласно Плутарху, среди спартанцев, во всяком случае, нагота женщин не была смешной, поскольку ликургийские институты предписывали, чтобы на торжественных пирах и жертвоприношениях молодые женщины танцевали обнаженными и пели, а молодые люди становились по кругу, чтобы видеть и слышать их. Аристотель говорит, что в его время спартанские девушки носили только очень легкую одежду. Как описано Павсанием и показано

статуей в Ватикане, обычная туника, которая была единственной одеждой, которую носили женщины во время бега, оставляла обнаженными правое плечо и грудь, и доходила только до верхней трети бедер. (М. М. Эванс, *Главы о греческой одежде*, стр. 34.)

Среди греков, которые были склонны принимать доктрины цинизма, считалось, что, хотя стыд не является необоснованным, то, что хорошо, может быть сделано и обсуждено перед всеми людьми. Есть ряд авторитетных источников, которые утверждают, что Крейтс и Гиппархия завершили свой брак в присутствии множества зрителей. Лактанций (*Inst.* iii, 15) говорит, что такая практика была обычной, но Зеллер склонен сомневаться в этом. (Целлер, *Сократ и сократовские школы*, перевод с Третьего немецкого издания, 1897 г.)

"Среди тирренцев, доведших свою роскошь до необычайной степени, Тимей в своей первой книге рассказывает, что служанки прислуживали мужчинам в обнаженном виде. А Феопомп в сорок третьей книге своей *Истории* утверждает, что у тирренцев существует закон, согласно которому все их женщины должны быть общими; и что женщины уделяют величайшее внимание своей персоне и часто выполняют гимнастические упражнения обнаженными среди мужчин, а иногда и друг с другом; для них не считается зазорным показаться обнаженными. ... У тирренцев также не считается зазорным делать что-либо или терпеть что-либо на открытом воздухе, или быть увиденным, когда это происходит; ибо это вполне в обычае их страны, и они настолько далеки от того, чтобы считать это зазорным, что даже говорят, когда хозяин дома потворствует своему аппетиту, и кто-нибудь спрашивает о нем, что он делает то-то и то-то, используя самые грубые слова. ... И они очень красивы, как это естественно для людей, которые ведут деликатный образ жизни и заботятся о своей персоне". (Athenæus, *Deipnosophists*, перевод Йонга, том. iii, стр. 829.)

Деннис ставит под сомнение предыдущее утверждение Афиней относительно тирренцев или этрусков и указывает, что изображения женщин в этрусских гробницах изображают их одетыми, даже грудь редко бывает обнажена. Нагота, замечает он, была характерной чертой греков, а не этрусков. "Мне нужно лишь сослаться на наготу спартанских женщин; фессалийские женщины описаны Персеем, танцующим на пирах обнаженными или в очень скудном покрывале (*апуд* Афиней, xiii, с. 86). Хиосские девушки обнаженными боролись с юношами в гимнастическом зале, который Афиней (xiii, 20) называет "прекрасным зрелищем". А на брачном пиру Карана македонские женщины акробатки выступали обнаженными перед гостями (Афиней, iv, 3)". (Г. Деннис, *Города и кладбища Этрурии*, 1883, т. i, стр. 321.)

В Риме, "когда поначалу в этом вопросе было гораздо меньше свободы, чем в Греции, баня стала общей для обоих полов, и хотя у каждого была своя раковина и отдельная горячая комната, они могли видеть друг друга, встречаться, разговаривать, плести интриги, устраивать свидания и множить супружеские измены. Сначала в банях было так темно, что мужчины и женщины могли мыться бок о бок, не узнавая друг друга, кроме как по голосу; но вскоре дневному свету было позволено проникать со всех сторон. "В банях Сципиона, - сказал Сенека, - были узкие вентиляционные отверстия, а не окна, едва пропускавшие достаточно света, чтобы оскорбить скромность; но в наши дни бани называют пещерами, если в них не проникают солнечные лучи через большие окна". ... Адриан строго запретил такое смешение мужчин и женщин и установил отдельные лаверы для мужчин и женщин. Марк Аврелий и Александр Север возобновили действие этого эдикта, но в промежутке Гелиогабал разрешил

представителям обоих полов встречаться в банях." (Dufour, *Histoire de la Prostitution*, vol. ii, гл. XVIII; *cp. Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, Art. Balneæ.),,

В Риме, согласно древнему обычаю, актеров заставляли носить на сцене панталоны (*subligaculum*), чтобы сохранить скромность римских матрон. Почтенные женщины, похоже, тоже всегда носили какой-нибудь *сублигакулум*, даже иногда во время купания. Это название также применялось к кожаному поясу, зашнурованному сзади, который их иногда заставляли носить как пояс целомудрия. (Дюфур, указ. соч., том ii, стр. 150.) Греческие женщины также носили ткань вокруг поясницы, когда принимали ванну, как и мужчины, которые там мылись; и изображена женщина, купающаяся и одетая в нечто вроде тонкой комбинации, доходящей до середины бедра. (*Словарь, лок. цит. по*) В более поздний период святой Августин упоминает *compestria*, панталоны или фартук, которые носили молодые люди, которые раздевались для упражнений в кампусе. (*De Civitate Dei*, Bk. XIV, гл. XVII)

Леки (*История морали*, т. ii, стр. 318), объединяет примеры женщин как языческих, так и раннехристианских времен, которые демонстрировали свою скромность, запахивая на себе одежду, даже в тот момент, когда их жестоко убивали. Плутарх в своем эссе "Добродетели женщин", морализующем хорошо известную историю молодых женщин Милезии, среди которых эпидемия самоубийств была остановлена только указом о том, что в будущем женщин, повесившихся, следует носить обнаженными по рыночным площадям, замечает: "Они, которые не боялись самых ужасных вещей в мире, смерти и боли, не могли смириться с воображением бесчестия и позора даже после смерти".

Во втором веке врач Аретей, писавший из Рима, отмечает: "Во многих случаях из-за непроизвольного сдерживания из соображений скромности на собраниях и банкетах мочевого пузырь раздувается, и вследствие последующей потери его сократительной способности он больше не выводит мочу". (*О причинах и симптомах острых заболеваний*, Книга II, глава X.)

Апулей, писавший во втором веке, говорит: "Большинство женщин, чтобы продемонстрировать свою врожденную грацию и привлекательность, снимают с себя все свои одежды и стремятся показать свою обнаженную красоту, сознавая, что им больше понравится румянец их кожи, чем золотое великолепие их одеяний". (Перевод Томаса Тейлора "*Метаморфозы*", стр. 28.)

Христианство, по—видимому, глубоко повлияло на привычки мышления и чувств, объединив воедино чисто естественную эмоцию сексуальной сдержанности, с одной стороны, с мужской добродетелью скромности -*modestia*— и, с другой стороны, с предписанием сексуального воздержания. Тертуллиан превосходно иллюстрирует эту путаницу, и его трактаты *О пудиициях* и *О женской культуре* поучительны с современной точки зрения. В последнем он замечает (Книга II, глава I): "Спасение - и не только женщин, но также и мужчин — состоит в проявлении, главным образом, скромности. Поскольку все мы - храм Божий, скромность - это ризничий и жрица этого храма, которая не должна допускать, чтобы в него входило что-либо нечистое или непристойное, из страха, что Бог, обитающий в нем, будет оскорблен. ... Большинству женщин, либо по простому невежеству, либо из притворства, хватает смелости ходить так, как будто скромность заключается только в непорочности плоти и в отказе от блуда, и нет необходимости ни в чем другом — в одежде и украшениях, в заученном изяществе форм, — сохраняя в своей походке тот же внешний вид, что и женщины народов, у которых отсутствует чувство *истинной* скромности".

Самый ранний христианский идеал скромности, сохранявшийся недолго, хорошо показан в послании, которое, есть некоторые основания предполагать, было написано Климентом Римским. "И если мы видим, что необходимо встать и помолиться за женщину и произнести слова увещания и назидания, мы призываем братьев и всех святых сестер и дев, а также всех других женщин, которые там находятся, со всей скромностью и подобающим поведением прийти и насладиться истиной. И те из нас, кто искусен говорить, говорите с ними и увещевайте их теми словами, которые дал нам Бог. И затем мы молимся и приветствуем друг друга, мужчины, мужчины. Но женщины и девицы завернут свои руки в свои одежды; мы также, с осмотрительностью и со всей чистотой, устремив глаза вверх, завернем нашу правую руку в наши одежды; и тогда они придут и поприветствуют нас правой рукой, завернутой в наши одежды. Тогда мы пойдем туда, куда позволит нам Бог". (*Два послания о девственности*; Второе Послание, глава III, том XIV. Доникийская христианская библиотека, стр. 384.)

"Женщины редко раздеваются догола перед собственными мужьями, притворяясь скромными, - пишет Климент Александрийский примерно в конце второго века, - но любой другой желающий может увидеть их дома, запертыми в своих собственных банях, ибо они не стыдятся раздеваться перед зрителями, как будто выставляя себя на продажу. Бани открыты для беспорядочных связей мужчин и женщин; и там они раздеваются для распутства (ибо от созерцания мужчины переходят к любви), как будто их скромность была смыта в ванне. Те, кто не совсем лишился скромности, не пускают незнакомцев, но моются со своими собственными слугами и раздеваются догола перед своими рабынями, и они растираются ими, предоставляя приседающим слугам свободу похоти, позволяя бесстрашно обращаться с теми, кто предстает перед своими обнаженными любовницами во время купания, учатся раздеваться, чтобы проявить дерзость в похоти, отбрасывая страх вследствие нечестивого обычая. Древние атлеты, стыдясь выставлять мужчину обнаженным, сохраняли свою скромность, участвуя в состязании в панталонах; но эти женщины, избавляясь от своей скромности вместе с сорочкой, хотят казаться красивыми, но, вопреки их желанию, просто оказываются порочными". (Климент Александрийский, *"Педагог"*, книга III, глава V. Пояснения к этому отрывку см. в *"Полном курсе патрологии"* Мина, том vii.) Беспорядочное купание было запрещено ранними Апостольскими конституциями, но Киприан, епископ Карфагенский, в третьем веке счел необходимым укорять даже девственниц, давших обет целомудрия, за продолжение этого обычая. "А как насчет тех, - спрашивает он, - кто часто принимает ванны, кто занимается проституцией для глаз, жаждущих похоти, с телами, посвященными целомудрию и скромности? Те, которые постыдно созерцают обнаженных мужчин и которых мужчины видят обнаженными? Разве они сами не соблазняют порок? Разве они не поощряют желания присутствующих к их собственной испорченности и неправоте? "Пусть каждый, - говорите вы, - посмотрит на расположение духа, с которым он приходит туда: моя забота заключается только в том, чтобы освежить и омыть мое бедное тело". Такого рода защита не оправдывает вас и не оправдывает преступления похоти и распутства. Такое омовение оскверняет; оно не очищает конечности, но пачкает их. Вы ни на кого не смотрите нескромно, но на вас самих смотрят нескромно; вы не оскверняете свои глаза постыдным наслаждением, но, доставляя удовольствие другим, вы сами оскверняетесь; вы устраиваете шоу из купальни; места, где вы собираетесь, гнуснее театра. Там отбрасывается всякая скромность; вместе с одеждой отбрасывается честь и скромность тела, обнажается девственность, на которую можно указать и с которой можно обращаться. ... Пусть ваши омовения совершаются с женщинами, которые ведут себя скромно по отношению к вам".

(Киприан, *О привычке к Девственности*, главы 19, 21.) Церковь несла тот же дух среди варваров северной Европы, и несколько столетий спустя беспорядочное купание мужчин и женщин было запрещено в некоторых пенитенциарных учреждениях. (Однако этот обычай сохранялся кое-где в Северной Европе даже до конца восемнадцатого века или позже. In Rudeck's *Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland*, an interesting chapter, with contemporary illustrations, is devoted to this custom; also, Max Bauer, *Das Geschlechtsleben in der Deutschen Vergangenheit*, pp. 216–265.)

"Женщины, - снова говорит Клемент, - не должны стремиться быть изящными, избегая широких сосудов для питья, которые вынуждают их растягивать рот, чтобы пить из узких алабастров, которые заставляют их неприлично запрокидывать голову, открывая мужчинам шею и грудь. Одна мысль о том, кто она такая, должна внушать женщине скромность. ... Женщине ни в коем случае нельзя позволять показывать мужчине какую-либо часть своего тела обнаженной, опасаясь, что оба упадут: один от жадного взгляда, другой от удовольствия привлечь эти жадные взгляды". (*"Педагог"*, книга II, глава V.)

Иаков, епископ Нисибиса в четвертом веке, был человеком великой святости. Тедорет сообщает нам, что однажды, когда Джеймс только приехал в Персию, ему было сподоблено совершить чудо при следующих обстоятельствах: он случайно проходил мимо фонтана, где молодые женщины стирали белье, и, поскольку его скромность была глубоко потрясена разоблачением, связанным с этим занятием, он проклял фонтан, который мгновенно высох, и он изменил цвет волос девушек с черного на песочный. (Джортин, *Замечания по церковной истории*, том iii, стр. 4.)

Прокопий, писавший в шестом веке после Рождества Христова и повествующий о том, как императрица Феодора в молодости часто появлялась перед публикой в театре почти обнаженной, добавляет, что она охотно предстала бы совсем обнаженной, но что "ни одной женщине не позволено обнажаться полностью, если она не носит по крайней мере короткие панталоны, прикрывающие нижнюю часть живота". Златоуст упоминает в конце четвертого века, что Аркадий пытался отменить августовский праздник (Маджума), во время которого женщины появлялись обнаженными в театрах или плавали в больших банях.

Во времена средневековья "дамы, во всяком случае, в том виде, в каком их изображали поэты, в целом не отличались особой чопорностью. Мелеранц удивил даму, принимавшую ванну под липой; ванна была покрыта самитом, а рядом с ней стояла великолепная кровать из слоновой кости, окруженная гобеленами, изображающими историю Париса и Елены, разрушение Трои, приключения Энея и т.д. Когда Мелеранц проезжает мимо, служанки госпожи убегают; однако она сама, быстро приняв решение, поднимает покрывало, которым закрывается ванна, и приказывает ему прислуживать ей вместо служанок. Он приносит ей сорочку, накидку и туфли, а затем стоит в стороне, пока она не оденется; когда она ложится на кровать, она зовет его обратно и приказывает ему отгонять мух, пока она спит. Как ни странно, мужчины представлены более скромными, чем женщины. Когда две девушки приготовили ванну для Парцивала и предложили искупать его, согласно обычаю, неопытный молодой рыцарь застеснялся и не захотел входить в ванну, пока они не уйдут; в другой раз он быстро прыгнул в постель, когда девушки вошли в комнату. Когда Вольфдитрих собирался раздеться, ему пришлось попросить женщин, столпившихся вокруг него, оставить его ненадолго в покое, так как ему было стыдно, что они увидят его обнаженным. Когда Амфонс Испанский, заколдованный своей мачехой в

оборотня, наконец пришел в себя и внезапно предстал перед ней обнаженным, ему стало очень стыдно. Девушка, исцелившая Ивейна, была нежна к его скромности. В своем любовном безумии герой некоторое время бродит обнаженным по лесу; три женщины находят его спящим и посылают служанку помазать его мазью; когда он пришел в себя, девушка спряталась. В целом, однако, дамы не были столь деликатны; они без колебаний принимали ванну вместе с джентльменами и в таких случаях надевали на головы свои лучшие украшения. Я не знаю картин двенадцатого и тринадцатого веков, изображающих подобную сцену, но такие общие бани четко представлены на миниатюрах пятнадцатого века". (А. Шульц, "История жизни в духе миннесоты", том I, стр. 225.)

"В 1450-70 годах было введено использование трески, с помощью которой атрибуты мужественности подчеркивались самым бесстыдным образом. Фактически, в тот период общепризнанной целью было привлечь внимание к этим краям. Кусок трески иногда окрашивался иначе, чем остальная одежда, часто набивался, чтобы искусственно увеличить его, и украшался лентами". (Rudeck, *Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland*, pp. 45–48; Dufour, *Histoire de la Prostitution*, vol. vi, стр. 21-23. Гроос ссылается на значение этой моды, *Spiele der Menschen*, стр. 337.)

"Первую рубашку начали носить [в Германии] в шестнадцатом веке. Из этого факта, а также из обычая общественного купания, мы приходим к замечательному результату: для немецкого народа вид полной наготы был ежедневным правилом вплоть до шестнадцатого века. Все полностью разделись перед тем, как лечь спать, и в паровых банях не пользовались никакими покрывалами. Опять же, танцы, как крестьянских, так и горожанских, характеризовались очень высокими прыжками в воздух. Главным наслаждением танцоров было для мужчины поднимать свою партнершу как можно выше в воздух, чтобы ее платье взлетало вверх. О том, что женская скромность была в этом отношении очень безразлична, мы знаем из бесчисленных упоминаний, сделанных в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Не следует забывать, что на протяжении всего средневековья женщины не носили нижнего белья, и даже в семнадцатом веке ношение итальянскими женщинами панталон считалось чем-то необычным. В том, что с исчезновением бань и использованием нательного белья было оказано мощное влияние на формирование скромности, не может быть никаких сомнений". (Рудек, указ. соч., стр. 57, 399 и др.)

В 1461 году, когда Людовик XI въехал в Париж, три очень красивые девушки, совершенно обнаженные, изображали Сирен и декламировали перед ним стихи; публика ими восхищалась. В 1468 году, когда Карл Смелый въехал в Лилль, ему особенно понравилось среди различных празднеств представление Суда Парижа, на котором три богини были обнажены. Когда Карл Пятый въехал в Антверпен, самые красивые девушки города танцевали перед ним, одетые только в газ, и Дюрер внимательно разглядывал их, как он рассказывал своему другу Меланхтону. (Б. Риттер, "Обнаженная натура в Миттельшпиле", *Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*, 1855, стр. 227; этот автор показывает, как роскошь, мода, бедность и определенные фестивали в сочетании делают наготу привычной; ср. Fahne, *Der Carneval*, стр. 249. Дюрер цитирует многих старых авторов о важной роли, которую обнаженные люди играли на древних празднествах, "Божественные женщины", глава XIV.)

Пассек, польский офицер, написавший отчет о своих кампаниях, восхищался датскими дамами в 1658 году, но считал их обычаи нескромными. "Все спят голыми, как при рождении, и никто не

считает зазорным одеваться или раздеваться в присутствии других. На гостя даже не обращают внимания, и при свете дня снимают одно одеяние за другим, даже сорочку вешают на крючок. Затем дверь запирается на засов, свет гаснет, и человек ложится спать. Когда мы обвинили их в том, что среди нас женщина не стала бы так себя вести даже в присутствии своего мужа наедине, они ответили, что ничего не знают о подобном позоре и что нет необходимости стыдиться конечностей, созданных Богом. Более того, спать без сорочки было полезно, потому что, как и другая одежда, она достаточно хорошо служила телу в течение дня. Кроме того, зачем брать с собой в постель блох и других насекомых? Хотя наши мужчины по-разному дразнили их, они не меняли своих привычек ". (Passek, *Denkwürdigkeiten*, German translation, p. 14.)

До конца семнадцатого века женщины в Англии, а также во Франции сильно страдали при родах из-за невежества и суеверий некомпетентных акушерок из-за преобладающих представлений о скромности, которые делали невозможным (как это до сих пор, в некоторой степени, происходит в некоторых полумодернизированных странах) присутствие врачей-мужчин. Доктор Уиллоуби из Дерби рассказывает, как в 1658 году ему пришлось на четвереньках прокрасться в палату роженицы, чтобы незаметно осмотреть ее. Во Франции Клемента тайно нанимали для ухода за любовницами Людовика XIV во время родов; к первой его вели с завязанными глазами, в то время как король был скрыт за пологом кровати, а лицо дамы было окутано сетью кружев. (Э. Малинс, "Акушерство и повитухи", *Британский медицинский журнал*, 22 июня 1901 г.; Витковский, *История родов*, 1887, стр. 689 и далее.) Даже до революции допрос женщин во Франции по делам об изнасиловании или попытке надругательства был оставлен на усмотрение присяжных матрон. В старых английских руководствах по акушерству, даже в начале девятнадцатого века, мы все еще находим много упоминаний о требованиях скромности. Так, доктор Джон Бернс из Глазго в своих *Принципах акушерства* утверждает, что "некоторые женщины из соображений ложной деликатности избегают осмотра до тех пор, пока боли не станут сильными". Он добавляет, что "обычно во время осмотра в комнате должно быть затемнено, а занавески на кровати плотно задернуты". На многих старых фотографиях изображен акушер, ощупью пробирающийся в темноте под одеялом, чтобы произвести операции роженицам. (А. Кинд, "Да здравствует искусство", *Искусство и общество*, Bd. II, Глава 5, стр. 203.)

В Исландии Винклер заявил в 1861 году, что иногда он спал в одной комнате всей семьей; "часто десять или более человек используют одну комнату для проживания и сна, молодые и старые, хозяин и слуга, мужчина и женщина, и из соображений экономии снимают всю одежду без исключения". (Г. Винклер, *Остров; сена Бьюонери* др., стр. 107, 110.)

"В Корке, - говорит Файнс Морисон в 1617 году, - я своими глазами видел, как юные служанки совершенно голыми перемалывали кукурузу определенными камнями, чтобы испечь из нее лепешки". (Морисон, *Маршрут*, Часть 3, Книга III, глава V.)

"В более отдаленных частях Ирландии, - говорит Морисон в другом месте, - где неизвестны английские законы и нравы, "самые вожди ирландцев, как мужчины, так и женщины, ходят обнаженными в самое зимнее время, прикрывая только свои интимные места льняной тряпкой, а тела - свободной мантией. Это я говорю о своем собственном опыте". Далее он рассказывает о богемском бароне, только что приехавшем с Севера Ирландии, который "очень серьезно рассказал мне, что он, придя в дом Окейна, знатного лорда среди них, был встречен у дверей шестнадцатью женщинами, все обнаженные, за исключением свободных накидок; из них

восемь или десять были очень красивы, а две казались настоящими нимфами, от этого странного зрелища, ослепив его глаза, они ввели его в дом, а затем, усевшись у огня со скрещенными ногами, как портные, и так низко, что это не могло не оскорбить целомудренный взор, пожелали чтобы он сел с ними за стол. Вскоре после этого вошел Окане, лорд страны, полностью обнаженный, за исключением просторной мантии и башмаков, которые он снял сразу же, как вошел, и, развлекая барона в своей лучшей манере на латинском языке, попросил его снять свою одежду, которая, по его мнению, была ему в тягость, и посидеть обнаженным у огня с этой обнаженной компанией. Но барон ... от стыда не осмелился снять свою одежду". (*Ib.* Часть 3, книга IV, глава II.)

Кориат, путешествуя по Италии в начале семнадцатого века, обнаружил, что в Ломбардии многие женщины и дети в жаркую погоду носили только халаты или рубашки. В Венеции и Падуе он обнаружил, что жены, вдовы и служанки ходят с обнаженной грудью, у многих спина тоже обнажена почти до середины. (Кориат, *Грубости*, 1611. Следует отметить, что мода на одежду с декольте появилась только в четырнадцатом веке; ранее женщины Европы обычно прикрывали себя до шеи.)

Несколько лет назад на Севере Италии ночью произошел пожар в доме, в котором, согласно обычаю, спали две обнаженные девушки. Одна выбросилась из машины и была спасена, другая вернулась за одеждой и сгорела заживо. Рассказчик инцидента [мужчина] выразил решительное одобрение поступку более скромной девушки. (Личное сообщение.) Можно добавить, что обычай спать обнаженным до сих пор сохраняется (согласно Липперту и Стратцу) также в Ютландии, Исландии, некоторых частях Норвегии и иногда даже в Берлине.

Леди Мэри Уортли Монтегю пишет в 1717 году о турецких дамах в банях Софии: "Первые диваны были покрыты подушками и богатыми коврами, на которых сидели дамы, а на вторых - их рабы позади них, но без какого-либо различия ранга в одежде, все находились в естественном состоянии; то есть, попросту говоря, совершенно обнаженные, без какой-либо скрытой красоты или дефекта. И все же среди них не было ни малейшей распутной улыбки или нескромного жеста. Они ходили и двигались с той же величественной грацией, которую Мильтон описывает о нашей всеобщей матери. Здесь я убежден в правдивости размышления, которое я часто делал, а именно, что если бы было модно ходить обнаженным, то лицо было бы едва заметно". (*Письма и сочинения*, 1866, т. i, стр. 285.)

В Санкт-Петербурге в 1774 году сэр Николас Рексолл наблюдал "беспорядочное купание не менее двухсот человек обоего пола. В Петербурге есть несколько таких общественных бань, - добавляет он, - и за вход в каждое платят несколько копеек. Действительно, есть отдельные места для мужчин и женщин, но они, кажется, совершенно не обращают внимания на это различие и сидят или купаются друг с другом в состоянии абсолютной наготы". (Сэр Н. Рексолл, *Путешествие по некоторым северным частям Европы*, 3-е изд., 1776, стр. 248.) В сельских районах России до сих пор принято, чтобы женщины купались обнаженными в ручьях.

В 1790 году Веджвуд писал Флакسمану: "Обнаженная натура настолько распространена в творчестве древних, что будет очень трудно избежать введения обнаженных фигур. С другой стороны, это абсолютно необходимо сделать или сохранить предметы для нашего собственного использования; ибо никто, ни мужчина, ни женщина, из нынешнего поколения не возьмет их и не будет использовать в качестве мебели, если фигуры обнажены". (Метейард, *Жизнь Веджвуда*, том ii, стр. 589.)

Мэри Уолстонкрафт цитирует (для порицания, а не для одобрения) следующие замечания: "Леди, которая задала вопрос, можно ли обучать женщин современной системе ботаники, была обвинена в нелепом ханжестве; тем не менее, если бы она задала этот вопрос мне, я бы, несомненно, ответила: "Они не могут!" - Далее она цитирует образовательную книгу: "Было бы излишне предостерегать вас от того, чтобы случайно засовывать руку под шейный платок; скромная женщина никогда этого не делала". (Мэри Уолстонкрафт). Уолстонкрафт, *Права женщины*, 1792, стр. 277, 289.)

В настоящее время знание физиологии растений обычно не считается несовместимым со скромностью, но многие по-прежнему считают таковым знание физиологии животных. Доктор Х. Р. Хопкинс из Нью-Йорка писал в 1895 году о преподавании физиологии: "Как мы можем обучать растущих девочек функциям различных частей человеческого тела и при этом сохранять их скромность? Это практический вопрос, который озадачивал меня в течение многих лет".

Полвека назад в Англии использование панталон было почти неизвестно среди женщин и считалось нескромным и неженственным. Тилт, выдающийся гинеколог того периода, выступал за то, чтобы такая одежда шилась из тонкого ситца и не спускалась ниже колена по гигиеническим соображениям. "При таком понимании, - добавил он, - принятие панталон, несомненно, станет более распространенным явлением в этой стране, поскольку, будучи надетыми без ведома стороннего наблюдателя, они будут лишены предубеждения, обычно связанного с придатком, который считается мужским". (Наклон, *Элементы здоровья*, 1852, стр. 193.) Выдвижные ящики вошли в обиход женщин в третьей четверти девятнадцатого века.

Панталоны - это восточный предмет одежды, который, по-видимому, попал в Европу через Венецию, великий канал связи с Востоком. Как и многие другие утонченности приличия и чистоты, поначалу они культивировались главным образом проститутками, и по этой причине против них долгое время существовало предубеждение. Даже в наши дни говорят, что во Франции молодая крестьянка воскликнет, если ее спросят, носит ли она панталоны: "Я ношу панталоны, мадам? Респектабельная девушка!" Ящики, однако, быстро акклиматизировались во Франции, и Дюфур (*op. cit.*, vol. vi, стр. 28) даже рассматривает их по сути как французскую одежду. Они были представлены при дворе в конце четырнадцатого века, а в шестнадцатом веке стали почти необходимыми из-за новой моды *навертугале*, или фартингейл. В 1615 году женские *кальсоны* упоминаются как, по-видимому, обычная одежда. Примечательно, что в Лондоне в середине того же столетия молодая миссис Пепис, которая была дочерью французских родителей, обычно носила панталоны, которые, по-видимому, были закрытого типа. (*Дневник С. Пеписа*, изд. Уитли, 15 мая 1663 г., том iii.) Вероятно, англичанки их не носили, и даже во Франции, с приходом в упадок фартингейла, они, похоже, вышли из употребления в семнадцатом веке. В технической и очень полной книге, *L'Art de la Lingerie*, опубликованной в 1771 году, женские панталоны даже не упоминаются, и Мерсье (*Tableau de Paris*, 1783, vol. vii, стр. 54) говорится, что парижанки, за исключением актрис, не носят панталоны. Даже артисты балета и актрисы на сцене не носили их постоянно. Камарго, знаменитая танцовщица, которая первой укоротила юбку во время танцев в начале восемнадцатого века, всегда соблюдала строгие приличия, никогда не показывая ногу выше колена; когда ее спросили, носит ли она панталоны, она ответила, что никак не может появиться без такой "предосторожности". Но танцовщицы не обязательно носили их, и в 1727 году у молодой *балерины* юбка случайно оторвалась от сценического механизма, полиция издала приказ о том, что в будущем ни одна актриса или танцовщица не должна появляться на сцене без трусов; однако, похоже, что это

правило долгое время строго не соблюдалось, хотя Шульц (*Ueber Paris und die Pariser*, стр. 145) ссылается на то, что оно действовало с 1791 года. (Неясное происхождение и история женских панталон время от времени обсуждались в "*Промежуточном обзоре драгоценностей и кюре*", особенно в томах. xxv, lii и liii.)

Проф. Ирвинг Росс из Вашингтона ссылается на "ханжество Новой Англии" и "колоссальную скромность некоторых нью-йоркских полицейских, которые в определенных случаях предпочитают давать письменные, а не устные показания". Он добавляет: "Я знал, что это чувство дошло до такой степени в маленьком городке Массачусетса, что владелец магазина был вынужден задрапировать маленькую, но невинную статуэтку, выставленную в его витрине". (Ирвинг Росс, *Virginia Medical Monthly*, октябрь 1892 г.) Мне сказали, что народные настроения в Южной Африке не позволили бы выставлять обнаженную натуру в художественных коллекциях Кейптауна. Даже в Италии обнаженные статуи обезображиваются добавлением жестяных фиговых листьев, и спорадические проявления ужаса при виде обнаженных статуй, даже самых классических, могут происходить во всех частях Европы, включая Францию и Германию. (Примеры этого время от времени приводятся в "*Сексуальной реформе*", опубликованной в качестве приложения к "*Политике и обществу*".)

Несколько лет назад (1898) было заявлено, что филадельфийский журнал *Ladies ' Home Journal* решил в будущем избегать любых упоминаний женского нижнего белья, потому что "рассмотрение этой темы в печати требует мелочей, которые крайне и простительно оскорбительны для утонченных и чувствительных женщин".

"Мужчина, женатый двадцать лет, сказал мне, что никогда не видел свою жену полностью обнаженной. Такое сокрытие внешних репродуктивных органов женатыми людьми, по-видимому, является обычным делом. Судя по моему собственному исследованию, очень немногим женщинам нравится смотреть на мужскую наготу, и многие женщины, хотя и не испытывают недостатка в эстетических чувствах, не находят красоты в мужских формах. Некоторых определенно отталкивает вид наготы, даже наготы мужа или любовника. Напротив, большинству мужчин нравится созерцать непокрытую женскую фигуру. Кажется, что только высококультурные женщины с богатым воображением наслаждаются зрелищем обнаженного мужчины изящной формы (особенно после посещения уроков рисования и рисования с обнаженной натуры, как мне рассказала женщина-художница). Или же большинство женщин скрывают свое любопытство или восхищение. Семидесятилетняя женщина, мать нескольких детей, сказала молодой жене, с которой я знаком: "Я никогда в жизни не видела обнаженного мужчины". Сестра этой пожилой дамы призналась, что за всю свою жизнь ни разу не смотрела на свою наготу. Она сказала, что это "напугало" ее. Она была матерью троих сыновей. Незамужняя женщина из той же семьи сказала своей племяннице, что женщины "отвратительны, потому что у них месячные выделения". Племянница предположила, что у женщин нет выбора в этом вопросе, на что тетя ответила: "Я знаю это, но это не делает их менее отвратительными". Я слышала о девушке, которая умерла от маточного кровотечения, отказавшись из-за стыда сообщить о своей болезни своей семье. Страдания, которые испытывают некоторые женщины в ожидании медицинского обследования, по-видимому, очень остры. Мужья рассказывали мне о невестах, которые рыдают и дрожат от страха в первую брачную ночь, причем истерика иногда бывает пугающей. 25-летняя Э отказывала мужу в течение шести недель после вступления в брак, проявляя величайший страх перед его приближением. Незнание природы сексуальной связи часто является причиной

преувеличенной тревоги. В Джерси я часто слышал о невесте, которая подбежала к окну и закричала "убийство" в первую брачную ночь ". (Личное сообщение.)

В настоящее время не считается несовместимым со скромностью выставлять напоказ нижнюю часть бедра в купальном костюме, но выставлять напоказ верхнюю часть бедра нескромно. На соревнованиях по плаванию минимум одежды должен сочетаться с требованиями скромности. В Англии правила плавательных клубов, входящих в Ассоциацию любительского плавания, требуют, чтобы костюм пловца-мужчины простирался не менее чем на восемь дюймов от бифуркации вниз, а костюм пловчихи-женщины должен простираться не более чем на три дюйма от колена. (Как нам сообщили, возникла длительная дискуссия о том, должен ли костюм доходить до одного, двух или трех дюймов от колена, и предложение самой молодой из присутствующих пловчих, что костюм должен быть очень коротким, не получило особого одобрения.) Таким образом, считается, что скромность женщин выше, чем у мужчин, грубо говоря, примерно на два дюйма. Такое же различие можно увидеть и в рукавах; мужской рукав должен доходить до плеча на два дюйма, женский - на четыре дюйма. (Ежедневные газеты, 26 сентября 1898 г.)

"В..., купание на природе было *в порядке вещей для элиты* купальщиков, в то время как наши воскресные посетители из трущоб часто придавали большое значение ношению купальных костюмов; часто было замечено, что те, кто больше всего стремился не выставлять себя напоказ, отличались сквернословием. У меня сложилось впечатление, что их нечистоплотность лишила их сознания защищенности от грубых шуток. Если бы я купался один среди мерзавцев, я, вероятно, сам чувствовал бы себя неуютно, пусть и без костюма ". (Личное сообщение.)

Одна дама из маленького городка на юге Италии рассказала Паоле Ломброзо, что молодым девушкам из среднего класса там не разрешается выходить на улицу, кроме как на мессу, и они не могут даже показаться у окна, кроме как на глазах у матери; однако они не считают необходимым иметь каюту для морских купаний и даже обходятся без купального костюма, не сознавая своей нескромности. (P. Lombroso, *Archivio di Psichiatria*, 1901, p. 306.)

"Одна женщина упомянула мне, что к ней пришел мужчина и по секрету рассказал о своем душевном расстройстве: он боялся, что *развратил* свою жену, потому что она залезла в ванну в его присутствии со своим ребенком и ему нравилось смотреть, как она плещется. Он был глубоко огорчен, думая, что, должно быть, причинил ей вред и разрушил ее скромность. Женщина, которой это было сказано, естественно, возмутилась, но также у нее возникло ощущение, что каждый мужчина может втайне презирать женщину за те самые вещи, которым он ее учит, и встречает ее доверительный восторг только сожалением или неприязнью ". (Личное сообщение.)

"Иногда обнаруживается, что женщины скрывают болезни и симптомы из-за застенчивости и скромности, настолько сильных и извращенных, что в них едва ли можно поверить", - пишет доктор У. Уинн Уэсткотт, опытный коронер. "Я знаю несколько случаев смерти женщин, о которых сообщалось как о внезапных, с неизвестной причиной, когда вызванный врач в последние часы жизни совершенно не подозревал, что его пациентка умирала от гангрены ущемленной бедренной грыжи, или у нее было смертельное кровотечение из кишечника, или от разрыва варикозных вен вульвы". (*Британский медицинский журнал*, 29 февраля 1908 г.)

Приведенный выше набор фактов, конечно, можно было бы расширять до бесконечности, поскольку я обычно не приводил цитат из какого-либо предыдущего набора фактов, касающихся вопроса скромности. Такие подборки можно найти у Плосса и Макса Бартельса "Дас Вайб", работа, которая постоянно появляется в новых и расширенных изданиях; Герберт Спенсер, "Описательная социология" (особенно под такими заголовками, как "Одежда", "Моральные чувства" и "Эстетические продукты"); У. Г. Самнер, "Народные обычаи", глава XI; Мантегацца, "Амори дельи Уomini", глава II; Вестермарк, "Брак", глава IX; Летурно, "Л. Эволюция морали", стр. 126 и далее.; Г. Мортимер, Главы о человеческой любви, глава IV; и в общих антропологических работах Вайц-Герланда, Пешеля, Ратцеля и других.

[1] Самая ранняя теория, с которой я встречался, - это теория святого Августина, который утверждает (*De Civitate Dei*, Вк. XIV, гл. XVII), что эрекция полового члена никогда не возникала до Грехопадения Человека. Именно появление этой "бесстыдной новизны" сделало наготу неприличной. Эта теория не в состоянии объяснить скромность женщин.

[2] Гюйо, *Религиозный кодекс Авенира*, глава VII.

[3] Робость, как ее понимает Дугас в своем интересном эссе на эту тему, вероятно, наиболее отдаленна. "Болезненная застенчивость" доктора Х. Кэмпбелла (*Британский медицинский журнал*, 26 сентября 1896 г.) частично идентична робости, частично - скромности. Дело еще более осложняется тем фактом, что сама скромность в английском языке (как и добродетель) имеет два различных значения. В своей первоначальной форме это не имеет особой связи с сексом или женщинами, но скорее может рассматриваться как мужская добродетель. Цицерон рассматривает "модестию" как эквивалент греческого σωφροσύνη. Это "скромность", которую Мэри Уолстонкрафт восхваляла в прошлом веке, результат знания и размышлений, "резвость ума", "изящная спокойная добродетель зрелости". Во французском языке можно избежать путаницы, и *modestie* полностью отличается от *pudeur*. Конечно, меня здесь интересует главным образом *пудер*.

II.

Содержание

Скромность Совокупность страхов—Дети по отношению к скромности—Скромность у животных—Отношение Венеры Медичи—Сексуальный фактор скромности, основанный на сексуальной периодичности и примитивных явлениях ухаживания—Необходимость уединения при примитивном половом акте—Значение кокетства—Сексуальное очарование скромности—Скромность как выражение женского эротического импульса—Страх вызвать отвращение как

фактор скромности—Скромность дикарей в отношении приема пищи в присутствии других—Крестцово-лобковая область как средоточие чувство отвращения—Идея церемониальной нечистоты—Обычай закрывать лицо—Украшения и одежда—Скромность концентрируется в Одежде—Экономический фактор скромности—Вклад цивилизации в скромность—Разработка социального ритуала.

То, что скромность, как и все тесно связанные эмоции, основана на страхе, одной из самых примитивных эмоций, кажется довольно очевидным.^[4] Ассоциация скромности и страха является даже очень древним наблюдением и встречается во фрагментах Эпихарма, в то время как согласно одному из самых последних определений, "скромность - это робость тела". Скромность - это, действительно, скопление страхов, особенно, как я надеюсь показать, двух важных и отчетливых страхов: один имеет гораздо более раннее, чем человеческое происхождение и порождается исключительно женщиной; другой имеет более отчетливый человеческий характер и имеет социальное, а не сексуальное происхождение.

Ребенок, предоставленный самому себе, хотя и очень застенчивый, начисто лишен скромности.^[5] Всем знакомы шокирующие *неудобства* детей в речи и действиях, очаровательные манеры, с которыми они невинно пренебрегают условностями скромности, навязываемыми им старшими, или, даже когда стремятся их соблюдать, совершенно упускают из виду суть проблемы: например, когда ребенок думает, что повязывание маленькой одежды на шею удовлетворяет требованиям скромности. Джулиус Мозес утверждает, что скромность в раскрытии половых органов начинается примерно в возрасте четырех лет. Но в тех случаях, когда это происходит, трудно исключить обучение и пример. В цивилизованных условиях условность скромности задолго до ее реального развития. Белл обнаружил, что в любовных делах до девяти лет девочка более агрессивна, чем мальчик, и что в этом возрасте она начинает быть скромной.^[6] Справедливо можно сказать, что полное развитие скромности происходит только с наступлением половой зрелости.^[7] Мы можем согласиться с Пересом, одним из очень немногих авторов, которые затрагивают эволюцию этой эмоции, что скромность может проявиться в очень раннем возрасте, если сексуальное желание появляется рано.^[8] Однако мы не должны быть правы, утверждая, что в этом отношении скромность является чисто сексуальным явлением. Социальные импульсы также развиваются в период полового созревания, и этому совпадению вполне может быть во многом обязана сложная природа эмоции скромности.

Сексуальный фактор, однако, является самым простым и примитивным элементом скромности, и поэтому может быть упомянут в первую очередь. Любой, кто наблюдает за сукой, не находящейся в течке, когда к ней приближается кобель, галантно виляющий хвостом, может увидеть зачатки скромности. Когда внимание собаки становится слишком заметным, сука твердо приседает на передние и задние лапы, хотя, когда наступает период страсти, ее скромность может быть отброшена в сторону, и она нетерпеливо поворачивает задние лапы к носу своего поклонника и высоко поднимает хвост. Ее позиция отказа эквивалентна, иными словами, той, которая в человеческой расе олицетворяется классическим примером женской скромности в образе Венеры Медичи, которая отводит таз, в то же время придерживая одной рукой лобок, а другой - грудь.^[9] Основным выражением в каждом случае является защита сексуальных центров от нежелательных домогательств мужчины.^[10]

Стратц, который критикует приведенное выше утверждение, утверждает (на примере фотографий обнаженных женщин), что нормальный тип удивленной скромности европейца проявляется в позе, при которой руки скрещены на груди, наиболее сексуально привлекательной области, в то время как бедра прижаты друг к другу, одно поставлено перед другим, плечи приподняты, а спина слегка изогнута; иногда, добавляет он, ладонями можно прикрыть лицо, и тогда скрещенные руки прикрывают грудь. Венера Медичи, замечает он, всего лишь хорошенькая женщина, кокетничающая со своим телом. Венера Кановы в "Питти" (которая стоит в драпировке перед собой и скрещивает руки на груди) более точно передает позу скромности. Но Стратц признает, что когда на удивленную женщину некоторое время смотрят, она отворачивает голову, опускает голову или закрывает глаза и прикрывает лобок (или любую другую часть, на которую, по ее мнению, смотрят) одной рукой, в то время как другой прикрывает грудь или лицо. Это он называет вторичным выражением скромности. (Stratz, *Die Frauenkleidung*, third ed., p. 23.)

Безусловно, верно, что Венера Медичи представляет собой всего лишь художественную условность, обобщенную традицию, не основанную на точном наблюдении за жестами скромности, и столь же верно, что ко всем инстинктивным движениям, отмеченным Стратцем, обычно прибегают женщины, чья нагота вызывает удивление. Но в отсутствие какой-либо серии тщательно записанных наблюдений можно усомниться в том, может ли различие, проведенное Стратцем между первичным и вторичным выражением скромности, быть поддержано в качестве общего правила, хотя оно, безусловно, верно не для каждого случая. Когда обнаженную молодую женщину застает врасплох человек противоположного или даже того же пола, ее инстинктом является сокрытие основных центров сексуальной функции и привлекательности, в первую очередь лобка, во вторую очередь груди. Точное отношение и конкретные жесты рук при достижении желаемой цели зависят от конкретного человека и обстоятельств. Рука может вообще не использоваться в качестве покрывала, и, действительно, инстинкт скромности сам по себе может препятствовать использованию руки для защиты скромности (повернуться спиной к смотрящему часто является главным побуждением стыдливо покраснеть, даже когда он одет), но применение руки с этой целью примитивно и естественно. Скромная огненная женщина, изображенная Гиадесом и Деникером, которая во время фотографирования прижимает руку к лобку, в этот момент едина с римской Венерой, описанной Овидием (*Ars Amatoria*, Книга II):—

"Ipsa Venus pubem, quoties velamina ponit,
Protegitur læva semireducta manus."

Можно добавить, что молодые люди из низших социальных слоев, во всяком случае в Англии, когда они купаются на берегу моря в полной наготе, обычно хватаются одной рукой за половые органы, чтобы прикрыться, когда выходят из моря.

Сексуальная скромность самки животного коренится в сексуальной периодичности самки и является произвольным выражением органического факта, что время для любви еще не пришло. Поскольку этот факт справедлив для большей части жизней всех самок животных ниже человека, само выражение становится настолько привычным, что даже вторгается в те моменты, когда оно перестает быть уместным. Мы можем снова увидеть это на примере суки, которая во время течки сама бежит за самцом и снова поворачивается, чтобы убежать,

возможно, лишь с большим трудом поддавшись его объятиям. Таким образом, скромность становится чем-то большим, чем простой отказ мужчины; она становится приглашением для мужчины и смешивается с его представлениями о том, что сексуально желательно в женщине. Это само по себе могло бы служить объяснением существования скромности как психического вторичного сексуального признака. В этом смысле, и только в этом смысле, мы можем сказать вместе с Колином Скоттом, что "чувство стыда создано для того, чтобы его преодолевать", и, таким образом, оно соотносится с его физическим представителем, девственной плевой, при разрыве которой, как замечает Гроос, в некоторой степени нарушается и скромность. Сексуальная скромность самки, таким образом, является неизбежным побочным продуктом естественной агрессивной позиции самца в сексуальных отношениях и естественной оборонительной позиции самки, и это опять же основано на том факте, что, в то время как у человека и родственных ему видов сексуальная функция самки носит периодический характер и в течение большей части жизни является функцией, которую нужно охранять от противоположного пола, у самца она редко или вообще не нуждается в такой охране.^[11]

Однако и мужчинам, и женщинам во время осуществления своей сексуальной деятельности необходимо защищать себя от ревнивых соперников, а также от врагов, которые могут воспользоваться их положением, чтобы напасть на них. Весьма вероятно, что это один из важных сексуальных факторов в формировании скромности, и это помогает объяснить, как мужчина, не в меньшей степени, чем женщина, культивирует скромность и избегает публичности при осуществлении сексуальных функций. Норткот особенно подчеркнул этот элемент скромности, который проистекает из страха перед соперниками. "То, что из-за этого стремления к секретности из мотивов страха должно возникнуть инстинктивное чувство, что половой акт всегда должен быть скрытым, является достаточно естественным следствием. И поскольку между представлением о действии, требующем сокрытия, и представлением о нем как о чем-то неправильном лежит небольшой шаг, легко представить, что половой акт начинает рассматриваться как украденное и, следовательно, в какой-то степени греховное удовольствие".^[12]

Животные в естественном состоянии обычно стремятся к уединению для полового акта, хотя при одомашнивании этот инстинкт утрачивается. Даже самые низкие дикари, если они не испорчены влиянием цивилизации, ищут уединения в лесу или защиты своих хижин с той же целью; редкие случаи, когда коитус происходит публично, по-видимому, обычно связаны с церемонией или общественным соблюдением, а не с простым личным удовлетворением. В Лоанго, например, было бы в высшей степени неприлично заниматься сексом на открытом месте; это должно совершаться только внутри хижины, при закрытых дверях, ночью, когда никого нет.^[13]

Именно на сексуальном факторе скромности, существующем в хорошо выраженной форме даже у животных, основано кокетство. Я рад, что в этом пункте я согласен с профессором Гроосом, который в своем тщательном исследовании инстинкта игры пришел к тому же выводу. Гроос указывает, что кокетство далеко не просто бессердечная игра, с помощью которой женщина демонстрирует свою власть над мужчиной, а обладает "высоким биологическим и психологическим значением", корнящимся в антагонизме между половым инстинктом и врожденной скромностью. Он обращается к косуле, которая убегает от оленя - но по кругу. (Groos, *Die Spiele der Menschen*, 1899, p. 339; also the same author's *Die Spiele der Thiere*, pp. 288 et seq.) Другой пример кокетства представляет самка зимородка (*Alcedo ispida*), которая все утро

дразнит самца и улетает от него, но старается постоянно оглядываться назад и никогда не выпускать его из виду. (Many examples are given by Büchner, in *Liebe und Liebesleben in der Tierwelt*.) Роберт Мюллер (*Sexualbiologie*, стр. 302) подчеркивает важность кокетства как приманки для мужчины.

"Совершенно верно, - пишет мне одна дама в частном письме, - что "кокетство - плохая вещь" и что каждая доярка может его себе позволить, но женщина использует его в основном для самозащиты, пока она выясняет, каков сам мужчина". Это согласуется с замечанием Марро о том, что скромность позволяет женщине "подвергать любовника испытанию, чтобы выбрать того, кто лучше всего способен служить естественным целям любви". Несомненно, необходимость этого испытательного срока как проверки мужских качеств обычно заставляет женщину инстинктивно отталкивать слишком поспешного и нетерпеливого поклонника, поскольку, как замечает Артур Макдональд, "У молодых женщин, по-видимому, инстинктивно отвергать пылкого любовника, не принимая во внимание его характер, способности и физическую форму".

Этот существенный элемент ухаживания, это фундаментальное отношение преследователя к преследуемой, ясно прослеживается даже у животных и дикарей; оно в равной степени выражено у наиболее цивилизованных мужчин и женщин, проявляясь как грубыми, так и утонченными способами. Шекспировский Анджело, чья добродетель всегда противостояла искушениям порока, наконец обнаружил, что

"скромность может больше выдать наши чувства, чем легкость женщины".

"Что, - спрашивал мудрый Монтень, - является причиной этого девственного стыда, этой степенной холодности, этого сурового выражения лица, этого притворства незнания вещей, в которых они разбираются лучше, чем мы, которые учим их, кроме как усиливать в нас желание победить и обуздать, растоптать наш аппетит, все эти церемонии и эти препятствия?" Ибо есть повод не только для удовольствия, но и для гордости - взъерошивать и развращать эту мягкую прелесть и детскую скромность".^[14] Мужское отношение перед лицом женской застенчивости может легко перейти в разновидность садизма, но, тем не менее, по своему происхождению является невинным и инстинктивным импульсом. Рестиф де ла Бретонн, описывая свой собственный стыд и робость в образе симпатичного мальчика, за которым бегали и целовали девочки, добавляет: "Удивительно, что в то же время я представлял, какое удовольствие испытал бы, обнимая девушку, которая сопротивлялась, внушая ей робость, заставляя ее бежать и преследуя ее; это была роль, которую я горел желанием сыграть".^[15] Это инстинкт как искушенных, так и неискушенных людей. Арабы выработали эротический идеал чувственности, но они подчеркивают важность женской скромности и заявляют, что лучшая женщина - это "та, которая не видит мужчин и которую они не видят".^[16] Эта глубоко укоренившаяся скромность женщин по отношению к мужчинам во время ухаживания тесно переплетена с брачными обычаями и магическими обрядами даже самых примитивных народов и сохранилась во многих цивилизованных практиках по сей день.^[17] Проститутка должна уметь имитировать скромность, которой она часто не испытывает, и огромное эротическое преимущество невинной перед порочной женщиной заключается в значительной степени в том факте, что в ней изысканные реакции скромности свежи и энергичны. "Я не могу представить себе ничего более сексуально

возбуждающего, - замечает Ханс Меняго, - чем наблюдать за особой противоположного пола, которая в силу какой-то внешней или внутренней силы вынуждена бороться со своей физической скромностью. Чем скромнее она выглядит, тем более сексуально возбуждающую картину она представляет".^[18] Примечательно, что даже при ненормальной, равно как и при нормальной, эротической страсти желание возникает к невинным, а не к порочным женщинам, и в связи с этим желаемая благосклонность, которой нужно остро насладиться, часто должна быть достигнута внезапным удивлением, а не по взаимному согласию. Любитель фут-фетиша пишет мне: "Наибольшее впечатление на меня производит *украденный* взгляд на красивую ступню или лодыжку". Урологический символист был в основном возбужден актом мочеиспускания, когда застал молодую женщину врасплох за этим занятием. Фетишистский поклонник нейтов желал видеть этот регион только в невинных девушках, а не в проститутках. Эксгибиционист почти неизменно обнажается только перед внешне респектабельными девушками.

Российский корреспондент, который особенно сильно ощущает это женское очарование, склонен думать, что в этом есть элемент порочности. "В эротическом действии идеи женского наслаждения, - пишет он, - я думаю, есть следы определенной извращенности. На самом деле, благодаря впечатлениям ранней юности, женщина (даже если теоретически мы испытываем к ней презрение) ставится выше нас, на определенный пьедестал, как существо почти священное и тем более таинственное. Сейчас чувственность и сексуальное желание считаются довольно вульгарными и немного грязными, даже нелепыми и унижающими достоинство, если не сказать скотскими. Таким образом, женщина, которая наслаждается этим, скорее подобна оскверненному алтарю или, по крайней мере, божеству, спустившемуся на землю. Следовательно, доставлять удовольствие женщине - все равно что совершать святотатство или, по крайней мере, позволять себе вольности по отношению к богу. Чувства, завещанные нам долгой социальной цивилизацией, сохраняются, несмотря на наши рациональные и обдуманые мнения. Разум говорит нам, что в сексуальном наслаждении нет ничего дурного, будь то у мужчины или женщины, но бессознательное чувствонаправляет наши эмоции, и это чувство (имеющее зародыш, который был заложен в современных мужчинах христианством и, возможно, еще более древними религиями) говорит, что женщина *должна* быть абсолютно чистым существом, с неземными ощущениями, и что в ее сексуальном наслаждении неуместно, неподобающе, скандально. Возбуждать сексуальные эмоции в женщине, если не осквернять священное воинство, то, во всяком случае, пятнать непорочный пеплос; если не святотатство, то, по крайней мере, непочтительность или дерзость. Для всех мужчин, чем целомудреннее женщина, тем приятнее довести ее до оргазма. Это ощущается как триумф тела над душой, греха над добродетелью, земли над небесами. Есть что-то дьявольское в таком удовольствии, особенно когда его испытывает мужчина, опьяненный любовью и полный религиозного уважения к избранной им деве. Это чувство, с рациональной точки зрения, абсурдно, а по своим тенденциям безнравственно; но оно восхитительно в своей священно-сладострастной утонченности. Таким образом, дефлорация имеет свое мощное очарование в отношении, сознательно или бессознательно испытываемом к женскому целомудрию. В браке чувства еще сложнее: лишая своей невесты девственности, христианин (то есть любой мужчина, воспитанный в христианской цивилизации) испытывает чувство совершения своего рода греха (поскольку "плоть" для него всегда связана с грехом), который благодаря особой привилегии стал для него законным. Он получил специальное разрешение растлевать невинность. Отсюда

особый престиж у цивилизованных христиан брачной ночи, воспетой Шелли в экстатических стихах: —

"О, радость! О, страх! Что будет сделано
В отсутствие солнца!"

Это чувство, однако, имеет свой нормальный диапазон и не является, *само по себе*, извращением, хотя оно, несомненно, может стать таковым при чрезмерном усилении христианских чувств, и особенно если оно приводит, как в некоторой степени это привело к моей русской корреспондентке, к ненормальному чувству сексуального влечения девочек, которые только достигли или едва достигли половой зрелости. Сексуальное очарование этого периода девичества хорошо проиллюстрировано во многих стихотворениях Томаса Эша, и стоит отметить, что Эш был священнослужителем, возможно, в подтверждение утверждения о том, что это влечение основано на христианских чувствах. Внимание к удовольствию женщины само по себе очень далеко от извращения, но возрастает, как указал Колин Скотт, с развитием цивилизации, в то время как его отсутствие — безразличие к удовольствию партнера — является извращением самого низменного рода.

Со стороны женщины нет такого инстинктивного требования невинности к мужчине.^[19] В природе вещей такого не могло быть. Такая эмоция необходима для правильного исполнения роли преследуемого; она ни в коем случае не является дополнительной привлекательностью со стороны преследователя. Однако существует родственное и соответствующее желание, которое очень часто явно или латентно присутствует в женщине: стремление к украденному или запретному удовольствию. Ошибочно полагать, что это признак порочности. По-видимому, это импульс, который совершенно естественно возникает у совершенно невинных женщин. Волнующее очарование рискованного и опасного естественным образом возникает на фоне женской застенчивости и робости. Мы можем проследить его признание на очень раннем этапе истории в истории о Еве и запретном плоде, который так часто был символом мужских половых органов. Именно на этом основании многие доказывали безрассудство наложения внешних ограничений на женщин в вопросах любви. Так, цитируя великого итальянского писателя, впоследствии ставшего папой Пием II, Роберт Бертон заметил: "Я придерживаюсь мнения Энейса Сильвиуса: "Эти ревнивые итальянцы поступают очень плохо, запирая своих жен; потому что у женщины такой нрав, что они в основном жаждут того, в чем им больше всего отказывают, и меньше всего оскорбляют, когда у них есть свободная свобода посягать".^[20]

Это спонтанный и естественный инстинкт любовника - желать скромности в своей любовнице, и ни в коем случае не какое-либо обдуманное мнение с его стороны о том, что скромность является признаком сексуальных эмоций. Однако остается верным, что скромность - это выражение женского эротического импульса. Здесь мы имеем один из примеров, которых так много, той любопытной и инстинктивной гармонии, с помощью которой Природа стремилась более эффективно достичь целей ухаживания. Что касается самого факта, то в нем может быть мало сомнений. Он постоянно привлекает внимание внимательных наблюдателей, и те, кто обсуждал этот вопрос, уже давно приняли положительное решение. Венетт, один из первых авторов по психологии секса, после подробного обсуждения этого вопроса решила, что робкая женщина - более пылкая любовница, чем смелая женщина.^[21] "Это самая скромная девушка, - заметил Рестиф де ла Бретонн, чей опыт общения с женщинами был столь обширен, - девушка,

которая больше всего краснеет, которая больше всего расположена к любовным утехам", он добавляет, что как у девочек, так и у мальчиков застенчивость - это преждевременное осознание пола.^[22] Это наблюдение даже нашло воплощение в популярных пословицах. "Поступай, как девушки, — скажи "нет", но возьми это", - гласит шотландская поговорка, которой соответствует валлийская поговорка "Чем более ханжеская, тем более нецеломудренная".^[23]

Поначалу не совсем понятно, почему чрезмерно застенчивая и скромная женщина должна быть наиболее склонна к интимным отношениям с мужчиной, и в таком случае женщину часто обвиняют в лицемерии. Однако в этом вопросе нет никакого лицемерия. Застенчивая и сдержанная женщина держится в стороне от близости в обычной дружбе, потому что она остро чувствительна к суждениям других и боится, что любой, казалось бы, нескромный поступок может составить неблагоприятное мнение. Однако с любовником, в глазах которого она чувствует уверенность в том, что ее действия не могут быть восприняты неблагоприятно, эти барьеры скромности рушатся, и возникающая в результате близость становится еще более привлекательной для женщины из-за ее контраста с крайней сдержанностью, которую она вынуждена сохранять в других отношениях. Таким образом, случается, что многие скромные женщины, которые, находясь в несексуальных отношениях со своим полом, не способны действовать с физической непринужденностью, что не редкость для женщин между собой, все же не чувствуют такой сдержанности с мужчиной, когда они однажды уверены в его хорошем мнении. Во многом то же самое верно и для скромных и чувствительных мужчин в их отношениях с женщинами.

Этот фундаментальный животный фактор скромности, уходящий корнями в естественные факты сексуальной жизни высших млекопитающих, и особенно человека, очевидно, не объяснит всех феноменов скромности. Мы должны обратиться к другому важнейшему элементу скромности - социальному фактору.

Мы не можем сомневаться в том, что одной из самых примитивных и универсальных социальных характеристик человека является склонность к отвращению, основанная на еще более примитивной и животной склонности к отвращению, которая практически не имеет социального значения. Почти у всех рас, даже у самых диких, мы, по-видимому, находим отчетливые следы этой склонности к отвращению при определенных действиях других, эмоции, естественным образом отражающейся в собственных действиях индивида, и, следовательно, направляющей его поведение. Несмотря на общность нашего желудочного отвращения к низшим животным, только в человеке это отвращение, по-видимому, трансформируется и развивается, приобретает отчетливо социальный характер и служит руководством к социальному поведению.^[24] Объекты отвращения бесконечно различаются в зависимости от обстоятельств и привычек конкретных рас, но реакция отвращения является основополагающей во всем.

Лучшее из известных мне исследований феномена отвращения, без сомнения, принадлежит профессору Рише.^[25] Рише приходит к выводу, что именно *опасное* и *бесполезное* вызывает отвращение. Пищеварительные и половые выделения, будучи либо бесполезными, либо, в соответствии с широко распространенными примитивными представлениями, крайне опасными, мочеполовая область стала концентрированным средоточием отвращения.^[26] Несомненно, во многом по этой причине дикие мужчины проявляют скромность не только по

отношению к женщинам, но и к своему собственному полу, и что многие из низших дикарей принимают большие меры предосторожности, добиваясь уединения для выполнения естественных функций. Утверждение, которое сейчас так часто делают, что основная цель одежды - подчеркивать, а не скрывать, содержит в себе - как я укажу позже — большую долю правды, но это ни в коем случае не является полным описанием вопроса. Кажется, трудно не признать, что наряду с стремлением подчеркивать половые различия, как у мужчин, так и у женщин, у самых примитивных народов существует также подлинное стремление к сокрытию, и непреодолимое отвращение, которое дикари часто испытывают при снятии пояса или фартука, вряд ли можно объяснить теорией, что это исключительно сексуальное влечение.

В этой связи мне кажется поучительным рассмотреть особую форму скромности, очень сильно выраженную среди дикарей в некоторых частях света. Я имею в виду чувство нескромности при приеме пищи. Там, где это чувство существует, скромность оскорбляется, когда кто-то ест на публике; скромный человек уединяется, чтобы поесть. Непристойности, по словам Кука, таитянам совершенно неизвестны, но они не ели вместе; даже у братьев и сестер были отдельные корзины с провизией, и обычно они садились на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, спиной друг к другу, когда ели.^[27] в Warrua Центральной Африки, Кэмерон нашел, когда предлагают выпить, поставить тканью, прежде чем их лица, когда они проглотили это, и не позволяйте никому видеть, как они едят или пьют; чтобы каждый мужчина или женщина должны иметь свой собственный огонь и готовить для самого себя.^[28] Карл фон ден Штайнен отмечает в своей интересной книге о Бразилии, что, хотя бакаири из Центральной Бразилии не испытывают чувства стыда по поводу наготы, им стыдно есть на публике; они удаляются поесть и опускают головы в смущении со стыдливым выражением лица, когда видят, как он невинно ест на публике. Хрольф Вон Стивенс обнаружил, что, когда он давал женщине-орангла-лауту (малайцу) что-нибудь поесть, она не только не ела это в присутствии своего мужа, но и в присутствии любого мужчины выходила на улицу, прежде чем поесть или накормить своих детей.^[29] Таким образом, у этих народов акт приема пищи на публике вызывает те же чувства, что и у нас непристойное обнажение тела на публике.^[30]

Довольно легко понять, как это возникает. Всякий раз, когда возникает какое-либо давление на средства к существованию, как это почти всегда происходит среди дикарей в то или иное время, это неизбежно должно вызывать глубокое и смешанное чувство желания и отвращения, когда видишь, как другой человек кладет в свой желудок то, что с таким же успехом мог бы положить в свой собственный.^[31] Особая секретность, которую иногда соблюдают женщины, вероятно, связана с тем фактом, что женщины были бы менее способны противостоять эмоциям, которые вызовет у зрителей процесс принятия пищи. По мере развития социальных чувств человек желает не только питаться в безопасности, но и не быть объектом отвращения и избавить своих друзей от всех неприятных эмоций. Следовательно, принятие пищи в уединении становится требованием обычной порядочности. Человек, который ест на людях, становится — подобно человеку, который в наших городах выставляет свою персону напоказ — объектом отвращения и презрения.

Давным-давно, когда я была студенткой больницы и работала акушеркой в лондонских трущобах, мне довелось наблюдать, что среди бедных женщин, и особенно среди тех, кто утратил первый расцвет юности, скромность заключалась главным образом в боязни

показаться отвратительной. Перед лицом боли и дискомфорта было почти жалкое беспокойство, как бы не показаться отвратительным в глазах врача. Это беспокойство выражалось в обычных симптомах скромности. Но как только женщина понимала, что я не нахожу ничего отвратительного во всем, что было уместно и необходимо сделать в данных обстоятельствах, почти неизменно случалось, что все признаки скромности сразу исчезали.^[32] В особых и элементарных условиях родов скромность сводится к единственному страху вызвать отвращение; так что, когда это отрицается, эмоции не существует, и субъект без усилий становится таким же непосредственным и естественным, как маленький ребенок. Товарищ по учебе, выполнявший аналогичную работу, который также обнаружил для себя тот же характер скромности — что если он был осторожен в защите своей скромности, то и женщина была осторожна, и что если он не был осторожен, то и женщина не была осторожна — с грустью заметил мне об этом; ему казалось унижительным для женственности, что то, что он привык считать ее высшей грацией, было настолько поверхностным, что он мог по своему желанию устанавливать ей пределы.^[33] Я подумал тогда, как думаю и до сих пор, что это было скорее извращением сути дела, и что ничто не становится унижительным из-за того, что мы случайно узнали кое-что о его действии. Но я более чем когда—либо убежден, что страх вызвать отвращение — страх, совершенно отличный от страха потерять сексуальную привлекательность или нарушить правила социального этикета, - играет очень большую роль в скромности более скромного пола и в скромности вообще. Наши Венеры, как давно заметил Лукреций, а вслед за ним и Монтень, тщательно скрывают от своих любовников *жизнь после смерти*, и та фантастическая судьба, которая расположила так близко друг к другу высшие центры физического влечения и физического отвращения, внесла огромный вклад в развитие всех тончайших форм кокетства при ухаживании. Все, что стимулирует уверенность в себе и убаюкивает страх вызвать отвращение - будь то присутствие любимого человека, к хорошему мнению которого испытываешь полное доверие, или же это просто более сильное наркотическое воздействие легкой степени опьянения, — всегда автоматически убаюкивает эмоцию скромности.^[34] Вместе с животным фактором сексуального отказа этот социальный страх вызвать отвращение кажется мне наиболее фундаментальным элементом скромности.

Конечно, невозможно утверждать, что тот факт, что крестцово-лобковая область тела является главным объектом сокрытия, доказывает важность этого фактора скромности. Но можно справедливо утверждать, что этим положением он обязан не только тому, что является сексуальным центром, но также и тому, что он является выделительным центром. Даже среди многих низших млекопитающих, а также среди птиц и насекомых существует хорошо выраженный ужас перед грязью, несколько замаскированный различными способами, которыми животное, как можно сказать, определяет "грязь". Многие животные тратят больше времени и энергии на поддержание чистоты, чем люди, и они часто проявляют хорошо выраженное беспокойство по поводу того, чтобы убрать свои собственные экскременты или держаться от них подальше.^[35] Таким образом, можно сказать, что этот элемент скромности также имеет животную основу.

Именно на этой животной основе развился человеческий и социальный страх вызвать отвращение. На его, вероятно, широкое распространение указывает не только сильное чувство, связанное с постоянным присутствием одежды на этой части тела — такое постоянное присутствие совершенно неуместно, если одежда или украшение является просто разновидностью сексуальной боевой раскраски, - но и отвращение, испытываемое многими дикарями, стоящими очень низко по шкале общественного удовлетворения естественных

потребностей, и их более чем цивилизованная чистоплотность в этой связи;^[36] далее интересно отметить, что в некоторых частях мира покрытие находится не спереди, а сзади; хотя этому факту, вероятно, есть и другие объяснения. Можно добавить, что и у цивилизованных людей последнее и непобедимое пристанище скромности иногда находится не вокруг лобка, а в области заднего прохода; это означает, что в таких случаях страх вызвать отвращение является конечным и наиболее фундаментальным элементом скромности.^[37]

Концентрация стыдливости вокруг заднего прохода иногда очень заметна. Многие женщины испытывают настолько сильную степень стыда и сдержанности в отношении этой области, что они сравнительно безразличны к переднему осмотру половых органов. Подобное чувство нередко встречается у мужчин. "Я бы разрешил врачу осмотреть мои гениталии без какого-либо чувства дискомфорта, - пишет корреспондент, - но, думаю, я скорее умру, чем подвергнусь какому-либо ректальному исследованию". Известно, что даже врачи годами терпят болезненные заболевания прямой кишки, вместо того чтобы пройти обследование.

"Среди обычных английских девушек, - пишет корреспондент-медик, - я часто замечала, что неприязнь и стыд позволять мужчине вступать с ними в половую связь, когда они только что вышли замуж, объясняются просто тем фактом, что половое отверстие так близко расположено к заднему проходу и мочевому пузырю. Если бы вульва и влагалище располагались между лопатками женщины, а у мужчины был отдельный инструмент для коитуса, не используемый для каких-либо выделительных целей, я не думаю, что женщины относились бы к половому акту так, как они иногда относятся. Опять же, из-за своего незнания анатомии женщины часто рассматривают влагалище и матку как часть кишечника и место выхода из него выделений, и иногда говорят, например, "воспаление *кишечника*", когда они имеют в виду *матку*. Опять же, многие, возможно, большинство женщин считают, что они пропускают воду через влагалище, и не знают о существовании отдельного отверстия мочеиспускательного канала. Опять же, женщины ассоциируют вульву с задним проходом и поэтому стыдятся этого; даже разговаривая со своими мужьями, или с врачом, или между собой; у них нет абсолютно никакого названия для вульвы (я имею в виду среди высших классов и людей благородного происхождения), но они говорят о ней как о "внизу", "подло" и т.д."

Несмотря на то, что это чувство в значительной степени основано на неправильных и невежественных идеях, все же следует признать, что оно в какой-то степени естественно и неизбежно. "Как много риска, - восклицает Дугас, - в уединении любви! Результатом может быть разочарование, отвращение, сознание физического несовершенства, жестокости или холодности, эстетическое разочарование, сентиментальный шок, увиденный или угаданный. Чтобы быть без скромности, то есть не бояться испытаний любви, нужно быть уверенным в себе, в своей грации, в своих физических эмоциях, в своих чувствах и, более того, быть уверенным в воздействии всего этого на нервы, воображение и сердце другого человека. Давайте предположим, что скромность сводится к эстетическому дискомфорту, к женскому страху вызвать неудовольствие или показаться недостаточно красивой. Даже при таком определении, как скромность может избежать постоянного бодрствования и беспокойства? Какая женщина могла бы повторить, не рискуя, спокойное действие Фрины? И даже в этом действии, кто знает, сколько могло быть связано не только с профессиональной наглостью!" (Dugas, "La Pudeur," *Revue Philosophique*, November, 1903.) "Мужчины и женщины, - указывает Шурц (*Altersklassen und Männerbünde*, стр. 41-51), - безусловно, обладают способностью взаимно дополнять и обогащать друг друга; но когда это завершение не удастся или к нему не стремятся,

различие может легко перерасти в сильную антипатию"; и он продолжает развивать широкомасштабное значение этого психического факта.

Я подчеркивал близость выделительных центров к сексуальному фокусу при обсуждении этого важного фактора скромности, потому что при анализе такой сложной и неуловимой эмоции, как скромность, желательно держаться как можно ближе к существенным и фундаментальным фактам, на которых она основана. Едва ли нужно указывать на то, что в обычном цивилизованном обществе эти фундаментальные факты обычно не присутствуют на поверхности сознания и могут даже вообще отсутствовать; на их основе могут возникать всевозможные идеализированные страхи, деликатные резервы, эстетические изощрения, поскольку эмоции любви становятся все более сложными и утонченными, а грубая простота основы, на которой они в конечном итоге покоятся, неизбежно становится скрытой.

Другим фактором скромности, достигающим высокого развития в дикости, является ритуальный элемент, особенно идея церемониальной нечистоты, основанная на страхе перед сверхъестественным влиянием, которое, как предполагается, оказывают половые органы и функции. Это может быть в какой-то степени укоренено в элементах, о которых уже говорилось, и это ведет нас в гораздо более широкую область, чем скромность, так что здесь необходимо лишь слегка коснуться ее; она была исчерпывающе изучена Фрейзером и Кроули. Преступления против ритуала, ставшие необходимыми из-за этого таинственного страха, хотя и более серьезные, чем преступления против сексуальной сдержанности или боязни вызвать отвращение, настолько очевидно взаимосвязаны, что все они усиливают друг друга, и их нелегко разделить.

Считается, что почти повсюду во всем мире на примитивной стадии мышления и даже в некоторой степени в высшей цивилизации вид половых органов или полового акта, изображение или даже названия половых органов мужчины или женщины оказывают удивительно мощное влияние, иногда благотворное, но столь же часто пагубное. Два вида влияния могут даже сочетаться, и Ридель, цитируемый Плоссом и Бартельсом,^[38] утверждает, что жители островов Амбон вырезают схематическое изображение вульвы на своих фруктовых деревьях, частично для повышения продуктивности деревьев, а частично для того, чтобы напугать любого постороннего человека, у которого может возникнуть соблазн украсть плоды. Меры предосторожности, предписанные в отношении коитуса в Лоанго^[39], очевидно, связаны с религиозными страхами. Опять же, на Цейлоне (как сообщил мне тамошний корреспондент-медик), где пенису поклоняются и он считается священным, туземец никогда не разрешает показывать его, кроме как по принуждению врача, и даже жена не должна ни видеть его, ни прикасаться к нему, ни просить о половом акте, хотя она должна делать столько, сколько пожелает муж. Все дикие и варварские народы, достигшие сколь-нибудь высокой степени церемониализма, включали в себя функции не только секса, но и выделения, более или менее строго укладываясь в рамки этого церемониализма.^[40] Необходимо только обратиться к еврейским ритуальным книгам Ветхого Завета, к Гесиоду и к обычаям, распространенным среди мусульманских народов. Скромность в еде также имеет свои корни ни в коем случае не только в страхе вызвать отвращение, но в значительной степени в такого рода ритуалах, и Кроули показал, насколько многочисленны и часты среди примитивных народов религиозные последствия еды и питья.^[41] Насколько глубок этот страх перед священной тайной секса и

настолько широко распространены основанные на нем ритуалы, что некоторые вообразили, что только здесь мы можем найти полное объяснение скромности, а Саломон Райнах заявляет, что "в основе эмоции скромности лежит табу".^[42]

Дюркгейм ("Запрет на Инцест", *"Социологическая энциклопедия"*, 1898, стр. 50), утверждая, что какое бы чувство отвращения ни вызывали женщины, оно обязательно должно достигать высшей точки вокруг матки, которая, следовательно, подвергается самому строгому табу, между прочим предполагает, что здесь кроется исток скромности. "Половые органы должны быть закрыты на раннем этапе, чтобы предотвратить попадание опасных выделений, которые они выделяют, в окружающую среду. Завесачасто является методом блокирования магического действия. Однажды созданная, практика будет поддерживаться и трансформироваться".

Несомненно, покрывало приобрело второстепенное и производное значение, как показывает Райнах (*"Вуаль поклонения"*, указ. соч., стр. 299-311), оно было, как у римлян, так и в католической церкви, знаком посвящения богам.

Опять же, на ранней стадии развития культуры менструация рассматривалась как процесс очищения, опасное изгнание испорченных жидкостей. Отсюда и термин *катарсис*, примененный к нему греками. Отсюда и средневековый взгляд на женщин: "*Более специфический храм, чем клоака*", - сказал Боэций. Крестцово-лобковая область у женщин, поскольку она включает в себя источник менструации, таким образом, становится особо охраняемым местом табуирования. Согласно закону Мосиака (Левит, глава XX, ст. 18), если мужчина обнажал менструирующую женщину, оба они должны были быть отрезаны.

Вполне вероятно, что мусульманский обычай закрывать лицо и голову вуалью действительно имеет свой источник исключительно в другом аспекте этого ритуального фактора скромности. Следует помнить, что этот обычай не является мусульманским по своему происхождению, поскольку он существовал задолго до этого среди арабов и описан Тертуллианом.^[43] В древней Аравии очень красивые мужчины также закрывали свои лица вуалью, чтобы уберечься от дурного глаза, и с большой долей вероятности было высказано предположение, что происхождение обычая женщин закрывать лицо вуалью можно проследить до этой магико-религиозной предосторожности.^[44] Среди евреев того же периода, по словам Бюхлера,^[45] женщины покрывали головы и никогда не стригли волосы; появляться на улицах без такого покрытия было бы все равно что проститутка и была достаточным основанием для развода; прелюбодейные женщины наказывались тем, что обнажали голову и стригли волосы. Возможно, хотя и не наверняка, что неясное предписание Святого Павла женщинам покрывать голову "из-за ангелов" действительно может быть основано на древней причине, что, будучи непокрытыми, они подвергались бы бессмысленным нападениям духов (1 Коринфянам, Гл. XI, ст. 5-6),^[46] точно так же сингальские женщины верят, что они должны хранить вульва прикрыта, чтобы демоны не вступали с ними в половую связь. Даже в наши дни предписание Святого Павла все еще соблюдается христианским миром, который, однако, далек от принятия или даже, возможно, понимания фольклорной основы, на которой основаны такие предписания.

Таким образом, Кроули резюмирует некоторые свидетельства, касающиеся значения вуали:—

"Сексуальная застенчивость не только у женщины, но и у мужчины усиливается в браке и является главной чертой опасных сексуальных качеств, которых оба опасаются. Будучи полностью церемониальной, идея приобретает значение того, что удовлетворение этих чувств

приведет к их нейтрализации, как, собственно, и происходит. В древней Спарте жених ужинал в первую брачную ночь в мужской столовой, а затем навещал свою невесту, покидая ее до рассвета. Эта практика была продолжена, и иногда дети рождались еще до того, как пара успевала увидеть лица друг друга днем. На свадьбах на островах Бабар жених долженискать свою невесту в затемненной комнате. Это длится довольно долго, если она застенчива. В Южной Африке жених не может увидеть свою невесту, пока не будут выполнены все брачные церемонии. В Персии муж никогда не увидит свою жену, пока не завершит брачный союз. На свадьбах в Южной Аравии невеста и жених должны неподвижно сидеть в одном и том же положении с полудня до полуночи, соблюдая пост, в разных комнатах. Невесту сопровождают дамы, а жениха - мужчины. Они могут не увидеть друг друга до вечера четвертого дня. В Египте жених не может увидеть лицо своей невесты, даже украдкой, пока она не окажется в его полном распоряжении. Затем следует церемония, которую он совершает, обнажая ее лицо. В Египте, конечно, это было подчеркнуто уединением и ношением женщинами вуали. В Марокко на празднике перед свадьбой жених и невеста сидят вместе на чем-то вроде трона; все это время глаза бедной невесты крепко закрыты, и она сидит посреди веселья неподвижно, как статуя. На следующий день состоится свадьба. После наступления темноты ее ведут в ее будущий дом в сопровождении толпы с фонарями и свечами. Двое родственников ведут невесту с закрытыми глазами по улице, каждый держит ее за руку. Голова невесты находится в надлежащем положении благодаря родственнице, которая идет позади нее. Она носит вуаль, и ей не разрешается открывать глаза до тех пор, пока ее не уложат на брачное ложе рядом с подругой. У зулусов свадебная процессия направляется к дому жениха, а невеста прячется среди них. Они стоят лицом к жениху, пока невеста поет песню. Затем ее спутники внезапно расступаются, и обнаруживается, что она стоит посередине, с бахромой из бус, закрывающей ее лицо. Среди жителей Кумауна муж видит свою жену первым после того, как взялся за руки. У бедуинов Северо-Восточной Африки подружки приводят невесту вечером в день свадьбы в дом жениха. Она плотно закутана. У иерусалимских евреев невеста на церемонии бракосочетания стоит под свадебным балдахином с закрытыми глазами, чтобы она не могла увидеть лицо своего будущего мужа до того, как войдет в комнату для новобрачных. В Меланезии невесту несут в ее новый дом на чьей-то спине, завернутую во множество циновок, с пальмовыми веерами у лица, потому что предполагается, что она должна быть скромной и застенчивой. У дамара жених не может видеть свою невесту в течение четырех дней после свадьбы. Когда женщину из племени дамара просят выйти замуж, она на время закрывает лицо краем головного убора, сделанного специально для этой цели. На церемонии бракосочетания Тлинкит невеста должна смотреть вниз и все время держать голову опущенной; в день свадьбы она прячется в углу дома, а жениху запрещено входить. На свадьбе у езидов невесту с головы до ног покрывают плотной вуалью, и по прибытии в свой новый дом она уединяется за занавеской в углу затемненной комнаты, где она остается в течение трех дней, прежде чем ее мужу разрешат ее увидеть. В Корее невеста должна закрывать лицо длинными рукавами, встречая жениха на свадьбе. Маньчжурская невеста впервые открывает свое лицо, когда спускается с брачного ложа. Опасно даже встречаться с опасными людьми. Зрение - это метод заражения в примитивной науке, и эта идея совпадает с психологическим отвращением видеть опасные вещи, а также с сексуальной застенчивостью и робостью. В отмеченных обычаях мы можем различить чувство, что невесте опасно, когда муж смотрит на нее, и чувство застенчивости в ней, которое не позволяет ей ни видеть его, ни быть замеченной им. Эти идеи объясняют происхождение свадебной фаты и подобных ей сокрытий. Свадебная фата используется, если взять несколько примеров, в Китае, Бирме, Корее, России,

Болгарии, Маньчжурии и Персии, и во всех этих случаях она полностью скрывает лицо". (Э. Кроули, "*Мистическая роза*", стр. 328 и далее.)

Александр Уокер, писавший в 1846 году, замечает: "Среди старомодных людей, хорошим примером которых могут служить деревенские жители среднего класса Англии, неприлично показываться с непокрытой головой; такая женщина приходит в ужас от возможности быть увиденной в таком состоянии, и если к ней вторгаются в это время, она визжит от ужаса и убегает, чтобы спрятаться". (А. Уокер, "*Красота*", стр. 15.) Этот страх быть увиденным с непокрытой головой все еще существует, как сообщил мне М. Ван Геннеп, в некоторых регионах Франции, например, в Бретани.

До сих пор было необходимо лишь вскользь упомянуть о связи скромности с одеждой. Я стремился подчеркнуть неоспоримый, но часто забываемый факт, что скромность по своему происхождению независима от одежды, что физиологическая скромность преобладает над анатомической и что основные факторы скромности, безусловно, были развиты задолго до открытия украшений или предметов одежды. Расцвет одежды, вероятно, имел свою первую психическую основу в эмоции скромности, уже составленной из элементов, которые мы проследили. Следует отметить, что оба основных элементарных фактора естественным образом имеют тенденцию к развитию и объединению в более сложную, хотя, вполне возможно, и гораздо менее интенсивную эмоцию. Импульс, который побуждает самку животного, как это побуждает некоторых африканских женщин, когда их находят без пояса, плотно присесть на корточки на земле, становится более утонченной и расширенной игрой жестов, орнаментов и одежды. Могу отметить, что очень заметный прогресс достигается, когда эта первичная позиция защиты от действий самца становится защитой от его глаз. Таким образом, мы можем объяснить распространение скромности на различные части тела, даже если исключить более специфическое влияние сглаза. Грудь очень рано становится средоточием скромности у женщин; это можно наблюдать у многих обнаженных или почти обнаженных негритянских рас; тенденция нейтов становится главным средоточием скромности во многих частях Африки, вероятно, может быть во многом объяснена этим, поскольку полное развитие ягодичных областей часто является самой привлекательной чертой, которой может обладать африканская женщина.^[47] Та же причина, несомненно, способствует тому, что у некоторых рас лицо становится центром скромности. Мы видим влияние этой защиты от посторонних взглядов в особых предосторожностях в жестах или одежде, которые предпринимают женщины в различных частях света, защищаясь от более агрессивных взглядов цивилизованных европейцев.

Но, становясь таким образом направленными только против взгляда, а не против действия, жесты скромности сразу же могут стать просто жестами кокетства. Когда нет реальной опасности наступательных действий, нет необходимости в чем-то большем, чем шутливая защита, и нет серьезной тревоги, если эта защита будет воспринята как замаскированное приглашение. Таким образом, путь к наиболее цивилизованным проявлениям комедии ухаживания сразу же полностью открыт.

Точно так же социальный страх вызвать отвращение легко и идеально сочетается с любым новым достижением в области изобретения украшений или одежды в качестве сексуальных приманок. Даже среди наиболее цивилизованных рас часто отмечалось, что мода на женскую одежду (как иногда и использование ароматов) преследует двойную цель - скрывать и

привлекать. Именно так обстоит дело с маленьким передничком юной дикарки. Усиление привлекательности, действительно, логичный результат страха вызвать отвращение.

Возможно, как заметили некоторые этнографы,^[48] что межкуавные шнуры и другие примитивные предметы одежды имеют физическую основу, поскольку они защищают наиболее чувствительную и незащищенную часть тела, особенно у женщин. Мы можем отметить в этой связи важные замечания К. фон ден Штайнена, который утверждает, что у бразильских племен целью *улурии* др. является получение максимальной защиты слизистой оболочки при минимуме маскировки. У эскимосов, как отмечал Нансен, соответствующий межпозвоночный канатик настолько тонок, что часто практически невидим; могу добавить, что это можно отметить на превосходных фотографиях эскимосских женщин, предоставленных Холмом.

Но очевидно, что вначале защита в незначительной степени или вообще не является причиной прикрепления чужеродных веществ к телу. Таким образом, племена Центральной Австралии не носят одежды, хотя они часто страдают от холода. Но, в дополнение к нарукавникам, шейным повязкам и головным повязкам, у них есть шнуры или пояса для волос, у женщин - очень маленький фартук, а у мужчин - кисточка на лобке. Последний не скрывает органы, будучи размером не больше монеты, и часто блестяще покрыт белой салфеткой, особенно во время *подтверждений*, когда собирается большое количество мужчин и женщин; он служит для привлечения внимания к органам.^[49] Когда Форстер посетил неиспорченных островитян Тихого океана в начале восемнадцатого века, он рассказывает нам, что, хотя они не носили одежды, они сочли необходимым покрыть себя различными украшениями, особенно на половых органах. "Но хотя их самцы, - замечает он, - по всей видимости, одинаково беспокоились в этом отношении о своих самках, эта часть их одежды служила только для того, чтобы сделать более заметным то, что она намеревалась скрыть".^[50] Он добавляет важное замечание о том, что "эти представления о приличиях и скромности соблюдаются только в возрасте половой зрелости", точно так же, как в Центральной Австралии женщины могут носить фартуки только после начала полового созревания.

"Есть определенные вещи, - сказал Монтень, - которые скрываются для того, чтобы их показали"; и не может быть сомнений в том, что утверждение Вестермарка и других о том, что украшения и одежда изначально предназначались не для того, чтобы скрывать или даже защищать тело, а, по большей части, для того, чтобы делать его сексуально привлекательным, полностью доказано.^[51] Мы не можем, в свете всего, что было сказано ранее, рассматривать украшения и одежду как единственную причину скромности, но чувства, которые, таким образом, собираются вокруг предмета одежды, составляют чрезвычайно важный фактор скромности.

Говорят, что у некоторых австралийских племен половые органы прикрываются только во время эротических танцев; и далее говорится, что в некоторых частях мира одеты только проститутки. "Было обнаружено, что скудный покров, - как отмечает Вестермарк, - действует как самый мощный из доступных сексуальных стимулов". Несомненно, верно, что это утверждение может быть сделано не только в отношении дикаря, но и в отношении самого цивилизованного мира. Все наблюдатели сходятся во мнении, что полная нагота дикарей, в отличие от

цивилизованного *декольте* или *дерруссе*, не предполагает сексуального соблазна. (Вестермарк цитирует многочисленные свидетельства по этому поводу, указ. соч., стр. 192 и далее.) Доктор Р. У. Фелкин замечает относительно Центральной Африки, что он никогда не встречал большего непристойного поведения, чем в Уганде, где взрослому, найденному голым на улице, грозит смертная казнь. (*Эдинбургский медицинский журнал*, апрель 1884 г.) Изучение картин или скульптур само по себе может продемонстрировать, что нагота всегда производит более целомудренный эффект, чем частичная одежда. Как заметил известный художник Дю Морье (в "*Трильби*"), "факт, хорошо известный всем художникам и скульпторам, которые использовали обнаженные модели (за исключением нескольких сомнительных претенденток, чья чистота, не будучи надлежащей, испортилась от слишком пристального наблюдения), что нет ничего более целомудренного, чем нагота. Сама Венера, сбрасывая свои одежды и ступая на трон-модель, оставляет позади себя на полу все оружие из своего арсенала, с помощью которого она может проникнуть в самые грубые страсти мужчин". Бертон в "*Анатомии меланхолии*" (Часть III, раздел. II, подраздел. 3), подробно рассматривает "Соблазны любви" и приходит к выводу, что "величайшие проявления похоти исходят от нашей одежды". Натурщица художника, как мне сообщили, гораздо меньше подвергается вольностям со стороны мужчин, когда она обнажена, чем когда она частично одета, и можно отметить, что в парижских студиях натурщица, позирующая обнаженной, раздевается за ширмой.

Великолепная поэтическая интерпретация этого элемента философии одежды была дана Херриком, мастером эротической психологии, в "*Лилии в хрустале*", где он утверждает, что лилия в хрустале, янтарь в ручье и клубника в сливках получают дополнительное наслаждение от полускрытия; и таким образом, заключает он, мы получаем

"Правило, как далеко, чтобы научить, должна простираться твоя нагота"

.

В этой связи также стоит отметить, что Стэнли Холл в отчете, основанном на отзывах почти тысячи человек, в основном учителей ("*Раннее осознание себя*", *Американский журнал психологии*, 1898, стр. 366), обнаружил, что из трех функций одежды — защиты, украшения и лотцевского "самоощущения" - вторая, безусловно, наиболее заметна в детстве. Поведение детей свидетельствует о примитивном отношении к одежде.

Однако нельзя сказать, что использование одежды для демонстрации естественных форм тела было развито повсеместно. В Японии, где нагота принимается без стыда, одежду носят для того, чтобы прикрывать, а не обнажать тело. То же самое происходит и в Китае. Выдающийся китайский джентльмен, долгое время проживший в Европе, однажды сказал Бельцу, что он постепенно научился понимать европейскую точку зрения, но что было бы невозможно убедить его соотечественников в том, что женщина, которая использует свою одежду, чтобы продемонстрировать свою фигуру, может обладать хоть малейшим следом скромности. (Baelz, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1901, Heft 2, p. 179.)

Большая художественная проработанность, часто проявляемая украшениями или одеждой, даже если они очень маленькие, и тот факт, как показал Карл фон ден Штайнен в отношении бразильских *хулури*, что они могут служить общими мотивами в общем убранстве, достаточно доказывают, что такие объекты привлекают, а не избегают внимания. И хотя некоторые народы испытывают непреодолимое отвращение к снятию этих изделий, причем такое отвращение

часто сильнее всего проявляется, когда украшение самое незначительное, другие не испытывают такого отвращения или им совершенно безразлично, правильно ли подогнаны их фартуки. Простое наличие или обладание этим предметом дает необходимое чувство самоуважения, человеческого достоинства, сексуальной желанности. Таким образом, раздеть человека - значит унизить его; так было даже ввремя Гомера, поскольку мы можем вспомнить угрозу Улисса раздеть Фиеста.^[52]

Когда одежда однажды создана, часто появляется еще один элемент, на этот раз социально-экономический, чтобы подчеркнуть ее важность и увеличить анатомическую скромность женщин. Я имею в виду рост представления о женщинах как о собственности. Вайц, за которым следуют Шурц и Летурно, настаивают на том, что ревность мужей является первопричиной одежды и, косвенно, скромности. Дидро в восемнадцатом веке уже ясно выразил ту же точку зрения. Несомненно, у некоторых народов только замужние женщины носят одежду, незамужние женщины, хотя и достигают совершеннолетия, остаются обнаженными. Кроме того, во многих частях мира, как показали Мантегацца и другие, где мужчины обнажены, а женщины прикрыты, одежда считается своего рода позором, и мужчин можно лишь с трудом убедить принять ее. До замужества женщина часто была свободна и не была связана целомудрием, и в то же время часто была обнажена; после замужества она была одета и больше не была свободна. По мнению мужа, одежда является — нелогично, хотя и естественно — моральной и физической защитой от любого посягательства на его собственность.^[53] Таким образом, был представлен новый мотив, на этот раз несколько искусственный, для того, чтобы сделать наготу, во всяком случае у женщин, позорной. По мере того как концепция собственности распространялась и на право отца на своих дочерей, и росло понимание женского целомудрия, этот мотив распространился как на незамужних, так и на замужних женщин. Женщина на западном побережье Африки всегда должна быть целомудренной, потому что она в первую очередь собственность своих родителей, а затем своего мужа,^[54] и даже в семнадцатом веке христианского мира такой способный мыслитель, как епископ Бернет, привел точно такую же причину женского целомудрия.^[55] Эта концепция, вероятно, составляла главный и наиболее стойкий элемент сложной эмоции скромности на варварских этапах человеческой цивилизации.

Этот экономический фактор неизбежно предполагал привнесение в скромность нового морального элемента. Если целомудрие женщины является собственностью другого лица, важно, чтобы она была скромной, чтобы у мужчин не возникло соблазна понести наказание, связанное с нарушением прав собственности. Таким образом, женщинам строго прививается скромность, чтобы уберечь мужчин от искушения. Был упущен из виду тот факт, что скромность сама по себе является искушением. Поскольку на этом основании мужчины не одобряют нескромность, у женщин появляется новый мотив для скромности. В книге, которую рыцарь Тауэра Ландри написал в четырнадцатом веке в назидание своим дочерям, наивно раскрывается этот фактор скромности. Он рассказывает своим дочерям о неприятностях, в которые попал Давид из-за легкомыслия Вирсавии, и предупреждает их, что "каждая женщина должна благоговейно прятаться, одеваясь и умываясь, и ни из тщеславия, ни для того, чтобы привлечь внимание, не показывать ни своих волос, ни шеи, ни груди, ни какой-либо другой части, которая должна быть прикрыта". Хинтон зашел так далеко, что рассматривал то, что он называл "телесной скромностью", исключительно как обычай, навязанный женщинам мужчинами с целью сохранения их собственной добродетели. Хотя этот мотив далеко не

единственный источник скромности, его, безусловно, следует иметь в виду как неизбежный результат экономического фактора скромности.

Представляется вероятным, что общепринятые представления о средневековом рыцарстве в Европе не остались без влияния на формирование форм, в которых скромность проявляется среди нас. В раннем средневековье, по-видимому, между полами была гораздо большая степень физической близости, чем это обычно встречается среди варваров в других местах. Безусловно, существовала значительная неразборчивость в купании и безразличие к наготы. Представляется вероятным, как указывает Дюркгейм,^[56] что это положение вещей было изменено частично растущей силой предписаний христианской морали, которая рассматривала все интимные отношения между полами как греховные, и частично влиянием рыцарства с его эстетическими и моральными идеалами женщин, как представителя всех изысков и элегантности цивилизации. . Этот идеал считался несовместимым с фамильярностью существующих социальных отношений между полами, и, таким образом, разделение, которое сначала существовало только в искусстве и литературе, началось с любопытной реакции, оказавшей влияние на реальную жизнь.

Главной новой чертой — вряд ли это новый элемент — добавленной к скромности, когда развитая цивилизация медленно выходит из состояния варварства, является выработка ее социального ритуала.^[57] Цивилизация расширяет диапазон скромности и в то же время делает его более изменчивым. Французский семнадцатый век и английский восемнадцатый представляют ранние стадии современной европейской цивилизации, и оба они уделяли особое внимание проработке мельчайших деталей скромности. Завсегдатаи отеля Рамбуйе, *пресьеры*, высмеянные Мольером, занимались не только совершенствованием языка; они облагораживали чувства и идеи и расширяли границы скромности.^[58] В Англии такие известные и популярные авторы, как Свифт и Стерн, свидетельствуют о новом проявлении скромности во внезапных умолчаниях, тире и звездочках, которые встречаются во всех их произведениях. Совершенно новое качество литературной похотливости, классическим примером которого до сих пор является Стерн, могло возникнуть только на основе новой скромности, которая тогда была распространена в обществе и литературе. Праздные люди, в основном, без сомнения, женщины в *салонах* и гостиных, люди, более знакомые с книгами, чем с реалиями жизни, теперь установили правила скромности и постоянно расширяли их, постоянно изобретая новые тонкости жестов и речи, пренебрегать которыми было бы нескромно, и которые постоянно становятся вульгарными из-за использования и постоянно меняются.

Вероятно, именно в это время обычай изобретения произвольного частного словаря слов и фраз с целью маскировки ссылок на функции и части тела, которые считаются нескромными и неприличными, впервые начал становиться обычным явлением. Такой частный сленг, самостоятельно выросший в семьях, и особенно среди женщин, а также между влюбленными, сейчас почти повсеместен. Он не ограничен какой-либо европейской страной и был изучен в Италии Никефором (*Il Gergo*, 1897, главы 1 и 2), который рассматривает его как оружие социальной защиты от любопытного или враждебного окружения, поскольку он позволяет говорить вещи со значением, которое непонятно всем, кроме посвященного человека. Хотя совершенно верно, что обычай поддерживается сознанием его практических преимуществ, у него есть и другой источник - желание избежать того, что считается вульгарной нескромностью прямой речи. Это в достаточной степени подтверждается тем фактом, что подобный сленг в основном связан с крестцово-лобковой сферой. Это один из главных вкладов цивилизации в

феномен скромности. Требования скромности повлияли на облачение тела, импульс скромности находит дальнейшую сферу деятельности — наполовину игровую, но все же полностью императивную — в облачении языка.

Скромность речи имеет, однако, глубокую и примитивную основу, хотя в современной Европе она стала заметна только в начале восемнадцатого века. "Во всем мире, - как выразился Дюфур, - делать - хорошо, говорить - плохо". Сдержанность речи неадекватно объясняется утверждением о том, что скромность имеет тенденцию распространяться от действия к словам, описывающим действие, поскольку существует тенденция к тому, что скромность более глубоко укореняется в словах, чем в действиях. "Скромные женщины, - как справедливо замечает Кляйнпол, - гораздо больше боятся говорить нескромные вещи, чем делать их; они верят, что фиговые листья были созданы специально для рта". (Kleinpaul, *Sprache ohne Worte*, p. 309.) Это тенденция, связанная с религиозным и ритуальным чувством, которое, как мы уже выяснили, является фактором скромности и которое, даже применительно к языку, по-видимому, имеет почти или совсем инстинктивную основу, поскольку встречается у самых примитивных дикарей, которые очень часто считают имя слишком священным или опасным для произнесения. Среди племен Центральной Австралии, в дополнение к своему обычному имени, каждый индивид имеет свое священное или тайное имя, известное только старшим и полностью посвященным членам его собственной тотемической группы; среди варрамунга женщинам не разрешается произносить даже обычное имя мужчины, хотя она его знает. (Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 581.) В таинственной области секса это чувство легко пускает корни. Во многих частях мира мужчины используют между собой, а женщины - между собой слова и даже языки, которые они не могут использовать без нарушения приличий в разговоре с лицами противоположного пола, и было показано, что экзогамия или тот факт, что жена принадлежит к другому племени, не всегда объясняет это явление. (Кроули, *Мистическая Роза*, стр. 46.) Специальный словарь, обозначающий генеративные органы и функции, очень широко распространен. Так, на северо-западе Центрального Квинсленда существует как приличный, так и неприличный словарь для обозначения половых органов; например, на языке митакуди *те-пе* может использоваться для обозначения вульвы в лучшем обществе аборигенов, но *кун-джа* и *пуккил*, которые являются названиями тех же частей тела, являются самыми подлыми словами, известными местным жителям. (У. Рот, *Этнологические исследования среди аборигенов Квинсленда*, стр. 184.) У малайцев *пуки* также является названием вульвы, произносить которое очень неприлично, и его публично используют только люди, находящиеся под влиянием навязчивого нервного расстройства. (У. Гилман Эллис, "Latah", *Журнал психологии*, январь 1897 г.) У африканских женщин-суахили есть свой собственный метафорический язык, относящийся к сексуальным вопросам (Zache, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, Раздел 2-3, стр. 70 и далее.), а на Самоа у молодых девушек есть эвфемистическое название пениса, *ауалума*, которое не является общеупотребительным (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, Раздел 1, стр. 31); точно то же самое встречается в Европе в наши дни, и иногда это более заметно среди молодых крестьянских женщин, чем среди представителей более высокого социального класса, которые часто избегают, при любых обстоятельствах, необходимости употреблять какое-либо определенное имя.

Каким бы странным это ни казалось, римляне, которые в своей литературе поражают нас своим энергичным и неприкрытым проникновением в самые частные факты жизни, в дружеском общении демонстрировали страх перед непристойной лексикой — страх, в конечном счете основанный, очевидно, на религиозных основаниях, — намного превосходящий тот, который

преобладает среди нас сегодня в цивилизации. "Примечательно, - замечает Дюфур, - что проститутки древнего Рима покраснели бы, произнеся неприличное слово на публике. Маленькие нежные слова, которыми обменивались любовники со своими любовницами, были не менее правильными и невинными, когда любовница была куртизанкой, а любовник - поэтом-эротиком. Он называл ее своей розой, своей королевой, своей богиней, своей голубкой, своим светом, своей звездой, а она в ответ называла его своим драгоценным камнем, своим медом, своей птичкой, своей амброзией, зеницей ока, и никогда без какого-либо непристойного междометия, а только "Я буду любить!" (*Амабо*) - частое восклицание, подводющее итог всей его жизни и призванию. Когда начинались интимные отношения, они обращались друг к другу как "брат" и "сестра". Эти обращения были распространены как среди самых скромных, так и среди самых гордых куртизанок". (Dufour, *Histoire de la Prostitution*, vol. ii, стр. 78.) Ужас римлян перед непристойностями был настолько велик, что даже врачи были вынуждены использовать эвфемизм для *урины*, и хотя *писсуар* или *ваш уринарий* открыто использовался за обеденным столом (следуя обычаю, введенному сибаритами, согласно Афиней, книга XII, глава 17), благопристойный гость не мог попросить об этом по имени, а только щелкнув пальцами (Dufour, *op. cit.*, vol. ii, стр. 174).

В современной Европе, как кажется довольно очевидным из ранней реалистической драматической литературы различных стран, до XVII века среди населения в целом не существовало особого страха перед откровенными высказываниями о крестцово-лобковых областях и их функциях. Однако есть одно заметное исключение. Такое ощущение явно существовало в отношении менструации. Нетрудно понять, почему она должна была начаться именно при этой функции. Здесь мы имеем дело не только с функцией, ограниченной одним полом и, следовательно, легко применимой к словарю, ограниченному одним полом; но, что еще более важно, вера, существовавшая у римлян, как и повсюду в мире, относительно особо опасных и таинственных свойств менструации, сохранилась в средние века. (See e.g., Ploss and Bartels, *Das Weib*, Bd. I, XIV; также Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, четвертое изд., глава XI.) Само название, *менструации* ("месячные"), является эвфемизмом, и большинство старых научных названий этой функции столь же расплывчаты. Что касается популярной женской терминологии до восемнадцатого века, Шуриг дает нам довольно обширную информацию (*Партенология*, 1729, стр. 27 и далее.). Он отмечает, что как в латинских, так и в германских странах менструацию обычно обозначали термином, эквивалентным "цветам", потому что, по его словам, это цветение указывает на возможность появления плода. Немецкие крестьянки, по его словам, называли это венком из роз (*Rosenkrantz*). Среди других современных женских названий менструации, которые он дает, некоторые являются чисто причудливыми; таким образом, итальянские женщины присвоили этой функции титул "маркиза магнифико". Немецкие дамы, опять же, употребляли выражение "Я получила письмо" или говорили, что приехала их двоюродная сестра или тетя. Они очень похожи на эвфемизмы, которые до сих пор используются женщинами.

Следует добавить, что эвфемизмы, обозначающие менструацию, распространены не только в Европе, но и среди дикарей. Согласно Hill Tout (*Журнал Антропологического института*, 1904, стр. 320; и 1905, стр. 137), одним из таких эвфемизмов было "надевать мокасины", а у другой ветви того же народа - "сводить колени вместе", "выходить на улицу" (намекая на обычное в тот период уединение в уединенной хижине) и так далее.

Было бы, однако, ошибкой предполагать, что этот процесс является усилением скромности. Напротив, это ее ослабление. Соблюдение скромности становится всего лишь частью обширного свода правил социального этикета, хотя и несколько строгой частью из-за все еще сохраняющегося смутного ощущения глубоко укоренившейся естественной основы. Знаменательным совпадением является то, что восемнадцатый век, ознаменовавшийся этим новым расширением социального ритуала скромности, также стал свидетелем первого появления нового философского импульса не просто проанализировать, но и растворить концепцию скромности. Особенно это имело место во Франции.

Стремительный рост господства логических и рациональных методов мышления в течение семнадцатого века в сочетании с новым развитием геометрических и математических наук привел в восемнадцатом веке к широко распространенному во Франции убеждению, что человеческие обычаи и человеческое общество должны основываться на строго логической и рациональной основе. Это была вера, которая игнорировала те законные требования эмоциональной природы, которые впоследствии исследовал и развил девятнадцатый век, но она оказала огромную услугу человечеству в устранении бесполезных предрассудков и суеверий, и она достигла кульминации в реформах великой революции, за достижение которых с тех пор мучительно боролось большинство других наций. Скромность представляла собой заманчивое поле для исследования философского духа восемнадцатого века.

То, как подходили к этому делу самые выдающиеся и предприимчивые умы столетия, едва ли можно проиллюстрировать лучше, чем беседой, о которой сообщает мадам д'Эпине и которая произошла в 1750 году за столом мадемуазель Дж. Кино, выдающаяся актриса. "Прекрасное достоинство, - заметил Дюкло, - которое утром закрепляют булавками". Он продолжал утверждать, что "моральный закон должен действовать всегда и везде, чего не делает скромность". Сен-Ламбер, поэт, заметил, что "следует признать, что нельзя сказать ничего хорошего о невинности, не будучи немного испорченным", а Дюкло добавил: "или о скромности, не будучи дерзким". Наконец Сен-Ламбер с большим поэтическим энтузиазмом высказался о желательности консумации браков публично.^[59] Этот взгляд на скромность в сочетании с введением греческой моды распространился до такой степени, что к концу века женщины в ущерб своему здоровью иногда довольствовались тем, что одевались в прозрачную марлю и даже прогуливались по Елисейским полям совсем без одежды; это, однако, было слишком для публики.^[60] Конечным результатом развития духа восемнадцатого века в этом направлении, как мы знаем, ни в коем случае не стало исчезновение скромности. Но это привело к более четкому осознанию того, что является постоянным в своих органических основах и что является лишь временным в своих меняющихся проявлениях. Осознание этого - непростая задача, и для многих она трудна даже сейчас. Такая умная путешественница, как миссис Бишоп (мисс Берд) во время своего первого визита в Японию пришла к выводу, что японские женщины лишены скромности, потому что они не возражают против того, чтобы их видели обнаженными во время купания. Двадцать лет спустя она призналась доктору Бельцу, что совершила ошибку и что "женщина может быть обнаженной и при этом вести себя как леди".^[61] В цивилизованных странах соблюдение скромности отличается в разных регионах и в разных социальных классах, но, какими бы разнообразными ни были формы, сам импульс остается постоянным.^[62]

Таким образом, скромность приобрела силу традиции, смутной, но огромной силы, с особой силой воздействующей на тех, кто не умеет рассуждать, и в то же время уходящей корнями в

инстинкты всех людей всех классов.^[63] В основном она трансформировалась в родственную эмоцию порядочности, которая была описана как "скромность, окаменевшая в социальных обычаях". Эмоция уступает любому достаточно сильному мотиву с большей готовностью, чем в своем примитивном состоянии. Даже мода в более цивилизованных странах может легко подавить анатомическую скромность и быстро выставить напоказ или подчеркнуть, в свою очередь, почти любую часть тела, в то время как дикая индианка Америки, варварские женщины некоторых мусульманских стран едва ли могут пожертвовать своей скромностью в муках родов. Даже когда среди нецивилизованных рас акцент на скромности можно назвать эксцентричным и произвольным, он все равно остается очень жестким. В таких диких странах скромность обладает силой подлинного и непреодолимого инстинкта. Однако в цивилизованных странах любой, кто ставит соображения скромности выше требований какой-либо реальной человеческой потребности, вызывает насмешки и презрение.

[4] Флисс (*Die Beziehungen zwischen Nase und weiblichen Geschlechts-Organen*, стр. 194) отмечает тот факт, что в библейском повествовании об Эдеме стыд и страх представлены как пришедшие в мир вместе: Адам боялся Бога, потому что был наг. Мелино ("Психология молодости", *La Revue*, 15 ноября 1901 г.) отмечает, что стыд отличается от скромности тем, что является не страхом, а своего рода горем; эта позиция кажется несостоятельной.

[5] Застенчивостью у детей занимался профессор Болдуин; смотрите, в частности, его "*Умственное развитие в книге "Ребенок и раса"*", глава VI, стр. 146 и далее., и "*Социальные интерпретации в умственном развитии*", глава VI.

[6] Белл, "Предварительное исследование эмоции любви между полами", *Американский журнал "Психология"*, июль 1902г.

[7] Профессор Старбак (*Психология религии*, глава XXX) ссылается на неопубликованные исследования, показывающие, что признание прав других людей также резко возрастает в возрасте полового созревания.

[8] Перес, *Поклонник Труа в сентябре*, 1886, стр. 267-277.

[9] Следует помнить, что Венера Медичи - это всего лишь сравнительно недавнее и знакомое воплощение естественного отношения, которое является очень древним и производило впечатление на скульпторов гораздо более раннего периода. Райнах, действительно, считает ("Скульптура в Европе", *L'Anthropologie*, № 5, 1895), что рука была впервые поднесена к груди, чтобы выжать молоко, и выражает идею изобилия, и что положение Венеры Медичи как символа скромности появилось позже; он отмечает, что что касается обеих рук, то такое положение можно найти у статуэтки с Кипра за 2000 лет до Рождества Христова. Это, без сомнения, верно, и я могу добавить, что вавилонские статуэтки Иштар, богини плодородия, изображают ее прижимающей руки к груди или чреву.

[10] Когда сексуального страха нет, импульс скромности может быть полностью подавлен. Французские дамы при старом режиме (как указывает А. Франклин в своей *Частной жизни Аутрефуа*) иногда не проявляли скромности по отношению к своим камердинерам, не допуская

возможности каких-либо сексуальных домогательств, и дама, например, вставала в ванне, пока камердинер добавлял горячей воды, наливая ее между ее раздвинутых ног.

[11] Настоящим я не имею в виду отрицать определенную степень нормальной периодичности даже у человеческого самца; но такая периодичность едва ли включает какой-либо элемент сексуального страха или позицию сексуальной защиты, у человека, потому что она слишком мала, чтобы вызвать полную латентность сексуальных функций, у других видов, потому что латентность сексуальной функции у самца всегда сопровождается соответствующей латентностью у самки.

[12] Х. Норткот, *Христианство и проблема секса*, стр. 8. Кроули ранее утверждал (*Мистическая роза*, стр. 134, 180), что та же самая необходимость уединения во время выполнения питательных, сексуальных и выделительных функций является фактором наделения таких функций потенциальной святостью, так что их сокрытие становится невозможным. стало религиозным долгом.

[13] *Журнал по этнологии*, 1878, стр. 26.

[14] Эссе, livre ii, глава XV.

[15] *Месье Николя*, том i, стр. 89.

[16] Лейн, *Арабское общество*, стр. 228. Настойчивость арабов в ценности девственной скромности хорошо выражена в одной из самых очаровательных историй "*Тысячи и одной ночи*", "*Истории зеркала девственности*".

[17] Это особенно подчеркивалось Кроули, "*Мистическая роза*", стр. 181, 324 и далее., 353.

[18] *Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. II, Глава 8, стр. 358.

[19] Это, однако, не всегда и не в полной мере относится к опытным женщинам. Так, уже упоминавшийся русский корреспондент, который в юности привык, отчасти из застенчивости, изображать полное невежество в вопросах секса, сообщает мне, что в то время с ним неоднократно случалось, что молодые замужние женщины получали удовольствие, возлагая на себя, не без застенчивости, но с явным удовольствием, задачу инициации его, хотя они всегда спешили сказать ему, что это для его блага, чтобы уберечь его от плохих женщин и мастурбации. Проститутки также часто получают удовольствие от невинных мужчин, и Ганс Оствальд рассказывает (*Sexual-Probleme*, июнь 1908 г., стр. 357) о проститутке, которая страстно влюбилась в юношу, который никогда раньше не знал женщины; она никогда раньше не встречала невинного мужчину, и это ее сильно взволновало. И мне рассказывали об итальянской проститутке, которая рассказывала о волнующем удовольствии, которое неиспорченный юноша доставил ей своей свежестью, *tutta questa freschezza*.

[20] *Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел III. Часть IV. Подзаголовки I.

[21] Н. Венетт, *История человечества*, Часть II, глава X.

[22] *Месье Николя*, том i, стр. 94.

[23] *Κρυπτάδια*, vol. ii, стр. 26, 31. *Ιβ.* т. iii, стр. 162.

[24] "Скромность - это, во-первых, - сказал Ренувье, - наш страх вызвать неудовольствие других и покраснеть из-за нашего собственного естественного несовершенства". (Ренувье и Прат, *Новая монадология*, стр. 221.)

[25] К. Рише, "Причины смерти", *Человек и его интеллект*, 1884. Тщательно разработанное исследование отвращения этого выдающегося физиолога не было написано как вклад в психологию скромности, но оно представляет собой замечательное введение в исследование социального фактора скромности.

[26] Интересно отметить, что там, где, как, например, у эскимосов, моча сохраняется как очень ценный товар, акт мочеиспускания, даже за столом, ни в малейшей степени не считается отвратительным или нескромным (Бурк, *Скатологические ритуалы*, стр. 202).

[27] Хоксворт, *Отчет о путешествиях* др., 1775, т. ii, стр. 52.

[28] *Журнал Антропологического института*, том. vi, стр. 173.

[29] Stevens, "Mittheilungen aus dem Frauenleben der Orang Belendas," *Zeitschrift für Ethnologie*, Heft 4, p. 167, 1896. Кроули (*Мистическая Роза*, глава VIII, стр. 439) приводит множество других примеров, даже в Европе, с, однако, особой ссылкой на сексуальное табу. Я могу заметить, что англичане низшего класса, особенно женщины, часто скромно относятся к еде в присутствии людей более высокого класса. Это чувство, без сомнения, частично связано с сознанием неполноценности этикета, но само это сознание отчасти является развитием страха вызвать отвращение, который является компонентом скромности.

[30] Можно добавить, что Стыд в отношении еды иногда проявляется как неврастеническая навязчивая идея в условиях цивилизации, и Джанет изучала его как форму психастении. См. , например, (Raymond and Janet, *Les Obsessions et la Psychasthénie*, vol. ii, стр. 386) случай с молодой девушкой 24 лет, которая с 12 или 13 лет (период полового созревания) стыдилась есть на людях, считая это противным и уродливым и утверждая, что это следует делать только наедине, как и мочеиспускание.

[31] "Желание и отвращение любопытным образом смешиваются", - замечает Кроули ("*Мистическая роза*", стр. 139), "когда при неудовлетворенном собственном желании человек видит удовлетворение другого; и здесь мы можем наблюдать начало альтруистической стадии; у нее есть две стороны: страх вызвать желание у других и страх вызвать отвращение". ; в каждом случае психологическим результатом является личная изоляция".

[32] Хоэнмсер утверждает, что страх вызвать отвращение не может быть частью стыда. Но он также утверждает, что стыд - это просто психический застой, и довольно легко увидеть, как и в приведенном выше случае, что страх вызвать отвращение - это просто проявление психического застоя. В сознании женщины существует конфликт между представлением о себе, которое она уже дала, и более приниженным представлением о себе, которое, как она боится, она может дать, и этот конфликт разрешается , когда ей дают почувствовать, что первое представление все еще может сохраниться в новых обстоятельствах.

[33] Мы оба не знали, что всего лишь заново сделали очень древнее открытие. Казанова более века назад процитировал замечание своего друга о том, что самый простой способ преодолеть скромность женщины - это предположить, что ее не существует; и он добавляет высказывание,

которое приписывает Клименту Александрийскому, о том, что скромность, которая, кажется, так глубоко укоренилась в женщинах, пребывает только в покрывающем их белье и исчезает вместе с ним. Отрывок, на который ссылался Казанова, встречается в "*Педагоге*" и уже цитировался. Это наблюдение, по-видимому, очень понравилось Отцам, которые всегда рады высказаться против женщин, и я встречался с ним в книге Киприана "*О привычках женщин*". Это также встречается в трактате Иеронима против Иовиниана. Джером, обладающий более научным чутьем, справедливо представляет это замечание в виде цитаты: "*Напиши Геродоту, что делать дальше, как вести себя с людьми*". У Геродота это высказывание приписывается Гигесу (книга I, глава VIII). Таким образом, мы можем проследить очень далеко в древности наблюдение, которое в английском языке получило свое классическое выражение у Чосера, который в своем "Прологе к жене из Бата" сказал:

"Он сказал, что женщина отбросила свой стыд,
Когда она отбросила свой смок".

Мне нет нужды подчеркивать, что предложенный выше анализ скромности лишает это почтенное изречение всякого жала, которым оно могло обладать как оскорбление женщин. В таком случае скромность - это в значительной степени сомнение относительно отношения зрителя, и оно обязательно исчезает, когда это сомнение удовлетворительно разрешается. Как мы видели, девушки Центральной Австралии были очень скромны в том, что касалось снятия своей единственной одежды, но когда это снятие было завершено и принято, они были бесстрашны.

[34] Тот же результат проявляется более заметно под омертвляющим влиянием безумия. Гримальди (*Современный маникюр*, 1888) обнаружил, что 50% душевнобольных лишены скромности.

[35] Некоторые факты, относящиеся к этому пункту, см. в Houssay, *Отрасли животноводства*, глава VII. "Защита и санитария жилищ"; также П. Баллион, *Об инстинкте поведения животных*.

[36] Так, Стивенс упоминает (*Журнал этнологии*, стр. 182, 1897), что даяки Малакки всегда моют половые органы, даже после мочеиспускания, и стараются использовать при этом левую руку. Левая рука также предназначена для подобного использования у джекри побережья Нигера (*Журнал Антропологического института*, стр. 122, 1898).

[37] Ломброзо и Ферреро, которые принимают производное от *pudor* от *putere*; т.е. от отвращения, вызванного разложением вагинальных выделений, считают, что страх вызвать отвращение у мужчин является единственным источником скромности у диких женщин, поскольку он также остается единственной формой скромности среди сегодняшних проституток. (*La Donna Delinquente*, p. 540.) Каким бы важным ни был этот фактор в формировании эмоции скромности, мне едва ли нужно добавлять, что я считаю столь исключительную теорию совершенно несостоятельной.

[38] Дас Вайб, глава VI.

[39] Ссылки на подобное чувство у других дикарей см. Вестермарк, *История человеческого брака*, стр. 152.

- [40] См. например,, Бурк, *Скатологические обряды*, стр. 141, 145 и т.д.
- [41] Кроули, указ. соч., глава VII.
- [42] S, Райнах, *Культы, мифы и религии*, стр. 172.
- [43] Тертуллиан, *Де Виргинибус Веландис*, глава. 17. Женщины-готтентоты также (Фрич, *Книга Эйнгеборен Зюдафрики*, стр. 311) прикрывают голову тканью, и их невозможно убедить снять ее.
- [44] Велльхаузен, *Остальные арабские книги*, стр. 196. Тот же обычай встречается среди мужчин-туарегов, хотя для женщин он не является обязательным (Дювейриер, *"Северные туареги"*, стр. 291).
- [45] Цитируется в *Zentralblatt für Anthropologie*, 1906, Heft I, стр. 21.
- [46] Или, скорее, потому, что вид их наготы мог ввести ангелов в грех. См. У. Г. Самнер, *Народные обычаи*, стр. 431.
- [47] В Моруленде Эмин Бей заметил, что женщины в основном обнажены, но некоторые носят пояс, за которым висит несколько листьев. Женщины некоторых негритянских племен, прикрывающие себя таким образом сзади, если их лишить этого единственного покрывала, немедленно бросаются на землю на спину, чтобы скрыть свою наготу.
- [48] Например, Летурно, *Эволюция морального духа*, стр. 146.
- [49] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 683.
- [50] Дж. Р. Форстер, *Наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия*, 1728, стр. 395.
- [51] Вестермарк (*История человеческого брака*, гл. IX) умело излагает этот аргумент со своим обычным богатством иллюстраций. Кроули (*Мистическая Роза*, стр. 135) пытается квалифицировать этот вывод, утверждая, что татуировка и т.д. На половых органах предназначена не для украшения, а для магической изоляции органов и практически является постоянным амулетом или оберегом.
- [52] *Илиада*, II, 262. Уэйтц приводит примеры (*Антропология*, стр. 301), показывающие, что нагота иногда является признаком подчинения.
- [53] Кельтские расы во времена их развитого варварства, по-видимому, были относительно свободны от идеи собственности у женщин, и, вероятно, именно среди ирландцев (как мы узнаем из *Маршрута* Файнса Морисона семнадцатого века) привычка к наготы дольше всего сохранялась среди женщин высшего социального класса Западной Европы.
- [54] А. Б. Эллис, *Народы, говорящие на тши*, стр. 280.
- [55] Бернет, *Жизнь и смерть Рочестера*, стр. 110.
- [56] *"Социологическая энциклопедия"*, седьмой год, 1904, стр. 439.

[57] Таллемон де Рео, начавший писать свои *Исторические труды* в 1657 году, говорит о маркизе де Рамбуйе: "Elle est un peu trop délicate ... на неискушенном прононсе, который ведет к тупику. Cela va dans l'excès." Полвека спустя, в Англии, Мандевиль в Замечаниях, приложенных к его *Басне о пчелах*, ссылается на почти ханжескую скромность, прививаемую детям с самых ранних лет.

[58] В одном из своих цивилизованных проявлений эта ритуализованная скромность становится ханжеством, которое Форель определяет (*Die Sexuelle Frage*, Пятое изд., стр. 125) как "кодифицированную сексуальную мораль". Чопорность - это окаменевшая скромность, которая больше не реагирует жизненно. Истинная скромность интеллигентного цивилизованного человека инстинктивно зависит от мотивов и обстоятельств, чутко реагируя на их взаимосвязь.

[59] *Воспоминания мадам д'Эпине*, часть I, гл. V. Тридцатью годами ранее Мандевиль написал в Англии, что "скромность женщин является результатом обычаев и воспитания".

[60] Гонкур, *История Французского общества "Кулон ле Директуар"*, стр. 422. Одежда стала настолько прозрачной и до такой степени облегала конечности, что на какое-то время от сорочки отказались как от неудобного и устаревшего предмета одежды.

[61] *Zeitschrift für Ethnologie*, 1901, Heft 2, p. 179.

[62] Пастор Грасхофф утверждает, что в сельских округах Ганновера "даже когда естественные потребности выполняются с максимально возможной свободой, по мнению сельских жителей, скромность не является оскорблением". Но он делает заявление, которое одновременно противоречиво и ложно, когда добавляет, что "скромность для деревенского жителя в целом - чуждая идея". (*Geschlechtlich-Sittliche Verhältnisse im Deutsche Reiche*, vol. ii, стр. 45.)

[63] Часто утверждается, что проститутки лишены скромности, но это неверно; они обладают частичной и уменьшенной скромностью, которая в течение значительного периода времени все еще остается подлинной (см., например, Ройсс, *La Prostitution*, стр. 58). Ломброзо и Ферреро (*La Donna*, стр. 540) ссылаются на то, что возражения проституток против обследования во время месячных зачастую выше, чем у респектабельных женщин. Опять же, Каллари утверждает ("*Prostituzione in Sicilia*", *Archivio di Psichiatria*, 1903, стр. 205), что сицилийских проституток можно лишь с трудом убедить обнажиться в ходе их профессиональной деятельности. Аретино давно заметил (в "*Ла Пиппе*"), что ни одна женщина так не ненавидит бесплатное декольте, как проститутки. Когда проститутки не обладают скромностью, они часто симулируют ее, и Ферриани отмечает (в своем *Delinquenti Minorenni*), что из девяноста семи несовершеннолетних (в основном женщин), обвиняемых в преступлениях против общественной порядочности, семьдесят пять симулировали скромность, которой, по его мнению, они были совершенно лишены.

III.

Содержание

Румянец — Признак скромности — Феномен смущения — Влияния, которые изменяют Склонность к Смущению - Темнота, Сокрытие лица и т.д.

Невозможно созерцать эту серию явлений, столь радикально устойчивых, каковы бы ни были изменения их формы, и столь неизменных на каждом этапе развития цивилизации, не чувствуя, что, хотя скромность в полном смысле слова нельзя назвать инстинктом, должна быть какая-то физиологическая основа, поддерживающая ее. Несомненно, такая основа формируется тем сосудодвигательным механизмом, наиболее очевидным внешним признаком которого у людей является румянец. Все родственные эмоциональные формы страха — стыд, застенчивость, робость — в какой-то степени поддерживаются этим механизмом, но особенно это касается эмоции, которую мы сейчас рассматриваем.^[64] Румянец - это признак скромности.

Румянец - это, действительно, лишь часть, почти, возможно, случайная часть органического беспорядка, с которым он ассоциируется. Партридж, который изучал феномен покраснения в ста двадцати случаях (*Педагогическая семинария*, апрель 1897 г.), обнаружил, что общими симптомами являются следующие: дрожь в области поясницы, слабость в конечностях, давление, дрожь, тепло, тяжесть или биение в груди, теплая волна от ступней вверх, трепет сердца, остановка, а затем учащенное сердцебиение, холод во всем теле, за которым следует жар, головокружение, покалывание в пальцах ног, онемение, что-то подступающее к горлу, резь в глазах, пение в ушах, покалывание ощущения лица и давления внутри головы. Партридж считает, что нарушение носит преимущественно центральный характер, изменение мозгового кровообращения, и что фактическое покраснение поверхности наступает позже нервного потрясения и на самом деле является лишь небольшой его частью.

Было несколько дискуссий о том, почему и в какой степени румянец распространяется только на лицо. Генле (*Человек, совершающий ошибку*) считал, что мы краснеем, потому что все нервные явления, вызванные психическими состояниями, проявляются в первую очередь на лице, благодаря анатомическому расположению нервов тела. Дарвин (*Выражение эмоций*) утверждал, что внимание к какой-либо части тела имеет тенденцию вызывать капиллярную активность в этой части тела и что лицо было главным объектом внимания. С другой стороны, также утверждалось, что румянец является рудиментарными остатками общей сексуальной эретичности, из-за которой возник стыд; что румянец, таким образом, когда-то был более широко распространен и до сих пор остается среди женщин некоторых низших рас, его ограничение только лицом обусловлено половым отбором и достигнутой таким образом повышенной красотой. Однажды Фере имел возможность осмотреть полностью обнаженного тринадцатилетнего мальчика, половые органы которого были деформированы; когда его обвинили в мастурбации, он покрылся румянцем, который равномерно распространился по его лицу, шее, телу и конечностям, спереди и сзади, за исключением только кистей и ступней. Фере спрашивает, является ли такой универсальный румянец более распространенным явлением, чем мы себе представляем, или же состояние наготы способствует его проявлению. (*Comptes Rendus, Société de Biologie*, April 1, 1905.) Можно добавить, что Партридж упоминает один случай, когда покраснели руки.

Сексуальная связь покраснения несомненна. Это происходит главным образом у женщин; наибольшей интенсивности это достигает в период полового созревания и в подростковом возрасте; наиболее распространенным поводом для этого является какое-либо более или менее сексуальное внушение; среди ста шестидесяти двух случаев покраснения, перечисленных Партриджем, безусловно, самой частой причиной были поддразнивания, обычно по поводу

другого пола. "Эрекция, - было сказано, - это покраснение полового члена". Стэнли Холл, по-видимому, предполагает, что сексуальный румянец - это опосредованный прилив крови к гениталиям, отводимый от генитальной сферы подавлением страха, точно так же, как у девочек хихиканье также очень часто является опосредованным выходом стыда; сексуальный румянец, таким образом, был бы результатом наследственного сексуального страха; именно как проявление сексуального эретизма, румянец может содержать элемент удовольствия.^[65]

Блох отмечает, что румянец является сексуальным, потому что покраснение лица, так же как и гениталий, является сопровождением сексуальной эмоции (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 39). "Не кажется ли вам, - пишет корреспондент, - что сексуальный румянец, по крайней мере, действительно оказывает сосудорасслабляющее действие, совершенно такое же, как эрекция? Возникающее смущение возникает из-за осознания этого факта при обстоятельствах, которые считаются неподходящими для такого состояния. Может возникнуть страх вызвать отвращение демонстрацией неуместного состояния. Я заметил, что такой румянец появляется, когда достаточно молодую и восприимчивую женщину осыпают комплиментами. Этот румянец, кажется, сопровождается удовольствием, которое не всегда сменяется страхом или отвращением, но ощущается как привлекательное. Когда возникает дискомфорт, большинство женщин говорят, что они чувствуют это, потому что "это выглядит так, как будто они не контролируют себя". Когда они чувствуют, что в контроле нет необходимости, они больше не испытывают страха, и расслабляющий эффект имеет более широкое поле действия, вызывая общий румянец, эрекцию спинномозговых половых органов и т.д. Таким образом, такой румянец был бы частичным сексуальным эквивалентом и позволял бы подавлять другие сексуальные эффекты за счет предупреждения, которое он дает, и вызываемого страха, а также сам по себе был бы небольшим выходом расслабляющей энергии. Когда отношения заинтересованных лиц допускают свободу особым сексуальным стимулам, как в браке, покраснение возникает не так часто, а когда оно возникает, то не так часто приводит к страху".

Не может быть никаких сомнений в том, что румянец сексуально привлекателен. Румянец является выражением стремления к сокрытию и бегству, которое автоматически вызывает у смотрящего соответствующий импульс преследования, так что сразу же представляется центральная ситуация ухаживания. Женщины более или менее осознают это, так же как и мужчины, и это признание является дополнительным источником смущения, когда оно не может стать источником удовольствия. Древнее использование румян свидетельствует о красоте румян, и Дарвин утверждал, что на турецких невольничьих рынках девушки, которые с готовностью краснели, продавались по самым высоким ценам. Вызвать румянец, даже вызывая смущение, очень часто является причиной мужского удовлетворения.

Дикари, как мужчины, так и женщины, краснеют даже под темной кожей (о феномене покраснения у разных рас см. Waitz, *Anthropologie der Naturvölker*, Bd. I, стр. 149-150), и вполне возможно, что естественный отбор, так же как и половой отбор, был благоприятен для развития румянца. Вряд ли случайно, что, как часто наблюдалось, преступники или асоциальные элементы общества — будь то в силу привычек их жизни или врожденных аномалий — краснеют реже, чем нормальные люди. Кронер ("*Дас керперлихе Гефюль*", 1887, стр. 130) отмечает: "Происхождение специфической связи между стыдом и покраснением является результатом *социального отбора*. Не краснеть, безусловно, является непосредственным преимуществом для мужчины; однако косвенно это является недостатком, потому что в других отношениях он

будет известен как бесстыдник, и по этой причине, как правило, он будет отстранен от распространения. Этот социальный отбор будет особенно осуществляться в отношении женского пола, и по этой причине женщины краснеют в большей степени и охотнее, чем мужчины".

Важность румянца и стоящего за ним эмоционального замешательства как подтверждения скромности подтверждается тем важным фактом, что, усыпляя эмоциональное замешательство, можно подавить чувство скромности. Другими словами, мы находимся здесь перед лицом страха — в значительной степени сексуального страха, — побуждающего к сокрытию и боязни привлечь к себе внимание; этот страх естественным образом исчезает, даже если его видимая причина остается, когда становится очевидным, что причин для страха нет.

Вот причина, по которой нагота сама по себе не имеет ничего общего со скромностью или нескромностью; именно условия, при которых возникает нагота, определяют, пробудится ли скромность. Если ни один из факторов скромности не нарушен, если не возбуждается смущающее внимание к себе, если есть сознание совершенной пристойности как у объекта, так и у зрителя, нагота полностью совместима с самой скрупулезной скромностью. А. Дюваль, ученица Энгра, рассказывает, что однажды женщина-модель спокойно позировала, полностью обнаженная, в Школе изящных искусств. Внезапно она закричала и бросилась прикрываться одеждой. Она увидела рабочего на крыше, который с любопытством смотрел на нее через слуховое окно.^[66] А Паола Ломброзо описывает, как дама, жена дипломата, отправившаяся на собрание, где она оказалась единственной женщиной в вечернем платье, почувствовала, к собственному удивлению, такой внезапный стыд, что не смогла сдержать слез.

Таким образом, получается, что эмоция скромности обязательно зависит от чувств окружающих людей. Отсутствие эмоций ни в коем случае не означает нескромности, при условии, что реакции скромности сразу же приводятся в действие под воздействием взгляда зрителя, который воспринимается как похотливый, пытливый или укоризненный. Доказано, что это имело место у примитивных народов повсюду. Японская женщина, обнаженная, какой она иногда бывает в повседневной жизни, остается невозмутимой, потому что не привлекает неприятного внимания, но пытливый и невоспитанный взгляд европейца сразу же приводит ее в замешательство. Стратц, врач, к тому же долгое время проживший среди яванцев, которые часто ходят голыми, обнаружил, что обнаженные японские женщины не испытывают в его присутствии никакого смущения.

Несомненно, чтобы скрыть румянец, мы должны объяснить странное влияние темноты на сдерживание проявлений скромности, как обнаружили многие влюбленные и как мы можем заметить в наших городах после наступления темноты. Это влияние темноты на сдерживание скромности - очень древнее наблюдение. Бертон в *"Анатомии меланхолии"* цитирует из Дандина высказывание *"Нет ничего дерзкого"*, напрямую связывая это с покраснением, а Баргальи, сиенский романист, писал в шестнадцатом веке, что "о женщинах обычно говорят, что в темноте они будут делать то, чего не стали бы делать при свете". Это правда, что нескромность большого города ночью в какой-то степени объясняется наплывом проституток в это время; проститутки, обычно находящиеся ближе к порогу нескромности, более заметно подвержены этому влиянию. Но это влияние, которому, во всяком случае, в какой-то степени подвержены самые скромные женщины. Действительно, было сказано, что женщина всегда

более реальна в темноте, чем при ярком дневном свете; это часть того, что Чемберлен называет ее ночным вдохновением.

"Следы ночного вдохновения, влияния первобытной группы огня изобилуют в женщине. Действительно, можно сказать (современная жизнь Южной Европы и американского общества прекрасно иллюстрирует этот момент), что она, в некотором смысле, ночное существо, поскольку активность, физическая и моральная, современных женщин (проявляющаяся, например, в танцах и ночной интеллектуальной жизни общества) в этом направлении замечательна. Возможно, мы могли бы назвать большую часть ее обычного дневного труда отдыхом, или обычными местами и банальностями ее существования, ее вечерняя и ночная жизнь были истинной стороной ее деятельности" (А. Ф. Чемберлен, "Работа и отдых", *Научно-популярный ежемесячник*, март 1902 г.). Гисслер, изучавший общее влияние темноты на психическую жизнь человека, приходит к выводам, которые согласуются с ними (С. М. Giessler, "Der Einfluss der Dunkelheit auf das Seelenleben des Menschen", *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1904, стр. 255-279). Мне не удалось ознакомиться с работой Гисслера, но, согласно ее краткому изложению, он приходит к выводу, что в темноте деятельность души ближе к ее двигательному полюсу, чем к чувствительному полюсу, и что существует тенденция к тому, что явления, относящиеся к раннему периоду развития, становятся заметными, моторная память функционирует больше, чем репрезентативная память, внимание больше, чем апперцепция, воображение больше, чем логическое мышление, эгоистическая мораль больше, чем альтруистическая.

Любопытно отметить, что близорукость, естественно, хотя и нелогично, имеет тенденцию оказывать в этом отношении то же влияние, что и темнота; близорукие лица обоих полов уверяли меня, что они гораздо более подвержены эмоциям застенчивости и скромности в очках, чем без них; такие люди с трудом осознают, что они не так тусклы для других, как другие для них. Пребывание в компании слепого человека, по-видимому, также является защитой от застенчивости.^[67] Интересно узнать, что врожденно слепые дети так же чувствительны к внешнему виду, как и нормальные дети, и так же легко краснеют.^[68] Это, по-видимому, связано с тем фактом, что обычно слепые постоянно настраивают свое умственное внимание на уровень нормальных людей и реагируют так же, как нормальные люди; слепота не для них, как для близоруких без очков, временное и относительное, почти бессознательное убежище от ясного зрения.

Конечно, темнота придает смелости не просто как прикрытие возможного румянца; это потому, что она убаюкивает детальную самореализацию, такая сознательная самореализация всегда является источником страхов, а румянец - их определенным символом и видимой кульминацией. Именно румянцу мы должны приписать любопытную взаимодополняющую взаимосвязь между лицом и крестцово-лобковой областью как центрами анатомической скромности. Эмин Бей заметил, что женщины некоторых африканских племен, которые ходят обнаженными, прикрывают лицо рукой под влиянием скромности. Марциал давно заметил (Lib. iii, LXVIII), что когда невинная девушка смотрит на пенис, она смотрит сквозь пальцы. Там, где, как у многих мусульманских народов, лицо является главным средоточием скромности, обнаженность остальных частей тела, включая иногда даже крестцово-лобковую область и, конечно же, ноги и бедра, часто становится предметом безразличия.^[69]

Это сокрытие лица - нечто большее, чем условность; оно имеет психологическую основу. Мы можем наблюдать у себя хорошо выраженную женскую тенденцию прятать лицо, чтобы скрыть возможный румянец, и прятать глаза как метод усыпления самосознания, метод, который баснословно приписывают страусу с той же целью сокрытия.^[70] Женщина, которая стесняется своего любовника, иногда не испытывает особых трудностей в том, чтобы показать какую-либо часть своей личности, при условии, что она может закрыть лицо. Когда в гинекологической практике необходимо обследование половых органов, женщины часто находят очевидное удовлетворение в том, что прикрывают лицо руками, хотя на лицо не уделяется ни малейшего внимания, и когда неискушенную женщину принуждают к признанию, затрагивающему ее скромность, она склонна поворачиваться спиной к своему собеседнику. Было сказано, что "когда лицо женщины закрыто", "ее сердце обнажено", и католическая церковь признала эту психологическую истину, установив, что в исповедальне лицо кающейся не должно быть видно. Веселая и невинная свобода южанок во время Карнавала объясняется не только разрешенной сезонностью или сокрытием личности, но и маской, которая скрывает лицо. В Англии во времена правления королевы Елизаветы и во времена Реставрации респектабельные женщины могли присутствовать в театре даже во время представления самых свободных пьес, потому что они носили маски. Поклонник часто добивался подобной цели.^[71]

Все эти факты служат доказательством того, что, хотя формы скромности могут меняться, она по-прежнему остается очень радикальной составляющей человеческой природы на всех этапах развития цивилизации и что она в значительной степени поддерживается механизмом смущения.

[64] Мелино ("Налить Ругит-он?" *Revue des Deux Mondes*, 1 октября 1893 г.) указывает на то, что покраснение всегда связано со страхом, и указывает на различные условия, при которых оно может возникнуть — скромность, робость, замешательство, — что нам есть что скрывать, и мы боимся, что это может быть обнаружено. "Все доказательства, - утверждает Партридж, - по-видимому, указывают на вывод о том, что психическое состояние, лежащее в основе покраснения, относится к семейству страхов. Присутствие чувства страха, учащенное сердцебиение, побуждение убежать, спрятаться, шок - все это подтверждает эту точку зрения".

[65] Г. Стэнли Холл, "Исследование страхов", *Американский журнал психологии*, 1897.

[66] Мужчины также очень чувствительны к любому подобному любопытству со стороны противоположного пола. Возможно, этой причине, а также, возможно, страху вызвать отвращение, можно приписать нежелание мужчин раздеваться перед женщинами-художницами и женщинами-врачами. Мне говорили, что часто бывает трудно заставить мужчин позировать обнаженными женщинам-художницам. Сэр Джонатан Хатчинсон был вынужден несколько лет назад исключить женщин-медиков из числа участников поучительных демонстраций в его музее "из-за нежелания пациентов мужского пола раздеваться перед ними". Аналогичного нежелания среди пациенток не наблюдается, но следует помнить, что, в то время как женщины привыкли к мужчинам как к врачам, мужчины (в Англии) еще не привыкли к женщинам как к врачам.

[67] "Я знаком со случаем застенчивого человека, - пишет доктор Гарри Кэмпбелл в своем интересном исследовании "Болезненная застенчивость" (*Британский медицинский журнал*, 26 сентября 1896 г.), - который чувствует себя как дома в доме слепого человека и с предельной уверенностью угощается вином, тогда как если член семьи, который может видеть, входит в комнату, вся его прежняя застенчивость возвращается, и он желает оказаться подальше отсюда".

[68] Стэнли Холл ("Хвастовство и застенчивость", *Педагогическая семинария*, июнь 1903 г.) цитирует по этому поводу доктора Ананьоса из Института Перкинса для слепых.

[69] Так, Соннины в восемнадцатом веке отмечал, что деревенские женщины в Египте носили только одну одежду, открытую от подмышек до колен с каждой стороны, так что она обнажала тело при каждом движении; "но это мало беспокоило женщин, при условии, что лицо не было открыто". (*Voyage dans la Haute et Basse Egypte*, 1779, vol. i, p, 289.) Когда Казанова был в Константинополе, граф де Бонневаль, принявший ислам, заверил его, что он ошибается, пытаясь разглядеть лицо женщины, когда он мог бы легко добиться от нее большей благосклонности. "Самая сдержанная из турчанок, - заверил его граф, - скрывает свою скромность только на лице, и как только она надевает вуаль, она уверена, что никогда ни при чем не покраснеет". (*Mémoires*, vol. i, p. 429.)

[70] Стоит отметить, что этот импульс коренится в естественных инстинктивных действиях и идеях детства. Стэнли Холл, занимающийся "Ранним самоощущением" в уже упомянутом отчете, говорит о глазах, возможно, даже в большей степени, чем о руках, ногах и рта, как о "центрах такого рода самосознания, которое всегда помнит о том, каким "я" предстает перед другими", и продолжает упоминать "очень распространенное впечатление маленьких детей, что, если глаза прикрыты, их нельзя увидеть. Некоторые думают, что таким образом все тело исчезает из поля зрения окружающих; некоторые полагают, что голова также перестает быть видимой; и еще более высокой формой этого любопытного психоза является то, что, когда они закрыты, душа не может быть видна". (*Американский журнал психологии*, том. ix, № 3, 1898.) Инстинктивный и неразумный характер этого акта дополнительно подтверждается его встречаемостью у идиотов. Нэкке упоминает, что однажды ему довелось исследовать живот идиота, который после этого попытался левой рукой стянуть рубашку, в то время как правой прикрывал глаза.

[71] Ср. Стэнли Холл и Т. Смит, "Показуха и застенчивость", *Американский журнал психологии*, июнь 1903г.

IV.

Содержание

Краткое изложение факторов скромности—Будущее скромности—Скромность - неотъемлемый элемент любви.

Мы видели, что факторов скромности множество. Пытаться объяснить скромность, отвергая ее просто как пример психического паралича, *Stauung*, - значит ускользать от проблемы, утверждая

то, что является не более чем трюизмом. Скромность - это комплекс эмоций с сопутствующими им идеями, которые мы должны разгадать, чтобы понять.

Среди факторов скромности мы обнаружили: (1) примитивный животный жест сексуального отказа со стороны самки, когда она находится не в тот момент своей репродуктивной жизни, когда она желает ухаживаний самца.; (2) страх вызвать отвращение, страх, вызванный в первую очередь непосредственной близостью сексуального центра к точкам выхода тех выделений, которые бесполезны и неприятны даже во многих случаях животным; (3) страх магического влияния сексуальных феноменов и церемониальных практик, основанных в первую очередь на этом страхе и в конечном итоге переходящих в простые правила приличия, которые являются признаками и хранителями скромности; (4) развитие украшений и одежды, одновременно способствующих как скромности, которая подавляет мужское сексуальное желание, так и кокетству, которое стремится привлечь его; (5) представление о женщинах как собственности, придающее новую и мощную санкцию эмоции, уже основанной на более естественных и примитивных фактах.

Всегда следует помнить, что эти факторы обычно не проявляются по отдельности. Очень часто все они подразумеваются в едином порыве скромности. Мы распутываем шнур, чтобы исследовать его конструкцию, но в реальной жизни нити более или менее неразличимо скручены вместе.

В заключение все же можно задать вопрос, действительно ли скромность в целом становится более заметной эмоцией по мере развития цивилизации. Я не думаю, что эту позицию можно сохранить. Как мы видели, было бы большой ошибкой полагать, что, расширяясь, скромность также усиливается. Напротив, само это расширение является признаком слабости. Среди дикарей скромность гораздо более радикальна и непобедима, чем среди цивилизованных людей. Говоря об арауканских женщинах Чили, Трейтлер заметил, что они явно скромнее белого христианского населения, и подобные наблюдения можно продолжать бесконечно. Как мы уже отмечали, в новой и грубой цивилизации, стремящейся отметить свое отделение от варварства, которого она еще едва избежала, мы обнаруживаем экстравагантное и фантастическое стремление расширить границы скромности в жизни, искусстве и литературе. В более древних и зрелых цивилизациях — в классической древности, в старой Японии, во Франции — скромность, хотя и оставаясь весьма реальным влиянием, становится гораздо менее преобладающим и всепроникающим. В жизни оно становится подвластным человеческому использованию, в искусстве - красоте, в литературе - самовыражению.

Между собой мы можем отметить, что скромность является гораздо более непреодолимым мотивом среди низших социальных классов, чем среди более культурных. Это происходит даже тогда, когда мы должны ожидать, что влияние профессии вызовет знакомство. Так, мне рассказывали о балерине, которая считает нескромным мыться по моде, принятой на морском побережье, и не может решиться на это, но она появляется на сцене каждый вечер в трико как само собой разумеющееся; в то время как Фанни Кембл в своих *Воспоминаниях* рассказывает об актрисе, привыкшей появляться в трико, которая скорее приняла мученическую смерть за скромность, чем позволила хирургу осмотреть ее воспаленное колено. Скромность, действительно, является частью самоуважения, но у полностью развитого человека самоуважение само по себе сдерживает любую чрезмерную скромность.^[72]

Кроме того, мы должны помнить, что существуют более определенные основания для подчинения скромности развитию цивилизации. Мы видели, что факторов скромности много, и что большинство из них основаны на эмоциях, которые не имеют особого значения, за исключением рас, находящихся в диком или варварском состоянии. Таким образом, отвращение, как верно заметил Рише, неизбежно уменьшается по мере увеличения знаний.^[73] По мере того, как мы лучше анализируем и понимаем свой опыт, он вызывает у нас меньше отвращения. Тухлое яйцо отвратительно, но химик не испытывает отвращения к сероводороду; в то время как раствор пропиламина не производит отвратительного впечатления той физической нечистоты человека, пахучей составляющей которой он является. По мере того как отвращение подвергается анализу, а самоуважение стремится к повышению физической чистоты, фактор отвращения в скромности сводится к минимуму. Фактор церемониальной нечистоплотности, который играет столь важную роль в скромности на определенных этапах развития культуры, сегодня не имеет влияния, за исключением той степени, в какой он сохраняется в этикете. Точно так же социально-экономический фактор скромности, основанный на представлении о женщинах как собственности, относится к той стадии человеческого развития, которая совершенно чужда развитой цивилизации. Даже самый фундаментальный импульс из всех, жест сексуального отказа, обычно является императивом только у животных и дикарей. Таким образом, цивилизация стремится подчинить, если не свести к минимуму, скромность, превратив ее в жизненную благодать, а не в фундаментальный социальный закон жизни. Но неотъемлемая часть жизни в нем все еще сохраняется, и какие бы тонкие вариации он ни принимал, мы едва ли можем представить себе его исчезновение.

Однако в искусстве любви это нечто большее, чем грация; оно всегда должно быть фундаментальным. Скромность - это, конечно, не последнее слово любви, но это необходимая основа для всех самых изысканных дерзаний любви, основа, которая одна придает ценность и сладость тому, что Сенанкур называет "восхитительной дерзостью".^[74] Без скромности мы не смогли бы ни обладать, ни должным образом оценить по достоинству ту смелую и чистую откровенность, которая является одновременно окончательным проявлением любви и печатью ее искренности.

Даже Хоэнмизер, который утверждает, что для совершенного человека не может быть стыда, потому что стыд основывается на внутреннем конфликте в его собственной личности, а "совершенный человек не знает внутреннего конфликта", считает, что, поскольку человечество несовершенно, скромность обладает высокой и, действительно, симптоматической ценностью, поскольку "ее наличие показывает, что в соответствии с мерой идеальной личности человека устанавливаются его оценки".

Дугас идет дальше и утверждает, что идеалы скромности развиваются вместе с развитием человека и навсегда приобретают новые и более утонченные формы. "Существует, - заявляет он, - очень тесная связь между естественностью, или искренностью, и скромностью, ибо в любви естественность - это достигнутый идеал, а скромность - это всего лишь страх не соответствовать этому идеалу. Естественность - это признак и испытание совершенной любви. Это признак этого, ибо, когда любовь может проявить себя естественной и истинной, можно заключить, что она очищена от своих неизбежных несовершенств или изъянов, от смеси жалких и мелочных страстей, своей грубости, своих химерических представлений, что она стала

сильной, здоровым и энергичной. Это тяжелое испытание для нее, ибо, чтобы показать себя естественной, всегда быть правдивой, не стесняясь, она должна обладать всеми привлекательными качествами, и обладать ими, не ища, как второй натурой. То, что мы называем "естественным", на самом деле действительно приобретено; это дар физической и моральной эволюции, сохранять который как раз и является целью скромности. Скромность - это чувство истинной, то есть здоровой, любви; оно долгое время существует как видение, еще не достигнутое; смутное, но достаточно ясное, чтобы все, что отклоняется от него, было отвергнуто как оскорбительное и болезненное. Поначалу далекий и, казалось бы, недоступный идеал, по мере приближения он становится человеческим и индивидуальным и выходит из области мечты, его перестают любить как идеал, даже когда им обладают как реальным.

"На первый взгляд кажется парадоксальным определять скромность как стремление к истине в любви; напротив, кажется, что это совершенно надуманное чувство. Но чтобы упростить проблему, мы должны предположить, что скромность сведена к своим обычным функциям, освобождена от своих суеверий, своих разнообразных обычаев и предрассудков, истинная скромность простых и здоровых натур, столь же далекая от ханжества, как и от нескромности. И то, что мы называем естественным, или истинным в любви, - это странное смешение двух форм воображения, ошибочно считающихся несовместимыми: стремления к идеалу и восприятия реалий жизни. Определяемая таким образом, скромность не только отвергает ту холодную и расплывчатую критику, которая лишает любовь всякой поэзии и прокладывает путь грубому реализму; она также исключает то легкое и отстраненное воображение, которое парит над любовью, простой идеализм героических чувств, который лелеет поэтические иллюзии и проходит мимо, не видя ее, настоящей и живой любви. Истинная скромность подразумевает любовь, адресованную не героям тщеславных романов, а живым людям, стоящим ногами на земле. Но, с другой стороны, скромность - это уважение к любви; если ее не шокируют физические потребности, если она принимает физиологические и психологические условия, она также поддерживает идеал тех моральных приличий, вне которых для всех нас невозможно наслаждаться любовью. Когда любовь действительно ощущается, а не напрасно воображается, скромность является требованием идеала достоинства, понимаемого как само условие этой любви. Отделите скромность от любви, то есть от любви, которая не витает в воздухе, а кристаллизуется вокруг реального человека, и ее психологическая реальность, ее пронзительный и трагический характер исчезнут". (Dugas, "La Pudeur," *Revue Philosophique*, Nov., 1903.) При таком понимании скромность становится добродетелью, почти идентичной римской *модестии*.

[72] Фрейд отмечает, что часто можно услышать о пожилых дамах, что в юности, проведенной в деревне, они страдали, почти теряя сознание, от кровотечений из половых путей, потому что были слишком скромны, чтобы обратиться за медицинской консультацией и обследованием; он добавляет, что сегодня среди наших молодых женщин крайне редко можно встретить такое отношение. (С. Фрейд, *Цур нейросенехра*, 1906, с. 182.) Было бы легко найти свидетельства исчезновения неуместных признаков скромности, которые ранее были распространены, хотя этот признак растущей цивилизации не всегда отражался в наших законах и предписаниях.

[73] "Отвращение, - замечает он, - это своего рода синтез, который придает общей форме объектов и который должен уменьшаться и исчезать по мере того, как научный анализ разделяет на части то, что в целом вызывает отвращение".

[74] Сенанкур, *О любви*, 1834, том i, стр. 316. Он замечает, что бесполезная и ложная сдержанность проистекает скорее из глупости, чем из скромности.

ЯВЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧНОСТИ.

Содержание

Я.

Содержание

Различные физиологические и психологические ритмы—Менструация—Предполагаемое влияние Луны—Частое подавление менструаций у примитивных рас—Миттельшмерц—Возможная тенденция к будущему межменструальному циклу—Менструация у животных—Менструлирующие обезьяны и человекообразные обезьяны—Что такое менструация—Ее основная причина до сих пор неясна—Связь менструации с овуляцией—Периодическое отсутствие менструации в здоровом состоянии—Связь менструации с "Течкой"—Запрет на половые сношения во время менструации—Преобладание сексуального возбуждения во время менструации и вокруг нее—Ее отсутствие во время менструации Часто Только кажущийся.

Во всем растительном и животном мире половые функции носят периодический характер. Начиная с обычно ежегодного периода цветения у растений, с его игрой сперматозоидов и зародышевых клеток и последующим производством семян, через изменяющуюся сексуальную энергию животных, вплоть до ежемесячного расцвета полового организма у женщины, стремящегося не без пролития крови к удовлетворению своей репродуктивной функции, от начала до конца мы находим неопровержимые доказательства периодичности секса. Сначала солнце, а затем, как некоторые думали, луна повсюду оказывали ритмическое воздействие на феномены секса. Чтобы понять эти явления, мы должны не только признать само существование этого периодического факта, но и осознать его значение.

Вряд ли необходимо отмечать, что ритм далеко не характеризует только сексуальную активность. Это характер всей биологической активности, как с физической, так и с психической сторон. Кажется, что все органы тела находятся в постоянном процессе ритмичного сокращения и расширения. Сердце ритмично, как и дыхание. Селезенка ритмична, как и мочевой пузырь. Матка постоянно подвергается регулярным ритмичным сокращениям с короткими интервалами. На сосудистую систему, вплоть до мельчайших капилляров, воздействуют три серии вибраций, и каждый отдельный фрагмент мышечной ткани обладает ритмичной сократимостью. Рост сам по себе ритмичен и, как обнаружили Маллинг-Хансен и

последующие наблюдатели, следует регулярному годовому курсу, а также большому циклу. Что касается психических сторон, то внимание ритмично. Мы всегда испытываем непреодолимую потребность придать ритм каждой последовательности звуков, какими бы равномерными и монотонными они ни были. Знакомый пример этого - ритм, который мы редко можем не услышать в пыхтении двигателя. Серия экспериментов, проведенных Болтоном на тридцати испытуемых, показала, что щелчки электрического телефона, подключенного к индукционному аппарату, почти всегда разделялись на ритмические группы, обычно по две или четыре, редко по три или пять, причем ритмическое восприятие сопровождалось сильным импульсом к выполнению соответствующих мышечных движений.^[75]

Однако нас здесь интересует влияние — в какой-то степени реальное, в какой-то степени, возможно, только кажущееся, — космического ритма. Общая тенденция, физическая и психическая, нервной деятельности входить в ритм интересна просто с данной точки зрения как демонстрирующая биологическую предрасположенность к принятию любой периодичности, которая обычно навязывается организму.^[76] Менструация всегда ассоциировалась с лунными оборотами.^[77] Дарвин, не упоминая конкретно менструацию, предположил, что объяснение взаимосвязанного цикла вынашивания у млекопитающих, а также высиживания у птиц, может быть найдено в условиях, при которых асцидии живут при высокой и низкой воде вследствие явлений смены приливов.^[78] Однако следует помнить, что асцидийное происхождение позвоночных с тех пор оспаривалось со многих сторон, и, даже если мы признаем, что, во всяком случае, некоторые подобные сопутствующие условия в ранней истории позвоночных и их предков имели тенденцию влиять на лунный цикл расы, все же следует помнить, что ежемесячная периодичность менструаций становится хорошо заметной только в начале. отмечен у человеческого вида.^[79] Принимая во внимание влияние, оказываемое яркостью лунных ночей как на привычки, так и на эмоции даже животных, возможно, не будет экстравагантным предположить, что на организмы, уже наследственно предрасположенные к влиянию ритма в целом и космического ритма в частности, периодически повторяющееся полнолуние повлияло не только своей стимуляцией нервной системы, но, возможно, и особыми возможностями, которые оно давало. для осуществления сексуальных функций использовался лунный ритм менструации. Насколько важным может быть такой фактор, свидетельствует тот факт, что повседневная жизнь даже самых цивилизованных народов все еще регулируется недельным циклом, который, по-видимому, является частью космического лунного цикла.

Мантегацца предположил, что сексуальный период установился по отношению к лунному периоду, потому что лунные ночи были благоприятны для ухаживания,^[80] и Нельсон отмечает, что по его опыту, молодые и крепкие люди подвержены повторяющимся периодам бодрствования по ночам, которые они приписывают действию полной луны. Возможно, можно также сослаться на тенденцию яркого лунного света возбуждать эмоции молодежи, особенно в период полового созревания, тенденцию, которая у невротиков может стать почти болезненной.^[81]

Интересно отметить, что чем дальше в прошлое мы можем проследить зарождение культуры, тем более важной нам представляется роль луны. После смены дня и ночи изменения луны являются наиболее заметными и поразительными явлениями Природы; они впервые предлагают основу для исчисления времени; они находят наибольшее применение в примитивном сельском хозяйстве; и повсюду считается, что луна оказывает огромное влияние на всю органическую жизнь. Хан предположил, что причина, по которой мифологические

системы обычно не представляют луну в том высшем положении, которого мы должны ожидать, заключается в том, что ее огромное значение является настолько древним фактом, что по мере мифологического развития оно имеет тенденцию перекрываться другими элементами.^[82] Согласно Селеру, Кетцалькуатль и Тезеатлипока, две наиболее значительные фигуры в мексиканском пантеоне, следует рассматривать главным образом как взаимодополняющие формы лунного божества, а луна была главным мексиканским измерителем времени.^[83] Даже в Вавилонии, где солнце почиталось особенно высоко, в древнейший период луна занимала более высокое положение, постепенно вытесняемая поклонением солнцу.^[84] Хотя подобные соображения ни в коем случае не приведут нас так далеко назад, к самому раннему появлению менструации, они могут служить указанием на то, что фазы луны, вероятно, сыграли большую роль в ранней эволюции человека. В настоящее время мы должны удовлетвориться этим утверждением.

Возможно, что ежемесячный характер менструаций, хотя и представляющий общую тенденцию человеческой расы, всегда и везде преобладающую, может быть изменен в будущем. Примечательным фактом является то, что у многих примитивных рас менструации происходят только с длительными интервалами. Таким образом, у эскимосских женщин менструации происходят в соответствии с особыми космическими условиями, которым подвержен народ; Кук, этнолог из экспедиции Пири в Северную Гренландию, обнаружил, что менструации начинаются только в возрасте девятнадцати лет и что они обычно прекращаются в зимние месяцы, когда нет солнца, и только примерно у каждой десятой женщины менструации продолжаются в этот период.^[85] Вельпо заявил, что женщины Лапландии и Гренландии обычно менструируют только раз в три месяца или даже всего два-три раза в течение года. Говорят, что на Фарерских островах менструации часто отсутствуют. Мантегацца упоминает, что у самоедов менструации настолько незначительны, что некоторые путешественники отрицают их существование. Азара отметил, что у гуарани в Парагвае менструации были не только незначительными по количеству, но и разделялись большими промежутками. У индейцев Северной Америки менструации, опять же, кажутся скудными. Так, Холдер, рассказывая о своем опыте общения с индейцами племени кроу в Монтане, говорит: "Я совершенно уверен, что у чистокровных индейцев на этих широтах менструации протекают не так обильно, как у белых женщин, обычно не более трех дней".^[86] Говорят, что у обнаженных женщин Огненной Земли часто нет физических признаков менструации в течение шести месяцев подряд. Эти наблюдения заслуживают внимания, хотя в целом они ясно указывают на то, что примитивность расы является очень бессильным фактором без холодного климата. С другой стороны, опять же, есть некоторые основания предполагать, что в Европе у некоторых женщин существует скрытая тенденция к дальнейшему разделению менструального цикла на два цикла из-за появления скрытого малого климакса в середине месячного интервала. Я имею в виду явление, обычно называемое *Mittelschmerz*, боль в середине менструального цикла или межменструальная боль.

Со времен исследований Гудмана, Стивенсона, Ван Отта, Рейнла, Якоби и других было общепризнано, что менструация - это непрерывный процесс, течение которого является всего лишь кульминацией менструального цикла, физиологической волной, находящейся в постоянном притоке. Этот цикл проявляется во всей деятельности женщины, в обмене веществ, дыхании, температуре и т.д., а также на нервной и психической стороне. Чем здоровее женщина, тем меньше осознает циклическое возвращение своей жизни, но цикл можно

проследить (как обнаружил Хегар) еще до наступления половой зрелости, в то время как Салерни обнаружил, что даже при аменорее менструальный цикл все еще проявляется в температуре и дыхании. (*Rivista Sperimentale di Freniatria*, XXX, fasc. 2–3.)

Краткое описание феноменов менструального цикла см. в книге Хэвлока Эллиса "*Мужчина и женщина*", четвертое изд., исправленное и дополненное, глава XI; "Функциональная периодичность женщин". Ср. Келлер, *Архив генеральной медицины*, май 1897 г.; Хегар, *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1901, главы 2 и 3; Хелен Макмерчи, *Ланцет*, 5 октября. . 1901; А. Э. Джайлс, *Труды Лондонского акушерского общества*, том. xxxix, стр. 115 и т.д.

Миттельшмерц - это состояние боли, возникающее примерно в середине межменструального периода, либо самостоятельно, либо сопровождающееся небольшими кровянистыми выделениями, или, чаще, несангвиническими выделениями. (В случае, описанном Ван Ворнвельдом, проявление ограничивалось регулярно происходящим повышением температуры.) Явление варьируется, но, по-видимому, обычно возникает примерно на четырнадцатый день и длится два или три дня. Лейкок в 1840 году (*Нервные заболевания женщин*, стр. 46) привел примеры женщин с межменструальным периодом. Депол и Геньо (*Энциклопедический словарь медицинских наук*, статья "Менструация", стр. 694) говорят о межменструальных симптомах и даже о фактических течениях, возникающих у женщин, находящихся в прекрасном состоянии здоровья, и составляющих подлинные "*фамилии*". Однако считается, что это состояние было впервые полностью описано Валлеем; затем, в 18725 году, сэром Уильямом Пристли; и впоследствии Фелингом, Фасбендером, Сорелом, Холлидеем Крумом, Финдли, Аддинселлом и другими. (См., например, "*Mittelschmerz*" Дж. Холлидея Крума, *Труды Эдинбургского акушерского общества*, том. xxi, 1896. Также Кригер, *Менструация*, стр. 68-69.) Флисс (*Die Beziehungen zwischen Nase und weiblichen Geschlechts-Organen*, стр. 118) заходит так далеко, что утверждает, что межменструальный период с менструальными симптомами, который он называет *отсутствием менструации*, является "явлением, хорошо известным большинству здоровых женщин". Наблюдений в настоящее время слишком мало, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы, и в некоторых из зарегистрированных до сих пор случаев было обнаружено наличие патологического состояния половых органов. Рознер из Кракова, однако, обнаружил, что только в одном случае из двенадцати присутствовало какое-либо заболевание (*La Gynécologie*, июнь 1905 г.), а Сторер, который встречался с двадцатью случаями, настаивает на замечательной и определенной регулярности проявлений, совершенно не похожих на проявления невралгии (*Boston Medical and Surgical Journal*, 19 апреля 1900 г.). Нет единого мнения относительно причины *Миттельшмерца*. Аддинселл объяснил это заболеванием фаллопиевых труб. Это, однако, отрицается такими компетентными органами, как Колингворт и Блэнд Саттон. Другие, такие как Пристли, а впоследствии Марш (*Американский журнал акушерства*, июль 1897 г.), пытались найти объяснение в возникновении овуляции. Эта теория, однако, не подкреплена фактами и в конечном итоге основывается на необоснованном убеждении, что овуляция является причиной менструации. Рознер, следуя Ришле, неопределенно приписывает это рассеянной гиперемии, которая обычно присутствует. Ван де Вельде также объясняет это аномальным снижением сосудистого тонуса, вызывающим пассивную гиперемию внутренних органов малого таза. Другие, опять же, как Арман Раут и Маклин, в ходе интересной дискуссии о *Миттельшмерце* в Лондонском акушерском обществе второго марта 1898 года, полагают, что мы можем проследить здесь двойную менструацию, и объяснили бы это явление, предположив, что в определенных случаях существует не только менструальный цикл, но и

межменструальный. Этот вопрос еще не созрел для решения, хотя совершенно очевидно, что, рассматривая явления гона и менструации в широком смысле, главной причиной их увеличения частоты по мере того, как мы приближаемся к цивилизованному человеку, является увеличение количества питательных веществ, при этом тепло и солнечный свет являются факторами питания. Однако, когда мы имеем дело с цивилизованным человеком, нас, вероятно, волнует не просто общее питание, но и нервное направление этого питания.

На этой стадии естественно задаться вопросом, каковы соответствующие явления у животных. К сожалению, каким бы несовершенным ни было наше понимание человеческих феноменов, наши знания о соответствующих явлениях среди животных гораздо более фрагментарны и неполны. У большинства животных менструации не существует, ее заменяет так называемая течка, или струс, которая обычно возникает один или два раза в год, весной и осенью, иногда поражая как самцов, так и самок.^[87] Однако наблюдается значительный прогресс в развитии феноменов по мере приближения к нашему собственному и смежному зоологическому ряду. Течка у одомашненных коров обычно наступает каждые три недели. Было замечено, что у самки гиппопотама из Зоологических садов ежемесячно наблюдается сексуальное возбуждение с набуханием и выделениями из вульвы. Прогресс происходит не только в сторону увеличения частоты по мере более высокой эволюции или усиления одомашнивания, но и в изменении характера потока. Как Уилтшир,^[88] в своих замечательных лекциях по "Сравнительной физиологии менструации" утверждал как закон, что чем более высокоразвито животное, тем более кровожадно протекает менструальный цикл.

Только после того, как мы доберемся до обезьян, этот характер течения становится хорошо заметным. Ежемесячные кровянистые выделения наблюдались у многих обезьян. В семнадцатом веке различные наблюдатели во многих частях света — Бохниус, Пейер, Хелбигиус, Ван дер Виль и другие — отмечали менструацию у обезьян.^[89] Буффон наблюдал это у различных обезьян, а также у орангутанга. Ж. Г. Сент-Илер и Кювье много лет назад заявили, что менструация существует у различных обезьян и низших приматов. Ренггер описал выделения из влагалища у вида *sebus* в Парагвае, в то время как Рачиборски наблюдал в Ботаническом саду, что менструальные кровотечения у генонов были настолько обильными, что ими был в значительной степени покрыт пол клетки; ту же разновидность обезьян наблюдал в Суринаме Хилл, хирург голландской армии, который отметил обильные кровянистые выделения, происходящие в каждое новолуние и продолжающиеся около трех дней, при этом животное в это время также проявляло признаки сексуального возбуждения.^[90]

Макака и павиан, по-видимому, являются нечеловеческими животными, у которых менструация соблюдалась наиболее тщательно. В первом, помимо потока, Блэнд Саттон отмечает, что "все обнаженные или бледно окрашенные части тела, такие как лицо, шея и седалищные области, приобретают ярко-розовый цвет; в некоторых случаях это ярко-красный".^[91] Течение незначительное, но окраска держится несколько дней, и в теплую погоду половые губы сильно набухают.

Неаре^[92] наиболее полно и тщательно описал менструацию у обезьян. В Калькутте он обнаружил, что у *Macacus cynomolgus* 20 декабря, 20 января и примерно 20 февраля регулярно происходили менструации. У *Cynocephalus porcaria* и у *Semnopithecus entellus* менструации длились каждый месяц около четырех дней. У макак-резусов и циномолгус во время

менструации "соски и вульва становятся набухшими и глубоко закупоренными, а кожа ягодиц опухшей, напряженной и приобретает ярко-красный или даже фиолетовый цвет. Брюшная стенка также, на небольшом участке сверху, и внутренняя поверхность бедер, иногда доходящая до пяток, и нижняя поверхность хвоста на половине его длины или более, окрашены в ярко-красный цвет, в то время как кожа лица, особенно вокруг глаз, покраснела или покрыта красными пятнами". На поздних сроках беременности окраска становится еще более яркой. Нечто подобное можно наблюдать и у самцов.

Дистантный, который некоторое время содержал самку павиана, записал даты менструаций в течение года. Он обнаружил, что в течение года произошло девять менструаций. Средняя продолжительность между периодами составляла почти шесть недель, но они происходили чаще поздней осенью и зимой, чем летом.^[93]

Хипе отметил интересный факт, что, несмотря на менструацию, сезонное влияние, или гон, все еще сохранялось у обезьян, которых он исследовал.

В случае человекообразных обезьян Хартманн отмечает, что несколько наблюдателей зафиксировали периодические менструации у шимпанзе с покраснением и увеличением внешних частей и выпячиванием наружных губ, которые обычно не видны, в то время как часто наблюдается чрезмерное увеличение и покраснение этих частей и задних мозолей во время сексуального возбуждения. Однако, по-видимому, очень мало определенно известно о какой-либо форме менструации у высших обезьян. М. Деникер, который провел специальное исследование человекообразных обезьян, сообщает мне, что до сих пор он не смог сделать определенных наблюдений относительно существования менструации. Молл отмечает, что он получил информацию о подобном явлении у орангутангов. Несколько лет назад в Берлинском зоологическом саду содержалась пара орангутанов, и было заявлено, что у самки периодически наблюдаются менструации, похожие на женские, и в течение этого периода она воздерживалась от половых контактов, которые в остальном обычно осуществлялись через равные промежутки времени, по крайней мере, каждые два-три дня; Молл, однако, добавляет, что, хотя его информатор - надежный человек, прошедшее время могло привести его к ошибкам в деталях. Кит в статье, прочитанной в Лондонском зоологическом обществе, описал менструации у шимпанзе; они происходили каждые двадцать третий или двадцать четвертый день и продолжались три дня; выделения были обильными и впервые появились примерно на девятый или десятый год.^[94]

Что такое менструация? По его очевидным симптомам это легко описать как ежемесячные выделения крови из матки, но почти столько же, сколько было известно в младенчестве миру. Когда мы пытаемся более глубоко проникнуть в природу менструации, мы все еще сбивы с толку не только в отношении ее причины, но даже в отношении ее точного механизма. "Основная причина менструации остается необъяснимой"; "причина менструации остается такой же неясной, как и прежде"; так заключают два самых тщательных и осторожных исследователя этого предмета.^[95] Однако широко распространено мнение, что основной причиной менструации является ритмичное сокращение матки — результат неудачной подготовки к оплодотворению - своего рода миниатюрных родов. Это, по-видимому, наиболее разумный взгляд на менструацию; *т.е.*, как на аборт децидуита. Бурдах (по словам Бирда) был первым, кто описал менструацию как прерванные роды. "Гипотеза о том, - заключают Маршалл и Джолли, -

что весь про-зародышевый процесс имеет природу подготовки к откладыванию яйцеклетки, согласуется с фактами".^[96] К счастью, поскольку нас здесь в первую очередь интересуют ее психологические аспекты, точная биологическая причина и физиологический характер менструации нас не сильно беспокоят.

Однако есть один момент, который в последние годы был определенно определен и который нельзя пропустить без упоминания: связь менструации с овуляцией. Когда-то предполагалось, что созревание яйцеклетки в яичниках является необходимым сопровождением и даже причиной менструации. Теперь мы знаем, что овуляция продолжается на протяжении всей жизни, даже до рождения и во время беременности,^[97] и что удаление яичников ни в коем случае не обязательно влечет за собой прекращение менструации. Было показано, что регулярные и даже чрезмерные менструации могут иметь место при врожденном отсутствии яичников или фаллопиевых труб.^[98] С другой стороны, рудиментарное состояние матки и полное отсутствие менструаций могут наблюдаться при хорошо развитых яичниках и нормальной овуляции.^[99] Мы должны рассматривать матку как в некоторой степени независимый орган, а менструацию как процесс, который возник, без сомнения, с целью, говоря телеологически, более эффективного взаимодействия с овуляцией, но стал в значительной степени независимым.^[100]

Иногда утверждается, что менструации могут полностью отсутствовать при полном здоровье. Однако было зарегистрировано несколько случаев этого состояния с подробностями, необходимыми для подтверждения этого утверждения. Один такой случай был исследован доктором Х. В. Митчеллом и описан в статье, прочитанной Медицинскому обществу округа Нью-Йорк 22 февраля 1892 г. (можно найти в *Medical Reprints*, июнь 1892 г.). Объектом исследования была молодая незамужняя женщина 24 лет. Она родилась в Ирландии и до своей эмиграции тихо жила дома со своими родителями. Когда ей было тогда двадцать лет, она покинула дом и приехала в Нью-Йорк. До этого времени никаких признаков менструации не появлялось, и она никогда не слышала, что такая функция существует. Вскоре после своего приезда в Нью-Йорк она устроилась горничной, и через некоторое время было замечено, что она не каждый месяц чувствует себя плохо. Друзья наполняли ее уши дикими историями об ужасных последствиях, которые могут последовать за отсутствием менструаций. Это сильно беспокоило ее, и, как следствие, она стала бледной и анемичной, с потерей плоти, аппетита и сна, а также с длинной чередой воображаемых нервных симптомов. Она обратилась за лечением и настояла на обследовании матки. Это не выявило патологического состояния ее матки. Ее заверили, что она не умрет, не сойдет с ума и не станет хронической инвалидкой. В результате она вскоре забыла, что чем-то отличается от других девочек. Курс тонизирующих средств из чалибата, щедрая диета и надлежащий уход за ее общим здоровьем вскоре вернули ее к нормальному состоянию. После тщательного наблюдения в течение нескольких лет она подверглась тщательному обследованию, хотя и была полностью свободна от каких-либо ненормальных симптомов. Обследование показало следующее физическое состояние: вес 105 фунтов (ее вес до отъезда из Ирландии составлял 130); обхват груди двадцать девять с половиной дюймов; обхват живота двадцать пять дюймов; обхват таза тридцать четыре с половиной дюйма; обхват бедер в верхней трети двадцать дюймов; сердце здоровое, звуки и ритм в полном порядке; пульс 76; легкие здоровые; дыхательные шумы четкие и отчетливые во всех частях тела; дыхание легкое, двадцать ударов в минуту; молочные железы хорошо развиты, твердые и округлые; соски маленькие, без ареол; ее кожа мягкая, гладкая и здоровая; фигура прямая, пухлая и симметричная; кишечник в норме; почки здоровы. У нее хороший аппетит, она хорошо спит и не

проявляет никаких особых признаков плохого самочувствия. При осмотре матки обнаруживается короткое влагалище и маленькая круглая шейка матки, несколько меньшего размера, чем в среднем, и очень незначительно выступающая во влагалищный канал. Глубина матки от зева до дна, два четверть дюйма, почти в норме. Внешних признаков патологии яичников нет. Это хорошо развитая, здоровая молодая женщина, выполняющая все свои физиологические функции естественным и регулярным образом, за исключением единственной функции менструации. Ни заместительная менструация не заменяет естественную функцию, хотя за ней очень внимательно наблюдали в течение последних двух лет, ни малейшее периодическое возбуждение. Добавляется, что, хотя клитор в норме, на венерической артерии почти нет волос, а половые губы довольно неразвиты, в то время как, "насколько известно", сексуальные инстинкты и желание полностью отсутствуют. Эти последние факты, я могу добавить, по-видимому, наводят на мысль, что, несмотря на здоровье субъекта, все же имеется некоторый скрытый недостаток развития половой системы, носящий врожденный характер. В случае, зарегистрированном Плантом (*Centralblatt für Gynäkologie*, № 9, 1896, краткое изложение в *British Medical Journal*, 4 апреля 1896 г.), при котором внутренние половые органы были почти полностью неразвиты, а менструации отсутствовали, половые губы были также неразвиты, а волосы на лобке скудные, в то время как волосы в подмышечных впадинах полностью отсутствовали, хотя волосы на голове были длинными и крепкими.

Теперь мы можем рассматривать как чисто академическую дискуссию, которая ранее велась относительно того, следует ли рассматривать менструацию как аналог течки у самок животных. По крайней мере, на протяжении многих веков это сходство было достаточно очевидным. Рациборский и Пуше, которые первыми установили регулярную периодичность овуляции у млекопитающих, отождествили течку и менструацию.^[101] Несмотря на это, в течение прошлого столетия время от времени наблюдалась тенденция отрицать какую-либо реальную связь. Однако никаких удовлетворительных оснований для этого отказа представлено не было. Лоусон Тейт, действительно, и совсем недавно Бирд заявили, что менструация не может быть периодом течки, потому что женщины не склонны к приближению мужчины в это время.^[102] Но, как мы увидим позже, это утверждение необоснованно. Аргументом, который действительно можно было бы выдвинуть, является весьма примечательный факт, что, в то время как у животных период течки является единственным периодом для полового акта, среди всех человеческих рас, начиная с самых низших, период менструации является единственным периодом, в течение которого половой акт строго запрещен, иногда под угрозой суровых наказаний, даже самой жизни. Это, однако, социальный, а не физиологический факт.

Плосс и Бартельс обращают внимание на любопытный контраст в этом отношении между жарой и менструацией. Те же авторы также упоминают, что в средние века проповедники считали необходимым предостерегать своих слушателей от греха полового акта во время менструации. Можно добавить, что Аквинат и многие другие ранние теологи считали не только, что такое половое сношение было смертным грехом, но и что от него рождались прокаженные и уродливые дети. Однако некоторые более поздние богословы, такие как Санчес, утверждали, что постановления Моисея (такие как Левит, гл. XX, ст. 18) больше не действуют. Современные богословы — отчасти под влиянием толерантных традиций лигуори, а отчасти, подобно Дебрейну (*"Механиалогия"*, стр. 275 и далее), информированные медицинской наукой, — больше не запрещают половой акт во время менструации и не рассматривают его только как простительный грех.

Перед нами замечательный, но не единичный пример тенденции человеческого разума в процессе его развития восстать против притязаний примитивной природы. Вся религия - это аналогичное переделывание природы, подавление естественных импульсов, попытка направить их в новое русло. Запрет на половые сношения во время менструации является фундаментальным элементом дикарского ритуала, элементом, который универсален просто потому, что условия, вызвавшие его, универсальны, и потому, что — как теперь начинает общепризнанно — причины психической эволюции человека везде одни и те же. Строго аналогичным явлением в самой сексуальной сфере является противоположное отношение к половым органам в варварстве и цивилизации. В варварских условиях и среди дикарей, когда не вмешиваются магико-религиозные идеи, половые органы являются прекрасными и доставляющими удовольствие объектами. В современных условиях это не так. Эта разница в отношении отражена в скульптуре. На диких изваяниях, изображающих людей, половые органы обоих полов часто чрезвычайно преувеличены. Это верно в отношении архаичных европейских фигур, на которые Саломон Райнах пролил так много света, но в современной скульптуре, начиная с того времени, когда она достигла своего совершенства в Греции, сексуальные области как у мужчин, так и у женщин систематически сводятся к минимуму.^[103]

С развитием культуры — как мы снова увидим позже — возникает конфликт притязаний, и определенные соображения рассматриваются как "более высокие" и действенные, чем просто "естественные" притязания. Нагота более естественна, чем одежда, и по многим причинам более желательна при обычных обстоятельствах жизни, тем не менее, повсюду, под давлением того, что считается высшими соображениями, у всех рас наблюдается тенденция все больше и больше увеличивать бремя ношения одежды. Точно так же случается, что склонность женщины к половому акту во время менструации^[104] повсеместно перекрывалась идеями культуры, которая настаивала на том, чтобы рассматривать менструацию как сверхъестественное явление, на которое для защиты всех должно быть наложено строгое табу.^[105] Эта тенденция усиливается, а в условиях высокой цивилизации заменяется претензиями на эстетическое уважение к скрытности и сдержанности в течение этого периода. Подобные факты важны для ранней истории культуры, но они не должны закрывать нам глаза на реальную аналогию между теплом и менструацией, аналогию или даже отождествление, которое, можно сказать, принято сейчас наиболее внимательными исследователями.^[106]

Если, возможно, будет несколько излишним заявлять вслед за Джонстоном, что "женщина - единственное животное, у которого гон вездесущ", мы должны признать, что две группы феноменов сливаются или замещают друг друга, что их объект идентичен, что они предполагают сходные психические состояния. Здесь мы также видим поразительный пример того, как женщины сохраняют примитивный феномен, который ранее в зоологическом ряду был общим для обоих полов, но который мужчина теперь утратил. Течка и менструация, какими бы различиями в деталях они ни отличались, являются практически одним и тем же явлением. Мы не сможем понять менструацию, если не будем иметь это в виду.

С психической стороны главной нормальной и примитивной характеристикой менструального цикла является более преобладающее присутствие сексуального влечения. Существуют и другие психические и эмоциональные признаки раздражительности и нестабильности, которые, как правило, слегка нарушают полную психическую целостность и у некоторых неуравновешенных людей чаще вызывают взрывы гнева или депрессии, в более редких случаях - преступления;^[107] но усиление сексуального влечения, вялость, застенчивость и капризность

являются более человеческими проявлениями эмоционального состояния, которое у некоторых людей с более низким уровнем самки животных во время течки могут впадать в состояние ярости.

Фактический период менструации, во всяком случае, первые два-три дня, у европейских женщин обычно не вызывает какого-либо усиления сексуальных эмоций.^[108] Это усиление обычно происходит за несколько дней до и особенно во время последней части кровотечения и сразу после его прекращения.^[109] Я, однако, убедил себя путем исследования, что это отсутствие сексуального чувства в разгар потока, по большей части, только кажущееся. Несомненно, начало менструации, часто вызывающее общее угнетение жизненных сил, может иметь прямую тенденцию к угнетению эмоций, которые усиливаются общим эмоциональным состоянием и местной перегруженностью непосредственно предшествующих дней; но, во всяком случае, у некоторых женщин, которые нормальны и находятся в добром здравии, я нахожу, что период самой менструации перекрывается периодом кульминации сексуального чувства. Так, замужняя дама пишет: "Мои чувства всегда очень сильны, не только непосредственно до и после, но и во время менструации; к большому сожалению, поскольку, конечно, тогда они не могут быть удовлетворены"; в то время как утонченная девушка 19 лет, живущая целомудренной жизнью, без коитуса или мастурбации, которыми она никогда не занималась, обычно испытывает очень сильное сексуальное возбуждение во время менструации, и особенно во время менструации; это желание мучает ее всю жизнь, мешает ей спать в это время, и она смотрит на это как на своего рода болезнь.^[110] Я мог бы процитировать множество других подобных и столь же решительных утверждений, и тот факт, что столь кардинальные отношения в сексуальной жизни женщин должны игнорироваться или отрицаться большинством авторов по этому вопросу, является любопытным доказательством преобладающего невежества.^[111]

Этому невежеству способствует тот факт, что женщины часто скрывают даже от самих себя истинное состояние своих чувств. Одна женщина замечает, что, хотя она была бы очень готова к половому акту во время менструации, мысль о том, что это невозможно в это время, заставляет ее выбросить эту мысль из головы. У меня есть основания думать, что это заявление может быть воспринято как выражение истинных чувств очень многих женщин. Отвращение к половому акту реально, но часто оно связано не с потерей сексуального желания, а с тормозящим действием мощных внешних причин. Отсутствие активного сексуального желания у женщин в разгар менструации, таким образом, может рассматриваться как, частично, физиологический факт, вытекающий из соответствия фактических менструальных выделений периоду *удрамножения*, и частично, психологический факт, обусловленный эстетическим отвращением к союзу в таких условиях и безоговорочным принятием общего убеждения, что в такой период о половом акте не может быть и речи. Некоторые из сильнейших факторов скромности, особенно страх вызвать отвращение и осознание требований церемониального ритуала, таким образом, помогли бы сдерживать сексуальные эмоции в этот период, а когда под влиянием безумия эти мотивы ослабевают, совпадение сексуального желания с менструальными выделениями часто становится более очевидным.^[112]

Следует добавить, что, особенно среди низших социальных классов, все еще сохраняется примитивная вера дикарей в то, что коитус во время менструации вреден для мужчины. Плосс и Бартельс упоминают, что среди крестьян в некоторых частях Германии, где считается, что оплодотворение невозможно во время менструации, половые акты в это время были бы частыми, если бы их не считали опасными для мужчины.^[113] Также как в древности, так и в наше время было распространено поверье, что коитус во время менструации порождает монстров.^[114]

Несмотря на все препятствия, которые, таким образом, возникают на пути коитуса во время менструации, тем не менее, есть веские основания полагать, что первый коитус очень часто происходит в этот момент наименьшего психического сопротивления. Еще будучи студенткой, я была поражена случаями, когда соблазнение происходило во время менструации, хотя в то время они казались мне необъяснимыми, кроме как свидетельствующими о жестокости со стороны соблазнителя. Негриер,^[115] в родильных палатах Отеля-Дье в Анже постоянно обнаруживалось, что женщины из страны, которые приезжали туда беременными в результате одиночного полового акта, были оплодотворены в период менструации или около него, особенно когда период совпадал с праздником, таким как День Святого Иоанна или Рождество.

Какие бы сомнения ни существовали относительно наиболее частого проявления сексуальных эмоций в период менструации, не может быть никаких сомнений в том, что непосредственно перед и сразу после менструации, очень часто в оба момента — это немного различается у разных женщин — обычно наблюдается заметное усиление реального желания. Именно в этот период (а иногда и во время менструации) может иметь место мастурбация женщин, которые в другое время не испытывают сильного аутоэротического импульса. Единственными женщинами, которые не проявляют такого усиления сексуальных эмоций, по-видимому, являются те, у кого сексуальные чувства еще не были определенно осознаны, или небольшое меньшинство, обычно страдающее каким-либо расстройством сексуального или общего здоровья, у которых наблюдается высокая степень сексуальной анестезии.^[116]

Большинство авторитетных специалистов признают усиление сексуальных эмоций до или после менструального кризиса. См., например, Крафт-Эбинга, который относит это к постменструальному периоду (*Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 27). Адлер утверждает, что сексуальное чувство усиливается до, во время и после менструации (*Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, стр. 88). Коссманн (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, I, 249) советует вступать в половую связь сразу после менструации или даже в последние дни ее течения как период, когда это наиболее необходимо. Гийо говорит, что восемь дней после менструации - это период сексуального влечения у женщин (*Справочник по любовным экспериментам*, стр. 144). Гарри Кэмпбелл исследовал периодичность сексуального влечения у здоровых женщин рабочего класса в ряде случаев, опрашивая их мужей, которые были пациентами лондонской больницы. Люди этого класса не всегда искусны в наблюдении, и принятый метод позволил бы многим фактам остаться незарегистрированными; поэтому примечательно, что только в одной трети случаев не наблюдалось никакой связи между менструацией и сексуальными ощущениями; в остальных двух третях сексуальные ощущения были усилены либо до, после, либо во время менструации, либо во все эти периоды; соотношение случаев, в которых сексуальные ощущения были усилены до менструации, к тем, в которых они были усилены после, составляло три к двум. (Х. Кэмпбелл, *Нервная организация мужчин и женщин*, стр. 203.)

Однако даже этот элементарный факт сексуальной жизни отрицался, и, как ни странно, двумя женщинами-врачами. Доктор Мэри Патнэм Джейкоби из Нью-Йорка, внесшая ценный вклад в физиологию менструации, написала несколько лет назад в статье "Теория менструации" в связи с вопросом о связи между стрессом и менструацией: "У женщин также не может быть продемонстрировано такого ритмичного изменения полового инстинкта, которое привело бы к выводу, что менструальный кризис был выражением этого", т.е., конечно. Доктор Элизабет Блэкуэлл, опять же, в своей книге *очеловеческом элементе в сексе*, утверждает, что менструальные выделения сами по себе дают полное облегчение сексуальных ощущений у женщин (подобно сексуальным выделениям во время сна у мужчин), и, таким образом, практически отрицает преобладание сексуального желания непосредственно после менструации, когда, согласно такой теории, сексуальные ощущения должны быть минимальными. Справедливо добавить, что мнение доктора Блэкуэлл - всего лишь пережиток точки зрения, широко распространенной столетие назад, когда различные авторы (Бордо, Руссель, Дюффье, Ж. Арнольд и др.), как указывал Икард, рассматривали менструацию как средство Провидения для сохранения девственности женщин.

[75] Таддеус Л. Болтон, "Ритм", *Американский журнал психологии*, январь 1894г.

[76] Вряд ли нужно предупреждать читателя, что это утверждение не предreshает вопроса о наследовании приобретенных признаков, хотя и согласуется с мнемической теорией Семона. Однако мы можем с полным основанием предположить, что организм приспособился к ритмам окружающей среды благодаря ряду врожденных вариаций. Или же, основываясь на доктрине Вейсмана, можно было бы утверждать, что зародышевая плазма была непосредственно модифицирована окружающей средой.

[77] Таким образом, папуасы в некоторых районах верят, что первая менструация происходит из-за реальной связи во сне с луной в форме мужчины, девушке снится, что ее обнимает настоящий мужчина. (*Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив*, том V, стр. 206.)

[78] Дарвин, *Происхождение человека*, стр. 164.

[79] Хотя у большинства женщин менструальный цикл является регулярным для каждого человека и соответствует 28-дневному лунному месяцу, следует добавить, что у значительного меньшинства он несколько длиннее или, что более обычно, короче указанного, и у многих людей не является постоянным. Остерлох обнаружил регулярный тип менструации у 68% здоровых женщин, при этом четыре недели были наиболее обычной продолжительностью цикла; у 21% цикл всегда был нерегулярным. See Näcke, "Die Menstruation und ihr Einfluss bei chronischen Psychosen," *Archiv für Psychiatrie*, 1896, Bd, 28, Heft 1.

[80] У дуала и родственных им негритянских народов банту в полнолуние проводятся массовые танцы ярко выраженного эротического характера. Гасон описывает танцы и сексуальные празднества чернокожих Южной Австралии, за которыми обычно следуют беспорядочные половые сношения, как происходящие в полнолуние. (*Журнал Антропологического института*, ноябрь 1894 г., стр. 174.) Действительно, во всех частях света, включая христианский мир, праздники часто регулируются фазами луны.

[81] Часто считалось, что течение безумия зависит от луны. В сравнительно недавние годы этот тезис поддерживал Костер (*Руководство по периодическому расстройству и управлению нервной системой*, Бонн, 1882), который подробно доказывает, что периодическое безумие имеет тенденцию разделяться на периоды продолжительностью семь дней или кратные семи.

[82] Ред. Хан, *Дементра и Баубо*, стр. 23.

[83] Э. Селер, *Журнал этнологии*, 1907, Высота I, стр. 39. А что касается первобытного значения луны, см. Также Фрейзер, *Адонис, Аттис, Осирис*, глава VIII.

[84] Ястроу, *Религия Вавилонии*, 1898, стр. 68, 75-79, 461.

[85] Даже в Англии Барнс знал женщин слабой половой конституции, у которых менструации были только летом (Р. Барнс, *Женские болезни*, 1878, стр. 192).

[86] А. Б. Холдер, "Гинекологические заметки американских индейцев", *Американский журнал акушерства*, № 6, 1892.

[87] У самцов это явление называется гон, и наиболее распространено у оленей. Я цитирую некоторые замечания Маршалла и Джолли о редкости гона: ""У самца дикой кошки, - сообщает нам мистер Коксак (как и у оленя), - бывает сезон гона, он громко кричит почти день и ночь, производя гораздо больше шума, чем самка ". Эта информация представляет интерес, поскольку у самцов большинства плотоядных животных, хотя они, несомненно, проявляют признаки повышенной сексуальной активности в одни моменты чаще, чем в другие, не известно, чтобы у них было что-либо похожее на регулярно повторяющийся сезон гона. Ничего подобного не известно ни у Собаки, ни, насколько нам известно, у самцов домашней Кошки или Хорька, которые, по-видимому, способны к совокуплению в любое время года. С другой стороны, у самцов тюленей, по-видимому, сезон гона совпадает с половым сезоном самки ". (Маршалл и Джолли, "Вклад в физиологию размножения млекопитающих", *Философские труды*, 1905, В. 198.)

[88] А. Уилтшир, *Британский медицинский журнал*, март 1883 г. Лучший известный мне отчет о теплоте содержится в книге Элленбергера "*Истинная физиология оседлости*", 1892, Полоса 4, Глава 2, стр. 276-284.

[89] Шуриг (*Партенология*, 1729, стр. 125), дает многочисленные ссылки и цитаты.

[90] Цитируется Icard, *La Femme* др., стр. 63.

[91] Блэнд Саттон, *Хирургические заболевания яичников и Британский гинекологический журнал*, том ii.

[92] У. Хип, "Менструация у семнопитека Энтеллуса", *Философские труды*, 1894; "Менструация и овуляция умакаки-резуса", *Философские труды*, 1897.

[93] У. Л. Дистант, "Заметки о бабуине Чакма", *Зоолог*, январь 1897 г., стр. 29.

[94] *Природа*, 23 марта 1899г.

[95] У. Хип, "Менструация семнопитека Энтеллуса", *Философские труды*, 1894, стр. 483; Блэнд Саттон, *Хирургические заболевания яичников*, 1896.

[96] Т. Брайс и Дж. Тичер (*Вклад в изучение раннего развития яйцеклетки человека*, 1908), ставя вопрос несколько иначе, рассматривают менструацию как циклический процесс, обеспечивающий поддержание эндометрия в подходящем состоянии незрелости для выработки децидуальной жидкости беременности, которая, по их мнению, может иметь место в любое время беременности. месяц, хотя наиболее предпочтительно незадолго до или после менструации, которая сопровождалась овуляцией.

[97] Робинсон, *Американский гинекологический и акушерский журнал*, август 1905г.

[98] Босси, *Анналы остеологии и гинекологии*, сентябрь 1896 г.; обобщено в *Британском медицинском журнале*, 31 октября 1896 г. Что касается более нормального влияния яичников на матку, см., например, Кармайл и Ф. Х. А. Маршалл, "Корреляция функций яичников и матки", *Труды Королевского общества*, том 79, серия В, 1907.

[99] Биттнер, *Centralblatt für Gynäkologie*, № 49, 1893; обобщено в *British Medical Journal*, декабрь 1893. Многие случаи показывают, что беременность может наступить при отсутствии менструации. See, e.g., *Nouvelles Archives d'Obstétrique et de Gynécologie*, 25 Janvier, 1894, supplement, p. 9.

[100] Все еще возможно и даже вероятно, что первопричина обоих явлений одна и та же. Неаре (*Труды Лондонского акушерского общества*, 1898, т. xl, стр. 161) утверждает, что и менструация, и овуляция тесно связаны с застойными явлениями и находятся под их влиянием, и что в первобытном состоянии они в значительной степени обусловлены одной и той же причиной. Эту первопричину он склонен рассматривать как фермент из-за изменения состава крови, вызванного климатическими воздействиями и пищей, который он предлагает называть гонадином. (W. Неаре, *Труды Королевского общества*, 1905, т. В. 76, с. 266.) Маршалл, который обнаружил, что у хорька и других животных овуляция может зависеть от совокупления, также считает, что овуляция и менструация, хотя и связаны и способны реагировать друг на друга, могут зависеть от общей причины; он обнаруживает, что у суки овуляция и менструация могут зависеть от общей причины. а у крыс тепло может вырабатываться путем инъекции экстракта из яичников в остром состоянии (F. H. A. Marshall, *Philosophical Transactions*, 1903, т. В. 196; также Marshall and Jolly, *id.*, 1905, В. 198). Ср. С. J. Bond, "Исследование некоторых моментов физиологии и патологии матки и яичников у кроликов", *Британский медицинский журнал*, 21 июля 1906г.

[101] Пуше, *Теория спонтанной овуляции*, 1847. Как замечают Блэр Белл и Понтланд Хик ("Менструация", *Британский медицинский журнал*, 6 марта 1909 г.), повторный менструальный цикл у небеременных животных (у кроликов раз в две недели), безусловно, сравним с менструацией.

[102] Тейт, *Провинциальный медицинский журнал*, май 1891 г.; J. Beard, *Продолжительность беременности*, 1897, стр. 69. Лоусон Тейт сводится к утверждению, что овуляция и менструация идентичны.

[103] Как указывает Молл, даже вторичные половые признаки претерпели несколько аналогичные изменения. Борода когда-то была важным сексуальным атрибутом, но теперь мужчины могут позволить себе обойтись без нее, не опасаясь потери привлекательности. (*Половое влечение*, Группа I, стр. 387.) Более подробно эти моменты обсуждаются в четвертом томе *этих исследований* "Половой отбор у человека".

[104] Не совсем установлено, что у менструирующих животных период менструации всегда является периодом полового акта; вероятно, нет, влияние менструации уменьшается из-за более фундаментального влияния сезонов размножения, которые влияют и на самцов; у обезьян есть сезон размножения, хотя они менструируют регулярно круглый год.

[105] См. Приложение А.

[106] Блэнд Саттон, *цит. по.*, стр. 896.

[107] См. Х. Эллис, "*Мужчина и женщина*", глава XI.

[108] Это ни в коем случае не относится только к европейским женщинам. Так, в арабской книге "*Благоухающий сад*" мы читаем, что женщины испытывают отвращение к половому акту во время менструации. С другой стороны, старый индуистский врач Шушрута, по-видимому, утверждал, что склонность бегать за мужчинами является одним из признаков менструации.

[109] Фактический период менструальных выделений соответствует, по терминологии Хипе, стадии застоя, или *разгулу* у самок животных; *разгул*, или период сексуального желания, следует непосредственно за *разгулом* и является прямым его результатом. См. Неаре, "'Сексуальный сезон" млекопитающих", *Ежеквартальный журнал микроскопической науки*, 1900, том. xlv, Часть I.

[110] Можно отметить, что (как указывали Барнс, Оливер и другие) во время менструации повышается кровяное давление. Хейг отмечает, что он обнаружил тенденцию к высокому давлению, сопровождающемуся повышенным сексуальным аппетитом (*Мочевая кислота*, 6-е издание, стр. 155).

[111] Сэр У. Ф. Уэйд, однако, заметил несколько лет назад в своих лекциях Инглби (*Ланцет*, 5 июня 1886 г.): "Далеко не исключительно обнаружить, что в непосредственном докатаменном периоде наблюдается чрезвычайное усиление похоти", и добавляет: "Я удовлетворен полученными доказательствами того, что в некоторых случаях пыл достигает максимума в течение фактического периода, и я подозреваю, что происходят случаи, когда он почти, если не полностью, ограничен этим временем". Однако давным-давно гений Галлера отметил тот же факт. Совсем недавно Икард ("*Женщина*", глава VI и другие, *например*, стр. 125) привел много свидетельств в подтверждение этой точки зрения. Можно добавить, что большое значение имеет тот факт, что эротические галлюцинации, которые нередко испытывают женщины под воздействием газообразной закиси азота, с большей вероятностью появляются во время месячных, чем в любое другое время. (Д. У. Бакстон, *Анестетики*, 1892, стр. 61.)

[112] Герунг считает, что у здоровых молодых девушек любовные ощущения являются нормальными во время менструации, а у некоторых женщин сохраняются в этот период на протяжении всей жизни. Однако чаще всего, когда менструация повторяется одна за другой, без естественного прерывания беременности, это ощущение ослабевает и уступает место ощущению дискомфорта или боли. Он объясняет это тем, что жизненно важные ткани лишаются большего количества крови, чем может быть заменено за эти промежутки времени. "Жизненные силы, находящиеся таким образом в состоянии покоя, любовные ощущения либо не развиваются, либо уничтожаются. Этого, дополненного обычными моральными и религиозными учениями, вполне достаточно, чтобы постепенно погасить или предотвратить подобные чувства у подавляющего большинства. Изолирование женщин в течение их

менструального периода как "нечистое", как практиковалось в старину, имело ту же тенденцию". (Э. К. Герунг, "Состояние менструации", *Труды Американского гинекологического общества*, 1901, стр. 48.)

[113] Возможно, в этом убеждении есть доля истины. Дидей из Лиона обнаружил, что хроническое кровотечение из уретры иногда возникает в результате полового акта во время менструации. Рачиборски (*Характеристика менструации*, 1868, стр. 12), который также обратил внимание на этот момент, подтверждая Дидэ, пришел к выводу, что с одной или обеих сторон должны присутствовать некоторые особые условия.

[114] См., например,, Баллантайн, "Тератогенез", *Труды Эдинбургского акушерского общества*, 1896, том. xxi, стр. 324-25.

[115] Цитируется Icard, *La Femme* и др., стр. 194. Мне не удалось увидеть работы Негрье.

[116] Я рассматриваю вопрос о сексуальной анестезии у женщин в третьем томе этих *Исследований* "Сексуальное влечение у женщин".

II.

Содержание

Вопрос о ежемесячном половом цикле у мужчин—Самые ранние предположения об общем физиологическом цикле у мужчин—Периодичность заболеваний—Безумие, болезни сердца и т.д.—Предполагаемый двадцатитрехдневный цикл—Физиологическая периодичность выделения семени во время сна—Оригинальные наблюдения—Двухнедельные и Еженедельные ритмы.

По крайней мере, на протяжении нескольких столетий пытливые наблюдатели то тут, то там думали, что нашли основания полагать, что у мужчин, так же как и у женщин, наблюдаются различные признаки менструального физиологического цикла. Можно было бы собрать ряд мнений в пользу такой физиологической периодичности месячных у мужчин. Однако точных доказательств, по большей части, не хватает. Люди проявили бесконечную изобретательность, устанавливая отдаленные ритмы солнечной системы и периодичность появления комет. Они пренебрегли более простой задачей доказательства или опровержения циклов их собственных организмов.^[117] Прошло более полувека с тех пор, как Лейкок написал, что "научное наблюдение и лечение болезней невозможны без знания таинственных революций, постоянно происходящих в системе"; однако задача обобщения всех наших знаний об этих "таинственных революциях" даже сегодня не является сложной. Что касается существования месячного цикла в сексуальных инстинктах мужчин, за единственным исключением, я не знаю, предпринимались ли какие-либо попытки представить определенные доказательства.^[118] Поэтому определенный интерес и новизну придают доказательства, которые я могу представить, хотя этих доказательств будет недостаточно для окончательного решения вопроса.

Великий итальянский врач Санкториус, который во многих отношениях был предшественником наших современных методов физиологических исследований с помощью точных приборов, был первым, насколько мне известно, кто предположил о месячном цикле организма у мужчин. Он

тщательно изучил массу тела в зависимости от количества выделений и полагал, что у мужчин ежемесячно происходит увеличение веса на один или два фунта, за которым следует критическое выделение мочи, причем этому кризису предшествуют чувства тяжести и вялости.^[119] Галл, другой великий инициатор современных взглядов, также утверждал о месячном цикле у мужчин. Он настаивал на том, что существует ежемесячный критический период, более выраженный у нервных людей, чем у других, и что в это время цвет лица становится тусклым, дыхание более сильным, пищеварение более затрудненным, в то время как иногда наблюдается нарушение мочеиспускания вместе с общим *недомоганием*, в котором принимает участие вспыльчивый характер; идеи формируются с большим трудом, и наблюдается склонность к меланхолии с необычной вспыльчивостью и умственной инертностью, длящаяся несколько дней. Совсем недавно Стивенсон, основавший циклическую волновую теорию менструации, утверждал, что она существует и у мужчин и на самом деле является "общим законом жизненной энергии".^[120]

Санкториус, по-видимому, не публиковал данные, на которых была основана его вера. Кейлл, англичанин, последователь Санкториуса, в своей *Медицинской статистике Британии* (1718) опубликовал серию ежедневных (утренних и вечерних) измерений массы тела за год, не касаясь вопроса о месячном цикле. Согласно расчетам Кейлла, период максимального веса обычно наступает примерно раз в месяц, но, как правило, он нерегулярен и обычно не может быть показан с определенными интервалами. Ежемесячные выделения крови из половых органов и других частей тела у мужчин были зарегистрированы в древние и современные времена, и более старые авторы-медики рассматривали их как недуг, свойственный мужчинам с женским строением организма. (Лейкок, *Нервные заболевания женщин*, стр. 79.) Краткое описание таких случаев можно найти у Гулда и Пайла (*Аномалии и курьезы медицины*, 1897, стр. 27-28). Лейкок (*Ланцет*, 1842-43, тома. i и ii) приводили примеры месячных и двухнедельных циклов заболевания и утверждали "общий принцип, согласно которому в системе происходят большие и меньшие циклы движений, вовлекающих друг друга и тесно связанных с организацией индивида". Он был склонен признавать влияние луны, и считал, что физиологический цикл состоит из определенных долей и кратных периоду в семь дней, особенно из единицы в три с половиной дня. Альбрехт, несколько эксцентричный зоолог, несколько лет назад выдвинул точку зрения, что у мужчин бывают менструации, приведя следующие причины: (1) самцы являются рудиментарными самками, (2) у всех самцов млекопитающих все еще сохраняется рудиментарная мужская матка (мюллеровы протоки), (3) менструируют полностью гипоспадические особи мужского пола; и полагал, что он показал, что у человека есть рудиментарная менструация, состоящая в почти ежемесячном периодическом появлении, длящемся три или четыре дня, белых кровяных телец в моче (*Аномало*, февраль 1890 г.). Доктор Кэмпбелл Кларк несколько лет назад проводил наблюдения за температурой у санитаров приютов в течение пяти недель, которые, как правило, показывали, что нормальная температура у мужчин значительно колеблется в определенных пределах и что "насколько я мог наблюдать, наблюдается одно заметное и продолжительное повышение каждый месяц или пять недель, длящееся в среднем три дня, иногда меньшие повышения происходят нерегулярно и более короткой продолжительности. Эти наблюдения сделаны только в трех случаях, и у меня нет доказательств, что они относятся к сексуальному влечению" (Кэмпбелл Кларк, "Сексуальные репродуктивные функции", Психологическая секция Британской медицинской ассоциации, Глазго, 1888; также частные письма). Хаммонд (*Трактат о безумии*, стр. 114) говорит: "Я определенно отмечал у некоторых моих друзей склонность к некоторым ежемесячным

периодическим аномальным проявлениям. Это может проявляться в виде головной боли, или носового кровотечения, или диареи, или обильного выделения мочевой кислоты, или какого-либо другого необычного явления. Я думаю, - добавляет он, - это гораздо более распространенное явление, чем обычно предполагается, и тщательное изучение в целом, если не неизменно, установит существование периодичности упомянутого характера".

Доктор Гарри Кэмпбелл в своей книге о *различиях в нервной организации мужчин и женщин* полностью рассматривает месячный ритм (стр. 270 и далее) и посвящает короткую главу вопросу: "Характерен ли менструальный ритм для женского пола?" Он приводит несколько патологических случаев, указывающих на такой ритм, но, хотя он написал письмо в *Lancet*, прося медиков предоставить ему доказательства, касающиеся этого вопроса, вряд ли можно сказать, что он привел много убедительных доказательств, а те, которые он привел, являются чисто патологическими. Однако он считает, что мы можем согласиться с месячным циклом у мужчин. "Мы можем, — заключает он, — рассматривать человеческое существо - как мужчину, так и женщину - как субъект ежемесячной пульсации, которая начинается с начала жизни и продолжается до смерти", рассматривая менструацию как функцию, случайно привитую к этому изначальному ритму.

Вполне разумно утверждать, что вероятность такого менструального цикла увеличивается, если мы можем верить, что и у женщин менструальный цикл сохраняется, даже когда его внешние проявления больше не проявляются. Аэций сказал, что менструальные изменения происходят во время беременности; в более современные времена Бюффон придерживался того же мнения. Лейкок также утверждал, что менструальные изменения происходят во время беременности (*Нервные заболевания женщин*, стр. 47). Флисс считает, что, безусловно, неверно утверждать, что менструальный процесс прекращается во время беременности, и он ссылается на частоту ежемесячных носовых кровотечений и других назальных симптомов на протяжении этого периода (W. Fliess, *Beziehungen zwischen Nase und Geschlechts-Organen*, стр. 44 и далее.). Бирд, который придает большое значение сохранению циклического периода беременности, называет это приглушенным боем часов. Гарри Кэмпбелл (*Причинность заболевания*, стр. 54) обнаружил постклимактерический менструальный ритм у значительного числа пациентов в возрасте до шестидесяти лет.

Несколько примечательно, что, насколько я заметил, ни один из этих авторов не ссылается на возможность какого-либо усиления сексуального аппетита во время месячных, которые, по их мнению, существуют у мужчин. Это упущение указывает на то, что, как предполагает отсутствие определенных заявлений по поводу усиления сексуального желания во время менструации, это был игнорируемый или неизвестный факт. Однако в последние годы многие авторы, особенно психиатры, высказали свою убежденность в том, что сексуальное желание у мужчин имеет тенденцию усиливаться примерно с месячными интервалами, хотя они не всегда были в состоянии привести определенные доказательства в поддержку своих утверждений.

Клаустон, например, часто утверждал об этом ежемесячном периодическом сексуальном подъеме у мужчин. В статье "Невменяемость в процессе развития" в *Психологическом словаре* Тьюка он ссылается на периодическое физиологическое повышение уровня репродуктивной основы; и, опять же, в статье "Чередование, периодичность и рецидивы психических заболеваний" (*Эдинбургский медицинский журнал*, июль 1882 г.) он описывает случай "безумного джентльмена 49 лет, который в течение последних двадцати шести лет был

подвержен наиболее регулярно происходящему возбуждению мозга каждые четыре недели, почти ежедневно. Иногда это проходит, не переходя в острую маниакальность и даже не проявляясь во внешних действиях; в других случаях это становится таковым и длится от одной до четырех недель. Этому всегда предшествуют неприятное ощущение в голове и боль в спине, психическое расстройство и легкая депрессия. *Нижний половой орган* сильно увеличен, и он говорит, что, если при таком состоянии у него происходит полное и свободное выделение семени во время сна, возбуждение проходит; если нет, оно продолжается. Полная доза бромидов или йодида калия часто, но не всегда, останавливает возбуждение, и иногда очень долгая прогулка делает то же самое. Когда возбуждение достигает апогея, за ним всегда следует примерно неделя глупой депрессии ". В той же статье Клаустон замечает: "На меня долгое время производила впечатление связь ментальных и телесных чередований и периодичности при безумии с большими физиологическими чередованиями и периодичностью, и я в целом пришел к выводу, что они одинаковы во всех существенных отношениях и различаются только степенью интенсивности или продолжительности. Безусловно, большинство случаев у женщин подчиняются закону менструальной и сексуальной периодичности; большинство случаев у мужчин подчиняются закону более нерегулярной периодичности *низа генеративной системы* у представителей данного пола. Многие случаи у обоих полов следуют сезонной периодичности, которая, возможно, у человека является просто возвратом к сезонной генеративной деятельности большинства низших животных ". Он обнаружил, что среди 338 случаев безумия, в основном мании и меланхолии, у 46% женщин и 40% мужчин наблюдалась периодичность — суточная, ежемесячная, сезонная или годовая, и более выраженная у женщин, чем у мужчин, и при мании, чем при меланхолии, — и добавляет: "Я обнаружил, что чем моложе пациент, тем больше склонность к периодическим ремиссиям и рецидивам. Этот феномен достигает своего апогея в случаях полового созревания и подросткового безумия".

Конолли Норман в статье "Мания, истерика" (*Психологический словарь* Тьюка) утверждает, что "активность половых органов, вероятно, у обоих полов в основе своей периодична".

Крафт-Эбинг описывает случай русского неврастеника 24 лет, который испытывал сексуальные желания урологического характера с достаточной регулярностью каждые четыре недели (*Сексуальная психопатия*), а Нэкке упоминает случай мужчины, у которого ночные поллюции происходили с интервалом в четыре недели (*Архив криминальной антропологии*, 1908, стр. 363), в то время как Молл (*Сексуальное либидо*, Bd. I, стр. 621-623) описан случай нормального в остальном мужчины, у которого каждые четыре недели возникали приступы гомосексуальных чувств, а Роледер (*Журнал сексуальной психологии*, ноябрь 1908 г.) приводит случай неженатого врача-невропатолога, у которого в течение нескольких дней каждые три-пять недель случались приступы почти сатириакального сексуального возбуждения.

Фере, внимание которого было привлечено к этому моменту, время от времени отмечал наличие сексуальной периодичности. Так, в случае общего паралича приступы непрерывного сексуального возбуждения с бессонницей происходили каждые двадцать восемь дней; в другое время пациент, мужчина 42 лет, в стадии слабоумия, хорошо спал и не проявлял признаков сексуального возбуждения (*Société de Biologie*, 6 октября 1900 г.). В другом случае у мужчины со здоровой наследственностью и крепким здоровьем до среднего возраста периодические сексуальные проявления начались с полового созревания, с локализованной гиперемией гениталий, эротическими идеями и обильным мочеиспусканием, длившимися в течение двух

или трех дней. Эти проявления стали менструальными, с периодами межменструального возбуждения, появляющимися регулярно, но никогда не становившимися интенсивными. Между 36 и 42 годами межменструальные кризы постепенно прекратились; примерно в 45 лет менструальные кризы прекратились; однако периодические кризы продолжались, с единственным проявлением учащенного мочеиспускания (*Société de Biologie*, 23 июля 1904 г.). В третьем случае сексуальной неврастении Фере обнаружил, что начиная с полового созревания и далее до среднего возраста каждые двадцать пять-двадцать восемь дней появлялись болезненность и припухлость ниже соска, сопровождавшиеся легким сексуальным возбуждением и эротическими сновидениями, длившимися один или два дня (*Медицинское обозрение*, март 1905 г.).

Именно в области болезней были предприняты наиболее напряженные и, в целом, наиболее успешные усилия по выявлению менструального цикла у мужчин. Такая область с самого начала кажется многообещающей, поскольку можно ожидать, что многие болезненные преувеличения или дефекты нервной системы подчеркнут или освободят от торможения фундаментальные ритмические процессы организма, которые в здоровом состоянии и при изменяющихся условиях социального существования перекрываются высшей умственной деятельностью и давлением внешних раздражителей. В восемнадцатом веке Эразм Дарвин написал замечательную главу "Периоды болезней", посвященную влиянию солнца и Луны на биологические процессы.^[121] С тех пор многие авторы представили доказательства, особенно в области нервных и психических заболеваний, которые, по-видимому, подтверждают веру в то, что при патологических состояниях может быть четко выявлена тенденция к нарушению мужского менструального ритма.

Нам следовало бы ожидать, что орган, столь примитивный по своим характеристикам, как сердце, и с таким мощным ритмом, уже наложившим отпечаток на его нервную организацию, будет особенно склонен демонстрировать менструальный ритм при стрессе ненормальных условий. Это ожидание может быть усилено менструальным ритмом, который мистер Перри-Кост нашел основания подозревать в частоте пульса в период выздоровления. Я могу представить случай, в котором, по-видимому, указывается на такую периодичность. Это история джентльмена, который в течение нескольких лет перед смертью серьезно страдал от порока клапанов сердца со склонностью к застою в легких и приступами "сердечной астмы". Его жена, дама большого интеллекта, вела записи о состоянии своего мужа,^[122] и, наконец, заметила, что обострения происходят с определенной периодичностью. Месячные были не совсем регулярными, но демонстрировали любопытную тенденцию повторяться примерно с тридцатидневным интервалом, за несколько дней до окончания каждого месяца; именно во время одного из таких приступов он в конце концов умер. Наблюдалась также тенденция к незначительным приступам примерно через десять дней после основных. Примечательно, что испытуемый проявлял склонность к периодичности, когда был здоров, и однажды перед болезнью со смехом заметил: "Я совсем как женщина, всегда наиболее возбуждима в определенное время месяца".

Периодичность отмечалась при различных расстройствах нервного характера. Периодическое помешательство давно известно и изучается (см., например, Pilcz, *Die periodischen Geistesstörungen*, 1901); оно гораздо чаще встречается у женщин, чем у мужчин. Периодичность наблюдалась при заикании (в одном случае - шесть недель), и особенно при гемикрании или мигрени, Гарри Кэмпбеллом, Ослером и др. (Периодичность случаев гемикрании была

подробно изучена Д. Фрейзером Харрисом, *Эдинбургский медицинский журнал*, июль 1902 г.) Но цикл в этих случаях не всегда и даже не обычно соответствует менструальному типу.

Теперь можно обратиться к исследованию, которое, хотя и имеет очень ограниченный объем, позволяет впервые поставить вопрос о мужском менструальном цикле на прочную основу. Если у женщин существует такой цикл, аналогичный менструации, то это должен быть повторяющийся период нервного возбуждения, и он явно должен сопровождаться большей сексуальной активностью. В *Американском журнале психологии* за 1888 год г-н Джулиус Нельсон, впоследствии профессор биологии в сельскохозяйственном колледже Рутгерса, Нью-Брансуик, опубликовал исследование сновидений, в котором он записал результаты подробных наблюдений за своими снами, а также за семенными выделениями во время сна (которые он назвал "гонекбол" или "экбол") в течение периода, превышающего два года. Г-н Нельсон обнаружил, что и сны, и экболы укладываются в физиологический цикл продолжительностью 28 дней. Кульминация максимального сновидения (определяемого количеством слов в записи сновидения) и кульминация максимального экбола приходились на одну и ту же точку цикла, причем экболический кульминационный момент был более отчетливо отмечен, чем кульминационный момент сна.

Вопрос о циклических физиологических изменениях значительно усложняется из-за нашей неуверенности относительно точной продолжительности цикла, которую мы можем ожидать. Нельсон считает 28-дневный цикл удовлетворительным. Перри-Кост, как мы увидим, придерживается строго лунного цикла в 29 с половиной дней. Флисс утверждал, что как у женщин, так и у мужчин многие физиологические факты укладываются в 23-дневный цикл, который он называет мужским, а 28-дневный цикл - женским. (W. Fliess, *Die Beziehungen zwischen Nase und weiblichen Geschlechts-Organen*, 1897, стр. 113 и далее.) Хотя Флисс приводит ряд малоизвестных случаев, я не могу сказать, что я все еще убежден в реальности этого 23-дневного цикла. Несколько любопытно, однако, что одновременно с Флиссом, хотя и в кажущейся независимости и с другой точки зрения, другой исследователь также предположил, что существует 23-дневный физиологический цикл (Джон Бирд, *Продолжительность беременности и причина рождения*, Йена, 1897). Бирд подходит к вопросу с эмбриологической точки зрения и утверждает, что существует то, что он называет "единицей овуляции" продолжительностью около 23 с половиной дней, в интервале от окончания одной менструации до начала следующей. Две "единицы овуляции" составляют одну "критическую единицу", а продолжительность беременности, согласно Бирду, всегда кратна "критической единице"; у мужчины период беременности составляет шесть критических единиц. Эти попытки доказать существование нового физиологического цикла заслуживают тщательного изучения. Следует иметь в виду возможность такого цикла, но в настоящее время мы едва ли имеем право принять это.

Насколько мне известно, очень интересная серия наблюдений профессора Нельсона, которые впервые поставили вопрос о ритме менструации у мужчин на обоснованную и работоспособную основу, напрямую не привели к каким-либо дальнейшим наблюдениям. Однако я располагаю гораздо более обширной серией экболических наблюдений, завершенных до публикации статьи Нельсона, хотя результаты были рассчитаны только сравнительно недавно. Теперь я предлагаю представить краткое изложение этих наблюдений и рассмотреть, насколько они подтверждают выводы Нельсона. Эти наблюдения охватывают период не менее двенадцати лет, в возрасте от 17 до 29 лет, причем субъект, У. К., был студентом, а затем школьным

учителем, ведущим, в целом, целомудренный образ жизни. Записи велись добросовестно на протяжении всего этого долгого периода. Здесь, если где-либо еще, должен быть материал для построения менструального ритма на экболической основе. Хотя полученные результаты во многих отношениях поучительны, вряд ли, пожалуй, можно сказать, что они полностью демонстрируют месячный цикл. При суммировании в несколько сходной манере, принятой Нельсоном в его экболических наблюдениях, нетрудно рассматривать максимум, который достигается на 19-21-й дни суммированного физиологического месяца, как настоящую экболическую кульминацию менструации, поскольку никакие другие три дня подряд не приближаются к этим по количеству экболов, в то время как наблюдается заметное снижение, происходящее четырьмя днями ранее, на 16-й день месяца. Если, однако, мы разделим кривую, разделив двенадцатилетний период на два почти равных периода, более ранний продолжительностью около семи лет и более поздний продолжительностью около четырех лет, и просуммируем их по отдельности, то две кривые не представят никакой параллели в том, что касается менструального цикла. Поэтому мне едва ли кажется, что эти кривые представляют собой сколько-нибудь убедительное доказательство в данном случае месячного экболического цикла (и, следовательно, я воздерживаюсь от их воспроизведения), хотя они, по-видимому, предполагают такой цикл. Также нет никаких оснований предполагать, что при переходе на другой тридцатидневный или двадцатитрехдневный цикл были бы получены какие-либо более убедительные результаты.

Однако, когда мы более внимательно смотрим на эти кривые, кажется, что они не совсем лишены значения. Если у меня есть основания заключить, что они едва ли демонстрируют месячный цикл, то, безусловно, можно добавить, что они демонстрируют рудиментарную тенденцию к переходу экболов в двухнедельный ритм и очень заметную и безошибочную тенденцию к еженедельному ритму. Двухнедельный ритм показан на кривой для более раннего периода, но несколько замаскирован на кривой для всего периода, поскольку первая кульминация приходится на два дня, 7-е и 8-е число месяца. Если мы скорректируем кривую для всего периода, представив дни парами, двухнедельная тенденция проявится более четко (диаграмма I).

Более выраженная тенденция по-прежнему прослеживается в недельном ритме. Это, действительно, самый неоспоримый факт, выявленный этими кривыми. Все максимумы приходятся на субботу или воскресенье, а минимумы - на вторник, среду, четверг или пятницу. Этот очень выраженный недельный ритм будет служить для того, чтобы более или менее полностью перекрыть любой месячный ритм на 28-дневной основе. Хотя здесь, вероятно, это видно в преувеличенной форме, это почти наверняка характеристика экболической кривой в целом.^[123] Несколько молодых мужчин и женщин, особенно тех, кто много работает в течение недели, говорили мне, что суббота и особенно вторая половина дня в воскресенье - это периоды, когда мысли спонтанно направляются в эротическое русло, и в это время наблюдается особая склонность к мастурбации или к спонтанному сексуальному возбуждению. Согласно таблицам Герри, именно в пятницу, субботу, воскресенье и понедельник,^[124] во вторник, среду и четверг совершается меньше всего самоубийств, однако в среду количество самоубийств частично падает, так что, по-видимому, существует антагонизм между сексуальной активностью и желанием покончить с жизнью. Также (из отчетов баварских фабричных инспекторов) следует, что несчастные случаи на фабриках имеют тенденцию происходить главным образом в начале недели и ближе к концу, а не в середине.^[125] Равномерный рост, как показал Флейшман на примере детей, имеет тенденцию укладываться в

недельные циклы. Очевидно, что на нервную систему оказывают глубокое влияние социальные факторы, возникающие в результате недельного цикла.

Таким образом, можно сказать, что анализ этой серии эбolicеских кривых напоминает предположение Лейкока о том, что менструальный цикл на самом деле состоит из четырех еженедельных циклов, периодической единицей, согласно Лейкоку, является три с половиной дня. Я думаю, однако, было бы правильнее сказать, что менструальный цикл, возможно, первоначально сформированный в связи свлиянием луны на сексуальные и социальные привычки людей и других животных, имеет тенденцию к распаду в процессе сегментации на двухнедельные и еженедельные циклы. Если у нас есть основания предполагать, что существует мужской менструальный цикл, мы должны заключить, что в таком случае, кактолько что проанализированный, недельный ритм стал настолько выраженным, что почти полностью вытеснил более крупный месячный ритм.

Как бы ни был устроен физиологический недельный цикл, кажется, мало кто сомневается в том, что он действительно существует. На это действительно было очень ясно указано много лет назад наблюдениями Эдварда Смита, который показал, что существуют еженедельные ритмы пульса, дыхания, температуры, выделения углекислоты, мочевины и массы тела, причем воскресенье является великим днем восстановления и увеличения веса.^[126]

В приложении к этой книге я могу представить результаты другой длинной серии наблюдений за ночными эбolicескими проявлениями, проведенных мистером Перри-Костом, который тщательно рассчитал результаты и убедил себя, что на основе строго лунного месяца, устраняя таким образом беспокоящее влияние недельного ритма, которое в его случае также проявляется, можно проследить реальный менструальный ритм.^[127]

Однако мне пока не кажется, что окончательный ответ на вопрос, имеет ли место менструальный сексуальный ритм у мужчин, может быть однозначно положительным. То, что такой цикл будет доказан во многих случаях, представляется мне весьма вероятным, но прежде чем это можно будет окончательно подтвердить, необходимо побудить гораздо большее число людей провести на себе простую, но длительную серию наблюдений, которые требуются.

С тех пор, как появилось первое издание этого тома, до меня дошли многочисленные серии электронных записей из разных уголков мира. Наиболее заметный из этих рассказов принадлежит профессионалу с научным образованием, который в течение последних шести лет жил в разных частях Индии, где велась запись. Хотя рекорд длится почти шесть лет, в нем есть два перерыва из-за визита в Англию и потери интереса. В отчет включены как принудительные, так и добровольные увольнения. Непроизвольные выделения происходили во время сна, обычно при эротическом сновидении, в котором субъект неизменно просыпался и часто предпринимал усилия, чтобы остановить выделение. Добровольные разрядки в большинстве случаев начинались во время сна или в состоянии полудремы; преднамеренная мастурбация в состоянии полного бодрствования была сравнительно редкой. Соотношение случаев непроизвольного и более или менее добровольного эбoла составляло примерно 3 к 1. Также включен третий вид сексуального проявления (с частотой, промежуточной между двумя другими формами), при котором высокая степень эретизма вызывается во время полусонного состояния, достигающего кульминации в оргазме, при котором способность предотвращать разрядку была приобретена искусственно. Испытуемому, Э. М., было 32 года, когда началась запись. Он принадлежит к здоровой семье и сам физически здоров, его рост составляет 5 футов

6 дюймов, но вес невелик из-за рахита в младенчестве. В молодости он сильно заикался; его темперамент эмоционален и застенчив, в то время как его работа необычайно требовательна, и большую часть года он живет в очень суровом климате. Мальчиком он был очень религиозен и всегда чувствовал себя обязанным изо всех сил сопротивляться сексуальному пороку, хотя иногда случались и промахи.

Что касается лунной периодичности, Э. М. суммировал свои результаты в виде кривой тем же способом, что и мистер Перри-Кост, начиная с новолуния. Охватываемые периоды включают 54 лунных месяца, а общее количество разрядов составляет 176; средняя частота составляет около 3 в месяц продолжительностью двадцать восемь дней. Кривая, по большей части, делает зигзаги между частотой 4 и 9, но на двадцать четвертый день она падает до 1, а затем непрерывно поднимается до высоты 11 на двадцать седьмой день, падая до 2 на следующий день. Действительно ли это указывает на менструальный ритм, я не берусь решать, но я склонен согласиться с самим Э. М. в том, что определенных доказательств этого нет. "Мне кажется, - пишет он, - что единственным реальным ритмом (исключая годовой цикл) будет средний период между экболами, варьирующийся у разных людей, но в моем случае примерно девять и одна восьмая дня. Разве экболический период у мужчин не может быть сравнен с менструальным периодом у женщин и не может быть примером большей катаболической активности мужчин? Существует период припухлости и период, составляющий распухание. Выходные ускорили бы процесс детумесценции, но примерно каждые третьи выходные, как правило, происходили задержки, позволяющие системе вернуться к своему обычному режиму через девять-десять дней. Возможно, это объясняет кривые. Почти все недавние выделения были произвольными во время сна. Возраст может иметь какое-то отношение к изменению характера".

Кривые Е. М. часто показывают влияние еженедельной периодичности, проявляющееся в тенденции повышения в воскресенье, а иногда и в субботу или понедельник. В последние годы наметилась некоторая тенденция к тому, что этот кульминационный момент приходится на середину недели, но, в целом, среда - точка наименьшей частоты.

В другом случае испытуемый А. Н., который провел почти всю свою жизнь в штате Индиана, вел учет сексуальных проявлений в возрасте от 30 до 34 лет. Данные, охватывающие четыре года, не были отправлены мне в форме, позволяющей оценить возможность месячной кривой, но А. Н., который сам расположил данные на ежемесячной лунной основе, считает, что таким образом выявляется месячная кривая. "Мои записи, - пишет он, - показывают, что выделения чаще всего происходят в первый, второй и третий дни после новолуния. Четырнадцатого и пятнадцатого числа есть еще один период, который может указывать на полулунный ритм. Дни минимальной разрядки - седьмой, восьмой, двадцать второй и двадцать третий." Можно добавить, что среднегодовое количество экболических проявлений, варьирующихся от 50 до 55, составляет 52, или ровно одно в неделю.

Данные А. Н. очень определенно указывают на еженедельную периодичность. Воскресенье снова стоит во главе недели по частоте, в данном случае очень решительно. Цифры следующие:—

Вс.	Пн.	Вт.	Ср.	Чт.	Пт.	Сб.
48	21	24	35	28	26	27

В другом случае, который дошел до меня из Соединенных Штатов, данные более скудные, но заслуживают внимания, поскольку субъект является квалифицированным психологом, и я привожу случай его собственными словами. Здесь, как будет видно, по-видимому, наблюдается тенденция к тому, что эякуляторный цикл охватывает период продолжительностью около шести недель. В этом случае также существует тенденция к тому, что кульминация наступает примерно в субботу или воскресенье. "Х. 38 лет, не женат, крепкого здоровья, довольно хорошей наследственности; получил образование в университете и занимается академической деятельностью. Он думает, что, возможно, достиг половой зрелости примерно в 13 лет, хотя у него нет доказательств того, что он полностью владел своими сексуальными способностями до тех пор, пока ему не исполнилось 15 лет 3 месяца (когда у него произошла первая поллюция). Его сексуальная жизнь была нормальной. Он немного мастурбировал, когда спал с другими мальчиками (или мужчинами) в раннем возрасте, но не чрезмерно.

"Осенью 1889 года (когда ему было 28 лет) он заметил, что в определенное время у него возникало ощущение зуда в области яичек; что он чувствовал легкое раздражение; что пенис возбуждался при малейшей провокации, и что это странное ощущение обычно проходило с ночными выделениями. Действительно, так случилось, что он обычно носил набедренную одежду в таких случаях, чтобы не допустить сперма попадая на постельные принадлежности. Это странное ощущение обычно продолжалось два или три дня. Он вспоминает, что в эти моменты он чувствовал, что ему хотелось бы с кем-нибудь побороться, потому что, казалось, было мышечное напряжение. Эти состояния возвращались с очевидной регулярностью, и интервалы, по-видимому, составляли около шести недель, хотя до 1893 года не предпринималось никаких попыток измерить эти периоды. Следующие заметки взяты из дневников Х.:—

"Четверг, 29 декабря 1892 года. Странное чувство.
(Это единственная запись.)

"Четверг, 9 февраля 1893 года. Странное чувство.
(В дневнике отмечается, что Х. просыпался ночью и обнаруживал эрекцию, и это ощущение продолжалось до ночи следующего воскресенья, когда произошла эрекция.)

"Пятница, 27 марта 1893 года. Странное чувство.
(В дневнике отмечается, что на следующую ночь произошел выброс, и это ощущение исчезло.)

"Среда, 3 мая 1893 года. Странное чувство.
(В дневнике отмечается, что это продолжалось до субботнего вечера, когда у Х. были сексуальные отношения, а затем он исчез.)

"Среда, 14 июня 1893 года. Странное чувство.
(В дневнике говорится, что на следующую ночь у Х. был выброс,

и это чувство исчезло.)

"Четверг, 27 июля 1893 года. Странное чувство.

(В дневнике отмечается, что оно проявилось примерно в 3 часа того же дня. В ту ночь в 10 часов Х. совершил половой акт, и на следующий день это ощущение не было отмечено.)

"Пятница, 8 сентября 1893 года. Странное чувство.

(Продолжалось до вторника, 11-го, а затем исчезло. Никаких половых сношений и никаких ночных поллюций.)

"Среда, 25 октября 1893 года. Странное чувство.

(Продолжалось до субботнего вечера, когда произошел еженощный выброс.)

"Суббота, 9 декабря 1893 года. Странное чувство.

(Продолжалось до вечера понедельника, когда произошли сексуальные отношения.)

Следует отметить, что наблюдаемые интервалы длились около шести недель, за исключением одного, с сентября по октябрь, когда он составлял почти семь недель.

"Эти наблюдения не были зарегистрированы после 1893 года. Х. считает, что в 1894 году интервалы были длиннее, мнение, основанное на том факте, что в течение шести месяцев у него не было половых сношений и ночных поллюций. В те моменты в течение этих шести месяцев, когда у него возникало "странное чувство", это ощущение было настолько слабым, что его едва можно было заметить. В 1895 году это чувство казалось более выраженным, чем когда-либо прежде, и Х. думает, что оно могло повторяться не чаще одного раза в месяц. В 1896, 1897 и 1898 годах интервалы, как ему кажется, удлинялись, а временами, как ему казалось, полностью исчезали. В течение 1899 года, хотя они повторялись нечасто, когда они все же появлялись, ощущение было ярко выраженным, хотя выброс был менее распространенным явлением. Наблюдалось странное ощущение "тяжести" в области яичек и выраженная тенденция к эрекции полового члена, особенно в ночное время (во время сна). Х. часто просыпался и обнаруживал напряженную эрекцию. Более того, эти ощущения обычно продолжались неделю.

"1. В целом Х. придерживается мнения, что с возрастом эти интервалы удлиняются, хотя этот вывод не основан на *зарегистрированных* данных.

"2. Он отмечает, что разрядка (при половом акте или во сне) неизменно приводит к прекращению специфического ощущения на некоторое время.

"3. Он отмечает, что половой акт *в то время* прекращал это; но когда половой акт имел место в течение недели или десяти дней после этого (основываясь на наблюдениях 1893 года), у него не было тенденции сдерживать это чувство".

В другом случае, с Ф. К., ирландским фермером, родившимся в Уотерфорде, данные еще более скудны, хотя утверждается, что периодичность очень выражена. Он целомудрен, уравновешен, со случайными отклонениями от строгой трезвости, здоров и психически нормален, живет обычной жизнью на свежем воздухе, вдали от искусственных раздражителей больших городов. Наблюдения относятся к периоду, когда ему было от 20 до 27 лет. В течение этого периода ночные выбросы происходили с регулярными интервалами ровно в месяц. Они сопровождались приступами раздражительности и депрессии и обычно протекали во сне без сновидений. Выделения были обильными и физически ослабляющими, но они облегчали психические симптомы, хотя и вызывали психические расстройства, поскольку Ф. К. щепетилен в религиозном смысле, а также опасается неблагоприятных последствий для организма в результате чтения паникерских брошюр шарлатанов.

В другом известном мне случае молодой человек, ведущий целомудренный образ жизни, испытывал приступы сексуального возбуждения каждые десять-четырнадцать дней, причем кризис длился несколько дней.

Наконец, интересный вклад в эту тему, предложенный этим *Исследованием*, был сделан и опубликован (в материалах Амстердамского международного конгресса психологии в 1907 году) хорошо известным амстердамским неврологом и психологом, доктором Л. С. А. М. Фон Ремером под названием "Что такое верховенство права в отношении секса". Данные фон Ремера составлены не из ночных непроизвольных поллюций, а из добровольных актов полового акта неженатого мужчины в течение четырех лет. Фон Ремер считает, что они в гораздо большей степени, чем у женатого мужчины, были бы подвержены периодическому воздействию, если таковое существует. Составив кривую точной длины луны (аналогично кривой Перри-Коста), он обнаружил, что каждый месяц бывает два максимума и два минимума, что приблизительно напоминает кривую Перри-Коста. Однако основным моментом в результатах Фон Ремера является соответствие, которое он находит с фактическими лунными фазами; главный максимум приходится на время полнолуния, а вторичный максимум - на время новолуния, минимумы приходятся на первую и четвертую четверти. Он не рискует использовать теорию для объяснения этого совпадения, но настаивает на необходимости дальнейших наблюдений. Будет видно, что результаты А. Н. (*ante*, стр. 117), по-видимому, в основном соответствуют результатам Фон Ремера.

[117] Равномерный подсчет пульса - сравнительно недавний метод физиологического обследования. Только в 1450 году Николай Кузанский выступил за подсчет ударов пульса. (Binz, *Deutsche medizinische Wochenschrift*, October 6, 1898.)

[118] Я оставляю это утверждение в его нынешнем виде, хотя со времени первой публикации этой книги оно перестало быть строго точным.

[119] Санкторий, *Статическая медицина*, разд. I, aph. lxv.

[120] *Американский журнал акушерства*, xiv, 1882.

[121] *Зоономия*, Раздел XXXVI.

[122] Я полностью воспроизвел эти заметки в предыдущих изданиях этого тома.

[123] Moll ссылается на случай мужчины, эротические сны которому снились каждые две недели и всегда в пятницу вечером (*Сексуальное влечение*, группа I, стр. 136). В таком случае можно заподозрить элемент самовнушения; тем не менее, совпадение заслуживает внимания.

[124] См. Дюркгейм, *Самоубийство*, стр. 101.

[125] Мы, конечно, должны видеть здесь результаты дезорганизации, вызванной праздниками, и истощения, вызванного недельным трудом; но такие влияния все еще являются социальными эффектами космической недели.

[126] Э. Смит, *Здоровье и болезни*, глава III. Могу заметить, что, согласно Кемсоесу (*Deutsche medizinische Wochenschrift*, 20 января 1908 г. и *British Medical Journal*, 29 января 1898 г.), школьники лучше всего работают в понедельник и вторник.

[127] Смотрите Приложение В.

III.

Содержание

Годовой сексуальный ритм—У животных—У человека—Тенденция усиления сексуального влечения весной и осенью—Распространенность сезонных эротических фестивалей—Праздник дураков—Пасхальные и летние костры—Сезонные колебания рождаемости—Причины этих колебаний—Типичная кривая частоты зачатий для Европы—Сезонная периодичность выделения семени во время сна—Оригинальные наблюдения—Весна и осень — основные периоды непроизвольного сексуального возбуждения—Сезонная периодичность изнасилований—Вспышки среди заключенных—Сезонные кривые безумия и самоубийств—Рост детей в зависимости от сезона — Годовая кривая потребления хлеба в тюрьмах—Сезонная периодичность скарлатины — Глубинные причины этих сезонных явлений.

То, что в человеческом организме происходят ежегодные сезонные изменения, особенно связанные с сексуальной функцией, - это утверждение, которое время от времени делали физиологи и другие, и это утверждение дошло даже до поэтов, которые часто заявляли, что весна - это время любви.

Таким образом, шестьдесят лет назад Лейкок, выдающийся пионер в исследовании функционирования человеческого организма, собрал (в главе "Периодические изменения в репродуктивных органах женщины" в своей книге *"Нервные болезни женщин"*, 1840, стр. 61-70) много интересных свидетельств, показывающих, что система претерпевает изменения в связи с весенним и осенним равноденствиями, и что эти изменения в значительной степени носят сексуальный характер.

Эдвард Смит, также известный пионер в этой области периодичности человека и, по сути, первый, кто сделал определенные наблюдения по ряду связанных с ней моментов, подводит итог в своей замечательной книге *"Здоровье и болезни под влиянием ежедневных, сезонных и*

других циклических изменений в организме человека" (1861), утверждая, что время года оказывает на организм более сильное влияние, чем температура или атмосферное давление; "в начале и середине весны каждая функция организма находится в наивысшей степени эффективности", в то время как осень - "по существу, период изменений от минимальной к минимальной". к максимальным жизненным условиям". Он обнаружил, что в апреле и мае выделяется больше всего углекислоты, затем происходит постепенное уменьшение к сентябрю, а затем постепенное увеличение; частота дыхания также снизилась с максимума в апреле до минимума, который поддерживался точно на том же уровне в течение августа, сентября, октября и ноября; было обнаружено, что весна - сезон максимальной, осень - минимальной мышечной силы; чувствительность к тактильным и температурным ощущениям также была выше весной.

Кулишер, изучая сексуальные обычаи различных человеческих рас, пришел к выводу, что в первобытные времена спаривание имело место только в два особых сезона — весной и во время сбора урожая; и что, когда спаривание перестало строго ограничиваться этими периодами, его символическое представление все еще было таким ограниченным даже у цивилизованных народов Европы. Далее он утверждал, что физиологический импульс ощущался только в эти периоды. (Kulischer, "Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1876, pp. 152 and 157.) Конштейн ("Ueber Prädilectionszeiten bei Schwangerschaft", *Архив гинекологии*, 1879) также предположил, что женщины иногда могут забеременеть только в определенные периоды года.

Уилтшир, сделавшая ряд интересных наблюдений относительно физиологии менструации, писала: "Много лет назад я пришла к выводу, что у каждой женщины есть свойственный ей закон, который определяет время ее зачатия; что она более склонна к зачатию в определенные периоды, чем в другие; и последующие исследования подтвердили точность прогноза". Далее он выразил свою веру в "изначальную сезонную склонность к продолжению рода, отпечаток которой все еще остается и, в некоторой степени, определяет период размножения человечества". (А. Уилтшир, "Лекции по сравнительной физиологии менструации", *Британский медицинский журнал*, март 1883 г., стр. 502 и др.)

Вестермарк в главе своей *Истории человеческого брака*, посвященной вопросу о "Сезоне спаривания людей в первобытные времена", приводит доказательства, показывающие, что весна, или, скорее, начало лета, - это время усиления полового инстинкта, и утверждает, что это пережиток древнего сезона спаривания; весна, указывает он, для плодоядных видов это сезон недостатка, а не изобилия, но когда люди перешли на травы, корни и животную пищу, весна стала временем изобилия и подходящим для рождения детей. Таким образом, он считает, что у человека, как и у низших животных, время зачатия определяется временем, наиболее подходящим для рождения.

Розенштадт, как мы увидим позже, также считает, что современные мужчины унаследовали физиологическую привычку производить потомство в определенную эпоху, и таким образом объясняет сезонные изменения рождаемости.

Хип, который также считает, что "в определенный период своего существования у человеческого вида был особый сезон размножения", следует за Уилтширом, предполагая, что "есть некоторые основания полагать, что человеческая самка не всегда в состоянии размножаться". (У. Хип, "Менструация и овуляция *умакака-резуса*", *Philosophical Transactions*,

1897; *id.* "Сексуальный сезон млекопитающих", *Ежеквартальный журнал Microscopical Science*, 1900.)

За исключением, однако, одного важного аспекта, с которым нам сейчас придется иметь дело, было предпринято мало попыток продемонстрировать какой-либо годовой органический сексуальный ритм. Предположение о таком годовом цикле обычно является немногим большим, чем выводом из существования хорошо выраженного сезонного полового ритма у животных. Большинство высших животных размножаются только один или два раза в год, причем в такой период, когда детеныши рождаются, когда пищи больше всего. В другие периоды самка неспособна к размножению и не испытывает сексуальных желаний, в то время как самец находится либо в таком же состоянии, либо в состоянии скрытой сексуальности. Под влиянием одомашнивания животные, как правило, утрачивают строгую периодичность, характерную для диких условий, и становятся склонными к размножению с более частыми интервалами. Таким образом, среди собак в диком состоянии сука испытывает течку только один раз в год, весной. У одомашненных собак есть не только весенний период течки в начале года, но и осенний период, примерно на шесть месяцев позже; однако первобытный период остается наиболее важным, и считается, что лучшие пометы щенков получаются весной. Весной и летом кобыла в моде; осенью овцы пасут барана.^[128] Многие из менструирующих обезьян также, независимо от того, присутствует сексуальное желание в течение всего года или нет, зачинают только весной и осенью. Практически любое время года может быть сезоном спаривания животного, этот сезон, по-видимому, частично определяется экономическими условиями, которые будут преобладать при рождении. Хотя важно, чтобы животные рождались в сезон наибольшего изобилия, не менее важно, чтобы спаривание, требующее больших затрат энергии, также происходило в сезон максимальной физической активности.

В качестве примера половой жизни животного в течение года я могу процитировать следующее описание повадок американского оленя, сделанное доктором А. В. Джонстоуном: "Наш обычный американский олень зимой полуголоден из-за отсутствия растительности в лесу; низкая температура, снег и лед усложняют условия его жизни из-за отсутствия надлежащего количества пищи, в результате чего он становится более легкой добычей плотоядных животных. Ему трудно даже сохранить жизнь. Весной он сбрасывает зимнюю шерсть и надевает костюм из более светлой шерсти, и пока это происходит, самец отращивает рога для защиты. Самка примерно в это время находится на стадии беременности, и когда рога полностью отрастают, она сбрасывает детенышей. Когда детеныши сбрасываются, начинается обильная растительность и лактация. В течение этого времени самец полностью занят добычей пищи и охраной своей более или менее беспомощной семьи. С приближением сезона растительность увеличивается, и олененок начинает питаться травой. Когда начинается летняя жара, маленькие ручейки начинают пересыхать, и животное снова испытывает трудности с поддержанием жизни из-за изнуряющей жары, воздействия засухи на растительность и расстояния, которое приходится преодолевать, чтобы набрать воды; таким образом, целых десять месяцев в году олень может делать все, что в его силах, чтобы жить без дополнительных нагрузок, связанных с гоним. Вскоре после начала осенних дождей растительность становится более роскошной, рога самцов и новая шерсть у обоих полностью отрастают, летняя жара уходит, еда и питье повсюду в изобилии, оленята отлучены от груди, и оба пола находятся в прекраснейшем состоянии. Тогда, и только тогда, в течение всего года наступает гон, который для них, как и для большинства других животных, означает непривычное количество физических упражнений, помимо ежедневных спасательных бегов от своих естественных

врагов, и расходуется необычное количество энергии. Если самке не нравится внимание особенного самца, результатом становятся мили гонок. Если встречаются ревнивые самцы, происходят яростные схватки. Нагрузку на представителей обоих полов невозможно было бы перенести ни в какое другое время года. С приближением холодов начинаются климатические лишения и зимние опасности, и гон прекращается. У всех диких животных гон наступает только тогда, когда климатические и другие условия благоприятствуют наивысшему физическому развитию. Этот закон справедлив для всех диких птиц, поскольку только тогда они могут переносить напряжение, связанное с занятием любовью. Обыкновенная американская ворона - очень хорошее исследование. Зимой он путешествует по рисовым полям Юга, ведя бродяжническое существование в незнакомой ему стране, в которую он отправляется только для того, чтобы спастись от суровости северного климата. Весной в течение нескольких недель он бродит по полям, собирая червей и личинок. После долгого перелета с Юга он переживает несколько недель почти идеального существования, его пища обильна, он становится сильным и сытым, а затем он обращается к мыслям о любви. В сезон спаривания он выполняет больше работы, чем в любое другое время года: фантастические танцы, скачки и погоня за самками, а также жестокие схватки с соперниками. Он переносит больше, чем было бы возможно в его обычном физическом состоянии. Затем следуют забота о детенышах и длительные перелеты за водой и едой во время летней засухи. После линьки осень снова застаёт его в стае, и с первыми заморозками он снова улетает на Юг. В дикой природе гон является краеугольным камнем идеального физического состояния". (А. В. Джонстон, "Связь менструации с другими репродуктивными функциями", *Американский журнал акушерства*, том. xxxii, 1895.)

Уилтшир ("Лекции по сравнительной физиологии менструации", *Британский медицинский журнал*, март 1888 г.) и Вестермарк (*История человеческого брака*, глава II) перечисляют сезон спаривания ряда различных животных.

Что касается периодов размножения обезьян, то, по-видимому, достоверно известно мало. Хипе навел особые справки в отношении двух видов, сексуальную жизнь которых он исследовал. Ему сообщили, что *Semnopithecus entellus* размножается дважды в год, в апреле и в октябре. Он соглашается с утверждением Эйтчесона о том, что *макака-резус* Симле совокупляется в октябре, и добавляет, что в совершенно ином климате равнин она, по-видимому, совокупляется в мае. Он приходит к выводу, что сезон размножения сильно варьируется в зависимости от климата, но считает, что сезон размножения всегда сохраняется и что это влияет на сексуальные способности самца. Он не мог заставить своих обезьян совокупляться в феврале или марте, но не может сказать, допускаются ли половые сношения вообще вне сезона размножения. Он цитирует наблюдение Брешета о том, что обезьяны совокупляются во время беременности.

У примитивных человеческих рас мы очень часто прослеживаем точно такое же влияние сезонного импульса, какое можно наблюдать у высших животных, хотя у человеческих рас это не всегда приводит к тому, что дети рождаются во время наибольшего изобилия, и из-за развития человеческих навыков такой результат не является необходимым. Так, доктор Кук обнаружил у эскимосов, что во время долгих зимних ночей выделения уменьшаются, мускульная сила ослабевает, а страсти подавляются. Вскоре после восхода солнца у молодого населения наступает своего рода гон. Они трепещут от накала сексуальной страсти, и в течение

нескольких недель большая часть времени уходит на ухаживания и любовь. Следовательно, большинство детей рождается на девять месяцев позже, когда начинаются четыре месяца вечной ночи. Заметная сезонная периодичность такого рода наблюдается не только в арктических регионах. Мы также можем найти его в тропиках. В Камбодже Мондьер обнаружил, что дважды в год, в апреле и сентябре, у мужчин, похоже, наступает "настоящий гон", и иногда они даже убивают женщин, которые сопротивляются им.^[129]

Эти два периода, весна и осень — время приветствовать зарождение жизни и время наслаждаться ее последним плодоношением — кажутся повсюду в мире самыми обычными сезонами для эротических фестивалей. В классической Греции и Риме, в Индии, у индейцев Северной и Южной Америки весна - самое обычное время года, в то время как в Африке главным образом выбирается сезон сбора урожая батата осенью. Конечно, есть множество исключений из этого правила, и обычно соблюдаются оба сезона. Принимая, действительно, широкий взгляд на фестивали по всему миру, мы можем сказать, что есть четыре времени года, когда они проводятся: зимнее солнцестояние, когда дни начинают удлиняться, и первобытный человек радуется удлинению и стремится помочь ему;^[130] весеннее равноденствие, период прорастания и возвращения жизни; летнее солнцестояние, когда дни начинают удлиняться. солнце достигает своего апогея; и наступает осень, период плодоношения, благодарности и покоя. Но мы редко встречаем людей, серьезно празднующих более двух фестивальных сезонов.

В Австралии, согласно Мюллеру, цитируемому Плоссом и Бартельсом, брак и зачатие происходят в теплое время года, когда больше всего еды, и в какой-то степени даже приурочены к этому периоду. Олдфилд и другие утверждают, что австралийские эротические фестивали проводятся только весной. Мюллер добавляет, что у некоторых племен, таких как ватчанди, зачатие начинается с фестиваля под названием *кааро*, который проводится в теплое время года в первое новолуние после созревания ямса. Главной особенностью этого фестиваля является танец при лунном свете, символически представляющий половой акт. Со своими копьями, которые считаются символами мужского органа, мужчины нападают на кусты, которые символизируют женские органы. Таким образом, они доводят себя до состояния крайнего сексуального возбуждения.^[131] У папуасов Новой Гвинеи, также, согласно Миклучо-Маклею, зачатия в основном происходят в конце сбора урожая, и Гиз описывает великий ежегодный праздник года, который проводится во время сбора урожая батата и бананов, когда девушки проходят церемонию инициации и заключаются браки.^[132] В Центральной Африке, говорит сэр Х. Х. Джонстон в своей книге "*Центральная Африка*", в определенные сезоны года всерьез практикуются сексуальные оргии, но он забывает упомянуть, что это за сезоны. Жители Новой Британии, по словам Вайсера (цитируемого Плоссом и Бартельсом), тщательно охраняют своих юных девушек от молодых людей. Однако в определенное время вечером громко трубят в трубу, и тогда девушкам разрешается удалиться в кусты, чтобы свободно пообщаться с молодыми людьми. В древнем Перу (согласно отчету, взятому из пастырского письма архиепископа Лимы Вильягомеса), в декабре, когда созревали плоды *пальтай*, проводился фестиваль, которому предшествовал пятидневный пост. Во время праздника, который длился шесть дней и шесть ночей, мужчины и женщины встретились в состоянии полной наготы в определенном месте среди садов, и все помчались к определенному холму. Каждый мужчина, догонявший женщину в гонке, был обязан немедленно вступить с ней в половую связь.

Очень поучительным, с нашей нынешней точки зрения, является рассказ Далтона о празднествах различных бенгальских народов. Таким образом, хос (коларианское племя) из Бенгалии - чисто земледельческий народ, и главным праздником года у них является *мах пара*. Он проводится в январе месяце, "когда зернохранилища полны зерна, а люди, по их собственному выражению, полны дьявольщины". Это праздник урожая-дома, окончания трудового года, и он всегда проводится в полнолуние. Фестиваль представляет собой *сатурналии*, когда забываются все правила долга и приличия, а женщинам и девушкам предоставляется максимальная свобода, которые становятся подобны вакханкам. Люди верят, что в это время и мужчины, и женщины переполняются жизненной силой, и что предохранительный клапан абсолютно необходим. Праздник начинается с религиозного жертвоприношения, совершаемого деревенским священником или старейшинами, а также с молитв за усопших и ниспослания своевременного дождя и хорошего урожая. По окончании религиозных церемоний люди предаются пиршеству и распивают домашнее пиво, приготовление которого из ферментированного риса является одним из главных достижений девушек. "Население Хо, - писал Далтон, - в другое время года тихо и сдержанно, а в своем поведении по отношению к женщинам мягко и благопристойно; даже в своем флирте они никогда не выходят за рамки приличия. Девушки, хотя и полны духа и несколько дерзки, обладают врожденными представлениями о приличиях, которые делают их скромными в поведении, хотя и лишены всякой чопорности, а о непристойных оскорблениях, столь часто слышимых из уст простых женщин Бенгалии, они, по-видимому, ничего не знают. Они деликатно реагируют на грубые высказывания любого рода и никогда не используют их по отношению к другим; и с тех пор, как они перешли на одежду, они стараются одеваться прилично, а также изящно; но они отбрасывают все это в сторону во время пира *мага*. Их природа, по-видимому, претерпевает временные изменения. Сыновья и дочери грубо оскорбляют своих родителей, а родители - своих детей; мужчины и женщины становятся почти подобными животным, потворствуя своим любовным наклонностям. Они разыгрывают все, что когда-либо изображали похотливые художники на вакхических празднествах или пандейских оргиях; и поскольку свет солнца, который они обожают, и присутствие многочисленных зрителей, кажется, не сдерживают их распушенности, нельзя ожидать, что целомудрие сохраняется, когда тени ночи падают на такую сцену распушенности и разврата". Однако, представляя фестиваль таким образом просто как разврат, Далтон добавляет, что отношения, сложившиеся в это время, обычно заканчиваются браком. В апреле и мае также проводится фестиваль цветов, религиозного характера, но танцы на этом фестивале более спокойные по своему характеру.^[133]

В Бирме великим праздником года является октябрьское полнолуние, следующее за буддийским Великим постом (который также является сезоном дождей), во время которого не допускается половых сношений. Другой великий праздник - Новый год в марте.^[134]

В классические времена великие фестивали проводились в одно и то же время как в северной, так и в современной Европе. *Брумалия* проводилась в середине зимы, когда дни были самыми короткими, а *розалия*, согласно древнему обычаю, в мае или июне, и позже, около Пасхи. После утверждения христианства Церковь прилагала постоянные усилия к подавлению этого последнего праздника, и собор восьмого века назвал его "нечестивым и предосудительным празднованием". Эти праздники, по-видимому, тесно связаны с поклонением Дионису, и праздник цветов в честь Диониса, а также римские праздники в честь Вакха отмечались в марте

поклонением Приапу. Фестивали делийского Аполлона и Артемиды проходили в первую неделю мая, а римские вакханалии - в октябре.^[135]

Средневековый праздник дураков был в значительной степени сезонной оргией, разрешенной Церковью. Его можно проследить непосредственно от варваров нижней империи до римских *сатурналий*, а в Сансе, древней церковной столице Франции, оно проводилось примерно в то же время, что и *сатурналии*, в Праздник Обрезания, *то есть* в День Нового года. Однако он не всегда проводился в это время; так, в Эвре он состоялся 1 мая.^[136]

Пасхальные костры в северной и центральной Европе, костры в день Летнего солнцестояния (канун Святого Иоанна) в южной и центральной Европе до сих пор свидетельствуют о древних праздниках.^[137] Безусловно, существует связь между этими кострами и эротическими празднествами; примечательно, что они происходят в основном в период весны и начала лета, который, по другим причинам, широко рассматривается как время усиления полового инстинкта, в то время как менее частый период для костров - это период незначительной сексуальной кульминации. Маннхардт был, пожалуй, первым, кто показал, насколько тесно эти весенние и раннелетние фестивали, проводимые с кострами, танцами и музыкой скрипки, были связаны с занятиями любовью и выбором партнера.^[138] Весной, в первый понедельник Великого поста (Квадригезима) и канун Пасхи, часто устраивались такие костры. В мае у франков Майна незамужние женщины, обнаженные и украшенные цветами, танцевали на площади Блоксберг перед мужчинами, как описано Хербельсом в десятом веке.^[139] 1 мая в центральном нагорье Шотландии вспыхнули пожары Бельтейна. Иногда разжигали костры на Хэллоуин (31 октября) и Рождество. Но лучшим временем года для разжигания этих костров по всей Европе, которые тогда часто сопровождалось эротическими церемониями, является летнее солнцестояние, 23 июня, канун Иванова дня, или Дня Святого Иоанна.^[140]

Богемцы и другие славянские расы раньше проводили встречи с сексуальной распушенностью. Так было вплоть до начала шестнадцатого века на берегах рек близ Новгорода. Встречи происходили, как правило, за день до праздника Иоанна Крестителя, который в языческие времена был праздником божества, известного под именем Ярило (эквивалент Приапа). Полвека спустя новый церковный кодекс стремился отменить все остатки ранних праздников, проводившихся на Рождество, в День Крещения Господня и в День Иоанна Крестителя. Общей чертой всех этих праздников (говорит Ковалевский) было преобладание беспорядочных половых сношений полов. Среди остонцев в конце восемнадцатого века тысячи людей собирались вокруг старой разрушенной церкви (в Феллиншен) в канун дня святого Иоанна, разжигали костер и бросали в него жертвенные дары. Бесплодные женщины танцевали обнаженными среди руин; продолжалось много еды и питья, в то время как юноши и девушки исчезали в лесах, чтобы делать то, что им заблагорассудится. Фестивали такого характера до сих пор проходят в конце июня в некоторых районах. Молодые неженатые пары прыгают босиком через большие костры, обычно возле рек или прудов. Распушенность встречается редко.^[141] Но во многих частях России крестьяне по-прежнему мало ценят девственность и даже предпочитают женщин, которые были матерями. Население Граубюндена в шестнадцатом веке проводило регулярные собрания, не менее распушенные, чем собрания казаков. Они были отменены законом. Ковалевский рассматривает все подобные обычаи как пережиток ранних форм промискуитета.^[142]

Фрейзер (*Золотая ветвь*, 2-е изд., 1900, т. iii, стр. 236-350) полностью описывает и обсуждает танцы, костры и фестивали весны и лета, Хэллоуина (31 октября) и Рождества. Он также объясняет сексуальный характер этих фестивалей. "Есть четкие указания, - замечает он (стр. 305), - что даже человеческому плодородию, как предполагается, способствует благотворный жар костров. Ирландцы верят, что девушка, которая трижды перепрыгнет через костер в день летнего солнцестояния, вскоре выйдет замуж и станет матерью многих детей; а в разных частях Франции считают, что если девушка потанцует вокруг девяти костров, она обязательно выйдет замуж в течение года. С другой стороны, в Лечрейне люди говорят, что если молодые мужчина и женщина, вместе перепрыгнув через костер летнего солнцестояния, останутся целыми и невредимыми, молодая женщина не станет матерью в течение двенадцати месяцев — пламя не коснулось ее и не оплодотворило. Правило, соблюдаемое в некоторых частях Франции и Бельгии, согласно которому костры в первое воскресенье Великого поста должны разжигаться человеком, который был женат последним, по-видимому, относится к тому же классу идей, независимо от того, предполагается ли, что такой человек получает от огня или передает ему порождающее и оплодотворяющее влияние. Распространенная практика, когда влюбленные прыгают через костры рука об руку, вполне могла возникнуть из представления о том, что таким образом их брак с большей вероятностью будет благословлен потомством. И сцены распутства, которыми, по-видимому, было отмечено празднование середины лета среди остонцев, как когда-то они отмечали Первомай среди нас, могли возникнуть не из простой распушенности отдыхающих, а из грубого представления о том, что подобные оргии были оправданы, если не обязательны, некими таинственными узами, которые связывали жизнь человека с движением небес в поворотный момент года".

Что касается этих примитивных праздников, то, хотя свидетельства разрозненны и иногда неясны, некоторые основные выводы напрашиваются сами собой. Согласно Гримму, в ранней Европе существовало только два времени года, иногда рассматриваемых как весна и зима, иногда как весна и осень, и для мифических целей были доступны только эти времена года.^[143] Появление каждого из этих двух сезонов было ознаменовано фестивалями, которые носили религиозный и часто эротический характер. Славянский год начинался в марте, когда, как считается, раньше отмечался великий праздник не только в славянских, но и в тевтонских странах. В Северной Германии пасхальные костры всегда ассоциировались с горами. Кельтские костры устраивались в начале мая, в то время как тевтонский Первомай, или *Вальпургиева ночь*, является очень древним священным праздником, связанным с эротическим церемониалом, и, по мнению Гримма, имеет общее происхождение с римской *флоралией* и греческой *дионисией*. Итак, в Европе Гримм заключает: "Есть четыре разных способа приветствовать лето. В Швеции и Готланде - битва зимы и лета, триумфальное вступление последнего. В Шенене, Дании, Нижней Саксонии и Англии можно просто покататься верхом в мае или взять повозку в мае. На Рейне - просто битва зимой и летом, без погружения, без помпезности вступления. Во Франконии, Тюрингии, Мейсене, Силезии и Богемии только зимняя смерть; никаких сражений, никакого официального наступления лета. Из этих фестивалей первый и второй приходятся на май, третий и четвертый - на март. В первых двух все население принимает участие с неослабевающим энтузиазмом; в последних двух - только низшие слои населения. ... Все свидетельствует о том, что приближение лета было для наших предков священным приливом, приветствуемым жертвоприношениями, пиршествами и танцами и в значительной степени определяющим и освещающим жизнь людей".^[144] Мартовский праздник ранней весны, праздник Остары, богини весны, стал отождествляться с христианским праздником

Воскресения (точно так же, как праздник летнего солнцестояния был отдан под покровительство святого Иоанна Крестителя); но произошло лишь объединение тесно связанных обрядов, поскольку христианский праздник также может восходить к аналогичному происхождению. У древних арабов великий *праздник рагаб*, отождествляемый Эвальдом и Робертсоном Смит с еврейским *пасхальным* праздником, приходился на весну или начало лета, когда верблюды и другие домашние животные приносили детенышей, а пастухи приносили жертвы.^[145] Вавилония, высший древний центр религиозной и космологической культуры, представляет собой более яркий пример сексуального праздника. Фестиваль Таммуз в точности аналогичен европейскому празднику Дня Святого Иоанна. Таммуз был солнечным богом весенней растительности и тесно связан с Иштар, также сельскохозяйственным божеством плодородия. В древности праздник Таммуз проводился в день летнего солнцестояния, во время сбора первого урожая пшеницы и ячменя. В Вавилонии, как и в первобытной Европе, было только два времени года; праздник Таммуз, приходившийся на конец зимы и начало лета, был постом, за которым следовал пир, временем траура по зиме и ликования по лету. Быть символом природных процессов - часть примитивной функции священного ритуала, таинственное представление природных процессов с целью их осуществления.^[146] Праздник Таммуз был призывом к силам Природы проявить свои репродуктивные функции; на его эротический характер указывает не только хорошо известный факт, что жрицы Иштар (Кадишту, или "святые") были проститутками, но и утверждения вавилонских легенд о состоянии земли во время зимнего отсутствия Иштар, когда бык, осел и человек перестали размножаться. Очевидно, что возвращение весны, совпадающее с праздником Таммуз, рассматривалось как период возвращения репродуктивного инстинкта даже у человека.^[147] Так что и в этом направлении мы возвращаемся к великому празднику продолжения рода.

Таким образом, большие весенние фестивали проводились с марта по июнь, часто завершаясь грандиозной оргией в канун Летнего солнцестояния. Следующий большой сезон фестивалей в Европе пришелся на осень. Начало августа было великим праздником в кельтских землях, и его отголоски, замечает Рис, еще не затихли в Уэльсе.^[148] Начало ноября, как в кельтских, так и в тевтонских странах, было периодом костров.^[149] Особенно в германских странах в то время проводился большой фестиваль. Германский год начинался в Мартинмас (11 ноября), и тогда же проводился великий праздник года. Это старейший германский праздник за всю историю наблюдений, который сохранил свое значение даже в средние века. Там пировали всю ночь, и скот, который предстояло зарезать, был посвящен богам; гусь ассоциировался с этим праздником.^[150] Кульминацией этих осенних праздников стал великий праздник зимнего солнцестояния, который мы увековечили в праздновании Рождества и Нового года. Таким образом, в то время как два великих первобытных кульминационных праздника весны и осени точно соответствуют (как мы увидим) сезонам максимального оплодотворения даже в современной Европе, более ранние весенние (март) и - хотя и менее точно — осенние (ноябрь) праздники соответствуют периодам максимального спонтанного сексуального возбуждения, насколько я смог получить точные свидетельства такого возбуждения. То, что максимум физиологического сексуального возбуждения, как правило, наступает раньше, чем максимум оплодотворения, является результатом, которого можно было бы ожидать.

Приведенные выше соображения ясно указывают на то, что у примитивных рас часто бывает одно или два сезона в году — особенно весна и осень, - в течение которых в основном или даже исключительно осуществляются половые сношения, и они далее указывают на то, что эти примитивные обычаи сохраняются в некоторой степени даже в Европе по сей день. Все еще

оставалось бы определить, влияет ли какое-либо такое влияние на всю массу цивилизованного населения и определяет ли оно время, в которое чаще всего происходит половое сношение или оплодотворение.

На этот вопрос удобнее всего ответить, изучив сезонные колебания уровня рождаемости с учетом времени зачатия. Варгентин в Швеции впервые обратил внимание на периодичность изменения рождаемости в 1767 году.^[151] Этот вопрос, по-видимому, не привлекал особого внимания, пока Кетле, инстинктивно почуявший неиспользованные области статистических исследований, не показал, что в Бельгии и Голландии максимум рождений приходится на февраль и, следовательно, зачатий - на май, а минимум рождений - на июль с последующим минимумом зачатий - на октябрь. Кетле считал, что весенний максимум зачатий соответствует повышению жизненного тонуса после зимних холодов. Он отметил, что этот сексуальный кульминационный момент был лучше замечен в сельской местности, чем в городах, и объяснил это тем, что в сельской местности зимние холода ощущаются более остро. Позже Ваппаус исследовал этот вопрос в различных частях северной и южной Европы, а также в Чили, и обнаружил, что в мае и июне было зафиксировано максимальное количество представлений, связанных с сезоном, а в католических странах обычаи подкреплялись церковными сезонами. Он обнаружил, что за этим максимумом последовал минимум в сентябре, октябре и ноябре из-за постепенно нарастающего истощения и влияния эпидемических заболеваний, а также напряжения во время уборочных работ. Минимум достигается на юге раньше, чем на севере. Примерно в ноябре зачатия снова становятся более частыми и достигают второго максимума примерно на Рождество и Новый год. Этот второй максимум очень слабо выражен в южных странах, но сильно выражен в северных (в Швеции абсолютный максимум зачатий достигается в декабре) и обусловлен, по мнению Ваппауса, исключительно социальными причинами. Виллерме добился примерно таких же результатов. Основываясь на своем исследовании 17 000 000 рождений, он показал, что во Франции максимум оплодотворений приходится на апрель, май и июнь, или от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния, и ближе к солнцестоянию, чем к равноденствию; в то время как минимум рождений обычно приходится на июль, но задерживается влажным и холодным летом таким образом, что в августе рождается едва ли больше, чем в июле, и, с другой стороны, очень жаркое лето, ускоряющее минимум рождений, приводит к тому, что он приходится на июнь вместо этого. оф в июле.^[152] Он также показал, что в Буэнос-Айресе, где времена года меняются местами, частота зачатий следует за сменой сезонов, а также повышается за счет периодов покоя, обильной пищи и расширения социальной жизни. Сормани изучал периодичность зачатия в Италии и обнаружил, что весенний максимум в южных провинциях приходится на май и постепенно снижается по мере продвижения на север, пока на крайнем севере полуострова он не наступает в июле. В южной Италии существует только один максимум и один минимум; на севере их два. Минимум, следующий за весенним или летним максимумом, увеличивается по мере приближения к югу, в то время как минимум, связанный с зимними холодами, увеличивается по мере приближения к северу.^[153] Бекеманн, изучавший этот вопрос в различных частях Германии, обнаружил, что сезонное влияние было особенно отмечено в случае внебрачных рождений. Максимум зачатий незаконнорожденных детей в Европе обычно приходится на весну и лето; в России это происходит осенью и зимой, когда у населения заканчиваются месяцы сбора урожая и наступает период покоя, а также минимальной смертности (сентябрь, октябрь и ноябрь). В России общая частота зачатий изучалась различными исследователями. Здесь максимальное количество зачатий приходится на зимний период, минимальное варьируется среди различных

слоев населения. Если присмотреться повнимательнее, то максимум зачатий в России приходится на январь и апрель. (Однако в российских городах максимальное количество зачатий приходится на осень.) Считается, что особые характеристики уровня зачатия в России обусловлены преобладанием браков осенью и зимой,^[154] из-за строго соблюдаемого весеннего поста и изнурительной уборки урожая летом.

Поучительно сравнить уровень зачатия в Европе с уровнем зачатия в неевропейской стране. Такое сравнение было проведено С. А. Хиллом для северо-западных провинций Индии. Здесь Холи и другие эротические фестивали проходят весной; но весна - это не тот период, когда в основном происходят зачатия; действительно, преобладание эротических фестивалей весной, по-видимому, является аргументом в пользу того, что эти фестивали возникли в более холодном климате. Концепции показывают рост в течение октября и ноября до максимума в декабре и январе, за которым следует устойчивое и продолжительное падение до минимума в сентябре. Эта кривая может быть объяснена климатическими и экономическими условиями. Сентябрь подходит к концу долгого и удручающе жаркого сезона, когда малярийные заболевания быстро достигают максимума, запасы продовольствия почти исчерпаны и наблюдается наибольшая склонность к самоубийствам. С октябрём он образует период наибольшей смертности. Декабрь, с другой стороны, месяц, когда пища наиболее обильна, и это также очень здоровый месяц.^[155]

For a summary of the chief researches into this question, see Ploss and Bartels, *Das Weib*; also, Rosenstadt, "Zur Frage nach den Ursachen welche die Zahl der Conceptionen, etc," *Mittheilungen aus den embryologischen Institute Universität Wien*, second series, fasc. 4, 1890. Розенштадт приходит к выводу, что человек унаследовал от животных предков "физиологический обычай", которому, вероятно, в дальнейшем способствовали климатические и социальные условия. "Первобытный человек, - продолжает он, - унаследовал от своих предков способность воспроизводить себя только в определенные эпохи. С наступлением этого периода гона оплодотворение происходило в больших масштабах, что было очень легко благодаря распушенности, в которой жил первобытный человек. С развитием цивилизации мужчины предаются сексуальным отношениям круглый год, но "физиологический обычай" продолжения рода в определенную эпоху не исчез полностью; он остается как пережиток животного состояния и проявляется в повторном появлении числа зачатий в определенные месяцы года". О. Розенбах ("Bemerkungen über das Problem einer Brunstzeit beim Menschen", *Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie*, Bd. III, Глава 5) также приводил доводы в пользу главного сексуального периода в году у человека со вторичными и даже третичными кульминациями в марте, августе и декабре. Он обнаружил, что в некоторых семьях на протяжении нескольких поколений дни рождения, как правило, приходятся на одни и те же месяцы, но его статья в целом неубедительна.

Несколько лет назад профессор Дж. Б. Хейкрафт на основе данных, предоставленных Шотландией, утверждал, что частота зачатия соответствует температурной кривой (Хейкрафт, "Физиологические результаты изменения температуры", *Труды Эдинбургского королевского общества*, том xxix, 1880). "Температура, - заключил он, - является основным фактором, регулирующим колебания количества зачатий, которые происходят в течение года. Это увеличивает их количество с повышением, и это в среднем на 0,5% при повышении на 1 ° F." Может ли эта теория соответствовать фактам, касающимся Шотландии, или нет, она, безусловно, совершенно несостоятельна, когда мы смотрим на явления шире.

Недавно доктор Пауль Гедекен из Копенгагена в подробном статистическом исследовании ("Реакция организма на физико-химическое влияние метеорологических агентов", *Архив криминологии*, февраль 1909 г.) доказал, что частота зачатий, а также периодичность самоубийств и связанных с ними явлений обусловлены действием химических лучей на непигментированную кожу ранней весной, физиологически сходным с действием алкоголя. Таким образом, он пытается объяснить заметное и раннее возникновение таких периодических явлений в Гренландии и других северных странах, где ранней весной наблюдается сильное химическое воздействие (благодаря чистому воздуху), но мало тепла. Это объяснение не распространяется на осеннюю кульминацию, существование которой Гэдекен отрицает.

Чтобы получить довольно типичную кривую зачатия для Европы и позволить вариациям местных привычек и обычаев в некоторой степени нейтрализовать друг друга, я суммировал данные Маур примерно по четверти миллиона рождений в Германии, Франции и Италии,^[156] получив кривую (диаграмма II) частоты зачатий, которая, грубо говоря, соответствует Европы в целом. Если мы начнем с сентября как с самой низкой точки, то обнаружим осенний подъем, достигающий кульминации в меньшем максимуме на Рождество, за которым следует небольшая депрессия в январе и феврале. Затем наступает большой весенний подъем, достигающий кульминации в мае, а после июня - стремительный спад до минимума.

В Канаде (см., например, *Отчет Генерального регистратора провинции Онтарิโอ за 1904 год*) максимум и минимум зачатий одинаково приходятся на более позднее время, чем в Европе; месяцами максимального зачатия являются июнь, июль и август; минимального зачатия - январь, февраль и март. Июнь - любимый месяц для заключения брака.

Было бы интересно узнать кривую зачатия для состоятельных классов, которые в значительной степени свободны от промышленных и социальных влияний, которые, очевидно, в значительной степени контролируют уровень зачатия. Представляется вероятным, что сезонное влияние было бы здесь особенно хорошо показано. Единственная попытка, которую я предпринял в этом направлении, - изучить хорошо заполненный ежедневник. Записи показывают очень высокий и одинаково сохраняемый максимум зачатий в апреле, мае и июне, за которым следует заметный минимум в течение следующих трех месяцев и очень заметный осенний подъем в ноябре. Декабрьского повышения нет. Как будет видно, здесь наблюдается довольно точное сходство с годовой эволюционной кривой для людей того же класса. Однако расследование необходимо распространить на гораздо большее число дел.

Мистер Джон Дуглас Браун из Филадельфии любезно подготовил и прислал мне, с тех пор как было написано выше, серию кривых, показывающих ежегодную периодичность рождений среди образованных слоев населения штата Пенсильвания, используя статистические данные о 4066 рождениях, содержащиеся в Биографическом каталоге поступающих Колледжа Пенсильванского университета. Мистер Браун подготовил четыре кривые: первая, охватывающая самый ранний период, 1757-1859 годы; вторая, период 1860-1876 годов; третья, 1877-1893 годы; в то время как четвертая представила суммированные результаты за весь период. (Указанные даты относятся к моменту поступления на занятия, а не к фактическому наступлению дня рождения.) Показана очень четкая и четко обозначенная кривая, и среднее количество рождений (не зачатий) в день за весь период выглядит следующим образом:—

Янв.	Феврал	Март	Апрел	Ма	Июн	июл	Авгус	Сентябр	Октябр	Ноябр	Декаб
.	ь.	.	ь.	й	ь	ь	т.	ь.	ь.	ь.	рь
10.5	11.4	11	8.3	10.	10.5	11.5	12.6	12.3	11.6	12	11.7
2											

Таким образом, существует четко выраженный минимум представлений (депрессия, появляющаяся здесь в каждом из трех периодов по отдельности) о месяце июле. (Однако во втором периоде, который включает наименьшее количество рождений, минимум приходится на сентябрь.) От этого низкого минимума наблюдается устойчивый и непрерывный рост до главного максимума в ноябре. (Однако в первый период максимум откладывается до января, а во второй период он несколько размывается.) Наблюдается тенденция к незначительному максимуму в феврале, особенно хорошо заметному в третьем и наиболее важном периоде, а в первом периоде отложенному до марта.

Прежде чем мы оставим эту часть темы, можно было бы кратко указать на очень любопытное и, возможно, неслучайное совпадение. Установлено^[157] путем анализа 3000 случаев смерти детей в возрасте до одного года, что среди населения в целом дети, родившиеся в феврале и сентябре (и, следовательно, зачатые в мае и декабре), по-видимому, обладают наибольшей жизнеспособностью, а дети, родившиеся в июне и, следовательно, зачатые в сентябре, наименьшей жизнеспособностью.^[158] Как мы видели, май и декабрь - это как раз те периоды, когда зачатия в Европе обычно максимальны, а сентябрь - как раз тот период, когда они минимальны, так что, если это совпадение не случайно, самые сильные дети зачинаются, когда есть самая сильная тенденция к продолжению рода, и самые слабые дети, когда эта тенденция наиболее слаба.

Нельсон в своем исследовании сновидений и их связи с сезонными экболическими проявлениями не приводит никакой годовой экболической кривой, поскольку два с половиной года, на которые распространяются его наблюдения, едва ли дают достаточную основу. Однако, изучая его цифры, я нахожу определенное количество свидетельств годового ритма. Повсюду весенние и осенние кульминации (в феврале и ноябре); декабрьского подъема нет. В течение одного года наблюдается заметный минимум с мая по сентябрь, хотя в следующем году он лишь незначительно прослеживается. Эти цифры слишком неопределенны, чтобы что-либо доказывать, но, насколько это возможно, они полностью согласуются с гораздо более обширным отчетом У. К. (*ante*, стр. 113), которым я уже пользовался при обсуждении вопроса о месячном ритме. Этот отчет, охватывающий почти двенадцать лет, демонстрирует общую тенденцию, когда год делится на четыре периода (ноябрь-январь, февраль-апрель, май-июль, август-октябрь) и суммируются результаты, которые неуклонно растут на протяжении всего периода от минимума в зимний период до максимума в осенний период. Такой устойчивый рост наблюдается не в каждом году в отдельности. В течение трех лет наблюдается снижение при переходе от квартала ноябрь-январь к кварталу февраль-апрель (за которым всегда следует рост в следующем квартале); в трех случаях наблюдается снижение при переходе от второго к третьему кварталу (за которым снова всегда следует рост в следующем квартале), и в два года подряд наблюдается снижение при переходе от третьего к четвертому кварталу. Однако, если, начиная со второго года, мы суммируем результаты за каждый год с результатами за все предыдущие годы, то от сезона к сезону наблюдается устойчивый рост. Если мы проанализируем данные по месяцам года, то получим еще более точные и интересные

результаты (как показано на кривой, [диаграмма III](#)); видны две максимальные точки, одна весной (март), другая осенью (октябрь, или, скорее, август-октябрь), и за каждой из этих максимальных точек следует; крутой и внезапный спуск к минимальным точкам в апреле и в декабре. Если мы сравним этот результат с результатами Перри-Коста, также полученными в течение длительного ряда лет, мы обнаружим заметное сходство. В обоих случаях одинаково наблюдаются весенний и осенний максимумы, в обоих случаях осенний максимум является самым высоким, и в обоих также наблюдается промежуточное падение. В обоих случаях, опять же, за максимумами следуют крутые спуски, но в то время как в обоих весенний максимум приходится на март, в случае Перри-Коста второй максимум, хотя и точно такой же формы, наступает раньше, в июне-сентябре, а не в августе-октябре. В случае с Перри-Костом также наблюдается явно ненормальная тенденция, проявляющаяся только в последние годы записи, к дополнительному максимуму в январе. Записи, безусловно, показывают гораздо больше совпадений, чем расхождений, и благодаря их гармонии, как друг с другом, так и с самими собой, когда годы взяты отдельно, безусловно, многое доказывают, что существует очень выраженный годовой ритм в явлениях семенных выбросов во время сна, или, как Нельсон назвал это, экболическая кривая. Мы видим также, что великая ежегодная органическая кульминация сексуального возбуждения соответствует периоду после сбора урожая, который во всем первобытном мире был сезоном сексуального эретизма и оргий; хотя эти обычаи исчезли из нашей бодрствующей жизни, они все еще запечатлены в нашей нервной ткани и проявляются во время сна.

Свежие записи, дошедшие до меня с момента выхода первого издания этой книги, показывают четко выраженные годовые кривые, хотя у каждой кривой всегда есть свои небольшие индивидуальные особенности. Наиболее интересным и значительным является исследование Э. М. (см. *ante* стр. 116), охватывающее четыре года. На это указывают следующие месячные частоты, суммированные за четыре года:—

Янв.	Феврал	Март	Апрел	Ма	Июн	июл	Авгус	Сентябр	Октябр	Ноябр	Декаб
.	ь.	.	ь.	й	ь	ь	т.	ь.	ь.	ь.	рь
16	13	14	22	19	19	12	12	14	14	12	24

Э.М. живет в Индии. Апрель, май и июнь - жаркие месяцы, но не вредные для здоровья, и, более того, в течение этого сезона он живет в горах в благоприятных условиях, много занимаясь физическими упражнениями на свежем воздухе. Июль, август и сентябрь почти такие же жаркие, но гораздо более влажные и изматывающие; в эти месяцы Э. М. живет в городе, и его работа тогда, также, более требовательна, чем в другое время, сентябрь - худший месяц из всех; в конце его у него короткий отпуск. В декабре, январе и феврале климат очень благоприятный, и Э. М. становится легче работать. Будет видно, что его экболическая кривая соответствует его обстоятельствам и окружению, хотя до тех пор, пока он не проанализировал запись, он понятия не имел о существовании какой-либо такой взаимосвязи. Неблагоприятные климатические условия и тяжелая работа, благоприятные условия и более легкая работа случайно совпадают в его жизни, и первые снижают частоту семенных выделений; вторые увеличивают их частоту. В то же время кривая не выходит за рамки северных изгибов. Есть то, что соответствует кульминации поздней весны (апрель), и другая, еще более высокая, кульминация поздней осени (декабрь). Очень интересным моментом является общее сходство экболических кривых с индийскими концептуальными кривыми, изложенными Хиллом (*ante*, стр. 140). Кривая зачатия

находится в самой низкой точке в сентябре и в самой высокой точке в декабре-январе, и эта экономическая кривая следует за ней, за исключением того, что и минимум, и максимум достигаются немного раньше. По сравнению с английскими годовыми экболическими кривыми (У. К. и Перри-Косте), весенний и осенний максимумы приходятся на более позднее время, но все согласны в том, что осенний подъем является главной кульминацией.

Годовая кривая А. Н. (*ante* стр. 117), который живет в Индиане, США, также охватывает четыре года. В нем представлены обычные весенние (в данном случае май-июнь) и осенние (сентябрь-октябрь) кульминации. Точные месячные результаты, суммированные за четыре года, приведены ниже; чтобы учесть неравномерную продолжительность месяцев, я сократил их до среднесуточных значений, для удобства рассматривая четыре года как один год: —

Январь	Феврал	Мар	Апрел	Ма	июн	июл	авгус	Сентябр	Октябрь	Ноябр	Декабр
ь.	ь.	т.	ь.	й	ь	ь	т.	ь.	ь.	ь.	ь.
13	9	13	20	23	22	20	20	21	23	9	16
.42	.32	.42	.66	.74	.73	.64	.64	.70	.74	.30	.52

В своей книге о *юности* Стэнли Холл ссылается на три находящиеся в его распоряжении экболические записи, все сделанные мужчинами, которые были докторами философии и все считали себя нормальными. Лучшая из этих записей, сделанная "добродетельным, активным и способным человеком", охватывала почти восемь лет. Таким образом, Стэнли Холл резюмирует данные, которые не представлены подробно: "Лучший из этих отчетов показывает, что в среднем около трех с половиной таких случаев в месяц, наиболее частый - 5,14 в июле и наименее частый - 2,28 в сентябре, за все годы, вместе взятые. Также наблюдается небольшой подъем в апреле и еще один в ноябре с падением в декабре". Частота варьируется у разных людей. Тенденции к месячному циклу не наблюдалось. В лучшем случае минимальное число за год составляло тридцать семь, а максимальное - пятьдесят. Пятьдесят девять процентов. из всех случаев с интервалом в неделю или меньше; сорок процентов. с интервалом от одного до четырех дней; тридцать четыре процента - с интервалом от восьми до семнадцати дней, самый длительный из которых составляет сорок два дня. Плохое состояние, переутомление и недосыпание приводили к редким случаям. Раннее утро было наиболее распространенным временем. Обычно наблюдалось чувство явного облегчения, но при низких состояниях или при чрезмерной частоте - депрессия. (Г. С. Холл, *Юность*, том i, стр. 453.) Я могу добавить, что анонимная статья о "Ночных поллюциях" (*Американский психологический журнал*, январь 1904 г.), очевидно, является более полным изложением первого из трех случаев Стэнли Холла. Это история здорового, неженатого, целомудренного мужчины, который вел учет своих ночных поллюций (и сопровождающих их сновидений) в возрасте от тридцати до тридцати восьми лет. В каком американском штате он жил, не упоминается. Он не знал о существовании каких-либо предыдущих записей. Среднегодовой показатель составлял от 37 до 50, оставаясь практически неизменным; среднемесячный показатель составлял 3,43. Я воспроизвожу общие результаты, суммированные за месяцы, отдельно, и я рассчитал среднесуточное значение за каждый месяц, для удобства считая суммированные восемь лет как один год: —

Январь	Феврал	Мар	Апрел	Ма	июн	июл	авгус	Сентябр	Октябрь	Ноябр	Декабр
ь.	ь.	т.	ь.	й	ь	ь	т.	ь.	ь.	ь.	ь.
27	27	27	31	29	28	36	25	18	27	30	24

.87 .94 .87 1.03 .93 .93 1.16 .81 .60 .87 1.00 .77

Здесь, как и на всех других кривых, которые мы смогли рассмотреть, мы можем видеть обычные две точки кульминации весной и осенью; основная кульминация приходится на апрель, май, июнь и июль, малая осенняя кульминация приурочена к ноябрю. В свете накопленных таким образом доказательств мы можем заключить, что существование годовой эколоической кривой с ее весенними и осенними кульминациями, как описано в первом издании этой книги, теперь определенно установлено.

Если мы должны верить, как склонны показывать эти записи, что ночной и непроизвольный голос сексуального влечения обычно звучит осенью по крайней мере так же громко, как весной, мы сталкиваемся с определенным расхождением между спящим сексуальным влечением и бодрствующим половым инстинктом, о чем свидетельствует кривая зачатия, а также, можно добавить, общий голос традиции и, действительно, индивидуальных чувств, которые в целом сходятся в том, что главную эпоху сексуальной активности относят к весне и началу лета, особенно в отношении женщин.^[159] Нет ничего невозможного в том, чтобы разрешить противоречие, предполагая, что оно реально, но я воздержусь здесь от предложения различных возникающих объяснений. Нам нужна более широкая база фактов.

Есть много фактов, свидетельствующих о том, что ранняя весна и, в определенной степени, осень - периоды заметного возбуждения, главным образом сексуального характера. Мы уже видели, что у эскимосов менструации и половое влечение возникают главным образом весной, но известны случаи, когда у здоровых женщин в умеренном климате менструации случаются только два раза в год, и в таких случаях периоды менструации, по-видимому, обычно приходятся на весну и осень. Так, во всяком случае, обстояло дело с 20-летней девушкой, историю болезни которой записала доктор Мэри Венк из Филадельфии.^[160] У нее впервые началась менструация в 15 лет. Шесть месяцев спустя поток появился снова, во второй раз, и продолжался три недели, не прекращаясь. С тех пор, в течение пяти лет, у нее были менструации только в марте и сентябре, каждый раз в течение трех недель, выделения были обильными, но не изматывающими, без боли или системных нарушений. Обследование показало, что матка и органы яичников в полном порядке. Лечение, сопровождавшееся сидячими ваннами в течение того периода, когда должны появиться месячные, ничего не дало. Полугодовой поток продолжался, и девочка, казалось, была в отличном состоянии здоровья.

Примечательно, что, как отметил доктор Гамильтон Вей из Эльмиры, сексуальные вспышки среди заключенных, по-видимому, происходят примерно в марте-октябре. "Начиная с середины февраля, - пишет доктор Вей в частном письме, - и продолжаясь около двух месяцев, наступает сезон нарастающей сексуальной волны; также вторая половина сентября и октябрь месяц. Сейчас (30 марта) мы находимся в эпицентре волны".

Согласно китайской медицине, именно весна пробуждает человеческие страсти. В древней греческой традиции весна и лето считались временем наибольшего распутства. "В пору тяжелого лета, - говорит Гесиод (*Труды и дни*, xi, 569-90), - козы самые жирные, вино самое вкусное, женщины самые распутные, а мужчины самые слабые". Так было и в опыте римлян. Плиний (*Естественная история*, Вк. XII, гл. XLIII) говорится, что когда спаржа цветет и цикады поют громче всего, это время года, когда женщины наиболее влюбчивы, а мужчины наименее склонны к удовольствиям. Паулюс Эгинета сказал, что истерия особенно распространена весной и осенью среди похотливых девушек и бесплодных женщин, в то время как более

поздние наблюдатели полагают, что истерию особенно трудно лечить осенью. Орибасий (*Синописис*, lib. i, cap. 6) цитаты из Руфуса о том, что сексуальное влечение наиболее сильно весной и наименее летом. Рабле сказал, что именно в марте сексуальный импульс наиболее силен, имея в виду раннее весеннее тепло, и что август - месяц, наименее благоприятный для сексуальной активности (*Пантагрюэль*, лив. v, гл. XXIX). Нифо в своей книге о любви, посвященной Жанне Арагонской, обсуждал причины, по которым "женщины более похотливы и влюбчивы летом, а мужчины зимой". Венетт в своей книге "*Поколение человека*" согласовал несколько противоречивые утверждения с наблюдением о том, что весна - это время года любви как для мужчин, так и для женщин; летом женщины более влюбчивы, чем мужчины; осенью мужчины в некоторой степени оживляются, но все еще угнетены жарой, которая в сексуальном плане оказывает на женщин менее угнетающее воздействие. Вероятно, в этой точке зрения есть доля правды, и обе крайности жары и холода можно рассматривать как неблагоприятные для мужской мужественности. Весьма вероятно, что хорошо известная тенденция к появлению гематом весной и осенью связана с повышенной сексуальной активностью. Гематомам способствует гиперемия, а сексуальное возбуждение является самой сильной причиной внезапной гиперемии в мочеполовой области. Эразм Дарвин обратил внимание на тенденцию повторения пиков около равноденствий (*Зоономия*, раздел XXXVI), и со времен него Гант, Бонавиа и Каллимор соотносили эту периодичность с сексуальной активностью.

Лейкок, цитируя мнения некоторых более ранних авторитетов относительно преобладания сексуальных чувств весной, заявил, что это популярное мнение "по-видимому, основано на фактах" (*Нервные заболевания женщин*, стр. 69). Я нахожу, что многие люди, и, возможно, особенно женщины, подтверждают на собственном опыте утверждение о том, что сексуальное влечение сильнее всего проявляется весной и летом. Вихман утверждает, что поллюции наиболее распространены весной (возможно, он первый сделал это заявление), а также нимфомания. (В восемнадцатом веке Шуриг зафиксировал случай крайнего сексуального влечения на всю жизнь у женщины, чья похоть всегда была на пике перед праздником Святого Иоанна, *Гинекология*, стр. 16.) Корреспондент из Аргентинской Республики пишет мне, что "на больших эстансиях, где у нас довольно много пастухов, почти всегда женатых или, скорее, я бы сказал, живущих с какой-нибудь женщиной (поскольку наш уровень морали в этих краях не очень высок), мы всегда остерегаемся неприятностей весной, поскольку в это время года жены бросают своих мужей и уходят жить к другому мужчине". Соответствующая тенденция была отмечена даже среди детей. Так, Сэнфорд Белл ("*Эмоция любви между полами*", *Американский журнал Psychology*, июль 1902 г.) отмечает: "Время года, по-видимому, оказывает свое влияние на интенсивность эмоции сексуальной любви у детей. Один учитель из Техаса, который предоставил мне семьдесят шесть случаев, сказал, что он заметил, что в том, что касается любви, у детей, казалось, "по-настоящему вспыхивает любовь весной". Многие из других, кто сообщал, случайно упоминали, что любовные связи начинались весной. Это также согласуется с моими собственными наблюдениями".

Крайтон-Браун отмечает, что весной дети проявляют беспокойство, возбудимость, капризность и неспособность к физическим нагрузкам, которые в другое время не проявляются. Это состояние, иногда известное как "весенняя лихорадка", было изучено Клайном более чем на ста случаях, как у детей, так и у взрослых. Большинство из них сообщают о чувстве усталости, вялости, апатии, иногда беспокойстве, иногда сонливости. Часто возникает чувство удушья, тоска по Природе, свежему воздуху и мечтам наяву, в то время как работа кажется неприятной и

неудовлетворительной. Перемены ощущаются необходимыми любой ценой, и иногда возникает желание начать какой-то новый жизненный план.^[161] У обоих полов часто наблюдается волна сексуальных эмоций, страстное желание любви. Клайн также установил, изучив очень большое количество случаев, что в возрасте от четырех до семнадцати лет чаще всего убегают из дома весной. Он предполагает, что вся эта группа явлений может быть вызвана смещением метаболических процессов из обычных русленей в репродуктивные каналы, и пытается связать это с миграциями животных в репродуктивных целях.^[162]

Давно известно, что возникновение безумия следует годовой кривой,^[163] и хотя наши знания об этой кривой, основанные на дате поступления в приюты, нельзя назвать достаточно точными, она вполне соответствует всплескам острого безумия. Кривая, представленная на [диаграмме IV](#), показывает количество поступивших в психиатрические лечебницы Совета Лондонского графства за 1893 - 1897 годы включительно; я распределил ее по двухмесячным периодам, чтобы нейтрализовать незначительные колебания. Чтобы показать, что эта кривая не обусловлена местными или случайными обстоятельствами, мы можем обратиться к Франции и взять особую и хроническую форму психического заболевания: Гарнье в своей *Книге о Париже* представляет почти точно подобную кривую поступления случаев общего паралича в специализированную больницу Парижа в 1886-88 годах ([диаграмма V](#)). Обе кривые одинаково показывают большую кульминацию весной и меньшую кульминацию осенью.

Преступность в целом в странах с умеренным климатом, как правило, достигает максимума в начале жаркого сезона, обычно в июне. Так, в Бельгии минимум приходится на февраль; максимум - на июнь, затем постепенно уменьшается (Ленц, *Бюллетень Бельгийского общества психотерапевтов*, март 1901 г.). Во Франции Лакассань обобщил данные за более чем 40 лет и пришел к выводу, что для всех преступлений июнь является максимальным месяцем, а минимум достигается в ноябре. Он также приводит цифры по каждому классу преступлений отдельно, и выясняется, что каждое преступление имеет свою собственную годовую кривую. Максимальный уровень отравлений приходится на май, с медленным спадом и незначительной кульминацией в декабре; кульминация убийств приходится на февраль и ноябрь. Кульминация отцеубийств приходится на май-июнь и октябрь (таблицы Лакассаня приведены Лораном, *"Обитатели тюрем Парижа"*, гл. 1).

Несмотря на общую тенденцию к максимуму преступности в первый жаркий месяц (тенденция, не обязательно обусловленная прямым влиянием жары), мы также обнаруживаем, когда рассматриваем статистику преступности в целом (включая сексуальные преступления), что существует другая тенденция к незначительным кульминациям весной и осенью. Так, в Италии Penta, взяв статистику почти четырех тысяч преступлений (убийств, разбоев на дорогах и сексуальных преступлений), зафиксировала максимум в первые летние месяцы, но были и незначительные кульминации весной, а также в августе и сентябре (Penta, *Rivista Mensile di Psichiatria*, 1899). Почти по всей Европе (как показано на диаграмме, приведенной Ломброзо и Ласки в конце первого тома *"Криминальной политики"*), хотя основные кульминации наступают примерно в июле, в большинстве стран наблюдается отчетливая тенденция к весенним (обычно около марта) и осенним (сентябрь и ноябрь) кульминациям, хотя они редко достигают кульминации в июле.

Если мы рассмотрим отдельную периодичность сексуальных преступлений, мы обнаружим, что они соответствуют правилу для преступлений в целом и обычно демонстрируют главный

максимум в начале лета. Ашаффенбург находит, что годовая периодичность сексуального влечения кажется тем более выраженной, чем более ненормальными являются его проявления, которые он размещает в следующем порядке возрастания периодичности: зачатия в браке, зачатия вне брака, нарушения приличий, изнасилования, нападения на детей (*Centralblatt für Nervenheilkunde*, январь 1903 г.). Во Франции изнасилования и преступления против скромности наиболее многочисленны в мае, июне и июле, как показали Виллерме, Лакассань и другие. Виллерме, исследовавший 1000 таких случаев, обнаружил постепенный рост частоты (лишь незначительно сниженный в марте) до максимума в июне (колеблющийся между маем и июлем, когда годы рассматриваются отдельно), а затем постепенное снижение до минимума в декабре. Леглудик приводит для 159 случаев, которые он расследовал, таблицу, показывающую небольшой пик в феврале-марте и большой максимум в июне-августе, минимум был достигнут в ноябре-январе. (Legludic, *Attentats aux Mœurs*, 1896, стр. 16.) В Германии Ашаффенбург считает, что количество сексуальных преступлений начинает увеличиваться в марте и апреле, достигает максимума в июне или июле и снижается до минимума зимой (*Monatsschrift für Psychiatrie*, 1903, раздел 2). В Италии Пента показывает, что сексуальные преступления достигают незначительной кульминации в мае (что соответствует, по его опыту, максимуму преступлений в целом, а также максимуму зачатий) и более выраженной кульминации в августе-сентябре (Penta, *I Pervertimenti Sessuali*, 1893, стр. 115; *id. Rivista Mensile di Psichiatria*, 1899).

Корре в своей книге "*Преступление в креоле*" представляет диаграммы сезонного распределения преступности в Гваделупе в зависимости от температуры, которые показывают, что, хотя при умеренных температурах, таких как во Франции и Англии, преступность достигает максимума в жаркое время года, в более тропическом климате это не так; в июле, когда в Гваделупе жара достигает максимальной степени, преступность всех видов внезапно падает до очень низкого минимума. Даже в Соединенных Штатах, где летняя жара часто бывает чрезмерной, она, как правило, приводит к снижению преступности.

Декстер в детальном исследовании взаимосвязи поведения с погодой показывает, что в Соединенных Штатах нападения происходят с максимальной частотой в апреле и октябре с уменьшением летом и зимой. "Необычный и интересный факт, продемонстрированный здесь с уверенностью, в которой нельзя сомневаться, заключается в том, - заключает он, - что не по сезону жаркие дни весны и осени являются самыми драчливыми, даже несмотря на то, что фактическая жара намного меньше, чем летом. Из этого мы могли бы сделать вывод, что условия высокой температуры до определенной степени оживляют и в то же время раздражают, но при превышении этого предела высокая температура оказывает настолько девитализирующее действие, что едва оставляет достаточно энергии для продолжения боя". (Э. Г. Декстер, *Поведение и погода*, 1899, стр. 63 и далее.)

Не исключено, что явления сезонной периодичности в преступлениях могут обладать реальным значением по отношению к сексуальной периодичности. Если, что возможно, весенний и осенний кульминации преступной деятельности обусловлены не столько какими-либо особыми возбуждающими причинами в эти сезоны, сколько угнетающим влиянием жары и холода летом и зимой, может показаться разумным спросить, не обусловлены ли весенний и осенний кульминации сексуальной активности в действительности в значительной степени аналогичным угнетающим влиянием экстремальных температур в два других сезона.

В преступном поведении существует не только периодичность, но даже в пределах нормального диапазона хорошего и плохого поведения все еще может проследиваться сезонная периодичность. В своей книге *"Физическое и производственное обучение преступников"* Х. Д. Вей приводит таблицы поведения семи заключенных в течение нескольких лет, о чем свидетельствуют полученные оценки. Эти графики показывают, что летом и зимой наблюдается очень выраженная тенденция к хорошему поведению, в то время как весной (февраль, март и апрель) и осенью (август, сентябрь и октябрь) наблюдается очень заметный спад к плохому поведению, причем каждый индивид стремится придерживаться своей собственной кривой поведения. Сам Вей, по-видимому, не заметил этой сезонной периодичности. Марро, однако, исследовал этот вопрос в Турине в больших масштабах и достиг результатов, не очень отличающихся от тех, которые были продемонстрированы цифрами Вей в Нью-Йорке. Он отметил месяцы, за которые заключенным было вынесено более 4000 наказаний за нападения, оскорбления, язык угроз и т.д., и показывает годовую кривую Таволи VI в его *Караттери правонарушений*. В мае наблюдается заметная и изолированная кульминация; еще более внезапный подъем приводит к главному максимуму наказания в августе; и от минимума в октябре наблюдается быстрый подъем в течение двух следующих месяцев до кульминации, значительно уступающей майской.

Сезонная периодичность плохого поведения в тюрьмах представляет интерес, поскольку показывает, что мы не можем объяснить психическую периодичность исключительно социальными причинами. Эта теория психической периодичности была серьезно выдвинута, но была исследована и отвергнута, что касается преступности в Голландии, Дж. Р. Б. де Роосом в Материалах шестого конгресса криминальной антропологии в Турине в 1906 году (*Архив психиатрии*, стр. 3, 1906).

Общая статистика самоубийств в Континентальной Европе показывает очень правильную и непрерывную кривую, достигающую максимума в июне и минимума в декабре, кривая неуклонно растет в течение первых шести месяцев, неуклонно снижается в течение последних шести месяцев, но всегда достигает несколько большей высоты в мае, чем в июле.^[164] Морселли показывает, что в различных европейских странах весной и осенью (в октябре или ноябре) всегда наблюдается повышение температуры.^[165] Морселли объясняет эти весенние и осенние подъемы под влиянием ранней жары и ранних холодов.^[166] В Англии также, если мы возьмем очень большое количество статистических данных, например, данные по Лондону за двадцать лет между 1865 и 1884 годами, приведенные Оглом (в статье, прочитанной перед Статистическим обществом в 1886 году), мы обнаружим, что, хотя общая кривая имеет одинаковые точки максимума и минимума, она прерывается разрывом по обе стороны от максимума, и эти два разрыва происходят точно примерно в марте и октябре.^[167] Это показано на кривой на [диаграмме VI](#), на которой представлено среднесуточное значение за разные месяцы.

Рост детей происходит в годовом ритме. Валь, директор учебного заведения для бездомных девочек в Дании, исследовавшая этот вопрос, обнаружила, что увеличение веса во всех исследуемых возрастах постоянно составляло около 33 процентов. больше в летнем полугодии, чем в зимнем. Примечательно, что даже дети, которые не достигли школьного возраста и, следовательно, не могли испытывать влияния школьной жизни, демонстрировали аналогичную,

хотя и более незначительную разницу в том же направлении. Однако именно Маллинг-Хансен, директор учреждения для глухонемых в Копенгагене, наиболее тщательно расследовал этот вопрос на протяжении многих лет. Он обнаружил, что в течение года существует три периода роста, отмеченных довольно резким образом, и что в течение каждого из этих периодов прирост веса и роста демонстрирует постоянные характеристики. Примерно с конца ноября и примерно до конца марта - это период, когда рост, как в росте, так и в весе, происходит средними темпами, не достигая ни максимума, ни минимума; прибавка в весе незначительна, увеличение роста, хотя и незначительное, преобладает. После этого следует период, в течение которого у детей наблюдается заметное увеличение роста, в то время как увеличение веса сводится к минимуму. Дети постоянно теряют в весе в течение этого периода роста почти столько же, сколько они набирают в предыдущий период. Этот период длится с марта и апреля по июль и август. Затем следует третий период, который продолжается до ноября и декабря. В течение этого периода прирост в росте очень незначителен, достигая своего раннего минимума; с другой стороны, прирост веса в начале периода (в сентябре и октябре) быстрый и к середине декабря очень значительный, ежедневный прирост веса в три раза больше, чем в зимние месяцы. Таким образом, можно сказать, что весенняя сексуальная кульминация примерно соответствует росту и остановке роста в весе, в то время как осенняя кульминация примерно соответствует периоду роста в весе и остановке роста в росте. Маллинг-Хансен обнаружил, что незначительные колебания в росте детей часто зависели от изменений температуры, таким образом, что повышение температуры, даже продолжающееся всего несколько дней, вызывало ускорение роста, а понижение температуры - замедление роста. В Галле Шмид-Моннард обнаружил, что почти весь прирост веса происходил во второй половине года и что праздники мало что меняли. В Америке Пекхэм показал, что увеличение роста происходит в основном с 1 мая по 1 сентября.^[168] Среди молодых девушек в Санкт-Петербурге Женько обнаружила, что увеличение веса происходит летом. Гепель обнаружил, что увеличение роста происходит в основном в течение первых восьми месяцев года, достигая максимума в августе, снижаясь в течение осени и зимы, при этом в феврале оно *равно нулю*, в то время как в марте иногда наблюдается потеря веса даже у здоровых детей.

В ходе исследования потребления хлеба в обычных школах в течение каждого месяца года, иллюстрирующего взаимосвязь между интеллектуальным трудом и питанием, Бине представляет ряд кривых, которые позволяют получить результаты, на которые он не ссылается, поскольку они находятся за пределами его собственного исследования. Почти без исключения эти кривые показывают, что потребление хлеба увеличивается весной и осенью, причем весенний рост приходится на февраль, март и апрель; осенний - на октябрь или ноябрь. Однако существуют определенные ошибки в работе с такими учреждениями, как обычные школы, где условия не являются идеально регулярными в течение всего года из-за каникул и т.д. Поэтому поучительно обнаружить, что в монотонных условиях тюремной жизни наблюдаются точно такие же весенние и осенние подъемы. Бине приводит данные о потреблении хлеба в женской тюрьме в Клермоне, где содержится около четырехсот заключенных, в основном в возрасте от тридцати до сорока лет, и представляет две кривые за 1895 и 1896 годы. Кривые за эти два года демонстрируют определенные заметные расхождения друг с другом, но обе объединяются тем, что демонстрируют отчетливый подъем в апреле, которому предшествовало падение и за которым следовало падение, и обе демонстрируют еще более заметный осенний подъем, в одном случае в сентябре и ноябре, в другом случае в октябре.^[169]

Несколько лет назад сэр Дж. Крайтон-Браун заявил, что проявление сексуального стимула весны можно найти в большом количестве романов, прочитанных в марте месяце ("Обращение по психологии" на ежегодном собрании Британской медицинской ассоциации, Лидс, 1889; *Ланцет*, 14 августа 1889). Это заявление было подкреплено цифрами, предоставленными библиотеками-кредиторами, и с тех пор широко копировалось. Конечно, было бы интересно, если бы мы могли так просто показать связь между любовью и временем года, доказав, что, когда птицы начинают петь свои мелодии, воображение молодого человека естественным образом обращается к размышлениям о картинах совокупления в романах. Соответственно, я обратился к мистеру Кейпелу Шоу, главному библиотекарю Бирмингемских бесплатных библиотек (на него особо ссылается сэр Дж. Крайтон-Браун), который предоставил мне отчеты за 1896 и 1897-98 годы (этот последний отчет датирован концом марта 1898 года).

Число читателей, пользующихся бирмингемскими библиотеками бесплатного пользования, составляет около 30 000 человек; в основном они состоят из молодежи в возрасте от 14 до 25 лет; чуть менее половины составляют женщины. Конечно, у нас, по-видимому, здесь есть хорошее поле для решения этого вопроса. Ежемесячные данные по каждой из десяти бирмингемских библиотек приведены отдельно, и с первого взгляда становится ясно, что максимальное количество читателей художественной прозы во всех библиотеках без исключения за 1897-98 годы приходится на март месяц. (В основном я принял во внимание данные за 1897-98 годы; данные за 1896 год несколько ненормальны и нерегулярны, вероятно, из-за сокращения читателей, приписываемого возросшей активности в торговле, и частично из-за тревожного влияния, вызванного открытием большой новой библиотеки в течение года, внезапным увеличением числа читателей и сокращением заемщиков из некоторых других библиотек.) Более того, существует вторая, или осенняя, кульминация, почти равная весенней кульминации и происходящая с такой же уверенностью, появляясь в течение 1897-98 годов либо в октябре, либо в ноябре, а в течение 1896 года постоянно в октябре. Таким образом, периодичность потребления художественной прозы соответствует периодичности, которая наблюдается в частоте зачатий и сексуальных эротиических проявлениях.

Необходимо, однако, несколько внимательнее изучить таблицы, представленные в этих отчетах, и сравнить уровень потребления романов с уровнем потребления других видов литературы. Во-первых, если вместо того, чтобы просто учитывать потребление романов в месяц, мы примем во внимание разную продолжительность месяцев и рассмотрим среднееежедневное потребление в месяц, превосходство марта сразу исчезнет. Февраль - это действительно месяц, в течение которого было прочитано большинство романов в первом квартале 1898 года, за исключением двух библиотек, где февраль и март равны. Аналогичный результат получается, если мы определим среднесуточные показатели за первый квартал 1897 года, в то время как в 1896 году (который, однако, как я уже отмечал, является довольно ненормальным годом) среднесуточные показатели за март во многих библиотеках были ниже, чем за январь, а также за февраль. И снова, когда мы обращаемся к другим классам книг, мы обнаруживаем, что то преобладание, которым обладает февраль и которое в некоторой степени разделяет с мартом и январем, ни в коем случае не относится исключительно к романам. Его разделяют не только музыка и поэзия — что хорошо вписывалось бы в предположение о сексуальном *нисусе*, — но раздел "история, биография, путешествия" также разделяет его со значительной регулярностью; так же, как и раздел "искусства, науки и естественная история", и это довольно хорошо отмечено в "теологии, моральной философии и т.д." и в "литературе для подростков". Мы даже должны признать, что побуждения сексуального инстинкта привлекают все большее количество

посетителей в справочную библиотеку (где нет романов), поскольку и здесь весенняя и осенняя кульминации совершенно отчетливы. Конечно, эта теория заводит нас слишком далеко.

Мне кажется, что главный фактор, обуславливающий эту очень заметную годовую периодичность, совершенно не связан с сексуальным влечением. Зимняя половина года (с начала октября по конец марта), когда жизнь на свежем воздухе теряет свою привлекательность и много времени приходится проводить дома, естественно, является сезоном для чтения. Но в течение двух центральных зимних месяцев, декабря и января, привлекательность чтения сталкивается с мощным противодействием в виде возбуждения, вызванного приближением Рождества, и повышенной активности общественной жизни, которая сопровождает Рождество и в течение нескольких недель следует за ним. Таким образом, остальные четыре зимних месяца — октябрь и ноябрь в конце осени и февраль и март в конце весны — неизбежно должны представлять собой два главных читательских пика в году; и поэтому отчеты библиотек, предоставляющих книги напрокат, представляют нам цифры, которые демонстрируют поразительное, но ошибочное сходство с кривыми, которые, вероятно, вызваны более органическими причинами.

Я далек от того, чтобы отрицать, что импульс, привлекающий молодых мужчин и женщин к художественной литературе, не связан с неясными побуждениями сексуального инстинкта. Но до тех пор, пока возмущающее влияние, на которое я только что указал, не будет устранено, я не вижу здесь никаких доказательств какой-либо истинной сезонной периодичности. Возможно, в тюрьмах — ценность которых как лабораторий экспериментальной психологии мы едва ли начали осознавать — можно было бы получить более надежные свидетельства; и те французские и другие тюрьмы, где заключенным свободно разрешают читать романы, могли бы предоставить свидетельства в отношении потребления художественной литературы столь же поучительные, как данные в Клермоне относительно потребления хлеба.

Некоторые болезни демонстрируют очень правильную годовую кривую. Особенно это касается скарлатины. Кайгер обнаружил в лондонской больнице выраженную сезонность лихорадки: в мае был небольшой климакс (повторился в июле), а в октябре - сильный осенний климакс, который снизился до минимума в декабре и январе. Эта кривая близко соответствует той, которая обычно наблюдается в Лондоне.^[170] Это не характерно ни для Лондона, ни для городских округов, поскольку в сельских округах мы находим почти одинаковый весенний минимальный максимум и большой осенний максимум. В России ситуация точно такая же. Многие другие эпидемические заболевания демонстрируют очень похожие кривые.

Можно найти годичную кривую силы выталкивания мочевого пузыря, измеряемую расстоянием, на которое может быть направлена струя мочи. Эта кривая, установленная для одного случая, интересна из-за тесной взаимосвязи между сексуальной активностью и мочевыделительной системой. После минимальной точки осенью в начале года наблюдается подъем до высоты, которая сохраняется всю весну и лето, и достигает своего максимума в августе.^[171] Можно сказать, что это соответствует общей тенденции, обнаруженной в некоторых случаях ночных выделений семени от зимнего минимума к осеннему максимуму.

Существует годовая кривая произвольной мышечной силы. Так, в Антверпене, где Педологическое бюро систематически проводит научное изучение детей, Шуйтен обнаружил, что при измерении динамометром в возрасте 8 и 9 лет как у мальчиков, так и у девочек наблюдалось постепенное увеличение силы с октября по январь, падение с января по март и

подъем к июню или июлю. Март был самым слабым месяцем, июнь и июль - самыми сильными.^[172]

Шуйтен также обнаружил годовую кривую умственных способностей, проверяемую силой внимания, которая большую часть года соответствовала кривой мышечной силы, будучи высокой в холодные зимние месяцы. Лобсьен из Киля, стремясь проверить результаты Шуйтена и применив другой метод для измерения памяти и внимания, пришел к выводам, которые подтвердили выводы Шуйтена. Он обнаружил очень заметный рост способностей в декабре и январе с падением в апреле; апрель и май были месяцами минимума, в то время как июль и октябрь также были низкими.^[173] Таким образом, исследования Шайтена и Лобсьена, по-видимому, указывают на то, что произвольные способности к мышечной и умственной деятельности у детей достигают своего максимума в то время года, когда большинство более или менее произвольных действий, которые мы рассматривали, требуют минимум энергии. Если бы этот вывод был подтвержден более обширными исследованиями, он вряд ли вызвал бы удивление и не содержал бы истинного противоречия. Действительно, было бы естественно предположить, что произвольная и регулируемая деятельность нервной системы должна работать наиболее эффективно в те периоды, когда она наименее подвержена органическим и эмоциональным нарушениям.

Столь стойкий тревожный элемент весной и осенью наводит на мысль, что в его основе лежат какие-то физиологические условия и что в это время года происходит реальное нарушение обмена веществ. До сих пор было проведено так мало непрерывных наблюдений за метаболическими процессами организма, что нелегко проверить такое предположение с абсолютной точностью. Исследования Эдварда Смита, насколько они позволяют, подтверждают это, а продолжительные наблюдения Перри-Косте за частотой пульса, по-видимому, с достаточной регулярностью показывают максимум ранней весной и еще один максимум поздней осенью.^[174] Я могу также отметить, что Хейг, посвятивший много лет наблюдениям за феноменом выделения мочевой кислоты, обнаружил, что уровень мочевой кислоты, как правило, самый высокий в весенние месяцы (март, апрель, май) и самый низкий при первых похолоданиях в октябре.^[175]

Таким образом, хотя сексуальные кульминации весны и осени уходят корнями в циклы размножения животных, которые у человека нашли выражение в примитивных празднествах — которые, опять же, возможно, усиливают и развивают сексуальный ритм, — они все же имеют более широкое значение. Они представляют собой одно из многих проявлений весенних и осенних физиологических нарушений, которые с достаточной точностью соответствуют весеннему и осеннему равноденствиям. Они напоминают периоды атмосферного напряжения, штормов и ветров, которые сопровождают весеннюю и осеннюю фазы земного ритма, и их справедливо можно рассматривать как, в конечном счете, физиологическую реакцию на эти космические влияния.

[128] Ф. Смит, *Ветеринарная физиология*; Далziel, Колли.

[129] Мондьер, *Искусство "Камбоджийцев"*, *Словарь антропологических наук*.

[130] Этот примитивный аспект праздника хорошо демонстрируется человеческими жертвоприношениями, которые древние мексиканцы приносили в это время, чтобы дать возможность солнцу восстановить свои силы. Этот обычай сохранился в символической форме среди мокиев, которые отмечают праздники зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия. ("Аспекты поклонения Солнцу у индейцев моки", *Nature*, 28 июля 1898 г.) Валпи, народ тусаян, устраивают подобный великий праздник солнца в день зимнего солнцестояния, и декабрь для них священный месяц, в который нет работы и мало развлечений. Этот праздник, во время которого исполняется танец, драматизирующий оплодотворение земли и придание семенам кукурузы мужественности, полностью описан Дж. Уолтером Фьюксом (*американским антропологом*, март 1898 г.). О том, что эти торжественные ежегодные танцы и фестивали Северной Америки часто сливаются в "развратные сатурналии", когда "все наполнено радостью и счастьем", утверждает Х. Х. Бэнкрофт (*Коренные народы Тихоокеанских штатов*, том i, стр. 352).

[131] Что касается северных племен Центральной Австралии, Спенсер и Гиллен утверждают, что во время исполнения определенных церемоний, в которых участвует большое количество туземцев из разных частей, обычные брачные правила более или менее отменяются (*Северные племена Центральной Австралии*, стр. 136). Точно так же среди сибирских якутов, по словам Серошевски, во время свадеб и больших праздников года обычный надзор за девушками в значительной степени устраняется. (*Журнал Антропологического института*, январь.-Июнь 1901 г., стр. 96.)

[132] Р. Э. Гиз, *Журнал Антропологического института*, 1899, стр. 214-216.

[133] Далтон, *Этнология Бенгалии*, стр. 196 и далее. У. Крук (*Журнал Антропологического института*, стр. 243, 1899) также ссылается на ежегодный танец сбора урожая с дерева и сатурналии, и его связь с сезонным периодом вступления в брак. Похожее явление мы находим на Малайском полуострове: "В прежние времена, во время сбора урожая, якуны устраивали ежегодный праздник, на котором, собравшись всем поселением, пили перебродивший ликер, сваренный из плодов джунглей; и под аккомпанемент их грубой и невразумительной музыки представители обоих полов, увенчав себя благоухающими листьями и цветами, предавались приступам пения и танцев, которые постепенно становились все более дикими в течение ночи и завершились странной сексуальной оргией". (У. У. Скит, "Дикие племена малайского полуострова". *Полуостров*, *Журнал Антропологического института*, 1902, стр. 133.)

[134] Филдинг Холл, *Душа народа*, 1898, глава XIII.

[135] См. например,, Л. Дайер, *Исследования богов в Греции*, 1891, стр. 86-89, 375 и др.

[136] Популярный рассказ о Празднике дураков см. в Лоли, "La Fête des Fous", *Revue des Revues*, 15 мая 1898 г.; также Дж. Г. Бурк, *Скاتологические обряды всех наций*, стр. 11-23.

[137] Дж. Гримм (*Тевтонская мифология*, стр. 615) указывает, что соблюдение весенних или пасхальных костров отличает саксов от франконских народов. Пасхальные костры зажигают в Нижней Саксонии, Вестфалии, Нижнем Гессене, Гелдерне, Голландии, Фрисландии, Ютландии и Зеландии. Костры в честь летнего солнцестояния разводят на Рейне, во Франконии, Тюрингии, Швабии, Баварии, Австрии и Силезии. Шварц (*Журнал этнологии*, 1896, стр. 151) показывает, что в Лаутерберге, в горах Гарц, все еще можно четко проследить демаркационную линию между этими двумя первобытными районами.

[138] *Вальд и Фельдкульте*, 1875, том i, стр. 422 и далее. Он также упоминает (стр. 458), что День Святого Валентина (14 февраля) - или День тлеющих углей, или последний день февраля, — когда должно было состояться спаривание птиц, ассоциировался, особенно в Англии, с занятиями любовью и выбором партнера. Можно добавить, что в Лотарингии 1 мая молодые девушки выбирали молодых людей в качестве своих валентинок - обычай, известный под этим названием Рабле.

[139] Рохгольц, *Дрей гауготтиннен*, стр. 37.

[140] Маннхардт, *там же.*, стр. 466 и далее. Также Дж. Дж. Фрейзер, *Золотая ветвь*, том ii, глава IV. Дополнительные факты и ссылки см. К. Пирсон ("*Шансы на смерть*", 1897, том ii, "Женщина как ведьма", "Групповой брак по родству" и приложение "*Майлен*" и "*Килтганг*"), который, кстати, сводит воедино некоторые свидетельства, касающиеся примитивных сексуальных фестивалей в Европе. Также Э. Хан, *Деметра и Баубо*, 1896, стр. 38-40; а о некоторых современных памятниках см. Деникер, *Расы человека*, 1900, глава III. На высоком кургане рядом с мегалитическими останками в Карнаке, в Бретани, до сих пор сохранился обычай разжигать большой костер во время летнего солнцестояния; он называется Тан Хеол, или Тан Сен-Жан. В Ирландии разжигание костров также проводится в канун дня Святого Иоанна, и корреспондент, который часто был свидетелем этого в графстве Уотерфорд, пишет, что "женщины, приподняв одежду, прыгают через эти костры и ведут себя так, что в обычных случаях это вызвало бы порицание, но считается простительным и безвредным". За пределами Европы берберы Марокко до сих пор отмечают этот праздник середины лета, а в Рифе они разжигают костры; здесь костры, похоже, теперь считаются в основном очистительными, но они ассоциируются с церемониями приема пищи, которые по-прежнему считаются мультипликативными. (Вестермарк, "Обычаи летнего солнцестояния в Марокко", *Фольклор*, март 1905 г.)

[141] Маннхардт (указ. соч., стр. 469) цитирует описание истонского фестиваля на острове Мун, когда девушки танцуют по кругу вокруг костра, и одну из них — на зависть остальным и гордость ее собственной семьи — выбирают молодые люди, уносят с такой силой, что ее одежда срывается. часто их разрывает и бросает на землю юноша, который закидывает одну ногу на ее тело в своего рода символическом совокуплении и спокойно лежит рядом с ней до утра. Весенние праздники молодежи Украины, на которых также поют, танцуют и спят вместе, описаны в "Народных преданиях Украины". Крпттáδα, т. v, стр. 2-6, и т. Д. viii, стр. 303и далее.

[142] М. Ковалевский, "Брак у ранних славян", *Фольклор*, декабрь 1890г.

[143] Однако А. Тилле (*Йоль и Рождество*, 1899), признавая, что общеарийское деление года было двойным, следует за Тацитом, утверждая, что германское деление года (подобно египетскому) было трехсторонним: зима, весна и лето.

[144] Гримм, *Тевтонская мифология* (английский перевод Сталлибрасса), стр. 612-630, 779, 788.

[145] Велльхаузен, *Остальные арабские книги*, 1897, стр. 98.

[146] Смотрите, например, главу о ритуале в интересной книге Жерара-Варе "*Невежество и Иррефлексия*", 1899, популярный рассказ об этом и смежных примитивных концепциях.

[147] Джастроу, *Религия Вавилонии*, особенно стр. 485, 571; что касается жриц, Джастроу замечает: "У многих народов таинственные аспекты женской фертильности приводят к ритуалам, которые из-за искажения их первоначального смысла кажутся непристойными. Проститутки были жрицами культа Иштар, принимавшими участие в церемониях, призванных символизировать плодородие." Есть ли какое-то значение в том факте, что первые два месяца вавилонского года (примерно соответствующие нашим марту и апрелю), когда мы должны ожидать максимального числа рождений, были посвящены Эа и Бел, которые, согласно различным легендам, были создателями человека, и что Новый год был праздником Бау, считающейся матерью человечества, я не могу сказать, но предположение может быть выдвинуто.

[148] *Кельтское язычество*, стр. 421.

[149] Гримм, *Тевтонская мифология*, стр. 1465. В Англии ноябрьские костры стали частью празднования дня Гая Фокса. На Востоке великие первобытные осенние праздники, похоже, пришлись на несколько более ранний период. В Вавилонии седьмой месяц (примерно соответствующий сентябрю) был особенно священным, хотя о его праздниках ничего не известно, и это также был священный праздничный месяц евреев, а первоначально и арабов. В Европе, у южных славян, Рейген, или Коло — дикие танцы девушек, украшенных цветами и с высоко подпоясанными юбками, за которыми следует половой акт, — проводятся осенью, в ночи после сбора урожая.

[150] А. Тилле, *Святки и Рождество*, стр. 21 и др.

[151] Однако задолго до Варжентена Рабле проявил некоторый интерес к этому вопросу и обнаружил, что большинство крестин проводилось в октябре и ноябре, что, по его словам, показывает, что раннее весеннее тепло влияло на количество зачатий (*Пантагрюэль*, лив. v, гл. XXIX). Весенний максимум зачатий во Франции сейчас проходит не так рано.

[152] Villermé, "De la Distribution par mois des conceptions," *Annales d'Hygiène Publique*, tome v, 1831, pp. 55–155.

[153] Сормани, *Giornale di Medicina Militare*, 1870.

[154] Можно сказать, что по всей Европе браки, как правило, заключаются либо весной, либо осенью (Oettinger *Moralstatistik*, стр. 181, содержит подробности). Это означает, что существует тенденция заключать браки в сезон больших общественных праздников, во время которых в более примитивные времена были распространены половые сношения.

[155] Хилл, *Природа*, 12 июля 1888г.

[156] Г. Майр, *Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben*, 1877, стр. 240.

[157] Эдвард Смит (*Здоровье и болезни*), который объясняет это снижением жизнеспособности потомства в это время года. Бекеманн также утверждает, что дети, родившиеся в сентябре, обладают наибольшей жизнестойкостью.

[158] Вестермарк даже предположил, что декабрьский максимум зачатий может быть связан с лучшими шансами выживания сентябрьского потомства (*Человеческий брак*, глава II). Можно

отметить, что, хотя максимум зачатий приходится на май, в это время начинается относительно наименьшая доля мальчиков. (Rauber, *Der Ueberschuss an Knabengeburten*, p. 39.)

[159] Кригер обнаружил, что у подавляющего большинства немецких женщин, обследованных им, менструация впервые произошла в сентябре, октябре или ноябре. Боудич утверждает, что в Америке первая менструация у деревенских девушек чаще наступает весной, чем в любое другое время года.

[160] *Женский медицинский журнал*, 1894.

[161] Возможно, стоит отметить, что мудрость средневековой Церкви находила выход этой "весенней лихорадке" в паломничествах к отдаленным святыням. Как писал Чосер в "*Кентерберийских рассказах*":—

"Когда апрель с его ливнями и
мартовской засухой пронзил до корней,
Люди стали отправляться в паломничество,
А паломники - искать незнакомые места".

[162] Л. В. Клайн, "Миграционный импульс", *Американский журнал психологии*, 1898, том х, особенно стр. 21-24.

[163] Мания достигает критической стадии весной, сказал старый врач Аретей (Вк. 1, Гл. V).

[164] Во всяком случае, так обстоит дело во Франции, Пруссии и Италии. Смотрите, например, рассуждения Дюркгейма о космических факторах самоубийства, *Le Suicide*, 1897, глава III. В Испании, как показывает Бернальдо де Кирос (*Криминология*, стр. 69), в декабре наблюдается небольшой неравномерный рост, но в остальном кривая совершенно правильная, с максимумом в июне и минимумом в январе.

[165] Это справедливо и для южноевропейской страны, взятой отдельно. Диаграмма ежегодной заболеваемости самоубийствами через повешение в Румынии, представленная Миновичи (*Archives d'Anthropologie Criminelle*, 1905, стр. 587), показывает, что кульминации одинаковой высоты приходится на май и сентябрь.

[166] Морселли, *Самоубийство*, стр. 55-72.

[167] Сам Огл был склонен думать, что эти разрывы были случайными, поскольку не знал о смежных явлениях, с которыми их можно сопоставить. Это правда, что (как возражает мне Гэдекен) осенний перерыв очень незначителен, но, вероятно, он реален, когда мы имеем дело с таким большим объемом данных.

[168] *Педагогическая семинария*, июнь 1891 г., стр. 298. Для получения очень полного резюме и библиографии исследований, касающихся роста, см. Ф. Берк, "Рост детей по росту и весу", *Американский журнал психологии*, апрель 1898г.

[169] "*Психологическая энциклопедия*", 1898.

[170] *Ланцет*, 6 июня 1891 г. Эдвард Смит много лет назад указал, что скарлатина наиболее опасна в периоды повышения жизненного тонуса.

[171] Хэвелок Эллис, "Мочевой пузырь как динамометр", *Американский журнал дерматологии*, май 1902г.

[172] См., например,, резюме в *Международном центре антропологии*, 1902, Высота 4, стр. 207.

[173] Обобщено в *Журнале "Психология человеческого организма"*, 1903, стр. 135.

[174] Камерер обнаружил, что период с сентября по ноябрь является периодом наибольшей метаболической активности.

[175] Хейг, *Мочевая кислота*, 6-е издание, 1903, стр. 33.

АУТОЭРОТИЗМ: ИССЛЕДОВАНИЕ СПОНТАННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

Содержание

Я.

Содержание

Определение аутоэротизма-Мастурбация охватывает лишь небольшую часть области аутоэротики—Важность этого исследования, особенно в наши дни-Аутоэротические явления у животных—У диких рас-японцеврин—но-тама и другие специальные инструменты для получения аутоэротического удовлетворения—Злоупотребление обычными орудиями труда и предметами повседневной жизни—Частота попадания шпильки в мочевой пузырь-Влияние верховой езды и поездок по железной дороге-Швейная машинка и велосипед-Спонтанное пассивное сексуальное возбуждение—*Наслаждение Морозой*—Сновидения наяву-Поллюция—Сексуальное возбуждение во время сна-Эротические сновидения—Аналогия ночного энуреза-Различия в эротических сновидениях мужчин и женщин—Аутоэротические феномены сна у истеричных —Их часто болезненный характер.

Под "аутоэротизмом" я подразумеваю феномены спонтанных сексуальных эмоций, возникающих в отсутствие внешнего стимула, исходящего, прямо или косвенно, от другого человека. В широком смысле, который здесь нельзя полностью игнорировать, можно сказать, что аутоэротизм включает в себя те трансформации подавленной сексуальной активности, которые являются фактором некоторых патологических состояний, а также нормального проявления искусства и поэзии и, действительно, более или менее окрашивают всю жизнь.

Такое определение исключает нормальное сексуальное возбуждение, вызываемое присутствием любимого лица противоположного пола; оно также исключает извращенную

сексуальность, связанную с влечением к лицу того же пола; оно далее исключает разнообразные формы эротического фетишизма, при которых нормальный фокус сексуального влечения смещается, а сладострастные эмоции вызываются только каким—либо объектом — волосами, обувью, одеждой и т.д., — которые для обычного любовника имеют второстепенное — хотя все еще, действительно, значительное — значение.^[176] Область аутоэротики остается обширной; она варьируется от случайных сладострастных сновидений наяву, в которых субъект полностью пассивен, до постоянных бесстыдных попыток сексуального самовнушения, наблюдаемых среди душевнобольных. Сюда также входят, хотя в основном в качестве курьезов, те случаи, когда люди влюбляются в самих себя. К аутоэротическим феноменам, или пограничным явлениям, мы должны далее отнести те религиозные сексуальные проявления ради идеального объекта, свидетельства о которых мы можем найти в жизнеописаниях святых и экстаиков.^[177] Типичной формой аутоэротизма является возникновение сексуального оргазма во время сна.

Я не знаю, нужны ли какие-либо извинения за изобретение термина "аутоэротизм".^[178] В настоящее время не существует слова, которое использовалось бы для обозначения всего спектра явлений, которые меня здесь интересуют. Мы знакомы с "мастурбацией", но это, строго говоря, охватывает только специальное и произвольное подразделение области, хотя, это правда, подразделение, которым в основном занимались врачи и психиатры. "Насилие над собой" несколько шире, но ни в коем случае не охватывает всю сферу, хотя по разным причинам это неудовлетворительный термин. "Онанизм" широко используется, особенно во Франции, и некоторые авторы даже включают все формы гомосексуальной связи под этим названием; возможно, это удобно с физиологической точки зрения, но это запутанный и устаревший метод, а с психологической точки зрения совершенно незаконный; "онанизм" никогда не следует использовать в этой связи, хотя бы на том основании, что прием Оана не был аутоэротическим, а был ранним примером абстиненции перед поллюцией или *прерывания полового акта*.

Хотя название, которое я выбрал, возможно, не самое лучшее, не должно быть никаких сомнений в важности объединения всех этих явлений вместе. Мне кажется, что эта область редко рассматривалась в научно обоснованном и морально здоровом свете, просто потому, что она не рассматривалась как единое целое. Мы затруднили такой взгляд на это, направив наше внимание на особую группу аутоэротических фактов - ту группу, которая включена в категорию мастурбации, — которую было легче всего наблюдать и которая в крайней форме явно находилась под медицинским наблюдением при безумии и смежных состояниях, и мы намеренно оторвали эту группу фактов от большей группы, к которой она естественно принадлежит. Вопросы, которые так широко, так разнообразно и — к сожалению, следует добавить — часто так вредно обсуждались, касающиеся природы и зла мастурбации, не видны в их истинном свете и масштабах, пока мы не осознаем, что мастурбация - это всего лишь специализированная форма тенденции, которая в той или иной форме или в некоторой степени обычно затрагивает не только человека, но и всех высших животных. С медицинской точки зрения часто удобно рассматривать мастурбацию как изолированный факт; но для того, чтобы понять это, мы должны иметь в виду их взаимосвязь. В этом исследовании аутоэротизма у меня часто будет возможность ссылаться на старую категорию "мастурбация", потому что она была изучена более тщательно, чем любая другая часть аутоэротической области; но я надеюсь, что всегда будет учитываться, что психологическое значение и даже медицинская диагностическая ценность мастурбации не могут быть оценены, пока мы не осознаем, что это искусственное подразделение большой группы естественных фактов.

Изучение аутоэротизма далеко не является неважным или просто любопытным исследованием. Тем не менее психологи, медицинские и немедицинские, почти без исключения, относятся к его проявлениям — если они вообще к ним относятся — догматично и бесцеремонно, что далеко от науки. Поэтому неудивительно, что высказываются самые разные мнения. Неудивительно также, что невежественные и хаотичные представления широких слоев населения приводят к результатам, которые были бы смехотворными, если бы не были жалкими. Упомяну один известный мне пример: замужняя дама, лидер движений за социальную чистоту и энтузиаст сексуального целомудрия, обнаружила, прочитав какую-то брошюру против порока одиночества, что она сама годами практиковала мастурбацию, не подозревая об этом. Глубокую муку и безнадежное отчаяние этой женщины перед лицом того, что она считала моральным крахом всей своей жизни, трудно описать словами. Было бы легко привести другие примеры, хотя вряд ли более поразительные, чтобы показать полное замешательство, в которое мы ввергнуты, оставляя это дело в руках слепых лидеров слепых. Более того, условия современной цивилизации придают аутоэротизму все большее социальное значение. По мере снижения уровня нашей брачности и по мере того, как незаконные сексуальные отношения продолжают открыто осуждаться, абсолютно неизбежно, что аутоэротические явления того или иного рода, не только среди женщин, но и среди мужчин, должны увеличиваться среди нас как по количеству, так и по интенсивности. Следовательно, как для моралиста, так и для врача становится важным исследовать психологическую природу этих явлений и точно решить, каким должно быть их отношение к ним.

У меня нет цели вдаваться в подробное обсуждение всех аспектов аутоэротизма. Это потребовало бы действительно очень обширного исследования. Я хотел бы кратко рассмотреть некоторые важные моменты, касающиеся аутоэротических феноменов, особенно их распространенности, их природы и их моральных, физических и других последствий. Я основываю свое исследование частично на фактах и мнениях, которые за последние тридцать лет были рассеяны по периодическим изданиям и другой медицинской литературе Европы и Америки, а частично на опыте отдельных людей, особенно вполне нормальных людей.

Среди животных, находящихся в изоляции, а иногда и на свободе — хотя это можно наблюдать реже, — хорошо известно, что возникают различные формы спонтанного одиночного сексуального возбуждения. Можно наблюдать, как лошади, ведущие ленивый образ жизни, взмахивают пенисом до тех пор, пока не произойдет некоторая степень выделения. Валлийские пони, как я узнал от человека, у которого был большой опыт общения с этими животными, обычно вызывают эрекцию и выделения в своих стойлах; они не поднимают задние конечности во время этого процесса и закрывают глаза, чего не происходит, когда они общаются с кобылами. Тот же информант заметил, что быки и козы производят выбросы, используя свои передние ноги в качестве стимула, поднимая задние конечности, а кобылы трутся о предметы. Джендльмен, который является признанным авторитетом в области коз, сообщил мне, что они иногда берут пенис в рот и достигают настоящего оргазма, практикуя таким образом ауто-фелляцию. Что касается хорьков, преподобный Х. Норткот заявляет: "Джендльмен, имеющий значительный опыт работы с хорьками, сообщил мне, что если сука во время течки не может получить кобеля, она чахнет и заболевает. Если в клетку положить гладкий камешек, она будет мастурбировать на нем, сохраняя таким образом свое нормальное самочувствие в течение одного сезона. Но если ей дадут эту искусственную замену во втором сезоне, она не будет, как раньше, довольствоваться этим".^[179]

Самцы в период гона, когда у них нет партнеров, трутся о деревья, чтобы вызвать семяизвержение. Овцы мастурбируют; также это делают верблюды, прижимаясь к удобным предметам; а слоны сжимают пенис между задними ногами, чтобы получить выделения.^[180] Блюменбах наблюдал за медведем, который вел себя примерно так же, увидев совокупление других медведей, а гиены, по словам Плосса и Бартельса, были замечены практикующими взаимную мастурбацию, вылизывая гениталии друг друга. Мастурбация молочных желез, отмечает Фере, встречается у некоторых самок и даже самцов животных, таких как собака и кошка.^[181] Человекообразные обезьяны склонны к мастурбации даже на свободе, согласно свидетельствам опытных наблюдателей; поскольку, хотя ни одна самка обезьяны не соблюдает целибат, многие из самцов обязаны вести безбрачную жизнь.^[182] Самцы обезьян используют руку при мастурбации, чтобы тереть и встряхивать пенис.^[183]

У человеческого вида эти явления ни в коем случае не присущи одной только цивилизации. В какой бы степени мастурбация ни была развита условиями европейской жизни, которые доводят до крайности сопутствующую стимуляцию и подавление сексуальных эмоций, она далека от того, чтобы быть, как утверждал Мантегацца, одной из моральных характеристик европейцев.^[184] Это встречается у людей почти каждой расы, о которой мы имеем какие-либо близкие сведения, какими бы естественными ни были условия, в которых могут жить мужчины и женщины.^[185] Так, среди нама-готтентотов, во всяком случае, среди молодых женщин, Густав Фрич обнаружил, что мастурбация настолько распространена, что считается местным обычаем; из этого не делают секрета, и в историях и легендах народа она рассматривается как один из самых обычных фактов жизни. То же самое происходит и среди басуто, и кафры пристрастились к той же привычке.^[186] У огнеземельцев есть слово, обозначающее мастурбацию, и особое слово, обозначающее женскую мастурбацию.^[187] Когда испанцы впервые прибыли в Вискаю на Филиппинах, они обнаружили, что мастурбация была повсеместной и что для женщин было обычным использовать искусственный пенис и другие ненормальные методы сексуального удовлетворения. Среди балийцев, согласно Джейкобсу (цитируемому Плоссом и Бартельсом), мастурбация распространена повсеместно; в будуарах многих балийских красавиц, добавляет он, и, конечно же, в каждом гареме можно найти восковой пенис, которому посвящается много часов одиночества. По всему Востоку, как заявил Эрам, опираясь на многолетний медицинский опыт, мастурбация очень распространена, особенно среди молодых девушек. В Египте, по словам Соннины, она распространена в гаремах. В Индии, как рассказал мне корреспондент-медик, он однажды лечил вдову богатого мусульманина, которая сообщила ему, что начала мастурбировать в раннем возрасте, "как и все другие женщины". Тот же информатор сообщил мне, что на *фасаде* большого храма в Ориссе есть барельефы, изображающие мастурбирующих в одиночестве мужчин и женщин, а также женщин, мастурбирующих мужчин. Говорят, что среди тамиллов Цейлона мастурбация распространена. В китайской провинции Кочин, отмечает Лорион, ею занимаются оба пола, но особенно замужние женщины.^[188] Японские женщины, вероятно, довели механическое искусство автоэротизма до высшей степени совершенства. Они используют два полых шарика размером с голубиное яйцо (иногда используется только один), которые, как описано Джостом, Кристианом и другими,^[189] сделаны из очень тонкого листа латуни; один пустой, другой (называемый маленьким человечком) содержит маленький шарик из тяжелого металла или немного ртути, а иногда металлические язычки, которые могут быть использованы в качестве топлива. вибрируют при приведении в движение; так что, если шарики держать в руке бок о бок, происходит непрерывное движение. Пустой сначала вводится во влагалище в контакте с маткой, затем другой; малейшее движение таза или бедер или даже

самопроизвольное движение органов вызывает вращение металлического шарика (или ртути), и результирующая вибрация вызывает продолжительное сладострастное пощекотание, легкий толчок, как от слабого электрического индуктивного аппарата; шарики называются *рин-но-тама*, и удерживаются во влагалище бумажным тампоном. Женщины, пользующиеся этими шариками, с удовольствием раскачиваются в гамаке или кресле-качалке, нежная вибрация шариков медленно вызывает наивысшую степень сексуального возбуждения. Джоест упоминает, что этот аппарат, хотя и хорошо известен по названию обычным девушкам, в основном используется более модными *гейшами*, а также проститутками. В настоящее время его использование распространилось на Китай, Аннам и Индию. Говорят, что японские женщины также часто используют искусственный пенис из бумаги или глины, называемый *энги*. Среди атже, опять же, по словам Джейкобса (цитируемого Плоссом), молодые люди обоих полов мастурбируют, а девочки постарше используют искусственный пенис из воска. В Китае также искусственный пенис, изготовленный из канифоли, гибкий и (подобно классическому инструменту, описанному Герондасом) розового цвета, продается публично и широко используется женщинами.^[190]

Можно заметить, что среди неевропейских рас в основном практикуется использование искусственных инструментов аутоэротизма именно среди женщин, и особенно среди тех, кто испытывает волнение от жизни, профессионально посвященной той или иной форме удовольствия. То же самое заметно и в Европе. Использование искусственного пениса для одиночного сексуального удовлетворения можно проследить с классических времен и, несомненно, преобладало в самой ранней человеческой цивилизации, поскольку говорят, что такой инструмент изображен на древневавилонских скульптурах, и на него ссылается Иезекииль (Гл. XVI, ст. 17). Говорят, что женщины-лесбиянки пользовались такими инструментами, сделанными из слоновой кости или золота с использованием шелковых тканей и льна. Аристофан (*Лисистрата*, ст. 109) говорит об изготовлении милезийскими женщинами кожного искусственного пениса, или олисбоса. В Британском музее находится ваза, изображающая *гетеру*, держащую в руках такие инструменты, которые, найденные в Помпеях, можно увидеть в музее Неаполя. Одна из лучших мимов Херондаса, "Частная беседа", представляет собой диалог между двумя дамами о некоем олисбосе (или *νῶν*), который одна из них превозносит как сон наслаждения. В средние века (когда время от времени духовенство осуждало использование таких инструментов^[191]) они продолжали быть известными, и после пятнадцатого века ссылки на них стали более точными. Так, Фортини, сиенский романист шестнадцатого века, упоминает в своей *Новелле деи Новизи* ("7-й день", новелла XXXIX) "стеклянный предмет, наполненный теплой водой, который монахини используют, чтобы унять жжение плоти и удовлетворить себя как можно лучше"; он добавляет, что вдовы и другие женщины, стремящиеся избежать беременности, пользовались им. В то же время в елизаветинской Англии это, по-видимому, носило аналогичный характер, и Марстон в своих сатирах рассказывает, как Люси предпочитает "стеклянный инструмент" "теплой постели своего мужа". Во Франции шестнадцатого века такие инструменты также иногда изготавливались из стекла, и Брантом ссылается на *godemiche*; в Германии восемнадцатого века они назывались *Samthanse*, и их использование, согласно Хайнсе, цитируемому Дюреном, было распространено среди женщин-аристократок. В Англии к тому времени фаллоимитатор, по-видимому, стал обычным явлением. Архемгольц утверждает, что, хотя в Париже они продаются только тайно, в Лондоне некая миссис Philips открыто продавала их в больших количествах в

своем магазине на Лестер-сквер. Джон Би в 1835 году, заявляя, что первоначально название было дил-дол, отмечает, что раньше их использование было более распространенным, чем в его время. Во Франции мадам Гурдан, самая известная содержательница борделя восемнадцатого века, занималась оптовой торговлей *утешительницами*, как их называли, и "после ее смерти среди ее бумаг были найдены бесчисленные письма от настоятельниц и простых монахинь с просьбой прислать "утешительницу"". ^[192] Современный французский инструмент Гамье описывает как сделанный из закаленной красной резины, в точности имитирующей пенис и способный удерживать теплое молоко или другую жидкость для инъекции в момент оргазма; говорят, что сжимаемая мошонка была впервые добавлена в восемнадцатом веке. ^[193]

В исламе искусственный пенис достиг почти такого же высокого развития, как и в христианском мире. Им пользуются турецкие женщины, и, как говорят, он открыто продается в Смирне. В гаремах Занзибара, согласно Бауманну, он имеет значительные размеры, вырезан из черного дерева или слоновой кости и обычно просверливается насквозь, чтобы можно было впрыскивать теплую воду. Здесь это рассматривается как арабское изобретение. ^[194]

В чем-то схожие приспособления можно проследить во всех центрах цивилизации. Но повсюду они, по-видимому, часто ограничены миром проституток и теми женщинами, которые живут на модной или полухудожественной грани этого мира. Невежество и деликатность в сочетании с менее разносторонней и извращенной концентрацией на сексуальном влечении препятствуют любому массовому обращению к таким узкоспециализированным методам одиночного удовлетворения.

С другой стороны, использование или, скорее, злоупотребление обычными предметами и орудиями повседневной жизни для получения аутоэротического удовлетворения среди обычного населения современных цивилизованных стран достигло необычайных масштабов и разнообразия, которые мы можем лишь слабо оценить по случайным несчастным случаям, возникающим в результате действий хирурга, потому что только определенная часть таких инструментов опасна. Таким образом, банан, по-видимому, широко используется женщинами для мастурбации и, по-видимому, выделяется для этой цели своим размером и формой ^[195]; однако он безвреден и никогда не попадает в поле зрения хирурга; то же самое, вероятно, можно сказать об огурцах и других овощах, которые в большей степени используются деревенскими и фабричными девушками для мастурбации; дама, живущая недалеко от Виши, сказала Пуйе, что она часто слышала (и сама могла убедиться в этом факте), что молодые крестьянки обычно употребляют в пищу репу, морковь и свеклу. В восемнадцатом веке Мирабо в своей *Библии эротики* привел список различных предметов, используемых в монастырях (которые он описывает как "обширные театры" подобных практик) для получения сексуального возбуждения в одиночестве. В последние годы во влагалище или мочевом пузыре были обнаружены несколько предметов, удалить которые можно было только хирургическим вмешательством ^[196]: карандаши, палочки сургуча, катушки для ваты, заколки для волос (а в Италии очень часто костяные заколки используются в волосах), салфетки, спицы для вязания крючком, футляры для иголок, компасы, стеклянные пробки, свечи, пробки, стаканы, вилки, зубочистки, зубные щетки, баночки для помады (в описанном Шредером случае внутри был кокосовый орех, импровизированный заменитель японского *рин-но-тама*), в то время как в

одном недавнем английском случае из влагалища замужней женщины средних лет было извлечено куриное яйцо в натуральную величину. Более девяти десятых инородных тел, обнаруживаемых в женском мочевом пузыре или мочеиспускательном канале, возникают в результате мастурбации. Возраст лиц, у которых были обнаружены такие предметы, обычно составляет от 17 до 30 лет, но в нескольких случаях они были обнаружены у девочек моложе 14 лет, реже у женщин в возрасте от 40 до 50 лет; крупные предметы, естественно, обнаруживаются главным образом во влагалище и у замужних женщин.^[197]

Прежде всего, шпильки для волос особенно часто находили в женском мочевом пузыре; этот момент заслуживает некоторого внимания как иллюстрация огромной распространенности этой формы аутоэротизма. Женская уретра, несомненно, является нормальным центром сексуального чувства, как указывал Пуйе много лет назад; женщина-корреспондент-медик также пишет, что у некоторых женщин максимум сладострастных ощущений приходится на сфинктер мочевого пузыря, или отверстие, хотя и не всегда настолько ограниченное. Э. Х. Смит, действительно, считает, что "мочеиспускательный канал - это та часть, в которой происходит оргазм", и отмечает, что при сексуальном возбуждении слезь всегда вытекает в основном из мочеиспускательного канала.^[198] Следует добавить, что при однократном введении физиологический механизм мочевого пузыря, по-видимому, приводит к тому, что орган стремится "проглотить" инородный предмет. Тем не менее, на каждый случай, когда заколка для волос исчезает и теряется в мочевом пузыре из-за небрежности или забвения о сексуальном спазме, должно быть огромное количество случаев, когда инструмент использовался без какого-либо такого печального результата. Таким образом, большое значение имеет частота, с которой случаи попадания шпильки в мочевой пузырь описываются в медицинской литературе всех стран.

В 1862 году немецкий хирург счел этот несчастный случай настолько обычным, что изобрел специальный инструмент для извлечения заколок из женского мочевого пузыря, как, впрочем, поступили итальянские и французские хирурги. Во Франции Денусе из Бордо пришел к выводу, что заколка для волос в мочевом пузыре является наиболее распространенным результатом мастурбации, насколько известно хирургу. В Англии постоянно регистрируются случаи. Лоусон Тейт, заявляя, что большинство случаев образования камней в мочевом пузыре у женщин происходит из-за попадания инородного тела, очень часто заколки для волос, добавляет: "Я извлек заколки для волос, инкрустированные фосфатами, из десяти различных женских мочевого пузыря, и ни одна из владелиц этих мочевого пузыря не дала бы никакого отчета об инциденте".^[199] Стоукс, опять же, записывает, что за четыре года у него было четыре случая попадания шпильки в женский мочеиспускательный канал.^[200] В Нью-Йорке один врач за короткий опыт столкнулся с четырьмя случаями.^[201] В Швейцарии у профессора Ревердина был точно такой же опыт.^[202]

Существует, однако, другой класс материальных объектов, широко используемых для создания физической аутоэротики, которая по природе вещей никогда не доходит до хирурга. Я имею в виду эффекты, которые, естественно или неестественно, могут быть вызваны многими предметами и орудиями повседневной жизни, которые обычно не вступают в непосредственный контакт с половыми органами. Иногда дети, даже когда они едва достигают младенческого возраста, вызывают сексуальное возбуждение трением об угол стула или другого предмета мебели, и женщины иногда делают то же самое.^[203] Гутцайт в России знал женщин, которые завязывали большой узел на своих сорочках, чтобы тереться, и упоминает

женщину, которая садилась на голую пятку и терлась ею о себя. Мне сообщили, что девушки во Франции любят кататься на *шево-де-буа*, или лошадях для хобби, из-за вызываемого таким образом сексуального возбуждения; и на то, что сексуальные эмоции играют определенную роль в очаровании, которое вызывает эта форма развлечения повсюду, указывают экстатические лица ее приверженцев.^[204] Мне рассказывали, что в храмах в некоторых частях Центральной Индии висят качели парами, мужчины и женщины раскачиваются на них до тех пор, пока не возбуждятся сексуально; в те месяцы, когда мужчинам в этих районах приходится бывать вдали от дома, девушки устанавливают качели, чтобы утешиться потерей своих мужей.

Интересно наблюдать очень широкую распространенность раскачивания, часто религиозного или магического характера, и очевидное сексуальное значение, лежащее в его основе, хотя это не всегда проявляется четко. Гроос, обсуждая частоту раскачивания (*Die Spiele der Menschen*, стр. 114), ссылается, например, на обычай жителей островов Гилберта, когда молодой человек раскачивает девушку на кокосовой пальме, а затем цепляется за нее и раскачивается вместе с ней. В Древней Греции женщины и взрослые девочки любили качели. У афинян действительно был фестиваль качелей (Athenæus, Bk. XIV, гл. X). Песни сладострастного характера, как мы узнаем из "Афиней", пели женщины на этом фестивале. Дж. Дж. Фрейзер ("*Золотая ветвь*", vol. ii, примечание A, "Раскачивание как магический ритуал") обсуждает этот вопрос и приводит примеры, когда мужчины или, особенно, женщины раскачиваются. "Идея, по-видимому, заключается в том, - утверждает он, - что церемония способствует плодородию, будь то в растительном или животном царстве; хотя, признаюсь, я и сам не могу объяснить, почему это должно предполагаться" (цит. по.: стр. 450). Однако, принимая во внимание приведенные выше факты, кажется, что далеко искать объяснение не приходится, и сам Фрейзер ссылается на сладострастный характер песен, которые иногда исполняются.

Даже помимо фактического раскачивания всего тела, раскачивающего движения может быть достаточно, чтобы вызвать сексуальное возбуждение, и может — во всяком случае, у женщин — составлять существенную часть методов достижения одиночного сексуального удовлетворения. Кирнан так описывает обычную аутоэротическую процедуру молодой американки: "Пациентка опустила на колени перед стулом, опустила локти на сиденье, крепко ухватившись за подлокотники, затем начала раскачивающиеся, извивающиеся движения, как бы фиксируя свой таз и двигая туловищем и конечностями. Мускулы напряглись, лицо приняло страстное выражение; черты были искажены, глаза закатились, зубы были стиснуты, губы сжаты, а щеки побагровели. Это состояние имело поразительное сходство с пассивной стадией великой истерии. Пирушка началась всего на мгновение, но продолжалась долго. Покачивание вызвало приятное ощущение, сопровождающееся ощущением всасывания в области клитора. Почти сразу после этого возникает ощущение распираия, вызванное выделениями из вульвовагинальных желез, за которыми следует восторг, продолжающийся неопределенное время". Сопровождающие сексуальные образы настолько яркие, что почти становятся галлюцинациями. (Дж. Дж. Кирнан, "Сексуальная трансформация и психическая импотенция", *Американский журнал дерматологии*, том. ix, № 2.)

Примерно такие же ощущения сексуального характера иногда испытывают мальчики, взбираясь на шест. Нет необходимости даже в прямом внешнем контакте с половыми органами, и Хоу утверждает, что гимнастических шестов, на которых мальчики раскачиваются, удерживая весь вес на руках, может быть достаточно, чтобы вызвать сексуальное возбуждение.

Несколько авторов указывали, что верховая езда, особенно у женщин, может вызывать сексуальное возбуждение и оргазм.^[205] Также хорошо известно, что как у мужчин, так и у женщин вибрационное движение железнодорожного состава часто вызывает определенную степень сексуального возбуждения, особенно когда они сидят, наклонившись вперед. Такое возбуждение может оставаться латентным и не становится специфически сексуальным.^[206] Я не в курсе, что это качество поездок по железной дороге когда-либо поощрялось как сексуальное извращение, но швейная машинка привлекла значительное внимание из-за своего влияния на возбуждающие аутоэротические проявления. Ранний тип швейной машинки, в частности, был очень тяжелым и требовал большого количества движений ногами вверх и вниз; Лэнгдон Даун много лет назад указал, что это часто приводило к сильному сексуальному возбуждению, которое приводило к мастурбации.^[207] Согласно одному французскому авторитету, хорошо признанным фактом является то, что работа на швейной машине с телом в определенном положении вызывает сексуальное возбуждение, приводящее к оргазму. О наступлении оргазма наблюдателю сигнализирует машина, работающая в течение нескольких секунд с неконтролируемой быстротой. Говорят, что этот звук часто можно услышать в больших французских мастерских, и в обязанности зрителей мастерских входит следить за тем, чтобы девушки правильно сидели.^[208]

"Во время визита, который я однажды нанес на фабрику военной одежды, - пишет Пуйе, - я стал свидетелем следующей сцены. Посреди равномерного шума, производимого примерно тридцатью швейными машинами, я вдруг услышала, что одна из них работает с гораздо большей скоростью, чем другие. Я посмотрел на человека, который этим занимался, брюнетку лет 18-20. Пока она автоматически занималась брюками, которые шила на машинке, ее лицо оживилось, рот слегка приоткрылся, ноздри расширились, ноги двигали педали с постоянно возрастающей скоростью. Вскоре я увидел судорожное выражение в ее глазах, ее веки были опущены, лицо побледнело и откинулось назад; руки и ноги остановились и вытянулись; сдавленный крик, за которым последовал долгий вздох, потонул в шуме мастерской. Девушка несколько секунд оставалась неподвижной, затем достала носовой платок, чтобы вытереть капли пота со лба, и, бросив робкий и пристыженный взгляд на своих товарищей, продолжила свою работу. Официантка, которая выполняла роль моего гида, заметив направление моего взгляда, подвела меня к девушке, которая покраснела, опустила лицо и пробормотала несколько бессвязных слов, прежде чем официантка успела открыть рот, чтобы посоветовать ей полностью сесть на стул, а не на его краешек.

"Когда я уходил, я услышал, как в другой части комнаты ускоренно заработала другая машина. Старшая медсестра улыбнулась мне и заметила, что это происходит так часто, что не привлекает внимания. По ее словам, это особенно наблюдалось у молодых девушек-мастериц, подмастерьев и тех, кто сидел на краешке своего стула, что значительно облегчало трение половых губ".

В случаях, когда работа швейной машины не приводит к непосредственному самовозбуждению, было проведено, как, например, Fothergill,^[209] чтобы предрасполагать к частоте произвольных сексуальных оргазмов во время сна из-за раздражения, вызываемого движением ног в сидячей позе в течение дня. Основным движением при работе со швейной машиной является сгибание и разгибание лодыжки, но мышцы бедер используются для надежного удержания ступней на педали, бедра прижаты друг к другу, и наблюдается значительная степень сгибания или разгибания бедер на туловище; при специальной

регулировке тела, а иногда, возможно, просто при наличии сексуальной гиперестезии, таким образом, возможно воздействие на половые органы; но это ни в коем случае не является необходимым результатом использования швейной машины и опроса различных женщин с хорошо развитым половым влечением. Чувства, привыкшие работать педалью, не показали наличия какой-либо тенденции в этом направлении.

У женщин езда на велосипеде также может вызывать сексуальное раздражение. Так, Молл^[210] отмечает, что он знает многих замужних женщин и некоторых незамужних, которые испытывают сексуальное возбуждение во время езды на велосипеде; в нескольких случаях он убедился, что возбуждение доходит до полного оргазма. Однако этот результат не может быть достигнут легко, если сиденье не слишком высокое, вершина не соприкасается с органами и не используется движение качения; при отсутствии выраженной гиперестезии на эти результаты влияет только плохое сиденье или неправильная поза, тело во время езды на велосипеде в надлежащих условиях опирается на ягодицы, а работа в основном выполняется мышцами бедер и голеней, которые контролируют лодыжки, при этом сгибание бедра в области таза очень незначительное. Большинство медицинских авторитетов в области велоспорта придерживаются мнения, что когда езда на велосипеде приводит к сексуальному возбуждению, вина лежит больше на женщине, чем на машине. Этот вывод мне не кажется абсолютно правильным. Расспросив, я обнаружил, что при использовании старомодного седла с приподнятой вершиной, поднимающейся к лобку, определенная степень сексуального возбуждения, обычно не приводящая к оргазму (но, как выразилась одна дама, заставляющая чувствовать себя вполне готовой к нему), довольно распространена среди женщин. Лидстон считает, что раздражение половых органов, несомненно, может быть вызвано ездой на велосипеде как у мужчин, так и у женщин. Обострение геморроя, иногда возникающее при езде на велосипеде, указывает также на тенденцию к местной гиперемии. Однако благодаря усовершенствованным плоским седлам, сконструированным с более четкой подгонкой под анатомическое строение деталей, эта общая тенденция сведена к незначительному минимуму.

Здесь можно сослаться на влияние тугой шнуровки. Гинекологи признали это фактором сексуального возбуждения и методом мастурбации.^[211] Женщины, которые никогда не носили корсеты, иногда обнаруживают, что при первом их надевании сексуальные ощущения настолько усиливаются, что необходимо отказаться от их использования.^[212] Причина этого (как указывает Зиберт в своей *Книге для начинающих*), по-видимому, заключается в том, что корсет способствует застою в области таза и в то же время оказывает давление на мышцы живота, которое приводит их в состояние, возникающее во время коитуса. Несомненно, по той же причине, как обнаружили некоторые женщины, без корсетов возможно большее растяжение мочевого пузыря, чем с ними.

В другом классе случаев для достижения сексуального оргазма не используется никакой внешний объект, но только более или менее произвольное давление бедер воздействует на половые органы. Это делается либо сидя, либо стоя, бедра сведены вместе и плотно скрещены, а таз раскачивается так, что половые органы прижимаются к внутренней и задней частям бедер.^[213] Иногда это делают мужчины и довольно распространено среди женщин, особенно, по словам Мартино,^[214] среди тех, кто много сидит, таких как портнихи и модистки, те, кто пользуется швейной машинкой, и те, кто ездит верхом. Веделер отмечает, что, судя по его опыту работы в Скандинавии, трение бедрами является наиболее распространенной формой мастурбации у женщин. Эта практика широко распространена, и медицинский корреспондент в

Инди рассказав мне о вдове брамина, которая призналась в этой форме мастурбации. Мне говорили, что в лондонских пансионах в настоящее время растирание бедер нередко встречается среди учениц; в одной школе упомянутая доля составила около десяти процентов девочек старше одиннадцати лет; растирание бедер проводится более или менее открыто и непосвященными интерпретируется просто как желание облегчить мочевой пузырь. Он обнаруживается у младенцев женского пола. Так, Таунсенд описывает случай с 8-месячным младенцем, который перекидывал правое бедро поверх левого, закрывал глаза и сжимал кулачки; через минуту или две наступало полное расслабление с потливостью и покраснением лица; это происходило примерно раз в неделю или чаще; ребенок был вполне здоров, без каких-либо отклонений в состоянии половых органов.^[215] Частота трения бедрами среди женщин как формы мастурбации обусловлена тем фактом, что оно обычно приобретает невинно и не влечет за собой непристойностей. Так, Суццо сообщает о случае с 12-летней девочкой, которая в школе, ожидая своей очереди в туалет, из-за боязни обмочиться засовывала одежду между ног и сжимала бедра вместе, двигая ими взад-вперед в попытке контролировать мочевой пузырь; она обнаружила, что таким образом возникает приятное ощущение, и приобрела привычку практиковать маневр ради него самого; в возрасте 17 лет она начала варьировать его по-разному; так, она свисала с дерева, болтая ногами, и ее сорочка была зажата между бедер, которую она надевала на себя. потрите друг о друга.^[216] Фрикция бедрами в некоторых своих формах является настолько сравнительно благопристойной формой мастурбации, что ею можно даже заниматься в общественных местах; так, несколько лет назад, ожидая поезда на станции на окраине провинциального городка, я заметил присутствие молодой женщины, одиноко сидевшей на скамейке чуть поодаль, за которой я мог незаметно наблюдать. Она откинулась назад, скрестив ноги, энергично и непрерывно размахивая скрещенной ногой; это продолжалось без перерыва примерно десять минут после того, как я впервые заметил ее; затем раскачивающееся движение достигло кульминации; она откинулась еще дальше назад, таким образом еще теснее соприкоснувшись сексуальной областью с краем скамейки, выпрямила и напрягла свое тело и ноги в том, что казалось кратковременным спазмом; не могло быть никаких сомнений относительно того, что произошло. Несколько мгновений спустя она медленно прошла со своего единственного места в зал ожидания и села среди других ожидающих пассажиров, теперь совершенно неподвижно и со скрещенными ногами, бледная тихая молодая женщина, возможно, дочь фермера, совершенно не подозревающая о том, что ее маневр был обнаружен, и, вполне возможно, сама не подозревающая о его истинной природе.

Существует много других форм, в которых проявляется импульс аутоэротизма. Танцы часто являются мощным методом сексуального возбуждения не только у цивилизованных, но и у диких народов, и Зак описывает эротические танцы женщин-суахели как имеющие объект мастурбации.^[217] Стимуляция нейтрофилов является мощным вспомогательным средством для выработки самовозбуждения, а некоторые люди, особенно молодые женщины, практикуют самобичевание палками и т.д.^[218] Уртикация - еще одна форма этой стимуляции; Ревердин знал молодую женщину, которая получала сексуальное удовлетворение, избивая себя колючками каштана, и утверждается, что в некоторых частях Франции (департаменты Айн и Кот-д'Ор) нередко молодые девушки мастурбируют, потирая листья *Linaria cymbalaria* (здесь называется *Linaria cymbalaria*). "пинтон" или "тимбард") на половые органы, вызывая ощущение жжения.^[219] Стимуляция молочной железы, обычно являющейся эрогенным центром у женщин, иногда может служить методом получения аутоэротического удовлетворения, включая оргазм, у обоих

полов. Мне рассказали о случае с женщиной, и медицинский корреспондент в Индии сообщил мне, что он знает евразийскую женщину, пристрастившуюся к мастурбации, которая может достичь оргазма, только потирая гениталии одной рукой, в то время как другой она трет и, наконец, сжимает свою грудь. Тактильная стимуляция даже тех областей тела, которые обычно не являются эрогенными зонами ни у того, ни у другого пола, может иногда приводить к сексуальному возбуждению; Хиршпрунг, как и Фрейд, считает, что это часто имеет место в отношении сосания пальцев рук и ног в младенчестве. Даже поглаживание подбородка, замечает Дебрейн, может привести к загрязнению.^[220] Тейлор ссылается на случай с молодой женщиной 22 лет, которая была подвержена приступам хореических движений руками, которые заканчивались попеременным нажатием средним пальцем на кончик носа и козелок уха, когда на ее лице появлялось "отстраненное, довольное выражение"; таким образом, она вызывала сексуальное возбуждение и удовлетворение. У нее не было ни малейшего представления о проступке, и она была удивлена и пристыжена, когда осознала природу своего поступка.^[221]

Большинство приведенных выше примеров аутоэротизма обычно включаются, что никоим образом не соответствует действительности, в раздел "мастурбация". Есть, однако, огромное количество людей, обладающих сильными сексуальными эмоциями и ведущих уединенный образ жизни, которые испытывают, иногда инстинктивно, а иногда по моральным соображениям, сильное отвращение к этим проявлениям аутоэротизма. Как пишет одна высокоинтеллектуальная дама: "Иногда я задавалась вопросом, смогу ли я вызвать это (полное сексуальное возбуждение) механически, но у меня странное, необоснованное отвращение к этому эксперименту. Это слишком сильно материализовало бы его". Такое же отвращение можно проследить в тенденции избегать, насколько это возможно, использования рук. Довольно часто можно встретить это инстинктивное, беспричинное отвращение среди женщин, здоровое отвращение, не основанное на каких-либо моральных основаниях. У мужчин существует такое же отвращение, чаще сочетающееся с очень сильным моральным и эстетическим неприятием подобной практики или заменяемое ею. Но наличие такого отвращения, каким бы непобедимым оно ни было, очень далеко от того, чтобы вывести нас за пределы аутоэротического поля. Возникновение сексуального оргазма не обязательно зависит от какого-либо внешнего контакта или добровольной механической причины.

В качестве примера, хотя и не конкретно аутоэротических проявлений, я могу упомянуть случай 57-летнего мужчины, несколько эксцентричного проповедника и т.д., Который пишет: "Вся моя натура так раскрывается перед некоторыми людьми, и они так возбуждают меня, что я испытываю эякуляцию, сидя рядом с ними без мыслей о сексе, только радость души нашла выход таким образом, и сияние здоровья разлилось по всему телу. Спазматического завершения не было, но было приятное нежное ощущение, когда вытекло несколько капель спермы". (В реальности, без сомнения, не Семен, но уретры жидкости.) Состояние этого человека, безусловно, можно считать несколько болезненным; его привлекают как мужчины, так и женщины, и сексуальное влечение кажется раздражительным и слабым; но подобное положение вещей так часто наблюдается у женщин, без сомнения, из-за сексуального подавления, и у индивидуумов, находящихся в общем состоянии нормального и крепкого здоровья, что у них это вряд ли можно назвать болезненным. Размышления о сексуальных образах, которые теологи называли *delectatio morosa*, могут привести к спонтанному оргазму у представителей любого пола, даже у совершенно нормальных людей. Хэммонд описал как нередкую форму "психического коитуса" состояние, при котором одного простого акта воображения в присутствии желаемого объекта достаточно, чтобы вызвать оргазм. В каком-

нибудь общественном транспорте, театре или в другом месте мужчина видит желанную женщину и, концентрируя свое внимание на ее персоне и представляя все стадии интимной близости, быстро достигает оргазма.^[222] Niceforo ссылается на итальянскую работницу 14 лет, которая могла добиться выделения слизи четыре раза в день в мастерской в присутствии других девушек, не прикасаясь к себе и не двигая телом, просто думая о сексуальных вещах.^[223]

Если оргазм возникает спонтанно, без помощи ментальных впечатлений или каких-либо манипуляций *ad hoc*, хотя при таких условиях он перестает быть греховным с теологической точки зрения, он, безусловно, перестает быть и нормальным. Серье описывает случай с несколько невротичной женщиной 50 лет, которая была разлучена со своим мужем в течение десяти лет и с тех пор жила целомудренной жизнью; однако в этом возрасте она стала подвержена сильным приступам сексуального оргазма, который наступал без какого-либо сопровождения сладострастных мыслей. Макгилликадди фиксирует три случая спонтанного оргазма у женщин, попавших в поле его зрения.^[224] Такие кризисы часто встречаются как у мужчин, так и у женщин, которые по моральным соображениям, невежеству или по другим причинам не могут достичь полного сексуального оргазма, но чьи сексуальные эмоции буквально непрерывно исходят от них. Шренк-Нотцинг знает женщину, которая спонтанно сексуально возбуждается, услышав музыку или увидев фотографии, в которых нет ничего похотливого; она ничего не знает о сексуальных отношениях. Другая женщина сексуально возбуждается при виде красивых и естественных сцен, таких как море; сексуальные идеи смешиваются в ее голове с этими вещами, и созерцание особенно сильного и отзывчивого мужчины вызывает оргазм примерно через минуту. Обе эти дамы "мастурбируют" на улицах, в ресторанах, на железных дорогах, в театрах, причем никто этого не замечает.^[225] Женщина-брамин сообщила медицинскому корреспонденту в Индии, что у нее был отчетливый, хотя и слабый оргазм с обильным выделением слизи, если она долго оставалась рядом с мужчиной, лицо которого ей нравилось, и это не редкость среди европейских женщин. Очевидно, что при таких условиях возникает состояние гиперэстетической слабости. Однако здесь мы переходим границы строго аутоэротических феноменов.

Наслаждение холодом, как его понимают теологи, отличается от желания, а также от определенного намерения совершить половой акт, хотя оно может привести к этим вещам. Это добровольное и самодовольное увлечение в воображении сладострастными мыслями, когда не предпринимается никаких усилий, чтобы отогнать их. Оно, как указывают Аквинат и другие, состоит из этого акта самодовольного времяпрепровождения и не имеет никакого отношения к продолжительности процесса воображения. Дебрейн в своей *Психологии* (стр. 149-163) полностью рассматривает этот вопрос и цитирует мнения теологов. Я могу добавить, что на ранних этапах Покаяния, до разработки католической теологии, добровольное извержение семени под влиянием злых мыслей признавалось грехом, хотя обычно только в том случае, если это происходило в церкви. В "Покаянном" Эгберта восьмого или девятого века (гл. IX, 12), епитимья, назначаемая за это преступление в случае диакона, составляет 25 дней; в случае монаха - 30 дней; священника - 40 дней; епископа - 50. (Хэддон и Стаббс, *Соборы и церковные документы*, том iii, стр. 426.)

Частота спонтанного оргазма у женщин, по-видимому, была признана в семнадцатом веке. Так, Шуриг (*Силлепсиология*, стр. 4), по-видимому, цитируя Риолана, утверждает, что некоторые женщины настолько распутны, что вид красивого мужчины или их любовника или разговор с таким человеком вызывают у них эякуляцию семени.

Однако существует тесно связанная и, по сути, пересекающаяся форма аутоэротизма, которую можно рассмотреть здесь: я имею в виду ту, которая связана с мечтательностью, или грезами наяву. Хотя это очень распространенная и важная форма аутоэротизма, помимо того, что в значительной доле случаев это ранняя стадия мастурбации, она, по-видимому, привлекла мало внимания.^[226] Сон наяву, действительно, был изучен в его основной форме в "продолжении истории" Мейбл Леройд из колледжа Уэллсли. Продолжение истории - это воображаемое повествование, более или менее характерное для отдельного человека, который с нежностью лелеет его и рассматривает как особо священное душевное достояние, которым можно поделиться только, если вообще можно, с очень сочувствующими друзьями. Он чаще встречается среди девочек и молодых женщин, чем среди мальчиков и молодых мужчин; среди 352 человек обоего пола - 47 процентов. среди женщин - только 14 процентов. среди мужчин есть какая-нибудь продолженная история. Отправной точкой является эпизод из книги или, что более обычно, какой-то реальный опыт, который развивает субъект; субъектом почти всегда является герой или героиня рассказа. Росту истории способствует одиночество, и лежание в постели перед сном - это время, особо священное для ее развития.^[227] Мисс Леройд, возможно, достаточно естественно, не делает никаких четких ссылок на элемент сексуальных эмоций, который часто сильно окрашен этими историями и который часто является их реальным мотивом. Хотя обнаружить эти сложные и более или менее эротические сны наяву отнюдь не легко, они нередки у молодых мужчин и особенно у молодых женщин. У каждого человека есть своя особая мечта, которая всегда меняется или развивается, но, за исключением людей с очень богатым воображением, в незначительной степени. Такой сон наяву часто основан на приятном личном опыте и развивается на этой основе. Он может включать в себя элемент извращенности, даже если этот элемент не находит выражения в реальной жизни. Этому, конечно, способствует сексуальное воздержание; отсюда его частота у молодых женщин. Чаще всего попыток осознать это практически нет. Это не обязательно приводит к мастурбации, хотя часто вызывает некоторую сексуальную перегрузку или даже спонтанный сексуальный оргазм. Сновидение наяву - это строго частное и интимное переживание не только по самой своей природе, но и потому, что оно возникает в образах, которые субъекту очень трудно перевести на язык, даже если он хочет это сделать. В других случаях это имеет тщательно продуманный драматический или романтический характер, герой или героиня проходят через множество переживаний, прежде чем достичь эротической кульминации истории. Этот кульминационный момент, как правило, развивается в гармонии с растущими знаниями или опытом субъекта; сначала это просто поцелуй, но он может перерасти в любое утонченное сладострастное удовлетворение. Сновидение наяву может наблюдаться как у нормальных, так и у ненормальных людей. Руссо в своих *Признаниях* описывает такие сны, в его случае сочетавшиеся с мазохизмом и мастурбацией. Выдающийся американский писатель Хэмлин Гарленд в *"Хладнокровной Розе Датчерской"* превосходно описал роль, которую сыграл цирковой наездник в эротических мечтах здоровой нормальной девочки в подростковом возрасте, увиденную при первом посещении цирка и ставшую величественным идеалом, который долгие годы доминировал в мыслях девушки.^[228] Раффалович^[229] описывает процесс, посредством которого при сексуальных инверсиях образ человека того же пола, возможно, замеченного на улице или в театре, вызывается в уединенных грезах, вызывая своего рода "психический онанизм", независимо от того, приводит он к физическим проявлениям или нет.

Хотя такого рода сновидения наяву в настоящее время изучены очень мало, поскольку они любят уединение и секретность и никогда не представляли достаточного интереса для

научного исследования, на самом деле это процесс значительной важности, занимающий большую часть аутоэротической области. Это часто культивируется утонченными молодыми мужчинами и женщинами с богатым воображением, которые ведут целомудренный образ жизни и часто испытывают отвращение к мастурбации. У таких людей, при таких обстоятельствах, это должно рассматриваться как строго нормальное явление, неизбежный результат проявления сексуального влечения. Без сомнения, это часто может стать болезненным процессом и никогда не бывает здоровым, если предаваться ему с избытком, как это свойственно утонченным молодым людям с артистическими порывами, для которых это в высшей степени соблазнительно и коварно.^[230] Однако, как мы видели, сновидения наяву далеко не всегда окрашены сексуальными эмоциями; однако важным признаком их действительно сексуального происхождения является то, что, как мне сообщили лица обоих полов, даже в этих явно несексуальных случаях они часто полностью прекращаются после вступления в брак.

Даже когда мы устранили все эти формы аутоэротической активности, какими бы утонченными они ни были, в которых субъект принимает добровольное участие, мы все равно оставили неисследованной важную часть области аутоэротики, ту часть, которую многие люди склонны считать нормальной: сексуальный оргазм во сне. Тщательное изучение фактов заставляет нас поверить в то, что в условиях сексуального воздержания у здоровых людей неизбежно должны иметь место некоторые аутоэротические проявления во время бодрствования. Также не может быть никаких сомнений в том, что при тех же условиях возникновение неполного оргазма во время сна с выделением семени у мужчин является совершенно нормальным явлением. Даже сам Зевс, как записал Павсаний, был подвержен подобным случайностям: утверждение, которое, во всяком случае, показывает, что для греческого сознания в подобном происшествии не было ничего унижительного.^[231] Евреи, однако, считали это нечистотой,^[232] и та же идея была передана христианской церкви и воплощена в слове *pollutio*, которым это явление обозначалось в церковной фразеологии.^[233] Согласно Биллюарту и другим теологам, загрязнение во сне не является грехом, если оно не вызвано добровольно; однако, если оно начинается во сне и завершается в состоянии полудремы, с чувством удовольствия, это простительный грех. Но кажется допустимым позволить ночному загрязнению завершиться после пробуждения, если оно происходит без намерения; и Святой Фома даже говорит: "*Si pollutio placeat ut naturæ exoneratio vel ellifiatio peccatum non creditur*".

Несмотря на справедливую и логичную позицию наиболее выдающихся латинских богословов, в католических странах, безусловно, было широко распространено убеждение, что загрязнение окружающей среды во время сна является грехом. В "Рассказе пастора" Чосер заставляет пастора сказать: "Другой грех связан с развратом, который приходит во сне; и грех часто приходит к тем, кто остается девственницами, и нравится тем, кто развращен; и этот грех вызывает у людей осквернение, которое проявляется четырьмя способами"; этими четырьмя способами являются (1) телесная слабость от вонючего и обильного алкоголя, (2) немощь, (3) переизбыток мяса и питья и (4) злодейские мысли. Четыреста лет спустя мадам Ролан в своих *Частных воспоминаниях* представила яркую картину страданий, которые вызывало в сознании невинной девушки представление о греховности эротических снов. Первая менструация у нее началась в возрасте 14 лет. "До этого, - пишет она, - меня иногда удивительным образом пробуждали от самого глубокого сна. Воображение не играло никакой

роли; я упражнял его на слишком многих серьезных предметах, и моя робкая совесть оберегала его от развлечений другими предметами, так что он не мог изобразить то, что я не позволил бы ему попытаться понять. Но необычайное возбуждение пробудило мои чувства в разгар отдыха и, благодаря моему превосходному телосложению, само по себе произвело очищение, которое было для меня столь же странным, как и его причина. Первым возникшим чувством был, сам не знаю почему, своего рода страх. Я заметил в своей *Филологии*, что нам не позволено получать никакого удовольствия от своего тела, кроме как в законном браке. То, что я испытал, можно было бы назвать удовольствием. Тогда я был виновен, и совершал преступления, которые причиняли мне наибольший стыд и печаль, поскольку именно это было наиболее неприятно Непорочному Агнцу. В моем бедном сердце было сильное волнение, молитвы и унижения. Как я мог избежать этого? Ибо, действительно, я не предвидел этого, но в тот момент, когда я это испытал, я не потрудился предотвратить это. Моя бдительность стала чрезвычайной. Я тщательно избегал поз, которые, как я обнаружил, особенно подвергали меня риску несчастного случая. Мое беспокойство стало настолько сильным, что, наконец, я смог проснуться до катастрофы. Когда я не успевал предотвратить это, я вскакивал с кровати, ставил босые ноги на полированный пол и, скрестив руки на груди, молился Спасителю, чтобы он уберег меня от козней дьявола. Затем я наложил бы на себя некоторую епитимью, и я дословно выполнил то, что король-пророк, вероятно, передал нам только как образную восточную речь, смешав пепел со своим хлебом и оросив его своими слезами".

Для раннего протестантского сознания, как показывает Лютер, в сексуальном возбуждении во сне было что-то болезненное, хотя и не нечистое; так, в своей *застольной беседе* Лютер замечает, что девушек, которым снятся такие сны, следует немедленно выдавать замуж, "принимая лекарство, данное Богом". Только сравнительно недавно медицинская наука получила подтверждение тому, что этот аутоэротический процесс совершенно нормален. Блюменбах заявил, что ночные выбросы являются нормальными.^[234] Сэр Джеймс Пейджет заявил, что он никогда не знал соблюдающих целибат мужчин, у которых не было таких выделений от одного или двух раз в неделю до двух раз в три месяца, причем оба крайних случая находятся в пределах нормы для хорошего здоровья, в то время как сэр Лаудер Брантон считает, что раз в две недели или раз в месяц примерно обычная частота, в эти периоды выделения часто происходят две ночи подряд. Роледер считает, что обычно они могут продолжаться несколько ночей подряд. Хэммонд считает, что они происходят примерно раз в две недели.^[235] Для риббинга обычным интервалом считается десять-четырнадцать дней.^[236] Левенфельд называет нормальную частоту примерно раз в неделю;^[237] это, по-видимому, ближе к истине в отношении большинства относительно здоровых молодых мужчин. В доказательство этого необходимо лишь обратиться к точным записям здоровых молодых людей, обобщенным в исследовании периодичности в настоящем томе. Однако иногда случается, что ночные выделения полностью отсутствуют. Я знаком с некоторыми случаями. У других относительно здоровых молодых людей они возникают редко, за исключением случаев интеллектуальной деятельности или беспокойства.

В последнее время в медицинском сообществе наметилась некоторая тенденция возвращаться к точке зрения Лютера и рассматривать сексуальное возбуждение во время сна как несколько нездоровое явление. Молл - выдающийся сторонник этой точки зрения. Сексуальное возбуждение во сне является нормальным результатом безбрачия, но совсем другое дело сказать, что в этом отношении оно является удовлетворительным. Таким образом, замечает Молл, мы могли бы утверждать, что ночное недержание мочи является удовлетворительным,

поскольку таким образом опорожняется мочевого пузырь. Тем не менее, мы принимаем все меры предосторожности против этого, настаивая на том, чтобы мочевого пузырь был опорожнен перед сном. (*Половое влечение*, Bd. I, стр. 552.) Это замечание подтверждается фактом, свидетелями которого, как я нахожу, могут быть как мужчины, так и женщины, что сексуальное возбуждение во время сна более утомительно, чем в состоянии бодрствования, хотя это не является неизменным правилом, и иногда оказывается, что оно освежает. Аналогичным образом, Эйленбург (*Сексуальная невропатия*, стр. 55) утверждает, что ночные выделения не более нормальны, чем кашель или рвота.

Ночные поллюции обычно, хотя и не всегда, сопровождаются сновидениями сладострастного характера, в которых сновидец более или менее фантастическим образом осознает более или менее интимное присутствие или контакт лица противоположного пола. Как правило, кажется, что чем ярче и чувственнее сон, тем сильнее физическое возбуждение и тем большее облегчение испытывается при пробуждении. Иногда эротический сон происходит без какого-либо выброса, и нередко выброс происходит после пробуждения сновидца.

Самое широкое и всестороннее исследование эротических сновидений было проведено Гуалино в северной Италии и основано на опросе 100 нормальных мужчин — врачей, учителей, юристов и т.д., — которые все сталкивались с этим феноменом. (L. Gualino, "Il Sogno Erotico nell' Uomo Normale," *Rivista di Psicologia*, Jan.-Feb., 1907.) Гуалино показывает, что эротические сны с выделениями (семенными или нет) начинались несколько раньше периода физического развития, как установил Марро для молодежи той же части северной Италии. Гуалино обнаружил, что всем его пациентам снились эротические сны в возрасте семнадцати лет; Марро обнаружил, что 8 процентов молодых людей в этом возрасте все еще сексуально неразвиты, и хотя сексуальное развитие началось в тринадцать лет, эротические сны начались в двенадцать. Их появлению предшествовала, в большинстве случаев в течение нескольких месяцев, эрекция. В 37 процентах случаев фактического сексуального опыта (ни мастурбации, ни полового акта) не было; в 23 процентах случаев имела место мастурбация; в остальных — та или иная форма сексуального контакта. Сны в основном визуальные, тактильные элементы стоят на втором месте, *действующим лицом* является либо незнакомая женщина (27% случаев), либо известная только в лицо (56%), и в большинстве случаев это, во всяком случае, вначале, уродливая или фантастическая фигура, становящаяся более привлекательной позже в жизни, но никогда не идентичная женщине, которую любили наяву. Это, как указывает Гуалино, согласуется с общей тенденцией к тому, что дневные эмоции остаются скрытыми во сне. Мастурбация была предметом сновидения только в четырех случаях. Эмоциональным состоянием на стадии полового созревания, помимо удовольствия, были тревога (37%), желание (17%), страх (14%). На взрослом этапе тревожность и страх снизились до 7% и 6% соответственно. У тридцати трех испытуемых в результате сексуальных или общих расстройств были ночные поллюции без сновидений; они всегда были признаны изнуряющими. Обычно (более чем в 90 процентах случаев) эротические сны являются самыми яркими из всех снов. Ни в одном случае не было известно о какой-либо ежемесячной или другой циклической периодичности в возникновении проявлений. В 34 процентах случаев они, как правило, возникали очень скоро после полового акта. Во многих случаях они были особенно частыми (даже три за одну ночь) во время ухаживания, когда молодой человек имел привычку целовать и ласкать свою нареченную, но прекратил это после женитьбы. Не было отмечено, чтобы положение в постели или полный мочевого пузырь оказывали какое-либо заметное влияние на

возникновение эротических сновидений; наполнение семенных пузырьков рассматривается как основной фактор.

В Германии эротические сны обсуждались Фолькельтом (*Травматическая фантазия*, 1875, стр. 78-82), и особенно Левенфельдом (*Сексуальная проблема*, октябрь 1908), в то время как в Америке Стэнли Холл таким образом резюмирует общие характеристики эротических снов у мужчин: "В подавляющем большинстве случаев сознание, даже когда акт вызывает полное пробуждение ото сна, обнаруживает лишь разрозненные образы, отдельные слова, жесты и действия, многие из которых, возможно, в обычных условиях не представляли бы собой провокации. Часто умственная деятельность кажется отдаленной и случайной, и утром ум не запоминает ничего, кроме, возможно, своеобразного рисунка одежды, формы ногтя на пальце, затылка, наклона головы, движения ноги или укладки волос. В таких случаях эти образы на какое-то время выделяются с отчетливостью камен и наводят на мысль, что происхождение эротических фетишизмов в значительной степени следует искать в сексуальных снах. Очень редко встречаются изображения самих органов, но тенденция к иррадиации настолько сильна, что усиливает предположение о стольких других явлениях в этой области, что природа предусмотрела длительный цикл этого переживания и что оно может придать особый оттенок почти любому переживанию. Когда пробуждение происходит сразу после этого, кажется, по крайней мере, возможным, что могло быть много образов, которые существовали, но не были вызваны в памяти, возможно, потому, что поток психических впечатлений проходил по очень знакомым областям, и это, следовательно, было забыто, в то время как любое извращение в новые или непривычные каналы выделялось с отчетливостью. Все эти психические явления, хотя и очень характерны для человека в расцвете сил, не относятся к мечтам о наступлении половой зрелости, которые гораздо более яркие". (Г. Стэнли Холл, *Юность*, том I, стр. 455.)

Далее я могу процитировать опыт анонимного автора — здорового и целомудренного мужчины в возрасте от 30 до 38 лет — для *Американского журнала психологии* ("Ночные поллюции", январь 1904 г.): "Ноги и грудь часто фигурировали в этих снах, другие половые части, однако, очень редко, и тогда в большинстве случаев они оказывались мужскими органами. Приснилось всего два случая совокупления. Девочки и молодые женщины были, как правило, *драматическими персонажами*, и, как ни странно, часто агрессорами. Иногда лицо или рожи были хорошо знакомы; иногда - только однажды увиденные; иногда - совершенно неизвестные. Оргазм наступает в самой эротической части сна, причем физическое и психическое протекают параллельно. Эта наиболее эротичная или наводящая на размышления часть сна очень часто представляла собой достаточно невинный на вид инцидент. Как, например: проходя мимо незнакомой молодой женщины, которую я догнал на улице, она задает мне какой-то вопрос. Сначала я не обращаю внимания, но когда она зовет снова, я колеблюсь, возвращаться и отвечать или нет — выброс. И снова, идя рядом с молодой женщиной, она спросила: "Могу я взять вас под руку?" Я предложил ей, и она взяла ее, обвив своей рукой и высоко подняв. Я почувствовал более сильную эрекцию, когда она задала вопрос. Иногда было достаточно слова; иногда жеста. Однажды эрекция произошла, когда я заметил, что у молодой женщины уменьшились ногти. Другим примером фетишизма был тот факт, что во сне меня с любопытством привлекла красивая вышитая фигурка на платье маленькой девочки. В качестве иллюстрации странных метаморфоз, происходящих в снах, я однажды ночью во сне (летом я наблюдал за куропатками) влюбился в куропатку, которая под моими ласками превратилась в прекрасную девушку, сохранившую, однако, неописуемую невинность, грацию и очарование дикой птицы - своего рода Ундины!"

Эти переживания можно рассматривать как довольно типичные для эротических сновидений здоровых и целомудренных молодых людей. Птица, например, которая превращается в женщину, сохраняя при этом некоторые элементы птицы, встречалась в эротических снах другим молодым людям. Действительно, примечательно, что, как отмечает Де Губернатис, "птица - хорошо известный фаллический символ", в то время как Медер находит ("Интерпретации результатов исследований", *Архив психологии*, апрель 1907 г.), что птицы имеют сексуальное значение как в жизни, так и во снах. Появление мужских органов у женщины во сне, несомненно, связано с тем, что сновидица лучше знакома с этими органами; но, хотя это случается время от времени, вряд ли можно сказать, что это правило в эротических снах. Даже мужчины, у которых никогда не было связи с женщиной, довольно часто осознают присутствие женских половых органов в своих эротических снах.

Проведенное Моллем сравнение ночных выделений спермы с ночным недержанием мочи наводит на мысль об интересном сходстве и в то же время кажущемся контрасте. В обоих случаях мы имеем дело с внутренними органами, которые при переполнении или чрезмерном раздражении спазматически выбрасывают свое содержимое во время сна. Существует еще одно сходство, которое обычно становится очевидным, когда, как это иногда случается, ночное недержание мочи сохраняется в позднем детском или подростковом возрасте: оба явления часто сопровождаются яркими сновидениями соответствующего характера. (См., например, Райс, "Ночной энурез", *Журнал по гигиене интимных отношений*, 1904; А. П. Бьюкен, почти столетие назад, указал на психический элемент в переживаниях молодых людей, которые мочились в постель, *Venus sine Concubitu*, 1816, стр. 47.) Так, в одном известном мне случае семилетней девочке, которая время от времени мочилась в постель, обычно в одно и то же время снилось, что она хочет набрать воды и выбегает на улицу, бегая в поисках подходящего места, которое она наконец нашла, а проснувшись, обнаружила, что намочила постель; пятнадцать лет спустя ей все еще иногда снились похожие сны, которые вызывали у нее сильную тревогу, пока, полностью проснувшись, она не поняла, что не произошло никакого несчастного случая; эти более поздние сны не были результатом какого-либо реального сильного желания помочиться. В другом случае, с которым я знаком, восьмилетняя девочка после умственного возбуждения или переедания пищи время от времени мочилась в постель, и ей снилось, что она испугалась того, что кто-то бежит за ней, и в результате обмочилась, подобно Ганимеду в орлиной лапе, изображенному Рембрандтом. Следует отметить, что эти два случая относятся к двум совершенно разным типам. В первом случае полный мочевой пузырь подсказывает воображению соответствующие действия для облегчения, и мочевой пузырь фактически принимает предложенное образное решение; это, по выражению Фиорани, "сомнамбулизм мочевого пузыря". В другом случае такого сомнамбулизма нет, но психическое и нервное расстройство, вообще не возникающее в мочевом пузыре, конвульсивно иррадирует, и независимо от того, переполнен мочевой пузырь или нет, поражает пузырную нервную систему, которая еще недостаточно хорошо сбалансирована, чтобы противостоять притоку возбуждения. У детей с несколько нервным темпераментом проявления такого рода могут возникать как случайные происшествия примерно до семи-восьми лет; а затем, когда нервный контроль над мочевым пузырем прочно установился, они прекращаются, и нервной энергии, необходимой для воздействия на мочевой пузырь, оказывается достаточно, чтобы разбудить сновидца. Однако в очень редких случаях это явление все же может время от времени возникать, даже в подростковом возрасте или позже, у

лиц, которые в остальном совершенно свободны от него. Чаще всего это происходит у молодых женщин даже в бодрствующем состоянии. У мужчин это, вероятно, встречается крайне редко.

Эротический сон, по-видимому, резко отличается от пузырьного сновидения тем, что он происходит во взрослой жизни и с трудом поддается контролю. Контраст, однако, очень поверхностный. Когда мы вспоминаем, что сексуальная активность обычно начинается только в период полового созревания, мы понимаем, что двадцатилетний юноша в том, что касается сексуального контроля, едва ли намного старше, чем в том, что касается контроля над мочевым пузырем, которым он был в возрасте шести лет. Более того, если бы мы с самых ранних лет привыкли ложиться спать с полным мочевым пузырем, как целомудренный человек ложится спать с неразвитой половой системой, то добиться контроля над мочевым пузырем во время сна было бы так же трудно, как сейчас добиться сексуального контроля. В конечном счете, такой сексуальный контроль достигается; после сорока лет, кажется, эротические сны с испусканием становятся все более и более редкими; либо сновидение происходит безфактического испускания, точно так же, как сны о мочеиспускании возникают у взрослых с полным мочевым пузырем, либо органический стресс, со сновидениями или без них, служит для пробуждения спящего до того, как произойдет какое-либо испускание. Но эта стадия достигается нелегко и не полностью. Святой Августин, даже в тот период, когда он писал свои *Признания*, упоминает, как само собой разумеющееся, что сексуальные сны "не просто вызывают удовольствие, но и получают согласие воли". (X. 41.) Нередко во сне происходит борьба, подобно тому, как гипнотизируемый субъект может сопротивляться внушениям; так, даме тридцати пяти лет приснился сексуальный сон, и она проснулась без возбуждения; снова она заснула, и ей приснился другой сон сексуального характера, но она сопротивлялась тенденции к возбуждению и снова проснулась. наконец, она заснула и увидела третий сексуальный сон, который на этот раз сопровождался оргазмом. (Это недавно было описано также Нэкке, который называет это *прерыванием поллюции*, *Neurologisches Centralblatt*, 16 октября 1909 г.; соответствующий произвольный процесс в состоянии бодрствования описан Роледером и назван *masturbatio interrupta*, *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, август 1908 г.) Факторы, участвующие в приобретении пузырьного и сексуального контроля во время сна, одни и те же, но условия несколько отличаются.

Существует очень тесная связь между пузырьной и сексуальной сферами, как я уже указывал в другом месте (см. , например, в третьем томе этих *Исследований* "Анализ сексуального влечения"). Эта связь является как психической, так и органической. Как у мужчин, так и у женщин полный мочевой пузырь вызывает эротические сновидения. (См. , например, К. А. Шернер, *Жизнь травмированных*, 1861, стр. 187 и далее.; Спитта также указывает на связь между пузырьными и эротическими сновидениями, *Die Schlaf und Traumzustände*, 2-е изд., 1882, стр. 250 и далее.) Рэймонд и Джанет Стейт ("*Непристойности*", т. ii, стр. 135), что ночное недержание мочи, сопровождающееся снами о мочеиспускании, может быть заменено в период полового созревания мастурбацией. В обратном направлении Фрейд считает (*Журнал психологии*, Bd. XVIII, стр. 433), что мастурбация играет большую роль в возникновении ночного недержания мочи у детей, достигших возраста, когда это обычно прекращается, и он даже обнаруживает, что дети сами осознают эту связь.

Диагностическая ценность сексуальных сновидений как показателя сексуальной природы субъекта в состоянии бодрствования подчеркивалась различными авторами. (E.g., Moll, *Die Konträre Sexualempfindung*, Ch. IX; Näcke, "Der Traum als feinstes Reagens für die Art des sexuellen

Empfindens," *Monatsschrift für Kriminalpsychologie*, 1905, p. 500.) Сексуальные сны, как правило, воспроизводят и даже подчеркивают те характеристики, которые придают субъекту наибольшую сексуальную привлекательность в состоянии бодрствования.

В то же время это общее утверждение нуждается в уточнении, особенно в отношении перевернутых сновидений. Во-первых, молодой человек, каким бы нормальным он ни был, который не знаком с женским телом в бодрствовании, вряд ли увидит его во сне, даже в женских снах; во-вторых, путаница и комбинации образов сновидений часто имеют тенденцию стирать половые различия, какими бы свободными от извращений ни были испытуемые. Так, корреспондент рассказывает мне о здоровом мужчине с очень чистым характером, совершенно неопытном в сексуальных вопросах и никогда не видевшем обнаженную женщину, который в своих сексуальных снах всегда видит женщину с мужскими органами, хотя у него никогда не было никаких сексуальных влечений к мужчинам, и он сильно влюблен в женщину. Путаница и ассоциации образов сновидения, ведущие к ненормальным сочетаниям, могут быть проиллюстрированы сном, который однажды приснился мне после прочтения рассказа Джоста о том, как молодая негритянка, чьи татуировки он зарисовывал, заснувшая, внезапно прижала руки к груди, брызнув ему в лицо двумя струйками тепловатого молока, и убежала, смеясь; Мне приснилось, что женщина проделывает подобное действие, однако не из своей груди, а из пениса, которым она была снабжена. Опять же, из-за другого рода путаницы, мужчине сексуально снится, что он с женщиной, хотя фигура партнера, показанная во сне, является женщиной. Можно процитировать следующий сон нормального мужчины, который никогда не был или не хотел быть в положении, показанном в сновидении: "Мне снилось, что я был большим мальчиком, и что мальчик помладше лежал рядом со мной, и что у нас (или, конечно же, у него) были семенные выделения; я был самодовольно пассивен и испытал чувство стыда, когда мальчика обнаружили. Проснувшись, я обнаружил, что у меня не было выделений, но я лежал очень близко к своей жене. За день до этого я видел мальчиков на матче по плаванию." Мне кажется, это был пример путаницы во сне, а не эротический перевернутый сон. (Näcke also brings forward inverted dreams by normal persons; see e.g. his "Beiträge zu den sexuellen Träumen," *Archiv für Kriminal-Anthropologie*, Bd. XX, 1908, p. 366.)

Насколько я смог установить, по-видимому, существуют, вообще говоря, определенные различия в проявлениях аутоэротизма во время сна у мужчин и женщин, которые, как я полагаю, не лишены психологического значения. У мужчин это явление довольно простое; обычно проявляется в период полового созревания, продолжается с интервалами различной продолжительности в течение половой жизни при условии, что индивид ведет целомудренный образ жизни, и обычно, хотя и не всегда, сопровождается эротическими снами, которые приводят к кульминации, на ее возникновение в некоторой степени влияют различные обстоятельства: физическое, умственное или эмоциональное возбуждение, алкоголь, принятый перед сном, положение в постели (например, лежа на спине), состояние мочевого пузыря, иногда сам факт нахождения в незнакомой постели, и в некоторой степени, по-видимому, наличие месячных и годовых ритмов. В целом, это довольно определенное и регулярное явление, которое обычно оставляет мало сознательных следов при пробуждении, за исключением, вероятно, некоторого чувства усталости и, иногда, головной боли. Однако у женщин явления аутоэротизма во время сна кажутся гораздо более нерегулярными, разнообразными и рассеянными. Насколько я смог навести справки, это скорее исключение, чем правило, когда девочки видят определенно эротические сны о периоде полового созревания или юности.^[238] Аутоэротические явления во время сна у женщин, которые никогда

не испытывали оргазма в бодрствующем состоянии, обычно носят очень неопределенный характер; в то время как у целомудренного юноши такое проявление оргазма является правилом, у целомудренной девушки это исключение. Как правило, только после того, как оргазм был определенно достигнут в состоянии бодрствования — при каких бы условиях он ни был достигнут, — он начинает возникать во время сна, и даже у сильно сексуальной женщины, ведущей подавленную жизнь, он часто бывает сравнительно нечастым.^[239] Так, молодая женщина-медик, которая изо всех сил пытается справиться со своими физическими сексуальными эмоциями, пишет: "Я крепко сплю и совсем не вижу снов. Иногда, но очень редко, у меня были ощущения, которые внезапно пробуждали меня. Вряд ли их можно назвать снами, поскольку это простые импульсы, ничего связанного или связного, но все же вызванные, я знаю, сексуальным чувством. Вероятно, это общий для всех опыт". Другая женщина (со сдержанной психосексуальной тенденцией испытывать влечение к обоим полам) утверждает, что ее первые сексуальные ощущения с оргазмом были испытаны во сне в возрасте 16 лет, но эти сны, которые она сейчас забыла, не были приятными и не эротичными; два или три года спустя спонтанный оргазм начал время от времени возникать во время бодрствования, и после этого оргазм происходил регулярно один или два раза в неделю во сне, но по-прежнему без эротических сновидений; ей просто снилось, что оргазм происходит, и она просыпалась, когда он происходил.

Возможно, что к сравнительной редкости полного оргазма у целомудренных женщин во время сна мы можем отчасти отнести жестокость, с которой часто проявляются подавленные сексуальные эмоции у женщин.^[240] Таким образом, здесь есть разница между мужчинами и женщинами, которая имеет определенное значение, когда мы рассматриваем естественное удовлетворение сексуального влечения у целомудренных женщин.

У женщин, которые привыкли к половому акту, возникают эротические сны полностью развитого характера, с полным оргазмом и сопутствующим облегчением — как иногда может быть у женщин, которые не знакомы с реальным половым актом;^[241] однако некоторые женщины, даже будучи знакомы с реальным половым актом, обнаруживают, что сексуальные сны, хотя и сопровождаются выделениями, являются лишь симптомами желания и не приносят реального облегчения. .

Определенный интерес представляют случаи, когда молодые женщины, даже девочки в период полового созревания, видят сны эротического характера или, во всяком случае, видят сны о половом акте или мужчинах в состоянии эрекции, хотя они заявляют, и почти наверняка справедливо, что совершенно ничего не знают о сексуальных феноменах. Мне было сообщено несколько таких снов замечательного характера. Можно представить, что психологи некоторых школ увидели бы в этих снах спонтанное проявление опыта расы. Я склонен рассматривать их как забытые воспоминания, которые, как мы знаем, иногда возникают во сне. Ребенок каким-то образом видел или слышал о сексуальных явлениях и не испытывал интереса, и впоследствии воспоминание может быть пробуждено во сне под воздействием зарождающихся сексуальных ощущений.

Любопытным доказательством невежества, царившего в последнее время в отношении психической сексуальной природы женщин, является тот факт, что, хотя в прежние века тот факт, что женщины в норме подвержены эротическим сновидениям, был полностью признан, в последнее время это отрицалось даже авторами, специально изучавшими сексуальное

влечение у женщин. Эйленбург (*Сексуальная невропатия*, 1895, стр. 31, 79), по-видимому, рассматривает появление сексуальных феноменов во время сна у женщин как результат мастурбации. Адлер в том, что во многих отношениях является чрезвычайно тщательным исследованием сексуальных феноменов у женщин (*Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, стр. 130), смело заявляет, что у них нет эротических снов. В 1847 году Э. Гибо ("Невольные поллюции у женщины", *Медицинский союз*, стр. 260) представил случай замужней дамы, которая мастурбировала с десяти лет и продолжала практиковать даже после замужества в двадцать четыре года, а в двадцать девять начала видеть эротические сны с выделениями каждые несколько ночей, а позже иногда даже по нескольку раз за ночь, хотя они перестали быть сладострастными; он считал, что этот случай был первым сообщением о подобном состоянии у женщины. Тем не менее, тысячи лет назад индийцы ведических времен признавали эротические сны у женщин обычным явлением. (Левенфельд цитирует отрывок по этому поводу из "Оупнек'хат", *"Сексуальная жизнь и нервная система"*, 2-е изд., стр. 114.) Даже дикари признают появление эротических сновидений у женщин нормальным явлением, поскольку папуасы, например, верят, что первая менструация у молодой девушки происходит из-за совокупления с луной в образе мужчины, девушке снится, что мужчина обнимает ее. (*Отчеты Кембриджской экспедиции в Торресов пролив*, т. v., стр. 206.) В семнадцатом веке Рольфинциус в хорошо информированном исследовании (*De Pollutione Nocturna*, инаугурационная диссертация в Йене, 1667) пришел к выводу, что женщины испытывают подобные проявления, и цитирует Аристотеля, Галена и Фернелиуса в том же смысле. Сэр Томас Овербери в своей книге *"Персонажи"*, написанной в начале того же столетия, описывая идеальную дюрку, говорит, что "ее мечты настолько целомудренны, что она осмеливается рассказать о них", явно подразумевая, что у большинства женщин это было не так. Таким образом, представление о том, что женщины не подвержены эротическим снам, по-видимому, возникло сравнительно недавно.

Одним из наиболее интересных и важных признаков, по которым эротические сны женщин — и, действительно, их сны в целом — отличаются от снов мужчин, является тенденция оказывать влияние на жизнь наяву, тенденция, более редко отмечаемая в эротических снах мужчин, и то лишь в незначительной степени. Это очень распространено даже у здоровых и нормальных женщин и в высокой степени преувеличено у невротичных субъектов, которые могут даже интерпретировать сон как реальность и, таким образом, заявлять под присягой, что является фактом практической важности.

Херсман, столкнувшийся со случаем, когда школьница с хореей, увидев во сне нападение, обвинила директора школы в нападении, добившись его осуждения, получил мнения различных американских психиатров относительно частоты, с которой подобные сны у неуравновешенных психически субъектов приводят к бреду и уголовным обвинениям. Деркум, Х. К. Вуд и Рохе лично не встречались с подобными случаями; Берр полагал, что имеются убедительные доказательства того, "что сексуальный сон может быть настолько ярким, что заставляет испытуемую поверить, что у нее был сексуальный контакт"; Кирнан знала о таких случаях; Ч. Х. Хьюз у лиц со всеми признаками вменяемости знала, что ночные эротические сны становились эротическим бредом днем, пациентка яростно протестовала против правдивости своей истории; в то время как Херсман сообщает о случае^[242] о молодой леди в приюте для душевнобольных, у которой по ночам возникали галлюцинации о том, что ее каждую ночь навещает врач и имеет к ней отношение, поднимаясь по дымоходу с горячим воздухом. Я знаком с подобным случаем у умной, но крайне невротичной молодой женщины, которая

пишет: "В течение многих лет я пыталась искоренить свою пассивную натуру, и мне это начало удаваться, когда прошлой осенью со мной произошла странная вещь. Однажды ночью, лежа в постели, я почувствовала влияние настолько сильное, что, казалось, рядом со мной был мужчина. Я покраснела от стыда и удивления. Я помню, что лежал на спине и удивлялся, когда чары спали. Меня заверили, что влияние исходило от священника, в которого я верил и которым восхищался больше всех на свете. Я никогда не мечтала о любви в связи с ним, потому что всегда считала его намного выше себя. С тех пор это влияние действует на меня — иногда днем и почти всегда ночью; от него я обычно погружаюсь в глубокий сон, который длится до утра. Я всегда чувствую себя намного бодрее, когда просыпаюсь. Это влияние оказало на мою жизнь самое лучшее влияние, какое когда-либо оказывало что-либо в том, что касалось здоровья и разума. Именно осознание того, что меня любят *должным образом*, делает меня таким безразличным к своему будущему. Что меня беспокоит, так это то, что иногда я задаюсь вопросом, не страдаю ли я просто нервным расстройством". Таким образом, испытываемая, по-видимому, рассматривала эти события как объективно вызванные, но была достаточно вменяемой, чтобы задаться вопросом, не были ли ее переживания вызваны психическим расстройством.^[243]

Тенденция аутоэротических феноменов сна проявляться с такой энергией, чтобы перетекать в бодрствующую жизнь и влиять на сознательные эмоции и действия, хотя и очень хорошо выраженная у нормальных и здоровых женщин, в преувеличенной степени наблюдается у истеричных женщин, у которых она, следовательно, в основном и изучалась. Санте де Санктис, исследовавший сновидения многих категорий людей, отмечает часто сексуальный характер сновидений истеричных женщин и влияния таких сновидений на бодрствование на следующий день; он приводит типичный случай истерических эротических сновидений у необразованной служанки 23 лет, у которой такие сны появляются обычно за несколько дней до менструации; ее сны, особенно эротические, производят на нее огромное впечатление; утром она раздражается, если они были неприятными, в то время как она чувствует себя похотливой и отдается наслаждению. мастурбация, если ей снились эротические сны о мужчинах; затем она испытывает чувство удовольствия в течение всего дня, и ее половые органы наполняются влагой.^[244] Питр и Жиль де ла Туретт, два самых выдающихся ученика Шарко, в своих тщательно разработанных работах по истерии оба считают, что сновидения обычно оказывают большое влияние на бодрствующую жизнь истериков, и они имеют дело с особым влиянием эротических сновидений, к которым, несомненно, мы должны отнести концепции *инкубов* и *суккубы*, которые играли такую огромную и важную роль в демонологии Средневековья и, хотя не были неизвестны у мужчин, чаще всего встречались у женщин. Такие эротические сновидения, которые эти наблюдатели, подтверждая опыт древних авторов, обнаружили у современных истериков, отнюдь не всегда и даже не обычно носят приятный характер. "Очень редко, - замечает Питрес, настаивая на сексуальном характере галлюцинаций истериков, - когда эти эротические галлюцинации сопровождаются приятными сладострастными ощущениями. В большинстве случаев иллюзия полового акта даже провоцирует острую боль. Почти все ведьмы древности утверждали, что в своих отношениях с дьяволом они сильно страдали.^[245] Они сказали, что его орган был длинным, грубым и заостренным, с чешуйками, которые приподнимались при изъятии и разрывали влагище". (Смею заметить, что представляется вероятным, что представления ведьм как о дьяволе, так и о половом акте в значительной степени сформировались под влиянием знакомства с совокуплением животных). Как осторожно предупреждает своих читателей Жиль де ла Туретт, мы не должны слишком поспешно

предполагать, исходя из распространенности ночных аутоэротических феноменов у истеричных женщин, что такие женщины обязательно чрезмерно сексуальны и либидозны; расстройство у них психическое, указывает он, а не физическое, и они обычно воспринимают сексуальные подходы с безразличием и отвращением, потому что их сексуальные центры анестезированы или гиперэстетичны. "В период сексуальной активности они гораздо больше нуждаются в заботе и деликатном внимании мужчин, чем в генитальном акте, который они часто только терпят. Многие семьи, зародившиеся под самыми счастливыми предложениями — невеста тем более склонна верить, что любит своего суженого в силу своей внушаемости, легко экзальтируется, возможно, за счет чувств, — превращаются в ад на земле. Половой акт вызывает у истеричной женщины не одно разочарование; она не может его понять; он внушает ей непреодолимое отвращение".^[246] Я упоминаю об этих истерических явлениях, потому что они представляют нам в крайней форме факты, обычные среди женщин, которых в искусственных условиях цивилизованной жизни мы вынуждены считать обычно здоровыми и нормальными. Частая болезненность аутоэротических феноменов ни в коем случае не является исключительно истерическим феноменом, хотя часто наблюдается в обостренной форме при истерических состояниях. Вероятно, в какой-то степени это просто результат конфликта в сознании с чисто физическим импульсом, который достаточно силен, чтобы заявить о себе, несмотря на эмоциональное и интеллектуальное отвращение субъекта. Таким образом, это всего лишь крайняя форма отвращения, которое все сексуальные физические проявления имеют тенденцию вызывать у человека, не склонного реагировать на них. Несколько похожее психическое отвращение и физическая боль возникают при попытках стимулировать сексуальные эмоции и органы, когда они истощаются физическими упражнениями. В подробной истории сексуального опыта сестры из американской гильдии медсестер, которую представляет Молл, — весьма поучительной истории женщины, вполне нормальной, за исключением результатов подавленных сексуальных эмоций, и с сильными моральными наклонностями, — рассказываются различные эпизоды, хорошо иллюстрирующие, каким образом сексуальное возбуждение становится неприятным или даже болезненным, когда оно проявляется как физический рефлекс, с которым эмоции и интеллект постоянно борются.^[247] Однако вполне вероятно, что в этом феномене есть физиологический, а также психический фактор, и Соллье в своем детальном исследовании природы и генеза истерии, настаивая на первостепенной важности нарушения чувствительности при истерии и определенном характере феноменов, возникающих при переходе от анестезии к нормальным ощущениям, доказал, что в этом феномене есть физиологический, а не психический фактор. в значительной степени помогла раскрыть механизм этой особенности аутоэротического возбуждения у истеричных.

Несомненно, существовала тенденция преувеличивать неприятный характер аутоэротических феноменов истерии. Эта тенденция была неизбежной реакцией на более раннюю точку зрения, согласно которой истерия была немногим более чем бессознательным выражением сексуальных эмоций и как таковая была ненаучно отвергнута без какого-либо тщательного исследования. Я согласен с Брейером и Фрейдом в том, что сексуальные потребности истеричных столь же индивидуальны и разнообразны, как и у нормальных женщин, но они страдают от них больше, в основном из-за моральной борьбы с собственными инстинктами и попытки отодвинуть их на задний план сознания.^[248] У многих истеричных и психически ненормальных женщин аутоэротические феномены и сексуальные феномены в целом доставляют большое удовольствие, хотя такие люди могут быть совершенно не осведомлены об

эротическом характере переживания. Я наткнулась на интересные и экстремальные примеры этого в опубликованном опыте женщин-последовательниц американского религиозного лидера Т. Л. Харриса, основателя "Братства новой жизни". Так, в брошюре Респино, озаглавленной "Внутреннее дыхание", цитируется письмо женщины-врача, которая пишет: "Однажды утром я проснулась со странным новым ощущением в утробе матери, которое длилось день или два; я была очень счастлива, но радость была в моей утробе, а не в сердце".^[249] "Наконец, - пишет дама, цитируемая в той же брошюре, - я погрузилась в сон, лежа на спине со сложенными руками и ногами, в положении, в котором я почти всегда нахожусь, когда просыпаюсь, независимо от того, в какой позе я засыпаю. Очень скоро я пробудился от этого сна с самым восхитительным ощущением, когда каждую клеточку тела покалывало изысканным теплом. Я лежал на левом боку (чего я никогда не мог делать) и был заключен в объятия своего двойника. Если вы не видели этого, я не могу дать вам представления о красоте его плоти и о том, с какой радостью я созерцал и ощущал это. Подумайте об этом, о светящейся плоти; и О! такие оттенки, которые невозможно представить, не увидев. Он так крепко обнял меня" и т.д. В таких случаях нет конфликта между физическим и психическим, и поэтому возникающее в результате возбуждение доставляет удовольствие, а не боль.

На этом этапе наше изучение аутоэротизма приводит нас в сферу мистицизма. Леуба в проницательном и наводящем на размышления эссе о христианском мистицизме, процитировав настоящее *Исследование*, ссылается на знаменитые отрывки, в которых святая Тереза описывает, как прекрасный маленький ангел вонзил дротик с огненным наконечником в ее сердце, пока тот не проник в ее внутренности и не воспламенил ее божественной любовью. "Какая физиологическая разница, - спрашивает он, - между этим сладострастным ощущением и тем, которым наслаждается ученица Братства Новой Жизни? Святая Тереза говорит "кишечник", женщина-врач говорит "матка", вот и все".^[250]

Крайняя форма аутоэротизма - это тенденция поглощать сексуальные эмоции и часто полностью растворяться в самолюбовании. Эта нарциссоподобная тенденция, нормальный зародыш которой у женщин символизируется зеркалом, в незначительной степени обнаруживается у некоторых мужчин и иногда хорошо выражена у женщин, обычно в сочетании с влечением к другим людям, которому она, конечно, обычно подчинена. "Зеркало, - замечает Блох (*Beiträge* 1, стр. 201), - играет важную роль в генезе сексуальных отклонений. ... Не подлежит сомнению, что многие мальчики и девочки впервые испытали сексуальное возбуждение при виде собственного тела в зеркале".

Испанский романист Валера очень хорошо описал этот импульс в своем "*Гении и фигуре*". Рафаэла, героиня этого романа, говорит об этом после ванны: "Я впадаю в ребячество, которое может быть невинным или порочным, я не могу решить. Я знаю только, что это чисто созерцательный акт, бескорыстное восхищение красотой. Это не грубая чувственность, а эстетический платонизм. Я подражаю Нарциссу; я прижимаюсь губами к холодной поверхности зеркала и целую свое отражение. Это любовь к красоте, выражение нежности и привязанности к тому, что Бог проявил в простодушном поцелуе, запечатленном на пустом и бестелесном отражении". В том же духе настоящая героиня *Tagebuch einer Verlorenen* (стр. 114) в тот момент, когда она собиралась стать проституткой, писала: "Я хорошенькая. Мне доставляет удовольствие сбрасывать с себя одежду, одну за другой, перед зеркалом и смотреть на себя, такую, какая я есть, белую, как снег, прямую, как ель, с моими длинными, прекрасными

волосами, похожими на плащ из черного шелка. Когда я обеими руками распространяю этот черный поток, я подобен белому лебедю с черными крыльями".

Мне известен типичный случай с 28-летней женщиной, выросшей на ферме. Она красивая женщина, очень крупных и изящных пропорций, активная, здоровая и умная, однако у нее нет выраженного сексуального влечения к противоположному полу; в то же время она не перевернутая, хотя хотела бы быть мужчиной, и испытывает значительную степень презрения к женщинам. Она глубоко восхищается своей персоной, особенно своими конечностями; она никогда не бывает так счастлива, как в одиночестве и обнаженной в собственной спальне, и, насколько это возможно, культивирует наготу. Она знает наизусть различные размеры своего тела, гордится тем, что они строго соответствуют канонам пропорций, и гордо смеется при мысли о том, что ее бедро больше талии многих женщин. Она откровенна и уверена в своих манерах, лишена сексуальной застенчивости, и, желая привлечь внимание и восхищение других, она не делает никаких попыток заслужить это, и, кажется, никогда не испытывала никаких эмоций сильнее, чем собственное удовольствие от самой себя. Я должен добавить, что у меня не было возможности провести детальное обследование, и я не могу положительно утверждать об отсутствии мастурбации.

В крайней форме, в которой только и может уместно упоминаться имя Нарцисса, наблюдается сравнительное безразличие к половому акту или даже восхищение противоположным полом. Такое состояние кажется редким, за исключением, возможно, безумия. С тех пор как я привлек внимание к этой форме аутоэротизма (*Психиатр и невролог*, апрель 1898 г.), несколько авторов обсуждали это состояние, особенно Некке, который, следуя предложению, называет это состояние нарциссизмом. Среди 1500 душевнобольных Некке обнаружил это у четырех мужчин и одной женщины (*Psychiatrische en Neurologische Bladen*, № 2, 1899 г.). Доктор Ч. Х. Хьюз пишет (в частном письме), что ему известны такие случаи, когда мужчины были поглощены восхищением собственными мужественными формами и своими половыми органами, а женщины, аналогично, были поглощены восхищением собственной грудью и физическими пропорциями, особенно конечностей. "Вся эта тема, - добавляет он, - представляет собой особую фазу психологии, и это не только патологическая психология. Это тесно связано с тем эстетическим чувством, которое восхищает обнаженную натуру в искусстве".

Фере (*"Инстинктивный секс"*, 2-е изд., стр. 271) упоминает женщину, которая испытала сексуальное возбуждение, целуя собственную руку. Некке знал женщину в сумасшедшем доме, которая во время периодических приступов возбуждения целовала собственные руки, при этом выглядя как влюбленный человек. Он также знал молодого человека с прекоксальным слабоумием? who would kiss his own image ("Der Kuss bei Geisteskranken," *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, Bd. LXIII, p. 127). Молл ссылается на молодого юриста-гомосексуалиста, который испытывал огромное удовольствие, глядя на себя в зеркало (*Konträre Sexualempfindung*, 3-е изд., стр. 228), и упоминает другого перевернутого мужчину, поклонника nates of men, который, случайно увидев свои собственные nates в зеркале, когда менял рубашку, был поражен их красотой и впоследствии находил удовольствие в любовании ими (*Сексуальное влечение*, Bd. I, Theil I, стр. 60). Крафт-Эбинг знал мужчину, который мастурбировал перед зеркалом, представляя в то же время, насколько лучше был бы настоящий любовник.

Наиболее наблюдаемые случаи нарциссизма, однако, были зарегистрированы Роледером, который присваивает этому состоянию многозначительное название автоносексуализм и считает, что ранее оно не наблюдалось (Х. Роледер, "Автоносексуализм", 225-й выпуск *Berliner Klinik*, март 1907 г.). В двух случаях, расследованных Роледером, оба мужчины испытывали сексуальное возбуждение при созерцании собственного тела, на самом деле или в зеркале, с небольшим сексуальным влечением к другим людям или вообще без него. Роледер склонен рассматривать это состояние как следствие врожденного дефекта в "сексуальном центре" головного мозга.

[176] Все вышеупомянутые группы феноменов рассматриваются в других томах этих *Исследований*: проявления нормального сексуального возбуждения, в т.ч. iii, iv и v; гомосексуальность, в т. ii, и эротический фетишизм, в т. v.

[177] См. Приложение С.

[178] Летаменди из Мадрида предложил "автоэрастию", чтобы охватить, вероятно, ту же область. В начале девятнадцатого века Хуфеланд в своей "Макробиотике" изобрел термин "гейстиге Онани", чтобы выразить наполнение и разгорячение воображения сладострастными образами без нецеломудрия тела; а в 1844 году Каан в своей "Сексуальной психопатии" использовал, но не изобрел термин "онания психическая". Густав Ягер в своем "Понимании природы" предложил "моносексуальную идиосинкразию", чтобы указать на наиболее животные формы мастурбации, происходящие без какого-либо соответствующего элемента воображения, состояние, иллюстрируемое случаями, приведенными в "Untersuchungen über die Libido Sexualis" Молла, Bd. I, стр. 13 и далее. Доктор Лоптс (псевдоним опытного психолога доктора Сен-Поля) использует термин *autophilie* для обозначения порока одиночества. (*Perversion et Perversité Sexuelles*, 1896, p. 337.) Но все эти термины охватывают только часть области.

[179] Х. Норткот, *Христианство и проблемы секса*, стр. 231.

[180] Росс наблюдал, как два слона добиваются эрекции, переплетая хоботки, акт завершался тем, что один слон открывал рот и позволял другому пощекотать им небо. (I. Rosse, *Virginia Medical Monthly*, октябрь 1892 г.)

[181] Фере, "Сексуальные извращения у животных", *Философское ревю*, май 1897г.

[182] Тилье, *Инстинктивный секс*, 1889, стр. 270.

[183] Молл, *Половое влечение*, Bd. I, стр. 76. Тот же автор упоминает (там же., стр. 373), что попугаи, живущие в одиночном заключении, мастурбируют, потирая заднюю часть тела о какой-либо предмет, пока не произойдет семяизвержение. Эдмунд Селоус ("Привычки чибиса", *Зоолог*, апрель 1902 г.) предполагает, что чибис, катаясь по земле и оказывая давление на анальную область, движим сексуальным импульсом для удовлетворения желания; он добавляет, что, по-видимому, в конце концов наступает настоящий оргазм - энергетический спазм, проходящий через птицу.

[184] Доктор Дж. У. Хоу (*Чрезмерная венеричность, мастурбация и воздержание*, Лондон и Нью-Йорк, 1883, стр. 62) пишет о мастурбации: "В диких землях это редкое явление. Дикари живут в естественном состоянии. Не существует никаких моральных обязательств, которые заставляли бы их воздерживаться от естественного удовлетворения своих страстей. Не существует социального закона, который мешал бы им следовать велениям своей низшей природы. Следовательно, у них нет причин для принятия онанизма в качестве выхода страстям. Моральные ограничения цивилизованного общества и незнание физиологических законов порождают порок". Каждое из этих шести предложений неверно или вводит в заблуждение. Их стоит процитировать как выражение популярного взгляда на жизнь дикарей.

[185] Я могу припомнить мало свидетельств ее существования у австралийских аборигенов, хотя в языке вирадьюри, на котором говорят на большей части Нового Южного Уэльса, есть слово (древнее или нет, я не знаю), означающее мастурбацию (*Журнал Антропологического института*, июль-декабрь 1904 г., стр. 303). Доктор У. Рот (*Этнологические исследования среди аборигенов северо-Западного и Центрального Квинсленда*, стр. 184), который тщательно изучал чернокожих в своем округе, отмечает, что у него нет доказательств того, что мастурбация среди них практика либо мастурбации, либо содомии. Совсем недавно (1906) Рот заявил, что женатые мужчины в Северном Квинсленде и других местах мастурбируют в отсутствие своих жен. Что касается новозеландских маори, добавляет Норткот, то там есть редкое слово для обозначения мастурбации (как и на раротонге), но, по словам выдающегося ученого-маори, в литературе маори нет никаких упоминаний об этой практике, и, вероятно, она не практиковалась в первобытные времена. Норткот отмечает, что маори и полинезийцы с островов Кука считают этот поступок недостойным мужчины, применяя к нему фразу, означающую "делать из себя женщин". (Норткот, *лок. цит. по*, стр. 232.)

[186] Гринлис, *Журнал психических наук*, июль 1895 г. Джентльмен, долгое время проживавший среди кафров Южного Натала, сказал Норткоту, однако, что он не встречал слова, обозначающего мастурбацию, и не верит, что эта практика там преобладает.

[187] Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорне*, том. vii, стр. 295.

[188] *La Criminalité en Cochinchine*, 1887, p. 116; also Mondière, "Monographie de la Femme Annamite," *Mémoires Société d'Anthropologie*, tome ii, p. 465.

[189] Кристиан, статья об "Онанизме", *Энциклопедический словарь медицинских наук*; Плосс и Бартельс, *Дас Вайб*; Мораглия, "Умри, будь нормальным человеком", *Журнал криминальной антропологии*, 1897; Дартиг, *О добровольном продолжении рода для полов*, стр. 32. В восемнадцатом веке *рин-но-тама* был известен во Франции, иногда как "помм д'амур". Так, Бахамон в своем дневнике (под датой 31 июля 1773 г.) упоминает "очень необычный инструмент любовной мистерии", привезенный путешественником из Индии; он описывает эту "эротическую буль" как величиной с голубиное яйцо, покрытую мягкой кожей и позолоченную. Ср. Ф. С. Краусс, *Гешлехтслебен в книге "Брахм и положение в Японии"*, Лейпциг, 1907.

[190] Возможно, стоит упомянуть, что у индейцев Салиш из Британской Колумбии есть миф о старой женщине, вступающей в половую связь с молодыми женщинами с помощью рога, который используется в качестве пениса (*Журнал Антропологического института*, июль-декабрь 1904 г., стр. 342).

[191] В Покаянном письме Берхарда (глава 142-3) наказание назначается женщине, которая изготавливает фаллос для использования на себе или других женщинах. (Wasserschleben, *Bussordnungen der abendländlichen Kirche*, p. 658.) *Penis succedaneus*, от латинского *фаллос* или *фасцидум*, во Франции называется *godemiché*; в Италии - *passatempo*, а также *дилетто*, откуда *фаллоимитатор*, под которым он наиболее широко известен в Англии. Для мужчин соответствующий *cunus succedaneus* в Англии называется *merkin*, что первоначально означало (как определено в старых изданиях *словаря* Бейли) "накладные волосы для женских интимных мест".

[192] Dühren, *Der Marquis de Sade und Seine Zeit*, 3d ed., pp. 130, 232; *id. Geschlechtsleben in England*, Bd. II, стр. 284 и далее.

[193] Гамье, *Онанизм*, стр. 378.

[194] *Журнал по этнологии*, 1899, стр. 669.

[195] Можно отметить, что мифология Гавайев повествует о богинях, которые были оплодотворены бананами, которые они подложили под свою одежду. Б. Стерн упоминает (*Медицина в Турции*, Bd. II, стр. 24), что женщины Турции и Египта используют банан, а также огурец и т.д. для мастурбации. Также в стихотворении из "*Тысячи и одной ночи*" ("История юного Нура с франком") мы читаем: "О бананы с мягкой и гладкой кожурой, от которых расширяются глаза юных девушек". ... вы, единственные среди плодов, наделены сострадательным сердцем, о утешители вдов и разведенных женщин". Во Франции и Англии они нередко используются для той же цели.

[196] See, e.g., Winckel, *Die Krankheiten der weiblichen Harnrohre und Blase*, 1885, p. 211; and "Lehrbuch der Frauenkrankheiten," 1886, p. 210; also, Hyrtl, *Handbuch der Topographischen Anatomie*, 7th ed., Bd. II, стр. 212-214. Грюнфельд (*Wiener medizinische Blätter*, 26 ноября 1896 г.) собрал 115 случаев инородного тела в мочевом пузыре — 68 у мужчин, 47 у женщин; но в то время как те, что обнаруживались у мужчин, обычно были результатом хирургического вмешательства, те, что обнаруживались у женщин, в основном были введены самими пациентами. Пациентка обычно заявляет о глубоком невежестве относительно того, как этот предмет попал туда; или она объясняет, что случайно села на него или что использовала его для более свободного мочеиспускания. Самый ранний хирургический случай такого рода, с которым мне довелось встретиться, был зарегистрирован Плаццоном в Италии в 1621 году (*De Partibus Generationi Inservientibus*, lib. ii, гл. XIII); это была история некой благородной девушки с большим клитором, которая, стремясь усыпить сексуальное возбуждение с помощью костяной иглы, ввела ее в мочевой пузырь, откуда извлекла Аквапендентом.

[197] A. Poulet, *Traité des Corps étrangers en Chirurgie*, 1879. Английский перевод, 1881, том. ii, стр. 209, 230. Роледер (*Die Masturbation*, 1899, стр. 24-31) также приводит примеры странных предметов, обнаруженных в половых органах.

[198] Э. Х. Смит, "Признаки мастурбации у женщин", *Тихоокеанский медицинский журнал*, февраль 1903 г., цитируется Р. У. Тейлором, *Практический трактат о сексуальных расстройствах*, 3-е изд., стр. 418.

[199] Л. Тейт, *Женские болезни*, 1889, том i, стр. 100.

[200] *Акушерский журнал*, том i, 1873, стр. 558. Ср. Г. Дж. Арнольд, *Британский медицинский журнал*, 6 января 1906 г., стр. 21.

[201] Дадли, *Американский журнал акушерства*, июль 1889 г., стр. 758.

[202] А. Реверден, "Эпопея Шевеу данс Весси", *Ревю Французской медицины*, 20 января 1888 года. Его случаи полностью зарегистрированы, и его статья является умелым и интересным вкладом в это направление сексуальной психологии. Первым случаем была жена школьного учителя в возрасте 22 лет, которая без смущения или колебаний призналась в присутствии своего мужа, что этот маневр был обычным делом, которому она научилась у школьного товарища и продолжила после вступления в брак. Второй была одинокая женщина 42 лет, служанка *какюре*, которая пыталась уклониться от исповеди, но, выходя из дома доктора, заметила горничной: "Никогда не ложись спать, не вынув заколки из волос; несчастные случаи происходят так легко". Третьей была англичанка 17 лет, которая наконец признала, что таким образом потеряла две заколки для волос. Четвертой была 12-летняя девочка, которую боль заставила признаться, что эта практика вошла у нее в привычку.

[203] "Одна из моих пациенток", - отмечает доктор Р. Т. Моррис из Нью-Йорка (*Труды Американской ассоциации акушеров*, за 1892 год, Филадельфия, том. v), "которая является набожной прихожанкой церкви, никогда не позволяла себе думать о мужчинах сексуального характера, но она мастурбировала каждое утро, стоя перед зеркалом, потирая ключ в ящике бюро. Мужчина никогда не возбуждал в ней страсти, но вид ключа в любом ящике бюро вызывал эротические желания".

[204] Фрейд (*Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, стр. 118) ссылается на сексуальное удовольствие от качания. Раскачивание другого человека может быть источником сладострастного возбуждения, и одной из 600 форм сексуального удовольствия, перечисленных в "*120 журналах Содомы*" *Де Сада*, является (согласно Дюрену) энергичное раскачивание девушки на качелях.

[205] Тот факт, что упражнения верхом могут привести к загрязнению, был хорошо признан католическими богословами, и Санчес заявляет, что этот факт не обязательно делать причиной для пеших прогулок. Рольфинциус в 1667 году указал, что верховая езда у тех, кто к ней непривычен, может привести к ночным поллюциям. Роледер (*Die Masturbation*, стр. 133-134) объединяет доказательства влияния упражнений на лошадях на возникновение сексуального возбуждения.

[206] Корреспондент, которому эта идея была представлена впервые, написал: "Отныне я буду знать, чему я должен приписывать блаженство — почти блаженство, — которое я так часто испытывал после четырех-пятнадцатого путешествия в поезде". Пента упоминает случай с молодой девушкой, которая впервые испытала сексуальное желание в возрасте двенадцати лет, после поездки по железной дороге.

[207] Лэнгдон Даун, *Британский медицинский журнал*, 12 января 1867г.

[208] Пуйе, "Онанизм женщины", Париж, 1880; Фурнье, "Де Онанизм", 1885; Роледер, "Мастурбация", стр. 132.

[209] *Отчеты об убежище в Уэст-Райдинге*, 1876, том vi.

[210] *Das Nervöse Weib*, 1898, стр. 193.

[211] В Приложении к тому iii этих *исследований* описал опыт женщины, которая таким образом получила сексуальное удовлетворение.

[212] Доктор Дж. Дж. Кирнан, которому я обязан замечанием по этому вопросу, обращает мое внимание также на случай гомосексуалиста и мазохиста (*Медицинская карта*, том хix), чувства которого усилились из-за тугой шнуровки.

[213] Некоторые женщины также способны достичь оргазма в состоянии сексуального возбуждения, поместив подушку между коленями и плотно прижав бедра друг к другу.

[214] *Уроки вульверной моды*, стр. 64. Портниха сообщила Мартино, что это очень частое явление в мастерских и обычно его можно выполнить, не привлекая внимания. Гладильщица сообщила ему, что, стоя за работой, она скрещивает ноги, слегка наклоня туловище вперед и опираясь руками о стол; тогда нескольких сокращений приводящих мышц бедра будет достаточно, чтобы вызвать оргазм.

[215] К. В. Таунсенд, "Трение бедра у детей младше одного года", Ежегодное собрание Американского педиатрического общества, Монреаль, 1896. Этот автор зарегистрировал пять случаев, все у младенцев женского пола.

[216] Сутцо, *Архив неврологии*, февраль 1903 г., стр. 167.

[217] Захе, *Журнал этнологии*, 1899, стр. 72. Я обсуждал то, что можно рассматривать как нормальное сексуальное влияние танца, в третьем томе этих *Исследований* "Анализ сексуального влечения".

[218] Зарегистрирован случай с русским, у которого с 6 лет был спонтанный импульс к самобичеванию нейтов розгой ради сексуального возбуждения. (*Rivista Mensile di Psichiatria* апрель 1900 г., стр. 102.)

[219] Крупптáдц, том v, стр. 358. Что касается использования крапивы, см. Дюрэн, *Гешлехтсleben в Англии*, Bd. II, стр. 392.

[220] Дебрейн, *Механика*, стр. 177.

[221] Р. У. Тейлор, *Практический трактат о сексуальных расстройствах*, 3-е изд., глава XXX.

[222] Хаммонд, *Сексуальная импотенция*, стр. 70 и далее.

[223] Никефоро, *Il Gergo*, стр. 98.

[224] *Функциональные расстройства нервной системы у женщин*, стр. 114.

[225] Шпенк-Нотцинг, *Suggestions-therapie*, стр. 13. А. Кинд (*Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, Jahrgang ix, 1908, стр. 58) приводит случай молодой гомосексуальной женщины, велосипедистки-трюкачихи в мюзик-холлах, которая часто, возбужденная видом своего коллеги в колготки, испытала бы оргазм во время езды на велосипеде перед публикой.

[226] Джанет, однако, использовала сновидения наяву - которые он называет "подсознательными грезами" - для объяснения замечательного случая одержимости демонами, который он исследовал и вылечил. (*Névroses et Idées fixes*, vol. i, pp. 390 et seq.)

[227] "Второстепенные исследования из психологической лаборатории Колледжа Уэллсли", *Американский журнал психологии*, том. vii, № 1. Г. Э. Партридж ("Мечтательность", *Педагогическая семинария*, апрель 1898 г.) хорошо описывает физическое сопровождение сновидений наяву, особенно у девочек из обычной школы в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет. Пик ("Клинические исследования патологических сновидений", *Журнал психических наук*, июль 1901 г.) описывает три более или менее болезненных случая сновидений наяву, обычно с эротической основой, все у явно истеричных мужчин. Важное исследование сновидений наяву, основанное на опыте почти 1500 молодых людей (более двух третей девушек и женщин), было опубликовано Теодатом Л. Смитом ("Психология сновидений наяву", *Американский журнал Psychology*, октябрь 1904 г.). Было обнаружено, что продолжающиеся истории встречаются редко — всего в одном проценте случаев. Здоровые мальчики до пятнадцати лет мечтали наяву, в которых большую роль играли спорт, атлетика и приключения; девочки ставили себя на место своих любимых героинь в романах. Было обнаружено, что после семнадцати лет и раньше у девочек часто возникали мечты о любви и браке наяву. Типичное признание девятнадцатилетней девушки: "У меня редкое время строить замки в Испании, но когда я это делаю, я ничем не отличаюсь от большинства южанок; то есть мои мечты обычно о довольно красивом экземпляре двуногого существа ростом шесть футов три дюйма".

[228] Был зарегистрирован случай с замужней женщиной, влюбленной в своего врача, которая вела дневник сновидений наяву, в конце концов заполнивший три объемистых тома, когда он был обнаружен ее мужем и привел к иску о разводе; было показано, что доктор ничего не знал о романе, в котором он играл роль героя. Кирнан, ссылаясь на это дело (как записано в "*Судебных головоломках*" Джона Пейджета), упоминает аналогичный случай в Чикаго.

[229] *Уранизм*, стр. 125.

[230] Острый Энсти заметил более тридцати лет назад в своей работе о *невралгии*: "Сравнительно часто можно наблюдать, как асоциальная, уединенная жизнь (ведущая к привычке мастурбировать) сочетается с дурным влиянием нездоровых амбиций, побуждающих к преждевременной и ложной работе в литературе и искусстве". С литературной точки зрения месье Леон Базальжетт имел дело с тенденцией большей части современной литературы посвятить себя тому, что он называет "ментальным онанизмом", вероятным аналогом которого, как он, кажется, намекает, является физический процесс аутоэротизма. (Léon Bazalgette, "L'onanisme considéré comme principe createur en art," *L'Esprit Nouveau*, 1898.)

[231] Павсаний, *Ахайя*, глава XVII. Древние вавилоняне верили в некую "деву ночи", которая являлась людям во сне и пробуждалась, не удовлетворив их страсти. (Ястроу, *Религия Вавилонии*, стр. 262.) Этот суккуб был ассирийской Лилит, связанной с еврейской Лилит. Существовал соответствующий инкуб, "маленький ночной человечек", который имел ночные половые сношения с женщинами. (Cp. Ploss, *Das Weib*, 7-е изд., стр. 521 и далее.) Суккуб и инкуб (последнее встречается чаще) были приняты христианским миром; святой Августин (*De Civitate Dei*, Bk. XV, гл. XXIII) сказал, что злонамеренные нападения силванов и фавнов, иначе называемых инкубами, на женщин, настолько широко подтверждены, что было бы дерзко

отрицать их. Инкубы процветали в средневековых верованиях, и вряд ли можно сказать, что они вымерли даже сегодня. Они изучались многими авторами; см., например, Дюфур, *История проституции*, том v, глава XXV, Сент-Андре, ординарный врач французского короля, указал в 1725 году, что инкуб был сном. Можно добавить, что вера в суккубов и инкубов, по-видимому, широко распространена. Так, западноафриканские йорубы (согласно А. Б. Эллису) верят, что эротические сны присущи богу Элегбре, который, будучи мужчиной или женщиной, общается с мужчинами и женщинами во сне.

[232] "Если у кого-либо из мужчин выйдет семя при совокуплении, то он должен омыть все свое тело водой и быть нечистым до вечера. И всякая одежда и всякая кожа, на которых семя совокупления, должны быть омыты водой и нечисты до вечера". Левит, XV, ст. 16-17.

[233] Следует добавить, что термин *pollutio* также охватывает добровольное излитие спермы вне полового акта. (Дебрейн, *Психология*, стр. 8; полное обсуждение мнений теологов относительно ночных и суточных загрязнений см. в "*Очерках теологии морали*" того же автора, стр. 100-149.)

[234] *Мемуары*, переведенные Бендишем, стр. 182.

[235] *Сексуальная импотенция*, стр. 137.

[236] *L'Hygiène Sexuelle*".

[237] *Сексуальная жизнь и нервная система*, стр. 164.

[238] Здесь я могу сослаться на любопытное мнение, высказанное доктором Элизабет Блекуэлл, о том, что, в то время как сексуальное влечение у мужчин обычно ослабляется выделением семени во время сна, у женщин оно ослабляется наступлением менструации. Это последнее утверждение вопиюще расходится с фактами, но, возможно, его можно процитировать в поддержку высказанного выше мнения относительно сравнительной редкости сексуального возбуждения во время сна у молодых девушек.

[239] Левенфельд недавно выразил то же мнение. Роleder считает, что у *настоящей* девственницы поллюции физически невозможны, но это мнение слишком экстремистское.

[240] Можно добавить, что у более или менее невротичных женщин и девочек эротические сны могут быть очень частыми и угнетающими. Так, Дж. М. Фотергилл (*Отчет о приюте в Уэст-Райдинге*, 1876, т. vi) отмечает: "Эти сны наблюдаются гораздо чаще, чем обычно думают, и являются причиной сильной нервной депрессии среди женщин. Женщины с высоконервным диатезом страдают от этих выделений гораздо больше, чем здоровые женщины. Эти произвольные оргазмы не только более часты у таких женщин, но и вызывают у них большее нарушение общего состояния здоровья, чем у других женщин".

[241] Здесь я могу отметить, что один российский корреспондент считает, что я сильно недооценил частоту эротических проявлений во время сна у молодых девушек. "Все женщины, которых я опрашивал по этому вопросу, - сообщает он мне, - говорят, что у них были подобные поллюции с момента полового созревания или даже раньше, сопровождавшиеся эротическими снами. Я задал этот вопрос примерно двадцати или тридцати женщинам. Это правда, что они принадлежали к южной расе (итальянки, испанки и француженки), и я полагаю, что южанки в этом вопросе откровеннее северянок, которые считают плотскую активность постыдной и

стремятся это скрывать ". Мой корреспондент не упоминает о главном сексуальном различии, насколько позволяют мои наблюдения, которое заключается в том, что эротические сны сравнительно редки у тех женщин, "*которые еще не имели сексуального опыта наяву*". Верно это или нет, я не ставлю под сомнение частоту эротических снов у девушек, имевших такой опыт.

[242] К. К. Херсман, "Медико-правовые аспекты эрото-хореического безумия", *Психиатр и невролог*, июль 1897 г. I may mention that Pitres (*Leçons cliniques sur l'Hystérie*, vol. ii, стр. 34) описывает почти идентичный случай с истеричной девушкой в одной из его палат, которая сначала была благодарна клерку клиники, которому было доверено ее наблюдение, но позже изменила свое поведение, обвинив его в том, что он каждую ночь залезал в окно, ложился рядом с ней, ласкал ее, а затем совершал насильственный половой акт три или четыре раза подряд, пока она не была совершенно измотана. Здесь я могу сослаться на тенденцию к эротическому возбуждению у женщин под воздействием хлороформа и закиси азота, тенденцию, редко или никогда не отмечаемую у мужчин, и на частоту, с которой субъект приписывает это явление фактическому насилию. См. Х. Эллис, *Мужчина и женщина*, стр. 269-274.

[243] В Австралии несколько лет назад мужчине было предъявлено обвинение в изнасиловании, он был признан виновным в "попытке" и приговорен к восемнадцати месяцам тюремного заключения по обвинению 13-летней девочки, которая впоследствии призналась, что обвинение было вымышленным; в этом случае присяжные сочли невозможным поверить, что такая юная девушка могла лгать или страдать галлюцинациями, потому что она рассказала подробности происшествия. предполагаемое преступление с такими подробностями. Такие случаи не редкость, и в какой-то мере, без сомнения, они могут быть объяснены аутоэротическими ночными галлюцинациями.

[244] Санте де Санктис, *И сонно-мистериальная эпилессия*, Рим, 1896, стр. 101.

[245] Питр, *клиника "Leçons cliniques sur l'Istérie"*, т. ii, стр. 37 и далее. Лотарингский инквизитор Николя Реми очень тщательно исследовал вопрос о чувствах ведьм при общении с дьяволом, подробно расспрашивая их, и установил, что такое общение обычно было чрезвычайно болезненным, наполняя их ледяным ужасом (см., например., Дюфур, *История проституции*, т. v, стр. 127; тот же автор представляет интересное изложение феноменов Шабаша ведьм). Но общение с Дьяволом далеко не всегда было болезненным. Изабель Гоуди, шотландская ведьма, ясно подтвердила этот факт: "Самые молодые и похотливые женщины, - заявила она, - получают огромное удовольствие от плотского совокупления с ним, да, гораздо большее, чем со своими собственными мужьями. ... Он для нас способнее, чем может быть любой мужчина. (Увы! я должен сравнивать его с мужчиной!) " И все же ее описание вряд ли звучит привлекательно; он был "большим, черным, волосатым мужчиной, очень холодным, и я обнаружил, что его натура во мне такая же холодная, как вода в родниковом колодце". Его ступня была раздвоенной; иногда он был похож на оленя или козлу; и он поднимал хвост, пока ведьмы целовали это место (Питкэрн, *Уголовные процессы в Шотландии*, том. iii, Приложение VII; смотрите также иллюстрации в конце книги доктора А. Мари "*Книга о мистицизме*", 1907).

[246] Жиль де ла Туретт, *документальное издание*, стр. 518. Эротические галлюцинации также изучались Беллами в диссертации Бордо, *Эротические галлюцинации*, 1900-1901.

[247] Однажды, когда еще девочкой художник, которым она восхищалась, прикасался к ее руке, она чувствовала эрекцию и влажность половых органов, но без какого-либо ощущения удовольствия; немного позже, когда колено дяди случайно соприкоснулось с ее бедром, произошло выделение слизи, хотя дядя ей не нравился; снова, когда медсестра, случайно увидев мужчину через ее половые органы прошел электрический разряд, хотя зрелище было для нее отвратительным; и когда ей однажды пришлось помогать мужчине помочиться, она пришла в наивысшую степень возбуждения, хотя и без удовольствия, и легла на кушетку в соседней комнате, в то время как произошла окончательная эякуляция. (Молл, *Половое влечение*, Bd. I, стр. 354.)

[248] Брейер и Фрейд, *Исследование сверхистерии*, 1895, стр. 217.

[249] Кальмейль ("*Де ла Фоли*", т. i, стр. 252) обратил внимание на большую роль ощущений в матке в галлюцинациях некоторых известных женщин-аскеток и добавил: "Хорошо известно, что повествование о таких ощущениях почти всегда занимает первое место в фантазиях истеричных девственниц".

[250] Х. Леуба, "Религиозные тенденции у христианских мистиков", *Философское ревю*, ноябрь 1902 г., стр. 465. Сама святая Тереза утверждает, что физические ощущения сыграли значительную роль в этом опыте.

II.

Содержание

Истерия и вопрос о ее связи с сексуальными эмоциями—Ранние греческие теории о ее природе и причинности—Постепенный рост современных взглядов—Шарко—Восстание против слишком абсолютных выводов Шарко—Связанные с ними ошибки—Позиция Шарко как результат его личного темперамента—Брейер и Фрейд—Их взгляды дополняют и дополняют взгляды Шарко—В то же время они дают обоснование более ранней доктрине истерии—Но их не следует рассматривать как окончательные—Рассеянное истероидное состояние у нормальных людей—Физиологическая основа истерии Истинная патологическая истерия связана с почти нормальными состояниями, особенно с сексуальным голодом.

Ночные галлюцинации при истерии, как теперь, кажется, соглашаются все внимательные исследователи этого состояния, тесно связаны с собственно истерическим приступом. Соллье, действительно, один из самых способных исследователей истерии последнего времени, с большой силой доказал, что субъекты истерии действительно живут в состоянии патологического сна, бдительности.^[251] Он рассматривает все различные проявления истерии как имеющие общую основу в нарушениях чувствительности, в самом широком смысле слова "чувствительность", — как саму основу личности, — в то время как анестезия является "настоящим *символом истерии*". Какой бы ни была форма истерии, нас, таким образом, интересует только более или менее глубокое состояние бдительности: состояние, в котором субъекту кажется, часто даже самому себе, что он более или менее постоянно спит, независимо от того, можно ли считать этот сон локальным или общим. Соллье соглашается с Фере в том, что расстройство чувствительности можно рассматривать как следствие истощения сенсорных

центров мозга, будь то в качестве результата конституциональной мозговой слабости, шока от сильных эмоций или какого-либо токсического воздействия на клетки головного мозга.

Следовательно, мы можем уместно перейти от аутоэротических феноменов сна, которые у женщин вообще, и особенно у истеричных женщин, по-видимому, обладают такой большой важностью и значимостью, к вопросу, на который в разные периоды и разными исследователями давались столь разные ответы, относительно причинности истерии, и особенно относительно ее предполагаемой связи с сознательными или бессознательными сексуальными эмоциями.^[252]

Древние греки верили, что истерия возникает в утробе матери; отсюда и ее название. Впервые мы находим это утверждение в "Тимее" Платона: "У мужчин орган зачатия становится непокорным и властным, подобно животному, неподчиняющемуся разуму и обезумевшему от жала похоти, стремится обрести абсолютную власть; и то же самое происходит с так называемым чревом, или маткой, у женщин; животное внутри них желает произвести на свет детей и, оставаясь бесплодным дольше положенного срока, становится недовольным и гневным и, блуждая во всех направлениях по телу, замыкается в себе". дыхательные пути и, затрудняя дыхание,^[253] доводит их до крайности, вызывая все разновидности заболеваний".

Нельзя сказать, что Платон где-либо проявил очень научное отношение к Природе. И все же здесь он, вероятно, всего лишь выразил текущую медицинскую доктрину своего времени. Мы находим точно такую же доктрину, приписываемую Гиппократу, хотя и без четкого различия между истерией и эпилепсией.^[254] Если мы обратимся к лучшим римским врачам, мы снова обнаружим, что Аретей, "эсквиоль древности", высказал ту же точку зрения, добавив к своему описанию движений матки при истерии: "Она также наслаждается ароматными запахами и тянется к ним; и у нее отвращение к зловонным запахам, и вылетает из них; и, в целом, матка подобна животному внутри животного".^[255] Следовательно, лечение заключалось в нанесении зловонных запахов в нос и втирании ароматных мазей вокруг половых органов.^[256]

Арабские врачи, продолжавшие традиции греческой медицины, по-видимому, не сказали ничего нового об истерии и, возможно, имели о ней мало знаний. В христианской средневековой Европе также не было добавлено ничего нового к теории истерии; она была, действительно, менее известна медицине, чем когда-либо, и, отчасти это может быть результатом этого невежества, отчасти в результате общей нищеты (истерические явления колдовства достигли своего апогея, указывает Мишле, в четырнадцатом веке, который был периодом особых страданий бедняков), она процветала более энергично. Мы располагаем не только свидетельствами нервных эпидемий, но и иллюстрированными рукописями, изделиями из слоновой кости, миниатюрами, барельефами, фресками и гравюрами, которые представляют собой наиболее яркие иконографические свидетельства распространения истерии в ее наиболее жестоких формах в средние века. Большая часть этих свидетельств поставлена на службу науке в увлекательных работах доктора П. Ричера, одного из учеников Шарко.^[257]

В семнадцатом веке Амбруаз Паре все еще говорил, подобно Гиппократу, об "удушении матки"; Форестус все еще, подобно Аретею, применял трение к вульве; Фернель все еще упрекал Галена, который отрицал, что движения матки вызывают истерию.

Это было в семнадцатом веке (1618), когда французский врач Шарль Лепуа (Карольюс Пизо), врач Генриха II, доверяя, как он сказал, опыту и разуму, одним махом опроверг доктрину

истерии, которая почти не подвергалась сомнению в течение двух тысяч лет, и показал, что болезнь встречается в любом возрасте и у обоих полов, что ее очаг находится не в матке, а в мозге, и что ее следует считать нервным заболеванием.^[258] Столь революционная доктрина не могла не встретить яростного противодействия, но она была подтверждена Уиллисом, и в 1681 году мы обязаны гению Сайденхэма картиной истерии, которая по ясности, точности и всесторонности была создана только в наше время.

Было уже невозможно поддерживать теорию Гиппократова о матке в ее грубой форме, но в модифицированных формах, и особенно с целью сохранения связи, которую многие наблюдатели продолжали находить между истерией и сексуальными эмоциями, она все еще находила сторонников в восемнадцатом и даже девятнадцатом веках. Джеймс в середине восемнадцатого века вернулся к классическому взгляду и в своем *Медицинском словаре* утверждал, что матка является очагом истерии. Луи Виллермей в 1816 году утверждал, что наиболее частыми причинами истерии являются лишение любовных радостей, огорчения, связанные с этой страстью, и нарушения менструации. Фовиль в 1833 году и Ландузи в 1846 году отстаивали несколько схожие взгляды. Острый Лейкок в 1840 году процитировал как "почти медицинскую пословицу" высказывание "*Salacitas major, major ad hysteriam proclivitas*", полностью подтверждая его. Совсем недавно Клаустон определил истерию как "потерю тормозящего влияния, оказываемого высшими умственными и моральными функциями на репродуктивные и сексуальные инстинкты женщин" (позиция, очевидно, требующая некоторого изменения ввиду того факта, что истерия ни в коем случае не ограничивается женщинами), в то время как тот же авторитет отмечает, что более или менее скрытые сексуальные феномены являются главными симптомами "истерического безумия".^[259] Два гинеколога высокого положения в разных частях света, Хегар в Германии и Боллс-Хедли в Австралии, объясняют истерию, как и анемию, в основном неудовлетворенным сексуальным желанием, включая неудовлетворение "идеальных чувств".^[260] Ломброзо и Ферреро, опять же, признавая, что сексуальные чувства могут быть либо усилены, либо подавлены при истерии, ссылались на частоту того, что они называли "парадоксальным половым инстинктом" у истериков, благодаря которому, например, сексуальная фригидность сочетается с интенсивными сексуальными занятиями; и они также указали на тот важный факт, что преступления, совершаемые при истерии, могут быть как повышенными, так и подавленными. проявления истеричности почти всегда вращаются вокруг сексуальной сферы.^[261] Таким образом, даже до того времени, когда концепция истерии, которая абсолютно игнорировала и исключала какие бы то ни было сексуальные отношения, достигла своего апогея, независимые взгляды в пользу таких отношений все еще находили выражение.

Однако в последние годы такие взгляды обычно вызвали яростный антагонизм. Основное течение мнений было у Брике (1859), который, рассматривая этот вопрос со значительным умением и широким привлечением фактов, с негодованием отверг идею о том, что существует какая-либо связь между истерией и сексуальными фактами жизни, физическими или психическими. Как он сам признавался, Брике был вынужден отрицать сексуальную причину истерии из-за мысли, что такое происхождение было бы унижительным для женщин ("человек выбрал деградацию для женщин").

Однако именно гений Шарко и влияние его способных учеников в конечном итоге обеспечили ниспровержение сексуальной теории истерии. Шарко решительно предал анафеме висцеральное происхождение истерии; он объявил, что это психическое расстройство, и, чтобы

не оставлять лазейки для отступления тем, кто настаивал на сексуальной обусловленности, он утверждал, что разновидностей истерии не существует, что болезнь едина и неделима. Шарко не признавал никакой первопричины истерии, кроме наследственности, которая здесь играет более важную роль, чем при любом другом невропатическом состоянии. Такая наследственность либо прямая, либо, что более редко, путем трансформации, любое отклонение в питании, обнаруженное у предков (подагра, диабет, артрит), является возможной причиной истерии у потомков. "Мы ничего не знаем о природе истерии, - писал Шарко в 1892 году. - Мы должны сделать ее объективной, чтобы распознать ее. Доминирующей идеей для нас в этиологии истерии является, в самом широком смысле, ее наследственная предрасположенность. Большее число страдающих этим заболеванием просто рождаются *истеричными*, и на них случайные причины действуют непосредственно, либо через самовнушение, либо вызывая нарушение общего питания, и в особенности питания нервной системы".^[262] Эти взгляды были умело и решительно изложены в "*Чертах истории*" Жюль де ла Туретта, написанных под вдохновением Шарко.

В то время как доктрина Шарко, таким образом, утверждалась и получала всеобщее признание, в то же время были работники в этих областях, которые, хотя они ни в коем случае не игнорировали эту доктрину истерии и даже не отвергали ее, были склонны думать, что она была сформулирована слишком категорично. Работая в *Словаре психологической медицины* одновременно с Шарко, Донкин, хотя и осуждал любой исключительный акцент на сексуальной причинности, указывал на огромную роль, которую играют эмоции в возникновении истерии, и большое влияние полового созревания у женщин из-за большей протяженности половых органов и, следовательно, большой площади задействованной центральной иннервации, что делает их склонными впадать в состояние неустойчивого равновесия. Вынужденное воздержание от удовлетворения любого из врожденных и примитивных желаний, указывал он, может быть адекватной возбуждающей причиной. Такая точка зрения указывала на то, что отбрасывание древнего учения о физической сексуальной причине истерии ни в коем случае не означало исключения психической сексуальной причины. Десятью годами ранее Аксенфельд и Хучард указали, что реакция на сексуальное происхождение истерии становится чрезмерной, и они сослались на доказательства, представленные ветеринарными врачами, показывающие, что неудовлетворенное сексуальное желание у животных может вызывать нервные симптомы, очень похожие на истерию.^[263] Автор настоящего доклада, когда в 1894 году кратко обсуждал истерию как элемент вторичной половой характеристики, рискнул отразить точку зрения, подтвержденную его собственным наблюдением, о том, что существует тенденция чрезмерно преуменьшать сексуальный фактор при истерии, и далее указал, что старая ошибка о особой связи между истерией и женскими половыми органами, вероятно, возникла из того факта, что истерия - это вторичная половая характеристика. что у женщины органическая сексуальная сфера больше, чем у мужчины.^[264]

Когда, действительно, мы анализируем основу некогда преобладавших мнений Шарко и его школы относительно сексуальных отношений при истерии, становится ясно, что здесь было задействовано множество ошибок и недоразумений. Брикке, главный предшественник Шарко, признавал, что его собственная точка зрения заключалась в том, что сексуальное происхождение истерии было бы "унизительным для женщин"; то есть он признавал, что находился под влиянием глупого и неуместного предрассудка, поскольку вера в то, что бессознательная и произвольная болезненная реакция нервной системы на любое нарушение великопервичного инстинкта может привести к тому, что "*quelque chose de*

dégradant", сама по себе является аморальным убеждением; такое нарушение нервной системы могло быть вызвано, а могло и не быть, но в любом случае предполагаемая "деградация" могла быть только результатом вымысел искаженного воображения. Опять же, путаница была вызвана древней ошибкой, согласно которой за истерию отвечали физические половые органы, сначала матка, позже яичники; результатом этой веры стало удаление половых органов для лечения истерии. Шарко осудил абсолютно все подобные операции как ненаучные и опасные, заявив, что такой вещи, как истерия менструального происхождения, не существует.^[265] Впоследствии Анджелуччи и Пьеррачини провели международное расследование результатов хирургического лечения истерии и осудили его самым безоговорочным образом.^[266] Ясно продемонстрировано, что физические половые органы не являются очагом истерии. Из этого, однако, не следует, что даже физическое сексуальное желание, когда оно подавлено, не является причиной истерии. Мнение о том, что это было так, составляло существенную часть ранней доктрины истерии и было воплощено в древней максиме: "*Nubat illa et morbus effugiet*". Древним казалось, что матка вызывает об удовлетворении, и когда оно было получено, болезнь исчезла.^[267] Но когда стало ясно, что сексуальное желание, хотя в конечном счете и основано на половом аппарате, является нервным и психическим фактом, исключить половые органы из подсчета было недостаточно; поскольку сексуальные эмоции могут существовать до наступления половой зрелости и сохраняться после полного удаления половых органов. Таким образом, целью многих авторов было опровергнуть идею о том, что неудовлетворенное сексуальное желание может быть причиной истерии. Брике указал, что истерия редко встречается у монахинь и часто встречается у проституток. Крафт-Эбинг полагала, что большинство истеричных женщин не стремятся к сексуальному удовлетворению, и заявила, что "истерия, вызванная неудовлетворением грубого чувственного сексуального импульса, которого я никогда не видела",^[268] в то время как Питрес и другие ссылаются на часто болезненный характер сексуальных галлюцинаций у истеричных. Но вскоре становится очевидным, что психическая сексуальная сфера не ограничивается удовлетворением сознательного физического сексуального желания. Неправда, что истерия редка среди монахинь, некоторые из самых масштабных эпидемий истерии и наиболее тщательно изученные произошли в монастырях,^[269] в то время как истерические явления, иногда связанные с пробуждениями, хорошо известны. Предполагаемая распространенность истерии среди проституток не является доказательством против сексуальных отношений; однако это было опровергнуто даже таким большим авторитетом, как Парент-Дюшателе, который находил ее очень редкой даже у проституток в больницах, когда она часто ассоциировалась с мастурбацией; однако у проституток, которые вернулись к респектабельной жизни, отказавшись от своих старых привычек, он обнаружил истерию распространенной и тяжелой.^[270] Частое отсутствие физического сексуального чувства, опять же, может быть вполне обоснованно воспринято как свидетельство расстройства сексуальных эмоций, в то время как несомненный факт, что половой акт обычно оказывает мало благоприятного влияния на выраженную истерию, и что сексуальное возбуждение во время сна и сексуальные галлюцинации часто болезненны в одном и том же состоянии, далеки от доказательства того, что травма или подавление сексуальных эмоций не имели ничего общего с порождением истерии. Столь же разумно было бы утверждать, что пагубное воздействие обильной еды на голодающего человека следует рассматривать как доказательство того, что он не страдал от голода. Действительно, тот факт, на который обратили внимание Жиль де ла Туретт и другие, что истерики часто желают не столько полового акта, сколько простой привязанности, должен был бы показать, что здесь есть реальная аналогия и что голодание или поражение сексуальных

эмоций может вызвать, подобно физическому голоданию, отказ от тех удовольствий, которые требуются для здоровья. Таким образом, даже в основном *априорное* рассмотрение вопроса может привести нас к тому, что многие аргументы, выдвинутые в пользу позиции Шарко по этому вопросу, рушатся, когда мы осознаем, что сексуальные эмоции могут представлять собой чрезвычайно сложную сферу, часто скрытую от наблюдения, иногда вообще не осознаваемую и подверженную множеству повреждений, помимо того, что из-за неудовлетворения сексуального желания. В то же время мы, таким образом, не имеем возможности опровергнуть ни один из положительных результатов, достигнутых Шарко и его школой.

Однако можно отметить, что отношение Шарко к истерии было результатом его собственного темперамента. Он был прежде всего неврологом, склонность его гения заключалась в исследовании фактов, которые могли быть объективно продемонстрированы. Его первый интерес к истерии, возникший еще в 1862 году, был связан с истероэпилептическими судорожными припадками, и до последнего он оставался равнодушным ко всем фактам, которые не могли быть объективно продемонстрированы. В этом был секрет успехов, которых он смог добиться в неврологии. К чисто психологическим исследованиям у него не было ни склонности, ни, вероятно, способности. Любой, кому выпала честь наблюдать за его методами работы в Сальпетриер, легко вспомнит высокую фигуру великого мастера; презрительное выражение лица, иногда даже, казалось, немного кислое; надменную осанку, которую восторженные поклонники называли наполеоновской. Вопросы, адресованные пациенту, были холодными, отстраненными, иногда нетерпеливыми. Шарко явно не верил в ценность любых результатов, достигнутых таким образом. Можно также вполне поверить, что человек, чья поверхностная личность была такой надменной и внушала благоговейный трепет незнакомым людям, в любом случае столкнулся бы с величайшими трудностями в проникновении в тайны психического мира, столь темного и неуловимого, какой представляет истеричный.^[271]

Таким образом, был открыт путь для дальнейших исследований в области психики. Шарко утверждал, что не только физический травматизм, но даже психические повреждения - моральные потрясения — способны провоцировать его проявления, но его единственный вклад в психологию этого психического заболевания — и это было заимствовано из школы Нанси — заключался в одном слове "внушаемость"; природу и механизм этого психического процесса он оставил совершенно необъясненными. Этот шаг был предпринят другими, в частности Джанет, которая с 1889 года не только настаивала на том, что эмоции стоят в первом ряду среди причин истерии, но также указала на некоторую часть механизма этого процесса; таким образом, он увидел значение уже признанного факта, что сильные эмоции имеют тенденцию вызывать анестезию и приводить к состоянию психической дезагрегации, благоприятствующему абулии, или упразднению силы воли. Оставалось подробно показать механизм, с помощью которого самая сильная из всех эмоций оказывает свое влияние, и, пытаясь сделать это, венские исследователи, Брейер и особенно Фрейд, оказали большую помощь в изучении истерии.^[272] Важно отметить, что они не отменили положительных элементов в работе своего великого предшественника. Фрейд начинал как ученик Шарко, и он сам отмечает, что в своих более ранних исследованиях истерии у него и в мыслях не было искать какую-либо сексуальную этиологию этого заболевания; он расценил бы любое подобное предположение как оскорбление для своей пациентки. Результаты, достигнутые этими работниками, стали результатом длительного и детального расследования. Фрейд исследовал множество случаев истерии в мельчайших деталях, часто посвящая одному случаю более ста часов работы. Пациенты, в отличие от тех, на которых в основном основывались результаты французской

школы, все принадлежали к образованным классам, и таким образом было возможно провести сложное психическое исследование, которое было бы невозможно среди необразованных. Брейер и Фрейд настаивают на прекрасных качествах ума и характера, часто встречающихся у истеричных. Они не могут принять внушаемость как неизменную характеристику истерии, только ненормальную возбудимость; они далеки от согласия с Джанет (хотя по многим пунктам согласны с ним), что психическая слабость является признаком истерии; они говорят, что это просто видимость психической слабости, потому что психическая деятельность истерика расщеплена, и только часть ее сознательна.^[273] На превосходство характера истериков указывает тот факт, что конфликт между их представлениями о праве и отклонениями в их наклонностях часто является элементом конституции истерического состояния. Брейер и Фрейд готовы утверждать, что истерики принадлежат к "цвету человечества", и они ссылаются на те качества сочетания гения воображения и практической энергии, которые характеризовали святую Терезу, "покровительницу истеричных".

Чтобы понять позицию Брейера и Фрейда, мы можем начать с феномена "нервного шока", вызванного физической травмой, часто очень незначительного характера. Шарко показал, что такой "нервный шок" с цепочкой возникающих симптомов является не чем иным, как истерией. В этот момент Брейер и Фрейд могут быть связаны с Шарко. Они начали с рассмотрения наиболее типичной истерии как на самом деле *психической травмы*; иными словами, она начинается с поражения или, скорее, с повторяющихся поражений эмоционального организма. Верно, что школа Шарко признавала влияние морального шока, особенно эмоции страха, но просто как "*агент-provokator*", и с любопытной извращенностью Жиль де ла Туретт, безусловно отражающий позицию Шарко, в своем сложном трактате об истерии не упоминает сферу сексуальных эмоций, даже когда перечисляет "*агентов-provokаторов*".^[274]

Влияние страха не отрицается Брейером и Фрейдом, но они обнаружили, что тщательный психический анализ часто показывает, что шок от банального "страха" на самом деле коренится в нарушении сексуальных эмоций. Типичная и очень простая иллюстрация приводится в описанном Брейером случае, когда у семнадцатилетней девушки случился первый истерический припадок после того, как кошка прыгнула ей на плечи, когда она спускалась по лестнице. Тщательное расследование показало, что эта девушка была объектом несколько пылкого внимания со стороны молодого человека, ухаживаниям которого она сопротивлялась, хотя ее собственные сексуальные эмоции были возбуждены. За несколько дней до этого она была застигнута врасплох этим молодым человеком на той же самой темной лестнице и насильно вырвалась из его рук. Здесь была настоящая психическая травма, действие которой проявилось только у кошки. "Но во скольких случаях, - спрашивает Брейер, - кошка, таким образом, считается вполне достаточной *причиной эффективности*?"

В каждом случае, который они исследовали, Брейер и Фрейд обнаруживали какое-либо подобное тайное поражение психической сексуальной сферы. В одном случае гувернантка, чье воспитание было строго честным, вопреки себе и без всякого поощрения испытывает к отцу детей, находящимся на ее попечении, привязанность, в которой она отказывается признать даже самой себе; в другом молодая женщина обнаруживает, что влюбляется в своего шурина; опять же, невинная девочка внезапно обнаруживает, что ее дядя занимается сексом со своим товарищем по играм, а мальчик по дороге домой из школы подвергается грубым домогательствам сексуального извращенца. Почти в каждом случае, как Фрейд в конечном итоге нашел основания полагать, первичное поражение сексуальных эмоций относится к

периоду полового созревания и часто к детству, и почти в каждом случае интимный характер поражения заставляет его тщательно скрывать ото всех и даже не признавать его субъектом. В более ранних случаях Брейер и Фрейд обнаружили, что для приведения пораженного в сознание необходима небольшая степень гипноза, и точность полученных таким образом откровений была проверена независимым свидетелем. Фрейд, однако, давно отказался от индукции какой-либо степени гипноза; он просто пытается устроить так, чтобы пациентка чувствовала себя абсолютно свободной, рассказывая свою собственную историю, и таким образом продвигается от поверхности вниз, медленно находя и соединяя воедино такие существенные фрагменты истории, которые могут быть восстановлены, таким же образом, как археолог, который ведет раскопки под поверхностью, восстанавливает и собирает воедино фрагменты античной статуи. Однако большая часть найденного материала имеет лишь символическую ценность, требующую интерпретации, и иногда является чистой фантазией. Фрейд теперь придает большое значение сновидениям как символически представляющим многое в психической истории субъекта, до чего иным способом трудно добраться.^[275] Тонкие подсказки, которым Фрейд часто следует при толковании сновидений, не могут не вызывать сомнений в умах его читателей, но ему, безусловно, часто удавалось таким образом достичь скрытых фактов в сознании. Первичное поражение, таким образом, может действовать как "инородное тело в сознании". В психическую жизнь внедряется нечто, что отказывается вливаться в общий поток сознания. Это нельзя принять просто так, как принимаются другие факты жизни; об этом даже нельзя говорить, и поэтому мы подчиняемся медленному использованию, с помощью которого наш опыт стирается и постепенно трансформируется. Брейер иллюстрирует происходящее ссылкой на рефлекс чихания. "Когда раздражение слизистой оболочки носа по какой-либо причине не может ослабить этот рефлекс, возникает чувство возбуждения и напряжения. Это возбуждение, будучи неспособным протекать по двигательным каналам, теперь распространяется по мозгу, подавляя другие виды деятельности. ...В высших сферах человеческой деятельности мы можем наблюдать тот же процесс." Именно в результате этого процесса, как обнаружили Брейер и Фрейд, простой акт исповеди может значительно облегчить истерические симптомы, вызванные этим психическим механизмом, а в некоторых случаях может полностью и надолго устранить их. Именно на этом факте они основали свой метод лечения, разработанный Брейером и названный им катарсическим методом, хотя Фрейд предпочитает называть его "аналитическим" методом. Это, как указывает Фрейд, противоположность гипнотическому методу суггестивного лечения; Фрейд отмечает, что между этими двумя методами существует такое же различие, какое Леонардо да Винчи обнаружил для двух технических методов искусства, *na via di porre* и *na via di levare*; гипнотический метод, как и живопись, работает путем введения, катарсический или аналитический метод, как скульптура, работает путем извлечения.^[276]

Частью механизма этого процесса, как его понимают эти авторы, является то, что физические симптомы истерии образуются в результате процесса преобразования травмированных эмоций, которые затем отходят на задний план или вообще выходят из сознания. Таким образом, они обнаружили, что длительное напряжение, связанное с уходом за близким родственником, является очень частым фактором возникновения истерии. Например, первоначально ревматическая боль, испытываемая дочерью при уходе за отцом, становится символом в память о ее болезненном психическом возбуждении, и это, возможно, по нескольким причинам, но главным образом потому, что ее *присутствие в сознании почти точно совпало с этим возбуждением*. С другой стороны, опять же, тошнота и рвота могут стать

символом глубокого чувства отвращения, с которым был связан какой-либо эмоциональный шок. Тогда символ начинает жить своей собственной жизнью и черпает скрытую силу в эмоции, с которой он соотносится. Брейер и Фрейд путем тщательного исследования обнаружили, что боли и физические расстройства при истерии далеки от того, чтобы быть причудливыми, могут быть по-разному прослежены в происхождении какого-то инцидента, какой-то боли, какого-то действия, которые были связаны с моментом острой психической агонии. Процесс обращения был непроизвольным бегством от невыносимой эмоции, сравнимой с физической болью, которую иногда испытывают при сильном душевном горе, и пациент получает некоторое облегчение от мучительных эмоций, хотя и ценой психической ненормальности, более или менее раздвоенного состояния сознания и физической боли, или же анестезии. В третьей стадии истерических конвульсий Шарко, в "*страстных установках*", Брейер и Фрейд видят галлюцинаторное воспроизведение воспоминания, которое имеет большое значение для происхождения истерических проявлений.

Конечный результат, достигнутый этими работниками, четко обозначен каждым автором. "Главное наблюдение наших предшественников", - утверждает Брейер,^[277] "все еще сохраняемое в слове "истерия", ближе к истине, чем более поздний взгляд, который ставит сексуальность почти на последнюю строчку с целью защиты пациента от моральных упреков. Несомненно, сексуальные потребности истериков столь же индивидуальны и разнообразны по силе, как и у здоровых. Но они страдают от них, и в значительной степени, действительно, они страдают именно из-за борьбы с ними, из-за усилий отбросить сексуальность в сторону". "Самый весомый факт, - заключает Фрейд,^[278] на который мы опираемся при тщательном проведении анализа, заключается в следующем: с какой бы стороны и с каких бы симптомов мы ни начинали, мы всегда неизменно достигаем области сексуальной жизни. Здесь, прежде всего, выявляется этиологическая обусловленность истерических состояний. ... В основе каждого случая истерии — и воспроизводимого аналитическими усилиями даже по прошествии долгих лет — может быть обнаружен один или несколько фактов преждевременного сексуального опыта, относящихся к ранней юности. Я рассматриваю это как важный результат, как открытие *высшей точки* невропатологии". Десять лет спустя, скорее расширяя, чем ограничивая свою концепцию, Фрейд замечает: "Сексуальность - это не просто *deus ex machina*, который лишь однажды вмешивается в истерический процесс; это движущая сила каждого отдельного симптома и каждого проявления симптома. Болезненные явления представляют собой, если говорить прямо, сексуальную активность пациента".^[279] Настоящий истерический припадок, как утверждает Фрейд, может рассматриваться как "замена когда-то практиковавшегося, а затем заброшенного *аутоэротического* удовлетворения", и аналогично его можно рассматривать как эквивалент коитуса.^[280]

Естественно спросить, как эта концепция влияет на ту сложную картину истерии, кропотливо созданную Шарко и его школой. Нельзя сказать, что это отменяет какие-либо положительные результаты, достигнутые Шарко, но это, безусловно, изменяет их значение и ценность; это представляет их в новом свете и меняет всю перспективу. Со своей страстью к получению осязаемых определенных физических фактов Шарко находился на очень безопасной почве. Но он довольствовался тем, что пренебрег психическим анализом истерии, в то же время заявляя, что истерия - это чисто психическое расстройство. У него не было никакой причины истерии, кроме наследственности. Фрейд, конечно, допускал наследственность, но, как он указывает, роль, которую она играет, была переоценена. Это слишком расплывчато и обобщенно, чтобы вести нас далеко, и когда удастся найти конкретную причину, роль наследственности отступает

и становится просто условием, почвой, на которой работает "специфическая этиология". Здесь, вероятно, энтузиазм Фрейда поначалу завел его слишком далеко, и самое важное изменение, которое он внес в свои взгляды, произошло именно в этот момент: теперь он придает преобладающее влияние наследственности. Он осознал, что сексуальная активность в той или иной форме слишком распространена в детстве, чтобы можно было придавать большое значение "травматическим повреждениям" такого характера, и он также осознал, что несколько позже в этих детских действиях могут проявиться фантазии, вставая между ними и последующими болезненными симптомами. Таким образом, он вынужден заново подчеркнуть значение наследственности, однако не в смысле Шарко, как общей невропатической предрасположенности, а как "сексуальной конституции". Значение "инфантильных сексуальных поражений" также имеет тенденцию уступать место значению "сексуального инфантилизма".^[281]

Подлинная заслуга тонких исследований Фрейда заключается в том, что, возможно, давая обоснование неполно понятой идее, которая витала в сознании наблюдателей с тех пор, как было впервые изобретено название "истерия", он, безусловно, дал определенное психическое объяснение психического заболевания. Ценой большого труда, проницательности и сочувствия ему удалось ясно представить динамический взгляд на психические процессы, участвующие в формировании истерического состояния, и такой взгляд, по-видимому, показывает, что физические симптомы, с трудом выявленные Шарко, в значительной степени являются эпифеноменами и побочными продуктами эмоционального процесса, часто имеющего трагическое значение для субъекта, который происходит в наиболее чувствительных уголках психического организма. Можно с готовностью согласиться с тем, что картина задействованного механизма, представленная нам профессором Фрейдом, не может рассматриваться как окончательный и заверченный отчет об этом вопросе. Она развивалась собственными руками Фрейда, и некоторые из разработок потребуют очень значительного подтверждения, прежде чем их можно будет принять как общепринятую истину.^[282] Но эти исследования, по крайней мере, помогли открыть дверь, которую Шарко непоследовательно держал закрытой, в более глубокие тайны истерии, и показали, что здесь, если вообще где-либо, дальнейшие исследования будут полезны. Они также показали, что истерию можно определенно рассматривать как, по крайней мере, во многих случаях, проявление сексуальных эмоций и их поражений; другими словами, трансформацию аутоэротизма.

Концепция истерии, столь энергично навязываемая Шарко и его школой, таким образом, теперь начинает казаться неполной. Но мы должны признать, что эта неполнота была правильной и необходимой. Требовалась решительная реакция против широко распространенного взгляда на истерию, который в значительной степени был научно ложным. Было необходимо ясно показать, что истерия является определенным расстройством, даже когда половые органы и эмоции полностью отбрасываются в сторону; и было также необходимо показать, что ложь и лицемерие, которые так широко приписываются истерикам, были просто результатом невежественного и ненаучного неправильного толкования психических элементов заболевания. Этого окончательно и триумфально добилась школа Шарко.

В объяснении истерии есть еще только один момент, на который я здесь сошлюсь, и то потому, что его обычно игнорируют, и потому, что он имеет отношение к общей психологии сексуальных эмоций. Я имею в виду ту физиологическую истерию, которая является нормальным аналогом патологической истерии, которая была описана в своих физических деталях Шарко и только к которой этот термин должен быть строго применен. Даже при том, что истерию как болезнь

можно описать как единую и неделимую, среди обычного и довольно здорового населения все же можно обнаружить неясные и рассеянные истероидные симптомы, которые рассеиваются в здоровой среде или проходят почти незамеченными, лишь для того, чтобы в небольшой доле случаев развиться под влиянием более выраженной наследственности или тяжелого физического или психического поражения в то определенное болезненное состояние, которое правильно называется истерией.

Это рассеянное истероидное состояние может быть проиллюстрировано результатами психологического исследования, проведенного в Америке мисс Гертрудой Стайн среди обычных студентов Гарвардского университета и Рэдклифф-колледжа. Целью исследования было изучить с помощью планшетки различную склонность к автоматическим движениям у нормальных людей. В эксперименте приняли участие около ста студентов. Было обнаружено, что автоматические ответы могли быть получены за два сеанса от всех, за исключением небольшой части студентов обоих полов, но было два типа людей, проявивших особые способности. Один тип (вероятно, демонстрирующий эмбриональную форму невращения) был нервным, перенапряженным, с богатым воображением, на него нелегко воздействовать извне, и он не столько внушаем, сколько самовнушаем. Другой тип, который важен с нашей нынешней точки зрения, так описан мисс Стайн: "В целом индивидуумы, часто светловолосые и бледнолицые, отчетливо флегматичны. Если они эмоциональны, то определенно самого слабого, сентиментального порядка. Они могут быть либо крупными, здоровыми, довольно тяжелыми и лишенными энергии, либо они могут быть тем, что мы называем анемичным и флегматичным. Их способность концентрировать внимание очень мала. Они описывают себя как никогда не увлеченных своей работой; они говорят, что их мысли легко отвлекаются; что они продолжают работать после того, как устанут, и просто продолжают фиксироваться. Они очень склонны вести предвкушающие беседы, они предвосхищают слова своих друзей, они воображают целые разговоры, которые впоследствии сбываются. Ощущение того, что они были там, очень распространено среди них; то есть при данных обстоятельствах они чувствуют, что у них уже был подобный опыт раньше во всех его деталях. Они часто фаталистичны в своих идеях. Они предаются мечтам наяву. Как правило, они очень внушаемы".^[283]

Таким образом, мы имеем представление о физической конституции и психическом temperamente, на основе которых легко могут быть построены классические симптомы истерии.^[284] Но эти люди были обычными студентами, и хотя некоторые из их характеристик обычно и неопределенно называются "болезненными", в целом их следует рассматривать как обычно здоровых людей. У них врожденное телосложение и предрасположенность, при которых при каком-нибудь серьезном психическом поражении в "психологический момент" могут развиться наиболее определенные и стойкие симптомы истерии, но при благоприятных обстоятельствах они будут обычными мужчинами и женщинами, не более чем с обычной ненормальностью или обычной силой. Они - одни из многих, кто был призван к истерии при рождении; возможно, они никогда не окажутся в числе немногих избранных.

Нам, возможно, придется признать, что в области сексуальных эмоций, а также в общей конституции у нормальных людей можно проследить состояние, которое носит истероидный характер и служит здоровой копией состояния, которое при истерии является болезненным. У женщин такое состояние было прослежено (хотя и неправильно названо) доктором Кингом.^[285]

Доктор Кинг описывает то, что он называет "сексуальной истерией у женщин", которую он считает главной разновидностью истерии. Однако он добавляет, что это не совсем болезнь, а просто автоматическая реакция репродуктивной системы, которая имеет тенденцию становиться ненормальной в условиях цивилизации и увековечиваться в болезненной форме. В этом состоянии он обнаруживает двенадцать признаков: 1. Время жизни, обычно между половым созреванием и климактерическим периодом. 2. Приступы редко случаются, когда субъект один. 3. Субъект кажется бессознательным, но на самом деле это не так. 4. Впоследствии она инстинктивно испытывает стыд. 5. Обычно это происходит у одиноких женщин или у тех, незамужних или замужних, чьи сексуальные потребности неудовлетворены. 6. Отсутствуют внешние признаки болезни, и (как указывал Эйткен) затылок не уплощен; физическое состояние женщины не нарушено, и она может быть особенно привлекательной для мужчин. 7. Теплый климат и сезон весны и лета способствуют этому заболеванию. 8. Пароксизм короткий и временный. 9. Хотя легкие прикосновения болезненны, сильное давление и грубое обращение приносят облегчение. 10. Это может происходить в занятой, но праздной, бесцельной жизни. 11. Субъекту нравится вызывать сочувствие и быть обласканным. 12. Налицо недостаток воли, и требуется сильный стимул, чтобы побудить к действию.

Среди цивилизованных женщин, продолжает автор, это условие, по-видимому, не служит какой-либо полезной цели. Давайте, однако, вернемся к женщине—аборигенке - к женщине лесов и полей. Давайте представим себе молодую Венеру-аборигенку в одном из ее первых истерических пароксизмов. При этом давайте не будем забывать о некоторых из двенадцати характеристик, упомянутых ранее. Она не будет "играть свою роль" в одиночку, а если и будет одна, то в таком месте, где кто-то другой, скорее всего, вскоре обнаружит ее. Пусть теперь эту Венеру откроет юный лесной Аполлон, мужчина с полностью развитыми животными инстинктами. Он и она, как и любые другие животные, находятся на свободном поле Природы. Он не может не заметить про себя: "Эта женщина не умерла; она дышит и ей тепло; она не выглядит больной; она пухлая и румяная". Он говорит с ней; она не слышит (по-видимому) и не отвечает. Ее глаза закрыты. Он прикасается, двигается и обрабатывает ее в свое удовольствие. Она не сопротивляется. Что этот примитивный Аполлон сделает дальше? Он вылечит припадок и вернет женщину в сознание, удовлетворит ее эмоции и восстановит ее волю — не деликатными прикосновениями, которые могут быть "мучительными" для ее гиперестезированной кожи, а энергичным массажем, пассивными движениями и встряхиванием, которые будут безболезненными. Эмоциональный процесс со стороны женщины закончился бы, возможно, смешанным смехом, слезами и стыдом; и если бы впоследствии ее обвинили в том, что наследственно приобретенные свойства ее нервной системы вынудили ее действовать в качестве предварительной подготовки к событию, какая женщина не стала бы отрицать это и не рассердилась? Но если следовать Естественному пути, если естественная цель истерического пароксизма достигнута, то в результате лечения вместо одной недовольной женщины останутся два счастливых человека и, возможно, появится третий".

"Естественная, первичная сексуальная истерия у женщины, - заключает Кинг, - это временная модификация нервной системы управления телом и распределения нервной силы (происходящая по большей части, как мы видим это сегодня, у чопорных женщин с твердыми моральными принципами, чья воля настроила их сопротивляться любому проявлению свободы или подхода со стороны другого пола), состоящая в временном отказе от общего, волевого и стремящегося к самосохранению эго, в то время как бразды правления временно передаются

узурпирующему власть репродуктивному эго, так что репродуктивное правительство остается в силе. волевым путем отменяет власть правительства и, таким образом, как бы насильственно принуждает организм женщины так распорядиться собой в подходящее время и в подходящем месте, чтобы позволить, пригласить и обеспечить приближение другого пола, хочет она того или нет, до тех пор, пока не будет выполнено повелительное требование Природы о размножении".

Это, возможно, довольно фантастическое описание не является описанием истерии в техническом смысле, но мы можем признать, что оно представляет состояние, которое, если и не является реальным физиологическим аналогом истерических конвульсий, все же отчетливо аналогично последним. Сексуальный оргазм имеет то соответствие с истерическим припадком, что они оба служат для разрядки нервных центров и снятия эмоционального напряжения. Может даже случиться, особенно при менее тяжелых формах истерии, что сексуальный оргазм наступает во время истерического припадка; Розенталь из Вены обнаружил, что это всегда имеет место при пароксизмах полубессознательного состояния молодой девушки, чье состояние было легко излечимо;^[286] несомненно, такие случаи встречались бы чаще, если бы их искали. Однако при тяжелых формах истерии часто случается, как отмечали многие наблюдатели, что нормальное сексуальное возбуждение перестает приносить удовлетворение, становится болезненным, извращенным, парадоксальным. Фрейд позволил нам увидеть, как шок от сексуальных эмоций, наносящий ущерб эмоциональной жизни в ее источнике, едва ли может иногда не приводить к такому результату. Но необходимость нервного взрыва все еще сохраняется.^[287] Это действительно может сохраняться, даже в ненормально сильной степени, вследствие подавления нормальной деятельности в целом. Судорожный припадок - это единственная форма облегчения, открытая для напряжения. "Дама, за которой я долго ухаживал, - замечает Эшвелл, - всегда радовалась, когда припадок заканчивался, поскольку это освобождало ее организм в целом, и особенно мозг, от болезненного раздражения, которое существовало в течение нескольких предыдущих дней". То, что подгонка по большей части не приносит реального удовлетворения и что она не может вылечить болезнь, объясняется тем фактом, что это болезненная форма облегчения. Тот же характер истерии наблюдается, по большей части с более удовлетворительными результатами, при воздействии внешнего нервного потрясения. Именно неправильно понимаемое влияние таких потрясений на устранение истерии в прежние времена приводило к отказу рассматривать истерию как серьезную болезнь. Во время Восстания 1745-46 годов в Шотландии Каллен отмечает, что истерии было немного. То же самое было верно для Французской революции и Ирландского восстания, в то время как Раш (в исследовании, посвященном влиянию Американской революции на человеческий организм) заметил, что многие истеричные женщины были "возвращены к совершенному здоровью благодаря событиям того времени". В таких случаях эмоциональному напряжению предоставляется возможность взрыва в новых и безличных каналах, и цепь болезненных личных эмоций разрывается.

Некоторые настаивали на том, что тот факт, что сексуальный оргазм обычно не устраняет расстройства при истинной истерии, исключает сексуальный фактор истерии. Можно отметить, что это действительно аргумент в пользу такого элемента как одного из факторов истерии. Если бы не было первоначального повреждения сексуальных эмоций, если бы естественный здоровый сексуальный канал все еще оставался свободным для прохождения эмоционального переполнения, тогда мы должны ожидать, что это гораздо чаще вступало бы в игру при устранении истерии. В более здоровом, чисто истероидном состоянии психический сексуальный организм не поврежден и по-прежнему реагирует нормально, устраняя

ненормальные симптомы, когда это позволено сделать. Именно путаница между этим почти естественным состоянием и по-настоящему болезненным состоянием, которое само по себе называется истерией, привела к древнему мнению, основанному Платоном и Гиппократом, что истерию можно вылечить браком.^[288] Различие может быть проиллюстрировано разницей между растянутым мочевым пузырем, который все еще способен нормально сокращаться от своего содержимого, когда, наконец, предоставляется возможность сделать это, и мочевым пузырем, в котором растяжение было настолько длительным, что нервный контроль был утрачен и самопроизвольное изгнание стало невозможным. Первое состояние соответствует конституции, которая, имитируя истерическое состояние, достаточно здорова, чтобы нормально реагировать, несмотря на психические повреждения; второе соответствует состоянию, в котором вследствие длительного стресса психической травмы — сексуальной или нет - возникло определенное состояние истерии. Одно состояние является здоровым, хотя и ненормальным; другое - состояние ярко выраженной болезненности.

Состояние истинной истерии, таким образом, связано с почти здоровыми состояниями, и особенно с состоянием, которое может быть описано как состояние сексуального голода. Такое предположение может помочь нам увидеть эти загадочные явления в их истинной природе и перспективе.

В этот момент я могу сослаться на интересную параллель и вероятную реальную взаимосвязь между истерией и хлорозом. Как сказал Лузе, истерия и хлороз - сестры. Мы видели, что есть некоторые основания рассматривать истерию как преувеличенную форму нормального процесса, который на самом деле является аутоэротическим феноменом. Есть также некоторые основания рассматривать хлороз как преувеличение физиологического состояния, связанного с сексуальными условиями, более конкретно с подготовкой к материнству. Истерия так часто ассоциируется с анемическими состояниями, что Бирнакки утверждал, что такие состояния действительно составляют первичную и фундаментальную причину истерии (*Neurologisches Centralblatt*, март 1898 г.). А за столетия до Бирнакки Сиденхэм высказал свою веру в то, что бедность крови является главной причиной истерии.

Было бы некоторым подтверждением этой позиции, если бы мы могли поверить, что хлороз, как и истерия, в какой-то степени является врожденным заболеванием. Такова была точка зрения Вирхова, который считал, что хлороз в значительной степени зависит от врожденной гиплазии артериальной системы. Стида на основе тщательного исследования двадцати трех случаев попытался доказать, что хлороз обусловлен врожденным дефектом развития (*Журнал гигиены и гинекологии*, vol. xxxii, часть I, 1895). Приведенные им факты, как правило, доказывают, что при хлорозе наблюдаются признаки общего недоразвития и что, в частности, наблюдается несовершенное развитие молочных желез и половых органов с тенденцией к сужению таза. Чаррин, опять же, рассматривает маточно-яичниковую недостаточность, по крайней мере, как один из факторов хлороза. Таким образом, хлороз в его крайней форме можно рассматривать как нарушение развития, признак физического вырождения. Даже если это не является строго причиной, врожденное заболевание может, как считает Стокман (*Британский медицинский журнал*, 14 декабря 1895 г.), быть предрасполагающим фактором.

Как бы там ни было в крайних случаях, есть очень веские доказательства того, что обычная анемия молодых женщин может быть вызвана накоплением железа в организме и до сих пор является нормальной, являясь подготовкой к функции воспроизводства. Некоторые

наблюдения Бунге, по-видимому, проливают много света на истинную причину того, что можно назвать физиологическим хлорозом. В результате серии экспериментов на животных разного возраста он обнаружил, что молодые животные содержат в своих тканях гораздо большее количество железа, чем взрослые животные; что, например, в организме кролика через час после рождения содержится более чем в четыре раза больше железа, чем в организме кролика двух с половиной месяцев от роду. Таким образом, представляется вероятным, что в период полового созревания и позже в организме происходит накопление железа, подготовительное к выполнению материнских функций. Именно в возрасте от пятнадцати до двадцати трех лет, как установил Стокман, анализируя свои собственные случаи (*Британский медицинский журнал*, 14 декабря 1895 г.), происходит большинство случаев; действительно, он не обнаружил ни одного случая, в котором первое начало было бы позже двадцати трех лет. Аналогичный результат демонстрируют диаграммы Ллойда Джонса, которые охватывают значительно большее количество случаев.

Мы обязаны Ллойд Джонсу важным вкладом в изучение хлороза в его физиологических или нормальных взаимосвязях. Он показал, что хлороз - это всего лишь преувеличение состояния, которое является нормальным в период полового созревания (и у многих женщин при каждой менструации) и которое, есть веские основания полагать, даже оказывает благоприятное влияние на фертильность. Он обнаружил, что светлокожие люди более фертильны, чем темнокожие, и что в то же время кровь последних имеет меньший удельный вес и содержит меньше гемоглобина. Ллойд Джонс также пришел к выводу, что девушки, перенесшие хлороз, часто удивительно хороши собой, так что склонность к хлорозу связана со всеми сексуальными и репродуктивными способностями, которые делают женщину привлекательной для мужчины. Его вывод заключается в том, что нормальное состояние, при котором хлороз является крайним и патологическим состоянием, является подготовкой к материнству (Э. Ллойд Джонс, "Хлороз: особая анемия молодых женщин", 1897; также многочисленные отчеты Британской медицинской ассоциации, опубликованные в *British Medical Journal*. На Московском международном медицинском конгрессе в 1898 году состоялось интересное обсуждение теорий хлороза; см. Материалы конгресса, том V, раздел V, стр. 224 и далее.).

Таким образом, мы, возможно, сможем понять, почему истерия и анемия часто сочетаются, и почему они оба наиболее часто встречаются у молодых женщин-подростков, у которых еще не было сексуального опыта. Хлороз - это физическое явление; истерия, в значительной степени, психическое явление; тем не менее, и то, и другое в равной степени может, по крайней мере, в некоторой степени, рассматриваться как сексуальная склонность, проявляющаяся в крайних и патологических формах.

[251] *Genèse et Nature de l'Istérie*, 1898; а последнее заявление Соллье см. в "Истории и соммеиле", *Архив неврологии*, май и июнь 1907 г. Lombroso (*L'Uomo Delinquente*, 1889, vol. ii, стр. 329), ссылаясь на сниженный метаболизм истериков, уже сравнивал их с животными, впавшими в спячку, в то время как Бабинский утверждает, что истерики находятся в состоянии подсознания, состоянии, как замечает Мечников (*"Оптимистические эссе"*, стр. 270), напоминающем наше доисторическое прошлое.

[252] Профессор Фрейд, приветствуя введение термина "аутоэротизм", отмечает, что его не следует включать в понятие истерии в целом. Это я полностью признаю и никогда не подвергал сомнению. Истерия - слишком масштабное и сложное явление, чтобы его можно было классифицировать как полное проявление аутоэротизма, но некоторые ее аспекты являются замечательными иллюстрациями аутоэротической трансформации.

[253] Истерический феномен *globus hystericus* долгое время спустя приписывали затруднению дыхания маткой. Интересный случай был зарегистрирован Э. Блохом (*Wiener Klinische Wochenschrift*, 1907, стр. 1649) о даме, у которой было ощущение, что шар поднимается из живота к горлу, а затем опускается. Это чувство было связано с мыслями о поднимающемся и опускающемся пенисе ее мужа и всегда чаще всего возникало, когда она желала полового акта.

[254] Как указывает Жиль де ла Туретт, нетрудно показать, что эпилепсия, *священная болезнь* древних, во многом была обязана своим сакральным характером этой путанице с истерией. Те жрицы, которые, пораженные *священной болезнью*, произносили свои предсказания в конвульсиях, были, конечно, жертвами не эпилепсии, а истерии (*Описание истории*, т. i, стр. 3).

[255] Аретей, *О причинах и симптомах острых заболеваний*, Книга ii, глава II.

[256] Можно отметить, что это лечение представляет собой еще один пример преемственности терапевтических методов, несмотря на все изменения теории, с древнейших до новейших времен. Препараты с неприятным запахом, такие как асафетида, всегда использовались при истерии, и современная научная медицина все еще считает, что асафетида является мощным успокаивающим средством для матки, контролирующим нервные состояния во время беременности и останавливающим раздражение матки при угрозе аборта (см., например, Warman, *Der Frauenarzt*, август 1895 г.). Опять же, втирание ароматных мазей в области половых органов - это всего лишь форма массажа, который является одним из современных методов лечения сексуальных расстройств у женщин.

[257] *Les Démoniaques dans l'Art*, 1887; *Les Malades et les Difformes dans l'Art*, 1889.

[258] Глафира Абрикосова из Москвы в своей парижской диссертации, *История XVII и XVIII веков*, 1897, представляет краткое изложение различных взглядов, которых придерживались в то время; также Жиль де ла Туретт, *Особенности истории*, том i, глава I.

[259] *Эдинбургский медицинский журнал*, июнь 1883 г., стр. 1123, и *Психические заболевания*, 1887 г., стр. 488.

[260] Hegar, *Zusammenhang der Geschlechtskrankheiten mit nervösen Leiden*, Stuttgart, 1885. (Хегар, однако, пошел гораздо дальше этого и был в значительной степени ответственен за хирургическое лечение истерии, которое сейчас общепризнано как нечто худшее, чем бесполезное.) Боллс-Хедли, "Этиология нервных заболеваний женских половых органов", Олбат и Плейфейр, *Система гинекологии*, 1896, стр. 141.

[261] Ломброзо и Ферреро, *"Донна преступница"*, 1893, стр. 613-14.

[262] Шарко и Мари, статья об "Истерии", *Словарь психологической медицины Тьюка*.

[263] Аксенфельд и Хучард, *Трактат о Неврозах*, 1883, стр. 1092-94. Икар (*Женская подвеска "Менструальный период"*, стр. 120-21) также ссылаясь на зарегистрированные случаи истерии

у животных (случаи Косты и Питера), как и Жиль де ла Туретт (указ. соч., том i, стр. 123). Смотрите также, для справки, Féfé, *Инстинктивный секс*, стр. 59.

[264] *Мужчина и женщина*, 4-е изд., стр. 326. Выдающийся гинеколог Мэтьюз Дункан несколькими годами ранее заметил ("*Ланцет*", 18 мая 1889 г.), что истерия, хотя и не является заболеванием матки, "особенно поражает репродуктивную систему, потому что генитальная система в большей степени, чем какая-либо другая, оказывает эмоциональное влияние на личность, а также влияние на мораль, влияние на социальные вопросы".

[265] Жиль де ла Туретт, *Архив токологии и гинекологии*, июнь 1895г.

[266] *Клинические исследования во врачебной практике*, 1897, стр. 290; обобщено в *Журнале психических наук*, январь 1898г.

[267] С древнейших времен считалось, что менструация способствует истерии; совсем недавно Ландузи зафиксировал ряд наблюдений, показывающих, что истерические приступы совпадают с совершенно здоровой менструацией; в то время как Болл утверждал, что только во время менструации истерия проявляется в своем истинном цвете. Ознакомьтесь с мнениями, собранными Isard, *Женская подвеска в период менструации*, стр. 75-81.

[268] Krafft-Ebing, "Ueber Neurosen und Psychosen durch Sexuelle Abstinenz," *Jahrbücher für Psychiatrie*, vol. iii, 1888. Следует, однако, добавить, что облегчение истерии сексуальным удовлетворением не редкость, и что Розенталь находит, что таким образом конвульсии уменьшаются. (*Allgemeine Wiener Medizinal-Zeitung*, Nos. 46 and 47, 1887.) Так же обстоит дело и с беременностью, в простых и неосложненных случаях, по словам Монджери.

[269] "Все врачи, у которых есть пациенты в монастырях, - замечает Марро (*La Pubertà*, стр. 338), - знают, насколько среди них преобладает истерия"; он добавляет, что его собственный опыт подтверждает мнение Рачиборски, который обнаружил, что монахини, посвятившие себя созерцательной жизни, более подвержены истерии, чем те, кто заняты преподаванием или уходом за больными. Следует добавить, однако, что нет единодушия относительно распространенности истерии в монастырях. Браше придерживался того же мнения, что и Брике, и поэтому считал это редкостью. Имберт-Губейр также (*Стигматизация*, стр. 436) утверждает, что за более чем сорок лет медицинской деятельности, хотя он был связан с рядом религиозных общин, он не нашел среди них ни одного истеричного субъекта, причина, по его словам, в том, что неуравновешенным и экстравагантным людям отказывают в приеме в монастырь.

[270] Родитель-Дюшателе, *О проституции*, том i, стр. 242.

[271] Возможно, нет необходимости указывать, что здесь и повсюду, говоря о психическом механизме истерии, я не допускаю, что какой-либо процесс может быть *чисто* психическим. Как выразился Фере в замечательном исследовании истерии ("*Медицинская практика двадцатого века*", 1897, т. x, стр. 556): "В генезе истерических расстройств все происходит так, как если бы психические и соматические феномены были двумя аспектами одного и того же биологического факта".

[272] Пьер Жанет, "*Автоматический психологический анализ*", 1889; "*Ментальная истерика*", 1894; "*Неврозы и идеи исправления*", 1898; Брейер и Фрейд, "*Исследование высшей истерии*",

Вена, 1895 ; однако лучшее введение к работам Фрейда можно найти в двух сериях его книги "Саммлунг кляйнера по нейрофизиологии", опубликованной в виде сборника в 1906 и 1909 годах. Можно добавить, что недавно (1909 г.) на английском языке была опубликована полезная подборка работ Фрейда.

[273] Мы могли бы, возможно, даже сказать, что при истерии так называемые высшие центры оказывают аномально сильное тормозящее влияние на низшие центры. Джоффри (Gazzetta degli Ospedali, 1 октября 1895 г.) показал, что некоторые истерические симптомы, такие как мутизм, могут быть излечены этеризацией, что ослабляет контроль высших центров.

[274] Школа Шарко не могла не распознать эротический оттенок, который часто доминирует в истерических галлюцинациях. Жиль де ла Туретт пытается свести это к минимуму, замечая, что "это скорее ментально, чем реально". Он хочет сказать, что это скорее психическое, чем физическое явление, но он подразумевает, что только физический элемент в сексе "реален", что в любом случае является странным предположением, а также разрушительным для фундаментального утверждения самого Жили де ла Туретта о том, что истерия - это настоящая болезнь, но при этом чисто психическая.

[275] Смотрите, например,, его значительный том, *Die Traumdeutung*, 1900, 2-е изд. 1909.

[276] Саммлунг, первая серия, стр. 208.

[277] *Studien über Hysterie*, стр. 217.

[278] Саммлунг, первая серия, стр. 162.

[279] Саммлунг, вторая серия, стр. 102.

[280] *Ib.* стр. 146.

[281] Саммлунг, первая серия, стр. 229. Фрейд разработал свою концепцию сексуальной конституции в книге "Основы сексуальной теории", 1905.

[282] Как отмечает Молл, концепции Фрейда все еще несколько субъективны и нуждаются в объективной демонстрации; но что бы ни думали об их теориях, добавляет он, не может быть сомнений в том, что Брейер и Фрейд оказали огромную услугу, привлекая внимание к важному воздействию сексуальной жизни на нервную систему.

[283] Гертруда Стайн, "Культивируемый двигательный автоматизм", *Психологическое обозрение*, май 1898г.

[284] Самые верные последователи Шарко отказываются признавать "истерический темперамент" и совершенно правы, если такая концепция используется для разрушения представления об истерии как определенной болезни. Мы не можем, однако, не распознать диатез, который, хотя и остается внешне здоровым, предрасположен к истерии. Столь выдающийся ученик Шарко, как Жанэ, полностью признает это и утверждает ("Общество психического" и др., стр. 298), что "мы можем обнаружить в привычках, страстях, психическом автоматизме нормального человека зародыш всех истерических феноменов". Фере придерживался несколько схожей точки зрения.

[285] А. Ф. А. Кинг, "Истерия", *Американский журнал акушерства*, 18 мая 1891г.

[286] М. Розенталь, *Болезни нервной системы*, том. ii, стр. 44. Фере отмечает аналогичные случаи (*Медицинская практика двадцатого века*, том x, стр. 551). Задолго до этого Галл описал случай с молодой вдовой пылкого темперамента, у которой были судорожные припадки, по-видимому, истерического характера, которые всегда заканчивались сексуальным оргазмом (*Fonctions du Cerveau*, 1825, vol. iii, стр. 245).

[287] По-видимому, существует большая необходимость в таких взрывных проявлениях у женщин, чем у мужчин, какой бы ни была причина. Я собрал некоторые свидетельства, указывающие в этом направлении, в книге *"Мужчина и женщина"*, 4-е изд., исправленное и дополненное, главы xii и xiii.

[288] Несомненно, в этом древнем поверье есть доля истины, хотя в основном оно применимо к незначительным случаям истерии. Многие авторитетные специалисты принимают его. "Истерия, безусловно, распространена среди холостяков", - замечает Герман (*Женские болезни*, 1898, стр. 33), "и обычно излечивается счастливым браком". Левенфельд (*Sexualeben und Nervenleiden*, стр. 153) говорит, что "нельзя отрицать, что брак производит благотворные изменения в общем состоянии многих истеричных пациентов", хотя, добавляет он, это не устранил истерический темперамент. Преимущество брака для истеричных не обязательно связано, исключительно или вообще, с осуществлением сексуальных функций. На это указывает Монджери, который отмечает (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1901, раздел 5, стр. 917): "Я знал и лечил нескольких истеричных девушек, которые сейчас замужем и не проявляют ни малейших невропатических признаков. Некоторые из них больше не имеют никакого желания получать сексуальное удовлетворение и даже неохотно выполняют свои супружеские обязанности, хотя и любят своих мужей и живут с ними чрезвычайно счастливо. На мой взгляд, брак - это отличное средство для женщин-невропаток, которым нужно найти поддержку в другой личности, способной разделить с ними жизненную битву".

III.

Содержание

Распространенность мастурбации — Ее возникновение в младенчестве — У мужчин или у женщин она встречается чаще? — После подросткового возраста, по-видимому, чаще встречается у женщин — Причины распространения мастурбации по половому признаку — Предполагаемое зло мастурбации — Исторический очерк взглядов на этот счет — Симптомы и результаты мастурбации — Ее предполагаемое влияние на расстройства зрения — Ее связь с безумием и нервными расстройствами — Пагубные последствия мастурбации — Обычно возникают на почве врожденной патологии нервной системы — Неврастения, вероятно, наиболее распространенное сопровождение чрезмерной мастурбации — Преждевременная мастурбация имеет тенденцию вызывать отвращение к половому акту — Психические последствия привычной мастурбации — Мастурбация у гениальных людей — Мастурбация как нервная система — Успокоительное — Типичные случаи — Отношение греков к мастурбации — Отношение католических богословов — Отношение мусульман — Позиция современной науки — В каком смысле мастурбация нормальна? — Огромную роль в Жизни играют Трансмутированные аутоэротические Феномены.

Приведенный выше набросок поможет показать, насколько обширна сфера жизни — нормальной, а не просто ненормальной жизни, — более или менее насыщенная аутоэротическими феноменами. Однако, если мы приступим к точному исследованию масштабов и значимости таких явлений, мы столкнемся со многими трудностями. Мы действительно обнаруживаем, что не предпринималось никаких попыток изучить аутоэротические явления, за исключением группы - несколько искусственной группы, как я уже пытался показать, — собранной под термином "мастурбация", в то время как даже здесь такие попытки предпринимались только среди ненормальных классов людей или проводились способом, который вряд ли даст надежные результаты.^[289] Тем не менее, более тщательные исследования, которые были проведены для установления точной частоты мастурбации, имеют определенное значение.

Бергер, опытный специалист по нервным заболеваниям, в своем докладе пришел к выводу, что 99% молодые мужчины и женщины время от времени мастурбируют, в то время как сотая часть скрывает правду;^[290] и Герман Кон, похоже, принимает это утверждение как в целом верное в Германии. Столь высокая оценка, конечно, была поставлена под сомнение, и, поскольку она, по-видимому, не основана на тщательном исследовании, нам нет необходимости серьезно рассматривать ее. Бесплезно спорить о предположениях; мы должны цепляться за наши определенные доказательства, даже если они дают цифры, которые, вероятно, ниже указанной отметки. Роледер считает, что в подростковом возрасте по крайней мере 95% представители обоих полов мастурбируют, но его данные не основаны на точном исследовании.^[291] Джулиан Маркузе на основе своей собственной статистики приходит к выводу, что 92% мужчины в какой-то степени мастурбировали в юности. Возможно, также имеет значение мнение Дьюкса, врача Школы регби, который утверждает, что от 90 до 95 процентов из всех мальчиков в школе-интернате онанирующий.^[292] Сирли из Спрингфилда, штат Массачусетс, обнаружил, что из 125 студентов-академиков только 8 заверили его, что никогда не мастурбировали; в то время как из 347, ответивших на его вопросы, 71 отрицал, что они практиковали мастурбацию, что, по-видимому, подразумевает, что 79 процентов признались, что практиковали это.^[293] Брокман, также в Америке, среди 232 студентов-богословов, средний возраст которых составлял 23 с половиной года и которые приехали из разных частей Соединенных Штатов, обнаружил, что 132 спонтанно признали, что мастурбация была их самым серьезным искушением, и все, кроме одного, признали, что поддались, 69 из них в значительной степени. Эта доля составляет по меньшей мере 56%. Реальная доля, несомненно, больше, поскольку не задавался вопрос о сексуальных преступлениях; 75 человек практиковали мастурбацию после обращения и 24 после того, как решили стать священниками; только 66 назвали половой акт своим главным искушением; но в целом сексуальных искушений было больше, чем всех остальных вместе взятых.^[294] Мораглия, которая провела опрос 200 женщин низшего класса в Италии, обнаружила, что 120 признали, что они все еще мастурбируют, или что они делали это в течение длительного периода.^[295] Гуалино обнаружил, что 23% мужчины профессиональных классов в Северной Италии мастурбируют в период полового созревания; те, кто начал мастурбировать позже, в расчет не принимались. "Здесь, в Швейцарии, - пишет корреспондент, - у меня была возможность узнать от взрослых мужчин, которым я могу доверять, что они достигли возраста двадцати пяти лет или старше и не вступали в половую связь. 'Wir haben nicht dieses Bedürfniss,' is what they say. Но я полагаю, что в случае швейцарских альпинистов, как правило, практикуется умеренный онанизм ". В жарких странах те же привычки проявляются в более раннем возрасте. Например, в Венесуэле, среди испанских креолов, Эрнст обнаружил, что во

всех классах мальчики и девочки заражены пороком онанизма. Они усваивают это рано, в самом начале жизни, от своих кормилиц, обычно невысоких мулаток, и многие причины способствуют развитию этой привычки; молодые мужчины часто распущенны, а молодые женщины часто остаются одинокими.^[296] Никифоро, который проявляет особые знания о классе работающих девушек в Риме, утверждает, что во многих мастерских модисток и портних, где работают молодые девушки, часто случается, что в самые жаркие часы дня, между двенадцатью и двумя, когда хозяйка или старшая служанка спит, все девушки без исключения предаются мастурбации.^[297] Во Франции *кюре* заверил Дебрейна, что среди маленьких девочек, пришедших на свое первое причастие, 11 из 12 были склонны к мастурбации.^[298] Медицинский работник прусского исправительного учреждения рассказал Роледеру, что почти все заключенные старше половой зрелости мастурбировали. Стэнли Холл знал исправительную школу в Америке, где мастурбацией занимались все без исключения, и к тому, кто мог практиковать это чаще всего, относились с преклонением перед героем.^[299] Ферриани, который провел тщательное исследование юношеской преступности в Италии, утверждает, что даже если все мальчики и девочки среди населения в целом не мастурбируют, это, безусловно, так среди тех, кто имеет склонность к преступности. Среди 458 взрослых преступников мужского пола Марро (как он утверждает в своей *Книге о преступлениях*) обнаружил, что только 72 отрицали мастурбацию, в то время как 386 практиковали ее с раннего возраста, 140 из них в возрасте до тринадцати лет. Среди 30 женщин-преступниц Мораглия обнаружил, что 24 признавали эту практику, во всяком случае, в ранней юности (8 из них в возрасте до 10 лет, преждевременное развитие сопровождается средней преждевременностью менструаций), в то время как он подозревал, что большинство остальных были знакомы с этой практикой. Среди проституток любого класса или положения Мораглия находил мастурбацию (хотя следует отметить, что он, по—видимому, не очень четко отличает мастурбацию от гомосексуальных практик) универсальной; в одной группе из 50 проституток все практиковали мастурбацию в определенный период; 28 начали в возрасте от 6 до 11 лет; 19 — между 12 и 14 годами, наиболее обычный период начала половой зрелости - преждевременный; остальные 3 - в 15 и 16 лет; можно добавить, что средний возраст начала мастурбации составлял 11 лет, в то время как первый половой акт - 15.^[300] В более крупной группе из 180 проституток, принадлежащих к Генуе, Турину, Венеции и т.д., и среди 23 "элегантных кокоток" итальянского и иностранного происхождения Мораглия получил те же результаты; все признались в мастурбации, и не менее 113 предпочли мастурбацию, одиночную или взаимную, нормальному половому акту. Среди душевнобольных, как и среди идиотов, мастурбация несколько чаще встречается среди мужчин, согласно Блэндфорду, в Англии, как и в Германии, согласно Нэкке,^[301] в то время как Вентури в Италии обнаружил, что это более распространено среди женщин.^[302]

По-видимому, нет никаких ограничений на возраст, в котором может начаться спонтанная мастурбация. Я уже упоминал о практике растирания бедер у младенцев в возрасте до одного года. Дж.П. Уэст подробно описал 3 случая мастурбации в очень раннем детстве - 2 у девочек, 1 у мальчика, — у которых практика была приобретена спонтанно, и ее можно было объяснить только некоторым источником раздражения в виде давления одежды и т.д.^[303] Вероятно, в таких случаях часто наблюдается некоторый наследственный недостаток нервной устойчивости. Блок описал случай с девочкой — очень сообразительной для своего возраста, хотя чрезмерно застенчивой и неразговорчивой, — которая начала спонтанно мастурбировать в возрасте двух лет; в этом случае мать мастурбировала всю свою жизнь, даже продолжая практику после замужества, и, хотя ей удалось воздержаться от этого во время беременности, ее мысли все еще

были прикованы к этому, в то время как бабушка по материнской линии умерла в лечебнице от "мастурбационного помешательства".

Фрейд считает, что аутоэротические проявления обычны в младенчестве и что ритмическая функция любого чувствительного места, в первую очередь губ, может легко перейти в мастурбацию. Он рассматривает инфантильные проявления, наиболее известным примером которых является сосание пальца (Lüdeln или Lutschen по-немецки), как аутоэротические, зародыш, возникающий при сосании груди, поскольку губы являются эрогенной зоной, которая может быть легко возбуждена теплой струей молока. Но это происходит, указывает он, только у субъектов, у которых повышена чувствительность губной зоны, и особенно у тех, кто в более позднем возрасте склонен впадать в истерику.^[304] Шаттлворт также указывает, что простое беспокойство невротичного младенца, даже когда ему всего несколько месяцев, иногда приводит к спонтанному и случайному обнаружению приятных сексуальных ощущений, которые на время успокаивают беспокойство нервной нестабильности, хотя таким образом создается порочный круг. Он обнаружил, что, особенно среди совсем юных девушек с невротической наследственностью, самоиндуцированное возбуждение, часто в форме трения бедрами, встречается чаще, чем обычно предполагается.^[305]

Обычно, по-видимому, существует различная склонность к переживанию сексуального организма или каких-либо сладострастных ощущений до наступления половой зрелости. Я нахожу, выясняя воспоминания нормальных людей, что в некоторых случаях были сладострастные ощущения от случайного контакта с половыми органами в очень раннем возрасте; в других случаях с ранних лет иногда наблюдалось легкое возбуждение; в третьих, полная сексуальная анестезия до наступления половой зрелости. То, что последнее состояние вызвано не простым отсутствием периферического раздражения, показывает известный мне случай, в котором мальчик 7 лет, подстрекаемый товарищем, невинно пытался с интервалом в несколько недель вызвать эрекцию трением полового члена; никакого результата не последовало, хотя эрекции возникали спонтанно в период полового созревания при нормальных сексуальных ощущениях.^[306]

Я в долгу перед корреспондентом за следующие заметки:—

"По моим наблюдениям за пять лет учебы в школе-интернате, *кажется*, что восемь из десяти мальчиков были более или менее пристрастны к этой практике. Но я бы не стал *утверждать* положительно, что такова была доля мастурбаторов в среднем среди тридцати учеников, хотя эта привычка была очень распространена. Я знаю, что в одной спальне спали семь мальчиков, и все они часто мастурбировали. Акт совершался в постели, в шкафах, а иногда и в классах во время уроков. Расспросы моих друзей об онанизме в школах-интернатах, в которые их отправляли, дали несколько противоречивые ответы относительно распространенности этой привычки. Доктор ..., который ходил во французскую школу, сказал мне, что у *всех* старших мальчиков были сообщники помладше во взаимной мастурбации. Он также по собственному опыту рассказал о распространенности этой практики в известной государственной школе на западе Англии. Б. сказал, что *все* мальчики в его школе мастурбировали; Г. заявил, что *большинство* его одноклассников были онанистами; Л. сказал, что "больше половины" - это пропорция.

"В моей школе ручная мастурбация была как одиночной, так и взаимной; и иногда мальчиков младшего возраста, которые не приобрели эту привычку, заставляли манипулировать

мальчиками постарше. Один не по годам развитый пятнадцатилетний мальчик всегда выбирал себе спутницу в возрасте десяти лет, "потому что у него была женская рука". Иногда мальчики забирались в постель к своему другу для взаимного возбуждения. В загробной жизни они не проявляли никаких признаков инверсии. Другой мальчик, лет четырнадцати, соблазненный служанкой, обнял подушку; приятные ощущения, по его словам, усиливались от представления, что подушкой была женщина. Он сказал, что удовольствие от этого действия значительно возросло во время каникул, когда он смог разложить на подушке пару панталон своей сестры и таким образом усилить иллюзию.

"До наступления половой зрелости мальчики казались более зрелыми, чем после. Некоторые из старших и более умных мастурбаторов регулировали эту привычку, как некоторые женатые мужчины регулируют половой акт. Упомянутый большой мальчик, который всегда выбирал одного и того же манипулятора, заявил, что баловался только один раз в двадцать дней, мотивируя это тем, что более частое повторение этого действия нанесло бы вред его здоровью. Примерно два раза в неделю для мальчиков, достигших половой зрелости, и один раз в неделю для мальчиков помладше - это, я думаю, было примерно средним баловством. Я никогда не встречал параллели ни с одним из тех случаев чрезмерной мастурбации, зафиксированных многими врачами. Возможно, в этой школе были такие случаи, но, если это так, мальчики скрывали частоту своего удовлетворения.

"Мой опыт показал, что многие парни считали мастурбацию предосудительной; но их аргументом было "это делают все". Некоторые, часто те, кто предавался ей чрезмерно и более тайно, чем их товарищи, серьезно осуждали эту практику как греховную. Некоторые, казалось, считали, что "в этом нет никакого вреда", но что привычка может замедлить рост и ослабить организм, если практиковать ее очень часто. Большинство не пытались скрыть свою привычку, они подчеркивали, что это доставляет им удовольствие; это было "намного приятнее, чем есть пирожные" и т.д.

"Главной причиной, я полагаю, является посвящение старшим школьным товарищем. Но я знал случайные причины, такие как открытие, что забираться на шест приятно возбуждает орган, растирание, чтобы снять раздражение, и простое, любопытное обращение с эрегированным пенисом рано утром, перед тем как встать с постели".

Я цитирую предыдущее сообщение как, возможно, довольно типичный опыт британской школы, хотя я сам склонен думать, что распространенность мастурбации в школах часто сильно переоценивают, поскольку, в то время как в некоторых школах эта практика, несомненно, широко распространена, в других она практически неизвестна или, во всяком случае, практикуется лишь несколькими людьми тайно. Мои собственные ранние воспоминания о (частной) школьной жизни не содержат никаких воспоминаний любого рода, связанных ни с мастурбацией, ни с гомосексуализмом; и, хотя такое счастливое неведение может быть скорее исключением, чем правилом, я определенно склонен полагать, что — из-за расы, климата и более здоровых условий жизни — сексуальное влечение менее развито в школьном возрасте в Англии, чем в некоторых континентальных странах. Вероятно, именно к этому запоздалому развитию следует отнести контраст, который Ферреро обнаруживает (*"Европа Джованни"*, стр. 151-56) и, безусловно, слишком категорично утверждает между сексуальной сдержанностью молодых англичан и сексуальной нескромностью его собственных соотечественников.

В Германии Нэкке также заявил ("Критические замечания о капителе сексуальности", *Архив психиатрии*, стр. 354-56, 1899), что в школе он ничего не слышал ни о мастурбации, ни о гомосексуализме, и он описывает опыт друзей-врачей, которые утверждали, что такие явления были лишь редкими исключениями и рассматривались большинством мальчиков как проявления "*гомосексуальность*". В других немецких школах, как показал Гоше, сексуальные практики очень распространены. Очевидно, что в разных школах и даже в одной и той же школе в разное время частота этих проявлений различается в широких пределах.

Мне кажется, что такие различия обусловлены двумя причинами. Во-первых, они в значительной степени зависят от характера более влиятельных старших мальчиков. Во-вторых, они зависят от отношения директора школы. В связи с этим я могу процитировать письмо, написанное опытным преподавателем одной из самых известных английских государственных школ: "Когда я впервые пришел в ..., четверть века назад, доктор ... проводил крестовый поход против этого недостатка; мальчиков массово отсылали; в школе собирали и торжественно читали лекции; и чем серьезнее были условия, тем свирепее распространялась болезнь. Я подумал про себя, что лекарство порождает болезнь, и позже услышал от одного старика, что в те дни они обычно обсуждали разные вещи у камина и думали, что в грехе, который так много преодолевает, должно быть что-то очень изощренное. Доктор ... ушел, и, согласно ..., мы никогда не говорили о таких вещах. Любопытство улеглось, и само это, я полагаю, уменьшилось. Нам сказали предупреждать новичков об опасности для здоровья и морали подобных правонарушений, чтобы невиновные не были пойманы на невежестве. Я разговаривал лишь с несколькими; я думаю, что самое главное - не вбивать это в головы мальчиков. Чаще всего я замечал одиночные ошибки, а затем рассказывал мальчику, как он физически ослабляет себя. Если вы заметили, кажется, что щенки идут против Природы, но взрослые собаки - никогда. Итак, если бы два маленьких мальчика поступили так, я бы подумал, что это просто инстинктивное чувство Природы, которое исправилось бы само собой. Многие здесь сочли бы это отвратительным грехом, но те, кто считает подобные вещи грехами, сами их совершают. В старые времена я видел, как самых очаровательных маленьких детей отсылали прочь, заклеяв позором, и едва ли понимали почему — с таким же успехом вы могли бы выгнать мальчика за то, что он почесал голову, когда она чесалась. Я уверен, что самый разумный способ - отнестись к этому так, как это сделал бы врач, и объяснить мальчику физические последствия любого рода чрезмерного потакания своим слабостям. Когда с этим злом борются с монашеской точки зрения, оно становится эпидемией". Я, однако, далек от желания одобрять политику игнорирования сексуальных феноменов молодежи. Под сомнение следует ставить не разговор о таких вещах, а мудрость и здравый смысл говорящего. Нам следует ожидать, что директор школы должен обладать как достаточным знанием природы таких явлений, как аутоэротизм и гомосексуальность, так и разумной долей такта в общении с мальчиками; тогда ему можно вполне доверять в вынесении собственного суждения. Можно усомниться в том, что мальчиков следует слишком живо приучать к существованию сексуальных феноменов; в отношении их учителей сомнений быть не может. То же самое, конечно, верно и в отношении девочек, среди которых те же явления, хотя и менее навязчивые, не менее вероятны.

Относительно того, является ли мастурбация более распространенной среди представителей одного пола, чем другого, были значительные расхождения во мнениях. Тиссо считал, что это более распространено среди женщин; Кристиан считал, что это более распространено среди мужчин; Деландес и Иван Блох считают, что сексуальных различий нет, а Гарнье сомневался.

Лоусон Тейт в своей книге "*Болезни женщин*" высказал свое мнение о том, что в Англии, хотя это очень распространено среди мальчиков, это относительно редко встречается среди женщин, а затем обычно преподается. Шпицка в Америке также обнаружила это заболевание относительно редко среди женщин, и Дана считает, что оно чаще встречается у мальчиков, чем у девочек или взрослых.^[307] Moll склонен считать, что мастурбация менее распространена среди женщин и девочек, чем среди мужского пола. Роледер считает, что после полового созревания, когда это заболевание одинаково распространено у обоих полов, оно чаще встречается у мужчин, но женщины мастурбируют с большей страстью и творческим пылом.^[308] Келлог из Америки говорит, что это заболевание одинаково распространено у обоих полов, но что женщины более скрытны. С другой стороны, Моррис, также живущий в Америке, считает, что постоянная мастурбация более распространена среди женщин, и объясняет это более здоровым образом жизни и традициями мальчиков. Пуйе, который со значительной тщательностью изучил этот вопрос во Франции, пришел к выводу, что мастурбация более распространена среди женщин, среди которых, как он обнаружил, она одинаково распространена как среди богатых, так и среди бедных, и особенно в крупных центрах цивилизации. В России Гутцайт утверждает в своем *Исследовании практики*, что в возрасте от 10 до 16 лет мальчики мастурбируют больше, чем девочки, которые меньше знают о практике, которая не имеет для них очарования запретного, но после 16 лет он обнаруживает, что эта практика чаще встречается у девочек и женщин, чем у юношей и мужчин. Нэкке из Германии считает, что существует много свидетельств, указывающих в том же направлении, а Адлер считает, что мастурбация очень распространена среди женщин. Мораглия решительно придерживается мнения, основанного на его собственных наблюдениях, о которых уже упоминалось, что мастурбация более распространена среди женщин; он ссылается на факт — очень важный факт, на который мне придется указать в другом месте, — что, в то время как у мужчины есть только один сексуальный центр, пенис, у женщины есть несколько центров — клитор, влагалище, матка, груди,^[309] — и он упоминает, что знал проститутку, хорошо развитую брюнетку с несколько нервным темпераментом, которая хвасталась, что сама знает четырнадцать способов мастурбации.

Мое собственное мнение таково, что вопрос о сексуальном распространении мастурбации был несколько затемнен той вредной тенденцией, на которую я уже ссылался, концентрировать внимание на определенном наборе аутоэротических явлений. Мы должны рационально группировать и разделять наши факты, если хотим ими управлять. Если мы ограничим наше внимание очень маленькими детьми, имеющиеся данные показывают, что подобная практика гораздо чаще встречается у женщин,^[310] и такой результат согласуется с тем фактом, что преждевременное половое созревание чаще всего встречается у детей женского пола.^[311] В пубертатном и подростковом возрасте случайная или частая мастурбация распространена как у мальчиков, так и у девочек, хотя, я полагаю, менее распространена, чем иногда предполагается; трудно сказать, более ли она распространена среди мальчиков или девочек; можно склониться к выводу, что она более распространена среди мальчиков. Сексуальное влечение и, следовательно, склонность к мастурбации, как правило, пробуждаются позже и с меньшей легкостью у девочек, чем у юношей, хотя следует также помнить, что традиции мальчиков и их более активная жизнь сдерживают эту тенденцию, в то время как у девочек гораздо реже наблюдается какое-либо сдерживающее влияние соответствующего характера.^[312] В своем исследовании инверсии я обнаружил, что невежество и такое же отсутствие традиций, вероятно, являются факторами распространенности гомосексуальных наклонностей среди

женщин.^[313] После подросткового возраста, я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что мастурбация чаще встречается у женщин, чем у мужчин. К этому времени мужчины в основном освоили тот или иной метод сексуального удовлетворения с противоположным полом; женщины в гораздо большей степени лишены такого удовлетворения; более того, хотя в редких случаях женщины сексуально развиты не по годам, чаще случается, что их сексуальные импульсы набирают силу и самосознание только по истечении подросткового возраста. На меня произвела большое впечатление частота, с которой время от времени мастурбируют (особенно в период менструации) активные, умные и здоровые женщины, которые в остальном ведут целомудренный образ жизни. Этот опыт подтверждается другими людьми, которые в состоянии установить факты среди нормальных людей; так, одна дама, пользующаяся доверием многих женщин, сказала мне, что она считает, что все незамужние женщины мастурбируют, поскольку она нашла так много доказательств, указывающих в этом направлении.^[314] Это утверждение, безусловно, нуждается в некоторой квалификации, хотя я считаю, что оно недалеко от истины в отношении молодых и здоровых женщин, которые после нормальных сексуальных отношений были вынуждены по той или иной причине разорвать их и вести одинокую жизнь.^[315] Но мы должны помнить, что есть некоторые женщины, очевидно, со значительной степенью врожденной сексуальной анестезии (несомненно, в том или ином отношении ниже нормы нормального здоровья), у которых сексуальный инстинкт никогда не пробуждался, и которые не только не мастурбируют, но и не проявляют никакого желания нормального удовлетворения; в то время как в значительной доле других случаев этот импульс удовлетворяется пассивно способами, о которых я уже упоминал. Аутоэротические феномены, которые происходят таким образом, спонтанно, путем погружения в грезы, практически без активного вмешательства, безусловно, встречаются гораздо чаще у женщин, чем у мужчин. С другой стороны, вопреки тому, что можно было бы ожидать, тесно связанные аутоэротические явления во время сна, по-видимому, чаще наблюдаются у мужчин, хотя у женщин, как мы нашли основание для заключения, они гораздо шире и впечатляюще отражаются на психической жизни в состоянии бодрствования.

Мы обязаны Рестифу де ла Бретонну, возможно, самым ранним точным описанием мастурбирующей женщины. В 1755 году он познакомился с темноволосой молодой женщиной, некрасивой, но хорошо сложенной, с теплым темпераментом, воспитанной в монастыре. Однажды было замечено, как она сильно разволновалась, глядя из окна на молодого человека, которым нежно интересовалась. "Ее движения стали взволнованными; я подошел к ней и действительно поверил, что она произносила нежные слова; она покраснела. Затем она глубоко вздохнула и застыла неподвижно, вытянув ноги, которые она напрягла, как будто почувствовала боль". Далее намекается, что в этом маневре участвовали ее руки (*Месье Николя*, т. vi, стр. 143).

Графические изображения мастурбирующей женщины также встречаются на гравюрах восемнадцатого века. Так, во Франции "Миди" Бодуэна (воспроизведено в книге Фукса *"Эротический элемент в карикатуре"*, рис. 92) изображает элегантную молодую леди в садовой беседке в стиле рококо; она читала книгу, которую только что уронила вместе с зонтиком; она томно откидывается назад, и ее рука начинает пробираться сквозь прорезь на груди.

Адлер, который изучал женскую мастурбацию с большей тщательностью, чем кто-либо из предыдущих авторов, подробно описал аутоэротические проявления, связанные с случаем умной и непредубежденной женщины 30 лет, которая начала мастурбировать в двадцать лет и

практиковала это с интервалом в несколько недель. Она испытала желание сексуального удовлетворения при следующих обстоятельствах: (1) спонтанно, непосредственно перед или после менструации; (2) как метод лечения бессонницы; (3) после мытья частей тела теплой (но не холодной) водой; (4) после эротических сновидений; (5) совершенно внезапно, без определенной причины. Феномены мастурбационного процесса делились на две стадии: (1) неполное возбуждение, (2) наивысшее приятное удовлетворение. Это происходило только вечером или ночью, и для этого требовалось особое положение: правое колено согнуто, а правая ступня прижата к колену вытянутой левой ноги. Затем согнутые указательный и средний пальцы правой руки плотно прикладывали к нижней трети левой нижней губы, которую втирали в нижележащие части. На этой стадии проявления иногда прекращались либо из-за усилий по самоконтролю, либо из-за усталости руки. Не было ни выделения слизи, ни общего потоотделения, но была некоторая степень удовлетворения и усталости, за которыми последовал сон. Однако, если манипуляция продолжалась, достигалась вторая стадия, и средний палец погружался во влагалище, в то время как указательный палец оставался на губе, а остальная часть руки удерживала и сжимала всю вульву, от лобка до ануса, напротив симфиза, совершая движения назад и вперед, при этом левая рука также часто использовалась для поддержки и содействия правой. Теперь части тела на ощупь напоминали грибы, и через несколько секунд или после более длительного интервала было достигнуто полное ощущение приятного удовлетворения. В тот же момент произошло (но только после того, как у нее был опыт полового акта) непроизвольное приподнятия таза, вместе с выделением слизи, отчего рука стала влажной, причем эта слизь имела запах, совершенно отличный от обычной влагалищной слизи без запаха; в то же время палец во влагалище почувствовал легкое сокращение всей стенки влагалища. Кульминация сексуального удовольствия длилась несколько секунд с сопутствующими вагинальными сокращениями, затем медленно утихала с ощущением общего благополучия, в то же время палец выскальзывал из влагалища, и она оставалась в состоянии общего потоотделения, и сразу же следовал сон; когда этого не происходило, она часто ощущала некоторую чувствительность в крестце, которая продолжалась в течение нескольких часов и особенно ощущалась в положении сидя. Когда мастурбация была результатом эротического сновидения (что случалось, но редко), первая стадия была достигнута уже во сне, а вторая - быстрее. Во время акта лишь изредка появлялись какие-либо мысли о мужчинах или о половом акте, внимание было приковано к приближающейся кульминации. Последующее психическое состояние обычно было состоянием самобичевания. (О. Адлер, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, стр. 26-29.) Явления в этом случае можно рассматривать как довольно типичные, но существует множество индивидуальных вариаций; выделение слизи и сокращения влагалища часто происходят перед фактическим оргазмом, и обычно не происходит введения пальца во влагалище у женщин, которые никогда не испытывали полового акта, или, более того, даже у тех, кто испытывал.

Теперь мы должны обратиться к тому аспекту нашей темы, который в прошлом всегда казался единственным аспектом аутоэротических феноменов, заслуживающим внимания: симптомам и результатам хронической мастурбации. По-видимому, это был англичанин, который в начале восемнадцатого века впервые привлек внимание общественности к предполагаемому злу мастурбации. Его книга была опубликована в Лондоне и озаглавлена: *Онания, или Отвратительный грех саморазрушения, и все его ужасные последствия для обоих полов, рассмотренные с духовными и физическими советами* и т.д. Это не серьезный медицинский трактат, а ранний и, безусловно, превосходный образец литературы того рода, с которым мы с

тех пор познакомились по ежедневным газетам. Большая часть книги, которая умно написана, в более поздних изданиях посвящена письмам нервных и ипохондрических молодых людей и женщин, которые слишком застенчивы, чтобы навестить автора, но просят его прислать бутылку его "Укрепляющей настойки" и упоминают, что они вкладывают полгинеи, гинею или еще большую сумму. О составе "Укрепляющей настойки" нам ничего не сообщается.^[316] Говорят, что это произведение, которое впоследствии было приписано писателю по фамилии Беккерс, выдержало не менее восьмидесяти изданий и было переведено на немецкий. Тиссо, врач из Лозанны, опубликовал свою *Характеристику онанизма: диссертацию о продуктивных болезнях при мастурбации*, впервые опубликованную на латыни (1760), затем на французском (1764), а затем почти на всех европейских языках. Он рассматривал мастурбацию как преступление и как "акт самоубийства". Его книга представляет собой произведение забавных преувеличений и риторики, рьяно излагающее чудовищные пороки мастурбации в стиле, сочетающем, как замечает Кристиан, стилистику Руссо с оттенком религиозного благочестия. Тиссо включил под термин "онанизм" только ручное самоистязание; вскоре после этого Вольтер в своем *Философском словаре* затронул эту тему, придав ей более широкое значение и еще больше популяризовав ее. Наконец, несколько позже (1836) Лаллеман написал книгу, которая действительно носила более научный характер, но в которой по-прежнему стремился представить мастурбацию как источник всех зол. Эти четыре писателя — автор "*Онани*", Тиссо, Вольтер, Лаллеман — безусловно, несут ответственность за многое. Ошибочные представления многих медицинских авторитетов, сохраненные традицией вплоть до нашего времени; мощный рычаг, оказавшийся в руках недобросовестных шарлатанов; страдания, ужас и раскаяние, которые в тишине испытывают многие тысячи невежественных и часто невинных молодых людей, — все это в значительной степени восходит к этим четверым благонамеренным, но (в данном вопросе) введенным в заблуждение авторам.

На самом деле нет конца списку реальных или предполагаемых симптомов и результатов мастурбации, приведенному различными медицинскими авторами за последнее столетие. Безумие, эпилепсия, многочисленные формы глазных заболеваний, надорбитальная головная боль, затылочная головная боль (Шпицка), странные ощущения в верхней части головы (Сэвидж), различные формы невралгии (Энсти, Дж. Чепмен), болезненность кожи в нижней части спины (Чепмен), болезненность молочных желез у молодых девушек (Лакассань), гипертрофия молочных желез (Оссендовский), астма (Пейер), шумы в сердце (Сирли), появление пузырьков на ранах (Барадюк), акне и другие формы кожных высыпаний (автор книги *Онания*, Клипсон), расширенные зрачки (Скин, Льюис, Мораглия), глаза направлены вверх и вбок (Пуйе), темные круги вокруг глаз, периодическая функциональная глухота (Боннье), болезненные менструации (Дж. Чепмен), катар матки и влагалища (Винкель, Пуйе), заболевание яичников (Джессетт), бледная и обесцвеченная кожа (Льюис, Мораглия), покраснение носа (Грунер), носовое кровотечение (Джоал, Дж. Н. Маккензи), патологические изменения в носу (Флисс), судорожный кашель в период полового созревания (Гауэрс), повышенная кислотность влагалища (Р. В. Шуфельдт), недержание мочи у молодых женщин (Жирандо), бородавки на руках у женщин (Дюрр, Крейчмар, фон Ойе), галлюцинации обоняния и слуха (Гризингер, Льюис), перемежающаяся функциональная глухота (Боннье), индикан в моче (Хертер), анемия. неопикуемый запах кожи у женщин (Skene) — это лишь некоторые из признаков и последствий мастурбации, приводимых различными видными авторитетами.^[317]

То, что многие из этих проявлений действительно возникают в связи с мастурбацией, не вызывает сомнений; есть также веские основания полагать, что некоторые из них могут быть

результатом воздействия мастурбации на несовершенно здоровый организм. Но во всех таких случаях мы должны говорить с большой осторожностью, поскольку, по-видимому, существует мало надежных доказательств того, что простая мастурбация у хорошо рожденного и здорового человека может привести к каким-либо пагубным результатам, помимо незначительных функциональных нарушений, и это только тогда, когда она практикуется в избытке. Чтобы проиллюстрировать реальную патологическую взаимосвязь мастурбации, можно кратко рассмотреть несколько типичных и важных расстройств.

Тонкий механизм глаза является одной из первых частей нервного аппарата, которая нарушается при любом чрезмерном напряжении системы; неудивительно, что мастурбация широко обвиняется как причина проблем со зрением. Если, однако, мы обратимся к результатам, полученным наиболее осторожными и опытными наблюдателями - офтальмологами, становится очевидным, что мастурбация, как причина заболевания глаз, сливается с более широкими причинами. В Германии Герман Кон, выдающийся офтальмохирург из Бреслау, полностью занимался этим вопросом.^[318] Кон, который считает, что все молодые мужчины и женщины в той или иной степени мастурбируют, считает, что мастурбация должна быть чрезмерной, чтобы проблемы со зрением стали очевидными. В большинстве его случаев онанировал несколько раз в день в течение пяти-семи лет, во многих - в течение десяти лет, а в одном - в течение двадцати трех лет. В таких случаях мы, очевидно, имеем дело с ненормальными людьми, и никто не будет оспаривать возможность вредных последствий; в некоторых случаях, когда мастурбация была прекращена, проблемы со зрением улучшились. Однако даже в этих случаях проблемы были незначительными, главной из которых, по-видимому, была фотопсия (субъективное ощущение света) при нормальном состоянии зрачка, зрения, цветоощущения и сетчатки. В некоторых случаях наблюдалась светобоязнь, и он также обнаружил паралич аккомодации и конъюнктивит. Позже Салмо Кон в своей всеобъемлющей монографии о взаимосвязи между глазами и половыми органами у женщин собрал воедино многочисленные случаи проблем со зрением у молодых женщин, связанных с мастурбацией, но в большинстве этих случаев мастурбация практиковалась с большой частотой в течение длительного периода, и поражения глаз обычно не были серьезными.^[319] В Англии Пауэр исследовал связь половой системы с заболеваниями глаз. Он склонен думать, что последствия мастурбации были преувеличены, но он считает, что она может вызывать такие по большей части тривиальные жалобы, как фотопсис, мышечная астенопия, возможно, блефароспазм и, возможно, конъюнктивит. Далее, однако, он указывает на то, что более серьезные жалобы на зрение вызваны избытком при нормальном половом акте, половым воздержанием и особенно неупорядоченными менструациями. Таким образом, мы видим, что даже когда мы рассматриваем механизм, столь тонко сбалансированный и столь легко нарушаемый любым сбоем в системе, как зрение, мастурбация не дает никакого эффекта, за исключением случаев, когда доходит до степени, свидетельствующей о наследственно несовершенно совершенном организме, хотя даже в этих случаях эффекты обычно незначительны, более того, в каком-либо отношении неспецифичны, но сопоставимы и даже превосходят результаты других нарушений половой системы.

Давайте обратимся к предполагаемому влиянию мастурбации на возникновение безумия и нервных заболеваний. Здесь мы можем главным образом осознать огромное влияние, оказанное Тиссо и его последователями на медицинскую науку в течение ста лет. Умственная слабость является причиной, а не результатом чрезмерной мастурбации, заявил Галл,^[320] но он был гениальным человеком в изоляции. Сэр Уильям Эллис, психиатр со значительной

репутацией в начале прошлого века, мог написать с научной невозмутимостью: "Я без колебаний заявляю, что у очень большого числа пациентов во всех государственных лечебницах заболевание может быть приписано этой причине". Он, действительно, признает, что иногда это может быть всего лишь симптомом, но продолжает утверждать, что мастурбация "до сих пор не выставлялась в том ужасном свете, в котором она заслуживает быть показана", и что "в гораздо большем числе случаев" она является истинной причиной слабоумия.^[321] Эскироль приписал свое имя и влияние аналогичному взгляду на пагубное влияние мастурбации. На протяжении столетия, вплоть до наших дней, эта точка зрения традиционно сохранялась в измененном виде. В очевидном неведении об огромной распространенности мастурбации и, насколько можно судить, без каких-либо попыток провести различие между причиной и следствием или устранить наследственный невропатический элемент, многие психиатры приписывают значительную долю случаев безумия, идиотии, эпилепсии и заболеваний спинного мозга неосложненной мастурбации. Так, в государственной больнице Маттеаван (Нью-Йорк) для душевнобольных преступников и душевнобольных заключенных с 1875 по 1907 год мастурбация была единственной установленной причиной безумия у 160 мужчин (из 2595); в то время как, по словам доктора Клары Баррус, среди 121 случая безумия у молодых женщин мастурбация является причиной в десяти случаях.^[322] Нет необходимости множить примеры, поскольку эта традиционная тенденция знакома всем.

По-видимому, во многом благодаря Гризингеру в середине прошлого века мы обязаны первому авторитетному появлению более здорового и разборчивого взгляда на результаты мастурбации. Хотя Гризингер все еще был в некоторой степени скован традициями, господствовавшими в его время, он видел, что пагубные последствия вызывала не столько сама мастурбация, сколько чувства, вызываемые в чувствительных умах общественным отношением к мастурбации. "Эта постоянная борьба, - писал он, - с желанием, которое даже становится всепоглощающим и которому индивид всегда в конце концов уступает, эта скрытая борьба между стыдом, раскаянием, благими намерениями, и раздражением, побуждающим к действию, - это, после немалого знакомства с онанистами, мы считаем гораздо более важным, чем первичный прямой физический эффект". Он добавил, что особых признаков мастурбации нет, и пришел к выводу, что чаще это симптом, чем причина. Общий прогресс в области обоснованных мнений с той даты, в основном, подтвердил и продвинул вперед результаты, осторожно изложенные Гризингером. Этот выдающийся психиатр считал, что мастурбация, практикуемая в детстве, может привести к безумию. Берхан в своем исследовании детских психозов обнаружил, что ни в одном случае мастурбация не была причиной. Фогель, Уффельманн и Эммингхаус в ходе аналогичных исследований пришли к почти одинаковым выводам.^[323] Эммингхаус настаивает, что мастурбация может привести к каким-либо серьезным результатам только при врожденно патологической нервной системе. "Большинство случаев, связанных с мастурбацией, - пишет Кирнан (в частном письме), основываясь на своем богатом клиническом опыте, - являются либо гебефренией, либо истерией, при которой следствие принимается за причину". Кристиан, за двадцатилетний опыт работы в больницах, приютах и частной практике в городе и сельской местности, не обнаружил никаких серьезных вредных последствий мастурбации.^[324] Он действительно считает, что у женщин это может быть более серьезным злом, чем у мужчин. Но Йеллоулис считает, что у женщин "это, возможно, менее утомительно и вредно, чем у другого пола", чего также придерживались Хэммонд и Гутцайт, хотя он обнаружил, что женщины продвинулись в этой практике гораздо дальше, чем мужчины, и Нэкке, который уделил этому

вопросу особое внимание, не смог обнаружить, что мастурбация является определенной причиной безумия у женщин в единственном случае.^[325] Кох также приходит к аналогичному выводу в отношении обоих полов, хотя и признает, что мастурбация может вызывать некоторую степень психопатического ухудшения. Однако даже в этом отношении он указывает, что "когда это практикуется в умеренных количествах, это не вредно в том определенном и исключительном смысле, в каком это считается во многих кругах. Именно люди, нервная система которых уже повреждена, легче всего мастурбируют и практикуют это неумереннее других"; главный источник этого зла - самобичевание и борьба с импульсом.^[326] Кальбаум, это правда, под влиянием более старой традиции, когда он выделил кататонию в отдельное расстройство (не всегда принятое в более поздние времена), рассматривал длительную и чрезмерную мастурбацию как главную причину, но я не знаю, чтобы он когда-либо утверждал, что это была единственная и достаточная причина в здоровом организме. Кирнан, один из первых авторов о кататонии, осторожно указывал, что мастурбация, вероятно, была таким же следствием, как и причиной болезненного нервного состояния.^[327] Модсли (в "*Теле и разуме*") признал мастурбацию особой возбуждающей причиной характерной формы безумия; но он осторожно добавил: "Тем не менее, я думаю, что насилие над собой редко, если вообще когда-либо, вызывает ее без содействия невроза безумия".^[328] Шюле также признал специфическое мастурбационное помешательство, но общая тенденция отвергать любую подобную нозологическую форму становится заметной; Крафт-Эбинг давно отвергла его, а Нэкке решительно выступает против него. Крепелин утверждает, что чрезмерная мастурбация может проявляться только в опасной степени у предрасположенных субъектов; так же, как и Форель и Левенфельд, как и в более ранний период, Труссо.^[329] Это правда, что Марро в своем замечательном и подробном исследовании нормальных и ненормальных аспектов полового созревания признает форму мастурбационного безумия; но единственный иллюстративный случай, который он приводит, - это молодой человек, обладающий различными стигматами дегенерации и сын отца-алкоголика; такой случай ничего не говорит нам о результатах простой мастурбации.^[330] Даже Спицка, который несколько лет назад придерживался традиционных взглядов на ужасные результаты мастурбации и признавал особую "безумную природу мастурбации", изложил свои выводы с предостережением, подрывающим его позицию: "Насилие над собой, - заключил он, - чтобы стать единственной причиной безумия, должно начинаться рано и заходить очень далеко. У людей со здоровым прошлым этого редко, при таких обстоятельствах, бывает достаточно, чтобы вызвать настоящую весанию".^[331] Когда мы вспоминаем, что нет убедительных доказательств того, что мастурбация "начинается рано и заходит очень далеко" у "лиц со здоровым прошлым", значение "типичного психоза мастурбации" Спицки несколько сводится на нет. Очевидно, что традиция побудила этих выдающихся исследователей, Марро и Спицку, занять позицию, от которой их собственная научная совесть вынудила их практически отказаться.

Современные авторитеты почти единодушны в отрицании мастурбации как причины безумия. Таким образом, Роледер в своей всеобъемлющей монографии (*Умри от мастурбации*, 1899, стр. 185-92), хотя и придерживается очень серьезного взгляда на пагубные последствия мастурбации, указывает на единодушие, которое сейчас имеет тенденцию преобладать по этому вопросу, и утверждает, что "мастурбация никогда не является прямой причиной безумия". Сексуальные эксцессы любого рода, добавляет он (вслед за Куршманом), могут, самое большее, просто дать толчок к скрытой форме безумия. В целом, заключает он, лучшие авторитеты единодушны в том, что мастурбация, безусловно, может повредить умственным

способностям, ослабляя память и угнетая интеллектуальную энергию; что, кроме того, у наследственно невротичных субъектов она может вызывать легкие психозы, такие как *безумие*, *ипохондрия*, *истерия*; что, наконец, ни при каких обстоятельствах она не может вызывать тяжелые психозы, такие как *паранойя* или *общий паралич*. "Если бы это приводило к безумию так часто, как утверждают некоторые, - замечает Келлог, - вся раса давно бы перешла к мастурбационному вырождению разума. ... Это особенно вредно для очень молодых людей и для всех, у кого слабая нервная система", но "физические черты, приписываемые этой привычке, являются общими для тысяч неврастеников". (Келлог, *Учебник психических заболеваний*, 1897, стр. 94-95.) Опять же, в начале статьи о "Мастурбации" в *Словаре психологической медицины* ТьюкаЙеллоулис заявляет, что из-за вреда, ранее причиняемого опрометчивыми заявлениями, необходимо прямо заявить, что "если практика не была длительной и ей сильно потворствовали, никаких постоянных вредных последствий не может наблюдаться". Нэкке, опять же, заявил ("Критические замечания относительно сексуальности", *Архив психиатрии*, 1899): "Нет ни соматических, ни психических симптомов, характерных для онанизма. Также не существует какого-либо специфического онанистического психоза. Я готов отрицать, что онанизм когда-либо вызывает какие-либо психозы у тех, кто еще не предрасположен". То, что такая точка зрения в настоящее время становится широко распространенной, иллюстрируется осторожным и сдержанным обсуждением мастурбации в недавней работе писателя-немедикамена Джеффри Мортимера (*Главы о человеческой любви*, стр. 199-205).

Показания свидетелей-экспертов относительно влияния мастурбации на возникновение других форм психозов и неврозов становятся столь же решающими; и здесь также традиции Тиссо постепенно стираются. "За всю мою практику, - писал Уэст сорок лет назад, - исходя из большого опыта общения с детьми и женщинами, я не видел судорог, эпилепсии или идиотизма, *вызванных* мастурбацией ни у одного ребенка любого пола. Я также не видел ни одного случая, когда истерия, эпилепсия или безумие у женщин после наступления половой зрелости были *вызваны* мастурбацией как ее эффективной причиной".^[332] Гауэрс высказывается несколько менее позитивно, но рассматривает мастурбацию не столько как причину истинной эпилепсии, сколько как причину атипичных приступов, иногда промежуточного характера между истероидной и эпилептоидной формами; эту взаимосвязь он часто наблюдал у мальчиков.^[333] Лейден, среди причин заболеваний спинного мозга, не включает какую-либо форму сексуальных излишеств. "В умеренных количествах, - замечает Эрб, - мастурбация не более опасна для спинного мозга, чем естественный половой акт, и не имеет вредных последствий";^[334] Эрб считает, что нет никакой разницы, достигается ли оргазм обычно или в одиночестве. Этому же мнению придерживаются Тулуз, Фюрбрингер и Куршман, как в более ранний период - Рубо.

Хотя эти авторитеты, несомненно, правы, отказываясь приписывать мастурбации какую-либо роль в возникновении психических или нервных заболеваний, мне кажется, что они несколько выходят за рамки своей компетенции, когда утверждают, что мастурбация оказывает не более вредное воздействие, чем коитус. Если бы половой акт был чисто физиологическим явлением, эта поза была бы разумной. Но сексуальный оргазм обычно связан с массой сильных эмоций, вызываемых лицом противоположного пола. Именно в радости, вызванной игрой этих эмоций, а также в разрядке сексуального оргазма заключается удовлетворение от коитуса. В отсутствие желаемого партнера оргазм, какое бы облегчение он ни принес, должен сопровождаться чувством неудовлетворенности, возможно, депрессии, даже истощения, часто стыда и

раскаяния. С тем же замечанием впоследствии выступил Стэнли Холл.^[335] Практически, также, как указал Джон Хантер, вероятность превышения при мастурбации выше, чем при половом акте. Более сомнительно, требует ли, как утверждают некоторые, мастурбация больших нервных усилий, чем коитус.^[336] Таким образом, утверждение о том, что мастурбация оказывает не более вредное воздействие, чем коитус, кажется несколько вводящим в заблуждение.^[337]

Рассматривая общий вопрос о предполагаемых серьезных симптомах и признаках мастурбации и ее пагубных последствиях, мы можем прийти к выводу, что в случае умеренной мастурбации у здоровых лиц хорошего происхождения серьезных пагубных последствий не обязательно следует.^[338] Что касается общих признаков, мы можем согласиться с тем, что Акушерско-гинекологическое общество Берлина решило в 1861 году при обсуждении этого у женщин, что ни один из них не может считаться надежным.^[339]

В конце концов, мы можем заключить вместе с Клаустоном, что противоположные взгляды на этот предмет могут быть просто объяснены тем фактом, что авторы с обеих сторон игнорировали или недостаточно признавали влияние наследственности и темперамента. Они сделали именно то, что многие ненаучные авторы о пьянстве продолжают делать по сей день, описывая ужасные последствия употребления алкоголя, не указывая, что главным фактором в таких случаях был не алкоголь, а организация, на которую алкоголь действовал. Избыток может действовать, согласно знакомой старомодной пословице, подобно зажженной спичке. Но мы всегда должны помнить очевидную истину, что имеет большое значение, бросили ли вы зажженную спичку в пороховой погреб или в море.

Хотя мы можем, таким образом, отвергнуть экстравагантные взгляды, широко распространенные в прошлом столетии относительно ужасных результатов мастурбации, как следствие невежества и ложной традиции, следует отметить, что даже у здоровых или умеренно здоровых людей любое чрезмерное самовозбуждение в одиночку все еще может привести к результатам, которые, хотя и незначительны, все же вредны. Кожа, пищеварение и кровообращение могут быть нарушены; могут возникать головные боли и невралгии; и, как при обычном сексуальном избытке или при чрезмерной частоте сексуального возбуждения во время сна, наблюдается определенное общее снижение нервного тонуса. Вероятно, наиболее важным из сравнительно частых результатов — хотя это также обычно возникает на несколько болезненной почве — является неврастения с ее разнообразными симптомами. Не может быть никаких сомнений в том, что древнее убеждение, восходящее ко временам Гиппократов, что сексуальные излишества приводят к заболеванию позвоночника, а также вера в то, что мастурбация вызывает безумие, в значительной степени обусловлены неспособностью диагностировать неврастению.

Следующий случай неврастения, зарегистрированный Эйленбургом, может быть представлен как классическая картина нервных расстройств, которые могут быть связаны с мастурбацией и часто рассматриваются как вызванные исключительно привычками к мастурбации: мисс Х. Х., 28 лет, крепкая брюнетка, с полностью развитой фигурой, без каких-либо следов анемии или хлороза, но с апатичным выражением лица, синюшными кругами вокруг глаз, с ипохондрическими и меланхолическими чувствами. Она жалуется на давление на голову ("как будто голова вот-вот лопнет"), головокружение, звон в ушах, светопсию, гемикранию, боли в спине и крестце и симптомы спинальной адинамии с чувством усталости при малейшем усилии при ходьбе или стоянии; она покачивается, когда стоит с закрытыми глазами, сухожильные

рефлексы повышены; присутствует чувство стеснения, межреберная невралгия и все признаки неврастенической диспепсии; и кардиалгия, тошнота, метеоризм, метеоризм и чередование запоров и диареи. В основном она жалуется на чувство тяжести и боли в животе, вызываемые малейшим движением, и на некую форму загрязнения (со спазмами клитора), особенно перед менструацией, с обильным выделением слизи, характерными болями и повышенной возбудимостью. Менструации были нерегулярными и обильными. Осмотр показал опухшую и удлиненную нимфу с коричневой пигментацией; довольно большое влагалище с рудиментарной девственной плевой; и ретрофлексию матки. После долгих уговоров пациентка призналась, что, будучи 12-летней девочкой, в результате неоднократных попыток коитуса со стороны 16-летнего мальчика она была склонна к частой мастурбации. Это вызвало сильный стыд и раскаяние, которых, однако, было недостаточно, чтобы избавиться от этой привычки. После смерти матери она жила одна со своим отцом-инвалидом, и ей не было никого, кому можно было бы довериться. Считая себя уже не девственницей, она отклонила несколько предложений руки и сердца и, таким образом, еще больше усугубила свое психическое состояние. (Eulenburg, *Sexuale Neuropathie*, p. 31.)

С тех пор, как Бирд впервые описал неврастению, было высказано много различных мнений относительно связи сексуальных нарушений с неврастенией. Жиль де ла Туретт в своей небольшой монографии о неврастении, следуя традициям школы Шарко, отвергает вопрос о какой-либо сексуальной причинности без обсуждения. Бинсвангер (*"Патология и терапия неврастении"*), признавая, что почти все неврастеники признают мастурбацию в какой-то период, считает, что она не является важной причиной неврастении, отличаясь от полового акта только тем фактом, что возможности для нее более часты, и что сексуальные нарушения при неврастении в большинстве случаев вторичны. С другой стороны, Роледер, который очень серьезно относится к важности мастурбации, считает, что ее наиболее серьезные последствия связаны с неврастенией. Крафт-Эбинг заявил о своем мнении, что мастурбация является причиной неврастении. Кристиан, Лейден, Эрб, Розенталь, Бирд, Хаммель, Хаммонд, Герман Кон, Куршман, Сэвилл, Герман, Фюрбрингер - все они придают первостепенное значение неврастению как результату мастурбации. Коллинз и Филипп (*Медицинская карта*, 25 марта 1899 г.) при анализе 333 случаев неврастении обнаружили, что 123 случая, по-видимому, были вызваны переутомлением или мастурбацией. Фрейд приходит к выводу, что собственно неврастению почти всегда можно отнести к чрезмерной мастурбации или к спонтанным поллюциям. (E.g., *Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre*, first series, p. 187.) Эта точка зрения подтверждается тщательным исследованием Гаттеля (*Что такое Сексуальное возбуждение при неврастении и ангстневрозе*, 1898). Гаттель исследовал 100 последовательных случаев тяжелого функционального нервного расстройства в клинике Крафт-Эбинга в Вене и обнаружил, что в каждом случае неврастении у мужчин (всего 28) имела место мастурбация, в то время как из 15 женщин с неврастенией только одна зарегистрирована как не мастурбирующая, и она практиковала *резервный коитус*. Независимо от конкретной формы нервного расстройства, Гаттель обнаружил, что 18 женщин из 42 и 36 мужчин из 58 признали факт мастурбации. (Это показывает несколько большую долю среди мужчин, но мужчины были в основном молоды, в то время как женщины были в основном более зрелого возраста.) Следует, однако, всегда помнить, что у нас нет столь же тщательной статистики мастурбации у совершенно здоровых людей. Мы также должны помнить, что мы должны проводить различие между *постом* и *проптером*, и что вполне возможно, что

неврастеники особенно предрасположены к мастурбации. Блох придерживается этого мнения и отмечает, что таким образом может образоваться порочный круг.

В целом, не может быть никаких сомнений в том, что неврастения может быть связана с чрезмерной мастурбацией. Но, хотя неврастения, вероятно, является самым тяжелым заболеванием, которое может возникнуть в результате мастурбации или сопровождать ее, мы едва ли пока вправе согласиться с выводом Гаттеля о том, что в таких случаях нет наследственной невротической предрасположенности. Мы должны четко различать противоположные ошибки тех, с одной стороны, кто утверждает, что наследственность является единственной причиной функциональных нервных расстройств, и тех, с другой стороны, кто считает, что инцидент, который может вызвать расстройство, сам по себе является единственной достаточной причиной.

Во многих случаях мне казалось, что чрезмерная практика мастурбации, особенно если она начата до наступления половой зрелости, приводит к неспособности к половому акту, а также к безразличию к нему, а иногда и к чрезмерной сексуальной раздражительности, приводящей к преждевременным поллюциям и практической импотенции. Это, однако, исключение, особенно если практика была начата только после наступления половой зрелости. Я придаю большое значение отвращению женщин к нормальному половому акту в дальнейшей жизни в результате мастурбации. В таких случаях какое-то периферийное раздражение или ненормальный ментальный стимул тренирует физический сексуальный оргазм реагировать на призыв, который не имеет ничего общего с очарованием, обычно проявляемым противоположным полом. Однако в период полового созревания притязания на страсть и настоящее очарование секса начинают давать о себе знать, но из-за того, что физические сексуальные чувства были переведены в чужое русло, эти новые и более нормальные сексуальные ассоциации остаются чисто идеального и эмоционального характера, без сильных чувственных импульсов, с которыми в здоровых условиях они, как правило, все больше и больше ассоциируются по мере перехода половой зрелости в подростковый возраст или зрелую взрослую жизнь. Я совершенно уверен, что у многих женщин, часто высокоинтеллектуальных, преждевременное увлечение мастурбацией было основной причиной, не обязательно единственной эффективной, разрыва в дальнейшей жизни между физическими чувственными импульсами и идеальными эмоциями. Поскольку чувственный импульс был развит и извращен до проявления высшей эмоции, две группы чувств оказались разделенными на всю жизнь. Это распространенный источник многих личных невзгод и семейных несчастий, хотя в то же время столкновение противоположных импульсов может привести к высокому развитию моральных качеств. Когда ранняя мастурбация является фактором, вызывающим сексуальную инверсию, она обычно действует указанным мной здесь образом: отвращение к нормальному половому акту помогает создать почву, на которой инвертированный импульс может развиваться беспрепятственно.

Этот момент не полностью ускользнул от внимания предыдущих наблюдателей, хотя они, похоже, не обратили внимания на его психологический механизм. Тиссо заявил, что мастурбация вызывает отвращение к браку. Совсем недавно Лойман ("Ueber Onanismus beim Weibe", *Therapeutische Monatshefte*, апрель 1890 г.) считал, что мастурбация у женщин, приводящая к извращению сексуальных чувств, включая неспособность находить удовлетворение в половом акте, влияет на связанные центры. Смит Бейкер, опять же ("Нервно-психический элемент супружеского отвращения", *Журнал нервных и психических заболеваний*,

сентябрь 1892 г.), находит, что "источник супружеского отвращения, по-видимому, заключается в том факте, что замена механических и необоснованных возбуждений дает более полное удовлетворение, чем взаимные законные", и приводит соответствующие примеры. Сэвилл также, который считает, что мастурбация у женщин встречается чаще, чем обычно предполагается, рассматривает диспареунию, или боль при соитии, как один из признаков этой привычки.

Таким образом, мастурбация у женщин становится, как указывают Рэймонд и Джанет (*Les Obsessions*, vol. ii, с. 307) частая причина сексуальной фригидности в браке. Эти авторы иллюстрируют череду зол, которые могут возникнуть таким образом, на примере 26-летней дамы, нормальной женщины из здоровой семьи, которую в возрасте 15 лет служанка научила мастурбировать. В возрасте 18 лет она вышла замуж. Она любила своего мужа, но у нее не было сексуальных ощущений при половом акте, и она продолжала мастурбировать, иногда по несколько раз в день, без пагубных последствий. В 24 года ей пришлось лечь в больницу из-за "плавающей почки", и поэтому она была вынуждена прекратить мастурбировать. Здесь она случайно узнала о пагубных последствиях, приписываемых этой привычке. Она решила больше этого не делать и сдержала свое решение. Но еще находясь в больнице, она безумно влюбилась в мужчину. Чтобы отвлечься от постоянных мыслей об этом мужчине, она искала отношений со своим мужем и иногда мастурбировала, но теперь это больше не доставляло ей удовольствия. Она хотела бы вообще отказаться от секса. Но это было легче сказать, чем сделать. Она стала подвержена нервным срывам, часто вызываемым видом мужчины и сопровождающимся сексуальным возбуждением. Они исчезли во время лечения, и после этого она стала полностью фригидной в сексуальном плане. Но она далека от того, чтобы быть счастливой, она потеряла всю энергию и интерес к жизни, и это ее единственное желание - обрести утраченные сексуальные чувства. Адлер считает, что даже когда мастурбация у женщин становится всепоглощающей страстью, в том, что касается органических эффектов, она обычно безвредна, ее эффекты в первую очередь психические, и он придает ей особое значение как причине сексуальной анестезии при нормальном половом акте, являясь, возможно, наиболее частой причиной такой анестезии. Он посвящает этому вопросу важную главу и приводит многочисленные примеры в качестве иллюстрации (Адлер, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 93-119, также 21-23). Адлер считает, что частота мастурбации у женщин во многом обусловлена тем фактом, что женщины испытывают большие трудности, чем мужчины, в получении сексуального удовлетворения, и поэтому неудовлетворительный половой акт вынуждает их продолжать мастурбацию после вступления в брак. Он добавляет, что отчасти из-за природной застенчивости, отчасти из-за стыда признать то, что обычно считается грехом, а отчасти из-за страха показаться отвратительной или недостойной сочувствия в глазах врача женщины обычно хранят молчание по этому поводу, и может потребоваться очень большой такт и терпение, прежде чем будет получено признание.

С психической стороны, без сомнения, наиболее частым и наиболее характерным результатом постоянной и чрезмерной мастурбации является болезненное повышение самосознания без какого-либо скоординированного повышения самооценки.^[340] Мужчина или женщина, которых целует желанная особа противоположного пола, испытывают удовлетворяющее чувство гордости и восторга, которое всегда должно отсутствовать в проявлениях аутоэротической активности.^[341] Это должно быть так, даже если мастурбатор осознает общее общественное отношение к своим практикам и свой страх обнаружения, поскольку это также может иметь место в отношении нормального полового акта без каких-либо соответствующих психических

эффектов. Мастурбатор, если его практика является привычной, таким образом, вынужден культивировать искусственное чувство собственного достоинства и может проявлять склонность к умственному высокомерию. Самоправедность и религиозность составляют, так сказать, защиту от склонности к раскаянию. Для полного развития этих характеристик, конечно, необходима болезненная ментальная почва. Следует помнить, что заядлый мастурбатор-мужчина часто является застенчивым и одиноким человеком; индивидуумы этого темперамента особенно предрасположены к эксцессам во всех проявлениях аутоэротизма, в то время как уступка таким тенденциям увеличивает сдержанность и ужас общества, в то же время вызывая определенную подозрительность у других. В некоторых крайних случаях, без сомнения, наблюдается, как считает Крепелин, некоторое снижение психических способностей, неспособность воспринимать и координировать внешние впечатления, слабость памяти, притупление эмоций или же общие явления повышенной раздражительности, ведущие к неврастении.

Я нахожу веские основания полагать, что во многих случаях психическое влияние мастурбации на женщин отличается от ее воздействия на мужчин. Как заметила Спицка, хотя иногда это может вызывать у женщин чувство самобичевания и нерешительности, часто кажется, что это делает их смелыми. Мальчики, как мы видели, рано усваивают традицию о том, что насилие над собой "не по-мужски" и вредно, но у девочек редко бывает соответствующая традиция о том, что это "не по-женски", и, таким образом, независимо от того, сдержанны они в этом вопросе или нет, перед судом собственной совести они часто меньше стыдятся этого, чем мужчины, и их меньше беспокоят угрызения совести.

Эйленбург считает, что сравнительное отсутствие вредных последствий мастурбации у девочек во многом связано с тем фактом, что, в отличие от мальчиков, их не терроризируют преувеличенные предупреждения и шарлатанская литература об ужасных результатах этой практики. Форель, который также отметил, что женщин часто сравнительно мало беспокоят угрызения совести после мастурбации, отрицает, что это связано с более низким моральным тоном, чем у мужчин (Forel, *Die Sexuelle Frage*, стр. 247). В этой связи я могу сослаться на Историю IV, записанную в Приложении к пятому тому этих *Исследований*, в которой утверждается, что из 55 проституток различных национальностей, с которыми у испытуемого были отношения, 18 спонтанно сказали ему, что они были заядлыми мастурбаторами, в то время как из 26 нормальных женщин 13 сделали то же признание без спроса. Гутцайт в России, заявив, что женщины хорошего телосложения рассказывали ему, что они мастурбировали по шесть или десять раз в день или ночь (пока не засыпали, уставшие) без плохих результатов, добавляет, что, по его наблюдениям, "мастурбация, если она не чрезмерна, в целом является вполне невинным делом, которое оказывает незначительный или вообще не оказывает постоянного эффекта", и добавляет, что она никогда, ни в коем случае, не приводит к *ипохондри* у женщин, потому что их не учили ожидать плохих результатов (*Драйссиг Закон практики*, стр. 306). Я думаю, есть доля истины — хотя исключений, несомненно, много — в различии, проведенном У. К. Крауссом ("Неврозы мастурбации", *Медицинские новости*, 13 июля 1901 г.): "По моему опыту, это [мастурбация], кажется, оказывает противоположное воздействие на оба пола, притупляя умственные и делая неуклюжими физические усилия мужчины, в то время как у женщины это ускоряет и возбуждает физические и психические движения. Мужчина становится гипоэстетичным, женщина - гиперэстетичной".

У обоих полов аутоэротические эксцессы в подростковом возрасте у умных молодых мужчин и женщин - каким бы ни было отсутствие серьезных травм при этом — все еще часто приводят к определенной степени психических извращений и, как правило, способствуют формированию ложных и взвинченных жизненных идеалов. Крепелин ссылается на частоту экзальтированного энтузиазма у мастурбаторов, и я уже цитировал замечания Энсти о связи между мастурбацией и преждевременной ложной работой в литературе и искусстве. Можно добавить, что чрезмерная мастурбация часто встречалась у мужчин и женщин, чьи работы в литературе и искусстве нельзя охарактеризовать как преждевременные и ложные. К. П. Мориц в раннем взрослом возрасте предавался чрезмерной мастурбации и до тридцатилетнего возраста имел отношений с женщинами. Говорят, что Ленау — хотя это утверждение иногда опровергается — был мастурбатором с раннего детства, и эта привычка оказала глубокое влияние на его жизнь и работу. Руссо в своих *Признаниях* превосходно описывает, как его собственная уединенная, робкая и богатая воображением жизнь находила свое главное сексуальное удовлетворение в мастурбации.^[342] Гоголь, великий русский писатель, чрезмерно мастурбировал, и было высказано предположение, что вызванная таким образом мечтательная меланхолия была фактором его успеха как романиста. Утверждалось, что Гете одно время чрезмерно мастурбировал; я не уверен, на основании какого источника сделано это утверждение, вероятно, на основании отрывка из седьмой книги "*Дихтунг унд Вархейт*", в котором, описывая свою студенческую жизнь в Лейпциге и потерю Эннхен из-за своего пренебрежения к ней, он рассказывает, как отомстил за это пренебрежение к своей собственной физической природе глупыми поступками, от которых, как он думает, он страдал в течение значительного периода.^[343] Великий скандинавский философ Серен Кьеркегор, по словам Расмуссена, серьезно страдал от чрезмерной мастурбации. То, что в наши дни выдающиеся достижения в искусстве, литературе и других областях могут сочетаться с чрезмерной практикой мастурбации, является фактом, о котором у меня есть неоспоримые доказательства.

У меня есть подробная история мужчины 30 лет, с высокими способностями в научном направлении, который, за исключением периодов умственного напряжения, практиковал мастурбацию по ночам (хотя редко чаще одного раза за ночь) с раннего детства, без каких-либо прослеживаемых пагубных последствий, что касалось его общего состояния здоровья и энергии. В другом случае школьный учитель, 30 лет, усердный работник и опытный музыкант, мастурбировал каждую ночь, иногда более одного раза за ночь, с тех пор, как он учился в школе, без каких-либо плохих результатов, насколько ему известно; у него никогда не было связи с женщиной, и он редко прикасался к вину или табаку. Куршманн знал молодого и способного автора, который с 11 лет чрезмерно мастурбировал, но сохранил физическую и умственную свежесть. Было бы очень легко сослаться на другие примеры, и я могу отметить, что, что касается историй, записанных в различных томах этих *Исследований*, заметная доля тех, в которых признается чрезмерная мастурбация, принадлежат людям выдающихся и признанных способностей.

Часто можно проследить точный механизм взаимосвязи между аутоэротическим возбуждением и интеллектуальной активностью. Браун-Секар в преклонном возрасте считал, что вызывать определенное сексуальное возбуждение, не доводя до поллюции, - это помощь в умственной работе. Рэймонд и Джанет знали мужчину, считавшего себя поэтом, который, чтобы достичь возбуждения, необходимого для сочинения своих идеальных стихов, писал одной рукой, в то

время как другой ласкал свой пенис, хотя и не до такой степени, чтобы вызвать эякуляцию.^[344] Однако мы не должны верить, что это какой-либо метод работников, заслуживающий серьезного отношения; это было бы сочтено, мягко говоря, недостойным. Это действительно метод, который мог бы понравиться только человеку со слабыми или слабеющими умственными способностями. Что более обычно происходит, так это то, что аутоэротическое возбуждение развивается, *pari passu* и спонтанно, вместе с ментальной активностью, и в момент кульминации последней аутоэротическое возбуждение также достигает кульминации, почти или даже совершенно спонтанно, во взрыве детумесценции, который снимает ментальное напряжение. Я знаком с подобными случаями как у молодых мужчин, так и у женщин с интеллектуальными способностями, и они, вероятно, встречаются гораздо чаще, чем мы обычно предполагаем.

В качестве иллюстрации к предыдущим наблюдениям я могу процитировать следующий рассказ, написанный литератором: "С момента полового созревания до 30-летнего возраста (когда я вышла замуж) я жила в девственном воздержании, в согласии со своими принципами. В течение этих лет я чрезвычайно усердно работал — в основном над искусством (музыкой и поэзией). Поскольку я зарабатывал себе на жизнь, эти занятия искусством приходились на мое вечернее время. Я заметил, что продуктивная сила проявляется периодами — периодами нерегулярной продолжительности, которые, безусловно, в частичной степени можно контролировать с помощью воли. Такой период жизненной силы обычно начинался с ощущения меланхолии, и это ускорило мой обычный бунт против ограниченности обычной жизни, переросший в жгучее отвращение к ничтожеству, которым, кажется, довольствуются столь многие смертные. По мере того как настроение становилось все более напряженным, это презрение к низшим вещам смешивалось с ярким пониманием высших истин и уступало место им. Угнетение начало уступать место осознанию вечности героических поступков; обреченность воспринималась просто как мода; любовь воспринималась как истинный властелин жизни; вечная романтика была очевидна в своей великолепии; обнаженная сила и красота мужчин были известны, несмотря на их одежду. В таком настроении создавалась моя работа; горький протест и пронизательная страсть смешались в ее создании. Возникающая жизненная сила, безусловно, имела глубокое отношение к периодичности проявления сексуальной силы мужчины. На пике силы художественно-творческого настроения наступали те естественные выбросы, с помощью которых Природа спокойно распоряжается неиспользованной мужской силой. Такие выбросы были естественными и здоровыми, а не изматывающими или истеричными. Этот процесс, несомненно, является разумным и защитным, если только субъект не нездоров. Период творческой силы искусства продлился немного дольше окончания периода естественного выброса семени — художественные произведения этой последней стадии были менее яркими и обладали более мягкой силой. Затем последовало время спокойного естественного отдыха, которое постепенно привело к следующей череде меланхолии и силы. Периоды, безусловно, различались по продолжительности, в некоторой степени контролируемые силой ума и ментальной волей к творчеству; иными словами, я мог несколько отсрочить естественное излучение, благодаря чему я получил продление периода власти".

Насколько мастурбация у умеренно здоровых людей, живущих без нормальных сексуальных отношений, может считаться нормальной, - это сложный вопрос, который должен решаться только со ссылкой на индивидуальные случаи. Как общее правило, когда оно практикуется только через редкие промежутки времени *ипо доброй воле*, чтобы получить облегчение от

физического угнетения и психической одержимости, его можно рассматривать как часто неизбежный результат неестественных обстоятельств нашей цивилизованной социальной жизни. Когда, как это часто бывает при психической дегенерации — и как это иногда бывает у застенчивых людей с богатым воображением, возможно, невротического темперамента, — это практикуется вместо сексуальных отношений, это сразу становится ненормальным и, возможно, может привести к различным вредным последствиям, психическим и физическим.^[345]

Однако всегда следует помнить, что, хотя практика мастурбации может быть вредной по своим последствиям, она также, при отсутствии нормальных сексуальных отношений, часто дает неплохие результаты. В медицинской литературе последних ста лет был случайно зарегистрирован ряд случаев, в которых пациенты находили мастурбацию полезной, и таких случаев, несомненно, могло бы быть чрезвычайно много, если бы у них было хоть какое-то открытое желание обнаружить их. Мои собственные наблюдения согласуются с наблюдениями Саддута, который утверждает, что "мастурбацией, в основном, занимаются из-за ее седативного воздействия на нервную систему. Расслабление, которое следует за актом, составляет его реальную привлекательность. ... И мастурбацию, и половой акт следует классифицировать как типичные седативные средства".^[346]

Gall (*Fonctions du Cerveau*, 1825, vol. iii, стр. 235) упоминается женщина, которую мучило сильное сексуальное желание, которое она удовлетворяла мастурбацией десять или двенадцать раз в день; это не привело к плохим результатам и привело к немедленному исчезновению сильной боли в задней части шеи, от которой она часто страдала. Клаустон (*Психические заболевания*, 1887, стр. 496) приводит следующие цитаты из письма, написанного 22-летним юношей: "Я уверен, что не могу ни объяснить, ни дать отчет в таком поведении. Иногда мне было так неловко за своей работой, что я шел в туалет, чтобы заняться ею, и это, казалось, приносило мне облегчение, и тогда я работал как шляпник целую неделю, пока это ощущение снова не овладевало мной. Я был самым грязным негодяем на свете" и т.д. Гарнье представляет случай 33-летнего монаха, живущего целомудренной жизнью, который написал следующий отчет о своих переживаниях: "По крайней мере, в течение последних трех лет я ощущал каждые две-три недели своего рода усталость в половом члене, или, скорее, легкие стреляющие боли, усиливающиеся в течение нескольких дней, а затем я испытываю сильное желание извергнуть сперму. Когда ночных поллюций не происходит, задержка спермы вызывает общее беспокойство, головную боль и бессонницу. Я должен признаться, что иногда, чтобы освободиться от общего и локального гнета, я ложусь на живот и добиваюсь эякуляции. Я сразу чувствую облегчение; кажется, что тяжесть спала с моей груди, и возвращается сон". Этот пациент консультировался с Гамье относительно того, не было ли это искусственное облегчение более опасным, чем страдания, которые оно облегчало. Гамье советовал, что, если обычный режим благоустроенного монастыря вместе с анафродизиакальными седативными средствами окажется неэффективным, маневр может быть продолжен при необходимости (П. Гарнье, *Селибат и Селибаты*, 1887, стр. 320). Х. К. Коу (*Американский журнал акушерства*, стр. 766, июль 1889 г.) приводит случай замужней дамы, которая была глубоко чувствительна к неправильной природе мастурбации, но обнаружена в это единственное средство для облегчения сильной боли в яичниках, связанной с сильным сексуальным возбуждением, сопровождающим менструацию. В межменструальный период искушение отсутствовало. Тернбулл знал юношу, который обнаружил, что мастурбация приносит большое облегчение от чувства тяжести и замешательства, которые периодически наваливались на него; и Вигглсворт

часто наблюдал мастурбацию после эпилептических припадков у пациентов, которые никогда не мастурбировали в другое время. Молл (*Половое влечение*, Bd. I, стр. 13) относится к женщине 28 лет, художнице нервного и возбудимого темперамента, которая не могла найти сексуального удовлетворения со своим любовником, но только при мастурбации, которую она делала один или два раза в день или чаще; без мастурбации, по ее словам, она была бы в гораздо более нервном состоянии. Подруга рассказала мне о замужней даме 40 лет, разлученной со своим мужем из-за несовместимости, которая страдала от нерегулярных менструаций; она попробовала мастурбацию и, по ее собственным словам, "снова стала нормальной"; раньше она никогда не мастурбировала. Мне также сообщили о случае с молодой незамужней женщиной, интеллектуальной, спортивной и хорошо развитой, которая с семи или восьми лет мастурбировала почти каждую ночь перед сном и была бы беспокойной и не смогла бы заснуть, если бы не делала этого.

Судя по моим собственным наблюдениям среди представителей обоих полов, я должен сказать, что у нормальных людей, значительно перешагнувших пубертатный возраст и ведущих в остальном целомудренный образ жизни, мастурбация практически не практикуется, за исключением физического и психического облегчения, которое она приносит. Многие энергичные и здоровые незамужние женщины или замужние женщины отдельно от своих мужей, живущие жизнью сексуального воздержания, решительно утверждали, что только периодически возбуждая себя сексуальным путем, они могли вырваться из состояния нервного угнетения и сексуальной одержимости, которое они считали состоянием истерии. В большинстве случаев это происходит во время менструации, и, независимо от того, совершается ли это как чисто физический акт — точно так же, как успокаивают ребенка, укачивая его или похлопывая по голове, — или при помощи сладострастных мысленных образов, практика не культивируется сама по себе в течение оставшейся части месяца.

В качестве иллюстрации к предыдущим утверждениям я приведу здесь несколько типичных наблюдений за опытом, связанным с мастурбацией. Все отобранные пациенты - женщины, и все они находятся в довольно нормальном и, по большей части, превосходном состоянии здоровья; некоторые из них, однако, принадлежат к несколько невротическим семьям, и это люди необычных умственных способностей и интеллекта.

НАБЛЮДЕНИЕ I.—Не замужем, 38 лет. Она очень энергичная и здоровая, с сильно страстной натурой, но никогда не мастурбировала до тех пор, пока несколько лет назад с ней не занялся любовью мужчина, который обычно целовал ее, и т.д. Хотя она не отвечала на эти ухаживания, она была повергнута в состояние беспокойного сексуального возбуждения; однажды, лежа в постели в этом беспокойном состоянии, она случайно обнаружила, проведя рукой по своему телу, что, играя с "круглой штукой" [клитором], возникает приятное ощущение. Эти манипуляции принесли ей огромное облегчение и успокоили, хотя после них осталось чувство усталости. Иногда она мастурбировала по шесть раз за ночь, особенно до и после менструации, пока не была неспособна вызвать оргазм или какое-либо чувство удовольствия.

НАБЛЮДЕНИЕ II.—Не женат, 45 лет, довольно нервный темперамент. В течение многих лет она привыкла, обычно примерно за неделю до начала менструации, получать сексуальное облегчение, вытягивая ноги в положении лежа. По ее словам, таким образом она получает полное удовлетворение. Она никогда не прикасается к себе. На следующий день у нее часто

возникают боли в нижней части живота, эти боли, по-видимому, мышечные и вызваны физической нагрузкой.

НАБЛЮДЕНИЕ III.—29 лет, недавно вышла замуж, принадлежит к невротической и болезненной семье, сама здорова и обычно живет в деревне; жизнерадостна, страстна, полна энтузиазма, интеллектуальна и принимает видное участие в благотворительных проектах и муниципальных делах; в то же время любит общество и очень привлекательна для мужчин. В течение многих лет она привыкла возбуждать себя, хотя и чувствовала, что это вредно для нее. Привычка была просто выработана *по привычке*. "Иногда я сидела на краю кровати, - сказала она, - и это охватывало меня так сильно, что я просто не могла этому сопротивляться. Я чувствовал, что должен сойти с ума, и думал, что лучше трогать себя, чем сходить с ума. ... Раньше я нажимал на свой клитор. ... После этого я очень устала — совсем не так, как с моим мужем ". Признание было сделано из убеждения в важности темы и с надеждой, что можно будет найти какой-то выход из трудностей, которые так часто преследуют женщин.

НАБЛЮДЕНИЕ IV.—Не женат, 27 лет; обладает сильным характером и высоким интеллектом; активно занимается профессиональной карьерой. В возрасте семи или восьми лет она начала испытывать то, что она описывает как ощущения, подобные молнии, "простые, смутные, неприятные ощущения или кратковременные подергивания, которые одинаково возникали в вульве, влагалище или матке, не приравниваясь к оргазму и ни на что не похожие". Следует добавить, что эти ощущения сохранились и во взрослой жизни. "Я всегда испытываю их непосредственно перед менструацией, и после нее в течение нескольких дней, и иногда, хотя мне кажется, не так часто, во время самого менструального цикла. У меня может возникнуть это ощущение четыре или пять раз в течение дня; оно совершенно не зависит от внешних впечатлений или моих собственных мыслей и иногда отсутствует несколько дней подряд. Это всего лишь одна вспышка, как будто ты щелкнешь пальцами, и все закончится".

Будучи ребенком, она, конечно, совершенно не осознавала, что в этих ощущениях было что-то сексуальное. Тогда они обычно ассоциировались с различными воображаемыми сценами. Обычно ей позволяли себе, что черный медведь поджидал ее на дереве, и что ее медленно поднимали к медведю с помощью веревок, а затем снова опускали и поднимали, чувствуя страх быть пойманной медведем, и в то же время испытывая болезненное желание быть пойманной. Спустя годы она поняла, что в основе этих фантазий лежала физическая сексуальная причина, и что ей нравилось чувство сопротивления медведю, порождающее физическое ощущение.

В несколько более позднем возрасте, хотя и будучи еще ребенком, она воспылала идеальной страстью к человеку намного старше себя, и эта страсть поглощала ее мысли в течение двух лет, в течение которых, однако, не было никакого прогресса в физических ощущениях. Именно когда ей было почти тринадцать лет, вскоре после появления менструации, и под влиянием этой идеальной страсти она впервые научилась испытывать осознанный оргазм, который не был связан с мыслями какого-либо человека. "У меня это не ассоциировалось ни с чем высоким или прекрасным, потому что я впитал наши нынешние представления о сексуальных чувствах и рассматривал их действительно в очень плохом свете". Она считает, что в этот период ее сексуальные чувства были сильнее, чем в любое другое время в ее жизни. Однако она часто могла неделями отказывать себе в физическом удовлетворении, чтобы не чувствовать себя недостойной объекта своей идеальной страсти. "Что касается сексуального удовлетворения, - пишет она, - то оно было экспериментальным. Я слышала, как девочки постарше говорили об

удовольствию от таких ощущений, но меня ничему не научили на собственном примере или как-то иначе. Я просто терла себя тряпкой для мытья посуды во время купания, ожидая результата и испытывая то же самое странное чувство, которое я так часто испытывала. Я не знаю о каких-либо негативных последствиях, но я чувствовал себя униженным и изо всех сил старался побороть эту привычку. Никто не говорил со мной об этой привычке, но из-за секретности взрослых людей и отрывков, которые я слышал из Библии, у меня сложилось впечатление, что это предосудительная практика. И, хотя это не обуздало моего желания, научило меня самоконтролю, и я поклялся, что каждый раз должен быть последним. Часто мне удавалось сохранять решимость в течение двух-трех недель ". Примерно четыре года спустя ей постепенно удалось отказаться от этой практики, поскольку это вошло у нее в привычку; она, однако, приобрела более полные знания в сексуальных вопросах, и, хотя она по-прежнему очень боится мастурбации как порока, она без колебаний облегчает свои физические ощущения, когда ей кажется, что это лучше всего. "Обычно я могу направить свои мысли в сторону от этих ощущений, - пишет она, - но если мне кажется, что они вызывают у меня раздражение или бодрствование, я справляю нужду. Это физический акт, не связанный с каким-либо глубоким чувством. Я всегда чувствовал, что это был довольно неприятный компромисс с моей физической природой, но, безусловно, необходимый в моем случае. Тем не менее, я воздерживалась от удовлетворения в течение очень длительных периодов. Если ощущение не является сильным во время менструации, я прекрасно продолжаю без каких-либо ощущений или удовлетворения до следующей менструации. И, как это ни странно, лучшее противоядие, которое я нашел, и лучшая профилактика - это думать о духовных вещах или о ком-то, кого я люблю. Я полагаю, это просто вопрос тренировки — своего рода умственная гимнастика, — которая отвлекает внимание от физических ощущений ". У этой дамы никогда не было никаких сексуальных отношений, и, поскольку она амбициозна и верит, что сексуальные эмоции могут быть преобразованы таким образом, чтобы стать источником движущей силы на протяжении всей жизни, она желает избегать таких отношений.

НАБЛЮДЕНИЕ V.— Не замужем, 31 год, в добром здравии, с, однако, несколько истеричным избытком энергии. "Когда мне было около 26 лет, - пишет она, - ко мне пришла подруга с признанием, что в течение нескольких лет она мастурбировала и стала такой рабыней этой привычки, что серьезно страдала от ее пагубных последствий. В то время я никогда не слышал о насилии над собой со стороны женщин. Я выслушал ее историю с большим сочувствием и интересом, но с некоторым скептицизмом, и решил провести эксперименты на себе, надеясь разобраться в этом вопросе, чтобы помочь моей подруге. После некоторых манипуляций мне удалось пробудить то, что раньше было бессознательным и неизвестным. Я намеренно позволил этой привычке укорениться во мне, и однажды ночью — поскольку я всегда оперировал себя перед сном, никогда утром — я получил значительное приятное удовлетворение, но на следующий день моя совесть проснулась; я также почувствовал боль в затылке и ниже по позвоночнику. Я на время прекратила свои операции, а затем начала снова довольно регулярно, раз в месяц, через несколько дней после менструации. В те месяцы, когда я проявлял умеренность, я думаю, что получил значительное местное облегчение при сравнительно небольших травмах, но позже, обнаружив, что у меня крепкое здоровье, я расширил свои эксперименты, привычка вошла во мне, и только с почти нечеловеческим усилием я освободился. Излишне говорить, что я не оказал никакой помощи моей страдающей подруге и никогда не возвращался к этой теме после ее признания мне.

"Примерно два года спустя я услышал о том, что сексуальные отношения между женщинами стали частой привычкой в определенных кругах. Я снова заинтересовался мастурбацией, потому что мне сказали кое-что, что заставило меня поверить, что мне предстоит открыть для себя гораздо больше. Не зная самой элементарной физиологии, я расспросил некоторых своих друзей, а затем начал снова. Я ограничился облегчением местной гиперемии и раздражения, вызывая выделение слизи, а не стремясь к удовольствию. В то же время я стремился выяснить, к чему приведут манипуляции с клитором. Привычка росла во мне с поразительной быстротой, и я стал более или менее ее рабом, но я не страдал от очень серьезных вредных последствий, пока не отправился на поиски новых открытий. Я обнаружила, что являюсь полным невеждой в вопросах формирования женского тела, и путем экспериментов на себе стремилась обнаружить влагиалище. Я продолжала свои операции, пока не получила вход. Я думаю, что грубое обращение со мной на этом заключительном этапе нарушило мою нервную систему и вызвало у меня сильную боль и истощение в затылке, позвоночнике, задней части глаз, общее чувство вялости и т.д.

"Я не мог вынести того, что был рабом привычки, и после долгих страданий и усилий, которые привели только к падению на более низкие глубины сознательной несостоятельности, мое лучшее "я" взбунтовалось, пока, ценой огромных усилий и долгих молитв, я не сохранил себя чистым в течение целой недели. Это частичное выздоровление дало мне надежду, но затем я снова пал жертвой привычки, к большому своему огорчению, и потерял надежду когда-либо вернуться по своим следам к своему идеалу добродетели. На несколько дней я потерял энергию, дух и надежду; моя нервная система, казалось, была разрушена, но на самом деле я не отчаивался в победе в конце концов. Я думал обо всех пьяницах, скованных своими неводержанными привычками, о заядлых курильщиках, которые не могли существовать без табака, и обо всех различных методах, с помощью которых люди становились рабами, и страстное желание освободиться от того, что в моем случае оказалось болезненной и ненужной привычкой, росло с каждым днем, пока после одной ночи, когда я часами боролся с собой, я не поверил, что наконец добился успеха.

"Временами, когда я достигала высокой степени сексуального возбуждения, я чувствовала, что нахожусь по крайней мере в шаге от представительниц болезненного и подавленного секса, которые ни малейшего подозрения не имели о скрытых радостях женственности внутри себя. На некоторое время эта привычка приняла форму возвышенной страсти, но я быстро заглушил ее грубым, бездумным и слишком нетерпеливым обращением. Отвращение сменилось болью в истощенной и плохо используемой нервной системе, и, обнаружив себя рабом страсти, я решил попытаться стать ее хозяином.

"В заключение я должен сказать, что мастурбация оказалась для меня одним из поворотных моментов в истории моей жизни, благодаря которому я приобрел много ценного опыта".

Однако эта практика ни в коем случае не была отвергнута таким образом. Некоторое время спустя субъект пишет: "Я снова возобновил мастурбацию для облегчения локализованных ощущений. Однажды утром я был занят чтением очень тяжелого тома, который для удобства держал на коленях, откинувшись на спинку стула. Я углубился в свое изучение на час или около того, когда осознал определенные чувства, вызванные весом книги. Испытывая искушение посмотреть, что произойдет при таком поведении, я сдвинулся так, чтобы край тома

соприкоснулся поближе. Приятные ощущения усилились, так что я отдался своим эмоциям примерно на тридцать минут.

"Несмотря на сильное удовольствие, которым я наслаждался так долго, я утверждаю, что разумнее воздержаться, и, хотя я в то же время признаю, что при мягком обращении такое удовольствие может быть безвредным для общего здоровья, оно приводит к желанию уединения, что не способствует счастливому настроению духа. Существует сопутствующая сдержанность в высказываниях относительно удовольствия, которое, следовательно, кажется неестественным, подобно поеданию украденных фруктов. После такого события, кажется, хочется слетать в лес и послушать пение птиц, чтобы избавиться от последствий".

В письме, датированном несколькими месяцами позже, она пишет: "Я думаю, что поднялась над привычкой к мастурбации". В том же письме автор замечает: "Если бы у меня были сознательно ненормальные или неудовлетворенные аппетиты, я бы удовлетворял их самым простым и наименее вредным способом".

Снова, восемнадцать месяцев спустя, она пишет: "Любопытно отметить, что на месяцы эта привычка забывается, но иногда пробуждается для самоутверждения. Если ощущается давление в голове и легкое раздражение в других местах, и опыт показывает, что пришло время для успокоения, можно наслаждаться изысканным удовольствием не чаще двух раз в месяц, а иногда и реже".

НАБЛЮДЕНИЕ VI.—Не замужем, активно занимается своей профессией. Хорошо развитый, женственный по контуру, но мальчишеский в манерах и движениях; сильный, хотя мускулатура небольшая, и здоровый, с крепкой нервной системой; никогда не страдал анемией. Густые каштановые волосы; густые волосы на лобке, а также волосы на пальцах ног до пупка; это начало появляться в возрасте 10 лет (до появления волос на лобке) и продолжалось до 18. Несколько выбившихся волосков вокруг сосков и много темного пушка на верхней губе, а также светлый пушок на руках. Бедра в норме; затылок маленький; малые половые губы большие; и клитор с глубокими складками. Девственная плева толстая, влагалище, вероятно, маленькое. Значительная пигментация частей тела. Менструации начались в 15 лет, но нерегулярны до 17; безболезненны и скудны; чем лучше самочувствие, тем они реже. Никаких изменений сексуальных или других чувств, связанных с этим; это длится от одного до трех дней.

"Я полагаю, - пишет она, - что мой первый опыт физических сексуальных ощущений произошел, когда мне было около 16 лет, и во сне. Но тогда я этого не осознавал и, по правде говоря, редко задумывался о сексе. Я был ребенком, далеко вышедшим из детского возраста. Сопутствующие сны были неприятными, но я не могу вспомнить, о чем они были. Только когда мне было почти 19, я познал сексуальный оргазм в своем бодрствующем состоянии. Это меня совершенно удивило, но я знал, что знал это раньше, во сне.

"Знание пришло ко мне однажды летом, когда я вел довольно изолированную жизнь, и мой разум был далек от сексуальных тем, погруженный в книги Карлайла, Раскина, Хаксли, Дарвина, Скотта и др. Я заметил, что, когда я вставал утром, мне было очень жарко и некомфортно. Клитор и окружающие его части были опухшими и возбужденными, часто нежными и болезненными. Я понятия не имела, что это было, но обнаружила, что не могу отвести воду в течение часа или двух. Однажды, когда я немного напряглась, чтобы отвести воду, произошел полный оргазм. В следующий раз, когда это случилось, я попытался проверить это, твердо

держа себя в руках, конечно, с противоположным результатом. Не знаю, доставило ли это мне большое удовольствие, но это было огромное облегчение. Я позволил себе провести немало экспериментов, чтобы прийти к какому-то выводу в этом вопросе, и я думал об этом. Я был слишком застенчив, чтобы заговорить с кем-либо, и думал, что это, вероятно, грех. Я старался не делать этого и не думать об этом, говоря себе, что, несомненно, я хозяин своего тела. Но я обнаружил, что этот вопрос не был полностью под моим контролем. Каким бы невольным или пассивным я ни был, были моменты, когда непроизвольный дискомфорт был не в моей власти. То, прикасался я к себе или нет, не спасло меня от этого. Поскольку это иногда доставляло мне удовольствие, я подумал, что это может быть формой потакания своим желаниям, и не делал этого до тех пор, пока с этим уже почти ничего нельзя было поделать. Вскоре оргазм стал довольно часто случаться у меня во сне, возможно, один или два раза в неделю. У меня не было эротических снов ни тогда, ни в любое другое время, но по ночам я спал беспокойно и просыпался, когда это происходило, и мне снилось, что это происходит, как, собственно, и было на самом деле. Временами я с трудом просыпался, но через мгновение снова засыпал. В течение двух или трех лет я продолжал подвергаться суровым испытаниям днем с частыми интервалами. Я приобрел замечательную степень контроля, так что, хотя одно прикосновение или постоянно направленная мысль могли вызвать оргазм, я мог сдержать его и заснуть, не совершая "неправильных действий". Конечно, когда я заснул, мой контроль закончился. Все это доставляло мне много физического беспокойства и невольно удерживало мое внимание прикованным к этому вопросу. Я не думаю, что мое тело легко поддавалось раздражению, но у меня, несомненно, были очень сильные сексуальные импульсы.

"Через год или два, когда я усердно работал, я не мог позволить себе того внимания, которого мне стоил контроль, или длительного ослабленного сексуального возбуждения, которое он вызывал. Какое-то время я принимал наркотики, но они потеряли действие, вызвали вялость и плохо со мной сочетались. Поэтому я отбросил свои угрызения совести и решил испытать эффект мгновенного и делового облегчения. Вместо того, чтобы позволить своим чувствам набраться силы, я сразу же удовлетворил их. Вместо пяти часов жары и дискомфорта я не позволил себе и пяти минут, если мог что-то с этим поделать.

Эффект был изумительный. У меня практически больше не было проблем. Это чувство вообще редко приходило ко мне днем, и хотя иногда продолжалось ночью, оно становилось реже и менее сильным; часто оно не будило меня. Эротические образы и размышления, которые начали приходить ко мне, утихли. Я перестал бояться своих чувств или, на самом деле, думать о них. Я могу сказать, что я решил, что мне придется вести холостяцкий образ жизни, и что чем меньше я буду думать о вопросах секса, тем легче мне будет жить. Позже у меня появились религиозные идеи, которые значительно помогли мне в моих идеалах достойной, упорядоченной, самодостаточной жизни. Я не придаю этому особого значения; они совсем не были эмоциональными, и мое физическое и психическое развитие, по-видимому, не слишком шло параллельно. У меня было сильное моральное чувство еще до того, как появилось религиозное, и "здравый смысл", которому я, возможно, доверял больше, чем им обоим.

"Когда мне было около 28 лет, я подумал, что, возможно, смогу отказаться от привычки регулярно облегчаться, которая у меня появилась. (Это не было регулярным по времени, оно составляло от одного дня до шести недель.) Изменение, вероятно, было облегчено

перенесенной мной тяжелой болезнью. Я честно испытывал это воздержание в течение нескольких лет (пока мне не исполнилось около 34 лет), но мои ночные проявления, безусловно, набирали силу, особенно когда мое здоровье значительно улучшилось, и, наконец, как и в период полового созревания, начали беспокоить меня наяву. Я рассудил, что своей попыткой воздержания я всего лишь сменил контроль на бесконтрольность и вернулся к своим старым привычкам облегчаться с теми же хорошими результатами, что и раньше. Все неприятности улеглись, и мне сразу стало лучше. (Оргазм во время сна продолжается и случается примерно раз в две недели; он усиливается при смене воздуха, особенно на побережье, когда это может происходить две или три ночи подряд.) Я решил, что для надлежащего контроля над моей одинокой жизнью облегчение было нормальным и правильным. Кому-либо было бы очень трудно доказать мне обратное. Моей целью всегда было поддерживать себя в наилучшем состоянии физического и психического равновесия, на которое способен один человек".

Представляет определенный интерес краткий обзор замечательных изменений в отношении к мастурбации со времен Греции до наших дней. Греки относились к мастурбации без особого осуждения. В худшем случае они считали это недостойным мужчины, и Аристофан в различных отрывках связывает эту практику с женщинами, детьми, рабами и немощными стариками. Эсхин, по—видимому, публично выдвинул против Демосфена обвинение в том, что он практиковал мастурбацию, хотя, с другой стороны, Плутарх сообщает нам, что Диоген, описанный Целлером, историком греческой философии, как "наиболее типичная фигура древней Греции—, был восхвален Хрисиппом, знаменитым философом, за мастурбацию на рыночной площади. Более энергичные римляне, во всяком случае, на примере Ювенала и Марциала, осуждали мастурбацию более решительно.^[347] Аретей, не упоминая мастурбации, подробно останавливается на тонизирующем эффекте удержания спермы; но, с другой стороны, Гален считал удержание спермы вредным и выступал за ее частое изгнание, точку зрения, которая имела тенденцию оправдывать мастурбацию. Несомненно, в классические времена мастурбация и все другие формы аутоэротического импульса были сравнительно редки. В раннем взрослом возрасте гомосексуальным, а позже и гетеросексуальным отношениям был предоставлен такой простор, что любое чрезмерное или болезненное развитие одиночного потакания своим желаниям могло происходить редко. Ситуация изменилась, когда на первый план вышли христианские идеалы. Христианская мораль строго запрещала сексуальные отношения, за исключением определенных условий. Это правда, что христианство препятствовало любым сексуальным проявлениям, и что, следовательно, его запрет распространялся в равной степени и на мастурбацию, но, очевидно, мастурбация была самой слабой линией защиты от нападений плоти; именно там сопротивление уступало наиболее легко. Таким образом, христианство, вероятно, привело к значительному росту мастурбации. Внимание, которое богословы уделяли ее проявлениям, ясно свидетельствует об их масштабах. Примечательно, что мусульманские богословы считали мастурбацию христианским пороком. В исламе как доктрина, так и практика, как правило, поощряли сексуальные отношения, и мастурбации не уделялось особого внимания, и даже против нее не было направлено никакого сурового осуждения. Омер Халеби отмечает, что некоторые богословы ислама склонны считать практику мастурбации, популярную среди христиан, допустимой для набожных мусульман в одиночестве в путешествии; сам он считает эту практику не полезной ни для души, ни для тела (выделение семени во время сна обеспечивает все необходимое облегчение); однако, если мусульманин впадет в эту ошибку, Бог милостив!^[348]

В Покаянном труде Феодора седьмого века за мастурбацию предписывается сорокадневная епитимья. Аквинский осуждал мастурбацию как худшую, чем прелюбодеяние, хотя и менее отвратительную, чем другие сексуальные преступления против Природы; также в противовес тем, кто считал, что *дистилляция* обычно происходит без удовольствия, он заметил, что это часто вызывается сексуальными эмоциями, и поэтому о ней всегда следует упоминать исповеднику. Лигуори также считал мастурбацию более тяжким грехом, чем блуд, и даже сказал, что *дистилляция*, если она добровольная и сопровождается заметными физическими нагрузками, без сомнения, является смертным грехом, поскольку в таком случае это начало осквернения. С другой стороны, некоторые теологи полагали, что *дистилляция* может быть разрешена, даже если возникнет некоторая суматоха, при условии, что она не была приобретена добровольно, и Карамуэль, которого называют теологом *enfant terrible*, заявил, что "естественный закон не запрещает мастурбацию", но это предложение было осуждено Иннокентием XI. Наиболее просвещенную современную католическую точку зрения, вероятно, представляет Дебрейн, который, заметив, что он знал благочестивых и интеллигентных людей, у которых было непреодолимое желание мастурбировать, продолжает: "Должны ли мы извинять или осуждать этих людей? Ни то, ни другое. Если вы абсолютно осудите и отвергнете этих людей как полностью виновных, вопреки их собственным убеждениям, вы, возможно, повергнете их в отчаяние; если, напротив, вы полностью оправдаете их, вы будете поддерживать их в беспорядке, из которого они, возможно, никогда не выйдут. Изберите мудрый средний путь, и, возможно, с Божьей помощью вы часто сможете их вылечить".

При определенных обстоятельствах некоторые католические богословы разрешают замужней женщине мастурбировать. Так, иезуитский богослов Гурий утверждает, что жена не грешит "*в качестве примера тактильного возбуждения и семинарской работы после совокупления в качестве решения проблемы*". Это учение, по-видимому, было неправильно понято, поскольку авторы, занимающиеся этикой и даже медициной, высказали определенное моральное негодование в адрес Церкви, богословы которой придерживались этого утверждения. На самом деле, это ограниченное разрешение мастурбировать просто основывается на ложной теории продолжения рода, которая ясно выражена в слове *seminatio*. Считалось, что эякуляция у женщины так же необходима для оплодотворения, как и у мужчины. Гален, Авиценна и Аквинат действительно признавали, что в таком женском оплодотворении нет необходимости; Санчес, однако, сомневался, в то время как Суарес и Заккья, следуя Гиппократу, считали это необходимым. Поскольку половой акт без оплодотворения не одобряется католической церковью, таким образом, стало логически необходимым разрешить женщинам мастурбировать всякий раз, когда эякуляция слизи не произошла во время коитуса или до него.

Вера в то, что выделение вагинальной слизи под влиянием сексуального возбуждения у женщин соответствует выделению спермы, привела к практике мастурбации по гигиеническим соображениям. Гарнье (*Селибат*, стр. 255) упоминает, что Месуэ в восемнадцатом веке изобрел специальный пессарий, который заменял пенис и, как он утверждал, обеспечивал должное изгнание женской спермы.

Протестантизм, без сомнения, в основном принимал общекатолическую традицию, но тенденция протестантизма в ответ на мелочную инквизицию ранних теологов всегда заключалась в том, чтобы проявлять определенную степень того, что он считал здоровым безразличием к менее очевидным проявлениям плоти. Таким образом, в протестантских странах мастурбацию, по-видимому, почти игнорировали, пока Тиссо, сочетая свою репутацию

врача с фанатизмом набожного верующего, не возвел мастурбацию в ранг колоссального пугала, которое в течение ста лет не только оказывало неблагоприятное влияние на медицинское мнение в этих вопросах, но и наносило неисчислимый вред невежественной молодежи и нежной совести. В течение последних сорока лет усилия многих выдающихся врачей — некоторые из мнений которых я уже цитировал - постепенно низвергли пугало с его пьедестала, и теперь, как я осмелился предположить, наблюдается тенденция к чрезмерной реакции. В наши дни даже существует тенденция считать мастурбацию, с различными оговорками, нормальной. Реми де Гурмон, например, считает, что мастурбация естественна, потому что это метод, с помощью которого рыбы размножаются: "Учитывая все обстоятельства, следует признать, что мастурбация является частью действия Природы. Другой вывод мог бы быть приемлемым, но в каждом океане и под камышами каждой реки мириады существ стали бы протестовать".^[349] Тиллье замечает, что, поскольку мастурбация, по-видимому, универсальна среди высших животных, мы не имеем права рассматривать ее как порок; она считалась таковой только потому, что изучалась исключительно врачами в ненормальных условиях.^[350] Хирт, утверждая, что мастурбацию необходимо строго подавлять у молодежи, рассматривает ее как желательный метод облегчения для взрослых, и особенно, при некоторых обстоятельствах, для женщин.^[351] Вентури, известный итальянский психиатр, с другой стороны, рассматривает мастурбацию как строго физиологическую в юности; это нормальный и естественный переход к щедрой и здоровой страсти ранней зрелости; по его мнению, она становится ненормальной и порочной только во взрослой жизни.

Появление мастурбации в период полового созревания, считает Вентури, "является моментом в процессе развития функции того органа, который является необходимым инструментом сексуальности". Он находит свой мотив в удовлетворении органической потребности, имеющей много аналогий с той, которая возникает при щекотании очень чувствительной поверхности кожи. В этой мастурбации раннего подросткового возраста кроется, согласно Вентури, зародыш того, что позже станет любовью: удовольствие тела и духа, следующее за облегчением удовлетворенной потребности. "По мере развития молодежи онанизм становится половым актом, сравнимым с коитусом, как сон сравним с реальностью, образы формируются в соответствии с желаниями. В своей полностью развитой форме в подростковом возрасте, - продолжает Вентури, - мастурбация имеет почти галлюцинаторный характер; онанизм в этот период психически приближается к истинному половому акту и незаметно переходит в него. Если, однако, продолжить во взрослом возрасте, это становится болезненным, переходя в эротический фетишизм; то, что у неопытного юноши является естественным вспомогательным средством и стимулом для воображения, у дегенеративного онаниста взрослого возраста является признаком задержки развития. Таким образом, онанизм, - заключает автор, - не всегда является пороком, с которым яростно борются педагоги и моралисты. Это естественный переход, посредством которого мы достигаем теплой и щедрой любви юности и, как естественное продолжение, спокойной, позитивной супружеской любви зрелого мужчины". (Silvio Venturi, *Le Degenerazioni Psico-sessuale*, 1892, pp. 6–9.)

Можно усомниться в том, приемлема ли эта точка зрения даже для теплого климата юга Европы, где сексуальные импульсы, несомненно, развиваются не по годам. Это, конечно, не согласуется с общим опытом и мнением на севере; это хорошо выражено в следующем отрывке Эдварда Карпентера (*Международный журнал этики*, июль 1899 г.): "В конце концов, чистота (в смысле воздержания) является первостепенной важностью для детства. Продлить период воздержания в жизни мальчика - значит продлить период *роста*. Это простой

физиологический закон, и он очень очевиден; и, что бы еще ни говорилось в пользу чистоты, он остается, пожалуй, самым весомым. Прививать чувственные и сексуальные привычки — и одной из худших из них является насилие над собой - в раннем возрасте — значит останавливать рост, как физический, так и умственный. И что еще более важно, это означает ограничение способности к привязанности. Весь опыт показывает, что раннее обращение к сексу удешевляет и ослабляет способность к привязанности".

Я не считаю, что мы можем точно определить степень, в которой мастурбацию можно справедливо назвать нормальной, пока мы рассматриваем мастурбацию саму по себе. Таким образом, в заключение мы возвращаемся к вопросу, который я стремился подчеркнуть с самого начала: мастурбация относится к группе аутоэротических феноменов. С одной точки зрения, можно сказать, что все аутоэротические явления неестественны, поскольку естественной целью сексуального импульса является сексуальное соединение, и любое проявление этого импульса вне такого соединения находится вне пределов Природы. Но мы не живем в Естественном состоянии, которое отвечает таким требованиям; вся наша жизнь "неестественна". И как только мы начинаем ограничивать свободную игру сексуального влечения к сексуальным целям, сразу же со всех сторон неизбежно возникают аутоэротические явления. Им нет конца; невозможно сказать, какие прекрасные элементы в искусстве, в морали, в цивилизации в целом на самом деле не коренятся в аутоэротическом импульсе. "Без определенного перегрева сексуальной системы, - сказал Ницше, - у нас не могло бы получиться Рафаэля". Аутоэротические явления неизбежны. Самым мудрым для нас будет признать эту неизбежность сексуальных и преобразованных сексуальных проявлений в условиях постоянных ограничений цивилизованной жизни и, избегая любого отношения чрезмерной снисходительности или безразличия,^[352] избегать также любого отношения чрезмерного ужаса, поскольку наш ужас не только приводит к тому, что факты эффективно скрываются от нашего взора, но и сам по себе служит искусственному созданию большего зла. чем то, с чем мы стремимся бороться.

Сексуальное влечение не является, как некоторые воображают, единственным корнем самых сильных человеческих эмоций, самых блестящих человеческих склонностей - сочувствия, искусства, религии. В сложном человеческом организме, где все части так многослойны и так тесно переплетены, никакое великое проявление не может быть сведено к одному-единственному источнику. Но оно в значительной степени проникает во все эти эмоции и склонности и формирует их, и это в силу двух его наиболее специфических характеристик: это, во-первых, самый глубокий и вулканический из человеческих импульсов, и, во—вторых, в отличие от единственного другого человеческого импульса, с которым его можно сравнить, импульса питания, оно может в значительной степени быть преобразовано в новую силу, способную к самому странному и разнообразному использованию. Так что при наличии всех этих проявлений мы можем утверждать, что в реальном смысле, хотя и тонко смешанный с очень разнообразными элементами, аутоэротизм повсюду играет свою роль. В феноменах аутоэротизма, когда мы рассматриваем их широко, нас интересует не форма безумия, не обязательно форма разврата, но неизбежные побочные продукты того мощного процесса, на котором зиждется создание животных.

[289] Библиографию мастурбации см. Роледер, *Умри от мастурбации*, стр. 11-18; также Артур Макдональд, *Тип преступника*, стр. 227 и далее.; ср. Г. Стэнли Холл, *Подростковый возраст*, том i, стр. 432 и далее .

[290] Oskar Berger, *Archiv für Psychiatrie*, Bd. 6, 1876.

[291] *Умереть от мастурбации*, стр. 41.

[292] Герцоги, *Сохранение здоровья*, 1884, стр. 150.

[293] Г. Стэнли Холл, *Отрочество*, том i, стр. 434.

[294] Ф. С. Брокман, "Исследование нравственной и религиозной жизни студентов в Соединенных Штатах", *Педагогическая семинария*, сентябрь 1902 г. Воспроизводится множество жалких рассказов.

[295] Moraglia, "Die Onanie beim normalen Weibe und bei den Prostituten," *Zeitschrift für Criminal-Anthropologie*, 1897, p. 489. Следует добавить, что Мораглия не очень критичный следователь. Однако вполне вероятно, что в этом отношении его результаты являются приближением к истине.

[296] Эрнст, "Антропологические исследования населения Венесуэлы", *Воспоминания Антропологического общества*, том. iii, 1870, с. 277.

[297] Niceforo, *Il Gergo nei Normali*, etc., 1897, cap. V.

[298] Дебрейн, *Психология*, стр. 64. Однако теологи и казуисты, замечает Дебрейн, часто никогда не упоминают о женской мастурбации.

[299] Стэнли Холл, указ. соч., том i, стр. 34. Холл упоминает также, что мастурбация особенно распространена среди слепых.

[300] Мораглия, *Архив Психиатрии*, том xvi, фасц. 4 и 5, стр. 313.

[301] Смотрите его тщательное исследование "Die Sexuellen Perversitäten in der Irrenanstalt", *Psychiatrische Bladen*, № 2. 1899.

[302] Вентури, *Психологическая дегенерация*, стр. 105, 133, 148, 152.

[303] Дж. П. Уэст, *Труды педиатрического общества Огайо*, 1895. Аннотация в "Медицинском стандарте", ноябрь 1895 г.; случаи также описаны Дж. Т. Уинтером, "Насилие над собой в младенчестве и детстве", *Американский журнал акушерства*, июнь 1902г.

[304] Фрейд, *Основы сексуальной теории*, стр. 36 и далее.

[305] Г. Э. Шаттлворт, *Британский медицинский журнал*, 3 октября 1903г.

[306] Подробное исследование сексуальности в детстве см. в ценной книге Молля "Сексуальное воспитание детей"; ср. т. vi из этих *Исследований*, глава II.

[307] Это, без сомнения, наиболее распространенное мнение, и оно часто повторяется в учебниках. Вряд ли, однако, необходимо указывать на то, что только мнения тех, кто уделял этому вопросу особое внимание, могут иметь какой-либо вес. Р. В. Шуфельдт ("О случае женской импотенции", стр. 5-7) цитирует мнения различных осторожных наблюдателей относительно трудности выявления мастурбации у женщин.

[308] Это последнее мнение подтверждается Нэкке в том, что касается душевнобольных. В ходе тщательного изучения сексуальной извращенности в крупном приюте Нэкке обнаружил, что, хотя умеренную мастурбацию легче проследить среди мужчин, чем среди женщин, чрезмерная мастурбация чаще встречается среди женщин. И, в то время как среди мужчин мастурбация была наиболее частой на низших ступенях умственного развития (идиотия и имбецильность) и наименее частой на высших ступенях (общий паралич), у женщин все было наоборот. (P. Näcke, "Die Sexuellen Perversitäten in der Irrenanstalt", *Psychiatrische en Neurologische Bladen*, № 2, 1899.)

[309] Иногда встречается мастурбация молочных желез; см., например, Rohleder, *Die Masturbation* (стр. 32-33); однако это встречается редко.

[310] Хиршпругн действительно указал на это много лет назад на основании своего собственного опыта. И смотрите Rohleder, указ. соч., стр. 44-47.

[311] Во многих случаях, конечно, физическое недоразвитие связано с недоразвитием сексуальных привычек. Сообщается о поучительном случае (*Психиатр и невролог*, октябрь 1895 г.) с девочкой 7 лет, красивым ребенком из здоровой семьи и очень умной, которая с трехлетнего возраста постоянно мастурбировала, когда за ней не наблюдали. Клитор и венерическая гора принадлежали взрослой женщине, и ребенок был так же хорошо информирован по большинству вопросов, как и среднестатистическая женщина. Она была вылечена заботой и соблюдением гигиены, и, когда ее видели в последний раз, находилась в отличном состоянии. Друг-медик рассказал мне о двухлетней девочке, у которой сильно развиты наружные половые органы и которая постоянно трется о себя.

[312] Р. Т. Моррис из Нью-Йорка также указал на влияние традиций в этом отношении. "Среди мальчиков, - замечает он, - существуют традиции, согласно которым насилие над собой вредно. Среди девочек, однако, таких спасительных традиций нет". Доктор Кирнан пишет в частном письме: "По опыту известно, что по незнанию или иным причинам есть молодые женщины, которые не смотрят на сексуальные манипуляции с тем же страхом, что и мужчины". Гутцайт аналогичным образом отмечает, что мужчин предупреждали о мастурбации, и они боятся ее пагубных последствий, в то время как девочки, даже если их предупреждали, придают предупреждению мало значения; он добавляет, что у здоровых женщин мастурбация, даже в избытке, не приводит к плохим результатам. Отношение многих женщин к этому вопросу может быть проиллюстрировано следующим отрывком из письма, написанного моим другом-врачом из Индии: "На днях одна из моих пациенток-англичанок объяснила мне следующую причину, по которой я научил 17-летнюю дочь полковника в отставке мастурбировать: "Бедная девочка, ее беспокоили сны о мужчинах, и на случай, если она соблазнится одним из них и забеременеет, я научил ее вызывать это чувство на себе — поскольку это безопаснее и, в конце концов, почти так же приятно, как с мужчиной".

[313] Х. Эллис, *Исследования по психологии секса*, том ii, "Сексуальная инверсия", глава IV.

[314] Смотрите также Приложение к третьему тому этих *Исследований*, в котором я привел сексуальные истории нормальных людей.

[315] Э. Х. Смит также утверждает, что от 25 до 35 лет большинство женщин попадают под наблюдение врача с явными и ярко выраженными привычками к мастурбации.

[316] Однако может быть поучительным заметить, что в конце тома мы находим рекламу "Трактата доктора Робинсона о достоинствах и эффективности корочки хлеба, съедаемой ранним утром натощак".

[317] Один только Пуйе перечисляет и, по-видимому, признает значительно более сотни различных патологических состояний в качестве признаков и результатов мастурбации.

[318] "Augenkrankheiten bei Masturbanten," Knapp-Schweigger's *Archiv für Augenheilkunde*, Bd. II, 1882, с. 198.

[319] Сальмо Кон, *Матка и тело*, 1890, стр. 63-66.

[320] *Fonctions du Cerveau*, 1825, том. iii, с. 337.

[321] У. Эллис, *Трактат о безумии*, 1838, стр. 335, 340.

[322] Клара Баррус, "Безумие у молодых женщин", *Журнал нервных и психических заболеваний*, июнь 1896г.

[323] See, for instance, H. Emminghaus, "Die Psychosen des Kindesalters," Gerlandt's *Handbuch der Kinder-Krankheiten*, Nachtrag II, pp. 61–63.

[324] Кристиан, статья "Онанизм", *Энциклопедический словарь медицинских наук*.

[325] Нэкке, *Вербречен и Вансин бейм Вайбе*, 1894, стр. 57.

[326] Дж. Л. А. Кох, *Die Psychopathischen Minderwertigkeiten*, 1892, стр. 273 и далее.

[327] Дж. Дж. Кирнан, *Американский журнал безумия*, июль 1877г.

[328] Модсли в своей энергичной, живописной манере описал более экстремальные патологические психические состояния, иногда обнаруживаемые в связи с мастурбацией, в "Иллюстрациях различных форм безумия", *Журнал психических наук*, июль 1868г.

[329] См., например,, Левенфельд, *Сексуальная жизнь и нервы в Лейдене*, 2-е изд., глава VIII.

[330] Марро, *La Pubertà*, Турин, 1898, стр. 174.

[331] Э. К. Спицка, "Случаи мастурбации", *Журнал психических наук*, июль 1888г.

[332] Чарльз Уэст, "*Ланцет*", 17 ноября 1866г.

[333] Гауэрс, *Эпилепсия*, 1881, стр. 31. Левенфельд считает, что эпилептические приступы, безусловно, вызваны мастурбацией. Фере считал, что и эпилепсия, и истерия могут быть вызваны мастурбацией.

[334] *Справочник*Зиемсена, Bd. XI.,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,

[335] *Подростковый возраст*, том I, стр. 441.

[336] Смотрите обсуждение этих моментов у Роледера, *Умри от мастурбации*, стр. 168-175.

[337] Следует отметить, что хирурги особенно категорично заявили о безвредности мастурбации. Так, Джон Хантер (*"Трактат о венерических заболеваниях"*, 1786, стр. 200), указав, что "книги по этому предмету принесли больше вреда, чем пользы", добавляет: "Думаю, я могу утверждать, что этот акт наносит меньше вреда конституции в целом, чем естественному". А сэр Джеймс Пэджет в своей лекции "Сексуальная ипохондрия" сказал: "Мастурбация приносит не больше и не меньше вреда, чем половые сношения, практикуемые с той же частотой, в тех же условиях общего состояния здоровья, возраста и обстоятельств".

[338] Интересно отметить, что аналогичный результат, по-видимому, наблюдается и у животных. Среди лошадей высокой породы чрезмерная мастурбация может привести к пагубным последствиям. Вряд ли нужно указывать на то, что высокопородистые лошади склонны к ненормальности.

[339] Что касается физических признаков, к такому же выводу приходит Леглюдик (в противовес Мартино) на основе большого опыта. Он неоднократно обнаруживал у молодых девушек, которые признавались в частой мастурбации, что органы были совершенно здоровыми и нормальными, и его убеждения тем более примечательны, что он говорит как ученик Тардье, который придавал очень серьезное значение местным признакам сексуальной извращенности и излишеств. (Леглюдик, *Заметки и наблюдения легальной медицины*, 1896, стр. 95.) Мэтьюз Дункан (*Лекции Гулстонианцев о бесплодии у женщин*, 1884, стр. 97) часто поражался малости и даже несовершенному развитию наружных половых органов женщин, которые мастурбируют. Клара Баррус считает, что нет необходимой связи между гипертрофией наружных женских половых органов и мастурбацией, хотя в шести случаях длительной мастурбации она обнаружила такое состояние в трех (*Американский журнал безумия*, апрель 1895 г., стр. 479). Бахтерев отрицает, что мастурбация приводит к увеличению полового члена, а Хаммонд считает, что нет доказательств того, что она увеличивает клитор, в то время как Гутцайт утверждает, что она не увеличивает нимфы; это, однако, сомнительно. Во многих случаях было бы недостаточно показать, что большие половые органы коррелируют с мастурбацией; все равно было бы необходимо показать, связан ли размер органов с мастурбацией в качестве следствия или причины.

[340] Так, Бехтерев (*"Фобия в отношении"*, *Архив неврологии*, июль 1905 г.) считает, что мастурбация играет большую роль в возникновении болезненного страха перед чужими глазами.

[341] Особенно нежелательной тенденцией мастурбации является то, что она притупляет потребность в привязанности и просто ускользает от сексуального влечения, вместо того чтобы удовлетворять его. "Мастурбация, - как говорит Годфри Уэлл (*Наука о сексе*, стр. 178), - хотя и является проявлением сексуальной активности, не является половым актом в высшем или даже в реальном фундаментальном смысле. Ибо секс подразумевает двойственность - характеристику, на которую мастурбация явно не может претендовать. Физическая, моральная и ментальная взаимность, которая придает стабильность и красоту нормальной сексуальной близости, так же чужда мастурбатору, как и соблюдающему целибат. Таким образом, в некотором смысле мастурбация является таким же полным негативом сексуальной жизни, как и

само целомудрие. Следовательно, это уклонение от сексуальной проблемы, а не ответ на нее; и так будет всегда, независимо от того, насколько уверенно мы можем быть убеждены в ее физической безвредности".

[342] "Я узнал об этом опасном дополнении", - говорит нам Руссо (часть I, Вк. III), "который обманывает Природу. Этот порок, который застенчивость и робость находят столь удобным, более того, очень привлекает живое воображение, поскольку позволяет им делать, так сказать, все, что им заблагорассудится, со всем прекрасным полом и в свое удовольствие наслаждаться привлекающей их красотой, не заручившись ее согласием".

[343] "Ich hatte sie wirklich verloren, und die Tollheit, mit der ich meinen Fehler an mir selbst rächte, indem ich auf mancherlei unsinnige Weise in meine physische Natur stürmte, um der sittlichen etwas zu Leide zu thun, hat sehr viel zu den körperlichen Uebeln beigetragen, unter denen ich einige der besten Jahre meines Lebens verlor; ja ich wäre vielleicht an diesem Verlust völlig zu Grunde gegangen, hätte sich hier nicht das poetische Talent mit seinen Heilkräften besonders hülfreich erwiesen." Вряд ли это можно считать окончательным, и можно добавить, что было много причин, по которым Гете должен был физически страдать в то время, совершенно помимо мастурбации. См., например,, Бельшовски, *Жизнь Гете*, том I, стр. 88.

[344] *Одержимости*, том. II, с. 136.

[345] Несколько похожая классификация уже была сделана Максом Дессуаром, который указывает, что мы должны различать онанистов *aus Noth* и онанистов *aus Leidenschaft*, причем только последняя группа имеет действительно серьезное значение. Классификация Даллемана также в чем-то схожа; он отличает *онанирование как побуждение*, возникающее при умственной дегенерации и у лиц с более низким интеллектом, от *онанирования как вызывание или одержимость*.

[346] У. Ксавье Саддут, "Исследование психофизики мастурбации", *Chicago Medical Recorder*, март 1898 г. Хейг, который пришел к аналогичному выводу, попытался найти точный механизм этого в кровяном давлении. "Поскольку половой акт вызывает более низкое кровяное давление, - замечает он, - он неизбежно облегчит состояния, которые вызваны высоким и повышающимся кровяным давлением, такие, например, как психическая депрессия и дурной характер; и, если мои наблюдения меня не обманывают, здесь мы имеем связь между состояниями высокого кровяного давления с психической и телесной депрессией и актами мастурбации, поскольку этот акт облегчает эти состояния и, как правило, практикуется с этой целью". (*Мочевая кислота*, 6-е издание, стр. 154.)

[347] Норткот обсуждает классическое отношение к мастурбации, *христианству и проблемам секса*, стр. 233.

[348] *Эль Ктаб*, традиция Поля де Регла, Париж, 1893.

[349] Реми де Гурмон, *Описание любовных качеств*, стр. 133.

[350] Тилье, *Инстинктивный секс*, Париж, 1889, стр. 270.

[351] Г. Хирт, *Ведж цур Хаймат*, стр. 648.

[352] Фере в ходе своей ценной работы *"Инстинктивный секс"* заявил, что мой вывод заключается в том, что мастурбация - это нормально, и что *"баловство неуместно"*. Однако я уже предостерег себя от такого неправильного толкования.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

ВЛИЯНИЕ МЕНСТРУАЦИИ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Содержание

Вопрос исторической психологии, который, насколько я знаю, никогда не был полностью исследован, - это влияние менструации на формирование эмоциональной атмосферы, через которую мужчины обычно смотрят на женщин.^[353] Я не ставлю своей целью подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку это тот вопрос, который, возможно, более уместно рассматривать исследователю культуры и историку, а не с точки зрения эмпирической психологии. Более того, это вопрос, полный сложностей, в отношении которого невозможно говорить с уверенностью. Но здесь мы обращаем внимание на фактор такой важности, которым пренебрегают для правильного понимания сексуальных отношений мужчин и женщин, что его нельзя полностью игнорировать.

У негров Суринама женщина должна жить в одиночестве во время месячных; любому мужчине или женщине опасно приближаться к ней, и когда она видит приближающегося человека, она встревоженно кричит: *"Ми кей! Ми кей!"* — Я нечистый! Я нечистый! Во всем мире мы находим следы обычая, типичным примером которого является этот, но мы не должны слишком поспешно предполагать, что этот обычай свидетельствует о низшем положении, занимаемом полуцивилизованными женщинами. Необходимо широко взглянуть не только на представления полуцивилизованного человека о менструации, но и на его общие представления о сверхъестественных силах мира.

Нет ни одного фрагмента фольклора, столь знакомого европейскому миру, как тот, который связывает женщину со змеей. Это, действительно, один из краеугольных камней христианского богословия.^[354] Тем не менее, нет фрагмента фольклора, который оставался бы более неясным. Как случилось, что во всех частях света змее или ее сородичам, ящерице и крокодилу, приписывали какой-либо зловещий или эротический замысел в отношении женщин?

В широкой распространенности этого поверья не может быть сомнений. Говорят, что среди племени Порт-Линкольн в Южной Австралии ящерица отделила мужчину от женщины.^[355] У боливийских чиригуано при появлении менструации старые женщины бегали с палками, чтобы поохотиться на змею, которая ранила девушку. Фрейзер, который цитирует этот пример из *"Литературных источников и курьезов"*, также ссылается на современную греческую народную сказку, согласно которой принцесса в период полового созревания не должна позволять солнцу освещать ее, иначе она превратится в ящерицу.^[356] Ящерица была сексуальным символом у мексиканцев. По словам Шомбургка, в некоторых частях Бразилии в начале полового созревания девочкам не следует ходить в лес из-за боязни любовных

нападений змей, и так же обстоит дело среди индейцев макузи из Британской Гвианы. У южноафриканских басуто молодые девушки должны танцевать вокруг глиняного изображения змеи. В полинезийской мифологии ящерица - очень священное животное, и в легендах женщины часто рожают ящериц.^[357] В отдаленном месте Бенгалии, если вам приснится змея, у вас родится ребенок, сообщает Сарат Чандра Митра.^[358] В Берлинском музее Фолькеркунде есть резная деревянная фигурка из Новой Гвинеи, изображающая женщину, в вульву которой крокодил засовывает свою морду, в то время как в том же музее есть еще одна фигурка змееподобного крокодила, выползающего из вульвы женщины, а на третьем рисунке изображена маленькая круглая змея с маленькой головкой и очень напоминающая пенис во рту. из влагалища. Все эти цифры воспроизведены Плоссом и Бартельсом. Даже в современной Европе преобладают те же идеи. В Португалии, по словам Рейса, считается, что во время менструации женщины подвержены укусам ящериц, и для защиты от этого риска они носят панталоны во время менструации. В Германии, опять же, считалось, по крайней мере до восемнадцатого века, что волосы женщины в период менструации, если их похоронить, превратятся в змею. Можно добавить, что в различных частях света девственные жрицы посвящены богу-змее и состоят с ним в браке.^[359] Интересно отметить, что в Риме змей был символом оплодотворения и как таковой часто фигурирует в Помпеях как *genius patrisfamilias*, воспроизводящая сила семьи.^[360] В раввинской традиции змея также является символом сексуального желания.

Не может быть никаких сомнений в том, что — как отмечают Плосс и Бартельс, у которых были взяты некоторые из этих примеров, — в самых разных частях света считается, что менструация изначально была вызвана змеей, и что это зачатие часто ассоциируется с эротическими и мистическими представлениями.^[361] Как возникла связь, Плосс и Бартельс не могут сказать. Можно только предположить, что ее форма и внешний вид, а также ее ядовитая природа, возможно, способствовали возникновению повсеместно связанной со змеей тайны — тайны, которая сама по себе подкрепляется ассоциацией со женщинами, — созданию этой всемирной веры в происхождение менструации.

Эта примитивная теория происхождения менструации, вероятно, в своей самой ранней форме раскрывает перед нами особую и интимную связь, которая когда-либо связывала женщин благодаря менструальному процессу с естественными или сверхъестественными силами мира. Повсеместно считается, что женщины во время менструации одержимы духами и заряжены таинственными силами. Именно в этот момент постоянно возникало серьезное заблуждение из-за незнания примитивных религиозных идей. Утверждается, что менструирующая женщина "нечиста" и одержима злым духом. Однако на самом деле дикарь редко проводит различие между плохими и хорошими духами. Каждый дух может оказывать либо благотворное, либо пагубное влияние. Интересный пример этого приводится в *Лексиконе маори Коленсо*, иллюстрируемом значением слова маори *атуа*.

Важность признания особого смысла, в котором слово "нечистый" используется в этой связи, была четко подчеркнута Робертсоном Смитом в случае с семитами. "Еврейское слово *tame* (нечистый), - заметил он, - не является обычным словом для обозначения вещей, физически загрязненных; это ритуальный термин, который в точности соответствует идее *табу*. Идеи "нечистого" и "святого" кажутся нам полярно противоположными друг другу, но у семитов это было не так. У более поздних евреев Священные Книги "оскверняли руки" читателя, как это делал контакт с нечистым предметом; у сирийцев Лукиана голубь был настолько свят, что тот,

кто к нему прикасался, становился нечистым на день; *итабу*, связанное со свиньями, объяснялось некоторыми, и, вне всякого сомнения, правильно, таким же образом. У семитов-язычников,^[362] следовательно, нечистые животные, поедание которых считалось осквернением, были просто священными животными ". Робертсон Смит здесь не упоминал о менструации, но он точно описал примитивное отношение к менструации. Велльхаузен, однако, имея дело с ранними арабами, прямо упоминает, что в доисламские времена слова "чистый" и "нечистый" употреблялись исключительно по отношению к женщинам в период менструации и после нее. Позднее Фрейзер развил этот аспект концепции табу и показал, как это происходит среди диких рас в целом. Он указал, что поскольку концепции святости и осквернения еще не были разграничены, женщины при родах и во время менструации находятся на том же уровне, что и божественные цари, вожди и священники, и должны соблюдать те же правила церемониальной чистоты. Изолировать таких людей от остального мира, чтобы страшная духовная опасность не распространялась, является целью табу, которое Фрейзер сравнивает с "электрическим изолятором для сохранения духовной силы, которой заряжены эти люди, от страданий или причинения вреда при контакте с внешним миром". После описания феноменов (особенно запрета касаться земли или видеть солнце), характерных для различных рас, Фрейзер приходит к выводу: "Цель изоляции женщин во время менструации - нейтрализовать опасные влияния, которые, как предполагается, исходят от них в такое время. Общий эффект этих правил заключается в том, чтобы держать девушку в подвешенном состоянии, так сказать, между небом и землей. Независимо от того, завернута ли она в гамак и подвешена к крыше, как в Южной Америке, или приподнята над землей в темной и узкой клетке, как в Новой Зеландии, можно считать, что она не способна причинять вред, поскольку, будучи отрезанной как от земли, так и от солнца, она не может отравить ни один из этих великих источников жизни своей смертельной заразой. Меры предосторожности, принятые таким образом для изоляции девочки, продиктованы заботой о ее собственной безопасности, а также о безопасности других людей. ... Короче говоря, девушка рассматривается как наделенная мощной силой, которая, если ее не держать в рамках, может привести к уничтожению как самой девушки, так и всех, с кем она вступает в контакт. Подавление этой силы в пределах, необходимых для безопасности всех заинтересованных сторон, является объектом рассматриваемых табу. То же объяснение применимо и к соблюдению тех же правил божественными царями и священниками. Нечистоплотность, как это называется, девочек в период полового созревания и святость святых людей, на взгляд примитивного ума, не отличаются друг от друга. Это всего лишь разные проявления одной и той же сверхъестественной энергии, которая, как и энергия вообще, сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, но становится благотворной или пагубной в зависимости от ее применения".^[363]

Совсем недавно этот взгляд на этот вопрос был еще более расширен выдающимся французским социологом Дюркгеймом. Исследуя истоки запрета на инцест и утверждая, что он проистекает из обычая экзогамии (или брака вне клана) и что он основывается на определенных идеях о крови, которые, опять же, восходят к тотемизму — теории, которую нам нет необходимости здесь обсуждать, — Дюркгейм оказывается лицом к лицу с группой концепций, которые нас сейчас интересуют. Он настаивает на крайней двусмысленности, присущей первобытной культуре в отношении понятия божественного, и на тесной связи между отвращением и почитанием, и указывает, что эти эмоции у женщин возникают не только в период полового созревания и при каждом повторении менструального цикла, но и при родах. "Чувство религиозного ужаса, - продолжает он, - которое может достигать такой степени

интенсивности, которое может быть вызвано столькими обстоятельствами и регулярно возникает каждый месяц, чтобы длиться по меньшей мере неделю, не может не распространить свое влияние за пределы периодов, которыми оно было первоначально ограничено, и повлиять на весь ход жизни. Существо, которое должно быть изолировано или которого следует избегать в течение недель, месяцев или лет, сохраняет что-то из характеристик, которыми была обусловлена изоляция, даже вне этих особых периодов. И, фактически, в этих сообществах разделение полов происходит не просто периодически; оно стало хроническим. Две части населения живут раздельно ". Дюркгейм продолжает доказывать, что происхождение оккультных сил, приписываемых женскому организму, следует искать в примитивных представлениях о крови. Не только менструальная кровь, но и любая другая кровь является объектом таких чувств диких народов. В отношении крови необходимо соблюдать всевозможные предосторожности; в ней обитает божественное начало, или, как верили римляне, евреи и арабы, сама жизнь. Запрет на употребление вина, виноградной крови, встречающийся у некоторых народов, объясняется его сходством с кровью и использованием в жертвоприношениях (как у древних арабов, так и до сих пор в христианском таинстве) в качестве заменителя питья крови. Повсюду кровь, как правило, является табу, и она накладывает табу на все, что с ней соприкасается. Теперь женщина постоянно является "театром кровавых манифестаций", и поэтому она имеет тенденцию становиться хроническим табу для других членов сообщества. "Более или менее осознанная тревога, определенный религиозный страх не могут не проникать во все отношения ее спутников с ней, и именно поэтому все такие отношения сводятся к минимуму. Особо исключены отношения сексуального характера. Во-первых, такие отношения настолько интимны, что они несовместимы с тем отвращением, которое полы должны испытывать друг к другу; барьер между ними не допускает такого тесного союза. Во-вторых, органы тела, о которых здесь идет речь, являются именно источником страшных проявлений. Таким образом, естественно, что чувство отвращения, вызываемое женщинами, достигает наибольшей интенсивности в этот момент. Таким образом, из всех частей женской организации именно этот регион наиболее строго изолирован от торговли ". Таким образом, хотя примитивная эмоция в основном связана с благоговением и родственна той, которую испытывают к царям и священникам, в таком благоговении присутствует элемент страха, а то, чего боятся люди, в какой-то степени им ненавистно.^[364]

Эти представления неизбежно смешивались в очень ранний период с представлениями мужчин о половом акте с женщинами, особенно с женщинами в период менструации. Контакт с женщинами, как показывает Кроули на многочисленных иллюстрациях, опасен. В любом случае, действительно, те же идеи переносятся и на женщин: коитус вызывает слабость и препятствует приобретению сверхъестественных сил. Так, среди западных племен Канады Боас утверждает: "Только юноша, который никогда не прикасался к женщине или девственнице, и то, и другое называется *те "и "итс*, может стать шаманом. После полового акта мужчины, так же как и женщины, становятся *т'к-е'эл*, *то есть*, слабыми, неспособными обрести сверхъестественные силы. Способность не может быть восстановлена последующим постом и воздержанием".^[365] Таинственные эффекты полового акта в целом усиливаются в случае полового акта с менструирующей женщиной. Так, древнеиндийский законодатель заявляет, что "мудрость, энергия, сила, зрение и жизненная сила мужчины, который приближается к женщине, покрытой менструальными выделениями, полностью исчезают".^[366] Будет видно, что эти идеи беспристрастно распространены в самых отдаленных друг от друга частях земного

шара. Они в равной степени затронули христианскую церковь, и кающиеся налагали сорока- или пятидесяти дневную епитимью за половой акт во время менструации.

Однако двойное влияние менструирующей женщины остается ясным, когда мы рассматриваем всю группу влияний, которые, как предполагается, она оказывает в этом состоянии. Она ни в коем случае не действует только парализуя социальную деятельность и разрушая жизненные силы, заставляя цветы увядать, плоды опадать с деревьев, зерна терять свою всхожесть и прививки отмирать. Она не совсем точно выражена в старых строках:—

"О! женщина во время менструации, ты дьявол, от которого следует тщательно оградить всю природу"

.

Ее силы также полезны. Женщина в это время, как выразился Элиан, находится в постоянном общении со звездными телами. Даже в другие времена женщина, которую водили обнаженной по саду, защищала его от гусениц, говорил Плиний, и это поверье действует (согласно Бастанци) даже в современной Италии.^[367] одежду в пятнах с невинным менструальной крови, то это говорит в Баварии, является определенной защитой от порезов и ударов. Он также погасит огонь. Он был ценен как любовный напиток; как лекарство его использовали бесконечно.^[368] Секта валентиниан даже приписывала менструальной крови сакраментальные свойства и принимала ее как кровь Христа. Однако вскоре Церковь прониклась ужасом к женщинам во время менструации; им часто не разрешалось принимать причастие или входить в священные места, и иногда считалось, что лучше всего вообще запретить присутствие женщин.^[369] Англосаксонские пенитенциарии заявили, что женщины во время менструации не должны входить в церковь. По-видимому, именно Григорий II опроверг эту доктрину.

В наше время медленный распад примитивных анимистических представлений, которому, безусловно, способствует деградированное представление о сексуальных феноменах, которым учили средневековые монахи, для которых женщина была "*отличительным храмом над клоакой*", привел к неверию в более благотворное влияние менструирующей женщины. Сохранилась довольно широко распространенная вера только в ее пагубное влияние. Это можно проследить даже в практических и коммерческих — можно добавить, медицинских — кругах. На крупных сахарных заводах на севере Франции правила строго запрещают женщинам входить на фабрику, пока сахар варится или охлаждается, объясняя это тем, что, если женщина войдет туда во время месячных, сахар почернеет. По той же причине — чтобы повернуть на Восток — ни одна женщина не работает на опиумной фабрике в Сайгоне, говорят, что опиум портится и становится горьким, в то время как аннамитские женщины говорят, что им очень трудно готовить трубки для набивания опиума в течение менструального периода.^[370] В Индии, опять же, когда туземец, отвечающий за печь для обжига извести, вышедшую из строя, заявил, что у одной из работниц, должно быть, менструация, все женщины — индуистки, магометанки, аборигенные гонды и т.д. — показали своими энергичными опровержениями, что они понимают это суеверие.^[371]

В 1878 году член Британской медицинской ассоциации написал в *British Medical Journal* письмо, в котором спрашивал, правда ли, что если женщина приготовит ветчину во время менструации, то ветчина испортится. Он знал, что это происходило дважды. Другой врач написал, что если это так, то что произойдет с пациентками женщин-докторов во время менструации? Третий

написал (в *журнале* за 27 апреля 1878 г.): "Я думал, что каждой домохозяйке и повару настолько хорошо известен факт, что мясо портится, если его солить в период менструации, что я удивлен, увидев так много писем на эту тему в *журнале*". Если я не ошибаюсь, этот вопрос обсуждался много лет назад в периодических изданиях. Несомненно, дело в том, что мясо будет испорчено, если его приготовят женщины в период беременности. Каким бы ни было обоснование, я могу положительно оценить этот факт".

Вероятно, именно влияние этих примитивных представлений заставляло хирургов и гинекологов бояться операций в течение менструального периода. Таково, во всяком случае, мнение выдающегося авторитета, доктора Уильяма Гуделла, который написал в 1891 году^[372]: "Я научилась забывать учение о том, что женщины не должны подвергаться хирургической операции во время месячных. Наши предки с незапамятных времен думали и учили, что присутствие менструирующей женщины осквернит торжественные религиозные обряды, скиснет молоко, испортит брожение в чанах для вина и принесет много других неприятностей в общем виде. Под влиянием давних традиций современные врачи, как правило, откладывают любое оперативное лечение до тех пор, пока поток не прекратится. Но зачем эта задержка, если время драгоценно, и оно играет важную роль в деле? Я обнаружил, что менструация - самое лучшее время для удаления грибковых наростов эндометрия, поскольку в это время они набухают из-за притока крови, их больше, чем в любое другое время, и их легче удалить. Действительно, нет более надежного способа проверить или остановить метроррагию, чем выскабливание матки во время самого кровотечения. Хотя я не выбираю этот период для удаления кист яичников или для других операций в брюшной полости, таких как экстирпация яичников, или почек, или разрыв кишечных спаек и т.д., Тем не менее, я без колебаний выполняла эти операции в такое время, и у меня никогда не было причин сожалеть о проведенном курсе. Единственные операции, которые мне не хотелось бы выполнять во время менструации, - это операции, связанные с самой маткой".

К этому следует добавить, что мы все еще должны принимать во внимание не только сохраняющееся влияние древних первобытных верований, но и возможное существование реальных нервных состояний во время менструального периода, вызывающих то, что можно описать как ненормальное нервное напряжение. Таким образом, мы, несомненно, имеем дело с тканью явлений, неразрывно сплетенных из народных преданий, самовнушения, ложных наблюдений и реальных психических и нервных отклонений. Лоран (*лок. цит. по*) привел несколько примеров, которые могут проиллюстрировать этот момент. Так, он говорит о двух молодых девушках примерно 16 и 17 лет, слегка невропатичных, но без явных истерических симптомов, которые во время менструации ощущают себя в своего рода электрическом состоянии, "с ощущениями покалывания и влечения или отталкивания при контакте с различными объектами". Эти девочки считают, что их одежда прилипает к коже во время месячных; им было лишь с трудом снять тапочки, хотя они легко сидели на ногах; чулки пришлось насильно стаскивать другому человеку, и они отказались от смены своих рубашек во время месячных, потому что белье сильно приклеилось к коже. Оркестровый исполнитель на контрабасе сообщил Лорану, что всякий раз, когда он оставлял настроенный контрабас в своей квартире во время менструации своей жены, лопалась струна; следовательно, он всегда переносил свой инструмент в это время в дом друга. Он добавил, что то же самое произошло двумя годами ранее со своей любовницей, *певицей, выступавшей в кафе-концерте*, которая, действительно, предупредила его заранее. Арфистка также сообщила Лорану, что ей пришлось оставить свою профессию, потому что во время месячных у нее порвалось несколько струн

арфы, всегда одних и тех же, особенно когда она играла. Друг Лорана, чиновник из китайской провинции Кочин, также рассказал ему, что струны его скрипки часто лопались во время менструаций у его любовницы-аннамитки, которая сообщила ему, что женщины-аннамитки знакомы с этим явлением и стараются не играть на своих инструментах в это время. Две молодые леди, обе хорошие скрипачки, также подтвердили, что с момента своей первой менструации они заметили тенденцию к разрыву струн в этот период; одна, настоящая артистка, которая часто выступала на благотворительных концертах, систематически отказывалась играть в это время и часто стеснялась найти предлог; другая, которая призналась, что в такие моменты она нервничала и раздражалась, бросила играть из-за того, что ей было трудно так часто менять струны. Лоран также ссылается на частоту, с которой женщины ломают вещи во время менструации, и считает, что это происходит не просто из-за неловкости, вызванной нервным истощением или истерической дрожью, а из-за спонтанной поломки. Чаще всего случается, что стекло разбивается, когда его вытирают тряпкой; иглы также ломаются с необычной легкостью в это время; часы останавливаются простым прикосновением к ним стрелки.

Я не пытаюсь здесь критически оценивать обоснованность этих предполагаемых проявлений (некоторые из которых, безусловно, могут быть объяснены бессознательным мышечным действием, составляющим основу феноменов переворачивания стола и чтения мыслей); лучше всего такую задачу можно решить путем тщательного изучения отдельных случаев, и в этом месте я просто рассматриваю общее влияние менструального цикла на социальное положение женщин, без ссылки на анализ элементов, составляющих это влияние.

Есть только еще один момент, на который можно обратить внимание. Я намекаю на то, каким образом более благоприятная сторона первобытного представления о менструирующей женщине — как о жрице, сивилле, пророчице, почти чудесном средстве добра, ангеле, своеобразном обиталище божественного элемента — медленно и непрерывно сохранялась бок о бок с менее благоприятным представлением от зарождения европейской цивилизации до наших дней. Реальные физические явления менструации вместе с идеями табу, связанными с этим состоянием, отошли на задний план по мере развития культуры; но, с другой стороны, идеи об ангельском положении и духовной миссии женщин, основанные на примитивном представлении о тайне, связанной с менструацией, все еще в какой-то степени сохранялись.

Однако очевидно, что, хотя в той или иной форме более благоприятный аспект первобытного взгляда на магическую функцию женщин никогда полностью не угасал, постепенный упадок и деградация первобытного взгляда в целом привел к снижению оценки природы и положения женщин. Женщина всегда была ведьмой; она была такой даже в древней Вавилонии; но она перестала быть жрицей. Ранние германцы видели "*sanctum aliquid et providum*" в женщинах, которые для средневекового немецкого проповедника были всего лишь "*двуногими животными*"; Шопенгауэр и даже Ницше были более склонны встать на сторону проповедника, чем полуголых философов времен Тацита. Но оба сходных взгляда являются всего лишь крайностями одной и той же примитивной концепции; и постепенная эволюция от одной крайности магической доктрины к другой была неизбежна.

Как мы видим, в развитой цивилизации эти идеи, в основе которых лежит древняя история о змее и об особой и таинственной связи между менструирующей женщиной и оккультными силами магии, имеют тенденцию к отмиранию. Разделение полов, которое они

предполагают, становится ненужным. Живя в большом сообществе с мужчинами, женщины, как считается, обладают чем-то, что вполне может быть, но в меньшей степени, чем раньше, от ангела-дьявола ранних теорий. Менструация больше не является чудовищным состоянием, требующим духовного табу, а нормальным физиологическим процессом, не лишенным психического воздействия на саму женщину и на тех, кто живет с ней.

[353] Однако несколько недавних работ, в частности "*Золотая ветвь*" Фрейзера и "*Мистическая роза*" Кроули, прямо или косвенно проливают свет на этот вопрос.

[354] Робертсон Смит указывает, что, поскольку змеи - последние вредные животные, которых человек способен истребить, они в последнюю очередь ассоциируются с демонами. В конечном счете, они были единственными животными, непосредственно и постоянно ассоциировавшимися с арабским *джинном*, или демоном, и эдемский змей был демоном, а не временной личиной сатаны (*Религия семитов*, стр. 129 и 442). Возможно, отчасти потому, что змея была последним воплощением демонической силы, с ней ассоциировались женщины, а женщины всегда были связаны с самыми древними религиозными верованиями.

[355] Говорят, что на северной территории той же колонии менструация происходит из-за того, что бандикут царапает влагалище и вызывает кровотечение (*Журнал Антропологического института*, стр. 177, ноябрь 1894 г.). В Гленелге и недалеко от Портленда, в штате Виктория, голова змеи вставлялась во влагалище девственницы, когда считалась недостаточно большой для полового акта (Brough Smyth, *Aborigines of Victoria*, vol. ii, стр. 319).

[356] Фрейзер, *Золотая Ветвь*, т. ii, стр. 231. Кроули ("*Мистическая роза*", стр. 192) также объединяет различные случаи с примитивными народами, которые верят, что укус змеи является причиной менструации.

[357] Мейнерс д'Эстре, "Этнографический этюд о ле-лезарском народе малайцев и полинезийцев", *L'Anthropologie*, 1892; см. Также, что касается ящерицы в фольклоре Самоа, *Globus*, том. lxxiv, № 16.

[358] *Журнал Антропологического общества Бомбея*, 1890, стр. 589.

[359] Буден (*Антропологический этюд: Культ Змеи*, Париж, 1864, стр. 66-70) приводит примеры этого аспекта поклонения змее.

[360] Аттилио де Марки, *Частное культовое сооружение Рима*, стр. 74. Ассоциация силы зарождения с богом в виде змеи действительно распространена; см., например, сэр У. М. Рамзи, *Города Фригии*, том i, стр. 94.

[361] Примечательно, что одним из названий пениса, используемых женщинами суахили Немецкой Восточной Африки, на своего рода их собственном частном языке, является "змея" (Zache, *Zeitschrift für Ethnologie*, стр. 73, 1899). Можно добавить, что Мадер ("Интерпретация результатов исследований", *Архив психологии*, апрель 1907 г.) приводит различные фольклорные источники, свидетельствующие о фаллическом значении змеи, а также свидетельства того, что в снах современных женщин змея иногда имеет сексуальное значение.

[362] У. Р. Смит, *Родство и брак в Ранней Аравии*, 1885, стр. 307. Этот момент подробно изложен в книге того же автора *"Религия семитов"*, второе издание, Приложение "Святость, нечистота и табу", стр. 446-54. See also Wellhausen, *Reste Arabischen Heidentums*, second edition, pp. 167–77. Даже для ранних арабов, замечает Велльхаузен (стр. 168), "чистый" означал "нечестивый и разрешенный", в то время как "нечистый" означал "священный и запретный". То же самое, как замечает Джастроу (*Религия Вавилонии*, стр. 662), было и у вавилонских семитов.

[363] Дж. К. Фрейзер, *"Золотая ветвь"*, глава IV.

[364] E. Durkheim, "La Prohibition de l'Inceste et ses Origines," *L'Année Sociologique*, Première Année, 1898, esp. pp. 44, 46–47, 48, 50–57. Кроули (*Мистическая Роза*, стр. 212) выступает против взгляда Дюркгейма на значение крови в отношении отношения к женщинам.

[365] *Отчет Британской ассоциации о северо-западных племенах Канады*, 1890, стр. 581.

[366] *Законы Ману*, iv, 41.

[367] Плиния, который, книга VII, главы XIII и забронировать XXVIII, глава XXIII, в его *естественной истории*, дает длинные списки различных добрых и злых влияний отнести к менструации, пишет в последнем месте: "Град, мол, вихри и молнии, даже, отпугнет женщину, раскрывая ее тело, пока ее месячные курсы при ней. То же самое и со всеми другими видами штормовой погоды; а в море шторм может быть остановлен тем, что женщина просто обнажает свое тело, даже если у нее в это время нет менструации. Также и в любое другое время, если женщина разденется догола во время менструации и пройдет по пшеничному полю, гусеницы, черви, жуки и другие паразиты упадут с колосьев кукурузы".

[368] См. Бурк, *Скатологические обряды всех наций*, 1891, стр. 217-219, 250 и 254; Плосс и Макс Бартельс, *Das Weib*, том. i; H. L. Strack, *Der Blutaberglaube in der Menschheit*, fourth edition, 1892, pp. 14–18. Последнее упоминание относится к эффективности, часто приписываемой менструальной крови в средние века при лечении проказы, и приводит примеры, происходящие даже в современной Германии, когда девушки добавляли капли менструальной крови в кофе своим возлюбленным, чтобы убедиться в сохранении их привязанности.

[369] См., например, Дюфур, *История проституции*, том. iii, с. 115.

[370] Доктор Л. Лоран приводит эти примеры в книге "О феноменах, вызываемых менструацией", *"Анналы психических наук"*, сентябрь и октябрь 1897 г.

[371] *Журнал Антропологического общества Бомбея*, 1890, стр. 403. Широко распространено мнение, что даже взгляд женщины в период менструации может иметь серьезные последствия. См. Такман, "Очарование", *Мелазина*, 1888, стр. 347 и далее.

[372] Цитируется в *Провинциальном медицинском журнале*, апрель 1891г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

СЕКСУАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧНОСТЬ У МУЖЧИН.

Содержание

Ф. Х. ПЕРРИ-КОСТЕ, бакалавр наук (ЛОНДОН).

В недавней брошюре о "Ритме пульса"^[373] Я показал, *среди прочего*, что показатели пульса как у мужчины, так и у женщины, если они распределены по лунным месячным периодам и усреднены за несколько лет, демонстрируют четкий, а иногда очень сильно выраженный и симметричный ритм.^[374] Указав, что, по крайней мере, в некоторых случаях кривые пульса у мужчин и женщин, как месячные, так и годовые, кажутся обратными друг другу, я добавил: "Трудно игнорировать предположение, что при отслеживании месячного ритма пульса у нас есть история месячной функции у женщин; и что, если это так, отслеживание мужского пульса может в конечном итоге оказать нам некоторую помощь". в открытии соответствующего месячного периода у мужчин, существование которого было предложено мистером Хэвлоком Эллисом и профессором Стэнли Холлом, среди других авторов. Конечно, сам факт того, что мы можем проследить четкий месячный ритм в пульсе человека, по-видимому, убедительно указывает на существование у него физиологического периода месячных".

Очевидно, однако, что только косвенно и путем умозаключений мы можем вывести из ежемесячного ритма пульса у мужчин вывод о мужской сексуальной периодичности; но теперь я могу привести более прямые доказательства, которые справедливо продемонстрируют существование сексуальной периодичности у мужчин.

Мы начнем с того факта, что безбрачие глубоко неестественно и, следовательно, является физическим, а также эмоциональным и интеллектуальным отклонением от нормы. Поскольку это так, то полностью согласуется со всем, что мы знаем о физиологии, что, когда отказано в облегчении половой секреторной системы естественными средствами и, как следствие, достигнута определенная степень напряжения или надавливания, система должна разрядиться самопроизвольно — такая разрядка, конечно, является патологической в строгом смысле этого термина, поскольку она никогда не произошла бы ни у одного животного, которое следовало бы строгим законам своего физического существования без какого-либо учета других, более высоких законов, касающихся его собратьев.

Общеизвестно, что то, чего мы должны были ожидать *априори*, действительно происходит; любой неженатый мужчина, живущий в строгом целомудрии, периодически испытывает во сне потерю семенной жидкости — такие явления в народе называют *влажными снами*.^[375]

В течение примерно восьми или десяти лет я тщательно регистрировал возникновение таких разрядов, которые испытывал сам, и теперь накопил достаточно данных, чтобы оправдать попытку сформулировать некоторые предварительные выводы.^[376]

Чтобы сделать эти наблюдения настолько полезными, насколько это возможно для изучающих периодичность, я здесь повторяю (по просьбе мистера Хэвлока Эллиса) утверждение, которое по тем же причинам было присоединено к моему "Ритму пульса". Эти наблюдения за собой были

сделаны в возрасте от 20 до 33 лет. Мой рост около 5 футов 9 дюймов, я широкоплечий и вешу около 10 стоунов 3 фунтов *нетто* — этот вес, я полагаю, примерно на 7 фунтов ниже нормы для моего роста. Также у меня зелено-карие глаза, очень темно-каштановые волосы и цвет лица, из-за которого незнакомые люди часто принимают меня за иностранку — возможно, этот цвет лица объясняется некоторой примесью гугенотской крови, хотя по материнской линии я, насколько можно судить, чистокровный англичанин. Я хорошо переношу жару, наслаждаюсь расслабляющим климатом, сразу расстраиваюсь от "бодрящего" морского воздуха, ненавижу холод и обильно потею после тренировки. К этому достаточно будет добавить, что по темпераменту я принадлежу к явно нервному и эмоциональному типу.

Прежде чем перейти к замечаниям о различных ритмах, которые я обнаружил, я сведу в таблицу данные, на которых основаны мои выводы. Количество сбросов, зарегистрированных за рассматриваемые годы, является следующим:—

В 1886 году,	30.	(Записи начались в апреле.)
В 1887 году,	40.	
В 1888 году,	37.	
В 1889 году,	18.	(Определенно, записано не полностью.)
В 1890 году,	0	(В этом году записей не сохранилось. ^[377])
В 1891 году,	19.	(Записи возобновлены в июне.)
В 1892 году,	35.	
В 1893 году,	40.	
В 1894 году -	38.	
В 1895 году -	36.	
В 1896 году -	36.	
В 1897 году -	35.	
В среднем -	37.	(Исключая 1886, 1889 и 1891 гг.)

Таким образом, у меня есть полные записи за восемь лет и неполные записи еще за три; и замечательное соответствие между соответствующими ежегодными числами наблюдений за эти восемь лет не только дает нам внутреннее доказательство точности моих записей, но также сразу доказывает, что существует неоспоримая регулярность в возникновении этих сексуальных разрядов, и, следовательно, дает нам основание ожидать, что эта регулярность ритмична. Более того, поскольку казалось разумным ожидать, что может существовать более одного ритма, я проанализировал свои данные с целью обнаружения (1) годового, (2) лунно-месячного и (3) недельного ритма, и теперь я продолжаю показывать, что все три таких ритма существуют.

ГОДОВОЙ РИТМ.

Очевидно, что в поисках годового ритма мы должны игнорировать записи за три неполных года; но данные за оставшиеся восемь графически изображены на [диаграмме VIII](#). Кривые говорят сами за себя настолько ясно, что любые комментарии были бы почти излишни, и соответствие между различными кривыми, хотя, конечно, и не идеальное, намного больше, чем мы могли бы ожидать из-за скудости данных. Все кривые сходятся в том, что указывают на существование

трех четко определенных максимумов, а именно в марте, июне и сентябре - следовательно, это месяцы, в которые половой инстинкт наиболее активен; а более поздние кривые показывают, что в январе также часто наблюдается четвертый максимум. В предыдущие годы максимумы в марте и июне были более выражены, чем сентябрьский; но самая верхняя кривая показывает, что в среднем за все восемь лет сентябрьский максимум был самым высоким, июньский и январский максимумы занимали второе место, а мартовский максимум был наименее выраженным из всех.

Теперь, вспомнив, что при расчете кривых годового ритма пульса я счел необходимым усреднить показатели за два месяца вместе, чтобы выявить полное значение ритма, я подумал, что было бы неплохо испытать влияние на эти кривые также аналогичного усреднения за два месяца вместе. Сначала мои результаты были довольно удовлетворительными; но по мере того, как мои данные увеличивались год от года, я обнаружил, что эти кривые противоречат друг другу, и поэтому пришел к выводу, что я выбрал неестественные периоды для своего усреднения. Моим первым попытавшимся средством было разложить месяцы по парам декабрь-январь, февраль-март и т.д., вместо января-февраля, марта-апреля и т.д.; Но с этими парами у меня получилось не лучше, чем с первыми. Затем я распределил месяцы по тройкам: январь-февраль-март и т.д.; и результаты графически представлены на [диаграмме VII](#). Здесь, опять же, комментарии были бы совершенно бесполезны, но мне нужно только указать, что *целомсексуальная* активность неуклонно возрастает в течение первых девяти месяцев в году до максимума в сентябре, а затем быстро и резко снижается в течение следующих трех до минимума в декабре.

Изучение этих кривых наводит на два интересных вопроса, ни на один из которых, однако, данные не дают нам ответа.

Во-первых, связаны ли изменения в моем случае максимума выбросов с марта и июня в более ранние годы по сентябрь в более поздние и интерполяция нового вторичного максимума в январе с увеличением возраста; или расхождение объясняется просто временной неравномерностью, которая была бы столь же усредненной, если бы я регистрировал выбросы в 1881-89 годах, а не в 1887-1897 годах?

Второй вопрос имеет очень большое значение — в социальном, этическом и физическом плане. Как часто в таком климате мужчина должен вступать в половую связь со своей женой, чтобы поддерживать себя в идеальном физиологическом равновесии? Мои результаты позволяют нам определенно установить минимальные пределы и ответить, что 37 объятий в год было бы слишком мало; но, к сожалению, они не дают нам ключа к максимальному пределу. Очевидно, что необходимая частота должна быть больше 37 раз в год — возможно, даже значительно больше, — учитывая, что самопроизвольные выделения, с которыми мы имеем дело, происходят из-за избыточного давления и происходят только тогда, когда система, лишенная естественного облегчения, больше не может удерживать свои выделения; и, следовательно, кажется очень разумным предположить, что частота естественного облегчения должна быть кратна 37. Однако я не считаю, что имеющиеся в нашем распоряжении данные дают нам какой-либо ключ к разгадке этого кратного или позволяют нам предложить либо 2, 3, 4, либо 5 в качестве требуемого кратного 37. Это правда, что другие наблюдения за мной дали мне то, что я считаю вполне удовлетворительным и надежным ответом в том, что касается меня самого; но эти наблюдения такого характера, что их нельзя обсуждать здесь, и у меня нет

никакого желания предлагать в качестве совета другим мнение, которое я не в состоянии обосновать ссылкой на факты и статистику. Более того, я совершенно не в состоянии высказать мнение, должно ли, учитывая ежегодную частоту самопроизвольных выделений у ряда мужчин в 37 раз, кратность, необходимая для частоты естественного облегчения, быть одинаковой в каждом конкретном случае. Насколько я знаю, физиологические особенности мужчин могут быть настолько разнообразными, что при наличии двух мужчин с частотой 37 спонтанных выделений в год желаемое число может быть в одном случае X, а в другом 2X.^[378] Однако наши данные ясно указывают, что частота за шесть или восемь летних месяцев должна соответствовать частоте спонтанных выделений. шесть или четыре зимних месяца в пропорции три или четыре к двум.^[379] Однако никогда не следует забывать, что при любых условиях и муж, и жена должны проявлять благоразумие, как по отношению к себе так и *другим*, и что каждый должен категорически отказываться удовлетворять себя, принимая жертву, какой бы добровольной она ни была, которая может нанести серьезный ущерб здоровью другого; ибо только опыт может показать, будет ли в любом союзе восприимчивость женщины больше или меньше, или равна *физическому* желанию мужчины. Тем, конечно, кто рассматривает брак со старомодной и в высшей степени аморальной точки зрения Меланхтона и других теологов, и кто рассматривает жену как предназначенное Богом средство для законной невоздержанности своего мужа, покажется в высшей степени нелепым, что специалист по физиологии пытается советовать им, как часто искать объятий своих жен; но тем, кто рассматривает женщину с точки зрения высшей этики, кому претит мысль о том, что она должна быть всего лишь средством удовлетворения страстей своего мужа, и кто требует, чтобы она была хозяйка своего собственного тела, не будет неблагодарной за любые рекомендации, которые физиология может им предоставить. Более того, вскоре будет видно, что изучение недельного ритма действительно дает нам менее неточный ключ к желаемому решению.

Прежде чем мы оставим этот интересный вопрос, можно упомянуть один любопытный факт. Утверждается, что "Солон требовал [от мужа] трех *платежей* в месяц. По закону Мисна ежедневный долг был наложен на ленивого энергичного молодого мужа; *дважды в неделю* - на гражданина; раз в тридцать дней - на погонщика верблюдов; раз в шесть месяцев - на моряка".^[380] Безусловно, поразительно, что "три выплаты в месяц" Солон точно соответствуют моим записям о 37 выписках в год. Записывал ли Солон аналогично серию наблюдений за собой?

ЛУННО-МЕСЯЧНЫЙ РИТМ.

Теперь мы переходим к тому разделу исследования, который представляет наибольший физиологический интерес, хотя и не имеет большого социального значения. Есть ли месячные у мужчины так же, как и у женщины? Мои записи ясно указывают на то, что так оно и есть.

В поисках этого месячного ритма я использовал данные не только за восемь полностью зарегистрированных лет, но и за три 1886, 1889 и 1891 гг., поскольку, хотя было бы очевидно, что использовать эти неполные записи при расчете годового ритма было бы неточно, кажется, нет возражений против их использования в настоящем разделе исследования. Вряд ли необходимо отмечать, что термины "первый день месяца", "второй день", "третий день" и т.д. следует понимать как обозначающие "день новолуния", "день после новолуния", "третий лунный день" и так далее; но следует пояснить, что, поскольку эти выделения происходят ночью, я принял астрономический, а не гражданский день; так что новолуние, произошедшее между

вчерашним полуднем и сегодняшним днем, считается произошедшим вчера, а вчерашний день считается первым лунным днем: таким образом, выделения, происходящие в ночь с 31 декабря на 1 января указана в таблице как приходящаяся на 31 декабря и, в настоящем обсуждении, отнесена к лунным суткам, состоящим из полудня 31 декабря и полудня 1 января.

Поскольку очевидно, что количество сбросов за любой год — в среднем всего 1,25 в день — слишком мало, чтобы получить кривую с каким-либо значением, я объединил свои данные в две серии. Пунктирная кривая на [диаграмме IX](#) получена путем объединения результатов за 1886-92 годы: два из этих лет зарегистрированы неполно, а за 1890 год записей нет; общее количество наблюдений составило 179. Ломаная кривая получена путем объединения данных за 1893-97 годы, при этом общее количество наблюдений составило 185. Тем не менее, данные слишком скудны, чтобы получить действительно характерную кривую; но *непрерывная* кривая, которая подводит итоги за одиннадцать лет, более надежна и, очевидно, более удовлетворительна.

Если сравнить две первые кривые, то будет видно, что в целом они демонстрируют общее соответствие, а существующие различия объясняются главным образом двумя фактами: (1) вторая кривая более ровная на всем протяжении, ни максимум, ни минимум не так сильно выражены, как на первой; и (2) основной максимум приходится на середину месяца, а не на второй лунный день, и отсутствие отмеченного начального максимума изменяет характер первой недели или около того на этой кривой. Однако едва ли справедливо придавать большое значение характеристикам кривых, полученных на основе таких скудных данных, и поэтому мы перейдем к непрерывной кривой, изучение которой окажется более ценным.^[381]

Теперь даже беглый анализ этой непрерывной кривой даст следующие результаты:—

1. Выделения чаще всего происходят во второй лунный день.
2. Следующими по частоте днями разрядов являются 22—й; 13-й; 7-й, 20-й и 26-й; 11-й и 16-й; так что, если мы рассмотрим только первые шесть из них, мы обнаружим, что разряды чаще всего происходят во 2-й, 7-й, 13-й, 20-й, 22-й и 26-й лунные дни -т.е., разряды чаще всего происходят в дни, разделенные, в среднем, четырехдневными интервалами; но на самом деле период между 20-м и 22-м днями характеризуется наиболее частыми разрядами.
3. Дни минимальной выписки - 1-й, 5-й, 15-й, 18-й и 21-й.
4. Кривая характеризуется постоянным распилом, так что за каждым заметным максимумом немедленно следует заметный минимум. Таким образом, кривая имеет совершенно иной характер, чем кривая, представляющая месячный ритм пульса,^[382] и это только то, чего можно было ожидать; ибо, в то время как *среднее* значение пульсаций лишь очень незначительно меняется изо дня в день, что приводит к постепенному подъему или опусканию кривой, выделение из половой системы снимает напряжение, истощая накопленную секрецию, и обязательно за этим следует несколько дней отдыха и бездействия. Следовательно, по самой природе случая кривая такого рода не могла быть иной, чем крайне нерегулярной, если выделения имели тенденцию происходить наиболее часто в определенные дни месяца; и, таким образом, сама нерегулярность кривой дает нам доказательство того, что существует регулярная мужская периодичность, так что в определенные дни месяца вероятность самопроизвольных выделений выше, чем в любые другие дни.

5. Однако, какой бы приятной ни была эта неравномерность кривой, она влечет за собой соответствующий недостаток, поскольку из-за этого мы не можем легко воспринимать характеристики месячного ритма в целом. Я подумал, что, возможно, этот аспект ритма можно было бы сделать более понятным, если бы я пересчитал данные в средние значения за два дня; и результат, как показано на [диаграмме X](#), является чрезвычайно удовлетворительным. Здесь мы можем сразу заметить удивительную и почти геометрическую симметрию месячного ритма; действительно, если бы третий максимум был на единицу выше, если бы первый минимум был на единицу ниже, и если бы линии, соединяющие второй минимум и третий максимум, а также четвертый максимум и четвертый минимум, были прямыми, а не слегка изломанными, тогда кривая в своих основных чертах была бы геометрически симметричной; и эта симметрия, как мне кажется, дает убедительное доказательство репрезентативной точности кривой. Мы видим, что месяц разделен на пять периодов; что максимумы приходятся на следующие пары дней: 19-20-е, 13-14-е, 25-26-е, 1-2-е, 7-8-е; и что минимумы приходятся на начало, конец и точную середину месяца. Существовало много праздных суеверий относительно влияния Луны на землю и ее обитателей, и некоторые верования, которые когда-то считались столь же праздными, теперь были восстановлены в отношении науки; но, несомненно, было бы очень увлекательным и очень любопытным фактом, если бы влияние луны на мужчин было таким, чтобы регулировать спонтанные выделения из их сексуальной системы. Несомненно, тогда влюбленные всех эпох "строили бы лучше, чем они думали", воздвигая алтари из молитвенных стихов целомудренной богине Артемиде.

[ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ РИТМ.](#)

Теперь мы переходим к третьей части нашего исследования и должны спросить, существует ли какой-либо еженедельный ритм сексуальной активности. *Априори* можно было бы ответить, что ожидать какого-либо подобного еженедельного ритма было бы абсурдно, учитывая, что наша неделя — в отличие от лунного месяца в году - является чисто искусственным и условным периодом; в то время как, с другой стороны, можно было бы возразить, что существование *вызванной* еженедельной периодичности вполне мыслимо, поскольку такая периодичность обусловлена обычным различием между нашими занятиями или образом жизни в один или два дня недели и в остальные дни. Однако в таком исследовании *априорные* аргументы бесполезны, поскольку на вопрос можно ответить только путем индукции из наблюдений, а кривые на [диаграмме XI](#) ([диаграмма Xla](#) и [диаграмма Xlb](#)) убедительно доказывают, что существует заметный еженедельный ритм. Учитывая существование такого еженедельного ритма, естественно было бы предположить, что либо максимум, либо минимум регулярно приходился бы на субботу или воскресенье; но изучение кривых показывает неожиданный результат: день максимального выброса меняется из года в год. Таким образом, это ^[383]

Воскресенье в 1888, 1892, 1896 годах.

Вторник в 1894 году.

Четверг в 1886, 1897 годах.

Пятница в 1887 году.

Суббота в 1893 и 1895 годах.

Поскольку на [диаграмме XI](#) кривые нарисованы от воскресенья к воскресенью, очевидно, что реальная симметрия кривой проявляется только в те годы, которые характеризуются

воскресным максимумом; и, соответственно, на диаграмме 12 я изобразил кривые в более подходящей форме.

Диаграмма XII А получена путем объединения данных за 1888, 1892 и 1896 годы: годы воскресного максимума. Кривая 12 В представляет результаты 1894 года, года максимума вторника, умноженные на три, чтобы сделать кривую строго сопоставимой с первой. Кривая 12 С представляет 1886 и 1897 гг. — годы максимума четверга — аналогичным образом умноженные на 1,5. На кривой 12 D мы имеем результаты 1887 г. — года максимума пятницы — снова умноженные на три; а на кривой 12 E результаты 1893 и 1895 гг. — годы максимума субботы — умноженные на 1,5. Наконец, кривая 12 F представляет объединенные результаты всех девяти лет плюс (вторая половина) 1891 г.; и эта кривая показывает, что за весь период наблюдается очень сильно выраженный воскресный максимум.

Я вряд ли думаю, что эти кривые требуют особых комментариев. По своему общему характеру они демонстрируют заметное соответствие между собой; и важно, что наиболее регулярными из пяти кривых являются А и Е, представляющие комбинации трех и двух лет соответственно, в то время как наименее регулярной является В, которая основана на записях только за один год. В каждом случае мы обнаруживаем, что максимум, открывающий неделю, быстро сменяется минимумом, за которым сам по себе следует вторичный максимум - обычно очень вторичный, хотя в 1894 году он почти равнялся первичному максимуму, — за которым снова следует второй минимум — обычно почти идентичный первому минимуму, — после чего происходит быстрый рост к первоначальному максимуму. Изучение этих кривых, к счастью, подтверждает вывод, сделанный на основе нашего исследования годового ритма, и предполагает, что, по крайней мере, в течение части года физиологическое состояние человека требует сексуального союза по крайней мере два раза в неделю.

Что касается кривой 12F, то ее замечательная симметрия говорит сама за себя. Существование двух вторичных максимумов, однако, не имеет такого значения, какое имело значение нашего вторичного максимума на предыдущих кривых; поскольку один из этих вторичных максимумов обусловлен влиянием кривой 1894 года с ее первичным максимумом во вторник, а другой - аналогичным влиянием кривой С с ее первичным максимумом в четверг. Аналогично, скрытый третий вторичный максимум обусловлен влиянием кривой Е. Вероятно, любой изучающий кривые согласится, что при еще большем среднем значении два вторичных максимума кривой F были бы заменены одним в среду или четверг.

Остается рассмотреть еще один вопрос в связи с этим еженедельным ритмом. Можно ли проследить какую-либо связь между недельным и годовым ритмами такого характера, что еженедельный день максимального выделения должен меняться от месяца к месяцу в году; другими словами, характеризует ли большую частоту выделения в воскресенье одну часть года, во вторник - другую и так далее? Чтобы ответить на этот вопрос, я пересчитал все свои данные, результаты которых графически представлены на **диаграмме XIII**. Эти кривые доказывают, что максимальные выбросы по воскресеньям приходятся на март и сентябрь, а минимумы - на июнь; что максимальные выбросы по понедельникам приходятся на сентябрь, по пятницам - на июль и так далее. Таким образом, существует регулярный ритм, в соответствии с которым дни максимальной разрядки варьируются от одного месяца года к другому; и существование этого окончательного ритма кажется мне очень примечательным. Я бы особо обратил внимание на почти геометрическую симметрию кривой воскресенья и на единственную менее полную

симметрию кривых четверга и пятницы. Конечно, в этих ритмах у нас есть обширное поле для дальнейшего изучения и спекуляций.

Теперь я завершил свое изучение этого увлекательного исследования; исследование, которое неизбежно является неполным, поскольку оно основано на записях, предоставленных только одним человеком. Однако тот факт, что даже при таком небольшом количестве наблюдений и, несмотря на, следовательно, преувеличенное возмущающее влияние незначительных неровностей, эти кривые демонстрируют такую замечательную и неожиданную симметрию, только усиливает желание иметь возможность оперировать серией наблюдений, достаточно многочисленной, чтобы сделать сделанные на их основе обобщения абсолютно убедительными. Я бы снова обратился к^[384] к руководителям колледжей с просьбой помочь в этом расследовании, привлекая к нему группу студентов. Если бы только сотню студентов, живущих в аналогичных условиях, можно было побудить вести такие записи со скрупулезной регулярностью всего двенадцать месяцев, результаты, полученные в результате такой серии наблюдений, были бы более чем в десять раз ценнее тех, которые были достигнуты только после десятилетних наблюдений с моей стороны; и, если бы другие сотни студентов иностранных и колониальных колледжей — например, в Италии, Индии, Австралии и Америке — могли быть аналогичным образом привлечены к этой работе, мы бы быстро получили серию результатов, демонстрирующих сексуальные потребности и сексуальные особенности самцов человека-животного в различных странах. климатические условия. Очевидно, однако, что записи любых таких студентов были бы хуже, чем бесполезны, если бы их внимательность и точность, с одной стороны, и их обычное целомудрие, с другой, не могли быть безоговорочно гарантированы.

[373] Впервые опубликовано в *University Magazine and Free Review* от февраля 1898 г. и с тех пор переиздавалось в виде брошюры. Предварительное сообщение появилось в *Nature* от 14 мая 1891 года.

[374] [Более позднее исследование (1906 г.) убедило меня, что моя попытка найти период месячных по лунному календарю в женском пульсе была сведена на нет безнадёжной ошибкой: ибо любой месячный ритм у женщины следует искать, упорядочивая ее записи в соответствии с ее собственным менструальным месяцем; и этот менструальный месяц может варьироваться у разных женщин от значительно меньшего количества лунных месяцев до тридцати дней и более.]

[375] Я могу добавить, однако, что в моем собственном случае эти разрядки — насколько я могу доверять своему бодрствующему сознанию — часто, если не обычно, проходят без сновидений; и что сугубо сексуальные сны чрезвычайно редки, несмотря на обладание сильно эмоциональным темпераментом.

[376] Если я могу доверять своей памяти, я впервые испытал этот разряд, когда мне было несколько месяцев до пятнадцати лет, и, если да, то в течение нескольких недель после того, как меня в одно мгновение внезапно осенила мысль, что, возможно, религия, в которой я получил образование, может быть ложной. Любопытно, что наступление половой зрелости должно было быть ознаменовано этим интеллектуальным кризисом.

[377] Эта досадная брешь в записях произошла из-за того, что, не обнаружив какой-либо закономерности в возникновении разрядов, я впал в уныние и отказался от своих записей. В июне 1891 года, когда повторное изучение моих записей пульса привело к открытию ритма пульса в лунно-месячный период, мой интерес к другим физиологическим периодичностям пробудился вновь, и я возобновил свои записи этих выделений.

[378] На самом деле, я полагаю, мы можем с уверенностью утверждать, что ни один человек, который довольствуется тем, что руководствуется своими собственными инстинктивными желаниями, и который не подавляет их, с одной стороны, и не пытается заставить себя, с другой стороны, не подвергнется опасности совершить ошибку из-за чрезмерности или наоборот.

[379] [Очевидно, что возможность продолжения такого исследования, как описано в этом Приложении, прекращается с вступлением в брак; но я могу добавить (1906), что определенные заметки, которые я вел со скрупулезной точностью в течение восьми лет супружеской жизни, почти не подтверждают предположение, сделанное в тексте — *т.е.*, что сексуальное желание больше в одно время года, чем в другое. еще один. Природу этих заметок я не могу обсуждать; но они ясно указывают на то, что, хотя сексуальное желание во втором и третьем кварталах года несколько выше, чем в первом и четвертом, все же эта разница настолько незначительна, что ею почти пренебрегают. Даже если месяцы переставить в тройки — ноябрь-декабрь-январь и т.д. — так, чтобы свести воедино максимальные месяцы май, июнь и июль, разница между самым высоким кварталом и самым низким составляет увеличение только на десять процентов в последнем квартале — с учетом, конечно, аномально короткого февраля; и, если не учитывать февраль, увеличение максимального количества месяцев (июнь и июль) по сравнению с минимальным (ноябрь) равно увеличению менее чем на 14 процентов в последнем квартале. Эти различия настолько значительно меньше, чем те, которые показаны на [диаграмме VII](#), что они почти не имеют значения: но, чтобы не придавать слишком большого значения очевидному *уравнивающему* влиянию супружеской жизни, следует добавить, что записи, обсуждаемые в тексте, были получены во время проживания в Лондоне, тогда как после моего замужества я жил в Южном Корнуолле, где климат более мягкий и ровный.]

[380] Использование *Hebraica Селденом*, цитируемое в "*Упадке*" *Гиббона*, т. v, стр. 52, боннского издания.

[381] Я могу добавить, что кривая, полученная в 1896-97 годах, удивительно параллельна кривой, полученной за предыдущие девять лет, но я не считал нужным изображать эти две дополнительные кривые.

[382] Смотрите "Ритм пульса", [диаграмма IV](#).

[383] Как будет замечено, я опустил результаты не полностью зарегистрированных 1889 и 1891 годов. Очевидное объяснение этого любопытного колебания будет дано непосредственно.

[384] См. "Ритм пульса", стр. 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

АУТОЭРОТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РЕЛИГИИ.

Содержание

Тесная связь между эмоциями любви и религии хорошо известна всем тем, кто обычно соприкасается с явлениями религиозной жизни. Любовь и религия - это две самые вулканические эмоции, которым подвержен человеческий организм, и неудивительно, что, когда происходит возмущение в одной из этих сфер, вибрации с готовностью распространяются на другую. Неудивительно, что эти две эмоции должны иметь динамическую связь друг с другом и что аутоэротический импульс, будучи более примитивным и фундаментальным из двух импульсов, должен быть способен передать свою нерастраченную энергию религиозной эмоции, чтобы там найти расширение, в котором ему до сих пор отказывали, любовь к человеческому становится любовью к божественному.

"Я был недостаточно хорош для человека,
И поэтому отдан Богу".

Даже когда имеет место абсолютное физическое подавление сексуальной стороны, представляется вероятным, что тем самым вызывается большая интенсивность духовного пыла. Многие выдающиеся мыслители, по-видимому, были лишены сексуального влечения.

Примечательным и знаменательным фактом является то, что эпоха любви - это также эпоха обращения. Старбак, например, в своем очень подробном исследовании психологии обращения показывает, что большинство обращений происходит в период подросткового возраста, то есть с момента половой зрелости примерно до 24 или 25 лет.^[385]

Было бы легко привести длинный ряд наблюдений с самых различных точек зрения, чтобы показать широкое признание этого тесного сродства между сексуальными и религиозными эмоциями. Вполне вероятно, как указывает Хан, что связь между сексуальным подавлением и религиозными обрядами, которую мы можем проследить на самом зарождении культуры, была обусловлена инстинктивным импульсом усилить, а не уничтожить сексуальный элемент. Ранние религиозные обряды были в основном сексуальными и оргиастическими, потому что они в значительной степени были обращением к воспроизводящим силам Природы с просьбой проявить благотворную продуктивность. Среди счастливо состоящих в браке людей, как отмечает Ган, сексуальные эмоции быстро уступают место заботам и беспокойству, связанным с воспитанием детей; но когда осуществлению сексуальной функции препятствует celibat или даже кастрация, наиболее совершенная форма безбрачия, сексуальные эмоции могут перейти в психическую сферу и принять более выраженную форму.^[386] Ранние христиане приняли традиционную восточную ассоциацию религии и безбрачия, и, как убедительно показывают труды Отцов Церкви, они уделяли сексуальным вопросам сосредоточенный пыл мысли, редко известный греческим и римским писателям лучшего периода.^[387] По мере развития христианского богословия тщательное изучение сексуальных вопросов иногда становилось почти навязчивой идеей. Однако, насколько мне известно (я не могу утверждать, что проводил какое-либо специальное расследование), до позднего средневековья не было сколько-нибудь ясного признания того факта, что между религиозными эмоциями и сексуальными эмоциями

существует не только внешний антагонизм, но и глубинная взаимосвязь. В то время такой великий богослов и философ, как Аквинат, сказал, что дьявол беспокоит его, загрязняя семенными выделениями, особенно в те дни, когда человек стремится сделать себя угодным Богу. Обладая несколько большей психологической проницательностью, мудрый старый рыцарь Тауэра Ландри в четырнадцатом веке говорит своим дочерям, что "ни одна молодая женщина в любви никогда не сможет служить своему Богу с той непритворностью, с какой она служила раньше. Ибо я слышал, как многие, кто в молодости был влюблен, утверждали, что, когда они были в церкви, состояние и приятная меланхолия, в которых они находились, безошибочно заставляли их размышлять обо всех своих нежных, изнемогающих от любви страстях и всех своих любовных похождениях, в то время как они должны были присутствовать на службе, которая шла в то время. И таково свойство этой тайны любви, что именно в тот момент, когда священник держит нашего Спасителя на алтаре, приходят самые соблазнительные эмоции ". Рассказав историю двух королей за морями, которые предавались любовным утехам даже в Страстной четверг и Страстную пятницу, в полночь в своих молельнях, когда гасли огни, он заключает: "Каждая влюбленная женщина более склонна влюбиться в церкви или в своем богослужении, чем в любое другое время".

Связь между религиозными и сексуальными эмоциями была очень четко установлена Свифтом примерно в конце семнадцатого века в отрывке, который, возможно, стоит процитировать, из его "Рассуждений о механическом действии Духа". Упомянув, что один очень выдающийся врач сообщил ему, что, когда квакеры впервые появились, у него редко не было пациенток-квакерок, страдающих нимфоманией, Свифт продолжает: "Люди дальновидной преданности, будь то мужчины или женщины, по своему цвету лица из всех остальных наиболее влюбчивы. Ибо ревность часто возгорается из одной искры с другими огнями, и от разгорающейся братской любви будет исходить повышение уровня доблести. Если мы изучим обычный процесс современного ухаживания, то обнаружим, что он состоит в набожном вращении глазами, называемом *пожиранием*; искусственная форма причитания и поскуливания, заученная наизусть, каждый интервал, за неимением прочего, заменяется пожатием плеч или мычанием; вздохом или стоном; стиль, состоящий из незначительных слов, бессвязности и повторов. Я считаю, что это самые совершенные правила обращения к любовнице; и где они выполняются с большей ловкостью, чем *усвятых*? Более того, чтобы еще более приблизить этот аргумент, я был проинформирован некоторыми братьями-сангвиниками первого класса, что в разгар их духовного упражнения и *оргазма* с ними это было часто^[388]; ... сразу же после чего они обнаружили, что дух внезапно расслабился и у них сдали нервы, и они были вынуждены поспешить с выводами. Это может быть еще более усилено, если с удивлением наблюдать, как необъяснимо всех женщин привлекают провидцы или восторженные проповедники, хотя их *внешний вид* никогда не вызывает такого презрения; обычно предполагается, что это делается из соображений чисто духовных, без каких-либо плотских соображений вообще. Но у меня есть основания думать, что представители пола обладают определенными характеристиками, по которым они формируют более верное суждение о человеческих способностях и поступках, чем мы сами можем судить друг о друге. Пусть будет так, как будет, поэтому многое несомненно в том, что, как бы ни начинались духовные интриги, они обычно заканчиваются так же, как и все остальные; они могут ветвиться вверх, к небесам, но корень их находится в земле. Слишком интенсивное созерцание - это не дело плоти и крови; при необходимом ходе вещей оно должно через некоторое время ослабить свою хватку и перейти *в материю*. Влюбленные ради небесной беседы - это всего лишь другой вид платоников, которые притворяются, что видят звезды и

небеса в глазах дамы и не смотрят и не думают ниже; но для обоих предусмотрена одна и та же яма".

Возвращаясь к недавним временам, в прошлом столетии директор Клифтонского колледжа, обсуждая сексуальные пороки детства, заметил, что мальчики, чей темперамент подвержен этим порокам, обычно далеко не лишены религиозных чувств; что существует и всегда была несомненная взаимосвязь религии и анимализма; что эмоциональные призывы и пробуждения далеки от искоренения плотского греха; и что в некоторых местах, как хорошо известно, они, похоже, даже в наши дни стимулируют рост распушенности.^[389]

Нетрудно понять, что даже с технической точки зрения метод сторонника возрождения является квазисексуальным методом и напоминает попытку мужчины преодолеть сексуальную застенчивость женщины. "В каждом случае, - как отмечает У. Томас, - воля должна быть отброшена в сторону и использованы сильные средства внушения; и в обоих случаях обращение носит не конфликтный, а интимный, сочувственный и просительный характер. Следовательно, в попытке произвести моральную корректировку оказывается, что используется техника, которая изначально была заимствована из сексуальной жизни, и использование, так сказать, сексуального механизма для моральной корректировки предполагает, в некоторых случаях, перенос в общий процесс некоторых сексуальных проявлений".^[390]

Взаимосвязь сексуальных и религиозных эмоций — как и многих других существенных черт человеческой природы — видится алиенистам в самой обнаженной форме. Эскироль упоминал об этой взаимосвязи, и много лет назад Дж. Б. Фридрайх, немецкий психиатр с широким кругозором изначительной проницательностью, подчеркнул связь между сексуальными и религиозными эмоциями и привел наглядные примеры.^[391] Шредер ван дер Колк также заметил: "Я осмеливаюсь выразить свое убеждение, что мы редко ошибались бы, если бы в случае религиозной меланхолии предполагали, что в этом замешан сексуальный аппарат".^[392] Режи во Франции утверждает, что "существует тесная связь между мистическими идеями и эротическими идеями, и чаще всего эти два порядка зачатия связаны с безумием".^[393] Бертье считал, что эротические формы безумия наиболее часто встречаются в монастырях. Беван-Льюис указывает, как часто религиозная экзальтация возникает у женщин в период полового созревания, а религиозная депрессия - в климактерический период, период сексуального упадка.^[394] "Религия очень тесно связана с любовью, - замечает Сэвидж, - а любовь к женщине и поклонение Богу постоянно являются источниками неприятностей для неуравновешенной молодежи; очень интересно отметить частоту, с которой ассоциируются эти два глубоких чувства".^[395] "Религиозное возбуждение тесно связано с похотливостью, особенно у женщин", - замечает Конолли Норман, обсуждая манию (*Словарь психологической медицины Тьюка*). ... Экстаз, как мы видим в случаях острых психических заболеваний, вероятно, всегда связан с сексуальным возбуждением, если не с сексуальной развращенностью. Та же ассоциация постоянно прослеживается и в менее экстремальных случаях, и одной из самых распространенных черт в разговоре женщины с острым маниакальным расстройством является смешение эротических и религиозных идей ". "Пациенты, которые верят, - замечает Клара Баррус, - что они Дева Мария, невеста Христа, Церковь, "Жена Бога" и "супруга Рафаэля", рано или поздно обязательно обнаружат симптомы, свидетельствующие о том, что они так или иначе сексуально развращены".^[396] Форель, который посвящает этому вопросу главу своей книги

"Сексуальная жизнь", утверждает, что самые сильные религиозные эмоции часто бессознательно коренятся в эротических эмоциях или представляют собой трансформацию таких эмоций; и в интересном обсуждении (глава VI) этого вопроса в его *"Sexualeben unserer Zeit"* Блох утверждает, что "в определенном смысле мы можем описать историю религий как историю особого проявления сексуального инстинкта человека". Болл, Бруардель, Морселли, Валлон и Мари,^[397] К. Х. Хьюз,^[398] Упомянув лишь несколько имен среди многих, подчеркивают тот же момент.^[399] Крафт-Эбинг кратко рассматривает связь между святостью и сексуальными эмоциями, а также особую подверженность святых сексуальным искушениям; таким образом, он формулирует свои собственные выводы: "Религиозные и сексуальные эмоциональные состояния на пике своего развития демонстрируют гармонию в количестве и качестве возбуждения и, таким образом, могут при определенных обстоятельствах действовать опосредованно. И то, и другое, - добавляет он, - может быть преобразовано в жестокость при патологических состояниях".^[400]

После цитирования этих мнений, возможно, не лишним будет указать, что, хотя сексуальные эмоции представляют собой основной резервуар энергии, из которого может черпать религия, они далеки от того, чтобы составлять либо все содержание религии, либо ее корни. Муризе в умелом исследовании психологии религиозного экстаза справедливо протестует против слишком грубого объяснения его природы, хотя в то же время он признает, что "страсть религиозного экстаза не испытывает недостатка ни в чем из того, что составляет сексуальную любовь, даже в ревности".^[401]

Серье в своей небольшой работе *"Исследования клиники аномалий инстинктивного секса"*, ценной благодаря своим поучительным случаям, подробно описывает случай, который так превосходно иллюстрирует эту фазу аутоэротизма на границе между обычными эротическими грезами наяву и религиозным мистицизмом, причем явления на какое-то время достигают безумной степени интенсивности, что я суммирую его. "Тереза М., 24 года, демонстрирует физические признаки дегенерации. Наследственность тоже плохая; отец - человек безрассудного и нерегулярного поведения; мать одно время находилась в сумасшедшем доме. Пациентка воспитывалась в детском доме и была беспокойным, непостоянным ребенком; она с презрением относилась к домашним занятиям, но любила учиться. Даже в раннем возрасте ее живое воображение привлекало внимание, а удовольствие, которое она получала, строя воздушные замки. С семи до десяти лет она мастурбировала. Во время своего первого причастия она почувствовала, что Иисус навсегда останется единственным хозяином ее сердца. В тринадцать лет, после смерти своей матери, она, казалось, увидела ее и услышала, как та сказала, что присматривает за своим ребенком. Вскоре после этого на нее обрушилось новое горе - смерть учительницы, к которой она питала большую привязанность из-за ее чистого характера. На следующий день ей показалось, что она видит и слышит этого учителя, и она не захотела выходить из дома, где лежало тело. Появились склонности к меланхолии. Опечаленная похоронными церемониями, увещеваниями монахинь, питаемая мистическими мечтаниями, она ушла из приюта в монастырь. Она посвятила себя исключительно поклонению Иисусу; быть похожей на Иисуса, быть рядом с Иисусом стало ее постоянным занятием. Имя Пресвятой Девы редко встречалось в ее писаниях, имя Бога - никогда. "Я хотела, - сказала она, - любить Иисуса больше, чем любую из монахинь, которых я видела, и я даже думала, что он равнодушен ко мне". Ее также преследовала мысль сохранить свою чистоту. Она избегала легкомысленных разговоров и выходила из комнаты, когда обсуждался брак, поскольку такой

союз был несовместим с чистой жизнью; "в течение двух лет я придерживалась идеи сделать свою душу еще более чистой, чтобы быть приятной Ему; возлюбленному хорошо среди лилий".

"Однако уже сейчас в зачаточной форме проявились противоположные тенденции [строго говоря, это были не противоположные, а родственные тенденции]. Под мистической страстью, которая скрывала это, иногда чувствовалось сексуальное желание. В шестнадцать лет она испытывала эмоции, с которыми не могла совладать, думая о священнике, который, по ее словам, любил ее. Несмотря на все угрызения совести, она была бы готова поддерживать с ним отношения. Несмотря на эти временные слабости, идея чистоты всегда владела ею. Монахини, однако, были обеспокоены ее возвышением. Ее отослали из монастыря, она впала в уныние и устроилась служанкой, но ее рвение не угасло. Ее духовник внушил ей большую привязанность; она посылает ему нежные письма. Она была бы готова иметь с ним отношения, даже если считает это желание искушением дьявола. Теперь была подготовлена почва для проявления галлюцинаций. "Однажды майским вечером, - пишет она, - погрузившись в мысли о моем духовнике и чувствуя себя обескураженной, поскольку я думала, что Иисус, которого я так сильно любила, не будет иметь со мной ничего общего, я воскликнула: "Мама, - воскликнула я, - что я должна сделать, чтобы завоевать твоего сына?" Мои глаза были устремлены в небо, и я оставалась в состоянии безумного ожидания. Это было абсурдно. Я должна стать матерью Мира! Мое сердце продолжало повторять: "Да, он грядет; Иисус грядет!" Психический эретизм, отразившийся на сенсорных центрах, привел к генитальным, слуховым и зрительным галлюцинациям, которые вызвали ощущение сексуальной связи. "Впервые я легла спать не одна. Как только я почувствовала это прикосновение, я услышала слова: "Не бойся, это я". Я потерялась в Том, кого любила. В течение многих дней я была убаюкана миром удовольствий; я видела Его повсюду, ошеломляющего меня Своими целомудренными ласками". На следующий день во время мессы ей казалось, что она видит перед собой Голгофу. "Иисус был обнажен и окружен тысячей сладострастных фантазий; Его руки были ослаблены с креста, и он сказал мне: "Приди!" Мне страстно хотелось броситься к Нему всем своим телом, но я не могла решиться показаться обнаженной. Однако меня увлекла сила, которую я не могла контролировать, я бросилась на шею моей Спасительнице и почувствовала, что между миром и мной все кончено. "С того дня, - просто рассуждая, - она все поняла. Раньше она думала, что религиозная жизнь - это отказ от радостей брака и наслаждений вообще; теперь она понимает ее цель. Иисус Христос желает, чтобы у нее были отношения со священником; он сам воплотился в священниках; точно так же, как святой Иосиф был хранителем Девы Марии, так и священники являются хранителями монахинь. Она была оплодотворена Иисусом, и эта воображаемая беременность занимает ее в высшей степени. С этого времени она мастурбировала ежедневно. Она даже не может пойти к причастию, не испытав сладострастных ощущений. Ее заблуждения, таким образом, систематизировались, и ничто не поколебало ее упорства в стремлении осуществить их; она пытается любой ценой наладить отношения со своим духовником, обнимает его, бросается к нему на колени, преследует его и таким образом становится причиной скандала. Когда ее доставляют в лечебницу, она испытывает сильное сексуальное возбуждение, и она мастурбирует по дюжине раз в день, даже когда разговаривает с врачом. Половые органы в норме, вульва влажная и красная, прикосновение к влагалищу болезненно; прикосновение пальца вызывает эректильное возбуждение. По ее словам, у нее не было покоя с тех пор, как она научилась любить своего Иисуса. Он желает, чтобы она вступила с кем-нибудь в сексуальные отношения, и она не может добиться успеха; "все силы моей души скованы этим постоянным стремлением". Новое окружение изменило ее поведение, и теперь она преследует

доктора со своими навязчивыми идеями. "Я всего ожидал от милосердия священников, которых я знал; я не заслужил того, чего хотел от них. Но разве врач не волен делать все для блага пациентов, доверенных ему Провидением? Разве врач не может посвятить себя этому делу? С тех пор как я вкусила от древа жизни, меня мучает желание поделиться им с любящим другом". Затем она влюбляется в служащего и делает ему самые грубые авансы, полагая, что таким образом исполняет волю Иисуса. "Необходимость создает законы, - восклицает она ему, - моменты поджигают, я слишком долго ждала". Она все еще говорит о своем религиозном призвании, которое может быть скомпрометировано столь длительной задержкой. "Я не хочу выходить замуж". Постепенно произошла трансформация; любовь к Богу исчезла, а земная любовь стала более сильной, чем когда-либо. "Покидая высоты, до которых я хотела воспарить, я подхожу так близко к земле, что скоро закреплю там свои желания". В последнем письме Тереза с ужасом осознает безумие, к которому привела экзальтация ее воображения. "Теперь я верю только в Бога и в страдание; я чувствую, что мне необходимо выйти замуж".

Мариани^[402] очень полно описал случай эротико-религиозного безумия (климактерическая паранойя на истерической основе) у замужней женщины 44 лет. На ранних стадиях своего расстройства она наложила на себя всевозможные епитимьи (пост, постоянная молитва, питье собственной мочи, мытье грязных тарелок языком и т.д.). Наконец она почувствовала, что своими покаяниями получила прощение своих грехов, а затем началась стадия радости и удовлетворения, во время которой она поверила, что вступила в состояние самых интимных личных отношений с Иисусом. Наконец она пришла в себя. Мариани показывает, насколько близко эта история соответствует историям святых, и что все поступки и эмоции этой женщины могут быть точно сопоставлены с жизнеописаниями известных святых.^[403]

Справедливость этих сравнений становится очевидной, когда мы обращаемся к записям, оставленным святыми людьми. Наиболее поучительной записью с этой точки зрения является автобиография сестры Жанны де Анж, настоятельницы урсулинок Лудена в семнадцатом веке.^[404] Она была умна, красива, амбициозна, любила удовольствия, а еще больше власть. Из-за этого, как это иногда бывает, она была в высшей степени истерична, и в первые годы своей религиозной жизни была одержима различными демонами нечестия и богохульства, с которыми в течение многих лет она находилась в постоянной борьбе. Она влюбилась в священника из Лудена Грандье, человека, которого она даже никогда не видела, зная о нем только как о сильной и обаятельной личности, к ногам которой падали все женщины, и вообразила, что она и другие монахини ее монастыря были одержимы его влиянием. Таким образом, она стала причиной суда и казни Грандье, знаменитого дела в анналах колдовства. В своей автобиографии Сер Жанна подробно описывает, как демоны нападали на нее по ночам, появляясь в похотливых позах, делая непристойные предложения, приподнимая постельное белье, прикасаясь ко всем частям ее тела, умоляя ее уступить им, и она рассказывает, насколько сильным было ее искушение уступить. Например, однажды ночью она пишет: "Мне показалось, что я почувствовала чье-то дыхание, и я услышала голос, говорящий: "Время сопротивления прошло, ты больше не должен бунтовать; откладывая свое согласие на то, что было предложено, ты будешь ранен; ты не можешь упорствовать в этом сопротивлении; Бог подчинил тебя требованиям природы, которым ты должен удовлетворять в столь неотложных случаях". Затем я почувствовала нечистые впечатления в своем воображении и беспорядочные движения в своем теле. В глубине души я упорно твердил, что ничего не буду делать. Я обратился к Богу и попросил Его дать Мне силы в этой необычайной борьбе. Затем в моей комнате раздался громкий шум, и я почувствовал, как будто кто-то подошел ко мне, просунул

руку в мою постель и дотронулся до меня; и, почувствовав это, я встал в состоянии беспокойства, которое продолжалось долгое время после этого. Несколько дней спустя, в полночь, лежа в постели, я начал дрожать всем телом и испытывать сильное душевное беспокойство, не зная причины. После того, как это продолжалось некоторое время, я услышал шум в разных концах моей комнаты; простыню дважды стягивали, не прикрывая меня полностью; молельня рядом с моей кроватью была опрокинута. Я услышал голос с левой стороны, к которой я лежал. Меня спросили, обдумал ли я выгодное предложение, которое мне сделали. Было добавлено: "Я узнала твой ответ; я сдержу свое обещание, если ты дашь свое согласие; если же, наоборот, ты откажешься, ты будешь самой несчастной девушкой в мире, и с тобой будут происходить всевозможные несчастья". Я ответила: "Если бы не было Бога, я бы боялась этих угроз; я посвящена Ему". Мне ответили: "Ты не получишь большой помощи от Бога; Он оставит тебя". Я ответила: "Бог - мой отец; Он позаботится обо мне; я решила быть верной Ему". Он сказал: "Я даю тебе три дня, чтобы обдумать это". Я встал и с тревогой пошел к Святому Причастию. Когда я вернулся в свою комнату и сел на стул, его выдернули из-под меня, так что я упал на пол. Затем повторилось то же самое. Я услышала мужской голос, говорящий похотливые и приятные вещи, чтобы соблазнить меня; он настаивал на том, чтобы я уступила ему место в моей постели; он пытался дотронуться до меня неприличным образом; я сопротивлялась и помешала ему, позвав монахинь, которые были рядом с моей комнатой; окно было открыто, оно было закрыто; Я чувствовала сильные порывы любви к определенному человеку и неподобающее желание бесчестных поступков".

Позже она снова пишет: "Эти нечистоты и огонь вожделения, который злой дух заставил меня почувствовать, сверх всего, что я могу выразить, заставили меня броситься на жаровни с раскаленными углями, где я оставалась по полчаса за раз, чтобы погасить тот другой огонь, так что половина моего тела была совершенно обожжена. В другое время, в разгар зимы, я иногда проводил часть ночи совершенно голым на снегу или в ваннах с ледяной водой. Кроме того, я часто попадал в колючки, так что они терзали меня; иногда я валялся в крапиве и проводил целые ночи, бросая вызов моим врагам, которые нападали на меня, и уверяя их, что я решил защищаться милостью Божьей". С разрешения своего духовника она также заказала железный пояс с шипами и носила его днем и ночью почти шесть месяцев, пока шипы настолько не вошли в ее плоть, что пояс можно было снять лишь с трудом. С помощью этих аскез ей удалось почти изгнать демонов нечестия, и немного позже, после тяжелой болезни, от которой, как она верила, ее чудесным образом исцелил святой Иосиф, она предстала перед миром почти как святая, сама обладая чудесной силой исцеления; она путешествовала по Франции, принося исцеление куда бы ни пошла; король, королева и кардинал Ришелье были у ее ног, и слава о ее святости стала настолько велика, что ее могила была святыней для паломников более века после ее смерти. Только в конце жизни, после завершения ее автобиографии, сексуальное желание в сестре Жанне (хотя его острота, кажется, никогда полностью не исчезала) трансформировалось в страстную любовь к Иисусу, и только в ее более поздних письмах мы улавливаем проблески полной трансмутации. Так, в одном из ее более поздних писем мы читаем: "Я горячо воскликнула: "Господи! соедини меня с Собой, преобрази Себя в меня!" Мне казалось, что этот милый Супруг покоится в моем сердце, как на Своем троне. Что заставляет меня почти падать в обморок от любви и восхищения, так это определенное удовольствие, которое, как мне кажется, Он получает, когда все мое существо перетекает в Его, возвращая Ему с уважением и любовью все, что Он мне дал. Иногда мне разрешают говорить с нашим

Господом более фамильярно, называя Его "Моя любовь", интересуя Его всем, о чем я прошу Его, как для себя, так и для других".

Жизнеописание всех великих святых и мистиков свидетельствуют об операциях, подобных тем, что так ярко описаны сестрой Жанной де Анж, хотя очень редко кто-либо из святых так откровенно представлял динамический механизм аутоэротического процесса. Указания, которые они нам дают, однако, достаточно ясны. Достаточно сослаться на особую привязанность, которую мистики всегда питали к "Песне песней",^[405] и отметить, как самые земные выражения любви в этом стихотворении постоянным рефреном входят в их произведения.^[406]

Совершенно очевидно, что мужество раннехристианских мучеников отчасти поддерживалось экзальтацией, которую они, откровенно говоря, черпали из сексуального влечения. Феликула, как говорится в "Деяниях Ахилла и Нерее",^[407] предпочитала тюремное заключение, пытки и смерть браку или языческим жертвоприношениям. Когда на дыбе ей было приказано отречься от христианства, она воскликнула: "*Ego non nego amatorem meum!*" — Я не отрекнусь от своего возлюбленного, который ради меня ел желчь и пил уксус, был увенчан терновником и прикован к кресту.

Христианский мистицизм и его сексуальная окраска были впитаны исламским миром в очень ранний период и усилились. В тринадцатом веке он был вновь введен в христианский мир в этой усиленной форме гением Раймонда Луллия, который сам родился в границах ислама, и его "Книга о любовнике и друге" является типичным проявлением сексуального мистицизма, который вдохновил великую испанскую школу мистиков несколькими столетиями позже. "Восхитительная агония", "сладкое мученичество", сильное сочетание удовольствия и боли, испытываемые святой Терезой, несомненно, были связаны с физическими сексуальными ощущениями.^[408]

Типичен случай с Маргерит-Мари Алакок. Иисус, как показывает ее автобиография, всегда был ее возлюбленным, ее мужем, ее дорогим учителем; она обручена с Ним, Он самый страстный из любовников, ничто не может быть слаще Его ласк, они настолько чрезмерны, что она вне себя от восторга от них. Центральное воображение мистика, по существу, состоит, как замечает Рибо, в любовном романе.^[409]

Если мы обратимся к самому популярному религиозному произведению, которое когда-либо было написано, "*Подражание Христу*", мы обнаружим, что выраженная там "любовь" - это именно та любовь, которая находит свою движущую силу в эмоциях, вызываемых человеком другого пола. (Одна очень интеллектуальная женщина однажды заметила мне, что эта книга показалась ей "своего рода религиозным афродизиаком".) Если мы прочтем, например, главу V книги III этого труда ("О мирабиллиях Божественной любви"), мы найдем в красноречии этого монаха-одиночки в Нидерландах ни больше, ни меньше, чем эмоции каждого влюбленного человека на высшем пределе экзальтации. "Нет ничего слаще любви, ничего сильнее, ничего выше, ничего шире, ничего приятнее, ничего полнее и лучше ни на небе, ни на земле. Тот, кто любит, летает, бежит и радуется; он свободен, и его нельзя удержать. Он отдает все в обмен на все и обладает всем во всем. Он не смотрит на подарки, но обращается к дарителю превыше всего хорошего. Любовь не знает меры, но пылка сверх всякой меры. Любовь не чувствует бремени, не думает о труде, стремится сверх своих сил, не принимает в расчет невозможное, ибо она считает, что все возможно. Поэтому она пробует все, и поэтому она оказывает большое

влияние, когда тот, кто не является любящим, терпит неудачу и падает. ... Любовь моя! ты вся моя, а я весь твой".

Во многих кругах существует определенное естественное нежелание признавать какую-либо особую связь между сексуальными эмоциями и религиозными эмоциями. Но такое отношение неразумно. Человек, находящийся под влиянием религиозных эмоций, не может нести ответственность за косвенные эмоциональные последствия своего состояния; он может нести ответственность за их контроль. Ничего не добьешься, отказываясь признать возможность того, что такой контроль может оказаться необходимым, и многое потеряешь. Безусловно, как я пытался указать, есть веские основания полагать, что действие и взаимодействие между сферами сексуальных и религиозных эмоций очень интимны. Неясные побуждения организма в период полового созревания часто принимают на психической стороне полностью религиозный характер; активность религиозных эмоций иногда имеет тенденцию переходить в сексуальную область; подавление сексуальных эмоций часто обеспечивает мощный резервуар энергии для религиозных эмоций; иногда подавленные сексуальные эмоции прорываются сквозь все препятствия.

[385] Старбак, *Психология религии*, 1899. Также А. Х. Дэниелс, "Новая жизнь", *Американский журнал психологии*, том. vi, 1893. Ср. Уильям Джеймс, *Многообразие религиозного опыта*.

[386] Ред. Хан, *Деметра и Баубо*, 1896, стр. 50-51. Хан отстаивает религиозное происхождение плуга как производительного орудия, влекомого священным и кастрированным животным, быком. Г. Герман в своем "Генезисе" развивает идею о том, что современные религиозные обряды возникли из сексуальных праздников и мистерий.

[387] Bloch (*Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia Sexualis*, Bd. I, стр. 98) указывает на большой интерес, проявляемый святыми и аскетами к вопросам секса.

[388] Это упущение было сделано первоначальным издателем "Беседы"; несколько наиболее важных отрывков были вырезаны аналогичным образом.

[389] Преподобный Дж. М. Уилсон, *Журнал образования*, 1881. Примерно в тот же период (1882) Сперджен указал в одной из своих проповедей, что по странному, но естественному закону избыток духовности соседствует с чувственностью. Теодор Шредер недавно свел воедино ряд мнений религиозных учителей, от платониста Генри Мора до Бэринга Гулда, относительно тесной взаимосвязи между сексуальной страстью и религиозной страстью, *Американский журнал религиозной психологии*, 1908.

[390] У. Томас, "Сексуальный элемент в чувствительности", *Психологическое обозрение*, январь 1904г.

[391] *System der gerichtlichen Psychologie*, второе издание, 1842, стр. 266-68; и более подробно в его *Allgemeine Diagnostik der psychischen Krankheiten*, второе издание, 1832, стр. 247-51.

[392] *Handboek van de Pathologie en Therapie der Krankzinnigheid*, 1863, стр. 139 английского издания.

[393] *Мануэль практический курс психической медицины*, 1892, стр. 31.

[394] *Учебник психических заболеваний*, стр. 393.

[395] Г. Х. Сэвидж, *Безумие*, 1886.

[396] *Американский журнал безумия*, апрель 1895г.

[397] "Религиозные психозы", *Архив неврологии*, 1897.

[398] "Эротопатия", *Психиатр и невролог*, октябрь 1893г.

[399] Можно специально сослаться на интересную главу о "Религии" в книге Икара "Женский кулон в период менструации", стр. 211-234.

[400] *Сексуальная психопатия*, восьмое издание, стр. 8 и 11. Ганнушкин ("Сладострастие, крутизна и религия", *Медико-психологические анналы*, 1901, № 3) еще раз подчеркивает эту конвертируемость.

[401] Э. Муриэ, "Религиозные чувства в экстазе", *Философское ревю*, ноябрь 1898 г. Старбак, опять же (*Психология религии*, глава XXX), в кратком обсуждении этого пункта приходит к выводу, что "сексуальная жизнь, хотя и наложила свой отпечаток на полностью развитую религию, по-видимому, изначально дала психический импульс, который вызвал скрытые возможности развития, а не предоставила исходный материал, из которого была сконструирована религия".

[402] "Una Santa", *Архив Психиатрии*, том. хix, стр. 438-47, 1898.

[403] Что касается сексуального элемента в поклонении Деве, см. "Жизнь Мариенкульта", "Саммит Верке" Л. Фейербаха, Bd. I, 1846.

[404] Впервые опубликовано (с предисловием Шарко) в томе *Дьявольской библиотеки*, 1886.

[405] Сами евреи использовали одно и то же слово для обозначения любви к женщине и Божественной любви (Норткот, *Христианство и проблемы секса*, стр. 140).

[406] Так, в "Концепции любви к богу" святой Терезы постоянно звучат слова "Будь с нами, как с богом", — Пусть он поцелует меня поцелуями своих уст.

[407] *Священный акт*, 12 мая.

[408] Леуба и Монморан в своих ценных и подробных исследованиях христианского мистицизма, хотя и отличаются друг от друга в некоторых моментах, согласны в этом; Х. Леуба, "Les Tendances Religieuses chez les Mystiques Chrétiens", *Философское ревю*, июль и ноябрь 1902 г.; Б. де Монморан, "Роман о христианских мистицизмах", *изд.*, октябрь 1903 г. Монморан указывает, что физические сексуальные проявления иногда признавались и откровенно принимались мистиками. Он цитирует Молиноса, отрывок, в котором известный испанский квиетист утверждает, что нет причин беспокоиться даже при возникновении поллюций или мастурбации, *et etiam pejora*.

[409]Рибо, *Логика чувств*, стр. 174.

ДИАГРАММЫ

Содержание

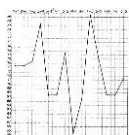

ДИАГРАММА I.— Месячная Экологическая кривая.

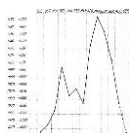

ДИАГРАММА II. Годовая кривая частоты зачатий в Европе.

ДИАГРАММА III.— Годовая Экологическая кривая.

ДИАГРАММА IV. — Кривая годовой заболеваемости безумием в Лондоне.

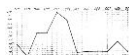

ДИАГРАММА V. — Кривая годовой заболеваемости общим параличом в Париже (Гарнье).

ДИАГРАММА VI. Уровень самоубийств в Лондоне.

ДИАГРАММА VII.

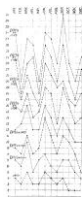

ДИАГРАММА VIII.

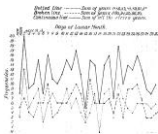

ДИАГРАММА IX. Лунно—месячный ритм мужского полового периода.

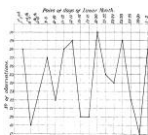

ДИАГРАММА X.—Кривые лунно-месячного ритма, сглаженные с учетом пар дней.

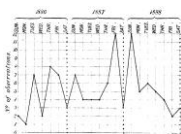

ДИАГРАММА СЯ.—Недельный ритм мужского полового периода.

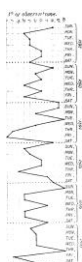
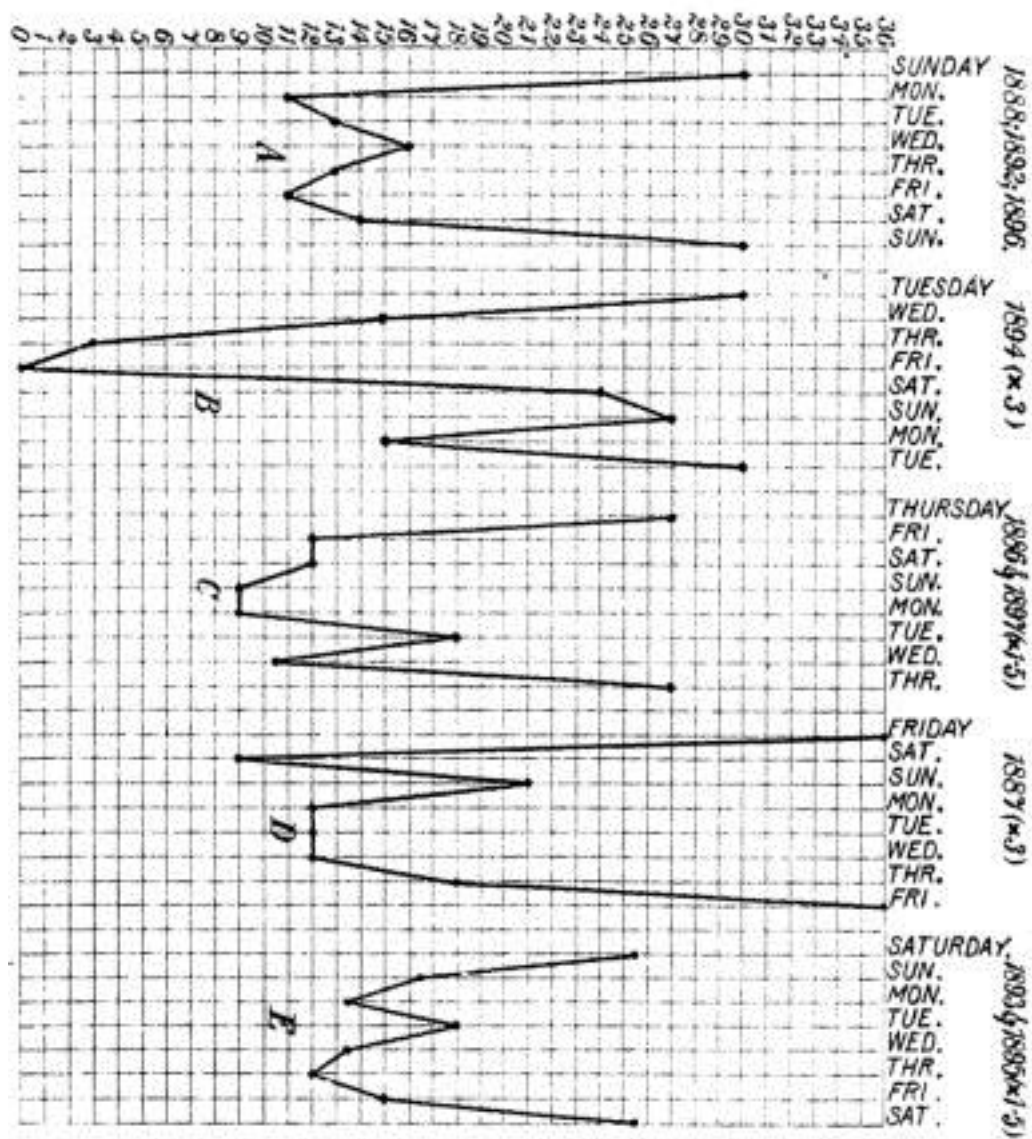

ДИАГРАММА XIb.—Недельный ритм мужского полового периода.

Combination of all the foregoing years of 1891.

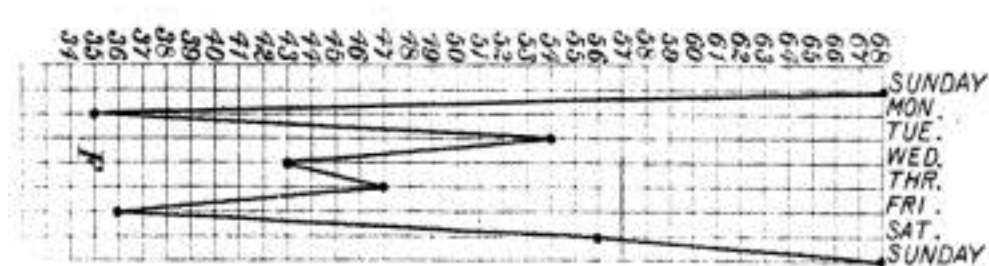

ДИАГРАММА XII. Недельный ритм мужского полового периода.

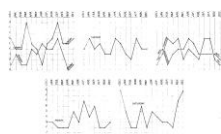

ДИАГРАММА XIII.—Общий недельный ритм мужского полового периода, годы 1886, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 вместе взятые.

Том 2

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ.

ГЛАВА I.—ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА II. ИЗУЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

ГЛАВА III. СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ У МУЖЧИН.

ГЛАВА IV. СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ У ЖЕНЩИН.

ГЛАВА V. ПРИРОДА СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

ГЛАВА VI. ТЕОРИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

ГЛАВА VII. ВЫВОДЫ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

Профессор Вильгельм Оствальд заметил, что проблема гомосексуализма - это проблема, доставшаяся нам от средневековья, которое в течение пятисот лет имело дело с инвертированными так же, как с еретиками и ведьмами. Рассматривать этот вопрос таким образом - значит подчеркивать его социальный и гуманитарный интерес, а не его биологическое и психологическое значение. Несомненно, именно этот человеческий интерес к вопросу инверсии, а не его научное значение, каким бы великим ни было последнее, является

главной причиной замечательной активности, с которой в последние годы ведется изучение гомосексуальности.

Результатом стало то, что за четырнадцать лет, прошедших с момента выхода последнего издания этого *Исследования*, в этой области была проделана такая огромная работа, что подготовка нового издания книги оказалась долгой и серьезной задачей. Почти каждая страница была переписана или увеличена, а список авторов, к которым обращались, увеличился более чем вдвое. Первоначальные части книги были еще более изменены; добавлено шестнадцать новых историй, отобранных из других, имеющихся в моем распоряжении, как разнообразных, типичных и полных.

Эти обширные дополнения к книге сделали необходимыми различные пропуски. Многие из более коротких и менее поучительных историй, содержавшихся в более ранних изданиях, были опущены, а также три Приложения, которые больше не кажутся достаточно интересными, чтобы их сохранять. Чтобы избежать неоправданного увеличения объема этого тома, и без того намного большего, чем в предыдущих изданиях, новое исследование эонизма, или сексуально-эстетической инверсии, будет включено в том v, где оно, возможно, будет по крайней мере на таком же месте, как и здесь.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

В мои намерения не входило публиковать исследование аномального проявления полового инстинкта до обсуждения его нормальных проявлений. Однако случилось так, что эта часть моей работы готова первой, и, поскольку таким образом я получаю более длительный период для разработки центральной части моей темы, я не жалею об изменении плана.

Сначала я не предполагал посвятить целую книгу сексуальной инверсии. Возможно даже, что я был склонен замять это как неприятную тему, распространяться на которую было бы неразумно. Но со временем я обнаружил, что несколько человек, к которым я испытывал уважение и восхищение, были врожденными субъектами этой аномалии. В то же время я осознал, что в Англии больше, чем в какой-либо другой стране, закон и общественное мнение в совокупности налагают тяжелое уголовное бремя и суровое социальное клеймо на проявления инстинкта, который тем, кто им обладает, часто кажется естественным и нормальным. Таким образом, было ясно, что этот вопрос особенно нуждается в разъяснении и обсуждении.

Не может быть никаких сомнений в том, что в отношении темы сексуальной инверсии существует особое невежество. Я знаю врачей с многолетним общим опытом работы, которые, насколько им известно, никогда не сталкивались ни с одним случаем. Мы можем вспомнить, что около пятнадцати лет назад общее количество случаев, зарегистрированных в научной

литературе, едва ли равнялось тем случаям британской расы, которые я получил, и что до публикации моих первых случаев не было зарегистрировано ни одного британского случая, не связанного с приютом или тюрьмой. Вероятно, не очень большое число людей даже осознает, что проявление полового инстинкта по отношению к лицам того же пола когда-либо можно рассматривать как врожденное, поскольку любой половой инстинкт является врожденным. И действительно, очень немногие не удивились бы, если бы появилась возможность опубликовать список имен сексуально извращенных мужчин и женщин, которые в настоящее время достойно известны в церкви, государстве, обществе, искусстве или литературе. Не обо всех таких людях можно было бы с уверенностью утверждать, что они родились перевернутыми, но у большинства склонность к инверсии, по-видимому, инстинктивна и проявляется в довольно раннем возрасте. В любом случае, однако, следует понимать, что в этом томе мы имеем дело не с предметами, относящимися к сумасшедшему дому или тюрьме. Мы заботимся о людях, которые живут на свободе, некоторые из них сильно страдают от своей ненормальной организации, но в остальном являются обычными членами общества. В некоторых случаях мы имеем дело с людьми, чьи моральные или художественные идеалы оказали большое влияние на их собратьев, которые ничего не знают об особой организации, которая в значительной степени сформировала эти идеалы.

Я в долгу перед несколькими друзьями за заметки, наблюдения и переписку по этому вопросу, особенно перед одним, которого зовут "Z.", и перед другим, которого зовут "Q.", которые собрали для меня значительное количество достоверных историй, а также снабдили многими ценными заметками; перед "Джосайей Флинтон" (чьи статьи о бродягах в *Atlantic Monthly* и *Harper's Magazine* привлекли широкое внимание) за приложение о гомосексуальность среди бродяг; перед докторами Дж. Кирнан, Лидстону и Талботу за помощь в различных пунктах, отмеченных в тексте; и доктору К., американской женщине-врачу, которая любезно помогла мне собрать пациентов, а также предоставила приложение. В тексте упоминаются и другие обязательства.

Все те части книги, которые представляют медицинский или медико-юридический интерес, включая большинство случаев, появлялись в течение последних трех лет в "*Психиатре и неврологе*", в "*Журнале психических наук*", в "*Центральном журнале нервных исследований*", в "*Медико-юридическом журнале*" и в "*Архиве психопатологии*". Случаи в том виде, в каком они представлены в настоящем томе, были слегка сокращены, но не было опущено ничего, представляющего подлинный психологический интерес. Из-за некоторой задержки с публикацией английского издания этой работы, немецкий перевод моего друга, доктора Ханса Куреллы, редактора *Centralblatt für Nervenheilkunde*, уже появился (1896 г.) в *Библиотеке общественных наук*. Немецкое издание содержит некоторые сведения, которые в конечном итоге были исключены из английского издания как имеющие второстепенное значение; с другой стороны, многое было добавлено к английскому изданию, и все оно тщательно переработано.

Я должен только добавить, что если может показаться, что я неоправданно проигнорировал случаи и аргументы, выдвинутые другими авторами, это ни в коем случае не потому, что я хочу обесценить ценную работу, сделанную моими предшественниками в этой области. Это исключительно потому, что я не стремился популяризировать ранее достигнутые результаты, а просто хотел представить свои собственные результаты. Если бы я не был способен представить

новые факты в том, что, возможно, является новым светом, я бы вообще не чувствовал себя вправе подходить к теме сексуальной инверсии.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ.

Содержание

ГЛАВА I.—ВВЕДЕНИЕ.

Содержание

Гомосексуальность среди животных—Среди низших человеческих рас—Албанцев—греков—эскимосов—Племен Северо—запада Соединенных Штатов—Гомосексуальность среди солдат в Европе—Безразличие, часто проявляемое европейскими низшими классами—Сексуальная инверсия в Риме—Гомосексуальность в тюрьмах—Среди людей исключительного интеллекта и моральных лидеров—Мюре—Микеланджело—Винкельман—Гомосексуальность в истории Англии—Уолт Уитмен—Верлен—Климатическая теория гомосексуальность Бертона—Расовый фактор—Распространенность гомосексуальность сегодня.

Сексуальная инверсия, как ее здесь понимают, означает сексуальный инстинкт, направленный из-за врожденной конституциональной аномалии на лиц того же пола. Таким образом, это более узкий термин, чем гомосексуальность, который включает в себя все сексуальные влечения между лицами одного пола, даже когда они кажутся вызванными случайным отсутствием естественных объектов сексуального влечения, феномена, широко распространенного среди всех человеческих рас и среди большинства высших животных. Только в последние годы была признана сексуальная инверсия; ранее ее не отличали от гомосексуализма в целом, и гомосексуальность рассматривалась как национальный обычай, как индивидуальный порок или как незначительный эпизод при тяжелых формах безумия.^[1] Далее мы должны отличать сексуальную инверсию и все другие формы гомосексуальность от другого вида инверсии, которая обычно остается, насколько это касается самого сексуального влечения, гетеросексуальной, то есть нормальной. Инверсия такого рода приводит к тому, что человек чувствует себя человеком противоположного пола и перенимает, насколько это возможно, вкусы, привычки и одежду противоположного пола, в то время как направление сексуального влечения остается нормальным. Это состояние я называю сексуально-эстетической инверсией, или зонизмом.

Номенклатура чрезвычайно важной формы сексуального извращения, которой мы здесь занимаемся, чрезвычайно разнообразна, и большинство исследователей были сильно

озадачены, придя к выводу о наилучших, наиболее точных и в то же время наиболее бесцветных названиях, которые можно было бы применить к ней.

Первым в этой области в наше время был Ульрихс, который еще в 1862 году использовал название "Ураниец" (Uranier), основанное на хорошо известном мифе из "*Банкета*" Платона. Позже он германизировал этот термин в "Урнинг" для обозначения мужчины и "Урнингин" для обозначения женщины, а само состояние назвал "Урнингтум". Он также изобрел ряд других родственных терминов на той же основе; некоторые из этих терминов вошли в значительную моду, но они слишком причудливы и взвинчены, чтобы обеспечить всеобщее признание. Если они используются в других языках, кроме немецкого, они, безусловно, не должны использоваться в их германизированной форме, и вряд ли правомерно использовать термин "Урнинг" в английском языке. "Уранианский" - это более правильно.

В Германии первым термином, принятым признанными научными авторитетами, был "противоположное сексуальное чувство" (Konträre Sexualempfindung). Он был разработан Вестфалем в 1869 году и использовался Краффт-Эбингом и Моллем. Хотя такой термин был принят самыми ранними авторитетами в этой области и рассматривался как довольно безобидный и расплывчато описательный, он несколько неуклюж и в настоящее время мало используется в Германии; в настоящее время он никогда не использовался за пределами Германии. Он был в значительной степени вытеснен термином "гомосексуальность". Это также было разработано (малоизвестным венгерским врачом Бенкертом, который использовал псевдоним Кертбени) в том же году (1869), но поначалу не привлекло никакого внимания. С филологической точки зрения у него есть неудобный недостаток, заключающийся в том, что это незаконнорожденный термин, состоящий из греческих и латинских элементов, но его значение — сексуальное влечение к представителям того же пола — довольно ясно и определено, при этом оно свободно от каких-либо вызывающих вопросы ассоциаций благоприятного или неблагоприятного характера. (Эдвард Карпентер предложил исправить его уклончивый лингвистический характер, преобразовав в "гомогенный"; это, однако, может означать не только "по отношению к тому же полу", но и "того же вида", и в немецком языке фактически уже имеет это значение.) Термин "гомосексуалист" имеет еще одно преимущество в том, что из-за своего классического происхождения он легко переводим на многие языки. В настоящее время это наиболее распространенный общий термин для явлений, с которыми мы имеем дело, и он был использован Хиршфельдом, ныне главным авторитетом в этой области, в качестве названия его энциклопедического труда "*Гомосексуализм*".

"Сексуальная инверсия" (по-французски "inversion sexuelle", а по-итальянски "inversione sessuale") - это термин, который с самого начала использовался главным образом во Франции и Италии, с тех пор как Шарко и Маньян в 1882 году опубликовали свои случаи этой аномалии в *Архиве неврологии*. Он уже использовался в Италии Тамасией в "*Ревизорской книге Френиатрии*" в 1878 году. Я не выяснил, когда и где впервые был использован термин "сексуальная инверсия". Возможно, впервые это появилось на английском языке, поскольку задолго до статьи Шарко и Маньяна я заметил в анонимной рецензии на первую статью Вестфала в *Журнале психических наук* (тогда редактировавшемся доктором Модсли) за октябрь 1871 года, что "Konträre Sexualempfindung" переводится как "инвертированная сексуальная склонность". Насколько мне известно, "сексуальная инверсия" впервые была использована в английском языке, как лучший термин, Дж. А. Саймондсом в 1883 году, в его напечатанном

частным образом эссе "*Проблема греческой этики*". Позже, в 1897 году, тот же термин был принят, я полагаю, впервые публично на английском языке, в настоящей работе.

Нет необходимости ссылаться на множество других предложенных названий. (Обсуждение номенклатуры можно найти в первой главе работы Хиршфельда "*Гомосексуализм*", а некоторых специальных терминов - в статье Шаутена "*Сексуальная проблема*", декабрь 1912 г.) Возможно, достаточно упомянуть древний теологический и юридический термин "содомия" (*sodomia*), потому что это все еще самый популярный термин для обозначения этого извращения, хотя, следует помнить, он стал привязан к физическому акту совокупления *per anum*, даже когда осуществляется гетеросексуально, и имеет мало отношения к психической сексуальной склонности. Этот термин берет свое начало в истории (изложенной в книге Бытия, гл. xix) о посетителях Лота, с которыми жители Содомы желали вступить в половую связь, и о последующем разрушении Содомы и Гоморры. Эта история дает достаточно веское основание для использования термина, хотя евреи считают содомию не содомским грехом, а скорее негостеприимством и жестокосердием к бедным (J. Preuss, *Библио-талмудическая медицина*, стр. 579-81), а также христианскими богословами, как католическими, так и протестантскими (см., например, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iv, стр. 199, и Хиршфельд, *Гомосексуальность*, стр. 742), утверждали, что не гомосексуализм, а другие их правонарушения спровоцировали разрушение городов Равнины. В Германии "содомия" долгое время использовалось для обозначения зоофилии, или полового акта с животными, но такое использование термина совершенно неоправданно. В английском языке есть другой термин, "педерастия", идентичный по значению содомии и столь же знакомый. "Педераст" (по-французски, *бугре*) - это искажение слова "Булгар", поскольку в народе предполагалось, что древние болгарские еретики практиковали это извращение. Жители любой страны всегда стремились ассоциировать сексуальные извращения с какой-нибудь другой страной, кроме своей собственной.

В настоящем томе обычно используются термины "сексуальная инверсия" и "гомосексуальность". Первое используется более конкретно для обозначения того, что сексуальное влечение органически и врожденно направлено на лиц одного пола. Вторым термином используется более полно для описания общих явлений сексуального влечения между лицами одного пола, даже если оно носит лишь незначительный и временный характер. Можно признать, что нет четкого основания для проведения какого-либо различия такого рода между этими двумя терминами. Различие в этих явлениях, однако, все еще общепризнанно; таким образом, Иван Блох применяет термин "гомосексуальность" к врожденной форме, а "псевдогомосексуальность" - к ее ложным или имитируемым формам. Тех людей, которых привлекают представители обоих полов, теперь обычно называют "бисексуалами", что является более удобным термином, чем "психосексуальный гермафродит", который использовался ранее. Остается нормальный человек, который "гетеросексуален".

Прежде чем приступить к изучению сексуальной инверсии в случаях, которые мы можем исследовать с некоторой степенью научной точности, интересно кратко взглянуть на явления, как они предстают перед нами, пока еще едва различимые или вообще не дифференцированные, среди животных, среди различных человеческих рас и в различные периоды.

Среди животных в одомашненном или ограниченном состоянии легко найти свидетельства гомосексуального влечения, обусловленного просто отсутствием другого пола.^[2] Это было известно древним; египтяне считали двух самцов куропаток символом гомосексуальности, а Аристотель отметил, что две самки голубей прикрывали друг друга, если под рукой не было самца. Буффон наблюдал множество примеров, особенно среди птиц. Он обнаружил, что если самец или самка птиц различных видов, таких как куропатки, домашние птицы и голуби, будут содержаться вместе взаперти, они вскоре начнут вступать в сексуальные отношения между собой, причем самцы раньше и чаще, чем самки. Совсем недавно Сент-Клер Девиль заметила, что собаки, бараны и быки, будучи изолированными, сначала становились беспокойными и опасными, а затем приобретали постоянное состояние сексуального возбуждения, не подчиняющееся законам течки и приводящее их к попыткам спаривания; присутствие противоположного пола сразу же возвращало их к нормальным условиям.^[3] Лиссабонская компания Bombarda заявляет, что в Португалии хорошо известно, что в каждом стаде быков почти всегда есть один бык, готовый потакать извращенным прихотям своих товарищей.^[4] Легко можно наблюдать, как корова в период течки оказывает возбуждающее влияние на других коров, побуждая их пытаться играть роль быка. Лакассань также заметил среди молодых кур, щенков и т.д., что, прежде чем вступать в отношения с противоположным полом, и находясь на полной свободе, они предпринимают нерешительные попытки вступить в половую связь с представителями своего пола.^[5] Это, действительно, вместе с подобными извращениями, часто можно наблюдать, особенно у щенков, которые впоследствии становятся совершенно нормальными. Среди белых крыс, которые являются очень сексуальными животными, Стейнах обнаружил, что, лишенные самок, самцы практикуют гомосексуальность, хотя только с самцами, с которыми они долгое время общались; более слабые крысы играют пассивную роль. Но когда им представляют женщину, они немедленно поворачиваются к ней; хотя иногда они совершенно безразличны к сексу, на самом деле они никогда не отдают предпочтение своему полу.^[6]

Что касается исполнения роли самки более слабыми крысами, интересно отметить, что Фере обнаружил у насекомых, что пассивному участию в гомосексуальных отношениях способствует усталость; у петушиных птиц пассивную роль (в редких случаях, когда имели место гомосексуальные отношения) со свежим самцом принимал самец, только что отделившийся от самки.^[7]

Гомосексуальность, по-видимому, особенно распространена среди птиц. Именно среди птиц она привлекла внимание древних, и в более позднее время были сделаны многочисленные интересные наблюдения. Таким образом, Селус, внимательный наблюдатель за птицами, обнаруживает, что ерш, *самецмачете пугнакс*, страдает от сексуального подавления из-за застенчивости самки (старосты), и, следовательно, самцы часто прибегают к гомосексуальным сношениям. Еще более примечательно, что ривы также, даже в присутствии самцов, ухаживают друг за другом и вступают в половую связь.^[8] Мы можем связать это с высоким эротическим развитием птиц, трудностями, с которыми у них, по-видимому, возникает припухлость, и их длительными ухаживаниями.

Опять же, среди высших животных самки обезьян, даже будучи взрослыми (как было сообщено Моллю), ведут себя сексуально друг с другом, хотя трудно сказать, насколько это просто игра. Доктор Зайц, директор Франкфуртского зоологического сада, предоставил Моллю отчет о своих собственных тщательных наблюдениях гомосексуальных явлений среди самцов и самок

различных животных, содержащихся в Саду (*Антилопа cervicapra*, *Bos Indicus*, *Capra hircus*, *Ovis steatopyga*).^[9] Во всех подобных случаях мы имеем дело не с сексуальной инверсией, а просто со случайным переключением полового инстинкта в ненормальное русло, когда инстинкт вызывается приблизительной заменой или даже рассеянным эмоциональным возбуждением в отсутствие нормального объекта.

Однако вполне вероятно, что случаи истинной сексуальной инверсии, при которой предпочтительно ищут удовлетворения у представителей того же пола, могут быть обнаружены среди животных, хотя наблюдения редко проводились или регистрировались. Муччиоли, итальянский специалист по голубеводству, обнаружил, что среди бельгийских почтовых голубей могут наблюдаться инвертированные практики, даже в присутствии многих представителей другого пола.^[10] Это, по-видимому, истинная инверсия, хотя нам не сообщается, испытывали ли эти птицы также влечение к противоположному полу. Птицы этого семейства, по-видимому, особенно подвержены сексуальным извращениям. Так, М. Ж. Байи-Мэтр, обладатель больших знаний и проникательный наблюдатель, писал Жирару, что "это странные существа по своим манерам и обычаям, которые склонны ускользать от самого настойчивого наблюдателя. Нет более развратного животного. Спаривание между самцами и еще чаще между самками часто происходит в раннем возрасте: до второго года. У меня было несколько пар голубей, созданных субъектами одного пола, которые в течение многих месяцев вели себя так, как будто спаривание было естественным. В некоторых случаях это имело место среди молодых птиц из одного гнезда, которые вели себя как настоящие пары, хотя оба испытуемых были самцами. Чтобы продуктивно спаривать их, нам пришлось разделить их и запереть каждого из них на несколько дней с самкой".^[11] В Берлинских зоологических садах также было замечено, что две птицы одного пола иногда привязываются друг к другу и остаются таковыми, несмотря на неоднократные ухаживания со стороны особей противоположного пола. Это произошло, например, в случае с двумя самцами египетского гуся, которые, таким образом, по всей видимости, были в паре и всегда держались вместе, энергично отгоняя любую приближающуюся самку. Точно так же самец австралийского шелдрейка был спарен с самцом другого вида.^[12]

У птиц в целом инвертированная сексуальность, по-видимому, сопровождает развитие вторичных половых признаков противоположного пола, что иногда встречается. Так, птицевод описывает курицу (цветной Доркинг), кукарекающую как петух, только несколько более резко, как кукарекает петушок, и с огромным гребнем, больше, чем когда-либо видели у самцов. Эта птица обычно пыталась попить своих собратьев-кур. В то же время она откладывала яйца рано и регулярно и производила "великолепных цыплят".^[13] Среди уток также иногда наблюдалось, что самка принимает одновременно и мужскую форму, и мужские сексуальные наклонности. Вполне вероятно, что в будущем таких наблюдений будет больше, и что половая инверсия в истинном смысле этого слова будет более распространена среди животных, чем кажется в настоящее время.

Следы гомосексуальных практик, иногда в больших масштабах, были обнаружены во всех крупных подразделениях человеческой расы. По этому вопросу можно было бы собрать значительный объем доказательств.^[14] Однако, к сожалению, путешественники и другие лица, от записей которых мы зависим, так стеснялись касаться этих тем и были настолько невежественны в основных моментах исследования, что очень трудно обнаружить сексуальную инверсию в собственном смысле у какой-либо низшей расы. Путешественники туманно

говорили о преступлениях против природы, не определяя точной взаимосвязи между ними и не задаваясь вопросом, насколько далеко можно провести различие между какими-либо врожденными импульсами.

Рассматривая явления в целом, поскольку они были зарегистрированы среди различных низших рас, мы, по-видимому, вынуждены признать, что существует широко распространенный природный инстинкт, побуждающий мужчин к гомосексуальным отношениям, и что иногда, хотя и в очень исключительных случаях, им пользовались и развивали в выгодных социальных целях. Однако в целом неестественный половой акт (содомия) рассматривался как антиобщественное преступление и иногда карался самыми серьезными наказаниями, которые только можно было придумать. Так было, например, в древней Мексике, в Перу, у персов, в Китае, а также у евреев и мусульман.

Даже в очень ранней истории можно найти следы гомосексуализма, с подразумеваемым неодобрением или без него. На его существование в Ассирии и Вавилонии указывает Кодекс Хамурапи и надписи, которые в целом относятся к нему не в положительную сторону.^[15] Что касается Египта, мы узнаем из фаюмского папируса, найденного Флиндерсом Петри, переведенного Гриффитсом и обсуждаемого Офеле,^[16] что более чем четыре тысячи лет назад гомосексуальные практики были настолько древними, что их приписывали богам Гору и Сету. Египтяне проявляли большое восхищение мужской красотой, и, казалось бы, они никогда не считали гомосексуальность наказуемой или даже предосудительной. Примечательно также, что египетские женщины иногда принадлежали к очень мужественному типу, и Хиршфельд считает, что промежуточные сексуальные типы были особенно распространены среди египтян.^[17]

Можно было бы ожидать, что гомосексуальные практики будут поощряться всякий раз, когда это будет необходимо для сокращения численности населения. Аристотель говорит, что с этой целью на Крите это было разрешено законом. И профессор Хэддон рассказал мне, что в Торресовом проливе один туземец выступал за содомию на этом основании.^[18] Однако, в целом, кажется, что доказательств, указывающих на такое использование практики, мало. Гомосексуальная тенденция, по-видимому, процветала главным образом среди воинов и воинственных народов. Во время войны и разлуки с женщинами, связанной с войной, гомосексуальный инстинкт имеет тенденцию развиваться; он процветал, например, среди карфагенян и норманнов, а также среди воинственных дорийцев, скифов, татар и кельтов,^[19] и, когда отсутствовало какое-либо сильное моральное чувство против этого, инстинкт подавлялся. культивируется и идеализируется как военная добродетель, отчасти потому, что это противодействует стремлению к смягчающему женскому влиянию домашнего очага, а отчасти потому, что это, по-видимому, оказывает вдохновляющее влияние на пропаганду героизма и повышение боевого духа. В "Плаче Давида по Ионафану" мы видим картину интимной дружбы — "преходящей любви женщин" - между товарищами по оружию среди варварской, воинственной расы. Ничто не указывает на то, что такие отношения были сексуальными, но среди воинов в Новой Каледонии признавались и регулировались дружеские отношения, которые, несомненно, были гомосексуальными; братство по оружию, по словам Фоули,^[20] осложненное педерастией, было более священным, чем братство по утробе матери. Более того, у нас есть недавний пример тех же отношений, признанных у современной европейской расы — албанцев.

Хан в своей *Альбанской школе* (1854, стр. 166) говорит, что молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет учатся мальчикам примерно от 12 до 17. Геге женится в возрасте 24 или 25 лет, и тогда он обычно, но не всегда, отказывается от мужской любви. Следующий отрывок передается Ханом как фактический язык, которым пользовался для него албанский Геге: "Чувство влюбленного к мальчику чисто, как солнечный свет. Это ставит возлюбленного на тот же пьедестал, что и святого. Это самая высокая и экзальтированная страсть, на которую способна человеческая грудь. Вид прекрасного юноши пробуждает изумление в влюбленном и открывает двери его сердца для восторга, который доставляет созерцание этой красоты. Любовь овладевает им настолько полно, что все его мысли и чувства растворяются в ней. Если он оказывается в присутствии возлюбленного, он остается поглощенным созерцанием его. Отсутствующий, он не думает ни о чем, кроме него. Если неожиданно появляется возлюбленный, он приходит в замешательство, меняет цвет лица, становится попеременно бледным и красным. Его сердце бьется быстрее и затрудняет дыхание. У него есть уши и глаза только для возлюбленного. Он избегает прикасаться к нему рукой, целует его только в лоб, поет ему хвалу в стихах, женщине - никогда". Одно из таких любовных стихотворений албанского Геге звучит следующим образом: "Солнце, когда оно встает утром, похоже на тебя, мальчик, когда ты рядом со мной. Когда твой темный взгляд останавливается на мне, это лишает меня разума.

Следует добавить, что проф. Вейганд, хорошо знавший албанцев, заверил Бете (*Рейнский филологический музей*, 1907, стр. 475), что отношения, описанные Ханом, действительно сексуальные, хотя и смягченные идеализмом. Немецкий ученый, который также путешествовал по Албании несколько лет назад, заверил Нэкке (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ix, 1908, стр. 327), что он может полностью подтвердить утверждения Хана и что, хотя было трудно говорить положительно, он сомневался, были ли эти отношения чисто идеальными. Хотя они наиболее распространены среди мусульман, они встречаются и среди христиан и получают благословение священника в церкви. Тот же автор отмечает, что часто возникает ревность, и даже убийство может быть совершено из-за мальчика.

Здесь можно упомянуть, что среди чукчей, камчатдалов и союзных народов (согласно русскому антропологическому журналу, цитируемому в *Sexual-Probleme*, январь 1913 г., стр. 41) существуют гомосексуальные браки среди мужчин, а иногда и среди женщин, ритуально освященные и открыто признанные.

Возможно, албанцы принадлежали к тому же племени, которое породило дорийских греков, и наиболее важный и наиболее тщательно известный случай социально признанного гомосексуализма относится к Греции в период ее наивысшего военного, а также этического и интеллектуального расцвета. В этом случае, как и в тех, что уже упоминались, гомосексуальная склонность часто рассматривалась как приносящая пользу, что заставляло ее потворствовать, если непоощрять как добродетель. Плутарх повторил древнегреческое утверждение о том, что беотийцы, лакедемоняне и критяне были самыми воинственными племенами, потому что они были самыми сильными в любви; считалось, что армия, состоящая из любящих гомосексуальных пар, была бы непобедимой. Похоже, что дорийцы привезли *пайдерастию*, как называют греческую форму гомосексуализма, в Грецию; они были последними захватчиками, энергичной горной расой с северо-запада (регион, включающий нынешнюю Албанию), которые распространились по всей земле, островам и Малой Азии, став правящей расой. Гомосексуализм, конечно, был известен до их прихода, но они сделали его почетным. Гомер никогда не упоминает об этом, и это не было известно как законное для эолийцев или ионийцев.

Бете, написавшая ценное исследование о дорийской *пайдерастии*, утверждает, что дорийцы допускали своего рода гомосексуальные браки и даже имели своего рода браки мальчиков путем захвата в плен, разрозненные остатки этой практики указывают, по мнению Бете, на то, что это был общий обычай среди дорийцев до вторжения в Грецию. Такие союзы даже получили своего рода религиозное освящение. Более того, для знатного юноши на Крите было позором не иметь возлюбленной; это плохо сказывалось на его характере. С помощью *пайдерастии* мужчина как бы распространял свои добродетели в юности, которую любил, насаждая их посредством полового акта.

На более поздних греческих этапах *пайдерастия* ассоциировалась не столько с войной, сколько со спортом; она была утончена и интеллектуализирована поэзией и философией. Не подлежит сомнению, что и Эсхил, и Софокл культивировали юношескую любовь, в то время как ее идеализированное представление в диалогах Платона привело к тому, что она была почти отождествлена с его именем; так, в ранних *Хармидах* мы имеем привлекательный рассказ о юноше, который дает свое имя диалогу, и описываются эмоции, которые он вызывает. Но даже в ранних диалогах Платон лишь условно одобрял сексуальную сторону *пайдерастии* и полностью осудил ее в заключительных *Законах*.^[21]

Ранние этапы греческой *пайдерастии* очень интересно изучены Бете, "Die Dorische Knabenliebe", *Рейнский филологический музей*, 1907. Эссе Дж. А. Саймондса о более поздних аспектах *пайдерастии*, особенно отраженных в греческой литературе, "Проблема греческой этики", содержится в раннем немецком издании настоящего исследования, но (хотя автор напечатал в частном порядке в 1883 году тиражом в двенадцать экземпляров и с тех пор был пиратским в другое частное издание) она еще не была опубликована на английском языке. *Пайдерастия* в греческой поэзии также изучалась Полом Брандтом, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, тома. viii и ix (1906 и 1907), а также Отто Кнаппом (*Антропофития*, том. iii, стр. 254-260), который стремится продемонстрировать чувственную сторону *пайдерастии*. С другой стороны, Лихт, работая примерно в том же направлении, что и Бете (*Журнал о сексуальной жизни*, август 1908 г.), рассматривает этический элемент в *пайдерастии*, указывает на ее благотворное моральное влияние и утверждает, что во многом именно на этом основании она считалась священной. Лихт также опубликовал научное исследование *пайдерастии* в аттической комедии (*Антропофития*, том. vii, 1910) и замечает, что "без *пайдерастии* греческая комедия немыслима". *Пайдерастия* в греческой антологии была полностью исследована П. Стефаном (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ix, 1908, с. 213). Kiefer, who has studied Socrates in relation to homosexuality (O. Kiefer, "Socrates und die Homosexualität," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ix, 1908), приходит к выводу, что он был бисексуалом, но его сексуальные импульсы были сублимированы. Можно добавить, что многие результаты недавних исследований, касающихся *пайдерастии*, обобщены Хиршфельдом, *Die Homosexualität*, стр. 747-788, и Эдвардом Карпентером, *Промежуточные типы среди первобытных народов*, 1914, часть ii; см. также Блох, *Die Prostitution*, том i, стр. 232 и последующие, и "Источник сифилиса", том ii. ii, стр. 564.

Похоже, что почти единственные указания за пределами Греции на гомосексуальность *paiderastic*

В Константинополе, как сообщили Нэкке немецкие инвертированные, живущие в этом городе, гомосексуальность широко распространена, большинство культурных турок способны к

отношениям как с мальчиками, так и с женщинами, хотя очень немногие являются исключительно гомосексуалистами, так что их отношение, по-видимому, во многом обусловлено обычаями и традицией. Взрослые мужчины редко вступают вместе в гомосексуальные отношения; один из супругов обычно мальчик от 12 до 18 лет, и говорят, что такое положение вещей среди утонченных слоев общества напоминает древнегреческую *пайдерастию*. Но распространена обычная гомосексуальная проституция; это особенно заметно в банях, которых в Константинополе предостаточно и которые часто открыты всю ночь. Обслуживающий персонал в этих банях - молодые люди, которым вряд ли нужно приглашение, чтобы побудить их удовлетворить клиента в этом отношении, причем удовлетворение обычно заключается в мастурбации, взаимной или односторонней, по желанию. Эта практика, о которой мало говорят, осуществляется почти открыто, и говорят, что шантаж неизвестен.^[23] Однако Адлер Бей заявляет, что гомосексуальная проституция в Новой Турции почти исчезла.^[24]

Существует множество свидетельств того, что гомосексуальные практики существуют и долгое время существовали в большинстве частей мира за пределами Европы, не преследуя очевидных социальных или моральных целей. Насколько они связаны с врожденной инверсией, обычно очень сомнительно. Например, в Китае, по-видимому, существуют специальные дома, предназначенные для мужской проституции, хотя и менее многочисленные, чем дома, предназначенные для женской, поскольку гомосексуальность не может считаться распространенной в Китае (ее распространенность среди китайцев за рубежом объясняется отсутствием женщин) и встречается в основном на севере.^[25] Когда богатый мужчина устраивает пир, он посылает женщин, чтобы они веселили трапезу музыкой и песнями, и мальчиков, чтобы они прислуживали за столом и развлекали гостей своей оживленной беседой. Мальчики были тщательно воспитаны для этого занятия, получили отличное образование, и их умственные качества ценятся даже выше, чем их физическая привлекательность. Женщины менее тщательно воспитаны и менее уважаемы. После трапезы парни обычно возвращаются домой со значительным гонораром. О том, что происходит дальше, китайцы говорят мало. Похоже, что из этих отношений часто рождается настоящая и глубокая привязанность, сначала платоническая, но в конце концов переходящая в физическую, что в глазах китайцев не вызывает большого беспокойства. В китайских романах, часто очень литературного характера, посвященных мужской любви, кажется, что можно найти все предварительные приготовления и восторги нормальной любви, в то время как физическое единение может завершать сцену. В Китае, однако, закон может быть приведен в действие за посягательство на природу даже по обоюдному согласию; наказание составляет сто ударов бамбуком и месяц тюремного заключения; если имеет место насилие, наказанием является обезглавливание; я не могу сказать, насколько закон является мертвой буквой. По словам Матиньона, поскольку гомосексуализм существует в Китае, он осуществляется с гораздо большим благопристойностью и сдержанностью, чем в Европе, и он считает, что к чести китайцев можно отнести то, что, в отличие от европейцев, они никогда не практикуют неестественную связь с женщинами. Его рассказ об обычаях китайцев подтверждает более раннее сообщение Морача, и он отмечает, что, хотя о гомосексуализме мало говорят, на него не смотрят свысока. Он приводит несколько интересных подробностей, касающихся мальчиков-проститутков. Их продают их родители (иногда крадут у них), примерно в возрасте 4 лет они получают образование, в то время как они также подвергаются специальной физической подготовке, которая включает массаж ягодичных областей для улучшения развития, расширение заднего

прохода, и эпиляцию (которая, однако, не практикуется китайскими женщинами). В то же время их обучают музыке, пению, рисованию и искусству поэзии. Официанты в ресторанах всегда знают, где найти этих молодых джентльменов, когда от них требуется украсить пир богатого человека. Их обычно сопровождает опекун, и обычно ничего особо серьезного не происходит, потому что они знают себе цену, а за деньги не всегда можно купить их дорогие услуги. Они очень женоподобны, роскошно одеты и надушены, и они редко ходят пешком. Однако есть проститутки более низкого разряда.^[26]

Гомосексуальность легко прослеживается в Индии. Дюбуа имел в виду дома, посвященные мужской проституции, где мужчины переодеваются женщинами и имитируют женские повадки.^[27] Бертон в "Заключительном эссе" к своему переводу *"Тысячи и одной ночи"* утверждает, что когда в 1845 году сэр Чарльз Нейпир завоевал и аннексировал Синд, в маленьком городке Карачи были обнаружены три публичных дома евнухов и мальчиков, и Бертону было поручено посетить их и сообщить о них. Однако, похоже, индуисты в целом с отвращением относятся к гомосексуализму. В Афганистане гомосексуализм более общепризнан, и Бертон заявил, что "каждый караван сопровождает несколько мальчиков и юношей почти в женской одежде, с подведенными глазами и накуренными щеками, длинными локонами и намазанными хной пальцами на руках и ногах, роскошно едущих на верблюжьих упряжках".

Если мы обратимся к Новому Свету, то обнаружим, что среди американских индейцев, от эскимосов Аляски до Бразилии и еще дальше на юг, гомосексуальные обычаи соблюдались очень часто. Иногда племя относится к ним с уважением, иногда с безразличием, иногда с презрением; но, похоже, к ним всегда относятся терпимо. Хотя существуют местные различия, эти обычаи, в целом, по-видимому, имеют много общего. Лучшее раннее описание, которое я смог найти, принадлежит Лангсдорфу^[28] и касается алеутов Ооналашки на Аляске: "Мальчиков, если они очень красивы, - говорит он, - часто воспитывают полностью на манер девочек и обучают искусствам, которые женщины используют, чтобы доставить удовольствие мужчинам; их бороды тщательно выщипывают, как только они начинают чтобы выглядеть, и их подбородки покрыты татуировками, как у женщин; они носят украшения из стеклянных бусин на ногах и руках, подвязывают и стригут волосы тем же способом, что и женщины, и заменяют мужчин наложницами. Эта шокирующая, неестественная и аморальная практика существует здесь даже с самых отдаленных времен; до сих пор не принималось никаких мер для ее подавления и ограничения; такие люди известны под именем *шопанов*".

Среди конягов Лангсдорф обнаружил, что этот обычай гораздо более распространен, чем среди алеутов; он отмечает, что, хотя матери воспитывали некоторых своих детей таким образом, они, казалось, очень любили своих отпрысков. Лисянский примерно в тот же период сообщает нам, что: "Из всех обычаев этих островитян самым отвратительным является обычай мужчин, называемых *схупанами*, живущих с мужчинами и заменяющих женщин. С младенчества они воспитываются с женщинами и обучаются всем женским искусствам. Они даже перенимают манеры и одежду женщин настолько близко, что незнакомец, естественно, принял бы их за тех, кем они не являются. Эта отвратительная практика раньше была настолько распространена, что проживание одного из этих монстров в доме считалось удачей; однако она с каждым днем теряет позиции".^[29] Он упоминает случай, когда священник чуть не обвенчал двух мужчин, когда случайно зашел переводчик и смог сообщить ему, что он делает.

Однако эта практика, по-видимому, продолжала оставаться довольно распространенной среди эскимосов Аляски вплоть до недавнего времени. Так, доктор Энгельманн упомянул мне, что те, кто жил на Аляске, особенно вблизи Пойнт-Барроу, сообщили ему, что в одном сравнительно небольшом сообществе можно встретить до 5 таких особей (которые незнакомые люди считают "гермафродитами"). Давыдофф заявляет, цитируемый Холмбергом,^[30] что мальчик выбран в качестве *шопена*, потому что он похож на девочку. Это представляет определенный интерес, поскольку указывает на то, что шопен не женственен исключительно благодаря внушению и ассоциации, но, вероятно, женственен по врожденной конституции.

В Луизиане, Флориде, Юкатане и т.д. существуют или существовали несколько схожие обычаи. В Бразилии мужчин можно встретить одетыми как женщины и занимающимися исключительно женскими делами; они не очень высоко ценятся.^[31] Они называются *кудинас*: *то есть* обрезанные. Среди индейцев пуэбло в Нью-Мексико этих людей называют *мухерадос* (предположительно, искаженное от *мухериго*) и они являются главными пассивными участниками гомосексуальных церемоний этих людей. Говорят, что они намеренно женоподобны в раннем возрасте из-за обильной мастурбации и постоянных занятий верховой ездой.^[32]

Среди всех племен северо-запада Соединенных Штатов можно встретить сексуальных инвертированных. Перевернутых индейцы Монтаны называют *боте* ("не мужчина, не женщина"), а индейцы Вашингтона - *бурдаш* ("получеловек, полуженщина"). *Ботэ* был тщательно изучен доктором А. Б. Холдером.^[33] Владелец считает, что *ботэ* носит женское платье и что его речь и манеры женственны. Одежда и манеры прививаются в детстве, но никаких сексуальных практик не происходит до наступления половой зрелости. Они заключаются в практике *фелляции* со стороны *боте*, который, вероятно, сам испытывает оргазм в то же время. *Ботэ* не педераст, хотя педерастия встречается среди этих индейцев. Холдер осмотрел *боте*, который был великолепно сложен, располагал к себе и отличался отменным здоровьем. С большой неохотой он согласился на тщательное обследование. Половые органы были вполне нормальными, хотя, возможно, и не такими большими, как можно было предположить по его *телосложению*, но у него никогда не было полового акта с женщиной. Раздевшись, он сжал бедра вместе, как сделала бы робкая женщина, чтобы полностью скрыть половые органы; Холдер говорит, что бедра "действительно, или в моем воображении", обладали женской округлостью. Он слышал, как *ботэ* "умолял" индейца-мужчину подчиниться его ласкам", и он рассказывает, что "одного маленького мальчика, когда он находился в школе-интернате агентства, часто заставляли тайком одетым в женскую одежду. Он был наказан, но в конце концов сбежал из школы и стал *ботэ*, чему с тех пор и последовал".

На Таити в начале девятнадцатого века Тернбулл^[34] обнаружил, что "в этой стране есть группа людей, чья открытая профессия настолько отвратительна, что похвальная деликатность нашего языка не позволяет упоминать об этом. Туземцы называют их *маху*; они одеваются, принимают позу и манеры женщин и демонстрируют все фантастические причуды и кокетство самых тщеславных женщин. В основном они общаются с женщинами, которые ухаживают за их знакомыми. С манерами женщин они перенимают свои особые занятия, шьют ткани, шляпки и циновки; и они настолько бесполо, что, если бы мне на них не указали, я узнал бы в них только женщин. Я добавляю с некоторым удовлетворением, что ощущение этой мерзости почти исключительно ограничивается вождями".

Среди сакалавов Мадагаскара есть мальчики по имени *секатра*, как описал Ласнет, которых, по-видимому, выбирают с детства из-за слабой или хрупкой внешности и воспитывают как девочек. Они живут как женщины и вступают в половую связь с мужчинами, с содомией или без нее, платя мужчинам, которые им нравятся.^[35]

Среди негритянского населения Занзибара довольно распространены формы гомосексуализма, которые считаются врожденными (а также приобретенные формы). Считается, что их частота обусловлена арабским влиянием. Врожденные инвертированные мужчины с самых ранних лет не проявляют склонности к мужским профессиям, но их привлекают женские профессии. Становясь старше, они носят женскую одежду, причесываются по женской моде и вообще ведут себя как женщины. Они общаются только с женщинами и проститутками-мужчинами и получают сексуальное удовлетворение путем пассивной педерасти или способами, имитирующими коитус. По внешнему виду они напоминают обычных проституток-мужчин, которые распространены на Занзибаре, но примечательно, что местные жители проводят четкое различие между ними и проститутками-мужчинами. На последних смотрят с презрением, в то время как к первым, как к тем, кем они являются "по воле Божьей", относятся терпимо.^[36]

Гомосексуальность; встречается в различных частях Африки. Случаи *изнеженности* и пассивной содомии были зарегистрированы в Уньямвези и Уганде. Среди бангала Верхнего Конго содомия между мужчинами очень распространена, особенно когда они находятся вдали от дома, в незнакомых городах или в рыбацких лагерях. Однако, если мужчина вступал в половую связь с женщиной, *per anum* когда-то он подлежал смертной казни.^[37]

Среди папуасов в некоторых частях Новой Гвинеи, как уже упоминалось, гомосексуальность, как говорят, хорошо известна, и к ней прибегают также для удобства, возможно, по мальтузианским соображениям.^[38] Но в округе Риго Британской Новой Гвинеи, где обычная содомия не практикуется, доктор Селигманн из Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив, сделал несколько чрезвычайно важных наблюдений над несколькими мужчинами и женщинами, которые явно представляли собой случаи врожденной сексуальной инверсии с некоторой степенью эстетической инверсии и даже некоторой анатомической модификацией.^[39] Следует отметить, что эти люди принадлежат к примитивной расе, незагрязненной контактом с белыми расами и практически все еще находящейся в каменном веке.

Наконец, у другого родственного первобытного народа, австралийцев, гомосексуальность, по-видимому, уже давно прочно вошла в племенные обычаи. Среди уроженцев Кимберли, Западная Австралия (которые ни в коем случае не принадлежат к низкому типу, быстры и умны, с особыми склонностями к изучению языков и музыки), если молодому человеку недоступна жена, ему дарят мальчика-жену в возрасте от 5 до 10 лет (возраст, когда мальчик получает свое мужское посвящение). Точная природа отношений между молодым человеком-женой и его защитником сомнительна; они, безусловно, связаны, но местные жители с ужасом и отвращением отвергают саму идею содомии.^[40]

Дополнительный свет на гомосексуальность в Австралии проливает предположение Спенсера и Гиллена о том, что операция *mika* (субинцизия уретры), искусственная гипоспадия, проводится с целью гомосексуального полового акта. Клаатч обсуждал гомосексуальное происхождение операции "мика" на основе информации, полученной им от миссионеров в Ниол-Ниоле, на северо-западном побережье. Надрезанный мужчина действует как женщина по отношению к еще не оперированным мальчикам, которые совершают коитус в надрезанном отверстии. Оба сообщили Клаатчу в 1906 году, что в Булиа в Квинсленде у прооперированных мужчин, как говорят, "имеется вульва".^[41]

Эти различные свидетельства представляют значительный интерес, хотя по большей части их точное значение остается сомнительным. Однако некоторые из них, такие как описание *боте* Холдером, отчет Бауманна о гомосексуальных явлениях на Занзибаре и особенно наблюдения Селигмана в Британской Новой Гвинее, указывают не только на наличие эстетической инверсии, но и на истинную врожденную сексуальную инверсию. Объем доказательств, несомненно, будет значительно увеличен по мере увеличения числа компетентных наблюдателей, и важнейшие моменты больше не будут так часто упускаться из виду.

В целом, факты показывают, что среди низших рас к гомосексуальным практикам относятся со значительным безразличием, и настоящий инвертированный, если он существует среди них, а он, несомненно, существует, обычно остается незамеченным или присоединяется к какой-либо священной касте, которая освящает его исключительно гомосексуальные наклонности.

Даже сегодня в Европе среди низших классов можно обнаружить значительное отсутствие отвращения к гомосексуальным практикам. В этом вопросе, как показывает фольклор во многих других вопросах, некультурный человек цивилизации связан с дикарем. В Англии, как мне говорили, солдат часто почти не возражает против того, чтобы заниматься проституцией с "молочниками", которые ему платят, хотя ради удовольствия он предпочитает обращаться к женщинам; а о Гайд-парке говорят как о центре мужской проституции.

"Среди рабочих масс Англии и Шотландии, - пишет К., - "товарищество" хорошо выражено, хотя и не очень осознает себя (как в Италии). Дружбы часто целуют друг друга, хотя эта привычка, похоже, сильно различается в разных секциях и кружках. Мужчины обычно спят вместе, независимо от того, товарищи они или нет, и поэтому легко заводят знакомство. Иногда, но не так уж часто, эти отношения откладывают на время или даже на неопределенный срок фактический брак, и в некоторых случаях они очень страстные и романтические. Без сомнения, в массах в этом направлении есть много грубости; но нет ни одного мужчины-проститутки (насколько мне известно), постоянными клиентами которого были бы работники физического труда. Этот вид проституции в Лондоне достаточно распространен, но я имею о нем лишь небольшое личное представление. Многие молодых людей щедро "содержат" в квартирах богатые мужчины, и они, конечно, не всегда недоступны для других. Многие таким образом зарабатывают себе на жилье, а другие тем же способом добывают мизерную зарплату: собственно, как и женщины. Мальчики из церковного хора в значительной степени пополняют ряды, а рядовые - в значительной степени. Некоторые казармы (особенно Найтсбридж) являются отличными центрами. Летними вечерами Гайд-парк и окрестности Альберт-Гейт полны гвардейцев и других людей, занятых оживленным ремеслом и практически не

маскирующихся, как в форме, так и вне ее. В этих случаях иногда это сводится лишь к беседе на уединенном стуле или выпивке в баре; иногда приходится прибегать к помощи комнаты в каком-нибудь известном пансионе или одного или двух отелей, которые подходят для такого рода бизнеса. В любом случае это желанное дополнение к карманным деньгам Томми Аткинса. А г-н Раффалович, говоря о Лондоне, замечает: "Количество солдат, занимающихся проституцией, больше, чем мы готовы поверить. Не будет преувеличением сказать, что в некоторых полках презумпция в пользу продажности большинства солдат ". Стоит отметить, что в этом вопросе между солдатами и полицией существует полное взаимопонимание, на которое первые всегда могут положиться за помощью и советом. Я в долгу перед моим корреспондентом "Z" за следующие заметки: "Солдаты во Франции пользуются не меньшим спросом, чем в Англии или Германии, и как в Париже, так и в гарнизонных городах существуют специальные дома для военной проституции. Многие факты, известные о французской армии, доказывают, что эти привычки заразились в Алжире и в огромной степени распространились по целым полкам. Факты, рассказанные Ульрихсом о французском иностранном легионе по свидетельству заслуживающего доверия свидетеля, который был патином в его полку, заслуживают внимания (*Ара Спей*, стр. 20; *Мемнон*, стр. 27). Этот человек, который был немцем, сказал Ульрихсу, что испанские, французские и итальянские солдаты были любовниками, а швейцарцы и немки - их возлюбленными (см. Также Отчет генерала Броссье, цитируемый Бертоном, "*Арабские ночи*", том х, стр. 251). В военном романе Люсьена Дескава "*Выходные*" (Париж, "Тресс и сток", 1890) приводятся некоторые подробности о заведениях мужской проституции. На страницах 322, 412 и 417 описано питейное заведение под названием "Друзья Армии", где для вида держали нескольких горничных, а также его завсегдатаи, включая, в частности, адъютанта Лапревотта. Ульрихс сообщает, что в австрийской армии курсантам и призывникам регулярно читаются лекции о гомосексуальных пороках (*Мемнон*, стр. 26). Солдат, уволившийся из армии, рассказал моему другу, что он и многие его товарищи прирастались к гомосексуальным утехам, находясь за границей на дипломатической службе на уединенной станции. Он продолжал эту практику в Англии, "потому что женщины его класса были такими непривлекательными ". Капитан английского военного корабля сказал, что он всегда был рад отправить своих людей на берег после долгого плавания по морю, никогда не будучи уверен, как далеко они все могут зайти, если на определенный промежуток времени останутся без женщин ". Я могу добавить, что А. Хамон (*La France Sociale et Politique*, 1891, стр. 653-55; также в своей "*Психологии военного профессионала*", глава х) подробно описывает распространенность гомосексуализма во французской армии, особенно в Алжире; он считает это чрезвычайно распространенным явлением, хотя большинство из них свободны. Цитируется фрагмент письма генерала Ламорисьера (в котором говорится о маршале Шангарнье): *В Африке мы знаем, что происходит, может быть, мы останемся здесь.*

Это примитивное безразличие, несомненно, также является фактором распространенности гомосексуализма среди преступников, хотя здесь следует помнить, что необходимо учитывать два других фактора (врожденную аномалию и изоляцию в заключении). Тарновский отмечает, что в России все педерасты согласны с тем, что простые люди довольно равнодушны к их сексуальным домогательствам, которые они называют "джентльменскими играми". Корреспондент отмечает "очевидный для всех наблюдателей факт, что простые люди нередко проявляют не большее отвращение к аномалиям сексуального влечения, чем к его нормальным проявлениям".^[42] Он знает много случаев, когда мужчинам низшего класса льстило и доставляло удовольствие внимание мужчин высшего класса, хотя сами они не были

инвертированы. И с этой точки зрения следующий случай, который он упоминает, очень поучителен:—

Извращенец, которому я могу доверять, рассказал мне, что за последние четырнадцать лет он заигрывал более чем с сотней мужчин, и что он только однажды получил отказ (в этом случае мужчина позже предложил себя спонтанно) и только однажды попытался вымогать деньги. В большинстве случаев возникали постоянные дружеские отношения. Он признался, что заботился об этих людях и помогал им своим общественным влиянием и определенной денежной поддержкой — открыл одному бизнес, дал другому что-то для женитьбы и нашел место для других.

Мне сообщили, что среди швейцарских крестьян гомосексуальные отношения до брака не редкость, и о таких отношениях легкомысленно говорят как о "Dummheiten". Несомненно, подобные черты можно было бы найти и у крестьянства других частей Европы.

То, что можно рассматривать как истинную сексуальную инверсию, можно проследить в Европе с начала христианской эры (хотя мы едва ли можем продемонстрировать врожденный элемент), особенно среди двух классов — людей исключительных способностей и преступников; а также, можно добавить, среди тех невротичных и дегенеративных индивидов, которые, можно сказать, находятся между этими двумя классами, на границах обоих или за их пределами.

Гомосексуализм, смешанный с различными другими сексуальными аномалиями и излишествами, по-видимому, процветал в Риме во времена империи и хорошо иллюстрируется личностями многих императоров.^[43] Юлий Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Тит, Домициан, Нерва, Траян, Адриан, Коммод и Гелиогабал — многие из них люди больших способностей и, с римской точки зрения, высокой моральной ценности — все обвиняются, на основании более или менее веских доказательств, в гомосексуальные практики. У Юлия Цезаря — "мужа всех женщин и жены всех мужчин", как его сатирически называли, — избыток сексуальной активности, по-видимому, сопровождался, как это иногда бывает, избытком интеллектуальной активности. Впервые его обвинили в гомосексуальных практиках после длительного пребывания в Вифинии у царя Никомеда, и это обвинение очень часто возобновлялось. Цезарь гордился своей физической красотой и, подобно некоторым современным инвертированным, привык тщательно брить и эпилировать свое тело, чтобы сохранить гладкость кожи. Любовь Адриана к своему прекрасному рабу Антиною хорошо известна; любовь, по-видимому, была глубокой и взаимной, и Антиной был увековечен частично романтикой своей безвестной смерти, а частично новым и удивительно красивым типом, который он придал скульптуре.^[44] Гелиогабал, "самый гомосексуальный из всей компании", как его называли, похоже, был настоящим сексуальным извращенцем женского типа; он одевался как женщина и был предан мужчинам, которых любил.^[45]

Гомосексуальные практики процветают повсюду, и в тюрьмах их предостаточно. На этот счет имеется множество свидетельств. Я приведу лишь свидетельство доктора Вея, бывшего врача исправительной колонии Эльмира, Нью-Йорк. "Сексуальность, - писал он в частном письме, - это один из самых неприятных элементов, с которыми нам приходится бороться. У меня нет данных о количестве заключенных, страдающих сексуальными извращениями. В моменты моего пессимизма мне хотелось бы сказать, что так было со всеми; но, вероятно, 80 процентов было бы справедливой оценкой". И, говоря о сексуальном влиянии, которое одни мужчины оказывают на других, он замечает, что "есть много мужчин с чертами, наводящими на мысль о

женственности, которые привлекают к ним окружающих так, что напоминают мне суку в течке, за которой гонится свора собак".^[46] Говорят, что в тюрьме Синг-Синг в Нью-Йорке 20 процентов заключенных являются активными гомосексуалистами, а большое количество остальных - пассивными гомосексуалистами. Макмертри утверждает, что эти тюремные отношения не всегда носят жестокий характер, иногда притяжение носит скорее духовный, чем физический характер.^[47]

Тюремная жизнь развивает и поощряет гомосексуальные наклонности преступников; но не может быть никаких сомнений в том, что эта склонность, или же склонность к сексуальному безразличию или бисексуальности, является радикальной чертой характера очень большого числа преступников. Мы также можем обнаружить это в значительной степени среди бродяг, близкого класса несомненных дегенератов, которые, за исключением кратких сезонов, менее знакомы с тюремной жизнью. Я могу привести интересные свидетельства на этот счет, сделанные проницательным наблюдателем, который много жил среди бродяг в разных странах и в значительной степени посвятил себя их изучению.^[48]

Тот факт, что гомосексуальность особенно распространена среди людей исключительного интеллекта, давно был отмечен Данте:—

"In somma sappi, che tutti fur cherci
E litterati grandi, et di gran fama
D'un medismo peccato al mondo lerci."^[49]

С тех пор это часто отмечалось и остается замечательным фактом.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что интеллектуальные и художественные способности высочайшего порядка часто ассоциировались с врожденно инвертированным сексуальным темпераментом. Среди самих инвертированных наблюдалась тенденция обнаруживать свой собственный темперамент у многих выдающихся людей по свидетельству о наиболее тонком характере. Но остается очевидным тот факт, что многие выдающиеся личности прошлого и настоящего в разных странах были инвертированными. Здесь я могу сослаться на свои собственные наблюдения по этому поводу в предисловии. Мантегацца (*Гли Амори дельи Уомини*) отмечает, что в своем узком кругу он знаком с "французским публицистом, немецким поэтом, итальянским государственным деятелем и испанским юристом, всеми людьми изысканного вкуса и высокообразованного ума", которые являются сексуально инвертированными. Крафт-Эбинг в предисловии к своей "*Сексуальной психопатии*", ссылаясь на "бесчисленные" сообщения, которые он получил от этих "пасынков природы", отмечает, что "большинство писателей - люди высокого интеллектуального и социального положения и часто обладают очень острыми эмоциями". Раффалович (*Uranisme*, стр. 197) называет среди выдающихся инвертированных Александра Македонского, Эпаминонда, Вергилия, великого Конде, принца Евгения и др. (Вопрос об инверсии Вергилия обсуждается в "*Филологическом обозрении*", 1890, стр. 7-9, но мне не удалось ознакомиться с этим обзором.) Молль в своей книге "*Гомосексуальность*" (1910, из серии "*Советы нервным и зеленлебенским*") обсуждает гомосексуальность ряда выдающихся личностей, по большей части со своей обычной осторожностью и проницательностью; говоря о предполагаемой гомосексуальности Вагнера, он совершенно справедливо замечает, что "метод аргументации существования гомосексуальности на основе наличия женских черт должен быть решительно отвергнут".

Хиршфельд совсем недавно включил в свой великий труд *"Гомосексуализм"* (1913, стр. 650-674) два списка, древний и современный, предполагаемых инверсий среди выдающихся личностей истории, кратко изложив характер доказательств в каждом случае. Их насчитывается около 300. Однако не все из них можно должным образом охарактеризовать как отличающиеся. Таким образом, мы заканчиваем список из 43 английских имен; из них по меньшей мере полдюжины были дворянами, которые были замешаны в преследовании гомосексуалистов, но не отличались интеллектуальным совершенством. Другие, опять же, несомненно выдающиеся личности, но нет веских оснований считать их гомосексуалистами; это относится, например, к Свифту, который, возможно, был психически ненормальным, но, по-видимому, был скорее гетеросексуалом, чем гомосексуалисткой; Флетчер, о котором мы не знаем ничего определенного в этом отношении, также включен, как и Теннисон, чья юношеская сентиментальная дружба с Артуром Халламом в точности сравнима с дружбой Монтеня с Этьеном де ла Боэти, однако Монтень в список не включен. Однако можно добавить, что, хотя некоторые английские имена в списке, таким образом, крайне сомнительны, можно было бы добавить некоторые другие, которые, без сомнения, были инвертированными.

Я думаю, что не было отмечено — в основном потому, что доказательства были недостаточно ясными, — что среди моральных лидеров и людей с сильными этическими инстинктами существует тенденция к более возвышенным формам гомосексуальных чувств. Это можно проследить не только у некоторых великих учителей морали древности, но и у мужчин и женщин наших дней. Совершенно очевидно, почему это должно быть так. Точно так же, как подавленная любовь к женщине или мужчине у людей нормального телосложения часто служила движущей силой для расширения филантропической деятельности, так и человек, который видит представителей своего пола также окутанными сексуальным наваждением, привносит в свою работу по служению людям пыл, совершенно неведомый человеку нормального телосложения; мораль для него стала единым целым с любовью.^[50] Я не готов здесь настаивать на этом, но, я думаю, никто, кто с сочувствием изучает истории и опыт великих моральных лидеров, во многих случаях не может не заметить присутствия этого чувства, более или менее тонко сублимированного из любого грубого физического проявления.

Если возможно, что в моральных движениях люди гомосексуального темперамента иногда занимали видное место, то несомненно, вне всякого сомнения, что они занимали видное место в религии. Много лет назад (в 1885 году) этнолог Эли Реклюс в своей очаровательной книге *"Примитивы"*,^[51] описывающий феномен гомосексуальность среди эскимосского племени иннуитов, ясно настаивал на том, что с незапамятных времен существовала связь между инвертированным и священником, и показал, насколько хорошо эта связь иллюстрируется на примере Эскимосские *щупаны*. Гораздо позже, в своем подробном исследовании о священнике, Хорнеффер обсуждает женские черты священников и показывает, что у самых разных народов функции священнослужителей брали на себя лица с сексуально ненормальным и особенно гомосексуальным темпераментом. С точки зрения обычных людей, неестественное — это сверхъестественное, а ненормальное, по-видимому, особенно близко к тайной Силе Мира. Ненормальные люди сами придерживаются того же мнения и считают себя божественными. Как указывает Хорнеффер, они часто действительно обладают особыми способностями.^[52] Карш в своей книге *"Жизнь природы"* (1911) подчеркнул высокую религиозную, а также социальную значимость каст переодетых и часто гомосексуальных людей среди примитивных народов. В то же время Эдвард Карпентер в своей замечательной книге *"Промежуточные типы среди первобытных народов"* (1914) с большой проницательностью показал, как получается, что

существует органическая связь между гомосексуальным темпераментом и необычными экстрасенсорными или прорицательными способностями. Мужчины-гомосексуалисты не были воинственными, а женщины-гомосексуалистками - не занимались домашним хозяйством, так что их энергия искала выхода, отличного от энергии обычных мужчин и женщин; они стали инициаторами новых видов деятельности. Таким образом, из их среды в какой-то степени вышли бы не только изобретатели, ремесленники и учителя, но и колдуны и прорицательницы, знахари и волшебники, пророки и священники. Такие люди были бы особенно склонны к размышлениям, потому что они осознали бы, что отличаются от других людей; к ним относились бы с почтением одни и с презрением другие, они были бы вынуждены столкнуться с проблемами своей собственной природы и, косвенно, с проблемами мира в целом. Более того, указывает Карпентер, люди, в которых сочетались мужской и женский темпераменты, во многих случаях были бы людьми с интуицией и сложным умом, превосходящими своих собратьев, и поэтому способными осуществлять гадание и пророчество в самом реальном и естественном смысле.^[53]

Эта склонность инвертированных к примитивной религии, к колдовству и прорицанию оказала бы свое влияние на настроения населения, особенно когда магия и примитивные формы религии начали приобретать дурную славу. Инвертированный был бы расценен как колдун ложной и злой религии и был бы погружен в тот же позор. Этот момент был подчеркнут Вестермарком в поучительной главе о гомосексуализме в его великом труде о моральных идеях.^[54] Он указывает на важность того факта, на первый взгляд кажущегося необъяснимым, что гомосексуальность в общем представлении о средневековом христианстве постоянно ассоциировалась, даже смешивалась с ересью, что, как мы видим, наглядно иллюстрируется тем фактом, что во Франции и Англии популярное обозначение гомосексуальность происходит от болгарских еретиков. Вестермарк считает, что гомосексуальность была так жестоко осуждена и так жестоко наказана главным образом как ересь и из религиозного рвения.

В современной Европе мы находим наиболее убедительные доказательства наличия того, что справедливо можно назвать истинной сексуальной инверсией, когда исследуем мужчин эпохи Возрождения. Интеллектуальная независимость тех дней и влияние античности, по-видимому, раскрепостили и полностью развили импульсы тех ненормальных личностей, которые в противном случае не нашли бы четкого выражения и остались бы незамеченными.^[55]

Гуманиста Мюре, возможно, можно рассматривать как типичный пример природы и судьбы выдающегося инвертированного человека эпохи Возрождения. Родившийся в 1526 году в Мюре (Лимузен), в бедной, но благородной семье, он обладал независимым, несколько капризным характером, терпеть не мог профессоров и, следовательно, был в основном сам себе учитель, хотя часто обращался за советом к Жюлю-Сезару Скалигеру. В свое время Мюре вызывал всеобщее восхищение своей ученостью и красноречием, и его до сих пор считают не только великим латинистом и прекрасным писателем, но и выдающимся человеком с высоким интеллектом и, кроме того, замечательной вежливостью в полемике в эпоху, когда это качество было не слишком распространено. На его портрете изображено несколько грубоватое и простоватое, но умное лицо. Он завоевал почет и уважение до того, как умер в 1585 году в возрасте 59 лет. В молодости Мюре писал женщинам распутные эротические стихи, которые, похоже, основаны на личном опыте. Но в 1553 году мы находим его заключенным в Шатле за содомию и в опасности для своей жизни, так что он думал умиротворить себя голодом. Друзья, однако, добились его освобождения, и он поселился в Тулузе. Но уже в следующем году его чучело было сожжено в Тулузе как гугенота и содомиста, что стало результатом судебного

приговора, вынудившего его бежать из города и из Франции. Четыре года спустя ему пришлось бежать из Падуи из-за аналогичного обвинения. У него было много друзей, но никто из них не протестовал против обвинения, хотя они помогли ему избежать наказания. Очень сомнительно, был ли он гугенотом, и всякий раз, когда в своих работах он упоминает педерастию, это делается с сильным неодобрением. Но его труды свидетельствуют о страстной дружбе к мужчинам, и он, по-видимому, не потратил много энергии на опровержение обвинения, которое, если и было ложным, было позорной несправедливостью по отношению к нему. Говорят, что именно после бегства в Италию и того, как Мюре заболел лихорадкой от переутомления и переохлаждения, он сделал знаменитое замечание (врачу, стоявшему у его постели, который сказал: "Faciamus experimentum in anima vili"): "Вилем анимам апеллас за Христа, не предназначенного для смерти".^[56]

Сам Эразм, больший гуманист, чем Мюре, по-видимому, в молодости, находясь в августинском монастыре Штайн, испытывал гомосексуальное влечение к другому Брату (впоследствии настоятелю), которому он адресовал множество страстно-нежных писем; однако его привязанность, по-видимому, была безответной.^[57]

По мере развития эпохи Возрождения гомосексуальность, кажется, становится все более заметной среди выдающихся личностей. Полициано обвинили в педерастии. Аретино был педерастом, как, по-видимому, и папа Юлий II. Ариосто писал в своих сатирах, без сомнения, слишком экстремистски: —

"Senza quel vizio son pochi umanisti."^[58]

В натуре Тассо была гомосексуальная жилка, но он был слабого и женственного телосложения, чувствителен эмоционально и физически.^[59]

Однако именно среди художников, как в то время, так и позже, гомосексуальность прослеживается наиболее заметно. Леонардо да Винчи, чьи идеалы, раскрытые в его работах, столь странно бисексуальны, в юности находился под подозрением в гомосексуализме. В 1476 году, когда ему было 24 года, флорентийские власти выдвинули против него обвинения в контроле за общественной моралью, и они были повторены, хотя, по-видимому, не были обоснованы. Есть, однако, некоторые основания предполагать, что Леонардо в юности был заключен в тюрьму.^[60] На протяжении всей жизни он любил окружать себя красивыми юношами, и его ученики больше отличались привлекательной внешностью, чем мастерством; по крайней мере, к одному из них он был сильно привязан, в то время как записей о какой-либо привязанности к женщине нет. Фрейд, который изучал Леонардо со свойственной ему тонкостью, считает, что его темперамент был отмечен "идеальной гомосексуальностью".^[61]

Микеланджело, один из самых выдающихся художников эпохи Возрождения, в чем мы теперь не можем сомневаться, был сексуально извращен. Можно сказать, что свидетельства, представленные его собственными письмами и стихотворениями, а также исследования многочисленных недавних сотрудников — Парлагреко, Шеффлера, Дж. А. Саймондса и др. — поставили это вне всяких сомнений.^[62] Он принадлежал к семье из 5 братьев, 4 из которых никогда не были женаты и, насколько известно, не оставили потомства; пятый оставил только 1 наследника мужского пола. Его биограф описывает Микеланджело как "человека со своеобразным, не совсем здоровым, нервным темпераментом". Он был равнодушен к

женщинам; действительно, только в одном случае за всю его долгую жизнь есть свидетельства даже дружбы с женщиной, в то время как он был очень чувствителен к красоте мужчин, и его дружба была очень нежной и восторженной. В то же время нет никаких оснований предполагать, что у него были какие-либо физически страстные отношения с мужчинами, и даже его враги редко или никогда не выдвигали против него этого обвинения. Вероятно, мы можем согласиться с оценкой его характера, данной Саймондсом: —

Микеланджело Буонаротти был одним из тех исключительных, но не редкостных людей, которые рождаются с чувствами, ненормально отклоненными от обычного русла. Он не проявлял пристрастия к женщинам и с заметным энтузиазмом относился к красоте молодых людей. ... Он был человеком физически холодного темперамента, чрезвычайно чувствительным к красоте мужского типа, который обычно философствовал о своих эмоциях и рассматривал живые объекты своего восхищения как приятные не только из-за их личных качеств, но и из-за их эстетической привлекательности.^[63]

Подобный темперамент, по-видимому, не имел никакого значения для мужчин тех дней; они были слепы ко всем гомосексуальным эмоциям, которые не приводили к содомии. Платон считал такое влечение предметом сентиментальной метафизики, но только почти в наше время оно снова стало предметом интереса и изучения. Тем не менее, это, несомненно, оказало глубокое влияние на искусство Микеланджело, побудив его находить все виды человеческой красоты в мужском облике и только серьезное достоинство или нежность, оторванные от всех сексуально желательных качеств, в женском облике. Эта глубоко укоренившаяся ненормальность является одновременно ключом к меланхолии Микеланджело и к тайне его искусства.

Современник Микеланджело, художник Бацци (1477-1549), по-видимому, также был радикально перевернут, и этому факту он был обязан своим прозвищем Содома. Поскольку, однако, он был женат и имел детей, вполне возможно, что он был, как мы бы сейчас сказали, бисексуален по темпераменту. Он был великим художником, с которым обошлись несправедливо, отчасти, возможно, из—за предубеждения Вазари — чье восхищение Микеланджело приравнивалось к богослужению, но который презирает Содому и скупится на похвалы, - отчасти потому, что его работы малоизвестны за пределами Италии и не очень легкодоступны там. Безрассудный, неуравновешенный и эксцентричный в своей жизни Содома проявил в своей картине особую женскую мягкость и теплоту — которые, действительно, мы, кажется, видим и на его собственном портрете на Монте Оливето Маджоре — и очень выраженное и нежное чувство к мужской, но едва ли мужественной красоте.^[64]

Челлини, вероятно, был гомосексуалистом. Он был заключен в тюрьму по обвинению в противоестественных пороках и сам подозрительно умалчивает в своей автобиографии об этом заключении.^[65]

В семнадцатом веке другой известный скульптор, которого называют фламандским Челлини, Жером Дюкенуа (чей еще более выдающийся брат Франсуа исполнил "Писающего мальчика" в Брюсселе), был извращенцем; в конце концов, его обвинили в сексуальных отношениях с юношей в часовне Гентского собора, где он создавал памятник епископу, он был задушен и сожжен, несмотря на то, что в его защиту было оказано большое влияние, в том числе со стороны епископа.^[66]

В более поздние времена Винкельман, который был инициатором нового греческого Возрождения и современной оценки древнего искусства, находится под, как представляется, вполне обоснованным подозрением в сексуальной инверсии. Его письма друзьям-мужчинам полны самых страстных выражений любви. Его насильственная смерть также, по-видимому, произошла из-за любовного приключения с мужчиной. Убийцей был повар, совершенно некультурный человек, преступник, который уже был приговорен к смертной казни, и незадолго до убийства Винкельмана с целью грабежа было установлено, что он был с ним в очень близких отношениях.^[67] Примечательно, что сексуальная инверсия так часто встречается в связи с изучением античности. Однако не следует слишком поспешно делать вывод, что это связано с внушением и что отмена изучения греческой литературы и искусства означала бы в значительной степени ликвидацию сексуальной инверсии. Что действительно произошло в тех недавних случаях, которые могут быть изучены, и, следовательно, без сомнения, в более старых случаях, так это то, что субъект с врожденной сексуальной инверсией обращается к изучению греческой античности, потому что он находит там объяснение и апофеоз своих собственных неясных импульсов. Несомненно, что учеба имеет тенденцию развивать эти импульсы.

Хотя на редкость легко назвать людей с выдающимися способностями, которые либо наверняка, либо по всей вероятности, были подвержены гомосексуальным наклонностям, они не являются изолированными проявлениями. Они проистекают из элемента распространенного гомосексуализма, который по крайней мере так же заметен в цивилизации, как и в дикости. Примеры легко найти в любой стране. Здесь, возможно, достаточно сослаться на Францию, Германию и Англию.

Во Франции в XIII веке Церковь была настолько впечатлена распространенностью гомосексуализма, что подтвердила смертную казнь за содомию на соборах Парижа (1212 г.) и Руана (1214 г.), в то время как нам говорят, что даже отвергая ухаживания женщины (как показано в *"Лай де Ланваль"* Марии де Франс), мужчина попадал под подозрение как содомист, что также считалось причастным к ереси.^[68] В конце этого столетия (около 1294 г.) Ален де Лилль был вынужден написать книгу *"О природе"*, чтобы привлечь внимание к распространенности гомосексуальных чувств; он также связывал пренебрежение к женщинам с содомией. "Мужчина создан женщиной", - пишет он; "он очерняет честь своего пола, искусство волшебной Венеры делает его двуполым"; благородно красивые юноши "превратили свои молоты любви в наковальни", и "многие поцелуи остаются нетронутыми на девичьих губах". В результате "естественные наковальни", то есть, говоря, заброшенные девы, "оплакивают отсутствие своих молотков и, к сожалению, требуют их". Ален де Лилль делает себя выразителем этого требования.^[69]

Несколько лет спустя, в начале четырнадцатого века, содомия все еще считалась очень распространенной. В то время он особенно ассоциировался с тамплиерами, которые, как предполагалось, привезли его с Востока. Однако такое предположение не требуется для объяснения существования гомосексуализма во Франции. Также нет необходимости в несколько более поздний период ссылаться, как это часто делается, на итальянское происхождение Екатерины Медичи, чтобы объяснить распространенность гомосексуальных практик при ее дворе.

Несмотря на свою распространенность, содомия все еще время от времени подвергалась суровому наказанию. Так, в 1586 году Дадон, который ранее был ректором Парижского

университета, был повешен, а затем сожжен за нанесение телесных повреждений ребенку в результате содомии.^[70] Однако в семнадцатом веке гомосексуальность продолжала процветать, и говорят, что почти все многочисленные упущения, сделанные в опубликованных изданиях *исторических трудов* Таллемана де Ро, относятся к содомии.^[71]

Насколько широко гомосексуальность была распространена во Франции в начале восемнадцатого века, мы узнаем из частых упоминаний о ней в письмах мадам, матери регента, чей муж сам был женоподобным и, вероятно, извращенцем.^[72] Для последних лет столетия доказательств предостаточно со всех сторон. В это время Бастилия выполняла полезную функцию, до недавнего времени упускавшуюся из виду историками, как убежище для ненормальных, которых считалось небезопасным оставлять на свободе. Инвертированных, чье поведение становилось слишком оскорбительным, чтобы его можно было терпеть, часто помещали в Бастилию, которая действительно "изобиловала гомосексуальными субъектами" в большей степени, чем любой другой класс сексуальных извращенцев. Некоторые из событий, приведших к взятию Бастилии, носят современный характер. Один из таких крупномасштабных случаев произошел в 1702 году и раскрывает организованную систему гомосексуальной проституции; одним из лиц, замешанных в этом деле, был красивый, хорошо сложенный юноша по имени Лебель, ранее служивший лакеем, но выдававший себя за знатного человека. Соблазненный в возрасте 10 лет известным содомом по имени Дюплесси, он с тех пор находился в распоряжении ряда гомосексуалистов, включая офицеров, священников и маркизов. Некоторые из лиц, замешанных в этих делах, были сожжены заживо; некоторые перерезали себе горло; другие снова были отпущены на свободу или переведены в тюрьму Бисетр.^[73] Также во второй половине восемнадцатого века мы находим еще одну современную гомосексуальную практику, признанную во Франции; место встречи или центр, где гомосексуалисты могли спокойно встречаться друг с другом.^[74]

Инверсию всегда было легко отследить в Германии. Аммиан Марцеллин свидетельствует о его распространенности среди некоторых германских племен в более поздние римские времена.^[75] В средние века, как указывает Шульц, упоминания о содомии в Германии были далеко не редкостью. Различные принцы германского императорского дома и других княжеских семей в Средние века были известны своими близкими дружескими отношениями. Позже часто обращалось внимание на чрезвычайную эмоциональную теплоту, которой часто отличалась немецкая дружба, даже когда не было никаких подозрений в каких-либо настоящих гомосексуальных отношениях.^[76] Восемнадцатый век, в полной мере насладившийся отказом от сантиментов, инициированным Руссо, оказался особенно благоприятным для распространения тенденции к сентиментальной дружбе. На этой основе действительно перевернутая тенденция, когда она существовала, могла легко выйти на поверхность и найти выражение. Мы находим это хорошо проиллюстрированным на примере поэта Генриха фон Клейста, который, по-видимому, обладал бисексуальным темпераментом, и его чувства к девушке, на которой он хотел жениться, действительно были намного холоднее, чем чувства к его другу. Этому другу, Эрнсту фон Пфуэлю (впоследствии военному министру Пруссии), Клейст писал в 1805 году в возрасте 28 лет: "Вы возвращаете мне времена греков; я мог бы спать с вами, дорогой юноша, вся моя душа так обнимает вас. Когда ты купалась в озере Тун, я с настоящими девичьими чувствами смотрела на твое прекрасное тело. Художнику было бы у чего поучиться". Далее следует восторженный рассказ о красоте его друга и о греческой "идее юношеской любви", и Клейст заключает: "Поезжай со мной в Анспах и давай насладимся сладостями дружбы. ... Я никогда не женюсь; ты должна быть мне женой и детьми".^[77]

Во всех социальных классах и во всех сферах деятельности Германия в течение девятнадцатого века произвела на свет длинный ряд известных или печально известных гомосексуалистов. С одной стороны, мы находим людей высочайшего интеллектуального уровня, таких как Александр фон Гумбольдт, которого, по словам осторожного исследователя Нэке, у него были все основания считать инвертированным.^[78] На другом конце мы находим преуспевающих коммерсантов и промышленников, которые покидают Германию, чтобы найти утешение в свободной и благоприятной гомосексуальной атмосфере Капри; к их типу можно отнести Ф. А. Круппа, главу знаменитой фабрики в Эссене.^[79]

В Англии (и то же самое сегодня верно для Соединенных Штатов), хотя гомосексуальность проявлялась менее открыто и изучалась менее тщательно, сомнительно, чтобы она была менее распространена, чем в Германии. Действительно, в ранний период свидетельства могут даже показаться свидетельствующими о том, что она была более распространенной. В покаяниях девятого и десятого веков "естественная блудодеяние и содомия" часто сочетались и обоим назначалась одинаковая епитимья; было признано, что священники и епископы, а также миряне могли впасть в этот грех, хотя на епископа было наложено почти в три раза больше епитимьи, чем на мирянина. Среди норманнов повсюду гомосексуализм был заметно распространен; распространение содомии во Франции примерно в одиннадцатом веке приписывается норманнам, и с их приходом, по-видимому, гомосексуальность временами стала почти модной, во всяком случае, при дворе. В Англии Уильям Руфус, несомненно, был перевернутым, как позже были Эдуард II, Яков I и, возможно, хотя и не в такой заметной степени, Вильгельм III.^[80]

Ордерик Виталис, который сам был наполовину нормандцем, наполовину англичанином, говорит, что в его время норманны стали очень женоподобными и что после смерти Вильгельма Завоевателя содомия была распространена как в Англии, так и в Нормандии. Гийом де Нанжи в своей хронике примерно за 1120 год, говоря о двух сыновьях Генриха и компании молодых дворян, которые утонули вместе с ними на *Белом корабле*, утверждает, что почти все они считались содомистами, а Генрих Хантингдонский в своей *истории* рассматривал потерю *Белого корабля* как небесный суд над содомией. Ансельм в письме архидьякону Уильяму, информирующем его о недавнем Соборе в Лондоне (1102 г.), дает совет, как поступать с людьми, совершившими грех содомии, и инструктирует его не быть слишком суровым с теми, кто не осознал его серьезности, поскольку до сих пор "этот грех был настолько публичным, что вряд ли кто-то краснел за него, и поэтому многие погрузились в него, не осознавая его серьезности".^[81] Столь сдержанное замечание человека с таким бесспорно высоким характером более свидетельствует о распространенности гомосексуализма, чем обличение.

В религиозных кругах, далеких от дворов и городов, как и следовало ожидать, гомосексуальность воспринималась с большим ужасом, хотя даже здесь мы можем обнаружить свидетельства ее широкой распространенности. Так, в замечательном *Откровении* монаха из Ившема, написанном на английском языке в 1196 году, мы находим, что в самой худшей части Чистилища заключена бесчисленная компания содомистов (включая богатого, остроумного и образованного священнослужителя, доктора юридических наук, лично знакомого Монаху), и будут ли эти люди когда-либо освобождены из Чистилища, вызывало сомнение; спасение других грешников монахом из Ившема кажется столь сомнительным.

Содомия всегда была церковным преступлением. Статут 1533 года (25 Генриха VIII, с. 6) квалифицировал это как уголовное преступление; и Поллок и Мейтленд считают, что это "дает

почти достаточное доказательство того, что светские суды не наказывали за это и что никто не был казнен за это в течение очень долгого времени".^[82] Однако временный закон никогда не оказывался особенно успешным в подавлении гомосексуализма. В этот период движение Возрождения достигло Англии, и здесь, как и везде, оно принесло с собой если не рост, то, по крайней мере, реабилитацию и часто идеализацию гомосексуализма.^[83]

Выдающийся гуманист и выдающийся пионер драматической литературы Николас Удалл, которому приписывают первую английскую комедию "*Ральф Ройстер Дойстер*", выделяется несомненным пристрастием к гомосексуальным вкусам, хотя он не оставил никаких литературных свидетельств этой тенденции. Он был одним из первых приверженцев протестантского движения, а когда стал директором Итона, прославился своей любовью к телесным наказаниям мальчиков. Тассер говорит, что однажды он получил от Удалла 53 нашивки за "провинность, но небольшую или вообще никакой". Здесь явно присутствовал сексуальный садистский импульс, поскольку в 1541 году (годо рождения *Ральфа Ройстера Дойстера*) Удаллу было предъявлено обвинение в неестественном преступлении, и он признал свою вину перед Тайным советом. Он был отстранен от должности директора и заключен в тюрьму, но лишь на короткое время, "и его репутации, - утверждает его современный биограф, - не был нанесен непоправимый ущерб". Он сохранил за собой дом викария в Брейнтри и пользовался большим благоволением Эдуарда VI, который назначил его пребендом Виндзора. Королева Мария также была благосклонна, и он стал директором Вестминстерской школы.^[84]

Выдающийся лирический поэт елизаветинской эпохи, чье творчество имели честь путать с творчеством Шекспира, Ричард Барнфилд, по-видимому, обладал темпераментом, по крайней мере, инвертированного. Его стихи, обращенные к друзьям-мужчинам, носят настолько страстный характер, что вызвали протесты очень толерантного века. О жизни Барнфилда известно очень мало. Родившийся в 1574 году, он опубликовал свое первое стихотворение "*Ласковый пастух*" в возрасте 20 лет, еще учась в университете. Оно было выпущено анонимно, выявило много свежего поэтического чувства и литературного мастерства и адресовано юноше, о котором поэт заявляет: —

"Если любить милого парня - грех,
О, тогда грех я".

В своем последующем томе "*Синтия*" (1595) Барнфилд отказывается от каких-либо намерений в более раннем стихотворении, кроме подражания второй эклоге Вергилия. Но сонеты во втором томе еще более определенно гомосексуальны, чем предыдущее стихотворение, хотя далее он рассказывает, как наконец нашел девушку, чья красота превзошла эту

- о поклоннике,
Которого я так и не смогла заполучить.

После 31 года Барнфилд больше ничего не писал, но, оказавшись в стесненных обстоятельствах, удалился в свое прекрасное поместье в Шропшире, прожил там двадцать лет и умер, оставив жену и сына.^[85] Представляется вероятным, что он обладал бисексуальным темпераментом, и что, как нередко случается в таких случаях, гомосексуальный элемент развился рано под влиянием классического образования и университетских ассоциаций, в то

время как нормальный гетеросексуальный элемент развился позже и, как это может случиться с бисексуальными людьми, был связан с более обыденной и прозаической стороной жизни. Барнфилд был подлинным поэтом только по гомосексуальной стороне своей натуры.

Более солидных мужчин этого возраста, чем Барнфилд, можно заподозрить в гомосексуальных наклонностях. Марлоу, чья самая мощная драма "Эдуард II" посвящена картине отношений между этим королем и его приспешниками, сам подозревается в гомосексуализме. Невежественный осведомитель выдвинул против него определенные обвинения в свободомыслии и преступности, а также обвинил его в утверждении, что они дураки, которые не любят мальчиков. Эти обвинения, несомненно, были окрашены вульгарным каналом, по которому они проходили, но кажется абсолютно невозможным рассматривать их как выдумки простого висельника, каким был этот осведомитель.^[86] Более того, поэтическое творчество Марлоу, хотя и показывает его отнюдь не бесчувственным к женской красоте, также обнаруживает особую чувствительность к мужской красоте. Марлоу явно испытывал безрассудное наслаждение от всего незаконного, и кажется вероятным, что он обладал бисексуальным темпераментом. Шекспир также обсуждался с этой точки зрения. Однако все, что можно сказать, это то, что он адресовал длинную серию сонетов другу юности-мужчине. Эти сонеты написаны языком влюбленных, очень нежным и благородным. Они, по-видимому, не подразумевают каких-либо отношений, которые автор считал бы постыдными или которые были бы так восприняты миром. Более того, они, по-видимому, представляют собой всего лишь один эпизод из жизни очень чувствительной, многогранной натуры.^[87] В произведениях Шекспира нет других свидетельств гомосексуального инстинкта, которые мы можем проследить у Марлоу, в то время как имеется множество свидетельств постоянной озабоченности женщинами.

В то время как Шекспир, таким образом, чудом избежал включения в список выдающихся инвертированных персонажей, есть гораздо больше оснований для включения его великого современника Фрэнсиса Бэкона. Обри в своих кропотливо составленных *Коротких жизнеописаниях*, в которых он проявляет дружелюбное и восхищенное отношение к Бэкону, определенно заявляет, что он был педерастом. Обри был лишь тщательным собирателем зачастую достоверных сплетен, но аналогичное заявление делает сэр Саймондс Д'Юэс в своей *автобиографии*. Д'Юэс, семья которого принадлежала к той же части Саффолка, что и семья Бэкона, не был дружелюбен к Бэкону, но этого факта недостаточно для объяснения его заявления. Он был честным человеком с академическими привычками и, более того, опытным юристом, у которого было много возможностей получить информацию из первых рук, поскольку он с детства жил в канцелярии. Он очень точен в отношении гомосексуальных практик Бэкона со своими собственными слугами, как до, так и после его падения, и даже называет имя "юноши с очень женоподобным лицом", который был его "любовником и товарищем по постели"; далее он заявляет, что рассматривался вопрос о привлечении Бэкона к суду за содомию. Эти утверждения могут быть подтверждены письмом собственной матери Бэкона (напечатано в книге Спеддинга "Жизнь Бэкона"), в котором он упрекает его за то, что она слышала о его поведении с молодыми валлийцами, состоявшими у него на службе, с которыми он подружился. Примечательно, что Бэкона, по-видимому, особенно привлекали валлийцы (можно даже найти доказательства этого в "Жизни валлийца Генриха VII"), люди с живым темпераментом, непохожим на его собственный; это иллюстрируется его долгой и близкой дружбой с непостоянным сэром Тоби Мэтью, его "альтер эго", человеком с распущенными привычками в молодости, хотя нам не говорят, что он был гомосексуалистом. У Бэкона было много дружеских отношений с мужчинами, но нет никаких свидетельств того, что он когда-либо был влюблен или

дорожил какой-либо нежной близостью с женщиной. Женщины вообще не играют никакой роли в его жизни. Его брак, который был бездетным, состоялся в зрелом возрасте 46 лет; он был заключен в деловой манере, и хотя он всегда относился к своей жене с формальным уважением, вполне вероятно, что он пренебрегал ею и был уверен, что ему не удалось заручиться ее преданностью; ясно, что к концу жизни Бэкона у нее сложились отношения со своим джентльменом ашером, за которого впоследствии она вышла замуж. Можно добавить, что в сочинениях Бэкона, равно как и в его письмах, нет никаких свидетельств любви или влечения к женщинам; в своих эссе он краток и рассудителен по поводу брака, обильен и красноречив по поводу дружбы, в то время как в "Эссе о красоте" речь идет исключительно о мужской красоте.

В течение первой половины восемнадцатого века у нас есть четкие доказательства того, что гомосексуальность процветала в Лондоне с теми чертами, которые она проявляет сегодня во всех крупных городах мира. Существовало общеизвестное название "Молли", применяемое к гомосексуалистам, очевидно, имеющее отношение к их часто женственным характеристикам; для них существовали частные курортные дома ("Molly houses"), существовали специальные общественные места свиданий, куда они отправлялись в поисках приключений, точно такие же, как существуют сегодня. Около 1725 года гомосексуалист особенно часто совершал прогулки в Аппер-Мурфилдс. Детектив, нанятый полицией примерно в тот день, дал следующие показания в Олд-Бейли: "Я поворачиваю в ту сторону и перегибаюсь через стену. Через некоторое время заключенный проходит мимо, пристально смотрит на меня и на небольшом расстоянии от меня встает у стены, как будто собирается набрать воды. Затем постепенно он придвигается все ближе и ближе к тому месту, где я стоял, пока, наконец, не оказался совсем рядом со мной. "Сегодня очень хорошая ночь", - говорит он. "Да, - говорю я, - так оно и есть". Затем он берет меня за руку и, немного пожав и поиграв с ней, опускает ее к своим бриджам, "после чего детектив хватает мужчину за половые органы и держит его, пока не подойдет констебль и не произведет арест.

В тот же период Маргарет Клэп, обычно называемая матерью Клэп, держала дом на Филд-Лейн, Холборн, который был известным пристанищем гомосексуалистов. В Молли-хаус мамы Клэп каждую ночь приходили 30-40 клиентов; в воскресенье их могло быть до 50, потому что, как и в Берлине и других городах сегодня, это был великий гомосексуальный гала-вечер; в каждой комнате этого дома стояли кровати. Нам рассказывают, что "мужчины сидели друг у друга на коленях, непристойно целовались и неприлично пользовались руками. Затем они вставали, танцевали, делали реверансы и подражали женским голосам: "О, фи, сэр", "Умоляю, сэр", "Дорогой сэр", "Господи, как ты можешь так служить мне?", "Клянусь, я закричу", "Ты злой дьявол", "И у тебя смелое лицо", "Эй, ты, милая маленькая жабка", "Пойдем, автобус". Они обнимались, играли, забавлялись и парами уходили в другую комнату на том же этаже, чтобы побыть вдвоем. "женат", как они это называли.

В целом складывается впечатление, что гомосексуальные практики были более распространены в Лондоне в восемнадцатом веке, учитывая его численность в то время, чем сегодня.^[88] Не следует, однако, предполагать, что закон был снисходительным, а его применение - небрежным. Дело обстояло как раз наоборот. Наказанием за содомию, когда оно приводилось в исполнение полностью, была смерть, и ее часто применяли. Гомосексуальный акт без доказательств проникновения рассматривался как "попытка" и обычно наказывался позорным столбом и крупным штрафом с последующим тюремным заключением на два года.

Более того, представляется, что полиция проявляла при возбуждении уголовного дела большую активность, чем это имеет место в настоящее время; об этом, например, свидетельствуют показания детектива, которые уже цитировались.

Содержание курорта для гомосексуалистов также было строго наказуемым преступлением. Мать Клэп была обвинена в Олд-Бейли в 1726 году в "содержании содомитского дома"; она протестовала, что сама не могла принимать участие в этих обрядах, но это ей ничего не дало; она не могла привести свидетелей в свою защиту и была приговорена к уплате штрафа, стоянию у позорного столба и тюремному заключению сроком на два года. Дела рассматривались буднично, что, по-видимому, еще раз свидетельствует о частоте правонарушений, и без каких-либо попыток применить какую-либо особую мстительную жестокость к этому классу правонарушителей. Если возникало малейшее сомнение относительно фактов, даже при том, что баланс улик был против обвиняемого, его обычно оправдывали, и человек, который мог привести свидетелей своей общей хорошей репутации, часто мог таким образом скрыться. В 1721 году религиозный молодой человек, женатый, был осужден за попытку содомии с двумя молодыми людьми, с которыми он спал; он был оштрафован, прикован к позорному столбу и заключен в тюрьму на два месяца. В следующем году мужчина был оправдан по аналогичному обвинению, а другой мужчина приличного вида, хотя доказательства указывали на то, что он мог быть виновен в содомии, был признан виновным только в покушении и приговорен к штрафу, позорному столбу и двум годам тюремного заключения. В 1723 году школьный учитель снова был оправдан из-за своей хорошей репутации по обвинению в покушении на 15-летнего мальчика, своего ученика, хотя улики, казалось, были явно против него. В 1730 году мужчина был приговорен к смертной казни за содомию, совершенную в отношении его юного ученика; это был тяжелый случай, и показания хирурга указывали на рваную рану промежности. Как будет видно, гомосексуализм всех видов процветал, несмотря на бесстрашное, но справедливое применение очень сурового закона.^[89]

В более позднее время о Байроне часто упоминали как о человеке, испытывающем гомосексуальные влечения, и мне сообщили, что некоторые из его стихотворений, номинально адресованных женщинам, на самом деле были вдохновлены мужчинами. Несомненно, он испытывал очень сильные эмоции по отношению к своим друзьям-мужчинам. "Моя школьная дружба, - писал он, - была для меня страстью". Когда позже он встретил одного из этих друзей, лорда Клэра, в Италии, он был болезненно взволнован и никогда не мог слышать этого имени без учащенного сердцебиения. В возрасте 22 лет у него возникла одна из его сильных привязанностей к юноше, которому он оставил в своем завещании 7000 фунтов стерлингов.^[90] Однако вполне вероятно, что здесь, как и в случае с Шекспиром, и в случае с любовью Теннисона к своему другу юности Артуру Халламу, а также Монтень к Этьену де ла Боэти, хотя такая крепкая дружба может включать элемент сексуальных эмоций, мы не имеем истинного и определенного гомосексуального импульса; гомосексуальность просто имитируется пылкими и гиперэстетичными эмоциями поэта.^[91] То же качество эмоционального темперамента поэта, несомненно, может быть использовано и в случае с Гете, который, как говорят, написал элегии, которые из-за их гомосексуального характера до сих пор остаются неопубликованными.

Самым известным судебным процессом над гомосексуалистами последнего времени в Англии стал процесс над Оскаром Уайльдом, писателем, литературная репутация которого, можно

сказать, все еще растет не только в Англии, но и во всем мире. Уайльд был сыном родителей, которые обладали необычными способностями и были несколько эксцентричны. Обе эти тенденции стали в нем более выраженными. Он родился, так сказать, с врожденной антипатией к банальности, естественной любовью к парадоксам и обладал умением воплощать характерные черты в законченную литературную форму. В то же время, не следует забывать, что за этим естественным парадоксальным отношением скрывались его основные суждения о жизни и литературе, которые обычно были здравыми и разумными. Его эссе "Душа человека при социализме" свидетельствует о его широком и просвещенном мировоззрении и глубоком восхищении Флобером здравомыслием и основательностью его литературного вкуса. В молодости он не проявлял гомосексуальных наклонностей; он женился и завел детей. Однако после того, как он начал перерастать свои юношеские эстетические излишества и приобрел успех и славу, у него развился то, что поначалу было просто любознательным интересом к инверсии. Такой пытливый интерес иногда является признаком зарождающегося гомосексуального импульса. Так оказалось и в случае с Уайльдом, и в конечном счете было установлено, что он заводил знакомства с молодежью низкого класса и сомнительного характера. Хотя это развитие произошло сравнительно поздно в жизни, мы не должны с большой натяжкой описывать гомосексуальность Уайльда как приобретенную. Если мы рассмотрим его конституцию и его историю, нетрудно предположить, что гомосексуальные зародыши присутствовали в скрытой форме с самого начала, и вполне может быть, что инверсия Уайльда была того рода, которая сейчас описывается как замедленная, хотя все еще врожденная.

Как обычно в Англии, не было предпринято никаких активных попыток привлечь Уайльда к какому-либо уголовному обвинению. Это был его собственный поступок, о чем даже он сам, кажется, смутно догадывался заранее, который вызвал бурю в его голове. Его арестовали, судили, осудили, и сразу же поднялся всеобщий вой негодования, к которому присоединился даже судья, чье отношение к подобным делам было неблагоприятным по сравнению с более беспристрастным отношением судей восемнадцатого века. Уайльд вышел из тюрьмы с честолюбивым намерением восстановить свою репутацию качеством своих литературных произведений. Но он покинул Редингскую тюрьму только для того, чтобы попасть в тюрьму побольше и холоднее. Вскоре он понял, что его дух был сломлен даже больше, чем здоровье. В конце концов он перебрался в Париж, где вскоре умер, которого избегали все, кроме нескольких его друзей.^[92]

В писателе первого порядка Эдварде Фицджеральде, которому мы обязаны бессмертной и в высшей степени индивидуализированной версией *Омара Хайяма*, легко проследить элемент гомосексуализма, хотя, по-видимому, он никогда не достигал полного и осознанного развития. Фицджеральд был эксцентричным человеком, который, хотя и был богат и дружил с некоторыми из самых выдающихся людей своего времени, всегда находился в дисгармонии со своим окружением. Он чувствовал себя призванным жениться, к большому несчастью, на женщине, в которую он никогда не был влюблен и с которой у него не было ничего общего. Все его привязанности были к друзьям-мужчинам. В молодости он был предан своему другу У. К. Брауну, которого прославил в "*Евфраноре*". "Для него Браун был одновременно Джонатаном, Гамалиилом, Аполлоном — другом, учителем, Богом — его преданности и восхищению едва ли был предел".^[93] После преждевременной смерти Брауна сердце Фицджеральда было пусто. В

1859 году в Лоустофте, Фицджеральд, как он писал миссис Браун, "обычно бродил по ночам по берегу, мечтая о том, чтобы ко мне подошел какой-нибудь парень, который мог бы пообещать заполнить очень пустующее место в моем сердце". Именно тогда он встретил "Поша" (Джозеф Флетчер), рыбака ростом 6 футов, который, как говорят, принадлежал к лучшему саффолкскому типу как по телосложению, так и по характеру. Пош напомнил Фицджеральду его покойного друга Брауна; он назначил его капитаном своего люггера и с тех пор был ему предан. Пош был, по словам Фицджеральда, "мужчиной самого изысканного саксонского типа, с лицом *ярким*, голубыми глазами, носом не римским, а скорее греческим и строго каштановыми волосами, которым могла бы позавидовать любая женщина. Более того, он был человеком простой души, справедливости мыслей, нежности натуры, джентльменом самого величественного типа", фактически "величайшим человеком", которого когда-либо встречал Фицджеральд. Однако Пош не был столь совершенен, как следует из этого описания, и в результате междудвумя друзьями, столь неравными по культуре и социальным традициям, возникли различные недоразумения. Эти трудности отражены в некоторых из сохранившихся писем из огромной массы, которые Фицджеральд адресовал "моей дорогой Поши".^[94]

Великая личность последнего времени, широко почитаемая как пророк-поэт демократии^[95] — Уолт Уитмен — вызвал дискуссию своим сочувственным отношением к страстной дружбе, или "мужской любви", как он это называет, в "*Листьях травы*". В этой книге — в "Аире", "Барабанной дроби" и других — Уитмен воспеваает дружбу, в которой физический контакт и своего рода молчаливые сладострастные эмоции являются существенными элементами. Чтобы решить вопрос о точном значении "Аира", Дж. А. Саймондс написал Уитмену, откровенно поставив этот вопрос. Ответ (написанный из Камдена, штат Нью-Джерси, 19 августа 1890 г.) является единственным изложением отношения Уитмена к гомосексуализму, и поэтому желательно, чтобы он был зафиксирован: —

"Что касается вопросов о "Аире" и т.д., то они меня совершенно ошеломляют. "*Листья травы*" следует правильно интерпретировать только в рамках его собственной атмосферы и сущностного характера — все его страницы и фрагменты, таким образом, строго соблюдаются. То, что часть "Аира" когда-либо допускала возможность такого строительства, как упомянуто, ужасно. Я слабо надеюсь, что сами страницы даже не упоминаются из—за такой беспричинной и совершенно в то время непредусмотренной и нежелательной возможности болезненных выводов, которые мной отвергаются и кажутся отвратительными".

Из этого письма может показаться, что^[96] что Уитмен никогда не осознавал, что существует какая-либо связь между страстной эмоцией физического контакта человека с человеком, какой он ее испытал и воспел, и действием, которое с другими людьми он расценил бы как преступление против природы. Это может показаться странным, поскольку есть много инвертированных людей, которые находили удовлетворение в дружбе, менее физической и страстной, чем та, что описана в "*Листьях травы*", но Уитмен был человеком конкретного, эмоционального, инстинктивного темперамента, лишенным аналитических способностей, восприимчивым ко всем влияниям и не заботящимся о их гармонизации. Он наверняка отказался бы признать, что был объектом инвертированной сексуальности. Однако остается верным, что "мужская любовь" занимает в его творчестве такое преобладающее место, которое вряд ли могло бы занимать в чувствах "среднего человека", которого Уитмен хочет почитать. Нормально сложенный человек, занявший очень откровенную позицию, принятую Уитменом, был бы вынужден посвятить гораздо больше места и гораздо больше пыла теме сексуальных

отношений с женщинами и всему, что связано с материнством, чем это отведено ему в *"Листьях травы"*. Некоторые из дошедших до нас писем Уитмена молодым людям, хотя они и не проливают определенного света на этот вопрос, носят очень нежный характер,^[97] и, хотя он был человеком замечательной физической силы, он никогда не испытывал склонности к женитьбе.^[98] Остается несколько затруднительным классифицировать его с сексуальной точки зрения, но мы вряд ли можем не признать наличие гомосексуальной тенденции.

Я должен добавить, что некоторые друзья и почитатели Уитмена не готовы принять доказательства, содержащиеся в письме Саймондсу. Я в долгу перед "Q." за следующее изложение возражений:—

"Я сам думаю, что было бы ошибкой придавать большое значение этому письму — возможно, ошибкой вообще вводить его, поскольку, если оно будет введено, оно, конечно, будет иметь вес. И это по трем или четырем причинам:—

"1. Что трудно согласовать само письмо (с его сильным неодобрительным тоном) с общей "атмосферой" *"Листьев травы"*, смысл которой в том, чтобы оставлять все открытым и вольным.

"2. Что письмо находится в безнадежном противоречии с разделом стихотворений "Аир". Ибо, какие бы моральные линии Уитмен ни проводил во время написания этих стихотворений, мне кажется совершенно невероятным, что о возможности определенных выводов, болезненных или иных, никто и не мечтал.

"3. Что письмо было написано всего за несколько месяцев до его последней болезни и смерти и является единственным выражением такого рода, которое он, по-видимому, произнес.

"4. Письмо Саймондса, на которое это было ответом, не публикуется; и, следовательно, мы не знаем, какие опрометчивые выражения оно могло содержать, что побудило Уитмена (с его крайней осторожностью) оградить свое имя от возможного использования для оправдания сомнительных действий ".

Могу добавить, что я пытался получить письмо Саймондса, но он не смог его предъявить, и среди его бумаг не было найдено ни одной копии.

Следует сказать, что отношение Уитмена к Саймондсу было отмечено высоким уважением и восхищением. "Замечательный человек Эддингтон Саймондс, - заметил он незадолго до своей смерти. - В некотором смысле самый показательный, проницательный и значительный человек нашего времени. Саймондс - любопытный парень; я его очень люблю. Он воспитан в колледже, ужасно литературен и подозрителен, и ему все нравится. Отличный специалист по копанию в людях и в конкретном, и даже в физиологическом и желудочном, и удивительно милый ". Но в данном случае он копался напрасно.

Приведенные выше замечания (в значительной степени содержащиеся в предыдущих изданиях этой книги) были основаны главным образом на информации, полученной от Дж. А. Саймондса. Но в последние годы интересный свет был пролит на это замечательное письмо Уолта Уитмена. Босвелловское терпение, энтузиазм и мастерство, которые Гораций Траубел привнес в свою полную и проработанную работу, готовящуюся к публикации, с *Уолтом Уитменом в Камдене*,

ясно раскрывают в ходе различных бесед отношение Уитмена к вопросу Саймондса и душевное состояние, которое привело к написанию этого письма.

Уитмен много говорил с Траубелем о Саймондсе начиная с двадцать седьмого апреля 1888 года (очень скоро после даты начала работы Траубеля) и далее. Саймондс, по-видимому, неоднократно писал ему о "страстных отношениях мужчин к мужчинам", как выразился Уитмен. "Он всегда подтрунивает надо мной по этому поводу: это то, что имеет в виду Аир? — из-за меня или вопреки мне, вот что это значит? Я сказал "нет", но "нет" его не удовлетворяет. [Однако со стороны Саймондса нет никаких записей о каком-либо письме Уитмена Саймондсу в этом смысле до настоящего времени.] Но прочтите это письмо — прочтите его целиком: оно очень пронизательное, очень милое, со смертельной серьезностью: оно сильно заводит меня, почти принуждает — оно настойчивое: он как бы стоит на дороге и говорит: "Я не сдвинусь с места, пока ты не ответишь на мой вопрос". Видите ли, это старое письмо — шестнадцатилетней давности, - и он все еще задает этот вопрос: он ссылается на него в одной из своих последних заметок. Он, несомненно, замечательный человек - редкий, очищенный человек — белодушный, героический персонаж. ... Когда-нибудь вы напишете что-нибудь о Calamus, - сказал У. [Траубелю], - и это письмо и то, что я скажу, могут помочь прояснить ваши мысли. Каламу нужны четкие идеи; они могут быть легко, невинно искажены из-за своей природы, своих мотивов, совокупности доктрин".

Далее воспроизводится письмо, датированное 7 февраля 1872 года, довольно длинное. В нем рассказывается, как сильно *листья Травы*, и особенно часть аира, помогли писателю. "Что такое любовь человека к человеку была в прошлом, - писал Саймондс, - мне кажется, я знаю. Что это такое здесь и сейчас, я также знаю — увы! То, что, по вашим словам, это может и должно быть, я смутно различаю в ваших стихах. Но это вряд ли удовлетворяет меня — так сильно я хочу научиться тому, чему вы учите. Возможно, когда—нибудь - в какой-то форме, я не знаю какой, но в выбранной тобой форме — ты расскажешь мне больше о любви друзей. До тех пор я жду".

Сказал W: "Ну, и что ты об этом думаешь? Как ты думаешь, на это можно ответить?" "Я не понимаю, почему ты говоришь, что это письмо тебя так взволновало. Он достаточно спокоен — он только задает вопросы, и задает их достаточно мягко". "Я полагаю, вы правы — "вести" не совсем подходящее слово: и все же вы знаете, как я ненавижу, когда меня поучают. Саймондс, без сомнения, прав, задавая эти вопросы: я так же прав, если не отвечаю на них: так же прав, если я все-таки отвечаю на них. Я часто говорю себе о аире — возможно, это означает больше или меньше, чем я думал сам, — означает другое: возможно, я не знаю, что все это значит, возможно, никогда не знал. Мой первый инстинкт по поводу всего, что пишет Саймондс, яростно реакционный — сильный и жестокий, потому что "нет, нет, нет". Затем вмешивается мысль о том, что я, возможно, не знаю всех своих собственных значений: я говорю себе: "Ты тоже уходи, возвращайся, изучи свою собственную книгу — как чужак или незнакомка, изучи свою собственную книгу, посмотри, что это значит". Когда—нибудь мне придется определенно написать ему о Каламусе - дать ему слово, что я имел в виду или предполагаю, что это значит".

Снова, месяц спустя (24 мая 1888 г.), Уитмен говорит Траубелю о "прекрасном письме" от Саймондса. "Вы увидите, что он снова заикливается на стихах Аира. Не понимаю, почему это должно быть так, но его возвращение к этой теме меня немного раздражает. Я полагаю, вы могли бы сказать — почему бы вам не заткнуть ему рот, ответив ему? Я полагаю, на это нет логичного ответа, но я, в свою очередь, могу спросить: "Какое право он вообще имеет задавать

вопросы?" - У. слегка рассмеялся. "В любом случае, этот вопрос возвращается ко мне почти каждый раз, когда он пишет. Он достаточно вежлив по этому поводу — вот почему я не обижаюсь на него. Я полагаю, что когда-нибудь все это закончится получением ответа".

Далее следует письмо. Главное в нем то, что автор надеется, что он не был назойливым в вопросе, который он задал о Аире три года назад.

"Я [Траубел] сказал У.: "Это достаточно скромное письмо: я не вижу в нем ничего такого, от чего можно было бы прийти в восторг. Он не просит вас ответить на старый вопрос. На самом деле он скорее извиняется за то, что задал этот вопрос. "У. загорелся" Кто взволнован? Что касается этого вопроса, он задает его снова и снова: задает, задает, задает". Я рассмеялся над его горячностью. "Ну, предположим, он задаст? Это не повредит. Кроме того, тебе нечего скрывать. Я думаю, твое молчание может привести его на мысль, что в твоей куче дров был негр. " О, ерунда! Но вот уже тридцать лет мои враги и друзья задают мне вопросы о *Листьях*: я устал не отвечать на вопросы ". Было очень забавно видеть его лицо, когда он придавал шутливый оттенок интрижке в своей последней фразе. Затем он расслабился и добавил: "В любом случае, я люблю Саймондса. Кто мог не полюбить человека, который смог написать такое письмо? Я полагаю, ему все же придется ответить, черт бы его побрал!"

Ясно, что эти разговоры значительно уменьшают силу заявления, содержащегося в письме Уитмена. Мы видим, что письмо, которое, на первый взгляд, могло бы представлять быструю и возмущенную реакцию человека, который, внезапно столкнувшись с возможностью того, что его работа может быть истолкована в извращенном смысле, решительно отвергает эту интерпретацию, на самом деле не было ничего подобного. Саймондс по меньшей мере восемнадцать лет мягко, вдумчиво, даже смиренно, но настойчиво задавал один и тот же совершенно законный вопрос. Если бы ответ действительно был решительным "нет", то более естественно было бы сделать это в 1872 году, а не в 1890-м. Более того, перед лицом этого постоянно повторяющегося вопроса Уитмен постоянно говорит своим друзьям о своей огромной привязанности к Саймондсу и о своем восхищении его интеллектуальной привлекательностью - чувствах, которые были бы совершенно неуместны, если бы применялись к человеку, который все время предполагал возможность того, что его труды содержат выводы, которые были "ужасными", "болезненными" и "отвратительными". Очевидно, все эти годы Уитмен не мог решить, что ответить. С одной стороны, он был тронут своим ужасом перед допросом, своей осторожностью, своим естественным отвращением выражать одобрение всему, что можно было бы назвать неестественным или ненормальным. С другой стороны, он был тронут желанием позволить своей работе говорить самой за себя, своей заявленной решимостью оставить все открытым и, возможно, более или менее осознанным сочувствием к представленным ему выводам. И только в последние годы своей жизни, когда его сексуальная жизнь осталась в прошлом, когда им овладела слабость, когда он захотел забыть о всякой трате своей энергии, он, будучи конституционально неспособным к сбалансированному научному утверждению, выбрал самое простое решение проблемы.^[99]

О другом великом современном писателе — Поле Верлене, первом из современных французских поэтов, — кажется, можно говорить с меньшими колебаниями. Человек, в полной мере обладавший безответственной впечатлительностью гения, Верлен — как показывают его работы и как он сам признавался — всю свою жизнь колебался между нормальной и

гомосексуальной любовью, в один период испытывая влечение к женщинам, в другой - к мужчинам. Мне кажется, он, без сомнения, был бисексуалом. Ранняя связь с другим молодым поэтом, Артюром Рембо, закончилась жестокой ссорой с его другом и привела к заключению Верлена в тюрьму Монс. В последующие годы он выразил возвышенную страсть этих отношений - *mon grand peché radieux* — в книге "*Лети и Эррабунди*", опубликованной в сборнике под названием "*Параллелизм*"; а в более поздних стихотворениях он рассказывал о менее страстных и менее чувственных отношениях, которые, тем не менее, были больше, чем дружба, например, в стихотворении "*Мой друг, мама плюс прекрасная любовь, мама любимая*" в *Bonheur*.^[100]

В этом кратком обзоре некоторых этнографических, исторических, религиозных и литературных аспектов гомосексуальной страсти можно упомянуть еще одно явление. Это предполагаемый факт, что, хотя явления существуют в той или иной степени повсеместно, мы, кажется, обнаруживаем особую склонность к гомосексуализму (обычно неясно, связана ли она с большей частотой врожденной инверсии или нет) среди определенных рас и в определенных регионах.^[101] В Европе это лучше всего было бы проиллюстрировать на примере южной Италии, которая в этом отношении считается отличной от северной Италии, хотя итальянцы, как правило, более откровенны, чем мужчины северной расы, в признании своих сексуальных практик.^[102] Насколько предполагаемый рост гомосексуализма в южной Италии может быть связан с греческим влиянием и греческой кровью, сказать не очень легко.

Следует помнить, что в таких северных странах, как Англия, гомосексуальные явления проявляются не так, как сегодня в южной Италии или в Древней Греции. В Греции гомосексуальный импульс был признан и идеализирован; мужчина мог быть открытым гомосексуальным любовником и все же, подобно Эпаминондасу, быть великим и почетным гражданином своей страны. Не было никакой причины, по которой человек, который по умственному и физическому складу был совершенно нормален, не должен был принять обычай, который считался респектабельным, а иногда даже особо почетным. Но сегодня в таких странах, как Англия или Соединенные Штаты, все обстоит совсем иначе.^[103] В этих странах все наши традиции и все наши моральные идеалы, а также закон энергично противостоят любому проявлению гомосексуальной страсти. Требуется очень сильный импульс, чтобы пойти против этой компактной социальной силы, которая со всех сторон толкает индивида на путь гетеросексуальной любви. Этот импульс у хорошо воспитанного индивида, ведущего нормальную жизнь своих собратьев и испытывающего обычную степень уважения к окружающим его социальным чувствам, может быть вызван только фундаментальным — обычно, вероятно, врожденным — извращением полового инстинкта, делающим индивида органически ненормальным. Именно с этой фундаментальной аномалией, обычно называемой сексуальной инверсией, мы здесь и будем иметь дело. Нет никаких доказательств того, что гомосексуальность в Греции была врожденным извращением, хотя, по-видимому, Калий Аврелиан утверждает, что, по мнению Парменида, это было наследственным. Аристотель также в своем фрагменте о физической любви, хотя и относился ко всему этому снисходительно, по-видимому, отличал ненормальную врожденную гомосексуальность от приобретенного гомосексуального порока. Несомненно, в определенной доле случаев этот импульс был органическим, и вполне возможно, что у греков или, во всяком случае, у дорийцев существовала органическая и расовая предрасположенность к гомосексуализму. Но состояние общественных чувств, каким бы оно ни было, побудило значительную часть обычного населения принять гомосексуальность как моду, или, можно сказать, окружающая среда была

особенно благоприятной для развития скрытых гомосексуальных тенденций. Таким образом, любое заданное количество гомосексуалистов среди греков представляло бы гораздо меньшую долю конституционально ненормальных индивидуумов, чем такое же количество в Англии. Подобным образом — хотя я не считаю аналогию полной — детоубийство или выставление детей напоказ практиковалось в некоторых ранних греческих государствах родителями, которые были абсолютно здоровы и нормальны; в Англии замужняя женщина, которая уничтожает своего ребенка, почти в каждом случае явно больна или ненормальна. По этой причине я не могу понять, что гомосексуальность в Древней Греции, хотя и представляющая большой интерес как социальная и психологическая проблема, проливает свет на сексуальную инверсию, какой мы ее знаем в Англии или Соединенных Штатах.

В отношении широкой распространенности сексуальной инверсии и гомосексуальных явлений в целом не может быть никаких сомнений. Этот вопрос наиболее полно исследован в Германии. В Берлине Молл утверждает, что он сам видел от 600 до 700 гомосексуалистов и слышал примерно о 250-350 других. Хиршфельд утверждает, что он знал более 10 000 гомосексуалистов.

Мне сообщили, что в Берлине есть несколько крупных кафе, посещаемых почти исключительно инвертами, которые приходят сюда флиртовать и заводить знакомства; поскольку эти кафе часто посещают уличные проститутки мужского пола (*Puppenjunge*), инверт рискует подвергнуться шантажу или ограблению, если он пойдет домой или в отель со знакомым по кафе. Существует также значительное количество гомосексуальных *Кнайпен*, маленьких и непритязательных баров, которые на самом деле являются мужскими борделями, обитателями которых являются сексуально нормальные рабочие мужчины и юноши, безработные или ищущие несколько марок на карманные расходы; инвертированные считают эти заведения очень безопасными, поскольку владельцы настаивают на хорошем порядке и не допускают вымогательства, в то время как полиция, хотя, конечно, и знает об их существовании, никогда не вмешивается. В Берлине также есть гомосексуальные кафе для женщин.

Есть некоторые основания полагать, что гомосексуальность особенно распространена в Германии и среди немцев. Я уже упоминал о чрезвычайно эмоциональных и сентиментальных чертах, которыми часто отличалась немецкая дружба. Германия - единственная страна, в которой существует определенное и хорошо поддерживаемое движение за защиту и социальную реабилитацию инвертированных. Изучение сексуальной инверсии началось в Германии, и научные и литературные публикации, посвященные гомосексуализму, выходящие в немецкой прессе, вероятно, превосходят по количеству и важности публикации, выходящие во всех других странах, вместе взятых. Гомосексуальные тенденции немцев за пределами Германии были отмечены в разных странах. Среди моих английских дел я обнаружил, что немецкая кровь встречается гораздо чаще, чем мы вправе ожидать; парижские проститутки, как говорят, осведомлены о гомосексуальных вкусах немцев; примечательно, что (как сообщил Некке немецкий инвертированный, знакомый с Турцией) в Константинополе сводники, которые, естественно, поставляют девушек, а также молодых людей, считают немцев и австрийцев более склонными к гомосексуализму, чем иностранцев из любой другой страны. гомосексуальность. Немцы, однако, обычно отрицают наличие какой-либо особой склонности немцев к инверсии, и не похоже, чтобы имеющиеся статистические данные (хотя всю подобную статистику нельзя рассматривать как нечто большее, чем приближение) свидетельствовали о сколь-либо выраженном преобладании инверсии среди немцев. Именно Хиршфельду мы обязаны главной попыткой получить некоторое представление о проценте гомосексуалистов среди населения в

целом.^[104] Можно сказать, что в разных регионах и, особенно, в разных профессиях этот показатель варьируется от 1 до 10 процентов. Однако средний показатель, когда объединяются индивиды, принадлежащие к большому числу групп, как правило, составляет более 2 процентов. Таким образом, в Германии насчитывается около полутора миллионов инвертированных людей.^[105] Это был бы минимум, который вряд ли был бы ниже реальной доли, поскольку никто не может быть уверен, что он знаком с реальными склонностями всех лиц, составляющих большую группу знакомых.^[106] В оценках, которые дошли до Хиршфельда, не обнаружено, что во французских группах доля гомосексуалистов меньше, чем в немецких группах, а японская группа приближается к общему среднему показателю в целом. Различные авторитеты, особенно немцы, считают, что гомосексуальность так же распространена во Франции, как и в Германии.^[107] Сент-Пол ("Dr. Лауптс"), с другой стороны, не может согласиться с этой точкой зрения. Как армейский хирург, долгое время служивший в Африке, он может (как и Ребьер в своей книге *"Жуайе и демофус"*) засвидетельствовать распространенность гомосексуализма среди африканских батальонов французской армии, особенно в кавалерии, в меньшей степени в пехоте; во французской армии в целом он считает это редкостью, как и среди населения в целом. Нэкке также склонен полагать, что гомосексуальность встречается реже в кельтских землях и в латинских странах в целом, чем в тевтонских и славянских землях, и считает, что это может быть вопросом расы.^[109] Этот вопрос до сих пор не решен. Возможно, тот несомненный факт, что гомосексуальность менее заметна во Франции и других латинских странах, чем в тевтонских землях, может быть обусловлен не меньшей долей врожденных инвертов в бывших землях, а главным образом общей разницей в темпераменте и социальной реакции.^[110] Французы идеализируют и подчеркивают место женщины в гораздо большей степени, чем немцы, в то же время у инвертированных во Франции гораздо меньше поводов, чем в Германии, заявлять о своих юридических претензиях. Помимо подобных соображений, представляется весьма сомнительным, встречается ли врожденная инверсия во Франции в какой-либо значительной степени реже, чем в Германии.

Что касается частоты гомосексуализма в Англии^[111] и Соединенных Штатах, существует много свидетельств. В Англии его проявления хорошо заметны для тех, у кого однажды открылись глаза. Проявления носят тот же характер, что и в Германии, с изменениями, обусловленными социальными и национальными различиями, и особенно большей сдержанностью, пуританством и ханжеством Англии.^[112] В Соединенных Штатах те же самые влияния оказывают еще больший эффект в сдерживании внешних проявлений гомосексуальности. Хиршфельд, несмотря на свою проницательность и опыт в расследовании гомосексуализма, утверждает, что, посетив Филадельфию и Бостон, он едва ли смог обнаружить какие-либо свидетельства гомосексуализма, хотя впоследствии те, кто знаком с местными условиями, заверили его, что распространение гомосексуализма в обоих городах "колоссально". В Соединенных Штатах было множество уголовных дел и скандалов, в ходе которых гомосексуальность всплывала на поверхность, и очень часто встречающиеся случаи трансвестизма или переодевания в Штатах, по-видимому, в значительной степени связаны с гомосексуализмом.

По мнению некоторых, гомосексуальность англичан в последние годы стала гораздо более заметной, и иногда это связывают с делом Оскара Уайльда. Несомненно, известность Оскара Уайльда и всеобщая огласка, приданная фактам этого дела газетами, могли убедить в их извращенности многих инвертированных, которые до этого лишь смутно осознавали свою ненормальность, и, каким бы парадоксальным это ни казалось, придали больше мужества другим; но этого едва ли было достаточно, чтобы увеличить число инвертированных. Скорее,

можно сказать, что развитие городской жизни облегчает проявление и удовлетворение этой, как и всех других форм извращения. Относительно доли инвертированных среди населения в целом очень трудно говорить положительно. Сам инвертированный является вводящим в заблуждение проводником, потому что он сформировал вокруг себя особую группу гомосексуалистов, и, более того, он иногда склонен переоценивать количество инвертированных из-за неправильного толкования небольших указаний, которые не всегда являются окончательными. Оценка обычного нормального человека, испытывающего обычное отвращение к ненормальным явлениям, также вводит в заблуждение, потому что его знакомые гомосексуалисты стараются не сообщать ему о своих склонностях. Писатель, изучавший феномены гомосексуализма, склонен заблуждаться так же, как и сам инвертированный, и переоценивать распространенность этого извращения. Стремясь отбросить в сторону этот источник заблуждений и рассматривая только тех людей, с которыми я соприкасался в силу обычных жизненных обстоятельств и с чувствами которых я знаком, я все же прихожу к выводу, что доля этих людей значительна. Среди профессиональных и наиболее культурных представителей среднего класса в Англии должен быть отчетливый процент инвертированных, который иногда может достигать 5%. хотя такие оценки всегда должны быть рискованными. Среди женщин того же класса этот процент, по-видимому, по меньшей мере удвоен, хотя здесь явления менее определены и глубоко укоренились. Это, по-видимому, умеренная оценка для данного класса, который включает, однако, следует помнить, значительную долю индивидуумов, несколько ненормальных в других отношениях. По мере того, как мы спускаемся по лестнице, эти явления, несомненно, встречаются реже, хотя, когда мы достигаем рабочего класса, мы приходим к тому сравнительному безразличию, о котором уже говорилось. В целом мы, вероятно, можем заключить, что доля инвертированных такая же, как и в других родственных и соседних землях, то есть чуть более 2%. Это дало бы гомосексуальное население Великобритании где-то около миллиона человек.

[1] гомосексуальность во всех своих формах *en bloc*, как они известны полиции, приобретает огромные масштабы. Так, во Франции на основе официальных документов, которые проходили через бюро М. Карлье в течение десяти лет (1860-70), он составил список из 6342 педерастов, попавших в поле зрения полиции; 2049 парижан, 3709 провинциалов и 584 иностранцев. Из них 3432 человека, или более половины, не могли быть осуждены за незаконные действия.

[2] Основная общая подборка данных (здесь не приведенных) о гомосексуальности среди животных составлена зоологом профессором. Karsch, "Päderastie und Tribadie bei den Tieren," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ii. "Турлебен" Брема также содержит множество примеров. Смотрите также короткую главу (глава xxix) в "Гомосексуализме" Хиршфельда.

[3] Х. Сент-Клер Девиль, "Об интернате и влиянии сына на образование молодежи", статья, прочитанная в Академии наук Морали и политики, 27 июля 1871 г., и цитируемая Шевалье, "Сексуальное обращение", стр. 204-5.

[4] М. Бомбарда, *Совещание Международного конгресса криминологов*, Амстердам, стр. 212.

[5] Лакассань, "Криминалистическая история животных", *Научное ревю*, 1882.

[6] Steinach, "Untersuchungen zu vergleichender Physiologie," *Archiv für die Gesamte Physiologie*, Bd. lvi, 1894, p. 320.

[7] Фере, *Comptes-rendus Société de Biologie*, 30 июля 1898 г. Возможно, мы можем связать это с наблюдением Э. Селуса (зоолога, май и сентябрь 1901 г.) за птицей, Большой хохлатой поганкой; после спаривания самец приседал к самке, которая играла для него его роль; то же самое наблюдается и у голубей. Селус предполагает, что это пережиток примитивного гермафродитизма. Но следует помнить, что у мужчин в целом половой акт имеет тенденцию быть более изнуряющим, чем у женщин; этот факт благоприятствовал бы реверсии их соответствующих частей тела.

[8] Э. Селус, "Половой отбор у птиц", *Зоолог*, февраль 1907 г., стр. 65; *ib.*, май, стр. 169. Сексуальные aberrации, как правило, не редкость среди птиц; см., например, А. Heim, "Sexuelle Verirrungen bei Vögeln in den Tropen", *Сексуальная проблема*, апрель 1913 г.

[9] См. Moll, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, 1898, Bd. i, стр. 369, 374-5. For a summary of facts concerning homosexuality in animals see F. Karsch, "Päderastie und Tribadie bei den Tieren auf Grund der Literatur," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. ii, 1899, pp. 126-154

[10] Муччоли, "Вырождение и криминалитет в новой Колумбии", *Архив Психиатрии*, 1893, стр. 40.

[11] Конференция биологов, 20 ноября 1897 г.

[12] Р. И. Покок, *Филд*, 25 октября 1913 г.

[13] Р. С. Резерфорд, "Кукарекающие куры", *домашняя птица*, 26 января 1896 г.

[14]

Теперь это было очень тщательно сделано профессором Ф. Карш-Хааком в большой книге "Глейхgeschlechtliche жизни естественных людей", 1911. Более раннее и краткое исследование того же автора было опубликовано в "Книге о сексуальной жизни", Bd. iii, 1901.

[15] Смотрите краткую и довольно неубедительную трактовку вопроса Брунсом Мейсснером, "Assyriologische Studien", iv, *Организация переднеазиатского общества*, 1907.

[16] *Monatshefte für praktische Dermatologie*, Bd. xxix, 1899, p. 409.

[17] Хиршфельд, *Гомосексуализм*, стр. 739.

[18] Бирдмор также отмечает, что в связи с этим в Новой Гвинее "регулярно занимаются содомией". (*Журнал Антропологического института*, май 1890 г., стр. 464.)

[19] Врачи в Индии говорили мне, что это особенно распространено среди сикхов, лучшей военной расы Индии.

[20] Фоли, *Бюллетень Общества антропологов Парижа*, 9 октября 1879 г.

[21] See, e.g., O. Kiefer, "Plato's Stellung zu Homosexualität," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. vii.

[22] Бете, указ. соч., стр. 440. Однако и в старой Японии (до революции 1868 г.), согласно Ф. С. Крауссу ("Гешлехтсleben из Японии", гл. хiii, 1911), гомосексуальные отношения между рыцарями и их пажами напоминали таковые в Древней Греции.

[23] *Архив криминальной антропологии*, 1906, стр. 106.

[24] *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, 1914, Heft 2, p. 73.

[25] Среди сартов Туркестана класс хорошо обученных гомосексуальных проституток, похожих на тех, что встречаются в Китае и многих регионах северной Азии, носящих также то же имя *батша*, как говорят, особенно распространен, поскольку ему способствует нехватка женщин из-за полигамии, а также невежество и грубость женщин. Предполагается, что институт *батши* пришел в Туркестан из Персии. (Herman, "Die Päderastie bei den Sarten," *Sexual-Probleme*, June, 1911.) Это, по-видимому, наводит на мысль, что Персия, возможно, была общим центром распространения такого рода утонченного гомосексуализма в северной Азии.

[26] Мораш, арт. "Chine," *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*; Matignon, "La Péderastie en Chine," *Archives d'Anthropologie Criminelle*, Jan., 1899; Von der Choven, summarized in *Archives de Neurologie*, March, 1907; Scié-Ton-Fa, "L'Homosexualité en Chine," *Revue de l'Hypnotisme*, April, 1909.

[27] *Люди Индии*, 1825, том i, часть ii, глава xii. В Лахоре и Лакхнау, как цитирует Бертон, Дэвилл описывает "мужчин, одетых как женщины, с ниспадающими локонами под венками из цветов, имитирующих женскую походку и жесты, голос и манеру речи, глазающих на своих поклонниц со всем кокетством баядерки".

[28] *Путешествия*, 1814, часть ii, стр. 47.

[29] А. Лисянский, *Путешествие и др.*, Лондон, 1814, стр. 1899.

[30] *Этнографический обзор*, 1855, стр. 121.

[31] С. Ф. Р. фон Марциус, "Этнография Америки", Лейпциг, 1867, Bd. i, стр. 74. In Ancient Mexico Bernal Diaz wrote: *Erant quasi omnes sodomia commaculati, et adolescentes multi, muliebriter vestiti, ibant publice, cibum quarentes ab isto diabolico et abominabili labore.*

[32] Хаммонд, *Сексуальная импотенция*, стр. 163-174.

[33] *Нью-Йоркский медицинский журнал*, 7 декабря 1889г.

[34] Дж. Тернбулл, "Кругосветное путешествие в 1800 году" и др., 1813, стр. 382.

[35] *Annales d'Hygiène et de Médecine Coloniale*, 1899, p. 494.

[36] Oskar Baumann, "Conträre Sexual-Erscheinungen bei die Neger-Bevölkerung Zanzibars," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, Heft 6, p. 668.

[37] Преподобный Дж. Х. Уикс, *Журнал Антропологического института*, 1909, стр. 449. Медицинский корреспондент в Соединенных Штатах сообщил мне, что инверсия чрезвычайно распространена среди американских негров. "У меня есть веские основания полагать, - пишет он, - что это гораздо более распространено среди них, чем среди белых людей любой другой нации. Если инверсию следует рассматривать как наказание за "цивилизацию", то это

замечательно. Возможно, однако, что негр, *относительно своих способностей*, более цивилизован, чем мы; во всяком случае, его цивилизация была навязана ему, а не приобретена в результате долгих мук эволюции. Цветные инвертированные, как правило, желают белых мужчин, но не испытывают отвращения к мужчинам своей собственной расы. Я считаю, что 10 процентов негров в Соединенных Штатах являются сексуально инвертированными".

[38] Среди папуасов Немецкой Новой Гвинеи, где женщины обладают большой властью, браки заключаются поздно, и молодые мужчины вынуждены жить отдельно от женщин в общественных домах. Здесь, говорит Московски (*Журнал "Этнология"*, 1911, раздел 2, стр. 339), открыто проводятся гомосексуальные оргии.

[39] К. Г. Селигманн, "Сексуальная инверсия среди примитивных рас", *Психиатр и невролог*, январь 1902 г. В рассказе о Западных Соломоновых островах, опубликованном Дж. К. Уилером (*Anthropophyteia*, vol. ix, с. 376) мы находим историю о мужчине, который хотел стать женщиной, но женился на другом мужчине и выполнял женскую работу.

[40] Хардман, "Привычки и обычаи уроженцев Кимберли, Западная Австралия", *Труды Королевской ирландской академии*, 3-я серия, том i, 1889, стр. 73.

[41] Клаатч, "Некоторые заметки о научных путешествиях среди чернокожего населения Тропической Австралии", собрание в Аделаиде *Австралийской ассоциации содействия развитию науки*, январь 1907 г., стр. 5.

[42] В качестве дополнительной иллюстрации мне сказали, что среди простых людей часто нет чувства против связи с женщиной *в целом*.

[43] Шевалье ("*Сексуальная версия*", стр. 85-106) приводит значительное количество доказательств гомосексуальности в Риме при императорах. See also Moll, *Konträre Sexualempfindung*, 1899, pp. 56–66, and Hirschfeld, *Homosexualität*, 1913, pp. 789–806. С литературной точки зрения Петроний лучше всего раскрывает гомосексуальный аспект римской жизни времен Тиберия.

[44] Дж. А. Саймондс написал интересное эссе на эту тему; см. Также Кифер, *Ярбух ф. секс. Zwischenstufen*, vol. viii, 1906.

[45] См. Л. фон Шеффлер, "Элагабал", *Ярбух ф. секс. Zwischenstufen*, vol. iii, 1901; also Duviquet, *Héliogabale (Mercure de France)*.

[46] Мне была предоставлена следующая записка: "Бальзак в "*Воплощении де Вотрена*" в "*Une Dernière Incarnation de Vautren*" описывает нравы французов *bagnes*. Достоевский в "*Тюремной жизни в Сибири*" затрагивает ту же тему. Смотрите его портрет Сироткина, стр. 52 *и далее*., стр. 120 (издание Дж. и Р. Максвелл, Лондон). Мы можем сравнить Carlier, *Les Deux Prostitutions*, стр. 300-1, для описания насилия гомосексуальных страстей во французских тюрьмах. Посвященные знакомы с этим фактом по английским тюрьмам. Бушар в своих *Признаниях*, Париж, Лизе, 1881, описывает лагерь для каторжников в Марселе в 1630 году." Гомосексуальность среди французских рецидивистов в Сен-Жан-дю-Марони во Французской Гвиане была описана доктором Казановой, *арх. д'Ант. Crim.*, январь 1906 г., стр. 44. См. также "*Листки из тюремного дневника*" Дэвитта и "*Тюремные мемуары анархиста*" Беркмана; также Ребьер, "*Жуайе и Демифус*", 1909.

[47] Д. Макмертри, *Chicago Medical Recorder*, январь 1914г.

[48] Смотрите Приложение А: "Гомосексуальность среди бродяг", автор "Джосайя Флинт".

[49] *Инферно*, хв. Место гомосексуализма в самой "*Божественной комедии*" было кратко изучено Ундиной Фрейн фон Вершуэр, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. viii, 1906.

[50] Хиршфельд и другие совершенно верно указали, что инвертированные менее склонны, чем нормальные люди, придавать значение касте и социальному положению. Это врожденно демократическое отношение позволяет им легче, чем обычным людям, подняться до того, что Сайплс назвал "экстазом человечности", эмоционального настроения, то есть тех редких душ, о которых можно сказать словами того же автора, что "лохмотья нищих на их решительных губах стали пригодны для поцелуев, потому что человечество прикоснулось к этой одежде". Эдвард Карпентер (*Промежуточные типы среди первобытных народов*, стр. 83) отмечает, что великие этические лидеры часто проявляли женские черты, и добавляет: "Становится легко предположить, что те ранние лидеры часто проявляли женские черты". фигуры, которые когда—то, вероятно, были мужчинами — эти Аполлоны, Будды, Дионисы, Осирисы и так далее, — чтобы предположить, что они тоже были в некоторой степени бисексуальны по темпераменту, и что на самом деле во многом благодаря этому факту они были наделены далеко идущими силами и стали лидерами человечества".

[51] Перевод на английский, *Primitive Folk*, в серии Contemporary Science.

[52] Р. Хорнеффер, *Der Priester*, 2 тома., 1912 г. Дж. Дж. Фрейзер в томе, озаглавленном "Адонис, Аттис, Осирис" (стр. 428-435) третьего издания его "*Золотой ветви*", обсуждает священников, одетых как женщины, и находит различные причины этого обычая.

[53] Эдвард Карпентер, *Промежуточные типы среди первобытных людей*, 1914.

[54] Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей*, том. ii, глава xliii.

[55] "Итальянская литература, - замечает Саймондс, - может показать *Бурлескный иней*, "*Гермафродит*" Бекаделли, "*Канти Карнасьялески*", макаронные стихи Фидентиуса и удивительно откровенный роман под названием "*Алкивиада Фанчулло в Сколе*".".

[56] Жизнь Мюре была хорошо написана К. Дежобом, *Марк-Антуан Мюре*, 1881.

[57] Ф. М. Николс, *Послания Эразма*, том i, стр. 44-55.

[58] Буркхардт, *Культура Возрождения*, том. ii, Экскурс ки.

[59] Ф. де Годензи в главе v своей *студии психопатологического сопра Т. Тассо* (1899) полностью посвящен гомосексуальным наклонностям поэта.

[60] Герберт П. Хорн, *Леонардо да Винчи*, 1903, стр. 12.

[61] S. Freud, *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci*, 1910.

[62] См. Парлагреко, *Микеланджело Буонаротти*, Неаполь, 1888; Людвиг фон Шеффлер, *Микеланджело: исследование эпохи Возрождения*, 1892; *Архив Психиатрии*, том xv, часть i, ii, стр. 129; Дж. А. Саймондс, *Жизнь Микеланджело*, 1893 ; Доктор Юр. Numa Praetorius, "*Michel Angelo's Urningtum*," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ii, 1899, стр. 254-267.

[63] Дж. А. Саймондс, *Жизнь Микеланджело*, том. ii, стр. 384.

[64] Жизнь и темперамент Содомы были изучены, а его фотографии обильно воспроизведены Элизаром фон Купффером, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. ix, 1908, стр. 71 и далее., и Р. Х. Хобартом Кастом, *Джованни Антонио Бацци*.

[65] Челлини, "Жизнь", перевод Дж. А. Саймондса, введение, стр. xxxv и стр. 448. Керинги ("Психология Б. Челлини", 1913) утверждает, что Челлини не был гомосексуалистом.

[66] Ознакомьтесь с интересным рассказом Экхуда о Дюкесной (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. ii, 1899), выдающегося бельгийского романиста, который сам подвергся судебному преследованию из-за изображений гомосексуальность в его романах и рассказах "Эскалатор" и "Пятибулярный цикл" (см.). *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. iii, 1901).

[67] см Хусти по жизни *Винкельман*, а также Молля умереть *Konträre Sexualempfindung*, третье издание, 1899, стр. 122-126. В этой работе, а также в Raffalovich в *Uranisme Em Unisexualité*, а также в Молля *Berühmte Homosexuelle* (1910) и Хиршфельда умереть *Homosexualität*, стр. 650 и сл., там можно будет найти некоторые счета многих выдающихся людей, которые на более или менее надежные основания, подозреваемых в гомосексуализме. Другими немецкими писателями, выдвинутыми в качестве перевернутых, являются Платен, К. П. Мориц и Иффланд. Платен явно был врожденным инвертированным человеком, который, однако, искал удовлетворения своим импульсам в платонической дружбе; его гомосексуальные стихи и недавно опубликованное полное сокращений издание его дневника делают его интересным объектом изучения; сочувственный отзыв о нем можно найти у Людвиг Фрея, "Aus dem Seelenleben des Grafen Platen", *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, тома. i и vi. В этой связи упоминались различные короли и властители, в том числе султан Бабер; Генрих III Французский; Эдуард II, Вильгельм II, Яков I и Вильгельм III английские и, возможно, королева Анна и Георг III, Фридрих Великий и его брат Генрих, папы Павел II, Сикст IV и Юлий II, Людвиг II Баварский и другие. Короли, действительно, кажутся особенно склонными к гомосексуализму.

[68] Шульц, *История жизни*, Bd. i, глава xiii.

[69] "О природе растений" переведено Дугласом Моффатом, *Yale Studies in English*, № xxxvi, 1908.

[70] P. de l'Estoile, *Воспоминания-Journaux*, том. ii, стр. 326.

[71] Лаборд, *Дворец Мазарини*, стр. 128.

[72] Так она пишет в 1701 году (*Переписка*, под редакцией Брюне, том i, стр. 58): "Наши герои берут за образцы Геракла, Тесея, Александра и Цезаря, у всех которых были любимчики мужского пола. Те, кто предается этому пороку, веря в Священное Писание, воображают, что это был грех только тогда, когда в мире было мало людей, и что теперь, когда земля населена, это можно рассматривать как *развлечение*. Среди простых людей, действительно, обвинений такого рода, насколько это возможно, избегают; но среди знатных людей об этом говорят публично; считается прекрасной поговоркой, что со времен Содомы и Гоморры Господь никого не наказывал за подобные преступления".

[73] Серье и Либерт, "Бастилия и заключенные", *Энсефаль*, сентябрь 1911г.

[74] Витри, "Исторические записки о гомосексуализме во Франции", *"Ревю Гипнотизм"*, январь 1909г.

[75] В ранние тевтонские времена в Германии практически не было следов какого-либо наказания за гомосексуальную практику. Это, по словам Германа Михаэлиса, появилось только после того, как Церковь приобрела власть среди западных готов; в Требнике Алариха II (506) содомист был приговорен к сожжению на костре, а позже, в седьмом веке, эдиктом короля Чиндасвинда, к кастрации. Франкские капитулярии времен Карла Великого приняли церковные епитимьи. В тринадцатом и четырнадцатом веках была установлена смерть на костре, и наказания, предусмотренные германскими кодексами, имели тенденцию становиться гораздо более жестокими, чем те, которые были установлены кодексом Юстиниана, по образцу которого они были составлены.

[76] Раффалович обсуждает немецкую дружбу, *Уранизм и унисексуализм*, стр. 157-9. См. также Birnbaum, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. viii, стр. 611; он особенно иллюстрирует этот вид дружбы перепиской поэтов Глейма и Якоби, которые обращались друг к другу языком влюбленных, как они, собственно, и называли себя.

[77] Это письмо можно найти в книге Эрнста Шура "Генрих фон Кляйст в "Кратком изложении", стр. 295. Доктор Дж. Садгер написал патографическое и психологическое исследование Кляйста с акцентом на гомосексуальную черту" в серии "Методы лечения нервов и Зееленлебеннов".

[78] Не менее выдающийся брат Александра, Вильгельм фон Гумбольдт, хотя и не гомосексуалист, обладал, как писала ему женщина, "женской душой и самым нежным чувством женственности, которое я когда-либо находил в вашем поле"; он сам признавал женственные черты в своей натуре. Шпрангер (*Вильгельм фон Гумбольдт*, стр. 288) говорит о нем, что "у него была та двойственная сексуальность, без которой невозможно достичь моральных вершин человечества".

[79] Крупп вызвал большой скандал своей жизнью на Капри, где его постоянно окружали местные красивые молодые люди, мандолинисты и уличные арабы, с которыми он был в дружеских отношениях и на которых он расточал деньги. Х. Д. Даврей, надежный очевидец, написал "Сувениры с М. Круппа на Капри", *L'Européen*, 29 ноября 1902 года. Однако нет однозначного согласия с тем, что Крупп обладал полностью развитым гомосексуальным темпераментом (см., например, *Jahrbuch f. sexuelle Zwischenstufen*, Bd. v, стр. 1303 и далее.) Отчет о его жизни на Капри был опубликован в "Форварте", против которого Крупп в конце концов подал иск о клевете; но сразу после этого он умер, как широко распространено мнение, от собственной руки, и иск о клевете был отозван.

[80] Мадам, мать регента, в своих письмах от 12 октября, 4 ноября и 13 декабря 1701 года неоднократно делает это утверждение и подразумевает, что оно было поддержано англичанами, которые в то время прибыли в Париж с английским послом лордом Портлендом. Король был очень равнодушен к женщинам.

[81] Ансельм, Эпистола lxii, в *Патрологии* Мина, том. кликс, кол. 95. Иоанн Солсберийский в своем "Поликрате" описывает гомосексуальные и женоподобные привычки своего времени.

[82] Поллок и Мейтленд, *История английского права*, том. ii, стр. 556.

[83] Кольридж в своей *застольной беседе* (14 мая 1833 г.) заметил: "Мужчина может при определенных состояниях нравственного чувства испытывать нечто, заслуживающее названия любви, по отношению к объекту мужского пола — привязанность, выходящую за рамки дружбы и совершенно не зависящую от аппетита. Во времена Елизаветы и Джеймса, кажется, было почти модно лелеять такое чувство. Конечно, язык двух друзей Мусидора и Пирокла из *Аркадии* таков, что мы могли бы говорить только с женщинами". Этот отрывок Кольриджа интересен как раннее признание выдающимся гениальным человеком в Англии того, что можно назвать идеальной гомосексуальностью.

[84] Смотрите описание Удалла в *Национальном биографическом словаре*.

[85] *Полное собрание стихотворений Ричарда Барнфилда*, отредактированное с предисловием А. Б. Гросарта, 1876. Стихи Барнфилда также были отредактированы Арбером в "Библиотеке английского ученого" в 1883 году. Арбер, который всегда испытывал большой ужас перед ненормальным, утверждает, что занятие Барнфилда гомосексуальными темами было просто вызвано поиском новизны, что это было "по большей части всего лишь развлечением и в нем было мало серьезного или личного". Однако те читатели Барнфилда, которые знакомы с гомосексуальной литературой, вряд ли смогут не распознать личную озабоченность в его стихах. Такого же мнения придерживается Молль в своей *книге о гомосексуализме*.

[86] Смотрите приложение к моему изданию Марлоу из *серии "Русалка"*, первое издание. Исследование "Гавестона" Марлоу, рассматриваемого как "гермафродит в душе", см. В. J. A. Nicklin, *Free Review*, декабрь 1895г.

[87] Как остро отмечает Раффалович, двадцатого сонета с его ссылкой на "одна вещь для моей цели ничто" достаточно, чтобы показать, что Шекспир не был настоящим инвертированным, поскольку тогда он нашел бы мужественность любимого объекта прекрасной. Его сонеты справедливо можно сравнить с *In Memoriam* Теннисона, которого невозможно описать как перевернутого, хотя в юности он питал горячую дружбу к другому юноше, подобную той, которую в юности испытывал Монтень.

[88] Сцена в "*Рецидиве*" Ванбру и глава (гл. li) в "*Родерике Рэндоме*" Смоллетта, описывающая лорда Стратуэлла, также могут быть упомянуты как свидетельство знакомства с инверсией. "В нашей стране, - сказал лорд Стратуэлл Родону, выдвигая аргументы, знакомые современным поборникам гомосексуализма, - это быстро набирает обороты и, по всей вероятности, в скором времени станет более модным пороком, чем простой блуд".

[89] Эти наблюдения о гомосексуализме восемнадцатого века в Лондоне в основном основаны на томах о *избранных судебных процессах* в Олд-Бейли, опубликованных в 1734 году.

[90] Нума Преториус (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. iv, стр. 885), изучавший Байрона с этой точки зрения, считает, что, хотя его биография еще не была полностью написана с сексуальной точки зрения, он, вероятно, обладал бисексуальным темпераментом; Раффалович (*Uranisme et Unisexualité*, стр. 309) придерживается того же мнения.

[91] Юношеское влечение такого рода к поэту хорошо проиллюстрировано Долбеном, который умер в возрасте девятнадцати лет. В дополнение к страсти к греческой поэзии он питал необычайно пылкую романтическую дружбу, проявленную в его стихах, к школьному товарищу чуть старше его, который даже не подозревал об идолопоклонстве, которое он вызывал. Жизнь

Долбена была написана, а его стихи отредактированы его другом, выдающимся поэтом Робертом Бриджесом (*Стихи Д. М. Долбена*, отредактированные мемуарами Р. Бриджеса, 1911).

[92] Хорошо информированный рассказ о процессе над Оскаром Уайльдом дан Раффаловичем в его книге *"Уранизм и унисексуализм"*, стр. 241-281; полный отчет о судебном процессе опубликован Мейсоном. Лучшая жизнь Уайльда - это, вероятно, жизнь Артура Рэнсома. Небольшой том воспоминаний Андре Жида *"Оскар Уайльд"* (также переведенный на английский) стоит прочитать. Уайльд обсуждался в связи с гомосексуализмом Нумой Преториусом (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iii, 1901). Поучительный документ, неопубликованная часть *"De Profundis"*, в котором Уайльд пытался возложить вину за свое несчастье на друга — его "давняя привязанность" к которому, как он заявляет, переросла в "отвращение, горечь и презрение", — был опубликован в *"Таймс"* от 18 апреля 1913 г.; в нем ясно обнаруживается элемент слабости характера.

[93] Т. Райт, *Жизнь Эдварда Фицджеральда*, том i, стр. 158.

[94] Большинство из них были небрежно утеряны или уничтожены компанией Posh. Некоторые из них были опубликованы Джеймсом Блайтом, *Эдвардом Фицджеральдом и "Шикарно"*, 1908.

[95] Именно так следует подходить к Уитмену, и я хотел бы выразить протест против тенденции, отмеченной сейчас во многих кругах, относиться к нему просто как к инвертированному и соответственно поносить его или прославлять. Какой бы важной ни была инверсия как психологический ключ к личности Уитмена, она играет лишь малую роль в творчестве Уитмена, и для многих, кому эта работа небезразлична, незначительную роль. (Возможно, мне будет позволено сослаться на мое собственное эссе об Уитмене *"В новом духе"*, написанное почти тридцать лет назад.)

[96] Я могу добавить, что Саймондс (в своей книге об Уитмене) воспринял это письмо как откровенное и окончательное заявление, показывающее, что Уитмен был абсолютно враждебен сексуальной инверсии, что он даже не принимал во внимание ее феномены и что он "упустил из виду, что существуют неизбежные точки соприкосновения между сексуальной инверсией и его доктриной дружбы". Он напоминает, однако, собственные строки Уитмена в конце *"Аира"* в камденском издании 1876 года:

"Вот мои последние слова, самые сбивающие с толку,
Здесь самые хрупкие листья меня, и все же мои самые сильные-долговечные,
Здесь я затеяю и прячу свои мысли — я не раскрываю их,
И все же они разоблачают меня больше, чем все остальные мои стихи".

[97] Письма Уитмена Питеру Дойлу, некультурному молодому трамвайному кондуктору, глубоко любимому поэтом, были отредактированы доктором Баком и опубликованы в Бостоне: *Аир: серия писем*, 1897.

[98] Однако Уитмен признал (как и в уже упоминавшемся письме Саймондсу), что у него было шестеро детей; они, по-видимому, родились в начале его жизни, когда он жил на Юге. (Смотрите главу о детях Уолта Уитмена в интересной книге Эдварда Карпентера *"Дни с Уолтом Уитменом"*, 1906.) Однако его брат Джордж Уитмен сказал: "Я никогда не знал, чтобы Уолт

влюблялся в молоденьких девушек или даже оказывал им заметное внимание". А Доил, который близко знал его в последние десять лет жизни, сказал: "Женщины в этом смысле никогда не приходили ему в голову". Ранние гетеросексуальные отношения, похоже, были исключением в его жизни. Что касается количества детей, то мне сообщили, что, по мнению дамы, знавшей Уитмена на Юге, не может быть разумных сомнений в существовании одного ребенка, но при перечислении шестерых он, возможно, включал внуков.

[99] Хотя гомосексуальная направленность Уолта Уитмена была более или менее определенно признана различными авторами, наиболее энергичными попытками представить гомосексуальный характер его личности и творчества мы обязаны Эдуарду Берцу в Германии и доктору У. К. Риверсу в Англии. Берц выпустил три публикации об Уитмене: особенно его *"Der Yankee-Heiland"*, 1906, и *"Whitman-Mysterien"*, 1907. Аргументы Риверса кратко изложены в брошюре, озаглавленной *"Аномалия Уолта Уитмена"* (Лондон: Джордж Аллен, 1913). И Берц, и Риверс подчеркивают женские черты Уитмена. Интересная независимая фотография Уитмена, сделанная примерно в то же время, что и письмо Саймондсу, сопровождаемая превосходными оригинальными фотографиями автора, представлена доктором Джоном Джонстоном, *В гостях у Уолта Уитмена*, 1898. Можно добавить, что, вероятно, некоторые писатели переоценили как степень, так и значение женских черт в Уитмене. У большинства художников и гениальных людей есть некоторые женские черты; они не доказывают существование инверсии, но и их отсутствие не опровергает ее. Доктор Кларк Белл пишет мне со ссылкой на небольшую книгу доктора Риверса: "Я лично знал Уолта Уитмена. Для меня мистер Уитмен был одним из самых крепких и мужественных мужчин, необычайно крепким. С моей точки зрения, он вовсе не был женственным, но физически мужественным и крепышом. Трудность в том, что у мужественного и сильного мужчины с поэтическим темпераментом, пылкого и нежного могут быть фазы и настроения страсти и эмоций, которые склонны быть неправильно истолкованы". Несколько похожая точка зрения, в противовес Берцу и Риверсу, была энергично изложена Базальгеттом (который написал очень подробное исследование Уитмена на французском языке), особенно в *"Меркюр де Франс"* за 1 июля, 1 октября и 15 ноября 1913 года.

[100] Лепеллетье в том, что можно рассматривать как официальную биографию Верлена (*Поль Верлен*, 1907) стремится минимизировать или объяснить гомосексуальный аспект жизни поэта. То же самое относится и к Берришону, шурина Рембо, *"Меркюр де Франс"*, 16 июля 1911 г. и 1 февраля 1912 г. П. Эскубе в рассудительном эссе (включено в *"Рекомендации"*, 1913) представляет более разумный взгляд на этот аспект темперамента Верлена. Даже если полностью исключить свидетельства склонности поэта к страстной дружбе, сами стихи не могут быть привлекательными, поскольку они явно обладают абсолютной и неоспоримой искренностью.

[101] Сэр Ричард Бертон, который помог популяризировать эту точку зрения, рассматривал это явление как "географическое и климатическое, а не расовое" и считал, что в пределах того, что он назвал Сотадической зоной, "порок популярен и эндемичен, в худшем случае считается простым грешком, в то время как расы к северу и югу от определенных здесь границ практикуют его лишь спорадически, на фоне порицание своих собратьев, которые, как правило, физически неспособны выполнить операцию и смотрят на это с живейшим отвращением". Он добавляет: "Единственная физическая причина практики, которая напрашивается мне на ум, и которую следует признать чисто гипотетической, - это то, что в Сотадической зоне происходит смешение мужского и женского темпераментов, что в других местах встречается лишь

спорадически" (*Арабские ночи*, 1885, т. х, стр. 205-254). Теория сотадиической зоны не учитывает обычай норманнов, кельтов, скифов, болгар и татар, и, более того, в разных из этих регионов в разные периоды преобладали разные взгляды. Бертон был совершенно не знаком с психологическими исследованиями сексуальной инверсии, которые, по сути, едва начались в его время.

[102] Зритель (*Антропология*, т. vii, 1910), особенно относящийся к окрестностям Сорренто, утверждает, что южные итальянцы считают пассивный *педикюр* постыдным, но практически не стыдятся активного *педикюра*. Это безразличие позволяет им эксплуатировать иностранцев-гомосексуалистов, которых особенно привлекает южная Италия, для развития процветающей гомосексуальной индустрии.

[103] Верно, что в уединении больших современных городов небольшие гомосексуальные кружки могут сформировать, в определенном смысле, собственную среду, благоприятную для их ненормальности; однако этот факт вряд ли меняет общее утверждение, сделанное в тексте.

[104] См. Особенно Хиршфельда, "*Гомосексуалисты*", главы xxiv и xxv.

[105] Ульрихс в своем "*Аргонавтике*" в 1869 году оценил это число всего в 25 000 человек, но признал, что это, вероятно, было решительной заниженной оценкой. Блох (*Die Prostitution*, Bd. i, стр. 792) нашел основания полагать, что в Кельне в пятнадцатом веке процент проституции был почти таким же высоким, как сегодня, по мнению Хиршфельда. Несколькими годами ранее Блох полагал (*Beiträge*, часть i, стр. 215, 1902), что оценка Хиршфельда в 2процента была "чистой бессмыслицей".

[106] Хиршфельд упоминает случай с двумя мужчинами, художниками, один из которых был женат, которые были близкими друзьями в течение многих лет, прежде чем каждый обнаружил, что другой - инвертированный.

[107] Смотрите статьи Нумы Преториуса и Фернана, утверждающие, что гомосексуальность по крайней мере так же распространена во Франции (*Sexual-Probleme*, март и декабрь 1909 г.).

[108] Доктор Лоптс, *Журнал о гомосексуализме*, 1910, стр. 413, 420.

[109] Näcke, *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, 1908, Heft 6.

[110] Важным фактом отношения французов к гомосексуализму является то, что психолог, доктор Сен-Поль, при написании книги на эту тему, хотя и в совершенно нормальной и корректной манере, счел желательным взять псевдоним. Гомосексуальность.

[111] Будет найдена хорошо информированная серия статей, посвященных гомосексуализму в Англии в целом и особенно в Лондоне (L. Pavia, "Die männliche гомосексуальность в Англии", *Vierteljahrsberichte des wissenschaftlich-humanitären Komitees*, 1909-1911). поучительно даже для тех, кто знаком с Лондоном. And see also Hirschfeld, *Die Homosexualität*, ch. xxvi. Много информации исторического характера о гомосексуализме в Англии можно найти у Ойгена Дюрена (Иван Блох), "*Дас Гешлехтсleben в Англии*".

[112] Это: несомненно, причина, по которой так много английских инвертированных обосновались за пределами Англии. Говорят, что Париж, Флоренция, Ницца, Неаполь, Каир и другие места кишат англичанами-гомосексуалистами.

ГЛАВА II. ИЗУЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

Содержание

Westphal—Hössli—Casper—Ulrichs—Krafft-Ebing—Moll—Féré—Kiernan—Lydston—Raffalovich—Edward Carpenter—Hirschfeld.

Можно сказать, что Вестфаль, выдающийся профессор психиатрии в Берлине, был первым, кто поставил изучение сексуальной инверсии на надежную научную основу. В 1870 году он опубликовал в *Архиве психиатрии*, редактором которого он был в течение многих лет, подробную историю молодой женщины, которая с самых ранних лет отличалась от других девочек: ей нравилось одеваться как мальчик, нравились только мальчишеские игры, и по мере взросления ее сексуально привлекали только женщины, с которыми у нее завязался ряд нежных отношений, в которых друзья получали сексуальное удовлетворение взаимными ласками; в то время как она краснела и стеснялась в присутствии женщин, особенно девушки, в которую она случайно была влюблена, она была влюблена в других девочек. всегда была абсолютно безразлична в присутствии мужчин. Вестфаль — ученик, следует отметить, Гризингера, который уже привлек внимание к высокому характеру, иногда проявляемому субъектами этого извращения, — сочетал острую научную проницательность с редкой степенью личной симпатии к тем, кто находился под его опекой, и именно это сочетание качеств позволило ему понять истинную природу подобного случая, который большинство медиков того времени поспешно отвергли бы как вульгарный пример порока или безумия. Вестфаль понимал, что эта ненормальность была врожденной, а не приобретенной, так что ее нельзя было назвать пороком; и, хотя он настаивал на наличии невротических элементов, его наблюдения показали отсутствие чего-либо, что можно было бы законно назвать безумием. Он дал этому состоянию название "противоположное сексуальное чувство" (*Konträre Sexualempfindung*), под которым оно долгое время было обычно известно в Германии. Таким образом, был расчищен путь для быстрого расширения наших знаний об этой аномалии. Новые случаи были быстро опубликованы, сначала исключительно в Германии, и в особенности в *архиве Вестфала*, но вскоре появились и в других странах, главным образом в Италии и Франции.^[113]

Хотя Вестфаль был первым, кто поставил изучение сексуальной инверсии на прогрессивную основу, многие люди ранее получили представление об этом предмете. Так, в 1791 году были опубликованы два случая^[114] мужчин, которые проявляли типичное эмоциональное влечение к собственному полу, хотя было не совсем ясно, что инверсия была врожденной. В 1836 году опять же швейцарский писатель Генрих Хессли опубликовал довольно размытую, но замечательную работу под названием "Эрос", в которой содержалось много материала литературного характера, имеющего отношение к этому вопросу. Похоже, на написание этой книги его подвигло судебное разбирательство, которое в то время привлекло значительное внимание. Человек с хорошим положением внезапно убил юношу и был казнен за преступление, которое, по словам Хессли, было вызвано гомосексуальной любовью и ревностью. Хессли не был образованным ученым; он занимался бизнесом в Гларусе в качестве искусной модистки, самой успешной в городе. Предполагается, что его собственный темперамент был бисексуальным. Его книга была запрещена местными властями, а позже весь

оставшийся запас был уничтожен в результате пожара, так что ее тираж был очень небольшим. Однако сейчас некоторые рассматривают это как первую серьезную попытку разобраться с проблемой гомосексуализма со времен *Банкета Платона*.^[115]

Несколько лет спустя, в 1852 году, Каспер, главный судебно-медицинский авторитет своего времени в Германии — поскольку именно в Германии были заложены основы изучения сексуальной инверсии, — указал в книге Каспера "*Vierteljahrsschrift*", что педерастия в широком смысле этого слова иногда была разновидностью "морального гермафродитизма", обусловленного врожденным психическим заболеванием, а также что она ни в коем случае не обязательно включала содомию (*immissio penis in anum*). Каспер привел значительное количество ценных доказательств, касающихся этих кардинальных точек, на которые он был первым, кто обратил внимание,^[116] но он не смог осознать всю значимость своих наблюдений, и они не оказали непосредственного влияния, хотя Тардье в 1858 году признал врожденный элемент у некоторых педерастов.

Однако человек, который больше, чем кто-либо другой, выявил феномен сексуальной инверсии, не был озабочен ни медицинскими, ни уголовными аспектами этого вопроса. Карл Генрих Ульрихс (родился в 1825 году недалеко от Ауриха), который в течение многих лет разъяснял и защищал гомосексуальную любовь и чьи взгляды, как говорят, оказали некоторое влияние на привлечение внимания Вестфалья к этому вопросу, был ганноверским юридическим чиновником (*ассистентом*), сам сексуально извращенный. Начиная с 1864 года, сначала под именем "Нума Нуманций", а впоследствии и под своим собственным именем, Ульрихс опубликовал в различных частях Германии длинную серию работ, посвященных этому вопросу, и предпринял различные попытки добиться пересмотра правового положения инвертированных полов в Германии.

Хотя Ульрихс и не был писателем, чьи психологические взгляды могли бы иметь большой научный вес, он, по-видимому, был человеком самых блестящих способностей, и его знания, как говорят, были почти универсальными; он был не только хорошо сведущ в своих специальных предметах юриспруденции и теологии, но и во многих областях естествознания, а также в археологии; многие также считали его лучшим латинистом своего времени. В 1880 году он покинул Германию и поселился в Неаполе, а затем в Аквиле в Абруцци, где издавал латинское периодическое издание. Он умер в 1895 году.^[117] Джон Аддингтон Саймондс, который учился в Аквиле в 1891 году, писал: "Ульрихс - *хризостом* в высшей степени, милый, благородный, истинный джентльмен и гениальный человек. Должно быть, когда-то он был человеком исключительной индивидуальности, так тонко очерчены его черты и так величественны линии черепа".^[118]

В течение многих лет Ульрихс был одинок в своих попытках добиться научного признания врожденной гомосексуальности. Он изобрел (с намеком на Урана в "*Симпозиуме*" Платона) слово "ураниан" или "урнинг", с тех пор часто используемое для обозначения гомосексуального любовника, в то время как обычного гетеросексуального любовника он называл дионингом (от Диона). Он рассматривал уранизм, или гомосексуальную любовь, как врожденную аномалию, благодаря которой женская душа соединилась с мужским телом — *anima muliebris in corpore virili inclusa* — и его теоретические рассуждения послужили отправной точкой для многих подобных рассуждений. Его труды замечательны во многих отношениях, хотя из-за полемической

горячности, с которой он, как защитник *pro domo*, отстаивал свое дело, они не оказали заметного влияния на научную мысль.^[119]

Эта привилегия была сохранена за Вестфалем. После того, как он указал путь и открыл свой журнал для их публикации, быстро появились новые случаи. В Италии Ритти, Тамассия, Ломброзо и другие также начали изучать эти явления. В 1882 году Шарко и Маньян опубликовали в *Архиве неврологии* первое важное исследование, появившееся во Франции, касающееся сексуальной инверсии и связанных с ней сексуальных извращений. Они рассматривали сексуальную инверсию как эпизод (*синдром*) в более фундаментальном процессе наследственной дегенерации и сравнивали ее с такими болезненными навязчивыми идеями, как дипсомания и клептомания. С несколько более медико-правовой точки зрения, изучению сексуальной инверсии во Франции способствовал Бруардель, а еще больше Лакассань, стимулирующее влияние которого в Лионе дало плодотворные результаты в работе многих учеников.^[120]

Гораздо большее значение в истории теории сексуальной инверсии имели работы Рихарда фон Краффт-Эбинга (родился в Мангейме в 1840 году и умер в Граце в 1902 году), в течение многих лет профессора психиатрии Венского университета и одного из самых выдающихся психиатров своего времени. Работая на всех кафедрах психиатрии и являясь автором знаменитого учебника, с 1877 года он проявлял особый интерес к патологии сексуального влечения. Его "*Сексуальная психопатия*" содержала более двухсот историй не только сексуальной инверсии, но и всех других форм сексуальных извращений. В течение многих лет это была единственная книга на эту тему, и она долгое время оставалась главным хранилищем фактов. Она выдержала множество изданий и была переведена на многие языки (на английском есть два перевода), пользовавшись огромной и не совсем завидной популярностью.

Методы Краффт-Эбинга вызывали некоторые возражения. Его ум не отличался строгой критичностью. Он с необычайной быстротой выпускал новые и постоянно расширенные издания своей книги, иногда переделывая их. Время от времени он вводил новые подразделения в свою классификацию сексуальных извращений, и, хотя эта довольно продуманная классификация, несомненно, способствовала уточнению предмета и продвижению его научного изучения, она никогда не была общепринятой. Великая заслуга Краффт-Эбинга заключалась в клиническом энтузиазме, с которым он подошел к изучению сексуальных извращений. С твердым убеждением, что он завоевывает великую забытую область патологической психологии, которая по праву принадлежит врачу, он без всякого ложного стыда собрал огромную массу подробных историй болезни, а его репутация побуждала сексуально ненормальных людей со всех сторон присылать ему свои автобиографии в желании принести пользу своим товарищам по несчастью.

Мы должны относиться к Краффт-Эбину скорее как к клиницисту, чем как к психологу. С самого начала он считал инверсию функциональным признаком дегенерации, частичным проявлением невропатического и психопатического состояния, которое в большинстве случаев передается по наследству. Эта извращенная сексуальность появляется спонтанно с развитием сексуальной жизни, без внешних причин, как индивидуальное проявление ненормальной модификации *сексуальной жизни*, и тогда ее следует рассматривать как врожденную; или она развивается в результате особых вредных воздействий, действующих на сексуальность, которая сначала была нормальной, а затем должна рассматриваться как приобретенная.

Однако тщательное исследование этих так называемых приобретенных случаев, как в конце концов окончательно уверовал Краффт-Эбинг, показало бы, что предрасположенность заключается в скрытой гомосексуальности или, по крайней мере, бисексуальности, которая требует для своего проявления действия случайных причин. В последнем издании своей работы Краффт-Эбинг был склонен рассматривать инверсию не столько как вырождение, сколько как вариацию, простую аномалию, и признал, что его мнение, таким образом, приближается к тому, чего долгое время придерживались сами инвертированные.^[121]

На момент своей смерти Краффт-Эбинг, который начал с принятия точки зрения, в то время распространенной среди психиатров, что гомосексуальность является признаком дегенерации, таким образом, полностью принял и закрепил печатью своего авторитета точку зрения, уже высказанную как некоторыми научными исследователями, так и самими инвертированными, что сексуальную инверсию следует рассматривать просто как аномалию, какие бы разногласия ни существовали относительно ценности аномалии. Был даже открыт путь для такой точки зрения, как у Фрейда и большинства современных психоаналитиков, которые считают гомосексуальность нормальной и почти постоянной, имеющей глубокое значение для психонервной жизни. В 1891 году доктор Альберт Молль из Берлина опубликовал свою работу *"Контраргумент сексуального поведения"*, которая впоследствии появилась в значительно расширенных и переработанных изданиях. Она быстро вытеснила все предыдущие книги как полное изложение и разумное обсуждение сексуальной инверсии. Молль не удовлетворился простым представлением свежего клинического материала. Он обратился к проблеме, которая теперь приобрела первостепенное значение: природе и причинам сексуальной инверсии. Он обсуждал эти явления даже больше как психолог, чем как врач, имея в виду более широкие аспекты проблемы, остро критикуя общепринятые мнения, но разумно осторожный в формулировании выводов. Он развеял различные древние предрассудки и суеверия, которые иногда неосторожно повторял даже Краффт-Эбинг. Он принял общепринятое учение о том, что сексуально инвертированные люди обычно принадлежат к семьям, в которых преобладают различные нервные и психические расстройства, но в то же время указал, что не во всех случаях возможно доказать, что мы имеем дело с индивидами, имеющими наследственный невротический налет. Он также отверг любую точную классификацию сексуальных инвертированных, признав только психосексуальный гермафродитизм и гомосексуальность. В то же время он поставил под сомнение существование приобретенной гомосексуальности в строгом смысле этого слова, за исключением редких случаев, и указал, что даже когда нормальный гетеросексуальный импульс появляется в период полового созревания, а гомосексуальный импульс позже, все равно первое может быть приобретенным, а второе - врожденным.

В Америке этому явлению уделили внимание довольно рано. Можно особо упомянуть Дж. Дж. Кирнана и Г. Фрэнка Лидстона, которые выдвинули удобные классификации гомосексуальных проявлений около тридцати лет назад.^[122] Совсем недавно (1911) американский писатель под псевдонимом Ксавьер Мэйн в частном порядке напечатал обширную работу под названием *Интерсексы: история симилисексуализма как проблемы социальной жизни*, популярно написанную и составленную из многих источников. В этой книге с субъективной и едва ли научной точки зрения утверждается, что гомосексуальные отношения естественны, необходимы и законны.^[123]

В Англии первые попытки серьезно, с современной точки зрения, заняться проблемой гомосексуализма появились поздно и были опубликованы либо частным образом, либо за рубежом. В 1883 году Джон Аддингтон Саймондс частным образом опубликовал свое обсуждение *пайдерастии* в Древней Греции под названием "*Проблема греческой этики*", а в 1889-1890 годах он далее написал, а в 1891 году частным образом напечатал "*Проблема современной этики: исследование феномена сексуальной инверсии*". В 1886 году сэр Ричард Бертон добавил к своему переводу "*Арабских ночей*" Заключительное эссе на ту же тему. В 1894 году Эдвард Карпентер частным образом напечатал в Манчестере брошюру под названием *Гомогенная любовь*, в которой он критиковал различные психиатрические взгляды на инверсию, существовавшие в то время, и утверждал, что законы гомосексуальной любви те же, что и законы гетеросексуальной любви, настаивая, однако, на том, что первая обладает особой способностью подниматься на более высокий и духовный уровень товарищества, выполняя таким образом благотворную социальную функцию. Совсем недавно (1907) Эдвард Карпентер опубликовал сборник статей о гомосексуализме и его проблемах под названием "*Промежуточный пол*", а позже (1914) более специальное исследование инвертированных в ранней религии и на войне "*Промежуточные типы среди первобытных народов*".

В 1896 году самая полная книга, написанная на данный момент по этому вопросу в Англии, была опубликована на французском языке г-ном Андре Раффаловичем (в *Библиотеке криминологии* Лакассаня) "*Уранизм и унисексуализм*". В этой книге речь шла в основном о врожденной инверсии, не публикуя новых случаев, но раскрывая обширные знания по этому вопросу. Раффалович выдвинул множество справедливых и проницательных размышлений о природе инверсии и лечении ее, а также об отношении общества к извращенной сексуальности. Исторические разделы книги, представляющие особый интерес, в основном посвящены поразительной распространенности инверсии в Англии, которой пренебрегали предыдущие исследователи. Раффалович, чья позиция в целом скорее философская, чем научная, рассматривает врожденную инверсию как важный и неизбежный фактор в жизни человека, но, принимая католическую точку зрения, он осуждает любую сексуальность, как гетеросексуальную, так и гомосексуальную, и призывает инвертированных сдерживать физические проявления своего инстинкта и стремиться к идеалу целомудрия. В целом, можно сказать, что эта книга - работа мыслителя, который достиг своих результатов своим собственным путем, и эти результаты несут на себе отпечаток оригинальности и свободы от традиций.

В последние годы никто не внес такого значительного вклада в то, чтобы поставить наши знания о сексуальной инверсии на широкую и точную основу, как доктор Магнус Хиршфельд из Берлина, который обладает непревзойденным знакомством с феноменом гомосексуальность во всех их аспектах. Он исчерпывающе изучил этот вопрос в Германии и в некоторой степени также в других странах; он получил истории тысячи инвертированных; говорят, что он встречался с более чем десятью тысячами гомосексуалистов. Как редактор журнала "*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*", который он основал в 1899 году, и автор различных важных монографий — особенно о переходных психических и физических стадиях между мужественностью и женственностью — Хиршфельд уже внес большой вклад в прогресс исследований в этой области до появления в 1914 году его великой работы "*Гомосексуализм человека и женщины*". Это не только самая большая, но и самая точная, подробная и всеобъемлющая — даже самая сжатая - работа, которая когда-либо появлялась на эту тему. Это, действительно, энциклопедия гомосексуализма. К выполнению такой задачи Хиршфельда

подготовили многие годы напряженной деятельности в качестве врача, следователя, судебно-правового эксперта и его должность президента *Виссенского гуманитарного комитета*, который занимается защитой интересов гомосексуалистов в Германии. В книге Хиршфельда патологическая концепция инверсии полностью исчезла; гомосексуальность рассматривается в первую очередь как биологический феномен универсального распространения и, во вторую очередь, как социальный феномен серьезной важности. Здесь нет попыток изобретать новые теории; главная ценность работы Хиршфельда действительно заключается в постоянном стремлении держаться ближе к определенным фактам. Именно это качество делает книгу незаменимым источником для всех, кто ищет просвещенную и точную информацию по этому вопросу.

Даже существования такого трактата, как этот, написанный Хиршфельдом, достаточно, чтобы показать, как быстро развивалось изучение этого предмета. Несколько лет назад — например, когда доктор Поль Моро писал свою книгу "*Отклонения от нормы у мужчин*" — сексуальной инверсии едва ли было даже название. Это был отвратительный и безымянный порок, к которому можно было прикоснуться только щипцами, быстро и с предосторожностями. В том виде, в каком она предстает сейчас, это психологическая и медико-правовая проблема, настолько интересная, что нам не нужно бояться столкнуться с ней, и настолько серьезная социальная актуальность, что мы обязаны столкнуться с ней.

[113] В Англии aberrация полового инстинкта, или склонность мужчин к женским занятиям, а женщин - к мужским, упоминалась в "*Medical Times and Gazette*", 9 февраля 1867 г.; сэр Г. Сэвидж впервые описал случай "Сексуального извращения" в "*Журнале психических наук*", том xxx, октябрь 1884 г.

[114] Moritz, *Magazin für Erfahrungsseelenkunde*, Berlin, Bd. viii.

[115] Полный и интересный отчет о Хессли и его книге дан Каршем в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. v, 1903, стр. 449-556.

[116] "Ойген Дюрен" (Иван Блох), однако, отмечает (*Neue Forschungen über den Marquis de Sade und seine Zeit*, стр. 436), что де Сад в своей "*Алине и Валькуре*", похоже, признает, что инверсия иногда врожденная или, по крайней мере, естественная и склонна к развитию в очень раннем возрасте, несмотря на все провокации к нормальному отношению. "А если бы эта склонность не была естественной, - говорит он Сармьенто, - сложилось бы ли о ней впечатление в детстве? ... Давайте лучше изучим эту снисходительную Натуру, прежде чем осмеливаться устанавливать ее пределы". Еще раньше, в 1676 году (как указал Схоутен, *Сексуальная проблема*, январь 1910 г., стр. 66), итальянский священник по имени Карретто признал, что гомосексуальные наклонности являются врожденными.

[117] Некоторые сведения об Ульрихсе см. *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. i, 1899, стр. 36.

[118] Горацио Браун, *Джон Аддингтон Саймондс, Биография*, том. ii, стр. 344.

[119] Ульрихс едва ли заходил так далеко, чтобы утверждать, что как гомосексуальная, так и гетеросексуальная любовь одинаково нормальны и полезны; однако это было доказано совсем недавно.

[120] Можно особо упомянуть "*Сексуальную инверсию*", обширную и всеобъемлющую, хотя иногда и некритичную книгу доктора Дж. Шевалье, опубликованную в 1893 году, и "*Извращения и извращенная сексуальность*" доктора Сен-Поля, пишущего под псевдонимом "Доктор Дж. Лауптс", опубликованный в 1896 году и переизданный в расширенном виде под названием "*О гомосексуализме и типах гомосексуалистов*" в 1910 году.

[121] Краффт-Эбинг изложил свои последние взгляды в документе, прочитанном перед Международным медицинским конгрессом в Париже в 1900 году (*Comptes-rendus*, "Раздел психиатрии", стр. 421, 462; также во вкладышах в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. iii, 1901).

[122] Кирнан, *Detroit Lancet*, 1884, *Психиатр и невролог*, апрель 1891; Лидстон, *Philadelphia Medical and Surgical Reporter*, 7 сентября 1889, и *Обращения и эссе*, 1892.

[123] Краткое изложение заключения этой книги, из которой было напечатано лишь несколько экземпляров, можно найти в книге Хиршфельда "*Vierteljahrsberichte*", октябрь 1911 г., стр. 78-91.

ГЛАВА III. СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ У МУЖЧИН.

Содержание

Относительно недифференцированное состояние сексуального влечения в раннем возрасте—
Взгляд Фрейда—Гомосексуальность в школах—Вопрос приобретенной гомосексуальности—
Латентная инверсия—Заторможенная инверсия—Бисексуальность—Вопрос правдивости
инвертированного—Истории.

Когда сексуальный инстинкт впервые проявляется в ранней юности, он гораздо менее специализирован, чем обычно становится позже. Оно не только изначально менее определено направлено на конкретную сексуальную цель, но даже пол его объекта иногда неопределенен.^[124] Это всегда было настолько хорошо признано, что те, кто имеет власть над молодыми мужчинами, иногда принуждали их к женщинам, чтобы избежать риска возможных неестественных преступлений.^[125]

Учреждением, которое представляет нам эти явления наиболее ярко и наиболее важным образом, является, естественно, школа, в Англии особенно государственная школа. Во Франции, где отмечаются те же явления, Тард обратил внимание на эти отношения, "чаще всего платонические в примитивном значении этого слова, которые указывают на простую нерешительность границы между дружбой и любовью, все еще недифференцированные на заре пробуждающегося сердца", и он сожалел, что никто не изучал их. В Англии мы очень хорошо знакомы с туманными намеками на пороки государственных школ. Время от времени мы читаем в газетах письма, осуждающие государственные школы как "рассадники порока", а один анонимный автор замечает, что "некоторые из наших государственных школ чуть ли не провоцируют наказания, характерные для городов Равнины".^[126] Но эти утверждения редко или вообще никогда не подвергаются тщательному расследованию. Врачи и преподаватели

государственных школ, которые в состоянии изучать этот вопрос, обычно не имеют психологической подготовки и, по-видимому, относятся к гомосексуализму со слишком большим отвращением, чтобы обращать на него сколько-нибудь пристальное внимание. Те знания, которыми они обладают, они держат при себе, поскольку считается, что в интересах государственных школ замалчивать подобные вещи. Когда происходит что-то очень скандальное, одного или двух парней выгоняют, нанося им серьезную травму и, возможно, на всю жизнь, и без пользы для тех, кто остается, чья пробуждающаяся сексуальная жизнь редко вызывает разумное сочувствие.

В нескольких историях, которые следуют в этой главе, а также в историях, содержащихся в других томах этих *Исследований*, будут найдены подробности, касающиеся гомосексуализма в том виде, в каком он встречается в английских школах, государственных или частных. (Смотрите также исследование "Аутоэротизм" в т. i.) Распространенность гомосексуальных и эротических явлений в школах сильно различается в разных школах и в разное время в одной и той же школе, в то время как в небольших частных школах такие явления могут быть совершенно неизвестны. Будучи английским школьником, я сам никогда не видел и не слышал ничего о подобной практике, а в Германии профессор Гурлитт (*Die Neue Generation*, январь 1909 г.), среди прочих, свидетельствует о подобном отсутствии опыта на протяжении всей его школьной жизни, хотя среди мальчиков было много разговоров и шуток на сексуальные темы. Я добавил несколько наблюдений корреспондента, чей опыт общения с английской государственной школой еще свеж: —

"За те годы, что я учился в государственной школе, я видел и слышал много гомосексуализма, хотя до последних двух лет своей жизни не понимал его значения. Как префект, я обсуждал с другими префектами методы его проверки и наказания в случае обнаружения. Мои собственные наблюдения, подкрепленные наблюдениями других, привели меня к мысли, что недостаток обычного метода борьбы с гомосексуализмом в школах заключается в том, что он рассматривает всех школьных гомосексуалистов как находящихся в одном классе, и имеет только один способ борьбы с ними — розги за первое нарушение, исключения за второе. Теперь, я думаю, мы можем выделить *три* класса школьных гомосексуалистов:—

"а) очень небольшое число людей, которые, вероятно, радикально перевернуты и которые без колебаний приносят в жертву своим страстям юных и невинных мальчиков. Они, и только они, представляют реальную моральную опасность для других, и я считаю, что они встречаются редко.

"(b) Мальчики разного возраста, которые, будучи посвященными в пассивную часть в юности, продолжают практики активного или пассивного характера; но только с мальчиками, о которых уже известно, что они гомосексуалисты; они подводят черту под развращением новых жертв. Этот класс более или менее осознает, что они собой представляют, но его нельзя назвать опасным для морали чистокровных мальчиков.

"(c) маленькие мальчики, которые, будь то в процессе развития своей собственной физической природы или по указанию старших мальчиков класса (а), познают удовольствие от мастурбации или межклеточной связи. (Я никогда не слышал о случае *педикюра* в моей школе и только однажды о *фелляции*, покушение на которую было совершено на совсем маленького мальчика, который пожаловался своему учителю, и нарушитель был исключен). Мальчики в этом классе,

вероятно, мало или вообще не имеют представления о том, что такое сексуальная мораль, и их вряд ли вообще можно обвинить в *моральном* преступлении.

"Я утверждаю, что к этим трем классам следует относиться совершенно по-разному. Исключение иногда может быть необходимо для класса (а), но те немногие, кто принадлежит к этому классу, обычно слишком хитры, чтобы попасться. Раньше в школе было печально известно, что почти всегда попадались не те люди. Я не думаю, что мальчика из двух других классов когда-либо следует исключать, и даже когда исключение неизбежно, его следует, по возможности, отложить до конца семестра, чтобы сделать его неотличимым от обычного отчисления. В конце концов, нет причин разрушать перспективы мальчика из-за того, что в шестнадцать лет он маленькое чудовище; в этом возрасте очень мало безнадежных неисправимых.

"Что касается двух других занятий, я должен начать с того, что дам мальчикам гораздо более полное просвещение на сексуальные темы, чем это делается обычно, прежде чем они вообще пойдут в государственную школу. Либо мальчика загоняют в тупик в полной невинности и невежестве, и он поддается искушению совершать поступки, которые он смутно, если вообще осознает, считает неправильными, и это только потому, что так подсказывает ему загадочный инстинкт; либо ему дают ровно столько информации, чтобы возбудить его любопытство, обычно в форме предупреждений против определенных, казалось бы, безобидных телесных действий, которые он, естественно, совершает из любопытства и находит их очень приятными. Может быть нежелательно, чтобы мальчик обладал полными знаниями в то время, когда он идет в школу, но еще более нежелательно, чтобы он шел со жгучим любопытством или полным невежеством в этом предмете. Я убежден, что многое можно было бы сделать на пути профилактики, если бы мальчикам больше рассказывали и позволяли быть *открытыми*. Я полагаю, что большая часть удовольствия от разговоров о сексе среди мальчиков объясняется ложным интересом, вызванным тем фактом, что это запретный плод и сопряжен с риском, если его поймают. Мне кажется, что откровенность гораздо более нравственна, чем внушение. Я бы не стал "вычеркивать" школьные издания великих авторов; откровенная непристойность отдельных частей Шекспира гораздо менее аморальна, чем похотливое ханжество, из-за которого его отказываются печатать, но нумеруют строки таким образом, что мальчик может пойти домой и посмотреть пропущенный отрывок в полном издании с отчетливым чувством вины, в чем и заключается вред".

Вероятно, что лишь небольшая часть гомосексуальных мальчиков в школах может быть должным образом охарактеризована как "порочная". А. Хох, описывая гомосексуальность в немецких школах ("Zür Frage der forensischen Beurteilung sexuellen Verghen", *Neurologisches Centralblatt*, 1896, № 2) и объединяя сообщения, полученные от различных врачей относительно их собственного юношеского опыта в школе, находит отношения такого рода очень распространенными, обычно междумальчиками разного возраста и школьными классами. По словам одного наблюдателя, женственную, или пассивную, роль всегда играл мальчик девичьего телосложения, и отношения были чем-то похожи на отношения обычных влюбленных, с поцелуями, стихами, любовными письмами, сценами ревности, иногда посещениями друг друга в постели, но без мастурбации, педерастии или других грубых физических проявлений. Исходя из своего собственного юношеского опыта, Гош записывает точно такие же наблюдения и отмечает, что любовники ни в коем случае не были набраны из порочных элементов школы. (Старшие ученики, в возрасте 21 или 22 лет, вступали в регулярные

сексуальные отношения со служанками в доме.) Вполне вероятно, что гомосексуальные отношения в английских школах, как правило, не более порочны, чем те, что описаны Гошем, но сокрытие, в которое они завернуты, приводит к преувеличению. В ходе обсуждения этого вопроса более тридцати лет назад "Олим Итониенсис" написал (*Журнал образования*, 1882, стр. 85), что, составив список порочных мальчиков, которых он знал в Итоне, он обнаружил, что "именно эти мальчики стали министрами кабинета министров, государственными деятелями, офицерами, священнослужителями, сельскими жителями и т.д., И что почти все они отцы процветающих семей, уважаемые и преуспевающие". Но, как заметил Марро, вопрос таким образом не решен. Общественное различие никоим образом не обязательно подразумевает какую-либо высокую степень частной морали.

Иногда проявления, проявляющиеся таким образом в школах или везде, где молодые люди собираются вместе, не являются по-настоящему гомосексуальными, но демонстрируют более или менее жестокое или даже садистское извращение незрелого полового инстинкта. Это можно проиллюстрировать следующим рассказом крупном складе в лондонском сити: "Юноша бросил мой класс в возрасте 16 с половиной лет, - пишет корреспондент, - чтобы поступить учеником в крупную оптовую фирму на Джи-стрит. К счастью, он прошел трехнедельный испытательный срок перед написанием статьи. Он пришел ко мне в конце первой недели с просьбой заступиться за его мать (у него не было отца), чтобы она не позволила ему вернуться. Он рассказал мне, что почти каждую ночь, и особенно когда приходили новые товарищи, молодые люди из его общежития (всего одиннадцать человек) подстерегали его, прижимали к земле и растирали его части тела под мелодию какой-нибудь комической песни или танцевальной музыки. Мальчик, который мог выбрать самое быстрое время, имел привилегию выполнить операцию, и большинству приходилось по очереди становиться жертвой, если только не поступали новые мальчики, когда их иногда подвергали этому в течение недели. Этот мальчик, получивший строгое воспитание, был потрясен, ошеломлен и встревожен; но они запретили ему кричать, и он не осмелился сообщить об этом. Большинство мальчиков поступали непосредственно на обучение без испытательного срока, и у них не было никаких шансов выбраться оттуда. Я добился освобождения мальчика из заведения и дал управляющему понять, что произошло. " В таких случаях, как этот, обычно случалось, что сильный мальчик с жестокими и извращенными инстинктами и некоторой силой характера инициирует разбирательство, на которое остальные либо соглашались с самодовольством, либо слишком слабы, чтобы сопротивляться.

Макс Дессуар^[127] пришел к выводу, что "недифференцированное сексуальное чувство является нормальным, в среднем, в первые годы полового созревания — т.е., с 13 до 15 лет у мальчиков и с 12 до 14 у девочек — в то время как в более поздние годы оно должно рассматриваться как патологическое". Он совершенно справедливо добавил, что в этот ранний период сексуальные эмоции не были сосредоточены в половых органах. Этот последний факт, конечно, слишком часто забывается взрослыми людьми, которые подозревают в идеализированной страсти мальчиков и девочек физическую сторону, о которой дети часто и не подозревают и на которую смотрят с отвращением и ужасом. Насколько можно считать недифференцированным сексуальный инстинкт в раннем половом созревании в том, что касается секса, немного сомнительно. Он сравнительно недифференцирован, но, за исключением редких случаев, не является абсолютно недифференцированным.

Однако мы должны признать, что, по мнению новейших физиологов пола, таких как Касл, Хип и Маршалл, каждый пол содержит скрытые признаки другого, или рецессивного, пола. Каждый пол скрыт в другом, и каждый, поскольку он содержит признаки обоих полов (и может передавать признаки рецессивного пола), является скрытым гермафродитом. Таким образом, гомосексуальную склонность можно рассматривать просто как психическое проявление особых признаков рецессивного пола, которые могут развиваться при изменившихся обстоятельствах, например, в период полового созревания, и связаны с изменением метаболизма.^[128]

Уильям Джеймс (*Принципы психологии*, т. ii, стр. 439) считал инверсию "разновидностью сексуального влечения, зародышевой возможностью которого, весьма вероятно, обладает большинство мужчин". Конолли Норман (статья "Сексуальное извращение", *Словарь психологической медицины Тьюка*) также утверждал, что "сексуальная страсть при ее первом появлении всегда неопределенна и очень легко поворачивается в неправильном направлении", и он, по-видимому, объяснял инверсию этим фактом и преждевременным развитием невротиков. Обичи и Маркезини (*"Дружеские отношения коллегии"*, стр. 126) ссылаются на неопределенный характер сексуальных чувств, когда они только начинают развиваться. Корреспондент считает, что сексуальные чувства недифференцированы в ранние годы, связанные с половым созреванием, но в то же время считает, что школьная жизнь в некоторой степени ответственна; "каникулы, - добавляет он, - достаточно продолжительны, чтобы нейтрализовать это, однако, при условии, что у мальчика есть сестры, а у них есть друзья; смена школьного питания и работы на домашний естественно приводит к большому избытку нервной силы, и я думаю, что большинство мальчиков "дурачатся" со слугами или подругами своих сестер". Молль (*"Контраре сексуального познания"*, 1889, стр. 6 и 356) не считает доказанным, что стадия недифференцированного сексуального чувства возникает всегда, хотя мы должны признать, что это частое явление. В своей более поздней работе (1909, *"Сексуальное воспитание детей"*, перевод на английский, *"Сексуальная жизнь ребенка"*, глава iv) Молль остается при том же мнении, что гомосексуальная склонность очень часта у нормальных детей, чье последующее развитие вполне нормально; она начинается в возрасте от 7 до 10 лет (или даже в 5) и может длиться до 20.

В последние годы Фрейд принял и развил концепцию гомосексуальной направленности, как нормальную в раннем возрасте. Так, в 1905 году в своем *"Анализе истерии Брухштюка"* (переиздано во второй серии *"Саммлунг Кляйнер Шрифтен цур нейрофизиолог"*, 1909) Фрейд рассматривает как хорошо известный факт, что мальчики и девочки в период полового созревания обычно демонстрируют явные признаки существования гомосексуальной тенденции. При благоприятных обстоятельствах эта тенденция преодолевается, но когда счастливая гетеросексуальная любовь не устанавливается, она по-прежнему может проявиться вновь под влиянием соответствующего стимула. У невротика эти гомосексуальные зародыши развиты более высоко. "Я никогда не проводил психоанализа мужчины или женщины, - утверждает Фрейд, - не обнаружив у них очень значительной гомосексуальной склонности". Ференци, опять же (*Jahrbuch für Psychoanalytische Forschungen*, Bd. iii, 1911, стр. 119), без ссылки на какую-либо физическую основу импульса, признает "психическую способность ребенка направлять свой изначально беспредметный эротизм на одного или оба пола" и называет это предрасположение *амбисексуальностью*. Можно сказать, что большинство психоаналитиков, даже тех школ, которые отделены от Фрейда, признают нормальность гомосексуального элемента в раннем возрасте. Стебель пошел бы дальше и рассматривает различные психические сексуальные аномалии как признаки скрытой бисексуальной

тенденции; психическая импотенция, восхищение мужчин маскулинными женщинами и женщин женственными мужчинами, различные формы фетишизма — все это маски гомосексуализма (Stekel, *Zentralblatt für Psychoanalyse*, vol. ii, апрель 1912 г.).

Эти привязанности и страсти школьников возникают, в значительной степени, спонтанно, по мере развития сексуальных эмоций, хотя метод проявления может быть предметом примера или внушения. По мере того, как сексуальные эмоции становятся сильнее, и когда мальчик покидает школу или колледж, чтобы общаться с мужчинами и женщинами в мире, инстинкт обычно переходит в нормальное русло, по которому инстинкты большинства мальчиков были направлены с самого раннего наступления половой зрелости, если не раньше. Но определенная часть остается нечувствительной к влиянию женщин, и их можно рассматривать как истинных сексуальных инвертированных. Некоторые из них, вероятно, являются индивидуумами с несколько неразвитыми сексуальными инстинктами. Члены этой группы представляют определенный интерес с психологической точки зрения, хотя из-за сравнительного затихания их сексуальных эмоций им уделялось мало внимания. Следующее сообщение, которое я получил от хорошо аккредитованного источника, заслуживает внимания с этой точки зрения:—

"Возможно, вас заинтересуют следующие факты, хотя мое изложение их неизбежно носит общий и расплывчатый характер. Мне довелось близко познакомиться с тремя случаями мужчин, чьи чувства были в основном направлены исключительно на особ своего пола. Первый, занимавшийся мастурбацией в детстве, а затем примерно на десять лет прекративший заниматься ею (до такой степени, что даже подавлял свои эротические сны), с тех пор сознательно прибегал к ней (с интервалом примерно в две недели) в качестве замены совокупления, к которому он никогда не испытывал ни малейшего желания. Но иногда, когда он спит с другом мужского пола, у него возникают выделения в процессе объятий. Второго постоянно и в ненормальной степени (я бы сказал) беспокоят эротические сны и выделения, и по рекомендации врача он принимает лекарства, чтобы уменьшить эту активность. Недавно у него появился сексуальный интерес к женщинам, но по этическим и другим причинам он не совокупляется с ними. О третьем я мало что могу сказать, поскольку он не говорил со мной на эту тему; но я знаю, что он никогда не имел половых сношений с женщинами и всегда испытывал естественное и инстинктивное отвращение к этой идее. Я полагаю, что у всех них физический импульс к сексу менее настоятелен, чем у среднего мужчины. Эмоциональный импульс, с другой стороны, очень силен. Это породило дружбу, адекватного описания которой я не нахожу нигде, кроме как в диалогах Платона; и, за исключением определенного чувства странности от постепенного обнаружения темперамента, явно отличающегося от темперамента большинства людей, это не вызвало ни самобичевания, ни стыда. Напротив, это чувство было скорее восторгом от сознания способности к привязанности, которая кажется более тонкой и духовной, чем та, которая обычно существует между людьми разного пола. Все эти люди обладают интеллектуальными способностями выше среднего; и один из них активно работает в мире, где его уважают за его способности и восхищаются его характером. Я упоминаю об этом особенно, потому что, по-видимому, в книгах на эту тему вошло в привычку рассматривать рассматриваемые отношения как патологические и выбирать случаи, когда те, кто в них замешан, терзаются стыдом и раскаянием. В случаях, на которые я ссылаюсь, ничего подобного не существует.

"Во всех этих случаях физическое сексуальное влечение признается основой отношений, но как вопрос чувства, а отчасти и теории, принимается аскетический идеал.

"Это единственные случаи, с которыми я лично и близко знаком. Но никто не мог бы пройти через жизнь в государственной школе или колледже, не наблюдая постоянно признаков рассматриваемого явления. Мне ясно, что в большом количестве случаев нет четкой границы между тем, что называется "дружбой" и любовью; и, вероятно, именно влияние обычаев и общественного мнения в большинстве случаев в конечном итоге направляет физическую страсть в сторону противоположного пола".

Классификация разновидностей гомосексуализма представляет собой проблему, и ни одна классификация не является очень фундаментальной. Ранние попытки Крафт-Эбинга и других разработать сложную классификацию больше неприемлемы. Даже самые элементарные группировки становятся сомнительными, когда мы должны определенно подогнать под них наши случаи. Старое различие между врожденной и приобретенной гомосексуальностью утратило свое значение. Когда мы признали, что существует тенденция к возникновению гомосексуализма у лиц с обычно нормальными наклонностями, которые помещены в условия (например, на борту корабля или в тюрьме), где осуществление нормальной сексуальности невозможно, дальнейшая классификация по этому направлению практически не требуется.^[129] Мы зашли настолько далеко, насколько это было необходимо, признав общую неопределенную гомосексуальность — отношения неопределенного характера с лицами одного пола — в дополнение к более конкретной сексуальной инверсии.^[130]

Теперь можно сказать, что это признано всеми авторитетами, даже Фрейдом, который подчеркивает особый психологический механизм, с помощью которого гомосексуальность может утвердиться, что врожденная предрасположенность, а также приобретенная тенденция необходимы для формирования истинной инверсии, очевидные исключения слишком малы, чтобы иметь большой вес. Крафт-Эбинг, Некке, Иван Блох, которые одно время верили в возможность приобретенной инверсии, в конце концов отказались от этой точки зрения, и даже Шренк-Нотцинг, ярый сторонник доктрины приобретенной инверсии двадцать лет назад, признает необходимость благоприятствующей предрасположенности, признание, которое делает различие между врожденным и приобретенным неважным, если не просто словесным различием.^[131] Предположим, действительно, что мы готовы признать, что истинная инверсия может быть чисто приобретенна, решение в любом конкретном случае должно быть чрезвычайно трудным, и я нашел очень мало случаев, которые даже при несовершенных знаниях можно было бы справедливо так назвать.

Даже случаи (на которые давным-давно ссылался Шопенгауэр), в которых инверсия устанавливается только в позднем возрасте, больше не рассматриваются как затрудняющие принятие доктрины о врожденной природе инверсии; в таких случаях инверсия просто замедляется. Концепция замедленной инверсии, то есть скрытой врожденной инверсии, проявляющейся в поздний период жизни, была впервые выдвинута Тоно в 1898 году в его *"Вниманиях к людям"*, чтобы заменить неудовлетворительную, по его мнению, концепцию приобретенной инверсии. Тоно считал замедленную инверсию относительно редкой и не имеющей большого значения, но более доступной для терапевтических мер. Три года спустя Крафт-Эбинг, ближе к концу своей жизни, принял ту же концепцию; все случаи, к которым он

ее применял, были, по его мнению, бисексуальными и обычно также отмечались сексуальной гиперестезией. Такой взгляд на проблему был быстро поддержан Нэкке, и теперь можно сказать, что он получил широкое признание.^[132]

Молл раньше, чем Тоино, указал, что трудно поверить, что гомосексуальность в пожилом возрасте может когда-либо возникнуть без хотя бы некоторой врожденной слабости гетеросексуального импульса, и что мы не должны отрицать возможность наследственности, даже когда гомосексуальность проявляется в возрасте 50 или 60 лет.^[133]

Молл считает весьма сомнительным, что одной только гетеросексуальной сытости может быть когда-либо достаточно, чтобы породить гомосексуальность. Нэкке позаботился о том, чтобы оставить в стороне случаи, которым когда-то придавалось большое значение, когда пожилые мужчины с ослабевающими сексуальными способностями или молодые мужчины, измученные гетеросексуальным развратом, испытывают влечение к мальчикам. В таких случаях, к которым относится большинство опоздавших, Нэкке рассматривал инверсию просто как ложную, как *ошибку* людей, более не способных к нормальной сексуальной активности.

Такие случаи, без сомнения, нуждаются в более тщательном психологическом изучении, чем обычно. Ферре однажды исследовал случай такого рода, в котором здоровый молодой человек (хотя и со слегка невротической наследственностью с одной стороны) чрезмерно практиковал половые сношения в возрасте от 20 до 23 лет — часто движимый *большесобственной любовью* (или тем, что Адлер назвал бы "мужским протестом" органически неполноценных), чем сексуальным желанием, — а затем внезапно стал импотентом, в то же время потеряв всякое желание, но без какой-либо другой потери здоровья. Шесть месяцев спустя потенция медленно вернулась, хотя и не в такой степени, и он женился. В возрасте 35 лет начали появляться симптомы опорно-двигательной атаксии, и несколько лет спустя он снова стал импотентом, но без потери сексуального влечения. Внезапно однажды, находясь в тесном контакте с молодым человеком за *табльдотом*, он испытал сильную эрекцию; позже он обнаружил, что то же самое происходило с другими молодыми людьми, и, хотя у него не было психического влечения к мужчинам, он был вынужден искать такого контакта, и возникло отвращение к женщинам и их сексуальности. Пять месяцев спустя наступила полная парализованная нижнечелюстная импотенция, а затем исчезли и гомосексуальная склонность, и отвращение к женщинам. (Ферре, *Инстинктивный секс*, стр. 184.) В таком случае под влиянием болезни чрезмерная стимуляция, по-видимому, приводит к более или менее полной сексуальной анестезии, точно так же, как временно мы можем быть более или менее ослеплены избытком света; и функциональная сила восстанавливается под влиянием другого и обычно гораздо более слабого стимула.

Леппманн, изучавший гомосексуальные проявления ранее нормальных стариков по отношению к мальчикам ("*Greisenalter und Kriminalität*", *Журнал психотерапии*, Bd. i, Heft 4, 1909), считает главным фактором вспышку сексуального влечения в извращенном направлении на ранней стадии патологического церебрального расстройства, не доходящего до безумия и не предполагающего полной безответственности. В таких случаях, считает Леппманн, субъект может из-за недостатка силы вернуться к началу своей сексуальной жизни и, возможно, к неосознанным гомосексуальным влечениям того возраста.

С учетом того, что гомосексуальность в юности может быть вызвана еще недифференцированным сексуальным влечением, гомосексуальность в зрелом возрасте -

задержкой развития на врожденной основе, а гомосексуальность в зрелом возрасте - возвращением к юношеским установкам, область ложной или "псевдо" гомосексуальность кажется мне очень ограниченной. Большинство, возможно, все, авторитеты все еще признают реальность этой ложной гомосексуальности у гетеросексуальных людей. Но они не вдаются в подробности, касающиеся этого, и не приводят никаких подробных наблюдений за случаями, в которых это происходило. Хиршфельд, обсуждая диагноз гомосексуализма и стремясь отличить подлинных инвертированных от ложных,^[134] перечисляет три класса последних: (1) те, кто практикует гомосексуальность с целью наживы, особенно проститутки мужского пола и шантажисты; (2) лица, которые из побуждений жалости, добродушия, дружбы и т.д. Позволяют себе быть объектами гомосексуального влечения; (3) нормальные люди, которые, будучи исключены из общества противоположного пола, например, в школах, казармах, на борту корабля или в тюрьме, вступают в сексуальные отношения с лицами своего пола. Теперь Хиршфельд ясно осознает, что сам по себе половой акт не является доказательством направленности сексуального импульса; это может стать возможным при механическом раздражении (например, при стимуляции полного мочевого пузыря) и у женщин вообще без какой-либо стимуляции; такие случаи могут иметь небольшое психологическое значение. Более того, он, кажется, признает, что некоторые подразделения его первого класса являются истинно инвертированными. Далее он упоминает, что около 75 процентов. возраст индивидов, включенных в эти классы, составляет от 15 до 25 лет, то есть они едва вышли из того периода, когда у нас есть основания полагать, что, во всяком случае, у большого числа индивидов сексуальное влечение еще не дифференцировано окончательно; так что ни гомосексуальные, ни гетеросексуальные тенденции не могут должным образом рассматриваться как ложные.

Если, действительно, мы действительно принимаем очень разумную точку зрения, что основа сексуальной жизни бисексуальна, хотя ее направление может быть определенно зафиксировано в гетеросексуальном или гомосексуальном направлении на очень раннем этапе жизни, становится трудно понять, как мы можем дальше с уверенностью говорить о определенно ложном классе гомосексуалистов. В каждом из трех классов, указанных Хиршфельдом, вполне может быть большинство по-настоящему гомосексуальных или бисексуальных личностей. Проститутки и даже шантажисты, безусловно, во многих случаях являются настоящими инвертированными. Те люди, опять же, которые позволяют себе быть получателями гомосексуального внимания, вполне могут обладать следами гомосексуального чувства и, несомненно, в очень многих случаях лишены сильного гетеросексуального импульса. Наконец, лица, которые обращаются к своему полу, будучи насильственно исключены из общества противоположного пола, ни в коем случае нельзя безоговорочно считать нормальными гетеросексуальными личностями. Лишь небольшая часть гетеросексуальных людей испытывает эти импульсы в таких условиях. Всегда есть другие, которые при тех же условиях сохраняют эмоциональное влечение к противоположному полу и сексуальное безразличие к своему собственному полу. Очевидно, что разница есть, и наиболее разумно предположить, что эта разница заключается в существовании следа гомосексуального чувства, которое проявляется в ненормальных условиях и утихает, когда более сильный гетеросексуальный импульс снова может быть удовлетворен.

Следовательно, реальное различие, по-видимому, заключается в том, что гомосексуальный импульс настолько силен, что сохраняется даже в присутствии гетеросексуального объекта, и гомосексуальный импульс настолько слаб, что его затмевает присутствие гетеросексуального объекта. Однако мы не могли бы с полным основанием говорить о последнем как о чем-то более

"ложном" или "псевдо", чем о первом. Гетеросексуального человека, который испытывает гомосексуальный импульс при отсутствии какой-либо гомосексуальной предрасположенности, сегодня нелегко принять. Мы, конечно, можем принять возможность того, что механический или другой несексуальный стимул приводит к половому акту, противоречащему предрасположенности индивида. Но обычно это несколько сложно доказать, а когда доказано, это имеет небольшое психологическое значение. Таким образом, мы можем ожидать, что "псевдо-гомосексуальность", или ложная гомосексуальность, будет играть все меньшую роль в классификации.

Самая простая из всех возможных классификаций, и та, которую я принял в предыдущих изданиях настоящего *Исследования*, просто стремится провести различие между теми, кого не привлекает исключительно противоположный пол, а привлекает исключительно тот же пол, и теми, кого привлекают оба пола. Первые - гомосексуалисты, независимо от того, проистекает ли влечение из подлинной инверсии или нет. Вторые - бисексуалы, или, как их раньше чаще называли, вслед за Крафт-Эбингом, психосексуальные гермафродиты.^[135] Таким образом, казалось бы, существует широкая и простая группировка всех сексуально функционирующих людей на три всеобъемлющих подразделения: гетеросексуалов, бисексуалов и гомосексуалистов.

Однако даже эта элементарная классификация, по-видимому, не имеет большой практической пользы. Установлено, что бисексуальная группа вносит неопределенность и сомнения. Не только большая часть людей, которых справедливо можно считать нормально гетеросексуальными, в какой-то момент своей жизни испытывали чувство, которое можно назвать сексуальным по отношению к лицам своего пола, но и очень большая часть людей, которые определенно и явно гомосексуальны, как обнаружено, испытывали сексуальное влечение к лицам противоположного пола и имели с ними отношения. Социального давления, толкающего всех людей в нормальное сексуальное русло, достаточно, чтобы развились такие незначительные зачатки гетеросексуальности, которыми могут обладать гомосексуалисты, и таким образом сделать их бисексуалами. У большинства взрослых бисексуалов, по-видимому, гомосексуальная тенденция сильнее и органичнее, чем гетеросексуальная. Таким образом, бисексуальность в большом количестве случаев была бы сравнима с амбидекстрией, которая, как обнаружил Бервлит, чаще всего встречается у людей, являющихся органическими левшами.^[136] Таким образом, хотя разделение на гетеросексуалов, бисексуалов и гомосексуалистов является полезным поверхностным разделением, вряд ли это научная классификация.

Перед лицом этих различных соображений и ввиду того факта, что, хотя я чувствую себя вправе считать истории моих случаев достоверными, насколько это возможно, я не всегда мог их подробно исследовать, мне показалось лучшим вообще не пытаться классифицировать.

Следовательно, порядок, в котором приводятся следующие истории, не следует рассматривать как имеющий какое-либо значение.

Возможно, здесь уместно сказать несколько слов относительно достоверности заявлений гомосексуалистов. Иногда это ставилось под сомнение. Много лет назад нам часто говорили, что инвертированные - такие лживые дегенераты, что невозможно было положиться ни на что из того, что они говорили. Также было принято говорить, что, когда они писали автобиографические рассказы о себе, они просто стремились придать им форму тех, что были

опубликованы Краффт-Эбингом. Совсем недавно психоаналитики предприняли более радикальную атаку на все истории, полученные не их собственными методами, как на совершенно ненадежные, даже если они изложены добросовестно, отчасти потому, что субъект утаивает многое из того, что он считает слишком тривиальным или слишком неприятным, чтобы выдвигать его на первый план, а отчасти потому, что он не может обратиться к тому бессознательному полю внутри себя, где, как считается, скрыты наиболее важные факты из его собственной сексуальной истории. Thus Sadger ("Ueber den Wert der Autobiographien Sexuell Perverser," *Fortschritte der Medizin*, nos. 26-28, 1913) энергично выдвигает эту точку зрения и утверждает, что автобиографии инвертов ничего не стоят, хотя его утверждения несколько обесцениваются тем фактом, что они сопровождают автобиографию, написанную в обычной манере, которой он придает большое значение.

Возражение против автобиографических заявлений гомосексуалистов относится к периоду, когда гомосексуалисты были очень мало известны, и предполагалось, что их моральный облик в целом был справедливо представлен небольшой группой среди них, которая привлекала больше внимания, чем остальные, по причине дискредитирующего поведения. Но на самом деле, как мы теперь знаем, среди инвертированных, как и среди нормальных людей, можно встретить самых разных людей со всевозможными моральными качествами. Садгер (*Архив криминальной антропологии*, 1913, стр. 199) жалуется на "большую неискренность инвертированных, не признающих свою инверсию"; но, как признает сам Садгер, нас это не может удивлять, пока инверсия считается преступлением. Самые нормальные люди в подобных условиях были бы точно так же неискренни. Если гомосексуалист в каком-либо отношении и отличается в этом аспекте от гетеросексуала, то это потому, что он чаще проявляет тенденцию быть слегка невротичным, нервно чувствительным и женственно эмоциональным. Эти тенденции, хотя, с одной стороны, они способны вызвать очень легко обнаруживаемое тщеславие, могут также привести к необычному самоподчинению правдивости. В целом, исходя из моего собственного опыта, можно сказать, что лучшие истории, написанные гомосексуалистом, выгодно отличаются откровенностью, умом и силой самоанализа от тех, что написаны гетеросексуалом.

Древнее утверждение о том, что инвертированные писали свои собственные истории по образцу или по предложению тех, что были опубликованы в "*Сексуальной психопатии*" Краффта-Эбинга, вряд ли может иметь большую силу сейчас, когда опубликованные истории настолько чрезвычайно разнообразны и многочисленны, что они, вероятно, не могут произвести какого-либо единообразного впечатления на самый чувствительный разум. На самом деле, нет никаких сомнений в том, что инвертированные часто получали стимул излагать свой собственный опыт, читая то, что написано другими. Но стимуляция, как правило, заключалась в том факте, что их собственные переживания казались разными, а не в том, что они казались идентичными. Истории, которые они читают, служат моделями только в том смысле, что они указывают точки, по которым требуется информация. Мне часто удавалось убедиться в этом влиянии, которое в любом случае казалось бы довольно очевидным.

Теоретически психоанализ является идеальным методом исследования многих психических состояний, таких как истерия и навязчивые идеи, которые неясны и в значительной степени скрыты под психической поверхностью. В большинстве случаев гомосексуализма основные факты, при доброй воле пациента и такте исследователя, установить нетрудно. Любые трудности, которые психоанализ может помочь прояснить, в основном касаются ранней

истории пациента в детстве, и в связи с ними психоанализ иногда может поднимать вопросы, которые он не может определенно разрешить. Психоанализ выявляет огромную массу мелких деталей, любая из которых может обладать или не обладать значимостью, и при определении того, какие из них являются значимыми, не может не сыграть роли индивидуальность психоаналитика. Он обязательно будет стремиться расположить их в соответствии с определенной системой. Если, например, он рассматривает инфантильные инцестуозные эмоции или ранний нарциссизм как существенную черту механизма гомосексуализма, добросовестный исследователь не успокоится, пока не обнаружит их следы, что он, весьма вероятно, и сделает. (See, e.g., Sadger, "Fragment der Psychoanalyse eines Homosexuellen," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. ix, 1908; and cf. Hirschfeld, *Die Homosexualität*, p. 164). Но точный вес и значимость этих следов все еще могут быть сомнительными, и, даже если они значительны в одном случае, могут быть незначительными в другом. Фрейд, который излагает один тип гомосексуального механизма, допускает, что могут быть и другие. Более того, следует добавить, что психоаналитический метод ни в коем случае не исключает бессознательного обмана субъекта, как обнаружил Фрейд, и поэтому был вынужден признать склонность пациента к "фантазиям", как Адлер к "фикциям", в качестве фундаментальной психической тенденции "бессознательного".

Сила этих соображений теперь начинает широко признаваться. Таким образом, Moll (статья. "Гомосексуализм", 4-е изд. *ореальной энциклопедии Эйленбурга "О путешествиях в Хайлькунде"*, 1909, стр. 611) справедливо говорит, что, хотя перевернутый иногда может приукрасить его историю, "эксперт обычно может отличить правду от поэзии, хотя нет необходимости добавлять, что необходимо полное доверие со стороны пациента", снова Нэкке (*Sexual-Probleme*, сентябрь 1911, стр. 619), с одобрением процитировав замечание одного из главных немецких авторитетов, доктора Нума. Преториус, что "большое количество историй инвертированных, по крайней мере, заслуживают такого же доверия, как попытки психоаналитиков, особенно когда они исходят от людей, искусных в самоанализе", добавляет, что "даже фрейдистский анализ не дает абсолютной гарантии истины. Здоровый скептицизм оправдан, но не нездоровый!" Хиршфельд также (*Die Homosexualität*, стр. 164), чье знание подобных историй не имеет себе равных, отмечает, что, хотя мы можем время от времени встречаться со случаем *фантастической псевдолого-логии* в связи с психической слабостью на основе психопатической конституции, "в целом любое обобщенное утверждение о ложности инвертированных является пустой выдумкой и является просто признаком того, что врачи, которые делают это, не смогли завоевать доверие мужчин и женщин, которые консультируются с ними". Опыт полностью убедил меня в истинности этого утверждения. Я уверен, что многие инвертированные, с которыми я встречался, обладают не только редкой способностью к интеллектуальному самоанализу (стимулируемому постоянным и неизбежным контрастом между их собственными чувствами и чувствами окружающего мира), но и беспощадной искренностью в этом самоанализе, которой не так уж часто достигают нормальные люди.

Истории, которые следуют далее, были получены различными способами и имеют разную степень ценности. Некоторые из них принадлежат людям, которых я очень хорошо знаю в течение очень долгого времени и о которых я могу говорить очень положительно. Некоторые из них от совершенно незнакомых людей, о чьей добросовестности, однако, я сужу по внутренним свидетельствам, которые я могу принять. Два или три были написаны людьми, которые — хотя и

образованными, в одном случае журналистами - никогда не слышали об инверсии и воображали, что их собственные гомосексуальные чувства абсолютно уникальны в мире. Изрядное количество было написано людьми, которых я сам не знаю, но которые хорошо известны другим, суждениям которых я доверяю. Возможно, наибольшее число из них касается людей, которые написали мне спонтанно в первую очередь, и которых я с тех пор периодически видел или слышал, в некоторых случаях в течение очень длительного периода, так что я постепенно смог дополнить их истории, хотя повествования, как окончательно завершённые, могут выглядеть так, будто они были записаны за один присест. Я не допустил ни одного повествования, которое, по моему мнению, я не имею права рассматривать как по существу точное изложение фактов, хотя иногда следует принимать во внимание эмоциональную окраску этих фактов, то, что инвертированный иногда придерживается слишком высокого, а иногда и слишком низкого мнения о своей собственной личности.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ I.—Оба родителя здоровы; отец необычайно прекрасного *телосложения*. Он сам занимается физическим трудом, а также обладает исключительно прекрасным *телосложением*. Однако у него нервный темперамент. Он умственно сообразительный, хотя и не очень образованный, заядлый спортсмен и в целом хороший пример всесторонне здорового англичанина.

Несмотря на то, что он очень ласков, его сексуальные желания не сильно развиты физически и, кажется, никогда такими не были. Иногда он мастурбировал примерно в возрасте половой зрелости, но никогда позже. Похоже, у него нет ярко выраженных эротических снов. Раньше было некоторое влечение к женщинам, хотя оно никогда не было сильным. В возрасте 26 лет он был соблазнен женщиной и однажды имел с ней связь. Впоследствии у него были основания думать, что она различными способами обманывала его. Это вызвало сильнейшую антипатию не только к этой женщине, но и ко всем женщинам на выданье. Через год после этого эпизода гомосексуальные чувства впервые стали ясными и определенными. Сейчас ему 33 года, и он испытывает ту же антипатию к женщинам; он ненавидит даже говорить о браке.

Было только одно по-настоящему сильное влечение - к мужчине примерно того же возраста, но другого социального класса и некоторой противоположности ему, как физически, так и умственно. Что касается физического акта, то эти отношения не являются определенно сексуальными, но они носят максимально интимный характер, и отсутствие физического акта, вероятно, в значительной степени обусловлено обстоятельствами. В то же время нет сознательного желания совершать поступок ради него самого, а существующая гармония и удовлетворение описываются как очень полные. У него нет отвращения к физической стороне, и он считает все эти отношения вполне естественными.

ИСТОРИЯ II.—Б.О., англичанин, 35 лет, миссионер за границей. Брат более определенно инвертирован. У Б. О. никогда не было определенно гомосексуальных отношений, хотя он всегда был предан мальчикам; также у него не было никаких отношений с женщинами. "Что касается женщин, - говорит он, - я чувствую, что у меня не хватает терпения пытаться понять их;

они раздражительны и переменчивы" и т. Д. Он возражает против того, чтобы его называли "ненормальным", и считает, что такие люди, как он, "*чрезвычайно заурядны*".

"Я никогда не хотел целовать мальчиков, - пишет он, - или как-либо обращаться с ними, кроме как обнимать их за плечи во время учебы и в другое подобное время. Конечно, с действительно маленькими мальчиками все по-другому, но мальчики и девочки до 14 лет кажутся мне очень похожими, и я могу одинаково любить обоих. Что касается любого рода сексуальной связи между мной и представителем моего собственного пола, я не могу думать об этом иначе, как с отвращением. Я могу представить себе огромное удовольствие от связи с женщиной, но их природа меня не привлекает. Действительно, моя симпатия к представителям своего пола, кажется, почти полностью заключается в предпочтении мужского характера и ощущении, что как объект для *созерцания* мужское тело действительно красивее женского. Когда какие-либо сильные искушения сексуальной страсти овладевают мной в моменты бодрствования, я думаю о женщинах. С другой стороны, я должна признаться, что, побыв час или два с каким-нибудь парнем, которого я люблю, я иногда чувствовала возбуждение своих половых органов. Но только один раз в своей жизни я испытала сильное желание спать в одной постели с конкретным парнем, и даже тогда мне в голову не пришло ничего предпринимать. Излишне говорить, что я с ним не спала.

"Я никогда не испытываю искушения ни от одной девушки здесь, хотя я вижу так много свободно обнаженных тел, и у многих из них действительно красивые лица. Я также не испытываю искушения сделать что-нибудь неподобающее с кем-либо из мальчиков, хотя я часто сижу и разговариваю с тем, на ком очень мало одежды. Но я нахожу, что постоянное созерцание обнаженных конечностей хорошей формы оказывает любопытное воздействие на ум и в неожиданные моменты предстает перед воображением в виде картины. Но самое любопытное во всем этом вот что: здесь есть несколько парней, которых я очень люблю. Теперь, когда они рядом со мной, я думаю о них только с самыми чистыми и нежными чувствами, но иногда ночью, когда я наполовину сплю, или когда я отдыхаю после полуденной сиесты, мое воображение рисует, как один из этих парней приближается к девушке или фактически ложится с ней, и странная вещь заключается в том, что я сам не испытываю никакого желания приближаться к девушке, но я чувствую, что хотел бы быть на ее месте и чтобы парень подошел к *мне*. В моменты моего спокойствия, бодрствования мне противно и даже ужасающе обнаруживать, что я, по-видимому, настолько несексуален — и все же таков факт, и этот опыт, с незначительными изменениями, повторяется снова и снова. Дело не в том, что я, как мужчина, желаю даже в воображении вести себя неподобающим образом с мальчиком, но я чувствую, что хотел бы быть на месте девочки, и самое странное, что во всех этих мечтах и воображениях я всегда могу лучше проникнуться чувствами женщины, чем чувствами мужчины. Иногда мне на мгновение кажется, что, возможно, реинкарнация - это правда, и в своей прошлой жизни я была женщиной. Иногда мне кажется, что, когда я была в утробе матери, я сформировалась как девочка, и половые органы изменились буквально в последний момент. Это любопытная проблема. Не думайте, что я беспокоюсь об этом. Только через длительные промежутки времени я думаю об этом. ... У этого есть своя светлая сторона. Мальчики и мужчины, кажется, испытывают ко мне нежные чувства, какие можно ожидать от них по отношению к представителям противоположного пола, и, как следствие, я вступаю с ними во все более тесный контакт".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ III.—Ф. Р., англичанин, 50 лет, с обеих сторон принадлежит к здоровым, нормальным семьям, со способностями выше среднего. Отцу при рождении было 35 лет, а матери - 27. Он второй из четырех детей. Между рожденьями детей был значительный интервал, растянувшийся на двадцать один год. Все нормальные, кроме Ф.Р., двое из них женаты и имеют семьи.

Из-за разницы в возрасте между детьми Ф. Р. (который был на три года младше своего старшего брата и более чем на четыре года старше своей сестры, третьего ребенка) не имел мужского общества и постоянно находился наедине со своей матерью. "Будучи от природы склонным к подражанию, - замечает он, - я думаю, что перенял ее вкусы, интересы и образ мыслей. Как бы то ни было, я уверен, что мои интересы и развлечения были скорее девичьими, чем мальчишескими. В качестве иллюстрации я могу упомянуть, что подруга моей матери часто рассказывала мне, что однажды мне понадобилась новая шляпка, и, не найдя подходящего мне размера, я поздравила себя с тем, что мне придется обзавестись *шляпкой*! Что касается моих женских вкусов и инстинктов, я всегда осознавала, что проявляю интерес к вопросам семейных отношений, этикета, одежды (женской в той же степени, или даже больше, чем мужской) и другим вещам подобного рода, к которым, как правило, относилась с безразличием или презрением. В доме я больше, чем моя сестра, обращаю внимание на недостатки и небрежность прислуги и занимаюсь своими делами гораздо более аккуратно, чем она".

В общем облике нет ничего женственного. Половое созревание происходило в раннем возрасте, задолго до четырнадцати лет, с ночными выделениями, но без эротических сновидений. Яички хорошо развиты, пенис, возможно, несколько ниже среднего по размеру, а крайняя плоть длинная и узкая. Эрекция возникает с большой легкостью, особенно ночью. В молодости он ничего не знал о мастурбации, но у него появилась эта привычка около десяти лет назад, и с тех пор он время от времени занимается ею.

Хотя ему до некоторой степени нравится женское общество, вскоре он устает от него и никогда не испытывал желания жениться. Его сексуальные мечты никогда не имели никакого отношения к женщинам. "Обычно я делаю или говорю что-то, - замечает он, - какому-нибудь мужчине, которого я знаю, когда бодрствую, что-то, что, я признаю, я хотел бы сделать или сказать, если бы это не было совершенно исключено из соображений приличия и самоуважения".

Однако у него никогда не было интимных отношений с мужчинами, и многое из того, что он слышал о таких отношениях, наполняет его ужасом.

"Что я чувствую о себе, - пишет он, - так это то, что у меня до определенной степени или в некоторых отношениях женский ум в мужском теле; или, я мог бы сказать, что я представляю собой комбинацию аморальной (скорее склонности, чем поступка) женщины и религиозного мужчины. Время от времени я испытывала сильную привязанность к молодым людям, но не могу льстить себе надеждой, что моя привязанность была взаимной. В настоящее время есть молодой парень (23 года), который работает моим клерком и сидит в моей комнате. Он чрезвычайно хорош собой и принадлежит к типу, который обычно считается "аристократическим", но, насколько я (или он) знаю, он принадлежит к низшему среднему классу. О нем мало что можно сказать, кроме прекрасного лица и фигуры, и между нами нет

ничего, что могло бы приблизить нас к умственному или социальному равенству. Но я постоянно испытываю сильнейшее желание относиться к нему так, как мужчина относился бы к молодой девушке, которую он горячо любил. Различные очевидные соображения удерживают меня от чего-то большего, чем квазиотеческие ласки, и я уверена, что он был бы очень сильно возмущен чем-то большим. Это постоянное подавление безмерно действует на нервы, и я часто чувствую себя довольно плохо из-за этой причины. Не имея собственного опыта, я всегда стремлюсь узнать все, что могу, о сексуальных отношениях других мужчин и их органах, но у меня нет никакого любопытства относительно другого пола. Мое главное удовольствие и источник удовлетворения нахожу в возможностях, которые предоставляют турецкие и другие бани; фактически, везде, где можно найти обнаженного мужчину. Но я редко нахожу в этих местах кого-либо, кто, кажется, имеет ту же склонность, что и я, и, конечно, я не встречал более двух случаев среди обслуживающего персонала, которые откликнулись на мое намекнувшееся желание увидеть все. Под шампунем, особенно незнакомым, я иногда испытываю оргазм, но сейчас реже, чем когда была моложе".

Ф. Р. очень близорук. Его любимый цвет - синий. Он умеет свистеть. Его вкусы в основном литературного характера, и у него никогда не было пристрастия к спорту. "Обычно считалось, что я не умею пользоваться руками, - пишет он, - и я определенно не обладаю навыками. Все, что мне когда-либо удавалось делать таким образом, - это плести сети и заниматься более простыми видами рукоделия; но мне кажется более естественным делать или пытаться делать все в этом роде и играть на пианино, а не стрелять или играть в игры. Могу добавить, что я люблю детей больше, чем многие женщины, и, как правило, считается, что я удивительно способна держать их на руках! Конечно, мне это нравится. В юности я играл в шарадах; но я был слишком застенчив, чтобы делать это, если не был одет как женщина и под вуалью; и когда я играл женскую роль, я *чувствовал less like acting than I have done in propria persona*,,,,,, Замечание, однажды сделанное моим дядей, меня сильно разозлило: что это больше похоже на природу, чем на искусство. Но он был совершенно прав".

ИСТОРИЯ IV.—Происхождение шотландцев из низин. Обе стороны семьи здоровы и без церебральных или нервных заболеваний. Гомосексуальные желания начались в период полового созревания. Он в ограниченной степени практиковал онанизм в школе и примерно до 22 лет. Его эротические сны касаются исключительно мужчин. Хотя он очень дружелюбен и близок с женщинами всех возрастов, любое проявление сексуальной привязанности с их стороны мгновенно вызывает у него отвращение. В той или иной степени это произошло в трех или четырех случаях. Что касается брака, он замечает: "Поскольку непосредственной опасности вымирания расы, похоже, нет, я оставляю брак тем, кому это нравится". Его мужской идеал в некоторой степени изменился. В течение нескольких лет он тяготел к здоровому, хорошо развитому, спортивному или работающему вне дома типу, умному и отзывчивому, но не особенно интеллектуальному.

В школе его сексуальные отношения были самого простого типа. С тех пор их не было. "Это, - говорит он, - не связано ни с отсутствием желания, ни с наличием "морали". Короче говоря, "никогда не было времени, места и любимого человека вместе". С другой точки зрения, физическое желание и общая привязанность не всегда сосуществовали по отношению к одному

и тому же человеку; и первое без последнего сравнительно преходяще; в то время как последнее прекращает удовлетворение первого, если чувствуется, что это удовлетворение могло каким-либо образом сделать объект привязанности несчастным, умственно или эмоционально".

Он здоров и довольно хорошо развит; чувствительный, эмоциональный по натуре, но самоконтролирующий; психически он поочередно восприимчив и агрессивен, иногда не критичен, иногда аналитичен. У него ровный характер, и он очень привязчив. Очень любит музыку и другие искусства, но не отличается богатым воображением.

Абстрактно о сексуальной инверсии он говорит, что у него нет никаких взглядов, но таким образом резюмирует свою моральную позицию: "Я предполагаю, что если она и есть, то для использования или жестокого обращения, как заблагорассудится мужчинам. Я осуждаю удовлетворение телесных желаний за счет других, какую бы форму это ни принимало. Я осуждаю это в перевернутом виде не больше, чем в обычном. Я верю, что привязанность между лицами одного пола, даже если она включает в себя сексуальную страсть и потакание ей, может привести к результатам настолько великолепным, насколько только может достичь человеческая природа. Короче говоря, я ставлю это в абсолютное соответствие с любовью в обычном понимании".

ИСТОРИЯ В.—С. У., 64 года, англичанин, музыкальный журналист. Приводимое ниже сообщение (несколько сокращенное) было написано до того, как С. У. услышал или прочитал что-либо о сексуальной инверсии, и когда он все еще верил, что его собственный случай абсолютно уникален.

"Я сын священника и первые тринадцать лет своей жизни прожил в провинциальном городке, где родился. Затем мой отец стал викарием в сельской деревне, где я жил до тех пор, пока не вышел в свет в возрасте 18 лет. Поскольку за все это время у моего отца было несколько учеников, я учился вместе с ними и никогда не ходил в школу. Я полагаю, что родился с сексуальными страстями примерно такими сильными, какие только можно себе представить, и в то же время был очень рано развит в период полового созревания. Семен начал формироваться незадолго до моего двенадцатого дня рождения; волосы вскоре последовали, и через год я был в этом отношении равен в среднем мальчик, 15 или 16. Я свободно беседовал со своими товарищами об отношениях полов, но, в отличие от них, не испытывал никаких личных чувств к девушкам. Со временем я осознал, что отличаюсь, как я считал тогда и верю сейчас, от всех других мужчин. Мои половые органы были совершенно совершенными. Но в образе мужчины у меня был сексуальный склад ума женщины. Я категорически отвергаю малейшую склонность к совершению противоестественных действий; сама идея совершения содомии была бы *самой отвратительной*.

Возвращаясь к моему действительному состоянию ума: будучи совершенно равнодушной к личности женщины (я всегда наслаждалась их дружбой и товарищеским общением, и многие из моих лучших друзей были женщинами), я испытывала жгучее желание вступить в плотскую связь с мужчиной и обладала способностью влюбляться, что называется, до предела. В воображении я обладала женским органом и чувствовала к мужчине именно то, что чувствовала

бы влюбленная женщина. В то время, когда я полностью осознал свое состояние, я придавал ему мало значения; я не имел представления ни о его ужасном значении, ни о будущих страданиях, которые оно повлечет за собой. Всему этому мне пришлось научиться на горьком опыте.

"Однажды я действительно подумывал о том, чтобы заставить себя вступить в связь с проституткой, чтобы посмотреть, может ли настоящее чувственное наслаждение изменить ситуацию, и таким образом обрести силу жениться. Но когда дело дошло до обдумывания путей и средств, мое отвращение к этому поступку стало настолько сильным, что об этом не могло быть и речи. В случае с любым мужчиной, к которому я привязывалась, я хотела чувствовать нас вместе, кожа к коже, и иметь привилегию позволять себе такие вольности, какие позволила бы себе влюбленная женщина, если бы все это было разрешено. Я не искал никакого чисто чувственного удовлетворения; моя любовь была слишком искренней для этого.

"За более чем полувековой период, прошедший с моего двенадцатого дня рождения, я по-настоящему влюблялся примерно тринадцать раз. Я отчаиваюсь, пытаюсь дать представление о глубине и реальности моих чувств. Я сослался на свое преждевременное развитие. Я была влюблена, когда мне было 12 лет, объектом любви был 24-летний мужчина, известный химик-аналитик. Он очень часто приходил в дом моего отца, и мое сердце почти забилося при упоминании его имени.

"В следующий раз серьезно мне было около 15. Это был сын фермера, примерно на два года старше. Я не думаю, что я когда-либо был с ним наедине и на самом деле знал его только как члена его семьи, и все же какое-то время он был моим главным интересом в жизни.

"Когда мне был 21 год, у меня был "приятель", юноша 17 лет, который питал ко мне, во всяком случае, братскую привязанность. Мы жили под одной крышей, и однажды ранним летним утром он встал с постели и направился прямо в мою комнату, чтобы поговорить о том или ином деле. Чтобы удобнее было разговаривать, он забрался ко мне в постель, и мы лежали там совсем как две школьницы. Эта близость была выше моих сил, и мое сердце забилося так, что было невозможно, чтобы он этого не заметил. Поскольку, конечно, он не мог иметь ни малейшего представления о причине, он сказал со всей невинностью: "О, как бьется твое сердце. Я слышу это совершенно отчетливо".

"Пока мои данные совершенно невинны. До 18 лет между мной и сыном деревенского врача, юношей примерно на два года старше меня и не по годам аморальным, периодически возникали дружеские отношения. На самом деле он мне не очень нравился, но он был моим главным товарищем. Потом я стал школьным ассистентом и около шести лет умудрялся держать себя в руках, но, увы, снова упал. Еще одно решение, которого я придерживался в течение восьми лет, одна долгая борьба со своей природой. Я снова согрешил в трех случаях, растянувшихся на три или четыре года. Теперь я перехожу к очень болезненному и богатому событиями эпизоду в моей несчастливой жизни, о котором я бы с радостью умолчал, если бы это было возможно. В среднем возрасте это был случай греха, открытия и вдобавок великой глупости.

"Прежде чем вдаваться в подробности, насколько это может быть необходимо, я не могу не попросить вас спокойно и беспристрастно оценить мое точное состояние по сравнению с состоянием моих собратьев в целом. В своих попытках сопротивляться в прошлом я временами

чувствовал себя так, словно борюсь в объятиях питона. Тогда я снова согрешил с юношей и его другом. Как ни странно, открытие произошло благодаря человеку, которым двигало чувство мести за строго правильный поступок с моей стороны. Парни отказались говорить больше, чем правду, и это не удовлетворило мужчину, и был представлен *третий* парень, который был готов сказать все, что угодно. Это было еще не все; еще около двенадцати или пятнадцати мальчиков выдвинули аналогичные обвинения! Как следствие, общее убеждение состояло в том, что я совершал "безымянные" преступления во всех направлениях, *ad lib*. Если бы вы попросили меня объяснить действия всех этих мальчиков, кроме *третьего*, у которых, конечно, были какие-то особые побуждения, я не смог бы ничего предложить. Возможно, они думали, что первоначальная троица рассматривалась скорее в свете *героев*; почему бы *им* тоже не быть героями?

"Я вполне могу чувствовать себя раздавленным таким грузом обвинений, но это не оправдывает невероятную глупость моего поведения. Я отрицал как крупницу правды, так и массу лжи и уехал в Америку. Однако по мере того, как шло время и мой разум приходил в надлежащее состояние, я чувствовал, что рано или поздно правда должна быть сказана. Соответственно, я написал из Америки в соответствующую инстанцию полное признание в своем грехе в отношении двух молодых людей, которые сказали только правду, в то же время указав на ложность всех остальных обвинений.

"Я оставался в Америке шесть лет и действительно заработал денег, так что смог вернуться в Англию с небольшим капиталом. Я также далобещание своим трем сестрам (все старше меня), что вернусь при их жизни. Моя программа состояла в том, чтобы приобрести небольшой бизнес в Лондоне и спокойно зарабатывать себе на жизнь, в то же время никому не сообщая о своем присутствии. Я *действительно* купил такой бизнес, был обманут самым хитроумным способом и потерял все, что у меня было в мире! Мне пришлось рассказать о своем бедственном положении старым друзьям, которые все либо давали, либо ссужали мне деньги. И все же мое положение было очень шатким. Я обратился в страховое агентство, одно из последних средств к существованию образованных обездоленных, но вскоре обнаружил, что не годюсь для работы, в которой *наглость* является главным фактором. Затем произошла необычайная удача; почти одновременно у меня появилось несколько учеников по музыке и литературная работа в связи с хорошим музыкальным журналом.

"Чтобы сообщить о моем присутствии старым друзьям, требовалось сообщить ту же информацию тем, кто *не* был моим другом. Моя личность журналиста стала известна, и со временем мне показалось, что полмира узнало о моих предполагаемых беззакониях. Люди, которые никогда не видели меня в глаза, кажется, рассматривают меня в свете чудовища беззакония, которому нельзя позволять существовать. Все эти посторонние считают, что я бесчисленное количество раз совершал "безымянные" преступления, и поднимают руки в безмолвном ужасе перед дерзостью человека, который в таком положении осмеливается открыто появляться на публике под своим собственным именем и смотреть людям в лицо. У них даже не хватает мозгов понять, что само это бесстрашие доказывает фиктивный характер их верований. Далее, они считают, что если бы только они могли добиться моего увольнения с журналистской должности, я был бы доведен до голодной смерти. Год назад это было правдой. Затем умер старый родственник и оставил мне кое-какую собственность, которую я продал, чтобы вложить в аннуитет и, таким образом, иметь ровно столько, чтобы спокойно жить, не считая того, что я могу заработать. При таких странных условиях может возникнуть вопрос, не

была ли жизнь невыносимой. Честно говоря, я не могу сказать, что нахожу ее такой. У меня в Лондоне есть несколько друзей-холостяков, которые ходят со мной в театры и т.д. В пригороде у меня около полудюжины друзей семьи. Здесь я встречаюсь с приятным обществом и радушным приемом. Я страстно люблю музыку, у меня отличное фортепиано, и я могу послушать лучшие концерты в Европе. Я хожу на все хорошие спектакли. Я хороший шахматист. Наконец, я всеядный читатель. Вы согласитесь, что мои ресурсы для времяпрепровождения не ограничены.

"Конечно, я сожалею о том, что согрешил, и жалею, что сделал это. Но я отвергаю любое чувство стыда".

С.В. был младшим из четырех детей и единственным мальчиком. Его отцу было 40 лет при его рождении, матери 33. Отец был интеллектуальным человеком со слабым характером, мать - женщиной вспыльчивого и эксцентричного нрава, с, по его мнению, сильными сексуальными страстями. С. У. не знает ничего в семье, что могло бы объяснить его собственное ненормальное состояние.

Он невысокого роста (пять футов пять дюймов), но хорошо сложен, с крепкой грудью и мощным голосом. Руки у него слабые и дряблые (по-женски, думает он), но ноги мускулистые. Будучи четырнадцатилетним мальчиком, он мог с легкостью пройти сорок миль и играл в футбол почти до 45 лет. Его считают мужественным по характеру и вкусам, но при сильном волнении он легко может расплакаться. Нет никакой информации о типе мужчин, к которым его влечет. Могу, однако, заметить, что химик-аналитик, который впервые вызвал восхищение С. В., был хорошо известен мне примерно тридцать лет спустя, поскольку он был моим собственным учителем химии. В то время он был пожилым мужчиной привлекательной внешности и характера, отзывчивым и обаятельным почти по-женски.

С.В. никогда не испытывал ни малейшего сексуального влечения к противоположному полу. Первые признаки инвертированного чувства появились в возрасте 6-7 лет. Наблюдая из окна за учениками своего отца, мальчиками 13-14 лет, он размышлял о том, какими были их органы зачатия. "В связи с девушкой, - пишет он, - я бы подумал о таком не больше, чем в случае с глыбой мрамора". Действительно, примерно в то же время он иногда спал с сестрой 10 лет, которая уговаривала его вступить в половую связь, говоря, что это "так забавно"; но он делал это просто для того, чтобы доставить ей удовольствие, без малейшего интереса или чувства со своей стороны. Это отношение становилось все более заметным по мере роста знаний, пока он не влюбился страстно в возрасте 12 лет. На протяжении всей жизни он в определенной степени практиковал мастурбацию и готов защищать эту практику в своем собственном случае. Его эротические сны носили лишь самый расплывчатый и туманный характер. Он умеет насвистывать. Он проявляет живой интерес к политике и филантропической деятельности. Но его главная любовь - музыка, и он опубликовал много музыкальных произведений. В целом, несмотря на преследования, которым он подвергался, он не считает свою жизнь несчастливой. В то же время он остро ощущает атмосферу "Изгоя", которая окружает инвертированных, и в его собственном случае это никогда не смягчалось никаким чувством товарищества в несчастье. Легкость, с которой, как говорят, некоторые инвертированные распознают себе подобных, для него совершенно непостижима; насколько ему известно, он никогда никого из них не встречал.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ VI.—Е. С., врач, 50 лет.

"У меня есть некоторые основания, - пишет он, - полагать, что некоторые из моих родственников (по отцовской линии) не были нормальными в своей сексуальной жизни. Но я уверен, что их друзья или коллеги не питали подобных подозрений; они были очень сдержанными людьми. Значительная часть моих ближайших родственников оставалась неженатой или откладывала вступление в брак до конца жизни. Никто из них не был хорошим бизнесменом; все, похоже, были более глубоко озабочены другими вещами, чем зарабатыванием - или сохранением — денег. В основном они принимали мало участия в общественной жизни или вообще не принимали ее, и их мало заботило общество. Тем не менее, они были людьми более чем средних способностей, с интеллектуальными и эстетическими интересами. Мы склонны к энтузиазму, но нам не хватает настойчивости. Возможно, мы дискурсивны и поверхностны, но никто не называл бы нас глупыми. Возможно, мы ненормально эгоцентричны и самосознательны — никогда не бываем жестокими или порочными. Наши способности к самоконтролю значительны; мы обычные люди только потому, что ленивы и крайне не любим любое открытое самоутверждение. И все же мы скорее нервные, чем флегматичные. Все это по отцовской линии. Мои предки по материнской линии занимались сельским хозяйством и морем, и у них также был подобный недостаток деловых способностей, но с меньшей умственной адаптивностью и бдительностью, с большей целеустремленностью, однако они всегда были деятелями, а не мечтателями. Среди них я помню одного двоюродного брата, который, вероятно, был ненормальным, хотя он умер, когда я был слишком мал, чтобы многое замечать. Опять же, все они были довольно замкнутыми людьми, но более дружелюбными с незнакомцами, более общительными и с меньшим самоконтролем.

"Я был единственным ребенком в семье и избалованным. Я всегда быстро учился, любил учиться, и мои уроки не доставляли мне проблем. Серьезная учеба мне не нравилась. Но для школьных целей я не считал это необходимым и без труда нес все перед собой. Я никогда не увлекался играми, хотя очень любил бывать на свежем воздухе и гулять. Мало кто из моих родственников вообще увлекался спортом. В школе у меня не было близких друзей, и я никогда не пользовался особой популярностью у своих одноклассников, которые, однако, относились к моим странностям лучше, чем можно было ожидать. Я легко научился ценить хорошую литературу, но у меня никогда не было особой силы выражения или напряженной мысли. Я был чрезвычайно восприимчив и впечатлителен, меня трогала красота любого рода, но я никогда не был амбициозным или каким-либо образом творческим. Меня легко было побудить к работе, и я полюбил работать; но, если стимул не сохранялся, естественная лень моего характера давала о себе знать, и я растрачивал свои силы на мечты и пустяки. Моя память, в основном, была очень быстрой и цепкой, но странно капризной. Мне всегда не хватало инициативы и решительности. В колледже мои успехи продолжались. Я был награжден медалями и призами, легко сдал экзамены и окончил университет "с отличием первого класса". В своей профессиональной деятельности я добился успехов, превосходящих средние показатели. Я люблю это всем сердцем.

"Я не могу говорить с какой-либо уверенностью о первых проявлениях моих сексуальных инстинктов, но я думаю, что могу утверждать, что они ни разу не вызывали у меня никакого

желания к противоположному полу. Это правда, что мое самое раннее воспоминание подобного рода связано с близостью с девушкой-приятелем по играм, но поскольку на тот момент мы достигли зрелого возраста всего 7 лет (самое большее) Я полагаю, что наши взаимные выставки — ибо больше ничего не было — просто удовлетворяли наше естественное любопытство. Конечно, эти воспоминания, на мой взгляд, никоим образом не отделены от воспоминаний о других видах игр. После этого я вспоминаю обычные разговоры школьников о тайных и запретных вещах, но до 12 лет или около того это были просто грязные разговоры, связанные больше с функциями почек и кишечника, чем с какими-либо сексуальными чувствами или пониманием. Один мальчик был известен всем нам (и из моего немалого круга ранних друзей, все они выросли нормальными людьми, которые в свое время женились и завели детей) необычным размером своих частей тела и свободой, с которой он приглашал и удовлетворял любопытство своих друзей. Должно быть, он был развит не по годам, потому что ему было не больше 12 лет, и я помню, что слышал, что у него густо росли волосы на лобке. Даже тогда, хотя я знаю, что мое любопытство — если говорить только об этом — было активным, я никогда не позволял себе иметь с ним никаких дел; и я думаю, что я бы отговорил их, если бы мне это предложили. Это странная вещь в моей жизни: то, что я страстно желал сделать, я бы не позволил себе делать не из-за каких-либо религиозных или моральных угрызений совести, а из-за какой-то необъяснимой привередливости или щепетильности, которые все еще так же активны, как и прежде, хотя я уверен, что они не смогли бы удержаться, если бы эти благоприятные условия повторились, но были бы преодолены властными и полностью выросшими желаниями, которые из-за длительного подавления или неудовлетворительного отвлечения внимания стали такими сильными. Действительно, при наличии возможности и уверенности в том, что ни о каком первом соблазнении или развращении кого-либо не идет и речи, они оказались бы совершенно неудержимыми.

"Конечно, задолго до полового созревания — которое у меня наступило рано — я помню, что меня сильно привлекали определенные мальчики, и я хотела иметь возможность переспать с ними. Если бы я был в состоянии сделать это, я уверен, что меня побудило бы войти в как можно более тесный контакт с их обнаженными телами, и я не думаю, что тогда я жаждал бы чего-то большего. Я знал нескольких мальчиков — возможно, чуть постарше, — у которых уже тогда были отношения, которые, безусловно, не были невинными, с девочкой, которая была на год или два старше любого из нас. Однажды она поцеловала меня, к моему сильному стыду. Но я чувствовал, что эти отношения были бы невыразимо отвратительными, и мне не было особого интереса слушать о них. Я помню, как меня ласкал очень красивый шестнадцатилетний мальчик, когда я была на три или четыре года младше и получила какую-то травму во время игры; и я до сих пор помню трепет восторга, который я испытала от его прикосновения. Не произошло ничего такого, чего не мог бы видеть весь мир, но я помню, как он сел, зажав меня между колен, и его руки обвились вокруг моей шеи, и теплое, мягкое давление его бедер произвело на меня невыразимое впечатление.

Примерно в это же время мальчик постарше, возможно, лет 18, на загородных прогулках хватал мальчиков поменьше, чтобы повалить их на землю, а затем разглядывал их гениталии и играл с ними. Он сам был красивым мальчиком, и я был очень взволнован, когда мне рассказали об этом мальчике, которые испытали это на себе, и очень хотел, чтобы это произошло со мной. Этого никогда не было; и если бы это было предпринято, я знаю, что сопротивлялся бы изо всех сил, хотя мои желания воспламенили бы меня. Этот мальчик умер, не дожив до 20 лет, от абсцесса поясничной мышцы, и я помню, как плакал перед сном в ту ночь, когда узнал о его

смерти. Другой мальчик, примерно на три года старше меня, у которого были очень шелковистые волосы, раньше привлекал меня, и я всегда пыталась погладить его по волосам, но он всегда возражал.

"Мне, должно быть, было около 12 лет, когда двоюродный брат, который был немного старше, впервые научил меня мастурбировать. Сначала я думал, что это глупо, но я привык наблюдать за ним и сам время от времени практиковался в этом, пока не стал достаточно взрослым, чтобы испытывать надлежащие ощущения. Тогда у меня есть основания думать, что я отдавался этому довольно свободно, но обычно это делалось в одиночестве, хотя прошло много времени, прежде чем я понял, что в этом было что-то неправильное или что это могло оказаться вредным. Оглядываясь сейчас назад, я совершенно уверен, что мои инстинкты с самого начала были полностью гомосексуальными. Этот двоюродный брат, обладавший заметными интеллектуальными и артистическими способностями, женился, но я уверен, что его симпатия к представителям своего пола не была нормальной.

"С другим двоюродным братом, почти на несколько лет моложе меня, у меня всегда были самые нежные отношения. Каникулы в доме его родителей были для меня самым большим удовольствием. Мы всегда были вместе, днем и ночью; мы спали в одной постели, буквально в объятиях друг друга. Для меня было острейшим сексуальным наслаждением прижиматься к его обнаженному телу. Мы обычно взаимно трогали и ласкали наши части тела, но без каких-либо попыток взаимной мастурбации, хотя в тот период я регулярно практиковал это на себе. Однажды я спросил его об этом, но другие его этому не учили; и, к моей великой гордости и удовлетворению, я могу сказать, что я никогда не делал этого с ним и не просил его сделать это со мной. Это я упоминаю как пример моей сдержанности в действиях, хотя мои мысли и желания не знали таких ограничений. Я помню также, как его старший брат, возможно, на три или четыре года старше меня, однажды показал мне (тогда, я полагаю, ему было около 12) свой полустоячий пенис. Он не позволил мне прикоснуться к нему, но показал, как оттягивать крайнюю плоть, чтобы обнажить головку. Его пенис был большим, и инцидент не был забыт. У нас не было других родственников, и я знаю, что и он, и мой друг выросли вполне нормальными мужчинами.

"Я думаю, мне было, должно быть, около 17 лет, когда я испугался возникновения ночных поллюций, которые, как я полагал, были пагубным результатом мастурбации, и в течение двух или трех лет я продолжал испытывать значительные психические расстройства, пока на втором или третьем курсе колледжа я набрался смелости проконсультироваться с нашим старым добрым семейным врачом, который успокоил меня, но, как я теперь думаю, слишком легкомысленно отнесся к моей доверительности, так что я с большей готовностью, хотя и гораздо позже, вернулся к старым привычкам.

"Из окон нашего дома мы смотрели на лужайку или пляж, и теплыми летними днями я обычно наблюдал за мальчиками, которые, возможно, купались, и наблюдал за ними в наш телескоп. Все это я держал в строгом секрете и никогда не удивлялся. С таким же успехом я мог бы, не вызывая ни малейших подозрений о своих мотивах, спуститься на пляж, увидеть их и поболтать с ними; но я не смог бы заставить себя сделать это. Мне доставило значительное сексуальное удовлетворение, когда я смог увидеть, как они купаются без штанов. Я также часто наблюдал за их играми на пустоши и чувствовал себя вознагражденным, когда видел, как это нередко случалось, происходящую сексуальную фамильярность. Это сильно возбуждало меня и иногда

вызывало оргазм, всегда эрекцию от удовольствия. Действительно, именно опыт такого рода заставил меня вернуться к мастурбации после того, как я бросил ее на некоторое время. Помню, однажды я увидел двух парней лет 16-ти, лежащих на траве на солнышке; вдруг парень постарше протянул руку и попытался расстегнуть брюки своего товарища. Он сопротивлялся изо всех сил, и последовала долгая борьба, закончившаяся тем, что другой парень обнажил свой пенис и начал манипулировать им. Даже в этот день воспоминание об этом волнует меня. Оба парня выросли нормальными мужчинами.

"Только дважды ко мне обращались взрослые люди. Когда мне было около 13 лет, я часто встречал, когда ехал в школу на поезде, пожилого джентльмена, который, так сказать, ухаживал за мной, часто заговаривал со мной и приглашал приехать посмотреть его известные научные коллекции, но я всегда испытывал к нему смутное недоверие и никогда не ходил. Однажды летом, в свободный час, я встретил его в пустом зале музея, где в это время дня обычно было очень мало посетителей и где большие витрины давали укрытие. Он подошел ко мне и сказал, что был далеко за городом и что, когда он пробирался домой через живые изгороди и колючие кусты, некоторые колючки застряли у него под одеждой и все еще доставляли ему беспокойство. "Я был бы очень благодарен, - сказал он, - если бы ты опустила руку и попыталась нащупать колючки, торчащие из моей нижней фланели, и вытащить их". Затем он расстегнул подтяжки с одной стороны, расстегнул брюки и заставил меня провести рукой по его паху и нижней части живота. Я избегала прикасаться к его гениталиям, но он толкал мою руку вниз в этом направлении до тех пор, пока, сгорая от стыда, я не вырвалась и не убежала, не останавливаясь, пока не оказалась в безопасности в школе. Я едва понимал это, но никогда не говорил об этом и с тех пор всегда избегал его. Позже я узнал, что он был состоятельным холостяком, который проявлял большой интерес к работающим парням и юношам и много делал, чтобы помочь им в жизни и уберечь их, как говорили, от попадания в плохую компанию. Он умер в преклонном возрасте и оставил большую часть своего состояния заведению для мальчиков, а также большое наследство молодым людям, в которых он был заинтересован.

В другой раз это было на крыше трамвая, когда взрослый мужчина, который прижался ко мне так близко, как только мог, начал что-то говорить, похвалил мои темные глаза, затем положил руку мне на бедро под свободным плащом и ощупал мои части тела. В то же время он взял мою руку, погладил ее и положил поверх своих частей тела (это было в сумерках). Это взволновало меня, и, если бы мы не были в пункте назначения, я думаю, я бы с радостью позволил себе дальнейшее знакомство. Он попытался спросить меня, где я живу, но времени на ответ не было, а родственница, которая была со мной (на другом сиденье), без сомнения, предотвратила бы дальнейшее продолжение этого разговора.

"Неоднократно я испытывал сексуальный оргазм в результате психического беспокойства. В первый раз это произошло, когда я спешил, чтобы не опоздать в школу. В другой раз, когда мне было около 24, я очень хотел попасть на прием, на который опоздал. Выделения были настолько обильными, что мне пришлось пойти домой и переодеться.

"Когда я был студентом-медиком, первое упоминание, определенно касающееся темы сексуальной инверсии, было сделано на курсе медицинской юриспруденции, где упоминались определенные сексуальные преступления — очень кратко и неадекватно, — но ничего не говорилось о существовании сексуальной инверсии как "нормального" состояния определенных несчастных людей, и не проводилось никакого различия между различными

ненормальными действиями, которые все вместе классифицировались как проявления преступной порочности обычных или душевнобольных людей. Для студента, начинающего остро осознавать, что его сексуальная природа сильно отличается от сексуальной натуры его товарищей, ничто не могло быть более озадачивающим и тревожащим, и это еще больше замкнуло меня в моей сдержанности, чем когда-либо. Я чувствовал, что это учение, должно быть, основано на какой-то радикальной ошибке, или предубеждении, или неправильном понимании, ибо я знал из своих очень ясных воспоминаний о собственном развитии, что моя особенность была не приобретенной, а врожденной; несомненно, это мое большое несчастье, но не моя вина.

"Еще более прискорбно, что в ходе лекций по клинической медицине не было ни малейшего намека на этот предмет. Были подробно обсуждены все виды редких заболеваний, с некоторыми из которых я еще не встречался за двадцать один год напряженной практики, но мы остались в полном неведении относительно предмета, столь жизненно важного для меня лично и, как мне кажется, для профессии, к которой я стремился. Возможно, там было случайное упоминание о мастурбации — хотя я этого не помню, — но ее реальное значение не привлекло внимания; и то, что мы, студенты, знали об этом, было результатом нашего чтения или нашего личного опыта.

"В классе психических заболеваний, естественно, были более подробные и систематические ссылки на факты сексуальной жизни и на сексуальную инверсию как редкое патологическое состояние. Но по-прежнему не было ни одного утешительного слова, которое успокоило бы меня, все более безнадежно стыдящегося того, что казалось преступной или крайне болезненной натурой.

"Среди всех моих сокурсников я не знал никого, кто был бы похож на меня; но моя природная сдержанность - увеличенная, конечно, сознанием того, что то, что я видел, было бы сочтено преступной тенденцией — не побуждала меня к обмену секретами или к установлению близких дружеских отношений.

"После окончания университета я стал ординатором-медиком в больнице и личным ассистентом одного из профессоров — врача и преподавателя с мировым именем. С ним я общался в самых сердечных и нежных отношениях; и часто в ходе беседы я пытался привлечь его к обсуждению этой темы, но безуспешно. Ему это было явно неприятно и неинтересно. Однако было сказано достаточно, чтобы я понял, что он придерживается текущих идей по этому вопросу; и я ни за что на свете не позволил бы ему догадаться, что я сам подпадаю под категорию презираемых и запятнанных.

"Я редко слышал, чтобы мои друзья-профессионалы обсуждали сексуальную инверсию. Они говорят об этом с отвращением или насмешкой. Я никогда не встречал профессионала, который рассматривал бы это беспристрастно и научно. Для них это был предмет, полностью относящийся к психологической медицине.

"У меня не было ни одного признанного случая этого среди моих пациентов; но я часто инстинктивно чувствовал, что те, кто консультировался со мной по другим вопросам, посвятили бы меня в свои тайны по этому поводу, если бы не их страх быть жестоко неправильно понятым.

"Что касается моего морального отношения, я боюсь говорить. Грубость вызывает у меня отвращение; но я не уверен, что смогу противостоять искушению, возникшему на моем пути. Но

я абсолютно уверен, что никогда, ни при каких обстоятельствах не должен соблазнять других на какой-либо позорный поступок. Если бы я когда-нибудь совершил какой-либо половой акт с представителем моего пола, которого я любил, я не мог бы смотреть на это или подходить к этому иначе, чем как к сакраментальному акту. Это звучит кощунственно и шокирующе, но я не могу иначе выразить свой смысл.

"Что касается брака инвертированных, то мое собственное ощущение таково, что для врожденного инверта - независимо от того, насколько полно ситуация была объяснена заранее — это шаг, чреватый слишком большими возможностями трагедии и глубочайшего несчастья, который вообще нельзя рекомендовать. Моемнение таково, что для инвертированного человека в гораздо большей степени, чем для обычного человека, нет спасения от высшей необходимости самоконтроля в любых отношениях, которые он может установить. Если это достижимо, то идеалом являются отношения с другим мужчиной схожего темперамента — не обязательно платонические, — посредством которых может быть достигнуто наивысшее счастье для обоих. Но это может происходить *очень* редко.

"Я очень восприимчив к поэзии и изобразительному искусству и посвятил этому изучению много времени. Я всей душой предан музыке, которая с каждым годом, когда я живу, становится для меня все больше и больше. Тривиальную или легкомысленную музыку я терпеть не могу, но Бетховена, Баха, Генделя, Шумана, Шуберта, Брамса, Чайковского и Вагнера я никогда не наслушаюсь вдоволь. Здесь мои симпатии тоже очень католические, и я восхищаюсь Макдауэллом, Дебюсси, Рихардом Штраусом и Хьюго Вольфом".

ИСТОРИЯ VII.—"Мои родители очень крепкие и здоровые. Оба моих родителя (которые принадлежат к профессиональному среднему классу) в целом обладают хорошим здоровьем; и я также не могу проследить каких-либо выраженных ненормальных или болезненных наклонностей ума или тела в каких-либо записях семьи.

"Несмотря на то, что я сам обладаю сильно нервным темпераментом и чувствителен, мое здоровье хорошее. Я не замечаю никакой склонности к физическим заболеваниям. Однако в раннем взрослом возрасте, как я полагаю, из-за большого эмоционального напряжения, в условиях которого я жил, моя нервная система была сильно расшатана и истощена. Умственно и морально моя натура довольно уравновешенна, и у меня никогда не было никаких серьезных потрясений в этих областях.

"В возрасте 8 или 9 лет, задолго до того, как ярко проявились сексуальные чувства, я почувствовал дружеское влечение к представителям своего пола, и это переросло после полового созревания в страстное чувство любви, которое, однако, так и не нашло себе выражения, пока мне не исполнилось полных 20 лет. В школе я жила на дневном отделении и мало слышала школьных разговоров на сексуальные темы, к тому же была очень сдержанной и скромной; ни один пожилой человек или родитель никогда не заговаривал со мной на подобные темы; и страсть к собственному полу развивалась постепенно, совершенно без влияния извне. Я даже никогда, в течение всего этого периода, и намного позже, не учился практике мастурбации. Моя собственная сексуальная природа была для меня загадкой. Я оказался отрезанным от понимания других, почувствовал себя изгоем и, обладая очень

любящим и цепляющимся характером, был очень несчастен. Я думал о своих друзьях мужского пола — иногда о мальчиках моего возраста, иногда постарше, а однажды даже о мастере — днем и мечтало них по ночам, но был слишком убежден, что я безнадежное чудовище, чтобы когда-либо добиваться каких-либо результатов. Позже все было примерно так же, но постепенно, хотя и медленно, я пришел к выводу, что есть и другие, такие же, как я. У меня появилось несколько особых друзей, и, наконец, время от времени мне приходило в голову переспать с ними и удовлетворить свою властную потребность взаимными объятиями и излияниями. Однако до того, как это произошло, я раз или два был на грани отчаяния и безумия из-за подавленной страсти и мучений.

Между тем, с самого начала моим физическим чувством по отношению к женскому полу было безразличие, а позже, с более специфическим развитием сексуальных желаний, - положительное отвращение. Хотя у меня есть несколько подруг, общество которых мне нравится и к которым я искренне привязан, мысль о браке или совместном проживании с кем-либо из них всегда была мне отвратительна.

"В детстве меня обычно привлекали мальчики намного старше меня; после окончания школы я все еще влюблялся, в романтическом ключе, в товарищей моего положения. Сейчас, в возрасте 37 лет, мой идеал любви — сильный, крепко сложенный мужчина моего возраста или, скорее, моложе, предпочтительно из рабочего класса. Хотя он обладает здравым смыслом и характером, ему не обязательно быть особенно интеллектуальным. Если он наделен последним, он не должен быть слишком бойким или утонченным. Все женоподобное в мужчине или что-либо от дешевого интеллектуального стиля отталкивает меня очень решительно.

"Я никогда не имел дела с так называемой педерастией. Мое главное желание в любви - телесная близость или контакт, например, спать обнаженным с обнаженным другом; особенно сексуальное, хотя и достаточно срочное, кажется второстепенным вопросом. Педерастия, активная или пассивная, может показаться мне вполне уместной по отношению к тому, кого я любил очень преданно и кто тоже любил меня до такой степени; но я не думаю иначе. Я художник по темпераменту и выбору, люблю все красивое, особенно мужскую форму человека; активного, стройного, мускулистого телосложения; и симпатичного, но несколько нерешительного характера, хотя и обладаю самоконтролем.

"Я не могу считать свои сексуальные чувства неестественными или ненормальными, поскольку они раскрылись во мне так совершенно естественно и спонтанно. Все, что я читал в книгах или слышал об обычной сексуальной любви, ее интенсивности и страсти, преданности на всю жизнь, любви с первого взгляда и т.д., Мне кажется, легко сопоставимо с моим собственным опытом гомосексуальной формы; и что касается морали этого сложного предмета, я чувствую, что она такая же, какая должна преобладать в любви между мужчиной и женщиной, а именно: нельзя искать телесного удовлетворения ценой страданий или деградации другого человека. Я уверен, что этот вид любви, несмотря на сопутствующие ему физические трудности, столь же глубоко волнующий и облагораживающий, как и другой вид, если не в большей степени; и я думаю, что для идеальных отношений фактическое сексуальное удовлетворение (каким бы оно ни было), вероятно, занимает в этой любви менее важное место, чем в другой ".

ИСТОРИЯ VIII.—М. Н., 30 лет. "Можно сказать, что мой дедушка обладал ненормальным темпераментом, поскольку, несмотря на очень скромное происхождение, он организовал и выполнил чрезвычайно тяжелую миссионерскую работу и стал опытным лингвистом, переведя Библию на восточный язык и составив первый словарь этого языка. Он умер практически от переутомления в возрасте 45 лет. Он был дважды женат, мой отец был его третьим сыном от второй жены. Я полагаю, что двое, если не больше, из семьи (всего их было семь) были обращены вспять, и единственным из них, кто женился, был мой отец. Моя бабушка была последней представительницей старинной и очень "дикой" ирландской семьи. Она умерла в преклонном возрасте от паралича. Моему отцу было 36, а матери 21 год на момент их женитьбы. Я родился тремя годами позже и был их единственным ребенком. Брак оказался самым несчастливым, они совершенно не подходили друг другу во всех отношениях.

"Здоровье моего отца в первые годы его брака было очень хрупким, и у меня есть основания полагать, что оно определенным образом было подорвано его жизнью за границей. Я понимаю, что родился с легким гонорейным заболеванием, и в детстве мое здоровье было очень слабым. Последнее, возможно, было вызвано особенно несчастливой и неестественной жизнью, которую я вел. У меня не было товарищей моего возраста, и я даже не посещал никакой школы до смерти моей матери. До того времени мой отец руководил моим образованием, и у меня был свободный доступ к большой и очень разнообразной библиотеке и много свободного времени, чтобы наслаждаться ею в одиночестве. В нем было несколько медицинских и научных книг, которые были моими главными любимыми, и я помню, как в очень раннем возрасте решил стать врачом. Примерно в 5 лет я вспоминаю, что мне приснился сексуальный сон, связанный с железнодорожным носильщиком. Мне доставляло огромное удовольствие вспоминать этот сон, и примерно в то же время я открыл метод самоудовлетворения (в этих вопросах не требуется особого "обучения"!).

"Я не могу сказать, что сон, о котором я упомянул, был абсолютно первым признаком перевернутого чувства, скорее, он выкристаллизовал смутные представления, которые у меня, возможно, уже были по этому поводу. Я могу вспомнить, что примерно в возрасте от 3 до 4 лет молодой человек лет 20 несколько раз приходил к нам в дом в качестве гостя. Я полагаю, он любил детей, и я обычно садилась к нему на колени, и он меня целовал. Это было источником большого удовольствия для меня, но я не могу вспомнить, сопровождалось ли это эрекцией. Я могу только вспомнить, что его внимание и ласки произвели на меня большее впечатление, чем внимание и ласки женщин. Примерно в этом возрасте меня тоже часто возбуждали, когда я спал со своей матерью, и мне говорили не лежать на лице. Я помню, что эрекция всегда присутствовала в таких случаях. Этот сон был первым из многих подобного рода, и в моем случае они никогда не сопровождались эрекцией. Они всегда носили "перевернутый" характер, хотя иногда мне снились сны о женщинах. Эти последние, однако, обычно имели что-то от ночного кошмара!

"До 14 лет я был сильно озадачен и подавлен своими взглядами на сексуальное влечение и был убежден, что они присущи только мне самому. Это, в сочетании с уединенным состоянием моей жизни и продолжавшимся около четырех лет жестоким обращением до смерти моей матери (на тот период она бросила пить), оказало очень пагубное воздействие на мое здоровье, психическое и физическое. Оглядываясь назад со своей нынешней точки зрения, я могу понять и простить многое, что казалось мне чудовищным и несправедливым в детстве. Жизнь моей матери, должно быть, была очень несчастливой, и она была горько разочарована во многих

отношениях, очень вероятно, что и во мне тоже. Мой неудачный, неправильно понятый темперамент сделал меня застенчивым и скрытным, я часто болел, и мое обучение не было рассчитано на улучшение положения. Наконец, однако, пришли перемены и свобода, и меня отправили в школу-интернат. Здесь, конечно, я вскоре встретил привязанность и удовлетворение со стороны других мальчиков. Я достиг половой зрелости, и мое здоровье улучшилось в более счастливой обстановке. Вскоре я обнаружил, что мои товарищи смотрели на удовольствия, которые так много значили для меня, с совершенно другой точки зрения. Их удовлетворение обычно сопровождалось разговорами о женщинах и общим направлением мыслей в их сторону. Когда мне исполнилось 15 лет, из-за финансовых трудностей я был вынужден бросить школу, и вскоре был не только предоставлен сам себе, но и не отвечал ни перед кем, кроме самого себя, за свое поведение. Конечно, моим следующим открытием было то, что мой случай, столь далекий от необычности, был самым обычным, и я быстро был посвящен во все тайны инверсии с ее масонством и "арго". В целом, мой опыт обращения с инверсиями был довольно обширным и разнообразным, и я всегда старался классифицировать и сравнивать случаи, которые попали в поле моего зрения, с целью прийти к какому-то заключению или объяснению.

"Я полагаю, что именно благодаря женской разносторонности или впечатлительности я могу мысленно испытывать эмоции, присущие обоим полам, в зависимости от возраста и темперамента моего спутника; например, с человеком старше меня, обладающим ярко выраженными мужскими чертами характера, я способен почувствовать всю ту капитуляцию и зависимость, которые так присущи женщине по своей сути. С другой стороны, если рядом с юношей женского типа и поведения я смогу с таким же удовольствием ощутить нежное, но доминирующее отношение мужчины.

"Я не испытываю особого "ужаса" перед женщинами в сексуальном плане. Я бы предположил, что мои чувства к ним очень похожи на то, что нормальные люди испытывают по отношению к представителям своего пола". М. Н. замечает, что он не умеет свистеть и что его любимый цвет - зеленый.

В этом случае субъект легко нашел моральный образ жизни со своим перевернутым инстинктом и принимает его удовлетворение как должное. В следующем случае, который, я полагаю, типичен для большой группы, субъект никогда не поддавался своим инвертированным импульсам, и, за исключением мастурбации, сохранял строгое целомудрие.

ИСТОРИЯ IX.—Р. С., 31 год, американец французского происхождения. "По вопросу наследственности я могу сказать, что принадлежу к достаточно здоровой, плодотворной и долгоживущей семье. Однако со стороны моего отца есть склонность к легочным заболеваниям. Сам он умер от пневмонии, а двое его братьев и племянник - от чахотки. Ни один из моих родителей не был болезненным или эксцентричным. За исключением некоторой застенчивости с незнакомцами, мой отец был очень мужественным человеком. Моя мать несколько нервничает, но не обладает богатым воображением и вообще не демонстрирует своих чувств. Я думаю, что мое собственное воображение и артистический темперамент, должно быть, унаследованы со стороны моего отца. Возможно, мое французское происхождение имеет к этому какое-то отношение. За исключением моего деда по материнской линии, все мои предки были французского происхождения. Отец моей матери был англичанином.

"Я обладаю переменчивым темпераментом и сильным чувством нелепого. Хотя мое *телосложение* невысокое, мое здоровье всегда было превосходным. Особенно в последние годы я был сильно склонен к самоанализу, но у меня никогда не было ни галлюцинаций, ни бреда разума, ни истерики, и я совсем не суеверен. Спиритические проявления, гипнотические увлечения и другие психические причуды современности меня почти не привлекают. На самом деле, я всегда скептически относился к ним, и они мне порядком наскучили.

"В школе я был ленивым, мечтательным мальчиком, прогуливающим учебу, но в остальном довольно послушным своим учителям. С самого раннего детства я проявлял всеядный вкус к чтению, особенно мне нравились путешествия, эстетика, метафизические и теологические дисциплины, а в последнее время - поэзия и некоторые формы мистицизма. Я никогда особо не интересовался историей или научными предметами. С самого начала я также проявлял сильную художественную склонность и обладал непреодолимой любовью ко всему прекрасному. В детстве я страстно любила цветы, любила бывать в лесу и в одиночестве и хотела стать художницей. Мои родители воспротивились последнему желанию, и я уступил перед их противодействием.

"Во мне гомосексуальная природа необычайно совершенна и, несомненно, врожденна. Самым сильным наслаждением моего детства (даже когда я был крошечным мальчиком на попечении медсестры) было наблюдать за акробатами и наездниками в цирке. Это было сделано не столько из-за мастерства, сколько из-за красоты их лиц. Даже тогда я заботился в основном о более гибких и грациозных парнях. Люди говорили мне, что цирковые актеры злые люди и воруют маленьких мальчиков, и поэтому я стал смотреть на своих любимцев как на полудемонов и полуангелов. Когда я стал старше и мог ходить один, я часто околачивался возле палаток передвижных шоу в надежде хоть мельком увидеть актеров. Мне страстно хотелось увидеть их обнаженными, без колготок, и я часто лежал по ночам без сна, думая о них и мечтая о том, чтобы они любили меня и обнимали. Некий наездник без седла, что-то вроде жокея, особенно нравился мне своими красивыми ногами, которые были обтянуты плотью до пояса, оставляя его красивые чресла непокрытыми набедренной повязкой. В этих грезах не было ничего сознательно чувственного, потому что в то время у меня не было чувственных ощущений или знаний. Любопытно, что женщины-актеры отталкивали меня тогда (как отталкивают и по сей день) так же сильно, как меня привлекали мужчины.

"Раньше я тоже получал огромное удовольствие, наблюдая за плавающими мужчинами, но возможности наблюдать за ними таким образом были крайне редки. Я никогда не осмеливался сообщить своим товарищам, что я думаю по этому поводу, но вид хорошо сложенного обнаженного юноши или мужчины наполнял меня (и наполняет сейчас) смешанными чувствами застенчивости, тоски и восторга. Раньше я рассказывал себе бесконечные истории о фантастическом замке, населенном прекрасными мальчиками, один из которых был особенно моим дорогим другом.

- В сказках мой интерес или привязанность всегда вызывал *принц*. Я постоянно влюблялась в красивых мальчиков, которых никогда не знала; и я никогда не пыталась смешаться с их компанией, потому что стеснялась их и не имела ни любви, ни склонности к мальчишеским играм. Иногда я играл с девочками, потому что они были более тихими и нежными, но я мало заботился о них или не заботился вовсе.

"Как это обычно бывает, мои родители пренебрегли тем, чтобы поделиться со мной какими-либо сексуальными знаниями, и те, которыми я обладал, были собраны украдкой из неблагонадежных источников, разговоров плохих мальчиков в школе и других местах. Мои старшие туманно дали мне понять, что подобные разговоры были порочными, а природная робость и желание быть "хорошим" не позволяли мне много узнать о сексуальных вопросах. Поскольку я никогда не ходил в школу-интернат, я, возможно, был избавлен от многих унижительных посвящений, которые устраивали знающие мальчики в таких заведениях.

"Несмотря на то, что было сказано выше, я не верю, что был сексуально развит не по годам, и даже сейчас я чувствую, что простое созерцание принесло бы мне больше удовольствия, чем личный контакт с объектом моего любовного внимания.

"Когда я стал старше, конечно, появилось неопределенное физическое влечение, но больше всего меня привлекала *красота* тех, кем я восхищался. Во время полового созревания я спонтанно приобрел привычку к мастурбации. Однажды во время купания я обнаружил, что при прикосновении к половым органам возникает приятное ощущение. Вскоре я утвердился в этой привычке. Сначала я практиковал это, но редко, но впоследствии гораздо чаще (скажем, раз в неделю), хотя иногда проходили месяцы без каких-либо поблажек с моей стороны. У меня были эротические сны всего три или четыре раза в жизни. Привычку к мастурбации я считаю морально предосудительной и принимала много решений избавиться от нее, но безуспешно. Это доставляет мне лишь самое мимолетное удовлетворение и всегда сопровождается угрызениями совести.

"У меня никогда в жизни не было ни сексуального чувства к женщине, ни какой-либо сексуальной связи с какой-либо женщиной вообще. Сама мысль о подобном мне чрезвычайно отвратительна. Это правда, помимо каких-либо моральных соображений, и я не думаю, что смог бы заставить себя на это. Меня никоим образом не привлекают молодые женщины. Даже их физическая красота не имеет для меня особого очарования, и я часто удивляюсь, как она может так сильно влиять на мужчин. С другой стороны, я не женоненавистник, и у меня есть несколько сильных друзей противоположного пола. Однако они женщины старше меня, и наша дружба основана исключительно на определенных интеллектуальных или эстетических вкусах, которые у нас общие.

"У меня практически не было физических отношений с мужчинами; во всяком случае, ни одного конкретно сексуального. Однажды, когда мне было около 19 или 21 года, я начал обнимать прекрасно сложенного юношу, с которым я спал, но робость и щепетильность взяли верх над моими чувствами, и, поскольку мой товарищ по постели не был влюблен в меня, из этого ничего не вышло. Через несколько лет после этого я сильно привязался к другу, которого знал уже несколько лет. Обстоятельства очень сблизили нас в течение одного лета. Именно сейчас я впервые испытала настоящий шок от любви. Он отвечал мне взаимностью, но мы оба стеснялись показывать свои чувства или говорить о них. Часто, гуляя вместе после наступления темноты, мы обнимали друг друга. Иногда, когда мы спали вместе, мы лежали, тесно соприкасаясь, и мой друг однажды предложил мне прижаться ногами к его ногам. Он часто умолял меня провести с ним ночь, но я начала бояться своих чувств и спала с ним очень редко. У нас обоих не было никаких определенных представлений о гомосексуальных отношениях, и, кроме того, что я рассказал выше, мы больше не общались друг с другом. Через несколько месяцев после того, как наши любовные чувства разгорелись, мой друг умер. Его смерть

причинила мне большое горе, и мой природный религиозный темперамент начал проявляться довольно сильно. В то же время я впервые прочитал некоторые работы мистера Аддингтона Саймондса, и некоторые аллюзии в его работах вкупе с моим недавним опытом вскоре привели меня к полному осознанию моей перевернутой натуры.

"Примерно через восемь месяцев после смерти моего друга я случайно встретил в незнакомом городе юношу примерно моего возраста, который сразу же вызвал у меня сильное влечение. У него было утонченное, красивое лицо, изящное телосложение, и, хотя он был довольно сдержан, мы вскоре стали близкими друзьями.

"Мы были вместе всего несколько дней, когда я был вынужден уехать домой, и расставание причинило мне большое горе и депрессию. Через несколько месяцев после того, как мы провели вместе отпуск. Однажды во время нашей поездки мы пошли купаться и разделись в одной бане. Когда я впервые увидела своего друга обнаженным, он показался мне таким красивым, что мне захотелось обнять его и покрыть поцелуями. Однако я скрывала свои чувства, едва осмеливаясь взглянуть на него из страха, что не смогу сдержать свои желания. Несколько раз после этого, в его комнате, я видел его раздетым, что оказывало такое же воздействие на мои эмоции. Пока я не увидела его обнаженным, мои чувства к нему не носили физического характера, но после я жаждала настоящего контакта, но только в виде объятий и поцелуев. Хотя он любил меня, у него не было абсолютно никаких любовных устремлений по отношению ко мне, и, будучи простым, чистосердечным человеком, он возненавидел бы меня за мою извращенную натуру. Я старался, чтобы он никогда об этом не узнал, и был очень огорчен, когда он признался, что влюблен в молодую девушку, на которой хотел бы жениться. Этот эпизод произошел несколько лет назад, и хотя мы все еще друзья, мои эмоциональные чувства к нему значительно остыли.

"Я всегда очень стеснялся проявлять какие-либо нежные наклонности. Большинство моих знакомых (и даже близких друзей) считают меня удивительно холодной и часто удивляются, почему я так и не влюбилась и не вышла замуж. По понятным причинам я никогда не могла им сказать.

"Три или четыре года назад в мои руки попала небольшая книжка Ковентри Патмора, и при ее прочтении у меня странным образом смешались религиозные и эротические представления. Желание любить и быть любимым трудно заглушить, и когда я понял, что гомосексуально любить в этом мире для меня не законно и не возможно, я начал проецировать свои стремления в следующий. По рождению я римский католик, и, несмотря на несколько скептический настрой, ухитряюсь оставаться им по убеждениям.

"Из доктрин Троицы, Воплощения и Евхаристии я сделал выводы, которые наполнили бы умы среднего пиетиста священным ужасом; тем не менее я верю, что (допуская предпосылки) эти выводы оправданы как логически, так и теологически. Божественность моего воображаемого рая никоим образом не похожа на пресные представления фра Анджелико или квартала Сен-Сюльпис. По крайней мере, его физический облик лучше был бы представлен каким-нибудь пракситильским полубогом или обнаженным задумчивым мальчиком Фландрина.

"Хотя эти фантазии вызвали у меня значительное моральное беспокойство, они не кажутся мне полностью предосудительными, потому что я чувствую, что главное счастье, которое я получил

бы от их реализации, было бы в основном от созерцания любимого человека, а не от более близких радостей.

"Я обладаю лишь незначительными знаниями об истории и особенностях эротического мистицизма, но вполне вероятно, что мои представления не являются ни новыми, ни необычными, и многие высказывания немногих авторов-мистиков, с работами которых я знаком, кажутся в значительной степени согласующимися с моими собственными стремлениями и выводами. Пытаясь найти для них какую-то санкцию действительного авторитета, я всегда искала подтверждения у представительниц своего пола; следовательно, у меня меньше шансов формировать свои взгляды в соответствии со взглядами сверхчувствительных или истеричных женщин.

"Вы справедливо сделаете вывод, что мне трудно точно сказать, как я отношусь (с моральной точки зрения) к гомосексуальной тенденции. Однако в одном я уверен: даже если бы это было возможно, я бы не променял свою перевернутую природу на нормальную. Я подозреваю, что сексуальные эмоции и даже инвертированные имеют более тонкое значение, чем им обычно приписывают; но современные моралисты либо боятся трансцендентальных интерпретаций, либо не видят их вовсе, а я невежествен и неспособен разгадать тайну, которую, по-видимому, подразумевают эти чувства.

"Патмор говорит достаточно смело, в своей манере, и Лакордер намекал на некоторые вещи, но в очень осторожной манере. У меня нет ни способности, ни возможности изучать то, что говорят мистики средневековья в этом направлении, и, кроме того, средневековый взгляд на вещи мне не по душе. Главная черта моей склонности - непреодолимое восхищение мужской красотой, и в этом я больше похож на греков.

"У меня нет абсолютно никаких слов, чтобы сказать вам, как сильно такая красота воздействует на меня. Я знаю, что моральные и интеллектуальные достоинства имеют большую ценность, но физическую красоту *явижу* более ясно, и она представляется мне самым *ярким* (если не самым совершенным) проявлением божественного. Небольшой инцидент, возможно, более полно раскроет вам мои чувства. Не так давно мне довелось видеть необычайно хорошо сложенного молодого человека, входящего в дом свиданий с обычной уличной женщиной. Это зрелище наполнило меня острой тоской, а мысль о том, что его красота скоро окажется в распоряжении проститутки, заставила меня почувствовать себя беспомощной и несчастной свидетельницей святотатства. Возможно, моя ярость по поводу мужской привлекательности - всего лишь очередная вспышка старой платонической мании, ибо с течением времени я обнаруживаю, что все меньше тоскую по настоящей юности, которая была передо мной, и все больше по какому-то идеалу, совершенному существу, чье телесное великолепие и любящее сердце являются реальностью, отражения которой мы видим только в этой пещере теней. С момента рождения и развития во мне того, что, за неимением лучшего названия, я называю своим гомосексуализированным патморейским идеалом, жизнь стала, по большей части, утомительным занятием. Однако я не впадаю в уныние, потому что многие вещи все еще представляют для меня определенный интерес. Когда этот интерес угасает, как это обычно бывает время от времени, я стараюсь быть терпеливым. Дай Бог, чтобы после того, как я закончу *здесь*, я смог вырваться из тени и, казалось бы, тщетных фантазий во владение их бесконечной реальностью *загробной жизни*".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ Х.—А. Х., 62 года. Принадлежит к семье, которую нельзя считать здоровой, но среди близких родственников нет безумия. Отец - очень мужественный мужчина с высоким характером и хорошим интеллектом, но не крепким физическим здоровьем. Мать была взвинченной и нервной, но обладала неукротимым мужеством и очень любящей; она жила очень счастливо со своим мужем. Она стала хроническим инвалидом и умерла от чахотки. А.Х. был семимесячным ребенком, третьим в семье, которые родились очень быстро, так что разница в возрасте первого и третьего детей составляет всего три года. А. Х. считает, что один из его братьев, который никогда не был женат и предпочитает мужчин женщинам, тоже инвертирован, хотя и не в такой степени, как он сам, и он также подозревает, что родственник его матери, возможно, был инвертированным. Сестра, похожая характером на отца, замужем, но о ней говорят как о женщине женского пола, а не как о мужчине женского пола. Члены семьи, как правило, считаются гордыми и сдержанными, но обладают превосходными умственными способностями.

В молодости А. Х. был хрупким, и его учеба часто прерывалась болезнями. Хотя он жил в счастливых условиях, он был застенчивым и нервным, часто впадал в депрессию. В дальнейшей жизни его здоровье было на уровне среднего, и ему обычно удавалось скрывать свои душевные сомнения и неуверенность в себе.

В детстве он играл в куклы и подружился с девочками, пока не достиг того возраста, когда осознал, что его поведение необычно, и ему стало стыдно, в то время как его отец, казалось, беспокоился о нем. Он считает себя очень инфантильным ребенком.

Его сознательная сексуальная жизнь началась в возрасте от 8 до 10 лет. Он играл в саду, когда увидел слугу, который уже давно был с семьей, стоявшего у двери сарая с обнаженным и эрегированным пенисом. Мальчик никогда раньше не видел ничего подобного, но испытал огромное удовольствие от зрелища и застенчиво двинулся навстречу мужчине, который отступил в сарай. Мальчик последовал за ним, и ему разрешили ласкать пенис и играть с ним до тех пор, пока не произошла эякуляция, при этом мужчина в ответ на невинные расспросы ребенка ответил, что это "приятно". Этот опыт часто повторялся с одним и тем же мужчиной, и мальчик доверился другу, с которым они пытались на личном опыте выяснить, на что похоже "приятное чувство", но они были слишком молоды, чтобы получить от этой попытки какое-либо удовольствие, кроме радости от того, что инстинктивно воспринималось как "вкусение запретного плода".

С этого периода его сексуальные наклонности начали становиться устойчивыми и застенчивыми. Он никогда, ни в какой период жизни, не испытывал ни на мгновение осознанного сексуального влечения к лицу противоположного пола. Действительно, его самая теплая дружба была с женщинами, и большая часть счастья, которым он наслаждался, была обеспечена этой дружбой. Но страсть возбуждали только лица его собственного пола, как правило, мужчины намного моложе его. Он чувствует себя застенчивым и неуютно в присутствии мужчин своего возраста. Но даже в его нынешнем возрасте прикосновение мужчины или мальчика может вызвать живейшее удовлетворение.

Вскоре после инцидента в детстве, о котором уже рассказывалось, А. Х. уговорил маленького мальчика-компаньона пойти в тихое место, где, по предложению А.Х., каждый по очереди брал пенис другого в рот. А. Х. никогда не слышал о подобной процедуре. Это был естественный инстинкт. Он начал мастурбировать в раннем возрасте. Но вскоре он нашел спутницу, которая поделила его страсть. Мужчина постарше, особенно женатый и имеющий семью, становился его сообщником при любой возможности, и они манипулировали друг другом. В возрасте 21 года с этим мужчиной начала практиковаться *фелляция*. Это стало практикой на всю жизнь и предпочтительным методом сексуального удовлетворения. Больше всего ему нравится, когда это делается над ним самим, но он никогда никого не просил сделать для него то, чего он сам не стал бы делать для другого, если бы захотел. Здесь никогда не было *педикюра*. Можно добавить, что пенис хорошего размера, а яички довольно большие.

Никто никогда не подозревал о сексуальных извращениях А. Х., даже его лечащий врач, с которым его долгое время связывала тесная дружба, пока во время сильного душевного расстройства А. Х. добровольно не раскрыл свое состояние. Он привык к изысканному обществу, всегда много читал, питал отвращение к занятиям спортом и любил поэзию, детей и цветы. Его любовь к природе действительно граничит со страстью. Где бы он ни был, он заводил друзей среди лучших людей. Он признается в эпизодических периодах пристрастия к одурманивающим веществам, вызванных общением в компании и контролируемых только силой воли.

К бизнесу у него нет ни малейших способностей, и он не может сам вести свои дела. Он всегда боится бедности и лишений. Однако он считает, что среди своих друзей считается достаточно способным.

Он считает, что инверсия естественна в его случае и что он имеет полное право удовлетворять свои собственные природные инстинкты, хотя он также допускает, что они могут быть пороками. Он никогда не стремился повлиять на невинного человека в соответствии со своими собственными наклонностями.

ИСТОРИЯ XI.—Т. Д. не знает ничего ненормального в своей родословной. У его брата есть гомосексуальные наклонности, но его также привлекают женщины. Сестра, которая очень религиозна, утверждает, что у нее мало сексуальных наклонностей или их вообще нет. Все они в молодости были мечтательны, к отвращению их учителей. Он прислал следующий отчет о себе из университета в возрасте 20 лет: —

"Когда я был ребенком (до того, как пошел в школу в 9 лет), - пишет он, - у меня уже был нежный нрав, привязанность, которая легко распространялась на любой пол. Ни один мальчик не был причиной моих склонностей, которые были совершенно спонтанными. (Без сомнения, частично причину можно найти в нашей социальной системе, согласно которой дамы - скорее создания из гостини, к которым следует относиться с некоторым уважением.) Когда мне было 10 лет, в подготовительной школе, у меня впервые начали возникать привязанности к другим мальчикам моего возраста, в которых я всегда ценил физическую красоту. Именно об этой стадии, на которой сексуальный элемент скрыт, Шелли говорит как о предшествующей любви у пылких натур.

"В 12 лет я научился мастурбации, очевидно, инстинктивно, и, с сожалением должен сказать, чрезмерно практиковал ее в течение следующих семи лет, всегда тайно и со стыдом, и часто под аккомпанемент похотливых фантазий, которые не мешали моим отношениям с теми, кого я любил, носить очень духовный характер. Мастурбация часто практиковалась ежедневно, со вспышками раскаяния и воздержания, в последнее время все реже. Но до 15 лет я действительно ничего не знал о сексуальных вопросах, и только когда мне исполнилось по крайней мере 17, я осознал сексуальное желание, которое я подавлял со стыдом.

"Из-за чрезмерного насилия над собой я не могу излучать, кроме как вручную, но желание сильное. Я думаю, что голого контакта было бы достаточно, и в любом случае межклеточной связи. *Педикюр и фелляцию* я ненавижу. Я люблю мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет; они должны быть моего класса, утонченные и привлекательные. Я хочу только активную мужскую часть. Теперь я считаю свои склонности естественными и нормальными для себя. Трудность заключается в том, чтобы заставить другую сторону рассматривать это как таковое, помимо требуемого юного возраста и необходимого тайного характера разбирательства. Моральные трудности обстоятельств настолько велики, что у меня мало надежды когда-либо полностью удовлетворить свою страсть. Я дважды обманывалась в характере этого мальчика. Последняя дружба длилась три года, за это время я видела его обнаженным всего два или три раза (это вызывало эрекцию), никогда не прикасалась к нему похотливо и только один раз поцеловала.

"Я так и не нашел удовлетворительного объекта своей привязанности, и моему счастью, возможно, моему здоровью был нанесен серьезный ущерб. В моей государственной школе учитель помог мне лучше понять эти вещи. Чисто животная содомия, которая существует во многих государственных школах, была неизвестна. То, что я узнал о сексе, я узнал сам. Мне рекомендуют обратить свои устремления к абстрактной универсальной служанке; но пока, по крайней мере, я не могу этого сделать.

"Мужская греческая скульптура и *Федр* Платона оказали большое, хотя и только подтверждающее, влияние на мои чувства. Мой идеал - идеал Феокрита XIII, в котором Геракл доводил Гиласа до совершенства, как мужчину. Моя первая мысль - о благе моего друга, но, если не считать благотворного субъективного влияния страсти, я потерпел полную неудачу.

"Я очень высокий, темноволосый, довольно сильный, люблю игры, хотя и не преуспеваю из-за близорукости. Я англичанка, хотя во мне течет французская кровь, что, возможно, объясняет мой безудержно страстный нрав. Хотя, в отличие от других людей, я ни в малейшей степени не женственна, и, насколько мне известно, никто так не думал. Я умею легко и хорошо свистеть. Я настолько мужеподобен, что не могу даже представить пассивное сексуальное удовольствие у женщин, не говоря уже о мужчинах. (Это одна из трудностей в любви к мальчику.) Мои привязанности неразрывно связаны с идеалами защиты того, кто слабее меня. В прежние времена, когда сексуальность была менее осознанной, это было отличным источником романтических чувств, очарование которых довольно быстро исчезает. Я не могу понять любви взрослых мужчин, тем более если они принадлежат к низшему классу, и мысль о проституции вызывает у меня отвращение.

"Думаю, я могу сказать, что эстетические и моральные чувства у меня очень прочно укоренились. Действительно, они во многом синонимичны мне. У меня нет драматических способностей, и, хотя я лщу себя надеждой, что у меня хороший музыкальный вкус, я ничего не смыслю в музыке. Если у меня и есть любимый цвет, то это темно-малиновый или синий,

напоминающий старинные витражи. Я получаю огромное удовольствие от всего литературного и живописного искусства и архитектуры; действительно, от искусства всех видов. Мне легко писать личные лирические стихи; это приносит мне облегчение.

"Я думаю, что моя инверсия, должно быть, врожденная, поскольку желание контакта с теми мальчиками, которых я любила, зародилось еще до мастурбации и продолжалось на частных и общественных курортах и в университетской жизни. Другой пол меня не привлекает, но я очень люблю детей, как девочек, так и мальчиков. (Если в этом и есть сексуальность, которой, я верю, там нет, то она скрытая)."

Это утверждение представляет интерес, поскольку оно вполне может навести нас на предположение, что автор, обладающий уравновешенным умом и здравыми суждениями, обладает убежденным гомосексуальным взглядом на жизнь. Хотя, однако, как правило, постоянное направление сексуального импульса определяется к 20 годам, этот возраст слишком ранний, чтобы позволять нам говорить позитивно, особенно в отношении молодежи, чьи подростковые недифференцированные или гомосексуальные импульсы подпитываются университетской жизнью. Это подтвердилось! случай с Т. Д., который, хотя, несомненно, обладает психически аномальным типом, все же преимущественно мужского рода. По окончании университета его гетеросексуальность проявилась нормально. Примерно через шесть лет после предыдущего заявления он написал, что влюбился. "Я накануне женитьбы на девушке почти моего возраста. У нее есть сочувствие, а также знания в моей области обучения; таким образом, мне было легче объяснить свое прошлое, и я обнаружил, что она не могла понять моральных возражений против гомосексуальных практик. Мое собственное мнение всегда заключалось в том, что моральные возражения были очень значительными, но в некоторых случаях их можно было преодолеть. В любом случае, я полностью утратила свое сексуальное влечение к мальчикам, хотя рада сообщить, что по-прежнему ценю их обаяние и грацию. Таким образом, мои инстинкты претерпели значительные изменения, но эти изменения не совсем в сторону нормальности. Инстинкт содомии в собственном смысле этого слова раньше был мне непонятен; с тех пор как объектом влечения стала женщина, этот инстинкт смешался в моем желании с нормальным. Кроме того, элемент, который сильно беспокоил меня, поскольку был наиболее чужд моим идеальным чувствам, не совсем покинул меня — неприличное и часто скатологическое любопытство к незрелым девушкам. Я могу только надеяться, что осознание нормальности в браке, наконец, убьет эти болезненные отклонения. Я должен добавить, что практика мастурбации была оставлена".

ИСТОРИЯ XII.—24 года. Отец и мать живы; последняя занимает более высокое социальное положение, чем отец. Он очень привязан к своей матери, и она испытывает к нему некоторое сочувствие. У него есть брат, которого обычно привлекают женщины. Самого его никогда не привлекали женщины, и он не проявляет интереса ни к ним, ни к их обществу.

В возрасте 4 лет он впервые осознал, что его привлекают мужчины постарше. С 11 до 19 лет, в большой начальной школе, у него были отношения примерно с сотней мальчиков. Излишне добавлять, что он считает гомосексуальность чрезвычайно распространенной в школах. Однако именно дело Оскара Уайльда впервые открыло ему глаза на широкую распространенность гомосексуализма, и он считает, что огласка этого дела во многом

способствовала если не росту гомосексуальности, то, во всяком случае, сделала ее более заметной и откровенной.

Сейчас его привлекают юноши примерно на 5-6 лет моложе его; они должны быть симпатичными. Он никогда не развращал мальчиков, которые еще не склонны к гомосексуализму. В своих отношениях он не чувствует себя исключительно мужчиной или женщиной: иногда одним, иногда другим. По его словам, он часто нравится из-за своего мужского характера.

Он полностью развит и здоров, значительно выше среднего роста, склонен к полноте, с полным лицом и небольшими усиками. Он курит много сигарет и не может без них обойтись. Хотя в его манерах очень мало женственности, если вообще есть, он признает многие женские черты. Он любит украшения, до недавнего времени всегда носил браслет и любит женские кольца; он очень разборчив в тонких галстуках и пользуется очень тонкими женскими носовыми платками. У него всегда был вкус к музыке, и он поет. У него особое пристрастие к зеленому; это преобладающий цвет в оформлении его комнаты, и ему нравится все зеленое. Он обнаруживает, что любовь к зеленому (а также к фиолетовому и пурпурному) очень распространена среди его перевернутых друзей.

ИСТОРИЯ XIII.—Художник, 34 года. "Самое раннее сексуальное впечатление, которое я осознаю, - пишет он, - это то, что в возрасте 9 или 10 лет я влюбился в красивого мальчика, который, должно быть, был примерно на два года старше меня. Я не помню, чтобы когда-либо разговаривал с ним, но моим желанием, насколько я могу вспомнить, было, чтобы он схватил меня и держал на руках. До сих пор у меня сложилось отчетливое впечатление о том, насколько приятной была бы даже физическая боль или жестокость в его руках. (Я заметил, что у маленьких детей часто бывает трудно отличить сексуальные эмоции от того, что у взрослых было бы явной жестокостью.)

"Должно быть, примерно в это время я открыл для себя — совершенно самостоятельно — акт мастурбации. Процесс развивался вполне естественно, хотя я не могу не думать, что замкнутая жизнь на лондонской улице и в лондонской школе, отсутствие физических упражнений, а также отсутствие пейзажа, цвета и красивой формы во многом повлияли на это. Атмосфера школы, в которой я учился, была на редкость чистой, но я сомневаюсь, что хваленая чистота дневных школ может компенсировать открытую жизнь и строгую дисциплину английской государственной школы.

"Я не знаю, насколько частая мастурбация в возрасте от 10 до 13 лет могла быть связана со слабым здоровьем, но когда мне было 12, моя мать отвела меня к известному врачу. Он не задавал вопросов сексуального характера, но посоветовал отослать меня из Лондона. Он испытывал сентиментальный ужас перед жестокими играми и т. Д. Для мальчиков и отвергал различные предлагаемые государственные школы. В конце концов меня отправили в частную школу на берегу моря.

"Частная школа была чистой и здоровой. Последовавшее за этим погружение в сексуальный коцит великой государственной школы было поистине внезапным. В мое время это было совершенное рагу из нечистот. Было много несдержанности, не так много жестокости, не было

конца грязным разговорам и много искренней привязанности, вплоть до героизма, проявляемого мальчиками в их отношениях друг к другу. Ко всем этим вещам учителя и мальчики относились одинаково как к более или менее нечестивым, в результате чего их либо искали, либо отбрасывали в сторону, в зависимости от сексуального или эмоционального инстинкта каждого. Не было предпринято никаких попыток дискриминации. Поцелуй был таким же нечистым, как и акт *фелляции*, и ни у кого не было никаких критериев или принципов, которыми можно было руководствоваться в детстве.

"Мое первое посвящение в тайны секса было от слуги из общежития, который показывал мне свой пенис, когда будил меня по утрам, и мастурбировал, когда принимал горячую ванну субботним вечером. Этот старый негодяй 45 лет совершал акт *фелляции* с большинством мальчиков по очереди, когда обходил общежитие. За старших ребят я не могу говорить, но на нас, младших, 14 и 15 лет, он наводил какой-то нечестивый ужас и обаяние. Он был очень популярен; мы слетались к нему, как голуби к змее. Когда много лет спустя я вернулся в свою старую школу, он занимал очень ответственный пост в часовне колледжа, и я заметил, что на его лице было то выражение лукавого почтения, которое, как мне кажется, я теперь могу мгновенно уловить, когда вижу его в мужчине.

В остальном в общежитии было шумно и непристойно, и было много травли, которая, вероятно, не причинила большого вреда. Мое главное воспоминание сейчас связано с грязной тайной сквернословия, которая меня никогда не интересовала и не понимала. В чем я действительно нуждался, как и все другие мальчики, так это в небольшой своевременной помощи в решении сексуальных проблем, но ее никто из нас не получал, и каждому приходилось вырабатывать для себя свой собственный принцип поведения. Это был долгий, трудный и расточительный процесс, и я не могу не верить, что многие из нас потерпели неудачу в этом начинании. Мы пришли неподготовленными ни к какому совету. Принципом, на котором нас, по-видимому, воспитывали, было подавление всех инстинктов. Моя мать была невежественна из-за невинности, мой отец - из-за безразличия, и поэтому между ними я был отправлен беспомощным. Мать берет на себя большую ответственность, отправляя своего ребенка неподготовленным. Родитель не должен пытаться переложить свою ответственность на школьного учителя. Только любовь должна быть источником, из которого должны проистекать откровения; мастер, по самой природе своего положения, не может раскрываться.

"Неизбежное ухудшение здоровья — вызванное, как теперь представляется, вполне очевидными причинами — освободило меня из чистилища общежития колледжа, и меня перевели в один из частных домов. Эти заведения считались более отборными и менее "грубыми". Однако социальная атмосфера была, возможно, более нездоровой, потому что более женственной и была полна благородных молодых молокососов. Номинальный глава факультета при нормальных условиях мог бы быть настоящим лидером; как бы то ни было, настоящим главой факультета был позолоченный молодой пария, занимавший довольно низкое положение в школе и полный лицемерия и противоестественных похотей. Мальчик, который занимал соседнюю с моей кабинку, также был тяжелым случаем сексуальной дезориентации, хотя у него не было социальных различий, которые делали бы его таким утонченным ужасом. У меня были все возможности наблюдать за ним, пока два года спустя его, к счастью, не попросили уйти. Он распускал похабные речи с утра до ночи, один или два раза напивался, постоянно мастурбировал, не скрывая этого, имел нескольких мальчиков помладше между *бедер*, хотя и не проявлял к ним никакой заботы или привязанности, и производил впечатление

человека, рожденного для публичного дома. Его единственным спасительным качеством был элемент добродушия : черта, которую часто можно встретить среди эгоистичных и безответственных людей. С тех пор мне сказали, что он полностью опустился до собак. Можно ли было обратить вспять или направить в нужное русло сексуальные инстинкты этого юного детеныша, я не знаю; но в более грубой и простой жизни, чем жизнь в государственной школе, в более открытой и менее лицемерной атмосфере он, возможно, обрел бы лучшую форму. Однако лицемерие - это порок, от которого, к счастью, свободны сами школьники. Это приходит позже. Тон среди мальчиков был откровенно и яростно нечистым, хотя нечистым не из-за инстинкта, а из-за отсутствия руководства и подавления.

"У меня нет ни одного радостного воспоминания об этом периоде моей школьной жизни. И все же из этой трясины незаконнорожденных добродетелей я вырвала свой первый цветок подлинной привязанности. Я называю это цветком, потому что он так и не созрел даже для того, чтобы распуститься. Ссамого начала мне была дана крайняя степень грязи, чтобы питаться ею, и теперь я нашел для себя крайнюю степень целомудрия. Я всю жизнь буду сожалеть о том, что любовь, которая была путеводной звездой моих школьных лет, так и не была реализована или поставлена на прочную основу товарищества.

"Когда мне было около 16 с половиной лет, в доме появился мальчик примерно на два года младше меня, который стал всепоглощающей мыслью моих школьных дней. Я не помню ни одного момента, с того момента, как я впервые увидела его, и до того, как закончила школу, чтобы я не была влюблена в него, и эта привязанность была взаимной, хотя и несколько сдержанной. Он всегда немного опережал меня в книгах и учении, но когда наша привязанность созрела, мы проводили большую часть свободного времени вместе, и он принимал мои ухаживания почти как девушка, за которой ухаживают, возможно, немного насмешливо, но с искренним удовольствием. Он позволял мне ласкать его, но наша близость никогда не заходила дальше поцелуя, и в этом даже был налет стыда; между нами всегда был барьер, и мы даже не шептались друг с другом о тех вещах, о которых непристойно говорила вся школа. Какая-либо связь между нашими собственными эмоциями и сексуальной моралью школы никогда не приходила нам в голову. Фактически, мы вели жизнь мечты о целомудрии, которая не могла соотноситься ни с какими человеческими условиями. Это было внезапно прервано. Моя подруга была очень красива и привлекала окружающих. Я знал, что некоторые из старших мальчиков предлагали ему половую связь, но для него, как и для меня, это было невыразимым злодейством. Однажды я услышал, что четверо или пятеро из этих его поклонников неправильно обращались с ним; они, я полагаю, сняли с него брюки и попытались мастурбировать. Проступок, вероятно, был игрой с лошадьми животного происхождения; мне это казалось непростительным проступком. О случившемся хозяину доложил слуга, но для того, чтобы последовать наказанию, требовались подтверждающие доказательства. Меня разрывали на части страсти, которые я тогда не мог проанализировать, и в конце концов я совершил величайшее из преступлений школьника — я улизнул. Поступок в сложившихся обстоятельствах был смелым, но я оставалась равнодушной до тех пор, пока мальчик, которого я любила, судил обо мне справедливо. В результате к концу семестра четверых или пятерых старшеклассников "попросили уйти". Оставшийся короткий период моей школьной жизни, который раньше был сущим адом, стал по-настоящему счастливым. То, что это было сделано во вред четверем или пяти мальчикам, чей грех, в конце концов, был всего лишь неверно направленным импульсом, за который была ответственна система, кажется мне сейчас совершенно неправильным. Однако из отосланных мальчиков трое, безусловно, сделали

достойную карьеру. Что касается меня и моего друга, то мы стали бояться друг друга больше, чем раньше; по мере того, как росла наша привязанность, рос и наш страх перед ними. Дружба была слишком неземной, чтобы жить; но даже сейчас мы по-прежнему испытываем глубокое уважение друг к другу.

"Когда в возрасте 19 лет я бросил школу, мне разрешили побродить год, прежде чем поступить в колледж. За это время я приобрел сексуальный опыт, который, возможно, был ценным, а возможно, и нет, но сейчас я, конечно, оглядываюсь на это с сожалением, если не с ужасом. За несколько месяцев до этой даты мой отец обнаружил, что у меня есть привычка мастурбировать, и он дал мне совет, который, по его мнению, был правильным в данных обстоятельствах: "Если ты будешь делать это, - сказал он, - ты никогда не сможешь использовать свой пенис с женщиной. Поэтому вашим лучшим планом будет пойти с проституткой. Однако, если вы сделаете это, вы, вероятно, подхватите ужасную болезнь. Поэтому самым безопасным способом было бы сделать это за границей, если у вас будет такая возможность, потому что там дома лицензированы ". Отказавшись от этого совета, он больше не утруждал себя этим вопросом, а предоставил мне самой решать свою судьбу. Великий врач, к которому меня привели примерно в то же время, также дал мне свой совет по этому поводу. "Мастурбация, - сказал он, - это смерть. Несколько молодых людей приходят ко мне с той же историей. Я говорю им, что они убивают себя, и вы тоже убьете себя". Очевидно, доктор надеялся запугать своих юных пациентов тем, что он считал естественными условиями жизни, и каждый уходил от него с впечатлением, что каждое сексуальное проявление в человеке - это физический недостаток, вызванный его собственной моральной слабостью. Мне потребовалось некоторое время, прежде чем я смог решиться последовать совету моего отца, но после периода настоящей моральной агонии я сознательно и совершенно хладнокровно последовал ему. Я разыскал женщину в алом на улицах... и пошел с ней домой. Из того, что она мне сказала, я знаю, что доставил ей удовольствие, и она попросила меня прийти к ней снова. Я проделал это дважды, но без особого удовольствия. Все это было слишком грязно и бездушно, и человек, решивший регулярно принимать вредное лекарство, должен сначала решить, что оно ему действительно нужно.

Примерно в то же время мне довелось провести несколько месяцев в немецком университетском городке, и я решил, поскольку у меня была возможность, довести родительский совет до логического завершения. Я обратился в лицензированный дом. Место было чистым и приличным, а условия, как я понимаю, такими, какие обычно можно найти в любом должным образом регулируемом континентальном городе; но мне все это показалось невыразимо ужасным. Это была чисто коммерческая сделка, и в ней не было даже искупающего элемента риска для себя или нарушения социального или дисциплинарного кодекса. Я ушел, чувствуя, что достиг дна в своих сексуальных переживаниях, и я понял, что именно увидел Фауст, когда красная мышь выскочила изо рта ведьмы в вальпургиевом танце.

"Это были единственные случаи, когда у меня были половые сношения с женщинами. Оглядываясь сейчас на них, я понимаю, что они были почти неизбежны; но если бы моя жизнь началась заново, я бы избегал их, как смертельного напитка. Я верю, что вышел из огня невредимым; возможно, это действительно пошло мне на пользу в том смысле, что дало мне возможность глубже заглянуть в жизнь; хотя в какой степени видение мук проклятых заставляет

нас делать это, возможно, мог бы сказать только Данте. Получать знания за счет стыда и несчастий других я считаю в корне неправильным и аморальным. Однако для меня главная и самая горькая мысль заключается в том, что я упустил первую весну взросления, не получив ответной любви. Его девственность является или должна быть таким же великолепным и священным достоянием для юноши, как и для девушки; ее следует ревниво охранять; отдавать только по зову любви тому, кто любит его — будь то товарищ, любовница или жена — и кого он может любить в ответ.

"Полноценная университетская жизнь, в которую я вступил в возрасте 20 лет, принесла с собой поток новых идей, чувств и сенсаций. Дружеские отношения, которые я там завел, всегда останутся главными в моей жизни. Вплоть до моего последнего семестра в колледже в возрасте 24 лет я все еще носил свою кольчугу искусственного целомудрия; но затем постепенно наступили перемены, и я начал понимать связь физических феноменов секса с его интеллектуальными проявлениями и воображением. (Мне было не суждено полностью осознать это в течение нескольких лет, да и то исключительно благодаря моему собственному личному опыту.) Именно изучение *"Листьев травы"* Уолта Уитмена впервые пролило свет на этот вопрос. До сих пор я держал эти две вещи как бы взаперти, в двух отдельных герметичных отсеках - мою дружбу в одном, мои сексуальные инстинкты в другом — чтобы их сдерживал и подавлял кодекс государственной школы, как я его себе представлял.

"Нет нужды говорить, что меня постоянно беспокоили обычные сексуальные явления: эротические сны, потеря спермы, неприятные эрекции по ночам и т.д. Я подавлял их, как мог, привычной мастурбацией и регулярным питанием и физическими упражнениями, которые делала возможными академическая жизнь. Одно время, я бы сказал, в течение года, я пытался преодолеть желание мастурбации постепенными этапами, по принципу лечения пьяницы, по которому он с каждым днем выпивал все меньше, засовывая в свою бутылку на один камешек больше. Я отмечал в своем календаре эротические сны и ночи, в которые я мастурбировал, и стремился постепенно продлить промежуточные периоды. Однако шесть недель были самым долгим сроком, в течение которого я мог воздерживаться".

Несколько лет спустя автор этого сообщения завязал интимные отношения (в которых он не делал первых заигрываний) с юношей, на несколько лет моложе его и принадлежавшим к более низкому социальному классу, развитию которого он смог помочь. "Но что касается меня, - замечает он, - я обязан ему тем же, что и отдал ему, потому что его любовь зажгла золото привязанности, которое было во мне, и поглотила шлак. Именно от него я впервые узнал, что в дружбе не существует такой вещи, как жесткая грань между физическим и духовным ". Эти отношения длились несколько лет, когда молодой человек женился; их последствия описаны как очень благоприятные для обеих сторон; все сексуальные проблемы исчезли вместе с желанием мастурбировать. "Все в жизни начало петь от радости, и то небольшое из настоящей творческой работы, что я, возможно, сделал, я в значительной степени приписываю силе труда, которая родилась во мне в те годы".

ИСТОРИЯ XIV.—Шотландец, 38 лет. Насколько ему известно, его предки по отцовской линии были нормальными людьми. Его мать принадлежала к очень эксцентричной старинной кельтской семье. Вскоре после 5 лет он так влюбился в молодого пастуха, что мальчика

пришлось отослать. Он практиковал мастурбацию за много лет до достижения половой зрелости и придает этому значение как фактору эволюции своей гомосексуальной жизни.

Ему редко снились эротические сны о мужчинах, чаще о женщинах. Будучи равнодушным к женщинам, он не испытывает к ним отвращения. У него была связь с женщинами два или три раза, но он не испытывал таких же страстных эмоций, как с мужчинами.

Он хотел бы сына, но ему так и не удалось разжечь в себе страсть, необходимую для женитьбы.

У него всегда была сентиментальная и платоническая привязанность к мужчинам. В последние годы у него завязались две дружеские связи со взрослыми людьми нежного и эротического характера. Его мало заботит что-либо, кроме взаимной мастурбации и поцелуев; чего он желает, так это любви мужчины.

Внешне в нем нет ничего ненормального, кроме ауры молодости. Он энергичен как телом, так и умом и обладает огромной способностью противостоять усталости. Он отличный деловой человек. Терпеливый студент. Он не видит вреда в своих гомосексуальных увлечениях. Он питает отвращение к распушенности. Его идеал - постоянный союз, включающий в себя сексуальные отношения.

ИСТОРИЯ XV.—Т. С., художник, 32 года. "Я родился в Англии. Мой отец был евреем, первым из своей семьи женившимся на христианке. Мои прадедущка и прабабушка были двоюродными братьями; он был немцем, а она датчанкой. Мои бабушка и дедушка тоже были двоюродными братьями; он был шведом, а она датчанкой.

"Мой дед по материнской линии был английским протестантом, а моя бабушка по материнской линии была ирландкой, фанатичной католичкой и очень эксцентричной женщиной.

"В семье моего отца было много известных людей. В семье моей матери было много известных юристов.

"У моего отца был старший брат-гомосексуалист. В 31 год он уже был известным писателем, когда умер от чахотки. У меня также есть троюродный брат по отцовской линии, который очень хороший тенор; он также гомосексуалист. В семье моей матери я не знаю ничего ненормального.

"Ни в одной из семей нет и не было никакого безумия, скорее, это избыток мозгов.

"Мои родители были идеально счастливой парой. Они были помолвлены, зная друг друга шесть дней, и после трех месяцев разлуки поженились. Они были женаты тридцать пять лет без единой ссоры. У меня есть брат на три года старше, родившийся через год после их свадьбы, и сестра на семь лет моложе.

"Мой брат внешне похож на своего отца. Он большой любитель женщин и сильно ими избалован. Он вполне нормальный и воздержанный.

"Моя сестра - очень женственная женщина. В детстве она очень не одобряла женскую дружбу и всегда доверяла своей матери. В 13 лет она встретила мужчину, за которого сейчас замужем.

Они ждали десять лет, прежде чем пожениться, и сейчас являются идеально счастливой парой. Моя сестра совершенно нормальна и очень воздержанна.

"Я прожил свои первые десять лет в Англии, восемнадцать лет в Швеции, два года в Дании, два года в Баварии, Австрии и Италии, а сейчас живу в Берлине. Я считаю себя англичанкой. Ментально я мужчина, но все мои физические чувства и желания - женские.

"Я среднего роста и очень худощавый. Без одежды вешу 106 английских фунтов. Мои руки и ноги маленькие и правильной формы. Голова нормального размера. Черты лица мелкие. Глаза зеленые. Ношу очки с 7 лет. Цвет лица светлый. Внешность не еврейская. Кожа моего тела очень белая, без единого изъяна. На лице очень мало волос. Шерсть на голове и животе пышная. На животе и груди волос вообще нет. Цвет волос каштановый везде, кроме как ниже пупка, то есть черный. (Волосы моего отца, матери и брата были каштановыми. У моей сестры каштановые волосы, как и у вышеупомянутого дяди.) Моя грудь слегка округлилась; бедра нормальные. Я мало жестикулирую. Исходя из моего материального "я", было бы трудно сделать вывод, что я гомосексуалист. Мои половые органы в норме.

"Мой характер, по-видимому, светлый, но на самом деле меланхоличный. Я очень мало люблю человеческую природу, но пристрастен к британской и еврейской расам. Ненавижу бизнес, политику, спорт, и общество. Люблю музыку, искусство, литературу и природу. Глубоко интересуюсь мистицизмом. Я ясновидящая. Меня много раз использовали в качестве медиума. Веду две отдельные жизни, внешнюю и внутреннюю психическую. Я фаталист и теософ. Я всегда глубоко верил в реинкарнацию, потому что, когда я был маленьким ребенком, я мог так много "помнить". У меня отличная память, начиная с моего третьего курса. Всегда был слишком самоаналитичен. С самого раннего детства чувствовал себя инопланетянином. Я очень чувствителен физически и психически. Не имею желания носить женскую одежду или выполнять женскую работу. Что касается одежды для себя, я предпочитаю черный цвет и немного украшений.

"Я могла бы полюбить только совершенно мужественного мужчину в возрасте от 21 до 40 лет. Он должен быть физически красив и хорошо сложен. Размер половых органов не играет роли. Мышцы должны быть развиты, а руки должны быть особенно красивой формы. Руки - мой фетиш. (Я никогда не смог бы полюбить никого с уродливыми руками.) От его тела не должно исходить запаха (хотя я не испытываю неприязни к слабым духам в одежде), и, самое главное, у него никогда не должно быть неприятного запаха изо рта. Он должен быть интеллигентным, любить музыку, искусство, литературу и природу. Он должен быть утонченным и культурным и знать мир. У него должна быть простота в поведении, одежде и манерах, и, прежде всего, он должен быть чистым телом и чистыми мыслями. Цинизм я терпеть не могу. (Здесь я могу заявить, что когда-то у меня был пес сенбернар, который во многом напоминал мне мой идеал. Он всегда был уравновешенным, всегда любящим и верным; обычно спокойным. Он возбуждался, только когда оказывался в стихии.) Я не мог ладить с людьми, у которых нет чувства юмора. С самого рождения я был физически слаб. Сначала я страдал экземой. Родившись с двойным косоглазием, я был прооперирован в 2 с половиной года и еще раз в 3 с половиной года, с отличным результатом. С 4 до 12 лет у меня были судороги (часто) и все детские болезни. В возрасте 12 с половиной лет я заболел скарлатиной, за которой последовала слабость сердца, которая усилилась через год, и болезнь Брайта, которая длилась пятнадцать лет почти без перерывов. Это заболевание имело свой обычный эффект, вызывая меланхолию и расстраивая

всю нервную систему. Болезнь Брайта внезапно прекратилась, но за ней последовала череда болезней. Затем у меня был очень тяжелый неврит. Затем я переехал в Баварию и, чтобы восстановить нервные силы, с большим успехом лечился психоаналитическим методом Фрейда. У меня был очень тяжелый рецидив, когда мой брат, который только что услышал, что я гомосексуалист, пришел навестить меня и пригрозил отдать меня под опеку, если мой отец умрет. Мне потребовались недели, чтобы оправиться от шока. Мы прервали все отношения, и хотя мой брат несколько раз бывал в том же городе, где был я, мы остались незнакомцами. В это время внезапно умер мой отец. Прошлой весной четыре самоубийства друзей за столько недель очень плохо повлияли на мои нервы. Сейчас я в Берлине в лучшем расположении духа, но судороги временами продолжаются.

К этому я должна добавить, что с четырнадцати лет, независимо от каких-либо заболеваний, я страдала морально и физически от менструальных болей, повторяющихся каждые двадцать восемь дней и длящихся от шести до восьми дней. То, что это были боли, эквивалентные менструациям у женщины, я не мог заставить признать ни одного врача, пока меня не пролечил немецкий специалист по нервным расстройствам.

"Физические боли начинаются внезапно. Внезапный прилив крови к мозгу и в брюшной полости. Внезапное потоотделение, жар и холод. Сильные нервные боли в пояснице, а также в нервных центрах живота. Острые, стреляющие боли в груди и особенно в сосках. Внезапная зубная боль, которая так же внезапно прекращается. Кожа становится темнее, иногда покрывается пятнами. У меня все время во рту привкус крови, и часто все, что я ем, имеет привкус крови. В то время мне было очень трудно есть мясо. Физическое влечение к эротическим приключениям уравнивалось душевной тошнотой при одной мысли об этом.

"Психическими симптомами являются: внезапное чувство глубокой депрессии, суицидальные наклонности, чередующиеся с внезапной необъяснимой беззаботностью. Капризность и крайняя неудовлетворенность собой и жизнью в целом. Ужас от собственной сексуальной неполноты, внезапные приступы ненависти к женщинам и огромное желание быть любимой мужчинами. Это состояние постепенно возвращается к нормальному. Мне требуется несколько дней, чтобы избавиться от физической слабости из-за этого.

"Физически я был развит в 16 лет. Умственно я был развит в очень раннем возрасте, но я держал свою внутреннюю жизнь довольно темной, всегда изображая невинность. Никто дома не верил, что я что-то смыслю в жизни. Временами они были очень удивлены, когда я выпадал из роли, которую запланировал для себя. До тех пор, пока мне не исполнилось 17 лет, при мне никогда не обсуждалось ничего, что имело бы отношение к морали других людей. Я выглядел таким чистым, как и сейчас, что люди всегда осторожны в моем присутствии. Мой отец никогда не обсуждал со мной подобные вещи. С самого раннего детства я горячо любила мужчин, хотя с отцом и братом всегда была на ножах. Я боготворила свою мать тогда, как боготворю и сейчас. Мы с сестрой совсем не ладили в детстве, хотя сейчас мы лучшие подруги. Она, ее муж, а также моя мать были сама доброта с тех пор, как узнали о моем состоянии. Только когда мне перевалило за 30 лет, я встретила мужчину, которого любила так же, как свою мать, и он был гетеросексуалом. Должно быть, сначала я любила своего отца и брата, но постоянные конфликты, несовместимые темпераменты, взаимное непонимание и недостаток сочувствия сделали жизнь дома ужасной. Должен признаться, с самого раннего детства я испытывал

определенное презрение к своему отцу и брату, потому что считал их такими материалистичными. У меня были все детские ссоры с братом. Мой отец принимал его сторону, моя мать - мою. После того, как я оправился от внезапной смерти моего отца (моими первыми словами были после прочтения письма: "Слава Богу, это не мама!") Я почувствовал огромное облегчение, но мне потребовалось много времени, чтобы осознать, что я действительно свободен.

"Мне всегда нравилось женское общество, и в юности я очень любил сплетни, чего ни в коем случае не делаю сейчас. У меня много подруг, больше, чем друзей-мужчин. Все эти подруги гетеросексуальны кроме одной. Мне очень часто нравятся пожилые женщины; полагаю, в таких женщинах я вижу мать. Женщина никогда не могла заставить меня покраснеть, но мужчина, которым я восхищался, мог легко.

"Мне было 23 года, когда замужняя женщина из хорошей семьи попросила меня приехать и провести с ней ночь. Я пошел, и хотя она была прекрасно сложена, опрятна, и хотя ее одежда и апартаменты отличались высочайшим вкусом, у меня не было никакой эрекции. С другой стороны, я чувствовал себя крайне нечистым и мылся по три раза каждый из следующих трех дней. С тех пор я никогда не пытался вступить в половую связь с женщинами.

"В Копенгагене я тщетно пытался пробудить свои чувства к женщинам всех категорий. Я полагаю, что моя природа настолько похожа на женскую, что никакой реакции быть не может. С мужчинами я часто очень застенчива и нервничаю, у меня заплетается язык, а руки потеют. С женщинами такого никогда не бывает.

"В детстве я любила мужчин и отчаянно влюблялась в тех, кто приходил в наш дом. Я бы, когда там никого не было, поцеловал их шляпы, или перчатки, или даже их трости.

"Я помню, когда мне было около 6 лет, как я влюбилась в очень красивого 26-летнего немца. У него были очень вьющиеся волосы и очень красивые руки. Он очень любил меня, и я называл его "мой мальчик". Навещая нас, он часто "укладывал меня" после ухода медсестры. У него всегда были сладости или что-нибудь еще для меня. Я помню, как раньше обвивала руками его шею и покрывала поцелуями его лицо. Затем я клала его голову к себе на подушку, и он рассказывал мне сказки, и я засыпала совершенно счастливая.

"В возрасте 7 лет, во время пребывания в деревне, очень красивый жених, примерно 25 лет, плохо вел себя со мной. Я часто навещала его в конюшне, так как этот мужчина испытывал ко мне странное влечение. Однажды он пощекотал меня. При этом он достал мой пенис, а также свой собственный, который был в полной эрекции. Он всячески пытался возбудить мои чувства, но тщетно. Для него это событие закончилось семяизвержением. Он запретил мне рассказывать кому бы то ни было, и я этого не сделал, но попытался выяснить все, что мог, по этому вопросу, практически безрезультатно. С того дня я возненавидела жениха и почувствовала что-то вроде вины, как будто я "что-то потеряла". Я поняла это только в 12 лет.

"С самого раннего детства у меня был один идеал мужчины. От этого идеала я никогда не отклонялся. В возрасте 30 лет я нашел друга, который, хотя и был вполне гетеросексуален, не вступая со мной в половые сношения, подарил мне любовь, в которой я всегда нуждался. Последние пару лет он был мне второй матерью, отцом, сестрой, братом и возлюбленным. Благодаря ему я восстановил свое здоровье, свою любовь к природе, и он помог приглушить мою ненависть к человеческой природе и мою горечь. Лучшего друга я никогда не хотел бы

найти. Это компенсировало все годы душевных и физических страданий. Странно то, что это чувство взаимно. У него была трагическая жизнь, потому что его жена, которую он любил больше всего на свете, умерла при очень печальных обстоятельствах. Он говорит, что я лучший друг-мужчина, который у него когда-либо был. Находясь с ним, большая часть моей низменной натуры была искоренена. Я всегда буду смотреть на него как на поворотный момент в моей жизни. Я думаю, что он оказал наибольшее влияние на меня своей музыкой. Он играл для меня Бетховена и Вагнера по паре часов каждый день в течение нескольких месяцев и таким образом открыл для меня новый мир. ... Он на шесть лет старше меня.

"В 10 лет мы переехали в Швецию, страну, которую я ненавидел от начала до конца. Примерно в это время я начал замечать, что во мне есть что-то странное. Я чувствовала себя чужой и с тех пор так и делаю. Я уверена, что важным событием в моей жизни было то, что сестра моего отца попыталась лишить мою мать характера. Это было сделано из ревности и злобы, и моей тете пришлось просить прощения у моих родителей. Внешне дело было улажено; но я уверен, что мой отец так и не простил свою сестру по-настоящему. Евреи никогда не прощают.

"Это событие пробудило во мне сильную ненависть к женщинам, и прошло много лет, прежде чем я вообще смог это контролировать.

"В возрасте 14 лет я часто встречался с симпатичным музыкальным американцем, на год старше меня. Однажды, во время возни, произошло почти то же самое, что и с женихом. У меня по-прежнему не было сексуальных чувств. Мы остались хорошими друзьями. Мне часто хотелось поцеловать его. После первого раза он этого не допустил. Его очень любили среди офицеров и так называемых людей из высшего общества, и у него всегда было много денег. Примерно десять лет спустя я услышал, что он обычно принимал деньги после интимных сношений с этими светскими мужчинами.

"На пятнадцатом году жизни я испытывала сильное желание вступить в половую связь с мужчинами. В это время у меня на животе появились первые признаки роста волос.

"В возрасте 16 лет садовник, женатый мужчина с семьей, втянул меня во взаимное насилие над собой. Он жил на задворках многоквартирного дома, в котором мы тогда жили. Ему было около 40 лет, некрасивый, но мускулистый мужчина. Эти практики проводились в подвале, в который было три входа. Я никогда не позволяла ему целовать себя, и вид его детей всегда вызывал у меня сильное чувство тошноты. Это была естественная реакция нечистой совести. К самому мужчине я испытывала крайнее презрение. Этот мужчина рассказал мне о нескольких парках *иписсуарах*, где встречались мужчины, и я время от времени ходила в эти места за эротическими приключениями.

"Здесь я должен рассказать, что в возрасте 16 лет моя мать предостерегала меня от насилия над собой. Это возымело обратный эффект, пробудило во мне любопытство, поэтому я начал сразу. С тех пор я продолжаю, по крайней мере, раз в день. (За всю мою жизнь у меня никогда не было произвольных поллюций.) Между 17 и 22 годами мне стало необходимо делать это несколько раз в день. Занятия искусством, живописью и, прежде всего, музыкой и красотой оказывают на меня сильное влияние и приводят в неистовое движение мои эротические стремления. Я никогда не считал, что это приносит мне какой-либо вред. Воздержание, с другой стороны, оказывает на меня очень вредное воздействие, расстраивая всю нервную и физическую систему. Я часто замечаю, что в самобичевании есть нечто такое, чего очень не хватает:

слияние двух человеческих тел, которые симпатизируют друг другу *ментально* так же, как и физически, дает электрическое удовлетворение, которое успокаивает всю нервную систему. По крайней мере, таков мой опыт.

"Садовник уволился и переехал в деревню. Затем я иногда посещал *писсуары* или, как их часто называют, "панорамы" (потому что они круглые и оттуда многое видно). То, что я увидела в парках долгими летними ночами, было настоящим откровением. Летом, когда мужа отправили свои семьи за город, многие из них вели очень нескромный образ жизни. То, что я увидел в первое лето, убило все мое уважение к пожилым людям. Я всегда связывал брак и седину с добродетелью и моралью; потом я узнал обратное. Должен сказать, что примерно в это время я стал *чувственной свиньей*. Я знал, насколько опасны эти места из-за полиции и шантажистов, но это придавало охоте двойной пикантности. В то время я вела двойную жизнь и постоянно наблюдала и анализировала себя. Мне приходилось иметь дело с кучей мужчин всех классов. Мне часто предлагали деньги, но я ни при каких условиях их не принимала. Платить или быть заплаченным убивает во мне все эротические чувства, и так было всегда. Однажды я захотел поэкспериментировать с самим собой. Бывший школьный учитель предложил мне небольшую сумму денег. Я приняла это, просто чтобы посмотреть, как это повлияет на меня. В следующий момент я выбросила деньги как можно дальше. Тогда я увидела, что во мне нет ничего от проститутки. Я был просто переполнен чувственностью. Я считал себя преступником и хотел увидеть, во многих ли отношениях моя природа обладает преступным инстинктом. Я хотел посмотреть, смогу ли я стать вором. Я украл серебряную пуговицу в магазине, где продавались предметы старины, но в тот же день снова пошел в магазин и незаметно для людей вернул пуговицу. Я обнаружил, что не могу стать вором. Затем возник вопрос. Почему я чувствовал себя преступником с седьмого курса? Была ли в этом моя вина? Если нет, то чья это была вина? Только после того, как я изучил психоаналитическую систему Фрейда, я получил ясное представление о своем собственном характере.

"Однажды ночью, когда мне было 20 лет, я встретила джентльмена во время сильной снежной бури. Мы гуляли, разговаривали и понимали друг друга. Он принадлежал к одной из первых аристократических семей Швеции. Он был чрезвычайно утончен. Он пригласил меня в свои комнаты. Мы разделись и легли. У него была очень красивая голова и еще более красивое тело. Я думаю, что все мои эротические чувства притупились при виде его прекрасного тела. Для меня все чувственное было бы святотатством, подумала я, и я помню чувство благоговения, охватившее меня. Ему было их 20 лет, но волосы у него были совсем седые. Сначала он не понял, а потом стал очень нежен со мной. Я сохраняла совершенное целомудрие целых три месяца после того, как увидела его тело. Мы часто виделись. Восемь лет спустя мы встретились в последний раз. Он сильно страдал от меланхолии. В то время я предотвратил его самоубийство. Однако этой зимой он застрелился.

"В возрасте 22 лет моя сестра познакомила меня с очаровательным, умным и утонченным художником, наполовину англичанином, наполовину шведом. Мы сразу "узнали" друг друга, хотя никогда раньше не видели, и даже знали характеры друг друга до мельчайших черт. Моим родителям он нравился больше, чем кто-либо из друзей, которые у меня когда-либо были. Моя сестра и он с самого начала были как сестра и брат. В первый вечер в моем доме мы с ним поцеловались. Женщины были от него без ума. Позже я обнаружила, что многие мужчины тоже были без ума. Я был на три недели старше его. У него были свои комнаты. Я никогда не ощущал такой чудесной гармонии, как когда наши обнаженные тела соприкасались. Это было похоже

на парение в эфире. С ним это был единственный раз, когда я активно занималась *фелляцией*. Мы много времени проводили вместе, хотя и не очень физически, потому что у него было много любовных связей с женщинами. Что мне нравилось, так это то, как он отвергал все заигрывания мужчин, я был его "младшим братом", и так он называет меня по сей день. Сейчас он женат в Америке и отец хорошенькой маленькой дочери. По сей день мы лучшие друзья.

"Два года в Копенгагене были одними из самых счастливых в моей жизни, хотя почти все это время я испытывал физическую боль. В Австрии, среди тирольских крестьян, я обнаружил, что англичане, которые приезжают туда зимой для занятий спортом, а летом для альпинизма, деморализовали молодых крестьян-мужчин деньгами. Гомосексуальный акт легко получить, если вы готовы заплатить за это цену — больше в сезон, меньше вне сезона.

"В Италии это всего лишь вопрос денег или страсти, но там все в любви преходяще.

"В Баварии я нашел любовь и покой, "которые превыше всякого понимания". Эта любовь и дружба без какой-либо физической близости вернули меня из "глубокой черной пропасти", в которую я стремительно плыл. Когда я встретил своего друга, я был почти на пределе своих возможностей. Что сделали для меня его любовь и дружба вместе с психоаналитической системой Фрейда, никто никогда не узнает.

"С тех пор как я оказался в Берлине, городе, который мне очень нравится, для меня открылась новая жизнь, жизнь, в которой человек живет так, как ему нравится, если ему не приходится иметь дело с маленькими мальчиками. Здесь есть гомосексуальные бани, пансионаты, рестораны, и отели, куда вы можете пойти с представителем своего пола за определенную плату в час. Берлин - это откровение. Но с тех пор, как я здесь, я обнаруживаю, что физическая эротическая сторона моей натуры мало возбуждена. Полагаю, это старая история о "запретном плоде".

"У моих родителей был очень гостеприимный дом. Последние два года в Швеции я никогда не был дома. Я ненавидел общество и слишком много знал о личных историях тех, кто приходил в мой дом. Все они принадлежали к высшему обществу. Высшее общество и низшее очень похожи. Конечно, мои родители ничего не знали об этих людях. Когда я рассказал своей матери много личных историй людей, которые приходили в наш дом, она была поражена как громом и наконец-то смогла понять мое презрение к так называемому хорошему обществу. В последующие годы я вращался только в художественных и театральных кругах; я считаю этот класс людей более естественным, чем другой класс, и гораздо более добросердечным.

"У моей жизни есть совсем другая сторона, мистическая сторона. Но это была бы гораздо более длинная история, чем эта. Достаточно сказать, что я очень чувствительная натура, одаренная вторым зрением ". [Им был предоставлен подробный отчет о видениях субъекта, предчувствиях смерти знакомых и т.д.]

"Я четыре раза пытался покончить с собой, но теперь вижу, что этим ничего не добьюсь.

"Два года назад я рассказала родителям о своем сексуальном состоянии. Для них это был страшный удар. Моему отцу объяснили все обстоятельства; он никогда не понимал этого вопроса и никогда не обсуждал его со мной. Если бы я сказал ему об этом раньше, я совершенно уверен, что с его деспотичным характером он поместил бы меня в сумасшедший дом. Мои мать и сестра всегда относились ко мне очень по-доброму. Мой брат отрекся от меня".

ИСТОРИЯ XVI.—Ирландец, 36 лет; не знает ничего необычного в своей родословной. Его вкусы мужские во всех отношениях. Он сильный, здоровый, любит физические упражнения и спорт. Сексуальные инстинкты ненормально развиты; он признается в огромном аппетите почти ко всему - к еде, питью, курению и ко всем благам жизни.

Примерно в возрасте 14 лет он практиковал мастурбацию с другими мальчиками того же возраста, а также получал большое удовольствие, находясь в постели с дядей, с которым занимался тем же самым. Позже он практиковал мастурбацию с каждым мальчиком или мужчиной, с которыми был близок; оказаться с кем-либо в постели без чего-либо подобного сделало бы сон невозможным и сделало бы его совершенно несчастным. Сначала его эротические сны были связаны с женщинами, но в последнее время в них обычно фигурируют молодые мужчины и очень редко женщины. Он в основном равнодушен к женщинам, как и они всегда были к нему. Хотя он красив, силен и мужественен, он никогда не знал, чтобы женщина была влюблена в него. Примерно в 18 лет он вообразил, что влюблен в девушку; и он часто, в возрасте от 20 до 30 лет, сожительствовал с проститутками. Он вспоминает, как однажды, много лет назад, у него была связь с женщиной семь или восемь раз за одну ночь, а затем ему пришлось мастурбировать в полдень следующего дня. Он не женат и считает маловероятным, что когда-нибудь женится, но добавляет, что если бы в него влюбилась здоровая, красивая и умная женщина, он мог бы передумать, так как быть старым и одиноким было бы одиноко, а он хотел бы иметь детей.

Его никогда не привлекают мужчины старше него самого, и он предпочитает молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. Они могут принадлежать к любому классу, но ему не нравятся простые люди, и он не привязан к униформе или ливреям. Необходимые привлекательные черты - умные глаза, чувственный рот и "интеллигентные зубы". "Если бы Алкивиад сам пытался ухаживать за мной, - говорит он, - и у него были бы плохие зубы, его труды были бы напрасны". Иногда он был активным участником *педикюра* и пробовал пассивную роль из любопытства, но предпочитает *фелляцию*.

Он не считает, что делает что-то плохое, и считает свои действия вполне естественными. Единственное, о чем он сожалеет, - это всепоглощающая природа его страстей, которые проявляются вовремя и не по сезону, редко или никогда не оставляя его в покое, а иногда превращая его жизнь в ад. И все же он сомневается, что изменил бы себя, даже если бы у него была такая сила.

ИСТОРИЯ XVII ВЕКА.—Возраст 25 лет; работает в обычной мастерской и живет в глухом переулке большого города, в котором он родился и вырос. Светлый, худощавый, с утонченной внешностью. Половые органы нормальные и хорошо развитые, а сексуальные страсти сильные. Его мать - крупная мужеподобная женщина, и он очень привязан к ней. Отец худощав и слаб. У него семь братьев и одна сестра. Гомосексуальные желания зародились в раннем возрасте, хотя он, кажется, не подвергался никакому извращенному влиянию. Он не склонен к мастурбации. Эротические сны всегда сняты мужчинам. Он заявляет, что никогда не

интересовался ни одной женщиной, кроме своей матери, и что он не смог бы вынести, если бы переспал с женщиной.

Он говорит, что обычно влюбляется в мужчину с первого взгляда — как правило, старше его и более высокого класса — и страстно желает переспать и быть с ним. В одном случае он влюбился в мужчину вдвое старше себя и не успокоился бы, пока не завоевал бы его расположение. Его не очень волнует, какую форму принимают сексуальные отношения. Он чувствителен и женственен по натуре, нежен и ласков. Он аккуратен в своих привычках и любит работу по дому; помогает матери в стирке и т.д. Похоже, он считает, что мужские привязанности совершенно естественны.

ИСТОРИЯ XVIII ВЕКА.—Англичанин, родился в Париже; 26 лет; актер. Он принадлежит к старинному английскому роду; его отец, насколько ему известно, не имел гомосексуальных наклонностей, как и кто-либо из его предков поотцовской линии; но он считает, что семья его матери, и особенно дядя по материнской линии, который обладал сильным чувством красоты форм, были ему в этом отношении более близки.

Его самые ранние воспоминания свидетельствуют о влечении к мужчинам. На детских вечеринках он навлек на себя гнев отца, целуя других маленьких мальчиков, и с годами его чувства становились все сильнее. Он никогда не практиковал насилие над собой, и ему редко снились эротические сны; если они и случаются, то о мужчинах.

Его физическое чувство к женщинам абсолютно безразлично. Он восхищается красивыми женщинами так же, как человек восхищается прекрасным пейзажем. В то же время ему нравится общаться с умными женщинами, и у него завязалось много дружеских отношений с откровенными, чистыми и образованными английскими девушками, к которым он испытывает величайшее восхищение и уважение. Брак невозможен, потому что физическое наслаждение с женщинами невозможно; он пытался, но не смог получить ни малейшего сексуального чувства или возбуждения.

Он особенно восхищается молодежью (хотя они не должны быть незрелыми) в возрасте от 16 или 17 лет примерно до 25. Типаж, который физически импонирует ему больше всего и к которому импонирует он сам, - это светлые, гладкокожие, нежные, скорее девичьи и женственные, с женственностью *инженю*, а не *кокотки*. Его любимая, чтобы привлечь его, должна быть покорной и женственной; ему нравится быть мужчиной и хозяином. По этому поводу он добавляет: "Великая страсть моей жизни является исключением и находится на совершенно ином уровне. Он реализует идеал брака, в котором ни один из них не является хозяином, но оба разделяют совместную империю, и в котором тирания была бы одинаково болезненна для обоих. Но эта дружба и любовь предназначены для равного, на год младше меня, и не исключают других, менее похвальных *связей*, поскольку физическое постоянство невозможно для мужчин нашего уровня".

Педикюр - это удовлетворение, которое он предпочитает, при условии, что он играет активную, а не пассивную роль. Он красив, с широкими плечами, хорошей фигурой и несколько классическим типом лица, с прекрасными голубыми глазами. Он любит кататься на лодке и

коньках, хотя и не любит крикет или футбол, и обычно готов повеселиться, но в то же время любит читать.

У него нет моральных чувств по этим вопросам; он рассматривает их как нечто выходящее за рамки этики, просто вопрос темперамента и социальных чувств. Если бы Англия была малонаселенной, он думает, что, возможно, испытал бы легкие угрызения совести; но, как бы то ни было, он чувствует, что, занимаясь проституцией мужчин, а не женщин, он совершает достойный поступок.

ИСТОРИЯ XIX В.—Т. Н. Его история изложена его собственными словами.

"Со времен моих самых ранних фантазий меня всегда привлекала сила в мужчинах, и я часто думал о том, чтобы быть похищенным великими воинами и жить с ними в пещерах или где-нибудь еще. Когда мне было около 7 лет, молодой человек показывал мне свой пенис и время от времени трогал мой. В частной школе-интернате мастурбация была довольно частым занятием, я полагаю, что меня инициировали примерно в 12 или 13 лет. После отъезда я иногда позволяла себе это, но до тех пор, пока мне не исполнилось около 20 лет, ничего не происходило, за исключением того, что меня часто привлекали сильные, хорошо сложенные молодые люди с хорошим характером; мужчина, который не был честным и добросердечным, не привлекал меня. В 20 лет я была очень привязана к молодому человеку моего возраста. Он был помолвлен. Это не помешало ему однажды попытаться в шутку со своим братом получить доступ ко мне. Я успешно сопротивлялся, хотя, если бы только он присутствовал, я бы этого не делал, но приветствовал эту попытку и часто сожалел, что не сообщил ему об этом. Но у меня было смутное представление о том, что мой пенис был несколько неразвит, и это заставляло меня стесняться. Обстоятельства разлучили нас. Примерно два года спустя, пересекая Ла-Манш, я разговорился с мужчиной примерно на восемь лет старше, который был одним из нашей путешествующей группы. Я думаю, что влечение было проявлением любви с первого взгляда, безусловно, с моей стороны. Несколько ночей спустя он устроил так, что мы делили спальню, и очень скоро он подошел ко мне и нежно прикоснулся к моей персоне. Я ответил взаимностью и все эти годы вспоминаю ту ночь с удовольствием и без чувства стыда. Однажды, примерно в это же время, мне случилось спать с другим молодым человеком (соседом по офису) во время отпуска, когда я проснулся и обнаружил, что он ласкает мой пенис. Я осторожно убрала его руку и перевернулась. Я все равно была о нем лучшего мнения, но мое тело, казалось, принадлежало только мне и другу, которого я любила. Я уверен, что он не был урнингом, но мы часто бывали вместе, и я во многом проникся его интересами и почувствовал бесконечное удовлетворение жизнью, добился хороших успехов и завел много друзей. Наша физическая близость повторилась, он принимал активное участие в межкрупном контакте. Затем он очень счастливо женился. Наша дружба сохраняется, но обстоятельства препятствуют нашим частым встречам, и ни у той, ни у другой стороны больше нет желания.

"Несколько лет я была довольно одинока, несмотря на друзей. Меня несколько привлекал другой мужчина, но его высокое социальное положение было для меня недостатком. Затем, когда мне было около 28, я познакомилась с молодым человеком 24 лет, из класса ремесленников, но превосходящим по идеалам и интеллекту большинство мужчин. Я полюбила его с первого взгляда и по сей день. Сначала это была просто дружба, но вскоре его облик,

голос и мысли проникли в самую мою душу днем и ночью. Я стремился всегда быть рядом с ним, видеть, как он прогрессирует, и помогать ему, если смогу. Я бы с радостью бросил дом, друзей и доход и последовал за ним на край света, предпочтительно на остров, где мы двое могли бы, по крайней мере, быть единственными белыми людьми. Он, казалось, воплощал в себе все, к чему я стремился на пути познания природы, силы, практических способностей, и желание подражать ему в этих вещах расширило и укрепило мой характер. В первый раз, когда я переспала с ним, я смогла набраться смелости только для того, чтобы положить руку ему на грудь, но я не могла заснуть из-за неудовлетворенного желания, а неуголенная эрекция вызвала тупую боль на следующее утро. Я всегда не любил разговоров, которые могли быть расценены как граничащие с непристойными, и, следовательно, был очень невежествен в большинстве вопросов; мне было больно даже слышать, как он смеется над подобными замечаниями. Я думаю, что если бы он был близок со мной, я бы не стала много разговаривать на подобные темы, но теперь я чувствовала удовольствие от таких вещей с ним, поскольку они выражали близость. Я мечтала о нем и никогда не была по-настоящему счастлива в его отсутствие; самой большой радостью было бы заснуть в его объятиях; волосатость его ног и рук также была самой очаровательной. Возможно, год спустя мы снова были ночью вместе, и на этот раз я постепенно ощупала его интимные органы, но ему было холодно, и я чувствовала себя немного неудовлетворенной. Я хотела, чтобы меня обняли. Это случилось еще раз, а затем, позже — не потому, что это доставило мне большое удовольствие, а потому, что я хотела возбудить его до страсти, — я попыталась мастурбировать. Это вызвало у него отвращение, и, следовательно, я была встревожена. Он сказал мне, что я должна выйти замуж, и, хотя я знала, что его любовь — это все, чего я хотела, я не чувствовала ничего, кроме того, что я могла бы сделать женщину счастливой. Постоянная непрекращающаяся эрекция, возникшая, когда я увидел, как моя подруга приняла грациозную позу, вызвала боль в нижней части спины, и я проконсультировался с двумя специалистами, которые также посоветовали жениться. Я не сказал им, что я "инвертированный", потому что едва ли знал, что это общепризнанная вещь, но я рассказал им кое-что из того, что произошло, и они почти никак это не прокомментировали, но намекнули, что это было частым явлением. Теперь мой друг испытывал ко мне отвращение, но никак не выражал этого, и поскольку другие обстоятельства тогда в определенной степени воздвигли барьер между нами, я не понимал истинной причины его холодности. Но я чувствовал себя совершенно несчастным. Когда я встретил благородную женщину, которую давно знал, я попросил ее стать моей женой, и она согласилась. Хотя я очень скоро и задолго до нашей женитьбы рассказал ей о своей ограниченности как мужа и о моей постоянной тоске по моей подруге, теперь я чувствую, что поступил очень неправильно, и я не могу понять, почему я не осознавал этого в то время; то, что я в определенной степени обманывал ее родственников, было неизбежно. Я ожидал посвятить свою жизнь тому, чтобы сделать ее счастливой, но вскоре обнаружил, что истинной причиной очевидной неверности моего друга был мой собственный поступок в сочетании с чувством с его стороны, что было бы лучше, если бы наша привязанность прекратилась даже ценой недопонимания. С тех пор, три года назад, у меня не было ни одного счастливого дня или ночи, и поэтому я совершенно неспособен способствовать счастью других. Без моего друга я не могу найти удовлетворения ни в жене, ни в ребенке, ни в доме. Жизнь стала почти невыносимой. Часто я всерьез подумывал о самоубийстве, только чтобы отложить это до времени, которое было бы менее жестоким и неподходящим для других. Я вижу со своим другом (ныне женатым) почти ежедневно и испытываю муки, видя, что кто-то ему ближе, чем я. Никакое объяснение кажется невозможным, поскольку сама идея инверсии ему настолько отвратительна, и, будучи благородным человеком, он чувствовал бы, что

супружеские узы исключают какую-либо теплоту привязанности. Но вся тоска моей жизни, кажется, достигает кульминации в движущей силе, которая приведет меня к мужчине-проститутке или к смерти. Я не могу сконцентрировать свой ум ни на чем другом, и, следовательно, стал неэффективен в работе и не имею склонности к играм. Я знаю, что если бы мои страстные желания можно было время от времени удовлетворять, я бы немедленно выздоровел, но я боюсь, что если бы я покончил с собой, то те, кто знал меня в более счастливые дни, только утвердились бы во мнении о моем вырождении и почувствовали бы, что это вызвано моими инстинктами, тогда как именно их отрицание и истощение привели бы к результату. Теперь я знаю по опыту себя и других, что моя предрасположенность врожденна и что я сам стал несчастливym и причиной несчастья других из-за слишком позднего познания самого себя. Пример моей бывшей подруги, которая вышла замуж, ввел меня в заблуждение, заставив думать, что я тоже могла выйти замуж и создать счастливую семью; так что, когда человек, которого я любила, посоветовал мне, я решила поступить так, как поступила бы почти во всем остальном, что он предложил. Если бы я мог расторгнуть помолвку, не поставив в неловкое положение преданную женщину, которая стала моей женой, я бы сделал это, если бы она дала мне такую возможность. Ничто в моем браке не приносило мне удовольствия, и я часто желаю, чтобы моя жена перестала любить меня и мы могли расстаться. Но такое предложение разбило бы ей сердце, и я чувствую побуждение попытаться облегчить свои чувства даже таким способом, который раньше казался мне отталкивающим - я имею в виду использование денег.

"О моих чувствах к моему ребенку особо нечего сказать, поскольку они не очень сильные. Я думаю, что ношу его на руках, помогаю купать и ухаживаю за ним так же, как и большинство отцов, и, когда он станет на несколько лет старше, я надеюсь, что смогу найти его очень общительным. Но он не принес мне настоящей радости, хотя я вижу, что другие мужчины смотрят на него почти с любовью. Но он принес еще больше счастья своей матери".

Следующий случай интересен тем, что демонстрирует умственное и эмоциональное развитие в очень радикальном случае сексуальной инверсии.

ИСТОРИЯ XX.—Англичанин с независимым достатком, 49 лет. Его отец и семья его отца были крепкими, здоровыми и плодовитыми. Со стороны матери прослеживаются туберкулез, безумие и эксцентричность. Он принадлежит к большой семье, некоторые из которых умерли в раннем детстве и при рождении, в то время как другие ведут себя нормально. Сам он был слабым и очень нервным ребенком, подверженным ночным кошмарам и сомнамбулизму, чрезмерной застенчивости и религиозному беспокойству.

Сексуальное сознание проснулось в возрасте до 8 лет, когда его внимание было направлено на собственный пенис. Однажды его няня, гуляя с ним, сказала ему, что, когда маленькие мальчики вырастают, у них отваливаются пенисы. Няня хихикнула, и он почувствовал, что с пенисом, должно быть, что-то необычное. Он страдал от раздражения крайней плоти, и няня присыпала его перед сном. Перехода от этого к самобичеванию не было.

Примерно в то же время ему стали сниться странные сны наяву. В них он воображал себя слугой нескольких взрослых голых матросов; он приседал между их бедер и называл себя их грязной свиньей, и по их приказу оказывал услуги их гениталиям и ягодицам, которые с наслаждением рассматривал и трогал. Примерно в тот же период, когда к нему начали приходить эти видения, он случайно услышал, что какой-то мужчина приходил и выставлял свою персону напоказ перед окном комнаты, где сидели горничные; это его смутно беспокоило. В возрасте от 8 до 11 лет он

дважды брал в рот пенис двоюродного брата после того, как они переспали вместе; ощущение пениса доставляло ему удовольствие. Когда они спали с другим двоюродным братом, они обычно лежали, вытянув руки, чтобы прикрыть пенис или нейтс друг друга. Он предпочитал нейтов, а его двоюродный брат - пенис. Ни один из этих двоюродных братьев не был гомосексуалистом, и не было попыток взаимной мастурбации. У него была привычка играть с пятью двоюродными братьями мужского пола. Один из этих мальчиков был непопулярен среди остальных, и они изобрели метод наказания его за предполагаемые проступки. Они расселись по комнате на стульях, каждый с обнаженным пенисом, и мальчик, подлежащий наказанию, ходил по комнате на коленях и брал каждый пенис в рот по очереди. Предполагалось, что это должно было унижить его. Это не привело к мастурбации. Однажды ребенок случайно заметил мальчика, который сидел рядом с ним в школе, играя со своим пенисом и лаская его. Это вызвало у него сильное, тревожное ощущение. В отношении всех этих моментов субъект отмечает, что ни один из мальчиков, с которыми он был связан в этот период и которые подвергались точно такому же влиянию, не стал гомосексуалистом.

Он с самого начала был безразличен к противоположному полу. В раннем детстве и до 13 лет у него часто была возможность внимательно рассматривать половые органы девочек, своих товарищей по играм. Они не вызывали сексуального возбуждения. Напротив, запах женских половых органов действовал на него неприятно. Когда он однажды увидел, как школьный товарищ совокупляется с маленькой девочкой, это вызвало у него чувство мистического ужаса. Вид мужских органов также не вызвал у него каких-либо особых ощущений. Однако он придерживается мнения, что, живя в детстве со своими сестрами, он испытывал большее любопытство к собственному полу как к более далекому от него. Он не проявлял никакой женственности в своих предпочтениях в играх или работе.

Он ходил в государственную школу. Здесь друзья-бойфренды спровоцировали его на мастурбацию, но, хотя он часто видел этот акт в процессе, это только внушало ему чувство непристойности. На пятнадцатом году жизни половое созревание началось с ночных поллюций, и в то же время он начал мастурбировать и продолжал делать это примерно раз в неделю или раз в две недели в течение восьми месяцев; всегда с чувством, что это приносит плохое удовлетворение и отталкивает. Во время мастурбации его мысли не были направлены ни на мужчин, ни на женщин. Он рассказал своему отцу об этих признаках полового созревания и по совету отца полностью отказался от онанизма; он возобновил эту практику, в некоторой степени, только после 30 лет, когда у него не было мужского товарищества.

Ночные поллюции, после того как он отказался от самобичевания, стали очень частыми и изматывающими. Их лечили тонизирующими средствами, такими как хинин и стрихнин. Он считает, что это лечение усугубило его невроз.

Все это время никаких сексуальных чувств к девушкам не проявлялось. Он не мог понять, что его школьные товарищи находили в женщинах или в историях, которые они рассказывали о распутстве и наслаждении от полового акта.

Его старые мечты о моряках исчезли. Но теперь он наслаждался представлениями о красивых молодых людях и изящных статуях; он часто проливал слезы, думая о них. Эти сны сохранялись годами. Но постепенно их место в какой-то степени занял другой вид. Эти вторые видения приняли форму больших, эрегированных органов обнаженных молодых конюхов или крестьян. Эти грубые видения оскорбляли его вкус и причиняли боль, хотя в то же время они вызывали

сильное, активное желание обладания; он получал странное, поэтическое удовольствие от идеальной формы. Но существенные потери, сопровождавшие оба вида снов, были для него постоянным источником страданий.

Нет никаких сомнений, что в это время, то есть между пятнадцатым и семнадцатым годами, установился гомосексуальный диатез. Он никогда не посещал распутных женщин, хотя иногда думал, что это был бы лучший способ бороться с его растущим влечением к мужчинам. И он думает, что мог бы заставить себя свободно предаваться чисто сексуальным удовольствиям с женщинами, если бы впервые познакомился с ними в мужском костюме, как *дебардеусы*, *Керубино*, придворные пажи, молодые алебардчики, поскольку женщины на сцене или в бальном зале возбуждали его только в такой одежде.

Его идеал морали и страх перед венерической инфекцией больше, чем физическая неспособность, поддерживали в нем то, что называется целомудрием. Он никогда не мечтал о женщинах, никогда не искал их общества, никогда не испытывал ни малейшего сексуального возбуждения в их присутствии, никогда не идеализировал их. С эстетической точки зрения он считал их гораздо менее красивыми, чем мужчин. Статуи и изображения обнаженных женщин не привлекали его, в то время как все предметы искусства, изображавшие красивых мужчин, глубоко волновали его.

На восемнадцатом году его жизни произошло событие, которое он считает решающим в своем развитии. Он читал Платона. Открылся новый мир, и он почувствовал, что раскрылась его собственная природа. В следующем году у него завязалась страстная, но чистая дружба с 15-летним мальчиком. Личный контакт с мальчиком вызвал эрекцию, крайнее возбуждение и ноющее удовольствие, но не семяизвержение. За четыре года он ни разу не видел мальчика обнаженным и не прикасался к нему похотливо. Он только дважды поцеловал его. Он говорит, что эти два поцелуя были самым совершенным наслаждением, которое он когда-либо испытывал.

Теперь его отец всерьез беспокоился как о его здоровье, так и о репутации. Он предупредил его о социальных и юридических опасностях, связанных с его характером. Но он не поощрял его к попыткам совокупления с женщинами. Сам он думает, что его собственное чувство опасности могло бы сделать этот метод успешным, или что, во всяком случае, привычка к половым сношениям с женщинами могла бы уменьшить невроз и до некоторой степени отвлечь его разум от гомосексуальных мыслей.

Теперь для него начался период сильной боли и беспокойства. Но его неврастения усилилась; он страдал бессонницей, неясным мозговым дискомфортом, заиканием, хроническим конъюнктивитом, неспособностью сконцентрировать внимание и унынием. Тем временем его гомосексуальные эмоции усилились и приняли более чувственный характер. Он воздерживался от потакания им, как и от онанизма, но его часто заставляли, со стыдом и неохотой, посещать частые места — бани, писсуары и так далее, — где была возможность увидеть обнаженных мужчин.

Не испытывая страсти к женщинам, он легко избегал их. И все же они не внушали ему особого ужаса. Раньше он мечтал найти выход из своего тягостного положения, сожительствуя с какой-нибудь грубой, мальчишеской девушкой из народа; но на пути стоял его страх перед сифилисом. Однако он чувствовал, что должен победить себя усилием воли и постоянным

направлением своих мыслей к гетеросексуальным образам. Он искал общества выдающихся женщин. Однажды он вызвал романтическую привязанность к 15-летней девушке, которая ни к чему не привела, вероятно, потому, что девушка почувствовала недостаток абсолютной страсти в его ухаживаниях. Она будоражила его воображение, и он действительно любил ее; но даже при самом тесном контакте она не возбуждала его сексуального аппетита. Однажды, когда он поцеловал ее утром, сразу после того, как она встала с постели, им овладело странное физическое отвращение, сопровождаемое печальным чувством разочарования.

Врачи настоятельно советовали ему жениться. Наконец он так и сделал. Он обнаружил, что он силен, и родил нескольких детей, но он также обнаружил, к своему разочарованию, что тирания мужских половых органов в его воображении усилилась. По этой причине его физический, психический и моральный дискомфорт стал острым. Его здоровье пошатнулось.

Примерно в возрасте 30 лет, не в силах больше выносить своего положения, он, наконец, уступил своим сексуальным наклонностям. Начав это делать, он также начал восстанавливать спокойствие и относительное здоровье. Он заключил тесный союз с 19-летним юношей. Эта связь была в значительной степени сентиментальной и отмечена своего рода неземной чувственностью. Это не включало никаких сексуальных действий, кроме поцелуев, контакта обнаженной натуры и редких произвольных поллюций. Примерно в возрасте 36 лет он начал свободно следовать гомосексуальным наклонностям. После этого он быстро восстановил свое здоровье. Невротические расстройства утихли.

Ему всегда нравились мужчины моложе его. Примерно в 27 лет он начал восхищаться молодыми солдатами. Поскольку он свободно поддавался своим склонностям, люди, которых он искал, неизменно были людьми более низкого социального положения, чем его собственное. У него была одна связь непрерывно в течение двенадцати лет; она началась без страсти со стороны друга, но постепенно выросла до почти равной силы с обеих сторон. Его не привлекает униформа, он ищет какое-нибудь незагрязненное дитя природы.

Методы удовлетворения менялись в зависимости от фазы его страсти. Сначала они были романтическими и платоническими, когда хватало прикосновения руки, редкого поцелуя или простого присутствия. Во втором периоде - сон бок о бок, созерцание обнаженного тела любимого мужчины, объятия и случайные поллюции после длительного контакта. В третьем периоде удовлетворение стало более откровенно чувственным. Это принимало всевозможные формы: взаимная мастурбация, межпозвоночный коитус, *фелляция*, *ирруматизация*, а иногда и активный *педикюр*; всегда по желанию или уступке любимого мужчины.

Он сам всегда играет активную, мужскую роль. Он никогда не уступает другому и утверждает, что никогда не испытает радости от того, что его желают с таким же пылом, как его собственный. Он не уклоняется от пассивного *педикюра*, но от него этого никогда не требуют. Коитус с мужчинами, как описано выше, всегда кажется ему здоровым и естественным; он оставляет глубокое чувство благополучия и укрепляет прочные дружеские отношения. Он всегда стремился установить постоянные связи с мужчинами, которых он так чрезмерно обожал.

Он среднего роста, не крепкого телосложения, но с большой нервной энергией, с сильной силой воли и самоконтролем, способный противостоять усталости и изменениям внешних обстоятельств.

В детстве ему не нравились женские занятия или общество девочек, он предпочитал учебу и одиночество. Он избегал игр и шумных занятий мальчиков, но немужественным был только в своем безразличии к спорту, никогда не был женственным в одежде или привычках. Он никогда не преуспевал в своих попытках свистеть. Он заядлый курильщик и временами много пьет. Он любит верховую езду, катание на коньках и скалолазание, но плохой наездник и у него неуклюжие руки. У него нет способностей к изобразительному искусству и музыке, хотя он очень интересуется ими и является плодовитым автором.

Он чрезвычайно страдал на протяжении всей жизни из-за своего ощущения разницы между собой и нормальными человеческими существами. Он заявляет, что никакое удовольствие, которым он наслаждался, не может сравниться и с тысячной долей боли, причиняемой внутренним сознанием того, что он пария. Он признает, что максимум, на что он может сослаться в свою защиту, - это безответственность, поскольку признает, что его порыв может быть болезненным. Но он абсолютно уверен, что в юности его здоровье было подорвано, а моральный покой разрушен из-за постоянного конфликта с его собственной врожденной природой, и что облегчение и сила пришли вместе с потворством своим желаниям. Хотя он всегда испытывает ужас разоблачения, он убежден, что его сексуальные отношения с мужчинами были полностью благотворными для него самого, в значительной степени повышая его физическую, моральную и интеллектуальную энергию и не причиняя вреда другим. У него нет никакого чувства моральной неправоты в своих действиях, и он считает отношение общества к тем, кто находится в его положении, совершенно несправедливым и основанным на ложных принципах.

Следующий случай, как и предыдущий, связан с успешным литератором, который также прошел через длительный период психического конфликта, прежде чем примирился со своими гомосексуальными инстинктами. Он принадлежит к семье, в которой все здоровы и проявили заметные способности в различных интеллектуальных областях. Он уверен, что один из его братьев такой же абсолютный извращенец, как и он сам, а другого привлекают представители обоих полов. Я в долгу перед ним за нижеследующий подробный рассказ, описывающий его эмоции и переживания в детстве, который, на мой взгляд, представляет очень большой интерес не только как вклад в психологию инверсии, но и в эмбриологию сексуальных эмоций в целом. Здесь мы видим описанные в чрезмерно ранней и гиперестетичной форме идеи и чувства, которые в более легкой и фрагментарной форме могут иметь параллели с ранними переживаниями многих нормальных мужчин и женщин. Но, должно быть, редко можно найти так много моментов в сексуальной психологии, столь определенно проиллюстрированных на примере одного ребенка. Можно добавить, что это повествование также небезынтересно как исследование эволюции литератора; ребенок, чье воображение было таким образом рано развито, был предопределен для литературной карьеры.

ИСТОРИЯ XXI.— "Почти самое раннее воспоминание, которое у меня осталось, - это сон, который, судя по моим живым воспоминаниям о его деталях, должен был повторяться, я думаю, не один раз, если только мои мысли наяву бессознательно не добавили четкости. С этого сна началось мое осознание влечения ко мне представителей моего собственного пола, которое с тех пор доминировало в моей жизни. Сон, навеянный отчасти, как мне кажется, картинкой в иллюстрированной газете, на которой толпа убивает церковного сановника, принял такую форму: " Мне снилось, что я видел, как банда хулиганов убила моего собственного отца, но я не помню, чтобы я испытывал какое-либо горе, хотя на самом деле я был чрезвычайно любящим

ребенком. Затем с тела сняли одежду и выпотрошили. В то время я не имел ни малейшего представления об анатомических деталях, но детали остаются отчетливыми перед моим мысленным взором: внутренности равномерно коричневого цвета, цвета навоза, и крови не было. Когда желудок был опорожнен, произошел инцидент, активным участником которого я стал. Меня схватили (и тот факт, что меня одолели, усилил агонию наслаждения, которое это мне доставило) и положили между бедер моего убитого родителя; и оттуда я вскоре пополз в опорожненную брюшную полость. Этот акт, насколько я могу судить о мечте в возрасте, когда об эякуляции не могло быть и речи, вызвал у меня крайнее органическое возбуждение. Во всяком случае, впоследствии я определенно возвращался к этому в моменты бодрствования перед сном с целью достижения состояния эрекции. Мечта не имела результата; казалось, она достигла своей цели из-за вызванного ею волнения. Мне было в то время от 3 до 4 лет. (Мне сказали, что эрекция возникла, когда мне было всего 2 года. Это было между 3 и 4 часами дня, которые я использовал, чтобы вызвать, во всяком случае, *ощущение* эрекции. Но мне было ближе к 5, когда, сидя на своей кровати и ожидая, когда меня оденут, я почувствовал непроизвольную эрекцию и обратил на это внимание моей медсестры, спросив, что это значит. *Внешний вид*, следовательно, должен был быть обычным для меня в то время, но, конечно, ощущение было иным.)

"В то время я был в полном неведении об этих условиях полового созревания, которые впоследствии, когда я обнаружил их, так сильно повлияли на меня. Я не мог даже представить себе интимные органы мужчины; я не делал никаких выводов из самого себя. Единственными обнаженными телами, которые я видел тогда — я сужу по обстоятельствам, а не по каким-либо реальным воспоминаниям о фактах, — были тела моих собственных сестер. В снах наяву, которые я начал создавать, хотя я часто возвращался к ужасно рассказанному, целью моего желания обычно было устроиться между бедер или прижаться лицом к задней части объекта моего поклонения. Но на какое-то время мой первый сон настолько захватил меня, что я не стал предаваться никакой распушенности. Постепенно, однако, мой кругозор расширился и охватил, помимо первого упомянутого, еще троих: двоюродного брата, который был намного старше меня, дядю и приходского vicar.

"На этом этапе я начал придумывать обстоятельства для удовлетворения своей страсти. Одним из первых было представить себя в аквариуме с тремя моими любовниками, плавающими в воде надо мной. Из этого положения я по очереди осматривал их конечности; притяжение касалось только бедер и ягодиц. Я полагаю, что это ограничение очарования нижними частями тела длилось только до тех пор, пока реальный опыт более полного объятия не сделал меня таким же любителем рук и груди; более того, позже я стал более эмоционально очарован этими частями тела, чем всеми остальными. В самом начале мне просто больше всего нравилось то, до чего мой разум мог дотянуться первым.

"Довольно рано в моем опыте, когда мне было не больше 5 лет, я проснулась раньше обычного и увидела, что моя медсестра стоит совершенно обнаженная, приступая к своему туалету. Она казалась мне грубым и бессмысленным предметом; волосы у нее под мышками вызвали у меня неудовольствие, а еще больше волосы на нижней части ее тела. В случае с мужчинами, как только я осознал то же самое на их телах, эффект был прямо противоположным. Случилось так, что примерно в это время садовник получил какую-то травму ноги, и, когда я показывал синяк другому, у меня перед глазами предстала кожа, полностью покрытая темными волосами. Хотя вид синяка вызвал у меня отвращение, я испытал огромное удовольствие, и с тех пор ноги

садовника были в моей постели каждую ночь в течение недели. Я хочу сказать, что вид моей сиделки мог вызвать такой же интерес, как и гораздо более прозаичная демонстрация раненой ноги садовника, но моя натура сделала это невозможным.

Примерно в это время, если не раньше, меня начало одолевать огромное чувство застенчивости по отношению ко всем моим личным обязанностям. Это было так велико, что я не мог терпеть ни от кого, кроме моей матери или няни, необходимой помощи в застегивании и расстегивании моей одежды, всегда исключая тех, кто был примерно моего возраста, по отношению к которым я не чувствовал никакой приватности.

"Когда мне было чуть больше 5 лет, я подружился с молодым клерком, юноше лет 15, хотя он казался мне взрослым человеком. Однажды, когда он сидел за своим столом и писал, я сел и начал играть с его ступнями, исследуя высоту, на которой его носки заходят под брюки; таким образом, я получил шесть дюймов голы ноги. Почувствовав свою смелость, я стал целовать его. Мой друг рассмеялся, но оставил меня с миром предаваться молитвам. Это был первый раз, когда в моих снах примешалось романтическое чувство; физическое возбуждение было меньше, но удовольствие было больше. Я не могу понять, почему я никогда не повторял этот опыт. Он оставался для меня объектом совершенно особого и нежного отношения.

"В следующем эпизоде, должен признаться, идеал полностью отсутствовал, и роль, которую я играл, была скорее пассивной, чем активной. Меня уложили спать с мальчиком значительно старше меня. Его инициация привела к физической близости между нами, которая не была теплой или добросердечной, и мне не дали простора для моих собственных инстинктивных желаний более теплого контакта; если я искал его под покровом сна моего спутника, я обнаруживал, что меня вышвыривают прочь. Только в одном случае я пережила несколько мгновений высшего очарования, пока его сон оставался крепким, обнаружив в складках простыни обнаженную поверхность плоти, к которой я прижалась лицом в порыве радости. В остальном я была пассивным участником, его удовольствие, казалось, заканчивалось простым прикосновением к мясистым частям моего тела. Для этой цели я обычно ложилась лицом вниз на его колени. Насколько я помню, эта близость привела к уменьшению моего стремления к воображаемым удовольствиям; около года никакого дальнейшего развития событий не происходило.

"Примерно в этот день мне сделали обрезание из-за того, что крайняя плоть была слишком длинной.

"Между 6-м и 7-м курсами смена обстановки привела меня к контакту с новыми лицами. Тогда у меня была отдельная кровать, и мое воображение снова пробудилось к жизни. Именно в это время я поймал себя на том, что строю на основе лиц мужчин предположения относительно остальных частей их тела: коричневое лицо привело меня к предположению о равномерно коричневом теле, бледное лицо - о бледном теле. Эта идея разнообразия начала очаровывать меня. Теперь в своих мечтах я сделал определенный выбор, лягу ли я спать между белыми бедрами, или красными бедрами, или коричневыми бедрами. Отход ко сну определенно описывает цель метода, к которому я пристрастился. Как только я лег в постель, я отдался созданию любви и сохранял ее до тех пор, пока был в сознании. Я могу сказать, что при этих обстоятельствах я не ощущал никаких выбросов (до тех пор, пока несколько лет спустя я не вызвал это своим собственным поступком), но удовольствие было довольно острым.

"Все это время у меня были тайные встречи с моим позапрошлым приятелем по постели. Но теперь они происходили днем, в различных укромных местах, почти не раздеваясь и не выставляясь на всеобщее обозрение, а мой спутник был холоден и привередлив и отвергал любую теплоту с моей стороны; для меня это стало чем-то вроде сухого ритуала. В то время у меня была идея, что все это было настолько оригинальным изобретением его и моим, что не было никакой вероятности, что оно будет применено кем-либо еще в мире. Но это соображение не удерживало меня при построении любовных сцен со всеми теми, чья внешность привлекала меня. В тот период почти каждый мужчина, с которым я вступала в контакт, вызывал у меня хотя бы мимолетное желание; только совсем старые и уродливые выходили за рамки моих желаний. Многие из моих увлечений зарождались в церкви; мужчины, которые сидели рядом со мной, были объектами моего внимания, а священник, проповедь которого я не слушала, дал мне повод задуматься о том, какими чарами обладала бы для меня его персона при других обстоятельствах. Должно быть, именно в это время у меня начали складываться представления о сомкнутом ряду сросшихся бедер, на которых я лежал и по которым меня тащили. Я расставлял их в определенном порядке, а затем представлял, как меня несколько насильно тянет от одного к другому. В то время восхищение силой начинало занимать определенную роль в моих представлениях, но ничто в природе жестокости тогда меня не привлекало. (Я исключаю первоначальную мечту моего детства, которая, как мне кажется, до сих пор стоит фантастически особняком.) В изобретениях, которым я сейчас посвятил себя, ощущение того, что меня пропускают через конечности разной текстуры и цвета, было тонким и приятным. Я думаю, что нотка конструктивной жестокости, которая последовала за этим, возникла из воображаемого соперничества между моими любовниками за обладание мной; мысль о том, что я желанна, вскоре заставила меня получать удовольствие, представляя, как меня разрывают и хватают соперничающие стороны. Вскоре из этого я начал создавать определенные сцены насилия. Я был способен в воображении лежать в густоте и напряжении конгломерата восхитительных бедер, изо всех сил пытающихся удержать меня; я был способен представить по крайней мере шесть тел, окружающих меня в страстном контакте. В то же время у меня было укоренившееся ощущение собственной физической ничтожности по сравнению с конечностями, соприкосновение с которыми повергало меня в такие пароксизмы восторга. Мной овладела новая и достаточно нелепая выдумка; я представила себя пристегнутой к бедру (всегда, я думаю, правому) мужчины, на котором я на время сосредоточила свои желания, и таким образом, чтобы он носил меня во время своей повседневной работы, спрятав под одеждой. Я не ощущал никаких трудностей из-за своего размера. Очарование рабства и принуждения было здесь, опять же, в восходящем. Я полагаю, что именно в этой связи я впервые предвкушал порку как восхитительную кульминацию моих эмоций, применяемую, когда мой обладатель в конце своего рабочего дня раздевался для отдыха.

"До этого момента мое влечение к мужскому органу поколения было слабым и расплывчатым. Теперь две вещи способствовали тому, что мысль об этом стала заметной. Два или три раза, когда я сопровождал сельскохозяйственных рабочих на их работу, я видел, как они останавливались по пути, чтобы полюбоваться природой. Моя крайняя застенчивость в отношении подобных вопросов к себе лично сделала это представление в моем присутствии оскорблением моей скромности; в нем был намек на неприличное домогательство к тому, чьей склонностью было безрассудное подчинение. Я стоял как вкопанный, покраснев, с опущенными глазами, пока действие не закончилось, и довольно долго осознавал, что говорю запинаясь и сбивый с толку. Когда я впоследствии пересматривал эти обстоятельства, они

вызывали у меня такое же влечение, какое любовная жестокость только тогда начинала оказывать на мое воображение. Мой разум втайне наслаждался пугающей сладостью недавно открытого ощущения, окружая выполнение этой функции всевозможными чудовищными и причудливыми изобретениями. Какое-то время мой интеллект отказывался принять это как центральный и самый жгучий секрет мужской привлекательности; но вскоре после этого, гуляя с моим отцом, я увидела, как он совершает то же самое действие; я была переполнена эмоциями и едва могла оторвать ноги от того места или глаза от влажной травы, где он оставил воды тайны. Даже сегодня, когда мой разум давно привык к знанию порождающих фактов, я не могу отделиться от того потрясающего очарования, которое имел для меня тот момент. Привлекательность, которую всегда вызывала у меня личность моего отца, теперь возросла в десять раз благодаря представлению, свидетелем которого я был (хотя я не видел пениса ни в одном из этих случаев).

"Долгое время в моем воображении доминировали только те любовники, свидетелями которых я был в акте, так остро затронувшем меня. Теперь мой восторг принял форму представления себя привязанным к бедрам человека во время выполнения этой функции.

"К этому времени мне, должно быть, было 8 лет. Холодные и тайные отношения, о которых я рассказал, продолжались, не раскрывая мне ни одной из тех пылких возможностей, которые они могли бы предложить; ко мне не применяли силу или жестокость, не расточали тепла. То, что мой спутник теперь обнаружил акт мастурбации, не имело особого значения; для меня это не имело никакого значения, поскольку не приводило к теплым объятиям. Его метод состоял в том, чтобы отворачиваться от меня; я должен был подлизываться к нему сзади, а также придумывать непристойные истории, чтобы стимулировать его воображение. Я чувствовал себя презируемым орудием, простым зрителем действия, которое, будь направлено на меня с хоть какой-то теплотой, возбудило бы живейший аппетит. В то время, как я впоследствии убедился, мой собеседник черпал знания из древней классики. На какое-то время некоторое очарование мне придало то, что он научил меня применять сверхобъемные объятия лицом к лицу. Начало его полового созревания было чрезвычайно привлекательным для меня; будь он менее хладнокровен, я могла бы страстно реагировать на его ласки; но он всегда настаивал на строгой пассивности с моей стороны и ничего не объяснял. Однажды, за небольшое вознаграждение, он убедил меня подставить ему свой рот, хотя я все еще не понимал, какого результата помогаю достичь. Однажды наступил оргазм, и эффект был крайне тошнотворным; после этого он стал более осторожен. Мой спутник приближался к зрелости, и его требования становились все более частыми, а взыскания - все более унижительными.

"В то же время моя страсть к мужской любви становилась все сильнее. Я смог создать из неудовлетворительного рабства, в котором меня держали, образы телесных объятий, для формирования которых у меня раньше не было достаточного ощущения человеческого контакта, хотя я редко представлял себе какие-либо действия, которые в реальном опыте вызывали у меня отвращение. Однако однажды я уклонился от особенно отвратительного унижения, которому меня подвергла моя спутница. Он разгадал обман, поднялся из положения лежа ничком и, перекинув меня через свои колени, яростно избил. Я подчинилась без борьбы, испытывая странное чувство удовольствия посреди своей боли. Когда он повторил свой приказ, я больше не находила его выполнение отталкивающим. Одно из немногих приятных воспоминаний, которые оставила мне эта близость, растянувшаяся на годы, - это момент

крайнего унижения человека, у которого, не обладая теплотой чувств, все же когда-то хватило энергии быть жестоким со мной.

"Должно быть, именно из-за этого инцидента рассчитанный эффект бичевания начал иметь для меня значение, когда я дал волю своему воображению. Желание быть отвергнутым, растоптанным, изнасилованным объектом моей страсти овладело моими инстинктами. Даже тогда — и, действительно, до 13 лет — я понятия не имел о нормальной сексуальной связи. Я смутно знал, что дети рождаются из женских тел; я не знал — и когда мне сказали, я не поверил — истинных фактов супружеских отношений. Все, что я пережил — как на самом деле, так и в воображении, — было для меня настолько в высшей степени индивидуальным, что я понятия не имел, что что-либо подобное этому может существовать вне моего собственного опыта. У меня не было представления о сексе как основе жизни. Даже когда я постепенно пришел к пониманию того, что мужчины и женщины сформированы таким образом, что доказывают связь друг с другом, я все еще считал это распутным поведением, которому не следует потакать тем, кто претендует на респектабельность.

Однако к этому времени я испытал сильное влечение к органам зачатия и всем аспектам полового созревания, и мое воображение растратилось на фантастическое преклонение перед каждым признаком мужественности. Теперь мне доставляло удовольствие представлять, что я вынуждена подвергаться физическому унижению и подчиняться капризу моих похитителей-мужчин, и центральным фактом стало выделение мочи моим любовником на мое тело и конечности, или, если я его очень любила, я позволяла этому быть у меня на лице. За этим обычно следовало наполовину ласковое порицание, в котором рука играла только вспомогательную роль.

"Период, о котором я сейчас пишу, был периодом моего вступления в школьную жизнь. Моих воображаемых любовников сразу же стало много; все учителя и все мальчики старше определенного возраста привлекали меня; к двоим я испытывала вдобавок чувство романтической и физической привязанности. Действительно, с этого времени у меня никогда не было без героев, к которым я питал совершенно отдельную и нежно идеальную страсть. Сообщение о том, что кто-то собирается уехать, повергло меня в страстный припадок рыданий; однако моя сдержанность была так велика, а чувство одиночества столь сокрушительным, что я не прилагал никаких усилий к близости, и первые три года я почти не разговаривал с тем, к кому испытывал неиссякаемую преданность, хотя встречался с ним ежедневно. В то время у объектов моего созерцания были отчетливо индивидуализированные методы подхода. Так, в одном случае я представила, что мы стоим лицом к лицу в наших ночных рубашках; внезапно с меня сняли мою; меня схватили и с силой толкнули под него и заставили повиснуть, не отрывая ног от земли, всем весом навалившись на эрегированный орган, который находился у меня между бедер; таким образом, подвешенная - мое тело окутано складками его белья, а лицо прижато к его сердцу — я подверглась бичеванию, которое продолжалось до тех пор, пока меня не бросили на землю, откуда на мое расprostертое тело потекла моча. Такие образы, казалось, приходили независимо от моей воли.

"Именно в то время я находил большое удовольствие в воображении контакта с людьми, которые мне не нравились; преобладающей ноткой в этих интимных отношениях всегда была жестокость, которой я подчинялся с острым удовольствием. Однако, изучив обычный школьный опыт телесных наказаний, я обнаружил, что они не имеют для меня никакого очарования, когда

применяются за школьные проступки, даже от рук, под которыми, как мне иногда казалось, мне доставляет удовольствие получать боль. Необходимая связь отсутствовала; если бы я почувствовал со стороны моего судьи хоть какую-то симпатию к этой операции, с моей стороны, вероятно, последовал бы ответ. Однажды меня выпороли несправедливо; хотя я сознавал его жестокий, а не судебный характер, это было единственное наказание, которое я получил, в котором был элемент удовлетворения моих инстинктов. В то же время я так и не простил руку, которая это сделала; это единственный случай, который я помню, когда я лелеял в себе обиду на протяжении многих лет.

Тем временем, среди этого хаоса перепутанных любви и ненависти, наслаждения жестокостью и отвращения к несправедливости, развивалась моя первая по-настоящему романтическая и идеальная привязанность. Я могу сказать о тех, с кем меня связывали романтические отношения, а также физическая привязанность, что они остались неизменными частями моей натуры. Сегодня, как и двадцать лет назад, когда я думаю о них, кровь приливает к моему мозгу, мои руки покалывает и они увлажняются от эмоций, которые я не могу подавить: я припадаю к их ногам, поклоняясь им. Мои мечты о них были исключительно нежными; идея жестокости никогда не касалась того представления, которое у меня сложилось о них. Но я возвращаюсь к тому, кто оказал главное влияние на мою юность: старше меня всего на три года, он был прекрасно сложен и атлетичен, в его лице читалась юность; мое трепетное начало поклонения было подтверждено словами ободрения, брошенными мне однажды, когда я шел получать свою первую порку; без сомнения, мое маленькое испуганное личико возбудило в нем добрую жалость. Позже я выразил свою заботу о том, чтобы сообщить ему, что я не плакал во время этого испытания, и, я думаю, он распространил слух, что я мужественно перенес свое наказание. Я так мало общался с ним, что, кроме постоянного поклонения с моей стороны, я ничего не помню, пока примерно три года спустя не получил от него добрую, полушутливую просьбу, высказанную чистым и простым языком. Моя застенчивость и скрытность были настолько ужасающими, что даже тогда я понятия не имел, что фамильярность такого рода была достаточно распространенным явлением в школах. Я был абсолютно неспособен связать свои собственные ощущения с ощущениями мира в целом или поверить, что другие чувствуют то же, что и я. В этом случае я просто почувствовал, что мне был нанесен какой-то хитрый удар с целью раскрыть мою тайну. Он усадил меня к себе на колени; я сидела молча, покрасневшая и ошеломленная. Он не пытался давить на меня; он, как ему казалось, сказал достаточно, если я решила ответить взаимностью; больше он не стал бы меня искушать. Несколько лет назад я слышал о том, что он женат и преуспевает.

"Развивая свои эмоции в этом направлении, я намного опередил период, до которого я дал полное описание своего развития. Мне, должно быть, было больше 12 лет, прежде чем школьная жизнь убедила меня столкнуться лицом к лицу (как учили хихикающие новички) с реальными фактами полового акта. В то же время я узнал, что у меня есть средства извлекать удовольствие из своего собственного тела в определенном направлении, о котором я до тех пор не подозревал. Растущее сопротивление с моей стороны его холодным желаниям привело к разрыву с моим бывшим другом; до последнего он не научил меня ничему, кроме отвращения к самому себе. Теперь я нашел готовых учителей справа и слева от себя. Один из моих школьных товарищей пригласил меня посмотреть, как он занимается мастурбацией; зрелище оставило меня совершенно равнодушным; результат показался мне гораздо менее возбуждающим, чем выделение мочи, которое до тех пор я ассоциировал с мужской мужественностью. Я так привык к своим собственным одиноким любовным размышлениям, что усилия и действия,

необходимые для этого процесса, когда я пытался имитировать его, приводили в замешательство мои мысли и мешали сосредоточиться на моих собственных изобретениях. Я никогда не испытывал удовольствия, сопровождающего спазм выброса, и, казалось, на этом пути не было ничего, ради чего стоило бы пытаться. Я воздержался и вернулся к своим грезам. Теперь я был в совершенном лабиринте распушенности; в то время меня привлекали, должно быть, по меньшей мере пятьдесят человек. Мне нравилось представлять себя между двумя влюбленными, как правило, мужчинами, физически противоположными. У меня вошло в привычку как можно тщательнее анализировать тех, кто меня привлекал. Чтобы приблизиться к тому, что находилось под поверхностью, я внимательно изучил их руки, запястья там, где они исчезали (показывая волосы на предплечьях), и шею; я оценил сравнительный размер половых органов, форму бедер и ягодиц и, таким образом, составил представление о мужчине в целом. Чем ярче я мог это делать, тем острее было удовольствие, которое я мог получить от их воображаемых объятий.

"До сих пор меня абсолютно не касались какие-либо моральные угрызения совести. Я, как обычно, соглашался с религиозными верованиями, которым меня обучали; мне и в голову не приходило, что существует какой-либо божественный закон, так или иначе касающийся соблазнов воображения. Начиная с моего тринадцатилетия, в мое сознание начали закрадываться легкие намеки на беспокойство. Возможно, я начал понимать, что религиозные формулы, к которым я прислушивался всю свою жизнь, уделяя как можно меньше внимания, имели какой-то смысл, который время от времени касался обстоятельств моей собственной жизни. Я еще не осознал, что мое прошлое предсказало мое будущее, и что женщины будут вызывать у меня отвращение, а не влечение, когда дело касается секса. У меня было полное убеждение, что однажды я женюсь; у меня также был некоторый страх, что, повзрослев, я могу поддаться искушениям распутных женщин. Я испытывал зарождающееся отвращение к такой участи, и мне казалось, что это указывает на то, что во мне действовали моральные побуждения. Однажды ночью двое слуг любовно напали на меня в моей спальне. Я испытал острый ужас, который прятал под смехом; мое сопротивление было таким отчаянным, что я отделался щекоткой. Я привыкла сидеть на коленях у слуг - привычка, которую я невинно сохранила с детства; теперь я могу в деталях вспомнить, как эти женщины заставляли меня это делать. В то время я совершенно не подозревал, что что-то было задумано.

"Я в равной степени не обращал внимания на вещи, которые имели более близкое отношение к моим собственным чувствам. Однажды вечером, когда я проходил по боковой улице, меня догнал мужчина, который завел разговор о погоде. Он спросил меня, не замерзла ли я, начал водить рукой вверх и вниз по моей спине; затем последовал вопрос о том, били ли меня палками в школе, не болели ли определенные части моего тела, что привело к исследующему прикосновению. Я застенчиво отвела его руку в сторону, но не возмутилась этим поступком. Вскоре он принялся обшаривать карманы моих брюк, и я начал думать, что он карманник; получив отвращение в этом направлении, он вернулся к растиранию моей спины. Ощущение было приятным. Теперь я принял его за сутенера, который хотел отвести меня к проститутке, и поскольку в то время я начал понимать, что подобные удовольствия мне не по вкусу, я был рад оказаться на месте назначения и резко попрощался, оставив его стоять, пораженного своей неудачей с той, кто так приятно восприняла его ухаживания. Я не мог заставить себя поверить, что другие испытывают те же чувства, что и я. Позже я осознал свой побег, не без некоторого сожаления, и придумал для собственного удовольствия другое завершение инцидента.

"Теперь мной настолько овладело мужское влечение, что я стала любовницей всех героев, о которых читала в книгах. Некоторые из них стали для меня такими же яркими, как и те, с кем я общался ежедневно. На какое-то время я стала пылкой любовницей Наполеона (случай с его предвкушением свадьбы со своей второй женой привлек меня своей безудержной жестокостью), Эдуарда I и Юлия Цезаря. Карл II запомнился мне ласкающей жестокостью, которой одарило его мое воображение. Югурта был великим приобретением. Босуэлл, судья Джеффрис и многие злодеи из истории и художественной литературы понравились мне своей жестокостью.

Я стал знатоком ментального конструирования, необходимого для удовлетворения моих желаний. И все же до этого момента я никогда не видел обнаженного тела взрослого человека. Я ничего не знал о том, до какой степени в определенных случаях на туловище развиваются волосы; действительно, мои усилия по определению характеристик были сосредоточены, по большей части, вокруг бедер и половых органов. В это время один из моих школьных товарищей увидел простого рабочего, известного мне по имени, купающегося в ручье с несколькими товарищами; все его тело, по словам моего информатора, было покрыто волосами от горла до живота. Лицом этот человек был груб и отталкивающий, но теперь я начал относиться к нему как к прекрасному чудовищу и много ночей страстно наслаждался видением его, зарывшегося лицом в густые заросли волос, покрывавших его грудь. Впервые я осознал, что намеренно (и успешно) стараюсь не видеть его лица, которое было мне неприятно. В то же время другой школьный товарищ рассказал мне о мастере, который мылся с мальчиками, что волосы торчали у него из-под плавок до самого пупка. Теперь я определенно начала детально конструировать тела; предположение о чрезмерной волосатости приводило меня в восторг, но оставалось в моем сознании прочно связанным с жестокостью; мои волосатые любовники никогда не относились ко мне с нежностью; думаю, все в тот период влекло меня к силе и буйству как выражению влюбчивости. Школьный товарищ, на несколько лет старше меня, с жестоким, задиристым характером, получал особое удовольствие, причиняя мне боль: у него были особенно остроносые туфли, и у него был обычай заставлять меня стоять к нему спиной, когда он обращался ко мне ласкающим тоном; как только его слова были самыми добрыми, он наносил резкий удар носком ботинка, чтобы добраться до самой нежной части моего основания; боль была невыносимой; я чувствовала, что он испытывает сексуальное удовольствие (я видела явные признаки этого у него под одеждой), и я чувствовала, что он испытывает сексуальное удовольствие. Несмотря на отвращение к нему, я бы, после того как пострадала от его пинков, бросилась в его воображаемые объятия и предалась совершенной ярости униженной покорности. И все же все это время я бы с радостью убил его.

"В возрасте 14 лет я на некоторое время отправился на ферму, где мне разрешили фамиллярно пообщаться с рабочими на ферме, прекрасными мускулистыми молодыми людьми. Я стала большой любимицей, и, поскольку мои детские, ласковые манеры намного отставали от моего реального возраста, мне позволяли с ними много вольностей. Все они жили под крышей фермерского дома по старинке, и по вечерам я обычно садился к ним на колени и ласкал и обнимал их сколько душе угодно. Они восприняли это флегматично; по-видимому, это их нисколько не удивило. Один из мужчин отвечал на мои пожатия и ласки и однажды позволил мне засунуть руку ему под рубашку, но больше никаких вольностей не было.

"Только когда мне исполнилось почти 15 лет, произошло событие, которое впервые заставило меня почувствовать беспокойство в моем вынужденном одиночестве. Я был на пороге половой

зрелости, и, возможно, в надежде, что мое собственное развитие будет встречено соответствующей теплотой, я снова вступил в интимные отношения с компаньонкой, чьи холодные поступки вызывали у меня усталость и отвращение. Теперь он был мужчиной, достигшим совершеннолетия. Он уложил меня в свою постель, а сам разделся и подошел ко мне в совершенной наготе. Через мгновение мы были в объятиях друг друга, и наслаждение этого момента опьянило меня. Внезапно, лежа на кровати, я почувствовала, как на меня напала, как я и думала, настоящая потребность сварить воду. Я вскочил с поспешным извинением, но пароксизм уже прошел. Разрядка не принесла мне облегчения, хотя потребность, казалось, прошла. Я вернулся к своему спутнику, но очарование встречи уже прошло. Мой спутник, очевидно, получал от моей персоны больше удовольствия, чем когда я была совсем ребенком; я была тронута и польщена тем удовольствием, которое он получал, прижимаясь лицом к определенным частям моего тела. Во второй раз, однажды, я, казалось, невольно собирался нарушить приличия, но снова, как и прежде, отделился и остался в неведении относительно того, на грани чего было мое возбуждение. Однако при другой встрече мне было позволено продлить мои объятия и действовать, действительно, в соответствии со всеми моими инстинктами. Я снова внезапно почувствовал приближение чего-то остро надвигающегося; я собрал все свое мужество в кулак и смело пошел вперед. В следующий момент я постиг таинственный секрет мужской энергии, постижение которого за все годы моих напряженных фантазий было всего лишь ожиданием на пороге, стуком в закрытую дверь.

"С того дня было неизбежно, что наша близость перейдет в распад (хотя другие причины предвосхищали этот естественный распад), но я больше не считал мастурбацию сухой и утомительной формулой. В моем послушничестве я был обескуражен, обнаружив, сколько времени мне потребовалось, чтобы отделить себя от созерцательного и приобщиться к активной форме самоудовлетворения. Но вскоре я обнаружил, что вынужден повторять этот акт три раза в день. Почти в последний раз, когда я встретился со своим близким, он проявил исключительную пылкость. На той встрече он предложил совершить поступок, который я ранее не считал возможным, и уж тем более я не слышал, что это считалось наихудшей преступной связью, которая могла иметь место. Я немного боялась боли, но была готова удовлетворить его и впервые обнаружила в своей покорности соединение двух любовных инстинктов, которые прежде боролись во мне за власть: инстинкта нежности и инстинкта жестокости. *Педикюр* не состоялся, но я получила объятия, которые впервые доставили мне полное удовлетворение. Мой восторг был огромен; меня переполняли эмоции. У меня нет слов, чтобы описать необычайное очарование теплой, гладкой плоти на моей и более грубое соприкосновение волосатых частей тела. И все же я сознавала, даже в то время, что это была всего лишь физическая сторона удовольствия, и что он не был и никогда не мог быть тем, кого я могла бы по-настоящему любить.

Сейчас мне шел шестнадцатый год, и под влиянием этих и многих других эмоций, которые тогда впервые начали овладевать мной, мной начало овладевать чувство литературной силы и желание выразить себя с помощью воображения. Я опасался, что мое потворство своим желаниям ослабляет мои способности (я начал испытывать физическую вялость и депрессию), и определенные религиозные угрызения совести, ставшие результатом моего раннего воспитания, овладели мной. Впервые я осознал, что страсть, которую я испытывал к представителям своего пола, была отклонением от самого полового инстинкта, и, к своему удивлению и ужасу, я случайно обнаружил, что те действия, которым я уже предавался, определенно осуждены в Библии как мерзость. С этого момента началась борьба, которая

длилась годами. Я окончательно порвал со своим бывшим другом, и вслед за этим возник длительный спор между конфликтующими влияниями, которые стремились завладеть моим телом. На какое-то время я отказался от привычки мастурбировать, но мне не удалось так легко избавиться от потакания своим мыслям, которые теперь были почти необходимым успокоительным средством для наведения сна. В то время поездка на побережье, где я впервые смогла увидеть мужчин, купающихся в полной наготы, откровенно говоря, при полном дневном свете, снова на какое-то время с головой погрузила меня в любовные фантазии, и мои сомнения и решения были развеяны по ветру. Но, в целом, теперь я вступил в стадию, которую, за неимением лучшего термина, я должен описать как эмоционально-нравственную. На какую бы глубину снисхождения я ни опускался, я нес с собой чувство ущербности; я верил, что я бунтую против закона, естественного и божественного, инстинкт которого еще не был привит мне. Я по-прежнему не подвергал сомнению истинность религии, в которой был воспитан, и вся моя жизнь, каждая мысль моего мозга, каждое побуждение моего тела находились в прямом противоречии с волей Бога. Временами физическое желание разрушало эти барьеры, но я практиковал значительную физическую сдержанность, хотя и не ментальную, и прилагал огромные усилия, чтобы преодолеть свое отвращение к женщинам и крайнюю привязанность к мужчинам, но без малейшего успеха. Однако мне было 30, прежде чем я нашел спутника жизни, который любил бы меня так, как того требовала моя природа. Я вполне здоровый человек и способен работать с очень высоким давлением. Благодаря сексуальной свободе я стал сильнее".

ИСТОРИЯ XXII.—Ти Джей, 50 лет; литератор. Рост 5 футов 7 дюймов; вес 10 стоунов, но раньше намного меньше. Принадлежит к совершенно нормальной семье, все женаты и с детьми.

"Из-за того, что моя мать страдала от какой-то болезни весь период беременности до моего рождения, я появился на свет таким тщедушным ребенком, таким недоедающим, что некоторое время врачи отчаивались в моей жизни. До половой зрелости, хотя я никогда не болел, я сильно страдал от хрупкого здоровья. Я был ненормально чувствителен, и все мои привязанности и страсти были необычайно развиты. Из-за того, что мои братья были намного старше меня, я оказался в обществоей сестры. До 8 лет она была моей главной подругой по играм. С ней я играл в куклы и полностью отдавался прелестям воображаемой страны, которая была для меня гораздо более реальной, чем окружающий мир. Я никогда не помню, чтобы учился читать, но в 5 лет *"Арабские ночи"* и *"Поминки по Хереварду"* Кингсли были моими любимыми книгами. Живя в деревне, было трудно найти общество других детей. Вся моя привязанность была сосредоточена на моем отце, моя мать умерла, когда я был ребенком. Эта привязанность к моему отцу была скорее болезненной страстью, которая поглотила мою жизнь. Я не осмеливался отходить от него из страха окончательной разлуки с ним. Я будил его, когда он спал, чтобы посмотреть, жив ли он еще. По сей день, хотя он умер двадцать шесть лет назад, память о нем преследует меня.

"Мои первые ненормальные желания были связаны с ним. Я иногда видела, как он мочится на садовых аллеях или за городом. Эти случаи ужасно возбуждали меня, и я, если возможно, ждал, пока он уйдет, и прикасался к влажным листьям, получая ужасное удовольствие от этого прикосновения. Впоследствии, хотя он и не подозревал об этом, влечение к нему превратилось

во всепоглощающую страсть, и я помню, как однажды, когда на каникулах я лежала с ним в одной постели, возбуждение от его близости вызвало такой сильный приступ учащенного сердцебиения, что мой отец вызвал семейного врача по нашем возвращении домой. Излишне говорить, что мое сердце оказалось совершенно здоровым. Желание все еще остается после всех этих лет, и ничто не волнует меня больше даже сейчас, чем воспоминание о моем отце во время утренней ванны.

"Весь мир для меня в раннем детстве был населен воображаемыми существами. Еще маленьким ребенком я придумывал истории и рассказывал их любому слушателю, которого мог найти, одна такая история длилась три года. Я был всеядным читателем, но моим любимым чтением были стихи. В 7 лет я мог повторить большую часть стихотворений Лонгфелло; за ним последовал Скотт; затем, когда мне было 14, меня пленил Мильтон; затем пришли Теннисон, Арнольд, Суинберн и Моррис. Позже появились греческие и латинские поэты. С 7 лет я писал стихи своему отцу. До 8 лет я чрезмерно боялся темноты и вообще всякого одиночества. Однако это прошло и переросло в чрезвычайную чувствительность к знакомству с людьми. Даже по проселочной дороге я уходил на многие мили в сторону, чтобы избежать встречи с обычным мужланом. В тот период мечтания наяву были моим любимым занятием. Даже по сей день видения занимают большую часть моей жизни. Несмотря на робость, мне не хватало смелости. В раннем возрасте я дрался с мальчиками даже старше себя. Позже я много раз рисковал своей жизнью в разных частях Европы. Что касается спорта, я умею всего понемногу: плавания, верховой езды, фехтования, стрельбы — всего понемногу. В крикет и футбол я тоже играл сносно, но спорт никогда меня особо не интересовал. Литература стала и остается страстью моей жизни и в течение нескольких лет оставалась моим единственным занятием.

"В 8 лет начала проявляться сексуальная инверсия, хотя до достижения 10-летнего возраста я был практически совершенно невинен. В 8 лет моя семья переехала в другую страну, и я познакомился с маленьким мальчиком, который привлек меня сексуально. Мы мастурбировали в компании, без какой-либо причины, кроме удовольствия видеть друг друга обнаженными. Потом у меня была связь с ним *в ану*. В то время это действительно было исключением из моих обычных вкусов, которые быстро переросли в сильное желание *фелляции*, а позже и межкруст-ных удовольствий. Последнее, возможно, объясняется посещением нашего дома маленьким мальчиком, с которым я спала около года. Каждую ночь в течение этого периода у меня дважды, а иногда и трижды, была с ним межличностная связь. Затем пришла всепоглощающая страсть ко всем маленьким мальчикам и очень старым мужчинам. Мальчики после 14 или 15 лет перестали меня привлекать, особенно когда начали расти волосы на лобке. С 8 до 14, когда у меня впервые начались сексуальные излияния, я мастурбировал при каждой возможности. С 14 до 27, всегда один раз в день, обычно два, а иногда и три раза в день. В 27 лет я снял комнаты и познакомился с семьей, занимавшей этот дом. Мальчикам, одному за другим, разрешалось спать со мной, и я вспылала необычайной страстью к одному из них, привязанностью, которая длилась до тех пор, пока я, наконец, не уехала из Англии. Привязанность была гораздо большей, чем у мужчины к своей жене, и в ней не было ничего унижительного. Вдали от него я чувствовал себя несчастным, а поскольку он был очень привязан ко всем видам спорта, я подвергался "разным видам смерти" каждый раз, когда представлял, что его жизнь находится в опасности. Я могу честно сказать, что в каждой из моих привязанностей, а у меня их было много, преобладающим чувством было удовольствие защищать более слабое существо, чем я сам. Каждый человек, которого я любила, был совершенно нормальным, и все они теперь отцы семейств. Каждый по-прежнему относится ко

мне с привязанностью и уважением, несмотря на то, что произошло между нами. Всю свою жизнь я был одержим страстью к отцовству, я мог бы почти сказать материнству. Я охотно перенес бы адские муки, если бы мог родить сына человеку, которого любил. Я могу честно сказать, что это был доминирующий инстинкт моей жизни. В своей страсти я никогда не была жестокой, и, кроме как под воздействием вина, у меня не было связи с мужчинами старше половой зрелости. В Южной Европе мой опыт был таким же: преобладающая страсть к мальчику, проявляющаяся во всех видах защищающей заботы, и хотя сексуальная страсть прекращается, когда мальчику исполняется 15 или 16 лет, но все еще продолжается в честной и бескорыстной привязанности. В возрасте 51 года я все еще мастурбирую один или два раза в неделю, хотя и мечтаю о том, чтобы какой-нибудь человек, которого я люблю, разделил со мной это удовольствие. В возрасте 27 лет я тщетно пытался поставить себя в один ряд с другими. Проститутки вызывали у меня ужас, как у мужчин, так и у женщин. Я пытался совершить акт коитуса четыре или пять раз, дважды с распущенными женщинами и в другое время с замужними женщинами. За исключением одного случая, попытки были либо безуспешными, либо вызвали у меня крайнее отвращение.

"Практически с момента полового созревания я испытываю сексуальное влечение не только к женщинам, но и к мужчинам. Женщины, как ни странно, хотя в сексуальном плане они мне безразличны, либо ненавидят меня, либо обожают, и я получил пять предложений руки и сердца. В то же время еще пять лет назад меня преследовали мужчины, и я пережила самые странные переживания как в Англии, так и за границей. В ранний период этой истории я ужасно страдал от ощущения, что я изолирован и уникален в этом мире. Я изо всех сил боролся против привычки к мастурбации и своих извращенных вкусов. Бичевания, бдения, сожжения - все было бесполезно. Более глубокое чтение классики показало мне, насколько распространенным был вкус к сексу для представителей одного пола. В 27 лет у меня появилась устоявшаяся философия. Тогда, как и сейчас, я принимал бесконечные решения избегать мастурбации, хотя не вижу ничего плохого во взаимном акте двух людей, объединенных любовью. Я всегда был чрезвычайно религиозным человеком, и если я не совсем ортодоксальный католик, то выполняю свои обязанности и обладаю высоким чувством сверхъестественного. С ранних лет я сильно страдал от меланхолии. В 18 лет, хотя определенно ничего плохого не было, смутное, но глубокое *недомогание* побудило меня вскрыть вены на руке. Однако я потерял сознание, и мне быстро оказали помощь. В возрасте 35 лет, после возвращения из-за границы, я принял огромную дозу яда. На этот раз меня снова спасло странное совпадение, и я снова вернулся к жизни. После этого я нарочно уехал за границу, чтобы обрести смерть, и искал ее всеми возможными способами. Совершенно напрасно, как вы видите. Единственное, чего я никогда не боялся, но всегда стремился — Смерти. Я уверен, что если бы мы только знали, какие радости лежат по ту сторону смерти, весь мир безумно бросился бы к самоубийству. У меня, помимо всяких извращений вкуса, есть честная и неподдельная страсть к детям и животным, и я никогда не бываю счастливее, чем в их обществе. Они оба обожают меня.

"Моя жизнь не притупила и не притупила мои способности, поскольку в настоящее время я занят очень важной работой и постоянно пишу. Но моя настоящая жизнь проходит в моих видениях, которые переносят меня в другой мир, столь же реальный, как и этот чувственный, и куда я всегда отступаю при любой возможности. И все же странный парадокс — я убежденный стоик и почти ограничиваю свое чтение Эпиктетом, Марком Аврелием и "Подражанием". Я чрезвычайно эмоционален, люблю общество женщин, хотя и ненавижу их сексуальную сторону, и когда я люблю, хотя страсть, безусловно, неразрывно связана,

преобладающим чувством является духовное. Вероятно, в конце концов я стану картезианцем или факиром".

ИСТОРИЯ XXIII.—Англичанин, 70 лет, немецкого происхождения по отцовской линии. Был первым ребенком своей матери, которой на момент его рождения было 36 лет; младший брат нормальный; других родственников не имеет.

Он вырос в Англии и пошел в школу в возрасте 13 лет. В очень раннем возрасте, между 6 и 8 годами, был глубоко впечатлен красивым лицом молодого человека, королевского трубача верхом на лошади, замеченного в процессии. Это, а также вид обнаженных тел молодых людей, участвовавших в состязании по гребле на реке, вызвали большой переполох, но не однозначно сексуального характера. Это впечатление усилилось при виде красивой мужской модели молодого курящего турка в распахнутом спереди платье, обнажающем большую часть груди и ниже талии. Он познакомился с картинами, восхищался мужскими фигурами итальянских мучеников и полными, богатыми формами Антиноя, с жадностью читал "*Тысячу и одну ночь*" и другие восточные сказки, переводы классиков, Светония, Петрония и др. Он рисовал обнаженных моделей в школах натуры и восхищался мужчинами-танцорами балета. В детстве он выступал в частных театрах; он преуспел в женских партиях и пел песни мадам Вестрис, поощряемый в этом своим отцом.

Половые органы никогда не были полностью развиты, а яички, хотя и большие, имеют дряблую консистенцию. Он не умеет свистеть. Он думает, что ему следовало бы быть женщиной.

В школе он был застенчивым и сдержанным, и у него ни с кем не было особой близости, хотя когда-то он желал этого. Он научился самобичеванию у своего младшего брата, который научился этому у мальчика постарше. У него никогда не было эротических снов. Он никогда не прикасался ни к кому, кроме своего брата, до более позднего путешествия по Италии, а потом только к своему попутчику. Путешествуя по Малой Азии, у него было много возможностей, но он всегда откладывал их из страха, впоследствии сожалея о своей боязливости. Он жаждал близости с особыми друзьями, но никогда не осмеливался выразить это. Он много ходил по театрам, и то, что он там видел, подстрекало его к мастурбации. Когда ему было около 30 лет, его сдержанность и страх перед предательством и вымогательством были, наконец, преодолены инцидентом, произошедшим поздно ночью на Королевской бирже, и снова в темной нише на галерее Олимпийского театра, когда выступал Густавус Брук. С этого времени театр Адельфи, итальянская опера и открытые ночные парки стали его полем приключений. Он отмечает, что среди людей, толпящихся, чтобы посмотреть на пожар, он нашел много возможностей. Его самыми близкими друзьями были железнодорожный служащий и итальянская фотомодел. В последние годы он находил удовольствие главным образом среди лакеев и полицейских.

Он исключительно пассивен; также любит взаимную *фелляцию*. Раньше он очень восхищался тонко развитыми формами (сознавая собственные недостатки), стройными конечностями и нежными каштановыми волосами, и всегда восхищался силой и мужественной энергичностью. Он никогда не проявлял никакого интереса к мальчикам и всегда был равнодушен к женщинам.

ИСТОРИЯ XXIV.—Врач, англичанин, 30 лет. Он считает, что его отец, который был мировым судьей, очень сочувствовал мужчинам; несколько раз он сидел с ним на скамье подсудимых, когда рассматривались дела о непристойных нападениях; он завершил три дела, хотя в их виновности не могло быть никаких сомнений, и был очень снисходителен к остальным.

С 9 лет он любил спать со своим братом, на десять лет старше, который служил на флоте; они спали в разных кроватях, и ребенок рано ложился спать, но он всегда бодрствовал, чтобы увидеть, как его брат раздевается, поскольку обожал его обнаженное тело; а затем забирался к нему в постель. Он научился мастурбации у своего брата в возрасте 9 лет; в то время сексуального оргазма не было, но наблюдение за ним у своего брата было постоянным источником удивления и удовольствия. Во время отсутствия брата в море мальчик страстно желал его возвращения и практиковал самобичевание, представляя перед собой обнаженное тело своего брата. Смерть этого брата была источником большого горя. В возрасте 12 лет он поступил в школу-интернат и постоянно влюблялся в симпатичных мальчиков. Его всегда отводили в постель к одному из старших мальчиков. В этом возрасте он вполне мог наслаждаться сексуальным оргазмом с мальчиками. Его эротические сны всегда были о мужчинах, особенно о мальчиках; он никогда не видел сексуальных снов о женщинах. С 9 до 21 года, когда он окончил школу, он никогда не думал о женщинах в сексуальном плане, хотя ему всегда нравилось их общество. В течение двух лет после окончания школы у него были связи с женщинами, не потому, что он считал греховным любить представителей своего пола, а потому, что он считал это тем, чего никто не делал после окончания школы. В течение этих двух лет он по-прежнему отдавал предпочтение мужчинам и восхищался фигурами солдат и матросов. Затем он нанес визит в Лондон, который можно описать его собственными словами: "Я поехал навестить старого школьного товарища, который жил там. В его комнате находился молодой человек, светловолосый, чрезвычайно симпатичный, с хорошей фигурой и очаровательными манерами. С этого момента все мои прошлые воспоминания вернулись. Я не могла выбросить его из головы; на самом деле, я была влюблена в него. Я представляла его обнаженным передо мной в виде прекрасной статуи; по ночам мне часто снился он. В течение двух недель после этого я занималась мастурбацией, постоянно представляя перед собой его прекрасное лицо и фигуру. Мы быстро подружились, и с того дня женщины никогда не приходили мне в голову".

Хотя до настоящего времени у него нет желания жениться, он верит, что в конце концов сделает это, потому что это считается желательным в его профессии; но он совершенно уверен, что его любовь и привязанность к мужчинам и мальчикам никогда не уменьшатся.

В прошлой жизни он предпочитал мужчин от 20 до 35 лет; теперь ему нравятся мальчики от 16 и старше; например, женихи, которые должны быть симпатичными, хорошо развитыми, опрятными и обладать привлекательной, неизменной натурой; но он предпочел бы джентльменов. Его не интересуют просто взаимные объятия и взаимная мастурбация; когда он действительно любит мужчину, он желает *педикюра*, в котором он сам является пассивным субъектом.

У него вьющиеся волосы и усы, а также хорошо развитые половые органы. Его привычки мужские; ему всегда нравились полевые виды спорта, и он умеет плавать, ездить верхом, водить машину и кататься на коньках. В то же время он предан музыке, умеет рисовать и является горячим поклонником мужской скульптуры. Любя всевозможные практические занятия, он не любит ничего теоретического.

Он добавляет: "Как медик, я не вижу с моральной точки зрения никакой нездоровости или чего-либо, чего природа должна стыдиться, в связи с мужчинами и сочувствии к ним".

ИСТОРИЯ XXV.—Школьный учитель А. С., 46 лет.

- Я бы сказал, что мой отец был ниже среднего по способности дружить. Ему нравились молоденькие девушки, и он никогда не интересовался мальчиками. Он был человеком строго пуританской морали, способным осуждать с мрачной горечью. Он также был человеком, способным на большие жертвы ради принципов, и очень хорошо одаренным умом. Моя мать была умной, практичной женщиной с широкими симпатиями. Она была способна на теплую дружбу, особенно с теми, кто моложе ее. Ее отец (которого я никогда не видел) был учителем. Он был предан своей жене, но также получал удовольствие от компании молодых людей. Моя мать рассказывала мне, что под руку с ним всегда шел какой-нибудь молодой человек. Семья моей матери валлийского происхождения. Я научился читать в 5 лет, и мне едва ли было больше 6, когда я снова и снова перечитывал "Плач Давида об Авессаломе". Даже сейчас я могу смутно припомнить очарование сирены для меня в этом меланхолическом припеве: "О сын мой Авессалом. ... О Авессалом, сын мой, сын мой!" В последнее время, когда я думаю о той преданности, которую я проявлял к парням, и о том, сколько я иногда страдал из-за них, мне кажется, что в том раннем инциденте было что-то почти сверхъестественное, пророческое.

"Я всегда был впечатлительным созданием. Моя мать была очень музыкальной, и ее пение чудесным образом "завладело" мной. Драматическое и поэтическое всегда сильно привлекало меня.

"Я чувствовал, что хотел бы играть, но никогда не осмеливался. Точно так же я чувствовал, что однажды хотел бы стать школьным учителем, но не осмеливался сказать об этом. Застенчивое, замкнутое создание было явно непригодно для подобных занятий. Что ж, началось обучение, и самое странное заключалось в том, что я так или иначе привлекал мальчиков, а больше всего - "худших" клиентов. И появился шанс стать актрисой. Из-за некоторых трудностей с актерским составом в школьной пьесе я приняла участие. После этого я *знала*, что (в определенных пределах) Я мог играть. Я провел два отпуска с театральной труппой. Я, несомненно, остался бы на сцене, если бы не одно обстоятельство. Я не хочу быть ханжой, но грязные и уродливые шутки мне отвратительны. Именно такие вещи отталкивали меня. Вместо этого я с головой ушел в школьную работу.

"Отчасти это был драматический интерес, отчасти вполне искренний интерес к человеческой природе, который побудил меня тоже заняться проповедью. Когда один или два молодых человека, которых я любил, сильно обидели меня, я подумывал о том, чтобы заняться пастырской работой, но и от этого отказался - и очень мудро. Я никогда не смогу комфортно работать ни с одной организацией. Во-первых, я умею брать на вооружение новые идеи, а организациям это не нравится. Во-вторых, все социальные функции для меня - анафема.

"Интерес к "искусству" в обычном понимании начал проявляться только после того, как мне исполнилось 30. Он начался с архитектуры и перешел к живописи и скульптуре. Склонность к разнообразию (слишком большому разнообразию) вещей характеризует многих уранцев. Мы скорее похожи на лабильные химические соединения: наши молекулы легко перестраиваются.

"Когда мне было 10 лет, у меня была обычная любовь с девочкой того же возраста. Этот инцидент, возможно, стоит немного подробнее прокомментировать по следующей причине: когда мне было 16 лет, девушка прожила с нами год. Она была милой, обходительной, яркой девушкой и очень высокого мнения обо мне. Она меня сильно привлекла. Особенно мне запомнился один маленький случай. Я показывал ей, как делать уроки алгебры, и она стояла на коленях за столом рядом с моим стулом. Ее волосы ниспадали на плечи, и она выглядела довольно очаровательно. Она выразила теплое восхищение тем, как я решил проблему. Я помню, что намеренно подавил охватившее меня чувство влечения. Я едва ли знаю, почему я это сделал; но, по-моему, у меня было смутное ощущение, что я не хотел, чтобы мне мешали работать. Сексуального влечения не было или, по крайней мере, оно не проявлялось явно. Девушка, без сомнения, полюбила меня. С сожалением должен сказать, что в двух других случаях, позже, женщины полюбили меня, и обе навсегда остались незамужними из-за меня. Иногда мне кажется, что в разумно свободном обществе я был бы в состоянии подарить обоим этим женщинам детей. Я верю, что мог бы это сделать, и думаю, это принесло бы им огромное удовлетворение. Однако постоянный союз с женщиной был бы для меня невозможен. Постоянный союз с мужчиной, я полагаю, был бы возможен. По крайней мере, я знаю, что влечения, которые носили вообще гомосексуальный характер, в моем случае были очень длительными.

"Когда мне было не больше 13 лет, я почувствовала сильное влечение к парню чуть старше. Без сомнения, это была история любви, но я не помню никаких внешних сексуальных признаков. Были и другие случайные случаи, но ни в одном случае не было теплого отклика, пока мне не исполнилось 15. Затем я подружился с парнем совершенно иного типа, чем я сам. Я был читателем. Мне нравились долгие прогулки и свежий воздух, но я была слишком застенчива, чтобы заниматься спортом. На самом деле я была ужасно застенчивой. Он был отличным спортсменом и всегда чувствовал себя как дома в обществе. Но он попросил меня помочь ему с кое-какой работой, и мы стали работать вместе. Я страстно полюбила его. Его ласки всегда вызывали некоторую эрекцию. Лично я считаю, что было бы разумнее добиться полного сексуального самовыражения. Отсутствие знаний привело к двум явно нежелательным результатам. Первой была выраженная гиперемия и временами боль; второй была склонность к своего рода модифицированному мазохизму. Я полагаю, что в ягодицах всегда есть какая-то эротическая привлекательность, и, конечно же, для мальчиков они представляют собой неотразимо привлекательную отметину для хорошего шлепка. Я обнаружил, что когда этот парень шлепал меня, это вызывало некоторое сексуальное возбуждение, и во мне росло желание этой формы стимула. Результат, в моем случае, был плохим. Это была чувственность, а не любовь. Я могу сказать это с уверенностью, потому что в гораздо более позднем случае глубокой страстной любви я уклонялся от любого подобного метода, но взаимные обнаженные объятия, которые я обнаружил, были для меня абсолютно естественным и *чистым* выражением любви. Я никогда не чувствовал в этом никакой грубости, и это разрушило более раннее и (по крайней мере, для меня) менее полезное желание.

"Школьная дружба исчезла вместе с женитьбой моего друга. Я была неистово ревнива, и мать молодого человека была настроена против меня, но я до сих пор вспоминаю о той ранней дружбе с нежностью. Я знаю, что мой бойфренд был первым, кто сделал меня способной к самовыражению, первым, кто научил меня вообще заводить друзей. И если бы он все еще заботился обо мне, я знаю, что его любовь была бы мне по-прежнему дорога.

"Оглядываясь назад, я больше всего сожалею о том, что не знал об этих вещах раньше. Я не могу не думать, что со всеми молодыми людьми следует говорить о любви к товарищам и поощрять обращаться за помощью в любых неприятностях, которые это может вызвать. Мы, однородные люди, можем составлять лишь небольшой процент человечества, но наша численность все еще велика, и, несомненно, создание или порча наших жизней должны что-то значить. В колледже я безумно влюбилась в друга, с которым мы работали в науке. Он тоже любил меня, хотя и не с таким пылом. Он также был в значительной степени уранианцем, но это я поняла только год или два назад. Он не женат и по-прежнему мой друг. Мы вместе провели кое-какое исследование, которое довольно хорошо известно. Я совершенно уверен, что любовь, которую мы испытывали друг к другу, придавала огромный энтузиазм нашей работе и значительно увеличивала наши силы.

"Когда я работал в колледже, меня заинтересовал парень, который работал мальчиком на побегушках в городской фирме. Я помог ему получить лучшее образование и потратил на него деньги. Мой отец в то время выделял мне некоторое пособие и возражал. Я сказал, что в будущем буду обеспечивать себя сам, и таким образом стал школьным учителем. Я сразу же полностью погрузился в свою работу с мальчиками. Конечно, я любил их. И здесь я чувствую, что должен коснуться того, что мне кажется характерным для большинства из нас, уранийцев. Наши половые органы обычно находятся с нами и обычно являются органами *самовыражения*. Чистоплотный гетерогенный мужчина склонен считать такой взгляд на половые органы чудовищным; мы, с другой стороны, вынуждены (по крайней мере, для самих себя) рассматривать его как естественный и чистый. Что касается меня, то у меня было много пуританских предрассудков — предрассудков, которые я сохранял в течение многих долгих и утомительных дней, — но моя привязанность к представителям моего пола так часто выражалась в некотором сексуальном возбуждении и большей или меньшей эрекции, что я был *вынужден* рассматривать это как неизбежное, и в целом я не обращал на это никакого внимания. Иногда меня сильно привлекали старшие мальчики. Я знаю, что моя любовь к ним была по-настоящему духовной, хотя неизбежно имела некоторое физическое выражение. Я был способен на огромную преданность им и самопожертвование ради них, и я, конечно, предпочел бы умереть, чем причинить им вред. Мальчики хорошо ладили со мной. Я никогда не был слаб с ними, и я мог позволить себе все виды фамильярности без какой-либо потери уважения. Старшие мальчики обычно вне класса называли меня по имени, и я помню, как один из них написал мне, спрашивая, может ли он так поступать, поскольку это позволяло ему чувствовать себя "ближе" ко мне. Нескольких парней я, конечно, любил с особой преданностью. Они целовали меня и любили, когда я обнимал их. Один из них, как я теперь знаю, был чистокровным уранианцем, и в его случае определенно была какая-то сексуальная реакция, но, хотя я часто спала с ним, когда ему было 17-18 лет, в наших умах никогда не возникало никаких мыслей о каком-либо сексуальном акте. Мы по-прежнему теплые друзья и всегда целуемся при встрече. Оглядываясь назад на те дни, я чувствую, что был немного склонен переходить от одной любви к другой, но каждая из них была искренней преданностью и требовала настоящей тяжелой работы ради парня. И я знаю, что там, где парень привязался ко мне, став мужчиной, все еще остаются настоящая нежность и любовь.

"Во время преподавания я познакомился со священником-нонконформистом, который, хотя и был счастлив в браке, определенно имел некоторые гомогенные наклонности. Он был очень предан мальчикам и помогал мне в некоторых сложных случаях. Именно сложные случаи всегда привлекали меня. Я должен был наказать этих парней, и мой друг порекомендовал шлепать

рукой по голым ягодцам. Я упоминаю, что я применил этот метод, потому что он мог показаться мне особенно опасным. Это, конечно, никогда не вызывало у меня ни малейшего намека на какой-либо сексуальный акт, хотя иногда и вызывало небольшое сексуальное возбуждение. Я проигнорировал это или выбросил из головы, поскольку нашел метод наиболее эффективным. Он допускал большие вариации интенсивности, и мальчики всегда были готовы пошутить по этому поводу. Я никогда не сталкивался со случаем, когда это вызывало какое-либо сексуальное возбуждение. Однако мальчики, к которым мне почти всегда приходилось относиться "свысока", стали относиться ко мне еще нежнее. У большинства мальчиков может быть небольшая и нормальная мазохистская склонность, и, *возможно*, эрогенный характер ягодич имеет какое-то отношение к развитию привязанности. Если это так, то я склонен считать это скорее нормальным и полезным, чем чем-либо иным, поскольку, по моему опыту, никаких нежелательных результатов никогда не было. Но тогда, конечно, не было никакой игры с бизнесом; я уверен, что в некоторых случаях это могло бы нанести решительный вред.

"Один опыт моих школьных учительских дней, я думаю, важен с точки зрения его влияния на общую сексуальную психологию. Я всегда замечал, что во время семестра я был особенно свободен от "влажных снов". Примечательно вот что: во время семестра никогда не было ничего большего, чем очень частичное сексуальное выражение любого моего чувства, такое выражение, которое действительно было совершенно неизбежно. Следовательно, фактической потери спермы не было, и кажется очевидным, что "влажные сны" были вызваны не простым физическим давлением. Психическое удовлетворение от любви в этом случае сделало полное физическое выражение менее актуальным. Но это была любовь подчеркнуто нежного рода, которая была необходима, чтобы не допустить навязчивого физического проявления. В этом я убедился на собственном опыте. Более того, теперь я убежден, что *взаимная* любовь урана достигнет своих наилучших результатов, как духовных, так и физических, там, где есть полное сексуальное выражение.

"О характере сексуальных снов, которые мне снились, сказать особо нечего. В период мазохистской тенденции они носили мазохистский характер; в противном случае это были сны просто о обнаженных объятиях. Обычно в сновидении присутствовал значительный элемент идеальной любви. Мне не более трех раз снился половой акт с представителем противоположного пола. Только в одном случае в таком сне было что-то, что я мог бы назвать реальными эмоциями. Другие сны часто (не всегда) были снами о настоящем стремлении, а вовсе не о том, что я бы назвал просто чувственным.

"Со временем мне захотелось иметь больше свободы поступать по-своему, чем можно было получить в государственной школе. Я открыл собственную школу. Работа приносила много лет счастья. Я любил мальчиков, а они любили меня. Я был активным, пылким, и они сделали из меня приятеля. Но люди стали присылать мне неудобных клиентов. Я изливал на них свою любовь, я тратил на них все силы. К сожалению (хотя я никогда не был "ортодоксальным"), моя пуританская мораль все еще была сильна во мне, мои взгляды на человеческую психологию были слишком ограничены, и я навязывал их мальчикам. Некоторые были очень преданными; но по мере того, как шли годы и доля *mauvais sujets* увеличивалась, в маленьком лагере наметился раскол, и один или два мальчика, которых я любил, ужасно обманули меня. Для человека с моим темпераментом это было душераздирающе, и с тех пор работа была обречена. Неприятности в школе сопровождались неприятностями дома, и все это способствовало тому, что я сосредоточила свою привязанность на парне, который был со мной и который доставил

мне много хлопот. По той или иной причине я продолжал верить, что он исправится. Обман был его большой трудностью. Он, безусловно, сам был отчасти гомосексуалистом. Оглядываясь назад, я вижу, что обладай я более широкими и милосердными знаниями, я мог бы более мудро и услужливо справиться с некоторыми его гомосексуальными эпизодами. Теперь я убежден, что простое огульное осуждение физического воздействия не является полезным способом оказания помощи. Однако, если коротко, все, казалось, наконец-то пошло хорошо, и парень превратился в молодого человека. Наша любовь усилилась, и мы всегда спали вместе, но довольно аскетично. Позже, когда он был совсем молодым человеком и бросил школу, к сожалению, возникли недоразумения с его родителями, которые запретили ему спать со мной. То, что последовало за этим, имеет определенное значение. До этого момента, хотя, конечно, его привязанность казалась пылкой, я не наблюдала никаких сексуальных признаков с его стороны. Я была совершенно откровенна с ним относительно своей. Ему было тогда 19, и я считала его достаточно взрослым, чтобы все ему объяснить. Спать с ним я находила умиротворяющим и полезным, и он не раз говорил мне, что это ему очень помогло. Но *после того, как нам запретили спать вместе, я обнаружила, что мне труднее контролировать свою страсть, и она внезапно вырвалась наружу в нем.* Однако мы все еще вели себя довольно аскетично, хотя обычно целовались друг с другом и обнимались обнаженными. Это нередко вызывало эякуляцию у меня, но только однажды у него, хотя всегда была мощная эрекция. Я бы не допустил никаких трений. Возможно, это было ошибкой. Ему могло бы помочь более полное выражение.

"Всю свою жизнь я жаждал полного ответа, и в какой-то момент парень подумал, что может его дать. Тогда ему было около 20. "Я никогда в жизни не был так счастлив", - сказал он. Для меня было ударом, когда я обнаружила, что он ошибался в своих чувствах, но я была вполне готова принять ту любовь, которую он мог дать. Я также никогда не мечтала о какой-либо настойчивости в сексуальном самовыражении. С такой любовью, которую он мог дать, я была вполне готова довольствоваться собой. "Истинная мера любви, - написал мне однажды школьный учитель с урана, - это самопожертвование"; не "Что ты отдашь?", а "От чего ты откажешься?" Не "Что ты сделаешь для него?", а "От чего ты откажешься ради него?" Я с удовольствием цитирую это, поскольку традиционные английские моралисты рассматривают инвертированного человека как своего рода уродливое животное. Я могу только сказать, что я пытался реализовать идеал, который выражают эти слова. Ни один "моралист" не помог бы мне ни на йоту. Родители также разлучили нас. Своей ошибкой они причинили много вреда. Как трудно родителям позволить свободу своим детям! Их идеал - успешное ограничение, а не свободное самопознание. Но, несмотря на них и на разлуку, я знаю, что мы с моим другом помогли друг другу.

"Есть один страх родителей, который я считаю необоснованным. Насколько я понял, я не делаю вывода, что раннее проявление гомосексуальной любви препятствует развитию гетеросексуальной любви позже. Там, где эта любовь является частью врожденной природы человека, она проявит себя. Однако я верю, что благородная гомогенная любовь в раннем возрасте иногда помогает мальчику избежать низкого уровня гетерогенной привязанности. Греки в свое лучшее время преуспели в культивировании и облагораживании однородной любви. Среди нас, как могут понять все, кто знаком с работой общественных табу, беспрепятственно поддерживаются самые низменные формы, самые благородные формы подвергаются унижению.

"Я думаю, что мы, урнинги, зависим от индивидуальной любви. Я знаю, что многим из нас нужно работать на человека, чтобы сделать все возможное. Является ли это результатом женского темперамента урана? И трагедия нашей судьбы в том, что мы, чьи души трепещут только от прикосновения руки Эроса, сталкиваемся с самым суровым табу из всех, что могут придать нашей жизни смысл. Другие табу были отменены одно за другим. Не исчезнет ли вскоре это, последнее из табу? Я знал жизни, омраченные этим, ослабленные этим, раздавленные этим. Как долго западные моралисты будут калечить, клеймить и преследовать там, где они ничего не понимают?"

Следующий случай относится к совершенно иному классу, чем все предыдущие истории. Все они — британцы или американцы — были получены частным образом; они не являются обитателями тюрем или приютов, и в большинстве случаев они никогда не консультировались с врачом по поводу своих ненормальных инстинктов. Они проходят по жизни как обычные, иногда как заслуженные члены общества. Следующий случай, который произошел с американцем, знакомым как с тюрьмой, так и с сумасшедшим домом. В его истории есть несколько интересных моментов, и он иллюстрирует, каким образом сексуальная инверсия может стать вопросом медико-правового значения. Я думаю, однако, что у меня есть основания полагать, что доля сексуально инвертированных лиц, попадающих в полицейский суд или сумасшедший дом, не намного больше по отношению к числу сексуально инвертированных лиц среди нас, чем среди моих пациентов. Документами, на которых я основал историю Гая Олмстеда, я обязан доброте доктора Тэлбота из Чикаго, хорошо известного по его исследованиям аномалий челюстей и лица, которые так часто ассоциируются с нервными и психическими отклонениями. Он знал человека, который адресовал ему письма, из которых я здесь цитирую: —

ИСТОРИЯ XXVI.—Двадцать восьмого марта 1894 года в полдень на открытой улице Чикаго Гай Т. Олмстед выстрелил из револьвера в разносчика писем по имени Уильям Л. Клиффорд. Он подошел сзади и намеренно произвел четыре выстрела: первый попал Клиффорду в поясницу, три других попали в затылок, так что мужчина упал и, как предполагалось, был смертельно ранен. Олмстед почти не пытался сбежать, когда толпа бросилась к нему с обычными криками "Линчуйте его!", но размахивал револьвером, восклицая: "Я никогда не сдамся живым!" и когда полицейский обезоружил его: "Не берите мой пистолет; дайте мне закончить то, что я должен сделать". Очевидно, это был намек, как мы увидим позже, на намерение покончить с собой. Однако он с готовностью забрался в тюремный фургон, чтобы спастись от угрожающей толпы.

Олмстед, которому было 30 лет, родился недалеко от Дэнвилла, штат Иллинойс, в этом городе он прожил много лет. Оба родителя родились в Иллинойсе. Его отец около двадцати лет назад застрелил богатого угольщика, которого, как говорят, побудила к совершению преступления тайная организация, состоящая из сотни видных граждан, которым жертва стала неприятна, возбудив против них иски по пустяковым причинам. Жертва сошла с ума, но преступник так и не был наказан и умер несколько лет спустя в возрасте 44 лет. У этого человека был еще один сын, которого считали странным.

Гай Олмстед начал проявлять признаки сексуальной извращенности в возрасте 12 лет. Его соблазнил (как нам внушают) мужчина, который жил в той же спальне. Ранняя история Олмстеда неясна из имеющихся в распоряжении данных. Оказывается, он начал свою карьеру школьным учителем в Коннектикуте и там женился на дочери преуспевающего фермера; но вскоре после этого он "влюбился" в ее двоюродного брата мужского пола, которого он

описывает как очень красивого молодого человека. Это привело к расставанию с женой, и он уехал на Запад.

Его никогда не считали совершенно вменяемым, и с октября 1886 по май 1889 года он находился в сумасшедшем доме Канкаки. Сообщалось, что его болезнь длилась три года и была вызвана общим ухудшением здоровья; наследственность сомнительная, привычки хорошие, профессия школьного учителя. Его состояние было диагностировано как паранойя. При поступлении он был раздражительным, попеременно возбужденным и подавленным. Он вернулся домой в хорошем состоянии.

В этот период, а также при повторном обследовании позже, физическое состояние Олмстеда описывается как в целом нормальное и довольно хорошее. Рост 5 футов 8 дюймов; вес 159 фунтов. Органы чувств в норме; гениталии аномально маленькие, с рудиментарным penisом. Голова асимметричная, с полным затылком, слегка впалой брегмой и низким лбом. Его головной индекс равен 78. Волосы песочного цвета, их нормальное количество на голове, лице и теле. Глаза серые, маленькие и глубоко посаженные; скулы нормальные. Нос большой и очень тонкий. Наблюдается задержка развития верхней челюсти. Уши чрезмерно развиты и деформированы. Лицо очень изборозжено морщинами, носогубная борозда глубоко прорезана, а на лбу хорошо заметны горизонтальные морщины, так что он выглядит по меньшей мере на десять лет старше своего фактического возраста. Верхняя челюсть частично V-образной формы, нижняя хорошо развита. Зубы, их бугорки и альвеолярный отросток в норме. Грудь полная. Тело в целом хорошо развито; руки и ноги большие.

История Олмстеда неполноценна в течение нескольких лет после того, как он покинул Канкаки. В октябре 1892 года мы слышим о нем как о разносчике писем в Чикаго. Следующим летом он проникся страстью к Уильяму Клиффорду, коллеге-разносчику писем примерно его возраста, также ранее работавшему школьным учителем и считавшемуся одним из самых надежных и расторопных людей на службе. Какое-то время Клиффорд, похоже, разделял эту страсть или подчинился ей, но он быстро разорвал отношения и убедил своего друга пройти курс лечения, предложив оплатить расходы самостоятельно. Олмстед продолжал писать Клиффорду письма с самыми страстными описаниями и постоянно следовал за ним, пока жизнь последнего не стала невыносимой. В декабре 1893 года Клиффорд передал письма в руки почтмейстера, и Олмстеду было предложено немедленно уйти в отставку. Олмстед пожаловался в Комиссию по государственной службе в Вашингтоне на то, что его уволили без причины, а также подал заявление о восстановлении на работе, но безуспешно.

Тем временем, очевидно, по совету друзей, он лег в больницу, и в середине февраля 1894 года ему удалили яички. Отчета из больницы на руках нет. Эффект от удаления яичек был далек от положительного, и он начал страдать истерической меланхолией. Чуть позже он снова попал в больницу. 19 марта он написал доктору Тэлботу из больницы Милосердия в Чикаго: "Я вернулся в Чикаго в прошлую среду вечером, но чувствовал себя таким несчастным, что решил снова лечь в больницу, и поэтому приехал в Мерси, что для больниц очень хорошо. Но с таким же успехом я мог бы отправиться в Ад, если речь идет о какой-либо надежде на мое выздоровление. Я совершенно неисправим, совершенно неизлечим и совершенно невозможен. Дома я какое-то время думала, что вылечилась, но я ошибалась, и после встречи с Клиффордом в прошлый четверг моя страсть к нему стала хуже, чем когда-либо. Только Небеса

знают, как усердно я пытался сделать из себя порядочное существо, но моя подлость неконтролируема, и я с таким же успехом могу сдаться и умереть. Интересно, знали ли врачи, что после кастрации мужчина может испытывать эрекцию, заниматься мастурбацией и испытывать ту же страсть, что и раньше. Мне стыдно за себя, я ненавижу себя, но ничего не могу с собой поделать. У меня есть друзья среди приятных людей, я играю на пианино, люблю музыку, книги и все, что красиво и возвышает; но они не могут возвысить меня, потому что этот груз врожденной подлости тянет меня вниз и мешает мне получать совершенное удовольствие от чего бы то ни было. Врачи - единственные, кто понимает и осознает мою беспомощность перед этим чудовищем. Я думаю и работаю до тех пор, пока мой мозг не начинает кружиться, и я едва могу удержаться от того, чтобы не выкрикнуть о своих проблемах ". Это письмо было написано за несколько дней до совершения преступления.

Когда Олмстеда доставили в полицейский участок, он совершенно сломался и горько плакал, причитая: "О! Уилл, Уилл, подойди ко мне! Почему бы тебе не убить меня и не позволить мне пойти к нему!" (В это время он предполагал, что убил Клиффорда.) При нем было найдено письмо следующего содержания: "Мерси, 27 марта. Для тех, кто захочет прочесть: Опасаясь, что мои мотивы убийства Клиффорда и меня самого могут быть неправильно поняты, я пишу это, чтобы объяснить причину этого убийства и самоубийства. Прошлым летом у нас с Клиффордом завязалась дружба, которая переросла в любовь. Затем он рассказал подробности нашей дружбы и продолжил: "После того, как Клиффорд снова и снова исполнял рапсодию Листа для Клиффорда, он сказал, что, когда придет наше время умирать, он надеется, что мы умрем вместе, слушая такую великолепную музыку, как эта. Пришло наше время умирать, но смерть не будет сопровождаться музыкой. Любовь Клиффорда, увы! превратилась в смертельную ненависть. По какой-то причине Клиффорд внезапно положил конец нашим отношениям и дружбе." В своей камере он вел себя дико возбужденно и предпринял несколько попыток самоубийства; так что за ним приходилось пристально наблюдать. Несколько недель спустя он написал доктору Тэлботу: "Тюрьма округа Кук, 23 апреля. У меня такое чувство, будто я пренебрегал вами, не писав вам все это время, хотя, возможно, вам и не хочется получать от меня известия, поскольку я никогда не делал ничего, кроме злоупотребления вашей добротой. Но, пожалуйста, отдайте мне справедливость, подумав, что я никогда не ожидала всех этих неприятностей, поскольку я думала, что мы с Уиллом будем в могилах и обретем покой задолго до этого. Но мои планы с треском провалились. Бедняга Уилл был жив, а меня схватили прежде, чем я успела застрелиться. Я думаю, что Уилл действительно застрелился, и я уверен, что другие тоже так подумают, когда вся история выйдет наружу в суде. Я не могу понять удивления и негодования, которые, казалось, вызвал мой поступок, поскольку было совершенно правильно и естественно, что мы с Уиллом должны умереть вместе, и никого больше это не касалось. Знаете, я верю, что бедный мальчик все же покончит с собой, потому что в ноябре прошлого года, когда я в своем горе и гневе рассказала его родственникам о нашем браке, он был так напуган, обижен и разгневан, что хотел, чтобы мы оба покончили с собой. Я с радостью согласился на это предложение покончить с собой, но через день или два он отказался. Сейчас я рад, что Уилл жив, и рад, что я жив, даже несмотря на перспективу многолетнего тюремного заключения, которое меня ждет, но которое я с радостью перенесу ради него. И все же в течение последних десяти месяцев его влияние настолько полностью контролировало меня, как тело, так и душу, что, если я поступал правильно, заслуга в моих добрых делах должна принадлежать ему, а если я поступал неправильно, его следует винить во вреде, поскольку я вовсе не был самим собой, а был частью его и счастлив слить свою индивидуальность с его ".

В июле Олмстеда судили в частном порядке. Никаких новых пунктов предъявлено не было. Он был приговорен к уголовной психиатрической больнице. Вскоре после этого, все еще находясь в тюрьме Чикаго, он написал доктору Тэлботу: "Поскольку вы интересовались моим случаем с научной точки зрения, есть кое-что еще, что я мог бы рассказать вам о себе, но о чем умолчал, потому что мне было стыдно признать определенные факты и особенности моей прискорбной слабости. Среди немногих сексуальных извращенцев, которых я знал, я заметил, что все они имеют привычку часто закрывать рот так, чтобы нижняя губа выступала за пределы верхней. (Обычно из-за задержки развития верхней челюсти.) Я заметила эту особенность в мистере Клиффорде еще до того, как мы сблизились, и я часто ловила себя на этой уловке. До этой операции мои яички набухали и начинали болеть и причиняли мне боль, и, казалось, с тех пор это происходит точно так же, как мужчина иногда жалуется, что у него болит ампутированная нога. Тогда мои груди тоже набухали, а соски становились твердыми, воспаленными и красными. С момента операции не было ни дня, чтобы я не испытывал острой, стреляющей боли внизу живота до мошонки, усиливающейся у основания полового члена. Теперь, когда моя судьба решена, я скажу, что на самом деле моя страсть к мистеру Клиффорду пошла на убыль, но я не знаю, является ли это улучшение постоянным или нет. У меня нет абсолютно никакой страсти к другим мужчинам, и теперь я начала надеяться, что все же смогу пережить свое влечение к Клиффорду или, по крайней мере, контролировать его. Я еще не рассказывал об этом улучшении своего состояния, потому что хотел, чтобы люди по-прежнему считали меня сумасшедшим, чтобы я был уверен, что меня не отправят в тюрьму. Я знаю, что был невменяем в то время, когда пытался убить и Клиффорда, и себя, и чувствую, что не заслуживаю такого ужасного наказания, как отправление в тюрьму штата. Однако я думаю, что именно эта операция и моя последующая болезнь вызвали мое безумие, а не страсть к Клиффорду. Мне бы очень хотелось знать, действительно ли вы считаете сексуальное извращение безумием".

Выписавшись из Приюта для душевнобольных преступников, Олмстед вернулся в Чикаго и потребовал свои яички у городского почтмейстера, которого обвинил в систематическом заговоре против него. Он утверждал, что почтмейстер был одним из главных участников заговора против него, начатого еще до кастрации. Затем его отправили в больницу для душевнобольных имени Кука. Представляется вероятным, что в настоящее время состояние паранойи прочно закрепилось.

Все следующие случаи являются бисексуальными, при этом влечение ощущается к обоим полам, обычно в преобладающей степени к мужчине:—

ИСТОРИЯ XXVII.—Х. К., американец, 28 лет, состоятельный, неженатый, старший из двух детей. Его историю лучше всего изложить его собственными словами: —

"Я по обе стороны от англичан отдаленного происхождения, первые колонисты с моим именем прибыли в Новую Англию в 1630 году. Семьи моей матери и моего отца были плодовитыми солдатами и государственными деятелями; благодаря моей матери в Соединенных Штатах появился один президент. Насколько мне известно, никто из моих предшественников не страдал психическими отклонениями, за исключением дяди по материнской линии, который из-за чрезмерной учебы на год сошел с ума.

"Я окончил два университета со степенями в области искусства и медицины. Проработав год врачом в больнице, я полностью оставил медицину и увлекся литературой - пристрастием с раннего детства.

"Во мне проснулось сексуальное влечение в возрасте 7 лет, когда в маленькой частной школе я смутно ликовал, увидев голые бедра одноклассниц над чулками. Этот фетишизм, по мере того как он становился все более определенным, сосредоточился, наконец, на бедрах, а затем и на всей личности одной девушки в частности. Мой первый сон с сексуальным оттенком был о ней — о том, что, пока она стояла рядом, я положил свой пенис на раскаленную наковальню, а затем в блаженном самосожжении показал обугленный обрубок ее удивленным круглым глазам. Эта любовь, однако, угасла с приходом в школу новой девочки, которая, будучи не более красивой, но более пышногрудой, сильнее привлекала мою зарождающуюся сексуальность. Однажды днем, на чердаке конюшни своего отца, она заставила меня раздеться, сама подавая пример. Эрекция, которую вызвали у меня наши взаимные ласки, не была осознанным импульсом; я испытывал только детское любопытство, наблюдая за различием наших гениталий. Но этот эпизод положил начало экстравагантным причудам, одна из которых постоянно преследовала меня: с этими очевидными компенсационными различиями, почему мы с девушкой не могли бы совершить какое-то совокупление? Эта фантазия, почерпнутая исключительно из того уникального опыта, очаровывала только своей гротескностью, ибо в то время мое представление о сексе было лишь зачаточным, и мои знания о нем были ничем. Причудливое тщеславие, представленное столь же невежественной девушке и одобренное, было перенесено на отцовский сеновал и там, с большим трудом, доведено до удивительного и приятного завершения.

"В последующие четыре года я нередко повторял этот акт с этой девушкой и с другими.

"Когда мне было 11 лет, родители увезли нас с сестрой в Европу, где мы оставались шесть лет, каждую зиму посещая школу в другом городе, а летом путешествуя по разным странам.

"За границей моя похоть была удовлетворена в полной мере: повсюду встречались покладистые подружки по играм, которых я с жаром обхаживал в швейцарских отелях, на немецких курортах, во французских пансионах — где только нет? Ближе к половому созреванию я впервые обратился время от времени к проституткам.

"К мастурбации, за исключением нескольких экспериментов, я никогда не прибегал. Немногие из моих школьных товарищей открыто практиковали это.

"О гомосексуализме я слышал только из классики, где, недолго размышляя, я решил, что это просто наше современное товарищество, поэтически возвеличенное, маскирующееся под старинные одежды и фразеологию. Это так и не дошло до меня; это не соответствовало ни одному тону в шкале моих симпатий; у меня не было пробного камня, чтобы превратить рассказы об этих двусмысленных любовных связях в пламенные послания. Отношение к моему собственному полу в интеллектуальном плане было случайной дружбой, лишенной сильной привязанности; физически - легким антагонизмом, обнаженное тело мужчины вызывало легкое отвращение. Статуи женщин вызывали как плотский, так и эстетический отклик; у мужчин - никаких эмоций вообще, кроме углубления этой врожденной антипатии. Точно так же в живописи, литературе, драме мужчины служили лишь прикрытием для восхитительных дев, которые посещали мои воздушные серали и погружали меня в розовые грезы.

Когда мне исполнилось восемнадцать, мы вернулись в Америку, где я поступил в университет.

"Течение моей любви к женщинам теперь было немного неустойчивым; нормальная связь начала терять привлекательность. Как давным—давно я безграмотно сформулировал

обоснование полового акта, так и теперь воображение, блуждающее в темноте, придумало новый способ возбудить аппетит - *куннилинкт*. Но это, хотя и было некоторое время вполне достаточным, вскоре перестало доставлять удовольствие. На этом этапе, на Рождество моего первого года обучения в колледже, меня назначили редактором небольшого журнала, ранним недостатком которого было отсутствие любовных историй. Такое непредусмотрительное пренебрежение соответствовало моему изменившемуся взгляду на женщин, взгляду, который я приобрел благодаря саморазрушению очарования, сквозь которое они обычно появлялись. Я каким-то образом забрела за кулисы и увидела, как, без участия рампы секса, некогда такие лучезарные феи превратились в расхристанных человечков, таких же симпатичных, как всегда, но уже не желанных.

Вскоре после этого зашумело дело Оскара Уайльда. Газетные сообщения об этом, хотя и были поучительными, не пролили на меня никакого света самораскрытия; они лишь внесли поправки в некоторые досужие домыслы относительно некоторых мистических пороков, о которых я слышал шепотом. То тут, то там газетные упоминания, все еще слишком непонятные, старательно разъяснялись женоподобным сокурсником, который, как мне теперь кажется, не проявил бы никакого нежелания, если бы я попросил его привести практическую иллюстрацию. Я также купил фотографии Оскара Уайльда, внимательно изучая их под елейным покровительством того же самого выхолощенного и красноречивого наставника. Если мой интерес к Оскару Уайльду и проистекал из каких-либо других эмоций, кроме довольно нездорового любопытства, тогда почти повсеместного, я этого не осознавал.

"Эротические сны, которым до сих пор препятствовало соитие, теперь стали одолевать меня. Героинями этих снов были (и остаются) неизменно женщины, за одним запомнившимся исключением: мне приснилось, что Оскар Уайльд, воплощение которого изображено на одной из моих фотографий, подошел ко мне с шутовской томностью и совершил *фелляцию*, действие, устно описанное незадолго до этого моим оракулом. В течение месяца или даже больше воспоминание об этом сне вызывало у меня отвращение.

"Несколько последующих попыток, робких и нерешительных, повторить мою женственность были заранее обречены, отчасти потому, что я этого опасался, на провал: эрекция была неполной, семяизвержение без удовольствия.

"Такое поведение казалось ошибочным. Почему коитус без чувственного желания к нему? Ни чувство долга не побуждало меня, ни страх перед сексуальными отклонениями. Объяснение таково: влечение к женщинам не исчезло, а просто сублимировалось; мое воображение, больше не заимствующее женщин из наблюдений, создало своих собственных восхитительных сирен, ставших требовательными и трансцендентными, тщетно взывая к реальности. Субстанция отступила теперь навсегда, и вскоре даже эти ее мучительные тени становились все тусклее и тусклее, пока, наконец, и они не превратились в ничто.

"Антиподы сексуальной сферы все больше и больше поворачивались к свету моей терпимости. Инверсия, до сих пор вызывавшая легкое отвращение, наконец стала эстетически бесцветной, а затем деликатно подкрашена, сначала исключительно из жалости к своим жертвам, но, в конце концов, цвет стал более насыщенным, с полусознательным желанием приписать это себе как отдаленную случайность. Однако эта революция не обошлась без внешнего толчка. Предвзятый тон книги, которую я читал, "*Сексуальная психопатия*" Краффта-Эбинга, вызвав негодование, привел меня к сочувствию. Мое отстаивание, каким бы чисто абстрактным оно ни

было поначалу, тем не менее включало в себя мой взгляд на вещи гипотетически перевернутыми глазами — ориентация ради аргументации. Через некоторое время, незаметно и ни в какой момент гипотеза слилась с реальностью: я сам был перевернут. Я полагаю, что эта случайная и фиктивная инверсия никогда не накладывалась на настоящую инверсию; скорее, настоящая инверсия, долгие годы дремавшая, просто наконец отреагировала на достаточно сильный и продолжительный стимул, подобно тому, как человек просыпается, когда его громко зовут.

Представляя себя таким сексуально преображенным, я не утверждаю, что с самого начала имел к этому какую-либо определенную склонность. Инстинкт, развившийся так недавно, некоторое время оставался неясным. Его основным выражением был слабо чувственный интерес к физическому характеру мальчиков — особенно к их женскому сходству. Этому интересу я не возражал против пренебрежения; поскольку распутство с женщинами при многих и разнообразных обстоятельствах давным-давно превратило мою сексуальную совесть в летаргию, теперь у меня не было никаких поводов для ее освежения. С другой стороны, интеллектуальный восторг от перспектив нового мира, а также чувственность способствовали его целенаправленному исследованию. Тем не менее, в течение года мое страстное желание не проявлялось с истинной похотью ни к одному объекту более конкретному, чем молодые люди, чьим единственным пристанищем были мои фантазии.

"Молодой хирург, прочитав мой экземпляр *"Сексуальной психопатии"*, однажды вечером с таким удовольствием принялся обсуждать инвертированных, что я простодушно поинтересовался, не является ли он сам одним из них. Он покраснел, в подтверждение или как-то иначе, я не мог догадаться, несмотря на его яростное "нет". Вскоре он очень деликатно отказался от своего отрицания. Но на его встречный вопрос я настаивала на своем "нет", чтобы он не предложил какой-нибудь сексуальный акт, чего эстетика моей развивающейся инверсии пока не признавала, поскольку мальчики в моем воображении все еще преобладали.

Однажды вечером, вскоре после этого, он повел меня в несколько кафе, где обычно собираются инвертированные. Эти места для свиданий были во многом похожи: длинный зал с немногочисленным оркестром в одном конце, столики с мраморными столешницами вдоль стен, оставляющие площадку свободной для танцев. За столами сидели мальчики и юноши, обожаемые как искусством, так и природой, готовые выпить или поболтать со случайным самаритянином и застенчиво домогающиеся удовольствий, для которых наверху были сданы небольшие комнаты. Один из мальчиков под аккомпанемент оркестра спел "Драгоценную песню" из *"Фауста"*. Его голос обладал прозрачной, высокой чистотой кларнета, а лицо было прекрасным, как у ангела. Песня закончилась, и мы пригласили его за наш столик, где он сидел, потягивая неразбавленный бренди, и насмешливо отвечал на мои вопросы, порожденные книгами. Он сообщил нам, что мальчики-проститутки, украшавшие эти залы, носили причудливые имена: одни - известных актрис, другие - героев художественной литературы, его собственное имя - Дориан Грей. Соперники, жаловался он, присвоили себе то же имя, но он был настоящим Дорианом; остальные были завистливыми самозванцами. Его выющиеся волосы были золотистыми, щеки - розовыми, кораллово-красные губы постоянно приоткрывались, обнажая сверкающие жемчужиной зубы. И все же, хотя я и считал его самым красивым юношей в мире, я не испытывал сексуального интереса ни к нему, ни к другим мальчикам, которые действительно все были красивы — красота была их главным достоянием. Далее Дориан рассказал о великолепии своего женского наряда: атласных корсетах, вечерних платьях с

глубоким вырезом и т.д., которые надевал на торжественные вечера, демонстрируя свои блестящие плечи и пухлые белые руки с ямочками. Одетый таким образом, подтрунивал он, он околдовал бы даже меня, сейчас такую бесстрастную, пока я не бросилась бы в слезах счастья в его любящие объятия.

"Моя первая попытка сделать *фелляцию* произошла месяц спустя с молодым хирургом. Я признался, что у меня возникло желание попробовать, и он согласился. Хотя это тошнотворное и утомительное действие, выполненное очень несовершенно, было вызвано главным образом любопытством, вскоре возникло страстное желание повторить. Короче говоря, тяга к *фелляции* медленно росла с ночи того слащавого фиаско и в конце концов переросла в непреодолимую потребность.

"Возможно, неудача с этим инициационным экспериментом произошла из-за поспешности, поскольку инкубация моего извращенного инстинкта еще не завершена. Последовал месячный перерыв, во время которого, хотя дальнейших попыток *фелляции* предпринято не было, мой разум всегда приближался к примирению с грубостью этого акта и начал обнаруживать для его созданий некоторую корреляцию в симпатичных мальчиках, увиденных во плоти. Однажды вечером на Бродвее я внезапно ощутил непреодолимое желание к юноше, выходящему из отеля, когда я проходил мимо. Наши взгляды встретились. У витрины магазина он впервые обратился ко мне. Он был инвертированным. С ним, в его номере в отеле, откуда я видел, как он вышел, я провел апокалиптическую ночь. После этого общение с мальчиками только в духе перестало быть целью; изображения были воплощены в плоть, вышли из рамок на улицы. Этот мальчик, этот бог из машины, я вижу его ясно: его каштановые вьющиеся волосы; его глаза голубые, как море; его грудь, одновременно выпуклая и такая пухлая, его округлые руки, тонкая талия, изящная выпуклость бедер и полные, белоснежные бедра; Я помню, как вчера, ямочки на его коленях, стройность лодыжек, мягкость его маленьких ступней с подъемом, розовым, как внутренняя сторона раковины. Как я злорадствовала, глядя на его пышные округлости, на его сочные выпуклости!

"За последние восемь лет я делала *фелляцию* (никогда делала *педикюр*) более чем с тремя сотнями мужчин и юношей. Я предпочитаю мальчиков от 15 до 20 лет, утонченных, симпатичных, по-девичьи, и которые сами гомосексуалисты.

"Лично я, за исключением любви к мужчинам, во всех отношениях мужественна, люблю спорт на свежем воздухе, умеренно курю и выпиваю. С виду я всего лишь 18-летний юноша. Мое лицо и фигура обычно считаются красивыми: я чисто выбрит, у меня черные вьющиеся волосы, румяные щеки и карие глаза; черты лица тонкие и правильные; тело среднего роста, практически безволосое. За годы тренировок я достиг огромной силы и классических пропорций, контуры мышц плавно округлены жировой тканью. Мои руки и ноги маленькие. Мой пенис, хотя и идеальной формы, довольно огромен — эрегированный, десять с половиной дюймов в длину, семь с четвертью дюймов в окружности.

"Некоторым подстрекательством к моему отступничеству от ортодоксальных методов была, без сомнения, эта гипертрофия полового члена, которая уже на моем двадцатом году жизни приобрела свою нынешнюю избыточность, сделав коитус невыполнимым у большинства женщин, которых я пробовал, и болезненным там, где производилось введение. С тех пор как я

стал наследником инверсии, уникальный случай возвращения нормального желания шесть лет назад убедил меня предпринять попытку совокупления с одиннадцатью или двенадцатью проститутками, и, как ни странно, с большей частью бывлой непристойности и полной эрекцией, но, как оказалось, всегда со слишком большим несоответствием частей тела для успеха ".

Некоторая точность в манере этого общения может быть частично объяснена характером литературных занятий, которыми писатель предпочитает заниматься, а частично, что, без сомнения, более существенно, особым характером его преимущественно эстетического темперамента и тяготением ко всему экзотическому. Влечения к экзотическим переживаниям, однако, недостаточно для объяснения довольно позднего развития гомосексуальных тенденций, позднего развития, которое, как можно предположить, относит этот случай к отсталой группе инвертированных. Х. К. сам указал мне, что его отвращение к женщинам, начавшее проявляться на восемнадцатом году жизни, было хорошо выражено еще до того, как он когда-либо определенно услышал о конкретных гомосексуальных актах, и за целый год до того, как он испытал малейший сексуальный интерес к мужчинам или мальчикам. Более того, хотя истинная тенденция к гомосексуальному влечению действительно проявилась только после того, как он прочитал Краффта-Эбинга и вступил в контакт с инвертированными, такого влияния было бы недостаточно, чтобы изменить сексуальную природу нормально сложенного мужчины.

Можно добавить, что Х. К. не привлекают нормальные мужчины. Что касается его морального отношения, он замечает: "Я без колебаний потворствую своей страсти. Я понимаю выдвинутые моральные возражения, но насколько они умозрительны и конструктивны; в то время как непосредственно инверсия является источником стольких благ ". Он рассматривает весь сексуальный вопрос в значительной степени как дело вкуса.

Я рассматриваю вышеизложенный случай как представляющий значительный интерес. Это представляет собой то, что обычно считается очень распространенным типом инверсии, высшим примером чего является Оскар Уайльд, в котором гетеросексуальный человек, по-видимому, становится гомосексуалистом из-за проявления интеллектуального любопытства и эстетического интереса. В действительности этот тип далеко не распространен; действительно, интеллектуальное любопытство и эстетический интерес, достаточно сильные даже для того, чтобы направить сексуальный импульс в какое-либо новое русло, сами по себе далеко не обычны. Более того, критическое прочтение этой истории наводит на мысль, что кажущийся контроль разума над сексуальным влечением - всего лишь поверхностное явление. Здесь, как всегда, разум - всего лишь инструмент в руках страстей. Очевидные причины на самом деле являются результатами; мы являемся свидетелями постепенного появления заторможенного гомосексуального импульса.

ИСТОРИЯ XXVIII.—Англичанин, 40 лет, хирург. Сексуальный опыт начался рано, примерно в возрасте 10 лет, когда компаньонка побудила его поиграть в половой акт со своими сестрами. Он не испытывал удовольствия. Немного позже служанка начала относиться к нему с нежностью и, наконец, позвала его к себе в спальню, когда она была частично раздета, ласкала и целовала его член и научила его мастурбировать ее. В последующих случаях она пыталась имитировать половое сношение, что приносило ей удовлетворение, но не вызывало у него эрекции. По возвращении в школу со школьными товарищами практиковалась взаимная мастурбация, и первый оргазм произошел в возрасте 14 лет.

По окончании школы он стал рабом женских чар и примерно в 17 лет часто вступал в половую связь, но предпочитал мастурбирующих девушек, особенно убеждая девушек хорошего положения, для которых этот опыт был совершенно в новинку, позволить ему проявлять с ними вольности. В 25 лет он обручился, и во время помолвки чрезмерно практиковалась взаимная мастурбация; после вступления в брак связь обычно происходила дважды каждые двадцать четыре часа вплоть до беременности.

"В то время, - пишет он, - я останавливался в доме старого школьного товарища из-за моих любителей старины. Гостей было так много, что я делила спальню со своим другом. Вид его тела вызвал похотливые чувства, и когда погас свет, я прокралась к его кровати. Он не возражал, и мы провели ночь во взаимной мастурбации. Следующие две недели мы провели вместе, и я никогда не получал такого же удовольствия от полового акта со своей женой, хотя и выполнял свой долг. Она умерла пять лет спустя, и я посвятил себя сердцем и душой своему другу до тех пор, пока он не погиб в результате несчастного случая в прошлом году. С тех пор я потерял всякий интерес к жизни".

Я обязан этим случаем известному английскому психиатру, который отмечает, что пациент на вид довольно здоров, но у него неврастения, склонность к меланхолии и невротический темперамент. Тело мужественное, на лобке много волос. Одно яичко истощено.

ИСТОРИИ XXIX И XXX.—Я привожу следующий рассказ словами близкого друга одного из рассматриваемых случаев: "Впервые мое внимание привлекло изучение инверсии — хотя тогда я считал все ее формы развратными и отвратительными — в государственной школе, где в нашем общежитии мальчик 15 лет посвятил своих избранных друзей в секреты взаимной мастурбации, которым он научился у своего брата, мичмана. В то время я не придавал этому значения, хотя вспомнил об этом спустя годы, когда погрузился в Платона, Лукреция и эпикурейских писателей. Но мое внимание было приковано к этому в возрасте 20 лет, когда я провел отпуск с А., компаньоном, с которым меня связывала большая дружба. У нас было много общего, мы вместе учились и обсуждали самые нетрадиционные вопросы, но не это. Раньше мы всегда занимали отдельные спальни; в этот раз мы были за границей, в загородном месте, и были вынуждены мириться с тем, что могли достать. Нам приходилось делить не только комнату, но и кровать. Я не удивилась, когда он обнял меня, поскольку знала, что он был необычайно привязан ко мне, и я всегда чувствовала себя грубой из-за того, что не отвечала на его привязанность так тепло. Но я была удивлена, когда позже, проснувшись, обнаружила, что он занят *фелляцией* и пытается добиться моего ответа. Если бы это был кто-то другой, я бы сильно возмутился такой вольности, и наше знакомство закончилось бы, но я слишком хорошо заботился о нем, хотя никогда особо этого не демонстрировал. Этот эпизод привел к обсуждению темы. Он сказал мне, что его сексуальная сила была велика, что он испытывал ее многими способами и что для его благополучия важно, чтобы он каким-то образом получал удовлетворение. Он ненавидел проституцию и считал ее унижительной; он чувствовал физическое влечение к одним женщинам и интеллектуальное - к другим, но эти два элемента никогда не сочетались, и хотя он был близок с некоторыми, он чувствовал, что это неправильно по отношению к ним, поскольку он не мог жениться на них, потому что слишком высоко ценил идеал брака. Он всегда чувствовал влечение к представителям своего пола и в течение

нескольких лет поддерживал платоническую дружбу с однокурсником по колледжу Икс (к которому, я знал, он был страстно привязан). Оба считали это совершенно моральным, и оба чувствовали себя от этого лучше. Оба ненавидят *педикюр. Х.*, однако, никогда не обсуждал эту тему и, казалось, отчасти стыдился этого. А., с другой стороны, хотя и проявляет большое уважение к себе во всем остальном, не испытывает стыда, хотя и говорит, что никогда не стал бы обсуждать это, кроме как с близкими друзьями или если бы попросили частного совета.

"А. - старший ребенок военного офицера. На момент его рождения его родителям было 21 и 19 лет соответственно. Оба родителя здоровы, и двое детей (оба мальчика) имеют хорошее телосложение, хотя у старшего оно лучше. У него средний рост и стройные конечности, гордая осанка, красивое и интеллектуальное лицо (классический греческий тип), превосходный цвет лица, очаровательные манеры и хороший характер. Пенис большой, крайняя плоть очень короткая. Он увлекается философией, естествознанием, историей и литературой. Он скорее рефлексивен и терпелив, чем умен, но волевой и очень активный, когда его возбуждают, он никогда не успокаивается, пока не добьется того, чего хочет, даже если на это уйдут годы. Он превосходно поет и увлекается велоспортом, катанием на лодке, плаванием и альпинизмом. У него отличное здоровье, и с 12-летнего возраста он ни дня не болел. Он говорит, что единственный раз, когда он не может заснуть, это когда он в постели с кем-то, кто не смог или не захотел удовлетворить его. Он требует удовлетворения по крайней мере раз в неделю, два или три раза в жаркое время года. Он никогда не курит, не пьет пиво или крепкие напитки. Он все еще холост, но считает, что брак удовлетворил бы все его потребности.

"Х. также старший ребенок от молодых и здоровых родителей (на момент рождения ему было от 21 до 24 лет) из другого класса; отец - строитель. У него приятная, но не красивая внешность; очень чувствительный, очень аккуратный и методичный во всем; не очень волевой и очень сдержанный по отношению к женщинам. Он очень прилежен, особенно увлекается философией, политикой и естественными науками; хороший музыкант. Занимается умеренными физическими упражнениями, но довольно легко утомляется. В целом здоров, но не чрезмерно силен. Он вегетарианец и был воспитан как свободомыслящий. Еще два года назад его никогда не привлекали девушки; более того, он не любил девушек; но сейчас он помолвлен. Около восемнадцати месяцев он отказался от гомосексуализма, но с тех пор страдает от сновидений, плохого пищеварения и раздражительности. Он думает, что единственное лекарство - это брак, на котором он настаивает. Он считает гомосексуализм вполне естественным и нормальным, хотя его желания не сильны, и раз в две недели это всегда его удовлетворяло. К практике его привели рассуждения А., а также потому, что он чувствовал некую смутную потребность, и это его утешало. Он считает, что это вопрос темперамента и не подлежит обсуждению, кроме как учеными. Он говорит, что никогда не смог бы сделать это иначе, как со своим самым дорогим другом, просьбе которого он не смог сопротивляться. У него длинная крайняя плоть, плоть как у женщины, и он хорошо сложен.

"Оба мужчины страстно выступают за социальные реформы, один активно, другой пассивно вовлечен в них. Оба также считают закон о гомосексуализме абсурдным и деморализующим. Они также считают, что закон, запрещающий многоженство, во многом является причиной проституции, поскольку многим женщинам не дают жить честной жизнью и получать от кого-то заботу, и многие мужчины могли бы жениться на одной женщине ради физического удовлетворения, а на другой - ради интеллектуального.

"Они были преданы друг другу, когда я впервые их узнал; они до сих пор друзья, но разделены расстоянием. Оба чрезвычайно благородны, а последний безупречно правдив".

Согласно более поздней информации, Х. женился, и его гомосексуальные наклонности почти полностью прекратились, отчасти, возможно, из-за того, что сейчас он спокойно живет в деревне. А. удивил своих друзей своей горячей привязанностью к даме примерно его возраста, с которой он обручился. Он заявляет, что любит эту женщину больше, чем любого другого мужчину, но, тем не менее, по-прежнему испытывает сильную страсть к своим друзьям-мужчинам. Очевидно, что гомосексуальная склонность у А. явно более выражена, чем у его друга Х. Как это чаще встречается у бисексуалов, чем у гомосексуалистов, он преимущественно мужского типа, обладает большой жизнестойкостью и желает проявить все свои способности. У него здоровая нервная система, и он совершенно свободен от всякой "нервности". Он написал научный трактат и может спокойно заниматься среди сильного шума. У него мужественный голос (в пении глубокая база). Он умеет свистеть. Он не тщеславен, хотя хорошо сложен, и у него изящные руки. Его любимый цвет - зеленый. Демонстративная теплота его привязанности к друзьям - главная женская черта, отмеченная в нем. Он редко видит сны и никогда не видел эротических снов; это он объясняет тем, что сказал (раньше Фрейда), что все сны, не вызванные физическими состояниями, являются снами желаний, и поскольку он всегда удовлетворяет свои сексуальные потребности сразу, с другом или с помощью мастурбации, его сексуальные потребности не имеют возможности повлиять на его подсознательную жизнь.

Могут возникнуть некоторые сомнения относительно классификации двух вышеупомянутых случаев: лично мне они неизвестны. Следующий случай, с которым я знаком уже много лет, я рассматриваю как явно подлинный пример бисексуальности: —

ИСТОРИЯ XXXI.—Англичанин, независимый, 52 года, женат. Его родословная имеет сложный характер. Предполагается, что некоторые из предков его матери в прошлом и более ранних столетиях были перевернутыми. Он помнит, как ему нравились ласки отцовских лакеев, когда он был совсем маленьким мальчиком. Он безразлично видит сны о мужчинах и женщинах и испытывает сильные сексуальные чувства к женщинам. Может совокупляться, но не настаивает на этом акте; есть склонность к утонченному, сладострастному наслаждению. Он женат уже много лет, и от этого брака у него есть несколько детей.

Он не придирчив к классу или возрасту мужчин, которых любит. Он относится к мужчинам постарше так же, как и женщины, и любит, когда они его ласкают. Он безмерно тщеславен своей физической красотой; он избегает *педикюра* и не очень заботится о половом акте, но любит долгие часы сладострастного общения, во время которых его возлюбленная восхищается им. Он чувствует красоту детства. В то же время его очень привлекают молодые девушки.

Он определенно женственен в своей одежде, манере ходить, любви к ароматам, украшениям и изысканным вещам. Его тело чрезмерно гладкое и белое, бедра и ягодицы округлые. Половые органы в норме. Его темперамент женственный, особенно в тщеславии, раздражительности и мелких заботах. Он очень озабочен своей внешностью и любит восхищаться; однажды его сфотографировали обнаженным в образе Вакха. Он физически иморально мужественен. У него талант к поэзии и размышлениям, со склонностью к мистицизму.

Он чувствует разлад между своей любовью к мужчинам и обществу, а также между этим и своей любовью к жене. Он считает это, по крайней мере частично, наследственным и врожденным в нем.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ XXXII.—К.р., врач; 38 лет. По национальности ирландец с португальской примесью. - Моя мать происходила из старинной квакерской семьи. Я совершенно не подозревала о половых различиях, пока мне не исполнилось 14 лет, поскольку меня тщательно держали отдельно от моих сестер, и, хотя время от времени мной овладевали странные желания, которых я не понимала, до этого периода жизни я была девственницей в мыслях и поступках.

"Когда мне было 14 лет, двоюродный брат на несколько лет старше меня приехал погостить к нам и разделил со мной постель. К моему удивлению, он взял мой пенис и некоторое время растирал его, пока мной не овладело самое приятное ощущение, которое усиливалось до тех пор, пока из моего органа не пошли выделения; затем он попросил меня сделать то же самое с ним. Мы часто повторяли этот процесс в течение следующего месяца; я совершенно не подозревал о каком-либо вреде в результате.

"В том же году я пошел в школу, но никто из моих одноклассников в течение некоторого времени даже не предлагал подобных действий, пока друг, оставшийся с нами на каникулы, однажды в ванной не повторил процесс и не прижал свой пенис между моих бедер, когда произошли аналогичные выделения. Вскоре я узнала, что у нескольких моих школьных подруг и двоюродных братьев-мужчин были такие же желания, а старший брат моего первого знакомства с сексуальностью неоднократно проводил со мной ночи, когда мы развлекались подобным образом.

"Немного позже, когда моей матери не было дома, я разделил постель с отцом, и он взял мой пенис в руку и оттянул крайнюю плоть назад. Я в свою очередь взялся за его руку и обнаружил, что у него эрекция. Я продолжила растирать его, когда он остановил меня и сказал, что я не должна этого делать, что, когда я стану немного старше, мне понравится, когда это будет делать женщина, и что если я не буду растирать себя и позволять это делать другим мальчикам, я получу от этого гораздо больше удовольствия. Я совершенно уверена, что мой отец был перевернутым, так как он часто, когда спал со мной, прижимал мое обнаженное тело к своему, и у него всегда была сильная эрекция. Однажды он растирал меня до тех пор, пока у меня не появились выделения, а затем, перевернувшись на спину, заставил меня взять в руку его пенис и растирать его в течение нескольких минут. Раньше я часто шутил со своим отцом, так как с семнадцати лет мой пенис был больше, чем у него. Я вернусь к своему отцу немного позже. Когда мне было 17, мой друг по колледжу делил со мной постель, и, раздеваясь, он сказал, что завидует тому, что мой пенис намного больше его; забравшись в постель, он попросил меня повернуться на бок, и я обнаружила, что он делает *педикюр*. Я был поражен его поступком, когда он сообщил мне, что рядом с женщиной этот процесс доставляет наибольшее удовольствие. Однако ничего не получилось, и это единственный опыт *педикюра*, который у меня когда-либо был.

"Однажды вечером, когда мне было 18 лет, приятель по колледжу познакомил меня с женщиной, и она была первой, с кем у меня когда-либо завязалась связь. Мы зашли за какие-то камни, и она взяла мой пенис и прижала его к своему телу, прижимаясь ко мне.

"Мой отец, очевидно, заподозрил меня, когда я вернулся домой, и через несколько дней сказал мне, что очень опасно иметь что-либо общее с женщинами, что мне следует подождать, пока я не подрасту, что, когда мальчик становится мужчиной, ему следует время от времени заводить женщину, и что, если у меня когда-нибудь будет тяжелая болезнь, я должен немедленно сообщить ему, чтобы меня можно было должным образом вылечить.

"В колледже я нашел нескольких приятелей, которым нравилось делить со мной постель и предаваться взаимной мастурбации, прижимаясь нашими телами лицом к лицу до взаимной разрядки, но больше никто из них не пробовал анальную связь.

Вскоре после этого я был в Брюсселе и впервые посетил бордель, расположенный недалеко от кафедрального собора. Я выбрал девушку лет 18 из восьми обнаженных красавиц, выставленных напоказ на мой выбор. Она была жадной и потребовала 10 франков, я заплатил 20 за свой номер, и у меня осталось всего 2. Я хотел, чтобы она поиграла со мной, но она только схватила пенис и притянула меня к себе таким энергичным движением, что я очень быстро разрядился. Результат вызвал у меня такое отвращение, что, вернувшись в свой пансионат, я занялся мастурбацией.

"Год спустя я посетил Португалию, и мои друзья там часто водили меня в бордели, а также знакомили с дамами легкого поведения. У меня была с ними связь; португальские проститутки никогда не предлагали ничего неестественного, и ни в одном случае мужчина не подходил ко мне с сексуальными целями.

"Когда я стал студентом-медиком, я часто посещал турецкую баню; однажды я игриво шлепнул друга по ягодицам, когда мой отец, который присутствовал при этом, сказал мне не делать этого, поскольку это неприлично на публике, и что если мне нравится делать это с ним или с одним или двумя другими, то наедине это не повредит. Пока мне не исполнился 21 год, в ванне мой отец всегда прикрывал свой пенис от моего взгляда, но после того, как я достиг совершеннолетия, он всегда обнажался и неоднократно показывал мне фотографии обнаженных женщин; он также научил меня пользоваться презервативом.

"На моем двадцать четвертом году жизни высокий красивый мужчина, который часто посещал бани, однажды сел рядом со мной и игриво коснулся пальцами моих ног; затем он прижался своим обнаженным бедром к моему, а чуть позже в прохладной комнате просунул руку под мою простыню и обхватил мой пенис; затем он попросил меня встретиться с ним через несколько дней в банях, сказав, что я буду довольна тем, что он сделает.

Я пришла на встречу, и он отвел меня в самую жаркую комнату, где мы легли на пол; через несколько минут он повернулся на бок и перекинул через меня одну ногу; я испугалась и вскочила; у него была мощная эрекция, но я отказалась снова лечь, хотя он оттянул крайнюю плоть, чтобы возбудить мое желание; Я боялась, что меня застигнет врасплох другой купальщик. В дальнейшем я дважды встречалась с этим человеком, и он заигрывал. Я думаю, что уступила бы тогда, если бы мы встретились в частном доме.

Вскоре после этого я встретила в банях пожилого джентльмена, который тоже заигрывал со мной, но из страха я дала ему отпор. Кроме того, он мне не нравился из-за неприятного запаха изо рта и плохих зубов; кроме того, теперь я мог уехать на Континент и наслаждаться женскими прелестями сколько душе угодно.

"После получения квалификации я поступил на службу в армию в Южной Африке и, к своему удивлению, обнаружил, что многим моим товарищам нравится мужское общество; один раненый офицер делил со мной спальню в военном госпитале и, раздеваясь, часто восхищался моим пенисом; мы играли друг с другом до тех пор, пока у нас не возникала мощная эрекция, но мы никогда не мастурбировали и не пробовали никаких противоестественных пороков.

"Раньше я общался с женщинами так часто, как только мог, и я часто посещал турецкие бани и обнаружил, что несколько клиентов были ненормальными, включая одного из массажистов; последнему нравилось играть с моим пенисом, целовать и щекотать меня.

"Я женился в 28 лет. Моя семейная жизнь была нормальной, и мы с женой все еще любим друг друга; у нас родилось несколько детей.

"Мой последний сексуальный опыт был в Австралии; однажды в Сиднее в купальнях мой коллега-купальщик игриво начал щекотать меня, когда у меня была эрекция; он схватил мой пенис, я подпрыгнул, и он попросил меня сделать с ним все, что мне нравится. Я отказался. Однажды на борту каботажного парохода мой попутчик выставил себя напоказ, изображая статую; мы стали очень близки, и он захотел, чтобы я провел с ним ночь. Я тоже отказался от его предложений.

"Я очень здоровый и сильный, люблю верховую езду, рыбалку и стрельбу. Я веду очень активный образ жизни. Я не музыкант и не художник, но люблю слушать музыку и восхищаюсь произведениями искусства.

"Лично я 6 футов ростом, склонен к полноте; мое тело очень сильное; мой пенис шесть дюймов в длину в состоянии покоя и восемь в состоянии эрекции; я могу без усталости разрядиться дважды за ночь и иметь связь по крайней мере два раза в неделю. Моя мошонка напряжена, а оба яичка большие. Я довольно медленно выделяю сперму. После замужества у меня никогда не было желания иметь связь с какой-либо другой женщиной, но несколько раз я встречала мужчин, которые мне нравились. У меня есть друг (другой врач), который очень хорошо знаком со мной, и если мы проведем ночь вместе, то поиграем друг с другом. У меня есть большое желание, чтобы он сделал мне обрезание. Мы никогда не позволяли себе ничего, кроме чувств или прижимания наших тел друг к другу, как школьники.

"Мой любимый цвет - зеленый.

"Мои эротические сны, когда я их вижу, снятся о моей жене или о любовнике-мужчине.

"Сексуальная инверсия распространена гораздо шире, чем принято считать, и у меня никогда не было никаких угрызений совести ни после одного из моих романов. Я считаю гомосексуальный инстинкт вполне естественным, и, за исключением того, что касается моей жены, в моем случае он сильнее, чем гетеросексуальный инстинкт. Я никогда не посвящал юношу в сексуальную жизнь и не имел желания соблазнить девушку. Мальчики моложе 17 лет или лица более низкого социального класса меня не привлекают".

ИСТОРИЯ XXXIII.—М. О., 30 лет, родился в Соединенных Штатах, отец-англичанин, а мать, чей отец был шотландцем, — остальная часть его предков была англичанами, долгое время проживавшими в Америке, с очень небольшой примесью голландской крови. Его рост 5 футов 8 дюймов, у него каштановые волосы и глаза. Насколько известно, никаких наследственных проблем. В детстве некоторое время "угрожал хореей". Подвержен тонзиллиту и упорной, хотя и не тяжелой форме несварения желудка, вызванной малоподвижным образом жизни. У него быстрый, нервный темперамент. Испытывает отвращение к большинству видов спорта на открытом воздухе, но испытывает большое эстетическое влечение к природе. Высокообразованный.

Насколько он себя помнит, он жил в доме, из которого его родители переехали, когда ему было 4 года. До этого переезда он отчетливо помнит два сексуальных опыта. Двоюродный брат, на пять лет старше, сидел в ванной, и М. О. ощупывал свои половые органы; мать позвала его. В другой раз он был в фургоне с девушкой своего возраста. Они лежали на сиденье экипажа, пытаясь вступить в половую связь. Вошла старшая сестра девушки и обнаружила их. Она сказала: "Я собираюсь рассказать маме; ты же знаешь, она просила тебя больше так не делать". С каждым из этих ясных воспоминаний приходит сильное впечатление, что это было всего лишь одно из многих. Пять лет назад М. О. встретил мужчину своего возраста, который жил в том же районе в то же время. Сравнив записи, они обнаружили, что почти все маленькие дети в этом районе были приучены к такой практике. Район был вполне "респектабельным" для среднего класса.

Оттуда М. О. переехал в другой дом примерно с таким же характером и жил там до тех пор, пока ему не исполнилось 11 лет. Об этом периоде его воспоминания очень свежи и обильны. За единственным исключением, все дети в возрасте от 5 до 14 лет, по-видимому, свободно предавались беспорядочным сексуальным играм. Небольшими компаниями от четырех до двенадцати человек они отправлялись туда, где деревья или высокая трава скрывали их от посторонних глаз, и демонстрировали друг другу свои личности; иногда они также занимались друг с другом, но не мастурбацией. Об этом последнем М. О. ничего не знал. Иногда, когда вместе были только двое или трое, предпринимались попытки совокупления. В случае М. О. было сильное сексуальное любопытство и более или менее острое желание, но реальный контакт не принес большого удовлетворения. В двух или трех случаях девушки практиковали *фелляцию*, и затем он отвечал взаимностью *куннилингусом*, но без удовольствия. Он уверен, что во всех этих пьесах девочки проявляли инициативу так же часто, как и мальчики.

В течение всего этого периода у М. О. была то одна возлюбленная, то другая. Это было обычным явлением среди детей и поощрялось подшучиванием пожилых людей. Сексуальное любопытство М. О. было, безусловно, больше в отношении противоположного пола. Однако в это время проявились его гомосексуальные интересы. С мальчиком на два или более лет старше он часто ходил в какое-нибудь укромное место, где они рассматривали органы друг друга и трогали их. Однажды он и еще один мальчик были в заброшенном саду и сняли всю одежду, чтобы лучше рассмотреть друг друга. Затем другой мальчик предложил поцеловать основание М. О. и сделал это. Это вызвало удивительно острое и отчетливо выраженное сексуальное ощущение, первый сексуальный шок, который он, насколько он помнит, испытал. Однако он отказался ответить взаимностью, когда его попросили.

Ближе к концу этого периода произошло новое и нарастающее развитие другого рода, которое тогда вообще не признавалось сексуальным по своему характеру. Он начал испытывать к некоторым мальчикам совсем другие чувства и гораздо острее, чем до сих пор к девочкам, хотя в то время он не проводил никаких сравнений. Например, был мальчик, которого он считал очень симпатичным. Они часто навещали друг друга и подолгу играли вместе. В школе они смотрели и смотрели друг на друга, пока не начинали восхитительно, неконтролируемо хихикать. Сексуальные темы никогда не обсуждались и о них не думали. Эти переживания были, в своем роде, очень сентиментальными и идеальными. М. О. уверен, что для него самого главным соображением всегда была красота другого мальчика. Он начал с большой нежностью вспоминать некоего гораздо более старшего и очень красивого юношу, который жил рядом с ним в первом районе и в то время оказывал ему различные небольшие дружеские знаки внимания. Теперь он редко виделся с ним, да и вряд ли стремился к этому, но все же был безмерно доволен его случайным словом или взглядом на школьном дворе и очень интересовался, когда другие люди говорили о нем.

Двоюродный брат примерно на два года младше М. О. часто навещал его и спал с ним. Они очень любили друг друга и трогали органы друг друга.

Когда М. О. было около 11 лет, семья переехала в отдаленный район, где почти не было детей его возраста и где какое-либо общение с теми, кто только что уехал, было практически невозможно. С этого времени и до тех пор, пока не начались изменения в половом созревании, его сексуальная жизнь в своем уединении сильно контрастировала с прежней распушенностью. Он помнит, как любил бороться с двумя или тремя школьниками и засовывать их головы себе между ног. Он думает, что они не знали о его сексуальных порывах. Он флиртовал, сознательно флиртовал, с некоторыми школьницами, но никогда даже не предлагал им ничего сексуального. Он прочитал несколько книг по семейной медицине.

Однажды, лежа на старой неровной кушетке, поначалу довольно невинно, он испытал новое и восхитительное ощущение, совершенно отличное от всего, о чем он когда-либо мечтал, — нечто гораздо большее, чем удовлетворение простого любопытства. Он повторил это и вскоре произвел поллюции. Вскоре последовала мастурбация. В определенные дни он совершал акт два или три раза, но снова избегал его в течение нескольких дней. Он сразу же начал бороться с этой тенденцией и чувствовал себя очень виноватым и пристыженным за то, что потакал ей. Он молился о помощи и временами оплакивал свои неудачи в борьбе с так быстро сформировавшейся привычкой. В течение определенного периода, по прошествии двух или трех лет, ему, казалось, это удавалось, но он заметил, что ему регулярно каждые восемь дней снились интенсивные эротические сны с обильными выделениями. Как раз в этот момент ему на глаза попались некоторые газетные объявления, и они убедили его в том, что он сам вызвал у себя болезненное состояние. Он никогда не прибегал к рекламируемым средствам, но был обескуражен в своих попытках побороть дурную привычку; и поскольку пагубные последствия, по-видимому, заключались только в потере семени, он пришел к выводу, что с таким же успехом мог бы получать большее удовольствие от мастурбации.

Он вспоминает, что какое-то время испытывал сильный, но отвратительный интерес к половым органам животных, особенно лошадей. Самцы были гораздо интереснее.

Постепенно он начал развивать, полностью изнутри, идеал товарища—мужчины - красивого, эмоционального мальчика, между которым и ним самим могла бы возникнуть сильная

романтическая страсть. Он часами лежал, мечтая об этом и придумывая захватывающие ситуации. Внезапно, в церкви, он познакомился с тем самым юношей, Эдмундом, который, казалось, удовлетворял все его желания. М. О. тогда было 16 с половиной, а Эдмунду 15. Последовало настоящее ухаживание, Эдмунд, наконец, уступил физическим призывам М. О. после нескольких приступов дурных предчувствий. Однако в конце концов уступка была полной. Эти двое проводили ночь за ночью вместе, наслаждаясь межпозвоночными сношениями, а иногда и взаимной мастурбацией. Возможно, временами их родителям было немного не по себе, но связь продолжалась непрерывно в течение полутора или более лет. Тем временем М. О. время от времени вступал в отношения с другими мальчиками, но никогда не сомневался в своем истинном предпочтении Эдмунду. К девочкам у него не было никакого сексуального влечения, хотя он был тесно связан с ними.

Затем М. О. и Эдмунд поступили в колледж в разных местах, но встречались на каникулах и писали частые и пылкие любовные письма. У обоих были настоящие приступы любовной тошноты и ревности. Когда М. О. вспоминает об этой первой любовной страсти, он ни в коем случае не может сожалеть об этом. Это, несомненно, оказало большое формирующее влияние.

После первого года учебы в колледже Эдмунд перевелся в другую школу, подальше от М. О., и возможности встречаться стали реже, но их привязанность сохранялась, и общение возобновлялось всякий раз, когда это было возможно. Однако постепенно Эдмунд заинтересовался женщинами и, наконец, женился. М. О. также неоднократно заводил отношения с друзьями по колледжу, а иногда и с другими людьми.

В целом М. О. предпочитал мальчиков на год или два младше себя, но по мере того, как он становился старше, разница в возрасте увеличивалась. В 30 лет он считал себя практически "помолвленным" с 17-летним юношей, однако необычайно зрелым и намного крупнее его.

М. О. всегда несчастлив, если только его привязанности не проявляются достаточно свободно. Жизнь очень разочаровала его в других отношениях. Его величайшие радости пришли к нему таким образом. Если он сможет осуществить свой нынешний план единения с только что упомянутым юношей, он почувствует, что его жизнь увенчалась тем, что является для него наилучшей возможной целью; в противном случае, заявляет он, ему вообще не хотелось бы жить.

Он страстно восхищается мужской красотой. Женскую красоту он воспринимает объективно, как любой дизайн с плавными изгибами и нежным колоритом, но в ней нет никакого сексуального очарования для него. Женщины неоднократно вставали у него на пути, но он обнаруживает, что их специфически женские слабости раздражают его все больше. С мужчинами в целом он гораздо более терпелив и отзывчив.

Первой литературой, которая ему понравилась, были "Диалоги" Платона, впервые прочитанные в 20-летнем возрасте. До тех пор он не знал, что он одинок в своей необычности. Он прочитал все, что мог, из классической литературы. Он наслаждается Отцом, ценя его отношение к представителям своего пола. Четыре или пять лет спустя он наткнулся на книгу Раффаловича и с тех пор чувствует настоящую благодарность к ее автору.

М.О. не желает причинять вред обществу в целом. Как личность, он считает, что имеет такое же право быть самим собой, как и любой другой. Он считает, что в то время как мальчики в возрасте от 13 до 15 лет, возможно, стали бы инвертированными, те, кто достиг 16 лет без этого,

не могут быть искривлены таким образом. Они могут быть достаточно преданы инвертированному в других отношениях, чтобы дать ему то, чего он желает сексуально, но сами по сути останутся нормальными. Его наблюдения основаны примерно на 30 гомосексуальных отношениях, которые длились разный промежуток времени.

М. О. сильно ощущает поэтический и возвышенный характер своих основных гомосексуальных отношений, но он боится показаться слишком сентиментальным.

Что касается следов феминизма в инверсиях, он пишет:—

"До 11 лет я много общалась с двоюродной сестрой на пять лет старше (той, что упоминалась выше) и получала огромное удовольствие от игры, в которую мы часто играли, в которой я была девочкой — нескончаемый роман, несексуальная история любви.

"Несколько позже, до достижения половой зрелости, я получала большое удовольствие от актерской игры, но в основном играла женские роли, носила юбки, шали, бусы, парики, головные уборы. Когда мне было около 13, моя семья начала высмеивать меня за это. Какое-то время я играл тайком, а потом желание заниматься этим ушло, чтобы никогда не вернуться.

"Однако все еще сохраняется незначительный интерес к валентинкам, который начался еще до наступления половой зрелости. Мои чувства к ним во многом схожи с моими чувствами к цветам.

"До того, как я достигла половой зрелости, мой отец иногда называл меня "неженкой". Такие насмешки унижали меня больше, чем что-либо другое в моей жизни. После достижения половой зрелости мой отец больше не применял этот термин, и постепенно другие люди перестали дразнить меня таким образом. Однако это не давало мне покоя и не раз заставляло меня спрашивать близких друзей, как мужчин, так и женщин, считают ли они меня вообще женственной. Каждый из них был очень категоричен во мнении, что моя рациональная жизнь присуща исключительно мужчинам, поскольку я логичен, беспристрастен, скептичен. Один или двое предположили, что я более разборчива, чем большинство мужчин, и что я забочусь о своих комнатах так, как могла бы женщина, хотя это не распространяется на стиль оформления. Один мужчина сказал, что мне не хватает сочувствия к некоторым "более грубым проявлениям мужского характера, таким как курение". Некоторые женщины считают меня необычно наблюдательным к женской одежде. Мой собственный ни в коем случае не женоподобен. В мускульном плане я обладаю средней силой, но гибок намного больше обычного. Если бы меня научили этому с самого начала, я думаю, из меня получился бы хороший акробат.

"У меня никогда не было ни малейшей склонности к употреблению табака, обычно я не пью ни чай, ни кофе и редко какие-либо спиртные напитки, никогда солодовые. Десерт всегда является лучшей частью трапезы. Эти вкусы я во многом объясняю своим сидячим образом жизни. Находясь в походе, я заметил заметную перемену в сторону более сытной пищи и мягких стимуляторов.

"Моя физическая храбрость никогда не подвергалась испытанию, но я замечаю, что другие, похоже, рассчитывают на это. Я очень агрессивен в вопросах религиозных, политических и общественных убеждений. В моральном мужестве я либо безрассуден, либо отважен, я не знаю, что именно.

- Я, пожалуй, свистлю лучше, чем большинство мужчин.

"Когда я была совсем маленькой, моя бабушка научила меня выполнять определенные виды рукоделия, и я продолжала время от времени делать понемногу, пока мне не исполнилось 24. Потом я разозлился из-за куса, который меня беспокоил, положил его в огонь и с тех пор ни к чему не хотел прикасаться. Занимаясь домашним хозяйством, я продолжаю чинить почти все свои вещи самостоятельно.

- У меня стойкое отвращение ко многим украшениям. Мой эстетизм очень ярко выражен по сравнению с большинством мужчин, с которыми я общаюсь, хотя я никогда не могла придать ему большого размаха. Это способствует чистоте, порядку и общему хорошему вкусу. Мое платье экономно и ни в коем случае не изысканно, но, похоже, оно пользуется всеобщим одобрением. Меня часто хвалили за мое умение выбирать подходящие подарки, одежду и обставлять комнату".

М.О. утверждает, что время от времени он практикует любовный укус, хотя и очень нежно. Ему часто хочется ущипнуть того, кто интересуется его сексуально.

Он считает очень глупым сделанное где-то утверждение, что инвертированные всегда лжецы. Очень немногие люди, говорит он, абсолютно честны, и чем более опасным общество делает для человека быть таким, тем меньше вероятность того, что он им станет. Хотя в двух или трех случаях он сам был не в состоянии сдержать данные обещания воздержаться от половых сношений с определенными привлекательными индивидуумами, в остальном он никогда не был виновен во лжи о своих гомосексуальных отношениях.

Предыдущее сообщение было получено восемь лет назад. За это время здоровье М. О. значительно улучшилось. Наблюдается заметный рост числа мероприятий на свежем воздухе и увлечений ими.

Прошло два года с тех пор, как М. О. консультировался у известного специалиста, который провел тщательный психоанализ. Он сообщил М. О., что он менее категоричный гомосексуалист, чем он сам предполагал, и порекомендовал жениться на какой-нибудь молодой и симпатичной женщине. Он приписал гомосексуальные наклонности М.О. тому, что ему "сломали нос" в возрасте 6 лет из-за рождения младшего брата, который с тех пор получал все внимание и ласку. М. О. вплоть до этого возраста оставался очень привязанным к своей матери и зависел от нее. Он может вспомнить, как друзья и соседи комментировали это. Сначала М. О. был склонен отвергнуть это предположение специалиста, но после долгих размышлений он склоняется к мысли, что это действительно был очень важный фактор, хотя и не единственный. Основываясь на своих более поздних наблюдениях за детьми и сравнивая их с воспоминаниями о собственном детстве, М. О. говорит, что уверен, что был любящим и демонстративным намного выше среднего уровня. Его величайшей жадой была привязанность, а величайшим горем - воображаемая вера в то, что он никому не нужен. В 10 или 11 лет он попытался покончить с собой по этой причине.

Также в результате психоанализа, но пытаясь устранить влияние внушения, он вспоминает и еще больше подчеркивает влечение, которое испытывал к девочкам в возрасте до 12 лет. Если бы его сексуальные переживания впоследствии оказались нормальными, он сомневается, что те, что были до 12 лет, можно было бы считать доказательством гомосексуализма, но только преждевременной нервной и сексуальной раздражительности, значительно усиленной и

направленной тайными практиками детей, с которыми он общался. Он не понимает, почему эти переживания должны были развить в нем гомосексуальные наклонности в большей степени, чем гетеросексуальные.

Психоанализ напомнил М. О., что в период раннего флирта он часто целовал и обнимал разных девушек, но точно так же он вспомнил, что в то же время с некоторым удивлением наблюдал, что никакого определенного сексуального желания не возникало, хотя путь к его удовлетворению, вероятно, был открыт. Тот интерес, который действительно существовал, полностью или почти прекратился по мере развития отношений с Эдмундом. Однако отвращения к компании девочек и женщин не было; интеллектуальная дружба была в основном с ними, в то время как эмоциональная - с мальчиками.

Совсем недавно М. О. провела несколько дней с Эдмундом, который женат уже несколько лет. Не испытывая абсолютно никакого сексуального интереса друг к другу, они, тем не менее, обнаружили, что крепкие узы любви все еще существуют. Ни один из них ни о чем не сожалеет из прошлого, но чувствует, что конечный результат их прежних отношений был хорошим. Красота Эдмунда все еще ярко выражена, и ее замечают другие.

Несмотря на свою не по годам развитую сексуальность, М. О. с самого начала испытывал крайнее отвращение к непристойным историям и к любой ассоциации сексуальных явлений с непристойными словами и анекдотами. Отчасти из-за этого, а отчасти из-за своего темпераментного скептицизма, он не верил тому, что говорили ему коллеги о сексуальных выделениях, и убедился в этом только тогда, когда действительно испытал их на себе; а факты размножения он с негодованием отрицал, пока не прочитал их в медицинском труде. Пока ему не перевалило за 25, физическое отвращение к любой мысли о размножении было сильным. Он знает других, нормальных молодых людей, которые чувствовали то же самое, но он считает, что это было бы предотвращено или преодолено половым воспитанием, таким, какое сейчас внедряется в американских школах.

Опять же, что касается следов феминизма: возможно, два года назад все побуждения к любовным утехам внезапно исчезли. В последнее время наблюдается заметный рост драматического интереса, возникающий совершенно естественным образом и без каких-либо отмеченных ранее особенностей. Детское удовольствие от валентинок прошло; М. О. считает, что *обстоятельства* в последнее время были более благоприятными для развития более стойкого эстетизма.

В течение нескольких лет он не слышал никаких определенных упреков в адрес феминизма, хотя некоторые люди говорили его друзьям, что он "очень своеобразный". У него завязывается много близких, прочных, несексуальных дружеских отношений как с мужчинами, так и с женщинами, и он сомневается, что особенность, отмечаемая другими, связана не столько с его гомосексуализмом, сколько с его эстетизмом, скептицизмом и нетрадиционными мнениями, которые он порой высказывает довольно нескромно. С улучшением общего состояния здоровья произошли изменения, которые можно было бы ожидать в еде и других вопросах повседневной жизни.

Возвращаясь к своему повествованию с того места, на котором оно было прервано в предыдущем сообщении, М. О. говорит, что примерно через год после этого юноша 17 лет, с которым он считал себя фактически помолвленным, отказался от соглашения, поскольку оно

касалось его собственного будущего, но не от сентиментальных отношений в том виде, в каком они существовали. Хотя большую часть времени их разделяло расстояние, физические отношения возобновлялись всякий раз, когда они встречались. Однако впоследствии молодой человек влюбился в молодую женщину и обручился с ней. Затем его физическая связь с М. О. прекратилась, но в остальном дружба остается крепкой.

Вскоре после первого разрыва этих отношений М. О. в силу совершенно необычных обстоятельств подружился и сблизился с молодой женщиной значительного обаяния. Он признался ей в своей ненормальности и не испытал отвращения. Другим их отношения, вероятно, казались отношениями любовников, и болезненная ситуация была создана клеветой ревнивой женщины. М. О. чувствовал, что ради чести он должен предложить ей руку и сердце. Молодая женщина была уклончива, но пригласила М. О. провести несколько месяцев у нее дома. Вскоре после его приезда печальное происшествие в его собственной семье вынудило его уехать, и они больше не встречались в течение четырех лет. Они переписывались, но все реже и реже. Его отношения с мальчиками продолжались.

Перед своей последней встречей с ней он познакомился с женщиной, на которой с тех пор женился. Знакомство началось с совершенно несентиментальной общности интересов в определенных практических делах и очень постепенно переросло в интеллектуальную и сочувствующую дружбу. У М. О. не было секретов от этой женщины. После полного и продолжительного рассмотрения всех сторон дела они поженились. С тех пор у него не было сексуальных отношений, кроме как со своей женой. С ней они не испытывают страсти, но ими движет сильное желание иметь детей. О родительском инстинкте он узнал за несколько лет до этого.

М. О. считает, что никакое моральное клеймо не должно быть наложено на гомосексуальность до тех пор, пока не будет доказано, что она является результатом порочной жизни свободного морального деятеля — а этого он и не ожидает. Он считает, что большая часть связанных с этим опасностей и несчастий была бы предотвращена тщательным, но сдержанным половым воспитанием, которое должно быть дано всем детям, как нормальным, так и ненормальным.

[124] Так, Годар описывал маленьких мальчиков в Каире как безразлично забавляющихся сексуальными играми либо с мальчиками, либо с девочками. (*Egypte et Palestine*, 1867, p. 105.) То же самое можно наблюдать в Англии и других местах.

[125] Так, о герцоге Орлеанском в семнадцатом веке, как описано в "*Признаниях*" Бушара, один из моих корреспондентов пишет: "Этот принц придерживался того же мнения, что и Кампанелла, который в "*Читта дель Соле*" утверждал, что молодых мужчин следует свободно допускать к женщинам во избежание сексуальных отклонений. Аретино и Берни позволяют нам понять сексуальную безнравственность мужчин, собиравшихся вместе при дворах римских прелатов". Гомосексуальность молодежи также была хорошо признана среди римлян, но они пошли противоположным путем и предоставили средства для ее удовлетворения, о чем ясно свидетельствует существование *наложницы*, на которую ссылается Катулл.

[126] "Наши государственные школы: их методы и мораль". "*Нью Ревью*", июль 1893 г.

[127] Max Dessoir, "Zür Psychologie der Vita Sexualis," *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1894, Н. 5.

[128] Ф. Х. А. Маршалл, *Физиология размножения*, 1910, стр. 650-8.

[129] Иван Блох в "Сексуальной жизни нашего времени" проводит различие между "гомосексуальность" (соответствующая инверсии) и "псевдогомосексуальность". Согласно принятой мной терминологии, термин "псевдогомосексуализм" был бы ненужным и неправильным. Совсем недавно ("*Проституция*", Bd. i, 1912, стр. 103) Блох предпочел вместо псевдогомосексуальности более подходящий термин "вторичная гомосексуальность".

[130] Смотрите, например, разумное обсуждение этого вопроса Хиршфельдом, *Die Homosexualität*, глава xvii.

[131] Альфред Фукс, который редактировал книгу Краффта-Эбинга "Сексуальная психопатия" после смерти последнего, проводит различие между врожденной гомосексуальность, проявляющейся с самого начала без внешней стимуляции, и гомосексуальность на основе врожденной предрасположенности, требующей особых внешних воздействий для ее возбуждения (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. iv, 1902, стр. 181).

[132] Krafft-Ebing, "Ueber tardive Homosexualität," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, Bd. iii, 1901, p. 7; Näcke, "Probleme auf den Gebiete der Homosexualität," *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1902, p. 805; *ib.*, "Ueber tardive Homosexualität," *Sexual-Probleme*, September, 1911. Нума Преториус (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, январь 1913 г., стр. 228) считает, что умственно отсталых следует рассматривать не как бисексуалов, а как настоящих инвертированных, которые приобрели псевдогетеросексуальность, которая в конце концов исчезает; самое большее, он считает, что такие случаи просто представляют собой продление периода недифференцированной юности.

[133] Молл, *Основные принципы сексуального влечения*, 1897, стр. 458-8.

[134] Hirschfeld, *Die Homosexualität*, ch. viii.

[135] Именно этот термин использовался в более ранних изданиях настоящего *Исследования*. Я охотно отвергаю его в пользу более простого и довольно ясного термина, который сейчас используется более широко. Верно, что под бисексуальностью можно понимать не только двойное направление полового инстинкта, но также наличие обоих полов у одного и того же индивида, что по-французски более точно определяется как "бисексуализация".

[136] Дж. Ван Бервлит, "Человек прав и человек гош", *Философское ревю*, октябрь 1901 г. Здесь показано, что по строению своей нервной системы амбидекстры явно левосторонние люди; их зрительная, слуховая, обонятельная и мышечная чувствительность преобладает с левой стороны.

ГЛАВА IV. СЕКСУАЛЬНАЯ ИНВЕРСИЯ У ЖЕНЩИН.

Содержание

Распространенность сексуальной инверсии среди женщин—Среди Способных женщин—Среди низших рас—Временная гомосексуальность в школах и т.д.—Исторические данные—Физические и психические характеристики инвертированных женщин—Современное развитие гомосексуализма среди женщин.

Гомосексуальность не менее распространена у женщин, чем у мужчин. В сериокомической теории пола, изложенной Аристофаном в "*Симпозиуме*" Платона, мужчины и женщины поставлены в условия полного равенства, и, какой бы фантастической ни была эта теория, ее достаточно, чтобы указать, что греческому уму, столь знакомому с гомосексуализмом, его проявления казались столь же вероятными у женщин, как и у мужчин. Несомненно, это так. Действительно, как и другие аномалии, в своих более выраженных формах она может реже встречаться у женщин; в менее выраженных формах, почти наверняка, встречается чаще. Один католический исповедник, по словам моего друга, сообщил ему, что на одного мужчину, признающего гомосексуальную практику, приходится три женщины. По большей части женский гомосексуализм повсеместно протекает параллельно мужскому гомосексуализму и встречается в тех же условиях. Это так же часто встречается у девочек, как и у мальчиков; было обнаружено, что при определенных условиях оно в изобилии встречается среди женщин в колледжах, монастырях и тюрьмах, а также в обычных условиях жизни общества. Возможно, самый ранний случай гомосексуализма, подробно зарегистрированный, произошел у женщины,^[137] и можно сказать, что именно с расследованием такого случая у женщины Вестфаль положил начало научному изучению инверсии. Гомосексуальность.

Более того, инверсия с такой же вероятностью сопровождается высокими интеллектуальными способностями у женщины, как и у мужчины. Важность четкой концепции инверсии действительно в некоторых отношениях, при нынешних социальных условиях, действительно даже больше для женщин, чем для мужчин. Ибо если, как иногда говорят о нашей цивилизации, "это мужской мир", то большая доля способных женщин-инвертированных, чьи мужские качества позволяют им сравнительно легко перенять мужские занятия, становится в высшей степени значительным фактом.^[138]

О выдающихся женщинах всех возрастов и во всех сферах деятельности было отмечено, что они часто проявляли некоторые мужские черты.^[139] Даже "первая великая женщина в истории", как ее назвал историк Египта, царица Хатшепсут, обладала явно мужественным темпераментом, и на своих памятниках она всегда изображалась в мужском костюме и даже с накладной бородой.^[140] Другие известные королевы на более или менее удовлетворительных основаниях подозревались в гомосексуальном темпераменте, такие как Екатерина II из России, которая, по-видимому, была бисексуалкой, и королева Швеции Кристина, чьи ярко выраженные мужские черты и высокий интеллект, по-видимому, сочетались с определенно гомосексуальным или бисексуальным темпераментом.^[141]

Великие религиозные и моральные лидеры, такие как мадам Блаватская и Луиза Мишель, были либо гомосексуалистами, либо бисексуалами, или, по крайней мере, обладали ярко выраженным мужским темпераментом.^[142] Великих актрис начиная с восемнадцатого века часто более или менее правильно отождествляли с гомосексуальностью, как и многих женщин, отличившихся в других видах искусства.^[143] Прежде всего, Сафо, величайшая из женщин-

поэтов, равная величайшим поэтам другого пола в высшей силе объединения искусства и страсти, оставила имя, которое навсегда ассоциируется с гомосексуальность.

Вряд ли можно сказать, что мнение о Сафо единодушно, и достоверные сведения о ней, помимо дошедших до нас фрагментов ее стихотворений, скудны. Ее слава всегда была велика; в классические времена ее имя было связано с именем Гомера. Но даже в древности она была в некотором роде загадкой, и вокруг ее имени сложилось множество легенд, таких как известная история о том, что она бросилась в море из-за любви к Фаону. Что остается ясным, так это то, что современники относились к ней с большим уважением и восхищением, что она происходила из аристократической семьи, что она, вероятно, была замужем и у нее была дочь, что когда-то ей пришлось принять участие в политическом изгнании, и что она обращалась к своим подругам в точно таких же выражениях, в каких Алкей обращался к юношам. Мы знаем, что в древности женский гомосексуализм считался особенно распространенным явлением в Спарте, Лесбосе и Милете. Гораций, который смог прочитать полное собрание стихотворений Сафо, утверждает, что объектами ее любовных жалоб были юные девушки Лесбоса, в то время как Овидий, сыгравший столь значительную роль в создании фантастических историй вокруг имени Сафо, никогда не утверждал, что они имеют под собой какую-либо основу для правды. Было неизбежно, что ранние христиане с энтузиазмом атаковали столь двусмысленную фигуру, и Татиан (*Орацио против греков*, сар. 52) упрекал греков в том, что они почитали статуи триады Сафо, проститутки, прославлявшей свою собственную распущенность и страстное увлечение. В результате в наше время нашлись те, кто выставил характер Сафо в очень дурном свете, и другие, которые впали в противоположную крайность в попытке "реабилитации". Так, У. Мюре в своей *Истории языка и литературы Древней Греции* (1854, т. iii, стр. 272-326, 496-8), очень подробно рассказывающий о Сафо, склонен принять многие из худших историй о ней, хотя у него нет ярко выраженной враждебности, а что касается женского гомосексуализма, который он считает "гораздо более простительным", чем мужской гомосексуальность, он замечает, что "в наше время среди его приверженцев есть женщины, отличающиеся утонченностью манер и элегантными достижениями". Баскуль, с другой стороны, не примет никаких высказываний о Сафо, которые противоречат современным идеалам абсолютной респектабельности, и даже пытается переписать ее самую известную оду в соответствии с тем бесцветным литературным смыслом, который, по его мнению, она изначально несла (Ж. М. Ф. Баскуль, *"Целомудренная Сафо и феминистское движение за Афины"*, 1911). Виламовиц-Меллендорф (*"Сафо и Симонид"*, 1913) также представляет устаревшую точку зрения, ранее отстаиваемую Велкером, согласно которой приписывание гомосексуальности является обвинением в "пороке", которое должно быть отвергнуто с негодованием. Однако сегодня большинство компетентных и заслуживающих доверия авторитетов, отвергая наслоения легенд вокруг имени Сафо и не оспаривая ее притязания на уважение, не склонны подвергать сомнению личный и гомосексуальный характер ее стихотворений. "Вся древняя традиция и характер ее дошедших до нас фрагментов", - говорит профессор Дж. А. Платт (*Британская энциклопедия*, 11-е изд., ст. "Сафо"), "показать, что ее мораль была так называемой "лесбийской". "Что именно подразумевала эта "лесбийская мораль", мы действительно не можем точно установить. "Это совершенно бесполезно", - как замечает А. Круазе о Сафо (*История греческой литературы*, т. ii, гл. v), "обсудить точное качество этой дружбы или этой любви или попытаться с точностью определить границы, которые, кажется, сам язык часто стремится запутать, дружбы, более или менее эстетичной и чувственной, любви, более или менее платонической". (См. Также Дж. М. Эдмондс, *Сафо в дополнительном свете новых*

фрагментов, 1912). Иван Блох приходит к аналогичному выводу (*Причины сифилиса*, vol. ii, 1911, с. 507), что Сафо, вероятно, сочетала, как легко показывают современные исследования, высокие идеальные чувства со страстной чувственностью, точно так же, как это происходит в обычной любви.

Следует также сказать, что в литературе гомосексуальность у женщин была гораздо более частым мотивом для художника, чем гомосексуальность у мужчин. Действительно, у греков гомосексуальность у женщин редко получает литературное освящение, и при возрождении классического духа в эпоху Возрождения гомосексуальный идеал по-прежнему проявлялся главным образом у подростков мужского пола, как мы видим, например, в *"Адоне"* Марино. После этой даты мужская инверсия долгое время редко затрагивалась в литературе, разве что кратко и сатирически, в то время как инверсия у женщин становится темой, которую можно рассматривать подробно и даже с самодовольством. В качестве доказательства можно привести многих поэтов и романистов, особенно во Франции.

Отмечалось, что Ариосто описал гомосексуальную привлекательность женщин. Знаменитый роман Дидро *"Религия"*, который, когда он был впервые опубликован, считался на самом деле написанным монахиней, рассказывает о пытках, которым подверглась монахиня из-за извращенной похотливости ее настоятельницы, для которой, как говорят, Дидро нашел образец в аббатисе Шелль, дочери регента и, следовательно, члене семьи, которая на протяжении нескольких поколений демонстрировала заметную склонность к инверсии. Повествование Дидро было описано как точное описание гомосексуальных явлений, которые могут происходить в монастырях. Женская гомосексуальность, особенно в монастырях, часто затрагивалась менее серьезно в восемнадцатом веке. Так, мы находим гомосексуальную сцену в *"Плезантах Клоутра"*, пьесе, написанной в 1773 году (*Театр Любви XVIII века*, 1910). Бальзак, который рассматривал многие психологические аспекты любви в более или менее завуалированной манере, затронул этот вопрос в *"Девушке из любви"* в туманной и экстравагантно-романтической манере. Готье сделал приключения женщины, которая была предрасположена к гомосексуализму и постепенно осознает этот факт, центральным мотивом своего замечательного романа *"Мадемуазель де Мопен"* (1835). Он подошел к этой теме исключительно как художник и поэт, но его обращение с ней демонстрирует поразительную проникновенность. Готье в какой-то степени основал свой роман на жизни мадам Мопен, или, как она предпочитала себя называть, мадемуазель Мопен, которая родилась в 1673 году (фамилия ее отца д'Обињи), переделалась мужчиной и прославилась как учитель фехтования, а затем как оперная певица. Очевидно, у нее был бисексуальный темперамент, и ее преданность женщинам вовлекала ее в различные приключения. В конце концов она ушла в монастырь и умерла в возрасте 34 лет с репутацией святости. (E. C. Clayton, *Queens of Song*, vol. i, pp. 52–61; F. Karsch, "Mademoiselle Maupin," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. v, 1903, pp. 694–706.) Еще более великий писатель, Флобер, в *"Саламбо"* (1862) сделал свою героиню гомосексуалисткой. Золя описал сексуальную инверсию в *"Ноне"* и в других местах. Около тридцати лет назад популярный романист А. Бело опубликовал роман под названием *"Мадемуазель Жиро, женщина"*, который был широко прочитан; романист занял позицию моралиста, который обязан откровенно, но со всеми приличиями, обращаться к теме, приобретающей все большую социальную значимость. Это история мужчины, невеста которого не позволяет ему приблизиться к себе из-за ее собственной связи с подругой, продолжавшейся и после женитьбы. Эта книга, по-видимому, положила начало большому количеству романов, некоторые из которых затрагивали этот вопрос со значительно меньшим наигранным

пренебрежением к приличиям. Среди других романистов, занимавшихся этим вопросом, можно упомянуть Ги де Мопассана ("*Женщина Поля*"), Бурже ("*Преступление любви*"), Катюля Мендеса ("*Мефистофеля*") и Вилли в "*Клодин* серии.

Среди поэтов, которые с большей или меньшей смелостью использовали мотив гомосексуализма у женщин, можно найти Ламартина (*Регина*), Суинберна (первая серия *стихотворений и баллад*), Верлена (*Параллелизм*) и Пьера Луи (*Шансонье Билитис*). Последняя названная книга, сборник гомосексуальных стихотворений в прозе, привлекла значительное внимание при публикации, поскольку это была попытка мистификации, выдвинутая как перевод стихотворений недавно открытой восточногреческой поэтессы; Билитис (чаще Белтис) - сирийское имя Афродиты. "*Билитские шансонетки*" не лишены очарования, но Виламовиц-Меллендорф сурово обошелся с ними ("*Сафо и Симонид*", 1913, стр. 63 и далее) как с "пародией на эллинизм", свидетельствующей о недостаточном знании греческой античности.

Более интересными, как произведение женщины, которая была не только высокоодаренной, но и сама обладала гомосексуальным темпераментом, являются различные сборники стихов, опубликованные издательством "Рене Вивьен". Эта леди, чье настоящее имя было Полин Тарн, родилась в 1877 году; ее отец был шотландцем по происхождению, а мать - американкой из Гонолулу. Ребенком ее привезли в Париж, и она воспитывалась как француженка. Она много путешествовала и одно время снимала дом в Митилене, главном городе древнего Лесбоса. Она любила одиночество, ненавидела публичность и была предана своим подругам, особенно той, чья ранняя смерть около 1900 года стала большим горем в жизни Полин Тарн. Ее описывают как очень красивую, очень простую и добродушную, с высокими достижениями во многих направлениях. Однако она страдала от нервного перенапряжения и неизлечимой меланхолии. К концу своей жизни она приняла католицизм и умерла в 1909 году в возрасте 32 лет. Она похоронена на кладбище в Пасси. Некоторые считают ее лучшие стихи одними из лучших во французском языке. (Шарль Брюн, "Полин Тарн", *Заметки и запросы*, 22 августа 1914 г.; тот же писатель, который хорошо знал ее, также написал брошюру "*Рене Вивьен*", Сансо, Париж, 1911.) Ее главные сборники стихов - "*Этюды и прелюдии*" (1901), "*Сендры и пуссьеры*" (1902), "*Воспоминания*" (1903). Говорят, что роман "*Женщина в аппарате*" (1904) в какой-то степени автобиографичен. "Рене Вивьен" также написала книгу о Сафо с переводами и еще один сборник стихов, "*Китареды*", основанный на фрагментах, сохранившихся от второстепенных женщин-поэтесс Греции, последовательниц Сафо.

Более того, следует отметить, что удивительно большая доля случаев, в которых гомосексуальность привела к преступлениям, связанным с насилием, или иным образом попала под медико-правовое наблюдение, была среди женщин. Хорошо известно, что роль женщин в целом в открытой преступности, и особенно в преступлениях, связанных с насилием, невелика по сравнению с мужчинами.^[144] В сфере гомосексуализма, как мы могли ожидать, условия в некоторой степени противоположны. Инвертированные мужчины, в которых так часто обнаруживается более или менее женственный темперамент, редко бывают склонны к актам агрессивного насилия, хотя они часто совершают самоубийства. Инвертированные женщины, которые могут сохранять свою женскую эмоциональность в сочетании с некоторой степенью инфантильной импульсивности и мужской энергии, представляют собой благоприятную почву для зачатков пассивных преступлений в условиях ревности и родственных эмоций, которые так часто должны присутствовать в жизни инвертированных.

Первым ярким примером этой тенденции в последнее время является дело Мемфиса (1892) в Соединенных Штатах. (Артур Макдональд, "Наблюдение за сексуальной патологией женского пола", *Archives d'Anthropologie Criminelle*, май 1895 г.; см. также Krafft-Ebing, *Psychopathia Sexualis*, английский перевод, 10-е изд., стр. 550.) В данном случае врожденная половая извращенка Элис Митчелл планировала жениться на Фреде Уорд, взяв мужское имя и костюм. Сестра Фреды сорвала этот план, и Элис Митчелл затем перерезала Фреде горло. Нет никаких оснований предполагать, что она была невменяемой в момент убийства. Она была типичным инвертированным человеком очень ярко выраженного типа. Ее мать была сумасшедшей и имела склонность к убийству. Ее саму считали неуравновешенной, и с самых ранних лет она придерживалась мужских привычек. Ее лицо было явно несимметричным, и она выглядела моложе своего возраста. Она не была порочной и мало разбиралась в сексуальных вопросах, но когда она целовала Фреду, ей было стыдно, что ее видят, в то время как Фреда не видела причин для стыда. Ее признали невменяемой.

В последнее время в Америке было зарегистрировано множество случаев заболевания. Один случай (за некоторые подробности, которыми я обязан доктору Дж. Дж. Кирнану из Чикаго) связан с "сестрами Тиллер", двумя квинтунами, которые в течение многих лет вместе выступали под этим именем в дешевых театрах. Одна, которая была инвертированной, испытывавшей ужас перед мужчинами с раннего девичества, была сексуально привязана к другой, у которой не было врожденной инверсии, и в конце концов мужчина побудил ее покинуть инверсию. Последняя, охваченная ревностью, ворвалась в квартиру пары и застрелила мужчину. Ее судили и отправили в тюрьму на пожизненное заключение. Было выдвинуто обвинение в невменяемости, но для этого не было никаких доказательств. В другом случае, также имевшем место в Чикаго (сообщается в "*Медицине*", июнь 1899 г., и "*Психиатре и неврологе*", октябрь 1899 г.), квалифицированная медсестра прожила четырнадцать лет с молодой женщиной, которая покидала ее четыре раза, но каждый раз была вынуждена возвращаться; в конце концов, однако, она ушла и вышла замуж, после чего медсестра застрелила мужа, который, однако, не был смертельно ранен. Преступница по этому делу была дважды замужем, но не жила ни с одним из своих мужей; было заявлено, что ее мать умерла в сумасшедшем доме, а ее брат покончил с собой. Ее обвинили в мелком хулиганстве и оштрафовали.

В другом более позднем случае в Чикаго русская девушка 22 лет по имени Анна Рубинович застрелила из мотивов ревности другую русскую девушку, которой она была предана с детства, а затем смертельно застрелилась сама. Отношения между двумя девушками были очень интимными. "Наша любовь - это любовь исключительно душевная, - привыкла говорить Анна Рубинович. - Мы любим друг друга на более высоком уровне, чем земной". (Мне сообщили, что на самом деле у них были физические отношения; половые органы были в норме.) Это продолжалось с большой преданностью с каждой стороны, пока "возлюбленная" Анны не начала проявлять восприимчивость к ухаживаниям мужчины. Это вызвало неконтролируемую ревность у Анны, чей отец, следует отметить, покончил с собой, застрелившись несколькими годами ранее.

Гомосексуальные отношения также являются причиной самоубийств среди женщин. Подобный случай был зарегистрирован в Массачусетсе в начале 1901 года. За девушкой 21 года в период нервной прострации, по-видимому, истерического характера, ухаживала подруга и соседка, которая была старше ее на четырнадцать лет, замужем и имела детей. Завязалась тесная

дружба, одинаково пылкая собоих сторон. Мать молодой женщины и муж другой приняли меры, чтобы положить конец интимным отношениям, и девушку отослали в далекий город; однако украденные интервью все же имели место. Наконец, когда препятствия стали непреодолимыми, молодая женщина купила револьвер и намеренно выстрелила себе в висок в присутствии своей матери, скончавшись на месте. Хотя иногда считалось, что она ведет себя довольно странно, она была всеобщей любимицей, красивой, очень спортивной, любила все виды спорта на открытом воздухе, энергичным религиозным деятелем, обладала прекрасным голосом и была активным членом многих клубов и обществ. Пожилая женщина принадлежала к аристократической семье и была всеми любима и уважаема. В другом случае в Нью-Йорке в 1905 году отставной моряк, "капитан Джон Уид", который много лет командовал трансатлантическими судами, был помещен в Дом престарелых моряков, вскоре после этого заболел и впал в уныние, после чего перерезал себе горло. Затем было обнаружено, что "капитан Виид" на самом деле была женщиной. Мнесообщили, что уныние и самоубийство старого моряка были вызваны вынужденной разлукой с компаньонкой.

Увлечение молодых девушек актрисами и другими выдающимися женщинами иногда может приводить к самоубийству. Так, несколько лет назад в Филадельфии девушка 19 лет, принадлежавшая к очень богатой семье, красивая и высокообразованная, увлеклась мисс Мэри Гарден, *примадонной*, с которой она не была знакома лично. Молодая девушка преклоняла колени в знак поклонения перед портретом певицы и изучала парикмахерское искусство и маникюр в надежде стать горничной мисс Гарден. Когда она поняла, что ее мечта безнадежна, она застрелилась из револьвера. (Случаи, более или менее похожие на приводимые здесь, время от времени происходят во всех частях цивилизованного мира. Сообщения, в основном из текущих газет, о таких случаях, а также о простом трансвестизме, или эонизме, как у женщин, так и у мужчин, можно найти в публикациях Берлинского Виссенского гуманитарного комитета: *Monatsberichte* до 1909 года, затем в *Vierteljahrsberichte*, а с 1913 года и далее в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*.)

Однако до недавнего времени о сексуальной инверсии у женщин было известно сравнительно мало. Даже совсем недавно, в 1901 году (после публикации первого издания настоящего Исследования), Краффт-Эбинг писала, что было зарегистрировано едва ли пятьдесят случаев. В основных монографиях женщинам уделялось очень мало места.

Сам Краффт-Эбинг в более ранних изданиях "*Сексуальной психопатии*" не уделял особого внимания инверсии у женщин, хотя и опубликовал несколько случаев. Молл, однако, включил ценную главу на эту тему в свой *Обзор сексуальных проблем*, в котором рассказывается о многочисленных случаях, и инверсии у женщин также уделялось особое внимание в настоящем исследовании. Однако Хиршфельд в своей книге "*Гомосексуальность*" (1914) является первым авторитетом, который смог рассматривать женскую гомосексуальность как полностью согласованную с мужской гомосексуальностью. Два проявления, мужское и женское, взяты за одну основу и рассматриваются вместе на протяжении всей работы.

Без сомнения, нетрудно объяснить эту задержку в исследовании сексуальной инверсии у женщин. Несмотря на суровость, с которой гомосексуальность у женщин рассматривалась в нескольких случаях, по большей части мужчины, похоже, относились к ней безразлично; когда у мужчин это считалось преступлением или поводом для развода, у женщин это обычно вообще не рассматривалось как преступление.^[145] Другая причина заключается в том, что его труднее

обнаружить у женщин; мы привыкли к гораздо большей фамилльярности и близости между женщинами, чем между мужчинами, и мы менее склонны подозревать существование какой-либо ненормальной страсти. И, в связи с этим, мы также должны иметь в виду крайнее невежество и крайнюю скрытность женщин в отношении любого ненормального или даже нормального проявления их сексуальной жизни. Женщина может испытывать высокую степень сексуального влечения к другой женщине, не осознавая, что ее привязанность носит сексуальный характер, и когда она осознает это, она почти всегда очень не желает раскрывать природу своего интимного опыта, даже принимая меры предосторожности, и хотя ей может быть известен тот факт, что, помогая раскрыть природу своей ненормальности, она, возможно, помогает облегчить бремя этого для других женщин. Среди многочисленных признаний, добровольно присланных Крафт-Эбину, нет ни одного, сделанного женщиной. Опять же, есть еще одна причина, по которой хорошо выраженные и полностью развитые случаи инверсии, вероятно, реже встречаются у женщин, хотя более легкая степень может быть более распространенной; это согласуется с большей восприимчивостью женского организма к незначительным раздражителям и его меньшей восприимчивостью к серьезным изменениям.^[146]

Те же отклонения, которые встречаются у мужчин, однако, повсеместно встречаются и у женщин. Женственная инверсия иногда рассматривается как порок современной утонченной цивилизации. Тем не менее, это было знакомо англосаксам, и Покаянный текст Феодора в седьмом веке предусматривал трехлетнюю епитимию (значительно меньшую, чем для мужчин или за скотоложство) для "женщины, прелюбодействующей с женщиной". Среди женщин дикарей во всех частях света встречается гомосексуальность, хотя она регистрируется реже, чем среди мужчин.^[147]

В Новой Зеландии со ссылкой на Моеренхаут (хотя я не смог найти ссылку) утверждается, что женщины практиковали лесбиянство. В Южной Америке, где инверсия распространена среди мужчин, мы обнаруживаем аналогичные явления и у женщин. Среди бразильских племен гандаво^[148] написал:—

Среди этих индейцев есть определенные женщины, которые решили быть целомудренными и не знать мужчин. Они оставляют все женские занятия и подражают мужчинам. Они носят свои волосы так же, как и мужчины; они идут с ними на войну или охоту, вооружившись их луками; они всегда остаются в компании мужчин, и у каждой есть женщина, которая служит ей и с которой она живет".

Это имеет некоторую аналогию с феноменами, наблюдаемыми среди североамериканских мужчин. Доктор Холдер, который тщательно изучал *ботэ*, говорит мне, что он не встречал соответствующих феноменов у женщин.

Однако нет никаких сомнений в том, что гомосексуальность среди женщин хорошо известна американским индейцам в различных регионах. Так, у индейцев Салиш из Британской Колумбии есть миф о старой женщине, которая вступала в половую связь с молодой женщиной с помощью рога, используемого в качестве пениса.^[149] В мифологии индейцев ассинибойн (Канада и Монтана) и индейцев Фокс (Айова) также существуют легенды о женской гомосексуальности, предположительно произошедшие от алгонкинских индейцев кри, которые были тесно связаны с обоими.^[150]

Согласно легенде ассинибойнов, жена мужчины влюбилась в его сестру и сбежала с ней, результатом этого союза стал бескостный ребенок; муж преследовал пару и убил свою жену вместе с ребенком; никто не позаботился отомстить за ее смерть. Легенда о Лисе, озаглавленная "Две девушки, которые разыгрывали друг с другом блудницу", гласит следующее: "Говорят, что давным-давно, давным-то были две молодые женщины, которые дружили друг с другом. Рассказывают, что были также двое юношей, которые пытались ухаживать за двумя девушками, но они не смогли даже заговорить с ними. Через некоторое время юноши начали подозревать что-то неладное. И вот однажды летом, когда две девушки отправились обдирать кору, юноши последовали за ними, держась достаточно далеко, чтобы не выпускать их из виду. Пока девушки очищали кору, юноши спрятались. Через некоторое время они больше не слышали звуков работы девушек. После чего они начали подкрадываться к тому месту, где они были. Когда они приблизились, то увидели, что девушки снимают свои одежды. Та, что разделась первой, бросилась на землю и лежала там. "Скажите на милость, что эти девушки собираются делать?" - таково было чувство в сердцах молодых людей. И, к их изумлению, девушки начали лгать друг другу. Вслед за этим юноши побежали туда, где были девушки. Та, что лежала сверху, мгновенно опрокинулась навзничь. Ее клитор выделялся и имел странную форму; он был похож на пенис черепахи. Тогда девушки стали умолять юношей: "О, не доносите на нас!" - сказали они. "Воистину, мы сделали это не по нашему собственному желанию, мы сделали это под влиянием какого-то неизвестного существа". Говорят, что впоследствии одна из дев сильно забеременела. Со временем она родила, и ребенок был похож на черепаху с мягким панцирем".

На Бали, согласно Джейкобсу (цитируемому Плоссом и Бартельсом), гомосексуальность почти так же распространена среди женщин, как и среди мужчин, хотя осуществляется более тайно; используемые методы удовлетворения либо цифровые, либо языковые, либо путем объединения частей (трибадизм).

Бауманн, который отметил инверсию среди мужского негритянского населения Занзибара, считает, что это также не редкость среди женщин. Хотя восточные манеры не позволяют таким женщинам носить мужскую одежду открыто, они делают это наедине, и другие женщины узнают их по мужеподобной осанке, а также по тому факту, что женская одежда им не идет. Они отдают предпочтение мужским занятиям и ищут сексуального удовлетворения среди женщин, имеющих те же склонности, или же срединормальных женщин, которых можно завоевать подарками или другими средствами. В дополнение к трибадизму или куннилинку, они иногда используют фаллос из черного дерева или слоновой кости с чем-то вроде головки на одном конце, а иногда и на обоих концах; в последнем случае им могут пользоваться сразу две женщины, а иногда в нем просверливается отверстие, через которое можно вводить теплую воду; это считается арабским изобретением, и иногда им пользуются нормальные женщины, запертые в гаремах и практически лишенные сексуального удовлетворения.^[151]

Среди арабских женщин, по словам Кохера, гомосексуальные практики редки, хотя среди арабских мужчин они очень распространены. Однако в Египте, согласно Годару, Кохеру и другим, это почти модно, и у каждой женщины в гареме есть "друг". Иногда говорят, что в Турции гомосексуальность среди женщин встречается редко. Но, по-видимому, ее можно встретить в гаремах и женских банях Турции, а также в исламе в целом. Брантом в шестнадцатом веке

упоминал о лесбиянстве турчанок в банях, а Лео Африкан в том же столетии упомянул трибадизм мавританских женщин и официальную организацию трибадической проституции в Фесе. Была османская поэтесса-сапфистка Михири, могила которой находится в Амасии, и Вамбери с Ахесторидесом согласны с распространенностью женского гомосексуализма в Турции.^[152] Среди негров и мулатов французских креольских стран, по словам Корре, гомосексуальность очень распространена. "Я знаю даму необычайной красоты, - замечает он, - чужестранку в Гваделупе и мать семейства, которая вынуждена держаться подальше от рынков и некоторых магазинов из-за чрезмерного восхищения мулатками и негритянками и дерзких приглашений, с которыми они осмеливаются обращаться к ней".^[153] Он ссылается на несколько случаев более или менее насильственных сексуальных покушений женщин на цветных девочек 12 или 14 лет и отмечает, что такие покушения мужчин на детей своего пола встречаются гораздо реже.

В Китае (по словам Матиньона) и в китайской провинции Кочин (по словам Лориона) гомосексуальность, по-видимому, не распространена среди женщин. Однако в Индии он, вероятно, так же распространен среди женщин, как и среди мужчин.

В первом издании этого Исследования я процитировал мнение доктора Бьюкенена, в то время суперинтенданта Центральной тюрьмы Бенгалии в Бхагалпуре, который сообщил мне, что он никогда не сталкивался с подобным случаем и что его главный тюремщик никогда не слышал о подобном за двадцатипятилетний опыт работы. Однако другой офицер Индийской медицинской службы заверяет меня, что не может быть ни малейших сомнений относительно распространенности гомосексуализма среди женщин в Индии, как внутри тюрем, так и за их пределами. Я в долгу перед ним за следующие замечания по этому вопросу:

"О том, что гомосексуальные отношения достаточно распространены среди индийских женщин, свидетельствует тот факт, что в языке хиндустани есть пять слов для обозначения племени: (1) *дугана*, (2) *занахе*, (3) *са'тар*, (4) *чапатаи* и (5) *чапатбаз*. *Modus operandi* обычно представляет собой то, что Мартиал называет *совершением куннилингуса*, но иногда используется фаллос, называемый *сабурой*. Сам акт называется *чапат* или *чапти*, и поэты хиндустани Назир, Рангин, Джан Сахеп трактуют лесбийскую любовь очень широко, а иногда и очень грубо. Ян Сахеп, женщина-поэтесса, поет о том, что половое сношение с женщиной с помощью фаллоса следует предпочесть удовлетворению, предлагаемому любовником-мужчиной. Распространенный эвфемизм, используемый, когда говорят о двух племенах, которые живут вместе, заключается в том, что они "живут порознь". Вот и все литературные свидетельства распространенности того, о чем, *mirable dictu*, тюремщик доктора Бьюкенена не знал.

Теперь перейдем к фактам. В тюрьме Р. надзиратель обнаружил несколько фаллосов в помещении для женщин; они были сделаны из глины, высушены на солнце и имели следы использования. В тюрьме С. находилась женщина, которая (как это обычно бывает с племенами в Индии) носила мужскую одежду и была хорошо известна своими сексуальными наклонностями. Осмотр выявил следующее: лицо сильно изборозжено морщинами, молочные железы мужского типа, но соски удлиненные и легко эректильные; ягодичная и подвздошная области вполне мужского типа, как и бедра; клитор с увеличенными железами, легко эректильный; нимфы утолщены и увеличены; отверстие вульвы открыто, поскольку в ранней юности она была проституткой; голос почти контральто. Ее партнер был невысокого типа, но в

высшей степени женственен по фигуре и манерам. В данном случае я слышал, что "мужчина" пошел к местной аскетке и попросил его заступничества у божества, чтобы она могла оплодотворить своего партнера. ("В индийских медицинских трудах упоминается возможность соединения женщины с другой женщиной в сексуальных объятиях и зачатия бескостного плода". *Краткая история арийской медицинской науки*, стр. 44.)

"В городе Д. "жили порознь" две женщины, одна брахманка, другая скотоводка; их *modus operandi* был трибадизм, как сообщил мне очевидец. В S. Меня вызвали лечить вдову богатого мусульманина; у меня была возможность осмотреть половые органы и я обнаружил то, что Мартино назвал бы неизгладимыми стигматами ранней мастурбации и более позднего сапфизма. Она признала факт импичмента и призналась, что была в наилучших отношениях со своими тремя удивительно хорошо сложенными и симпатичными служанками. Эта дама сказала, что она начала мастурбировать в раннем возрасте, "как и все другие женщины", и что сапфизм возник после достижения половой зрелости. Другая моя знакомая мусульманка, у которой был очень большой клитор, рассказала мне, что соседка посвятила ее в лесбийскую любовь в 12 лет и с тех пор периодически занималась этим. Я мог бы также привести пример двух сестер из касты садовников, обеих вдов, которые "жили отдельно" и одновременно предавались сапфизму.

"О том, что иногда участники трибадизма проявляют наибольшую активность, свидетельствует тот факт, что в центральной тюрьме ... было признано, что опухание вульвы было вызвано объятиями двух женщин-заключенных. Подчиненный, который рассказал мне об этом, упомянул об этом совершенно случайно, рассказывая о своем опыте работы ассистентом госпиталя в этой тюрьме. Когда я допросил его, он заявил, что женщина, которую он был призван лечить, сказала ему, что она никогда не могла "удовлетворить себя" с мужчинами, а только с женщинами. Он добавил, что трибадизм был "довольно распространенным явлением в тюрьме".

Приведенный выше обзор может служить для того, чтобы показать, что гомосексуальные практики, безусловно, и, вероятно, определенная сексуальная инверсия, очень широко распространены среди женщин в очень многих и различных частях мира, хотя вполне вероятно, что, как и среди мужчин, существуют различия — географические, расовые, национальные или социальные — в частоте или интенсивности их очевидных проявлений. Так, в восемнадцатом веке Казанова заметил, что женщины Прованса особенно склонны к лесбиянству.

В европейских тюрьмах гомосексуальные практики процветают среди женщин в той же степени, можно, вероятно, сказать, что и среди мужчин. Действительно, есть некоторые основания предполагать, что эти явления выражены здесь иногда даже более решительно, чем у мужчин.^[154] Такая распространенность гомосексуализма среди женщин, находящихся в тюрьме, связана с тесной взаимосвязью между женской преступностью и проституцией.

Частота гомосексуальных практик среди проституток представляет определенный интерес и требует специального объяснения, поскольку, на первый взгляд, это противоречит всему, что мы знаем о возбуждающих причинах гомосексуализма. Относительно этого факта не может быть никаких сомнений.^[155] Это было отмечено всеми, кто знаком с жизнью проституток, хотя мнения могут расходиться относительно его частоты. В Берлине, как сообщили Молл в хорошо информированных кругах, доля проституток с лесбийскими наклонностями составляет около 25 процентов. Согласно Parent-Duchâtelet, много лет назад в Париже была почти такая же доля;

сегодня, по словам Шевалье, она больше; и Борневиль считает, что 75 процентов пациентов парижских венерологических больниц практиковали гомосексуальность. Хаммер в Германии обнаружил, что среди 66 проституток 41 была гомосексуалисткой.^[156] Хиршфельд считает, что перевернутые женщины особенно склонны становиться проститутками.^[157] С другой стороны, Эйленбург считает, что условия их жизни благоприятствуют гомосексуализму среди проституток; "гомосексуальный союз кажется им более высоким, чистым, невинным и идеальным".^[158] Однако между этими двумя точками зрения нет фундаментального противоречия; вероятно, они оба верны.

В Лондоне, насколько я могу судить, гомосексуальность среди проституток распространена гораздо реже и в хорошо выраженной форме ограничена сравнительно небольшим кругом населения. Яв долгу перед подругой за следующую заметку: "Из моего опыта общения с парижской проституткой я понял, что лесбиянство в Париже чрезвычайно распространено; более того, можно сказать, почти нормально. В частности, большинство танцовщиц "Мулен-Руж", "Казино де Пари" и других публичных балов печально известны тем, что ходят парами, и, по большей части, они предпочитают не разлучаться даже в самые профессиональные моменты с противоположным полом. В Лондоне это, естественно, гораздо менее очевидно и, я думаю, гораздо менее распространено; но, безусловно, встречается нередко. Определенное количество известных проституток известны своими склонностями в этом направлении, которые, однако, никоим образом не вторгаются в обычные детали их профессии. Я лично не знаю ни одной проститутки, которая была бы исключительно лесбиянкой; я смутно слышал, что есть одна или две такие аномалии. Но я слышал, как шикарная *кокотка* в "Коринтиане" объявила на весь зал, что уходит домой с девушкой, и никто не усомнился в этом заявлении. Ее имя, действительно, обычно ассоциировалось с именем пятисортной актрисы. У другой женщины того же типа есть небольшая клиентура из женщин, которые покупают ее фотографии в Берлингтон-Аркаде. В низших слоях профессии все это встречается гораздо реже. Часто можно встретить женщин, которые просто никогда не слышали о подобном; они знают об этом в отношении мужчин, но не в отношении женщин. И они, по большей части, в ужасе от понятия, которое они считают неотъемлемой частью "французского свинства". Конечно, почти у каждой девушки есть своя подруга, и, когда они не заняты по отдельности, они часто спят вместе; но, хотя в отдельных, редких случаях это, несомненно, означает все, что это может означать, по большей части, насколько можно судить, это означает не больше, чем это означало бы среди обычных девушек".

Очевидно, что должны быть какие-то радикальные причины такой распространенности гомосексуализма среди проституток. Одна из таких причин, несомненно, кроется в характере отношений проститутки с мужчинами; эти отношения носят профессиональный характер, и по мере того, как подчеркивается деловой элемент, уменьшается возможность сексуального удовлетворения; в лучшем случае, также; отсутствует чувствовосоциального равенства, чувство обладания и простор для проявления женской привязанности и преданности. Проститутку обычно приходится заставлять находить их либо в "хулигане", либо в другой женщине.^[159]

Помимо этого факта, следует иметь в виду, что в очень большом количестве случаев проститутки демонстрируют в легкой или более выраженной степени многие признаки невротической наследственности,^[160] и было бы неудивительно, если бы в них проявлялись зародыши гомосексуальность в необычно высокой степени. Жизнь проститутки вполне может развить такие скрытые микробы; и поэтому мы имеем чрезмерную склонность к

гомосексуализму, точно так же, как мы имеем ее среди преступников и, в гораздо меньшей степени, среди гениальных и интеллектуальных людей.

Гомосексуальность особенно поощряется теми занятиями, которые удерживают женщин в постоянном общении не только днем, но часто и ночью, без общества мужчин. Так, например, обстоит дело в женских монастырях, и раньше, во всяком случае — как бы то ни было сегодня - гомосексуальность считалась очень распространенной в женских монастырях. Особенно это было заметно в восемнадцатом веке, когда очень много молодых девушек, не имевших никакого религиозного призвания, были отданы в монастыри.^[161] То же самое сегодня происходит с женщинами-служанками в крупных отелях, среди которых гомосексуальные практики были признаны очень распространенными.^[162] Лейкок много лет назад отметил распространенность проявлений такого рода, которые он расценивал как истерические, среди швей, кружевниц и т.д., часами находящиеся в тесном контакте друг с другом в отопляемых помещениях. Обстоятельства, при которых большое количество молодых женщин работают в течение дня в крупных магазинах и на фабриках и спят в заведении по двое в комнате или даже по двое в кровати, благоприятствуют развитию гомосексуальных практик.

В Англии редко кто интересуется исследованием этих явлений, хотя они, безусловно, существуют. В других странах они изучались более тщательно. Так, в Риме Никифору, изучавшему различные аспекты жизни рабочего класса, удалось получить много точной информации о манерах и обычаях молодых девушек в мастерских по пошиву одежды. Он отмечает, что мало кто из тех, кто видит "добродетельных дочерей народа", часто не старше 12 лет, идущих по улицам с портняжной коробкой подмышкой, скромно склоненной головой и невинным видом, осознают сильную сексуальную озабоченность, часто лежащую в основе их внешности. В рабочих кабинетах разговор постоянно вращается вокруг сексуальных тем в отсутствие хозяйки или старшей служанки, и даже в ее присутствии сленг, преобладающий в рабочих кабинетах, приводит к диалогам с двойным смыслом. Таким образом, возникает состояние сексуального возбуждения, которое иногда облегчается ментально психическим онанизмом, иногда какой-либо формой мастурбации; одна девушка призналась Niceforo, что, позволяя своим мыслям задерживаться на этом предмете во время работы, она иногда вызывала физическое сексуальное возбуждение до четырех раз в день. (См. также vol. первое из этих *Исследований*, "Аутоэротизм".) Иногда, однако, возникает смутный вид гомосексуализма, когда девушки, возбужденные своими собственными мыслями и разговорами, еще больше возбуждаются от контакта друг с другом. "Летом в одной мастерской некоторые девушки не носят панталон, расстегивают лифы и работают, скрестив ноги, более или менее непокрытые. В этой позе девушки приближаются и разглядывают друг друга; некоторые хвастаются своими белыми ногами, а затем и вовсе приподнимают нижние юбки для более тщательного сравнения. Многим нравится этот осмотр наготы, и они испытывают настоящее сексуальное удовольствие. С полудня до двух часов дня, в часы наибольшей жары, когда все находится в таком состоянии, а хозяйка в сорочке (а иногда, не стесняясь присутствия работников, даже без нее) засыпает на диване, все девушки, *без единого исключения*, мастурбируют сами. Жара, кажется, обостряет их желания и болезненно возбуждает все их чувства. Сладострастные эмоции, сдерживаемые в течение оставшейся части дня, прорываются наружу с непреодолимой силой; возбужденные зрелищем наготы друг друга, некоторые сводят ноги вместе и таким образом усиливают спазм иллюзией контакта с мужчиной". Таким образом, они достигают взаимной мастурбации. "Примечательно, однако, - отмечает Никефоро, - что эти пары для взаимной мастурбации никогда не были лесбийскими

парами. Трибадизм полностью отсутствует на фабриках и в мастерских". Он даже считает, что его нет среди девушек рабочего класса. Далее он описывает, как в другой мастерской, в жаркие часы летнего дня, когда работа не закончена, некоторые девушки удаляются в примерочную и, закрепив свои сорочки на ногах и бедрах булавками, чтобы имитировать брюки, разыгрывают из себя мужчин и притворяются, что вступают в половую связь с другими. (Niceforo, *Il Gergo*, cap. vi, 1897, Турин.) Я воспроизвел эти детали из тщательного исследования Никефоро, потому что, хотя в некоторых моментах они могут показаться тривиальными, они ясно выявляют очень важное различие между просто временной гомосексуальностью и истинной инверсией. Развлечения этих молодых девушек нельзя считать в высшей степени невинными или полезными, но, с другой стороны, они не являются радикально болезненными или порочными. Они строго и даже сознательно *играют*; в них преобладает мысль, что истинный сексуальный идеал - это нормальные отношения с мужчиной, и они непременно исчезнут в присутствии мужчины.

Следует помнить, что наблюдения Нисефоро проводились среди девушек, которые были в основном молоды. На крупных фабриках, где занято много взрослых женщин, подобные явления, как правило, встречаются реже, но носят гораздо менее тривиальный и игривый характер. Около сорока лет назад в Вулверхэмптоне сообщалось о случае с женщиной в "магазине цинкования", которая после обеда непристойно напала на девушку, которая была новичком. Две молодые женщины держали жертву, и это, по-видимому, показывает, что гомосексуальный порок был здесь обычным и признанным. Без сомнения, этот случай исключителен по своей жестокости. Однако это проливает значительный свет на условия, преобладающие на фабриках. В Испании, на крупных фабриках, где занято много взрослых женщин, особенно на большой табачной фабрике в Севилье, лесбийские отношения, по-видимому, не редкость. Здесь женщины работают в атмосфере, которая летом настолько жаркая, что они сбрасывают большую часть своей одежды, до такой степени, что всякий раз, когда посетителя вводят в рабочую комнату, звонят в колокольчик, чтобы предупредить рабочих. Такое окружение предрасполагает к формированию гомосексуальных отношений. Когда я был в Испании несколько лет назад, в севильской табачной фабрике произошел инцидент, который привлек большое внимание газет, и, хотя это было сочтено необычным, он проливает свет на жизнь рабочих. Однажды утром, когда женщины входили в мастерскую и среди обычной сцены оживления меняли свои манильские шали на легкие костюмы, которые надевали во время работы, одна из них вытащила маленький складной нож и, напав на другую, быстро нанесла шесть или семь ранений ей в лицо и шею, угрожая убить любого, кто приблизится. Обе эти *сигареры* были превосходными работниками, выполняли самую квалифицированную работу и проработали на фабрике много лет. По внешнему виду они были описаны как представляющие разительный контраст: агрессор, которому было 48 лет, имел мужественный вид, высокий и худощавый, с выражением твердой решимости на морщинистом лице; жертва, с другой стороны, которой было 30 лет, была пухленькой, симпатичной и обладала приятным нравом. Первоначально причиной нападения на младшую женщину было то, что ее мать оскорбила сына старшей женщины. Оказалось, однако, что между двумя женщинами существовала тесная дружба, что в последнее время младшая женщина подружилась с начальницей своего рабочего кабинета, и что старшая женщина, движимая ревностью, затем решила убить обеих; этот план был расстроен случайным отсутствием старшей в тот день.

В театрах ненормальная сексуальность, стимулируемая таким объединением в работе, осложняется общей тенденцией связывать гомосексуальность с драматическими способностями, на что мне придется сослаться позже. Я в долгу перед подругой за следующую заметку: "Страстная дружба между девушками, от самых невинных до самых изощренных экскурсий в сторону Лесбоса, чрезвычайно распространена в театрах, как среди актрис, так и, еще больше, среди хористок и балерин. Здесь теснота в гримерных, ожидание, возможно, двухчасового перерыва между выступлениями, в течение которого все девушки находятся взаперти, в состоянии бездействия и возбуждения, в нескольких переполненных гримерных, предоставляют все возможности для роста этого особого рода чувств. В большинстве театров существует небольшой кружок девушек, которых другие несколько избегают или которые сами не стремятся к дальнейшему знакомству, и которые исповедуют самую безграничную преданность друг другу. Большинство из этих девушек в равной степени готовы флиртовать с противоположным полом, но я знаю среди них таких, которые едва заговаривают с мужчинами и которых никогда не видят без их особого "приятеля" или "подруги", которая, если ее переведут в другой театр, будет ждать свою подругу у выхода на сцену. Но здесь, опять же, лишь в редких случаях переживание заходит очень далеко. Дело в том, что английская девушка, особенно из низших и средних классов, независимо от того, утратила она свою добродетель или нет, чрезвычайно скована общепринятыми представлениями. Невежество и привычка - это два сдерживающих фактора, препятствующих осуществлению этого конкретного вида извращения до его логических выводов. Следовательно, именно среди высших слоев общества, как и среди проституции, лесбиянство наиболее определенно встречается, поскольку здесь у нас гораздо большая свобода действий и гораздо большая свобода от предрассудков".

У девочек, как и у мальчиков, гомосексуальность обычно впервые проявляется именно в школе, в период полового созревания. Оно может возникать преимущественно периферическим или преимущественно центральным образом. В первом случае двое детей, возможно, находясь рядом друг с другом в постели, более или менее непреднамеренно вызывают друг у друга определенное сексуальное раздражение, которое они усиливают взаимными прикосновениями и поцелуями. Это ложная разновидность гомосексуализма, часто преждевременная игра нормального инстинкта. У девушки, врожденно предрасположенной к гомосексуализму, это сохранится и разовьется; у большинства это забудется как можно быстрее, не без стыда, в присутствии нормального объекта сексуальной любви.

Я могу процитировать как довольно типичное следующее наблюдение, сделанное дамой, которую нельзя назвать перевернутой: "Как и многих других детей и девочек, меня впервые научила потакать своим желаниям девочка в школе, и я передал свои знания одному или двум другим, с одним из которых, я помню, однажды, когда нам было всего 16, мы чувственно провели ночь. После этого нам было ужасно стыдно, и это был единственный раз. Когда мне было всего 8 лет, была 13-летняя девочка, которая любила играть с моим телом и научила меня играть со своим, хотя мне это довольно не нравилось. Мы спали вместе, и это продолжалось с перерывами в течение шести месяцев. Подобные поступки ради получения удовольствия, а не с какой-либо страстью, не редкость для детей, но, я думаю, менее распространены, чем люди иногда воображают. Я думаю, что мог бы без особого труда вспомнить, сколько раз подобные вещи происходили со мной. В упомянутом мной случае, когда я на одну ночь почувствовал — или попытался возбудить в себе и моей 16-летней спутнице — чувственную страсть, мы в детстве несколько раз спали вместе и занимались подобными вещами, и встреча после разлуки, как раз в этом возрасте, вызвала наши детские воспоминания и увлекла

сексуальным импульсом. Но даже в то время я никогда не испытывал к ней никакой особой привязанности или страсти, как и она ко мне. Мы только чувствовали, что наша чувственная природа была сильна в то время и втянула нас в то, чего мы стыдились, и поэтому после того дня мы избегали позволять себе спать слишком крепко. Я думаю, мы недолго любили друг друга и испытывали отвращение всякий раз, когда вспоминали о той ночи, чувствуя, что каждый унижил другого и себя саму".

Случаи, в которых источник является главным, а не периферийным, тем не менее, сливаются с предыдущим без четкой демаркационной линии. В таких случаях девочка горячо привязывается к другой девочке, вероятно, несколько старше себя, часто к школьной подруге, иногда к своей школьной учительнице, на которую она расточает поразительное количество привязанности и преданности. Возврата может быть или не быть; обычно возврат заключается в любезном принятии нежных услуг. Девушка, которая расходует это богатство преданности, переполнена эмоциями, но она часто неосознанна или неосведомлена о сексуальном импульсе и не ищет никакой формы сексуального удовлетворения. Поцелуи и привилегия спать с подругой, однако, востребованы, и в такие моменты часто случается, что даже сравнительно невосприимчивый друг испытывает более или менее определенные сексуальные эмоции (набухание половых органов с выделением слизи и непроизвольным подергиванием соседних мышц), хотя на это явление может быть обращено мало внимания или вообще не быть обращено внимания, и при обычном невежестве девушек в вопросах секса это может быть непонятно. В некоторых случаях предпринимается попытка, инстинктивная или преднамеренная, развить сексуальное чувство путем тесных объятий и поцелуев. Этот рудиментарный вид гомосексуальных отношений, я полагаю, более распространен среди девочек, чем среди мальчиков, и для этого есть несколько причин: (1) мальчик чаще знаком с сексуальными явлениями и часто считает такие отношения недостойными мужчины; (2) у девочки более сильная потребность в привязанности и самоотдаче другому человеку, чем у мальчика; (3) при наших существующих социальных условиях, которые вынуждают молодых женщин держаться от противоположного пола на расстоянии вытянутой руки, у нее нет таких же возможностей найти выход своим сексуальным эмоциям; в то время как (4) обычные приличия признают значительную степень физической близости между девушками, тем самым одновременно поощряя и маскируя проявления гомосексуализма.

Горячая привязанность, которую девочки в школах и колледжах питают друг к другу и к своим учителям, представляет собой предмет, представляющий значительный психологический интерес и имеющий немалое практическое значение.^[163] Эти девичьи увлечения, находящиеся на границе между дружбой и сексуальной страстью, встречаются во всех странах, где девочек изолируют в образовательных целях, и их симптомы в целом на удивление однородны, хотя они в некоторой степени различаются по интенсивности и характеру, время от времени и от места к месту, иногда принимая форму эпидемии. Наиболее тщательно они были изучены в Италии, где Обичи и Маркезини — психиатр и психолог, работающие совместно, — проанализировали эти явления с поразительной проницательностью и деликатностью, а также с большим количеством иллюстративного материала.^[164] Но точно такие же явления повсюду наблюдаются в английских школах для девочек, даже самого современного типа, а в некоторых крупных американских женских колледжах они иногда становятся настолько острыми, что вызывают большую тревогу.^[165] Однако в целом, вероятно, к таким проявлениям относятся более снисходительно в школах для девочек, чем в школах для мальчиков, и с учетом того факта, что

проявления привязанности обычно более выражены между девочками, чем между мальчиками, это кажется разумным. Директриса английского учебного заведения пишет:—

Мое собственное предположение по этому поводу состояло в том, что привязанность естественным образом относится как к телу, так и к разуму, и отношения между двумя женщинами естественно и невинно выражаются посредством, ласк. Поэтому я никогда не чувствовал, что должен предостерегать какую-либо девушку от физического элемента в дружбе как таковой. Тест, который я, вероятно, должен был бы предложить им, был бы таким же, какой можно было бы использовать для любых других отношений — помогала ли дружба жизни в целом, делая их острее, добрее, трудолюбивее и т.д., или она мешала этому?"

Страстные дружеские отношения, носящие более или менее неосознанно сексуальный характер, распространены даже за пределами школьной жизни. Часто случается, что период, в течение которого молодая женщина влюбляется на расстоянии в какого-нибудь знакомого молодого человека, чередуется с периодами интимной привязанности к другу своего пола. Врожденная инверсия обычно отсутствует. В конце концов, обычно случается так, что либо отношения с мужчиной приводят к постоянному проявлению нормального импульса, либо стабилизация эмоций в условиях стресса практической жизни приводит к осознанию реальной природы таких чувств и, как следствие, к отвращению к ним. С другой стороны, в некоторых случаях такие отношения, особенно когда они формируются после окончания школы, являются довольно постоянными. Энергичная эмоциональная женщина, обычно некрасивая, возможно, будет предана другому, который, возможно, нашел какое-то довольно специализированное дело жизни, но который может быть очень непрактичным и у которого, вероятно, очень слабый сексуальный инстинкт; она благодарна за преданность своих друзей, но может не отвечать им активной взаимностью. Фактические специфические сексуальные феномены, возникающие в таких случаях, очень сильно различаются. Эмоция может быть скрытой или бессознательной; все это может быть с одной стороны; часто она более или менее осознается и разделяется. Такие случаи находятся на границе истинной сексуальной инверсии, но они не могут быть включены в ее область. Секс в этих отношениях едва ли является существенным и фундаментальным элементом; он более или менее подчиненный и паразитический. Часто возникает видимость половых отношений из-за заметного расхождения друзей в физических и психических качествах, а нервное развитие одного или обоих друзей иногда слегканенормально. Мы должны рассматривать такие отношения как гипертрофированную дружбу, гипертрофия которой происходит из-за неработающего сексуального инстинкта.

Следующий рассказ написан женщиной, занимающей ответственную должность в сфере образования: "Моя подруга, на два или три года старше меня (мне 31 год) и живущая со мной в одном доме, переживает очень несчастливые времена. Из-за длительного нервного напряжения, связанного с этим, она плохо спала и была склонна просыпаться в ужасной депрессии около 3 часов ночи. В первые дни нашей дружбы, около восьми месяцев назад, она иногда в такие моменты находила убежище у меня. Через некоторое время я настоял на том, чтобы она проконсультировалась с врачом, который посоветовал ей, среди прочего, не спать одной. С тех пор в течение двух или трех месяцев я уговаривал ее жить в моей комнате. Через неделю или две она обычно какое-то время делила со мной постель в начале ночи, так как это, казалось, помогало ей заснуть.

"До этого, примерно во второй или третий раз, когда она пришла ко мне рано утром, я был удивлен и немного напуган, обнаружив, как мне было приятно ее видеть и как мне не хотелось, чтобы она уходила. Когда мы начали регулярно спать в одной комнате, физическая часть нашей привязанности быстро стала очень сильной. Обычно для меня естественно ласкать своих друзей, но вскоре я уже не мог оставаться с этой девушкой наедине в комнате без желания обнять ее. Для меня было бы невыносимо жить с ней, не имея возможности прикоснуться к ней. Мы не обсуждали это, но было очевидно, что желание в ней было даже сильнее, чем во мне.

"Какое-то время нас полностью устраивало лежать вместе в постели. Однако однажды ночью, когда у нее был ужасно трудный день и я хотел найти все способы утешить ее, я обнажил грудь, чтобы она могла лечь на нее. Позже стало ясно, что ни один из нас не мог быть удовлетворен без этого. Она нащупала его, как ребенок, и это взволновало меня гораздо больше, чем то, что я сразу полностью обнажила грудь и руки.

"Большая часть этого возбуждения была сексуально локализована, и днем меня преследовали образы того, как я держу эту женщину в своих объятиях. Я заметил также, что моя склонность ласкать других моих друзей не уменьшилась, а возросла. Все это меня очень беспокоило. Гомосексуальные практики, о которых я недавно прочитал, показались мне просто отвратительными; я не мог представить себя склонным к ним; — в то же время все это было для меня внове, потому что я никогда раньше не хотел, чтобы кто-то делил со мной постель; я читал, что сексуальный инстинкт загадочен и неожидан, и я чувствовал, что не знаю, что может произойти дальше.

"Я знал только одного пожилого человека, который (за широту взглядов, мягкость и святость) Я мог бы посоветоваться; и этому человеку, мужчине средних лет, я написал за советом. Он ответил длинным письмом с самым нежным предупреждением. "Мне лучше не ослаблять своего влияния на мою подругу, - писал он, - возвращаясь внезапно или без ее согласия, но я должен был очень остерегаться идти дальше; кругом был пожар". Я пытался применить это на практике, постоянно сдерживая себя в нашем общении, воздерживаясь от ласк, например, когда я хотел приласкать ее и знал, что она этого хочет. Единственным результатом, казалось, было то, что желание стало более мучительным и постоянным, чем когда-либо.

"Если бы в этот момент случилось так, что мой друг умер или уехал, и инцидент подошел бы к концу, я, вероятно, продолжал бы нервничать по этому поводу еще долгие годы. Я бы колебался во мнении, которого всегда придерживался, что телесные проявления любви между женщинами столь же невинны, сколь и естественны; и я, возможно, подошел бы ближе, чем когда-либо ожидал, к доктрине тех монастырских наставниц, которые запрещают своим девочкам обнимать друг друга из страха, что необъяснимый инстинкт приведет их на край пропасти.

Как бы то ни было, через некоторое время я кое-что рассказала на эту тему самой своей подруге. Я был склонен думать, что она, возможно, разделяет мое беспокойство, но она его совсем не разделяла. Она сказала мне, что ей не нравятся эти мысли, что она заботится обо мне больше, чем когда-либо заботилась о ком-либо, кроме одного человека (который сейчас является причиной большей части ее несчастий), и хочет меня всеми возможными способами, и что ей будет грустно осознавать, что я пытаюсь не хотеть ее ни в одном направлении, потому что считаю это неправильным.

"Со своей стороны, я очень хорошо знал, как сильно она нуждалась во мне и хотела меня. Я знал, что в отношениях с другими людьми она тратила величайшие усилия на то, чтобы следовать курсу, который я ей навязывал, и делала то, что я считал правильным, несмотря на самое болезненное давление на нее, побуждавшее поступать неправильно; и что она нуждалась во всей поддержке и утешении, которые я мог ей дать. После нашего разговора мне показалось, что правильный путь для меня лежит не в том, чтобы поддаваться страхам и угрызениям совести, а в том, чтобы прямо дарить моему другу всю любовь, на которую я способен, и все виды любви, на которые я способен. Я решил держать ухо востро на случай опасности, но тем временем идти дальше.

В то время мы жили вдвоем, и с тех пор поступали так, как нам нравилось. Как только мы смогли, мы перебрались на кровать, где могли спать вместе всю ночь. Днем, когда рядом никого не было, мы сидели так близко друг к другу, как нам хотелось, что было очень близко. Мы целовались так часто, как нам хотелось, а это было очень много раз в день.

"Результаты этого, насколько я могу судить, были совершенно хорошими. Мы горячо любим друг друга, но никакого искушения сделать гадость никогда не возникало, и сейчас я не вижу, чтобы оно вообще возникло. Благодаряобычаю локализованное физическое возбуждение практически исчезло, и я больше не одержим воображаемыми объятиями. Духовная сторона нашей привязанности, кажется, неуклонно становится сильнее и прибыльнее с тех пор, как физической стороне было позволено занять ее естественное место".

Класс, в котором гомосексуальность, хотя и довольно отчетливая, лишь слегка выражена, составляют женщины, к которым больше всего привлекает активно инвертированная женщина. Эти женщины отличаются, в первую очередь, от нормальных, или среднестатистических, женщин тем, что их не отталкивают и не вызывают отвращения любовные ухаживания со стороны лиц их собственного пола. Обычно они не привлекательны для обычного мужчины, хотя из этого правила есть много исключений. Их лица могут быть простыми или плохо очерченными, но нередко они обладают хорошими фигурами: черта, которая, как правило, имеет большее значение для перевернутой женщины, чем красота лица. Их сексуальные импульсы редко бывают хорошо выражены, но они имеют сильно привязанную природу. В целом, это женщины, которые не очень крепки и хорошо развиты физически или нервно, и которые не очень хорошо приспособлены для вынашивания детей, но которые все еще обладают многими превосходными качествами, и они всегда женственны. Кто-то, пожалуй, может сказать, что они являются избранницами женщин, мимо которых среднестатистический мужчина прошел бы мимо. Без сомнения, это часто является причиной, по которой они открыты для гомосексуальных домогательств, но я не думаю, что это единственная причина. Поскольку о них можно сказать, что они составляют класс, они, по-видимому, обладают подлинным, хотя и не совсем сексуальным, предпочтением женщин мужчинам, и именно эта холодность, а не отсутствие обаяния, часто делает мужчин довольно равнодушными к ним.

Активно инвертированная женщина обычно отличается от женщин только что упомянутого класса одним довольно существенным признаком: более или менее отчетливыми признаками мужественности. Она не может быть и часто таковой не является, что можно было бы назвать "мужеподобной" женщиной, поскольку последняя может подражать мужчинам на основании вкуса и привычек, не связанных с сексуальными извращениями, в то время как у перевернутой женщины мужские черты являются частью органического инстинкта, который она отнюдь не

всегда желает подчеркивать. Маскулинный элемент инвертированной женщины может, в наименьшей степени, заключаться только в том факте, что она заигрывает с женщиной, к которой ее влечет, и обращается со всеми мужчинами холодно, прямолинейно, что, возможно, и не исключает товарищества, но исключает любые сексуальные отношения, будь то страсть или просто кокетство. Обычно инвертированная женщина испытывает к мужчинам абсолютное безразличие и нередко отвращение. И это чувство, как правило, инстинктивно вызывает у мужчин взаимность. В то же время бисексуальные женщины встречаются по меньшей мере так же часто, как бисексуальные мужчины.

ИСТОРИЯ XXXIV.—Мисс С., 38 лет, живет в городе Соединенных Штатов, деловая женщина с прекрасным интеллектом, известная в профессиональных и литературных кругах. Ее общее состояние здоровья хорошее, но она принадлежит к семье, в которой есть выраженный невропатический элемент. Она довольно флегматичного темперамента, хорошо уравновешенная, всегда совершенно спокойная и владеющая собой, довольно замкнутая по характеру, с мягкой, исполненной достоинства осанкой.

Она говорит, что не может заботиться о мужчинах, но что всю ее жизнь "прославляла и делала прекрасной дружба с женщинами", которых она любит так, как мужчина любит женщин. Однако ее характер хорошо дисциплинирован, и ее друзья не знают о природе ее привязанностей. Она старается не отдавать всю свою любовь одному человеку и стремится (как она сама выражается) использовать этот "дар любви" как ступеньку к высоким умственным и духовным достижениям. Один человек, знавший ее несколько лет, описывает ее как "обладательницу возвышенной натуры и безошибочного чутья к возвышенным вещам".

ИСТОРИЯ XXXV.—Мисс Б., художница немецкого происхождения по отцовской линии. Среди ее братьев и сестер один обладает невротическим темпераментом, а другой - инвертированным. Сама она здорова. У нее нет отвращения к мужчинам, и она даже хотела бы попробовать выйти замуж, если бы союз не был постоянным, но она редко испытывала какое-либо сексуальное влечение к мужчине. В одном исключительном случае, в раннем возрасте, осознав, что она не приспособлена для гетеросексуальных отношений, она разорвала заключенную помолвку. Гораздо позже у нее сложились более постоянные отношения с женщиной с близкими вкусами.

Ее привлекают женщины разного типа, хотя она признает, что есть некоторые женщины, которых привлекают только мужчины. Много лет прошло с тех пор, как у нее появился друг, к которому она была очень сильно привязана, но физические проявления, похоже, не стали ярко выраженными. После этого ее мысли были сильно заняты несколькими женщинами, которым она делала авансы, которые не поощрялись выходить за рамки обычной дружбы. Однако в одном случае у нее завязались интимные отношения с девушкой несколько моложе ее и очень женственной личностью, которая судовольствием, но пассивно приняла горячую любовь мисс Б. и не считала, что эти отношения помешают ей выйти замуж, хотя она ни в коем случае не сказала бы об этом своему мужу. Эти отношения впервые пробудили скрытые сексуальные эмоции мисс Б. Она находила сексуальное удовлетворение в поцелуях и объятиях тела своей подруги, но оргазма, по-видимому, не было. Эти отношения значительно изменили ее и сделали сияющей и счастливой.

В своем поведении по отношению к мужчинам мисс Б. не проявляет сексуальной застенчивости. Мужчин она обычно не привлекает. В ее внешности нет ничего поразительного; ее фигура и манеры, хотя и небрежные, не бросаются в глаза как у мужчины. Она любит физические упражнения и много курит.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ XXXVI.—Мисс Х., 30 лет. Среди ее родственников по отцовской линии есть склонность к эксцентричности и нервным заболеваниям. Ее дедушка пил; ее отец был эксцентричным ипохондриком и страдал навязчивыми идеями. Ее мать и родственники матери совершенно здоровы и с нормальным характером.

В возрасте 4 лет ей нравилось смотреть на нейтов маленькой девочки, которая жила неподалеку. Когда ей было около 6 лет, няня, сидя в поле, играла со своими собственными частями тела и советовала ей делать то же самое, говоря, что от этого родится ребенок; впоследствии она иногда прикасалась к себе, но без какого-либо эффекта. Когда ей было около 8 лет, она часто видела, как разные няньки обнажают половые органы своих детей и показывают их друг другу. Она часто думала об этом, когда оставалась одна, а также о порке. Она никогда не любила играть в куклы и в своих играх всегда играла роль мужчины. Ее первые рудиментарные сексуальные чувства появились в возрасте 8 или 9 лет и были связаны со снами о порке и быть выпоротой, которые были наиболее яркими в возрасте от 11 до 14 лет, когда они угасали при появлении привязанности к девочкам. У нее началась менструация в 12 лет.

Ее самая ранняя привязанность, проявленная в возрасте 13 лет, была к школьной подруге, грациозной, кокетливой девочке с длинными золотистыми волосами и голубыми глазами. Ее привязанность проявлялась в оказании всевозможных мелких услуг этой девушке, в постоянных мыслях о ней и в чувстве восхитительной благодарности за малейшую отдачу. В возрасте 14 лет у нее была похожая страсть к двоюродной сестре; она с восторгом предвкушала ее визиты, и особенно те редкие случаи, когда двоюродная сестра спала с ней; ее возбуждение было тогда настолько велико, что она не могла заснуть, но сознательного сексуального возбуждения не было. В возрасте 15 или 16 лет она влюбилась в другого двоюродного брата; ее опыт общения с этой девушкой был полон восхитительных ощущений; стоило двоюродному брату только прикоснуться к ее шее, как по ее телу пробежал трепет, который она теперь расценивает как сексуальный. Опять же, в 17 лет она испытывала непреодолимое, страстное влечение к школьной подруге, хорошенькой, заурядной девушке, которую она идеализировала и возвышала до экстравагантной степени. Эта страсть была настолько сильной, что ее здоровье в какой-то степени пошатнулось; но она была чисто бескорыстной, и в ней не было ничего сексуального. Окончив школу в возрасте 19 лет, она познакомилась с девушкой примерно того же возраста, что и она сама, очень женственной, но не слишком привлекательной для мужчин. Эта девушка очень привязалась к ней и стремилась завоевать ее любовь. Через некоторое время мисс Х. была привлечена этой любовью, отчасти из-за ощущения власти, которое она ей давала, и между ними завязались близкие отношения. Эти отношения приобрели смутный физический характер, мисс Х. проявила инициативу, но ее подруга желала таких отношений и получала от них чрезвычайное удовольствие; они нежно прикасались и целовались друг с другом (особенно *навенераиной горе*) с одинаковым пылом. Каждый из них испытал при этом сильное приятное чувство и сексуальную эретику, но оргазма не было, и, похоже, этого

никогда не происходило. В целом они вели себя друг с другом как влюбленные, но старались, насколько это было возможно, скрыть этот факт от всего мира. Эта связь длилась несколько лет и продолжалась бы, если бы подруга мисс Х. из религиозных и моральных соображений не положила конец физическим отношениям. Мисс Х. была очень здорова и счастлива во время этих отношений; вмешательств в них, по-видимому, оказало тревожащее влияние, а также пробудило ее сексуальные желания, хотя она все еще едва осознавала их истинную природу.

Вскоре после этого другая девушка чрезвычайно сладострастного типа занялась любовью с мисс Х., которой последняя уступила, дав выход своим чувствам, а также своей любви к доминированию. Впоследствии она стыдилась этого эпизода, хотя физический элемент в нем оставался расплывчатым и неопределенным. Ее раскаяние было так велико, что, когда ее подруга, раскаиваясь в своих угрызениях совести, умоляла ее сохранить их отношения на прежнем уровне, мисс Х., в свою очередь, сопротивлялась всем попыткам восстановить физическую связь. Она придерживалась этого решения в течение нескольких лет и пыталась направить свои мысли в интеллектуальное русло. Когда у нее снова завязались интимные отношения, они были с близким по духу другом и длились несколько лет.

Она никогда не мастурбировала. Иногда, но очень редко, ей снились сны о верховой езде, сопровождавшиеся приятными сексуальными эмоциями (она не может вспомнить ни одного реального опыта, который свидетельствовал бы об этом, хотя и любит верховую езду). У нее никогда не было никаких сексуальных снов о мужчине; в последние годы ей иногда снились эротические сны о женщинах.

Ее чувства к мужчинам дружеские, но она никогда не испытывала сексуального влечения к мужчине. Они нравятся ей как хорошие товарищи, как мужчины нравятся друг другу. Ей нравится общество мужчин из-за их интеллектуальной привлекательности. Сама она очень активна в общественной и интеллектуальной деятельности. Ее отношение к браку всегда было отвращающим. Однако она может представить себе мужчину, которого могла бы полюбить или выйти замуж.

Ее привлекают женственные женщины, искренние, сдержанные, чистые, но с мужественным характером. Ее не привлекают интеллектуальные женщины, но в то же время она терпеть не может глупых женщин. Физические качества, которые привлекают ее больше всего, - это не столько красота лица, сколько изящное, но не слишком стройное тело с красивыми изгибами. Женщины, к которым ее тянет, обычно несколько моложе ее самой. Она очень привлекает женщин, причем без каких-либо усилий с ее стороны. Ей нравится принимать активное участие и защищать их. Сама она энергична по характеру и с несколько невротическим темпераментом.

Она находит сексуальное удовлетворение в нежных прикосновениях, ласке и поцелуях к телу любимого человека. (Здесь нет *кунилингуса*, к которому она относится с отвращением.) Она испытывает больше нежности, чем страсти. Существует высокая степень сексуального возбуждения при поцелуях, но оргазм встречается редко и достигается лежанием на друге или подругой, лежащей на ней, без какого-либо специального контакта. Ей нравится, когда ее саму целуют, но не так сильно, как принимать в этом активное участие.

Она считает, что гомосексуальная любовь является морально правильной, когда она действительно является частью природы человека, и при условии, что природа

гомосексуальной любви всегда становится понятной объекту такой привязанности. Она не одобряет это как простую импровизацию или выражение чувственности у нормальных женщин. Иногда она сопротивлялась сексуальному выражению своих чувств, один раз в течение многих лет, но всегда напрасно. Она утверждает, что любовь к женщинам оказывает на нее исключительно положительное воздействие, как духовное, так и физическое, в то время как подавление приводит к болезненности и истерии. В разные периоды она сильно страдала от неврастения, но при соответствующем лечении она постепенно уменьшалась. Перевернутый инстинкт слишком глубоко укоренился, чтобы его искоренить, но он хорошо контролируется.

ИСТОРИЯ XXXVII.—Мисс М., дочь родителей-англичан (оба музыканты), которые оба обладали так называемым "интенсивным" темпераментом, и в семье есть невротический элемент, хотя в анамнезе не было невменяемости или алкоголизма, а сама она не страдала нервными заболеваниями. При рождении она была очень маленькой. На портрете, сделанном в возрасте 4 лет, нос, рот и уши ненормально большие, и она носит шапочку маленького мальчика. В детстве она не любила кукол или красивую одежду и часто задавалась вопросом, почему другие дети находили в них столько удовольствия. "Насколько я помню, - пишет она, - я не могу вспомнить время, когда я ничем не отличалась от других детей. Мне было скучно, когда другие маленькие девочки приходили играть со мной, хотя я никогда не была грубой или шумной в своих занятиях спортом". Шитье вызывало у нее отвращение. И все же ее мало интересовали игры мальчиков, и она находила свое любимое развлечение в чтении, особенно приключений и сказок. Она всегда была тихой, робкой и застенчивой. Инстинкт впервые проявился во второй половине ее восьмого или первой половине девятого года жизни. Её сильно привлекло лицо учительницы, которая обычно появлялась в боковом окне на втором этаже школьного здания и звонила в колокольчик, созывая детей на занятия. Лицо учительницы казалось очень красивым, но печальным, и она постоянно думала о ней, хотя и не вступала с ней в личный контакт. Год спустя эта учительница вышла замуж и ушла из школы, и впечатление постепенно рассеялось. "В то время не было осознания секса, - писала она; - никаких знаний о сексуальных вопросах или практиках, и вызванные чувства были чувствами жалости, сострадания и нежности к человеку, который казался очень печальным и очень подавленным. Именно это качество или комбинация качеств всегда привлекали меня в моем собственном случае. Я могу прожить годы в относительно покое, когда, несмотря на мою напряженную практическую жизнь, что-то может случиться, чтобы заявить обо всем". Следующие чувства она испытала, когда ей было около 11 лет. Молодая леди пришла навестить ближайшую соседку и произвела на девочку такое глубокое впечатление, что ее товарищи по играм высмеяли ее за то, что она предпочитала сидеть в темном углу на лужайке— откуда она могла наблюдать за этой молодой леди, а не играть в игры. Будучи чувствительным ребенком, после этого случая она старалась никому не раскрывать своих чувств. Она инстинктивно чувствовала, что в этом она отличается от других. Ее чувство прекрасного развилось рано, но с ним всегда было связано неопределимое чувство меланхолии. Сумерки, темная ночь, когда ярко сияли звезды; все это производило на нее очень угнетающее действие, но, тем не менее, обладало сильной привлекательностью, и картины ей нравились. В возрасте 12 лет она влюбилась в одноклассника, на два года старше ее, который был поглощен мальчиками и никогда не подозревал об этой привязанности; она горько плакала, потому что они не могли быть подтверждены одновременно, но боялась показаться недостойной и сентиментальной, раскрывая свои чувства. Лицо этой подруги напомнило ей

одну из мадонн Дольче, которую она любила. Позже, в возрасте 16 лет, она очень сильно полюбила другую подругу и посвятила себя ее заботе. Среди женщин в семье этого друга был оттенок мужественности, но неясно, можно ли назвать ее перевернутой. Это был самый счастливый период в жизни мисс М. После смерти этой подруги, у которой долгое время было слабое здоровье, восемь лет спустя она решила никогда больше никому не раскрывать своего сердца.

Конкретное физическое удовлетворение не играет никакой роли в этих отношениях. Физические сексуальные чувства начали проявляться в период полового созревания, но не в связи с ее идеальными эмоциями. "В этой связи, - пишет она, - я бы сочла подобные вещи святотатством. Я боролась с ними, и в какой-то мере успешно. Практика потакания своим желаниям, которая могла бы стать повседневной привычкой, была лишь эпизодической. Ее образ, вызываемый в такие моменты, отгонял такие чувства, к которым я испытывал отвращение, предпочитая романтические идеальные чувства. Таким образом, совершенно не осознавая того факта, что я вообще отличаюсь от любого другого человека, я ухитрился приучить себя подавлять или, по крайней мере, доминировать над своими физическими ощущениями, когда они возникали. Вот почему дружба и любовь всегда казались мне такими святыми и прекрасными вещами. Я никогда не связывал эти два чувства. Я думаю, что я так же сильно сексуален, как и все остальные, но я способен держать друга в своих объятиях и испытывать глубокий комфорт и умиротворение, не испытывая даже намека на физическое сексуальное чувство. Сексуальное самовыражение может быть весьма необходимым в определенное время и при определенных условиях, но я убежден, что свободное выражение привязанности по сентиментальным каналам во многом сведет к минимуму необходимость в нем по специфически сексуальным каналам. Я прожил три месяца без физического выхода. Единственный раз, когда я был на грани нервной прострации, это после того, как подавлял инстинкт в течение десяти месяцев. Другие чувства, которые я вообще не считаю сексуальными, настолько заполняют мою жизнь во всех сферах — любовь, литература, поэзия, музыка, профессиональная и филантропическая деятельность, — что я могу позволить физическому позаботиться о себе сам. Когда приходят физические ощущения, это обычно происходит, когда я вообще не думаю о любимом человеке. Я мог бы рассеять их, обратив свои мысли к этой духовной дружбе. Я не знаю, было ли это правильно и мудро. Я знаю, что именно это и произошло. Кажется, неплохо практиковать своего рода торможение центров и приобретать такого рода доминирование. Однако одним плохим результатом было то, что временами я сильно страдал от физических ощущений и чувствовал себя ужасно подавленным и несчастным всякий раз, когда казалось, что они берут надо мной верх".

"Я смогла, - пишет она, - успешно справиться со стремлением к более совершенному и завершенному выражению своих чувств, и я сделала это без серьезного ущерба для своего здоровья". "Я люблю немногих людей, - снова пишет она, - но в тех случаях, когда я позволяла своему сердцу открыться другу, я всегда испытывала самые возвышенные чувства, и они делали меня лучше морально, ментально и духовно. Любовь для меня - религия".

Что касается ее отношения к другому полу, она пишет: "Я никогда не испытывала неприязни к мужчинам, но среди них есть хорошие товарищи. В детстве я общалась как с девочками, так и с мальчиками, наслаждаясь ими всеми, но задаваясь вопросом, почему девочкам нравится флиртовать с мальчиками. Позже в жизни у меня были и другие дружеские отношения с

мужчинами, некоторые из которых, к моему большому сожалению, заботились обо мне, поскольку, естественно, я не собираюсь выходить замуж".

Она музыкант, и сама отчасти объясняет свою натуру артистическим темпераментом. Она обладает хорошим интеллектом и проявляет незаурядный талант в различных областях физической науки. Ее рост составляет около 5 футов 4 дюймов, а черты лица довольно крупные. Размеры таза в норме, и внешние половые органы в большинстве случаев довольно нормальные, хотя и несколько маленькие. Через десять лет после даты составления этого анамнеза дальнейшее обследование у гинеколога под наркозом не выявило следов яичников с одной стороны. Общее телосложение женское. Но с вытянутыми перед собой руками ладонями вверх, соприкасающимися внутренними сторонами ладоней, она не может свести внутренние стороны предплечий вместе, как это может почти каждая женщина, показывая, что теряется женственный угол наклона рук.

Она левша и демонстрирует лучшее развитие всей левой стороны. Она спокойна и полна достоинства, но у нее много мальчишеских уловок в манерах и речи, которые кажутся инстинктивными; однако она старается постоянно следить за собой, чтобы избежать их, затрагивая женские привычки и женские интересы, но всегда сознавая, что это требует усилий.

Мисс М. не видит ничего плохого в своих чувствах; и пока в возрасте 28 лет она не наткнулась на перевод книги Краффта-Эбинга, она понятия не имела, "что чувства, подобные моим, были "под запретом общества", как он выразился, или считались неестественными и порочными". Она хотела бы помочь пролить свет на эту тему и рассеять тень от других жизней. "Я решительно протестую, - говорит она, - против бесполезности и бесчеловечности попыток "вылечить" инвертированных. Я совершенно уверен, что они имеют полное право жить в условиях свободы и счастья до тех пор, пока они ведут бескорыстный образ жизни. Нужно иметь в виду, что именно душа нуждается в удовлетворении, а не только чувства".

ИСТОРИЯ XXXVIII.—Мисс В., 35 лет. На протяжении всей юности и до совершеннолетия она была загадкой для самой себя и болезненно осознавала некую фундаментальную разницу между собой и другими людьми. Не было никого, с кем она могла бы поговорить об этой особенности. Пытаясь победить ее или игнорировать, она стала прилежной ученицей и добилась успеха в выбранной ею профессии. Несколько лет назад она наткнулась на книгу о сексуальной инверсии, которая оказалась для нее полным откровением о ее собственной природе и, показав ей, что она не является аномалией, к которой следует относиться с отвращением, принесла ей утешение и покой. Она желает, чтобы ее опыт был опубликован ради других женщин, которые, возможно, страдают так же, как в прошлом страдала она.

"Я преподаватель в женском колледже. Мне 34 года, я среднего роста. До 30 лет я выглядела намного моложе, а с тех пор и старше своего возраста. До 21 года у меня была поразительно детская внешность. В моем телосложении нет ничего мужского, насколько я осознаю; но я осознаю, что моя походка мужественна, и мне очень часто говорили, что я занимаюсь такими вещами, как шитье, "совсем как мужчина". Мой голос довольно низкий, но не грубый. Мне не нравится работа по дому, но я увлекаюсь спортом, садоводством и т.д. Когда я был так молод,

что уже и не помню этого, я научился свистеть, в чем я до сих пор мастер. Когда я была маленькой девочкой, я научилась курить, и мне до сих пор должно это нравиться.

"Несколько мужчин были моими хорошими друзьями, но очень мало поклонников. Я редко чувствую себя непринужденно с мужчиной, но женщин я понимаю и почти всегда могу подружиться с ними.

"Я шотландско-ирландского происхождения. Семья моего отца была уважаемыми, преуспевающими, религиозными людьми; семья моей матери была лишь полупрезентабельными, живучими людьми, проницательными, но не умными, трудолюбивыми и добивающимися денег, но любящими выпить и кутежи. Среди них было много незаконнорожденных. Обе бабушки, хотя и были малообразованны, были необычными женщинами. Из моих четырех дядей по материнской линии трое сильно пили.

"В 43 года моя мать родила меня, младшего из 8 детей. Из тех, кто дожил до зрелых лет, 2 кажутся вполне нормальными в сексуальном плане; 1 чрезвычайно эксцентричен, совершенно беспринципен, был вором и фальсификатором, вероятный двоеженец и предал нескольких уважаемых женщин. Помимо того, что у него было чрезмерное желание, я не знаю никаких сексуальных отклонений. Другой брат, женатый и отец, в детстве сильно увлекался мужчинами. Мне кажется, это никогда не выходило за рамки увлечения и в последние годы не было заметно. Третий брат, холост, хотя за ним частоухаживают женщины из-за его приятной внешности и личного обаяния, совершенно не реагирует, не обладает галантностью и, насколько мне известно, никогда не был поклонником. Однако он любит общество женщин, особенно тех, кто старше его. У него несколько женственный голос и походка. Хотя в последние годы он начал немного курить и выпивать, эти привычки сидят на нем довольно странно. В детстве одной из его любимых игр было притворяться знаменитой певицей. В школе его всегда заставляли околачивающимся рядом со старшими девочками.

"В детстве я любил гулять в поле, отказывался носить шляпку от солнца, притворялся мальчиком, лазал по деревьям и играл в мяч. Мне нравилось играть с куклами, но я не ласкала их и даже не шила им платьев. Когда мне подстригли волосы, я пришел в восторг и заставил всех называть меня "Джон". Раньше мне нравилось носить мужскую широкополую шляпу и делать трубки из кукурузных початков. Я очень любил своего отца и старался подражать ему, насколько это было возможно. Когда дело касалось животных, я был совершенно бесстрашен.

"Я думаю, что не был сексуально развитым ребенком, хотя, кажется, всегда смутно понимал, что существует два пола. Очень рано у меня возникло чувство стыда из-за того, что мое тело выставлено напоказ; я помню, как однажды меня не смогли убедить раздеться перед посетительницей-молодой девушкой. В то время мне было, должно быть, около 3 лет. Когда мне было 4 года, сосед, который часто гладил меня, посадил к себе на колени и обхватил моей рукой свой пенис. Хотя его прервали через мгновение, это произвело на меня неизгладимое впечатление. У меня не было никаких физических ощущений и я не имел ни малейшего представления о значении этого действия. И все же у меня было легкое чувство отвращения, и я, должно быть, смутно чувствовал, что это неправильно, потому что ничего не сказал матери. Я не привык доверять ей, потому что, хотя и был правдив, был скрытен.

"В возрасте 5 лет я начал посещать районную школу. Я помню, что в мой первый день меня очень привлекла маленькая девочка в ярко-красном платье.

"Мое первое определенное знание о сексе пришло ко мне таким образом: я посещал субботнюю школу и возымел честолюбивое намерение дочитать Библию до конца. Я добрался до рассказа о рождении Исава и Иакова, что возбудило мое любопытство. Поэтому я спросил свою мать о значении какого-то слова в отрывке. Она казалась смущенной и уклонилась от моего вопроса. Такое отношение еще больше разожгло мое любопытство, и я перечитывала главу, пока не поняла ее достаточно хорошо. Позже меня просветили подруги по играм. Думаю, мне нравилось слушать их разговоры и повторять то, что я знал, скорее из-за таинственности и скрытности, которыми окружены темы секса, чем из-за какого-либо чувственного наслаждения.

"Я не могу припомнить ни одного моего поступка, выросшего непосредственно из сексуального чувства, пока мне не исполнилось 10 лет. Несколько других маленьких девочек и я сама два или три раза обнажали интимные части наших тел друг перед другом. По крайней мере, в одном случае я была подстрекательницей. Это действие доставило мне некоторое удовольствие, хотя и без явных физических ощущений. Я вспоминаю один случай, который произошел, когда мне было около 10 лет. Мы с двоюродной сестрой вместе играли в "хаус". Я не помню, что сразу привело к этому, но мы начали обращаться друг к другу как мальчики и пытались мочиться через какие-то длинные трубки. Я также помню, что испытывал смутный интерес к этому процессу у животных и внимательно наблюдал за ними в процессе.

"С этого времени и примерно до 14 лет я становился все более грубым, неистовым и неуправляемым. До этого я был вполне послушным ребенком. В 12 лет я заинтересовалась мальчиком из моего класса в школе и попыталась привлечь его, но потерпела неудачу. Однажды на детском празднике, где мы играли вигры с поцелуями, я попыталась заставить его поцеловать меня, но он не реагировал. Не помню, чтобы я беспокоился о нем после этого. Год спустя у меня появился приятель, из-за которого мой школьный учитель дразнил меня. Я думал, что это смешно. В 13 лет у меня начались месячные, и этот факт вызвал у меня стыд и гнев. Постепенно я стала чувствовать себя особенной, почему, я не могу объяснить. Я не казалась себе похожей на других моих знакомых девушек. В качестве защиты я приняла бесцеремонный и вызывающий вид. Я проводил много времени, играя в одиночестве на нашем заднем дворе, где смастерил пару ходулей, практиковался в хождении по канату и тому подобном. В школе я почувствовала, что меня не любят более приятные девочки, и начала общаться с девочками, которых сейчас считаю аморальными, но которые, как я тогда предполагала, не делали ничего хуже, чем разговаривали в непристойной манере. Я копировал их разговор и становился все более безрассудным и неуправляемым. Директор средней школы, в которой я учился, как я узнал позже, сказала, что я был самым трудным учеником, которого она когда-либо контролировала. Примерно в это же время я прочитал книгу, в которой девушка была представлена как говорящая, что у нее "душа мальчика в теле девочки". Применимость этого ко мне самой сразу поразила меня, и я прочитал это предложение своей матери, которая вызвала у меня отвращение, показавшись шокированной.

"В этот период я начал влюбляться — практика, которая цеплялась за меня, пока мне не исполнилось почти 30 лет. Я вспоминаю разных пожилых женщин, в которых я был сильно влюблен, и одного мужчину. Из них была только одна, с которой я познакомился достаточно хорошо, чтобы проявить хоть какую-то привязанность; другая была учительницей, а третья — молодой замужней женщиной, на которую я обычно пылко смотрел во время всей церковной службы. Ко всем моим учительницам у меня было несколько сентиментальное отношение. Они стимулировали меня, в то время как мужчины вызывали у меня совершенно безличные чувства.

Эта ненормальная сентиментальность, возможно, была вызвана или, по крайней мере, усилилась чтением романов, некоторые из которых носят в высшей степени сладострастный характер. Я начала читать романы в 7 лет, а с 11 до 14 прочитала огромное количество нежелательных. Это привело к тому, что я представила свое будущее с возлюбленным, представила себя в романтических сценах, где меня ласкают и обнимают. Я всегда предполагала, что должна выйти замуж. Когда мне было около 5 лет, я решила, что, когда вырасту, выйду замуж за определенного молодого человека, который часто бывал в нашем доме. Несколько лет спустя он женился, к моему настоящему разочарованию. Я не испытывала к нему никакой привязанности, а просто думала, что из него получится желанный муж.

"Во время моей несчастливой юности я услышал, что бывший товарищ по играм собирается навестить меня дома. Я начал с большим нетерпением ждать этого визита и, когда она приехала, был очень взволнован. Я хотел остаться с ней наедине и ласкать ее, и когда мы спали вместе, я прижимался к ней своим телом в чувственной манере, которую она позволяла, но без страсти. Я был сильно взволнован и едва мог заснуть. Это был первый раз, когда я вел себя подобным образом, и после того, как она ушла, я почувствовал стыд и неприязнь к ней. При последующих встречах не было ни малейшей чувственности; мы никогда не упоминали о первом визите и по-прежнему друзья, хотя и не близкие.

"Дневник, который я вела в свои четырнадцать и пятнадцать лет, наполнен романтическими чувствами и ласковыми выражениями, применяемыми последовательно к трем девочкам моего возраста. Я был знаком с ними лишь на словах, но я был сильно увлечен всеми. Один мальчик также был объектом обожания.

"На тринадцатом году жизни я на какое-то время стал очень религиозным и посвятил себя религиозным упражнениям. Это прошло, и к четырнадцати годам я стал еретиком, но все еще был остро чувствителен к религиозным влияниям.

"Когда мне едва исполнилось 16, я переспал одну ночь с женщиной низкой морали. Она вела себя по отношению ко мне чувственно и возбудила мои сексуальные чувства. В то время я чувствовал, что это грех, но меня увлекла страсть. Впоследствии я возненавидел эту женщину и презирал себя.

Затем я уехала в школу-интернат с совместным обучением. Здесь я впервые стала счастливой. Девушка моего возраста, с прекрасным характером и заметной утонченностью, влюбилась в меня и заставила меня ответить взаимностью. Оглядываясь назад, я верю, что это была искренняя и прекрасная любовь с обеих сторон. Однако через несколько месяцев наши отношения, по моей инициативе и против воли моего друга, переросли в физические. Мы выражали нашу привязанность взаимными ласками, тесными объятиями и лежанием на телах друг друга. Иногда я чувственно прикасался к ее половым органам. Все эти контакты доставляли мне восхитительные ощущения. Через три года между нами возникло недопонимание, и мы расстались. Я был сильно опечален и обеспокоен в течение многих лет и начал сильно сожалеть о физических отношениях, которые существовали между нами. Мой друг, наконец, влюбился и женился. У меня было несколько других, более слабых увлечений женщинами, за мной ухаживали несколько мужчин, к которым я оставался холоден и скучал, за исключением одного случая, когда я был несколько тронут, и, наконец, я обрел прочную дружбу с женщиной, которая

глубоко влюбилась в меня в школьные годы и никогда не могла заботиться ни о ком другом. Она женщина со значительным литературным талантом, хорошими общими способностями и высокими идеалами. Обычно она очень нравится мужчинам. Ее любовь ко мне для меня самая настоящая вещь в мире и кажется самой постоянной. Сначала мое чувство к ней было почти чисто физическим, хотя сексуальных отношений не было. Я ненавидел это чувство и в значительной степени преуспел в его преодолении. Иногда после долгой разлуки мы обнимались с большой страстью, по крайней мере, с моей стороны. Это всегда оказывало на меня плохое физическое воздействие. Однако в настоящее время это происходит очень редко. Мы оба считаем сексуальные чувства унижительными и вредными для настоящей любви. Испытывали ли мы когда-либо полное физическое удовлетворение, я не знаю. Я испытал очень острое физическое удовольствие, смешанное с тем, что я принял за великий умственный подъем и усиление эмоций. Это состояние было вызвано тесным контактом с телом моего друга, обычно лежанием на нем. Но если под "удовлетворением" подразумевается, что желание, будучи полностью удовлетворенным, временно прекращается, то я думаю, что у меня никогда не было такого опыта. Если я и сделал это, то это было, когда мне было около 18 лет, когда я жил с подругой в интимных отношениях. Во всяком случае, в последние годы со мной этого никогда не случалось, и объятия, какими бы тесными они ни были, всегда оставляют во мне желание более тесного единения, как физического, так и духовного. Итак, несколько лет спустя я пришел к выводу, что невозможно получить физическое удовлетворение от женщины, которую я любил. Я пришел к этому выводу из-за плохих физических последствий контакта. Мои половые органы стали очень чувствительными и воспалились, и я страдала от боли из-за воспаления и вызванной им бели. Если бы я позволила себе побаловать себя ласками, это состояние вернулось бы. К счастью, моя подруга, хотя и очень нежна и демонстративна по отношению ко мне, испытывает очень мало сексуальной страсти. Мысль о том, что наши отношения основаны на этом, ей очень противна. Одно время, несколько лет назад, я был сильно обескуражен и почти потерял надежду побороть свой аппетит, и я решил, что мы не сможем общаться, пока я не добьюсь успеха. В настоящее время, благодаря посторонней помощи, я в значительной степени преуспел в том, чтобы жить со своим другом на основе нормальных, хотя и нежных дружеских отношений. Благодаря этому общению я получил больше помощи и многому научился, чем благодаря чему-либо другому. Острого удовольствия, которое я испытывал при ответном контакте, я никогда не испытывал при мастурбации. Насколько я помню, этого не происходило до тех пор, пока я не стал подростком, и это никогда не было привычной практикой, за исключением того первого лета, когда меня разлучили со школьным другом, которого я любил. Мысли о ней пробудили чувства, которые я попытался удовлетворить таким образом, но вся чувственность акта вскоре заставила меня воздержаться и увидеть, что это не то, чего я хотел.

"Около пяти лет назад со мной произошел странный случай, который, возможно, имеет какое-то значение. Я сидел в маленькой комнате, где проводился семинар. Лидером дискуссии был мужчина лет 50, на которого я равнялся из-за его достижений и уважал как мужчину, хотя в социальном плане был знаком с ним очень слабо. Я не спал ночью из-за зубной боли и нервничал. Я полностью сосредоточился на рассматриваемом предмете, когда внезапно почувствовал очень сильное физическое влечение к этому человеку. Я не знал, что собираюсь делать, но чувствовал, что вот-вот потеряю над собой всякий контроль. Я боялся уйти, опасаясь, что малейшее движение повергнет меня в панику. Влечение было чисто физическим и не походило ни на что, что я испытывала раньше. И у меня было странное чувство, что его причина

была в самом мужчине; что он желал этого; я была как зритель. Это было за несколько мгновений до того, как собрание распалось, когда моя "одержимость" полностью исчезла и больше никогда не повторялась.

"Что касается снов, я скажу, что только в последние год или два я осознавал, что вижу четкие сны с определенными событиями. Обычно они, казалось, оставляли лишь смутные впечатления, такие как ощущение, что я ехал верхом или пытался выполнить какую-то трудную задачу. Не припомню, чтобы мне снились сексуальные сны в течение нескольких лет, за исключением того, что иногда я просыпаюсь от чувства дискомфорта сексуального желания, которое, по-видимому, обычно вызвано потребностью в мочеиспускании. Примерно в возрасте от 17 до 22 лет мне часто, возможно, несколько раз в месяц, снились смутные сексуальные сны. Я думаю, это всегда происходило, когда мне случалось спать с кем-то, кого во сне я принимал за своего близкого друга, и я просыпался, обнимая своего соседа по постели иногда с легкой, иногда со значительной степенью страсти. Я наконец-то пришел к некоторому пониманию своего собственного темперамента и больше не чувствую себя несчастным и меланхоличным. Я жалею, что я не мужчина, потому что тогда у меня могли бы быть дом и дети".

ИСТОРИЯ XXXIX.—Мисс Д., активно занимающаяся своей профессией, 40 лет.

Наследственность хорошая, нервная система здоровая, общее состояние здоровья в целом удовлетворительное. Развитие женское, но манеры и движения несколько мальчишеские. Менструации скудные и безболезненные. Бедра в норме, бедра маленькие, половые органы демонстрируют некоторое приближение к инфантильному типу с большими малыми половыми губами и, вероятно, маленьким влагалищем. Тенденция к росту волос на теле и особенно на нижних конечностях. Повествование передано ее собственными словами:—

"С тех пор, как я вообще что-либо помню, я никогда не могла думать о себе как о девушке, и у меня были постоянные неприятности, и это было настоящей причиной. Когда мне было 5 или 6 лет, я начал говорить себе, что, что бы там ни говорили, если я и не мальчик, то, во всяком случае, не девочка. Это было моим неизменным убеждением на протяжении всей моей жизни.

"Когда я был маленьким, ничто не заставляло меня сомневаться в этом, несмотря на внешний вид. Я считал строение своего тела загадочной случайностью. Я не мог понять, почему это должно иметь какое-то отношение к делу. На самом деле на этот вопрос повлияли мои собственные симпатии и антипатии, а также тот факт, что мне не разрешили им следовать. Мне должны были нравиться вещи, которые принадлежали мне в детстве, — платьица, игрушки и игры, которые я совсем не любила. Мне кажется, я была более "мальчишеской", чем обычный маленький мальчик. Когда я умел только ползать, моим всепоглощающим интересом были молотки и ковровые гвозди. Прежде чем я научился ходить, я попросил, чтобы меня посадили на спину лошади, так что, кажется, я родился с любовью к инструментам и животным, которая никогда не покидала меня.

"Я не играла в куклы, хотя моя младшая сестра играла. Меня часто упрекали в том, что я не играю в ее игры. Я всегда выбирала игрушки для мальчиков — волчки, ружья и лошадей; я терпеть не могла, когда меня держали дома, и мне всегда хотелось выйти на улицу. К тому времени, когда мне исполнилось 7, мне казалось, что все, что мне нравилось, называлось

неправильно для девочки. Я перестала говорить старшим, что мне действительно нравится. Они смущали и утомляли меня своими разговорами о мальчиках и девочках. Я не верил им и с трудом мог представить, что они сами себе верят. К тому времени, когда мне было 8 или 9 лет, я часто задавался вопросом, были ли они простофилями, или лжецами, или лицемерами, или всеми тремя сразу. Вследствие этого я никогда не верил взрослым людям и не доверял им. Я во всем руководил своими младшими братьями. Я совсем не была счастливым маленьким ребенком, часто плакала и становилась раздражительной; меня так смущали разговоры о мальчиках и девочках. Меня ставили в пример другим маленьким девочкам, которые добродетельно презирали меня.

"Когда мне было около 9 лет, я пошел в дневную школу, и мне стало лучше. С 9 до 13 лет я практически формировал свою собственную жизнь. Я очень мало узнал в школе и открыто ненавидел ее, но я много читал дома и черпал много идей. Однако я жил в основном на свежем воздухе, когда мог выбраться. Я потратил все свои карманные деньги на инструменты, кроликов, голубей и многих других животных. Я стал страстным ловцом голубей, чтобы не сказать вором, хотя и не крал сознательно.

Мои братья были так же преданы животным, как и я. Предполагалось, что мужчины должны были присматривать за ними, но это делали только мы. Мы наблюдали, спаривали, разделяли и разводили их со значительным мастерством. У нас не было языка для самовыражения, кроме нашего собственного. Мы были абсолютно невинны и нежно сочувствовали каждому животному. Я не думаю, что мы когда-либо связывали их дела с делами людей, но поскольку я не помню времени, когда я не знал всего о реальных фактах секса и размножения, я предполагаю, что я узнал все это таким образом, и жизнь никогда не преподносила мне никаких сюрпризов в этом направлении. Хотя, бегая по диким местам, я видел много такого, чего не должен был видеть ребенок, я никогда не задумывался о них; у всех животных, больших и малых, от кроликов до людей, были одинаковые обычаи, все естественные и правильные. Мое посвящение здесь было, на мой взгляд, почти идеальным, каким и должно быть посвящение ребенка. Я никогда не задавал вопросов взрослым людям. Я считал всех, кто отвечал за меня, грубыми и лживыми, и мне не нравились все уродливые вещи и предложения.

"Каждые каникулы я гулял с мальчиками из школы моих братьев. Им всегда нравилось, когда я играл с ними, и, хотя мальчики были неприятны на язык, они всегда были вежливы со мной. Я организовывал игры и укрепления, которые они никогда бы не придумали для себя, руководил штурмовыми отрядами и ввел несколько довольно опасных игр боевого толка. Я научил своих братьев бросать камни. Иногда я устраивал авантюры, например, вламывался в пустые дома. Мне нравилось гулять после наступления темноты.

"Зимой я мастерил лодки и ходил на них под парусом, а также занимался рафтингом и прыжками с шестом. Я стал очень хорошим прыгуном и скалолазом, мог лазить по канату, бросать мяч сверху, как мальчишка, и свистеть тремя разными способами. Я собирал жуков и бабочек, ловил креветок и научился ловить рыбу. У меня было очень мало денег, но я собрал все необходимое и сам сделал все ловушки, сети, клетки и т.д. Я учился у каждого рабочего, умел пользоваться всеми обычными плотничьими инструментами, а также как сваривать горячее железо, прокладывать мостовую, класть кирпичи и дерн и так далее.

"Когда мне было около 11 лет, мои родители еще больше расстроились из-за моего поведения и постоянно угрожали мне школой-интернатом. Месяцами мне говорили, что это избавит меня от

глупостей — "сформирует меня", "превратит в юную леди". В конце концов мне объявили о моем уходе как о наказании за то, что я была такой, какая я есть.

"Конечно, ужас от посещения этой школы и жестокий и несимпатичный способ, которым меня туда отправили, вызвали у меня шок, от которого я так и не оправился. Единственное, что примирило меня с отъездом, - это мое сильное возмущение теми, кто меня послал. Я просил разрешить мне изучать латынь и предметы для мальчиков, но над этим смеялись.

"Я был настолько беспомощен, что знал, что не смогу убежать так, чтобы меня не поймали, иначе я бы убежал куда угодно из дома и школы. Я никогда не плакал и не нервничал, но сгорал от гнева и бежал, как загнанный кролик.

"Я не могу описать словами тяжесть нервного потрясения или страдания моего первого года в школе. Школа была известна своей строгостью, и я слышала, что одно время старшие девочки убегали так часто, что носили форменную одежду. Я знала двух, которые сбежали. Учительницы в мое время были невежественными, потакающими своим желаниям женщинами, которые не заботились ни о девочках, ни об их образовании и зарабатывали на них много денег. Там царила подозрительная исправительная атмосфера, у меня забирали деньги и читали мои письма.

"Я была очень застенчивой. Я ненавидела других девушек. Нигде не было никаких изысков; у меня не было уединения в моей комнате, которая всегда была переполнена; у нас не было горячей воды, не было ванн, неправильной еды и никакого образования. Нам не разрешали носить достаточно чистого белья, и в течение пяти лет я никогда не чувствовала себя чистой.

"У меня никогда не было ни минуты наедине с собой, мне не разрешали ничего читать, не хватало даже учебников, меня не учили ничему, о чем можно было бы говорить, кроме немного отсталой музыки и рисования. Я никогда не занимался достаточно физическими упражнениями, всегда был усталым и вялым и не мог поддерживать свое пищеварение в порядке. Моя гордость и самоуважение были унижены бесчисленными способами, я испытывал муки отвращения, и все это было унылой каторгой.

"Я не жаловалась. Я подружилась с несколькими девочками. Некоторым из девочек постарше я понравилась. Некоторые говорили со мной о мужчинах и любовных похождениях, но меня это не очень интересовало. Никто никогда не говорил о каких-либо других вопросах секса при мне или в моем присутствии, но большинство девушек стеснялись меня, а я их.

"Примерно через два года я понравилась учителям, и они считали меня одной из своих самых милых девочек. Я, конечно, повлиял на них и добился, чтобы они предоставили девочкам больше привилегий.

"Я придаю большое значение физическим лишениям и отвращению, которые я испытывал в течение этих лет. Умственный голод был не так велик, потому что они не могли сокрушить мой разум так, как они сокрушили мое тело. Я уверен, что все это существенно помогло остановить развитие моего тела.

"Трудно оценить сексуальное влияние, о котором в детстве я практически не подозревал. Я, конечно, восхищался самыми живыми и умными девушками, заводил с ними дружбу и недолюбливал заурядных, неуклюжих, необразованных людей, которые составляли две трети

моих спутниц. Я понравился веселым девочкам, и у меня появилось несколько приятных друзей, с которыми я не расстаюсь до сих пор. Одной девочке лет 15 я очень понравился, и она, образно говоря, слизывала пыль с моих ботинок. Я никогда не обращал на нее внимания. Когда мне было почти 16, одна из моих учительниц начала замечать меня и была очень добра ко мне. Она была на двадцать лет старше меня. Казалось, она сочувствовала моему одиночеству, водила меня на прогулки и рисовала, поощряла говорить и думать. Это был первый раз в моей жизни, когда кто-то когда-либо сочувствовал мне или пытался понять меня, и это было самое прекрасное событие для меня. Я чувствовал себя ребенком-сиротой, у которого внезапно появилась мать, и благодаря ей я начал испытывать меньшую неприязнь к взрослым людям и впервые в жизни почувствовал уважение к тому, что они говорили. Она привела меня в состояние сравнительной покорности и заставила других учителей полюбить меня и доверять мне. Моя любовь к ней была совершенно чистой, и я думал о ней просто по-матерински. Она никогда не пробуждала во мне ни малейшего чувства, которое я мог бы назвать сексуальным. Мне нравилось, когда она прикасалась ко мне, и она иногда держала меня на руках или позволяла сидеть у нее на коленях. Перед сном она обычно приходила пожелать мне спокойной ночи и целовала в губы. Теперь я думаю, что то, что она сделала, было в какой-то степени неблагоразумно, и мне хотелось бы верить, что это было так же бескорыстно и по-доброму, как мне казалось тогда. После окончания школы я написал ей и навещал ее в течение нескольких лет. Однажды она написала мне, что, если я смогу дать ей работу, она переедет ко мне жить. Однажды, когда она болела неврастением, ее друзья попросили меня поехать с ней на море, что я и сделал. Здесь она повела себя необычным образом, яростно приревновав меня к другой моей пожилой подруге, которая была там. Я едва мог поверить своим чувствам и был так поражен и возмущен, что больше никогда к ней не подходил. Она также обвинила меня в том, что я не был "лоялен" к ней; по сей день я понятия не имею, что она имела в виду. Затем она написала и спросила меня, что между нами не так, и я ответил, что после сказанных ею мне слов моему доверию к ней пришел конец. Это не причинило мне особой боли, поскольку я к тому времени перероспростую благодарность моих детских дней и не заменил ее каким-либо более сильным чувством. Всю свою жизнь я испытывал глубочайшее отвращение к каким-либо "разговорам" с другими женщинами.

"Меня гораздо меньше интересовали вопросы секса, чем других детей моего возраста. Я была в целом менее развитой, хотя знала, как мне кажется, больше, чем другие девочки. Тем не менее, к тому времени, когда мне исполнилось 15 лет, социальные вопросы начали меня сильно интересовать. Трудно сказать, как это произошло, поскольку мне запретили все книги и газеты (за исключением моих каникул, когда у меня обычно была оргия чтения, хотя и не тех книг, которые мне были нужны). У меня было множество возможностей для спекуляций, но не было материалов для каких-либо прибыльных размышлений.

"Сновидения были навязаны мне. Ночью мне снились сказки, а днем - социальные сны. В ночных грезах, иногда наяву, я всегда был принцем или пиратом, спасающим красавицу в беде или убивающим недостойных. У меня был один сон, который я видел снова и снова, наслаждался и до сих пор иногда вижу во сне. В нем я всегда охотился и сражался, часто в темноте; обычно где-то на заднем плане была женщина или принцесса, которой я восхищался, но я никогда по-настоящему ее не видел. Иногда я был безбилетником на борту корабля, или охотником-индейцем, или жителем лесной глуши, строившим бревенчатую хижину для своей жены или, скорее, какой-нибудь компаньонки. Мои повседневные мысли были не о женщинах, окружавших меня, и даже не о той, кто была так добра ко мне; они были почти безличны. Во

всяком случае, я пошел дальше от себя к тому, что считал действительно идеальным, и создал очень красивое видение крепкой человеческой дружбы, в которой было все, что было сильным и полезного с обеих сторон, но очень мало секса. Чтобы представить это во всей полноте, мне пришлось представить все социальные, семейные и образовательные условия, сильно отличающиеся от всего, с чем я сталкивался. Исходя из этого, мои мысли в основном касались социальных вопросов. В каком бы направлении ни текли мои мысли, я всегда рассматривал их с точки зрения мальчика. Я пыталась терпеливо ждать, пока не смогу сбежать от рабства и голодной смерти, и пыталась сохранять непредвзятость, о которой я говорила, хотя я никогда не открывала книгу стихов, или роман, или историю, но я естественным образом вернулась к своему недевическому поведению и прочитала это своими собственными глазами. Вся моя поверхностная жизнь была притворством, и только благодаря книгам, которых было немного, я когда-либо видел мир естественным образом. Размышления о социальных проблемах привели меня к тому, что я почувствовал сильную жалость к женщинам, которых, по моему мнению, в результате преднамеренного процесса превращения в дур, какими я их считал, и в результате того же процесса, которым был превращен я сам. Я все больше и больше чувствовала, что мужчинам следует завидовать, а женщин жалеть. Я подчеркиваю это, потому что это пробудило во мне осознанный интерес к женщинам как таковым. Я начал чувствовать заботу и доброту по отношению к женщинам и детям и освобождать женщин от их ответственности за бедствия, такие как моя школьная карьера. Я никогда не думала, что мужчины нуждаются в каком-либо сочувствии или поблагодарили бы меня за это. Но так получилось, и без малейшей помощи, которую я могу проследить, что к тому времени, когда мне исполнилось 19 лет, я остро интересовался самыми разными вопросами: жалостью к угнетенным женщинам, вопросами избирательного права, законами о браке, вопросами свободы, свободомыслия, заботой о бедных, взглядами на природу, Человека и Бога. Все эти вещи заполнили мой разум, исключая отдельных мужчин и женщин. Как только я закончил школу, я с головой окунулся в книги, где эти вещи рассматривались; у меня были ответы на все, что нужно было найти после длительного периода вынужденного голодания. Мне приходилось работать над своими знаниями. Рядом со мной не было книг или идей, кроме тех, за которыми я отправился на поиски. Еще одной вещью, которая помогла мне в то время широко взглянуть на жизнь, была моя сильная любовь к природе. Все птицы и животные произвели на меня впечатление своей красотой и грацией, и я всегда испытывал к ним глубокую симпатию, а также некоторое тонкое понимание, которое позволяет мне иногда замечательно приручать их. Я не только любил всех других существ, но и верил, что мужчины и женщины - самые красивые существа во вселенной, и я предпочел бы смотреть на них (раздетых), чем на что-либо другое, что доставляло бы мне величайшее удовольствие. Я был готов полюбить их, потому что они были прекрасны. Когда пришло время заканчивать школу, я скорее боялся этого, главным образом потому, что боялся своей жизни дома. В то время мне очень хотелось убежать и попытаться счастья где угодно; возможно, если бы я был сильнее, я бы так и сделал. Но у меня было очень слабое здоровье из-за перенесенных физических травм, и я был в очень плохом настроении из-за этого и моих психических репрессий. Я все еще чувствовал себя пленником и был горько разочарован и пристыжен отсутствием образования. Позже я сам преподавал арифметику и другие вещи.

"Следующий период моей жизни, охвативший около шести лет, был не менее важен для моего развития и был временем крайних страданий для меня. Это застало меня по окончании школы почти ребенком. Это время между 18 и 24 годами, я думаю, следует считать моим настоящим

периодом полового созревания, который, вероятно, у большинства детей приходится на последние годы их школьной жизни.

"Именно в это время я начал заводить много собственных друзей и начал осознавать психическую и сексуальную привлекательность. Я никогда не сталкивался с какими-либо теориями на этот счет, но я решил, что, должно быть, принадлежу к какому-то третьему полу. Раньше я задавался вопросом, похожи ли я на пчел среднего рода! Я знала физические и психические сексуальные ощущения, и все же мне казалось, что я знаю их совсем иначе, чем другие мужчины и женщины. Я спросила себя, смогу ли я жить жизнью женщины, рожать детей и выполнять свой долг по отношению к ним. Я спросил себя, какой разрыв мог быть между структурой моего тела и моими чувствами, а также в чем заключался смысл сильных физических ощущений, которые держали меня в своих тисках без моего собственного выбора.

[Переживание физических сексуальных ощущений впервые началось около 16 лет во сне; мастурбация была случайно обнаружена в возрасте 19 лет, прекращена в 28, а затем в 34 сознательно возобновлена как метод чисто физического облегчения.] Эти три вещи просто невозможно было совместить, и я сказал себе, что должен найти такой образ жизни, в котором было бы как можно меньше секса любого рода. Было что-то, чего мне просто не хватало, в чем я никогда не сомневался. Как ни странно, я думал, что конечным объяснением может быть то, что в женских телах есть мужской разум, но я был больше озабочен поиском образа жизни, чем загадками без ответов.

"Я думала, что однажды, когда у меня будут деньги и возможность, я надену мужскую одежду и уеду в другую страну, чтобы мне не мешали соображения секса и условности. Я решил вести достойную, честную, но простую жизнь.

"Сначала я понятия не имел, что у женщин существует гомосексуальное влечение; последующие наблюдения за низшими животными навели меня на эту мысль. Я мысленно не готовился ни к какой сексуальной жизни, хотя и думал, что это было бы скучным занятием - подавлять свое тело всю свою жизнь.

"Мои отношения с другими женщинами были совершенно чистыми. Мое отношение к своим сексуальным физическим ощущениям было сдержанным и подавленным, и я думаю, что растущее убеждение в моей радикальной неполноценности где-то сделало бы интимную привязанность к кому-либо, с любой ее демонстрацией, своего рода неприличием, к которому у меня не было вкуса.

Однако между 21 и 24 годами со мной произошли и другие вещи.

"За эти несколько лет я повидал множество мужчин и множество женщин. Что касается мужчин, то они мне очень нравились, но я никогда не думала, что найдется мужчина, с которым я хотела бы жить. Несколько мужчин были очень дружелюбны со мной, и трое из них, в частности, писали мне письма и во многом доверяли мне. Двоих из них я пригласила в гости к себе домой. Все эти мужчины свободно разговаривали со мной и даже рассказывали о своих сексуальных идеях и поступках. Один попросил меня поверить, что он ведет хорошую жизнь; двое других признались, что это не так. Один обсуждал со мной вопрос гомосексуализма; он никогда не был женат. Один из них мне очень понравился, меня привлекли его мягкость и нежность и почти женский голос. Была надежда, что я понравлюсь ему, и он очень осторожно занялся со мной любовью. Я позволила ему поцеловать себя несколько раз и написала ему несколько ответных

писем, задаваясь вопросом, что мне в нем нравится. Затем кто-то прокомментировал это знакомство и сказал "брак", и я осознала тот факт, что на самом деле совсем его не хотела. Я думаю, он считал дружбу слишком пресной и был рад избавиться от нее. Все эти мужчины были немного женственными по своим характеристикам, вдвое не играли в игры. Мне показалось странным, что все они выражают восхищение теми самыми мальчишескими качествами во мне, которые другим людям не нравились. Четвертый мужчина, примерно того же типа, сказал другому другу, что его всегда удивляло, насколько свободно он мог разговаривать со мной, но что он никогда не мог почувствовать, что я женщина. Двое из них были блестяще умными людьми; двое были художниками.

"В тот же период или раньше у меня появилось несколько подруг и, конечно, я чаще с ними встречался. Я выбрал некоторых, а некоторые выбрали меня; думаю, я привлек их так же сильно, как и они меня, или даже больше. Я не совсем помню, было ли это так, хотя могу с уверенностью сказать, что так было в школе. Тогда я познакомился с тремя или четырьмя яркими, умными молодыми женщинами, с которыми я был большим другом. Мы интересовались книгами, социальными теориями, политикой, искусством. Иногда я навещал их, или мы отправлялись в исследовательские экспедиции по многим деревням и городам. Все они в конце концов либо заводили романы, либо женились. Я знаю, что, несмотря на все наши свободные беседы, они никогда не разговаривали со мной так, как друг с другом; мы всегда были немного застенчивы друг с другом. Но я очень полюбил по крайней мере четверых из них. Я восхищалась ими, и когда я уставала и волновалась, я часто думала, как легко, если бы я была мужчиной, я могла бы выйти замуж и остепениться с тем или иным. Раньше я думал, что было бы восхитительно иметь женщину, на которую можно работать и о которой можно заботиться. Мое влечение к этим женщинам было очень сильным, но я не думаю, что они знали об этом. Я редко даже целовал их, но я бы часто радостно обнимал и целовал их, если бы считал это правильным. Я никогда не хотел, чтобы они целовали меня и вполтину так сильно, как я хотел целовать их. За эти годы я чувствовал это с каждой женщиной, которой восхищался.

"Иногда я испытывал легкую эрекцию, находясь рядом с другими женщинами. Я уверен, что они были вызваны не моей преднамеренной мыслью, и поскольку они были у меня и в другое время, когда я их не ожидал, я думаю, что это могло быть случайностью. То, что я чувствовал своим разумом, и то, что я чувствовал своим телом, всегда в то время казалось разделенным. Я не могу точно описать интерес и притягательность, которые тогда были для меня у женщин. Я только знаю, что никогда не чувствовала ничего подобного к мужчинам. Все мои чувства желания делать добро, дарить подарки, быть любимым и уважаемым и все подобные естественные мелочи относились к женщинам, а не к мужчинам, и в это время, как открыто, так и про себя, я без колебаний сказал, что женщины мне нравятся больше всего. Следует помнить, что в то время неприязнь к мужчинам воспитывалась во мне теми, кто хотел, чтобы я вышла замуж, и это, должно быть, имело большее значение, чем я сейчас помню.

Что касается моих физических сексуальных чувств, которые были хорошо развиты за эти несколько лет, я не думаю, что я часто предавался каким-либо эротическим фантазиям, заслуживающим оценки, но насколько я вообще это делал, я всегда представлял себя мужчиной, любящим женщину. Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь представлял себе обратное, но я вообще редко что-либо представлял, и я полагаю, что высшие сексуальные ощущения не знают секса.

"Но со временем, когда мои физические и психические чувства встретились, по крайней мере, в моем собственном сознании, я полностью осознал значение любви и даже гомосексуальных возможностей.

"Вероятно, мне следовало бы больше задумываться об этой стороне вещей, если бы в то время я не был так обеспокоен трудностями жизни в своем доме из-за постоянного трения из-за сравнения с другими людьми. Моя жизнь была притворством; я был актером, никогда не сходящим с пьесы. Мне приходилось с утра до ночи изображать из себя то, кем я не был, и у меня не прекращалась долгая усталость, которую я испытывал в школе; вдобавок мне приходилось заниматься сексом активно и осознанно.

"Оглядываясь назад на эти двадцать четыре года моей жизни, я вижу только череду страданий. Нервное напряжение было огромным, как и моральное. Всякий раз, когда я хотел доставить удовольствие кому-нибудь другому, я чувствовал себя не ребенком, а дрессированной обезьяной. У меня крали удовольствия или меня презирали за то, что я их получал. Меня не учили, и меня называли дураком. Моя рука была против рук всех остальных. Как получилось, что при моем приподнятом настроении и живом воображении я не вырос моральным идиотом, полным извращенных инстинктов, я не знаю. Я описываю себя как послушного ребенка, но я был полон искушения стать другим. Были моменты, когда я молчал перед людьми, но если бы у меня в руке был нож, я мог бы воткнуть его в них. Если бы кто-то хотел сделать из меня насквозь извращенное существо, я не могу представить себе лучшего способа, чем попытка силой вылепить из меня определенную модель девушки.

"Глядя на мои инстинкты в моем первом детстве и мое душевное смятение по поводу самой себя, я не верю, что самое сочувственное и научное лечение превратило бы меня в обычную девушку, но я не вижу причин, почему надлежащие физические условия не должны были способствовать лучшему физическому развитию, а это, в свою очередь, привело к появлению вкусов, более приближенных к вкусам нормальной женщины. То, что я даже сейчас не желаю быть нормальной женщиной, не имеет отношения к делу.

"Вместо какой-либо такой помощи я страдал в период, который должен был стать периодом полового созревания, от глубокого психического и физического потрясения, растянувшегося на несколько лет, и вдобавок я страдал от оскорбления всех прекрасных и полезных чувств, которые у меня были. Эти действия, связанные с проверкой моего физического развития, дали, я совершенно убеждена, травмирующий импульс моей общей ненормальности, и это в дальнейшем поддерживалось тем, что от меня требовали (на заре моей настоящей сексуальной активности и когда я была еще практически ребенком) интереса к мужчинам и браку, на который я была способна не больше, чем любой обычный мальчик или девочка 15 лет. Если бы вы взяли 13-летнего мальчика и поставили ему все мои условия, связали его по рукам ногам, когда вы стали его бояться, ласкали его до покорности, а затем поместили в мир и, навязывая ему нормальную сексуальность, с одной стороны, внушили ему отвращение к ней, с другой, каким был бы вероятный результат?

Оглядываясь назад, я могу только сказать, что, по-моему, результаты в моем собственном случае были удивительно хорошими, и от худшего меня спасла моя собственная невинность и физическая отсталость, которой природа, вероятно, из милосердия, наградила меня.

"Мне трудно подвести итог тому, как я влияю на других женщин, а они на меня. Я могу только зафиксировать свое убеждение в том, что я действительно влияю на большое количество людей, ненормально это или нет, я не знаю, но я привлекаю их, и некоторым из них было бы легко полюбить меня, если бы я дал им шанс. Кроме того, я уверен, что они более застенчивы со мной, чем с другими женщинами.

"Мне также трудно суммировать их воздействие на меня. Я знаю только, что некоторые женщины привлекают меня, а некоторые искушают физически, и делаю это с тех пор, как мне исполнилось 22 или 23 года. Я знаю, что психически я всегда больше интересовался женщинами, чем мужчинами, но не считал их лучшими товарищами или наперсниками. Я защищаю их, никогда не ревную к ним и ненавижу разногласия с ними. И я всегда чувствую, что я не один из них. Если бы в моей жизни был какой-то период, когда здоровье, искушения, деньги и возможности облегчали гомосексуальные отношения, я не могу сказать, как бы я сопротивлялся. Я думаю, что у меня никогда не было подобных отношений просто потому, что я в некотором смысле был защищен от них. Долгое время я думал, что должен обходиться без каких-либо реальных сексуальных отношений, и действовал в соответствии с этим. Если бы я считал какие-либо отношения правильными и возможными, я думаю, мне следовало бы стремиться к гетеросексуальному опыту из-за уважения, которое я культивировал, да и, думаю, всегда питал, ко всему нормальному и естественному. Если бы я считал правильным предаваться любому виду удовлетворения, который был в пределах моей досягаемости, я думаю, я, вероятно, выбрал бы гомосексуалиста, как, возможно, более удовлетворяющего и более удобного. Сначала я всегда хотел любви и дружбы; позже я должен был бы радоваться чему-то, что могло бы удовлетворить и мой сексуальный голод, но к тому времени я мог бы обойтись без этого, или я так думал".

В период, несколько более поздний, чем тот, о котором идет речь в этом повествовании, героиня почувствовала сильное влечение к мужчине с несколько женственным и ненормальным характером. Но, поразмыслив, она решила, что выходить за него замуж было бы неразумно.

Самой распространенной характеристикой сексуально инвертированной женщины является определенная степень мужественности или мальчишества. Как я уже указывал, трансвестизм ни у женщин, ни у мужчин ни в коем случае не обязательно предполагает инверсию. В сборнике *"Женщины-авантюристки"* под редакцией миссис В Приключенческом сериале "Норман" нет и следа инверсии; в большинстве этих случаев любовь к мужчине действительно была именно мотивом для принятия мужской одежды и манер. Опять же, дочь Колли Сиббер, Шарлотта Чарк, по-мальчишески жизнерадостная женщина, которая большую часть своей жизни носила мужскую одежду и в конечном итоге написала оживленный том мемуаров, похоже, никогда не привлекала женщин, хотя женщин часто привлекала она, считая их мужчиной; действительно, примечательно, что женщины, кажется, с особой частотой влюбляются в переодетых лиц своего пола.^[166] Однако среди сексуально инвертированных женщин существует очень выраженная тенденция переодеваться в мужскую одежду, когда это практически возможно. В таких случаях мужская одежда обычно считается желанной не столько из-за практического удобства, и даже не для того, чтобы произвести впечатление на других женщин, сколько потому, что ее владелец чувствует себя в ней более комфортно. Так, Молл упоминает случай с молодой гувернанткой 16 лет, которая, все еще не осознавая своей сексуальной извращенности, находила удовольствие, когда всех не было дома, в том, чтобы надевать одежду юноши, принадлежащего к семье.

Были зарегистрированы случаи обращения женщин, которые большую часть своей жизни носили мужскую одежду и в целом считались мужчинами. Я могу привести случай Люси Энн Слейтер, псевдонима преподобного Джозефа Лобделла, описанный Уайз (*психиатр и невролог*, 1883). У нее был мужской характер, черты лица и одежда. В молодости она вышла замуж и родила ребенка, но не испытывала привязанности к своему мужу, который в конце концов бросил ее. Как обычно в таких случаях, ее мужские привычки проявились в раннем детстве. Она была экспертом в обращении с ружьем, прожила жизнь траппера и охотницы среди индейцев и была известна как "Женщина-охотница из Лонг-Эдди". Она опубликовала книгу об этом опыте. Мне не удалось ее увидеть, но говорят, что она причудлива и хорошо написана. Она считала себя практически мужчиной и привязалась к молодой женщине с хорошим образованием, которую к тому же бросил муж. Привязанность была сильной и эмоциональной и, конечно, без обмана. Оно было прервано ее признанием и заключением в тюрьму как бродяжки, но по ходатайству ее "жены" она была освобождена. "Может быть, в каком-то смысле я и женщина, - сказала она, - но у меня есть особые органы, которые делают меня скорее мужчиной, чем женщиной". Она упомянула об увеличенном клиторе, который, по ее словам, она могла бы эрегировать, как черепаха высовывает голову, но не было и речи о его использовании при половом акте. В конце концов ее доставили в лечебницу с пароксизмальными приступами экзальтации и эротомании (по-видимому, без насилия над собой) и соответствующими периодами депрессии, и она умерла от прогрессирующего слабоумия. Я могу также упомянуть случай (кратко описанный в "*Ланцете*" от 22 февраля 1884 г.) человека по имени Джон Коултер, который в течение двенадцати лет работал чернорабочим у комиссаров гавани Белфаста. Когда смерть наступила в результате травм, полученных при падении с лестницы, было установлено, что этим человеком была женщина. Ей было пятьдесят лет, и, очевидно, большую часть своей жизни она провела как мужчина. В молодости, работая слугой на ферме, она вышла замуж за дочь своей хозяйки. Пара была жената двадцать девять лет, но в течение последних шести лет жила порознь из-за распущенных привычек "мужа". Никто никогда не подозревал о ее поле. У нее была мужественная внешность и хорошая мускулатура. "Жена" взяла на себя заботу о теле и похоронила его.

Более недавний случай того же рода связан с "Мюрреем Холлом", который умер в Нью-Йорке в 1901 году. Ее настоящее имя было Мэри Андерсон, и она родилась в Говане, в Шотландии. Рано оставшись сиротой, после смерти своего единственного брата она надела его одежду и уехала в Эдинбург, работая мужчиной. Ее секрет был раскрыт во время болезни, и она, наконец, уехала в Америку, где прожила как мужчина тридцать лет, зарабатывая деньги и приобретая некоторую известность как политик из Таммани, довольно буйный "городской человек". Секрет был раскрыт только после ее смерти, когда он стал полным откровением даже для ее приемной дочери. Она была замужем дважды; первый брак закончился разлукой, но второй брак, казалось, был счастливым, потому что продлился двадцать лет, когда "жена" умерла. Она много общалась с хорошенькими девушками и очень им завидовала. Она, кажется, была хрупкой и не очень мужественного телосложения, с писклявым голосом, но все ее манеры, отношение и привычки были по сути мужскими. Она общалась с политиками, пила немного сверх меры, хотя и не сильно, много ругалась, курила и жевала табак, пела непристойные песни; могла бегать, танцевать и драться, как мужчина, и лишилась всех признаков женской утонченности. Она всегда носила одежду, которая была слишком большой, чтобы скрыть ее формы, мешковатые

брюки и пальто даже летом. Говорят, что она умерла от рака груди. (Я цитирую отчет, который кажется достоверным, содержащийся в *еженедельнике Scotsman* от 9 февраля 1901 г.)

Другой случай, описанный в лондонских газетах, связан с Кэтрин Кум, которая в течение сорока лет успешно изображала мужчину и в целом перенимала мужские привычки. Она вышла замуж за камеристку, с которой прожила четырнадцать лет. В последнее время она стала мошенницей, и ее дело получило огласку как дело "мужчина-женщина".

В 1901 году была зафиксирована смерть на борту корабля мисс Кэролайн Холл из Бостона, художницы-акварелистки, долгое время проживавшей в Милане. Тремя годами ранее она отказалась от женской одежды и жила в качестве "мужа" молодой итальянки, тоже художницы, с которой была знакома уже семь лет. Она называла себя "Мистер Холл" и оказался вполне нормальным молодым человеком, умеющим стрелять из винтовки и увлекающимся мужественными видами спорта. Офицеры корабля заявили, что она от души курила и пила, шутила с другими пассажирами мужского пола и была приветлива со всеми. Смерть наступила из-за запущенного туберкулеза легких, ускорившегося из-за чрезмерного употребления алкоголя и курения.

Эллен Гленн, *псевдоним* Эллис Гленн, известная мошенница, которая занимала видное место перед публикой в Чикаго в 1905 году, была еще одним "мужчиной-женщиной" крупного и мужеподобного типа. Она предпочитала одеваться как мужчина и имела много любовных походов с женщинами. "Она умеет играть на скрипке не хуже любого другого человека в штате, - сказал мужчина, который знал ее, - может боксировать как боксер, танцевать и играть в карты".

Несколько лет назад в Севилье пожилой полицейский, который в течение тридцати лет обслуживал сменявших друг друга губернаторов этого города, был тяжело ранен в результате уличного происшествия. Его отвезли в больницу, и тамошний врач обнаружил, что "полицейским" была женщина. Ее звали Фернандо Маккензи, и за все время ее долгой службы не возникло никаких подозрений относительно ее пола. Она была француженкой по происхождению, родилась в Париже в 1836 году, но ее отец был англичанином, а мать испанкой. Она приняла мужскую личину, когда была девушкой и отслужила свой срок во французской армии, затем эмигрировала в Испанию в возрасте 35 лет и ухитрилась поступить в мадридскую полицию под видом мужчины. Там она вышла замуж и притворилась, что ребенок ее жены был ее собственным сыном. Она переехала в Севилью, продолжая служить полицейским, и была нанята там поваром и санитаром во дворце губернатора. Она служила семи сменявшим друг друга губернаторам. В результате выяснения ее пола она была уволена из полиции без причитающейся ей пенсии; ее жена умерла двумя годами ранее, и "Фернандо" потратила все, что у нее было, на похороны женщины. У Маккензи был мягкий голос, утонченное лицо с тонкими чертами, и он был опрятно одет в мужскую одежду. Когда ее спросили, как она так долго избегала разоблачения, она ответила, что всегда тихо жила в своем собственном доме со своей женой и выполняла свой долг перед работодателями, чтобы никто не вмешивался в ее дела.

В Чикаго в 1906 году большое внимание привлек случай "Николая де Рейлана", доверенного секретаря российского консула, который умер (от туберкулеза) в возрасте 33 лет и оказался женщиной. Она родилась в России и была во многих отношениях очень женственной, маленькой и хрупкого телосложения, но считалась мужчиной, и даже очень "мужественной",

как мужчинами, так и женщинами, которые знали ее близко. Она всегда была очень опрятна в одежде, требовательна к рубашкам и галстукам и носила пальто с длинной талией, чтобы скрыть линии своей фигуры. Она дважды была замужем в Америке, с первой женой развелась после десятилетнего союза на почве жестокости и неподобающего поведения по отношению к хористкам. Вторая жена, хористка, которая ранее была замужем и родила ребенка, была предана своему "мужу". Обе жены были твердо убеждены, что их муж - мужчина, и высмеивали саму идею о том, что "он" может быть женщиной. Мне сообщили, что Де Рейлан носил искусственный пенис очень сложной конструкции. В своем завещании она предприняла тщательные меры, чтобы предотвратить обнаружение половых контактов после смерти, но они были сорваны, поскольку она умерла в больнице.

В Сент-Луисе в 1909 году было возбуждено дело против молодой женщины 22 лет, которая в течение девяти лет выдавала себя за мужчину. Ее мужская карьера началась в возрасте 13 лет после наводнения в Галвестоне, которое унесло всю ее семью. Она была спасена и покинула Техас, переодевшись мальчиком. Она работала в конюшнях для переодевания, на плужной фабрике и рекламщицей. Когда-то она была приемным сыном семьи, в которой жила, и ей не составило труда ввести в заблуждение своих сестер относительно своего пола. Приехав в Сент-Луис в 1902 году, она делала стулья и корзины на фабрике American Rattan Works, общаясь с коллегами по работе на основе мужского равенства. Однажды рабочий заметил чрезвычайную миниатюрность и ловкость ее рук. "Боже, Билл, тебе следовало быть девочкой". "Откуда ты знаешь, что я не девочка?" она парировала. Таким образом ее остроумие и хорошее настроение всегда снимали подозрения относительно ее пола. Нам говорят, что она не избегала трудностей ни в работе, ни в спорте и никогда не избегала самых суровых испытаний. "Она пила, она ругалась, она ухаживала за девушками, она работала так же усердно, как и ее товарищи, она ловила рыбу и разбивала лагерь; она рассказывала истории с лучшими из них и не дрогнула, когда разговор становился жарким. Она даже жевала табак. Девочки начали влюбляться в симпатичного мальчика в раннем возрасте, и она часто хвасталась своими женскими победами; с одной девушкой, которая боготворила ее, встал вопрос о замужестве. Из-за отсутствия образования она была ограничена физическим трудом и часто выбирала тяжелую работу. Одно время она была ученицей котельщика, владела молотком и забивала горячие заклепки. Здесь она была очень популярна и стала местным секретарем Международного братства котельщиков. По физическому развитию она теперь была в некотором родеспортсменкой. "Она могла обогнать любого из своих друзей в спринте; она могла бить выше, играть в бейсбол и бросать мяч сверху, как мужчина, и она любила футбол. Как борец, она могла повергнуть большинство членов клуба ". Врач, который осматривал ее для получения страхового полиса, заметил: "Вы прекрасный образец физической зрелости, молодой человек. Береги себя как следует ". Наконец, в минуту слабости она признала свой пол и вернулась к одежде женственности.

В Лондоне в 1912 году полицейский суд Эктона предъявил 23-летней служанке обвинение в "хулиганстве и маскараде", в том, что она переоделась в мужскую одежду и жила с другой девушкой, более высокой и красивой, чем она сама, в качестве мужа и жены. В детстве у нее были небольшие проблемы с мозгом, и она была очень умной, со слишком активным мозгом; в свободное время она писала рассказы для журналов. Две девушки привязались друг к другу, занимаясь вместе христианской социальной работой в свободное время, и решили жить как муж и жена, чтобы помешать любому молодому человеку заявить о себе. "Муж" стал помощником водопроводчика и проявил некоторое мастерство в кулачных боях, когда, наконец,

был обнаружен братом "жены". Отсюда ее появление в полицейском суде. Обеих девочек отправили обратно к их друзьям, и для них нашли работу поденщиц. Но поскольку они оставались преданными друг другу, были приняты меры, чтобы они жили вместе.

Другой случай, который можно упомянуть, - это случай Кори Андерсон, "мужчины-женщины из Милуоки", которая тринадцать лет выдавала себя за мужчину и в течение этого периода жила с двумя женщинами в качестве своих жен, и никто не проникал под ее личину. (Ее "Признания" были опубликованы в *"Ежедневнике Чикаго"* в мае 1914 года.)

Было бы легко выдвинуть другие аргументы. Несколько примеров брака между женщинами можно найти в *"Психиатре и неврологе"*, ноябрь 1902 г., стр. 497. Во всех подобных случаях имело место большее или меньшее мошенничество. Я знаю один случай, вероятно, уникальный, в котором церемония прошла без какого-либо обмана с чьей-либо стороны: англичанка с врожденным отклонением от нормы, выдающихся интеллектуальных способностей, ныне покойная, была привязана к жене священника, который, полностью осознавая все обстоятельства дела, тайно обвенчал двух дам в своей собственной церкви.

Когда они все еще носят женскую одежду, в ней обычно проявляются некоторые черты мужской простоты, и почти всегда присутствует презрение к мелким женским ухищрениям в туалете. Даже когда это не очевидно, существуют всевозможные инстинктивные жесты и привычки, которые могут натолкнуть знакомых женщин на мысль, что такому человеку "следовало бы быть мужчиной". Резкие, энергичные движения, положение рук, прямая речь, интонации голоса, мужская прямота и чувство чести, и особенно отношение к мужчинам, свободное от каких-либо намеков на застенчивость или дерзость, часто наводят внимательного наблюдателя на мысль о лежащей в основе психической ненормальности.

В привычках часто проявляется не только ярко выраженное пристрастие к курению сигарет, часто встречающееся у вполне женственных женщин, но и определенный вкус и терпимость к сигарам. Существует также неприязнь, а иногда и неспособность к рукоделию и другим домашним занятиям, в то время как часто проявляются некоторые способности к легкой атлетике.

Что касается общей осанки перевернутой женщины в ее наиболее выраженной и неприкрытой форме, я могу процитировать замечательное описание проф. Цуккарелли из Неаполя о незамужней 35-летней женщине из среднего класса: "Несмотря на то, что она носит женственную одежду, ее осанка настолько близка к мужской. Ее жидкие волосы небрежно откинута назад *алла Умберто* и собраны в простой узел на затылке. Грудь слабо развита и сжата высоким корсетом; платье узкое, но не такое широкое, как того требует мода. Ее соломенная шляпка с широкими косами, возможно, украшена пером, или она носит маленькую шляпку, как у мальчика. Она не носит с собой зонт от солнца и выходит на улицу одна, отказываясь от общества мужчин; или ее сопровождает женщина, как она предпочитает, предлагающая ей руку, а другую держащая у себя на талии с видом изысканного джентльмена. В осанке ее осанка своеобразна и не похожа на ту, что обычно бывает у женщин. Сидя в середине двойного сиденья, скрестив колени или широко расставив ноги, с мужественным видом и небрежными легкими движениями она поворачивает голову во все стороны, тут и там встречая взглядом знакомых, приветствуя мужчин и женщин широким жестом руки, как это сделал бы деловой человек. В разговоре ее поза аналогична; она много жестикулирует, говорит оживленно, с большой силой мимики, а во время разговора выгибает внутренние углы бровей,

образуя вертикальные морщины в центре лба. Ее смех открытый и взрывной, обнажающий белые ряды зубов. С мужчинами она на условиях беспечного равенства". ("Inversione congenita dell'istinto sessuale in una donna," *L'Anomalo*, February, 1889.)

"Перевернутая женщина, - справедливо замечает Хиршфельд (*Die Homosexualität*, стр. 158), - более полна жизни, предприимчивости, практической энергии, более агрессивна, более героична, более склонна к приключениям, чем гетеросексуальная женщина или гомосексуальный мужчина". Иногда, добавляет он, ее мужественность может доходить до безрассудной жестокости, а ее смелость превращается в опрометчивость. Этот автор отмечает, однако, в другом месте (стр. 272), что в дополнение к этой группе инвертированных женщин с мужскими чертами есть другая группа, "не менее многочисленная", таких же инвертированных женщин, которые внешне так же женственны, как и нормальные женщины. Это не то наблюдение, которое я могу подтвердить. Мне кажется, что подавляющее большинство инвертированных женщин обладают некоторыми мужскими или мальчишескими чертами характера, хотя и столь же незначительными, как те, которые иногда могут проявляться у нормальных женщин. Крайняя женственность, по моим наблюдениям, гораздо чаще встречается у бисексуалов, чем у гомосексуальных женщин, точно так же, как крайняя мужественность гораздо чаще встречается у бисексуалов, чем у гомосексуальных мужчин.

Хотя перевернутые женщины часто, хотя и не всегда, производят впечатление мужественных или мальчишеских, не существует неизменных анатомических характеристик, связанных с этим впечатлением. Например, не существует единой тенденции к мужскому распределению волос. Также не следует предполагать, что наличие бороды у женщины указывает на гомосексуальную склонность. "Бородатые женщины", как замечает Хиршфельд, почти никогда не инвертируются, и, по-видимому, гомосексуальность реже сопровождают сильнейшие инверсии вторичных половых признаков, чем более слабые модификации этих признаков.^[167] Едва заметные усы и другие незначительные проявления гипертрихоза также ни в коем случае не обязательно указывают на гомосексуальность. В какой-то степени это вопрос расы; так, в районе Пера в Константинополе Вайсенберг среди почти семисот женщин в возрасте от 18 до 50 лет отметила, что у 10 процентов были волосы на верхней губе; чаще всего это были армянки, следующими шли греки.^[168]

Были некоторые споры относительно того, можно ли рассматривать гипертрихоз у женщины, помимо гомосексуальности, как признак общей маскулинности. Это отрицается Максом Бартельсом (в его подробном исследовании "Ueber abnorme Behaarung beim Menschen", *Zeitschrift für Ethnologie*, 1876, стр. 127; 1881, стр. 219) и, что касается безумия, Л. Харрис-Листоном ("Случаи бородатых женщин", *Британский медицинский журнал*, 2 июня 1894 г.). С другой стороны, Дж. Х. Клейборн ("Гипертрихоз у женщин", *Нью-Йоркский медицинский журнал*, 13 июня 1914 г.) считает, что волосы на лице и теле у женщины являются признаком мужественности; "женщины с гипертрихозом обладают мужскими чертами".

Кажется, почти нет сомнений в том, что полностью развитые "бородатые женщины" в большинстве, возможно, не во всех случаях, решительно женственны во всех других отношениях. Типичный пример представляет Энни Джонс, "Леди из Исава" из Виргинии. Она принадлежала к большой и совершенно нормальной семье, но сама обладала окладистой бородой с густыми бакенбардами и усами совершенно мужского типа; у нее также были короткие темные волосы на руках, напоминающие мужские. Если не считать этой

неоднородности, она была совершенно нормальной и женственной. В возрасте 26 лет, при обследовании в Берлине, волосы на голове были очень длинными, выражение лица полностью женственным, голос тоже женственным, фигура элегантной, руки и ноги полностью женского типа, внешние и внутренние гениталии полностью женственными. Энни Джонс была замужем. Макс Бартельс, изучавший Энни Джонс и опубликовавший ее портрет (*Журнал "Время этнологии"*, 1891, раздел 3, стр. 243), отмечает, что в этом отношении Энни Джонс похожа на других "бородатых женщин"; они выходят замуж, заводят детей и могут кормить их грудью. Как полагают Дюпре и Дюфло (*Неврологическое ревю*, 30 августа 1901 г.), борода у женщин, по-видимому, более тесно связана с невропатией, чем с мужественностью; сравнивая тысячу здоровых женщин с тысячей сумасшедших в Париже, они обнаружили необычную степень растительности или опущения лица у 23% из первых и 50 процентов из последних; но даже нормальные бородатые женщины часто принадлежали к семьям невропатов.

Склонность к легкому широко распространенному гипертрихозу тела в целом, не локализованному и не сильно развитому на лице, кажется гораздо более вероятной, чем борода, для связи с мужественностью, даже когда она встречается у маленьких девочек. Так, Вирхов однажды представил Берлинскому антропологическому обществу маленькую девочку 5 лет этого типа, которая также обладала глубоким и грубым голосом (*Журнал по этнологии*, 1891, № 4, стр. 469). Типичный пример легкого гипертрихоза у женщины, связанного с общими мужскими чертами характера, представлен описанием и рисунком тела 56-летней женщины в анатомическом институте, предоставленными К. Штраухом (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1901, Высота 6, стр. 534). В этом случае наблюдался рост волос вокруг обоих сосков и линия волос, протянувшаяся от лобка до пупка; оба этих вида волос очень редко встречаются у женщин. (В Вене среди почти 700 женщин Сое обнаружил тенденцию к распространению волос по направлению к пупку только примерно у 1 процента.). Хотя волосы у этого субъекта в остальном были довольно нормальными, в других отношениях они были во многом приближены к мужскому типу: мускулатура была сильно развита, кости массивные, конечности длинные, суставы мощные, руки и ноги крупные, грудная клетка хорошо развита, нижняя челюсть массивная; на теле отсутствовали женские изгибы, а грудь была едва заметна. В то же время половые органы были в норме, и были роды. Также было примечательно, что эта женщина покончила жизнь самоубийством путем самоудушения - редкий метод, требующий большой решимости и силы воли, поскольку в любой момент процесса давление может быть снято.

Кажется, нет никаких сомнений в том, что у перевернутых женщин часто наблюдаются незначительные аномалии волосяной системы, и особенно небольшой гипертрихоз и мужское распределение волос. Таким образом, в типичном случае инверсии в итальянскую девушку от 19 лет, которые одеты как мужчины и убежал из дома, вниз на руках и ногах был отмечен в необычной мере, и там был очень обильный волосяной покров в подмышечных впадинах и лобковых волос, с тенденцией к маскулинной распределения.^[169] Из трех описанных в этой главе случаев, с которыми я лучше всего знаком, у одного необычно небольшое количество волос на лобке и в подмышечных впадинах (конечный олиготрихоз), приближающееся к инфантильному типу, в то время как у другого наблюдается сложная и очень редкая волосистая неоднородность. На верхней губе заметен темный пушок; волосы на лобке густые, есть волосы на пальцах ног и ступнях, а также на ногах до пупка; также есть несколько волосков вокруг сосков. Женщина-врач в Соединенных Штатах, которая знает многих женщин-инвертированных, подобным образом рассказала мне, что она наблюдала тенденцию к росту волос на ногах. Если, что не является невероятным, инверсия связана с каким-то ненормальным

балансом во внутренней секреции, нетрудно понять эту тенденцию к аномалиям роста волос; и мы знаем, что секреция щитовидной железы, например, и в гораздо большей степени секреция яичек и яичников, оказывают мощное влияние на волосы.

Несколько лет назад Баллантайн, обсуждая врожденный гипертрихоз (*Руководство по дородовой патологии*, 1902, стр. 321-6), пришел к выводу, что теория задержки развития лучше всего подтверждается фактами; персистенция лануго - это такая остановка, и гипертрихоз в значительной степени можно считать персистенцией лануго. Такой вывод все еще обоснован, хотя и сталкивается с некоторыми трудностями и несоответствиями, и он в значительной степени согласуется с тем, что мы знаем об этом состоянии, связанном с инверсией у женщин. Но сейчас мы начинаем видеть, что это замедленное развитие может быть определено связано с аномалиями во внутренней секреции и даже с особыми химическими дефектами в этих выделениях. Мужская сила всегда ассоциировалась с волосами, о чем свидетельствует история Самсона. Аммон обнаружил среди баденских призывников (*L'Anthropologie*, 1896, стр. 285), что, когда мужчин разделили на классы в соответствии с количеством волос на теле, первый класс, с наименьшим количеством волос, имел наименьшую окружность яичек, наименьшее количество мужчин с непокрытой головкой полового члена, наибольшее количество инфантильных голосов, наибольшую долю голубых глаз и светлых волос, наименьший средний рост, вес и окружность груди, в то время как во всех этих отношениях мужчины с волосатым телом находились на другом полюсе. С древности было известно, что у мужчин ранняя кастрация влияет на рост волос. В настоящее время известно, что у женщин наличие или отсутствие яичников и других желез влияет на волосы, а также на половое развитие. Так, Хегар (*Руководство по гебуртшюльфе и гинекологии*, том i, стр. 111, 1898) описал девочку с тазом инфантильного типа и пороком развития матки, у которой с младенчества были необычно волосатые лицо и тело, с мужским расположением волос на лобке и животе; менструации были скудными, грудь атрофичной; волосы были типа лануго; здесь мы видим, как у женщин инфантильные и мужские характеристики связаны с дефектами таза и, вероятно, зависят от них. половые железы. Плант (*Centralblatt für Gynäkologie*, № 9, 1896) описал другую девушку с очень маленькими яичниками, рудиментарной маткой, маленьким влагалищем и выступающими нимфами, у которой отсутствовали менструации, волосы на голове были длинными и крепкими, но волосы отсутствовали в подмышечных впадинах и были скудными на венерических головах. Эти два случая кажутся несовместимыми в том, что касается волос, и теперь мы хотели бы знать состояние других внутренних желез. Щитовидная железа, например, как теперь известно, контролирует волосы, а также половые железы; и щитовидная железа, как показал Готье (Медицинская академия, 24 июля 1900 г.), вырабатывает мышьяк и йод, которые питают кожу и волосы; он обнаружил, что введение какодилата натрия молодым женщинам вызывало обильный рост волос на голове. Опять же, почки, и особенно надпочечники, влияют на волосы. Давно известно, что у девочек с врожденными опухолями почек наблюдается аномально ранний рост подмышечных и лобковых волос; Гольдшвенд (*Präger medizinische Wochenschrift*, № 37 и 38, 1910) описал случай 39-летней женщины с маленькими яичниками и опухолью надпочечников, у которой начали расти волосы на подбородке и щеках. (См. также К. Т. Юарт, журнал "Ланцет", 19 мая 1915 г.) Еще раз, гипофиз головки также влияет на рост волос, и Леви обнаружил (цитируется в *Archives d'Anthropologie Criminelle*, август-сентябрь 1912 г., стр. 711), что введение экстракта гипофиза инфантильной безволосой женщине 27 лет, лишенной сексуальных чувств, вызвало общую тенденцию к росту

волос. Такие факты не только помогают объяснить аномалии развития волос, но и указывают направление, в котором мы можем найти объяснение аномалий сексуального влечения.

Помимо сложной проблемы, связанной с волосами, существуют подлинные приближения к мужскому типу. Мышцы, как правило, повсюду упругие, со сравнительным отсутствием мягкой соединительной ткани; так что перевернутая женщина может производить неженственное впечатление на осязание. Определенный тонус мышц действительно часто наблюдался у гомосексуальных женщин. Хиршфельд обнаружил, что две трети инвертированных женщин более мускулистые, чем нормальные женщины, в то время как, с другой стороны, он обнаружил, что среди инвертированных мужчин мускулатура часто была слабой.

Часто отличается не только тембр голоса, но и есть основания предполагать, что это связано с анатомическими изменениями. По предложению Молл Флатау исследовал гортань у большого числа перевернутых женщин и обнаружил у нескольких гортань явно мужского типа или приближение к нему, особенно в случаях явно врожденного происхождения. Хиршфельд подтвердил наблюдения Флатау по этому поводу. Можно добавить, что перевернутые женщины очень часто хорошо свистят; Хиршфельд даже знает двух, которые публично исполняют свист. Вряд ли нужно отмечать, что, хотя старая пословица связывает свист у женщины с кукареканьем курицы, свист у женщины не является свидетельством какой-либо общей физической или психической инверсии.

Что касается половых органов, то, насколько позволяют мои наблюдения, представляется возможным более определенно говорить об инвертированных женщинах, чем об инвертированных мужчинах. Во всех трех случаях, о которых у меня есть точная информация, среди тех, истории которых описаны в настоящей главе, наблюдается более или менее задержка развития и инфантилизм. У одного несколько маленькое влагалище и выступающие нимфы с местной чувствительностью ассоциируются с олиготрихозом. У другого половые органы в некоторых отношениях довольно маленькие, в то время как на одной стороне нет и следа яичника. В третьем случае, вместе с гипертрихозом, шейки матки маленькие, нимфа большая, клитор глубоко скрыт, девственная плева толстая, а влагалище, вероятно, маленькое. Эти наблюдения, хотя и немногочисленны, важны и согласуются с наблюдениями других наблюдателей.^[170] Краффт-Эбинг хорошо описал случай, который я склонен рассматривать как типичный для многих: половые органы женственные по характеру, но остающиеся на инфантильной стадии 10-летней девочки; маленький клитор, выступающие нимфы, похожие на петушинный гребень, маленькое влагалище, едва допускающее нормальный половой акт, и очень чувствительное. Хиршфельд согласен с общим подходом к типу, описанному Краффт-Эбингом; атрофические аномалии он считает более распространенными, чем гипертрофические, и он ссылается на толщину девственной плевы и тенденцию к заметному уменьшению матки и яичников. Клитор чаще маленький, чем большой; женщины с большим клитором (как давно заметил Парент-Дюшателе), по-видимому, редко принадлежат к мужскому типу.

Однако, несмотря на эти тенденции, сексуальная инверсия у женщины, как правило, не более очевидна, чем у мужчины. В то же время перевернутая женщина обычно не привлекательна для мужчин. Сама она обычно испытывает величайшее безразличие к мужчинам и часто не может понять, почему женщина должна любить мужчину, хотя она легко понимает, почему мужчина

должен любить женщину. Таким образом, в ней нет ничего от сексуальной застенчивости и притягательной ауры слабости и зависимости, которые привлекают мужчин. Мужчина, которого страстно влечет к перевернутой женщине, обычно относится к довольно женственному типу. Например, в одном случае, который мне вспомнился, у него была несколько невротическая наследственность, слабое физическое развитие, он не был сексуально привлекателен для женщин и вел очень домашний образ жизни; короче говоря, мужчина, который легко мог испытывать страстное влечение к представительницам своего пола.

В то время как перевернутая женщина холодна или, в лучшем случае, товарищески относится к мужчинам, она может стать застенчивой и смущенной в присутствии привлекательных особ своего пола, даже неспособной раздеться в их присутствии и полной нежного пыла к женщине, которую она любит.^[171]

Гомосексуальная страсть у женщин находит более или менее полное выражение в поцелуях, совместном сне и тесных объятиях, например, в том, что иногда называют "лежащими ложками", когда одна женщина ложится на бок спиной к своей подруге и обнимает ее сзади, помещая свои бедра в изгиб ног своей спутницы, так что ее половые органы находятся в тесном контакте с ягодицами другой, и легкое движение тогда вызывает легкий эретизм. Один также может лежать на теле другого, или может быть взаимная мастурбация. Взаимный контакт и трение половых органов, по-видимому, сравнительно редки, но, по-видимому, это было обычным явлением в древности, поскольку мы обязаны этому термину "трибадизм", который иногда используется как синоним женского гомосексуализма, и говорят, что этот метод практикуется сегодня южными славянскими женщинами Балкан.^[172] Крайним наслаждением является *куннилингус*, или оральная стимуляция женских половых органов, обычно не взаимная, но практикуемая более активным и мужеподобным партнером; этот акт иногда называют, отнюдь не удовлетворительно, "сапфизмом" и "лесбиянством".^[173]

Увеличенный клитор редко встречается при инверсии и играет очень небольшую роль в удовлетворении женской гомосексуальности. Кирнан ссылается на случай, произошедший в Америке, когда перевернутая женщина, замужняя и мать, обладала клитором, который в состоянии эрекции достигал 2½ дюймов. Казанова описал перевернутую швейцарку, женщину, в остальном женственную по развитию, чей клитор при возбуждении был длиннее его мизинца и способной к проникновению.^[174] В более старой литературе содержится много подобных случаев. Однако в большинстве таких случаев мы, вероятно, имеем дело с той или иной формой псевдогермафродитизма, и "клитор" правильнее рассматривать как пенис; таким образом, инверсии здесь нет.

Хотя использование клитора в гомосексуализме встречается редко, использование искусственного пениса ни в коем случае не является чем-то необычным и очень широко распространено. В нескольких современных случаях, когда инвертированные женщины вступали в брак с женщинами (например, с Сарольтой Вей и Де Рейланом), вера жены в мужественность "мужа" была вызвана приспособлением такого рода, используемым при половом акте. Искусственный пенис (олисбос, или баубон) был хорошо известен грекам и описан Герондасом. Суидас приписал его изобретение милетским женщинам, и Милет, согласно Аристофану в "*Лисистрате*", был главным местом его изготовления.^[176] Это было известно еще во времена средневековья, а в двенадцатом веке епископ Вормсский Бурхард говорит о его использовании как о том, "что привыкли делать некоторые женщины". В начале

восемнадцатого века Маргарета Линкен, снова в Германии, вышла замуж за другую женщину с помощью искусственного мужского органа.^[177] Искусственный пенис также используется женщинами-гомосексуалистами в различных частях мира. Таким образом, мы находим, что он упоминается в легендах североамериканских индейцев и используется на Занзибаре и Мадагаскаре.^[178]

Различные явления садизма, мазохизма и фетишизма, которые могут возникать спонтанно или по внушению в отношениях нормальных любовников, а также инвертированных мужчин, могут таким же образом возникать и у инвертированных женщин, хотя, вероятно, не часто в очень выраженной форме. Молл, однако, рассказывает о случае (*Контраре сексуального познания*, 1899, стр. 565-70), в котором различные незначительные, но очень определенные перверсии сочетались с инверсией. Молодая леди 26 лет, хорошей наследственности, с 6-летнего возраста испытывала влечение только к представителям своего пола и даже в детстве практиковала взаимный *куннилингус*. Она была чрезвычайно умна, щедра и добродушна, с различными мужскими вкусами, но, в целом, женственного телосложения и с совершенно женской гортанью. В течение семи лет она жила исключительно с одной женщиной. Она находила полное удовлетворение в активном *куннилинте*. В ходе этих отношений возникли различные другие методы возбуждения и удовлетворения — по-видимому, по большей части спонтанно. Она получала большое удовольствие от урологических и копрологических практик. В дополнение к этим и подобным извращениям, испытываемой нравилось, когда ее кусали, особенно в мочку уха, и она была сильно возбуждена, когда ее порол ее друг, который должен был, по возможности, быть обнаженным в это время; пороть нужно было только нейтов и использовать только березовую розгу, иначе эффекта не было бы. Эти практики были бы невозможны для нее в отсутствие крайней близости и взаимопонимания, и они имели место только с одним другом. В этом случае извращенные явления были скорее мазохистскими, чем садистскими. Однако многие женщины-гомосексуалисты в большей или меньшей степени проявляют садистские наклонности. Так, доктор Кирнан рассказывает мне об американском случае, которым он профессионально занимался с доктором Мойером (см. Также статью Кирнана и Мойера в журнале *"Психиатр и невролог"*, май 1907 г.), о женщине-садистке-извращенке из маленького городка в Иллинойсе, замужней и с двумя маленькими детьми. Она, несомненно, страдала невропатией, и в ее анамнезе были случаи добрачной мастурбации и скотоложства с собакой. Она была известной клубной женщиной в своем городе и лидером в религиозных и социальных вопросах; как это часто бывает с садистами, она была похотливо-ханжеской, и священнослужители, клубные женщины и местные магнаты убедительно свидетельствовали о ее целомудренном и скромном характере. Жертвой ее садистской страсти стала девочка, которую она удочерила из Дома, но морила голодом. Этой девочке она нанесла более трехсот ран. Многие из этих ран были нанесены ножницами и вилками, которые просто вонзались в кожу. Особенно это касалось ран, нанесенных груди, половым губам и клитору. Во время их нанесения она испытывала сильное возбуждение, но это возбуждение было под контролем, и когда она услышала, что кто-то приближается, она немедленно прекратила. На момент совершения этих действий она была признана вменяемой и ответственной, но присяжные также пришли к выводу, что с тех пор она стала невменяемой и после выздоровления была отправлена в психиатрическую больницу для отбывания наказания в виде двух лет тюремного заключения. Предполагаемое безумие, добавляет доктор Кирнан, было сомнительной маниакально-депрессивной разновидностью и, возможно, главным образом из-за уязвленной гордости.

Перевернутая женщина - восторженная поклонница женской красоты, особенно статной красоты тела, в отличие от нормальной женщины, чьи сексуальные эмоции лишь слегка окрашены эстетическими чувствами. В ее сексуальных привычках мы, возможно, реже обнаруживаем ту степень неразборчивости, которая не является редкостью среди инвертированных мужчин, и мы, возможно, можем согласиться с Молл в том, что гомосексуальные женщины чаще склонны любить преданно и надолго, чем гомосексуальные мужчины. Хиршфельд замечает, что инвертированных женщин в девичестве обычно не привлекают аутоэротические и гомосексуальные пороки школьной жизни,^[179] и почти все женщины, истории которых я записал в этой главе, испытывали явное отвращение к подобным проявлениям и лелеяли высокие идеалы любви.

Перевернутые женщины нередко выходят замуж. Молл, исходя из различных полученных им откровений, считает, что инвертированные женщины не испытывают такого ужаса перед нормальным половым актом, как инвертированные мужчины; вероятно, это связано с тем фактом, что женщина при таких обстоятельствах может сохранять определенную пассивность. В других случаях наблюдается некоторая степень бисексуальности, хотя, как и среди инвертированных мужчин, гомосексуальный инстинкт, по-видимому, обычно приносит большее облегчение и удовлетворение.

Многими наблюдателями — в Америке, Франции, Германии и Англии — было заявлено, что гомосексуальность растет среди женщин.^[180] Сегодня в нашей цивилизации существует множество факторов, которые поощряют подобные проявления.^[181] Современное движение за эмансипацию — движение за получение тех же прав и обязанностей, что и у мужчин, той же свободы и ответственности, того же образования и той же работы — в целом следует рассматривать как благотворное и неизбежное движение. Но это сопряжено с определенными недостатками.^[182] Женщины совершенно справедливо начинают рассматривать знания и опыт в целом как свое право в той же степени, что и право их братьев. Но когда эта доктрина применяется к сексуальной сфере, она обнаруживает определенные ограничения. Близость любого рода между молодыми мужчинами и молодыми женщинами сейчас так же не поощряется в обществе, как и раньше; что касается высшего образования, то простое общение полов в лекционном зале, лаборатории или больнице не поощряется в Англии и Америке. В то время как мужчинам предоставлена свобода, сексуальное поле женщин становится ограниченным тривиальным флиртом с противоположным полом и близостью со своим полом; научившись независимости от мужчин и презрению к старой теории, которая помещала женщин в огороженную ровом домашнюю усадьбу, чтобы они вздыхали по мужчине, который никогда не приходит, у женщин развивается тенденция продвигать эту независимость еще дальше и находить любовь там, где они находят работу. Эти неоспоримые влияния современных движений не могут непосредственно вызвать сексуальную инверсию, но они развивают ее зародыши и, вероятно, вызывают ложную имитацию. Это ложное подражание связано с тем фактом, что врожденная аномалия встречается с особой частотой у женщин с высоким интеллектом, которые вольно или невольно оказывают влияние на других.

Курелла, Блох и другие считают, что женское движение помогло развить гомосексуальность (см., например, I. Bloch, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, 1902, т. i, стр. 248). Различные "женственные Стриндберги женского движения", как их называли, проявляли явную враждебность к мужчинам. Анна Рюлинг утверждает, что многие лидеры движения с самого начала и до сегодняшнего дня подверглись перевороту. Однако Хиршфельд (*Die*

Homosexualität, стр. 500), уделив особое внимание этому вопросу, приходит к выводу, что, как среди английских суфражисток, так и в немецком городе Фрауэнштимрехт, процент инвертированных составляет менее 10%.

[137] Катарина Маргарета Линкен, которая вышла замуж за другую женщину, несколько похожую на венгерскую графиню Саролту Вай (т.е. с помощью искусственного мужского органа), была приговорена к смертной казни за содомию и казнена в 1721 году в возрасте 27 лет (F. C. Müller, "Ein weiterer Fall von conträrer Сексуальное воспитание", *Книга Фридриха "Блаттер для немецкой медицины"*, часть 4, 1891). Наиболее полно исследованным случаем сексуальной инверсии у женщины в наше время является случай графини Саролты Вей (*Книга Фридриха Блаттера*, Heft, 1, 1891; также Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, англ. пер. 10-го изд., 416-427; также кратко изложен в Приложении Е к более ранним изданиям настоящего исследования). Саролта всегда одевалась как мужчина и вступила в псевдоженщину с девушкой, которая не знала о реальном поле своего "мужа". Ее оправдали и разрешили вернуться домой и продолжать одеваться как мужчина.

[138] У Анны Рюлинг есть несколько замечаний по этому поводу, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. vii, 1905, стр. 141 и далее.

[139] Это, конечно, ни в коем случае не обязательно указывает на существование сексуальной инверсии, так же как и на наличие женских черт у выдающихся мужчин. Я в другом месте указывал (например, *Мужчина и женщина*, 5-е изд., 1915, стр. 488), что гениальность у обоих полов часто предполагает сосуществование мужских, женских и инфантильных черт.

[140] Различные ссылки на царицу Хатшепсут приведены Хиршфельдом (*Die Homosexualität*, стр. 739). Составленный Хиршфельдом не слишком критичный список выдающихся гомосексуалистов включает 18 женщин. Было бы нетрудно добавить других.

[141] Софи Хохштеттер в исследовании королевы Кристины в "*Книге о сексуальных отношениях между людьми*" (том ix, 1908, стр. 168 и далее) считает ее бисексуалкой, в то время как Х. Дж. Шаутен (*Monatsschrift für Криминалантропология*, 1912, стр. 6) приходит к выводу, что она была гомосексуалисткой, и считает, что именно знание Мональдески по этому поводу побудило ее спровоцировать его убийство.

[142] Cf. Hans Freimark, *Helena Petrovna Blavatsky*; Levetzow, "Louise Michel," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. vii, 1905, стр. 307 и далее.

[143]

Роза Бонер, художница, является особенно ярким примером ярко выраженной мужественности в гениальной женщине. Она часто переодевалась мужчиной, а когда переодевалась женщиной, ее мужественный вид иногда привлекал внимание полиции. Смотрите биографию Теодора Стэнтона.

[144] Существуют некоторые расхождения во мнениях относительно того, меньше ли реальной преступности среди женщин (см. Havelock Ellis, *Мужчина и женщина*, 6-е изд., 1915, стр. 469), но нас здесь интересует судебная преступность.

[145] Это, по-видимому, широко распространенное мнение представлено замечанием молодого человека восемнадцатого века (о подруге-лесбиянке женщины, на которой он хочет жениться), процитированным в "Сувенирах" графа де Тилли: "Признаюсь, это своего рода соперничество, которое не вызывает у меня раздражения; напротив, оно забавляет меня, и я достаточно аморален, чтобы смеяться над этим". Такое отношение образованных и утонченных людей, вероятно, не разделялось населением. Мадам де Ламбаль, гильотинированная во время Революции, в народе считалась трибадой, и поговаривали, что из-за этого ее очаровательная головка подверглась особым оскорблениям толпы.

[146] Хэвлок Эллис, *Мужчина и женщина*, 5-е изд., 1915, особенно главы хiii и хv.

[147] Karsch (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iii, 1901, стр. 85-9) объединяет некоторые отрывки, касающиеся гомосексуализма у женщин у разных народов.

[148] Гандаво, цитируется Ломаеко, *Архив l'Antropologia*, 1889, часть 1.

[149] Журнал Антропологического института, июль-декабрь 1904 г., стр. 342.

[150] Г. Х. Лоуи, "Ассинибойн", Ам. Музей нац. История., *Антропологические документы*, Нью-Йорк, 1909, том хiv, стр. 223; У. Джонс, "Тексты Фокса", *Публикации Am. Ethnological Soc.*, Лейден, 1907, т. i, стр. 151; цитируется Д. К. Макмертри, "Легенда о лесбийской любви среди североамериканских индейцев", *Urologic Review*, апрель 1914г.

[151] *Zeitschrift für Ethnologie*, Heft 6, 1899, p. 669.

[152] И. Блох, *Смерть проституции*, том i, стр. 180, 181.

[153] Корре, *Преступление против креолов*, 1889.

[154] Несколько лет назад в испанской тюрьме, когда новый губернатор попытался изменить гомосексуальные манеры женщин, последний сделал свой пост настолько неудобным, что был вынужден уйти в отставку. Салильяс (*Пенитенциарная служба Испании*) утверждает, что все свидетельства свидетельствуют о необычайном распространении лесбийской любви в тюрьмах. Мужья хомбрунас получают мужские имена — Пепе, Чуло, Бернардо, Валиенте; новичков окружает во дворе толпа похотливых женщин, которые осыпают их сладострастными комплиментами, галантностью и обещаниями защиты, наибольших успехов добивается самая стойкая мегера; за один день и ночь инициация завершается.

[155] Даже среди арабских проституток это встречается, по словам Кочера, хотя среди арабских женщин в целом это редкость.

[156] *Monatsschrift für Harnkrankheiten*, ноябрь 1905 г.; в своей *Трибада Берлинс* он утверждает, что среди 3000 проституток не менее десяти процентов. были гомосексуалистами. См. также Parent-Duchâtelet, *О проституции*, 3-е изд., том i, стр. 159, 169; Martineau, *Les Déformations vulvaires et analeses*; и Иван Блох, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, 1902, том i, стр. 244.

[157] Hirschfeld, *Die Homosexualität*, p. 330.

[158] Эйленбург, *Сексуальная нейропатия*, стр. 144.

[159] См. vi из этих исследований, "Секс в связи с обществом", глава vii.

[160] Проститутку иногда рассматривали как особый тип, аналогичный инстинктивному преступнику. Эта точка зрения была специально подчеркнута Ломброзо и Ферреро, *La Donna Delinquente*. Помимо этого, эти авторы считают гомосексуальность среди проституток следствием следующих причин (стр. 410 и далее): (a) чрезмерной и часто неестественной похоти; (b) заключение в тюрьме отдельно от мужчин; (c) тесная связь с представителями того же пола, что характерно для публичных домов; (d) зрелость и старость, инвертирующие вторичные половые признаки и предрасполагающие к сексуальной инверсии; (e) отвращение к мужчинам, вызванное профессией проститутки, в сочетании с тоской по ней. ради любви. О случаях гомосексуализма у американских проституток см. Д. Макмертри, *клиника Ланцет*, 2 ноября 1912 г.

[161] Таким образом, Казанова, близко знавший нескольких монахинь, называет гомосексуальность детским грехом, настолько распространенным в монастырях, что исповедники не налагали за это епитимьи (*Воспоминания*, изд. Гарнье, том iv, стр. 517). Гомосексуальность в монастырских школах изучалась Мерканте, *Архив Психиатрии*, 1905, стр. 22-30.

[162] Я цитирую следующее из частного письма, написанного в Швейцарии: "Один англичанин, проживающий в Англии, сказал мне, что его жене недавно пришлось отослать свою горничную (хорошенькую девушку), потому что она постоянно приглашала к себе в постель незнакомых женщин. Я спросил, не забрали ли ее из гостиничного сервиса, и обнаружил, как и ожидал, что забрали. Но ни мой друг, ни его жена не подозревали об истинной причине этих ночных визитов".

[163] О серии случаев привязанности девочек к девочкам у внешне нормальных испытуемых в Соединенных Штатах см., например, Ланкастер, "Психология и педагогика подросткового возраста", *Педагогическая семинария*, июль 1897 г., стр. 88; также о школьных дружеских отношениях между девочками, в точности напоминающих отношения между мальчиками и девочками, Теодат Л. Смит, "Типы подростковой привязанности", *ib.*, июнь 1904 г., стр. 193, 195.

[164] Обичи и Маркезини, *"Дружеские отношения" коллеги*, Рим, 1898.

[165] Смотрите Приложение В, в котором я кратко резюмировал результаты исследования Обичи и Маркезини, а также привел наблюдения, касающиеся английских колледжей.

[166] Интересным древним примером женщины с непреодолимым желанием надеть мужскую одежду и вести мужской образ жизни, но которая, насколько известно, не обладала никакими сексуальными побуждениями, является Мэри Фрит, обычно называемая Молл Карманник, жившая в Лондоне в начале семнадцатого века. *Жизнь и смерть миссис Мэри Фрит* появилась в 1662 году; Миддлтон и Роули также сделали ее героиней своей восхитительной комедии *"Ревущая девушка"* (сериал *"Русалка"*, пьесы Миддлтона, том ii), однако несколько идеализируя ее. Похоже, она принадлежала к невротичной и эксцентричной породе; "У каждого в семье, - говорит ее биограф, - был свой особый урод". В детстве ее интересовали только мальчишеские игры, и она никогда не могла приспособиться к занятиям какой-либо женщины. "У нее было естественное отвращение к уходу за детьми". Ее характер был совершенно мужским: "она не стеснялась в выражениях, но говорила свободно, что бы ни возникало". У нее никогда не было детей, и она не была обвинена в разврате: "Ни один мужчина не может сказать

или подтвердить, что когда-либо у нее был возлюбленный или что-либо подобное, с чем она могла бы развлекаться"; мастиф был единственным живым существом, о котором она заботилась. Ее жизнь была не совсем честной, но, по-видимому, не столько из-за какой-либо органической склонности к преступлению, сколько из-за ее ненормальной натуры и неугомонности, которые сделали ее изгоем. Она слишком любила выпить и, как говорят, была первой женщиной, которая курила табак. Ничего не говорится и не предполагается о каких-либо гомосексуальных практиках, но мы ясно видим здесь то, что можно назвать гомосексуальным диатезом.

[167] Hirschfeld, *Die Homosexualität*, p. 137.

[168] S. Weissenberg, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1892, Heft 4, p. 280.

[169] Этот случай был описан Гаспарини, *Архив Психиатрии*, 1908, стр. 1-2.

[170] Объединив десять случаев инверсии у женщин из различных источников (включая три первоначальных случая, упомянутых выше), только у четырех половые органы были нормальными; у остальных они были более или менее неразвитыми.

[171] Гомосексуалисты как правило, мужчины и женщины, в отличие от гетеросексуалов, склонны проявлять больше скромности по отношению к лицам своего пола, чем к лицам противоположного пола. See, e.g., Hirschfeld, *Die Homosexualität*, p. 76.

[172] Κρυπτάδια, vol. vi, с. 197.

[173] Термин "куннилингус" был предложен мне покойным доктором Дж. Бонусом, и с тех пор я им пользуюсь; латинские авторы обычно использовали "куннилингус" для обозначения актера, но не имели соответствующего термина для действия. Хиршфельд недавно использовал термин "cunnilinctio" в том же смысле, но такое построение совершенно недопустимо. Для получения информации о классических терминах, обозначающих это извращение, см., например, Иван Блох, *Источник сифилиса*, том. ii, p. 612 et seq.

[174] Казанова, *Воспоминания*, изд. Гамье, том. iv, стр. 597.

[175] Хиршфельд подробно и авторитетно рассматривает дифференциальную диагностику инверсии и других групп переходной сексуальности в книге *"Гомосексуализм"*, глава ii; также в своей полностью иллюстрированной книге *"Geschlechtsübergänge"*, 1905.

[176] Хэвелок Эллис, "Автоэротизм", в т. i of these *Studies*; Iwan Bloch, *Ursprung der Syphilis*, vol. ii, p. 589; *ib.*, *Die Prostitution*, vol. i, pp. 385–6; for early references, Crusius, *Untersuchungen zu den Mimiamben der Herondas*, pp. 129–30.

[177] Я нашел сообщение о подобном случае во Франции, в шестнадцатом веке, в *Журнале путешествий Монтеня по Италии за 1850 год* (написанном его секретарем); это произошло недалеко от Витри-ле-Франсуа. Семь или восемь девушек, принадлежащих к Шомону, как нам рассказывают, решили одеваться и работать как мужчины; одна из них приехала в Витри работать ткачихой, и на нее смотрели как на хорошо воспитанного молодого человека, и все ее любили. В Витри она была обручена с одной женщиной, но из-за возникшей ссоры брак так и не состоялся. Позже "она влюбилась в женщину, на которой вышла замуж и с которой прожила четыре или пять месяцев, к большому удовольствию жены, как говорят; но, будучи узнана кем-то

из Шомона и привлечена к ответственности, она была приговорена к повешению. Она сказала, что предпочла бы даже это, чем снова жить девочкой, и была повешена за использование незаконных изобретений для восполнения недостатков своего пола" (*Журнал*, изд. д'Анкаона, 1889, стр. 11).

[178] Ру, *Бюллетень Общества антропологии*, 1905, № 3. Ру знал женщину из Комы, которая в возрасте 50 лет, после смерти мужа, стала гомосексуалисткой и сделала себе искусственный пенис, которым пользовалась с женщинами помоложе.

[179] Хиршфельд, *Гомосексуализм*, стр. 47.

[180] В английской социальной истории прошлого сохранилось мало следов женского гомосексуализма. *Мемуары де Граммон* сообщают нам, что при дворе Карла Второго мисс Хобарт приписывали лесбийские наклонности. "Вскоре слух, истинный или ложной, об этой необычности распространился по двору. Они были там настолько грубыми, что никогда не слышали об утонченности древней Греции во вкусе нежности, и им пришла в голову мысль, что прославленная Хобарт, которая казалась такой нежной к хорошеньким женщинам, должно быть, не такая, какой кажется ". Этот отрывок интересен тем, что он показывает нам, насколько редким было исключение. Столетие спустя, однако, гомосексуальность среди англичанок, по-видимому, рассматривалась французами как обычное явление, и Бахомон, 1 января 1773 года, записывая, что мадемуазель Дж. Хейнел из Оперы, обосновавшаяся в Англии, добавила: "Ее вкус к женщинам найдет там привлекательное удовлетворение, потому что, хотя Париж предоставляет много развлечений, говорят, что Лондон в этом отношении превосходит".

[181] "Я полагаю, - пишет хорошо информированный американский корреспондент, — что сексуальная инверсия растет среди американцев — как мужчин, так и женщин - и очевидными причинами этого являются: во-первых, растущая независимость женщин, их меньшая потребность в браке; во-вторых, нервное напряжение, которое деловая конкуренция навлекла на всю нацию. Одним словом, быстро растущая маскулинность у женщин и нездоровая нервная система мужчин являются идеальными факторами для развития сексуальной инверсии у их детей ".

[182] Гомосексуальные женщины, как и гомосексуальные мужчины, теперь помещают объявления в газетах, ища "друга". Некке ("*Zeitungsannoncen von weiblichen Homosexuellen*", *Архив криминальной антропологии*, 1902, стр. 225) собрал из мюнхенских газет подборку таких объявлений, большинство из которых были довольно недвусмысленными: "Актриса с современными идеями желает познакомиться с богатой дамой со схожими взглядами, ради дружеских отношений и т.д."; "Молодая леди 19 лет, хорошенькая блондинка, ищет себе подобную для прогулок, театра и т.д." и так далее.

ГЛАВА V. ПРИРОДА СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

Содержание

Анализ историй—Раса—Наследственность—Общее состояние здоровья—Первое проявление гомосексуального импульса—Преждевременная половая зрелость и гиперестезия—Внушение

и другие возбуждающие причины Инверсии—Мастурбация—Отношение к женщинам—Эротические сны—Методы сексуальных отношений—Псевдосексуальное влечение—Физические сексуальные отклонения—Художественные и другие склонности—Моральное отношение инвертированного.

Прежде чем вкратце изложить мои собственные выводы относительно природы сексуальной инверсии, я предлагаю проанализировать факты, изложенные в исторических источниках, которые мне удалось изучить.^[183]

РАСА.—Все мои пациенты, числом 80, были британцами и американцами, 20 проживали в Соединенных Штатах, а остальные были британцами. Происхождение, с точки зрения расы, не было предметом специального расследования. Однако, по-видимому, по меньшей мере 44 англичанина или в основном англичанки; по меньшей мере 10 шотландцев или шотландского происхождения; 2 ирландца и 4 других в основном ирландки; у 4 отцов или матерей-немцев; еще один имеет немецкое происхождение с обеих сторон, в то время как 2 других имеют отдаленное немецкое происхождение; 2 частично и 1 полностью французы; 2 имеют португальскую родословную и по меньшей мере 2 более или менее еврея. За исключением явно частого присутствия немецкого элемента, в этой родословной нет ничего примечательного.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ.—Всегда трудно уверенно разобраться со значением наследственности или даже установить определенную базу фактов. Я никоим образом не избежал этой трудности, поскольку в некоторых случаях у меня даже не было возможности провести перекрестный допрос субъектов, истории болезни которых я получил. Тем не менее, факты, пока они всплывают, представляют определенный интерес. У меня есть некоторые данные о наследственности в 62 моих случаях. Из них не менее 24, или почти 39%, утверждают, что у них есть основания полагать, что в их семьях имели место и другие случаи инверсии, и, хотя у некоторых это всего лишь сильное подозрение, у других нет никаких сомнений. В одном случае есть основания подозревать инверсию с обеих сторон. Обычно инвертированными родственниками были братья, сестры, двоюродные братья или дяди. В одном случае у бисексуального сына, по-видимому, был бисексуальный отец.

Этот наследственный характер инверсии (который отрицался Нэкке) является фактом огромной важности, и, поскольку это происходит в случаях, с которыми я хорошо знаком, я не могу сомневаться в существовании тенденции. Влияние внушения часто может быть полностью исключено, особенно когда люди разного пола. И Крафт-Эбинг, и Молл отметили аналогичную тенденцию. Фон Ремер утверждает, что в трети его случаев инверсия наблюдалась у других членов семьи. Хиршфельд также обнаружил, что существует относительно высокая доля случаев семейной инверсии.

Двадцать шесть, насколько можно установить, принадлежат к относительно здоровым семьям; тщательное расследование, вероятно, уменьшило бы их число, и примечательно, что даже в некоторых здоровых семьях от брака родителей родился только один ребенок. В 28 случаях наблюдается большая или меньшая частота заболеваемости или ненормальности —

эксцентричности, алкоголизма, неврастении, безумия или нервных заболеваний — с одной или обеих сторон, в дополнение к инверсии или отдельно от нее. В некоторых из этих случаев инвертированное потомство является результатом союза очень здорового с совершенно болезненным потомством; в некоторых других наблюдается незначительная степень аномалии с обеих сторон.

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ.—Можно с большей уверенностью говорить о здоровье отдельного человека, чем о здоровье его семьи. Можно сказать, что из 80 случаев 53 — или около двух третей - имели хорошее, а иногда даже очень хорошее здоровье, хотя иногда приходится делать некоторые небольшие оговорки. В 22 случаях здоровье слабое или, в лучшем случае, только хорошее; в этих случаях иногда наблюдается склонность к чахотке, а часто выраженная неврастения и более или менее неуравновешенный темперамент. Четырнадцать в значительной степени болезненны; у оставшегося пациента были бредовые состояния, которые потребовали лечения в психиатрической больнице. Значительная часть из них, включенная в число лиц, обладающих хорошим или слабовидящим здоровьем, может быть описана как обладатели чрезвычайно нервного темперамента, и в большинстве случаев они так описывают себя; определенная часть из них сочетает в себе большую физическую и, особенно, умственную энергию с этой нервозностью; все они, несомненно, имеют невротический темперамент.^[184] Можно сказать, что очень немногим явно не хватает энергии. Таким образом, в целом, значительная часть этих инвертированных индивидуумов проходит по жизни в неизменном состоянии здоровья, что позволяет им выполнять, по крайней мере, свою справедливую долю работы в мире; в значительной части моих случаев эта работа имеет высокую интеллектуальную ценность. Только в 5 случаях это будет видно, или самое большее в 6, можно сказать, что общее состояние здоровья явно плохое.

Этот результат, возможно, может показаться удивительным. Следует, однако, помнить, что мои пациенты в целом не относятся к той категории, которую обычно может определить только врач: *т.е.* к сексуальным инвертированным, страдающим более или менее тяжелой степенью полного нервного срыва.

Нет частой связи между гомосексуализмом и безумием, и такая гомосексуальность, которая встречается в приютах, в основном носит ложный характер. This point was specially emphasized by Näcke (e.g., "Homosexualität und Psychose," *Zeitschrift für Psychiatrie*, vol. lxviii, № 3, 1911). Он процитировал мнения различных выдающихся психиатров относительно редкости, с которой они встречали настоящих инвертированных, и записал свой собственный опыт. За весь свой обширный опыт работы он ни разу не встречал настоящего инвертированного в приюте, хотя был вполне готов признать, что в приютах могут быть нераспознанные инвертированные, и один пациент сообщил ему после ухода, что он был инвертированным и привлек внимание полиции как до, так и после, хотя в приюте ничего не произошло. Среди 1500 пациентов, находившихся в лечебнице в течение одного года, активный *педикюр* произошел примерно у 1 процента случаев, эти пациенты часто были идиотами или имбецилами и в то же время мастурбаторами, одиночными или взаимными. Хиршфельд сообщил Нэкке, что среди гомосексуалистов довольно распространены истерические состояния (обычно не на наследственной основе) и определенно часта неврастения высокой степени, но, хотя стадии депрессии встречаются

часто, он никогда не сталкивался с чистой меланхолией и очень редко с манией, но часто с параноидальными бредовыми идеями, и он согласился с Брайаном из Бродмура, что религиозный бред не редкость. Общий паралич встречается, но сравнительно редко, и то же самое можно сказать о прекоксом слабоумии. В целом, хотя Хиршфельд не смог привести точных цифр, не было никаких оснований предполагать аномальную распространенность безумия. Это была собственная точка зрения Нэкке. Совершенно верно, заключил Нэкке, что гомосексуальные действия происходят при любой форме психоза, особенно при врожденных и вторичных деменциях, а также в периоды возбуждения, но нас здесь больше интересует "псевдогомосексуальность", чем истинная инверсия. Хиршфельд считает, что это 75 процентов. инвертированные имеют хорошую наследственность; это кажется слишком большой долей; в любом случае необходимо учитывать различия в методе и тщательности исследования.

Я совершенно уверен, что тщательное расследование значительно увеличило бы долю случаев с патологической наследственностью. В то же время это расширение было бы достигнуто главным образом за счет привлечения внимания к незначительным отклонениям, и тогда нужно было бы показать, насколько семьи средних или нормальных людей свободны от таких отклонений. Иногда задают вопрос: какая семья свободна от невропатического заражения? В настоящее время трудно точно ответить на этот вопрос. Есть все основания полагать, что довольно большая доля семей свободна от такого заражения. В любом случае представляется вероятным, что семьи, к которым принадлежат инвертированные, обычно не демонстрируют таких глубоких признаков нервной дегенерации, как нас заставляли предполагать раньше. То, что мы неопределенно называем "эксцентричностью", является обычным явлением среди них; безумие встречается гораздо реже.

ПЕРВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОГО ИНСТИНКТА.—Из 72 случаев в 8 инстинкт переключился на представителей того же пола во взрослом возрасте или, во всяком случае, после наступления половой зрелости; в 3 из них имело место любовное разочарование с женщиной; никакой другой причины, кроме этой, для перехода установить невозможно; но примечательно, что по крайней мере в 2 из этих случаев сексуальный инстинкт неразвит или болезненно слаб, в то время как у третьего человека несколько слабое *телосложение*, а у другого долгое время было слабое здоровье. В другом случае, также несколько болезненном, развитие было гораздо более сложным.

В 64 случаях, или в пропорции 88%, аномальный инстинкт проявился в раннем возрасте без предшествующего влечения к противоположному полу.^[185] В 27 из них это относится примерно к периоду полового созревания, обычно начинающемуся в школе. В 39 случаях тенденция началась до наступления половой зрелости, в возрасте от 5 до 11 лет, обычно между 7 и 9 годами, иногда так рано, как субъект себя помнит. Не следует предполагать, что в этих многочисленных случаях раннего появления гомосексуализма проявления носили специфически физический характер, хотя в нескольких случаях отмечаются эрекции. По большей части сексуальные проявления в этом раннем возрасте, будь то гомосексуальные или гетеросексуальные, носят чисто психический характер.^[186]

ПОЛОВОЕ СОЗРЕВАНИЕ И ГИПЕРЕСТЕЗИЯ.—Значительный интерес и значимость представляет тот факт, что в столь большом количестве моих случаев наблюдалась явная преждевременность сексуальных эмоций, как с физической, так и с психической сторон. Не может быть никаких сомнений в том, что, как обнаружили многие предыдущие наблюдатели, инверсия, как правило, тесно связана с половым созреванием. Я думаю, далее можно сказать, что половое созревание имеет тенденцию поощрять перевернутую привычку там, где она существует. Почему это должно быть так, очевидно, если мы верим — а для этого есть некоторые основания, — что в раннем возрасте сексуальный инстинкт сравнительно недифференцирован в своих проявлениях. Преждевременное усиление сексуального влечения приводит к определенной кристаллизации эмоций на преждевременной стадии. Следует добавить, что не по годам развитая сексуальная энергия, вероятно, останется слабой, и что слабая сексуальная энергия легче приспособливается к гомосексуальным отношениям, в которых нет определенного действия, которое необходимо совершить, чем к нормальным отношениям. Трудно сказать, сколько из моих пациентов проявляют половую слабость. У 6 или 7 лет это очевидно, и это можно заподозрить у многих других, особенно у тех, кто является "чувствительным" или "нервным" и часто называет себя таковыми, а также у тех, чье половое развитие было очень поздним. Во многих случаях наблюдается выраженная гиперестезия или раздражительная слабость. Гиперестезия имитирует силу, и, хотя не может быть никаких сомнений в том, что некоторые сексуальные инвертированные (и особенно бисексуалы) действительно обладают необычной сексуальной энергией, у других это лишь очевидно; частое повторение семенных выделений, например, может быть результатом как слабости, так и силы. Следует добавить, что эта раздражительность сексуальных центров у значительной части инвертированных связана с выраженными эмоциональными тенденциями к привязанности и самопожертвованию. Часто наблюдалось, что в экстравагантности своей привязанности и преданности инвертированный мужчина напоминает многих нормальных женщин.

ВНУШЕНИЕ И ДРУГИЕ ВОЗБУЖДАЮЩИЕ ПРИЧИНЫ ИНВЕРСИИ.—В 18 моих случаях возможно, что какое-то событие или особая среда в ранней жизни оказали большее или меньшее влияние на направление сексуального инстинкта в гомосексуальные русла или на проявление скрытой инверсии. В трех случаях разочарование в нормальной любви, по-видимому, вызвало глубокое нервное и эмоциональное потрясение, оказавшее воздействие, как мы, кажется, вынуждены признать, на предрасположенный организм и развившее довольно постоянную тенденцию к инверсии. В 8 случаях имело место совращение пожилым человеком, но по крайней мере в 4 или 5 из них уже была хорошо выраженная предрасположенность. По крайней мере, в 8 других случаях, например, обычно в школе, это, вероятно, можно рассматривать как оказавшее некоторое влияние. Примечательно, что в очень немногих из моих случаев мы можем проследить влияние какого-либо определенного "внушения", как утверждает Шренк-Нотцинг, который считает, что в причинности сексуальной инверсии (как, несомненно, и в причинности эротического фетишизма) мы должны отдать первое место "случайным факторам воспитания и внешнего влияния". Он описывает случай с маленьким мальчиком, который с невинным любопытством смотрел на пенис своего отца, который мочился, и которому надавали пощечин за ушами, откуда возник ход мыслей и чувств, приведший к полной сексуальной инверсии. В двух случаях, о которых я сообщал, у нас есть параллельные инциденты, и здесь мы ясно видим, что гомосексуальная тенденция уже существовала. Я не подвергаю сомнению

наличие подобных инцидентов, но я отказываюсь принимать их как причину инверсии, и в этом меня поддерживают все доказательства, которые я в состоянии получить. Я согласен с корреспондентом, который написал:—

"Учитывая, что все мальчики подвергаются внушениям одинакового порядка (вид обнаженных органов мужчины, секс с женщиной, прикосновения мужчины) и что лишь немногие из них становятся сексуально извращенными, я думаю, разумно заключить, что эти немногие были заранее созданы для получения внушения. Фактически, внушение, по-видимому, играет точно такую же роль в нормальном и ненормальном пробуждении секса".

Я бы зашел так далеко, что заявил, что для нормальных мальчиков и девочек развитые половые органы взрослого мужчины или женщины — из—за их размера, волосатости и тайны, которая их окутывает, - почти всегда вызывают определенное очарование, будь то привлекательность или ужас.^[187] Но это никак не связано с гомосексуализмом и вряд ли вообще с сексуальностью. Так, в одном известном мне случае мальчик 6-7 лет получал удовольствие, лаская органы другого мальчика, вдвое старше себя, который оставался пассивным и безразличным; однако этот ребенок вырос, так и не проявив никакого гомосексуального инстинкта. Семя внушения может прорасти только тогда, когда оно упадет на подходящую почву. Если предполагается, что извращенное внушение имеет вполне нормальную природу, оно должно быть очень мощным или повторяющимся, и даже в этом случае его влияние, вероятно, будет лишь временным и исчезнет в присутствии нормального стимула.^[188]

"Внушение" не только не нужно для развития сексуального влечения, уже укоренившегося в организме, но и при воздействии в противоположном направлении оно бессильно отклонить это влечение. Мы видим, как это иллюстрируется несколькими случаями, истории которых я представил. Так, в одном случае мальчик был соблазнен горничной в возрасте 14 лет и даже получал удовольствие от девочки, но, тем не менее, врожденный гомосексуальный инстинкт заявил о себе год спустя. В другом случае гетеросексуальные внушения были предложены и приняты в раннем возрасте, но, несмотря на это, гомосексуальное влечение постепенно развивалось изнутри.

Поэтому мне нечего сказать о влиянии внушения, которому раньше придавалось первостепенное значение в книгах по сексуальной инверсии. Это не потому, что я недооцениваю огромную роль, которую играет внушение во многих областях нормальной и ненормальной жизни. Это потому, что я смог найти лишь несколько явных следов этого в сексуальной инверсии. Во многих случаях, несомненно, в развитии инверсии могут присутствовать некоторые незначительные элементы внушения, хотя их и невозможно проследить.^[189] Их важность обычно кажется сомнительной, даже когда их обнаруживают. Возьмем случай Шренк-Нотцинга с маленьким мальчиком, которому надрали уши за то, что его отец счел неуместным любопытством. Мне трудно осознать, что таким образом может быть порождено мощное внушение, если только не существует сильной эмоции, с которой оно могло бы соединиться; в этом случае семя падает на подготовленную почву. Связано ли широкое распространение нормальной сексуальности с тем фактом, что стольким маленьким мальчикам надрали уши за непослушные вольности с женщинами? Если это так, я вполне готов принять объяснение Шренк-Нотцинга как полное изложение вопроса. Я действительно знаю один случай, в котором можно обнаружить элемент того, что справедливо можно назвать внушением. Это история врача, который всегда был в очень дружеских отношениях с мужчинами, но имел

сексуальные отношения исключительно с женщинами, находя справедливое удовлетворение, пока однажды признания перевернутой пациентки не стали для него откровением; после этого он перенял перевернутые практики и перестал находить какое-либо влечение в женщинах. Но даже в этом случае, насколько я понимаю, внушение служило лишь для того, чтобы раскрыть человеку его собственную природу. Принятие врачом извращенных привычек, которые внушает ему случайный визит пациента, вряд ли может быть феноменом чистого внушения. У нас нет оснований предполагать, что этот врач практиковал все извращения, о которых слышал от пациентов; он перенял то, что соответствовало его собственной натуре.^[190] В другом случае юноше были сделаны гомосексуальные заигрывания, которые были приняты, но его уже в детстве привлекали мужчины. Опять же, в другом случае, были гомосексуальные влияния в детстве субъекта, который стал бисексуалом, но поскольку отец субъекта был схожего бисексуального темперамента, мы не можем придавать значения простым предположениям. В другом случае мы обнаруживаем гомосексуальное влияние в детстве, но ребенок уже был хрупким, застенчивым, нервным и женственным, явно обладая темпераментом, предопределенным для развития в гомосексуальном направлении.

Непреодолимую силу внутреннего импульса хорошо иллюстрирует случай, представленный Хиршфельдом и Бурхардом: "Моя дочь Эрна, - сказала мать испытуемой, - проявила мальчишеские наклонности в возрасте 3 лет, и они усиливались год от года. Она никогда не играла в куклы, только в оловянных солдатиков, ружья и замки. Она лазала по деревьям и перепрыгивала канавы; она подружилась с возницами всех повозок, которые подъезжали к нашему дому, и они сажали ее на спину лошади. Ежегодный цирк был для нее радостью на протяжении всего года. Даже в 4-летнем возрасте она так бесстрашно ездил верхом, что зрители кричали "Браво!" и все заявили, что она прирожденная наездница. Ее самым большим желанием было быть мальчиком. Она весь день носила одежду своего старшего брата, несмотря на возмущение бабушки. Езда на велосипеде, гимнастика, катание на лодках, плавание были ее страстью, и она проявила в них мастерство. С возрастом она возненавидела красиво украшенные шляпы и одежду. У меня было много проблем с ней, потому что она не носила красивых вещей. Чем старше она становилась, тем более мужественными и решительными становились ее поступки. Это вызвало много возмущения и обид. Люди находили мою дочь неженственной и неприятной, но все мои хлопоты и увещевания нисколько не изменили ее". Итак, эта молодая женщина, которую все влияния нормального женского окружения не смогли сделать женственной, физиологически вообще не была женщиной; случай оказался уникальным примером индивидуума, обладающего всеми внешними характеристиками женщины в сочетании с внутренней тканью яичек, способной испускать истинно мужскую сперму через женскую уретру. Никаких предположений окружающей среды не могло быть достаточно, чтобы преодолеть этот фундаментальный факт внутреннего устройства. (Hirschfeld and Burchard, "Spermasekretion aus einer weiblichen Harnröhre," *Deutsche medizinische Wochenschrift*, No. 52, 1911.)

Здесь я могу процитировать три американских случая (ранее не публиковавшихся), за которые я в долгу перед профессором Г. Фрэнком Лидстоном из Чикаго. Мне кажется, они иллюстрируют единственные предположения, которые играют большую роль в эволюции инверсии. Я привожу их словами доктора Лидстона: —

СЛУЧАЙ I.—Мужчина 45 лет, привлеченный ссылкой на мое эссе о "Социальных извращениях", содержащейся в английском переводе книги Краффта-Эбинга "*Psychopathia Sexualis*", проконсультировался со мной относительно возможного лечения своего состояния. Этот человек был прекрасно образованным, очень умным человеком, который был превосходным лингвистом, обладал значительными музыкальными способностями и работал в фирме, бизнес которой был таков, что требовал от ее сотрудников значительной юридической проницательности, канцелярских способностей и знаний о сделках с недвижимостью. Этот мужчина заявил, что в возрасте полового созревания, не имея никакого представления об извращенности сексуальных чувств, он вступил в интимный контакт с мужчинами более преклонного возраста, которые использовали различные средства для возбуждения его сексуальных страстей, в результате чего развились извращенные сексуальные практики, которые продолжались в течение ряда лет. После этого он заметил отвращение к женщинам. По настоянию своей семьи он в конце концов женился, не имея ни малейшего разумного представления о том, чего, если вообще чего-либо, можно ожидать от него в супружеских отношениях. Абсолютное бессилие — более того, отвращение к общению с женой — было прискорбной последовательностью. Рассматривался вопрос о разводе, когда, к счастью для всех заинтересованных сторон, жена внезапно умерла. Будучи человеком более чем заурядного ума, этот человек, прежде чем обратиться ко мне за помощью, тщетно искал какое-нибудь средство от своего плачевного состояния. Он заявил, что, по его мнению, в его случае был элемент наследственности: его отец страдал алкоголизмом, а один брат умер сумасшедшим. Тем не менее он заявил, что, по его мнению, несмотря на наследственную порчу, он был бы совершенно нормальным с сексуальной точки зрения, если бы не приобретенные впечатления в период полового созревания или около того. Этот мужчина представлял собой типично невротический тип *телосложения*, жаловался на сильную нервозность, преждевременно поседел, был невысокого роста и страдал неконтролируемым нистагмом, который, по его словам, существовал около пятнадцати лет. Как и следовало ожидать, лечение в этом случае не принесло результатов. Я начал использовать гипнотическое внушение под руководством опытного профессионального гипнотизера. Пациент, которого вызвали из штата, в конце концов отказался от лечения, и у меня нет возможности узнать, каково его нынешнее состояние.

СЛУЧАЙ II.—Моя пациентка, которая оказалась актрисой и, следовательно, светской женщиной, обратилась ко мне за мнением о некоторой переписке, которая велась между ее младшим братом и мужчиной, живущим в другом штате, с которым он был в довольно близких отношениях. В одном из этих писем упоминались различные полеты в Чикаго с целью встречи с парнем, которому, кстати, было всего 17 лет. Выяснилось также, о чем свидетельствуют письма, что несколько раз молодого человека брал с собой в поездки в вагонах Pullmanего друг, который был видным железнодорожным чиновником. Характер переписки был таким, какой среднестатистический здоровый мужчина адресовал бы женщине, в которую он был влюблен. По-видимому, автор переписки дал своей подруге-мальчику имя Золушка, и заверения в страстной привязанности, которые были сделаны по отношению к Золушке, несомненно, удовлетворили бы самую требовательную женщину. Впоследствии молодой человек сделал мне признание, и я вступил в переписку с его другом мужского пола, в результате чего он позвонил мне, и я получил полную историю этого дела. Методом потакания в данном случае была обычная оральная мастурбация, в которой парень был пассивной стороной. Мне не

удалось получить каких-либо определенных данных относительно семейной истории пожилого человека в этом случае, но я понимаю, что в его семье был налет безумия. Сам он был крепким, симпатичным мужчиной старше среднего возраста, хорошо образованным и очень умным, каким он и должен был быть, учитывая видное положение, которое он занимал в важной железнодорожной компании. Я заявлю, ради интереса, что парень по этому делу, которому сейчас 23 года, недавно консультировался у меня по поводу *совместной импотенции*, проявляющейся фригидностью к женщинам, и, судя по заявлениям молодого человека, я убежден, что он находится на пути к подтвержденному сексуальному извращению.

Интересным моментом в этой связи является то, что у сестры молодого человека, актрисы, о которой уже упоминалось, недавно случился приступ острой мании.

У меня были и другие неопубликованные случаи, которые могли бы представлять интерес, но эти два в некоторой степени классические и в большей или меньшей степени типичны для большинства других случаев. Я, однако, упомяну еще один случай, произошедший с женщиной.

СЛУЧАЙ III.—Замужняя женщина 40 лет. Ее бросил муж из-за ее извращенной сексуальности. Невротический анамнез с обеих сторон семьи и несколько случаев помешательства со стороны матери. В этом случае существовала близость к тому же полу и извращенное влечение к противоположному полу, сочетание отнюдь не редкое. Пытались использовать гипнотическое внушение, но безуспешно. Причиной, очевидно, было предложение и пример со стороны другой женщины-извращенки, с которой она общалась до замужества. Замуж вышла поздно, в возрасте 35 лет. Во всех этих случаях присутствовал элемент того, что можно назвать внушением, но на самом деле это было нечто гораздо большее; вероятно, в каждом случае это было активное соблазнение пожилым человеком предрасположенного молодого человека. Следует отметить, что в каждом случае имела, по меньшей мере, органическая невротическая основа для работы с внушением и соблазнением. Я не могу рассматривать эти случаи как имеющие право изменять наше отношение к внушению.

МАСТУРБАЦИЯ.—Моро считал, что мастурбация является причиной сексуальной инверсии, а Крафт-Эбинг рассматривал ее как ведущую ко всем видам сексуальных извращений; то же мнение в настоящее время повторяют многие авторы. Сейчас это не принято. Молл решительно отвергал идею о том, что мастурбация может быть причиной инверсии; Нэкке неоднократно отрицал, что мастурбация, в большей степени, чем соблазнение, может когда-либо вызвать истинную инверсию; Хиршфельд не придает этому никакого этиологического значения. Много лет назад я уделил особое внимание этому моменту и пришел к аналогичному выводу. Я определенно верю, что мастурбация, особенно в раннем возрасте, иногда может ослаблять сексуальную активность и способствовать проявлениям инверсии. Но помимо этого, в истории моих случаев с мужчинами мало что указывает на мастурбацию как причину инверсии. Это правда, что 44 из 51 признают, что они практиковали мастурбацию — во всяком случае, время от времени или в какой-то период своей жизни, - и вполне возможно, что эта доля больше, чем среди нормальных людей. Однако, даже если это так, это нетрудно объяснить, принимая во

внимание тот факт, что гомосексуальный человек не имеет тех же возможностей, что и гетеросексуальный человек, для удовлетворения своих инстинктов, и что мастурбация иногда может законно казаться ему меньшим из двух зол.^[191] По крайней мере в 7 случаях мастурбация вообще не практиковалась (о некоторых у меня нет информации), но в нескольких других она никогда не практиковалась задолго до появления гомосексуального инстинкта, в 1 случае - до 40 лет, и то лишь изредка. По крайней мере, в 8 случаях это практиковалось только в период полового созревания; однако, по крайней мере, в 8 случаях это началось до наступления половой зрелости; по крайней мере, в 9 случаях это прекратилось примерно до 20-летнего возраста. К сожалению, пока у нас мало определенных доказательств относительно распространенности и масштабов мастурбации среди нормальных людей.

Среди женщин мастурбация встречается как минимум в 5 случаях из 7. В 1 случае мастурбации не было до сравнительно позднего возраста, да и то лишь через редкие промежутки времени и при исключительных обстоятельствах. В другом случае, через несколько лет после того, как было испытано гомосексуальное влечение, оно практиковалось, хотя и не в избытке, с пубертатного возраста в течение примерно четырех лет, а затем было прекращено; в течение этих лет физические сексуальные чувства были более настоятельными, чем они ощущались впоследствии. В 2 случаях мастурбации научились спонтанно вскоре после полового созревания, и в 1 из них практиковались чрезмерно до того, как проявления инверсии стали определенными. Во всех случаях испытуемые настойчиво утверждали, что эта практика не приводила и не была вызвана гомосексуальным влечением, которое они рассматривают как гораздо более высокое чувство, и следует добавить, что случайная практика мастурбации далеко не редкость среди вполне нормальных женщин.^[192]

Хотя это так, я определенно склонен полагать, что раннее и чрезмерное увлечение мастурбацией, хотя и не является адекватной причиной, является благоприятным условием для развития инверсии, и что это особенно характерно для женщин. Сексуальная зрелость, на которую указывает ранняя и чрезмерная мастурбация, несомненно, иногда выявляет организм, уже предрасположенный к гомосексуализму. Но, помимо этого, когда мастурбация возникает спонтанно в раннем возрасте на чисто физической основе, это, по-видимому, приводит к разрыву между физическим и психическим аспектами сексуальной любви. Все сексуальные проявления направляются в это физическое русло, и ребенок не знает, что такие явления обычно связаны с любовью; затем, когда с развитием подросткового возраста появляется более духовное влечение, этот развод увековечивается. Вместо того чтобы физические и психические чувства проявлялись вместе, когда наступает возраст сексуального влечения, физические чувства преждевременно отклоняются от своего естественного конца, и человеку того же пола становится ненормально легко вмешаться и занять место, по праву принадлежащее человеку противоположного пола. Мне определенно казалось, что именно такой ход событий был в некоторых случаях, которые я наблюдал.

ОТНОШЕНИЕ К ПРОТИВООПОЛОЖНОМУ ПОЛУ.—В 17 случаях (из которых 5 состоят в браке, а другие намереваются вступить в брак) наблюдается сексуальное влечение к обоим полам, состояние, которое раньше называлось психосексуальным гермафродитизмом, но теперь чаще

встречается бисексуальность. В таких случаях, хотя в отношениях с обоими полами есть удовольствие и удовлетворенность, обычно наблюдается большая степень удовлетворения в связи с одним полом. Большинство бисексуалов предпочитают свой пол. Удивительно редко можно встретить человека, будь то мужчина или женщина, который по собственному выбору поддерживает отношения с обоими полами и предпочитает противоположный пол. Это, по-видимому, указывает на то, что бисексуал действительно может быть инвертированным.

В любом случае бисексуальность незаметно переходит в простую инверсию. По крайней мере, в 16 из 52 случаев простой инверсии у мужчин была связь с женщинами, в некоторых случаях только один или два раза, в других в течение нескольких лет, но это всегда было с усилием или из чувства долга и беспокойства о том, чтобы быть нормальным; они никогда не испытывали никакого реального удовольствия от акта или чувства удовлетворения после него. Четверо из этих пациентов были женаты, но боевые отношения обычно прекращались через несколько лет. По крайней мере, еще четверо испытывали влечение к женщинам в молодости, но не сейчас; другой когда-то испытывал сексуальное влечение к женщине мальчишеского вида, но никогда не предпринимал никаких попыток завязать с ней какие-либо отношения; 3 или 4 других, опять же, пытались установить связь с женщинами, но потерпели неудачу. У большей части моих пациентов никогда не было сексуальной близости с противоположным полом,^[193] и некоторые из них испытывают то, что в случае с инвертированным мужчиной иногда называют *женским ужасом*. Но, хотя женщина как объект сексуального влечения в таких случаях им отвратительна, и настоящему инверту обычно трудно установить связь с женщиной, кроме как создавая образы своего пола, по большей части инвертированные способны на настоящую дружбу, независимо от пола.

Возможно, нетрудно объяснить ужас — гораздо более сильный, чем тот, который обычно испытывается по отношению к лицу того же пола, — с которым инвертированный часто относится к половым органам лиц противоположного пола. Нельзя сказать, что половые органы обоих полов под влиянием сексуального возбуждения доставляют эстетическое удовольствие; они становятся эмоционально желанными только благодаря параллельному возбуждению созерцателя. Когда отсутствие параллельного возбуждения сопровождается у наблюдателя чувством незнания, как в детстве, или невротической гиперчувствительностью, создаются условия для возникновения интенсивного *ужаса женского* или *ужаса мужского*, в зависимости от обстоятельств. Возможно, что, как утверждает Отто Ранк в своем интересном исследовании "Die Nacktheit im Sage und Dichtung", этот ужас перед половыми органами противоположного пола, который в какой-то степени ощущают даже нормальные люди, воплощен в легендах о Мелюзине.^[194]

ЭРОТИЧЕСКИЕ СНЫ.—Наши сны, как правило, следуют импульсам, которые движут нашей психической жизнью при бодрствовании. Нормальный мужчина или женщина в сексуальном расцвете мечтают полюбить человека противоположного пола; перевернутый мужчина мечтает полюбить мужчину, перевернутая женщина — полюбить женщину.^[195] Таким образом, сны имеют определенное значение для диагностики, тем более что нежелание признаваться в извращенном сне встречается реже, чем в извращенном действии.

Ульрихс первым упомянул о значении снов инвертированных. Позже Молл указала, что они имеют некоторое значение для диагностики, когда мы не уверены, насколько радикальна инвертированная тенденция. Затем Нэкке неоднократно подчеркивал важность сновидений как составляющего, по его мнению, самый тонкий тест, которым мы располагаем для диагностики гомосексуализма;^[196] это была преувеличенная точка зрения, в которой не учитывались различные влияния, которые могут отклонять сны. Хиршфельд провел самое обширное исследование по этому вопросу и обнаружил, что из 100 инвертированных 87 видели исключительно гомосексуальные сны, в то время как большинство остальных вообще не видели снов.^[197] Среди моих случаев только в 4 определенно указано, что эротических снов нет, в то время как в 31 признается, что сны в большей или меньшей степени касаются лиц одного пола. Из них по меньшей мере 16 утверждают или подразумевают, что их сны касаются исключительно лиц одного пола. Двое, хотя и явно инвертированные от рождения, видели эротические сны о женщинах, в одном случае чаще, чем о мужчинах; эти два исключения не имеют очевидного объяснения. Другому, по-видимому, снятся сексуальные сны кошмарного характера, в которых фигурируют женщины. В другом случае сначала всегда были сны о женщинах, но этот субъект иногда имел связь с проститутками и не совсем безразличен к женщинам, в то время как другой, чьи сны остаются гетеросексуальными, в молодости испытывал некоторое влечение к девушкам. В случаях ярко выраженной бисексуальности нет единодушия; 2 видят сны своего пола, 2 видят сны обоих полов, 1 обычно видит сны противоположного пола, а 1 мужчине, хотя и снятся оба, не нравятся те сны, в которых фигурируют женщины. По крайней мере в 3 случаях сны сексуального характера начались в возрасте 8 лет или раньше.

Явления, представленные эротическими сновидениями, как у нормальных, так и у ненормальных людей, несколько сложны, и сны ни в коем случае не являются надежным ориентиром для определения реальной сексуальной установки сновидца. Колебания образности сновидений можно проиллюстрировать опытом одного из моих испытуемых, который таким образом косвенно резюмирует свой собственный опыт: "Когда он был совсем ребенком, его преследовали грубые и гротескные сны с обнаженными взрослыми мужчинами, которые, должно быть, были эротическими. В возрасте полового созревания он видел сны двоякого рода, но всегда о мужчинах. Один вид видения был в высшей степени идеалистичным; на фоне тусклых теней ему предстало сияющее и прекрасное лицо молодого человека с развевающимися волосами. Другой был непристойным, поскольку обычно представлял собой вид гениталий жениха или возницы в состоянии сильной эрекции. Он никогда не видел эротических или сентиментальных снов о женщинах; но когда сон был ужасающим, наводящим ужас персонажем неизменно была женщина. В обычных снах женщины из его семьи или знакомые играли тривиальную роль. В возрасте 24 лет, твердо решив победить свои гомосексуальные страсти, он женился, не испытывал никаких трудностей в сожительстве со своей женой и родил нескольких детей, хотя и не получал особого страстного удовольствия от полового акта. В течение нескольких лет он все еще продолжал видеть сны исключительно о мужчинах; и непристойные видения стали более частыми, чем идеалистические. Постепенно грубые и неинтересные эротические сны о женщинах начали преследовать его разум во сне. Любопытной особенностью нового типа видения было то, что ему никогда не снились целые женщины, только их половые органы, видимые как в тумане; а семенные выделения, сопровождавшие мысленные картины, оставляли чувство усталости и отвращения. Со временем они с женой договорились жить отдельно в том, что касается

сексуальных отношений. Затем он потакал своей страсти к мужчинам и полностью утратил те зачаточные женские мечты, которые зародились в период супружеского сожительства".

Подлинный инвертированный человек не только может быть обучен видеть гетеросексуальные эротические сны, но и гомосексуальные сны могут иногда видеть люди, которые являются и всегда были исключительно гетеросексуалами. Я мог бы привести много доказательств по этому поводу. (Ср. "Аутоэротизм" в vol. я из этих *исследований*.) Как мужчины, так и женщины, которые всегда отличались ярко выраженной гетеросексуальной склонностью, без следа инверсии, подвержены редким гомосексуальным снам, не обязательно связанным с оргазмом или даже определенным сексуальным возбуждением, а иногда сопровождающимся чувством отвращения. В качестве примера я могу привести сон (происхождение которого неизвестно) исключительно гетеросексуальной женщины 42 лет; ей снилось, что она находится в постели с другой, незнакомой ей женщиной и лежит на собственном животе, в то время как вытянутой правой рукой она ощупывает половые органы другой. Она могла отчетливо ощущать клитор, влагалище и т.д.; она чувствовала своего рода отвращение к себе за то, что делала, но продолжало это до тех пор, пока не проснулась; затем она обнаружила, что лежит на животе, как во сне, и сначала подумала, что, должно быть, трогала себя, но поняла, что этого не могло быть. (Никефоро, который считает, что инверсия может развиваться в результате мастурбации, считает, что сны о мастурбации по ассоциации идей могут принимать перевернутый характер [*Психологическая экспертиза*, 1897, стр. 35, 69]; это, однако, должно быть редкостью и не объясняет большинство рассматриваемых снов.)

Нэкке и Колин Скотт несколько лет назад независимо друг от друга упоминали случаи, когда гомосексуальные сны снились нормальным людям, а Фере ("*Ревю де Медекин*", декабрь 1898 г.) упоминал мужчину, который испытывал ужас перед женщинами, но, казалось, гомосексуальность проявлялась только в его снах. Некке (*Archiv für Kriminal-Anthropologie*, 1907, Heft I, 2) называет сны, которые представляют собой реакцию противодействия обычной жизни сновидца, "контрастными снами". Хиршфельд, который принимает "контрастные сны" Нэке в связи с гомосексуализмом, считает, что они указывают на скрытую бисексуальность. Мы можем допустить, что это так, в том же смысле, в каком дополнительное цветное изображение, вызываемое другим цветом, указывает на возможность восприятия этого цвета. Однако в большинстве случаев мне кажется, что гомосексуальные сны у нормальных людей можно просто объяснить обычной путаницей и сменой образов сновидений. (См. Эллис, *Мир грез*, особенно главу ii.)

Методы сексуальных отношений. Точный способ, которым инвертированный инстинкт находит удовлетворение, часто важен с медико—правовой точки зрения;^[198] с психологической точки зрения это имеет второстепенное значение, поскольку представляет интерес главным образом как показатель степени, в которой индивид отошел от инстинктивных чувств своих нормальных собратьев.

Взяв 57 инвертированных мужчин, о которых у меня есть определенные сведения, я обнаружил, что 12, сдерживаемые моральными или иными соображениями, никогда не имели никаких физических отношений с представителями своего пола. Примерно в 22 случаях сексуальные отношения редко выходят за рамки тесного физического контакта и ласк, или, самое большее, взаимной мастурбации и межполового сношения. В 10 или 11 случаях *фелляция* (оральное возбуждение) — часто в дополнение к той или иной форме взаимной мастурбации, и обычно,

хотя и не всегда, в качестве активного средства — является предпочтительной формой. В 14 случаях было использовано фактическое удаление^[199] — обычно активное, а не пассивное. Однако в этих случаях *педикюр* далеко не всегда является обычным или даже предпочтительным методом получения удовольствия. По-видимому, это предпочтительный метод примерно в 7 случаях. Несколько человек, которые никогда этого не испытывали, включая тех, кто никогда не практиковал никаких форм физических отношений, заявляют, что они не испытывают возражений против *педикюра*; у одних это чувство возникает в отношении активного, у других - в отношении пассивного *педикюра*. Доля инвертированных, которые практикуют или когда-либо сталкивались с *педикюром*, выявленным таким образом, (почти 25%), велика; по данным Хиршфельда, в Германии она составляет всего 8%, а Мерцбаха - только 6. Я полагаю, однако, что более широкая индукция на основе большего числа английских и американских примеров дала бы пропорцию, гораздо более близкую к той, которая была обнаружена в Германии.^[200]

ПСЕВДОСЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ.—Иногда предполагается, что в гомосексуальных отношениях один человек всегда активен физически и эмоционально, другой пассивен. Между мужчинами, во всяком случае, это очень часто не так, и инвертированный не может сказать, чувствует ли он себя мужчиной или женщиной. Таким образом, один пишет:—

"В постели со своим другом я чувствую то же, что и он, а он чувствует то же, что и я. Результат - мастурбация, и ничего больше, и желания большего с моей стороны. Я тоже покончу с этим как можно скорее, чтобы прийти к лучшему — спать, обняв друг друга, или так разговаривать".

Однако остается верным, что обычно можно проследить то, что можно назвать псевдосексуальным влечением, под которым я подразумеваю тенденцию инвертированного испытывать влечение к людям, непохожим на него, так что в его сексуальных отношениях присутствует определенное подобие сексуального противостояния. Нума Преториус считает, что в гомосексуализме притяжение противоположностей — влечение к солдатам и другим примитивным энергичным типам — играет большую роль, чем среди обычных любовников.^[201] Это псевдосексуальное влечение, однако, как указывает Хиршфельд,^[202] и, как мы видим из представленных здесь историй, ни в коем случае не является неизменной.

М. Н. пишет: "Мне кажется, что женское начало обязательно должно существовать в теле, которое желает мужского, и что природа соблюдает свой закон в духе, хотя и нарушает его по форме. Все остальное зависит от индивидуального темперамента и окружающей среды. Женская природа инвертированного, хотя ей и мешает маскировка плоти, все же способна оказывать необычайное влияние и настойчиво взывает к мужчине. Это влияние, по-видимому, проявляется наиболее яростно в присутствии мужчин, обладающих собственным сильным сексуальным магнетизмом. Такие мужчины, как правило, более или менее осознают влияние, и результатом является либо смутное понимание, которое заставит мужчину задуматься, почему он так хорошо ладит с инвертированной, либо влияние будет осознано как нечто неуместное и неестественное, и соответственно будет воспринято с негодованием. Иногда, действительно, взаимное чувство (если позволяют обстоятельства и возможность) оказывается достаточно сильным, чтобы вызвать сексуальные отношения. Тогда разум, как правило, берет верх над инстинктом, и чувство, возникшее неосознанно, вероятно, сменяется отвращением. Кроме того,

это влияние таким же образом воздействует на женщин, которые, особенно если они сильно сексуальны, испытывают непроизвольные ощущения неприязни или антагонизма при общении с инвертированными. Однако инвертированному приходится сталкиваться с одной ужасной реальностью, независимо от того, насколько сильно он может хотеть избежать ее и попытаться обмануть самого себя. Для него существует почти абсолютное отсутствие какого-либо подлинного удовлетворения ни в виде привязанностей, ни в виде желаний. Вся его жизнь проходит в тщетных поисках и вожделении к мужчине, противоположности его натуре, и, общаясь с инвертированными, он волей-неволей должен довольствоваться мужчиной только по форме, тенью без субстанции. Действительно, один инвертированный обязательно рассматривает другого как существо того же нежелательного женского пола, что и он сам, и по этой причине будет обнаружено, что, хотя дружеские отношения между инвертированными часто существуют (и они характерно женственны, нестабильны и подвержены предательству), любовные привязанности встречаются реже, а когда они возникают, естественно, должны основываться на значительном самообмане. Конечно, корыстное удовлетворение всегда возможно, поскольку оно неудовлетворительно, и здесь, возможно, некоторые из особенностей вкуса, сопровождающих инверсию, заслуживают пояснения. Принимая во внимание особое пристрастие, проявляемое инвертированными к молодежи с более низким социальным положением, к ношению униформы, а также к экстремальному физическому развитию и мужественности, которые не обязательно сопровождаются интеллектуальностью, следует учитывать возможное поведение женщин, оказавшихся в положении полной безответственности в сочетании с абсолютной свободой действий и любой возможностью для беспорядочных половых связей. Мне кажется, что нельзя слишком настаивать на важности признания лежащего в основе инверсии женского элемента ".

"Большинство" [инвертированных], - пишет "Z", - "ничем не отличаются по своему внешнему виду, телосложению или одежде от нормальных мужчин. Они атлетичны, мужественны в одежде, откровенны в манерах, год за годом проходят через общество, не вызывая подозрений о своем внутреннем темпераменте; если бы это было не так, у общества давно открылись бы глаза на количество извращенной сексуальности, которую оно таит в себе ". Эти строки были написаны не в противовес более тонким различиям, указанным выше, а в опровержение вульгарной ошибки, которая путает типичных перевернутых с раскрашенными существами в нижних юбках, которые время от времени появляются в полицейских участках и чьи портреты представлены Ломброзо, Леглюдиком и др. В другом случае тот же автор заметил, выражая общее согласие с идеей псевдосексуального влечения: "Ксвязи далеко не всегда стремится и начинает ее человек с ненормальным телосложением. Я имею в виду, что могу привести случаи решительных мужчин, которые примирились с инверсиями и нашли свое счастье во взаимной страсти. Один ярко выраженный мужчина такого типа, опять же, однажды сказал мне: "Мужчины намного нежнее женщин". [Точно такие же слова использовал один из моих испытуемых.] Кроме того, связь время от времени возникает совершенно случайно в результате сопоставления, когда трудно сказать, была ли у кого-либо из них с самого начала обратная тенденция какого-либо заметного качества. В этих случаях сексуальные отношения, по-видимому, возникают как усиление товарищеской привязанности и оказываются приятными — иногда, я думаю, обнаруживается, что они не только приносят удовлетворение, но и безопасны. С другой стороны, насколько я знаю, крайне редко можно наблюдать постоянную связь между двумя ярко выраженными инвертами".

Таким образом, тенденция к псевдосексуальному влечению у гомосексуалиста, по-видимому, предполагает предпочтение нормальных людей. Насколько это так, кажется, трудно утверждать положительно. Обычно, можно сказать, инвертированный влюбляется (точно так же, как в случае с нормальным человеком) без какого-либо интеллектуального расчета относительно темпераментной способности ответить взаимностью на привязанность, которой может обладать объект его любви. Естественно, однако, что не может быть никакой адекватной ответной привязанности при отсутствии действительной или латентной гомосексуальной предрасположенности. По этому поводу американский корреспондент (Х.К.), обладающий обширными знаниями об инверсии во многих странах, пишет: "Один из ваших корреспондентов заявляет, что инвертированные стремятся к сексуальным отношениям с нормальными мужчинами, а не друг с другом. Если это правда, то я ни разу не нашел этому примера за весь мой богатый опыт общения с инвертированными; и я представил его утверждение более чем 50-ти. Они неизменно отвечали, что если мужчина сам не гомосексуалист, то почти все удовольствие от *фелляции* отсутствует. Дело в том, что большинство инвертированных собираются вместе не из-за необходимости, а по собственному выбору. Простой половой акт, если уж на то пошло, гораздо менее важен для инвертированных, чем для нормальных мужчин и женщин. Почему инвертированная должна тосковать по общению с нормальными мужчинами, где о взаимном доверии, симпатии и любви не может быть и речи? Лично я отказываюсь совершать *фелляцию* с мужчиной, который отдается женщинам; мысль об этом мне отвратительна. И это отношение к каждому инвертированному, в котором я сомневался. Ближайшим подходом к подтверждению теории вашего корреспондента было то, что чрезвычайно женственная инвертированная женщина то тут, то там признавалась в желании, чтобы некий нормальный мужчина *был* инвертированным. Действительно, темпераментная гамма инверсии сама по себе достаточно широка, чтобы охватить самые разные идеалы. Подобно тому, как мои самые далеко идущие запросы находят свое воплощение в нежном и симпатичном мальчике, так и его собственная сильная привязанность живет во мне. Если бы инвертированные были на самом деле женщинами, то действительно нормальный мужчина был бы их идеалом. Но инвертированные - не женщины. Инвертированные - мужчины, способные на страстную дружбу, и их идеал - мужчина, который подарит им страстную дружбу взамен".

По крайней мере, в 24, а возможно, и во многих других моих случаях мужского пола наблюдается заметный контраст, а в еще большем количестве - менее заметный контраст между субъектом и людьми, к которым его влечет; либо он несколько женственен и чувствителен по натуре и восхищается более простыми и мужественными натурами, либо он довольно энергичен и восхищается мальчиками, которые часто принадлежат к низшему социальному классу. Перевернутых женщин также привлекают более цепляющиеся женственные личности.^[203] Сексуальное влечение к мальчикам, без сомнения, как указывает Молл, является той формой инверсии, которая наиболее близка к нормальной сексуальности, поскольку субъект этого обычно приближается к среднему мужчине по физическому и психическому состоянию. Причина этого очевидна: мальчики похожи на женщин, и поэтому требуется менее глубокий органический поворот, чтобы испытывать к ним сексуальное влечение. Любопытно, кто смотрел частные театральные постановки в школах для мальчиков, наверняка заметил, как легко мальчикам успешно изображать женщин, и хорошо известно, что до середины семнадцатого века женские роли на сцене всегда исполняли мальчики, независимо от того, наносили ли они ущерб своей собственной морали или нравственности других людей.^[204] Также стоит отметить, что в Греции, где гомосексуальность процветала так

широко и, по-видимому, с таким небольшим количеством невротической дегенерации, часто считалось, что любить следует только мальчиков моложе 18 лет; так что любовь к мальчикам слилась с любовью к женщинам. Примерно 18 из моих пациентов больше всего привлекают молодых людей — предпочтительно в возрасте от 18 до 20 лет, — и они, по большей части, относятся к числу наиболее нормальных и здоровых пациентов. Предпочтение мужчин постарше или же значительная степень безразличия только к возрасту встречаются чаще и, возможно, указывают на более глубокую степень извращенности.

Оставляя в стороне возраст желаемого объекта, следует сказать, что у сексуальных инвертированных существует отчетливо выраженная, хотя и не универсальная тенденция приближаться к женскому типу либо по психическому складу, либо по физической конституции, либо и по тому, и по другому.^[205] Я не могу сказать, насколько это объясняется раздражительной нервной системой и хрупким здоровьем, которые так часто ассоциируются с инверсией, хотя это, безусловно, важный фактор. Хотя сам инвертированный может решительно утверждать свою мужественность, и хотя эта женственность может быть не очень очевидной, ее широкое распространение можно утверждать со значительной уверенностью, и ни в коем случае не только среди небольшого меньшинства инвертированных, играющих исключительно пассивную роль, хотя у них это обычно наиболее заметно. В этом меня подтверждает К., который пишет: "Во всех или, конечно, почти во всех известных мне случаях врожденных инверсий мужского пола (исключая психосексуальных гермафродитов) наблюдалась замечательная чувствительность и деликатность чувств, сочувствия и интуитивный склад ума, который мы обычно ассоциируем с женским полом, хотя тело могло быть вполне мужским по своей форме и привычкам".^[206] Когда, однако, выдающийся инвертированный человек сказал Молл: "Все мы женщины; этого мы не отрицаем", он облек дело в слишком крайнюю форму. Женские черты гомосексуалиста обычно не бросаются в глаза. "Я считаю, что инвертированные с явно женской натурой являются редкими исключениями", - писал Некке:^[207] и с этим утверждением могут согласиться даже те, кто подчеркивает преобладание женских черт среди инвертированных.

У инвертированных женщин в равной степени преобладает некоторая степень мужественности или мальчишества, и это обычно не обнаруживается у женщин, к которым они испытывают влечение. Даже при инверсии потребность в определенном сексуальном противостоянии — стремление к чему-то, чем сам любовник не обладает, - все еще преобладает. Иногда это выражается во влечении между людьми разной расы и цвета кожи. Мне говорили, что в американских тюрьмах для женщин лесбийские отношения особенно часты между белыми и чернокожими женщинами.^[208] Похожая близость обнаруживается среди арабов, говорит Кохер; и если у арабской женщины есть подруга-лесбиянка, то последняя, как правило, европейка. По словам Лориона, и в Кочинхине, Китай, в то время как китайцы в основном активные педерасты, аннамиты в основном пассивны.

Следует, однако, помнить, что при нормальной любви гомогамия, влечение к подобному, преобладает над гетерогамией, влечение к непохожему, которое в основном ограничивается теми чертами, которые относятся к сфере вторичных половых признаков;^[209] то же самое, по-видимому, верно и при инверсии, и гомосексуалистов, вероятно, в целом больше привлекают вторичные половые признаки. чертами, которыми они, как им самим кажется, обладают, чем теми, которые им самим чужды.^[210]

ФИЗИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ.—Обстоятельства, при которых расследовались многие из моих дел, часто затрудняли получение или проверку информации по этому разделу. По крайней мере, в 4 случаях пенис очень большой, в то время как по крайней мере в 3 он маленький и неразвитый, с маленькими и дряблыми яичками. Представляется вероятным, что вариации в этих двух направлениях являются обычным явлением, но сомнительно, обладают ли они таким же значением, каким, по-видимому, обладает склонность к инфантилизму половых органов у инвертированных женщин. Хиршфельд считает, что половые органы инвертированных напоминают половые органы нормальных людей. Однако он обнаруживает, что фимоз встречается довольно часто.^[211]

Возможно, более значимыми, чем специфически генитальные особенности, являются отклонения, обнаруживаемые в общем строении тела.^[212] По крайней мере в 2 случаях грудь хорошо развита, в 1 грудь набухает и краснеет.^[213] В 1 случае наблюдаются "менструальные" явления, физические и психические, повторяющиеся каждые четыре недели. В нескольких случаях бедра широкие, а руки округлые, в то время как некоторые искусно бросают мяч. Один родился с двойным косоглазием. По крайней мере, 2 ребенка были 7-месячными. В предыдущей главе я упоминал о склонности к гипертрихозу, а иногда и к олиготрихозу у женщин-инвертированных; среди мужчин, по-видимому, чаще встречается последнее заболевание, и в нескольких случаях тела безволосые или со скудными волосами. Некоторые из них левши, хотя, возможно, это и не аномальная пропорция.^[214] Знаки пола в почерке в некоторых случаях явно перевернуты, мужчины пишут женской рукой, а женщины - мужской.^[215] Иногда можно услышать высокий женский голос.^[216]

Характерной чертой многих инвертированных, хотя и нелегкой для точного определения, является их молоджавость внешности и часто детские лица, в равной степени у обоих полов. Это часто отмечалось,^[217] и часто встречается у многих моих подданных.

На частую неспособность инвертированных мужчин свистеть впервые указал Ульрихс, и Хиршфельд обнаружил это у 23%. Многие из моих пациентов признаются в этой неспособности, в то время как некоторые женщины-инвертированные превосходно умеют свистеть. Хотя эта неспособность инвертированных мужчин встречается только у меньшинства, я вполне удовлетворен тем, что она хорошо заметна среди значительного меньшинства. Один из моих корреспондентов, М. Н., пишет мне: "Что касается общей неспособности инвертированных свистеть (я сам этого не умею), их пристрастия к зеленому (моему любимому цвету), их женской каллиграфии, мастерства в женских профессиях и т.д., Все это кажется мне всего лишь указанием на один принцип. Если пойти еще дальше и включить в него тривиальные вещи, то немногие инвертированные даже курят так же, как мужчины, и с таким же удовольствием; они редко обладают мужской ловкостью в играх, не могут точно метнуть в цель или даже плюнуть!"

Почти все эти особенности указывают на незначительную степень нервного расстройства и приводят к модификации, как указывает мой корреспондент, в женском направлении. Вряд ли нужно добавлять, что они ни в коем случае не обязательно подразумевают инверсию. Шелли, например, не умел свистеть, хотя никогда не подавал признаков инверсии; но он был человеком несколько ненормальной и женственной организации, и он иллюстрирует тенденцию этих,

казалось бы, очень незначительных функциональных аномалий коррелировать с другими, более важными психическими аномалиями.

Большая часть этих различных анатомических особенностей и функциональных аномалий более или менее ясно указывает на преобладание среди инвертированных склонности к инфантилизму в сочетании с феминизмом у мужчин и маскулинизмом у женщин.^[218] Эта тенденция отрицается Хиршфельдом, но она часто хорошо указывается среди субъектов, истории которых я смог представить, и действительно предлагается собственными разработанными результатами Хиршфельда; так что вряд ли ее можно обойти стороной. Я считаю это чрезвычайно важным, и это согласуется со всем, что мы узнаем о важной роли, которую играют внутренние выделения, как в инверсии, так и в общих телесных модификациях в инфантильном, женском и мужском направлениях.

Если у нас есть основания полагать, что у инвертированных людей существует тенденция к некоторой задержке в развитии, приближающейся к детскому типу, мы можем связать этот факт с сексуальной преждевременностью, иногда отмечаемой у инвертированных, поскольку преждевременность обычно сопровождается быстрой остановкой развития.

Корреспондент, который сам является перевернутым, приводит следующие заметки о случаях, с которыми он хорошо знаком; я привожу их здесь, поскольку они иллюстрируют обычно встречающиеся аномалии:

1. А., мужчина, старший ребенок в типично невротической семье. Всего трое детей: 2 мальчика и 1 девочка. Двое других несколько эксцентричны, асоциальны и сексуально фригидны, 1 - в выраженной степени. Любопытный момент в этом случае заключается в том, что А., единственный человек в семье, обладавший умственными способностями и социальными качествами, должен быть перевернут. Брак родителей был очень разношерстным и негармоничным: отец был высокого роста, а мать ненормально маленькой и обладала крайне нервным темпераментом, оба были слабого здоровья. Неудачная родословная, особенно по материнской линии.
2. Б., мужчина, инвертированный, младший из двух сыновей, других детей нет, обладает чрезвычайно женственным характером и внешностью, значительной личной привлекательностью и большим музыкальным талантом. Пенис очень маленький и заметно развита грудь.
3. С., мужчина, инвертированный, младший из двух сыновей, других детей нет. Интервал в шесть лет между первым и вторым сыном. Брак родителей, основанный на большой любви, но дегенеративном происхождении по материнской линии. Рак и золотуха в семье.
4. Д., мужчина, инвертированный, второй ребенок из 6; остальные девочки. Скромного социального положения. Значительная порочность проявлялась всеми членами этой семьи, за исключением Д., который единственный проявил себя уравновешенным, честным и трудолюбивым.
5. Э., мужчина, инвертированный, второй сын в семье из 3 человек, младший ребенок - девочка, мертворожденный. С крайне невротическим темпераментом, воспитанный воспитанием. Женоподобный по телосложению и нраву; музыкально одаренный.

6. Ф., мужчина, инвертированный, второй ребенок в семье из 5 человек. Старший ребенок, девочка, умерла в юности. После Ф. мальчик Г., девочка Х. и еще одна мертворожденная девочка. Родители плохо подходили друг другу; мать обладала значительной умственной и физической силой; отец - последний представитель вымирающего рода, результат смешанных браков. Все дети похожи на отца внешне и на мать нравом. Склонность обоих мальчиков к алкоголю, из-за которой Ф. в возрасте 30 лет в основном умер. Г. покончил с собой несколько лет спустя. Девушка Х. вышла замуж за члена семьи с худшим происхождением, чем ее собственное. Имеет двоих детей:—

7. И. и Дж., мальчик и девочка, оба перевернутые, насколько я могу судить. Мальчик родился с некоторой деформацией ступней и лодыжек; у него женственные вкусы и внешность. Мальчик похож на мать, а девочка, отличающаяся большим физическим развитием, похожа на отца.

Тот же корреспондент добавляет:—

"Я не заметил особых отклонений в формировании гениталий у инвертированных. Однако в их фигурах часто наблюдаются нарушения пропорций: руки и ноги заметно меньше и стройнее, талия более выражена, тело мягче и менее мускулистое. Почти всегда имеет место либо порок развития черепа, либо голова приближается к женской по типу и форме".

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ СКЛОННОСТИ.—Среди инвертированных представлены все профессии. Среди рассматриваемых здесь субъектов на одном конце шкалы находятся многочисленные работники физического труда, а на другом конце такое же количество, иногда из аристократических семей, которые вообще не занимаются никакой профессией. Здесь 12 врачей, 9 литераторов, по меньшей мере 7 заняты коммерческой деятельностью, 6 - художники, архитекторы или композиторы, 4 являются или были актерами. Эти цифры не могут дать никакого представления об относительной степени инверсии в различных профессиях, но они указывают на то, что ни один класс занятий не обеспечивает гарантии от инверсии.

Однако есть определенные профессии, к которым инвертированные, по-видимому, особенно призваны.^[219] Одной из главных из них является литература. Очевидное преобладание врачей легко объяснимо. Частота, с которой представлена литература, вероятно, более достоверна. Здесь, действительно, инвертированные, по-видимому, пользуются наибольшим успехом и репутацией. По крайней мере, полдюжины моих испытуемых - успешные литераторы, и я мог бы легко добавить других, выйдя за рамки группы Историй, включенных в это исследование. Они особенно культивируют те области *художественной литературы*, которые лежат на границе между прозой и стихами. Хотя они обычно не достигают больших высот в поэзии, они часто являются очень опытными авторами стихов. Их может привлекать история, но они редко берутся за задачи большого масштаба, требующие большого терпеливого труда, хотя из этого правила есть исключения. Чистая наука, по-видимому, относительно мало привлекает гомосексуалистов.^[220]

Изучение моих историй показывает интересный факт, что 45 испытуемых, или 56 процентов, обладают художественными способностями в той или иной степени. В результате опроса почти

1000 человек Гальтон обнаружил, что средний показатель проявления художественных вкусов в Англии составлял всего около 30 процентов. Следует также сказать, что мои цифры, вероятно, не соответствуют действительности, поскольку не уделялось особого внимания исследованию этого вопроса, а также что в некоторых случаях художественные способности имеют высокий уровень.

Предполагается, что теория Адлера о *самоконтроле*, согласно которой мы усиленно реагируем на наши врожденные органические дефекты и превращаем их в добродетели, может быть применена к приобретению инвертированными артистическими способностями (Г. Розенштейн, "Теория самоконтроля органов и бисексуальности", *Jahrbuch für Psychoanalytische Forschungen*, vol. ii, 1910, стр. 398). Эта теория в некоторых случаях имеет ценное применение, но мне кажется сомнительным, что она очень выгодна в данной связи. Художественные способности инвертированных лучше рассматривать как часть их органических тенденций, чем как реакцию на эти тенденции. В этой связи я могу процитировать замечания американского корреспондента, сам гомосексуалист: "Что касается связи между инверсией и артистическими способностями, то, насколько я могу судить, темперамент каждого инвертированного, кажется, стремится найти художественное выражение — грубо или иным способом. Инвертированные, как правило, ищут жизненные пути, пролегающие в приятных местах; их сопротивление встречным препятствиям эластично, их работа никогда не бывает напряженной (если они могут с этим справиться), а их достижения вряд ли когда-либо приносят практическую пользу. Все это верно и для прирожденного художника. И инвертированные, и художники чрезмерно любят похвалу; оба жаждут жизни, в которой восхищение — награда за небольшую энергию. Одним словом, они кажутся "рожденными усталыми", порожденными родителями, которые тоже были уставшими".

Хиршфельд (*Die Homosexualität*, стр. 66) приводит список картин и скульптур, которые особенно нравятся гомосексуалистам. Видными среди них являются изображения Святого Себастьяна, Голубого мальчика Гейнсборо, юношей Вандика, Гермеса Праксителя, раба Микеланджело, рабочих людей Родена и Менье.

Что касается музыки, то мои случаи выявляют склонность, которая, как отмечали другие, особенно распространена среди инвертированных. Было экстравагантно сказано, что все музыканты — инвертированные; несомненно, что различные известные музыканты, как мертвые, так и живые, были гомосексуалистами. Ингеньерос говорит в этой связи о "генито-музыкальной синестезии", аналогичной цветослышанию. Калезия утверждает (*Archivio di Psichiatria*, 1900, стр. 209), что 60% инвертированных — музыканты. Хиршфельд (*Die Homosexualität*, стр. 500) считает эту оценку завышенной, но он сам в другом месте утверждает (стр. 175), что 98% инвертированных мужчин сильно увлекаются музыкой, в то время как женщин привлекает явно меньше. Оппенгейм (в статье, обобщенной в "*Neurologische Centralblatt*" за 1 июня 1910 г. и "*Psichiatria e невролог*" за ноябрь 1910 г.) хорошо отмечает, что музыкальная склонность характеризуется большой эмоциональной нестабильностью, и эта нестабильность является склонностью к нервозности. Именно поэтому неврастения так распространена среди музыкантов. Музыкант не нервничал из-за музыки, но своей нервозностью (как и, можно добавить, своей склонностью к гомосексуализму) он обязан той же склонности, которой он обязан своим музыкальным способностям. Более того, музыкант часто односторонен в своих способностях, а обладание единственной гипертрофированной способностью само по себе тесно связано с невропатическим и психопатическим диатезом.

Склонность к драматургии, обнаруженная у значительной части моих испытуемых, которые никогда не были профессиональными актерами, привлекла внимание предыдущих исследователей в этой области.^[221] Таким образом, Молл ссылается на частоту проявления артистического, и особенно драматического, таланта среди инвертированных и отмечает, что причина сомнительна. Указав на то, что ложь, в которой они вынуждены постоянно жить, всегда делает актеров инвертированными, он продолжает: —

Помимо этого, мне кажется, что способность и склонность воспринимать ситуации и мастерски представлять их соответствует ненормальной предрасположенности нервной системы, точно так же, как и сексуальная инверсия; так что оба явления происходят из одного источника.

Я согласен с этим утверждением; врожденно инвертированных, я полагаю, можно рассматривать как класс индивидуумов, проявляющих нервный характер, который в некоторой степени приближает их к людям художественного гения. Драматические и артистические способности инвертированных, следовательно, частично обусловлены обстоятельствами жизни инвертированного, которые неизбежно делают его актером - и в некоторых редких случаях приводят его к любви к обману, сравнимой с любовью истеричной женщины, — а частично, вероятно, к врожденной нервной предрасположенности, связанной с предрасположенностью к драматическим способностям.

Один из моих корреспондентов давно интересовался частотой инверсии среди актеров и актрис. Он знал актера-перевертыша, который сказал ему, что выбрал эту профессию, потому что это позволило бы ему потакать своим наклонностям; но, в целом, он рассматривает эту тенденцию как результат "доселе необдуманной гибкости воображения и любознательности личности". Актер, *ex hypothesi*, - это тот, кто с помощью сочувствия (интеллектуального и эмоционального) приводит себя в состояния психологического бытия, которые ему не принадлежат. Он учится понимать — нет, вживаться в отношения — которые изначально были чужды его природе. Способность к этому — то, что делает прирожденного актера — подразумевает способность применять свой артистически приобретенный опыт в жизни. Следовательно, в процессе своей профессии он становится во всех отношениях чувствительным к человеческим эмоциям, и, поскольку сексуальность является наиболее интеллектуально неопределенным из appetitов после голода, актер может обнаружить в себе своего рода сексуальное безразличие, из которого легко может возникнуть сексуальное отклонение. Мужчина, лишенный этой гибкости воображения, не мог бы быть успешным актером. Мужчина, обладающий ею, был бы подвержен ослаблению сексуального инстинкта под эстетическим или просто распутным влиянием. Нечто в том же роде применимо к музыкантам и художникам, у которых сексуальная инверсия превалирует сверх среднего уровня. Они обусловлены своими эстетическими способностями и побуждаются обстоятельствами своей жизни чувствовать и выражать всю гамму эмоциональных переживаний. Таким образом, они получают среду, которая (если только они не резко дифференцированы в остальном) легко приводит к страстным экспериментам. Все это присоединяется к тому, что вы называете "вариационным диатезом" гениальных людей. Но я бы искал объяснение этому феномену не столько в исходной сексуальной конституции, сколько в проявлении симпатических, ассимилирующих эмоциональных качеств, мощно стимулируемых условиями жизни индивида и на которые он действует. Художник, певец, актер, живописец в большей степени подвержены влияниям, в результате которых может возникнуть сексуальная дифференциация в ненормальном направлении. Некоторые люди, безусловно, ненормальны от

природы, другие, обладающие таким сочувствующим артистическим темпераментом, могут стать такими благодаря своим симпатиям и условиям жизни ". Возможно, в этой точке зрения есть какой-то элемент истины, который мой корреспондент расценил как чисто гипотетический.

В этой связи я, пожалуй, могу упомянуть моральное качество, которое очень часто ассоциируется с драматическими способностями, а также с незначительными степенями нервной дегенерации, а именно тщеславие и любовь к аплодисментам. В то время как среди значительной части инвертированных оно не более выражено, чем среди неинвертированных, если, конечно, не менее выражено, среди другой части оно встречается в преувеличенной степени. По крайней мере, в одном из моих случаев тщеславие и восторг от восхищения, как в отношении личных качеств, так и художественных произведений, достигают почти болезненной степени. Ацитаты из писем, написанных различными другими моими испытуемыми, демонстрируют любопытное самодовольство в описании их личных физических характеристик, заметно отсутствующее в других случаях. Александр Шмид предполагает, основываясь на взглядах Адлера, что это тщеславие, которое иногда у перевернутой художницы переходит в непомерную гордость, как у хранительницы священных тайн, может рассматриваться как попытка обеспечить компенсацию за сознание женского недостатка.^[222]

Крайний тип этой озабоченности личной красотой представлен историей самого себя, присланной молодым итальянцем из хорошей семьи Золя в надежде — что само по себе является признаком тщеславия, — что выдающийся романист сделает это темой одного из своих произведений. История воспроизведена в *Архиве криминологии* (1894) и в *"Гомосексуализме и типах гомосексуалистов"* (1910) "Доктором Лауптс" (Г. Сен-Поль). Я цитирую следующий отрывок: "В возрасте 18 лет я был, с небольшими отличиями, тем, кем я являюсь сейчас (в 23 года). Я немного ниже среднего роста (1,65 метра), хорошо сложен, стройный, но не худощавый. Мой торс великолепен; скульптор ничего не смог бы противопоставить ему и не нашел бы, что он сильно отличается от торса Антинописа. Моя спина очень выгнута, возможно, даже чересчур; и мои бедра очень развиты; мой таз широкий, как у женщины; мои колени слегка приближены друг к другу; мои ступни маленькие; мои руки великолепны; пальцы загнуты назад и с блестящими ногтями, розовыми и отполированными, ровно подстриженными, как у древних статуй. Моя шея длинная и круглая, затылок очаровательно украшен пушистыми волосами. Моя голова очаровательна, а в 18 лет была еще более. Ее овал совершенен и поражает всех своей детской формой. В свои 23 года меня можно принять максимум за 17. Цвет моего лица белый и румяный, становящийся темнее при малейшем волнении. Лоб некрасив; он слегка скошен и впал на висках, но, к счастью, он наполовину прикрыт длинными темно-русыми волосами, которые вьются естественным образом. Голова идеальной формы из-за вьющихся волос, но при осмотре обнаруживается огромный бугор на затылке. У меня глаза овальной формы, серо-голубого цвета, с темно-каштановыми ресницами и густыми дугобразными бровями. Мои глаза очень влажные, но с темными кругами и воспаленными; и они подвержены небольшому временному воспалению. У меня довольно большой рот с толстыми красными губами, нижняя отвисает; мне сказали, что у меня австрийский рот. Мои зубы ослепительны, хотя три из них сгнили и не срослись; к счастью, их не видно. У меня маленькие уши с ярко окрашенными мочками. У меня очень толстый подбородок, и в 18 лет он был гладким и бархатистым, как у женщины; сейчас на нем небольшая борода, всегда сбрита. Два красивых пятнышка, черные и бархатистые, на моей левой щеке контрастируют с моими голубыми глазами. Мой нос тонкий и прямой, с тонкими ноздрями и легким, почти незаметным изгибом. У меня нежный голос, и люди всегда сожалеют, что я так и

не научилась петь". Это описание заслуживает внимания как подробный портрет сексуального инверта определенного типа; вся история интересна и поучительна.

Определенные особенности вкуса в том, что касается костюма, справедливо или ошибочно приписывались инвертированным — помимо склонности определенной группы перенимать женские привычки - и здесь можно упомянуть. Тардые много лет назад говорил о предпочтении держать шею открытой. Эту особенность иногда можно наблюдать у инвертированных, особенно у наиболее артистичных из них. Причина, по-видимому, не столько в тщеславии, сколько в том физическом сознании, которое так любопытно отмечено у инвертированных и побуждает более женственных из них культивировать женственную грацию форм, а более мужественных подчеркивать мужские спортивные привычки.

Также было замечено, что инвертированные предпочитают зеленую одежду. В Риме *cinædi* по этой причине назывались *гальбанати*. Шевалье отмечает, что несколько лет назад банда педерастов в Париже носила зеленые галстуки в качестве значка. Это решительное предпочтение зеленого цвета хорошо заметно в нескольких моих случаях с представителями обоих полов, и, по крайней мере, в некоторых случаях это предпочтение определенно возникло спонтанно. Зеленый (как показали Джастроу и другие) очень редко является любимым цветом взрослых представителей англосаксонской расы, хотя некоторые исследователи обнаружили, что этот цвет чаще предпочитают дети, особенно девочки, и его чаще предпочитают женщины, чем мужчины.^[223] Любимым цветом среди нормальных женщин, и действительно, очень часто среди нормальных мужчин, хотя здесь не так часто, как синий, является красный, и примечательно, что в последние годы появилась мода на красный галстук, который инверсии используют в качестве своего значка. Это особенно заметно среди "фей" (как там называют *фелляторов*) в Нью-Йорке. "Именно красный цвет, - пишет американский корреспондент, сам перевернутый, - стал почти синонимом сексуальной инверсии не только в умах самих инвертированных, но и в массовом сознании. Ходить по улице в красном галстуке — значит вызывать замечания от мальчишек-газетчиков и других людей - замечания, в которых используется практика инверсии темы. Мой друг однажды рассказал мне, что, когда группа уличных мальчишек увидела на нем красный галстук, они пососали пальцы, имитируя *фелляцию*. Мужчины-проститутки, которые ходят по улицам Филадельфии и Нью-Йорка, почти неизменно носят красные галстуки. Это символ всего их племени. В комнатах многих моих перевернутых друзей преобладает красный цвет в оформлении. Среди моих одноклассников по медицинской школе мало у кого хватало смелости надеть красный галстук; те, кто это делал, никогда не повторяли эксперимент".

МОРАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ИНВЕРТИРОВАННОГО.—Представляет определенный интерес проследить собственное отношение инвертированного к своей аномалии и его оценку ее моральности. Поскольку мои пациенты не стремятся излечиться от своих извращений, такое отношение нельзя считать само собой разумеющимся. Я отметил моральное отношение в 57 случаях. В 8-м эпизоде испытуемые ненавидят себя и тщетно борются со своей извращенностью, которую они часто считают грехом. Девять или десять сомневаются и мало что могут сказать в оправдание своего состояния, которое они считают, возможно, болезненным, "моральной болезнью". Один, хотя и считает правильным удовлетворять свои

естественные инстинкты, допускает, что они могут быть пороками. Остальные, подавляющее большинство (включая всех женщин), с другой стороны, категоричны в своем утверждении, что их моральная позиция точно такая же, как у нормально сложенного индивида, на самом низком уровне - это вопрос вкуса, и по крайней мере двое заявляют, что гомосексуальные отношения следует рассматривать как сакраментальный, священный брак; двое или трое даже считают перевернутую любовь более благородной, чем обычная сексуальная любовь; некоторые добавляют оговорку, что с обеих сторон должно быть согласие и понимание, и никаких попыток соблазнения. Главное сожаление 2 или 3-х человек - это двойная жизнь, которую они вынуждены вести.

Когда инвертированные ясно сталкиваются со своей собственной природой и осознают ее, кажется, что их беспокоит не столько совесть и даже не страх перед полицией, сколько отношение мира. Американский корреспондент пишет: "Страх перед общественным мнением висит над ними, как дамоклов меч. Этот страх - наследие всех нас. Это не страх перед совестью и не порождается чувством неправоты. Скорее, это молчаливое подчинение предрассудкам, которые встречаются нам со всех сторон. Истинное нормальное отношение сексуального инвертированного (а я знал сотни) к своей конкретной страсти по существу не отличается от отношения нормального мужчины к своей собственной".

Примечательно, что даже когда это состояние рассматривается как болезненное, и даже когда по этой причине была сознательно выбрана целомудренная жизнь, очень редко можно встретить инвертированного, выражающего какое-либо желание изменить свои сексуальные идеалы. Инвертированный мужчина не может найти и не имеет желания находить какое-либо сексуальное очарование в женщине, поскольку он находит все возможные прелести объединенными в мужчине. И женщина—перевертыш пишет: "Я не могу представить себе более печальной судьбы, чем быть женщиной - обычной женщиной, вынужденной любить мужчину!"

Будет видно, что мои выводы по этому разделу разительно отличаются от выводов Вестфала, который считал, что каждый инвертированный считает себя болезненным, и, вероятно, демонстрирует гораздо более высокую долю самоутверждающихся инвертированных, чем в любой предыдущей серии.^[224] Это в значительной степени связано с тем фактом, что случаи были получены не в кабинете для консультаций, и что они в некоторой степени представляют интеллектуальную аристократию инверсии, включая индивидов, которые, часто не без серьезной борьбы, нашли утешение в примере греков или где-либо еще, и преуспели в достижении *modus vivendi* с моральным миром, как они это делали раньше. пришли, чтобы постичь это.

[183] Следующий анализ основан на несколько более полных версиях моих Историй, чем это было необходимо для публикации в предыдущих главах, а также на различных других Историях, которые здесь вообще не публикуются. Таким образом, могут быть объяснены многочисленные очевидные расхождения.

[184] Такая частота нервных симптомов соответствует самым надежным наблюдениям во всем мире. Так, Хиршфельд ("О гомосексуализме", стр. 177) утверждает, что из 500 инвертированных

62%. проявлялись нервные симптомы того или иного рода: бессонница, вялость, тремор, заикание и т.д.

[185] Хиршфельд обнаруживает, что 54% инвертированных осознают свою аномалию в возрасте до 14 лет. Аномалия, однако, может присутствовать в этом раннем возрасте, но не осознаваться до более позднего. Отсюда и больший процент, указанный выше.

[186] В этой связи я могу процитировать наблюдение Раффаловича: "Естественно, что инвертированный должен очень четко помнить о преждевременности своих наклонностей. В существовании каждого инвертированного наступает момент, когда он раскрывает загадку своих гомосексуальных вкусов. Затем он перебирает все свои воспоминания и, чтобы оправдать себя в собственных глазах, вспоминает, что был тем, кто он есть, с самого раннего детства. Гомосексуальность окрасила всю его молодую жизнь; он думал об этом, мечтал об этом, размышлял над этим — очень часто совершенно невинно. Когда он был совсем маленьким, ему казалось, что его похитили разбойники, дикари; в 5 или 6 лет он мечтал о тепле их грудей и обнаженных рук. Ему снилось, что он их раб, и он любил свое рабство и своих хозяев. У него не было ни малейшей мысли о грубом сексе, но он обнаружил свое сентиментальное призвание".

[187] Леппман упоминает случай (безусловно, экстремальный и ненормальный), когда маленькая девочка 8 лет провела ночь, спрятавшись на крыше, просто для того, чтобы утром иметь возможность понаблюдать за половыми органами взрослого двоюродного брата мужского пола (*Бюллетень Международного союза прав человека*, 1896, стр. 118).

[188] Я полностью признаю, как и все исследователи, трудность отслеживания влияния ранних внушений, особенно при работе с людьми, которые не привыкли к самоанализу. Иногда случается, особенно в отношении эротического фетишизма, что, хотя прямой допрос не приводит к какому-либо раннему формирующему внушению, такое влияние случайно выявляется в последующем случае.

[189] Я могу добавить, что не вижу принципиальной несовместимости между принятой здесь точкой зрения и фактами, выдвинутыми (и неверно истолкованными) Шренк-Нотцингом. В своей книге *"Об этиологии противоположного сексуального восприятия"* (Вена, 1895) этот автор утверждает: "Невропатическая предрасположенность является врожденной, как и тенденция к преждевременному проявлению аппетита, отсутствие психической сопротивляемости и склонность к императивным ассоциациям; но то, что наследственность может распространяться на объект аппетита и влиять на содержание этих признаков, не показано. Психологический опыт противоречит этому, а также возможности, которую я показал, изменить эти импульсы экспериментальным путем и таким образом устранить их опасность для характера личности". Нет необходимости утверждать, что "наследственность распространяется на объект влечения", просто наследственность достигает высшей точки в организме, который получает наибольшее сексуальное удовлетворение от этого объекта. Также ошибочно полагать, что врожденные признаки не могут быть в некоторых случаях в значительной степени изменены такими терпеливыми и трудоемкими процессами, как те, которые проводились Шренк-Нотцингом. В той же брошюре этот автор ссылается на моральное невменяемость и идиотизм в поддержку своей точки зрения. Любопытно, что оба эти врожденных проявления независимо пришли мне в голову в качестве аргументов против его позиции. Опыт исправительных учреждений Эльмира и Бисетр — не говоря уже о учреждениях более позднего основания — давно показал, что как морально невменяемым, так и идиотам можно значительно улучшить

состояние при соответствующем лечении. Шренк-Нотцинг, по-видимому, чрезмерно пристрастен из-за своего интереса к гипнозу и внушению.

[190] "Если инвертированный приобретает под влиянием внешних условий, - справедливо писал Фере (*Инстинктивная сексуальность*, стр. 238), - то это потому, что он родился со склонностью к такому приобретению: склонностью, отсутствующей у тех, кто подвергался тем же условиям, но не делал тех же приобретений".

[191] Один из моих испытуемых пишет: "Инвертированные, я думаю, от природы более склонны к самоудовлетворению, чем нормальные люди, отчасти из-за постоянного подавления и разочарования своих желаний, а также из-за того факта, что они на самом деле обладают в себе желаемой мужской формой. Эту идею немного сложно объяснить, но вы легко можете представить, до какого безумия самобичевания был бы доведен нормальный мужчина, предположив, что он включил в свою собственную форму женское начало".

[192] Я не приступаю здесь к рассмотрению нормальной распространенности и значимости мастурбации и связанных с ней явлений, поскольку я рассматривал этот предмет в исследовании "аутоэротизма", в томе i этих *Исследований*.

[193] Хиршфельд также обнаруживает, что среди немецких инвертированных (*Die Homosexualität*, гл. iii) большинство (хотя и меньшее большинство, чем я нахожу в Англии и Соединенных Штатах) не вступали в половую связь с женщинами; 53%, утверждает он, включая нескольких женатых мужчин, никогда даже не пытались вступить в половую связь, и более 50% предположительно являются импотентами. Число инвертированных женщин, которые никогда не вступали в половую связь с мужчинами, все еще больше.

[194] Отто Ранк, *Имаго*, Высота 3, 1913.

[195] Эротические сны обсуждались в "аутоэротизме", т. i об этих *исследованиях*, а также о более широком освещении предмета в другой работе, "*Изучении сновидений*". В обоих этих местах можно найти множество ссылок на обширную литературу.

[196] *E.g.*, *Archiv für Psychiatrie*, 1899; *Archiv für Kriminal-Anthropologie*, 1900.

[197] Hirschfeld, *Die Homosexualität*, p. 71 et seq. Хиршфельд считает, что перевернутые сны делятся на две группы: в одной сновидец воображает, что обнимает человека того же пола, и в другой, в которой он воображает, что сам принадлежит к противоположному полу. Последний класс сновидений, составляющих псевдогетеросексуальную группу, кажется мне редким, и, более того, они могут возникать у гетеросексуальных людей.

[198] См. Тоино и Вейсс, *Медико-правовые аспекты моральных правонарушений*, стр. 165, 291 и др.

[199] *Педикатио* (или *педикатио*) - наиболее общепринятый технический термин для содомитского введения полового члена в задний проход. Обычно оно происходит от греческого *païs* (мальчик), но некоторые авторитетные источники выводят его из *pedex* или *podex* (задний проход). Термины "пайдерастия" и "педераст" иногда используются для обозначения одного и того же действия и агента. Однако такое использование нежелательно. Лучше всего ограничиться правильным использованием слова "пайдерастия" в качестве названия особого института греческой юношеской любви. Можно добавить, что у самих греков было много

названий (целых 74) для пайдерастии. Смотрите, по этому вопросу о номенклатуре, Иван Блох, *Источник сифилиса*, том. ii, стр. 527, 563.

[200] Именно более грубые формы извращения первыми обнаруживаются в любой области. В первом издании этого Исследования преобладание *педикюра* было еще большим; это не практикуется ни одним из субъектов Исторических исследований, добавленных к настоящему изданию, хотя некоторые не видят возражений против этого.

[201] *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, 1906, с. 712.

[202] Хиршфельд, *Die Homosexualität*, стр. 276 и далее.

[203] "Мужчины, - замечает К., - склонны влюбляться в мальчиков или юношей, мальчики или юноши - во взрослых мужчин, женские натуры - в мужественные натуры и *наоборот*, а представители разных рас - друг в друга".

[204] Стаббс в своей "*Анатомии злоупотреблений*" подтвердил, что "игроки и завсегдатаи игр в своих тайных собраниях разыгрывают содомитов", и ссылается на некоторые недавние примеры мужчин, которые были отчаянно влюблены в мальчиков-игроков, одетых в женскую одежду, до такой степени, что домогались их словами, письмами, даже фактически издевались над ними. Позже, в 1633 году, Принн в своем "*Histrion-Mastix*" (часть 1, стр. 208 и далее) решительно осудил "это надевание актерами женских костюмов" на том же основании и добавил, что он слышал достоверные сообщения от ученого из Баллиол-колледжа о том, что он был сильно влюблен в мальчика-актера. В Японии, где, опять же, как и в Китае, женские роли на сцене исполняют мужчины (не всегда молодые), гомосексуальность этих актеров стала в семнадцатом и восемнадцатом веках настолько печально известной, что они составили класс, требующий особого регулирования, как йоро, или проститутки.

[205] Это отмечали даже самые ранние современные авторы о гомосексуальность, такие как Хессли. See Hirschfeld, "Vom Wesen der Liebe," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, 1906, p. 124 et seq.

[206] Similarly Numa Praetorius asserts (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, с. 732), что даже самые мужественные гомосексуальные мужчины проявляют женские черты, и добавляет, что мы вряд ли могли ожидать иного, когда мы видим, как постоянно гомосексуальные женщины проявляют мужские черты.

[207] Näcke, "Die Diagnose der Homosexualität," *Neurologisches Centralblatt*, April 16, 1908.

[208] Так же и среди американских девочек-интернатов. Так, Маргарет Отис (*Журнал аномальной психологии*, июнь 1913 г.) описала привлекательность, которую негритянские девочки оказывают на белых девочек в школе. Переписка этих любовников, а иногда и их методы сексуального удовлетворения, иногда могут носить даже грубо-страстный характер.

[209] См. "Сексуальный отбор у человека", том. четвертое из этих *исследований*.

[210] Хиршфельд (*Die Homosexualität*, стр. 283) обнаружил, что 55% инвертированных привлекают качества, непохожие на их собственные, и 45% к качествам, напоминающим их собственные, независимо от того, относились ли эти качества ко вторичной половой сфере. Можно добавить, что в отношении возраста лиц, к которым они испытывают влечение,

Хиршфельд (стр. 281) выделяет две основные группы, каждая из которых включает около 45% гомосексуалистов; *эфебофилов*, которых привлекают юноши в возрасте от 14 до 21 года, и *андрофилов*, которых привлекают взрослые в расцвете сил. Это разделение, как можно видеть из исторических источников, включенных в настоящий том, похоже, справедливо для британских и американских противоположностей.

[211] Хиршфельд, *Гомосексуализм*, ч. v.

[212] Крафт-Эбинг рассказывает об перевернутом враче (мужчине с мужским развитием и вкусами), у которого были сексуальные отношения с 600 более или менее перевернутыми мужчинами. Он не наблюдал у них склонности к половым порокам развития, но очень часто имел сходство с женственной формой тела, а также недостаточное количество волос, нежный цвет лица и высокий голос. Хорошо развитая грудь не была редкостью, и около 10 процентов женщин демонстрировали вкус к женским занятиям.

[213] Аналогичное состояние при гинекомастии наблюдалось в связи с инверсией Моллем, Лораном, Веем и др. Олано ("*La Secrecion Mamaria en los Invertidos Sexuales*", *Архив криминологии*, май 1902 г., стр. 305) далее наблюдал определенное количество секрета молочной железы у перевернутого мужчины 20 лет в Лиме.

[214] Находки Хиршфельда. 7% - переворачивается влево, и 6% - частично так. Флисс придает особое значение леворукости при инверсии, полагая, что у мужчин-левшей отмечаются женские вторичные половые признаки, а у женщин-левшей - мужские половые признаки (*Der Ablauf des Lebens*, 1906). Я не готов отрицать это утверждение, но необходимы дополнительные доказательства.

[215] Этот момент обсуждался Хиршфельдом, *Die Homosexualität*, стр. 156-8.

[216] Блох (*Сексуальная жизнь нашего времени*, стр. 500) придает важность этой особенности, но следует помнить, что высокий голос часто встречается у несомненно гетеросексуальных мужчин, у которых он, по-видимому, часто ассоциируется с высокими интеллектуальными способностями (Хэвелок Эллис, *Исследование британского гения*, стр. 200).

[217] См., например,, Хиршфельд, *Die Homosexualität*, стр. 151.

[218] Об общих признаках этих состояний см., например,, Н. Meige, "Инфантилизм, женственность и антиквариат гермафродитов", *L'Anthropologie*. 1895; также Гастингс Гилфорд, "Инфантилизм", *Ланцет*, 28 февраля и 7 марта 1914.

[219] Мерцбах рассматривал тенденцию инвертированных выбирать особые профессии: "Гомосексуализм и религия", *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iv, 1902.

[220] Опыт Молла в Германии также показывает распространенность инверсии среди литераторов, хотя из всех профессий он обнаружил наибольшую долю среди актеров. Ягер сослался на распространенность гомосексуализма среди парикмахеров. Мне сказали, что среди лондонских парикмахеров гомосексуальность настолько распространена, что существует даже особая поза, которую клиент может принять, сидя в кресле, чтобы показать, что он инвертированный. Доктор Кирнан сообщает мне, что в Чикаго инверсия также особенно распространена среди парикмахеров, и добавляет, что ему известны два случая среди женщин-парикмахеров, причем относительно большая доля. Это нетрудно понять, принимая во

внимание тесную физическую связь между парикмахером и его клиентом. "У. Г. был помощником парикмахера, - пишет один из моих испытуемых, - и он мне очень понравился с первого взгляда. Он намыливал меня, и прикосновение его пальцев доставляло удовольствие. Позже он побрил меня, и я всегда с нетерпением ждала похода к парикмахеру. Если он не мог уделить мне внимание, я чувствовала невероятное замирание сердца. Весь день казался скучным и бесполезным. Раньше я делала пометки в своем карманном ежедневнике каждый раз, когда он брил меня.

[221] See, e.g., "Vom Weibmann auf der Bühne," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iii, 1901, с. 313. Любопытно найти медико-правовую запись об этой связи задолго до того, как инверсия была признана. В июне 1833 года (см. *Ежегодный реестр* под этой датой) умер мужчина, который жил в качестве содержанки под именем Элиза Эдвардс. У него была очень женственная внешность, с красивыми волосами, уложенными в локоны длиной в два фута, и надтреснутым голосом; он играл женские роли в театре, "в первой строчке трагедии", и "выглядел как самая женственная женщина". Коронерское жюри "настоятельно рекомендовало соответствующим властям, чтобы при утилизации тела были приняты некоторые меры, которые подчеркнут позорность преступления".

[222] A. Schmid, "Zur Homosexualität," *Zentralblatt für Psychoanalyse*, vol. i, 1913, p. 237.

[223] Смотрите сводку различных статистических данных в нескольких странах, Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, 5-е изд., 1914, стр. 174; также *ib.*, "Психология красного", *Ежемесячник популярных научных исследований*, август и сентябрь 1900г.

[224] Однако доля не так велика, как это сейчас показывает Хиршфельд (*Die Homosexualität*, стр. 314) в Германии, где инвертированные лучше информированы об этой аномалии, поскольку здесь 95%. считайте их чувства естественными.

ГЛАВА VI. ТЕОРИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ.

Содержание

Что такое сексуальная инверсия?—Причины расхождений во взглядах—Теория внушения неосуществима—Важность врожденного элемента в инверсии—Теория Фрейда—Эмбриональный гермафродитизм как ключ к инверсии—Инверсия как разновидность или "Спорт"—Сравнение с дальтонизмом, цветослышанием и подобными аномалиями—Что такое аномалия?—Не обязательно заболевание;—Связь инверсии с дегенерацией;—Вызывающие причины инверсии; —Не работает при отсутствии Предрасположенности.

Анализ этих случаев непосредственно подводит к вопросу первостепенной важности: что такое сексуальная инверсия? Является ли это, как многие хотели бы заставить нас поверить, отвратительно приобретенным пороком, который искореняется тюрьмой? или это, как утверждают некоторые, полезная разновидность человеческих эмоций, которую следует терпеть или даже поощрять? Является ли это болезненным состоянием, которое позволяет поместить субъекта в сумасшедший дом? или это естественное уродство, человеческий "спорт", проявления которого должны регулироваться, когда они становятся антисоциальными?

Вероятно, доля истины есть более чем в одной из этих точек зрения. Очень сильно расходящиеся взгляды на сексуальную инверсию в значительной степени оправданы позицией и отношением следователя. Естественно, что сотрудник полиции должен признать, что его дела в значительной степени являются простыми примерами отвратительного порока и преступлений. Естественно, что управляющий приютом пришел к выводу, что мы в основном имеем дело с формой безумия. Столь же естественно, что сам сексуальный инвертированный обнаруживает, что он и его инвертированные друзья не так уж сильно отличаются от обычных людей. Мы должны признать влияние профессиональных и личных предубеждений, а также влияние окружающей среды.

Во взглядах на сексуальную инверсию было два основных направления: одно стремилось расширить сферу приобретенного (представленное Бине, который, однако, признавал предрасположенность, Шренком—Нотцингом, а недавно фрейдистами), другое стремилось расширить сферу врожденного (представленное Краффт-Эбингом, Моллем, Фере, а сегодня большинством авторитетов). Как это обычно бывает, в обеих этих взглядах есть доля истины. Но поскольку те, кто представляет приобретенную точку зрения, часто отрицают какой-либо врожденный элемент, мы призваны обсудить этот вопрос. Точка зрения о том, что сексуальная инверсия полностью объясняется влиянием ранней ассоциации или "внушения", является привлекательной, и на первый взгляд кажется, что она подтверждается тем, что мы знаем об эротическом фетишизме, при котором волосы, ступни или даже одежда женщины становятся центром сексуальных устремлений мужчины. Но следует помнить, что то, что мы видим в эротическом фетишизме, является всего лишь преувеличением нормального импульса; каждый любовник в какой-то степени возбуждается волосами, ногами или одеждой своей любовницы. Следовательно, даже здесь действительно присутствует то, что справедливо можно рассматривать как врожденный элемент; и, более того, есть основания полагать, что эротический фетишист обычно проявляет еще один врожденный элемент наследственного невроза. Следовательно, аналогия с эротическим фетишизмом не приносит большой помощи тем, кто утверждает, что инверсия носит чисто приобретенный характер. Следует также отметить, что аргумент в пользу приобретенной или предполагаемой инверсии логически включает утверждение о том, что нормальная сексуальность также является приобретенной или предполагаемой. Если мужчину привлекает представительница своего пола просто потому, что перед ним предстает факт или образ такого влечения, то мы вынуждены полагать, что мужчину привлекает представительница противоположного пола только потому, что перед ним предстает факт или образ такого влечения. Такая теория неосуществима. Почти в каждой стране мира мужчины общаются с мужчинами, а женщины с женщинами; если бы ассоциация и внушение были единственными влияющими причинами, то инверсия, вместо того чтобы быть исключением, должна была бы стать правилом для всего человеческого вида, если не для всего зоологического ряда. Более того, мы должны были бы признать, что самый фундаментальный человеческий инстинкт устроен так, что он одинаково хорошо приспособлен как к бесплодию, так и к продолжению рода, которое, по сути, мы находим доминирующим на протяжении всей жизни. Следовательно, мы должны полностью отбросить представление о том, что направление сексуального влечения является всего лишь предполагаемым феноменом; такое представление полностью противоречит наблюдению и опыту и с трудом укладывается в рациональную биологическую схему.

Фрейдисты — как ортодоксальной, так и неортодоксальной школ — иногда вносили свой вклад, непреднамеренно или нет, в возрождение ныне устаревшей концепции гомосексуализма как

приобретенного явления, настаивая на том, что его механизм является чисто психическим, хотя и бессознательным процессом, который может быть приведен в нормальное русло психоаналитическими методами. Фрейд впервые изложил исчерпывающее изложение своего взгляда на гомосексуальность в оригинальной и содержательной небольшой книге *"Проблемы сексуальной теории"* (1905), и в других местах часто затрагивал эту тему, как и многие другие психоаналитики, включая Альфреда Адлера и Стеклея, которые больше не принадлежат к ортодоксальной фрейдистской школе. Фрейд считает, что при психоаналитическом изучении инвертированных обнаруживается, что в раннем детстве они проходят через фазу интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине, обычно матери или, возможно, сестре. Затем, испытывая внутреннее осуждение, сдерживающее этот инцестуозный импульс, они преодолевают его, отождествляя себя с женщинами и находя убежище в нарциссизме, когда "я" становится сексуальным объектом. Наконец, они ищут молодых мужчин, похожих на них самих, которых они любят так же, как их любили матери. Таким образом, их стремление к мужчинам определяется их бегством от женщин. Эта точка зрения была изложена не только Фрейдом, но и Садгером, Стекелем и многими другими.^[225] Однако сам Фрейд осторожно заявляет, что этот процесс представляет собой только один тип замедленной сексуальной активности и что проблема инверсии сложна и разнообразна.

Можно сказать, что эта точка зрения предполагает бисексуальную конституцию как нормальную, а гомосексуальность возникает в результате подавления, вследствие некоторой случайности, гетеросексуального компонента и пути через аутоэротический процесс нарциссизма к гомосексуальности. На этой общей фрейдистской концепции гомосексуальности отдельными психоаналитиками были основаны многочисленные вариации и специально подчеркнуты отдельные черты. Таким образом, Сэджер считает, что под мужским индивидуумом, которого любит инвертированный, скрывается женщина, и что этот факт может быть выявлен психоанализом, который удаляет верхний слой психического палимпсеста; он считает, что такому расположению инвертированного способствует частое смешение мужских и женских черт у его ближайших родственников; первоначально "гомосексуальный мужчина любит и желает не мужчину, а мужчину и женщину вместе в одной форме"; гетеросексуальный элемент позже подавляется, и тогда остается чистая инверсия. Далее, развивая взгляд Фрейда на важность анального эротизма (Freud, *Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre*, vol. ii), Сэджер считает, что даже для пассивного инвертированного является правилом испытывать анальный эротизм в детстве и часто подвергаться клизмам, которые привели к желанию анального введения пениса. (*Медицинская клиника*, 1909, № 2.) Джекейлс продвигает эту доктрину дальше и заявляет, что все инвертированные на самом деле пассивны; инвертированный в своей любви, утверждает он, является и субъектом, и объектом; он отождествляет себя со своей матерью и видит в объекте своей любви свою собственную юную личность. И какова, спрашивает Джекейлс, цель этого ментального устройства? Он отвечает, что это едва ли может быть иным способом, кроме как со стороны матери, стимулировать анальную область объекта, которым теперь стал он сам, и доставлять то же удовольствие, которое в детстве он испытывал, когда мать удовлетворяла его анальный эротизм. Джекейлс рассматривает эту точку зрения как продолжение и конкретизацию интерпретации Фрейда; и основным моментом гомосексуализма, даже когда он кажется пассивным, становится стремление к анально-эротическому удовлетворению (Л. Джекейлс, "Einige Bemerkungen zur Triblehre", *Международный журнал психоанализа*, сентябрь 1913 г.). Большинство психоаналитиков осторожно отрицают конституциональную или врожденную основу инверсии,

хотя и оставляют ее на заднем плане. Ференци в интересной попытке классифицировать гомосексуалистов (*International Zeitschrift für Aertzliche Psychoanalyse*, март 1914 г.) отмечает: "Психоаналитическое исследование показывает, что под названием гомосексуальность объединяются самые различные психические состояния, с одной стороны, истинные конституциональные аномалии (инверсия, или гомозротизм субъекта), с другой стороны, психоневротические навязчивые состояния (гомозротизм объекта, или навязчивый гомозротизм). Индивидуум первого типа, по сути, ощущает себя женщиной, которая хочет, чтобы мужчина любил ее, в то время как другой представляет собой невротическое бегство от женщин, а не симпатию к мужчинам". Конституционная основа очень определенно принята Рудольфом Ортвеем, который указывает (*International Zeitschrift für Aertzliche Psychoanalyse*, январь 1914 г.), что биологическая доктрина рецессивов и доминант в наследственности помогает прояснить возникновение или подавление гомосексуальности при бисексуальной предрасположенности. "Инфантильные события, - добавляет он, - которые, согласно Фрейду, определяют сексуальные отношения взрослых, могут действовать только на основе органической предрасположенности, а инфантильные впечатления определяются наследственной предрасположенностью". Айседора Кориат, с другой стороны, признавая две формы инверсии, неполную и завершенную, смело утверждает, что она никогда не бывает врожденной и не передается по наследству; она всегда "возникает через определенный бессознательный механизм" (Кориат, "Гомосексуальность", *New York Medical Journal*, 22 марта 1913 г.). Взгляд Адлера на гомосексуальность, как и на другие сопутствующие состояния, отличается от взгляда большинства психоаналитиков тем, что он настаивает на наличии исходного органического дефекта, который субъект стремится превратить в точку силы; он принимает два главных компонента инверсии: неопределенность в отношении сексуальных различий и процесс самоутверждения в форме бунта и неповиновения, и даже феминизм инвертированных может стать методом обретения власти (А. Адлер, *Определение нейросенсорного характера*, 1912, с. 21).

Механизм генезиса гомосексуальности, выдвинутый Фрейдом, не следует отвергать бесцеремонно. Фрейд часто проявлял гениальную проницательность, и он воздерживается от облекания своих концепций в те негибкие формы, которые иногда принимали более догматичные психоаналитики, следовавшие за ним. Не стоит также чрезмерно шокироваться "инцестуальной" атмосферой "Эдипова комплекса", ^[226] как его обычно называют, который фигурирует как компонент процесса. Слово "инцест", хотя оно и использовалось самим Фрейдом, вряд ли кажется подходящим словом для обозначения смутных и элементарных чувств детей, особенно когда эти чувства едва выходят за пределы стадии нелокализованных и, следовательно, действительно предсексуальных чувств (в обычном использовании термина "сексуальный"), которые могут рассматриваться как естественные и нормальные. Фрейдистская концепция искажается и предвзят утверждением, что она включает в себя "инцест". ^[227] Когда ребенок любит свою мать всей душой, эта любовь обязательно включает в себя зародыши, которые в дальнейшей жизни отделяются и развиваются в сексуальную любовь, но неточно называть эту любовь к ребенку "кровосмесительной". Довольно легко представить, что психический механизм становления гомосексуальности в некоторых случаях соответствовал ходу, описанному Фрейдом. Можно также признать, что, как утверждают психоаналитики, ярко выраженный женский ужас, иногда встречающийся у инвертированных мужчин, может быть правдоподобно расценен как обращение вспять раннего и разочарованного женского влечения. Но рассматривать этот механизм как неизменный или даже частый невозможно. Это

совершенно верно, и я нашел достаточно доказательств того факта, что инвертированные часто очень тесно привязаны к своим матерям, даже в большей степени, чем это принято среди нормальных детей, и часто им нравится находиться в постоянном общении со своими матерями. Но это влечение совершенно неправильно понимается, если его рассматривать как исключительно сексуальное влечение. Действительно, весь смысл привлекательности заключается в том, что инвертированный мальчик смутно ощущает свою женственность и поэтому избегает неподобающих развлечений и общества представителей своего пола ради симпатии и общности вкусов, которые он находит сосредоточенными в своей матери. Поскольку такая ассоциация далека от того, чтобы быть доказательством сексуального влечения, ее более разумно было бы рассматривать как свидетельство его отсутствия; точно так же, как ассоциация мальчиков между собой и девочек между собой, даже в школах совместного обучения, является доказательством преобладания гетеросексуальных, а не гомосексуальных чувств. Подтверждение этой точки зрения можно найти в факте, который психоаналитики упускают из виду, а иногда даже отрицают, — что часто, даже в раннем детстве и одновременно с общностью чувств со своей матерью, мальчик-гомосексуалист уже испытывает преобладающее очарование мужчины. Он чувствует это задолго до возраста, в котором склонен проявляться нарциссизм, или в котором самосознание стало достаточно развитым, чтобы позволить внутреннему осуждению непозволенных эмоций или иметь место любому бегству от них. Более того, в то время как большинству авторитетных источников редко удавалось найти какие-либо четкие доказательства сексуального влечения инвертированных мужчин в детстве к матери или сестре,^[228] влечение такого рода к отцу или брату найти, кажется, не так сложно, и если оно обнаружено, то несовместимо с типичным фрейдистским процессом. По моим собственным наблюдениям, среди приведенных здесь историй есть по крайней мере два ярких примера такого влечения в детстве. Далее следует сказать, что любая теория этиологии гомосексуализма, которая не учитывает наследственный фактор инверсии, не может быть принята. Доказательства распространенности гомосексуализма среди ближайших родственников инвертированных в настоящее время неоспоримы. Я проследил это в значительной доле случаев, и во многих из них доказательства неоспоримы и совершенно независимы от заявления самого субъекта, чье мнение может быть сочтено предвзятым или ненадежным.^[229] Этот наследственный фактор, по-видимому, действительно упоминается самой теорией Фрейда. Согласно этой теории, нам нужно знать, как происходит, что субъект проходит через психические фазы и достигает эмоционального состояния, столь непохожего на состояние нормальной личности. Существование определенной наследственной склонности к гомосексуализму устраняет эту трудность. Сам Фрейд признает это и ясно утверждает, что врожденная психосексуальная конституция, которая должна включать предрасположенность. Таким образом, при общем обзоре может показаться, что с психической стороны мы можем принять реальность бессознательных динамических процессов, которые в частных случаях могут быть фрейдистского или подобного типа. Но хотя изучение таких механизмов может пролить свет на психологию гомосексуализма, они оставляют нетронутыми фундаментальные органические факторы, которые сейчас признаются большинством авторитетов.^[230]

Рационально рассматривать нормальный сексуальный инстинкт как врожденный органический импульс, достигающий полного развития примерно ко времени полового созревания.^[231] В период развития могут вмешиваться внушения и ассоциации, которые играют определенную роль в определении объекта эмоции; почва теперь готова, но разнообразие семян, которые,

вероятно, прорастут в ней, ограничено. Мы вполне можем поверить, что в этот период цель сексуального влечения более неопределенна. Об этом свидетельствуют не только случайные предварительные признаки сексуальных эмоций, направленных на представителей того же пола в детстве, но и часто идеальный и нелокализованный характер нормальной страсти даже в период полового созревания. Но канал сексуальных эмоций, таким образом, не превращается в ненормальный путь. Всякий раз, когда это происходит, мы вынуждены верить — и у нас есть много оснований для веры, — что мы имеем дело с организмом, который с самого начала ненормален. Одно и то же семя внушения посеяно в разных почвах; у многих оно отмирает ; у немногих оно расцветает. Причиной может быть только разница в почве.

Итак, если мы должны постулировать врожденную аномалию, чтобы удовлетворительно объяснить по крайней мере большую долю инвертированных полов, то в чем же заключается эта аномалия? Ульрихс объяснил это тем, что при сексуальных инверсиях мужское тело сосуществует с женской душой: *anima muliebris in corpore virile inclusa*. Даже выдающиеся ученые писатели, такие как Мэгнон и Глей, приняли эту фразу в измененной форме, учитывая, что при инверсии женский мозг объединяется с мужским телом или мужскими железами. Это, однако, не объяснение. Оно просто кристаллизует в эпиграмму поверхностное впечатление о предмете.^[232]

Вероятно, мы сможем лучше понять природу аномалии, если поразмыслим о развитии полов и о скрытой органической бисексуальности у каждого пола. На ранней стадии развития полы неразличимы, и на протяжении всей жизни сохраняются следы этой ранней половой общности. Курица-наседка сохраняет в зачаточной форме шпоры, которые так велики и грозны у ее хозяина, и иногда она развивает способность кукарекать или надевает мужское оперение. У млекопитающих самец обладает бесполезными сосками, которые иногда даже перерастают в грудь, а самка обладает клитором, который является всего лишь рудиментарным пенисом и также может развиваться. Сексуально инвертированный человек обычно не обладает каким-либо грубым преувеличением этих признаков общности с противоположным полом. Но, как мы видели, у инвертированных людей существует значительное количество более тонких приближений к противоположному полу, как с физической, так и с психической стороны. Облекая вопрос в чисто умозрительную форму, можно сказать, что при зачатии организм обеспечен примерно на 50 % мужскими микробами и примерно на 50 % женских зародышей, и что по мере развития либо мужские, либо женские зародыши берут верх, пока у зрелой особи не останется лишь несколько абортированных зародышей противоположного пола. Однако у гомосексуалиста и бисексуала мы можем представить, что процесс протекал ненормально из-за какой-то особенности в количестве или характере либо первоначальных мужских, либо женских зародышей, либо и тех, и других, в результате чего мы имеем человека, органически скрученного в форму, которая больше подходит для осуществления перевернутого, чем нормального сексуального влечения, или же в равной степени подходит и для того, и для другого.^[233]

Концепция скрытой бисексуальности всех мужчин и женщин не может не быть достаточно очевидной для разумных наблюдателей человеческого тела. Оно возникло в ранний период истории философской мысли и с самого начала иногда использовалось для объяснения гомосексуализма. Миф Платона в "Пиршестве" и античные статуи гермафродитов показывают, как проницательные умы, опережавшие науку, упражнялись в решении этих проблем. (For a fully illustrated study of the ancient conception of hermaphroditism in sculpture see L. S. A. M. von Römer,

"Ueber die Androgynische Idee des Lebens," *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. v, 1903, pp. 711–939.) Парменид, следуя Алкмеону, врачу-философу, открывшему, что мозг является центральным органом интеллекта, замечает Гомперц (*Греческие мыслители*, англ. тр., том i, стр. 183), использовал идею различия в соотношении мужских и женских генеративных элементов для объяснения особенностей сексуального характера. После огромного перерыва Хессли, швейцарский модист-перевертыш, в своем "Эросе" (1838) заново изложил греческий взгляд. Шопенгауэр, опять же с философской стороны, признавал бисексуальность человеческого индивидуума (см. Juliusburger, *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1912, стр. 630), а Ульрихс, начиная с 1862 года, принял аналогичную доктрину на платонической основе для объяснения "урановой" конституции. После этого идея начала более точно разрабатываться с научной стороны, хотя поначалу и не применительно к гомосексуализму, и особенно великими пионерами учения об эволюции. Дарвин подчеркивал важность фактов по этому вопросу, как позднее Вейсман, в то время как Геккель, который был одним из первых дарвинистов, в последние годы четко осознал влияние на интерпретацию гомосексуализма того факта, что предки позвоночных были гермафродитами, поскольку сами позвоночные все еще находятся в своем эмбриональном состоянии (Геккель, в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, апрель 1913 г., стр. 262-3, 287.). Гомосексуальность. Эта точка зрения, однако, была изложена ранее отдельными врачами, особенно в Америке Кирнаном (*American Lancet*, 1884, и *Medical Standard*, ноябрь и декабрь 1888) и Лидстоном (*Philadelphia Medical and Surgical Reporter*, сентябрь 1889, и *Addresses and Essays*, 1892).

В 1893 году в своей книге "Сексуальная инверсия" Шевалье, ученик Лакассаня, который уже применил термин "моральный гермафродизм" к этой аномалии, объяснил врожденную гомосексуальность идеей латентной бисексуальности. Доктор Г. де Летаменди, декан медицинского факультета Мадрида, в статье, прочитанной перед Международным медицинским конгрессом в Риме в 1894 году, изложил принцип пангермафродитизма — гермафродитной биполярности, — который предполагал существование латентных женских половых органов. микробы в самце, скрытые мужские микробы в самке, к которым скрытые микробы могут стремиться, а иногда и достигать господства. В феврале 1896 года первая версия настоящей главы, излагающая концепцию инверсии как психического и соматического развития на основе латентной бисексуальности, была опубликована в журнале *Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie*. Купелла (*ib.*, май 1890 г.) придерживался несколько схожей точки зрения, даже утверждая, что инвертированный является переходной формой между полноценным мужчиной или женщиной и гермафродитом. В Германии пациентка Краффт-Эбинга разработала ту же идею, связав инверсию с бисексуальностью плода (восьмое издание *Сексуальной психопатии*, стр. 227). Сам Краффт-Эбинг сначала просто утверждал, что, будь то врожденный или приобретенный, должен быть *недостаток*; инверсия - это "дегенеративный феномен", функциональный признак дегенерации (Krafft-Ebing, "Zur Erklärung der conträren Sexualempfindung", *Jahrbuch für Psychiatrie*, 1894). Однако в более поздних изданиях *Сексуальной психопатии* (1896 и далее, и особенно в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. iii, 1901), он пошел дальше, приняв объяснение в духе оригинальной бисексуальности (английский перевод десятого издания, стр. 336-7). Во многом тем же языком, который использовал я, он утверждал, что в центрах происходила борьба, гомосексуальность возникает, когда побеждает центр, антагонистичный тому, который представлен половой железой, и психосексуальный гермафродитизм, возникающий, когда оба центра слишком слабы, чтобы одержать победу, в любом случае такое нарушение не является психической дегенерацией или

болезнью, а просто аномалией, сравнимой с пороком развития и вполне согласующейся с психическим здоровьем. Это точка зрения, в настоящее время широко принятая исследователями сексуальной инверсии. (Много материала, имеющего отношение к истории этой концепции, было собрано Хиршфельдом в "*Гомосексуализме*", глава XIX, и ранее в "*Вас существах любви*", *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, 1906, стр. 111-133.)

Похожая или родственная точка зрения в настоящее время постоянно встречается у авторитетных научных авторов, которые лишь случайно занимаются изучением сексуальной инверсии. Так, Хальбан ("*Die Entstehung des Geschlechtscharaktere*", *Архив гинекологии*, 1903) рассматривает гермафродитизм, который он распространил бы на психическую сферу, как состояние, при котором двойной сексуальный импульс определяет ход внутриутробного и более позднего развития. Шатток и Селигманн ("*Истинный гермафродитизм у домашней птицы, с замечаниями об аллоптеротизме*", *Труды Лондонского патологического общества*, том. lvii, часть i, 1906), указывая на то, что простая атрофия яичника не может объяснить появление у курицы мужских признаков, которые являются не регрессивными, а прогрессирующими, утверждает, что такие птицы на самом деле бисексуальны или гермафродитны, либо потому, что единственный "яичник" действительно бисексуален, как в случае с птицей, которую они исследовали, или что половые железы парные, одна мужская, а другая женская, или же что в соседних внутренних органах, таких как надпочечник или почка, неуместна мужская ткань, мужские элементы утверждают, что такие птицы действительно бисексуальны. себя, когда женские элементы вырождаются. "Гермафродитизм, - заключают они, - далек от того, чтобы быть совершенно ненормальным явлением среди высших позвоночных, его следует рассматривать скорее как возврат к примитивной наследственной фазе, в которой бисексуализм был нормой. ... Поскольку истинный гермафродитизм у человека установлен, возникает вопрос, не встречаются ли более низкие степени. ... Отдаленные свидетельства бисексуальности у человека-субъекта могут, возможно, быть представлены психическим феноменом сексуального извращения и инверсии ". Аналогичным образом, в случае одностороннего вторичного мужского признака у самки фазана, Си Джей Бонд совсем недавно показал (Раздел зоологии, Бирмингемское собрание Британской медицинской ассоциации, *Британский медицинский журнал*, 20 сентября 1913 г.), что присутствовал яйцеклеточный узел с дегенерирующей тканью яичников и развивающейся тканью яичек, и такие островки активно растущей мужской ткани часто можно обнаружить, утверждает он, в дегенерирующих яичниках самок птиц, которые выпустили мужское оперение. Сэр Джон Блэнд-Саттон, ссылаясь на тот факт, что внешнее строение тела не дает полной уверенности относительно природы внутренних половых желез, добавляет (*Британский медицинский журнал*, 30 октября 1909 г.): "Справедливо предположить, что некоторые примеры сексуальной фригидности и сексуальных извращений могут быть объяснены возможностью того, что соответствующие индивидуумы могут обладать половыми железами, противоположными по своему характеру тем, на которые указывает внешняя конфигурация их тел". Рассматривая вопрос более широко и фундаментально в его нормальных аспектах, Хипе заявляет (*Труды Кембриджского философского общества*, том xiv, часть ii, 1907), что "не существует такой вещи, как чистый самец или самка животного, но все они содержат доминантный и рецессивный пол, за исключением тех гермафродитов, у которых оба пола представлены в равной степени. ... Мне кажется, существует достаточно доказательств для вывода о том, что не существует такой вещи, как чистый самец или самка ". Ф. Х. А. Маршалл, опять же, в своем стандартном руководстве "*Физиология размножения*" (1910, стр. 655 и далее), склонен принять ту же точку зрения. "Если

верно, - замечает он, - что все индивиды потенциально бисексуальны и что изменившиеся обстоятельства, ведущие к изменению метаболизма, могут в исключительных обстоятельствах, даже во взрослой жизни, вызвать развитие рецессивных признаков, то представляется чрезвычайно вероятным, что доминирование одного набора сексуальных признаков над другим может быть определено в некоторых случаях на ранней стадии развития в ответ на стимул, который может быть как внутренним, так и внешним". Точно так же Берри Харт ("Атипичный мужской и женский половой ансамбль", статья, прочитанная перед Эдинбургским акушерским обществом, *Британский медицинский журнал*, 20 июня 1914 г., стр. 1355) рассматривает нормального мужчину или женщину как воплощающих максимум мощных органов своего пола при минимуме немощных органов другого пола, с соответствующими вторичными половыми признаками. Любое увеличение минимума приводит к уменьшению максимума и несоответствию второстепенных символов.

Таким образом, мы видим, что древняя медико-философская концепция органической бисексуальности, выдвинутая греками как ключ к объяснению сексуальной инверсии, после того как на две тысячи лет исчезла из поля зрения, была возрождена в начале девятнадцатого века двумя философами-любителями, которые сами были инвертированными (Хессли, Ульрихс), а также подлинным философом, который не был инвертированным (Шопенгауэр). Затем концепция латентной бисексуальности, независимой от гомосексуализма, была разработана с чисто научной стороны (Дарвином и эволюционистами в целом). На следующем этапе эта концепция была принята психиатрическими и другими научными авторитетами в области гомосексуализма (Крафт-Эбинг и большинство других студентов). Наконец, эмбриологи, физиологи пола и биологи в целом не только принимают концепцию бисексуальности, но и признают, что она, вероятно, помогает объяснить гомосексуальность. Таким образом, можно сказать, что идея перешла в современное мышление. Мы не можем утверждать, что это является адекватным объяснением гомосексуальности, но это позволяет нам в некоторой степени понять то, что для многих является загадкой, и это дает полезную основу для классификации не только гомосексуальности, но и других смешанных или промежуточных сексуальных аномалий в той же группе..... Гомосексуальность - это гомосексуальность. Главными из этих промежуточных сексуальных аномалий являются: (1) физический гермафродитизм на различных стадиях; (2) гинандроморфизм, или евнухоидизм, при котором мужчины обладают признаками, напоминающими признаки мужчин, подвергшихся ранней кастрации, а женщины обладают аналогичными мужскими признаками; (3) сексуально-эстетическая инверсия, или зонизм (трансвестизм или переодевание Хиршфельда), при котором, помимо специфически сексуальных эмоций, мужчины обладают вкусами женщин, а женщины - вкусами мужчин.

Хиршфельд обсуждал эти промежуточные сексуальные стадии в различных работах, особенно в книге *"История любви"* (1905), *"Трансвестите"* (1910) и главе xi книги *"Гомосексуализм"*. Гермафродитизм (реальность которого была признана лишь недавно и до сих пор оспаривается) и псевдогермафродитизм; в их физических вариациях полностью рассматриваются в большой, богато иллюстрированной работе *"Гермафродитизм среди людей"* Ф. Л. фон Нойгебауэра из Варшавы. Нойгебауэр опубликовал более раннее и краткое исследование на эту тему в *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen* vol. iv, 1902, стр. 1-176, с библиографией в vol. viii (1906) того же *Jahrbuch*, стр. 685-700. Хиршфельд подчеркивает тот факт, что ни гермафродитизм, ни евнухоидизм обычно не ассоциируются с гомосексуализмом, и что большая часть случаев трансвестизма, по его определению, гетеросексуальны. Однако

истинная инверсия, по-видимому, нередко встречается среди псевдогермафродитов; Нойгебауэр регистрирует многочисленные случаи; Маньян опубликовал случай с девушкой, воспитывавшейся в юности (*"Медицинская газета Парижа"*, 31 марта 1911 г.), а Лапуэнт - случай с мужчиной, воспитывавшимся в девичестве (*"Ревю де Психиатри"*, 1911, стр. 219). Такие случаи могут быть объяснены обучением и ассоциациями, связанными с ранней ошибкой в распознавании пола, и, возможно, еще в большей степени с действительно органической предрасположенностью к гомосексуализму, хотя сексуальные психические признаки не обязательно связаны с сосуществованием соответствующих половых желез. Халбан (*Archiv für Gynäkologie*, 1903) заходит так далеко, что классифицирует гомосексуалистов как "настоящих псевдогермафродитов", точно сопоставимых с мужчиной с женской грудью или женщиной с бородой, и предлагает называть гомосексуальность "*pseudohermaphroditus masculinus psychicus*". Это, однако, ненужная и едва ли удовлетворительная путаница.

Поместить группу гомосексуальных феноменов среди других промежуточных групп на органической бисексуальной основе - это удобная классификация. Вряд ли это можно рассматривать как полное объяснение. Вполне вероятно, что в конечном итоге мы сможем найти более фундаментальный источник этих различных явлений в стимулирующей и тормозящей деятельности внутренних секретов.^[234] Наших знаний о тесной связи между гормонами и сексуальными явлениями уже достаточно, чтобы сделать такое объяснение понятным; сложного взаимодействия желез внутренней секреции и их подверженности различным нарушениям баланса вполне может быть достаточно, чтобы объяснить сложность явлений. Это соответствовало бы тому, что мы знаем о случайных отсроченных проявлениях гомосексуализма, и не противоречило бы их врожденной природе, поскольку мы знаем, что неупорядоченное состояние тимуса, например, может быть наследственным, и считается, что лимфатический статус может быть как врожденным, так и приобретенным.^[235] Нормальные половые признаки, по-видимому, в значительной степени зависят от должной координации внутренних выделений, и разумно предположить, что сексуальные отклонения зависят от их несогласованности. Если мужчина остается мужчиной, а женщина женщиной, потому что (по выражению Блэр Белл) из-за совокупности их внутренних выделений промежуточные стадии между мужчиной и женщиной должны быть обусловлены перераспределением этих внутренних выделений.^[236]

Мы знаем, что различные внутренние выделения обладают мощным сексуальным эффектом. Таким образом, атрофия тимуса, по-видимому, связана с половым развитием в период полового созревания; щитовидная железа усиливает работу половых желез; чрезмерное развитие надпочечников может вызвать у женщины вторичные мужские признаки, а также вызвать преждевременное развитие мужественности; и т.д. "Изменение обмена веществ, - как предполагает Ф. Х. А. Маршалл, - даже в сравнительно позднем возрасте может инициировать изменения в сторону противоположного пола". Таким образом, можно обнаружить, что химические процессы обмена веществ дают ключ к сложным и тонким сексуальным вариациям, как соматическим, так и психическим, хотя мы все равно должны рассматривать такие процессы как возникающие из врожденной предрасположенности.

Каким бы ни было ее окончательное объяснение, сексуальную инверсию, таким образом, справедливо можно считать "спортом" или вариацией, одним из тех органических отклонений, которые мы наблюдаем во всей живой природе, у растений и животных.

Здесь не утверждается, как я хотел бы осторожно подчеркнуть, что перевернутый сексуальный инстинкт или орган для такого инстинкта развивается в ранней эмбриональной жизни; такое представление справедливо отвергается как абсурдное. То, что мы можем обоснованно рассматривать как сформированное на ранней стадии развития, является строго предрасположенностью; то есть такой модификацией организма, что он становится более приспособленным, чем нормальный или среднестатистический организм, испытывать сексуальное влечение к представителям того же пола. Таким образом, полового инверта можно грубо сравнить с врожденным идиотом, с инстинктивным преступником, с гениальным человеком, которые все не совсем согласуются с обычными биологическими вариациями (поскольку они носят менее тонкий характер), но которые становятся для нас несколько более понятными, если мы будем иметь в виду их близость к вариациям. Саймондс сравнил инверсию с дальтонизмом, и такое сравнение вполне разумно. Точно так же, как обычный дальтоник от рождения нечувствителен к тем красно-зеленым лучам, которые как раз наиболее впечатляющи для нормального глаза и придают повышенное значение другим цветам - обнаруживая, что кровь такого же цвета, как трава, а румяный цвет лица голубой, как небо, — так и инвертированный человек не видит эмоциональных ценностей, присущих нормальным людям, перенося эти ценности на эмоциональные ассоциации, которые для остального мира совершенно различны. Или мы можем сравнить инверсию с таким феноменом, как цветослышание, при котором имеет место не столько дефект, сколько аномалия нервных путей, производящих новые произвольные комбинации. Точно так же, как человек, чувствующий цвет, инстинктивно связывает цвета со звуками, подобно молодой японской леди, которая заметила, слушая пение: "У этого мальчика красный голос!", так и инвертированный человек связывает свои сексуальные ощущения с объектами, которые обычно не обладают сексуальной привлекательностью.^[237] И инверсия, как и цветослышание, чаще встречается у молодых субъектов, имеющих тенденцию становиться менее выраженными или угасать после полового созревания. Следует добавить, что цветослышание, хотя и является аномальным явлением, нельзя назвать болезненным состоянием, и оно, вероятно, гораздо реже ассоциируется с другими аномальными или дегенеративными стигматами, чем инверсия; часто имеет место врожденный элемент, проявляющийся в тенденции к передаче по наследству, в то время как ассоциации развиваются в очень раннем возрасте и слишком регулярны, чтобы быть простым результатом внушения.^[238]

Все подобные органические вариации являются аномалиями. Важно, чтобы у нас было четкое представление о том, что такое аномалия. Многие люди воображают, что ненормальное обязательно является болезненным. Это не так, если только мы не придадим слову "болезнь" неудобное и незаконное расширение. Говорить о дальтонизме, преступности и гениальности как о болезнях неудобно и неточно в том же смысле, в каком мы говорим о скарлатине, туберкулезе или общем параличе как о болезнях. Каждая врожденная аномалия, несомненно, обусловлена особенностью сперматозоидов или овальных элементов, или их смешением, или каким-либо нарушением в их раннем развитии. Но то же самое, несомненно, можно сказать и о нормальных различиях между братьями и сестрами. Совершенно верно, что любое из этих отклонений может быть вызвано дородовым заболеванием, но называть их ненормальными не значит ставить под сомнение этот вопрос. Если считается, что для поддержки этой точки зрения необходим какой-либо авторитет, мы едва ли можем найти более весомый, чем авторитет Вирхова, который неоднократно настаивал на правильном использовании слова "аномалия" и который учил, что, хотя аномалия может представлять собой предрасположенность к болезни,

изучение аномалий — патологии, как он это называл, тератологии, как мы, возможно, предпочтем это называть, — это не изучение болезни, которую он называл нозологией; изучение ненормального совершенно отличается от изучения болезненного. Вирхов считает, что область аномального - это область патологии, и что изучение болезни должно рассматриваться исключительно как нозология. Примем ли мы эту терминологию или будем рассматривать изучение аномального как часть тератологии, является второстепенным вопросом, не влияющим на правильное понимание термина "аномалия" и его надлежащее разграничение с термином "болезнь".

На собрании Немецкого антропологического общества в Инсбруке в 1894 году Вирхов так выразился: "В старые времена аномалию называли *πάθος*, и в этом смысле каждое отклонение от нормы является для меня патологическим событием. Если мы констатировали такое патологическое событие, то далее нам предстоит исследовать, какой *пафос* был его особой причиной. ... Этой причиной может быть, например, внешняя сила, или химическое вещество, или физический агент, вызывающий в нормальном состоянии организма изменение, аномалию (*πάθος*). При определенных обстоятельствах это может стать наследственным, а затем стать основой для определенных небольших наследственных признаков, которые передаются в семье; сами по себе они относятся к патологии, даже если не причиняют вреда. Ибо я должен заметить, что патологический не означает вредный; это не указывает на болезнь; болезнь по-гречески - это νόσος, и именно нозология связана с болезнью. Патологическое при некоторых обстоятельствах может быть выгодным" (*Корреспонденция Немецкого общества антропологии*, 1894). Эти замечания представляют интерес, когда мы пытаемся найти более широкие объяснения такой аномалии, как сексуальная инверсия.

Это же различие совсем недавно было подчеркнуто профессором Ашоффом (*Deutsche medizinische Wochenschrift*, 3 февраля 1910 г.; *of. Британский медицинский журнал*, 9 апреля 1910 г., стр. 892), в отличие от Риберта и других, которые чрезмерно сужают концепцию *πάθος*. Ашофф указывает, что не только ради точности и единообразия терминологии, но и для ясности мышления желательно, чтобы мы сохранили различие, в отношении которого Гален и древние врачи были очень определенными. Они использовали *πάθος* как более широкий термин, включающий поражение (*affectio*) в целом, не обязательно повреждение жизненно важных тканей; когда это было затронуто, было νόσος, болезнь. Мы должны признать это различие, даже если отвергаем терминологию.

Можно сказать несколько слов о связи между сексуальной инверсией и дегенерацией. Особенно во Франции, со времен Мореля, много говорят о стигматах вырождения. Сексуальная инверсия часто рассматривается как одна из них: т.е. как эпизодический синдром наследственного заболевания, занимающий свое место рядом с другими психическими стигматами, такими как клептомания и пиромания. Крафт-Эбинг долгое время так рассматривал инверсию; это точка зрения Маньяна, одного из первых исследователей гомосексуализма,^[239] и она была принята Мебиусом. Гомосексуальность. Строго говоря, инвертированный является дегенератом; он отпал от рода. То же самое относится и к дальтонику. Но концепция вырождения Мореля, к сожалению, была огрублена и вульгаризирована.^[240] В нынешнем виде мы получаем мало информации или вообще не получаем ее, когда нам говорят, что человек "дегенерат". Только, как постоянно утверждал Нэкке, когда мы обнаруживаем комплекс хорошо выраженных аномалий, мы имеем полное право утверждать, что имеем дело с состоянием дегенерации. Инверсия иногда встречается

при таком состоянии. Я, действительно, уже пытался предположить, что состояние рассеянной незначительной аномалии может рассматриваться как основа врожденной инверсии. Другими словами, инверсия связана с модификацией вторичных половых признаков. Но эти аномалии и модификации не являются неизменными,^[241] и обычно не носят серьезного характера; инверсия редко встречается у глубоко вырожденных. Нежелательно называть эти модификации "стигматами дегенерации", термином, который угрожает исчезнуть из научной терминологии, стать простым термином литературного и журналистского употребления. Так много можно сказать о концепции или фразе, о которых слишком много говорилось в популярной литературе. В лучшем случае они остаются расплывчатыми и непригодными для научного использования. В настоящее время широко признано, что мы мало что выигрываем, описывая инверсию как вырождение. Нэкке, который придавал большое значение многочисленным стигматам дегенерации, особенно активно указывал на то, что инвертированные не являются дегенеративными, и часто возвращался к этому вопросу. Левенфельд, Фрейд, Хиршфельд, Блох, Роледер - все они отвергают концепцию сексуальной инверсии как дегенерации.

Молль все еще не может полностью отказаться от позиции, что, поскольку инверсия предполагает дисгармонию между психическими предрасположенностями и физическим строением, мы должны рассматривать ее как патологическую, но он признает (как и Крафт-Эбинг), что ее правильно рассматривать как находящуюся на уровне уродства, то есть аномалии, сравнимой с физическим гермафродитизмом. (А. Молль, "Sexuelle Zwischenstufen", *Zeitschrift für aerztliche Fortbildung*, № 24, 1904.) Нэкке неоднократно подчеркивал мнение о том, что инверсия - это врожденная неморбидная аномалия; так, в последний год своей жизни он написал (*Журнал неврологии и психиатрии*, том xv, Высота 5, 1913): "Мы не должны воспринимать гомосексуальность как дегенерацию или заболевание, но в лучшем случае как ненормальность, обусловленную нарушением развития". Левенфельд, всегда осторожный и проницательный клинический наблюдатель, соглашаясь с Нэкке и Хиршфельдом, рассматривает инверсию как, безусловно, ненормальность, но, следовательно, не патологическую; она может быть связана с болезнью и дегенерацией, но обычно является просто отклонением от нормы, которое не следует рассматривать как болезненное или дегенеративное и не умаляющее ценности индивида как члена общества (Левенфельд, *Обзор сексуальной конституции*, 1911, стр. 166; также *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, февраль 1908 г., и *Sexual-Probleme*, апрель 1908 г.). Алетрино из Амстердама доводит точку зрения о том, что инверсия является ненормальной аномалией, до неоправданной крайности, утверждая, что "уранист - это нормальная разновидность вида *Homo sapiens*" ("Уранизм и возрождение", *Архив криминологии*, август-сентябрь 1908 г.). Инверсию можно рассматривать как (в правильном смысле принятого здесь слова) патологическую аномалию, но не как антропологическую разновидность человека, сравнимую с негритянской или монгольской мужчина. (О дальнейших мнениях в пользу инверсии как аномалии см. Хиршфельд, "Гомосексуализм", стр. 388 и далее.)

Таким образом, сексуальная инверсия остается врожденной аномалией, которую следует классифицировать с другими врожденными аномалиями, имеющими психические сопутствующие факторы. По крайней мере, такая врожденная аномалия обычно существует как предрасположенность к инверсии. Вероятно, что многие люди идут по жизни с врожденной предрасположенностью к инверсии, которая всегда остается скрытой и непроявленной; у других инстинкт настолько силен, что прокладывает свой собственный путь, несмотря на все

препятствия; у других, опять же, предрасположенность слабее, и преобладающую роль играет мощная возбуждающая причина.

Таким образом, мы переходим к рассмотрению причин, вызывающих скрытую предрасположенность. Считалось, что к сексуальной инверсии приводит большое разнообразие причин. Необходимо лишь упомянуть те, которые я нахожу влиятельными. Первое, что предстает перед нами, - это наша школьная система с ее разделением мальчиков и девочек друг от друга в периоды полового созревания и юности. Многие инвертированные вообще не ходили в школу, и многие из них прошли через школьную жизнь, не сформировав никаких страстных или сексуальных отношений; но остается большое число тех, кто датирует развитие гомосексуализма влиянием и примерами школьной жизни. Впечатления, полученные в то время, не менее сильны, потому что они часто чисто сентиментальны и без какой-либо очевидной чувственной примеси. Достаточно ли они сильны, чтобы вызвать постоянную инверсию, может быть сомнительно, но, если верно, что в раннем возрасте сексуальные инстинкты менее определенно определены, чем в подростковом возрасте, то возможно, хотя и недоказано, что очень сильное впечатление, действующее даже на нормальный организм, может вызвать остановку сексуального развития на психической стороне.

Еще одна волнующая причина инверсии - соблазнение. Под этим я подразумеваю инициацию маленького мальчика или девочки каким-нибудь старшим и более опытным человеком, в котором инверсия уже развита и который ищет удовлетворения ненормального инстинкта. По-видимому, это не редкий случай в ранней истории сексуальных инвертов. То, что такое соблазнение — иногда внезапный и бесцеремонный акт простого сексуального удовлетворения — само по себе могло вызвать вкус к гомосексуализму, крайне маловероятно; у людей, еще не предрасположенных к гомосексуализму, оно с гораздо большей вероятностью вызовет отвращение, как это было в случае с юным Руссо. "Соблазнить можно только того, - как выразилась Молл, - кто способен быть соблазненным". Несомненно, в таких случаях, как и в более обычных "соблазнениях", часто случается, что жертва добровольно или невольно делает предложение.

Еще одна волнующая причина инверсии, которой обычно придается мало значения, но которая, на мой взгляд, имеет определенный вес, - это разочарование в нормальной любви. Бывает, что мужчина, в котором гомосексуальный инстинкт еще только латентен или, во всяком случае, находится в состоянии подавления, пытается завязать отношения с женщиной. Эти отношения могут быть пылкими с одной или обеих сторон, но — часто, несомненно, из—за скрытой гомосексуальности любовника - они ни к чему не приводят. Такие любовные разочарования в более или менее острой форме рано или поздно случаются почти с каждым. Но у этих людей разочарование в одной женщине составляет мотив, достаточно сильный, чтобы вызвать у любовника отвращение ко всему полу и обратить его внимание на свой собственный пол. Очевидно, что инстинкт, который можно таким образом повернуть вспять, вряд ли может быть сильным, и представляется вероятным, что в некоторых из этих случаев эпизод нормальной любви просто служит для того, чтобы донести до инвертированного тот факт, что он не создан для нормальной любви. В других случаях, кажется, — особенно в тех, которые несколько слабоумны и неуравновешенны, — любовное разочарование действительно отравляет нормальный инстинкт, и более или менее бессильная любовь к женщинам становится столь же бессильной любовью к мужчинам. Распространенность гомосексуализма среди

проституток может быть в значительной степени объяснена аналогичным и более обоснованным отвращением к нормальной сексуальности.^[242]

Таким образом, эти три влияния — пример в школе, соблазнение, разочарование в нормальной любви — все они уводят субъекта от противоположного пола и концентрируют его на своем собственном поле, являются возбуждающими причинами инверсии; но для их воздействия требуется благоприятная органическая предрасположенность, в то время как существует большое количество случаев, в которых вообще невозможно найти возбуждающую причину, но в которых с самого раннего детства интерес субъекта, по-видимому, обращен на представителей своего пола и продолжает оставаться таким на протяжении всей жизни.

На этом я завершаю анализ психологии сексуальной инверсии в том виде, в каком она мне представляется. Я стремился лишь выделить наиболее важные моменты, пренебрегая второстепенными моментами, пренебрегая также теми группами инвертированных, которые могут рассматриваться как имеющие второстепенное значение. Среднестатистический инверт, вращающийся в обычном обществе, — это человек среднего общего состояния здоровья, хотя очень часто с наследственными связями, которые носят явно невротический характер. Обычно он страдает врожденной предрасполагающей аномалией или комплексом незначительных аномалий, из-за чего ему трудно или невозможно испытывать сексуальное влечение к противоположному полу и легко испытывать сексуальное влечение к своему собственному полу. Эта аномалия либо появляется спонтанно с самого начала, в результате развития или остановки развития, либо она вызвана к жизни каким-то случайным обстоятельством.

[225] See *passim*, *Jahrbuch für Psychoanalytische Forschungen*, *Zentralblatt für Psychoanalyse*, and *Internationale Zeitschrift für Aerztliche Psychoanalyse*; also Sadger, "Zur Aetiologie der Konträren Sexualempfindung," *Medizinische Klinik*, 1909, No. 2.

[226] Изложение этого способным английским представителем фрейдистских доктрин см. Эрнест Джонс, "Эдипов комплекс как объяснение тайны Гамлета", *Американский журнал психологии*, январь 1910г.

[227] Любовь к отношениям может быть окрашена всеми степенями сексуальной любви, некоторые из которых настолько слабые и расплывчатые, что их нельзя считать неестественными или ненормальными; называть их инцестуальными вводит в заблуждение. Русский романист Арцибашев в своей "*Санине*" описал привязанность брата к сестре как тронутую восприятием ее сексуального очарования (я имею в виду французский перевод), и, следовательно, книга подверглась многочисленным оскорблениям как "кровосмесительная", хотя описанное отношение очень бледно и условно по сравнению с романтической страстью, воспетой в "*Лане и Китне*" Шелли, или трагическим возвышением той же страсти в великой пьесе Форда "*Жаль, что она шлюха*".

[228] Таким образом, Нума Преториус, проникательный наблюдатель с очень широкими и основательными знаниями гомосексуализма, оказывается совершенно неспособным принять объяснение инверсии с помощью "Эдипова комплекса" (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, июль 1914 г., стр. 362).

[229] Нельзя утверждать, что частота инверсии среди ближайших родственников инвертированных является случайным совпадением, поскольку следует помнить, что немногие оценки распространенности инверсии дают более высокую долю, чем 3 процента.

[230] Смотрите также обсуждение фрейдистской точки зрения Хиршфельдом, который приходит к выводу (*Die Homosexualität*, стр. 344), что мы можем принять фрейдистский механизм только как редкий и во всех случаях подчиненный органической предрасположенности.

[231] Некоторые (Мейнерт, Нэкке и др.) отрицали, что вообще существует какой-либо сексуальный *инстинкт*. Поэтому я могу также объяснить, в каком смысле я использую это слово. (Смотрите также "Анализ сексуального влечения" в томе iii этих *Исследований*.) Я имею в виду унаследованную способность, проявление которой обычно требует для своего полного удовлетворения присутствия человека противоположного пола. Можно было бы утверждать, что инстинкта к пище не существует, что все это имитация и т.д. В некотором смысле это верно, но автоматическая основа остается. Цыпленку из инкубатора не нужна наседка, чтобы научить его есть. Кажется, что он обнаруживает, что ест и пьет, так сказать, случайно, сначала неловко и съедает все подряд, пока не научится тому, что лучше всего удовлетворит его органический механизм. Инстинкта к еде, возможно, и нет, но есть инстинкт, который удовлетворяется только едой. То же самое и с "половым инстинктом". Осторожные и всеядные привычки только что вылупившегося цыпленка можно сравнить с неопределенностью полового инстинкта в период полового созревания, в то время как сексуальный извращенец подобен цыпленку, который должен сохранить во взрослом возрасте аппетит к камву и бумаге. Здесь можно добавить, что вопрос о наследственной природе полового инстинкта был исчерпывающе обсужден и решительно подтвержден Моллем в его *Основных принципах борьбы с сексуальным влечением*, 1898. Молл придает большое значение наследованию нормальных способностей к сексуальным реакциям в ненормально слабой степени как фактору развития сексуальных извращений.

[232] Эта точка зрения была возрождена в модифицированной форме Некке (*Журнал неврологии и психологии*, том xv, Высота 5, 1913), который предположил, что в мозге может существовать анатомический "гомосексуальный центр"; т.е. Центр женского либидо у перевернутого мужчины и центр мужского либидо в перевернутой женщине. Он выразил надежду, что в будущем мозг инвертированных людей будет исследован более тщательно.

[233] Я не представляю эту точку зрения как нечто большее, чем картину, которая помогает нам осознать реальные явления, которые мы наблюдаем в гомосексуализме, хотя я могу добавить, что такой способный тератолог, как доктор Дж. У. Баллантайн, считает, что "это кажется очень возможной теорией".

[234] Это объяснение гомосексуальности уже было выдвинуто в предварительном порядке. Так, Иван Блох (*Сексуальная жизнь нашего времени*, глава xix, Приложение) смутно предлагает новую теорию гомосексуализма как зависимого от химических воздействий. Хиршфельд также считает (*Die Homosexualität*, глава xx), что изучение внутренних выделений - это путь к глубочайшим основам инверсии.

[235] А. Э. Гаррод, "Вилочковая железа в ее клинических аспектах", *Британский медицинский журнал*, 3 октября 1914 г.

[236] "Чистая женщина и чистый мужчина вырабатываются всеми внутренними выделениями", Блэр Белл, "Внутренние выделения", *Британский медицинский журнал*, 15 ноября 1913г.

[237] После того, как эта глава была впервые опубликована (в *Centralblatt für Nervenheilkunde*, февраль 1896 г.), Фере также сравнил врожденную инверсию с дальтонизмом и подобными аномалиями (Фере, "La Descendance d'un Inverti", *Revue Generale de Clinique et Thérapeutique*, 1896), в то время как Рибо ссылаясь на аналогию со слухом на цвет (*Психология эмоций*, часть ii, гл. vii).

[238] Смотрите, например, Флурнуа, *Обзор феноменов синестезии*, Женева, 1893; а для краткого обсуждения общих феноменов синестезии, Э. Пэриш, *Галлюцинации и иллюзии (серия "Современная наука")*, глава vii; Блейлер, статья "Вторичные ощущения" в книге Тьюка *Словарь психологической медицины*; и Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, 5-е изд., 1915, стр. 181-4.

[239] Маньян в последние годы подтвердил эту точку зрения ("Сексуальная инверсия и патологическая психика", *Revue de Psychothérapie*, март 1914 г.): "Инвертированный - это больной человек, дегенерат".

[240] Именно этот факт заставил итальянцев стесняться употреблять слово "дегенерация"; так, Марро в своем великом труде "*Каратели правонарушителей*" предпринял заметную попытку проанализировать явления, объединенные как дегенеративные, в три группы: нетипичные, атавистические и патологические.

[241] Хиршфельд и Бурхард среди 200 инвертированных обнаружили выраженные стигматы дегенерации только у 16%. (Hirschfeld, *Die Homosexualität*, ch. xx.)

[242] Алкоголь иногда считался важной возбуждающей причиной гомосексуализма, и алкоголизм, безусловно, не редкость в наследственности инвертированных; согласно Хиршфельду (*Die Homosexualität*, стр. 386), он хорошо выражен у одного из родителей более чем в 21 проценте случаев. Но это, вероятно, оказывает не большее влияние как возбуждающая причина на отдельного гомосексуалиста, чем на отдельного гетеросексуала. С фрейдистской точки зрения, действительно, Абрахам считает (*Журнал сексуальной психологии*, раздел 8, 1908), что даже у нормальных людей алкоголь снимает подавление латентной гомосексуальности, а Джулиусбургер с той же точки зрения (*Zentralblatt für Psychoanalyse*, раздел 10 и 11, 1912) считает, что склонность к алкоголизму бессознательно вызывается гомосексуальным импульсом для достижения собственного удовлетворения. But we may assert Näcke's conclusions (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, vol. lxxviii, 1911, стр. 852), что (1) алкоголь не может вызвать гомосексуальность у лиц, не предрасположенных к этому, что (2) он может вызвать ее у тех, кто предрасположен, что (3) действие алкоголя на гомосексуалиста такое же, как и на гетеросексуала, и что (4) алкоголизм не распространен среди инвертированных.

ГЛАВА VII. ВЫВОДЫ.

Содержание

Профилактика гомосексуализма—Влияние школы—Совместное обучение—Лечение сексуальной инверсии—Кастрация—Гипноз—Ассоциативная терапия—Психоанализ—

Психическая и физическая гигиена—Брак—Дети инвертированных—Отношение общества—Ужас, вызываемый гомосексуализмом—Юстиниан—*Кодекс Наполеона*—Состояние закона в современной Европе—Германия—Англия—Каким должно быть наше отношение к гомосексуальности? Гомосексуальность —Гомосексуальность.

Завершив теперь психологический анализ сексуального инверта, насколько я смог его изучить, остается лишь кратко рассказать об отношении общества и закона. Однако сначала несколько слов о медицинских и гигиенических аспектах инверсии. Предварительный вопрос о предотвращении гомосексуализма в настоящее время находится в слишком расплывчатом состоянии, чтобы его можно было обсуждать с пользой. Что касается действительно врожденной инверсии, профилактика может иметь лишь небольшое влияние; но здоровая социальная гигиена должна затруднять приобретение гомосексуальной извращенности, или того, что было названо псевдогомосексуальностью. Естественно, именно школа является главным театром незрелых и временных гомосексуальных проявлений, отчасти потому, что школьная жизнь в значительной степени совпадает с периодом, в течение которого сексуальное влечение часто имеет тенденцию быть недифференцированным, а отчасти потому, что в традициях больших и старых школ искусственная гомосексуальность часто имеет глубокие корни.

Гомосексуальность в английских школах уже кратко упоминалась в главе iii. В качестве точной и интересной картины явлений во французских школах я могу упомянуть рассказ Альбера Нортала "*Страсти подростков*" (1913), написанный сразу после окончания автором колледжа, хотя и опубликованный более чем двадцать пять лет спустя, и явно основанный на личных наблюдениях и опыте. Что касается немецких школ, см., например, Moll, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, стр. 449 и далее., а о сексуальных проявлениях в раннем возрасте в целом - "*Сексуальная жизнь ребенка*" того же автора; также Hirschfeld, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. v, 1903, p. 47 et seq., and, for references, Hirschfeld, "*Умри гомосексуалистом*", стр. 46 и далее.

Хотя многое можно сделать с помощью физической гигиены и других средств для предотвращения распространения гомосексуализма в школах,^[243] невозможно и даже нежелательно полностью подавлять эмоциональные проявления секса ни у мальчиков, ни у девочек, достигших половой зрелости.^[244] Всегда следует помнить, что с глубоко укоренившимися органическими импульсами невозможно эффективно бороться прямыми методами. Писавший о периоде двухсотлетней давности Казанова, рассказывая о своей ранней жизни в качестве семинариста, готовившегося к священничеству, описывает меры предосторожности, принятые для предотвращения того, чтобы молодые люди не ложились друг к другу в постель, и указывает на глупость таких предосторожностей.^[245] Как замечает этот владыка человеческих сердец, такие запреты усиливают то самое зло, которое они призваны предотвратить, призывая на помощь импульс к непослушанию, естественный для каждого ребенка Адама и Евы, и с тех пор учителя часто повторяют это наблюдение. Вероятно, нам следует признать, что способом сделать такие проявления полезными, а также подготовиться к отношениям в дальнейшей жизни, является принятие, насколько это возможно, метода совместного обучения полов,^[246] — конечно, не обязательно предполагающего идентичность образования для обоих полов — поскольку определенная степень связи между полами помогает сохранить здоровье сексуального эмоционального настроения. Связь между полами, конечно, не предотвратит развитие врожденной инверсии. В этой связи Бете указывает, что именно в

Спарте и на Лесбосе, где гомосексуальность культивировалась наиболее идеально, помы, насколько нам известно, общались более свободно, чем в любом другом греческом государстве.^[247]

К вопросу лечения гомосексуализма следует подходить с разборчивостью, осторожностью и скептицизмом. В наши дни мы можем испытывать лишь слабое сочувствие к тем, кто любой ценой готов "вылечить" инвертированного. В радикальных случаях не существует надежного метода лечения.

Одно время пропагандировался и время от времени применялся кажущийся очень радикальным метод кастрации, как в случае, описанном мной в предыдущей главе (История XXVI). Как и все методы лечения, иногда считается, что они были успешными для тех, кто их проводил. Обычно через короткий период оказывается, что лечение безуспешно, и в некоторых случаях состояние, особенно психическое, ухудшается. Нетрудно понять, почему так должно быть. Сексуальная инверсия не является локализованным генитальным заболеванием. Это рассеянное состояние, которое прочно отпечатывается на всем психическом состоянии. Могут быть причины для кастрации или более легкой операции вазэктомии, но, хотя сексуальное напряжение может быть таким образом уменьшено, ни один авторитетный специалист в настоящее время не считает, что любая такая операция повлияет на фактический переворот. Нельзя ожидать, что кастрация тела во взрослом возрасте приведет к кастрации разума. Молль, Фере, Нэкке, Блох, Роледер, Хиршфельд - все они либо выступают против кастрации с целью инверсии, либо очень сомневаются в каких-либо положительных результатах.

В случае, о котором мне сообщил доктор Шуфельдт, инвертированный кастрировал себя в возрасте 26 лет, чтобы уменьшить сексуальное желание, стать более похожим на женщину и остановить рост бороды. "Но единственным очевидным физическим эффектом, - писал он, - было увеличение моего веса на 10 процентов и превращение меня в полуинвалида на всю оставшуюся жизнь. Через два года моя сексуальность снизилась, но это могло быть связано с пресыщением или преклонным возрастом. Я также стала легче раздражаться по пустякам и более мстительной. В мою голову пришли ужасные криминальные самовнушения, с которыми я никогда раньше не сталкивался". Фере ("*Хирургическое ревю*", 10 марта 1905 г.) опубликовал случай кастрированного инвертированного англичанина. Инвертированный импульс остался неизменным, так же как сексуальное желание и способность к эрекции; но неврастенические симптомы, которые существовали ранее, усугубились; он почувствовал себя менее способным сопротивляться своим импульсам, изменил свой образ жизни и пристрастился к употреблению настойки опия. В случае, описанном Ч. Х. Хьюзом (*Психиатр и невролог*, август 1914 г.), результаты были менее неудовлетворительными; в этом случае сначала был вырезан спинной нерв полового члена без какого-либо результата (см. Также *Психиатр и невролог*, февраль 1904 г., стр. 70, что касается худших, чем бесполезные результаты перерезания полового нерва), а примерно через год были удалены яички, и пациент обрел спокойствие и удовлетворение; его гомосексуальные наклонности, по-видимому, исчезли, и он начал проявляет склонность к асексуализированным женщинам, особенно стремясь встретиться с женщиной, у которой были удалены яичники из-за инверсии. (Reference may also be made to Näcke, "Die Ersten Kastrationen aus sozialen Gründen auf europäischen Boden," *Neurologisches Centralblatt*, 1909, No. 5, and E. Wilhelm in *Juristisch-psychiatrische Grenzfragen*, vol. viii, главы 6 и 7, 1911 г.)

психотерапевтическому лечению гомосексуализма обычно доверяли больше, чем хирургическому. Одно время на гомосексуальных субъектов очень энергично воздействовали гипнотическим внушением. Краффт-Эбинг, по-видимому, был первым выдающимся сторонником применения гипноза к гомосексуалистам. Доктор фон Шренк-Нотцинг проявил особое рвение и настойчивость в этом лечении. Он взялся лечить даже наиболее выраженные случаи инверсии курсами, длившимися более года и включавшими, по крайней мере в одном случае, почти сто пятьдесят сеансов гипноза; он предписал частые посещения борделя, перед которыми пациент принимал большие дозы алкоголя; длительными манипуляциями проститутка пыталась вызвать эрекцию, процесс, сопровождавшийся различными результатами. По-видимому, в некоторых случаях этот курс лечения сопровождался определенным успехом, которому, само собой разумеется, в значительной степени способствовала безграничная добрая воля со стороны пациента. Лечение, однако, обычно прерывалось постоянным возвращением к гомосексуальным практикам, и иногда, естественно, лечение включало венерическое заболевание. Пациентке была предоставлена возможность вступить в брак и зачать детей.^[248] Этот метод лечения, похоже, нашел мало подражателей. Нам не о чем сожалеть. Истории, которые я записал в предыдущих главах, показывают, что нередко даже ярко выраженный инвертированный мужчина иногда способен вызвать коитус. Часто это становится легким, если в это время он фиксирует свои мысли на образах, связанных с его собственным полом. Но извращение остается незатронутым; субъект просто (как выразился один из инвертированных Молл) практикует мастурбацию *во влагалище*. Такое обращение - это обучение пороку, и, как указывает Раффалович, инвертированный человек просто извращается и низводится до порочного уровня, который неизбежно сопровождает извращенность.^[249]

Не может быть никаких сомнений в том, что в незначительных и поверхностных случаях гомосексуализма внушение действительно может оказывать влияние. Мы едва ли можем ожидать, что это окажет такое влияние, когда гомосексуальная склонность глубоко укоренена в органическом врожденном темпераменте. В таких случаях субъект действительно может сопротивляться внушению, даже находясь в гипнотическом состоянии. На это указывает Молл, большой авторитет в области гипноза и имеющий большой опыт его применения к гомосексуализму, но никогда не склонный поощрять преувеличенное представление о его эффективности в этой области. Форел, который также был авторитетом в области гипноза, также сомневался в его ценности в отношении инверсии, особенно в явно врожденных случаях. Краффт-Эбинг в конце почти ничего не сказал об этом, и Нэкке (который сам не верил в этот метод лечения инверсии) заявил, что последний случай гомосексуализма, который лечил Краффт-Эбинг с помощью гипноза, сообщил ему, что, несмотря на всю добрую волю со стороны пациента, лечение было совершенно бесполезным. Фере также не верил в эффективность суггестивного лечения, как и Мерцбах, и Роледер. Нума Преториус утверждает, что знакомые ему гомосексуалисты, с которыми так обращались, не были вылечены, а Хиршфельд замечает, что инвертированные, "вылеченные" гипнозом, были либо не вылечены, либо не инвертированы.^[250]

Молл продемонстрировал свои сомнения относительно широкой применимости суггестивной терапии при гомосексуализме, разработав в последние годы то, что он называет ассоциативной терапией. Он указывает, что почти у всех извращенных индивидуумов есть мостик — несомненно, более или менее слабый, — который ведет к нормальной сексуальной жизни. Молл считает, что развивая такие ассоциативные связи с нормальностью, можно оказывать

исцеляющее влияние на гомосексуалиста. Таким образом, мужчина, которого привлекают мальчики, может полюбить женщину-мальчишку.^[251] Показания такого рода уже давно наблюдаются и используются, хотя и не превратились в систематический метод лечения. В случае бисексуальных индивидуумов или молодых субъектов, гомосексуальность которых развита не полностью, вполне вероятно, что этот метод полезен. Однако трудно поверить, что это оказывает какое-либо заметное влияние на ярко выраженные и развитые случаи инверсии.^[252]

Примерно ту же цель, что и ассоциативная терапия Молля, хотя и на основе более сложной теории, преследует психоаналитический метод лечения гомосексуальности Фрейда. Для психоаналитической теории (на которую делалась ссылка в предыдущей главе) врожденный элемент инверсии является редким и обычно неважным фактором; главную роль здесь играют извращенные психические механизмы. Задача психоанализа состоит в том, чтобы выправить это и из бисексуальной конституции, которая считается общей для всех, выдвинуть на передний план гетеросексуальные элементы и таким образом реконструировать нормальную личность, развивая новые сексуальные идеалы из собственной скрытой и подсознательной природы пациента. Сэджер особенно занимался психоаналитическим лечением гомосексуализма и утверждает о многих успехах.^[253] Сэджер признает, что успех этого лечения ограничен, и что оно не может повлиять на врожденные факторы гомосексуальности, когда они присутствуют. Другие психоаналитики менее оптимистичны в отношении лечения инверсии. Штекель, по-видимому, заявил, что он никогда не видел полного излечения с помощью психоанализа, а Ференези не в состоянии подробно описать результаты; особенно что касается того, что он называет навязчивой гомосексуальностью, он утверждает, что ему никогда не удавалось добиться полного излечения, хотя навязчивые идеи в целом особенно поддаются психоанализу.^[254]

Я встречался по крайней мере с двумя гомосексуалистами, которые прошли психоаналитическое лечение и нашли его полезным. Один, однако, был бисексуалом, так что трудности на пути к успеху — если допустить, что он был реальным — не были серьезными. В другом случае инверсия сохранялась после лечения точно так же, как и до. Польза, которую он получил, была обусловлена тем фактом, что он смог лучше понять себя и преодолеть некоторые из своих психических трудностей. Таким образом, лечение в его случае было методом не излечения, а психической гигиены, того, что Хиршфельд назвал бы "адаптационной терапией". Не может быть никаких сомнений в том, что — даже если мы отложим все усилия по лечению и будем рассматривать состояние инверта как врожденное и постоянное — здесь все еще остается обширная и важная область лечения.

Как мы видели в двух предыдущих главах, сексуальную инверсию нельзя рассматривать как по существу безумное или психопатическое состояние.^[255] Но это часто связано с нервными расстройствами, которым могут значительно помочь гигиена и лечение, без каких-либо попыток вообще преодолеть гомосексуальное отношение, которое может быть слишком глубоко укоренившимся, чтобы его можно было изменить. Инвертированный человек особенно подвержен высокой степени неврастении, часто сопровождающейся сильной нервной слабостью и раздражительностью, потерей самоконтроля и гиперестезией гениталий.^[256] Хиршфельд считает, что это более 67 процентов. инвертированные страдают нервными расстройствами, и среди случаев, рассматриваемых в настоящем *Исследовании* (как показано

в главе v), очень распространены легкие нарушения нервной функции. Это состояния, которые можно улучшить, и лечить их можно почти так же, как если бы инверсии не было, с помощью физических и умственных тонизирующих средств; или, при необходимости, седативных средств; регулируемой гимнастики и упражнений на свежем воздухе; и занятий, которые задействуют ум без перенапряжения. Очень большую и постоянную пользу может принести длительный курс такой умственной и физической гигиены; сопутствующие неврастенические состояния могут быть в значительной степени устранены вместе с болезненными страхами, подозрениями и раздражительностью, которые обычно являются частью неврастения, и инвертированный может быть приведен в довольно здоровое и тонизирующее состояние самоконтроля.

Инверсия таким образом не устраняется. Но если пациент еще молод и если перверсия, по—видимому, не укоренилась глубоко в организме, вполне вероятно, что - при условии, что ему помогает его собственная добрая воля — общие гигиенические меры вместе с удалением в благоприятную среду могут постепенно привести к развитию нормального сексуального влечения. Если этого не удастся сделать, становится необходимым проявлять большую осторожность, рекомендуя более сильные методы. Чисто "Платоническая связь с другим полом, - указывает Молл, - приводит к лучшим результатам, чем любая предписанная попытка совокупления". Ибо даже когда такая попытка оказывается успешной, обычно невозможно рассматривать результаты с большим удовлетворением. Приобретение инвертом нормального инстинкта не только находится на одном уровне с приобретением порока, но, вероятно, ему редко удастся искоренить первоначальный инвертированный инстинкт.^[257] Обычно происходит то, что человек становится способным испытывать оба импульса — не особенно удовлетворительное состояние вещей. Это может привести к катастрофе, особенно если приведет к браку, как это может случиться с перевернутым мужчиной или, что еще проще, с перевернутой женщиной. Очевидное изменение не оказывается глубоким, и положение инвертированного оказывается более неудачным, чем его первоначальное положение, как для него самого, так и для его жены.^[258]

Из Историй, приведенных в главе iii, можно заметить, что положение женатых инвертированных (мы должны, конечно, оставить в стороне бисексуалов) обычно более печально, чем положение неженатых. Среди моих пациентов 14% состоят в браке. Хиршфельд считает, что 16%. среди инвертированных женаты и 50% импотент; он не в состоянии найти ни единого лекарства от гомосексуализма и редко испытывает какие-либо улучшения из-за брака; почти всегда импульс остается незатронутым. Однако счастье инвертированного часто меняется в худшую сторону, и не в последнюю очередь из-за чувства, что он лишает счастья свою жену. Инвертированный, который покинул свою страну из-за страха ареста и женился на богатой женщине, которая была в него влюблена, сказал Хиршфельду: "Пять лет тюремного заключения были бы не хуже, чем один год брака".^[259] В браке такого рода гомосексуальный партнер и нормальный партнер, какими бы несведущими в сексуальных вопросах они ни были, оба осознают, часто с равной болью, что даже при наличии привязанности, уважения и наилучшей воли в мире чего-то не хватает. Инстинктивный и эмоциональный элемент, составляющий сущность сексуальной любви и проистекающий из центрального ядра органической личности, не может быть создан или даже принят на себя добровольно.^[260]

Также следует избегать брака ради возможного потомства. Иногда инвертированный желает вступить в брак исключительно ради детей. Но следует отметить, что гомосексуальность, несомненно, во многих случаях передается по наследству. Часто, это правда, у детей получается довольно хорошо, но во многих случаях они свидетельствуют о том, что они принадлежат к невротическому и ущербному типу;^[261] Хиршфельд заходит так далеко, что утверждает, что так бывает всегда, и приходит к выводу, что с евгенической точки зрения брак гомосексуалиста всегда очень рискован. В большом количестве случаев такие браки оказываются бесплодными. Склонность к сексуальной инверсии в эксцентричных и невротических семьях, по-видимому, является просто милосердным методом природы по прекращению деятельности, которая, с ее точки зрения, перестала приносить прибыль.

Как правило, инвертированные не имеют желания отличаться от того, кто они есть, и, если у них и есть какое-то желание вступить в брак, то обычно оно лишь сиюминутное. Однако иногда раздаются очень трогательные призывы о помощи. Я могу процитировать письмо, адресованное мне джентльменом, который просил совета по этому вопросу: "Отчасти я пишу вам как моралист, а отчасти как врач. Доктор К. опубликовал книгу, в которой без обсуждения сообщалось, что гипнотическое лечение таких случаев было успешным. Мне не терпится узнать, остается ли ваше мнение таким, каким оно было. Эта новая уверенность исходит от человека, чья моральная твердость и деликатность неоспоримы, но вы легко представите, как можно уклониться от внедрения новых импульсов в бессознательное "я", поскольку вновь возникшие склонности могут нарушить условия жизни. Во всяком случае, при моем незнании гипноза я опасаясь, что попытка дать волю нормальному инстинкту может привести к браку без гарантии того, что нормальный инстинкт будет стабильным. Поэтому я пишу, чтобы объяснить свое нынешнее состояние и попросить вашего совета. С величайшей неохотой я раскрываю тщательно охраняемую тайну моей жизни. У меня нет других отклонений от нормы, и до сих пор я не выдавал своего ненормального инстинкта. Я никогда никого не делал жертвой страсти: моральные и религиозные чувства были слишком сильны. Я обнаружил, что мое почтение к другим душам является идеальной защитой от любого приближения к нечистоте. У меня никогда не было сексуального интереса к женщинам. Когда-то у меня была большая дружба с красивой и благородной женщиной, без какой-либо примеси сексуальных чувств с моей стороны. Я не знал о своем положении и испытываю горькое сожаление из-за того, что вызвал в ней безнадежную любовь, гордо и трагически скрываемую до самой ее смерти. Моя дружба с мужчинами, более молодыми, была окрашена страстью, с которой я постоянно боролся. Стыд от этого превратил жизнь в ад, и ужас от этой ненормальности, с тех пор как я узнал ее как таковую, стал врагом моей религиозной веры. Здесь не могло быть и речи о божественно данном инстинкте, которым я должен был научиться пользоваться рационально и целомудренно, под контролем духовной преданности. Сила, давшая мне жизнь, казалось, настаивала на том, чтобы я сделал то, за что та же сила терзала бы меня угрызениями совести. Если нет выхода, я должен либо взывать к несправедливости этой жизни, полной мучений между природой и совестью, либо подчиниться слепому доверию сбитого с толку невежества. Если есть средство, жизнь не будет казаться таким невыносимым испытанием. Я не умоляю, чтобы я поддался импульсу. Я не сомневаюсь, что чистая безбрачная жизнь возможна в том, что касается действий. Но я не могу понять, что дружба с молодыми людьми может продолжаться, не окрашенная чувственной примесью, которая наполняет меня стыдом и отвращением. Удовлетворение страсти — нормальной или ненормальной — вызывает отвращение к

эстетическим чувствам. Мне почти 42 года, и я всегда отвлекался от личных интересов, которые угрожали стать опасными для меня. Однако более года назад в моей несчастной и одинокой жизни, казалось, открылась новая судьба. Я сблизилась с молодым человеком 20 лет, редчайшей красоты телосложения и характера. Я уверен, что он чист и всегда был таким. Он живет возвышенной моральной и религиозной жизнью, в которой доминирует идея о том, что он и все люди являются партнерами божественной природы и способны в силу этой природы освободиться от зла. Я считаю его нормальным. Он испытывает удовольствие от общества привлекательных молодых женщин и в невинной, беззаботной манере говорит о том времени, когда, возможно, сможет жениться. Он всеобщий любимец, но обратился ко мне как к другу и учителю. Он беден, и я смог гарантировать ему хорошее образование. Я начал помогать ему избавиться от тоски одинокой жизни. В своем внутреннем отчаянии я хотел сына и друга. Я жаждал общения с этой чистой и счастливой натурой. Я испытывал к нему такое благоговение, что надеялся найти чувственный элемент во мне очищенным его чистотой. Я, действительно, совершенно неспособна причинить ему вред; я не слаба морально; тем не менее чувственный элемент присутствует, и это отравляет мое счастье. Он пылко привязан и демонстративен. Он проводит лето со мной в Европе, и нежность, которую он испытывает ко мне, иногда побуждает его обнимать и целовать меня, как он всегда делал со своим отцом. В последнее время я начал опасаться, что без воли или желания могу повредить пружины чувств в нем, особенно если это правда, что гомосексуальная склонность скрыта у большинства мужчин. Любовь, которую он проявляет ко мне, - моя радость, но отравленная радость. Для меня это хлеб и вино жизни; но я не смею думать, во что может перерасти его пылкая привязанность. Я могу продолжать сражаться в битве добра и зла в своей привязанности к нему, но я не могу определить свой долг перед ним. Избегать его было бы жестокостью и опровергло бы его веру в человеческую верность. Без моей дружбы он не возьмет моих денег — условия большой карьеры. Я действительно мог бы объяснить ему то, что объясняю вам, но испытание и стыд слишком велики, и я не вижу, какая от этого польза. Если у него есть способность к гомосексуальным чувствам, его можно было бы сильно стимулировать; если он неспособен на это, он испытывал бы отвращение.

"Предположим, тогда, что я должен прибегнуть к гипнотическому лечению, я все еще не знаю, какие трюки может сыграть со мной ненормальная природа, если отвлечь ее внушением. Я могу потерять радость этой дружбы без какой-либо компенсации. Я боюсь, я боюсь! Не окажусь ли я под влиянием того, что буду избегать единственных людей, которые внушают бескорыстные чувства?

"Выслушайте этот рассказ о моей истории. Многие добродетели даются мне легко, и моя жизнь проходит в стремлении к культуре. Увы, вся культура, которую мне приписывают, все молитвы и устремления, вся сильная воля и героические решения не избавили мою натуру от этой порочной склонности! Чего я жажду, так это права любить не ради простого физического удовлетворения, права заключать другого в объятия своего сердца и проявлять всю нежность, которую я испытываю, находить радость в планировании его карьеры вместе с ним, как с человеком, который по праву и естественно имеет на это право. Я жажду этого, поскольку у меня не может быть сына. Я оставляю этот вопрос здесь.

"Когда я читаю то, что написал, я вижу, насколько это бессмысленно. Действительно, возможно, что размышления о моем личном бедствии усиливают в моем сознании ощущение опасности, грозящей этому другу через меня, и что мне нужно только найти правильное отношение

дружелюбия в сочетании с отчужденностью, которое обезопасит его от любой слишком пылкой привязанности. Конечно, я не боюсь, что забуду себя. И все же две вещи вырисовываются с другой стороны: я внутренне восстаю против необходимости изолировать себя, как будто я чума, и я восстаю против заразы чувственных чувств. Нормальный человек может чувствовать, что его инстинкт не вызывает стыда, когда дух находится под контролем. Я знаю, что для сознания других мой инстинкт сам по себе был бы позором и низостью, и у меня нет склонности создавать для себя моральную систему. Конечно, у меня бывают моменты, когда я заявляю себе, что получу свое чувственное удовлетворение так же, как и другие мужчины, но стоит мне подумать о порочности этого, как бунт вскоре утихает. Неуважение к себе, чувство запятнанности, необходимость отдалиться от счастья, чтобы не сообщить о своей запятнанности, - вот духовная болезнь, которая делает основным тоном моего существования боль и меланхолию. Если бы у вас было хоть какое-то моральное утешение без обещания медицинской помощи, я был бы вам благодарен".

В таком случае, как этот, можно сделать немногим больше, чем посоветовать страдальцу, что, какой бы мучительной ни была его участь, она не лишена утешения, и что ему лучше всего было бы следовать, как можно бодрее, по пути, который он уже давно наметил для себя. Инвертированный иногда не понимает, что ни одному мужчине с высокими моральными идеалами, каким бы нормальным он ни был, не дается легко вести жизнь, и что если инвертированный должен удовлетворяться любовью без страсти и жить целомудренной жизнью, он делает не больше, чем делали тысячи нормальных мужчин, добровольно и удовлетворенно. Что касается гипноза в таком случае, как этот, то совершенно неразумно ожидать, что внушение вытеснит глубоко укоренившиеся органические импульсы, которые росли в течение жизни.

Таким образом, мы можем заключить, что при лечении инверсии обычно достигается наиболее удовлетворительный результат, когда с помощью прямых и косвенных методов удается уменьшить сексуальную гиперестезию, которая часто существует, и с помощью психических методов усовершенствовать и одухотворить инвертированный импульс, чтобы естественная извращенность инвертированного не стала причиной приобретенной извращенности у других. Инвертированный является не только жертвой своей собственной ненормальной одержимости, он жертва социальной враждебности. Мы должны попытаться различить ту часть его страданий, которая обусловлена этими двумя причинами. Когда я пересматриваю приведенные мною случаи и психическую историю инвертированных, с которыми я знаком, я склонен сказать, что если мы можем сделать инвертированного здоровым, сдержанным и уважающим себя, мы часто добивались большего, чем превращать его в жалкое подобие нормального человека. Обращение к *the пайдерастии* лучших времен Греции и к достоинству, сдержанности, даже целомудрию, которые с этим связаны, иногда находит готовый отклик в эмоциональной, восторженной натуре врожденного инверта. Диалоги Платона часто оказывались источником большой помощи и утешения для инвертированных. "Мужская любовь", воспетая Уолтом Уитменом в "*Листьях травы*", хотя ее ценность для общего пользования может быть более сомнительной, представляет здоровый и крепкий идеал для инвертированного, который нечувствителен к нормальным идеалам.^[262]

Среди недавних книг можно порекомендовать "*Иолай: Антология дружбы*" под редакцией Эдварда Карпентера. Аналогичная книга на немецком языке, но более расширенного характера, называется "*Любовные романы и фрейдеслибе в мировой литературе*" под

редакцией Элизар фон Купффер. Можно также упомянуть "Дружбу" (1912) барона фон Гляйхен-Руссвурма, своего рода литературную историю дружбы, без конкретной ссылки на гомосексуальность, хотя в ней представлены многие писатели противоположной направленности. "Tagebueher" Платена примечателен как дневник инверсии высокого характера и идеалов. Тома *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen* содержат множество исследований, касающихся идеальных и эстетических аспектов гомосексуализма.

Различные современные талантливые поэты выразили эмоции возвышенной или страстной дружбы по отношению к лицам одного пола, независимо от того, можно ли правильно назвать такую дружбу гомосексуальной. Вряд ли есть необходимость ссылаться на "In Memoriam", в котором Теннисон выразил свою привязанность к своему раннему другу Артуру Халлему и разработал картину вселенной на основе этой привязанности. Примечательны стихи Эдварда Крэкрофта Лефроя, а мистер Джон Гэмбрил Николсон частным образом выпустил несколько сборников стихов ("Венок из Саутернвуда", "Гирлянда из Ладслава" и др.), демонстрирующих тонкое очарование в сочетании с высоким техническим мастерством. Некоторые книги, в основном или полностью написанные в прозе, вполне можно отнести к той же группе. Таковы "В синем ключе" Джона Аддингтона Саймондса и "Мемуарах Артура Гамильтона" (анонимно опубликованы известным автором А. К. Бенсоном), в которых в несколько платоническом ключе разрабатывается идея о том, что отдельный страдалец должен перейти "от любви к одной прекрасной форме к любви к абстрактной красоте" и "от созерцания своих собственных страданий к размышлению о корне всех человеческих страданий".

Что касается современной поэтической литературы о женском гомосексуализме, то, вероятно, нечего поставить рядом с различными томами — трогательными в своей смелой простоте и искренности — "Рене Вивьен" (см. *ante*, стр. 200). Большинство других исполнительниц гомосексуализма женского пола осторожно прикрывали свои песни завесой гетеросексуальности.

Романы более или менее определенно гомосексуального содержания сейчас очень многочисленны на английском, французском, немецком и других языках. В английском языке гомосексуальность по большей части завуалирована, и повествование в основном касается школьной жизни и мальчиков, чтобы эмоциональный и романтический характер описываемых отношений казался более естественным. Так, в анонимно опубликованной книге Х. О. Стерджиса "Тим" (1891) описывается преданность мальчика старшему в Итоне и его смерть в раннем возрасте. "Джаспер Трестрам" А. У. Кларка (1899), опять же, представляет собой хорошо написанную историю дружбы школьников гомосексуального толка; мальчик представлен как испытывающий влечение к мальчикам, которые похожи на девочек, а девочка стала привлекательной для героя, потому что она похожа на мальчика и напоминает своего брата, которого он когда-то любил. "Садовый бог: Сказка о двух мальчиках" Форреста Рида (1905) - еще одна довольно похожая книга, по-своему очаровательная и изящно написанная идиллия. Имре: Меморандум, (1906) "Ксавьера Мэйна" (псевдоним американского автора, который также написал "Интерсексы"), изданный частным образом в Неаполе, - это книга другого класса; представляющая откровенно гомосексуальную страсть двух взаимно привлекаемых мужчин, англичанина, который, как предполагается, напишет историю, и венгерского офицера; в ней воплощен примечательный рассказ о развитии гомосексуализма, который, вероятно, более или менее реален.

На французском языке есть ряд романов, посвященных гомосексуализму, иногда сочувственно, иногда с художественным безразличием, иногда сатирически. Среди других более или менее выдающихся писателей можно упомянуть Андре Жида (в "Амморалисте" и других книгах), Рахильду (мадам Валлетт), Вилли (в хорошо известной серии "Клодин"), которые однажды или чаще сталкивались с гомосексуализмом. Следует особо упомянуть бельгийского писателя Джорджа Экхуда, чья книга "Эскалация" (преследуемая в Брюгге за ее публикацию) обладает особой силой. Гомосексуальные рассказы Эссебака, из которых *лучшим считается "Л'Элю"* (1902), носят романтический и сентиментальный характер. *Люсьен* (1910) Бине-Вальмера представляет собой пронизательное и едва ли вызывающее симпатию исследование инверсии. Книга Нортала "*Страсти подростков*" (уже упоминавшаяся, стр. 325) представляет собой исключительно подробное исследование гомосексуализма во французских школах. Было бы легко упомянуть многие другие.

В Германии за последние годы было опубликовано много романов гомосексуального характера. Казалось бы, обычно они не отличаются высокой литературностью, но иногда примечательны как более или менее замаскированные повествования о реальных фактах. "*Aus Eines Mannes Mädchenjahren*" om Body's считается правдивой автобиографией. "*Новый Вертер: греческие страсти*" Наркиссоса (1902) также считается подлинным. Another book that may be mentioned is Konradin's *Ein Junger Platos: Aus dem Leben eines Entgebeistes* (1914). Немецкая художественная литература о гомосексуализме, как и литература других стран, будет адекватно обобщена и подвергнута критике Нумой Преториусом в томах "*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*". See also Hirschfeld's *Die Homosexualität*, pp. 47 and 1018 et seq.

Именно с помощью такого метода самолечения, как этот, большинство наиболее высокоинтеллектуальных мужчин и женщин, истории которых я уже вкратце описал, наконец медленно и инстинктивно достигли состояния относительного здоровья и покоя, как физического, так и морального. Метод самоограничения и самокультуры, без самоподавления, представляется наиболее рациональным методом борьбы с сексуальной инверсией, когда это состояние действительно органично и глубоко укоренилось. Лучше, чтобы мужчина имел возможность наилучшим образом использовать свои собственные сильные природные инстинкты, со всеми их недостатками, чем чтобы он был несексуален и извращен, загнан в положение, к которому у него нет естественной склонности. Как настаивали и Раффалович, и Фере, врожденный инвертированный должен иметь перед глазами идеал целомудрия, а не нормальной сексуальности. Возможно, в нем нет того, что делает человека, который *чувствует себя лучше*; возможно, в нем есть то, что делает его святым.^[263] Какую полезную работу в мире могут выполнять инвертированные, показывают исторические примеры выдающихся инвертированных; и, хотя, безусловно, верно, что эти соображения применимы главным образом к более тонким натурам, историй, которые я собрал воедино, достаточно, чтобы показать, что такие натуры составляют значительную долю инвертированных. Таким образом, на беспомощно грубый сексуальный аппетит повлиять невозможно; но это остается верным независимо от того, является ли аппетит гомосексуальным или гетеросексуальным, и ничего не выигрывается, если позволить ему питаться женщинами так же, как мужчинами.

Вряд ли нужно говорить, что строго аскетическая жизнь с трудом возможна для всех людей, будь то гомосексуалисты или гетеросексуалы. Однако рекомендовать своим инвертированным пациентам жить в соответствии со своими гомосексуальными импульсами выходит за рамки компетенции врача, даже если эти импульсы кажутся естественными для человека, их

проявляющего. Мне кажется, самое большее, на что имеет право врач, - это четко представить ситуацию и предоставить пациенту самому принимать решение, ответственность за которое он должен взять на себя. Форел заходит так далеко, что говорит, что не видит причин, по которым инвертированные не должны строить собственные города и вступать в брак друг с другом, если им того захочется, поскольку они не могут причинить вреда нормальным взрослым, в то время как дети могут быть защищены от них.^[264] Такие понятия, однако, слишком далеки от наших существующих социальных условностей, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения.

Следует отметить, что принятая здесь точка зрения ни в коем случае не лишает инвертированного права на реализацию своих импульсов. Нума Преториус справедливо замечает, что, хотя инвертированных следует должным образом предостерегать от неестественной сексуальной распушенности, и хотя те, кто способен к воздержанию, преуспевают в его сохранении, отказ инвертированным в праве на сексуальную активность просто заставляет инвертированных, неспособных к самоконтролю, безрассудно отбрасывать все ограничения (*Zeitschrift für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, 1906, с. 726). Возможно, инвертированный имеет право на сексуальное потакание своим желаниям, но он также обязан принять на себя полную ответственность за свои собственные действия и необходимость признать нынешнее отношение общества, в котором он живет. Ему нельзя советовать вступать в яростную оппозицию этому обществу.

Мир не станет терпимым местом для ярко выраженных инверсий, пока они не будут лучше поняты, а это повлечет за собой радикальное изменение общего и даже медицинского мнения. Врач-перевертыш, обладающий высокой репутацией и преуспевающий в своей профессии, пишет мне по этому поводу: "Первое и, как мне кажется, самое простое, что можно сделать, - это убедить медиков в том, что мы, несчастные, не только такие же здравомыслящие, но и такие же нравственные, как наши нормальные братья; и что мы даже лучше осознаем высшую необходимость самоконтроля (необходимого со всех точек зрения), чем они. Мы хотим не вседозволенности, а справедливости; мы хотим уничтожить жестокость и предрассудки условностей, а не надлежащее и справедливое возмущение общества преступлениями против общественного порядка. Мы хотим дать себе возможность удовлетворять наши врожденные инстинкты (которые, по сути, не связаны только с так называемыми половыми актами), не становясь при этом преступниками. Тот из нас, кто при любых обстоятельствах соблазнил бы особу своего пола незрелого возраста, и особенно ту, половая принадлежность которой была неизвестна, заслуживает сурового наказания, которое было бы применено к нормальному человеку, сделавшему то же самое с молодой девушкой — *но не более*; в то время как, пока не совершается публичное преступление, не должно быть *никакого наказания или порицания чего бы то ни было*, связанного с половыми актами, совершенными с полного согласия между зрелыми людьми. Эти действия могут быть неправильными и аморальными, а могут и не быть, точно так же, как сексуальные действия между зрелыми людьми разного пола могут быть неправильными или аморальными, а могут и не быть. Но ни в том, ни в другом случае закон не имеет никакого отношения; и общественное мнение не должно делать различий между ними. В высшей степени важно четко понимать, что мы не хотим ослабления моральных обязательств. В настоящее время мы страдаем от невообразимо жестокого обращения".

Мы всегда должны помнить, и, действительно, нет никакой возможности забыть, что вопрос гомосексуальности - это социальный вопрос. В определенных пределах удовлетворение нормального сексуального влечения, даже вне брака, не вызывает всеобщего или глубокого

возмущения; и рассматривается как частное дело; справедливо или неправильно, но удовлетворение гомосексуального влечения рассматривается как общественное дело. Такое отношение более или менее точно отражено в законе. Таким образом, случается, что всякий раз, когда мужчину открыто уличают в гомосексуальном акте, какой бы образцовой ни была его жизнь ранее, какой бы восхитительной она ни была во всех других отношениях, каждый обычный нормальный гражданин, какой бы распушенной и любящей удовольствия ни была его собственная жизнь, считает моральным долгом считать преступника безнадежно проклятым и помочь изгнать его из общества. Через очень короткие промежутки времени происходят случаи, которые, не попадая в газеты, становятся более или менее широко известными, когда выдающиеся люди в различных областях, нередко священнослужители, внезапно исчезают из страны или совершают самоубийство вследствие какого-либо такого разоблачения или угрозы его возникновения. Вполне вероятно, что многие малоизвестные трагедии могли бы найти свое объяснение в гомосексуальной связи.

Некоторые из различных трагических способов, которыми гомосексуальные страсти раскрываются обществу, могут быть проиллюстрированы следующим сообщением корреспондента, не самого inverted, который здесь рассказывает о случаях, которые были под его наблюдением в различных частях Соединенных Штатов. Упомянутые случаи будут известны многим, но я скрыл имена людей и места: —

"В возрасте 14 лет я был певчим в церкви, чей хормейстер, англичанин по имени М. У. М., был образованным человеком, казался совершенным джентльменом и набожным церковником. Казалось, он никогда не стремился к обществу дам, никогда особо не общался с мужчинами, но искал общения с хористами моего возраста. Он часто бывал в домах своих любимцев на чаепитии, и когда он спрашивал согласия родителей на то, чтобы Джордж или Фрэнк отправились с ним на экскурсию или в театр, а затем провели с ним ночь, такая просьба неизменно удовлетворялась. Я навсегда запомню свою первую ночь с ним; он начал с того, что ласкал меня, успокоил мою тревогу заверениями в том, что не причинит мне вреда, и после того, как призвал меня к секретности и пообещал множество будущих удовольствий, я согласилась на его желание или страсть, которые он, казалось, удовлетворил попыткой *фелляции*. Было ли это развратом? Я бы сказал "Нет!", прочитав его последующее признание, найденное в его комнате после его смерти в результате самоубийства. Это было вызвано его слишком близкими отношениями с сыном священника, который заразился пляской Святого Вита и в бреду лихорадки, последовавшей за нервным истощением, рассказал о нем и его деяниях. Было проведено тщательное расследование, и М. бежал, человек с разбитым сердцем и опозоренный, который в результате угрызений совести, безжалостных преследований и разоблачения в течение нескольких лет покончил с собой, утопившись. В своей исповеди он говорил о том, что был воспитан в условиях очень строгих моральных ограничений и прожил образцовую жизнь, за исключением этого странного желания, которое его сила воли не могла контролировать.

"Следующее дело касается К. Х. Он происходил из старинной семьи умных людей, которые занимали и до сих пор занимают видные места за кафедрой и в коллегии адвокатов, и сам был одаренным молодым адвокатом. Я знал его близко, так как в течение шести лет он был близким соседом, и мы были связаны по работе в ложе. Он был женоподобным маленьким человеком: рост - 5 футов 2 дюйма; вес - 105 фунтов; очень близорук; и у него был легкий голос, не дискант и не фальцет, но все же голос, который существенно отвлекал от прекрасной риторики,

слетавшей с его губ. Он служил своей стране в качестве ее представителя в законодательном органе и получил номинацию на пост сенатора в результате упорной политической борьбы. Последняя агитация и речи были произнесены в городе, который, как следствие, был переполнен. В ту ночь Х. пришлось поселиться в комнате с незнакомцем по имени Э., коммивояжером. В этой комнате было две кровати. Мистер Э. на следующий день рассказал нескольким людям, что ночью его разбудил Х., который подошел к его кровати и приложился губами к его "лицу", и что он угрожал вышвырнуть его из комнаты, но Х. умолял его, упал на колени и поклялся, что им овладела страсть, которую он до сих пор контролировал, и умолял его не разоблачать его. Эти факты стали известны его оппонентам в течение двадцати четырех часов, и они поспешили воспользоваться этим, объявив Х. вторым Оскаром Уайльдом и изложив факты, насколько позволяли приличия и закон. Друзья Х. пришли к нему и предложили ему одну из двух альтернатив: если он виновен, либо покончить с собой, либо навсегда покинуть этот район; если не виновен, убить своего клеветника, Э. Х. подтвердил свою невиновность и в компании двух друзей, К. и Дж., сел на поезд, следующий в ... Узнав там, что Э. находится в городке в двенадцати милях к востоку, они наняли быструю ливрею и поехали по суше. Они нашли Э. на станции, ожидающим прибытия поезда. Х. с пистолетом шагнул вперед и в возбуждении сказал: "Ты разоблачил меня, не так ли?" Будучи близоруким, он не попал в цель. Э. прыгнул вперед и схватился с Х. за пистолет, и был обстрелян К. и Дж., которые выстрелили ему в спину. Он скончался через несколько минут, его последним заявлением было то, что Х. был виновен в качестве обвиняемого. Х., К. и Дж. были приговорены к пожизненному заключению. За шесть лет моего знакомства с Х. Я не знал ничего унижительного в его характере, и никто никогда не заявлял, что в каком-либо другом случае он когда-либо проявлял подобную слабость. Я знаю, что в его ранней жизни царила чистая атмосфера, поскольку он был единственным ребенком в семье и кумиром обоих своих родителей, которые возлагали большие надежды на его будущий успех и которые пережили этот позор, но с разбитым сердцем.

"Следующий случай связан с преподобным Т. У., профессором Университета ... Мистер У. - образованный джентльмен, приветливый в обращении, красноречивый в своем ораторском искусстве и прекрасный знаток классической литературы. Он был разоблачен некоторыми из своих студентов, которые, выражаясь жаргонным языком, обвинили его в том, что он "руководитель". На экзамене на факультете он признался в своей слабости и сказал, что не может контролировать свою нечестивую страсть. Его отставка была принята как церковью, так и колледжем, и он ушел.

"Я знаю о нескольких других случаях, имеющих свои особые черты, и уверен, что эти люди не приобрели эту привычку из-за так называемых "неосторожных поступков молодости", поскольку в каждом случае их ранняя жизнь была более свободной от заражения, чем у 90 процентов. о мальчиках, которые, достигнув совершеннолетия, не имеют, как и я, ни малейшего желания отклоняться от старомодного пути, сформулированного нашим древним прародителем Адамом".

Вряд ли можно сказать, что осознание такого отношения общества благоприятствует достижению инвертированным человеком достаточно здорового и уравновешенного состояния ума. Это действительно одна из самых больших трудностей на его пути, которая часто заставляет его колебаться между крайностями меланхолии и эгоистической экзальтации. Мы относимся ко всякому гомосексуализму с абсолютным и неприкрытым отвращением. Нас учили

преклоняться перед Александром Македонским, Эпаминондом, Сократом и другими античными героями; но они надежно похоронены в далеком прошлом и не влияют на наше презрение к гомосексуализму в настоящем.

Именно в четвертом веке в Риме решительная современная оппозиция гомосексуализму впервые была четко сформулирована в законе.^[265] Римская раса уже давно приходила в упадок; процветали сексуальные извращения всех видов; население сокращалось. В то же время христианство с его иудейско-павлианским антагонизмом к гомосексуализму быстро распространялось. Государственные деятели того времени, стремясь ускорить слабеющий пульс национальной жизни, использовали это мощное христианское чувство. Константин, Феодосий и Валентиниан все приняли законы против гомосексуализма, последний, во всяком случае, предписывал в качестве наказания *vindices flammæ*; но их постановления, похоже, не выполнялись строго. В 538 году Юстиниан, исповедуя ужас перед определенными видами голода, землетрясений и эпидемий, в которых он видел таинственное "воздаяние, которое было оправдано", предсказанное святым Павлом,^[266] издал свой эдикт, приговаривающий противоестественных преступников к мечу, "чтобы в результате этих нечестивых действий" (как сказано в преамбуле к его повести 77) "целые города должны погибнуть вместе со своими жителями; ибо Священное Писание учит нас, что из-за этих действий города погибли вместе с людьми в них".^[267] Этот эдикт (за которым Юстиниан последовал новый указ с тем же эффектом) составлял основу правового регулирования и общественного мнения по этому вопросу в Европе на протяжении тысячи трехсот лет.^[268] Во Франции *vindices flammæ* выжили до последнего; Людовик Святой передал этих святотатственных нарушителей Церкви на сожжение; в 1750 году на Гревской площади были сожжены два педераста, а всего за несколько лет до революции также был сожжен монах-капуцин по имени Паскаль.

Однако после революции началось новое движение, которое с тех пор медленно и неуклонно продолжается, хотя оно по-прежнему разделяет европейские нации на две группы. Юстиниан, Карл Великий и Людовик Святой настаивали на грехе и святотатстве содомии как на основании наказания за нее.^[269] Несомненно, *Кодекс Наполеона* не предусматривал наказания за это в значительной степени как за религиозное преступление. Французское законодательство проводит четкое и логичное различие между преступлением, с одной стороны, пороком и безбожием - с другой, касаясь только первого. Гомосексуальная практика в частном порядке, между двумя совершеннолетними лицами по обоюдному согласию, будь то мужчины или женщины, абсолютно безнаказанна *Кодексом Наполеона* и современным французским законодательством. Только при трех условиях гомосексуальный акт подпадает под юрисдикцию закона как преступление: (1) когда имеет место *публичное оскорбление по—мужски-т.е.*, когда акт совершается публично или при возможности присутствия свидетелей; (2) когда имеет место насилие или отсутствие согласия, в какой бы степени акт ни был доведен до конца; (3) когда одна из сторон не достигла совершеннолетия или неспособна дать действительное согласие; в некоторых случаях представляется возможным применить статью 334 уголовного кодекса, направленную против обычного возбуждения. развратничать с молодыми людьми любого пола в возрасте до 21 года.

Этот метод борьбы с неестественными правонарушениями получил широкое распространение, сначала из-за политического влияния Франции, а совсем недавно из-за того, что такое отношение зарекомендовало себя по достоинству. В Бельгии закон аналогичен *Кодексу Наполеона*, как и в Италии, Испании, Португалии, Румынии, Японии и многих странах Южной

Америки. В Швейцарии закон немного расплывчатый и немного различается в разных кантонах, но он не является суровым; в Женеве и некоторых других кантонах наказания нет; общая тенденция заключается в кратковременном тюремном заключении, когда были поданы серьезные жалобы, и иногда дела могут быть урегулированы мировым судьей в частном порядке.

Единственными крупными европейскими странами, в которых гомосексуальность *сама по себе* остается уголовным преступлением, по-видимому, являются Германия, Австрия, Россия и Англия. В нескольких немецких государствах, таких как Бавария и Ганновер, простой гомосексуализм ранее оставался безнаказанным, но когда в 1871 году законы Пруссии были применены к новой Германской империи, это перестало иметь место, и неестественная плоть между мужчинами стала преступлением против закона. Эта статья Кодекса Германии (раздел 175) вызвала бурную дискуссию и большие практические трудности, потому что, хотя термины закона требуют понимать под *более широкой юридической практикой* другие виды практики, помимо *педикации*, сюда включены не все гомосексуальные действия; это должна быть какая-то практика, напоминающая обычный коитус. Широко распространено мнение, что эту статью кодекса следует отменить; похоже, что в свое время авторитетный комитет высказался в пользу этого шага, и их предложение было близко к принятию. Австрийский закон чем-то похож на немецкий, но он применим как к женщинам, так и к мужчинам; это логично, поскольку нет никаких причин, по которым гомосексуальность должна наказываться у мужчин и оставаться безнаказанной у женщин. В России закон о борьбе с гомосексуальными практиками представляется очень суровым, предусматривающим, в некоторых случаях, ссылку в Сибирь и лишение гражданских прав; но его вряд ли можно неукоснительно выполнять.

Существующий в Англии закон суров, но прост. Половое сношение *per anum* с женщиной, женщиной или животным наказывается исправительными работами на срок не менее трех лет или тюремным заключением на срок не более двух лет. Даже "грубая непристойность" между мужчинами, какой бы частной она ни была, с 1885 года является уголовным преступлением.^[270] Статья открыта для критики. С опущением слов "или частным" это было бы разумно и соответствовало бы самому просвещенному европейскому законодательству; но следует отметить, что действие становится неприличным только тогда, когда те, кто его совершает или становятся свидетелями, считают его неприличным. Поступок, который привел каждого из нас в этот мир, не является неприличным; он стал бы таковым, если бы совершался публично. Если два человека мужского пола, достигшие зрелости, соглашаются вместе совершить какой-либо акт сексуальной близости наедине, никакого непристойного поступка совершено не было. Если одна из согласившихся сторон впоследствии объявит о совершенном акте, несомненно, может возникнуть непристойность, как это может произойти и в случае нормального полового акта, но, по-видимому, противоречит хорошей политике, что такое объявление должно превращать сам акт в уголовное преступление. Более того, "грубая непристойность" между мужчинами обычно означает ту или иную форму взаимной мастурбации; ни один уголовный кодекс не рассматривает мастурбацию как преступление, и, по-видимому, нет достаточной причины, по которой взаимная мастурбация должна рассматриваться именно так.^[271] Главное, что следует застраховать, - это то, что ни один мальчик или девочка, не достигшие совершеннолетия, не должны подвергаться соблазну или насилию со стороны пожилого человека, и этот момент также хорошо гарантируется на основе, введенной *Кодексом Наполеона*. Каким бы постыдным, отвратительным, лично аморальным и косвенно антиобщественным ни было совместное согласие двух взрослых лиц одного пола, мужчин или женщин, совершить акт сексуальной

близости наедине, нет веских или достаточных оснований для признания такого деяния уголовным преступлением по закону.

Одним из наиболее серьезных возражений против юридического признания частной "грубой непристойности" является очевидный факт, что только в самых редких случаях такая непристойность может стать известна полиции, и мы, таким образом, совершаем то, что очень похоже на юридический фарс. "Нарушение нескольких законов, - как справедливо замечает Молл относительно немецкого законодательства, - так часто остается безнаказанным, как это". То же самое происходит и в Англии, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что из английских сексуальных извращенцев, истории болезни которых я получил, ни один, насколько мне известно, никогда не предстал перед полицейским судом по этому обвинению.

Далее можно отметить, что законодательство, направленное против гомосексуализма, не имеет явного эффекта ни в уменьшении, ни в увеличении его распространенности. Это обязательно должно быть так в отношении ядра гомосексуальной группы, если мы хотим рассматривать значительную часть случаев как врожденные. Во Франции гомосексуальность *как таковая* на протяжении столетия оставалась незатронутой законом; тем не менее, она распространена, главным образом, среди низших слоев общества; хотя закон молчалив, общественное чувство сильно, и когда — как это было в одном случае — имя несомненно гениального человека связывают с этим извращением, поклонникам его творчества становится трудно или невозможно общаться с ним лично; во Франции зарегистрировано очень мало случаев гомосексуализма среди более интеллигентных классов; гомосексуальность в литературе немногим превосходит литературу гомосексуальность в обществе. мужская проституция, по описанию сотрудников полиции, осуществляется в основном в интересах иностранцев. В Германии и Австрии, где закон против гомосексуализма суров, его также предостаточно, возможно, в гораздо большей степени, чем во Франции;^[272] он, безусловно, заявляет о себе более энергично; зарегистрировано гораздо большее количество случаев, чем в любой другой стране, и немецкая литература о гомосексуальности очень обширна, часто издается в популярной форме, а иногда и с энтузиазмом восхваляет гомосексуальность. В Англии закон исключительно суров; тем не менее, по свидетельству тех, кто знаком с этими вопросами за рубежом, гомосексуальность распространена так же широко, как и на Континенте; некоторые сказали бы, что даже больше. Во многом то же самое верно и для Соединенных Штатов, хотя на первый взгляд здесь меньше заметного. Следовательно, нельзя сказать, что законодательные акты оказывают очень большое влияние на распространенность гомосексуализма. Главный эффект, по-видимому, заключается в том, что попытка подавления побуждает более утонченные умы сексуальных инвертированных с энтузиазмом выступать в защиту гомосексуализма, в то время как более грубые умы побуждаются к циничной браваре.^[273]

Что касается распространенности гомосексуализма в Соединенных Штатах, я могу процитировать хорошо информированного американского корреспондента: -

"О большой распространенности сексуальной инверсии в американских городах свидетельствует широкая осведомленность о ее существовании. Девяносто девять нормальных мужчин из ста подвергались нападкам инвертированных на улицах или имеют среди своих знакомых мужчин, о которых им известно, что они сексуально инвертированы. Все видели инвертированных и знают, кто они такие. Общественное отношение к ним, как правило, негативное — безразличие, насмешка, презрение.

"Мир сексуальных инвертированных, действительно, велик в любом американском городе, и это сообщество четко организовано — свои слова, обычаи, традиции; и в каждом городе есть свои многочисленные места встреч: определенные церкви, где собираются инвертированные; определенные кафе, хорошо известные перевернутым характером своих посетителей; определенные улицы, где по ночам каждый пятый мужчина - инвертированный. У инвертированных есть свои собственные "клубы" с ночными собраниями. Эти "клубы" на самом деле представляют собой танцевальные залы, пристроенные к *салунам*, и возглавляются владельцем салуна, который сам почти неизменно является инвертированным, как и все официанты и музыканты. Завсегдатаями этих заведений являются мужчины-сексуальные извращенцы (обычно в возрасте от 17 до 30 лет); туристы не испытывают трудностей с входом; на самом деле, им рады из—за напитков, которые они покупают для компании, - и по другим причинам. Пение и танцы в исполнении некоторых любимых исполнителей являются отличительной чертой этих сборищ, где много сплетен и выпивки за маленькими столиками, расставленными вдоль четырех стен зала. Завсегдатаи этих заведений, как правило, инвертированные наиболее ярко выраженного типа, *то есть*, полностью женственные по голосу и манерам, с характерным движением бедер в походке; хотя я никогда не видел здесь никакого подхода к женской одежде, несомненно, желания носить ее нет недостатка, и только полицейские правила относят ее к другим случаям и местам. Вы справедливо сделаете вывод, что полиция знает об этих местах и терпит их существование из уважения; нет ничего необычного в том, что любопытствующий незнакомец направляется туда полицейским".

Судебный процесс над Оскаром Уайльдом (см. *ante*, стр. 48) с его широкой оглаской и фундаментальным характером предложенных им вопросов, по-видимому, в целом способствовал приданию определенности и самосознания проявлениям гомосексуальности и побудил инвертированных занять определенную позицию. В нескольких кругах меня заверили, что это так и что после того случая проявления гомосексуализма стали более выраженными. Один корреспондент пишет: —

"До начала процесса над Оскаром Уайльдом я не знал, в каком состоянии находится закон. Я считал, что решил моральный вопрос сам по себе — его отношение к моей собственной жизни и жизни моих друзей; но теперь я должен был спросить себя, насколько я был оправдан в том, что не только нарушал закон, но и был причиной подобного нарушения у других, причем у тех, кто моложе меня. Я никогда не позволял *предписаниям* закона вмешиваться в то, что я считал моральным развитием молодежи, за которую я несу ответственность. Я не могу сказать, что судебный процесс заставил меня изменить свой жизненный путь, в правоте которого я был слишком убедительно убежден, но он сделал меня гораздо более осторожным и, вероятно, обострил мое чувство ответственности за молодежь. Анализируя результаты судебного процесса в целом, можно сказать, что он, несомненно, нанес неисчислимый вред и усилил наш национальный порок лицемерия. Но я думаю, что это также могло принести некоторую пользу, поскольку заставило тех, кто, подобно мне, глубоко задумался и испытал этот вопрос — а их, должно быть, немало, — быть готовыми нанести удар, когда придет время, по тому, что мы считаем правильным, благородным и чистым".

Из Америки дама пишет, ссылаясь на моральное положение инвертированных, хотя и без намека на суд над Уайльдом:—

"Инвертированные должны обладать смелостью и независимостью, чтобы быть самими собой и требовать расследования. Если человек стремится жить достойно и считает величайшим благом для наибольшего числа людей, то быть инвертированным - это не преступление и не позор. Мне не нужен закон, чтобы защищать меня, я также не желаю, чтобы мне шли на какие-либо уступки, и я не прошу своих друзей жертвовать своими идеалами ради меня. У меня тоже есть идеалы, которых я всегда буду придерживаться. Все, чего я желаю — и я заявляю об этом как о своем праве, — это свобода пользоваться этим божественным даром любви, который не представляет угрозы для общества и не позорит меня. Давайте однажды поймем, что среднестатистический инвертированный - это не моральный дегенерат и не умственный дегенерат, а просто мужчина или женщина, которые менее узкоспециализированы, менее полностью дифференцированы, чем другие мужчины и женщины, и я верю, что предубеждение против них исчезнет, и если они будут жить праведно, то наверняка завоюют уважение всех вдумчивых людей. Я знаю, что значит для инвертированного, который чувствует себя отделенным от остального человечества, найти одно человеческое сердце, которое доверяет ему и понимает его, и я знаю, насколько это практически невозможно, и будет практически невозможно, пока мир не узнает об этих фактах".

Но, хотя закон оказал не больше влияния на подавление ненормальной сексуальности, чем, где бы он ни пытался это сделать, он оказал на подавление нормального сексуального инстинкта, он способствовал совершению еще одного правонарушения. То, что называется шантажом в Англии, *скандированием* во Франции и *эрпрессингом* в Германии — другими словами, вымогательством денег путем угроз разоблачения какого-либо реального или вымышленного преступления - находит свое основное поле деятельности в связи с гомосексуализмом.^[274] Несомненно, отмена наказания за гомосексуальность не отменяет шантаж, как показывает существование такого рода *скандирования* во Франции, но это делает его успех менее вероятным.

На всех этих основаниях и принимая во внимание тот факт, что тенденция современного законодательства в целом и консенсусавторитетного мнения во всех странах направлены именно в этом направлении, представляется разумным заключить, что ни "содомия" (*т.е., immissio membri in anum hominis vel mulieris*), ни "грубая непристойность" не должны быть уголовными преступлениями, за исключением определенных особых обстоятельств. То есть, если два человека одного или обоих полов, достигнув многолетней свободы действий,^[275] в частном порядке соглашаются практиковать какой-либо извращенный способ сексуальных отношений, закон не может быть призван к вмешательству. Функцией закона в этом вопросе должно быть предотвращение насилия, защита молодежи и сохранение общественного порядка и порядочности. Какие бы законы ни устанавливались сверх этого, они должны быть оставлены на усмотрение самих людей, моралистов и общественного мнения.

В то же время, хотя такое изменение закона представляется разумным, произведенные изменения будут менее значительными, чем может показаться на первый взгляд. Действительно, в очень большой доле случаев замешаны мальчики. Поучительно отметить, что в 246 делах Леглюдика (включая жертв и агрессоров вместе взятых) во Франции 127, или более половины, были в возрасте от 10 до 20 лет, а 82, или ровно треть, были в возрасте от 10 до 14 лет. Таким образом, закону по-прежнему остается весьма обширное поле деятельности, независимо от того, какая доля дел может быть сопряжена только с общественным мнением.

Однако совершенно очевидно, что общественное мнение — законное или незаконное — будет говорить уверенно. Когда-то гомосексуальность была в первую очередь вопросом населения или религии. Сейчас мы мало слышим ни о его экономических аспектах, ни о его кощунственности; для нас это прежде всего отвратительная мерзость, *то есть*, дело вкуса, эстетики; и, хотя невыразимо уродливое для большинства, оно провозглашается прекрасным небольшим меньшинством. Я не уверен, что нам нужно придираться к этому эстетическому методу оценки гомосексуальности. Но он едва ли пригоден для юридических целей. Заниматься яростным осуждением отвратительной природы гомосексуализма и оценивать наказание по вызванному отращиванию или сожалеть, как, по сообщениям, сожалел один английский судья, вынося приговор, о том, что "грубая непристойность" не карается смертной казнью, - значит привносить в дело совершенно посторонние соображения. Судьи, которые поддаются этому искушению, безусловно, никогда не позволят своим политическим взглядам сознательно влиять на себя в суде. Однако эстетические взгляды так же чужды праву, как и политические. Действие не становится преступным, потому что оно отвратительно. Есть экскременты, как замечает Молл, крайне отвратительно, но это не преступно. Путаница, которая, таким образом, существует даже в юридическом сознании между отвратительным и преступным, является дополнительным доказательством нежелательности юридического наказания за простую гомосексуальность. В то же время это показывает, что общественное мнение вполне адекватно относится к проявлениям инвертированной сексуальности. Вот и все о юридических аспектах сексуальной инверсии.

Но хотя не может быть никаких сомнений в вполне адекватном характере существующей социальной реакции на все проявления извращенной сексуальности, все еще остается открытым вопрос, насколько не только закон, но и состояние общественного мнения должны быть изменены в свете такого психологического исследования, какое мы здесь предприняли. Ясно, что это общественное мнение, сформированное главным образом или полностью в отношении грубого порока, склонно к чрезмерной жестокости в своей реакции. Каково же тогда разумное отношение общества к врожденным сексуальным извращениям? По-видимому, это заключается в том, чтобы избегать двух крайностей. С одной стороны, нельзя ожидать, что общество будет терпимо относиться к инвертированному, который бросает ему в лицо свою извращенность и предполагает, что, поскольку он предпочел бы получать удовольствие с солдатом или полицейским, чем с их сестрами, он сделан из более тонкой глины, чем вульгарное стадо. С другой стороны, он вполне мог бы воздержаться от того, чтобы с неискренним невежеством давить бременем стыда тему ненормальности, которая, как мы видели, не была признана неспособной к прекрасному использованию. Инверсия - это отклонение от обычного хода природы. Но столкновение противоборствующих элементов, которое часто должно отмечать историю такого отклонения, время от времени приводит — отнюдь не редко — к более благородным действиям, чем те, которыми занимается подавляющее большинство тех, кто рожден потреблять плоды земли. Оно несет, по большей части, свое наказание в структуре своего собственного организма. Мы обязаны защищать беспомощных членов общества от инвертированных. Если мы пойдем дальше и попытаемся уничтожить самого инвертированного до того, как он согрешит против общества, мы превзойдем доводы разума, и, поступая таким образом, мы, возможно, уничтожим также и тех детей духа, которые иногда обладают большей ценностью, чем дети плоти.

Здесь мы можем оставить вопрос о сексуальной инверсии. Рассматривая его, я стремился избежать позиции морального превосходства, которая так распространена в литературе по

этому предмету, и воздержался от указания на то, насколько отвратителен этот феномен или насколько отвратительно то, что он собой представляет. Такой подход столь же неуместен в научном расследовании, как и в судебном, и вполне может быть оставлен на усмотрение любителя. Врач, который не испытывает ничего, кроме отвращения при виде болезни, вряд ли сможет оказать помощь своим пациентам или наставить своих учеников.

То, что проведенное нами здесь исследование полезно не только для оказания помощи социальному организму и его членам, но и для того, чтобы пролить свет на область сексуальной психологии, теперь, я надеюсь, ясно каждому читателю, который следил за мной до этого момента. Существует множество социальных вопросов, на которые мы не можем смотреть прямо и честно, если не обладаем такими точными знаниями, которые были собраны здесь воедино, относительно роли гомосексуальной тенденции в жизни человека. Более того, изучение этой извращенной тенденции выходит за рамки самого себя;

"То искусство,
которое, по вашим словам, дополняет Природу, - это искусство,
созданное Природой".

Патология - это всего лишь физиология, работающая в новых условиях. Поток природы все еще течет по изогнутому руслу сексуальной инверсии и все еще течет в соответствии с законом. Мы не теряли времени даром в этой утомительной экскурсии. Благодаря полученным здесь знаниям мы лучше подготовлены к тому, чтобы приступить к изучению более широких вопросов секса.

[243] В этой связи я могу сослаться на книгу Молл *"Сексуальная жизнь ребенка"*, на труды доктора Клемента Дюкса, врача школы регби, который полностью осознает риски школьной жизни, и на дискуссию о сексуальных пороках в школах, начатую выступлением преподобного Дж. М. Уилсона, директора Клифтонского колледжа, на английском языке *Журнал образования*, 1881-82.

[244] Что касается важности сексуальных эмоций в целом и их воспитания, см. Хорошо известную книгу Эдварда Карпентера *"Совершеннолетие любви"*; профессор Гурлитт (*"Knabenfreundschaften"*, *"Сексуальная проблематика"*, октябрь 1909 г.) также поддерживает близкую дружбу молодежи, которая, по его собственному мнению, по опыту у меня не было даже подозрений на гомосексуальность.

[245] Казанова, *Воспоминания*, том i (издание Гарнье), стр. 160. Смотрите также замечания опытного преподавателя одной из крупнейших государственных школ Англии, которые я привел в vol. первое из этих исследований, *"Аутоэротизм"*, 3-е изд., 1910.

[246] См., например, профессора Дж. Р. Энджелла, *"Некоторые размышления о реакции на совместное обучение"*, *Ежемесячник популярных наук*, ноябрь 1902 г.; также *"Сексуальная жизнь ребенка"* Молла, глава ix, а также общее обсуждение совместного обучения, С. Пуарсон, *Совместное обучение*, 1911.

[247] Bethe, "Die Dorische Knabenliebe," *Rheinisches Museum für Philologie*; vol. lxii, раздел 3, стр. 440; ср. Эдвард Карпентер, *Промежуточные типы среди первобытных народов*, глава vi.

[248] Schrenck-Notzing, *Die Suggestionstherapie bei krankhaften Erscheinungen des Geschlechtsinnes*, 1892. (Английский перевод. *Терапевтическое внушение*, 1895.)

[249] Раффалович, *Уранизм и унисексуализм*, 1896, стр. 16. Он отмечает, что врожденный инвертированный, у которого никогда не было отношений с женщинами и чья ненормальность, используя различие Краффта-Эбинга, является извращением, а не извращенностью, гораздо менее опасен и склонен соблазнять других, чем более разносторонний и коррумпированный человек, познавший все способы получения удовольствия.

[250] See, e.g., Moll, *Die Konträre Sexualempfindung*, ch. xi; Forel, *Die Sexuelle Frage*, ch. xiv; Näcke, "Die Behandlung der Homosexualität," *Sexual-Probleme*, Aug., 1910; Hirschfeld, *Die Homosexualität*, ch. xxii.

[251] Moll, *Zeitschrift für Psychotherapie*, 1911, Heft 1; *id.*, *Handbuch der Sexualwissenschaften*, 1912, p. 662 et seq.

[252] Это также мнение Нумы Преториуса, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, январь 1913, стр. 222.

[253] See, especially, Sadger, *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, Heft 12, 1908; also *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. ix, 1908; Методы Садгера критикуются Хиршфельдом, *Die Homosexualität*, глава xxii, и защищаются Садгером, *Internationale Zeitschrift für Aertzliche Psychoanalyse*, июль 1914, стр. 392. Обсуждение психоаналитического лечения гомосексуализма ведущим американским фрейдистом см. в Брилле, *Журнал Американской медицинской ассоциации*, 2 августа 1913 г.

[254] *Internationale Zeitschrift für Aertzliche Psychoanalyse*, March, 1914.

[255] В настоящее время это общепризнано. См., например, Рубинович и Борель, "Un Cas d'Uranisme", *L'Encéphale*, август 1913 г. Эти авторы приходят к выводу, что сегодня невозможно рассматривать инверсию как эквивалент или симптом психопатического состояния, хотя мы должны признать, что она часто сосуществует с болезненными эмоциональными состояниями. Нэкке также, исходя из своего обширного опыта, обнаружил, что гомосексуальность редка в приютах и незначительна по своему характеру; он неоднократно сталкивался с этим вопросом; см., например, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. viii, 1906.

[256] Краффт-Эбинг считал, что временная или длительная связь гомосексуальность с неврастенией, уходящая корнями в врожденные состояния, "почти неизменна", а некоторые авторитеты (например, Мейнерт) рассматривали инверсию как случайное разрастание на основе неврастении.

[257] Фере высказался относительно общего отношения к гомосексуализму в том же смысле и даже более решительно (Féré, *L'Instinct Sexuel*, 1899, стр. 272, 286). Он считает, что все формы врожденной инверсии сопротивляются лечению, и что, поскольку изменение инстинктов инвертированного следует рассматривать скорее как извращение инверсии, чем как излечение от инверсии, человеку может быть позволено сомневаться не только в полезности лечения, но даже в законности попытки его проведения. Лечение сексуальной инверсии, заявил он, в такой

же степени выходит за рамки медицины, как и восстановление цветового зрения у дальтоников. Идеал, который врач и учитель должны ставить перед инвертированным, - это идеал целомудрия; он должен стремиться привязать свою повозку к звезде.

[258] Выдающийся врач, с которым консультировались по этому делу, рассказал мне о врожденном извращенце, занимавшем высокое положение на английской государственной службе, который женился в надежде избежать своего извращения и даже не смог консулировать брак. Нет необходимости настаивать на страданиях, которые возникают в таких случаях. Конечно, нельзя отрицать, что такие браки иногда не могут в конечном итоге стать счастливыми. Так, Кирнан ("Психическое лечение врожденной сексуальной инверсии", *Обзор безумия и нервных болезней*, июнь 1894 г.) сообщает о случае с полностью инвертированной девушкой, которая вышла замуж за брата подруги, к которой раньше была привязана, просто для того, чтобы обеспечить общество его сестры. Она была способна терпеть и даже получать удовольствие от полового акта, представляя, что ее муж, похожий на свою сестру, был другой сестрой. Симпатия и уважение к мужу постепенно росли, и после смерти сестры родился ребенок, очень похожий на нее; "уважение жены перешло через любовь к сестре к сильной естественной любви к дочери, как к похожей на сестру; через это к нормальной любви к мужу как к отцу и брату". Конечный результат, возможно, и был удовлетворительным, но такое стечение обстоятельств нельзя было просчитать заранее. Молль также в целом выступает против брака и продолжения рода инвертированными лицами (*например, Deutsche medicinische Presse*, № 6, 1902) (например,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,

[259] Хиршфельд, *Гомосексуализм*, глава xxi. Теоретически может показаться, что брак гомосексуального мужчины с гомосексуальной женщиной может оказаться удачным. Хиршфельд, однако, утверждает, что ему известно о 14 таких браках, и теоретические ожидания не оправдались; 3 случая быстро завершились разводом, 4 пары жили отдельно, и все оставшиеся пары, кроме 2, сожалели о предпринятом шаге. Я могу добавить, что в таком случае даже ожидание счастья вряд ли кажется разумным, поскольку ни одна из сторон не может испытывать истинного брачного импульса по отношению к другой.

[260] Хиршфельд также отмечает (*Die Homosexualität*, стр. 95), что женщины часто инстинктивно чувствуют, что есть что-то неправильное в любви их перевернутых мужей, которые, возможно, преуспевают в совокуплении, но выдают свои глубочайшие чувства, испытывая отвращение прикасаться к половым органам рукой. Гомосексуальная женщина также, как указывает Хиршфельд в другом месте, приводя примеры в качестве иллюстрации (стр. 84), может серьезно пострадать от нормальных сексуальных отношений.

[261] Фере сообщает о случае инвертированного человека с большими интеллектуальными способностями, у которого никогда не было сексуальных отношений и который не чурался целомудренной жизни; его врач убедил его приобрести способность к нормальному половому акту и жениться на том основании, что его извращение было просто извращением воображения. Он так и сделал, и, хотя женился на совершенно сильной и здоровой женщине и сам был здоров, за исключением того, что касалось его извращения, потомство получилось катастрофическим. Старший ребенок был эпилептиком, почти имбецилом, с ярко выраженными гомосексуальными импульсами; второй и третий дети были абсолютными идиотами; младший умер от конвульсий в младенчестве (Féré, *L'Instinct Sexuel*, стр. 269 и далее.) Несомненно, это не

обычный случай, но многочисленные примеры потомства от похожих браков, приведенные Хиршфельдом (указ. соч., стр. 391), едва ли дают намного лучший результат.

[262] Едва ли нужно добавлять, что тот же принцип применим и к гомосексуальным женщинам. "Во всех подобных случаях, - пишет американская женщина-врач, - я бы рекомендовала тренировать и развивать моральное чувство, а людям позволять сохранять свою индивидуальность, приучая их всегда помнить, что они отличаются от других, и при необходимости жертвовать своими собственными чувствами или счастьем. Это хорошая дисциплина для них, и в долгосрочной перспективе она принесет им больше благосклонности и привязанности, чем любое другое блюдо. Это качество или идиосинкразия, по сути, не является злом, но при правильном использовании может оказаться благословением для других и силой для добра в жизни человека; и при этом оно не дискредитирует своего обладателя".

[263] О существовании сходства между гомосексуальностью и религиозным темпераментом говорилось в гл. меня признали во многих частях света. Смотрите, для более подробного обсуждения, Хорнеффер, *Der Priester* и Блох, *Die Prostitution*, том i, стр. 101-110. Психоаналитики также затрагивали этот вопрос; так, Пфистер, *"Die Frommigkeit des Grafen von Zinzendorf"* (1910), утверждает, что основатель пиетистской секты Херренхутеров обладал сублимированным гомосексуальным (или бисексуальным) темпераментом.

[264] Форель, *"Сексуальная жизнь"*, стр. 528. Такие идеи, конечно, часто выдвигают сами инвертированные.

[265] Ранее римское право, по-видимому, ограничивалось в этом вопросе защитой мальчиков. Скантинианские и другие римские законы, направленные против пайдерастии, по-видимому, обычно оставались мертвой буквой. Различные примечания и ссылки см. У. Г. Холмс, *Эпоха Юстиниана и Феодоры*, том i, стр. 121.

[266] Послание к Римлянам, глава i, стихи 26-7.

[267] На практике это смертное наказание, по-видимому, иногда заменялось удалением половых органов.

[268] Полный обзор правовых актов, направленных против гомосексуальных сношений в древности и современности, см. У Нумы Преториуса, *"Die straflichen Bestimmungen gegen den gleichgeschlechtlichen Verkehr"*, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, vol. i, стр. 97-158. Этот автор указывает, что Юстиниан и, что еще более ясно, Пий V в шестнадцатом веке проводили различие между случайным гомосексуализмом и глубоко укоренившейся инверсией: наказанию подвергались только обычные преступники, а не те, кто был виновен всего один или два раза.

[269]

Влияние предполагаемой связи содомии с неверием, идолопоклонством и ересью на возбуждение ужаса перед ней среди более ранних религий было подчеркнуто Вестермарком, *Происхождение и развитие моральных идей*, том i, стр. 486 и далее.

[270] "Любое лицо мужского пола, которое публично или в частном порядке совершает какой-либо акт грубой непристойности с другим лицом мужского пола, или является участником его совершения, или добивается или пытается добиться совершения любым лицом мужского пола

какого-либо акта грубой непристойности с другим лицом мужского пола, является виновным в мелком правонарушении и, будучи осужденным за это, подлежит по усмотрению суда тюремному заключению на любой срок не более двух лет, с каторжными работами или без них".

[271] Этот тезис выдвинут доктором Леоном де Роде в его докладе "Эволюция личности и легислатура", подготовленном для Третьего (Брюссельского) Конгресса криминальной антропологии в 1892 году. На том же самом настаивают некоторые из моих корреспондентов.

[272] Примечательным и, возможно, значительным фактом является то, что, хотя гомосексуальность сегодня пользуется во Франции абсолютной дурной славой, это было не так при менее терпимом законодательстве семнадцатого и восемнадцатого веков. Герцог де Жевр, описанный Безенвалем (*Воспоминания*, i, стр. 178), был ярко выраженным извращенцем женского типа, импотентом и публично демонстрировал все женские манеры; тем не менее, к нему относились с уважением. В 1687 году мадам, мать регента, пишет, подразумевая, что "все молодые люди и многие старики" практиковали педерастию: *иль я не в том, что касается рода общин, что касается женщин*. Заметная тенденция к инверсии во французской королевской семье в это время хорошо известна.

[273] Мне сказали, что мужчина с гомосексуальными привычками заявил, что ему было бы жаль увидеть изменение английского законодательства, поскольку тогда он не получал бы удовольствия от своей практики.

[274] Шантаж, по-видимому, является наиболее серьезным риском, которому подвергается инверсия. Хиршфельд утверждает в интересном исследовании шантажа (*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, апрель 1913 г.), что его опыт показывает, что среди 10 000 гомосексуалистов едва ли один становится жертвой закона, но более 3000 становятся жертвами шантажистов.

[275] Крафт-Эбинг поместил бы этот возраст не ниже 16 лет, возраста, в котором в Англии девушки могут юридически соглашаться на нормальный половой акт (*Psychopathia Sexualis*, 1893, стр. 419). Она, конечно, не должна быть ниже.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ СРЕДИ БРОДЯГ.

Содержание

Я довольно подробно изучил класс бродяг в Соединенных Штатах, Англии и Германии, но лучше всего я знаю его в Штатах. Я прожил там с бродягами восемь месяцев подряд, не считая множества более коротких периодов в их обществе, и мое знакомство с ними длится почти десять лет. Моя цель, побывав среди них, заключалась в том, чтобы узнать об их жизни в частности и о жизни отверженных в целом. Этого можно добиться, только став неотъемлемой частью ее проявлений.

В Соединенных Штатах есть два вида бродяг: безработные и "бродяги". Безработные не являются настоящими бродягами; они действительно хотят работать и не испытывают симпатии к бродягам. Последние - настоящие бродяги. Они занимаются попрошайничеством — тоже очень хорошим бизнесом — и продолжают заниматься этим, как правило, до конца своих дней. Виски и жажда *странствий*, или любовь к странствиям, вероятно, являются главными причинами их существования; но многие из них - отчаявшиеся преступники, люди, которые попробовали свои силы в преступлении и обнаружили, что им не хватает криминального смекалки. Они становятся бродягами, потому что обнаруживают, что жизнь "на дороге" ближе всего к той жизни, которую они надеялись вести. У них достаточно таланта, чтобы очень хорошо справляться с ролью нищих, вообще говоря, лучше, чем у людей, вышедших на дорогу просто пьяницами; они больше знают о хитростях ремесла и умнее придумывают схемы и истории. Однако все настоящие бродяги в Америке практически одинаковы в том, что касается манер и философии, и всем им в равной степени рады в "тусовке".^[276] Класс общества, из которого они происходят, как правило, самый низкий из всех, но есть некоторые бродяги, вышедшие из самых высоких слоев общества, и эти последние часто такие же порочные, как и их менее знатные собратья.

О сексуальной инверсии среди бродяг можно сказать очень многое, и я не могу попытаться пересказать все, что я слышал об этом, а просто дам общее представление об этом вопросе. Каждый бродяга в Соединенных Штатах знает, что означает "неестественное половое сношение", свободно говорит об этом, и, согласно моим выводам, каждый десятый мужчина практикует его и защищает свое поведение. Мальчики становятся жертвами этой страсти. Бродяги овладевают этими мальчиками различными способами. Распространенный метод - остановиться на некоторое время в каком-нибудь городе и познакомиться с детьми из трущоб. Они рассказывают этим детям всевозможные истории о жизни "в дороге", о том, как они могут бесплатно ездить по железным дорогам, стрелять в индейцев и быть "perfeshunnels" (профессионалами), и они выбирают какого-нибудь мальчика, который им особенно нравится. Улыбками и ласковыми ласками они дают ему понять, что эти истории предназначены только для него, и вскоре, если мальчик оказывается подходящим объектом для обсуждения, он так же лукаво улыбается в ответ. Со временем он привыкает думать, что он любимец бродяги, который возьмет его с собой в путешествия, и начинает планировать тайные встречи с этим человеком. Бродяга, конечно, продолжает будоражить его воображение рассказами и ласками, и в одну прекрасную ночь в городе становится на одного мальчика меньше. На дороге мальчика называют "прушун", а его защитника - "джокер". Большинству прущунов от 10 до 15 лет, но я знал некоторых моложе 10 и нескольких старше 15. Закон бродяг вынуждает каждого позволять своему преследователю делать с ним все, что ему заблагорассудится, и многие, боюсь, привыкают получать удовольствие от его обращения с ними. Ожидается также, что они

будут просить милостыню в каждом городе, в который приедут, и любая лень с их стороны будет подвергаться очень суровому наказанию.

Как происходит акт неестественного полового акта, не совсем ясно; бродяги не пришли к единому мнению. Из того, что я лично наблюдал, я должен сказать, что обычно это то, что они называют "работой ногами" (intercrural), но иногда *immissio penis in anum*, когда мальчик, в любом случае, лежит на животе. Я слышал ужасные истории о физических последствиях анального полового акта для мальчика.

Однажды вечером недалеко от Камберленда, штат Пенсильвания, я стал невольным свидетелем одной из худших сцен, которые только можно себе представить. В компании восьми бродяг я находился в товарном вагоне, прицепленном к медленно движущемуся поезду. Цветному мальчику удалось вскарабкаться в вагон, и когда поезд снова тронулся, каждый из бродяг подставил ему подножку и "соблазнил" (если воспользоваться эвфемизмом бродяги). Он почти не сопротивлялся, шутил и смеялся по этому поводу, как будто ожидал этого. Действительно, я нахожу, что таково общее чувство среди мальчиков, когда они проходят полное посвящение. Сначала они не подчиняются и склонны убежать или драться, но мужчины ласкают их, и через некоторое время им, кажется, становится все равно. Некоторые из них говорили мне, что они получают от этого дела столько же удовольствия, сколько и жокей. Даже малыши младше 10 лет говорили мне об этом, и я знал, что они умышленно соблазняли своих качков к половому акту. В чем заключается удовольствие, я не могу сказать. Сами подростки описывают это как восхитительное ощущение щекотки в соответствующих частях тела, и, возможно, это все, к чему это приводит у самых маленьких мальчиков. Те, кто достиг возраста половой зрелости, похоже, удовлетворены почти так же, как и мужчины. Среди мужчин практика определенно основана на страсти. Большинство из них предпочитают прушуна женщине, и нет ничего более сурового, чем изнасилование. В газетах часто читаешь, что на женщину напал бродяга, но извращенный бродяга никогда не является виновной стороной.

Я полагаю, однако, что есть несколько бродяг, которые привязались к мальчикам, потому что женщин так мало "в дороге". На каждую женщину в хоболенде приходится сотня мужчин. То, что эта диспропорция имеет какое-то отношение к популярности мальчиков, становится ясно из следующего случая: в тюрьме, где я провел месяц в качестве бродяги, я познакомился с бродягой, который имел репутацию "дерна" (содомиста). Однажды женщина пришла в тюрьму, чтобы повидать своего мужа, ожидавшего суда. Один из заключенных сказал, что знал ее до замужества и жил с ней. Бродягу вскоре должны были выпустить, и он спросил, где живет женщина. Узнав, что с ней все еще можно связаться, он разыскал ее сразу после освобождения, и ему удалось прожить с ней почти месяц. Позже он сказал мне, что жизнь с ней доставляла ему гораздо больше удовольствия, чем общение с мальчиками. Я спросила его, почему он вообще общается с мальчиками, и он ответил: "Потому что там недостаточно женщин. Если я не могу их достать, мне нужен другой."

Именно в тюрьмах можно увидеть худшую сторону этого извращения. Днем заключенных выпускают в длинный коридор, и они могут делать все, что им заблагорассудится; ночью их запирают по двое и даже по четверо в камере. Если в толпе есть мальчики, ими пользуются все, кто хочет их заполучить. Если они отказываются подчиняться, им затыкают рот кляпом и удерживают. Шериф редко знает, что происходит, и для мальчиков сказать ему что-либо было

бы самоубийством. Во всех Штатах царит преступно-невежество относительно жизни в этих тюрьмах, и происходят вещи, которые были бы невозможны в любой хорошо регулируемой тюрьме. В одном из таких мест я однажды стал свидетелем самой ожесточенной драки, которую я когда-либо видел среди бродяг; причиной ее был мальчик. Двое мужчин сказали, что любят его, и он, казалось, отвечал взаимностью на привязанность обоих с равным желанием. Была предложена драка на бритвах, чтобы решить, кому он достанется.^[277] Мужчины приготовились к действию, в то время как толпа собралась вокруг, чтобы посмотреть. Они рубились более получаса, ужасно порезав друг друга, а затем их покровители остановили их, опасаясь летального исхода. Мальчика отдали тому, кто пострадал меньше всех.

Ревность - одна из первых вещей, которые человек замечает в связи с этой страстью. Я знал, что они полностью отказывались от "тусовочной" жизни просто для того, чтобы быть уверенными, что их прушны не тронут другими бродягами. Такие привязанности часто длятся годами, и некоторые мальчики остаются со своими первыми спортсменами до тех пор, пока не станут "эмансипированными".

Эмансипация означает свободу "заманить в ловушку" какого-нибудь другого мальчика и заставить его подчиняться, как другой был вынужден подчиняться, когда был моложе. Как правило, прушуна освобождают, когда он в состоянии защитить себя. Если он может защитить свою "честь" от всех, кто приходит, он принимается в класс "старых стейджеров" и может делать все, что ему заблагорассудится. Это единственная награда, вручаемая прушунам за время их ученичества. Им говорят, что однажды они смогут завести мальчика и использовать его так, как использовали их самих. Таким образом, хоболэнд всегда уверен в новобранцах.

Трудно сказать, сколько бродяг являются сексуально инвертированными. Даже точно неизвестно, сколько бродяг в стране. В одной из своих статей о бродягах я утверждал, что, считая мальчиков, в Соединенных Штатах насчитывается от пятидесяти до шестидесяти тысяч настоящих бродяг. Бродяга из Техаса, увидевший это заявление, написал мне, что считает мою оценку слишком низкой. Газеты критиковали ее как слишком высокую, но они не в состоянии судить. Если мои цифры, как я полагаю, хотя бы приблизительно верны, число сексуально извращенных бродяг может быть оценено в пять-шесть тысяч; сюда входят мужчины и мальчики.

Недавно бродяги сказали мне, что мальчиков стало меньше, чем несколько лет назад. Они говорят, что сейчас рискованно показываться на людях с мальчиками и что с точки зрения попрошайничества выгоднее обходиться без них. Означает ли это, что страсть стала менее яростной, чем была раньше, или что мужчины находят сексуальное удовлетворение между собой, я не могу сказать определенно. Но из того, что я знаю об их нежелании принять последнюю альтернативу, я склонен думать, что страсть, возможно, несколько угасает. Я уверен, что женщин "на дороге" стало не больше, чем раньше, и что перемена, если она и реальна, произошла не по их вине. Вот и все, что я нашел в Соединенных Штатах.

В Англии, где я тоже некоторое время жила с бродягами, я обнаружила очень мало противоположных сексуальных чувств. В Германии также, за исключением тюрем и рабочих домов, это, по-видимому, очень мало известно среди бродяг. Есть несколько еврейских бродяг (иногда коробейников), о которых говорят, что в их компании есть мальчики, и мне сказали, что

они используют их так же, как бродяги в Соединенных Штатах используют своих мальчиков, но я не могу доказать это из личных наблюдений. В Англии я встречал нескольких бродяг мужского пола, которые без колебаний заявляли о своих предпочтениях собственному полу, и особенно мальчикам, но я должен сказать, что редко видел их с мальчиками; как правило, они были совершенно одни и, похоже, жили в основном сами по себе.

Примечательно, что и в Англии, и в Германии очень много женщин "в пути" или, во всяком случае, так близко к нему, что общение с ними легко и дешево. В Германии почти в каждом городе есть свой квартал "Штадт-Шизе"^[278]: женщины, которые продают свое тело за очень небольшую сумму. Они редко просят больше тридцати-сорока пфеннигов за ночь, которую обычно проводят на свежем воздухе. В Англии практически то же самое. Во всех крупных городах есть женщины, которые рады заняться бизнесом за три-четыре пенса, а те, кто "в разъездах", - и того меньше.

Общее впечатление, производимое на меня сексуально извращенными мужчинами, которых я встречал в бродяжничестве, заключается в том, что они ненормально мужественны. В своих сношениях с мальчиками они всегда принимают активное участие. Мальчики в некоторых случаях казались мне необычайно женственными, но не как правило. В целом, они очень похожи на других парней, и я не могу сказать, является ли их склонность к перевернутым отношениям врожденной или приобретенной. Однако в том, что это искренняя симпатия, в целом ряде случаев я нисколько не сомневаюсь. Как таковая, и тем более потому, что она такова, она заслуживает более тщательного изучения и более разумного отношения.

"Джосайя Флинт", написавший вышеупомянутый отчет о жизни бродяги для второго издания этого тома, был хорошо известен как писатель, социолог и бродяга. Он был особенно, и, казалось бы, по врожденному темпераменту, бродягой, в роли которого выглядел безупречно (он сам говорил о своем "худощавом лице и миниатюрных фигурах") и чувствовал себя в нем совершенно как дома. Таким образом, он смог пролить много света на психологию бродяги, и его книги (такие как *Бродяга с бродягами*) ценны с этой точки зрения. Его настоящее имя было Ф. Уиллард, и он приходился племянником мисс Фрэнсис Уиллард. Он умер в Чикаго в 1907 году в возрасте 38 лет, вскоре после написания откровенной и замечательной *автобиографии*. Я могу дополнить его наблюдения о бродягах, насколько это касается Англии, следующими отрывками из подробного отчета, присланного мне английским корреспондентом:

"Я инвертированный мужчина с полностью женственными сексуальными наклонностями. Различные встречи с "бродягами" побудили меня искать с ними близости, и около двадцати лет я сам путешествовал "бродягой", чтобы установить с ними самый тесный контакт в Англии, Шотландии и Уэльсе.

"Как и в Соединенных Штатах, есть два класса бродяг: те, кто будет работать, например, сборщиками урожая, дорожниками и т.д., и те, кто не будет работать, но сделает бродяжничество профессией. Мой опыт показывает, что среди представителей обеих этих категорий 90%, или я даже набрался бы смелости сказать, 100%, предаются гомосексуализму, когда появляется такая возможность, и я не делаю никакого различия между этими двумя категориями.

"Для этого есть множество причин, и я назову несколько. Определенное количество людей может предпочесть нормальную связь с женщиной, но, за исключением тех, кто путешествует в фургонах, и ограниченного числа тех, у кого с собой "донны", женщины недоступны, поскольку проститутки очень редко допускают близость по "любви", кроме как в состоянии алкогольного опьянения. Бродяги также боятся любых венерических заболеваний, поскольку это означает нищету Местной больницы. Большинство из них общительны и предпочитают бродяжничать с "подружкой". С этим партнером, с которым он спит, отдыхает и "выпивает", когда у них есть деньги, сексуальная близость происходит естественным образом, поскольку мой опыт показывает, что один из двоих мужчина, а другая женщина в своих сексуальных желаниях, но я знал случаи, когда они играли обе роли. Тогда мужская проституция будет доставаться даром, и даже иногда, когда бродяга встречает "жмота", это средство заработка денег, честного или иного. Я никогда не знала бродягу-мужчину, который отказался бы от удовлетворения, если бы я предложила пару стаканчиков или небольшую сумму денег. Один из них сказал мне, что он не завидует "ни лордам, ни шоферам", пока у него вдоволь "выпивки и педерастии".

"Другой, который сказал мне, что провел в дороге двадцать пять лет, сказал, что не может спать один. (Он был разносчиком, открыто продававшим дешевые религиозные книги и тайно - самые мерзкие брошюры и фотографии). Он "отсидел срок" и сказал, что самым большим наказанием для него было невозможность иметь "партнершу", которая подчинилась бы проникновению, хотя он не был уверен, какую форму принимал половой акт. Другой прекрасный молодой человек, с которым я случайно познакомился в тот самый день, когда он был освобожден после длительного тюремного заключения за кражу со взломом, и с которым я провел ночь непрерывной и почти жестокой близости, сказал, что его наказание заключается в том, что он постоянно видит мужчин вокруг себя и не может установить с ними связь. Другим и очень мощным фактором, влияющим на отношение "бродяг" к гомосексуализму, является то, что в дешевых ночлежных домах, которые они вынуждены часто посещать, односпальная кровать, возможно, является двуспальной по сравнению с кроватью с соседом, которого они, возможно, никогда раньше не видели, особенно в жаркую погоду, когда правилом является нагота.

"Мои сексуальные желания связаны с инвертированными мужчинами, я больше всего соприкасался с ними и обнаружил, что они составляют гораздо больший класс. Среди сборщиков урожая и бродяг-мореплавателей редко встретишь такого "денди", каким считался я, и как таковой за мной охотно ухаживали, и на любой намек на близость с моей стороны быстро реагировали. Что касается использования мальчиков для гомосексуальных утех, то это не распространено, поскольку это слишком опасно, хотя я знал мальчиков, особенно из фургонов или цыган, которые занимались проституцией, всегда за деньги.

"Однажды я видел мальчика, который вызвал настоящую вспышку похоти гомосексуального характера. Инцидент произошел в маленьком морском городке в Шотландии за один вечер до проведения ярмарки. Это произошло в низкопробном пабе, где собралось несколько очень грубых и в основном пьяных мужчин. Вошел слепой мужчина, ведомый чрезвычайно симпатичным, но женоподобного вида юношей лет 17, одетым в рваный килт и с голыми ногами. У него были длинные вьющиеся светлые волосы, доходившие до плеч, и на них красовалась старая шляпа. Еще на нем была старая вельветовая охотничья куртка. Все взгляды были обращены на пару, и им быстро предложили напитки. Один мужчина сделал замечание, что, по его мнению, юноша был девушкой. Мальчик сказал: "Я покажу тебе, что я парень", - и задрал килт, обнажив гениталии, а затем и ягодицы. Шумный смех приветствовал это непристойное

разоблачение и предложение, и были поданы новые напитки. Затем слепой мужчина сыграл на своей скрипке, а мальчик пустился в пляс, часто повторяя одни и те же непристойности. Его хватало, целовало и ласкало довольно много мужчин, некоторые из которых пытались мастурбировать ему, чему он сопротивлялся, но делал это за них. Когда подошло время закрытия, я и примерно десять или двенадцать мужчин собрались в одной комнате; старик продолжал играть, а юноша, совершенно голый, продолжал танцевать и предложил нам и другим сделать то же самое, и произошла эротическая сцена, которую смог увидеть только "босс", который присутствовал при тушении лампы.

"Два класса бродяг, которых я встречал, открыто заявляют о своем предпочтении гомосексуализма. Это мужчины, которые служили в армии, и моряки, и моряки в целом. Говорят, что "у Джека в каждом порту есть жена", но я по своему опыту знаю, что жена во многих случаях принадлежит кмужскому полу, и это среди людей всех национальностей, как и в случае с солдатами. Среди них также ревность встречается чаще, чем среди обычных бродяг, и если вы ведете себя "денди" по отношению к солдату, если вы делаете авансы или получаете их от старшего по званию, между ними, скорее всего, возникнут неприятности.

"Я мог бы привести множество примеров из своего личного опыта, чтобы показать, что мужчины в сельских районах рассматривают "бродяг" как законные, самодовольные и доступные объекты для гомосексуальной похоти".

[276] Это дом братства. Практически это любой уголок, где они могут приклонить голову; но, как правило, это либо ночлежка, товарный вагон, либо гнездо в траве возле железнодорожной цистерны для полива.

[277] Все бродяги носят с собой бритвы, как для бритья, так и для защиты. Как ни странно, им удается тайком сажать их в тюрьмы, поскольку их никогда тщательно не обыскивают.

[278] Это слово еврейского происхождения и означает девушка (*Мадхен*).

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

ШКОЛЬНАЯ ДРУЖБА ДЕВОЧЕК.

Содержание

Я.

Школьную дружбу итальянские девочки называют "пламенем" (*flamma*). Этот термин, как объяснили Обичи и Маркезини, на школьном сленге обозначает как любимого человека, так и дружбу абстрактно; но это дружба, в которой есть нотка страсти, ощущаемая и понимаемая в данной среде. В каждом колледже "флейм" рассматривается как необходимый институт. Отношения обычно носят ярко выраженный платонический характер и обычно существуют между пансионером с одной стороны и дневным учеником с другой. Однако, несмотря на его внешне несексуальную природу, все сексуальные проявления студенческой молодежи

вращаются вокруг него, и в его различных аспектах разной интенсивности могут быть выражены все градации сексуальных чувств.

Обичи и Маркезини проводили свое исследование в основном среди учащихся обычных школ, возраст девочек был от 12 до 19 или 20 лет. В этих колледжах есть как пансионеры, так и ученики дневного отделения; пансионеры наиболее легко воспламеняются, но искры добывают именно ученики дневного отделения.

Обичи и Маркезини получали большую помощь в учебе от бывших учеников, которые теперь сами являются учителями. Одна из них, ученица дневного отделения, которая сама никогда не была ни объектом, ни действующим лицом ни в одной из этих страстей, но имела достаточно возможностей для личных наблюдений, пишет следующее: ""Пламя" протекает в точности как любовные отношения; часто случается, что одна из девушек проявляет мужские черты либо по физическому типу, либо по энергии и решительности характера; другая позволяет любить себя, действуя со всем упрямством — и, можно сказать, почти застенчивостью — девушки со своим возлюбленным. Начало этих отношений сильно отличается от обычного зарождения дружбы. Двое становятся "пламенем" не потому, что они всегда вместе, разговаривают и учатся вместе; нет, обычно они даже не знают друг друга; один видит другого на лестнице, в саду, в коридорах, и возникающие эмоции почти всегда вызваны красотой и физической грацией. Затем тот, кого бьют первым, начинает регулярное ухаживание: частые прогулки по саду, когда другая, скорее всего, находится у окна своего класса, останавливается на лестнице, чтобы посмотреть, как она проходит; короче говоря, немое обожание, состоящее из взглядов и вздохов. Позже приходят подарки в виде красивых цветов и небольшие послания, переданные самодовольными компаньонами. Наконец, если "пламя" проявляет признаки того, что ценит все эти доказательства привязанности, приходит письмо с заявлением. Письма с признаниями бывают длинными и пылкими до такой степени, что они равны или превосходят настоящие признания в любви. Тот, за кем ухаживают, почти всегда соглашается, иногда с энтузиазмом, чаще всего со множеством возражений и сомнений относительно заявленной привязанности. Только после долгих уговоров она уступает, и начинаются отношения".

Другая сотрудница, которая сама всегда вызывала очень много "пламени", дает очень похожее описание вместе с другими подробностями. Таким образом, она заявляет: "Можно сказать, что 60 процентов среди девушек в колледже есть "пламенные" отношения, и из оставшихся 40 только половина отказывается от намеренного отвращения к таким привязанностям; остальные 20 исключены либо потому, что они недостаточно приятны внешне, либо потому, что их характеры не внушают симпатии ". А относительно метода завязывания отношений она пишет: "Иногда "пламя" возникает еще до того, как двое будущих друзей увидят друг друга, просто потому, что один из них считается красивым, отзывчивым, милым или элегантным. Элегантность вызывает огромное восхищение, особенно у постояльцев, которые скованы однообразными и простыми привычками. Как только пансионерка слышит о дневной ученице, что она очаровательна и элегантна, она начинает испытывать к ней живую симпатию, быстро переходящую в желание увидеть ее. Наконец наступает долгожданное утро. Возлюбленная, не подозревающая о буйстве страстей, которые она возбудила, идет в школу, не зная, что за ее походкой, ее движениями, за ее одеждой наблюдают с лестницы или из коридора общежития. ... Для воспитанников пансиона эти события составляют важную часть студенческой жизни и часто принимают для некоторых вид трагедии, которая, к счастью, может постепенно превратиться в комедию или фарс ".

В ходе этих отношений было написано много писем; Обичи и Маркезини смогли прочитать более 300 таких писем, которые были бережно сохранены получателями и которые, действительно, послужили основным материалом для их изучения. Эти письма ясно показывают, что "пламя" чаще всего возникает из физической симпатии, восхищения красотой и элегантностью. Письма, написанные в ходе этих "пламенных" отношений, полны страсти; они, по-видимому, часто пишутся в периоды физического возбуждения и психического эретизма и могут рассматриваться, как замечают Обичи и Маркезини, как форма интеллектуального онанизма, авторы которого впоследствии испытывают угрызения совести и стыд как физически бесчестный поступок. Ссылаясь на глубинную связь этих чувств с сексуальным импульсом, одна из сотрудниц пишет: "Я могу сказать, что девушка, влюбленная в мужчину, никогда не испытывает "пламенных" эмоций по отношению к спутнику жизни".

Обичи и Маркезини таким образом резюмируют отличительный характер "пламени" в отличие от обычной дружбы: "(1) необычайная частота, с которой, даже с помощью уловок, влюбленные обмениваются письмами; (2) желание видеть и разговаривать друг с другом, пожимать друг другу руки, обниматься и целоваться; (3) долгие беседы и очень долгие грезы; (4) постоянная ревность с ее разнообразными уловками и обычными результатами; (5) превознесение качеств возлюбленного; (6) привычка везде писать имя возлюбленного; (7) отсутствие зависти к качествам любимого; (8) самоотречение возлюбленной в преодолении всех препятствий на пути проявления ее любви; (9) тщеславие, с которым некоторые реагируют на 'заявления флейма'; (10) сознание совершения запрещенного поступка; (11) удовольствие от победы, трофеи которой (письма и т.д.) сохранены".

Разница между "пламенем" и дружбой очень хорошо заметна в абсолютной исключительности первого, откуда возникает возможность ревности. В то же время дружба и любовь здесь сплетены воедино. Письма целомудренны (несколько исключений из множества писем, не влияющих на это общее правило), и о чистоте отношений flame свидетельствует также тот факт, что они обычно возникают между пансионерками и ученицами дневного отделения, девочками из разных классов и разных комнат, и редко между теми, кто живет в непосредственной близости друг от друга. "Конечно, - пишет одна из сотрудниц журнала, - первые чувственные проявления развиваются у девочек при чистом физическом возбуждении, но (во всяком случае, мне хотелось бы в это верить) большинство студенток колледжа находят достаточное удовлетворение в том, чтобы быть как можно ближе к любимому человеку (какого бы пола он ни был), во взаимном восхищении и поцелуях или, очень часто, в разговоре, который ни в коей мере не является моральным, хотя обычно очень метафоричен. Цель такой беседы - раскрыть самые важные тайны человеческой природы, "почему" и "зачем"; речь идет о естественных потребностях, которые девушка чувствует и имеет о них представление, но пока еще не знает ничего определенного. Подобные разговоры - обычное дело в школах и колледжах, и особенно они вращаются вокруг продолжения рода, самой сложной тайны из всех. Это куча глупостей". За всю свою студенческую жизнь эта леди знала только об одной определенно гомосексуальной связи; пара, о которой идет речь, была малолюбивой, и у нее не было другого "пламени". Эта дама приходит к выводу, что главными общими сексуальными проявлениями, которые она отмечала у своих спутников, была постоянная озабоченность сексуальными тайнами и необходимость постоянно говорить о них.

У другой сотрудницы, которая жила в обычной школе, был несколько более обширный опыт. Она поступила в нее в возрасте 14 лет и испытала обычное одиночество и несчастье новой

ученицы. Однажды, когда она задумчиво стояла в одиночестве в углу комнаты, компаньонка — та, которой по прибытии было поручено показать ей колледж, — подбежала к ней, "обняла меня, закрыла рот поцелуем и нежно погладила по волосам. Я уставился на нее в изумлении, но испытал восхитительное ощущение высшего комфорта. Вот и началась идиллия! Я был подвергнут яростной буре поцелуев и ласк, которые совершенно ошеломили меня и заставили спросить себя о причине такой новой и непредвиденной привязанности. Я простодушно поинтересовался причиной, и ответ был таким: "Я люблю тебя; ты поразила меня сразу, как я тебя увидел, потому что ты такая красивая и такая белая, и потому что это делает меня счастливым и *успокаивает* меня, когда я могу провести руками по твоим волосам и поцеловать твоё пухлое, белое лицо. Мне нужны душа и тело". Мне показалось, что это был язык высокоразвитого человека, потому что я не мог уловить всей его важности. Как и в тот раз, когда она впервые обняла меня, я смотрел на нее в изумлении и в тот момент не мог ответить на новый шквал ласк и поцелуев. Я чувствовала, что они не были похожи на поцелуи моей мамы, моего папы, моего брата и других товарищей; они дарили мне незнакомые ощущения; прикосновение этих влажных и мясистых губ взволновало меня. Затем последовал обмен письмами и обычными правами и обязанностями "пламени". Когда мы встречались в присутствии других, нам оставалось только просто приветствовать друг друга, потому что "пламя" было строго запрещено. Я подчинился, потому что она мне нравилась, но также и потому, что боялся ее отеллоистской ревности. Она душила меня, даже кусала, когда я радостно и бездумно играл с другими, и горе мне, если я не звал ее, расчесывая волосы. Ей нравилось видеть меня с распущенными волосами, и она клала голову мне на плечо, особенно если я был частично раздет. Я позволял ей делать все, что ей заблагорассудится, и она сурово ругала меня за то, что я никогда не был первым, кто тосковал по ней, бежал ей навстречу и целовал ее. Но в то же время мысль о том, что я могу потерять ее, мысль о том, что, возможно, однажды она осыплет своими ласками других, втайне ранила мое сердце. Но я никогда не говорил ей об этом! Однако однажды, когда мы с директрисой любовались прекрасным пейзажем, меня внезапно охватила печаль, и я разрыдалась. Директриса спросила, в чем дело, и, бросившись в ее объятия, я зарыдал: "Я люблю ее, и я умру, если она перестанет любить меня!" Она улыбнулась, и эта улыбка пронзила мое сердце. Я сразу понял, каким глупым я был и на каком ложном пути стоял мой спутник. С того дня я больше не мог выносить своего "пламени". Разлука была абсолютной; я мужественно переносил укусы и оскорбления, даже царапины на лице, за которыми следовали долгие жалобы и полная протрация. Я подумал, что было бы подло обвинять ее, но я придумал предлог для того, чтобы изменить номер моей кровати. Это было потому, что она тихо одевалась и часами приходила ко мне в постель, положив голову на подушку. Она сказала, что хочет ощутить аромат моего здоровья и свежести. Это постоянное бурное желание теперь вызывало у меня отвращение, и я хотел бы вообще избежать его. Позже я услышал, что у нее были отношения, которые не были благословлены никаким священным обрядом".

Несмотря на платонический характер переписки, замечают Обичи и Маркезини, под ней действительно скрывается эмоциональная сексуальность, и именно это находит свое выражение в непристойных разговорах, о которых уже упоминалось. "Пламя" - *это любовная фантастика, пьеса о сексуальной любви*. Эта характеристика проявляется в часто романтических именах мужчин и женщин, придуманных для подписи букв.

Однако даже в самих письмах прослеживается элемент сексуальной впечатлительности. "В пятницу мы пошли на службу в Сан-Б., - пишет одна из тех, кто работал в учреждении, управляемом монахинями, - но, к сожалению, я увидела М. Л. в окне, когда думала, что она в А. и

я все время была в нервном состоянии. Представьте себе, что эта милая женщина стояла у окна с обнаженными руками и, как мне показалось, в одной сорочке". Без сомнения, подобное впечатление могло бы быть произведено на девушку, живущую в своей собственной семье. Но несомненно, что окраска воображения, как правило, более живая у тех, кто живет в колледжах, и отстранена от того разнообразного и невинного наблюдения, которое делает тех, кто находится за пределами колледжей, более свободными и непредвзятыми. На мальчика, который волен видеть столько женщин, сколько захочет, женское лицо не может произвести такого впечатления, как на мальчика, который живет в колледже и который может быть, так сказать, наэлектризован, если увидит какой-либо предмет, принадлежащий женщине, особенно если он увидит его украдкой или в эротическом настроении. Такой объект вызывает целую серию распутных фантазий, чего он не мог бы сделать у того, кто своим окружением уже был вооружен против любых тенденций к эротическому фетишизму. Притягательность того, что мы видим лишь изредка и вокруг чего усердно играет фантазия, притягательность запретного плода, порождает склонности и привычки, которые вряд ли могли бы развиться на свободе. Любопытство обострено и усиливается препятствиями, стоящими на пути к его удовлетворению. Влечение "Пламенем" является началом такого болезненного фетишизма. Чувство, которое при других условиях никогда бы не вышло за рамки обычной дружбы, может, таким образом, стать "пламенем", и даже "пламенем" явно сексуального характера. Под этим влиянием мальчики и девочки испытывают самые чистые и простые чувства в гиперэстетической манере. Изучаемые здесь девушки утратили точное представление о простых проявлениях дружбы и думают, что они свидетельствуют об изысканной чувствительности и настоящей дружбе, любя товарища до безумия; дружба у них превратилась в страсть. О том, что это сильное желание страстно любить товарища является результатом условий учебы в колледже, можно судить по следующему отрывку из письма: "Ты знаешь, дорогая, гораздо лучше меня, как остро девушки, живущие вдали от собственного дома и от всех, кто им дороже всего на свете, ощущают потребность любить и быть любимыми. Вы можете понять, как тяжело быть вынужденным жить без кого-либо, кто окружал бы вас любовью"; и далее писательница рассказывает, как вся ее любовь обращается к своему корреспонденту.

Хотя в отношениях "пламени", несомненно, присутствует сексуальный элемент, это не может рассматриваться как абсолютное выражение реального врожденного извращения полового инстинкта. Частота этих явлений, а также тот факт, что, оканчивая колледж и вступая в общественную жизнь, девушка обычно перестает испытывать эти эмоции, достаточны для того, чтобы показать отсутствие врожденной аномалии. Оценка частоты "вспышек" в обычных школах, данная Обичи и Маркезини несколькими сотрудницами, составила около 60%, но нет оснований предполагать, что женщины-учителя составляют больший контингент извращенных личностей, чем другие женщины. Корень органичен, нопроявления идеальны и платонически, в отличие от некоторых других проявлений, встречающихся в студенческой жизни. Не было проведено никакого расследования относительно подробностей одиночных сексуальных проявлений в колледжах, поскольку тот факт, что они существуют в более или менее значительной степени, был достаточно признан. Разговоры, о которых уже говорилось, являются показателем сексуального возбуждения, существующего у этих воспитанников колледжа и умноженного на энергию общением. Такой дискурс, как писал один из сотрудников, был в порядке вещей, и происходил он главным образом в то время, когда писать письма было проще всего. Вполне возможно, что чувственные возбуждения, преобразованные в эфирные чувства, служат для увеличения интенсивности "пламени".

В целом, заключают Обичи и Маркезини, flame можно рассматривать как *предварительный синтез*. Мы находим здесь, в совокупности, физиологический элемент зарождающейся сексуальности, психический элемент нежности, естественной для этого возраста и пола, элемент случая, предоставляемого окружающей средой, и социальный элемент с его зарождающимся альтруизмом.

II.

На то, что явления, описанные в мельчайших деталях Обичи и Маркезини, очень напоминают явления, существующие в английских школах для девочек, указывает следующее сообщение, за которое я в долгу перед дамой, знакомой с английским колледжем для девочек очень современного типа:

"Из расспросов, проведенных в различных кругах, а также благодаря личным наблюдениям и опыту я пришла к выводу, что романтические и эмоциональные привязанности, формируемые девочками к своим подругам и компаньонкам, привязанности, которые на какое-то время завладевают их умами, гораздо более распространены среди английских девушек, чем обычно предполагается, особенно в школе или колледже, или везде, где несколько девушек или молодых женщин живут вместе в одном учебном заведении и находятся в большом уединении.

Насколько мне удалось выяснить, эти привязанности, которые имеют собственные местные названия, *например*, "рейвы", "ложки" и т.д., Сравнительно редки в небольших частных школах и полностью отсутствуют среди девочек из бедного класса, посещающих пансионы и национальные школы, возможно, потому, что они более свободно общаются с противоположным полом.

"По личному опыту могу сказать, что в одном из крупнейших и лучших английских колледжей, где я провел несколько лет, "бред" особенно распространен, несмотря на мероприятия, которые, как казалось, должны были устранить большинство нездоровых чувств. Условия там очень похожи на большие колледжи для мальчиков. Есть множество пансионов, в которых в среднем учатся от сорока до пятидесяти студентов. Каждым домом управляет хорошо образованная домоправительница, которой помогают домашние гувернантки (совершенно отдельно от преподавателей колледжа). У каждого дома есть большой сад с теннисными кортами и т.д.; здесь широко проводятся крикет, хоккей и другие игры, которые не только поощряются, но и доставляют большое удовольствие. У каждой девушки есть отдельная каморка или спальня, и никому из младших (моложе 17 лет) не разрешается входить в каморку или спальню другой девушки без разрешения или заходить в спальни в течение дня. На самом деле, все делается для того, чтобы отбить охоту к любым болезненным чувствам. Но все равно, насколько показывает мой опыт, дружеские отношения там кажутся более бурными и эмоциональными, чем в большинстве других мест, а темы секса являются одной из главных тем для разговоров.

"В таких крупных школах и колледжах подобные "бредни" не только многочисленны, но и, кажется, постоянны среди девочек всех возрастов, от 13 лет и старше. Девочки младше этого возраста могут испытывать симпатию к какому-либо другому ученику или учителю, но совершенно по-другому. Эти "рейвы" - не просто дружеские отношения в обычном смысле этого

слова, и они не несовместимы с обычной дружбой. У девушки с "рейвом" часто есть несколько близких друзей, к которым она испытывает привязанность без эмоциональных переживаний и приятного возбуждения, характерных для "рейва".

"Из того, что мне рассказывали те, кто пережил эти "рейвы" и с тех пор был влюблен в мужчин, эмоции, вызванные в обоих случаях, были схожими, хотя в случае с "рейвом" этот факт в то время не был осознан. Это, по—видимому, указывает на сексуальную основу, но, с другой стороны, есть много случаев, когда чувство кажется более духовным, своего рода возвышением всей души с сильным желанием вести очень хорошую жизнь - чувством, которое больше всего на свете благоговеет перед любимым человеком, без желания становиться слишком близким и без стремления к физическому контакту.

"Рейвы", как правило, начинаются довольно внезапно. Они могут быть взаимными или все с одной стороны. В случае школьников взаимный "восторг" обычно наблюдается между двумя товарищами, или девочки могут испытывать "восторг" по одному из своих учителей или какому-нибудь взрослому знакомому, который не обязательно входит в школьную жизнь. В этом случае может быть, а может и не быть чувства привязанности к девушке из-за ее "восторженности", хотя и за вычетом всех эмоциональных переживаний.

"Иногда старшеклассник впадает в "бред" по поводу маленькой девочки, но эти случаи редки и не очень активны по своим симптомам, у девочек старше 18 лет "бредов" меньше, и они, как правило, осуждают их.

"В уже упомянутой большой школе, о которой я лично знаю, "бред" был очень распространенным явлением, и вряд ли кто-то был свободен от него. Любой первокурсник вскоре стал бы жертвой моды, что скорее указывает на то, что она заразительна. Иногда в общем бреде может наступать затишье только для того, чтобы через некоторое время вновь проявиться в более или менее эпидемической форме. Иногда почти все "восторги" испытывали ученики по отношению к своим учителям; в других случаях это было более очевидно между самими девочками.

"Иногда несколько девочек вызывали восторг у одной учительницы. Во многих случаях девочки, сходявшие с ума по учителю, заводили очень крепкую дружбу с кем—нибудь из своих товарищей - постоянно говорили друг с другом о своих соответствующих "бреднях", описывали свои чувства и вообще выпускали пар друг перед другом, иногда позволяли себе активные проявления привязанности, которые им запрещала показывать сама учительница, а в некоторых случаях не имели желания делать этого, даже если бы могли.

"Насколько я смог судить, необязательно какое-либо влечение к физическим характеристикам, таким как красота, элегантности т.д.; вероятно, оба участника обладают сильным характером, или слабохарактерный бредит более сильным, но редко *наоборот*.

"Я часто замечал, что на одного и того же человека в разное время могут нападать несколько человек с разными характерами и всех возрастов: скажем, до 30 лет. Трудно сказать, почему некоторые люди больше, чем другие, должны вызывать это чувство. Часто они сдержанны, без какой-либо особой физической привлекательности, часто презирают восторженные и эмоциональные дружеские отношения и не поощряют их. То, что большинство "рейвов" имеют сексуальную основу, может быть правдой, но я уверен, что в большинстве случаев, когда речь идет о молодых девушках, это ни в малейшей степени не осознается, и никакая нечистота не

поощряется и не желается. Большинство девушек совершенно невежественны во всех сексуальных вопросах и вообще ничего в них не понимают. Но они действительно интересуются ими и постоянно о них говорят, особенно когда у них "бред", что, кажется, указывает на какую-то тонкую связь между ними. То, что такое невежество существует, в значительной степени вызывает сожаление. Если об этом предмете однажды задуматься, то о нем всегда думают и говорят, и в конце концов информация, как правило, добывается прискорбным образом. По личному опыту я знаю, какие пагубные последствия оказывает это невежество и постоянное стремление все выяснить на умы и тела школьниц. Если бы родители тщательно объяснили детям естественные и простые законы творения, можно было бы предотвратить большой вред, и разговор не всегда заходил бы на сексуальные темы. К Библии часто обращаются для раскрытия скрытых тайн.

""Бредни" в адрес учителей встречаются гораздо чаще, чем между двумя девочками. В этом случае девушка не делает секрета из своей привязанности, постоянно говорит об этом и описывает свои чувства всем, кто хочет слушать, и пишет длинные письма своим друзьям о том же. В случае двух девушек, скорее всего, присутствует сексуальный элемент, они получают огромное удовольствие от тесного контакта друг с другом и частых поцелуев и объятий. При расставании пишутся длинные письма, часто ежедневные; они полны нежных выражений любви и т.д., Но также часто упоминается осчастье и желания поступать хорошо, которые вдохновила их любовь, в то время как часто возникает очень глубокое религиозное чувство и принимается много хороших решений. Их различные эмоциональные переживания описываются друг другу в мельчайших деталях.

Продолжительность "рейвов" разная. Я знаю, что они длятся три-четыре года, чаще всего всего несколько месяцев. Иногда то, что начиналось как "рейв", превращается в разумную крепкую дружбу. Я полагаю, что на самом деле инверсия происходит редко, и по мере взросления "рейвы" обычно прекращаются. В том, что "рейверы" чувствуют и ведут себя как пара влюбленных, нет никаких сомнений, и большинство связывает эти романтические дружеские отношения с представителями своего пола в значительной степени, в случае девочек в школах, с отсутствием общества противоположного пола. В некоторых случаях это может быть правдой, но лично я считаю этот вопрос открытым для обсуждения. Такая дружба часто встречается среди девочек, которые закончили школу и пользуются полной свободой, даже среди девочек, которые неоднократно флиртовали с противоположным полом, которых нельзя обвинить в инверсии и которые обладают всеми женственными и домашними качествами.

В качестве иллюстрации этих моментов я могу привести следующий случай: А. и Б. были двумя девушками в одном колледже. Они принадлежали к разным кликам или сетам; занимали разные спальни; никогда не встречались на школьной работе и были практически известны друг другу только по имени. Однажды они случайно сели рядом за каким-то ужином. У них обоих уже были "восторги": А. от актера, которого она недавно видела, Б. от замужней женщины в ее доме. Разговор случайно зашел о "рейвах", и *внезапно* они почувствовали взаимное притяжение. С этого момента в их жизни появился новый интерес. Они жили друг для друга. В то время А. было 14 лет, Б. на год старше. Обе были не по годам развиты для своего возраста, практичны, обладали большим количеством здравого смысла, очень любили игры, интересовались своими уроками и очень независимы, но в то же время обладали ярко выраженными женственными чертами характера и пользовались популярностью у противоположного пола. После первого чувства интереса возникло легкое волнение и желание

встретиться снова. Все их мысли были заняты этой темой. Каждый день им удавалось проводить как можно больше личных встреч. Они встречались в коридорах, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи, обнявшись. Насколько это было возможно, они скрывали свои чувства от остального мира. Они стали неразлучны, и между ними возникла очень длительная и настоящая, но несколько эмоциональная привязанность, в которой, безусловно, был замечен сексуальный элемент. Хотя в то время они оба были совершенно несведущи в сексуальных вопросах, все же в какой-то степени потакали своим сексуальным инстинктам. Они чувствовали себя переполненными доселе неопытными чувствами и эмоциями, инстинкт побуждал их дать им волю, но инстинктивно у них также было ощущение, что сделать это было бы неправильно. Это чувство они пытались оспорить и найти причины. Расставаясь на какое-то время, они чувствовали себя очень несчастными и каждый день писали друг другу целые страницы, изливая в письменном виде свои чувства друг к другу. В это время активного влечения они оба на какое-то время стали глубоко религиозными. Активная часть этой привязанности продолжалась три или четыре года, и теперь, по прошествии десяти лет, они оба чрезвычайно любят друг друга, хотя их жизненные пути разделились и с тех пор каждая испытала любовь к мужчине. Оба с некоторым интересом вспоминают о сексуальном элементе в своей дружбе. Можно мимоходом отметить, что А. и Б. обе привлекательные девушки для мужчин и женщин, и особенно Б., по-видимому, всегда вызвала "восторженные" чувства у представителей своего пола без малейшего поощрения с ее стороны. Продолжительность этого "рейва" была исключительно долгой, большинство длилось всего несколько месяцев, в то время как у некоторых девушек один "рейв" за другим или два или три вместе.

"Я могу упомянуть еще один случай, когда, по моему мнению, если это имело сексуальную подоплеку, то это не было признано заинтересованными сторонами или их друзьями. Две девушки старше 20 лет прошли по коридору. Они обменялись несколькими словами: начало очень теплой и быстрой дружбы. Они сказали, что это было "рейв". Они были абсолютно преданы друг другу, но из того, что я знаю о них и что они впоследствии рассказали мне, их чувства были совершенно свободны от каких-либо сексуальных желаний, хотя их любовь к друг другу была огромной. Расставаясь, они ежедневно обменивались письмами, но всегда старались подбадривать друг друга во всех добродетелях, и, насколько я могу судить, они никогда не поддавались ни одному чувству, которое, по их мнению, не шло на благо их душ.

"Обмениваются письмами и подарками, произносят клятвы в вечной любви, ссорятся просто ради удовольствия примирения, и ревность легко проявляется. Хотя "бредни" встречаются в основном среди школьниц, они ни в коем случае не ограничиваются ими, а распространены среди любого сообщества женщин любого возраста, скажем, моложе 30 лет, и неизвестны среди замужних женщин, когда нет инверсии. В этих оазисах обычно, конечно, нет ничего невежественного в сексуальных вопросах.

"Есть ли какой-то прямой вред в этих дружеских отношениях, я так и не смог решить. В случае со школьницами, если не вызывать слишком много эмоций и не потакать сексуальным чувствам, я думаю, что они могут принести больше пользы, чем вреда. Позже, когда все желания и чувства человека становятся самыми сильными, это становится еще более сомнительным".

III.

То, что явления, обнаруженные в женских колледжах Америки, в точности аналогичны тем, что наблюдаются в Италии и Англии, показано, среди прочих свидетельств, некоторыми сообщениями, отправленными мистеру Э. Г. Ланкастеру из Университета Кларка, Вустер, Массачусетс, несколько лет назад.

Мистер Э. Г. Ланкастер разослал *анкету* более чем 800 учителям и ученикам старшего возраста по различным вопросам, связанным с подростковым возрастом, и получил ответы от 91 человека, содержащие информацию, имеющую отношение к настоящему вопросу.^[279] Из этого числа 28 мужчин и 41 женщина были влюблены до 25 лет, в то время как у 11 представителей каждого пола не было любовного опыта, что указывает, поскольку женщины составляли большинство, на то, что отсутствие любовного опыта чаще встречается у мужчин, чем у женщин. Эти ответы были получены от молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет. Двое мужчин и 7 женщин любили воображаемых персонажей, в то время как 3 мужчины и не менее 46 женщин говорят о страстной любви к представителям своего пола. Любовь к тому же полу, замечает Ланкастер, хотя и не общеизвестна, но очень распространена; это не просто дружба; любовь сильная, настоящая и страстная. Можно отметить, что об этих 49 случаях сообщалось без принуждения, поскольку в *анкет*е не было упоминания о гомосексуальной любви. Ланкастер отмечает, что многие ответы к программе настолько красивы, что, если бы их можно было напечатать полностью, не было бы необходимости в комментариях. Он цитирует некоторые из ответов. Так, 33-летняя женщина пишет: "В 14 лет у меня был мой первый случай любви, но это было с девушкой. Это была безумная, сильная любовь, но она имела те же качества и ощущения, что и моя первая любовь с мужчиной в 18 лет. Ни в том, ни в другом случае объект не идеализировался. Я прекрасно осознавал их недостатки; тем не менее, все мое существо было потеряно, погружено в их существование. Первое длилось два года, второе - семь. С тех пор ни одна любовь не была такой сильной, но теперь эти люди, хотя и живы, для меня не больше, чем самые настоящие незнакомцы". Другая женщина 35 лет пишет: "Девочки в возрасте от 14 до 18 лет в колледже или школе для девочек часто влюбляются в представителей своего пола. Это не дружба. Любимый человек старше, более продвинут, более обаятелен или красив. Когда я была первокурсницей в колледже, я знала по меньшей мере тридцать девушек, которые были влюблены в выпускника. Некоторые искали ее, потому что такова была мода, но я знал, что мое собственное уважение и уважение многих других было искренним и страстным. Я любил ее, потому что она была блестящей и совершенно равнодушной к любви, которую ей проявляли. Ее нельзя было назвать хорошенькой, хотя в то время мы считали ее красавицей. Один из ее поклонников, которым пренебрегли, проболел две недели. Вернувшись, она разговаривала со мной, когда в комнату вошел объект нашего восхищения. Потрясение было слишком велико, и она упала в обморок. Когда я перешла в выпускной класс, я была удостоена томных взглядов, оригинальных стихов, роз и страстных писем, написанных в полночь и в три часа ночи". От мужчин подобных признаний не зафиксировано.

IV.

В Южной Америке соответствующие явления были обнаружены в школах и колледжах того же класса. Там они были специально изучены Мерканте в монастырских средних школах Буэнос-

Айреса, где учатся девочки в возрасте от 10 до 22 лет.^[280] Мерканте обнаружил, что гомосексуальность здесь четко не определена и обычно сочетается со склонностью к романтизму и мистицизму. Обычно оно носит пассивный характер, но в этой форме настолько широко распространено, что представляет собой своего рода эпидемию. Наиболее ярко оно проявлялось в учреждениях, где наибольшее внимание уделялось религиозному обучению.

Развлечения в школе, о которой идет речь, были тихими и изматывающими; активные или шумные виды спорта были запрещены с той целью, чтобы можно было культивировать хорошие манеры. В игровых комнатах девочки соблюдали строжайший этикет, и дисциплина поддерживалась независимо от надзора учителей. Однако Мерканте с трудом верилось, что этикет был чем-то большим, чем просто внешним.

Позже, когда девушки разошлись, их находили парами или небольшими группами, в углах, на скамейках, у колонн, держащимися за руки. О чем они говорили, можно было догадаться. "Их разговор и признания дошли до меня косвенно. Они были влюбленными, обсуждавшими свои дела. Несмотря на духовный и женский характер этих союзов, один элемент был активным, другой пассивным, что подтверждает авторитеты в этом вопросе - Гамье, Режи, Ломброзо, Бонфигли".

Мерканте обнаружил, что точки зрения двух членов каждой пары сильно различаются в моральном аспекте. "Одна проявляет инициативу, она командует, она заботится, она предлагает, она отдает, она принимает решения, она обдумывает настоящее, она представляет будущее, она сглаживает трудности, проявляет поддержку и инициативу, она командует, она заботится, она предлагает, она отдает, она послушная, уступает в спорных вопросах и выражает свою привязанность сладкими словами и обещаниями любви и подчинения. Атмосфера, тихая и безмолвная, была, однако, наполнена ревностью, склоками, желаниями, иллюзиями, мечтами и причитаниями".

Информатор Мерканте заверил его, что практически у каждой девушки была своя близость и что существовало по меньшей мере двадцать четко определенных любовных связей. Активная сторона начинает завоевание с построения глазков, затем она становится более интимной и, наконец, делает предложение. Поскольку женщины очень легко приспосабливаются, неофит, если только она не бунтарка, проникается духом всего этого. Если она не уступчива, она должна подготовиться к конфликту, потому что добыча становится тем желаннее, чем больше встречает сопротивление.

Мерканте была предоставлена возможность понаблюдать за перепиской между девушками. Несмотря на невысокую подготовку и способности в других отношениях, девушки говорят и пишут о своих делах с замечательной дикцией и стилем. Никаких данных относительно фактических интимных отношений между девушками не приводится.

[279] Э. Г. Ланкастер, "Психология и педагогика подросткового возраста", *Педагогическая семинария*, июль 1897 г., стр. 88.

[280] Виктор Мерканте, "Фетишизм и уранизм женщины в системе внутреннего образования", *Архив психологии и криминологии*, 1905, стр. 22-30; составлено Д. К. Макмертри, *Urologic Review*, август 1914г.

Том 3

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

АНАЛИЗ СЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

ЛЮБОВЬ И БОЛЬ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

СЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ У ЖЕНЩИН.

Я.

II.

III.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. СЕКСУАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ У ДИКАРЕЙ.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. РАЗВИТИЕ ПОЛОВОГО ИНСТИНКТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

Этот том был тщательно переработан для настоящего издания и значительно расширен повсюду, чтобы сделать его более точным и иллюстративным, а также достаточно современным с точки зрения научных исследований. В Приложение также были добавлены многочисленные истории.

Не было сочтено необходимым изменять основные доктрины, изложенные десять лет назад. В то же время, однако, в отношении первого исследования в этой книге можно упомянуть, что за последние годы наши знания о физиологическом механизме полового инстинкта претерпели революцию. Это связано с проведенными исследованиями и построенными выводами относительно роли гормонов, или внутренней секреции желез внутренней секреции, в физическом проявлении полового инстинкта и вторичных половых признаков. Изложенная здесь концепция психологии сексуального влечения, хотя и соотносится с терминами физического процесса набухания и детумесценции, можно сказать, что она независима от конечных физиологических истоков этого процесса. Но мы не можем не понимать значения физиологической химии в этой области; и учение о внутренних выделениях, поскольку оно может пролить свет на многие сложные проблемы, связанные с половым инстинктом, представляет для нас большой интерес.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.
июнь 1913 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Содержание

Настоящий том *Исследований* посвящен некоторым из наиболее существенных проблем сексуальной психологии. *Анализ сексуального влечения* является фундаментальным. До тех пор, пока мы не поймем точный процесс, лежащий в основе представленных нам изменчивых и многообразных явлений, мы никогда не сможем надеяться уловить в их истинных отношениях ни одно из нормальных или ненормальных проявлений этого инстинкта. Я не утверждаю, что изложенная здесь концепция процесса является новой или оригинальным. Действительно, даже с тех пор, как я начал работать над этим несколько лет назад, различные исследователи в этих областях, особенно в Германии, лишили его какой-либо новизны, которой он мог бы обладать в противном случае, и в то же время помогли мне прийти к более точному утверждению. Для меня это вызывает удовлетворение. В столь фундаментальном вопросе мне было бы жаль придерживаться своеобразной и индивидуальной точки зрения. Для меня является источником удовлетворения тот факт, что позиции, которых я достиг, являются теми, к которым склоняются современные интеллектуальные и научные мнения. Любая оригинальность в моем исследовании этой проблемы может заключаться только в объединении элементов из нескольких различных областей. Я буду удовлетворен, если окажется, что я достиг достаточно сбалансированного, общего и объективного изложения этих основных факторов сексуального инстинкта.

В исследовании *Любви и боли* я обсуждал источники тех отклонений, которые обычно называют, не совсем удачно, "садизмом" и "мазохизмом". Здесь мы сталкиваемся с наиболее экстремальной и, возможно, наиболее широко известной группой сексуальных извращений. Я рассмотрел их с медико-правовой точки зрения, потому что это уже было сделано другими авторами, чьи работы доступны. Я предпочел показать, как эти отклонения могут быть объяснены; как они могут быть связаны с нормальными и фундаментальными аспектами сексуального влечения; и, действительно, в своих элементарных формах они сами по себе могут рассматриваться как нормальные. В той или иной степени они присутствуют в каждом конкретном случае на определенном этапе сексуального развития; их нити тонко вплетены во весь психологический процесс секса и выходят из него. Я не делал никаких попыток свести их сложность к простоте, которая была бы ошибочной. Я надеюсь, что моя попытка распутать эти длинные и запутанные нити сделает их достаточно ясными.

В третьем исследовании, посвященном *сексуальному влечению у женщин*, мы подходим к практическому вопросу прикладной сексуальной психологии, и к вопросу первостепенной важности. Несомненно, сексуальный импульс у мужчин имеет огромное значение с социальной точки зрения. Однако это довольно очевидно и хорошо понято. Импульс у женщин не только имеет, по крайней мере, равный момент, но и гораздо более скрыт. Естественные трудности этой темы усугубляются предположением большинства авторов, которые касались ее — по большей части случайно и поспешно, — что единственные различия, которые следует искать в сексуальном влечении у мужчины и женщины, - это количественные различия. Я указал, что нам было бы более полезно искать качественные различия, и попытался указать на те из этих различий, которые кажутся значимыми.

В Приложении вы найдете подборку историй более или менее нормального полового развития. Истории грубых сексуальных извращений часто приводились в книгах, посвященных половому инстинкту; до сих пор не было принято исследовать факты нормального сексуального развития. Однако наше невежество наиболее велико именно в отношении нормального сексуального развития, и это нововведение вряд ли нуждается в оправдании. Я включил эти истории не только потому, что многие из них в высшей степени поучительны сами по себе, но и потому, что они демонстрируют природу материала, на котором в основном основана моя работа.

Я в долгу перед многими корреспондентами, медицинскими и другими, в различных частях мира, за большую ценную помощь. Когда они разрешали мне это делать, я обычно упоминал их имена в тексте. Это было невозможно в случае со многими подругами и корреспондентками, которым, однако, я очень обязан. Природа возложила на женщин большую часть бремени полового размножения; следовательно, они стали высшими авторитетами во всех вопросах, в которых затрагиваются сексуальные эмоции. Однако многие обстоятельства, которые довольно очевидны, сговариваются для того, чтобы женщинам было трудно публично заявлять о мудрости и знаниях, которые в вопросах любви им дал жизненный опыт. Дамы, которые со всей серьезностью и искренностью пишут книги по этим вопросам, часто являются последними людьми, к которым мы должны обращаться как представители их пола; те, кто знает больше всего, написали меньше всего. Поэтому я могу лишь еще раз выразить, как и в предыдущих томах, мою глубокую благодарность этим анонимным сотрудникам, которые помогли мне пролить свет на область человеческой жизни, имеющую такое первостепенное социальное значение и в то же время столь смутно видимую.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

Карбис Уотер,
Лелант, Корнуолл, Англия.

АНАЛИЗ СЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

Содержание

Определение инстинкта—сексуальный импульс, фактор половой инстинкт—теории сексуальный импульс, а импульс эвакуации—доказательства в поддержку этой теории недостаточно—сексуальный импульс, в какой-то степени независимой от половых желез—половой импульс у кастрированных животных, а мужчины—сексуального влечения у кастрированных женщин, после менопаузы, и врожденное отсутствие половых желез—внутренней секреции—аналогия между сексуальными отношениями и кормящая мама и ее ребенок—теория полового влечения как репродуктивный импульс—эту теорию несостоятельной—Молл определения—импульс стимулирует ток крови—импульс Contrectation—модификация этой теории, предложенная его отношении Дарвина, половой отбор—необходимый элемент в Дарвина концепция—итог истории доктрины полового отбора—психологическим его аспектом—Половой отбор является частью естественного отбора—основополагающее значение припухлости—иллюстрируют явления ухаживания у животных и у человека—объекта ухаживания для получения сексуального возбуждения—примитивное значение танцы у животных и человека—танцы-это сильнодействующее средство для создания припухлости—доля правды в сравнении сексуального импульса с эвакуацией, Особенно мочевого пузыря—оба касаются нервной взрывы—свои интимные и порой заместительные отношения—аналогия между коитусом и эпилепсия—аналогия сексуальных импульсов голода—конечный объект порывы припухлости и detumescence.

Можно сказать, что термин "сексуальный инстинкт" охватывает весь нервно-психический феномен размножения, который человек разделяет с низшими животными. Верно, что много дискуссий велось относительно правильного использования термина "инстинкт", и некоторые определения инстинктивного действия, по-видимому, исключают существенный механизм процесса, посредством которого обеспечивается половое размножение. Такие определения едва ли кажутся законными и, безусловно, неудачны. Определение инстинкта Гербертом Спенсером как "сложного рефлекторного действия" достаточно ясно и определено для обычного использования.

Довольно удовлетворительным определением инстинкта является определение, данное доктором и миссис Пекхэм в ходе своего исследования *Инстинктов и привычек одиночных ос*. "Под термином "инстинкт", - говорят они, - мы понимаем все сложные действия, которые совершаются до опыта и сходным образом всеми представителями одного пола и расы, оставляя в стороне как несущественный в настоящее время вопрос о том, сопровождаются они

сознанием или нет". Это определение с одобрением цитируется Ллойдом Морганом, который модифицирует и развивает его дальше (*Поведение животных*, 1900, стр. 21). "Различие между инстинктивным и рефлекторным поведением, - замечает он, - в значительной степени зависит от их относительной сложности", и можно сказать, что инстинктивное поведение, заключает он, включает в себя "те сложные группы скоординированных актов, которые при их первом возникновении не зависят от опыта; которые направлены на благополучие индивида и сохранение расы; которые обусловлены взаимодействием внешних и внутренних стимулов; которые аналогичным образом выполняются всеми членами одной и той же более или менее ограниченной группы животных; но которые подвержены вариациям и последующей модификации под руководством определенных организмов". опыт". Такое определение явно оправдывает нас, когда мы говорим о "сексуальном инстинкте". Можно добавить, что различные вопросы, связанные с определением полового инстинкта, были полностью обсуждены Моллем в ранних разделах его книги "*Основные положения о сексуальном либидо*".

В последние годы наметилась тенденция избегать употребления термина "инстинкт" или, во всяком случае, воздерживаться от придания ему какого-либо серьезного научного смысла. Влияние Леба особенно усилило эту тенденцию. Таким образом, в то время как Пьерон в интересном обсуждении вопроса ("*Актуальные проблемы инстинкта*", *Философское ревю*, октябрь 1908 г.) считает, что было бы все же удобно сохранить термин, придав ему философское значение, Жорж Бон, который посвящает главу понятию инстинкта (*La Naissance de l'Intelligence*, 1909), решительно выступает за исключение этого слова, поскольку оно является всего лишь наследием средневековых теологов и метафизиков, служащим для скрывать наше невежество или отсутствие точного анализа.

Можно сказать, что вся задача, поставленная в этих *Исследованиях*, на самом деле является попыткой проанализировать то, что обычно называют половым инстинктом. Чтобы понять это, мы должны разбить его на составные части. Ллойд Морган указал, что компоненты инстинкта можно рассматривать как четыре: во-первых, внутренние сообщения, порождающие импульс; во-вторых, внешние стимулы, которые взаимодействуют с импульсом, воздействуя на нервные центры; в-третьих, активная реакция, обусловленная согласованными исходящими разрядами; и, в-четвертых, сообщения от органов, участвующих в поведении, которые в дальнейшем воздействуют на центральную нервную систему.^[1]

Имея дело с половым инстинктом, мы должны наиболее полно обсудить первые два фактора. Внешними стимулами мы займемся в следующем томе (IV). Здесь мы можем ограничиться главным образом первым фактором: природой внутренних сигналов, которые побуждают к половому акту. Другими словами, мы можем попытаться проанализировать *сексуальное влечение*.

Первое определение сексуального влечения, с которым мы встречаемся, - это то, которое рассматривает его как импульс эвакуации. Психологический элемент, таким образом, сведен к минимуму. Это правда, что, особенно в раннем возрасте, эмоции, вызванные принудительным подавлением выделений, часто бывают сильными или острыми в высшей степени, и радость облегчения соответственно велика. Но во взрослой жизни, в большинстве случаев, эти желания могут быть в значительной степени отодвинуты на задний план сознания, частично благодаря тренировке, частично из-за того факта, что произвольная мышечная активность менее обязательна во взрослой жизни; так что идеальный элемент в связи с обычными

выделениями составляет почти ничтожно малое количество. Теория опорожнения полового инстинкта, однако, пользуется наибольшей популярностью, и циникам доставляет удовольствие выражать ее грубым языком. Именно этот вид импонирует криминальному сознанию, и на сленге французских преступников бордель называется *le cloaque*. Эта точка зрения также безоговорочно принималась средневековыми писателями-аскетами, которые рассматривали женщину как "храм, построенный над сточной канавой", и с совершенно иной точки зрения она была кратко изложена Монтень, который, несомненно, внес большой вклад в поддержку этого взгляда на вопрос: "Я нахожу, - сказал он, - что Венера, в конце концов, это не что иное, как удовольствие от опорожнения наших сосудов, точно так же, как природа доставляет удовольствие выделениям из других частей тела".^[2] Лютер, опять же, всегда сравнивал половое влечение с выделительным импульсом и говорил, что брак так же необходим, как и мочеиспускание. Сэр Томас Мор также во второй книге "*Утопии*", говоря об удовольствии от эвакуации, говорит об этом ощущении, "когда мы выполняем нашу естественную обязанность или когда мы совершаем акт зарождения". Однако эта точка зрения вряд ли заслуживала бы серьезного рассмотрения, если бы различные выдающиеся исследователи, среди которых можно особо упомянуть Фере, не приняли ее как наилучшее и наиболее точное определение сексуального влечения. "Генетическую потребность можно рассматривать, - пишет Фере, - как потребность в опорожнении; выбор определяется возбуждениями, которые делают опорожнение более приятным".^[3] Некоторые факты, наблюдаемые у низших животных, имеют тенденцию подтверждать эту точку зрения; следовательно, необходимо, в первую очередь, изложить основные результаты наблюдений по этому вопросу. Спалланцани показал, как самец лягушки во время коитуса претерпевает самые ужасные увечья, даже обезглавливание, и все же решительно продолжает акт совокупления, который длится от четырех до десяти дней, сидя на спине самки и крепко обхватив ее передними лапами. Гольц подтвердил наблюдения Спалланцани и пролил новый свет на механизм полового инстинкта и полового акта у лягушки. Удалив различные части самки лягушки, Гольц обнаружил, что каждая часть самки была привлекательна для самца во время спаривания, и что ему не навязывали, когда заменяли части самца. Удалив различные органы чувств самца, Гольц^[4] далее обнаружил, что эта активность приводилась в действие не каким-либо специальным органом, а всей его чувствительной системой. Если, однако, снимать кожу с рук и груди между ними, объятий не происходило; так что сексуальные ощущения, казалось, передавались через этот аппарат. Когда яички были удалены, объятия все еще имели место. Вряд ли можно сказать, что эти наблюдения продемонстрировали или каким-либо образом указали, что сексуальное влечение зависит от потребности в опорожнении. Профессор Тарчанов из Санкт-Петербурга, однако, провел эксперимент, который, по-видимому, имел решающее значение. Он взял несколько сотен лягушек (*Rana temporaria*), почти всех в акте совокупления, и в первую очередь повторил эксперименты Гольца. Он удалил сердце, но это не привело к прямой или косвенной остановке полового акта, равно как и удаление легких, частей печени, селезенки, кишечника, желудка или почек. Точно так же даже осторожное удаление обоих яичек не дало результата. Но при удалении семенных сосудов коитус немедленно или очень скоро прекращался и не возобновлялся. Таким образом, Тарчанов пришел к выводу, что у лягушек и, возможно, следовательно, у млекопитающих семенные сосуды являются отправной точкой центростремительного импульса, который рефлекторным действием приводит в движение сложный аппарат сексуальной активности.^[5] Несколько лет спустя этот вопрос снова был поднят Стейнахом из Праги. Допуская, что эксперименты Тарханова надежны в отношении лягушки, Стейнах указывает, что мы все же можем задаться вопросом, связана ли у

млекопитающих целостность семенных сосудов с сохранением сексуальной возбудимости. Это нельзя считать само собой разумеющимся, как и мы не можем предположить, что семенные сосуды лягушки гомологичны семенным пузырькам млекопитающих. Чтобы проверить этот вопрос, Стейнах выбрал белую крысу, обладающую большими семенными пузырьками и очень развитым сексуальным влечением. Он обнаружил, что удаление семенных мешочков не привело к снижению интенсивности сексуального влечения; половой акт по-прежнему повторялся с той же частотой и с той же энергией. Но эти сосуды, продолжал доказывать Стейнах, на самом деле содержат не сперму, а особый собственный секрет; анатомически они совершенно не похожи на семенные сосуды лягушки; таким образом, наблюдения Тарханова не вызывают сомнений. Стейнах, однако, заметил, что вера человека несколько поколеблена тем фактом, что у *Esculenta*, которая в сексуальной жизни очень напоминает *Rana temporaria*, нет семенных сосудов. Поэтому он повторил эксперименты Тарчаноффа и обнаружил, что семенные сосуды были пусты до коитуса и постепенно заполнялись только во время коитуса; следовательно, нельзя утверждать, что сексуальный импульс исходил из сосудов. Затем он экстирпировал семенные сосуды, избегая кровотечения, насколько это было возможно, и обнаружил, что в большинстве случаев после такой операции коитус все еще продолжался от пяти до семи дней, а в меньшинстве - дольше. Поэтому он вместе с Гольцем пришел к выводу, что первый импульс исходит от набухших яичек, а не от семенных сосудов. Сам Гольц указывал, что тот факт, что удаление яичек не остановило коитус, никоим образом не доказывает, что оно его не начинало, поскольку, когда центральный нервный механизм однажды приведен в действие, он может продолжаться даже после устранения возбуждающего стимула. Удалив яички за несколько месяцев до начала полового акта, он обнаружил, что коитуса не произошло. В то же время даже у этих лягушек все еще сохранялась определенная степень сексуального влечения и определенная возбудимость охватывающего центра, которые исчезли, когда сексуальная эпоха закончилась.

Согласно большинству современных авторов, семенные пузырьки млекопитающих являютсяместилищами для их собственной белковой секреции, функция которой неизвестна. Стейнах не смог обнаружить сперматозоидов в этих "семенных" мешочках, и поэтому он предложил использовать название *Ouënaglandulæ vesiculares*. После экстирпации этих везикулярных желез у белой крысы произошел типичный коитус. Но способность к деторождению была снижена, и экстирпация обоих пузырьков желез и предстательной железы привела к исчезновению способности к деторождению. Стейнах пришел к выводу, что это происходит потому, что выделения этих желез придают сперматозоидам повышенную жизнеспособность, и он указывает, что большая фертильность и высокое развитие дополнительных половых желез идут рука об руку.

Стейнах обнаружил, что при кастрации половозрелых белых крыс, хотя поначалу они оставались такими же сильными, как всегда, их потенция постепенно снижалась; однако сексуальное возбуждение и сексуальное влечение всегда сохранялись. Затем он приступил к кастрации крыс до наступления половой зрелости и обнаружил весьма важный факт, что у них также проявлялась довольно значительная степень сексуального влечения. Они следовали за самками, обнюхивали и облизывали их, как обычные самцы; и о том, что это не было простым проявлением любопытства, свидетельствовал тот факт, что они предпринимали попытки совокупления, которые отличались от попыток нормальных самцов только отсутствием эрекции и семяизвержения, хотя иногда эрекция была несовершенной. Это продолжалось в течение года, а затем их сексуальные наклонности начали снижаться, и у них появились признаки

преждевременного старения. Эти проявления сексуального чувства Стейнах сравнивает с теми, которые отмечались у людей в детстве.^[6]

Таким образом, генетические тенденции в определенной степени независимы от половых желез, хотя развитие этих желез служит для увеличения генетической способности и придания импульса, необходимого для обеспечения продолжения рода, а также для обеспечения развития вторичных половых признаков, вероятно, под влиянием секрета, вырабатываемого и выбрасываемого в организм из первичных половых желез.^[7]

Халбан ("Die Entstehung der Geschlechtscharaktere", *Архив гинекологии*, 1903, стр. 205-308) утверждает, что первичные половые железы не обязательно продуцируют вторичные половые признаки и не препятствуют развитию тех, которые характерны для противоположного пола. Это действительно правило, но это не неизбежный результат. Половые различия существуют с самого начала. Нуссбаум проводил эксперименты на лягушках (*Rana fusca*), которые проходят годовой цикл вторичных половых изменений в период течки. Эти изменения прекращаются после кастрации, но, если семенники других лягушек ввести под кожу кастрированных лягушек, Нуссбаум обнаружил, что они действовали так, как если бы лягушка не была кастрирована. Именно секреция яичек вызывает вторичные половые изменения. Но Нуссбаум обнаружил, что секреция яичек не работает, если перерезаны нервы вторичной половой области, и что секреция не оказывает прямого действия на организм. Pflüger, discussing these experiments (*Archiv für die Gesamte Physiologie*, 1907, vol. cxvi, части 5 и 6), оспаривает этот вывод и утверждает, что секреция не зависит от действия нервной системы и что, следовательно, вторичные половые признаки независимы от нервной системы.

Steinach has also in later experiments ("Geschlechtstrieb und echt Sekundäre Geschlechtsmerkmale als Folge der innerskretorischen Funktion der Keimdrüsen," *Zentralblatt für Physiologie*, Bd. xxiv, Nu. 13, 1910) argued against any local nervous influence. Он обнаружил у *Rana fusca* и *esculenta*, что после осенней кастрации импульс схватить самку в некоторой степени сохранялся, а затем исчезал, появляясь, однако, в незначительной степени, каждую зиму в обычный период половой активности. Но когда вещество яичек активных лягушек вводили кастрированным лягушкам, оно оказывало избирательное действие на сексуальный рефлекс, иногда в течение нескольких часов, но это действие, заключает Стейнах, является первым центральным. Секреция яичек лягушек, которые не были сексуально активны, не оказывала стимулирующего действия, но если лягушки были сексуально активны, инъекция их центрального нервного вещества была столь же эффективна, как и вещество яичек. В любом случае, заключает Стейнах, происходит устранение торможения, которое действует в периоды сексуального покоя.

Говоря в целом, Стейнах считает, что имеет место процесс "эротизации" (Erotisierung) нервного центра под влиянием внутренних выделений яичек, и что это сохраняется даже после устранения первичного физического раздражителя.

Опыт ветеринарных врачей также показывает, что сексуальное влечение имеет тенденцию сохраняться у животных после кастрации. Таким образом, бык и мерин часто предпринимают попытки совокупиться с самками в период течки. В некоторых случаях, во всяком случае, в случае с лошадью, кастрированные животные остаются сильными и даже ненормально пылкими, хотя оплодотворение, конечно, не может привести к этому.^[8]

Результаты, полученные в результате научных экспериментов и ветеринарного опыта на низших животных, подтверждаются наблюдением различных групп явлений у людей. Не может быть никаких сомнений в том, что кастрированные мужчины все еще могут обладать сексуальными импульсами. Это было отмечено наблюдателями в различных странах, в которых создаются и используются евнухи.^[9]

Важно помнить, что существуют разные степени кастрации, поскольку в современном языке их редко различают. Римляне признавали четыре различные степени: 1. Истинный *кастрат*, у которого были удалены как яички, так и пенис. 2. *Спадоны*, у которых были удалены только яички; это была наиболее распространенная практика. 3. *Thlibiae*, у которого яички не удалялись, а разрушались путем раздавливания; на эту практику ссылается Гиппократ. 4. *Тласия*, у которой был просто перерезан семенной канатик. Миллан, из чьей парижской диссертации (*Кастрация преступников и маниакальных наклонностей*, 1902) я беру эти определения, указывает, что было признано, что *спадоны* оставались пригодными к половому акту, если операция проводилась после наступления половой зрелости, факт, который ценили многие римские дамы, в отношении сексуального влечения, как заметил святой Иероним, в то время как Марциал (lib. iv) сказал о римской даме, которая искала евнухов: "Vult futui Gallia, non parere". (См. также Millant, *Les Eunuques à Travers les Ages*, 1909, и статьи Lipa Bey и Zambaco, *Sexual-Probleme*, октябрь и декабрь 1911.)

В Китае Матиньон, бывший врач французской миссии в Пекине, рассказывает нам, что евнухи отнюдь не лишены сексуальных чувств, что они ищут общества женщин и, по его мнению, удовлетворяют свои сексуальные желания теми методами, которые им доступны, поскольку половые органы полностью удаляются. Представляется вероятным, что чем раньше проводится операция, тем менее выражены сексуальные желания, поскольку Матиньон упоминает, что мальчики, кастрированные до 10-летнего возраста, считаются китайцами особенно девственными и непорочными.^[10] В Константинополе, где евнухи принадлежат к негритянской расе, кастрация обычно является полной и проводится до наступления половой зрелости, чтобы, насколько это возможно, подавить сексуальную потенцию и желание. Даже когда кастрация производится в младенчестве, сексуальное желание не обязательно становится невозможным. Так, Мари описала случай безумного египетского евнуха, у которого в младенчестве были удалены пенис и мошонка; тем не менее, он испытывал частое и сильное сексуальное желание с выделением слизи и верил, что невидимая принцесса прикасается к нему и вызывает сладострастные ощущения. Хотя тело имело женственный вид, простата была нормальной, а семенные пузырьки не атрофировались.^[11] Можно добавить, что Ланкастер^[12] цитирует следующее замечание, сделанное много лет проживающим в стране человеком относительно нубийских евнухов: "Насколько я могу судить, сексуальное влечение существует неизменный из-за отсутствия половых органов. Евнух отличается от мужчины не отсутствием сексуальной страсти, а только тем, что он не может полностью удовлетворить ее. Насколько он может приблизиться к получению удовольствия от этого, он так и делает". В этой связи можно отметить, что (как цитирует Moll) Ягер приписывает предпочтение некоторых женщин — отмеченное в Древнем Риме и на Востоке — кастрированным мужчинам не только из-за отсутствия риска оплодотворения при таком половом акте, но и из-за большей продолжительности эрекции у кастрированных.

Когда кастрация выполняется без удаления полового члена, говорят, что потенция сохраняется по крайней мере в течение десяти лет после этого, и Дисзельхорст, который в своей *книге*

"Аксессуары для волос" придерживается той же точки зрения, что и здесь, упоминает, что, согласно Пеликану ("*Дас Скопцент*" в *Рюссланде*), те, кого кастрировали в период полового созревания, пригодны для коитуса еще долгое время после этого. Когда кастрация проводится по хирургическим показаниям в более позднем возрасте, вероятность того, что она повлияет на потенцию или изменит сексуальные ощущения, еще меньше.^[13] Гинар приходит к выводу, что сексуальное влечение после кастрации у человека относительно более стойкое, чем у низших животных, а иногда даже повышенное, вероятно, в большей степени зависящее от внешних раздражителей.^[14]

За исключением Востока, кастрация чаще проводится женщинам, чем мужчинам, и тогда доказательства влияния удаления яичников на сексуальные эмоции показывают разные результаты. Было обнаружено, что после кастрации сексуальное желание и сексуальное удовольствие при половом акте могут либо оставаться прежними, либо уменьшаться или гаснуть, либо усиливаться. Некоторые объясняли это уменьшение самовнушением, поскольку женщина была убеждена, что она больше не может быть такой, как другие женщины; предполагалось, что усиление желания и удовольствия происходит из-за устранения страха перед зачатием. Мы должны, конечно, учитывать индивидуальные особенности, образ жизни и состояние здоровья.

Во Франции Джейль ("*Физиологические эффекты кастрации у женщин*", *Ревю гинекологии*, 1897, стр. 403-57) обнаружил, что среди 33 пациенток, которым была выполнена овариотомия, у 18 сексуальное желание осталось прежним, у 3 оно было уменьшено, у 8 отменено, у 3 увеличилось; в то время как удовольствие от полового акта осталось прежним у 17, уменьшилось у 1, исчезло у 4 и увеличилось у 5, в 6 случаях половой акт был очень болезненным. В двух других группах случаев — в одной были удалены оба яичника и матка, а в другой — только матка - результаты заметно не отличались.

В Германии Глявеке (*Archiv für Gynäkologie*, Bd. xxxv, 1889) обнаружил, что желание оставалось в 6 случаях, уменьшалось в 10 и исчезало в 11, в то время как удовольствие от полового акта оставалось в 8, уменьшалось в 10 и терялось в 8. Пфистер, опять же (*Архив гинекологии*, Bd. lvi, 1898), исследовал этот момент у 99 кастрированных женщин; он отмечает, что сексуальное желание и сексуальное удовольствие от полового акта обычно были связаны, и обнаружил, что первое не изменилось в 19 случаях, уменьшилось в 24, пропало в 35, никогда не присутствовало в 21, в то время как последнее не изменилось в 18 случаях и уменьшилось или пропало в 60. Кепплер (Международный медицинский конгресс, Берлин, 1890 г.) обнаружил, что среди 46 кастрированных женщин сексуальное чувство ни в коем случае не было отменено. Адлер также, который обсуждает этот вопрос (*Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, стр. 75 и далее), критикует утверждения Глявеке и приходит к выводу, что между половыми органами и сексуальными чувствами нет строгой связи. Киш, который знал несколько случаев, когда ощущения оставались такими же, как до операции, объединяет (*Сексуальная жизнь женщин*) различные мнения многочисленных авторов относительно влияния удаления яичников на сексуальный аппетит.

В Америке Блум (цитируемый в *Медицинском стандарте*, 1896, стр. 121) обнаружил, что ни в одном из исследованных случаев у женщин, которым была выполнена оофоризектомия в возрасте до 33 лет, сексуальный аппетит не был полностью утрачен; у большинства из них он существенно не уменьшился, а у некоторых усилился. Однако существовало общее мнение о

том, что нормальная вагинальная секреция во время полового акта значительно уменьшалась. Было обнаружено, что у женщин старше 33 лет, включая также гистерэктомию, чаще всего происходит постепенное ослабление сексуального чувства и желания. Доктор Изабель Дэвенпорт зафиксировала 2 случая (о которых сообщается в *Медицинском стандарте*, 1895, стр. 346) женщин в возрасте от 30 до 35 лет, чьи эротические наклонности были чрезмерными; яичники и трубы были удалены в одном случае из-за болезни, в другом с целью устранения сексуальных наклонностей; ни в одном случае не было никаких изменений. Лэпторн Смит (*Медицинская карта*, т. xlviii) сообщил о случае с незамужней женщиной 24 лет, у которой семь лет назад были удалены яичники и трубы из-за боли и увеличения, а месячные отсутствовали в течение шести лет; у нее был опыт полового акта, и она заявила, что никогда не испытывала такого сильного сексуального возбуждения и удовольствия, как во время коитуса в конце этого периода.

В Англии Лоусон Тейт и Банток (*Британский медицинский журнал*, 14 октября 1899 г., стр. 975) отметили, что сексуальная страсть, по-видимому, иногда усиливается даже после удаления яичников, труб и матки. Лоусон Тейт также заявил (*Британский гинекологический журнал*, февраль 1887 г., стр. 534), что после систематического и обширного расследования он не нашел ни одного случая, когда, при условии, что сексуальный аппетит существовал до удаления придатков, он был устранен этой операцией. Комиссия по медицинскому расследованию, назначенная Ливерпульским медицинским институтом (*там же*, стр. 617), ранее сообщала, что значительное число пациентов заявили, что они перенесли явную потерю сексуального чувства. Лоусон Тейт, однако, ставит под сомнение достоверность результатов Комиссии, которые были основаны на заявлениях неразумных пациентов больницы.

Я могу процитировать следующие замечания из сообщения, присланного мне опытным врачом из Австралии: "Никакие правила не могут быть установлены в случаях, когда были удалены оба яичника. Некоторые женщины говорят, что, хотя раньше они были страстными, с тех пор они стали совершенно равнодушными, но я придерживаюсь мнения, что большинство женщин, имевших предыдущий сексуальный опыт, сохраняют желание и удовлетворение в той же степени, что и до операции. Я знаю один случай, когда у молодой девушки, которой едва исполнилось 19 лет, которая привыкла к родам около двенадцати месяцев, возникли проблемы, которые потребовали удаления яичников и труб с обеих сторон. Она не только не утратила все свое желание или удовлетворение, но и то и другое значительно усилилось. Менструации полностью прекратились, без потери женственности ни в характере, ни во внешности. Мне сказали, что во время полового акта происходит непрерывное спазматическое сокращение различных частей влагалища и вульвы".

На независимость сексуального влечения от увеличения половых желез указывает далее большая частота, с которой сексуальные ощущения, в слабой или даже сильной степени, испытываются в детстве, а иногда и в младенчестве, и тот факт, что они часто сохраняются у женщин еще долгое время после того, как половые железы прекратили свою функцию.

В исследовании аутоэротизма в другом томе этих *исследований* я собрал некоторые свидетельства, показывающие, что даже у очень маленьких детей может возникать спонтанное самоиндуцированное сексуальное возбуждение, сопровождающееся оргазмом. Действительно, с раннего возраста половые различия пронизывают всю нервную ткань. Здесь я

могу процитировать замечания опытного гинеколога: "Я осмеливаюсь думать, - сказал Брэкстон Хикс много лет назад, - что те, кто много времени уделял детям, согласятся со мной в том, что почти с пеленок можно заметить разницу в манерах, образе мыслей и в болезнях, требующую различного лечения. Изменения, безусловно, ускоряются и усиливаются во время полового созревания; но даже для обычного наблюдателя существует четкое различие между полами с раннего младенчества, постепенно становящееся все более заметным вплоть до полового созревания. То, что сексуальные чувства существуют (лучше было бы сказать "могут существовать") с самого раннего младенчества, хорошо известно, и поэтому эта функция не зависит от полового созревания, хотя и усиливается им. Следовательно, не можем ли мы заключить, что прогресс в направлении развития не столь резок, как обычно предполагалось? ... Все изменения в период полового созревания зависят от изначальной силы, которая, постепенно набирая силу, достигает высшей точки в совершенствовании как формы, так и половой системы, первичной и вторичной".

По-видимому, было проведено лишь несколько систематических наблюдений за сохранением сексуального влечения у женщин после менопаузы. Киш, а также Левенфельд считают это довольно частым явлением (*Sexualeben und Nervenleiden*, стр. 29). В Америке Блум (цитируемый в "*Медицинском стандарте*", 1896 г.) на основании расследования четырехсот случаев обнаружил, что в некоторых случаях сексуальное влечение сохранялось до очень преклонного возраста, и упоминает случай с женщиной 70 лет, двадцать лет спустя после менопаузы, которая долгое время была вдовой, но недавно вышла замуж, и которая заявила, что и желание, и удовлетворение были такими же, если не больше, чем до менопаузы.

Наконец, можно сослаться на те случаи, в которых половое влечение возникло, несмотря на отсутствие, подтвержденное или вероятное, каких-либо половых желез вообще. В таких случаях сексуальное желание и сексуальное удовлетворение иногда даже сильнее, чем обычно. Колман сообщил о случае, в котором не удалось обнаружить ни яичников, ни матки, а влагалище было слишком маленьким для коитуса, но приятное сношение происходило через прямую кишку, и сексуальное желание временами было настолько сильным, что доходило почти до нимфомании. Клара Баррус сообщила о случае с женщиной, у которой было врожденное отсутствие матки и яичников, что впоследствии было доказано вскрытием, но сексуальное влечение было очень сильным, и она имела незаконную половую связь с любовником. Она страдала повторяющейся манией, а затем бесстыдно мастурбировала; в здравом уме она была привлекательно женственной. Макнотон-Джонс описывает случай с женщиной 32 лет с нормальными сексуальными ощущениями и полностью развитыми грудями, клитором и половыми губами, но ни влагалища, ни внутренних гениталий обнаружить не удалось даже при самом тщательном обследовании. В случае болезни Бриджмена, опять же, матка и яичники отсутствовали, а влагалище было маленьким, но коитус не был болезненным, сладострастные ощущения были полными, а сексуальная страсть сильной. В случае болезни Коттерилла яичники и матка были крошечного размера и не функционировали, а влагалище отсутствовало, но сексуальные ощущения были нормальными, и клитор сохранял свою обычную чувствительность. Мунде зафиксировал два подобных случая, фотографии которых он представляет. Во всех этих случаях не только сексуальное влечение присутствовало в полной мере, но и испытываемые были женственными по характеру и имели нормальное женское телосложение; в большинстве случаев внешние половые органы были должным образом развиты.^[15]

Фере (*"Инстинктивный секс"*, стр. 241) попытался объяснить некоторые из этих явлений, поскольку они могут противоречить теории, согласно которой выделения половых желез являются единственным источником сексуального влечения. Он утверждает, что сохранение сексуальных ощущений после кастрации может быть связано с наличием нервов в рубцах, точно так же, как у ампутированных людей возникает иллюзия, что отсутствующая конечность все еще там. Точно такое же объяснение с тех пор было выдвинуто Moll, *Медицинская клиника*, 1905, № 12 и 13. Точно так же наличие сексуальных ощущений после менопаузы может быть связано с аналогичным раздражением, определяемым дегенерацией во время инволюции желез. Преждевременное появление сексуального влечения в детстве он объяснил бы аномалией развития половых органов. Фере не пытается объяснить наличие сексуального влечения врожденным отсутствием половых желез; здесь, однако, вмешивается Манде, высказывая предположение, что возможно, что в большинстве случаев "бесконечно малый след яичника" может существовать и сохранять женственность, хотя и недостаточную для возникновения овуляции или менструации.

Уместно упомянуть эти остроумные аргументы. Однако они чисто гипотетические, очевидно, придуманные для поддержки теории. Вряд ли можно сказать, что они несут в себе убежденность. Мы скорее можем согласиться с Гинаром в том, что важность размножения настолько велика, что природа умножила средства, с помощью которых осуществляется подготовка к соединению полов, и пути, по которым может прийти сексуальное возбуждение. Как выразился Хиршфельд в обсуждении этой темы (*Сексуальная проблема*, февраль 1912 г.), "У природы есть несколько способов разжечь огонь".

Будет видно, что выводы, к которым мы пришли, косвенно связаны с предположением, что спинномозговых нервных центров, через которые действует сексуальный механизм, недостаточно для объяснения всего феномена сексуального влечения. Нервная цепь, как правило, включает церебральный элемент, который иногда может иметь доминирующее значение. Различные исследователи, начиная со времен Галла, пытались локализовать сексуальный инстинкт в центре. Однако нельзя сказать, что такие попытки увенчались успехом, хотя они, как правило, показывают, что существует реальная связь между мозгом и органами размножения. Так, Сени из Модены, проводя эксперименты на цыплятах, утверждает, что доказал влияние корковых центров продолжения рода на способность к зачатию, поскольку он обнаружил, что поражения коры головного мозга приводят к бесплодию, соответствующему по степени поражению; но поскольку эти результаты следовали даже независимо от какого-либо нарушения полового инстинкта, их значение не совсем ясно (Carlo Ceni, "L'Influenza dei Centri Corticali sui Fenomeni della Generazione", *Revista Sperimentale di Freniatria*, 1907, fasc. 2-3). В настоящее время, как хорошо заметили Обичи и Маркезини, все, что мы можем сделать, это предположить существование как церебральных, так и спинномозговых сексуальных центров; церебральный сексуальный центр в самом строгом смысле остается чисто гипотетическим.

Хотя попытка Галла локализовать сексуальный инстинкт в мозжечке, хорошо подтвержденная наблюдениями, больше не считается убедительной, его обсуждение сексуального инстинкта имело огромную ценность, намного опередив свое время и сопровождаясь массой фактов, собранных из многих областей. Он утверждал, что сексуальный инстинкт является функцией мозга, а не половых органов. Он боролся с господствовавшим в его время мнением, что причину эротической мании следует искать в половых органах. Он подробно рассмотрел развитие полового инстинкта у многих детей до созревания половых желез, продление этого инстинкта

до старости, его существование у кастрированных и при врожденном отсутствии половых желез; он указал, что даже при внешне здоровом и нормальном половом аппарате все же могут иметь место всевозможные психические патологические отклонения. Фактически, все аргументы, которые я кратко изложил на предыдущих страницах — хотя, когда они были впервые написаны, этот факт был мне неизвестен, — были подробно обсуждены этим замечательным человеком почти столетие назад. (Этому предмету посвящена большая часть третьего тома "*Исследований Серво*" Галля в издании 1825 года. Хорошее резюме, сочувственное, хотя и критическое, взглядов Галля по этому вопросу, см. Мебиус, "Специальная органология Юб Галла", *Jahrbücher der Medicin Шмидта*, 1900, том. cclxvii; also *Ausgewählte Werke*, vol. vii.)

Будет видно, что вопрос о природе сексуального влечения постепенно трансформировался. Это больше не вопрос образования спермы у мужчин, функции менструации у женщин. Это стало в значительной степени вопросом физиологической химии. Таким образом, предполагается, что главные роли в сексуальной драме, как с психической, так и с физической стороны, играют два таинственных действующих лица - гормоны, или внутренние выделения, яичек и яичников. Даже роль, которую играет мозг, теперь часто рассматривается как химическая, поскольку мозг считается великой химической лабораторией. Более того, существует тенденция к расширению половой сферы настолько, чтобы допустить влияние внутренних выделений других желез. Тимус, надпочечники, щитовидная железа, гипофиз, даже почки: вполне возможно, что внутренние выделения всех этих желез могут объединяться, чтобы составить полную картину сексуальности, какой мы ее знаем у мужчин и женщин.^[16] Однако этот предмет настолько сложен и в настоящее время настолько малоизвестен, что было бы рискованно и для данной цели нет необходимости пытаться делать какие-либо выводы.

Достаточно ясно, что на первый взгляд существует поразительная аналогия между сексуальным влечением и импульсом к выделению, и что эта аналогия прослеживается не только у лягушки, но распространяется также на высших позвоночных. Однако совсем другое дело утверждать, что сексуальный импульс может быть адекватно определен как импульс к эвакуации. Чтобы полностью показать неадекватную природу этой концепции, потребовалось бы детальное рассмотрение фактов сексуальной жизни. В этом, однако, нет необходимости. Достаточно указать на определенные соображения, которых одних достаточно, чтобы опровергнуть эту точку зрения. Во-первых, следует отметить, что незначительное количество жидкости, выделяемой при половом акте, совершенно непропорционально эмоциям, вызванным актом, и его последствию на организм; древнее изречение *omne animal post coitum triste* может быть неточным, но несомненно, что воздействие коитуса на организм гораздо более глубокое, чем воздействие, производимое гораздо более интенсивным опорожнением мочевого пузыря или кишечника. Опять же, это определение оставляет необъясненными все те сложные предварительные действия, которые как у человека, так и у низших животных предшествуют половому акту, предварительные действия, которые у цивилизованных людей иногда сами по себе представляют собой частичное удовлетворение сексуального влечения. Следует также отметить, что, в отличие от обычных выделений, эти выделения из половых желез не всегда и не у каждого человека вообще необходимы. Более того, теория опорожнения сразу становится безнадежно неадекватной, когда мы применяем ее к женщинам; никто не осмелится утверждать, что адекватное психологическое объяснение сексуального влечения у женщины следует искать в желании удалить немного безвкусной слизи из крошечных желез половых путей. Мы, несомненно, должны отвергнуть этот взгляд на сексуальное влечение. В нем есть

определенный элемент истины, и он допускает поучительную и полезную аналогию; но это все. В половом акте присутствуют многие признаки, отсутствующие в обычном акте опорожнения, и, с другой стороны, в нем отсутствует особая характеристика собственно опорожнения, устранение отходов жизнедеятельности; семенная жидкость не является отходами жизнедеятельности, и ее удержание, возможно, в какой-то степени является скорее преимуществом, чем недостатком для организма.

Эдуард фон Хартманн давно заметил, что удовлетворение того, что мы называем половым инстинктом, посредством акта, совершаемого с лицом противоположного пола, является очень удивительным явлением. Однако нельзя сказать, что представление о половом акте как о простом процессе опорожнения хоть как-то объясняет это чудо. В отношении подавления нормального сексуального желания мы находимся, самое большее, в том же положении, в каком должны были бы находиться в отношении опорожнения мочевого пузыря, предположив, что обоим полу было бы очень трудно осуществить это удовлетворительно без помощи части тела человека другого пола, действующей как катетер. В таком случае наши мысли и идеалы были бы сосредоточены вокруг лиц противоположного пола, и мы должны были бы привлекать их внимание и помогать точно так же, как мы делаем это сейчас в случае с нашими сексуальными потребностями. Некоторые такие отношения действительно существуют в случае кормящей матери и ее младенца. Мать в долгу перед ребенком за приятное облегчение своей набухшей груди; и, в то время как в цивилизации более утонченные удовольствия и разумные размышления делают это массовое физическое удовлетворение сравнительно несущественным по сравнению с актом кормления грудью, в более примитивных условиях и среди животных потребность в этом приятном физическом удовлетворении является реальной связью между матерью и ее потомством. Аналогия действительно очень близка: эректильный сосок соответствует эректильному пенису, жаждущий слюны рот младенца - влажному и пульсирующему влагалищу, жизненно богатое белками молоко - жизненно важной белковой сперме.^[17] Полное взаимное удовлетворение матери и ребенка, физическое и психическое, при передаче от одного к другому драгоценной организованной жидкости, является единственной истинной физиологической аналогией отношениям мужчины и женщины в кульминационный момент полового акта. Однако даже эта близкая аналогия не охватывает всех фактов сексуальной жизни.

Совершенно иная точка зрения представлена нам в определении полового инстинкта как репродуктивного импульса, стремления к потомству. Хегар, Эйленбург, Нэкке и Левенфельд приняли это, во всяком случае, как частичное определение.^[18] Никто, действительно, не стал бы утверждать, что это полное определение, хотя несколько авторов, по-видимому, утверждали, что иногда это так и есть в отношении сексуального влечения у женщин. Однако попытка дать такое определение приводит к значительной ментальной путанице. Если мы определяем инстинкт как действие, приспособленное к цели, которая не осознается сознанием, то совершенно верно, что половой инстинкт - это инстинкт размножения. Но мы не даем адекватного определения половому инстинкту, просто указывая на его конечную цель. С таким же успехом мы могли бы сказать, что импульс, с помощью которого молодые животные хватают пищу, является "инстинктом питания". Цель размножения, безусловно, не составляет никакой части сексуального влечения ни у одного животного, кроме человека, и утверждение, что в человеке столь фундаментальный и произвольный процесс может внезапно претерпеть революцию, свидетельствует об отсутствии самого элементарного чувства биологической приемственности. В том, что сексуальный импульс очень часто связан с сильным желанием

иметь потомство, не может быть никаких сомнений, и у женщин стремление к ребенку — то есть стремление выполнять те функции, для которых созданы их тела, — может стать настолько настоящим и императивным, что мы можем рассматривать его едва ли как менее императивный, чем сексуальный импульс. Но это не сексуальный импульс, хотя и тесно связанный с ним и объясняющий его. Инстинкт размножения может быть обнаружен у партеногенетических животных, но был бы бессмысленным, потому что бесполезным, у организмов, размножающихся половым путем. Женщина может не хотеть любовника, но все же может хотеть ребенка. Это просто означает, что ее материнские инстинкты были пробуждены, в то время как ее сексуальные инстинкты все еще латентны. Желание размножения, как только это желание становится инстинктивным, обязательно принимает форму сексуального влечения, поскольку не существует другого инстинктивного механизма, с помощью которого оно могло бы себя выразить. "Инстинкт размножения", отдельно от сексуального инстинкта и отдельно от материнского инстинкта, не может быть допущен; это было бы абсурдом. Даже у женщин, в которых сильны материнские инстинкты, обычно можно наблюдать, что, хотя до того, как женщина влюбляется, а также на более поздних стадиях ее любви, сознательное желание ребенка может быть сильным, в период наивысшего расцвета сексуальной страсти мысль о потомстве при обычно счастливых условиях имеет тенденцию отходить на задний план. Размножение является естественной целью полового инстинкта, но утверждение о том, что оно является частью содержания сексуального влечения или может каким-либо образом использоваться для определения этого влечения, должно быть отвергнуто как совершенно неприемлемое. Действительно, хотя термин "репродуктивный инстинкт" часто используется, он редко используется в том смысле, который мы должны воспринимать всерьез; он неопределенно используется как эвфемизм теми, кто хочет скрыть факты сексуальной жизни; точнее, его используют в основном те, кто бессознательно испытывает суеверное отвращение к сексу.

Теперь я перехожу к гораздо более серьезной и продуманной попытке определить конституцию сексуального влечения, к попытке Moll. Он обнаруживает, что оно состоит из двух отдельных компонентов, каждый из которых можно рассматривать как неконтролируемый импульс.^[19] Одним из них является то, с помощью которого спазматически снимается напряжение половых органов; это он называет *импульсом детумесценции*,^[20] и он считает это первичным, напоминает импульс к опорожнению полного мочевого пузыря. Другим импульсом является "инстинкт приблизиться, прикоснуться и поцеловать другого человека, обычно противоположного пола"; это он называет *импульсом раскаяния*, и он включает в эту рубрику не только тенденцию к общему физическому контакту, но и психическую склонность проявлять общий интерес к человеку противоположного пола. Каждый из этих первичных импульсов Молл рассматривает как составляющую сексуального инстинкта как у мужчин, так и у женщин. Мне кажется несомненным, что эти два импульса действительно соответствуют основным явлениям. Неловкая и неудовлетворительная часть анализа Молла - это отношение одного к другому. Верно, что он прослеживает оба импульса обратно к половым железам, импульс детумесценции непосредственно, импульс сокращения опосредованно; но, очевидно, он не считает их тесно связанными друг с другом; он настаивает на том факте, что они могут существовать отдельно друг от друга, что они не проявляются синхронно в юности: импульс сокращения он считает вторичным; он утверждает, что это косвенный результат работы половых желез, "который можно понять только из истории развития этих желез и объекта, которому они служат"; то есть, что он связан с возникновением половых желез. о половом способе размножения и желательности

смешения двух полов при деторождении, в то время как импульс к детумесценции возник до появления полового метода размножения; таким образом, импульс к ограничению распространялся естественным отбором вместе с половым методом размножения. Импульс сокрушения вторичен, и Молл даже рассматривает его как вторичный сексуальный признак.

Таким образом, хотя этот анализ, по-видимому, включает в себя все явления и заслуживает очень тщательного изучения как серьезная и тщательно продуманная попытка представить адекватное психологическое определение сексуального влечения, мне едва ли кажется, что мы можем принять его именно в той форме, в которой его представляет Молл. Я полагаю, однако, что, проанализировав процесс чуть более детально, мы обнаружим, что эти две составляющие сексуального влечения на самом деле связаны гораздо теснее, чем кажется на первый взгляд, и что нам ни в коем случае не нужно возвращаться к тому времени, когда возник половой способ размножения, чтобы объяснить значение явлений, которые Молль включает в понятие ограничения.

Чтобы раскрыть истинное значение этих явлений у людей, необходимо внимательно понаблюдать за феноменами занятий любовью не только у людей, но и у животных, в которых импульс раскаяния играет очень большую роль и требует огромных затрат энергии. Дарвин был первым, кто представил всеобъемлющий взгляд на, по крайней мере, на определенную группу явлений сокращения численности у животных; на своей интерпретации этих явлений он основал свою знаменитую теорию полового отбора. Нас в первую очередь интересует не эта теория, но факты, на которых Дарвин основал свою теорию, лежат в самых корнях нашего предмета, и мы обязаны учитывать их психологическое значение. Во-первых, поскольку эти явления особым образом связаны с именем Дарвина, возможно, будет уместно спросить, в чем сам Дарвин усматривал их психологическое значение. Это довольно важный вопрос даже для тех, кого в основном интересует обоснованность теории, которую Дарвин установил на основе этих фактов, но, насколько я знаю, до сих пор он не задавался. Я нахожу, что внимательное прочтение "*Происхождения человека*" выявляет наличие в сознании Дарвина двух совершенно различных теорий, ни одна из которых не была полностью разработана относительно психологического значения фактов, которые он собирал. Две следующие группы выдержек послужат тому, чтобы показать это очень убедительно: "Низшие животные обладают чувством красоты, - заявляет он, - способностью различать и вкусом со стороны самок" (стр. 211^[21]); "самки обычно или иногда предпочитают более красивых самцов", "нет ничего невероятного в том, что самки насекомых ценят красоту в форме или цвете". (стр. 329); он говорит о птицах как о самых "эстетичных" из всех животных, за исключением человека, и добавляет, что у них "почти такой же вкус к прекрасному, как у нас" (стр. 359); он отмечает, что любое изменение в строении или окраске самца птицы, по-видимому, вызывало восхищение у самки" (стр. 385). Он говорит о самкеаргусового фазана как об обладательнице "этого почти человеческого вкуса". Птицы, опять же, "кажется, имеют некоторый вкус к прекрасному как в цвете, так и в звуке", и "мы не должны быть слишком уверены, что самка не обращает внимания на каждую деталь красоты" (стр. 421). Новизна, по его словам, "вызывает у птиц восхищение сама по себе" (стр. 495). "Птицы обладают тонкой способностью различать, и в некоторых редких случаях можно показать, что у них есть вкус к прекрасному" (стр. 496). "Эстетические способности" самок животных развились благодаря упражнениям точно так же, как улучшился наш собственный вкус (стр. 616). С другой стороны, мы находим, что на протяжении всей книги проходит совсем другая идея. О цикадах он говорит нам, что, вероятно, "как и самки птиц, они возбуждаются или манятся самцом с наиболее привлекательным голосом" (стр. 282); и, переходя к *Locustidae*, он

заявляет, что "все наблюдатели согласны с тем, что звуки служат либо для вызова, либо для возбуждения немых самок" (стр. 283). О птицах он говорит: "Я склонен полагать, что самки предпочитают более блестящих самцов или больше всего возбуждаются от них" (стр. 316). Среди птиц также самцы "пытаются очаровать или возбудить своих самок любовными записками" и т.д., А "самки возбуждаются от определенных самцов и, таким образом, бессознательно предпочитают их" (стр. 367), в то время как украшения всех видов "очевидно, служат для возбуждения, привлечения или очарования самки" (стр. 394). Также в дополнительном примечании, написанном в 1876 году, через пять лет после первой публикации *"Происхождения человека"*, и, следовательно, являющемся поздним изложением его взглядов, Дарвин отмечает, что "ни один сторонник принципа полового отбора не верит, что самки выбирают определенные черты красоты у самцов; они просто возбуждаются или привлекаются одним самцом в большей степени, чем другим, и это, по-видимому, часто зависит, особенно у птиц, от яркой окраски" (стр. 623). Таким образом, с одной стороны, Дарвин интерпретирует явления как включающие реальный эстетический элемент, вкус к прекрасному; с другой стороны, он утверждает, по-видимому, без какого-либо четкого осознания того, что эти две точки зрения совершенно различны, что цвета, звуки и другие характеристики самца не вызывают к каким-либо эстетическим чувствам самки, но вызывают к ее сексуальным эмоциям, стимулируют сексуальное возбуждение, соблазняют к сексуальному контакту. Согласно первой теории, женщина восхищается красотой, сознательно или неосознанно, и выбирает самого красивого партнера^[22]; согласно второй теории, эстетический вопрос не ставится, но женщина бессознательно находится под влиянием самого мощного или сложного органического стимула, которому она подвергается. Не может быть никаких сомнений в том, что это вторая, а не первая из этих двух точек зрения, которую мы вправе принять. Следует помнить, что Дарвин не был психологом и жил до того, как начали разрабатываться методы сравнительной психологии; если бы он писал двадцатью годами позже, мы можем быть уверены, что он никогда бы не использовал так неосторожно некоторые из туманных и рискованных выражений, которые я процитировал. Он определенно повредил своей теории полового отбора, изложив ее слишком антропоморфным языком, настаивая на "выборе", "предпочтении", "эстетическом смысле" и т.д. Нет никакой необходимости отягощать любое изложение реальных фактов такими терминами, заимствованными из человеческой психологии. Самка реагирует на стимуляцию самца в нужный момент точно так же, как дерево реагирует на стимуляцию в самые теплые весенние дни. Нам следовало бы лишь затемнить этот факт, заявив, что дерево "выбирает" самые прекрасные дни, чтобы пустить свои молодые побеги. При объяснении корреляции между отзывчивыми женщинами и состоявшимися мужчинами предположение об эстетическом выборе также не является необходимым. Однако интересно отметить, что, хотя Дарвину не удалось увидеть, что любовные схватки, занятия спортом, танцы и парады самцов служили методом стимулирования импульса раскаяния - или, как было бы лучше назвать это, припухлости — у самого самца,^[23] он в некоторой степени осознал роль, которую таким образом сыграл в возбуждении столь же необходимой активности припухлости у самцов. женщина.

Обоснование использования термина "припухлость", который я здесь предлагаю, следует искать в том факте, что застойные явления в сосудах, особенно в частях, связанных с зачатием, являются существенной предпосылкой к острому сексуальному желанию. Это ясно видно в тщательном исследовании Неаре "полового сезона" у млекопитающих. Неаре проводит различие между "проэструмом", или предварительным периодом застоя, у самок животных и непосредственно следующим за ним "эструсом", или периодом желания. Последний период

является результатом первого, и, во всяком случае, у низших животных половое сношение происходит только во время течки, а не в период проэструма. Таким образом, припухлость должна быть достигнута до того, как желание может стать острым, а ухаживание проходит параллельно с физиологическими процессами. "Нормальная течка, - утверждает Хипе, - происходит в сочетании с определенными изменениями в ткани матки, и это сопровождается застойными явлениями и стимуляцией или раздражением копулятивных органов. ... Гиперемия присутствует неизменно и является необходимым условием. ... Первым признаком проэструма, замечаемым у низших млекопитающих, является опухшая и переполненная вульва и общее беспокойство, возбуждение или неловкость. Есть и другие признаки, знакомые заводчикам различных млекопитающих, такие как закупоренная конъюнктура глаза кролика и опущенные уши свиньи. У многих обезьян наблюдается гиперемия лица и сосков, а также ягодиц, бедер и прилегающих частей тела; иногда они гиперемизированы в очень заметной степени, а у некоторых видов набухание, иногда огромное, мягких тканей вокруг анального и полового отверстий, которые также в это время ярко гиперемизированы, указывает на прогресс проэструма. ... За ростом ткани стромы [в матке обезьян во время проэструма] быстро следует увеличение количества и размера сосудов стромы; вся она обильно снабжается кровью, а поверхность становится покрасневшей и сильно сосудистой. Этот процесс продолжается до тех пор, пока вся внутренняя строма не станет напряженной и блестяще заполненной кровью. ... Во всех существенных аспектах менструация, или проэструм, у самки человека идентична менструации обезьян. ... Течка возможна только после того, как в матке произошли изменения, вызванные проэструмом. Волна беспокойства, сначала проявляющаяся во внешних половых органах, распространяется на матку, и после того, как в этом органе пройдены различные фазы проэструма и возбуждение там спадает, может показаться, что внешние органы получают новый стимул, и именно тогда наступает течка. ... У всех животных, которые были исследованы, самка не допускает соития до тех пор, пока через некоторое время не будут впервые продемонстрированы отек и гиперемия вульвы и окружающих тканей, и у тех животных, которые страдают от значительного выделения крови, основная часть этих выделений, если не все они, будут выведены до разрешения полового акта". (У. Хип, ""Сексуальный сезон" млекопитающих", "Ежеквартальный журнал микроскопической науки", том. xlv, часть I, 1900. С тех пор течка была подробно рассмотрена в "Физиологии размножения" Маршалла.) Это описание ясно выявляет фундаментально сосудистый характер процесса, который я назвал "припухлостью"; однако следует добавить, что у человека нервные элементы в процессе имеют тенденцию становиться более заметными и более или менее стирать эти примитивные ограничения сексуального желания. (См. раздел "Сексуальная периодичность" в первом томе этих исследований.)

Впоследствии Молль повторил свою позицию в отношении моего несколько иного анализа сексуального влечения, по-прежнему придерживаясь своей первоначальной точки зрения ("Analyse des Geschlechtstriebes", *Медицинская клиника*, № 12 и 13, 1905; также *Geschlecht und Gesellschaft*, vol. ii, № 9 и 10). Нума Преториус (*Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, 1904, стр. 592) признает, что сокращение, набухание и детумесценция являются стадиями одного и того же процесса, причем сокращение, которое он определяет как сексуальную тягу к определенному индивидууму, стоит на первом месте. Роберт Мюллер (*Sexualbiologie*, 1907, стр. 37) критикует Молля во многом в том же смысле, что и я, и считает, что ограничение и детумесценция не могут быть разделены, но являются двумя выражениями одного и того же импульса; то же самое относится и к Макс Катте, "Die Präliminarien des

Geschlechtsaktes", *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, октябрь 1908 г., и Г. Сен-Полю, "Гомосексуализм и типы" *Гомосексуалисты*, 1910, с. 390.

Хотя я рассматриваю анализ Молля как ценный вклад в выяснение сексуального влечения, я должен повторить, что не могу считать его окончательным или полностью адекватным. Насколько я понимаю этот процесс, свертывание - это эпизод в развитии опухания, действительно чрезвычайно важный эпизод, но не абсолютно фундаментальная и примитивная его часть. Это в равной степени очень важный, хотя и не примитивный и фундаментальный случай детумесценции. Сокращение, от начала до конца; обеспечивает наилучшие условия для осуществления полового процесса, но оно не является абсолютно существенной частью процесса, а на ранних стадиях зоологического развития его вообще не существовало. Набухание и детумесценция одинаково фундаментальны, примитивны и существенны; основывая сексуальное влечение на этих неизбежно связанных процессах, мы опираемся на прочный фундамент природы.

Более того, из этих двух процессов набухание, которое со временем наступает первым, безусловно, является наиболее важным, и почти вся сексуальная психология уходит корнями в него. Утверждать, как Молл, что сексуальный процесс может быть проанализирован только на контрацепцию и детумесценцию, значит упускать самую существенную часть процесса. Это почти то же самое, что проанализировать механизм пистолета на предмет возможного контакта с рукой и более или менее независимого разряда, опустив все упоминания о зарядании пистолета. Важными элементами являются загрузка и выгрузка. Удержание является частью загрузки, хотя и не является необходимой частью, поскольку загрузка может осуществляться механически. Но чтобы понять процесс выстрела из пистолета и постичь механизм разряда, мы должны настаивать на акте зарядания, а не просто на контакте руки. То же самое происходит и при анализе сексуального влечения. Коррекция действительно очень важна, но она важна только в той мере, в какой она способствует набуханию, и поэтому может быть подчинена набуханию, точно так же, как она также может быть подчинена детумесценции. Именно набухание является действительно важной частью процесса, и мы с Moll не можем позволить себе полностью игнорировать его.

Уоллес выступал против теории полового отбора Дарвина, но вряд ли можно сказать, что его отношение к ней заслуживает критического рассмотрения. С одной стороны, как уже отмечалось, он видел только одну сторону этой теории, и то несущественную, а с другой стороны, его собственная точка зрения действительно совпадала с более существенными элементами теории Дарвина. В своей книге "*Тропическая природа*" он признал, что "настойчивость и энергия самца побеждают", а также что эта "энергия и живость" самца обычно ассоциируются с интенсивной окраской, в то время как двадцать лет спустя (в своей книге "*Дарвинизм*") он признал также, что весьма вероятно, что самка довольна или возбуждена поведением самца. Но все, что действительно существенно в теории Дарвина, прямо или косвенно связано с этими признаниями.

Эспинас в 1878 году в своей наводящей на размышления книге "*Общество животных*" описал запахи, цвета и формы, звуки, игры, парады и инсценировки сражений животных, подойдя к предмету в несколько более психологическом духе, чем Дарвин или Уоллес, и он несколько яснее понял цель этих явлений, заключающуюся во взаимном возбуждении и стимулировании припухлости. Он отметил важность действий улиток-гермафродитов, когда они вонзают свои

дротики в плоть друг друга рядом с вульвой, чтобы вызвать предварительное возбуждение. Он замечает обо всей этой группе явлений: "Это прелюдия к сексуальному союзу, это составляет его первый акт. Посредством этого образ мужчины запечатлевается в сознании женщины и определенным образом оплодотворяет его, чтобы определить там, по мере того как эффекты этого представления спускаются в глубины организма, физиологические изменения, необходимые для оплодотворения". Бонис, опять же, при анализе сексуальных ощущений был склонен думать, что танцы и парады самцов предназначены исключительно для возбуждения самки, не понимая, однако, что в то же время они служат дальнейшему возбуждению и самца.^[24]

К лучшему и более всеобъемлющему заявлению пришел Тиллье, который, можно сказать, в какой-то степени предвосхитил Грооса. Дарвин, указывая Тиллье, недостаточно учитывал сосуществование боя и ухаживания, а также порядок этих явлений. Ухаживание без боя, утверждал Тиллиер, встречается редко; "существует нормальное сосуществование боя и ухаживания".^[25] Более того, продолжил он, сила является главным фактором в определении обладания самкой самцом, который у некоторых видов даже готов применить к ней силу; так что у самки мало возможностей для полового отбора, хотя она всегда присутствует на этих мероприятиях. бои. Затем он подчеркнул важный факт, что ухаживание происходит еще долгое время после прекращения спаривания, и таким образом вопрос отбора был снят. Он пришел к выводу, что целью ухаживания является не половой отбор самки, а сексуальное возбуждение как самца, так и самки, такое возбуждение, утверждал он, не только облегчает спаривание, но и способствует оплодотворению. Скромность, также, утверждал далее Тиллье, снова предвосхищая Груса, работает в том же направлении; она делает самца более пылким и, замедляя спаривание, может также увеличивать секрецию половых желез и повышать шансы на размножение.^[26]

В очаровательную книгу, озаглавленную "*Натуралист из Ла-Платы*" (1892), мистер У. Х. Хадсон включил замечательную главу "Музыка и танцы в природе". В этой главе он описал многие танцы, песни и любовные выходки птиц, но рассматривал все подобные явления всего лишь как "периодические приступы радости". Хотя, однако, мы можем вполне согласиться с мром Хадсоном в том, что сознательное сексуальное удовлетворение со стороны самки не является причиной музыкальных и танцевальных представлений птиц или более ярких цветов и орнаментов, отличающих самца, такое мнение ни в коем случае не исключает вывода о том, что эти явления носят преимущественно сексуальный характер и тесно связаны с процессом набухания у обоих полов. Примечательно, что, согласно Х. Э. Ховарду ("О половом отборе у птиц", *Зоолог*, ноябрь 1903 г.), окраска наиболее ярко проявляется непосредственно перед спариванием, быстро становясь менее красивой — даже в течение нескольких часов — после этого, и самый красивый самец наиболее успешен в спаривании. Тот факт, что, как указывает сам мистер Хадсон, эти проявления проявляются главным образом, если не исключительно, в период любви, и что главную роль в них играют более блестящие и высоко одаренные мужчины, только подтверждает такой вывод. Спорить с мистером Хадсоном о том, что они не могут быть половыми, потому что иногда они возникают до прибытия самок, почти то же самое, что утверждать, что проделки котенка с пером или катушкой не имеют никакого отношения к мышам. Птицы, которые раньше всех начали практиковаться в своих достижениях, вероятно, имели бы больше шансов на успех, когда прилетели бы самки. Сам Дарвин сказал, что нет ничего более обычного, чем то, что животные получают удовольствие, практикуя любой инстинкт, которому они следуют в другое время ради какого-то реального блага. Эти проявления предназначены главным образом для того, чтобы вызвать половую припухлость, и они не могли

бы развиться до той высоты, которой они достигли, если бы не были тесно связаны с размножением. В том, что они могут случайно служить для выражения "радости", нет необходимости сомневаться.

Другой наблюдатель за птицами, мистер Э. Селуус, сделал наблюдения, которые представляют интерес в этой связи. Он обнаруживает, что не все птичьи танцы являются брачными, но что у некоторых птиц — например, у каменного кроншнепа (или большой ржанки) — разные виды танцев. Среди этих птиц он сделал наблюдение, очень важное с нашей нынешней точки зрения, что за брачными танцами, в которых принимают участие обе пары, немедленно следует совокупление. Весной "все подобные забеги и преследования в это время являются всего лишь частью процесса спаривания, и сразу становится ясно, что такие отношения носят сексуальный характер. ... Здесь мы имеем птицу с различными брачными (сексуальными) и социальными (несексуальными) формами проявления или шалостей, и оба пола одинаково любят как первые, так и вторые". (Э. Селуус, *Наблюдение за птицами*, стр. 15-20.)

Тот же автор (*там же.*, стр. 79, 94) утверждает, что в схватках двух самцов за одну самку — с бурными эмоциями с одной стороны и заинтересованным любопытством с другой — позиция первого "может постепенно превратиться в демонстрацию, сделанную исключительно для самки, а у последнего - в большую или меньшую степень вызываемого этим приятного возбуждения, с соответствующим выбором". С этой точки зрения интерес самки в первую очередь был бы направлен не на оперение, а на бешеные действия и ужимки самца. От этих выходов у недекорированных птиц постепенно разовьется интерес к машущим перьями и трепещущим крыльям. Такой танец может носить вполне формальный характер, не предполагающий ухаживания.

Наконец, мы обязаны профессору Геккеру тем, что во всех основных чертах можно справедливо рассматривать как почти окончательную постановку вопроса. В своем *Письме к Фегелю* (1900) он дает очень ясный отчет об эволюции птичьего пения, которое он считает наиболее важным элементом во всей этой группе проявлений, а также дает ключ к танцам и другим выходам. Изначально песня состояла только из призывных криков и нот узнавания. Под параллельным влиянием естественного и полового отбора в период спаривания они становятся рефлексамы возбуждения и, таким образом, развиваются в способы вызывания возбуждения у самца с помощью требуемой мышечной энергии, а у самки - через ухо; наконец, они становятся игрой, хотя и здесь, вероятно, не исключается использование. Таким образом, что касается птицы-самца, птичье пение обладает первичным добрачным значением для привлечения самки и вторичным брачным значением для возбуждения (стр. 48). Он также считает, что менее развитые голоса самок помогают достичь той же цели (стр. 51). Наконец, птичье пение обладает третичным внебрачным значением (включая физические упражнения, выражение радости). Геккер указывает, в то же время, что поддержание некоторой степени сексуального возбуждения вне времени спаривания может быть полезным для сохранения вида в случае нарушений во время размножения и, как следствие, необходимости начинать размножение заново.

Подобная теория вполне совпадает со взглядами, изложенными на предыдущих страницах, — взглядами, которые, как считается, согласуются с общим направлением современной мысли, — поскольку она подчеркивает важность припухлости и всего, что способствует припухлости в

сексуальном процессе. Так называемый эстетический элемент в половом отборе имеет значение лишь косвенно. Красота мужчины на самом деле является символом его силы.

Будет видно, что такое отношение к фактам роста у птиц и других животных включает признание танцев, песен и т. Д. Как выражений "радости". Как таковые, они тесно связаны с проявлениями искусства среди человеческих рас. Здесь, как заметил Вейсманн в своем *Пособии по музыке*, мы можем рассматривать артистическую способность как побочный продукт: "Эта [музыкальная] способность является, так сказать, ментальной рукой, с помощью которой мы играем на нашей собственной эмоциональной природе, рукой, сформированной не для этой цели, не из-за необходимости наслаждаться музыкой, а из-за ее происхождения в силу совершенно иных требований".

Психологическое значение этих фактов было тщательно изучено и превосходно развито Гроосом в его классических работах об инстинкте игры у животных и у людей.^[27] Идя дальше Уоллеса, Гроос отрицает *сознательный* половой отбор, но, как он указывает, это ни в коем случае не подразумевает отрицания бессознательного отбора в том смысле, что "самку легче всего завоевывает самец, который сильнее всего возбуждает ее сексуальные инстинкты". Далее Гроос цитирует содержательное обобщение Циглера: "У всех животных для продолжения рода *необходима высокая степень возбуждения нервной системы*, и, таким образом, мы обнаруживаем, что возбужденная прелюдия к продолжению рода широко распространена".^[28] Такая стадия, действительно, как указывает Гроос, обычно необходима перед какой-либо заметной страстной разрядкой двигательной энергии, что можно наблюдать у разъяренных собак и героев Гомера. В то время как, однако, при других моторных взрывах прелюдия может быть сведена к минимуму, при ухаживании она проявляется в весьма выраженной степени. Гроос настаивает, что основная цель ухаживания - вызвать сексуальное возбуждение.

Верно, что основные положения Грооса ни в коем случае не были новыми. Таким образом, как я уже указывал, Тиллье в большинстве случаев предвосхитил его. Но Гроос развил этот аргумент в такой виртуозной манере и с таким количеством разнообразных иллюстраций, что он внес убежденность там, где простая проницательность других оставалась незамеченной. С тех пор как Дарвин написал "*Происхождение человека*", главный шаг в развитии теории полового отбора был сделан Гроосом, который в то же время ясно дал понять, что половой отбор в значительной степени является частным случаем естественного отбора.^[29] Соединение полов рассматривается как цель, которую можно достичь только с большой борьбой; трудность достижения сексуального эретизма у обоих полов, трудность настолько стимулировать такой эретизм у самки, чтобы ее инстинктивная застенчивость была преодолена, эти трудности испытывают лучшие и самые энергичные самцы,^[30] те, кто наиболее приспособлен в других отношениях к продолжению гонки, могут легче всего преодолеть. В этой связи мы можем отметить то, что Марро сказал в другой связи, пытаясь ответить на вопрос, почему среди дикарей ухаживание так часто становится делом, в котором убеждение принимает форму силы. Объяснение, замечает он, все же очень простое. Сила - основа мужественности, а ее психическим проявлением является мужество. В борьбе за жизнь насилие - первая добродетель. Скромность женщин — в ее изначальной форме, состоящей в физическом сопротивлении, активном или пассивном, нападкам мужчин, — способствовала отбору, подвергая испытанию самое важное качество мужчины - силу. Таким образом, выбирая соперниц за свои благосклонности, женщина придает ценность насилию.^[31] Таким образом, Марро независимо подтверждает результат, достигнутый Гроосом.

Теперь можно сказать, что спор, который продолжался в течение стольких лет относительно обоснованности теории полового отбора, подошел к концу. Те, кто поддерживал Дарвина, и те, кто выступал против него, были в равной степени отчасти правы, а отчасти ошибались, и теперь возможно объединить элементы истины с обеих сторон в единое целое. Сейчас это начинает широко признаваться; например, Ллойд Морган,^[32] скорректировал свою позицию в отношении "инстинкта спаривания" в свете вклада Грооса в эту тему. "Гипотеза полового отбора, - заключает он, - предполагает, что принятый самец - это тот, кто адекватно вызывает импульс к спариванию. ... Таким образом, ухаживание можно рассматривать с физиологической точки зрения как средство создания необходимого количества парного голода; стимуляции всей системы и облегчения общих и специальных сосудистых изменений; создания того состояния глубокой и взрывоопасной раздражительности, которое психологическим сопутствующим или предшествующим фактором является властное и непреодолимое влечение. ... Таким образом, ухаживание - это сильное и устойчивое натягивание лука, чтобы стрела могла найти свою цель в биологической цели, имеющей первостепенное значение для выживания здоровой и энергичной расы".

Таким образом, рассмотрев вопрос в целом, мы можем подробно рассмотреть несколько примеров процесса набухания у низших животных и человека, поскольку, как будет видно, процесс у обоих идентичен. Что касается ухаживания за животными, лучшим источником фактов является *"Тьерлебен"* Брема, в то время как *"Любовь и взаимопомощь в Тирвелте"* Бюхнера является полезным резюме; также можно ознакомиться с замечательным обсуждением танцев птиц и других форм ухаживания в *"Гесанг дер Фегель"* Геккера, глава iv. Что касается человека, *"Первобытная музыка"* Валлашека, глава vii, объединяет много разрозненного материала и тем более ценна, что автор отвергает любую форму полового отбора; *"Происхождение искусства"* Хирна, глава xvii, заслуживает прочтения, а *"Первобытная любовь и любовные истории"* Финка содержит большое количество разнообразной информации. Я предпочел не ссылаться ни на один из этих легкодоступных источников (за исключением того, что в одном или двух случаях я использовал предоставленные ими ссылки), но здесь просто привожу иллюстрации, с которыми встретился в ходе собственного чтения.

Даже у слизней-гермафродитов (*Limax maximus*) процесс ухаживания медленный и сложный. Это было описано Джеймсом Бладом (*"Любовь слизня [Limax cinereus]"*, *Зоолог*, том xv, 1857, стр. 6272). Это начинается ближе к полуночи знойными летними ночами, когда один слизняк медленно следует за другим, кладя свой рот на то, что можно назвать хвостом первого, и следя за каждым его движением. Наконец они останавливаются и начинают ползать друг вокруг друга, выделяя большое количество слизи. Когда образуется масса достаточного размера и консистенции, они подвешиваются к ней на слизистом шнуре длиной от девяти до пятнадцати дюймов, продолжая вращаться друг вокруг друга, пока их тела не образуют конус. Затем органы размножения выступают из своего отверстия рядом со ртом и, свисая на небольшое расстояние, соприкасаются друг с другом. Затем они также снова начинают то же спиральное движение, обвиваясь друг вокруг друга, подобно двухнитевому шнуру, принимая разнообразные и красивые формы, иногда похожие на перевернутый мухомор, или мурекс с листьями, или лист петрушки, при этом свет, падающий на постоянно меняющуюся поверхность генеративных органов, иногда вызывает переливчатость. Только по прошествии значительного времени органы раскручиваются и извлекаются, а тела отделяются, чтобы проползти по подвесному шнуру и удалиться.

У некоторых улиток есть специальный орган для создания сексуального возбуждения. Примечательной частью репродуктивной системы у многих настоящих хелицид является так называемая *дротик*, *Либеспфейль*, или *венерическое тело*. Он состоит из прямого или изогнутого, иногда слегка искривленного трубчатого стержня из карбоната извести, сужающегося к тонкой точке вверху и постепенно, чаще несколько резко, расширяющегося к основанию. Боковые стороны стержня иногда снабжены двумя или более лезвиями; по-видимому, они предназначены не для резки, а просто для закрепления стержня. Дротик содержится в мешочке для дротиков, который прикрепляется как своего рода карман к влагалищу, на небольшом расстоянии от его отверстия. У *Helix aspersa* дротик составляет около пяти шестнадцатых дюйма в длину и одну восьмую дюйма в ширину у основания. Представляется наиболее вероятным, что дротик используется в качестве вспомогательного средства при половом акте. Помимо анатомического положения мешочка для дротиков, мы обнаруживаем, что дротики удлиняются и вонзаются в плоть непосредственно перед актом совоплощения или во время него. Таким образом, его можно рассматривать как орган, функции которого вызывают возбуждение перед половым союзом. Это встречается только у хорошо выросших особей. (Преподобный Л. Х. Кук, "Моллюски", *Кембриджская естественная история*, том. iii, стр. 143.)

Раковица показал, что у осьминога (*Octopus vulgaris*) ухаживание осуществляется со значительной деликатностью, а не жестоко, как предполагалось ранее. Самец осторожно вытягивает третью руку справа и ласкает самку своим концом, в конце концов вводя его в камеру, образованную мантией. Самка судорожно сжимается, но не пытается двигаться. Они остаются таким образом около часа или больше, и за это время самец перекладывает руку с одного яйцевода на другой. Наконец он убирает руку, несколько мгновений ласкает ее, а затем заменяет другой. (Э. Г. Раковица, в *Архивах зоологических экспериментов*, цитируется в журнале *Natural Science*, ноябрь 1894 г.)

Феномен ухаживания очень хорошо проиллюстрирован на примере пауков. Пекхэм, который тщательно изучал их, рассказывает нам о *Сайтисе пулексе*: "24 мая мы нашли половозрелую самку и поместили ее в один из больших ящиков, а на следующий день поместили к ней самца. Он увидел ее, когда она стояла совершенно неподвижно, в двенадцати дюймах от него; этот взгляд, казалось, взволновал его, и он сразу же двинулся к ней; оказавшись примерно в четырех дюймах от нее, он замер, а затем начал самые замечательные представления, которые влюбленный мужчина мог предложить восхищенной женщине. Она жадно смотрела на него, время от времени меняя позу, чтобы он всегда был в поле зрения. Он, приподняв все свое тело с одной стороны, выпрямив ноги, и опустив его с другой, согнув первые две пары ног вверх и под себя, наклонился так далеко, что рисковал потерять равновесие, которое сохранял только за счет быстрого скольжения в сторону опущения. Щупальце тоже с этой стороны было повернуто назад, чтобы соответствовать направлению ближайших к нему ног. Он описал полукруг примерно на два дюйма, а затем мгновенно поменял положение ног и закружился в противоположном направлении, постепенно приближаясь все ближе и ближе к самке. Теперь она бросается к нему, в то время как он, поднимая свою первую пару ног, вытягивает их вверх и вперед, как бы удерживая ее, но при этом медленно отступает. Снова и снова он кружит из стороны в сторону, она смотрит на него в более мягком настроении, очевидно, восхищаясь изяществом его ужимок. Это повторяется до тех пор, пока мы не насчитаем сто одиннадцать кругов, сделанных пылким маленьким самцом. Теперь он подходит все ближе и ближе, и когда оказывается почти в пределах досягаемости, бешено кружится вокруг нее, она присоединяется

к нему и кружится вместе с ним в головокружительном лабиринте. Он снова откидывается назад и возобновляет свои полукруглые движения с наклоном тела; она, вся возбужденная, опускает голову и поднимает тело так, что оно становится почти вертикальным; оба придвигаются ближе; она медленно двигается под ним, он ползет по ее голове, и спаривание завершено".

Тот же автор таким образом описывает ухаживание за *Dendryphantes elegans*: "Находясь на расстоянии трех-пяти дюймов от нее, он начинает махать своими пушистыми передними лапками так, что напоминает ветряную мельницу. Она свирепо смотрит на него, и он долгое время держится на должном расстоянии. Если он подходит близко, она бросается на него, и он быстро отступает. Иногда он становится смелее и, приблизившись на дюйм, останавливается, вытянув перед собой первые лапы, а не приподнятые, как это обычно бывает у других видов; щупики также напряженно выставлены вперед, кончики вместе. Она снова прогоняет его, и спектакль продолжается. Теперь самец начинает возбуждаться, приближаясь к ней, и, все еще находясь на расстоянии нескольких дюймов, полностью кружится; остановившись, он подбегает ближе и начинает подрагивать животом, когда встает перед ней на цыпочки. Раскачиваясь из стороны в сторону, он становится все смелее и отважнее, в то время как она кажется менее свирепой и, поддаваясь возбуждению, приподнимает свой великолепно переливающийся живот, держа его в один момент вертикально, а в другой боком к нему. Она больше не бросается на него, но немного отступает при его приближении. Наконец он подходит к ней вплотную, лежит ничком, вытянув передние лапы и подрагивая. Кончиками передних лап он нежно похлопывает ее; это, кажется, пробуждает старого демона сопротивления, и она отталкивает его назад. Снова и снова он поглаживает ее ласкающими движениями, постепенно подползая все ближе и ближе, что она теперь позволяет без сопротивления, пока он не переползает по ее голове к животу, достаточно далеко, чтобы дотянуться щупальцем до эпигинума". (Г. У. Пекхэм, "Половой отбор пауков", *Отдельные статьи Общества естественной истории Висконсина*, 1889, цитируется в *Nature*, 21 августа 1890 г.)

Ухаживание другого паука, *Agelena labyrinthica*, было изучено Лекайоном ("Инстинкты и психизм арабских пауков", *Научное издание*, 15 сентября 1906 г.). Самец попадает в паутину самки, и его можно найти там примерно в середине июля. Когданачинается ухаживание, его не прерывает самое пристальное наблюдение, даже под увеличительным стеклом. Сначала самец стремится спариться, и он преследует самку по ее паутине до тех пор, пока она не согласится. Преследование может длиться несколько часов, самец своеобразно треплет свой живот, в то время как самка просто отступает на небольшое расстояние, не позволяя приблизиться к себе. Наконец самка остается совершенно неподвижной, и тогда самец подходит, хватает ее, кладет на бок, иногда перенося в более подходящую часть паутины. Затем один из его копулятивных аппаратов прикладывается к женскому генитальному отверстию, и начинается совокупление. Закончив (в среднем примерно через два часа), самец убирает свой копулятивный щупик и переворачивает самку, которая все еще инертна, на другой бок, затем подносит свой второй копулятивный аппарат к отверстию самки и начинает все заново. Когда процесс окончательно завершен, самец покидает самку, внезапно удаляясь на небольшое расстояние. Самка, которая оставалась совершенно неподвижной в течение четырех часов, внезапно бежит за самцом. Но она преследует его лишь на небольшом расстоянии, и два паука остаются вместе, не представляя никакой опасности ни для того, ни для другого. Лекайон не верит утверждению Романеса (с его *Животным Интеллектом*), что самка съедает самца после совокупления. Но, по-видимому, иногда это происходит и среди насекомых, что иллюстрируется следующим примером, описанным таким внимательным наблюдателем насекомых, как Фабр.

The *Религиозный богомол* описывается Фабром как долго созерцающий самку в позе экстаза. Она остается неподвижной и кажется безразличной. Он маленький, а она большая. Наконец он приближается; расправляет крылья, которые конвульсивно трепещут; запрыгивает ей на спину и застывает там. Прелюдии долгие, а само совокупление иногда занимает пять-шесть часов. Затем они расстаются. Но в тот же день или на следующий она хватается его и съедает маленькими глотками. Она позволит целой серии самцов вступить с ней в половую связь, всегда съедая их сразу после этого. Фабр даже видел, как она поедала самца, все еще лежа на спине, без головы и шеи, но его тело все еще было прочно прикреплено. (Ж. Х. Фабр, *Энтомологические сувениры*, пятая серия, стр. 307.) Фабр также очень подробно описывает (там же., девятая серия, главы xxi-xxii) сексуальные парады лангедокского скорпиона (*Scorpio occitanus*), паукообразного. Эти парады проводятся публично; для последующего совокупления пара стремится к полному уединению, и в конце концов самка съедает самца.

Было описано насекомое (вид *Empis*), которое возбуждает самку, манипулируя большим воздушным шаром. "Он имеет эллиптическую форму, около семи миллиметров в длину (почти вдвое длиннее мушки), полый и полностью состоит из одного слоя мельчайших пузырьков, почти однородных по размеру, расположенных правильными кругами, концентрическими с осью структуры. Красивая, сверкающая белизна предмета, когда на него падают солнечные лучи, делает его очень заметным. Пузырьки были слегка вязкими, и почти в каждом случае к переднему концу шарика была прижата маленькая мушка, очевидно, служившая пищей для *Эмпы*. Во всех случаях они были мертвы. Воздушный шарик, по-видимому, был сделан, когда насекомое летало в воздухе. У тех, кто летел выше, были самые маленькие воздушные шарики. Пузырьки, вероятно, образуются в результате какой-либо модификации анальных органов. Возможно, что пойманная муха служит ядром для запуска воздушного шара. В одном случае была поймана муха, но воздушного шара не наблюдалось. После начала, вероятно, остальная часть конструкции будет сделана путем вращения готовой детали между задними ножками и добавления дополнительных пузырьков несколько по спирали. Задний конец воздушного шара оставляют более или менее открытым. Назначение этой конструкции - привлекать самку. Когда многочисленные самцы летали вверх и вниз по дороге, несколько раз было замечено, как самка приближалась к ним из-за цветущей сакуры неподалеку. Самцы немедленно собрались у нее на пути, и она без особых колебаний выбрала в качестве партнера того, у кого был самый большой воздушный шар, заняв позицию *у него на спине*. После начала совокупления пара опускалась на землю, выбирала тихое место, и самка садилась, перекидывая передние ноги через горизонтальную травинку, прислонив голову к травинке так, чтобы зафиксировать тело в нужном положении. Здесь она продолжала удерживать мужчину под собой в течение некоторого времени, пока процесс не был завершен. Самец, тем временем, перекидывал воздушный шарик в самых разных позах, можно сказать, жонглировал им. После того, как самец и самка расстались, самец немедленно уронил воздушный шар на землю, и его с жадностью схватили муравьи. Ни одна иллюстрация не могла должным образом передать красоту воздушного шара". (Олдрич и Терли, "Муха, делающая воздушные шары", *американский натуралист*, октябрь 1899 г.)

"У многих видов ночных бабочек самцы "собираются" вокруг только что появившейся самки, но, по-видимому, никакого особого преимущества при раннем появлении нет. Самка сидит, по-видимому, неподвижно, в то время как небольшая толпа поклонников гудит вокруг нее в течение нескольких минут. Внезапно, и, насколько можно видеть, без каких-либо признаков со стороны самки, один из самцов спаривается с ней, а все остальные немедленно исчезают. В этих

случаях самцы не дерутся и не сопротивляются каким-либо образом, и когда наблюдаешь за церемонией, возникает вопрос о том, как определяется момент и почему спаривание не состоялось раньше. Близость не решает вопроса, так как самцы часто задолго до этого садятся рядом с самкой и задевают ее трепещущими крыльями. Я наблюдал этот процесс в точности так, как я описал его у обычного северного ночного жука, пантовой моли (*Charæax graminis*), и я видел то же самое среди жуков ". (Э. Б. Поултон, *Цвета животных*, 1890, стр. 391.) Этот автор упоминает, что у некоторых бабочек активное участие принимают самки. Приведенный здесь пример ухаживания ночных бабочек иллюстрирует, как явления, которые с трудом объясняются теорией полового отбора в ее первоначальной форме, сразу становятся понятными, когда мы осознаем важность набухания в процессе ухаживания.

Аргентинской коровьей птицы (*Molothrus bonariensis*) Хадсон говорит (*Аргентинская орнитология*, том i, стр. 73): "Песня самца, особенно когда он занимается любовью, сопровождается жестами и действиями, чем-то похожими на те, что у домашнего голубя. Он раздувается, ударяя крыльями о землю и издавая серию глубоких внутренних нот, за которыми следуют другие, громкие и ясные; и иногда, произнося их, он внезапно расправляет крылья и улетает прямо от самки на расстояние пятидесяти ярдов и совершает широкий круг вокруг нее в воздухе, все время распевая. Невзрачный объект его страсти всегда кажется совершенно равнодушным к этому любопытному и милому представлению; однако она, должно быть, еще более впечатлительна, чем большинствосамок птиц, поскольку она продолжает разбрасывать свои паразитические и часто потраченные впустую яйца в течение четырех месяцев в году ".

Птицы-тирана (*Pitangus Bolivianus*) Хадсон пишет (*Аргентинская орнитология*, том i, стр. 148): "Хотя самец и самка очень привязаны друг к другу, они не уходят в поле на охоту в компании, а разделяются, чтобы встретиться снова через определенные промежутки времени в течение дня. Один из пары (скажем, самка) возвращается к деревьям, где они привыкли встречаться, и через некоторое время, теряя терпение или беспокоясь из-за задержки своего супруга, издает очень длинный, четкий призывный звук. Он находится примерно в четверти мили от нас, высматривая лягушку у пруда или бьющуюся над зарослями чертополоха, но слышит звук и вскоре откликается таким же мощным. Затем, возможно, в течение получаса, с интервалом в полминуты, птицы отвечают друг другу, хотя мощный зов одной из них должен мешать его охоте. Наконец он возвращается; тогда две птицы, усевшись близко друг к другу, почти соприкасаясь желтыми грудками, приподняв хохолки и колотя крыльями по ветке, дружно издают самые громкие звуки — беспорядочный ликующий звук, который разносится по всей плантации. Их радость от встречи очевидна, и их действия соответствуют теплым объятиям любящей человеческой пары ".

Красногрудой болотной птицы (*Leistes superciliaris*) Хадсон (*Аргентинская орнитология*, том i, стр. 100) пишет: "Эти птицы перелетные и появляются повсюду в восточной части Аргентины в начале октября, прилетая поодиночке, после чего каждый самец занимает позицию в поле или открытом пространстве, изобилующем жесткой травой и разнотравьем, где он проводит большую часть своего времени, сидя на верхушке высокого стебля или сорняка, его пылающая малиновая грудь видна на расстоянии, как какой-нибудь великолепный цветок над травой. С интервалом в две-три минуты он взмывает вертикально вверх на высоту двадцати или двадцати пяти ярдов, чтобы испустить свою песню, состоящую из одной длинной, мощной и довольно музыкальной ноты, заканчивающуюся попыткой взмахнуть крыльями, во время которой птица трепещет и кружится в воздухе; затем, словно обескураженный своей неудачей, он падает вниз,

издавая резкое, гортанное чириканье, чтобы возобновить свою стойку. Тем временем самка невидима, тщательно скрываясь под высокой травой. Но в конце концов, привлеченная, возможно, яркой грудью и воздушной музыкой самца, она время от времени показывается на несколько мгновений, пускаясь в дикий зигзагообразный полет и, метнувшись туда-сюда, вскоре снова падает в траву. Как только она появляется над травой, самец бросается в погоню, и они вместе исчезают из виду".

"Ухаживание за кряквой, - пишет Дж. Дж. Милле (*Естественная история британских уток*, стр. 6), - по-видимому, осуществляется обоими полами, хотя обычно можно увидеть трех или четырех селезней, выставляющихся напоказ, чтобы привлечь внимание одной утки. Плавая вокруг нее в застенчивой манере, они время от времени останавливаются совершенно неподвижно, кивают, кланяются и вытягивают шеи в знак своего восхищения и желания получить благоприятный ответ. Но самое интересное зрелище - это когда все селезни одновременно встают в воде и быстро проводят клювами по груди, издавая при этом низкую одиночную ноту, чем-то похожую на первую половину крика, который издают чирок и острохвостка, когда "хвастаются". В других случаях занятия любовью у селезня кажутся скорее пассивными, чем активными. Милостиво позволяя ухаживать за собой, он с сознательной гордостью высоко держит голову и принимает как нечто само собой разумеющееся любое внимание, которое может быть оказано ему. Гордая птица становится им, когда три или четыре утки проплывают рядом с ним и вокруг него, издавая любопытные гортанные звуки и в то же время быстро поводя клювами направо и налево. Он знает, что это значит, и ведет себя с еще большим достоинством, чем раньше. Однако в конце концов он должен сдаться. В качестве последнего призыва одна из его возлюбленных может застенчиво опуститься в воду так, чтобы была видна только верхняя часть ее спины, головы и шеи, и такого завораживающего маневра, как этот, не выдержит ни один чувствительный селезень".

Ухаживание фазана аргус, известного необычайной красотой оперения самца, наблюдал Х. О. Форбс на Суматре. У этой птицы есть привычка устраивать "большой цирк, примерно десяти-двенадцати футов в диаметре, в лесу, который она очищает от каждого листа, веточки и отростка, пока земля не будет идеально подметена и украшена. На краю этого цирка на высоте нескольких футов над землей неизменно находится выступающая ветка или изогнутый корень, на котором занимает свое место самка птицы, в то время как на ринге самец - только самцы птиц обладают большим украшением — демонстрирует все свое величие для ублажения и удовольствия своей супруги и для возвышения себя в ее глазах". (Х. О. Форбс, *"Странствия натуралиста"*, 1885, стр. 131.)

"У всех страусов, как взрослых, так и птенцов, есть странная привычка, известная как "вальсирование". Пробежав несколько сотен ярдов, они также останавливаются и, подняв крылья, некоторое время быстро кружатся, пока у них не начинает кружиться голова, когда иногда случается перелом ноги. ... Злобные петухи "перекатываются", когда бросают вызов на драку или когда ухаживают за курицей. Петух внезапно опускается на колени (голеностопный сустав), раскрывает крылья, а затем попеременно раскачивает их взад и вперед, как будто вращается на оси вращения. ... Во время перекатывания каждое перышко по всему телу встает дыбом, а перья раскрываются, как большой белый веер. В такое время птица видит очень несовершенно, если вообще видит; на самом деле, она кажется настолько озабоченной, что, если ее преследовать, часто можно приблизиться незамеченной. Непосредственно перед перекатыванием петух, особенно если ухаживает за курицей, часто медленно и изящно бежит

на кончиках пальцев ног, шея слегка вздута, прямая и напряженная, хвост наполовину опущен, все перья на теле распушены; крылья подняты и расправлены, внутренние края касаются боковых сторон шеи почти по всей ее длине, а перья торчат отдельно, как раскрытый веер. Ни в какой другой позе великолепная красота его оперения не демонстрируется с таким преимуществом". (С. К. Кронрайт Шрайнер, "Страус", *Зоолог*, март 1897 г.)

Как можно видеть из приведенных выше довольно типичных примеров, феномен ухаживания высоко развит и был наиболее тщательно изучен у животных, не относящихся к классу млекопитающих. Может показаться, что от птиц до человека долгий скачок; однако, как будет видно, явления у первобытных людей, если, конечно, не у многих цивилизованных народов, очень напоминают те, что наблюдаются у птиц, хотя, к сожалению, обычно они не были так тщательно изучены.

В Австралии, где танцы доведены до совершенства, их связь с сексуальным импульсом близка и безошибочна. Так, мистер Сэмюэл Гасон (о котором было сказано, что "ни один мужчина на свете не был больше среди черных и не знает больше их обычаев") замечает по поводу танца племени Дайери: "В этом танце участвуют только мужчины и женщины в правильной форме и позе, великолепно отбивая ритм двух бумерангов; некоторые женщины поддерживают ритм, хлопая руками между бедер; после танца следует беспорядочный половой акт; ревность запрещена". Опять же, на Мобьерри, или крысиной охоте, "перед началом танца проводится многонедельная подготовка; ссоры недопустимы; беспорядочные половые сношения во время церемонии". Тот факт, что ревность запрещена на этих праздниках, ясно указывает на то, что половой акт является признанным и, вероятно, важным элементом церемоний. Это еще раз подчеркивается тем фактом, что на других фестивалях открытый половой акт запрещен. Так, на Миндари, или танцах на празднике мира (когда собирается несколько племен), "царит великое ликование по поводу предстоящего праздника, который обычно проводится в полнолуние и продолжается всю ночь. Мужчины художественно украшены пухом и перьями, со всевозможными узорами. Пух и перья прилипли к их телам кровью, только что взятой из пениса; они также красиво раскрашены в разные цвета; к их лодыжкам привязаны пучки веток, чтобы издавать шум во время танца. Беспорядочные половые сношения осуществляются *тайно*; в это время происходит много ссор". (*Журнал Антропологического института*, vol. xxiv, ноябрь 1894 г., стр. 174.)

В австралийских танцах иногда мужчины и женщины танцуют вместе, иногда мужчины танцуют в одиночку, иногда женщины. В одном танце, описанном Эйром: "Женщины - главные исполнительницы; их тела раскрашены белыми полосами, а волосы украшены перьями какаду. Они держат в руках большие палки и выстраиваются в ряд впереди, в то время как мужчины с копьями встают в ряд позади них. Затем все они начинают свои движения, но не смешиваясь, самцы и самки танцуют сами по себе. Женщины иногда танцуют в другом стиле, соединяя руки вместе над головой, сводя ступни и соприкасая колени. Затем ноги выбрасываются наружу от колена, в то время как ступни и руки остаются в исходном положении, и, когда они быстро втягиваются обратно, при столкновении издается резкий звук. Это также практикуется молодыми девушками в одиночку или несколькими вместе для их собственного развлечения. Это принято также, когда одинокую женщину ставят перед рядом танцующих мужчин, чтобы возбудить их страсть". (Э. Дж. Эйр, *Journals of Expeditions into Central Australia*, vol. ii, стр. 235.)

Очаровательная австралийская народная сказка о двух сестрах с крыльями, которые не любили мужчин, и уходе за ними со стороны мужчины ясно указывает на то, что даже среди австралийцев (чьи занятия любовью обычно считаются несколько жестокими по характеру) существует сознание того, что мужчина завоевывает женщину своей красотой, обаянием и умением ухаживать. Унаханах, влюбленный, незамеченным прокрался к реке, где купались девушки, и, наконец, показался небрежно сидящим на высоком дереве. Девочки были поражены, но решили, что будет безопасно позабавиться, глядя на незваного гостя. "Молодой, с самой активной фигурой, но обладающий силой, которая бросала вызов самому сильному эму и даже позволяла ему противостоять "старикам" кенгуру, он не имел равных в охоте, и осознанная сила придавала достоинство выражению его лица, которое с одного взгляда успокоило страхи двух девушек. Его большие блестящие глаза, затененные густой бахромой мягких черных ресниц, восхищенно смотрели на них сверху вниз, а густые черные волосы обрамляли его хорошо сформированное лицо, гладкое и сияющее от масла эму, которым оно было обильно покрыто". Наконец он уговорил их заговорить и мало-помалу убедил их называть его мужем. Затем они ушли с ним, не помышляя о бегстве в своих сердцах. ("Австралийские фольклорные истории", собранные У. Данлопом, *Журнал Антропологического института*, новая серия, том i, 1898, стр. 33.)

О жителях Торресова пролива Хэддон заявляет (*Отчеты антропологической экспедиции в Торресов пролив*, т. v, стр. 222): "Именно во время светских танцев, или *Кап*, девушки обычно отдавали свои сердца молодым людям. Молодой человек, который был хорошим танцором, нашел бы расположение в глазах девушек. Это легко понять любому, кто видел активные, умелые и утомительные танцы этих людей. Молодой человек, который мог бы хорошо проявить себя в этих танцах, должен обладать немалой силой и ловкостью - качествами, которые повсюду привлекают противоположный пол. Кроме того, он был украшен, согласно местному обычаю, всем, что делало его более внушительным в глазах зрителей. Как выразился бывший вождь Мабуйага, "В Англии, если у мужчины много денег, женщины хотят выйти за него замуж; так и здесь, если мужчина хорошо танцует, они тоже хотят его". В старину военный танец, который исполнялся после успешной вылазки, вызывал сильнейшее возбуждение у девушки на выданье, особенно если молодой человек отличился настолько, что принес домой голову убитого им человека".

Среди племен, населяющих устье реки Ванигела, Новая Гвинея, "когда мальчик восхищается девушкой, он не смотрит на нее, не заговаривает с ней и не подходит к ней близко. Он, однако, демонстрирует свою любовь спортивными прыжками, позированием и преследованием, а также протыканием воображаемых врагов копьями и т.д. Перед ней, чтобы привлечь ее внимание. Если девушка отвечает ему взаимностью, она наймет маленькую девочку, которая вручит ему *уауга гауна*, или любовное приглашение, состоящее из ореха арека, на коже которого нанесены различные рисунки, обозначающие ее желание *уауга*. С наступлением темноты ему сообщают о месте, где его ждет девушка; придя туда, он садится рядом с ней как можно ближе, и они разделяют употребление ореха бетель". Это является обручением; отныне он волен посещать дом девушки и спать там. Бракосочетания обычно совершаются во время самого важного праздника в году, *капы*, приготовления к которому делаются в течение трех предыдущих месяцев, чтобы обеспечить обильный и неиссякаемый запас бананов. Много танцев происходит среди незамужних девушек, которые в это время также покрываются татуировками по всей передней части тела, особое внимание уделяется нижним частям, поскольку девушка, у которой там нет надлежащей татуировки, не обладает

привлекательностью в глазах молодых людей. Замужним женщинам, вдовам и разведенным женщинам не запрещено принимать участие в этих танцах, но с их стороны это было бы смешно. (Р. Э. Гиз, "О племенах реки Ванигела", *Журнал Антропологического института*, новая серия, том i, 1899, стр. 209, 214 и далее.)

На острове Нияс Малайского архипелага Модильяни (в основном опираясь на превосходный авторитет миссионера Сандерманна) утверждает, что на свадьбе "танцы и пение продолжают в течение всего дня. Женщины, по двое или по трое одновременно, немного отдельно от мужчин, принимают участие в танце, который очень хорошо приспособлен для того, чтобы подчеркнуть изгибы боков и груди, хотя в то же время дефекты их ног проявляются в этой серии ритмических изгибов, составляющих танец Нияс. Самое грациозное движение, которое они выполняют, - это похотливые покачивания боками, в то время как *саронг* (разновидность юбки) медленно обвивает лицо и грудь, которые они держат в руках, а затем снова обнажают. Эти движения выполняются подергиваниями запястий и изгибами боков, не всегда грациозными, но вызывающими восхищение зрителей, даже женщин, которые сбиваются в группы, чтобы хором спеть комплимент, более или менее искренний, в котором они говорят: "Они танцуют с грацией птиц, когда летят. Они танцуют, когда летит ястреб; на это приятно смотреть". Они поют и танцуют как на свадьбах, так и на других фестивалях". (Elio Modigliani, *Un Viaggio a Nias*, 1890, p. 549.)

На Суматре Марсден утверждает, что целомудрие преобладает, пожалуй, больше, чем среди любого другого народа: "Но их бракам предшествует мало видимых ухаживаний. Их манеры не допускают этого, *буджонг* и *гедда* (юноши обоего пола) тщательно держатся порознь, и последним редко доверяют из-под крыла их матерей. ... Молодые люди имеют возможность увидаться и пообщаться друг с другом на *бирнбангах*, или общественных фестивалях. В таких случаях молодые люди собираются вместе, танцуют и поют в компании. Мужчины, когда решаются на это, обычно нанимают пожилую женщину в качестве своего агента, через которую они сообщают о своих чувствах и посылают подарки женщине по своему выбору. Затем родители вмешиваются, и, когда все предварительные приготовления улажены, происходит *бирнбанг*. Молодые женщины всем скопом направляются в верхний конец *балли* (зала), где есть часть, отделенная для них занавеской. Они не всегда появляются перед обедом, поскольку это время, предшествующее второму или третьему приему пищи, отводится для петушиных боев или других развлечений, свойственных мужчинам. Вечером у них проходят другие развлечения, главными из которых являются танцы. Они исполняются либо поодиночке, либо двумя женщинами, двумя мужчинами, либо обоими вперемешку. Их движения и позы обычно медленные, часто приближающиеся к похотливым. Танцуя, они наклоняются вперед и обычно держат в руках веер, которым они закрывают и ловко ударяют себя по локтям в определенных ритмах. ... Собрание редко заканчивается до рассвета, и эти *пиршества* часто продолжаются несколько дней подряд. Молодые люди часто посещают их, чтобы присмотреть себе жен, и девушки, конечно же, демонстрируют себя с наилучшей стороны. Они носят свои лучшие шелковые платья собственного плетения, столько филигранных украшений, сколько у них есть, серебряные кольца на руках и ногах и серьги особой конструкции. Их волосы по-разному украшены цветами и надушены маслом вениамина. Циветта также пользуется популярностью, но ее больше используют мужчины. Чтобы сделать свою кожу тонкой, гладенькой и нежной, они используют белое косметическое средство под названием *пупур* [смесь имбиря, листьев пачули, кукурузы, сандалового дерева, волшебного хлопка и семян кашицы на основе тонкого риса]". (У. Марсден, *История Суматры*, 1783, стр. 230.)

Альфу из Серама на Молуккских островах, которые еще не были испорчены иностранным влиянием, очень любят музыку и танцы. Их *маку* танцы, которые проходят по ночам, были описаны Джостом: "Огромные факелы из сухого бамбука и груды горящих смолистых листьев освещают гигантские деревья до самых их вершин и открывают вдалеке маленькие хижины, которые альфуры построили в девственных лесах, а также черепа убитых. Женщины сидят на корточках у огня, производя оглушительный шум гонгами и барабанами, в то время как молодые девушки, богато украшенные жемчугом и благоухающими цветами, ждут начала танца. Затем появляются мужчины и юноши без оружия, но в полном боевом облачении, на поясе свежесобрано количество убитых врагов. [Среди альфура тот мужчина, у которого наибольшее количество голов, показывает, у кого больше шансов завоевать объект своей любви.] Они держат друг друга за руки и образуют круг, который, однако, не является полностью замкнутым. Начинается песня, и маленькими, медленными шажками это кольцо тел, подобно извивающейся змее, движется вбок, назад, смыкается, снова размыкается, шаги становятся тяжелее, песни и барабаны громче, девушки входят в круг и с закрытыми глазами хватаются за пояса своих избранных юношей, которые обхватывают их за бедра и шеи, цепь становится все длиннее и, танец и песня более пылкими, пока танцоры не устанут и не исчезают во мраке леса". (У. Джост, *Вельт-Фартен*, 1895, Bd. ii, стр. . 159.)

Женщины Новых Гебрид танцуют или, скорее, раскачиваются взад-вперед посреди круга, образованного мужчинами, с которыми они непосредственно не общаются. Они прыгают, демонстрируют мужчинам свои гениталии и имитируют движения при половом акте. Тем временем мужчины одной рукой отстегивают *ману* (обруч для пениса) от своих поясов, другой имитируя действие захвата женщины, и, возбужденные женщинами, также совершают имитацию совокупления. Говорят, иногда танцоры мастурбируют. Это происходит под жалобные песни, время от времени прерываемые громкими криками и завываниями. (*Нехоженные поля антропологии*, французский военный хирург, 1898, т. ii, стр. 341.)

Среди горных племен Центральной Индии прослеживается стремление обеспечить общение с духом плодородия, воплощенным в растительности. Это проявляется, например, в танце деревьев, который проводится в день, связанный не только с ростом посевов или сбором урожая, но также с сезонным периодом вступления в брак и ежегодными сатурналиями. (У. Крук, "Горные племена", *Журнал Антропологического института*, новая серия, том i, 1899, стр. 243.) Ассоциация танцев с сезонными ритуальными празднествами генеративного характера, приведенным выше довольно типичным примером, подводит нас к другому аспекту этих явлений, которого я уже касался в этих *Исследованиях* (vol. i) при обсуждении "Явлений периодичности".

Таитяне, когда их впервые обнаружили европейцы, по-видимому, были высокоразвитыми в сексуальном плане и очень распушенными. Тем не менее, даже на Таити, когда его посетил Кук, строгая примитивная связь между танцами и ухаживанием все еще оставалась прослеживаемой. Кук обнаружил "танец под названием Тимороди, который исполняют молодые девушки, когда их может быть восемь или десять человек, состоящий из движений и жестов, выходящих за рамки воображения, бессмысленных, в практике которых они воспитываются с самого раннего детства, сопровождаемых словами, которые, если бы это было возможно, более четко передавали бы те же идеи. Но практика, которая разрешена девственнице, запрещена

женщине с того момента, как она применила эти обнадеживающие уроки на практике и осознала символы танца ". Он добавил, однако, что среди особо привилегированного класса ареои эти ограничения не соблюдались, поскольку он слышал, что этот танец иногда исполнялся ими как прелюдия к половому акту. (Хоксворт, *Отчет о путешествиях* др., 1775, т. ii, стр. 54.)

У маркизцев на свадьбе женщина, даже высокого ранга, ложится головой на колени жениха, и все гости мужского пола идут гуськом, поют и танцуют — представители низшего сословия в первую очередь и великие вожди в последнюю очередь — и имеют связь с женщиной. Часто бывает очень много гостей, и в конце невеста иногда настолько измучена, что ей приходится провести несколько дней в постели. (Тотен, "Этюд о женитьбе на полинезийке", *L'Anthropologie*, ноябрь-декабрь 1895 г., стр. 642.) Интересным моментом для нас здесь является то, что пение и танцы все еще рассматриваются как предварительные действия перед половым актом. Было отмечено, что в сексуальных вопросах полинезийцы, когда их впервые обнаружили европейцы, в значительной степени вышли за рамки примитивной стадии, и это относится также к некоторым их танцам. Таким образом, танецхула-хула, хотя и примитивный по происхождению, вероятно, можно сравнить скорее с цивилизованным, чем с примитивным танцем, поскольку он стал оторванным от реальной жизни. Точно так же, в то время как сексуальная пантомима девушек азимба из Центральной Африки имеет прямое и общепризнанное отношение к требованиям реальной жизни, несколько схожие с ней *вентрские танцы* хамитских народов северной Африки - это просто развлечение, игра, более или менее основанная на сексуальном инстинкте. В то же время важно иметь в виду, что нет жесткого различия между танцами, которые являются примитивными, и теми, которые не являются таковыми. Как верно указывает Хэддон в книге, содержащей ценные подробные описания танцев, танцы даже у дикарей настолько развиты, что трудно проследить их происхождение, и в Торресовом проливе, замечает он, "безусловно, есть игровые или светские танцы, танцы для чистого развлечения без какого-либо скрытого умысла". (А. К. Хэддон, *"Охотники за головами"*, стр. 233.) Когда мы вспоминаем, что танцы, вероятно, получили высокое развитие задолго до появления человека на земле, эта трудность в определении точного происхождения человеческих танцев не может вызывать удивления.

Спикс и Мартиус описали, как бразильские мурра при лунном свете всю ночь предавались вакханальному танцу в большом кругу, взявшись за руки, мужчины с одной стороны, женщины с другой, все время выкрикивая: мужчины "Кто выйдет за меня замуж?", женщины: "Ты прекрасный дьявол; все женщины выйдут за тебя замуж" (Спикс и Мартиус, *"Рейз в Бразилии"*, 1831, т. iii, стр. 1117.) Они также подробно описали танец бразильских пури, исполняемый в состоянии полной наготы, мужчины в ряд, женщины в другом ряду позади них. Они танцевали взад и вперед, притопывая и напевая, сначала в медленном и меланхоличном стиле, но постепенно с возрастающей энергией и возбуждением. Затем женщины начали вращать тазом взад и вперед, а мужчины наклонять свои тела вперед, танец превратился в пантомимическое представление полового акта (*там же.*, том i, 1823, стр. 373-5).

Среди бразильских племен женщины также стоят в ряд, почти неподвижно, в то время как мужчины танцуют и прыгают перед ними, и мужчины, и женщины одновременно поют. (Buscalioni, "Reise zu den Apinages," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, ht. 6, p. 650.)

Среди джилов Нью-Мексико: "когда молодой человек видит девушку, которую он желает взять в жены, он сначала пытается заручиться благосклонностью родителей; достигнув этого, он начинает петь серенаду своей возлюбленной и часто часами, день за днем, сидит возле ее дома, играя на своей флейте. Если девушка не появляется, это признак того, что она отвергает его; но если, с другой стороны, она выходит ему навстречу, он знает, что его предложение принято, и забирает ее к себе домой. Церемония бракосочетания не проводится".^[33] (Х. Х. Бэнкрофт, *Коренные расы Тихого океана*, том i, стр. 549.)

Говорят, что среди миннетари иногда устраивают необычные ночные танцы. Во время этого развлечения скво предоставляется возможность выбрать своих фаворитов. Танцуя, скво приближается к человеку, которым она очарована, либо из-за его личной привлекательности, либо из-за его воинской славы; она хлопает его по плечу и немедленно выбегает из вигвама и скрывается в кустах, сопровождаемая фаворитом. Но если случается так, что он отдает особое предпочтение другой, от которой ожидает такой же благосклонности, или если его сдерживает обет, или он уже пресытился снисходительностью, он вежливо отклоняет ее предложение, кладя руку ей на грудь, после чего они возвращаются на собрание и присоединяются к танцу ". Стоит отметить, что на языке омахас слово *наблюдать* в равной степени относится как к развлечению танцами, так и к половому акту. (С. Х. Лонг, *Экспедиция в Скалистые горы*, 1823, т. i, стр. 337.)

На кафрской свадьбе "пение и танцы длятся до полуночи. Каждая сторона [невесты и жениха] танцует перед другой, но они не смешиваются вместе. По мере приближения вечера настроение и страсти у всех сильно возбуждаются; и сила песни, демонстрация мускульных действий и жестикуляция танцоров и прыгунов представляют собой нечто экстраординарное. Манера, с которой в определенное время один мужчина или женщина, более возбужденный, чем остальные, выбегает из строя, подпрыгивает в воздух, отскакивает вперед и отскакивает назад, не поддается никакому описанию. Эти жестокие упражнения обычно заканчиваются около полуночи, когда каждая сторона расходится; как правило, каждый мужчина выбирает себе любовницу и, предаваясь сексуальному удовлетворению, проводит остаток ночи ". (У. К. Холден, *Кафрская раса*, 1866, стр. 192.)

При посвящении кафрских мальчиков в мужчины, как описано Холденом, они подвергались обрезанию. Затем родители забивают скот, а мальчиков в изобилии снабжают мясом; на этой стадии мероприятия также проводится много танцев. *Укут-шила* заключается в том, что они наряжаются листьями дикого финика самым фантастическим образом; в таком наряде они поочередно посещают каждый из краалей, к которым принадлежат, с целью потанцевать. Эти танцы самые распущенные, какие только можно себе представить. Женщины играют в них заметную роль и стараются разжечь страсти новичков, выполняя всевозможные непристойные жестикуляции. Как только болезненность, вызванная актом обрезания, излечивается, мальчиков, так сказать, выпускают на волю в обществе и освобождают от почти всех ограничений закона; так что, если они даже украдут и зарежут скот своего соседа, они не будут наказаны; и у них есть особая привилегия захватывать силой, если сила будет необходима, каждую незамужнюю женщину, которую они выберут, с целью удовлетворения своих страстей ". Подобные празднества проводятся при посвящении девочек. (У. К. Холден, *Кафрская раса*, 1866, стр. 185.)

Преподобный Дж. Макдональд описал церемонии и обычаи, сопровождающие обряд инициации молодой девушки во время ее первой менструации среди зулусов между Тугелой и заливом Делагоа. На этот раз девушку зовут *интонджейн*. Зверя убивают в качестве благодарственного подношения духам предков, в течение нескольких дней устраивается шумное веселье, а танцы и музыка устраиваются каждую ночь, пока все участвующие в нем не выбьются из сил или не наступит рассвет. "Через несколько дней, когда танцы прекращаются, молодые мужчины и девушки собираются во внешних помещениях хижины и начинают петь, хлопать в ладоши и издавать хрюкающие звуки, чтобы показать свою радость. С наступлением темноты большинство молодых девушек, которые были служанками интонджейн, уходят на ночь по своим домам, чтобы вернуться на следующее утро. После этого юноши и девушки, собравшиеся днем в хижине, разделяются на пары и спят вместе в *чистоте естества*, поскольку это строго предписано обычаем. Половой акт запрещен, но то, что известно как *метша* или *укуметша*, является единственной целью нового соглашения. *Укуметша* может быть определена как частичный половой акт. Каждый мужчина, который спит таким образом с девушкой, должен послать отцу интонджане ассегай; если он привязался к своей ночной партнерше и желает оказать ей знаки внимания, он посылает два ассегая". (Преподобный Дж. Макдональд, "Манеры и т.д. южноафриканских племен", *Журнал Антропологического института*, том xx, ноябрь 1890 г., стр. 117.)

Гонкур передает рассказ французского офицера из Сенегала о танцах женщин: "танец, представляющий собой легкое колебание тела с постепенно нарастающим возбуждением, время от времени женщина выбегает из группы, встает перед своим возлюбленным, изгибается, как будто в страстном объятии, и, проведя рукой между бедер, показывает, что она покрыта влагой любовного наслаждения". (*Журнал*, том. ix, стр. 79.) Танец, о котором здесь идет речь, вероятно, является танцем Бамбула волков, весенним праздником, который был описан Пьером Лоти в его *Романе "Ун Слахи"*, и различные подробности о котором предоставлены французским военным хирургом, знакомым с Сенегалом, в его *книге "Нехоженные поля антропологии"*. Танец, как описано последним, происходит ночью в полнолуние, танцоры, мужчины и женщины, начинают робко, но по мере того, как ритм тамтамов и ободряющие крики зрителей становятся громче, танец становится более яростным. Местное название танца - *anamalis fobil*, "танец шагающего селезня". "Танцор в своих движениях имитирует совокупление большой индийской утки. Этот селезень имеет форму штопора, и требуется особое движение, чтобы ввести его в утку. Женщина подтыкает свою одежду и конвульсивно возбуждает нижнюю часть своего тела; она попеременно показывает партнеру свою вульву и скрывает ее от него регулярными движениями тела вперед и назад". (*Нехоженные поля антропологии*, Париж, 1898, т. ii, стр. 112.)

Эйссерик отмечает, что среди гуру Берега Слоновой Кости (Гвинейский залив) танцы обычно проводятся ночью, особенно мужчинами, и в определенных случаях женщины не должны появляться, поскольку, если они будут помогать в фетишистских танцах, "они умрут". При других обстоятельствах мужчины и женщины страстно танцуют вместе, не образуя пар, но часто *друг против друга*: их движения похотливы. Даже танцы после похорон, как правило, приобретают сексуальный характер. По окончании обрядов, сопровождавших похороны сына вождя, все население начинало танцевать со все возрастающим азартом; в этих извивах, которые приобретали характер похотливого танца, не было ничего ритуального или печального. Мужчины и женщины, мальчики и девочки, молодые и пожилые, стремились соперничать друг с другом в гибкости, и праздник стал радостным и всеобщим, словно в честь свадьбы или победы.

(Eysséric, "La Côte d'Ivoire," *Nouvelles Archives des Missions Scientifiques*, tome ix, 1890, pp. 241–49.)

Миссис Френч-Шелдон описала брачные обряды, которые она наблюдала в Тавете в Восточной Африке. "В это время молодые люди танцуют и кутят, и вообще становятся веселыми и беспорядочно напиваются, доводя избыток своего разгула до такой степени, что танцуют до тех пор, пока не падают в своего рода эпилептическом припадке". Это привилегия четырех помощников жениха - сначала насладиться невестой, а затем она передается своему законному мужу. Эти люди, как мужчины, так и женщины, "великие танцоры и весельчаки; молодые люди собираются группами и танцуют, как бы соревнуясь друг с другом; один парень выбегает из круга своих товарищей, выбегает на середину ограниченного пространства и кричит: "Вау, вау!" Другой следует за ним и кричит; затем третий делает то же самое. Эти мужчины будут танцевать, почти не сгибая коленей, подпрыгивая в воздух, пока их возбуждение не станет очень сильным, а энергия - почти спазматической, часто отрываясь от земли на три фута, когда они подпрыгивают в воздух. На некоторых из их фестивалей их танцы доходят до такой степени, что я видел, как мускулы молодого человека дрожат с головы до ног, а его челюсти дрожат без какой-либо видимой способности с его стороны контролировать их, пока, с пеной у рта и закатившимися глазами, он не падает в пароксизме на землю, чтобы его унесли его товарищи ". Автор многозначительно добавляет, что этот танец, "казалось бы, исходит от разновидности сладострастия". (Миссис Френч-Шелдон, "Обычаи аборигенов Восточной Африки", *Журнал Антропологического института*, том. xxi, май 1892 г., стр. 366-67.) Можно добавить, что среди танцев суахели они тесно связаны со свадьбами; танцы суахели были подробно описаны Велтенем (*Sitten und Gebräuche der Suaheli*, стр. 144-175). Среди акамба Британской Восточной Африки, также, согласно Х. Р. Тейту (*Журнал Антропологического института*, январь.- Июнь 1904 г., стр. 137), за танцами следует общение между юношами и девушками, одобренное родителями.

Танцы жителей Фарерских островов были описаны Раймоном Пиле ("Взаимопонимание между миссией на острове и во лжи", *Новый архив научных миссий*, том vii, 1897, стр. 285). Эти танцы, которые полностью благопристойны, включают в себя поэзию, музыку и много мимики, особенно в битве. Иногда они длятся два дня и ночи подряд. "Танец - это просто разрешенный и сдержанный метод, с помощью которого молодые люди могут ухаживать за молодыми девушками. Островитянин входит в круг и садится рядом с девушкой, которой он желает показать свою привязанность; если он получает ее одобрение, она остается и продолжает танцевать рядом с ним; если нет, она покидает круг и появляется позже в другом месте".

Pitre (*Usi, etc., del Popolo Siciliano*, vol. ii, стр. 24, цитируется в книге Марро "Половое созревание") говорится, что на Сицилии молодой человек, желающий жениться, стремится публично доказать свою доблесть и показать себя. В Кьярамонте, в доказательство своей мужской силы, он несет в процессии штандарт какого-то братства, высокий и богато украшенный штандарт, древко которого изгибается полукругом, такого огромного веса, что носителю приходится ходить в болезненно согнутом положении, запрокинув голову и выставив ноги вперед. Добравшись до дома своей невесты, он доказывает свою смелость и мастерство в обращении с этим чрезвычайно тяжелым штандартом, который в данный момент кажется игрушкой в его руках, но все же может оказаться для него смертельным из-за повреждения поясницы или других частей тела.

Та же самая тенденция, которую мы находим в столь высокой степени развитой у животных и примитивных людей, также универсальна среди детей даже самых цивилизованных человеческих рас, хотя и в менее организованной и более запутанной форме. Это проявляется как "показуха". Сэнфорд Белл в своем исследовании эмоции любви у детей приходит к выводу, что "показуха" является важным элементом любви к детям на том этапе, который он называет второй стадией (с восьмого по двенадцатый год у девочек и четырнадцатый у мальчиков). "Это составляет один из главных номеров в репертуаре любовных чар мальчика и не полностью отсутствует у девочки. Это самое обычное зрелище - видеть, как мальчики напрягают свои ресурсы, изобретая способы выставить напоказ собственное превосходство, и часто совершают самые нелепые и экстравагантные поступки. Бег, прыжки, танцы, гарцевание, спарринги, борьба, прыжки на руках, сальто, лазание, хождение по заборам, раскачивание, пение йодлей и вопли, свист, имитация движений животных, "увод людей", подстерегание опасности, проявление храбрости - вот некоторые из его распространенных форм. ... Это "выпендрей" у мальчика-любownika является предшественником искусных, целенаправленных и изощренных средств самовыражения у взрослого мужчины и очаровательного кокетства у взрослой женщины в их любовных отношениях". (Сэнфорд Белл, "Эмоция любви между полами", *Американский журнал "Психология"*, июль 1902 г.; ср. "Показуха и застенчивость", *Педагогическая семинария*, июнь 1903 г.)

Если в свете предыдущего обсуждения мы исследуем такие факты, как собранные здесь, мы можем легко проследить повсюду постоянное действие одного и того же инстинкта. Повсюду инстинктивным объектом самца, который очень редко бывает пассивен в процессе ухаживания, является обеспечение своей демонстративной активностью, своей энергией, мастерством или красотой как своей собственной страсти, так и страсти самки. В природе половое спаривание происходит только после больших затрат энергии.^[34] Нас вводит в заблуждение то, что мы видим среди упитанных домашних животных и среди ленивых слоев человеческого общества, чьи сексуальные инстинкты одновременно неестественно стимулируются и неестественно подавляются, когда мы воображаем, что инстинкт детумесценции обычно всегда жаждет удовлетворения, и что в природе он всегда может сработать от прикосновения, когда применяется стимул. Инстинкт распухания, естественно, не нуждается в подавлении, напротив, у обоих полов он нуждается в самых сложных и длительных процессах, чтобы вызвать те условия, которые снимают распухание. Состояние припухлости обычно не является постоянным, и припухлость должна быть достигнута до того, как станет возможной детумесценция.^[35] Вся цель ухаживания, взаимного сближения и ласк двух лиц противоположного пола состоит в том, чтобы создать состояние сексуального возбуждения.

Будет видно, что наиболее распространенный метод достижения припухлости — метод, встречающийся у самых различных видов животных, от насекомых и птиц до человека, — это та или иная форма танца. Танец филиппинских негритосов А. Б. Мейер описывает как "прыжки по кругу вокруг девушки и топанье ногами"; как мы видели, такой танец, по сути, является формой ухаживания, широко распространенной среди животных. "Настоящая походка с тортом, - снова замечает Стэнли Холл, - которую можно увидеть на Юге, является, пожалуй, самым чистым выражением этого стремления к ухаживанию, присущего мужчине".^[36] Мышечные движения, высшим и наиболее сложным выражением которых является танец, несомненно, являются методом аутоинтоксикации высочайшей эффективности. Любое энергичное движение, действительно, имеет тенденцию вызывать активный застой. Таким образом, по своему влиянию на мозг насильственные физические нагрузки могут привести к состоянию опьянения,

даже напоминающему безумие. Как отмечает Лагранж, видимые эффекты физических упражнений — повышенный цвет лица, яркие глаза, решительный вид и походка — являются признаками легкого опьянения, и девушка, протанцевавшая четверть часа в вальсе, находится в таком же состоянии, как если бы она выпила шампанского.^[37] Гроос рассматривает танец, прежде всего, как опьяняющую игру движений, обладающую, как и другие методы опьянения — и даже помимо его связи с борьбой и любовью — очарованием способности отвлекать нас от повседневной жизни и вести в созданный нами самими мир грез.^[38] То, что танец является не только наркотиком, но и мощным стимулятором, мы можем ясно понять из экспериментов, которые показывают, что этот эффект достигается даже гораздо менее сложными видами мышечных движений. Это было четко определено, например, Фере, в ходе длительной и сложной серии экспериментов, посвященных различным влияниям, изменяющим работу, измеряемым эргографом Моссо. Этот исследователь обнаружил, что мышечные движения являются наиболее эффективными из всех стимуляторов увеличения мышечной силы.^[39] Эти приятные эффекты комбинированного движения с наркотиками и стимуляторами легко проследить в повседневной жизни, и нет необходимости перечислять их проявления.^[40]

Танец - настолько мощное воздействие на организм, как верно замечает Серджи ("*Без эмоций*", стр. 288), потому что его возбуждение носит общий характер, потому что он затрагивает каждый жизненно важный орган, высшие центры больше не доминируют. Первобытный танец очень сильно отличается от того цивилизованного вида танцев, который находит свой экстремальный вид в балете, когда энергия концентрируется в мышцах ниже колена. В самых утонченных видах первобытного танца принимают участие все конечности, все тело. Например, "маркизские девушки", - заметил Герман Мелвилл в "*Тайпи*", - "танцуют повсюду; танцуют не только их ноги, но и руки, кистени, пальцы - да, даже их глаза, кажется, танцуют у них в голове. В спокойной обстановке они так раскачивают свои плавающие формы, выгибают шеи, вскидывают вверх обнаженные руки, скользят, плывут и кружатся" и т. Д.

Если мы обратимся к совершенно другим народам, то обнаружим, что эта характеристика первобытных танцев превосходно проиллюстрирована миссионером Холденом на примере кафрских танцев. "Насколько я заметил, - утверждает он, - совершенство искусства или науки состоит в том, что они способны *приводить в движение все части тела одновременно*. И поскольку они обнажены, у стороннего наблюдателя есть хорошая возможность наблюдать весь процесс, который представляет собой удивительно странный и гротескный вид — голова, туловище, руки, ноги, кисти, ступни, кости, мускулы, сухожилия, кожа, скальп и волосы, все в движении одновременно, с развевающимися перьями, свисающими хвостами обезьян и диких зверей, и бьющимися щитами, сопровождаемыми свистом, криками и прыжками. Могло бы показаться, что вся рама подвешена на пружинящих проводах или шнурах. Танцы пользуются высокой репутацией, являясь естественным выражением радостных эмоций или создавая их в отсутствие других. Пожалуй, нет упражнения, более соответствующего чувствам варварского народа или более полно рассчитанного на удовлетворение его диких и неуправляемых страстей". (У. К. Холден, *Кафрская раса*, 1866, стр. 274.)

Танец, как высшая и наиболее сложная форма мышечных движений, является наиболее мощным методом получения органического возбуждения, вызываемого мышечными движениями, и, таким образом, мы понимаем, как с самых ранних зоологических эпох он

служил сексуальному инстинкту как способу достижения возбуждения. У дикарей это использование танцев гармонично сочетается с различными другими видами применения, которыми пользовались танцы в первобытные времена и которые заставляют их занимать столь большую и жизненно важную роль в жизни дикарей, что, возможно, они даже могут влиять на организм до такой степени, что формируют кости; так что некоторые авторитетные источники связывают платикнемию с танцами. По мере развития цивилизации другие виды применения танцев исчезают, но они по-прежнему остаются сексуальным стимулятором. Бертон в своей *"Анатомии меланхолии"* приводит ряд цитат из старых авторов, показывающих, что танцы - это побуждение к любви.^[41]

Католические богословы (Debreune, *MœChialogie*, стр. 190-199) по большей части очень сурово осуждают танцы. В протестантской Германии также считается, что танцевальные собрания и музыкальные сборища являются частыми поводами для распутства. Так, в Лейпцигском районе, когда девушку спрашивают: "Как ты упала?", она почти всегда отвечает: "На танцах". (*Die Geschlechtlich-Sittliche Verhältnisse im Deutschen Reiche*, vol. i, p. 196.) Это приводит так же часто, и, без сомнения, еще чаще, к браку. Руссо защищал это на этот счет (*Новая Элоиза*, bk. iv, письмо x); танец, по его мнению, является замечательной подготовкой к ухаживанию и лучшим способом для молодых людей раскрыть себя друг другу, в своей грации и приличиях, своих качествах и недостатках, в то время как публичность является его гарантией. В 1907 году в Барселоне состоялся Международный конгресс мастеров танца. В связи с этим конгрессом Жиро, президент Международной академии мастеров танца, направил запрос более чем 3000 преподавателям танцев по всему миру, чтобы выяснить, с какой частотой танцы приводили к браку. Было обнаружено, что из более чем миллиона учащихся танцев, состоящих в браке или собирающихся вступить в брак, в большинстве стран более 50% познакомились со своими супругами на танцах. Наименьший показатель был в Норвегии - всего 39%, а самый высокий - в Германии - 97%. Промежуточными являются Франция - 83%; Америка - 80%; Италия - 70%; Испания - 68%; Голландия, Болгария и Англия - 65%; Австралия и Румыния - 60% и т.д. Из самих учителей - 92% познакомились со своими партнерами на танцах. (Цитируется из *"Фигаро"* в "Сексуальной реформе" Бейблатта в *"Трудах"*, 1907, стр. 175.)

Однако в цивилизации танцы являются не только побуждением к любви и предварительным этапом ухаживания, но и часто заменяют нормальное удовлетворение сексуального инстинкта, принося нечто вроде удовольствия и облегчения от удовлетворенной любви. В редких ненормальных случаях это может осознаваться сознательно. Так, Сэджер, которая рассматривает радость танца как проявление "мускульного эротизма", приводит случай замужней истеричной женщины 21 года, с генитальной анестезией, но в остальном сильно развитым кожным эротизмом, которая была страстной танцовщицей: "Мне часто казалось, что я отдаюсь своему партнеру по танцу, - сказала она, - и на самом деле занимаюсь с ним половым актом. У меня такое чувство, что во мне танец занимает место соития".^[42] Обычно нечто подобное испытывают многие молодые женщины, которые тратят огромное количество энергии на танцы, приобретая таким образом не усталость, а счастье и облегчение.^[43] Примечательно, что после начала сексуальных отношений девушки обычно теряют большую часть своего пыла в танцах. Следует отметить, что даже наши современные танцы часто имеют сексуальное происхождение; таким образом, наиболее типичный из всех, вальс, изначально был (как утверждает Шаллер, которого цитирует Гроос) завершением сложного танца, который "представлял романтику любви, поисков и бегства, игривого надувания и избегания и, наконец, свадебного ликования".^[44]

Не только само движение является источником возбуждения, но даже зрелище движения имеет тенденцию производить тот же эффект. Удовольствие от наблюдения за движением, выражающееся в его стимулирующем воздействии на мышечную систему, поскольку состояние хорошего самочувствия сопровождается увеличением силы, как было установлено Фере, поддается точному измерению. Он показал, что наблюдение за цветным диском в движении вызывает более сильные мышечные сокращения, измеряемые динамометром, чем наблюдение за тем же диском в неподвижном состоянии. Даже при отсутствии цвета было отмечено аналогичное влияние движения, и наблюдение за модифицированным метрономом приводило к большему увеличению работы с эргографом, чем при работе в ритме метронома без наблюдения за ним.^[45] Этот психологический факт был независимо обнаружен рекламодателями, которые стремятся произвести впечатление на публику ценностью своих товаров с помощью устройства объявления о них движущимися цветными огнями. Удовольствие, доставляемое балетом, во многом зависит от того же факта. Не только танцы возбуждают, но и само зрелище танцев возбуждает, и даже у дикарей на танцах есть публика, которая приходит в почти такое же страстное возбуждение, как и сами танцоры.^[46] Именно в силу этого эффекта танца и подобных движений, который мы так часто встречаем как у низших животных, так и у дикого человека, для достижения припухлости у обоих полов достаточно, чтобы только один пол, обычно самец, принял активное участие. Этот момент привлек внимание Кулишера много лет назад, и он показал, как танцы мужчин среди дикарей возбуждают женщин, которые пристально, хотя и ненавязчиво, наблюдают за ними и таким образом влияют на выбор своих любовников. Вероятно, он был первым, кто настаивал на том, что у человека половой отбор происходил главным образом посредством танцев, игр и фестивалей.^[47]

Таким образом, теперь ясно, почему теория эвакуации сексуального влечения обязательно должна быть неполной и неадекватной. При этом не учитываются все явления, связанные с припухлостью, а эти явления составляют самую продолжительную, самую важную, наиболее значимую стадию сексуального процесса. Именно во время припухлости формируется вся психология сексуального влечения; именно как инцидент, возникающий во время припухлости и влияющий на ее течение, мы, вероятно, должны рассматривать почти каждое сексуальное отклонение. Только со второй стадией полового процесса, когда возникает инстинкт детумесценции, можно провести аналогию с опорожнением. Даже здесь эта аналогия, хотя и реальна, не является полной, поскольку нервный элемент, вовлеченный в детумесценцию, совершенно непропорционален степени опорожнения. Однако типичный акт эвакуации - это нервный процесс, и когда мы будем иметь это в виду, мы сможем увидеть, какой правдой обладает теория эвакуации. Бонис относит сексуальное влечение к "потребности в активности", но под этим заголовком он связывает его с "потребностью в мочеиспускании". То есть и то, и другое в равной степени являются нервными взрывами. Мочеиспускание, как и детумесценция, является конвульсивным актом, и, как и детумесценция, оно, безусловно, связано с мозговыми процессами; таким образом, при эпилепсии выделение мочи, которое может происходить (как у девочки, описанной Гауэрсом, с незначительными приступами, во время которых моча выделялась сознательно, но произвольно), на самом деле является частью процесса.^[48]

Действительно, по-видимому, существует особая и интимная связь между взрывом сексуального распускания и взрывной энергией мочевого пузыря; так что они могут усиливать друг друга и в ограниченной степени действовать опосредованно, снимая напряжение друг друга. Примечательно, что ночное и суточное недержание мочи, а также "заикание" мочевого пузыря особенно склонны начинаться или прекращаться в период полового созревания. У

мужчин и даже младенцев вздутие мочевого пузыря способствует набуханию, вызывая венозный застой, хотя в то же время оно действует как физическое препятствие для сексуальной разрядки^[49]; у женщин — вероятно, не только из-за давления, но и из-за рефлекторного нервного действия - полный мочевой пузырь увеличивает как сексуальное возбуждение, так и удовольствие, и несколько женщин сообщили мне, что они независимо обнаружили этот факт для себя. и действовал в соответствии с этим. И наоборот, сексуальное возбуждение увеличивает взрывную силу мочевого пузыря, возникает желание помочиться, и у женщин сексуальный оргазм, когда он очень острый и возникает при полном мочевом пузыре, иногда сопровождается, как в дикой, так и в цивилизованной жизни, непроизвольным, а иногда полным и насильственным выделением мочи.^[50] Желание помочиться, возможно, является, как уже было сказано, нормальным сопровождением сексуального возбуждения у женщин (точно так же, как это, как говорят, бывает у кобыл; так что арабы судят о том, что кобыла готова к встрече с жеребцом, когда она мочится немедленно, услышав его ржание). Эта ассоциация может даже лечь в основу сексуальных навязчивых идей.^[51] Я в другом месте показал, что из всех воздействий, которые увеличивают силу выталкивания мочевого пузыря, сексуальное возбуждение является наиболее мощным.^[52] Это также может оказывать обратное влияние и препятствовать сокращению мочевого пузыря, иногда в связи с застенчивостью, но также независимо от застенчивости. Есть также основания предполагать, что нервная энергия, затрачиваемая при взрыве напряжения половых органов, может иногда освобождать мочевой пузырь; хорошо известно, что полный мочевой пузырь является фактором, вызывающим сексуальные выделения во время сна, взрывная энергия мочевого пузыря подавляется и переходит в сексуальную сферу. И наоборот, оказывается, что опорожнение мочевого пузыря снимает сексуальное напряжение. Взрыв нервных центров, связанный с сокращением мочевого пузыря, обычно снимает нервное напряжение; существуют формы эпилепсии, при которых акт мочеиспускания составляет кульминацию, и Гауэрс, имея дело с малой эпилепсией, подчеркивает частоту мочеиспускания, которое "может происходить со спазматической энергией при малейшей общей скованности", особенно у женщин. Он добавляет важное замечание о том, что это "иногда, кажется, снимает мозговое напряжение",^[53] и приводит случай с девушкой, у которой аура состояла в основном из желания помочиться; если она могла удовлетворить это, припадок прекращался; если нет, она теряла сознание и за этим следовал тяжелый припадок.

Если мочеиспускание может, таким образом, снять нервное напряжение в целом, неудивительно, что оно должно снимать напряжение центров, с которыми оно наиболее тесно связано. Серье описывает случай с 12-летней девочкой, одержимой импульсом к мастурбации, который она не могла контролировать, хотя и стремилась побороть его, которая находила облегчение только в акте мочеиспускания; это успокаивало ее и в некоторой степени утоляло сексуальное возбуждение; когда импульс к мастурбации сдерживался, позыв к мочеиспусканию становился настоящим; она вставала четыре или пять раз за ночь с этой целью и даже мочилась в постель или на одежду, чтобы получить желаемое сексуальное облегчение.^[54] Я знаком с женщиной, у которой в детстве был похожий, но менее интенсивный опыт. Иногда, особенно у детей, акт мочеиспускания становится актом удовлетворения в момент кульминации сексуального удовольствия, имитирующим символ детумесценции. Так, Шульце-Малковски описывает маленькую девочку 7 лет, которая подкупала своих подружек маленькими подарками, чтобы те играли роль лошадей на четвереньках, в то время как она скакала на их шеях соблазненными бедрами, чтобы получить приятное ощущение близкого

контакта. С одной особенной подругой она ехала лицом назад и, наклоняясь вперед, чтобы импульсивно обнять свое тело, и в то же время, плотно прижимая шею к бедрам, мочилась.^[55] Фере зафиксировал интересный случай с мужчиной, который всю свою жизнь после наступления половой зрелости был подвержен ежемесячным приступам сексуального возбуждения, после 45 лет полностью утратил склонность к этим проявлениям, но вместо них оказался подвержен ежемесячным приступам частого и обильного мочеиспускания, сопровождавшимся сексуальными грезами наяву, но не генитальным возбуждением.^[56] Такой случай превосходно иллюстрирует компенсаторную связь сексуального и пузырного возбуждения. Это взаимное взаимодействие легко становится понятным, если вспомнить очень тесную нервную связь, существующую между механизмами половых органов и мочевого пузыря.

Также не обнаружено, что такие взаимосвязи ограничиваются этими двумя центрами; в меньшей степени затрагиваются и более отдаленные взрывные центры; все двигательные влияния могут распространяться на соответствующие мышцы; например, приступы смеха, по-видимому, часто связаны с сексуальным центром, и Гроос предположил, что смех, который, особенно у сексуально настроенных людей, часто следует за упоминаниями генитальной сферы, является просто попыткой рассеять зарождающееся сексуальное возбуждение путем высвобождения взрыва нервной энергии в другом направлении.^[57] Нервные разряды имеют тенденцию распространяться или действовать опосредованно, потому что двигательные центры более или менее связаны.^[58] Из всех физиологических двигательных взрывов сексуальный оргазм, или детумесценция, является самым массовым, мощным и ошеломляющим. Она настолько вулканична, что древнегреческим философам это казалось незначительной разновидностью эпилепсии. Облегчение распухания - это не просто облегчение опорожнения; это выброс наиболее мощным аппаратом нервного взрыва в организме энергии, накопленной в медленном процессе распухания, и этот выброс отражается во всех нервных центрах организма.

"Софист из Абдеры сказал, что коитус - это легкий приступ эпилепсии, считая его неизлечимой болезнью". (Климент Александрийский, *Педагог*, bk. ii, глава х.) А Калий Аврелиан, один из главных врачей древности, сказал, что "коитус - это кратковременная эпилепсия". Фере указал, что обе эти формы нервной бури иногда сопровождаются сходными явлениями, например, субъективными ощущениями зрения или обоняния; и что эти два вида разрядки могут даже сочетаться. (Féré, *Les Epileptiques*, pp. 283–84; also "Exces Vénériens et Epilepsie," *Comptes-rendus de la Société de Biologie*, April 3, 1897, and the same author's *Instinct Sexuel*, pp. 209, 221, and his "Priapisme Epileptique," *La Médecine Moderne*, February 4, 1899.) Эпилептические судороги в некоторых случаях связаны с сексуальным механизмом, и примечательно, что эпилепсия, как правило, проявляется в период полового созревания. В наше время даже такой великий врач, как Бурхаав, сказал, что коитус - это "истинная эпилепсия", а совсем недавно Рубо, Хаммонд и Ковалевский подчеркнули сходство между коитусом и эпилепсией, хотя и не отождествляя эти два состояния. Некоторые авторитетные источники считают, что коитус является причиной эпилепсии, но Кристиан, Струмпель и Левенфельд отрицают это. (Левенфельд, *Сексуальная жизнь и нервная система*, 1899, стр. 68.) Фере описал случай с юношей, у которого за занятием мастурбацией несколько раз в день последовали эпилептические приступы, которые прекратились, когда от мастурбации отказались. (Féré, *Comptes-rendus de la Société de Biologie*, April 3, 1897.)

В настоящее время представляется бесполезным пытаться провести какой-либо более фундаментальный анализ сексуального влечения. Бонис в уже цитированной работе туманно предполагает, что мы, возможно, должны связывать сексуальное возбуждение, которое побуждает самца искать самку, с химическим воздействием, оказываемым либо непосредственно на протоплазму организма, либо косвенно при посредничестве нервной системы, и особенно через обоняние у высших животных. Клевенджер, Спицка, Кирнан и другие также рассматривали сексуальный импульс как протоплазматический голод, прослеживая его до предсексуальных времен, когда одна простейшая форма поглощала другую. Точно так же Джоанни Ру, настаивая на том, что сексуальная потребность - это потребность всего организма, и что "мы любим всем своим телом", сравнивает сексуальный инстинкт с голодом и проводит различие между "сексуальным голодом", затрагивающим всю систему, и "сексуальным аппетитом" как более локализованным желанием; он приходит к выводу, что сексуальная потребность является аспектом потребности в питании.^[59] Поскольку эти взгляды полезны как протест против слишком грубой и узкой концепции роли сексуального влечения, они уводят нас в область спекуляций, где доказательства затруднительны.

Однако, во всяком случае, сейчас мы находимся в лучшем положении для определения содержания сексуального влечения. Мы видим, что, как указала Молл, в этом импульсе определенно присутствуют две составляющие; но вместо того, чтобы быть несвязанными или только отдаленно связанными, мы видим, что они действительно настолько тесно связаны, что образуют две различные стадии одного и того же процесса: первую стадию, на которой — обычно под параллельным влиянием внутренних и внешних стимулов — в уме возникают образы, желания и идеалы, в то время как организм в целом заряжается энергией, а половой аппарат переполняется кровью; и вторую стадию, на которой половой аппарат разряжается на фоне глубокого сексуального возбуждения, за которым следует глубокое органическое облегчение. Посредством первого процесса образуется напряжение, которое снимает второй процесс. Кажется, лучше всего назвать первый импульс *процессом набухания*; второй - *процессом распухания*.^[60] Первый, принимающий обычно более активную форму у самца, преследует двойную цель: привести самого самца в состояние, при котором разрядка становится обязательной, и в то же время вызвать у самки аналогичное горячее состояние эмоционального возбуждения и сексуальной расприаемости. Второй процесс имеет целью непосредственно разрядить созданное таким образом напряжение и косвенно осуществить акт, посредством которого размножается раса.

Мне кажется, что в настоящее время это наиболее удовлетворительный способ, с помощью которого мы можем попытаться определить сексуальное влечение.

[1] С. Ллойд Морган, "Инстинкт и интеллект у животных", *Природа*, 3 февраля 1898г.

[2] Эссе, livre iii, ч. v.

[3] Féré, "La Prédisposition dans l'étiologie des perversions sexuelles," *Revue de médecine*, 1898. В своей более поздней работе "Эволюция и исчезновение полового инстинкта" Фере, возможно, слегка изменил свою позицию, заявив, что "сексуальный аппетит - это, прежде всего, общая

потребность организма, основанная на ощущении сытости, своего рода потребности в опорожнении", *"Инстинктивный секс"*, 1899, стр. 6. Левенфельд (*"О сексуальной конституции"*, стр. 30) дает квалифицированное признание экскреторной теории, как и Родедер (*"Цевье для мужчин"*), стр. 25).

[4] Goltz, *Centralblatt für die med. Wissenschaften*, 1865, No. 19, and 1866, No. 18; also *Beiträge zur Lehre von den Funktionen des Frosches*, Berlin, 1869, p. 20.

[5] J. Tarchanoff, "Zur Physiologie des Geschlechtsapparatus des Frosches," *Archiv für die Gesamte Physiologie*, 1887, vol. xl, стр. 330.

[6] E. Steinach, "Untersuchungen zur vergleichenden Physiologie der männlicher Geschlechtsorgane insbesondere der accessorischen Geschlechtsdrüsen," *Archiv für die Gesamte Physiologie*, vol. lvi, 1894, с. 304-338.

[7] См., например,, Шатток и Селигманн, "Приобретение вторичных половых признаков", *Труды Королевского общества*, том. lxxiii, 1904, с. 49.

[8] Факты, относящиеся к этому пункту, см. в Guinard, art. "Castration," Richet's *Dictionnaire de Physiologie*. Общие результаты кастрации обобщены Робертом Мюллером в гл. vii его *сексуальной биологии*; также Ф. Х. А. Маршаллом, *Физиология размножения*, гл. ix; см. также Э. Питтарда, "Лес скопцов", *L'Anthropologie*, 1903, стр. 463.

[9] Для более древнего обсуждения этого вопроса см. Schurig, *Spermatologia*, 1720, глава ix.

[10] J. J. Matignon, *Superstition, Crime, et Misère en Chine*, "Les Eunuques du Palais Impérial de Pékin," 1901.

[11] P. Marie, "Eunuchisme et Erotisme," *Nouvelle Iconographie de la Salpêtrière*, 1906, No. 5, and *Progrès médical*, Jan. 26, 1907.

[12] *Педагогическая семинария*, июль 1897 г., стр. 121.

[13] Смотрите, например, случай, описанный в другом томе этих исследований (*"Сексуальная инверсия"*), в котором кастрация была проведена половому инверту без каких-либо изменений.

[14] Гинар, арт. "Castration," *Dictionnaire de Physiologie*.

[15] М. А. Колман, *Медицинский стандарт*, август 1895 г.; Клара Баррус, *Американский журнал безумия*, апрель 1895 г.; Макнотон-Джонс, *Британский гинекологический журнал*, август 1902 г.; У. Г. Бриджмен, *Медицинский стандарт*, 1896 г.; Дж. М. Коттерилл, *Британский медицинский журнал*, 7 апреля 1900 г. (также частное сообщение); Пол Ф. Манде, *Американский журнал акушерства*, март 1899 г.

[16] См. Суэйл Винсент, *Внутренняя секреция и железы внутренней секреции*, 1912; Ф. Х. А. Маршалл, *Физиология размножения*, 1910, гл. ix; Мюнцер, *Berliner klinische Wochenschrift*, ноябрь 1910; С. Сайус, *Внутренняя секреция*, том i, 1911. Надпочечники были полностью и интересно изучены Глинном, *Ежеквартальный медицинский журнал*, январь 1912 г.; щитовидная железа, Юэном Уоллером, *практикующим врачом*, август 1912 г.; внутренняя секреция яичников, А. Луизой Макилрой, *Труды Королевского медицинского общества*, июль

1912 г. О дискуссии на Секции неврологии собрания Британской медицинской ассоциации в 1912 году см. *Британский медицинский журнал*, 16 ноября 1912 г.

[17] С тех пор, как это было написано, я наткнулся на отрывок в "Хампе" (стр. 228) Рафаэля Салильяса, испанского социолога, который показывает, что аналогия была обнаружена массовым сознанием и воплощена в популярном языке: "Значительное анатомо-физиологическое соответствие предполагает сходство между ртом и половыми органами женщины, между коитус и прием пищи, а также между продуктами, не требующими пережевывания, и семяизвержением; эти представления находят выражение в популярном названии *папо* данным женским половым органам. "Папо" - это культура птиц и происходит от "папар" (латинское, *papare*), означающее употребление мягкой пищи, такой как мы называем папайю. С этим представлением о детской пище связан термин *лече* [молоко] применительно к извергаемой генитальной жидкости ". Можно добавить, что Клеланд в самом замечательном из английских эротических романов, "*Мемуарах Фанни Хилл*", ссылается на "сжимающее вытягивание, с которым чувствительный механизм этой части [влагалища] жадно втягивает и осушает сосок Любви", и далее сравнивает это с действиями ребенка у груди. Похоже, что, по крайней мере, в некоторых частях животного мира, существует реальная аналогия формирования орального и вагинального концов туловища. Это особенно характерно для некоторых насекомых, и этот момент был подробно обсужден Уолтером Веше, "Гениталии обоих полов у двукрылых и их связь с устройством рта", *Труды Линнеевского общества*, вторая серия, том. ix, Зоология, 1906.

[18] Нэкке теперь высказывается по этому поводу весьма сомнительно; см., *Например,, Архив криминальной антропологии*, 1905, стр. 186.

[19] *Основные принципы сексуального влечения*, Берлин, 1897-98.

[20] Moll использует термин "импульс детумесценции" (*Detumescenztrieb*) вместо "импульса эякуляции", потому что у женщин либо эякуляция отсутствует, либо ее нельзя рассматривать как существенную.

[21] Я цитирую второе издание, выпущенное в 1881 году.

[22] Это теория, которую многие видели только в *происхождении человека* Дарвина. Таким образом, даже его друг Уоллес безоговорочно заявляет (*Тропическая природа*, стр. 193), что Дарвин признавал "добровольный или сознательный половой отбор", и, кажется, повторяет то же утверждение в *Дарвинизме* (1889), стр. 283. Ллойд Морган в своем обсуждении инстинкта спаривания в книге "*Привычка и инстинкт*" (1896), по-видимому, также рассматривает только эту сторону утверждения Дарвина.

[23] В своей работе "*Вариации животных и растений при одомашнивании*" Дарвин был озадачен тем фактом, что в неволе животные часто совокупляются без зачатия, и не смог связать этот факт с процессами, лежащими в основе его собственной теории полового отбора.

[24] Бонис, "*Внутренние ощущения*", ч. v, "Без сексуальности", 1889. Можно отметить, что много лет назад Бурдах (в своей "*Физиологии природы*", 1826) признал, что активность самца способствует продолжению рода и что умственное и физическое возбуждение, по-видимому, оказывает тот же эффект и на самку.

[25] Вряд ли нужно указывать на то, что это слишком крайняя позиция. Как замечает Дж. Г. Милле об утках (*Естественная история британских уток*, стр. 45), в процессе ухаживания "успех в завоевании восхищения самки - это скорее вопрос постоянного и активного внимания, чем физической силы", хотя самцы иногда дерутся из-за самки. Ерш (*Machetes pugnax*) - драчливая птица, на что указывает его название. Тем не менее, смотрительница, самка этого вида, является, как показывает Э. Селус ("Половой отбор у птиц", *Зоолог*, февраль и май 1907 г.), полной хозяйкой положения. "Она кажется простой и беззаботной маленькой хозяйкой многочисленного и красивого серала, каждый член которого, как бы он ни прихорашивался и подпрыгивал, может только ждать, когда его выберут". Любая драка между самцами носит лишь случайный характер и не является фактором отбора. Более того, как указывает Р. Мюллер (*цитата*, стр. 290), драки обычно не достигают желаемого результата, поскольку, если самцы тратят свое время и силы в серьезном бою, они просто предоставляют третьему, менее драчливому самцу лучшую возможность убежать с добычей.

[26] Л. Тиллье, *Инстинктивный секс*, 1889, стр. 74, 118, 119, 124 и далее., 289.

[27] К. Гроос, *Книга о Тьере*, 1896; *Книга о людях*, 1899; оба переведены на английский.

[28] Профессор Х. Э. Циглер в частном письме профессору Гроосу, *Книга Тьере*, стр. 202.

[29] *История Тьеры*, стр. 244. На это кратко указывали более ранние авторы. Таким образом, Геккель (*Быт. Morph.*, ii, стр. 244) отметил, что борьба за самок является особым или модифицированным видом борьбы за существование и что она действует на оба пола.

[30] Можно добавить, что у человеческого вида, как замечает Брэй ("Красота природы", *Философское ревью*, октябрь 1901 г., стр. 403), "девственная плева, по-видимому, стремится к той же цели, как если бы природа пожелала усилить естественными препятствиями моральные ограничения скромности, чтобы только сильный мужчина мог обеспечить свое воспроизводство". Не может быть никаких сомнений в том, что у многих животных спаривание откладывается, насколько это возможно, до достижения зрелости. "Среди птиц существует строгое правило, - отмечает Дж. Дж. Милле (*указ. соч.*, стр. 46), - что они не размножаются до тех пор, пока оба пола не достигнут идеального взрослого оперения". До тех пор, пока это не произойдет, представляется вероятным, что условия для сексуального возбуждения не будут полностью созданы. Мы мало знаем, говорит Говард (*Зоолог*, 1903, стр. 407), о возрасте, в котором птицы начинают размножаться, но известно, что "ежегодно появляется большое количество особей, которые не размножаются, и, по-видимому, имеются свидетельства того, что такие особи незрелые".

[31] А. Марро, *La Puberté*, 1901, стр. 464.

[32] Ллойд Морган, *Поведение животных*, 1900, стр. 264-5. Можно добавить, что с эстетической точки зрения Хирн в своем исследовании (*Происхождение искусства*, 1900) приходит к выводам, которые также, в основном, согласуются с выводами Грооса.

[33] Можно отметить, что сама церемония бракосочетания часто носит характер ухаживания, символического ухаживания, воплощающего метод достижения зрелости. Как выразился Кроули, который выдвинул этот тезис, "Брачные обряды единения по сути идентичны любовным чарам", и в качестве иллюстрации он ссылается на обычай австралийских арунта, у которых мужчина или женщина, играя музыку на ревушем быке, принуждает человека

противоположного пола ухаживать за ним или за ней, и таким образом брак завершается. (Э. Кроули, *"Мистическая роза"*, стр. 318.)

[34] Чем тщательнее наблюдают за животными, тем чаще обнаруживается, что это имеет место, даже в отношении видов, у которых нет очевидного и сложного процесса получения припухлости. Посмотрите, например, подробный и очень поучительный отчет — слишком длинный, чтобы цитировать его здесь, — приведенный Э. Селусом о предварительных сношениях, практикуемых парой больших хохлатых поганок во время строительства гнезда. Половое сношение происходило с большим трудом, после множества бесплодных приглашений, чаще всего со стороны женщины. (*"Дневник наблюдений за повадками большой хохлатой поганки"*, зоолог, сентябрь 1901 г.) Точно так же обстоит дело и с дикарями. Наблюдение Фоули (*Бюллетень Парижского общества антропологии*, 6 ноября 1879 г.) о том, что у дикарей "сексуальный эретизм протекает очень тяжело", имеет большое значение и, безусловно, соответствует фактам. Эта трудность, связанная с эретизмом, является реальной причиной многих диких практик, которые цивилизованному человеку часто кажутся извращенными; например, женщинам Каролинских островов, как описано Финшем, требуется прикладывать язык или даже зубы к клитору, или большого муравья, чтобы прикусить его части, чтобы стимулировать оргазм. Вестермарк, процитировав замечание Маринера о женщинах Тонги — "не следует предполагать, что этих женщин всегда легко завоевать; иногда требуются величайшее внимание и самые пылкие домогательства, даже если на пути нет другого любовника", — добавляет, что эти слова "справедливы для очень многих, если не сказать для всех, диких и варварских рас, существующих в настоящее время". (*Человеческий брак*, стр. 163.) Однако старые представления о сексуальной распущенности народов, живущих в естественных условиях, едва ли еще исчезли. См. Приложение А; "Сексуальный инстинкт у дикарей".

[35] У мужчин определенная степень припухлости необходима перед тем, как коитус вообще может быть осуществлен; у женщин, хотя припухлость не является существенной для коитуса, она необходима для оргазма и сопутствующего физического и психического облегчения. Предпочтение, которое женщины часто отдают длительному половому акту, обусловлено не чувственностью, как можно было бы себе представить, а имеет глубокую физиологическую основу.

[36] Стэнли Холл, *Юность*, том i, стр. 223.

[37] Смотрите *"Физиологию физических упражнений"* Лагранжа, особенно главу ii. Важным фактом является то, что, как отмечает Серджи (*Les Emotions*, стр. 330), физиологические результаты танца идентичны физиологическим результатам удовольствия.

[38] Гроос, *Книга о мужчинах*, стр. 112. У Змигородского (*"Бормотание волков за арийские штаммы"*, стр. 414 и далее.) есть интересный отрывок, описывающий танец — особенно русский танец — в его оргиастических аспектах.

[39] Féré, "L'Influence sur le Travail Volontaire d'un muscle de l'activité d'autres muscles," *Nouvelles Iconographie de la Salpêtrière*, 1901.

[40] "Ощущение движения, - замечает Клайн (*"Миграционный импульс"*, *Американский журнал психологии*, октябрь 1898 г., стр. 62), - пока еще мало изученное с точки зрения удовольствия-боли, несомненно, является ощущением, доставляющим удовольствие. Для Аристиппа концом

жизни является удовольствие, которое он определяет как легкое движение. Материнство давным-давно обнаружило свою ценность, поскольку доставлялось колыбелью. Скакать галопом по городу на родительском колене - приятное времяпрепровождение в каждой детской. Несколько разновидностей качелей, гамак, качели-пилы, флайинг-дженни, карусель, стрельба по парашютам, парусный спорт, каботажное плавание, гребля и катание на коньках, а также любовь детей к быстрому вращению на одном месте до головокружения и прыжкам с высоты - все это приспособления и виды спорта, стимулирующие чувство движения. В большинстве из этих способов движения тело пассивно или полупассивно, за исключением таких движений, как катание на коньках и вращение на ногах. Пассивность тела исключает какой-либо важный вклад стимулов из кинестетических источников. Стимулы, вероятно, обеспечиваются, как предположили доктор Холл и другие, перераспределением давления жидкости (из-за необычных движений и положений тела) на внутренние стенки нескольких сосудистых систем организма".

[41] *Анатомия меланхолии*, часть iii., раздел. ii, память. ii, подразделы iv.

[42] Sadger, "Haut-, Schleimhaut-, und Muskel-erotik," *Jahrbuch für psychoanalytische Forschungen*, Bd. iii, 1912, p. 556.

[43] У Марро (*Пуберта*, стр. 367 и далее) есть некоторые замечания по этому поводу. Именно понимание этого действия танца побудило испанское духовенство восемнадцатого века поощрять национальный энтузиазм к танцам (как сообщает нам Баретти) в интересах морали.

[44] Вряд ли нужно отмечать, что первобытный танец, даже связанный с ухаживанием, не обязательно является сексуальной пантомимой; как отмечает Валлашек в своем всеобъемлющем обзоре первобытных танцев, это, как правило, пантомима животных, но, тем не менее, связанная с половым инстинктом, а также с разделением полов, что не является доказательством обратного. (Валлашек, *Примитивная музыка*, стр. 211-13.) Гроссе (*Anfänge der Kunst*, английский перевод, стр. 228) указал, что лучший танцор будет лучшим бойцом и охотником, и что половой отбор и естественный отбор, таким образом, будут работать в гармонии.

[45] Féré, "Le plaisir de la vue du Mouvement," *Comptes-rendus de la Société de Biologie*, November 2, 1901; also *Travail et Plaisir*, ch. xxix.

[46] Гроос неоднократно подчеркивает важность этого факта (*Spiele der Menschen*, стр. 81-9, 460 и далее.); Гроссе (*Anfänge der Kunst*, стр. 215) ранее сделал несколько замечаний по этому поводу.

[47] M. Kulischer, "Die Geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1876, p. 140 et seq.

[48] Сэр У. Р. Гауэрс, *Эпилепсия*, 2-е изд., 1901, стр. 61, 138.

[49] Guyon, *Leçons Cliniques sur les Maladies des Voies Urinaires*, 3d ed., 1896, vol. ii, стр. 397.

[50] См., например,, Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 222-23: Брантом, вероятно, был первым писателем современности, который упомянул об этом явлении. Макджилликадди (*Функциональные расстройства нервной системы у женщин*, стр. 110) ссылается на случай женщины, у которой всегда наблюдалось внезапное и неконтролируемое выделение мочи

всякий раз, когда ее муж даже начинал совершать супружеский акт, из-за чего он в конце концов прекратил с ней половую связь. Кубари утверждает, что в Понапе (Западные Каролинские острова) мужчины привыкли щекотать вульву своих женщин языком до тех пор, пока возбуждение не станет настолько сильным, что произойдет непроизвольное выделение мочи; это считается подходящим моментом для полового акта.

[51] Таким образом, Питр и Режи (*Труды Международного медицинского конгресса, Москва*, т. iv, стр. 19) описан случай с молодой девушкой, чья жизнь в течение нескольких лет была измучена беспочвенным страхом испытать непреодолимое желание помочиться. Эта навязчивая идея возникла из-за того, что однажды она увидела в театре мужчину, который ей понравился, и ее охватило сексуальное влечение, сопровождавшееся настолько сильным желанием помочиться, что ей пришлось покинуть театр. Точно подобный случай с молодой женщиной эротического темперамента, но ханжеской, был зарегистрирован Фрейдом (*Zur Neurosenlehre*, Bd. i, стр. 54). Болезненные навязчивые идеи скромности, затрагивающие сферу мочеиспускания и появляющиеся в период полового созревания, очевидно, основаны на трансформированных сексуальных эмоциях. Подобный случай был зарегистрирован Марандоном де Монтельем (*Archives de Neurologie*, vol. xii, 1901, стр. 36); эта дама, обладавшая несколько невропатическим темпераментом, начиная с периода полового созревания, для того чтобы иметь возможность мочиться, считала необходимым не только быть абсолютно одной, но и чувствовать уверенность в том, что никто даже не знает, что происходит.

[52] Х. Эллис, "Мочевой пузырь как динамометр", *Американский журнал дерматологии*, май 1902г.

[53] Сэр У. Гауэрс, "Малая эпилепсия", *Британский медицинский журнал*, 6 января 1900 г.; *ib.*, *Эпилепсия*, 2-е изд., 1901, стр. 106; см. также Х. Эллис, статья. "Мочевой пузырь, влияние разума на..." в *Словаре психологической медицины Тьюка*.

[54] Sérieux, *Recherches Cliniques sur les Anomalies de l'Instinct Sexuel*, p. 22.

[55] Emil Schultze-Malkowsky, "Der Sexuelle Trieb in Kindesalter," *Geschlecht und Gesellschaft*, vol. ii, часть 8, стр. 372.

[56] Féré, "Note sur un Cas de Periodicité Sexuelle chez l'Homme," *Comptes-rendus Société de Biologie*, July 23, 1904.

[57] Общеизвестно, что у женщин иногда сильный взрыв смеха может распространяться в центр мочевого пузыря и вызывать мочеиспускание. "Она смеялась так, что чуть не обмочила пол", - я слышал, как одна молодая женщина в деревне сказала, очевидно, не подумав, знакомое выражение. Профессор Бехтерев описал случай с молодой замужней дамой, которая с детства, где бы она ни находилась — в домах друзей, на улице, в своей собственной гостиной, - всегда испытывала непроизвольное и сильное выделение мочи, которое невозможно было остановить или контролировать всякий раз, когда она смеялась; мочевой пузырь был совершенно здоровым, и никакие мышечные усилия не приводили к тому же результату. (W. Bechterew, *Neurologisches Centralblatt*, 1899.) У женщин эти соотношения легче всего наблюдать, отчасти потому, что у них взрывные центры легче разряжаются, а отчасти, вероятно, в том, что касается мочевого пузыря, потому что, хотя после смерти сопротивление выделению мочи у женщин заметно меньше, в течение жизни обоим полам требуется примерно одинаковое усилие; так что

у женщин к мочевому пузырю поступает большее количество энергии, и, таким образом, любая нервная буря или волнение особенно подвержены влиянию на мочевой пузырь.

[58] "Любая боль, - замечает Мари де Манасейн, - вызывает ряд движений, которые кажутся бесполезными: мы кричим, мы стонем, мы двигаем конечностями, мы бросаемся из стороны в сторону, и в основе всех этих движений логика, потому что, прерывая наше внимание, они делают нас менее чувствительными к боли. Во времена, предшествовавшие появлению хлороформа, искусные хирурги просили своих пациентов кричать во время операции, как нам рассказал Грациоле, который не мог объяснить столь странный факт, поскольку в его время антагонизм движений и внимания не признавался". (Marie de Manacéine, *Archives Italiennes de Biologie*, 1894, p. 250.) Этот антагонизм внимания к движению - всего лишь другой способ выражения заместительной взаимосвязи моторных разрядов.

[59] Джоанни Ру, *Психология инстинктивного секса*, 1899, стр. 22-23. Оспаривается, локализуется ли чувство голода во всем организме, и против этой точки зрения были приведены веские аргументы. (У. Кэннон, "Природа голода", *Ежемесячник "Популярная наука"*, сентябрь 1912 г.) Жажда обычно рассматривается как органическая (А. Майер, *La Soif*, 1901).

[60] Если и есть какие-либо возражения против этих терминов, то это главным образом потому, что они относятся к застою в сосудах, а не к лежащим в основе нервной зарядки и разрядки, которые столь же фундаментальны и у человека более заметны, чем сосудистые явления.

ЛЮБОВЬ И БОЛЬ.

Содержание

Я.

Содержание

Главный ключ к взаимосвязи между любовью и болью, который можно найти в уходе за животными—Ухаживание как источник воинственности и жестокости—Человеческая игра в свете ухаживания за животными—Частота преступлений против личности в подростковом возрасте—Брак по поимке и его психологическая основа—Удовольствие мужчины от применения силы и удовольствие Женщины от ее переживания—Сходство любви с болью даже во внешнем выражении—Любовный укус-В каком смысле Боль может быть приятной—Естественное противоречие в эмоциональном отношении женщин к мужчинам—Относительная нечувствительность к боли органического организма. Сексуальная сфера у женщин—Значение использования Ампааланга и аналогичных приспособлений при половом акте—Сексуальное подчинение женщин мужчинам частично объясняется как Необходимое условие сексуального удовольствия.

Отношение любви к боли - одна из самых сложных проблем и в то же время одна из самых фундаментальных во всем спектре сексуальной психологии. Почему любовь причиняет и даже

стремится причинить боль? Почему любовь терпит боль и даже стремится вытерпеть ее?

Отвечая на этот вопрос, как мне кажется, мы должны идти явно круговым путем, иногда вообще выходя за кажущиеся границы секса; но если нам удастся ответить на него, мы вплотную подойдем к одной из великих тайн любви. В то же время мы проясним нормальную основу, на которой покоятся крайние отклонения любви.

Главный ключ к взаимосвязи любви и боли следует найти, вернувшись к рассмотрению сущностных явлений ухаживания в животном мире в целом. Ухаживание - это игра; даже его бои часто в значительной степени являются имитацией боев; но процесс, стоящий за ним, отличается ужасающей серьезностью, и игра может в любой момент стать смертельной. Ухаживание, как правило, включает в себя имитацию боя между самцами за обладание самкой, который в любой момент может перерасти в настоящую битву; это преследование самки самцом, которое в любой момент может перерасти в своего рода преследование; так что, как замечает Колин Скотт, "Ухаживание можно рассматривать как утонченную форму боя". Ноту ухаживания, особенно у млекопитающих, очень легко навязать, и как только мы заставляем себя это делать, мы доходим до боли.^[61] Тесной и неизбежной ассоциации в животном мире боя — боевых и охотничьих импульсов — с процессом ухаживания достаточно, чтобы привести любовь в тесную связь с болью.

Среди млекопитающих самец побеждает самку в значительной степени за счет демонстрации силы. Причинение боли неизбежно должно быть частым косвенным результатом приложения силы. Это даже больше; причинение боли самцом самке само по себе может быть удовлетворением импульса к применению силы. Эту тенденцию всегда нужно держать в узде, поскольку суть ухаживания в том, что самец должен завоевать самку, а ее можно завоевать только обещанием удовольствия. Склонность самца причинять боль должна быть сдержана, насколько это касается самки, соображениями о том, что ей приятно. Тем не менее, чем тщательнее мы изучаем основные элементы ухаживания, тем яснее становится, что, какими бы игривыми ни казались эти проявления на первый взгляд, во всех отношениях они граничат с болью. Так обстоит дело у животных вообще; так обстоит дело у человека среди дикарей. "Именно союз удовольствия и боли, - писал физиолог Бурдах, - составляет сладострастную эмоцию".

И это эмоциональное отношение не ограничивается исключительно мужчинами. Самке также во время ухаживания доставляет удовольствие возбуждать в высшей степени в самце желание ее благосклонности и отказывать ему в этих благосклонностях, таким образом находя с своей стороны также наслаждение властью в жестокости. "Жестокость человека - это его сила", - говорит Милламент в книге Конгрива "Образ жизни", "и когда человек расстаётся со своей жестокостью, он расстаётся и со своей властью".

Таким образом, вначале стремление причинить боль приносится в процесс ухаживания и в то же время доставляет удовольствие самке, потому что у первобытного человека, так же как и у его непосредственных предков, победителем в любви был самый храбрый и сильный, а не самый красивый или самый искусный. Пока он не научится драться, он не считается мужчиной и не может надеяться завоевать женщину. У африканских масаи мужчина не должен жениться, пока не обагрит кровью свое копьё, и в совсем другой части света, у даяков Борнео, нет никаких сомнений в том, что главным стимулом к охоте за головами является желание понравиться женщинам, а обладание собственноручно отрубленной головой является отличным способом

завоевать расположение девушки.^[62] Такие случаи слишком хорошо известны, чтобы их нужно было здесь умножать, и они сохранились в цивилизации, поскольку даже среди нас, хотя ухаживанием сейчас в основном управляют совсем другие соображения, большинство женщин в какой-то степени эмоционально подвержены влиянию силы и мужества. Но прямым результатом этого является то, что группа явлений, с которыми жестокость и причинение боли неизбежно должны быть более или менее связаны, переносится в сферу ухаживания и становится приятной для женщин. Здесь, действительно, мы имеем дело с источником той любви к жестокости, которая, по мнению некоторых, так характерна для женщин. Это фаза ухаживания, которая помогает нам понять, как получилось, что, как мы увидим, идея боли, ставшая ассоциироваться с сексуальными эмоциями, может доставлять удовольствие женщинам.

Таким образом, чтобы понять связь между любовью и болью, мы должны еще раз вернуться к рассмотрению, в несколько новом аспекте, фундаментальных элементов сексуального влечения. Обсуждая "Эволюцию скромности", мы обнаружили, что основная роль самки в процессе ухаживания — это игривое, но серьезное принятие на себя роли загнанного животного, которое заманивает преследователя не с целью побега, а с целью быть наконец пойманным. Рассматривая "Анализ сексуального влечения", мы обнаружили, что основная роль мужчины в процессе ухаживания заключается в демонстрации его энергии и умения захватить женщину или вызвать в ней эмоциональное состояние, которое заставляет ее отдаться ему, сам этот процесс в то же время усиливает его собственное возбуждение. При исполнении этих двух различных партий как у мужчины, так и у женщины достигается тот заряд нервной энергии, та степень набухания сосудов, необходимая для адекватной разрядки и детумесценции во взрыве, посредством которого сперматозоиды и зародышевые клетки собираются вместе для продолжения рода. Сейчас нас интересует необходимое взаимодействие различных мужских и женских ролей в процессе ухаживания и их случайные эмоциональные побочные продукты. И мужчина, и женщина инстинктивно стремятся к одному и тому же завершению сексуального союза в момент наивысшего возбуждения. Поэтому настоящего конфликта быть не может.^[63] Но есть видимость конфликта, очевидное столкновение целей, видимость жестокости. Более того — и это важный момент в процессе с нашей нынешней точки зрения — когда есть соперники за обладание одной самкой, всегда есть возможность настоящей схватки, которая, как правило, вносит элемент реального насилия, неприкрытой жестокости, которую самец применяет к своему сопернику и которую самка рассматривает с удовлетворением и восхищением мастерством успешного претендента. Здесь мы вплотную подходим к зоологическому корню связи между любовью и болью.^[64]

В своей замечательной работе "Игра в человеке" Гроос подробно обсудил боевые действия (*Kampfspiele*), которые начинают развиваться еще в детстве и приобретают полную активность в подростковом возрасте; и он указывает, что, хотя импульс к такой игре, безусловно, имеет более широкое биологическое значение, он все же имеет отношение к сексуальной жизни и соперничеству животных во время ухаживания, о котором нельзя забывать.^[65]

И не только в игре все еще можно проследить связь между любовью и воинственностью. С эпохой первых сексуальных отношений, указывает Марро, пробуждается инстинкт жестокости, который побуждает юношу к поступкам, которые иногда полностью противоречат его

предыдущему поведению, и заставляет его быть беспечным как к жизни других, так и к своей собственной.^[66] Марро представляет диаграмму, показывающую, как преступления против личности в Италии быстро растут в возрасте от 16 до 20 лет и достигают апогея между 21 и 25 годами. В Париже, утверждает Гамье, кровавые преступления среди подростков (в возрасте от 16 до 20 лет) в шесть раз чаще, чем среди взрослых. То же самое происходит и везде.^[67] Эта склонность к криминальному насилию в возрастной период ухаживания является побочным продуктом сексуального влечения, своего рода третичным половым признаком.

В процессе того, что обычно называют "браком по поимке", мы имеем дело с методом ухаживания, который очень напоминает наиболее типичную форму ухаживания животных и, тем не менее, встречается на всех, кроме высших и наиболее искусственных, стадиях развития человеческого общества. Возможно, это неправда, что, как утверждали Макленнан и другие, почти каждая человеческая раса прошла через действительную стадию брака путем пленения, но рассматриваемые явления, безусловно, были чрезвычайно широко распространены и сегодня являются популярным обычаем даже среди высших рас. Жорж Санд представила очаровательную картину такого обычая, существующего во Франции, в своей *"Дьявольской кобыле"*. Дальше, среди киргизов, молодую женщину преследуют все ее любовники, но она вооружена грозным кнутом, которым без колебаний пускает в ход, если ее настигает любовник, к которому она не благосклонна. У малайцев, согласно древним путешественникам, ухаживание происходит в воде в каноэ с двухлопастными веслами; или, если поблизости нет воды, девица, раздетая догола, кроме пояса, получает определенный толчок и убегает пешком, сопровождаемая своим возлюбленным. Воан Стивенс в 1896 году сообщил, что это представление - просто спорт; но Скит и Благден в своих более поздних и очень сложных исследованиях в Малайских Штатах обнаружили, что это ритуал.

Даже если мы рассматриваем "брак по поимке" просто как примитивный человеческий институт, стимулированный требованиями племени и ранними социальными условиями, все же, когда мы вспоминаем его широко распространенный и устойчивый характер, его близкое сходство с наиболее распространенным методом ухаживания среди животных и эмоциональные тенденции, которые все еще сохраняются даже у самых цивилизованных мужчин и женщин, мы должны признать, что мы имеем дело с реальным психологическим импульсом, который не может не внести в любовь некоторый элемент боли.

Однако существуют две принципиально разные теории, касающиеся "брака путем захвата". Согласно первому, теории Макленнана, которая до недавнего времени была очень широко признана и которой профессор Тайлор придавал весомость своему авторитету, в первобытном обществе действительно существовала признанная стадия, на которой браки заключались путем захвата жены. Макленнан считал, что такое положение вещей когда-то существовало во всем мире. Не может быть сомнений в том, что у примитивных народов женщины очень часто попадали в плен подобным образом. Более того, этот обычай не ограничивался дикарями. В Европе мы обнаруживаем, что даже до сравнительно недавних времен похищение женщин было не только очень распространенным явлением, но часто более или менее признавалось. В Англии только во времена Генриха VII насильственный захват женщины был признан уголовным преступлением, и даже тогда действие закона ограничивалось женщинами, владеющими землями и имуществом. Мужчина по-прежнему мог увезти девушку при условии, что она не

была наследницей; но даже похищение наследниц продолжало быть обычным явлением, и в Ирландии так продолжалось до конца восемнадцатого века. Но не столь очевидно, что подобные набеги и похищения, даже если они не носили по-настоящему враждебного характера, когда-либо были признанным и постоянным методом заключения брака.

Согласно второму набору теорий, захват является не реальным, а имитированным и может быть объяснен психологическими причинами. Фустель де Куланж в книге *"Античная история"*,^[68] обсуждая имитацию брака путем пленения у римлян, упомянул мнение, что это был "символ скромности молодой девушки", но сам рассматривал это как акт насилия, символизирующий власть мужа. Возможно, он ссылаясь на Герберта Спенсера, который предложил психологическое объяснение очевидной распространенности брака путем захвата, основанное на предположении, что, поскольку захват жены является доказательством храбрости, такой метод получения жены будет практиковаться самыми сильными мужчинами и вызывать восхищение, в то время как, с другой стороны, он считал, что "женская застенчивость" была "важным фактором" в создании более формальных видов церемониала брака путем захвата.^[69] Вестермарк, признавая истинный брак по поимке, считает, что утверждение Спенсера "вряд ли можно опровергнуть".^[70] В своем ценном исследовании некоторых аспектов первобытного брака Кроули, развивая объяснение, отвергнутое Фустелем де Куланжем, считает фундаментальным фактом скромность женщин, которую необходимо нейтрализовать, и это делается "церемониальным применением силы, которое наполовину реально, наполовину понарошку". Таким образом, проявления являются не пережитками, а "возникают естественным образом из нормальных человеческих чувств". Невесту похищают не из племени и, в первую очередь, не из ее семьи и сородичей, а из ее *пола*"; и ее "сексуальные черты робости, застенчивости и пассивности с сочувствием преодолеваются притворными изображениями характерных мужских действий".^[71]

Для нашей цели нет необходимости окончательно отвергать любую из этих двух противоположных теорий, касающихся происхождения обычаев и чувств, которые нас здесь интересуют. Какая бы теория ни была принята, фундаментальный психический элемент, который касается нас только здесь, все еще существует нетронутым.^[72] Однако можно указать, что нам, вероятно, придется принять две группы таких явлений: одни, редко или никогда не существующие как единственную форму брака, при которой захват является реальным; и другие, при которых "захват" является более или менее церемониальным или игривым. Эти две группы сосуществуют среди туркмен, как описано Вамбери, которые постоянно захватывают и порабощают персов обоих полов, и, наряду с этим, существует брачный церемониал инсценировки захвата в плен, носящий исключительно игровой характер. В то же время эти две группы иногда пересекаются, на что указывают случаи, когда, хотя "захват" представляется церемониальным, девушке все же разрешается полностью сбежать, если она пожелает. Трудность разделения этих двух групп проявляется в том факте, что такой тщательный исследователь, как Вестермарк, приводит случаи реального захвата и мнимого захвата вместе, не пытаясь провести различие между ними. С нашей нынешней точки зрения совершенно нет необходимости пытаться проводить такое различие. Независимо от того, является ли захват имитацией или реальным, мужчина по-прежнему играет мужскую и агрессивную роль, присущую мужчине; женщина по-прежнему играет женственную и оборонительную роль, присущую женщине. Повсеместная распространенность этих явлений обусловлена тем фактом, что проявления такого рода, реальные или мнимые, предоставляют каждому полу наилучшую

возможность сыграть подобающую роль в уходе, и поэтому, даже когда сила реальна, она всегда должна удовлетворять глубинный инстинкт.

Нет необходимости приводить примеры брака по отрывкам из многочисленных и легкодоступных книг по эволюции брака. (Сэр А. Б. Эллис, приняв точку зрения Макленнана, представил краткое изложение фактов в статье "Пережитки брака путем захвата", *Ежемесячник "Популярная наука"*, 1891, стр. 207.) Возможно, однако, имеет смысл собрать воедино из разрозненных источников несколько фактов, касающихся феноменов этой группы и сопровождающего их эмоционального состояния, особенно в том, что касается связи любви с силой, причиненной или выстраданной.

В Новой Каледонии, замечает Фоули, преуспевающая кокетка уходит со своим возлюбленным в кусты. "Обычно случается так, что, добившись успеха, она возвращается из своей экспедиции, сбита с ног, избитая, исцарапанная, даже искусанная в затылок и плечи, и ее раны, таким образом, свидетельствуют о четвероногом поведении, которое она приняла среди листвы". (Foley, *Bulletin de la Société d'Anthropologie*, Paris, November 6, 1879.)

Об уроженцах Нового Южного Уэльса Тернбулл заметил в начале девятнадцатого века, что "их способ ухода не лишен своеобразия. Когда молодой человек видит понравившуюся ему женщину, он сообщает ей, что она должна проводить его домой; дама отказывается; он не только принуждает к согласию угрозами, но и бьет; таким образом, галантный кавалер, согласно обычаю, всегда одерживает победу и уносит добровольного, хотя и сопротивляющегося боксера. Колонисты некоторое время придерживались мнения, что женщин принуждали и уводили вопреки их склонностям; но молодые леди сообщили им, что такой способ галантности был обычным и вполне соответствовал их вкусу" (Дж. Тернбулл, *Кругосветное путешествие*, 1813, стр. 98; ср. Броу Смит, *Аборигены Виктории*, 1878, т. i, стр. 81)

Что касается захвата женщин племенами Центральной Австралии, Спенсер и Гиллен замечают: "Мы никогда ни в одном из этих центральных племен не сталкивались ни с чем подобным, и часть истории с дубинками может быть отброшена, поскольку речь идет о центральной части континента. Для стороннего наблюдателя то, что выглядит как захват (мы, конечно, говорим только об этих племенах), на самом деле является побегом, в котором женщина является пособницей и подстрекательницей". (*Северные племена Центральной Австралии*. стр. 32.)

"Новозеландский метод ухода и заключения брака - самый необычный. Мужчина видит женщину, которая, как ему кажется, должна понравиться ему в жены; он спрашивает согласия ее отца или, если сирота, ее ближайшего родственника, которое, если он получает, он увозит свою избранницу силой, она сопротивляется изо всех сил, и, поскольку новозеландские девушки, как правило, довольно крепкие, иногда происходит ужасная борьба; вскоре обе раздеваются до нитки, и иногда требуется несколько часов, чтобы оттащить честный приз на сотню ярдов. Иногда случается, что она находит убежище в доме своего отца, и любовник теряет все шансы когда-либо заполучить ее". (А. Эрл, *Рассказы о жизни в Новой Зеландии*, 1832, стр. 244.)

У эскимосов (вероятно, близ пролива Смит) "не существует брачной церемонии, кроме того, что юноша должен силой увести свою невесту, ибо даже среди этих людей, питающихся жиром, женщина сохраняет свою скромность только демонстративным сопротивлением, хотя она знает

за много лет вперед, что ее судьба предрешена и что она должна стать женой мужчины, из объятий которого, когда наступит день бракосочетания, она обязана по неумолимому закону общественного мнения освободиться, если это возможно, брыкаясь и крича изо всех сил, пока ее благополучно не высадят на берег". в хижине своего будущего господина, когда она очень бодро прекращает битву и вступает во владение своим новым жилищем. Обручение часто происходит в очень ранний период жизни и в очень разном возрасте." Брак заключается только тогда, когда влюбленный убил своего первого тюленя; это испытание мужественности и зрелости. (Дж. Дж. Хейс, *Открытое полярное море*, 1867, стр. 432.)

Брак путем "захвата" - обычное дело во время войн и набегов в Центральной Африке. "Женщины, как правило, - говорит Джонстон, - в таких случаях не оказывают особого сопротивления. Это почти как игра. Женщина удивляется, когда идет за водой к ручью или когда она находится на пути к плантации или с нее. Мужчине нужно только показать ей, что она загнана в угол и что побег нелегко и не приятен, и она подчиняется, чтобы ее унесли. Как правило, они, кажется, очень радостно принимают эти резкие перемены в своем супружеском существовании". (Сэр Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, стр. 412.)

У диких племен Малайского полуострова в рамках одной из форм свадебного обряда жених обязан семь раз обежать вокруг искусственного холма, украшенного цветами и эмблемой народной религии. В случае, если жениху не удастся поймать невесту, свадьба должна быть отложена. У оранг-лаутов, или морских цыган, преследование иногда принимает форму гонки на каноэ; женщине дают хороший старт, и ее нужно догнать до того, как она пройдет определенное расстояние. (У. В. Скит, *Журнал Антропологического института*, январь.Июнь 1902 г., стр. 134; Скит и Благден, *Языческие расы малайцев*, том. ii, стр. 69 и последующие, полностью обсуждают церемонию вокруг кургана.)

"Женщины-калмыки ездят верхом лучше мужчин. Мужчина-калмык верхом на лошади выглядит так, как будто он пьян и может упасть в любой момент, хотя он никогда не теряет седла; но женщины сидят более непринужденно и ездят верхом с необычайным мастерством. Церемония бракосочетания у калмуков совершается верхом. Сначала на девушку садятся верхом, и она уезжает во весь опор. Ее возлюбленный преследует ее, и если он настигает ее, она становится его женой, и брак совершается на месте, после чего она возвращается с ним в его палатку. Но иногда случается, что женщина не желает выходить замуж за человека, который ее преследует, и в этом случае она не допустит, чтобы он догнал ее; и нас заверили, что не было ни одного случая, чтобы калмыцкая девушка была поймана таким образом, если только она не питает пристрастия к своему преследователю. Если он ей не нравится, она скачет, выражаясь языком английских спортсменов, "шею или ничего", пока полностью не убежит или пока лошадь преследователя не устанет, оставляя ее на свободе возвращаться, чтобы потом за ней погнался какой-нибудь более любимый поклонник". (Э. Д. Кларк, *"Путешествия"*, 1810, т. i, стр. 333.)

У бедуинов брак заключается между любовником и отцом девушки, часто без консультации с самой девушкой. "У арабов Синая молодая служанка приходит вечером домой со скотом. Недалеко от лагеря ее встречают будущий супруг и пара его юных друзей и силой уводят в палатку ее отца. Если у нее возникают какие-либо подозрения относительно их замыслов, она защищается камнями и часто наносит раны молодым людям, хотя и не испытывает неприязни к возлюбленному, ибо, согласно обычаю, чем больше она сопротивляется, кусается, пинается, плачет и наносит ударов, тем больше ей аплодируют ее собственные товарищи". После того,

как ее доставили в палатку ее отца, где один из родственников жениха набросил на нее мужской плащ, ее переодевают в одежду, предоставленную ее будущим мужем, и сажают на верблюда, "все еще продолжающего сопротивляться самым неуправляемым образом, и друзья жениха держат ее с обеих сторон". Затем ее помещают в нишу в палатке мужа. Здесь брак, наконец, совершается", - невеста все еще продолжает очень громко плакать. Иногда случается, что муж вынужден связать свою невесту и даже избить ее, прежде чем ее удастся заставить подчиниться его желаниям". Однако, если ей действительно не нравится ее муж, она совершенно свободна уйти от него на следующее утро, и ее отец обязан принять ее обратно, хочет он того или нет. Считается неприличным, чтобы вдова или разведенная женщина оказывала какое-либо сопротивление вступлению в брак. (Дж. Л. Буркхардт, *Заметки о бедуинах и вахаби*, 1830, стр. 149 и далее.)

Когда-то среди туркмен набеги с целью захвата и порабощения их персидских соседей были обычным делом. Вамбери описывает их "брачный церемониал, когда молодая девушка, одетая в свадебный костюм, садится верхом на чистокровного скакуна, кладет на колени тушу ягненка или козленка и пускается во весь опор, сопровождаемая женихом и другими молодыми людьми, также верхом; она всегда должна стараться ловкими поворотами и т.д. Избегать преследователей, чтобы никто не подошел достаточно близко, чтобы выхватить у нее ношу, лежащую у нее на коленях. Эта игра, называемая *кекбури* (зеленый волк), используется всеми кочевниками Центральной Азии". (А. Вамбери, *Путешествия по Центральной Азии*", 1864, стр. 323.)

В Китае миссионер описывает, как, когда его призвали жениться на дочери китайского христианина, воспитанного в местных обычаях, он был вынужден ждать несколько часов, поскольку невеста отказывалась вставать и одеваться намного позже назначенного для свадебной церемонии времени, да и то только силой. "Крайнее нежелание, неприязнь и страх - истинные признаки счастливой и оживленной свадьбы". (А. Э. Моул, *Новый Китай и старый*, стр. 128.)

Интересно обнаружить, что в индийском искусстве любви своего рода имитация боя, сопровождаемая нанесением ударов, является признанным и нормальным методом усиления возбуждения. У Ватсьяны есть глава "О различных способах нанесения ударов", и он одобряет удары мужчины по спине, животу, бокам и ягодицам женщины до и во время коитуса как своего рода игру, усиливающуюся по мере нарастания сексуального возбуждения, которое женщина криками и стоном делает вид, что просит мужчину прекратить. Упоминается, что, особенно в южной Индии, для нанесения ударов используются различные инструменты (ножницы, иглы и т.д.), но эта практика осуждается как варварская и опасная. (*Камасутра*, французский перевод, iii, глава v.)

В сказке об Аладдине из *"Тысячи и одной ночи"* мать и другие женщины раздевают невесту и укладывают ее в постель жениха, "как будто силой, и, согласно обычаю новобрачных, она делает вид, что сопротивляется, извиваясь во все стороны и пытаясь вырваться из их рук". (*Les Mille Nuits*, tr. Mardrus, vol. xi, p. 253.)

Говорят, что в тех частях Германии, где предварительная *пробенахта* перед официальным браком является правилом, нередко молодая женщина, прежде чем окончательно отдаться мужчине, провоцирует его на физическую борьбу. Если она оказывается сильнее, она отвергает

его; если он сильнее, она добровольно отдается. (У. Хенц, "Probenächte", *Сексуальная проблема*, октябрь 1910 г., стр. 743.)

У южных славян Сербии и Болгарии, по словам Краусса, существует обычай завоевывать женщину, схватив ее за лодыжку и силой повалив на землю. Этот метод ухаживания по вкусу женщине, и они невосприимчивы к любым другим методам. Обычай избивать или быть избитой перед половым актом также встречается у южных славян. (Κρυπτάδια, vol. vi, стр. 209.)

В прежние времена насильственные ухаживания воспринимались с одобрением в европейском мире, даже в аристократических кругах. Так, в средневековом *Лай де Грелен* Марии Французской этот бретонский рыцарь представлен как очень целомудренный, обладающий высоким идеалом любви и способный противостоять женским уловкам. Однажды, охотясь в лесу, он натывается на обнаженную девушку, купающуюся вместе со своими служанками. Покоренный ее красотой, он хватает ее одежду на случай, если она встревожится, но его уговаривают отдать ее ей; затем он продолжает заниматься с ней любовью. Она отвечает, что его любовь - оскорбление для женщины ее высокого происхождения. Находя ее такой гордой, Грелен понимает, что его молитвы напрасны. Он силой тащит ее в глубь леса, добивается от нее своего и очень мягко умоляет ее не сердиться, обещая преданно любить ее и никогда не покидать. Девушка увидела, что он хороший рыцарь, учтивый и мудрый. Она подумала про себя, что если она оставит его, то никогда не найдет лучшего друга.

Брантом упоминает женщину, которая призналась, что ей нравится, когда муж "наполовину принуждает" ее, и замечает, что женщина, которая "немного трудна и сопротивляется", доставляет больше удовольствия и своему возлюбленному, чем та, которая сразу уступает, точно так же, как упорная битва - более заметный триумф, чем легко одержанная победа. (Brantôme, *Vie des Dames Galantes*, discours i.) Рестиф де ла Бретонн, опять же, обладавший обширным опытом, написал в своей книге "*Анти-Жюстин*", что "всем женщинам с сильным темпераментом нравится своего рода жестокость в половом акте и его аксессуарах".

Овидий сказал, что женщине приятна небольшая сила и что она благодарна насильнику, против которого борется (*Ars Amatoria*, lib. i). Одна из пациенток Джанет (Raymond and Janet, *Les Obsessions et la Psychasthénie*, vol. ii, стр. 406) жаловалась, что ее муж был слишком хорошим, слишком преданным. "Он не знает, как заставить меня немного пострадать. Нельзя любить того, кто не заставляет немного страдать самого". Другой истеричной женщине (фетишистке шелка, фригидной с мужчинами) снились мужчины и животные, издевающиеся над ней: "Я плакала от боли и в то же время была счастлива". (Клерамбо, *Архив криминологии*, июнь 1908 г., стр. 442.)

Было сказано, что у славян низшего сословия жены чувствуют себя обиженными, если их мужья не бьют их. Пауллин в семнадцатом веке заметил, что русские женщины никогда не испытывают большего удовольствия, чем когда их бьют мужья, и расценивают такое обращение как доказательство любви. (See, e.g., C. F. von Schlichtegroll, *Sacher-Masoch und der Masochismus*, p. 69.) Крафт-Эбинг считает, что это верно и в наши дни, и добавляет, что то же самое происходит и в Венгрии, поскольку венгерский чиновник сообщил ему, что крестьянки из комитета Сомогьер не думают, что их любят мужья, пока не получают первую затрещину. (Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 188.) Я могу добавить, что русская пословица гласит: "Люби свою жену, как свою душу, и бей ее, как свою шубу"; и, согласно другой русской пословице, "удары дорогого человека долго не болят". В то же время было отмечено, что доминирование мужчин женщинами особенно часто встречается у

славянских народов. (В. Шлихтегротт, указ. соч., стр. 23.) Челлини в интересном отрывке из своей *жизни* (книга ii, главы xxxiv-xxxv) описывает свое собственное жестокое обращение со своей моделью Катериной, которая также была его любовницей, и удовольствие, которое, к его удивлению, она получила от этого. Доктор Саймон Форман, также астролог, рассказывает в своей *автобиографии* (стр. 7), как, будучи молодым и тщедушным подмастерьем чулочника, служанка била его, ругала и плохо обращалась с ним, но после нескольких лет такого обращения он набросился на нее, избил ее. черно-синее, и с тех пор "Мэри делала для него все, что могла".

То, что для мужчины бить свою возлюбленную - признак любви, который очень ценится женщинами, иллюстрируется эпизодом Карихарты и Реполидо в "Ринконете и Кортадильо", одном из *образцовых романов* Сервантеса. Индейские женщины Южной Америки чувствуют то же самое, и Мантегацца, путешествуя по Боливии, обнаружил, что они жаловались, когда их не били мужья, и что девушка гордилась, когда могла сказать: "Он очень любит меня, потому что часто бьет". (*Физиология Донны*, глава xiii.) То же чувство, очевидно, существовало и в классической древности, поскольку мы находим, что Лукиан в своих "Диалогах куртизанок" заставляет женщину сказать: "Тот, кто не осыпал свою любовницу ударами, не рвал ее волосы и одежды, еще не влюблен", в то время как Овидий советует влюбленным иногда сердиться на своих возлюбленных и рвать на них платья.

Среди итальянских каморристов, по словам Руссо, с женами обращаются очень плохо. Этот факт отражен в популярных песнях. Но женщины чувствуют себя нежно любимыми только тогда, когда с ними плохо обращаются их мужья; на мужчину, который их не бьет, они смотрят как на дурака. То же самое происходит и в лондонском ист-Энде. "Если у кого-то есть сомнения относительно жестокости, применяемой мужчинами к женщинам, - пишет лондонский судья, - пусть он посетит лондонскую больницу субботним вечером. Его глазам предстанут ужасные картины. Иногда в приемной можно увидеть до двенадцати или четырнадцати женщин, сидящих в ожидании, когда им окажут помощь с их покрытыми синяками и кровоточащими лицами и телами. В девяти случаях из десяти травмы были нанесены жестокими и, возможно, пьяными мужьями. Однако медсестры говорят мне, что любые замечания, которые они могут сделать в адрес агрессоров, воспринимаются несчастными страдальцами с большим негодованием. Они положительно не услышат ни единого слова против трусливых негодяев. "Иногда, - сказала мне медсестра, - когда я говорю женщине, что ее муж - скотина, она выпрямляется и отвечает: "Не лезьте не в свое дело, мисс. Мы находим ставки и налоги, и таким, как вы, платят из них за то, что они прислуживают нам"."" (Монтегю Уильямс, "*Вокруг Лондона*", стр. 79.)

"Проститутка действительно любит своего *сутенера*, несмотря на все преследования, которым он ее подвергает. Их мучения только усиливают преданность бедных рабынь своим "альфонсам". Парент-Дюшателе писал, что видел, как они приходили в больницу с вылезшими из орбит глазами, окровавленными лицами и телами, изуродованными ударами их пьяных любовников, но как только они выздоравливали, они возвращались к ним. Сотрудники полиции говорят нам, что очень трудно заставить проститутку признаться в чем-либо, касающемся ее *сутенера*. Таким образом, Роза Л., которой ее "Альфонс" часто угрожал убить, даже приставляя нож к ее горлу, ничего не сказала и все отрицала, когда судья допрашивал ее. Мария Р., чье лицо было отмечено ужасным шрамом, нанесенным *еесутенером*, много лет спустя все еще бережно хранила портрет агрессора, и когда мы попросили ее объяснить свою

привязанность, она ответила: "Но он ранил меня, потому что любил меня".

Жестокость сутенера только усиливает любовь женщины, подвергшейся жестокому обращению; унижение, в котором утопает душа женщины, подпитывает ее любовь". (Niceforo, *Il Gergo*, etc., 1897, p. 128.)

В современном романе, написанном в автобиографической форме молодой австралийской леди, героиня представлена бьющей своего суженого хлыстом, когда он просто пытается ее поцеловать. Позже ее поведение так задевает его, что он теряет самообладание и яростно хватается за руки. Впервые она понимает, что он любит ее. Я рассмеялась радостным смешком, сказав: "Хэл, мы квиты"; когда, раздеваясь на ночь, я обнаружила на своих мягких белых плечах и руках, столь подверженных синякам, множество отметин, причем черных. Это был очень счастливый день для меня". (Майлз Франклин, *Моя блестящая карьера*.)

Именно существованием этого чувства влечения к насилию в значительной степени объясняются любовные письма, получаемые мужчинами, обвиняемыми в преступлениях, связанных с насилием. Так, в одном случае в Чикаго (как пишет мне доктор Кирнан) "мужчина, арестованный за заговор с целью совершения аборта, а также подозреваемый в том, что он садист, получил множество предложений руки и сердца и других менее скромных выражений привязанности от незнакомых женщин. Судя по подписям, эти женщины принадлежали скорее к германцам и славянам, чем к англо-кельтам".

Невропатические или дегенеративные состояния иногда служат для того, чтобы подчеркнуть или выявить наследственные черты, которые являются очень древними в расе. При таких условиях тенденция находить удовольствие в подчинении и боли, которая часто слабо прослеживается даже у нормальных цивилизованных женщин, может стать более выраженной. Это можно увидеть в случае, довольно подробно описанном в *Архиве Психиатрии*. Объектом исследования была молодая леди 19 лет, благородного итальянского происхождения, но родившаяся в Тунисе. По материнской линии имеется несколько невротическая наследственность, и она сама подвержена приступам истероэпилептоидного характера. Она была очень тщательно, но строго образована; она знает несколько языков, обладает заметными интеллектуальными способностями и очень интересуется общественными и политическими вопросами, в которых она занимает социалистическую и революционную сторону. У нее привлекательный и отзывчивый характер; цвет лица у нее смуглый, с темными глазами и очень темными и густыми волосами; тонкий пушок на верхней губе и нижней части щек также сильно развит; челюсть большая, голова акроцефальная, а наружные половые органы нормального размера, но довольно асимметричны. С самого детства она любила работать и мечтать в одиночестве. Ее мечты всегда были о любви, поскольку менструации начались еще в возрасте 10 лет и сопровождались сильными сексуальными чувствами, хотя в том возрасте эти чувства оставались смутными и неопределенными; но в них желание удовольствия всегда сопровождалось желанием боли, желанием укусь и разрушить что-либо и, так сказать, уничтожить саму себя. Она испытывала огромное облегчение после периодов "эротических размышлений", и если эти размышления происходили ночью, она иногда мастурбировала, соприкосновение с постельным бельем, по ее словам, создавало у нее иллюзию мужчины. Со временем эта смутная тоска по мужчине уступила место более определенному желанию найти мужчину, который любил бы ее и, как она себе представляла, поразил бы ее. В конце концов у нее завязались тайные отношения с двумя или тремя любовниками подряд, однако каждая из этих связей была обнаружена ее семьей и привела к безуспешным попыткам самоубийства. Но

ассоциация боли с любовью, которая спонтанно возникла в ее уединенных снах, продолжалась и в ее реальных отношениях с любовниками. Во время полового акта она кусала и сжимала свои руки до тех пор, пока ногти не впивались в плоть. Когда ее любовник спросил ее, почему в момент соития она яростно отталкивает его, она ответила: "Потому что я хочу, чтобы мной овладели силой, чтобы мне причинили боль, задушили, чтобы меня сбили с ног в борьбе". В другой разона сказала: "Я хочу мужчину со всей его жизненной силой, чтобы он мог мучить и убивать мое тело". Кажется, мы ясно видим здесь древний биологический характер ухаживания за животными, желание самки быть жестоко поработанной самцом. В данном случае это было связано с чувствительностью к сексуальному доминированию интеллектуального мужчины, и испытываемая также стремилась стимулировать интеллектуальные вкусы своих любовников. (*Archivio di Psichiatria*, vol. xx, fasc. 5–6, p. 528.)

Эта связь между любовью и болью все еще сохраняется даже среди самых нормальных цивилизованных мужчин и женщин, обладающих хорошо развитыми сексуальными импульсами. Мужская тенденция получать удовольствие от доминирования, женская тенденция получать удовольствие от подчинения все еще поддерживают древние традиции, когда самец животного преследовал самку. Феномен "брака путем захвата" в его реальной и имитируемой формах объясняется различными причинами. Но следует помнить, что эти причины могли действовать только при наличии благоприятной эмоциональной склонности, заложенной в зоологической истории нашей расы и все еще прослеживаемой даже сегодня. Стремление к власти, как хорошо признают психологи, является одним из наших самых первичных побуждений, и оно всегда имеет тенденцию проявляться в отношении мужчины к женщине, которую он любит.^[73]

Можно было бы утверждать, что примитивный элемент более или менее скрытой жестокости в процессе ухаживания, как правило, более, а не менее заметен у цивилизованного человека. В цивилизации обычно приходится ограничивать возможность растрачивать избыточную энергию процесса ухаживания путем причинения боли соперницам; таким образом, женщина, за которой ухаживают, стремится стать реципиентом всей этой энергии, как в ее доставляющем удовольствие, так и в причиняющем боль аспектах. Более того, естественный процесс ухаживания, в том виде, в каком он существует среди животных и обычно среди низших человеческих рас, имеет тенденцию маскироваться и искажаться в цивилизации, как экономическими условиями, так и общепринятыми социальными условиями и даже этическими предписаниями. Становится забытым, что удовольствие женщины является важным элементом в процессе ухаживания. Женщину часто принуждают искать мужчину ради содержания; ее учат, что удовольствие греховно или постыдно, что вопросы секса отвратительны и что долг женщины, а также ее лучшая политика - быть в подчинении у своего мужа. Таким образом, различные внешние ограничения, которые обычно препятствуют любому переходу мужской сексуальной энергии в жестокость, могут быть устранены.

Мы должны признать, что определенное удовольствие от проявления своей власти над женщиной путем причинения ей боли является результатом примитивного процесса ухаживания и почти или вполне нормальной составляющей сексуального влечения мужчины. Но следует сразу же добавить, что у нормального, уравновешенного и хорошо подготовленного мужчины эта составляющая сексуального влечения, когда она присутствует, всегда находится

под контролем. Когда нормальный мужчина причиняет или испытывает желание причинить некоторую физическую боль женщине, которую он любит, вряд ли можно сказать, что им движет жестокость. Он чувствует, более или менее смутно, что боль, которую он причиняет или желает причинить, на самом деле является частью его любви, и что, более того, на самом деле она не вызывает неприязни у женщины, на которую она воздействует. Его чувства ни в коем случае не всегда соответствуют знанию, но их необходимо принимать во внимание как неотъемлемую часть его эмоционального состояния. Физическая сила, поддразнивания и травля, к которым он может прибегнуть в состоянии сексуального возбуждения, обычно, как он более или менее бессознательно убеждает себя, на самом деле не являются нежелательными для объекта его любви.^[74] Более того, мы должны иметь в виду факт — очень важный факт с более чем одной точки зрения — что нормальные проявления сексуального удовольствия женщины чрезвычайно похожи на проявления боли. "Внешние проявления боли, — как очень верно пишет одна дама, — слезы, вопли и т.д., которые подчеркиваются для доказательства жестокости человека, причиняющего ее, не так уж сильно отличаются от тех, которые испытывает женщина в экстазе страсти, когда она умоляет мужчину воздержаться, хотя на самом деле это последнее, чего она желает".^[75] Если человек убежден, что причиняет настоящую и нескрываемую боль, он сразу раскаивается. Если это не так, то его следует либо рассматривать как радикально ненормального человека, либо как увлеченного страстью до состояния временного безумия.

Тесная связь любви с болью, ее склонность приближаться к жестокости проявляется в одном из наиболее распространенных случайных и несущественных проявлений сильных сексуальных эмоций, особенно у женщин, - склонности кусаться. Мы можем найти упоминания о любовных укусах как в древней, так и в современной литературе, как на Востоке, так и на Западе. Плавт, Катулл, Проперций, Гораций, Овидий, Петроний и другие латинские писатели ссылаются на укусы, связанные с поцелуями, и обычно в губы. Плутарх говорит, что Флора, любовница Кнея Помпея, похваливая своего возлюбленного, заметила, что он был таким милым, что она никогда не могла уйти от него, не откусив кусочек. В арабском *"Благоухающем саде"* есть много упоминаний о любовных укусах, в то время как в индийской *"Камасутре"* Ватсьяны этой теме посвящена целая глава. Укусы в любви также распространены среди южных славян.^[76] Явление действительно достаточно знакомое, чтобы позволить Гейне в одном из своих *Романсеро* описать те отметины, по которым древний хронист утверждает, что Эдит Суоннек узнала Гарольда после битвы при Гастингсе, как шрамы от укусов, которые она когда-то нанесла ему.

Было бы причудливо проследить эту тенденцию до того процесса пожирания, к которому сводился половой акт на примитивных стадиях своей эволюции. Но мы, вероятно, можем обнаружить один из зародышей любовного укуса в позе многих млекопитающих во время или перед половым актом; добиваясь крепкой хватки самки, самец нередко (как это можно наблюдать у осла) хватается самку зубами за шею. Лошадь иногда кусает кобылу перед половым актом, и говорят, что у арабов, когда кобыла не склонна к половому акту, ее отправляют на пастбище с маленькой пылкой лошадкой, которая возбуждает ее, играя с ней и кусая.^[77] Также можно отметить, что собаки часто демонстрируют свою привязанность к хозяевам нежными укусами. Дети, как отметил Стэнли Холл, также любят кусаться.

Возможно, еще более важным фактором является элемент борьбы в припухлости, поскольку примитивные условия, связанные с припухлостью, обеспечивают резервуар эмоций, которые

постоянно проявляются даже в сексуальном возбуждении индивидов, принадлежащих к цивилизации. Тенденция демонстрировать привязанность укусами, действительно, более распространена среди женщин, чем среди мужчин, и не только в цивилизованных странах. Это было отмечено среди девочек-идиоток, а также среди женщин различных диких рас. Таким образом, возможно, что консервативные инстинкты женщин сохранили примитивную тенденцию, которая с самого начала отличала мужчину больше, чем женщину. Но в любом случае тенденция кусаться в момент кульминации сексуального возбуждения настолько распространена, что ее следует рассматривать, когда она встречается у женщин, как находящуюся в пределах нормального диапазона вариаций подобных проявлений. Градации имеют широкий размах; в то время как в своих легких формах это более или менее нормально и является одним из истоков поцелуя,^[78] в своих крайних формах это имеет тенденцию становиться одним из самых жестоких и антисоциальных сексуальных отклонений.

Корреспондент пишет о своем опыте укуса и быть укушенным: "Я часто испытывал желание укусить женщину, которую люблю, даже когда не был в состоянии полового акта или даже возбужден. (Мне тоже нравится делать это со своим маленьким мальчиком, игриво, как кошка с котятами.) По-видимому, этому есть несколько причин: (1) мышечный эффект приносит мне облегчение; (2) я воображаю, что доставляю женщине удовольствие; (3) я, кажется, достигаю более интимного обладания любимым человеком. Я не могу вспомнить, когда я впервые почувствовал желание быть укушенным во время полового акта, и была ли эта идея впервые предложена мне. Я был иницирован в щипки французской проституткой, которая однажды ущипнула меня за ягодицы во время полового акта, без сомнения, по делу; это усиливало мое удовольствие, возможно, стимулируя мышечные движения. Мне не приходит в голову просить, чтобы меня ущипнули, когда я уже очень возбужден, но только на более ранней стадии, без сомнения, с целью усилить возбуждение. Помимо сексуального возбуждения, мне неприятно, когда меня щиплют. Мне не казалось, что женщинам обычно нравится, когда их кусают. Одна или две женщины кусали и сосали мою плоть. (Последнее на меня никак не влияет.) Мне нравится, когда меня кусают, отчасти по той же причине, по какой мне нравится, когда меня щиплют, потому что, если это происходит спонтанно, это признак влюбчивости моего партнера, и укус никогда не кажется слишком сильным. Женщинам обычно не нравится, когда их кусают, хотя бывают исключения; "Я бы хотела укусить тебя, и я бы хотела, чтобы ты укусил меня", - сказала одна женщина; Я сделал это так сильно во время полового акта, и она не дрогнула". "Ей особенно не терпится съесть меня живьем, - пишет другой корреспондент, - и ничто не доставляет ей большего удовольствия, чем разрывать на мне одежду и вонзать зубы в мою плоть до тех пор, пока я не закричу о пощаде. Однако мой опыт в целом показывает, - продолжает тот же корреспондент, - что жестокость бессознательна. Женщина просто сходит с ума от желания сжать или укусить что-нибудь, совершенно не осознавая, к какому результату это приведет у жертвы. Она поражена, когда видит результат, и вряд ли поверит, что ей это удалось. "Нет необходимости собирать доказательства тенденции, которая достаточно распространена, чтобы быть достаточно хорошо известной, но можно привести одну или две цитаты, чтобы показать ее широкое распространение. В *Камасутре* мы читаем: "Если она очень возбуждена, и если в порыве страсти она вступает в своего рода поединок, тогда она берет своего возлюбленного за волосы, притягивает его голову к своей, целует в нижнюю губу, а затем в бреду кусает его по всему телу, закрывая глаза"; добавляется, что следами таких укусов влюбленные могут напоминать друг другу о своих чувствах и что такая любовь будет длиться вечно. В Японии девушка расы айну испытывает тот же импульс. А. Х. Сэвидж Лэндор (*Наедине*

с волосатыми айнами, 1893, с. 140) говорит об айнской девушке: "Любовь и кусание были неразрывны с ней. Она не могла обходиться без одного. Когда мы сидели на камне в сумерках, она начала с того, что нежно покусала мои пальцы, не причинив мне боли, как ласковые собаки делают со своими хозяевами. Затем она укусила меня за руку, потом за плечо, а когда пришла в ярость, обняла меня за шею и укусила за щеки. Несомненно, это был любопытный способ заниматься любовью, и, когда я был искусан с ног до головы и изрядно устал от новых ощущений, мы разошлись по домам. Поцелуи, по-видимому, были для нее неизвестным искусством".

Значение укусов и тесную связь, которую, как будет указано позже, они обнаруживают с другими явлениями, можно проиллюстрировать некоторыми наблюдениями, сделанными Алонци над крестьянками Сицилии. "Женщины из народа, - замечает он, - особенно в районах, где распространены кровавые преступления, дают выход своей привязанности к своим малышам, целуя и посасывая их шею и ручки, пока те не начинают судорожно плакать; все это время они говорят: "Какой ты милый! Я буду кусать тебя, я буду грызть тебя всю", всем своим видом демонстрируя огромное удовольствие. Если ребенок совершает какую-то незначительную провинность, они не прибегают к простым ударам, а преследуют его по улице и кусают в лицо, уши и руки до тех пор, пока не потечет кровь. В такие моменты лицо даже красивой женщины преображается, с ввалившимися глазами, скрежещущими зубами и конвульсивной дрожью. Как среди мужчин, так и среди женщин очень распространенной угрозой является "Я выпью твою кровь". На основании очевидцев рассказывается, что мужчина, убивший другого в ссоре, слизывал горячую кровь с руки жертвы". (Г. Алонци, *Архив Психиатрии*, vol. vi, fasc. 4.) Несколько лет назад девушка-медсестра в Нью-Йорке была приговорена к тюремному заключению за жестокое обращение с подопечным ребенком. Мать часто замечала, что ребенку больно, и, наконец, обнаружила следы зубов у него на ногах. Девочка призналась, что укусила ребенка, потому что это доставило ей огромное удовольствие. (*Психиатр и невролог*, август 1901 г., стр. 558.) В свете подобных наблюдений мы можем понять болезненное извращение привязанности, подобное тому, что было зафиксировано в лондонских полицейских новостях несколько лет назад (1894). 30-летнему мужчине было предъявлено обвинение в жестоком обращении с внебрачной дочерью своей жены, 3-летней, в течение многих месяцев; ее губы, глаза и руки были искусаны и покрыты синяками от сосания, а иногда ее передник был залит кровью. "Обвиняемый признался, что укусил ребенка, потому что ему это нравилось".

Неудивительно, что подобные явления иногда должны быть стимулятором и сопровождением полового акта. Ферриани так описывает подобный случай со слов любовницы молодого человека: "Конечно, он странный, сумасбродный юноша, хотя он любит меня и тратит на меня деньги, когда они у него есть. Ему очень нравятся половые сношения, но, по правде говоря, он истощил мое терпение, потому что перед нашими объятиями всегда начинается борьба, которая переходит в нападение. Он говорит мне, что не получает никакого удовольствия, кроме тех случаев, когда видит, как я плачу из-за его укусов и сильных щипков. Недавно, как раз перед тем, как пойти со мной, когда я стонала от удовольствия, он бросился на меня и в момент оргазма яростно укусил меня за правую щеку до крови. Затем он поцеловал меня и попросил прощения, но сделал бы это снова, если бы захотел". (Л. Ферриани, *Архив сеансовой психологии*, том i, фасц. 7 и 8, 1896, стр. 107.)

В болезненных случаях укусы могут даже заменить коитус. Так, Молл (*Die Konträre Sexualempfindung*, второе издание, стр. 323) описывает случай истеричной женщины, которой вводили наркоз в сексуальном плане, хотя она очень любила своего мужа. Ее главным наслаждением было кусать его до крови, и она была довольна, если вместо коитуса он кусал ее, а она его, хотя и огорчалась, если причиняла сильную боль. В других, еще более болезненных случаях страх причинить боль более или менее устраняется.

Идеализированный взгляд на побуждение любви кусать и пожирать представлен в следующем отрывке из письма дамы, которая связывает это побуждение с идеей Тайной вечери: "Ваши замечания о Вечере Господней в "Уитмене" делают для меня естественным поделиться с вами своими мыслями об этом "центральной тайне христианства". Я не могу рассказать многим людям, потому что они неправильно понимают, и священник, мой очень большой друг, когда я однажды рассказал о том, что я думал и чувствовал, сказал, что я плотянин. Он не понимал божественности и силы человеческой любви так, как понимаю ее я. Что ж, когда человек очень сильно любит кого—либо — ребенка, женщину или мужчину, - он любит все, что ему принадлежит: вещи, которые он носит, еще больше - свои руки и свое лицо, каждую частичку своего тела. Мы всегда хотим иметь его всего или часть как часть самих себя. Отсюда и выражение: Я мог бы *поглотить* тебя, я так тебя люблю. Каким-то таким теплым, всепожирающим образом, как Иисус Христос, я всегда чувствовал, любил каждое человеческое существо. Так получилось, что он воспринял эту тайну пищи, которая благодаря употреблению в пищу становилась частью нас самих, как символ самой сильной человеческой любви, самой сильной Божественной любви. Возможно, когда-нибудь любовь будет так понята всеми, что это таинство перестанет быть суеверием, яблоком раздора, "уставом" церкви и станет, во всей простоте, символом чистой любви".

В то время как у мужчин можно проследить тенденцию причинять боль или ее подобие женщинам, которых они любят, у женщин все же легче проследить удовольствие от переживания физической боли, причиняемой любовником, и стремление подчиниться его воле. Такая тенденция, безусловно, нормальна. Отдаться своему возлюбленному, иметь возможность положиться на его физическую силу и умственную находчивость, выйти из-под контроля собственной воли, празднично дрейфовать в восхитительном подчинении другой, более сильной воле — это одно из самых распространенных стремлений в интимных любовных мечтах молодой женщины. В наше время эти стремления чаще всего находят свое выражение только в таких снах. В эпоху, когда жизнь проживалась более открыто, а эмоции выражались более открыто, было легче отследить этот импульс. В XIII веке мы находим Мари де Франс — французскую поэтессу, живущую в Англии, которой приписывали "утонченное чувство великодушия и деликатности сердца", и чьи работы, безусловно, высоко ценились в лучших кругах и среди наиболее образованного класса ее времени, — описывающую как совершенного, мудрого и учтивого рыцаря мужчину, который практически насилует женщину, отказавшуюся иметь с ним что-либо общее, и, действуя таким образом, завоевывает всю ее любовь. Дикая красота Новой Каледонии - лучшая иллюстрация очарования силой, поскольку она, во всяком случае, сделала все возможное, чтобы снискать насилие, которому подвергается. В "*Испанской цыганке*" Миддлтона мы находим точно такой же эпизод, и несчастная португальская монахиня написала: "Люби меня вечно и заставь страдать еще больше". Нетрудно найти в литературе более смягченные примеры той же тенденции. Шекспир,

от наблюдения которого мало что ускользнуло, редко изображал взрослую страсть взрослой женщины, но в пьесе, которую он в основном посвятил этой теме, он заставляет Клеопатру ссылаться на "любовные щипки", и в конце она говорит: "Смертельный удар подобен щипку любовника, который причиняет боль и является желанным". "Я думаю, сабинянке нравилось, когда ее так уводили", - заметила женщина перед картиной Рубенса "Изнасилование сабинянок", признавшись, что такой метод занятий любовью ей самой очень понравился, и вполне вероятно, что большинство женщин были бы готовы повторить это замечание.

Можно возразить, что боль не может доставлять удовольствия, и что когда то, что обычно было бы болью, ощущается как удовольствие, это вообще нельзя рассматривать как боль. Следует признать, что эмоциональное состояние часто бывает несколько сложным. Более того, женщины далеко не всегда соглашаются в изложении своего опыта. Примечательно, однако, что даже когда отрицается приятность боли в любви, все равно признается, что при некоторых обстоятельствах боль или идея боли ощущаются как приятные. Я в долгу перед одной дамой за довольно подробное обсуждение этого предмета, которое я могу здесь подробно процитировать: "Что касается физической боли, то, хотя мысль о ней иногда возбуждает, я думаю, что в действительности все наоборот. Очень незначительная боль полностью разрушает мое удовольствие. Так было со мной в течение целого месяца после свадьбы и с тех пор. Когда боль иногда ассоциировалась со страстью, удовольствие ощутимо уменьшалось. Я могу представить, что, когда ощущается недостаток чувствительности, так что нежный поцелуй или ласка могут не доставить удовольствия, желательны более жесткие методы; но в этом случае то, что было бы болью для чувствительного человека, было бы всего лишь приятным возбуждением, и нельзя было бы с уверенностью сказать, что таким тупым людям нравится боль, хотя могло бы показаться, что им это нравится. Я не думаю, что кто-то получает удовольствие от того, что *для* него является болью, хотя бы потому, что это отвлекает и разделяет внимание. Однако это всего лишь моя собственная идея, почерпнутая из моего собственного негативного опыта. Ни одна женщина никогда не говорила мне, что хотела бы, чтобы ей причинили боль. С другой стороны, желание причинить боль кажется почти повсеместным среди мужчин. Я встречал только одного мужчину, в котором я никогда не мог этого обнаружить. В то же время большинство мужчин уклоняются от воплощения своих идей на практике. Друг моего мужа находит главное удовольствие в том, чтобы воображать женщин обиженными и подвергающимися жестокому обращению, но у него слишком мягкосердечное сердце, чтобы причинить им боль в реальности, даже когда они готовы ей подчиниться. Возможно, готовность женщины терпеть боль, чтобы доставить удовольствие мужчине, иногда можно принять за удовольствие от этого. Даже когда женщинам нравится идея боли, я полагаю, это происходит только потому, что она подразумевает подчинение мужчине, исходя из того факта, что физическому удовольствию обязательно должно предшествовать подчинение его воле".

В последующем сообщении эта дама расширила и, возможно, несколько изменила свои заявления по этому вопросу: —

"Я не думаю, что то, что я тебе сказал, было вполне правильным. *Реальная* боль не доставляет мне удовольствия, в то время как *идея* боли доставляет, *если она причиняется в порядке дисциплины и для высшего блага человека, страдающего от нее*. Это очень важно. Например, однажды я прочитал стихотворение, в котором дьявол и заблудшие души в аду были представлены как осознающие, что они не могут быть хорошими иначе, как под пытками, но что, испытывая очистительные действия адского пламени, они настолько осознали красоту

святости, что добровольно подчинились своим мукам и вознесли хвалу Богу за суровость его суда. Это стихотворение доставило мне явное физическое удовольствие, но я знаю, что если бы мою руку поддержали в огне в течение пяти минут, я бы не почувствовал ничего, кроме боли от ожога. Чтобы также испытать чувство удовольствия, я должен на данный момент вернуться к своим старым религиозным верованиям и моему старому представлению о том, что простое страдание оказывает возвышающее влияние; эмоции человека сильно изменяются в зависимости от его убеждений. Когда мне было около пятнадцати, я изобрел игру, в которую играл со своей младшей сестрой, в которой мы должны были проходить процесс дисциплины и подготовки к попаданию на небеса после смерти. Предполагалось, что каждый человек войдет в это состояние после смерти и последовательно перейдет под опеку различных ангелов, названных в честь особых добродетелей, прививать которые входило в их функции. Последним ангелом была Любовь, которая руководствовалась исключительно качеством, имя которого он носил. На низших стадиях мы находились под властью ангела по имени Суровость, который готовил нас крайней суровостью и требованием беспрекословного подчинения произвольным приказам для приобретения более поздних добродетелей. В наши обязанности входило следить за погодой, изображать восход и заход солнца и т.д. Постоянная работа требовала от нас терпения и покорности. Физическое удовольствие доставляло придумывание и пересказ друг другу проделанной за день работы, наказаний и лишений, которым мы подвергались. Мы никогда не говорили друг другу, что получали от этого какое-либо физическое удовольствие, и поэтому я не могу быть уверен, что моя сестра делала это; я только предполагаю, что она делала это, потому что она так искренне прониклась духом игры. Я мог бы получить такое же удовольствие, воображая себя ангелом и причиняя боль при упомянутых условиях; но моей сестре это не так нравилось, поскольку тогда у нее не было товарища по подчинению. Однако я не могла таким образом изменить свои чувства по отношению к мужчине, поскольку это показалось бы мне неестественным, и, кроме того, большая физическая сила необходима для более высокого положения. Однако я могу, воображая себя мужчиной, иногда получать удовольствие от того, что представляю себя воспитывающим и дисциплинирующим женщину суровыми мерами. Однако в этой идее нет настоящей жестокости, поскольку я всегда представляю, что ей это нравится.

"Я получаю удовольствие от мысли, что женщина подвергается боли и грубости со стороны мужчины, которого она любит, только при выполнении следующих условий: 1. Она должна быть абсолютно уверена в любви мужчины. 2. Она должна полностью доверять его суждениям. 3. Боль должна быть причинена намеренно, а не случайно. 4. Это должно быть нанесено по доброте душевной и для ее собственного улучшения, а не в гневе или с какими-либо мстительными чувствами, поскольку это испортило бы чей-то идеал мужчины. 5. Боль не должна быть чрезмерной и должна быть тем, что в детстве мы называли "аккуратной" болью; т.е. Не должно быть увечий, порезов и т.д. 6. Наконец, нужно быть очень уверенным в собственном влиянии на мужчину. Вот и вся идея. Поскольку я никогда не испытывал боли при сочетании всех этих условий, я не имею права говорить, что я должен испытывать удовольствие от ее причинения в реальности".

Другая дама пишет: "Я вполне согласна с тем, что идея боли может быть приятной, но должна ассоциироваться с чем-то, чего можно добиться с ее помощью. Мой опыт показывает, что это [коитус] часто причиняет боль в течение нескольких мгновений, но это проходит, и остальное легко; так что небольшая боль не является чем-то ужасным, но все равно раздражает, хотя бы ради нескольких минут удовольствия, которых недостаточно. Я не знаю, насколько мой опыт

сопоставим с опытом других женщин, но я уверена, что в моем случае требуется больше времени, чем обычно, и чем дольше, тем лучше, всегда со мной. Что касается любви к боли — нет, на самом деле она мне не нравится, хотя я очень хорошо переношу боль любого рода; но мне нравится чувствовать силу; я думаю, это обычное дело, когда женщины пассивны в любви — или предполагают, что они пассивны. Я не обнаружил, что "боль сразу убивает удовольствие".

Опять же, другая дама кратко заявляет, что для нее боль имеет ментальное очарование, и что та боль, которую она испытала, ей понравилась, но если бы она была еще сильнее, удовольствие было бы уничтожено.

Таким образом, данные, по-видимому, указывают, с различными оттенками градации, на вывод о том, что идея или даже реальность боли в сексуальной эмоции приветствуется женщинами, при условии, что этот элемент боли невелик и подчинен удовольствию, которое должно последовать за ним. Если коитус по своей сути не является удовольствием, элементом боли обязательно должна быть абсолютная боль, и жажда боли, не связанная с последующим за ней большим удовлетворением, не может рассматриваться как нормальная.

В этой связи я могу сослаться на наводящую на размышления главу о "Наслаждении болью" в книге Хирна *"Истоки искусства"*. "Если мы примем во внимание, - говорит Хирн, - мощный стимулирующий эффект, который производит острая боль, мы можем легко понять, почему люди подчиняются сиюминутным неприятностям ради наслаждения последующим возбуждением. Этот мотив приводит к преднамеренному созданию не только болевых ощущений, но и эмоций, в которые боль входит как элемент. Бурная деятельность, которая связана с реакцией на страх, и еще в большей степени с реакцией на гнев, дает нам ощущение приятного возбуждения, которое вполне окупает мимолетную неприятность. Более того, общеизвестно, что некоторые люди развили особое искусство делать первоначальную боль от гнева настолько преходящей, что они могут наслаждаться активными элементами в ней с почти безраздельным восторгом. Такое достижение гораздо сложнее в случае скорби. ... Создание болевых ощущений может быть объяснено как отчаянный прием для усиления интенсивности эмоционального состояния".

Отношение боли и удовольствия к эмоциям, могу добавить, было подробно рассмотрено Х. Р. Маршаллом в его работе *"Боль, удовольствие и эстетика"*. Он утверждает, что удовольствие и боль - это "общие качества, одно из которых должно и любое из которых может принадлежать любому фиксированному элементу сознания". "Удовольствие, - считает он, - испытывается всякий раз, когда физическая активность, совпадающая с психическим состоянием, с которым связано удовольствие, включает в себя использование избыточной накопленной силы". Таким образом, мы можем видеть, как, если боль действует как стимулятор эмоций, она становится слугой удовольствия, снабжая его избыточной накопленной силой.

Таким образом, проблема боли является проблемой психической динамики. Если мы осознаем это, мы начнем понимать место жестокости в жизни. "Человек должен заново узнать о жестокости, - сказал Ницше (*По ту сторону добра и зла*, 229), - и открыть глаза. Почти все, что мы называем "высшей культурой", основано на одухотворении и усилении жестокости. ... Затем, чтобы быть уверенными, мы должны отложить в сторону преподавание ошибочной психологии прежних времен, которая могла учить в отношении жестокости только тому, что она возникает при виде страданий других; существует обильное, переизбыточное наслаждение даже от собственного страдания, от причинения собственного страдания". Элемент парадокса

исчезает из этого утверждения, если мы осознаем, что речь идет не о "жестокости", а о динамике боли.

Камиль Бос в наводящем на размышления эссе ("О наслаждении душой", *Философское ревю*, июль 1902 г.) находит объяснение тайны в той сложности явлений, на которую я уже ссылался. И боль, и удовольствие - это сложные чувства, результирующие из различных компонентов, и мы называем эту результирующую в соответствии с природой самого сильного компонента. "Таким образом, мы даем комплексу название, которое строго относится только к одному из его факторов, а при боли все не является болезненным". Когда боль становится желанной целью, Камиль Бос считает, что это желание обусловлено тремя причинами: (1) боль контрастирует с удовольствием, которое обычно угрожает притупить, и возрождает его; (2) боль, предшествующая удовольствию, подчеркивает положительный характер последнего; (3) боль на мгновение повышает пониженный уровень чувствительности и восстанавливает в организме на короткий период утраченную способность к наслаждению.

Следовательно, следует сказать, что в той мере, в какой боль доставляет удовольствие, она является таковой только в той мере, в какой она осознается как прелюдия к удовольствию, или же когда она является действительным раздражителем нервов, передающим ощущение удовольствия. Нимфоманка, испытавшая оргазм в момент, когда нож прошел через ее клитор (как записал Мантегацца), и проститутка, испытавшая острое удовольствие, когда хирург удалил вегетации из ее вульвы (как записал Фере), не получали удовольствия от боли, но в одном случае интенсивная жажда сильных сексуальных эмоций, а в другом - давно притупленные нервы удовольствия приветствовали аномально сильный импульс; и боль от разреза, если она вообще ощущалась, была немедленно поглощена ощущением удовольствия. Молл отмечает ("*Контраре сексуального познания*", третье издание, стр. 278), что даже у мужчины следы физической боли обычно могут сочетаться ссексуальным удовольствием, когда влагалище сжимается вокруг полового члена в момент эякуляции, причем боль, если она не слишком сильная, почти сразу ощущается как удовольствие. На то, что в реальной боли нет удовольствия, даже в мазохизме, указывает следующее утверждение, которое Краффт-Эбинг приводит как представляющее переживания мазохиста (*Psychopathia Sexualis*, перевод с английского, стр. 201): "Отношение не такого характера, чтобы причиняющее физическую боль воспринималось просто как физическое удовольствие, поскольку человек в состоянии мазохистского экстаза не чувствует боли, либо потому, что в силу его эмоционального состояния (как у солдата в бою) физическое воздействие на его кожные нервы не осознается, либо потому, что человек в состоянии мазохистского экстаза не чувствует боли". или потому, что (как в случае с религиозными мучениками и энтузиастами) при поглощенности сознания сексуальными эмоциями идея жестокого обращения остается всего лишь символом, лишенным своего качества боли. В определенной степени психическое удовольствие компенсирует физическую боль, и только избыток остается в сознании в виде психического вожделения. Это также усиливается, поскольку либо из-за рефлекторного спинномозгового воздействия, либо из-за особой окраски сенсориума чувственных впечатлений происходит своего рода галлюцинация телесного удовольствия со смутной локализацией объективно спроецированного ощущения. При самоистязании религиозных энтузиастов (факиров, воющих дервишей, религиозных флагеллантов) наблюдается аналогичное состояние, только с отличием в качестве приятного ощущения. Здесь концепция мученичества также воспринимается без боли, поскольку сознание наполнено приятно окрашенной идеей служения Богу, искупления грехов, заслужения Небес и т.д. Через мученичество". Нельзя сказать, что это утверждение

полностью проясняет вопрос; но совершенно очевидно, что, когда женщина говорит, что находит удовольствие в боли, причиняемой любовником, она имеет в виду, что при особых обстоятельствах она находит удовольствие в обращении, которое в другое время ощущалось бы как боль, или же что за легкой реальной болью так быстро следует ошеломляющее удовольствие, что в памяти сама боль кажется удовольствием и может даже рассматриваться как символ удовольствия.

Существует особая особенность физической боли, которую следует иметь в виду при рассмотрении рассматриваемых нами явлений, поскольку она помогает объяснить терпимость, с которой относятся к идее боли. Я имею в виду огромную легкость, с которой забывается физическая боль, факт, хорошо известный всем матерям или всем, кто присутствовал при рождении ребенка. Как указывает профессор фон Чиш ("Der Schmerz", *Журнал психологии и физиологии человеческого организма*, Bd. xxvi, ч. 1 и 2, 1901), память может сохранять впечатления только в целом; физическая боль состоит из ощущения. Но память не может легко воспроизвести определенное ощущение боли, и поэтому все воспоминание распадается и быстро забывается. Совершенно иначе обстоит дело моральным страданием, которое сохраняется в памяти и оказывает гораздо большее влияние на поведение. Никто не желает испытывать моральную боль и не получает никакого удовольствия даже от мысли о том, чтобы страдать от нее.

Именно наличие этой существенной тенденции приводит к определенному кажущемуся противоречию в эмоциях женщины. С одной стороны, коренясь в материнском инстинкте, мы находим жалость, нежность и сострадание; с другой стороны, коренясь в сексуальном инстинкте, мы находим удовольствие в грубости, насилии, боли и опасности, иногда в ней самой, иногда также в других. Один импульс жаждет чего-то невинного и беспомощного, чтобы лелеять и защищать; другой наслаждается зрелищем безрассудства, дерзости, иногда даже бесстыдства.^[79] Женщина не может быть совершенно счастлива со своим возлюбленным, если он не может дать хотя бы некоторое удовлетворение каждому из этих двух противоположных стремлений.

Психологическое удовлетворение, которое женщины, как правило, испытывают от определенной степени боли в любви, строго согласовано с физическим фактом. Женщины обладают незначительной чувствительностью в сексуальной области. Этот факт не должен быть неправильно понят. С одной стороны, это ни в коем случае не ставит вопроса о том, выше или меньше чувствительность женщин в целом, чем у мужчин; это спорный вопрос, и свидетельства все еще несколько противоречивы.^[80] С другой стороны, это также ни в коем случае не снижает степень специфического сексуального удовольствия у женщин, поскольку тактильная чувствительность половых органов не является показателем специфической сексуальной чувствительности этих органов в состоянии возбуждения. Реальное значение меньшей тактильной чувствительности области гениталий у женщин заключается в родах и особой подверженности половой области у женщин травмам.^[81] Женщины, которые менее чувствительны в этом отношении, были бы лучше способны и охотнее переносили риски, связанные с родами, и поэтому были бы склонны вытеснять тех, кто был более чувствителен. Но, как побочный продукт этой меньшей степени чувствительности, мы имеем состояние, при котором физическое раздражение, доходящее даже до боли, может стать для нормальных женщин в состоянии крайней припухлости источником приятного возбуждения, каким оно редко бывает у нормальных мужчин.

Кальманну, по-видимому, обязаны первые тщательно проведенные наблюдения, показывающие незначительную чувствительность половых путей у женщин. (Adolf Calmann, "Sensibilitätsprüfungen am weiblichen Genitale nach forensischen Gesichtspunkten," *Archiv für Gynäkologie*, 1898, p. 454.) Он исследовал влагалище, мочеиспускательный канал и задний проход у восемнадцати женщин и обнаружил значительное отсутствие чувствительности, наименее выраженное в заднем проходе и наиболее выраженное во влагалище. [Одно только это распределение нечувствительности указывает на то, что оно обусловлено, как я предположил, естественным отбором.] Иногда палец во влагалище вообще не ощущался. Одна женщина, когда в задний проход был введен катетер, сказала, что это может быть влагалище или мочеиспускательный канал, но это определенно не задний проход. (Кальман замечает, что он старался облекать свои вопросы в понятную форму.) Женщины осознавали, что моча выводится, только когда слышали знакомый звук струи или когда мочевого пузыря был очень полон; если звук струи заглушался полотенцем, они совершенно не осознавали, что мочевого пузыря был опорожнен. [В подтверждение этого утверждения я заметил, что у женщины, чей раздутый мочевой пузырь было необходимо опорожнить с помощью катетера незадолго до рождения ее первого ребенка, но которая действительно частично находилась под воздействием хлороформа, не было ощущения искусственного облегчения; она просто отметила, что, по ее мнению, теперь может облегчиться.] Было некоторое ощущение температуры, но ощущение местности, тактильные ощущения и суждение о размере часто были широко ошибочными. Примечательно, что девственницы были такими же бесчувственными, как замужние женщины или те, у кого были дети. Эксперименты Кальмана, по-видимому, подтверждаются экспериментами Марко Тревеса из Турина по термоэстезиометрии слизистых оболочек, о чем сообщалось на Туринском международном конгрессе физиологов (и кратко отмечено в *Nature*, 21 ноября 1901 г.). Тревес обнаружил, что чувствительность слизистых оболочек всегда меньше, чем у кожи. Слизистая оболочка мочеиспускательного канала и шейки матки была совершенно неспособна к ощущениям тепла и холода, и даже прижигание вызывало лишь незначительные и то болезненные ощущения.

В качестве дополнительной иллюстрации этого пункта можно сослаться на нередкие случаи, когда весь процесс родов и огромное растяжение тканей, с которым он связан, протекают почти или совершенно безболезненно. Достаточно сослаться на два случая, описанных Массе в Париже и кратко описанных в *Британском медицинском журнале* от 25 мая 1901 г. В первом случае пациентка была первородящей в возрасте 20 лет, и до тех пор, пока расширение шейки матки не было завершено и не начались попытки изгнания, сокращения матки были совершенно безболезненными. Во втором случае у матери, 25 лет, трипара, ранее были очень быстрые роды; она проснулась посреди ночи без болей, но во время мочеиспускания головка плода появилась в вульве и вскоре появилась на свет.

Дальнейшую иллюстрацию можно найти в тех случаях, когда тяжелые воспалительные процессы в половых путях могут протекать незаметно. Так, Максвелл сообщает о случае с молодой китайкой, безусловно, вполне нормальной, у которой после рождения ее первого ребенка влагалище стало почти стерто, однако, за исключением легкой периодической боли, она не замечала ничего плохого, пока муж не обнаружил, что проникновение невозможно (*Британский медицинский журнал*, 11 января 1902 г., стр. 78). Нечувствительность влагалища и его контраст в этом отношении с пенисом — хотя мы вправе рассматривать пенис как орган особого восприятия, относительно лишенный общей чувствительности, — ярко представлены в таком инциденте, как следующий, о котором несколько лет назад в Америке сообщил доктор Г.

В. Аллен в *Бостонском медицинском и хирургическом журнале*: Мужчина попал под наблюдение с отечным, воспаленным пенисом. Жена накануне вечером, по совету друзей, ввела чистую карболовую кислоту во влагалище непосредственно перед половым актом. Муж, не зная об этом факте, испытывал неприятное жжение и резь во время и после коитуса, но не придавал этому особого значения и вскоре заснул. На следующее утро на половом члене появились большие волдыри, но боли больше не было. При осмотре доктором Алленом крайняя плоть была втянута и отечна, весь пенис был сильно опухшим, а по обе стороны от головки имелись большие, совершенно необработанные поверхности.

В этой связи мы вполне можем привести в соответствие замечательную группу явлений, относительно которых в настоящее время накоплено много свидетельств. Я имею в виду использование различных приспособлений, закрепленных внутри или вокруг полового члена, постоянно или временно во время полового акта, причем такое приспособление используется по наущению женщины и исключительно для того, чтобы усилить ее возбуждение во время полового акта. Эти приспособления имеют свой большой центр среди индонезийских народов (на Борнео, Яве, Суматре, Малайском полуострове, Филиппинах и т.д.), отсюда распространились в модифицированной форме через Китай, чтобы стать, по-видимому, значительно распространенными в России; я также отметил их появление в Индии. У них есть другой широко распространенный центр, через который, однако, они рассеяны более редко, среди американских индейцев северного и особенно южного континентов. Америго Веспуччи и другие ранние путешественники отмечали существование некоторых из этих приборов, и поскольку Миклуcho-Маклей тщательно описал их как используемые на Борнео^[82] их существование было общепризнано. Обычно их рассматривают просто как этнологические курьезы. Как таковые они нас здесь не интересуют. Их реальное значение для нас заключается в том, что они иллюстрируют сравнительную нечувствительность половых путей у женщин, и в то же время они показывают, что женщины жаждут определенного количества того, что мы не можем не рассматривать как болезненную стимуляцию, чтобы усилить набухание и увеличить сексуальное удовольствие, даже если этого можно добиться только искусственными методами. Конечно, можно возразить, что в этих случаях нас беспокоит вовсе не боль, а сильная стимуляция, которая ощущается как чисто приятная. Однако не может быть никаких сомнений в том, что при отсутствии сексуального возбуждения эта стимуляция ощущалась бы как чисто болезненная, и — в свете нашего предыдущего обсуждения — мы, возможно, можем справедливо рассматривать ее как болезненную стимуляцию, которой жаждут не потому, что она сама по себе приятна, а потому, что она усиливает в высшей степени приятное состояние возбуждения.

Борнео, географический центр индонезийского мира, по-видимому, также является районом, в котором эти инструменты наиболее популярны. *Ампаланг*, *паланг*, *камбион*, или *рея для парусов*, как ее по-разному называют, представляет собой небольшой стержень из кости или металла длиной около двух дюймов, закругленный на концах и используемый кьянами и даяками Борнео. Перед половым актом он вводится в поперечное отверстие полового члена, образованное в результате болезненной и несколько опасной операции, и остается открытым с помощью иглы. Иногда используются два или более таких инструмента. Иногда к каждому концу инструмента прикрепляются маленькие кисточки. Другим инструментом, используемым даяками, но, как говорят, заимствованным у малайцев, является *анус паланг*, представляющий собой кольцо или ошейник из плетеного пальмового волокна, снабженный парой жестких рогов из того же проволочного материала; его надевают на шейку головки и плотно прилегают к коже,

чтобы не соскальзывал. (Брук Лоу, "Туземцы Борнео", *Журнал Антропологического института*, август и ноябрь 1892 г., стр. 45; *ампалланг* и подобные инструменты описаны Плоссом и Бартельсом, *Das Weib*, Bd. i, глава xvii; также в "*Нехоженных полях антропологии*", французским армейским хирургом, 1898, т. ii, стр. 135-141; также Мантегацца, *Gli Amori degli Uomini*, французский перевод, стр. 83 и далее.) Ридель сообщил Миклучо-Маклею, что на Целебесских островах альфурасы прикрепляют веки козресницами вокруг венчика головки полового члена, а на Яве аналогичным образом используется кусок козлиной шкуры для образования волосяного покрова (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1876, стр. 22-25), в то время как у батта с Суматры Хаген обнаружил, что маленькие камешки вставляются через разрез под кожу полового члена (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1891, ч. 3, с. 351).

На Малайском полуострове Стивенс нашел инструменты, несколько похожие на *ампалланг*, которые все еще используются некоторыми племенами, а также среди других, которые использовались ранее. Он думает, что они были привезены с Борнео. (Х. В. Стивенс, *Журнал по этнологии*, 1896, ч. 4, стр. 181.) Блох, который приводит другие примеры подобных устройств (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, стр. 56-58), считает, что таким образом можно частично объяснить действие австралийской слюды.

Однако такие инструменты не являются полностью неизвестными в Европе. Во Франции в восемнадцатом веке, по-видимому, кольца, иногда с твердыми набалдашниками, называемые "помощниками", иногда использовались мужчинами для усиления удовольствия женщин при половом акте. (Dühren, *Marquis de Sade*, 1901, p. 130.) В России, по словам Вайсенберга из Елизаветграда, нередко используют эластичные кольца с маленькими зубчиками; эти кольца крепятся вокруг основания головки. (Weissenberg, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1893, ht. 2, p. 135.) Этот инструмент, должно быть, был привезен в Россию с Востока, поскольку Бертон (в примечаниях к своей книге "*Тысячи и одной ночи*") упоминает точно такой же инструмент, который используется в Китае. Чем-то похож на "китайского ежа" венок из тонких мягких перьев, перья которого прочно прикреплены серебряной проволокой к кольцу из того же металла, которое надевается на головку. В Южной Америке аргентинские арауканцы используют маленькую кисточку из конского волоса, обвязываемую вокруг пениса; одна из таких находится в музее в Ла-Плате; говорят, что этот обычай, возможно, был заимствован у патагонцев; эти инструменты, называемые *гескелями*, изготавливаются женщинами, и их работа очень тонкая. (Lehmann-Nitsche, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1900, ht. 6, p. 491.) Примечательно, что несколько похожий пучок конского волоса носят и на Борнео. (Breitenstein, *21 Jahre in India*, 1899, pt. i, p. 227.) В большинстве сообщений говорится, что женщины придают большое значение удовлетворению, получаемому с помощью таких инструментов. На Борнеоскрайная женщина символически указывает своему возлюбленному точную длину *ампалланга*, которую она предпочла бы, оставляя в определенном месте сигарету такой длины. Миклучо-Маклей считает, что эти инструменты были изобретены женщинами. Брук Лоу замечает, что "ни одна женщина, однажды привыкшая к его использованию, никогда не будет мечтать о том, чтобы позволить своему партнеру по постели прекратить носить его", а Стивенс утверждает, что в свое время ни одна женщина не вышла бы замуж за мужчину, у которого не было такого устройства. Можно добавить, что очень похожее приспособление можно найти в европейских странах (особенно в Германии) при использовании презерватива с неровностями или оборкой для усиления возбуждения женщины. Нет ничего невозможного в том, чтобы найти доказательства того, что в европейских странах, даже при отсутствии таких инструментов, жажда, которую они удовлетворяют, все еще существует у женщин. Так, Мориак рассказывает о пациенте с

вегетациями на головке, который откладывал лечение, потому что он больше всего нравился своей любовнице (статья "Вегетации", *Словарь медицины и хирургической практики*).

Может показаться, что подобные импульсы и подобные способы их удовлетворения совершенно неестественны. Это не так. Они имеют зоологическую основу и у многих животных воплощены в анатомическом строении. У многих грызунов, жвачных животных и некоторых представителей плотоядных наблюдается естественное развитие полового члена, очень напоминающее некоторые из тех, что искусственно заимствованы человеком. Таким образом, морские свинки обладают двумя роговыми отростками, прикрепленными к половому члену, в то время как головка полового члена покрыта острыми шипами. У некоторых икринок также есть две острые роговые пилы сбоку от пениса. Кошка, носорог, тапир и другие животные обладают выступающими структурами на половом члене, а некоторые виды жвачных животных, такие как овцы, жирафы и многие антилопы, имеют прикрепленные к половому члену длинные нитевидные отростки, через которые проходит мочеиспускательный канал. (Ф. Х. А. Маршалл, *Физиология размножения*, стр. 246-248.)

Даже у таких нежных и неземных созданий, как бабочки, мы находим целый арсенал острого оружия для использования при половом акте. Они были подробно описаны в подробных и полностью иллюстрированных мемуарах П. Х. Госсе ("Об органах хватания, вспомогательных для размножения у определенных групп чешуекрылых", *Труды Линнеевского общества*, вторая серия, том. ii, Зоология, 1882). Эти органы, которые Госсе называет *гарпиями* (или крючьями для захвата), встречаются у папилионид и очень красивы и разнообразны, принимая формы выступающих когтей, крючьев, копий, мечей, набалдашников и странных комбинаций из них, обычно заостренных, а затем разрезанных на острые зубы.

Вероятно, что все эти структуры служат для возбуждения полового аппарата самки и способствуют набуханию.

Невнимательному наблюдателю может показаться, что в таких проявлениях человека есть что-то порочное или извращенное. Это мнение становится очень сомнительным, когда мы рассматриваем, как эти тенденции проявляются у людей, живущих в естественных условиях в широко разделенных частях света. Это становится еще более несостоятельным, если у нас есть основания полагать, что предки мужчин обладали выступающими эпителиальными придатками, прикрепленными к половому члену, и если мы принимаем открытие Фриденталем рудимента этих придатков на половом члене человеческого плода на ранней стадии (Friedenthal, "Sonderformen der menschlichen Leibesbildung", *Sexual-Probleme*, февраль 1912, стр. 129). В этом случае человеческая изобретательность была бы просто направлена на создание органа, которым природа перестала снабжать, хотя в некоторых случаях он все еще необходим, особенно среди народов, чья склонность к эретизму осталась на нечеловеческом уровне или упала до него.

На первый взгляд связь между любовью и болью — склонность мужчин получать удовольствие от ее причинения, а женщин — от ее страдания — кажется странной и необъяснимой. Кажется удивительным, что нежная и даже независимая женщина должна сохранять страстную привязанность к мужчине, который подвергает ее физическим и моральным оскорблениям, и что сильный мужчина, часто умный, рассудительный и даже добросердечный, должен желать подвергнуть таким оскорблениям женщину, которую он страстно любит и которая дала ему все последние доказательства своей собственной страсти. Разбираясь в таких случаях, мы должны

помнить, что только в определенных пределах женщина действительно наслаждается болью, дискомфортом или подчинением, которому она подчиняется. Небольшая боль, которую, как знает мужчина, он может унять сам, небольшая боль, которую женщина с радостью принимает как признак и предвестник удовольствия, — эта степень боли находится в нормальных пределах любви и коренится, как мы видели, в опыте расы. Но когда оно выходит за эти пределы, хотя его все еще можно терпеть из-за поддержки, которую оно получает от своей биологической основы, им больше не пользуются. Естественная нота была взята слишком резко, и ритм любви перестал быть совершенным. Женщина может желать, чтобы ее принуждали, грубо принуждали, чтобы ее изнасиловали помимо ее собственной воли. Но все это время она желает, чтобы ее принуждали к тем вещам, которые по существу и глубоко приятны ей. Мужчина, который не осознает этого, мало продвинулся в искусстве любви. "Мне нравится, когда меня избивают и заставляют делать то, чего я не хочу", - сказала женщина, но на допросе призналась, что ей бы не понравилось, если бы ей причиняли *сильную* боль, и что ей, возможно, было бы неприятно, если бы ее заставляли делать важные вещи, которые она не хотела делать. Историю о безграничной покорности Гризельды вряд ли можно назвать психологически правильной, хотя она имеет свою художественную правоту как тщательно продуманная фантазия на эту тему, оправданная ее завершением.

Этот момент дополнительно иллюстрируется следующим отрывком из письма, написанного дамой: "Подчинение воле мужчины по-прежнему является и всегда должно быть прелюдией к удовольствию, и ассоциация идей, вероятно, всегда будет порождать этот во многом неправильно понятый инстинкт. Теперь я обнаружила, косвенно от других женщин и непосредственно из своего собственного опыта, что, когда спорный вопрос очень важен и мужчина проявляет свою власть, желание поступать по-своему полностью подавляет сексуальное чувство, в то время как, наоборот, в мелочах сексуальное чувство подавляет желание поступать по-своему. Там, где эти двое почти равны, между ними возникает конфликт, и я могу стоять в стороне и гадать, кто из них возьмет верх, хотя я поощряю сексуальное чувство, когда это возможно, поскольку, если побеждает другой, это вызывает чувство сильного психического раздражения и физического дискомфорта. Мужчина должен командовать в мелочах, так как в девяти случаях из десяти это вызовет возбуждение. Он должен *консультировать* по важным вопросам, иначе он может обнаружить, что либо не в состоянии выполнять свои приказы, либо вызывает чувство неприязни и раздражения, которого вовсе не намеревался. Женщины воображают, что мужчины должны быть сильнее их самих, чтобы возбуждать их страсть. Я не согласен. У страстного мужчины больше шансов, поскольку в нем сильны примитивные инстинкты. Желание подчинить женщину - одно из них, и в мелочах он будет проявлять свой авторитет, чтобы заставить ее почувствовать его силу, в то время как она знает, что в вопросе реальной важности у нее есть хорошие шансы добиться своего, воздействуя на его большую восприимчивость. Возможно, иллюстрация покажет, что я имею в виду. Я слушал группу, и девушка со своим *женихом* подошли и заняли два места рядом со мной. Девушка опустила на одно сиденье, но мужчина почему-то хотел, чтобы она села на другое. Она отказалась. Он повторил свой заказ дважды, во второй раз так безапелляционно, что она поменялась местами, и я услышал, как он сказал: "Я не думаю, что ты слышала, что я сказал. Я не собираюсь отдавать приказ три раза."

Эта маленькая сцена заинтересовала меня, и после я задал девушке следующие вопросы: —

- "Были ли у вас какие-либо причины занимать одно кресло чаще, чем другое?"

"Нет".

"Доставило ли вам какое-либо удовольствие то, что мистер... настоял на вашем переодевании?"

"Да" (после небольшого колебания).

"Почему?"

- "Я не знаю".

- Поступил бы он так, если бы вам особенно захотелось сесть в это кресло; если бы, например, у вас был фурункул на щеке и вы захотели отвернуться от него этой стороной?

"Нет, конечно, нет. Беспокойство от мысли, что он смотрит на это, слишком разозлило бы меня, чтобы испытывать удовольствие".

- Это объясняет, что я имею в виду? Повод, кстати, не обязательно должен быть действительно важным, но, как в этом воображаемом случае с фурункулом, если женщине это *покажется* важным, раздражение перевесит физические ощущения".

Я прекрасно понимаю, что, утверждая таким образом определенную склонность женщин получать удовольствие от страдания — какой бы осторожной и квалифицированной позицию я ни занимал, — многие уважаемые люди будут кричать, что я унижаю весь пол и вообще поддерживаю "подчинение женщин". Но день академической дискуссии о "подчинении женщин" прошел. Тенденция, которую я стремился прояснить, слишком хорошо установлена опытом нормальных и типичных женщин — какими бы многочисленными ни были исключения, — чтобы подвергать ее сомнению. Я бы указал тем, кто осуждает влияние подобных фактов на социальный прогресс, что ничего не добьешься, рассматривая женщин просто как мужчин меньшего роста. Они не таковы; у них есть законы их собственной природы; их развитие должно идти по их собственным линиям, а не по мужским линиям. Сегодня так же верно, как и во времена Бэкона, что мы учимся повелевать природой, только повинувшись ей. Игнорировать факты - значит навлекать разочарование в наших достижениях. Конкретный факт, с которым мы здесь соприкоснулись, очень важен и радикален и оказывает самое тонкое влияние. Глупо игнорировать его; мы должны допустить его существование. Мы не сможем ни обрести здравый взгляд на жизнь, ни разумное социальное законодательство жизни, если не будем обладать справедливым и точным знанием фундаментальных инстинктов, на которых построена жизнь.

[61] Различные млекопитающие, увлеченные безрассудной яростью сексуального импульса, склонны жестоко обращаться со своими самками (Р. Мюллер, *Сексуальная биология*, стр. 123). Однако такое обращение обычно является всего лишь эпизодом ухаживания, результатом избытка пылкости. "Зяблики и шафрановые вьюрки (*Fringella* и *Sycalis*) - очень грубые ухажеры", - говорит А. Г. Батлер (*Зоолог*, 1902, с. 241); "они громко поют и яростно гонятся за своими курами, сбивая их в полете, преследуя и свирепо расклеывая их даже на земле; но как только куры становятся покорными, самцы меняют тактику и становятся на время образцовыми мужьями, кормящими своих жен из своих карманов". собирать урожай и помогать в выращивании молодняка".

[62] Ср. А. К. Хэддон, *Охотники за головами*, стр. 107.

[63] Марро считает, что может иметь место перенос эмоций — импульс насилия, вызванный у мужчины обращением его соперников против его партнерши — в соответствии с тенденцией, отмеченной Салли и проиллюстрированной Рибо в его *Психологии эмоций*, часть i, глава xii.

[64] Несколько авторов нашли в фактах ухаживания примитивных животных объяснение связи между любовью и болью. Так, Краффт-Эбинг (*Psychopathia Sexualis*, английский перевод десятого немецкого издания, стр. 80) кратко отмечает, что вспышки садизма, возможно, носят атавистический характер. У Марро (*La Pubertà*, 1898, стр. 219 и далее) есть несколько наводящих страниц на эту тему. Похоже, что это объяснение было смутно изложено Ягером. Лазерр в тезисе из Бордо, упомянутом Фере, рассуждал в том же смысле. Фере (*"Инстинктивная сексуальность"*, стр. 134) на основании едва ли достаточных оснований рассматривает это объяснение просто как поверхностную аналогию. Но это, конечно, не полное объяснение.

[65] Шефер (*Jahrbücher für Psychologie*, Bd. ii, стр. 128, и цитируется Краффт-Эбингом в *"Сексуальной психопатии"*), в связи со случаем, в котором сексуальное возбуждение вызывалось видом сражений или картин с их изображением, замечает: "Удовольствие от битвы и убийство является настолько преобладающим атрибутом мужского пола во всем животном царстве, что не может быть никаких сомнений в тесной связи между этой стороной мужского характера и мужской сексуальностью. Я полагаю, что могу показать своими наблюдениями, что у абсолютно нормальных умственно и физически мужчин первые неопределенные и непонятные предвестники сексуального возбуждения могут быть вызваны чтением захватывающих сцен погони и войны. Это порождает бессознательное стремление к своего рода удовлетворению в воинственных играх (борьба и т.д.), которые выражают фундаментальный сексуальный импульс к тесному и завершенному контакту с товарищем, со вторичной, более или менее четко выраженной мыслью о завоевании". Гроос (*Spiele der Menschen*, 1899, стр. 232) также считает, что в этом предположении о подсознательном сексуальном элементе в игровых борцовских поединках мальчиков есть более или менее правда. Фрейд считает (*Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, стр. 49), что тенденция к сексуальному возбуждению через мышечную активность в борьбе и т.д. является одним из корней садизма. Мне рассказывали о нормальных мужчинах, которые испытывают сознательное удовольствие такого рода, когда поднимаются в играх, как это может случиться, например, в футболе. Можно добавить, что в некоторых частях света жених должен бросить девушку в схватке по борьбе, чтобы заполучить ее руку.

[66] Незначительным проявлением этой тенденции, появляющимся даже у вполне нормальных и хорошо подготовленных индивидуумов, является стремление мальчиков в период полового созревания и после него получать удовольствие от преследования и причинения вреда низшим животным или их собственным молодым товарищам. Некоторые юноши проявляют дьявольское удовольствие и изобретательность, мучая чувствительных младшеклассников, и даже мальчик, который в остальном добр и внимателен, может получать удовольствие, намеренно калеча лягушку. В некоторых случаях у мальчиков и юношей, у которых нет истинных садистских побуждений и которые обычно не жестоки, такое истязание низшего животного вызывает эрекцию, хотя и не обязательно какие-либо приятные сексуальные ощущения.

[67] Марро, *Период полового созревания*, 1898, стр. 223; Гарнье, "La Criminalité Juvenile", *Международный конгресс криминологов*, Амстердам, 1901, стр. 296; *Архив психиатрии*, 1899, фасц. v-vi, стр. 572.

[68] Bk. ii, глава ii.

[69] Герберт Спенсер, *Принципы социологии*, 1876, том i, стр. 651.

[70] Вестермарк, *Человеческий брак*, стр. 388. Гроссе придерживается того же мнения; он также считает, что мнимый захват часто является имитацией настоящего захвата из-за восхищения; он не верит, что последний когда-либо был формой брака, признанной обычаем и законом, а лишь "случайным и наказуемым актом насилия". (*Die Formen der Familie*, pp. 105–7.) Эта позиция слишком экстремальна.

[71] Эрнест Кроули, "*Мистическая роза*", 1902, стр. 350 и далее. Ван Геннеп справедливо замечает, что мы не можем корректно сказать, что женщина похищена из "своего пола", но только из своего "сексуального общества".

[72] А. Ван Геннеп (*Обряды перехода*, 1909, стр. 175-186) выдвинул третью теорию, хотя и психологического характера, согласно которой "захват" - это обряд, указывающий на отделение маленькой девочки от особых обществ ее детства. Геннеп рассматривает этот обряд как один из обширной группы "обрядов перехода", которые вступают в действие всякий раз, когда человек меняет свое социальное или природное окружение.

[73] Фере ("*Инстинктивная сексуальность*", стр. 133), по-видимому, рассматривает удовлетворение, основанное на чувстве личной власти, которое может быть испытано при страдании и подчинении жертвы, как адекватное объяснение связи боли с любовью. В этом я едва ли могу признаться. Это фактор эмоционального отношения, но когда оно существует только в сексуальной сфере, разумно основывать это отношение в значительной степени на еще более фундаментальном биологическом отношении мужчины к женщине в процессе ухаживания. Фере рассматривает этот биологический элемент лишь как поверхностную аналогию на том основании, что акт жестокости может стать эквивалентом полового акта. Но сексуальное извращение довольно часто представляет собой выделение и преувеличение отдельного момента в нормальном сексуальном процессе.

[74] Процесс, однако, может быть вполне осознанным. Так, корреспондент рассказывает мне, что он не только находит сексуальное удовольствие в жестокости по отношению к женщине, которую любит, но и считает это важным элементом. Он убежден, что это доставляет женщине удовольствие и что по жестам, интонации голоса и т.д. Можно отличить истерическое, надуманное или воображаемое чувство боли от реальной. Он не хотел бы причинять настоящую боль и расценил бы это как садизм.

[75] Де Сад уже делал то же замечание, в то время как Дюшен из Булони указал, что выражения сексуальной страсти и жестокости на лицах похожи.

[76] Крпттáδιá, vol. vi, стр. 208.

[77] Даумас, *Шево де Сахара*, стр. 49.

[78] См. в т. четвертое из этих *исследований* ("Половой отбор у человека"), Приложение А, посвящено "Происхождению поцелуя".

[79] Де Стендаль (*De l'Amour*) упоминает, что когда он был в Лондоне, у него были дружеские отношения с английской актрисой, которая была любовницей богатого полковника, но в частном порядке имела другого любовника. Однажды полковник приехал, когда присутствовал другой мужчина. "Этот джентльмен звонил по поводу пони, которого я хочу продать", - сказала актриса. "Я пришел совсем с другой целью", - сказал маленький человечек и таким образом пробудил любовь, которая начинала угасать.

[80] См. Хэвелок Эллис, "*Мужчина и женщина*", глава vi, "Чувства".

[81] Эта ответственность подчеркивается Адлером, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 125.

[82] *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. viii, 1876, стр. 22-28.

II.

Содержание

Определение садизма—Де Сад—Мазохизм в некоторой степени нормален—Захер-Мазох—Нет реальной демаркационной линии между садизмом и мазохизмом—Алголагния включает обе группы проявлений—Любовный укус как мост от нормальных явлений к Алголагнии—Пристрастие к Крови—Самые крайние извращения связаны с нормальными явлениями.

Таким образом, мы видим, что здесь присутствуют две отдельные группы чувств: одна по мужской линии, которая получает удовольствие от демонстрации силы и часто причиняет боль или ее подобие; другая по женской линии, которая получает удовольствие от подчинения этой силе и даже находит удовольствие в небольшом количестве боли или идее боли, когда она связана с переживаниями любви. Мы также видим, что эти две группы чувств дополняют друг друга. В пределах, соответствующих нормальной и здоровой жизни, то, что мужчины вынуждены дарить, женщины любят получать. Так что нам не нужно излишне осуждать "жестокость" мужчин в этих пределах или излишне сочувствовать женщинам, которые подвергаются ей.

Однако, как мы также видели, такой вывод справедлив только в тех нормальных пределах, которые здесь была предпринята попытка определить. Явления, которые мы рассматривали, являются строго нормальными явлениями, имеющими свою основу в условиях припухлости и детумесценции при ухаживании животных и примитивного человека. Однако в какой-то момент, обсуждая феномен любовного укуса, я сослался на факты, которые указывают на то, как это чисто нормальное проявление все же незаметно переходит в область болезненного. Это пример, который позволяет нам осознать, как даже самые ужасные и отвратительные сексуальные извращения все еще явно связаны с явлениями, которые в корне нормальны. Можно сказать, что любовный укус дает нам ключ к тому извращенному импульсу, который обычно называют садизмом.

Существуют некоторые разногласия относительно того, как лучше всего определить термин "сализм". Возможно, самым простым и общепринятым определением является определение Крафта-Эбинга как сексуальной эмоции, связанной с желанием причинить боль и применить насилие, или, как он выражается в другом месте, "побуждения к жестокому обращению с противоположным полом и окрашивания идеи таких действий похотливым чувством".^[83] Более полное определение дает Молл, которая описывает сализм как состояние, при котором "сексуальный импульс заключается в тенденции наносить удары, жестоко обращаться и унижать любимого человека".^[84] Преимущество этого определения в том, что оно привносит элемент моральной боли. Дальнейшее расширение сделано в определении Фере как "необходимости ассоциировать насилие и жестокость с сексуальным наслаждением, причем такое насилие или жестокость не обязательно осуществляются самим человеком, который ищет сексуального удовольствия в этой ассоциации".^[85] Определение Гарнье, хотя и включает все эти пункты, дополнительно учитывает тот факт, что определенная степень сализма может рассматриваться как норма. "Патологический сализм, - утверждает он, - это импульсивное и навязчивое сексуальное извращение, характеризующееся тесной связью между причиняемым или мысленно представляемым страданием и сексуальным оргазмом, без этого необходимого и достаточного условия фригидность обычно остается абсолютной".^[86] Следует добавить, что эти определения весьма неполны, если под "сализмом" понимать особые сексуальные извращения, которые представлены в романах Де Сада. Иван Блох ("Евгений Дюрен") в своей книге о Де Саде попытался дать определение, строго основанное на этом, и, как будет видно, необходимо сделать его очень подробным: "Связь сексуального возбуждения и сексуального наслаждения, будь то намеренно достигнутая или предложенная случайно, с реальным или только символическим (идеальным, иллюзорным) появлением ужасных и шокирующих событий, деструктивных явлений и практик, которые угрожают или разрушают жизнь, здоровье и собственность человека и других живых существ, угрожают и прерывают непрерывность человеческого существования". неодушевленные предметы, посредством которых человек, получающий сексуальное наслаждение от таких явлений, может либо сам быть непосредственной причиной, либо вызывать их возникновение с помощью других лиц, либо просто быть зрителем, или, наконец, быть, вольно или невольно, объектом, против которого направлены эти процессы".^[87] Таким образом, это определение сализма, встречающееся в работах Де Сада, особенно в его последнем предложении, представляет собой гораздо более широкую концепцию, чем обычное определение.

Донатьен Альфонс Франсуа, маркиз Де Сад, родился в 1740 году в Париже в доме великого Конде. Он принадлежал к очень благородной, древней и выдающейся провансальской семье; Лаура Петrarки, вышедшая замуж за Де Сада, была одной из его предков, и семья успешно владела как оружием, так и литературой. По словам Лакруа, он был "очаровательным юношей, чье нежно-бледное и смуглое лицо, освещенное двумя большими черными (по другому свидетельству, голубыми) глазами, уже несло на себе томный отпечаток порока, который должен был развратить все его существо"; его голос был "протяжным и ласкающим"; в его походке была "мягкая женская грация". К сожалению, его подлинного портрета не сохранилось. Его ранние годы описаны в письме iv его *Алине и Валькур*. По окончании Коллеж-Луи-ле-Гран он стал офицером кавалерии и прошел Семилетнюю войну в Германии. Не может быть никаких сомнений в том, что опыт его военной жизни, повлиявший на женственно порочный темперамент, во многом повлиял на развитие его извращенности. Похоже, он попадал в

многочисленные передраги, подробности которых неизвестны, и его отец пытался женить его на дочери своего друга-аристократа, благородной и дружелюбной девушке 20 лет. Случилось так, что, когда юный Де Сад впервые пришел в дом своей будущей жены, дома была только ее младшая сестра, 13-летняя девочка; в нее он сразу влюбился, и его любовь была взаимной; они оба были любителями музыки, и у нее был прекрасный голос. Родители настояли на том, чтобы осуществить первоначальную схему заключения брака. Жена де Сада любила его и, несмотря ни на что, служила его интересам с преданностью Гризельды; она была, как замечает Джинисти, святой, святой супружеской жизни; но на ее любовь с самого начала отвечали только отвращением, презрением и подозрительностью. Были, однако, дети от этого брака; карьера старшего — достойного молодого человека, который пошел в армию и также обладал художественными способностями, но в остальном не совпадал во вкусах со своим отцом, — была в общих чертах описана Полом Джинисти, который также редактировал "Письма маркизы". Страсть де Сада к младшей сестре продолжалась (он идеализировал ее как Джульетту), хотя она была помещена в монастырь вне его досягаемости, а гораздо позже он сбежал с ней и провел, возможно, самый счастливый период своей жизни, вскоре оборвавшийся ее смертью. Очевидно, что этот несчастливый брак сыграл решающую роль в определении карьеры Де Сада; он сразу же безрассудно предался всем формам распутства, тратя свое здоровье и состояние иногда среди утонченно распущенных дворян, а иногда среди грубо распущенных лакеев. Однако в нем всегда было что-то от художника, что-то от студента, что-то от философа, и писать он начал рано, по-видимому, в возрасте 23 лет. Именно в этом возрасте, и всего через несколько месяцев после женитьбы, из-за каких-то излишеств он был на некоторое время заключен в Венсен. Ему было суждено провести 27 лет своей жизни в тюрьмах, если считать те 13 лет, которые в преклонном возрасте он провел в лечебнице в Шарантоне. Его реальные проступки были отнюдь не столь ужасны, как те, о которых он любил вспоминать в воображении, и по большей части они были сильно преувеличены. Его самыми тяжкими преступлениями были непристойное и насильственное бичевание в 1768 году молодой женщины Розы Келлер, которая пристала к нему на улице за подаянием и которую он под обманом предлогом заманил к себе домой, а также раздача афродизиакальных конфет некоторым проституткам в Марселе. Именно из-за этого факта, что расцвет своей зрелости Де Сад провел в тюрьмах, он вернулся к мечтам, учебе и написанию романов. Оторванный от реальной жизни, он утешал свое воображение извращенными видениями — однако в очень значительной степени основанными на знании реальных фактов извращенной жизни своего времени, — которые он записал в *"Жюстине"* (1781); *"120 дневниках содома в школе либертинажа"* (1785); *"Алине и Валькур в Римской философии"* (1788); *"Жюльетте"* (1796); *"Философии танца Ле Будуар"* (1795). Эти книги представляют собой своего рода энциклопедию сексуальных извращений, *Сексуальную психопатию восемнадцатого века*, и в то же время воплощают в себе философию. Блох отмечает, что он был первым, кто осознал огромную важность сексуального вопроса. Его общее отношение может быть проиллюстрировано следующим отрывком (цитируемым Лакассанем): "Если в мире есть существа, чьи поступки шокируют все общепринятые предрассудки, мы не должны поучать их или наказывать их ... потому что их причудливые вкусы зависят от них самих не больше, чем от вас зависит, остроумен вы или глуп, хорошо сложены или горбаты. ... Что стало бы с вашими законами, вашей моралью, вашей религией, вашей виселицей, вашим Раем, вашими богами, вашим адом, если бы было доказано, что таких-то жидкостей, таких волокон или определенной едкости в крови или в животном духе достаточно, чтобы сделать человека объектом ваших наказаний или ваших наград?" Блох отмечает, что он был чрезвычайно начитан, и его интерес

распространялся на все области литературы:художественнуюлитературу, философию, теологию, политику, социологию, этнологию, мифологию и историю. Возможно, его любимым чтением были путешествия. Он был досконально знаком с Библией, хотя относился к ней крайне критически. Его любимым философом был Ламеттри, которого он очень часто цитировал, и он внимательно изучал Макиавелли.

Де Сад предвидел Революцию; он был горячим поклонником Марата, и в этот период он вошел в общественную жизнь как мягкий, кроткий, довольно лысоватый и седовласый человек. Многие сцены Революции были воплощением воображения Де Сада в реальной жизни; таковы, например, варварские пытки, которым по наущению Терон де Мерикур подвергли Красавицу Букетьер. Тем не менее, Де Сад сыграл очень мирную роль в событиях того времени, главным образом как филантроп, проводя большую часть своего времени в больницах. Он спас своих родителей от эшафота, хотя они всегда были настроены к нему враждебно и своей умеренностью вызвали подозрения революционной партии, и снова был заключен в тюрьму. Позже он написал памфлет против Наполеона, который так и не простил его и заточил в Шарантоне как сумасшедшего; в то время это был обычный метод избавления от людей, которых хотели убрать с дороги, и, несмотря на органически ненормальный темперамент Де Сада, нет оснований считать его действительно сумасшедшим. Руайе-Коллар, выдающийся психиатр того периода, возглавлявший тогда Шарантон, объявил Де Сада вменяемым, и его подробный отчет сохранился до наших дней. Такого же мнения придерживались и другие специалисты. Блох, который цитирует эти мнения (*Neue Forschungen* др., стр. 370), говорит, что единственный возможный вывод состоит в том, что Де Сад был в здравом уме, но неврастеником, и Эйленбург также приходит к выводу, что его нельзя считать сумасшедшим, хотя он был в высшей степени дегенеративным. В сумасшедшем доме он развлекался тем, что устраивал театр. Много лет спустя Лакруа, расспрашивая знавших его стариков, с удивлением обнаружил, что даже в памяти самых добродетельных и респектабельных людей он жил просто как "*желанный mauvais sujet*". Примечательно, что Де Сад вызывал в исключительной степени любовь и преданность женщин — независимо от того, можем ли мы рассматривать это как свидетельство очарования, оказываемого на женщин жестокостью. Жанен замечает, что он видел много милых маленьких писем, написанных молодыми и очаровательными женщинами из большого света, умоляющих освободить "*нищего маркиза*".

Драматург Сарду заявил, что в 1855 году он посетил Бисетр и встретил старого садовника, который знал Де Сада во время его затворничества там. Он рассказал, что одним из развлечений маркиза было доставать корзины с самыми красивыми и дорогими розами; затем он садился на скамеечку для ног у грязного ручейка, протекавшего через двор, и брал розы одну за другой, разглядывал их, чувственно нюхал, макал в мутную воду и выбрасывал, смеясь при этом. Он умер 2 декабря 1814 года в возрасте 74 лет. Он был почти слеп и долгое время страдал от подагры, астмы и заболеваний желудка. Он хотел, чтобы на его могиле были посажены желуди и стерта память о нем. Позже его череп был осмотрен френологом, который нашел его маленьким и хорошо сформированным; "сначала его можно было бы принять за женскую голову". Череп принадлежал доктору Лонду, но примерно в середине века он был украден врачом, который перевез его в Англию, где, возможно, его еще найдут. [The foregoing account is mainly founded on Paul Lacroix, *Revue de Paris*, 1837, and *Curiosités de l'Histoire de France*, second series, *Procès Célèbres*, p. 225; Janin, *Revue de Paris*, 1834; Eugen Dühren (Iwan Bloch), *Der Marquis de Sade und Seine Zeit*, third edition, 1901; *id.*, *Neue Forschungen über den*

Marquis de Sade und Seine Zeit, 1904; Lacassagne, *Vacher l'Eventreur et les Crimes Sadiques*, 1899; Paul Ginisty, *La Marquise de Sade*, 1901.]

Попытка дать строгое определение садизму и проникнуть в его корни в личном темпераменте Де Сада обнаруживает определенную слабость в современной концепции этого сексуального извращения. Это не является, как мы могли бы заключить как из обычно данного определения, так и из его вероятной биологической наследственности с первобытных времен, извращением, вызванным чрезмерной маскулинностью. Сильный мужчина более склонен быть нежным, чем жестоким, или, по крайней мере, знает, как сдерживать в рамках любой порыв к жестокости; самые крайние и изощренные формы садизма (исключая те, которые связаны со значительной степенью имбецильности) более склонны быть связанными с несколько женской организацией. Монтень, действительно, давно заметил, что жестокость обычно сопровождается женской мягкостью.

Точно так же ошибочно полагать, что сама женственная женщина не способна к садистским наклонностям. Даже если мы примем во внимание примитивные животные условия боя, самец должен не только причинять боль, но и страдать, а самка должна не только испытывать подчинение самцу, но и разделять эмоции от победы своего партнера над его соперниками. В связи с этими моментами я могу процитировать следующие замечания, написанные дамой: "Говорят, что чем слабее и женственнее женщина, тем большее подчинение ей нравится. Я не думаю, что это имеет вообще какое-либо отношение к общему характеру, но полностью зависит от того, влияет ли чувство стеснения и беспомощности на ее сексуальность. У мужчин я несколько раз замечал, что те, кто больше всего желал подчинения женщинам, которых они любили, в обычной жизни обладали очень сильным и решительным характером. Я знаю и других людей, которые с очень слабым характером очень властны по отношению к женщинам, которые им небезразличны. Среди женщин я часто был удивлен, наблюдая, как сильная, решительная женщина уступает мужчине, которого любит, и насколько стойким в своей собственной воле может быть какое-то хрупкое, цепляющееся создание, которое в повседневной жизни, кажется, совершенно неспособно действовать под свою ответственность. Определенная степень пассивности, желание воздействовать на свои эмоции, кажется мне, насколько позволяет мой небольшой опыт, очень распространенным явлением среди обычных, предположительно нормальных мужчин. Большое значение придается женственности как привлекательности в женщине, и это может быть так для очень сильных натур, но, насколько я видел, женщины, которые обретают необычайную власть над мужчинами, - это женщины с определенной мужественностью в их характере и страстях. Если с этой мужественностью они сочетают хрупкость или детскость внешности, которая в то же время привлекает мужчину по-другому, они кажутся неотразимыми".

Я отметил некоторые женские черты в темпераменте и внешности Де Сада. То же самое часто можно отметить у садистов, чьи преступления были гораздо более серьезными и жестокими, чем преступления Де Сада. Мужчина, наносивший удары ножом женщинам на улицах Сент-Луиса, был официантом с высоким женственным голосом и мальчишеской внешностью. Рейдел, убийца-садист, был робким, скромным и деликатным; он был слишком застенчив, чтобы помочиться в присутствии других людей. Зоофил-садист, описанный А. Мари, который пытался задушить коллегу по работе, всегда был очень робким, легко краснел, не мог смотреть в глаза даже детям, мочиться в присутствии другого человека или заигрывать с женщинами.

Кирнан и Мойер склонны связывать скромность и робость садистов с отвращением к нормальному половому акту. Их пригласили осмотреть перевернутую замужнюю женщину, которая нанесла несколько сотен ран, в основном поверхностных, вилками, ножницами и т.д., на половые органы и другие части тела девочки, которую она удочерила из "Дома". Эта женщина занимала очень видное положение в церкви и общественных делах в городе, в котором она жила, так что многие священнослужители и местные влиятельные лица свидетельствовали о ее целомудренном, скромном и даже ханжеском характере; на момент совершения деяний она была признана вменяемой. (Мойер, *психиатр и невролог*, май 1907 г., и частное письмо от доктора Кирнан.)

Таким образом, мы приходим к другому сексуальному извращению, которое обычно считается противоположностью садизму. Мазохизм обычно рассматривается как специфически женское сексуальное извращение, у женщин, действительно, в некоторой степени нормальное, а у мужчин - как своего рода инверсия нормального мужского эмоционального отношения, но такой взгляд на дело не совсем оправдан, поскольку определенный и ярко выраженный мазохизм, по-видимому, встречается у женщин гораздо реже, чем садизм.^[88] Краффт-Эбинг, чье изучение этого феномена, возможно, является его самым ценным и оригинальным вкладом в сексуальную психологию, очень полно рассмотрел этот вопрос и привел множество примеров. Он так определяет это извращение: "Под мазохизмом я понимаю особое извращение психической *сексуальной жизни*, при котором затронутый индивид в своих сексуальных чувствах и мыслях находится под контролем идеи о том, что он полностью и безоговорочно подчиняется воле лица противоположного пола, что этот человек обращается с ним как с хозяином, унижает и оскорбляет его. Эта идея окрашена сексуальным чувством; мазохист живет фантазиями, в которых он создает ситуации такого рода, и часто пытается их реализовать".^[89]

В незначительной степени, не доходящей до полного извращения полового инстинкта, это чувство отречения, желание быть даже физически подчиненным обожаемой женщине, не может рассматриваться как ненормальное. Более чем за два столетия до появления книги Краффт-Эбинга Роберт Бертон, который был неплохим психологом, подробно остановился на том факте, что любовь - это своего рода рабство. "Обычно они рабы, - писал он о влюбленных, - пленники, добровольные слуги; *amator amicae mancipium*, как называет его Кастилио; слуга своей госпожи, ее поденщик, заключенный, раб, кто же еще?"^[90] До Бертон легенда об эротическом рабстве Аристотеля была широко распространена в Европе, и существуют изображения, на которых почтенного философа на четвереньках оседлает женщина с кнутом.^[91] В классические времена различные мазохистские явления с одобрением отмечались Овидием. Молл^[92], что в некоторых стихотворениях Гете, особенно в "Парке Лилис" и "Эрвине и Эльмире", присутствуют следы мазохистских чувств. Подобные следы были обнаружены в стихотворениях Гейне, Платена, Хамерлинга и многих других поэтов.^[93] Говорят, что поэзия народа также содержит много таких следов. Действительно, можно сказать, что страсть в ее более лирических проявлениях почти обязательно предполагает некоторое обращение к мазохистскому самовыражению. Популярная писательница в романе, написанном много лет назад, представляет своего героя, крепкого солдата, умоляющего возлюбленную в момент страстного возбуждения растоптать его, разумеется, без всякого намека на сексуальные извращения. Если верно, что "*Венеция, сохранившаяся*" Антонио Отуэя является карикатурой на Шефтсбери, то, по-видимому, предполагалось, что один из величайших английских

государственных деятелей проявлял очень ярко выраженные и характерные мазохистские наклонности; и в более поздние дни было отмечено, что мазохистские выражения встречаются в любовных письмах такого подчеркнуто мужественного государственного деятеля, как Бисмарк.

Таким образом, можно сказать, что незначительная степень мазохистской тенденции встречается довольно часто, в то время как ее более выраженные проявления встречаются чаще, чем ярко выраженный садизм.^[94] Это очень часто поражает людей с чувствительным, утонченным и артистическим темпераментом. Можно даже сказать, что эта тенденция находится в русле цивилизации. Крафт-Эбинг указывает, что некоторые из самых нежных и романтических любовных эпизодов средневековья отчетливо окрашены мазохистскими эмоциями.^[95] Растущая склонность к мазохизму с ростом цивилизации становится объяснимой, если мы примем "вторичный закон ухаживания" Колина Скотта как дополнение к первичному закону, согласно которому мужчина активен, а женщина пассивна и творчески внимательна к состояниям возбужденного мужчины. Согласно вторичному закону, "самка развивает повышенную активность, в то время как самец становится относительно пассивным и творчески внимательным к психическим и телесным состояниям самки".^[96] Вероятно, мы можем согласиться с тем, что этот "вторичный закон ухаживания" действительно отражает тенденцию к любви у индивидуумов сложной и чувствительной натуры, и результатом такого восприимчивого отношения со стороны мужчины, несомненно, в хорошо выраженных случаях является желание подчиниться воле женщины и страстное желание испытать в какой-либо физической или психической форме, не обязательно болезненной, проявления ее активности.

Когда мы переходим от расплывчатых и непроизносимых форм мазохистской тенденции к более определенным формам, в которых она становится несомненным сексуальным извращением, мы находим очень выдающийся и довольно типичный пример у Руссо, пример тем более интересный, что здесь субъект сам изобразил свое извращение в своих знаменитых *Признаниях*. Однако имя менее выдающегося автора, австрийского романиста Захер-Мазоха, стало отождествляться с извращением из-за того факта, что Крафт-Эбинг определил его как удобный аналог термина "садизм". Именно на основании значительного числа своих романов и повестей, особенно *"Венера в Пельце"*, Крафт-Эбинг позволил себе едва ли оправданную вольность отождествлять свое имя при жизни с сексуальным извращением.

Биография Захер-Мазоха была написана с глубоким знанием дела и большой откровенностью К. Ф. фон Шлихтегроллом (*"Захер-Мазох и мазохизм"*, 1901) и, более косвенно, его первой женой Вандой фон Захер-Мазох в ее автобиографии (*"Моя жизнь"*, 1906; Французский перевод, *"Исповедь моей жизни"*, 1907). Книга Шлихтегролла написана с несколько неуместной попыткой возвеличить своего героя и приписать его несчастья его первой жене. Автобиография последнего, однако, позволяет нам составить более полную картину жизни Захер-Мазоха, поскольку, хотя его жена ни в коем случае не щадит себя, она ясно показывает, что Захер-Мазох был жертвой своего собственного ненормального темперамента, и она представляет как чувствительные, утонченные, возвышенные и великодушные стороны его натуры, так и его болезненные, с богатым воображением, тщеславные стороны.

Леопольд фон Захер-Мазох родился в 1836 году в Лемберге в Галисии. Он принадлежал к испанской, немецкой и особенно славянской расе. Можно сказать, что основателем семьи был

некий дон Маттиас Захер, молодой испанский дворянин, в шестнадцатом веке поселившийся в Праге. Отец романиста был директором полиции в Лемберге и женился на Шарлотте фон Мазох, маленькой русской даме благородного происхождения. Писатель, старший ребенок в этом союзе, родился только после девяти лет совместной жизни и в младенчестве был настолько хрупким, что никто не ожидал, что он выживет. Однако он начал поправляться, когда мать отдала его на вскармливание крепкой русской крестьянке, от которой, как он сказал позже, он обрел не только здоровье, но и "свою душу"; от нее он узнал все странные и печальные легенды ее народа и любовь к малороссам, которая никогда его не покидала. Еще ребенком юный Захер-Мазох оказался в эпицентре кровавых сцен революции, кульминацией которой стал 1848 год. Когда ему было 12 лет, семья переехала в Прагу, и мальчик, хотя и был не по годам развит, тогда же впервые выучил немецкий язык, которым он так хорошо овладел. В очень раннем возрасте он обрел атмосферу и даже некоторые наиболее характерные элементы тех своеобразных типов, которые отличают его творчество как романиста.

Интересно проследить зародышевые элементы тех особенностей, которые так сильно повлияли на его воображение в сексуальной сфере. В детстве его сильно привлекали представления о жестокости; он любил разглядывать картины казней, легенды о мучениках были его любимым чтением, а с наступлением половой зрелости ему регулярно снилось, что он скован и находится во власти жестокой женщины, которая пытала его. Анонимный автор сказал, что женщины Галисии либо полностью правят своими мужьями и делают их своими рабынями, либо сами опускаются до состояния самых жалких из рабынь. В возрасте 10 лет, согласно повествованию Шлихтегротла, ребенок Леопольд стал свидетелем сцены, в которой главную роль играла женщина из прежнего рода, некая графиня Ксенобия Х., его родственница по отцовской линии, и эта сцена оставила неизгладимый след в его воображении. Графиня была красивым, но распутным созданием, и ребенок обожал ее, восхищенный как ее красотой, так и дорогими мехами, которые она носила. Она принимала его преданность и небольшие услуги и иногда позволяла ему помогать ей одеваться; однажды, когда он опустился перед ней на колени, чтобы надеть ее горностаевые туфельки, он поцеловал ее ноги; она улыбнулась и пнула его, что наполнило его удовольствием. Вскоре после этого произошел эпизод, который так глубоко потряс его воображение. Он играл со своими сестрами в прятки и тщательно спрятался за платьями, висевшими на вешалке для белья в спальне графини. В этот момент графиня внезапно вошла в дом и поднялась по лестнице, сопровождаемая любовником, и ребенок, который не осмеливался выдать своего присутствия, увидел, как графиня опустилась на диван и начала ласкать своего возлюбленного. Но через несколько мгновений в комнату ворвался муж в сопровождении двух друзей. Однако прежде чем он успел решить, против кого из любовников выступить, графиня встала и нанесла ему такой сильный удар кулаком в лицо, что он упал на спину, обливаясь кровью. Затем она схватила хлыст, выгнала всех троих мужчин из комнаты, и в суматохе любовник ускользнул. В этот момент вешалка для белья упала, и ребенок, невольный свидетель этой сцены, предстал перед графиней, которая в гневе набросилась на него, повалила на землю, уперлась коленом ему в плечо и немилосердно ударила. Боль была невыносимой, и все же он испытывал странное удовольствие. Пока продолжалось это бичевание, граф вернулся, уже не в ярости, а кроткий и смиренный, как раб, и преклонил перед ней колени, прося прощения. Когда мальчик убежал, он увидел, как она ударила своего мужа. Ребенок не смог устоять перед искушением вернуться на место; дверь была закрыта, и он ничего не мог видеть, но слышал свист кнута и стоны графа под ударами его жены.

Нет необходимости настаивать на том, что в этой сцене, разыгрываемой над очень чувствительным и несколько своеобразным ребенком, мы имеем ключ к эмоциональному настрою, который повлиял на столь многое в творчестве Захер-Мазоха. Как отмечает его биограф, на протяжении значительной части его жизни женщина становилась для него существом, которое можно одновременно любить и ненавидеть, существом, чья красота и жестокость позволяли ей по своему желанию наступать на шеи мужчинам, и в героине его первого важного романа "*Эмиссар*", посвященного польской революции, он воплотил противоречивую личность графини Ксенобии. Даже хлыст и меховая одежда, любимые эмоциональные символы Захер-Мазоха, находят свое объяснение в этом раннем эпизоде. Он привык говорить о привлекательной женщине: "Я хотел бы видеть ее в мехах", а о непривлекательной женщине: "Я не мог представить ее в мехах". Одно время его писчая бумага была украшена фигурой женщины в костюме русской боярыни, в плаще, подбитом горностаем, и размахивающей бичом. На стенах у себя он любил вешать фотографии женщин в мехах, великолепный образец которых есть у Рубенса в мюнхенской галерее. Он даже держал женскую меховую накидку на оттоманке в своем кабинете и время от времени поглаживал ее, обнаруживая, что таким образом его мозг получает ту же стимуляцию, какую Шиллер находил в запахе гнилых яблок.^[97]

В возрасте 13 лет, во время революции 1848 года, юный Захер-Мазох получил свое боевое крещение; увлеченный народным движением, он помогал защищать баррикады вместе с молодой леди, родственницей его семьи, амазонкой с пистолетом за поясом, такой, какой позже он любил изображать. Однако этот эпизод был лишь кратковременным перерывом в его образовании; он блестяще продолжил учебу, и в более высоком плане его образованию способствовали эстетические вкусы его отца. Любительские спектакли были в особом почете в его доме, и здесь даже ставились серьезные пьесы Гете и Гоголя, что помогало воспитывать вкус мальчика. Однако, возможно, знаменательно, что это было трагическое событие, которое в возрасте 16 лет впервые принесло ему полную реализацию жизни и осознание собственной силы. Это была внезапная смерть его любимой сестры. Он стал серьезным и тихим и всегда рассматривал это горе как поворотный момент в своей жизни.

В университетах Праги и Граца он учился с таким рвением, что в 19 лет получил степень доктора права и вскоре после этого стал *приват-доцентом* по истории Германии в Граце. Однако постепенно очарование литературы окончательно овладело им, и вскоре он оставил преподавание. Однако он принимал участие в войне 1866 года в Италии, а в битве при Сольферино был награжден австрийским фельдмаршалом на поле боя за храбрость в бою. Эти инциденты, однако, не оказали большого влияния на литературную карьеру Захер-Мазоха, и он постепенно приобрел европейскую репутацию благодаря своим романам и рассказам.

Серия любовных эпизодов уже начала оказывать на его жизнь гораздо более серьезное тревожащее влияние. Некоторые из них носили незначительный и эфемерный характер; некоторые были источником беспримесного счастья, тем более что в них присутствовал элемент экстравагантности, вызывающий к его донкихотской натуре. По словам его жены, он всегда стремился придать своей жизни драматический и романтический характер, и однажды он провел несколько блаженных дней, сбежав во Флоренцию с русской принцессой в качестве ее личного секретаря. Чаще всего эти эпизоды заканчивались обманом и страданиями. Именно

после отношений такого рода, от которых он не мог освободиться в течение четырех лет, он написал *"Любовную книгу, посвященную идеалистическим страстям"*, вложив в нее большую часть своей личной истории. Одно время он был помолвлен с милой и очаровательной молодой девушкой. Именно тогда он познакомился в Граце с молодой женщиной, Лаурой Рюмелин, 27 лет, которая занималась изготовлением перчаток и жила со своей матерью. Несмотря на бедное происхождение, практически ничего не зная о мире, она обладала большими природными способностями и умом. Шлихтегролл представляет ее спонтанно вовлеченной в таинственную интригу с романистом. Ее собственный подробный рассказ делает обстоятельства более понятными. Она обратилась к Захер-Мазоху с письмом, приняв для маскировки имя его героини Ванды фон Дунаев, чтобы вернуть себе несколько компрометирующих писем, которые были написаны ему в шутку ее подругой. Захер-Мазох настоял на встрече со своей корреспонденткой, прежде чем возвращать письма, и со своей страстной жадой романтических приключений вообразил, что это замужняя женщина из аристократического мира, вероятно, русская графиня, чей простой костюм был маскировкой. Не стремясь раскрывать прозаические факты, она потакала его воображению, и таким образом была создана паутина мистификации. С обеих сторон возникло сильное влечение, и, хотя в течение некоторого времени Лаура Рюмелин сохраняла тайну и держалась от него в стороне, завязались отношения и родился ребенок. После этого, в 1893 году, они поженились. Однако вскоре с обеих сторон наступило разочарование. Она начала замечать болезненные, химерические и непрактичные стороны его характера, и он понял, что его жена не только не аристократка, но, что было для него важнее, она ни в коем случае не была властной героиней его грез. Вскоре после женитьбы, во время невинной возни, в которой участвовала вся маленькая семья, он попросил жену выпороть его. Она отказалась, и вслед за этим он предложил, чтобы это сделала служанка; жена не восприняла эту идею всерьез; но он привел ее в исполнение, испытывая большое удовлетворение от суровости полученного наказания. Однако, когда его жена объяснила ему, что после этого случая служанка не может оставаться, Захер-Мазох полностью согласился, и ее сразу же уволили. Но он постоянно находил удовольствие в том, что ставил свою жену в неловкие или компрометирующие обстоятельства, удовольствие, которое она была слишком нормальным, чтобы разделить с ним. Это неизбежно приводило к большому количеству домашних неурядиц. Он уговорил ее, против ее желания, пороть его почти каждый день кнутами, которые он изобрел, с прикрепленными к ним гвоздями. Он находил это стимулом для своей литературной работы, и это позволяло ему обходиться в своих романах без стереотипной героини, которая всегда подчиняет себе мужчин, поскольку, как он объяснил своей жене, когда в его жизни появилась реальность, он больше не был одержим ею в своих фантазиях. Однако, не довольствуясь этим, он постоянно желал, чтобы его жена была неверна. Он даже поместил в газете объявление о том, что молодая и красивая женщина желает познакомиться с энергичным мужчиной. Однако жена, хотя и хотела доставить удовольствие своему мужу, не стремилась делать это до такой степени. Она отправилась в отель по предварительной договоренности, чтобы встретиться с незнакомцем, откликнувшимся на это объявление, но когда она объяснила ему положение дел, он галантно проводил ее домой. Прошло некоторое время, прежде чем Захер-Мазоху в конце концов удалось добиться неверности своей жены. По этому случаю он позаботился о мельчайших деталях ее туалета и, прощаясь с ней у двери, воскликнул: "Как я ему завидую!" Этот эпизод основательно унизил жену, и с этого момента ее любовь к мужу превратилась в ненависть. Окончательное расставание было только вопросом времени. Захер-Мазох завязал отношения с Хульдой Майстер, которая стала его секретарем и переводчиком, в то время как его жена привязалась к

Розенталю, умному журналисту, позже известному читателям *Figaro* как "Жак Сен-Сер", который осознал ее болезненное положение и почувствовал к ней симпатию. Она переехала жить к нему в Париж и, отказавшись развестись со своим мужем, в конце концов он добился от нее развода; однако она утверждает, что у нее никогда не было физических отношений с Розенталем, который был человеком хрупкой организации и здоровья. Захер-Мазох соединился с Хульдой Майстер, которая описывается первой женой как чопорная и увядшая, но кокетливая старая дева, а биографом - как высокообразованная и нежная женщина, заботившаяся о нем с почти материнской преданностью. Без сомнения, в обоих описаниях есть доля правды. Следует отметить, что, как ясно показывает Ванда, помимо своего ненормального сексуального темперамента, Захер-Мазох был добрым и отзывчивым, и он был сильно привязан к своему старшему ребенку. Эйленбург также цитирует высказывание знакомой ему выдающейся австрийской писательницы о том, что, "если не считать его сексуальной эксцентричности, он был дружелюбным, простым и отзывчивым человеком с трогательно нежной любовью к своим детям". У него было очень мало потребностей, он не пил и не курил, и хотя ему нравилось одевать женщину, к которой он был привязан, в богатые меха и фантастически великолепные одежды, сам он одевался с предельной простотой. Его жена цитирует высказывание другой женщины о том, что он был прост, как ребенок, и непослушен, как обезьяна.

В 1883 году Захер-Мазох и Хульда Майстер поселились в Линдхайме, деревне в Германии недалеко от Таунуса, месте, к которому писатель, по-видимому, был привязан, потому что на территории его небольшого поместья находилась разрушенная башня с привидениями, связанная с трагическим средневековым эпизодом. Здесь после многих юридических проволочек Захер-Мазох смог узаконить свой союз с Хульдой Майстер; здесь в положенный срок родились двое детей, и здесь романист провел оставшиеся годы своей жизни в относительном покое. Поначалу, как это обычно бывает, крестьяне относились к Захер-Мазоху с подозрением, но постепенно он приобрел на них большое влияние; он стал кем-то вроде Толстого в окружающей его сельской жизни, другом и доверенным лицом всех жителей деревни (что-то от толстовского коммунизма также, по-видимому, просматривается в книгах, которые он писал в то время), в то время как театральные представления, которые он открывал и в которых принимала активное участие его жена, распространили славу семьи по многим соседним деревням. Тем временем его здоровье начало ухудшаться; визит в Наухайм в 1894 году не принес пользы, и он умер 9 марта 1895 года.

Можно сказать, что тщательное рассмотрение феноменов садизма и мазохизма привело нас к выводу, что реальной демаркационной линии не существует. Даже сам Де Сад не был чистым садистом, на что указывает только тщательное определение Блоха; можно даже утверждать, что Де Сад действительно был мазохистом; исследование историй садизма и мазохизма, даже тех, которые приводит Крафт-Эбинг (как, впрочем, уже указывали Колин Скотт и Фере), постоянно выявляет следы обеих групп феноменов у одного и того же человека. Следовательно, их нельзя рассматривать как противоположные проявления. Это почувствовали некоторые авторы, которые, как следствие, предложили другие названия, более четко указывающие на взаимосвязь явлений. Фере говорит о сексуальной алгофилии^[98]; он применяет этот термин только к мазохизму; с таким же успехом он может быть применен и к садизму. Шренк-Нотцинг, чтобы охватить как садизм, так и мазохизм, изобрел термин "алголагния" (ἄλγος, боль и λάγνος сексуальное возбуждение) и называет первое активным, второе пассивным, алголагией.^[99] Эйленбург также подчеркнул тесную связь между этими группами извращенных сексуальных проявлений и использовал те же термины, добавив еще одну группу идеальной (иллюзорной)

алголагнии, чтобы охватить случаи, в которых простого самовнушения, представления о боли, причиненной или перенесенной, достаточно для получения сексуального удовлетворения.^[100]

Краткое обсуждение терминов "садизм" и "мазохизм" навязалось нам на данном этапе, потому что, как только при любом исследовании взаимосвязи между любовью и болью мы переходим границы нормальных проявлений в область, которая более или менее ненормальна, эти две концепции всегда предстают перед нами, и было необходимо показать, на каком основании они здесь отвергаются как стержни, на которых должно разворачиваться обсуждение. Мы можем принять их как полезные термины для обозначения двух групп клинических феноменов, но мы не можем рассматривать их как имеющие какую-либо реальную научную ценность. Достигнув этого результата, мы можем продолжить наше рассмотрение любовного укуса как нормального проявления связи между любовью и болью, которое наиболее естественным образом ведет нас через границу ненормального.

Результатом любовного укуса в его крайней степени является пролитие крови. Это нельзя рассматривать как прямую цель укуса в его нормальных проявлениях, поскольку смешанные чувства тесного контакта, страстного захвата, символического пожирания, которые составляют эмоциональное сопровождение укуса, были бы слишком сильно нарушены реальным нанесением увечий и реальным пролитием крови. Однако у некоторых людей, возможно, в особенности у женщин, любовный укус действительно ассоциируется с сознательным желанием, даже более или менее сдержанным, пустить кровь, с настоящим наслаждением от этого процесса, с любовью к крови. Вероятно, это происходит только у людей, которые не совсем нормальны, но находятся на грани ненормальности. Мы должны признать, что эта тяга имеет, однако, совершенно нормальную основу. Едва ли существует какой-либо природный объект, оказывающий столь глубокое эмоциональное воздействие, как кровь, и очень легко понять, почему это должно быть так.^[101] Более того, кровь входит в сферу ухаживания в силу тех же условий, в силу которых в нее входит жестокость; они оба являются случайностями боя, а бой составляет саму суть ухаживания животных и примитивных людей, безусловно, его наиболее частое сопровождение. Таким образом, отталкивающее или притягивающее очарование крови может рассматриваться как побочный продукт нормального ухаживания, который, подобно другим подобным побочным продуктам, может стать существенным элементом ненормального ухаживания.^[102]

Обычно притягательность крови, если она вообще присутствует во время сексуального возбуждения, остается более или менее скрытой либо потому, что она слабая, либо потому, что сдерживающие ее барьеры неизбежно очень сильны. Иногда это проявляется более отчетливо, и это может произойти в раннем возрасте. Фере описывает случай мужчины англосаксонского происхождения, с хорошей наследственностью, насколько удалось установить, и без явных признаков дегенерации, который впервые испытал сексуальные проявления в возрасте 5 лет, когда у двоюродного брата-мальчика началось кровотечение из носа. Это был первый раз, когда он видел нечто подобное, и он испытал эрекцию и большое удовольствие от этого зрелища. Это повторилось в следующий раз, когда у кузена пошла кровь из носа, а также всякий раз, когда он был свидетелем каких-либо травм, особенно у мужчин. Несколько лет спустя он начал находить удовольствие в том, чтобы щипать и иным образом причинять легкие страдания. Однако этот садизм не получил дальнейшего развития, хотя тенденция к инверсии сохранялась.^[103]

Несколько похожим, возможно, было происхождение притяжения крови в случае, о котором мне сообщили, с 17-летним юношей, самым младшим в большой семье, все они были очень сильными и совершенно нормальными. Однако сам он хрупкий, великовозрастный, с узкой грудью, маленькой головой и детскими чертами лица, в то время как умственно отсталый, с очень неполноценной памятью и скудными способностями к ассимиляции. Он сильно нервничает, раздражителен и подвержен приступам детской ярости. У него бурные фантазии по отношению к лицам своего пола. Но, похоже, у него есть только один способполучить сексуальное возбуждение и удовлетворение. У него есть обычай залезать в горячую ванну и там вызывать эрекцию и семяизвержение не мастурбацией, а мыслью о текущей крови. Он не связывает себя с причиной этого воображаемого потока крови; он просто пассивный, но довольный зритель. Он осознает свою необычность и пытается избавиться от нее, но его попытки получить нормальное удовольствие, думая о девушке, тщетны.

Здесь я могу рассказать о сообщенном мне случае алголагнии у женщины в сочетании с сексуальной гиперестезией.

Р. Д., 25 лет, замужем, имеет хорошее социальное положение; она маленькая и смуглая женщина, беспокойная и настороженная. У нее один ребенок.

Она практиковала мастурбацию с раннего возраста — с тех пор, как себя помнит, — методом внешнего трения и давления. С 17 лет она могла (и до сих пор) испытывать оргазм почти без усилий, вызывая в воображении образ любого мужчины, который поразил ее воображение. Она часто делала это, сидя и разговаривая с таким мужчиной, даже если он почти незнакомец; при этом, по ее словам, достаточно напряжения мышц бедер и малейшего движения. Некрасивые мужчины (если не уродливые), а также мужчины с репутацией *грубых людей*, сильно возбуждают ее сексуально, особенно если они занимают хорошее социальное положение, хотя это и не обязательно.

В возрасте 18 лет у нее случилась истерика, вероятно, как она сама считает, вследствие значительного увеличения в то время пристрастия к мастурбации. Врачи, очевидно, подозревая о ее привычках, убедили родителей выдать ее замуж пораньше. В возрасте 20 лет она вышла замуж за мужчину примерно вдвое старше себя.

В детстве (и в меньшей степени до сих пор) она очень любила наблюдать за собачьими боями. Это зрелище вызывало сильные сексуальные чувства и, как правило, оргазм, особенно если во время драки было пролито много крови. Чистые порезы и раны сильно привлекают ее, будь то на ней самой или на мужчине. Она часто слегка порезалась или поцарапалась, "чтобы увидеть кровь", и любит посасывать рану, считая ее вкус "восхитительным". Это вызывает сильные сексуальные ощущения и часто приводит к оргазму, особенно если в это время она думает о каком-нибудь привлекательном мужчине и представляет, что она сосет его кровь. Зрелище увечья, нанесенного женщине, лишь очень слабо воздействует на нее, и это, как она думает, только из-за произвольной ассоциации идей. Зрелище страдания во время болезни также не оказывает какого-либо возбуждающего воздействия, только то, что вызвано насилием, и когда есть видимая причина страдания, такая как порезы и раны. (Синяки из-за отсутствия крови дают лишь незначительный эффект.) Возбуждение усиливается, если она воображает, что сама нанесла травму. Ей нравится представлять, что мужчина хотел изнасиловать ее, и что она

боролась с ним, чтобы заставить его еще больше ценить ее благосклонность, тем самым ранив его.

Безличные идеи пыток также возбуждают ее. Она считает *Книгу мучеников* Фокса "прекрасной", и чем ужаснее и кровавее описанные пытки, тем сильнее вызываемое ими сексуальное возбуждение. Книга возбуждает ее с точки зрения палача, а не жертвы. Она часто мастурбировала, читая ее.

Насколько это было практически возможно, она стремилась воплотить эти идеи в своих отношениях с мужем. Она несколько раз кусала его до появления крови и сосала место укуса во время полового акта. Ей нравится кусать его настолько, что он морщится. Удовольствие значительно усиливается при мысли о различных пытках, в основном о порезах. Ей нравится, когда муж говорит с ней, а она с ним, обо всех пытках, которые они могли бы причинить друг другу. Она, однако, никогда на самом деле не пыталась применить эти пытки. Она хотела бы, но не осмеливается, поскольку уверена, что он не смог бы их вынести. У нее нет ни малейшего желания, чтобы ее муж примерял их на нее, хотя ей нравится слышать, как он говорит об этом.

В то же время она любит нормальный половой акт, даже чрезмерно. Ей нравится, чтобы ее муж оставался полностью пассивным во время соединения, чтобы он мог оставаться в состоянии сильной эрекции в течение длительного времени. Таким образом, по ее словам, она может довольно легко добиться для себя оргазма несколько раз подряд, даже девять или десять. Однажды она даже испытала оргазм двадцать шесть раз в течение примерно одного с четвертью часа, а ее муж за это время испытал два оргазма. (Она совершенно уверена в точности этого утверждения.) Во время этого подвига было много разговоров о пытках, и это произошло после месячной разлуки с мужем, во время которой она старалась не мастурбировать, чтобы "по-настоящему хорошо провести время", когда он вернется. Она признает, что в тот раз пару дней после этого была "полной развалиной", но утверждает, что обычно десять или дюжина оргазмов (или спазмов, как она их называет) только заставляют ее "чувствовать себя оживленной". Она становится неистовой от возбуждения во время полового акта и нечувствительной ко всему, кроме удовольствия от него.

До сих пор она никому (кроме своего мужа после замужества) не рассказывала о своих садистских порывах и ни с кем не проявляла их, хотя хотела бы, если бы осмелилась. Также онане позволяла никому, кроме своего мужа, вступать с ней в связь или позволять себе какие-либо вольности.

Вспышки садизма могут эпизодически возникать у вполне нормальных людей. Так, Кутань описывает случай с юношей 17 лет, которого всегда считали вполне нормальным, без каких-либо признаков дегенерации, даже при тщательном осмотре, или каких-либо следов истерии или алкоголизма, хотя среди его двоюродных братьев наблюдалось помешательство, — который имел случайные сексуальные отношения в течение года или двух и однажды, находясь в состоянии эрекции, трижды ударил девушку по груди и животу кухонным ножом, купленным специально для этой цели. Сразу после этого ему было очень стыдно за свой поступок, и, приняв во внимание все обстоятельства, суд оправдал его.^[104] Здесь мы, кажется, имеем дело с неясным и скрытым очарованием крови, которое является почти нормальным, мгновенно перерастающим в активный импульс, который явно ненормален, хотя он мало что дает, кроме тех разрезов, которые Ватсыяна не одобрял, но все же рассматривал как часть уходаживания. Еще один шаг, и мы окажемся посреди самой возмутительной и экстремальной из всех форм

сексуальных извращений: с героями романов Де Сада, которые, воплощая самые заветные идеалы своего автора, планируют сцены разврата, в которых пролитие крови является неотъемлемым элементом полового акта; с маршалом Жилем де Рэ и венгерской графиней Батори, похоть которых могла быть утолена только смертью бесчисленных жертв.

Это побуждение наносить удары ножом — без желания убить или даже в большинстве случаев причинить боль, но только для того, чтобы пустить кровь и таким образом либо стимулировать, либо полностью удовлетворить сексуальное влечение — без сомнения, является самой распространенной формой кровожадного садизма. Эти женщины-поножовщины были известны во Франции как *piqueurs* почти столетие, а в Германии называются *Stecher* или *Messerstecher* (они были изучены Нэкке, "Zur Psychologie der sadistischen Messerstecher", *Archiv für Kriminal-Anthropologie*, Bd. 35, 1909). Случай такого рода, когда мужчина ударил ножом девушек в живот, произошел в Париже в середине восемнадцатого века, а в 1819 или 1820 году в Париже, по-видимому, была эпидемия *пикировщиков*; как мы узнаем из письма Шарлотты фон Шиллер Кнебелю; преступники (хотя, возможно, был только один) часто посещали бульвары и Пале-Рояль и наносили женщинам удары ножом в ягодицы или бедра; их так и не поймали. Примерно в то же время аналогичные случаи, но менее масштабные, произошли в Лондоне, Брюсселе, Гамбурге и Мюнхене.

Поножовщинами почти всегда являются мужчины, но нередки случаи того же извращения у женщин. Так, доктор Кирнан сообщает мне об ирландке в возрасте 40 лет в начале менопаузы, которая в 1909 году в Нью-Йорке заколола пятерых мужчин шляпной булавкой. Мотив был сексуальным, и она сказала одному из мужчин, что ударила его ножом, потому что "любила" его.

Жиль де Рэ, сражавшийся бок о бок с Жанной д'Арк, является классическим примером садизма в его крайней форме, заключающегося в убийстве юношей и девушек. Бернель считает, что есть доля истины в утверждении Гюисманса о том, что связь с Жанной д'Арк была предрасполагающей причиной выведения из равновесия Жилия де Ре. Другой причиной была его привычка к роскоши. Сам он, без сомнения, справедливо, придавал большое значение советам, полученным при чтении Светония. Судя по неясному отрывку из его признаний, он был сексуально не по годам развитым ребенком. Он был артистичным и образованным человеком, любил книги, общество ученых людей и музыку. Бернель характеризует его как "благочестивого воина, жестокого и пронизательного художника, сладострастного убийцу, экзальтированного мистика", который в то же время был неуравновешенным, высокомерным дегенератом и болезненно импульсивным. (Лучшими книгами о Жиле де Рэ являются "*Жиль де Рэ*" аббата Боссара, в котором, однако, автор, будучи священником, рассматривает свой предмет как вполне нормальный и ненормально порочный; роман Гюисманса "*Ла-бас*", в котором воплощено подробное исследование Жилия де Рэ, и "Парижская башня" Ф. Х. Бернеля "*Психоз Жилия де Рэ*", 1910.)

Существует рискованное мнение, что история Жилия де Рэ - всего лишь легенда. Эта точка зрения не принята, но не может быть никаких сомнений в том, что садистские проявления, имевшие место в средние века, были смешаны с элементами легенд и фольклора. Эти элементы были сосредоточены на концепции *вервольфа*, предполагавшегося человеком, временно превратившимся в волка с кровжадными наклонностями. (См., например, статьи "Вервольф" и "Ликантропия" в *Британской энциклопедии*.) Франция, особенно, была наводнена вервольфами в шестнадцатом веке. Однако в 1603 году в Бордо на судебном процессе с

участием вервольфа было решено, что ликантропия была всего лишь безумным наваждением. Дюма ("Les Loup-Garous", *Журнал нормальной и патологической психологии*, май-июнь 1907 г.) утверждает, что средневековые оборотни были садистами, чьи преступления были в значительной степени воображаемыми, хотя иногда и реальными, предшественниками современного Джека Потрошителя. Сложная природа элементов, составляющих веру в вервольфа, подчеркивается Эрнестом Джонсом, *Der Alptraum*, 1912.

Родственником вервольфа, но отличающимся от него, был *вампир*, считавшийся мертвецом, восставшим из мертвых, чтобы сосать кровь живых во время сна. В качестве возмездия живые выкапывали, изгоняли нечистую силу и калечили предполагаемых вампиров. Это называлось вампиризмом. Затем название "вампир" было передано живому человеку, который таким образом обошелся с трупом. Любая профанация трупа, независимо от его происхождения, теперь часто называется вампиризмом (Эполоу, "Вампиризм", "Лионская башня", 1901; *id.*, "Le Vampire du Muu", *Архив криминологии*, сентябрь 1903). Самое раннее определенное упоминание о некрофилии содержится у Геродота, который рассказывает (bk. ii, gl. lxxxix) о египтянине, имевшем связь с трупом недавно умершей женщины. Эполоу приводит различные старые случаи и, полностью, случай, который он сам расследовал, Ардиссона, "Вампира из мира". У У. А. Ф. Брауна также есть интересная статья о "некрофилизме" (*Журнал психических наук*, январь 1875 г.), который он считает атавистическим. Когда, вдобавок, происходит нанесение увечий трупу, это состояние называется некросадиизмом. Обычно ни в некросадиизме, ни в некрофилизме нет истинного садизма. (See, however, Bloch, *Beiträge*, vol. ii, p. 284 et seq.)

Следует также сказать, что случаи изнасилования, за которыми следует убийство, довольно часто не являются садистскими. Тип таких случаев представлен Солейланд, которая насиловала, а затем убивала детей. Он не проявлял садистских извращений. Он просто убил, чтобы предотвратить разоблачение, как взломщик, которому помешали, может совершить убийство, чтобы скрыться. (E. Dupré, "L'Affaire Soleilland", *Archives d'Anthropologie Criminelle*, Jan.-Feb., 1910.)

Тщательное и детальное исследование полностью развитого садиста было представлено Лакассанем, Руссе и Папийоном ("L'Affaire Reidal", *Архив криминальной антропологии*, октябрь-ноябрь 1907 г.). Рейдал, 18-летний юноша, семинарист, был врожденным кровожадным садистом, который убил другого юношу и в конце концов был отправлен в сумасшедший дом. С 4-летнего возраста у него были сладострастные представления, связанные с кровью и убийствами, и ему нравилось играть в убийство с другими детьми. Он был инфантильно развит физически, с приятным, детским выражением лица, очень религиозен и ненавидел непристойности и безнравственность. Но любовь к крови и убийству была непреодолимой навязчивой идеей, и ее удовлетворение приносило огромное эмоциональное облегчение.

Садизм в целом был особенно изучен Лакассанем, "*Ваш организатор и садистские преступления*", 1899. Зоосадиизмом, или садизмом по отношению к животным, занимался П. Томас, "Садизм по отношению к животным", *Archives d'Anthropologie Criminelle*, сентябрь 1903 г. Аутосадиизм, или "аутоэротическая жестокость", то есть травмы, нанесенные самому человеку с сексуальным мотивом, были исследованы Г. Бахом (*Sexuelle Verrirungen des Menschen und der Nature*, стр. 427); однако это состояние представляется формой алголагнии, скорее мазохистской, чем садистской по характеру.

Что касается медико-правовых аспектов, Кирнан ("Ответственность в активной алгофилите", *Медицина*, апрель 1903 г.) излагает доводы в пользу полной ответственности садистов, и Гарольд Мойер приходит к тому же выводу ("Является ли сексуальное извращение безумием?" *Психиатр и невролог*, май 1907 г.). См. также книгу Тоно "*Медико-правовые аспекты моральных правонарушений*" (под редакцией Вейсса, 1911), глава xviii. Хотя мы, вероятно, вправе рассматривать садиста как морально ненормального в техническом смысле, мы должны помнить, что он, по большей части, в высшей степени ненормален с самого начала. Как указывает Гаупп (*Сексуальная проблема*, октябрь 1909 г., стр. 797), мы не можем измерить влияния, которые создают садиста, и поэтому мы не должны пытаться "наказать" его, но мы обязаны поставить его в положение, при котором он не причинит вреда обществу.

Здесь достаточно подчеркнуть тот факт, что не существует решения о преемственности в связях, которые связывают абсолютно нормальные проявления секса с самыми крайними нарушениями всех человеческих законов. Это настолько верно, что, говоря, что эти проявления являются нарушениями всех человеческих законов, мы не можем добавить, что казалось бы довольно очевидным, что они также являются нарушениями всех естественных законов. Нам нужно лишь углубиться достаточно далеко назад, в различные зоологические серии, чтобы обнаружить, что проявления, которые, с человеческой точки зрения, являются в крайней степени аномально садистскими, здесь становятся действительно нормальными. У очень различных видов ранения и раздирание обычно происходят во время коитуса или сразу после него; если мы вернемся к началу животной жизни у простейших, то иногда обнаруживается, что само половое спаривание представляет собой подобие, если не реальность, полного поглощения одного организма другим. Над очень большой частью природы, как верно сказано, "но тонкая завеса отделяет любовь от смерти".^[105]

В целом, действительно, есть разница. В том ненормальном садизме, который время от времени проявляется среди цивилизованных людей, жертвой мужчины почти всегда становится женщина. Но при нормальном садизме, который встречается повсеместно в природе, почти всегда жертвой самки становится самец. Именно самец паука оплодотворяет самку, рискуя своей жизнью, и иногда погибает при попытке; именно самец пчелы после полового акта с маткой падает замертво от этих роковых объятий, оставляя ее выбрасывать в сторону его внутренности и спокойно следовать своим путем.^[106] Если кому-то может показаться, что ход нашего исследования приводит нас к невозмутимому рассмотрению, как естественного явления, определенного подобия жестокости в мужчине в его отношениях с женщиной, они могут, если захотят, задуматься о том, что это явление является лишь очень слабым противовесом той жестокости, которая естественным образом проявлялась женщиной по отношению к мужчине задолго до того, как мужчина начал существовать.

[83] Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого немецкого издания, стр. 80, 209. Следует добавить, что объектом садистского импульса не обязательно является лицо противоположного пола.

[84] А. Молл, "*Контраргументы сексуального воспитания*", третье издание, 1899, стр. 309.

[85] Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 133.

[86] П. Гарнье, "Сексуальные извращения", Тринадцатый Международный медицинский конгресс, Секция психиатрии, Париж, 1900.

[87] E. Dühren, *Der Marquis de Sade und Seine Zeit*, third edition, 1901, p. 449.

[88] Смотрите, например, книгу Блоха "*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*", часть ii, стр. 178.

[89] Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого немецкого издания, стр. 115. Стефановски, который также обсуждал это состояние (*Архив криминологии*, май 1892 г., и перевод с примечаниями Кирнана, *психиатра и невролога*, октябрь 1892 г.), назвал это пассивизмом.

[90] *Анатомия меланхолии*, часть iii, раздел 2, памятка. iii, подводные лодки, 1.

[91] "Аристотель также мазохист", *Законы и общество*, Bd. ii, ht. 2.

[92] *Die Konträre Sexualempfindung*, third edition, p. 277. Cf. C. F. von Schlichtegroll, *Sacher-Masoch und der Masochismus*, p. 120.

[93] See C. F. von Schlichtegroll, *loc. cit.*, p. 124 et seq.

[94] Иван Блох считает, что это самое распространенное из всех сексуальных извращений, даже более распространенное, чем гомосексуальность.

[95] Несомненно, это было заметно в более ранней цивилизации. Очень ярко выраженное мазохистское высказывание можно найти в древнеегипетской любовной песне, написанной около 1200 года до нашей эры: "О! если бы я назначил ее привратником, я бы вызвал у нее гнев на меня. Затем, когда я только услышала ее голос, голос ее гнева, я стала ребенком от страха". (Видеманн, *Популярная литература Древнего Египта*, стр. 9.) Активность и независимость египетских женщин того времени вполне могли предоставить много возможностей древнеегипетскому мазохисту.

[96] Колин Скотт, "Секс и искусство", *Американский журнал психологии*, том. vii, № 2, с. 208.

[97] Не следует предполагать, что привлекательность меха или хлыста полностью объясняется таким случайным ранним опытом, который в случае Захер-Мазоха послужил их пробуждению. Хлыст, который нам придется кратко рассмотреть позже. Очарование, вызываемое мехом, будь то любовь или страх, по-видимому, очень распространено у многих детей и почти инстинктивно. Стэнли Холл в своем "Исследовании страхов" (*American Journal of Psychology*, vol. viii, с. 213) получил целых 111 хорошо развитых случаев боязни меха, или, как он это называет, дорафобии, в некоторых случаях проявляющейся уже в возрасте 6 месяцев, и он приводит множество примеров. Он отмечает, что любовь к меху все еще более распространена, и приходит к выводу, что "и эта любовь, и страх настолько сильны и инстинктивны, что их вряд ли можно полностью объяснить, не прибегая к тому времени, когда связь с животными была намного теснее, чем сейчас, или, возможно, когда наши отдаленные предки были волосатыми". (Ср. "Эротический символизм", iv, в пятом томе этих исследований.)

[98] Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 138.

[99] Шренк-Нотцинг, *Книга о гипнотизме*, Bd. ix, ht. 2, 1899.

[100] Эйленбург, *Садизм и мазохизм*, второе издание, 1911, стр. 5.

[101] Я уже касался этого вопроса в другом месте, обсуждая особый эмоциональный оттенок красного (Хэвлок Эллис, "Психология красного", *Ежемесячник "Популярная наука"*, август и сентябрь 1900 г.).

[102] Вероятно, что мотивом убийств на сексуальной почве почти всегда является пролитие крови, а не причинение смерти. Leppmann (*Bulletin Internationale de Droit Pénal*, vol. vi, 1896, стр. 115) указывает, что такие убийства обычно совершаются в результате ранений в шею или увечий живота, но никогда в результате ранений в голову. Т. Клей Шоу, который называет жажду крови гемотимией, написал интересную и наводящую на размышления статью ("Видный мотив убийства", *Lancet*, 19 июня 1909 г.) о естественном очаровании крови. Блумредер в 1830 году, по-видимому, был первым, кто определенно обратил внимание на связь между похотью и кровью.

[103] Фере, *Хирургическое ревю*, 10 марта 1905г.

[104] Х. Кутань, "Cas de Perversion Sanguinaire de l'Instinct Sexuel", *Медико-психологические анналы*, июль и август 1893 г. Д. С. Бут (*психиатр и невролог*, август 1906 г.) описывает случай человека с невротической наследственностью, который слегка ударил женщину перочинным ножом, когда направлялся к проститутке.

[105] Кирнан, по-видимому, был первым, кто предположил связь этих фактов с садизмом, который он расценил бы как ненормальную человеческую форму феномена, которая может быть обнаружена в самом начале животной жизни, как, собственно, и выживание или атавистическое возрождение примитивного сексуального каннибализма. Смотрите его "Психологические аспекты сексуального влечения", *Психиатр и невролог*, апрель 1891 г., и "Ответственность при сексуальных извращениях", *Chicago Medical Recorder*, март 1892 г. Пента также независимо разработал концепцию биологических основ садизма и других сексуальных извращений (*I Pervertimenti Sessuali*, 1893). Следует добавить, что, как указывает Реми де Гурмон (*Философские прогулки*, 2-я серия, стр. 273), этот сексуальный каннибализм, проявляемый самкой, может не иметь, в первую очередь, эротического значения: "Она ест его, потому что голодна и потому что, когда он истощен, он становится легкой добычей".

[106] В главе, озаглавленной "Бракосочетание вол", своей очаровательной книги о жизни пчел Метерлинк дал ни с чем не сравнимую картину трагического ухода этих насекомых.

III.

Содержание

Бичевание как типичная иллюстрация алголагнии—Причины связи между сексуальными эмоциями и поркой—Физические причины—Психические причины, вероятно, более важные—Разнообразные эмоциональные ассоциации, связанные с поркой, — Ее широкая распространенность.

Вся проблема любви и боли в ее взаимодополняющих садистских и мазохистских аспектах предстает перед нами в связи с удовольствием, которое иногда испытываешь от порки, или от того, что тебя бьют, или от наблюдения сцен порки или размышлений о них. Ассоциация сексуальных эмоций с кровопролитием является настолько крайним извращением, что оно так быстро переходит в фазы, которые явно являются жестокими, отталкивающими и чудовищными в крайней степени, что оно неизбежно встречается редко, и те, кто им страдает, часто более или менее слабоумны. С взбиванием дело обстоит иначе. Порка всегда была признанным религиозным наказанием; она по-прежнему рассматривается как полезный и безвредный метод наказания; в идее или реальности порки нет ничего обязательно жестокого, отталкивающего или чудовищного, и совершенно легко и естественно, что интерес к предмету возникает у невинного и даже нормального ребенка и, таким образом, дает зародыш, вокруг которого, по крайней мере временно, могут кристаллизоваться сексуальные идеи. По этим причинам связь между любовью и болью может быть более отчетливо выявлена в связи с поркой, чем с кровью.

Ни в коем случае не существует какой-либо необходимой связи между бичеванием и сексуальными эмоциями. Если бы это было так, то эта форма покаяния не была бы так долго одобрена или, во всяком случае, терпима Церковью.^[107]

На самом деле, действительно, это не всегда одобрялось и даже терпимо относились к нему. Папа Адриан IV в восьмом веке запретил священникам избивать своих кающихся, а во времена эпидемии бичевания в тринадцатом веке, которая была высоко одобрена многими святыми мужами, злоупотребления были еще настолько частыми, что Климент VI издал буллу против этих процессий. Все подобные папские запреты оставались без действия. Связь религиозного бичевания с извращенными сексуальными мотивами подтверждается его осуждением в более поздние века инквизицией, которая привыкла преследовать священников, которые, предписывая бичевание в качестве епитимьи, применяли его лично или заставляли кающегося каяться раздетым в его присутствии, или заставляли кающуюся женщину наказывать его, такие преступления рассматривались как формы "домогательства".^[108] Кажется, есть даже некоторые основания предполагать, что мания религиозного бичевания, которая была столь распространена в позднее средневековье, когда процессии кающихся, мужчин и женщин, страстно поролы себя и друг друга, возможно, имела какое-то отношение к открытию эротического бичевания,^[109] которое, во всяком случае, в Европе, кажется, едва ли было известно до шестнадцатого века. В любом случае, это должно было способствовать созданию предрасположенности. Введение бичевания в качестве определенно признанного сексуального стимулятора было введено Эйленбургом в его интересной книге *"Садизм и мазохизм"*, приписываемой арабским врачам. По-видимому, именно по совету арабского врача мать высекла герцогиню Леонору Гонзага Мантуанскую, чтобы помочь ей более тепло реагировать на объятия мужа и забеременеть.

Каким бы ни было точное происхождение сексуального бичевания в Европе, не может быть никаких сомнений в том, что вскоре оно стало чрезвычайно распространенным, и таким остается по сей день. Те, кто обладает специальными знаниями в таких вопросах, заявляют, что сексуальное бичевание является наиболее частым из всех сексуальных извращений в Англии.^[110] Я знаю, что это убеждение разделяют многие люди как внутри, так и за пределами

Англии. Как бы то ни было, тенденция, безусловно, распространена. Я сомневаюсь, что это вообще распространено в Германии, судя по большому количеству книг на тему бичевания, которые были опубликованы на немецком языке. В каталоге "интересных книг" на эту и смежные темы, выпущенном немецким издателем и книготорговцем, я нахожу, что из пятидесяти пяти томов целых семнадцать или восемнадцать, все на немецком языке, посвящены исключительно вопросу бичевания, в то время как многие другие книги, по-видимому, частично затрагивают ту же тему.^[111] Несомненно, верно, что большая роль, которую розга сыграла в прошлой истории нашей цивилизации, оправдывает значительный научный интерес к теме бичевания, но ясно, что интерес к этим книгам далеко не всегда научный, но очень часто сексуальный.

Примечательно, что, хотя сексуальные ассоциации с поркой, будь то в незначительной или выраженной степени, так часты в наше время, проследить их в древние времена, по-видимому, было отнюдь не легко. "Бичевание, - как я нахожу, утверждает современный редактор *"Приапеи"*, "столь широко практикуемое в Англии как провокация к половому влечению", почти совершенно не замечается латинскими авторами-эротиками, хотя в *"Сатириконе"* Петрония (гл. sxxxviii) Эколпий, описывая шаги, предпринятые Нотией, чтобы избавиться от временной импотенции, которой он был подвержен, говорит: "Затем она смешала сок настурции с южным деревом и, вымыв мою голову. перед этим она взяла пучок зеленой крапивы и легонько хлестнула меня по всему животу ниже пупка". " Оказывается также, что многие древние куртизанки посвящали Венере в качестве ex-votos хлыст, уздечку или шпору в знак своего умения ездить верхом на своих любовниках. Хлыст иногда использовался в древности, но если он и вызывал сексуальные эмоции, то, похоже, они оставались без внимания. "Естественно, мы ничего не знаем", - замечает Эйленбург (*Садизм и мазохизм*, стр. 72), "о чувствах жрицы Артемиды при бичевании спартанских юношей; или какие эмоции вдохновляли жрицу сирийской богини при аналогичных обстоятельствах; или что чувствовал римский верховный понтифик, когда бичевал обнаженное тело нерадивой весталки (как описано Плутархом) за занавесом, а "плагос Орбилиус" практиковался только на детях".

Именно в эпоху Возрождения начали регистрироваться случаи ненормального сексуального удовольствия при бичевании. Самое раннее отчетливое упоминание о мазохистском флагелланте, по-видимому, было сделано Пико делла Мирандолой ближе к концу пятнадцатого века в его *"Диспутах противников астрологии Божественной"*, bk. iii, гл. xxvii. Келий Родигинус в 1516 году снова рассказал о случае с одним своим знакомым мужчиной, которому нравилось, когда его жестоко пороли, и который нашел это стимулятором коитуса. Отто Брунфельс в своем *"Ономастиконе"* (1534), ст. "Коитус" относится к другому случаю с мужчиной, который не мог вступить в половую связь со своей женой до тех пор, пока его не выпороли. Затем, столетие спустя, в 1643 году, Мейбوميус написал *De Usu Flagrorum in re Venerea*, самый ранний трактат на эту тему, в котором описываются различные случаи. Многочисленные старые случаи получения удовольствия от бичевания и уртикации были сведены воедино Шуригом в 1720 году в его *"Сперматологии"*, стр. 253-258.

Самый ранний определенно описанный в медицине случай садистского удовольствия при виде активной порки, с которым я сам столкнулся, относится к 1672 году и приводится в письме, в котором Нестерус запрашивает мнение Гарманна. Он утверждает, что близко знаком с одним очень образованным человеком — чье имя он воздерживается упоминать из—за той чести, которую он ему оказывает, - который всякий раз, когда в школе или где-либо еще видит мальчика с непричесанными ягодицами и розгами и слышит его крик, сразу же обильно

выделяет сперму без какой-либо эрекции, но с большим душевным волнением. Один и тот же несчастный случай часто случается с ним во сне, сопровождаемый снами о порке. Нестерус продолжает упоминать, что этот "*laudatus vir*" также был чрезвычайно чувствителен к запаху клубники и других фруктов, который вызывал тошноту. Очевидно, он был невротиком. (L. C. F. Garmani et Aliorum Virorum Clarissimorum, *Центурийский эпистолярый*, "Ростоци и Липсии", 1714.)

В Англии мы находим, что ближе к концу шестнадцатого века одна из эпиграмм Марлоу повествует о некоем Франке, который перед совокуплением со своей любовницей "посылает за розгами и раздевается догола", а к середине семнадцатого века существование связи между бичеванием и сексуальным удовольствием, по-видимому, было общепризнано. В 1661 году в вульгарной "трагикомедии" под названием "*Пресвитерианская плеть*" мы находим: "Я ручаюсь, он думал, что щекотание розгой ягодиц девушки спровоцирует ее на разврат". На то, что порка была хорошо известна как сексуальный стимулятор в Англии восемнадцатого века, достаточно указывает тот факт, что в одной из серий Хогарта, изображающей "Успехи блудницы", над кроватью висит березовый прут. Распространенность сексуального бичевания в Англии в конце того века и начале девятнадцатого обсуждается Дюреном (Иван Блох) в его книге "*Гешлехтсleben в Англии*" (1901-3), особенно в vol. ii, глава vi.

Однако, хотя свидетельства о сексуальном бичевании встречаются редко, до недавнего времени порка в качестве наказания была чрезвычайно распространенным явлением. Возможно даже, что сама распространенность этого заболевания и вытекающая из этого фамильярность, с которой к нему относились, были неблагоприятны для развития любого загадочного эмоционального состояния, способного воздействовать на сексуальную сферу, за исключением явно невротичных субъектов. Таким образом, телесное наказание жен мужьями было обычным делом и разрешалось. Это вошло в поговорку не только в Восточной Европе, но и на крайнем западе и среди народа, женщины которого пользовались большой свободой и почетом. Законы Кимрии позволяли мужу наказывать свою жену за гневные высказывания, например, за то, что она назвала его дворняжкой; за раздачу имущества, которое она не имела права отдавать; или за то, что ее застали скрывающейся с другим мужчиной. За первые два проступка у нее была возможность заплатить ему три тысячи. Когда она приняла наказание, ей предстояло получить "три удара прутон длиной с предплечье ее мужа и толщиной с его длинный палец, причем куда бы он ни пожелал, кроме как по голове"; так что она должна была испытывать только боль, а не увечья. (Р. Б. Холт, "Законы о браке иобычаи кимри", *Журнал Антропологического института*, август-ноябрь 1898 г., стр. 162.)

"Кимрский закон, - пишет корреспондент, - по-видимому, сохранился в народной вере в Восточных и Средних штатах Соединенных Штатов. В полицейских судах Нью-Йорка, например, безуспешно доказывалось, что мужчина имеет право избивать свою жену палкой не толще своего большого пальца. В Пенсильвании были вынесены фактические оправдательные приговоры".

Во всех классах дети подвергались жестоким побоям со стороны своих родителей и других лиц, имеющих над ними власть. Можно напомнить, что в двенадцатом веке, когда Абельяр стал наставником Элоизы, которой тогда было около 18 лет, ее дядя разрешил ему избивать ее, если она проявляла небрежность в учебе. Даже в шестнадцатом веке Жанна д'Альбер, которая стала матерью Генриха IV Французского, в возрасте 13 с половиной лет вышла замуж за герцога

Клевского, и, чтобы преодолеть ее сопротивление этому союзу, королева, ее мать, приказала выпороть ее до такой степени, что она думала, что умрет от этого. Однако удар хлыстом в этом случае удался лишь частично, поскольку герцогу так и не удалось консумировать брак, который, как следствие, был аннулирован. (Кабанес сводит воедино многочисленные факты, касающиеся распространенности бичевания как наказания в древней Франции, в интересной главе "Бичевание в суде и в Деревне" в его *"Неосмотрительных действиях в истории"*, 1903.)

О распространенности порки в Англии свидетельствует Эндрюс в главе "Порка и шесты для порки" в его книге о древних наказаниях. Она существовала с древнейших времен и применялась за самые разнообразные проступки, как к мужчинам, так и к женщинам, за бродяжничество, за воровство, к отцам и матерям незаконнорожденных детей, за пьянство, за безумие, даже иногда за оспу. Когда-то представителей обоих полов пороли нагишом, но со времен королевы Елизаветы только от пояса и выше. В 1791 году порка женщин-бродяг была прекращена законом. (У. Эндрюс, *Прошлые наказания*, 1899.)

Следует, однако, отметить, что закон всегда сильно отстает от общественного чувства и обычая, а бичевание как обычное наказание вышло из употребления или стало очень формальным задолго до того, как в закон были внесены какие-либо изменения, хотя оно и не исчезло полностью, даже по закону, сегодня. Существует даже невежественная и ретроградная тенденция возрождать его. Таким образом, даже в суровые времена Содружества предполагаемое избиение розгами служанки ее хозяином, хотя и без серьезных физических травм, вызвало большой общественный резонанс, как мы видим на примере дела преподобного Захари Крофтона, выдающегося лондонского священника, который был привлечен к ответственности в 1657 году по обвинению в избиении своей служанки Мэри Кэдман за то, что она поздно утром легла в постель и украла сахар. Этот инцидент привел к появлению нескольких брошюр. В *"Пресвитерианине"*, *"Хлысте"* или *"Служанке Ноктроффа"* (1661), сатире на Крофтона, мы читаем: "Брать нижние юбки, халат и все остальное у девки противоречит не только Евангелию, но и хорошим манерам"; а в популярной балладе "Бо-Пип", которая также была написана на ту же тему, говорится, что Крофтону следовало оставить свою жену наказывать служанку. Крофтон опубликовал две брошюры, одну под своим именем и одну под именем Алетес Ноктрофф (1657), в которых он подробно разоблачил обвинение как ложное и легкомысленное. В одном отрывке он предлагает квалифицированную защиту такого поступка: "Я не могу не оплакивать чрезвычайную грубость нашего времени - терпеть, когда подобная глупость преследуется по закону как какое-то тяжкое и печально известное преступление. Предположим, что это было бы правдой (поскольку это не так), разве какой-нибудь выдающийся брат по конгрегации не был бы признан виновным в том же самом деянии? Разве это не то же самое, что выпить за здоровье голышом на указательном столбе? Разве это не может быть так же теологически защищено, как исправление мужем своей жены?" Этот отрывок и весь эпизод в целом показывают, что отношение к этому вопросу в то время находилось в переходном состоянии.

Бичевание как епитимья, будь то наложенная самим кающимся или другим человеком, также было чрезвычайно распространено в средневековье и более поздние времена. Согласно Уолсингему (*"Master of the Rolls' Collection"*, том i, стр. 275), в Англии в середине четырнадцатого века кающиеся, иногда люди благородного происхождения, жестоко бичевали себя, вплоть до пролития крови, плача или распевая при этом; они использовали веревки с узлами, содержащими гвозди.

В более позднее время обычай религиозного бичевания особенно сохранился в Испании. Графиня д'Ольнуа, посетившая Испанию в 1685 году, описала публичные бичевания, практикуемые в Мадриде. Рассказав об одежде, которую носили эти флагеллянты, которая соответствует той, которую в настоящее время носят в Испании на Страстной неделе члены *Кофрадий*, с лицом, скрытым высоким головным убором в виде сахарной головы, она продолжает: "Они прикрепляют ленты к своим бичам, и обычно их хозяйки достаивают их своей милости. Добиваясь всеобщего восхищения, они не должны жестикулировать рукой, а только двигать запястьем и кистью; удары должны наноситься без спешки, и кровь не должна испортить костюм. Они наносят себе на плечи ужасные раны, из которых ручьями течет кровь; они размеренными шагами маршируют по улицам; они проходят перед окнами своих любовниц, где с изумительным терпением бичуют себя. Дама смотрит на это прекрасное зрелище сквозь жалюзи своей комнаты и знаком призывает его выпороть себя и дает ему понять, как сильно ей нравится такого рода галантность. Когда они встречают красивую женщину, они бьют себя так, что к ней приливает кровь; это большая честь, и благодарная дама благодарит их. ... Все это соответствует действительности".

Графиня продолжает описывать других, более искренних кающихся, часто знатных, которых можно увидеть на улице обнаженными выше пояса и с босыми ногами на грубой и острой мостовой; у некоторых мечи пронзили кожу тела и рук, у других были тяжелые кресты, которые придавливали их к земле. Она отмечает, что папский нунций сказал ей, что он запретил исповедникам налагать такие епитимьи и что они были вызваны набожностью самих кающихся. (*Relation du Voyage d'Espagne*, 1692, vol. ii, стр. 158-164.)

Практика публичного самобичевания в церкви во время Великого поста существовала в Испании и Португалии вплоть до первых лет девятнадцатого века. Описания этого часто можно встретить в старых томах о путешествиях. Так, я нахожу путешественника, путешествовавшего по Испании в 1786 году, описывающим, как в Барселоне он присутствовал, когда во время Великого поста на Miserere в монастырской церкви Сан-Фелипе-Нери в пятницу вечером двери были закрыты, свет погашен, и в полной темноте все обнажили спины и применяли дисциплину, распевая во время бичевания самих себя, все громче и жестче и с еще большей яростью, пока через двадцать минут все не закончилось глубоким стоном. Упоминается, что в Малаге после такой сцены утром вся церковь была окроплена кровью. (Джозеф Таунсенд, *Путешествие по Испании в 1786 г.*, том i, стр. 122; vol. iii, стр. 15.)

Даже по сей день религиозное самобичевание практикуется испанцами на Азорских островах, в затемненных церквях во время Великого поста, и в это время стены часто бывают в пятнах и измазаны кровью. (О. Х. Ховарт, "Выживание телесных наказаний", *Журнал Антропологического института*, февраль 1889 г.) В отдаленных районах Испании (например, недалеко от Аро в Риохе) также есть братства, которые будут бичевать себя в Страстную пятницу, но не внутри церкви. (Dario de Regoyos, *España Negra*, 1899, p. 72.)

Когда мы окидываем взглядом историю бичевания и понимаем, что, хотя порка в качестве наказания была очень широко распространена, были периоды и страны, в которых не было четких сведений о какой-либо сексуальной связи порки, становится ясно, что порка не обязательно является алголагническим проявлением. Кажется очевидным, что должны быть особые обстоятельства и, возможно, врожденная предрасположенность, чтобы определенно выявить связь бичевания с сексуальным импульсом. Таким образом, Левенфельд считает, что

только около 1 процента людей могут быть сексуально возбуждены бичеванием ягодиц,^[112] и Нэкке также твердо придерживается мнения, что при бичевании не может быть сексуального удовольствия без предрасположенности, что встречается редко.^[113] На этих основаниях многие придерживаются мнения, что физическое наказание, при условии, что оно умеренное, применяется редко и только к детям, которые вполне здоровы и энергичны, не должно быть абсолютно запрещено.^[114] Но, какой бы редкой и ненормальной ни была сексуальная реакция на само бичевание у взрослых, мы увидим, что общая сексуальная ассоциация с битьем в сознании детей, а часто и старших, ни в коем случае не редка и вряд ли ненормальна.

В чем причина связи между сексуальными эмоциями и поркой? Некоторые полагают, что очень простая физическая причина полностью объясняет это явление. Известно, что сильная стимуляция ягодичной области может, особенно при предрасполагающих условиях, вызывать или усиливать сексуальное возбуждение в силу того факта, что обе области снабжаются ветвями одного и того же нерва.

Есть еще одна причина, по которой порка должна оказывать сексуальное воздействие. Как особо отметил Фере, в умеренных количествах он оказывает тонизирующее действие и, как таковой, оказывает общее благотворное воздействие на весь организм. Этот факт действительно был признан врачами-классиками, и Гален рассматривал бичевание как тонизирующее средство.^[115] Таким образом, следует не только сказать, что взбивание, применяемое к ягодичной области, оказывает прямое влияние на стимуляцию половых органов, но и его общее тонизирующее воздействие, естественно, должно распространяться на половую систему.

Возможно, здесь мы должны принять во внимание биологический фактор, подобный тому, который, как мы обнаружили, связан с другими формами садизма и мазохизма. В связи с этим одна дама пишет мне: "Что касается теории, которая связывает желание выпороть с тем, как животные занимаются любовью, где удары или давление на задние конечности являются почти необходимым предварительным этапом получения удовольствия, вы когда-нибудь обращали внимание на то, как ведут себя олени? Они кажутся настолько же робкими, насколько возбудимы самцы, и удары, наносимые им рогами их самок, чтобы привести их к покорности, должны быть, я думаю, точным эквивалентом избиения палкой".

Примечательно, что в некоторых случаях кнут, по-видимому, даже оказывает психическое воздействие, вызывая сексуальное возбуждение у животных, привыкших к его применению в качестве стимулятора к действию. Так, профессор Корневен из Лиона описывает случай с венгерским жеребцом, в остальном довольно мощным, у которого эрекция могла возникнуть только в присутствии кобылы в течке, когда рядом с ним щелкал хлыст и время от времени мягко касался его ног. (Корневен, *Архив криминологии*, январь 1896 г.)

Здесь, несомненно, мы имеем дело с определенным анатомо-физиологическим соотношением, которое часто служит отправной точкой для поворота сексуальных чувств в этом направлении и иногда поддерживает перверсию, когда она возникла иным образом. Но этой связи, даже если мы рассматриваем ее как довольно частый канал возбуждения сексуальных эмоций, будет недостаточно для объяснения большинства или даже многих случаев, когда порка вызывает сексуальное влечение. Во многих, если не в большинстве, случаев обнаруживается, что идея порки утверждает свою сексуальную значимость совершенно независимо от любого личного опыта, даже у людей, которых никогда не пороли;^[116] нередко также у людей, которых пороли и

которые не чувствуют ничего, кроме отвращения к фактическому исполнению, каким бы привлекательным оно ни было в воображении.

Очевидно, что мы должны искать объяснение этого феномена в основном в психических причинах. Порка, будь то нанесенная или перенесенная, имеет тенденцию вызывать, смутно, но массово, очень фундаментальные и примитивные эмоции гнева и страха, которые, как мы видели, всегда были связаны с ухаживанием, и это имеет тенденцию вызывать их в возрасте, когда сексуальные эмоции еще не получили четкого определения, и при обстоятельствах, которые, вероятно, вызывают сексуальные ассоциации. С самых ранних лет детей приучают бояться порки, даже если они на самом деле не подвергаются ей, и несправедливое наказание такого рода, будь то нанесенное им самим или другим, часто вызывает сильный гнев, нервное возбуждение или ужас в чувствительных умах детей.^[117] Более того, как мне указала женщина, которая сама в раннем возрасте была затронута сексуальными ассоциациями порки, ребенок видит обнаженное тело старших детей только тогда, когда оно открыто для порки, и его сексуальное очарование может частично быть вызвано этой причиной. Далее мы должны отметить, что зрелище страдания само по себе в какой-то степени и при определенных обстоятельствах является стимулятором сексуальных эмоций. Очевидно, что ряд факторов способствует тому, что порка в очень раннем возрасте вызывает сильные эмоциональные ассоциации, и что эти ассоциации носят такой характер, что у предрасположенных субъектов они очень легко направляются в сексуальное русло.^[118] Различные свидетельства подтверждают этот вывод. Таким образом, из нескольких надежных источников я узнаю, что вид мальчика, которого бьют палкой в школе, может вызвать сексуальное возбуждение у мальчиков, которые смотрят на это. Ассоциация сексуальных эмоций с поркой, опять же, очень часто проявляется у школьных учителей, и было зарегистрировано много случаев, когда порка мальчиков под влиянием этого импульса доходила до крайности. Ранний и выдающийся пример дает Удалл, гуманист, одно время директор Итона, который был известен своей привычкой часто применять телесные наказания по незначительной причине или вообще без нее, и который признался в сексуальных практиках с мальчиками, находящимися под его опекой.^[119]

Саниченко привлек внимание к делу российского чиновника, школьного инспектора, который каждый день в его присутствии порол около пятидесяти учеников, как свидетельство нездорового удовольствия от подобных сцен. Даже когда сексуальный элемент не может быть отчетливо прослежен, сцены порки иногда оказывают необычайное воздействие на некоторых людей с чувствительным эмоциональным темпераментом. Мой друг, священник, прочитавший много романов, сказал мне, что его поразила частота, с которой романисты описывают подобные сцены с большим количеством деталей; в его список входят романы известных религиозных писателей обоего пола. В некоторых из этих случаев есть основания полагать, что авторы почувствовали эту сексуальную ассоциацию с поркой.

Естественно, что интерес к порке должен быть развит очень рано в детстве, и, действительно, он очень часто входит в игры маленьких детей и составляет очень приятный элемент таких игр, особенно среди девочек. Я знаю много случаев, когда маленькие девочки в возрасте от 6 до 12 лет получали огромное удовольствие от игр, главный смысл которых заключался в том, чтобы расстегивать друг другу панталоны и шлепать друг друга, и некоторые из этих девочек, став старше, поняли, что в их играх есть элемент сексуального наслаждения. Похоже, это действительно всегда было детской игрой и даже развлечением пожилых людей - шлепать друг друга по затылку. В *"Плети пресвитера"* в 1661 году молодая женщина представлена

заявляющей, что делала это в детстве, а в древней Франции было привилегированным обычаем в День невинности (28 декабря) пороть всех молодых людей, которых находили поздно лежащими в постели; это был обычай, который, как свидетельствует Клеман Маро, был привлекательным для влюбленных.

Если мы обратимся к историям, которые я собрал воедино в Приложении Б, мы найдем различные упоминания о порке, более или менее четко связанные с рудиментарными сексуальными чувствами детства.

Я знаком с многочисленными случаями, когда идея порки или импульс выпороть или быть выпоротым отчетливо существуют, хотя обычно, когда они сохраняются во взрослой жизни, лишь в зачаточной форме. История I в Приложении В представляет собой хорошо заметный пример. Я могу процитировать замечания из другого случая одной женщины о ее ранних чувствах: "В детстве мысль о том, что меня могут выпороть, возбуждала меня, но только в связи с человеком, которого я любила, и, более того, с тем, кто имел право поправлять меня. Однажды меня били тыльной стороной кисти, и боли было достаточно, чтобы заглушить любое возбуждение; так что с тех пор эта особая форма порки не действовала на меня, хотя возбуждение все еще оставалось связанным с формами, с которыми я не сталкивался".

Другая дама утверждает, что, когда маленькой девочке было 4 или 5 лет, слуги шлепали ее по затылку мягкой щеткой, чтобы развлечься (несомненно, как она теперь считает, это доставляло им своего рода сексуальное удовольствие); ей это не причиняло боли, но ей это не нравилось. Ее отец обычно жестоко порол ее нейтами в этом возрасте и далее до 13 лет, но это никогда не доставляло ей никакого удовольствия. Однако, когда ей было около 9 лет, она начала во сне наяву представлять, что кого-то бьет, и заканчивала тем, что представляла, что ее саму бьют. Она сочиняла истории, кульминацией которых была порка, и чувствовала в то же время приятное жжение в своих половых органах; она обычно затягивала начало рассказа, чтобы усилить кульминацию; она испытывала больше удовольствия от мысли быть выпоротой, чем от самой порки, хотя никогда не испытывала никакого удовольствия от настоящей порки. Эти грезы наяву были наиболее яркими, когда она училась в школе, в возрасте от 11 до 14 лет. Они начали исчезать с ростом привязанности к реальным людям. Но во сне, даже во взрослой жизни, она иногда испытывала сексуальное возбуждение, сопровождаемое образами причмокивания.

Другой корреспондент, на этот раз мужчина, пишет: "Я ощутил связь между сексуальным возбуждением и поркой задолго до того, как узнал, что такое сексуальность, или имел какое-либо представление о функциях половых органов. То, что я теперь знаю как отчетливое сексуальное чувство, раньше возникало всякий раз, когда возникала мысль о порке или упоминание о порке делалось для того, чтобы привлечь мое внимание. Я хорошо помню странное, таинственное очарование, которое это имело, даже помимо какого-либо реального физического возбуждения. Многие мужчины и несколько женщин говорили мне, что с ними было то же самое. Даже сейчас иногда возникает это чувство, особенно когда читаешь о порке".

Следующее признание, которое, как я обнаружил, записала жена немецкого фабриканта, соответствует тем, которые я получил в Англии: "Когда мне было около 5 лет, я играл с маленькой подружкой в парке. Наши гувернантки сидели на скамейке и разговаривали. По какой-то причине — возможно, потому, что мы ушли слишком далеко и не услышали призыва вернуться — моя подруга вызвала гнев опекавшей ее гувернантки. Поэтому эта молодая леди

отвела ее в сторону, приподняла платье и энергично шлепнула ее плоской ладонью. Я зачарованно наблюдал за происходящим, охваченный необъяснимым чувством, которому я наивно отдался. Впечатление было настолько глубоким, что сцена и люди, о которых шла речь, до сих пор отчетливо стоят у меня перед глазами, и я даже могу вспомнить мельчайшие детали нижнего белья моего спутника ". Когда сексуальные ассоциации постоянно возникают из-за такого раннего инцидента, вполне возможно, что существует особая предрасположенность. (*Gesellschaft und Geschlecht*, Bd. ii, ht. 4, p. 120.)

Очевидно, что мы должны рассматривать эту ассоциацию как вполне входящую в рамки нормальной эмоциональной жизни в детстве, хотя после полового созревания, когда сексуальные чувства становятся четко выраженными, влечение к порке обычно имеет тенденцию оставаться позади как элемент ребячества, сохраняющийся лишь на заднем плане сознания, если вообще сохраняется, чтобы придать смутно сексуальный эмоциональный оттенок предмету порки, но не влияющий на поведение, иногда проявляющийся только в эротических снах.

Это, однако, не всегда имеет место у людей с органическими отклонениями. В таких случаях, и особенно, по-видимому, у высокочувствительных и эмоциональных детей, впечатление, оставляемое фактом или образом порки, может быть настолько сильным, что оно влияет не только определенно, но и надолго на весь последующий ход развития сексуального влечения. Режи описал случай, который хорошо иллюстрирует обстоятельства и наследственные условия, при которых идея порки может так прочно укорениться в сексуальной эмоциональной природе ребенка, что сохранится во взрослой жизни; в то же время этот случай показывает, как сексуальное извращение может у интеллигентного человека принять интеллектуальный характер, и это также указывает на рациональный метод лечения.

Жюль П., 22 года, с хорошей наследственностью по отцовской линии, но плохой по материнской, которая очень истерична, в то время как его бабушка была очень импульсивной и иногда преследовала других женщин с ножом. У него есть брат и сестра, которые несколько болезненны и оригинальны. Сам он здоров, умен, хорош собой и приятен, хотя и со слегка болезненными особенностями. В возрасте 4-5 лет он внезапно открыл дверь и увидел свою сестру, тогда девочку 14-15 лет, стоящей на коленях, с приподнятой одеждой и головой на коленях у своей гувернантки, в момент порки за какой-то проступок. Этот тривиальный инцидент произвел глубокое впечатление на него, и он помнит каждую его деталь, особенно вид ягодиц своей сестры — круглых, белых и огромных, какими они казались его детским глазам, - и это мимолетное видение дало постоянное направление всей его сексуальной жизни. После этого ему всегда хотелось потрогать ягодичные области своей сестры. Он делил с ней постель и, хотя был всего лишь ребенком, приобрел большой навык добиваться своих целей, не привлекая ее внимания, приподнимая ее ночную рубашку, когда она спала, и нежно лаская ягодицы, а также умудряясь перевернуть ее на живот, а затем сделать из ее бедер подушку. Это продолжалось до 7-летнего возраста, когда он начал играть с двумя маленькими соседскими девочками, старшей из которых было 10; ему нравилось брать на себя роль отца и пороть их. Старшая девочка была крупной для своего возраста, и он снимал с нее трусики и шлепал ее с большим чувством сладострастия; так что он часто искал возможности повторить опыт, которому девушка охотно поддавалась, и они постоянно были вместе в темных углах, девушка сама открывала свои трусики, чтобы он мог ласкать ее бедра и ягодицы рукой, пока не почувствовал эрекцию. Иногда

оносторожно пользовался хлыстом. Однажды она спросила его, не хотел бы он сейчас увидеть ее впереди, но он отказался.

Однажды, когда ему было 8 или 9 лет, находясь со своим товарищем-мальчиком, он наткнулся на картинку, изображающую бичевание монаха, и после этого убедил своего товарища позволить выпороть себя; мальчику понравился этот опыт, который поэтому часто повторялся. Сам Жюль П., однако, никогда не получал ни малейшего удовольствия от пассивной роли. Эти практики продолжались даже после того, как друг стал призывником, когда, однако, они стали очень редкими. Всего один или два раза он делал что-либо подобного с незнакомыми ему девушками. Он также никогда не мастурбировал и не испытывал желания вступить в половую связь. Он довольствуется удовольствием от того, что время от времени может быть свидетелем сцен порки в общественных местах — парках и скверах — или от того, что мельком видит бедра и ягодичы молодых девушек или, по возможности, женщин.

Его главное наслаждение - в воображении. С самого начала он любил придумывать истории, кульминацией которых были порки, и в 13 лет такие истории вызвали первый спонтанный выброс. Так, он представляет себе, например, молодую девушку из провинции, которая приезжает в Париж поездом; по дороге она привлекает внимание дамы, проявляет к ней интерес, приводит ее домой на ужин и, наконец, больше не может сопротивляться искушению заключить девушку в объятия и любовно отхлестать. Он выписывает эти сцены и иллюстрирует их рисунками, многие из которых воспроизводит Режи. Он даже написал комедии, в которых порка играет заметную роль. Более того, он искал в публичных библиотеках ссылки на бичевание, вставил запросы *в Intermédiaire des Chercheurs et des Curieux*, таким образом, получил полную библиографию бичевания, которая представляет значительную ценность. Режи знаком с этими архивами Фессеи утверждает, что они ведутся с большой методичностью и тщательностью. Особенно его интересует избивание женщин женщинами. Он считает, что удовольствие от порки всегда должен разделять тот, кого бьют, и он несколько обеспокоен, обнаружив, что у него появляется все большая склонность представлять себе элемент жестокости в порке. Выбросы происходят довольно часто. Согласно последней информации, ему намного лучше; он вступил в сексуальную связь с женщиной, которая очень любит его, и которой он поделился своими странностями. С ее помощью и подсказками он смог вступить с ней в половую связь, в момент коитуса хлеща ее безвредной резиновой трубкой. (E. Régis, "Un Cas de Perversion Sexuelle, a forme Sadique," *Archives d'Anthropologie Criminelles*, July, 1899.)

В случае, также имевшем место с высокообразованным человеком (рассказанным Марандоном де Монтъелем), доктором юридических наук, блестящим интеллектуалом и принадлежащим к семье, в которой было некоторое помешательство, когда в школе в возрасте 11 лет он впервые увидел, как школьный товарищ бьет нейтов плетью, и испытал новое удовольствие и эмоцию. Его самого никогда не порол в школе, но он придумывал игры со своими сестрами и товарищами по играм, в которых порка играла важную роль. В возрасте 13 лет он дразнил молодую женщину, кухарку, пока она не схватила его и не выпорола. Он обнял ее и испытал свой первый сладострастный спазм секса. Однако любовь к бичеванию временно угасла и уступила место мастурбации, а позже и нормальному влечению к женщинам. Но в возрасте 32 лет старые идеи были заново пробуждены историей, которую рассказала ему любовница. Он страдал от различных навязчивых идей и в конце концов покончил с собой. (Marandon de Montyel, "Obsessions et Vie Sexuelle," *Archives de Neurologie*, Oct., 1904.)

В случае, о котором мне сообщили, отчасти схожие идеи сыграли свою роль. Объект - высокий, хорошо развитый мужчина 28 лет, хрупкий в детстве, но сейчас нормальный по здоровью и физической форме, хотя и не увлекающийся легкой атлетикой. Его умственные способности намного выше среднего, особенно в научных направлениях; он был воспитан в узких и строгих религиозных взглядах, но в раннем возрасте выработал собственные агностические взгляды.

С 6 лет, а возможно, и раньше, он практиковал мастурбацию почти каждую ночь. Это была привычка, которую он сохранял со всей невинностью. По его словам, это было таким же неизменным предварительным этапом перед отходом ко сну, как и перед укладыванием, и в тот период он без колебаний рассказал бы все об этом, если бы был задан такой вопрос. В возрасте 12 или 13 лет он признал эту привычку ненормальной, и тогда страх подвергнуться насмешкам заставил его хранить молчание и избегать наблюдения. Выполняя его, он ложился на живот так, чтобы пенис был направлен вниз, а не вверх, а большой палец опирался на область над корнем пениса. После акта возникло желание помочиться, и когда оно было удовлетворено, последовал крепкий сон. Когда он понял, что эта привычка ненормальна, он начал прилагать усилия, чтобы избавиться от нее, и эти усилия продолжаются до настоящего времени. Главным препятствием была трудность засыпания без выполнения практики. Выбросы впервые начали происходить в возрасте 13 лет и поначалу вызвали некоторую тревогу. В течение шести последующих лет баловство было нерегулярным, иногда происходя через ночь, а иногда с недельным перерывом. Затем, в возрасте 19 лет, от этой привычки отказались на год, в течение которого ночные поллюции происходили во время сна примерно каждые три недели. С тех пор наступили более короткие периоды отказа от поблажек, эти периоды всегда совпадали с необычным умственным или физическим напряжением, например, во время экзаменов. Он испытывает некоторую степень влечения к женщинам; это проявляется сильнее всего во время прекращения мастурбации и имеет тенденцию исчезать, когда привычка возобновляется. У него никогда не было половых сношений, потому что он предпочитает свой собственный метод удовлетворения и испытывает огромное отвращение к профессиональным проституткам; он не мог позволить себе жениться. Любая непристойность или безнравственность, кроме (он соблюдает) свою собственную разновидность, вызывает у него отвращение.

В самый ранний период никакие мысленные образы не сопровождали акт мастурбации. Однако примерно в возрасте 8 лет сексуальное возбуждение стало постоянно ассоциироваться с представлениями о порке. В этом возрасте или вскоре после него только страх опозориться удерживал его от совершения серьезных детских проступков, которые могли быть наказаны хорошей поркой. Однако родители и учителя, по-видимому, применяли телесные наказания очень редко.

Сначала это желание касалось порки вообще, без привязки к оператору. Однако вскоре после 10 лет он начал желать, чтобы операторами были определенные друзья-мальчики. Примерно в то же время возникло определенное желание более тесного контакта с этими друзьями, а позже и определенных непристойных действий, которые, однако, субъект не уточнил; вероятно, он имел в виду взаимную мастурбацию. Эти желания были под контролем, и страх подвергнуться насмешкам, по-видимому, был главной сдерживающей причиной. Примерно в возрасте 15 лет он начал понимать, что подобные действия могут считаться морально плохими и неправильными, и это привело к скрытности и тщательному сокрытию. До 20-летнего возраста у него было четыре определенных привязанности к лицам своего пола. Иногда у него была тенденция рассматривать женщин как возможных хлыстов, и это усилилось в 22 года, когда

образы двух полов смешались в его мыслях о бичевании. В последнее время ментальные сопровождения мастурбации стали менее личными, превратившись в ментальную картину того, как кто-то неизвестный и расплывчатый избивает тебя плетью. Определенно, это всегда был мужчина, и предпочтительно школьного учителя. Его желанием было наказание кнутом, тростью или розгами, особенно по ягодицам. Он всегда избегал мысли о появлении крови или синяков. В мысленном размышлении он желает наказания, достаточно сурового, чтобы заставить его стремиться остановить это, и все же не в состоянии остановить это. Ему также доставляет удовольствие мысль о том, что он связан так, что не может пошевелиться.

Временами он позволял себе самобичевание, не слишком суровое.

В предыдущем случае мы видим склонность к эротическому самобичеванию, которая в незначительной степени не является редкостью. Иногда она становится сильно развитой. Макс Маркузе представил такой случай в мельчайших деталях (*Zeitschrift für die Gesamte Neurologie*, 1912, ч. 3, полностью обобщенный в *Sexual-Probleme*, ноябрь 1912, стр. 815-820). Это случай католического священника с крайне невротической наследственностью, который спонтанно начал хлестать себя в возрасте 12 лет, причем это самобичевание продолжалось и сопровождалось мастурбацией после 15 лет. Другими связанными с этим извращениями были нарциссизм и фетишизм Нейтса, а также гомосексуальные фантазии. Он испытывал определенное удовольствие (от эрекции, а не эякуляции), наказывая своих учеников-мальчиков. Нередко все формы эротического бичевания ассоциируются с гомосексуальным элементом. Я в другом месте приводил случай такого рода (дело А. Ф., т. ii из этих исследований).

Показателен рассказ Руссо о происхождении его собственного мазохистского удовольствия от порки в возрасте 8 лет: "Мадемуазель Ламберсье проявляла по отношению ко мне материнскую привязанность, а также материнский авторитет, который иногда доходил до того, что она подвергала нас обычному наказанию детей, когда мы это заслуживали. Долгое время она довольствовалась угрозой, и эта угроза наказания, которая была для меня совершенно новой, казалась очень ужасной; но после того, как она была приведена в исполнение, я обнаружил, что пережитое было менее ужасным, чем ожидание; и, как ни странно, это наказание усилило мою привязанность к той, кто его навлек. Потребовалась вся моя привязанность и вся моя природная мягкость, чтобы помешать мне добиваться возобновления такого же обращения, заслужив его, ибо я обнаружил в боли и даже в стыде от этого элемент чувственности, который вызывал больше желания, чем страха снова получить подобный опыт от той же руки. Это правда, что, поскольку ко всему этому, несомненно, примешивался не по годам развитый сексуальный элемент, то такое же наказание, если бы оно было нанесено ее братом, не показалось бы ей таким приятным". Далее он говорит, что наказание было применено во второй раз, но что тот раз был последним, поскольку мадемуазель Ламберсье, очевидно, заметила эффект, который оно производило, и с этого момента вместо того, чтобы спать в ее комнате, его поместили в другую комнату, и она обращалась с ним как с большим мальчиком. "Кто бы мог подумать, - добавляет он, - что это детское наказание, полученное в возрасте 8 лет от руки молодой женщины 30 лет, определило бы мои вкусы, мои желания, мои страсти на всю оставшуюся жизнь?" Он отмечает, что этот странный вкус довел его почти до безумия, но сохранил чистоту его нравов, и радости любви существовали для него главным образом в

воображении. (Ж.-Ж. Руссо, "Исповедь", вечеринка i, livre i.) Будет видно, как все благоприятные условия страха, стыда и преждевременной сексуальности присутствовали здесь у чрезвычайно чувствительного ребенка, которому суждено было стать величайшей эмоциональной силой своего века, и восприимчивого к влияниям, которые не оказали бы постоянного воздействия на любого обычного ребенка. (Когда, как это иногда случается, у нормальных детей первые сексуальные ощущения возникают при стимуляции поркой, за этим не обязательно следует постоянное извращение; Молль упоминает, что ему известны такие случаи, *Zeitschrift für Pädagogie, Psychiatrie, und Pathologie*, 1901.) Можно добавить, что, возможно, не будет фантастикой видеть определенную неизбежность в том факте, что в высокочувствительном и восприимчивом темпераменте Руссо именно мазохистский зародыш пал и дал плоды, в то время как в сюжете Режи с его более импульсивными предками садистский зародыш нашел благоприятную почву.

Следует отметить, что в случае с садистом Режи маленькая девочка, которая была подругой мальчика по играм, получала едва ли меньшее удовольствие от пассивной части порки, чем он от активной. Существует достаточно доказательств того, что это очень часто имеет место, и что привлекательность идеи быть выпоротым часто даже возникает у детей спонтанно. Ломброзо (*La Donna Delinquente*, стр. 404) упоминает девочку 7 лет, которая испытывала сладострастное удовольствие от порки, а Хаммер (*Monatschrift für Harnkrankheiten*, 1906, стр. 398) говорит о молодой девушке, которая точно так же испытывала удовольствие от наказания кнутом. Краффт-Эбинг приводит случай с девочкой в возрасте от 6 до 8 лет, которую на тот момент никогда не пороли и которая не видела, как пороли кого—либо другого, у которой спонтанно возникло — каким образом, она не знала - желание подвергнуться такому наказанию. Ей доставляло огромное удовольствие представлять, как подруга делает это с ней. Она никогда не желала, чтобы ее бил мужчина, хотя от инверсии не было и следа, и она никогда не мастурбировала до 24 лет, когда была расторгнута помолвка. В возрасте 10 лет это страстное желание прошло еще до того, как оно было реализовано на самом деле. (Краффт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, восьмое издание, стр. 136.)

В случае с другой молодой женщиной— описанной Краффт-Эбингом, у которой в семье была неврастения с другими незначительными патологическими состояниями, но сама девочка, по-видимому, была здоровой, желание быть выпоротой существовало с самого раннего возраста. Она объяснила это тем фактом, что, когда ей было 5 лет, друг ее отца игриво положил ее себе на колени и притворился, что хлещет кнутом. С тех пор она всегда мечтала, чтобы ее побили палкой, но, к ее великому сожалению, это желание так и не осуществилось. Она жаждет быть рабыней мужчины, которого любит: "Лежа в фантазиях перед ним, он кладет одну ногу мне на шею, а я целую другую. Я наслаждаюсь мыслью о том, что он меня выпорет, и представляю себе разные сцены, в которых он меня бьет. Я принимаю удары как проявление любви; сначала он чрезвычайно добр и нежен, но потом в избытке своей любви бьет меня. Мне кажется, что бить меня ради любви доставляет ему величайшее удовольствие". Иногда она воображает, что она его рабыня, но не его рабыня, потому что каждая женщина может быть рабыней своего мужа. Она гордая и независимая натура во всех других вопросах, и представление себя мужчиной, который соглашается быть рабом, дает ей более приятное чувство унижения. Она не понимает, что эти проявления носят сексуальный характер. (Краффт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 189.)

Иногда женщина желает принять активное участие в порке. Так, Марандон де Монтъель описывает случай с девушкой 19 лет, наследственно страдающей невропатией (ее отец был алкоголиком), но очень умной и добросердечной, которую никогда не порол и которая никого не видела поротой. Однако в этом возрасте ей случилось навестить замужнюю подругу, которая как раз собиралась наказать ее 9-летнего мальчика, отхлестав его мокрым полотенцем. Девочка-зрительница была очень заинтересована, и хотя мальчик кричал и вырывался, она испытала новое ощущение, которое не могла определить. "При каждом ударе, - сказала она, - странная дрожь пробегала по всему моему телу от мозга до пяток". Ей хотелось бы самой выпороть его и пожалеть, когда все закончится. Она не могла забыть эту сцену и мечтала о том, как она будет пороть мальчика. Наконец желание стало непреодолимым, и она уговорила 12-летнего мальчика, которого она очень любила и который был очень привязан к ней, позволить ей отхлестать его по обнаженным ягодицам. Она сделала это так яростно, что он, наконец, потерял сознание. Ее охватили горе и раскаяние. (Марандон де Монтъель, *Archives d'Anthropologie Criminelle*, январь 1906 г., стр. 30.)

Хотя можно сказать, что мазохизм в выраженной степени встречается у женщин редко, любовь к активному бичеванию и садистские импульсы в целом не редкость среди них. Блох считает, что они особенно распространены среди англичанок. Время от времени происходят случаи крайней суровости, безжалостности, унижающих достоинство наказаний и полуголодного содержания детей. Обвиняемыми чаще всего являются женщины, и когда обвиняются мужчина и женщина совместно, обычно оказывается, что именно женщина сыграла более активную роль. Но в этих случаях редко доказывается, что проявленная жестокость имела определенное сексуальное происхождение. Например, ничто не указывает на истинный садизм в известном английском случае восемнадцатого века с миссис Браунригг (Блох, *Гешлехтсleben в Англии*, том ii, стр. 425). Однако вполне возможно, что во многих из этих случаев реальным мотивом является сексуальный, хотя и скрытый и бессознательный. Нормальное сексуальное влечение у женщин часто затемнено и маскируется, и было бы неудивительно, если бы извращенный инстинкт был таким же.

Примечательно, что страсть к порке может возникнуть при контакте с человеком, который желает, чтобы его выпороли. Это иллюстрируется следующим случаем, о котором мне сообщили: "К. - еврей, около 40 лет, внешне нормальный. О его прошлом ничего не известно. Он фабрикант с несколькими магазинами. С., англичанка 25 лет, поступила к нему на службу; она незаконнорожденная, считается, что воспитывалась в борделе, который содержала ее мать, привлекательна внешне. Поступив на службу к К., С. постоянно проявляла небрежность. Это так разозлило К., что однажды он ударил ее. Она выказала большое удовольствие и призналась, что ее грубая ошибка была намеренно направлена на то, чтобы спровоцировать его на физическое насилие. По ее предложению К. в конце концов согласился избить ее. Эта операция происходила в кабинете К., С. раздевался для этой цели, и использовалась кожаная лента от швейной машинки. С. проявлял явное удовольствие во время бичевания, и после него произошло соединение. Эти избиения повторялись с частыми интервалами, и К. обнаруживал, что ему самому эта операция все больше нравится. Однажды, по предложению С., 13-летняя девочка, нанятая К., была избита К. и С. поочередно. Ребенок пожаловался своим родителям, и К. выплатил им деньги, чтобы избежать скандала, родители согласились хранить молчание. Другие женщины (еврейские портнихи), нанятые К., впоследствии были избиты им. Он утверждает, что им понравился этот опыт. Миссис К., обнаружив увлечение своего мужа С., начала бракоразводный процесс. С. согласился покинуть страну по просьбе К., но почти сразу

же вернулся и скрывался до тех пор, пока не был вынесен судебный приказ. Взаимное увлечение К. и С. продолжается, хотя К. утверждает, что она ему небезразлична меньше, чем раньше. Бичевание, однако, теперь стало его страстью, хотя он заявляет, что эта практика была ему неизвестна до того, как он встретил С. Его большой страх заключается в том, что он убьет С. во время одной из этих операций. Он убежден, что С. - не единичный случай, и что всем женщинам нравится бичевание. Он утверждает, что опыт многочисленных женщин, которых он сейчас избил, подтверждает это мнение; одна из них - богатая женщина, разошедшаяся со своим мужем и теперь без ума от К."

Бичевание, особенно в его мазохистской форме, иногда ассоциируется с истинной инверсией. Молл представляет случай с молодой перевернутой женщиной 26 лет, действительно, демонстрирующей множество других незначительных сексуальных аномалий, которая испытывает сексуальное возбуждение, когда ее бьют розгой. Кнутне годился, и удары должны быть нанесены только по ногам; она не может представить, чтобы ее была маленькая женщина. Она часто таким образом подвергалась избиению со стороны подруги, которая в это время должна была быть обнаженной, а после должна была подвергнуться куннилингу. (Moll, *Konträre Sexualempfindung* third edition, p. 568.)

В предыдущем случае не было мазохистских идей; вероятно, что в таком случае избиение желательно в основном из-за того чисто физического эффекта, на который уже обращалось внимание. Точно так же иногда спонтанно открывалось самобичевание хлыстом или розгой как метод самовозбуждения, предшествующий мастурбации. Я знаком с женщиной с большими интеллектуальными способностями, сексуально нормальной, которая сделала это открытие в возрасте 18 лет и некоторое время практиковала его. Профессор Ревердин также рассказывает о случае с молодой девушкой, находящейся под его опекой, которая, исчерпав все ресурсы своего интеллекта, наконец обнаружила, что кульминации наслаждения лучше всего достичь, яростно хлеща себя по ягодицам и бедрам. Она изобрела для этой цели хлыст, состоящий из двенадцати шнуров, каждый из которых заканчивался большим каштановым жердочком с шипами. (А. Ревердин, *"Ревю Медикале романской Швейцарии"*, 20 января 1888 г., стр. 17.)

[107] Дисциплина, или бич, была приравнена к посту как метод обуздания плоти и покаяния. См., например, Lea, *History of Auricular Confession*, vol. ii, стр. 122. На протяжении многих веков епископы и священники сами применяли дисциплину к своим кающимся. Сначала его наносили на спину; позже, особенно в случае кающихся женщин, его часто наносили на бедра. Более того, часто стали требовать частичной или полной наготы, и вызванное этим унижение было приятным в глазах Бога.

[108] Дюлор, *Божественные женщины*, глава xv; Леа, *История священнического безбрачия*, 3-е изд., том. ii, стр. 278; Кирнан, "Аскетизм как аутоэротизм", *Психиатр и невролог*, август 1911 г.

[109] Это мнение Левенфельда, *О сексуальной конституции*, стр. 43.

[110] Так, Дюрэн (Иван Блох) замечает (*"Маркиз де Сад и время Сены"*, 1901, стр. 211): "Хорошо известно, что Англия сегодня является классической страной сексуального бичевания". См. *Книгу того же автора "Гешлехтсleben в Англии"*, том ii, глава vi. В Америке это, по-видимому, тоже распространено, и Кирнан упоминает, что в рекламе чикагских "массажных

салонов" часто появляется объявление: "Бичевание - специальность". Отчеты полицейских инспекторов во Франции восемнадцатого века показывают, насколько распространенным явлением в то время было бичевание в Париже. Можно добавить, что различные люди выдающихся интеллектуальных способностей недавнего времени и ранее, как сообщается, были склонны к пассивному бичеванию; так было в случае с Гельвецием.

[111] Полная библиография бичевания включала бы многие сотни наименований. Наиболее важные работы на эту тему, в связи с сексуальным влечением, перечислены Эйленбургом в его "*Садизме и мазохизме*". Подробная история флагелляции в целом в настоящее время пишется Георгом Колласом, *Книга о флагеллантизме*, том i, 1912.

[112] Левенфельд, *Руководство по сексуальной конституции*, стр. 43.

[113] *Архив криминальной антропологии*, 1909, стр. 361. Он приводит свидетельства надежного и образованного человека, который в свое время стремился получить удовольствия от пассивного сексуального бичевания. Но, несмотря на его ожидания и добрую волю, единственным результатом было исчезновение всех следов сексуального желания.

[114] E.g., Kiefer, *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, Aug., 1908.

[115] Фере, *Медицинское ревю*, август 1900 года. В этой статье Фере объединяет много интересных фактов, касающихся бичевания в древние времена.

[116] Шмидт-Хойерт (*Monatschrift für Harnkrankheiten*, 1906, гл. 7) утверждает, что не столько фактическое использование розги, сколько игривые, угрожающие и таинственные намеки, играющие вокруг нее, которые в настоящее время придают ей сексуальное очарование.

[117] Молл (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, Bd. 1, стр. 18) указывает, что этих эмоций часто бывает достаточно, чтобы вызвать сексуальную эрекцию у школьников.

[118] Как верно указывает Эйленбург, обстоятельства, сопровождающие порку женщины, могут быть сексуально привлекательными даже при отсутствии какого-либо болезненного импульса. Такими обстоятельствами являются "вид обнаженных женских прелестей и особенно — при обычном способе бичевания — тех частей тела, которые обладают для сексуального гурмана особой эстетической привлекательностью; идея обращаться с любимой или, по крайней мере, желанной особой как с ребенком, иметь ее в полном подчинении и иметь возможность деспотически распоряжаться ею; и, наконец, непосредственные результаты порки: изменения цвета кожи, движения взад-вперед, которые имитируют или предвосхищают начальные явления коитуса". (Eulenburg, *Sexuale Neuropathie*, p. 121.)

[119] Смотрите статью об Удалле в *Национальном биографическом словаре*.

IV.

Содержание

Импульс задушить объект сексуального влечения—Желание быть задушенным—Нарушение дыхания Существенный элемент в этой группе явлений—Роль, которую играет возбуждение

дыхания в процессе ухаживания—Раскачивание и Подвешивание—Влечение, вызванное идеей быть закованным в цепи.

Есть еще один импульс, который, возможно, стоит кратко рассмотреть здесь, ради того света, который он проливает на отношения между любовью и болью. Я имею в виду импульс задушить объект сексуального влечения и соответствующую ему тягу быть задушенным. Были зарегистрированы случаи, когда этот импульс был настолько силен, что мужчины фактически душили женщин в момент полового акта.^[120] Такие случаи редки; но, как простая идея, мысль о том, чтобы задушить женщину, по-видимому, нередко ассоциируется с сексуальными эмоциями. Вероятно, мы должны рассматривать это в основном — с любыми вспомогательными элементами — как аспект того физического захвата, доминирования и насильственных объятий женщины, которые являются одним из примитивных элементов ухаживания.^[121]

Соответствующая идея — приятная связь мысли о том, что тебя душат, с сексуальными эмоциями — по-видимому, встречается еще чаще, возможно, особенно у женщин. Здесь, похоже, мы имеем дело, как и в случае с поркой, с сочетанием физического и психического элементов. Мало того, что идея привлекательна, но, на самом деле, удушение или любая остановка дыхания, даже доведенные до смертельного исхода, могут фактически спровоцировать выделения, как это наблюдается после смерти через повешение.^[122] Примечательно, что, как отмечает Эйленбург, метод лечения заболеваний спинного мозга с помощью подвешивания — метод, который был в моде несколько лет назад, — часто вызывал сексуальное возбуждение.^[123] Говорят, что в публичных домах некоторые клиенты желают, чтобы их подвешивали вертикально на шнуре, снабженном прокладками.^[124] Игривая попытка придушить ее со стороны любовника часто ощущается женщиной как доставляющая удовольствие, хотя это не обязательно может вызвать определенное сексуальное возбуждение. Иногда, однако, это чувство становится настолько сильным, что его следует рассматривать как настоящее извращение, и мне рассказывали об одной женщине, которая равнодушна к обычным сексуальным объятиям; ее главное желание - быть задушенной, и она сделает все, чтобы любовник сдавил ей шею так, что у нее глаза вылезут из орбит.^[125]

"Я думаю, что если бы я могла избавиться от своих нынешних чувств, - пишет одна дама, - и превратиться в слабоумного мужчину — то есть наделенного мужской силой, но в значительной степени лишенного способности рассуждать, — я, скорее всего, поступила бы так же жестоко, как они. И это отчасти потому, что многие их действия привлекают меня с пассивной стороны. Мысль о том, что меня *задушит* человек, которого я люблю, привлекает. Сюда входит сильная чувствительность горла и шеи, а также потеря дыхания. Однажды, когда я была близка к разлуке с человеком, который был мне дорог, я положила его руки себе на горло и умоляла его убить меня. Это был момент безумия, который помогает мне понять чувства человека, всегда безумного. Даже сейчас, когда я хладнокровна и собрана, я знаю, что если бы я была по уши влюблена в мужчину, который, как я думала, собирался убить меня, особенно таким способом, я бы не предпринимала никаких усилий, чтобы спастись заранее, хотя, конечно, в последние мгновения природа заявила бы о себе без моей воли. Что превращает ужас таких случаев в безумие, так это тот факт, что любовь остается за бортом. Но я думаю, что мне не труднее представить себе психику сумасшедшего садиста, чем психику нормального мужчины, который получает удовольствие от женщин, к которым он не испытывает любви".

Воображаемое удовольствие от того, что тебя душит любовник, подводит нас к группе чувств, которые, казалось бы, связаны с элементами дыхания. Я имею в виду приятное возбуждение, испытываемое некоторыми при подвешивании, раскачивании, ограничении и оковах. Удушье - крайний и наиболее решительный тип этой группы воображаемых или реальных ситуаций, во всех из которых нарушение дыхания, по-видимому, является существенным элементом.^[126]

Объясняя эти явления, мы должны отметить, что дыхательное возбуждение всегда было заметной частью всего процесса набухания и распускания, борьбы ухаживания и его кульминации, и что любое ограничение дыхания или, действительно, любое ограничение мышечной и эмоциональной активности в целом имеет тенденцию усиливать состояние сексуального возбуждения, связанное с такой активностью.

У меня есть в другом месте, при изучении спонтанного одиночного проявления сексуального инстинкта (*аутоэротизм*, в т. первое из этих *исследований*) касалось приятных эмоциональных, а иногда и сексуальных эффектов раскачивания и подобных видов движений. Возможно, есть определенный смысл в том, с какой частотой французские художники восемнадцатого века, жившие в то время, когда тщательно отыскивались утонченные сексуальные эмоции, рисовали женщин в момент раскачивания. Фрагонар упоминает, что в 1763 году некий джентльмен пригласил его в деревню с просьбой нарисовать его любовницу, особо оговорив, что она должна быть изображена на качелях. Тот же мотив был распространен среди ведущих художников того времени. Можно сказать, что такая поза была всего лишь предлогом для обеспечения видимости лодыжек, но такого результата можно было легко достичь и без помощи замаха.

Я могу здесь процитировать, как имеющее отношение к этому и смежным вопросам, несколько пространное сообщение от дамы, которой я обязан многими тонкими и наводящими на размышления замечаниями по всей этой группе проявлений:

Что касается связи между раскачиванием и подвешиванием, возможно, физической основой этого является потеря дыхания. Временная потеря дыхания у меня вызывает возбуждение. Раскачивание на высоте или падение с высоты может вызвать потерю дыхания; в состоянии подвешивания воображение будет подсказывать идею падения и сопутствующей потери дыхания. Люди, страдающие заболеваниями легких, часто склонны к эротике, а анестетики влияют на дыхание. Мужчинам, похоже, тоже нравится идея приостановки, но с активной стороны. Один мужчина обычно сажал свою жену на высокую качающуюся полку, когда она вызывала у него неудовольствие, и мой муж однажды сказал мне, что хотел бы подвесить меня к крану, за работой которого мы наблюдали, хотя я никогда не делилась с ним своими чувствами по этому поводу. В описаниях пыток часто упоминается о подвешивании. Беатриче Ченчи подвешивали за волосы, и с недавно убитой королевой Кореи поступили аналогичным образом. В "*Моем муже и мне*" Толстого девушка говорит, что хотела бы, чтобы ее муж подержал ее над пропастью. Этот отрывок доставил мне огромное удовольствие.^[127]

"Идея соскальзывания с наклонной плоскости вызывает у меня то же ощущение. Я всегда испытываю это, когда смотрю "Ночь" Микеланджело, хотя вид соскальзывания мне не нравится

с художественной точки зрения. Я помню, что когда я впервые увидел "Ночь", я действительно был взволнован и раздосадован, и мне показалось, что это из-за ускользающего взгляда, который придавал ей вид; но я думаю, что сейчас эта идея произвела на меня меньшее впечатление. Некоторые общие идеи, по-видимому, возбуждают человека, но конкретные формы, в которых они представлены, теряют свой эффект и их приходится варьировать. Фраза, упомянутая у Толстого, оставляет меня сейчас довольно холодным, но если бы я наткнулся на ту же идею в другом месте, выраженную по-другому, тогда это взволновало бы меня. Я очень капризна в мелочах, и я думаю, что женщины намного капризнее мужчин. Мысль о том, чтобы соскользнуть вниз по доске, раньше вызывала у меня волнение; теперь она производит менее яркий эффект, хотя мысль о потере дыхания все еще вызывает волнение. Идея доски сейчас не действует на меня, если только не будет определенного количества драпировки. Поэтому я думаю, что это ощущение должно частично возникать из-за возможности того, что драпировка зацепится за какую-нибудь неровность поверхности склона и таким образом окажет давление на половые органы. Однако эффект все равно достигается даже без какой-либо одежды, если предполагается, что склон заканчивается глубоким обрывом, так что идея падения представляется убедительной. Я не могу вспомнить никаких ранних ассоциаций, которые могли бы объяснить эти чувства, за исключением того, что прыжки с высоты, которые я часто совершал в детстве, имеют тенденцию вызывать возбуждение.

Могу добавить, что у меня возникает первая стадия сексуального возбуждения, когда я не могу выразить себя или пытаюсь понять то, что, по моему мнению, находится за пределами моего понимания. Например, я никогда не испытываю возбуждения, размышляя над сексуальными вопросами, потому что мои идеи, правильные или неверные, достаточно ясны и определены. Но я часто испытываю сексуальное возбуждение по поводу этого вопроса о наследовании приобретенных характеристик, не потому, что я не могу сделать выбор между двумя наборами доказательств, а потому, что я не уверен в том, что полностью осознал истинное значение ни того, ни другого. Это чувство нехватки власти, умственной или физической, всегда имеет один и тот же эффект. Я чувствую это, если у меня завязаны глаза или связаны руки. Из-за этого мне не нравится смотреть танец "Вашингтон пост", в котором мужчина стоит позади женщины и держит ее за руки. Если бы он держал ее за запястья, это чувство было бы сильнее, поскольку ее очевидная беспомощность усилилась бы. Нервная раздражительность, вызванная пребыванием в условиях ограничений, по-видимому, проявляется именно таким образом, в то время как в случае умственной неполноценности возбуждение, которое должно проходить по ментальному каналу, будучи сдержанным, по-видимому, переходит в физическое русло.

"Возможно, это помогло бы объяснить мазохистские сексуальные чувства. Физическая причина, действующая в настоящем, была бы предпочтительнее в качестве объяснения психологической причины, которая прослеживается через наследственность до примитивных условий. Я считаю, что такие чувства очень распространены как у мужчин, так и у женщин, только люди, как правило, не хотят в них признаваться".

Идея быть закованным в цепи, по-видимому, нередко ассоциируется с приятными сексуальными ощущениями, поскольку я встречался с многочисленными случаями как у мужчин, так и у женщин, и нередко она сосуществует со склонностью к инверсии. Оно часто возникает в очень раннем возрасте и представляет значительный интерес, потому что мы не можем объяснить его частоту какой-либо случайной ассоциацией или каким-либо реальным опытом. Это могло бы показаться чисто психической фантазией, основанной на элементарном

физическом факте, что сдерживание эмоций, подобно приостановке, приводит к их усилению. В любом случае спонтанный характер таких идей и эмоций у детей обоего пола достаточен для того, чтобы показать, что они должны обладать вполне определенной органической основой.

В одной из историй (X), содержащихся в Приложении В в конце настоящего тома, женщина описывает, как в детстве она наслаждалась идеей быть закованной в цепи и подвергнутой пыткам, причем эти идеи, по-видимому, возникли спонтанно. В другом случае, у А. Н. (по большей части воспроизведенном в "Эротическом символизме", в т. v из этих *Исследований*), чьи идеалы перевернуты и кто также подвержен фетишизму ботинок, идея оков очень привлекательна. В данном случае самовозбуждение было произведено в очень раннем возрасте, без использования рук, путем связывания ног вместе. Однако мы вряд ли можем объяснить идею оков в данном случае просто результатом ранней ассоциации, поскольку вполне можно утверждать, что эта идея привела к такому методу самовозбуждения. "Сама мысль о кандалах, - пишет этот субъект, - вызывает величайшее возбуждение, а вид картин, изображающих подобные вещи, является искушением. Чтение книг, рассказывающих о тюремной жизни и т.д., везде, где говорится о физическом ограничении, является искушением. Искушение усиливается, когда на картинке изображен человек, подвергнутый пинкам. Я полагаю, что в моем случае все это усилилось из-за моих детских занятий. Но зачем 6-летнему ребенку делать такие вещи, если это не было его естественным инстинктом? Мне никто не показывал; я никогда никому не рассказывал отаких вещах. Раньше я читал исторические романы ради удовольствия читать о людях, которых сажали в тюрьму, заковывали в кандалы и пытали, и всегда завидовал им. Теперь я чувствую, что хотел бы испытать это ощущение. Если бы я мог заставить кого-нибудь посмеяться надо мной, не теряя при этом самоуважения, я бы ухватился за эту возможность. Я был чрезвычайно взволнован посещением старого австралийского каторжного судна, где демонстрируются все средства сдерживания; меня тянуло туда ночь за ночью, я хотел, но не осмеливался просить, чтобы мне позволили получить практический опыт".

Щербак из Варшавы зарегистрировал случай, похожий на случай А. Н., но инверсии не было, и притяжение оков было активным, а не пассивным; субъект желал оковывать, а не быть скованным. Возможно, что это различие не является фундаментальным, хотя Щербак рассматривает этот случай как случай фетишизма садистского происхождения ("Вклад в изучение сексуальных извращений", *Архив неврологии*, октябрь 1907 г.). Испытуемый был высокоинтеллектуальным, хотя и неврастеничным юношей, который с 5-летнего возраста глубоко интересовался преступниками, закованными в кандалы и отправленными в тюрьму. Судьба сибирских заключенных была частым источником длительных размышлений. Только заковывание в кандалы интересовало его, и он потратил много времени, пытаясь представить чувства закованных в кандалы узников, и ему часто представлялось, что он сам был закованным в кандалы узником. (Это, по-видимому, указывает на то, что импульс был по своему происхождению в такой же степени мазохистским, как и садистским, и его лучше описать как алголагию, чем как садизм.) Он получал удовольствие от историй и фотографий скованных людей. В возрасте 15 лет пол скованного человека стал иметь большое значение, и его интересовали в основном скованные женщины. Появился и новый элемент: его привлекали хорошо одетые женщины, особенно те, что носили элегантные туфли, и ему доставляло удовольствие представлять их скованными. Он сковал свои собственные ноги цепями, пытаясь расхаживать по своей комнате в таком состоянии, но испытывал от этого сравнительно мало удовольствия. В возрасте 15 лет он встретил женщину на 10 лет старше себя и обладающую

большим умом. Когда он начал узнавать ее более близко, она позволила ему позволить себе вольности; он связал ей руки за спиной, и это вызвало у него бурное, но восхитительное чувство, которого он никогда раньше не испытывал. В следующий раз он связал вместе ее ноги и руки; когда он делал это, ее туфли слегка касались его половых органов; это вызвало эрекцию и семяизвержение, сопровождавшиеся самым острым сексуальным наслаждением, которое он когда-либо испытывал. У него не было желания видеть ее обнаженной или обнажаться самому, и пока длились эти отношения, у него не возникало ненормальных мыслей в другое время или в связи с другими людьми. Он никогда не мастурбировал, и его сексуальные мечты были о скованных мужчинах или женщинах. Щербак подробно обсуждает этот случай и считает, что это, по сути, пример садизма, на том основании, что импульс к сковыванию был вызван желанием унижить. Однако нет никаких свидетельств какого-либо такого желания, и, на самом деле, никакого унижения произведено не было. Первичным и фундаментальным элементом в этом и подобных случаях является почти абстрактное сексуальное влечение к идее ограничения, будь то пережитое, причиненное или просто увиденное или воображаемое; ноги становятся главным фокусом этого влечения и основой, на которой имеет тенденцию возникать фетишизм ног или обуви, потому что ограничение ног производит более заметный эффект, чем ограничение рук.

[120] Ослабленная и символическая форма этого импульса проявляется в желании душить птиц с целью стимулирования или даже удовлетворения сексуального влечения. Проститутки иногда знакомятся с мужчинами, которые приносят с собой живого голубя, чтобы его задушили непосредственно перед половым актом. Ланфир из Сент-Луиса (*психиатр и невролог*, май 1907 г., стр. 204) знал женщину, обучавшуюся мастурбации в монастырской школе, которая была только возбуждена, но не удовлетворена половым актом со своим мужем, и ей пришлось встать с постели, поймать и приласкать курицу и, наконец, свернуть ей шею, после чего наступил оргазм.

[121] Однако даже молодые девушки могут испытывать удовольствие от игривой попытки придушить. Так, женщина, рассказывающая о себе в период полового созревания, когда у нее была привычка мастурбировать, пишет (*Сексуальная проблема*, август 1909 г., стр. 636): "У меня появилось желание хватать людей, особенно девочек, за горло, и мне нравилась их манера кричать".

[122] Годар заметил, что когда животным пускают кровь, или их валят, а также душат, часто происходят обильные выделения, богатые сперматозоидами, но без эрекции, хотя и сопровождающиеся теми же движениями хвоста, что и во время совокупления. Робин (статья "Состояние", *Энциклопедический словарь медицинских наук*), который цитирует это наблюдение, имеет следующие замечания по этому поводу: "Семяизвержение, происходящее в тот момент, когда прекращается кровообращение, поддерживаемое искусственно, является важным фактом. Это показывает, как застойные состояния — или, наоборот, анемические состояния — представляют собой органические состояния, достаточные для приведения в движение активности нервных центров, как в случае с сократительной способностью мышц. ... Все приводит нас к мысли, что в момент, когда происходит двигательное нервное действие, в игру также вступают соответствующие чувствительные центры". Следует добавить, что Миновичи в своем подробном исследовании смерти через повешение ("Этюд о повешении", *Архив криминологии*, 1905, особенно стр. 791 и далее.) приходит к выводу, что

набухание полового члена и выделение семенной жидкости (иногда только секрета предстательной железы), обычно наблюдаемые в этих случаях, являются чисто пассивными и, как правило, хотя и не всегда, происходят посмертно. Следовательно, смерть через повешение не доставляет сексуального удовольствия, и люди, которые были спасены в последний момент, не испытали никаких сладострастных ощущений. Так было даже в случае, упомянутом Миновичи, с мужчиной, который повесился исключительно с целью получения сексуального удовольствия.

[123] Эйленбург, *Сексуальная нейропатия*, стр. 114.

[124] Бернальдо де Кирос и Льянос Агиланьедо (*La Mala Vida en Madrid*, стр. 294) знали случай с мужчиной, который находил удовольствие в том, что лежал на наклонной кушетке, в то время как проститутка позади него дергала за скользящий узел, пока он чуть не задохнулся; это был единственный способ, которым он мог достичь сексуального удовлетворения.

Следует отметить, что остановка дыхания, как и некоторые другие эмоциональные состояния, может сопровождать сильное сексуальное возбуждение; вспоминаются отрывки из *"Тысячи и одной ночи"*, в которых нам рассказывается о дамах, которые при виде очень красивого юноши "почувствовали, что рассудок покидает их, захотели обнять чудесного юношу и перестали дышать". Заторможенное дыхание действительно, как показывает Стивенс (*"Исследование внимания"*, *Американский психологический журнал*, октябрь 1905 г.), характерно для всего активного внимания.

[126] Точная роль дыхания и даже кровообращения в формировании эмоциональных состояний до сих пор не ясна, хотя были проведены различные эксперименты; см., например, Энджелл и Томпсон, *"Исследование отношений между определенными органическими процессами и сознанием"*, *Psychological Review*, январь 1899 г. Краткое изложение взаимосвязи дыхания и кровообращения с эмоциональными состояниями можно найти в *"Очерках психологии"* Кюльпе, часть I, раздел 2, § 37.

[127] Слова, на которые ссылается мой корреспондент, следующие: "Мне нужна была борьба; мне нужно было, чтобы чувство руководило жизнью, а не чтобы жизнь руководила чувствами. Мне хотелось подойти с ним к краю пропасти и сказать: "Вот шаг, и я брошусь вниз; а вот движение, и я погибну"; и чтобы он, побледнев, схватил меня в свои сильные руки, держал над ней до тех пор, пока у меня не похолодеет сердце, а потом унес меня, куда ему заблагорассудится". Весь отрывок, в котором встречаются эти строки, представляет значительный психологический интерес. В одном из английских переводов рассказ называется *Семейное счастье*.

V.

Содержание

Боль, а не Жестокость, существенный элемент садизма и мазохизма — Боль, Ощущаемая как удовольствие, — Отождествляет ли Себя садист с Чувствами своей Жертвы?—Садист часто переодетый мазохист — Зрелище боли или Борьбы как сексуальный стимулятор.

В приведенном выше кратком обзоре большой группы проявлений, в которых сексуальные эмоции вступают в тесную связь с болью, стало довольно ясно, что обычное разделение между "садизмом" и "мазохизмом", какими бы удобными ни были эти термины, имеет очень слабое соответствие фактам. Садизм и мазохизм можно рассматривать как взаимодополняющие эмоциональные состояния; их нельзя рассматривать как противоположные состояния.^[128] Даже самого Де Сада, как мы видели, вряд ли можно считать чистым садистом. Отрывок в одной из его работ, выражающий сожаление по поводу того, что садистские чувства редки среди женщин, а также его определенное признание того факта, что страдание от боли может вызывать сладострастные эмоции, показывает, что он не был нечувствителен к очарованию мазохистского опыта, и очевидно, что просто кровожадный вампир, в здравом уме или безумен, никогда не смог бы сохранить, как сохранил Де Сад, бессмертную преданность двух женщин, столь превосходящих его сердцем и умом, как его жена и невестка. Если бы Де Сад обладал какой-либо беспричинной любовью к жестокости, это проявилось бы в дни революции, когда человеку было безопаснее симулировать жажду крови, даже если он ее не чувствовал, чем проявлять человечность. Но Де Сад отличился в то время не только своей общей филантропической деятельностью, но и тем, что с большим риском для себя спас от эшафота тех, кто причинил ему вред. Ясно, что, помимо органически болезненного поворота, с помощью которого он получал сексуальное удовлетворение от боли своей партнерши — жажды, которая, по большей части, удовлетворялась только в воображаемых видениях, развившихся до нечеловеческой степени под влиянием одиночества, — Де Сад был просто, для тех, кто его знал, "бесцельным *mauvais sujet*", одаренным исключительными интеллектуальными способностями. Пока мы этого не осознаем, мы рискуем смешать Де Сада и ему подобных с людьми, среди которых судья Джеффрис был самым зловещим типом.

Необходимо подчеркнуть этот момент, потому что не может быть сомнений в том, что Де Сад действительно является типичным примером группы извращений, которую он представляет, и когда мы понимаем, что только боль, а не жестокость, является существенной в этой группе проявлений, мы начинаем приближаться к их объяснению. Мазохист желает испытывать боль, но обычно он желает, чтобы она причинялась из любви; садист желает причинять боль, но в некоторых случаях, если не в большинстве, он желает, чтобы это ощущалось как любовь. Насколько Де Сад сознательно желал, чтобы боль, которую он стремился причинить, ощущалась как удовольствие, возможно, сейчас невозможно выяснить, разве что путем косвенных умозаключений, но признания садистов показывают, что такое желание довольно часто бывает существенным.

Я в долгу перед дамой за следующее сообщение по предыдущему аспекту этого вопроса: "Я считаю, что, когда человек получает удовольствие от причинения боли, он или она представляет себя на месте жертвы. Это могло бы объяснить трансмутативность двух наборов чувств. Это может быть особенно верно в случае с мужчинами. Мужчина может не желать унижать свое достоинство и тщеславие, ставя себя в подчинение женщине, и он может опасаться, что она почувствует к нему презрение. Подчиняя ее и подвергая пассивному ограничению, он сохранял, даже усиливал свою собственную власть и достоинство, в то же время получая отраженное удовольствие от того, что, как он представлял, она чувствовала."

"Я думаю, что когда я получаю удовольствие от идеи подчинения другого, именно это отраженное удовольствие я и получаю. И если это так, то можно было бы более благожелательно относиться к людям, виновным в жестокости, которая до сих пор всегда

казалась единственным непростительным грехом. Даже преступники, если верно, что они сами часто очень бесчувственны, могут в момент возбуждения вообразить, что они причиняют всего лишь пустяковую боль, как это было бы для них самих, и что чувства их жертвы действительно приятны. Все мужчины, которых я знала, больше всего склонные причинять боль, были особенно мягкосердечны, когда их страсти не подвергались сомнению. Я не могу понять, как (как в случае, упомянутом Краффт-Эбингом) мужчина мог находить какое-либо удовольствие в том, чтобы связывать девушке руки, кроме как воображая то, что, как он предполагал, было ее чувствами, хотя он, вероятно, не осознавал бы, что ставит себя на ее место.

"В детстве я пользовался большим авторитетом и влиянием на свою младшую сестру. Раньше мне доставляло немалое удовольствие быть с ней несколько деспотичным и суровым, но, хотя я никогда не признавался в этом ни себе, ни ей, я инстинктивно чувствовал, что ей доставляет удовольствие мое обращение. Раньше я давал ей детские уроки, к которым был очень строг. Я придумала катехизисы и главы из Библии, в которых старшим сестрам предписывалось держать младших в дисциплине, а младшим сестрам предписывалось безоговорочно подчиняться. Некоторые части *Имитации* походили на подобную пародию, которая никогда не казалась мне непочтительной. Я обычно отдавал ей произвольные приказы, чтобы "тренировать ее в послушании", как я ей говорил, и я обычно наказывал ее, если она не повиновалась мне. Во всем этом я, *хотя и наполовину осознанно*, руководствовался своими собственными чувствами относительно того, чего бы мне хотелось на ее месте. Например, я заставлял ее отложить игрушки, прийти и повторить урок; но, хотя внешне ее воля была подчинена моей, я всегда выбирал момент, когда предвидел, что она скоро устанет играть. Соппротивление было достаточным, чтобы сделать сдержанность приятной, но не настолько, чтобы сделать ее утомительной. В своих наказаниях я действовал по аналогичному принципу. Раньше я связывал ей руки за спиной (как мужчина в случае с Краффт-Эбингом), но только на несколько мгновений; однажды я запер ее в чем-то вроде чулана, тоже на очень короткое время. Два или три раза я полностью раздевал ее, заставлял лечь на кровать, привязывал руки и ноги к спинке кровати и слегка порол. Я не хотел причинять ей боль, только причинить ровно столько боли, чтобы вызвать желание двигаться или сопротивляться. *Мое удовольствие, очень острое, было вызвано воображаемым возбуждением, вызванным пресечением этого желания.* (Не являются ли ваши собственные слова о том, что "эмоция" — это "движение в более или менее остановленной форме", эпиграмматическим обобщением всего этого, хотя и в несколько иной связи?) Я раздевал ее не из-за какой-либо связи наготы с сексуальным чувством, а просто для того, чтобы усилить ее ощущение беспомощности и незащитности под моими руками. Если бы я был мужчиной, а женщина, которую я любил, была непокорной, я бы раздел ее, прежде чем придираться к ней. Женское платье символизирует для нее защиту, которую цивилизация предоставляет слабым, и придает ей фиктивную силу. Обнаженная, она оказывается лицом к лицу с примитивными условиями, ее слабость противостоит мужской силе. Кроме того, чувство стыда оттого, что она обнажена перед глазами мужчины, который смотрит на нее с неудовольствием, переросло бы в ее оскорбление и дало бы ему явное, хотя, возможно, и несправедливое, преимущество. Я использовал щетинистую сторону щетки, чтобы наказать ее, как предполагающую наибольшую суровость при минимально возможной боли. На самом деле, моя идея состояла в том, чтобы вызвать максимум эмоций при минимуме реального дискомфорта.

Однако вы не должны предполагать, что в то время я вообще рассуждал об этом подобным образом. Я очень любил ее и искренне верил, что делаю это для ее блага. Если бы я осознал

тогда, как осознаю сейчас, что моей единственной целью было физическое удовольствие, я думаю, что мое удовольствие прекратилось бы; в любом случае я не чувствовал бы себя оправданным в таком обращении с ней. Убеждаю ли я вас в том, что мое удовольствие было отражением ее удовольствия? Думаю, это ясно из того факта, что я получил его только тогда, когда она была готова подчиниться. Любое *реальное* сопротивление или признаки того, что я переступал границу удовольствия в ней и призывал к боли без возбуждения, заставляли меня воздерживаться и мое собственное удовольствие прекращалось.

"Я отказываюсь от всякого альтруизма в моих отношениях с моей сестрой. То, что происходит, представляется мне следующим образом: ситуация привлекает человека в воображении, и он сразу же желает перенести ее в сферу действительности, будучи сам одним из главных действующих лиц. Если кому-то импонирует пассивная сторона, он предпочел бы быть пассивным; но если этого невозможно достичь, то он выбирает активную сторону в качестве следующей лучшей. Однако в любом случае удовольствие доставляет *реализация воображаемой ситуации*, а не удовольствие другого человека как таковое, хотя его или ее предполагаемое удовольствие создает ситуацию. Если бы я был мужчиной, мне доставило бы огромное удовольствие держать женщину над пропастью, даже если ей это не нравится. Эта идея привлекла меня так сильно, что я не мог не *представить себе* ее удовольствие, хотя мог бы *знать*, что она его не получила, и даже несмотря на то, что она всячески демонстрировала страх и неприязнь по этому поводу. Ситуация, которую так часто воображают, стала бы фактом. Мне кажется, я должен сказать, что есть и чего нет на одном дыхании, но путаница только в словах.

"Позвольте мне привести вам еще один пример: у меня есть ручной голубь, который очень привязан ко мне. Он садится мне на плечо и приседает, расправив крылья, как это делают птицы во время ухаживания, клюет меня, чтобы я обратил на него внимание, и взмахивает крыльями. Мне нравится держать его так, чтобы он не мог пошевелить крыльями, потому что я представляю, как это усиливает его возбуждение. Если он сопротивляется или, кажется, ему не нравится, что я его держу, я отпускаю его.

"Во время ранней помолвки (впоследствии разорванной) мой *жених* получал явное удовольствие, рассказывая мне, как он накажет меня, если я ослушаюсь его, когда мы поженимся. Хотя у нас было мало общего в умственном отношении, меня часто поражало сходство между его идеями и моими собственными в отношении моей сестры. Он самым капризным образом использовал свою власть надо мной. Однажды он не позволил мне поужинать на танцах. В другой раз он возражал против того, чтобы я пила черный кофе. Не проходило и дня без приказа или запрета по какому-нибудь пустяковому вопросу. Однако всякий раз, когда он видел, что мне действительно не нравится это вмешательство, или оказывал какое-либо решительное сопротивление, что случалось очень редко, он сразу же позволял мне поступать по-своему. Я не могу не думать, когда вспоминаю различные обстоятельства, что он получал определенное удовольствие, как и я со своей сестрой, почти бессознательно перенося мои чувства на себя.

"Я также обнаруживаю, что, когда я хочу, чтобы мужчина сказал или сделал со мной то, что доставило бы мне удовольствие, а он не доставляет мне удовольствия, я испытываю сильное желание поменяться местами, быть мужчиной и заставить его, как женщину, чувствовать то, что я хочу чувствовать. В сочетании с этим возникает чувство раздражения из-за того, что я не

получаю удовлетворения, и желание наказать его за мои лишения, за его глупость, заключающуюся в том, что он не говорил и не поступал правильно. Я не испытываю никакого гнева на мужчину, который не заботится обо мне, а только за то, что он не угадал моих чувств, когда ему это не безразлично.

Теперь позвольте мне взять другой случай: случай мужчины, который испытывал удовольствие, застав врасплох женщину, готовящую воду. (*Ср. Архив криминологии*, 15 ноября 1900 г.) Здесь, по-видимому, фактором является смущение женщины; но мне кажется, здесь должно быть нечто большее, поскольку смущение может быть вызвано множеством других способов, например, если бы ее застали купающейся или раздетой, хотя оно может быть и не таким острым. На самом деле, я полагаю, что она была бы проверена в том, что она делала, и что мужчина, возможно, бессознательно, представил себе эту проверку и вызванное ею возбуждение. То, что такая проверка иногда вызывает волнение, я знаю по опыту путешествий. Если мочевого пузыря не опорожняется перед подключением, удовольствие часто бывает более интенсивным. Задолго до того, как я вообще понял эти вещи, меня поразила эта цитата: "*Cette volupte* - это то, что не дает покоя на границах мира, где ты наслаждаешься жизнью без границ?" Как подействовала бы на мужчину внезапная остановка в наивысший момент сексуального наслаждения? В действительности, я полагаю, боль, поскольку нервы были бы полностью напряжены и неспособны реагировать на какой-либо дальнейший стимул; но в воображении нервы человека находятся в наивысшем напряжении, и человек воображает усиление или, во всяком случае, продление приятных ощущений. Что-то из всего этого, какое-то смутное *отражение* возможных ощущений женщины, кажется, проникает в чувства мужчины, удивляя женщину. В любом случае, его удовольствие от ее замешательства кажется мне отражением ее чувств, потому что чувство стыда и смущения перед мужчиной очень возбуждает, и вдвойне, если понимаешь, что мужчине это нравится. Уида говорит о "восхитительном стыде", который пережила "Фоль Фарин".

"Мне кажется, что всякий раз, когда на нас воздействуют эмоции другого человека, мы практически, хотя и бессознательно, ставим себя на его место; но мы не всегда способны точно оценить их интенсивность или учесть различия между нами и другим человеком, а в случае с болью это вдвойне сложно, поскольку мы никогда не можем вспомнить саму боль, а только ее психическое воздействие на нас. Мы даже не можем вспомнить ощущение тепла, когда нам холодно, или наоборот, с какой-либо степенью яркости.

"Одна женщина рассказала мне о мужчине, который часто спрашивает ее, не хотела бы она, чтобы он ее выпорол. Он сильно разочарован, когда она говорит, что не получает от этого никакого удовольствия, поскольку это дало бы ему так много, если бы он это сделал. Он не может поверить, что она ничего не испытывает, потому что ему бы так сильно понравилось, если бы он был девушкой. В другом случае мужчина думает, что женщина *должна* получать удовольствие от страданий, *потому что* он получил бы огромное удовольствие, причиняя их! Почему это происходит, если только ему не хотелось бы, чтобы это была женщина, и он путает в своем сознании две личности? Все знакомые мне мужчины, склонные к садизму, признают, что если бы они были женщинами, то хотели бы, чтобы с ними жестоко обращались.

"Конечно, я вполне понимаю, что может возникнуть много осложнений; может проявиться естественный гнев мужчины при сопротивлении, а также простое, не сексуальное удовольствие от актов сокрушения и т.д. Я всегда испытываю желание раздавить что-нибудь очень мягкое или

человека с очень красивыми густыми волосами, потереть друг о друга две блестящие поверхности, два кусочка атласа и т.д., Без всякого чувства возбуждения. Мое объяснение относится только к той части садизма, которая заключается в сексуальном наслаждении чужой болью".

О том, что вышеупомянутая точка зрения справедлива в отношении следов садизма, обнаруживаемых в нормальных пределах сексуальных эмоций, уже говорилось. Мы также можем полагать, что это верно во многих действительно извращенных случаях. В этой связи можно сослаться на интересный случай, о котором сообщила Молл, о замужней даме 23 лет с ярко выраженными садистскими чувствами. Она принадлежит к нормальной семье и сама, по-видимому, вполне здорова, высокая и крепко сложенная особа, женственного телосложения, любит музыку и танцы, обладает интеллектом выше среднего. Ее извращенные наклонности неявно проявились примерно в 14 лет, когда в ней начала доминировать мысль о том, какое удовольствие было бы ударить и помучить мужчину, но не были четко определены до 18 лет, в то время как в раннем возрасте она любила дразнить мужчин и противоречить им, хотя никогда не испытывала такого же влечения к женщинам. Она никогда, за исключением очень незначительной степени, на самом деле не претворяла свои идеи в жизнь ни со своим мужем, ни с кем-либо еще, будучи сдерживаемой, по ее словам, чувством стыда. Коитус, хотя и часто практикуемый, не доставляет ей удовольствия, более того, кажется ей несколько отвратительным и никогда не приводил к оргазму. Ее собственные идеи также, хотя и доставляли ей большое удовольствие, не вызывали определенного сексуального возбуждения, за исключением двух или трех случаев, когда они сочетались с воздействием алкоголя. Она искренне сожалеет о том, что современные социальные отношения не позволяют ей найти сексуальное удовлетворение единственным способом, которым такое удовлетворение было бы для нее возможно.

Ее главным наслаждением было бы мучить мужчину, к которому она была привязана всеми возможными способами; причинять физическую и душевную боль доставляло бы ей равное удовольствие. "Я бы кусала его до крови, как я часто делала со своим мужем. В этот момент всякое сочувствие к нему исчезло бы". Она часто отождествляет своего воображаемого возлюбленного с реальным мужчиной, к которому, как ей кажется, она могла бы испытывать гораздо большее влечение, чем к своему мужу. Она воображает себе, что назначает встречу этому любовнику и что добирается до места встречи в своей карете, но только после того, как ее возлюбленный очень долго ждет ее на холоде. Тогда он должен почувствовать всю ее власть, он должен быть ее рабом, не имеющим собственной воли, и она будет пытаться его различными орудиями, которые ей понравятся. Она использовала розгу, хлыст для верховой езды, связывала его, заковывала в цепи и так далее. Но следует отметить, что она заявляет: *"это могло бы, в общем, доставить мне удовольствие только в том случае, если бы соответствующий мужчина переносил такую пытку с определенным удовольствием"*. Он действительно должен корчиться от боли, но в то же время находиться в состоянии сексуального экстаза, за которым следует удовлетворение". Однако его удовольствие не должно быть настолько велико, чтобы заглушить его боль; если бы это произошло, ее собственное удовольствие исчезло бы, и она сочла остроумным своего мужа, что, когда он целовал его, ее укусы доставляли ему большое удовольствие, она сразу же воздерживалась.

Далее следует отметить, что только боль, которую она сама причинила, доставила бы ей удовольствие. Если бы любовник пострадал от несчастного случая или раны, она убеждена, что

была бы полна сочувствия к нему. За пределами своей особой сексуальной извращенности она отзывчива и очень щедра. (Moll, *Konträre Sexualempfindung*, 1899, pp. 507–510.)

Этот случай интересен как простой пример почти чисто идеального садизма. Интересно отметить чувства субъекта-садиста по отношению к чувствам своего воображаемого возлюбленного. Вероятно, важно то, что, в то время как его удовольствие считается существенным, его боль считается еще более существенной, и возникающая в результате очевидная путаница вполне может относиться к самой сути всего явления. Удовольствие воображаемого любовника должно быть обеспечено, иначе манифестация выйдет за рамки сексуальной сферы; но его удовольствие должно любой ценой сочетаться с его болью, поскольку в глазах садиста боль жертвы стала заместительной формой сексуальной эмоции. То, что в то же время садист желает доставить удовольствие, а не боль, находит подтверждение в том факте, что он часто настаивает на симулировании удовольствия, даже если оно не ощущается. Несколько лет назад богатый еврейский торговец приобрел печальную известность тем, что пытал девушек, с которыми у него были половые сношения; его выступления принесли ему титул "*человек без привязанности*" и привели к его судебному преследованию. У него было в обычае тратить несколько часов на то, чтобы втыкать булавки в различные части тела девушки, но было важно, чтобы на протяжении всего процесса у нее было улыбающееся лицо. (Hamon, *La France Sociale et Politique*, 1891, p. 445 et seq.)

Таким образом, мы должны признать, что садизм ни в коем случае не предполагает какой-либо любви к причинению боли вне сферы сексуальных эмоций и даже совместим с высокой степенью общей мягкосердечности. Мы также должны признать, что даже в сексуальной сфере садист ни в коем случае не желает исключать удовольствие жертвы и может даже рассматривать это удовольствие как необходимое для его собственного удовлетворения. Далее, мы должны признать, что ввиду тесной связи между садизмом и мазохизмом весьма вероятно, что в некоторых случаях садист на самом деле является замаскированным мазохистом и наслаждается болью своей жертвы, потому что отождествляет себя с этой болью.

Но есть еще одна группа случаев, и очень важная группа, поскольку она проливает свет на сущностную природу этих явлений, и это группа, в которой мысль или зрелище боли действуют как сексуальный стимулятор, при этом субъект четко не идентифицирует себя ни с тем, кто причиняет боль, ни с тем, кто страдает от нее. Такие случаи иногда классифицируются как садистские; но это неверно, поскольку с таким же успехом их можно было бы назвать мазохистскими. К ним можно было бы правильно применить термин "*алголагния*" (и Эйленбург теперь классифицирует их как "*идеальную алголагнию*"), поскольку они выявляют недифференцированную связь между сексуальным возбуждением и болью, не перерастающую ни в активное, ни в пассивное участие. Такие чувства могут возникать спорадически у лиц, у которых, как можно сказать, нет садистских или мазохистских извращений, хотя обычно они проявляются у лиц с невротическим темпераментом. Казанова описывает пример такой ассоциации, который сразу же бросился ему в глаза во время пыток и казни Дамьена в 1757 году.^[129] У. Г. Стернс знал мужчину (чрезмерно мастурбировавшего и имевшего половые сношения), который желал увидеть, как его жена родит ребенка, и в конце концов стал импотентом без этой идеи. Он был свидетелем многих родов и особенно испытал сладострастное удовлетворение при родах первородящей, когда страдания были самыми сильными.^[130] Однако может быть достаточно одного очень незначительного эпизода. В одном известном мне случае мужчина, не имевший ни садистских, ни мазохистских наклонностей,

когда, сидя и глядя в окно, увидел, как паук вылезает из своей норы, чтобы схватить муху, которая только что попала в его паутину; наблюдая за процессом, он почувствовал мощную эрекцию, чего никогда раньше не происходило при подобных обстоятельствах.^[131] При благоприятных условиях некоторые инциденты такого рода в раннем возрасте могут оказать решающее влияние на сексуальную жизнь. Тамброни из Феррары описывает случай с мальчиком 11 лет, который впервые испытал сладострастные эмоции, увидев в иллюстрированном журнале фотографию мужчины, топчущего его дочь; с тех пор он был вынужден вызывать этот образ при мастурбации или половом акте.^[132] Фере зафиксировал поучительный случай. В этом случае женщина с невротической наследственностью, с одной стороны, и сама склонная к истерии, пережила свой первый сексуальный кризис в возрасте 13 лет, вскоре после того, как установилась менструация, и когда она только что оправилась от приступа хореи. У ее старой няни, которая осталась прислуживать семье, был непутевый сын, который исчез на несколько лет и только сейчас внезапно вернулся и бросился, плача и рыдая, на колени своей матери, которая оттолкнула его. Молодая девушка случайно стала свидетельницей этой сцены. Крики и рыдания вызвали в ней сексуальное возбуждение, которого она никогда раньше не испытывала. От неожиданности она бросилась прочь в соседнюю комнату, где, однако, все еще слышала рыдания, и вскоре ее охватил сексуальный оргазм. Она была очень встревожена этим происшествием и тем влечением, которое теперь испытывала к мужчине, которого никогда раньше не видела и которого всегда считала ничемным бродягой. Вскоре после этого ей приснился эротический сон о мужчине, который рыдал у нее на коленях. Позже она снова увидела сына медсестры, но была приятно удивлена, обнаружив, что, несмотря на приятную внешность юноши, он больше не вызывал у нее никаких эмоций и исчез из ее памяти, хотя эротические сны о неизвестном рыдающем мужчине по-прежнему посещали ее довольно часто. В течение следующих десяти лет она страдала от различных расстройств более или менее истерического характера и, хотя и не была склонна к мысли о замужестве, отказывалась от всех предложений, поскольку ни один мужчина ее не привлекал. В возрасте 23 лет, находясь в Пиренеях, она совершила экскурсию в Испанию и присутствовала на бое быков. Она была очень взволнована обвинениями быка, особенно когда обвинение было внезапно снято.^[133] Она не испытывала интереса ни к одному из мужчин, которые принимали участие в представлении или присутствовали при нем; ни один мужчина не занимал ее воображение. Но она испытала сексуальные ощущения и сопутствующее им общее возбуждение, которые были в высшей степени приятными. После того, как один бык несколько раз подряд атаковал, наступил оргазм. Она считала все это представление варварским, но не могла устоять перед желанием присутствовать на последующих боях быков, и это желание несколько раз удовлетворялось, всегда с одними и теми же результатами, которые впоследствии часто повторялись во сне. С этого времени она начала проявлять интерес к скачкам, которые, как она теперь обнаружила, производили тот же эффект, хотя и не в такой степени, особенно когда случалась осень. Впоследствии она вышла замуж, но никогда не испытывала сексуального удовлетворения, кроме как при этих ненормальных обстоятельствах или во сне.^[134]

Как показывает предыдущий случай, лошади, и особенно бегущие или бьющиеся лошади, иногда оказывают такое же воздействие на возбуждение сексуальных эмоций, особенно на лиц, предрасположенных к невротической наследственности, каким, как мы обнаружили, обладает зрелище боли. Медицинский корреспондент в Новой Зеландии рассказывает мне о своем собственном пациенте, молодом плотнике 26 лет, не отличающемся хорошим здоровьем,

который никогда не мастурбировал и не имел связи с женщиной. Он жил в комнате с видом на двор конюшни, где среди прочих животных содержалась большая черная лошадь. Почти каждую ночь ему снился сон, в котором ему казалось, что он преследует эту большую черную лошадь, и когда он ловил ее, что он неизменно делал, происходило обильное выделение. Отпуск за городом и тонизирующее лечение развеяли сны и снизили частоту ночных поллюций до нормальной. Фере зафиксировал случай с мальчиком с наследственной невропатией, который в возрасте 14 лет однажды собирался заняться взаимной мастурбацией с другим мальчиком своего возраста. Они сидели на склоне холма, откуда открывался вид на крутую дорогу, и в этот момент по дороге подъехала тяжелая повозка, запряженная четверкой лошадей, которые с трудом поднимались, подбадриваемые криками и кнутом возницы. Это зрелище усилило сексуальное возбуждение мальчика, которое достигло своего апогея, когда одна из лошадей внезапно упала. Он никогда прежде не испытывал такого сильного возбуждения, и всегда после этого подобное зрелище борющихся лошадей производило подобный эффект.^[135]

В этой связи можно сослаться на частоту, с которой сняты борющиеся лошади в связи с расстройствами или болезнями сердца. В таких случаях становится ясно, что борющиеся лошади, по-видимому, воплощают в сознании сновидения и объясняют тяжелую борьбу, которой подвергается сердце. Они становятся, так сказать, визуальным символом сердечного угнетения. Во многом таким же образом, по-видимому, под влиянием сексуального возбуждения, при котором нарушение сердечной деятельности является одним из главных составляющих элементов, бьющиеся лошади стали сексуальным символом, и, достигнув этого положения, отныне только они способны вызывать сексуальное возбуждение.

[128] Это мнение, по-видимому, согласуется с выводами Эйленбурга, посвятившего Де Саду специальное исследование, и указывает на то, что обычная концепция "сализма" слишком узка. (Eulenburg, *Sexuale Neuropathie*, 1895, p. 110 et seq.)

[129] Казанова, *Воспоминания*, том. viii, стр. 74-76. Гонкур в своем *Дневнике*, датированном апрелем 1862 года (т. ii, стр. 27), рассказывает историю англичанина, который снял комнату с видом на эшафот, где должен был быть повешен убийца, предложив взять с собой женщину и воспользоваться возбуждением, вызванным этой сценой. Эта схема была сорвана отменой смертной казни.

[130] *Психиатр и невролог*, май 1907 г., стр. 204.

[131] Это зрелище паука и мухи, по-видимому, действительно особенно склонно оказывать сексуальное воздействие. Я слышал о точно подобном случае у мужчины с выдающимся интеллектом, а другой - у дамы, которая однажды призналась в чувстве "изысканного удовольствия" при одном только звуке предсмертной агонии мухи в паутине.

[132] Цитируется Обичи и Маркезини, *Дружеские отношения коллегии*, стр. 245.

[133] Можно отметить, что мы уже несколько раз сталкивались с этим усилением возбуждения, вызванным остановкой движения. Эффект возникает независимо от того, является ли остановка свидетелем или она действительно испытана. "Мужчина может усилить возбуждение женщины, - пишет одна дама, - запретив ей каким-либо образом отвечать на его ласки. Невозможно

оставаться совершенно пассивным более нескольких секунд, но в течение этих нескольких секунд возбуждение значительно усиливается ". Подобным образом мне рассказывали о мужчине с блестящими интеллектуальными способностями, который очень редко вступал в связь с женщиной без того, чтобы не заставить ее сжать рукой основание мочеиспускательного канала до такой степени, чтобы затруднить прохождение спермы. При отдергивании руки происходит обильное выделение, но именно шок от остановки, вызванный сжатием, доставляет ему высшее наслаждение. Он практиковал этот метод в течение многих лет без серьезных результатов.

[134] Féré, "Le Sadisme aux Courses de Taureaux," *Revue de médecine*, August, 1900.

[135] Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 255.

VI.

Содержание

Почему Боль является сексуальным стимулятором?—Это самый эффективный метод возбуждения эмоций—Гнев и страх — самые сильные эмоции—Их биологическое значение при ухаживании—Их общие и особые эффекты в стимулировании организма—Горе как сексуальный стимулятор—Физиологический механизм усталости Делает боль приятной.

Мы видели, что различие между "садизмом" и "мазохизмом" не может быть сохранено; мало того, что даже сам Де Сад был в чем-то мазохистом, а Захер-Мазох - в чем-тосадистом, но между этими двумя крайними группами явлений существует центральная группа, в которой алголагния не является ни активной, ни пассивной. "Садизм" и "мазохизм" - это просто удобные клинические термины для обозначения классов проявлений, которые довольно часто встречаются у одного и того же человека. Далее мы обнаружили, что — как и можно было ожидать с учетом вышеизложенного результата — вряд ли корректно использовать слово "жестокость" в связи с рассматриваемыми нами явлениями. Люди, испытывающие эти импульсы, обычно не проявляют любви к жестокости вне сферы сексуальных эмоций; они могут даже быть очень нетерпимы к жестокости. Даже когда в игру вступают их сексуальные импульсы, они могут по-прежнему желать доставить удовольствие людям, которые вызывают у них сексуальные эмоции, хотя не часто бывает правдой, что те, кто желает причинить боль в эти моменты, отождествляют себя с чувствами тех, кому они ее причиняют. Таким образом, мы увидели, что, когда мы проводим всесторонний обзор всех этих явлений, их может охватить только несколько общая формула. Наш вывод на данный момент должен заключаться в том, что при определенных ненормальных обстоятельствах боль, особенно ментальная репрезентация боли, действует как мощный сексуальный стимулятор.

Однако читатель, который проследил за обсуждением до этого момента, будет готов сделать следующий и заключительный шаг в нашем обсуждении и прийти к более определенному выводу. Естественно возникает вопрос: посредством какого процесса боль или ее ментальная репрезентация таким образом действует как сексуальный стимулятор? Ответ снова и снова

подсказывался фактами, приведенными в этом исследовании. Боль действует как сексуальный стимулятор, потому что это самый мощный из всех методов возбуждения эмоций.

Две эмоции, наиболее тесно связанные с болью, - это гнев и страх. Более мужская и стеническая эмоция гнева, более пассивная и астеническая эмоция страха - это фундаментальные животные эмоции, через которые с психической стороны в значительной степени работает процесс естественного отбора. Каждое животное в какой-то степени обязано своим выживанием эмоциональной реакции гнева на более слабых соперников, эмоциональной реакции страха на более сильных соперников. Этой причине мы обязаны тем, что эти две эмоции так сильно и глубоко укоренились во всей зоологической серии, к которой мы принадлежим. Но гнев и страх не менее фундаментальны в сексуальной жизни. Ухаживание со стороны самца - это в значительной степени проявление воинственности, и даже сами жесты, с помощью которых самец стремится понравиться самке, часто являются жестами гневной враждебности, с помощью которых он стремится запугать врагов. Со стороны женщины ухаживание - это умелое манипулирование ее собственными страхами, и, как мы видели в другом месте, при изучении феномена скромности, эта фундаментальная позиция женщины в процессе ухаживания - не что иное, как скопление страхов.

Биологическое значение эмоций в настоящее время хорошо признано. "В целом, - замечает один из самых проникательных авторов по психологии животных, - мы можем сказать, что эмоциональные состояния в естественных условиях тесно связаны с поведением, имеющим биологическую ценность, — с тенденциями, полезными для самосохранения и сохранения расы, — с действиями, способствующими выживанию, и особенно с поведением, которое группируется вокруг инстинктов спаривания и родительских инстинктов. Ценность эмоций у животных заключается в том, что они являются косвенным средством дальнейшего выживания". (Ллойд Морган, *Поведение животных*, стр. 293.) Эмоциональные склонности сохраняются не только в силу того факта, что они все еще приносят пользу, но и потому, что когда-то были такими; иными словами, они могут существовать как пережитки. В этой связи я могу процитировать наводящую на размышления статью Ф. Л. Берка "Поддразнивание и травля"; в заключении этого исследования, которое основано на большом массиве данных, касающихся американских детей, автор спрашивает: "Принимая на данный момент теории Спенсера и Рибо о передаче рудиментарных инстинктов, возможно ли, что движения, составляющие главные элементы травли, поддразнивания и эгоистических импульсов в целом для упомянутых классов — преследование, бросание вниз, нанесение ударов кулаками и т.д. — Являются, с точки зрения сознания, разбитые неврологические фрагменты, которые являются частями старых цепочек деятельности, вовлеченных в преследование, бой, поимку, пытки и убийство людей и врагов? ... Разве эта гипотеза о передаваемых фрагментах инстинктов не согласуется со странно аномальным фактом, что дети в один момент кажутся жестокими, а в следующий - нежными и добрыми, как бы колеблющимися между двумя мирами, эгоистичным и альтруистическим, без сознательного чувства несоответствия?" (Ф. Л. Берк, "Поддразнивание и травля", *Педагогическая семинария*, апрель 1897 г.)

Примитивная связь особых эмоций гнева и страха с сексуальным импульсом была хорошо выражена Колином Скоттом в его замечательном исследовании "Секс и искусство": "Если высшие формы ухаживания основаны на борьбе, то по крайней мере у мужчин гнев должен быть тесно связан с любовью. И за обоими этими факторами кроется возможность страха. В бою животное побеждает того, кто испугается первым. Соревновательная демонстрация доблести

внушит менее способным птицам сдерживающий страх. Молодые куропатки и вальдшнепы не попадают в списки со старшими птицами и поют очень тихо. То же самое происходит и с самыми старыми птицами. Одюбон говорит, что старые девы и холостяки канадской гусыни уходят сами по себе во время ухаживания за молодыми птицами. Чтобы преуспеть в любви, страх должен быть преодолен как в мужчине, так и в женщине. Мужество - важнейшая мужская добродетель, любовь - ее результат и награда. Расхаживание, кукареканье, танцы и пение самцов птиц и предварительные движения животных в целом должны насыщать нервно-двигательную и мышечную системы кровью и приводить их в лучшую боевую форму. Воздействие этого на чувства самого животного должно быть очень велико. Наследственные склонности переполняют его сердце. У него есть "радость, которую испытывают воины". Он становится невзирая на опасность, а иногда почти не замечает своего окружения. Эта сильная страстность должна мощно воздействовать на всю систему, и особенно на те части, которые способны, такие как мозг, расходовать большой избыток крови, и на естественные эретические функции секса. Поток гнева или инстинкта борьбы иссушается сексуальными желаниями, антипатия самки преодолевается, и сексуальный союз успешно завершается. ... Ухаживание и борьба перетекают друг в друга, ухаживание имеет тенденцию занимать место более базовой формы боя. Страсти, которые, таким образом, начинают ассоциироваться с любовью, - это страсти страха и гнева, которые, возбуждая всю природу и стимулируя питательные источники, из которых они вытекают, увеличивают силу сексуальной страсти, к которой они приводят и в которой достигают кульминации и поглощаются" (Колин Скотт, "Секс и искусство", *Американский журнал психологии*, vol. vii, № 2, стр. 170 и 215.)

Следует помнить, что страх - это элемент, который может возникать при любом ухаживании с той или иной стороны. Обычно он на стороне самки, но не всегда. Среди пауков, например, страх обычно испытывает самец, и весьма обоснованно, поскольку он намного слабее самки. "Ухаживание самца паука, - говорит Т. Х. Монтгомери ("Ухаживание аранеид", *Американский натуралист*, март 1910 г., стр. 166), - является результатом сочетания состояния желания и страха перед самкой". Именно своими движениями страха он выдает себя перед женщиной как мужчину, и именно этими же движениями он бессознательно побуждается демонстрировать свое собственное украшение.

Таким образом, мы подходим к тем существенным фактам первобытного ухаживания, с которых мы начали. Но теперь мы можем более ясно понять, как получилось, что чужеродные эмоциональные состояния стали ненормально ассоциироваться с сексуальной жизнью. Обычно сексуальное влечение в достаточной степени подкрепляется обычными активными энергиями организма, которые возбуждает само ухаживание, энергиями, которые, хотя в конечном счете они могут быть частично основаны на гневе и страхе, редко позволяют этим эмоциям быть иными, чем латентными. Можно сказать, что движение более заметно, чем эмоция.

Даже обычный стимулятор эмоциональной активности доставляет удовольствие, точно так же, как доставляет удовольствие само движение. Это может быть даже полезно, как давно заметил Эразм Дарвин; он рассказывает о своем друге, который, когда сильно уставал от верховой езды, вызывал идеи, вызывающие негодование, и таким образом снимал усталость, а негодование, как указал Дарвин, усиливало мышечную активность.^[136]

Именно благодаря этому стимулирующему действию дискомфорт, даже боль, могут приветствоваться из-за эмоциональных волн, которые они вызывают, потому что они "приводят в движение мрачное спокойствие морской души" и производят то чередование боли и наслаждения, которого так жаждал Фауст. Гроос, который ссылается на этот отрывок в своем очень тщательном и глубоком обсуждении региона, где трагедия имеет свои психологические корни, указывает, что нас привлекает подавляющая мощь самого шторма, а не мирное затишье после шторма. Точно так же, замечает он, даже удивление и шок также могут быть приятными, а страх, хотя и является самым угнетающим из эмоциональных состояний, благодаря радости, вызываемой сильными стимулами, ощущается как привлекательный; мы не только испытываем импульс удовольствия от доминирования над нашим окружением, но и получаем удовольствие от того, что высшая сила доминирует над нами и делает беспомощными.^[137] У Хирна, опять же, в его работе "Истоки искусства" есть интересная глава о "Наслаждении болью", феномене, который он объясняет возникающими в результате реакциями на усиление внешней активности, двигательного возбуждения. Гнев, как он замечает в другом месте, "в своей активной стадии является определенно приятной эмоцией. Страх, который на своей начальной стадии парализует и угнетает, часто проходит со временем, когда первый шок проходит благодаря двигательной реакции. ... Гнева, страха, печали, несмотря на их явно болезненную начальную стадию, часто не только не избегают, но даже намеренно добиваются".^[138]

Однако в обычном здоровом организме, хотя стимуляторы сильных эмоций могут доставлять смутное удовольствие, они оказывают лишь общее действие на сексуальную сферу и не требуются для надлежащего функционирования сексуального механизма. Но в слегка ненормальном организме — независимо от того, вызвана ли аномалия врожденным невропатическим заболеванием, или, возможно, приобретенной неврастенией, или просто физиологической неадекватностью детского или пожилого возраста — баланс нервной энергии менее благоприятен для адекватной игры обычных энергий во время ухаживания. Сексуальное влечение само по себе обычно слабее, даже когда, как это часто бывает, его раздражительность принимает ложный вид силы. Он стал необычайно чувствителен к необычным стимулам, а также, возможно — возможно, в результате этих состояний — более подвержен атавистическим проявлениям. Организм в этом состоянии становится особенно склонным хвататься за автоматические источники энергии, генерируемые эмоциями. Иссохший сексуальный инстинкт жадно впитывает силу, которую он получает, применяя ненормальные стимулы к своему эмоциональному аппарату. Он становится в значительной степени, если не исключительно, зависимым от получаемой таким образом энергии. Ненормальный организм в этом отношении может стать таким же зависимым от гнева или страха, и по той же причине, что и в других отношениях, он может стать зависимым от алкоголя.

Мы видим, что этот процесс очень хорошо иллюстрируется случайным проявлением эмоции гнева. У животных связь между любовью и гневом настолько тесна, что даже в норме, как указывает Гроос, у некоторых птиц вид врага может вызывать жесты ухаживания.^[139] Как отмечает Крафт-Эбинг, и любовь, и гнев "ищут свой объект, пытаются овладеть им и, естественно, истощают себя физическим воздействием на него; оба приводят психомоторную сферу в сильнейшее возбуждение и посредством этого возбуждения достигают своего нормального выражения".^[140] Фере хорошо заметил, что нетерпение желания само по себе может рассматриваться как истинное состояние гнева, а Стэнли Холл в своем замечательном исследовании гнева отмечает, что "эретизм груди или половых органов" был среди физических проявлений гнева, имевших место в некоторых из его случаев, и в одном случае

семязвержение сопровождало каждую вспышку насилия.^[141] Таким образом, гнев может быть использован для усиления слабого сексуального влечения, и были зарегистрированы случаи, когда коитус мог быть осуществлен только тогда, когда мужчине удавалось довести себя до искусственного состояния гнева.^[142] С другой стороны, Фере зафиксировал случай, в котором сексуальное возбуждение, сопровождающее отсроченный оргазм, всегда трансформировалось в гнев, хотя и без каких-либо истинно садистских проявлений.^[143]

В качестве не неожиданного дополнительного явления к этой связи гнева и сексуальных эмоций у мужчин иногда обнаруживается, что зрелище мужского гнева вызывает приятные эмоции у женщин. Был зарегистрирован случай с женщиной, которой доставляло удовольствие вызывать гнев из-за удовольствия, которое это ей доставляло, и которая посоветовала другой женщине последовать ее примеру и вызвать гнев своего мужа, поскольку ничто не доставляло такого удовольствия, как видеть мужчину в ярости^[144]; Ломброзо упоминает женщину, которая была в основном фригидной, но испытывала сексуальные чувства, когда слышала, как кто-то ругался; и мой друг-медик рассказал мне о даме значительно старше среднего возраста, которая испытала сексуальный эретизм после того, как послушала горячий спор между своим мужем и подругой на религиозные темы. Также был зарегистрирован случай с мужчиной-мазохистом, который находил сексуальное удовлетворение в мастурбации, в то время как женщина, по его указанию, обращалась к нему с минимально возможными оскорблениями.^[145] Такое чувство, несомненно, лежит в основе удовольствия дразнить мужчин, которое так распространено среди молодых женщин. Стэнли Холл, ссылаясь на почти болезненный страх стать свидетелем проявлений гнева, испытываемых многими женщинами, отмечает: "У животных самки часто описываются как самодовольно наблюдающие за конфликтом соперничающих самцов за обладание ими, и представляется вероятным, что сильный ужас перед этим состоянием, о котором сообщают многие самки, более или менее бессознательно связан с сексуальной яростью, которая последовала за ним".^[146] Страх вполне может ощущаться, по крайней мере, в той же степени, что и в отношении эмоционального состояния самих мужчин.

Даже когда вызванная эмоция является отвращением, она все равно может действовать как сексуальный стимулятор. Щербак рассказал поучительный случай с очень умной и элегантной замужней дамой довольно хрупкого телосложения, художницей определенного таланта, которая никогда не испытывала никакого удовольствия от полового акта, но с тех пор, как сексуальные чувства вообще начали проявляться (в возрасте 18 лет), испытывала их только по отношению к отвратительным вещам. Все, что вызывает отвращение, например, рвота и т.д., вызывает смутные, но приятные ощущения, которые она постепенно стала воспринимать как сексуальные. Вид раздавленной лягушки вызовет очень определенные сексуальные ощущения. У нее было много поклонников, и она заметила, что признание в любви неприятного или даже отталкивающего мужчины сексуально возбуждает ее, хотя у нее нет желания вступать с ним в половую связь.^[147]

После всего, что было ранее, легко понять, как эмоция страха может действовать аналогично гневу. Точно так же, как гнев может усиливать активные формы сексуального влечения, с которыми он связан, так и страх может усиливать пассивные формы этого влечения. Следующие наблюдения, написанные одной женщиной, очень хорошо показывают, как мы можем таким образом объяснить сексуальную привлекательность порки: "Очарование порки, которое всегда сильно озадачивало меня, кажется, является своего рода стремлением к стимулу страха. В диком состоянии животные живут в постоянном страхе. В цивилизованной жизни человек редко

испытывает его. Удовольствие женщины от страха перед мужем или любовником может быть эквивалентом любви мужчины к приключениям; а страх детей перед своими родителями может быть зарождением любви к приключениям. У женщины это стремление к приключениям подвергается серьезной проверке, когда она начинает осознавать, чему она могла бы подвергнуться со стороны мужчины, если бы удовлетворила его. Чрезмерный страх деморализует, но мне кажется, что мысль о том, что тебя выпорют, вызывает чувство страха, которое не является чрезмерным. Это почти единственный вид боли (физической), который причиняют детям или женщинам люди, которых они могут любить и которым доверяют, и с моральной целью. Любой другой вид жестокого обращения с телом предполагает злонамеренность и может вызвать негодование, а в крайних случаях - чрезмерный страх, выходящий за пределы приятного возбуждения. Учитывая наследственное чувство такого рода, я думаю, что этому способствует отсутствие реального опыта, поскольку ассоциация с возбуждением освобождена от идеи боли как таковой". В своем очень ценном и наводящем на размышления исследовании страхов Стэнли Холл, признавая зло чрезмерного страха, подчеркнул эмоциональную и даже интеллектуальную пользу страха, а также огромную роль, которую страх сыграл в эволюции расы как "рудиментарного органа, от полного развития и последующего сокращения которого зависит многое из лучшего в душе". "Страхи, парализующие мозг одних, - замечает он, - являются хорошим тонизирующим средством для других. В той или иной форме и степени они нужны всем всегда. Без заложенного в нас механизма страха какое богатство мотивов было бы утрачено!"^[148]

Именно на основе этого тонизирующего воздействия страха у некоторых болезненно чувствительных натур страх действует как сексуальный стимулятор. Кульерр собрал воедино ряд случаев как у мужчин, так и у женщин, в основном неврастеников, при которых приступы крайней тревоги и ужаса, иногда религиозного характера и часто у высоконравственных людей, заканчиваются спонтанным оргазмом или мастурбацией.^[149]

Профессор Гурлитт упоминает, что его первое полноценное сексуальное влечение произошло на уроке в школе, когда он был поглощен написанием "жизни Аристиды" и очень беспокоился, как бы ему не удалось завершить ее в установленный срок.^[150]

Страх и тревога не только возбуждают сексуальные эмоции, но в более экстремальных болезненных случаях они могут подавлять и замещать их. Страх, говорит Флисс, - это преобразованный половой акт, и Фрейд считает, что невроз тревоги всегда имеет сексуальную причину, в то время как Балет, Капгра, Левенфельд и другие, хотя и не рассматривают сексуальную травму как единственную причину, все же считают ее частой.

Следует отметить, что не только страх, но даже такая угнетающая эмоция, как горе, может действовать как сексуальный стимулятор, особенно у женщин. Этот факт недостаточно признан, хотя, вероятно, каждый может вспомнить примеры из своего личного опыта, такие случаи обычно считаются необъяснимыми. Однако не более удивительно, что горе трансформируется в сексуальную эмоцию, чем то, что (как в случае, описанном Стэнли Холлом) оно проявляется в виде гнева. В любом случае мы должны иметь в виду частоту этой психологической трансформации при наличии случаев, которые в противном случае могли бы показаться требующими циничной интерпретации.

Известен случай, когда английская леди с хорошим социальным положением влюбилась в гробовщика на похоронах своего отца и настояла на том, чтобы выйти за него замуж. Известно, что некоторые мужчины были настолько ненормально возбуждены похоронными атрибутами смерти, что только в такой обстановке они смогли совершить коитус. Был зарегистрирован случай с врачом безупречной морали, который не смог присутствовать на похоронах даже своих собственных родственников из-за вызванного таким образом сексуального возбуждения. Похороны, театральные трагедии, картины мученичества, сцены казни и судебные процессы в судах были сгруппированы вместе как вызывающие удовольствие у многих людей, особенно у женщин. (К. Ф. фон Шлихтегролл, *Захер-Мазох и мазохизм*, стр. 30-31.) Поминки и подобные фестивали могут здесь находить свою психологическую основу, а похороны, несомненно, являются источником удовольствия для некоторых людей, особенно представителей так называемой "кельтской" расы. Стимулирующая реакция после похорон хорошо известна многим, и Ли Хант упоминает об этом (в своей *автобиографии*) как о воздействии на искренне преданных друзей, которые только что кремировали Шелли.

Вполне возможно, как утверждал Кирнан (*Психиатр и невролог*, 1891; там же., 1902, с. 263), что при нарушении эмоционального равновесия, вызванном горем, примитивные инстинкты становятся особенно склонными реагировать на раздражители, и что в состоянии абулии горя разум особенно склонен становиться жертвой навязчивых идей.

"Когда мой ребенок умер в возрасте 6 месяцев, - пишет корреспондент, - у меня случился сильный приступ плача, и несколько дней я не могла есть. Когда я поцеловала мертвого мальчика в последний раз (я никогда раньше не видела трупов) Я почувствовала, что достигла глубин страдания и никогда больше не смогу улыбаться или испытывать какие-либо глубокие эмоции. И все же в ту ночь, хотя после смерти ребенка мои мысли не возвращались к сексуальным темам, у меня была сильная эрекция. Мне было стыдно желать плотских утех, когда мой умерший ребенок все еще находился в доме, и я объяснил это своей жене. Она сочувствовала, поскольку считала, что наше общее горе усилило мою любовь к ней. Однако я убежден, что мое желание было результатом стимула, переданного в сексуальные центры из центров, затронутых моим горем, переноса моей эмоции с одного набора нервов на другой. Возможно, я не совсем ясно выражаю то, что имею в виду".

Насколько эмоциональное влияние горя повлияло на следующий эпизод, сказать невозможно, поскольку здесь, вероятно, речь идет главным образом об одном из тех почти непреодолимых импульсов, которыми иногда охвачены девочки-подростки. Этот рассказ исходит из уст надежного свидетеля, железнодорожного сторожа, который около тридцати лет назад, когда ему было 18 лет, поселился в Корнуолле у мужчины и женщины, у которых была дочь его возраста. Несколько месяцев спустя, когда ему потребовался ночлег, он зашел в дом, и был тепло встречен женщиной, которая сказала ему, что ее муж только что умер и что она и ее дочь очень нервничают и были бы рады, если бы он остался на ночь, но поскольку труп занимал другую спальню, ему придется разделить с ними постель ("Мы не очень высокого мнения об этом среди нас", - добавил мой информатор). Он согласился и лег спать, а когда чуть позже обе женщины тоже легли спать, девушка, по своему собственному предложению, легла рядом с юношей. Ночью ничего не произошло, но утром, когда мать спустилась вниз, чтобы разжечь огонь, дочь немедленно сбросила с себя постельное белье, обнажив свое обнаженное лицо, и

прежде чем юноша понял, что происходит, она привлекла его к себе. Он был так сильно удивлен, что вообще ничего не произошло, но этот инцидент произвел на него впечатление на всю жизнь.

В этой связи можно сослаться на историю эфесской матроны у Петрония; историю о вдове, охваченной горем, которая дежурит у могилы своего мужа и очень быстро попадает в объятия солдата, стоящего на страже. Эта история в самых различных формах встречается в Китае и Индии и неоднократно встречалась в европейской литературе за последние две тысячи лет. История странствий этого рассказа была рассказана Гризебахом (Eduard Grisebach, *Die Treulose Witwe*, третье издание, 1877). Однако маловероятно, что все истории этого типа на самом деле связаны между собой; в любом случае, кажется, что их живучесть обусловлена тем фактом, что они демонстрируют реальное соответствие жизни; можно отметить, например, любопытный тон личных эмоций, с которым Джордж Чэпмен трактовал эту тему в своей пьесе "Слезы вдовы".

Можно добавить, что, объясняя обращение к боли как к эмоциональному стимулу, мы должны принимать во внимание не только выдвинутые здесь биологические и психологические соображения, но также ненормальные физиологические условия, при которых стимулы, обычно ощущаемые как болезненные, приобретают особое сексуально возбуждающее воздействие. Неврастенические и невропатические состояния можно рассматривать как состояния более или менее постоянной усталости. Верно, что при рассматриваемых нами условиях может наблюдаться чрезвычайная чувствительность к стимулам сексуального характера, которые обычно не ощущаются, своего рода гиперестезия; но гиперестезия, как хорошо было сказано, это не что иное, как начало анестезии.^[151] Сержант Бертран, классический пример некрофилии,^[152] начал мастурбировать в возрасте 9 лет, стимулируя сексуальный импульс, который, возможно, был врожденно слабым, из-за сопутствующих мыслей о жестоком обращении с женщинами. Только впоследствии он начал представлять, что женщины были трупами. Садистские мысли были всего лишь эпизодами эмоциональной эволюции, и реальной целью всего этого было вызвать сильные эмоции, а не причинить жестокость. Некоторые наблюдения Фере относительно условий, влияющих на объем мышечной работы, выполняемой с помощью эргографа, поучительны с современной точки зрения: "Хотя чувствительность снижается при переутомлении", Фере обнаружил, что "бывают периоды, в течение которых возбудимость возрастает, прежде чем она исчезнет. По мере нарастания усталости восприятие интеркуррентного возбуждения замедляется; запах воспринимается как возбуждающий еще до того, как он воспринимается как дифференцированное ощущение; самые зловонные запахи вызывают чувство благополучия еще до того, как воспринимаются как запахи, а их болезненность проявляется только после этого или не замечается вообще". И после записи ряда результатов с помощью эргографа, полученных при воздействии неприятных запахов, он замечает: "Таким образом, мы поражены двумя фактами: уменьшением нагрузки во время болезненного возбуждения и ее увеличением, когда возбуждение прекращается. Когда эффекты, следующие за возбуждением, исчезают, уменьшение происходит быстрее, чем в обычном состоянии. Когда утомление проявляется заметным уменьшением, если снова привести в действие то же самое возбуждение, то никакого уменьшения не происходит, а происходит более или менее продолжительное усиление, точно так же, как если бы имело место приятное возбуждение. Более того, раздражитель, который кажется болезненным в состоянии покоя, частично или полностью теряет свой болезненный характер при воздействии на тот же субъект во все более и более утомленном состоянии." Фере определяет болезненный раздражитель как сильное возбуждение, вызывающее проявления энергии, которые воля не

может использовать; когда в результате снижения чувствительности возбуждающие факторы ослабевают, воля может использовать их, и поэтому боли нет.^[153] Эти эксперименты не имели отношения к половому инстинкту, но сразу станет ясно, что они имеют чрезвычайно важное отношение к рассматриваемому нами предмету, поскольку они показывают нам механизм процесса, посредством которого в ненормальном организме боль становится сексуальным стимулятором.

[136] Эразм Дарвин, *Зоономия*, том i, стр. 496.

[137] К. Гроос, *Spiele der Menschen*, стр. 200-210.

[138] Хирн, *Истоки искусства*, стр. 54. Здесь, возможно, можно сослаться на тот факт, что неприятные воспоминания сохраняются у женщин сильнее, чем у мужчин (*Американский журнал психологии*, 1899, стр. 244). На это уже указывал Кольридж. "Это замечание я делал много раз, - говорится в одном из его фрагментов (*Anima Poetæ*, стр. 89), - и, полагаю, много раз повторю, что женщины бесконечно больше любят цепляться и метаться, цепляться и поддерживать, и неохотно отпускать любую печальную, болезненную или неприятную тему, чем мужчины того же класса и положения".

[139] Гроос, *Сказка о Тьере*, стр. 251. Мейдер (*Jahrbuch für Psychoanalytische Forschungen*, 1909, т. i, стр. 149) упоминает 22-летнюю девушку-эпилептика, которая мастурбирует, когда злится на кого-либо.

[140] Краффт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 78.

[141] Стэнли Холл, "Исследование гнева", *Американский журнал психологии*, июль 1899 г., стр. 549.

[142] Краффт-Эбинг ссылается на такой случай, зафиксированный Шульцем, *Сексуальная психопатия*, стр. 78.

[143] Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 213.

[144] К. Ф. фон Шлихтегролл, *Захер-Мазох и мазохизм*, стр. 31.

[145] *Архив Психиатрии*, том xv, стр. 120. Можно также упомянуть случаи (описанные Кирнан, психиатром и неврологом, как истерическая микроскопия), в которых молодые женщины адресуют себе анонимные письма оскорбительного и отвратительного характера и показывают их другим.

[146] Стэнли Холл, *цит. по.*, стр. 587.

[147] *Архив неврологии*, октябрь 1907г.

[148] Г. Стэнли Холл, "Исследование страхов", *Американский журнал психологии*, том. viii, № 2.

[149] А. Кульерр, "О сексуальном возбуждении и тревожных психопатиях", *Архив неврологии*, февраль 1905г.

[150] Л. Гурлитт (*Смерть нового поколения*, июль 1909 г.). Молл ("*Сексуальная жизнь детей*", стр. 84) также приводит примеры связи между тревогой и сексуальным возбуждением. Фрейд ("*Война и смерть*" в "*Градиве*" Дженсена, стр. 52) считает, что при толковании сновидений мы можем заменить "ужас" "сексуальным возбуждением". Отмечая общие сексуальные эффекты страха, нам нет необходимости строго разделять группу случаев, в которых сексуальные эффекты носят только физический характер и не передаются по цепочке через мозг.

[151] Смотрите статью Рудольфа Арндта "Неврастения" в *Словаре психологической медицины* Тьюка.

[152] Лунье, *Медико-психологические анналы*, 1849, стр. 153.

[153] Фере, *Собрание сочинений Биологического общества*, 15 и 22 декабря 1900 г.; *id.*, *Année Psychologique*, седьмой год, 1901, стр. 82-129; в частности, книга того же автора "*Страдания и наслаждение*", 1904.

VII.

Содержание

Краткое изложение достигнутых результатов—Радость эмоционального расширения—Удовлетворение жажды власти—Влияние неврастенических и невропатических состояний—Проблема боли в любви в значительной степени представляет собой частный случай эротического символизма.

Кому-то может показаться, что в нашем обсуждении взаимоотношений любви и боли мы затронули очень широкую область. Это было неизбежно. Этот предмет особенно труден и запутан, и если мы хотим по-настоящему проникнуть в его природу, мы не должны пытаться заставить факты вписываться в какие-либо узкие и искусственные формулы, созданные нами самими. И все же, когда мы распутали эту, казалось бы, запутанную массу явлений, от внимательного читателя не ускользнуло, что внешне различные нити, которые мы распутали, тянутся параллельно и единообразно; все они имеют одинаковый источник и все они сходятся к одинаковому результату. Мы видели, что отправную точку всей группы проявлений следует искать в существенных фактах ухода среди животных и примитивных человеческих обществ. Боль редко бывает очень далека от некоторых фаз примитивного ухода; но это не боль, которая является существенным элементом ухода, это состояние сильной эмоции, припухлости, с которой в любой момент, в той или иной форме, боль может быть тем или иным образом связана. Таким образом, мы пришли к выводу, что во фразе "любовь и боль" мы должны понимать под "болью" состояние сильного эмоционального возбуждения, с которым боль в более строгом смысле может ассоциироваться, но ни в коем случае не обязательно ассоциируется. Это сильная эмоция, которая вызывает непреодолимое очарование в любящем, в его партнере или в обоих. Боль - всего лишь средство для достижения этой цели. Это рычаг, который используется для воздействия эмоциональной силы на сексуальный импульс. Вопрос любви и боли - это в основном вопрос эмоциональной динамики.

Придя к такому взгляду на нашу тему, мы узнали, что любой импульс истинной жестокости практически полностью выходит за рамки данной области. Ошибка действительно была очевидной и неизбежной. Давайте предположим, что каждый музыкальный инструмент чувствителен и что каждое музыкальное исполнение связано с причинением инструменту боли. Тогда было бы действительно очень трудно осознать, что удовольствие от музыки ни в коем случае не заключается в причинении боли. Мы, безусловно, должны найти потенциальных ученых и аналитиков, готовых заявить, что удовольствие от музыки - это удовольствие причинять боль, и что эмоциональный эффект музыки обусловлен причиняемой таким образом болью. В алголагнии, как и в музыке, ищут не жестокости; это радость погружения в волны того великого первобытного океана эмоций, который лежит в основе разнообразного мира нашей повседневной жизни, а боль — боль, которая, как мы видели, часто, насколько это возможно, лишена жестокости, хотя иногда с помощью очень тонких и немощных приемов — является всего лишь каналом, по которому достигается этот океан.

Если мы попытаемся продолжить наше исследование дальше той точки, которой мы были довольны, и спросим себя, почему это эмоциональное опьянение оказывает столь непреодолимое притягательное воздействие, мы могли бы найти окончательный ответ в объяснении Ницше, который считал этот вид опьянения очень важным как в жизни, так и в искусстве, — что оно дает нам осознание энергии и удовлетворение нашей жажды власти.^[154] Довести исследование до этого момента означало бы, однако, перевести его в несколько спекулятивную и метафизическую область, и мы, возможно, хорошо сделали, что не пытались дальше анализировать радость эмоционального расширения. Мы должны довольствоваться тем, что рассматриваем глубокое удовлетворение эмоций как результат широко распространенного двигательного возбуждения, элементы которого мы пока не можем полностью проанализировать.^[155]

Именно потому, что радость эмоционального опьянения является действительно искомой целью, мы должны рассматривать предполагаемое противопоставление "сализма" и "мазохизма" как несущественное и действительно вводящее в заблуждение. Эмоциональная ценность боли одинаково велика независимо от того, причиняется ли она, выстрадана, засвидетельствована или просто существует как ментальное воображение, и нет причин, по которым она не должна сосуществовать во всех этих формах у одного и того же человека, как, на самом деле, мы часто с этим сталкиваемся.

Особыми эмоциями, которые вызываются болью для усиления сексуального влечения, являются, в первую очередь, гнев и страх, и, как мы видели, эти две очень мощные и примитивные эмоции являются — с активной и пассивной стороны соответственно — эмоциями, наиболее постоянно задействованными в процессе ухода за животными и на ранних этапах ухода за людьми; так что они естественным образом составляют эмоциональные резервуары, из которых сексуальное влечение все еще может черпаться легче всего. Нетрудно показать, что различные формы, в которых "боль" — как мы должны здесь понимать боль — используется для удовлетворения сексуального влечения, являются главным образом проявлениями или трансформациями гнева или страха, либо в их простых, либо обычно более сложных формах, в некоторых из которых гнев и страх могут смешиваться.

Таким образом, мы принимаем биологическое происхождение психологической связи между любовью и болью; ее можно проследить до феномена ухода за животными. По этой

причине мы не исключаем более непосредственный физиологический фактор. Может показаться удивительным, что проявления, берущие свое начало в первобытных формах ухаживания, во многих случаях совпадают с реальными ощущениями, имеющими определенную анатомическую основу сегодня, и еще более удивительно, что эти традиционные проявления и реальные ощущения так часто дополняют друг друга в своих активных и пассивных аспектах: то есть удовольствие от порки должно сочетаться с удовольствием быть выпоротым, удовольствие от притворного удушения - с удовольствием быть задушенным таким образом, что причиненная боль не более желательна, чем боль перенесенная. Но такое совпадение составляет саму суть всей группы явлений. Проявления ухаживания с самого начала были обусловлены физиологическими фактами; неудивительно, что они всегда имеют тенденцию *совпадать* с физиологическими фактами. Проявления, которым не удалось закрепиться в физиологических взаимоотношениях, вполне могут иметь тенденцию к исчезновению. Даже при самых нормальных обстоятельствах у здоровых людей со здоровой наследственностью рассмотренные нами проявления могут дать о себе знать. Однако при таких обстоятельствах они никогда не приобретают первостепенной важности в сексуальном процессе; часто это не более чем игра. Только при неврастенических или невропатических состояниях — то есть в организме, который в силу приобретенных или врожденных причин, а обычно, возможно, и тех и других, стал ослабленным, раздражительным, "утомленным", — эти проявления способны бурно развиваться, выходить на передний план сексуального сознания и даже приобретать такое серьезное неотложное значение, что они могут сами по себе составлять цель сексуального желания. При этих патологических состояниях боль в широком и специальном смысле, в котором мы были вынуждены дать ей определение, становится желанным тонизирующим средством и более или менее незаменимым стимулятором половой системы.

От внимательного читателя не ускользнуло, что при изучении нашей темы мы иногда сталкивались с проявлениями, которые, по-видимому, едва ли подпадают под какое-либо определение боли. Это, несомненно, так, и ссылки на эти проявления не были случайными, поскольку они служат указанием на реальные ориентиры нашей темы. Отношения любви и боли представляют собой предмет одновременно столь серьезный и столь психологически значимый, что им следовало бы посвятить специальное исследование. Но боль, как мы здесь должны ее понимать, в значительной степени представляет собой частный случай того, что мы позже узнаем как эротический символизм: то есть психическое состояние, при котором часть сексуального процесса, отдельная идея или группа идей, имеет тенденцию приобретать необычную важность или даже занимать все поле сексуального сознания, часть становится символом, обозначающим целое. Когда мы перейдем к обсуждению этой большой группы аномальных сексуальных проявлений, часто будет необходимо ссылаться на результаты, которых мы достигли при изучении сексуального значения боли.

[154] Смотрите, например, раздел "Физиология искусства" во фрагментарной работе Ницше "*Воля к власти*", Верке, Bd. xv. Groos (*Книга о людях*, стр. 89) ссылается на важность того факта, что почти у всех рас есть особые методы получения интоксикации. Ср. исследование Парtridge о психологии алкоголя (*Американский психологический журнал*, апрель 1900 г.). "Трудно представить, - замечает этот писатель об одурманивающих веществах, - каким было бы религиозное или общественное сознание первобытного человека без них".

[155] Мышечный элемент наиболее заметен в эмоциях, хотя, как хорошо указывает внимательный исследователь эмоций (Х. Р. Маршалл, *Боль, удовольствие и эстетика*, стр. 84), "ограничить физическую активность, связанную с эмоциями, такими эффектами произвольной иннервации или изменением размера кровеносных сосудов или спазмом мышц". органические мышцы, как, по-видимому, считает Ланге, определяют их; ни увеличение или уменьшение мышечной силы, как можно предположить по результатам Фере; ни подобные изменения в отношении размера капилляров, произвольной иннервации, функционирования дыхания и сердца, как наблюдал Леманн. Эмоции кажутся мне совпадением реакций всего организма, стремящихся к определенным результатам".

СЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ У ЖЕНЩИН.

Содержание

Специальное и подробное изучение нормальных характеристик сексуального влечения у мужчин представляется излишним. Я уже обсуждал в другом месте различные аспекты мужского сексуального влечения, а другие остаются для дальнейшего обсуждения. Но рассматривать его в широком смысле в целом кажется излишним, хотя бы потому, что он преимущественно открытый и агрессивный. Более того, поскольку устройство общества в значительной степени находилось в руках мужчин, природа сексуального влечения у мужчин в значительной степени была выражена в писаных и неписаных кодексах общественного права. Сексуальный инстинкт у женщин гораздо более неуловим. Он действительно с самого начала вовлечен в органичную психологическую игру мужчины и женщины, проявляющуюся в феноменах скромности и ухаживания. Та же неуловимость, та же насмешливая загадочность встречаются нам повсюду, когда мы пытаемся исследовать проявления сексуального влечения у женщин. Также нелегко найти какие-либо полные и достоверные свидетельства социального состояния, четко основанного в сексуальных вопросах на требованиях женской природы.

Иллюстрацией нашего невежества и предвзятости в этих вопросах является связь брака, безбрачия и развода с самоубийством у обоих полов. Не может быть никаких сомнений в том, что сексуальные эмоции женщин оказывают глубокое влияние на решение о самоубийстве. На это указывает, среди прочих фактов, сравнение уровня самоубийств среди полов в зависимости от возраста; в то время как у мужчин частота самоубийств постепенно увеличивается на протяжении всей жизни, у женщин происходит остановка после 30 лет, то есть когда период наиболее интенсивных сексуальных эмоций пройден. Это явление наблюдается среди таких непохожих народов, как французы, пруссаки и итальянцы. Итак, как брак и развод влияют на сексуальную склонность к самоубийству? Мы всегда привыкли говорить, что брак защищает женщин, и даже утверждается, что мужчины самоотверженно поддерживали институт брака главным образом в интересах женщин. Профессор Дюркгейм, однако, который тщательно изучал самоубийство с социологической точки зрения, насколько это было возможно, устраняя ошибочные представления, в последние годы поставил под сомнение существующее предположение. Он показывает, что если мы возьмем склонность к самоубийству в качестве теста и исключим влияние детей, которые являются несомненной защитой для женщин, то брак защищает не женщин, а мужчин, и что защита женщин от самоубийств регулярно возрастает по

мере увеличения числа разводов. Исчерпывающе обсудив эти моменты, "мы приходим к выводу, - заявляет он, - значительно отличающемуся от нынешнего взгляда на брак и ту роль, которую он играет. Считается, что это было установлено ради жены и для защиты ее слабости от мужских капризов. Моногамия, в частности, очень часто преподносится как принесение в жертву полигамных инстинктов мужчины, сделанное для того, чтобы улучшить положение женщины в браке. В действительности, какими бы ни были исторические причины, определившие это ограничение, человек извлек из этого наибольшую выгоду. Свобода, от которой он таким образом отказался, могла быть для него только источником мучений. У женщины были другие причины для отказа от свободы, и с этой точки зрения мы можем сказать, что, подчиняясь тому же правилу, именно она принесла жертву". (Э. Дюркгейм, "Самоубийство", 1897, стр. 186-214, 289-311.)

Возможно, есть некоторое значение в разной частоте безумия у неженатых мужчин и незамужних женщин по сравнению с женатыми. В Эрлангене, например, Хаген обнаружил, что среди душевнобольных женщин преобладание одиночек над замужними далеко не так велико, как среди душевнобольных мужчин, брак, по-видимому, оказывает гораздо более выраженное профилактическое влияние на мужчин, чем на женщин. (F. W. Hagen, *Statistische Untersuchungen über Geisteskrankheiten*, 1876, стр. 153.) Явления здесь, однако, очень сложные, и, как указывает сам Хаген, профилактическое влияние брака, хотя и весьма вероятно, не является единственным или даже главным действующим фактором.

Стоит отметить, что точно такие же половые различия прослеживаются и в Англии. Похоже, что по отношению к аналогичным группам населения в целом (за 1876-1900 годы включительно) число обращений в приюты одинаково для обоих полов среди женатых людей (*т.е.*, 8,5), но среди одиноких оно больше среди мужчин (4,8 к 4,5), а также среди овдовевших (17,9 к 13,9) (*Пятьдесят шестой ежегодный отчет уполномоченных по делам о невменяемости, Англия и Уэльс*, 1902, стр. 141). Это, по-видимому, указывает на то, что при жизни отдельно от мужчин склонность к безумию у женщин меньше, но повышается до мужского уровня, когда оба пола живут вместе в браке.

То же самое, по-видимому, относится и к преступности. Хорсли давно заметил, что в Англии брак решительно увеличивает склонность к преступности у женщин, хотя и решительно снижает ее у мужчин. Принцинг показал (*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, Bd. ii, 1899), что это также имеет место в Германии.

Точно так же брак уменьшает склонность мужчин становиться заядлыми пьяницами и увеличивает склонность женщин. Несмотря на тот факт, что средний возраст мужчин выше, чем у женщин, большинство мужчин, принятых в исправительные учреждения для алкоголиков в соответствии с английскими законами о борьбе с алкоголизмом, не женаты; большинство женщин замужем; из 865 женщин, принятых таким образом, 32 процента были незамужними, 50 процентов - замужними и 18 процентов - вдовами. (*Британский медицинский журнал*, 2 сентября 1911 г., стр. 518.)

Таким образом, даже элементарные признаки сексуального влечения у женщин все еще вызывают, даже среди наиболее компетентных физиологических и медицинских авторитетов — не в последнюю очередь, когда они сами являются женщинами — самые разные мнения.

Можно даже сказать, что само его существование поставлено под сомнение. В целом можно было бы согласиться с тем, что у мужчин сила сексуального влечения варьируется в значительных пределах, но что оно очень редко полностью отсутствует, причем такое полное отсутствие является ненормальным и, вероятно, более или менее патологическим. Но применительно к женщинам это утверждение далеко не всегда принимается. Многие считают сексуальную анестезию естественной для женщин, некоторые даже заявляют, что любое другое мнение было бы унижительным для женщин; даже те, кто не придерживается этого мнения, считают, что сексуальная фригидность среди цивилизованных женщин неестественно распространена. Исходя из этих соображений, желательно в целом рассмотреть этот и другие элементарные вопросы смежного характера.

Я.

Содержание

Примитивный взгляд на женщин — Как на Сверхъестественный элемент в жизни — Как на своеобразное воплощение сексуального инстинкта—Современная тенденция недооценивать Сексуальное влечение у женщин—Эта тенденция ограничена недавним временем— Сексуальная анестезия— Ее распространенность—Трудности в исследовании предмета— Некоторые попытки исследовать его—Сексуальная анестезия должна рассматриваться как ненормальная—Тенденция к спонтанным проявлениям сексуального влечения у молодых девушек в период полового созревания.

С самых ранних времен, кажется, можно проследить два течения мнений относительно женщин: с одной стороны, тенденцию рассматривать женщин как сверхъестественный элемент в жизни, более или менее превосходящий мужчин, и, с другой стороны, тенденцию рассматривать женщин как особенное воплощение сексуального инстинкта и как особенно склонных демонстрировать его проявления.

Действительно, в самых примитивных обществах эти два взгляда, по-видимому, в какой-то степени сливаются; или, скорее, следует сказать, что они еще не были дифференцированы; и, поскольку в таких обществах обычно почитается воспроизводящий принцип природы и его воплощения в человеческом теле и в человеческих функциях, такая координация идей является полностью рациональной. Но с развитием культуры наблюдается тенденция к разделению этой однородной концепции на две негармоничные тенденции. Это можно отметить даже вне христианства и до его появления. Однако именно христианству и христианскому аскетическому духу мы обязаны полной дифференциацией и крайним развитием, которых достигли эти противоположные взгляды. Осуждение сексуальности сопровождалось прославлением девственности; и к женщине, которая осуществляла сексуальные функции, испытывалось безразличие, даже презрение. Каждый мог, в зависимости от своего темперамента, идентифицировать типичную среднюю женщину с тем или иным типом; весь запас скрытых сексуальных эмоций, которые никакие аскетические правила не могут вытеснить из человеческого сердца, обеспечивал живописную идеализацию как ангельского, так и дьявольского типов женщин. Мы можем проследить то же влияние, которое незаметно скрывается даже в самых мнимых научных заявлениях современных антропологов и врачей.^[156]

Возможно, здесь не лишним будет еще раз напомнить тот факт, действительно довольно очевидный, что суждения мужчин о женщинах очень редко являются предметом холодного научного наблюдения, но окрашены как их собственными сексуальными эмоциями, так и их собственным моральным отношением к сексуальному импульсу. Аскет, безуспешно борющийся со своими собственными плотскими порывами, может (подобно сладострастнику) не видеть в женщинах ничего, кроме воплощения сексуального влечения; аскет, обуздавший свои собственные плотские порывы, может вообще не видеть в женщинах элементов секса. Таким образом, мнения по этому поводу окрашены не только элементами первобытной культуры, но и элементами индивидуальной предрасположенности. Заявления о сексуальных импульсах женщин часто говорят нам меньше о женщинах, чем о людях, которые их делают.

Любопытный способ, которым женщины становятся для мужчин воплощениями сексуального влечения, проявляется в тенденции применять как общие, так и личные женские имена только к проституткам. Так обстоит дело со словами "garce" и "fille" по-французски, "Mädchen" и "Dirne" по-немецки, а также с французским "catin" (Катрин) и немецким "Metze" (Матильда). (See, e.g., R. Kleinpaul, *Die Räthsel der Sprache*, 1890, pp. 197–198.)

В то же время, хотя мы должны признать наличие элементов, которые различным образом окрашивают и искажают суждения мужчин о женщинах, не следует поспешно предполагать, что эти элементы делают обсуждение вопроса совершенно невыгодным. В большинстве случаев такие предрассудки приводят главным образом к одностороннему толкованию фактов, против чего мы можем остерегаться.

Однако, хотя эти два противоположных течения имеют очень древнее происхождение, лишь в совсем недавнее время и только в двух или трех странах они привели к сколько-нибудь заметному расхождению во мнениях относительно сексуальных способностей женщин. В древние времена мужчины обвиняли женщин в похотливости или хвалили их за целомудрие, но, похоже, утверждение о том, что женщины склонны быть врожденно неспособными к переживанию полного сексуального удовлетворения и особенно подвержены сексуальной анестезии, было бережено для девятнадцатого века. Эта идея, по-видимому, была почти неизвестна в восемнадцатом веке. Однако в течение последнего столетия, и особенно в Англии, Германии и Италии, это мнение часто излагалось, иногда даже как нечто само собой разумеющееся, с оттенком презрения или жалости к любой женщине, страдающей сексуальными эмоциями.

В трактате *О зачатии* (глава v), который до недавнего времени обычно приписывали Гиппократу, утверждается, что мужчины получают большее удовольствие от полового акта, чем женщины, хотя удовольствие у женщин длится дольше, и это мнение, хотя и не всегда принимаемое, с большим уважением рассматривалось медицинскими авторами вплоть до конца семнадцатого века. Так, А. Лаурентиус (Du Laurens) после долгого обсуждения решает, что мужчины испытывают более сильное сексуальное желание и большее удовольствие от коитуса, чем женщины. (*Historia Anatomica Humani Corporis*, 1599, lib. viii, квест, ii и vii.)

Около полувека назад книга хирурга У. Эктона, озаглавленная "*Функции и расстройства репродуктивных органов*", выдержала множество изданий и в народе считалась авторитетным источником по тем темам, которые в ней рассматриваются. Эта необычная книга посвящена почти исключительно мужчинам; автор, очевидно, считает, что функция размножения присуща почти исключительно мужчинам. Женщины, если они "хорошо воспитаны", находятся и должны

быть, утверждает он, в Англии абсолютно невежественными во всех вопросах, касающихся этого. "Я должен сказать, - снова замечает этот автор, - что большинство женщин (к счастью для общества) не очень обеспокоены сексуальными чувствами любого рода". Предположение о том, что женщины действительно обладают сексуальными чувствами, он считает "гнусной клеветой".

В статье "Поколение", содержащейся в другом медицинском труде середины девятнадцатого века — *Энциклопедии* Риса, — мы находим следующее утверждение: "То, что при соитии из внутренних органов и влагалища иногда выделяется слизистая жидкость, несомненно; но это случается только у похотливых женщин или у тех, кто живет роскошно".

Галл решительно заявил, что сексуальные желания мужчин сильнее и властнее, чем у женщин. (*Fonctions du Cerveau*, 1825, vol. iii, стр. 241-271.)

Рачиборски заявила, что три четверти женщин просто терпят подходы мужчин. (*De la Puberté chez la Femme*, 1844, p. 486.)

"При тщательном изучении этого вопроса без предубеждений, - сказал Лоусон Тейт, - обнаруживается, что сексуальные аппетиты женщин гораздо менее развиты, чем у мужчин". (Лоусон Тейт, "Отдаленные последствия удаления придатков матки", *Провинциальный медицинский журнал*, май 1891 г.) "Сексуальный инстинкт очень силен у мужчин и сравнительно слаб у женщин", - утверждал он в другом месте (*Женские болезни*, 1889, стр. 60).

Хэммонд заявил, что, не принимая во внимание проституток, сомнительно, чтобы в одной десятой части случаев полового акта они [женщины] испытывали малейшее приятное ощущение от начала до конца (Hammond, *Сексуальная импотенция*, стр. 300), и он считал (стр. 281), что это состояние иногда было врожденным.

Ломброзо и Ферреро считают, что сексуальная чувствительность, как и все другие формы чувствительности, менее выражена у женщин, и они приводят различные факты и мнения, которые, как им кажется, указывают в одном направлении. "Женщина естественно и органически фригидна". В то же время они считают, что, хотя эретизм меньше, сексуальность больше, чем у мужчин. (Lombroso and Ferrero, *La Donna Delinquente, la Prostituta, e la Donna Normale*, 1893, pp. 54-58.)

"Это совершенно ложная идея, - заявил Фелинг в своей ректорской речи в Базельском университете в 1891 году, - что молодая женщина испытывает такое же сильное влечение к противоположному полу, как и молодой человек. ... Проявление сексуальной стороны в любви молодой девушки патологично". (Х. Фелинг, "Лучшие чувства к фрей", 1892, стр. 18.) В своем *Справочнике о Фрауэнкранкхайтене* тот же гинекологический авторитет заявляет о своей уверенности в том, что половина всех женщин не являются сексуально возбудимыми.

Крафт-Эбинг придерживалась мнения, что женщины требуют меньшего сексуального удовлетворения, чем мужчины, поскольку они менее чувственны. (Krafft-Ebing, "Ueber Neurosen und Psychosen durch sexuelle Abstinenz," *Jahrbücher für Psychiatrie*, 1888, Bd. viii, ht. I и 2.)

"У нормальной женщины, особенно из высших социальных классов, - утверждает Виндшайд, - сексуальный инстинкт приобретен, а не врожден; когда он врожденный или пробуждается сам по себе, возникает ненормальность. Поскольку женщины не знают этого инстинкта до

замужества, они не упускают его из виду, когда у них нет возможности в жизни изучить его". (Ф. Виндшайд, "Die Beziehungen zwischen Gynäkologie und Neurologie", *Zentralblatt für Gynäkologie*, 1896, № 22; цитируется. Moll, *Половое влечение*, Bd. i, стр. 271.)

"Чувственность мужчин, - утверждает Молл, - по моему мнению, намного выше, чем у женщин". (А. Молл, "*Противоположное сексуальное понимание*", третье издание, 1899, стр. 592.)

"Женщины, в целом, менее чувственны, чем мужчины, - замечает Нэкке, - несмотря на предполагаемое большее нервное обеспечение их половых органов". (П. Нэкке, "Критические замечания относительно сексуальности", *Архив психиатрии*, 1899, стр. 341.)

Левенфельд утверждает, что у нормальных молодых девушек специфически сексуальные чувства абсолютно неизвестны, так что у них не может быть такого желания. Оставляя в стороне немалую долю женщин, у которых это отсутствие желания может сохраняться и быть постоянным даже после начала сексуальных отношений, что составляет абсолютную фригидность, у еще большего числа желание остается чрезвычайно умеренным, что составляет состояние относительной фригидности. Он добавляет, что не может безоговорочно поддержать точку зрения Фюрбрингера, который склонен приписывать сексуальную холодность большинству немецких замужних женщин. (Л. Левенфельд, *Сексуальные отношения и нервы в Лейдене*, 1899, второе издание, стр. 11.)

Адлер, который довольно подробно обсуждает этот вопрос, решает, что сексуальные потребности женщин меньше, чем у мужчин, хотя в некоторых случаях оргазм по количеству и качеству значительно превосходит мужской. Он считает, что сексуальное влечение у женщин не только абсолютно слабее, чем у мужчин, и требует более сильной стимуляции для его возбуждения, но также страдает латентностью из-за торможения, которое действует как инородное тело в мозге (аналогично психической травме Брейера и Фрейда при истерии) и требует большого мастерства от мужчины, который должен пробудить в женщине любовь. (О. Адлер, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, стр. 47, 126 и далее.; также расширенное второе издание, 1911; *id.*, "Die Frigide Frau", *Сексуальная проблема*, январь 1912 г.)

Однако не следует предполагать, что этот взгляд на естественную склонность женщин к фригидности повсеместно нашел признание. Это мнение отражает не только недавний рост, но и, в целом, ограничивается несколькими странами.

"Обратитесь к истории, - писал Бриер де Бумон, - и на каждой странице вы сможете распознать преобладание эротических идей у женщин". То же самое происходит и сегодня, добавляет он, и объясняет это тем фактом, что мужчинам легче удовлетворять свои сексуальные порывы. (О *галлюцинациях*, 1862, стр. 431.)

Законы Ману приписывают женщинам похоть и гнев, любовь к постели и украшениям.

Евреи приписывали женщинам большее сексуальное желание, чем мужчинам. Согласно Кнобелю (цитируемому Диллманном), это иллюстрируется *Бытием*, глава iii, ст. 16.

В греческой древности романтика и чувство любви проявлялись в основном по отношению к лицам одного пола и были отделены от более чисто сексуальных чувств, испытываемых к лицам противоположного пола. Феогнис сравнивал брак со скотоводством. В любви между мужчинами и женщинами последние почти всегда считались принимающими более активное участие. Во

всех древних греческих историях о любви женщина влюбляется в мужчину, и никогда наоборот. Эсхил заставляет даже отца предполагать, что его дочери будут плохо себя вести, если их предоставить самим себе. Еврипид подчеркивал важность женщин; "Еврипидовская женщина, которая "влюбляется", прежде всего думает: "Как я могу соблазнить мужчину, которого люблю?" (Э. Ф. М. Бенеке, *Антимах из Колофона и положение женщин в греческой поэзии*, 1896, стр. 34, 54.)

Самым известным отрывком в латинской литературе, посвященным вопросу о том, мужчины или женщины получают большее удовольствие от полового акта, является то, в котором Овидий повествует легенду о Тиресии (*Метаморфозы*, iii, 317-333). Тиресий, будучи и мужчиной, и женщиной, принял решение в пользу женщин. Этот отрывок часто цитировался вплоть до восемнадцатого века.

В отрывке, процитированном арабским биографом Абу-л-Фараджем из утраченного труда Галена, этот великий врач говорит о христианах, "что они соблюдают безбрачие, что даже многие их женщины соблюдают его". Так что, по мнению Галена, женщине было труднее, чем мужчине, соблюдать целомудрие.

Та же точка зрения широко распространена среди арабских авторов, и есть арабская поговорка, что "Стремление женщины к пенису сильнее, чем мужчины к вульве".

В Китае, отмечает доктор Колтман, "когда один мой знакомый пожилой джентльмен навещал меня, моя маленькая дочь, 5 лет, вбежала в комнату и, забравшись ко мне на колени, поцеловала меня. Мой посетитель выразил свое удивление и заметил: "Мы никогда не целуем наших дочерей, когда они такие большие; мы можем, когда они совсем маленькие, но не после того, как им исполнится 3 года, - сказал он, - потому что это может вызвать у них плохие эмоции". " (Колтман, *Китайцы*, 1900, стр. 99.)

Отцы церкви раннего христианства ясно показывают, что они считают женщин более склонными к сексуальному наслаждению, чем мужчин. Таково было, например, мнение Тертуллиана (*De Virginibus Velandis*, глава x), и это ясно подразумевается в некоторых посланиях святого Иеронима.

Несмотря на влияние христианства, среди энергичных варварских рас средневековой Европы наличие сексуального аппетита у женщин не считалось, как это стало позже, предметом, который следует скрывать или отрицать. Так, в 1068 году церковный историк Ордерик Виталис (сам наполовину нормандец, наполовину англичанка) рассказывает, что жены нормандских рыцарей, сопровождавших Вильгельма Завоевателя в Англию двумя годами ранее, прислали своим мужьям сказать, что их снедают неистовые желания ("sæva libidinis face urebantur"), и что, если их мужья не вернутся в ближайшее время, они предлагают выйти замуж за других. Добавляется, что эта угроза вернула нескольких мужей к их распутным дамам ("lascivis dominabus suis").

В средневековый период в Европе, во многом, без сомнения, вследствие преобладания аскетических идеалов, навязанных мужчинами, которые, естественно, считали женщину символом секса, доктрина о невоздержанности женщины прочно утвердилась, и нет необходимости и бесполезно приводить примеры. Достаточно упомянуть весьма исчерпывающее заявление Жана де Менга (в *Романе о Розе*, 9903):—

"Toutes estes, serés, ou fûtes
De fait ou de volonté putes."

Сатирический Жан де Менг был, однако, несколько экстремальным и нетипичным представителем своего времени, и Иоганн де Санкто Амандо (Jean de St. Amand) из четырнадцатого века высказывает несколько более научно обоснованное мнение (цитируется Пагелем, *Новая литературная практика по медицине*, 1896, стр. 30) о том, что сексуальное желание у женщин сильнее, чем у мужчин.

Гуманизм и распространение движения Возрождения привнесли дух большего сочувствия к женщинам. Вскоре после этого, особенно в Италии и Франции, мы начинаем находить попытки анализа сексуальных эмоций, которые не всегда лишены определенной тонкости. В семнадцатом веке Венетт написала книгу такого рода. В вопросах любви Венетт заявила: "Мужчины всего лишь дети по сравнению с женщинами. В этих вопросах у женщин более живое воображение, и у них обычно больше времени, чтобы думать о любви. Женщины гораздо более похотливы и влюбчивы, чем мужчины". К такому выводу пришли в главе, посвященной вопросу о том, мужчины или женщины более влюбчивы. В следующей главе, посвященной вопросу о том, мужчины или женщины получают больше удовольствия от сексуальных объятий, Венетт, признав большую трудность вопроса, приходит к выводу, что удовольствие мужчины больше, но женщины длится дольше. (Н. Венетт, *О женитьбе человека или картине супружеской любви*, Амстердам, 1688.)

Однако гораздо раньше Монтень обсуждал этот вопрос со своей обычной мудростью и, указывая на то, что мужчины навязали женщинам свои собственные правила жизни и свои собственные идеалы и потребовали от них противоположных и противоречивых добродетелей — утверждение, которое еще не устарело, — он утверждает, что женщины несравненно более склонны и более пылки в любви, чем мужчины, и что в этом вопросе они всегда знают гораздо больше, чем мужчины могут их научить, поскольку "это дисциплина, которая рождена в их жилах". (Монтень, *Эссе*, книга iii, глава v.)

Старые физиологи обычно упоминали появление сексуального желания у девочек как один из нормальных признаков полового созревания. Это можно увидеть в многочисленных цитатах, собранных Шуригом в его *Партенологии*, глава ii.

Длинная череда выдающихся врачей на протяжении семнадцатого века более или менее подробно обсуждала относительную степень сексуального желания у мужчин и женщин и относительную степень их удовольствия от полового акта. Примечательно, что, хотя они обычно придают большое значение предполагаемому мнению Гиппократов в противоположном смысле, большинство из них решают, что у женщин больше и желания, и удовольствия.

Плацзонус решает, что у женщин больше источников удовольствия при половом акте, чем у мужчин, из-за большей степени поверхностного возбуждения; и если бы это было не так, добавляет он, женщин не заставляли бы испытывать боли и риски, связанные с беременностью и родами. (Plazzonus, *De Partibus Generationi Inservientibus*, 1621, lib. ii, глава. xiii.)

"Без сомнения, - говорит Ферран, - женщина более страстна, чем мужчина, и ее чаще раздирают любовные невзгоды". (Ferrand, *De la Maladie d'Amour*, 1623, chapter ii.)

Заккья, главным образом на *априорных* основаниях, приходит к выводу, что женщины получают больше удовольствия от полового акта, чем мужчины. (Zacchia, *Медико-юридические вопросы*, 1630, lib. iii, quest, vii.)

Синибальдус, обсуждая, мужчины или женщины более непристойны, принимает решение в пользу женщин. (Дж. Б. Синибальдус, *Geneanthropeia*, 1642, lib. ii, трактат. ii, глава v.)

Хорниус считал, что женщины получают большее сексуальное удовольствие, чем мужчины, хотя в основном он подкреплял свое мнение авторитетом поэтов-классиков. (Хорниус, *"Естественная история"*, 1670, lib. iii, глава i.)

Нентер описывает то, что мы теперь можем назвать женской аффектабельностью, и считает, что это делает их более склонными к сексуальным эмоциям, чем мужчин, о чем свидетельствует тот факт, что, несмотря на свою скромность, они иногда делают сексуальные заигрывания. Эта большая склонность женщин к сексуальному импульсу, отмечает он, совершенно естественна и правильна, поскольку работа по воспроизводству в основном выполняется женщинами, и любовь является ее основой: "generationis fundamentum est amor". (Г. П. Нентер, *Теория человека Сани*, 1714, глава v, раздел ii.)

Приведенные выше мнения врачей XVII века процитированы из оригинальных источников. Шуриг в своей *"Гинекологии"* (стр. 46-50 и 71-81) цитирует ряд отрывков по этому вопросу из медицинских авторитетов того же периода, на которые я не опирался.

Сенанкур в своей прекрасной и наводящей на размышления книге о любви, впервые опубликованной в 1806 году, спрашивает: "Имеет ли сексуальное удовольствие такую же силу для пола, который менее громко требует его? Во всяком случае, в некоторых отношениях в нем есть нечто большее. Сама энергичность и трудоспособность мужчин может привести их к пренебрежению любовью, но постоянные заботы о материнстве заставляют женщин чувствовать, насколько важным это всегда должно быть для них. Мы должны также помнить, что у мужчин особые эмоции любви сосредоточены только на одном, в то время как у женщин органы лактации связаны с органами зачатия. Все наши чувства определяются этими материальными причинами." (Сенанкур, *О любви*, четвертое издание, 1834, том i, стр. 68.) Более поздний психолог любви, на этот раз женщина, Эллен Ки, утверждает, что эротические потребности женщины, хотя и более молчаливые, чем у мужчины, сильнее. (Ellen Key, *Ueber Liebe und Ehe*, p. 138.)

Майкл Райан считал, что сексуальное наслаждение "более восхитительно и продолжительно" у женщин, и объяснял это более чувствительной нервной системой, более тонкой кожей, более острыми ощущениями и тем фактом, что у женщин молочные железы являются средоточием яркой чувствительности в сочетании с маткой. (М. Райан, *Философия брака*, 1837, стр. 153.)

Буш был склонен думать, что женщины получают большее сексуальное удовольствие, чем мужчины. (D. W. H. Busch, *"Дас Гешлехтсleben де Вайбес"*, 1839, т. i, стр. 69.) Кобельт утверждал, что анатомическое строение половых органов у женщин приводит к выводу, что это должно быть так.

Гутцайт, говоря о своем тридцатилетнем медицинском опыте в России, говорит: "Во всяком случае, в России девушка, как признавались мне очень многие, не может сопротивляться все

более сильным сексуальным порывам после двадцать второго или двадцать третьего года жизни. И если она не может сделать это естественным путем, она прибегает к искусственным способам. Вера в то, что женский пол ощущает стимулы секса меньше, чем мужской, совершенно ложна". (*Guttzeit, Dreissig Jahre Praxis*, 1873, theil i, p. 313.)

В Скандинавии, согласно Веделеру, сексуальные эмоции у женщин, по крайней мере, так же сильны, как и у мужчин (Веделер, "*De Impotentia Feminarum*", *Norsk Magazin для Laegevidenskaben*, март 1894 г.). В Швеции доктор Эклунд из Стокгольма отметил, что от 25 до 33 процентов. "Мы почти никогда не слышим, чтобы кто-нибудь говорил о том, что женщина была соблазнена, просто потому, что похоть сильнее всего проявляется в женщине, которая, как правило, является соблазнительницей", - добавляет он. (Эклунд, *Труды Американской ассоциации акушеров*, Филадельфия, 1892, стр. 307.)

На противоположном берегу Балтийского моря, в районе Кенигсберга, было сделано такое же наблюдение. Половое сношение до брака является правилом в большинстве деревень этого сельскохозяйственного района, среди рабочих классов, с намерением вступить в последующий брак или без него; "девушки часто становятся соблазнительницами или, по крайней мере, очень охотно; они стремятся привязать к себе своих любовников и принудить их к браку". В районе Кеслин в Померании, где половые сношения между девушками и юношами являются обычным явлением, девушки приходят в комнаты молодежи даже чаще, чем юноши к девушкам. В некоторых районах Данцига девушки отдаются юношам и даже соблазняют их, иногда, но не всегда, с целью замужества. (Wittenberg, *Die geschlechtsittlichen Verhalten der Landbewohner im Deutschen Reiche*, 1895, Bd. i, pp. 47, 61, 83.)

Мантегацца уделил этому вопросу большое внимание в нескольких работах, которые он опубликовал за пятьдесят лет, и твердо придерживался мнения, что сексуальные эмоции у женщин намного сильнее, чем у мужчин, и что женщины получают гораздо больше удовольствия от полового акта. В своей "*Физиологии Пьячере*" он поддерживает эту точку зрения и ссылается на большую сложность генитального аппарата у женщин (а также на его большую поверхность и более защищенное положение), на то, что он считает более острой чувствительностью женщин в целом, на пассивность женщин и т.д.; И он считает, что сексуальное удовольствие становится более соблазнительным для женщин из-за тайны, в которую оно завуалировано для них скромностью и нашими социальными привычками. В более поздней работе (*Fisiologia della Donna*, cap. viii) Мантегацца возвращается к этой теме и отмечает, что длительный опыт, хотя и подтвердил его первоначальное мнение, изменил его до такой степени, что теперь он считает, что по сравнению с мужчинами сексуальные эмоции женщин варьируются в гораздо более широких пределах. Среди мужчин мало кто совершенно нечувствителен к физическим удовольствиям любви, в то время как, с другой стороны, мало кого сила ее эмоциональных проявлений повергает в состояние обморока или конвульсий. Среди женщин, в то время как некоторые абсолютно бесчувственны, другие (как в случаях, с которыми он был знаком) настолько сильно возбуждаются раем физической любви, что после сексуальных объятий теряют сознание или впадают в каталептическое состояние на несколько часов.

"Физический секс является более важным фактором в жизни женщины. ... Если это верно в отношении физического элемента, то в равной степени верно и в отношении ментального

элемента". (Доктор Элизабет Блэкуэлл, *Человеческий элемент в сексе*, пятое издание, 1894, стр. 47.)

"У женского пола, - замечает Клаустон, - размножение является более доминирующей функцией организма, чем у мужского, и имеет гораздо большую, если не более интенсивную, связь с чувствами, суждениями и волей". (Клаустон, *Неврозы развития*, 1891.)

"Можно сказать, - утверждает Марро, - что у женщины висцеральная система реагирует, если не с большей интенсивностью, то, безусловно, более общим образом, на все впечатления, имеющие сексуальную основу, которые доминируют в жизни женщины, если не как собственно сексуальные эмоции, то как родственные эмоции, тесно зависящие от репродуктивного инстинкта". (А. Марро, *Половое созревание*, 1898, стр. 233.)

Форель также считал (*Die Sexuelle Frage*, стр. 274), что женщины более эротичны, чем мужчины.

Гинеколог Киш высказывает свое убеждение, что "Сексуальное влечение у женщин настолько сильно, что в определенные периоды жизни его первобытная сила доминирует во всей ее натуре, и для разума не остается места для споров относительно размножения; напротив, союз желателен даже при наличии страха перед размножением или когда об этом не может быть и речи". Он считает отсутствие сексуального чувства у женщин патологическим. (Kisch, *Sterilität des Weibes*, second edition, pp. 205–206.) В своей более поздней работе (*Сексуальная жизнь женщины*) Киш снова утверждает, что сексуальное влечение всегда присутствует у зрелых женщин (при отсутствии органического полового дефекта и церебральных заболеваний), хотя оно различается по силе и может подавляться. Однако у девочек-подростков он выражен слабее, чем у юношей того же возраста. Киш утверждает, что после сексуального опыта сексуальные эмоции женщины становятся такими же сильными, как и у мужчины, хотя у нее больше мотивов контролировать их, чем у мужчины.

Эйленбург придерживается того же мнения, что и Киш, и резко критикует вольное утверждение некоторых авторитетов, которые высказались в противоположном смысле. (А. Эйленбург, *Сексуальная невропатия*, стр. 88-90; тот же автор затронул этот вопрос в *Zukunft*, 2 декабря 1893 г.)

Коссман утверждает, что мнение о широко распространенном существовании фригидности среди женщин является выдумкой. (Kossmann, *Allgemeine Gynæcologie*, 1903, p. 362.)

Блох приходит к выводу, что "в большинстве случаев сексуальная холодность женщин на самом деле только кажущаяся, либо из-за сокрытия яркой сексуальности под вуалью внешней сдержанности, предписываемой общепринятой моралью, либо из-за мужа, которому не удалось вызвать эротические ощущения, которые сложны и с трудом пробуждаются. ... Сексуальная чувствительность женщин, конечно, отличается от чувствительности мужчин, но по силе она, по крайней мере, не уступает им". (Iwan Bloch, *Das Sexualleben unserer Zeit* 1907, ch. v.)

Нистрем, также посвятив главу обсуждению причин сексуальной холодности у женщин, заключает: "Мое убеждение, основанное на опыте, состоит в том, что лишь небольшое количество женщин были бы лишены сексуального чувства, если бы в отношении сексуальной жизни преобладали здравые взгляды и учения, если бы должное внимание уделялось внутренней преданности и нежным ласкам как предварительным этапам любви в браке, и если

бы пары, желающие избежать беременности, применяли разумные профилактические методы вместо прерывания полового акта". (А. Нистрем, *Das Книга "История и невод"*, восьмое издание, 1907, стр. 177.)

Таким образом, мы находим широко распространенными два мнения: одно, касающееся существования во всем мире и почти повсеместно принятое в те эпохи и центры, где жизнь протекает наиболее обнаженно, согласно которому сексуальное влечение у женщин сильнее, чем у мужчин; другое, широко распространенное сейчас во многих странах, согласно которому у женщин половой инстинкт значительно слабее, если, конечно, его нельзя считать полностью отсутствующим в норме. Возможна и третья точка зрения: можно считать, что разницы вообще нет. Эта точка зрения, ранее не получавшая широкого распространения, принадлежит французскому физиологу Бонису, а также Винкелю; в то время как Роледер, который ранее считал, что сексуальное чувство у женщин имеет тенденцию к дефекту, теперь считает, что мужчины и женщины равны в сексуальном влечении.

Однако в более ранний период Донатус (*De Medica Historia Mirabili*, 1613, lib. iv, глава xvii) придерживался той же точки зрения и отметил, что иногда мужчины, а иногда и женщины более непристойны, что зависит от конкретного человека. Рубо ("*О влиянии*", 1855, стр. 38) утверждал, что этот вопрос настолько сложен, что является неразрешимым.

Рассматривая характеристики сексуального влечения у женщин, как будет видно, мы должны учитывать распространенность у них того, что обычно называют (в самых незначительных формах) фригидностью или гиподонией, и (в более полной форме) сексуальной анестезией, или анафродизмом, или эротической слепотой, или ангедонией.^[157]

Многие современные авторы ссылались на распространенность фригидности среди женщин. Шуфельдт считает (*Тихоокеанский медицинский журнал*, ноябрь 1907 г.), что 75 процентов замужних женщин в Нью-Йорке страдают сексуальной фригидностью, и что она растет; однако, добавляет он, это редкость среди еврейских женщин. Хегар дает 50 процентов, как доля женщин, страдающих сексуальной анестезией; Фюрбрингер говорит, что таково большинство женщин. Эффертц (цитируется Левенфельдом, *Sexualeben und Nervenleiden*, стр. 11, очевидно, с одобрением) считает, что 10% женщин в целом применяют сексуальную анестезию, но только 1% - у мужчин. Молл утверждает (*Энциклопедия Эйленбурга*, четвертое издание, ст. "Geschlechtstrieb"), что распространенность сексуальной анестезии среди немецких женщин варьируется, по данным различных авторитетных источников, от 10 до 66 процентов. В другом месте Молл ("*Борьба с сексуальностью*", третье издание, 1890, стр. 510) подчеркивает утверждение о том, что "сексуальная анестезия у женщин встречается гораздо чаще, чем обычно предполагается". Он объясняет, что имеет в виду физический элемент удовольствия и удовлетворенности от полового акта, а также желание полового акта. Он добавляет, что психическая сторона любви часто более заметна у женщин, чем у мужчин. Он не может согласиться с Соллье в том, что такого рода сексуальная фригидность является симптомом истерии. Фере (*Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 112), ссылаясь на большую частоту сексуальной анестезии у женщин, отмечает, что она часто связана с невропатическими состояниями, а также с аномалиями половых органов или общими проблемами с питанием и обычно является приобретенной. Некоторые авторы придают большое значение аменорее в этой связи; один исследователь обнаружил, что в 4 из 14 случаев абсолютной аменореи сексуальное влечение отсутствовало. Левенфельд, опять же (*Sexualeben und Nervenleiden*),

ссылаясь на распространенное заблуждение о том, что нервное расстройство связано с повышенным сексуальным влечением, указывает, что женщины с нервным расстройством гораздо чаще проявляют фригидность, чем повышенное сексуальное влечение. В другом месте (*Ueber die Sexuelle Konstitution*) Левенфельд говорит, что сексуальная анестезия распространена только среди высших слоев общества. Кэмпбелл Кларк также несколько лет назад показал, что у молодых женщин со склонностью к хлорозу и безумию очень распространены дефекты развития тазовых органов и молочных желез. (*Журнал психических наук*, октябрь 1888 г.)

Что касается старых медицинских авторов, Шуриг ("*Сперматология*", 1720, стр. 243, и "*Гинекология*", 1730, стр. 81) собрал из литературы и собственных знаний случаи женщин, которые не испытывали удовольствия от полового акта, а также некоторых мужчин, у которых эрекция происходила без удовольствия.

Однако существует большая неопределенность относительно того, что именно подразумевается под сексуальной фригидностью или анестезией. Все старые авторы-медики тщательно проводят различие между накалом сексуального желания и фактическим наличием удовольствия при половом акте; многие современные авторы также правильно отделяют *либидо* от *сладострастия*, поскольку вполне возможно испытывать сексуальные желания и не иметь возможности получить их удовлетворение во время полового акта, и вместе с Мантегацца можно утверждать, что женщины от природы обладают более сильными сексуальными импульсами, чем мужчины, но более подвержены, чем мужчины, сексуальной анестезии. Но гораздо труднее, чем, по-видимому, предполагает большинство людей, получить вполне точные и определенные данные относительно отсутствия у женщины *сладострастия*, ни *либидо*. Даже если мы примем заявление женщины, которая утверждает, что у нее есть либо то, либо другое, либо и то, и другое вместе, утверждение об их отсутствии ни в коем случае не является столь же убедительным и окончательным. Как признает даже Адлер, который всесторонне обсуждает этот вопрос и имеет очень четкое мнение по этому поводу, есть женщины, которые упорно отрицают существование каких—либо сексуальных чувств до тех пор, пока они не действительно обнаружатся.^[158] Более того, некоторые из наиболее заметных характеристик сексуального влечения у женщин — его связь со скромностью, сравнительно позднее развитие, кажущаяся пассивность, потребность в стимуляции — все это в совокупности затрудняет окончательное утверждение о том, что женщина сексуально фригидна. Наиболее важным в этой связи является сложность полового аппарата у женщин и соответствующая психическая трудность — основанная на фундаментальном принципе полового отбора — поиска подходящего партнера. Тот факт, что женщина холодна с одним мужчиной или даже с несколькими мужчинами подряд, ни в коем случае не показывает, что она не склонна испытывать сексуальные эмоции; это просто показывает, что эти мужчины не смогли их возбудить. "Я вспоминаю два очень поразительных случая, — писал мне выдающийся гинеколог, покойный доктор Энгельманн из Бостона, — с очень привлекательными молодыми замужними женщинами — у одной был ребенок, у другой выкидыш, — которые оба были абсолютно холодны к своим мужьям, как рассказали мне и муж, и жена. Они не могли понять желания или страсти и даже не верили, что они существуют. Тем не менее, обе эти женщины испытывали к другим мужчинам пылкую страсть, возможно, тем более сильную, что она так долго была скрытой". В таких случаях едва ли есть необходимость ссылаться на теорию Адлера о болезненном торможении, или "инородном теле в сознании", которое необходимо преодолеть. Мы просто присутствуем при естественном факте, что женщина по всей своей природе не

только требует большой любви, но и обычно привередлива в выборе любовника. У человеческого вида этот естественный факт часто замаскирован и извращен. Женщины не всегда свободны выбирать мужчину, которого они предпочли бы в качестве любовника, и даже не свободны выяснять, подходит ли им мужчина, которого они предпочитают в сексуальном плане; более того, они очень часто крайне невежественны во всем вопросе секса и являются жертвами предрассудков и ложных условностей, которым их научили. С одной стороны, они впадают в неестественную чопорность и аскетизм; с другой стороны, они возвращаются к столь же неестественной легкости или даже распушенности. Таким образом, случается, что мужчины, которые обнаруживают, что большое количество женщин не так легкомысленны, как они сами, и поскольку они обнаружили, что таковыми являются многие женщины, спешат прийти к выводу, что женщины склонны к "сексуальному обезболиванию". Если мы хотим быть точными, то очень сомнительно, можем ли мы утверждать, что женщина когда-либо абсолютно лишена способности к сексуальному удовлетворению.^[159] У нее, несомненно, может отсутствовать какое-либо сознательное желание настоящего полового акта. Но если мы осознаем, в какой степени женщина является сексуальным организмом и насколько рассеянными и даже бессознательными могут быть сексуальные импульсы, становится очень трудно утверждать, что она никогда не проявляла никаких проявлений сексуального влечения. Все, что мы можем утверждать с некоторой степенью уверенности в некоторых случаях, это то, что она не испытала сексуального удовлетворения, особенно в виде наступления оргазма, но это очень далеко от того, чтобы гарантировать нам утверждение, что она никогда не испытает такого удовлетворения или, тем более, что она органически неспособна испытывать его.^[160] Поэтому совершенно невозможно следовать за Адлером, когда он просит нас признать существование состояния, которое он торжественно называет *anæsthesia sexualis completa idiopathica*, при котором нет механических трудностей на пути или психического торможения, но "абсолютное" отсутствие сексуальной чувствительности и полное отсутствие сексуального влечения.^[161]

Поучительно заметить, что сам Адлер не знает ни одного "чистого" случая этого состояния. Чтобы найти такой случай, ему приходится вернуться почти на два столетия назад, к мадам де Варенс, которой он посвящает целую главу. Более того, при написании этой главы у него хватило смелости полностью положиться на "*Признания*" Руссо, которые были написаны почти на полвека позже описываемых в них эпизодов и поэтому полны неточностей, к тому же основаны на несовершенных и ложных знаниях о прошлой жизни мадам де Варанс и написаны человеком, который, без сомнения, не был способен возбудить женскую страсть. Адлер показывает себя совершенно неосведомленным в исторических исследованиях Де Монте, Мунье, Риттера и других, которые в последние годы пролили поток света на жизнь и характер мадам де Варенс, и даже не знакомым с тем чрезвычайно важным фактом, что у нее была истерика.^[162] Это основа "факта", с которым нас просят согласиться *полная идиопатическая сексуальная анестезия!*^[163]

"Имея дело с предполагаемым отсутствием сексуального влечения, - пишет хорошо информированный медицинский корреспондент из Америки, - следует проявлять большую осторожность, принимая заявления о его отсутствии, исходя из того факта, что большинство женщин боятся этим признанием отнести себя к нечистой категории. Я также удовлетворен тем, что приток женщин в университеты и т.д. Часто происходит из-за сексуального влечения, вызывающего беспокойство, и что этот фактор находит выражение в похотливой стыдливости, так часто проявляющейся у таких женщин, что мешает совместному обучению. Это становится особенно заметно в Чикагском университете, где ханжество вмешивается в классические,

биологические, социологические и физиологические дискуссии в классе. От таких женщин поступали жалобы на то, что данный профессор не опустил эмбриологические факты, которые сами по себе никоим образом не подразумевают не деликатности. Мне даже сообщили, что в общежитиях колледжей часто высказывается мнение, что эмбриологические факты и дискуссии следует исключить из курса, предназначенного для обоих полов ". Едва ли нужно замечать, что такая стыдливость, присущая женщинам или мужчинам, указывает на ум, ставший болезненно чувствительным к сексуальным впечатлениям. Для здорового разума эмбриологические и связанные с ними факты не имеют эмоционально-сексуального значения, и поэтому нет необходимости избегать их.

Колишер из Чикаго ("Сексуальная фригидность у женщин", *Американский журнал акушерства*, сентябрь 1905 г.) указывает, что часто неспособность мужа вызвать сексуальное возбуждение у жены приводит к добровольному подавлению сексуальных ощущений с ее стороны или к приобретенной сексуальной анестезии. "Сексуальное возбуждение, - замечает он, - не доведенное до естественной кульминации, вызывает у женщины очень неприятное состояние, и повторные проявления такого рода могут даже привести к общим нервным расстройствам. Некоторые из этих несчастных женщин учатся подавлять свои сексуальные ощущения, чтобы избежать всех этих неприятных последствий. Такое положение дел не только прискорбно, потому что оно лишает партнершу ее естественных прав, но и достойно сожаления, поскольку практически низводит такую замужнюю женщину до уровня проститутки".

В качестве иллюстрации преобладания различного рода запретов, внешних и внутренних, в подавлении или маскировке сексуального чувства у женщин, я могу процитировать следующие наблюдения одной американки, касающиеся ряда ее знакомых женщин:

"Миссис А. Эта женщина красива и здорова. У нее никогда не было детей, к большому огорчению ее самой и ее мужа. Мужчина тоже красив и привлекателен. Миссис А. однажды спросила меня, были ли занятия любовью между мной и моим мужем когда-либо инициированы мной. Я ответил, что чаще всего это так, чем нет, и она сказала, что в таком случае она не видит, как можно регулировать страсть между мужем и женой. Когда мне показалось, что я не стыжусь этого, а скорее твердо придерживаюсь своих взглядов на то, что так и должно быть, она сразу попыталась произвести на меня впечатление тем фактом, что она не хотела, чтобы я думал, что ее "невозможно возбудить". Эта женщина несколько раз намекала, что в школе-интернате она узнала много такого, что не было поучительным, и я всегда чувствовал, что при должном поощрении она рассказала бы наводящие на размышления истории.

"Миссис Б. Эта женщина живет, чтобы угождать своему мужу, который избалованный человек. Вскоре после замужества она родила ребенка, но несколько лет оставалась инвалидом. Она сказала мне, что соитие всегда причиняло ей боль, и она сказала, что ее тошнило видеть своего мужа обнаженной. Поэтому я был удивлен, спустя годы услышав, как она сказала в ответ на замечание другого человека: "Да, женщины не только такие же страстные, как мужчины, я уверен, что они более страстные". Поэтому я усомнился в отсутствии страсти, которое она признавала в прежних случаях, или же был убежден, что улучшение ее здоровья сделало общение приятным.

"Мисс К., учительница. Она эмоциональна и легко впадает в истерику. Ее жизнь была полна самопожертвования, а воспитание - самым пуританским. Она сказала мне, что, по ее мнению,

женщины не жаждут сексуального удовлетворения, если только оно не было возбуждено в них. Я считаю ее той, кто физически травмирован отсутствием этого.

"Миссис Д. После нескольких лет замужества этот человек сказала мне, что считает половой акт "ужасным". Однако через несколько лет после этого она влюбилась в мужчину, который не был ее мужем, что стало причиной их расставания. Ей всегда казалось, что мужчины влюблены в нее, и она рассказала мне, что она и ее муж пытались жить без половых сношений, опасаясь новых детей, но у них ничего не получалось; она также рассказала о попытках воздерживаться с той же целью до безопасной части менструального месяца, но "это было как раз то время, когда она меньше всего заботилась об этом". Эти замечания заставили меня усомниться в искренности первого.

Миссис Э. сказала, что ей нравилось заниматься сексом так же, как и ее мужу, и она "не видела, почему бы ей не сказать этого". Эта же женщина, независимо от того, использовала она расхожую фразу или нет, позже сказала, что ее муж "беспокоил ее не очень часто".

"Миссис Ф., мать нескольких детей, была замужем за человеком, которого она не любила и не уважала, но она сказала, что, когда незнакомый мужчина прикасался к ней, это заставляло ее дрожать всем телом.

"Миссис Г., многодетная мать, развелась из-за распутства, пьянства и прочего со стороны своего мужа. Она креолка, но крупная и почти отталкивающая. Она блестящий оратор и поддерживает себя писательством. Она влюбилась в нескольких молодых людей, "дико, безумно, страстно", как сказал мне один из них, и я уверен, что она сильно страдает от отсутствия удовлетворения. Она, без сомнения, раздобыла бы его, если бы это было возможно.

"Я верю, - заключает автор, - что женщины так же страстны, как и мужчины, но вынужденная многолетняя сдержанность, возможно, заглушает это. Я уверен, что страх иметь детей и методы предотвращения зачатия являются мощными факторами, наносящими ущерб эмоциям замужних женщин. Возможно, отсутствие полового акта действует на женщину менее пагубно из-за обновляющегося чувства, которое приходит после каждой менструации".

Как относящийся к причинам, которые привели к маскировке и неправильному истолкованию сексуального влечения у женщин, я могу процитировать следующее сообщение от другой дамы:

—

"Я действительно думаю, что холодность женщин сильно преувеличена. Теоретически идеальная женщина для мужчин (хотя на практике их это не так уж сильно волнует) бесстрастна, и женщины боятся признаться, что у них есть какое-либо желание сексуального удовольствия. Руссо, который не был очень прямолинейным, оправдывает поведение мадам де Варанс на том основании, что оно не было результатом страсти: скорее усугубление, чем смягчение проступка, если общество рассматривало его с точки зрения какой-либо другой вины. Даже в современных романах, написанных "новой женщиной", стремление к материнству, всегда благородное чувство, прикрывается так называемым "низменным" желанием. То, что некоторые женщины, во всяком случае, обладают очень сильными страстями и что подавление их влечет за собой большие страдания, я уверен, недостаточно осознается даже самими женщинами.

Помимо "бесстрастного идеала", который проверяет их искренность, есть много причин, которые служат для того, чтобы скрыть чувства женщины к самой себе и заставить ее казаться самой себе более холодной, чем она есть на самом деле. Вкратце это:—

"1. Нераспознанные заболевания репродуктивных органов, особенно после рождения детей. Одна моя подруга жаловалась мне на свою неспособность испытывать удовольствие, хотя она делала это до рождения своего ребенка, которому тогда было 3 года. С большим трудом я убедил ее обратиться к врачу, который сказал ей, что все репродуктивные органы серьезно перегружены; так что в течение трех лет она жила в неведении и сожалении ради своего мужа и ради себя самой.

"2. Страх возобновления, однажды перенесенных, всех болей и неудобств, связанных с вынашиванием ребенка.

"3. Даже при соблюдении мер предосторожности возникает много хлопот и беспокойства, что оказывает очень сдерживающее воздействие на возбуждение.

"4. Тот факт, что мужчины никогда не возьмут на себя никаких хлопот выяснить, что особенно возбуждает женщину. Женщина, как правило, прилагает некоторые усилия, чтобы выяснить мелочи, которые особенно влияют на мужчину, которого она любит, — это может быть обман речи, роза в волосах или что—то еще, - и она использует свои знания. Но знаете ли вы хоть одного человека, который возьмет на себя такие же хлопоты? (Трудно указать, поскольку то, что нравится одному человеку, может не понравиться другому. Я нахожу, что на менялично влияют следующие вещи: [a] Восхищение умственными способностями мужчины иногда переходит в прямое физическое возбуждение. [b] Аромат белых цветов, таких как тубероза или сиринга. [c] Вид светлячков. [d] Идея или реальность отстранения от работы. [e] Иногда абсолютная пассивность.)

"5. Тот факт, что многие женщины удовлетворяют своих мужей, когда сами не расположены к этому. Это похоже на поедание варенья, когда оно не нравится, и имеет аналогичный эффект. На мой взгляд, делать это - большая ошибка, за исключением очень редких случаев. Мужчина, хотя, возможно, и сердитый в данный момент, предпочитает, я полагаю, удовлетворить себя несколько раз, когда женщина тоже получает от этого удовольствие, а не много раз, когда она этого не делает.

"6. Мазохистская склонность женщин или их желание подчиняться мужчине, которого они любят. Я полагаю, что нет более непонятного смысла во всем вопросе, чем этот. Почти каждый мужчина воображает, что для завоевания любви и уважения женщины он должен поступать по-своему в мелочах и заставлять ее повиноваться в больших. Каждый мужчина, желающий успеха у женщины, должен в точности опровергнуть эту теорию".

Когда мы сталкиваемся с этими различными и часто противоречащими друг другу высказываниями мнений, представляется необходимым получить, по возможности, определенную основу из объективных фактов. В любом случае было бы совершенно очевидно, и это становится неоспоримым в свете приведенных мною утверждений, что наиболее информированные и проницательные клинические наблюдатели, высказывая мнение по очень сложному и неуловимому предмету, который они не изучали с каким-либо вниманием и методом, склонны делать неосторожные утверждения; иногда они также становятся жертвами этических или псевдоэтических предрассудков, так что легче всего

поддаются влиянию той категории случаев, которая лучше всего соответствует их представлениям.^[164] Для того, чтобы прийти к каким-либо выводам на разумной основе, необходимо взять серию невыбранных индивидуумов и тщательно выяснить состояние сексуального влечения у каждого.

Однако в настоящее время это чрезвычайно трудно сделать удовлетворительным образом и, по сути, совершенно невозможно сделать способом, который мог бы дать абсолютно безупречные результаты. Тем не менее, было сделано несколько серий наблюдений. Так, доктор Гарри Кэмпбелл^[165] фиксирует результат исследования, проведенного в его больничной практике, 52 замужних женщин из бедного класса; они были не пациентками, а обычными, здоровыми женщинами из рабочего класса, и запрос проводился не напрямую, а от мужей, которые были пациентами. Было сказано, что сексуальный инстинкт присутствовал в 12 случаях до вступления в брак и отсутствовал в 40; в 13 из 40 он вообще никогда не проявлялся; так что в целом он проявился в 39 случаях, или в соотношении, превышающем 75 процентов. Среди 12 человек, у которых она существовала до брака, было сказано, что у большинства она появилась с наступлением половой зрелости; однако у 3 - за несколько лет до наступления половой зрелости и у 2 - несколькими годами позже. У 2 из тех, у кого она появилась до наступления половой зрелости, менструация началась поздно; у третьей она поднялась почти до нимфомании в день, предшествующий первой менструации. Почти во всех случаях говорилось, что желание у мужа сильнее, чем у жены; когда оно было сильнее у жены, муж был исключительно безразличен. Из 13 человек, у которых желание отсутствовало после вступления в брак, 5 были женаты менее двух лет, и Кэмпбелл отмечает, что было бы неправильно делать вывод, что оно никогда не разовьется в этих случаях, поскольку в этой группе случаев проявление полового инстинкта было иногда вопросом дней, иногда лет, после даты вступления в брак. В двух третях случаев наблюдалось уменьшение желания, обычно постепенное, в период климакса; в оставшейся трети не было либо изменений, либо обострения желания. Самый важный общий результат, заключает Кэмпбелл, заключается в том, что "сексуальный инстинкт у женщины гораздо менее интенсивен, чем у мужчины", и к этому он в другом месте добавляет следствие, что "сексуальный инстинкт у цивилизованной женщины, я полагаю, имеет тенденцию к атрофии".

Выдающийся гинеколог, покойный доктор Мэтьюз Дункан, в своей работе о *бесплодии у женщин* представил таблицу, которая, хотя и не имеет отношения к этой теме, имеет определенное отношение к данному вопросу. Мэтьюз Дункан, полагая, что отсутствие сексуального желания и сексуального удовольствия при половом акте являются мощными факторами, способствующими бесплодию, отметил их наличие или отсутствие в ряде случаев и обнаружил, что среди 191 бесплодной женщины в возрасте от 15 до 45 лет 152, или 79%, признали наличие сексуального желания; и среди 196 бесплодных женщин (в основном в тех же случаях) 134, или 68%, признали наличие сексуального удовольствия при половом акте. За исключением случаев старше 35 лет, которых было сравнительно немного, наибольшая доля утвердительных ответов, как в отношении сексуального удовольствия, так и сексуального желания, была дана в возрасте от 30 до 34 лет. Мэтьюз Дункан предполагает, что отсутствие сексуального желания и сексуального удовольствия у женщин совершенно ненормально.^[166]

Английский автор-немедин, в ходе вдумчивого обсуждения сексуальных феноменов, раскрывающий значительные знания и наблюдения,^[167] посвятил главу этой теме в другом ее аспекте. Не пытаясь установить нормальную силу полового инстинкта у женщин, он кратко описывает 11 случаев "сексуальной анестезии" у женщин (в 2 или 3 из которых, однако, обнаруживается элемент скрытой гомосексуальности) из круга его собственных друзей. Этот автор приходит к выводу, что сексуальная холодность очень распространена среди английских женщин и что она затрагивает вопросы, имеющие большое социальное и этическое значение.

Я не встречался с какой-либо серией наблюдений, проведенных среди, казалось бы, здоровых и нормальных женщин в других странах; однако существуют различные серии несколько ненормальных случаев, в которых этот момент был отмечен, и результаты не являются неструктурными. Так, в Вене, в психиатрической клинике Краффт-Эбинга, Гаттель (*Исследование сексуального поведения при неврастении и ангстневрозе*, 1898) тщательно исследовал случаи 42 женщин, в основном в расцвете сексуальной жизни — т.е., между 20 и 35 годами, — которые страдали легкими нервными расстройствами, особенно неврастением и легкой истерией, но ни одна из них не страдала серьезными нервными или иными заболеваниями. Из этих 42 человек по меньшей мере 17 в тот или иной момент мастурбировали до или после вступления в брак, чтобы получить облегчение сексуальных ощущений. В случае с 4 заявлено, что они не получают сексуального удовлетворения в браке, но в этих случаях практикуется только *прерывистый коитус*, и тот факт, что были поданы жалобы на отсутствие сексуального удовлетворения, по-видимому, указывает на склонность к его получению. Таким образом, эти 4 случая вряд ли можно рассматривать как исключения. Во всех остальных случаях сексуальное желание, сексуальное возбуждение или сексуальное удовлетворение всегда четко обозначены, и в значительной доле случаев отмечается, что сексуальное влечение очень сильно развито. Эта серия ценна, поскольку факты сексуальной жизни, насколько это возможно, зафиксированы с большой точностью. Однако значение этих фактов варьируется в зависимости от точки зрения на причинную связь неврастения и сопутствующих состояний легкого нервного расстройства. Гаттель утверждает, что сексуальные нарушения являются особенно плодотворным, если не постоянным, источником таких расстройств; согласно более общепринятой точке зрения, это не так. Если мы примем более обычную точку зрения, эти женщины вполне соответствуют средним женщинам низшего класса; если, однако, мы примем точку зрения Гаттеля, они могут обладать сексуальным инстинктом в более выраженной степени, чем обычные женщины.

В серии из 116 немецких женщин, которым была проведена операция по удалению яичников, Пфистер обычно кратко отмечал, каким образом операция повлияла на сексуальное влечение ("*Die Wirkung der Castration auf den Weiblichen Organismus*", *Archiv für Gynäkologie*, 1898, стр. 583). В 13 случаях (все, кроме 3-х незамужних) наличие сексуального желания в любое время отрицалось, и 2 из них выразили отвращение к сексуальным вопросам. В 12 случаях этот факт остается сомнительным. Во всех остальных случаях сексуальное желание когда-то присутствовало, и в 2 или 3 случаях было признано, что оно было настолько сильным, что приближалось к нимфомании. Примерно у 30 из них (не считая тех, у которых она ранее была очень сильной) она была подавлена кастрацией, у нескольких других она была уменьшена, а у остальных осталась незатронутой. Таким образом, если мы исключим 12 случаев, в которых этот вопрос явно не расследовался, и 10 незамужних женщин, у которых это могло быть скрыто или

не осознавалось, мы обнаружим, что из 94 замужних женщин 91 женщина признала наличие сексуального желания и только 3 отрицали его.

Шретер, снова находясь в Германии, исследовал проявления сексуального влечения у 402 душевнобольных женщин в приюте Айхберг в Рейнгау. ("Wird bei jungen Unverheiratheten zur Zeit der Menstruation stärkere sexuelle Erregheit beobachtet?" *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, vol. lvi, 1899, стр. 321-333.) Нет оснований предполагать, что душевнобольные представляют собой класс общества, особенно подверженный сексуальным эмоциям, хотя их проявления могут стать необузданными и заметными под влиянием безумия; и в то же время, хотя появление таких проявлений свидетельствует о склонности к сексуальным эмоциям, их отсутствие может быть вызвано только болезнью, уединением или сохраненной способностью к самоконтролю.

Из 402 женщин 166 были замужем и 236 незамужними. Шретер разделил их на четыре группы: (1) те, кому меньше 20; (2) те, кому от 20 до 30; (3) те, кому от 30 до 40; (4) те, кому от 40 до менопаузы. Среди пациентов были люди из низшего класса населения, и только около четверти из них можно было справедливо считать излечимыми. Таким образом, проявления сексуальности уменьшились, поскольку с развитием психических заболеваний сексуальные проявления перестают проявляться. Шретер подсчитывал только те случаи, в которых сексуальные проявления были решительными и достаточно постоянными в период менструации; если они не проявлялись явно, сексуальное чувство не принималось во внимание. Сексуальные явления сопровождали наступление менструального цикла в 141 случае: т.е. у 20 (или в пропорции 72%) женщин первой группы, состоящей полностью из незамужних женщин; у 33 (или 28%) женщин второй группы; у 55 (или 35%) женщин третьей группы; и у 33 (или 33%) женщин четвертой группы. Было обнаружено, что у 181 пациентки никогда не наблюдалось сексуальных феноменов, в то время как у 80 часто наблюдались сексуальные феномены между периодами менструации, но лишь в незначительной степени и совсем не во время менструации. Во всех возрастах сексуальные проявления были более распространены среди неженатых, чем среди состоящих в браке, хотя с возрастом эта разница регулярно и прогрессивно уменьшалась.

Шретер склонен думать, что сексуальное возбуждение чаще встречается у душевнобольных женщин, принадлежащих к низшим социальным классам, чем у тех, кто принадлежит к высшим классам. Среди 184 женщин, находящихся в частной лечебнице, только 13 (6,13%) проявляли очень заметное и постоянное возбуждение во время менструации. Однако он указывает, что это может быть связано с большей способностью сдерживать проявления чувств.

Результаты Шретера представляют определенный интерес, хотя их нельзя поставить в один ряд с исследованиями, проводимыми среди здравомыслящих; они отражают преобладание самых грубых и сильных сексуальных проявлений только тогда, когда они освобождены от ограничений здравомыслия.

В качестве небольшого вклада в ответ на этот вопрос я отобрал серию из 12 случаев женщин, о сексуальном развитии которых я располагаю точной информацией, со следующими результатами: в 2 случаях отчетливое сексуальное чувство возникло спонтанно в возрасте 7 и 8 лет, но полный оргазм наступил только через несколько лет после полового созревания; в 5 случаях сексуальное чувство возникло спонтанно в течение нескольких месяцев или года после появления менструации, которая началась между 12 и 14 годами, обычно в 13; в другом случае сексуальное чувство впервые появилось вскоре после начала менструации, но не спонтанно,

будучи вызванным голосом любовника. успехи; в остальных 4 случаях сексуальные эмоции так и не стали определенными и осознанными до взрослой жизни (возраст 26, 27, 34, 35 лет), в 2 случаях из-за занятий любовью и в 2 случаях из-за манипуляций собой по случайности или из любопытства. Примечательно, что сексуальные чувства, впервые возникшие во взрослой жизни, обычно были такими же сильными, как и те, что возникают в период полового созревания. Можно добавить, что из этих 12 женщин 9 в то или иное время мастурбировали (4 вскоре после полового созревания, 5 во взрослой жизни), но, за исключением 1 случая, редко и с интервалами. Все они принадлежат к среднему классу, двое или трое ведут легкую, хотя и не праздную жизнь, в то время как все остальные заняты профессиональной или иной деятельностью, часто связанной с тяжелым трудом. Они сильно различаются по характеру и умственным способностям; но, хотя 2 или 3 из них могут считаться слегка ненормальными, все они довольно здоровы.

Я склонен полагать, что переживания вышеупомянутой группы довольно типичны для социального класса, к которому они принадлежат. Я могу, однако, привести еще одну серию из 35 женщин, возраст которых варьируется от 18 до 40 лет (за двумя исключениями, все старше 25) и во всех отношениях сопоставимы с меньшей группой, но о которых мои знания, хотя и достоверны, обычно менее точны и детализированы. В этой группе 5 человек заявили, что они никогда не испытывали сексуальных эмоций, все они не состоят в браке и ведут строго целомудренный образ жизни; в 18 случаях сексуальное влечение может быть описано как сильное или так считает сама испытуемая; в 9 случаях оно лишь умеренное; в 3 случаях оно очень слабое, когда вызывается, и с трудом вызывается, в 1 из них появляется только через два года после вступления в брак, в другом его сравнительное отсутствие объясняется усталостью и беспокойством от домашних забот. Примечательно, что все более высокоинтеллектуальные, энергичные женщины в сериале появляются в группе людей с сильными сексуальными эмоциями, а также что тяжелый умственный и физический труд, даже если он культивируется для этой цели, обычно практически не влияет на облегчение сексуальных эмоций.

Американский врач из штата Коннектикут присылает мне следующие заметки, касающиеся серии из 13 замужних женщин, взятых по мере их появления в акушерской практике. Они во всех отношениях респектабельные и нравственные женщины:—

"Миссис А. говорит, что ее муж не уделяет ей достаточного сексуального внимания, поскольку боится, что у них будет больше детей, чем он сможет должным образом позаботиться. Миссис Б. всегда получает удовольствие от полового акта; то же самое делает миссис К. Миссис Д. легко возбуждается и очень любит сексуальное внимание. Миссис Э. любит заниматься сексом, если ее муж осторожен и не причиняет ей боли. У миссис Ф. никогда не было сексуального желания до второго брака, но сейчас это временами становится очень актуальным. Миссис Г. нелегко возбудить, но она никогда не возражала против внимания своего мужа. Миссис Х. предпочла бы, чтобы ее муж проявлял больше внимания. Миссис И. никогда не отказывала своему мужу, но он не слишком беспокоит ее. Миссис Дж. считает, что три-четыре раза в неделю вполне удовлетворительно, но не стала бы возражать против ночных половых сношений. Миссис К. не думает, что ее муж мог бы дать ей больше, чем ей хотелось бы. Миссис Л. предпочла бы жить с женщиной, если бы не половой акт. Миссис М., 40 лет, говорит, что ее 65-летний муж настаивает на половом акте три раза каждую ночь и что он вызывает у нее усталость и отвращение. Она

каждый раз испытывает по крайней мере один оргазм и не возражала бы против разумного внимания".

Можно отметить, что, хотя эти результаты у английских женщин среднего класса полностью согласуются с немецкими и австрийскими наблюдениями, которые я процитировал, они отличаются от результатов Кэмпбелл среди женщин рабочего класса в Лондоне. Это несоответствие, пожалуй, нетрудно объяснить. В то время как условия жизни высшего класса, возможно, особенно благоприятны для развития сексуальных эмоций, среди рабочих классов Лондона, где стресс от борьбы за существование в плохих гигиенических условиях столь велик, они могут быть особенно неблагоприятными. Таким образом, возможно, что среди класса, с которым имеет дело Кэмпбелл, действительно меньше женщин, испытывающих сексуальные эмоции, чем среди класса, к которому принадлежит моя серия.^[168]

Более серьезным соображением является метод исследования. Работающий мужчина, который, возможно, неразумен вне своей работы и во многих случаях женат на женщине, превосходящей его по утонченности, возможно, способен пробудить сексуальные эмоции своей жены, а также способен выяснить, что это за эмоции, и быть готовым правдиво ответить на вопросы по этому вопросу в меру своих возможностей, но он ни в коем случае не является свидетелем, чьи показания являются окончательными. Хотя, однако, факты Кэмпбелла могут быть не совсем бесспорными, я склонен согласиться с его выводом и выводом Мантегаццы о том, что существует очень большой диапазон вариаций в этом вопросе и что нет возраста, в котором у женщин не могло бы проявиться сексуальное влечение. Женщина, пользующаяся доверием очень многих женщин, говорит мне, что она никогда не встречала женщину, у которой не было бы сексуального чувства. Я сам был бы склонен сказать, что чрезвычайно трудно найти женщину, лишенную склонности к сексуальным эмоциям, хотя большое разнообразие обстоятельств может препятствовать, временно или постоянно, развитию этой скрытой способности. Другими словами, хотя скрытая сексуальная склонность может присутствовать всегда, сексуальный импульс может быть дефектным, а способность оставаться скрытой, с последующим дефицитом сексуальных эмоций и отсутствием сексуального удовлетворения.

На это указывает не только значительная доля моих случаев, в которых наблюдается лишь умеренное или слабое сексуальное влечение. У меня есть достаточно доказательств того, что во многих случаях элемент боли, который можно почти назвать нормальным при установлении сексуальной функции, никогда не сливается, как это обычно бывает, с приятными ощущениями при полном установлении сексуальных отношений. Иногда, без сомнения, это может быть связано с диспареунией. Иногда может иметь место абсолютная сексуальная анестезия, будь то врожденного или истерического происхождения. Мне рассказывали о случае с замужней дамой, которая так и не смогла получить сексуального удовольствия, хотя у нее были отношения с несколькими мужчинами, отчасти для того, чтобы попробовать, сможет ли она получить этот опыт, а отчасти для того, чтобы доставить им удовольствие; сам факт, что мотивы для сексуальных отношений возникли не из более сильного побуждения, сам по себе указывает на врожденный дефект как с психической, так и с физической стороны. Но, как правило, задеиствованная сексуальная анестезия не является абсолютной, а заключается в нежелании к половому акту по различным причинам, в недостатке сильного сексуального влечения и неспособности к сексуальному оргазму.

Я в долгу перед дамой, которая много писала по женскому вопросу и сама является матерью многочисленного семейства, за несколько писем, посвященных распространенности среди женщин сексуальной холодности, состоянию, о котором, по ее мнению, ни в коем случае нельзя сожалеть. Она считает, что у всех ее собственных детей сексуальное влечение развито очень слабо, мальчики равнодушны к женщинам, девочки холодны к мужчинам и не имеют желания вступать в брак, хотя все они умны и любвеобильны, девочки обладают очень нежной и утонченной красотой. (Это сообщение сопровождалось большой подборкой фотографий.) Говорят, что нечто похожее характерно для представителей этого семейства, и говорят, что они отличаются долголетием, здоровьем и не склонностью ко всякого рода излишествах. Едва ли необходимо отмечать, что мать, какой бы высокоинтеллектуальной она ни была, ни в коем случае не является безошибочным судьей относительно наличия или отсутствия у ее детей такого застенчивого, тонкого и неуловимого импульса, как сексуальный. Кто же время я ни в коем случае не склонен подвергать сомнению существование у отдельных людей и даже в семьях или стадах относительно слабого сексуального импульса, который, хотя и позволяет иметь место деторождению, не сопровождается сильным влечением к противоположному полу и выраженной склонностью к браку. (Адлер, указ. соч., стр. 168, обнаружил, что такое состояние передается от матери к дочери.) Такие люди часто обладают утонченным типом красоты. Однако даже при хорошем здоровье обычно ощущается определенный недостаток жизненных сил.

Мне кажется, что состояние сексуальной анестезии, относительной или абсолютной, нельзя рассматривать иначе, как ненормальное. Даже на самом низком уровне удовлетворение репродуктивной функции должно приносить по меньшей мере такое же удовлетворение, как опорожнение кишечника или мочевого пузыря; в то время как, если мы возьмем, что мы, безусловно, должны, более высокую почву, акт, который является одновременно высшим фактом и символом любви и высшим творческим актом, не может при нормальных условиях быть иным, чем самым приятным из всех актов, иначе он находился бы в сильном противоречии со всем, что мы находим в природе.

Насколько естественно сексуальное влечение у женщин, какие бы трудности ни возникали в отношении его полного удовлетворения, ясно видно, когда мы рассматриваем частоту, с которой у молодых женщин мы наблюдаем его более или менее инстинктивные проявления. Такие проявления могут проявляться особенно ярко в годы, непосредственно следующие за наступлением половой зрелости, и они тем более впечатляющи, когда мы вспоминаем относительно пассивную роль, которую женщины обычно играют в игре ухаживания, и огромную социальную силу, действующую на женщин, чтобы заставить их даже к неестественному увеличению этой пассивной роли. Проявления, на которые я намекаю, не только чаще всего встречаются у молодых девушек, но, вопреки распространенному мнению, они, по-видимому, встречаются в основном у невинных и необузданных девушек. Более порочные достаточно искусны, чтобы избежать необходимости в любых таких открытых проявлениях. Мы должны иметь это в виду, когда сталкиваемся с вопиющими сексуальными явлениями у молодых девушек.

"Молодая девушка, - говорит Хаммер ("Полное руководство по Юнгфрауэну", "Новое поколение", август 1911 г.), - которая ранее не применяла никаких методов самоудовлетворения, испытывает в начале полового созревания, примерно во время первой менструации и прорастания волос на лобке, при отсутствии какой-либо стимуляции со стороны

мужчины, спонтанные сексуальные тенденции как локального, так и психического характера. На психической стороне присутствует чувство пустоты и неудовлетворенности, потребность в подчинении и служении, и, если такая возможность до сих пор отсутствовала, страстное желание увидеть мужскую наготу и узнать факты продолжения рода. Наряду с этими желаниями, в то же время существуют сдерживающие желания, такие как желание сохранить себя чистой либо по отношению к мужчине, которого она представляет себе как "идеал", либо по отношению к своим родителям, о которых не следует беспокоиться, либо как к члену избранного народа, в духе которого она должна жить и умереть, либо из любви к Иисусу или какому-нибудь святому. С физической стороны возникает ощущение свежей силы, предприимчивости; приятное напряжение в области гениталий, которые легко становятся влажными. Затем возникает чувство чрезмерной раздражительности и перенапряжения, а также потребность снять напряжение с помощью щипков, ударов, тугой шнуровки и так далее. Если девушка не испытывает сексуального удовлетворения, то во время сна, с регулярными интервалами примерно в три дня, происходит более или менее облегчение и выделение напряженных желез, соответствующих не менструальному периоду, а половому акту, и служащих лучше, чем сексуальная инструкция, для представления ей феноменов полового акта. Если в этот период происходит фактический половой акт, он, как правило, проходит без боли, как и введение зеркала. Без какого-либо соблазнения извне целомудренная девушка теперь часто находит способ снять чрезмерное напряжение без помощи мужчины. Именно насилие над собой постепенно приводит к возникновению боли при дефлорации. Менструальные явления соответствуют рождению; самоудовлетворение или облегчение во время сна - половому акту ". Эта постановка вопроса несколько абсолютна и безоговорочна. В искусственных условиях цивилизации тормозящие воздействия обучения быстро действуют мощно и более или менее успешно, изгоняя сексуальные феномены в подсознание, иногда причиняя там все те вредные последствия, которые Фрейд приписывает им. Следует также сказать (как я указывал при обсуждении аутоэротизма в другом томе), что сексуальные сны, по-видимому, являются скорее исключением, чем правилом у невинных девушек. По-прежнему верно, что сексуальные явления у девочек в период полового созревания не следует рассматривать как болезненные или неестественные. Есть также очень веские основания полагать (даже помимо показаний такого опытного гинеколога, как Хаммер), что с физической стороны сексуальные процессы, как правило, осуществляются с легкостью, которая часто утрачивается в более поздние годы при длительном целомудрии. Это справедливо как в отношении полового акта, так и в отношении родов. (См. т. vi из этих *Исследований*, гл. xii.)

Однако даже в случае взрослых активная роль, которую женщины играют в реальной жизни в вопросах любви, никоим образом не соответствует общепринятым представлениям об этих предметах. Несомненно, почти каждая женщина получает сексуальную инициацию от старшего и более опытного мужчины. Но, с другой стороны, почти каждый мужчина получает свою первую инициацию благодаря активным и продуманным шагам, предпринимаемым пожилой и более опытной женщиной. Те, кто пишет на эти темы, слишком часто забывают, что мужчина, соблазняющий женщину, обычно сам в первую очередь был "соблазнен" женщиной.

Известный врач из Чикаго рассказал мне, что при опросе 25 женатых мужчин из среднего класса по очереди выяснилось, что 16 были впервые соблазнены женщиной. Офицер Индийской медицинской службы пишет мне следующее: "Однажды в клубе в Бирме нас было

около 25 человек за столиком, и зашел разговор о первом половом акте. Все были сбиты с толку слугами, за исключением двоих, которых посвятили гувернантки их сестер. Все мы были мужчинами на "службе", так что факты можно считать типичными для того, что происходит в нашем слое общества. Все они имели сексуальные отношения с уважаемыми незамужними девушками, и большинство из них - с женами мужчин, знакомых их отцам, причем в некоторых случаях они были достаточно взрослыми, чтобы быть матерями своих любовников. По-видимому, до 17 лет никто не осмеливался делать первые авансы, однако начиная с 13 лет у всех было достаточно возможностей для удовлетворения своих сексуальных инстинктов с женщинами. Хотя все они посещали государственные школы, где, как известно, гомосексуализм имел место, тем не менее (как я могу утверждать из личных знаний) ни у кого в Бирме не было признаков инверсии или извращения".

В России Членовф, исследуя сексуальную жизнь более 2000 московских студентов из высшего и среднего класса (*Архив криминологии*, октябрь-ноябрь 1908 г.), обнаружил, что у половины из них первый коитус произошел в возрасте от 14 до 17 лет; у 41% - с проститутками, у 39% - со слугами и у 10% - с замужними женщинами. В 41 проценте случаев молодой человек заявил, что проявил инициативу, в 25 процентах случаев ее проявили женщины, а в 23 процентах случаев подстрекательство исходило от товарища.

Истории, которые я записал в Приложении В (а также в двух следующих томах этих *Исследований*), очень хорошо иллюстрируют тенденцию молодых девушек проявлять сексуальные импульсы, когда они освобождаются от стеснения, которое они испытывают в присутствии взрослых мужчин, и от страха последствий. Эти истории особенно хорошо показывают, как часто няньки и служанки добиваются сексуальной инициации вверенных им мальчиков. О том, насколько распространен этот импульс среди девочек-подростков из низкого социального класса, свидетельствует тот факт, что, безусловно, большинство мужчин из среднего класса могут вспомнить случаи из своего собственного детства. (Я здесь не принимаю во внимание широко распространенную среди медсестер практику успокаивания очень маленьких детей, находящихся на их попечении, манипулируя половыми органами.)

Медицинский корреспондент, подчеркивая этот момент, пишет, что "многие мальчики скажут вам, что, если девушке-медсестре будет позволено спать с ними в одной комнате, она попытается осуществить сексуальные манипуляции. Либо девочка ложится в постель к мальчику и, притянув его к себе, щекочет пенис и вводит его в вульву, заставляя мальчика имитировать сексуальные движения, либо она просто мастурбирует ребенка, чтобы возбудить его и заинтересовать, часто показывая ему женское половое отверстие в себе или в его сестрах, уча его трогать его пальцами. На самом деле, девушка-кормилица может погубить мальчика, главным образом, я думаю, потому, что ее воспитали считать половые органы тайной, и она находится в полном невежестве относительно них. Таким образом, она пользуется возможностью исследовать пенис мальчика, чтобы выяснить, как он работает, и т.д., чтобы удовлетворить свое любопытство. Я знаю случай, когда медсестра в фешенебельном лондонском сквер-гардене собирала всех мальчиков и девочек (детей джентльменов) в летнем домике, когда темнело, и, задрав свои нижние юбки, приглашала всех мальчиков посмотреть на ее вульву и пощупать ее, а также подстрекала мальчиков постарше 12-14 лет к половому акту с ней. Девочки боятся беременности, поэтому не позволяют оперировать пенис взрослого человека. Я думаю, людям следует нанимать медсестер гораздо более высокого класса, чем они".

"Детям никогда и ни при каких обстоятельствах не следует позволять, - писал Лоусон Тейт (*Женские болезни*, 1889, стр. 62), - спать со слугами. В каждом случае, когда я обнаруживал несколько детей, пораженных [мастурбацией], зараза передавалась от слуги ". Фрейд обнаружил (*Neurologisches Centralblatt*, № 10, 1896), что в случаях тяжелой юношеской истерии отправной точкой часто могут быть сексуальные манипуляции со стороны слуг, нянек и гувернанток.

"Когда мне было лет 8 или 9, - пишет друг, - служанка из нашей семьи, которая обычно выносила свечу из моей спальни, часто снимала постельное белье и осматривала мои органы. Однажды ночью она взяла пенис в рот. Когда я спросил ее, зачем она это сделала, она ответила, что "сосание маленького члена мальчика" излечило ее от болей в животе. Она сказала, что делала это с другими маленькими мальчиками, и заявила, что ей нравится это делать. Этой девушке было около 16 лет; она недавно была "обращена". Другая горничная в нашей семье обычно тепло целовала меня в голый живот, когда я был маленьким мальчиком. Но большего она никогда не делала. Я слышал о различных случаях, когда служанки приставали к мальчикам до наступления половой зрелости, возбуждая пенис до преждевременной эрекции с помощью манипуляций, отсасывания и контакта со своими собственными частями тела ". Такая чрезмерная стимуляция обязательно должна в некоторых случаях оказывать вредное влияние на незрелую нервную систему мальчика. Таким образом, Хатчинсон (*Archives of Surgery*, vol. iv, стр. 200) описывается случай амблиопии у мальчика, развившейся после того, как его уложили спать в комнате служанки.

Молл ("*Борьба с сексуальностью*", третье издание, 1899 г., стр. 325) ссылается на частоту, с которой служанки (в возрасте от 18 до 30 лет) совершают сексуальные действия с мальчиками (от 5 до 13 лет), вверенными их попечению. Более века назад Тиссо в своей знаменитой работе об онанизме упомянул о частоте, с которой служанки развращают мальчиков, обучая их мастурбации; а еще раньше, в Англии, автор книги "*Онания*" привел множество подобных случаев. Мы действительно можем вернуться ко временам Рабле, который (как напоминает мне доктор Кирнан) представляет гувернанток Гаргантюа, когда он был ребенком, как получавших удовольствие от игры с его пенисом, пока он не становился влажным, и шутивших друг с другом по этому поводу. (*Гаргантюа*, книга i, глава ix.)

Распространенность подобных проявлений среди служанок свидетельствует об их распространенности среди девочек из низших слоев общества в целом. Оценивая такие действия, даже если они кажутся очень преднамеренными, важно помнить, что в этом возрасте неразумный инстинкт играет очень большую роль в проявлениях сексуального влечения. На это ясно указывают явления, наблюдаемые у душевнобольных. Таким образом, как мы видели (стр. 214), Шретер обнаружил, что среди девушек из низкого социального класса в возрасте до 20 лет спонтанные периодические сексуальные проявления в периоды менструации имели место в значительной пропорции, достигающей 72%. У девочек с более высоким социальным положением эти импульсы подавляются или, во всяком случае, модифицируются хорошим вкусом или чувствами, влиянием традиций или воспитания; только последним следует доверять детей.

Гош упоминает случай, когда мужчина был обвинен в том, что неоднократно демонстрировал свои половые органы служанке в доме; она наслаждалась зрелищем (*Neurologisches Centralblatt*, 1896, № 2). Вполне возможно, что в некоторых случаях самовыражения у

преступника есть веские основания на основании предыдущего опыта думать, что он доставляет удовольствие. "Когда мы ходили купаться, когда я учился в школе, - пишет корреспондент, - девочки из бедного квартала нижнего города (некоторым было совсем 16 лет) часто следовали за нами и стояли посмотреть примерно в ста ярдах от реки. Они обычно "хихикали" и "перебрасывались репликами". Я видел девушек этого класса, подглядывающих через щели в частокале вокруг купальни на Темзе ". Корреспондент, уделивший этому вопросу особое внимание, рассказал мне о большом интересе, проявляемом молодыми девушками из Италии к половым органам мужчин.

Любопытство — будь то в форме стремления к знаниям или жажды сенсаций - присуще, конечно, не только молодым девушкам и женщинам из низших социальных слоев, хотя у них оно реже сдерживается мотивами самоуважения и добрых чувств. "В возрасте 8 лет, - пишет корреспондент, - однажды я играл в комнате для гостей с девочкой лет 12 или 13. Она дала мне держатель для ручки и, присев на четвереньки спиной ко мне, предложила ввести инструмент в вульву. Это был первый раз, когда я увидел женские части тела, и, поскольку я, казалось, испытывал некоторое отвращение, она уговорила меня исполнить ее желание. Я сделал, как она указала, и она сказала, что это доставило ей удовольствие. Несколько раз после этого я повторил то же самое действие по ее просьбе. Друг рассказал мне, что, когда ему было 10, 16-летняя девочка попросила его зашнуровать ей ботинки. Когда он опустился на колени у ее ног, его рука коснулась ее лодыжки. Она попросила его поднять руку повыше и повторяла "Повыше, повыше", пока он не коснулся половых губ и, наконец, по ее просьбе, просунул палец в преддверие. Эта девушка была очень красивой и дружелюбной и любимицей матери мальчика. Никто не подозревал об этой склонности." Опять же, корреспондент (человек науки) рассказывает мне о своем друге, который недавно, обедая в ресторане, познакомился с девушкой, дочерью сельского викария; она ему особенно не понравилась, и он не уделял ей особого внимания. "Несколько дней спустя он был удивлен, когда однажды днем ему позвонила она (хотя его адрес невозможно узнать ни из одного признанного источника). Она села как можно ближе к нему, положила руку ему на бедро и т.д., разговаривая на разные темы и попивая чай. Затем без всякой словесной прелюдии она попросила его установить с ней связь. Хотя он и не совсем пуританин, он не тот мужчина, чтобы ухватиться за такое предложение от женщины, в которую он не влюблен, поэтому, убедившись, что девушка была *целой девой*, он отказался, и она ушла. Недели через две или около того он получил от нее письмо из деревни, в котором не упоминалось о том, что произошло, но рассказывалось о ее работе в классе воскресной школы. Он не ответил, а затем пришла короткая записка с просьбой вернуть ее письмо. Моя подруга уверена, что была увлечена аутоэротическими представлениями, но, почувствовав к нему влечение, пришла к выводу, что хотела бы попробовать обычный половой акт".

Уолбарст, изучая распространенность гонореи среди мальчиков в Нью-Йорке (особенно, как представляется, в кварталах, где много уроженцев других стран — в основном русских евреев и южных итальянцев), заявляет: "В ходе моего исследования этого предмета было отмечено 3 случая гонорейного уретрита у мальчиков в возрасте, соответственно, 4, 10 и 12 лет, которые были приобретены обычным способом у девочек в возрасте от 10 до 12 лет. В каждом случае, согласно истории, рассказанной жертвой, девочка делала первые попытки, и в первом случае, в случае с 4-летним мальчиком, акт был завершен в форме нападения, совершенного 12-летней девочкой, в ходе которого ребенку угрожали травмами, если он не выполнит свою роль ". (А. Л.

Уолбарст, *Журнал Американской медицинской ассоциации*, 28 сентября 1901 г.) В следующей серии случаев (*Медицинская справка*, 29 октября 1910 г.) Уолбарст получил аналогичные результаты, хотя он также признает частоту преждевременной сексуальности у самих мальчиков.

Гибб заявляет по поводу нападений женщин на детей: "Неоспоримо, что они происходят гораздо чаще, чем обычно предполагается, хотя лишь немногие случаи доводятся до сведения общественности из-за сложности доказывания обвинения". (У. Т. Гибб, статья "Непристойные нападения на детей" в *"Системе юридической медицины"* А. Маклейна Гамильтона, том i, стр. 651.) Мнение Гибба имеет вес, поскольку он является медицинским консультантом Нью-Йоркского общества защиты детей и вынужден тщательно анализировать доказательства в таких случаях.

Следует отметить, что, хотя сексуальное любопытство, проявляемое у детей младшего возраста, у девочек примерно в возрасте полового созревания является плохо регулируемым, но едва ли болезненным проявлением, у женщин старшего возраста оно может иметь патологическое происхождение. Так, Киш описывает случай с утонченной и образованной дамой 30 лет, которая была замужем девять лет, но никогда не испытывала сексуального удовольствия при половом акте. Однако в течение долгого времени она испытывала сильное желание поиграть с половыми органами детей обоего пола, и это доставляло ей сексуальное удовольствие. Она старалась сопротивляться этому импульсу, насколько это было возможно, но во время менструации он часто был непреодолимым. Обследование показало увеличенную и ретрофлексированную матку и анестезию влагалища. (Kisch, *Die Sterilität des Weibes*, 1886, p. 103.) Здесь нетрудно проследить психологический механизм, с помощью которого анестезирующее влагалище вызывает чувство отвращения к нормальному половому акту и нормальным половым органам и направляет сексуальные чувства в сторону более инфантильных форм сексуальности.

нечасто сексуальные попытки девочек и молодых женщин в отношении мальчиков - несмотря на их несомненную частоту — приобретают медико-правовой интерес. Во Франции за десять лет (с 1874 по 1884 год) только 181 женщина, в основном в возрасте от 20 до 30 лет, была фактически осуждена за сексуальные покушения на детей младше 15 лет. (Paul Bernard, "Viols et attentats a la Pudeur," *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, 1887.) Лоп ("Attentats à la Pudeur commis part des Femmes sur des Petits Enfants", *id.*, август 1896 г.) объединяет ряд случаев, в основном совершенных девушками в возрасте от 18 до 20 лет. В Англии подобные обвинения против молодой женщины или девушки можно легко обойти. Если ей меньше 16 лет, она защищена Законом о внесении поправок в уголовное законодательство и не может быть наказана. В любом случае, когда об этом узнают, она всегда может легко привлечь сочувствие на свою сторону, заявив, что она не агрессор, а жертва. Случаи насильственных сексуальных посягательств на девочек, отмечает Лоусон Тейт, хотя они, несомненно, имеют место, встречаются гораздо реже, чем можно было бы предположить по частоте, с которой выдвигаются обвинения. В свое время, по договоренности с властями, Лоусону Тейту в Бирмингеме было последовательно предъявлено 70 таких обвинений. Все эти обвинения были выдвинуты в соответствии с Законом о внесении поправок в уголовное законодательство. Только в 6 из этих случаев он смог консультировать прокуратуру, и во всех этих случаях был вынесен обвинительный приговор. В 7 других случаях, когда полиция решила возбудить уголовное дело, обвинительный приговор либо отсутствовал, либо был вынесен очень мягкий

приговор. По меньшей мере в 26 случаях обвинения были явно сфабрикованы. Средний возраст этих девочек составлял 12 лет. "Нет ни единого слова о сексуальном жаргоне, которое когда-либо прежде достигало бы моих ушей, - замечает мистер Тейт, - но было использовано этими детьми в описаниях того, что с ними делали; и вдобавок они ввели совершенно новый словарь по этому предмету. Подробные описания полового акта, приведенные в карточках 10 и 11, сделали бы честь страницам Мирабо. На первый взгляд кажется загадкой, как столь юные дети получили эту информацию." "Что касается употребления слова "соблазненный", - замечает тот же автор, - я хочу сказать, что категория женщин, из среды которых составлено подавляющее большинство этих случаев, по-видимому, использует его в смысле, совершенно отличном от того, который обычно используется. Для них это не процесс, в ходе которого мужское злодейство с помощью различных ухищрений побеждает женскую добродетель и нежелание, а просто дата, когда в их жизни впервые происходит какой-то инцидент; и, согласно их использованию этой фразы, древняя легенда Священного Писания, если бы она закончилась более обычным образом благодаря тому, что Джозеф поддался предложенному искушению, должна была бы читаться как запись о соблазнении миссис Дж. Потифар".

Ссылаясь на наблюдение Лоусона Тейта о том, что насильственные нападения на женщин, хотя они и происходят, происходят гораздо реже, чем можно предположить по частоте, с которой выдвигаются подобные обвинения, можно отметить, что многие судебномедицинские органы придерживаются того же мнения. (См., например, *"Трактат по медицинской юриспруденции"* Г. Вивиана Пура, 1901, стр. 325. Этот автор также замечает: "Я очень твердо придерживаюсь мнения, что женщина может изнасиловать мужчину в той же степени, в какой мужчина может изнасиловать женщину".) Не может быть никаких сомнений в том, что женщины очень часто прибегают к силе как к самому легкому доступному оружию защиты, когда раскрывается ее связь с мужчиной. Она была настолько проникнута нынешним представлением о том, что ни у одной "респектабельной" женщины не может быть собственных сексуальных побуждений для удовлетворения, что, чтобы скрыть то, что, по ее мнению, расценивается как крайне постыдный и порочный, а также глупый поступок, она заявляет, что это вообще никогда не происходило по ее собственной воле. "Теперь я спрашиваю вас, джентльмены, - однажды я услышал, как опытный адвокат обращался к присяжным по уголовному делу, - как светские мужчины, знали ли вы когда-нибудь или слышали о женщине, одинокой женщине, признавшей, что у нее была сексуальная связь, и не заявившей, что для принуждения ее к такой связи применялась сила?" Утверждение несколько размашистое, но в этом вопросе во мнении "светского человека" есть доля правды. Можно сослаться на историю (рассказанную Этьеном де Бурбоном, Франсиско де Осуной в религиозном произведении и Сервантесом в *"Дон Кихоте"*, часть ii, гл. xlv) о магистрате, который, когда девушка предстала перед ним с жалобой на изнасилование, приказал обвиняемому молодому человеку либо жениться на ней, либо выплатить ей определенную сумму денег. Штраф был уплачен, и затем мировой судья велел мужчине последовать за девушкой и силой отобрать у нее деньги; мужчина подчинился, но девушка защищалась так энергично, что он не смог получить деньги. Затем судья, снова вызвав к себе стороны, постановил вернуть штраф: "Если бы вы защищали свое целомудрие так же, как вы защищали свои деньги, у вас его не смогли бы отобрать". В большинстве случаев "изнасилования", в случае взрослых, вероятно, имела место некоторая степень согласия, хотя это частичное согласие могло быть подло обеспечено обращением только к низшим нервным центрам, без участия интеллекта и воли. Фрейд (*"О психопатологии всех Тагслебенов"*, стр. 87) считает, что на этом основании решение судьи по делу *"Дон Кихота"* "психологически

несправедливо", потому что в таком случае сила женщины парализована тем фактом, что бессознательный инстинкт в ней самой становится на сторону нападающего вопреки ее собственному сознательному сопротивлению. Но следует помнить, что фактор инстинкта играет большую роль даже тогда, когда не предпринимается попыток насилия.

Подобные факты и соображения, как правило, показывают, что сексуальное влечение у женщин отнюдь не так слабо, как многие заставляют нас думать. Похоже, что если в более ранние эпохи в целом существовала тенденция приписывать женщинам чрезмерно большую долю сексуального влечения, то сейчас наблюдается тенденция чрезмерно минимизировать сексуальное влечение у женщин.

[156] У меня была возможность сослаться на историческую эволюцию мнения мужчин о женщинах в предыдущих томах, таких как, *например*, "*Мужчина и женщина*", глава i, и приложение "Влияние менструации на положение женщин" в первом томе этих *Исследований*.

[157] Терминология, предложенная Зихеном ("*Zur Lehre von den psychopathischen Konstitutionen*", *Charité Annalen*, vol. xxxiii, 1909) заключается в следующем: при отсутствии сексуального чувства - *ангедония*; при его уменьшении - *гифедония*; при избытке сексуального чувства - *гипергедония*; при качественных сексуальных извращениях - *пархедония*. "Эротическая слепота" была предложена Нарделли.

[158] О. Adler, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, p. 146.

[159] Корреспондент рассказывает мне, что он знает женщину, которая была проституткой с 15 лет, но никогда не испытывала сексуального удовольствия и настоящего, не симулированного оргазма до 23 лет; с тех пор она стала очень чувственной. В других подобных случаях доселе безразличная проститутка, найдя подходящего ей мужчину, бросает свою профессию, даже если из-за этого вынуждена жить в крайней бедности. "Бесчувственная женщина, - как давным-давно заметил Ла Брьюер в своей главе "О женщинах", - это просто та, кто еще не увидела мужчину, которого она должна полюбить".

[160] Гутцайт (*Dreissig Jahre Praxis*, том i, стр. 416) указал, что наличие или отсутствие оргазма является единственным фактором "сексуальной анестезии", о котором мы можем говорить вообще определенно; и он полагал, что анафродизм, в смысле отсутствия сексуального импульса, вообще никогда не возникает, многие женщины признались ему, что это не так. ему сказали, что у них были сексуальные желания, хотя эти желания не были удовлетворены половым актом.

[161] Указ. соч., стр. 164.

[162] Хэвлок Эллис, "Мадам де Варенс", *Предприятие*, 1903.

[163] Интересно отметить, что в конце концов даже Адлер признает (указ. соч., стр. 155), что не существует такой вещи, как *врожденное* отсутствие склонности к сексуальной чувствительности.

[164] "Я не совсем удовлетворен показаниями относительно предполагаемой сексуальной анестезии", - пишет медицинский корреспондент. "Тот же принцип, который превращает

молодую блудницу в старую святую, превращает раскаявшегося повесу в сторонника сексуальной анестезии. Большинство медиков, которые верят или утверждают, что верят, что сексуальная анестезия настолько распространена, делают это либо для того, чтобы польстить своим истеричным пациентам, либо потому, что у них менталитет Гиацинта из *Парижа*.

[165] *Различия в нервной организации мужчины и женщины*, 1891; глава xiii "Сравнение полового инстинкта у мужчин и женщин".

[166] Мэтьюз Дункан считал, что "здоровое выполнение функций деторождения, несомненно, связано с хорошо регулируемым состоянием желания и удовольствия". "Желание и удовольствие, - добавляет он, - могут быть чрезмерными, яростными, всепоглощающими, не причисляя женщину к классу маньячек; они могут быть временными, здоровыми и умеренными; они могут отсутствовать или быть вялыми". (Мэтьюз Дункан, *Лекции Голстоуна о бесплодии у женщин*, стр. 91, 121.)

[167] Джеффри Мортимер, *Главы о человеческой любви*, 1898, глава xvi.

[168] Однако я не придаю большого значения этой возможности. Сексуальный инстинкт среди низших социальных классов повсеместно подвергается сравнительно слабому подавлению, и Левенфельд, вероятно, прав, полагая, что женщины низшего класса не страдают от сексуальной анестезии в той же степени, что женщины высшего класса. В Англии большинство женщин рабочего класса, по-видимому, имели половые сношения в какой-то период своей жизни, несмотря на риск беременности, и если беременность наступает, они спокойно относятся к этому как к "несчастному случаю", за который они не могут нести ответственности; "Что ж, я ничего не могла с этим поделать", - я слышала замечание молодой вдовы, когда ее мягко упрекнули в существовании ее незаконнорожденного ребенка. Опять же, среди американских негритянок, по-видимому, нет недостатка в сексуальной страсти, и говорят, что большинство негритянок в Южных Штатах содержат не только своих детей, но и своих любовников и мужей.

II.

Содержание

Особенности сексуального влечения у женщин—Более пассивная роль, которую играют женщины в процессе ухаживания—Эта пассивность только кажущаяся—Физический механизм сексуального процесса у женщин более сложный—Более медленное развитие оргазма у женщин—Сексуальное влечение у женщин чаще нуждается в активном возбуждении—Пик сексуальной энергии приходится на более поздние периоды жизни женщин, чем у мужчин—Сексуальный пыл у женщин усиливается после установления сексуальных отношений—Женщины лучше переносят сексуальные излишества, чем мужчины—Сексуальная сфера у женщин крупнее и более рассеянна—Сексуальное влечение у женщин проявляет большую тенденцию к периодичности и более широкий диапазон вариаций.

До сих пор я обсуждал вопрос о сексуальном влечении у женщин на том основании, на котором его обычно ставили предыдущие авторы. То есть вопрос, который обычно ставился перед ними,

касаясь относительной силы импульса у мужчин и женщин. При таком рассмотрении, не поспешно и с предубеждением, как это слишком часто бывает, а с искренним желанием разобраться в реальных фактах во всех их аспектах, нет никаких оснований, как мы видели, делать вывод о том, что в целом сексуальному импульсу у женщин недостает силы.

Но мы должны продолжить наше исследование этого вопроса. На самом деле вопрос о том, сильнее ли сексуальное влечение у одного пола, чем у другого, является несколько грубым. Ставить вопрос в такой форме - значит демонстрировать незнание реальных фактов по этому вопросу. Более того, в такой форме нельзя дать действительно определенный и удовлетворительный ответ.

Необходимо перевести этот вопрос на другую почву. Вместо того чтобы задавать более или менее неразрешимые вопросы относительно силы сексуального влечения у двух полов, выгоднее рассмотреть его различия. Каковы особенности сексуального влечения у женщин?

Безусловно, существует одно чисто естественное половое различие фундаментального характера, которое лежит в основе любого утверждения о том, что женщины не восприимчивы к сексуальным эмоциям, какой бы правдой оно ни было. Как можно видеть, рассматривая феномен скромности, роль, которую женщина играет в ухаживании по всей природе, обычно отличается от той, которую играет мужчина, и в некоторых отношениях является более сложной. За исключением случаев, когда самец не в состоянии должным образом сыграть свою роль, она обычно сравнительно пассивна; при правильном исполнении своей роли ей приходится делать вид, что она избегает самца, убегает от его приближений — даже на самом деле отталкивать их.^[169]

Ухаживание действительно очень похоже на драму или игру; и агрессивность мужчины, и застенчивость женщины одинаково бессознательно предполагаются для того, чтобы наиболее эффективным образом осуществить окончательный союз полов. Кажущееся нежелание женщины направлено не на то, чтобы подавить сексуальную активность ни у мужчины, ни у нее самой, а на то, чтобы увеличить ее у обоих. Таким образом, пассивность самки - это не реальная, а лишь кажущаяся пассивность, и это справедливо как для нашего собственного вида, так и для низших животных. "Женщины подобны тщательно подобранным перегонным кубам", - сказал автор семнадцатого века. "Снаружи не видно огня, но если вы заглянете под перегонный куб, если вы положите руку на сердца женщин, в обоих местах вы обнаружите великолепную печь".^[170] Или, как метко выразился Марро, пассивность влюбленных женщин - это пассивность магнита, который в своей кажущейся неподвижности притягивает к себе железо. За такой пассивностью скрывается огромная энергия, поглощенная достижением цели.

Тарду, когда он исполнял обязанности мирового судьи, однажды пришлось расследовать дело, по которому молодой человек обвинялся в убийстве. При допросе 18-летней девушки, пастушки, которая предстала перед ним в качестве свидетеля, она рассказала ему, что на следующее утро после преступления она видела следы обвиняемого до определенного момента. Он спросил, как она узнала их, и она ответила, простодушно, но уверенно, что может узнать следы любого молодого человека в округе, даже навспаханном поле.^[171] Нельзя привести лучшей иллюстрации реального значения сексуальной пассивности женщин, даже в ее самой негативной точке.

"Женщины, которых я знал, - пишет корреспондент, - не выражают своих ощущений так, как это делаю я. Я также не обнаружил, чтобы женщины обычно стремились к "роскоши". Они редко хотят практиковать *фелляцию*; Я знал только одну женщину, которая предложила сделать *фелляцию*, потому что ей это понравилось. Кроме того, они, как правило, не стремятся мастурбировать мужчине; то есть они не очень стремятся получать удовольствие от созерцания возбуждения другого человека. (Для меня видеть возбужденную женщину значит едва ли не больше, чем мое собственное удовольствие.) Обычно они сопротивляются *куннилинкусу*, хотя им это нравится. Им, кажется, не так нравится трогать или смотреть на мужские части тела, как ему на их. И им, похоже, не нравятся поцелуи языком, если они не чувствуют себя очень сексуальными или действительно любят мужчину". Мой корреспондент признает, что его отношения были многочисленными и поверхностными, в то время как его эротические запросы также имеют тенденцию отклоняться от нормального пути. При таких обстоятельствах, которые случаются нередко, страсти женщины не поддаются глубокому возбуждению, и она сохраняет свою обычную позицию относительной пассивности.

Именно из-за того, что сексуальная пассивность женщин является лишь кажущейся, а не реальной пассивностью, женщины, как и мужчины, склонны страдать от длительного сексуального воздержания. Это, действительно, отрицалось, но едва ли можно сказать, что оно допускает сомнение. Единственный вопрос заключается в относительном количестве таких страданий, и это неизбежно очень сложный вопрос. Еще в четырнадцатом веке Йоханнес де Санкто Амандо заявил, что сексуальное воздержание наносит женщинам больший вред, чем мужчинам. Модсли считает, что в наше время женщины "больше, чем мужчины, страдают от полного лишения полового акта" ("Отношения между телом и разумом", *Lancet*, 28 мая 1870 г.). Некоторые считают, что эта причина может вызвать настоящее заболевание. Так, Тилт, выдающийся гинеколог середины девятнадцатого века, обсуждая этот вопрос, писал: "Когда мы рассматриваем, какая большая часть жизни женщины занята различными фазами процесса зачатия, и насколько ужасным часто бывает конфликт внутри нее между импульсом страсти и велениями долга, можно хорошо понять, как такой конфликт воздействует на органы сексуальной экономии у не оплодотворенной женщины, и главным образом на яичники, вызывая оргазм, который, если его часто повторять, может, *возможно*, привести к подострым осложнениям". яичник." (Тилт, *О воспалении матки и яичников*, 1862, стр. 309-310.) Кажется, задолго до Тилта Халлер сказал, что женщины особенно подвержены страданиям от недостатка половых сношений, к которым они привыкли, и упомянул хлороз, истерию, нимфоманию и простую манию, излечимую половым актом. Хегар считает, что у женщин неудовлетворение сексуального влечения и "идеальных чувств" приводит к пагубным последствиям и что таким образом возникают симптомы (бледность, опущение плоти, кардиалгия, недомогание, бессонница, нарушения менструации), которые диагностируются как "хлороз". (Хегар, *Zusammenhang der Geschlechtskrankheiten mit nervösen* Лейден, 1885, стр. 45.) Фрейд, а также Гаттель обнаружили, что состояния тревоги (*Angstzustände*) вызваны сексуальным воздержанием. Левенфельд, тщательно изучив свои собственные случаи, смог подтвердить эту связь у обоих полов. Особенно он заметил это у молодых женщин, которые выходят замуж за пожилых мужей. Однако Левенфельд считает, что в целом здоровые незамужние женщины переносят сексуальное воздержание лучше, чем мужчины. Если, однако, они вообще имеют невропатическую предрасположенность, неудовлетворенные сексуальные эмоции могут легко привести к различным патологическим состояниям, особенно истеронейрастенического характера. (Löwenfeld, *Sexualleben und Nervenleiden*, second edition,

1899, pp. 44, 47, 54–60.) Боллс-Хедли считает, что неудовлетворенные сексуальные желания у женщин могут приводить к следующим состояниям: общей атрофии, анемии, невралгии и истерии, нерегулярным менструациям, бели, атрофии половых органов. Он также ссылается на частоту возникновения миомы матки среди тех, кто не забеременел или кто давно перестал рожать детей. (Balls-Headley, art. "Этиология заболеваний женских половых органов", Олбат и Плейфейр, *Система гинекологии*, 1896, стр. 141.) Однако нельзя сказать, что он приводит существенные доказательства в пользу этих убеждений. Можно добавить, что в Америке за последние годы ведущие гинекологи зафиксировали ряд случаев, когда у вдов, вступивших в повторный брак, наблюдалось заметное улучшение состояния матки и органов малого таза.

Вопрос о том, мужчины или женщины больше всего страдают от сексуального воздержания, а также вопрос о том, вызываются ли такие воздержания определенными болезненными состояниями, остается, однако, неясной и обсуждаемой проблемой. Имеющиеся данные не позволяют нам дать на него решительный ответ. Это один из тех тонких и сложных вопросов, который может быть должным образом исследован только гинекологом, который также является психологом. Однако случайно мы встретились и будем иметь возможность познакомиться с доказательствами, касающимися этого вопроса. Здесь достаточно кратко сказать, что невозможно поверить, даже если бы не было никаких доказательств, что выполнение или неисполнение столь чрезвычайно важной функции не может иметь никакого значения для организма в целом. Насколько можно судить, это указывает на то, что результаты приостановки сексуальных функций у здоровых женщин, у которых сексуальные эмоции никогда не вызывались определенно, имеют тенденцию быть рассеянными и бессознательными, как часто бывает само сексуальное влечение, но у женщин, у которых сексуальные эмоции были определенно вызваны и удовлетворены, результаты сексуального воздержания имеют тенденцию быть острыми и осознанными.

Эти острые последствия в настоящее время очень часто возникают из-за преждевременной эякуляции нервных или неврастенических мужей, скорость, с которой достигается детумесценция у мужа, оставляет недостаточно времени для опух-новости у жены, которая, следовательно, не достигает оргазма. В последнее время на это часто указывали. Таким образом, Кафеманн (*Sexual-Probleme*, март 1910 г., стр. 194 и далее) подчеркивает распространенность сексуальной некомпетентности у мужчин. Ференци из Будапешта (*Zentralblatt für Psychoanalyse*, 1910, ч. 1 и 2, стр. 75) считает, что сочетание мужей-неврастеников с, как следствие, нервными женами чрезвычайно распространено; даже оставляя в стороне неврастеников, он считает, что можно сказать, что весь мужской пол по отношению к женщинам страдает преждевременной эякуляцией. Он добавляет, что часто трудно сказать, не может ли отсутствие гармонии быть связано с задержкой оргазма у женщины. Он рассматривает влияние мастурбации в раннем возрасте как стремление ускорить оргазм у мужчины, в то время как при занятии другим полом она имеет тенденцию замедлять оргазм и, таким образом, усиливает дисгармонию. Однако он считает, что главная причина кроется в воспитании женщин с его упором на сексуальное подавление; это работает слишком хорошо, и в результате, когда внешние препятствия сексуальному импульсу устраняются, импульс становится неспособным к нормальному действию. Порош (*Британский медицинский журнал*, 1 апреля 1911 г.) привел примеры серьезных нервных расстройств у женщин, которые исчезали после излечения сексуальной слабости и преждевременной эякуляции мужа.

Истинная природа пассивности самки раскрывается по легкости, с которой она сбрасывается, особенно когда самец отказывается принять его намек. Или, если мы предпочитаем использовать аналогию с игрой, мы можем сказать, что в игре ухаживания первый ход принадлежит мужчине, но если он не играет, то наступает очередь женщины.

У многих птиц самцы во время спаривания впадают в состояние сексуального иступления, но не самки. "Я не могу припомнить ни одного случая, - заявляет авторитетный специалист по птицам (Х. Э. Ховард, зоолог, 1902, стр. 146), - когда я видел что-либо близкое к безумию у самок любого вида во время спаривания".

Другой крупный специалист по птицам, очень терпеливый и умелый наблюдатель, мистер Эдмунд Селоус, однако, замечает, описывая ухаживающие привычки ершей и рифов (*Machetes riglae*), что, несмотря на пассивность самок перед половым актом, их движения во время и после коитуса показывают, что они получают по меньшей мере такое же удовольствие, как и самцы. (Э. Селоус, "Отбор у птиц", *Зоолог*, февраль и май 1907 г.)

Тот же наблюдатель, рассказав о необычайной красоте самца гагачьей утки, продолжает: "Эти прославленные самцы — их было, наверное, с дюжину на шесть или семь самок — плавали вплотную к последним, но скорее ухаживали за ними, чем активно преследовали, поскольку сами самки казались почти такими же активными участниками спортивного ухаживания, как и их любовники, ухаживающие за ними. Самец птицы сначала опустил голову, пока его клюв чуть не коснулся воды, затем снова поднял ее скованно и напряженно — любопытное жесткое действие, столь частое в брачных выходках птиц, — одновременно издавая свою странную навязчивую ноту. Воздух наполнился им; каждую минуту та или иная из птиц — иногда сразу несколько — с поднятым клювом тихо смеялась или восклицала, и пока самцы делали это, самки, возбужденно поворачиваясь и нетерпеливо переводя взгляд с одной на другую, продолжали опускать и вытягивать вперед голову и шею в направлении каждой по очереди. ... Я заметил, что самка часто приближается к самцу, опустив голову и шею плашмя вдоль воды, как будто в очень "наступательном" настроении, и что самец отклоняет ее заигрывания. Это, взятое в сочетании с действиями самки, когда за ней ухаживает самец, как мне кажется, вызывает сомнение относительно универсального применения закона, согласно которому во всей природе самец в процессе ухаживания нетерпелив, а самка застенчива. Здесь, судя по всему, продолжалось ухаживание, и птицы еще не спарились. Однако самки гаги — во всяком случае, некоторые из них — казались совсем не застенчивыми." (*Наблюдение за птицами*, стр. 144-146.)

Среди болотных курочек и большехотлых поганок иногда происходит то, что Селус называет "функциональным гермафродитизмом", и самки играют роль самца по отношению к своим товарищам-самцам, а затем повторяют половой акт с возвратом к нормальному порядку, в целом к удовлетворению обеих сторон. (Э. Селус, *зоолог*, 1902, с. 196.)

Самка иногда принимает активное участие не только у птиц, но и у млекопитающих. Например, у белых крыс самцы исключительно энергичны. Штайнах, который провел много ценных экспериментов на этих животных (*Archiv für die Gesamte Physiologie*, Bd. lvi, 1894, стр. 319), сообщает нам, что, когда самку белой крысы вводят в клетку самца, он сразу же перестает есть или что бы еще ни делал, становится безразличным к шуму или любому другому источнику

отвлечения внимания и полностью посвящает себя ей. Однако, если его вводят в ее клетку, новое окружение делает его нервным и подозрительным, и тогда именно она принимает активное участие, пытаясь привлечь его всеми способами. Стремительность самок различных видов во время течки, когда их наконец подпускают к самцу, действительно хорошо известна всем, кто знаком с животными.

Я упоминал о частоте, с которой у людей как вида — и особенно заметно в раннем подростковом возрасте, когда сексуальное влечение в высокой степени бессознательно и безудержно инстинктивно — часто можно отметить подобные проявления. Мы должны признать, что они не обязательно ненормальны и тем более патологичны. Они просто представляют собой несвоевременное проявление тенденции, которая в должной подчиненности подразумевается в фазах ухаживания во всем животном мире. Среди некоторых народов и на некоторых этапах развития культуры, стремящихся отдалить мужчин от женщин и мысли о женщинах, эта фаза ухаживания и такое отношение занимают видное место, что абсолютно нормально. Литература средневековья представляет состояние общества, в котором мужчины были преданы войне и воинственным видам спорта, в то время как женщины принимали более активное участие в занятиях любовью. Средневековые поэты изображают женщин как активно поощряющих отсталых любовников и как наслаждающихся тем, что предлагают великим героям целомудрие, которое они сохранили, иногда входя ночью в их спальни. Шульц (*"История жизни"*, Bd. i, стр. 594-598) считает, что эти представления не преувеличены. Ср. Краббес, *"Фрау им Альтфранцузский карлский эпос"*, 1884, стр. 20 и далее.; и М. А. Поттер, *Сохраб и Рустем*, 1902, стр. 152-163.

Среди дикарей и варварских рас в различных частях света общепризнанным обычаем, противоположным более обычному методу, является то, что девушка проявляет инициативу в ухаживании. Особенно это характерно для Новой Гвинеи. Здесь девушки почти всегда проявляют инициативу и, как следствие, занимают очень независимое положение. Женщин всегда считают соблазнительницами: "Женщины крадут мужчин". Юноша, сделавший предложение девушке, выставил бы себя на посмешище, его называли бы женщиной, и девушки посмеялись бы над ним. Обычный метод, с помощью которого девушка делает предложение, состоит в том, чтобы послать подарок юноше через третье лицо, сопровождая это неоднократными подарками еды; молодой человек иногда ждет месяц или два, постоянно получая подарки, чтобы убедиться в постоянстве девушки, прежде чем решительно принять ее ухаживания. (А. С. Хэддон, *Кембриджская экспедиция в Торресов пролив*, т. v, гл. viii; *id.*, "Западные племена Торресова пролива", *Журнал Антропологического института*, т. xix, февраль 1890 г., стр. 314, 356, 394, 395, 411, 413; *id.*, *Охотники за головами*, стр. 158-164; Р. Э. Гиз, "Племена реки Ванигела", *Журнал Антропологического института*, новая серия, том i, февраль-май 1899 г., стр. 209.) Вестермарк приводит примеры рас, среди которых женщины проявляют инициативу в ухаживании. (*История брака*, стр. 158; также Финк, *Первобытная любовь и любовные истории*, 1899, стр. 109 и последующие; а что касается кельтских женщин, см. Рис и Бринмор Джонс, *Валлийцы*.)

Существует еще одна очень важная характеристика, по которой сексуальное влечение у женщин отличается от мужского: совершенно непохожий характер физического механизма, задействованного в процессе коитуса. Учитывая, насколько очевидна эта разница, странно, что ее фундаментальную важность так часто недооценивают. У мужчин процесс набухания и детумесценции прост. У женщин он сложный. У мужчины мы имеем более или менее

самопроизвольно эректильный пенис, которому нужны лишь очень простые условия для обеспечения эякуляции, приносящей облегчение. У женщин мы имеем в клиторе соответствующий аппарат в небольшом масштабе, но за ним развился гораздо более обширный механизм, который также требует удовлетворения, и для этого удовлетворения требуется наличие различных условий, которые являются почти антагонистическими. Естественно, чем сложнее механизм, тем легче его потревожить. Грубо говоря, в этом разница между замком и ключом. Эта аналогия далеко не указывает на все связанные с этим трудности. Мы должны представить себе замок, для установки в который не только требуется ключ, но и который должен открываться только в нужный момент и при наилучших условиях может быть приспособлен к ключу только при значительном использовании. Тот факт, что мужчина принимает более активное участие в половом акте, усилил эти трудности; женщину слишком часто учат верить, что вся эта функция низка и нечиста, что ей можно подчиняться только по воле мужа и ради него, а мужчина не имеет должного представления о задействованном механизме и наилучшем способе справиться с этим. Таким образом, невежественный муж, который просто верит, что выполняет свои "супружеские обязанности", может проявлять величайшую жестокость, и нередко так и происходит. Для женщины проявлять такую физическую жестокость по отношению к мужчине возможно с трудом; приятное возбуждение мужчины обычно является необходимым условием сексуального удовлетворения женщины. Но обратное не так, и, если мужчина достаточно невежественен или достаточно грубоват, чтобы удовлетвориться покорностью женщины, он может легко стать для нее, при всей своей невинности, причиной пыток.

Для мужчины коитус должен быть в какой-то степени приятным, иначе он вообще не может состояться. Для женщины тот же самый акт, который при одних обстоятельствах по возбуждаемому им желанию и получаемому им удовлетворению превратит всю вселенную в ничто, при других обстоятельствах будет источником страданий, физических и психических. В какой-то степени это так даже в присутствии правильного и подтянутого мужчины. Не может быть никакого сомнения в том, что слизь, которая так обильно изливается на наружные половые органы у женщины во время возбуждения сексуального желания, имеет своей целью смазывание частей тела и облегчение прохождения внутрь входящего органа. Самого поверхностного осмотра холодной, сжатой, сухой вульвы в ее обычном виде и такой же, когда она растянута, горяча и влажна, достаточно, чтобы показать, в каком состоянии она готова к половому акту, а в каком нет, и до тех пор, пока не будет достигнуто надлежащее состояние, однозначно не следует предпринимать попыток коитуса.

Различная чувствительность женских частей тела снова создает трудности. Сексуальные отношения у женщин в начале почти неизбежно болезненны; и в какой-то степени одно и то же переживание может повторяться при каждом акте коитуса. Обычная тактильная чувствительность в области женских мочеполовых органов заметно притуплена, но в начале полового акта обычно наблюдается гиперестезия, которая может быть болезненной или приятной по мере достижения кульминации возбуждения, переходящая в кажущуюся анестезию, которая даже требует грубого контакта; так что при сексуальном возбуждении женщина обычно быстро проявляет одно и то же качество чувствительности к поверхностному давлению и нечувствительности к глубокому давлению, которые истеричная женщина проявляет одновременно.

Таким образом, мы видим, что чрезвычайно важный практический результат вытекает из большей сложности полового аппарата у женщин и из большей трудности, с которой он возбуждается. При половом акте оргазм у женщин, как правило, наступает медленнее, чем у мужчин. Легко может случиться, что весь процесс детумесценции завершается у мужчины еще до того, как он начался у его партнерши, которая остается либо холодной, либо неудовлетворенной. Это одно из тех отношений, в которых женщины остаются ближе, чем мужчины, к примитивной стадии развития человечества.

В трактате Гиппократ "О поведении" утверждается, что, хотя женщина получает меньше удовольствия от полового акта, чем мужчина, ее удовольствие длится дольше. (*Œuvres d'Hippocrate*, edition Littré, vol. vii, стр. 477.)

Бонис считает, что более медленное развитие оргазма у женщин является единственным существенным различием в сексуальном процессе у мужчин и женщин. (Beaunis, *Les Sensations Internes*, 1889, p. 151.) Эта характеристика сексуального влечения у женщин, хотя и признавалась в течение столь длительного периода, все еще слишком часто игнорируется или неизвестна. Существует даже суеверие, что могут последовать пагубные последствия, если мужской оргазм не будет достигнут как можно быстрее. То, что это не так, показывает опыт общины онейда в Америке, которые в своей системе сексуальных отношений доводили до крайней степени длительный половой акт без эякуляции. Не может быть никаких сомнений в том, что очень длительный половой акт доставляет женщине максимальное удовольствие и облегчение. Это не только очень определенное мнение женщин, которые испытали это, но на это также указывает хорошо признанный факт, что женщина, которая повторяет половой акт несколько раз подряд, часто испытывает более интенсивный оргазм и удовольствие с каждым повторением.

Этот момент гораздо лучше понимают на Востоке, чем на Западе. Продление возбуждения мужчины, чтобы дать женщине время для оргазма, как отмечает сэр Ричард Бертон ("*Арабские ночи*", том v, стр. 76), широко изучается мусульманами, а также индусами, которые по этой причине во время оргазма стремятся избежать перенапряжения мышц и занять мозг. Во время полового акта они будут пить шербет, жевать орех бетель и даже курить. Европейцы не придают этому значения, а индусские женщины, которым требуется около двадцати минут, чтобы завершить акт, презрительно называют их "деревенскими петухами". Я получил подтверждение заявлений Бертон на этот счет от медицинских корреспондентов в Индии.

В то время как европеец желает совершить как можно больше актов соития за одну ночь, замечает Брайтенштейн, малаец, как еще больше яванец, желает не повторять акт много раз, а продлить его. Его цель - оставаться во влагалище около четверти часа. Кроме того, в отличие от европейца, он хвастается удовольствием, которое доставил своей партнерше, гораздо больше, чем собственным удовольствием. (Breitenstein, *21 Jahre in India*, theil i, "Borneo," p. 228.)

Ягер (*Entdeckung der Seele*, второе издание, том i, 1884, стр. 203), цитируемый Моллем, объясняет предпочтение некоторых женщин кастрированным мужчинам не только отсутствием риска оплодотворения, но и длительной эрекцией, которая имеет место у кастрированных. Али-Бельфадель отмечает (*Archivio di Psichiatria*, 1903, стр. 117), что он знает женщин, которые предпочитают пожилых мужчин при половом акте просто из-за задержки эякуляции, которая дает женщинам больше времени для возбуждения.

Русский корреспондент, живущий в Италии, сообщает мне, что неаполитанская девушка 17 лет, которая только недавно перестала быть девственницей, объяснила ему, что она предпочитает *коитус в вульве* настоящему половому акту, потому что последний закончился до того, как она успела достичь оргазма (или, как она выразилась, "большая птица вылетела из клетки, и я осталась в беде"), в то время как другим способом она смогла испытать оргазм дважды, прежде чем ее партнер достиг кульминации. "Это напоминает мне, - продолжает мой корреспондент, - что миланская кокотка однажды сказала мне, что ей очень нравится совокупляться с евреями, потому что из-за того, что обрезанный пенис менее чувствителен к контакту, они эякулируют медленнее, чем христиане. "С христианами, - сказала она, - постоянно случается так, что я остаюсь неудовлетворенной, потому что они эякулируют раньше меня, в то время как при половом акте с евреями я иногда эякулирую дважды, прежде чем оргазм наступает у моего партнера, или, скорее, я откладываю второй оргазм до тех пор, пока он не будет готов". Это подтверждается тем, - продолжает мой корреспондент, - что мне рассказал русский еврей, студент Цюрихского политехнического института, у которого был русский товарищ, живущий с любовницей, тоже русской студенткой или псевдостуденткой. Однажды еврей, отправившийся рано навестить своего друга, услышал женский голос и обнаружил любовницу своего друга одну в сорочке у кровати. Он уже собирался уходить, но молодая женщина попросила его остаться, и через несколько минут он был с ней в постели. Она сказала ему, что ее любовник только что ушел и что она никогда не испытывала с ним сексуального облегчения, потому что он всегда эякулировал слишком рано. В то утро он оставил ее такой возбужденной и неустроенной, что она как раз собиралась заняться мастурбацией — чего она редко делала, потому что от этого у нее болела голова, — когда услышала голос еврея, и, зная, что евреи медленнее вступают в половой акт, чем христиане, она внезапно решила отдаться ему".

Мне сообщили, что сексуальная сила негров и более медленная эякуляция (см. Приложение А) являются причиной того благосклонного отношения, с которым к ним относятся некоторые белые женщины с сильными сексуальными страстями в Америке и многие проститутки. Когда-то в Нью-Йорке был специальный дом, куда белые женщины обращались за помощью к этим "любителям доллара"; женщины приходили в глубоких вуалях и осматривали пенисы мужчин, прежде чем сделать свой выбор.

Таким образом, из-за сложности сексуального механизма у женщин на все отношение женщины к сексуальным отношениям может катастрофически повлиять отсутствие у мужа навыков или внимания при посвящении ее в эту интимную тайну. Обычно стадия явного отвращения и пассивности, часто связанная с большой чувствительностью, физической и моральной, переходит в стадию активного участия и помощи в завершении полового акта. Но если по какой-либо причине со стороны женщины происходит частичная остановка этой эволюции в процессе ухаживания, если ее подчинение является просто ментальным и преднамеренным актом воли, а не инстинктивным и импульсивным участием, возникает неизбежный отказ от сексуального облегчения и удовлетворения. Когда мы обнаруживаем, что женщина проявляет определенную степень безразличия в сексуальных отношениях и не получает полного удовлетворения, мы должны признать, что вина, возможно, кроется не в ней, а в недостаточном мастерстве любовника, который не знал, как успешно вести сложную и тонкую игру ухаживания. Сексуальная холодность, вызванная потрясением и страданиями первой брачной ночи, - явление слишком частое.^[172] Следовательно, многие женщины могут никогда не испытывать сексуального удовлетворения и облегчения не из-за недостатков с их

стороны, а из-за неспособности мужа понять роль любовника. Мы проводим ложную аналогию, когда сравниваем ухаживание за животными исключительно с нашими собственными ухаживаниями до брака. Ухаживание, в правильном понимании, - это процесс, посредством которого и самец, и самка приводятся в то состояние сексуального возбуждения, которое является более или менее необходимым условием для полового акта. Следовательно, игру ухаживания нельзя считать окончательно завершенной церемонией бракосочетания; ее правильнее рассматривать как естественную прелюдию к каждому акту совокупления.

Припухлость - это не просто более или менее важное условие правильного полового акта. Вероятно, она имеет более фундаментальное значение как одно из благоприятных условий оплодотворения. Это, действительно, давно признано. Ван Свитен, когда с ней посоветовалась бездетная Мария Терезия, высказала мнение "Ego vero censeo, vulvam Sacratissimæ Majestatis ante coitum diutius esse titillandam", и после этого у нее было много детей. "Я думаю, что это почти наверняка, - писал Мэтьюз Дункан (*Goulstonian Lectures on Sterility in Woman*, 1884, стр. 96), - что желание и удовольствие в должной или умеренной степени являются очень важными вспомогательными средствами или предрасполагающими причинами оплодотворения", поскольку приводят в действие сложные процессы оплодотворения. Херст (*Учебник акушерства*, 1899, стр. 67) упоминает случай бездетной замужней женщины, которая в течение шести лет не испытывала оргазма во время полового акта; затем это произошло одновременно с половым актом, и наступила беременность.

Киш решительно придерживается того же мнения и считает, что распространенное мнение на этот счет полностью оправдано. Это факт, утверждает он, что неверная жена с большей вероятностью забеременеет от своего любовника, чем от мужа, и он приходит к выводу, что, каким бы ни был точный механизм, "сексуальное возбуждение со стороны женщины является необходимым звеном в цепи условий, приводящих к оплодотворению". (Е. Н. Kisch, *Die Sterilität des Weibes*, 1886, стр. 99.) Киш считает (стр. 103), что у большинства женщин сексуальное удовольствие появляется лишь постепенно, после первого совместного проживания, а затем развивается прогрессивно, и что первое зачатие обычно совпадает с его полным пробуждением. В 556 его собственных случаях было обнаружено, что наиболее частый период первого оплодотворения приходится на период от десяти до пятнадцати месяцев после вступления в брак.

Таким образом, устранение сексуальной фригидности становится вопросом определенной важности. Это устранение в некоторых случаях может быть осуществлено путем лечения через мужа, но такой курс не всегда осуществим. Доктор Дуглас Брайан из Лестера сообщает мне, что в нескольких случаях ему удалось устранить сексуальную холодность и физическое отвращение у жены с помощью гипнотического внушения. Пациентке внушают, "что все ее естественные женские чувства будут быстро и удовлетворительно развиты во время полового акта; что она не будет испытывать чувства отвращения и тошноты, не будет бояться, что оргазм не наступит; что с ее стороны не будет непроизвольного сопротивления". Тот факт, что такие внушения могут быть постоянно эффективными, показывает, насколько поверхностной обычно бывает сексуальная "анестезия" у женщин.

Следовательно, аппарат сексуального возбуждения у женщин не только сложнее, чем у мужчин, но и — отчасти, возможно, в результате этой большей сложности — гораздо чаще требует активного возбуждения. У мужчин припухлость, как правило, возникает почти спонтанно или

просто под влиянием скопившейся спермы. У женщин также, особенно у тех, кто ведет естественный и здоровый образ жизни, сексуальное возбуждение также имеет тенденцию возникать спонтанно, но ни в коем случае не так часто, как у мужчин. Сравнительная редкость сексуальных сновидений у женщин, у которых не было только сексуальных отношений, служит указанием на это половое различие. У очень большого числа женщин сексуальное влечение остается скрытым до тех пор, пока не будет возбуждено ласками любовника. Юноша спонтанно становится мужчиной, но девушка, как уже было сказано, "должна быть превращена поцелуем в женщину".

Одним из результатов этой характеристики является то, что, особенно когда любовь неоправданно затягивается после первой молодости, этому сложному аппарату трудно реагировать на незнакомые требования сексуального возбуждения. Более того, отсроченные нормальные сексуальные отношения, когда сексуальный импульс не является абсолютно латентным, имеют тенденцию вызывать все степени извращенного или ненормального сексуального удовлетворения, и физический механизм, обученный реагировать другими способами, часто не реагирует нормально, когда, наконец, представляются нормальные условия реагирования. Всеми этими способами в супружеских отношениях может проявляться пассивность и даже отвращение. Тот факт, что почти нормальной функцией мужчины является возбуждение женщины, и что большая сложность сексуального механизма у женщин приводит к более частым нарушениям этого механизма, создает имитацию органической сексуальной холодности, которая многих вводит в заблуждение.

Поучительное исследование случаев, в которых сексуальное влечение было извращено таким образом, было представлено Смитом Бейкером ("Нейропсихический элемент супружеского отвращения", *Журнал нервных и психических заболеваний*, vol. xvii, сентябрь 1892 г.). Рэймонд и Джанет, которые считают, что сексуальная холодность чрезвычайно распространена в браке и что она играет важную роль в возникновении физических и моральных проблем, обнаруживают, что чаще всего это происходит из-за мастурбации. (*Les Obsessions*, vol. ii, стр. 307.) Адлер, обсудив сложность женского сексуального механизма и трудности, с которыми женщины сталкиваются при получении сексуального удовлетворения при нормальном половом акте, приходит к выводу, что "мастурбация является частой, возможно, самой частой причиной неполноценной сексуальной чувствительности у женщин". (Указ. соч., стр. 119.) Он отмечает, что у женщин мастурбация обычно имеет меньшее сходство с нормальным половым актом, чем у мужчин, и очень часто включает особое возбуждение частей тела, которые не являются главным объектом возбуждения при половом акте, так что коитус необеспечивает ставшее привычным возбуждение (стр. 113-116). При обсуждении "аутоэротизма" в первом томе *Исследований* уже упоминал о разрыве между физической и идеальной сторонами любви, который может быть вызван мастурбацией, особенно у женщин.

Была выдвинута еще одна причина подавленного сексуального чувства. Замужняя дама с нормальным сексуальным влечением заявляет (*Sexual-Probleme*, апрель 1912 г., стр. 290), что она не может испытывать оргазм и сексуальное удовлетворение, когда половой акт не предназначен для зачатия. Это психическое торможение, независимое от каких-либо нарушений, вызванных процессом профилактики. Она знает других женщин, которые страдают подобным образом. Такое торможение следует рассматривать как искусственное и ненормальное, поскольку конечный результат полового акта при естественных и нормальных условиях не составляет существенной составляющей психического процесса полового акта.

В результате того факта, что у женщин сексуальные эмоции, как правило, не приобретают большой интенсивности до тех пор, пока не подвергнутся мощной стимуляции, мы обнаруживаем, что максимальная кульминация сексуальных эмоций, как правило, приходится на несколько более поздний период в жизни женщины, чем у мужчины. Среди животных в целом, по-видимому, часто прослеживается тенденция к развитию сексуальной активности у самцов в несколько более раннем возрасте, чем у самок. В человеческом виде мы, безусловно, можем проследить ту же тенденцию. Как отмечал великий физиолог Бурдах, в природе с совершением полового акта роль мужчины в работе по зачатию подходит к концу; но этот акт представляет собой только начало репродуктивной деятельности женщины.

20-летний юноша часто может проявлять страстный пыл в любви, который очень редко встречается у женщин моложе 25 лет. Редко бывает, чтобы женщина, даже если ее сексуальные эмоции могут пробудиться в период полового созревания или раньше, испытывала величайшую страсть в своей жизни до тех пор, пока ей не исполнится 25 лет. В подтверждение этого утверждения, которое подтверждается ежедневными наблюдениями, можно указать, что почти все самые страстные любовные письма женщин, а также их самые страстные преданности исходят от женщин, которые пережили, иногда уже давно миновали, свою первую молодость. Когда Элоиза написала Абеяру первое из дошедших до нас писем, ей было по меньшей мере 32 года. Отношения мадемуазель Айссе с шевалье начались, когда ей было 32 года, и когда она умерла, шесть лет спустя, страсть обоих была на пике. Мэри Уолстонкрафт было 34 года, когда начались ее любовные письма Имлею, а в следующем году у нее родился ребенок. Мадемуазель де Леспинасс было 43 года, когда она начала писать свои письма месье де Гиберу. В некоторых случаях сексуальное влечение может даже не проявиться до тех пор, пока не пройдет период менопаузы.^[173]

Во времена римской империи Овидий заметил (*Ars Amatoria*, lib. ii) что женщина не в состоянии постичь искусство любви, пока не достигнет 35-летнего возраста. "Девушка 18 лет, - сказал Стендаль ("О любви", гл. viii), - не способна кристаллизовать свои эмоции; у нее формируются желания, которые слишком ограничены отсутствием у нее опыта в житейских делах, чтобы быть способной любить с такой страстью, как 28-летняя женщина". "Сексуальные потребности, - сказал Рестиф де ла Бретонн (*Месье Николя*, т. xi, стр. 221), - часто проявляются у молодых женщин только в возрасте от 26 до 27 лет; по крайней мере, это так. то, что я наблюдал".

Эрб утверждает, что примерно в середине двадцатых годов женщины начинают страдать физически, морально и интеллектуально от своих сексуальных потребностей. Нистрем ("*Дас Гешлехтсleben*", стр. 163) считает, что примерно в возрасте 30 лет женщина впервые начинает осознавать сексуальные потребности. В случае Адлера (указ. соч., стр. 141) сексуальные чувства впервые появились после рождения третьего ребенка, в возрасте 30 лет. Форель (*Die Sexuelle Frage*, 1906, стр. 219) считает, что сексуальное желание у женщины часто наиболее сильно в возрасте от 30 до 40 лет. Лейт Нейпир (*Менопауза*, стр. 94) отмечает, что период от 28 до 30 лет часто является важным возрастом для женщин, сохранивших девственность, эротизм проявляется с полной зрелостью нервной системы. Йеллоулис (арт. "Мастурбация", *Словарь психологической медицины*), опять же, утверждает, что примерно в возрасте 33 лет некоторые женщины испытывают сильную сексуальную раздражительность, часто приводящую к мастурбации. Одиффрент (*Archives d'Anthropologie Criminelle*, 15 января 1902 г., стр. 3) считает, что именно к 30 годам женщина достигает полного морального и физического развития, и что в этот период ее эмоциональные и идеализирующие импульсы достигают такой степени

интенсивности, которая иногда непреодолима. Уже упоминалось, что тщательные исследования Мэтьюса Дункана показали, что именно в возрасте от 30 до 34 лет наибольшая доля женщин испытывает сексуальное желание и сексуальное удовольствие. Можно также отметить, что в то время как типичные английские романисты, которые обычно стремились не касаться более глубоких и сложных аспектов страсти, часто выбирают очень юных героинь, французские романисты, которые часто имели пристрастие к проблемам страсти, часто выбирают героинь, приближающихся к 30-летнему возрасту.

К Хиршфельду (*Von Wesen der Liebe*, стр. 26) обратилась за консультацией дама, которая, не имея никаких сексуальных желаний или чувств, вышла замуж за перевернутого мужчину, чтобы жить с ним простой товарищеской жизнью. Однако в течение шести месяцев она неистово влюбилась в своего мужа, с полным проявлением сексуальных чувств и сопутствующих эмоций ревности. Однако при всех обстоятельствах она не вступила бы в половую связь со своим мужем, и пытки, которым она подвергалась, стали настолько острыми, что она пожелала быть кастрированной. В этой связи я также могу упомянуть случай, о котором мне сообщили из Глазго, когда девушка — сильная и здоровая, с регулярными менструациями с 17 лет — была соблазнена в возрасте 20 лет без какого-либо сексуального желания с ее стороны, родив ребенка девять месяцев спустя. Впоследствии она стала проституткой на три года, и в течение этого периода не испытывала ни малейшего сексуального желания или какого-либо удовольствия от сексуальной связи. После этого она познакомилась с бедным парнем, с которым у нее полное сексуальное желание и сексуальное удовольствие, в результате чего она отказывается встречаться с каким-либо другим мужчиной и, следовательно, остается почти без еды в течение нескольких дней каждую неделю.

На позднее наступление высшей точки сексуальных эмоций у женщин указывает склонность к нервным и психическим расстройствам в возрасте от 25 до примерно 33 лет, что независимо отмечалось различными психиатрами (хотя можно отметить, что от 25 до 30 лет не является необычным возрастом для первых приступов безумия и у мужчин). Так, Крафт-Эбинг утверждает, что взрослые незамужние женщины в возрасте от 25 до 30 лет часто проявляют нервные симптомы и особенности. (Krafft-Ebing, "Ueber Neurosen und Psychosen durch Sexuelle Abstinenz," *Jahrbücher für Psychiatrie*, Bd. viii, ht. 1–4, 1888.) Питр и Режи также находят (*Итоги XI Международного конгресса врачей*, Москва, 1897, т. iv, стр. 45), что навязчивые идеи, которые чаще встречаются у женщин, чем у мужчин, и обычно связаны по своей причинной связи с сильными моральными эмоциями, возникают у женщин в основном в возрасте от 26 до 30 лет, хотя у мужчин гораздо раньше. Средний возраст, в котором в Англии женщины-алкоголички начинают чрезмерно употреблять алкоголь, составляет 26 лет. (*Британский медицинский журнал*, 2 сентября 1911 г., стр. 518.)

Случай, описанный Серье, поучителен в отношении развития сексуального влечения, хотя он относится к сфере психических расстройств. Женщина 32 лет с плохой наследственностью в детстве имела слабое здоровье и стала застенчивой, молчаливой, любила одиночество, ее дразнили товарищи и она находила утешение в тяжелой работе. Хотя она была очень эмоциональна, она никогда, даже в самой смутной форме, не испытывала ни одного из тех чувств и стремлений, которые свидетельствуют о наличии сексуального влечения. Она не любила танцевать и была равнодушна к любым объятиям, которые ей могли бы предложить

молодые люди. Она никогда не мастурбировала и не проявляла обратных чувств. В возрасте 23 лет она вышла замуж. Однако она по-прежнему не испытывала сексуальных чувств; только дважды она испытала слабое ощущение удовольствия. Родился ребенок, но в ее доме царили несчастья из-за пьянства ее мужа. Он умер, и она усердно зарабатывала себе на жизнь и на поддержку своей матери. Затем, в возрасте 31 года, в ее жизни наступает новый этап: она влюбляется в мастера своей мастерской. Сначала это была чисто психическая привязанность, без какой-либо смеси физических элементов; ей было достаточно увидеть его, и она трепетала, когда прикасалась ко всему, что принадлежало ему. Она постоянно думала о нем; она любила его за глаза, которые казались ей глазами ее собственного ребенка, и особенно за его ум. Постепенно, однако, низшие нервные центры начали принимать участие в этих эмоциях; однажды, проходя мимо нее, мастер случайно коснулся ее плеча; этого контакта было достаточно, чтобы вызвать сексуальное возбуждение. Она начала мастурбировать ежедневно, думая о своем хозяине, и впервые в своей жизни возжелала коитуса. Она вызывала образ своего учителя так постоянно и живо, что в конце концов у нее появились галлюцинации зрения, осязания и слуха, и ей показалось, что он присутствует рядом. Эти галлюцинации с трудом рассеивались. (П. Серье, "Аномалии инстинктивного секса", 1888, стр. 50.) Этот случай представляет в безумной форме явление, которое, безусловно, ни в коем случае не является чем-то необычным и очень значительным. До 31 года мы, безусловно, были бы вынуждены заключить, что эта женщина была сексуально анестезирована почти в абсолютной степени. В действительности мы видим, что это было отнюдь не так. Слабое здоровье, тяжелая работа и жестокий муж продлили латентность сексуальных эмоций; но они были там, готовые взорваться с еще большей безумной интенсивностью (это было связано с нездоровой наследственностью) в присутствии мужчины, который вызывал эти эмоции.

В связи с поздней эволюцией сексуальных эмоций у женщин можно сослаться на то, что обычно называют "безумием старой девы", состоянием, не встречающимся у мужчин. В этих случаях, которые на самом деле не являются обычными, одинокие женщины, которые вели крайне строгую и добродетельную жизнь, посвящая себя религиозной или интеллектуальной работе, и тщательно подавляя животную сторону своей натуры, наконец, непосредственно перед климактерическим периодом испытывают эротический импульс; они влюбляются в какого-нибудь несчастного мужчину, часто священнослужителя, преследуют его своим вниманием и часто страдают от иллюзии, что он отвечает им взаимностью.

При должном возбуждении обычно не может быть никаких сомнений относительно силы сексуального влечения у нормальных и здоровых женщин. Однако, по-видимому, существует явная разница между полами и на этом этапе. До сексуального союза мужчина имеет тенденцию быть более пылким; после сексуального союза более пылкой становится женщина. Сексуальная энергия женщин при таких обстоятельствах, по-видимому, становится еще больше из-за длительного периода, в течение которого она находилась в состоянии покоя.

Синибальд в семнадцатом веке в своей *Генеантропии* утверждал, что, хотя женщины поначалу холодны и возбуждаются с большим трудом и медлительнее, чем мужчины, пламя страсти распространяется в них сильнее впоследствии, подобно тому, как железо по своей природе холодное, но при нагревании выделяет большую степень тепла. Точно так же Мандевиль сказал о женщинах, что "их страсти не так легко вспыхивают и не так внезапно фиксируются на каком-либо конкретном объекте; но когда эта страсть однажды укореняется в женщинах, она гораздо сильнее и долговечнее, чем у мужчин, и скорее усиливается, чем ослабевает, наслаждаясь

личностью возлюбленного". (*Скромная защита общественного рагу*, 1724, стр. 34.) Бурдах считал, что женщины в полной мере осознают свою общую силу только после замужества и беременности, в то время как мужчины проявляют наибольшую энергию именно до брака. Шопенгауэр также говорил, что любовь мужчины уменьшается с получением удовольствия, а женщины возрастает. А Эллен Ки заметила (*Любовь и брак*), что "там, где нет смешения южной крови, проходит много времени, иногда даже спустя годы после замужества, прежде чем чувства северных женщин пробуждаются к осознанности".

Эта тенденция, по-видимому, проявляется даже среди животных. Эдмунд Селус (*Наблюдение за птицами*, стр. 112) замечает о морских чайках: "Всегда или почти всегда одна из птиц — и я полагаю, что это самка — более нетерпелива, у нее более заискивающие манеры и нежный просящий взгляд, чем у другой. Именно она, как правило, привлекает птицу-самца. Она с нежностью смотрит на него снизу вверх и, поднимая клюв к его губам, как бы умоляя о поцелуе, просто касается им, приподнимая, перьев на горле - действие легкое, но полное нежности. И во всех отношениях она проявляет себя самой желанной, и, на самом деле, так беспокоит и донимает бедного самца чайки, что часто, чтобы избежать ее назойливости, он улетает. Это может показаться странным, но я видел другие примеры подобного. Несомненно, в настоящем ухаживании, до того, как представители обоих полов объединяются в пары, самец птицы обычно проявляет наибольшее рвение, но после вступления в брак самка часто становится ухаживающей. Я видел несколько ярких примеров этого". Селус особенно упоминает ржанку, ястреба-пустельгу и грача.

В связи с тем фактом, что женщины склонны проявлять повышенный сексуальный пыл после установления сексуальных отношений, можно отметить, вероятно, связанный с этим факт, что половой акт, несомненно, менее вреден для женщин, чем для мужчин. При прочих равных условиях, то есть порог превышения преодолевается мужчиной гораздо раньше, чем женщиной. На это давным-давно указал Монтень. Древняя поговорка "*Все животные после соития вместе*" в лучшем случае имеет ограниченное применение, но, безусловно, имеет мало отношения к женщинам.^[174] Оживленность, а не вялость, как верно заметил Робин,^[175] отличает женщину после коитуса, или, как сказал мой друг-медик, женщина затем ходит по дому с песней.^[176] Действительно, только после полового акта с женщиной, к которой на самом деле он испытывает презрение, мужчина испытывает то отвращение, которое описано Шекспиром (сонет sxxix). Такой отрывок не следует цитировать, как это иногда делается, как представление о нормальном явлении. Но при равном удовлетворении с обеих сторон остается правдой, что, хотя после одного коитуса мужчина может испытывать не неприятную усталость и готовность ко сну, это редко бывает с его партнершей, для которой один коитус часто является всего лишь приятным стимулом, кульминационный момент удовлетворения достигается только во втором или последующем половом акте. "Чрезмерная распушенность", которая, справедливо или ошибочно, считается причиной стольких пороков у мужчин, на самом деле редко проявляется в отношении женщин, хотя в каждом акте распутства принимала участие женщина.^[177]

То, что женщины переносят сексуальные излишества лучше, чем мужчины, было отмечено Кабанисом и другими ранними авторами. Психиатры часто ссылаются на тот факт, что женщины менее подвержены влиянию безумия после таких излишеств. (См., например, Модсли, "Отношения между телом и разумом", *Ланцет*, 28 мая 1870 г.; и Дж. Сэвидж, ст. "Брак и

безумие" в *Словаре психологической медицины*.) Труссо отметил тот факт, что женщины не истощаются от повторяющихся актов полового акта в течение короткого периода, несмотря на то, что нервное возбуждение в их случае столь же велико, если не больше, и он счел, что это показывает, что потеря спермы является причиной истощения у мужчин. Левенфельд (*Sexualleben und Nervenleiden*, стр. 74, 153) утверждает, что не может быть сомнений в том, что на нервную систему женщин последствия полового акта оказывают меньшее влияние, чем на мужчин. Мало того, отмечает он, что проститутки очень мало подвержены нервному перевозбуждению, а неврастению и истерии, когда они возникают, легко объяснить другими причинами, но "здоровые женщины, которые не занимаются проституцией, когда они предаются очень частым половым сношениям, при условии, что они практикуются нормально, не испытывают ни малейшего вредного воздействия. Я видел много молодых супружеских пар, в которых муж был доведен до плачевного состояния нервной протрации и общего дискомфорта из-за усердия, с которым он исполнял свои супружеские обязанности, в то время как жена получала пользу и непрерывно наслаждалась самым лучшим здоровьем ". Этот опыт ни в коем случае не является чем-то необычным.

Корреспондент пишет: "Совершенно верно, что женщинам труднее достичь порога превышения, чем мужчинам. Я обнаружил, что женщины могут достигать оргазма гораздо чаще, чем мужчины. Возьмем обычный случай. Я провожу два часа с Я испытываю оргазм 3 раза, с трудом; у нее это происходит 6 или 8, или даже 10 или 12 раз. Женщины также могут испытать это второй или третий раз подряд, без перерыва между ними. Иногда сам факт осознания того, что мужчина испытывает оргазм, приводит к тому, что женщина тоже испытывает его, хотя это правда, что женщине обычно требуется столько же минут для достижения оргазма, сколько мужчине - секунд ". Я могу также сослаться на случай, описанный в другой части этого тома, в котором жена испытывала оргазм 26 раз, а ее муж - дважды.

Хатчинсон, под названием послебрачная амблиопия (*Archives of Surgery*, vol. iv, стр. 200), описал состояние, возникающее у мужчин с хорошим здоровьем, которые вскоре после вступления в брак становятся почти слепыми, но выздоравливают, как только причина устраняется. Он не упоминает ни одного случая у женщин из-за полового акта, но обнаруживает, что у женщин после родов может произойти некоторое ухудшение зрения.

Некке утверждает, что, по его опыту, хотя мастурбация, по-видимому, более распространена у безумных мужчин, чем у безумных женщин, мастурбация, повторяющаяся несколько раз в день, гораздо чаще встречается у женщин. (П. Некке, "Die Sexuellen Perversitäten in der Irrenanstalt", *Psychiatrische Bladen*, 1899, № 2.)

Большие излишества в мастурбации, по-видимому, также чаще встречаются среди женщин, которых можно назвать вменяемыми, чем среди мужчин. Так, Блох (*Медицинский журнал Нового Орлеана*, 1896) описывает случай с молодой замужней женщиной 25 лет с плохой наследственностью, которая почти всю жизнь страдала сексуальной гиперестезией и мастурбировала четырнадцать раз в день во время менструаций.

Что касается эксцессов при половом акте, то можно упомянуть случай с деревенской девушкой 17 лет, живущей в сельском округе Северной Каролины, где проституция была неизвестна, которая почти открыто сожительствовала с мужчинами. В одно из воскресений она отправилась в уединенную школу и позволила трем или четырем мужчинам изнурить себя сожительством с ней. В другой раз, ночью, в поле, она позволила любому желающему совершить половой акт, и

затем 25 мужчин и юношей вступили с ней в половую связь. При осмотре она была сильно подавлена и со склонностью к судорогам, но вполне вменяема. Впоследствии она вышла замуж, и приступы такого рода стали редкостью.

Мистер Лоусон сделал "подтвержденное заявление" о том, что он наблюдал среди маркизских женщин. "Он упоминает один случай, в котором он слышал, как на следующее утро группа мальчиков пересчитала и *назвала* 103 мужчин, которые ночью вступали в половую связь с *одной* женщиной". (*Медико-хирургическое обозрение*, 1871, т. ii, стр. 360, очевидно, цитирует Шеверса.) Это утверждение, по-видимому, вызывает сомнения, но, если оно достоверно, может привести к случаю, который должен быть уникальным.

Существует еще одно важное различие, хотя и тесно связанное с некоторыми из уже упомянутых различий, между сексуальным влечением у женщин и у мужчин. У женщин он одновременно больше и более рассеян. Как давным-давно сказал Синибальдус, сексуальное удовольствие мужчин интенсивно, женщин - экстенсивно. У мужчин сексуальный импульс как бы сосредоточен в одной точке. Это обязательно так, поскольку вся существенно необходимая роль мужчины в процессе человеческого деторождения ограничивается извержением спермы во влагалище. Но у женщин, главным образом из-за того, что женщины являются детородными, вместо одного первичного сексуального центра и одной первичной эрогенной области, есть по крайней мере три таких сексуальных центра и эрогенных области: клитор (соответствующий пенису), вагинальный проход до матки и сосок. У обоих полов есть и другие вторичные и рефлекторные центры, но есть веские основания полагать, что они более многочисленны и более распространены у женщин, чем у мужчин.^[178] На то, насколько многочисленными могут быть вторичные половые центры у женщин, указывает случай с женщиной, упомянутой Мораглией, которая хвасталась, что сама знает четырнадцать различных способов мастурбации.

Это сильное распространение сексуального влечения и эмоций у женщин столь же заметно как с психической, так и с физической стороны. Женщина может найти сексуальное удовлетворение множеством способов, которые не включают собственно половой акт, и множеством способов, которые, по-видимому, вообще не являются физическими, просто потому, что их физическая основа рассеяна или находится в одной из отдаленных сексуальных зон.

Более того, из-за рассеянного характера сексуальных эмоций у женщин так часто случается, что эмоция, действительно имеющая сексуальное происхождение, не осознается как таковая даже самой женщиной. Возможно, что большая распространенность у женщин религиозного эмоционального состояния "бури и стресса", отмеченного профессором Старбаком,^[179] в значительной степени обусловлена отсутствием сексуального влечения. Таким и подобным образом случается, что неосторожный наблюдатель не осознает величину сексуальной сферы женщины.

Ряд сходящихся фактов, как правило, указывают на то, что сексуальная сфера у женщин больше и сильнее влияет на организм, чем у мужчин. По-видимому, среди самцов и самок низших животных можно обнаружить такое же различие. Утверждается, что у птиц наблюдается больший приток крови к яичникам, чем к семенникам.

У женщин нарушения в сексуальной сфере, как правило, затрагивают иммунную систему в большей степени, чем у мужчин. По-видимому, это относится и к глазу. "Влияние половой системы на глаз у мужчины, - утверждает Пауэр, - гораздо менее сильное, и, как следствие, проследить эту связь гораздо труднее, чем у женщины". (Х. Пауэр, "Связь офтальмологических заболеваний с половыми органами", *Ланцет*, 26 ноября 1887 г.)

Большее преобладание сексуальной системы у женщин в психическом плане ясно проявляется в условиях безумия. Хорошо известно, что, хотя сатириаз встречается редко, нимфомания сравнительно распространена. Вероятно, эти состояния часто являются формами мании, и при мании, хотя сексуальные симптомы распространены у мужчин, часто утверждается, что они являются правилом у женщин (см., например, Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, десятое издание, перевод на английский, стр. 465). Бушери, отмечая эту разницу в распространенности сексуальных проявлений во время безумия, отмечает, что частично это связано с естественной большей зависимостью женщин от органов зачатия, а частично с более активной, независимой и трудоемкой жизнью мужчин; по его мнению, сатириаз особенно склонен развиваться у мужчин, которые ведут жизнь, напоминающую жизнь женщин. (Бушери, арт. "Satyriasis", *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*.) Опять же, постконнубиальное безумие гораздо чаще встречается у женщин, чем у мужчин, факт, который может указывать на более преобладающую роль сексуальной сферы у женщин. (Сэвидж, арт. "Брак и безумие", *Словарь психологической медицины*.)

Безумие имеет тенденцию устранять искусственные сдерживающие влияния, которые правят в обычной жизни, и поэтому имеет значение такой факт, как то, что сексуальный аппетит часто повышается при общем параличе и в значительной степени у женщин. (Pactet and Colin, *Les Aliénés devant la Justice*, 1902, p. 122.)

Нэкке, основываясь на своем опыте общения с душевнобольными, проводит интересное и, возможно, обоснованное различие в характере сексуальных проявлений у двух полов. У мужчин он находит эти проявления скорее рефлекторной и чисто спинномозговой природы и проявляющимися главным образом в мастурбации; у женщин он находит их более церебрального характера и проявляющимися главным образом в эротических жестах, похотливых разговорах и т.д. Таким образом, сексуальный импульс, как правило, затрагивает в большей степени высшую психическую область у женщин, чем у мужчин.

Форель аналогично (*Die Sexuelle Frage*, 1906, стр. 276), отмечая гораздо большую распространенность эротических проявлений среди душевнобольных женщин, чем среди душевнобольных мужчин (и указывая, что это ни в коем случае не связано просто с присутствием врача-мужчины, поскольку это остается неизменным, когда врач - женщина), считает, что это доказывает, что у женщин сексуальный импульс более выражен в высших нервных центрах, а у мужчин - в низших. центры. (Что касается большой распространенности эротических проявлений среди душевнобольных женщин, я могу также сослаться на интересные наблюдения Клэя Шой "The Sex in Lunacy", *Отчеты больницы Святого Варфоломея*, vol. xxiv, 1888; также цитируется в Havelock Ellis, *Man and Woman*, стр. 370 и далее.) Можем ли мы принять интерпретацию фактов Нэкке и Форель, которая, по меньшей мере, сомнительна, или нет, не может быть никаких сомнений в том, что сексуальное влечение является более фундаментальным у женщин. На это указывает наблюдение Нэкке о том, что

среди идиотов сексуальные проявления чаще встречаются у женщин, чем у мужчин. Из 16 девочек-идиоток в возрасте 16 лет и младше 15 определенно мастурбировали, иногда до четырнадцати раз в день, в то время как оставшаяся девочка, вероятно, мастурбировала; но из 25 молодых идиотов мужского пола только 1 играл со своим пенисом. (P. Näcke, "Die Sexuellen Perversitäten in der Irrenanstalt", *Psychiatrische Bladen*, 1899, № 2, стр. 9, 12.) Что касается физической стороны, Борневиль и Соллье обнаружили (*Progrès medical*, 1888), что половое созревание значительно замедлено у идиотов и имбецильных мальчиков, в то время как Ж. Буазен (*Annales d'Hygiène Publique*, июнь 1894 г.) обнаружил, что у идиотов и имбецильных девочек, напротив, нет недостатка в полноценном сексуальном развитии или задержки полового созревания, в то время как мастурбация является обычным явлением. Можно добавить, что у женщин, как указывал Болл (*Эротическая книга*, стр. 40), сексуальные галлюцинации особенно распространены, в то время как под воздействием анестетиков эротические проявления и чувства часты у женщин, но редки у мужчин. (Хэвелок Эллис, "Мужчина и женщина", стр. 256.)

Тот факт, что первый половой акт оказывает гораздо более глубокое моральное и психическое влияние на женщину, чем на мужчину, также, по-видимому, указывает на то, насколько более фундаментальной является сексуальная область у женщин. Этот факт можно считать несомненным. (На него ссылается Марро, *La Pubertà*, стр. 460.) Сам по себе физический факт, что, в то время как у мужчин коитус остается чисто внешним контактом, у женщин он включает проникновение в чувствительную и девственную внутреннюю часть тела, сам по себе указывает на это различие.

Нам рассказывают, что когда-то на Востоке жила женщина по имени Моарбеда, которая была философом и считалась мудрейшей женщиной своего времени. Когда однажды Моарбеду спросили: "В какой части тела женщины находится ее разум?" она ответила: "Между бедер". Ко многим женщинам — возможно, действительно, мы могли бы даже сказать, к большинству женщин — в определенной степени может быть применено — и ни в коем случае не в оскорбительном смысле — изречение мудрой женщины Востока: в определенном смысле их мозги находятся в их утробе. Иногда их умственная активность может казаться ограниченной; может показаться, что они всегда проходят по жизни в довольно инертном или мечтательном состоянии; но когда затрагиваются их сексуальные эмоции, они сразу же оживают; они становятся бдительными, находчивыми, смелыми, неутомимыми. "Но когда я не влюблена, я ничто!" - воскликнула женщина, когда французский судья упрекнул ее в том, что она живет с вором. Есть много женщин, которые действительно могли бы сделать то же самое заявление, но не так много мужчин. Эта эмоция, которая, как хочется сказать, часто лишает мужчину мужества, впервые делает женщину по-настоящему самой собой.

"Женщины больше заняты любовью, чем мужчины", - писал де Сенанкур (*De l'Amour*, vol. ii, с. 59); "это проявляется во всех их движениях, оживляет их взгляды, придает их жестам грацию, которая всегда нова, их улыбкам и голосам невыразимое очарование; они живут ради любви, в то время как многие мужчины, повинувшись любви, чувствуют, что забывают самих себя".

Restif de la Bretonne (*Monsieur Nicolas*, vol. vi, стр. 223) цитирует молодую девушку, которая хорошо описывает разницу, которую любовь имеет для женщины: "Раньше я прозябала; теперь у всех моих действий есть мотив, цель; они стали важными. Когда я просыпаюсь, моя первая

мысль: "Кто-то заботится обо мне и желает меня". Я больше не одинок, как был раньше; другой чувствует мое существование и дорожит им" и т.д.

"Удивительно видеть на юге, — замечает Бонштеттен в своей наводящей на размышления книге *"Человек на Юге и человек на Севере"* (1824), — и это замечание относится отнюдь не только к югу, — как любовь наделяет умом даже тех, кто наиболее скуден идеями. Влюбленная итальянка неистощима в разнообразии своих чувств, все они подчинены высшей эмоции, которая доминирует над ней. Ее идеи следуют одна за другой с поразительной быстротой и создают яркую игру, которая подпитывается только ее сердцем. Если она перестанет любить, ее разум превратится всего лишь в нагар лавы, которая еще вчера была такой яркой".

Кабанис уже сделал несколько наблюдений, почти приведших к тому же результату. Говоря о брачных годах, следующих за половым созреванием, он замечает: "Я очень часто видел, как у девочек этого возраста внезапно развиваются величайшая плодовитость идей, самое блестящее воображение, исключительная склонность к искусству только для того, чтобы вскоре уступить место абсолютной умственной посредственности". (Cabanis, *"De l'Influence des Sexes," etc., Rapports du Physique et du Morale de l'Homme.*)

Этот феномен, по-видимому, является одним из указаний на огромное органическое значение сексуальных отношений. Роль женщины в мире менее навязчиво активна, чем роль мужчины, но есть момент, когда природа не может обойтись без энергии и умственных способностей женщин, и это происходит в репродуктивный период. Самая томная женщина, должно быть, всегда жива, когда ее сексуальные эмоции глубоко возбуждены. Люди часто поражаются увлечению, которое мужчины проявляют к женщинам, которые в глазах всего мира кажутся заурядными и скучными. Это не всегда происходит, как мы обычно предполагаем, исключительно из-за пресловутой слепоты любви. Для мужчины, которого она любит, такая женщина часто оказывается живой и преображенной. Он видит женщину, которая скрыта от всего мира. Он испытывает нечто вроде того удивления и благоговения, которые испытывал Достоевский, когда кажущиеся тупыми и жестокими преступники Сибири внезапно проявляли проблески изысканной чувствительности.

Далее следует сказать, что у женщин сексуальное влечение проявляет гораздо более выраженную тенденцию к периодичности, чем у мужчин; оно не только менее склонно проявляться спонтанно, но и его спонтанные проявления очень выраженным образом коррелируют с менструацией. Женщина, которая может испытывать почти непреодолимое сексуальное желание непосредственно перед, во время или после месячных, может оставаться совершенно спокойной и самообладающей в течение оставшейся части месяца. У мужчин такие нарушения сексуального влечения гораздо менее выражены. Таким образом, женщина часто может казаться капризной, безответственной или холодной просто потому, что моменты ее сильных эмоций были физиологически ограничены ограниченным периодом. Возможно, однажды она окажется способной на дерзости, о которых в другой раз могло показаться, что даже воспоминания о них покинули ее.

Мало того, что интенсивность сексуального влечения у женщин, по сравнению с мужчинами, более подвержена колебаниям из дня в день или от недели к неделе, но такая же большая изменчивость отмечается, когда мы сравниваем весь цикл жизни у женщин и у мужчин. Стресс

ранней женственности, когда репродуктивные функции находятся в полной активности, и поздней женственности, когда они угасают, вызывает глубокое органическое брожение, как психическое, так и физическое, которому нет аналогов в жизни мужчин. На эту большую изменчивость жизненного цикла женщины по сравнению с мужским очень тонко и точно указывает различная частота безумия, и это хорошо видно на диаграмме, подготовленной Марро, показывающей относительную склонность к психическим заболеваниям у обоих полов в зависимости от возраста.^[180] В возрасте 20 лет частота безумия у обоих полов одинакова; начиная с этого возраста кривая у мужчин развивается постепенно и равномерно, лишь с малейшими колебаниями, вплоть до старости. Но у женщин кривая крайне неровная; она остается высокой в течение всех лет от 20 до 30, вместо того чтобы падать, как мужская кривая; затем она быстро падает до значительно меньшего уровня мужской кривой, снова поднимаясь значительно выше мужского уровня в климактерический период от 40 до 50 лет, после чего два пола остаются довольно близкими друг к другу до конца жизни. Таким образом, согласно тесту на невменяемость, кривая жизни женщины с точки зрения внезапного подъема и внезапного спада ее сексуального кризиса отличается от кривой жизни мужчины и очень напоминает малую кривую ее менструального цикла.

Общая тенденция этого различия в сексуальной жизни и импульсах состоит в том, что у женщин диапазон вариаций больше, чем у мужчин. Довольно однородный в целом у мужчин в целом и у одного и того же мужчины на протяжении всей зрелой жизни, сексуальный импульс широко варьируется от женщины к женщине и даже у одной и той же женщины в разные периоды.

[169] Замечания Овидия (*Ars Amatoria*, bk. i) что, если бы мужчины молчали, женщины приняли бы активное и просительное участие.

[170] Ферран, *История любви*, 1623, глава ii.

[171] Тард, *Архив криминальной антропологии*, 15 мая 1897 г. Марро, который цитирует это наблюдение (*Половое созревание*, стр. 467; во французском издании, стр. 61), отмечает, что его собственные свидетельства в некоторой степени подтверждают вывод Ломброзо о том, что при обычных обстоятельствах острота чувств женщины ниже, чем у мужчины. Он, однако, склонен приписывать это недостатку внимания; в сексуальной сфере внимание женщин становится сосредоточенным, и тогда их чувственное восприятие выходит далеко за рамки мужского. Вероятно, в этом тонком наблюдении есть доля правды.

[172] Известный гинеколог пишет из Америки: "Отвращение из-за страданий в первые ночи я неоднократно наблюдала. Один очень показательный случай связан с прекрасной женственной молодой женщиной с великолепной фигурой; она очень хорошая женщина и восхищается своим мужем, но, хотя она пытается развить в себе желание и страсть, ей это не удается. Я боюсь, что когда-нибудь появится мужчина, который сможет развить в себе скрытые чувства".

[173] Любопытно, что, хотя сексуальное влечение у женщин, как правило, развивается в более позднем возрасте чаще, чем у мужчин, оно также, по-видимому, чаще развивается в очень раннем возрасте, чем у представителей другого пола. Большинство случаев преждевременного полового развития, по-видимому, приходится на детей женского пола. У. Роджер Уильямс

("Преждевременное половое развитие", *Британский гинекологический журнал*, май 1902 г.) обнаружил, что 80 таких случаев было зарегистрировано у женщин и только 20 у мужчин, и, хотя 13 лет - это самый ранний возраст, в котором мальчики проявляют мужественность, известно, что девочки зачинают в 8 лет.

[174] Я нахожу то же замечание, сделанное Плацониусом в семнадцатом веке.

[175] Статья "Обоснование", *Энциклопедический словарь медицинских наук*.

[176] Это также древнее замечание, поскольку в раннем трактате "*О секретном мышлении*", когда-то приписываемом Майклу Скотту, говорится о женщине, которая находит удовольствие в половом акте, "*cantat libenter*".

[177] Вряд ли нужно добавлять, что проститутки так или иначе могут предоставить мало доказательств. Проститутки могут не только отказываться от участия в сексуальном оргазме, но и пороки в жизни проститутки, очевидно, связаны с причинами, совершенно иными, чем простое чрезмерное сексуальное удовлетворение.

[178] На это, например, указывают эксперименты Гуалино, касающиеся сексуальной чувствительности губ (*Архив Психиатрии*, 1904, стр. 3). Он обнаружил, что механическое раздражение губ вызывает более или менее сексуальное чувство у 12 из 20 женщин, но только у 10 из 25 мужчин, *то есть* у трех пятых женщин и двух пятых мужчин.

[179] "Подростковый возраст для женщин - это прежде всего период бурь и стресса, в то время как для мужчин это в высшем смысле период сомнений" (Старбак, *Психология религии*, стр. 241.) Интересно отметить, что и в религиозной сфере эмоции женщин более рассеяны, чем у мужчин; Старбак подтверждает вывод профессора Коу о том, что, хотя религиозные эмоции у женщин по крайней мере такие же сильные, как у мужчин, у них они более всепроникающие, и они испытывают меньше трудностей и острых кризисов. (*Там же.*, стр. 80.)

[180] Марро, *La Pubertà*, стр. 233. Эта таблица охватывает все те случаи, почти 3000, пациентов, поступивших в туринскую лечебницу с 1886 по 1895 год, в которых был известен возраст первого проявления безумия.

III.

Содержание

Краткое изложение выводов.

В заключение, возможно, стоит подвести итог основным моментам, затронутым в этом кратком обсуждении очень большого вопроса. Мы видели, что существуют два течения мнений относительно относительной силы сексуального влечения у мужчин и женщин: одно склоняется к тому, что оно больше у мужчин, другое - что больше у женщин. Мы пришли к выводу, что, поскольку в поддержку любой точки зрения может быть выдвинуто большое количество фактов,

мы можем справедливо утверждать, что, грубо говоря, распределение сексуального влечения между двумя полами довольно сбалансировано.

Однако далее мы увидели, что эти явления в действительности слишком сложны, чтобы их можно было разрешить обычным грубым методом, пытаясь обнаружить количественные различия в сексуальном влечении. Мы ближе подходим к сути вопроса с помощью более аналитического метода, разбивая нашу массу фактов на группы. Таким образом, мы обнаруживаем, что существуют определенные хорошо выраженные характеристики, по которым сексуальный импульс у женщин отличается от аналогичного импульса у мужчин: 1. Он проявляет большую кажущуюся пассивность. 2. Он более сложный, менее склонен проявляться спонтанно и чаще нуждается в возбуждении, в то время как сексуальный оргазм развивается медленнее, чем у мужчин. 3. Он имеет тенденцию становиться сильнее после установления сексуальных отношений. 4. Порог превышения достигается труднее, чем у мужчин. 5. Сексуальная сфера больше и более рассеяна. 6. Наблюдается более выраженная тенденция к периодичности в спонтанных проявлениях сексуального влечения. 7. Во многом в результате этих характеристик сексуальное влечение демонстрирует больший диапазон вариаций у женщин, чем у мужчин, как у разных женщин, так и у одной и той же женщины в разные периоды.

Можно добавить, что правильное понимание этих сексуальных различий у мужчин и женщин имеет большое значение как для практического соблюдения сексуальной гигиены, так и для понимания тех более широких психологических характеристик, которыми женщины отличаются от мужчин.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ У ДИКАРЕЙ.

Содержание

Я.

В восемнадцатом веке, когда люди впервые начали посещать дикие племена в различных частях света, широко распространились экстравагантно романтические представления о простой и идиллической жизни, которую вели первобытные народы. На протяжении большей части девятнадцатого века общественное мнение склонялось к противоположной крайности, и стало обычным настаивать на деградировавшей и распущенной морали дикарей.^[181]

Однако на самом деле дикая жизнь - это не столько затянувшийся разврат, сколько затянувшаяся идиллия. Исследования таких авторов, как Вестермарк, Фрейзер и Кроули, стремятся представить более обоснованную концепцию реальных, часто чрезвычайно сложных, условий первобытной жизни в их отношении к сексуальному инстинкту.

В то же время нетрудно объяснить широко распространенную в девятнадцатом веке веру в необузданную распущенность дикарей. Во-первых, доктрина эволюции неизбежно породила предубеждение в пользу такой точки зрения. Предполагалось, что скромность, целомудрие и сдержанность были прекраснейшими и наивысшими цветами нравственного развития; поэтому на заре цивилизации мы должны были ожидать встретить противоположность этим вещам. Однако, помимо любого простого предубеждения такого рода, поверхностное наблюдение за действительными фактами неизбежно приводило к большому количеству недоразумений. Точно так же, как нагота многих диких народов привела к убеждению, что им не хватает скромности, хотя, на самом деле, скромность более развита в жизни дикарей, чем в цивилизации,^[182] так и отсутствие наших европейских правил сексуального поведения среди дикарей привело к выводу, что они были преданы разврату. Широко распространенный обычай одалживать жену при определенных обстоятельствах особенно расценивался как свидетельство вопиющей распущенности. Более того, даже когда было установлено, что половое сношение до брака было свободным, вряд ли кто-либо из исследователей пытался установить, какой объем половых сношений включает в себя эта свобода. Не было четкого понимания того, что такая свобода ни в коем случае не должна предполагать очень частых половых сношений. Опять же, часто случалось, что не проводилось четкого различия между народами, зараженными общением с цивилизацией, и народами, не настолько зараженными. Например, когда проституцию приписывают дикому народу, мы обычно должны предполагать, что либо была допущена ошибка, либо что люди, о которых идет речь, деградировали в результате общения с белыми народами, поскольку среди неиспорченных дикарей редко преобладают обычаи, которые можно правильно назвать проституцией. Более того, они не были бы в гармонии с условиями первобытной жизни.

Всерьез утверждалось, что целомудрие дикарей, насколько оно вообще существует, обязано европейской цивилизации. Несомненно, это верно в отношении отдельных людей и племен, но имеется достаточно свидетельств из различных частей мира, свидетельствующих о том, что это ни в коем случае не правило. И действительно, можно сказать — не пренебрегая энергией и искренностью миссионерских усилий, — что этого не могло быть. Новая система верований и практик, какой бы превосходной она ни была сама по себе, никогда не сможет обладать такой же строгой и неоспоримой силой, как система, в рамках которой всегда жили индивид и его предки и в справедливости которой они никогда не сомневались. То, что это так, мы, возможно, будем иметь случай наблюдать между собой. Христианские учителя подвергают сомнению мудрость привлечения молодежи под влияние свободомыслия, потому что, хотя они и не отрицают мораль свободомыслящих, они считают, что выбивание молодежи из колеи может иметь катастрофические последствия не только для веры, но и для поведения. Тем не менее, этот опасно тревожащий процесс был применен миссионерами в массовом масштабе к расам, которые в некотором отношении часто немногим старше детей. Поэтому, когда мы рассматриваем целомудрие дикарей, мы не должны принимать во внимание те народы, которые были приведены в тесный контакт с европейцами.

Чтобы понять сексуальные привычки дикарей в целом, необходимо всегда иметь в виду два момента первостепенной важности: (1) ограничения, ограничивающие половые сношения среди дикарей, особенно в отношении времени года, настолько многочисленны, а санкции, поддерживающие эти ограничения, настолько строги, что сексуальные излишества не могут преобладать в той же степени, что и в цивилизации; (2) даже при отсутствии таких ограничений та трудность достижения сексуальной зрелости, которая, как отмечалось, столь распространена среди дикарей, если ее не преодолевать стимулирующими влияниями, преобладающими в определенные времена года, и которая, вероятно, является причиной в значительной степени зависящий от тяжелых условий жизни, а также от нечувствительности нервной системы, он все еще остается важным фактором, способствующим формированию естественного целомудрия. Есть третье соображение, которое, хотя и второстепенно с данной точки зрения, не лишено отношения к нашему представлению о целомудрии у дикарей: важность, даже священность продолжения рода гораздо чаще признается дикарями, чем цивилизованными народами, а также человеческому продолжению рода часто придается определенное символическое значение, связанное с естественной плодовитостью в целом; так что примитивная сексуальная оргия, вместо того чтобы быть простым проявлением распушенности, может иметь ритуальное значение, как магическое средство пробуждения плодородия полей и стад.^[183]

Когда дикарь практикует внеконъюгальный половой акт, этот акт часто не является, как принято считать в цивилизации, безнравственностью или, по крайней мере, незаконным потаканием своим слабостям; это полезный и полностью оправданный акт, приносящий определенные выгоды, способствующий как космическому, так и социальному порядку, хотя эти выгоды не всегда таковы, как мы, в цивилизации, полагаем, вызваны действием. Так, говоря о северных племенах центральной Австралии, Спенсер и Гиллен замечают: "Среди всех племен очень распространено допускать значительную вольность во время исполнения определенных своих церемоний, когда собирается большое количество туземцев, некоторые из которых часто приезжают из отдаленных мест, — фактически, в таких случаях все обычные брачные правила, кажется, на время отбрасываются в сторону. Каждый день в некоторых племенах освобождают одну или нескольких женщин, в обязанности которых входит присутствовать на территории корробори — иногда только днем, иногда ночью, — и все мужчины, за исключением отцов, старших и младших братьев и сыновей, имеют к ним доступ. ... Идея заключается в том, что половой акт каким-то образом способствует правильному проведению церемонии, заставляя все работать гладко и предотвращая падение украшений".^[184]

Во многом именно этот священный характер полового акта — тот факт, что он относится к числу вещей одновременно "божественных" и "нечистых", поскольку в примитивном мышлении эти два понятия не различались, — приводит к тому, что в жизни дикарей на его осуществление часто накладывается табу. Робертсон Смит добавил приложение к своей книге *"Религия семитов"*, посвященное "Табу на общение полов".^[185] Вестермарк собрал доказательства, показывающие частоту, с которой эти и связанные с ними причины способствовали целомудрию дикарей.^[186] Фрейзер очень ярко изложил всю примитивную концепцию полового акта и показал, как это влияло на целомудрие.^[187] Воины часто должны быть целомудренными; мужчины, отправляющиеся на любую охоту или другую экспедицию, должны быть целомудренными, чтобы добиться успеха; женщины, оставшиеся позади, должны быть строго

целомудренными; иногда даже все люди, оставшиеся позади, и на длительные периоды, должны быть целомудренными, чтобы обеспечить успех экспедиции. Хьюберт и Маус затронули тот же вопрос в своем подробном эссе о жертвоприношении, указав, как часто сексуальные отношения запрещаются по случаю какой бы то ни было церемонии.^[188] Кроули, разрабатывая примитивную концепцию табу, полностью рассмотрел ритуальные и традиционные влияния, способствующие целомудрию среди дикарей. Он приводит, например, ряд случаев из разных частей света, когда после вступления в брак половой акт приходится откладывать на дни, недели и даже месяцы. Он считает, что сексуальное воздержание, распространенное среди дикарей, в значительной степени обусловлено верой в ослабляющие эффекты полового акта; помы настолько опасны друг для друга, что, как он указывает, даже сейчас часто происходит половое разделение полов.^[189]

Таким образом, в жизни дикарей существует огромное количество постоянно повторяющихся случаев, когда необходимо сохранять воздержание и когда, по твердому убеждению, его нарушение сопряжено с ужасным риском — во время войны, после победы, после праздников, во время траура, в путешествиях, на охоте и рыбной ловле, в огромном количестве сельскохозяйственных и промышленных занятий.

Можно было бы справедливо утверждать, что легкость, с которой дикарь накладывает эти ограничения на половой акт, сама по себе свидетельствует о слабости сексуального влечения. Свидетельство другого порядка, которое, по-видимому, указывает на неразвитость сексуального влечения у дикарей, можно найти в сравнительно неразвитом состоянии их половых органов, состоянии, которое, конечно, ни в коем случае не является постоянным, но очень часто отмечается. Что касается женщин, то во многих частях мира это считалось правилом, и данные, накопленные Плоссом и Бартельсом, как мне кажется, в целом ясно указывают в этом направлении.^[190]

С другой стороны, также можно отметить, что отталкивание между полами и ограничения при половом акте могут быть связаны со слабым сексуальным влечением. Не исключено, что определенный ужас перед половыми органами может быть естественным чувством, которое гаснет в состоянии опьянения желанием, но все же имеет физиологическую основу, которая делает половые органы — замаскированные и сведенные к минимуму условностями и художественным представлением — более или менее отвратительными при отсутствии эротических эмоций.^[191] И это, вероятно, более заметно в случаях, когда половой инстинкт конституционально слаб. Дама, у которой не было выраженных сексуальных желаний и которая считала хорошо воспитанным быть равнодушной к подобным вещам, впервые в жизни осмотрев свои половые органы в зеркале, была потрясена и испытала отвращение при виде этого зрелища. Конечно, многие женщины могли бы запечатлеть подобный опыт при первом приближении мужчины, хотя художественные условности представляют мужскую форму с большей достоверностью, чем женскую. Более того — и это важный момент — это чувство ни в коем случае не ограничивается утонченными и культурными людьми. "Работая у Микеланджело, - писал корреспондент из Италии, - мой верхний гондольер часто видел фотографии и статуэтки всех работ этого человека. Остановившись однажды перед "Ночью и рассветом Сан-Лоренцо", изображающей распростертых обнаженных женщин, он воскликнул: "Какие они отвратительные!" Я потребовал от него объяснений. Он продолжал: "Самый уродливый обнаженный мужчина красивее обнаженной самой красивой женщины. У женщин кривые ноги, и их половые органы воняют. Я только однажды видел обнаженную женщину. Это было в

борделе, когда мне было 18. Вид ее "натуры" заставил меня выйти, и меня вырвало в канал. Вы знаете, что я был дважды женат, но я никогда не видел ни одну из своих жен без одежды."Однажды он сказал об очень вкусном сыре: "Загадай природу своей души". "Этот мужчина, добавил мой корреспондент, был совершенно нормальным и крепким, но, казалось, рассматривал половое сношение как простое опорожнение, поскольку сексуальный инстинкт у него, по-видимому, не был силен.

Кажется возможным, что, если бы сексуального влечения не существовало, все мужчины относились бы к женщинам с этим *женским ужасом*. Однако при нынешнем положении вещей, во всяком случае в цивилизации, сексуальные эмоции обычно начинают развиваться даже раньше, чем начинается знакомство с органами другого пола, так что это отвращение подавляется. Если, однако, у дикарей сексуальное влечение обычно слабое и усиливается только под воздействием мощных раздражителей, часто действующих периодически, то следует ожидать, что *ужас* будет фактором значительной важности.

Слабость физического сексуального влечения у дикарей отражается в психической сфере. Многие авторы указывали, что любовь играет лишь небольшую роль в их жизни. Они редко прибегают к ласковым обращениям; они часто целуют только детей (Вестермарк отмечает, что сексуальная любовь гораздо менее сильна, чем родительская); у некоторых примитивных народов мало стихотворений о любви (в основном женских), и их литература часто уделяет мало внимания страсти или вообще не уделяет ее.^[192] Привязанность и преданность, однако, часто сильны, особенно у диких женщин.

Неудивительно, что ревность часто, хотя и не всегда, должна отсутствовать как среди мужчин, так и среди женщин. У дикарей это, несомненно, является доказательством слабости сексуального влечения. Спенсер и Гиллен отмечают сравнительное отсутствие ревности у мужчин в изученных ими племенах Центральной Австралии.^[193] Негритянки, как говорит французский армейский хирург в своей книге "*Нехоженные поля антропологии*", не знают, что такое ревность, и первая жена даже занимает деньги, чтобы выкупить вторую жену. Говорят, что среди гораздо более высокой расы женщины в корейском доме живут счастливо вместе, что является почти неизменным правилом, хотя, по-видимому, это не всегда имело место среди полигамного народа европейской расы, мормонов.

Склонность полового инстинкта у дикарей к периодичности, к сезонным проявлениям я здесь не обсуждаю, поскольку я касался этого в первом томе этих *Исследований*.^[194] Однако это имеет очень важное отношение к данному предмету. Периодичность сексуальных проявлений у первобытного человека, действительно, менее абсолютна, чем у большинства животных, но все же очень часто она довольно четко обозначена. Во многом именно эти случайные вспышки сексуального инстинкта, во время которых органический импульс к возбуждению становится настолько сильным, что внешние раздражители больше не нужны, привели к вере в особую силу этого импульса у дикарей.^[195]

[181] Так, Лаббок (лорд Эйвбери) в "*Происхождении цивилизации*", пятое издание, 1889 г., приводит ряд ссылок в подтверждение этой веры. Совсем недавно Финк в своей книге "*Первобытная любовь и любовные истории*", 1899 год, пытается собрать данные в пользу

безграничной распушенности дикарей. Однако он признает, что сейчас преобладает точка зрения, противоположная его собственной.

[182] Смотрите "Эволюцию скромности" в первом томе этих исследований.

[183] Священность сексуальных отношений часто применима и к индивидуальному браку. Таким образом, Скит в своей книге *"Малайская магия"* показывает, что жених и невеста определенно признаны священными в том же смысле, что и король, а в малайских государствах король - очень священная личность. См. также, относительно священного характера полового акта, индивидуального или коллективного, А. Ван Геннеп, *Обряды перехода, passim*.

[184] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 136.

[185] *Религия семитов*, второе издание, 1894, стр. 454 и далее.

[186] *История брака*, стр. 66-70, 150-156 и др.

[187] *Золотая ветвь*, третье издание, часть ii, *Табу и опасности души*. Фрейзер обсуждал табу в целом. Более краткий отчет о табу см. в статье. "Табу" Норткота Томаса в *Британской энциклопедии*, одиннадцатое издание, 1911. Недавно Фрейд (*Imago*, 1912) предпринял попытку психологически объяснить происхождение табу, сравнив его с невротическими навязчивыми идеями. Фрейд считает, что табу берет свое начало в запрещенном действии, к совершению которого существует сильная бессознательная тенденция; таким образом, устанавливается амбивалентное отношение, то есть сочетание противоположных тенденций. Таким образом Фрейд объяснил бы тот факт, что табуированные люди и вещи одновременно священны и нечисты.

[188] "Очерки жертвоприношения", *Социологическая энциклопедия*, 1899, стр. 50-51.

[189] *"Мистическая роза"*, 1902, стр. 187 и далее., 215 и далее., 342 и далее.

[190] *Дас Вайб*, том i, раздел 6.

[191] Это утверждение было поставлено под сомнение. Однако должно быть совершенно очевидно, что половые органы обоих полов при ближайшем рассмотрении вряд ли можно считать красивыми, разве что в глазах лица противоположного пола, находящегося в состоянии сексуального возбуждения, но даже тогда они не всегда привлекательны. Более того, следует помнить, что змееподобная способность пениса входить в состояние эрекции независимо от контроля воли ставит его в категорию, отличную от любого другого органа тела, и не могла не привлечь внимания примитивных народов, столь легко встревоженных необычными проявлениями. Мы находим, что даже в ранние века христианства святой Августин придавал огромное значение этой тревожной способности полового члена как признаку греховного и дегенеративного состояния человека.

[192] Лаббок, *Происхождение цивилизации*, пятое издание, стр. 69, 73; Вестермарк, *История брака*, стр. 357; Гроссе, *Искусство*, стр. 236; Герберт Спенсер, "Происхождение музыки", *Разум*, октябрь 1890г.

[193] Спенсер и Гиллен, *Коренные племена Центральной Австралии*, стр. 99; ср. Финк, *Первобытная любовь и любовные истории*, стр. 89 и последующие.

[194] "Феномены сексуальной периодичности". Эта тема также совсем недавно обсуждалась Уолтером Хипом, "'Сексуальный сезон" млекопитающих", *Ежеквартальный журнал микроскопических наук*, том. xlv, 1900. См. также Ф. Х. А. Маршалл, *Физиология размножения*, 1910.

[195] Эта точка зрения находит запоздалого сторонника в лице Макса Маркузе ("Geschlechtstrieb des Urmenschens", *Sexual-Probleme*, октябрь 1909 г.), который на основаниях, которые я не могу считать обоснованными, пытается поддерживать веру в то, что сексуальный инстинкт более высокоразвит у дикарей, чем у цивилизованных народов.

II.

Таким образом, факты, по-видимому, указывают на то, что среди первобытных народов, хотя магические, церемониальные и традиционные ограничения на половые сношения очень многочисленны, очень широко распространены и почти всегда очень строги, в основе этого преобладания ограничений на половые сношения лежит фундаментальная слабость полового инстинкта, который стремится меньше и реже, чем у цивилизованных народов, но может сильно проявляться в определенные периоды года. Совершенно верно, что среди дикарей, как утверждает Сазерленд, "нет идеала, который делал бы целомудрие прекрасным само по себе"; но когда тот же автор продолжает утверждать, что "неверно, что в сексуальной распущенности дикарю есть чему поучиться", мы должны потребовать большей точности изложения.^[196] Путешественники и слишком часто потенциальные писатели-ученые были настолько впечатлены отсутствием у дикарей цивилизованного идеала целомудрия и частой свободой половых сношений, что они не остановились, чтобы более тщательно исследовать явления или встать на примитивную точку зрения, но предположили, что свобода здесь означает все, что она означала бы для европейского населения.

Чтобы проиллюстрировать действительные обстоятельства жизни дикарей в этом отношении на основе скудных свидетельств, представленных самыми внимательными наблюдателями, я собрал воедино из разрозненных источников несколько утверждений, касающихся примитивных народов в самых разных частях света.^[197]

Хорошо знающий андаманцев Портман говорит, что сексуальное желание у андаманцев очень умеренное; у мужчин оно появляется в возрасте 18 лет, но, поскольку "их любовь к спорту сильнее страстей, они в значительной степени удовлетворяются только после вступления в брак, что редко происходит до достижения мужчиной 26-летнего возраста".^[198]

Хотя жители Огненной Земли не почитают целомудрие и теряют девственность в очень раннем возрасте, все же и мужчины, и женщины чрезвычайно умеренны в сексуальных потаканиях.^[199]

У эскимосов на другом конце американского континента, по словам доктора Ф. Кука, сексуальные страсти подавляются в течение долгой зимней темноты, как и обычно менструальная функция, и большинство детей рождается через девять месяцев после появления солнца.^[200]

Среди индейцев Северной Америки во многих племенах существует обычай воздерживаться от половых сношений в течение всего периода лактации, как и, как обнаружил Д'Орбиньи, у южноамериканских индейцев, хотя кормление грудью продолжалось более трех лет.^[201] Многие индейские племена в настоящее время стали распущенными в результате контакта с цивилизацией. В первобытном состоянии их обычаи были совершенно иными. доктор Холдер, который хорошо знает многие племена североамериканских индейцев, довольно подробно остановился на этом вопросе. "Некоторые из добродетелей, - утверждает он, - и среди них целомудрие, более верно практиковались индийской расой до вторжения с Востока, чем те же самые добродетели практикуются белой расой наших дней. ... Эта раса менее непристойна, чем негритянская или белая. ... Я полностью убежден в том, что женщины некоторых племен сейчас более бережно относятся к своей добродетели, чем женщины любого другого сообщества, историю которого я знаю".^[202] Сексуальное воздержание навязывается не только женщинам. У некоторых ветвей индейцев салиш в Британской Колумбии молодой вдовец должен воздерживаться от половых сношений в течение года, а иногда в течение этого периода живет совершенно отдельно.^[203]

Во многих частях Полинезии, хотя сексуальное влечение, по-видимому, часто было высоко развито до прибытия европейцев, весьма сомнительно, чтобы вообще преобладала распущенность в европейском смысле этого слова. Жители Маркизских островов, которых иногда считали особенно распущенными, особо упоминаются Фоули как иллюстрация его утверждения о том, что примитивные народы с трудом достигают сексуального эретизма, за исключением сексуальных сезонов.^[204] Подробный отчет Германа Мелвилла в "*Тайпи маркизцев*" (несомненно, несколько идеализированный) не раскрывает ничего, что можно было бы справедливо назвать распущенностью. Стэнли Гардинер отмечает, что в Ротуме до прихода миссионеров половые сношения до брака были свободны, но грубая безнравственность, проституция и супружеская измена были неизвестны. Сейчас дела обстоят намного хуже.^[205] Маори Новой Зеландии в старые времена, по словам одного из тех, кто жил среди них, были более целомудренны, чем англичане, и, хотя вождь мог в качестве чести одолжить свою жену другу, взять ее было бы очень трудно (*частное сообщение*).^[206] Капитан Кук также представлял этих людей скромными и добродетельными.

У папуасов Новой Гвинеи и Торрессова пролива, хотя половые сношения до брака свободны, они ни в коем случае не являются необузданными и не доводятся до крайности. Существует множество обстоятельств, препятствующих половым сношениям. Таким образом, неженатым мужчинам не следует заниматься этим в октябре и ноябре в Торрессовом проливе. Общим правилом также является отказ от половых сношений во время беременности, пока ребенок находится на грудном вскармливании (которое продолжается в течение трех-четырех лет) или даже до тех пор, пока он не научится говорить или ходить.^[207] В заливе Астролябия, Новая Гвинея, согласно Вахнессу, молодая пара должна воздерживаться от половых сношений в течение нескольких недель после вступления в брак, и нарушать это правило было бы позором.^[208]

Что касается Австралии, Браф Смит писал: "Беспорядочные половые сношения между полами не практикуются аборигенами, и их законы по этому вопросу, особенно законы Нового Южного Уэльса, очень строги. Когда в лагере все молодые неженатые мужчины располагаются отдельно в крайнем конце, в то время как женатые мужчины, каждый со своей семьей, занимают центр. Разговоры между одинокими мужчинами и девушками или замужними женщинами запрещены.

Нарушение этих законов каралось наказанием; ... пять или шесть воинов метнули в него [нарушителя] со сравнительно небольшого расстояния несколько копий. Этот человек часто был тяжело ранен, а иногда и убит".^[209] Этот автор упоминает, что известно, что чернокожая женщина убила белого мужчину, который пытался вступить с ней в половую связь силой. Тем не менее, представители обоих полов время от времени вступают в половые сношения с раннего возраста. После вступления в брак в различных частях Австралии действуют многочисленные ограничения на половые сношения, которые запрещены не только во время менструации, но и на последнем этапе беременности и в течение одной луны после родов.^[210]

Относительно народа Малайского полуострова Хрольф Воан Стивенс утверждает: "Сексуальное влечение у беленда развито лишь в незначительной степени; они не чувственны, и муж вступает в половую связь со своей женой не чаще трех раз в месяц. Женщины также не пылки. ... Оранглауты более чувственны, чем даяки, которые, однако, более склонны к непристойным шуткам, чем их соседи. ... У белендас в сексуальных отношениях практически нет любовной игры".^[211] Скит также сообщает нам, что среди малайцев во время войны за частоколом должно соблюдаться строгое целомудрие, иначе пули гарнизона потеряют свою силу.^[212]

Принято считать, что негры и негроидные расы Африки особенно склонны к сексуальным излишествам. Это мнение не поддерживается теми, кто имел самые глубокие знания об этих народах. Вероятно, это получило распространение отчасти из-за открытого и экспансивного темперамента негров, а отчасти из-за чрезвычайно сексуального характера многих африканских оргий и фестивалей, хотя с таким же успехом их можно было бы принять за свидетельство трудностей в достижении сексуального эретизма.

Французский армейский хирург, основываясь на знаниях о черных расах в различных французских колониях, утверждает в своей книге *"Нехоженные области антропологии"*, что ошибочно полагать, что негрятки очень влюбчивы. Она довольно холодна и безразлична к утонченности любви, и в этом отношении она совсем не похожа на мулатку. Белый мужчина обычно бессиле возбудить ее, отчасти из-за своего маленького пениса, отчасти из-за своей быстроты выделения; черному мужчине из-за своей более грубой нервной системы требуется в три раза больше времени, чтобы достичь выделения, чем белому мужчине. Дэниэлл отмечает, что среди мусульманских народов Западной Африки, а также в центральной и северной Африке принято кормить ребенка грудью в течение двух или более лет. С момента, когда беременность становится очевидной, и до окончания отлучения от груди половой акт не происходит. Считается, что это подвергло бы младенца серьезной опасности, если не уничтожило бы его. Это означает, что для каждого ребенка женщина, во всяком случае, должна оставаться на континенте около трех лет.^[213] Сэр Х. Х. Джонстон, пишущий о народах Центральной Африки, отмечает, что мужчина также должен сохранять целомудрие в эти периоды. Так, у атонга жена уходит от мужа на шестом месяце беременности и возобновляет отношения с ним только через пять или шесть месяцев после рождения ребенка. Считается, что если в этот промежуток времени у него будут отношения с какой-либо другой женщиной, его жена непременно умрет. "Негр очень редко бывает порочным, - говорит Джонстон, - после того, как он достигает половой зрелости. Он всего лишь более или менее подвижен. Дети порочны, как и большинство рас человечества, мальчики возмутительно порочны. Что касается маленьких девочек почти по всей Британской Центральной Африке, то целомудрие до наступления половой зрелости является неизвестным состоянием, за исключением, возможно, аньянджа. До того, как девушка станет женщиной, абсолютно безразлично, что она делает, и вряд ли какая-либо девушка

остаётся девственницей примерно после 5-летнего возраста".^[214] У племени бангала в верхнем Конго женщина кормит грудью своего ребенка от шести до восемнадцати месяцев, и в течение всего этого периода муж не имеет половых сношений со своей женой, поскольку считается, что это убило бы ребенка.^[215]

У народов Западной Африки, говорящих на языке йоруба, А. Б. Эллис упоминает, что кормление грудью длится три года, в течение всего этого периода жена не должна сожительствовать со своим мужем.^[216]

Хотя целомудрие до брака, как правило, мало ценится в Африке, это не всегда так. В некоторых частях Западной Африки девушка, по крайней мере, высокого происхождения, если ее признают виновной в распутстве, может быть наказана введением во влагалище птичьего перца, разновидности стручкового перца, растертого в массу; это вызывает сильную боль и такое острое воспаление, что канал может даже стереться.^[217]

Среди женщин Дагомеи нет коитуса ни во время беременности, ни во время кормления грудью, которое длится почти три года. То же самое верно среди джекри и других племен Нигера, где считается, что молоко пострадает, если половое сношение произойдет во время лактации.^[218]

В другой части Африки, у суахели, даже после вступления в брак сначала разрешается только неполный половой акт, и в течение года после рождения ребенка половых сношений не бывает.^[219]

Дальше на юг, среди ба венда северного Трансвааля, говорит преподобный Р. Вессманн, хотя молодым мужчинам разрешается "играть" с молодыми девушками до брака, половые сношения запрещены. Если видно, что половые губы девушки раздвинуты, когда она садится на камень, ее ругают или даже наказывают как виновную в половом акте.^[220]

Среди высших рас Индии половой инстинкт очень развит, и половое сношение культивировалось как искусство, возможно, более изощренное, чем где-либо еще. Здесь, однако, мы далеки от первобытных условий и находимся среди народа, тесно связанного с европейцами. Дальше на восток, как и среди камбоджийцев, по-видимому, преобладает строгое целомудрие, и если мы пересечем Гималаи на север, то окажемся среди диких людей, которым неведома сексуальная распущенность. Так, у туркмен даже через несколько дней после бракосочетания молодая пара разлучена на целый год.^[221]

Все великие организованные религии ухватились за эту ценность сексуального воздержания, уже освященную примитивной магией и религией, и воплотили ее в своей системе. Так было в Древнем Египте. Так, согласно Диодору, после смерти царя все население Египта воздерживалось от половых сношений в течение семидесяти двух дней. Персы, опять же, придавали большое значение сексуальной, как и всем другим видам чистоты. Даже непроизвольные выделения семени были строго наказуемы. Лечь с менструирующей женщиной, согласно *Вендидад*, было таким же серьезным делом, как осквернение священного огня, а лечь с беременной женщиной означало понести наказание в 2000 ударов. У современных парсов мужчина не должен ложиться со своей женой после того, как ей исполнится четыре месяца и десять дней беременности. Мусульманство нельзя назвать аскетической религией, однако здесь предписаны длительные и частые периоды сексуального воздержания. Не должно быть половых сношений ни в течение всей беременности, ни во время кормления грудью, ни во время менструации (а также в течение восьми дней до и после), ни в

течение тридцати дней поста Рамадан. Также предписываются другие периоды сексуального воздержания; так, среди мусульман-езидов Мардина в северной Месопотамии не должно быть половых сношений по средам или пятницам.^[222]

В раннехристианской церкви все еще преобладали многие правила сексуального воздержания, подобные тем, которые были обычны среди дикарей, хотя и не на такие длительные периоды. В Покаянном труде Эгберта, относящемся к девятому веку, говорится, что женщина должна воздерживаться от половых сношений со своим мужем три месяца после зачатия и в течение сорока дней после родов. Был ряд других случаев, включая Великий пост, когда муж не должен был знать свою жену.^[223] "Некоторые канонисты говорят, - замечает Джереми Тейлор, - что Церковь запрещает взаимное собрание супружеских пар в праздничные дни. ... Совет Элибериды предписал воздерживаться от супружеских прав в течение трех, четырех или семи дней перед причастием. Папа Либерий заповедал то же самое в течение всего Великого поста, предполагая, что пост осквернен такими скоплениями людей".^[224]

[196] А. Сазерленд, *Происхождение и развитие морального инстинкта*, том i, стр. 8, 187. Как было показано, например, доктором Иваном Блохом (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Erster Theil, 1902), любая извращенная сексуальная практика может быть обнаружена где-либо среди дикарей или варваров; но, как остро указывает тот же автор (стр. 58), эти приемы свидетельствуют скорее о необходимости преодоления фригидности, чем о силе сексуального влечения.

[197] Плосс и Бартельс объединили в "*Дас Вайб*" большое количество фактов в том же смысле, особенно под заголовками "*Воздержание от пищи*" и "*Фернхальтунг Швангерен*". Я не пользовался их коллекцией.

[198] *Журнал Антропологического института*, май 1896 г., стр. 369.

[199] Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорне*, том. vii, стр. 188.

[200] Ф. Кук, *Нью-Йоркский журнал гинекологии и акушерства*, 1894.

[201] А. д'Орбини, *Американский человек*, 1839, том i, стр. 47.

[202] А. Б. Холдер, "Гинекологические заметки американских индейцев", *Американский журнал акушерства*, 1892, том. xxvi, № 1.

[203] *Журнал Антропологического института*, 1905, стр. 139.

[204] Фоли, *Бюллетень Общества антропологии*, Париж, 6 ноября 1879г.

[205] Дж. С. Гардинер, *Журнал Антропологического института*, февраль 1898 г., стр. 409.

[206] Что касается современных маори, медицинский корреспондент из Новой Зеландии пишет: "Представителям обоих полов нет ничего страшного в том, что они живут в одной комнате, а между отцом и дочерью или братом и сестрой происходят беспорядочные половые сношения. Женщины маори, которые проявляют большую скромность в присутствии мужчин-маори, открыто просят незнакомых европейцев вступить с ними в половую связь, причем без какого-либо желания вознаграждения. Однако мужчины, похоже, предпочитают своих женщин, и даже

оставаясь в городах, где они могут нанять проституток, они будут оставаться на континенте до тех пор, пока снова не вернутся домой, возможно, на месяц".

[207] Шеллонг, *Журнал этнологии*, 1889, i, стр. 17, 19; Хэддон, *Журнал Антропологического института*, февраль 1890 г., стр. 316, 397; Гиз, *ib.*, февраль и май 1899 г., стр. 207; Селигманн, *ib.*, 1902, стр. 298, 301-302; *Отчеты Кембриджской экспедиции*, т. v, стр. 199-200, 275.

[208] *Журнал по этнологии*, 1900, ht. v, стр. 414.

[209] Р. Броу Смит, "Аборигены Виктории", том. ii, стр. 318.

[210] *Журнал Антропологического института*, 1894, стр. 170, 177, 187.

[211] *Zeitschrift für Ethnologie*, 1896, iv, pp. 180–181.

[212] В. В. Скит, *Малайская магия*, стр. 524.

[213] У. Ф. Дэниелл, *Медицинская топография Гвинейского залива*, 1849, стр. 55.

[214] Сэр Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, 1899, стр. 409, 414.

[215] Преподобный Дж. Х. Уикс, *Журнал Антропологического института*, 1910, стр. 418.

[216] Сэр А. Б. Эллис, *Народы, говорящие на языке йоруба*, стр. 185.

[217] У. Ф. Дэниэлл, *указ. соч.*, стр. 36.

[218] *Журнал Антропологического института*, август и ноябрь 1898 г., стр. 106.

[219] *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, ii and iii, p. 84; Velten, *Sitten und Gebräuche der Suaheli*, p. 12.

[220] *Zeitschrift für Ethnologie*, 1896, p. 364.

[221] Вамбери, *Путешествия по Центральной Азии*, 1864, стр. 323.

[222] Херд, *Журнал Антропологического института*, январь.- Июнь 1911 г., стр. 210. Того же правила придерживаются и христиане этого района.

[223] Хэддон и Стаббс, *Соборы и церковные документы*, том. iii, стр. 423.

[224] Джереми Тейлор, *Правило совести*, bk. iii, глава iv, правило xx.

III.

Таким образом, представляется вероятным, что, вопреки некогда широко распространенному мнению, сексуальный инстинкт скорее усилился, чем уменьшился с ростом цивилизации. Этот факт был ясен проницательному Лукрецию, хотя с тех пор его часто упускали из виду.^[225] Однако даже наблюдение за животными могло бы подсказать реальное значение фактов. Говорят, что высшим породам крупного рогатого скота кобели требуются чаще, чем низшим породам.^[226] Чистокровные лошади вскоре достигают половой зрелости, и я понимаю, что с тех пор, как были

предприняты усилия по улучшению ломовых лошадей, половым инстинктам кобыл стали доверять меньше. Несомненно, что у наших домашних животных в целом, которые живут в условиях, которые можно назвать цивилизованными, половая система и сексуальные потребности более развиты, чем у диких видов, наиболее тесно связанных с ними.^[227] Все наблюдатели, похоже, согласны с этим пунктом, и достаточно сослаться на превосходное резюме вопроса, представленное Неаре в исследовании ""Половой сезон" млекопитающих", на которое уже делалась ссылка. Более того, он отмечает, что "хотя сексуальная активность домашних животных и диких животных в неволе может проявляться чаще, она не столь бурна, как у животных в диком состоянии".^[228] Таким образом, казалось бы, большая периодичность инстинкта в диком состоянии, как у животных, так и у человека, связана с большей жестокостью проявлений, когда они действительно появляются. Хорошо известно, что некоторые грызуны, такие как крыса и мышь, обладают как большой репродуктивной способностью, так и выраженными сексуальными наклонностями. Хип предполагает, что это также "связано с преимуществами, получаемыми от их тесных отношений с предметами роскоши цивилизации". Хипе признает, что в отношении репродуктивной способности то же самое развитие можно проследить и у человека: "Представляется весьма вероятным, что репродуктивная способность человека возросла с развитием цивилизации, точно так же, как она может быть увеличена у низших животных в результате одомашнивания; что эффект регулярного поступления хорошей пищи вместе со всеми другими стимулирующими факторами, доступными и используемыми в современных цивилизованных сообществах, привел к такой большой активности половых органов и такому значительному увеличению количества репродуктивных элементов, что можно сказать, что зачатие у здоровой человеческой самки возможно почти в любое время репродуктивного периода".

"Люди здравомыслящие и размышляющие наиболее склонны к неистовым и постоянным страстям, - писала Мэри Уолстонкрафт, - и к тому, что они становятся их добычей".^[229] Именно этот факт приводит к большей значимости сексуальных феноменов среди цивилизованных людей по сравнению с дикарями. Условия цивилизации усиливают сексуальный инстинкт, который, следовательно, имеет тенденцию быть более тесно связанным с моральными чувствами. Мораль связана с развитием сексуального инстинкта. Более случайный и периодический характер импульса у животных, поскольку он предполагает большее сексуальное безразличие, способствует ослаблению связей между полами и, следовательно, неблагоприятен для развития морали в том виде, в каком мы ее понимаем. В человеке вездесущий сексуальный импульс, идеализирующий каждый пол по сравнению с другим полом, сближает мужчин и женщин и удерживает их вместе. Глупые и невежественные люди могут сожалеть о полном развитии сексуального инстинкта у цивилизованного человека; при более глубоком понимании это развитие оказывается неразрывно связанным со всем самым острым и трудным, но также и со всем лучшим в человеческой жизни, какой мы ее знаем.

^[225] О природе, v, 1016.

^[226] Рачиборски (*Характеристика менструации*, стр. 43) цитирует наблюдение опытного селекционера отборного крупного рогатого скота на этот счет.

^[227] "Органы, которые в одичавшем состоянии, - как замечает Адлерц (*Biologisches Centralblatt*, № 4, 1902; цитируется в *Science*, 16 мая 1902), - постоянно упражняются в жестокой борьбе за

существование, при одомашнивании не конкурируют так тесно друг с другом за менее необходимую пищу. Следовательно, такие органы, как репродуктивные железы, которые не так непосредственно участвуют в самосохранении, способны получать больше пищи".

[228] *Ежеквартальный журнал микроскопических наук*, том. xlv, 1900, стр. 12, 31, 39.

[229] "Любовь" в мыслях о воспитании дочерей.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

РАЗВИТИЕ ПОЛОВОГО ИНСТИНКТА.

Содержание

Весьма примечательным фактом является то, что, хотя в течение многих лет предпринимались серьезные попытки прояснить психологию сексуальных извращений, практически не предпринималось попыток изучить развитие нормальных сексуальных эмоций. Кажется, почти каждый писатель либо считает само собой разумеющимся, что он и его читатели настолько знакомы со всеми фактами нормальной сексуальной психологии, что любое подробное изложение совершенно неуместно, либо довольствуется несколькими фрагментарными замечаниями, в основном составленными из различных выдержек из анатомических, философских и исторических трудов.

Однако принимать нормальные явления как должное здесь так же неразумно, как и в любой другой области науки. Знание таких явлений здесь так же необходимо, как физиология для патологии или анатомия для хирургии. Несмотря на то, что факты нормального полового развития, сексуальных эмоций и сексуальных потребностей единообразны и постоянны, как предполагают те, кто считает их обсуждение излишним, диапазон вариаций в пределах относительно нормальных пределов огромен, и невозможно встретить двух индивидуумов, чьи записи почти идентичны.

Существуют две фундаментальные причины, по которым следует приложить усилия для получения широкой базы четкой информации по данному вопросу. Во-первых, нормальные явления дают ключ к аномальным явлениям, и большинство сексуальных извращений, включая даже самые отталкивающие, являются всего лишь преувеличением инстинктов и эмоций, которые зарождаются у нормальных людей. Во-вторых, мы даже не можем знать, что является нормальным, пока не познакомимся с сексуальной жизнью большого числа здоровых людей. И пока мы не узнаем пределы нормальной сексуальности, мы не в состоянии установить какие-либо разумные правила сексуальной гигиены.

Исходя из этого, я в течение некоторого времени пытался получить сексуальные истории, и особенно ранние истории, мужчин и женщин, которые, на *первый взгляд*, могут быть справедливо признаны или, по крайней мере, считаются ими самими и другими людьми, обычно здоровыми и нормальными.

С такой задачей связано много трудностей, трудностей, которые достаточно очевидны. Прежде всего, это естественная сдержанность в раскрытии фактов столь глубоко личного характера. Преобладает невежество и неразумие, которые приводят к тому, что явления остаются неясными для самого субъекта. Когда первая трудность преодолена, а вторая отсутствует, по-прежнему отсутствует достаточно сильный мотив для того, чтобы взяться за запись, а также неспособность осознать ценность таких записей. Я, однако, получил большое количество таких историй, по большей части предложенных спонтанно с разрешением провести такие дальнейшие расследования, какие я счел желательными. Некоторые из этих историй чрезвычайно интересны и поучительны. В настоящем Приложении и в соответствующем Приложении к двум следующим томам этих *Исследований* привожу разнообразную подборку этих повествований. В некоторых случаях, как будет видно, испытуемые находятся, мягко говоря, на грани ненормальности, но они предстают перед нами не как пациенты, нуждающиеся в лечении. Они играют свою, обычно активную, иногда даже выдающуюся, роль в мире, который ничего не знает об их интимных историях.

ИСТОРИЯ I.—Э. Т. (Я воспроизвожу эту историю, написанную в третьем лице, в том виде, в каком она попала в мои руки.) Самые ранние воспоминания Т. об идеях сексуального характера смутно связаны с мыслями о порке, которой подвергали товарищей их родители, а иногда и он сам. Примерно в возрасте 7 лет Т. время от времени изображал себе вид голых затылков и гениталий мальчиков во время бичевания. Размышления о порке вызвали легкие любопытные ощущения в основании живота и в нервах половой системы. Вид мальчика, которого секут по голым ягодицам, вызывал эрекцию до 9-летнего возраста. Он не может объяснить эти возбуждения, поскольку в то время он не знал самых элементарных фактов о сексе. Зрелище наготы мальчика не привлекало его, в то время как избивание вызвало у него негодование против человека, который его применял. Т. знал мальчика и девочку примерно его возраста, воображение которых несколько болезненно рисовало порку. Все трое часто говорили вместе о таком наказании, и маленькой девочке нравилось читать "истории, в которых были порки". Ни один из этих детей не испытывал восторга от жестокости; очарование темы порки, казалось, заключалось в воображении зрелища обнаженных нейтов, хотя фактическое наблюдение за поркой в то время разозлило их.

Привыкший наблюдать за купанием младшей сестры, Т. до 9 лет не испытывал особого любопытства по поводу различий в полах. Примерно в это же время он спросил своего отца, откуда берутся дети, и ему сказали вести себя тихо. Когда он настаивал на допросе, его отец пригрозил надрать ему уши. Впоследствии его мать рассказала ему, что врачи приносили младенцев матерям. Он поверил этой истории настолько, что внимательно наблюдал за доктором, который пришел, когда у его матери "должен был родиться новый ребенок", в надежде увидеть сверток у него в руке. Т. было 9 лет, когда он расспрашивал 16-летнюю служанку о младенцах и их происхождении. Она рассмеялась и сказала, что однажды расскажет ему, как появляются дети. Однажды в воскресенье этот слуга повел Т. на загородную прогулку и посвятил его в половую связь, сказав ему, что он слишком молод, чтобы быть отцом, но именно так делаются дети. Девушка повела его в поле, сказав, что покажет ему, как сделать что-то, что заставит его "почувствовать себя так, словно он на небесах", сообщив ему, что она часто делала это с молодыми людьми. Затем ей удалось вызвать эрекцию, и она проинструктировала его, как действовать. Его чувством в то время было отвращение; вид и запах женских гениталий вызывали у него отвращение. Позже, однако, он захотел повторить опыт с девочками своего возраста. Обнаружив, что мальчик никак не реагирует, девочка

приняла мужскую позу и обняла его с большой страстью. Т. может вспомнить выражение лица девушки, испарину у нее на лбу и вопрос шепотом, понравилось ли ему это. Объятия длились около десяти минут, когда девушка сказала, что это "пошло ей на пользу". Позже в тот же день они встретили девочку, двоюродную сестру этой служанки, лет 10-12. Все трое отправились на уединенный участок морского берега. Тамашний слуга предложил Т. повторить то же самое с маленькой девочкой. Т. был слишком застенчив, хотя девочка казалась вполне согласной и опытной. Старшая девушка велела младшей оставаться на страже в нескольких ярдах от нее, в то время как она снова приступила к половому акту тем же способом. Служанка сказала Т. никому не говорить. Сношения со слугой больше никогда не повторялись после того дня; от стыда он сдерживал обещание в течение многих лет.

После этого эпизода Т. начал размышлять о сексуальных вопросах и с вновь появившимся интересом наблюдать за спариванием собак. В 10 лет он часто лежал без сна, слушая, как 25-летняя женщина поет под аккомпанемент фортепиано. Голос женщины показался ему очень красивым и произвел на него такое сильное впечатление, что он влюбился в нее и страстно захотел сексуально обнять. Эта тайная привязанность была гораздо более романтической, чем чувственной, хотя идея обнять женщину казалась Т. естественной частью романтики. Он начинал придавать сексу ангельские качества. Мысль о его приключении со служанкой больше не вызвала отвращения, скорее, доставляла удовольствие. Он подумал, что, если бы он мог встретиться с девушкой сейчас, он мог бы очень полюбить ее и лучше понять. В то время он не мастурбировал и даже не слышал об этой практике. Однажды, играя с девочкой своего возраста, он преуспел в преодолении ее застенчивости и побудил ее обнажиться, в то же время обнажив свои собственные половые органы. В этот раз и еще раз после ему удалось проникнуть в вульву. И он, и девушка испытали несовершенное наслаждение.

В школе-интернате, куда его отправили в 10 лет, Т. выучил вульгарные выражения, обозначающие половые органы и половые акты, и приобрел привычку к умеренной мастурбации. Грубые разговоры и непристойные шутки в адрес противоположного пола были обычным развлечением в игровой комнате и общежитиях. Сначала непристойный разговор был ему очень неприятен; позже он к нему привык, но ему показалось странным, что сексуальная близость должна быть предметом насмешек.

Он начал читать любовные романы и много думать о девушках. В то же время он узнал природу "греха блуда" и задался вопросом, почему его следует считать таким отвратительным. Отрывки из Библии, осуждающие половые сношения между неженатыми, встревожили его. Будучи серьезным, а также эмоциональным и влюбчивым по натуре, он обратился в евангелическую веру. Его мать предупреждала его остерегаться нечистых на руку товарищей в школе. Он пытался вести себя как христианин и думать о женщинах только чистыми мыслями. Разговор, однако, всегда шел о девушках и о любви. Его ум часто был поглощен любовными идеями поэтического, чувственного характера, его сексуальные переживания прочно завладели его воображением, в то время как они давали ему приятную уверенность в действительном знании вещей, которые просто представлялись большинству его спутников.

Его здоровье было крепким, он с удовольствием играл во все подвижные игры и отличался дерзостью и мальчишеским озорством.

В 12 лет он по уши влюбился в девушку соответствующего возраста. Он никогда не испытывал сильного сексуального влечения к своей возлюбленной и никогда не пробовал ничего, кроме

поцелуев и пристойных ласк. Ему нравилось гулять и сидеть с девушкой, держать ее за руку и гладить мягкие волосы. Расставаясь с ней, он испытывал настоящую грусть. Его мысли о ней редко были чувственными. Примерно через год у него возникла временная страсть к 30-летней женщине, которая флиртовала с ним и позволяла целоваться. Т. считал ее похожей на королеву и очень красивой, и хотел быть ее рыцарем.

Однажды он на мгновение увидел в доме друга смуглую, серьезную на вид девочку 13 лет, которая произвела на него очень глубокое впечатление, и, хотя он не обменялся с ней ни словом, впоследствии часто думал о ней. Пять лет спустя он снова встретил темноволосую девушку, и их взаимно потянуло друг к другу. Он сделал предложение руки и сердца и признался в самой отчаянной страсти. Отказ под предлогом молодости причинил ему глубочайшие страдания. Примерно через восемь лет после этого Т. женился на этой девушке, и брак оказался очень счастливым для обоих.

Когда ему было 15 лет, Т. познакомился с симпатичной блондинкой того же возраста. Она была энергичной девушкой. Вскоре они стали близкими друзьями, а позже любовниками. Они написали друг другу несколько писем, обменялись прядями волос и подарками. Их разговоры о любви были искренними. Однажды она рассказала Т., что ее сексуально обнимал бывший любовник, 16-летний юноша, недвусмысленно намекнув, что хотела бы, чтобы Т. обнял ее. Эта любовь длилась около шести месяцев. У любовников было много возможностей для тайных сношений. Они обычно удовлетворяли свою страсть в части леса, которую называли "беседкой". Время от времени то один, то другой испытывал уколы совести, но они были слишком страстно привязаны друг к другу, чтобы разорвать эту близость. Наконец девушка начала опасаться риска зачатия, и половой акт прекратился. Оглядываясь назад на этот эпизод, Т. утверждает, что привязанность и ее физическое выражение казались вполне естественными, поэтичными и прекрасными, хотя временами его религиозные принципы осуждали его поведение. Теперь он думает, что ни девушка, ни он сам ни в коем случае не должны сожалеть об этом опыте. Это была здоровая юношеская страсть, столь же невинная, как спаривание птиц, и понимание, которое она давала обоим скрытым эмоциям человеческой природы, было морально полезным в последующей жизни.

Т. считает, что его не по годам развитая любовь была вызвана ранним пробуждением сексуальных чувств у служанки. Но он также считает, что любовная страсть в любом случае проявилась бы рано, поскольку он унаследовал теплый темперамент, обладал эректильной способностью задолго до полового созревания и обладал значительной семенной способностью. Внимательно наблюдая за последствиями подавления нормальных эмоций и желаний в юности в период полового созревания, он утверждает, что такое подавление губительно, вызывая нездоровые мысли и приводя к формированию привычки к мастурбации, которая может сохраняться на протяжении всей жизни. Он считает, что временная сексуальная близость между мальчиками и девочками моложе 20 лет с периода полового созревания была бы гораздо менее вредной, чем разделение полов до брака, с его последствиями: мастурбацией, истерией, подавленными и неупорядоченными функциями у молодых женщин, соблазнением, проституцией, венерическими заболеваниями и многими другими пороками.

ИСТОРИЯ II.—Следующее повествование было написано замужней дамой: "Моя мать (сама очень страстная и привлекательная женщина) понимала, как трудно английским девушкам удачно выйти замуж, и решила, по возможности, оградить нас от разочарований, направив наши мысли в другое русло. Теоретически идея, возможно, была хорошей, но на практике она оказалась бесполезной. Естественные желания были налицо. Разочарование и крушение иллюзий последовали за их подавлением, тем не менее, несомненно, из-за изменения их естественной формы. Я думаю, что любовь, которую я испытывал к своей матери, была почти сексуальной, поскольку быть с ней доставляло острое удовольствие, а находиться вдали от нее надолго - почти невыносимую боль. Она много разговаривала с нами на самые разные темы, но никогда не заботилась об образовании в обычном смысле этого слова. Когда мне было 9 лет, меня не учили ничему, кроме чтения и письма. Она никогда не запрещала нам что-либо читать, но если случайно нам попадала в руки книга, которую она не одобряла, она обычно говорила: "Я думаю, это довольно глупая история, не так ли?" Мы так стремились соответствовать ее стандартам вкуса, что сразу же вообразили, что тоже считаем ее глупой. Точно так же она отвергала идеи о любви или браке, не предполагая, что в них было что-то неправильное, но намекая на большое презрение к девушкам, которые думали о любовниках, и т.д. Примерно до 20-летнего возраста у меня было смутное общее впечатление, что любовь - это очень хорошо для обычных женщин, но гораздо ниже достоинства такого несколько возвышенного человека, как я. Чтобы показать, как мало это занимало мои мысли, я могу добавить, что до 17 лет мне казалось, что женщина заводит ребенка от того, что мужчина целует ее в губы. Отсюда и вся шумиха в романах о поцелуе в губы.

"Когда мне было 9 лет, я начал испытывать огромную тягу к научным знаниям. *Детский справочник по естествознанию*, который я обнаружил в букинистическом киоске (и который, кстати, сообщил мне, что тепло вырабатывается за счет вещества, называемого калорийностью), стал моим постоянным спутником. Чтобы узнать о свете и гравитации, я накопил денег и заказал (из всех книг) *Principia* Ньютона, проливая горькие слезы, когда я обнаружил, что не могу понять ни слова из этого. В то же время мне было ужасно стыдно за свою тягу к знаниям. Я тайком доставал книги, какие только мог, и прятал их по разным углам. Почему, я не могу себе представить, ведь никто бы не возражал, а, наоборот, мне бы помогли подобрать подходящие книги.

"Мы с сестрами все время яростно спорили, но все наши ссоры были на отвлеченные темы. Мы мало виделись с другими детьми и не заводили друзей, предпочитая общество друг друга обществу посторонних. Когда мне было около 10 лет, к нам на несколько дней приехала девочка того же возраста. Когда мы легли спать в первую ночь, она спросила меня, играл ли я когда-нибудь сам с собой, после чего она мне сильно не понравилась. Никаких сексуальных идей или чувств не возникло. Однако, будучи еще совсем ребенком, я испытывал чувство возбуждения, которое теперь я признаю сексуальным. Такие ощущения всегда приходили ко мне в постели (по крайней мере, я не могу вспомнить их в какое-либо другое время) и обычно сопровождались постепенно усиливающимся желанием приготовить воду. Долгое время я не осмеливался встать с постели из страха, что меня отругают за то, что я не сплю, и сделал это только в конце концов, когда меня действительно вынудили. Тем временем сексуальное возбуждение также усилилось, и я, кажется, подумал, что последнее было результатом первого, или, возможно, скорее, что и то, и другое было одним и тем же. (Это было, когда мне было около 7 или 8 лет.) Насколько я могу вспомнить, волнение не повторилось, когда желание приготовить воду было удовлетворено. Кажется, я помнил, как задавался вопросом, почему мысли о определенных вещах (я не могу

вспомнить, что это были за вещи) должны вызывать у человека желание помочиться. (Позже я обнаружил, что, если мочевой пузырь не опорожняется перед половым актом, удовольствие часто бывает более интенсивным.) Были также чувства, которые я теперь признаю сексуальными, в связи с идеями порки.

"В детстве и девичестве у меня были очень сильные религиозные чувства (были бы и сейчас, если бы я могла верить в реальность религии), которых не было у моих сестер. Эти чувства были во многом такими же, какие я испытывала позже в сексуальном плане; я чувствовала по отношению к Богу то, что, по моему представлению, я хотела бы испытывать к своему мужу, если бы вышла замуж. Мне кажется, именно это обычно и происходит. В 14 лет я отправилась в школу-интернат, где обучалось семьдесят девочек в возрасте от 7 до 19 лет. Я думаю, это говорит о том, что среди английских девочек очень мало преждевременного сексуального развития, что за три года моего пребывания там я ни разу не услышала ни слова, против которого возразила бы самая строгая мать. Одна или две старшие девочки иногда были немного сентиментальны, но ни разу я не слышала, чтобы затрагивалась физическая сторона вещей. Я думаю, это отчасти связано с количеством упражнений, которые мы выполняли. Представляя свое детство, я всегда вижу, как бегаю, перепрыгиваю стены, лазаю по деревьям. Во Франции и Италии меня поразила большая степенность континентальных детей. Наше представление о непослушании состояло в основном в том, чтобы ужинать в наших спальнях и сползать по перилам после того, как нас отправили спать. Первое удовлетворяло наш естественный аппетит, в то время как второе доставляло необходимый трепет при страхе быть пойманным.

"У меня не было бурной дружбы с другими девочками, но я очень привязалась к гувернантке-француженке. Ей было 30, и она была прирожденной учительницей, очень строгой со всеми нами, и вдвойне со мной из-за боязни проявить фаворитизм. Но она никогда не была несправедливой, и я даже гордился ее строгостью и получал определенное удовольствие от того, что она меня наказывала, причем наказание всегда принимало форму заучивания наизусть, что мне скорее нравилось делать. Так что я испытал свой трепет, возбуждение, я не совсем знаю, как это назвать, без каких-либо очень больших неудобств для себя. Незадолго до того, как мы закончили школу, сексуальный инстинкт начал проявляться в увлечении искусством с большой буквы "А", в основном из-за романов Уиды. Мы с сестрой договорились, что проведем нашу жизнь, путешествуя по Франции, Италии и Континенту, в основном в *стиле Трикотрин*, со скрипкой в одном кармане и Атраванте Данте в другом. Чтобы делать это удовлетворительно для самих себя, мы должны быть художниками, и я решил заняться музыкой и стать вторым Листом. Когда мой отец предложил отвезти нас на пару лет в Италию, Мекку художников, мы были вне себя от восторга. Мы поехали, и началось разочарование. Возможно, это покажется абсурдным, но в то первое лето мы остро страдали. Наша вилла находилась прямо на берегу моря, самые нижние ступеньки омывались Средиземным морем. За домом была территория, которая казалась раем. Длинные аллеи, увитые виноградными лозами и покрытые ковром высокой травы и маков, травянистые склоны, усеянные оливками и илексом, розы повсюду, и почти каждый цветок в изобилии, с ночными светлячками и тяжелыми ароматами сиринги и цветов апельсина. Посреди всевозможного возбуждения чувств не хватало чего-то одного, и мы не знали, чего именно.

"Мы приписывали наше беспокойство и неудовлетворенность медленному прогрессу в нашем художественном образовании и утешали себя мыслью, что, когда мы справимся с техническими

трудностями, у нас все будет хорошо. И, конечно же, мы получили самое настоящее удовольствие от всех красот искусства и природы, которыми изобилует Италия.

Однако мне кажется, что увлечение искусством - это одна из современных фаз сексуальной жизни женщины. Когда мы были в Италии, крупные центры страны были просто наводнены девушками, изучающими искусство, большинство из которых обладали очень небольшим талантом, но ошибочно принимали беспокойство, вызванное первым пробуждением сексуального инстинкта, за божественное пламя гениальности. В нашем случае это не имело значения, поскольку мы не зависели от наших собственных усилий. Но, должно быть, девушкам, которые сожгли свои лодки и выбрали искусство в качестве карьеры, было ужасно тяжело вдобавок к подавлению своих естественных желаний испытывать горечь от осознания того, что на выбранном ими жизненном пути они потерпели неудачу. Результаты работы могли бы быть не такими плохими, если бы страсти, как у мужчин, время от времени удовлетворялись. Именно постоянная тяжелая работа в сочетании с разочарованием и осознанием того, что искусство само по себе не приносит удовлетворения, так парализует. Кроме того, засексуальным удовлетворением всегда следует подъем умственных способностей, при этом, по моему опыту, нет такой угнетающей реакции, которая следует за удовольствием, вызванным только ментальными причинами.

"Одно время, живя на вилле, я познакомилась с мужчиной лет 45, которому я очень понравилась. Я упоминаю об этом, потому что это разбудило меня; никаких эмоций не было вызвано, но я впервые осознала (мне, должно быть, было почти 20), что я больше не ребенок и что мужчина может думать обо мне в связи с любовью. Только после этого, и тоже не сразу, меня начало интересовать мужское общество, и я начала думать, что, в конце концов, обладать мужской любовью было бы приятно.

Таким образом, сексуальный инстинкт, во всяком случае, в том, что касается сознания, развивался медленно и, как мне кажется, в очень обычной последовательности: религия, восхищение пожилой женщиной и искусство. Я не уверен, что сделал достаточно выводов из первого, но я не знаю, есть ли еще что сказать. Со всем этим были связаны очень сильные физические чувства, которые были идентичны тем, которые сейчас связаны со страстью, но они были полностью удовлетворены ментальной идеей, которая их возбуждала.

"Первый раз, насколько я помню, я испытал острое физическое удовольствие, когда мне было от 7 до 8 лет. Я не могу вспомнить причину, но помню, что лежал совершенно неподвижно в своей маленькой кровати, вцепившись в железные поручни наверху. Можно сказать, что вряд ли это медленное развитие, но я имею в виду медленное в отношении (1) любой связи идеи с человеком или (2) любых физических средств возбуждения.

"Я сделал упор на своем стремлении к знаниям, поскольку, как мне кажется, это повлияло на мои сексуальные чувства. В значительной степени мои чувства к матери были вызваны тем запасом информации, которым она, по-видимому, обладала. Всеведение Бога было для меня его самым поразительным качеством. Способности моей учительницы французского были ее главной привлекательностью. Когда, будучи девушкой, я думала о замужестве, я желала мужчину, который "мог бы мне все объяснить". Позже человек учится жить своей ментальной и сексуальной жизнью в значительной степени раздельно. Но в 20 лет я не смогла бы этого сделать; будь у меня такая возможность, я бы совершила ошибку Доротеи в *Мидлмарче*.

"Я говорил об удручающих последствиях удовольствия, вызванных чисто ментальными причинами, но я не думаю, что это имеет место в детстве и ранней юности. (Возможно, некоторые женщины после этого не испытывают такой депрессии, и это может объяснить их холодность по отношению к мужчинам.) Возможно, это можно объяснить тем фактом, что это происходит гораздо реже, а также, возможно, это естественный процесс до полного развития половых органов, и поэтому он не вреден.

"Мне всегда трудно выразить разную степень физического возбуждения даже самому себе, хотя я точно знаю, что я чувствовал. В детстве, с момента уже упомянутого раннего опыта (примерно в возрасте 7 или 8 лет), и в юности у девочек всегда достигалась вторая стадия (выделение слизи). Количество секрета всегда было чрезмерным, но сначала секреция длилась совсем недолго; позже она стала длиться несколько часов или даже иногда всю ночь, если естественного удовлетворения не было в течение длительного времени (скажем, трех месяцев). Я не помню, чтобы когда-либо испытывала третью стадию (полный оргазм), пока не увидела первого мужчину, который, как мне показалось, был мне небезразличен. Я не думаю, что одни только психические причины когда-либо вызвали нечто большее, чем первые две стадии (общее диффузное возбуждение и секреция). Иногда я задавался вопросом, смогу ли я произвести третье механически, но у меня есть странное необоснованное отвращение к проведению этого эксперимента; казалось бы, это слишком материализует его. Будучи ребенком идевушкой, я была довольна тем, что достигла второй стадии, возможно, потому, что не осознавала, что существует какая-то другая, и, возможно, именно поэтому я не испытала никаких негативных последствий.

"В сновидениях третья стадия, кажется, наступает внезапно, без каких-либо предшествующих ей действий, ментальных или физических, о которых я осознаю. Однако я не помню, чтобы мне снились подобные сны до того, как я была помолвлена. Они приходили в более поздний период; даже тогда, когда испытывалось большое удовольствие, оно приходило, как правило, внезапно и резко, без предшествующих этому сновидений. Сны обычно принимают печальную форму (история с Эванджелиной и Габриэлем), когда человек тщетно ищет человека, который от него ускользает. Однако иногда мне снились приятные сны о мужчинах, которые были совершенно равнодушны ко мне и о которых я никогда не думала, когда бодрствовала. Впечатление при пробуждении настолько сильное, что можно почти вообразить, что ты действительно влюблен в них. Я вполне могу понять, что влюбляюсь в человека, мечтая о нем таким образом.

"Первый раз, насколько я помню, когда я испытала третью стадию бодрствования, был на пикнике, когда мужчина, о котором я ранее говорила как о первом, кто, как мне показалось, был мне небезразличен, случайно прислонился ко мне, передавая тарелку; но я уже была в состоянии сильного возбуждения оттого, что была с ним. Между нами ничего не могло быть, поскольку он был женат. Если он и догадывался о моих чувствах, то никогда не признавался в них, поскольку я изо всех сил старалась их скрыть. Я никогда не испытывала этого, за исключением прикосновений того, кого любила. (Я думаю, что высказывание о женщине "желающей желаний мужчины" почти так же верно, как и большинство эпиграмм. На меня влияет только личность этого человека. Его чувства ко мне — я хотел сказать — безразличны, но, во всяком случае, имеют второстепенное значение, и удовлетворение моего собственного тщеславия ничего не значит в таких отношениях.)

"Как правило, чтобы достичь даже второй стадии, захватывающие идеи должны быть связаны с каким-то конкретным человеком, за исключением случая истории, где человек отождествляет себя с одним из персонажей. В детстве и ранней юности, когда речь шла о религии, идея Бога, присутствия и личности Бога вызывала мои чувства и всегда казалась мне очень яркой. В случае с моей гувернанткой мои чувства были возбуждены точно так же, как позже они были вызваны любовником. Что касается увлечения искусством, то я довольно смутно представляю, как оно возникло, но думаю, что, как правило, это была скорее тяга к удовольствию, чем само удовольствие. Я не помню, чтобы когда-либо задумывался о физических ощущениях. Казалось столь же естественным, что приятная эмоция должна вызывать приятные физические эффекты, как и то, что болезненная эмоция должна вызывать слезы. В детстве многое принималось как должное, а позже мой разум был так сильно занят беспокойством об истинности религии, что я едва ли думал достаточно о чем-то другом, чтобы тщательно анализировать это.

Я могу резюмировать свои собственные ощущения следующим образом: во-первых, возбуждающие идеи сами по себе вызывают, как правило, лишь первую стадию сексуального возбуждения. Во-вторых, те же идеи, связанные с конкретным человеком, приведут ко второй стадии. В-третьих, то же самое можно сказать и о присутствии любимого человека. В-четвертых, для третьей стадии необходим фактический контакт. Если достигнута только первая стадия, то ощущение на самом деле не доставляет удовольствия или не было бы таковым, если бы не его ассоциация. Если это вызвано, как я иногда обнаруживал, чувством умственной неполноценности, это явно неприятно, особенно если человек чувствует, что энергия, которая могла бы быть использована для преодоления трудности, таким образом растрачивается. Если это вызвано, как это может быть, физическим или умственным ограничением, это также неприятно, если только это ограничение не было наложено на человека человеком, которого он любит. Затем, однако, вероятно, была бы достигнута вторая стадия, но это во многом зависело бы от настроения человека. Если бы была достигнута только первая стадия, я думаю, это было бы неприятно; это означало бы конфликт между чьей-либо волей и сексуальным чувством. Возможно, женщины, испытывающие настоящее отвращение к половому акту с мужчиной, которого они любят, никогда не выходили за пределы первой стадии, когда их неприязнь к нему была бы мне вполне понятна.

Через некоторое время после того, как жизнь в Италии подошла к концу, я обручилась. На пути к браку были значительные трудности, но мы часто виделись. Мой жених часто обедал с нами, и мы встречались каждый день. Результатом столь частых встреч с ним было то, что я постоянно находилась в состоянии сильного, но подавляемого сексуального возбуждения. Это было особенно актуально, когда мы встречались вечером и вместе бродили по залитому лунным светом саду. Когда это продолжалось около трех месяцев, я начала испытывать чувство дискомфорта после каждого его визита. Живот, казалось, раздувался от чувства наполненности и гиперемии; но, хотя эти ощущения были тесно связаны с физическим возбуждением, они не были достаточно болезненными, чтобы вызвать у меня какую-либо тревогу или заставить меня стараться избегать их приятной причины. Однако симптомы ухудшились и уже не проходили так быстро, как вначале. Отек увеличился; сильная боль и ощущение скованности возникали в тот момент, когда я пытался пройти даже небольшое расстояние. Меня беспокоили постоянное несварение желудка, тяжесть в груди, боль в голове и глазах и постоянная легкая диарея. Это продолжалось около девяти месяцев, а потом моего жениха отозвали из нашего района. После его ухода мне стало немного лучше, но симптомы остались, хотя и в менее острой форме. Несколько месяцев спустя помолвка была расторгнута, и в течение нескольких недель я тяжело

болел гриппом и несколько недель лежал на спине. Когда я смог немного передвигаться, хотя и был очень слаб, вся опухоль прошла, но боль возвращалась всякий раз, когда я пытался долго ходить или стоять. Расстройство желудка и диарея также были очень неприятными. Врач лечил меня от обоих заболеваний, но безуспешно. В следующем году я обручилась со своим мужем и вскоре после этого вышла замуж. Расстройство желудка и диарея вскоре исчезли. Боль и тянущее ощущение в животе сильно беспокоили меня при ходьбе или любых физических упражнениях. Однажды я наткнулась на медицинскую работу "*Элементы социальных наук*", в которой я нашла описания симптомов, подобных тем, от которых я страдала, приписываемых заболеванию матки. Я снова обратилась к врачу, сказав ему, что, по моему мнению, произошло смещение и, возможно, гиперемия. Он подтвердил мое мнение и посоветовал мне носить пессарий. Он объяснил смещение расслабляющим климатом и сказал, что, по его мнению, я никогда больше не приду в норму. После того, как пессарий был установлен, все следы боли и т.д. ушли. Год спустя я подумала, что попробую обойтись без пессария, и, к моему великому удовлетворению, ни одно из старых испытаний не повторилось после его удаления, несмотря на много хлопот, беспокойства, болезненный уход и усталость. Я полностью приписываю это расстройство сильному сексуальному возбуждению, которому не было позволено получить естественное удовлетворение и облегчение.

"У меня есть основания полагать, что подавление очень пагубно сказывается на умственных способностях женщины. Когда возбуждение естественным образом проходит, ум сам по себе переключается на другой предмет, но когда он подавлен, он не в состоянии этого сделать. Лично я в последнем случае испытываю наибольшие трудности с концентрацией своих мыслей, и умственные усилия становятся болезненными. Другие женщины жаловались мне на те же трудности. Я пробовал механическую умственную работу, такую как решение арифметических или алгебраических задач, но это не приносит никакой пользы; на самом деле, кажется, это только усиливает возбуждение. (Здесь я могу отметить, что мои чувства всегда очень сильны не только до и после месячных, но и в течение самого периода; к большому сожалению, поскольку, конечно, тогда они не могут быть удовлетворены. Это относится только к внутреннему желанию, поскольку я в любое время очень восприимчив к влияниям извне.) Кажется, ничего не остается, как склониться перед бурей, пока она не утихнет. Все, что я делаю за то время, пока это длится, даже домашнюю работу, делаю плохо. Мозг, по-видимому, на какое-то время замыкается, в то время как после удовлетворения желания он, по-видимому, приобретает дополнительную быстроту и сообразительность. Возможно, этой причине способствует небольшой объем интеллектуальной и художественной работы, выполняемой женщинами, признающими свою естественную неполноценность перед мужчинами в художественном порыве. Женщина, чьи страсти удовлетворены, как правило, теряет силы из-за материнства, в то время как ее внимание переключается с абстрактных идей на своих детей".

ИСТОРИЯ III.—Б. утверждает, что его первые сексуальные мысли и действия были странным образом связаны с поркой. В 12 лет он и еще один мальчик били друг друга крикетной битой по голым ягодицам, а после предавались взаимной мастурбации. Он не может вспомнить ни начало своих сексуальных спекуляций в детстве, ни то, как он научился мастурбации. Когда ему было 13 лет, он обсуждал эротические темы со школьным товарищем, у которого была привычка вступать в половую связь с девочкой его возраста. Половой акт практиковался по дороге домой

из школы и в позе стоя. Б. обнял девочку таким же образом. Его не интересуют психологические аспекты сексуальной эмоции. Хотя его сексуальная страсть разгорелась рано, он никогда не общался с проститутками. Он считает, что его юношеский опыт не оказал на него плохого влияния ни морально, ни умственно, ни физически. Он умеренно практиковал мастурбацию, пока не женился в возрасте 31 года.

ИСТОРИЯ IV.—"Я помню" (пишет субъект), как в детстве лет 5 бегал с другим мальчиком "посмотреть на ножки девочки"; идея исходила от другого мальчика, но я был смутно заинтересован. Как и где мы собирались увидеть объект, о котором идет речь, я не помню, и ничего, кроме намерения. В 6 или 7 лет я помню, как меня уложили в постель с девушкой-медсестрой и я ощупывал ее обнаженную руку с несомненным сексуальным возбуждением; я помню также, как постепенно, очень осторожно ощупывал руку, опасаясь, что девушка проснется, и был горько разочарован, обнаружив, что это была всего лишь рука. Я почти уверен, что тогда понятия не имел о сексе, но разочарование было настоящим.

"Это единственные ранние переживания такого рода, которые я могу вспомнить. Примерно в 9 лет у меня были другие. На побережье северной Англии, которое тогда посещало очень мало гостей и казалось мне очень отдаленным, я жила в фермерском доме и обычно помогала девушкам с фермы ухаживать за молодым крупным рогатым скотом. Эти девушки, безусловно, внушали мне сексуальные идеи, хотя я и не осознавал их в точности. Они говорили о вещах, многие из которых, как я теперь вижу, я тогда понимал не так, как они. Мне нравилось смотреть на этих девушек, бредущих по воде в подоткнутых платьях. Примерно в это же время я страстно влюбился в двоюродную сестру, но не помню, чтобы у меня были какие-то чувственные представления о ней. Я не могу сказать, что эти ранние переживания оказали какое-либо влияние на мое последующее сексуальное развитие, насколько я осознаю. Я всегда помнил их смутно, никогда не испытывал сексуального возбуждения.

"Сексуальные сны впервые появились примерно в возрасте 13 лет; затем были выделения и ощущения во сне. Однако они были мало связаны с отчетливо сексуальными сновидениями. Все, что я помню после них, - это ощущение, которое, однако, я даже тогда не смог полностью локализовать. Мастурбация, несомненно, была прямым результатом этих снов. Сначала это было попробовано в качестве эксперимента, из любопытства, чтобы определить, можно ли таким образом воспроизвести ощущения из сна. Сексуальные сны, подобные описанным мной, возникали часто, хотя я не могу сказать, с каким интервалом. Я никогда не испытывал ни малейшего влечения к представителям того же пола".

ИСТОРИЯ V.—"Мой дедушка по материнской линии, - пишет автор этой истории, - был мелким фермером, который держал несколько гончих и борзых для охоты на зайцев. У него было три дочери, одна из которых стала моей матерью. Один из его товарищей по спорту, врач с распутными привычками и пьяница, соблазнил мою мать в возрасте 20 лет. Когда о ее состоянии стало известно, ей пришлось бежать от насилия своего отца, и я родился на

некотором расстоянии от ее дома. После смерти моего дедушки меня воспитывала бабушка, и я не видел своей матери почти до 16 лет; она покинула страну с позором.

"Я считаю, что в моей наследственности передача происходит в основном от моей матери, которой сейчас 58 лет. Хотя ее жизнь была безупречна во всех деталях с момента ее юношеской неосторожности, она так и не смогла смириться с этим. Я чувствую в своей героине отражение ее перенапряженного состояния во время беременности.

"Я отчетливо помню, что мне было 9 лет, и уверен, что до 13 лет у меня не было сексуальных чувств, хотя я всегда был в компании девочек. У меня было много мальчишеских увлечений девочками, всегда старше меня, но они никогда не сопровождались сексуальными желаниями. Я обожествлял всех своих возлюбленных и был доволен, если на какое-то время получал цветок, носовой платок или хотя бы лоскуток одежды моей возлюбленной. Эти вещи вызывали у меня странные идеалистические эмоции, но не вызывали сексуального желания или эрекции.

"Однажды в 13 лет 26-летняя сестра моего приятеля села на сноп кукурузы, чтобы обнажить венерические яйца, и соблазнила меня на совокупление. Была небольшая эрекция, и после того, как акт продолжался некоторое время, возникло приятное ощущение эякуляции, но без истинного выделения. После этого у меня были частые отношения с этой женщиной.

"Примерно в это же время служанка с соседней фермы научила меня мастурбации. Хозяйка фермы, худощавая, гибкая, темноволосая женщина, мать нескольких детей, обращалась со мной так фамильярно, что однажды помочилась в моем присутствии, так что я увидел ее очень волосатую *mons veneris*. С этого момента я воспылал к ней великой страстью и трепетал, как только видел ее. Я стал хорошо развитым и мужественным, но, хотя я думаю, что она была похотливой женщиной, я никогда не осмеливался прикоснуться к ней. Я испытывал крайний экстаз, мастурбируя, глядя на какой-нибудь предмет ее одежды. Это доставляло мне гораздо большее сексуальное удовольствие, чем реальная связь с всегда готовой сестрой моего школьного товарища. Я думаю, что замужнюю женщину я любил больше всего, потому что венерический венец был больше покрыт волосами.

"Это всегда имело для меня особую привлекательность. Позже, когда ко мне стали приставать проститутки, я никогда бы не пошел с ними, если бы меня не заверили, что венерическая гора очень волосатая. Никогда особо не увлекавшийся мастурбацией, я не получал от нее большого удовольствия, если только у меня не было волос или части одежды женщины, с которой я предавался психическому соитию.

"В 16 лет я бросил школу и уехал в большой город изучать бизнес. В то время сексуальный аппетит был очень силен. Я часто вступал в половую связь с тремя женщинами за один вечер.

"У меня было всего несколько похотливых снов. В них призрачной партнершей почти всегда была мертвая женщина. (Около 8 часов я увидела мертвое тело своей тети, которая умерла в 24 года.)

"В 20 лет я поехал в Лондон и получал все удовольствие, которое попадалось мне на пути. Меня интересовал только нормальный половой акт. Предложения другого типа вызывали отвращение. Однажды я позволил женщине сексуально истощить меня орально, но чувствовал себя при этом униженным. Женщины, с которыми я стал очень близок, часто уговаривали меня

сделать *куннилингус*, но я не мог этого сделать. Я практиковал межматочный коитус очень несколько раз.

"В 26 лет я женился на чистой, нежной женщине, после того как в течение десяти месяцев до брака вел жизнь безбрачия. Моя жена умерла, когда мне было 30, и около восьми месяцев я жил безбрачием. Иногда мне снились похотливые сны, но я неизменно просыпался до эякуляции. В конце концов, я уступил страстным желаниям своей сильной сексуальной натуры, но никогда не желал ничего необычного, кроме полового акта сзади. Женщина с выраженным развитием нейтрофилов очень привлекательна для меня. Одиночная мастурбация на некоторое время прекратилась, но обнаженная женщина в процессе мастурбации спиной ко мне доставляет мне огромное удовольствие. В 38 лет я так же сексуально силен, как и в 20, только я никогда не хочу женщин, пока не вступлю с ними в реальный контакт, а они волосатые и у них развиты большие органы таза. У меня отличное здоровье. Гениталии хорошо развиты, и я покрыт волосами от подбородка до гениталий. Мой череп долихоцефальный. Я вспыльчивый и цепкий по характеру, нервный, стремительный в мыслях и действиях. У меня хорошее пищеварение, но есть склонность к запорам. Иногда у меня возникают приступы боли ниже затылочной области.

Мои прежние взгляды на женщин изменились; я больше не обожествляю их, хотя и изучаю. Я знал очень чувственных женщин, живущих дома в уважаемом обществе среднего класса. Одна, в частности, девушка 18 лет, после коитуса обычно возбуждала меня лингвально. У меня была возлюбленная, которая осталась *девой нетронутой*. Если бы я соблазнил ее, что я мог бы сделать, я бы потерял к ней всякий интерес. Я никогда не выносил присутствия обнаженных мужчин и по этой причине никогда бы не пошел в общественную купальню. Я считаю себя мужчиной с ненормально сильными, но, в целом, здоровыми сексуальными чувствами. Как правило, у меня коитус дважды или чаще в неделю, и я практикую абстиненцию. Я абсолютный трезвенник и никогда не смог бы обнять женщину, от которой пахнет выпивкой".

ИСТОРИЯ VI.—Автор нижеследующего - литератор, женат. "Довольно рано я почувствовал странный и романтический интерес к женскому полу. Конечно, до того, как мне исполнилось 9 лет, я испытывал сильную привязанность к маленькой девочке, подруге по играм; наша семья потеряла ее из виду, и я ничего не видел и не слышал о ней в течение шестнадцати лет; затем, услышав, что она приезжает в город, я испытал настоящий трепет сердца, настолько сильным было впечатление, произведенное даже в раннем возрасте нашего знакомства. Не то чтобы я хотел сказать, что никогда не колебался между ними! На протяжении всего моего детства я помню постоянный романтический интерес к девочкам и женщинам, чьи гладкие, светлые лица и сладкие голоса всегда вызывали у меня неуловимое влечение. До того, как мне исполнилось 12, я выбирал свою "будущую жену" по меньшей мере дюжину раз! (Каждый раз, конечно, по-разному!) Любопытство относительно физических деталей секса и родов отсутствовало. Возможно, отчасти это было связано с тем фактом, что единственный младший член нашей семьи родился, когда мне было всего 4 года. Серьезный, застенчивый и сдержанный, я никогда не прислушивался к советам похотливых одноклассников. Я не знал, что между ними была такая дискуссия — хотя, я полагаю, маловероятно, что наша школа была исключением. Я был большим любителем чтения, и когда мне было лет 12 или 13, я наткнулся на упоминание о

незаконнорожденном ребенке, которое меня озадачило. Вскоре, однако, в своем случайном и обширном чтении я наткнулся на книгу, которая касалась фаллицизма, и я узнал, что существуют мужские и женские органы зачатия. У меня не было ни стыда, ни любопытства; я поспешила сделать вывод, что во время интимных ласк от мужчины каким-то образом исходит тонкий аромат, оплодотворяющий женщину; удовлетворенная, я оставила эту тему и не имела ни малейшего представления о настоящей интимности объятий.

"Примерно в 14 лет, сильно заинтересовавшись Брэдли, я купил брошюру Ноултона и демографическую книгу миссис Безант. Физические подробности, изложенные научным языком, показались мне настолько скучными, что я не мог вникнуть в них. Читая отрывки с аргументацией, я узнал, что *каким-то* образом (я не знал, как) дети могут рождаться или не рождаться по желанию; и на данном этапе мне показалось настолько замечательным, что я задался вопросом, почему должны быть придишки.

"Примерно в этом возрасте мой старший брат считал своим долгом посвятить меня в секреты секса; я помню, как он разговаривал со мной, в то время как я, скучающий и незаинтересованный, думал о чем-то другом. Когда он закончил, я ничего не слышал. Помните, я не испытывал никакого стыда по этому поводу — совсем никакого. Мне было просто скучно. Я объясняю это двумя вещами: во-первых, моим преобладающим интересом к романтической стороне вещей; во-вторых (и это несет в себе сильную мораль), *чувство, что знание всегда находится в пределах моей досягаемости, удерживало меня от того любопытства, которое так часто охватывает тех, кто думает, что оно скрыто от них.*

"Изменения в период полового созревания произошли естественно и не напугали меня. Даже сам факт поллюций — которые происходили во время сна с перерывами, не сопровождаясь сновидениями или какой-либо физической протрацией после - не оставил в моей памяти никаких воспоминаний об удивлении; я знал, что это как-то связано с поколением, но у меня не было никаких физических проблем, и я совершенно уверен, что больше не беспокоился об этом. Лучшим возможным доказательством этого является тот факт, что моя память совершенно пуста по этому поводу. В возрасте 21 года (я беру это из дневника, поэтому знаю, что это правильно) Я все еще был в неведении относительно сути дела. Затем я взял себя в руки и почувствовал, что мне действительно пора узнать действительные детали этого дела. Я пошел к своему умному другу и попросил его рассказать мне все об этом. Он выразил изумление по поводу моего незнания; и он очень стеснялся говорить мне об этом. На самом деле мне пришлось вытягивать из него факты путем настоящего перекрестного допроса, во время которого он упорно удивлялся моему невежеству. Хотя у него было много ложного стыда по этому поводу, у меня его не было вообще. Его откровения сильно удивили меня, потому что я понятия не имел, что было настоящее проникновение. Когда я начал размышлять над тем, что узнал, факт этой тесной физической близости показался мне весьма поэтичным и прекрасным между двумя влюбленными; и с тех пор у меня не было причин менять свое мнение.

"*Резюме.* -1. Романтический интерес к девушкам и женщинам, начинающийся рано и сохраняющийся постоянно.

"2. Знание до наступления половой зрелости того факта, что этот интерес был основан на важнейшем процессе размножения.

"3. Отсутствие дальнейшего физического любопытства даже в период полового созревания.

"4. Знание, в конечном счете приобретенное без потрясения.

"Физическое в сексе никогда не беспокоило меня, и я не беспокоился по этому поводу. Честно говоря, я осознал это и не понимаю, почему я не должен этого делать, но мое беззастенчивое признание, вероятно, было вызвано тем, что чисто физическое для меня менее увлекательно, чем для большинства. Ментальный и эмоциональный интерес к страсти сильно поглотил меня, но чисто физическое погрузилось в то, что я называю его естественным местом подчинения. Природа добра. Это наш "заговор молчания", который имеет тенденцию подчеркивать физические детали".

ИСТОРИЯ VII.—Г. Д., который является врачом и человеком науки, пишет: "По отцовской линии часто болели подагрой. В анамнезе не было случаев употребления алкоголя, туберкулеза, заболеваний мозга или артропатий. Есть некоторые основания полагать, что две мои тети по материнской линии были сексуально фригидны, и, возможно, это в меньшей степени относилось к моей матери, у которой был суженный таз, что потребовало индукции родов на восьмом месяце беременности.

"Примерно в возрасте 7 лет немецкая гувернантка Б. взяла на себя заботу обо мне, и вскоре я стал ей предан. Я был тогда хрупким ребенком и часто страдал от ночных кошмаров, просыпался с криком и весь в поту. Когда это случалось, Б. иногда брала меня к себе в постель и успокаивала поцелуями и т.д. Я вернул их и помню, что мне особенно нравилось целовать ее грудь.

"Примерно в то же время двоюродная сестра А., примерно на год старше меня, была одной из моих самых частых подружек по играм. Я пытался монополизировать ее общество и внимание и из-за этого часто ссорился с К., двоюродным братом, который был несколько моложе меня, который впоследствии сказал мне, что тогда он был "влюблен" в А. и "ревновал" меня. Я думаю, что в то время я действительно был ревнив и влюблен, но не могу вспомнить, чтобы между мной и А. происходило что-либо в виде ласк.

"Некоторое время спустя, вероятно, когда мне было около 9 лет, что-то привело к тому, что Б. сказала, что у нее не такое телосложение, как у меня, что у нее нет пениса и т.д. (Я не могу вспомнить свой детский термин для обозначения пениса.) Я был недоверчив и потребовал, чтобы мне разрешили посмотреть, правда ли это; в этом мне было отказано, и я строил множество планов, чтобы удовлетворить свое любопытство, например, проскользнуть в ее комнату, когда она одевалась, перевернуть стул, на котором она сидела, и попытаться внезапно засунуть руку ей под юбку. Мне не удалось это выяснить, но с тех пор я думал, что, хотя она и не позволила мне достичь цели моих усилий, более поздняя игра вызвала у нее приятные ощущения. Я рассматриваю эти усилия как продиктованные чисто любопытством; у меня не было чувства тепла или раздражения гениталий, и я, конечно, никогда ими не манипулировал, и я не был, насколько могу судить, необычайно похотливым маленьким мальчиком. Б. ушел, когда мне было около 10 лет, когда я пошел в подготовительную школу.

"В 12 с половиной лет меня отправили в государственную школу, а затем мой отец рассказал мне основные факты о сексе и предупредил избегать мастурбации. Мой первый влажный сон приснился мне, когда мне было 14. Еще до этого я начал страдать тяжелой перемежающейся

невралгией яичек, которая практически не поддавалась никакому лечению и продолжалась в течение четырех или пяти лет, приступы постепенно становились все реже и менее серьезными.

"В 15 лет обстоятельства вынудили меня бросить школу и два года прожить на море без товарищей моего возраста. Однако у меня была хорошо укомплектованная библиотека, и я энергично ловил рыбу и собирал насекомых.

"В 16 лет я занимался любовью с опытной медсестрой, ухаживавшей за моей матерью, но, думаю, больше из-за моей робости, чем из-за строгости ее добродетели, дальше поцелуев дело не зашло. Примерно в это время сны о поллюциях стали невыносимо частыми; они случались три-четыре раза в неделю и не поддавались стандартным средствам. В 17 лет мне посоветовали попробовать подключение. Я так и сделал и не получил от этого особого удовольствия, поскольку у меня было сильное эстетическое возражение против "любви, которая не дает уснуть ради соблазна".

Примерно в это же время я нашел в Фармакопее Соединенных Штатов средство от своих выделений, которые, однако, всегда оставались гораздо более частыми, чем у среднего человека, судя по опыту моих друзей. Поллюции обычно сопровождаются похотливыми снами, но иногда имеют место, когда мне снится, что я спешу на поезд или чтобы помочиться раньше времени.

"В последние годы я (не замечал этого до 20 лет) заметил, что сновидения, сопровождающие испускание, короче; так что, в то время как, скажем, до 21 года я обычно выполнял весь физиологический акт со своим заклинателем снов, теперь я почти неизменно испускаю и просыпаюсь до того, как произошла интромиссия. Пока я бодрствую, не было никаких изменений, сравнимых с этим, в исполнении этого акта.

"Что касается моего телосложения, я должен упомянуть, что все мои рефлексы очень быстрые, хотя я лишь слегка боюсь щекотки в обычном смысле этого слова. Я легко потею и очень застенчив, не только с женщинами, но и с любыми незнакомцами. Однако я приучил себя не показывать этого. Я бы сказал, что я в среднем страстен и чрезвычайно критичен к женщинам, причем последнее качество часто сохраняет мое целомудрие месяцами".

ИСТОРИЯ VIII.—"Когда мне было около 8 лет" (утверждает дама, которая является объектом настоящего наблюдения), "я помню, что с несколькими другими детьми мы играли в старом саду в роли отца и матери, расстегивая панталоны и сводя половые органы вместе, как, по нашим представлениям, делают женатые люди, но никаких сексуальных чувств это не вызывало, и у мальчиков не было эрекции". Примерно в 10 лет она ощутила приятное ощущение, связанное с запахом кожи, которое с тех пор не исчезло. В этом возрасте ее иногда оставляли ждать в офисе оптовой фирмы, полном бухгалтерских книг в кожаных переплетах. Тогда она не обратила особого внимания на это ощущение и, конечно же, не осознавала никакой связи с сексуальными эмоциями. Менструация установилась в 13 с половиной лет.

Отчетливые сексуальные ощущения впервые были замечены несколько месяцев спустя.

"Первое чувство любви, которое я когда-либо испытала, было в 14 лет к хорошему,

мужественному мальчику моего возраста, который часто приходил к нам домой. Я ему нравилась, но он не был влюблен в меня. Он очень редко садился рядом со мной и держал меня за руку, как я того хотела. Это продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось 17 лет, когда он поступил в университет. После своего первого семестра он вернулся, и тогда я почувствовала влечение ко мне; но, хотя я очень любила его, я была слишком горда, чтобы показать это. Когда он попытался поцеловать меня, я сопротивлялась, хотя и жаждала этого. Думая, что я сильно оскорблена, он извинился, что только разозлило меня. Все эти годы я поклонялся в его святилище и смешивал его со всеми своими представлениями о жизни ". Всякий раз, когда она была рядом с ним, она испытывала физические ощущения, сопровождавшиеся увлажнением вульвы. Это продолжалось до тех пор, пока ей не исполнилось около 20 лет, но объект этих эмоций больше никогда не пытался к ней заигрывать.

В 19 лет она обручилась с другим человеком. Поначалу она была физически равнодушна к своему возлюбленному, но когда он впервые поцеловал ее, она сильно возбудилась. Помолвка, однако, вскоре была разорвана из-за отсутствия сильной привязанности с обеих сторон и главным образом, по-видимому, из-за охлаждения пыла влюбленных. Она думает, что он был бы привязан к ней сильнее, если бы она была к нему холоднее или притворялась таковой, вместо того чтобы отвечать просто и откровенно.

В течение следующих нескольких лет мало что происходило. Она много работала, и ее развлечения в основном, по ее словам, считались довольно детскими. Она очень любила танцевать, и ей всегда было приятно, когда кто-нибудь обращал на нее внимание. Она часто осознавала сексуальные чувства, иногда они ее мучили, и она считала это чем-то, чего следовало стыдиться. На постоянное стремление к любви тяжелая работа влияла мало или вообще не влияла. "Примерно в то же время я очень любил предаваться мечтам наяву. Я был очень рад, если удавалось вывести всех из дома и прилечь в мягкое кресло или на кровать. Особенно мне нравилось читать стихи, тем более если я их не совсем понимал. Это привело бы меня ко всевозможным мечтам о любви, которые, однако, никогда не выходили за рамки предварительных условий настоящей любви — поскольку это было все, что я тогда знал о любви ". Единственная кульминация ее мечты о любви была основана на информации, добровольно предоставленной замужней женщиной много лет назад, когда ей было около 12. Эта дама, очевидно соглашаясь с Руссо (который в "Эмиле" похвалил ответ матери на вопрос ребенка, откуда берутся дети: "Les femmes les pissent, mon enfant, avec des grands douleurs"), что неизвестное сначала следует объяснить молодым в терминах известного, — сказала ей, что муж мочился на жену. Поэтому она часто представляла себе любовника, который унесет ее в лес и проделает это с ней, когда она будет лежать у подножия дерева. (Позже она случайно обнаружила, что полный мочевого пузыря, как правило, усиливает сексуальные ощущения, и иногда прибегала к этой физической мере усиления возбуждения.) Все физические ощущения сексуального желания были вызваны этими грезами наяву, с обильной секрецией, но никогда оргазмом. Ее грезы никогда не приводили к мастурбации или связанным с ней проявлениям, которых никогда не было. Такой метод облегчения, действительно, никогда не представлял для нее никакого соблазна, и она сомневается даже в его возможности в ее случае. (Однако в более поздний период жизни, в возрасте 31 года, началась мастурбация, которой время от времени занимались.) В то же время она отмечает, что, хотя никакого оргазма (о котором, действительно, она тогда ничего не знала) так и не произошло, сексуальное возбуждение, вызванное сновидениями наяву, было достаточно сильным, чтобы впоследствии вызвать чувство облегчения. Эти сны наяву были единственным способом разрядки сексуального возбуждения.

Она не может вспомнить, чтобы ей снились эротические сны или какие-либо сексуальные проявления во время сна.

Спонтанное сексуальное возбуждение присутствовало за несколько дней до менструации и было довольно выраженным во время менструации и сразу после нее. Это также имело тенденцию повторяться в середине межменструального периода.

Приятное ощущение, связанное с запахом кожи, стало более выраженным по мере того, как она приближалась к взрослому возрасту. Это было особенно заметно примерно в возрасте 24 лет, и сексуальная эмоция, которую он вызывал (с влажностью вульвы), была тогда четко осознана. Ни один другой запах не производил этого эффекта в такой выраженной степени. Он часто ассоциировался с кожаными сумками, но не с ботинками, хотя, потеряв кожу обуви, она обнаружила, что этот запах издается. Она не может объяснить его происхождение и не связывает с ним никаких ассоциаций. Это никогда не влияло на ее поведение и не приводило к фетишистским привычкам.

Некоторые другие запахи действуют на нее точно так же, хотя и не в такой степени, как запах кожи. Особенно это касается некоторых цветов, особенно белых цветов с тяжелым запахом, таких как гардении. С другой стороны, многие цветы, такие как примулы, кажутся скорее противоположными сексуальному эффекту, слишком свежими, хотя и возбуждающими разум. Некоторые искусственные ароматы, как правило, также оказывают сексуальное воздействие. Личные запахи не оказывают такого влияния. (В более поздний период сексуальное влияние личных запахов иногда испытывалось, но настоящая история касается только периода до брака.)

Она считает, что большинство красивых вещей, какими бы они ни были не связанными с сексом, имеют тенденцию вызывать отчетливо сексуальные ощущения в слабой степени, хотя иногда и более выраженные, с выделением секрета. Однако она никогда не испытывала гомосексуальных чувств и, на первый взгляд, была склонна полагать, что вид красивой женщины не оказывал на нее сексуального воздействия, хотя она вполне могла понять такой эффект. Впоследствии, вспоминая, а также более тщательно наблюдая за своими переживаниями, она обнаружила, что красивое женское лицо и фигура (особенно в одном случае очень грациозная фигура прекрасной феи в балете) вызвали отчетливые сексуальные ощущения (с выделением слизистой оболочки). Музыка, однако, оказывает на нее сильное эмоциональное воздействие, и она не может вспомнить, чтобы когда-либо испытывала столь же сильное влияние подобного рода в отсутствие музыки.

Оглядываясь назад на развитие своих чувств, она обнаруживает, что, хотя в некоторых отношениях они, возможно, были медленными, они были простыми, естественными, спонтанными и соответствовали "зарождению и прогрессу, которые происходят в развитии каждой девочки. Пока это происходит на самом деле, девушка не знает и не утруждает себя попытками понять это. Впоследствии все кажется совершенно ясным и простым. Полная занятость мозга и рук, хотя это и не устраняет желания, является большой помощью и защитой для растущей девочки в сочетании с надлежащей информацией о себе и своем отношении к человеку—животному, чтобы она могла осознать, где она находится и как правильно выбрать мужчину, хотя при наилучших условиях может произойти неудача".

ИСТОРИЯ IX.—Субъект принадлежит к большой семье, в которой было несколько невротиков; она провела свое детство на большой ферме. Она энергична, у нее интеллектуальные вкусы, и она привыкла мыслить самостоятельно, с нетрадиционных точек зрения, по многим вопросам. Ее родители были очень религиозны и, по ее мнению, не обладали чувственным темпераментом. Ее собственная ранняя жизнь была свободна от ассоциаций сексуального характера, и она может вспомнить мало того, что сейчас кажется важным в этом отношении. Она вспоминает, что в детстве и некоторое время спустя она верила, что дети рождаются через пупок. Ее деятельность шла в основном в гуманитарном и утопическом направлениях, и она лелеяла идеи о большой, здоровой, свободной жизни, не стесненной цивилизацией. Она считает себя очень страстной, но ее сексуальные эмоции, по-видимому, развивались очень медленно и были несколько интеллектуализированы. Достигнув совершеннолетия, она завязала несколько последовательных отношений с мужчинами, к которым ее привлекала близость по темпераменту, интеллектуальным взглядам и вкусам. За этими отношениями обычно следовало некоторое разочарование, и поэтому они были расторгнуты. Она не верит в законный брак, хотя при подходящих обстоятельствах очень хотела бы иметь ребенка.

Она никогда не мастурбировала до 27 лет. В то время замужняя подруга сказала ей, что такое возможно. Она обнаружила, что это доставляет ей несомненное удовольствие, действительно, большее, чем когда-либо доставлял ей коитус, за исключением одного мужчины. Она никогда не практиковала это чрезмерно, только в редкие промежутки времени, и придерживается мнения, что это определенно полезно, когда ей так умеренно предаются. Например, иногда она обнаруживала, что после умственного возбуждения, вызванного чтением лекции, заснуть было бы невозможно, если бы к мастурбации не прибегали в качестве успокоительного средства для снятия напряжения.

Спонтанное сексуальное возбуждение сильнее всего перед месячными.

Определенных сексуальных сновидений и сексуального возбуждения во время сна не наблюдалось, за исключением, возможно, одного или двух случаев.

Она с детства видела эротические сны наяву, представляя любовные истории, героиней которых она сама была; кульминация этих историй развивалась вместе с ее собственными знаниями в области секса.

Она не перевернутая и никогда не была влюблена в женщину. Однако она обнаруживает, что красивая женщина - это явное сексуальное возбуждение, вызывающее определенные физические проявления сексуальных эмоций. Она объясняет это тем, что, по ее мнению, инстинктивно ставит себя на место мужчины и чувствует то, что, как ей кажется, чувствовал бы мужчина.

Она считает, что музыка возбуждает сексуальные эмоции, так же как и многие ароматы, будь то цветы, личный запах любимого человека или искусственные духи.

ИСТОРИЯ Х.—Субъект имеет немецкое происхождение с обеих сторон. Отец имеет ярко выраженные интеллектуальные вкусы, как и она сама. Насколько ей известно, в семье нет нездорового напряжения, хотя у всех у них очень сильные страсти. Она хорошо развита, здорова, энергична и атлетична, и любые проблемы, которым она подвержена, в основном связаны с переутомлением.

Оглядываясь назад на свое детство, она теперь может видеть различные сексуальные проявления, происходившие в период, когда она была совершенно несведуща в вопросах секса. "Самый первый, - пишет она, - был в возрасте 6 лет. Помню, как однажды я сидела верхом на перилах, пока родители ждали меня снаружи. Я отчетливо помню приятное ощущение — вероятно, отчасти из-за физического ощущения — при мысли о том, чтобы остаться там, когда я знал, что должен был выбежать к ним. С того года и до 10-летнего возраста я просто упивался мыслью о том, что меня будут пытать. Каждую ночь я с радостью ложился спать, представляя себя рабом, закованным в цепи, избитым, вынужденным таскать грузы и выполнять позорную работу. Помню, одним из моих фантазий было то, что я прикован к разлагающемуся скелету". Когда она стала старше, эти фантазии прекратились. В то же время в нем прослеживались садистские наклонности: "Раньше я пугал и дразнил маленького ребенка, побуждаемый к этому непреодолимым импульсом и испытывая при этом определенное приятное чувство. Но это, я рад сообщить, было редкостью, поскольку я ненавижу всякую жестокость".

Одним из ее любимых представлений в детстве было представление о том, что она мальчик, и особенно о том, что она рыцарь, спасающий попавших в беду девушек. Она не любила девичьи занятия и всегда питала к женщинам своего рода рыцарские чувства.

"Когда я впервые услышала о половом акте, - пишет она, - это показалось мне настолько абсурдным, что я не обратила на это внимания. Примерно в возрасте 10 лет я много обсуждала это с другими девочками, и мы играли в по—детски неприличные игры - из чистого озорства, а не из какого-либо определенного физического чувства".

Примерно через год после установления менструации она случайно обнаружила акт мастурбации, наклонившись над столом. "Я обнаружил это естественным образом; меня никто не учил; и сама естественность импульса, который привел меня к этому, часто заставляла меня в последующие годы сомневаться в вредности". Обе ее сестры мастурбировали с самого раннего возраста, но, насколько ей известно, ее брат - нет. Практика мастурбации была продолжена. "В течение многих лет, проникнутый старыми представлениями о морали, я тщетно боролся с этим. Вид совокупляющихся животных, чтение различных книг (Шекспир, Рабле, *"Мадемуазель де Мопен"* Готье и др.), вид обнаженной натуры на некоторых вакхических картинах (например, Рубенса) - все это вызывало страсть. Одновременно с этим — возможно (хотя я сомневаюсь в этом) из—за этого - возникло отвращение к нормальному половому акту. Я влюбился и наслаждался поцелуями и т.д., Но сама мысль о чем-то большем вызывала у меня отвращение. Если бы мой любовник предложил мне такое, я бы потеряла к нему всякую любовь. Но все это время я продолжала мастурбировать, хотя и как можно реже и не думая о своем любовнике. Любовь была для меня чем-то идеальным, совершенно отличным от похоти, и я все еще думаю, что пытаться соединить эти два явления ложно. Я боюсь, что даже сейчас, если бы я влюбился, половой акт разрушил бы это очарование. В возрасте 18 лет я наткнулся на *"Крейцерову сонату"* Толстого и был вне себя от радости, обнаружив там все, что я думал. Постепенно, увидев подругу в счастливом браке, я привыкла к более нормальному взгляду на вещи. Я очень

критически отношусь к мужчинам и никогда не встречала ни одного достаточно либерально настроенного, чтобы понравиться мне. Возможно, если бы я это сделал, то смог бы придерживаться совершенно здорового взгляда на вещи".

Со временем были приняты на вооружение различные приспособления для усиления сексуального возбуждения при занятии мастурбацией. Так, например, она обнаружила, что эффект сексуального возбуждения усиливается при поддержании наполненного мочевого пузыря. Но главный метод, который она изобрела для усиления и продления предварительного возбуждения, состоял в том, чтобы носить обтягивающие корсеты (как правило, она носит свободные корсеты) и красить лицо. Она сама не может этого объяснить. Самовозбуждение завершается трением или иногда введением во влагалище куска дерева. Женщина обнаруживает, что чем чаще она мастурбирует, тем легче она возбуждается. Спонтанное сексуальное влечение наиболее сильно до и после менструации; не так сильно во время месячных.

Можно предположить, что в истории сексуального развития этого субъекта есть различные слабые следы гомосексуализма. Недавно они достигли кульминации в формировании гомосексуальных отношений с подругой. Эти отношения доставили ей огромное удовольствие. Однако она не считает себя по-настоящему перевернутым человеком.

Примерно с 17 лет были яркие сексуальные сны (очевидно, о периоде отношений с любовником). Однако эти сны не имели особого отношения к лицам ни того, ни другого пола.

Помимо влияния уже упомянутых книг и картин, она отмечает, что на нее сексуально влияет личный запах любимого человека, но сознательно на нее не влияют никакие другие запахи.

ИСТОРИЯ XI.—Вдовец, 40 лет. Хирург. "Мой опыт в сексуальных вопросах начался рано. Когда мне было около 10 лет, мой друг, который жил у нас, рассказал мне, что его сестра заставила его раскрыть свою личность, с чем она играла и поощряла его делать то же самое для нее. Он сказал, что это было очень весело, и предложил нам отвести двух моих сестер в старый сарай и повторить его опыт с ними. Мы так и сделали и сделали все возможное, чтобы установить с ними связь; они не испытывали отвращения и делали все, что могли, чтобы помочь нам, но ничего не получилось, и я не испытывал от этого удовольствия.

"Когда я вернулся в школу, я привлек внимание одного из больших мальчиков, который спал со мной в одной комнате; он забрался в мою постель и начал играть с моим членом, говоря, что это обычное занятие и доставит мне удовольствие. Я не испытывала никакого удовольствия, но мне нравилось внимание, и скорее нравилось играть с его членом, который был большого размера и окружен густыми волосами на лобке. После того, как я поиграл с ним некоторое время, я был удивлен, увидев, что он выделяет липкое вещество. После этого он снова потерял меня, сказав, что если я позволю ему делать это достаточно долго, он произведет из меня то же самое вещество. Однако этого ему не удалось сделать, хотя он долго и часто растирал меня в том и многих других случаях. Я был очень разочарован тем, что не смог получить выброс, и при каждом удобном случае я старался возбудить себя до такой степени, чтобы усугубить это.

Раньше я отпрашивался из школы два или три раза в день и удалялся в чулан, где усердно упражнялся на себе, но в то время безрезультатно, хотя при этом испытывал приятные эмоции.

"Когда я приехала домой на каникулы, то проявила большой интерес к одной из горничных моего отца, чьи ноги я однажды ощупала, когда она бежала вверх. Я очень боялся, что она пожалуется на то, что я сделал, но я был рад обнаружить, что она не сделала ничего подобного; напротив, она стала целовать и ласкать меня, называя своим возлюбленным и говоря, что я дерзкий мальчик. Это меня очень ободрило, и мне не потребовалось много времени, чтобы установить с ней более близкие отношения. Однажды, когда мы были одни в доме, она позвала меня в свою комнату, будучи полуодетой, положила меня на кровать и сама легла на меня, страстно целуя в губы. Затем она расстегнула мои брюки, ласкала и целовала мой член и направила мою руку к своим интимным местам. Я очень сильно возбудился и сильно дрожал, но смог делать для нее то, что она хотела, в виде мастурбации, пока она не стала влажной. После этого у нас было много встреч, на которых мы обнимались, и она позволяла мне вводить свой член, пока не удовлетворила себя, хотя я был слишком молод, чтобы произвести эякуляцию.

"По возвращении в школу я практиковал взаимную мастурбацию с несколькими моими школьными товарищами и, наконец, в возрасте 14 лет испытал свою первую настоящую эрекцию. Я был очень доволен этим, и благодаря этому, а также росту волос, которые начали появляться на моем лобке, начал чувствовать себя настоящим мужчиной. Мне нравилось лежать в объятиях другого парня, прижиматься к его телу, ласкать его и получать ответные ласки от него. Мы всегда заканчивали взаимной мастурбацией. Мы никогда не предавались никаким неестественным связям.

"После окончания школы у меня не было возможности завязывать отношения с представителями своего пола, да и, по сути, я не желал этого, поскольку я стал рабом чар другого пола и проводил большую часть своего времени, либо наслаждаясь, либо планируя насладиться любовными эпизодами с ними.

"Одного взгляда на женские конечности или бюст, особенно если они частично скрыты красивым нижним бельем, и тем более украдкой, было достаточно, чтобы вызвать похотливое чувство и сильную эрекцию, сопровождающиеся учащенным сердцебиением и пульсацией в голове.

"В возрасте 17 лет у меня были частые половые акты, а также регулярная мастурбация. Мне нравилось заниматься мастурбацией с девушкой, даже больше, чем мне нравилось иметь с ней связь; и это было особенно актуально в случае с девушками, на которых никогда раньше не практиковали мастурбацию; Мне нравилось видеть выражение удивленного удовольствия, появляющееся на их лицах, когда они испытывали восхитительные и новые ощущения.

Чтобы удовлетворить это желание, я убедил десятки девушек позволить мне быть с ними вольным, и вы были бы удивлены, узнав, какое количество девушек, многие из которых занимали хорошее социальное положение, позволили мне желаемую свободу, хотя предложение никогда не соответствовало моему спросу.

"С целью расширения своих возможностей я занялся изучением медицины как профессии и наслаждался шансами, которые это давало, быть в близких сексуальных отношениях со многими, кто в противном случае был бы вне моей досягаемости.

"В возрасте 25 лет я женился на дочери офицера, красивой девушке с полностью развитой фигурой и влюбчивым нравом. Во время помолвки мы часами проводили в объятиях друг друга, практикуясь в взаимной мастурбации, или я страстно целовал ее в губы, время от времени вводя свой язык ей в рот, с неизменным результатом: у меня случались выделения, а она начинала вздыхать и дрожать. После свадьбы мы практиковали всевозможные причудливые коитусы, *coitus reservatus* и т. д., и редко проходило двадцать четыре часа без двух совокуплений, пока она не продвинулась далеко в семейной жизни, и нашу игру пришлось на время прекратить.

Во время этого перерыва я поехал погостить в дом старого школьного товарища, который был одним из моих любовников в былые дни. Случилось так, что из-за большого количества гостей, остановившихся в доме, спальных мест было немного, и я согласился разделить спальню с моим другом. Вид его обнаженного тела, когда он раздевался, пробудил во мне похотливые чувства; и когда он выключил свет, я прокралась к его кровати и легла рядом с ним. Он не возражал, и мы провели ночь во взаимной мастурбации и объятиях, *совокуплении между бедрами* так далее. Я был удивлен, обнаружив, насколько мне больше нравится такое положение дел, чем коитус с моей женой, и решил насладиться случаем в полной мере. Мы провели вместе две недели описанным выше образом, и, хотя потом я вернулся и выполнил свой долг по отношению к жене, я никогда больше не получал от нее такого удовольствия, и когда она умерла, пять лет спустя, я не испытывал желания вступать в новый брак, но посвятил себя сердцем и душой моему старому школьному другу, с которым я поддерживал нежные отношения до его случайной смерти в прошлом году. С тех пор я потерял всякий интерес к жизни".

"Пациент, - пишет хорошо известный психиатр, которому я обязан приведенной выше историей, - недавно консультировался у меня. Я нашел его довольно здоровым на вид человеком, страдающим некоторой неврастенией и склонностью к меланхолии. Генеративные органы крупные, одно яичко несколько истощено, на лобке обильные волосы, форма тела явно мужская; темперамент невротический. Во время лечения ему стало лучше, и после трех визитов ко мне и записи вышеупомянутой истории болезни он больше не приходил".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ XII.—Миссис Б., 32 года. Семья отца нормальная; семья матери умная, эксцентричная, несколько невропатичная. Сама она нормальная, симпатичная, обычно здоровая, высокоинтеллектуальная и обладающая большими практическими способностями, хотя в некоторые периоды жизни, особенно в детстве, она в какой-то степени унаследовала взвинченный и сверхчувствительный темперамент семьи своей матери. В детстве ее иногда баловали, иногда надевали наручники, и она терпела пытки от нервозности. Однако она приобрела большую степень самоконтроля.

Первые ощущения, которые она сейчас признает сексуальными, были испытаны в возрасте 3 лет, когда ее мать сделала ей укол; впоследствии она заявила, что не может опорожнить кишечник естественным путем, чтобы добиться повторения этого опыта, который повторялся несколько раз. В возрасте 7 лет мужчина ухаживал за ней и пытался позволить себе вольности, но она в ужасе отвергла его ухаживания; четыре года спустя другой мужчина попытался напасть на нее, но она яростно сопротивлялась, ударила его и убежала. Ни одна из этих сексуальных

попыток, по-видимому, не оставила какого-либо серьезного постоянного впечатления в сознании ребенка.

В возрасте 11 лет, когда ее мать принимала ванну, ощущение прикосновения пальцев матери к ее интимным местам вызвало у нее то, что, как она теперь знает, является сексуальными ощущениями, а год спустя, принимая ванну, она лила горячую воду на область половых органов, чтобы вызвать эти ощущения; это не приводило к мастурбации, но у нее было смутное представление о том, что это "неправильно".

В возрасте 12 лет началась менструация; она очень сильно страдала от дисменореи, период иногда длился десять дней, а боли часто были сильными. Ее не лечили от этого заболевания, так как ее мать придерживалась мнения, что она перерастет его. С 14 или 15 до 23 лет, или примерно в период своего замужества, она страдала анемией.

Она мало интересовалась сексуальными вопросами; ее мать хотела, чтобы она всегда приходила к ней за информацией о том, с чем она познакомилась в отношении общих фактов о сексе; однако она не знала определенно фактов о совокуплении до своего замужества. Она ничего не знала об эрекции или сперме и думала, что когда мужчина и женщина соединяют свои органы вместе, рождается ребенок. Она ненавидела непристойные разговоры на эти темы и не слушала сексуальные разговоры своих школьных товарищей. Она никогда не испытывала никакого гомосексуального влечения. Когда-то в нее была сильно влюблена другая девушка, но она презирала и не любила ее знаки внимания; снова, когда девушка намного старше ее, подруга ее матери, переспала с ней и заигрывала, она оттолкнула ее и отказалась спать с ней снова.

Она всегда хорошо ладила с мужчинами, и мужчин к ней тянуло. Она была прямой и искренней, без излишней скромности. Но она никогда не позволяла мужчинам прикасаться к себе или целовать ее. Она была хорошей танцовщицей и любила танцевать, но отрицает, что это когда-либо приводило к сексуальным чувствам. Она никогда не испытывала никакого сексуального влечения к мужчине, пока в возрасте 20 лет не влюбилась в своего будущего мужа за пять или более лет до замужества.

В этот период она начала ощущать смутный дискомфорт, который, как она знала, локализовался вблизи ее половых органов. Она смутно осознала, что это было связано с ее любовью и носило сексуальный характер. Но у нее не было определенного представления о половом акте. Она нервничала и была подавлена. Если бы ее попросили указать, что могло бы принести ей облегчение, она могла бы сказать только о присутствии и нежности Б. За несколько дней до того, как он признался ей в любви, она испытала самое близкое к сексуальному чувство, которое когда-либо испытывала. Было лето, и вместе с Б. и некоторыми членами своей семьи она отправилась в небольшую экспедицию. Однажды вечером, в поезде после однодневной экскурсии, Б. взял ее за руку (незаметно для остальных) и некоторое время держал в своей. Это вызвало в ней сильнейшие эмоции; она закрыла глаза, и, хотя в то время она не осознала, что ее ощущения были локализованы в ее половых органах, она думает, в свете последующих знаний, что тогда она испытала оргазм.

Во время помолвки, которая длилась от двух до трех лет, обстоятельства препятствовали частым встречам. Б. целовал ее, сосал ее соски, которые становились возбужденными, и лежал на ней. Она позволяла ему эти вольности, чувствуя, что, если она откажет ему во всяком

удовлетворении, у него могут быть отношения с другими женщинами. Она по-прежнему не испытывала определенного желания соприкоснуться половыми органами. Скорее ей хотелось, чтобы ее обняли и поцеловали, и она всю ночь пролежала в объятиях своего возлюбленного. Однако за несколько месяцев до замужества она время от времени мастурбировала, незадолго до или сразу после менструации, представляя при этом, что находится в объятиях своего любовника. Обычно за этим актом следовало неприятное ощущение. Незадолго до замужества она перенесла операцию по облегчению дисменореи. Она была несколько шокирована и испытала отвращение к переживаниям первой брачной ночи. Ей показалось, что ее муж приблизился к ней с неистовством животного, и ей было трудно войти. Коитус, хотя и неполный, состоялся около семи раз в эту первую ночь. Кровотечение из-за разрыва девственной плевы продолжалось, так что в течение двух дней ей пришлось носить полотенце. В течение двух месяцев после этого во время полового акта была сильная боль, хотя она подавляла признаки этого.

В этом браке родилось несколько детей, и в течение нескольких лет она в целом жила счастливо со своим мужем, несмотря на различные невзгоды и трудности и некоторую несовместимость характеров.

Что касается ее сексуальных чувств, то, исходя из того, что говорили ей другие женщины, она считает, что ее чувства, во всяком случае, сильнее средних. Оргазм, однако, полностью развился примерно через пять лет после вступления в брак. Сексуальное влечение наиболее выражено до, во время и после менструации, особенно до и примерно на третий день (менструация обычно длится от пяти до семи дней). Во время беременности сексуальное желание сильнее, особенно ближе к концу, чем в любое другое время. Она никогда не отказывала своему мужу в нормальном половом акте, но любой ненормальный или извращенный метод сексуального удовлетворения вызывает отвращение. Однажды ночью, примерно на третьем месяце беременности, ее разбудил муж, вставивший свой пенис *в оре*; ребенок родился с дефектом неба, и она сама склонна полагать, что этот инцидент стал причиной дефекта. Хотя она желает нормального полового акта, она редко получала полное удовлетворение. Долгое время ей не нравилось видеть пенис или прикасаться к нему, а ощущение, и особенно запах спермы, вызывали тошноту и даже рвоту. (У нее очень тонкое обоняние, так же как и вкус; хотя она и любит аромат цветов, никаких сексуальных чувств это не вызывает.) Абстиненция и использование презервативов ее не удовлетворяют, а взаимная мастурбация не приносит облегчения и вызывает головную боль. Дружеские чувства к ее мужу были наиболее сильными в возбуждении сексуальных эмоций, и она получила наибольшее удовольствие от полового акта после дня, проведенного вместе в велосипедных прогулках. В течение многих месяцев она воздерживалась от половых сношений и в эти периоды сильно страдала от головной боли; однако теперь она полностью преодолела ее. В конце концов она обнаружила, что воздержание ее мужа от супружеских сношений было вызвано неверностью. Это привело к определенному расставанию. Она все еще время от времени испытывает сексуальное желание, но не имеет склонности к мастурбации. Ее жизнь полна и насыщена, что дает широкий простор для проявления ее энергии и интеллекта; более того, ей нужно обучать своих детей. Сама она считает, что ее сексуальная жизнь подошла к концу.

ИСТОРИЯ XIII.—Г. Р., армейский офицер. "Мне 35 лет. Мои родители поженились в возрасте 38 и 25 лет, и моему отцу сейчас 84 года, а моей матери 71 год; оба особенно сильны и здоровы телом и умом. Я принадлежу к древнему роду с обеих сторон и не знаю ни о каких болезнях, дефектах или ненормальностях ни у кого из моих предков или родственников, за исключением того, что семья моей матери имеет небольшую склонность к пьянству и излишествам, а всех нынешних ее членов считают эксцентричными. У меня есть живущие брат и сестра (брат не женат, сестра с несколькими детьми), и я самый младший в семье из пяти человек. Мой брат ненормален, но я не знаю точно, каким образом или по какой причине. У меня сильное подозрение, что он чрезмерно мастурбирует. Мой отец артистичен, а мать музыкальна. У меня нет способностей ни к тому, ни к другому, но я чрезвычайно ценю и то, и другое, хотя и не раньше, чем лет десять назад. Мое основное чтение - религия, наука и философия, иногда я читаю стандартные романы или современные романы "неподходящего" типа для расслабления. Я стал убежденным и воинствующим рационалистом около пяти лет назад, но был неверующим с тех пор, как бросил школу. В возрасте 7 лет у меня была анемия и угрожающие проблемы с кишечником, в результате чего я был вывезен за границу по состоянию здоровья. Сейчас я сильный и энергичный, обладаю огромной выносливостью и получаю удовольствие от всех видов спорта и физических упражнений, особенно от охоты, разделки свиней и поло. Я много пью и никогда не бываю в лучшей форме, чем когда ем, выпиваю и занимаюсь физическими упражнениями в том, что большинство людей назвали бы избытком. В Англии требуется больше алкоголя, чем я могу удержать, чтобы опьянеть, но не так на Востоке. Мне говорили, что я очень хорош собой.

"Когда мне было лет 4-5, мои старшие товарищи постоянно подтрунивали надо мной из-за того, что я засовываю руку в брюки и играю со своими половыми органами. Я не помню, чтобы у меня была эрекция, и в каком возрасте это впервые произошло со мной. Одно время мы с братом играли с нижним бельем моей сестры и получали от этого огромное удовольствие, но мы никогда не видели ее гениталий. Она рассказала нам, что однажды, внимательно осмотрев себя, с радостью обнаружила, что у нее маленький пенис, как у мальчиков, — несомненно, клитор. Когда я был во Франции, в возрасте от 8 до 10 лет, я начал обращать внимание на половые органы животных, и мне очень хотелось узнать, что кобылы держат между задних ног. Позже я получал огромное удовольствие вместе с другим мальчиком, ощупывая соски ослицы, а сам - пенис осла, как это делают французские конюхи, но мой собственный пенис меня не интересовал. Раньше я засовывал палец как можно дальше в задний проход и получал от этого смутное удовлетворение. В возрасте 11 лет я пошел в небольшую частную школу, поскольку моя мать заранее рассказала мне о способе рождения людей и животных, о котором я до тех пор ничего не знал. Она ни словом не упомянула о роли отца, и я никогда не задумывался об этом. Даже тогда у меня осталось впечатление, что человек рождается через пупок. Я прошел инициацию в школе и имел обыкновение обращаться с пенисом мальчика, который рассказал мне об этом. Несколько раз я делала ему *минет*, и мне это нравилось, но он никогда не предлагал сделать то же самое для меня, и я не думаю, что он получал от этого большое удовлетворение. Вскоре после этого я стал ощущать приятные ощущения, когда лежал на животе с эрекцией, и время от времени ублажал себя таким образом, мало заботясь о школьной традиции, что это "порочно" и вредно для человека. Однажды, разговаривая ночью с другим мальчиком, мы сравнили наши органы в состоянии эрекции, и тогда мне впервые пришлось в голову попробовать то, о чем я смутно слышал, а именно, двух мальчиков, играющих в мужчину

и женщину. Я лег на него, прижав свой пенис к его животу, и почти сразу же испытал оргазм с выделениями и испытал острое удовольствие, хотя и он, и я предположили, что я непроизвольно помочился. Мне было 13, когда это случилось. Я проделал это с ним еще раз перед уходом, на этот раз с другой стороны, чтобы избавить его от неприятностей. Раньше мне нравилось целоваться и обнимать мальчиков поменьше, и у меня был отличный нюх на привлекательную внешность. Вернувшись домой на каникулы, я мастурбировал рукой из любопытства, чтобы посмотреть, что произойдет, когда наступит оргазм, и только тогда я полностью понял природу этого акта. После этого суэта и странности большой государственной школы отвлекли мое внимание, но я услышал о влажных снах, мастурбации и гомосексуализме от других мальчиков и вскоре стал полностью посвященным. Я считаю, что тон моего факультета, если не всей школы, был исключительно плохим; хотя, возможно, я видел его чаще только потому, что он меня привлекал, и что другие школы на самом деле такие же. Вещи, влекущие за собой неминуемое исключение, если об этом узнают, совершались более или менее публично, и я сам открыто ложился в постель с другими мальчиками или мастурбировал их, и не раз помогал насильно мастурбировать маленьким мальчикам или удерживал их, пока другие имели с ними связь, идея последних двух действий заключалась в том, что мальчик таким образом был бы соблазнен и стал бы доступен для гомосексуализма и был бы готов к нему. До того, как я стала достаточно большой, чтобы самой заводить мальчиков, я часто мастурбировала (однажды три раза в день), и неизменно лежала на животе без использования рук. Общаясь с другими мальчиками, я обычно делал это между бедер или на животе, и я никогда не слышал ни о каком другом способе в той школе. *Педикатио* вызвало бы у меня отвращение и, более того, лишило бы меня главного удовольствия от полового акта, а именно ощущения лежания лицом к лицу и животом к животу. Конечно, раньше удовлетворение было взаимным, но, несмотря на приятную внешность, я никогда не был только пассивной стороной, как некоторые маленькие мальчики, которых можно было бы назвать профессионалами и которым я привык платить за их услуги. Я вернулся после того, как ушел, и увидел в темноте мальчика, которого я никогда раньше не видел, хотя мне сказали, что с ним все в порядке. Раньше я испытывал очень искреннюю привязанность ко всем, кто доставлял мне удовольствие, хотя мне доставляло удовольствие мучить кого-то конкретно, но по какой причине, я не могу сказать. К одному мальчику у меня возникла глубокая любовь, которая длилась еще долго после того, как мы закончили школу и прекратили всякую сексуальную связь. Эта любовь была такой же сильной, как все, что я когда-либо испытывала с тех пор.

"Я не помню, когда я учился в школе или позже, я впервые снова начал проявлять сексуальный интерес к животным. Раньше я много мастурбировал и всегда пытался найти новые способы делать это и новые вещества, на которых можно лечь. Именно во время ощупывания вульвы молодой кобылы мне пришла в голову блестящая мысль попытаться совокупиться с ней и таким образом получить преимущество мягкого влагилица. Это доставило мне огромное удовлетворение, и у меня произошел выброс, хотя ни тогда, ни в любое другое время с каким-либо другим животным мне не удалось проникнуть внутрь должным образом. Позже я проделывал то же самое с другими кобылами и с определенной коровой всякий раз, когда у меня появлялась безопасная возможность, что было не так часто, как я мог бы пожелать. У меня не было связи с животным около десяти лет, но я бы не возражал против этого и уверен, что теперь смогу выполнить это действие должным образом. После того как я закончила школу в 17 лет, у меня иногда возникала тоска по мальчикам, но это было исключением, а не правилом. Я продолжал мастурбировать, но не чрезмерно, и обычно прилагал безрезультатные усилия,

чтобы остановить это, но никогда не удавалось надолго. Когда я был подтвержден в возрасте 15 лет, я стал очень религиозным и так раскаивался в своем первом отступлении от добродетели, что обжег ногу раскаленной кочергой, и шрам у меня остался до сих пор. Окончив школу, я поехал в Германию, и там у меня был мой первый половой акт с женщиной, толстой старой немкой, которая доставила мне очень мало удовольствия. Моя следующая, еврейка, дала мне больше, чем я просил, в виде мягкого шанкра. По своему невежеству я никогда не лечил ее, но, должно быть, она была очень легкой, потому что исчезла сама по себе. Когда я зубрил в Англии, я иногда ходил домой с проституткой, но они меня не особо заботили, и я не мог позволить себе хороших. Однажды я был импотентом. Возможно, это было из-за выпивки, но я испытывал отвращение к самому себе. Мне нравилось видеть женщин обнаженными, и я всегда настаивал, чтобы они раздевались, особенно груди, которые мне нравились большими и полными. Я так и не научился целоваться в губы, и у меня не было желания целовать тело, за исключением груди, чего я обычно слишком стеснялся делать. Но поскольку я почти всегда носил презерватив и находил проникновение трудным, я не получал особого удовольствия от самого коитуса. Я полностью убежден, что если бы женщины были более доступны, если бы я не считал себя обязанным использовать профилактические средства в целях самозащиты, и если бы на этот акт не смотрели с такой немилостью те, кто имеет надо мной власть, я бы мастурбировал меньше или не занимался им вообще и не поддавался бы искушению заняться зоофилией. Когда мне было 22 года, у меня впервые был половой акт с девушкой, которая не была проституткой. Я был сильно возбужден и наслаждался этим больше, чем чем-либо, что я когда-либо испытывал, несмотря на то, что она не раздевалась и настаивала на выходе перед оргазмом. Только в одном другом случае у меня был половой акт с непрофессиональной незамужней женщиной. Вскоре после этого я заразился сифилисом от уличной девушки. Мне сделали обрезание, и я пробыл в частной больнице шесть недель. Это никогда не выходило за рамки начальной стадии, и я не почувствовал от этого никаких побочных эффектов, за исключением того, что у меня образовалась гидроцеле в правом яичке. Конечно, этот инцидент требовал использования презерватива при каждом удобном случае, и это сильно испортило мне удовольствие. Примерно в это же время один из братьев-офицеров старше меня заигрывал со мной. Он сравнил меня с греческой статуей и хотел поцеловать. Я не хотел иметь с ним ничего общего, но был рад услышать его признания в гомосексуализме и несколько удивлен, узнав, что он был не один в полку. Позже я влюбился в его сестру, а он женился и завел детей. Он был бисексуалом по своим наклонностям, но по-настоящему был влюблен в меня недолго.

"Я мало общался с профессионалами, пока не поехал в Южную Африку, и хотя мне нравилось женское общество, и дамы меня любили, я смотрел на них как на нечто особенное, особенно на замужних женщин, и никогда не пытался проявлять с ними вольности; хотя в дни зубрежки я общался с продавщицами и т. Д. И часто был влюблен. В Южной Африке я впервые начал по-настоящему наслаждаться половым актом, и по приезде в Индию продолжал получать это удовольствие; фактически, я не думал ни о чем другом в сексуальном плане и редко мастурбировал — возможно, раз в три недели. Я ходил в бордели везде, где они были доступны, в Дурбане, Кейптауне, Коломбо, Калькутте, Бомбее, и одно время предпочитал чернокожих женщин белым. Я часто устраивал ужасные оргии со своими коллегами-офицерами, а однажды я пригласил шесть женщин в свое бунгало, чтобы отпраздновать свой день рождения, и после ужина подарил их пятерым своим друзьям. В течение этого периода и до тех пор, пока я не вернулся домой, я редко разговаривал с дамой, главным исключением была № 1, жена брата-офицера, в которую я начал влюбляться.

"Вскоре после войны в Южной Африке я страстно влюбилась в своего молодого брата-офицера по имени Z. Это было равносильно страсти, и я была вынуждена сделать ему предложение. Он не понимал, будучи несведущим в гомосексуализме и довольно мужественным, и не хотел иметь со мной ничего общего, хотя и относился к этому очень мило. Это продолжалось около года, а потом, без сомнения, решив, что ему лучше прекратить это, поскольку я действительно выставляла себя очень смешной и сходила с ума от любви, он вообще бросил меня. Какое-то время я была очень несчастна, но потом я оправилась, и мы помирились, и теперь мы крепкие друзья. Мне все еще хочется целовать и гладить его, когда я вижу его обнаженным, но больше я бы ничего не сделала. После нескольких лет отсутствия я отправился домой через Японию, по пути забирая женщин из восточных портов, пока не заразился гонореей в Токио Есивара. Я не смог избавиться от этого и в таком состоянии вернулся домой, вследствие чего был лишен удовольствия попробовать несколько новых гонок по пути. В Англии я ворвался в общество, которое покинул совсем на других условиях, и оно приняло меня с распростертыми объятиями. Очень скоро я начал флиртовать с замужней женщиной, и она завершила мое обучение поцелуям, начатое японскими шлюхами. Я как раз подходил к делу с этой женщиной, когда снова встретил № 1, и моя любовь к ней сразу же возродилась. Я сказал ей об этом, но знал, что она не ответила мне взаимностью. Затем меня привлекла № 2, девушка старше меня, которую я знал всю свою жизнь. Я целовал ее и ласкал ее грудь; но она не позволяла ничего другого, пока однажды ночью, когда мы ехали с ней в поезде, я не опустил руку дальше, чем она намеревалась. Все закончилось тем, что я сначала сделал ей *куннилингус*, а затем получил удовлетворение между ее бедер — большой шаг после прежних ограничений. До этого я несколько раз получал эякуляцию, сам того не желая, лежа на ней полностью одетым. Она знала о моей болезни, которая к тому времени превратилась в ликование и никоим образом не причиняла мне неудобств. С того времени и до моего возвращения в Индию мы по возможности повторяли одно и то же представление: я мастурбировал ей иногда пальцем, иногда языком и имел контакт с различными частями ее тела, включая грудь, но всегда с презервативом из-за моей болезни. Она обычно раздевалась в назидание мне, и мы часто проводили ночь в одной постели. Она привлекала меня морально, но не очень сильно физически; иными словами, если бы обстоятельства не свели нас вместе, я бы никогда не выделил ее среди других девушек как сексуально привлекательную для меня. Я вернулся в Индию и в № 1, хотя в течение пяти месяцев сохранял верность № 2 словом и делом, но постепенно всепоглощающее влияние № 1 вновь овладело мной. И тогда я встретил № 3. Нас потянуло друг к другу при первом знакомстве, и это влечение было ментальным и сексуальным. Она была замужем и любила другого мужчину, но это не помешало ей поцеловать меня. Я щупал ее грудь, мастурбировал ее и испытывал поллюции, лежа на ней, но она подвела черту под одной вещью, а именно поцелуями в губы; и я подвел черту под половым актом. Мы организовали совместную поездку, во время которой я лег с ней в постель, но ни разу не спали, хотя у нас обоих были частые оргазмы другими способами. Перед отправлением в эту поездку я думал, что больше не увижу № 1, и она позволила мне поцеловать себя, к моей невыразимой радости. Однако вмешались обстоятельства, и я направился прямо к № 1 после расставания с № 3, рассказал ей обо всем, что я сделал, а затем снова поцеловал ее, оставив как раз перед тем, как приехал ее настоящий любовник, с которым она тогда жила. Позже я снова вернулась к № 1, теперь в "ребенке к ее любовнику". Несмотря на это, мы прожили вместе три ночи. Затем она ушла домой, и у меня два года не было связи ни с одной женщиной, кроме одной чернокожей, я был поглощен любовью и поклонением № 1. Я много бывал в обществе, но мне никогда не везло. В конце этого времени я путешествовал однажды ночью с молодым офицером ("X"), худощавым и женоподобным, предпочитавшим

мужчин женщинам, с которыми я до тех пор был в дружеских, но не интимных отношениях. Я смотрела, как он раздевается и ложится в постель, а затем, раздевшись сама, подошла к его койке и запустила руку ему под одежду. Он сразу же ответил, и я забралась к нему в постель, мы оба были в неистовстве страсти и удивления. Но я была достаточно уверена в своих силах, иначе не осмелилась бы рисковать. После этого я часто ложился в его постель, и однажды на балу у меня был половой акт с девушкой на стуле, а на следующую ночь - с моим молодым офицером. Я едва знал эту девушку и сейчас не знаю ее имени, но я оценил ее, возбудил манипуляциями и поцелуями, а затем получил ее согласие. Я не причинил ей вреда, даже если бы был первым, потому что оргазм наступил до того, как я проник за пределы губ. Икс удивил меня, сказав, что у него были связи с тремя другими офицерами в моем полку, а также с несколькими другими на той же станции. Он не назвал мне их имен, но я достаточно легко догадался. Раньше он сильно пил, и однажды я забралась к нему в постель, когда он был в пьяном угаре и он совершенно не подозревал, что я была рядом в течение некоторого времени. Я сам в то время слишком много пил и часто напивался перед ужином. В последовавшую за этим жаркую погоду я устроил одну оргию в Бомбее, которая длилась три ночи. Я началс грека и поляка, а закончил с японца, сопровождая меня двумя братьями-офицерами. После этого я проводил много времени в одиночестве в своем бунгало, и мной овладевало сильное желание. Время от времени я мастурбировал, но к тому времени получал от этого мало удовольствия, всегда стремясь к влажному человеческому влагалищу. Я часто слышал и сам цитировал патанскую пословицу "Женщины для размножения; мальчики для удовольствия; дыни для наслаждения", и однажды, когда я искал что-нибудь новенькое для мастурбации, и мой взгляд привлекла дыня, приготовленная для меня, чтобы я ее съел, у меня мелькнула мысль проверить, правдива ли эта пословица в какой-либо степени. Я нашла это наиболее удовлетворительным и практиковала несколько раз после этого, поскольку пепита (папайя или папайя-поу) была наиболее близким к человеческому влагалищу способом. Однако своевременное появление довольно симпатичной женщины-пункаха положило конец этой форме наслаждения, предоставив мне то, что я хотел. Вскоре после этого я снова отправился домой, по пути захватив японцев в Бомбее.

"Я все это время поддерживал переписку с № 1, но мы договорились, что все, что каждый из нас делал до нашей новой встречи, не имеет значения, и я знал, что у нее была по крайней мере одна связь с момента нашего расставания, и она была в полном неведении о состоянии своих чувств ко мне. Поэтому, пытаясь договориться с ней о встрече, я воспользовался первым, что подвернулось под руку, решив, что лучше синица в руках, чем маловероятный шанс затаиться в кустах. Это была № 4, с которой я провел три дня на берегу моря после первого полового акта с ней в моем собственном доме, когда у нее были месячные. Сразу же после расставания с ней я вернулся домой, чтобы получить номер 1. В первый раз, когда мы остались наедине, она поцеловала меня, и за этим последовали взаимные признания и коитус, хотя сначала она сказала, что мой роман был слишком недавним. Я согласился больше не вступать в связь с № 4 и придерживался этого до тех пор, пока, снова оказавшись с ней в одном доме, я не поддался искушению, превышающему мои силы; и я могу добавить, что она не оказала мне никакой помощи в выполнении этого обещания, о котором она была полностью осведомлена. Я сразу же написал и признался № 1, и она, вполне естественно, больше не захотела иметь со мной ничего общего. Но мнеудалось помирить ее, и после этого мы прожили вместе три дня за городом, а также в Лондоне и в ее собственном доме. Тем временем № 5 делал мне авансы, от которых я не мог отказаться, будучи очень старым другом. Номера 4 и 5 однажды останавливались вместе у

меня дома, сразу после того, как я изменил номеру 1 с № 4. Я не мог бы переспать с ними обоими, поэтому, несмотря на настоятельную просьбу "Нет". 4 Сначала я пошел в ее комнату, рассказал ей о причинах, по которым у меня не было с ней связи, оставил ее в слезах, а затем пошел и переспал с Номером 5. Это единственная сделка, которую я когда-либо скрывал от № 1; но № 5 знает всю мою историю и принимает ситуацию, когда я всего лишь второй, пока я доставляю ей удовлетворение, когда это возможно. Примерно в это же время я снова встретил № 3, целовал ее и мастурбировал в такси, но она не позволила мне поехать с ней домой. По просьбе "Нет". 1 Теперь я полностью порвал с № 4, к великому горю и удивлению моей сестры, чьей подругой она была. Вскоре после этого я снова вернулся в Индию, где безнадежно поссорился с № 1, и до сих пор не знаю, в чем была моя вина, за исключением того, что я ей надоел. Однако ее влияние на меня слишком велико, чтобы его можно было так легко сломить, и я бы вернулся к ней завтра, если бы она пошевелила пальцем в знак примирения. В течение следующей жаркой погоды я медленно, но верно, хотя и совершенно бессознательно, получал влияние на № 6, и это закончилось тем, что она отчаянно влюбилась в меня и позволила мне делать то, что мне нравилось. Я не любил ее и рассказал ей о № 1, чей образ всегда оставался в глубине моего видения, что бы я ни делал. Она также приняла ситуацию, и я не думаю, что у нее есть какие-либо претензии ко мне. Со своей стороны, у меня нет ничего, кроме благодарности и столько любви, сколько я способен подарить ей и всем другим женщинам, с которыми у меня были какие-либо сексуальные отношения. Ниже приводится краткий отчет об этих женщинах:—

"Нет. 1. Имел коитус до брака, по любви и с полным осознанием природы акта. Договоренность с мужем не вступать в половой акт строго соблюдается обоими. После брака имела связь с пятью другими мужчинами. Очень страстная, но эксцентричная и разборчивая. Медленно достигает оргазма. Любит лежать в постели обнаженной, и однажды понравилась мне за то, что я поцеловал ее венерический венец. Худенькая, с неразвитой грудью. Блестящая, симпатичная. Артистичная и высокоинтеллектуальная. Никогда не мастурбировал и не знал о гомосексуализме среди женщин; очень чувствителен к прикосновениям к половым органам.

"№ 2. Имела сексуальные отношения, но никогда не вступала в коитус, со многими мужчинами. Взаимно мастурбировала с одним мужчиной. Часто мастурбировала сама, и ей требовалось много времени, чтобы достичь оргазма, даже при *куннилингусе*, который доставлял ей огромное удовольствие. После этого она наклонялась и страстно целовала меня в губы. Любила длительные поцелуи, во время которых язык играл заметную роль. Высокая и полностью развитая, но без внешности. Умная, с мужским складом ума и сильная физически. Умело скрывала свою страстную натуру, которая, однако, долго развивалась и долго сдерживалась девичьей скромностью.

"№ 3. Невинна до брака и ненавидела, когда ее жених даже прикасался к ней, и это чувство сохраняется до сих пор. Имела связи со многими мужчинами и несколько выкидышей, один законный, другие незаконнорожденные, и один незаконнорожденный ребенок. Сама не мастурбирует, но с готовностью поддается соблазну, когда это делают другие. Самая страстная женщина, которую я когда-либо встречал. Хорошая, типичная, женственная фигура, но худая и слабая. Внешне не очень, но очень очаровывает мужчин. Умная и интеллектуальная.

"Нет. 4. Совокуплялась только со своим мужем до меня. Не очень страстно. Я ничего не знаю о мастурбации или гомосексуализме в ее случае. Очень широкие бедра, большая грудь и хорошо

развитые ягодицы. Ее бросил муж. Детей нет. Довольно глупая и слабоумная. Проникновение затруднено из-за длинных больших половых губ.

"№ 5. Знает все о гомосексуализме обоих полов и хочет узнать обо всем побольше. Вероятно, мастурбирует. Несколько детей. Сначала была влюблена в своего мужа, но теперь устала от него и перешла к другим мужчинам для разнообразия и потому, что ее муж перестал доставлять ей сексуальное удовольствие. Очень страстная; испытывает медленный оргазм; любит наготу и контакт тел. Очень большая вагина. Широкие бедра и полная грудь. Интеллектуальная, но не такая от природы. Артистичная и очень музыкальная.

"№ 6. Абсолютно невинна до брака. Была практически изнасилована своим мужем в первую брачную ночь. Все это представление вызывало у нее отвращение, и она не могла выносить ласк мужа. Во время беременности она была напугана, потому что не знала, что должно было произойти, *то есть*, как родится ребенок; и никто не просветил ее — ни врач, ни медсестра, ни мать. Не знал значения слов "сексуальное чувство" и вообще никогда не думал о сексуальных вопросах до женитьбы. Я пробудил в ней страсть, представил все в их истинном свете, довел ее до оргазма и сказал ей, что это значит. Сначала оргазмы заставляли ее плакать и почти терять сознание, а затем она стала очень страстной. Очень возбуждалась от куннилингуса, который я практиковал на ней не раз. Она призналась, что оргазм был сильнее и полнее во время коитуса, чем во время мастурбации, что принесло мне облегчение. Она вызвалась раздеться догола и почти не стесняется меня. Пока не выносит своего мужа. Она признает, что до знакомства со мной была женщиной лишь наполовину, но теперь сожалеет о своем браке. Невысокая, худая и хрупкая, с узкими бедрами и без груди. Острый женский ум, но не интеллектуальный.

"Из известных мне проституток, которых насчитывается около 60, японки легко захватывают пальму первенства. Они безупречно чистоплотны, обладают очаровательными манерами и красивыми телами и проявляют разумный интерес к происходящему. Также они не всегда думают о деньгах. Возможно, следующими будут кашмирки, хотя китайцы обходят их стороной. Некоторые из более дорогих лондонских женщин терпимы, но они такие блудницы! Белые женщины на Востоке невыносимы, и неудивительно, поскольку они состоят из отбросов европейского и американского рынков. Мой список включает английский, французский, немецкий, итальянский, испано-американский, американский, бенгальский, панджабский, кашмирский, кафрский, сингальский, тамильский, бирманский, малайский, японский, китайский, греческий и поляк.

"Я, естественно, предпочитаю удовлетворять себя с женщиной, другом и леди моего собственного класса; но за неимением лучшего я с радостью выбираю следующее по доступности лучшее, стоящее ниже по шкале от дамы, которая мне безразлична, до проституток всех классов и цветов кожи, мужчин, мальчиков, животных, дынь и мастурбации. С таким же удовольствием я бы связался со своей сестрой или любой другой родственницей женского пола. Мне часто снятся эротические сны на самые необычные темы — отношения мужчины и женщины, случайные знакомства обоих полов и животных. Когда у меня завязывается интрига с женщиной, у меня нет желания мастурбировать, и я часто сдерживаю себя, когда знаю, что вскоре у меня будет доступ к проституткам. После коитуса проходит много времени, прежде чем я готов к следующему, иногда два часа; и первый всегда очень быстрый, почти всегда слишком быстрый для женщины. С незнакомой женщиной мне трудно поддерживать эрекцию в момент проникновения, и это часто доставляло мне неприятности.

"Я знаю, что большинству женщин нравится, и лишь немногим не нравится, когда я прикасаюсь к ним. Мои любимые цвета - зеленый и красный, и я довольно хорошо умею свистеть.

"Я был бы очень рад узнать, можно ли считать меня сексуально нормальным или нет, но я не желаю иметь никакого мнения о нравственности моих поступков по той простой причине, что без знания всех обстоятельств судить было бы невозможно. Но я не могу удержаться от того, чтобы не сказать, что я не считаю ничего из того, что я сделал, неправильным само по себе, и я совершенно уверен, что я никогда никоим образом не причинял вреда ни одной из дам, с которыми у меня были отношения. Я уверена, что если бы я дала обещания, которые, как я знала, не смогу сдержать, я могла бы выйти замуж за одного из них. Но результатом было бы большое несчастье для обоих, ссоры и окончательное расставание или развод — и она понимала это так же хорошо, как и я. Мое отношение к дамам может показаться эгоистичным, но я говорю только чистую правду; и я знаю, что № 6, например, может выразить мне только благодарность и преклонение за то, что я открыл ей глаза. Я взял с нее обещание вступить в половую связь с ее мужем, как только она сможет это вынести, и убедился, что не подтолкнул ее к сексуальным извращениям. Так много для самооправдания. Могу добавить, что я намеренно не ищу "любовных утех" и что, когда они попадаются мне на пути, я делаю все возможное, чтобы проявить все уважение к леди, думая, что я в гораздо большем долгу перед ними, чем когда-либо смогу заплатить".

ИСТОРИЯ XIV.—Дж.Э., профессионал, 32 года. Образование в государственной школе и университете, в которых он преуспел. С 6 или 7 лет испытывал сильные сексуальные эмоции, а с 9 лет видел сны, приносящие сексуальное удовольствие, хотя до 12 или 13 лет никаких поллюций не было. Он помнит ассоциацию сексуального возбуждения с поркой либо при виде, либо в воображении, и это чувство, безусловно, разделяли мальчики в возрасте от 9 до 12 лет в его частной школе-интернате, а позже и другие ученики государственной школы. Когда ему было около 7 лет, его няня придумывала предлоги для избияния его нейтов длинным грифелем, и он время от времени видел, как с него снимали одежду в семейной детской.

Когда ему было около 16 лет, он начал заниматься мастурбацией, что сразу же совпало с быстрым умственным развитием и успехами в школе. С тех пор он практиковал это в тех же условиях и с теми же ограничениями, что и супружеский акт. Религия никогда не действовала как какое-либо сдерживающее средство, и лучшим сдерживающим средством для всех молодых людей, по его мнению, является предупреждение их по гигиеническим соображениям. (Он стал вольнодумцем в 17 лет, отчасти из-за наблюдения за непоследовательностью религиозных людей в этом отношении. В 16 лет на него дважды нападали католики, которые пытались заниматься взаимной мастурбацией.) Он смутно помнит какое-то подобное предупреждение, полученное им в раннем детстве от своей матери.

Никаких половых сношений с женщинами до 19 лет, хотя сильные гомосексуальные чувства с 10 лет и старше, связанные с юношами женского пола. Эти чувства сильно отличались от чувств привязанности и дружбы к более зрелым молодым людям. За приступом гонореи в 21 год последовала операция по обрезанию, которая оказала благотворное воздействие, но не предотвратила приступ сифилиса в возрасте 23 лет, подхваченный в гарантированном государством учреждении во Франции. Половые сношения почти всегда с проститутками,

исходя из благоразумия и мирских соображений, хотя то, что он одобряет, было бы большей распушенностью между мальчиками и девочками при надлежащих гарантиях от нежелательного потомства. Сейчас он счастлив в браке. Он занимается мастурбацией только тогда, когда половой акт невозможен (*например*,, роды). Затем он практикуется один или два раза в неделю рано утром; на ночь это вызывает нарушение сна, мозговой активности и запор. Это кажется этически более желательным, если только жена не будет мириться с физической неверностью, чего она не сделает, и даже тогда может возникнуть риск венерических заболеваний. Его общее состояние здоровья и работоспособность во всех отношениях превосходны, поскольку венерические заболевания были быстро и полностью излечены. Гомосексуальные чувства полностью исчезли после женитьбы.

ИСТОРИЯ XV.—Г. Д., англичанин; 60 лет. "Мои самые ранние эссе о пороках несовершеннолетних были написаны не столько из-за неосторожности, сколько из-за неуправляемого невежества. Я поскользнулся там, где мои естественные защитники не подозревали об опасности, и упал, потому что меня никогда не предупреждали о коварной природе почвы. До или вскоре после того, как мне исполнилось 7 лет, пример старшего брата, который недавно начал ходить в школу поденщиком, посвятил меня в тайны мастурбации, которая тогда казалась мне столь же безобидной, сколь и увлекательной; и новому удовольствию я предавался почти ежедневно, после того как я приобрел достаточную ловкость, чтобы совершать акт в разумные сроки, без зазрения совести, либо в компании этого брата, либо в одиночестве. Приличия требовали секретности при удовлетворении того, что вскоре стало властным желанием, и предварительные операции почти с самого начала включали взаимную *фелляцию* и сближение возбужденных органов; но аналогичная приватность была должным образом обеспечена при выполнении других телесных действий, связанных с этими "менее благородными членами", и мне показалось столь же естественным и правильным для нас развлекаться таким образом, как для супружеской пары скрывать свои самые интимные объятия от посторонних глаз. На самом деле, я пошел дальше и даже стал считать отсутствие всякого стыда между нами сродни первозданной невинности, которую Адам и Ева демонстрировали до Грехопадения. Я долго верил, что мы двое были особо привилегированными и обладали особым чувством, недоступным другим мальчикам, потому что я никогда не слышал о мастурбации, пока не узнал не само слово, а саму вещь.

"Мое любопытство к реальной природе сексуального союза у людей заставило мой интеллект поработать над интересной проблемой, и, внимательно изучив определенные части Библии, классические словари Лемприера и другие, а также постоянно наблюдая, когда могла, за любовными похождениями домашних животных, я узнала достаточно, чтобы довольно ясно представить себе его наиболее характерные черты еще до того, как мне исполнилось 11 лет. Тогда я страстно желал иметь возможность вблизи осмотреть гениталии женщин или молодых девушек, и пребывание на море, когда мне было 12 лет, сделало последнее, по крайней мере, возможным. Когда берег был почти безлюден, между 1 и 2 часами дня, дочери рыбаков обычно осаждали купальные машины и развлекались в воде, купаясь и гребя в разной степени обнаженности. Я притворялся, что все мое внимание было сосредоточено на прокладывании миниатюрных туннелей в песке, в то время как я все время украдкой подглядывал за тем, что мне больше всего хотелось увидеть, будь то спереди или сзади, когда танцующие девушки

стояли прямо или наклонялись, пока их бедра не оказывались выше головы. Я уже где-то читал что-то *оклиторе*, и мне особенно хотелось увидеть его, но я смог получить лишь смутные представления; и только после посещения анатомического музея, который тогда существовал в верхней части Хеймаркет в Лондоне, много лет спустя я узнал по нескольким выставленным там моделям в натуральную величину о характерных особенностях этой части тела, а также о ненормальных модификациях, которым она подвержена либо от рождения, либо в результате распутных привычек. По-моему, мне было 15, когда я впервые узнал, что девочки могут мастурбировать так же хорошо, как и мальчики.

"Долгое время после того, как я понял, почему термины "мужчина" и "женщина" так различаются, мое воображение было занято возможными позами, в которых мужчина и женщина могут совершать акт совокупления; от Горация, Лукреция, Марциала, Аристофана и, прежде всего, от *Ars Amatoria* Овидия я получил много, но не всегда очень ясной информации, еще будучи школьником. Позже это было дополнено фотографическими снимками из публичных домов Помпеи и фотографиями из жизни, купленными во Флоренции, где они позлорадствовали над одной ночью с дважды повторенной мастурбацией, а затем уничтожили в порыве стыда.

"Но продолжая практиковать самобичевание (действительно, с определенной степенью сдержанности, но редко реже одного или даже двух раз в неделю), после того, как доктор полностью ознакомил меня с его опасностями. Тревожные комментарии Адама Кларка к Книге Бытия xxxviii, 9: " когда мне было около 12 или 13 лет, у меня никогда не было связи с женщиной, пока я не женился несколько позже в жизни. Это воздержание было вызвано не какой-либо холодностью характера, а благоразумными и религиозными мотивами и, возможно, в какой-то степени, несовершенным, но подлинным удовлетворением, доставляемым уединением. Моему воображению, как и воображению молодого Ж.-Ж. Руссо, изложенному в его *Исповеди*, был предоставлен свободный простор для проявления, но на практике я ограничивался тем, что казалось мне сравнительно невинным по сравнению с блудом. Я никогда не был таким откровенным "эксгибиционистом", как Руссо, но я не раз сворачивал к живой изгороди и делал вид, что поливаю, когда девушка только что проходила мимо меня по дороге, показывая *turgens cauda*, если ей случалось из любопытства оглянуться, как, во всяком случае, случилось однажды.

"Я с интересом наблюдал за первыми признаками полового созревания у себя лично. Я, конечно, видел лобковые волосы у многих представителей своего пола, но мне было 17 лет, когда я впервые увидел обнаженную женщину. Она стояла у дверцы своей машины, отжимая купальный костюм, когда я проплывал мимо, и ее лицо было скрыто использованным тогда тентом, так что она не могла меня видеть. Небольшое выделение прозрачной слизи начало характеризовать оргазм в возрасте 12 или 13 лет (до того, как произошло какое-либо извержение спермы), такое же, как позже *измочеиспускательного канала*, когда непристойное возбуждение достигло определенной высоты, даже если окончательная кульминация могла быть отложена или вообще предотвращена. Я считал изысканной роскошью продлевать период возбуждения, насколько это возможно, часто останавливая слишком быстрое продвижение к цели. Я полагаю, что этой практикой повторяющихся остановок, когда оргазм был неизбежен, и умственным развратом, который был его обычным сопровождением, я причинил своей нервной системе больше вреда, чем чем—либо другим - даже тем ранним возрастом, в котором утвердилось опасное потворство своим слабостям. Ночные поллюции (продолжение

похотливых снов) начались, когда мне было около 15 лет, и в этом возрасте я впервые испытал непроизвольную разрядку во время бодрствования под влиянием чисто ментальных эмоций; но этот последний способ побега случался не часто, а позже и вовсе прекратился. Моя мышечная сила не пострадала от слишком частых поблажек, и я приобрел некоторое спортивное мастерство на футбольном поле и беговой дорожке, как мальчиком, так и юношей. Пешие прогулки долгое время были моим любимым развлечением, даже после того, как велосипед стал все более популярным. Мое здоровье, однако, пострадало и в других отношениях из-за слишком постоянной погруженности в похотливые мысли, которые находили выход в эротических стихах и сказках, обычно уничтожаемых вскоре после их написания. С детства я был подвержен более или менее продолжительным припадкам психической депрессии. Насколько я унаследовал эту склонность (мой отец и его отец были женаты на двоюродных сестрах, и для нашей семьи был характерен невротический диатез) или насколько она усугубилась из-за вредных привычек, я не могу сказать; причина и следствие, без сомнения, действовали друг на друга.

"Приближаясь к подростковому возрасту, я старался сделать самоистязание как можно более похожим на имитацию полового акта такими методами, какие только можно себе представить. Мои биологические исследования (я получил стипендию и отличился в своем университете) были направлены с наибольшим пристрастием к репродуктивной системе, особенно к модификациям копулятивных органов у разных животных и разнообразным способам их использования. Сексуальный инстинкт, будь то в его нормальных или ненормальных проявлениях, - это тема, которая всегда сильно привлекала меня, и она не утратила своего очарования ни с возрастом (сейчас мне 60), ни с конкуренцией других интересов.

Мой весьма ограниченный опыт работы с женской половой системой привел бы меня к выводу, что *клитор* - единственная особо чувствительная часть женских *гениталий*, и соитие не доставляет удовольствия, если одновременно не воздействовать на "спусковой крючок любви", что можно сделать при интромаиссии *a tergo*; что разум нормально здоровой девушки совершенно свободен от сексуального возбуждения физического рода, и что мало любопытства вызывает точный *modus operandi* супружеского акта; но, тем не менее, я уверен, что это не так. у вас есть веские основания полагать, что это если и не необычный тип, то ни в коем случае не единственный существующий.

Что касается сексуальной инверсии, то мой личный опыт ограничивался двумя или тремя *грандиозными страстями* к мальчикам, первая из которых овладела мной в возрасте от 16 до 18 лет, а в 17 лет вызвала сильнейшую душевную эмоцию романтического толка, окрашенную острой ревностью и досадой на сравнительную холодность по отношению к себе. Эти любовные пассажи никогда не приводили меня к неделикатному поведению (однажды мне самому угрожал подобным обращением незнакомец, с которым я познакомился однажды в Британском музее, когда мне было 15 лет. Он отвел меня в свою спальню в гостинице, запер дверь и показал мне коллекцию монет, дав мне немного, и при этом попытался позволить себе неприличные вольности (но я притворилась, что должна успеть на определенный поезд, отперла дверь и поспешно сбежала), и не искала никакого удовлетворения, кроме случайных поцелуев и других невинных ласковых выражений, хотя такие ласки иногда вызывали эрекцию, которую я тщательно скрывала. Однако эти любовные связи не были результатом извращенного инстинкта, и они не были препятствием для увлечений противоположным полом, которые влияли скорее на мое воображение, чем на сердце".

ИСТОРИЯ XVI.—Эта история изложена собственными словами испытуемого: А. Н., 34 года, выпускник университета, предан учебе и интересуется философией и теологией. Он счастлив в браке и является отцом единственной дочери. С момента полового созревания у него отличное здоровье.

Оглядываясь назад, он обнаруживает, что зачатки сексуального чувства неясны. Это чувство ни в коей мере не идентично по своему развитию познанию феноменов секса вообще. Последнее он приобрел таким образом: его мать в очень раннем возрасте рассказала ему о явлениях рождения и объяснила ему (возможно, в то время без необходимости), что половые органы маленьких девочек отличаются от его собственных. Это знание привело к тому, что в возрасте 9 лет он попросил маленькую двоюродную сестру, которая приехала жить к ним в семью (он был единственным ребенком) и делила с ним постель, показать ему ее гениталии. Она с готовностью это сделала, а также пригласила его к половому акту, который она описала как "приятную игру". Он подчинился, но, конечно, без какого-либо чувства удовольствия или какого-либо понимания природы того, что он делал. Вскоре после этого он пошел в дневную школу, где среди необычайно грубых разговоров мальчиков его посвятили во все наиболее очевидные явления секса. Но все же это был всего лишь вопрос интеллектуального любопытства. Как таковая, она имела для него странное очарование, и по сей день он помнит многие непристойные слова и фразы, как, например, набор непристойных стихов, начинающихся словами "Уильям, молочник, сидел под деревом", описывающих половой акт, хотя некоторые детали были им все еще неправильно поняты. То, что до десятого или одиннадцатого года у него не пробуждалось настоящего сексуального желания, ясно из того факта, что у него не было желания повторять попытки совоплощения со своей двоюродной сестрой, хотя он действительно иногда, опять же из любопытства, трогал ее гениталии, о чем она, став явно более привередливой, сообщила его матери, которая сурово отчитала его, сказав, что это "начало всего зла".

"Желание пробуждалось постепенно и, как я уже сказал, смутно. Не только в школе, но и среди его собственных кузин, особенно двух девочек (кроме упомянутой выше) и мальчика, разговоры были до крайности похотливыми, хотя слова никогда не переходили в дела, как между мальчиками и девочками. Однако вскоре, примерно на пятнадцатом году жизни, насколько он помнит, он приобщился к практике мастурбации: сначала переспал со своим двоюродным братом, они вдвоем играли в "мужа и жену", а затем, если говорить более откровенно, сосед, крепкий, чувственный парень, однажды отвел его в сторонку и, вытащив собственный пенис, спросил, "знает ли он, как приготовить пахту". Сначала из любопытства, а потом, чтобы получить новые сладострастные ощущения, он начал усердно практиковать этот порок, который, как он сам говорил, был очень полезен. как выяснилось позже, это было очень распространено, если не сказать универсально в отношении него. О том, что это было морально предосудительно, у него в то время не было и тени представления; он считал, что это относилось только к категории "грязного". Его отец совершенно пренебрег этим развитием событий, веря, я полагаю, в суеверие о "невинности детства".

"Эта практика мастурбации усердно продолжалась до его шестнадцатилетия, когда его истинная природа и опасность были раскрыты ему хорошим священником, который подготовил его к конфирмации. К тому времени он далеко зашел, как в пороке одиночества, так и в пороке

"вдвоем" со своим двоюродным братом мужского пола, с которым практиковал даже "фелляцию" и "интромаиссию в анусе". Но теперь он начал бороться с этим и добился некоторого прогресса, но так и не избавился от этого полностью до своей женитьбы в 26 лет, настолько глубоко это повлияло на него. Особенно в промежутке между сном и бодрствованием, или когда он лежал без сна ночью — когда монахи молились "ne pollutantur corpora" — эти атаки коварно обрушивались на него. Он боролся неделями, а затем случался рецидив. Однажды он переспал с молодым дядей, который забавлялся, думая, что спит, играя со своим пенисом, пока у него не начались выделения. А. Н. приветствовал это событие с острой радостью — он едко утверждал, что испытал удовольствие, не будучи виновным в его возникновении! Затем, "приходя в себя", он мучился из-за своего порока, вспоминая, например, что, в то время как он радовался тому, что было сделано, тот самый двоюродный брат, который некоторое время назад разделял его грех, был искренне раздражен вниманием того же дяди, когда именно он страдал от него.

"Оглядываясь назад на весь период своей юности и отрочества, он может проследить психологический эффект того, что происходило втайне, в его отношениях с девушками и женщинами. Одним словом, эти отношения были исключительно сентиментальными. Он часто воображал себя влюбленным; но это было только воображение. Он был влюблен в призрак, а не в девушку из плоти и крови. Он не решался относиться каким-либо сексуальным образом к любой девушке, о которой был высокого мнения; сексуальное желание и "любовь", казалось ему, населяли разные миры и сводить их вместе было бы осквернением. В часы отдыха от очень тяжелой интеллектуальной работы, которой он в то время занимался в школе и университете, он был вполне доволен обществом совсем юных девушек или даже детей, в то время как большинство его друзей искали бы женщин своего возраста. Ничто не могло быть дальше от его желаний или намерений, чем любой похотливый или, по сути, неприличный поступок по отношению к любой женщине, в чьей компании он мог бы находиться: ни одна мать не колебалась бы, доверив свою дочь его обществу. Я твердо верю, что дисциплина того же ложа, что и Гиббон (*Decline and Fall*, изд. Бери, т. ii, стр. 37) так веселится над тем, что могло бы быть перенесено им без труда. Его внешнее поведение было во всех этих отношениях самым благопристойным, и все же ночь за ночью он мог мастурбировать, его воображение пылало видениями женской наготы.

"Любопытно, что единственной настоящей женщиной, к которой он испытывал какое-либо влечение в более ранний период (в возрасте от 14 до 16 лет), стала двоюродная сестра, жившая в этом доме. В одном случае он коснулся ее груди, в другом — обнаженных бедер - и это было все! Когда она достигла половой зрелости, она позволила бы себе гораздо больше вольностей, но он довольствовался тем, что время от времени, когда удавалось это сделать, бросал лукавый взгляд на ее набухающую грудь. Страх перед тем, что она забеременеет, было достаточно, чтобы держать его подальше от ее постели. Позже все это прекратилось, и, как я уже сказал, его внешняя жизнь стала абсолютно благопристойной.

Следовательно, ему не грозила опасность иметь дело с проститутками. Предварительные встречи, разговоры таких женщин, особенно их пристрастие к выпивке, были бы для него в высшей степени отвратительны. Он бы избегал возможности заразиться венерическими заболеваниями, такими как чума. Но он никогда не был свободен от порока одиночества; он втайне завидовал тем, у кого были поводы для совокупления в том, что я мог бы назвать приличным и опрятным образом, друзьям в деревне с фермерскими девушками и т.д., о которых он слышал. Он также предавался похотливому чтению, непристойному, когда

удавалось его раздобыть, а не просто наводящему на размышления, которое никогда не было ему по вкусу. Он был знаком с довольно большим количеством непристойных мест на латыни и греческом, знал более широкие фарсы из *"Кентерберийских рассказов"* и *"Декамерона"*, а позже "состязаний" Лафонтена и *"Шуток"* Поджо. Как, я думаю, говорит Сте-Бев о Гиббоне, таким образом он приобрел "эрудированный и холодный" вид непристойности.

Все это, конечно, лишь одна половина, и далеко не всегда доминирующая, его натуры. Он часто раскаивался в своих проступках и был искренне религиозен. Он также любил серьезное обучение и ухитрился получить первоклассную университетскую степень. Тем не менее, время от времени глубоко чувственная сторона его натуры давала о себе знать. На время его можно было усыпить, но убить - никогда.

И все же я не думаю, что можно было бы сказать, что у него был сексуальный инстинкт в какой-то действительно высокой степени. Это было больше похоже на маленькую муху, которая издает громкое жужжание, чем на какой-либо существенный фактор в его телосложении. Примерно в то же время у него был товарищ, о котором это замечание еще более верно. Разум этого человека был переполнен всевозможными рискованными историями, всевозможными сексуальными подробностями. Он совершал долгие прогулки с девушками распущенного характера, беседовал с проститутками дома и за границей, и все же, я полагаю, он никогда не вступал в половой акт.

"Таким, значит, был предмет этого уведомления вплоть до момента его женитьбы. Двое мужчин, можно сказать, в одной шкуре. Один ученый, другой просто непристойный; один образец благопристойности, другой оскверняющий себя.

"В сексуальном плане он был похож на человека, знающего все, что только можно знать, и в то же время ничего не знающего. Подобно мальчику-герою из *"Эрвахена"* *Фрюлинга Ведекинда*, он долго жил в Египте, но никогда не видел пирамид. Он начал терзать себя вопросами о том, способен ли он еще на это; не навредил ли ему постоянно повторяющийся порок; не сделал ли он себя непригодным для брака. Он был так застенчив и сдержан в отношении своей тайны, что никогда не смог бы заставить себя рассказать о ней врачу. - Что? он! добрый, религиозный! безупречно нравственный и благопристойный!" (именно такой репутацией он пользовался среди своих друзей); "он, жертва столь черного порока!" Нет, нет! - *Секрет моей смерти!* - воскликнул он.

Однако фортуна была благосклонна к нему. Он был в раннем возрасте свободен от финансовых забот, которые чуть не раздавили его в начале карьеры, и со временем познакомился с семьей, из которой выбрал себе прекрасную жену.

"Общество, в котором он жил, было, я полагаю, самым сдержанным в вопросах секса из всех классов Англии — респектабельный низший средний класс; лавочники и тому подобное, с традициями домашней религии и добродетели. Классы, стоящие немного выше по шкале (к которым, кстати, принадлежала его мать), могли бы гораздо лучше посочувствовать человеку в его положении. Что ж, семья его будущей жены принадлежала к высшему классу и, что гораздо важнее, была иностранного происхождения, для которой не существует большого количества наших английских "условностей". Для них секс был откровенно признан важным фактором в жизни, и мать этого семейства, по мере того как он становился все более близким, затронула

темы, которые он никогда раньше в такой манере не обсуждал. Нет необходимости приводить здесь какую-либо общую историю его отношений с этим семейством, поскольку они не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Через некоторое время он обручился с младшей дочерью, на два года старше его, женщиной поразительной красоты и великолепного развития, которая привлекала его, как никто другой, как своими интеллектуальными и социальными качествами, так и физической красотой (до сих пор он отчаивался найти сочетание этих двух качеств в одном человеке), поскольку она, безусловно, самая красивая женщина, с которой он когда-либо был знаком.

Теперь он начал практически знакомиться с женщиной — и с той, кто порывами, темпераменту, манерам и образу мыслей отличалась *оттого село* от девушек, которых он знал в своем старом доме. Ее сексуальная натура была зрелой и развитой, и хорошо, что помолвка была непродолжительной, иначе напряжение и предвкушение того времени могли бы нанести вред здоровью обоих. Как обычно, в своих внешних отношениях к женщинам, а значит, и к своей *невесте*, он был готов только к целомудренным ласкам. Этого, однако, было недостаточно для ее горячей и страстной натуры. Они зашли настолько далеко, насколько это было возможно, что не достигли настоящего коитуса.

Однако через несколько месяцев свадьба состоялась, и поначалу это принесло ему горькое разочарование и, казалось, подтвердило его худшие опасения. Он обнаружил, что совершенно неспособен получить удовольствие или удовлетворительный половой акт; совершенно неспособен при любой эрекции, которую он мог вызвать, ввести свой хорошо развитый пенис в чрезвычайно узкое и сжатое влагалище своей жены. Однако примерно через две недели после свадьбы, вернувшись из их короткого свадебного путешествия, он почувствовал себя намного сильнее и совокуплялся с ней, особенно ранним утром, так удовлетворительно, что вскоре она обнаружила, что ждет ребенка. Коитус теперь стал доставлять ему гораздо больше удовольствия, но его жене по-прежнему причинялась боль.

"После девяти месяцев супружеской жизни родился ребенок, единственный отпрыск этого брака, здоровая девочка. Стресс того времени, расстройство здоровья его жены, ее нервный срыв и, как следствие, неуравновешенный характер, казалось, в течение почти двух лет эффективно подавляли в муже любое сексуальное желание, и этот период, возможно, является самым целомудренным в его жизни. Желание, казалось, было единственным, чего не хватало. Отвращение к чувствам у его жены было поразительным. Некогда влюбленная *невеста*, которая едва могла дождаться замужества, чтобы испытать своего возлюбленного, теперь стала женой и матерью, которая вряд ли хотела, чтобы к ней прикасался ее муж.

Однако ее здоровье постепенно улучшалось, и установилось более нормальное положение вещей, которое сохраняется по сей день, нарушаемое только периодами воздержания, в основном вызванными приступами анемии и нарушениями менструального цикла, от которых время от времени страдает его жена. Обычно он наслаждается половым актом один или два раза в месяц, вряд ли чаще, проводя один месяц с другим. Когда-то он лично воплощал в жизнь поговорку "*Все животные после совокупления*", но сейчас, к счастью, такое подавленное настроение ощущается редко. Иногда он чувствовал подавленное настроение, общую неудовлетворенность, прежде чем испытать сильную эрекцию; в этих случаях коитус улучшал его настроение. Он, естественно, рассматривал бы коитус как средство эвакуации, хотя и признает несовершенство этой точки зрения. Во-первых, он постоянно сожалеет, а именно о

том, что этот акт не доставляет удовольствия его жене и что он никогда не был в состоянии вызвать у нее кризис обычными средствами. При таком положении дел, зная, что "после удачного исхода" она все еще не удовлетворена, он перешел к практике растирания клитора пальцами до тех пор, пока не произойдет семяизвержение. Для этого они занимают позицию "ille sub, illa super". Исходя из его собственного ограниченного супружеского опыта, он никогда не был в состоянии понять истории женщин, которые мастурбируют несколько раз в день, поскольку его жена была бы физически неспособна (так он считает) на что-либо подобное и легко достигала кризиса при любых обстоятельствах только в течение первых нескольких дней после прекращения менструации. В целом, теоретически соглашаясь с сэром Ричардом Бертоном и другими в том, что восточный стиль коитуса (направленный на удовольствие вашего партнера) является правильным, он постоянно жалеет о том, что не может практиковать его. Вместо двадцати минут, требуемых женщинами Индии (по словам Бертона), он счастлив, если может уделить им максимум две или три, поскольку он хотел бы продлить удовольствие, столь же острое для себя, какое он мог бы пожелать для своей дорогой и превосходной супруги".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ XVII в.—Р. Л., американец; 43 года; рост 5 футов 7 дюймов; вес около 145 фунтов; профессия - учитель; несколько невротичен; легкая близорукость, связанная с острым астигматизмом и мышечной слабостью глаз, вызывающая склонность к мигрени. Мочекислый диатез, иногда приводящий к тяжелой невралгии, особенно в кишечнике. Эти симптомы были более или менее постоянными с самого раннего детства. Общее состояние здоровья очень хорошее. Не склонен заниматься атлетическими видами спорта, но предпочитает сидячие занятия и активный отдых.

"Мои ранние представления о сексе не очень ясны в воспоминаниях. Я думаю, что когда мне было 7 или 8 лет, я уже знал об обычных или вульгарных терминах, обозначающих половой акт и половые органы. Мальчики моего возраста и чуть старше обсуждали сексуальные отношения, и я в общих чертах знал, что "дети были каким-то образом связаны с половым актом". Время от времени мы рассказывали непристойные истории и несколько раз пытались заниматься сексом друг с другом. Только после наступления половой зрелости я когда-либо пробовал мастурбировать. Мне, должно быть, было 9 или 10 лет, когда я узнал, что половые органы мальчиков и девочек различаются. До этого времени я предполагал, что половое сношение было *обязательным*. Я посещал государственную школу с представителями обоих полов. Разговоры среди моих приятелей-мальчиков часто были непристойными и касались полового акта с девочками. Примерно в 12 лет мне начали сниться эротические сны наяву. У меня всегда была сентиментальная привязанность к какой-нибудь знакомой девушке, которую я идеализировал и с которой представлял себя вступающим в сексуальные отношения. На самом деле, настоящего сексуального чувства в этом не было. Поскольку я был очень застенчив и робок от природы, я никогда не делал никаких заигрываний ни с кем из них, и они были совершенно не осведомлены о каких-либо чувствах привязанности ко мне.

"Пубертатные изменения начались, я полагаю, примерно в возрасте 13 с половиной лет. Я отношу это к этому периоду исходя из следующих обстоятельств, которые очень прочно запечатлелись в моей памяти: в детстве у меня было сопрано, которое очень хвалили старшие друзья и которым я был чрезмерно самонадеян, мне очень нравилось участвовать в опереттах,

кантатах и т.д. Драматический инстинкт, если его так можно назвать, всегда был присущ мне, и любительская драматургия по-прежнему является моим главным развлечением. Когда я был примерно в упомянутом выше возрасте, мой голос довольно быстро изменился, к большому моему огорчению, поскольку я был вынужден отказаться от роли, на которую меня пригласили в школьном представлении. Воспоминание об этом разочаровании все еще мучительно. Другие изменения, такие как появление волос в период полового созревания, должно быть, не произвели на меня никакого впечатления, поскольку я не могу вспомнить ничего в связи с этим. Непроизвольных поллюций не произошло. Действительно, в периоды воздержания в дальнейшей жизни, когда сексуальное напряжение было очень сильным, у меня было очень мало таких поллюций.

"Когда мне было 11 или 12 лет, я часто слышал намеки на мастурбацию от других мальчиков постарше, но всегда в такой форме, которая выражала презрение. И все же сейчас у меня нет сомнений в том, что практика была очень распространенной. Я думаю, что мне было, вероятно, около 15 лет, когда я решил попробовать этот акт. Я думаю, что в этом решении было мало сексуального импульса. Движущей целью было скорее любопытство. Мне удалось добиться полного оргазма, и я нашел его приятным, хотя при извержении спермы испытал значительный шок от неожиданности. Насколько я могу судить по моим воспоминаниям о событиях столь далекой давности, это было началом определенной сексуальной чувствительности во мне. Однако я не могу не верить, что рано или поздно это было бы вызвано каким-то другим способом. После этого я представлял себя в обнимку с некоторыми из подружек, о которых я упоминал выше, и, когда возбуждался, мастурбировал. Во всех случаях этот акт был психическим общением. Некоторое время я не знал, что эта практика считается вредной. Я баловался ею всякий раз, когда чувствовал склонность. Временами это случалось довольно часто; опять же, только через значительные промежутки времени. Я знал, что это считалось недостойным мужчины, и никогда не признавался, за исключением, возможно, двух или трех друзей-парней, что я когда-либо потакал себе. С этими мальчиками я несколько раз практиковал взаимную мастурбацию. Ни у кого из нас не было гомосексуального чувства, связанного с этими действиями. Дело было только в том, что обычный метод удовлетворения наших желаний был недоступен. Я знаю последующую историю каждого из этих мальчиков, и ни в одном из них не было ничего, что указывало бы на какой-либо извращенный инстинкт. Примерно в возрасте 16 лет я услышал выступление странствующего евангелиста на сексуальные темы, который в устрашающих тонах описал последствия мастурбации. Теперь я понимаю, что он был невежественным, хотя и исполненным благих намерений человеком; но в целом его речь произвела на меня плохое впечатление. Одним из результатов этой привычки, согласно его утверждениям, было безумие. Поэтому я ожидал, что в любой момент сойду с ума. Я чувствовал, что должен немедленно прекратить практику, но этот вопрос стал настолько сильной навязчивой идеей, что я снова и снова нарушал свое решение исправиться. Я занимался физическими упражнениями, соблюдал диету, читал серьезную литературу: все это, как я видел, упоминалось в книгах как методы уменьшения сексуального желания. Целью этих дисциплинарных практик всегда было то, что занимало наибольшее внимание, и поэтому они были бесполезны. К счастью, я поступил в колледж немного позже, и дела школьной жизни постепенно заняли главенствующее место в моих мыслях, а практика занимала не так уж много внимания. Однако я полностью порвал с этим почти до момента моего замужества. Если бы мне было известно нынешнее отношение научного медицинского мира к этому предмету, я не верю, что эта практика принесла бы мне какое-либо зло. В более поздний период моей жизни,

скажем, между 21 и 24 годами, я бы не стал потакать этой привычке в течение значительного промежутка времени. Временами я не замечал наличия или отсутствия желания. Но затем наступали периоды, когда я испытывал сильное сексуальное напряжение. Это было отмечено сильной нервозностью, неспособностью сосредоточить свое внимание на чем-то одном и большим желанием вступить в половую связь. Акт мастурбации в такое время обычно приносил облегчение. Однако, когда я поддавался этой форме облегчения, за этим всегда следовало чувство глубокого самобичевания и отвращения к себе. Если бы у меня были ночные выделения, они могли бы принести мне облегчение; но, как я уже говорил ранее, они случались очень редко. Когда, в редких случаях, такое случалось, я сильно пугался, потому что у меня было старое, ошибочное представление, что они означают серьезную слабость, и я всегда приписывал их моей дурной привычке. То, что моя привычка к мастурбации имела какое-либо отношение к редкости произвольных поллюций, было бы, конечно, вопросом чистого предположения. Переходя к обсуждению личной мастурбации, я хочу сказать, что мои ассоциации с мальчиками как ученицы и как учителя наводят меня на мысль, что эта практика практически универсальна. Обсуждая гигиенические пороки проституции с учениками-мальчиками, я отметил, что, хотя нередко мальчики добровольно заявляют, что у них никогда не было полового акта, при упоминании мастурбации всегда наступало многозначительное молчание. Я никогда не слышал, чтобы мальчик отрицал, прямо или косвенно, что он занимался этой практикой. Но это редко было извращением. Скорее, это было, как и в моем собственном случае, доступным средством ослабления сексуального влечения.

"Во время учебы в колледже я общался со многими мальчиками, у которых были более или менее регулярные сексуальные отношения с проститутками или с девушками, которые не были добродетельными. Их отношение к этой практике было аморальным. Этический аспект нерегулярных сексуальных отношений их никогда не волновал. Меня это, конечно, не касалось. То, что я узнал из моих бесед на эту тему со своими учениками, делает для меня очевидным, что это обычное чувство большинства мальчиков подросткового периода. Я думаю о двух вещах, которые сильно мешали мне вступать в сексуальные отношения с девушками в тот период моей жизни. Одной из них было эстетическое отвращение к среднестатистической проститутке. Это женщины, наиболее доступные молодежи, чьи сексуальные желания развиты. Я не помню, чтобы когда-либо видел признанную проститутку, которая не казалась бы мне отталкивающей. Признаюсь, у меня есть склонность к педантизму. Я предпочитал общаться с людьми, которых называл "приятными людьми". Мне повезло, что я оказался в обществе довольно грубой толпы молодежи, которая выбила из меня большую часть этого снобизма. Но это действительно предотвратило мое обращение к проституции. Второй профилактикой была моя природная робость при заигрывании с людьми. Это была черта, которую я так и не смог полностью преодолеть. В моей профессиональной жизни это было некоторым препятствием для моего продвижения по службе. В вопросе сексуальных отношений это, как правило, мешало мне пользоваться общением и даже заигрываниями с девушками, которые, не будучи проститутками, тем не менее не были добродетельными. В городе и окрестностях, в которых я жил, таких было немало, и я, несомненно, мог бы вступить с ними в сексуальные отношения, если бы только смог преодолеть свою застенчивость. Желание не было недостатком. Я действительно жаждал общения с ними. Это был просто вопрос трусости. Была одна девочка, которую я очень хорошо знал, с которой я был в дружеских отношениях, которая, как я знал, имела сексуальные отношения с другими мальчиками. Временами она проявляла ко мне явное предпочтение, и я уверен, что приветствовал бы любые авансы, которые я должен был сделать.

Несколько раз я искал ее общества с намерением предложить половую связь, но моя решимость всегда терпела крах.

"На протяжении всего обучения в колледже я много общалась с девушками. Мы учились в одном классе, очень свободно общались в обществе, часто учились вместе. Это самое обычное положение вещей в западной части нашей страны. Но они были просто товарищами: мысли о сексе никогда не возникали в связи с такой ассоциацией. И я совершенно уверен, что таково было общее отношение других мальчиков. Хотя разговоры среди студентов-юношей временами были очень откровенными и грубыми о сексуальных отношениях, ни малейший намек на скандал никогда не касался ни одной из студенток колледжа. Опять же, мой опыт учителя и ученика позволяет сделать вывод, что совместное обучение полов так или иначе не влияет на чисто сексуальную жизнь ученика мужского пола. Один очень близкий друг, у которого был разнообразный опыт школьной работы, недавно сказал мне, что его выводы такие же.

"Когда мне было около 20 лет, я познакомился с очень красивой девушкой, на четыре года моложе меня. Наше знакомство очень быстро переросло в более глубокую привязанность, и примерно через пять лет мы поженились. За все это время очень мало физических аспектов любви касалось нашей привязанности. Моя возлюбленная была во многом такой же застенчивой, как и я. В течение нескольких лет я думаю, что мысль о браке никогда отчетливо не присутствовала в наших умах. Официальная помолвка между нами состоялась только через полтора года после нашего брака. И все же каждый из нас очень отчетливо понимал чувства другого. Но до нашей помолвки не было ни одного из тех самых невинных проявлений нежности, которые, я полагаю, свойственны всем влюбленным. Я уверен, что в течение этого периода нашей привязанности ни одна мысль о каких-либо физических отношениях между нами никогда не приходила мне в голову; или, во всяком случае, была немедленно изгнана, если она возникала. И все же все это время мои сексуальные желания были очень сильны и временами становились навязчивой идеей. Однако никогда они не были направлены на мою возлюбленную. В первый раз, когда мы занялись ласками, дозволенными любовникам, я через некоторое время осознал состояние сексуального возбуждения. Я испытал эрекцию. Это было абсолютно рефлекторно, в это не входило никакой мысли. Меня сразу же охватило чувство стыда. Я почувствовал, что был виновен в немыслимой непристойности по отношению к моей невесте. Затем возникло опасение, что это может быть замечено. (Мужчины в то время носили отвратительно тесную одежду.) На самом деле, теперь я знаю, что реальной опасности в этом не было, поскольку она была абсолютно неосведомлена о природе мужских половых органов. Но я придумал предлог, чтобы выйти из комнаты, и попытался поправить свою одежду, чтобы не обнажиться. Я боялся снова оказаться в непосредственной близости от нее, чтобы это чувство не повторилось. На самом деле это действительно происходило несколько раз, но мой здравый смысл в конце концов подсказал объяснение, и через некоторое время это перестало меня беспокоить. В моем сознании подспудно присутствовала мысль, что сексуальное возбуждение всегда было более или менее неприличным, и я не мог примирить его проявление с чистой любовью.

"Я уже говорил, что мое сексуальное желание было сильным. До вступления в брак оно никогда не удовлетворялось обычным способом. Мое эстетическое отвращение к проституткам продолжало препятствовать его удовлетворению таким образом. Другой возможности не представилось. Я уверен, что моральные соображения вообще не имели значения. Теперь я думаю, что было странно, что мысль о том, что связь с другими женщинами была бы

предательством по отношению к моей обещанной жене, не повлияла на меня. Но я уверен, что это не так. Я склонен думать, что добросовестные угрызения совести очень редко входят в рассуждения среднестатистического молодого человека о предполагаемых сексуальных отношениях.

"По мере приближения моего замужества мысли о физических отношениях мужа и жены, конечно, становились все более настойчивыми. Идея установления сексуальных отношений была совсем не из приятных. Я боялся этого как тяжелого испытания. Я задавался вопросом, сможем ли мы сохранить ту же любовь и привязанность друг к другу после установления таких интимных отношений. Это было повторением ошибочного представления о том, что в сексуальных вещах есть что-то изначально неприличное. Я надеюсь, что другие идеи заменяют эту неправильную в умах молодого поколения в результате более здорового и откровенного обсуждения секса. Приложив огромные усилия, я практически перестал мастурбировать. Временами я почти сходил с ума от желания. Но никогда перспектива замужества не казалась мне желанной с этой точки зрения. До самого дня нашей свадьбы моя привязанность к моей нареченной казалась свободной от сексуального желания. Но мое физическое существо жаждало сексуального общения.

"Теоретически я многое знал о природе полового акта. Практически я был в абсолютном невежестве. В некотором смысле я был лучше информирован о вещах, которые должен знать новый муж, чем обычный мужчина, вступающий в супружескую жизнь. В моем распоряжении была библиотека врача, и я довольно много читала по физиологии и гигиене. Выбранные мной направления обучения дали мне довольно основательные теоретические знания анатомии женских половых органов. Я немного знал о физиологии размножения и еще меньше - о половом акте. К счастью, в ходе своего чтения я узнал, что первые сексуальные контакты, скорее всего, будут довольно болезненными для женщины и что в это время следует проявлять большую осторожность. Я попытался применить на практике то немногое, что я узнал в теории, и я полагаю, что мы справились с вводными попытками с меньшими трудностями, чем в среднем. Наши первые попытки не удовлетворили ни одного из нас. Моя жена была абсолютно не готова к тому, что касалось каких-либо определенных сведений об этом акте. Я искренне надеюсь, что ханжеские представления прошлых поколений уступят место более здравым взглядам в будущем, и что девушка, ставшая женой, будет такой же целомудренной, но более мудрой в вопросах, столь важных для ее счастья. Я предполагаю, что моя робость была ценным приобретением в то время, потому что я боялся каким-либо образом форсировать события, и время и неоднократные попытки в конце концов преодолели наши трудности. И когда наши сексуальные отношения однажды установились, весь уклад моей жизни изменился. Все прежние сексуальные волнения исчезли. Мое прежнее отношение к сексуальным отношениям изменилось. Они больше не казались мне чем-то таким, что, хотя и было очень желанным, все же обязательно было неприличным. К счастью, после первых нескольких недель они доставляли моей жене удовольствие. Я уверен, что наша сексуальная жизнь после вступления в брак была важным фактором в углублении любви, которая сделала нашу супружескую жизнь идеальной. Оглядываясь назад, на первый год совместной жизни, я удивляюсь, что мы так хорошо пережили это. Мои знания о сексуальной гигиене представляли собой странную смесь фактов и бессмыслицы. Если частота половых актов, пропагандируемая некоторыми авторитетными источниками, с которыми я недавно ознакомился, верна, то мы, должно быть, перешли границы умеренности. Но несомненно, что наше общее состояние здоровья было очень хорошим: в обоих случаях лучше, чем до брака.

"Рассматривая эти этапы развития моей сексуальной жизни, мне кажется, следует особо подчеркнуть один или два вывода. К сожалению, настоящее сексуальное желание было возбуждено так рано и таким образом, как это было. Я могу только догадываться, предотвратило бы это более четкое обучение гигиене и назначению функции. Я верю, что мой опыт был и остается обычным опытом мальчиков. Я твердо придерживаюсь мнения, что следует проводить инструктаж по анатомии половых органов и гигиене полового акта, и это вскоре после того, как юноша достигнет половой зрелости. Как это сделать - серьезный вопрос. Это потребует такта и знаний, которыми не обладают обычные учителя и родители. Как бы это ни делалось, оно должно быть честным, откровенным и свободным от набожности.

"Я уверен, что в моем случае довольно частое половое сношение определенно полезно. Любое длительное воздержание всегда вызывает те же нервные расстройства, о которых я упоминал выше. К счастью для меня, это повторение акта устраивает обоих заинтересованных сторон".

ИСТОРИЯ XVIII в.—Э. У., дантист, 32 года, пуританин из Новой Англии. Рост 5 футов 10½ дюйма; вес 144 фунта. Худощавый и активный, нервного склада.

"Мое самое раннее воспоминание - это наказание за "игру с самим собой", когда мне было не больше 3-4 лет. Я отчетливо помню свое ликование, когда обнаружил, что могу возбудить себя (пока мои руки были связаны за спиной для наказания), потирая свой маленький, но эрегированный пенис о ковер, лежа на животе. В то время, конечно, я ничего не знал о сексе или о том, что я делал. Я делал то, что подсказывали мне мои желания и инстинкты в то время. Однако наказания и нотации не смогли полностью избавиться от этой привычки, и, хотя я всегда желал и старался добросовестно слушаться своих родителей, вскоре я научился спокойно укладываться в постель, когда все думали, что я сплю. Очевидно, этот вопрос вылетел у моих родителей из головы, как только они перестали замечать меня в дальнейшем с поличным, и они сочли его заброшенным. Теперь я вполне уверен, что это преждевременное развитие было вызвано прилипшей крайней плотью, которая плотно прикрывала головку почти до пищеводного отверстия и таким образом вызывала постоянное раздражение.

"Я не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо учил меня этой привычке, и я знаю без сомнения, что никто никогда не узнал об этой привычке и даже ни слова о возможности самовозбуждения через мое слово или поступок. Мои воспоминания об ощущениях сводятся к тому, что был короткий период возбуждения, обычно от растирания, которое не было особенно, а часто и вовсе не доставляло удовольствия, и за этим последовал единый трепет удовольствия, который распространился по всему моему маленькому телу. Однако любопытно было то, что, казалось, не существовало предела количеству раз, когда я мог последовательно вызывать это ощущение. Мои воспоминания совершенно ясны о том, как я лежал утром в постели и таким образом возбуждал себя раз за разом. По мере того, как я становился старше, это состояние, конечно, менялось. Мастурбация не была для меня всепоглощающей страстью ни в это, ни в любое другое время. Я наслаждался ею и чувствовал, что в ней у меня было средство развлечения, когда других источников наслаждения не было под рукой.

"К тому времени, когда мне было 6 или 7 лет, я поняла разницу в полах у животных и заподозрила, что "все не так, как должно быть" в некоторых частях анатомии девочки. Это

подозрение внезапно подтвердилось в одно незабываемое утро, когда я уговорил свою самую дорогую подругу по играм, маленькую девочку, помочиться в моем присутствии. Я был скорее поражен, чем взволнован этим открытием, оно не привело ни к каким другим результатам, и мы больше никогда не раскрывались друг другу. В это время я начал учиться у старших мальчиков жалким детским пошlostям и обычным терминам секса, а также придумывать рифмы и истории, которые были жалкими в своих попытках изобразить пошлость, и обмениваться ими.

"В возрасте 11 лет пышнотелая служанка сделала мне несколько туманных намеков — я была очень высокой для своего возраста - и пыталась побудить меня позволить себе вольности с ней, по крайней мере, рассказывать ей вульгарные истории, но я не поддался соблазну. Я думаю, что единственное, что удерживало меня в узде, - это страх разоблачения моими родителями и последующего унижения. Незадолго до этого мой отец просветил меня относительно средств и способа размножения и побудил меня говорить на эти темы с ним и с моей матерью, а не с кем-либо еще. Я думаю, что это оказало большое влияние во благо, поскольку заставило меня почувствовать, что у меня есть какие-то авторитетные знания и что мои родители доверяют мне. Моя решимость не оказаться полностью недостойной их доверия была якорем, который выдержал все бури и искушения молодости и возмужания.

"Примерно в возрасте полового созревания я начал стремиться к более реалистичным переживаниям и в течение года или около того проводил отвратительные эксперименты по половому акту с животными, используя для этой цели кур и корову. Детали не имеют значения, и я избавляю себя от их повторения. Моя лучшая природа или общее умственное развитие вскоре пересилили мои желания в этом направлении, и от практики отказались.

"С появлением силы поллюции я заметил, что упомянутая ранее сросшаяся крайняя плоть, которую никогда не исследовали за все эти годы (поскольку я обнаружил, что отличаюсь от других мальчиков и поэтому стесняюсь обнажаться), начала беспокоить меня болезненностью во время эрекции. Соответственно, я взял крючок и разорвал все спайки. Очень болезненная, но в конечном итоге вполне удовлетворительная операция!

(В этой связи я могу упомянуть, что у двух моих сыновей была сросшаяся крайняя плоть до такой степени, что через несколько дней после рождения потребовалось обрезание, чтобы функция мочеиспускания могла полностью восстановиться.)

"По мере того, как мои способности развивались, мне приснился мой первый влажный сон примерно в возрасте 15 лет, и я был очень удивлен этому. Мой отец, однако, сказал мне, чтобы я не тревожился, и успокоил мои тревожные страхи, которые легко вызывались моим чувством вины из-за моей привычки мастурбировать, которой я все еще предавался от одного до трех раз в неделю.

"В возрасте от 12 до 17 лет у моего отца хватило здравого смысла потребовать от меня большого количества активной работы на свежем воздухе, а также отправить меня в отличные школы. Определенные виды занятий оказывали отчетливое влияние на половые органы, а именно трудные переводы с латыни и немецкого и задачи на дроби. В то время я считал, что это из-за того, что мой разум отвлекся от предмета, который я изучал. Теперь я совершенно уверен, что это произошло потому, что мой ум сосредоточился на предмете, который я изучал. Во всяком

случае, факт существовал, и когда я был один в своей комнате, борясь с запутанной проблемой, я почти как правило держал себя в состоянии самой сильной эрекции в течение длительных периодов — часа или около того, — иногда заканчивающейся эрекцией, но чаще я заставлял себя воздерживаться от этой кульминации из-за страха переборщить. В течение этих лет мое любопытство относительно точной природы женских органов было чем-то ужасным, и я потратила впустую много часов и много изобретательности в попытке тайно удовлетворить его. Мое упорство перед лицом неудач в этом направлении, несомненно, было достойно более благородного дела.

"В течение этих лет я много общалась с девушками моего возраста или старше, пока мне не исполнилось 19. Я обрел с ними острое, совершенно чистое и благотворное наслаждение, совершенно отдельное от желаний и поблажек, которые я описывал. Мне никогда не нравилась ни одна девушка, которая была бы "дерзкой" или в чем-либо не подобала леди, и мысль о каких-либо неоправданных вольностях с кем-либо из моих юных возлюбленных была так же далека от моих мыслей, как полет на Луну. Возможно, я смогу сказать это лучше и отчетливее, заявив, что я был бы совершенно не против, если бы моя жена узнала или мои мальчики повторили любое действие, которое я когда-либо совершал с какой-либо женщиной.

"Я проводил свое свободное время в их обществе и расточал своим подружкам каждый цент, который мог потратить, но не думал о немедленном сексуальном желании или удовлетворении. В возрасте 17 лет я поступил подмастерьем в мою нынешнюю профессию стоматолога. Всякий раз, когда мне, ассистируя у операционного кресла, приходилось дотрагиваться до волос или лица женщины, я приходил в крайнее замешательство и с трудом контролировал свои руки, чтобы они не дрожали. Вскоре это прошло, когда я осознал истинный профессиональный дух и отношение ко всем пациентам, и, само собой разумеется, теперь это стало мне совершенно безразлично.

"С 19 до 22 лет я посещал профессиональную школу в большом городе, удаленном от моего дома, где я был совершенно чужим человеком. В течение этих лет я с большим усердием посвящала себя профессиональной учебе и музыке. Я принимала активное участие во всей студенческой жизни и проблемах, за исключением "вечной женственности".

"Часто я гулял с толпой "мальчиков", когда они направлялись в бордель, и был единственным, кто поворачивал назад или оставался на тротуаре, когда дверь за моим последним спутником закрывалась. Я говорю это не ради самовосхваления, а в том же духе точности, который побудил меня изложить все, что касается этой величайшей тайны нашей природы, в том виде, в каком я ее испытал и разгадал.

"Именно в течение этих трех лет в школе я наложил на себя самые строгие и эффективные ограничения на свою сексуальную натуру. Я почему-то так и не смог "получить собственного согласия" пойти в бордель или остаться с "грязной голубкой", поскольку к тому времени твердо решил, что принесу своей жене, кем бы она ни оказалась, по крайней мере чистое тело. Я ограничил свое самовозбуждение одним выбросом в неделю и в одном или двух случаях две недели обходился без возникновения выброса. Спонтанные ночные выбросы были довольно обычным явлением в те годы. Я не могу точно сказать, насколько частыми они были, но, возможно, в среднем по одному в неделю.

"Вскоре после окончания университета, в возрасте 22 лет, я обручился с женщиной, которая сейчас является моей женой. (На момент нашей помолвки ей было 17 лет, брюнетка, хорошо развитая, с мудростью и обаянием, которые десять лет держали меня в добровольном плену без всякой надежды на побег!)

"С нашей помолвки началось для каждого из нас то божественное и таинственное раскрытие природы одного в природе другого. Наша помолвка длилась два с половиной года, и, какими бы невежественными мы оба ни были, я уверен, что она длилась не слишком долго. Никогда мне не забыть то удивление, которое я испытал, не говоря уже о восторге, когда обнаружил, что моя возлюбленная так же стремилась узнать обо мне все до мельчайших подробностей, как и я — исследовать божественную тайну ее сладкого тела.

"Мы жили в разных городах, и я обычно проводил воскресенья у нее дома. Я спал в комнате, смежной с той, которую занимали моя невеста и друг. Над дверью, соединявшей эти две комнаты, была фрамуга с прозрачным стеклом, и встать в изножье кровати и заглянуть через эту фрамугу было бы проще всего на свете, и это была такая возможность, за которую я отдал бы годы своей жизни в юности; но теперь, когда мне представился шанс беспрепятственно подсмотреть за комнатой моей будущей невесты, моя душа возмутилась, ибо я чувствовал, что только после того, как мне это откроется, потому что она больше не могла скрывать это от меня, я увижу благословенное видение ее девичьей прелесть. Я также не был разочарован, потому что постепенно мы познакомились с телами друг друга, и это постепенное раскрытие друг друга привело в течение последних месяцев нашей помолвки к взаимным ручным манипуляциям, возбуждению и удовлетворению. Половой акт состоялся только на вторую ночь после нашей свадьбы, и наш первый ребенок родился через девять месяцев и три дня после нашей свадьбы, хотя у моей жены на момент моего первого вхождения в нее прошло десять дней после прекращения месячных.

"С момента женитьбы я счел своим первым долгом изучить склонности и желания моей жены в отношении наших сексуальных отношений и могу сказать, что сейчас, после семи лет супружеской жизни и после того, как она родила мне двух сыновей, мы наслаждаемся полнотой счастья, которое ни один из нас не считал возможным в первый год нашей супружеской жизни.

"Я обнаружил, что женщина должна полностью распоряжаться временем и количеством подходов в неделю или месяц, и что, когда она по какой-либо причине не склонна к половому акту, муж должен держаться подальше, независимо от того, как он относится к этому вопросу. Кроме того, мужчина должен быть уверен, что его жена достигает оргазма или находится на грани оргазма, прежде чем он позволит себе "расслабиться".

"Наших встреч в среднем было восемь или девять в месяц. На последних месяцах беременности их было *ноль*, а через месяц после вынужденной разлуки на несколько недель им исполнилось четырнадцать. Мы никогда не пробовали и не испытывали ни малейшего любопытства узнать, как далеко мы можем зайти, чтобы побаловать себя.

"Что касается меня, то я, кажется, требую удовлетворения сексуального желания гораздо чаще, чем моя жена, и когда я чувствую, что не могу хорошо выспаться ночью, не освободившись сначала от своего семенного бремени, в то время как моя жена не склонна к половому акту, я заставляю ее выполнять ручные манипуляции до тех пор, пока не будет достигнуто облегчение. Заметь, я говорю *рельеф*, для эмиссии дает мне очень мало удовольствия в этих условиях, но это

действительно дает *облегчение*. При моем нынешнем состоянии здоровья я обнаруживаю, что не смогу хорошо спать, если проведу более двух ночей без выброса. Моя жена понимает мое состояние и полностью готова помочь мне таким образом, когда чувствует, что не может дать мне того удовлетворения, которого я жажду. Мы привыкли видеть вопросы секса такими, какие они есть, и уважение и благоговение заняли место невежества и страха.

"Подводя итог, можно сказать, что из-за отсутствия обрезания в моей ранней юности половой инстинкт развился слишком рано и непропорционально. Я не вижу, чтобы мастурбация когда-либо оказывала хоть малейшее негативное влияние на мое здоровье или психическое состояние (за исключением того, что я постоянно более или менее ненавидел себя за то, что не мог это остановить).

"Муж должен подчиняться жене, чтобы получить высшее благо и удовольствие для обоих.

"Я всегда добивался успеха в своих начинаниях. Был во главе своего класса в школе, а в своей профессиональной деятельности закончил ее с отличием. У меня отличная память на прозу или стихи, что является причиной зависти многих моих друзей. Изложенные здесь факты зафиксированы в интересах дальнейшего изучения этого наиболее важного, но заброшенного направления. Я искренне верю, что они были правдиво записаны, не отдавая предпочтения черному или светлому на белом".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ XIX.—Е. Б. Родители здоровые; у матери крепкое телосложение, у отца умеренно крепкое; энергичный и здоровый, но утонченный характер. Грудное молоко в течение шести месяцев.

"4-5 лет. Получал огромное удовольствие от маленьких гидротехнических сооружений. За это его сурово наказывали. Из-за этого болезненно возрос интерес к деталям.

"5 лет. Самое раннее воспоминание о "контрэрекции" — пенис напряженно сжимается внутрь себя, вызывая местный и общий дискомфорт. Это было результатом определенных видов *моветона*— необходимости целовать пожилых людей, оказывать услужливую помощь при мочеиспускании, купании, одевании и т.д., что вызывало своего рода физическое отвращение. Ближе к половому созреванию этот опыт стал редкостью. Один такой случай произошел примерно в восемнадцать лет, когда к нему на улице обратилась проститутка. Сама *идея* гомосексуальных отношений порождает это. Казалось бы, это мощная защита от беспорядочных половых связей. Я встречал двух мужчин, подверженных одному и тому же заболеванию, и слышал об одной женщине, подверженной чему-то аналогичному. По выражению Георга Хирта, это можно было бы назвать тошнотой "нижнего сердца".

"Возраст 6-7 лет. Самое раннее воспоминание об эрекции. Сначала неспровоцированная. Склонность к *наказанию* органа и удовлетворение от этого. С этого времени эрекция возникала всякий раз, когда об этом думали.

"10 лет. Присутствую на дискуссии на игровой площадке о лучшем способе полового акта, о котором я услышал впервые. За этим последовало разъяснение источника появления детей.

Пришел к выводу, что это, должно быть, очень болезненно для обеих сторон. "Только другим путем", - сказали мне. Но идея боли в гениталиях была мне "интересна". Боль, испытываемая другим полом, была "интересной". Страдальческие взгляды пленили меня — мне нравилось представлять себе какую-то таинственную проблему; и, по мере того как я узнавал больше, "женские жалобы" меня очень интересовали в их тематике. При этой мысли я почувствовал "благодарную боль" внизу живота, но ни эрекции, ни чего-либо противоположного. Это ощущение в гипогастрии продолжает ассоциироваться с определенными сексуальными впечатлениями. Мысль о том, что *женщина позже будет унижать себя*, возбуждала меня сексуально. Однажды, потянув за шнурок для развлечения (моя жена никогда его не шнуровала), я испытал мощную и совершенно неожиданную эрекцию.

"12 лет. Посетительница того же возраста завела со мной разговор о гениталиях, а перед сном подошла и предложила коитус. Нам это не удалось. Вульва отодвинула крайнюю плоть, что было сладострастным ощущением; затем мы были чем-то встревожены и расстались. Я больше никогда ее не видел. Ей тоже нравилось "наказывать" свою вульву. Она положила туда целый перец и посоветовала мне использовать то же самое. Я продолжал сильно возбуждаться, когда она ушла; рука потянулась к фаллосу и потрогала его, и оргазм наступил сразу — детский оргазм, состоящий из хорошо распределенных спазмов эякуляторов, без острого предварительного оргазма взрослого. Не было никакой реакции или депрессии, за исключением того, что к фаллосу, который не сразу исчез, было больно прикасаться. Примерно через неделю я попробовал снова, но безуспешно. Месяц спустя, будучи более взволнованным, я добился успеха. Я обнаружил, что могу обходить его только примерно раз в три недели. Выбросов не было. Раньше у меня в голове спонтанно возникал образ маленького греческого храма в солнечном парке, который очаровывал меня, и я не испытывал угрызений совести.

"12-13 лет. Мастурбировал один или два раза в месяц.

"13-14 лет. Был отправлен в небольшую государственную школу, где, как оказалось, царил очень хороший тон. Я узнал, что мастурбация - дурной тон и недостойно мужчины. Правильным было беречь себя для женщин — примерно в 18 лет. Я легко бросил эту практику, несмотря на то, что потакал своим фантазиям о половом акте. Я подумал о посвящении с проститутками в 18 лет со смешанным чувством, что даже самый воинственный солдат должен относиться к драке. Возникло ощущение гипогастрия, о котором говорилось выше, которое мне нравилось и не нравилось одновременно. Первый случай, когда я помню это чувство, был, когда мне поставили мои первые брекететы. Все, что касалось моего пола, порождало это. Каждый раз, когда я принимал причастие, которое меня заставляли делать очень молодым, я раскаивался в своем намерении заняться блудом в 18 лет — как "должен" поступать мужчина, — и после этого я возвращался к ожиданиям. Религия была для меня великой реальностью, но она не произвела того радикального эффекта, который позже произвело развитие романтических чувств. (И я, и моя жена стали свободомыслящими примерно в 30 лет.)

"15-17 лет. Читал стихи и романтические романы. Задумал высокий идеал верности и постоянства. Какая насмешка вся эта верность, сказала я себе, если мужчина заранее отменил ее. Это было не просто строительство замка. Я не понимала, чего я добивалась, ожидая стать шлюхой. Теперь пробуждались критические чувства, и то, что они вызывали, было отвращением к злоупотреблению сексом, которое с каждым годом становилось все сильнее. Стало ясно, что

для меня не будет блуда или чего-то подобного; я был слишком горд и привередлив. Я пренебрег своими обязанностями, которые были мне не по душе, и много читал по анатомии и физиологии, что впоследствии сослужило мне хорошую службу. Когда я поднялся в школе, я был удивлен, обнаружив, что тон стал хуже, но на самом верху все снова стало лучше, и с моими последними товарищами секс даже не упоминался. В 14 лет у меня был друг, который настойчиво приглашал меня лечь к нему в постель, но я никогда не залезала к нему под одеяло, потому что мужской пол сильно отталкивает меня при личном контакте; он начал говорить о мастурбации, и теперь я могу понять, к чему он стремился. Но мои мечты о нимфах и дриадах наяву держали меня в состоянии постоянного напряжения, и эрекция была очень частой. Раннее болезненное восхищение хрупкими женщинами сменилось восхищением здоровьем и силой в сочетании с грацией.

"Возраст 17-18 лет. Мне выделили кабинку, в которой мой сосед справа шумно мастурбировал два или три раза в неделю, а тот, что слева, - каждую ночь, используя прерывистое трение, чтобы растянуть это подольше. Однажды ночью, когда я стоял на коленях у своей постели и читал молитвы, мое внимание было разделено между этим и занятием моего соседа, когда, после того как я не мастурбировал в течение четырех лет — критических лет развития — рука потянулась к фаллосу и

"пульс, бьющийся в ладонях и дрожащих пальцах"

"добытый, выражаясь языком Уолта Уитмена,

"благодарное облегчение — покой, довольство".

"Я хорошо выспался и испытал чувство восторга от доказательства своей мужественности, потому что мы, мальчики, беспокоились о том, выделяем мы сперму или нет. Сексуальная одержимость была умерена, и примерно через три недели у меня было мое первое "загрязнение" — "ангел ночи", как называет это более здравомыслящий Мантегацца. С этого времени у меня были поллюции каждые две-три недели, иногда мне снились сны о мастурбации, или о нимфах, или о совершенно несущественных вещах. На какое-то время это приносило мне совершенное облегчение; затем моя "дилектатив мороза" снова начинала расти, и фаллос становился настолько чувствительным, что работа на животе вызывала оргазм.

"18-19 лет. Я продолжал убеждать себя— что не мастурбирую, избегая использования рук, но теперь я отбросил это притворство и откровенно признал эту потребность перед самим собой. Я безапелляционно покончил с этим и больше не думал об этом. У меня не было никаких негативных последствий, ни моральных, ни физических, и на следующее утро мама часто делала мне комплименты по поводу моей яркой внешности. В то время аппетит обострялся каждые семь-десять дней, и, хотя меня страшила мысль о рабстве у него, отказаться от него было бы очень трудно. Головные боли, которые начали мучить меня с момента полового созревания, становились все реже. Между ними происходили поллюции, но они были менее эффективными. До этого момента я принимал случайное удовольствие как своего рода протест; но теперь я преодолел и это, и позволил тому, что я предпочел бы назвать идиоэротизмом (а не аутоэротизмом), идти своим путем, всегда представляя себе прекрасных нимф. Окружающая природная красота навела меня на такого рода размышления, отчасти, возможно, потому, что

однажды я тайком наблюдал за парнем, греющимся голышом на песчаном пляже и играющим сам с собой. Это воспоминание для меня совершенно незапятнано. Однажды, проверяя стимуляцию примерно на две трети пути к оргазму, я испытал миниатюрный оргазм, похожий на детский, но без спада припухлости, и я смог повторить этот маневр несколько раз до полного оргазма. Позже я практиковал это в *Coitus prolongatus*- давая партнеру время прийти в себя. Я уже научился уравнивать это чувство в момент его кульминации. Рефлекс эякулятора, будучи привыкли к этому, кажется, что в его трепещет, когда этот маневр будет смоделирована, хотя спермы еще не сливали в луковичной части для ejaculators, чтобы действовать. Если эту пьесу прервать до критического спазма — как в американском "Кареще" и т.д., — заметной реакции не будет, хотя чувство неудовлетворенности останется. Но когда акт переходит в эякуляцию и возникает острое *скрытое* чувство, которое предвещает эякуляцию и может длиться всего от двух до пяти секунд, это имеет решающее значение, и появляются конституциональные признаки — потливость и т.д. Это приводит к вопросу, затрагивает ли критическое ощущение симпатическую нервную систему? До этого момента процесс находится под контролем, но затем происходит автоматически.

"Наблюдение, имеющее практическое значение для меня в то время, заключалось в следующем: я проснулся утром после ночного загрязнения с острой головной болью определенного рода и эрекцией. Это случалось раньше, после загрязнения, и эрекция подсказала мне, не окажутся ли полезными "волосы собаки, которая меня укусила". По мере того как возбуждение продолжалось, боль в голове сразу утихала, как будто я вытягивал ее наружу. Другие боли также на время ослабевают, такие как невралгия, но вскоре возвращаются с лихвой. Однако это была конкретная и чистая польза. В следующий раз, когда у меня плохое головная боль этого характера, без предшествующих загрязнения, я попытался исправить, примерно в 10 утра спермы был обильным и водянистым, и облегчение было заметным, но через час головная боль возвращается. Я никогда не повторял этот акт с коротким интервалом, т.е., пока органы находились под влиянием предыдущего акта, и теперь я испытал эффект этого. Второй выброс также был обильным, но гораздо гуще, а рельеф намного больше. Однако примерно через три часа головная боль снова стала невыносимой, и, поскольку теперь связь была ясна, я отважился на третий акт, который оказался самым сладострастным из всех, что я до сих пор испытывал, причем оргазм был гораздо более интенсивным. Спермы был обильным, но густой и тягучий, с чурки, как большой, как маленький горох, что вряд ли можно раздавить пальцем, и желтого цвета и ранг в запах. После этого я был совершенно здоров и продолжал в том же состоянии. (Мочеиспускательный канал был заблокирован, так что я с трудом мог выводить опухоли наружу.) Позже я исследовал такую сперму под микроскопом и обнаружил, что сперматозоиды мертвы и распадаются. У меня менструации в мои лучшие годы — с 21 по 48 — были два раза в неделю, нечетное число было неудобством, и с тех пор я старалась избегать скоплений, опорожняя сосуды на четвертый день, когда я помнила об интервале, даже если органы не напоминали мне об этом. В противном случае на пятый день появилась бы головная боль, и, возможно, потребовалось бы два акта или, если бы я забыл об этом на неделю, три акта подряд. То, что я не злоупотреблял этой функцией, доказывает тот факт, что каждый год я забывал об этом два-три раза и был вынужден прибегать к этому радикальному способу.^[230] Но есть совсем другая головная боль, которая возникает после поблажек во время выздоровления или когда организм иным образом сильно ослаблен. Путешествие по железной дороге значительно усиливает мою потребность в этом; также и верховая езда. Девушки не вызывали у меня физического желания, хотя я в основном искал их общества, и даже после того, как

генитальное напряжение стало настолько выраженным, до 20 лет, меня беспокоил тот факт, что женщины не влияли на меня сексуально. Примерно в это время пышногрудая девушка, которая мне нравилась и которой я очень нравился, положила руку мне на плечо, пытаясь убедить меня прекратить стрельбу. Фаллос одновременно дернулся. Это был мой первый *сексуальный* опыт — доказательство того, что между генитальным механизмом и комплексом чувств, которые мы называем сексуальными, была установлена *связь*.

"24 года. В этом возрасте я поселился в доме, где жили две очень красивые девушки. Я сразу же влюбилась в старшую, Л. Б., как и она в меня (крепкое телосложение, но утонченная натура; родители здоровы; выросла в деревне; одиннадцатимесячный запас грудного молока). "Какая из нее получится мать", - сказала я себе. Теперь началось время духовного и физического единения, которое я себе представляла. ...

"Сейчас мне 60, ей 57. Мы все еще как любовники. Нет, не *как* влюбленные; мы *и есть* влюбленные. Конечно, я не имею в виду, что сексуальные впечатления преобладали в нашей жизни, как это происходит в этом рассказе. Совсем наоборот. Мы оба сильны и, по общему мнению, необычайно хорошо сохранились. Мы очень умеренны. С 48 лет я замечаю постепенное снижение эротической склонности. Сейчас это происходит раз в пять или семь дней. После менопаузы ее склонность заметно снизилась, но она не исчезла, и она по-прежнему наслаждается моим восторгом. У нее начались менструации в 12 лет, были регулярными до 17; затем на несколько месяцев заболела хлоротиком, вскоре поправилась, хотя менструации часто были нерегулярными, но никогда не болезненными. Сексуальный опыт начался в 25 лет. Я часто задавался вопросом, не развила ли бы умеренная самогимнастика факультета, в смысле Вентури, ее генитальную сферу и не сделала бы ее еще лучшим товарищем — исключила бы периоды нерегулярности и фригидности. Латентная стадия была слишком длительной. Мы часто замечали, что, когда наступал срок менструации или почти наступал, за продолжительными любовными играми перед сном следовала менструация утром. Мы никогда не разлучались дольше, чем на три месяца, и в тот раз, когда менструация задерживалась, она попробовала, что может сделать мастурбация, чтобы определить это, и с положительным результатом. Моя потребность, хотя и стала меньше, столь же настоятельна, как и прежде. Семенные головные боли — как я бы их назвал — прекратились с 50 лет; их накопление приводит только к спутанности сознания. Но у меня не наблюдалось накопления в течение десяти, максимум двенадцати дней. Количество спермы также меньше. Чувствительность тел значительно снизилась; чувствительность головки не пострадала. Эрекция хорошая. Для достижения оргазма требуется от двух до четырех минут по сравнению с сорока-пятьюдесятью секундами в молодости; в некоторых отношениях он даже более приятный — возможно, менее интенсивный, но гораздо более продолжительный. У меня нет реакции на снисходительность. Но я никогда не настаиваю на этом; это всегда давит на меня. При чрезмерном накоплении, головной боли или помутнении рассудка рука жены более эффективна, чем вульва. Теперь даже самый яркий сон о половом акте не может сравниться с оргазмом. Периферический стимул имеет важное значение.

"В нашем случае физическая и психическая интенсивность эмоций шли рука об руку. Я стал специализироваться на одной женщине, несмотря на то, что эротический дар у меня определенно не скудный. Всепроникающий аромат заставляет человека обожать весь секс в целом, но моя жена не интерпретирует это почтение в смысле сексуальной неразборчивости. Мы оба согласны в принципе, что если один не может удержать привязанность другого, то у него

нет права на это. Тард говорит, что постоянство в любви редко бывает чем-то иным, кроме путешествия к любимому объекту. Я постоянно делаю новые открытия. Но ее постоянство, я имею в виду высокий уровень ее страсти, не зависит от открытий ".

[230] "Практический вопрос, вытекающий из вышеизложенного, заключается в том, следует ли выделять такую сперму во влагалище? О его присутствии мне известно по конституциональным симптомам (токсический). Он выводится последним, и его дегенерирующие зародышевые клетки не имеют никаких шансов против нормальной жидкости, депонированной в предыдущих актах, при условии, что она будет сохранена. Но вполне может случиться, что предыдущие выделения достигают только мешочка, тогда как последние вводятся в саму матку. У меня часто было ощущение отверстия наружного отверстия уретры и шейки соответствующие напрямую, особенно когда у нее мощный оргазм (в том числе два понятия), и Семен засасывает меня, а не закрытых в ее выхода, как тоже бывает, требуя, чтобы я расслабился желание немного. На 18 на 19 семя "загрязнение" оставил тендер красные пятна там, где его сушат на соседних кожи и глубокого соломенного цвета пятна на белье".

Том 4

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ПОЛОВОЙ ОТБОР У ЧЕЛОВЕКА.

ПРИКОСНИСЬ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

ЗАПАХ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

СЛУХ.

Я.

II.

МИССИЯ

Я.

II.

III.

IV.

V.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЦЕЛУЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. ИСТОРИИ ПОЛОВОГО РАЗВИТИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

Как и во многих других из этих *исследований*, и, возможно, в большей степени, чем в большинстве других, задача, поставленная в настоящем томе, носит в основном предварительный характер. Здесь пока мало возможностей для представления определенных научных результатов. Как бы то ни было в физической вселенной, в космосе науки наши знания должны быть расплывчатыми, прежде чем они сложатся в определенно измеримые формы, и попытка предвидеть эволюционный процесс ничего не даст. Таким образом, здесь, по большей части, мы должны довольствоваться в настоящее время задачей составления карты области в широких и обобщенных чертах, сводя воедино факты и соображения, которые указывают направление, в котором, вероятно, будут получены более расширенные и точные результаты в будущем.

В своем знаменитом *Происхождении человека*, где он впервые изложил доктрину полового отбора, Дарвин повредил по существу здравому принципу, внеся в него психологическую путаницу, в соответствии с которой физиологические сенсорные стимулы, посредством которых действует половой отбор, рассматривались как эквивалентные эстетическим предпочтениям. Эта путаница ввела многих в заблуждение, и только в последние годы (как было изложено в

"Анализе сексуального влечения" в предыдущем томе этих *Исследований*) исследования и критические замечания многочисленных исследователей поставили доктрину полового отбора на прочную основу, устранив ее опасный эстетический элемент. Любовь возникает как реакция на ряд стимулов для возбуждения, объект, который наиболее адекватно вызывает возбуждение, - это то, что вызывает любовь; вопрос эстетической красоты, хотя он и развивается на этой основе, сам по себе не является фундаментальным и даже не обязательно должен присутствовать сознательно. Когда мы рассматриваем эти явления в их самых широких биологических аспектах, любовь лишь в ограниченной степени является реакцией на красоту; в большей степени красота - это просто название комплекса стимулов, которые наиболее адекватно вызывают любовь. Если мы проанализируем эти стимулы к возбуждению, исходящие от человека противоположного пола, мы обнаружим, что все они являются призывами, которые должны поступать по каналам четырех чувств: осязания, обоняния, слуха и, прежде всего, зрения. Когда мужчина или женщина испытывает сексуальную любовь к одному конкретному человеку из множества, которыми он или она окружен, это происходит из-за влияния группы стимулов, поступающих по каналам одного или нескольких из этих чувств. Имел место половой отбор, обусловленный сенсорными стимулами. Это верно даже в отношении более тонких и духовных влияний, которые передаются от одного человека к другому, хотя для того, чтобы адекватно понять явления, лучше всего настаивать на более фундаментальных и менее сложных формах, которые они принимают. В этом смысле половой отбор больше не является гипотезой, истинность которой можно оспаривать; это самоочевидный факт. Трудность заключается не в его существовании, а в методах, с помощью которых его можно наиболее точно измерить. В основе своей это психологический процесс, и к нему следует подходить с психологической стороны. Это и есть причина для того, чтобы разобраться с этим здесь. Какими бы неясными ни оставались психологические аспекты полового отбора, они полны очарования, поскольку раскрывают нам более интимные стороны человеческой эволюции, процесса, посредством которого человеку придаются известные нам формы.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

Карбис Уотер,

Лелант, Корнуолл, Англия.

ПОЛОВОЙ ОТБОР У ЧЕЛОВЕКА.

Содержание

Внешние сенсорные стимулы, влияющие на отбор у Человека — Задействованы четыре чувства.

Припухлость — процесс, посредством которого организм приводится в физическое и психическое состояние, необходимое для обеспечения сопряжения и распускания, — в некоторой степени происходит за счет спонтанного действия внутренних сил. В этой степени это аналогично физическим и психическим изменениям, которые сопровождают постепенное наполнение мочевого пузыря и предшествуют его опорожнению. Но даже среди животных, которые ни в коем случае не занимают высокого зоологического уровня, процесс более сложный, чем этот. Внешние стимулы действуют на каждой стадии, возбуждая или усиливая

процесс возбуждения, и можно сказать, что у нормальных людей процесс никогда не завершается без помощи таких стимулов, поскольку даже в аутоэротической сфере внешние стимулы все еще активны, либо на самом деле, либо в воображении.

Основные стимулы, влияющие на возбуждение и, следовательно, на прямой сексуальный выбор, поступают главным образом — фактически, исключительно — через четыре чувства: осязание, обоняние, слух и зрение. Все явления полового отбора, поскольку они основаны извне, действуют через эти четыре чувства.^[1] Реальность оказываемого таким образом влияния может быть продемонстрирована статистически даже на цивилизованного человека, и было показано, что, например, в отношении цвета глаз партнеры по браку заметно отличаются от неженатых людей, которыми они окружены. Поэтому, когда мы исследуем природу влияния, которое стимулы, действующие по сенсорным каналам, оказывают на силу и направление сексуального влечения, нас глубоко интересует процесс, посредством которого были сформированы и все еще формируются фактические форма и цвет не только живых существ в целом, но и нашего собственного вида. В то же время, вероятно, мы исследуем тайну, которая лежит в основе всех тонких ощущений, всех эмоциональных оттенков, которые вплетены в паутину всего мира, поскольку он обращается к нам через те сенсорные каналы, по которым только и может до нас достигать. Таким образом, здесь мы приближаемся к фундаментальному вопросу непревзойденной важности, вопросу, который еще не был точно исследован, за исключением нескольких изолированных моментов, и поэтому с которым невозможно разобраться полностью и адекватно. И все же мимо этого нельзя пройти, ибо это входит во всю психологию сексуального инстинкта.

Из четырех чувств — осязания, обоняния, слуха и зрения, — с которыми мы здесь имеем дело, осязание является самым примитивным и, можно сказать, самым важным, хотя обычно оно проявляется в последнюю очередь. Обоняние, занимающее главное место у многих животных, у человека имеет сравнительно меньшее значение, хотя и представляет значительный интерес; оно лишь менее интимно и окончательно, чем осязание. Зрение занимает промежуточное положение, и по этой причине, а также из-за очень большой роли, которую зрение играет в жизни вообще, так же как и в искусстве, это самое важное из всех чувств с сексуальной точки зрения человека. Слух, с той же точки зрения, является самым отдаленным из всех чувств в своем обращении к сексуальному импульсу, и по этой причине, когда он вмешивается, его влияние ощущается одним из первых.

[1] Вкус, я полагаю, должен быть исключен, поскольку, если мы абстрагируемся от осязания и обоняния, даже в тех ненормальных половых актах, при которых может показаться, что это затронут, вкус вряд ли может иметь какое-либо влияние. Большая часть нашего "дегустирования", по выражению Уоллера, осуществляется носом, который у человека находится в особенно тесной связи сзади со ртом. Существует не более четырех вкусовых ощущений — сладкое, горькое, соленое и кислое, — если даже все это простые вкусы. То, что обычно принимают за вкусовые ощущения, как показали некоторые эксперименты Г. Т. В. Патрика (*Психологическое обозрение*, 1898, стр. 160), является совокупным результатом смешения ощущений запаха, осязания, температуры, зрения и вкуса.

ПРИКОСНИСЬ.

Содержание

Я.

Содержание

Примитивный характер кожи—Ее свойства—Прикосновение — самый ранний источник чувственного удовольствия—Характеристики прикосновения—Как Альфы и Омеги привязанности—Половые органы —особая адаптация прикосновения—Сексуальное влечение, возникающее при прикосновении-Сексуальная гиперэстезия к прикосновению-Сексуальные ассоциации с акне.

Мы привыкли считать, что кожа в основном обязана своим существованием потребности в защите нежных сосудов, нервов, внутренних органов и мышц, расположенных под ней. Несомненно, он эффективен, и благодаря своей жесткой и эластичной текстуре хорошо подходит для выполнения этой чрезвычайно важной работы. Но кожа - это не просто метод защиты от внешнего мира; это также метод установления нашего чувствительного контакта с внешним миром. Таким образом, как орган осязания, оно являетсяместилищем наиболее широко распространенного чувства, которым мы обладаем, и, более того, чувства, которое является самым древним и фундаментальным из всех — матерью других чувств.

Едва ли есть необходимость настаивать на том, что примитивная природа сенсорной функции кожи вместе с производной природой других органов чувств является хорошо установленным и доказуемым фактом. Чем ниже мы опускаемся по шкале животных, тем более разнообразными оказываются функции кожи, и если у высших животных большая часть сложности исчезла, то это только потому, что специализация различных участков кожи на отдельные органы сделала эту сложность ненужной. Однако даже сейчас у самого человека кожа все еще сохраняет, в более или менее скрытом состоянии, большую часть своей разнообразной и первичной силы, и анализ патологических и даже нормальных явлений помогает выявить эти старые силы в ясном свете.

Вудс Хатчинсон (*Исследования человека и сравнительная патология*, 1901, главы VII и VIII) превосходно изложил огромную важность кожи, поскольку, в первую очередь, "ткань, которая на ощупь шелковая, самая изысканно красивая поверхность во вселенной для глаз и в то же время несокрушимая стена против вражеских атак". Невосприимчивый благодаря своей удивительной отзывчивости на влагу и засуху, холод и жару, электрические перепады, враждебные бактерии, самые опасные яды и смертоносные газы, он является одним из настоящих чудес Света. Более красивый, чем бархат, более мягкий и податливый, чем шелк, более непроницаемый, чем резина, и более прочный под воздействием внешних воздействий, чем сталь, почти такой же устойчивый к электрическим токам, как стекло, он является одним из самых прочных и опасных веществ в трех царствах природы" (хотя, как добавляет этот автор, мы "вряд ли осмелимся позволить ему видеть солнечный свет или дышать открытым воздухом"). Но

дело не только в этом. Оно, по выражению Вудса Хатчинсона, является создателем всего организма; его эмбриональные оболочки образуют пищеварительный канал, головной и спинной мозг, в то время как каждое чувство является всего лишь специализацией его общей органической деятельности. Более того, это своего рода "кожа-сердце", обеспечивающее кровообращение за счет собственной энергии; это великий орган, регулирующий тепло в организме; это орган выделения, уступающий только почкам, которые отходят от него, и, наконец, он все еще остается местом прикосновения.

Можно добавить, что чрезвычайная красота кожи как поверхности очень отчетливо проявляется из-за неадекватности сравнений, обычно используемых для выражения ее красоты. Снег, мрамор, алебастр, слоновая кость, молоко, сливки, шелк, бархат и все другие общепринятые аналогии создают поверхности, которые с любой точки зрения несравнимо хуже самой кожи. (Ср. Страц, *"Философия Веиблихен Керперс"*, глава XII.)

Ссылаясь на необычайную жизнеспособность кожи, подчеркиваемую Вудсом Хатчинсоном, можно добавить, что, экспериментируя с кожей с помощью электрического тока, Уоллер обнаружил, что здоровая кожа проявляет признаки жизни через десять или более дней после иссечения. Было обнаружено также, что фрагменты кожи, которые сохранялись в стерильной жидкости даже в течение девяти месяцев, все еще могут быть успешно пересажены в организм. (*Британский медицинский журнал*, 19 июля 1902 г.)

Все указывает на то, замечают Стэнли Холл и Дональдсон (*"Моторные ощущения в коже"*, *Mind*, 1885), что кожа является "не только первобытным и наиболее надежным источником наших знаний о внешнем мире или археологической областью психологии", но и областью, работа в которой может пролить свет на некоторые из наиболее фундаментальных проблем психической деятельности. Гроос (*Книга о людях*, стр. 8-16) также рассматривает примитивный характер сенсорных ощущений.

Сенсорные ощущения, без сомнения, являются первыми из всех сенсорных впечатлений, которые доставляют удовольствие. Действительно, нам следует ожидать этого из того факта, что кожные рефлексы появились еще до рождения, в то время как приятная чувствительность губ, несомненно, является фактором, влияющим на реакцию ребенка на прикосновение к материнскому соску. Очень ранние воспоминания о чувственном удовольствии часто, возможно, чаще всего, носят тактильный характер, хотя этот факт часто маскируется воспоминаниями из-за того, что тактильные впечатления расплывчаты; таким образом, в *"Исследовании ранних воспоминаний"* Элизабет Потвин (*Психологическое обозрение*, ноябрь 1901 г.) нет отдельной группы тактильных воспоминаний, и более подробное исследование Колгроув (*"Индивидуальные воспоминания"*, *Американский журнал психологии*, январь 1899 г.) не дает решающих результатов по этому разделу. См., однако, ценное исследование Стэнли Холла *"Некоторые аспекты раннего самоощущения"*, *Американский психологический журнал*, апрель 1898 г. У Кюльпе есть обсуждение психологии кожных ощущений (*Очерки психологии* [Перевод на английский], стр. 87 и далее.)

Харриет Мартино в начале своей *автобиографии*, ссылаясь на яркий характер тактильных ощущений в раннем детстве, отмечает относительно раннего воспоминания о прикосновении к бархатной пуговице, что "восторг от ощущения был поистине чудовищным". И одна дама

рассказала мне, что одно из ее самых ранних воспоминаний в возрасте 3 лет связано с восхитительным ощущением случайного контакта прохладного камня с вульвой в момент мочеиспускания. Такие ощущения, конечно, нельзя назвать специфически сексуальными, хотя они помогают создать тактильную основу, на которой развиваются специфически сексуальные ощущения.

Об элементарной чувствительности кожи свидетельствует тот факт, что умеренного возбуждения достаточно для повышения температуры, в то время как Хайденхайн и другие показали, что у животных кожные раздражители изменяют чувствительность коры головного мозга, незначительный раздражитель повышает возбудимость, а сильный - снижает ее. Фере показал, что легкого раздражения кожи при наложении куска металла на руку или в другом месте достаточно для увеличения эффективности работы с эргографом. (Féré, *Comptes Rendus Société de Biologie*, July 12, 1902; *id.*, *Pathologic des Emotions*, pp. 40 et seq.)

Фере обнаружил, что наложение горчичника на кожу, или пакета со льдом, или грелки, или даже легкое прикосновение кисти художника - все это оказывало мощный эффект в увеличении мышечной работы с помощью эргографа. "Тонизирующий эффект кожного возбуждения, - отмечает он, - проливает свет на психологию ласки. Давать или получать ласки всегда стремятся наиболее чувствительные части тела. Многие животные трутся или лижут друг друга. Слизистые поверхности разделяют эту раздражительность кожи. Поцелуй - это не только выражение чувств; это средство их спровоцировать. Катаглоттизм ни в коем случае не ограничивается голубями. Тонизирующее значение кожной стимуляции действительно является общепринятой идеей. Борцы потирают руки или конечности, и рукопожатие также не лишено физиологической основы.

"Кожное возбуждение может привести к прекращению болезненных ощущений. Многие массажные практики, способствующие работе, действуют главным образом как сенсорные стимуляторы; по этой причине многие нервные люди не могут отказаться от них, и греки и римляне находили в массаже не только здоровье, но и удовольствие. Лаудер Брантон рассматривает многие распространенные приемы, такие как чесание головы и выдергивание усов, как методы расширения кровеносных сосудов мозга путем стимуляции лицевого нерва. Двигательные реакции при кожных возбуждениях подтверждают эту гипотезу". (Féré, *Travail et Plaisir*, Chapter XV, "Influence des Excitations du Toucher sur le Travail.")

Основными характеристиками примитивного чувства осязания являются его широкое распространение по всему телу и огромная расплывчатость и неточность сообщений, которые оно посылает в мозг. Это причина, по которой оно из всех чувств наименее интеллектуальное и наименее эстетичное; это также причина, по которой оно из всех чувств наиболее глубоко эмоционально. "Прикосновение, — писал Бэйн в своей книге *"Эмоции и воля"*, - является альфой и омегой привязанности", и он настаивал на особом значении в этой связи "нежности" - характерного эмоционального качества привязанности, которое непосредственно основано на ощущениях прикосновения. Если нежность является альфой привязанности, даже между полами, то ее омегу следует искать в сексуальных объятиях, которые, можно сказать, являются методом получения, благодаря специальной организации кожи, самых изысканных и интенсивных ощущений прикосновения.

"Мы считаем, что ничто так не возбуждает инстинкт или простую страсть, как присутствие руки или те тактильные ласки, которые обозначают привязанность", - заявляет анонимный автор

статьи "Женщина в ее психологических отношениях", опубликованной в *Журнале психологической медицины* за 1851 год. "Они являются наиболее распространенными стимулами у низших животных. Первое прибежище в трудностях или опасности и главное утешение в муках для женщины - это лоно ее мужа или возлюбленного. Она ищет утешения, защиты и покоя в той части тела, куда она сама помещает объекты своей собственной привязанности. Похоже, что женщины во всем мире руководствуются одним и тем же инстинктивным импульсом в этом отношении".

Именно потому, что сексуальный оргазм основан на особой адаптации и усилении сенсорных ощущений, чувство осязания обычно следует рассматривать как занимающее самое первое место по отношению к сексуальным эмоциям. Фере, Мантегацца, Пента и большинство других авторов по этому вопросу здесь согласны. Ощущения от прикосновений представляют собой обширную гамму для выражения привязанности, с одной стороны, нотка минимальной личной привязанности в кратком и ограниченном прикосновении, сопровождаемом обычным рукопожатием и обычным поцелуем, а с другой - финальный и интимный контакт, в котором страсть находит высшее удовлетворение своего самого глубокого желания. Промежуточная область имеет для нас огромное значение, потому что она предлагает поле, в котором привязанность достигает своего полного размаха, но в котором каждый путь, возможно, приведет к цели сексуальной любви. Именно интимность сенсорных контактов, их неизбежное приближение к порогу сексуальной эмоции, приводит к ревливой и инстинктивной бережливости при соприкосновении кожи с кожей и к тенденции с повышенной чувствительностью нервной системы, вызванной цивилизацией, сдерживать даже обычное сенсорное проявление обычной привязанности и уважения. В Китае отцы перестают целовать своих дочерей, пока те еще маленькие. В Англии поцелуй как обычное приветствие между мужчинами и женщинами - обычай, унаследованный от классической и раннехристианской древности, — сохранялся до начала восемнадцатого века. Во Франции тот же обычай существовал в семнадцатом веке, но в середине того столетия его начали рассматривать как опасный,^[2] в настоящее время традиционный поцелуй в щеку строго отличается от поцелуя в губы, который предназначен только для влюбленных. Сенсорные контакты между человеком и личностью, кроме тех, которые ограничены и определяются обычаями, имеют тенденцию становиться либо неприятными — как нежелательное вторжение в интимную сферу, — либо, происходя между мужчиной и женщиной в какой-то особый момент, они могут оказывать мощное воздействие на эмоциональную и, более конкретно, сексуальную сферу. Один мужчина влюбляется в свою будущую жену, потому что ему приходится нести ее наверх с вывихнутой лодыжкой. Другой датирует свою историю любви возней, во время которой его щека случайно соприкоснулась с щекой его будущей жены. Иногда женщина инстинктивно стремится привлечь внимание привлекающего ее мужчины своеобразным и продолжительным пожатием руки — единственным разрешенным ей прикосновением. Данте, как заметил Пента, называет "зрение или осязание" двумя каналами, через которые возрождается любовь женщины (*Чистилище*, VIII, 76). Некоторым целомудренным и чувствительным женщинам достаточно даже рукопожатия сочувствующего мужчины, чтобы вызвать сексуальное возбуждение, а иногда даже оргазм. Случаи, когда любовь возникает под влиянием раздражителей, поступающих через чувство осязания, несомненно, часты, и они были бы еще более частыми, если бы сама близость этого чувства к сексуальной сфере не заставляла оберегать его с такой тщательностью, которую в случае с другими чувствами проявлять невозможно. Эта интимность

прикосновения и реакция на его сексуальное приближение приводят к тому, что Джеймс назвал "*антисексуальным инстинктом*", инстинктом личной изоляции, фактическим отталкиванием от идеи интимного контакта с большинством людей, которых мы встречаем, особенно с представителями нашего пола". Он ссылается в этой связи на неприятные ощущения, испытываемые при занятии места, еще теплого от тела другого человека.^[3] Католическая церковь всегда признавала риск вульгарных эмоций, связанных с тактильными контактами, и легкость, с которой даже самые невинные контакты могут приобретать либидозный характер.^[4]

Следующие наблюдения были написаны женщиной (30 лет), у которой никогда не было сексуальных отношений: "Я ощущаю очень сладкие и приятные эмоции только при контакте с благородными мужчинами и считаю, что можно провести сравнение между идеализмом таких эмоций и эмоций музыки, красот природы и произведений искусства. Во время изучения и написания статей на новую тему я познакомился со специалистом, который оказал мне значительную помощь, и однажды, когда мы вместе исправляли часть работы, он коснулся моей руки. Это вызвало сладкое и чистое ощущение трепета во всей системе. Я ничего не сказал; на самом деле, был слишком взволнован, чтобы говорить; и никогда до сего дня не проявлял никаких ответных действий, но в течение нескольких месяцев в определенные периоды, обычно два раза в месяц, я испытывал самые приятные эмоции. С тех пор я видел этого друга дважды, и у меня странное чувство, что я стою по одну сторону изгороди, в то время как он - по другую, и, поскольку ни один из них не приближается, я испытываю удовольствие высочайшего рода, но мне не позволено выходить за разумные и полезные для здоровья границы. В некоторые моменты меня охватывает чувство превосходства этого человека, и все же, чувствуя, что любое приближение было бы недостойным, я испытываю некоторое удовольствие от сдерживания и удержания в надлежащих рамках этой страсти. Все эти острые ощущения от приятных эмоций обладают психической ценностью, и до тех пор, пока нервная система поддерживается в идеальном состоянии, они, по-видимому, не способны нанести вред, а скорее человек способен использовать страстные эмоции как оружие для получения удовольствия и работы".

Различные участки поверхности кожи, по-видимому, обладают особой сексуальной чувствительностью, особенно отмеченной у многих людей, особенно у женщин; так что, как отмечает Фере (*Инстинктивный секс*, второе издание, 1902, стр. 130), контактной стимуляции губ, мочки уха, затылка, мизинца, колена и т.д. Может быть достаточно даже для того, чтобы вызвать оргазм. Некоторые сексуально гиперэстетичные женщины, как уже отмечалось, испытывают это при рукопожатии с привлекательным для них мужчиной. У некоторых невротиков эта чувствительность, как показывает Фере, может проявляться в такой болезненной степени, что даже контакт чувствительного места с непривлекательными людьми или неодушевленными предметами может вызвать оргазм. В этой связи можно сослаться на хорошо известный факт, что у некоторых истеричных субъектов существуют так называемые "эрогенные зоны", простого надавливания на которые достаточно, чтобы вызвать полный оргазм. Возможно, с нашей нынешней точки зрения есть некоторое значение в том факте, что, как подчеркивает Сэвилл ("*Кожные симптомы истерии*", *Lancet*, 30 января 1904 г.), кожа является одним из самых лучших мест для изучения истерии.

Тесная связь между кожей и половой сферой проявляется также при патологических состояниях кожи, особенно при угревой сыпи, а также при простых прыщах на лице. Половое развитие в период полового созревания включает в себя рост волос на различных участках тела, которые ранее были безволосыми. Поскольку, однако, сальные железы на лице и в других местах

являются остатками бывших волос и сохранились с периода, когда все тело было покрыто волосами, они также склонны испытывать тот же самый импульс абортным образом. Таким образом, мы можем сказать, что с развитием половых органов в период полового созревания связано возбуждение всего волосано-сального аппарата. В областях, где этот аппарат рудиментарный, и особенно на лице, эта неудачная попытка волосяных фолликулов и их сальных придатков произвести волосы приводит только к дезорганизации, *имеют возникнуть простые комедоны или пустулезные угри*. Как правило, прыщи появляются в период полового созревания и медленно исчезают в подростковом возрасте. Хотя она довольно распространена у молодых женщин, обычно протекает гораздо менее тяжело, но имеет тенденцию обостряться во время менструации; она также может проявляться при смене образа жизни. (Стивен Маккензи, "Этиология и лечение обыкновенных угрей", *Британский медицинский журнал*, 29 сентября 1894 г. Лейкок [*Нервные заболевания женщин*, 1840, стр. 23] указывал, что угри возникают главным образом на тех участках поверхности, которые покрыты половыми волосами. Ясный отчет о происхождении акне можно найти в книге Вудса Хатчинсона "Исследования человека и сравнительная патология", стр. 179-184. Г. Дж. Энгельманн [*Истероневрозы*", "*Гинекологические труды*", 1887, стр. 124 и далее.] обсуждает различные патологические расстройства кожи как рефлекторные нарушения, возникающие в сексуальной сфере.)

Влияние менструации на обострение акне было поставлено под сомнение, но, по-видимому, оно хорошо установлено. Так, Балкли ("Связь между определенными заболеваниями кожи и менструальной функцией", *Труды Медицинского общества Нью-Йорка*, 1901, стр. 328) обнаружил, что из 510 случаев угревой сыпи у женщин у 145, или почти у одной трети, ухудшались месячные. Иногда это появлялось только во время менструации. Обострения возникали гораздо чаще непосредственно перед менструацией, чем сразу после нее. Обычно наблюдались некоторые нарушения менструации. Различные другие кожные заболевания демонстрируют аналогичную связь с менструацией.

Утверждалось, что мастурбация является частой или постоянной причиной появления прыщей в период полового созревания. (См., например, обсуждение в *Британском медицинском журнале*, июль 1882 г.) С этим нельзя мириться. Прыщи очень часто возникают без мастурбации, а мастурбация очень часто практикуется без появления прыщей. В то же время мы вполне можем полагать, что в период полового созревания, когда волосано-сальная система уже находится в чувствительном контакте с половой системой, шок от часто повторяющейся мастурбации может (точно так же, как неупорядоченные менструации) отразиться на коже. Так, одна дама сообщила мне, что примерно в возрасте 18 лет она обнаружила, что за часто повторяющейся мастурбацией следует появление *комедонов*.

[2] А. Франклин, *Туалетная вода*, стр. 81.

[3] У. Джеймс, *Принципы психологии*, том ii. стр. 347.

[4] Многочисленные отрывки из теологов, касающиеся этого вопроса, собраны вместе в "*Механиология*", стр. 221-220.

II.

Содержание

Ощущение щекотки —Его происхождение и значение—Психология щекотки—Смех—Смех как разновидность детумесценции—Сексуальные связи зуда—Удовольствие от щекотки —Его уменьшение с возрастом и сексуальной активностью.

Осязание, как уже было замечено, наименее интеллектуальное из чувств. Существует, однако, одна форма ощущения прикосновения, а именно щекотка, которая имеет настолько особую природу, что ее иногда выделяют в отдельный класс, отдельно от всех других ощущений прикосновения. Скалигер предложил классифицировать возбуждение как шестое, или отдельное, чувство. Алруц из Упсалы рассматривает щекотку как более мягкую степень зуда и считает, что эти два явления вместе составляют ощущение определенного качества с различными конечными органами, обеспечивающими это качество.^[5] Как бы мы ни относились к этой экстремальной точке зрения, щекотка, безусловно, является специализированной модификацией прикосновения, и в то же время это наиболее интеллектуальный способ ощущения прикосновения, имеющий самую тесную связь с сексуальной сферой. Рассмотрение щекотки как интеллектуального проявления может вызвать удивление, особенно если вспомнить, что щекотка - это форма ощущения, которая достигает полного развития очень рано в жизни, и следует признать, что даже по сравнению с сообщениями, которые могут быть отправлены через запах и вкус, интеллектуальный элемент в щекотке остается небольшим. Но его присутствие здесь было независимо признано различными исследователями. Гроос указывает на психический фактор в щекотке, о чем свидетельствует невозможность самоощекотки.^[6] Луи Робинсон считает, что щекотливость "по-видимому, является одним из простейших проявлений механических и автоматических нервных процессов в направлении сложного функционирования высших центров, которое входит в сферу психологии", ^[7] Стэнли Холл и Аллин отмечают, что "эти минимальные сенсорные возбуждения представляют собой самый древний слой психической жизни в душе".^[8] Хирман Стэнли, в чем-то похожим образом, отодвигает интеллектуальный элемент щекотки очень далеко назад и связывает его с "опытом щупалец". "Благодаря временному саморасширению, - отмечает он, - даже низшие амебодные организмы испытывают легкие, но наводящие на размышления ощущения прикосновения, которые стимулируют очень общие и бурные реакции, а у высших организмов расширенные органы прикосновения, такие как щупальца, антенны, волосы и т.д., становятся постоянными и очень тонко чувствительными органами, где минимальные контакты вызывают очень отчетливые и мощные реакции". Таким образом, щекотливость была бы пережитком давно ушедшего наследственного опыта использования щупалец, который первоначально был стимуляцией, вызывающей сильное возбуждение и тревогу, теперь стал просто игровой деятельностью и источником острого удовольствия.^[9]

Однако нам не нужно так далеко возвращаться к зоологическому ряду, чтобы объяснить происхождение и значение щекотки у человеческого вида. Сэр Дж. Я. Симпсон предположил в ходе подробного исследования положения ребенка в утробе матери, что чрезвычайная экситомоторная чувствительность кожи в различных областях, таких как подошва стопы, колено, бока, которая уже существует до рождения, имеет своей целью возбуждение и сохранение мышечных движений, необходимых для поддержания плода в наиболее

благоприятном положении в утробе матери.^[10] На самом деле, безусловно, так и есть, что стимуляция всех чувствительных к щекотке областей тела имеет тенденцию вызывать именно то свернутое положение с предельным сгибанием мышц и общей яйцевидной формой, которое является нормальным положением плода в матке. Мы вполне можем полагать, что в этой рано развившейся рефлекторной деятельности заложена основа того несколько более сложного ощущения щекотки, которое появляется несколько позже.

На ментальный элемент в щекотке указывает тот факт, что даже ребенок, у которого щекотливость сильно развита, не может пощекотать себя; так что щекотка - это не простой рефлекс. На этот факт давным-давно указал Эразм Дарвин, и он объяснил это предположением, что произвольное усилие уменьшает энергию ощущений.^[11] Это объяснение, однако, неприемлемо, поскольку, хотя мы не можем легко пощекотать себя при контакте кожи с нашими собственными пальцами, мы можем сделать это с помощью инородного тела, такого как перо. Возможно, мы можем предположить, что, поскольку щекотливость, вероятно, развилась под влиянием естественного отбора как метод защиты от нападения и предупреждения о приближении инородных тел, ее цель была бы побеждена, если бы она включала простую реакцию на контакт организма с самим собой. Именно эта потребность в защите предполагает необходимость минимального возбуждения, дающего максимальный эффект, хотя механизм, посредством которого это происходит, вызвал значительное обсуждение. Вероятно, мы можем лучше всего объяснить это, обратившись к теории суммирования-излучения боли-удовольствия, суммирования стимулов в их прохождении по нервам, чему способствует закупорка капилляров, приводящая к облучению из-за анастомозов между осязательными тельцами, не говоря уже о гораздо более широком облучении, которое возможно посредством центральных нервных связей.

Профессор К. Л. Херрик принимает это объяснение феномена щекотки и частично опирается на исследование Догиэлем тактильных телец ("Психологические следствия современных неврологических открытий", *Журнал сравнительной неврологии*, март 1898 г.). Следующие замечания профессора А. Аллина также могут быть процитированы в качестве дальнейшего объяснения той же теории: "Что касается ощущения щекотки, то очень важным фактором в возникновении этого чувства, несомненно, является суммирование стимулов. В исследовании Стирлинга, проведенном под руководством Людвиг, было показано, что рефлекторные сокращения возникают только при повторных ударах по нервным центрам, то есть при суммировании последовательных раздражителей. То, что этот результат также в некоторой степени обусловлен попеременным повышением чувствительности различных рассматриваемых областей в результате изменения кровоснабжения, достаточно очевидно. Как следствие этого процесса суммирования, во многих случаях, в том числе в случаях чрезмерной нервной разрядки, результатом было бы нечто противоположное удовольствию, а именно: боль. Было зарегистрировано несколько случаев смерти в результате щекотки, и нет причин сомневаться в правдивости утверждения о том, что Симон де Монфор во время преследований альбигойцев умертвил некоторых из них, пощекотав им подошвы ног пером. Дополнительный причинный фактор, вызывающий щекотку, может заключаться в природе и структуре нервного процесса, участвующего в восприятии в целом. Согласно некоторым гистологическим исследованиям последних лет, мы знаем, что между органами чувств и центральной нервной системой существуют тесно связанные цепочки проводников или нейронов, по которым впечатление, полученное отдельной сенсорной клеткой на периферии, лавинообразно распространяется по все большему числу нейронов, пока не достигнет мозга.

Если на периферии возбуждается одна клетка, лавинообразный процесс продолжается до тех пор, пока, наконец, сотни или тысячи нервных клеток в коре головного мозга не будут возбуждены до значительной активности. Гольджи, Рамон-и-Кахаль, Келликер, Хелд, Ретциус и другие продемонстрировали гистологическую основу этого закона для зрения, слуха и обоняния, и мы можем с уверенностью предположить, исходя из феномена щекотки, что чувство осязания не лишено аналогичного механизма. Не может ли быть выдвинуто предположение, с некоторой долей правдоподобия, что даже при идеальной или репрезентативной щекотке, когда щекотка возникает, скажем, в результате того, что кто-то указывает пальцем на чувствительные к щекотке места, этот лавинообразный процесс может быть спровоцирован центральными центрами, вызывая, таким образом, хотя и в измененной степени, рассматриваемые приятные явления? Что касается глубочайшего причинного фактора, я должен сказать, что щекотка является результатом вазомоторного шока". (А. Аллин, "О смехе", *Психологическое обозрение*, май 1903 г.)

Интеллектуальный элемент в щекотке проявляется в его связи со смехом и чувством комического, о котором можно сказать, что оно составляет физическую основу. Хотя мы здесь не рассматриваем смех и чувство комического — тему, которая в последнее время привлекла значительное внимание, — может быть поучительно указать, что существует нечто большее, чем аналогия между смехом и феноменами сексуального возбуждения и детумесценции. Процесс, при котором длительная щекотка с ее нервным суммированием и иррадиацией и сопровождающей ее гиперемией находит внезапное облегчение во взрыве смеха, является реальным примером припухлости — как это было определено в исследовании в другом томе, озаглавленном "Анализ сексуального импульса", — приводящий в конечном итоге к оргазму распухания. На реальность связи между сексуальными объятиями и щекоткой указывает тот факт, что в некоторых языках, например, в языках жителей Огненной Земли,^[12] одно и то же слово применяется к обоим. То, что обычная щекотка не является сексуальной, связано с обстоятельствами дела и областями, к которым применяется щекотка. Если, однако, щекотка применяется в сексуальной сфере, то возникает тенденция к возникновению оргазма вместо смеха. Связь, которую, таким образом, смех через феномен щекотки имеет с сексуальной сферой, хорошо обозначена, как указал Гроос, тем фактом, что у сексуально настроенных людей сексуальные намеки, как правило, вызывают смех, поскольку это метод, с помощью которого они отвлекаются от риска более конкретно сексуальной распушенности.^[13]

Была сделана ссылка на точку зрения Алруца, согласно которой щекотка представляет собой более мягкую степень зуда. Удобнее и, вероятно, правильнее рассматривать зуд, как его называют в его патологических формах, как отдельное ощущение, поскольку оно возникает не при тех же условиях, что и щекотка, и не облегчается таким же образом. Однако интересно отметить в этой связи, что, подобно щекотке, зуд имеет реальный параллелизм со специализированными сексуальными ощущениями. Бронсон, который очень умело интерпретировал ощущения зуда (Нью-Йоркское неврологическое общество, 7 октября 1890 г.; *Медицинские новости*, 14 февраля 1903 г., и обобщил в *British Medical Journal*, 7 марта 1903 г.; и в других местах), рассматривает это как извращение чувства осязания, дизестезию из-за затрудненного нервного возбуждения с несовершенной передачей генерируемой силы в соответствующую нервную энергию. Расчесывание, которое снимает зуд, направляет нервную энергию в более свободные каналы, иногда заменяя зуд болезненными или сладострастными ощущениями. Такие сладострастные ощущения можно рассматривать как обобщенное возбуждающее чувство, сравнимое со специализированным сексуальным оргазмом. Бронсон

ссылается на важный факт, что зуд в области половых органов возникает так часто, и заявляет, что сексуальная неврастения иногда является единственной обнаруживаемой причиной генитального и анального зуда. (Ср. обсуждение зуда, *Британский медицинский журнал*, 30 ноября 1895 г.) Гилман, опять же (*Американский журнал психологии*, vi, стр. 22), считает, что почесывание, так же как и чихание, сравнимо с половым актом.

Сексуальное объятие имеет тесную связь с феноменом щекотки, который нельзя не признать. Эта связь, действительно, лежит в основе знаменитого определения любви Спинозы — "*Любовь есть возбуждающее действие, сопутствующее идее причины внешней*" — утверждение, которое, по-видимому, отражено в определении любви Шамфором как "*обмена фантазиями и контакта двух эпидермисов*". Половой акт, говорит Гауэрс, на самом деле является кожным рефлексом.^[14] "Половые органы, - заявляют Холл и Аллин, - обладают щекотливостью, столь же уникальной, как и их функция, и столь же острой, сколь и их важность". Херрик находит высшую иллюстрацию теории суммирования и иррадиации щекотки в феноменах эротического возбуждения и указывает, что в соответствии с этим кожа сексуальной области, как показал Догель, является той частью тела, в которой тактильные тельца наиболее тщательно и продуманно снабжены соединяющимися волокнами. Было указано,^[15] что, когда обычная тактильная чувствительность частично утрачена, — особенно при гемиастезии у душевнобольных, — некоторые сексуальные нарушения особенно склонны обнаруживаться в ассоциации.

У маленьких детей, у девочек, даже когда они уже не дети, а иногда и у мужчин, щекотка может быть источником острого удовольствия, которое в самом раннем возрасте не является сексуальным, но позже имеет тенденцию становиться таковым при обстоятельствах, предрасполагающих к возникновению эротических эмоций, и особенно когда нервная система настроена на высокий тонус, благоприятный для получения максимального эффекта от щекотки.

"В молодости, - пишет 28-летняя дама, - я очень любила, когда меня щекотали, и в какой-то степени люблю до сих пор. В возрасте от 10 до 12 лет это доставляло мне изысканное удовольствие, которое теперь я расцениваю как сексуальное по своему характеру. Раньше я подкупала свою младшую сестру, чтобы она щекотала мне ноги, пока она не устанет".

Стэнли Холл и Аллин в своем исследовании феномена щекотки, в основном проведенном среди молодых женщин-учителей, обнаружили, что в 60 четко выраженных случаях ощущение щекотки было более выражено в одно время, чем в другое, "например, когда они "вели себя" или были в хорошем настроении, нервничали или нездоровы, после хорошей еды, когда умывались, когда были в полном здравии, когда находились с людьми, которые им нравятся, и т.д." (Холл и Аллин, "Щекотка и смех", *Американский психологический журнал*, октябрь 1897 г.). Следует заметить, что большинство упомянутых состояний являются такими, которые были бы благоприятны для возбуждений эмоционально-сексуального характера.

Ладони рук могут быть очень чувствительными к щекотке во время сексуального возбуждения, особенно у женщин, и Молл ("*Контраргументы сексуального характера*", стр. 180) отмечает, что у некоторых мужчин щекотание кожи спины, ступней и даже лба вызывает эротические чувства.

Можно добавить, что, как и следовало ожидать, пощипывание кожи часто имеет такое же значение у животных, как и у человека. "У некоторых животных", - замечает Луис Робинсон (арт.

"Щекотливость", *Словарь психологической медицины*), "локальное пощекотание кожи, хотя и в частях, удаленных от репродуктивных органов, явно действует на них косвенно как раздражитель. Так, Харви записывает, что, поглаживая спинку любимого попугая (который принадлежал ему годами и предположительно был самцом), он не только доставил птице удовольствие, — что было единственным намерением знаменитого физиолога, — но и заставил ее определить свой пол, отложив яйцо".

На сексуальное значение щекотки очень четко указывает тот факт, что общая чувствительность тела к щекотке, которая так выражена у детей и молодых девушек, значительно уменьшается, как правило, после установления сексуальных отношений. Доктор Джина Ломброзо, исследовавшая кожные рефлексы, обнаружила, что как брюшные, так и подошвенные рефлексы, которые хорошо выражены в детстве и у молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет, были значительно снижены у пожилых людей, и в большей степени у женщин, чем у мужчин, в большей степени в области живота, чем на спине. подошвы ног,^[16] ее результаты напрямую не показывают влияния сексуальных отношений, но они имеют косвенное отношение, которое стоит отметить.

Разница в щекотливости между незамужней и замужней женщиной соответствует их разнице в степени скромности. И скромность, и щекотливость, можно сказать, являются признаками, которые больше не нужны. С этой точки зрения общая щекотливость кожи - это своего рода скромность тела. Это так, даже помимо какого-либо сексуального значения щекотки, и Луис Робинсон указал, что у молодых обезьян, щенков и других подобных животных наиболее чувствительные к щекотке области соответствуют наиболее уязвимым местам в драке, и что, следовательно, в имитационных боях раннего возраста достигается навык защиты этих мест.

В Исландии, по словам Маргарет Фильхес (цитируется Максом Бартельсом, *Журнал "Цайтшифт для этнологии"*, 1900, ч. 2-3, стр. 57), о том, чист ли юноша или нетронута девушка, можно судить по их восприимчивости к щекотке. Если что-то потеряно, это считается плохим знаком.

Я в долгу перед корреспондентом-медиком за следующее сообщение: "Замужние женщины рассказали мне, что после замужества они обнаруживают, что не боятся щекотки под мышками или на груди, хотя до замужества любая щекотка или прикосновение в этих областях, особенно со стороны мужчины, заставили бы их подпрыгнуть, впасть в истерику или "пидорнуть", как они это называют. Перед половым актом сексуальная энергия, по-видимому, рассеивается по всем нервным каналам и особенно по вторичным половым путям — груди, затылку, бровям, губам, щекам, подмышкам и волосам на них и т.д., — но после вступления в брак избыточная энергия отводится из этих вторичных каналов, и реакция на щекотку уменьшается. Я часто отмечал, что в случаях невменяемости, особенно мании у девочек-подростков, они чрезмерно боятся щекотки. Опять же, в обычной рутинной практике я наблюдал, что, хотя замужние женщины не испытывают щекотки при аускультации и перкуссии грудной клетки, это далеко не всегда так у молодых девушек. Возможно, щекотливость девственниц - это естественная самозащита от изнасилования и сексуальных домогательств, и молодая девушка, инстинктивно желая спрятать подмышки, грудь и другие щекочущие области, подтягивается, чтобы к этим частям тела никто не прикасался. Замужняя женщина, будучи влюбленной в мужчину, не закрывает эти части

тела, поскольку отвечает взаимностью на его ухаживания; ей больше не требуется щекотка как защита от сексуальной агрессии".

[5] Взгляды Алруца кратко изложены в *Психологическом обзоре*, сентябрь 1901г.

[6] *Die Spiele der Menschen*, 1899, стр. 206.

[7] Л. Робинсон, арт. "Щекотливость", *Словарь психологической медицины Тьюка*.

[8] Стэнли Холл и Аллин, "Щекотка и смех", *Американский журнал психологии*, октябрь 1897г.

[9] Х. М. Стэнли, "Замечания о щекотке и смехе", *Американский журнал психологии*, том. ix января 1898 года.

[10] Симпсон, "Об отношении к плоду внутриутробно", *Акушерские мемуары*, 1856, том ii.

[11] Эразм Дарвин, *Зоономия*, раздел. XVII, 4.

[12] Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорне*, том vii. стр. 296.

[13] Такая интерпретация подтверждается аргументами У. Макдугалла ("Теория смеха", *Nature*, 5 февраля 1903 г.), который утверждает, без какой-либо ссылки на сексуальную сферу, что одним из объектов смеха автоматически является "рассеивание нашего внимания".

[14] Можно отметить, что даже структура слизистой оболочки влагалища аналогична структуре кожи. Д. Берри Харт, "Заметка о развитии клитора, влагалища и девственной плевы", *Труды Эдинбургского акушерского общества*, том. xxi, 1896.

[15] У. Х. Б. Стоддарт, "Анестезия у душевнобольных", *Журнал психических наук*, октябрь 1899г.

[16] Джина Ломброзо, "Sur les Réflexes Cutanés", Международный конгресс криминальной антропологии, Амстердам, *Встреча*, стр. 295.

III.

Содержание

Вторичные половые центры кожи—Диафрагмальные контакты—Куннилингус и фелляция—Поцелуй—Соски—Симпатия груди к первичным половым центрам—Эта связь действует как через нервы, так и через кровь—Влияние лактации на сексуальные центры—Сосание и сексуальные эмоции—Значение связи между сосанием и сексуальными эмоциями—Эта связь как причина сексуальной извращенности.

Мы видели, что кожа обычно обладает высокой степенью чувствительности, которая часто имеет тенденцию находиться в более или менее определенной связи с сексуальными центрами. Мы видели также, что центральное и специфическое сексуальное ощущение, само сексуальное объятие, в значительной степени является специализированным видом кожного рефлекса. Между общими кожными ощущениями и большим первичным сексуальным центром ощущений

находятся определенные вторичные сексуальные центры, которые в силу их важности могут быть здесь кратко рассмотрены.

Эти вторичные центры объединяет тот факт, что они всегда связаны с входами и выходами из тела — областями, то есть там, где кожа переходит в слизистую оболочку, и где в ходе эволюции тактильная чувствительность стала в высшей степени утонченной. Действительно, в целом об этих пограничных областях тела можно сказать, что их контакт с такой же или сходной пограничной областью у другого человека противоположного пола при других условиях, благоприятных для набухания, будет иметь тенденцию вызывать минимальную, а иногда даже максимальную степень сексуального возбуждения. Контакт этих областей друг с другом или с самой сексуальной областью настолько точно имитирует центральный сексуальный рефлекс, что создаются каналы для той же нервной энергии и образуются вторичные сексуальные центры.

Важно помнить, что явления, которые нас здесь интересуют, по сути своей нормальны. О многих из них обычно говорят как об извращениях. Однако, поскольку они способствуют набуханию, их следует рассматривать как входящие в диапазон нормальных изменений. Их можно считать неэстетичными, но это уже другой вопрос. Более того, следует помнить, что эстетические ценности меняются под влиянием сексуальных эмоций; с точки зрения влюбленного прекрасны многие вещи, которые некрасивы с точки зрения того, кто не является влюбленным, и чем в большей степени влюбленный находится под влиянием своей страсти, тем в большей степени его нормальный эстетический стандарт подвержен изменениям. Широкого рассмотрения феноменов среди цивилизованных и нецивилизованных народов вполне достаточно, чтобы показать ошибочность тенденции, столь распространенной среди ненаучных авторов по этим предметам, вводить нормальные эстетические стандарты в сексуальную сферу. С нормальной точки зрения обычной повседневной жизни, действительно, весь процесс секса неэстетичен, за исключением ранних стадий набухания.^[17]

Пока они составляют часть фазы набухания, использование половых возбуждений, получаемых по этим каналам, должно рассматриваться в пределах нормального диапазона вариаций, что мы действительно можем наблюдать у многих животных. Когда, однако, такие соприкосновения отверстий тела, отличные от соприкосновений собственно мужских и женских половых органов, используются для достижения не просто припухлости, но и отхождения, они становятся, в строгом и техническом смысле, извращениями. Они являются извращениями точно в том же смысле, что и методы полового акта, которые предполагают использование сдерживающих средств для предотвращения оплодотворения. Эстетический вопрос, однако, остается тем же, как если бы мы имели дело с припухлостью. Необходимо четко указать на это, даже с риском неправильного понимания, поскольку путаница здесь очень распространена.

О преимущественно сексуальном характере чувствительности к устьевым контактам свидетельствует тот факт, что иногда она может случайно развиться даже в раннем детстве. Это хорошо проиллюстрировано на примере случая, описанного Фере. Маленькая девочка 4 лет, с нервным темпераментом и склонная к приступам гнева, во время которых она каталась по земле и рвала на себе одежду, однажды в таком припадке гнева выбежала в сад и бросилась на лужайку в полуголом виде. Пока она лежала, две собаки, с которыми она привыкла играть, подошли и начали лизать непокрытые части тела. Случилось так, что, когда одна собака лизала ей рот, другая лизала ее половые органы. Она испытала шок от сильных ощущений, которые

никогда не могла забыть и никогда не могла описать, сопровождаемый восхитительным напряжением половых органов. Она встала и убежала с чувством стыда, хотя и не могла понять, что произошло. Произведенное таким образом впечатление было настолько глубоким, что сохранялось на протяжении всей жизни и служило отправной точкой сексуальных извращений, в то время как впоследствии одного контакта языка собаки с ее ртом было достаточно, чтобы вызвать сексуальное удовольствие. (Féré, *Archives de Neurologie*, 1903, No. 90.)

Я не собираюсь обсуждать здесь ни *куннилингус* (расположение рта к женскому половому органу), ни *фелляцию* (расположение рта к мужскому органу), поскольку в первом случае действующим лицом в нормальных гетеросексуальных отношениях является мужчина, во втором - женщина; они не являются чисто тактильными явлениями, но включают в себя различные другие физические и психические элементы. *Куннилингус* был очень распространенным явлением в классические времена, о чем свидетельствуют частые и в основном очень презрительные упоминания у Аристофана, Ювенала и многих других греческих и римских писателей; греки считали это финикийской практикой, точно так же, как сейчас ее принято считать французской; она, как правило, особенно распространена во все периоды высокой цивилизации. *Фелляция* также была одинаково хорошо известна как в древности, так и в наше время, особенно в том виде, в каком ее практиковали перевернутые мужчины. Можно согласиться с тем, что как *куннилингус*, так и *фелляция*, практикуемые представителями любого пола, могут иметь место среди здоровых или болезненных лиц, состоящих в гетеросексуальных или гомосексуальных отношениях. Они имеют небольшое психологическое значение, за исключением той степени, что, когда они практикуются без учета нормальных сексуальных отношений, они становятся извращениями и как таковые имеют тенденцию ассоциироваться с различными дегенеративными состояниями, хотя такие ассоциации не являются неизменными.

По существу нормальный характер *куннилингуса* и *фелляции*, когда они происходят как эпизоды в процессе набухания, подтверждается тем фактом, что они практикуются многими животными. Так обстоит дело, например, среди собак. Молл указывает, что нередко сука, находясь под собакой, но перед интромиссией, меняет позу, чтобы лизнуть пенис собаки — очевидно, из инстинктивного побуждения усилить свое собственное и его возбуждение, — а затем возвращается в нормальное положение, в то время как *куннилингус* является постоянным явлением среди животных, и из-за его частоты среди собак греки называли его σκύλαξ (Розенбаум, *Geschichte der Lustseuche im Altertume*, пятое издание, стр. 260-278; также отмечает в Молл, *Untersuchungen über die Sexuelle Anziehung*, Bd. I, pp. 134, 369; and Bloch, *Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia Sexualis*, Teil II, pp. 216 et seq.)

Возникновение *куннилингуса* как сексуального эпизода возбуждения у низших человеческих рас хорошо иллюстрируется практикой аборигенов Каролинских островов (как записано Кубари в его этнографическом исследовании этого народа и процитировано Глоссом и Бартельсом, *Das Weib*, том I). Здесь принято, чтобы мужчина помещал кусочек рыбы между половыми губами, в то время как он стимулирует последние языком и зубами до тех пор, пока в состоянии сексуального возбуждения женщина не помочится; это рассматривается как признак того, что наступил подходящий момент для полового акта. Такая практика основывается на физиологически обоснованных фактах, что бы ни думали о ней с эстетической точки зрения.

Контраст между нормальной эстетической точкой зрения в этом вопросе и точкой зрения любовника хорошо проиллюстрирован следующими цитатами: Доктор А. Б. Холдер в ходе

своего описания американского индейца *ботэ* замечает по поводу *фелляции*: "Из всех многочисленных разновидностей сексуальных извращений эта, как мне кажется, наиболее приниженная, какую только можно себе представить". С другой стороны, в сообщении писателя и ученого высокого интеллектуального уровня встречается утверждение: "Я утверждаю, что из всех сексуальных актов *фелляция - это фелляция*". - это скорее дело воображения и сочувствия". Следует отметить, что в этих двух утверждениях нет противоречия, и что каждое из них оправдано, в зависимости от того, придерживаемся ли мы точки зрения обычного наблюдателя или страстного влюбленного, жаждущего дать окончательное доказательство своей преданности. Следует добавить, что с научной точки зрения мы не имеем права принимать ни ту, ни другую сторону.

Из всей этой группы явлений наиболее типичным и широко распространенным примером, безусловно, является поцелуй. На губах мы имеем высокочувствительную пограничную область между кожей и слизистой оболочкой, во многих отношениях аналогичную вульвовагинальному отверстию и, более того, усиливаемую активными движениями еще более чувствительного языка. Таким образом, тесный и длительный контакт этих областей в условиях, благоприятных для припухлости, создает мощный ток нервной стимуляции. После тех контактов, в которых сами половые органы принимают непосредственное участие, конечно, нет такого канала для направления нервной силы в сексуальную сферу, как поцелуй. Нигде это не признается так хорошо, как во Франции, где губы молодой девушки свято хранят для своего возлюбленного, причем до такой степени, что молодые девушки иногда начинают верить, что вся физическая сторона любви выражается в поцелуе в губы; такая высокоинтеллектуальная женщина, как мадам Адам, описала агонию, которую она испытывала в детстве, когда мужчина целовал ее в губы, из-за убеждения, что таким образом она потеряла свою добродетель. Хотя губы занимают это чрезвычайно важное положение как вторичный сексуальный центр в сфере прикосновений, поцелуй — в отличие от *куннилингуса* и *фелляции* — ограничен мужчиной и, действительно, в значительной степени цивилизованным человеком. Это результат сложной эволюции, которая началась вне сферы осязания, и поэтому было бы неуместно рассматривать интересный вопрос о ее развитии в этом месте. Это будет обсуждаться в другом месте.^[18]

Существует еще одна пограничная область отверстия, которая является очень важным тактильным сексуальным центром: сосок. Грудь действительно поднимает несколько интересных вопросов в их интимной связи с сексуальной сферой, и, возможно, стоит рассмотреть их на данном этапе.

С современной точки зрения грудь имеет то особое значение среди сексуальных центров, что они существуют в первую очередь не для контакта с любовником, а для контакта с ребенком. Несомненно, это действительно фундаментальный факт, на котором выросли все сенсорные контакты, о которых мы здесь говорим. Сексуальная чувствительность губ любовника к соприкосновению отверстий развилась из чувствительности губ младенца к соприкосновению с соском матери. Именно на основе этой эволюции мы обязаны рассмотреть здесь точное положение груди как сексуального центра.

Как важнейший орган выделения молока, функция груди должна начаться сразу же, как только ребенок будет лишен питания, получаемого в результате прямого контакта с кровью его матери. Поэтому важно, чтобы связь между собственно половыми органами, особенно маткой, и грудями была чрезвычайно интимной, чтобы грудь могла быть в состоянии адекватно

реагировать на потребность сосущих губ ребенка в самый ранний момент после рождения. На самом деле, эта связь очень интимна, настолько интимна, что осуществляется двумя совершенно разными путями — через нервную систему и через кровь.

Грудь молодых девушек иногда становится нежной в период полового созревания в соответствии с эволюцией половых органов, хотя набухание груди в этот период обычно не является железистым процессом. В повторяющиеся периоды менструации, опять же, ощущения в груди не редкость.

Однако по-настоящему решающие изменения в груди происходят только после того, как происходит оплодотворение. "Как только яйцеклетка оплодотворяется, то есть в течение нескольких дней", - утверждает У. Д. А. Гриффит ("*Диагностика беременности*", *Британский медицинский журнал*, 11 апреля 1903 г.), - "в груди начинают происходить изменения, которые так же хорошо проработаны, как изменения в матке и влагалище, которые с начала беременности подготавливают к родам, которые должны последовать через девять месяцев. Это изменения в направлении выраженной активности функции. Орган, который ранее был совершенно пассивным, без активности кровообращения и последствий активного кровообращения, начинает расти и продолжает увеличиваться в активности и размерах по мере прогрессирования беременности".

Связь между грудью и маткой настолько очевидна, что она не ускользнула от внимания многих диких народов, которые зачастую действительно являются превосходными наблюдателями. По крайней мере, у одного первобытного народа активность груди при оплодотворении, по-видимому, четко распознана. Синанголо из Британской Новой Гвинеи, говорит Селигманн (*Журнал Антропологического института*, июль-декабрь 1902 г., стр. 298), верят, что зачатие происходит в груди; по этой причине они считают, что коитус никогда не должен происходить до отлучения ребенка от груди, иначе он может впитать сперму с молоком.

Естественно предположить, что эта связь между активностью матки и активностью желез груди является нервной связью посредством спинного мозга, и такая связь, безусловно, существует и играет очень важную роль в стимулирующем действии груди на половые органы. Но о том, что существует более прямой канал связи, чем нервная система, свидетельствует тот факт, что выделение молока будет происходить при родах, даже когда нервная связь разрушена. Миронофф обнаружил, что, когда молочная железа полностью отделена от центральной нервной системы, секреция, хотя и немного уменьшенная, все же продолжается. У двух коз он перерезал нервы незадолго до родов, и после рождения груди все еще были набухшими и функционировали нормально (*Archives des Sciences Biologiques*, Санкт-Петербург, 1895, краткое изложение в *L'Année Biologique*; 1895, стр. 329). Рибберт снова вырезал молочную железу молодого кролика и пересадил ее в ухо; через пять месяцев после того, как кролик вынашивал детенышей, железа свободно выделяла молоко. Сообщалось о случае женщины, у которой в результате несчастного случая был поврежден спинной мозг на уровне пятого и шестого спинного позвонка, однако лактация была совершенно нормальной (*Британский медицинский журнал*, 5 августа 1899 г., стр. 374). Мы склонны предполагать, что в крови происходят какие-то химические изменения, какая-то внутренняя секреция матки или яичников, которая действует как прямой стимулятор молочных желез. (См. Всестороннее обсуждение феномена связи между грудью и половыми органами, хотя выводы не являются неопровержимыми, в статье

Темешвари, *Журнал акушерства и гинекологии Британской империи*, июнь 1903 г.). На то, что эта гипотетическая секреция начинается в матке, а не в яичниках, по-видимому, указывает тот факт, что удаления обоих яичников во время беременности недостаточно для предотвращения лактации. В пользу яичников см. Битсон, *Ланцет*, июль 1896 г.; в пользу матки - Арманд Раут, "О взаимодействии между яичниками и молочными железами", *Британский медицинский журнал*, 30 сентября 1899 г.

Хотя, однако, сообщения от половых органов к груди носят сложный и в настоящее время плохо изученный характер, сообщение от груди к половым органам, без сомнения, в основном нервное. Когда ребенка прикладывают к груди после рождения, всасывание соска вызывает рефлекторное сокращение матки, и многие, хотя и не все авторитетные источники считают, что у женщины, которая не кормит своего ребенка грудью, существует некоторый риск того, что матка не вернется к своему нормальному размеру в развернутом виде. Также утверждалось, что прикладывание ребенка к груди в первые месяцы беременности вызывает настолько сильное сокращение матки, что может привести к аборту.

Фройнд обнаружил в Германии, что стимуляция сосков с помощью электрического баночного аппарата вызывает сокращение беременной матки. На более раннем сроке было рекомендовано раздражать сосок, чтобы возбудить матку к родовым действиям. Симпсон, указывая на то, что этого едва ли достаточно для достижения желаемого эффекта, считал, что прикладывание ребенка к груди после начала родов может усилить работу матки. (J. Y. Simpson, *Акушерские мемуары*, том i, стр. 836; также Féré, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 132).

Влияние лактации на состояние матки в предотвращении возобновления менструации во время ее продолжения хорошо известно. Согласно исследованию Ремфри, проведенному в 900 случаях в Англии, в 57 процентах в большинстве случаев менструации во время лактации отсутствуют. (Л. Ремфри в докладе, прочитанном перед Лондонским акушерским обществом, кратко изложенном в *Британском медицинском журнале*, 11 января 1896 г., стр. 86). Компания Bendix в Германии обнаружила среди 140 случаев это примерно в 40 процентах случаев. во время лактации менструаций не было (доклад, прочитанный перед Дюссельдорфским собранием Общества немецких естествоиспытателей и врачей, 1899). Когда ребенка не кормят грудью, менструации, как правило, возобновляются примерно через шесть месяцев после родов.

Возможно, что расхождения во мнениях авторитетных специалистов относительно обязательного благоприятного влияния лактации на возвращение матки к ее нормальному размеру могут быть вызваны смещением двух различных факторов: рефлекторного воздействия соска на матку и эффектов длительной железистой секреции молочных желез у ослабленных лиц. Акт сосания, несомненно, способствует сокращению матки, и у здоровых женщин во время лактации матка может даже (по словам Вайнберга) временно уменьшиться до меньших размеров, чем до оплодотворения, вызывая таким образом то, что известно как "лактационная атрофия". Однако у ослабленных женщин нарушение выработки молока может привести к общему снижению мышечного тонуса, и, таким образом, лактация скорее препятствует инволюции матки, чем способствует ей.

Таким образом, с объективной стороны, сосок следует рассматривать как эректильный орган, богато снабженный нервами и сосудами, который при стимуляции губ ребенка — или любом

подобном сжатии, и даже под влиянием эмоций или холода — становится твердым и выступает наружу, главным образом в результате мышечного сокращения; ибо, в отличие от пениса и клитора, сосок не содержит истинно эректильной ткани и мало способен к набуханию сосудов.^[19] Тогда мы должны предположить, что импульс имеет тенденцию передаваться через спинной мозг к половым органам, вызывая большую или меньшую степень нервного и мышечного возбуждения при сокращении матки. Поскольку это объективные проявления, то какие проявления следует отметить с субъективной стороны?

Замечательным доказательством общего безразличия, с которым в Европе до недавнего времени относились даже к довольно постоянным и заметным характеристикам женской психологии, является то, что, насколько мне известно, — хотя я и не проводил специальных исследований с этой целью, — никто до конца восемнадцатого века не зафиксировал тот факт, что акт кормления грудью вызывает у женщин сладострастные сексуальные эмоции. Кабанис в 1802 году в мемуарах "Влияние полов" в его *отношениях тела и морали человека* писал, что несколько кормящих грудью женщин сказали ему, что ребенок, сосущий грудь, вызывает у них яркое ощущение удовольствия, в некоторой степени разделяемое половыми органами. Не может быть никаких сомнений в том, что у здоровых кормящих женщин это явление чрезвычайно распространено, хотя в отсутствие какого-либо методичного и точного исследования нельзя утверждать, что с ним в той или иной степени сталкивается каждая женщина, и весьма вероятно, что это не так. Одна женщина, совершенно нормальная, утверждает, что, кормя грудью своих детей, она испытывала более сильные сексуальные чувства, чем когда-либо испытывала со своим мужем, но, насколько это было возможно, она пыталась подавить их, поскольку считала их грубыми в данных обстоятельствах. Многие другие женщины обычно заявляют, что сосание — это самое восхитительное физическое ощущение, которое они когда-либо испытывали. Однако в большинстве случаев это, по-видимому, не приводит к желанию полового акта, и некоторые из тех, кто делает это заявление, не испытывают желания к половому акту во время лактации, хотя в другое время у них могут быть сильные сексуальные потребности. Вполне вероятно, что это соответствует нормальному состоянию и что сладострастные ощущения, вызываемые сосанием, адекватно удовлетворяются ребенком. Можно добавить, что, вероятно, найдется много женщин, которые могли бы сказать даме, цитируемой Фере,^[20] что единственные настоящие удовольствия от секса, которые они когда-либо испытывали, — это те, которые получают от своих грудных младенцев.

Нетрудно понять, почему должна была возникнуть эта нормальная ассоциация сексуальных эмоций с сосанием груди. Для сохранения жизни детенышей млекопитающих важно, чтобы у матерей был достаточный мотив в виде приятных ощущений для того, чтобы переносить трудности, связанные с кормлением грудью. Наиболее очевидный метод получения необходимой степени приятных ощущений заключался в использовании резервуара сексуальных эмоций, каналы связи с которым, можно сказать, уже открыты благодаря воздействию половых органов на грудь во время беременности. Таким образом, сладострастный элемент грудного вскармливания можно назвать милосердным предоставлением Природы для обеспечения содержания ребенка.

Кабанис, по-видимому, осознал значение этой связи как основы симпатии между матерью и ребенком, а совсем недавно Ломброзо и Ферреро отметили (*La Donna Delinquente*, стр. 438) тот факт, что материнская любовь имеет сексуальную основу в элементе венерического

удовольствия, хотя обычно и незначительного, испытываемого во время кормления грудью. Узо ссылался на тот факт, что у большинства животных связь между матерью и потомством близка только в период лактации, и это, безусловно, связано с тем фактом, что только во время лактации самка животного может получать физическое удовлетворение от своего потомства. Живя на ферме, я убедился, что коровы иногда, хотя и не часто, проявляют легкие признаки сексуального возбуждения с выделением слизи во время дойки; так что, как заметила сама молочница, создается впечатление, что над ними "издеваются". Свиноматка, как и некоторые другие млекопитающие, часто поедает своих детенышей после рождения, ошибочно принимая их, как считается, за плаценту, которую обычно употребляет в пищу большинство млекопитающих; говорят, что свиноматка никогда не ест своих детенышей после того, как они однажды взяли сосок.

Иногда случается, что эта нормальная склонность сосания вызывать сладострастные сексуальные эмоции проявляется в крайней степени и может привести к сексуальным извращениям. Не похоже, что сексуальные ощущения, вызываемые сосанием, обычно достигают кульминации в оргазме; однако это было отмечено в случае, зарегистрированном Фере, у слегка невротичной женщины, у которой во время сосания возникало сильное сексуальное возбуждение, особенно если оно было продолжительным; насколько это было возможно, она сокращала периоды сосания, чтобы предотвратить, не всегда успешно, наступление оргазма (Féré, *Архив неврологии* № 30, 1903). Икард ссылается на случай женщины, которая стремилась забеременеть исключительно ради сладострастных ощущений, которые она получала от кормления грудью, а Йеллоулис (статья "Мастурбация", *Словарь психологической медицины*) говорит о непреодолимом характере "бурь сексуальных чувств, иногда наблюдаемых во время лактации".

Можно отметить, что на частоту ассоциации между лактацией и сексуальными ощущениями указывает тот факт, что, как отмечает Сэвидж, лактационное помешательство часто сопровождается фантазиями относительно репродуктивных органов.

Когда мы осознаем особую чувствительность областей отверстия и особенно тесную взаимосвязь между грудью и половыми органами, мы можем легко понять значительную роль, которую они обычно играют в искусстве любви. Как один из главных вторичных сексуальных признаков женщины и одна из ее главных красот, женская грудь предлагает себя губам любовника с меньшей интимной привлекательностью, чем ее рот, только потому, что рот лучше способен реагировать. С ее стороны, такой контакт часто инстинктивно желателен. Подобно тому, как сексуальное расстройство во время беременности сопровождается симпатическим расстройством в груди, так и сексуальное возбуждение, вызванное близостью любовника, отражается на груди; сосок становится набухшим и напряженным в согласии с клитором; женщина жаждет поставить своего любовника на место ребенка и испытывает ощущение, в котором эти два высших объекта ее желания восхитительно сочетаются.

Мощный эффект, который стимуляция соска оказывает на сексуальную сферу, привел к тому, что грудь стала играть заметную роль в эротическом искусстве тех стран, в которых это искусство культивировалось наиболее тщательно. Так, в Индии, согласно Ватсьяне, многие авторы придерживаются мнения, что, приближаясь к женщине, любовник должен начинать с посасывания сосков ее груди, а в песнях баядерки Южной Индии сосание соска упоминается как одно из естественных предварительных действий коитуса.

В некоторых случаях, и особенно у невротиков, сексуальное удовольствие, получаемое от манипуляций с соском, выходит за пределы нормы и, будучи предпочтительным даже половому акту, становится извращением. Говорят, что в школах для девочек, особенно во Франции, сосание и пощекотание груди не редкость; у мужчин также пощекотание сосков иногда вызывает сексуальные ощущения (Féré, *L'Instinct Sexuel*, второе издание, стр. 132).

Хильдебрандт записала случай с молодой женщиной, соски которой сосал ее любовник; постоянно втягивая грудь, она смогла сосать их сама и таким образом достигла чрезвычайного сексуального удовольствия. А. Дж. Блох из Нового Орлеана отметил случай с женщиной, которая жаловалась на набухание груди; самая нежная манипуляция вызвала оргазм, и было обнаружено, что набухание было намеренно произведено ради этой манипуляции. Мораглия в Италии знал очень красивую женщину, которая была совершенно холодна в нормальных сексуальных отношениях, но безумно возбуждалась, когда муж сжимал или сосал ее грудь. Lombroso (*Archivio di Psichiatria*, 1885, fasc. IV) описал несколько похожий случай с женщиной, у которой отсутствовала сексуальная чувствительность клитора, влагалища или половых губ и которая не получала удовольствия от полового акта, за исключением очень странных поз, но испытывала сильные сексуальные ощущения в правом соске, а также в верхней трети бедра.

Примечательно, что сосание груди обычно сопровождается не только сексуальным удовольствием матери, но и тем, что в некоторых случаях младенец, по-видимому, испытывает нечто подобное. Во всяком случае, на это указывает замечательный случай, описанный Фере (*Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 257). Новорожденная девочка со слегка невротической наследственностью была отлучена от груди в возрасте 14 месяцев, но ее привязанность к материнской груди была настолько велика, хотя она уже привыкла к другой пище, что этого удалось добиться лишь с большим трудом и путем разрешения ей по-прежнему ласкать обнаженную грудь несколько раз в день. Это продолжалось много месяцев, когда мать, снова забеременев, настояла на том, чтобы положить этому конец. Однако девочка была настолько ревнивой, что пришлось скрыть от нее тот факт, что ее младшую сестру кормили грудью матери, и однажды в возрасте 3 лет, когда она увидела, что ее отец помогает матери раздеваться, она яростно приревновала его. Эта ревность, как и страсть к груди ее матери, сохранялась до достижения половой зрелости, хотя она научилась скрывать это. В возрасте 13 лет, когда началась менструация, танцуя со своими любимыми подружками, она заметила, что, когда ее груди соприкасались с их грудями, она испытывала очень приятное ощущение с эрекцией сосков; но только в возрасте 16 лет она заметила, что половая область участвовала в этом возбуждении и становилась влажной. С этого периода ей снились эротические сны о молодых девушках. Она никогда не испытывала никакого влечения к молодым мужчинам, но в конце концов вышла замуж; хотя и испытывала большое уважение и привязанность к своему мужу, она никогда не испытывала ничего, кроме малейшего сексуального наслаждения в его объятиях, да и то только вызывая в памяти женские образы. Этот случай, когда ощущения младенца у груди послужили отправной точкой сексуального извращения, длившегося всю жизнь, является, насколько мне известно, уникальным.

[17] Йонас Кон ("*Всеобщая эстетика*", 1901, стр. 11) утверждает, что психология не имеет ничего общего с хорошим или дурным вкусом. "Различие между хорошим и дурным вкусом не

имеет значения для психологии. По этой причине фундаментальные концепции эстетики не могут возникнуть из психологии". Может возникнуть вопрос, можно ли принять эту точку зрения совершенно безоговорочно.

[18] Смотрите Приложение А: "Происхождение поцелуя".

[19] См. J. В. Хеллиер, "О сосковом рефлекс", *Британский медицинский журнал*, 7 ноября 1896г.

[20] Фере, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 147.

IV.

Содержание

Баня—Антагонизм первобытного христианства к культу кожи —Его культ личной нечистоты— Причины, оправдывавшие такое отношение—Общемировая тенденция к ассоциации между Чрезвычайной чистоплотностью и сексуальной распущенностью-Безнравственность, связанная с общественными банями в Европе вплоть до наших дней.

Гигиена кожи, как и особый культ ее, заключается в купании. Бани, как хорошо известно, достигли при римлянах такой степени развития, какой, во всяком случае, в Европе они никогда не достигали ни до, ни после, и современный посетитель Рима не уносит с собой более впечатляющих воспоминаний, чем о Банях Каракаллы. С приходом христианства культ кожи и даже ее гигиена никогда больше не достигали такого всеобщего и неоспоримого возвышения. Церковь убила баню. Святой Иероним с одобрением сообщает нам, что, когда святая Паула замечала, что кто-либо из ее монахинь слишком осторожен в этом вопросе, она сурово упрекала их, говоря, что "чистота тела и его одежд означает нечистоту души".^[21] Или, как все еще заявляет современный монах горы Афон: "Человек должен жить в грязи, как в кольчуге, чтобы его душа могла более надежно пребывать внутри".

Наши знания о римских обычаях купания в основном почерпнуты из Помпей. На сегодняшний день в этом маленьком городке раскопаны три общественные бани (по две для мужчин и женщин, которым также, вероятно, разрешалось иногда пользоваться третьей), а также по меньшей мере три частных купальни (по крайней мере, одна из них для женщин), в то время как около дюжины домов содержат полноценные ванны для частного использования. Даже в маленьком фермерском домике в Боскореале (в двух милях от Помпей) имелся тщательно продуманный ряд ванн комнат. Можно добавить, что Помпеи были хорошо обеспечены водой. Во всех домах, кроме самых бедных, текли струи, а в некоторых домах их было целых десять. (См. "Человеческие" *Помпеи*, главы XXVI-XXVIII.)

Церковь унаследовала господство императорского Рима и переняла многие методы своего предшественника. Но не могло быть большего контраста, чем отношение язычества и христианства к бане.

Что касается тенденций развития общественных бань в императорском Риме, некоторые свидетельства собраны воедино в разделе, посвященном этому вопросу, в книге Розенбаума

"История любви в другом мире". Что касается отношения первых христианских аскетов к этому вопросу, я могу отсылать читателя к интересному отрывку из *"Истории европейской морали"* Лекки (том ii, стр. 107-112), в котором собраны воедино ряд весьма поучительных примеров того, как многие из самых выдающихся ранних святых сознательно культивировали личную нечистоту.

В средние века, когда крайние излияния ранних аскетов сошли на нет, и монашество стало регламентированным, монахи обычно принимали две ванны в год, когда были здоровы; при болезни их можно было принимать так часто, как это было необходимо. Правила Клуни разрешали выдавать общине только три полотенца: одно для послушников, одно для исповедующих и одно для братьев-мирян. В конце семнадцатого века мадам де Мазарини, удалившись в монастырь визитандинок, однажды пожелала омыть ноги, но вся община была возмущена такой идеей, и она получила прямой отказ. В 1760 году доминиканец Ричард писал, что ванна сама по себе допустима, но принимать ее нужно исключительно по необходимости, а не для удовольствия. Церковь учила, и этот урок до сих пор преподается в монастырских школах, что неправильно выставлять тело напоказ даже своему собственному взору, и неудивительно, что многие святые люди хвастались, что они даже никогда не мыли рук. (Большая часть этих фактов взята из книги А. Франклина *"Туалетные принадлежности"*, одной из серии *"Личная жизнь Аутфойцев"*, в которой можно найти дополнительные подробности.)

В Италии шестнадцатого века, стране высочайшей элегантности и моды, превосходившей даже Францию, условия были такими же, и о том, насколько мало воды пользовалось благосклонностью даже аристократических дам, мы можем судить по современным книгам о туалетах, которые изобилуют рецептами против зуда и подобных заболеваний. Следует добавить, что Буркхардт (*"Культура Возрождения в Италии"*, восьмое издание, том ii, стр. 92) считает, что, несмотря на кожные заболевания, итальянцы эпохи Возрождения были первой нацией в Европе по чистоплотности.

Нет необходимости рассматривать положение вещей в других европейских странах. Аристократические условия прежних дней - это сегодняшние плебейские условия. Что касается Англии, то такие документы, как *Отчет Чедвика о санитарном состоянии рабочего населения Великобритании* (1842 г.), в достаточной степени иллюстрируют идеи и практику личной чистоты, которые преобладали среди масс в девятнадцатом веке и которые в значительной степени преобладают до сих пор.

Католическая церковь подверглась значительному порицанию за ее прямое и косвенное влияние на пропаганду телесной нечистоты. Ницше саркастически ссылается на факты, а мистер Фредерик Харрисон утверждает, что "средневековый тон в вопросе грязи был формой психического заболевания". Было бы легко процитировать многих других авторов с той же целью.

Однако необходимо отметить, что авторы, посвятившие себя подобным высказываниям, не только поступили несправедливо по отношению к христианству, но и продемонстрировали недостаток исторической проницательности. Христианство по сути своей было бунтом против классического мира, против его пороков и сопутствующих им добродетелей, как против его практики, так и против его идеалов. Она возникла в другой части Средиземноморского бассейна, на другом уровне культуры; она нашла своих сторонников в новом и более низком социальном слое. Культ милосердия, простоты и веры, хотя и не был изначально аскетичным,

неизбежно породнился с аскетизмом, потому что с его точки зрения сексуальность была самой цитаделью классического мира. Во втором веке гений Климента Александрийского и великих христианских мыслителей, последовавших за ним, ухватился за все те элементы классической жизни и философии, которые можно было объединить с христианством, не разрушая, как они надеялись, его сути, но в вопросе сексуальности не могло быть компромисса, и осуждение сексуальности означало осуждение бани. Христианам не требовалось особой проницательности, чтобы увидеть — хотя сейчас мы склонны замалчивать этот факт, — что культ бани на самом деле был культом плоти.^[22] Каким бы глубоким ни было их невежество в анатомии, физиологии и психологии, у них было перед глазами достаточно доказательств того, что кожа является внешней сексуальной зоной и что каждое применение, способствующее чистоте, блеску и здоровью кожи, представляет собой прямое обращение, слабое или сильное, в зависимости от обстоятельств, к тем страстям, с которыми они боролись. Мораль была очевидна: лучше позволить временному одеянию вашей плоти пропитаться грязью, чем рисковать запятнать сияющую чистоту вашей бессмертной души. Если бы христианство не черпало эту мораль с ясным пониманием и неумолимой логикой, христианство никогда не было бы великой силой в мире.

Если возникает какое-либо сомнение относительно действительно существенного характера связи между чистотой и сексуальным влечением, то оно может быть рассеяно соображением, что эта связь никоим образом не ограничивается христианской Европой. Если мы выйдем за пределы Европы и даже христианского мира в целом, на другой конец света, мы обнаружим, что это все еще хорошо заметно. Распутство роскошного населения Таити, когда его впервые открыли европейские путешественники, печально известно. Ареои Таити, общество, в значительной степени основанное на разврате, является уникальным институтом для примитивных народов. Кук, дав одно из самых ранних описаний этого общества и его объектов на Таити (Hawkesworth, *Отчет о путешествиях* др., 1775, т. ii, стр. 55), сразу же переходит к описанию чрезвычайной и скрупулезной чистоплотности жителей Таити во всех отношениях; они не только мыли свое тело и одежду каждый день, но и во всех отношениях подняли чистоту на более высокий уровень, чем даже "самое вежливое собрание в Европе". Другой путешественник приводит аналогичное свидетельство: "Жители островов Общества среди всех народов Южных морей самые чистоплотные; и лучшие из них очень тщательно соблюдают чистоту"; они купаются утром и вечером в море, замечает он, а затем в пресной воде, чтобы удалить частицы соли, моют руки до и после еды и т. д. (Дж. Р. Форстер, *Наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия*", 1798, стр. 398.) А Уильям Эллис в своем подробном описании народа Таити (*Полинезийские исследования*, 1832, том i, особенно главы VI и IX), подчеркивая их чрезвычайную чистоплотность, то, что каждый человек любого сословия моется по крайней мере один или два раза в день, останавливается на том, что он считает их невыразимым моральным унижением: "несмотря на кажущуюся мягкость их нрава и веселую живость их разговоров, ни одна часть человеческой расы, возможно, никогда не опускалась ниже в жестокой распущенности и моральной деградации".

Покинув Таити, Кук отправился в Новую Зеландию. Здесь он обнаружил, что люди были более добродетельными, чем на Таити, а также, как он обнаружил, менее чистоплотными.

Однако ошибочно полагать, что физическая нечистота безраздельно властвовала в средневековье и более поздние времена. Это правда, что восемнадцатый век, в котором родилось так много того, что отличает наш современный мир, стал свидетелем возрождения старого идеала телесной чистоты. Но борьба между двумя противоположными идеалами велась за тысячу или более лет до этого. Церковь, действительно, была в этом вопросе основана на неприступной скале. Но никогда не было такого времени, чтобы влияния вне Церкви не находили где-нибудь прибежища. Те традиции классического мира, которые христианство отбросило как бесполезные или того хуже, тихо появлялись снова. Ни в каком отношении это не было так заметно, как в отношении любви к чистой воде и культу бани. Ислам полностью перенял римскую баню и сделал ее институтом повседневной жизни, необходимостью для всех классов. Гранада - это то место в Европе, где сегодня мы находим самые изысканные остатки мусульманской культуры, и, хотя ярость христианских завоеваний прошла бороздой по земле Гранады, даже сейчас там берут начало ручьи и фонтаны, которые бьют обильно, и плеск воды редко бывает слышен. Цвет христианского рыцарства и христианского разума отправился в Палестину, чтобы вырвать Гроб Господень из рук язычников-мусульман. Они нашли там много превосходных вещей, за которыми не отправились на поиски, и крестоносцы произвели своего рода преждевременный и несостоявшийся Ренессанс, тень утраченных классических вещей, отразившихся на христианской Европе в зеркале ислама.

Тем не менее, в связи с подчеркнутыми здесь ассоциациями с баней, стоит отметить, что даже в исламе мы можем проследить существование религиозного отношения, неблагоприятного для бани. До времен Мухаммеда в Аравии не было общественных бань, и считалось, что бани специально посещаются джинами - злыми духами. Сам Мухаммед поначалу был настолько предубежден против общественных бань, что запретил посещать их как мужчинам, так и женщинам. Позже, однако, он разрешил мужчинам пользоваться ими при условии, что они носилиткань вокруг чресел, а также женщинам, когда они не могли удобно мыться дома. Среди высказываний Пророка встречаются утверждения: "Какая бы женщина ни вошла в баню, дьявол с ней" и "Вся земля дана мне как место молитвы и такое же чистое, кроме места захоронения и бани". (См., например, Э. У. Лейн, *Арабское общество в средние века*, 1883, стр. 179-183.) Таким образом, хотя баня, или *хаммам*, как средство ритуального омовения, гигиены и получения удовольствия, быстро стала повсеместно популярной в исламе среди всех классов и обоих полов, можно сказать, что сам Мухаммед был против этого.

Среди открытий, которые сделали крестоносцы и привезли с собой домой, одним из самых примечательных было открытие бани, которая в своих более сложных формах, кажется, была абсолютно забыта в Европе, хотя римские бани могли быть найдены под землей повсюду. Все авторитетные источники, похоже, сходятся во мнении, что именно здесь кроется исток возрождения общественной бани. Культ воды и физической чистоты мы обязаны сначала Риму, а затем исламу, прямому наследнику классической культуры. Даже сегодня турецкая баня, которая является самым популярным из тщательно продуманных методов принятия ванн, своими характеристиками и названием напоминает о том, что это мусульманский пережиток римской жизни.

Начиная с XII века, бани неоднократно привозились с Востока и вновь вводились в слегка измененных формах, процветая с разной степенью успеха. В XIII веке они были очень распространены, особенно в Париже, и хотя ими часто пользовались, особенно в Германии, представители обоих полов, прилагалось все усилия, чтобы поддерживать в них порядок и

респектабельность. Однако в конечном итоге эти усилия всегда оказывались безуспешными. Баня всегда в конце концов превращалась в публичный дом и, следовательно, либо выходила из моды, либо пресекалась властями. Достаточно сослаться на репутацию в Англии "оранжерей" и "баньос". Только ближе к концу восемнадцатого века стало признаваться, что требования физической чистоты были достаточно настоятельными, чтобы сделать необходимым избегать вполне предотвратимых рисков для нравственности при купании и смело идти на неизбежный риск. В наши дни, когда мы привыкли искусно вплетать в ткань нашей жизни противоречивые традиции классических и христианских времен, мы почти убедили себя, что языческая добродетель чистоты стоит на втором месте после благочестия, и мы принимаем ванну, забыв о великой моральной борьбе, которая когда-то велась вокруг бани. Но мы воздерживаемся от того, чтобы строить себе дворцы для купания, и по большей части мы купаемся с предельной умеренностью.^[23] Вероятно, мы сможем наилучшим образом согласовать наши конфликтующие традиции, отвергнув не только христианское прославление грязи, но и, за исключением определенно терапевтических целей, чрезмерное нагревание, трение и стимуляцию, связанные с классическими формами купания. Наш разумный идеал должен заключаться в том, чтобы каждому мужчине, женщине и ребенку было легко и естественно принимать простую ванну, теплую зимой, холодную летом, круглый год.

Об истории бани в средневековье и более поздней Европе см. А. Франклина, *"Туалетные принадлежности"*, в серии *"Личная жизнь Аутрефуа"*; Рудека, *"Руководство по уходу за телом в Германии"*; Т. Райта, *"Дома других дней"*; Э. Дюрена, *"Дас Гешлехтсleben в Англии"*, bd. 1.

За пределами Церкви царила большая чистота, чем мы иногда склонны предполагать. Действительно, можно сказать, что нечистоплотность святых мужчин и женщин не привлекала бы никакого внимания, если бы она соответствовала общепринятому состоянию. До того, как были созданы общественные бани, безусловно, практиковалось купание в частном порядке; так, Ордерик Виталис, повествуя об убийстве Мейбл, графини де Монтоммери, в Нормандии в 1082 году, вскользь упоминает, что она лежала на кровати после купания (*Церковная история*, книга V, глава XIII). В теплую погоду, по-видимому, средневековые дамы купались в ручьях, как это до сих пор делают деревенские женщины в России, Богемии, а иногда и ближе к дому. Следовательно, утверждение историка Мишле о том, что Персиваль, Изольда и другие эфирные персонажи средневековья "определенно никогда не мылись" (*La Sorcière*, стр. 110), требует некоторой квалификации.

В 1292 году в Париже насчитывалось двадцать шесть купальен, и утром служитель ходил по улицам, объявляя, что они готовы. Вместо этого можно было принять только паровую баню или горячую ванну, как на Востоке. Ни одной женщине с дурной репутацией, прокаженной или бродяжке в то время не разрешалось посещать бани, которые были закрыты по воскресеньям и праздничным дням. Однако к четырнадцатому веку бани приобрели репутацию безнравственных и роскошных, и, по словам Дюфура, парижские бани "соперничали с банями императорского Рима: любовь, проституция и разврат привлекали большинство в купальни, где все было прикрыто приличной вуалью". Он добавляет, что, несмотря на вызванный таким образом скандал и оскорбления проповедников, все ходили в бани, молодые и старые, богатые и бедные, и он делает заявление, которое, кажется, перекликается с постоянным утверждением первых Отцов Церкви, что "женщина, часто посещавшая бани, возвращалась домой физически чистой только за счет своей моральной чистоты".

В Германии была еще большая свобода нравов в купании, хотя, казалось бы, настоящей распущенности было меньше. Даже в самых маленьких городках были свои бани, которые посещали представители всех сословий. Как только протрубил рог, возвещающий о готовности бань, все поспешили вдоль улицы, бедняки почти полностью раздевались, прежде чем покинуть свои дома. Купание почти всегда было обычным делом без надевания какой-либо одежды, служанки обычно растирали и массировали представителей обоих полов, а раздевалкой часто пользовались мужчины и женщины вместе; это приводило к очевидному злу. Немцы, как указывает Вайнхольд (*Die Deutschen Frauen im Mittelalter*, 1882, bd. ii, стр. 112 и последующие), любили купаться на открытом воздухе в ручьях со времен Тацита и Цезаря до сравнительно современных времен, когда вмешалась полиция. То же самое было и в Швейцарии. Поджио в начале шестнадцатого века обнаружил, что в Бадене мужчины и женщины моются вместе, и сказал, что, похоже, он помогал в *флоралии* древнего Рима или в Республике Платона. Сенанкур, который цитирует этот отрывок (*De l'Amour*, 1834, т. i, стр. 313), отмечает, что в начале девятнадцатого века в баденских банях все еще царила большая свобода.

О тринадцатом веке в Англии Томас Райт (*Дома других времен*, 1871, стр. 271) отмечает: "Практика принятия теплых ванн была широко распространена во всех классах общества и часто упоминается в средневековых романах и историях. Для этой цели использовалась большая ванна. Иногда люди принимали ванну сразу после подъема утром, и мы находим, что ванной пользовались после ужина и перед отходом ко сну. Ванна также часто готовилась для гостя по прибытии из путешествия; и, что кажется еще более странным, в многочисленных историях о любовных интригах двое влюбленных обычно начинали свои свидания с совместного принятия ванны".

В Англии связь между купанием и безнравственностью установилась с особой быстротой и основательностью. Бани были здесь официально признаны публичными домами, и это еще в двенадцатом веке, при Генрихе II. Эти организованные публичные дома располагались в Саутворке, за стенами города, в квартале, который также был отдан под различные виды спорта и увеселения. В более поздний период "оранжереи", бани и хумумы (восточный *хаммам*) были распространены по всему Лондону и по-прежнему тесно отождествлялись с проституцией, эти названия, действительно, постоянно имели тенденцию становиться синонимами публичных домов. (Т. Райт, *Дома других дней*, 1871, стр. 494-496, рассказывает о них.)

Во Франции бани, подвергнутые анафеме как католиками, так и гугенотами, начали терять популярность и исчезать. "Нравственность возросла, - замечает Франклин, - но чистота утрачена". Даже очаровательная и элегантная Маргарита Наваррская сочла вполне естественным для дамы случайно упомянуть своему возлюбленному, что она неделю не мыла рук. Затем началась чрезвычайная тенденция к использованию косметики, эссенций, духов и жестокая война с паразитами вплоть до семнадцатого века, когда был достигнут некоторый прогресс, и людям, которые хотели быть очень элегантными и утонченными, было рекомендовано умывать лицо "почти каждый день". Однако даже в 1782 году, когда для мытья лица и рук рекомендовали использовать льняную ткань, использование воды все еще несколько обесценивалось. Однако теперь использование горячих и холодных ванн начало распространяться в Париже и других местах, и купальни на крупных европейских курортах также начали приводиться в порядок, который сейчас стал обычным. Когда Казанова в середине восемнадцатого века посетил общественные бани в Берне, он, очевидно, был несколько

удивлен, обнаружив, что ему предложили самому выбрать служанку из множества молодых женщин, и когда он понял, что эти служанки во всех отношениях находятся в распоряжении купальщиц. Очевидно, что заведения такого рода в то время уже вымирали, хотя можно добавить, что обычаи, описанные Казановой, по-видимому, сохранились в Будапеште и Санкт-Петербурге почти или совсем до настоящего времени. Большие европейские общественные бани долгое время были вне подозрений в этом отношении (хотя гомосексуальные практики не совсем исключены), в то время как хорошо известно, что многие виды горячих ванн, используемые в настоящее время, оказывают мощное стимулирующее действие на половую систему, и пациентов, принимающих такие ванны в медицинских целях, часто предупреждают не поддаваться этим воздействиям.

Борьба, которая в прежние века велась вокруг банных заведений, теперь частично перенесена на массажные заведения. Массаж является столь же мощным стимулятором кожи и сексуальной сферы, действуя главным образом за счет трения, а не за счет тепла, и он еще не достиг того уровня всеобщего признания и популярности, который в случае с банными заведениями делает плохой политикой создание дурной репутации.

Как и купание, массаж является гигиеническим и терапевтическим методом воздействия на кожу и прилегающие ткани, который, наряду со своими преимуществами, имеет определенные сопутствующие недостатки в том, что касается воздействия на сексуальную сферу. Это влияние склонны испытывать индивиды обоих полов, хотя, возможно, оно особенно заметно у женщин. Жуан (цитируется в *парижском медицинском журнале*, 23 апреля 1893 г.) обнаружил, что из 20 женщин, получавших массаж, о которых он навел справки, 14 заявили, что испытывали сладострастные ощущения; 8 из них принадлежали к респектабельным семьям; остальные 6 были женщинами *полусвета* и сообщили точные подробности; Жуан ссылается в этой связи на *алиптов* Рима. Нет необходимости добавлять, что гинекологический массаж, введенный в последние годы шведским преподавателем гимнастики Туре-Брандтом как включающий длительное растирание и разминание тазовых областей, "*прижимание влагалища*" и т.д. (*Гинекологический массаж*, Г. де Фрумери, 1897), какой бы ни была его терапевтическая ценность, в значительной части случаев не может не стимулировать сексуальные эмоции. (Эйленбург отмечает, что для сексуальной анестезии у женщин "естественно" может быть рекомендована система массажа Туре-Брандта, *Сексуальная нейропатия*, стр. 78.) Мне сообщили, что в Лондоне и других местах массажные заведения иногда посещают женщины, которые ищут сексуального удовлетворения с помощью массажа гениталий *массажисткой*.

[21] "*Dicens munditiam corporis atque vestitus animæ esse immunditiam*"—St. Jerome, *Ad Eustochium Virginem*.

[22] В отношении физиологического механизма, с помощью которого купание оказывает тонизирующее и стимулирующее действие, Вудс Хатчинсон проводит интересное обсуждение (глава VII) в своих *Исследованиях человека и сравнительной патологии*.

[23] Так, среди молодых женщин, поступивших в Чикагскую педагогическую школу, мисс Лура Санборн, директор по физподготовке, утверждает (*Журнал для врачей*, декабрь 1900 г.), что мытье раз в две недели не является чем-то необычным.

V.

Содержание

Резюме — Фундаментальная важность осязания — Кожа является Матерью всех других чувств.

Чувство осязания настолько универсально распространено по всей коже и в стольких различных степенях и модификациях, и, более того, оно настолько истинно является Альфой и Омегой привязанности, что разбитое и фрагментарное рассмотрение этого вопроса было неизбежным.

Кожа - это археологическая область человеческого и дочеловеческого опыта, основа, на которой выросли все формы чувственного восприятия, и поскольку сексуальная чувствительность является одной из самых древних из всех форм чувствительности, сексуальный инстинкт обязательно, в основном, является сравнительно слегка модифицированной формой общей чувствительности к прикосновениям. Этот примитивный характер обширной области тактильных ощущений, ее расплывчатость и рассеянность, сравнительно неинтеллектуальная, а также неэстетичная природа ментальных представлений, возникающих на тактильной основе, затрудняют точное изучение психологии осязания. Те же самые качества, однако, в значительной степени усиливают эмоциональную интенсивность кожных ощущений. Таким образом, из всех великих сенсорных полей поле осязания является одновременно наименее интеллектуальным и наиболее эмоциональным. Эти качества, а также его тесная и примитивная связь с аппаратом набухания и отхождения, делают прикосновение самым готовым и мощным каналом, по которому можно достичь сексуальной сферы.

При распутывании феноменов тактильной чувствительности для особого рассмотрения была выбрана щекотка как вид ощущения, основанный на рефlekсах, развивающихся еще до рождения, что очень тесно связано с сексуальными явлениями. Это, так сказать, игра припухлости, за которой следует смех как за игрой распухания. Это приводит к более серьезным явлениям припухлости и имеет тенденцию к исчезновению после подросткового возраста, в период, в течение которого обычно начинаются сексуальные отношения. Такой взгляд на щекотливость, как на своего рода кожную скромность, существующую только для того, чтобы быть уничтоженной, следует рассматривать лишь как один из ее аспектов. Чувство щекотки, безусловно, возникло из несексуальной отправной точки и вполне может иметь защитное применение у молодого животного.

Готовность, с которой тактильная чувствительность приобретает сексуальный характер и формирует рефлекторные каналы связи с собственно сексуальной сферой, иллюстрируется существованием определенных вторичных половых очагов, уступающих по сексуальной возбудимости только области гениталий. Мы видели, что главные из этих нормальных очагов расположены в областях отверстий, где соприкасаются кожа и слизистая оболочка, и что контакт любых двух областей отверстий между двумя лицами разного пола, сведенными вместе

при благоприятных условиях, при продолжении способен вызывать очень сильную степень сексуального возбуждения. Это нормальное явление, поскольку оно является частью распухания, а не методом получения распухания. Поцелуй является типичным примером таких контактов, в то время как сосок представляет особый интерес в этой связи, потому что таким образом мы получаем возможность привести психологию лактации в тесную связь с психологией сексуальной любви.

Чрезвычайная чувствительность кожи, готовность, с которой ее стимуляция отражается на сексуальной сфере, отчетливо выявленная настоящим исследованием, позволяют нам лучше понять очень древнее состязание — моральную борьбу вокруг ванны. Всегда существовала тенденция к чрезмерному культивированию физической чистоты, ведущему к чрезмерной стимуляции сексуальной сферы; так что христианские аскеты были полностью оправданы, исходя из своих предпосылок, в борьбе против бани и в прямом или косвенном поощрении культа физической нечистоты. Хотя, однако, в прошлом явно наблюдалась общая тенденция связывать культ физической чистоты с моральной распущенностью, и для такой ассоциации есть достаточные основания, важно помнить, что это не неизбежная и фатальная ассоциация; скрупулезно чистый человек ни в коем случае не обязательно склонен к распущенности; физически нечистый человек ни в коем случае не обязательно морально чист. Когда мы устранили определенные формы принятия ванны, которые следует рассматривать скорее как роскошь, чем как гигиеническую необходимость, хотя иногда они обладают терапевтическими свойствами, мы устранили наиболее сильную привлекательность ванны для сексуального влечения. По общему мнению, требования физической чистоты в настоящее время становятся настолько настоятельными, что те небольшие риски для моральной чистоты, которые все еще могут оставаться, постоянно и мудро игнорируются, а безнравственные традиции бани теперь, по большей части, принадлежат прошлому.

ЗАПАХ.

Содержание

Я.

Содержание

Примитивность обоняния —Анатомическое расположение обонятельных центров— Преобладание обоняния среди низших млекопитающих — Его пониженное значение у человека—Внимание, уделяемое запахам дикарями.

Первое более высокоорганизованное чувство, возникающее при рассеянной тактильной чувствительности кожи, в большинстве случаев, без сомнения, это обоняние. Действительно, поначалу обонятельная чувствительность не отличается четко от общей тактильной

чувствительности; ямки утолщенного и реснитчатого эпителия или высокомобильные усики, которые у многих низших животных чувствительны к пахучим раздражителям, также чрезвычайно чувствительны к тактильным раздражителям; так обстоит дело, например, с улиткой, у которой в то же время обонятельная чувствительность, по-видимому, распределена по всему телу.^[24] Обоняние постепенно специализируется, и когда начинает развиваться вкус, формируется своего рода химическое восприятие. Однако значение органа обоняния быстро начинает возрастать по мере того, как мы поднимаемся по зоологической шкале. У низших позвоночных, когда они начали осваивать жизнь на суше, обоняние, по-видимому, было той частью их сенсорного оборудования, которая оказалась наиболее полезной в новых условиях, и она развивалась с поразительной быстротой. Эдингер обнаруживает, что в мозге рептилий "область обоняния" имеет огромную протяженность, покрывая, действительно, большую часть коры головного мозга, хотя, как замечает Херрик, вполне может быть правдой, что, хотя обоняние преобладает, возможно, неверно приписывать исключительно обонятельный тон мозговой деятельности *зауропсиды* или даже *ихтиопсиды*. Однако в любом случае у большинства млекопитающих обоняние, безусловно, является наиболее высокоразвитым из чувств; оно дает первую информацию об удаленных объектах, которые их касаются; оно дает наиболее точную информацию о близких объектах, которые их касаются; это чувство, в терминах которого должно выполняться большинство их умственных операций и их эмоциональные импульсы достигают сознания. Среди обезьян оно сильно утратило свое значение, а у человека стало почти рудиментарным, уступив место превосходству зрения.

Профессор Г. Эллиот Смит, ведущий специалист по мозгу, хорошо обобщил факты, касающиеся преобладания обонятельной области в мозге млекопитающих, и его выводы можно процитировать. Следует исходить из того, что Эллиот Смит делит мозг на головной мозг и неопаллиум. Носоглоточный мозг обозначает области, имеющие преимущественно обонятельную функцию: обонятельную луковицу, ее ножку, обонятельный бугорок и продырявленное место, грушевидную долю, паратерминальное тело и всю формацию гиппокампа. Неопаллиум - это дорсальная крышка головного мозга с лобной, теменной и затылочной областями, охватывающая всю ту часть мозга, которая является средоточием высшей ассоциативной деятельности, достигающей своего наиболее полного развития у человека.

"У ранних млекопитающих обонятельные области образуют гораздо большую часть полушария головного мозга, что неудивительно, если вспомнить, что передний мозг в примитивном мозге является, по существу, придатком, так сказать, обонятельного аппарата. Когда полушарие головного мозга начинает занимать такое доминирующее положение в мозге, возможно, не будет противоестественным обнаружить, что обоняние является наиболее влиятельным и главным источником информации для животного; или, возможно, было бы точнее сказать, что обонятельное чувство, которое передает животному общую информацию, какую никакое другое чувство не может дать относительно его добычи (близкой или далекой, скрытой или выставленной напоказ), является наиболее полезным из всех путей получения информации для низшего млекопитающего, ведущего наземный образ жизни, и поэтому становится преобладающим; и его особая область — передний мозг. становится управляющей частью нервной системы.

Это раннее преобладание обоняния сохраняется у большинства млекопитающих (если только водный образ жизни не вмешивается и не подавляет его: сравните, например, *китообразных*,

сирений и лаконогих), даже несмотря на то, что развивается крупный неопаллиум для получения визуальных, слуховых, тактильных и других впечатлений, поступающих в передний мозг. Только у *Anthropoidea* из неводных млекопитающих обонятельные области претерпевают абсолютное (а не только относительное, как у *Carnivora* и *Ungulata*) сокращение, которому в равной степени подвержен человеческий мозг, как и у других обезьяньих, церкопитековых и *Cebidae*. Но все части носоглоточного мозга, которые так отчетливы у макросматических млекопитающих, также могут быть распознаны в человеческом мозге. Маленькая эллипсоидальная обонятельная луковица прикреплена, так сказать, к решетчатой пластинке решетчатой кости обонятельными нервами; так что, по мере удаления места прикрепления обонятельной ножки к расширяющемуся полушарию головного мозга (в результате выдвижения полушария вперед) все дальше и дальше назад, ножка становится сильно растянутой и удлинненной. И, поскольку это растяжение затрагивает серое вещество, не уменьшая количества нервных волокон в обонятельном тракте, ножка становится практически тем, чем ее обычно называют - т.е. обонятельным "трактом". Обонятельный бугорок сильно сокращается и в то же время уплощается; так что нелегко провести демаркационную линию между ним и передним перфорированным пространством. Передняя ринальная трещина, которая присутствует в раннем периоде зачатия человека, исчезает (почти, если не совсем) у взрослого человека. Часть задней носовой щели всегда присутствует в "incisura temporalis", и иногда, особенно у некоторых неевропейских рас, вся задняя носовая щель сохраняется в той типичной форме, которую мы находим у человекообразных обезьян". (Г. Эллиот Смит, в *Описательном и иллюстрированном каталоге физиологической серии сравнительной анатомии, Содержащемся в Музее Королевского колледжа хирургов Англии*, второе издание, том ii.) Приводится полное изложение исследований Эллиота Смита с диаграммами. Буллен, *Журнал психических наук*, июль 1899 г. Можно добавить, что вся тема обонятельных центров была тщательно изучена Эллиотом Смитом, а также Эдингером, Майером и К. Л. Херриком. В *Журнале сравнительной неврологии*, редактируемом последним из названных, можно найти многочисленные обсуждения и резюме, касающиеся этого предмета, начиная с 1896 года. Относительно примитивных органов обоняния у различных групп беспозвоночных некоторую информацию можно найти в "*Физиологии беспозвоночных*" А. Б. Гриффитса, глава XI.

Преобладание обонятельной области в нервной системе позвоночных обычно неизбежно влечет за собой тесные психические связи между обонятельными стимулами и сексуальным импульсом. У большинства млекопитающих не только все сексуальные ассоциации в основном обонятельные, но и впечатлений, получаемых этим чувством, достаточно, чтобы доминировать над всеми остальными. Животное не только получает адекватное сексуальное возбуждение от обонятельных стимулов, но и этих стимулов часто бывает достаточно, чтобы уравновесить все свидетельства других чувств.

Мы можем очень хорошо наблюдать это на примере собаки. Так, хорошо известная мне молодая собака, которая никогда не имела связи с сукой, но всегда находилась в обществе своего отца, однажды встретила последнего сразу после того, как старшая собака была с сукой. Он немедленно попытался вести себя по отношению к старшей собаке, несмотря на гневные отпоры, точно так, как собака ведет себя по отношению к суке во время течки. Сообщения, полученные обонянием, были достаточно срочными не только для того, чтобы привести в действие сексуальный механизм, но и для того, чтобы преодолеть переживания всей жизни. В

книге Гисслера "*Психология обоняния*", 1894, есть интересная глава о чувстве обоняния в психической жизни собаки. В главе XI Пасси (в приложении к его мемуарам об обонянии, "*Психологическая книга*", 1895) приводит результаты некоторых интересных экспериментов относительно воздействия духов на собак; было обнаружено, что циветта и кастореум оказывают наиболее сильное возбуждающее действие.

Влияние запаха столь же всемогуще в сексуальной жизни многих насекомых. Так, Фере обнаружил, что у петушиных птиц половое спаривание не происходило, когда антенны, которые являются органами обоняния, были удалены; он также обнаружил, что самцы после того, как они спарились с самками, оказались сексуально привлекательными для других самцов (*Отчет о встрече Биологического общества*, 21 мая 1898 г.). Фере аналогичным образом обнаружил, что у одного вида *бомбиксов* самцы после контакта с самками иногда оказывались привлекательными для других самцов, хотя никаких аномальных отношений не последовало. (*Общество биологии*, 30 июля 1898 г.)

С появлением высших обезьян, и особенно человека, все это изменилось. Обоняние, действительно, все еще сохраняется повсеместно, и оно по-прежнему чрезвычайно тонкое, хотя им часто пренебрегают.^[25] Более того, это полезное вспомогательное средство в исследовании внешнего мира, поскольку, в отличие от очень немногих ощущений, доставляемых нам осязанием и вкусом, мы знакомы с огромным количеством запахов, хотя информация, которую они нам дают, часто расплывчата. Опытный парфюмер, говорит Пиессе, будет иметь в своей лаборатории двести запахов и сможет различить их все. Для чувствительного носа пахнет почти все. Пасси заходит так далеко, что заявляет, что он "никогда не встречал ни одного предмета, который был бы действительно невкусным, если обратить на него внимание, даже за исключением стекла", и, хотя мы вряд ли можем принять это утверждение полностью, — особенно в свете тщательных экспериментов Айртона, которые показывают, что, вопреки распространенному мнению, металлы, когда они идеально чистые и без следов контакта с кожей или с растворами солей, не имеют запаха, — запах все же распространяется чрезвычайно широко. Это особенно характерно для жарких стран, и экспериментам Кембриджской антропологической экспедиции по изучению обоняния папуасов значительно мешал тот факт, что в Торресовом проливе все, даже вода, казалось, имело запах. Дикарей часто более или менее справедливо обвиняют в безразличии к дурным запахам. Однако они очень часто остро ощущают значение запахов и их разновидностей, хотя не похоже, чтобы обоняние было заметно более развито у дикарей, чем у цивилизованных народов. Запахи также продолжают играть важную роль в эмоциональной жизни человека, особенно в жарких странах. Тем не менее как в практической, так и в эмоциональной жизни, в науке и искусстве обоняние в лучшем случае при нормальных условиях является лишь вспомогательным средством. Если бы обоняние было полностью упразднено, жизнь человечества продолжалась бы по-прежнему, с незначительными изменениями или вообще без них, хотя удовольствия от жизни, и особенно от еды и питья, были бы до некоторой степени уменьшены.

В Новой Ирландии, замечает Даффилд (*Журнал Антропологического института*, 1886, стр. 118), у туземцев очень острое обоняние; необычные запахи вызывают у них отвращение, и "карболовая кислота сводит их с ума".

Жителям Новой Каледонии, согласно Фоули (*Бюллетень Общества антропологии*, 6 ноября 1879 г.), нравятся только запахи мяса и рыбы, которые становятся "кайфовыми", например, *лопойя*, пахнувшая птичьим пометом, и *кава*, пахнувшая тухлыми яйцами. Фрукты и овощи, которые начинают портиться, кажутся им лучшими, в то время как свежие и натуральные запахи, которые мы предпочитаем, как будто просто говорят им: "Мы еще не съедобны". (Пристрастие к гниющей пище, распространенное среди дикарей, ни в коем случае не обязательно связано с отвращением к приятным запахам, и даже среди европейцев широко распространено пристрастие к отвратительно пахнущим и гнилостным продуктам, особенно к сыру и дичи.)

Уроженцы Торресова пролива были тщательно обследованы доктором К. С. Майерсом на предмет их остроты обоняния и обонятельных предпочтений. Было обнаружено, что острота была, во всяком случае, немного выше, чем у европейцев. По-видимому, это во многом связано с пристальным вниманием, которое они уделяют запахам. Сходство, которое они обнаруживали между различными пахучими веществами, часто основывалось на реальном химическом родстве. Было замечено, что чаще всего им не нравились запахи асафетиды, валериановой кислоты и циветты, причем последний считался наиболее отталкивающим из всех из-за его сходства с запахом фекалий, к которому эти люди относятся с сильным отвращением. Их любимыми запахами были мускус, тимьян и особенно фиалка. (*Отчет Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив*, том. ii, часть II, 1903.)

В Австралии Лумхольц (*Среди каннибалов*, стр. 115) обнаружил, что у чернокожих обоняние острее, чем у него.

В Новой Зеландии маори, как показывает У. Коленсо, обладали, во всяком случае, раньше, очень острым обонянием или же были очень внимательны к запахам, и их вкус с точки зрения приятных и неприятных запахов очень близко соответствовал европейскому вкусу, хотя следует добавить, что некоторые из их обычных продуктов питания обладали очень неприятным запахом. Они не только чувствительны к европейским духам, но и обладали различными собственными духами, получаемыми из растений и обладающими приятным, сильным и стойким запахом; самой отборной и редкой была камедь *тарамеи* (*Aciphylla Colensoi*), которую собирали девственницы после использования молитв и заговоров. Сэр Джозеф Бэнкс отметил, что вожди маори носили на шее маленькие пучки духов, и Кук сделал то же самое замечание относительно молодых женщин. Отсылки к четырем главным духам маори содержатся в строфе, которую до сих пор часто напевают, чтобы выразить удовлетворение, и поют матери своему ребенку:

- Мой маленький шейный мешочек из душистого мха,
Мой шейный мешочек из душистого папоротника,
Мой шейный мешочек из пахучей камеди,
Мой сладко пахнущий шейный медальон из остроконечной *тарамеи*.

В летний сезон спальные дома вождов маори часто устилались большой, душистой, цветущей травой с сильным запахом. (У. Коленсо, *Труды Новозеландского института*, том. xxiv, перепечатано в *Nature*, 10 ноября 1892 г.)

Яванские женщины натирают себя смесью мела и крепкой эссенции, которая при растирании оставляет на теле отчетливый аромат. (Stratz, *Die Frauenkleidung*, p. 84.)

Самоанцы, фридландские государства (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, стр. 52), очень любят ароматные запахи. Он приводит список примерно из двадцати пахучих растений, которые они используют, особенно в качестве гирлянд для головы и шеи, включая иланг-иланг и гардению; он отмечает, что у одного из этих растений (кордилины) он сам не смог уловить запаха.

Никобарцы, замечает мэн (*Журнал Антропологического института*, 1889, стр. 377), как и аборигены Новой Зеландии, особенно не любят запах карболовой кислоты. И молодые мужчины, и женщины очень равнодушны к ароматам; первые говорят, что находят в их использовании определенный залог благосклонности своих жен, и они приносят домой из джунглей душистые листья определенной лианы своим возлюбленным и женам.

Женщины суахили уделяют много внимания уходу за собой. Когда женщина хочет сделать себя желанной, она умащивает себя ароматными мазями, опрыскивает розовой водой, надушивает одежду, разбрасывает цветы жасмина по постели, а также обвязывает ими шею и талию и куритоду, ароматизированное дерево алоэ; "каждый мужчина рад, когда его жена пахнет оду" (Velten, *Sitten und Gebräuche der Suaheli*, стр. 212-214).

[24] Эмиль Юнг, "Чувство запаха рыбы (*Helix Pomata*)", *Архив психологии*, ноябрь 1903г.

[25] Чувствительность обоняния у человека обычно превышает чувствительность химической реакции или даже спектрального анализа; см. Passy, *L'Année Psychologique*, второй год, 1895, стр. 380.

II.

Содержание

Развитие изучения обоняния—Клоке—Цвардемакер—Теория обоняния—Классификация запахов—Особые характеристики обонятельных ощущений у человека—Обоняние как чувство воображения—Запахи как нервные стимуляторы—Сосудодвигательные и мышечные эффекты—Пахучие вещества как наркотики.

В течение восемнадцатого века философские доктрины Локка и английская школа в целом, которые тогда преобладали в Европе, придали большой импульс физиологическому и психологическому изучению чувств. Эти мыслители подчеркивали огромную важность информации, получаемой через органы чувств, для развития интеллекта, так что изучение всех сенсорных каналов приобрело значение, которым оно никогда раньше не обладало. Обонятельное чувство полностью разделяло импульс, который таким образом был дан сенсорному исследованию. В начале девятнадцатого века выдающийся французский врач Ипполит Клоке, ученик Кабаниса, особенно посвятил себя этому предмету. После публикации в

1815 году предварительной работы он выпустил в 1821 году свою "*Осфрезиологию, или особенности обоняния, чувств и органов обоняния*", полную монографию по анатомии, физиологии, психологии и патологии органа обоняния и его функций, а также работу, к которой все еще можно обращаться с пользой, если вообще можно сказать, что она во всех отношениях заменена. Со времен Клоке изучение обоняния, по-видимому, в некоторой степени дискредитировалось. За более чем полвека в этой области не было достигнуто никакого существенного прогресса. Серьезные исследователи, казалось, вообще стали стесняться примитивных чувств, и тема обоняния была в основном оставлена тем, кто интересовался "любопытными" предметами. Однако многие интересные наблюдения были сделаны случайно; таким образом, Лейкок, который был пионером во многих побочных областях психологии и антропологии, проявлял особый интерес к обонянию и частозатрагивал его в своей работе "*Нервные болезни женщин*" и в других местах. Автором, который больше, чем кто-либо другой, за последние годы перевел изучение обоняния с окольного пути на его надлежащее место в качестве магистрали для исследований, без сомнения, является профессор Звардемакер из Утрехта. Изобретение его первого ольфактометра в 1888 году и появление в 1895 году его великого труда "*Физиология обоняния*" придали физиологии обоняния уверенный статус и заново открыли путь для многих плодотворных исследований, в то время как внимание ряда исследователей во многих странах было направлено на выяснение этого чувства.

Однако, несмотря на объем работы, проделанной в этой области за последние годы, нельзя сказать, что объем сделанных к настоящему времени убедительных выводов велик. Самые фундаментальные принципы физиологии и психологии обоняния все еще несколько расплывчаты и неопределенны. Хотя ощущения обоняния многочисленны и разнообразны, в этом отношении приближаясь к ощущениям зрения и слуха, обоняние все же остается близким к осязанию по расплывчатости своих сообщений (в то время как самое чувствительное из чувств, замечает Пасси, наименее точное), по трудности их классификации, по невозможности настолько контролировать их, чтобы основать на них какое-либо искусство. Поэтому, по-видимому, лучше не пытаться втиснуть настоящее исследование особого аспекта обоняния в какую-либо общую схему, которая, возможно, на самом деле не является достоверной.

Самой ранней и наиболее общей тенденцией в отношении теории обоняния было рассматривать его как своего рода химическое чувство, непосредственно стимулируемое мельчайшими частицами твердого вещества. Однако легко напрашивается вибрационная теория обоняния, делающая его в некоторой степени аналогом слуха. Когда я впервые начал изучать физиологию в 1881 году, мне пришло в голову предположение такого рода. Задолго до того, как Филипп фон Вальтер, профессор из Ландсхута, выдвинул динамическую теорию обоняния (*Physiologie des Menschen*, 1807-8, vol. ii, стр. 278). "Это чисто динамическая работа пахучего вещества в органе обоняния", - заявил он. Он считал, что запах передается воздухом таким же образом, как и тепло. Следует добавить, что его доводы в пользу этой теории не всегда выдерживают проверку. Совсем недавно подобная теория всерьез выдвигалась в различных кругах. Сэр Уильям Рамзи предварительно предложил такую теорию (*Природа*, том xxv, стр. 187) по аналогии со светом и звуком. Хейкрафт (*Труды Королевского общества Эдинбурга*, 1883-87, и *Брэйи*, 1887-88), в значительной степени отталкиваясь от закона периодичности Менделеева, аналогичным образом стремился привести обоняние в соответствие с высшими органами чувств, утверждая, что молекулы с одинаковой вибрацией имеют одинаковый запах. Резерфорд (*Nature*, 11 августа 1892 г., стр. 343), придавая большое значение доказательствам, представленным фон Брунном, показывающим, что обонятельные клетки заканчиваются очень

тонкими короткими волосками, также высказал свою веру в то, что различные качества запаха являются результатом различий в частоте и форме вибраций, инициируемых действием химических молекул на эти обонятельные клетки, хотя он признал, что такая концепция включает в себя очень тонкую концепцию молекулярных колебаний. Вашид и Ван Мелле (Парижская академия наук, 26 декабря 1899 г.) снова доказали, что запах создается лучами короткой длины волны, аналогичными световым лучам, рентгеновским лучам и т.д. Химическое воздействие, однако, является очень важным фактором в производстве запахов; это было хорошо показано Айртоном (*Nature*, 8 сентября 1898 г.). По-видимому, мы вынуждены придерживаться химико-вибрационной теории, как указывает Саутерден (*Nature*, 26 марта 1903 г.), согласно которой обонятельные клетки стимулируются непосредственно, не обычными колебаниями молекул, а возбуждениями, сопровождающими химические изменения.

Вибрационная гипотеза о действии запахов оказала некоторое влияние на физиологов последнего времени, которые в основном занимались обонянием. "Вполне вероятно, - пишет Звардемакер (*Психологическая книга*, 1898), - что аромат является физико-химическим свойством молекул"; он указывает, что существует тесная аналогия между цветом и запахом, и отмечает, что эта аналогия заставляет нас предположить, что в ароматическом эфире колебания, периодичность которых определяется структурой молекулы.

Поскольку физиология обоняния все еще настолько неясна, неудивительно, что у нас нет полностью научной классификации запахов, несмотря на различные амбициозные попытки разработать такую классификацию. Классификация, принятая Цвардейкером, основана на древней схеме Линнея и может быть воспроизведена здесь:

- I. Эфирные ароматы (в основном сложные эфиры; фруктовая серия Риммеля).
- II. Ароматические отдушки (терпены, камфары, пряные, травяные, розовые и миндальные; химические типы хорошо определены: цинеол, эвгенол, анетол, гераниол, бензальдегид).
- III. Бальзамические ароматы (в основном альдегиды, жасмин Риммеля, фиалка и бальзамическая серия с химическими типами: терпинеол, ионон, ванилин).
- IV. Амброзиевые ароматы (амбра и мускус).
- V. Луковые запахи с какодильной группой (асафетида, ихтиол и др.).
- VI. Эмпирические запахи.
- VII. Валериановые запахи (*Odores hircini* Линнея, каприловая группа, в основном состоящая из сексуальных запахов).
- VIII. Наркотические запахи (*Odores tetri* Линнея).
- IX. Зловоние.

Ценный и интересный мемуарный труд "Ревю женераля об обонятельных ощущениях" Ж. Пасси, главного французского специалиста по этому предмету, можно найти во втором томе "*Психологической книги*" за 1895 год. В пятом выпуске того же ежегодника (за 1898 год) Звардемакер представляет полное изложение своей работы и взглядов "Обонятельные ощущения, способы их сочетания и способы компенсации". Удобное, но менее авторитетное изложение фактов о нормальном и патологическом обонянии можно найти в небольшом томе из серии "Актуальные проблемы медицины" доктора Колле, *L'Odorat et ses Troubles*, 1904. В небольшой книге, озаглавленной "*Вегвейзер цу эйнер Психология обоняния*" (1894), Гисслер

попытался обрисовать психологию обоняния, но его набросок можно рассматривать только как предварительный.

Тем не менее, вначале представляется желательным, чтобы мы имели по крайней мере некоторое представление об особых характеристиках, которые отмечают огромную и разнообразную массу ощущений, достигающих мозга по каналу органа обоняния. Основной особый характер обонятельных образов, по-видимому, обусловлен тем фактом, что они являются промежуточными по своему характеру между образами осязания или вкуса и зрением или звуком, что в них много от расплывчатости первых и немного от богатства и разнообразия вторых. Эстетически они также занимают промежуточное положение между высшими и низшими чувствами.^[26] В то же время они менее полезны с практической точки зрения, чем низшие или высшие органы чувств. Они дают нам огромную массу того, что мы могли бы назвать побочными ощущениями, которые имеют мало практической пользы, но неизбежно тесно переплетаются с жизненным опытом благодаря ассоциации и таким образом приобретают эмоциональное значение, которое часто бывает очень значительным. Вполне возможно, что их эмоциональная сила связана с тем фактом, что их анатомическим местом является самая древняя часть мозга. Они лежат в отдаленных, почти заброшенных хранилищах нашего разума и демонстрируют очарование или отталкивание всех смутных и отдаленных вещей. Именно по этой причине они — в степени, которая примечательна, если учесть, что они гораздо более точны, чем сенсорные ощущения, — подвержены влиянию эмоциональных ассоциаций. Один и тот же запах может быть в один момент очень приятным, а в следующий момент — очень неприятным, в соответствии с эмоциональным настроением, возникающим в результате его ассоциаций. Визуальные образы не обладают такой чрезвычайной гибкостью; они слишком определены, чтобы на них можно было так легко повлиять. Наши чувства по поводу красоты цветка не могут изменяться так легко и так далеко, как могут изменяться наши чувства по поводу приятности его запаха. Таким образом, наш обонятельный опыт порождает более или менее непрерывную серию побочных ощущений, сопровождающих нас на протяжении всей жизни, не имеющих большого практического значения, но имеющих значительную эмоциональную значимость благодаря их разнообразию, их близости, их ассоциативным возможностям, их отдаленным наследственным отзвукам в нашем мозгу.

Именно наличие этих характеристик — одновременно таких расплывчатых и таких специфических, таких бесполезных и таких интимных — побудило различных авторов описывать обоняние как, прежде всего, чувство воображения. Ни одно чувство не обладает такой сильной силой внушения, способностью вызывать древние воспоминания с более широким и глубоким эмоциональным откликом, и в то же время ни одно чувство не дает впечатлений, которые так легко меняют эмоциональную окраску и тон в гармонии с общим настроением получателя. Таким образом, запахи особенно склонны как контролировать эмоциональную жизнь, так и становиться ее рабами. С использованием благовоний религии использовали образные и символические свойства аромата. Все легенды о святых настаивают на запахе святости, исходящем от тел святых людей, особенно в момент смерти. В условиях цивилизации эти примитивные эмоциональные ассоциации с запахом имеют тенденцию рассеиваться, но, с другой стороны, образная сторона обоняния обостряется, и личные особенности всех видов имеют тенденцию проявляться в сфере запаха.

Руссо (в "Эмиле", Вк. II) считал запах чувством воображения. Точно так же в более ранний период это было названо (согласно Клоке) Кардано. Клоке часто настаивал на свойствах запахов, которые заставляют их будоражить воображение; на их нерегулярном и непостоянном характере; на их способности в некоторых случаях опьянять разум; на любопытных индивидуальных и расовых предпочтениях в отношении запахов. Он отметил тот факт, что персы использовали асафетиду в качестве приправы, в то время как валериана в древности считалась благовонием. (Клоке, *Физиология*, стр. 28, 45, 71, 112.) В качестве любопытного примера, знакомого большинству людей, зависимости эмоционального оттенка запаха от его ассоциаций, можно добавить, что, хотя испарения тел других людей обычно неприятны нам, к нашему собственному телу это не относится; это выражено в грубом и энергичном изречении поэта елизаветинской эпохи Марстона: "Помет каждого человека сладко пахнет его собственным носом". Несомненно, в этом утверждении есть много подтекстов, как моральных, так и психологических.

Современные авторитеты в области обоняния, Пасси и Цвардемакер, оба одинаково настаивают на одних и тех же характеристиках обоняния: его чрезвычайной остроте и в то же время расплывчатости. "Мы живем в мире запахов, - замечает Звардемакер (*Психологическая книга*, 1898, стр. 203), - так же как мы живем в мире света и звука. Но запах не дает нам четких идей, сгруппированных в регулярном порядке, и тем более таких, которые фиксируются в памяти как грамматическая дисциплина. Обонятельные ощущения пробуждают смутные и наполовину понятые восприятия, которые сопровождаются очень сильными эмоциями. Эмоция доминирует над нами, но ощущение, которое было ее причиной, остается невоспринимаемым". Даже у одного и того же индивидуума в разное время наблюдаются большие различия в чувствительности к запахам, особенно в отношении слабых запахов; Пасси (*Психологическая книга*, 1895, стр. 387) приводит некоторые наблюдения по этому поводу.

Модсли отметил особую притягательную силу запахов; "есть определенные запахи, - заметил он, - которые всегда мгновенно и зримо воскрешают в памяти сцены моего детства"; многие из нас, вероятно, могли бы сказать то же самое. Другой автор (Э. Диллон, "Забытый смысл", *Девятнадцатый век*, апрель 1894 г.) отмечает, что "ни одно чувство не обладает большей силой внушения".

Рибо провел интересное исследование распространенности и природы эмоциональной памяти о запахах (*Психология эмоций*, глава XI). Под "эмоциональной памятью" подразумевается спонтанная или произвольная способность к возрождению образа, обонятельного или иного. (По общему вопросу смотрите статью Ф. Пиллона "Эмоциональные воспоминания, теория важности сына и практика", *Философское обозрение*, февраль 1901 г.; также Полхан, "Эмоциональные воспоминания", *Философское обозрение*, декабрь 1902 г. и январь 1903 г.). Рибо обнаружил, что это 40 процентов людей неспособны оживить какие-либо подобные образы вкуса или запаха; 48 процентов могли бы оживить некоторые из них; 12 процентов заявили, что способны оживить все или почти все по своему желанию. У некоторых людей отсутствует необходимое сопутствующее оживление визуальных или тактильных представлений, но у большинства возрожденный запах в конечном итоге вызывает соответствующий визуальный образ. Чаще всего вспоминались запахи гвоздики, мускуса, фиалки, гелиотропа, карболовой кислоты, запах сельской местности, травы и т.д. Пьерон (*Философское ревю*, декабрь 1902 г.) описал особую силу, которой обладают смутные запахи, в его собственном случае пробуждающие давние впечатления.

Доктор Дж. Н. Маккензи (*Американский журнал медицинских наук*, январь 1886 г.) считает, что цивилизация оказывает влияние, усиливая влияние обоняния, поскольку оно влияет на наши эмоции и суждения, и что точно так же, по мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице, впечатления, получаемые через обоняние, с большей готовностью влияют на наш разум и, возможно, извращают его.

Запахи являются мощными стимуляторами для всей нервной системы, вызывая, как и другие стимуляторы, прилив энергии, который, будучи чрезмерным или длительным, приводит к нервному истощению. Таким образом, в медицине хорошо известно, что ароматические вещества, содержащие эфирные масла (такие как анис, корица, кардамон, гвоздика, кориандр и мята перечная), являются спазмолитиками и обезболивающими, и что они стимулируют пищеварение, кровообращение и нервную систему, в больших дозах вызывая депрессию. Тщательно организованные плетизмографические эксперименты Шилдса в Университете Джона Хопкинса показали, что обонятельные ощущения, воздействуя на сосудодвигательную систему, вызывают приток крови к мозгу, а иногда и дополнительную стимуляцию сердца; было обнаружено, что мускус, грушанка, древесная фиалка и особенно гелиотроп оказывают сильное влияние на эти процессы.^[27]

Эксперименты Фере с динамометром и эргографом внесли большой вклад в иллюстрацию стимулирующего действия запахов. Таким образом, он обнаружил, что достаточно понюхать мускус, чтобы удвоить мышечные усилия. С рядом пахучих веществ он обнаружил, что мышечная работа временно усиливается; при добавлении вкусовой стимуляции увеличение энергии, особенно при использовании лимона, было "колоссальным". Вдыхание запахов могло вызвать своего рода "сенсорную интоксикацию", и вся система стимулировалась к большей активности; повышалась острота зрения, повышалась электрическая и общая возбудимость.^[28] Такие эффекты могут быть получены у совершенно здоровых людей, хотя и Шилдс, и Фере обнаружили, что у очень нервных людей эффекты могут быть намного сильнее. Несомненно, по этой причине именно среди цивилизованных народов внимание в основном направлено на парфюмерию и что в условиях современной жизни возродился интерес к обонянию и его изучению.

Именно подлинно стимулирующие свойства пахучих веществ привели к широкому использованию наиболее сильнодействующих из них древними врачами и побудили некоторых современных врачей применять их до сих пор. Таким образом, ваниль, по мнению Эля, заслуживает гораздо более частого терапевтического применения, чем она есть на самом деле, из-за ее возбуждающих свойств; он утверждает, что ее свойства как средства, возбуждающего сексуальное желание, давно признаны и что Фонссагривес назначал ее при сексуальной фригидности.^[29]

[26] Мнения психологов относительно эстетического значения запаха, в целом не очень благоприятные, собраны и обсуждены Дж. В. Фолькельтом, "Der Esthetische Wert der niederen Sinne", *Журнал психологии и физиологии организма*, 1902, ч. 3.

[27] Т. Э. Шилдс, "Влияние запахов и т.д. На кровоток", *Журнал экспериментальной медицины*, том 1, ноябрь 1896 г. Во Франции О. Анри и Тардиф провели несколько аналогичные

эксперименты с дыханием и кровообращением. Смотрите "*Ароматы и парфюмерные композиции*" последнего, глава III.

[28] Féré, *Sensation et Mouvement*, Chapter VI; *ib.*, *Comptes Rendus de la Société de Biologie*, November 3, December 15 and 22, 1900.

[29] Элой, арт. "Vanille," *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*.

III.

Содержание

Специфические запахи тела различных народов —негров и др.—Европеец—Способность различать людей по запаху—Запах святости—Запах смерти—Запахи различных частей тела—Появление специфических запахов в период полового созревания—Запахи сексуального возбуждения—Запахи менструации—Запахи тела как вторичный половой признак—Обычай приветствовать по запаху—Поцелуй—Половой отбор по запаху—Предполагаемая связь между размером носа и сексуальной энергией—Вероятно, интимная взаимосвязь между обонятельной и генитальной сферами—Рефлекторные влияния со стороны носа—Рефлекторные влияния со стороны генитальной сферы—Обонятельный Галлюцинации при безумии, связанные с сексуальными состояниями —Обонятельный тип —Обоняние при неврастенических и смежных состояниях — У некоторых поэтов и романистов—Обонятельный фетишизм —Роль, которую играет обоняние в нормальном сексуальном влечении — На Востоке и т.д.—В Современной Европе—Запах подмышечной впадины и его разновидности—Как сексуальный и общий стимулятор—Запахи тела в цивилизации, как правило, вызывают сексуальную антипатию, если уже не присутствует некоторая степень припухлости—Вопрос, мужчины или женщины более подвержены влиянию обоняния—Женщины обычно более внимательны к запахам—Особый интерес к запахам, который испытывают сексуальные инвертированные.

Подходя к специфически сексуальному аспекту запаха у человеческого вида, мы можем исходить из фундаментального факта — факта, который мы стремимся, насколько это возможно, замаскировать в наших обычных социальных отношениях, — что все мужчины и женщины пахучие. Это заметно среди всех рас. Сильный запах многих, хотя и не всех, негров хорошо известен; он ни в коем случае не связан с нечистыми привычками, и Джост отмечает, что он даже усиливается от чистоты, которая открывает поры кожи; согласно сэру Х. Джонстону, он наиболее заметен в подмышечных впадинах и сильнее у мужчин, чем у женщин. Прунер Бей описывает его как "аммиачный и прогорклый; он похож на запах козла". Запах варьируется не только индивидуально, но и в зависимости от племени; Кастеллани утверждает, что негритянка из Конго имеет лишь легкий "*оттенок noisette*", который скорее приятен, чем что-либо другое. По словам Парка, у женщин монбутту сильный аромат горгонзолы, и Эмин сказал Парку, что он может отличать представителей разных племен по их характерному запаху. Точно так же никобарец, по словам Человека, может отличить представителя каждого из шести племен архипелага по запаху. Запах австралийских чернокожих менее сильный, чем у негров, и был описан как фосфорный. Д'Орбиньи утверждал, что южноамериканские индейцы пахнут сильнее, чем европейцы, хотя и не так сильно, как большинство негров; Латчем утверждает, что

это заметно даже среди тех, кто, подобно арауканосам, постоянно моется. У китайцев мускусный запах. Запах многих народов описывается как чесночный.^[30]

Житель острова Южных морей, по словам Шарля де Вариньи, приехав в Сидней и увидев дам, разгуливающих по улицам и, по-видимому, ничего не делающих, выразил большое удивление, добавив с презрительным жестом: "и у них нет запаха!" Однако ни в коем случае нельзя утверждать, что европейцы не имеют запаха. Они, действительно, значительно более пахучие, чем многие другие расы, — например, японцы, — и, несомненно, существует некоторая связь между большей волосатостью европейцев и их выраженным запахом, поскольку сальные железы являются частью волосяного аппарата. Японский антрополог Адачи опубликовал интересное исследование запаха европейцев,^[31] который он описывает как сильный и резкий запах, иногда сладкий, иногда горький, разной силы у разных людей, отсутствующий у детей и пожилых людей, и имеющий основное сосредоточение в подмышечных впадинах, которые, как бы тщательно их ни мыли, немедленно снова приобретают запах. Адачи обнаружил, что потовые железы у европейцев больше, чем у японцев, среди которых сильный личный запах настолько необычен, что "вонь из подмышек" является дисквалификацией для армии. Безусловно, верно, что представители белой расы пахнут менее сильно, чем большинство представителей темных рас, причем запах, по-видимому, в некоторой степени коррелирует с интенсивностью пигментации, а также с волосатостью; но даже самые скрупулезно чистоплотные европейцы пахнут все. Этот факт не всегда может быть очевиден для человеческих ноздрей, за исключением интимного контакта, но он хорошо известен собакам, которые узнают своих хозяев по запаху. Когда Хьюэ путешествовал по Тибету в китайской маскировке, местные жители его не заметили, но собаки распознали в нем иностранца по запаху и залаяли на него. Многие китайцы могут определить по запаху, когда в комнате побывал европеец.^[32] Однако есть некоторые европейцы, которые могут узнавать своих друзей по запаху. Был зарегистрирован случай с мужчиной, который с повязкой на глазах мог узнать своих знакомых на расстоянии нескольких шагов в тот момент, когда они вошли в комнату. В другом случае слепоглухонемая женщина из Массачусетса узнавала всех своих знакомых по запаху и могла сортировать белье после стирки только по запаху. Известно, что гувернантки способны с завязанными глазами определять принадлежность одежды своей ученицы по запаху; мне известен такой случай. Такой запах обычно описывается как приятный, но утверждается, что ни один человек из пятидесяти не способен различить его с достаточной точностью, чтобы использовать в качестве метода распознавания. Однако у некоторых рас эта способность, по-видимому, развита лучше. Доктор К. С. Майерс из Саравака отметил, что его мальчик-малаец сортировал чистое белье в соответствии с запахом кожи владельца.^[33] Говорят, что китайские слуги делают то же самое, а также австралийцы и уроженцы Лусона.^[34]

Хотя отчетливо индивидуальный запах большинства людей недостаточно выражен, чтобы быть уловимым в целом, есть случаи, в которых он более отчетлив для всех ноздрей. Самым известным случаем такого рода является случай с Александром Македонским, который, согласно Плутарху, источал такой сладкий запах, что его туники пропитались ароматическими духами (*Convivialium Disputationum*, lib. I, задание. 6). Говорят, что Малерб, Куджас и Халлер распространяли мускусный запах. Приятный запах Уолта Уитмена был отмечен Кеннеди и другими. Благоухание, исходившее от многих святых мужчин и женщин, так часто отмечаемое древними авторами (обсуждается Герресом во втором томе его *Christliche Mystik*) и вошедшее в современную фразеологию как чисто метафорический "запах святости", несомненно, было вызвано, как впервые указал Хэммонд, ненормальными нервными состояниями, поскольку

хорошо известно, что такие состояния влияют на запах, и при безумии, например, отмечается наличие телесных запахов, которые иногда даже считаются диагностически важными. Дж. Б. Фридрайх, "*Allgemeine Diagnostik der Psychischen Krankheiten*", второе издание, 1832, стр. 9-10, цитирует отрывки из различных авторов по этому вопросу, которые он принимает; различные авторы более позднего времени делали аналогичные наблюдения.

Запах святости был особенно замечен при смерти, и его, несомненно, путали с *трупным запахом*, который часто предшествует смерти и некоторыми рассматривается как почти верный признак ее приближения. В "*Британском медицинском журнале*" за май и июнь 1898 года можно найти письма от нескольких корреспондентов, подтверждающие эту точку зрения. Один из этих корреспондентов (доктор Такки из Тайуордврита, Корнуолл) упоминает, что в Корнуолле он часто видел воронов, летающих над домами, в которых лежали умирающие люди, очевидно привлеченных характерным запахом.

Однако следует иметь в виду, что, хотя каждый человек обладает для чувствительного носа характерным запахом, мы должны рассматривать этот запах либо как одно из различных ощущений, испускаемых телом, либо как комбинацию двух или более из этих излучений. На самом деле тело испускает множество различных запахов. Наиболее важными из них являются: (1) общий запах кожи, слабый, но приятный аромат, который часто ощущается на коже даже сразу после мытья; (2) запах волос и кожи головы; (3) запах изо рта; (4) запах подмышечной впадины; (5) запах стоп; (6) запах промежности; (7) у мужчин запах препуциальной смегмы; (8) у женщин запах венерических сосудов, вульварной смегмы, вагинальной слизи и менструальный запах. Все это запахи, которые обычно можно обнаружить, хотя иногда и в очень слабой степени, у здоровых и хорошо вымытых людей при нормальных условиях. Здесь нет необходимости принимать во внимание особые запахи различных выделений.^[35]

Важным фактом, как в отношении наследственных сексуальных связей запахов тела, так и в отношении их реальных сексуальных ассоциаций в наши дни, является то, что, как давно заметил Гиппократ, только в период полового созревания они приобретают свои взрослые характеристики. Младенец, взрослый, пожилой человек - у каждого свой запах, и, как замечает Монин, в определенных пределах можно определить возраст человека по его запаху. Йорг в 1832 году указал, что у девочек появление специфического запаха выделений указывает на наступление половой зрелости, а Каан в своей "*Сексуальной психопатии*" отметил, что в период полового созревания "пот издает более резкий запах, напоминающий мускус". У обоих полов половое созревание, юность, ранняя зрелость и женственность отмечены постепенным развитием взрослого запаха кожи и выделений, что в целом согласуется со вторичным половым развитием волос и пигментации. Вентури, действительно, не без оснований описал запах тела как вторичный половой признак.^[36] Можно добавить, что, как и в случае с пигментом в различных частях тела у женщин, некоторые из этих запахов имеют тенденцию усиливаться в соответствии с сексуальными и другими эмоциональными состояниями.

Говорят, что запах младенца - от масляной кислоты; запах стариков напоминает сухие листья. Многие древние писатели говорили, что молодые мужчины Континента пахнут сильнее, чем нецеломудренны, а некоторые авторы описывали как "семенной запах" — запах, напоминающий запах животных в период течки, смутно напоминающий запах козла, согласно Вентури, - выделения кожи в такие моменты.

Во время сексуального возбуждения, как могут засвидетельствовать женщины, мужчина очень часто, если не нормально, издает запах, который, как обычно описывается, исходит от кожи, изо рта или от того и другого вместе. Гримальди утверждает, что это похоже на прогорклое масло; другие говорят, что это напоминает хлороформ. Говорят, что иногда это ощущается на расстоянии нескольких футов и длится в течение нескольких часов после коитуса. (Различные цитаты приведены Гулдом Пайлом, *Аномалии и курьезы медицины*, раздел "Человеческие запахи", стр. 397-403.) Говорят, что святой Филип Нери мог распознать целомудренного человека по запаху.

Во время менструации девочки и молодые женщины часто издают запах, совершенно отличный от запаха менструальной жидкости, и особенно отчетливо ощущается в дыхании, которое может пахнуть хлороформом или фиалками. Пуше (подтверждено Рачиборским, *Характеристика менструации*, 1868, стр. 74) заявил, что примерно за день до начала менструации выделяется характерный запах. Говорят также, что иногда от менструирующих девушек исходит запах кожи. Обер из Лиона (цитируемый Галопином) описывает запах кожи женщины во время менструации как приятный ароматический или кисловатый парфюм хлороформного характера. Некоторые описывают это как исходящее особенно из подмышечных впадин. Сандрас (цитирует Рачиборски) знала женщину, которая всегда могла определить по ощущению слабости и *недомогания*- очевидно, из—за ощущения запаха - когда она контактировала с менструирующей женщиной. Я знаком с мужчиной, обладающим сильными обонятельными симпатиями и антипатиями, который определяет наличие менструации по запаху. Говорят, что Гортензия Барэ, которая сопровождала своего возлюбленного, ботаника Коммерсона, в Тихий океан под видом мужчины, была распознана туземцами как женщина по запаху.

Женщины, как и мужчины, часто издают неприятный запах во время полового акта или сильного сексуального возбуждения. Этот запах может полностью отличаться от того, который обычно исходит от женщины, иметь кислый или гирциновый характер и быть достаточно сильным, чтобы оставаться в комнате в течение значительного периода времени. Многие из древних авторов-медиков (цитируемые Шуриджиусом, *Parthenologia*, стр. 286) описывали козлий запах, производимый половым актом, особенно у женщин; они считали его особенно заметным у блудниц и у новобрачных, а иногда даже считали его определенным признаком дефлорации. Был зарегистрирован случай с женщиной, которая издавала запах розы в течение двух дней после коитуса (Макбрайд цитирует Кирнан в интересном резюме "Запах в патологии", *Журнал Doctor's Magazine*, декабрь 1900 г.). Говорят (*Journal des Savans* 1684, стр. 39, цитата из *Journal d'Angleterre*), что в Праге был монах, который мог по запаху определять целомудрие женщин, которые подходили к нему. (Добавляется, что этот монах, когда он умер, составлял новую науку о запахах.)

Густав Кляйн (цитируемый Адлером, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindungen des Weibes*, стр. 25) утверждает, что особая функция желез у отверстия вульвы — *больших вестибулярных желез* - заключается в выделении пахучего секрета, который привлекает мужчину, однако этот пережиток сексуальной периодичности больше не играет важной роли у человеческого вида. Однако, следует добавить, что вульварный секрет все же имеет более ароматный запах, чем вагинальный, с его простым слизистым запахом, очень отчетливо ощущаемым во время родов.

Можно добавить, что мы все еще крайне мало знаем о сексуальных запахах женщин у примитивных народов. Плосс и Бартельс могут привести только (*Das Weib*, 1901, bd. 1, стр. 218) утверждение, касающееся женщин Новой Каледонии, которые, по словам Монселона, будучи молодыми и пылкими, издают во время полового акта сильный запах, который не устранил никакое омовение. При ненормальных состояниях сексуального возбуждения такой запах может быть стойким, и, согласно древнему наблюдению, нимфоманки, чьи периоды сексуального возбуждения продолжались всю весну, в эти периоды всегда издавали козлий запах. Это было сказано (Г. Турдес, ст. "Афродизиак", *Энциклопедический словарь медицинских наук*), что эротический темперамент характеризуется особым запахом.

Если запахи тела имеют тенденцию проявляться в период полового созревания, сохраняться в течение половой жизни, особенно при наличии сексуальных расстройств, и уменьшаться в пожилом возрасте, являясь, таким образом, своего рода вторичным половым признаком, мы должны ожидать, что они будут менее выраженными в тех случаях, когда первичные половые признаки менее выражены. Вполне возможно, что это действительно так. Хаген в своей "*Сексуальной физиологии*" цитирует из книги Рубо "*Признаки власти*" утверждение о том, что запах тела кастрированных отличается от запаха тела нормальных людей. Бурдах ранее заявлял, что запах евнуха менее выражен, чем у обычного мужчины.

Таким образом, возможно, что дефектное половое развитие, как правило, связано с соответствующим дефектом обоняния. Heschl^[37] сообщил о случае, в котором отсутствие обоих обонятельных нервов совпало с дефектным развитием половых органов. Ферре отмечает, что импотенты проявляют отвращение к сексуальным запахам. Доктор Кирнан сообщает мне, что у женщин после офорэктомии он отметил тенденцию к снижению (а иногда и усилению) обоняния. Эти вопросы, однако, требуют более тщательного и продолжительного рассмотрения.

Очень важный переход от феномена личного запаха к феномену сексуального влечения через личный запах обнаруживается в том факте, что у народов, населяющих значительную часть поверхности земного шара, обычным приветствием между друзьями является взаимное обнюхивание человека. В той или иной форме другой метод приветствия путем соприкосновения носа с носом, лицом или рукой друга в знак приветствия встречается на значительной части Тихого океана, у папуасов, эскимосов, горных племен Индии, в Африке и в других местах.^[38] Так, среди определенного горного племени в Индии, по словам Левина, нюхают щеку друга: "на их языке не говорят: "Поцелуй меня", но говорят: "Понюхай меня"". А на Гамбии, по словам Ф. Мура, "Когда мужчины приветствуют женщин, они, вместо того чтобы пожать им руку, подносят ее к носу и дважды нюхают тыльной стороной". Здесь мы имеем очень четкое признание эмоциональной ценности личного запаха, широко распространенного во всем мире. Действительно, можно сказать, что приветствие на обонятельной основе является более общим, чем приветствие на тактильной основе, на которой основывается европейское рукопожатие, причем каждая форма включает одно из двух самых интимных и эмоциональных чувств. Можно сказать, что поцелуй является развитием, происходящим как из обонятельной, так и из тактильной основы, возможно, с некоторыми другими элементами, и является слишком сложным, чтобы рассматриваться как явление либо чисто тактильного, либо чисто обонятельного происхождения.^[39]

Как единственный фактор полового отбора, обоняние должно быть редким. Говорят, что азиатские принцы иногда заставляли нескольких дам бегать наперегонки в саду сераля, пока они не нагрелись; затем их одежду приносили принцу, который выбирал одну из них исключительно по запаху.^[40] Здесь имел место половой отбор в основном по запаху. Любая исключительная эффективность обоняния редка не столько потому, что впечатления этого чувства не действуют, сколько потому, что приятные личные запахи недостаточно сильны, а орган обоняния слишком туп, чтобы обоняние могло превалировать над зрением. Тем не менее, вполне вероятно, что у многих людей определенные запахи, особенно те, которые ассоциируются со здоровым и сексуально желанным человеком, имеют тенденцию быть приятными; они усиливаются за счет их ассоциации с любимым человеком, иногда в непреодолимой степени; и их эффективность, несомненно, увеличивается за счет того факта, на который уже делалась ссылка, что многие запахи, включая некоторые телесные, являются нервными стимуляторами.

Возможно, что сексуальные ассоциации запахов были еще более усилены тенденцией к корреляции между высоким развитием органа обоняния и высоким развитием полового аппарата. Связь между большим носом и большим мужским органом является очень древним наблюдением и в последнее время периодически подтверждается. В период полового созревания перегородка носа обычно сильно увеличивается, и вполне возможно, принимая во внимание симпатию, которая, как мы увидим, несомненно существует между обонятельной и половой областями, что эти две области могут развиваться вместе под общим влиянием.

Римляне твердо верили в связь между большим носом и большим пенисом. "Noscitur e naso quanta sit hasta viro", - утверждал Овидий. Это убеждение продолжало преобладать, особенно в Италии, на протяжении средневековья; физиономисты придавали этому большое значение, и распущенные женщины (такие, как Джоанна Неаполитанская), по-видимому, привыкли помнить об этом, хотя, как сообщается, за этим часто следовало разочарование. (См., например,, цитаты и ссылки, приведенные Дж. Н. Маккензи, "Физиологические и патологические отношения между носом и половым аппаратом у человека". *Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, № 82, январь 1898 г.; также Хаген, *Sexuelle Osphrésologie*, стр. 15-19.) Подобное убеждение относительно связи между сексуальным влечением у женщин и длинным носом, очевидно, было распространено в Англии в шестнадцатом веке, поскольку в "*Императоре Востока*" Мэссинджера (Акт II, сцена I) мы читаем:

- Ее нос, который своей длиной уверяет меня, что
в полночь разразится буря, если я не воздам ей
должное, которого она ожидает.

В наши дни венецианская пословица все еще воплощает веру в связь между большим носом и большим половым членом.

На вероятность того, что такая ассоциация во многих случаях имеет тенденцию преобладать, указывают не только верования древности, когда этим вопросам уделялось более пристальное внимание, но и свидетельства различных современных наблюдателей, хотя, по-видимому, еще не было сделано какой-либо серии точных наблюдений.

Можно отметить, что Марро в своем тщательном антропологическом исследовании преступников (*I Caratteri dei Delinquenti*) не обнаружил ни одного класса преступников с таким большим соотношением аномалий носа и гениталий, как у сексуальных преступников.

Как бы то ни было, менее сомнительно, что как у мужчин, так и у женщин существует очень тесная связь между обонятельной слизистой оболочкой носа и всем генитальным аппаратом, что они часто проявляют симпатическое действие, что влияния, действующие на генитальную сферу, будут влиять и на нос, и иногда, вероятно, влияния, действующие на нос, рефлекторно влияют на генитальную сферу. Обсуждать эти взаимосвязи было бы здесь неуместно, поскольку специалисты не во всем согласны по этому вопросу. Некоторые склонны рассматривать эту связь как чрезвычайно интимную, так что каждая область чувствительна даже к незначительным стимулам, воздействующим на другую область, в то время как, с другой стороны, многие авторитетные специалисты полностью игнорируют вопрос о взаимосвязи. Однако, по-видимому, рефлекторная связь такого рода действительно существует, во всяком случае, у значительного числа людей. Особенно было отмечено, что во многих случаях заложенность носа предшествует менструации.

Носовые кровотечения особенно часто возникают в период полового созревания и в подростковом возрасте, в то время как у женщин они могут заменять менструации и иногда чаще возникают в периоды менструации; также было обнаружено, что в эти периоды обостряются заболевания носа. Удалось даже остановить кровотечение из носа, как у мужчин, так и у женщин, прикладывая лед к области половых органов. Опять же, как у мужчин, так и у женщин были зарегистрированы случаи, когда сексуальное возбуждение, будь то коитус или мастурбация, сопровождалось кровотечением из носа. Во многих случаях это сопровождается легкой застойностью носовых ходов и особенно чиханием. Различные авторы упоминали об этом явлении; я знаком с дамой, у которой оно довольно постоянное.^[41] Фере описывает случай с женщиной, нервной субъекткой, которая вскоре после замужества начала испытывать сильное спонтанное сексуальное возбуждение, сопровождающееся большим количеством выделений из носа.^[42] Дж. Н. Маккензи знаком с рядом таких случаев, и он считает, что популярное выражение "простуда невесты" указывает на то, что этот эффект сильного сексуального возбуждения широко признан.

Покойный профессор Хак из Фрайбурга в 1884 году обратил всеобщее медицинское внимание на тесную связь между носом и состояниями нервной гипервозбудимости в различных частях тела, хотя такая связь уже много веков признавалась в медицинской литературе. В то время как Хак и его ученики, таким образом, придавали большое значение этой ассоциации, они, несомненно, сильно преувеличивали ее важность. (Сэр Феликс Семон, *Британский медицинский журнал*, 9 ноября 1901 г.) Даже многие работники, которые совсем недавно пополнили наши знания, также, как это иногда случается с энтузиастами, неоправданно искажали свои собственные данные. Исходя из того факта, что у женщин во время менструации обследование носа выявляет степень заложенности, не обнаруживаемую в остальное время месяца, Флисс (*Die Beziehungen zwischen Nase und Weiblichen Geschlechtsorganen*, 1897) с помощью ряда сложных и длительных наблюдений пришел к выводам, которые, хотя и кажутся опасными в некоторых моментах, безусловно, способствовали расширению наших знаний об этом малоизвестном предмете. Шифф (*Wiener klinische Wochenschrift*, 1900, стр. 58, краткое изложение в *British Medical Journal*, 16 февраля 1901 г.), исходя из скептической точки зрения, подтвердил некоторые результаты Флисса и в большом количестве случаев контролировал

болезненные менструации, окрашивая кокаином так называемые "генитальные пятна" в носу, избегая всякой возможности внушения. Райс из Чикаго добился аналогичного успеха с методом Флисса (*American Gynaecology*, vol. iii, № 4, 1903). Бенедикт (*Wiener medicinische Wochenschrift*, № 8, 1901, краткое изложение в *Журнале медицинской науки*, октябрь 1901 г.), указывая на то, что нос - не единственный орган, находящийся в симпатической связи с сексуальной сферой, предполагает, что механизм этой связи вовлечен в более широкую проблему гармонии роста и питания различных частей организма. Таким образом, вероятно, мы можем придать значительное значение существованию своего рода эректильной ткани в носу.

Интересный пример рефлекторного воздействия носа на генитальную сферу привел доктор Э. С. Тэлбот, из Чикаго: "56-летнему мужчине была сделана операция (1 сентября 1903 г.) по удалению левого хряща перегородки носа вследствие предыдущего травматического перелома на шестнадцатом году жизни. Боли не ощущались до тех пор, пока два года назад, когда в зимние месяцы на апикальном конце перелома не появилась постоянная болезненность. Решение об операции было принято из-за опасений более серьезных осложнений. Части были кокаинизированы. Во время операции не было боли, за исключением одной точки в нижней задней части около дна носа. Последовал глубокий шок для общей системы. Рефлекторное воздействие боли на половые органы вызывало непрерывное выделение спермы в течение трех недель. Лечение общей двигательной раздражительности моноброматом камфоры и кониумом после консультации с доктором Кирнаном проверило кровоток. Выделения вызвали невращению позвоночника. В ногах чувствовалась тяжесть. Эритромелалгия вызывала беспокойство. Пациент ходил с трудом. Чувство усталости в ступнях и конечностях было довольно ощутимым через четыре месяца после операции, хотя боль в значительной степени уменьшилась". (Чикагская медицинская академия, январь 1904 г., и частное письмо.)

Дж. Н. Маккензи собрал множество оригинальных наблюдений вместе с интересными цитатами из старой медицинской литературы в своих двух статьях: "Патологический носовой рефлекс" (*New York Medical Journal*, 20 августа 1887 г.) и "Физиологические и патологические отношения между носом и половым аппаратом человека" (*Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, 1 января 1898 г.). A number of cases have also been brought together from the literature by G. Endriss in his Inaugural Dissertation, *Die bisherigen Beobachtungen von Physiologischen und Pathologischen Beziehungen der oberen Luftwege zu den Sexualorganen*, Teil. II, Würzburg, 1892.

Тесная связь между сексуальными центрами и обонятельным трактом хорошо иллюстрируется тем фактом, что эта примитивная и древняя связь имеет тенденцию всплывать на поверхность при безумии. Многие психиатры признают, что безумие сексуального характера особенно часто связано с галлюцинациями обоняния.

Многие видные психиатры в разных странах весьма решительно придерживаются мнения, что существует особая тенденция к ассоциации обонятельных галлюцинаций с сексуальными проявлениями, и, хотя один или два авторитетных специалиста выразили сомнение по этому поводу, имеющиеся свидетельства ясно указывают на такую связь. Галлюцинации обоняния сравнительно редки по сравнению с галлюцинациями зрения и слуха; они чаще встречаются у женщин, чем у мужчин, и они нередко возникают в периоды сексуальных расстройств, в подростковом возрасте, при послеродовой горячке, при смене образа жизни, у женщин с заболеваниями яичников и у пожилых людей, которых беспокоят сексуальные желания или

раскаяние в таких желаниях. Они часто отмечались как особенно частые в случаях чрезмерной мастурбации.

Крафт-Эбинг, обнаруживший, что обонятельные галлюцинации распространены при различных сексуальных состояниях, считает, что они напрямую зависят от сексуального возбуждения (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, bd. 34, ht. 4, 1877). Конолли Норман верит в отчетливую и частую связь между обонятельными галлюцинациями и сексуальными нарушениями (*Журнал психических наук*, июль 1899 г., стр. 532). Сэвидж также впечатлен тесной связью между сексуальными нарушениями или изменениями в репродуктивных органах и галлюцинациями обоняния, а также осязания. Он обнаружил, что стойкие обонятельные галлюцинации исчезли, когда был удален больной яичник, хотя пациент оставался невменяемым. Он считает, что такие галлюцинации запаха связаны с реверсиями. (Г. Х. Сэвидж, "Обоняние, галлюцинации", *Словарь психологической медицины Тьюка*; ср. руководство того же автора по *безумию и смежным неврозам*.) Матуш, хотя и не находит обонятельных галлюцинаций обычным явлением в период климакса, утверждает, что иногда они присутствуют, они связаны с проблемами с маткой и сексуальным влечением. Он считает, что они чаще встречаются у молодых женщин. (Matusch, "Der Einfluss des Climacterium auf Entstehung und Form der Geistesstörung," *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, vol. xlv, глава 4). Фере рассказал важный случай с молодым человеком, у которого обонятельные галлюцинации сопровождали сексуальный оргазм; впоследствии у него развилась эпилепсия, для которой галлюцинации затем составили ауру (*Отчет о встрече Биологического общества*, декабрь 1896 г.). Преобладание сексуального элемента в обонятельных галлюцинациях было исследовано Булленом, который изучил 95 случаев обонятельных галлюцинаций среди пациентов в нескольких приютах. (В нескольких случаях были основания полагать, что существуют периферийные состояния, которые могли бы сделать эти галлюцинации более строго иллюзорными.) Из них 64 были женщинами. У шестнадцати женщин был климактерический период, и у 3 из них были сексуальные галлюцинации или бред. У четырнадцати других женщин (в основном в случаях хронического бредового помешательства) был сексуальный бред. В общей сложности 31 мужчина и женщина страдали сексуальными галлюцинациями. Это значительная доля. Буллен, однако, не склонен признавать какую-либо прямую связь между репродуктивной системой и обонянием. Он обнаруживает, что другие галлюцинации очень часто связаны с обонятельными галлюцинациями, и считает, что сосуществование обонятельных и сексуальных проблем просто указывает на очень глубокое и широко распространенное нервное расстройство. (Ф. Сент-Джон Буллен, "Обонятельные галлюцинации у душевнобольных", *Журнал психологии*, июль 1899 г.) Чтобы полностью прояснить этот вопрос, нам требуются дальнейшие точные расспросы в соответствии с принципами, изложенными Булленом.

В этой связи может быть интересно отметить, что обонятельные и вкусовые галлюцинации, по-видимому, особенно часты при формах религиозного помешательства. Так, доктор Цурхер в своей первой диссертации о Жанне д'Арк (*Жанна д'Арк*, Лейпциг, 1895, стр. 72) оценивает, что в среднем при таком безумии почти 50% галлюцинаций затрагивают обоняние и вкус; она ссылается также на обонятельные галлюцинации великих религиозных лидеров, Франциска Ассизского, Катерины Эммерих, Лаццаретти и анабаптистов.

Вполне может быть, как предположил Звардемакер в своей *"Физиологии животных"*, что заложенность носа во время менструации и подобные явления связаны с той ассоциацией запаха и сексуальности, которая наблюдается во всем животном мире, и что заложенность вызывает временное повышение чувствительности к обонянию на стадии сексуального возбуждения.^[43] Тщательное исследование остроты обоняния выявило бы существование такого повышения его остроты во время менструации.

У некоторых исключительных, но все же вполне здоровых людей обоняние, по-видимому, обладает эмоциональным преобладанием, о котором нельзя сказать, что оно присуще обычному человеку. Эти исключительные люди принадлежат к тому, что Бине в своем исследовании сексуального фетишизма называет обонятельным типом; такие люди образуют группу, которая, хотя и имеет меньший размер и меньшую значимость, вполне сопоставима с хорошо известными группами зрительного типа, слухового типа и психомоторного типа. Такие люди были бы более внимательны к запахам, более подвержены обонятельным симпатиям и антипатиям, чем обычные люди. Для них, вполне возможно, превосходство, придаваемое обонятельным влияниям в *"Понимании природы"* Джемса, хотя и экстравагантно неверное для обычных людей, может показаться вполне разумным.

Несомненно также, что очень многие неврастеники, и особенно те, кто страдает сексуальной неврастенией, особенно восприимчивы к обонятельным воздействиям. Ряд выдающихся поэтов и романистов — особенно, как представляется, во Франции — похоже, замешаны в этом деле. Бодлер, из всех великих поэтов, наиболее настойчиво и тщательно подчеркивал образное и эмоциональное значение запаха; *Цветы Зла* и многие из *Маленьких стихотворений в прозе* представляют, с этой точки зрения, большой интерес. Не может быть никаких сомнений в том, что в творческой и эмоциональной жизни самого Бодлера обоняние играло чрезвычайно важную роль; и что, по его собственным словам, запах был для него тем, чем музыка является для других. Во всех романах Золя — и, возможно, особенно в *"Деле аббата Муре"* — чрезвычайно настойчиво используются всевозможные запахи. Проф. Леопольд Бернар написал подробное исследование этого аспекта творчества Золя^[44]; он полагал, что в основе интереса Золя к запахам лежали аномально острая обонятельная чувствительность и большое развитие обонятельной области мозга. Такое предположение, однако, излишне, и, на самом деле, тщательное исследование обонятельной чувствительности Золя, проведенное месье Пасси, показало, что она была несколько ниже нормы.^[45] В то же время было показано, что Золя действительно был человеком обонятельного психического типа, с особым вниманием к запахам и особой памятью на них; как это часто бывает с парфюмерами с ненормальной остротой обоняния, он обладал более чем нормальной способностью различать запахи; возможно, что в молодости его острота обоняния также могла быть выше нормы. Точно так же Ницше в своих трудах демонстрирует заметную чувствительность и особенно антипатию к запахам, что некоторыми рассматривалось как показатель реальной физической чувствительности с ненормальной остротой; однако, согласно Мебиусу, не было никаких оснований предполагать, что это так.^[46] Гюисманс, который на протяжении всех своих книг проявляет очень сильную озабоченность точными оттенками многих видов чувственных впечатлений и, по-видимому, ненормально острую чувствительность к ним, проявил большой интерес к запахам, особенно к часто цитируемому отрывку из *A Rebours*. Слепой Мильтон из *"Потерянного рая"* (как однажды заметил мне покойный мистер Грант Аллен) много внимания уделяет запахам; в данном случае мы, несомненно, должны приписать такое направление сенсорного внимания слепоте, а не какой-либо особой органической предрасположенности.^[47]

Среди наших старых английских поэтов Херрик также проявляет особый интерес к запахам с определенным осознанием их сексуальной привлекательности.^[48] Шелли, которая воспринимала так много необычных эстетических аспектов вещей, часто проявляет восторженное восхищение запахами, особенно запахами цветов. Действительно, можно сказать, что большинство поэтов — хотя и в меньшей степени, чем те, кого я упомянул, — уделяют особое внимание запахам, и, поскольку оказалось возможным описать обоняние как чувство воображения, это не должно нас удивлять. То, что Шекспир, например, действительно высоко ценил это чувство, видно из различных отрывков в его произведениях, и особенно из сонета "ЛИВ": "О, насколько более прекрасной кажется красота?" — в котором он неявно ставит привлекательность запаха по крайней мере на такой же высокий уровень, как и привлекательность зрения.^[49]

Неврастеническая чувствительность к запахам, особенно сексуальным, часто сопровождается отсутствием сексуальной энергии. Таким образом, мы можем объяснить многочисленные случаи, когда старики, у которых сексуальное желание переживает потерю мужественных сил, — вероятно, изначально несколько ненормальные люди — находят удовлетворение в сексуальных запахах. Здесь также мы имеем основание для обонятельного фетишизма. При таком фетишизме одного запаха женщины, кем бы она ни была и какой бы непривлекательной она ни была, достаточно для получения полного сексуального удовлетворения. Во многих, хотя и не во всех, случаях, когда предметы женской одежды становятся объектом фетишистского влечения, безусловно, присутствует обонятельный элемент из-за личного запаха, присущего одежде.^[50]

Обонятельные влияния играют определенную роль в различных сексуально ненормальных тенденциях и практиках, которые не проистекают исключительно из обонятельного влечения. Таким образом, *куннилингус* и *фелляция* частично, особенно у некоторых людей, обусловлены пристрастием к запахам половых органов. (См., например, Moll, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. 1, стр. 134.) Во многих случаях запах не играет роли в привлечении; "Я получаю удовольствие от *куннилингуса*, если девушка мне очень нравится, - пишет корреспондент, - *несмотря на запах*". Мы можем связать этот импульс с распространенностью подобных практик среди сексуальных инвертированных, у которых обонятельная привлекательность часто особенно выражена. Те индивидуумы, также, на которых половое воздействие оказывают мочевые и морские выделения ("*ренифлеры*", "*стереофилы*" и т.д.), в значительной степени, хотя и не обязательно полностью, подвержены обонятельным впечатлениям. Влечение было, однако, исключительно обонятельным в случае с молодой женщиной, описанной Мораглией (*Архив Психиатрии*, 1892, стр. 267), которая была непреодолимо возбуждена запахом ферментированной мочи мужчин, и, возможно, также в случае, рассказанном Мораглией профессором Л. Бьянки (*ib.* стр. 568), в котором жена потребовала от своего мужа выделения газов.

Сексуальное удовольствие, получаемое от частичного удушья (обсуждаемое в исследовании "Любовь и боль" в предыдущем томе), может быть связано с повышенным сексуальным возбуждением от обоняния. Доктор Кирнан, которая указывает мне на это, исследовала нескольких пациентов с невропатией, которым нравится, когда им сжимают шею, как они выражаются, и обнаружила, что у большинства из них таким образом усиливается обонятельная чувствительность.

Однако даже у обычных нормальных людей не может быть никаких сомнений в том, что личный запах имеет тенденцию играть немалую роль в сексуальном влечении и сексуальном отталкивании. Действительно, как сексуальный возбудитель он намного уступает стимулам, получаемым через зрение. Сравнительная притупленность обоняния у человека затрудняет восприятие обонятельного влияния, как правило, до тех пор, пока не будут завершены предварительные процедуры ухаживания; так что запах никогда не сможет иметь того же значения в сексуальном влечении у человека, какое он имеет у низших животных. С этой оговоркой не может быть никаких сомнений в том, что запах оказывает определенное благоприятное или неблагоприятное влияние на сексуальные отношения у всех человеческих рас, от низших до высших. Полинезийцы с презрением отзывались о тех женщинах европейской расы, которые "не имеют запаха", и, принимая во внимание ярко выраженный личный запах стольких диких народов, а также пристальное внимание, которое они так часто уделяют запахам, мы можем с уверенностью предположить, даже при отсутствии многих определенных доказательств, что запах имеет большое значение в их сексуальных отношениях. Это подтверждается такими обычаями, которые встречаются у некоторых примитивных народов — как, как утверждает, на Филиппинах, — когда влюбленные обмениваются своей одеждой, чтобы ощутить запах любимого человека. На варварских стадиях развития общества этот элемент становится застенчивым и явно признается; личные запахи постоянно описываются с самодовольством, иногда в сочетании с щедрым использованием искусственных духов, в большей части эротической литературы, созданной на высших стадиях варварства, особенно восточными народами, живущими в жарком климате; достаточно сослаться на "*Песнь песней*", "*Арабские ночи*" и индийские трактаты о любви. Даже в некоторых частях Европы то же влияние проявляется в самой грубой животной форме, и Краусс утверждает, что у южных славян иногда принято оставлять половые органы немытыми, потому что сильный запах этих частей тела считается сексуальным стимулятором. В обычных условиях жизни в Европе личный запах отошел на задний план; так было в равной степени в условиях классической, средневековой и современной жизни. Личный запах обычно считался неэстетичным; о нем, по большей части, упоминали только для порицания, и даже те поэты и другие люди, которые на протяжении последних столетий проявляли чуткое восхищение и интерес к запахам — Херрик, Шелли, Бодлер, Золя и Гюисманс — редко осмеливались настаивать на том, что чисто естественный и личный запах может быть приятным. Тот факт, что это может быть так, и что для большинства людей такие запахи не могут быть безразличны в самых интимных отношениях, обычно узнается случайно. Однако не может быть никаких сомнений в том, что, как указывает Кирнан, степень влияния обоняния на сексуальную сферу цивилизованного человека была сильно недооценена. Поэтому нам не нужно удивляться возросшему интересу, который в последнее время проявился к этому предмету. Действительно, как это обычно бывает, у некоторых авторов была тенденция впадать в противоположную крайность, и мы не можем, как Густав Ягер, рассматривать сексуальный инстинкт главным образом или полностью как дело обоняния.

О Падмини, совершенной женщине, "женщине-лотосе", индуистские писатели говорят, что "ее пот пахнет мускусом", в то время как вульгарная женщина, по их словам, пахнет рыбой (*Камасутра Ватсьяны*). Плосс и Бартельс (*Das Weib*, 1901, стр. 218) приводят отрывок из тамильского "*Коккогама*", подробно описывающий различные виды сексуального запаха у женщин, который, по их мнению, основан на здравом наблюдении.

Четыре вещи в женщине, говорит араб, должны быть надушены: рот, подмышки, сальные железы и нос. Персидские поэты, описывая тело, с удовольствием использовали метафоры, связанные с запахом. Не только волосы и пушок на лице, но и подбородок, рот, пигментные пятна, шея - все наводило на мысль о пахучих образах. Эпитеты, применяемые к волосам, часто относятся к мускусу, амбре и циветте. (*Anis El-Ochchâq* translated by Huart, *Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes*, fasc. 25, 1875.)

Древнееврейская *Песнь песней* представляет собой типичный пример очень красивой восточной любовной поэмы, в которой повсюду подчеркивается важность обращения к обонянию. В этом коротком стихотворении есть целых двадцать четыре довольно определенных упоминания запахов — личных запахов, духов и цветов, — в то время как многочисленные другие упоминания цветов и т.д., По-видимому, указывают на обонятельные ассоциации. И любовник, и его возлюбленная выражают удовольствие от личного запаха друг друга.

"Мой возлюбленный для меня, - поет она, - как мешочек с миррой,
Который лежит у меня на груди;
Мой возлюбленный для меня, как гроздь цветов хны
В винограднике Эн-геди".

И еще: "Его щеки подобны ложу из специй [или бальзаму], как россыпи сладких трав". В то время как о ней он говорит: "Запах твоего дыхания [или носа] подобен запаху яблок".

Греческая и римская античность, оказавшая столь большое влияние на традиции современной Европы, была щедра в использовании парфюмерии, но не проявляла симпатии к личным запахам. Для римских сатириков, таких как Марциал, личный запах почти всегда был неприятным, хотя в классической литературе есть несколько намеков на то, что запах тела является сексуальным влечением. Овидий в своем *"Оружии"* (Книга III) говорит, что едва ли есть необходимость напоминать даме, что она не должна держать козла подмышками: *"нет ничего странного в увы"*. *"Больше пользы, чем ничего,"* - древнее изречение, и в шестнадцатом веке Монтень все еще повторял это высказывание с полным одобрением.

Вместе с новым эмоциональным движением в восемнадцатом веке начало проявляться иное течение чувств. Руссо привлек внимание к важности обоняния, и в своей просветительской работе *Эмиль* (ум. II), он назвал запах женского *"туалетного столика"* не такой слабой ловушкой, как принято считать. В том же столетии Казанова писал еще более решительно по тому же поводу; в предисловии к своим *Мемуарам* он заявляет: "Я всегда находил сладким запах женщин, которых я любил"; и в другом месте: "В воздухе спальни любимой женщины есть что-то такое интимное, такое бальзамическое, такие сладострастные эманации, что, если бы влюбленному пришлось выбирать между Раем и этим местом наслаждения, его колебания не продлились бы и мгновения" (*Мемуары*, vol. iii). В прошлом веке в Англии сэр Кенелм Дигби в своих интересных и примечательных *личных мемуарах*, описывая визит к леди Венеции Стэнли, впоследствии ставшей его женой, упоминает личный запах как элемент привлекательности; он нашел ее спящей в постели, и на ее груди "действительно блестело несколько капель пота, похожих на бриллиантовые искры, и у нее был более ароматный запах, чем у фиалок или первоцветов, сезон которых только что закончился".

В 1821 году Кадэ-Дево опубликовал в энциклопедическом журнале *Revue* исследование под названием "Атмосфера женщины и ее могущества", которое привлекло большое внимание как в Германии, так и во Франции; он считал, что выдохи женского тела имеют первостепенное значение для сексуального влечения.

Профессор А. Галопин в 1886 году написал полунаучную книгу "*Женский парфюм*", в которой сексуальное значение личного запаха раскрывается во всей полноте. Он с энтузиазмом пишет о сладком и целебном характере натуральных духов любимой женщины и о вреде, наносимом здоровью и любви использованием искусственных духов. "Самый чистый брак, который может быть заключен между мужчиной и женщиной, - утверждает он (стр. 157), - это брак, порожденный обонянием и санкционированный общей ассимиляцией в мозге оживленных молекул вследствие выделения и испарения двух тел, находящихся в контакте и симпатии".

В книге, написанной в первой половине девятнадцатого века и содержащей различные тонкие наблюдения о любви, мы читаем относительно сладкого запаха, который поэты находили в женском дыхании: "На самом деле у многих женщин опьяняюще приятное дыхание, которое играет немалую роль в притягивающей атмосфере любви, которую они распространяют вокруг себя" (*Eros oder Wörterbuch über die Physiologie*, 1849, Bd. 1, стр. 45).

Однако большинство авторов по психологии любви того периода, по-видимому, обходили стороной обонятельный элемент сексуального влечения, считая его, вероятно, слишком неэстетичным. Этому не уделяется особого внимания ни в "*Любви*" Сенанкура, ни в "*Любви*" Стендаля, ни в "*Любви* Мишле...,,

Поэты в последнее время часто упоминали запахи, личные и другие, но романисты делали это гораздо реже. Золя и Гюисманс, два романиста, которые наиболее тщательно и настойчиво развивали обонятельную сторону жизни, больше останавливались на отталкивающих запахах, чем на приятных. Поэтому интересно отметить, что в нескольких замечательных романах последнего времени подчеркивалась привлекательность личного запаха. Особенно это заметно в "*Войне и мире*" Толстого, в которой граф Петр внезапно решает жениться на принцессе Елене после того, как вдохнул ее запах на балу. В романе д'Аннунцио "*Триумф смерти*" соблазнительный и утешительный запах кожи любимой женщины описан в нескольких отрывках; так, нам говорят, что, когда Джорджо целовал руки и плечи Ипполиты, "он ощутил ее острый и в то же время нежный аромат, аромат кожи, который в час радости становился опьяняющим, как аромат туберозы, и вызывал ужасное желание".

Когда мы имеем дело с сексуальным значением личных запахов у человека, то с самого начала следует отметить важное различие по сравнению с низшими млекопитающими. Значение запаха в целом не только значительно уменьшилось, но и акцент на обонятельной привлекательности был смещен. Центр обонятельной привлекательности находится не в области половых органов, как обычно у животных, а в верхней части тела. В этом отношении сексуальное обонятельное влечение у мужчины напоминает то, что мы находим в сфере зрения, поскольку ни половые органы мужчины, ни женщины обычно не красивы в глазах противоположного пола, и их демонстрация у нас не рассматривается как необходимый этап ухаживания. Запах тела, как и его красота, в той мере, в какой его можно рассматривать как возможное сексуальное влечение, в ходе развития был перенесен на верхние части тела. Тщательное сокрытие половой области, несомненно, способствовало этому переносу. Таким образом, случилось так, что, когда личный запах действует как сексуальное влечение, именно

подмышечная впадина, в любом случае, обычно главный источник запаха в теле, в основном вступает в игру вместе с кожей и волосами.

Обер из Лиона отметил, что во время менструации запах подмышек может становиться более сильным, и описывает его как ароматический запах кислого или хлороформного характера. Галопин отмечает, что в то время как подмышки некоторых женщин пахнут овцами во время гона, у других, когда они находятся на воздухе, появляется аромат амбры или фиалки. Говорят, что смуглые люди (согласно Гулду и Пайлу) иногда источают запах синильной кислоты, а блондинки чаще всего - мускуса; Галопин особенно ассоциирует запах амбры со блондинками.

В то время как некоторые европейские поэты слабо указывали на женскую подмышку как на центр сексуального влечения, именно у восточных поэтов мы можем найти более прямое и естественное выражение этой идеи. Так, в китайской драме ("Переселение Е-Чжоу", *"Меркюр де Франс"*, № 8, 1901) мы находим ученого молодого врача, адресующего своей невесте следующее стихотворение:

"Когда я взобрался на поросшую кустарником вершину горы Чао,
я все еще не достиг уровня твоей пахучей подмышки.
Я должен подняться в небо
Прежде, чем ветерок донесет до меня
аромат этого забальзамированного гнезда!"

Однако этот поэт, похоже, был доведен до уровня энтузиазма, необычного даже для Китая, поскольку его будущая теща, выразив свое восхищение стихотворением, замечает: "Но кто бы мог подумать, что у моей дочери подмышкой можно найти столько красивых вещей!"

Запах подмышечной впадины является самым сильным в организме, достаточно сильным, чтобы действовать как мышечный стимулятор даже при отсутствии какой-либо прямой сексуальной связи. На это указывает наблюдение, сделанное Фере, который, живя напротив прачечной, заметил, что пожилая женщина, работавшая у окна, ближе к концу дня засовывала правую руку под рукав другой подмышки, а затем подносила ее к носу; это она делала примерно каждые пять минут. Было очевидно, что запах действовал как стимулятор ее угасающей энергии. Другие люди, которым довелось часто бывать в мастерских, сообщили Фере, что это ни в коем случае не редкость среди лиц обоего пола. (Фере, *Инстинктивная сексуальность*, второе издание, стр. 135.) Я сам заметил тот же жест, очень намеренно сделанный на улице молодой англичанкой из рабочего класса, при обстоятельствах, которые наводили на мысль, что он действовал как немедленный стимулятор усталости.

Гюисманс, который в своих романах с большой точностью настаивал на запахах, как личных, так и парфюмерных, посвятил один из набросков "Гуссе" в своих *парижских кроках* (1880) различным запахам женских подмышек. "Я следил за этим ароматом в сельской местности, - замечает он, - за группой женщин-сборщиц под ярким солнцем. Это было чрезмерно и ужасно; это обжигало ваши ноздри, как неплотно закупоренная бутылка щелочи; это захватывало вас, раздражая слизистую оболочку резким запахом, в котором было что-то от вкуса дикой утки, приготовленной с оливками, и резкого запаха лука-шалота. В целом, это не было мерзкой или отвратительной эманацией; она объединилась, как ожидаемая вещь, с грозными запахами

пейзажа; это была чистая нота, дополняющая криком человека-животного от жары благоухающую мелодию зверей и лесов ". Далее он говорит о благоухании женских рук в бальном зале. "Там пахнет нашатырной валерианой, хлорированной мочой, иногда резко усиливается, даже с легким привкусом синильной кислоты, слабым привкусом перезрелых персиков". Однако, продолжает Гюисманс, эти "коробочки для специй" выглядят более соблазнительно, когда их аромат проникает через одежду. "Притягательность бальзама на их руках тогда менее дерзкая, менее циничная, чем на балу, где они более обнажены, но это легче вскрывает животное в человеке. Столь же разнообразный, как цвет волос, запах подмышечной впадины бесконечно разнообразен; его гамма охватывает всю клавиатуру запахов, достигая стойких ароматов сиринги и бузины, а иногда напоминая сладкий аромат натертых пальцев, которые держали сигарету. Дерзкая и иногда утомляющая у брюнеток и негритянок, резкая и свирепая у красных женщин, подмышечная впадина пьянящая, как подслащенное вино у блондинок ". Следует отметить, что это очень точное описание в различных точках совпадает с замечаниями более научных наблюдателей.

Иногда запах подмышечной впадины может даже стать своего рода фетишем, которого жаждут самого по себе и которого самого по себе достаточно, чтобы доставлять удовольствие. Фере зафиксировал подобный случай у своего друга, мужчины 60 лет, с которым одно время он охотился, обладавшего крепким здоровьем и принадлежавшего к здоровой семье. Во время этих охотничьих экспедиций он обычно удивительным образом дразнил девушек и женщин, которых встречал (иногда даже довольно старых женщин), когда натыкался на них, гуляющих по полям в открытых рубашках с короткими рукавами. Когда ему удалось просунуть руку женщине под мышку, он ушел довольный и часто с явным удовольствием подносил руку к своему носу. После долгих колебаний Фере попросил объяснения, которое было откровенно дано. В детстве ему нравился этот запах, сам не зная почему. В молодости женщины с сильным запахом побуждали его к необычным сексуальным подвигам, и теперь они были единственными женщинами, которые имели на него какое-либо влияние. Он утверждал, что способен распознать воздержание по запаху, а также наиболее благоприятный момент для приближения к женщине. На протяжении всей жизни простуда в голове всегда сопровождалась постоянным общим возбуждением. (Féré, *L'Instinct Sexuel*, 1902, p. 134.)

Мы не только должны признать, что в ходе эволюции специфические запахи половой сферы отошли на задний план как источник сексуального соблазна, мы должны далее признать важный факт, что даже те личные запахи, которые в основном склонны при нормальных обстоятельствах время от времени появляться в сознательной сексуальной сфере, и даже чисто личные запахи всех видов, не оказывают никакого притяжения, а скорее склонны вызывать антипатию, если только не достигнута некоторая степень усиления. Иными словами, наши обонятельные ощущения от человеческого тела скорее приближаются к нашим тактильным ощущениям от него, чем к нашим визуальным ощущениям. Зрение - это наше самое интеллектуальное чувство, и мы доверяем ему сравнительно смело, не опасаясь, что его сообщения повредят нам своей личной интимностью; мы даже ценим его переживания, поскольку это главный орган нашего любопытства, как обоняние у собаки. Но обоняние у нас перестало быть ведущим каналом интеллектуального любопытства. Личные запахи, в отличие от зрения, не дают нам информации, которая носит в значительной степени интеллектуальный характер; они создают привлекательность, которая в основном носит интимный, эмоциональный, образный характер. Таким образом, когда мы находимся в нашем нормальном

состоянии, они имеют тенденцию пробуждать то, что Джеймс называет антисексуальным инстинктом.

"Я не могу понять, как люди не видят, как связаны чувства", - сказала Дженни Линд Дж. А. Саймондсу (Горацио Браун, *Дж. А. Саймондс*, том i, стр. 207). "Сколько я выстрадал из-за своего обоняния! Моя юность была несчастьем из-за остроты моей чувствительности".

Мантегацца обсуждает силу обонятельных антипатий (*Физиология одиозности*, стр. 101) и упоминает, что однажды, когда он заболел в Парагвае, за ним ухаживала 16-летняя индианка, свежая, как персик, и чрезвычайно чистоплотная, но чей запах — "смесь логова дикого зверя и гниющего лука" - вызвал тошноту и чуть не довел его до обморока.

Молл (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, стр. 135) описывает случай мужчины-невропата, который постоянно становился импотентом из-за своей антипатии к запахам собственного тела. С ним очень частослучалось, что его привлекало лицо и внешность девушки, но в последний момент потенция подавлялась восприятием личного запаха.

В случае с известным мне мужчиной выдающихся способностей, принадлежащим к семье с некоторыми невропатиями, наблюдается чрезвычайная чувствительность к запаху женщины, что часто является для него самым очевидным в ней. Он редко встречал женщину, натуральные духи которой полностью подходили бы ему, и его обонятельные впечатления часто становились непосредственной причиной разрыва отношений.

Ранее обсуждалось, является ли сильный личный запах достаточным основанием для развода. Хаген, который приводит ссылки на этот счет (*Sexuelle Osphrésiologie*, стр. 75-83), считает, что запахи тела обычно и естественно отталкивающие, потому что они тесно связаны с группой запахов каприла, которые характерны для многих выделений.

Однако обонятельные антипатии часто строго подчинены общему эмоциональному отношению индивида к объекту, от которого они исходят. Это проиллюстрировано известным мне случаем с мужчиной, который в жаркий день сел на пароход с женщиной, к которой был привязан, и сел между ней и незнакомым мужчиной. Вскоре он почувствовал подмышечный запах, который, как он заключил, исходил от мужчины и который показался ему неприятным. Нонемного позже он понял, что запах исходил от его собственного компаньона, и с этим открытием запах сразу утратил свой неприятный характер.

В этом отношении личный запах напоминает личный контакт. Два интимных прикосновения рук, хотя и имеют совершенно одинаковое физическое качество, по своему эмоциональному воздействию могут быть разделены неизмеримым интервалом в зависимости от нашего отношения к человеку, от которого они исходят.

Чтобы личный запах давал о себе знать и не вызывал антипатии, у нормальных людей ему должны были предшествовать условия, которые подавляли проявление антисексуального инстинкта. Должно быть, уже достигнута определенная степень припухлости. Возможно даже, если мы примем во внимание тесную симпатию между сексуальной сферой и носом, что орган обоняния нуждается в изменении своей чувствительности в форме, восприимчивой к сексуальным посланиям, хотя такое предположение ни в коем случае не является необходимым. Именно тогда, когда достигнута такая слабая предварительная степень припухлости, как бы она ни была достигнута, — ибо способов припухлости, как мы знаем, неисчислимо, — приятный

личный запах может проявить свою привлекательность. Если мы проанализируем случаи, в которых обонятельные восприятия оказывались сильными в любви, мы почти всегда обнаружим, что они были пережиты при обстоятельствах, благоприятных для возникновения припухлости. Когда это не так, мы можем обоснованно заподозрить наличие некоторой степени извращения.

В часто цитируемом случае с австрийским крестьянином, который обнаружил, что ему помогли соблазнить молодых женщин, потанцевав с ними, а затем вытирая им лица носовым платком, который он держал подмышкой, мы, несомненно, можем рассматривать предварительное возбуждение от танца как существенный фактор произведенного воздействия.

Точно так же я знаком с непринужденностью женщины, обычно не чувствительной к простым запахам тела (хотя на нее влияют духи и цветы), которая однажды, уже находясь в состоянии сексуального возбуждения, была сильно возбуждена, почувствовав запах подмышечной впадины своего любовника.

То же влияние предварительного возбуждения можно увидеть в другом известном мне случае, когда джентльмен, путешествуя за границу, познакомился с тремя очаровательными молодыми леди во время долгого путешествия по железной дороге. Он ощущал приятное возбуждение, вызванное длительной интимностью путешествия, но определенно сексуальным оно стало только тогда, когда самая молодая из дам, вытянувшись перед ним, чтобы выглянуть в окно и держась за стойку наверху, случайно приблизила подмышечную впадину к его лицу, после чего возникла эрекция, хотя сам он считает личные запахи, во всяком случае, исходящие от незнакомцев, безразличными или отталкивающими.

Корреспондент-медик, ссылаясь на тот факт, что у многих мужчин (впрочем, и у женщин тоже) сексуальное возбуждение возникает после продолжительного танца, отмечает, что, по его мнению, запах женского пота является здесь существенным фактором.

Характеристики обоняния, которые наше исследование выявило до сих пор, в целом не благоприятствовали влиянию личных запахов как сексуального влечения у цивилизованных мужчин. Это примитивное чувство, которое расцвело еще до появления людей; это сравнительно неэстетичное чувство; это несколько притупленное чувство, которое среди европейцев обычно неспособно воспринимать запах "человеческого цветка" — если воспользоваться выражением Гете — за исключением очень тесного контакта, и по этой причине, а также из-за того факта, что это преимущественно эмоциональное чувство, личные запахи при обычном социальном общении с меньшей вероятностью возбуждают сексуальный инстинкт, чем антисексуальный инстинкт. Если требуется определенная степень припухлости, прежде чем личный запах сможет оказывать привлекательное влияние, то мощный личный запах, достаточно сильный, чтобы быть воспринятым до достижения какой-либо степени припухлости, будет иметь тенденцию вызывать отвращение и при этом иметь тенденцию, сознательно или бессознательно, возбуждать предубеждение против личного запаха в целом. На самом деле это имеет место в цивилизации, и большинство людей, по-видимому, с большей или меньшей антипатией относятся к личным запахам тех людей, к которым они не испытывают сексуального влечения, в то время как их отношение к людям, к которым они испытывают сексуальное влечение, нейтрально в этом отношении.^[51] Следующее заявление корреспондента, как мне кажется, отражает опыт большинства мужчин в этом отношении: "Я не замечаю, что у разных людей разные запахи. Некоторые женщины, которых я знал, имели

привычку пользоваться определенными ароматами, но никаких ассоциаций у меня не возникло бы, если бы я почувствовал тот же запах сейчас, потому что я не смог бы его идентифицировать. Мальчиком я очень любил ароматы, и я связываю это с моими выраженными сексуальными наклонностями. Мне нравится, когда женщины пользуются небольшим количеством ароматов. Это пробуждает мои сексуальные чувства, но не в большой степени. Мне не нравится запах женского влагалища. Хотя последнее утверждение, по-видимому, выражает чувства многих, если не большинства мужчин, возможно, будет уместно добавить, что, по-видимому, нет естественной причины, по которой запах вульвы чистой и здоровой женщины не должен быть приятен нормальному мужчине, который является ее любовником.

В литературе внимание привлекает естественный запах женщин, а не мужчин. Мы должны ожидать, что это так, поскольку литература в основном создается мужчинами. Таким образом, вопрос о том, мужчины или женщины действительно более подвержены сексуальному влиянию таким образом, не может быть решен. У животных, по-видимому, запахи одинаково влияют на представителей обоих полов, поскольку, хотя обычно половые органы самца снабжены особыми пахучими железами, когда таковые возникают, специфический запах самки во время полового периода, безусловно, не менее эффективен в качестве приманки для самца. Если мы сравним общую восприимчивость мужчин и женщин к приятным запахам, помимо вопроса о сексуальном влечении, то не может быть никаких сомнений в том, что она наиболее выражена у женщин. Как указывает Гроос, даже среди детей маленькие девочки больше интересуются запахами, чем мальчики, и исследования различных работников, особенно Гарбини, показали, что на самом деле у девочек способность различать запахи выше, чем у мальчиков. Марро пошел дальше, и в расширенной серии наблюдений за девочками до и после наступления половой зрелости, что представляет значительный интерес с точки зрения сексуального значения обоняния, он показал основания полагать, что девочки приобретают повышенную восприимчивость к запахам, когда начинается сексуальная жизнь, хотя они не проявляют такой повышенной силы в отношении других чувств.^[52] В целом, может показаться, что, хотя женщины не склонны подвергаться серьезному воздействию грубых запахов тела при отсутствии какого-либо предварительного возбуждения, они ни в коем случае не невосприимчивы к сексуальному влиянию обонятельных впечатлений. Действительно, вполне вероятно, что они подвержены этому влиянию в большей степени и чаще, чем мужчины.

Эдуард де Гонкур в своем романе "*Chérie*" — интимная история молодой девушки, основанная, по его словам, на многочисленных личных наблюдениях, — описывает (глава LXXXV) восторг, с которым чувственные, но целомудренные молодые девушки часто вдыхают сильные духи. "Духи и любовь, — замечает он, — дарят наслаждение, которое тесно связано". В предыдущей главе (XLIV) он пишет о своей героине в возрасте 15 лет: "Интимно счастливые эмоции, которые молодая девушка испытывала, читая "*Поля и Виржини*" и другие откровенно любовные книги, которые она стремилась сделать более полными, интенсивными и проникновенными, пропитав книгу ароматом, и история любви проникла в ее чувства и воображение через страницы, увлажненные жидкими духами".

Carbini (*Archivio per l'Antropologia*, 1896, fasc. 3) при очень тщательном исследовании большого числа детей было обнаружено, что самые ранние осмо-вкусовые ощущения возникали на четвертой неделе у девочек, на пятой неделе у мальчиков; первые реальные и определенные

обонятельные ощущения появлялись на пятнадцатом месяце у девочек, на шестнадцатом у мальчиков; в то время как эксперименты на нескольких сотнях детей в возрасте от 3 до 6 лет показали, что девочки немного, но отчетливо превосходят мальчиков. Можно, конечно, возразить, что эти результаты просто свидетельствуют о несколько большем раннем развитии девочек. Я резюмировал основные исследования по этому вопросу в "*Мужчине и женщине*", исправленное и дополненное издание, 1904, стр. 134-138. В целом, они, по-видимому, указывают на большую остроту обоняния у женщин, но данные ни в коем случае не являются полностью согласующимися в этом смысле. Популярное и общенаучное мнение также далеко не всегда согласуется. Так, Тардиф в своей книге "Запахи в связи с половым инстинктом" повсюду предполагает, как само собой разумеющееся, что обоняние наиболее развито у мужчин; в то время как, с другой стороны, я отмечаю, что в брошюре мистера Мартина Перлза, производителя парфюмерии, с такой же уверенностью утверждается, что "хорошо известный факт, что у женщин, даже без многолетней практики, обоняние острее, чем у мужчин", и по этой причине он нанимает штат молодых леди для тестирования духов по запаху в лаборатории с помощью глазированной бумаги. тест.

Иногда говорят, что использование женщинами сильных духов указывает на притупление органа обоняния. С другой стороны, говорят, что употребление табака притупляет чувствительность мужского носа. Оба эти утверждения кажутся необоснованными. Использование большого количества духов - это скорее вопрос вкуса, чем остроты чувств (не говоря уже о том, что те, кто живет в атмосфере духов, конечно, лишь слабо осознают это), и химик-парфюмер в своей лаборатории, окруженный сильными запахами, может отличить их все с большой точностью. Что касается табака, в Испании *cigarreras* - это женщины и девушки, которые постоянно живут в табачной атмосфере, и сеньора Пардо Базан, которая хорошо их знает, отмечает в своем романе "*La Tribuna*", в котором рассказывается о жизни на табачной фабрике, что "острота обоняния у *cigarreras* примечательна, и может показаться, что табак не притупляет носовую перепонку, а обостряет обонятельные нервы".

"Это было то же самое, как если бы я была в саду сладких яблонь, от сладости, которая приходила ко мне, когда легкий ветерок проносился над ними и шевелил их одежду", - говорится в ирландских сагах о женщине, говорящей о группе красивых мужчин (*Кухулин из Мюртемна*, стр. 161). Удовольствие и возбуждение, испытываемые женщиной от запаха своего любовника, обычно ощущаются в связи со смутным и смешанным запахом, который может быть характерным, но определенно не связан с каким-либо специфическим сексуальным запахом тела. По словам одной женщины, общий запах мужчины, которого она любит, очень, иногда даже подавляюще, привлекателен для нее; но специфический запах мужских половых органов, который она описывает как рыбный, не имеет привлекательности. Мужчина пишет, что в своих отношениях с женщинами он никогда не мог обнаружить, чтобы на них влияли подмышечные или другие специфические запахи. Женщина пишет: "Для меня любой личный запах, например, пота, очень неприятен, а здоровое *обнаженное* человеческое тело совершенно свободно от какого-либо запаха. Свежий пот не имеет неприятного запаха; только задерживаясь на одежде, он становится неприятным. Слабый запах дыма, который витает вокруг много курящих мужчин, меня довольно возбуждает, но только когда он *очень* слабый. Если сильно, то становится неприятно. Поскольку большинство мужчин, которые меня привлекали, были заядлыми курильщиками, несомненно, существует прямая ассоциация идей. Только однажды мне пришло в голову, что безразличный неприятный запах становился привлекательным в связи с каким-то конкретным человеком. В данном случае это был запах несвежего табака, такой, какой исходит

от кончика остывшей сигары или сигареты. Это было и остается сейчас для меня очень неприятным, но в то время и в связи с конкретным человеком это казалось мне более восхитительным и возбуждающим, чем самые восхитительные духи. Я думаю, однако, что только очень сильное влечение могло преодолеть неприязнь такого рода, и я сомневаюсь, что смог бы испытать такой поворот событий, если бы это был личный запах. Несвежий табак, хотя и неприятный, не вызывает мысленно неприятных мыслей. Я имею в виду, что он не предполагает грязи или нездоровья".

Вероятно, важно отметить довольно значительную роль, которую, так или иначе, запахи и парфюмерия играют в эмоциональной жизни женщин, что из 4 женщин, чьи сексуальные истории описаны в Приложении В к vol. в третьем из этих *исследований* все склонны испытывать сексуальные эффекты от обонятельных стимулов, 3 из них - от личных запахов (хотя этот факт не во всех случаях упоминается в историях, как это зафиксировано), в то время как из 8 мужчин ни один не счел свой обонятельный опыт в этом отношении заслуживающим упоминания.

Очень заметное сексуальное влечение, которое запах, ассоциируемый с мужчинами, которых они любят, оказывает на женщин, легко осталось незамеченным, поскольку женщины не чувствовали себя обязанными заявлять об этом. Однако при сексуальной инверсии, когда женщина принимает более активное и откровенное участие, чем при обычной любви, это может быть очень четко прослежено. Здесь, действительно, это часто преувеличивается вследствие общей тенденции невротиков и неврастеников быть более, чем обычно, восприимчивыми к воздействию запахов. Можно с уверенностью сказать, что у большинства инвертированных женщин запах любимого человека играет очень значительную роль. Так, одна перевернутая женщина просит женщину, которую она любит, прислать ей немного своих волос, чтобы она могла опьянить себя в одиночестве их ароматом (*Архив психологических исследований*, том i, часть 3, стр. 36). Опять же, молодая девушка с некоторыми гомосексуальными наклонностями была склонна испытывать сексуальные эмоции при обычном контакте со школьными товарищами, запах тела которых был замечен (Féré, *L'Instinct Sexuel*, стр. 260). Такие примеры довольно типичны.

О том, что запах мужского тела в большом количестве случаев может быть очень приятным и сексуально привлекательным, свидетельствуют показания мужчин-инвертированных полов. Этому есть множество доказательств. Раффалович ("*Юранизм и унисексуализм*", стр. 126) настаивает на важности запахов тела как средства сексуального влечения к инвертированному мужчине и склонен думать, что усиление запаха собственного тела мужчины во время сексуального возбуждения может оказывать аутоафродизиакальный эффект, который отражается на теле любимого человека. Запах крестьян, мужчин, работающих на открытом воздухе, особенно привлекателен. Молл упоминает случай с перевернутым мужчиной, который нашел "лесной, похожий на мох запах" школьного товарища неотразимо привлекательным.

Мне прислали следующий отрывок из письма, написанного итальянским маркизом: "Однажды вечером Бонифацио разделся, чтобы доставить мне удовольствие. У него насыщенная, округлая мякоть и янтарный окрас, который художники школы Джорджоне придавали своим Сан-Себастьянам. Когда он начал одеваться, я взяла старую *фасцию*, или пояс из сетчатого шелка, который лежал у него под бриджами и который все еще хранил тепло его тела. Я зарылся в него лицом и был наполовину опьянен его изысканным ароматом юной мужественности и свежего сена. Он сказал мне, что носил его два года. Неудивительно, что оно благоухало им. Я

попросила его позволить мне сохранить его на память. Онулыбнулся и сказал: "Тебе это нравится, потому что оно так долго лежало на моей *груди*". "Да, именно так", - ответила я. "Всякий раз, когда я целую его так и этак, это возвращает тебя ко мне". Иногда я обвязываю им свою обнаженную талию перед тем, как лечь спать. Его запаха достаточно, чтобы вызвать мощную эрекцию, а соприкосновение его краев с моими яичками и фаллосом один или два раза вызывало непроизвольную эрекцию".

Здесь я могу воспроизвести дошедшее до меня сообщение о привлекательности запаха крестьян: "Одна из преобладающих привлекательных черт этих мужчин заключается в том, что они чисты; их тела находятся в состоянии здорового нормального функционирования. Тогда они обладают, если они умеренны, тем, что греческий поэт Стратон назвал *φιδική χρωτὶς* (качеством, которое, согласно этому авторитету, никогда не встречается у женщин). Этот "естественный приятный аромат плоти" является своеобразным атрибутом молодых людей, которые живут на открытом воздухе и имеют дело с природными объектами. Даже запах их пота сильно отличается от запаха девушек в бальных залах: более утонченный, эфирный, всепроникающий, нежный и трудноуловимый. Когда они возятся с сеном — во время сенокоса или зимой, когда они привозят сено из горных хижин, - молодые крестьяне повсюду несут с собой запах "поля, которое благословил Господь". Их тела и одежда источают неуловимый аромат чистоты и секса в сочетании. Кажется, что каждая железа прочного каркаса впитала аромат трав, который медленно исходит от прохладной, свежей кожи парня. Вы не почувствуете его в комнате. Вы должны взять молодого человека за руки и уткнуться в них лицом или укрыться с ним под одним одеялом в одной постели, чтобы почувствовать этот аромат. Никакое чувственное воздействие обоняния на нервы не бывает более остро пропитано духовной поэзией — поэзией юности, и ранних часов на холмах, и радостно выполненного труда, и урожая Божьих даров человеку, принесенного домой человеческим трудолюбием. Стоит упомянуть, что Аристофан в своем описании совершенного афинского эфеба подчеркивает, что он благоухает натуральными духами".

В отрывке из второй части "*Фауста*" Гете (который, по-видимому, испытывал значительный интерес к психологии обоняния) заставляет трех женщин говорить об амброзийном запахе молодых мужчин.

В этой связи я также отмечаю отрывок из стихотворения ("*Эпплтон Хаус*") нашего собственного английского поэта Марвелла, который интересно процитировать:

И теперь беспечные победители играют,
Отплясывая триумфы на сене,
Когда благотворный жар каждой косилки
Пахнет потом Александра.
Их самки благоухают, как медовуха,
По которой они ходят в кругах фей,
Когда в конце танца они целуются,
Их свежескошенное сено не слаще".

[30] Р. Андре, "Völkergeruch", в *Ethnographische Parallelen*, Neue Folge, 1889, стр. 213-222, объединяет множество отрывков, описывающих запахи разных народов. У Хагена, *Sexuelle Osphrésiologie*, стр. 166 и далее, есть глава на эту тему; у Джеста, дополнение к *Международному этнографическому архиву*, 1893, стр. 53, есть интересный отрывок о запахах различных рас, а также у Вайца, *Введение в антропологию*, стр. 103. Ср. Сэр Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, стр. 395; Т. Х. Парк, *Опыт Экваториальной Африки*, стр. 409; Э. Х. Мэн, *Журнал Антропологического института*, 1889, стр. 391; Броу Смит, *Аборигены Виктории*, том i, стр. 7; д'Орбиньи, *Человек американский*, том i, стр. 87 и др.

[31] Б. Адачи "Герух дер Европаер", *Глобус*, 1903, № 1.

[32] Хаген цитирует свидетельства по этому вопросу, *Sexuelle Osphrésiologie*, стр. 173. Негр, утверждает Кастеллани, считает, что европейцы чувствуют запах смерти.

[33] *Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции*, том. ii, стр. 181.

[34] Вайц, *Введение в антропологию*, стр. 103.

[35] Монин, *Запахи человеческого корпуса*, второе издание, Париж, 1886 г., кратко, но всесторонне обсуждает нормальные и, особенно, патологические запахи тела, его выделений.

[36] Вентури, *Психологическая дегенерация*, стр. 417.

[37] Цитируется Фере, *Инстинктивный секс*, 1902, стр. 133.

[38] Х. Линг Рот, "О приветствиях", *Журнал Антропологического института*, ноябрь 1889г.

[39] Смотрите Приложение А: "Происхождение поцелуя".

[40] См., например,, отрывок, цитируемый И. Блохом, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 205.

[41] В то же время необходимо помнить, что большая или меньшая степень воздействия, возникающая при половом акте, сама по себе является причиной заложенности носа и чихания.

[42] Фере, *Патология эмоций*, стр. 81

[43] Дж. Н. Маккензи аналогичным образом предполагает (*Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, № 82, 1898), что "раздражение и заложенность слизистой оболочки носа предшествуют обонятельному впечатлению или являются его возбудителями, которые образуют связующее звено между обонянием и эретизмом репродуктивных органов, проявляющимся у низших животных".

[44] *Les Odeurs dans les Romans de Zola*".

[45] Тулуза, *Эмиль Золя*, стр. 163-165, 173-175.

[46] Р. J. Möbius, *Das Pathologische bei Nietzsche*.

[47] У Молла есть отрывок об обонянии у слепых, особенно в сексуальном отношении, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. 1, стр. 137 и далее.

[48] Посмотрите, например, его стихотворение "Любовь благоухает всеми частями тела", в котором он заявляет, что "Руки, бедра и голени источают богатый аромат". И сравните тексты, озаглавленные "Песня маскерам", "На дыхании Джулии", "На том, как Джулия расшнуровывается", "На поту Джулии" и "Госпоже Энн Соум".

[49] Существуют различные указания на то, что Гете внимательно относился к привлекательности личных запахов; и о том, что он сам испытывал это влечение, свидетельствует тот факт, что, как он признался, когда ему однажды пришлось покинуть Веймар в официальной поездке на два дня, он забрал лиф фрау фон Штайн, чтобы унести с собой аромат ее тела.

[50] Хаген собрал из литературы по данному вопросу ряд типичных случаев обонятельного фетишизма, *Sexuelle Osphrésiologie*, 1901, стр. 82 и далее.

[51] Опросы Молл среди нормальных людей также показали, что мало кто осознает запах как сексуальное влечение. (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*. Bd. I, стр. 133.)

[52] Марро, *Лос-Анджелес, период полового созревания*, 1898, глава II. Тардиф обнаружил у мальчиков, что духи практически не оказывают влияния на кровообращение и дыхание до наступления половой зрелости, хотя его наблюдений на этот счет было слишком мало, чтобы иметь значение.

IV.

Содержание

Влияние духов—Их изначальная связь с сексуальными запахами тела—Это верно даже для аромата цветов—Синтетическое производство духов—Сексуальное действие духов—Духи, возможно, первоначально использовались для усиления запаха тела—Особое значение запаха мускуса—Его широкое естественное распространение среди растений, животных и человека—Мускус мощный стимулятор—Его широкое использование в качестве духов—*Peau d'Espagne*—Запах кожи и его случайные сексуальные эффекты—Сексуальное влияние запахов цветов—Идентичность запахов многих растений с определенными нормальными и ненормальными запахами тела —Запах спермы в Связи с этим.

До сих пор нас интересовали в основном чисто личные запахи. Однако теперь уже невозможно ограничить обсуждение сексуального значения запаха чисто животными рамками. Отмеченные различные характеристики личного запаха — как те, которые делают его отталкивающим, так и те, которые делают его привлекательным, — привели к использованию искусственных духов, чтобы усилить естественный запах, когда он считается привлекательным, замаскировать его, когда он считается отталкивающим; и в то же время, счастливо скрывая оба этих импульса, развили чистое восхищение духами из-за их собственной приятности, эстетической стороны обоняния. Таким образом — хотя и гораздо менее постоянным и изощренным образом — тело стало украшением для обоняния точно так же, как одежда и украшения украшают его для зрения.

Но — и это очень важный момент с нашей нынешней точки зрения — на самом деле мы не покидаем сексуальную сферу, вводя искусственные духи. Духи, которые мы извлекаем из натуральных продуктов или, как сейчас часто бывает, производим химическим синтезом, сами по себе являются либо сексуальными запахами животных, либо близки по характеру или составу к личным запахам, которые они используют для усиления или маскировки. Мускус является продуктом работы желез самца *Moschus moschiferus*, которые соответствуют препуциальным сальным железам; кастореум является продуктом работы аналогичных половых желез у бобра, а циветта — аналогично у циветты; амбра — это кишечный камень, обнаруженный в прямой кишке кашелота.^[53] Однако, почти все ароматы животного происхождения, используемые цивилизованным человеком, не только имеют особый сексуальный объект среди животных, от которых они получены, но даже ароматы цветов, можно сказать, носят сексуальный характер. Они выделяются в репродуктивный период жизни растений и, очевидно, в значительной степени имеют своей целью обращение к насекомым, которые обеспечивают оплодотворение растений, причем такое обращение основано на том факте, что у самих насекомых обонятельная чувствительность во многих случаях развилась в процессе их собственного спаривания.^[54] Существует, например, моль, у которой оба пола отмечены одинаково и незаметно, но самцы распространяют приятный запах, как говорят, похожий на ананасовый, который привлекает самок.^[55] Следовательно, если запахи цветов развились потому, что они оказались полезными для растения, привлекая насекомых или других живых существ, очевидно, что преимущество было бы у тех растений, которые могли издавать приятный животным сексуальный запах, поскольку такой запах оказался бы притягательным для животных существ. Здесь мы имеем очень простое объяснение фундаментальной идентичности запахов в животном и растительном мирах. Таким образом, получается, что с психологической точки зрения мы на самом деле не вступаем в новую область, когда начинаем обсуждать влияние ароматов, отличных от ароматов животного тела. Нас просто интересуют несколько более сложные или несколько более утонченные сексуальные запахи; они не отличаются конкретно от человеческих запахов и гармонично с ними сочетаются. Популярный язык свидетельствует об истинности этого утверждения, и нормальные и ненормальные человеческие запахи, как мы уже видели, постоянно сравниваются с искусственными запахами животных и растений, с хлороформом, мускусом, фиалкой, упоминая только те сходства, которые, по-видимому, встречаются наиболее часто.

В настоящее время для получения духов, повсеместно используемых в цивилизованных странах, используются три метода: (1) извлечение пахучих соединений из нейтральных продуктов, в которых они содержатся; (2) искусственное получение пахучих соединений природного происхождения синтетическими процессами; (3) производство материалов, придающих запахи, напоминающие запахи приятно пахнущих природных объектов. (См., например, "Натуральные и искусственные духи", *Nature*, 27 декабря 1900 г.) Основные компоненты большинства наших духов относятся к сложному классу органических соединений, известных как терпены. В последние годы был изучен ряд основных элементов натуральных духов, во многих случаях были открыты методы их искусственного получения, и они в значительной степени заменяют использование натуральных духов не только для мыла и т.д., но и для ароматических эссенций, хотя, по-видимому, очень трудно в точности имитировать тонкий аромат, созданный Природой. Искусственный мускус был случайно обнаружен Бауэром при изучении бутилтолуолов, содержащихся в экстрактивном веществе смолы. Ванилин, ароматический компонент бобов ванили, представляет собой альдегид, который впервые был

искусственно получен Тиманном и Хаарманном в 1874 году путем окисления кониферина, глюкозида, содержащегося в соке различных хвойных деревьев, но теперь, по-видимому, его обычно получают из эвгенола, фенола, содержащегося в гвоздичном масле. Пиперонал, альдегид, близкий к ванилину, используется в парфюмерии под названием гелиотропин и готовится из масла сассафраса и камфорного масла. Кумарин, материал, которому бобы тонка, душистая перга и свежескошенное сено обязаны своими характерными запахами, был синтетически получен У. Х. Паркиным в 1868 году путем нагревания натриосалицилового альдегида с уксусным ангидридом, хотя сейчас его получают дешевле из травы, растущей во Флориде. Ирон, обладающий ароматом фиалки, был выделен в 1893 году из кетона, содержащегося в корне ириса; и ионон, другой кетон, который имеет очень похожий запах свежих фиалок и был выделен после нескольких лет дальнейшей работы, в основном используется при приготовлении фиалковых духов. Ирон и ионон очень похожи по составу на скипидарное масло, которое при попадании в организм частично превращается в духи и придает моче сильный запах фиалок. "Пока мало что сделано для установления связи между запахом и химическим составом веществ в целом. Углеводороды как класс обладают значительным сходством по запаху, так же как и органические сульфиды и, в гораздо меньшей степени, кетоны. Субъект ждет, когда кто-нибудь соотнесет его различные физиологические, психологические и физические аспекты таким же образом, как это сделал Гельмгольц для звука. Пока, по-видимому, невозможно установить какую-либо вероятную причину того факта, что многие вещества обладают приятным запахом. Возможно, однако, стоит предположить, что определенные соединения, такие как летучие сульфиды и индолы, имеют очень неприятный запах, потому что они являются нормальными компонентами экскрементов млекопитающих и продуктов разложения животного происхождения; отталкивающие запахи могут быть просто необходимыми результатами эволюционных процессов". (*Местная газета, Nature*, 27 декабря 1900 г.)

Многие используемые духи на самом деле представляют собой комбинации множества различных ароматов в различных пропорциях, таких как масло розы, масло лаванды, иланг-иланг и т.д. Наиболее высоко ценимые духи часто состоят из элементов, которые в более сильной пропорции были бы расценены как крайне неприятные.

В последнее время Германия и Франция заняли лидирующие позиции в области изучения и производства парфюмерии. Эта отрасль имеет огромное значение. Только во Франции объем торговли парфюмерией составляет 4 000 000 фунтов стерлингов.

Несомненно, во многом благодаря существенной и фундаментальной идентичности запахов — химическому сходству даже запахов из самых отдаленных источников — мы обнаруживаем, что духи во многих случаях оказывают такое же сексуальное воздействие, каким изначально обладают запахи тела. В северных странах, где использование парфюмерии культивируется в основном женщинами, именно женщины наиболее подвержены этому сексуальному влиянию. На Юге и Востоке, по-видимому, мужчины по крайней мере одинаково часто испытывают это чувство. Так, в Италии Мантегацца отмечает, что "многие мужчины с сильным сексуальным темпераментом не могут безнаказанно посещать лабораторию эссенций и парфюмерии".^[56] На Востоке мы находим утверждение в исламской книге под названием "*Благоухающий сад шейха Нефзауи*", что использование духов женщинами, так же как и мужчинами, побуждает к детородительному акту. Во многом именно благодаря этому факту во многих частях мира,

особенно у восточных народов, а иногда и у нас в Европе, женщины привыкли надушивать тело, и особенно вульву.^[57]

Представляется весьма вероятным, что, как особо подчеркивал Хаген, духи изначально использовались женщинами не с целью скрыть любой возможный естественный запах, как это иногда бывает в цивилизации, а с целью усилить естественный запах.^[58] Если первобытный мужчина был склонен пренебрежительно относиться к женщине, запах от которой был слабым или незаметным, — отворачиваясь от нее с презрением, как полинезиец отворачивался от дам из Сиднея: "У них нет запаха!" — женщины неизбежно стремились бы дополнить любые естественные дефекты в этом отношении и подчеркнуть свои пахучие качества, точно так же, как с помощью корсетов и сумок, даже в условиях цивилизации Они стремились подчеркнуть сексуальную привлекательность своих тел. Таким образом, мы можем, как предполагает Хаген, объяснить тот факт, что до недавнего времени ароматы, которые предпочитали женщины, были не самыми нежными или изысканными, а самыми сильными, самыми животными, самыми сексуальными: мускус, кастореум, циветта и амбра.

В этом интересном романе, повествующем о приключениях еврейской девушки при персидском дворе Ксеркса, который под названием "*Эстер*" попал в Ветхий Завет, нам рассказывается, что в царском гареме в Шушане было принято подвергать женщин очень длительному курсу надушивания, прежде чем допустить их к царю: "шесть месяцев мирровым маслом и шесть месяцев благовониями". (*Есфирь*, глава II, ст. 12.)

В "*Арабских ночах*" есть много намеков на использование духов женщинами с более или менее определенно заявленными афродизиакальными намерениями. Так мы читаем в рассказе о Камаралзамане: "Прекрасным благовонием я надушу свои груди, свой живот, все свое тело, чтобы моя кожа еще сладостнее таяла в твоих устах, о зеница моего oka!"

Даже среди дикарей иногда практикуется ароматизация тела с целью вызвать любовь у партнера. Шеллонг утверждает, что папуасы Страны кайзера Вильгельма с этой целью втирают в свое тело различные ароматные растения. (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, ht. i, p. 19.) Значение этой практики более полно раскрывается Хэддоном при изучении папуасов Торресова пролива, у которых инициативу в ухаживании проявляют женщины. Именно надушив себя остро пахнущим веществом, молодой человек дал понять, что девушки готовы подать на него в суд. Мужчина носил этот аромат на затылке во время танца, чтобы привлечь внимание определенной девушки; считалось, что он действует с магической уверенностью, подобно амулету (*Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив*, том v, стр. 211, 222 и 328).

Духи, которые из всех духов наиболее интересны с современной точки зрения, - это, безусловно, мускус. Наряду с амброй, мускус является главным членом группы *ароматов амброзиевых* Линнея, группы, которая по сексуальному значению, как отмечает Звардемакер, стоит в ряду с каприловой группой запахов. Это аромат древнего происхождения; его название персидское^[59] (несомненно, указывает на канал, по которому он попал в Европу) и в конечном итоге происходит от санскритского слова, обозначающего яичко, намекающего на тот факт, что он содержался в мешочке, извлеченном из половых органов самца кабарги. Однако мускусные запахи, часто обладающие значительной силой, очень широко распространены в Природе, как

среди животных, так и среди растений. На это указывает частота, с которой слово "мускус" входит в состав названий животных и растений, которые далеко не всегда являются близкими родственниками. У нас есть мускусный бык, мускусный крот, несколько видов, называемых мускусными крысами, мускусный проток, мускусный жук; в то время как среди растений, получивших свои названия от реального или предполагаемого мускусного запаха, есть, помимо нескольких, называемых мускусными растениями, мускусная роза, мускусный гиацинт, мускусная мальва, мускусная орхидея, мускусная дыня, мускусная вишня, мускусная груша, мускусная слива, ондатра и мускатные орехи, мускусно-семя, мускусное дерево, мускусная древесина и т.д.^[60] Но мускусный запах не просто широко распространен в Природе среди растений и низших животных, он особым образом ассоциируется с человеком. Кстати, мы уже видели, как это расценивается как характеристика некоторых человеческих рас, особенно китайцев. Более того, говорят, что запах негритянки имеет мускусный характер, а среди европейцев мускусный запах считается характерным для блондинок. Лейкок в своей книге *"Нервные болезни женщин"* высказал свое мнение о том, что "запах мускуса, безусловно, является сексуальным запахом мужчины"; а Фере утверждает, что среди натуральных духов мускусный запах наиболее приближен к запаху половых выделений. Мы видели, что китайский поэт превозносит мускусный запах подмышек своей любовницы, в то время как другая восточная поговорка о привлекательной женщине гласит, что "ее пупок наполнен мускусом". Персидская литература содержит много упоминаний мускуса как привлекательного запаха для тела, а Фирдуси говорит о волосах женщины как о "венце из мускуса", в то время как арабский поэт Мотаннаби говорит о своей любовнице, что "ее гиацинтовые волосы пахнут слаще, чем скифский мускус". Галопин заявил, что он знал женщин, чей естественный запах мускуса (и реже амбры) был достаточно сильным, чтобы менее чем за час придать ванне аромат, полностью обусловленный выделениями мускусного тела; следует добавить, что Галопин был энтузиастом в этом вопросе.

Особое значение мускуса с нашей нынешней точки зрения заключается не только в том факте, что здесь мы имеем аромат, широко распространенный в природе и часто имеющий приятную форму, который в то же время является очень частым запахом человека. Мускус - это запах, который не только у животных, которым он дал название, но и у многих других является специфически сексуальным запахом, выделяемым главным образом в период полового созревания. Сексуальные запахи большинства животных, по-видимому, являются модификациями мускуса. Мотылек-сфинкс обладает мускусным запахом, который присущ только самцам и, несомненно, является сексуальным. Некоторые ящерицы обладают мускусным запахом, который усиливается в период размножения; крокодилы в период спаривания выделяют из своих подчелюстных желез мускусный запах, который наполняет их места обитания. Точно так же слоны выпускают мускусный запах своими лицевыми железами в период гона. Запах мускусной утки в основном приурочен к сезону размножения.^[61] Говорят, что мускусный запах негритянки усиливается во время сексуального возбуждения.

Преобладание мускуса в качестве сексуального запаха связано с тем фактом, что его фактическое нервное воздействие, помимо наличия сексуальной ассоциации, очень значительно. Фере обнаружил, что это мощный мышечный стимулятор. В прежние времена мускус пользовался высокой репутацией сердечного стимулятора; он вышел из употребления, но в последние годы его применение при астенических состояниях возобновилось, и, как

утверждалось, его применение дало отличные результаты при коллапсе, вызванном азиатской холерой. При сексуальном оцепенении у женщин он все еще пользуется определенной репутацией (подобно ванили и сандалу), хотя используется нечасто, и некоторые старые арабские врачи (особенно Авиценна) рекомендовали его вместе с кастореем и миррой при аменорее. На его мощное действие указывает опыт Эскироля, который заявил, что он видел случаи, когда сенсорная стимуляция мускусом у женщин во время лактации вызывала манию. У него всегда была репутация, особенно на мусульманском Востоке, сексуального стимулятора для мужчин; "благороднейший из ароматов", - называют его в *Эль-Ктабе*, - "и то, что больше всего провоцирует на вождение".

Несомненно, важным фактом особого сексуального воздействия мускуса является то, что, как заметил Лейкок, в случаях особой идиосинкразии к запахам мускус оказывается тем запахом, который больше всего нравится или не нравится. Так, старый английский врач Уитт заметил, что "несколько хрупких женщин, которые легко переносили сильный запах табака, впадали в истерику от мускуса, амбры или бледной розы".^[62] Можно отметить, что в *"Благоуханном саду шейха Нефзауи"* утверждается, что именно из-за своего сексуального воздействия духи склонны повергать женщин в нечто вроде обморока, и Лукреций отмечает, что женщина, почувствовавшая запах кастореума, другого животного сексуального аромата, во время менструации может упасть в обморок.^[63]

Мускус не только является самым дорогим парфюмом исламского мира и особым любимцем самого Пророка, который очень любил парфюмерию ("Я люблю ваш мир", - как сообщается, сказал он в старости, "за его женщин и их духи"),^[64] это единственный парфюм, которым обычно пользуются женщины страны, в которой утонченность жизни были доставлены до Японии, и они получили их от китайцев.^[65]

Более того, мускус по-прежнему остается самым популярным из европейских парфюмов. "Лучше всего продаются духи, содержащие мускус", - утверждает Пиесс в своей известной книге *опарфюмерном искусстве*. Безусловно, верно, что в своей простой форме мускусный запах в настоящее время не пользуется большим уважением в Европе. Этот факт связан с постоянно растущей утонченностью, в соответствии с которой специфические запахи половых органов у людей имеют тенденцию терять свою первобытную привлекательность, а телесные запахи обычно смешиваются с искусственными духами и таким образом маскируются. Но, хотя мускус в его простой форме и под его древним названием утратил свое влияние в Европе, интересным и значительным фактом является то, что по-прежнему духи, содержащие мускус, пользуются наибольшей популярностью.

Peau d'Espagne можно назвать очень сложным и роскошным парфюмом, часто любимым ароматом чувственных людей, который действительно во многом обязан своей силе присутствию грубых животных сексуальных запахов мускуса и циветты. Композиция аромата включает ноты: кожа, пропитанная нотами нероли, розы, сантала, лаванды, вербены, бергамота, гвоздики и корицы, а затем приправленная циветтой и мускусом. Некоторые говорят, вероятно, с определенной долей правды, что Peau d'Espagne - это из всех духов тот, который наиболее приближен к запаху женской кожи; намекает ли он также на запах кожи, не столь ясно.

Однако нет никаких сомнений в том, что запах кожи оказывает удивительно стимулирующее сексуальное воздействие на многих мужчин и женщин. Это запах, который, по-видимому, занимает промежуточное место между естественными запахами тела и искусственными духами, для которых он иногда служит основой; возможно, именно этому факту объясняется его случайное сексуальное влияние, поскольку, как мы уже видели, существует тенденция сексуального притяжения к запахам, которые не являются специфическими запахами личного тела, но все же связаны с ними. Молл, без сомнения, справедливо, считает, что обувной фетишизм, возможно, наиболее частое из сексуальных фетишистских извращений, пользуется большим спросом, если, конечно, он не обязан своим происхождением связанному с ним запаху ног и обуви.^[66] Он рассказывает о случае обувного фетишизма у мужчины, у которого извращение началось в возрасте 6 лет; когда он впервые надел новую обувь, ранее используя только снятые ботинки своего старшего брата; он ощущал и нюхал эту новую обувь с ощущением неизмеримого удовольствия; а несколько лет спустя начал использовать обувь как метод мастурбации.^[67] Нэкке также зафиксировал случай обувного фетишиста, который заявил, что сексуальная привлекательность обуви (обычно обуви его жены) заключается в основном в запахе кожи.^[68] Крафт-Эбинг снова приводит случай обувного фетишизма, в котором упоминается важный факт, что испытуемый купил пару кожаных манжет, чтобы нюхать их во время мастурбации.^[69] Рестифу де ла Бретонну, который был в некотором роде фетишистом обуви, похоже, нравилось нюхать обувь. Маловероятно, что запах кожи объясняет фетишизм обуви в целом, — как мы увидим, когда в другом "Исследовании" этот вопрос встанет перед нами, — и во многих случаях вообще нельзя сказать, что он имеет значение; однако это один из факторов. Такой вывод дополнительно подтверждается тем фактом, что многие иногда желают ощутить запах новой обуви в качестве вспомогательного средства при половом акте. Опыт проституток показывает, что такое приспособление встречается нередко. Нэкке упоминает, что проститутка сообщила его коллеге, что несколькими ее клиентам хотелось, чтобы в комнате пахло новой обувью, и что она привыкла получать желаемый аромат, подержав туфли на мгновение над пламенем спиртовки.

Прямое сексуальное воздействие запаха кожи, однако, более убедительно доказывается теми примерами, в которых он существует отдельно от обуви или других предметов, имеющих какое-либо отношение к человеческому телу. В другом месте этих "Исследований" у меня есть^[71] описан случай с женщиной, совершенно нормальной в сексуальном и других отношениях, которая ощущает значительную степень приятного сексуального возбуждения в присутствии запаха кожаных предметов, особенно бухгалтерских книг в кожаных переплетах, и в магазинах, где продаются изделия из кожи. Она думает, что это относится к тому периоду, когда, будучи 9-летним ребенком, ее иногда оставляли на некоторое время одну на высоком табурете в офисе. Возможное объяснение в данном случае заключается в предположении, что в одном из этих ранних случаев сексуальное возбуждение было вызвано контактом с испражнениями (что нередко встречается у молодых девушек) и что случайно связанный запах кожи постоянно воздействовал на нервную систему, в то время как действительно значимый контакт не оставлял постоянного впечатления. Однако даже при таком предположении можно было бы утверждать, что реальная сила запаха кожи проиллюстрирована этим случаем, и на это также указывает тот факт, что на того же субъекта сексуально воздействуют различные духи и пахучие цветы, не напоминающие кожу.^[70]

Одна дама сказала мне, что запах кожи наводит на мысль о запахе половых органов. То же самое предположение высказал Хаген,^[72] и я обнаружил, что Гулд и Пайл заявили, что менструирующие девушки иногда пахнут кожей. Таким образом, секрет его воздействия может быть не совсем темным; в том факте, что кожа - это кожа животного, и что она может таким образом смутно возбуждать обонятельную чувствительность, которая была наследственно затронута сексуальным стимулом запаха кожи, лежит вероятная основа тайны.

Несмотря на отсутствие каких-либо намеков на личные или животные запахи, в их наиболее изысканных формах в аромате цветов, обонятельные ощущения все еще очень часто носят сладострастный характер. Мантегацца заметил, что доказательством тесной связи между обонянием и половыми органами является то, что выражение удовольствия, вызываемого обонянием, напоминает выражение сексуального удовольствия.^[73] Заставьте самую целомудренную женщину понюхать цветы, которые ей больше всего нравятся, замечает он, и она закроет глаза, глубоко вздохнет и, если она очень чувствительна, задрожит всем телом, представляя интимную картину, которую в противном случае она никогда не покажет, разве что своему любовнику. Он упоминает женщину, которая сказала: "Иногда я испытываю такое удовольствие от вдыхания запаха цветов, что мне кажется, я совершаю грех".^[74] Действительно, у многих людей — обычно, если не исключительно, у женщин — запах цветов производит не только очень приятное, но и отчетливо выраженное сексуальное воздействие. Я встречался с многочисленными случаями, в которых этот эффект был хорошо замечен. Обычно это белые цветы с тяжелым, проникающим запахом, которые оказывают это влияние. Так, одна дама (на которую аналогичным образом действуют различные духи, незабудки, иланг-иланг, и т.д.) обнаружила, что некоторые цветы производят на нее определенный сексуальный эффект, увлажняя половые органы. Этот эффект особенно усиливается белыми цветами, такими как гардения, тубероза и т.д. Другая женщина, которая живет в Индии, имеет аналогичный опыт работы с цветами. Она пишет: "Аромат, вызывающий у меня сексуальное возбуждение, должен быть несколько тяжелым и *проникающим*. Почти все белые цветы так воздействуют на меня, как и многие индийские цветы с тяжелыми, почти острыми ароматами. (Все цветочные ароматы совершенно не связаны у меня с каким-либо человеком.) Тубероза, ландыши и цветы франжипани оказывают на меня почти опьяняющее действие. Фиалки, розы, резеда и многие другие, хотя и очень вкусные, не вызывают у меня никаких сексуальных ощущений. По этой причине строка "Лилии и истома добродетели вместо роз и восторгов порока" кажется мне совершенно неправильной. Лилия кажется мне очень чувственным цветком, в то время как роза и ее аромат кажутся очень приятными, деревенскими и добродетельными. Описание Шелли ландыша, "которого молодость делает таким прекрасным, а *страсть* такой бледной", гораздо больше соответствует моим представлениям. "Я вполне могу понять, - добавляет она, - что кожа, особенно книжная, может оказывать возбуждающее действие, поскольку ее запах обладает таким *проникающим* свойством, но я не думаю, что он вызывает у меня какие-то особые чувства". Этот более чувственный характер белых цветов довольно очевиден для многих людей, которые не испытывают от них какого-либо специфически сексуального воздействия. Для некоторых людей лилии обладают запахом, который они описывают как сексуальный, хотя эти люди могут совершенно не знать, что индуистские авторы уже давно описывают половые выделения *Падмини*, или совершенной женщины, во время полового акта как "благоухающие, как только что распустившаяся лилия".^[75] Примечательно, что именно белые цветы — лилия, тубероза и др. — давно были отмечены Клоке как способные вызывать различные неприятные нервные эффекты, угнетение сердечной деятельности и обмороки.^[76]

Когда нас интересуют ароматы цветов, может показаться, что мы далеки от сексуальной сферы человека и что их сексуальное воздействие необъяснимо. Это не так. Запахи животных и растений, как мы уже видели, очень тесно связаны. Зарегистрировано очень много случаев, когда люди выделяли из своей кожи — иногда в очень выраженной степени — запахи растений и цветов, фиалок, роз, ананаса, ванили. С другой стороны, существуют различные растительные запахи, которые отчетливо напоминают не только общий запах человеческого тела, но даже специфически сексуальные запахи. Хорошо известно, что редкий садовый сорняк, гусиная лапчатка вонючая, *Chenopodium vulvaria*, обладает запахом селедочного рассола или гнилой рыбы — по-видимому, из-за пропиламина, который также содержится в цветках обыкновенной белой колючки или мэйфлауэра (*Crataegus oxyacantha*) и многих других *розоцветных*- который напоминает запах половых органов животных и человека.^[77] Причина в том, что запахи растений и животных химически принадлежат к одной и той же группе каприловых запахов (Linnæus's *Odores hircini*), названных так по имени козла, наиболее важной группе запахов с сексуальной точки зрения. Капроновая и каприловая кислоты содержатся не только в запахе козьего и человеческого пота, а также в продуктах животного происхождения, таких как многие сыры, но и в различных растениях, таких как трава Роберта (*Geranium robertianum*) и вонючий зверобой (*Hypericum hircinum*), а также в *хеноподиуме*. Звардемекер считает вероятным, что запах влагалища принадлежит к той же группе, что и запах спермы (который Галлер назвал *запах афродизиака*), последний запах также обнаруживается, как указал Клоке, в цветках обыкновенной берберии (*Berberis vulgaris*) и в каштане. Очень примечательный и показательный пример того же запаха, по-видимому, имеет место в случае с цветами растения хны, лавсонии белоцветковой (*Lawsonia inermis*), столь широко используемой в некоторых мусульманских странах для окрашивания ногтей и других частей тела. "Эти цветы источают сладчайший аромат, - писал Соннини в Египте столетие назад. - Женщинам доставляет удовольствие носить их, украшать ими свои дома, носить в бани, держать в руках и благоухать ими свою грудь. Они не могут терпеливо сносить, что христианские и еврейские женщины будут делить с ними эту привилегию. Очень примечательно, что аромат цветков хны при тщательном вдыхании почти полностью растворяется в очень отчетливом запахе спермы. Если цветы раздавить между пальцами, этот запах преобладает и, действительно, является единственным ощутимым. Неудивительно, что столь восхитительный цветок наделил восточную поэзию множеством очаровательных черт и любовных сравнений". Такое сравнение Соннини находит в "*Песне песней*", i. 13-14.^[78]

Запах спермы не исследовался, но, по словам Звардемекера, искусственно произведенные запахи (например, кадаверин) напоминают его. Мой друг-ботаник считает, что запах бобового пажитника очень близок к запаху, исходящему в некоторых случаях из подмышечной впадины у женщин. Примечательно, что пажитник содержит кумарин, который придает свой аромат свежескошенному селу и различным цветам с несколько похожим запахом. На некоторых людей они оказывают сексуально возбуждающее действие, и представляет значительный интерес наблюдать, что многим они напоминают запах спермы. "Кажется вполне естественным, - пишет одна дама, - что цветы и т. Д. Должны оказывать возбуждающее действие, поскольку первоначальным и, безусловно, самым приятным способом занятий любовью было на открытом воздухе среди цветов и полей; но более чисто физическую причину, я думаю, можно найти в точном сходстве запаха спермы и запаха пыльцы цветущих трав. Когда я впервые осознал это сходство, мне пришло в голову, что именно здесь кроется объяснение очень волнующего эффекта поля с цветущими травами и, возможно, через них, ароматов других цветов. Если я

прав, то полагаю, что цветочные ароматы должны оказывать более сильное сексуальное воздействие на женщин, чем на мужчин. Я не думаю, что кто-либо заметил бы запах спермы в этой связи, если бы он не был сильно поражен возбуждающим действием пыльцы трав. Я часто замечал это и ломал голову над этим. "Поскольку пыльца является мужским половым элементом цветов, ее иногда стимулирующее действие в этом направлении, возможно, является лишь случайным результатом единства, пронизывающего органический мир, хотя, возможно, проще объяснить это как особую форму того раздражения носа, которое ощущает так много людей на сенокосе. Другой корреспондент, на этот раз мужчина, говорит мне, что он заметил сходство запаха спермы с запахом измельченных трав. Мой друг-ученый, проделавший большую работу в области органической химии, сказал мне, что он связывает запах спермы с тем, который возникает в результате диастазирующего действия при смешивании муки и воды, что, по его мнению, имеет сексуальный характер. Это снова подводит нас к крахмалистым продуктам из бобовых растений. Очевидно, что, какими бы тонкими и неясными ни оставались многие вопросы физиологии и психологии обоняния, нам нелегко избежать их сексуальных ассоциаций.

[53] Н. Beauregard, *Matière Médicale Zoölogique: Histoire des Drogues d'origine Animate*, 1901.

[54] Профессор Плато из Гента в течение многих лет проводил серию экспериментов, которые даже имели тенденцию показывать, что насекомых вообще едва ли привлекает цвет цветов, но в основном на них влияет чувство, которое, по-видимому, является запахом. Его эксперименты были зарегистрированы в последние годы (с 1887 г.) в *Бюллетенях Бельгийской королевской академии*, и время от времени обобщались в *Nature*, например, 5 февраля 1903 г.

[55] Дэвид Шарп, *Кембриджская естественная история: насекомые*, Часть II, стр. 398.

[56] Мантегацца, *Физиология Любви*, 1873, стр. 176.

[57] Мантегацца (*Любовь человека*, стр. 94) относится к различным народам, которые практикуют этот последний обычай. Египет был крупным центром этой практики более 3000 лет назад.

[58] Хаген, *Сексуальная физиология*, 1901, стр. 226. Корреспондент-медик высказал мне предположение, что одной из примитивных функций волос, как на голове, *mons veneris*, так и в подмышечной впадине, было собирать пот и усиливать его запах для достижения сексуальных целей.

[59] Названия всех наших основных духов арабские или персидские: циветта, мускус, амбра, аттар, камфара и т.д.

[60] У Клоке (*Osphrésiologie*, стр. 73-76) есть интересный отрывок о распространенности мускусного запаха у животных, растений и даже минеральных веществ.

[61] Лейкок объединяет различные примеры сексуальных запахов животных, настаивая на их мускусном характере (*Нервные заболевания женщин*; раздел "Запахи"). Смотрите также раздел в "*Происхождении человека*" (часть II, глава XVIII), в котором Дарвин утверждает, что "наиболее пахучие самцы наиболее успешны в завоевании самок". У Дистанта также есть интересная статья на эту тему, "Биологические предположения", *Зоолог*, май 1902 г.; он указывает на

важный факт, что мускусные запахи обычно присущи только самцам, и утверждает, что запахи животных обычно чаще привлекательны, чем защищают.

[62] Р. Уитт, *Сочинения*, 1768, стр. 543.

[63] Лукреций, VI, 790-5.

[64] Мохаммед, по словам Айши, очень любил парфюмерию, особенно "мужские ароматы", мускус и амбру. Он также обжигал камфару на пахучем дереве и наслаждался ароматным запахом, при этом никогда не отказывался от духов, когда их предлагали в подарок. По словам Айши, больше всего он любил женщин, ароматы и еду. Мьюир, *Жизнь Магомета*, том II. iii, с. 297.

[65] Х. тен Кейт, *Международный центр антропологии*, Нт. 6, 1902. Этот автор, проводивший наблюдения за японцами с помощью ольфактометра Звардемейкера, обнаружил, что, вопреки иногда высказываемому мнению, у них несколько нарушено обоняние. Он замечает, что на самом деле местных японских духов не существует.

[66] Молл: *Контраргументы сексуального воспитания*, третье издание, 1890, стр. 306.

[67] Молл: *Половое влечение*, bd. 1, стр. 284.

[68] P. Näcke, "Un Cas de Fetichisme de Souliers," *Bulletin de la Société de Médecine Mentale de Belgique*, 1894.

[69] *Сексуальная психопатия*, английское издание, стр. 167.

[70] Филипп Салмут (*Медицинская обсерватория*, Центурия II, № 63) в семнадцатом веке зафиксировал случай, когда молодая девушка благородного происхождения (чья сестра любила есть мел, корицу и гвоздику) испытывала чрезвычайное удовольствие от нюхания старых книг. Однако, похоже, что в данном случае очарование заключалось не столько в запахе кожи, сколько в заплесневелом запахе изъеденных червями книг; "*fætores veterum librorum, a blattis et tineis exesorum, situque prorsus corruptorum*" - это слова Сальмута.

[71] *Исследования по психологии секса*, том. iii, "Приложение В, История VIII".

[72] *Сексуальная физиология*, стр. 106.

[73] Мантегацца, *Физиология любви*, стр. 176.

[74] В этой связи я могу процитировать замечание автора вдумчивой статьи в *Журнале психологической медицины*, 1851: "Использование ароматов, особенно родственных мускусным, является одним из удовольствий женщин, и при некоторых конституциях нельзя потакать им без некоторой опасности для морали, из-за возбуждения яичников, которое в результате этого возникает. И хотя они менее эффективны как афродизиаки по своему действию на половую систему женщин, чем на мужчин, у нас есть основания полагать, что большинство людей не могут безнаказанно злоупотреблять ими".

[75] *Камасутра* Ватсьяны, 1883, стр. 5.

[76] Клоке, *Физиология*, стр. 95.

[77] Говорят, что в Нормандии *chenopodium* называется "conio", а в Италии *erba conina* (кон, каннус) из-за его запаха из вульвы. Было отмечено влечение собак к этому растению. Точно так же кошек непреодолимо привлекают препараты валерианы, потому что их собственная моча содержит валериановую кислоту.

[78] Соннины, *Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту*, 1799, том i, стр. 298.

V.

Содержание

Пагубные последствия чрезмерной стимуляции обоняния—Симптомы ванилизма—Случайные опасные последствия запаха цветов—Влияние Цветов на голос.

Реальность обонятельных влияний, которыми мы занимались, какими бы незначительными они иногда ни казались, подтверждается тем фактом, что запахи, как приятные, так и неприятные, являются стимуляторами, подчиняющимися законам, которые справедливы для стимуляторов вообще. Они возбуждают нервную энергию на мгновение, но в конце концов, если возбуждение чрезмерно и продолжительно, они вызывают усталость и истощение. Это ясно показано в тщательно продуманных экспериментах Фере по влиянию запахов по сравнению с другими сенсорными стимуляторами на объем мышечной работы, выполняемой с помощью эргографа.^[79] Комментируя замечание Бернардена де Сен-Пьера о том, что "человек использует духи, чтобы придать энергию своей страсти", Фере замечает: "Но духи не могут поддерживать огонь, который они зажигают". Их длительное использование вызывает усталость, которая не отличается от усталости, вызванной чрезмерной работой, и воспроизводит все телесные и психические проявления чрезмерной работы.^[80] Хорошо известно, что работники парфюмерной отрасли склонны страдать от вдыхания запахов, среди которых они живут. Говорят, что торговцы мускусом особенно подвержены преждевременному слабоумию. Симптомы, с которыми обычно сталкиваются мужчины и женщины, работающие на фабриках по производству ванили, где сырые фрукты готовятся для продажи, часто изучались и хорошо известны. Они возникают из-за вдыхания аромата, обладающего всеми свойствами ароматических альдегидов, и включают кожные высыпания,^[81] общее возбуждение, бессонницу, головную боль, чрезмерные менструации и раздраженный мочевого пузырь. Почти всегда наблюдается сексуальное возбуждение, которое может быть очень выраженным.^[82]

Можно настаивать, что здесь мы имеем дело не только с нервным воздействием, но и с прямым воздействием запаха на жизненные процессы. Эксперименты Тардифа по воздействию духов на лягушек и кроликов показали, что оказывался ядовитый эффект;^[83] в то время как Фере, инкубируя куриные яйца в присутствии мускуса, неоднократно обнаруживал, что происходило множество аномалий и что развитие замедлялось даже у эмбрионов, которые оставались нормальными; в то время как он получил несколько схожие результаты, используя эссенции лаванды, гвоздика и т.д.^[84] Таким образом, влияние запахов глубже, чем можно предположить по их нервному воздействию; они воздействуют непосредственно на питание. Как отмечает Пасси, мы вынуждены рассматривать запахи как очень тесно связанные с физиологическими свойствами органических веществ, а обоняние - как отдельный фрагмент общей

чувствительности, реагирующий на те же стимулы, что и общая чувствительность, но высокоспециализированный ввиду своей защитной функции.

Реальность и тонкость воздействия запахов дополнительно демонстрируются случаями, когда очень интенсивный эффект достигается даже при временном вдыхании цветов, духов или других запахов. Подобные случаи идиосинкразии, при которых человек — часто с несколько невротическим темпераментом — становится остро чувствительным к какому-либо запаху или обоняниям, регистрировались в медицинской литературе на протяжении многих столетий. В этих случаях неприятный запах вызывает закупорку дыхательных путей, чихание, головную боль, обмороки и т.д., Но иногда регистрировалась даже смерть. (Доктор Дж. Н. Маккензи в своей интересной и ученой статье "Производство так называемой "розовой простуды" и т.

Д.", *Американский журнал медицинских наук*, январь 1886 г., приводит множество случаев и приводит ряд ссылок на древних авторов-медиков; см. также Layet, art. "Odeur," *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*.)

Интересным феноменом этой группы — хотя это слишком распространенное явление, чтобы его можно было назвать идиосинкразией, — является тенденция запаха определенных цветов влиять на голос, а иногда даже вызывать его полную потерю. Механизм этого процесса до конца не изучен, но, по-видимому, возникает заложенность носа и парез гортани, а также спазм бронхов. Боталл в 1565 году зафиксировал случаи, когда запах цветов вызывал затруднение дыхания, и опасность цветов с этой точки зрения хорошо осознается профессиональными певцами. Джоал изучил этот вопрос в подробной статье (кратко изложенной в *British Medical Journal*, 3 марта 1895 г.), а доктор Кабанес собрал воедино (*Figaro*, 20 января 1894 г.) опыт ряда известных певцов, учителей пения и ларингологов. Так, мадам Рене Ришар из Парижской оперы часто обнаруживала, что, когда ее ученицы приходили с букетом фиалок, прикрепленным к корсажу, или даже с саше из фиалок и ирисов под корсетом, голос у них был слабым, а при использовании ларингоскопа она обнаруживала, что голосовые связки перегружены. Мадам Кальве подтвердила это мнение и заявила, что она особенно чувствительна к туберозе и мимозе и что однажды от букета белой сирени у нее на какое-то время полностью пропал голос. Упомянутые цветы одинаково опасны для ряда других певцов; самым вредным цветком из всех считается фиалка. Роза упоминается редко, а искусственные духи сравнительно безвредны, хотя некоторые певцы считают желательным соблюдать осторожность при их использовании.

[79] Фере, *Труд и наслаждение*, глава XIII.

[80] *Труд и наслаждение*, стр. 175. Это, несомненно, верно и в отношении воздействия запахов на сексуальную сферу. Фере описывает случай с женщиной-неврастеником, чья сексуальная холодность по отношению к мужу исчезла только после отказа от духов (в которых гелиотроп, по-видимому, был главным компонентом), которыми она привыкла пользоваться в чрезмерных количествах.

[81] Возможно, важно, что многие цвета особенно склонны вызывать кожные заболевания, особенно крапивницу; ряд случаев был зарегистрирован Джоалом, *Медицинский журнал*, 10 июля 1899 г.

[82] Лист, арт. "Vanillisme," *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*; cf. Audeoud, *Revue Médicale de la Suisse Romande*, October 20, 1899, summarized in the *British Medical Journal*, 1899.

[83] Э. Тардиф, "Запахи и парфюмерия", глава III.

[84] Фере, *Биологическое общество*, 28 марта 1896г.

VI.

Содержание

Место обоняния в половом отборе человека — оно уступило место Зрению в значительной степени потому, что у Цивилизованного человека оно не действует на расстоянии — все еще играет определенную роль, способствуя возникновению Симпатий или Антипатий при Интимном контакте.

Когда мы всесторонне исследуем обширную область, которую мы здесь быстро пересекли, не кажется невозможным получить довольно точное представление об особом месте, которое обонятельные ощущения играют в половом отборе человека. Особая особенность этой группы ощущений в человеке и то, что придает им важность, которой они иначе не обладали бы, обусловлено тем фактом, что мы здесь являемся свидетелями упадка чувства, которое у отдаленных предков человека было самым главным средством сексуального влечения. У человека, даже у самого примитивного человека, — в какой—то степени даже у обезьян, - это утратило свое значение, уступив место преобладанию зрения.^[85] Тем не менее, на том более низком пороге остроты восприятия, на котором он сохраняется у человека, он все еще погружает нас в более или менее постоянную атмосферу запахов, которые постоянно вызывают у нас симпатию или антипатию, и которыми в их более тонких проявлениях мы не пренебрегаем, но даже культивируем с развитием нашей цивилизации.

Таким образом, получается, что наиболее грубые проявления сексуального влечения с помощью запаха принадлежат, насколько это касается человека, далекому животному прошлому, которое мы переросли и которое из-за сниженной остроты наших органов обоняния мы не смогли бы полностью вспомнить, даже если бы захотели; чувство зрения неизбежно вступает в игру задолго до того, как становится возможным при близком контакте привести в действие чувство обоняния. Но скрытые возможности сексуального привлечения с помощью обоняния, которые неизбежно воплощены в нервной структуре, унаследованной нами от наших животных предков, все еще остаются готовыми к использованию. Время от времени они отчетливо проявляются у исключительных и ненормальных людей. Они, как правило, играют необычайно большую роль в психической жизни неврастеников с их чувствительной и сравнительно неуравновешенной нервной системой, и это, несомненно, причина, по которой поэты и литераторы так часто и в такой заметной степени настаивали на обонятельных впечатлениях; по той же причине половые инвертированные особы особенно восприимчивы к запахам. По другой причине более теплый климат, который усиливает все запахи, а также способствует росту сильно пахучих растений, приводит к повышенной восприимчивости к сексуальным и другим притягательным свойствам запаха даже среди нормальных людей; таким

образом, мы обнаруживаем общую тенденцию получать удовольствие от запахов по всему Востоку, особенно в Индии, у древних евреев и в мусульманских странах.

Среди обычного цивилизованного населения Европы сексуальное влияние запаха играет меньшую, но все же не совсем незначительную роль. Уменьшенная выраженность запахов позволяет им вступать в действие в качестве сексуального воздействия только при тесном контакте, когда, во всяком случае, у некоторых людей личные запахи могут оказывать отчетливое влияние, усиливая симпатию или возбуждая антипатию. Диапазон вариаций среди индивидуумов в этом вопросе значителен. У некоторых людей обонятельная симпатия или антипатия настолько выражена, что оказывает решающее влияние на их сексуальные отношения; такие люди относятся к обонятельному типу. У других людей запах не играет роли в формировании сексуальных отношений, но он вступает в игру в интимной ассоциации любви и действует как дополнительный возбуждающий фактор; когда он усиливается ассоциацией, такие обонятельные впечатления иногда могут оказаться непреодолимыми. Другие люди, опять же, нейтральны в этом отношении и остаются безразличными как к симпатическому, так и к антипатическому воздействию личных запахов, если только они не оказываются чрезвычайно выраженными. Вероятно, что большинство утонченных и образованных людей принадлежат к средней группе тех лиц, которые не относятся преимущественно к обонятельному типу, но время от времени подвержены влиянию таким образом. Женщины, вероятно, страдают подобным образом по крайней мере так же часто, как и мужчины, а возможно, и чаще.

В целом, можно сказать, что в обычной жизни человека запахи играют немалую роль и поднимают проблемы, которые не лишены интереса, но что их очевидная роль в реальном половом отборе — будь то при преимущественном спаривании или при ассортативном — сравнительно невелика.

[85] У Moll есть отрывок на эту тему, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*. Bd. I, стр. 376-381.

СЛУХ.

Содержание

Я.

Содержание

Физиологическая основа ритма—Ритм как физиологический стимул-Тесная связь ритма с движением—Физиологическое влияние музыки на мышечную деятельность, кровообращение, дыхание и т.д.—Место музыки в половом отборе у низших животных —Ее сравнительно небольшое место в процессе ухаживания у млекопитающих—Гортань и голос у человека—

Значение изменений в период полового созревания—Древние верования
Относительно влияния музыки на мораль, образование и медицину—Ее терапевтическое
применение—Значение романтического интереса к музыке в период полового созревания—
Мужчины сравнительно нечувствительны к специфически сексуальному влиянию музыки—
Редкость сексуальных извращений на основе чувства слуха—Роль музыки в процессе
ухаживания у примитивных людей—Женщины Особенно восприимчивы к специфически
сексуальному влиянию музыки. Влияние музыки и Голоса.

Чувство ритма — на котором, можно сказать, в конечном итоге основываются сенсорные
возбуждающие эффекты слуха, включая музыку, — вероятно, можно рассматривать как
фундаментальное качество нервно-мышечной ткани. Не только основные физиологические
функции тела, такие как кровообращение и дыхание, определенно ритмичны, но и наши органы
чувств настаивают на том, чтобы придать ритмическую группировку даже абсолютно
однородной последовательности ощущений. Представляется вероятным, хотя эта точка зрения
все еще может быть оспорена, что этот ритм является результатом кинестетических ощущений
— ощущений, возникающих в результате движения или напряжения, рефлекторно запускаемых
в мышцах внешними стимулами, — которые накладываются на ощущения, сгруппированные
таким образом.^[86] Таким образом, мы можем сказать вместе с Уилксом, что музыка, по-
видимому, берет свое начало в мышечных действиях.^[87]

Каким бы ни было его точное происхождение, ритм, безусловно, оказывает очень глубокое
воздействие на наш организм. Результатом является то, что все, что соответствует нервно-
мышечной ритмической тенденции наших организмов, все, что еще больше усиливает и
развивает эту ритмическую тенденцию, оказывает на нас очень решительно стимулирующее и
возбуждающее влияние.

Поскольку все мышечные действия стимулируются ритмом, в его простой форме или в более
развитой форме, такой как музыка, ритм является стимулом для работы. Бюхер и Вундт даже
утверждали,^[88] что человеческая песня имела свое главное или исключительное
происхождение в ритмическом вокальном сопровождении систематизированного
произведения. Однако эту точку зрения нельзя поддерживать; вряд ли можно сказать, что
систематизированный труд существует даже в наши дни у большинства очень примитивных
рас; гораздо более вероятно, что ритмическая песня возникла в период, предшествующий
возникновению систематизированного труда, в примитивных военных, религиозных и
эротических танцах, которые в высокой степени развиты у австралийцев и других диких рас, не
развивших скоординированный систематический труд. Однако не может быть никаких
сомнений в том, что как только появляется систематическая работа, сразу же повсеместно
признается важность вокального ритма в стимулировании его энергии. Бюхер собрал
бесчисленные примеры этой ассоциации, и в маршевой музыке солдат и в песнях моряков о
подъеме мы имеем примеры, которые повсеместно сохранились в цивилизации, хотя в
цивилизации ритмическая стимуляция работы, физиологически обоснованная, поскольку
является ее основой, имеет тенденцию к исчезновению. Даже в лабораторных условиях можно
продемонстрировать влияние простого ритма на увеличение производительности труда; и Фере
обнаружил с помощью эргографа, что ритмическая группировка движений вызывает

увеличение энергии, которое часто с лихвой компенсирует потерю времени, вызванную ритмом.^[89]

Ритм - самый примитивный элемент музыки и самый фундаментальный. Валлашек в своей книге о *примитивной музыке* и большинство других авторов, пишущих на эту тему, согласны с этим утверждением. "Ритм", - замечает американский антрополог,^[90] "естественным образом предшествует развитию любого тонкого восприятия различий в высоте звука, качестве времени или тональности. Почти, если не все, индийские песни, - добавляет он, - так же строго построены на измененных повторениях мотива, как части симфонии Моцарта или Бетховена ". "Во всей примитивной музыке", - утверждает Элис К. Флетчер,^[91] "ритм сильно развит. Пульсация барабана и резкий треск трещоток накладываются друг на друга и на голос, так что может показаться, что удовольствие, получаемое исполнителями, заключается не столько в тональности песни, сколько в размеренных звуках, выстроенных в противоречивом ритме, которые своим столкновением возбуждают нервы и побуждают тело к действию, поскольку голос, который один несет тон, часто подчиняется и рассматривается как дополнительный инструмент ". Гроос указывает, что мелодия создает у нас существенное впечатление о *голосе, который танцует*;^[92] это перевод пространственного движения в звук, и, как мы увидим, его физиологическое действие на организм является отражением того, что, как мы обнаружили в другом месте,^[93] танец производит сам по себе и, таким образом, напоминает то, что создается видом движения. Танец, музыка и поэзия изначально были настолько тесно связаны, что были почти идентичны; у древних греков они все еще были неразделимы. Припевы в наших английских балладах указывают на роль танцора в них. Техническое использование слова "нога" в метрических вопросах все еще сохраняется, чтобы показать, что стихотворение по сути своей является танцем.

Кажется, Аристотель первым предположил, что ритм и мелодии - это движения, поскольку действия - это движения и, следовательно, признаки чувств. "Все мелодии - это движения", - говорит Гельмгольц. "Грациозная быстрота, шествие по гравии, бесшумное продвижение, дикие прыжки - все эти различные характеры движения и тысячи других могут быть представлены чередованием тонов. И поскольку музыка выражает эти движения, она также выражает те психические состояния, которые естественным образом вызывают подобные движения, будь то тело и голос, или сам принцип мышления и чувств ". (Гельмгольц, *Об ощущениях тона*, перевод А. Дж. Эллиса, 1885, стр. 250.)

С другой точки зрения, Сайплс подчеркивает двигательный стимул музыки: "Музыка связана с единственным чувством, которым можно в совершенстве манипулировать. Ее эмоциональное очарование поражает мужчин как великая тайна. Кажется, нет никаких сомнений в том, что все чудесные эффекты, которые он оказывает, выходят за рамки простого услаждения слуха, благодаря его случайным, но многочисленным призывам эфферентной активности, которая при своих смутных вызовах непрестанно колеблется в слегка шумной неуместности. Таким образом, музыка бесцельно, но великолепно пробуждает явный, пока еще не реализованный потенциал внутри нас". (У. Копии, *Процесс человеческого опыта*, стр. 743.)

Фундаментальный элемент трансформированного движения в музыке был хорошо раскрыт в наводящем на размышления эссе Гобло ("Музыкальное описание", *Философское ревю*, июль 1901 г.): "Спетая или сыгранная мелодия создает для слуха последовательный рисунок,

движущуюся арабеску. Мы говорим *овозрастании* и *нисхождении* гаммы, о *высоких* или *низких* нотах; более высокий женский голос называется *сопрано*, или *выше*, более глубокий мужской голос называется *басом*. *Могильные* тона были названы так греками потому, что они казались тяжелыми и склонялись книзу. Звуки, по-видимому, подвержены действию силы тяжести, так что одни поднимаются, а другие опускаются. Бодлер, говоря о прелюдии к "*Лозэнгрину*", замечает: "Я почувствовал себя *освобожденным от оков тяжести*". И когда Вагнер пытался изобразить в высших областях небесного пространства явление ангелов, несущих Святой Грааль на землю, он использовал очень высокие ноты и своего рода хор, исполняемый исключительно скрипками, разделенный на восемь частей, на самых высоких нотах их регистра. Нисхождение небесного хора на землю воспроизводится все более низкими нотами, постепенное исчезновение которых символизирует возвращение в эфирные области.

"Кажется, что звуки усиливаются и затихают; это факт. Это трудно объяснить. Некоторые усмотрели в этом привычку, происходящую от обычной записи, благодаря которой высота ноты соответствует ее высоте в партитуре. Но впечатление слишком глубокое и общее, чтобы объяснять его столь поверхностной и недавней причиной. Также было высказано предположение, что высокие ноты обычно издаются маленькими и легкими элементами, а низкие - тяжелыми элементами. Но это не всегда верно. Опять же, было сказано, что высокие ноты в природе обычно издаются высоко расположенными объектами, в то время как низкие ноты исходят из пещер и низко расположенных областей. Но в небе раздается гром, и из земли доносится журчание источника или пение сверчка. Опять же, говорят, что в человеческом голосе низкие ноты, кажется, звучат в груди, высокие - в голове. Все это неудовлетворительно. Мы не можем объяснить такими грубыми аналогиями впечатление, которое является очень точным и более ощутимым (этот факт имеет свое значение) для интервала в полтона, чем для интервала в октаву. Вероятно, истинное объяснение следует искать во все еще малоизученной связи между элементами нашего нервного аппарата.

"Почти все наши эмоции имеют тенденцию вызывать движение. Но образование учит нас экономно относиться к своим действиям. Большинство этих движений подавляются, особенно у взрослого и цивилизованного человека, как вредные, опасные или просто бесполезные. Некоторые из них не завершены, другие сведены к слабому побуждению, которое внешне едва заметно. Остается достаточно, чтобы составить все, что выразительно в наших жестах, физиономиях и позах. Мелодические интервалы в высокой степени обладают этим свойством провоцировать двигательные импульсы, которые, даже будучи подавленными, оставляют после себя внутренние ощущения и двигательные образы. Можно было бы изучить эти факты экспериментально, если бы в нашем распоряжении был человек, который, сохраняя свои ощущения и двигательные реакции, в силу особых обстоятельств стал полностью спонтанным, подобно чувствительному автомату, движения которого не были ни преднамеренно произведены, ни намеренно подавлены. Таким образом, мелодические интервалы у загипнотизированного субъекта могут быть очень поучительными".

Ряд экспериментов такого рода, которых желал Гобло, уже был проведен А. де Рошасом в книге, обильно иллюстрированной очень многочисленными моментальными фотографиями, озаглавленной "*Чувства, музыка и жест*", 1900. Глава III. Де Роша экспериментировал с одной испытуемой, Линой, бывшей моделью, которую вводили в состояние легкого гипноза, когда исполнялись различные простые музыкальные фрагменты: речитативы, популярные песни и, особенно, национальные танцы, часто из отдаленных уголков мира. Жесты испытуемой были

чрезвычайно выразительными и варьировались в соответствии с характером музыки. Было обнаружено, что она часто со значительной точностью имитировала настоящие танцевальные жесты, которые она никогда не могла видеть. Одна и та же музыка всегда вызывала одни и те же жесты, о чем свидетельствовали моментальные фотографии. Эта испытуемая, заявленная как целомудренная и хорошо воспитанная девушка, не проявляла никаких признаков определенных сексуальных эмоций под влиянием какого-либо вида музыки. В том же томе приводится некоторый отчет о других гипнотических экспериментах с музыкой, которые также были негативными в отношении специфических сексуальных феноменов.

Следует отметить, что в качестве физиологического стимула отдельная музыкальная нота эффективна даже вне зависимости от ритма, что хорошо показано экспериментами Фере с динамометром и эргографом.^[94] Однако наиболее часто исследовалось влияние музыки на мышечную работу, и было обнаружено, что как при кратковременных занятиях с динамометром, так и при длительной работе с эргографом она оказывает стимулирующее влияние. Таким образом, Писание обнаружило, что, хотя его собственный максимальный захват динамометром большого пальца составляет 8 фунтов, при исполнении мотива гиганта из *"Рейнгольда"* Вагнера он возрастает до 8½ фунтов.^[95] С помощью эргографа Тарчанов обнаружил, что живая музыка у нервно чувствительных людей временно вызывает исчезновение усталости, хотя медленная музыка в минорной тональности оказывает противоположный эффект.^[96] Различное влияние на работу с эргографом различных музыкальных интервалов и различных тональностей было тщательно изучено Фере и дало множество интересных результатов. Результаты были очень постоянными. Диссонансы угнетали; большинство, но не все, мажорных тональностей возбуждали; и большинство, но не все, минорных тональностей угнетали. Однако в состояниях переутомления минорные тональности были более стимулирующими, чем мажорные, и это интересный результат, гармонирующий с тем стимулирующим влиянием различных болезненных эмоций в состояниях органического переутомления, с которым мы уже сталкивались при исследовании садизма.^[97] "Наша музыкальная культура, - замечает Фере, - только делает более заметными для нас бессознательные отношения, которые существуют между музыкальным искусством и нашими организмами. Те, кого мы считаем более одаренными в этом отношении, обладают более глубоким пониманием происходящих внутри них явлений; они глубже чувствуют чудесные реакции между организмом и принципами музыкального искусства, они сильнее ощущают, что искусство находится внутри них".^[98] Музыка стимулирует как высшие, так и низшие мышечные процессы, произвольные и произвольные. Дарлингтон и Тэлбот из лаборатории Титченера в Корнельском университете обнаружили, что оценке относительного веса способствует музыка.^[99] Ломбард обнаружил при исследовании нормальных изменений коленного рефлекса, что произвольные рефлекторные процессы всегда усиливаются музыкой; военный оркестр, исполняющий оживленный марш, вызывает усиление коленного рефлекса при громких пассажах и ослабление при мягких пассажах, оставаясь при этом всегда выше нормального уровня.^[100]

При таком стимулирующем воздействии ритма и музыки на нервно-мышечную систему, которое может быть прямым— а может и нет, возникает сопутствующее влияние на кровеносный и дыхательный аппарат. За последние годы на человеке и животных было проведено огромное количество экспериментов, касающихся воздействия музыки на сердце и дыхание. Возможно, самые ранние из них были проведены русским физиологом Догелем в 1880 году.^[101] Его методы,

возможно, были дефектными, и его результаты, во всяком случае, в отношении человека, неопределенными, но у животных сила и частота сердцебиения были заметно увеличены. Последующие исследования очень четко показали влияние музыки на систему кровообращения и дыхания как у человека, так и у животных. О том, что музыка оказывает, по-видимому, прямое влияние на кровообращение мозга, свидетельствуют наблюдения Патрици за юношей, получившим тяжелую рану головы, в результате которой была удалена большая часть стенки черепа. Стимул, вызванный мелодией, немедленно вызвал увеличение притока крови к мозгу.^[102]

Примерно в то же время в Германии этот вопрос исследовал Менц.^[103] Наблюдая за пульсом с помощью сфигмографа и Marey tambour, он обнаружил отчетливые свидетельства воздействия на сердце; когда внимание уделялось музыке, пульс учащался, при отсутствии внимания замедлялся; Менц также обнаружил, что приятные ощущения имели тенденцию замедлять пульс, а неприятные - ускорять его.

Бине и Куртье провели сложную серию экспериментов по воздействию музыки на дыхание (с помощью двойного пневмографа), сердце и капиллярное кровообращение (с помощью плетизмографа Халлиона и Конта) на одном испытуемом, человеке, очень чувствительном к музыке и сам являющемся образованным музыкантом. Простые музыкальные звуки, не имеющие эмоционального содержания, ускоряли дыхание, не меняя его регулярности или амплитуды. Музыкальные фрагменты, в основном исполняемые в исполнении, обычно хорошо известные испытуемому и оказывающие на него эмоциональное воздействие, вызвали нарушение дыхания либо по амплитуде, либо по частоте в двух третях испытаний. Возбуждающая музыка, такая как военные марши, ускоряла дыхание больше, чем грустные мелодии, но интенсивность возбуждения оказывала эффект, по крайней мере, такой же сильный, как и его качество, поскольку сильное возбуждение всегда приводило к учащению и углублению дыхания. Сердцебиение учащалось в гармонии с учащенным дыханием. Ни дыхание, ни сердцебиение никогда не замедлялись. Что касается пульсации капилляров, то влияние оказывали главным образом, если не исключительно, веселые и возбуждающие мелодии, которые вызвали сокращение. В ходе экспериментов было обнаружено, что наиболее глубокие физиологические эффекты оказывали те предметы, которые испытуемый находил наиболее эмоциональными по своему воздействию на него.^[104]

Гибо изучил этот вопрос по ряду вопросов, подтвердив и расширив выводы Бине и Куртье. Он обнаружил, что реакции разных людей различались, но у одних и тех же индивидуумов реакции были постоянными. Реакция кровообращения проявлялась чаще, чем реакция дыхания. Последнее может быть либо одновременным изменением глубины и скорости, либо любым из них. Реакцией кровообращения было сужение периферических сосудов с уменьшением частоты пульса и небольшим ускорением сердечного ритма; под влиянием музыки никогда не наблюдалось какого-либо отчетливого замедления сердцебиения. Гибо отмечает, что когда люди говорят, что чувствуют дрожь при каком-то музыкальном отрывке, это ощущение холода находит свое объяснение в возникновении периферического сужения сосудов, которое может быть зарегистрировано плетизмографом.^[105]

Поскольку музыка, таким образом, напрямую и мощно влияет на основные жизненные процессы, неудивительно, что она должна косвенно влиять на различные внутренние органы и

функции. Как показали Тарханов и другие, это воздействует на кожу, усиливая потоотделение; это может вызвать склонность к слезотечению; иногда это вызывает желание помочиться или даже само мочеиспускание, как в случае Скалигера с гасконским джентльменом, который всегда испытывал подобное воздействие при звуке волюнок. Тарханов и Вартанов показали, что слуховая стимуляция у собак увеличивает потребление кислорода на 20% и выведение углекислоты на 17%.

В дополнение к уже упомянутым эффектам музыкального звука, можно добавить, что, как показал Эпштейн из Берна,^[106] другие органы чувств стимулируются под воздействием звука, и, в частности, наблюдается увеличение остроты зрения, что может быть продемонстрировано экспериментально. Вероятно, что этот эффект музыки в усилении впечатлений, получаемых другими органами чувств, имеет значительное значение с нашей нынешней точки зрения.

Почему музыкальные тона в определенном порядке и ритме доставляют удовольствие? спросили Дарвина в *"Происхождении человека"*, и он пришел к выводу, что этот вопрос неразрешим. Мы видим, что на самом деле, каким бы ни был окончательный ответ, непосредственная причина довольно проста. Удовольствие - это состояние легкой и рассеянной стимуляции, при котором сердце и дыхание слабо возбуждаются, нервно-мышечная система получает дополнительный тонус, внутренние органы мягко возбуждаются, активность кожи повышается; и определенные комбинации музыкальных нот и интервалов действуют как физиологический стимул для получения этих эффектов.^[107]

У животных всех видов, от насекомых и выше, это физиологическое действие, по-видимому, существует, поскольку почти у всех из них определенные звуки приятны и влекущи, а другие звуки безразличны и неприятны. Похоже, что насекомые совершенно разных родов очень ценят пение цикады.^[108] Птицы проявляют большой интерес к пению хороших исполнителей даже других видов. Эксперименты с различными животными в Зоологическом саду с игрой на различных инструментах показали, что, за исключением тюленей, никто не был равнодушен, и все воспринимали диссонанс как оскорбительный. Многие животные проявляли явные симпатии и антипатии; так, тигр, которого явно успокаивала скрипка, был взбешен пикколо; большинство животных предпочитали скрипку и флейту.^[109]

Вероятно, большинству людей доводилось наблюдать восприимчивость собак к музыке. Здесь может быть достаточно привести одно личное наблюдение. Собака (смешанной породы, частично колли), очень хорошо мне знакомая, услышав ноктюрн Шопена, заскулила и взвыла, особенно в самых патетических пассажах, раз или два уловив и вытянув собственно сыгранную ноту; она тяжело дышала, беспокойно ходила по комнате и время от времени клала голову на колени исполнителю. Когда исполнитель перешел к более веселой пьесе Грига, собака сразу стала равнодушной, села, зевнула и почесалась; но как только исполнитель снова вернулся к ноктюрну, собака тут же повторила свой аккомпанемент.

Не может быть никаких сомнений в том, что у очень большого числа животных самых различных классов, особенно у насекомых и птиц, притягательность музыки поддерживается и развивается на основе сексуального влечения, причем издаваемые музыкальные ноты служат сексуальной приманкой для представителей другого пола. Свидетельства по этому вопросу были тщательно исследованы Дарвином на очень широкой основе.^[110] Было поставлено под

сомнение, что некоторые авторы предпочитают придерживаться точки зрения Герберта Спенсера,^[111] что пение птиц происходит из-за "перелива энергии", а связь между ухаживанием и пением является просто "отношением сопутствования". Эта точка зрения больше не выдерживает критики; каким бы точным ни было происхождение музыкальных звуков животных — и нет необходимости предполагать, что сексуальное влечение играло большую роль в их первых рудиментарных зачатках, — теперь не может быть никаких сомнений в том, что музыкальные звуки, а у птиц и пение, действительно играют очень большую роль в сближении самца и самки.^[112] Обычно, по-видимому, именно исполнение самца привлекает самку; только у очень простых и примитивных музыкантов, таких как некоторые насекомые, самка таким образом привлекает самца.^[113] Того факта, что таким образом музыкально одарен только представитель одного пола, должно было быть достаточно, чтобы бросить тень подозрения на любое, кроме сексуального, решение этой проблемы песни животных.

Однако чрезвычайно примечательным фактом является то, что, хотя среди насекомых и низших позвоночных столь велико сексуальное влияние музыки, и хотя среди млекопитающих и преимущественно у человека столь велико эмоциональное и эстетическое влияние музыки, все же ни у человека, ни у кого-либо из высших млекопитающих музыка не оказывала преобладающего сексуального влияния или даже в большинстве случаев какого-либо влияния вообще. Дарвин, привлекая внимание к тому факту, что самцы большинства видов млекопитающих используют свои голосовые способности главным образом, а иногда и исключительно, в период размножения, добавляет, что "удивительно, что у нас пока нет никаких убедительных доказательств того, что эти органы используются самцами млекопитающих для очарования самок".^[114] С совершенно иной точки зрения, Фере, изучая патологию полового инстинкта человека в свете очень полного знания имеющихся доказательств, заявляет, что ему неизвестно ни о каких подробных наблюдениях, свидетельствующих о существовании каких-либо болезненных сексуальных извращениях, основанных на чувстве слуха, ни в отношении человеческого голоса, ни в отношении инструментальной музыки.^[115]

Однако, если учесть, что не только у животных, наиболее близких к человеку, но и у самого человека гортань и голос подвергаются заметной половой дифференциации в период полового созревания, трудно не поверить, что это изменение оказывает влияние на половой отбор и сексуальную психологию. В период полового созревания наблюдается легкая гиперемия гортани, сопровождающаяся быстрым развитием как самой гортани, так и голосовых связок, которые становятся больше и толще, в то время как происходит соответствующее изменение голоса, который становится более глубоким. Все эти изменения очень незначительны у девочек, но очень выражены у мальчиков, чьи голоса, как говорят, "ломаются", а затем становятся ниже как минимум на октаву. Женская гортань в период полового созревания увеличивается только в пропорции 5-7, а мужская гортань - в пропорции 5-10. Прямая зависимость этого изменения от общего сексуального развития проявляется не только в том, что оно происходит в период полового созревания, но и в том факте, что у евнухов, у которых яички были удалены до наступления половой зрелости, голос сохраняет свои детские качества.^[116]

На самом деле, я считаю, что мы можем придавать значительную степень важности голосу и музыке в целом как методу сексуальной привлекательности. В этом пункте я согласен с Моллом, который отмечает, что "чувство слуха здесь играет значительную роль, и стимуляция, получаемая через уши, намного сильнее, чем обычно считается".^[117] Я, однако, не склонен

думать, что это влияние значительно по своему действию на мужчин, хотя Мантегацца отмечает, несомненно, с определенной долей правды, что "голоса некоторых женщин нельзя слушать безнаказанно". Это правда, что древние осуждали сексуальное или, во всяком случае, женоподобное влияние некоторых видов музыки, но они, похоже, считали ее скорее успокаивающим, чем стимулирующим средством; музыка, которую они одобряли как боевую и стимулирующую, с наибольшей вероятностью оказывала сексуальное воздействие на предрасположенных людей.

Китайцы и греки особенно настаивали на этических качествах музыки и на ее морализующем и деморализующем воздействии. Утверждается, что около трех тысяч лет назад китайский император, веря, что только те, кто понимает музыку, способны управлять, распределил административные функции в соответствии с этой верой. Он действовал полностью в соответствии с китайской моралью, тексты конфуцианства (см. Переводы в серии "Священные книги Востока") ясно показывают, что музыка и церемония (или социальный ритуал в широком смысле) рассматриваются как два основных направляющих влияния на жизнь — музыка как внутреннее руководство, церемония как внешнее руководство, причем первое считается более важным.

Среди греков Менандр говорил, что для многих людей музыка является мощным стимулятором любви. Платон в третьей книге *"Республики"* обсуждает, какие виды музыки следует поощрять в его идеальном государстве. Он не утверждает четко, что музыка когда-либо была сексуальным стимулятором, но, похоже, у него жалобная музыка (смесь лидийской и гиполидийской) ассоциируется с пьянством, изнеженностью и бездельем, и он считает, что такая музыка "бесполезна даже для женщин, которым нужно отдаваться добродетельно, не говоря уже о мужчинах". Он признает только два вида музыки: одну жестокую, подходящую для войны, другую спокойную, подходящую для молитвы или убеждения. Он излагает этические качества музыки с тщательностью, которая почти приближает великого китайского философа: "По этим причинам мы придаем такое значение музыкальному образованию, потому что ритм и гармония проникают наиболее глубоко в тайники души и сильнее всего овладевают ею, привнося в них изящество и делая человека грациозным, если его правильно воспитывать, ... побуждая его восхищаться прекрасными предметами, с радостью принимать их в свою душу, питаться ими и расти благородным и хорошим". Платон, однако, ни в коем случае не столь последователен и основателен, как китайский моралист, ибо, утверждая таким образом, что именно влияние музыки формирует душу к добродетели, он продолжает разрушать свою позицию утверждением, что "мы никогда не станем по-настоящему музыкальными, пока не познаем основные формы умеренности, мужества, щедрости и расточительности", двигаясь таким образом по кругу. Следует добавить, что греческая концепция музыки была очень всеобъемлющей и включала в себя поэзию.

Аристотель смотрел на музыку шире, чем Платон, и допускал большее разнообразие ее применений. Он меньше стремился исключить те виды использования, которые не были строго этическими. Действительно, он не одобрял фригийскую гармонию как выражение вакхического возбуждения. Однако он признает функцию музыки как выражения эмоций - понятие, которое, как говорят, возникло у пифагорейцев. (Обсуждение взглядов Аристотеля на музыку см. У. Л. Ньюман, *Политика Аристотеля*, том I, стр. 359-369.)

Афиней в своих частых ссылок на музыку приписывает ей многие интеллектуальные и эмоциональные свойства (*например*, книга XIV, глава XXV), а в одном месте упоминает "мелодии, побуждающие к незаконному потворству своим желаниям" (книга XIII, глава LXXV).

Из "*Приапеи*" (XXVI) мы можем заключить, что тарелки и кастаньеты в древности были особым сопровождением распутных песен и танцев: "*cymbala, cum crotalis, pruriginis arma*."

Древняя вера в нравоучительное влияние музыки сохранилась до наших дней в основном в несколько более научной форме, как вера в ее терапевтическое воздействие при нервных и психических расстройствах. (Это также древнее поверье, о чем свидетельствует хорошо известный пример того, как Давид играл Саулу, чтобы развеять его меланхолию.) В 1729 году аптекарь из Окхэма Ричард Броун опубликовал работу под названием *Музыкальная медицина*, в которой он утверждал, что музыка полезна при многих заболеваниях. В последние дни были проведены различные эксперименты и приведены примеры, показывающие его эффективность в особых условиях.

Американский врач (У. Ф. Хатчинсон) показал, что анестезия может быть произведена с помощью точно изготовленных камертонов с определенной частотой вибрации (обобщено в *British Medical Journal*, 4 июня 1898 г.). Ферран в докладе, прочитанном перед Парижской медицинской академией в сентябре 1895 года, приводит основания для отнесения некоторых видов музыки к разряду мощных спазмолитиков с благотворным терапевтическим действием. Впоследствии сообщалось о случае с ребенком, у которого ночные кошмары были ослаблены успокаивающей музыкой в минорной тональности. Ценность музыки в приютах для душевнобольных хорошо известна; см., *например*, Näcke, *Revue de Psychiatrie*, октябрь 1897 г. Васкиде и Вурпас (*Собрание Общества биологов*, 13 декабря 1902 г.) описали случай с 20-летней девушкой, страдавшей от спутанности сознания с возбуждением и нарушением центральной моторики, мышечное равновесие которой было восстановлено, а движения стали более скоординированными и адаптивными под влиянием музыки.

Несмотря на то, что в древнем учении о воздействии музыки было много экстравагантности, реальные эффекты все еще значительны. Это подтверждается не только уже упомянутыми экспериментами (стр. 118), указывающими на эффективность музыкальных звуков как физиологических стимуляторов, но и анатомическими соображениями. Маккендрик указал, что корешки слуховых нервов, вероятно, более широко распространены и имеют более разветвленные связи, чем корешки любого другого нерва. Сложные соединения этих нервов все еще только разгадываются. Это указывает на объяснение того, как музыка проникает до самых корней нашего существа, воздействуя ассоциативными путями на рефлекторные механизмы как церебральные, так и соматические, так что едва ли найдется функция организма, на которую не могли бы повлиять ритмические пульсации, мелодические прогрессии и гармонические сочетания музыкальных тонов. (*Nature*, 15 июня 1899 г., стр. 164.)

Точно так же, как мы не имеем права, исходя из древней веры во влияние музыки на мораль или современных убеждений в ее терапевтическом воздействии — даже если это иногда доходило до пропаганды ее использования при импотенции^[118] — утверждать, что музыка оказывает заметное влияние на возбуждение специфически сексуальных инстинктов, мы также не имеем права находить какой-либо аналогичный аргумент в том факте, что музыка часто ассоциируется

с сексуальными влечениями. любовь - чувства молодости. Мужчины часто способны ассоциировать многие из своих самых ранних представлений о любви в детстве с пением или игрой женщин; но в этих случаях всегда обнаруживается, что увлечение было романтическим и сентиментальным, а не специфически эротическим.^[119] Во взрослой жизни музыка, которая часто кажется нам определенно сексуальной по своей привлекательности (например, большая часть "*Тристана*" Вагнера), действительно производит этот эффект отчасти из-за ассоциации с сюжетом, а отчасти из-за интеллектуальной реализации усилий композитора перевести страсть в эстетические термины; фактический эффект музыки не сексуальный, и он вполне может быть достигнут. следует полагать, что результаты экспериментов относительно сексуального влияния музыки *Тристана* на мужчин, находящихся под воздействием гипноза, были, как сообщалось, отрицательными. Гельмгольц заходит так далеко, что утверждает, что выражение сексуального влечения в музыке идентично выражению религиозного влечения. Опять же, совершенно верно, что каждому нормальному мужчине кажется, что мягкий голос - это "превосходная черта в женщине", и что резкий или визгливый голос может притупить или даже полностью уничтожить привлекательность красивого лица. Но голос обычно сам по себе не является адекватным или мощным методом пробуждения сексуальных эмоций у мужчины. Даже в своих высших вокальных проявлениях сексуальное обаяние, проявляемое великой певицей, хотя и, безусловно, значительное, не может сравниться с тем, которое обычно проявляют актрисы. Действительно, были зарегистрированы случаи — в основном происходящие, вероятно, у мужчин с несколько болезненной нервной предрасположенностью, — когда сексуальное влечение проявлялось главным образом через ухо или когда наблюдалась особая сексуальная чувствительность к определенным интонациям или акцентам.^[120] Фере упоминает случай с молодым человеком в больнице с острым артритом, который жаловался на болезненную эрекцию всякий раз, когда слышал через дверь очень приятный голос молодой женщины (невидимой для него), которая присматривала за бельем.^[121] Но эти явления не кажутся обычными или, во всяком случае, очень выраженными. Насколько я могу судить по моим собственным исследованиям, лишь небольшая часть мужчин, по-видимому, испытывает определенные сексуальные ощущения при прослушивании музыки. И тот факт, что у женщины голос так слабо отличается от голоса ребенка, а также очень важный факт, что среди непосредственных или даже отдаленных предков мужчины женский голос редко мог привлечь мужчину, в достаточной степени объясняют ту незначительную роль, которую голос и музыка играют в сексуальном обольщении мужчин.^[122]

С женщинами все иначе. Действительно, с самого начала можно сказать, что причины, которые ранее делали маловероятным, что мужчины могут испытывать сексуальное влечение через слух, делают вероятным, что женщины должны испытывать такое влечение. Изменение голоса в период полового созревания делает более глубокий мужской голос характерным вторичным половым признаком человека, в то время как тот факт, что среди млекопитающих обычно наиболее громким является самец — и это в основном, или даже иногда исключительно, в период гона — делает вполне вероятным, что среди млекопитающих в целом, включая человеческий вид, у самок имеется фактическая или скрытая восприимчивость к сексуальному значению мужского голоса,^[123] восприимчивость, которая в условиях человеческой цивилизации может быть передана музыке в целом. Примечательно, что в романах, написанных женщинами, очень часто уделяется внимание качествам голоса героя и его эмоциональному воздействию на героиню.^[124] Мы также можем отметить особый личный энтузиазм, который

вызывают у женщин популярные музыканты, более выраженный энтузиазм, чем у них вызывают популярные актеры.

В качестве интересного примера того значения, которое женщины-романистки придают воздействию мужского голоса, я могу сослаться на *"Мельницу на флоссе"* Джордж Элиот, вероятно, самое интимное и личное из произведений Джордж Элиот. В книге VI этого романа влияние Стивена Геста (несколько заурядного молодого человека) на Мэгги Талливер объясняется почти исключительно эффектом его низкого голоса при пении. Нам определенно рассказывают о "чувствительности Мэгги Талливер к высшему волнению музыки". Так, в одном случае "все ее намерения были потеряны в смутном состоянии эмоций, вызванных вдохновляющим дуэтом, — эмоций, которые, казалось, делали ее одновременно сильной и слабой: сильной для любого наслаждения, слабой для любого сопротивления. Бедная Мэгги! Она выглядела очень красивой, когда неумолимая сила звука воздействовала на ее душу таким образом. Вы могли бы заметить легчайшую дрожь во всем ее теле, когда она немного наклонилась вперед, сцепив руки, словно для того, чтобы удержаться на ногах; в то время как ее глаза расширились и заблестели тем широко раскрытым детским выражением удивленного восторга, которое всегда возвращалось к ней в самые счастливые моменты". Романы Джорджа Элиота содержат множество намеков на мощное эмоциональное воздействие музыки.

Нет необходимости ссылаться на *"Крейцерову сонату"* Толстого, в которой музыка рассматривается как способ Галеотто свести влюбленных вместе — "связующие узы музыки, самое утонченное вождление чувств".

В первобытных человеческих ухаживаниях музыка очень часто играет значительную роль, хотя обычно и не единственную, ее обычно можно найти в качестве сопровождения песни и танца на эротических фестивалях.^[125] Джили из Нью-Мексико, у которых ухаживание заключается в продолжительной серенаде, день за днем исполняемой на флейте, представляют собой несколько исключительный случай. Дикие женщины, очевидно, очень внимательны к музыке; Бэкхаус (цитируется Линг Рот^[126]) упоминает, как женщина, принадлежащая к очень примитивной и ныне вымершей тасманийской расе, когда ей показали музыкальную шкатулку, слушала "с напряжением; ее уши двигались, как у собаки или лошади, чтобы уловить звук".

Я нашел мало доказательств того, что музыка, за исключением редких случаев, оказывает даже малейшее специфически сексуальное воздействие на мужчин, независимо от того, музыкальная она или немusical. Но у меня есть достаточно доказательств того, что это очень часто оказывает в незначительной, но определенной степени такое влияние на женщин, даже когда они вполне нормальны. Судя по моим собственным расспросам, действительно, представляется вероятным, что большинство нормальных образованных женщин склонны испытывать определенную степень сексуального возбуждения от музыки; один утверждает, что оркестровая музыка обычно имеет тенденцию производить этот эффект; другой находит его главным образом в музыке Вагнера; третий - в военной музыке и т.д. Другие просто заявляют — что, вероятно, действительно выражает опыт большинства людей обоего пола, — что это поднимает настроение. Одна дама упоминает, что на некоторых ее подруг, чьи эротические чувства пробуждает музыка, особенно сильно влияет хоровое пение в римско-католических церквях.^[127]

В только что упомянутых типичных случаях, у всех относительно нормальных и здоровых женщин, сексуальное воздействие музыки, хотя и определенное, обычно было довольно

незначительным. У пациентов с невропатией оно иногда может быть более выраженным. Так, медицинский корреспондент сообщил мне о случае сзамужней дамой с одним ребенком, утонченной, очень красивой, но крайне невротичной женщиной, вышедшей замуж за мужчину, с которым у нее нет ничего общего. Ее вкусы лежат в области музыки; она великолепная пианистка, а ее хорошо поставленный голос принес бы состояние. Она признается в сильных сексуальных чувствах и не понимает, почему половое сношение никогда не дает того, чего, как она знает, она хочет. Но слушание прекрасной музыки или, иногда, возбуждение от собственного пения иногда вызывают сильный оргазм.

Вашиде и Вурпас, которые подчеркивают сексуально стимулирующее воздействие музыки, приводят в деталях только один случай, и, несомненно, важно, что в этом случае речь идет о женщине. "Во время прослушивания музыкального произведения Икс меняет выражение лица, ее глаза становятся яркими, черты лица подчеркиваются, начинает формироваться улыбка, появляется выражение удовольствия, тело становится более выпрямленным, наблюдается общий мышечный гипертонус. Икс говорит нам, что, слушая музыку, она испытывает ощущения, очень похожие на те, что возникают при обычном половом акте. Разница в основном касается местного полового аппарата, поскольку отсутствует выделение вагинальной слизи. С психической стороны сходство заметно". (Вашид и Вурпас, "Музыкальный коэффициент сексуального влечения", *Архив неврологии*, май 1904 г.)

Иногда говорят или подразумевают, что женщина (или мужчина) лучше поет под влиянием сексуальных эмоций. Автор уже цитированной статьи "Женщина в ее психологических отношениях" (*Журнал психологической медицины*, 1851) упоминает, что "молодая леди, замечательная своими музыкальными и поэтическими талантами, наивно заметила подруге, которая похвалила ее за пение: "Я никогда не пою и вполтину так хорошо, как после любовного припадка". И Джордж Элиот говорит. "Пожалуй, нет такого чувства, за исключением крайностей страха и горя, которое не заставляло бы человека петь или играть лучше". Хотя, однако, можно признать, что некоторая степень общего эмоционального возбуждения может оказывать благоприятное влияние на певческий голос, трудно поверить, что определенное физическое возбуждение во время или непосредственно перед тренировкой голоса может, как правило, оказывать что-либо, кроме вредного воздействия на его качество. Общеизвестно, что теноры (чьи голоса больше напоминают женские, чем басы, которые не призваны быть столь осторожными в этом отношении) должны соблюдать правила сексуальной гигиены; и менструация часто оказывает определенное влияние на ухудшение голоса (Х. Эллис, *Мужчина и женщина*, четвертое издание, стр. 290). Поскольку близость менструации также является периодом, когда наиболее вероятно ощущается сексуальное возбуждение, здесь мы имеем еще одно указание на то, что сексуальные эмоции не благоприятствуют пению. Я согласен с замечаниями корреспондента, музыкального любителя, который пишет: "Сексуальное возбуждение и хорошее пение, по-видимому, никак не связаны. Эмоциональные способности женщины в пении или актерском мастерстве могут быть отдаленно связаны с истерическими неврозами, но лучше проявляются в художественных целях при отсутствии тревожащих сексуальных влияний. Женщина действительно может вообразить себя героиней распутного романа и немного "раскрепоститься" в пении с улучшенными результатами. Но воспоминание о сексуальном пыле не поможет ни одной женщине наилучшим образом использовать свой голос на тренировках. Некоторые женщины могут петь наилучшим образом только тогда, когда думают о других женщинах, которых они обыгрывают. Одна девушка "вкладывает душу в свой голос", думая о джемролле, другая думает о своем возлюбленном (когда у нее его нет), и

большинство, без сомнения, когда они ни о чем не думают. Но ни одна женщина, вероятно, не сможет "найти себя" в художественном смысле, потому что она потеряла себя в другом смысле — даже если она сделала это вполне респектабельно".

Реальность связи между сексуальным влечением и музыкой — и, действительно, искусством в целом — подтверждается тем фактом, что период полового созревания, как правило, сопровождается очень заметным интересом к музыке и другим видам искусства. Ланкастер, изучая этот вопрос среди большого числа молодых людей (без учета разницы в полах, хотя в основном это были женщины), обнаружил, что от 50 до 75 процентов молодых людей испытывают импульс к творчеству примерно в период полового созревания, длящийся несколько месяцев, максимум год или два. Похоже, что 464 молодых человека продемонстрировали возросшую и страстную любовь к музыке, по сравнению только со 102, у которых никаких изменений в этом отношении не произошло. Кривая достигает кульминации в возрасте 15 лет и быстро падает после 16. Многие из этих случаев на самом деле были совершенно немзыкальными.^[128]

[86] Эта точка зрения была более подробно развита Дж. Б. Майнером, *Моторные, визуальные и прикладные ритмы*, Дополнения к монографии "Психологический обзор", том v, № 4, 1903.

[87] Сэр С. Уилкс, *Медицинский журнал*, январь 1894 г.; ср. Клиффорд Олбатт, "Музыка, ритм и мышцы", *Природа*, 8 февраля 1894г.

[88] Bücher, *Arbeit und Rhythmus*, third edition, 1902; Wundt, *Völkerpsychologie*, 1900, Part I, p. 265.

[89] Фере полностью рассматривает этот вопрос в своей книге *"Труд и наслаждение"*, 1904, глава III "Влияние ритма на труд".

[90] Филлмор, "Примитивные гаммы и ритмы", *Материалы Международного антропологического конгресса*, Чикаго, 1893.

[91] "Песни о любви среди индейцев Омахи", в *Материалах* того же конгресса.

[92] Гроос, *Книга о людях*, стр. 33.

[93] "Анализ сексуального влечения", *Исследования по психологии секса*, том iii.

[94] Фере, *"Ощущения и движение"*, глава V; *id.*, *"Труд и наслаждение"*, глава XII.

[95] Священное Писание, *мысли, Чувства, поступки*, стр. 85.

[96] Tarchanoff, "Influence de la Musique sur l'Homme et sur les Animaux," *Atti dell' XI Congresso Medico Internazionale*, Rome, 1894, vol. ii, стр. 153; также в *Итальянских биологических архивах*, 1894.

[97] "Любовь и боль", *Исследования по психологии секса*, том iii.

[98] Фере, *Труд и наслаждение*, глава XII, "Физиологическое действие в музыке". "Практический трактат о гармонии", - замечает Гобло (*Философское ревю*, июль 1901 г., стр. 61), - "должен рассказать нам, каким образом такой интервал или такая последовательность интервалов влияет на нас. Теоретический трактат о гармонии должен был бы дать нам объяснение этим

впечатлениям. Одним словом, музыкальная гармония - это психологическая наука ". Он добавляет, что эта наука еще очень далека от того, чтобы быть сформированной; мы едва ли получили даже представление о ней.

[99] *Американский журнал психологии*, апрель 1898г.

[100] *Американский журнал психологии*, ноябрь 1887 г. На влияние ритма на произвольную мышечную систему указывает случайный эффект музыки, вызывающий тенденцию к сокращению мочевого пузыря.

[101] *Archiv für Anatomie und Physiologie* (Physiologisches Abtheilung), 1880, p. 420.

[102] М. L. Patrizi, "Primi esperimenti intorno all' influenza della musica sulla circolazione del sangue nel cervello umano," *International Congress für Psychologie*, Munich, 1897, p. 176.

[103] *Философская школа*, том xi.

[104] Бине и Куртье, "Жизнь эмоциональная", *Психологическая энциклопедия*, Третий курс, 1897, стр. 104-125.

[105] Guibaud, *Contribution à l'étude expérimentale de l'influence de la musique sur la circulation et la respiration*. "Thèse de Bordeaux", 1898, кратко изложено в "*Année Psychologique*", Пятый год, 1899, стр. 645-649.

[106] *Международный физиологический конгресс*, Берн, 1895.

[107] Влияние ассоциации не играет необходимой роли в этих приятных воздействиях, поскольку эксперименты Фере показывают, что немзыкальный субъект физиологически с большой точностью реагирует на музыкальные интервалы, которые он не в состоянии распознать. Р. Макдугалл также обнаруживает, что эффективное качество ритмических последовательностей, по-видимому, не зависит от вторичных ассоциаций (*Психологический обзор*, январь 1903 г.).

[108] Р. Т. Льюис, в *Заметках о природе*, август 1891г.

[109] Корниш, "Орфей в зоопарке", в *Жизни в зоопарке*, стр. 115-138.

[110] *Происхождение человека*, главы XIII и XIX.

[111] "Происхождение музыки" (1857), *Очерки*, том ii.

[112] Любой, кто сомневается по этому поводу в отношении птичьего пения, может обратиться к небольшой книге, в которой доказательства были хорошо обобщены Геккером, *Der Gesang der Vögel*, или к обсуждению в книге Грооса "*Spiele der Thiere*", стр. 274 и далее.

[113] Таким образом, комаров непреодолимо привлекает музыка, и особенно те музыкальные тона, которые напоминают жужжание самки; таким образом, привлекаются только самцы. (Наттолл, Шипли и сэр Хайрам Максим, цитируется в "*Nature*", 31 октября 1901 г., стр. 655, и в "*Ланцете*", 22 февраля 1902 г.)

[114] *Происхождение человека*, второе издание, стр. 567. Гроос в своем обсуждении музыки также выражает сомнение в том, играет ли слух значительную роль в ухаживании млекопитающих, *Spiele der Menschen*, стр. 22.

[115] Фере, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 137.

[116] См. Бьерент, *Период полового созревания*, Глава IV; также Хэвелок Эллис, "*Мужчина и женщина*", четвертое издание, стр. 270-272. Endriss (*Die Bisherigen Beobachtungen von Physiologischen und Pathologischen Beziehungen der oberen Luftwege zu den Sexualorganen*, Teil III) brings together various observations on the normal and abnormal relations of the larynx to the sexual sphere.

[117] Молл, *Основные принципы сексуального влечения*, bd. 1, стр. 133.

[118] Дж. Л. Роджер, *Трактат об эффектах музыки*, 1803, стр. 234 и 342.

[119] Типичный пример встречается в начале Истории I в Приложении В к тому. iii из этих *Исследований*.

[120] Васкид и Вурпас утверждают (*Архив неврологии*, май 1904 г.), что, по их опыту, музыка может способствовать сексуальным сближениям в некоторых случаях насыщения, и что в определенных патологических случаях половой акт может быть совершен только под влиянием музыки.

[121] Фере, *Инстинктивный секс*, стр. 137. Bloch (*Beiträge*, etc., vol. ii, стр. 355) цитирует некоторые замечания Кистемекера относительно звука женской одежды и способа, которым дикари, а иногда и цивилизованные женщины культивируют этот шелест и позвякивание. Гуцков в своей *автобиографии* сказал, что *фру-фру* женского платья было для него музыкой сфер.

[122] Голос, несомненно, является фактором первостепенной важности в сексуальном влечении слепых. На этот счет у меня нет никаких данных. Выразительность голоса для слепых и степень, в которой их симпатии и антипатии основаны на вокальных качествах, хорошо показаны в интересной статье, написанной американским врачом, слепым с раннего детства, Джеймсом Кокком, "Голос как показатель души", *Арена*, январь 1894 г.

[123] Задолго до того, как Дарвин изложил свою теорию полового отбора, Лейкок указал на влияние, которое голос самца, среди людей и других животных, оказывает на самку (*Нервные болезни женщин*, стр. 74). А несколько лет спустя автор наводящей на размышления статьи "Женщина в ее психологических отношениях" (*Журнал психологической медицины*, 1851) заметил: "Звучный голос мужчины в точности аналогичен по своему воздействию на женщину ржанию и мычанию других животных. Этот голос будет оказывать свое воздействие на влюбленную или восприимчивую организацию почти так же, как цвет и другие визуальные стимулы яичников". Автор добавляет, что он оказывает еще более важное влияние, когда переливается под музыку: "в этом отношении человек имеет нечто общее как с насекомыми, так и с птицами".

[124] Гроос неоднократно ссылается на важную роль, которую играет в немецких романах, написанных женщинами, то, что одна из них называет "бородатым мужским голосом".

[125] Различные примеры цитируются в третьем томе этих *Исследований* при обсуждении общих явлений ухаживания и припухлости "Анализ сексуального влечения".

[126] *Тасманийцы*, стр. 20.

[127] Раннее упоминание о сексуальном влиянии музыки на женщин, возможно, можно найти в шутовском отрывке из книги Свифта "*Мартинус Скриблерус*" (возможно, благодаря его коллеге-врачу Арбутноту): "Разве Элиан не рассказывает, как музыка возбуждала ливийских кобыл до резвости? (что должно предостеречь скромных женщин от частого посещения опер)". *Мемуары Мартинуса Скриблеруса*, книга I, глава 6. (Имеется в виду Элиан, *Hist. Животное*, библиотека. XI, глава 18, и библиотека. XII, глава. 44.)

[128] Э. Ланкастер, "Психология подросткового возраста", *Педагогическая семинария*, июль 1897г.

II.

Содержание

Краткое содержание — Почему влияние музыки на половой отбор человека сравнительно невелико.

Мы видели, что можно вкратце изложить имеющиеся в настоящее время факты, касающиеся влияния на парный импульс раздражителей, действующих через ухо. Они довольно просты и незамысловаты; они предполагают несколько неясных проблем, требующих анализа; они не вызывают у нас каких-либо заметных извращений чувств.

В то же время стимулы к сексуальному возбуждению, получаемые через слух, хотя и очень редко оказывают исключительное или преобладающее влияние, все же несколько более важны, чем обычно считается. В первую очередь голос и, во вторую очередь, инструментальная музыка оказывают отчетливое воздействие в этом направлении, эффект, представляющий собой специализацию общеукрепляющего физиологического воздействия, которое все музыкальные звуки оказывают на организм. Однако в этом отношении существует определенная разница между полами. Сравнительно редко можно обнаружить, что голос или инструментальная музыка, каким бы мощным ни было их общее эмоциональное воздействие, оказывают какое-либо специфически сексуальное воздействие на мужчин. С другой стороны, представляется вероятным, что большинство женщин, по крайней мере среди образованных слоев населения, склонны проявлять некоторую степень сексуальной чувствительности к мужскому голосу или инструментальной музыке.

Неудивительно, что музыка должна играть определенную роль в возбуждении сексуальных эмоций, если мы помним, что у большинства людей развитие сексуальной жизни сопровождается периодом особого интереса к музыке. Неудивительно, что специфически сексуальное воздействие голоса и музыки должно ощущаться главным образом женщинами, если вспомнить, что не только у представителей человеческого вида гортань и голос в основном изменяются в период полового созревания у самцов, но и среди млекопитающих в целом именно самцы в основном или исключительно вокальны в период половой активности; так что

любая сексуальная чувствительность к вокальным проявлениям должна проявляться в основном или исключительно у самок млекопитающих.

Однако, в лучшем случае, хотя эстетическая чувствительность к звуку высоко развита, а эмоциональная восприимчивость к нему глубока и широко распространена, хотя женщины могут приходить в восторг от мужского голоса, а мужчины очарованы женским, нельзя утверждать, что у человеческого вида слух является мощным фактором спаривания. Это чувство здесь пострадало между низшими чувствами осязания и обоняния, с одной стороны, с их смутной и масштабной привлекательностью, и высшим чувством, зрением, с другой стороны, с его чрезвычайно специализированной привлекательностью. Положение осязания как первичного и фундаментального чувства обеспечено. Обоняние, хотя у нормальных людей оно не оказывает решающего влияния на сексуальное влечение, действует в силу своих эмоциональных симпатий и антипатий, в то время как в силу того факта, что у предков человека оно было основным каналом сексуальной чувствительности, оно обеспечивает скрытый резервуар впечатлений, к которым нервно ненормальные люди и даже нормальные люди под влиянием возбуждения или усталости всегда склонны становиться чувствительными. Слух, как чувство, позволяющее воспринимать на расстоянии, имеет более широкую область применения, чем у человека, обладающего осязанием или обонянием. Но здесь оно вступает в конкуренцию со зрением, а зрение является в человеке высшим и доминирующим чувством.^[129] На нас всегда больше влияет то, что мы видим, чем то, что мы слышим. Мужчины и женщины редко слышат друг друга, не увидев сразу, и тогда главный фокус внимания сразу переносится в зрительный центр.^[130] Таким образом, в половом отборе человека слух играет роль, которая почти всегда подчинена зрению.

[129] Ницше даже предположил, что у первобытных людей обострение слуха и эволюция музыки могли возникнуть только в условиях, затруднявших работу зрения: "Ухо, орган страха, могло развиваться, как это уже произошло, только ночью и в сумерках темных лесов и пещер.... При ярком освещении слух менее необходим. Отсюда характер музыки как искусства ночи и сумерек ". (*Morgenröthe*, p. 230.)

[130] На концерте большинство людей инстинктивно стремятся *увидеть* исполнителей, что портит чисто музыкальное впечатление, и разумное предположение Гете о том, что исполнители должны быть невидимыми, до сих пор редко реализуется на практике.

МИССИЯ

Содержание

Я.

Содержание

Примат видения у мужчины—Красота как сексуальное влечение—Объективный элемент красоты—Идеалы женской красоты в различных частях мира—Дикие женщины иногда красивы с европейской точки зрения—Дикари часто восхищаются европейской красотой—Привлекательность красоты в некоторой степени присуща даже животным и человеку.

Зрение - это основной канал, по которому человек получает свои впечатления. В значительной степени оно постепенно вытеснило все остальные чувства. Его диапазон практически бесконечен; он открывает перед нами отдаленные миры, он позволяет нам понять мельчайшие детали нашей собственной структуры. Хотя он подходит для самых абстрактных или самых интимных целей, его промежуточный диапазон универсален. Это обеспечивает основу, на которой ряд искусств привлекают нас, и, хотя это самое эстетичное из чувств, именно на это чувство мы в основном полагаемся при осуществлении животной функции питания. Поэтому неудивительно, что с точки зрения полового отбора видение должно быть высшим чувством и что любовные помыслы мужчин всегда были постоянным размышлением о красоте.

Здесь было бы неуместно обсуждать сравнительно истоки наших представлений о красоте. Это вопрос, который относится к эстетике, а не к сексуальной психологии, и это вопрос, по которому эстетики не совсем согласны. Нам даже не нужно беспокоиться о том, чтобы делать какие-либо определенные утверждения по вопросу о том, развились ли наши представления о сексуальной красоте под влиянием более общих и фундаментальных законов, или же сексуальные идеалы лежат в основе наших более общих представлений о красоте. Практически, насколько это касается человека и его непосредственных предков, сексуальные и внесексуальные факторы красоты были переплетены с самого начала. Сексуально красивый объект, должно быть, апеллировал к фундаментальным физиологическим способностям реагирования; в целом красивый объект, должно быть, разделял трепет, который вызывал специфически сексуальный объект. Повсюду происходили неизбежные действия и реакции. Точно так же, как мы обнаружили, что сексуальное и несексуальное влияние приятных запахов в природе неразрывно связано, то же самое происходит и с мотивами, которые делают объект красивым в наших глазах.[131]

Сексуальный элемент в конституировании красоты хорошо осознается даже теми авторами, которые занимаются исключительно эстетической концепцией красоты или ее отношением к культуре. Достаточно процитировать два или три свидетельства на этот счет. "Вся сентиментальная сторона нашей эстетической чувствительности, — замечает Сантаяна, - без которой она была бы скорее перцептивной и математической, чем эстетической, обусловлена отдаленным изменением нашей сексуальной организации.... Если бы кто-то захотел создать существо с большой восприимчивостью к красоте, он не смог бы изобрести инструмент, лучше приспособленный для этой цели, чем секс. Индивиды, которым не нужно объединяться для рождения и воспитания каждого поколения, могут сохранить дикую независимость. Для них не было бы необходимости, чтобы какое-либо видение завораживало или чтобы какая-либо истома смягчала назойливую жестокость взгляда. Но секс наделяет индивида бессловесным и мощным инстинктом, который постоянно влечет его тело и душу к другому; делает выбор спутника жизни и преследование его одним из самых дорогих удовольствий; к обладанию присоединяется острейшее наслаждение, к соперничеству - яростнейшая ярость, а к одиночеству - вечная меланхолия. Что еще может быть нужно, чтобы наполнить мир глубочайшим смыслом и красотой? Внимание фиксируется на четко определенном объекте, и все эффекты, которые он производит в уме, легко расцениваются как силы или качества этого

объекта.... В определенной степени такого рода интерес будет сосредоточен на соответствующем объекте сексуальной страсти и на особых характеристиках противоположного пола^[131]; и мы находим, соответственно, что женщина является самым привлекательным объектом для мужчины, а мужчина, если женская скромность позволит признать это, наиболее интересен для женщины. Но последствия столь фундаментальной и примитивной реакции носят гораздо более общий характер. Секс - не единственный объект сексуальной страсти. Когда любви не хватает своего конкретного объекта, когда она еще не понимает саму себя или принесена в жертву какому-то другому интересу, мы видим, как подавленный огонь вырывается в разные стороны.... Тогда страсть переливается через край и явно затопляет те соседние регионы, которые она всегда тайно орошала. Ибо та же нервная организация, которую включает в себя секс, с ее обязательно широкими разветвлениями и ассоциациями в мозге, должна частично стимулироваться другими объектами, кроме своего специфического или конечного объекта; особенно у человека, который, в отличие от некоторых низших животных, не имеет своих инстинктов четко выраженных и прерывистых, но всегда частично активных и никогда не действует изолированно. Таким образом, мы можем сказать, что для человека вся природа является вторичным объектом сексуальной страсти, и что этому факту красота природы во многом обязана". (Г. Сантаяна, *Чувство красоты*, стр. 59-62.)

Не только общий факт сексуального влечения является существенным элементом эстетического созерцания, как замечает Сантаяна, но мы должны также признать, что специфическая сексуальная эмоция должным образом входит в сферу эстетики. Как указывает Гроос Уэлл, совершенно ошибочно утверждать, что сексуальная эмоция не имеет эстетической ценности. Напротив, она имеет такую же ценность, как эмоция ужаса или жалости. Такая эмоция, однако, должна быть должным образом подчинена общему эстетическому эффекту. (К. Гроос, *"Эстетический род"*, стр. 151.)

"Идея красоты, - говорит Реми де Гурмон, - не является однозначной идеей; она тесно связана с идеей плотского удовольствия. Стендаль смутно осознавал это, когда определял красоту как "обещание счастья". Красота - это женщина, и сами женщины дошли в покорности мужчинам до того, что приняли этот афоризм, который они могут понять только при крайней сексуальной извращенности.... Красота настолько сексуальна, что единственными неоспоримыми произведениями искусства являются те, которые просто показывают человеческое тело в его наготу. Своим упорством оставаться чисто сексуальной греческая скульптура навсегда поставила себя выше всех дискуссий. Оно прекрасно, потому что это прекрасное человеческое тело, такое, с которым каждый мужчина или каждая женщина желали бы соединиться ради продолжения рода.... То, что располагает к любви, кажется прекрасным; то, что кажется прекрасным, располагает к любви. Этот тесный союз искусства и любви, действительно, единственное объяснение искусства. Без этого генитального эха искусство никогда бы не родилось и никогда не было бы увековечено. В этих глубоких человеческих глубинах нет ничего бесполезного; все, что пережито, необходимо. Искусство - соучастник любви. Когда отнимают любовь, нет искусства; когда отнимают искусство, любовь - это не что иное, как физиологическая потребность". (Remy de Gourmont, *Culture des Idées*, 1900, p. 103, and *Mercure de France*, August, 1901, pp. 298 et seq.)

Красота, воплощенная в женском теле, в какой-то степени стала символом любви даже для женщин. Колин Скотт считает, что среди женщин, которые не склонны к женской красоте ни на сцене, ни в искусстве, распространено возбуждение сексуальных эмоций в большей степени,

чем мужская красота, и это подтверждается некоторыми историями, которые я записал в Приложении к третьему тому этих *Исследований*. Скотт считает, что женская красота стала рассматриваться как типичная для идеальной красоты и, таким образом, имеет тенденцию оказывать одинаковое эмоциональное воздействие на представителей обоих полов. Безусловно, редко можно встретить эстетическое восхищение мужчинами среди женщин, за исключением женщин, получивших некоторое образование в искусстве. В этом вопросе может показаться, что женщина пассивно принимает идеалы мужчины. "Объекты, которые возбуждают желание мужчины, - замечает Колин Скотт, - часто, если не в целом, совпадают с объектами, воздействующими на женщину. Женское тело оказывает сексуально стимулирующее воздействие на представителей обоих полов. Статуи женских форм в большей степени, чем статуи мужских форм, способны оказывать стимулирующее воздействие как на женщин, так и на мужчин. Многочисленные литературные свидетельства, по-видимому, показывают, что под влиянием сексуального возбуждения женщина считает свое тело созданным для удовлетворения мужчины, и что именно эта сложная эмоция формирует, по крайней мере, начальную стадию ее собственного удовольствия. Ее тело является символом для ее партнера и косвенно для нее, через его восхищение им, их взаимной радости и удовлетворения". (Колин Скотт, "Секс и искусство", *Американский журнал психологии*, vol. vii, № 2, с. 206; также частное письмо.)

В то же время следует помнить, что красота и представление о красоте развивались на более широкой основе, чем только сексуальное влечение, а также что наши представления о прекрасном, даже в том, что касается человеческого облика, до некоторой степени объективны и, таким образом, могут быть частично сведены к закону. Стратц в своих книгах о женской красоте, и особенно в книге *"Философия любви"*, настаивает на объективном элементе красоты. Папийо, опять же, обсуждая законы роста и красоту лица, утверждает, что красота линий лица объективна, а не плод фантазии, поскольку она связана с высшими функциями человека, моральными и социальными. Он отмечает контраст между доисторическим человеком из Чанселада, изящно сложенным, с элегантным лицом и высоким лбом, создавшим великую магдалинийскую цивилизацию, и его, казалось бы, гораздо более могущественным, но менее красивым предшественником, человеком из Шпиона, с огромными мускулами и мощными челюстями. (*Bulletin de la Société d'Anthropologie*, 1899, p. 220.)

На в значительной степени объективный характер красоты дополнительно указывает тот факт, что в значительной степени красота является выражением здоровья. Хорошо и гармонично развитое тело, напряженные мышцы, упругая и подтянутая кожа, яркие глаза, грация и живость осанки — все это, что необходимо для красоты, является условием здоровья. Не было продемонстрировано, что существует какая-либо корреляция между красотой и долголетием, и привести доказательства было бы нелегко, но вполне вероятно, что такая корреляция может существовать, и различные признаки указывают в этом направлении. Одна из самых восхитительных картин Опи - портрет Плезанс Рив (впоследствии леди Смит) в возрасте 17 лет. Эта необыкновенно красивая и энергичная брюнетка дожила до 104 лет. Большинство людей, вероятно, знакомы с похожими, хотя и менее выраженными, случаями той же тенденции.

Чрезвычайное сексуальное значение красоты, во всяком случае, с точки зрения сознательного опыта, хорошо иллюстрируется тем фактом, что, хотя три других чувства могут играть и часто действительно играют немалую роль в формировании сексуальной привлекательности человека, — тактильный элемент действительно является фундаментальным, — тем не менее

почти во всех наиболее подробных описаниях привлекательных личностей в большинстве случаев основное внимание уделяется именно визуальным элементам. Будь то среди низших дикарей или в высшей цивилизации, поэт и рассказчик, стремящийся описать идеально красивую и желанную женщину, всегда настаивает главным образом, а часто и исключительно, на тех персонажах, которые привлекают внимание. Богатое словокрасота представляет собой синтез сложных впечатлений, полученных с помощью одного чувства, и впечатления, полученные от других чувств, настолько просты, сравнительно расплывчаты, что ни одно из них не может дать нам соответствующего слова.

Прежде чем попытаться проанализировать концепцию красоты, рассматриваемую с точки зрения ее сексуальной привлекательности для человеческого разума, было бы неплохо свести воедино несколько довольно типичных описаний красивой женщины, какой она предстает перед мужчинами разных наций.

В австралийской фольклорной истории, записанной У. Данлопом из уст туземца около шестидесяти лет назад (но, очевидно, не точными словами туземца), мы находим такое описание австралийской красавицы: "Мужчина взял в жены красивую девушку, у которой были длинные блестящие волосы, обрамлявшие лицо и спускавшиеся по плечам, которые были пухлыми и округлыми. Ее лицо было намазано красной глиной, а тело завернуто в прекрасный большой коврик из опоссума, скрепленный булавкой, сделанной из маленькой косточки ноги кенгуру, а также бечевкой, прикрепленной к сумке из тростника, аккуратно сплетенной из маленьких полосок, ободранных снаружи после того, как они некоторое время находились в тепле огня; наброшенная на спину, бечевка, проходящая под мышкой и поперек груди, удерживала мягкий коврик в причудливом элегантном положении; и она хорошо знала, как выгодно подчеркнуть свою королевскую фигуру, когда она шла со своими ножками. полированную палочку батата держала в одной из своих маленьких ручек, и ее маленькие ножки выглядывали из-под края коврика" (У. Данлоп, "Австралийские фольклорные истории", *Журнал Антропологического института*, август и ноябрь 1898 г., стр. 27).

Малайское описание женской красоты дано Скитом. Лоб (малайской Елены, ради которой в малайских романах разыгрываются тысячи отчаянных битв) подобен луне однодневной давности; ее брови напоминают "нарисованные облака" и "выгнуты дугой, как (искусственная) шпора бойцового петуха"; ее щека напоминает "срезанную щечку манго"; ее нос - "раскрывающийся бутон жасмина"; ее волосы - "волнистые побеги арековой пальмы"; ее шея стройна, "стройным рядом ямочек"; ее грудь зреет, ее талия "гибкая, как стебель цветка", ее голова "совершенного овала" (буквально в форме птичьего яйца), ее пальцы похожи на покрытые листьями "стебли лимонной травы" или "иглы дикобраза", ее глаза "подобны великолепию планеты Венера", а губы "похожи на щель граната". (У. В. Скит, *Малайская магия*, 1900, стр. 363.)

В книге Митфорда *"Сказки старой Японии"* (том I, стр. 215) "Несравненно красивая девушка 16 лет" описывается следующим образом: "Она не была ни слишком толстой, ни слишком худой, ни слишком высокой, ни слишком низкой; ее лицо было овальным, как дынное зернышко, а цвет лица светлым и белоснежным; ее глаза были узкими и яркими, зубы мелкими и ровными; ее нос был орлиным, а рот изящной формы с прекрасными красными губами; ее брови были длинными и изящными; у нее было множество длинных черных волос; она говорила скромно, с

мягким, сладким голосом, а когда она улыбалась, на ее щеках появлялись две прелестные ямочки; во всех своих движениях она была нежна и утонченна". Японская красавица древности, отмечает доктор Нагайо Сэнсай (*Журнал "Ланцет"*, 15 февраля 1890 г.), имела белое лицо, длинную, тонкую шею, узкую грудь, маленькие бедра и маленькие ступни и кисти. Бельц также подчеркивал неземной характер японского идеала женской красоты, нежной, бледной и стройной, почти сверхъестественной; а Страц в своей интересной книге *"Совершенство в искусстве и жизни Японии"* (второе издание, 1904) полностью затронул тему японской красоты.

Сингальцы - большие ценители красоты, и кандиец, глубоко сведущий в этом вопросе, дал доктору Дэви следующее перечисление достоинств красоты женщины: "Ее волосы должны быть пышными, как хвост павлина, длинными, доходящими до колен и заканчивающимися изящными завитками; ее брови должны напоминать раду, глаза - голубой сапфир и лепестки голубого цветка манилы. Ее нос должен быть похож на клюв ястреба; губы должны быть яркими и красными, как коралл или молодой лист железного дерева. Зубы у нее должны быть маленькими, правильными и близко посаженными, как бутоны жасмина. Шея должна быть большой и округлой, напоминая берригодею. Ее грудь должна быть объемистой, груди упругими и конической формы, как желтый кокосовый орех, а талия тонкой — настолько, что ее можно обхватить рукой. Ее бедра должны быть широкими; конечности заостренными; подошвы ступней без впадин, а поверхность тела в целом мягкой, нежной, гладкой и округлой, без неровностей выступающих костей и сухожилий". (Дж. Дэви, *Отчет о внутренних районах Цейлона*, 1821, стр. 110.)

"Падмини", или женщина-лотос, описывается индуистскими писателями как тип наиболее совершенной женской красоты. "Та, у кого проявляются следующие признаки, называется *Падмини*: Ее лицо приятно, как полная луна; ее тело, хорошо обтянутое плотью, такое же мягкое, как Ширас, или цветок горчицы; ее кожа тонкая, нежная и светлая, как желтый лотос, никогда не темнеющая. Ее глаза яркие и красивые, как у олененка, хорошо очерченные, с красноватыми уголками. Грудь у нее твердая, полная и высокая; у нее хорошая шея; нос прямой и красивый; и три складки или морщинки пересекают ее середину - около области пупка. Ее *йони* [вульва] напоминает раскрывающийся бутон лотоса, а ее любовное семя благоухает, как только что распутившаяся лилия. Она ходит лебединой [точнее, фламинго-подобной] походкой, а ее голос низкий и музыкальный, как пение птицы Кокила [индийской кукушки]; она наслаждается белыми одеждами, прекрасными драгоценностями и богатыми нарядами. Она мало ест, спит чутко и, будучи столь же почтительной и религиозной, сколь умной и вежливой, всегда стремится поклоняться богам и наслаждаться беседой брахманов. Такова, значит, Падмини, или женщина-лотос". (*"Камасутра Ватсьяны"*, 1883, стр. 11.)

Еврейский идеал женской красоты изложен в различных отрывках из *Песни Песней*. Стихотворение знакомое, и достаточно будет процитировать один отрывок: —

"Как прекрасны твои ноги в сандалиях, о дочь принца!
Твои округлые бедра подобны драгоценным камням,
Творение рук искусного мастера.
Твой пупок подобен круглому кубку,
В котором нет недостатка в смешанном вине;
Твой живот подобен вороху пшеницы,
Усаженному лилиями.

Две твои груди подобны двум оленям,
Они - близнецы косули.
Твоя шея подобна башне из слоновой кости;
Твои глаза подобны прудам в Есевоне, у ворот Вирсавии;
Твой нос подобен ливанской башне,
Обращенной в сторону Дамаска.
Голова твоя над тобою, как Кармил,
И волосы на голове твоей, как пурпур;
Царь в плену у кос их.
Ростом ты подобна пальме,
И груди твои подобны виноградным гроздьям,
И запах твоего дыхания подобен яблокам,
А уста твои подобны лучшему вину".

И этот человек так описан в том же стихотворении: —

"Моя возлюбленная прекрасна и румяна,
Самая лучшая среди десяти тысяч.
Его голова цвета чистого золота,
Его локоны густые (или вьющиеся) и черные, как вороново крыло.
Его глаза подобны голубям у ручьев,
омытым молоком и правильно посаженным.
Его щеки - как ложе из специй, как россыпи сладких трав;
Его губы - как лилии, роняющие жидкую мирру.
Его руки - как золотые кольца, украшенные бериллом;
Его тело - как изделие из слоновой кости, усыпанное сапфирами.
Ноги его подобны мраморным колоннам, установленным на подставках из чистого золота.
Облик Его подобен Ливану, прекрасен, как кедры.
У него самые сладкие уста; да, он и вправду прекрасен".

"Девушка, чья красота вдохновляет на самые страстные выражения в арабской поэзии, - утверждает Лейн, - известна своей стройной фигурой: она подобна тростинке среди растений и изящна, как веточка восточной ивы. Ее лицо подобно полной луне, создавая сильнейший контраст с цветом ее волос, которые имеют самый глубокий оттенок ночи и ниспадают до середины спины (арабские дамы чрезвычайно любят пышные и длинные волосы). Розовый румянец покрывает центр каждой щеки, а родинка считается дополнительным шармом. Арабы, действительно, особенно экстравагантны в своем восхищении этим местом природной красоты, которое, в зависимости от его места, сравнивается с каплей амбры на блюде из алебаstra или на поверхности рубина. Глаза арабской красавицы насыщенно черные,^[132] большие и удлиненные, миндалевидной формы: они полны блеска; но это смягчается длинными шелковистыми ресницами, придающими нежное и томное выражение, полное очарования, которое вряд ли можно улучшить с помощью черной каймы для подводки глаз; для этого прекрасная девушка добавляет скорее ради моды, чем по необходимости, имея то, что арабы называют естественной растушевкой. Брови тонкие и изогнутые; лоб широкий и светлый, как слоновая кость; нос прямой; рот маленький; губы ярко-красного цвета; и зубы, похожие на

жемчужины, оправленные в коралл. Формы груди сравниваются с двумя гранатовыми яблоками; талия тонкая; бедра широкие; ступни и кисти маленькие; пальцы заостренные, а их кончики окрашены в темно-оранжевый оттенок, который придают листья хны".

Лейн добавляет более подробный анализ неизвестного автора, цитируемый Эль-Ишаки: "Четыре элемента в женщине должны быть *черными* — волосы на голове, брови, ресницы и темная часть глаз; четыре *белых* — цвет кожи, белки глаз, зубы и ноги; четыре *красных* — язык, губы, середина щек и десны; четыре *круглых* — голова, шея, предплечья и подбородок". лодыжки; четыре *длинных* — спина, пальцы, руки и ноги; четыре *широких* — лоб, глаза, грудь и бедра; четыре *тонких* — брови, нос, губы и пальцы; четыре *толстых* — нижняя часть спины, бедра, икры ног и колени; четыре *маленьких* — уши, грудь, кисти и ступни". (Э. У. Лейн, *Арабское общество в США. Средние века*, 1883, стр. 214-216.)

Персидский трактат о переносных терминах, относящихся к красоте, показывает, что волосы должны быть черными, густыми и волнистыми, брови темными и изогнутыми дугой. Ресницы также должны быть темными и походить на стрелы, отходящие от изгиба бровей. Однако нет необходимости настаивать на черноте глаз. Мы слышим о четырех разновидностях глаз: темно-серый глаз (или глаз нарцисса); узкий, удлинённый глаз турецких красавиц; томный, или опьяненный любовью, глаз; и глаз винного цвета. Большое значение придается качеству блеска. Лицо иногда описывается как коричневое, но чаще как белое и розовое. Есть много упоминаний о пушке на губах, который описывается как зеленоватый (иногда синеватый) и сравнивается с травой. Пушок на щеках и выбившиеся волоски возле ушей считались очень красивыми. Родинка на подбородке, щеке или в другом месте также вызывала большое восхищение и вызывала множество поэтических сравнений. Рот должен быть очень маленьким. Красивая женщина должна быть высокой и прямой, как кипарис или приморская сосна. В то время как арабы восхищались розовостью ног и бедер, персы настаивали на белизне ног и сравнивали их с серебром и хрусталем. (*Анис Эль-Оччак*, Шериф-Эддин Роми, перевод Уарта, *Библиотека Высшей школы этюдов*, Париж, 25 февраля 1875 г.)

В рассказе о Камаралзамане из "*Тысячи и одной ночи*" Эль-Сетт Будур описывается так: "Ее волосы такие каштановые, что они чернее, чем разлука друзей. И когда они собраны в три косы, которые доходят до ее ног, мне кажется, что я вижу три ночи сразу.

- Ее лицо такое же белое, как в тот день, когда друзья встречаются снова. Если я смотрю на него во время полнолуния, я вижу сразу две луны.

"Ее щеки сделаны из ветреницы, разделенной на два венчика; они имеют винно-фиолетовый оттенок, а нос прямой и изящный, как тончайшее лезвие меча.

"Ее губы цвета агата и коралла; ее язык источает красноречие; ее слюна желаннее виноградного сока.

- Но ее лоно, благословен Создатель, - живое обольщение. У него две округлые груди из чистой слоновой кости, которые можно держать пятью пальцами одной руки.

"У нее на животе ямочки, полные тени, расположенные в гармонии арабских иероглифов на печати коптского писца в Египте. А живот переходит в ее тонко смоделированную и эластичную талию.

При мысли о ее боках я содрогаюсь, ибо от них зависит масса, настолько увесистая, что обязывает свою обладательницу садиться, когда она встает, и вставать, когда она ложится.

Таковы ее бока, и от них спускаются, подобно белому мрамору, ее великолепные бедра, твердые и прямые, соединенные вверху под своей макушкой. Затем появляются ножки и стройные ступни, такие маленькие, что я поражаюсь, как они могут выдерживать такой большой вес".

Египетская стела в Лувре воспевают прекрасную женщину, королеву, умершую около 700 г. до н.э., следующим образом: "Возлюбленная всех женщин, королевская дочь, нежная в любви, прекраснейшая из женщин, девушка, подобной которой никто не видел. Ее волосы чернее ночной тьмы, чернее ягод ежевичного куста (?). Ее зубы тверже кремней на серпе (?). Каждая ее грудь украшена венком из цветов, тесно прижатых к рукам". Видеманн, который цитирует это, добавляет: "На протяжении всего классического периода египетской истории, за редкими исключениями (такими, например, как правление великого новатора Аменофиса IV), одинаково идеальным как для мужского, так и для женского тела было стройное, но слегка развитое телосложение. Во времена эфиопского правления и в период правления Птолемеев в самом Египте мы впервые обнаруживаем, что богини представлены пухлыми и с хорошо развитыми очертаниями. Изучение мумий показывает, что более ранний идеал был основан на реальных фактах и что в Древнем Египте стройные, жилистые формы отличали как мужчин, так и женщин. Смешанные браки с другими расами и гаремная жизнь, возможно, объединились в более поздние времена, изменив физический тип, а вместе с ним и идеал красоты". (А. Видеманн, *Популярная литература Древнего Египта*, стр. 7.)

Комментируя идеи Платона о красоте в "*Пиршестве*", Эмерик-Давид приводит ссылки из греческой литературы, показывающие, что типичная греческая красивая женщина должна быть высокой, ее тело гибким, пальцы длинными, ступня маленькой и легкой, глаза ясными и умеренно большими, брови слегка изогнутыми и почти сходящимися, нос прямой и твердый, почти— но не совсем — орлиный, дыхание сладкое, как мед. (Eméric-David, *Recherches sur l'Art Statuaire*, new edition, 1863, p. 42.)

В конце классической античности, вероятно, в пятом веке, Аристенет в своем первом Послании так описал свою любовницу Лаис: "Ее щеки белые, но смешанные в подражание великолепию розы; губы тонкие, отделенные от щек узким промежутком, но более красные; брови черные, разделенные посередине; нос прямой и пропорциональный тонким губам; глаза большие и яркие, с очень черными зрачками, окруженные чистейшим белым, по контрасту каждый цвет более яркий. Ее волосы завиты от природы и, как говорит Гомер, похожи на гиацинт. Шея белая, пропорциональна лицу и, хотя не украшена, больше бросается в глаза своей изящностью; но ее окружает ожерелье из драгоценных камней, на котором драгоценными камнями написано ее имя. Она высока и элегантно одета в одежду, облегающую ее тело и конечности. Когда она одета, ее внешность прекрасна; когда она раздета, она сама красота. Ее походка спокойная и неторопливая; она похожа на кипарис или пальму, колеблемую ветром. Я не могу описать, как приподнимаются полные, симметричные груди под облегающим жилетом, ни насколько нежны и гибки ее конечности. И когда она говорит, какая сладость в ее речах!"

Ренье изучал женский идеал провансальских поэтов, трубадуров, которые использовали "язык ок". "Они избегают любого описания женского типа. Признаки относятся в значительной степени к стройному, прямостоячему, свежему виду тела, а также к белой и розовой окраске. После человека, как правило, больше всего хвалят глаза; они милые, влюбленные, ясные, улыбающиеся и яркие. Цвет никогда не упоминается. Рот смеющийся, алый, и, мило улыбаясь, он обнажает белые зубы и призывает к наслаждению поцелуя. Лицо чистое и свежее, руки белые, а волосы неизменно светлые. Трубадуры редко говорят об остальных частях тела. Пейре Видадь - исключение, и его упоминание о рельефной груди может быть помещено рядом с упоминанием Бертрана де Борна. Общее впечатление, создаваемое любовной лирикой языка Ок, - это впечатление большой условности. Казалось, что нет спасения вне определенных фраз и эпитетов. Женщина из Прованса, воспетая сотнями поэтов, кажется, вся сотканной из молока и роз, белокурая нюрнбергская куколка". (Р. Ренье, *"Типично эстетический образ донны в Средневековье"*, 1885, стр. 1-24.)

Общепринятый идеал трубадуров, опять же, описывается так: "Это дама с кожей белой, как молоко, блее свежее выпавшего снега, особой чистоты белизны. Ее щеки, на которых проступают только алые оттенки, похожи на бутон розы весной, когда он еще не раскрылся полностью. Ее волосы, которые почти всегда украшены цветами, неизменно цвета льна, мягкие, как шелк, и отливающие тончайшим золотом". (Дж. Ф. Руботэм, *Трубадуры и дворы любви*, стр. 228.)

В самых древних испанских романах, замечает Ренье, явные признаки физической красоты незначительны. Волосы "из чистого золота", или просто светлые (*rudios*, что равно *блондос*, слово из более позднего введения), лицо белое и румяное, руки мягкие, белые и благоухающие; в одном месте мы находим упоминание о непокрытой груди, блее хрусталя. Но обычно древние кастильские романсы не затрагивают этих деталей. Поэт довольствуется утверждением, что леди - самая милая женщина в мире, "*la mas linda mujer del mundo*". (Р. Ренье, *Типично эстетический стиль Донны в Средневековье*, стр. 68 и далее.)

В подробной и хорошо документированной диссертации Элвин Шульц описывает характеристики красивой женщины, которые привлекали немецких авторов двенадцатого и тринадцатого веков. Она должна быть среднего роста и стройной. Ее волосы должны быть светлыми, как золото; длинными, яркими и вьющимися; волосы мужчины должны доставать только до плеч. Темные волосы упоминались редко, и ими не восхищались. Пробор между волосами должен быть белым, но не слишком широким. Лоб должен быть белым, ярким и округлым, без морщин. Брови должны быть темнее волос, дугообразные и не слишком широкие, как будто нарисованные карандашом, расстояние между ними не слишком широкое. Глаза должны быть яркими, ясными и искрящимися, не слишком большими или слишком маленькими; о цвете ничего определенного сказано не было, но, очевидно, обычно они были голубыми. Нос должен быть среднего размера, прямой, а не изогнутый. Щеки должны быть белыми с красным оттенком; если красный отсутствовал от природы, женщины использовали румяна. Рот должен быть маленьким; губы полными и красными. Зубы должны быть маленькими, белыми и ровными. Подбородок должен быть белым, округлым, привлекательным, с ямочками; уши маленькими и красивыми; шея среднего размера, мягкая, белая и без единого пятнышка; руки маленькими; кисти и пальцы длинными; суставы маленькими, ногти белыми, блестящими и ухоженными. Грудь должна быть белой и большой; груди высокие и округлые, как яблоки или груши, маленькие и мягкие. Тело в целом должно быть стройным и подвижным. Нижние части

тела упоминаются очень редко, и многие поэты даже слишком скромны, чтобы упоминать грудь. Ягодицы должны быть округлыми, действительно, упоминает один поэт, а бедра мягкими и белыми, *умайнеля* (монса) коричневыми. Ноги должны быть прямыми и узкими, икры полными, ступни маленькими и узкими, с высоким подъемом. Цвет кожи, как правило, должен быть чистым и иметь умеренный розовый оттенок. (А. Шульц, *Вопрос о совершенстве человеческого тела, Пульхритудина Германи Сакули XII и XIII Сенсеринт*, 1866.) Несколько похожий, но более краткий отчет дает К. Weinhold (*Die Deutschen Frauen im Mittelalter*, 1882, bd. 1, pp. 219 et seq.). Вайнхольд считает, что, как и французы, немцы восхищались смешанным цветом глаз, *белым* или *серым*.

Адам де ла Галле, *трувер* Артуа XIII века, в пьесе ("О любви к фейли"), в которой он выдвигает себя на первый план, так описывает свою любовницу: "Ее волосы отливали золотом и были закручены в непокорные локоны. Ее лоб был очень правильным, белым и гладким; брови, тонкие и ровные, представляли собой две коричневые дуги, которые, казалось, были прорисованы кисточкой. Ее глаза, яркие и хорошо вырезанные, показались мне *прекрасными* и полными ласки; внизу они были большими, а веки, похожие на маленькие серпы, украшенные двойными складками, скрывали или открывали по ее желанию ее любящий взгляд. Между ее глаз спускалась горбинка носа, прямого и красивого, подвижного, когда она была весела; по обе стороны были ее округлые белые щеки, на которых от смеха образовались две ямочки, и было видно, как она краснеет под вуалью. Под носом открывался рот с цветущими губами; этот рот, свежий и алый, как роза, обнажал ровный ряд белых зубов; под подбородком начиналась белая шея, спускавшаяся полной и округлой до плеча. Мощный затылок, белый и без малейших выбившихся волосков, немного выступал над платьем. К покатым плечам были прикреплены длинные руки, большие или стройные там, где им и положено быть. Что мне сказать о ее белых руках с длинными пальцами и костяшками без сучков, изящно заканчивающимися розовыми ногтями, прикрепленными к коже четкой и единой линией? Я подхожу к ее лону с его упругими грудями, но короткими и высоко заостренными, открывающими долину любви между ними, к ее круглому животу, ее выгнутым бокам. У нее были плоские бедра, округлые ноги, большие икры; у нее была тонкая лодыжка, стройная и изогнутая ступня. Такой она была, какой я ее видел, и то, что скрывала ее сорочка, имело не меньшую ценность. (Гудуа, *"Красота женщин"*, стр. 125, который цитирует оригинал этого отрывка, считает его идеальной моделью средневековой женщины.)

В рассказе двенадцатого века об *Окассене и Николетте*: "У Николетты были светлые волосы, нежные и вьющиеся; ее глаза были серыми (*фиолетовыми*) и улыбчивыми; ее лицо было превосходно вылеплено. Нос у нее был высокий и хорошо посаженный; губы маленькие и более алые, чем вишня или роза летом; зубы мелкие и белые; упругие маленькие груди приподнимали платье, как два грецких ореха. Ее фигура была такой стройной, что ее можно было обхватить двумя руками, а цветы маргариты, которые она ломала, когда ходила босыми ногами, казались черными по сравнению с ее ступнями, настолько она была белой".

"Ее волосы были заплетены в двойную прядь, - пишет Ален из Лилля в XII веке, - которая была достаточно длинной, чтобы касаться земли; белый, как лилия, косой пробор разделял волосы, и это нарушение симметрии не только не портило ее лицо, но и было одним из элементов ее красоты. Золотой гребень поддерживал эти пышные волосы, блеск которых соперничал с ними самими, так что зачарованный глаз едва мог отличить золото волос от золота гребня. Расширенный лоб имел молочную белизну и соперничал с лилией; ее яркие брови сияли, как

золото, не торчали щеточкой и, не будучи слишком редкими, были аккуратно уложены. Глаза, безмятежные и блестящие в своем дружелюбном свете, казались звездами-близнецами, ее ноздри, набальзамированные запахом меда, не слишком вдавленные и не слишком выпуклые, были утонченной формы; кончик ее рта дарил обонянию сладкие ароматы, а полуоткрытые губы приглашали к поцелую. Зубы казались вырезанными из слоновой кости; щеки, похожие на лепестки розы, мягко освещали ее лицо и смягчались прозрачной белизной вуали. Ее подбородок, более отполированный, чем хрусталь, отливал серебром, а тонкая шея изящно отделяла голову от плеч. Упругая округлость ее груди свидетельствовала о полном расцвете юности; ее очаровательные руки, протянутые к вам, казалось, зывали к ласкам; правильный изгиб ее бедер, правильно сложенных, дополнял ее красоту. Таким образом, все видимые черты ее лица и фигуры в достаточной степени говорили о том, какими должны быть эти прелести, которые знала только кровать". (The Latin text is given by Houdoy, *La Beauté des Femmes du Xlle au XVIe Siècle*, p. 119. Портрет Бланшфлера Робера де Флаги в *Сарен-ле-Лозрен*, написанный в том же веке, обнаруживает очень похожие черты.)

"Молодая женщина появилась с двадцатью ярко начищенными кинжалами и мечами", - читаем мы в ирландской книге *"Таин Бо Куайлгне"* о Бадбхе, или Банши, явившейся Мейдхебу, - "вместе с семью косами для умерших из яркого золота" в ее правой руке; пестрое одеяние из зеленой ткани, завязанное на груди под ее светлым румяным лицом, окутывало ее фигуру; ее зубы были такими новыми и блестящими, что казались жемчужинами, искусно вставленными в десны; как спелая ягода. ее губы были цвета рябины; ее голос был слаще нежных звуков струн арфы, когда их касались самые искусные пальцы, и издавал самую чарующую мелодию; белее снега одной ночи была ее кожа, и прекрасны были ее одежды, которые доходили до ее хорошо сложенных ног с блестящими ногтями; пышные локоны ее завитых, блестящих золотистых волос свисали спереди, в то время как другие свисали сзади и достигали икры ее ноги". (*Труды Оссианио*, том ii, стр. 107.)

Так описывается древний ирландский герой: "Они увидели приближающегося к ним великого героя; прекраснейший из героев мира; крупнее и выше любого человека; его глаза голубее льда; его губы краснее свежих ягод рябины; его зубы белее жемчужного дождя; его кожа белее ночного снега; на нем был защитный щит с золотой каймой, в его руках были два боевых копья; на боку у него был меч с набалдашниками из слоновой кости [зубы морского конька], украшенный золотом; у него не было другого оружия. помимо этого, у него было снаряжение героя; на голове у него были золотые волосы, а лицо светлое и румяное". (*"Банкет в Дун-на-н-геде"*, перевод О'Донована, *Ирландское археологическое общество*, 1842.)

Женский идеал итальянских поэтов очень похож на идеал тех, кто живет к северу от Альп. Лаура Петrarки, описанная в *"Канцоньерке"*, бела как снег; глаза у нее действительно черные, но светлота волос постоянно подчеркивается; губы розовые; зубы белые; щеки розовые; грудь молодая; руки белые и стройные. Другие поэты настаивают на высоком, белом, изящном теле; золотистых или светлых волосах; ярких или звездных глазах (без упоминания цвета кожи), коричневых или черных изогнутых бровях, прямом носе, маленьком рте, тонких алых губах, маленькой и упругой груди. (Renier, *Il Tipo Estetico*, pp. 87 et seq.)

Мария де Франс, французская средневековая писательница XII века, проведшая большую часть своей жизни в Англии, в *Лай Ланваль*, так описала красивую женщину: "Ее тело было прекрасным, бедра низкими, шея белее снега, глаза серыми (*vairs*), лицо белым, рот красивым,

нос хорошо поставленным, брови каштановыми, лоб красивым, голова кудрявой и светлой; блеск золотой нити был менее ярким, чем ее волосы под солнцем".

Черты идеала женской красоты Боккаччо, чувственного идеала по сравнению с аскетичным средневековым идеалом, который преобладал ранее, вместе с характеристиками очень красивых и почти классических одежд, в которые он одевал женщин, были объединены Хортисом (*Латинская опера Боккаччо*, 1879, стр. 70 и далее.). Боккаччо восхищался светлыми и пышными волнистыми волосами, темными и изящными бровями и карими или даже черными глазами. Только несколько столетий спустя, как отмечает Хортис, идеал женщины Боккаччо был воплощен художником на полотнах Тициана.

Первое точное описание знаменитой красивой женщины было написано Нифусом в шестнадцатом веке в его книге *"О Пульхро и любви"*, которая считается первым современным трактатом по эстетике. Описываемая дама - Жанна Арагонская, величайшая красавица своего времени, чей портрет кисти Рафаэля (или, что более вероятно, Джулио Романо) находится в Лувре. Нифус, который был философом папского двора и другом Льва X, так описывает эту принцессу, которую, будучи врачом, он имел возможность точно наблюдать: "Она среднего роста, прямая и элегантная, и обладает изяществом, которое может быть передано только совокупностью характеристик, которые являются индивидуально безупречными. Она не толстая и не костлявая, но сочная; цвет ее лица не бледный, а белый с розоватым оттенком; ее длинные волосы золотистые; уши маленькие и пропорциональны размеру рта. Ее каштановые брови полукруглые, не слишком густые, а отдельные волоски короткие. Ее глаза голубые (*oæsius*), ярче звезд, излучают грацию и веселье из-под темно-коричневых ресниц, которые хорошо расставлены и не слишком длинные. Нос, симметричный и среднего размера, спускается перпендикулярно от межбровья. Небольшая ложбинка, отделяющая нос от верхней губы, имеет божественно правильные пропорции. Рот, склонный быть довольно маленьким, всегда растягивается в милой улыбке; довольно толстые губы сделаны из меда и коралла. Зубы маленькие, отполированные, как слоновая кость, и симметрично расположенные, а дыхание пахнет сладчайшими духами. Ее голос - голос богини. Подбородок разделен ямочкой; все лицо приобретает мужественную округлость. Прямая длинная шея, белая и полная, грациозно поднимается от плеч. На пышной груди, без малейших признаков косточек, возвышаются округлые груди одинакового размера, источающие аромат персиков, которые они напоминают. Довольно пухлые руки, на тыльной стороне похожие на снег, на ладони цвета слоновой кости, в точности соответствуют длине лица; полные и округлые пальцы длинные и заканчиваются круглыми изогнутыми ногтями мягкого цвета. Грудь в целом имеет форму груши, перевернутой, но немного сжатой, а основание прикреплено к шее восхитительно пропорциональным образом. Живот, бока и потайные части тела подобают груди; бедра большие и округлые; бедра, голени и руки точно пропорциональны. Ширина плеч также находится в самом идеальном соотношении с размерами других частей тела; ступни средней длины заканчиваются красиво расположенными пальцами". (Houdou reproduces this passage in *La Beauté des Femmes*; cf. also Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, Chapter III.)

Габриэль де Минут, опубликовавший в 1587 году не очень важный трактат *"О красоте"*, также написал под названием *"La Paulegraphie"* очень подробное описание, занимающее шестьдесят страниц, Пауль де Вигье, гасконской дамы из хорошей семьи и добродетельной жизни, живущей в Тулузе. Минут был ее преданным поклонником и незадолго до своей смерти адресовал ей нежное стихотворение. Ей было семьдесят лет, когда он написал подробный отчет

о ее красоте. У нее были голубые глаза и светлые волосы, хотя она и жила в одной из самых темных частей Франции.

Ploss and Bartels (*Das Weib*, bd. 1, sec. 3) самостоятельно собрал воедино ряд отрывков из произведений писателей многих стран, описывающих их идеалы красоты. В этом сборнике я не рисовал.

Когда мы в общих чертах рассматриваем идеалы женской красоты, установленные народами многих стран, интересно отметить, что все они содержат множество черт, которые импонируют эстетическому вкусу современного европейца, и многие из них, действительно, не содержат черт, которые явно противоречат его вкусовым канонам. Можно даже сказать, что идеалы некоторых дикарей воздействуют на нас с большей симпатией, чем некоторые идеалы наших собственных средневековых предков. На самом деле, европейские путешественники во всех частях света встречались с женщинами, которые были грациозны и приятны на вид, и нередко даже в строгом смысле красивы, с точки зрения европейских стандартов. Такие личности встречаются даже среди тех рас, которые наиболее известны своим уродством.

Даже среди такого примитивного и отдаленного народа, как австралийцы, иногда встречается красота в европейском понимании. "Я дважды, - утверждает Лумгольц, - видел то, что можно было бы назвать красавицами, среди женщин западного Квинсленда. Руки у них были маленькие, ступни аккуратные и хорошей формы, с таким высоким подъемом, что невольно спрашиваешь себя, где же они приобрели этот аристократический признак красоты. Их фигура была выше всяких похвал, а кожа, как это обычно бывает у молодых женщин, была мягкой, как бархат. Когда эти чернокожие дочери Евы улыбались и показывали свои прекрасные белые зубы, и когда их глаза кокетливо выглядывали из-под вьющихся волос, которые по вполне современной моде спадали им на лоб, "Лумгольц понял, что даже здесь женщины могут оказывать влияние, приписываемое Гете женщинам вообще. (К. Лумгольц, *Среди каннибалов*, стр. 132.) Опять же, много было написано о красоте американских индейцев. См., например, статью доктора Шуфельдта "Красота с точки зрения индейца", журнал *Cosmopolitan*, апрель 1895 г. Говорят, что среди индейцев семинолов, особенно среди красивых и миловидных женщин, нет ничего необычного. (Клей Макколи, "Индейцы-семинолы Флориды", *Пятый ежегодный отчет Бюро этнологии*, 1883-1884, стр. 493 и далее.)

Даже в негритянке есть много такого, что кажется европейцу красивым. "Я встречал много негритянок, - замечает Кастеллани (*"Женщины в Конго"*, стр. 2), - которые могли бы с гордостью сказать словами Песни песней: "Я черная, но миловидная". У многих наших крестьянских женщин нет ни той грации, ни такой нежной кожи, как у некоторых уроженок Кассаи или Сонгхи. Что касается цвета, я видел на африканском континенте существ из бледно-золотистого или даже красно-медного цвета, чья тонкая и атласная кожа соперничает с самой нежной белой кожей; действительно, можно найти красавиц среди женщин из самого темного эбенового дерева". Он добавляет, что в целом с белыми женщинами нет никакого сравнения и что негритянка вскоре становится отвратительной.

Очень многочисленных цитат путешественников о женщинах всех стран, приведенных Плоссом и Бартельсом (*"Дас Вайб"*, седьмое издание, bd. i, стр. 88-106), вполне достаточно, чтобы показать, как часто некоторая степень красоты встречается даже среди низших человеческих рас. Ср. также обзор женщин разных рас Мантегаццы с этой точки зрения, *"Физиология Донны"*, глава IV.

Тот факт, что современный европеец, чья культура, как можно предположить, сделала его особенно чувствительным к эстетической красоте, все же способен находить красоту даже среди женщин диких рас, служит иллюстрацией уже сделанного утверждения о том, что, какие бы модифицирующие влияния ни приходилось допускать, красота в значительной степени является объективным вопросом. Существование этого объективного элемента в красоте подтверждается тем фактом, что иногда обнаруживается, что мужчины низших рас восхищаются европейскими женщинами больше, чем женщинами своей собственной расы. Есть основания полагать, что именно среди более умных мужчин низшей расы — то есть тех, чьи эстетические чувства более развиты, — наиболее вероятно проявление восхищения белыми женщинами.

"Мистер Уинвуд Рид, - утверждал Дарвин, - у которого было достаточно возможностей для наблюдений не только за неграми Западного побережья Африки, но и за жителями внутренних районов, которые никогда не общались с европейцами, убежден, что их представления о красоте, в целом, совпадают с нашими; и доктор Рольфс пишет мне о том же самом в отношении борну и стран, населенных племенами пулло. Мистер Рид обнаружил, что согласен с неграми в их оценке красоты местных девушек; и что их оценка красоты местных девушек совпадает с нашей. красота европейских женщин соответствовала нашей.... Огнеземельцы, как мне сообщил миссионер, долгое время проживший у них, считали европейских женщин чрезвычайно красивыми ... Я должен добавить, что самый опытный наблюдатель, капитан [сэр Р.] Бертон, считает, что женщиной, которую мы считаем красивой, восхищаются во всем мире ". (Дарвин, *Происхождение человека*, глава XIX.)

Мантегацца цитирует разговор между южноамериканским вождем и аргентинкой, которая спросила его, что он предпочитает, женщин своего народа или христианок; вождь ответил, что больше всего восхищается христианками, а когда его спросили о причине, сказал, что они белее и выше, у них более тонкие волосы и более гладкая кожа. (Мантегацца, *Физиология Донны*, Приложение к главе. VIII.)

Норденшельд, цитируемый Плоссом и Бартельсом, утверждает, что эскимосы считают свой собственный тип более уродливым, чем тот, который получен в результате скрещивания с белыми людьми, и, согласно Кропфу, носские кафры восхищаются более светлыми полукровками и ищут их, предпочитая своим женщинам чистой расы (Плосс и Бартельс, *Das Weib*, седьмое издание, bd. 1, стр. 78). Можно добавить, что среди темных народов широко распространено восхищение справедливостью. Папуасы в Торресовом проливе восхищаются красивыми мужчинами (*Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции*, том v, стр. 327). Широкое использование пудры женщинами темнокожих народов свидетельствует о существовании того же идеала.

Стратц в своих книгах "*Философия Веиблихен керперс*" и "*Философия Веиблихен Керперс*" утверждает, что идеал красоты в основе своей одинаков во всем мире, и что лучшие личности среди низших рас восхищаются и борются за достижение типа, который широко распространен среди белых народов Европы в совершенстве. Оказавшись в Японии, он обнаружил, что среди многочисленных фотографий японских красавиц, которые можно было повсюду увидеть, его драгоман, японец низкого происхождения, выбрал как самые красивые те, которые явно демонстрировали японский тип с узкими глазами и широким носом. Когда он

поинтересовался мнением японского фотографа, который называл себя художником и имел некоторые претензии на то, чтобы с ним считались, последний выбрал как самых красивых трех японских девушек, которые в Европе тоже считались бы хорошенькими. На Яве, также, выбирая из большого количества яванских девушек несколько подходящих для фотографирования, Стратц был удивлен, обнаружив, что яванский врач указал как наиболее красивые тех, которые наиболее точно соответствовали европейскому типу. (Stratz, *Die Rassenschönheit des Weibes*, fourth edition, 1903, p. 3; *id.*, *Die Körperformen der Japaner*, 1904, p. 78.)

Стратц воспроизводит (*Rassenschönheit*, стр. 36 *и далее*) изображение Квань-инь, китайской богини божественной любви, и цитирует некоторые замечания Бореля относительно значительного отклонения представлений о богине, типе грациозной красоты, от китайского расового типа. Далее Стратц воспроизводит фигуру буддийской богини с Явы (ныне находящуюся в Археологическом музее Лейдена), которая представляет собой тип красоты, соответствующий самому утонченному и классическому европейскому идеалу.

Красота не только является фундаментально объективным элементом для всего человеческого вида, но, вероятно, важным фактом является то, что мы можем найти подобный элемент во всем анимированном мире. То, что для человека является самым прекрасным в Природе, - это то, что тесно связано с половым процессом и половым инстинктом или зависит от них. Так обстоит дело в растительном мире. Так обстоит дело в большинстве представителей животного мира, и, как отмечает профессор Поултон, ссылаясь на этот часто необъяснимый и даже незамечаемый факт, "песня или шлейф, которые возбуждают у курицы брачный импульс, также в значительной доле случаев наиболее приятны самому человеку. И не только это, но и в их прошлой истории, насколько это удалось проследить (*например*, в развитии характерных отметин у самцов павлина и аргусового фазана), такие особенности постепенно становились для нас все более и более приятными, поскольку они действовали как все более сильные стимулы для курицы".^[133]

[131] "Вероятно, что все видимые части организма, даже те, которые имеют определенное физиологическое значение, вызывают к эстетическому чувству противоположного пола", - замечает Поултон, говоря в первую очередь о насекомых, словами, которые еще точнее применимы к человеческому виду. Э. Поултон, *Цвета животных*, 1890, с. 304.

[132] "Арабы в целом, — замечает Лейн, - питают предубеждение против голубых глаз - предубеждение, которое, как говорят, возникло из-за большого количества голубоглазых людей среди некоторых их врагов на севере".

[133] *Природа*, 14 апреля 1898 г., стр. 55.

II.

Содержание

Красота в некоторой степени примитивно заключается в преувеличении сексуальных признаков—Половые органы—Увечья, украшения и предметы одежды—Сексуальное влечение Первоначальная цель таких Приспособлений—Религиозный элемент—Неэстетичный характер половых органов—Важность вторичных половых признаков—Таз и бедра—Стеатопигия—Ожирение—Походка—Беременная женщина как средневековый тип красоты—Идеалы Возрождения—Грудь—Корсет—Его объект—Его История—Волосы—Борода—Элемент национального или расового типа в красоте —Относительная красота блондинок и брюнеток;—Всеобщее европейское восхищение блондинками;—Индивидуальные факторы формирования Представления о красоте;—Любовь к Экзотике.

В формировании наших идеалов мужской и женской красоты было неизбежно, что сексуальные признаки с самого раннего периода истории человека составляли важный элемент. С примитивной точки зрения сексуально желанный и привлекательный человек - это тот, чьи сексуальные признаки либо ярко выражены от природы, либо искусственно представлены таковыми. Красивая женщина - это та, кто наделена, как выражается Чосер,

"С баттоуксом бродом, брестесом раундом и хе";

то есть она, очевидно, лучше всего подходит для того, чтобы вынашивать детей и кормить их грудью. Эти два физических персонажа, действительно, поскольку они представляют склонность к двум важнейшим актам материнства, неизбежно должны рассматриваться как красивые у всех народов и на всех этапах культуры, даже на высоких ступенях цивилизации, когда более утонченные и извращенные идеалы, как правило, находят одобрение, и в Помпеях в качестве украшения на восточной стороне Чистилища Храма Исида мы находим изображение Персея, спасающего Андромеду, которая изображена в виде женщины с очень маленькой головой, маленькими руками и ногами, но с полностью развитым телом, большой грудью и большими выступающими затылками. .^[134]

В определенной степени — и, как мы увидим, только в определенной степени — первичные половые признаки являются объектами восхищения у примитивных народов. В примитивных танцах многих народов, часто имеющих сексуальное значение, демонстрация половых органов как со стороны мужчин, так и со стороны женщин часто является заметной чертой. Даже в средние века в Европе мужская одежда иногда позволяла видеть половые органы. В некоторых частях мира также практикуется искусственное увеличение женских половых органов, и, таким образом, увеличенные они считаются важным и привлекательным признаком красоты.

Сэр Эндрю Смит сообщил Дарвину, что удлинённые нимфы (или "готтентотский фартук"), встречающиеся у женщин некоторых южноафриканских племен, раньше вызывали большое восхищение у мужчин (*Происхождение человека*, глава XIX). Это образование, вероятно, является естественной особенностью женщин этих рас, которая очень сильно преувеличивается намеренными манипуляциями из-за восхищения, которое оно вызывает. Миссионер Меренский сообщил о распространенности практики искусственного удлинения среди басуто и других народов, и анатомические свидетельства говорят в пользу его частично искусственного характера. (Готтентотский фартук полностью обсуждается Плоссом и Бартельсом, *Das Weib*, bd. I, раздел vi.)

В стране Джабу в заливе Бенин в Западной Африке, по словам Дэниелла, искусственное удлинение половых губ и клитора считалось украшением; к клитору прикреплялись небольшие гирьки, которые постепенно увеличивались. (У. Ф. Дэниелл, *Топография Гвинейского залива*, 1849, стр. 24, 53.)

Среди бавенда северного Трансвааля, утверждает миссионер Вессманн, для молодых девушек в возрасте от 8 лет принято каждый день тратить определенное количество времени на подтягивание *больших половых губ*, чтобы удлинить их; при выборе жены молодые люди придают большое значение этому удлинению, и девушка, у которой половые губы выделяются больше всего, наиболее привлекательна. (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1894, ht. 4, p. 363.)

Можно добавить, что в различных частях мира практикуются увечья половых органов мужчин и женщин или операции на них по причинам, которые до конца неизвестны, поскольку обычно случается так, что люди, которые их практикуют, не могут объяснить причину этой практики или они называют причину, которая явно не является той, которая изначально побудила к этой практике. Таким образом, иссечение клитора, практикуемое во многих частях Восточной Африки и часто предполагаемое для притупления сексуальных чувств (Дж. С. Кинг, *Журнал Антропологического общества*, Бомбей, 1890, стр. 2), кажется, очень сомнительно объясняется таким образом, поскольку женщины делают это по собственной воле; "у всех женщин племени собо [побережье Нигера] отрезают клитор; если они этого не сделали, на них смотрят свысока, как на рабынь, которых не режут; следовательно, как только женщина племени собо соберет достаточно за деньги она идет к оперирующей женщине и платит ей за стрижку". (*Журнал Антропологического института*, август-ноябрь 1898 г., стр. 117.) Граф де Карди расследовал этот вопрос в дельте Нигера: "Я расспрашивал как местных мужчин, так и женщин, - заявляет он, - чтобы попытаться выяснить причину, по которой местные жители совершают этот обряд, но почти универсальным ответом на мои вопросы было: "Это мода нашей страны". Один старик сказал ему, что это практиковалось из соображений воздержания, а несколько пожилых женщин сказали, что когда-то женщины этой страны страдали от особого вида безумия, которое этот обряд уменьшал. (*Журнал Антропологического института*, август-ноябрь 1899 г., стр. 59.) Точно так же часто предполагается, что субинцизия мочеиспускательного канала (операция *mika* в Австралии) проводится с целью предотвращения зачатия (см., например, описание операции Дж. Г. Гарсона, *Медицинская пресса*, 21 февраля 1894 г.), но это очень сомнительно, и Э. К. Стирлинг обнаружил, что у аборигенов с субинцизией часто были большие семьи. (*Межколониальный ежеквартальный журнал медицины и хирургии*, 1894.)

Отрывок из *Майнцской хроники* за 1367 год (цитируется Шульцем, *"История любви"*, стр. 297) показывает, что в то время туники мужчин были сшиты таким образом, что всегда можно было увидеть половые органы при ходьбе или сидении.

Однако такое настаивание на обнаженных половых органах как объектах привлечения встречается сравнительно редко и ограничивается народами с низким уровнем культуры. Гораздо более распространенной является попытка украсить и привлечь внимание к половым органам с помощью татуировки,^[135] с помощью украшений и ярких особенностей одежды. Тенденция к тому, чтобы красота одежды заменяла красоту тела, появилась на раннем этапе истории человечества и, как мы знаем, имеет тенденцию быть абсолютно принятой в цивилизации.^[136] "Мы восклицаем", как замечает Гете, "Какая красивая маленькая ножка!", когда

мы просто видим красивую туфельку; мы восхищаемся прекрасной талией, когда глаза не бросается ничего, кроме элегантного пояса". Наши реалии и наши традиционные идеалы безнадежно расходятся; греки изображали свои статуи без волос на лобке, потому что в реальной жизни они переняли восточный обычай удалять волосы; мы заставляем наших скульпторов и художников создавать подобные изображения, хотя они больше не соответствуют ни реалиям, ни нашим собственным представлениям о том, что красиво и уместно в реальной жизни. Наши художники сами в равной степени невежественны и сбиты с толку, и, как неоднократно показывал Стратц, они постоянно со всей невинностью воспроизводят деформации и патологические характеры дефектных моделей. Если бы мы были честны, мы должны были бы сказать, подобно маленькому мальчику перед картиной "Суд Париса", отвечая на вопрос своей матери о том, какая из трех богинь кажется ему самой красивой: "Я не могу сказать, потому что на них нет одежды".

Однако, по-видимому, первоначально не стремилось к фактически достигнутому сокрытию. Различные авторы собрали воедино свидетельства, показывающие, что главная примитивная цель украшений и одежды у дикарей - не скрывать тело, а привлекать к нему внимание и делать его более привлекательным. Вестермарк, в частности, приводит многочисленные примеры диких украшений, которые служат для привлечения внимания к сексуальным областям мужчины и женщины.^[137] Далее он утверждает, что примитивной целью различных диких народов, практикующих обрезание, как и другие подобные увечья, на самом деле является обеспечение сексуальной привлекательности, какое бы религиозное значение они иногда ни приобретали впоследствии. Более поздняя точка зрения представляет магическое влияние как украшений, так и увечий как первичное, как метод защиты и изоляции опасных функций организма. Фрейзер в *"Золотой ветви"* является самым способным и блестящим сторонником этой точки зрения, которая, несомненно, воплощает в себе значительную долю истины, хотя ее не следует принимать за абсолютное исключение влияния сексуальной привлекательности. Эти два явления в значительной степени сплетены воедино.^[138]

Действительно, существует общая тенденция к тому, что сексуальные функции приобретают религиозный характер, а половые органы становятся священными на очень раннем этапе развития культуры. Зарождение, репродуктивная сила в человеке, животных и растениях, была осознана первобытным человеком как факт первой величины, и он символизировал это в сексуальных органах мужчины и женщины, которые, таким образом, приобрели торжественность, совершенно независимую от целей сексуального соблазнения. Поклонение фаллосу, можно сказать, является почти универсальным явлением; оно встречается даже среди рас высокой культуры, среди римлян времен Империи и современных японцев; некоторые действительно считали, что одно из истоков креста кроется в фаллосе.

"Едва ли какой-либо другой объект, - замечает доктор Ричард Андри, - был с таким большим единодушием представлен почти всеми народами, как фаллос, символ детородной силы в религиях Востока и объект почитания на общественных празднествах. В моавитском Ваал-Пеоре, в культе Диониса, действительно, повсюду, за исключением Персии, мы встречаем изображения Приапа и почитание детородного органа. Нет необходимости упоминать о великом значении *Линга пуджи*, детородного органа бога Шивы в Индии, бога, которому было воздвигнуто больше храмов, чем какому-либо другому индийскому божеству. Наши музеи наглядно показывают, насколько распространены фаллические изображения в Африке,

Восточной Азии, Тихоокеанском регионе, часто в связи с религиозным поклонением". (Р. Андри, "Американский фаллос-Дарстеллунген", *Журнал этнологии*, 1895, ч. 6, стр. 678.)

У женщин нет внешнего полового органа, подобного фаллосу, который играл бы большую роль в жизни как священный символ. Однако есть некоторые основания полагать, что треугольник в какой-то степени является таким символом. Лежен ("Сексуальное представление в религии, искусстве и педагогике", *Бюллетень Общества антропологии*, Париж, 3 октября 1901 г.) приводит доводы в пользу мнения, что треугольная, покрытая волосами область венерической горы имела значительное значение в этом отношении, и он представляет различные примитивные фигуры в качестве иллюстрации.

Помимо религий и магических свойств, столь широко приписываемых первичным сексуальным признакам, существуют и другие причины, по которым они не должны часто приобретать или надолго сохранять какое-либо большое значение в качестве объектов сексуального обольщения. Они не нужны и неудобны для этой цели. Прямая поза человека дает им здесь, действительно, преимущество, которым обладают очень немногие животные, среди которых крайне редко случается, что первичные половые признаки становятся привлекательными для глаз противоположного пола, хотя они часто привлекательны для обоняния. Половые органы представляют собой особенно уязвимое место и остаются таковыми даже у мужчины, и потребность в их защите, которая, таким образом, существует, вступает в противоречие с заметным проявлением, необходимым для сексуального обольщения. Эта цель достигается гораздо эффективнее, с большей пользой и меньшим недостатком, если сосредоточить главные признаки сексуальной привлекательности на верхних и более заметных частях тела. Этот метод практически универсален как у животных, так и у человека.

Есть еще одна причина, по которой от половых органов следует отказаться как от объектов сексуального соблазна, причина, которая всегда оказывается окончательно решающей по мере развития культуры народа. Они не эстетически красивы. Принципиально необходимо, чтобы внутренний орган самца и рецептивный канал самки сохраняли свои примитивные характеристики; следовательно, они не могут быть сильно изменены половым или естественным отбором, и чрезвычайно примитивный характер, который они, таким образом, вынуждены сохранять, какими бы сексуально желанными и привлекательными они ни становились для противоположного пола под влиянием эмоций, редко можно считать красивым с точки зрения эстетического созерцания. Под влиянием искусства существует тенденция к уменьшению размеров половых органов, и ни в одной цивилизованной стране художник никогда не решался придать эрегированный орган своим изображениям идеальной мужской красоты. Главным образом потому, что неэстетичный характер женской половой области почти незаметен при любом обычном положении обнаженного тела, женские формы являются более эстетически красивым объектом созерцания, чем мужские. Помимо этого характера, мы, вероятно, обязаны, со строго эстетической точки зрения, рассматривать мужскую фигуру как более эстетически красивую.^[139] Более того, женская фигура обычно очень быстро проходит период расцвета своей красоты, часто сохраняя ее лишь в течение нескольких недель.

Следующее сообщение корреспондента хорошо показывает расхождения во мнениях по этому вопросу:

"Вы пишете, что половые органы в возбужденном состоянии нельзя назвать эстетичными. Но я верю, что они являются источником не только любопытства и удивления для многих людей, но и

объектами восхищения. Я случайно знаю одного мужчину, чрезвычайно интеллектуального и утонченного, которому доставляет удовольствие лежать между бедер своей любовницы и подолгу смотреть на ее расширенное влагалище. Также другой мужчина, женатый и не интеллектуал, который всегда нежно смотрит на органы своей жены в ярком свете перед половым актом и целует ее там и на животе. Жена, хотя и любящая, призналась другой женщине, что не может понять этого влечения. С другой стороны, двое женатых мужчин сказали мне, что вид гениталий их жен вызвал бы у них отвращение и что они никогда их не видели.

"Хотя половые органы и нельзя назвать эстетичными, они по-прежнему обладают сильным очарованием для многих страстных любовников обоих полов, хотя, я полагаю, нечасто среди лишенных воображения и необразованных людей, которые склонны высмеивать органы или испытывать к ним отвращение. Многие женщины признаются, что их возмущает даже вид полной наготы мужа, хотя они не безразличны к сексуальным объятиям. Я думаю, что глупая ошибка Природы в том, что органы размножения служат средством освобождения мочевого пузыря, имеет много общего с этим отвращением. Но некоторые женщины эротического темперамента находят удовольствие в том, чтобы смотреть на пенис мужа или любовника, трогать его и целовать. Проститутки делают это по-деловому; некоторые целомудренные, страстные жены поступают так добровольно. Вряд ли это что-то болезненное, поскольку млекопитающие большинства видов нюхают гениталии друг друга и облизывают их. Вероятно, первобытный человек делал то же самое".

У Брантома ("*Жизнь галантных дам*", "*Беседы II*") есть несколько замечаний примерно того же содержания относительно разницы между мужчинами, некоторым из которых не доставляет удовольствия видеть интимные места своих жен или любовниц, в то время как другие восхищаются ими и с удовольствием их целуют.

Я должен добавить, что, какой бы естественной или законной ни была привлекательность половых органов для любого пола, вопрос об их чисто эстетической красоте остается незатронутым.

Реми де Гурмон, обсуждая эстетический элемент сексуальной красоты, считает, что невидимость половых органов является решающим фактом в том, что женщины красивее мужчин. "Секс, который иногда является преимуществом, всегда является бременем и всегда недостатком; он существует для расы, а не для отдельного человека. У человека мужского пола, и именно из-за его эрегированной позы, секс является преимущественно ярким и видимым фактом, точкой атаки в борьбе на близком расстоянии, точкой, на которую нацеливаются издали, препятствием для глаза, рассматриваемым как морщинистость на поверхности или как нарушение середины линии. Таким образом, гармония женского тела геометрически намного совершеннее, особенно если мы рассматриваем мужчину и женщину в момент желания, когда они представляют собой наиболее интенсивное и естественное выражение жизни. Тогда женщина, все движения которой внутренние или видны только по волнистости ее изгибов, сохраняет свою полную эстетическую ценность, в то время как мужчина, так сказать, внезапно отступает к примитивному состоянию животного, кажется, сбрасывает с себя всю красоту и низводится до простого и обнаженного состояния полового организма". (Реми де Гурмон, "*Телосложение любви*", стр. 69.) Реми де Гурмон продолжает, однако, указывать на то, что мужчина мстит после того, как женщина забеременела, и что, более того, пропорции мужского тела более красивы, чем у женского.

Таким образом, первичные сексуальные характеристики мужчины и женщины никогда и ни в коем случае не играли большой роли в сексуальном соблазнении. Действительно, с ростом культуры те самые методы, которые были приняты для привлечения внимания к половым органам, в результате дальнейшего развития были сохранены с целью их сокрытия. С самого начала вторичные половые признаки были гораздо более распространенным методом сексуального обольщения, чем первичные половые признаки, и в наши дни в большинстве цивилизованных стран они все еще представляют собой наиболее привлекательный из таких методов для большинства населения.

Основные вторичные половые признаки у женщины и тип, который они проявляют у красивых и хорошо развитых личностей, кратко изложены Страцем следующим образом, который в своей книге "Красота тела у женщины" излагает причины приведенных здесь характеристик:-

- Нежная костная структура.
- Округлые формы и грудь.
- Широкий таз.
- Длинные и густые волосы.
- Низкая и узкая граница волос на лобке.
- Редкие волосы подмышками.
- На теле нет волос.
- Нежная кожа.
- Округлый череп.
- Маленькое личико.
- Большие орбиты.
- Высокие и тонкие брови.
- Нижняя челюсть низкая.
- Мягкий переход от щеки к шее.
- Округлая шея.
- Тонкое запястье.
- Маленькая рука с длинным указательным пальцем.
- Округлые плечи.
- Ключицы прямые, маленькие.
- Маленькая и длинная грудная клетка.
- Тонкая талия.
- Впадина в крестце.
- Выступающие и куполообразные скалы.
- Крестцовые ямочки.
- Округлые и толстые бедра.
- Низкая и тупая лобковая дуга.
- Мягкий контур колена.

- Округлые икры.
- Тонкая лодыжка.
- Маленькие пальцы ног.
- Длинный второй и короткий пятый палец.
- Широкие средние резцы.

(Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, fourteenth edition, 1903, p. 200. Это утверждение в большинстве пунктов согласуется с моим собственным изложением вторичных половых признаков: *Мужчина и женщина*, четвертое издание, исправленное и дополненное, 1904 г.)

Таким образом, мы обнаруживаем, что у большинства народов Европы, Азии и Африки, главных континентов мира, большие бедра и ягодицы женщин обычно считаются важным признаком красоты. Этот вторичный половой признак представляет собой наиболее выраженное структурное отклонение женского типа от мужского, отклонение, требуемое репродуктивной функцией женщин, и в том восхищении, которое оно вызывает, половой отбор, таким образом, работает в русле естественного отбора. Нельзя сказать, что, за исключением очень умеренной степени, это всегда рассматривалось в одном ряду с претензиями на чисто эстетическую красоту. Европейские художники часто стремятся смягчить, а не подчеркнуть выпуклые линии женственных бедер, и примечательно, что японцы также считают маленькие бедра красивыми. Почтивезде большие бедра и ягодицы считаются признаком красоты, и средний мужчина придерживается этого мнения даже в самых эстетичных странах. Контраст этого изобилия с более плотными мужскими формами, сила ассоциации и неоспоримый факт, что такое развитие является условием, необходимым для здорового материнства, послужили основой для идеала сексуальной привлекательности, который нравится почти всем людям сильнее, чем более узкоэстетический идеал, который неизбежно должен быть несколько гермафродитическим по своему характеру.

Широкие бедра, которые предполагают большой таз, обязательно являются характеристикой высших человеческих рас, потому что расы с самыми большими головами должны быть также наделены самым большим тазом, чтобы их большие головы могли появиться в мире. У белой расы, согласно Бакариссе, самый широкий крестец, желтая раса идет следующей, черная - последней. Также утверждается, что белая раса демонстрирует наибольшую кривизну крестца, затем следует желтая раса, в то время как у черной расы крестец самый плоский.^[140] Таким образом, черная раса обладает наименее развитым тазом, самым узким и плоским. Конечно, не случайное совпадение, что именно среди людей черной расы мы находим имитацию большого таза высших рас, которым восхищаются и культивируют в форме стеатопигии. Это чрезвычайно преувеличенное развитие подкожного слоя жира, который обычно покрывает ягодицы и верхнюю часть бедер у женщин, и в этой крайней форме представляет собой своего рода естественную жировую опухоль. Согласно Деникеру, нельзя говорить о наличии стеатопигии, если только выступ ягодиц не превышает 4% роста человека; часто он равен 10%. Истинная стеатопигия существует только у женщин-бушменов и готтентоток, а также у народов, которые кровно связаны с ними. Необычное развитие ягодиц, однако, встречается у волков и многих других африканских народов.^[141] Не может быть никаких сомнений в том, что среди чернокожих народов Африки в целом, независимо от того, существует ли у них истинная стеатопигия или нет, чрезмерное развитие ягодичных мышц считается очень важным, если не самым важным признаком красоты, и Бертон заявил, что сомалийский мужчина должен был выбирать себе

жену, выстраивая женщин в ряд и выбирая ту, которая выступала дальше всех *по длине*.^[142] Следует добавить, что в Европе одежда позволяет имитировать эту особенность красоты. Даже у некоторых африканских народов задняя часть тела казалась еще больше благодаря использованию подушек, и в Англии в шестнадцатом веке мы находим ту же практику хорошо известной, а драматурги елизаветинской эпохи ссылаются на "бам-ролл", который в более поздние времена превратился в беготню, приемы, свидетельствующие о том, что художник Уоттс назвал "стойкой тенденцией предполагать, что самая прекрасная половина человечества снабжена хвостами".^[143] На самом деле, как мы видим, это просто тенденция не имитировать животный характер, а подчеркивать самый человеческий и самый женственный из вторичных половых признаков, и, следовательно, с сексуальной точки зрения, красивую черту.^[144]

Иногда восхищение этой характеристикой ассоциируется с восхищением выраженным ожирением в целом, и можно отметить, что несколько большая степень полноты также может рассматриваться как женский вторичный половой признак. Это восхищение особенно заметно у некоторых чернокожих народов Африки, и здесь, чтобы стать красавицей, женщина должна, выпивая огромное количество молока, стремиться стать очень толстой. Соннини отметил, что в какой-то степени то же самое можно было бы обнаружить и у мусульманских женщин Египта. По его словам, после ярких глаз и мягкой, отполированной, безволосой кожи египтянка больше всего хотела бы обладать *выразительностью*; мужчины восхищались полными женщинами, а женщины стремились стать толстыми. "Представление об очень толстой женщине, - добавляет Соннини, - почти всегда сопровождается в Европе представлением о мягкости плоти, стертости форм и недостатке эластичности в очертаниях. Было бы ошибкой таким образом представлять женщин Турции в целом, где все стремятся потолстеть. Несомненно, что женщины Востока, более благодетельствованные природой, дольше других сохраняют упругость тела, и это драгоценное свойство в сочетании со свежестью и белизной их кожи делает их очень приятными. Следует добавить, что ни в одной части мира чистоплотность не зашла так далеко, как у женщин Востока".^[145]

Особые характеристики женских бедер и ягодиц становятся заметными при ходьбе и могут быть дополнительно подчеркнуты особым способом ходьбы или осанки. Женщины некоторых южных стран славятся красотой своей походки; "богиня раскрывается в ее походке", - как сказал Вергилий. В Испании, особенно среди европейских стран, походка очень заметно подчеркивает бедра и ягодицы. Позвоночник в Испании сильно изогнут, образуя то, что называется *ensellure*, или седловидная спинка — характеристика, которая придает большую гибкость спине и рельефность ягодичным областям, иногда слегка имитируя стеатопигию. Вибрационные движения, естественным образом создаваемые при ходьбе, а иногда искусственно усиливаемые, таким образом, становятся признаком сексуальной красоты. За пределами Европы такая вибрация боков и ягодиц более откровенно демонстрируется и культивируется как сексуальный соблазн. Говорят, что папуасы восхищаются этим вибрационным движением ягодиц у своих женщин. Матери практикуют в этом маленьких девочек часами, как только они достигают возраста 7 или 8 лет, и папуасская девушка ходит таким образом всякий раз, когда находится в присутствии мужчин, переходя на более простую походку, когда мужчин нет. В некоторых частях тропической Африки женщины ходят именно так. Он также известен египтянам, а у арабов называется *гунг*.^[146] Как отмечает Мантегацца, по сути, женственный характер этой походки делает ее методом сексуального обольщения. Следует отметить, что это основано на женских анатомических особенностях и что естественная походка женственно развитой женщины неизбежно отличается от походки мужчины.

В подробном обсуждении красоты движений Стратц следующим образом резюмирует особенности походки женщины: "Походка женщины в основном отличается от мужской более короткими шагами, более выраженным движением бедер вперед, большей продолжительностью фазы покоя по отношению к фазе движения и тем фактом, что компенсаторные движения верхних частей тела менее сильно поддерживаются действием рук и в большей степени поворотом боков. Походка мужчины имеет более стремительный и активный характер, у женщины - более раскачивающийся и пассивный характер; в то время как мужчина, кажется, стремится поймать ускользающее равновесие, женщина, кажется, стремится сохранить достигнутое равновесие.... Женская походка прекрасна, когда она демонстрирует определенно женственный и плавный характер, с наибольшим преобладанием момента разгибания над моментом сгибания ". (Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, fourteenth edition, p. 275.)

Случайное развитие идеи сексуальной красоты, связанной с развитыми бедрами, проявляется в тенденции рассматривать беременную женщину как самый красивый тип. Стратц отмечает, что одна женщина-художник однажды заметила ему, что, поскольку материнство является конечной целью женщины, а женщина достигает своего полного расцвета во время беременности, она должна быть самой красивой во время беременности. Это так, ответила Стратц, если период ее полного физического расцвета, скорее всего, соответствует ранним месяцам беременности, поскольку с наступлением беременности метаболизм усиливается, ткани становятся активными, тон кожи мягче и ярче, грудь тверже, так что очарование полного расцвета увеличивается до того момента, когда расширение матки начинает разрушать гармонию формы. Однако в один период европейской культуры — в то время и среди людей, не очень чувствительных к самым изысканным эстетическим ощущениям, — идеал красоты даже включал в себя характер поздней беременности. В северной Европе в течение столетий, непосредственно предшествовавших эпохе Возрождения, идеалом красоты, как мы можем видеть на картинах того времени, была беременная женщина с выпирающим животом и телом, более или менее вытянутым назад. Это особенно заметно в работах Ван Эйков: в "Еве" в Брюссельской галерее; в "жене Арнольфини" в законченной портретной группе в Национальной галерее; даже девственницы в великом шедевре Ван Эйков в соборе в Генте принимают вид беременной женщины.

"На протяжении всего средневековья вплоть до Дюрера и Кранаха, - совершенно справедливо замечает Лаура Мархольм (цитируется И. Блохом, *"Руководство по этиологии сексуальной психопатии"*, Глава I, стр. 154), - мы находим очень своеобразный тип, который ошибочно рассматривался как тип с чисто аскетическим характером. На нем изображены тихие, умиротворенные и жизнерадостные лица, полные невинности; высокие, стройные, молодые фигуры; плечи все еще узкие; груди маленькие, со стройными ногами под одеждой; и вокруг верхней части тела одежда, обтягивающая почти до предела. Талия переходит как раз под грудь, и с этого момента широкие юбки в складках придают самой женственной части женского тела полную и абсолютно беспрепятственную свободу движений и расширения. Женственный живот даже у святых и девственниц очень выражен в осанке тела и отчетливо выступает под одеждой. Именно материнская функция, как в священных, так и в мирских образах, определяет весь тип — более того, всю концепцию — женщины ". На короткий период эта мода вновь появилась в восемнадцатом веке, и женщины носили прокладки и другие приспособления для увеличения размера живота.

С эпохой Возрождения этот идеал красоты исчез из искусства. Но в реальной жизни мы все еще, кажется, прослеживаем его выживание в моде на этот класс одежды, который предполагал огромное расширение ниже талии и обеспечивал такое расширение за счет использования обручей из китового уса и подобных приспособлений. Елизаветинский фартингейл был именно таким одеянием. Первоначально это было испанское изобретение, на что указывает название (от *verdugardo*, снабженный обручами), и попало в Англию через Францию. Мы находим моду в самом разгаре в модной одежде Испании семнадцатого века, такой, какой ее увековечил Веласкес. В Англии обручи вымерли во время правления Георга III, но были возрождены на некоторое время, полвека спустя, в викторианском кринолине.^[147]

На втором месте после таза и его покровов в качестве вторичного полового признака у женщины мы должны поставить грудь.^[148] Среди варварских и цивилизованных народов красота груди обычно высоко ценится. Среди европейцев, действительно, важность этого региона настолько высоко ценится, что общее правило, запрещающее обнажать тело, отменено в его пользу, и грудь является единственной частью тела в узком смысле, которую европейской даме в полном наряде разрешено более или менее обнажать. Более того, в разные периоды, особенно в восемнадцатом веке, женщины, от природы неполноценные в этом отношении, иногда носили искусственные бюсты из воска. Дикари также иногда выражают восхищение этой частью тела, и, например, в папуасских народных сказках единственным отличительным признаком красивой женщины является торчащая грудь.^[149] С другой стороны, различные дикие народы, по-видимому, даже считают развитие груди уродливым и используют приспособления для уплощения этой части тела.^[150] Чувство, побуждающее к этой практике, небезызвестно в современной Европе, поскольку болгары, как говорят, считают развитую грудь уродливой; действительно, в средневековой Европе общий идеал женской стройности противопоставлялся развитой груди, и одежда имела тенденцию сжимать ее. Но на очень высоком уровне цивилизации это чувство неизвестно, как, впрочем, и большинству варваров, а красота женской груди и любого естественного или искусственного предмета, подчеркивающего изящные изгибы груди, является универсальным источником удовольствия.

Случайный взгляд на грудь девушки может вызвать странное волнение у самого целомудренного юноши. (Ср., например, отрывок из ранней главы *"Дома пече" Марсель Тинайр*.) Нам не нужно рассматривать это чувство как имеющее чисто сексуальное происхождение; и в дополнение даже к эстетическому элементу оно, вероятно, в какой-то степени основано на воспоминании о самых ранних ассоциациях жизни. Этот элемент ранней ассоциации был очень хорошо сформулирован давным—давно Эразмом Дарвином:

"Когда младенца вскоре после его рождения в этот холодный мир прикладывают к груди матери, сначала приятно воздействует на его чувство восприятия тепла; затем его обоняние приходит в восторг от запаха ее молока; затем его вкус удовлетворяется его вкусом; после этого аппетиты голода и жажды доставляют удовольствие обладанием своим объектом и последующим перевариванием пищи; и, наконец, осязание приходит в восторг от мягкости и гладкости молочного фонтана, источника такого разнообразия счастья.

Все эти различные виды удовольствия в конце концов начинают ассоциироваться с формой материнской груди, которую младенец обнимает руками, прижимается губами и наблюдает глазами; и таким образом приобретает более точные представления о форме материнской груди, чем о запахе, привкусе и тепле, которые он воспринимает другими органами чувств. И

поэтому в более зрелом возрасте, когда перед нами предстает какой-либо объект зрения, который своими волнистыми или спиралевидными линиями имеет какое-либо сходство с формой женской груди, будь то пейзаж с мягкими градациями подъема и опускания поверхности, или формы некоторых античных ваз, или другие произведения карандаша или резьбы, мы ощущаем общий прилив восторга, который, кажется, воздействует на все наши чувства; и если объект не слишком велик, мы испытываем влечение обнять его губами, как в раннем детстве мы обнимали грудь наших матерей ". (Э. Дарвин, *Зоономия*, 1800, том i, стр. 174.)

Всеобщее восхищение развитой грудью и развитым тазом подтверждается практикой, которая, воплощенная в корсете, практически универсальна во многих европейских странах, а также в неевропейских странах, населенных белой расой, и в той или иной форме отнюдь не неизвестна народам, не относящимся к белой расе.

Затягивание обхвата талии было мало известно грекам лучшего периода, но это практиковалось греками эпохи упадка и ими было передано римлянам; в латинской литературе есть много упоминаний об этой практике, и древние врачи писали против нее в том же смысле, что и современные врачи. Что касается христианской Европы, то может показаться, что корсет возник для удовлетворения идеала аскетизма, а не сексуального соблазна. Корсаж в раннее средневековье обхватывал и сжимал грудь и, таким образом, имел тенденцию стирать специфически женственный характер женского тела. Постепенно, однако, лиф сместился вниз, и его эффект, в конечном счете, заключался в том, чтобы сделать грудь более рельефной, а не скрыть ее. Корсет не только делает грудь более выпуклой; он имеет дополнительный эффект смещения дыхательной активности легких в направлении вверх, преимущество с точки зрения сексуального соблазна, получаемое таким образом, заключается в том, что дополнительное внимание привлекается к груди за счет придаваемого ей таким образом дыхательного движения. Этот эффект искусственного дыхания, вызванный привычным для цивилизованных женщин сжатием талии, настолько заметен и постоянен, что до недавних пор считалось, что существует реальная и фундаментальная разница в дыхании между мужчинами и женщинами, что женское дыхание грудное, а мужское - брюшное. Теперь известно, что в естественных и здоровых условиях такой разницы нет, но что мужчины и женщины дышат совершенно одинаково. Корсет, таким образом, можно рассматривать как главный инструмент сексуального обольщения, которым снабжает женщину арсенал костюмов, поскольку он дает ей способ подчеркнуть сразу два ее главных сексуальных второстепенных признака : грудь вверху, бедра и ягодицы внизу. Нас не должно удивлять, что все существующие в мире научные доказательства пагубности корсета бессильны не только отменить его, но даже обеспечить всеобщее принятие его сравнительно безвредных модификаций.

Об истории корсета написано несколько книг. Леоти ("*Корсет на века*", 1893) соглашается с разделением Бувье фаз, через которые прошел корсет: (1) ленты, или фасции, греческих и римских дам; (2) переходный период большей части средневековья, классические традиции все еще сохраняются; (3) конец средневековья и начало Возрождения, когда носили обтягивающие корсажи; (4) период корсажей из китового уса с середины шестнадцатого по конец восемнадцатого веков; (5) период современного корсета. Мы слышим о вышитых поясах у Гомера. Однако даже в Риме фасции не были широко распространены и в основном использовались либо для поддержки молочных желез, либо для сжатия их чрезмерного развития, и тогда назывались *tamillare*. Зона представляла собой пояс, который обычно носили на бедрах, особенно молодые девушки. Современный корсет представляет собой комбинацию

фасции и зоны. Именно в конце четырнадцатого века Изабо Баварская ввела обычай показывать грудь непокрытой, и тогда впервые было использовано слово "корсет".

Стратц в своей книге *"Руководство"* (стр. 366 и далее), а также в своей *"Книге "Принципы здорового образа жизни"*, главы VIII, X и XVI, также рассматривает корсет и иллюстрирует результаты сжатия тела. Краткое изложение доказательств, касающихся разницы в дыхании у мужчины и женщины, ее причин и результатов, см. в книге Хэвелока Эллиса *"Мужчина и женщина"*, четвертое издание, 1904, стр. 228-244. Что касается возможного влияния корсета и неподходящей одежды, как правило, в раннем возрасте, на развитие молочных желез, что приводит к неспособности правильно сосать грудь и, таким образом, увеличивает младенческую смертность, см., в частности, статью профессора Боллинджера (*Correspondenzblatt Deutsch. Gesell. Anthropologie*, октябрь 1899 г.).

Следует добавить, что компрессия, вызываемая корсетом, обычно не осознается и не осознается теми, кто его носит. Так, Раштон Паркер и Хью Смит в ходе двух независимых серий измерений обнаружили, что объем талии над корсетом был в среднем на два дюйма меньше, чем вокруг обнаженной талии; "подавляющее большинство, казалось, совершенно не осознавало этого факта". В одном случае разница составляла целых пять дюймов. (*Британский медицинский журнал*, 15 и 22 сентября 1900 г.)

Грудь и развитые бедра являются характерными чертами женщин и указывают на функциональную эффективность, а также на сексуальное влечение. Другим заметным сексуальным признаком, который присущ мужчине и, очевидно, не является показателем функции, являются волосы на лице. Бороду можно рассматривать исключительно как сексуальное украшение, и, таким образом, ее можно сравнить с несколько похожей растительностью на головах многих самцов животных. С этой точки зрения интересна его история, поскольку она иллюстрирует тенденцию с ростом цивилизации не просто отказываться от сексуального соблазна в первичных половых органах, но даже игнорировать те новообразования, которые, как может показаться, были созданы исключительно для того, чтобы действовать как сексуальное влечение. Выращивание бороды принадлежит исключительно варварским расам. Среди этих рас это часто рассматривается как самая священная и прекрасная часть личности, как предмет для клятвы, объект, к малейшему оскорблению которого следует относиться как к смертельному. Находясь в такой позе, она, несомненно, должна действовать как сексуальное соблазнение. "Аллах специально создал ангела на Небесах, - говорится в *"Тысяче и одной ночи"*, - у которого нет другого занятия, кроме как воспевать хвалу Создателю за то, что он дал бороду мужчинам и длинные волосы женщинам". На сексуальный характер бороды и других волосяных придатков красноречиво указывает тот факт, что аскетический дух христианства всегда стремился свести к минимуму или скрыть растительность. Однако, совершенно независимо от этого религиозного влияния, цивилизация, как правило, выступает против роста волос на мужском лице и особенно бороды. Это часть хорошо заметной тенденции цивилизации к уничтожению половых различий. Мы находим эту общую тенденцию у греков и римлян, а в целом, с определенными вариациями и колебаниями моды, и в современной Европе. Шопенгауэр часто упоминал об исчезновении бороды как о признаке цивилизации, "барометре культуры".^[151] Отсутствие растительности на лице подчеркивает эстетическую красоту формы и, как считается, не устраняет какого-либо существенного сексуального влечения.

О том, что даже египтяне считали бороду признаком красоты и предметом почитания, свидетельствует тот факт, что жрецы носили ее длинной и срезали в горе (Геродот, *Эвтерпа*, глава XXXVI). Уважение, с которым древние евреи относились к бороде, указано в повествовании (II Царств, глава X), в котором рассказывается, как, когда Давид послал своих слуг к царю Хануну, последние сбрили половину своих бород; им было слишком стыдно возвращаться в таком виде, и они оставались в Иерихоне, пока их бороды снова не отрастили. Отрывок из "Ордерик Виталис" (*Церковная история*, книга VIII, глава X) интересен как с точки зрения моды двенадцатого века в Англии и Нормандии, так и с точки зрения чувства, которое побудило Ордерика. Говоря о мужчинах своего времени, он писал: "Передняя часть их головы обнажена на манер воров, в то время как на затылке они лелеют длинные волосы, как блудницы. В прежние времена кающиеся, пленники и паломники обычно ходили небритыми и носили длинные бороды, как внешний знак их покаяния, плена или паломничества. Сейчас почти весь мир носит всклокоченные волосы и бороды, неся на своих лицах знаки своей грязной похоти, как вонючие козлы. Их локоны завиты горячими утюжками, а вместо шапочек они перевязывают головы повязками. Рыцарь редко появляется на публике с непокрытой головой и должным образом выбрит, согласно апостольской заповеди (Первое послание к Коринфянам, глава XI, стихи 7 и 14)".

Мы видели, что есть веские основания предполагать определенную фундаментальную тенденцию, согласно которой самые разные народы мира, во всяком случае, в лице их наиболее интеллектуальных представителей, признают и принимают общий идеал женской красоты, так что в определенной степени можно сказать, что красота имеет объективную эстетическую основу. Далее мы обнаружили, что этот эстетический идеал человека видоизменяется, и видоизменяется весьма неодинаково в разных странах и даже в одной и той же стране в разные периоды, в результате тенденции, вызванной сексуальным импульсом, который не обязательно согласуется с эстетическими канонами, подчеркивать или даже подавлять тот или иной из выдающихся вторичных половых признаков тела. Теперь мы подходим к другой тенденции, которая в еще большей степени ограничивает культивирование чисто эстетического идеала красоты: влиянию национального или расового типа.

Для среднего мужчины любой расы женщина, наиболее полно воплощающая тип его расы, обычно самая красивая, и даже увечья и уродства часто возникают, как давно указал Гумбольдт, в попытке подчеркнуть расовый тип.^[152] Восточные женщины от природы обладают большими и бросающимися в глаза глазами, и эту характеристику они стремятся еще больше усилить с помощью искусства. Айны - самая волосатая из рас, и нет ничего, что они считали бы более красивым, чем волосы. Трудно испытывать сексуальное влечение к людям, которые в корне не похожи на нас по расовому строению.^[153]

Часто случается, что это восхищение расовыми характеристиками приводит к идеализации черт, которые далеки от эстетической красоты. Упругая и округлая грудь, безусловно, является признаком красоты, но у многих чернокожих народов Африки грудь опадает в очень ранний период, и здесь мы иногда обнаруживаем, что висячая грудь вызывает восхищение как красивая.

Преподобный Дж. Роско утверждает, что африканские баганда (*Журнал Антропологического института*, январь-июнь 1902 г., стр. 72) восхищаются висячими грудями до такой степени, что молодые женщины подвязывают их, чтобы ускорить появление этого состояния.

"Самая замечательная черта красоты на Востоке, - писал Соннини, - это большие черные глаза, и природа сделала это характерным признаком женщин этих стран. Но, не довольствуясь этим, женщины Египта хотят, чтобы их глаза были еще больше и чернее. Чтобы достичь этого, мусульмане, еврейки и христианки, богатые и бедные, все подкрашивают свои веки галеном. Они также подкрашивают ресницы (как, по словам Ювеналия, делали римские дамы) и отмечают уголки глаз, чтобы щель казалась больше ". (Sonnini, *Voyage dans la Haute et Basse Egypte*, 1799, vol. i, p. 290.) Таким образом, тушью для век пользуются только женщины с тем, что арабы называют "естественной тушью для век". Как выяснил Флиндерс Петри, женщины так называемой "Новой расы", жившие между шестой и десятой династиями Древнего Египта, использовали галенит и малахит для раскрашивания своих лиц. Еврейские женщины во времена пророков красили глаза тушью, как и некоторые индуистки сегодня.

"Айны очень любят свои бороды. Они считают их признаком мужественности и силы и считают особенно красивыми. Они смотрят на них, действительно, как на великое и высоко ценимое сокровище". (Дж. Батчелор, *Айны и их фольклор*, стр. 162.)

Было выдвинуто множество теорий, объясняющих китайскую манеру сжимать и деформировать стопу. Китайцы большие поклонники женской стопы и проявляют по отношению к ней чрезвычайную сексуальную чувствительность. У китайок от природы очень маленькие ступни, и главную причину связывания их, вероятно, следует искать в желании сделать их еще меньше. (See, e.g., Stratz, *Die Frauenkleidung*, 1904, p. 101.)

Интересный вопрос, который частично находит свое объяснение здесь и имеет значительное значение с точки зрения полового отбора, касается относительного восхищения, оказываемого блондинкам и брюнеткам. На самом деле, этот вопрос не решается полностью расовыми особенностями. По этому поводу можно кое-что сказать с объективной точки зрения эстетических соображений. Стратц в главе о красоте цвета волос у женщин указывает, что светлые волосы красивее, потому что они лучше гармонируют с мягкими очертаниями женщины, и, можно добавить, они более ярко бросаются в глаза; золотистый предмет выглядит крупнее черного. Волосы в подмышечной впадине также, по мнению Стратц, должны быть светлыми. С другой стороны, волосы на лобке должны быть темными, чтобы подчеркнуть ширину таза и тупость угла между венерическими мышцами и бедрами. Брови и ресницы также должны быть темными, чтобы увеличить видимый размер орбит. Стратц добавляет, что среди многих тысяч женщин он видел только одну, которая, наряду с другими совершенными формами, также обладала этими превосходствами в высшей степени. При ровном матовом цвете лица у нее были светлые, очень длинные, гладкие волосы с редкими светлыми и выющимися волосами в подмышечных впадинах; но, хотя ее глаза были голубыми, брови и ресницы были черными, как и не слишком развитые волосы на лобке.^[154]

Мы можем считать вполне определенным тот факт, что, поскольку любой объективный стандарт эстетической красоты узнаваем, этот стандарт предполагает превосходство прекрасного типа женщины. Такое превосходство в красоте, несомненно, еще больше подкрепляется фактом, что в большинстве европейских стран правящая каста, аристократический класс, чья исключительная энергия привела его на вершину, несколько светлее, чем среднее население.

Однако главной причиной, определяющей относительное восхищение, которое в Европе уделяется блондинкам и брюнеткам, является тот факт, что население Европы должно рассматриваться преимущественно как белокурое, и что на наше представление о красоте

женского колорита влияет инстинктивное желание искать этот тип в его лучших формах. На севере Европы, конечно, не может быть вопроса о преобладающей справедливости населения, но в некоторых частях центра и особенно на юге это может рассматриваться как вопрос. Следует, однако, помнить, что белое население, населяющее все берега Средиземного моря, имеет чернокожие народы Африки непосредственно к югу от них. Они были склонны вступать в контакт с чернокожими народами и, в отличие от них, были склонны не только больше восхищаться собственной белизной, но и еще выше оценивать ее самые светлые проявления как представляющие тип, наиболее далекий от негритянского. Следует добавить, что северянин, приезжающий на юг, склонен переоценивать темноту южанина из-за крайней справедливости его собственного народа. Различия, однако, менее резкие, чем мы склонны предполагать; на севере больше смуглых людей, чем мы обычно предполагаем, и больше светловолосых людей на юге. Таким образом, если мы возьмем Италию, то, по словам Разери, в ее самой красивой части, Венеции, таких 8%. коммуны, в которых преобладают светлые волосы, составляют 81%. в котором преобладает коричневый цвет, и его доля составляет всего 11 процентов. в котором преобладает черный цвет; по мере продвижения дальше на юг черные волосы становятся более распространенными, но в большинстве провинций есть несколько коммун, в которых светлые волосы не только часты, но даже преобладают. Примерно то же самое происходит со светлыми глазами, которые также наиболее распространены в Венеции и уменьшаются в меньшей степени по мере продвижения на юг. Вполне возможно, что в прежние времена блондины преобладали на юге Европы в большей степени, чем сегодня. Среди берберов Атласских гор, которые, вероятно, являются союзниками южноевропейцев, по-видимому, довольно значительная доля блондинов,^[155] в то время как, с другой стороны, есть некоторые основания полагать, что блондинки вымирают под влиянием цивилизации, а также жаркого климата.

Как бы то ни было, европейское восхищение блондинками восходит к ранним классическим временам. Боги и люди у Гомера, по-видимому, часто описываются как справедливые.^[156] Венера почти всегда блондинка, как и Ева Милтона. Лукиан имеет в виду женщин, которые красят волосы. Греческие скульпторы золотили волосы своих статуй, и статуэтки во многих случаях имеют очень светлые волосы.^[157] Римский обычай окрашивать волосы в светлый цвет, как показал Ренье, был вызван не желанием быть похожим на светловолосых немцев, и когда Рим пал, оказалось, что обычай окрашивания волос сохранился и никогда не вымер; об этом упоминает Ансельм, умерший в начале двенадцатого века.^[158]

В поэзии итальянского народа брюнетки, как и следовало ожидать, получают много похвал, хотя даже здесь предпочтение отдается блондинкам. Когда мы обращаемся к художникам и поэтам Италии, а также к эстетам, писавшим о красоте начиная с эпохи Возрождения, восхищение светлыми волосами безоговорочно, хотя и нет соответствующего единодушного восхищения голубыми глазами. Анджелико и большинство художников-прерафаэлитов обычно рисовали своих женщин с льняными и светло-золотистыми волосами, которые часто становились каштановыми у художников эпохи Возрождения. Фиренцуола в своем замечательном диалоге о женской красоте говорит, что волосы женщины должны быть подобны золоту или меду или солнечным лучам. Луиджини также в своем "*Весax Donna*" говорит, что волосы должны быть золотистыми. Так же думали Петрарка и Ариосто. Однако среди этих авторов нет соответствующего пристрастия к голубым глазам. Фиренцуола сказал, что глаза должны быть темными, но не черными. Луиджини сказал, что они должны быть яркими и черными. Нифус ранее говорил, что глаза должны быть "черными, как у Венеры", а кожа цвета слоновой кости,

даже немного коричневой. Он упоминает, что Авиценна восхвалял смешанные, или серые, глаза.

Во Франции и других северных странах восхищение очень светлыми волосами столь же заметно, как и в Италии, и восходит к самым ранним эпохам, о которых у нас есть записи. "Даже до XIII века, - отмечает Гудуа в своем очень интересном исследовании женской красоты в северной Франции средневековья, - и для мужчин, и для женщин светлые волосы были необходимым условием красоты; почти исключительно для сравнения использовался термин "золотые"". ^[159] Он упоминает, что в *Священном акте* говорится, что святой Годелив из Брюгге, хотя и был красив в остальном, имел черные волосы и брови и поэтому презрительно назывался вороной. В *Песне о Роланде* и во всех французских средневековых поэмах глаза неизменно *бледные*. Этот эпитет несколько расплывчат. Оно происходит от *varius* и означает смешанный, который Гудой рассматривает как проявление различных излучений, того же качества, которое позже дало начало термину *радужная оболочка* для описания мембраны зрачка. ^[160] *Vair* таким образом, описал бы не столько цвет глаз, сколько их блеск. Хотя Гудой, возможно, был прав, все же представляется вероятным, что глаз, описанный как *vair*, обычно предполагался также "различным" по цвету, того типа, который мы обычно называем серым, который обычно наносится на голубые глаза, окруженные кольцом из слегка разбрызганного коричневого пигмента. Такие глаза довольно типичны для северной Франции и часто красивы. На то, что это было так, по-видимому, ясно указывает тот факт, что, как указывает сам Гудой, несколько столетий спустя *голубой глаз* считался *вертом*, а зеленые глаза считались самыми красивыми. ^[161] Этимология была ложной, но ложной этимологии вряд ли будет достаточно, чтобы изменить идеал. В эпоху Возрождения Жан Лемер, описывая Венеру как тип красоты, говорит о ее зеленых глазах, а Ронсар, чуть позже, пел:

"Noir je veux l'œil et brun le teint,
Bien que l'œil verd toute la France adore."

В начале шестнадцатого века Брантом цитирует некоторые строки, распространенные во Франции, Испании и Италии, согласно которым у женщины должна быть белая кожа, но черные глаза и брови, и добавляет, что лично он согласен с испанцем в том, что "брюнетка иногда равна блондинке", ^[162] но в испанской литературе также отмечается восхищение зелеными глазами; не только в типичном описании испанской красавицы в "*Селестине*" (Акт. I) являются ли глаза зелеными, но Сервантес, например, говоря о красивых глазах женщины, часто говорит о них как о зеленых.

Таким образом, представляется, что в Континентальной Европе в целом, от юга до севера, существует довольно единообразное мнение относительно пигментного типа женской красоты. Существующие вариации, по-видимому, предполагают несколько большую степень смуглости для южной красавицы в гармонии с большей расовой смуглостью южанки, но вариации колеблются в узких пределах; чрезвычайно смуглый тип всегда исключается, и поэтому представляется вероятным чрезвычайно светлый тип, поскольку голубые глаза в целом не считались частью почитаемого типа.

Если мы обратимся к Англии, то никаких серьезных изменений этого вывода не требуется. Красота по-прежнему справедлива. Действительно, само слово "справедливый" в самой Англии означает красивый. На то, что в семнадцатом веке считалось необходимым, чтобы красавица

была блондинкой, указывает отрывок из *"Анатомии меланхолии"*, где Бертон утверждает, что "золотые волосы всегда были в большом почете", и приводит множество примеров из классической и более современной литературы.^[163] О том, что это остается так, в достаточной степени свидетельствует тот факт, что балетные труппы и хор на английской сцене носят желтые парики, а героини сцены - блондинки, в то время как злодейка мелодрамы - брюнетка.

Хотя, однако, это восхищение справедливостью как признаком красоты, несомненно, преобладает в Англии, я не думаю, что можно сказать — как, вероятно, можно сказать о соседней и тесно связанной стране Франции, — что самые красивые женщины принадлежат к самой справедливой группе общества. В большинстве частей Европы грубый и некрасивый плебейский тип, как правило, очень смуглый; в Англии он, как правило, очень светлый. Англия, однако, в целом несколько светлее, чем большинство частей Европы; так что, хотя можно сказать, что очень красивая женщина во Франции или Испании может принадлежать к самой белокурой части общества, очень красивая женщина в Англии, даже если она имеет ту же степень блондинистости, что и ее континентальная сестра, не будет принадлежать к чрезвычайно белокурой части английского сообщества. Таким образом, когда мы находимся на севере Франции, мы обнаруживаем, что серые глаза, очень светлая, но еще не веснушчатая кожа, каштановые волосы, тонкие черты лица и очень чувствительное выражение лица в совокупности образуют тип, который красивее любого другого, который мы встречаем во Франции, и он принадлежит к самой прекрасной части французского населения. Однако, когда мы переезжаем в Англию, если только мы не попадаем в так называемый "кельтский" район, безнадежно искать среди самой светловолосой части общества кого-либо такого красивого и утонченного типа. Английская красавица, хотя она все еще может быть светловолосой, ни в коем случае не очень светловолосой, и с точки зрения англичан она может даже иногда казаться несколько темноволосой:^[164] Определяя то, что я называю индексом пигментации — или степенью затемнения глаз и волос — различных групп в Национальной портретной галерее, я обнаружил, что "знаменитые красавицы" (мой личный критерий красота не принимается во внимание) была несколько ближе к темному концу шкалы, чем к светлому.^[165] Если мы рассмотрим наугад отдельные экземпляры знаменитых английских красавиц, то они окажутся не слишком справедливыми. Леди Венеция Стэнли, в начале семнадцатого века ставшая женой сэра Кенелма Дигби, была несколько смугловатой, с каштановыми волосами и бровями. Миссис Оверлайт, чуть позже в том же столетии уроженка Ланкашира, жена декана собора Святого Павла, была, по словам Обри, "величайшей красавицей своего времени в Англии", хотя и очень распутной, с "прекраснейшими глазами, которые когда-либо видели"; если мы можем доверять балладе Обри, она была смуглой, с черными волосами. Ганнинги, знаменитые красавицы восемнадцатого века, не отличались особой красотой, а у леди Гамильтон, наиболее характерного типа английской красавицы, были голубые с карими крапинками глаза и темно-каштановые волосы. Окраска - это лишь один из элементов красоты, хотя и важный. При прочих равных условиях самая белокурая - самая красивая; но так уж случилось, что среди рас Великобритании остальные показатели очень часто не равны, и что, несмотря на убеждение, укоренившееся в языке, у нас прекраснейшая из женщин не всегда является "прекраснейшей". Однако эффект яркого окрашивания настолько волшебен, что он поддерживает в общественном мнении безоговорочную веру в универсальное европейское кредо красоты светлых волос.

Мы видели, что в основе концепции красоты, особенно в том, как она проявляется от женщины к мужчине, лежат по меньшей мере три фундаментальных элемента: во-первых, это общая

красота вида, поскольку она имеет тенденцию достигать высшей точки у белых народов европейского происхождения; затем есть красота, обусловленная полным развитием или даже преувеличением сексуальных и, в особенности, вторичных половых признаков; и, наконец, есть красота, обусловленная полным воплощением конкретного расового или национального типа. Чтобы сделать анализ достаточно полным, необходимо добавить по крайней мере еще один фактор: влияние индивидуального вкуса. Каждый индивид, во всяком случае, в цивилизации, в определенных узких рамках создает свой собственный женский идеал, частично на основе своей собственной особой организации и ее требований, частично на основе действительно случайного влечения, которое он испытал. Нет необходимости подчеркивать существование этого фактора, который всегда должен приниматься во внимание при каждом рассмотрении полового отбора у цивилизованного человека. Но его вариации многочисленны, и у страстных влюбленных это может даже привести к идеализации черт, которые на самом деле являются обратной стороной красоты. О многих мужчинах можно сказать, как д'Аннунцио говорит о герое своего *Триумфа Смерти* по отношению к женщине, которую он любил, что "он чувствовал себя связанным с ней реальными качествами ее тела, и не только теми, которые были наиболее красивыми, но особенно теми, которые были наименее красивыми" (романист выделяет эти слова курсивом), так что его внимание было приковано к ее недостаткам и подчеркивало их, вызывая в нем безудержное желание. Однако, не упоминая о недостатках, можно сказать, что существуют бесконечные личные вариации, которые, как можно сказать, находятся в пределах возможной красоты или очарования. "Нет двух женщин, - как замечает Стратц, - которые совершенно одинаковым образом откидывали бы со лба непослушную прядь, нет двух женщин, которые совершенно одинаково здоровались бы за руку, нет двух женщин, которые подобрали бы юбки на ходу совершенно одинаковым движением".^[166] Среди множества мельчайших различий, которые все же можно увидеть и ощутить, зритель по—разному притягивается или отталкивается в соответствии с его собственной индивидуальной особенностью, и соответственно осуществляются операции полового отбора.

Еще одним фактором в формировании идеала красоты, но, возможно, встречающимся исключительно в цивилизованных условиях, является любовь ко всему необычному, отдаленному, экзотическому. Обычно утверждается, что редкостью восхищаются в красоте. Это не совсем верно, за исключением комбинаций и характеров, которые лишь в очень незначительной степени отличаются от общепринятого типа. "*Ничто не имеет права на уточняющие варианты*", - согласно высказыванию Публилия Сира. Повышенное нервное беспокойство и чувствительность цивилизации усиливают эту тенденцию, которая нередко встречается и у людей художественного гения. Можно сослаться, например, на глубокое восхищение Бодлера красотой мулаток.^[167] В каждом крупном центре цивилизации национальный идеал красоты имеет тенденцию к некоторой модификации в экзотических направлениях, и иностранные идеалы, а также иностранная мода становятся предпочтительнее местных. Характерно для этой тенденции то, что, когда несколько лет назад предприимчивый парижский журнал повесил в своем зале портреты ста тридцати одной актрисы и т.д. и предложил публике проголосовать путем голосования за самую красивую из них, ни одна из трех женщин, занявших первое место в опросе, не была француженкой. Танцовщица бельгийского происхождения (Клео де Мероде) лидировала, набрав более 3000 голосов, за ней следовала американка из Сан-Франциско (Сибил Сандерсон), а затем полька.

[134] Фигурирует в книге Мау "Помпеи", стр. 174.

[135] Как сказал путешественнику Мертенсу уроженец Лукунора: "У нее та же цель, что и у вашей одежды, - нравиться женщинам".

[136] "Величайшие проявления похоти проявляются в нашей одежде", как утверждает Бертон (*Анатомия меланхолии*, часть III, разд. II, Память. II, подзаголовки. III), иллюстрируя это утверждение огромным опытом. Стэнли Холл (*Американский журнал психологии*, vol. ix, часть III, стр. 365 и далее.) содержит несколько интересных наблюдений о различных психических влияниях одежды; ср. Блох, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Раздел II, стр. 330 и далее.

[137] *История человеческого брака*, глава IX, особенно стр. 201. Перед нами яркий и сравнительно современный европейский пример предмета одежды, призванного привлекать внимание к сексуальной сфере в гильфике (французский *брагет*), знакомого нам по картинам пятнадцатого и шестнадцатого веков и многочисленным аллюзиям у Рабле и в елизаветинской литературе. Первоначально это была металлическая шкатулка для защиты половых органов на войне, но впоследствии она уступила место кожаному футляру, который носили только представители низших классов, и, наконец, стала элегантным предметом модной одежды, часто изготовленным из шелка и украшенным лентами, даже золотом и драгоценными камнями. (See, e.g., Bloch, *Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia Sexualis*, Teil I, p. 159.)

[138] Корреспондент на Цейлоне указал мне, что на индийских статуях Будды, Вишну, богинь и т.д. ожерелье всегда прикрывает соски, являясь, таким образом, сексуально привлекательным украшением, которое в то же время защищает отверстия тела. Кроули (*Мистическая Роза*, стр. 135) рассматривает увечья как постоянные амулеты или обереги.

[139] Мантегацца, обсуждая этот момент, хотя и является горячим поклонником женской красоты, решает, что женские формы в целом не красивее мужских. Смотрите Приложение к Шапке. IV of *Fisiologia della Donna*.

[140] Обсуждение антропологии женского таза см. Плосс и Бартельс, *Das Weib*, bd. 1. Раздел VI.

[141] Плосс и Бартельс, *лок. цит.*; Деникер, *Ревю д'Антропология*, 15 января 1889 г., и *Расы человека*, стр. 93.

[142] Дарвин.

[143] Г. Ф. Уоттс, "О вкусе в одежде", *Девятнадцатый век*, 1883.

[144] Со средневековых времен существовала тенденция относиться к ягодичной области с презрением, тенденция, хорошо заметная в речи и обычаях низших классов современной Европы, но нелегко прослеживаемая в классические времена. Dühren (*Das Geschlechtsleben in England*, bd. II, стр. 359 и далее.) приводит цитаты из эстетических авторов и других, посвященных красоте этой части тела.

[145] Соннины, *Путешествие и др.*, том i, стр. 308.

[146] Ploss and Bartels, *Das Weib*, bd. 1, Sec. III; Мантегацца, *Физиология Донны*, Глава III.

[147] Блох объединяет различные интересные цитаты, касающиеся фартингейла и кринолина. (*Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia Sexualis*, Teil I, p. 156.) Он утверждает, что, как и большинство других женских фасонов одежды, это, безусловно, было изобретено проститутками.

[148] Расовые различия в форме и характере груди велики, и существуют значительные различия даже среди европейцев. Однако даже в отношении последнего наши знания все еще очень расплывчаты и неполны; здесь открывается плодотворное поле деятельности для медицинского антрополога. Плосс и Бартельс свели воедино существующие данные (*Das Weib*, bd. I, раздел VIII). Stratz also discusses the subject (*Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, Chapter X).

[149] *Кембриджская антропологическая экспедиция в Торресов пролив*, том v, стр. 28.

[150] Описание этих устройств и иллюстрации приведены Плоссом и Бартельсом, *Das Weib* (источник. цит. по).

[151] Смотрите, например, *Parerga und Paralipomena*, bd. I, стр. 189, и bd. 2, стр. 482. Молл также обсуждал этот момент (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. I, стр. 384 и далее.).

[152] Говоря о некоторых южноамериканских племенах, он замечает (*Путешествия*, английские переводы, 1814, т. iii. стр. 236), что они "испытывают такую же сильную антипатию к бороде, с каким восточные народы относятся к ней с почтением. Эта антипатия проистекает из того же источника, что и пристрастие к плоским лбам, которое столь необычным образом прослеживается в статуях ацтекских героев и божеств. Нации придают представление о красоте всему, что особенно характеризует их собственное физическое строение, их естественную физиономию". См. также Вестермарк, *История брака*, стр. 261. Рипли (*Расы Европы*, стр. 49, 202) придает большое значение половому отбору, основанному на тенденции такого рода.

[153] "Расовые различия непреодолимы", - замечает Абель Хермант (*"Исповедь единственного друга"*, стр. 209), - "и между двумя существами, которые любят друг друга, они не могут не вызывать исключительной и поучительной реакции. В первом поверхностном порыве любви, действительно, не может проявиться ничего примечательного, но через довольно короткое время двое влюбленных, от природы враждебные, в стремлении приблизиться друг к другу натываются на невидимую перегородку, которая разделяет их. Их чувства различны; все в каждом шокирует другого; даже их анатомическое строение, даже язык их жестов - все чужое".

[154] С. Н. Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, fourteenth edition, Chapter XII.

[155] См., например,, Серджи, *Средиземноморская раса*, стр. 59-75.

[156] Серджи (*Средиземноморская раса*, глава 1), анализируя цветочные эпитеты Гомера, утверждает, что в очень немногих случаях они подразумевают справедливость; но его попытка едва ли кажется успешной, хотя большинство этих эпитетов, несомненно, расплывчаты и включают определенный диапазон возможных цветов.

[157] Исследование Леша многочисленных реалистичных цветных статуй, недавно обнаруженных в Греции (обобщено в *Zentralblatt für Anthropologie*, 1904, ч. 1, стр. 22), показывает, что за немногими исключениями волосы у них светлые.

[158] Ренье, *Типично эстетический*, стр. 127 и далее. В другой книге, "*Женщины-блондинки, избранные в Венецианскую школу*" "Среди венецианцев" (одним из таких "венецианцев" является Арман Баше), собрано много информации о литературных предпочтениях блондинок, а также множество рецептов, которые в древности использовались для придания волосам светлого оттенка.

[159] J. Houdoy, *La Beauté des Femmes dans la Littérature et dans l'Art du XIIe au XVIe Siècle*, 1876, pp. 32 et seq.

[160] Гудой, указ. соч., стр. 41 и далее.

[161] Гудой, указ. соч., стр. 83.

[162] Брантом, *Борьба галантных дам*, Дискурс II.

[163] *Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел. II, Память. II, подзаголовки. II.

[164] Примечательно, что Бертон (*Анатомия меланхолии*, лок. цит. по), восхваляя золотистые волосы, также утверждает, что "из всех глаз черные самые влажные и дружелюбные", цитируя множество примеров на этот счет из классической и более поздней литературы.

[165] "Относительные способности светлых и темных", *Ежемесячный обзор*, август 1901 г.; ср. Х. Эллис, *Исследование британского гения*, стр. 215.

[166] Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, p. 217.

[167] Блох (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 261 и далее.) объединяет некоторые факты, касающиеся восхищения негритянками в Париже и других местах.

III.

Содержание

Красота — не единственный элемент сексуальной привлекательности Видения—Движения—Зеркала—Нарциссизма—пигмалионизма—Миксоскопии—Безразличия женщин к мужской красоте—Значения женского восхищения силой—Зрелище Силы - это осязаемое качество, ставшее видимым.

Наше обсуждение сенсорного элемента зрения в половом отборе человека было главным образом попыткой выделить главные элементы красоты в той мере, в какой красота является стимулом сексуального инстинкта. Красота ни в коем случае не охватывает все влияния, которые создают сексуальное влечение через видение, но это точка, в которой фокусируются все самые мощные и тонкие из них; она представляет собой довольно определенный комплекс, апеллирующий одновременно к сексуальным и эстетическим импульсам, которым никакое другое чувство не может предоставить ничего в какой-либо степени аналогичного. Именно потому, что на нем возникло такое представление о красоте, зрение должным образом занимает в человеке высшее положение с той точки зрения, которую мы здесь занимаем.

Таким образом, красота является главным, но не единственным элементом сексуальной привлекательности vision. Во всех частях света это всегда хорошо понимали, и в процессе ухаживания, в попытках вызвать возбуждение, обращения к зрению умножались, и в то же время им помогали обращения к другим органам чувств. Движение, особенно в форме танца, является наиболее важным из вторичных обращений к зрению. Это настолько хорошо известно, что вряд ли есть необходимость настаивать на этом здесь; может быть, достаточно сослаться на один типичный пример. Самым приличным из полинезийских танцев, по словам Уильяма Эллиса, былахура, которую танцевали дочери вождей в присутствии высокопоставленных молодых людей в надежде заполучить будущего мужа. "Дочерей вождей, которые были танцовщицами на этих мероприятиях, иногда было пять или шесть, хотя иногда только одна демонстрировала свою симметричность фигуры и грациозность движений. Их одежда была необычной, но элегантной. Голова была украшена тонкой и красивой косой из человеческих волос, намотанной вокруг головы в виде тюрбана. Головной убор украшал тройной венок из алых, белых и желтых цветов. Нижнюю часть груди прикрывал свободный жилет из пятнистой ткани. Тихи из тонкой белой плотной ткани, часто отороченной алой каймой, собирались наподобие большой оборки, проходили под мышками и доходили ниже талии; в то время как красивая тонкая ткань, стянутая вокруг талии лентой или поясом, прикрывала ноги. Грудь были украшены радужными перламутровыми раковинами и покрывалом из сети причудливой работы и перьев. Музыкой хуры были большой и малый барабаны, а иногда и флейта. Движения, как правило, были медленными, но всегда легкими и естественными, и никакие усилия со стороны исполнителей не стремились сделать их грациозными и привлекательными".^[168] Здесь, в этом очень типичном примере, мы видим, как посторонние визуальные средства движения, цвета и яркости используются в сочетании с музыкой, чтобы сделать привлекательность красоты более убедительной в процессе полового отбора.

Здесь, возможно, уместно упомянуть мимоходом о значительном месте, которое зрение занимает в нормальных и ненормальных методах усиления припухлости при обстоятельствах, исключающих определенный отбор по красоте. Действие зеркал относится к этой группе явлений. Зеркала в изобилии присутствуют в борделях высокого класса — на стенах, а также над кроватями. Невинные юноши и девушки также часто испытывают побуждение созерцать себя в зеркалах и иногда таким образом вызывают первые признаки сексуального возбуждения. Я упоминал о развитых формах такого рода самосозерцания при изучении аутоэротизма и в этой связи ссылался на басню о Нарциссе, откуда Нэкке впоследствии изобрел термин "нарциссизм" для этой группы явлений. Необходимо только упомянуть огромное производство фотографий, изображающих нормальные и ненормальные сексуальные действия, специально подготовленных с целью возбуждения или удовлетворения сексуальных appetites, и частоту, с которой даже обычные фотографии обнаженной натуры вызывают ту же похоть в глазах.

Пигмалионизм, или влюбленность в статуи, - редкая форма эротомании, основанная на чувстве видения и тесно связанная с очарованием красотой. (Я здесь использую "пигмалионизм" как общий термин для обозначения сексуальной любви к статуям; иногда это ограничивается случаями, когда мужчина требует от проститутки, чтобы она приняла на себя роль статуи, которая постепенно оживает, и находит сексуальное удовлетворение только в этом исполнении; Эйленбург приводит примеры, *Сексуальная невропатия*, стр. 107.) Эмоциональный интерес к статуям ни в коем случае не редкость среди молодых людей в подростковом возрасте. Гейне в

"Флорентийских ночах" описывает переживания мальчика, испытавшего сентиментальную любовь к статуе, и, поскольку эта книга представляется в значительной степени автобиографичной, инцидент, возможно, был основан на факте. Молодые люди иногда мастурбировали перед статуями и даже перед изображением Девы Марии; такие случаи известны священникам и упоминаются в руководствах для исповедников. Пигмалионизм, по-видимому, не был редкостью среди древних греков, и это приписывалось их эстетическому чувству; но это проявление связано скорее с отсутствием, чем с присутствием эстетического чувства, и мы можем наблюдать среди самих себя, что именно невежественные и некультурные люди чувствуют непристойность статуй и таким образом выдают свое ощущение сексуальной привлекательности таких объектов. Мы должны помнить, что в Греции статуи играли очень важную роль в жизни, а также что они были окрашены и, следовательно, более реалистичны, чем у нас. Лукиан, Афинея, Элиан и другие ссылаются на случаи, когда мужчины влюблялись в статуи. Тарновский (*Сексуальный инстинкт*, английское издание, стр. 85) упоминает случай с молодым человеком, арестованным в Санкт-Петербурге за то, что он посещал при лунном свете статую нимфы на террасе загородного дома, а Крафт-Эбинг цитирует из французской газеты случай, произошедший в Париже весной 1877 года, когда садовник влюбился в Венеру в одном из парков. (И. Блох, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, раздел II, стр. 297-305, сводит воедино различные факты, относящиеся к этой группе проявлений.)

Некрофилия, или сексуальное влечение к трупам, иногда рассматривается как имеющее отношение к пигмалионизму. Это, однако, более глубокое болезненное проявление, и, возможно, его можно рассматривать как разновидность извращенного садизма.

Основываясь на зрении, мы также обнаруживаем явление, граничащее с ненормальным, которое Молл назвал микроскопией. Это означает сексуальное удовольствие, получаемое от зрелища других лиц, совершающих естественные или извращенные сексуальные действия. (Moll, *Konträre Sexualempfindung*, third edition, p. 308. Молл считает, что в некоторых случаях микроскопия связана с мазохизмом. Однако между этими двумя явлениями нет необходимой связи.) Публичные дома готовы принять посетителей, которые просто хотят посмотреть, и для их удобства предусмотрены тщательно продуманные глазки; таких посетителей в Париже называют "*вуайеристами*". Коффиньон говорит, что люди прячутся по ночам в кустах на Елисейских полях в надежде стать свидетелями подобных сцен между служанками и их любовниками. В Англии во время загородной прогулки я наткнулся на пожилого мужчину, осторожно укрывшегося за кустом и пристально наблюдавшего в свой полевой бинокль за парой влюбленных, возлежащих на берегу, хотя действия последнего, по-видимому, не были отмечены каким-либо избытком неприличия. Такие импульсы лишь слегка ненормальны, что бы ни говорили о них с точки зрения хорошего вкуса. Они не очень далеки от законного любопытства молодой женщины, которая, полагая, что за ней никто не наблюдает, направляет свой бокал на группу молодых людей, купающихся голышом. Они становятся по-настоящему извращенными только тогда, когда получаемое таким образом удовлетворение отдается предпочтению естественному сексуальному удовлетворению. Они также ненормальны, когда в них участвует, например, мужчина, желающий стать свидетелем соития своей жены с другим мужчиной. Мне рассказывали о случае с ученым человеком, который поощрял свою жену поощрять ухаживания своего молодого друга в его собственной гостиной, при этом сам он оставался в присутствии и, по-видимому, не обращал на это внимания; молодой человек был удивлен, но смирился с ситуацией. В таком случае, когда мотивы, приведшие к этому эпизоду, неясны, мы не должны слишком поспешно предполагать, что здесь замешан мазохизм или

даже микроскопия. Для получения информации по некоторым из упомянутых выше моментов см., например, I. Блох, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава I, стр. 200 и далее.; Глава II, стр. 195 и далее.

Однако, какой бы широкой ни была привлекательность красоты при половом отборе, нельзя сказать, что она каким-либо образом охватывает все поле зрения в его сексуальных отношениях. Красота в человеческом роде - это, прежде всего, женский атрибут, делающий его привлекательным для мужчин. Даже для женщин, как уже отмечалось, красота по-прежнему остается женским качеством, которым они обычно восхищаются, а в случаях инверсии поклоняются с пылом, равным, если не превосходящим, тому, что испытывают нормальные мужчины. Но нормальная женщина не испытывает соответствующего культа мужской красоты. Совершенство тела мужчины не уступает женскому по красоте, но изучение его привлекает только художника или эстетика; оно вызывает сексуальный энтузиазм почти исключительно у мужчин-инвертированных полов. Как бы то ни было среди животных или даже среди дикарей, в цивилизации мужчина, пользующийся наибольшим успехом у женщин, не является самым красивым мужчиной, а может быть и наоборот красивым.^[169] Согласно старой поговорке, девушка, которой приходится выбирать между Адонисом и Геркулесом, выберет Геркулеса.

Корреспондент пишет: "Мужчин, как правило, в первую очередь привлекает женская красота, будь то лицо или фигура. Часто это высшая форма любви, на которую они способны. Лично моя собственная любовь всегда проистекает из этого. В случае с моей женой, безусловно, была закладка дружбы и моральных симпатий, но сами по себе они никогда бы не переросли в любовь, если бы она не была молода и хороша собой. Более того, я испытывал сильную страсть к другим женщинам, в мои отношения с которыми не входили элементы моральной или умственной симпатии. И всегда, с уходом молодости и красоты, я считаю, что должна передать свою любовь кому-то другому.

"Так вот, мне кажется, что в женщине этот элемент красоты и молодости присутствует не так сильно. Я опросил большое количество женщин — замужних, незамужних, молодых и пожилых леди, продавщиц, прислугу, проституток, женщин, которых я знал только как подруг, других, с которыми у меня были сексуальные отношения, — и я не могу вспомнить ни одного случая, когда женщина сказала, что влюбилась в мужчину из-за его внешности. Наиболее близким к какому-либо проявлению этого был случай с одной из них, которая заметила красивого мужчину, сидящего рядом с нами в отеле, и сказала мне: "Я бы хотела, чтобы он поцеловал меня".

"Я также заметил, что женщинам не нравится смотреть на мое обнаженное тело, так как мне нравится смотреть на их. Моя жена несколько раз касалась рукой моего тела и выражала удовольствие от ощущения моей кожи. (У меня очень светлая, нежная кожа.) Но я никогда не видел, чтобы женщины проявляли такое возбуждение, которое вызывает у меня вид их тел, на которые я люблю смотреть, гладить, целовать повсюду".

Интересно отметить в этой связи, что восхищение силой присуще не только человеческим женщинам. Именно зрелищем своей силы самец у многих низших животных сексуально воздействует на самку. Дарвин должным образом учитывает этот факт, в то время как некоторые эволюционисты, и особенно Уоллес, считают, что он охватывает всю область полового отбора. Когда выбор существует, утверждает Уоллес, "все факты, по-видимому, согласуются с выбором в зависимости от множества мужских характеристик, с некоторыми из которых часто коррелирует цвет. Таким образом, некоторые из лучших наблюдателей придерживаются мнения, что

энергичность и живость наиболее привлекательны, и они, без сомнения, обычно ассоциируются с некоторой интенсивностью цвета... Есть основания полагать, что именно его [самца птицы] настойчивость и энергия, а не его красота, побеждают в этот день". (А. Р. Уоллес, *Тропическая природа*, 1898, стр. 199.) В своей более поздней книге "*Дарвинизм*" (стр. 295) Уоллес подтверждает свою позицию о том, что половой отбор означает, что в соперничестве самцов за самку преимущество получает наиболее энергичный; "украшение, - добавляет он, - является естественным продуктом и прямым следствием избыточного здоровья и энергии". Что касается любви женщины к силе, см. Вестермарк, *История брака*, стр. 255.

Женщины больше восхищаются силой мужчины, чем его красотой. Это утверждение распространено и соответствует истине, но, насколько мне известно, его значение никогда не анализируется. Я думаю, когда мы разберемся в этом, то обнаружим, что это приводит нас к особому разделу визуальной сферы сексуального обольщения. Зрелище силы, хотя оно остается строго в поле зрения, действительно вызывает у нас, хотя и бессознательно, впечатления, которые соотносятся с другим чувством — осязанием. Мы инстинктивно и неосознанно преобразуем видимую энергию в энергию давления. Восхищаясь силой, мы на самом деле восхищаемся тактильным качеством, которое стало видимым. Следовательно, можно сказать, что, в то время как через зрение мужчины подвергаются сексуальному воздействию в основном более чисто визуального качества красоты, женщины более сильно подвержены визуальным впечатлениям, которые выражают качества, относящиеся к более фундаментальному сексуальному чувству осязания.

Следует добавить, что различие между точкой зрения мужчины и точкой зрения женщины, отмеченное здесь, не является абсолютным. Даже для мужчины красота со всеми этими компонентами, которые мы уже проанализировали, не является единственным сексуальным соблазном зрения. Женщина не обязательно сексуально привлекательна в соотношении с ее красотой, и даже при высокой степени красоты может обладать низкой степенью привлекательности. Добавление живости или томности может придать сексуальное очарование, и каждое из них представляет собой переведенное тактильное качество, которое обладает неясной силой из-за смутных сексуальных подтекстов.^[170] Но в то время как у мужчины потребность в этих переведенных в видимую привлекательность женщины качествах давления обычно не осознается достаточно четко, у женщины соответствующая тяга к визуальному выражению энергии давления гораздо более выражена и преобладает. Нетрудно понять, почему это должно быть так, даже не прибегая к обычному объяснению, что естественный отбор подразумевает, что самка выбирает самца, который с наибольшей вероятностью станет отцом сильных детей и лучшим защитником своей семьи. Более энергичная часть физической любви принадлежит мужчине, более пассивная - женщине; так что, хотя энергия в женщине не является показателем эффективности в любви, энергия в мужчине дает кажущийся показатель существования основного качества сексуальной энергии, которого женщина требует от мужчины в сексуальных объятиях. Это может быть ошибочным показателем, поскольку мышечная сила не обязательно коррелирует с сексуальной энергией, а в крайних степенях, по-видимому, больше коррелирует с ее отсутствием. Но это создает, по выражению Стендаля, вероятность страсти, и в любом случае это все еще остается символом, который не может не иметь своего эффекта. Мы, конечно, не должны предполагать, что эти соображения всегда или часто присутствуют в сознании девушки, которая "в смущении превращается из Адониса в Геркулеса", но эмоциональное отношение коренится в более или менее безошибочных инстинктах. Таким образом, случается, что даже в области визуальной привлекательности

половой отбор влияет на женщин на основе более примитивного чувства осязания, фундаментально сексуального чувства.

Женщины очень чувствительны к качеству мужских прикосновений и, по-видимому, ищут контакта и давления и наслаждаются ими в большей степени, чем мужчины, хотя в раннем подростковом возрасте этот импульс, по-видимому, замечен у обоих полов. "Есть что—то странно притягательное для большинства женщин, — замечает Джордж Элиот в *"Мельнице на флоссе"*, - в этом предложении твердой руки; физически в этот момент в помощи нет необходимости, но ощущение помощи - присутствие силы, которая находится вне их, но все же принадлежит им - восполняет постоянную нехватку воображения".

Женщины часто очень критически относятся к прикосновениям мужчины и его способу рукопожатия. Стэнли Холл (*Юность*, т. ii, стр. 8) цитирует замечание одаренной леди: "Раньше я говорила, что, как бы сильно мне ни нравился мужчина, я никогда не смогла бы выйти за него замуж, если бы мне не нравилось прикосновение его руки, и я чувствую это до сих пор".

Среди элементов сексуальной привлекательности, которые особенно привлекают женщин, чрезвычайная личная чистоплотность, по-видимому, занимает более высокое место, чем в глазах мужчины, и некоторые мужчины, действительно, предъявляют к женщине удивительно низкие требования в этом отношении. Если это так, мы можем связать это с тем фактом, что красота в глазах женщины в гораздо большей степени, чем в глазах мужчины, отражает энергию, другими словами, отражает сокращение давления, с которым вопрос физической чистоты неизбежно связан более тесно, чем с картиной чисто визуальной красоты. Примечательно, что Овидий (*Ars Amandi*, lib. I) призывает мужчин, желающих понравиться женщинам, оставить искусство украшения и женственности тем, чья любовь гомосексуальна, и уделять скрупулезное внимание крайней опрятности тела и одежды в каждой детали, загорелой коже и отсутствию какого-либо запаха. Примерно две тысячи лет спустя Браммелл, в эпоху, когда экстравагантность и изнеженность часто были характерны для моды мужчин, ввел новый идеал ненавязчивой простоты, чрезвычайной чистоты (без использования духов) и изысканного вкуса; он питал отвращение к любой эксцентричности и, можно сказать, составил традицию, которой англичане с тех пор стремились более или менее успешно следовать; женщины его боготворили.

Можно добавить, что о внимательности женщин к тактильным контактам свидетельствует частота, с которой у них это принимает болезненные формы, такие как *желание контакта*, ужас перед загрязнением, преувеличенный страх прикосновения к грязи. (См., например, Raymond and Janet, *Les Obsessions et la Psychasthénie*.)

[168] Уильям Эллис, *Полинезийские исследования*, второе издание, 1832, том 1, стр. 215.

[169] У Стендаля (*"О любви"*, глава XVIII) есть несколько замечаний по этому поводу, и он ссылается на влияние на женщин, которым обладал Лекен, знаменитый актер, который был необычайно уродлив. "Мы требуем *страсти*, - замечает он, - а красота дает только *вероятности*".

[170] Очарование женской одежды для мужчины часто отчасти объясняется ее выразительностью в создании впечатления энергии, бодрости или томности. Это часто осознавали поэты, и особенно Херрик, который был необычайно чувствителен к этим качествам женской одежды.

IV.

Содержание

Предполагаемое очарование неравенства в сексуальном влечении—Восхищение высоким ростом—Восхищение темной пигментацией—Очарование паритета—Супружеское спаривание—Статистические результаты наблюдений в отношении общего внешнего вида, роста и пигментации супружеских пар—Преимущественное спаривание и ассортативное спаривание—Природа преимущества, достигнутого прекрасными в половом отборе—Отвращение к инцесту и теории его причины—Объяснение на самом деле простое—Отвращение к инцесту по отношению к половому отбору—Пределы очарования паритета в супружеском спаривании—Очарование о неравенстве вторичных половых признаков.

Когда мы имеем дело с чувствами осязания, обоняния и слуха, в настоящее время невозможно и всегда должно оставаться несколько затруднительным точное исследование степени и направления их влияния на половой отбор. Мы можем выстроить по порядку — как и было предпринято здесь — основные факты и соображения, которые ясно указывают на то, что такое влияние существует и должно быть, но мы не можем даже попытаться оценить его определенное направление и тем более точно измерить его. Что касается видения, то мы находимся в несколько лучшем положении. Можно оценить направление влияния, которое определенные видимые признаки оказывают на половой отбор, и даже попытаться их фактическое измерение, хотя часто возникают сомнения относительно интерпретации таких измерений.

Таким образом, два факта позволяют более точно определить влияние зрения на половой отбор, чем влияние других органов чувств. Во-первых, мужчины и женщины сознательно ищут определенные видимые черты в людях, к которым их влечет; другими словами, их "идеалы" подходящего партнера являются визуальными, а не тактильными, обонятельными или слуховыми. Во-вторых, независимо от того, являются ли такие "идеалы" действенными при фактическом спаривании, или же они модифицируются или даже подавляются более мощными психологическими или общебиологическими воздействиями, в любом случае возможно измерить и сравнить видимые характеры спаривающихся людей.

Двумя видимыми признаками, которые одновременно чаще всего выявляются у партнера и которые легче всего поддаются измерению, являются степень роста и пигментация. Каждый юноша или девушка представляет себе человека, которого он или она хотели бы видеть в качестве возлюбленного, высоким или невысоким, светловолосым или смуглым, и такие характеры поддаются измерению и были измерены в большом масштабе. Для иллюстрации проблемы полового отбора у человека интересно кратко рассмотреть, какие результаты в настоящее время получены относительно влияния этих двух признаков.

Долгое время было широко распространено мнение, что невысоких людей сексуально привлекают высокие люди, а высоких - низкорослые; что в вопросе роста мужчины и женщины подвержены влиянию того, что Бейн называл "очарованием неравенства". Оно не всегда преобладало. Много веков назад Леонардо да Винчи, чья проницательность во многих вопросах предвосхитила наши самые современные открытия, ясно и неоднократно подтверждал очарование равенства. Отметив, что художники склонны изображать фигуры, похожие на них самих, он добавляет, что мужчины также влюбляются в тех, кто похож на них самих, и женятся на них; "*chi s'innamora voluntieri s'innamorano de cose a loro simiglianti*", - говорит он в другом месте.^[171] Но с того дня и по сей день, похоже, заявления Леонардо оставались неизвестными или незамеченными. Бернарден де Сен-Пьер сказал, что "любовь - это результат контрастов", и Шопенгауэр очень решительно подтвердил то же самое; различные научные и ненаучные авторы повторяли это утверждение.^[172]

Что касается роста, то, по-видимому, очень мало оснований предполагать, что это "очарование неравенства" играет какую-либо заметную роль в формировании сексуальных идеалов как мужчин, так и женщин. Действительно, вероятно, можно утверждать, что и мужчины, и женщины стремятся к высокому росту в человеке, к которому они испытывают сексуальное влечение. Дарвин цитирует мнение Мэйхью о том, что среди собак самок сильно привлекают самцы крупного размера.^[173] Я верю, что это правда, и, вероятно, это всего лишь частный случай общей психологической тенденции.

Примечательно, что в качестве указания на направление сексуального идеала в этом вопросе героини романистов-мужчин редко бывают невысокими, а герои романисток-женщин почти неизменно высокими. Рецензент романов, обращающийся к женщинам-романисткам в "Спикере" (26 июля 1890 г.) "Мольбе о героях поменьше ростом", публикует статистику по этому поводу. "Героев, - заявляет он, - в этом году стало больше, чем когда-либо. Из 192 человек, о которых я могу сказать свое слово с октября прошлого года, 27 были просто высокими, а 11 - лишь немного выше среднего роста. Не менее 85 человек имели подошвы для чулок длиной ровно шесть футов, а остальные были значительно больше двух ярдов. Я полагаю, что средний рост составляет шесть футов три дюйма".

В качестве небольшой проверки предполагаемого "очарования неравенства", а также общей степени, в которой высокие и низкорослые люди привлекаются представителями противоположного пола в качестве партнеров, я изучил серию статей в *Round-About*, публикации, выпускаемой клубом, президентом которого является мистер У. Т. Стэд, имеющей целью пропаганду переписки, дружбы и брака между его членами. Есть две категории записей, одна из которых сделана с целью "интеллектуальной дружбы", другая - с целью заключения брака. Я не считал необходимым признавать здесь это различие; если мужчина описывает свои собственные физические характеристики и характеристики женщины, которую он хотел бы видеть в качестве подруги, я предполагаю, что с точки зрения настоящего исследования он находится на том же уровне, что и мужчина, ищущий жену. В серии записей, которые я изучил, 35 мужчин и женщин указывают приблизительно рост мужчины или женщины, с которыми они хотят познакомиться; 30 дополнительно указывают свой собственный рост. Результаты представлены в таблице на следующей странице.

Хотя случаев немного, результаты в двух основных отношениях достаточно ясны без умножения данных. Во-первых, те, кто стремится к равенству, будь то мужчины или женщины, имеют

большинство по сравнению с теми, кто стремится к неравенству. Во-вторых, существование какого-либо неравенства вообще обусловлено только всеобщим желанием найти высокого человека. Ни один мужчина или женщина не считает низкорослость своим идеалом. Сам факт, что ни один мужчина в этих первоначальных объявлениях не осмеливается назвать себя невысоким (хотя значительная часть из них описывает себя как высоких), указывает на осознание того, что невысокий рост нежелателен, как и тот факт, что женщины очень часто называют себя высокими.

То же очарование несоответствия, которое, как предполагалось, управляет избирательным влечением в отношении роста, было также допущено в отношении пигментации. Говорят, светлых привлекает темнота, а темных - светлые. Опять же, следует сказать, что это распространенное предположение не подтверждается ни самоанализом, ни какой-либо попыткой поставить вопрос на статистическую основу.^[174]

Женщины. МУЖ. ИТОГИ.

Высокие женщины ищут высоких мужчин.. 8 Высокие мужчины ищут высоких женщин .. 6 14

Невысокие женщины ищут невысоких мужчин 0 Невысокие мужчины ищут невысоких женщин 0 0

Женщины среднего роста ищут мужчин среднего роста, ищут мужчин среднего роста 0 женщин среднего роста.... 3 3

Стремитесь к равенству..... 8 Стремитесь к равенству..... 9 17

Высокие женщины ищут невысоких мужчин. 0 Высокие мужчины ищут невысоких женщин. 0 0

невысокие женщины ищут высоких мужчин. 4 невысоких мужчины ищут высоких женщин. 0 4

Женщина среднего роста ищет мужчин среднего роста, ищет высоких высоких мужчин..... 1 женщины 8 9

Стремитесь к несоответствию 5 Ищите несоответствия..... 8 13

Мужчины неизвестного роста ищут высоких женщин..... 5 5

Большинство людей, которые тщательно проанализируют свои собственные чувства и идеалы в этом вопросе, обнаружат, что их не привлекают лица противоположного пола, которые разительно отличаются от них самих пигментными чертами характера. Даже когда абстрактный идеал сексуально желанного человека наделен определенными пигментными признаками, такими как голубые глаза или смуглость, — любой из которых способен придать воображению смутную романтическую привлекательность, — при тестировании чувств к конкретным людям обычно обнаруживается, что отклонения от личностного типа субъекта обычно приятны только в узких пределах, и что существует очень распространенная тенденция для лиц совершенно

противоположных пигментных типов, даже если иногда считается, что они обладают определенной эстетической красотой, рассматриваться как сексуально непривлекательные или даже отвратительный. С этим чувством, возможно, связано чувство, безусловно, очень широко распространенное, что не хотелось бы вступать в брак с человеком чужой, пусть и близкородственной расы.

Из того же номера *Сводки*, из которого я извлек данные о росте, я получил соответствующие данные о пигментации и воплотил их в следующей таблице. Они также очень скудны, но, вероятно, дают такое же хорошее общее представление о смещении идеалов в этом вопросе, какое мы могли бы получить из более обширных данных того же характера.

Женщины. МУЖ. ИТОГИ.

Честные женщины ищут честных мужчин. 2	Светлых мужчины ищут светлых женщин
2 4	
Темная женщина ищет темного мужчину 1	Темные мужчины ищут темных женщин 7
8	

Стремитесь к равенству..... 3	Стремитесь к равенству..... 9 12
-------------------------------	----------------------------------

Светлые женщины ищут темных мужчин. 4	Светловолосые мужчины ищут смуглых женщин
3 7	

Смуглая женщина ищет светловолосого мужчину 1	Смуглые мужчины ищут светловолосых женщин 4 5
---	---

Мужчина со средним цветом кожи ищет

Ищите несоответствия	5 смуглая женщина	1 1
----------------------------	-------------------------	-----

Мужчина со средним цветом кожи ищет светловолосую женщину	1 1
---	-----

Ищите несоответствия	9 14
----------------------------	------

Мужчины неизвестного цвета кожи ищут смуглых женщин	3 3
---	-----

Будет видно, что в случае пигментации нет, как в случае роста, решительного очарования равенства в формировании сексуальных идеалов. Явление, однако, остается по существу аналогичным. Точно так же, как в отношении роста все без исключения испытывают абстрактное восхищение высокими людьми, так и здесь, хотя и в менее заметной степени, наблюдается всеобщее восхищение темноволосыми людьми. Целых 6 из 8 женщин и 14 из 21 мужчины ищут темного партнера. Эта тенденция согласуется с уже выдвинутыми соображениями (стр. 182), приводя нас к мысли, что, во всяком случае, в Англии восхищение справедливостью неэффективно способствует какому-либо половому отбору, и что, если такой отбор действительно существует, его следует приписывать другим причинам. Без сомнения, даже в Англии абстрактно-эстетическое восхищение справедливостью оправдано и может повлиять на художника. Вероятно, это также влияет на поэта, на которого влияет давно

установившаяся традиция выступать за справедливость, а возможно, также общая тенденция наших поэтов быть честными и поддаваться очарованию равенства - тенденция отдавать предпочтение женщинам своего происхождения, — которая, как мы уже убедились, является реальной силой.^[175] Но, на самом деле, наши знаменитые английские красавицы не очень белокуры; вероятно, наши самые красивые мужчины не очень белокуры, и абстрактные сексуальные идеалы как наших мужчин, так и наших женщин, таким образом, уходят во тьму.

Формирование сексуального идеала, хотя оно и создает предрасположенность к влечению в определенном направлении и, несомненно, имеет определенный вес при сексуальном выборе, ни в коем случае не является завершением полового отбора. Это даже не весь психический элемент в половом отборе. Возьмем, к примеру, вопрос о росте. По-видимому, существует общая тенденция как у мужчин, так и у женщин, независимо от опыта и до него, желать сексуально крупных особ противоположного пола. Возможно даже, что это часть более широкой зоологической тенденции. У людей это проявляется также на духовном плане, в стремлении к бесконечному, в глубоком и безрассудном чувстве, что невозможно иметь слишком много хорошего. Но нередкослучается, что мужчина, в юношеских мечтах которого о любви героиня всегда была крупной, не смог рассчитать, какие особые нервные и другие характеристики наиболее вероятны у крупных женщин и насколько эти коррелирующие характеристики соответствуют его собственным инстинктивным требованиям. Он может обнаружить, и иногда обнаруживает, что в этих других требованиях, которые оказываются более важными и настойчивыми, чем стремление к росту, высокие женщины, которых он встречает, с меньшей вероятностью подходят ему, чем женщины среднего или невысокого роста.^[176] Таким образом, может случиться так, что мужчина, чей идеал женщины всегда был высоким, все же может на протяжении всей жизни никогда не вступать в интимные отношения с высокой женщиной, потому что он обнаруживает, что практически у него более выраженное сходство с женщинами более низкого роста. Его абстрактные идеалы модифицируются или сводятся на нет более настоятельными симпатиями или антипатиями.

В одной области такие симпатии уже давно признаны, особенно психиатрами, как ведущие к паритетным сексуальным союзам, несмотря на веру в общую привлекательность неравенства. Часто указывалось, что невропаты, душевнобольные и преступники, "дегенераты" всех мастей проявляют заметную тенденцию вступать в брак друг с другом. Однако эта тенденция не была исследована с какой-либо точностью.^[177]

Первая попытка на статистической основе установить, какая степень паритета или неравенства фактически достигается половым отбором, была предпринята Альфонсом де Кандолем.^[178] Собрав свои факты из Швейцарии, Северной Германии и Бельгии, он пришел к выводу, что браки чаще всего заключаются между людьми с разным цветом глаз, за исключением кареглазых женщин, которые (как утверждал Шопенгауэр и как видно из приведенных мною английских данных о сексуальном идеале) считаются более привлекательными, чем другие.

Первая серия серьезных наблюдений, стремящихся подтвердить результат, достигнутый гениальным Леонардо да Винчи, и показать, что половой отбор приводит к спариванию похожих, а не непохожих людей, была сделана эмбриологом Германом Фолем.^[179] Он исходил из популярного представления о том, что женатые люди в конце концов становятся похожими друг на друга, но, оказавшись в Ницце, которую посещают многие молодые супружеские пары в свой медовый месяц, он был поражен сходством, уже существующим сразу после женитьбы. Чтобы

проверить это, он получил фотографии 251 молодой и пожилой супружеской пары, не известных ему лично. Результаты были следующими:

СХОДСТВА, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ СХОДСТВАМИ
ПАРЫ. (В ПРОЦЕНТАХ). (В ПРОЦЕНТАХ). ВСЕГО.

Молодой..... 132, около 66,66 66, около 33,33 198
Лет 38, около 71.70 15, около 28.30 53

Он пришел к выводу, что в подавляющем большинстве браков по склонности договаривающиеся стороны привлекаются сходством, а не различиями, и что, следовательно, сходство между пожилыми супружескими парами не приобретает в течение супружеской жизни. Хотя результаты Fol не были получены хорошими методами и не охватывают определенные моменты, такие как рост и цвет глаз, они представляли собой выводы высококвалифицированного и проницательного наблюдателя и с тех пор были полностью подтверждены.

Гальтону не удалось обнаружить, что средние результаты по довольно большому числу случаев указывали на то, что рост, цвет глаз или другие личностные характеристики заметно влияли на половой отбор, о чем свидетельствует сравнение супружеских пар.^[180] Карл Пирсон, однако, частично используя большой массив данных, полученных Гальтоном, касающихся роста и цвета глаз, пришел к выводу, что половой отбор в конечном итоге приводит к заметной степени равенства в том, что касается этих признаков.^[181] Что касается роста, он не может найти доказательств того, что он называет "предпочтительным спариванием"; то есть, не похоже, что какие-либо предвзятые идеалы относительно желательности высокого роста у сексуальных партнеров приводят к какому-либо заметно большему росту выбранной пары; мужья не выше мужчин в целом, а жены - женщин в целом. Однако что касается цвета глаз, то, по-видимому, имеются свидетельства предпочтительного спаривания. Мужья определенно более справедливы, чем мужчины в целом, и хотя у женщин такой заметной разницы нет, жены также несколько более справедливы, чем женщины в целом. Что касается "ассортативного спаривания", как это называет Пирсон, — тенденции к равенству или неравенству между мужьями и женами, — то результат был в обоих случаях решающим. Высокие мужчины женятся на женщинах несколько выше среднего роста; низкорослые мужчины женятся на женщинах несколько ниже среднего, так что муж и жена похожи друг на друга ростом так же близко, как дядя и племянница. Что касается цвета глаз, то существует также тенденция к женитьбе на похожих; светлоглазые мужчины чаще женятся на светлоглазых женщинах, чем на темноглазых женщинах; темноглазые мужчины чаще женятся на темноглазых женщинах, чем на светлоглазых. Однако остается очень значительная разница в цвете глаз мужа и жены; в 774 парах, с которыми имел дело Пирсон, на 333 темноглазых женщины приходится всего 251 темноглазый мужчина, и на 523 светлоглазых мужчины приходится всего 441 светлоглазая женщина. У женщин в английском населении глаза темнее, чем у мужчин,^[182] но разница едва ли так велика, как эта; так что даже если жены не такие темноглазые, как женщины в целом, может показаться, что идеальное восхищение темноглазыми все еще в какой-то степени дает о себе знать при фактическом спаривании.

Хотя мы должны признать, что изменение и даже полное подавление сексуальных идеалов в процессе фактического спаривания в значительной степени обусловлено психическими

причинами, такие причины, по-видимому, не охватывают все явления. Несомненно, они имеют большое значение, и мужчина или женщина, которые по каким-либо причинам составили сексуальный идеал с определенными характерами, могут в реальных жизненных контактах обнаружить, что индивидуумы с другими и даже противоположными характерами наиболее адекватно отвечают его или ее психическим запросам. Однако здесь действуют и другие причины, которые на первый взгляд могут показаться не чисто психического характера. Одна из неоспоримых причин такого рода вступает в действие в отношении пигментного отбора. Светловолосые люди, возможно, скорее из-за расы, чем из-за отсутствия пигментации, более энергичны, чем смуглые. Они обладают сангвинической энергией и порывистостью, которые в большинстве, хотя и не во всех областях, и особенно в соперничестве практической жизни, как правило, дают им некоторое превосходство над их более темными собратьями. Таким образом, объясняется большая честность мужей по сравнению с мужчинами в целом, обнаруженная Карлом Пирсоном; честные мужчины с наибольшей вероятностью обзаводятся женами. Мужья справедливее мужчин в целом по той же причине, что, как я показал в другом месте,^[183] созданные пары справедливее, чем наследственные пары или даже большинство групп интеллектуальных личностей; они в большей степени обладают качествами, обеспечивающими успех. Можно добавить, что, признав этот факт, мы на самом деле не покинули область сексуальной психологии, поскольку, как уже указывалось, та энергия, которая таким образом обеспечивает успех в практической жизни, сама по себе является сексуальным соблазном для женщин. Энергия женщины во время ухаживания менее соответствует ее сексуальному настрою, чем у мужчины, и не привлекательна для мужчин; таким образом, неудивительно, даже если не учитывать, вероятно, большую красоту темноволосых женщин, что преобладание честности среди жен по сравнению с женщинами в целом, на что указывают данные Карла Пирсона, очень незначительно. Возможно, это полностью объясняется гомогамией — тенденцией подобных вступать в брак с подобными — у прекрасных мужей.

Однако, вероятно, энергия и жизнеспособность светловолосых людей не являются лишь косвенной причиной большей склонности светловолосых мужчин становиться мужьями; иными словами, это не просто результат обычно несколько большей способности светловолосых достигать успеха в мирских делах. В дополнение к этому, светловолосые мужчины, если не светловолосые женщины, по-видимому, проявляют тенденцию к большей активности в своих специфически сексуальных наклонностях. Это вопрос, с которым мы столкнемся в более позднем исследовании, и поэтому нет необходимости обсуждать его здесь.

Рассматривая вопрос о половом отборе у человека, различные авторы были озадачены проблемой, связанной с тем отвращением к кровосмешению, которое обычно, хотя и не всегда столь явно, отмечается у различных рас человечества.^[184] Когда-то обычно заявлялось, как Морганом, так и Мэном, что это отвращение было результатом опыта; было установлено, что браки близкородственных лиц вредны для потомства, и поэтому их избегали. Эта теория, однако, беспочвенна, поскольку браки близкородственных лиц не наносят вреда потомству. Кровнородственные браки, насколько их можно исследовать в широком масштабе, — то есть браки между двоюродными братьями, — как первым показал Хут, не развивают тенденции к производству потомства низкого качества при условии, что родители здоровы; они вредны в этом отношении только постольку, поскольку могут привести к союзу пар, которые оба имеют дефекты в одном направлении. Согласно другой теории, теории Вестермарка, который очень полно и умело обсудил весь вопрос,^[185] существует врожденное отвращение к половым сношениям между людьми, живущими очень близко друг к другу с ранней юности, и, поскольку

такие люди в большинстве случаев родственники, это чувство проявляется главным образом как ужас перед половыми сношениями между близкими родственниками". Вестермарк совершенно верно указывает, что запрет кровосмешения не может быть основан на опыте, даже если (как он сам склонен верить) кровнородственные браки вредны для потомства; кровосмешение предотвращается "ни законами, ни обычаями, ни образованием, но *инстинктом*, который при нормальных обстоятельствах делает сексуальную любовь между ближайшими родственниками психически невозможной". Однако есть очень радикальное возражение против этой теории. Она предполагает существование своего рода инстинкта, который с трудом поддается принятию. Инстинкт - это, по сути, более или менее сложная серия рефлексов, приводимых в действие определенным стимулом. Врожденная тенденция, одновременно столь специфическая и столь чисто негативная, включающая в себя в то же время преднамеренные интеллектуальные процессы, может быть внесена в общепринятый класс инстинктов только с определенной силой. Это такой же неуклюжий и искусственный инстинкт, каким был бы, скажем, инстинкт не есть яблоки, выросшие в собственном дворе.^[186]

Однако объяснение отвращения к инцесту на самом деле чрезвычайно простое. Любой читатель, который следил за обсуждением полового отбора в настоящем томе, а также знаком с "Анализом сексуального влечения", изложенным в предыдущем томе этих *Исследований*, быстро поймет, что нормальная неспособность инстинкта спаривания проявиться у братьев и сестер или у мальчиков и девочек, воспитываемых вместе с младенчества, является просто негативным явлением из-за неизбежного отсутствия при таких обстоятельствах условий, вызывающих импульс к спариванию. Ухаживание - это процесс, посредством которого мощные сенсорные стимулы, исходящие от лица противоположного пола, постепенно вызывают физиологическое состояние возбуждения с его психическим сопровождением в виде любви и желания, более или менее необходимых для осуществления спаривания. Но у тех, кто с детства воспитывался вместе, все сенсорные стимулы зрения, слуха и осязания были притуплены использованием, приучены к спокойному уровню привязанности и лишены способности вызывать эретистическое возбуждение, вызывающее сексуальный подъем.^[187] Братья и сестры по отношению друг к другу в период полового созревания уже достигли того состояния, к которому пожилые супружеские пары постепенно приближаются из-за истощения юношеской страсти и медленного ведения повседневной жизни. Страсть между братом и сестрой, действительно, ни в коем случае не такая редкость, как иногда предполагается, и она может быть очень сильной, но обычно она вызывается с помощью тех условий, которые обычно требуются для проявления страсти, особенно незнакомством, вызванным долгой разлукой. Следовательно, в действительности обычное отсутствие сексуального влечения между братьями и сестрами не требует специального объяснения; это просто связано с нормальным отсутствием при данных обстоятельствах условий, которые имеют тенденцию вызывать половое возбуждение, и игры тех чувственных соблазнов, которые приводят к половому отбору.^[188] Это чисто негативное явление, и совершенно нет необходимости, даже если бы оно было законным, ссылаться на какой-либо инстинкт для его объяснения. Вероятно, что та же тенденция в некоторой степени действует и среди животных, вызывая более сильное сексуальное влечение к тем представителям своего вида, к которым они не привыкли.^[189] У животных, а также у человека, живущего в примитивных условиях, сексуальное влечение не является постоянным явлением^[190]; это случайное проявление, вызываемое только мощной стимуляцией. Нам нужно объяснять не его отсутствие, а его присутствие, которое нуждается в объяснении, и такое объяснение мы находим при анализе феномена ухаживания.

Отвращение к инцесту - интересное и значительное явление с нашей нынешней точки зрения, потому что оно поучительно указывает нам пределы того очарования паритета, которое, по-видимому, в какой-то значительной степени проявляется в формировании сексуального идеала и еще больше в фактической гомогамии, которая, по-видимому, преобладает над гетерогамией. Следует отметить, что эта гомогамия является *расовой* гомогамией; она относится к антропологическим признакам, которыми отмечены племена. Нет необходимости отмечать, что даже в этой расовой области достигнутая гомогамия не является и не могла быть абсолютной; и не похоже, что такая абсолютная расовая гомогамия даже желательна. Высокий мужчина, который ищет высокую женщину, редко может пожелать, чтобы она была такого же роста, как он сам; смуглый мужчина, который ищет смуглую женщину, конечно, не будет недоволен неизбежно большей или меньшей пигментацией, которую он обнаружит в ее глазах по сравнению со своими собственными.

Но когда мы выходим за пределы расовой сферы, эта тенденция к гомогамии сразу исчезает. Мужчина женится на женщине, которая, с небольшими, но приятными вариациями, принадлежит к тому же роду, что и он сам. Отвращение к инцесту указывает на то, что даже сексуальное влечение к людям одного происхождения имеет свои пределы, поскольку оно недостаточно сильно, чтобы преодолеть сексуальное безразличие между близкими родственниками. Стремление к новизне, проявляющееся в этом сексуальном безразличии к ближайшим родственникам и к тем, кто был соседями по дому с детства, вместе с заметной сексуальной привлекательностью, которой часто обладают незнакомые юноша или девушка, приезжающие в маленький городок или деревню, указывает на то, что небольшие различия в происхождении, если и не являются положительным преимуществом с этой точки зрения, то уж точно не недостатком. Когда мы оставляем рассмотрение расовых различий и переходим к рассмотрению половых различий, мы не только больше не обнаруживаем никакого очарования равенства, но и обнаруживаем, что существует реальное очарование неравенства. На этом этапе необходимо вспомнить все, что было изложено на предыдущих страницах^[191] относительно акцента вторичных половых признаков в идеале красоты. Все те качества, которые женщина желает видеть подчеркнутыми в мужчине, являются полной противоположностью тем качествам, которые мужчина желает видеть подчеркнутыми в женщине. Мужчина должен быть сильным, энергичным, напористым, волосатым, даже грубым, чтобы пробудить примитивные инстинкты женской натуры; женщина, которая удовлетворяет этого мужчину, должна быть гладкой, округлой и нежной. Было бы безнадежно искать какую-либо гомогамии между мужественным мужчиной и мужественной женщиной, между женственной женщиной и женоподобным мужчиной. Не исключено, что эта тенденция искать несоответствия в половых признаках может оказывать некоторое тревожное влияние на тенденцию искать равенства в антропологических расовых признаках, поскольку половые различия в некоторой степени дают о себе знать в расовых признаках. Несколько большая темнота женщин является вторичным (или, точнее, третичным) сексуальным признаком, и только по этой причине, возможно, несколько привлекательным для мужчин^[192]. Разница в размерах и телосложении является очень выраженным вторичным половым признаком. В значительном массиве данных о росте супружеских пар, воспроизведенных Пирсоном из таблиц Гальтона, хотя высокие в среднем склонны жениться на высоких, а низкорослые - на низкорослых, все же примечательно, что, в то время как мужчины ростом 5 футов 4 дюйма. у мужчин ростом 5 футов 2 дюйма больше жен. у мужчин ростом 6 футов точно таким же образом

больше жен ростом 5 футов 2 дюйма, чем у мужчин любого другого роста. чем на любой другой высоте, хотя для многих промежуточных высот наиболее многочисленные группы жен выше^[193].

В вопросах осанки, привычек и особенно одежды любовь к половому неравенству инстинктивна, повсюду хорошо заметна и часто доходит до очень больших пределов. В какой-то степени такие различия обусловлены противоположными требованиями, вытекающими из более фундаментальных различий в обычаях и занятиях. Но эта причина никоим образом не объясняет их должным образом, поскольку иногда может случиться так, что то, что в одной стране является практикой мужчин, в другой - практикой женщин, и все же практики двух полов по-прежнему противоположны^[194]. Мужчины инстинктивно желают избегать того, чтобы поступать по-женски, а женщины инстинктивно избегают того, чтобы поступать по-мужски, однако оба пола восхищаются в противоположном поле тем, чего сами по себе избегают. В вопросе одежды это очарование неравенства достигает высшей точки, и постоянно случалось, что люди даже призывали на помощь религию, чтобы усилить различие, которое казалось им столь насущным^[195]. Одно из величайших сексуальных соблазнов было бы утрачено, и чрезвычайная важность одежды сразу же исчезла бы, если бы оба пола одевались одинаково; однако такой идентичности в одежде никогда не было ни у одного народа.

[171] Л. да Винчи, *Фрамменты*, выбранный Солми, стр. 177-180.

[172] Вестермарк, признающий "очарование неравенства", приводит ссылки, *История человеческого брака*, стр. 354.

[173] *Происхождение человека*. Часть II, глава XVIII.

[174] Блох (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 260 и далее.) ссылается на тенденцию к смешению рас и на сексуальное влечение, иногда проявляемое негритянкой, а иногда и неграми к белым людям, в качестве доказательства в пользу такого очарования. о неравенстве. Отчасти, однако, нас здесь интересуют расплывчатые утверждения, касающиеся неполно известных фактов, отчасти просто индивидуальные вариации и та любовь к экзотике, которую стимулируют цивилизованные условия, о которой уже упоминалось (стр. 184).

[175] В этой связи представляет интерес исключительный случай Теннисона. Он родился и вырос в самой прекрасной части Англии (Линкольншире), но сам он и племя, из которого он происходил, были темнокожими в весьма примечательной степени. В его работах, хотя и обнаруживаются следы общепринятого восхищения красотой, присутствует заметное и необычное восхищение явно смуглыми женщинами, женщинами, похожими на ту расу, к которой принадлежал он сам. См. Хэвелок Эллис, "Чувство цвета в литературе", *Contemporary Review*, май 1896 г.

[176] Примечательно, что в уже упоминавшемся *Обходе*, хотя ни один мужчина не выражает желания познакомиться с женщиной невысокого роста, когда он ссылается на объявления женщин как на те, которые, вероятно, подошли бы ему, указанные таким образом лица в значительной степени низкорослы.

[177] Это обсуждалось Ф. Ж. Дебре, *"Естественная селекция человека"* (Парижская конференция), 1901. Дебре считает, что это результат естественного отбора.

[178] "Hérédité de la Couleur des Yeux dans l'espèce humaine," *Archives des Sciences physiques et naturelles*, sér. iii, vol. xii, 1884, с. 109.

[179] *Научное ревю*, январь 1891г.

[180] Ф. Гальтон, *Естественное наследование*, стр. 85. Можно отметить, что, хотя таблицы Гальтона на странице 206 показывают небольшое превышение различий в отношении полового отбора по росту, в отношении цвета глаз они предвосхищают более обширные данные Карла Пирсона, а в браках с неравенством наблюдается решительный дефицит наблюдаемых, а не случайных результатов. В книге *"Английские ученые"* (стр. 28-33) Гальтон также обнаружил, что среди родителей паритет решительно преобладал над неравенством (78 к 31) в том, что касается темперамента, цвета волос и глаз.

[181] Карл Пирсон, *фил. Перевод. Королевское общество*, том. clxxxvii, стр. 273, и том. sxcv, стр. 113; *Труды Королевского общества*, том. lxi, стр. 28; *Грамматика естественных наук*, второе издание, 1900, стр. 425 и далее.; *Биометрика*, ноябрь 1903. Последнее поименованное периодическое издание также содержит исследование "Ассортативного спаривания у человека", приводящее доказательства того, что, помимо влияния окружающей среды, "продолжительность жизни является характеристикой, которая подлежит отбору"; то есть долгоживущие, как правило, женятся на долгоживущих, а короткоживущие - на недолговечных.

[182] Краткое изложение доказательств по этому вопросу см. Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, четвертое издание, 1904, стр. 256-264.

[183] "Сравнительные способности светлых и темных", *Ежемесячный обзор*, август 1901г.

[184] Тот факт, что даже в Европе отвращение к инцесту не всегда ощущается сильно, подчеркивается Блохом, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 263 и далее.

[185] Вестермарк, *История брака*, главы XIV и XV.

[186] Кроули (*"Мистическая роза"*, стр. 446) указал, что неправомерно предполагать возможность "инстинкта" такого характера; инстинкт "не имеет в своем характере ничего, кроме функциональной реакции на окружающую среду".

[187] Фромантен в своем во многом автобиографическом романе *"Доминик"* заставляет Оливье сказать: "Жюли - моя кузина, и, возможно, именно поэтому она должна нравиться мне меньше, чем кто-либо другой. Я всегда знал ее. Мы, так сказать, спали в одной колыбели. Возможно, найдутся люди, которых привлекут эти почти братские отношения. Для меня сама идея выйти замуж за кого-то, кого я знала ребенком, так же абсурдна, как соединить двух кукол".

[188] Вполне возможно, как утверждает Кроули (*"Мистическая роза"*, глава XVII), что сексуальное табу играет определенную роль у первобытных людей в предотвращении кровосмесительного союза, как, несомненно, и воспитание и моральные представления у цивилизованных народов.

[189] Замечания маркиза де Брисе, специалиста по голубям, переданные Джарду ("Интермедиа́р биологов", 20 ноября 1897 г.), представляют большой интерес в этом отношении, поскольку они соответствуют тому, что мы находим у человеческого вида: "Две птицы из одного гнезда редко спариваются. Птицы, вылетающие из одного гнезда, ведут себя так, как будто они считают совокупление запрещенным, или, скорее, они слишком хорошо знают друг друга и, кажется, не знают о своей половой разнице, оставаясь незатронутыми в своих отношениях изменениями, которые делают их взрослыми". У Вестермарка (указ. соч., стр. 334) есть несколько замечаний о несколько схожей тенденции, иногда наблюдаемой у собак и лошадей.

[190] См. Приложение к vol. одно из таких исследований "Сексуальное влечение у дикарей".

[191] См., в частности, *ante*, стр. 163 и далее.

[192] Кистемекер, цитируемый Блохом (*Beiträge u др.*, ii. стр. 340), ссылается в этой связи на темную одежду мужчин и на тенденцию женщин носить более светлую одежду, подчеркивать белое нижнее белье, подчеркивать бледность лица, пользоваться пудрой. "Я белая, а ты смуглая; следовательно, ты должна любить меня"; это утверждение, утверждает он, можно найти в глубине сердца каждой женщины.

[193] К. Пирсон, *Грамматика естественных наук*, второе издание, стр. 430.

[194] В "*Мужчине и женщине*" (четвертое издание, стр. 65) я сослался на любопытный пример этой тенденции к противопоставлению, которая распространена почти по всему миру. У некоторых народов существует или было принято, чтобы женщины стояли во время мочеиспускания, а в этих странах обычно принято, чтобы мужчины садились на корточки; в большинстве стран практика полов в этом вопросе противоположна.

[195] Достаточно привести один пример. В конце шестнадцатого века модная жена английского пастора-брауниста в Амстердаме серьезно возражала против того, что у нее были "тела [лиф или корсет], привязанные к нижней юбке остриями [шнурками], как мужчины делают свои дублеты и чулки, вопреки I Фес., v, 22, согласованному с Втор. xxii, 5; и I Иоанна ii, 16".

V.

Содержание

Краткое изложение выводов, которые в настоящее время можно сделать относительно природы Красоты и ее связи с половым отбором.

Рассмотрение зрения привело нас в область, в которой мы можем наблюдать и даже надеяться измерить действие полового отбора у человека более определенно и точно, чем в случае с любым другим чувством. В концепции женской красоты мы обладаем инструментом универсального распространения, с помощью которого, по-видимому, возможно измерить природу и степень такого отбора, который мужчины проводят в отношении женщин. Эта концепция, с которой мы исходим, однако, ни в коем случае не является столь точной, столь легко доступной для получения обоснованных выводов, как может показаться на первый взгляд.

Это правда, что красота - это не просто каприз, как некоторые полагают. Частично это основывается на (1) объективной основе эстетического характера, которая объединяет все его вариации и приводит к замечательному приближению к идеалам женской красоты, которые лелеют самые умные мужчины всех рас. Но за пределами этой общей объективной основы мы обнаруживаем, что (2) специфические черты расы или нации имеют тенденцию вызывать расхождения в идеалах красоты, поскольку часто считается, что красота заключается в крайнем развитии этих расовых или национальных антропологических особенностей; и действительно, может показаться, что полное развитие расовых черт указывает в то же время на полное развитие здоровья и энергии. Далее мы должны учитывать, что (3) в большинстве стран важный и обычно необходимый элемент красоты заключается в подчеркивании вторичных и третичных половых признаков: особых черт волос у женщины, ее груди, бедер и бесчисленных других качеств, не столь заметных, но все они могут иметь значение с точки зрения полового отбора. Кроме того, у нас есть (4) фактор индивидуального вкуса, обусловленный особой организацией и специфическим опытом индивида и неизбежно влияющий на его идеал красоты. Часто этот индивидуальный фактор объединяется в коллективные формы, и таким образом образуются преходящие моды в области красоты, определенные влияния, которые обычно воздействуют только на индивидуума, стали достаточно мощными, чтобы воздействовать на многих индивидуумов. Наконец, в государствах высокой цивилизации и у индивидуумов с тем беспокойным и нервным темпераментом, который является обычным явлением в цивилизации, мы имеем (5) тенденцию к появлению экзотического элемента в идеале красоты, и вместо восхищения тем видом красоты, который наиболее близко соответствует типу их собственной расы, люди начинают испытывать приятное влияние типов, более или менее отклоняющихся от того, с которым они наиболее знакомы.

Хотя у нас есть эти различные и в некоторой степени конфликтующие элементы в мужском идеале женской красоты, вопрос еще больше усложняется тем фактом, что половой отбор в человеческом виде - это не просто выбор женщины мужчиной, но и выбор мужчины женщиной. И когда мы начинаем рассматривать это, мы обнаруживаем, что стандарт совершенно иной, что многие элементы красоты, присущие женщине для мужчины, здесь полностью исчезли, в то время как необходимо признать новый и преобладающий элемент в форме уважения к силе и энергичности. Это, как я уже указывал, не чисто визуальный символ, а символ тактильного давления, переведенный в визуальные термины.

Когда мы сформулировали сексуальный идеал, мы, однако, никоим образом не сформулировали проблему полового отбора человека в целом. Идеал, которого желают и к которому стремятся, в значительной степени не является результатом опыта; он даже не обязательно является выражением темперамента и идиосинкразии индивида. Это может быть в значительной степени результатом случайных обстоятельств, незначительных случайных увлечений в детстве, общепринятых традиций, освященных романтикой. В реальных жизненных контактах индивид может обнаружить, что его сексуальное влечение возбуждается сенсорными стимулами, отличными от идеала, который он лелеял, и даже может быть их противоположностью.

Помимо этого, у нас также есть основания полагать, что факторы еще более фундаментального биологического характера, в некоторой степени даже более глубокие, чем все эти психические элементы, входят в проблему полового отбора. Некоторые люди, если не считать вопроса о том, являются ли они идеально или практически наиболее подходящими партнерами, проявляют

большую энергию и добиваются большего успеха, чем другие, в поиске партнеров. Эти люди обладают большей конституциональной энергией, физической или умственной, что способствует их успеху в практических делах в целом, а также, вероятно, усиливает их специфически филогамическую деятельность.

Таким образом, проблема полового отбора человека в высшей степени сложна. Когда мы собираем воедино такие скудные данные точного характера, которые доступны в настоящее время, мы понимаем, что, хотя в целом они согласуются с результатами, которые данные не количественного характера заставили бы нас принять, их точное значение в настоящее время не совсем ясно. В целом может показаться, что при выборе партнера мы склонны стремиться к равенству расовых и индивидуальных признаков наряду с различием вторичных половых признаков. Но нам нужно гораздо большее количество групп доказательств различного характера, полученных при различных условиях. Такие доказательства, несомненно, будут накапливаться теперь, когда их природа становится определенной и необходимость в них признается. Тем временем мы, во всяком случае, можем утверждать, даже имея на руках имеющиеся у нас доказательства, что теперь, когда становится ясным истинное значение полового отбора, его эффективность в эволюции человека больше не может подвергаться сомнению.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЦЕЛУЯ.

Содержание

Проявления, напоминающие поцелуй, будь то с целью выражения привязанности или сексуальной эмоции, встречаются у различных животных, стоящих гораздо ниже человека. Поглаживание усиков, практикуемое улитками и различными насекомыми во время полового акта, имеет характер поцелуя. Птицы используют свои клювы для своеобразной ласки. Так, говоря о кайрах и их обычае грызть друг друга за лапки, а также об интересе, который самка всегда проявляет к этому процессу, что, вероятно, снимает раздражение, вызываемое насекомыми, Эдмунд Селус замечает: "Когда они грызут и прихорашиваются друг к другу, я думаю, справедливо сказать, что они ласкаются, выражение и поза птицы, получающей удовольствие, часто бывают блаженными".^[196] У млекопитающих, таких как собака, мы наблюдаем то, что очень напоминает поцелуй, и собака, которая нюхает, лижет и нежно покусывает своего хозяина или суку, сочетает в себе большую часть сенсорных действий, связанных с различными формами человеческого поцелуя.

В том виде, в каком это практикуется мужчиной, поцелуй задействует в основном либо осязание, либо обоняние. Иногда он в некоторой степени задействует оба сенсорных элемента.^[197]

Тактильный поцелуй, безусловно, очень древний и примитивный. Он распространен среди млекопитающих в целом. Человеческий младенец проявляет, в очень выраженной степени, импульс нести все в рот и лизать или пытаться попробовать это на вкус, возможно, как предполагает Компайр,^[198] из воспоминания о действии выпяченных губ, хватающих материнский сосок. Любящий ребенок, как замечает Мантегацца,^[199] не только прикладывает неодушевленные предметы к своим губам или языку, но и по собственному побуждению облизывает людей, которые ему нравятся. Стэнли Холл в свете большого объема информации, полученной им по этому вопросу, обнаружил, что "некоторые дети настаивают на том, чтобы лизать щеки, шею и руки тех, кого они хотят приласкать", или им нравится, когда животные лижут их.^[200] Этот импульс у детей может быть связан с материнским импульсом у животных лизать детенышей. "Метод облизывания детенышей, практикуемый матерью, - замечает С. С. Бакман, - привел бы к тому, что облизывание ассоциировалось бы со счастливыми чувствами. И, кроме того, происходит ослабление паразитарного раздражения, которое достигается растиранием и, следовательно, приводит к получению удовольствия. Можно даже предположить, что желание матери облизать своего детеныша было вызвано в первую очередь желанием доставить своему потомству удовольствие, которое она испытывала сама". Таким образом, импульс к лизанию у ребенка можно рассматривать как мимолетное проявление более фундаментального животного импульса,^[201] проявление, которое может проявиться во взрослой жизни под воздействием сильных сексуальных эмоций. Такая ассоциация представляет интерес, если, как есть некоторые основания полагать, поцелуй сексуальной любви возник как развитие более примитивного поцелуя, которым мать одаривает своего ребенка, поскольку иногда обнаруживается, что материнский поцелуй практикуется там, где сексуальный поцелуй неизвестен.

Желание укусить также является частью тактильного элемента, лежащего в основе поцелуя. Как отмечает Стэнли Холл, дети любят кусаться, хотя далеко не всегда это способ проявления привязанности. Однако в укусе есть отчетливо выраженное сексуальное происхождение, поскольку у многих животных зубы (а у птиц - клюв) используются самцом для более крепкого захвата самки во время полового акта. Этот момент обсуждался в предыдущем томе этих *Исследований* в связи с "Любовью и болью", и здесь нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности. Героиня "*Пентесилеи*" Клейста замечает: "Поцелуй (Küsse) рифмуется с укусом (Bisse), и тот, кто любит всем сердцем, может легко спутать их".

Поцелуй, известный в Европе, развился на сенсорной основе, которая в основном тактильная, хотя иногда может сосуществовать и обонятельный элемент. Понятый таким образом поцелуй не очень широко распространен и обычно не встречается среди грубых и некультурных народов. Мы можем проследить это в арийской и семитской древности, но в не очень выраженной форме; Гомер едва ли знал об этом, а греческие поэты редко упоминают об этом. Сегодня можно сказать, что он известен по всей Европе, за исключением Лапландии. Даже в Европе это, вероятно, сравнительно современное открытие; и во всех кельтских языках, утверждает Рис, нет слова, обозначающего "поцелуй", используемое слово всегда заимствовано из латинского.^[202] Однако в довольно ранний исторический период валлийские кимри, во всяком случае, узнали о поцелуе, но он считался серьезным делом и

использовался очень редко, поскольку по закону разрешался только в особых случаях, например, во время игры, называемой "игра в скакалку", или кутежей; в противном случае жена, поцеловавшая мужчину, не являющегося ее мужем, могла быть отвергнута. Во всей Восточной Азии это неизвестно; таким образом, в японской литературе поцелуев и объятий не существует. "Поцелуи и объятия просто неизвестны в Японии как знаки привязанности, - утверждает Лафкадио Хирн, - если не считать того единственного факта, что японские матери, как и матери всего мира, время от времени обнимают своих малышей. После младенчества объятий и поцелуев больше не бывает; такие действия, за исключением случаев с младенцами, считаются нескромными. Никогда девочки не целуют друг друга; никогда родители не целуют и не обнимают своих детей, которые смогли ходить". Это справедливо и всегда оставалось верным для всех классов; рукопожатие также чуждо им. Встречаясь после долгого отсутствия, замечает Хирн, они улыбаются, возможно, немного плачут, могут даже погладить друг друга, но это все. Японская привязанность "в основном проявляется в актах изысканной вежливости и доброты".^[203] Почти у всех чернокожих рас Африки влюбленные никогда не целуются, а матери обычно не целуют своих младенцев.^[204] Среди американских индейцев тактильный поцелуй по большей части неизвестен, хотя кое-где, как и среди жителей Огненного огня, влюбленные трутся друг о друга щеками.^[205] Малайцам неизвестны поцелуи. Однако Рот утверждает, что в Северном Квинсленде поцелуи имеют место между матерями (не отцами) и младенцами, а также между мужьями и женами; но является ли это введенным обычаем, Рот сказать не может; он добавляет, что в языке питта-питта есть слово, обозначающее поцелуй.^[206]

Однако следует отметить, что во многих частях мира, где тактильный поцелуй, как мы его понимаем, обычно считается неизвестным, он все еще существует между матерью и ее ребенком, и это, по-видимому, подтверждает точку зрения Ломброзо о том, что поцелуй влюбленных развился из материнского поцелуя. Так, зулусы ангони к северу от Замбези, штат Визе, целуют своих маленьких детей в обе щеки^[207] а у огнеземельцев, согласно Гидам, матери целуют своих маленьких детей.

Даже в Европе поцелуй в раннее средневековье, вероятно, не был широко известен как выражение сексуальной любви; по-видимому, это был утонченный вид любви, практиковавшийся только более культурными слоями населения. В старой балладе о Гласгерионе леди заподозрила, что ее тайный посетитель был всего лишь мужланом, а не рыцарем, за которого он себя выдавал, потому что, когда он пришел вместо своего хозяина, чтобы провести с ней ночь, он поцеловал ее, не подходя и не уходя, а просто сделал ей ребенка. Только на сравнительно высокой ступени цивилизации поцелуй получил особое значение и развитие в искусстве любви. Так, арабский автор "*Благоухающего сада*", произведения, раскрывающего существование высокой степени социальной утонченности, настаивает на огромной важности поцелуя, особенно если он касается внутренней части рта, и цитирует пословицу о том, что "Влажный поцелуй лучше поспешного соития". Такие поцелуи, а также поцелуи в лицо в целом и по всему телу, часто упоминаются индуистскими, латинскими и более современными авторами эротики как один из наиболее эффективных методов возбуждения любви.^[208]

Причиной, которая, возможно, стояла на пути развития поцелуя в сексуальном направлении, вероятно, был тот факт, что на Ближнем Востоке поцелуй был в значительной степени монополизирован для священных целей, так что его эротический потенциал нелегко воспринимался. У древних арабов богам поклонялись с помощью поцелуя.^[209] Это был обычный

способ приветствовать домашних богов при входе или выходе.^[210] В Риме поцелуй был знаком почтения гораздо больше, чем методом сексуального возбуждения.^[211] Среди ранних христиан это имело практически сакраментальное значение. Он сохраняет свое древнее и серьезное значение во многих обычаях Западной и еще более Восточной Церкви; целуются мощи святых, нога папы римского, руки епископов, точно так же, как древние греки целовали изображения богов. Среди нас до сих пор существует юридически признанный пример священности поцелуя в форме принесения клятвы путем целования Завещания.^[212]

До сих пор нас интересовал главным образом тактильный поцелуй, который, как иногда предполагают, возник в отдаленные времена к востоку от Средиземноморья — где вассал целовал своего сюзерена и где поцелуй любви был известен, как мы узнаем из Песни Песней, евреям — и теперь завоевал почти всю Европу. Но на гораздо большей части мира и даже в одном уголке Европы (Лапландия, а также среди российских якутов) существует другой вид приветствия - обонятельный поцелуй. Форма этого поцелуя варьируется в разных регионах и иногда имитирует тактильный поцелуй, но, поскольку он существует в типичной форме в Китае, где он был тщательно изучен д'Энжуа, можно сказать, что он состоит из трех фаз: (1) нос прикладывается к щеке любимого человека; (2) происходит длительный вдох носом, сопровождающийся опусканием век; (3) происходит легкое причмокивание губами без приложения рта к обнимаемой щеке. Весь процесс, считает д'Энжой, основан на сексуальном желании и жажде еды, причем обоняние является чувством, используемым в обеих областях. В форме, описанной д'Энжой, мы имеем монгольскую разновидность обонятельного поцелуя. Китайцы считают европейский поцелуй отвратительным, предполагая ненасытных каннибалов, а желтые матери во французских колониях до сих пор пугают детей, угрожая подарить им поцелуй белого человека. Свой собственный поцелуй китайцы считают исключительно сладострастным; он подобает только между влюбленными, и не только отцы воздерживаются от поцелуев своих детей, за исключением самых маленьких, но даже матери целуют своих детей лишь изредка и украдкой. У некоторых горных племен юго-восточной Индии встречается обонятельный поцелуй, когда нос при приветствии прикладывается к щеке с сильным вдохом; вместо того чтобы сказать "Поцелуй меня", они здесь говорят "Понюхай меня". Тамилы, как мне рассказал медицинский корреспондент на Цейлоне, не целуются во время полового акта, а трутся носами, а также лижут рот и язык друг друга. Обонятельный поцелуй известен в Африке; так, в Гамбии во внутренней Африке, когда мужчина приветствует женщину, он берет ее руку и подносит к своему носу, дважды нюхая тыльную сторону. У джекри, живущих на побережье Нигера, матери гладят своих младенцев по щекам или рту, но не целуют их, как не целуются и влюбленные, хотя они тискают, прижимаются друг к другу.^[213] Среди суахили существует обонятельный поцелуй, и очень маленьких мальчиков учат приподнимать одежду перед посетительницами, которые затем игриво нюхают пенис; о ребенке, который это делает, говорят, что он "угощает табаком".^[214] Поцелуи любого вида, по-видимому, неизвестны индейцам на большей части Америки: Им Турн утверждает, что они неизвестны индейцам Гвианы, а на другом конце Южной Америки Гиады и Деникер утверждают, что они неизвестны жителям Огненного огня. В Северной Америке обонятельный поцелуй известен эскимосам и был отмечен среди некоторых индейских племен как черноногий. Он также известен в Полинезии. На Самоа поцелуи пахли.^[215] В Новой Зеландии также *хонги*, или прижатие к носу, было поцелуем приветствия, скорби и сочувствия.^[216] Говорят, что на Малайском архипелаге одно и то же слово используется для обозначения "приветствия" и "обоняния". Однако Воан Стивенс утверждает, что среди даяков Малайского архипелага неизвестны какие-

либо формы поцелуев.^[217] На Борнео, по словам Брайтенштейна, поцелуй - это своего рода обоняние, используется слово, обозначающее обоняние, но сам он никогда не видел, чтобы мужчина целовал женщину; это всегда делается наедине.^[218]

Таким образом, считается, что обонятельный поцелуй имеет гораздо более широкое распространение по всему миру, чем европейский (или средиземноморский) тактильный поцелуй. Однако в своем наиболее полном развитии он встречается главным образом у людей монгольской расы или у тех желтых народов, которые более или менее родственны им.

Литература о поцелуе обширна. Однако, насколько мне известна эта литература, следующий список включает все, что может быть изучено с пользой: Дарвин, *Выражение эмоций*; Линг Рот, "Приветствия", *Журнал Антропологического института*, ноябрь 1889 г.; К. Андре, "Nasengruss", *Этнографический параллель*, вторая серия, 1889, стр. 223-227; Альфред Кирхгоф, "Vom Ursprung des Kusses", *Deutsche Revue*, май, 1895; Ломброзо, "Происхождение озера", *Новое ревью*, 1897, стр. 153; Поль д'Энжуа, "Озеро в Европе и в Китае", *Бюллетень Общества антропологии*, Париж, 1897, фасц. 2. Книга профессора Найропа "Поцелуй и его история" (перевод с датского У. Ф. Харви) посвящена скорее истории поцелуя в цивилизации и литературе, чем его биологическому происхождению и психологическому значению.

[196] Э. Селус, *Наблюдение за птицами*, 1901, стр. 191. Этот автор добавляет: "Действительно, представляется вероятным, что предоставление практической пользы указанного рода может быть источником ласки во всей природе".

[197] Тайлор называет поцелуй "приветствием вкусом", а д'Энджой определяет его как "укус и всасывание"; однако, кажется, мало доказательств того, что поцелуй содержит какой-либо вкусовой элемент в строгом смысле этого слова.

[198] Compayre, *L'Evolution intellectuelle et morale de l'enfant*, p. 9.

[199] Мантегацца, *Физиогномика и выражение*, стр. 144.

[200] Г. Стэнли Холл, "Раннее осознание себя", *Американский журнал психологии*, апрель 1898 г., стр. 361.

[201] В некоторых частях мира этот импульс сохраняется и во взрослой жизни. Сэр С. Бейкер (*Исмаилия*, стр. 472) упоминает облизывание глаз в знак привязанности.

[202] *Книга общей молитвы на мэнском гэльском*, под редакцией А. В. Мура и Дж. Риса, 1895.

[203] Л. Херн, *С Востока*, 1895, стр. 103.

[204] См., например, А. Б. Эллис, *Народы, говорящие на тши*, стр. 288. Среди суахили поцелуй практикуется, но исключительно между женатыми людьми и с очень маленькими детьми. Велтен считает, что они научились этому у арабов.

[205] Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорн*, т. vii, с. 245.

[206] У. Рот, *Этнологические заметки среди аборигенов Квинсленда*, стр. 184.

[207] *Журнал по этнологии*, 1900, ч. 5, стр. 200.

[208] Например, "Камасутра" Ватсьяны, Вк. III, Глава I.

[209] Осия, глава xiii, ст. 2; I Царств, глава xix, ст. 18.

[210] Велльхаузен, *Остальные арабские книги*, стр. 109.

[211] Римляне признавали по крайней мере три вида поцелуя: *osculum*, для дружбы, на лице; *basium*, для привязанности, на губах; *suavium*, между губ, предназначенный для влюбленных.

[212] В других частях света, по-видимому, поцелуй иногда носит священный или ритуальный характер. Так, согласно преподобному Дж. Макдональду (*Журнал Антропологического института*, ноябрь 1890 г., стр. 118), частью церемонии посвящения девочки во время ее первой менструации является то, что женщины деревни должны поцеловать ее в щеку, венерическую артерию и половые губы.

[213] *Журнал Антропологического института*, август и ноябрь 1898 г., стр. 107.

[214] Velten, *Sitten und Gebräuche der Suaheli*, p. 142.

[215] Тернер, *Самоа*, стр. 45.

[216] Трегир, *Журнал Антропологического института*, 1889.

[217] *Журнал по этнологии*, 1896, ч. 4, стр. 272.

[218] Брайтенштейн, *21 Джахре в Индии*, том i, стр. 224.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

ИСТОРИИ ПОЛОВОГО РАЗВИТИЯ.

Содержание

Изложенные здесь истории аналогичны тем, что приведены в Приложении В к предыдущему тому.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ I.—К.Д., священнослужитель, возраст 34 года. Рост около 5 футов 8 дюймов. Вес 8,8 фунтов. Цвет лица светлый. Физические недостатки, сильная близорукость, склонность к чахотке.

- Моя семья имеет древнее происхождение с обеих сторон. Мои родители были нормальными и довольно здоровыми; но я считаю, что наследственность, хотя и не искаженная, несколько преувеличена, и есть невропатическая склонность, которая проявилась у меня и у одного или двух других членов семьи. В детстве я страдал, хотя и не очень часто, ночным энурезом. Моя сексуальная природа, хотя и нормальная, была очень живой и чувствительной, сколько я себя помню; и когда я оглядываюсь назад, я различаю в себе в раннем детстве то, что сейчас я понимаю как решительную мазохистскую или пассивно алголагническую тенденцию. Насколько я помню, это проявлялось во мне в двух аспектах; один из них психический или сентиментальный и свободный от плоти, выражающийся в образных видениях, таких как

следующее: раньше я представлял себя стоящим на коленях перед молодой и красивой женщиной и приговоренным ею к какому-то наказанию и даже под угрозой смерти. В другое время я представлял себя раненым солдатом, за которым на ложе болезни присматривают царственные женщины. Эти видения всегда включали в себя представление о чем-то героическом в моей собственной личности. Без сомнения, это были сновидения того же рода, что и у множества детей с развитым воображением; они представляют интерес лишь постольку, поскольку в них присутствовал сексуальный элемент, а он носил алголагнический характер.

"У меня был небольшой запас природного здравого смысла; и мое окружение не благоприятствовало сентиментальным фантазиям; следовательно, я полагаю, что начал избавляться от них в раннем возрасте, хотя темперамент, породивший их, все еще является частью моей натуры.

"Что касается плоти, то сексуальный инстинкт был явно алголагническим. Мастурбация - одно из моих самых ранних воспоминаний; действительно, поначалу, насколько я помню, она вообще не была связана с какими-либо сексуальными идеями; она началась как рефлекторный животный акт. Я не помню его первого появления. Вскоре, однако, это стало ассоциироваться в моем сознании с алголагническим возбуждением, порождая грезы, которые принимали обычную форму представления себя раздетым, выпоротым и т.д. Лицами противоположного пола. *Действующими лицами* в моих собственных алголагнических грезах были пожилые женщины; как ни странно, в тот период физическая сексуальность не ассоциировалась у меня с молодыми и привлекательными женщинами. Если бы научный свет на эти вопросы был широко доступен при практическом воспитании детей, лица, отвечающие за маленьких детей, могли бы воздерживаться от возбуждения алголагнической тенденции или совершения чего-либо, рассчитанного на преждевременное пробуждение сексуальных эмоций. В моем собственном случае я вспоминаю действия, совершенные пожилыми людьми по невежеству и легкомыслию, которые, несомненно, способствовали развитию и усилению моего алголагнического инстинкта.

"Практически ничего не было сделано, чтобы предотвратить, обнаружить или излечить пагубную привычку, в которую я впадал неосознанно. Возможно, в те дни об обрезании мало думали как о средстве профилактики юношеской мастурбации; во всяком случае, в моем случае к нему не прибегали. Я действительно помню, что медсестра обнаружила, что я занимаюсь мастурбацией, и, по-моему, она предприняла несколько нерешительных попыток остановить это. Вероятно, именно эти попытки дали мне растущее ощущение, что в мастурбации есть что-то неправильное и что ею нужно заниматься тайно. Но они не увенчались успехом в достижении своей главной цели. Практика продолжалась.

"Я пошел в школу в возрасте 10 лет. Там я почти без предупреждения столкнулся с обычной непристойностью и грубостью школьных разговоров и с готовностью воспринял это. Вскоре я познакомился с теорией сексуальных отношений; но у меня так и не было возможности совершить половой акт, и, вероятно, я должен был испытывать некоторую моральную сдержанность, даже если бы такая возможность представилась, поскольку коитус, каким бы интересным ни был разговор о нем, был более практичным занятием, чем мастурбация. Я мастурбировал довольно часто, иногда вызывая два оргазма подряд. Я редко мастурбировал рукой; моим методом было лежать лицом вниз. Вероятно, гомосексуальность в моей первой школе была незначительной или вообще отсутствовала. Я узнал об этом только позже, и это

всегда вызывало у меня отвращение, хотя и было окружено определенным нездоровым интересом. Мастурбация открыто не поощрялась в школе, но, я полагаю, широко практиковалась как в этой школе, так и в двух других, которые я посещал позже. Мальчики часто говорили о гигиене этого; и общая теория заключалась в том, что это каким-то образом вредно физически; но я не слышал достаточно убедительных аргументов, которые заставили бы меня увидеть необходимость реальных моральных усилий против этой привычки, хотя, по мере приближения к половому созреванию, я потворствовал себе более умеренно и с большими опасениями.

"Факт знакомства с теорией полового акта имел тенденцию уменьшать алголагнию и направлять мой сексуальный инстинкт в обычное русло. Однажды обстоятельства свели меня с женщиной на три или четыре недели, когда я был совсем мальчишкой, а она намного старше меня. Я почувствовал сексуальное влечение к этой женщине и позволил себе некоторую фамильярность с ней, которую с тех пор признал неуместной и о которой глубоко сожалею. Однако до обольщения дело не дошло, и я надеюсь, что оно прошло, не причинив никакого непоправимого вреда. Здесь действительно следует отметить, что я никогда не знал женщину сексуально до моего замужества; и за единственным упомянутым исключением я не припоминаю ни одного случая моего поведения по отношению к женщине, которое можно было бы охарактеризовать как побуждающее ее спуститься с горы.

"Что касается психической стороны, то мои сексуальные эмоции проснулись в раннем детстве; и хотя мои любовные похождения в детстве были нечастыми и я держал их при себе, они достигли значительной степени эмоциональной силы. Оставляя в стороне преждевременные проявления полового инстинкта, на которые я уже ссылался как на окрашенные психической алголагнией, я могу сказать, что несколько позже, начиная с возраста полового созревания и далее, у меня было три или четыре любовных связи, лишенных какой-либо алголагнической тенденции и значительно более развитых в психическом и эмоциональном плане, чем в физическом. На самом деле, мой опыт показывает, что когда человек глубоко влюблен, когда ум полон любовного экстаза, физический элемент сексуальности сохраняется — несомненно, лишь временно — в бездействии.

Вернемся теперь к теме мастурбации. Здесь произошла главная моральная борьба моей юности; и никакие термины, которыми я располагаю, не смогут адекватно описать ее напряжение.

"Случайное замечание, услышанное однажды, когда я достигал половой зрелости, убедило меня в том, что в туманной теории школьника о том, что мастурбация *ослабляет*, должна быть доля правды. Это означало, что пагубные последствия мастурбации, практиковавшейся в детстве, проявятся в дальнейшей жизни. Затем я понял, что должен отказаться от мастурбации, и решил бороться с ней; но с серьезными опасениями, что из-за раннего возраста, в котором у меня сформировалась эта привычка, я уже причинил себе серьезный вред.

Не прошло и нескольких недель, как я принял решение воздержаться, которого с тех пор придерживался, не прибегая — насколько я помню — более чем ни разу сознательно к своей прежней привычке. Здесь нужно сразу сказать, что, насколько это касается моего собственного опыта борьбы такого рода, религиозный фактор имеет первостепенное значение как усиливающий и поддерживающий моральные усилия, которые необходимо предпринять. Я пишу отчет о своем сексуальном, а не духовном опыте; но я не только не соответствовал бы

своим убеждениям, но и не смог бы дать точный и проникновенный обзор развития моей сексуальной жизни, если бы я четко не заявил, что в значительной степени именно в этой жизни возникли мои самые сильные и ценные религиозные переживания.^[219] Именно стремлению дисциплинировать сексуальный инстинкт и бороться с трудностями и тревогами сексуальной жизни я обязан тем, чем обладаю, духовной религии, сознанию того, что моя жизнь соприкоснулась с Божественной любовью и силой.

"Мои ранние привычки, после того как я от них отказался, тем не менее оставили мне в наследство сексуальную неврастению и небольшое варикоцеле. Мои ночные поллюции были чрезмерно частыми, и я размышлял о них, будучи слишком скрытным и слишком сильно боясь разоблачения в школе и возможного исключения, чтобы довериться врачу. Для меня было бы гораздо лучше, если бы я так поступил, потому что несколько лет спустя я получил искреннюю доброту и сочувствие в отношении сексуальных вопросов от более чем одного врача. Но в школе я боялся говорить о неприятностях, которые так нервировали и угнетали меня; и, как следствие, мои болезненные страхи усилились, усиливаясь общими фразами, с которыми я время от времени встречался в своем чтении на тему наказания, которое природа налагает на нечистоту.

"После окончания школы моя сексуальная жизнь несколько лет продолжалась в том же духе: борьба за целомудрие, болезненные страхи и сожаления о прошлом, попытки справиться с неврастенией и навязчивый страх надвигающегося безумия. Эти неприятности усугубились из-за моего сидячего образа жизни. Однако я получил медицинскую помощь и постарался выглядеть как можно лучше.

"Но самое трудное из всего, о чем еще предстоит упомянуть, — открытие, что я еще не полностью избавился от привычки к мастурбации. Я, действительно, отказался от нее в те моменты, когда я осознавал свое бодрствование, даже несмотря на сильное сексуальное желание; но однажды ночью, примерно через год после того, как я отказался от этой практики, я обнаружил, что снова поддаюсь ей в те моменты между сном и бодрствованием, когда воля находится лишь в полусознательном состоянии. Это было похоже на гонку за бодрствование между моим физическим инстинктом, с одной стороны, и моим моральным чувством и тормозящими нервами - с другой; и очень часто физический инстинкт побеждал. Возможно, в этом нет ничего необычного, но это меня сильно огорчило, и я никогда не чувствовала себя в безопасности до замужества. Я прибегал к различным средствам борьбы с этой склонностью, и в конце концов мне пришлось каждую ночь привязывать себя в определенном положении веревкой вокруг ног, чтобы не было возможности перевернуться на лицо.

"В раннем мужском возрасте нагрузка на мое телосложение была значительной по причинам, отличным от сексуальной неврастении, важность которой, как я теперь хорошо понимаю, я преувеличивал. Медицинские консультанты, с которыми я консультировался в тот период, заверили меня, что это так; и, хотя в то время я часто думал, что они скрывают от меня реальные факты по доброте душевной, с тех пор мое собственное чтение убедило меня, что они говорили не что иное, как научную правду.

Годы шли. Я закончил университет и, несмотря на мое слабое здоровье, получил хорошую степень. Мучительная борьба за целомудрие, казалось, достигла апогея примерно четыре года

спустя, когда на длительный период, частично из-за чрезмерной учебы, а частично из-за сексуального напряжения, я впал в состояние сильного нервного истощения, одним из самых тревожных симптомов которого была бессонница. Страшное облако безумия, казалось, надвигалось все ближе. Мне приходилось свободно употреблять алкоголь по ночам; и я мог бы к настоящему времени стать пьяницей, если бы случайно — или, должен сказать, Провидчески — не был направлен к здравому смыслу - отмерять свою порцию виски в стакан для виски; так что алкоголь не смог бы перехватить у меня инициативу.

"Этот период был периодом острых душевных страданий. Одной из причин нервного напряжения была — в чем я теперь не сомневаюсь — потребность в здоровом половом акте. В конце концов я это доказал. Мои обстоятельства, которые долгое время были неблагоприятны для брака, наконец сложились в этом направлении. Я возобновил знакомство с дамой, которую хорошо знал несколько лет назад; и наша дружба крепла до тех пор, пока после большого замешательства с моей стороны из-за неуверенности в моем здоровье и перспективах я не решил, что имеет смысл поговорить. Через несколько месяцев мы поженились, и я понял, что обрел прекрасную жену. Мы не вступали в половую связь в течение нескольких ночей после свадьбы; но, однажды вкусив удовольствие от супружеского ложа, я должен признать, что отчасти из-за незнания гигиены брака я некоторое время был довольно несдержан в супружеских отношениях, требуя совокупления восемь или девять раз в месяц. В этом не было ничего противоестественного, если учесть, что теперь у меня впервые был свободный доступ к женщине после долгой и утомительной борьбы за сохранение целомудрия. Супружеская жизнь, однако, естественным образом стремится — по крайней мере, так было в моем случае — регулировать желание; и когда я начал понимать этику и гигиену секса, что я и сделал через год или два после женитьбы, я смог проявлять все большее самоограничение. Сейчас мы бережливо относимся к супружеским удовольствиям. У нас не было детей; и я объясняю это главным образом сохраняющейся во мне сексуальной слабостью.^[220] Но я могу сказать, что брак значительно улучшил не только мою сексуальную силу, но и мои нервные силы и общее состояние здоровья; и хотя за последние год или два состояние моего здоровья ухудшилось, причина этого, вероятно, в переутомлении, а не в чем-либо, связанном с сексом. Не что иное, как то, что следует сказать, что, если бы не юношеская мастурбация, усугубленная невропатическим темпераментом, моя конституция, без сомнения, перенесла бы общее напряжение жизни лучше, чем оно было до сих пор. Алголагнию, являющуюся одним из врожденных состояний моего сексуального инстинкта, следует считать фундаментальной, и, конечно же, она не была устранена. Если бы я позволил себе предаться алголагническим мечтаниям, они и сейчас без труда возбуждали бы меня; но я систематически препятствовал им, так что они почти не доставляют мне практических хлопот. Мои эротические сны, которые много лет назад (насколько я помню) часто были алголагническими, теперь почти неизменно нормальны.

"Мои супружеские отношения всегда были в русле строго нормальной сексуальности. У меня глубокое чувство обязательств моногамного брака, помимо искренней привязанности к моей жене; следовательно, я подавляю, насколько это возможно, все сексуальные наклонности, которые иногда возникают непроизвольно, по отношению к другим женщинам.

"Из того, что я раскрыл, будет видно, что я всего лишь слабый человек; но в течение многих лет я честно и усердно стремился дисциплинировать сексуальность внутри себя и регулировать ее в соответствии с здравым смыслом, чистой гигиеной и моральным законом; и я могу только

надеяться и верить, что Божественная Сила, которой я старался доверять, в будущем, как это было в прошлом, действуя естественными методами и через текущие события моей жизни, изменит и проконтролирует мою сексуальную жизнь и направит ее в безопасное и достойное русло".

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ II.—А. Б., женат, общее состояние здоровья хорошее, темные волосы, светлая кожа, близорук, рост ниже среднего. Оба родителя принадлежат к здоровым семьям, но мать в первые годы супружеской жизни страдала от нервов, а отец, очень энергичный и амбициозный человек, был холодным, бесстрастным и беспринципным. А. Б. - старший ребенок; двое братьев и сестер слегка ненормальны, нервничают. Но, насколько известно, никто из членов семьи никогда не был сексуально ненормален.

А. Б. был умным ребенком, хотя и склонным к меланхолии (а в более поздние годы склонным к самоанализу). В подготовительной школе был довольно успешен в учебе, в государственной школе несколько отстал, в университете внезапно увлекся интеллектуальными занятиями. На протяжении всего времени он был слаб в играх. Так и не смог научиться плавать из-за нервозности. Хорошо свистит. Всегда любил читать и хотел бы стать писателем по профессии. Он женился в 24 года, и у него родилось двое детей, оба с врожденными физическими отклонениями.

До 7 или 8 лет А. Б. может помнить различные незначительные происшествия. "Одна из игр, в которые я обычно играл со своей сестрой, - пишет он, - заключалась в том, чтобы притворяться, что мы "отец и мать" и справляем нужду у туалета. Мы садились на корточки в разных концах комнаты, продлевали имитируемое действие и разговаривали. Я не помню, о чем был наш разговор и была ли у меня эрекция. Я также использовала воду с балкона в сад и в других необычных местах.

"Первый случай, когда я могу вспомнить, что испытал ощущения или эмоции, сходные по характеру с более поздними и более развитыми чувствами желания, произошел в возрасте примерно 7 или 8 лет, когда я был поденщиком в большой школе в провинциальном городке и абсолютно невинен в отношении поступков, мыслей или знаний. Я влюбилась в мальчика, с которым познакомилась в классе, примерно моего возраста. Помню, он показался мне симпатичным. Он не обращал на меня внимания. У меня не было никакого отчетливого желания, кроме желания быть рядом с ним, прикоснуться к нему и целовать его. Я краснела, когда внезапно видела его, думала о нем в отсутствие и размышляла о своих шансах увидеть его снова. Я был в состоянии высшего экстаза, когда однажды летним вечером он пригласил меня присоединиться к нему и несколькими друзьями за игрой в лапту.

"В возрасте 8 лет жених моего отца рассказал мне, откуда берутся дети и как они появляются на свет. (Я уже знала разницу в половых органах, так как мы с сестрой мылись в одной комнате.) Он не рассказал мне никаких подробностей об эрекции, сперме и т.д. Он также не позволял себе никаких вольностей со мной. Раньше я замечала, как он мочится; он обычно отодвигал крайнюю плоть, и я думала, что его пенис большой.

"Когда мне было около 8 лет, няня сказала мне, что мальчик, живший у нее в прошлом доме, имел половую связь со своей сестрой. Я подумал, что это отвратительно. Примерно год спустя я

сказала медсестре, что, по моему мнению, история об Адаме и Еве была неправдой и что, когда Ева дала Адаму яблоко, он вступил с ней в половую связь, и она была наказана рождением детей. Я не знаю, сам ли я это придумал, или мне это подсказали другие. Эта медсестра часто говорила о моей "кисточке".

"Семья из нескольких братьев ходила со мной в одну школу, и мы часто попадали в грязные истории, в основном, однако, сексуального характера, а не сексуального.

"Когда мне было около 10 лет, я многому научился у кучера моего отца. Он часто рассказывал о девушках, с которыми у него был секс, и о том, как бы ему понравилось это с моей няней.

Год спустя я пошел в большую дневную школу. Я думаю, что большинство мальчиков, если не почти все, были очень невежественны в сексуальных вопросах. Единственный случай в этой связи, который я могу вспомнить, - это просьба мальчика показать мне свой пенис; он так и сделал.

"Во время летних каникул на водопое я посетил театральное представление и влюбился в девочку лет 12, которая играла роль. Я купил ее фотографию, которую хранил и целовал несколько лет спустя. Примерно в то же время я с нежностью думал об одной девочке моего возраста, чьи родители знали моих. Я помню чувство, что мне хотелось бы поцеловать ее. Однажды я украдкой коснулся ее волос.

"Когда мне было 12 лет, меня отправили в небольшую подготовительную школу-интернат за городом. Во время каникул я часто разговаривал о сексуальных вещах с лакеем моего отца. Он, должно быть, многое мне рассказал. Раньше у меня была эрекция. Однажды вечером, когда я был в постели, а все остальные снаружи (моя мать и дети на даче), он поднялся в мою комнату и попытался положить руку на мой пенис. Я думала о сексе, и у меня возникла эрекция. Я сопротивлялась, но он настаивал, и когда ему удалось прикоснуться ко мне, я сдалась. Затем он продолжил мастурбировать меня. Я откинулась назад, охваченная приятным ощущением. Затем он остановился, и я продолжила сама. Тем временем он достал свой пенис и мастурбировал передо мной, пока не наступил оргазм. Я почувствовала отвращение при виде его большого органа и спермы. Затем он оставил меня. Я едва могла спать от возбуждения. Я чувствовал, что был посвящен в великую и восхитительную тайну.

"У меня сразу же вошло в привычку заниматься мастурбацией. Прошло несколько месяцев, прежде чем я смог достичь оргазма; примерно в 13 лет появилась небольшая пена; примерно в 14 - немного спермы. Не знаю, как часто я это делал — возможно, раз или два в неделю. После этого мне было стыдно за себя. Я сказал мужчине, что делаю это, и он выразил удивление, что я не знал об этом до того, как он сказал мне. Он предупредил меня, чтобы я прекратил это делать, иначе это повредит моему здоровью. Позже я притворился, что перестал это делать.

"Я практиковал одиночную мастурбацию в течение нескольких месяцев. Сначала Семен был небольшой объем и водянистая.

"В то время мне никогда не удавалось оттянуть крайнюю плоть ниже "венчика". После мастурбации я иногда чувствовал локальную боль в половом члене, иногда боли в яичках и вообще чувство стыда, но, я думаю, никакой усталости. Стыд был смутным чувством дискомфорта от того, что я сделал то, что, как я знал, другие сочли бы грязным. Я также испытывал опасения, что наношу вред своему здоровью.

"Прошло незадолго до того, как я нашел других мальчиков в подготовительной школе, с которыми я разговаривал о сексуальных вещах и в некоторых случаях переходил к действиям. Мальчикам было от 9 до 14 лет; в 14 или 15 они ушли в государственные школы. Мы спали в спальнях — по несколько в одной комнате.

"Общих разговоров на сексуальные темы не было. Немногие из мальчиков что—либо знали о таких вещах - возможно, 7 или 8 из 40. Прежде чем описать свой опыт в школе, я могу упомянуть, что не могу припомнить, чтобы в тот период у меня возникало какое-либо желание вступить в гетеросексуальный контакт; я еще ничего не знал о гомосексуальных практиках; и у меня не было, за исключением одного случая, никакой любви или привязанности к кому-либо из мальчиков.

"Однажды ночью в моей спальне — нас было около шести человек — мы проговорили довольно допоздна. Мои воспоминания начинаются с осознания того, что все мальчики спали, кроме меня и еще одного П. (сына священника), который лежал на кровати в противоположном конце комнаты. Я полагаю, мы, должно быть, говорили о подобных вещах, потому что я отчетливо помню, как у меня была эрекция, и я внезапно — словно по предчувствию — встал со своей кровати и с бьющимся сердцем тихо подошел к кровати П. Он не выказал удивления моему присутствию; было произнесено несколько слов шепотом; я положила руку на его пенис и обнаружила, что у него эрекция. Я начала мастурбировать ему, но он сказал, что только что закончил. Затем я предложила лечь с ним в постель. (В то время я никогда не слышала о том, что такое делается, идея возникла спонтанно.) Он сказал, что это небезопасно, и положил руку на мой пенис, я думаю, с целью удовлетворить и избавиться от меня. Он мастурбировал меня, пока не наступил оргазм.

"У меня больше не было с ним отношений, за исключением одного случая, вскоре после этого, когда однажды в туалете он попросил меня подрочить ему. Я так и сделала. Он не предлагал сделать то же самое со мной.

"Он был хрупким, слабым мальчиком; не преуспевал в работе; был женоподобен в своих поступках; склонен к мелким издевательствам, пока мальчик не показывал драку, когда он обнаруживал, что он отъявленный трус. Четыре или пять лет спустя я встретил его в университете. Его приветствие было прохладным. Мой следующий роман был с мальчиком примерно моего возраста (13 лет), сильным, полнокровным, грубым, всегда находившимся в "горячей воде". Он был сыном директора одной из самых известных государственных школ. Сообщалось, что два брата были исключены из этой государственной школы за то, что мы называли "свинством". Он сказал мне, что его старший брат имел обыкновение вступать с ним в половую связь. Я впервые услышал об этом. Раньше мы вместе мастурбировали. Однако у меня не было к нему привязанности или желания.

"С Э., другим мальчиком, у меня не было отношений, но я помню его как первого человека того же пола, к которому я испытала любовь. Он был маленьким, светловолосым, худощавым мальчиком, примерно на два года младше меня, так что я был ниже его в социальной иерархии школы.

"В конце моего последнего семестра меня постигло два разочарования. Я был побежден младшим и умным мальчиком за первое место в школе, а также на одно очко уступил в соревнованиях за Спортивный кубок более сильному мальчику, который только пришел в школу

в том самом семестре. Однако в качестве утешительного приза, когда я уходил, директор вручил мне второй приз. Это успокоило мои оскорбленные чувства, и я помню, как сразу после того, как "директор" зачитал призы, в последний день семестра Э. подошел ко мне, положил руку мне на плечо, посмотрел на меня довольно задумчиво и голосом, который взволновал меня и вызвал желание поцеловать и обнять его, сказал мне, что он так рад, что я получил приз, и что это позор, что другой парень победил меня в борьбе за кубок.

"Я три года (в возрасте от 12 до 15 лет) учился в подготовительной школе. Я начал в последнем классе и закончил вторым в школе. Мои отчеты, как правило, были хорошими, и я стремился преуспевать в работе. Руководитель оказал на меня значительное влияние." Он был священнослужителем, но человеком широкой начитанности, широких взглядов, большой учености и большого энтузиазма. Мы очень подружились.

"Во время каникул я впервые практиковал межпозвоночный половой акт с младшим братом. Я начал прикасаться к его пенису и вызывать эрекцию, когда ему было около 5 лет. Потом я заставила его подروحить мне, и я подروحила ему; раньше я затаскивала его к себе в постель. Однажды я спонтанно (никогда ни о чем подобном не слышала) заставила его взять мой пенис в рот.

"Это продолжалось несколько лет. Когда мне было около 16, а ему около 10, старшая семейная медсестра рассказала мне об этом. Она сказала мне, что он жаловался на то, что я это делаю. Я очень боялась, что об этом узнают мои родители. Я подошел к нему; сказал, что мне жаль, но я не понял, что ему это не понравилось, но что я больше так не поступлю.

Примерно год спустя (настаивая на своем обещании) Я делал ему предложения, но он отказался. Затем я похвалил его поведение и сказал, что знаю, что он совершенно прав, и попросил его снова отказаться, если я когда-нибудь предложу это. Я больше никогда этого не предлагал. Много лет я горько упрекал себя за то, что развратил его. Однако я не думаю, что ему был причинен какой-либо вред. Но мои самобичевания заставили меня почувствовать, что я в некотором долгу перед ним. Я также испытываю к нему больше привязанности, чем к другим моим братьям и сестрам.

"В возрасте 15 лет я пошел в одну из крупных государственных школ. Я был довольно опережающим для своего возраста и поступил в среднюю школу. Но я добился небольшого прогресса. У меня были плохие отзывы; я был "слаб в играх" и не пользовался популярностью среди мальчиков. На самом деле я стоял неподвижно, так что, уходя, я был отсталым по сравнению с другими мальчиками, обладавшими еще меньшим природным интеллектом.

"Преподавание, безусловно, было плохим. Более того, у меня не было друзей, и это делало меня очень чувствительным. В значительной степени это была моя вина. Когда я впервые пришел туда, меня взяли на руки ребята, которые были выше меня по положению. Когда они ушли, я оказался один.

"Моя непопулярность усилилась из-за того, что считалось, что я одеваюсь "сбоку", а также из-за того, что я обращала внимание на свою одежду.

"В государственной школе у меня были гомосексуальные отношения с разными мальчиками, обычно без какой-либо страсти. Однако в одного мальчика я была по уши влюблена больше года; я думала о нем, мечтала о нем, удовлетворилась бы только тем, чтобы поцеловать его. Но мои ухаживания не увенчались успехом.

"Когда я общалась с другими мальчиками, желание преодолеть кризис не всегда было сильным, возможно, из-за застенчивости или скромности. Иногда у меня возникала межклеточная связь, которая давала мне первое представление о том, на что похож половой акт с женщиной. Когда я мастурбировал в одиночестве, я обычно продолжал до оргазма.

"Однажды мой домоуправ послал за мной и сказал, что проходил по моей кабинке и заметил пятно на простыне. В то время у меня были ночные выделения. Я не могу вспомнить, было ли в этом случае пятно вызвано одним из них или мастурбацией. Но я представляла, что у человека не бывает "влажных снов", если он не мастурбировал. Поэтому, когда он продолжил говорить, что это было доказательством того, что я была аморальной, я признала, что мастурбировала. Затем он сказал мне, что я нанесу вред своему здоровью — возможно, "ослаблю свое сердце" или "сойду с ума"; он сказал, что попросит меня пообещать никогда больше этого не делать.

Я пообещал. Я ушел униженный и пристыженный за себя; к тому же обычно напуганный. Он время от времени посылал за мной и спрашивал, сдержал ли я свое обещание. В течение нескольких месяцев я так и делал. Потом у меня случился рецидив, и я рассказал ему, когда он спросил меня. В конце концов он перестал посылать за мной — очевидно, убедившись либо в том, что я вылечился, либо в том, что я неисправим.

Примерно через год после этого он обнаружил в моем кабинете (поскольку я тогда учился в старших классах и у меня был кабинет) французскую фотографию, которую мне подарил мальчик, озаглавленную "*Qui est dans ma chambre?*" На ней был изображен мужчина, по ошибке зашедший не в ту спальню; внутри комнаты находилась женщина в ночной рубашке, в позе, которая наводила на мысль, что она только что справляла нужду. Мой учитель сказал мне, что фотография была ужасно неприличной, и что, учитывая то, что он знал о моих привычках, это показывало, что я небезопасный мальчик для пребывания в школе. Он добавил, что не хотел создавать проблем дома, но посоветовал мне попросить родителей забрать меня из школы в конце этого семестра, а не в следующем, когда при обычном ходе дел мне следовало бы уйти.

"Я написала своим родным, чтобы сказать, что мне было плохо в школе, и в конце этого семестра меня исключили.

"Мой первый случай настоящей гетеросексуальной страсти был с девушкой по имени Д., с которой я познакомился, когда ей было около 16. Моя семья и ее были дружны. Мое влечение к ней вскоре стало общеизвестным и предметом шуток среди членов моей семьи. Она была смуглым, страстно выглядящим ребенком с большими глазами, которые — мне — казались полными внутреннего знания сексуальных тайн. Не по годам развитая, тщеславная, ревнивая, лживая — это были качества в ней, которые я сам вскоре распознал. Но сам факт того, что она не была общепринятой "паинькой", доказывал, что она привлекала меня.

"Я никогда открыто не занимался с ней любовью, но мне нравилось находиться рядом с ней. Нас разделяло достаточно много возраста, чтобы это было заметно. Я мечтал о ней, и моим высшим идеалом блаженства было поцеловать ее и сказать ей, что я люблю ее. Я слышал, что ее застали за непристойным разговором в туалете с какими-то маленькими мальчиками,

сыновьями друга моей семьи. Осознание ее не по годам развитой натуры усилило мое восхищение ею.

"Когда я ушел из дома, чтобы вернуться в школу, я поцеловал ее - единственный раз. Отсутствие не уменьшило моей привязанности. Я думал о ней весь день, на работе или во время игр. Я написал ей письмо — не откровенно страстное, но мои настоящие чувства к ней, должно быть, были очевидны. Позже я узнал, что ее мать вскрыла письмо.

"Когда я вернулся домой на каникулы, ее мать попросила меня не писать ей никаких писем и не обращать на нее внимания, так как я могу "избаловать ее". Я пообещал. Я был, конечно, очень огорчен.

"Д. часто приходила к нам домой, чтобы повидаться со своей младшей сестрой. Ее мать явно предупредила ее, чтобы она не позволяла мне с ней разговаривать. Я слишком нервничал, чтобы делать какие-либо авансы; кроме того, я обещал. Когда я стал старше, моя страсть угасла. С тех пор я ее почти не видел. Несколько лет назад она вышла замуж. Я все еще испытываю к ней сентиментальные чувства.

"Сейчас мне было 18; я перестал расти и был довольно широкоплечим и здоровым. Интеллектуально я был не по годам развит, хотя и не амбициозен. Но я не был силен в играх, не имел вкуса к физическим упражнениям и не имел хобби.

"На каникулах, в мой последний год в школе, я ходил в Королевский аквариум со школьным товарищем. За этим последовали одно или два посещения театра "Эмпайр". Именно тогда я впервые обнаружил, что половой акт происходит вне рамок супружеской жизни. Однажды мой друг поговорил с одной из прогуливавшихся женщин. Этот же друг разговаривал с проституткой в Оксфорде. (В то время я учился в университете.) Раз или два я встречал одну девушку. Она часто спрашивала о моем друге. Мои чувства к ней представляли собой сочетание восхищения ее физической красотой, ощущения "таинственности" ее жизни и жалости к ее изолированному положению.

"В целом, мой первый семестр в университете привел к значительному улучшению моего состояния. Я начал интересоваться своей работой и читать изрядное количество общей литературы. Я научился кататься на велосипеде и грести. У меня также появился один близкий друг.

"В свой первый отпуск я поехал в Империю и познакомился там с девушкой по имени В. Х. Она привлекла меня своей спокойной внешностью. В конце концов я договорился нанести ей визит. Мои опасения состояли из: 1. Страху подхватить венерическую болезнь. Это я решил обезопасить, используя "французское письмо". 2. Страху, что у нее может быть "хулиган".

"Девушка не проявляла сексуального желания, но в то время это не привлекло моего внимания.

"Я очень сильно "увлекся" ею, нанес ей несколько визитов, подарил ей подарки, которые с трудом мог себе позволить, и был очень огорчен, когда она сообщила мне, что выходит замуж и поэтому больше не может меня видеть.

"Мой опыт общения с проститутками охватывает период в двенадцать лет. В течение трех лет из этого периода я постоянно находился в их компании. У меня были сношения примерно с двумя дюжинами; в некоторых случаях только один раз; в других - неоднократно. Обычно они принадлежали к тому классу, который часто посещает Пикадилли, ресторан St. James, отель Continental и танцевальные клубы. Обычная плата - 2 фунта за ночь; в одном случае - 5 фунтов.

"1. Ни один из них, насколько я знал, не был пьяницей.

"2. Как правило, они не были корыстными или нечестными.

"3. По своему языку и общему поведению они выгодно отличались от респектабельных женщин.

"4. Я никогда не болел венерическими заболеваниями.

"5. Я дважды ловил педикулы.

"6. Я не находил их, как правило, очень чувственными или любящими непристойные разговоры. Как правило, они возражали против раздевания догола; они не прикасались к моим органам; они не предлагали мастурбацию, содомию или *фелляцию*. Они редко проявляли восторг, но лучшие из них казались сентиментальными и нежными.

"7. Их рассказы об их первом падении почти всегда были одинаковыми. Они узнавали "джентльмена", часто по тому, что он обращался к ним на улице; он водил их на обеды и в театры; они были совершенно невинны и даже невежественны; однажды они слишком много выпили; и прежде чем они поняли, что происходит, они уже не были девственницами. Однако они, по-видимому, не нападают на этого человека, не разоблачают его и не отказываются больше иметь с ним какое-либо дело.

8. Они заявляют — как и внешне "респектабельные" женщины, которых я имел возможность катехизировать, — что перед первым половым актом они не испытывали никакого сознательного желания к половому акту и почти не думали о нем, что в первый раз было очень больно и что прошло некоторое время, прежде чем они начали получать от этого удовольствие или испытывать оргазм.

"Э. Б. была второй женщиной, с которой у меня был половой акт. Она была проституткой, но очень молодой (около 18 лет) и пробыла в Лондоне всего несколько месяцев. Впервые я встретил ее в ресторане "Сент-Джеймс". Я перекинулся с ней несколькими словами. На следующий день я увидел ее в галерее Берлингтон. Она не слишком привлекала меня; она была хорошенькой, в грубоватом, пышном стиле; вульгарными были манеры, голос и одежда. Она попросила меня пойти с ней домой; я отказался. Она надавила на меня; я сказал, что у меня нет денег. Она все еще уговаривала меня просто поехать с ней домой и поговорить, пока она одевается к вечеру. Я согласился. Мы подъехали к дому на Олбани-стрит. Мы вошли. Она продолжила целовать меня. Я оставался холодным и снова сказал ей, что у меня нет денег. Затем она сказала: "Это не имеет значения. Ты напоминаешь мне мальчика, которого я люблю. Я хочу, чтобы ты был моим любимым парнем". Я была польщена этим. Я часто ее видала. Она была сентиментальной. Я никогда не давал ей денег. Когда у меня появлялись деньги, она отказывалась их брать, но позволяла мне потратить немного на покупку ей подарка. В ночь перед моим отъездом из Лондона она плакала. Она писала мне неграмотные, но нежные письма. Однажды она написала мне, что ее должен содержать мужчина, но что она поставила

перед ним условие, что ей должно быть позволено обладать мной. Я никогда не был влюблен в нее из-за ее вульгарности. Поэтому я воспользовался первой же возможностью остыть, не писать часто и т.д. Следующее, что я помню, было мое увлечение, произошедшее несколько месяцев спустя, Щ. Х.

"Она не была обычной проституткой. Она сыграла очень незначительную роль в легкой опере. Она была американкой по происхождению, молодой, стройной и говорила как леди. Ее волосы были выкрашены, грудь набухла. Она вела себя сентиментально, но была менее ласковой, чем Е. Б. Я познакомился с ней, когда она была без работы. Я давал ей 2 фунта при каждой встрече. Она не была меркантильной. Она была чувственной. Я очень сильно влюбился в нее. Однако я обнаружил ее, когда она писала письма парню, которого я встретил однажды, когда гулял с ней. Он был всего лишь знакомым, но братом моего самого близкого друга. Против чего я возражал, так это против того, что в этом письме к нему она заявляла, что я ей безразличен, но не могла позволить себе отказаться от меня. Ей пришлось признать себя виновной, но я был так очарован ею, что все еще оставался с ней какое-то время, пока ее не стал содержать мужчина, и я не нашел других женщин, которые заинтересовали меня.

"Из-за строгих правил, установленных университетскими властями, проституткам там трудно зарабатывать на жизнь, и я никогда не имел с ними ничего общего. Мои приключения происходили в классе продавщиц и носили сравнительно невинный характер. Однако одна из них, М. С., очень сдержанная продавщица, была единственной девушкой, не проституткой, с которой я до сих пор имел половой акт.

Примерно в это же время я познакомился с тремя другими проститутками, которые, однако, были милыми, нежными, тихими девушками, не вульгарными и не корыстолюбивыми. Ночь, проведенная с ними, всегда значила для меня гораздо больше, чем просто общение. Они были — особенно двое из них — сентиментальной натурой и засыпали в моих объятиях. С моей стороны не было никакой страсти, но было определенное сочувствие к ним, жалость и привязанность. Я оставался верен первой, Дж. Х., пока ее не стал содержать мужчина, и она бросила своих друзей-джентльменов. Потом появился Д. В. Она встала на путь семьи и уехала из Лондона. Она не была хорошенькой, но имела хорошую фигуру, хорошо одевалась, была яркой собеседницей и интеллигентным умом. Ее обычная цена за ночь составляла 5 фунтов, но когда она узнавала кого-нибудь поближе, она брала одного за меньшую цену и брала еще одного "в счет". Она была очень чувственной. Однажды, между 11 часами вечера и примерно полуднем следующего дня, я испытала оргазм одиннадцать или двенадцать раз.

"Во время семестра мне часто не удавалось завести женщин из-за нехватки денег и отсутствия в Лондоне. Я считал себя счастливым, если мог иметь женщину один или два раза в месяц. Мое содержание было недостаточно велико, чтобы позволить себе такую роскошь; и я мог делать то, что делал, только будучи экономным в своих общих расходах и в жизни, а также оплачивая счета за все, что мог получить в кредит. Я жил надеждой найти "любителей", которые дали бы мне то, что я хотел, из любви к этому делу и без оплаты. В настоящее время мои усилия были не очень успешными, за исключением случая с М. С. Я считал, что мне очень повезло, что я нашел ее, и я бы привязался к ней подольше, если бы не соперничающее влечение другой. Однако ни с той, ни с другой стороны не было глубоких чувств.

"Но чтобы сохранить преемственность в моем рассказе о женщинах, я опустил два случая временного возвращения к гомосексуальным практикам. В периоды, когда я не мог заполучить

женщину, я снова прибегал к мастурбации. Временами мне снились "влажные сны", в которых фигурировали мальчики; и мои мысли в часы бодрствования иногда возвращались к воспоминаниям о моем школьном опыте. Однако я думаю, что предпочел бы женщину.

Гомосексуальные реверсии были следующими:—

"1. Однажды вечером я договорился встретиться с продавщицей за городом. Она не пришла. Местом встречи был железнодорожный мост. Там же, в нескольких футах от меня, ждал мальчик лет 15. Он работал (как я позже выяснил) садовником и ждал встречи со своим братом, который был занят на конвейере. Я завязал с ним непринужденную беседу и вдруг поймал себя на том, что задаюсь вопросом, мастурбировал ли он когда-нибудь. С чувством, которое я могу описать только интуицией, я придвинулся к нему поближе и спросил: "Ты когда-нибудь играешь сам с собой?" Он, казалось, не удивился резкости моего вопроса и ответил "да". После этого я дотронулся до его пениса *и обнаружил, что у него эрекция!* Я предложил удалиться на скамейку, которая была поблизости. Мы сели. Я мастурбировала его, пока он не испытал оргазм; затем - внутрибрюшинно. Я дал ему шиллинг и пожелал спокойной ночи.

"2. Во время моего последнего лета в университете я увлекся садоводством. За домом, в котором я снимал квартиру, был небольшой участок сада. Моя квартирная хозяйка предложила нанять своего двоюродного брата, работающего в питомнике, чтобы он снабжал меня растениями и т.д. Это был юноша лет 16-17, высокий, темноволосый, с приятной внешностью. Я забыл, сколько раз я видел его — не так уж много, может быть, дважды или трижды; но однажды, когда он пришел навестить меня в моей комнате по поводу чего-то, связанного с садом, я дал ему кое-какую свою старую одежду. Он был намного выше меня, и я предложил ему примерить брюки, чтобы посмотреть, подойдут ли они. Я не знаю, сделал ли я это предложение с каким-либо скрытым мотивом или я когда-либо прежде думал о нем в связи с какими-либо сексуальными отношениями. Я только знаю, что еще раз, словно ведомая инстинктом, я почувствовала, что он не оттолкнет меня, хотя, конечно, между нами никогда не было неприличных разговоров. Я притворился, что помогаю ему натянуть брюки, и позволил своей руке коснуться его члена. Он не сопротивлялся; и я несколько секунд ощущал его член. Затем я предложил ему подняться наверх, в мою спальню. В доме никого не было. Мы поднялись наверх. Сначала у него не было эрекции. Я спросила почему. Он ответил: "Потому что ты мне чужой". Затем он пощупал мой пенис. В конце концов, мы взаимно мастурбировали друг друга. Я дал ему полкроны.

Спустя некоторое время он снова пришел в наш дом. На этот раз я попробовала *фелляцию*. Не думаю, что в то время я когда-либо слышал о такой практике. Однако он сказал, что ему это не нравится. Он мастурбировал внутрибрюшинно. Он сказал, что никогда не делал этого раньше, хотя у него были девочки. (Другой мальчик тоже сказал мне, что у него были девочки.)

"3. В другой раз я катался на велосипеде. Мальчик лет 10 предложил мне букетик фиалок за пенни. Я сказал ему, что дам шиллинг, если он нарвет мне большой букет. Я не уверен, был ли у меня какой-то скрытый мотив. Он направился в лес на обочине дороги; я слез со своей машины и последовал за ним. Это был симпатичный темноволосый мальчик. Он варил воду. Я подошел к нему и попросил дать мне пощупать его пенис. Он тут же отскочил и с визгом убежал. Я испугался, сел на велосипед и помчался домой так быстро, как только мог.

"В вышеупомянутых случаях не было никаких сантиментов. Также следует отметить, что ни в одном из случаев я не принимал никаких мер для того, чтобы снова увидеться с этим человеком. Насколько я помню, когда однажды я был удовлетворен, я чувствовал отвращение к своему поступку. В случае с женщинами этого никогда не было.

"Две женщины, описанные на предыдущих страницах, выделяются среди остальных. Возможно, я недостаточно показал, что в случаях с W. H. и S. H. я чувствовал значительную степень *страсти*. У. Х. была первой женщиной, с которой у меня была связь; это вселило в мое сердце особое чувство к ней. Ни в том, ни в другом случае меня нельзя обвинить в непостоянстве. Действительно, я могу сказать, что до этого времени у меня не было возможности быть непостоянным. Я никогда не видел достаточно женщин, чтобы пресытиться ими.

"Случай, к которому я сейчас перехожу, представляет особенности случаев W. H. и S. H. в более сильной форме. Мне было тогда 20; с тех пор я женился; я отец; мой опыт был многочисленным и разнообразным; но все же я должен признаться, что ни одна другая женщина никогда не будоражила мои эмоции больше, чем — сомневаюсь, что настолько сильно, — Д.К. На сегодняшний день, если и была какая-то великая страсть в моей жизни, то это моя любовь к ней. Д.К., когда я познакомился с ней поближе — поговорив с ней на улице — была девушкой лет 20. Она была невысокой и пухленькой; темные волосы; темные озорные глаза; светлая кожа; мелкие черты лица; спокойные манеры и чувственный *ансамбль*. Я не знаю, кем был ее отец. Он умер, ее мать содержала университетскую ночлежку. Она говорила и вела себя как леди. Она одевалась скромно; была абсолютно нематериальна; ее интеллект — *то есть*, ее интеллектуальный уровень — был невелик. Ее главная страсть — это одно. В первый вечер, когда я вышел с ней на улицу, она положила руку на мой пенис, еще до того, как я ее поцеловал, и предложила заняться сексом. Я был удивлен, почти смущен; она сама подвела меня к стене и заставила встать.

На следующий день мы уехали на целый день вместе. Могу сказать, что она была *всегда* готова и никогда не была довольна. Она была скорее чувственной, чем сентиментальной. Она была готова осыпать своими милостями кого угодно. Мои чувства к ней вскоре стали нежными и сентиментальными, а затем и страстными. Весь день я не думал ни о чем другом; ежедневно писал ей длинные письма; просто жил, чтобы увидеть ее.

- Я узнал, что она была помолвлена и собиралась выйти замуж. Ее *жених*, школьный учитель, сам имел обыкновение вступать с ней в половую связь, но он стал религиозным и считал, что это безнравственно, пока они не поженились. Я общался с ней при каждом удобном случае: в отдельных комнатах отелей, в железнодорожных вагонах, в поле, у стены, а когда наступили каникулы, она осталась со мной на ночь в Лондоне. Очевидно, она не боялась вмешиваться в семейные дела и никогда не принимала никаких мер предосторожности. Несмотря на свою чувственность, она не проявляла своих чувств внешне.

"Однажды она предложила *заняться фелляцией*. Она сказала, что сделала это со своим *женихом*, и ей это понравилось. Это единственный известный мне случай, когда женщина хотела бы сделать это из любви к делу.

"Эмоциональное напряжение на моих нервах — постоянная ревность, в которой я пребывал, осознание того, что вскоре она выйдет замуж и нам придется расстаться, — в конце концов привело к тому, что я заболел. Она никогда не говорила мне, что любит меня больше, чем

любого другого мужчину; и все же, благодаря моей настойчивости, она видела во мне гораздо больше, чем кто-либо другой. До ее *еженыха* дошло, что она часто бывала в моем обществе; была встреча нас троих, созванная по его желанию, на которой она должна была официально, в его присутствии, попрощаться со мной. И все же мы продолжали встречаться и общаться.

Затем приблизился день ее свадьбы. Она написала мне, что больше не может меня видеть. Однако я заставил ее, и наши отношения все еще продолжались. Ее старшая сестра взяла у меня интервью и сказала, что сообщит властям, если я не выдам ее; брат тоже пришел навестить меня и устроил скандал.

"У меня было то, что я всерьез намеревался назвать последней встречей с ней. Но после этого она приехала в Лондон, чтобы повидаться со мной, мы вместе поехали в отель. Мы договорились встретиться снова, но она не писала. К тому времени я бросил университет. Я слышал, что она была замужем.

"Прошло уже четыре года с тех пор, как у меня впервые был половой акт с женщиной. В течение этого времени я почти постоянно находился под влиянием либо определенной любовной связи, либо общей похотливости и желания совокупляться с женщинами. Это, естественно, повлияло на мой характер и жизнь. Моим занятиям мешали; я стал расточительным и залез в долги. Следует отметить, что до этого времени я никогда не задумывался о желательности брака. Возможно, это было главным образом потому, что у меня не было средств жениться. Но даже в разгар своих романов я всегда сохранял достаточно здравого смысла, чтобы критиковать моральный и интеллектуальный уровень женщин, которых я любил, и я придерживался твердых взглядов на целесообразность умственных и моральных симпатий и врожденных вкусов, существующих между людьми, вступившими в брак. В своих любовных похождениях я до сих пор не находил интеллектуального равенства или симпатий. Моя страсть к Ди Си была вызвана (1) связью, которую почти всегда вызывал в моих чувствах половой акт с женщиной, (2) ее физической красотой, (3) тем, что она была чувственной, (4) тем, что она была леди, (5) тем, что она была молода, (6) тем, что она не была корыстолюбива. Это поддерживалось препятствиями на пути к тому, чтобы я видел ее достаточно часто, и ее помолвкой с другим.

"Дело окружного прокурора вымотало меня эмоционально. Я пересмотрела свою жизнь за последние четыре года. Казалось, в ней было гораздо больше душевной боли, беспокойства и страданий, чем удовольствия. Я пришел к выводу, что этот неудовлетворительный результат был неотделим от погони за незаконными любовными связями. Я увидел, что в мою работу вмешивались и что я был в долгах по той же причине. И все же я чувствовал, что никогда не смогу обойтись без женщины. В этом затруднительном положении я поймал себя на мысли, что брак - единственное спасение для меня. Тогда рядом со мной всегда была бы женщина. Я был достаточно благоразумен, чтобы понимать, что без совпадающих вкусов и симпатий брак не может сложиться счастливо, тем более что моими главными интересами в жизни (после женщины) были литература, история и философия. Но я воображал, что если бы мне удалось найти девушку, которая удовлетворяла бы условию быть мне интеллектуальной компаньонкой, все мои проблемы были бы позади; мое сексуальное желание было бы удовлетворено, и я мог бы посвятить себя работе.

В таком настроении я более серьезно обратил свои мысли в сторону девушки, которую знал около двух лет. Ее возраст был почти таким же, как у меня. Моя и ее семьи были знакомы друг с другом. У нас с ней установилась платоническая дружба. Несомненно, главной

привлекательностью было то, что она была молода и хороша собой. Но она также была девушкой с выдающимся характером. Не будучи такой образованной, как я, она была выше средней девушки по общему интеллекту. Она любила читать; книги были нашей главной темой для разговоров и общим интересом. На самом деле она была девушкой более умной, чем я когда-либо встречал. С ее стороны, как я впоследствии обнаружил, интерес ко мне был не чисто платоническим. Наши отношения друг к другу были абсолютно правильными. И все же мы были близки, неформальны и разговаривали на темы, которые большинство людей сочли бы запретными между двумя молодыми людьми. Я чувствовал, что она была настоящим другом. Она тоже поделилась со мной своими проблемами.

"Мы часто переписывались друг с другом. Иногда мне приходило в голову, что было довольно странно, что она так стремилась написать мне, получить от меня весточку и увидеть меня; но я никогда сознательно не думал о ней иначе, как о друге; я ни на минуту не представлял, что она думает обо мне иначе, как об интересном и умном друге. Мне также никогда не приходила в голову мысль о незаконной любви. Она была одной из тех женщин, чье лицо и выражение лица отбрасывают любую подобную мысль. Я действительно был склонен считать ее оказывающей на меня хорошее влияние, но бесстрастной. Я рассказал ей о романе с Д. К., который произошел во время нашего знакомства. Она была огорчена, но сочувствовала, а не ханжествовала. Я не подозревал о причине ее огорчения; я думал, это из-за ее разочарования в идеалах, которые она сформировала обо мне. Она пригласила меня присоединиться к ней и ее семье на часть лета (к тому времени я бросил университет, получив диплом с отличием), и я решил присоединиться к ним. На этом этапе в моем сознании начала складываться вероятность того, что я ей небезразличен; а также желательность, если это так, обручиться с ней. Я обнаружил, что мои чувства стали теплее. Несколько раз мы оказывались наедине. Затем, однажды, наш разговор стал более личным, более нежным; и я поцеловал ее. Я отчетливо помню мысль, промелькнувшую у меня в голове, когда она позволила мне поцеловать себя, что, в конце концов, она не была такой бесстрастной и "прямой" девушкой, какой я ее считал. Но эта идея, должно быть, была очень временной; она не вернулась; она призналась мне в своей любви; и без какого-либо явного "предложения" с моей стороны мы пошли домой в тот день, взаимно принимая как должное, что мы помолвлены. Я был счастлив, причем спокойно счастлив, горд и в приподнятом настроении.

"Обстоятельства теперь сделали необходимым, чтобы я сам зарабатывал деньги, и я был вынужден заняться профессией, к которой никогда не испытывал никакого влечения; на самом деле, я никогда не рассматривал возможность этого, пока не обручился и не увидел, что должен содержать себя, если когда-нибудь женюсь. Я усердно работал и быстро улучшил свое положение.

"Думаю, я прав, утверждая, что с того дня, как я обручился, мои сексуальные проблемы, казалось, прекратились. Мои мысли и страсти были сосредоточены на одной женщине. Мы писали друг другу два раза в неделю, и что касается меня, то я делился с ней каждой своей мыслью и чувством, и получение ее писем было для меня событием в моей жизни почти на три года. Беспокойство, связанное с работой, отнимало у меня много энергии, и, хотя я с нетерпением ждал того времени, когда каждую ночь рядом со мной будет женщина, мои сексуальные желания были на исходе. Я также не испытывал никакого желания или искушения к другим женщинам.

"Я мастурбировал, но не часто. Обычно я делал это под аккомпанемент образов или сцен, связанных с моим суженым, иногда акт был чисто аутоэротическим. Мой досуг был посвящен чтению.

"Только один раз за время моей помолвки (три года) у меня был половой акт с женщиной; это было с девушкой, с которой я познакомился в университете и которая попросила меня приехать повидаться с ней.

"Я женился в возрасте 24 лет. Оглядываясь назад, на первые дни моей супружеской жизни, я теперь удивляюсь, что был так далек от проявления тех порывов страсти, которые с тех пор сопровождают любое общение с новой женщиной. Отчасти я боялся шокировать ее, отчасти три года сравнительного воздержания наказали меня. Прошло несколько недель, прежде чем я увидел свою жену полностью обнаженной; я никогда не прикасался к ее частям тела рукой в течение многих месяцев; и после первых нескольких недель я не часто вступал с ней в половую связь.

Возможно, этого следовало ожидать. Основа моей привязанности к ней всегда была моральной или ментальной, а не физической, хотя она была красивой, хорошо сложенной девушкой. Кроме того, мои мысли были заняты деньгами и другими заботами, а также попытками свести концы с концами.

"Действительно, я могу сказать, что моя сексуальная природа, казалось, угасала. Когда я был женат менее шести месяцев, я обнаружил, что половой акт с моей женой больше не означает того, что означал половой акт раньше — никакого возбуждения, экзальтации или экстаза. Моя жена, возможно, способствовала этому своим отношением. Позже она призналась мне, что в течение первой недели или около того она положительно боялась ложиться спать, настолько физически болезненным был для нее половой акт; что прошло много недель, если не месяцев, прежде чем она испытала оргазм. В течение первого и более лет брака она терпеть не могла прикасаться к моему пенису. Сначала это разочаровывало меня; затем раздражало и, наконец, вызывало почти отвращение.

Позже она научилась испытывать оргазм. Но она была очень сдержанна во время акта, и оргазм редко наступал одновременно; ей требовалось гораздо больше времени.

"Я перестал думать о сексуальных вопросах. Когда я был женат около трех лет, я осознал, что в моем случае брак означал потерю всего безумного экстаза в акте. Я знал, что если бы у меня не было работы, а денег было бы много, и на моем пути возникло бы искушение, я хотел бы иметь другую женщину. Но не было никакой конкретной женщины, которая приковала бы мое внимание, и у меня не было ни времени, ни денег, ни желания искать ее.

"Временами я мастурбировал. Иногда я делал это под аккомпанемент гомосексуальных желаний или воспоминаний о прошлом. Потом я заставил свою жену подрачить мне.

"Примерно через четыре года после женитьбы я пригласил женщину с площади Пикадилли сделать *фелляцию*. Я никогда раньше этого не делал. Она делала это не по-настоящему, а пальцами.

"Как уже говорилось выше, различные тревоги, тот факт, что я всегда мог удовлетворить свои физические желания, - все это успокаивало меня. Я также был заинтересован в своей работе, стремился улучшить свое положение и был очень энергичен.

"В целом, несмотря на денежные затруднения, первые четыре или пять лет моей супружеской жизни были самыми счастливыми в моей жизни. Конечно, я был очень свободен от сексуальных желаний; и общий эффект брака заключался в том, что я стал экономным, энергичным, амбициозным и бескорыстным. Я, конечно, был перегружен работой. Я редко ложился спать раньше часа или двух; мое питание было нерегулярным; и я стал беспокоиться и нервничать. В начале пятого года моей супружеской жизни я выбился из сил и тяжело заболел, и одно время моя жизнь была в опасности, но я довольно быстро выздоравливал.

"Моя болезнь была критической во многих смыслах этого слова. Мое выздоровление сопровождалось заметным обострением моих сексуальных чувств. Я прослежу это подробно: 1. Когда я выздоровел — но все еще лежал в постели, — я обнаружил, что почти постоянно испытываю сильную эрекцию. Сначала они носили аутоэротический характер, и я мастурбировал сам, тем самым успокаивая свои нервы. 2. Я также обнаружил, что мои мысли тяготеют к сексуальным образам, и я почувствовал желание к моей медсестре. Впервые я осознал это, когда заметил, что испытываю эрекцию во время того, как она мыла меня. Я рассказал об этом своему врачу, который посоветовал мне не беспокоиться и сказал, что симптомы были обычными в данных обстоятельствах. 3. Когда я встал и собрался, я обнаружил, что мне очень сильно хочется заняться сексом со своей женой. Я почти могу сказать, что я чувствовал себя более сексуально возбужденным, чем за последние четыре или пять лет. Однако, как только я несколько раз вступил в половую связь со своей женой, я почувствовал, что мое желание к ней исчезло. 4. Теперь мои мысли были сосредоточены на том, чтобы иметь женщину, которая могла бы делать *фелляцию*, и как только я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выходить на улицу, я нанял проститутку для этого.

"Незадолго до того, как я заболел, у моей жены родился ребенок, который родился с несколькими аномалиями. Несомненно, шок и беспокойство, вызванные этим, привели меня в подавленное состояние и предрасположили к болезни. Но последствия были еще более серьезными. Ребенку сделали операцию, и моей жене пришлось увезти ее за город почти на шесть недель, чтобы дать ей больше воздуха. Я остался один в Лондоне, впервые после моего замужества. Беспокойство в связи с ребенком и большие расходы поддерживали мое нервное расстройство после того, как я, по-видимому, физически оправился от болезни. Я снова поймал себя на том, что думаю о женщинах. В качестве дополнительного фактора в сложившейся ситуации я подружился со старым приятелем по колледжу, которого я не видел много лет. Он жил жизнью модного молодого холостяка и в то время содержал женщину. Единственным общим интересом между нами были женщины. Я обнаружил, что возвращаюсь к старому состоянию безудержной похоти, которое было таким проклятием для меня в мои университетские годы. Некоторые книги, которые он мне одолжил, произвели решающий эффект. Они вызывали у меня эрекцию; и это было на вершине возбуждения, вызванного таким образом, что однажды я заставил женщину сделать *фелляцию*, как уже упоминалось. Более того, после моей болезни я обнаружил, что вся моя прежняя энергия и амбиции исчезли.

"Я утверждал, что был в Лондоне один с двумя слугами. Горничной была молодая девушка; приятной наружности, с прекрасными глазами и чувственным выражением лица. Она была с нами около года. Я не могу вспомнить, когда впервые подумал о ней в сексуальном плане. Но однажды вечером я внезапно почувствовал желание к ней. Я заговорил с ней; я обнаружил, что мой голос дрожит; Я позволил своей руке, как бы случайно, коснуться ее; она не отняла ее; и через секунду я поцеловал ее. Она не сопротивлялась. Я посадил ее к себе на колени и попытался позволить себе вольности, которым она сопротивлялась, и я воздержался.

На следующий день я снова поцеловал ее и положил руку ей на грудь. В тот же вечер я повел ее на выставку. По дороге домой, в кебе, я заставил ее подрочить мне. За этим последовало чувство огромного облегчения, приподнятого настроения *игордосту*.

"На следующее утро, когда она поднялась в мою спальню, чтобы позвать меня, я поцеловал и обнял ее; она позволила мне позволить себе вольности, и, успокоив ее, сказав, что я воспользуюсь профилактическим средством, я вступил с ней в половую связь. Она слегка вздрогнула. Затем она сказала мне, что у нее месячные и что у нее никогда раньше не было секса с женщиной.

"В течение следующих нескольких недель я находил ее способной ученицей, хотя она всегда была застенчивой и сдержанной. Я отвез ее в отель и испытал самое сильное удовольствие, которое когда-либо испытывал, раздевая ее. Недавно я услышал о *куннилингусе*. Теперь я сделал это с ней. Вскоре я обнаружил, что получаю от этого огромное удовольствие, как и она. (Я пытался сделать это со своей женой, но обнаружил, что это вызывает у меня отвращение.) У меня также был половой акт *каждый день*. (Это снова был акт, о котором я слышал, но никогда не мог расценить как приятный. Но в книгах, которые я читал, говорилось, что это было наиболее приятно как мужчине, так и женщине.) Сначала она сопротивлялась, обнаружив, что это причиняет ей сильную боль; это сильно возбудило меня; и когда я проделал это таким образом несколько раз, ей самой, казалось, понравилось, особенно если я одновременно держал руку на ее клиторе.

"Моим отношениям с горничной, в которую я не могу притворяться, что был влюблен, положил конец только пресыщение, и когда я уехал на каникулы, я был совершенно измотан. Однако это было только первое из серии отношений, по крайней мере, одно из которых глубоко затронуло мою эмоциональную натуру. Однако нет необходимости подробно описывать эти переживания. Также время от времени имели место гомосексуальные эпизоды.

"Я думаю, что сейчас я нахожусь в гораздо более здоровом состоянии, чем был в течение нескольких лет. (Я предполагаю, что это не здорово, когда все мысли человека всегда заняты сексуальными темами.) Вывод, к которому я прихожу, заключается в том, что я могу жить нормальной, здоровой жизнью, посвящая свои мысли своей работе и находя удовольствие в дружбе, в моих детях, в чтении и в других источниках развлечений, при условии, что у меня могут быть случайные отношения с молодой девушкой — *т.е.*, примерно раз в неделю. Но если этот выход моим сексуальным эмоциям прекращен, сексуальные мысли овладевают моим мозгом; я становлюсь бесполезным и несчастным.

"Я никогда не жалел о своем браке. Я не только чувствую, что жизнь без жены, дома и детей была бы несчастной, но и испытываю чувство огромной привязанности к своей жене. Мы хорошо подходим друг другу; она женщина с характером и умом; она хорошо присматривает за

моим домом, является разумной и преданной матерью и понимает меня. Я никогда не встречал женщины, на которой предпочел бы жениться. У нас много общих вкусов и пристрастий, и — что невозможно с большинством женщин — я, как правило, могу рассказать ей о своих чувствах и найти понимающего слушателя.

С другой стороны, все страсти и чувства угасли. Мне кажется, это неизбежно. Возможно, это хорошо, что так должно быть. Если бы мужчины и женщины оставались в состоянии эротического возбуждения, в котором они находятся, когда вступают в брак, бизнес и работа всего мира пошли бы прахом. К сожалению, в моем случае это самое эротическое возбуждение — главное, что меня привлекает в жизни!

"Факторы, которые в моем случае привели к этой смерти страсти и сентиментальности, следующие:—

"1. Знакомство. Когда постоянно находишься в компании человека, всякая новизна исчезает. В случае мужа и жены муж видит свою жену каждый день; в любое время года; одетой, раздетой; больной; с хорошим характером, с плохим характером. Он видит, как она моется и выполняет другие функции; он видит ее обнаженной, когда ему заблагорассудится; он может вступить с ней в половую связь, когда ему захочется. Как может продолжаться любовь (как я использую это выражение — *т.е. сексуальная страсть*)?

"2. Сытость. Я "горячий", чувственный человек, склонный к излишествам в том, что касается моего здоровья и нервов. Аппетит становится пресыщенным.

"3. Отсутствие сильной сексуальной взаимности со стороны моей жены. Я упоминал об этом выше. Ей нравится секс, но она никогда не проявляет этого внешне. У нее от природы целомудренный ум. Она никогда не бывает виновна в тех маленьких непристойностях, которые сильно задевают некоторых мужчин. Ей не нравится говорить об этих вещах; и она говорит мне, что если я умру, она никогда больше не захочет вступить в половую связь с кем бы то ни было. Время от времени, особенно в последнее время, она даже просила меня заняться с ней сексом или помастурбировать ей; но оргазм редко наступает одновременно. В этом отношении она отличается от других женщин, которых я знал, у которых сам факт того, что оргазм происходил у меня, сразу же вызывал его у них. В то же время я сомневаюсь, что даже сильная сексуальная взаимность смогла бы надолго сохранить мою страсть.

"4. В первые годы нашей супружеской жизни денежные заботы порой вызывали разногласия, упреки и ссоры. Страсть и чувства хрупки и не выдерживают подобных вещей.

"5. Тот факт, что у меня уже были другие женщины, уменьшил чувство благоговения, с которым многие относятся к половому акту и нарушению сексуальных условностей.

"6. Потеря красоты. Боюсь, потеря фигуры неотделима от вынашивания ребенка, особенно если женщина много работает. У нас всегда были слуги, но моя жена всегда много работала, шила и так далее.

"Я заявил, что испытываю чувство уважения и восхищения своей женой. Но мне почти *ненавистна* сама мысль о половом акте с ней. Я бы предпочел мастурбировать и думать о другой женщине, чем заниматься с ней сексом. У меня вызывает тошноту прикосновение к ее интимным местам. И все же с другими женщинами мне доставляет безумное удовольствие

целовать их, каждую частичку их тела. Но моя жена все еще испытывает ко мне ту любовь, которая была у нее, когда мы только поженились. В этом и заключается трагедия ".

Нижеследующее повествование является продолжением Истории XII в предыдущем томе:—

ИСТОРИЯ III.—Я стал хорошо выглядеть. Какое-то время я знал, что значит ловить на себе любящие взгляды каждой встречной женщины, и, будучи более здравомыслящим и здоровым, мне казалось, что я живу в божественной атмосфере цвета и аромата, жемчужных зубов и ярких глаз. Даже старухи с дочерьми смотрели на меня дружелюбно — замужние женщины с вызовом и девы с Раем в глазах.

"Однажды утром я стоял на углу собора Святого Петра с двумя молодыми друзьями, когда мимо прошла девушка, возвращавшаяся из римско-католического собора. Проходя мимо, она оглянулась на меня с тем властным жестом, который звучит почти как приказ, как отчетливо признали мои друзья. Они посоветовали мне последовать за ней; я так и сделал, и она повернула к ним хорошенькое, покрасневшее личико и пару темно-серых глаз, с бровями именно такого типа, которые мне нравились: каштановыми, очень ровными, довольно густыми, но длинными. У нее были идеальные зубы и рот, и она говорила с легким ирландским акцентом. Она позволила мне вести все разговоры, пока снимала с меня мерки. Бог знает, что она нашла во мне! Помню, я говорил наигранно, подражая какому-то шикарному персонажу, которого видел на сцене вечером или двумя раньше, но у меня хватило ума не болтать слишком много и вести себя прилично. Она пообещала встретиться со мной снова и договорилась о встрече. Она была школьной учительницей и собиралась выйти замуж за другого человека. Она хотела развлечься по-своему, прежде чем выйти замуж. На вторую ночь, когда я встретил ее, она позволила мне целовать себя столько, сколько мне захочется, и пообещала все свои услуги на третью ночь. Мы долго гуляли, и в темноте она отдалась мне, но я причинил ей такую боль, что мне пришлось останавливаться два или три раза. У нее была связь только один раз, много лет назад, когда она сама училась в школе. Она была склонна к чувственности, но она была молода, свежа и хороша собой, и ее поцелуи вскружили мне голову. Я искренне влюбился в нее и сказал ей об этом однажды вечером, когда она была особенно обворожительна, со слезами на глазах; и ее лицо встретилось с моим с такой же любовью. Первые ночь или две я не испытывал никакого удовольствия — то ли из-за многолетнего самоистязания, то ли нет, я не знаю, — но в эту ночь все мое существо было возбуждено. Я встречался с ней один, а иногда и два раза в неделю и всегда думал о ней. Однажды моя сестра увидела, что я страдаю от любви, и я услышала, как она сказала "Он влюблен", что мне весьма польстило, и я выглядела еще более страдающей от любви и идиоткой, чем когда-либо. Все это было неправильно и извращенно. Она продолжала встречаться со своим женихом и намеревалась выйти за него замуж. Мы оба говорили о "нем", как взрослая женщина говорит о своем муже. Тот высокий уровень слез и детской радости, который был в нашей юности и любви, больше никогда не был достигнут. Но я осознал ее секс, ее поцелуи, ее присутствие — после всех этих лет ужаса (если бы она только знала) - даже больше, чем сам половой акт; в то время как она, со временем, начала проявлять любопытство, которое я считал оскверняющим; ей нравилось исследовать — "позволять своей руке блуждать", были ее слова. Иногда даже ее красота казалась ущербной, и я уловил блеск в ее глазах, а изгиб губ показался мне вульгарным. Но, возможно, в следующую ночь, когда я ее встречу, она будет такой же яркой, как всегда.

"Я познакомил ее со своими друзьями, которые знали о наших отношениях, потому что я все разболтал. Но она не возражала, чтобы они знали, и, если бы мы встретились, расцеловала бы их всех, так что я почувствовал, что был чересчур расточителен в своем гостеприимстве, хотя все равно сказал бы: "Выпей еще, Берт, я не возражаю". Но каким бы ослом я себя ниставлял, она прощала мне все и с каждой нашей встречей любила меня все больше, в то время как я, хотя и не знал об этом долгое время, любил ее все меньше. Однако она знала, как возродить мою любовь. В некоторые ночи она не хотела встречаться со мной, и я был похож на сумасшедшего. В другие ночи она встречалась со мной, но не позволяла мне поднять ее платье. Она ложилась на меня лунной ночью, и ее юное лицо было в тени, как у сирены в обрамлении волос, просто для того, чтобы поцеловать меня. Но какие поцелуи! Медленные, холодные поцелуи сменяются цепкими, страстными. Она отрывалась от моего рта, оглядывалась по сторонам, как будто испугавшись, и возвращалась с открытым ртом, коснувшись губами, что приносило неожиданную радость.

"Однажды ночью ее жених увидел нас вместе и последовал за мной после того, как я ушел от нее, но, завернув за угол, я убежал. Я высмеивал его в ее присутствии и презирал. Мне было бы трудно сказать, почему. В другой раз вечером ее брат напал на меня, и мне пришлось бы туго, но Энни втащила меня внутрь и захлопнула дверь. Мы были в доме подруги, но вскоре пришел ее отец и в моем присутствии положил ей на плечи палку. Я попытался говорить громко и сказал что-то идиотское о том, что я такой же хороший человек, как ее жених, как будто мои намерения были благородными, что на одно короткое мгновение заставило Энн посмотреть на меня, побледневшую и изменившуюся, таким странным взглядом. Но он отвез ее домой, наслаждаясь моей яростью, и она ушла, рыдая, уткнувшись в ладони. Мне позволили уйти невредимым.

Вскоре я получил от нее письмо с просьбой не возражать и назначить встречу, на которую она явилась веселой и беззаботной. Она ходила на исповедь, а потом встречалась со мной; и ее вера в это, а также разница наших религий (если бы у меня была какая-нибудь религия) заставляли бы ее временами казаться мне странной и чуждой, даже банальной. В конце концов, наши встречи превратились просто в привычку к чувственности, без всякого очарования и намеков на лучшее...

"Однажды днем мы с моим другом Джорджем (который жил со мной в одной комнате) зашли в школу Энни; у нее была своя детская школа. Она сама подошла к двери. Это был первый раз, когда я увидел ее при дневном свете, и мне показалось, что ее скулы стали крупнее; она определенно была не такой хорошенькой, как в первый вечер, когда я встретил ее. Джордж сказал мне, что будет спать дома, если я захочу эту комнату, и когда я в следующий раз встретил ее, она пообещала прийти и переспать со мной. Раньше я всегда встречал ее на траве, под деревьями. Она кончила, и вид ее юных конечностей и груди отчасти возродил мою любовь к ней, мою лучшую любовь. Но она была ненасытнее и чувственнее с каждым днем. Однажды она пришла, когда мне было плохо, и не захотела уходить разочарованной. Примерно в то же время я встретил очень хорошенькую девушку и теперь решил бросить Энни, что и сделал самым жестоким образом, зарезав ее насмерть и отказываясь отвечать на ее письма и трогательные послания. Я слышал, что она могла плакать часами, но я был тверд, чем непреклонен....

"Я думал, что очень сильно влюблен в очень хорошенькую девушку, ради которой я бросил Энни. Она жила со своей матерью и двумя сестрами, одна старше ее, другая совсем ребенок.

Старшая сестра, красивая темноволосая девушка, похожая на испанку, не была добродетельной. Она была добродушна, даже чересчур, и получала удовольствие вместе с несколькими из нас, вскоре умерев от чахотки. Я думал, что ее сестра, моя девочка, добродетельна, и я собирался жениться на ней — когда-нибудь. Во всяком случае, я видел ее мать, которая жила в хорошо обставленном доме и была превосходной женщиной. Это не помешало мне попытаться соблазнить ее дочь. Долгое время мне это не удавалось, хотя она не переставала встречаться со мной. Сестры пришли навестить нас. Я знал, что однажды ночью ее сестра была наверху с Д., и я догадался, чем они занимались, поэтому предложил ей подкрасться к ним ради забавы. Она так и сделала, вернулась, возбужденная и бледная — и отдалась мне. Но она не была девственницей, и со временем я получил представление о ее несчастной судьбе и положении ее матери. Ее отец был мертв или разведен, а ее мать, я полагаю, была любовницей какого-то богатого букмекера. Я не уверен, над матерью всегда висела тайна, и я не уверен, что она потворствовала соблазнению своей дочери, но по словам девушки, после какого-то удачного Кубкового дня было выпито слишком много шампанского, и мужчина, которого она считала другом, вошел в ее спальню той ночью, когда она была *тет-а-тет* и соблазнил или изнасиловал ее - выбирайте любое слово. С тех пор его визиты были частыми, пока она не встретила меня, сказала она, и если бы я был верен ей, она была бы мне настоящей женой, и я поверил ей и до сих пор верю, что она имела в виду то, что говорила. Но вскоре после этого я уехал из Мельбурна, наши письма приходили редко, и в конце концов я услышал, что она вышла замуж за молодого человека, который всегда был в нее влюблен

"Среди обитателей пансиона была "супружеская" пара, которая оставалась там некоторое время; он был незначительным, уродливым, маленьким, косоглазым коммерсантом; она была хорошеньким маленьким созданием, выглядевшим невинным и веселым, как ребенок; мы все наперебой оказывали ей знаки внимания и прислуживали ей, как рабы, муж всегда загадочно улыбался. После того, как они ушли, стало ясно, что они вообще не женаты; были приняты самые старые работники.... Однажды днем я встретил Долли, жену коммивояжера, она остановилась и заговорила со мной. Я вспомнил, что слышал, и отважился на какую-то шутку, над которой она рассмеялась, а на мое предложение прогуляться она согласилась. Она ушла из "Коммивояжер трэвелер", это всплыло в разговоре, и мы продолжали разговаривать и гулять, теперь у меня в голове была только одна мысль: могу ли я задержать ее до темноты? Долли, которая действительно была очень хорошенькой, часами забавлялась со мной, играя то в горячность, то в холодность, то пренебрегая мной, то подбадривая взглядом в другую минуту. Шел час за часом, и она нашла эту игру настолько увлекательной, что проводила меня в парк за Ботаническим садом, и только когда мне стало слишком поздно садиться на поезд домой, она отдалась мне. Фактически, мы не гуляли всю ту теплую летнюю ночь. Шли часы, и она рассказала мне о своем доме в Лондоне и о том, как она впервые пошла не так. Она была хорошей девочкой, пока однажды на экскурсии не выпила немного рома или джина, которые, по-видимому, пробудили какую-то дремлющую заразу наследия; придя в тот вечер домой, она упала ничком к ногам своей матери. Ее родители, состоятельные владельцы магазинов, которые до этого несколько раз прощали ее, выгнали ее. Она стала любовницей одного мужчины, а затем другого. Она начала рано, и сейчас ей едва исполнилось 19. Она на время бросала пить и старалась вести себя респектабельно. Она любила своих отца и мать, но временами не могла удержаться от выпивки. Она говорила обо всем этом весело и со смехом; она была молода, сильна, добродушна и беззаботна. Мы ненадолго заснули, а потом ранним утром отправились на кладбище, когда она попыталась привести в порядок волосы, спросив меня, как мне

понравилось, и не дождавшись ответа. По ее словам, ей хотелось пить, и когда открылись трактиры, мы пошли выпить. Это был первый раз, когда я увидел, как она употребляет алкоголь, — в пансионе она всегда была воплощением здоровья и миловидности, — и я сразу заметил произошедшую с ней перемену, так что я понял все, что она мне рассказала. Бессонная ночь, возможно, сделала все еще хуже, но выражение, появившееся в ее глазах, и расслабленность волокон не только ее предательски влажного рта, но и каждого мускула ее лица были поразительными и вызывали жалость. Она заметила мой взгляд и засмеялась, но ее смех был таким же жалобным, и когда она заговорила снова, ее голос тоже изменился и был таким же жалобным. Она попросила еще один. - Нет, не надо, - взмолился я, потому что хорошенькая девушка, с которой, как я тешил себя надеждой, я провел летнюю ночь, которой позавидовало бы большинство молодых людей, проявляла признаки превращения, подобно какой-нибудь сирене, в дряблую пьяницу с затуманенными глазами. Это задело мое тщеславие.

"Я встретил ее другой ночью, и она привела меня к себе домой, и я спал с ней всю ночь. Я больше не пытался помешать ей пить, но пил вместе с ней. Я перестал обращаться с ней вежливо и галантно; она заметила это, но только пила еще больше, пила до тех пор, пока не стала грязной в своих поступках, пока ее привлекательность не исчезла. Я оставил ее, слишком пьяную, чтобы стоять, когда ее позвала какая-то подруга, женщина.

"Она пришла навестить меня еще раз, совсем как раньше, так хорошо одетая и хорошо себя ведущая, и так весело болтала с моей квартирной хозяйкой, что последняя впоследствии поздравила меня с тем, что у меня появился такой друг. Долли несла сверток с нижним бельем и несколькими игрушками, которые она сшила для детей бедняка в пригороде, и я проводил ее до дома. Среди оборванных детей царил большое возбуждение; фактически, атмосфера стала настолько опасно насыщенной любовью и милосердием, что я начал чувствовать себя неуютно — снова дождь из роз — и был рад оказаться на свежем воздухе. Мы пошли прогуляться и выпили несколько рюмок, что, как обычно, изменило Долли. Я устал от нее, решил, что оставляю ее, говорил жестоко и, наконец, — после общения с ней на сухих водорослях — поднялся и жестоко бросил ее, уходя все быстрее и быстрее, глухой к ее протестам и безразличный к тому, добралась ли она до станции или как добралась...

"Я поселился в семье, которую привык навещать как друга; там было две дочери; старшая, помолвленная с молодым немцем, который был в экспедиции, имела довольно некрасивое лицо, но сильное, и у нее самой был сильный характер, и она невольно мне понравилась; у второй девочки были светло-золотистые волосы, свежий цвет лица, короткий нос и довольно крупный рот, в котором были красивые зубы; они обе были хорошими, послушными, невинными дочерьми, посещавшими церковь. Поскольку вечером там было много развлечений, пения и танцев, я никуда не выходил, стал вести себя лучше и постепенно бросил пить сверх меры. Моя внешность настолько улучшилась, что старый знакомый не узнал меня. Мои анекдоты и забавы позабавили миссис С., мать девочек. Я обнаружил, что иногда она могла быть очень жестокой, и узнал, что временами случались ужасные сцены и что время от времени ее приходилось помещать в сумасшедший дом. Я катался с девочками и ходил в театры, и мне следовало бы быть счастливым, оказавшись в таких хороших условиях. Мать настолько всецело доверяла мне, что оставляла меня на несколько часов с девочками, младшую из которых я иногда целовал. Она была помолвлена с молодым человеком, с которым я разговаривал покровительственно, но ботинки которого я был недостоин застегивать. Я был причиной их ссор. Они снова помирились, но я думаю, он заметил перемену, произошедшую в Элис. Потому что после поцелуя с ней я

продолжал— поначалу все шутил. У нас вошло в привычку садиться на диван, когда мы были одни, и целоваться непрерывно в течение десяти минут или больше за раз. Она была взволнована, не понимая, что с ней происходит, но я знал. И однажды, когда наши губы слились, я привлек ее к себе и начал нежно поглаживать ее ноги. Она задрожала, как натянутая тетива лука, и позволила моей руке продвинуться дальше. И тогда она испугалась и устыдилась и начала смеяться и плакать одновременно. У нее несколько раз были такие истерические припадки, и они всегда пугали меня. Это закончилось тем, что я соблазнил ее. Она разорвала помолвку, а потом пожалела; но вскоре она думала только обо мне.... Однажды нас с Элис чуть не поймали. Я только что оставил ее на диване и начал рисовать за столом спиной к ней, когда внезапно вошла ее мать безобуви, в то время как Элис одной рукой шарила по своей одежде, поправляя нижнее белье. Мать остановилась как вкопанная и бросила на меня взгляд, который я никогда не забуду. "Ах, Элис, ты меня пугаешь!" - сказала она. Я изобразил удивление и спросил: "В чем дело?" Алиса, хотя и была напугана до полусмерти, сумела пробормотать, заикаясь: "Он не мог меня видеть — Ты не мог меня видеть, не так ли?" Обращаясь ко мне. Но мне удалось немного собраться с мыслями, и, все еще находясь под материнским взглядом, я спросил, наконец медленно поворачиваясь к Алисе: "Видишь? Что ты имеешь в виду? Увидеть что?" И я выглядел таким озадаченным, что мать была обманута и удовлетворилась тем, что отругала Алису и посоветовала ей не рисковать подобным образом. Я снова вздохнул.

"Но я был на пределе своих возможностей. Теперь мы с Элис говорили обо всем. Она рассказала мне о своей жизни в школе-интернате и о странных представлениях некоторых девочек о мужчинах и браке. После окончания школы ее отправили в крупную модистку учиться шитью. Здесь, по ее словам, временами были ужасные разговоры, а у одной девушки была книга с изображениями мужских органов поколения, которую передавали по кругу и которая возбуждала их любопытство до предела.

"У меня были дни нежности и раскаяния, и я даже сказал ей, что справлюсь и женюсь на ней. Тогда слезы выступали у нее на глазах, и она говорила: "Кажется, теперь я чувствую себя так, словно ты мой муж".

"Мне нужно было повидаться с человеком по делу, и я поехал к нему в коттедж. Дверь открыла его жена, красивая темноглазая молодая женщина, которая выглядела так, словно масло не таяло у нее во рту. Оставив сообщение, я продолжил разговор с ней на другие темы. Она каким-то образом задела мое тщеславие и заставила меня почувствовать любопытство и беспокойство. Я поймал себя на том, что думаю о ней после того, как ушел, и, оглянувшись назад, увидел, что она все еще смотрит на меня.

Короче говоря, она подбодрила меня. Это закончилось тем, что я оставил семью С. и стал жить с ними. Т. Д., муж, был рад моей компании и моим деньгам. У них был маленький мальчик, отцом которого Т. не был. Вскоре я понял, почему она бросала на меня призывные взгляды. Потому что она была всеобщей любовницей, и старик, занимавший хорошую государственную должность, часто навещал ее, когда Т. Д. был в отъезде: я буду называть его Силен. Был также смуглый, красивый мужчина, который создавал органы. Однажды пришел последний и послал за пивом. Я работал в своей комнате, и случилось так, что перед тем, как он постучал, она зашла в разговор со мной дальше обычного; фактически, все равно что дала мне слово. Когда впустили ее друга, ему пришлось пройти мимо моей открытой двери, и он посмотрел на меня своими черными глазами, а я ответил ему взглядом, который сказал каждому, в чем заключалась игра

другого. Удивительно, как многому можно научиться с первого взгляда. Когда я увидел маленького мальчика, разносящего пиво, я почувствовал, что он превзошел меня. Но сначала она принесла мне стакан, и, усадив ее на диван, я забил первым. Это было сделано так внезапно, так жестоко, что, привыкшая, должно быть, к подобным сценам, она покраснела и прикусила нижнюю губу. Но через несколько минут она отослала другого мужчину прочь. После этого она стала ненасытной; это случалось каждый день, а иногда и дважды за один день. Я снова стал мрачным и несчастным. И не было даже намека на любовь. В ней не было никакого обмана; она даже познакомила меня с Силеном, и мы вместе совершали экскурсии, за которые он платил, так как у него было много денег. Мы постоянно пили, пока, наконец, я не мог есть ничего, кроме двух-трех порций виски. Я очень похудел, мой горизонт казался черным, и всему пришел конец. (Но Т. Д. наслаждался едой и по-настоящему любил свою жену, ее сына и свою работу; жизнь была ему приятна.) Она ездила со мной в город и останавливалась в определенном отеле; выпив, она оставляла меня ждать, а сама ненадолго уединялась с красивым молодым хозяином. Когда она вернулась, она сказала мне, что он был большим любимцем замужних женщин.

- Она рассказала мне, что Силен посещал женщину, которая практиковала на нем *фелляцию*. Миссис Д. считала подобную практику отвратительной и не могла себе представить, как женщине может нравиться заниматься подобным делом.

Однажды, когда она гуляла со мной, прозвучало имя Т. Д., и она сказала слегка изменившимся голосом: "Он сказал мне, что любит меня!" Это было слово, которое она редко употребляла, разве что в шутку. Я бросил на нее испуганный взгляд и поймал в ответ пытливый и извиняющийся взгляд, такой странный и трогательный, что я понял, что еще не понял ее, — где-то в этом была какая-то загадка. Когда она понемногу рассказывала мне о своей жизни, я понял, или думал, что понял, этот странный детский взгляд этой молодой женщины, до глубины души погрязшей в грехе. Никто никогда в ее жизни не занимался с ней любовью и не говорил с ней о любви.

Это началось еще в школе. Судя по ее фотографиям, она, должно быть, была очень милой девушкой. Она видела, как мальчики играли с половыми органами девочек под формой, и почувствовала зависть к тому, что они не играли с ее половыми органами. У нее не было матери, которая присматривала бы за ней, и вскоре, когда она стала старше, она нашла множество мальчиков, которые играли с ней, а также молодых мужчин. Она принимала это во время еды. Она действительно любила отца своего ребенка, но поскольку он не проявлял к ней никакой нежности, ничего, кроме жажды чувственного удовлетворения, она скорее умерла бы, чем позволила ему узнать об этом. Она сказала мне, что вскоре устала от своих привязанностей. Ей не нравился Т. Д. Он не был самодовольным мужем; он был достаточно энергичным, но верил всему, что она ему говорила. Однажды он неожиданно вернулся домой, когда мы были вместе на голом матрасе в ее комнате. Это был критический момент, когда слышались его стуки, и в спешке и волнении на кровати осталось немного влаги. Стук стал громче, но она была более спокойной, чем я, и велела мне сбегать в чулан. Я слышал, как она приветствовала его веселым и насмешливым голосом. Когда я вернулся к себе в комнату, она крикнула: "Вот и Т. хоум!" Позже я узнал, что он был угрюмым и подозрительным, увидел влагу на кровати и спросил об этом, после чего она полностью изменила ему свое мнение; ему должно быть стыдно за себя; она знала, что он имел в виду своими намеками; если он должен знать, как эта влага попала на

кровать, почему она положила туда мыло в спешке, чтобы поймать блоху. Он поверил ей и на следующий день принес подарок в качестве искупления своих подозрений.

"Во время ее месячных, когда я не мог прикоснуться к ней, она приходила и играла со мной, пока не происходили поллюции, и мои чувства стали настолько извращенными, что я даже предпочитал это половому акту. Оргазм случался дважды у нее и один раз у меня, и хотя ее глаза были довольно жесткими, как и рот, она всегда выглядела хорошо и жизнерадостно, в то время как я был мрачен и подавлен. Однако в боку у нее была твердая шишка, которая временами причиняла ей боль и которая, несомненно, ждала своего часа....

"Однажды я почувствовал себя настолько плохо со здоровьем, что предложил Т. Д. взять лодку и поплавать по заливу день или два. Море, перемены, открытый воздух оживили меня, и я даже сделал наброски чернокожего моряка, когда он управлял лодкой. Однажды, когда я остался один управлять лодкой, когда я почувствовал, что время висит у меня в руках, потому что море, голубое небо, чудесный день не доставляли мне настоящего удовольствия, я помню, как ругал себя, старая привычка вернулась, как только я остался один и бездельничал. Когда Т. Д. вернулся, он привел с собой миссис Д., смеющуюся и веселую, как обычно. Она была удивлена, когда по возвращении я лежал рядом со мной под палубой и не отвечал на ее заигрывания. Это доставило бы ей удовольствие, учитывая, что ее муж находился всего в нескольких футах от меня. После этого я провел с ней ночь, но я ей начал надоедать. Она мне была безразлична, но это задело мое тщеславие, и я предпринял несколько попыток быть дерзким. Она холодно посмотрела на меня и пригрозила пожаловаться Ти....

"Я хочу поделиться впечатлением, которое у меня сложилось однажды ночью примерно в это же время, когда мы с несколькими друзьями зашли в бордель. Я забыл своего спутника, но помню два лица. Стояла зима, и в Аделаиде царила великая депрессия. Мы разговаривали с хозяйкой, пока пили пиво и притворялись веселыми ребятами, хотя промокли, замерзли и не получили удовольствия (по крайней мере, я не получил), а она резко и насмешливо отзывалась о двух девушках, которые у нее теперь были, которые за прошедшую неделю не заработали ни пенни. Как раз в этот момент мы услышали шаги, и она сказала тише: "Вот они", - они вошли без присмотра, убедившись в этом, содержательница борделя фыркнула и повернулась к ним спиной. Лица девушек, которые были совсем юными, выглядели такими несчастными, что даже мне стало их жалко. Выражение лица одной из этих девушек, когда она стояла у камина, снимая перчатки, живо в моей памяти. Слишком глубокими для слез были его печаль, стыд и безнадежность....

"Я бросил пить и жил в буше. Для любого человека с нормальными нервами это было бы счастливое время тишины, деревенского покоя, красоты и избавления от городской суеты. Для меня это было беспокойное тщеславие, доходящее до безумия. В каждом отношении, действии или возможном событии, в котором я фигурировал или мог бы фигурировать в будущем, я всегда мгновенно вызывал воображаемую аудиторию. А затем эта воображаемая аудитория восхищалась всем, что я делал или мог бы сделать, и придавала моим поступкам, внешности, происхождению и воспитанию самое героическое, галантное и романтическое значение. Предположим, я увидел хорошенькую девушку на лесной дороге. Вместо того чтобы думать: "Вот хорошенькая девушка; я хотел бы познакомиться с ней или поцеловать ее", как, я полагаю, подумал бы здоровый, нормальный молодой человек, я подумал примерно так: "Вот хорошенькая девушка; теперь, когда я прохожу мимо нее, она подумает, что я красивый и

аристократически выглядящий незнакомец, а поскольку я нес альбом для рисования, художник — "Пейзажист! Как романтично!" - скажет она, а потом влюбится в меня" и так далее. Эта озабоченность тем, что могут подумать или будут думать другие люди, настолько поглощала все мое время, что у меня не было возможности наслаждаться присутствием, мыслями или благосклонностью божественных созданий, с которыми я встречался, и я, должно быть, казался им "сломленным" своей скрытностью, гордостью и глупым видом.

Иногда я встречал таких же глупых девушек, как я сама. Однажды за *домашним столом* я встретил молодую девушку, которая пошла со мной на прогулку и позволила мне познакомиться с ней плотски, хотя она была немногим старше школьницы. Она сказала, что скоро собирается в город и встретится со мной в определенном отеле (принадлежащем ее родственникам) в Аделаиде на определенную дату, на некоторое время вперед; если я сниму там номер, она придет туда ночью. Тем временем я снова поддался пьянству и время от времени злоупотреблял собой. Я приехал в город, пьяный, в дилижансе, и явился на встречу с молодой девушкой в отеле, ожидая провести приятную ночь; но она просто холодно посмотрела на меня, как будто никогда раньше не видела. Я дважды надругался над собой в своей одиночной комнате

"Я познакомился со школьным учителем средних лет (который когда-то был офицером армии), приехавшим на каникулы. Поскольку он хорошо говорил и был "джентльменом", я воспитывала его. Однажды вечером он попросил меня познакомиться с девушкой, с которой у него была назначена встреча, и сказать ей, что он недостаточно здоров, чтобы встретиться с ней. Он по глупости рассказал мне о цели их предполагаемой встречи. Я пошел на место свиданий в задней части отеля и встретил девушку. Передав мое сообщение, она улыбнулась, отпустила какую-то шутку о своей подруге и посмотрела на меня так, словно хотела сказать: "Ты справишься не хуже." Я был пьян и самым жестоким образом затащил ее в чулан. По какой-то странной случайности или нервному состоянию она доставила мне изысканное удовольствие, но оргазм пришел ко мне раньше, чем к ней, и, несмотря на ее разочарование и протесты, я встал и вытащил ее из этого места, опасаясь, что кто-нибудь нас там обнаружит. Все еще протестуя, она последовала за мной, но ее нога поскользнулась на мощеной площадке, и она упала лицом вниз. Когда она поднялась, я увидел, что у нее сломаны передние зубы. Я посмотрел на нее без жалости, с нетерпением и, резко оставив ее, пошел в отель к "полковнику". Я начал было лгать ему, но он со слабым смешком спросил, что меня задержало. Я улыбнулся с низким коварством и пьяным тщеславием, уклоняясь от ответа. Затем он обвинил меня напрямую. Я только рассмеялся; но, каким бы пьяным я ни был, я помню выражение лица стареющего холостяка, когда он увидел, что его предал более молодой человек. Он знал ее много лет....

"Сейчас я жила в доме женщины, которая разошлась со своим мужем и держала квартирантов. У нее была дочь, с которой я ушел, хорошенькая девушка, которая пила как рыба, как и ее мать. Приходили и уходили другие жильцы. Я мог лежать весь день и насыщать себя пивом. Я начал толстеть и раздуваться, как хулиган из борделя. Сломленная, пьяная пожилая женщина, посетившая наш дом и в молодости бывшая красивой леди, сказала мне, что я закончу свои дни на виселице. Та же самая женщина, когда была пьяна, сардонически задирала платье, обнажая себя. Другие пожилые женщины собирались в запущенных и грязных спальнях и гадали на картах. Одна маленькая женщина, онанистка, была похожа на персонаж Диккенса, преувеличенная, наигранная, неестественная, с остатками аристократизма и светских манер. Среди всего этого пьянства и заброшенности Мэй, дочь домовладелицы, сохранила свою

девственность. Молодые жильцы позволяли себе вольности с ней, но на определенном этапе получали укус в лицо. Я нравился девушке, и она целовала меня, но не более того. А потом — выйдя из этого дома пьянства и стыда — Мэй влюбилась в какого-то симпатичного парня, которого случайно встретила и которого никогда не приглашала к себе домой. Она начала пренебрегать мной, даже перестала пить и погрузилась в мечты, поглощенная своими мыслями. Я чувствовал беспокойную ревность, но она смотрела на меня без обиды, без узнавания, не видя меня, смотрела мне прямо в глаза, когда я разговаривал с ней, и мечтала, мечтала. Я полагаю, ее соблазнил тот же самый красавчик. Когда я встретил ее в следующий раз, она была "в городе", ее единственная мечта о весне сбылась

Примерно в это время со мной произошел один из тех благотворных поворотов, которыми отмечены эпохи в моей жизни, и в результате я покинул тот дом и решительно воздержался от выпивки.... Теперь я был в маленьком провинциальном городке. Я начал играть в крокет и ездить верхом. Иногда меня приглашал на ужин молодой человек из банка, чьим домом управляла его сестра. У нее была маленькая фигурка, симпатичное, но довольно узкое лицо и хорошо воспитанные манеры; но в ее асимметричных глазах, в форме тонких рук, даже в сутулости плеч было что-то страстное. Однажды, когда ее брат, прекрасный, добродушный, мужественный молодой атлет, отсутствовал, я начал тащить ее за собой. Она страстно поцеловала меня, но сказала: "Нет! Знаешь, что помогает мне оставаться честным? Это мысль о моем брате." Я воздержался от дальнейших приставаний к ней. Я познакомился с другими девушками, одни были хорошенькими и высокомерными, другие - некрасивыми с голодными глазами; это был провинциальный городок, где на каждого мужчину приходилось по четыре или пять женщин. Но я не мог говорить откровенно с молодой женщиной, как это сделал молодой банкир....

"Я помню, что однажды ночью, когда я жил в Порту, я всю ночь проспал с проституткой, которая мне понравилась и которая часто плакала у меня на плече, к большому моему нетерпению и раздражению. В одной кровати с нами, рядом со мной, лежала девочка лет 12. Когда я выразил удивление, мне сказали, что она привыкла к этому и ничего не заметила. Но утром я повернул голову и посмотрел на нее, и даже в тусклом свете той грязной спальни я увидел, что ее глаза заметили и поняли. Она прижалась ко мне и улыбнулась; это не была улыбка младенца. Я мог бы привести множество примеров не по годам развитого развития детей, которые я наблюдал.

"В свое время я познакомился с тремя молодыми людьми, двое из которых служили на таможне, другой - в инспекторской конторе. На первый взгляд вы бы сказали, что это обычные милые молодые клерки, но, познакомившись поближе, вы заметили бы некоторые особенности: развязность рта, беспокойную, нервную пытливость манер, неопиcуемый блеск глаз. Они очень любили выступать и петь на любительских шоу менестрелей и развили в себе определенную комическую жилку, которую считали оригинальной, хотя это и напоминало мне профессиональных корнеров. Тем не менее, мне нравилось их пение и пристрастие к выпивке, и я несколько вечеров ходил к ним домой играть в карты, пить пиво и рассказывать забавные истории. Однажды вечером они попросили меня остаться на всю ночь, и когда я направился в комнату с двумя кроватями, мне сказали, что мне нужна одна. Вскоре вошел один из молодых людей и начал раздеваться. Но прежде чем лечь спать, он сделал замечание, которое, несмотря на то, что я был пьян, открыло мне глаза. Я сказал ему заткнуться и ложиться спать, говоря твердо и довольно холодно, и он неохотно отправился в свою постель. Но в другую ночь, когда они переехали жить в другое место и все спали в одной комнате, я напилась и легла в постель с тем же светловолосым молодым человеком. Проснувшись ночью, я обнаружила, что

мой сосед по постели издевается надо мной. Старая сила овладела мной, и я оскорбила его, но отказалась совершить преступление, которого он от меня хотел. Его пенис был маленьким и заостренным. Я встал рано утром, протрезвевший, страдающий и покрытый стыдом, и поспешно ушел, отказавшись остаться на завтрак. Мне показалось, что я уловил изумленную и злую улыбку на лицах двух других. Встретив эту троицу тем же вечером на улице, я прошел мимо них, покраснев, и моя соседка по постели прошлой ночью тоже покраснела

"Теперь я снял дешевое жилье в Северной Аделаиде. Здесь у меня были небольшие рецидивы странности и страха сойти с ума, которые я испытывал однажды раньше. Я вел такой уединенный образ жизни и впал в такое странное состояние, что обратился к религии и регулярно посещал церковь. Приближалось время, когда те молодые мужчины и женщины, которые хотели пройти конфирмацию, должны были подготовиться, и теперь началась борьба между моей гордостью и моим желанием обрести покой ума в Иисусе. Я был застенчив до невероятной степени и боялся разоблачения или выставления себя напоказ, но все равно ходил в церковь, надеясь, что на меня снизойдет благодать Божья. Других ресурсов у меня не было. У меня не было никакого удовольствия в жизни, я был так разбит и пребывал в таком ужасе, что обрадовался единственному прибежищу, которое, казалось, было открыто для меня. Наконец, в одно воскресенье у меня было то, что я принял за призыв; я пролил несколько слез, и, хотя по спине у меня пробежали мурашки, я поднялся в собор и присоединился к тем, кто собирался пройти конфирмацию. Я присутствовал на специальных собраниях и очень шокировал доброго епископа, сказав ему, что я никогда не был крещен. Сначала я должен был креститься и однажды пошел в собор, и он крестил меня. Когда наступил критический ужасный момент, епископ, чья вера даже тогда почему-то удивила меня, взял мою руку в свою холодную ладонь и сжал ее, глядя на меня выжидающе, с любопытством, ожидая увидеть какие-либо изменения к лучшему. Но так случилось, что в то утро я был в ужасном настроении, с сухими глазами, и никаких перемен не произошло. Тем не менее, я пытался поверить, что перемена произошла.

"Я прошел конфирмацию с другими, мне дали молитвенник с молитвами почти на каждый час в течение дня, и я всегда стоял на коленях и молился. Я раздобыл длинный белый стихарь и помогал на пригородных службах, даже сам проводил небольшие службы, читая проповеди по книгам. Но мое яростное настроение усилилось, и однажды в воскресенье мне пришлось долго идти пешком в новой паре ботинок. Я никогда не забуду тот жаркий воскресный день. У меня начали болеть ноги, и мной овладел убийственный юмор. В один момент я ругался и богохульствовал, а в следующий молил Бога простить меня. Когда я добрался до часовни, где должен был помогать капеллану, я был измучен яростью, болью, страхом и религиозной манией. Я подумал, что, вероятно, оскорбил Святого Духа. Когда в следующее воскресенье я пошел попробовать свои силы в преподавании в воскресной школе, на мне была пара таких старых ботинок, что маленькие мальчики смеялись. Я всегда говорил о своем обращении и духе нашего Спасителя. Я не знаю, что думали обо мне священнослужители, которых я встречал. Я подумал, что хотел бы сам стать священником, и спросил священника Англиканской церкви о необходимом объеме обучения. Он воспринял мой вопрос довольно холодно, как мне показалось, что обескуражило меня. По мере того как мой страх постепенно уменьшался, хотя я все еще чувствовал себя странно, я находил оправдания тому, что не проводил службы, хотя продолжал читать Библию и молитвенник и действительно верил, что "родился свыше".

"Конечно, теперь, - думал я, - когда у меня появилась помощь Христа, я смогу избавиться от своей привычки к самобичеванию, которая была проклятием моей юности. Каков же был мой

ужас и растерянность, когда я обнаружила, что, когда на меня снова нашло хорошее настроение, я слегла так же, как и всегда. И это после всех моих страданий, страха и боязни припадков! Что я могла сделать? Я сошел с ума или что? Я был действительно напуган своей беспомощностью в этом вопросе и выбрал линию поведения, которая в конечном итоге позволила мне преодолеть эту опасность и обрести лучшее здоровье и сравнительное счастье. Я сказал себе, что всегда есть определенное количество предварительных размышлений и развлечений, прежде чем я совершу этот поступок; несомненно, именно это делает меня неспособным сопротивляться. Поэтому я решил никогда не позволять своим мыслям *начинать* заикливаться на похотливых вещах, а думать о чем-то другом при *первом* намеке на их появление в моем сознании. Я строго следовал этому правилу, и оно оказалось успешным, и я рекомендую его другим, оказавшимся в таком же затруднительном положении, как я сам. После новых недель и месяцев страданий от ужаса и болезни, когда плоть опадала и желтела, я постепенно немного поправился. У меня был лучший цвет лица и тонус, и я был чем-то похож на других молодых людей, за исключением странной поочередной экзальтации и депрессии. Даже это постепенно становилось менее заметным, а мое настроение - более ровным и надежным".

[219] Моя христианская вера несколько неэмоционального, интеллектуального типа со значительным элементом сдержанности агностика.

[220] Вступая в связь со своей женой, я часто проявляю достаточную сексуальную силу, чтобы вызвать у нее оргазм; но иногда, особенно в течение первого года или около того супружеской жизни, я не мог этого сделать из-за слишком быстрого срабатывания рефлексов во мне, и даже время от времени у меня были поллюции *ante portam*.

Том 5

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ЭРОТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ.

Я.

II.

III.

IV.

V.

VI.

МЕХАНИЗМ ДЕТУМЕСЦЕНЦИИ.

Я.

II

III.

IV.

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСТОРИИ ПОЛОВОГО РАЗВИТИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

В этом томе обсуждаются конечные явления сексуального процесса, прежде чем в заключительном томе будет предпринята попытка рассмотреть влияние психологии секса на ту часть морали, которую можно назвать "социальной гигиеной".

Под "Эротический символизм" я включаю практически все отклонения сексуального инстинкта, хотя некоторые из них казались достаточно важными для отдельного обсуждения в предыдущих томах. Весьма вероятно, что многие читатели сочтут, что этого названия едва ли достаточно, чтобы охватить столь многочисленные и разнообразные проявления. Некоторым термин "сексуальные эквиваленты" покажется предпочтительнее. Хотя, однако, можно полностью признать, что эти перверсии являются "сексуальными эквивалентами" — или, во всяком случае, эквивалентами нормального сексуального влечения, — этот термин является всего лишь описательным обозначением, которое ничего не говорит нам об этих явлениях. "Сексуальный символизм" дает нам ключ к процессу, ключ, который делает все эти извращения понятными. Во всех из них — очень четко в некоторых, как при фетишизме обуви; более неясно в других, как при эксгибиционизме — по причинам врожденным, приобретенным или и тем и другим вместе, некий объект или класс объектов, некий акт или группа актов приобрели динамическую власть над психофизическим механизмом сексуального процесса, отклоняя его от нормального приспособления ко всему любимому человеку противоположного пола. Произошла трансмутация ценностей, и определенные объекты, определенные действия приобрели эмоциональную ценность, которой для нормального человека они не обладают. Такие объекты и действия, как мне кажется, правильнее называть символами, и этот термин воплощает единственное оправдание, на которое в большинстве случаев могут законно претендовать эти проявления.

"Механизм распухания" подводит нас, наконец, к финальной кульминации, для которой более ранняя и продолжительная стадия распухания, которая так часто занимала нас в этих *Исследованиях*, является тщательно подготовительной. "Искусство любви, - написала умная женщина-романист, - это искусство подготовки". Эта "подготовка" с физиологической точки зрения представляет собой выработку припухлости, и все ухаживание направлено на создание припухлости. Но заключительное сопряжение двух индивидуумов во взрыве детумесценции, происходящее таким образом медленно, хотя это в значительной степени произвольный акт, все же не лишено психологических последствий; и поэтому вызывает сожаление тот факт, что о нем пока известно так мало. Единственный физиологический акт, в котором два индивидуума отрываются от всех целей, сосредоточенных в себе, и становятся инструментом тех высших сил, которые формируют вид, никогда не может быть актом, который можно было бы замалчивать как тривиальный или недостойный изучения.

В кратком исследовании "Психическое состояние во время беременности" мы, наконец, касаемся точки, в которой весь сложный процесс секса достигает своей цели. Женщина с ребенком в утробе матери - это вечное чудо, для проявления которого была изобретена вся романтика любви, все хитроумные уловки набухания и распускания. Психическое состояние женщины, занимающей, таким образом, высшее положение, которое может предложить жизнь, не может не представлять чрезвычайного интереса со многих точек зрения, и не в последнюю очередь потому, что материнский инстинкт является одним из элементов даже любви между полами. Но психология беременности полна сложных проблем, и здесь снова, как это часто бывает на обширном поприще, которое мы пересекли, мы стоим на пороге двери, пройти которую нам пока не дано.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

Карбис Уотер, Лелант, Корнуолл.

ЭРОТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ.

Содержание

Я.

Содержание

Определение эротического символизма—Символика действия и символика объекта—
Эротический фетишизм—Широкое распространение символов секса—Огромное разнообразие
возможных эротических фетишей—Нормальные основы эротического символизма—
Классификация явлений—Тенденция идеализировать недостатки любимого человека—
"Кристаллизация" Стендаля.

Под "эротическим символизмом" я подразумеваю тенденцию, при которой внимание любовника отвлекается от центрального фокуса сексуального влечения к какому-либо объекту или процессу, находящемуся на периферии этого фокуса или даже вообще за его пределами, хотя и вызывающему ассоциации смежности или сходства. Таким образом, припухлость или даже, в крайних случаях, детумесценция, может быть спровоцирована созерцанием действий или объектов, которые находятся вдали от окончания полового акта.^[1]

При рассмотрении феномена полового отбора в предыдущем томе,^[2] было обнаружено, что в конституции красоты есть четыре или пять основных факторов, поскольку красота определяет половой отбор. Эротический символизм основан на факторе индивидуального вкуса к красоте; он возникает как специализированное развитие этого фактора, но, тем не менее, неверно связывать его с половым отбором. Привлекательные характеристики любимой женщины или мужчины, с точки зрения полового отбора, представляют собой сложное, но гармоничное целое, приводящее к желанию полного обладания человеком, который их демонстрирует. Нет тенденции изолировать и диссоциировать какой-либо отдельный характер от индивида и концентрировать внимание на этом характере в ущерб вниманию, уделяемому индивиду в целом. Как только такая тенденция начинает проявляться, пусть даже лишь в слабой или временной форме, мы можем сказать, что имеет место эротический символизм.

Эротический символизм, однако, ни в коем случае не ограничивается индивидуализирующей тенденцией концентрировать любовное внимание на какой-то одной характеристике взрослой женщины или мужчины, которые обычно являются объектом сексуальной любви. Взрослого человека это может вообще не волновать, привлекательный объект или действие может быть даже не человеком, даже не животным, и мы все еще можем беспокоиться о символе, который паразитически укоренился на плодотворном месте сексуальных эмоций и впитал в себя энергию, которая обычно направляется в каналы здоровой человеческой любви, имея своей конечной целью продолжение рода. Понимаемое таким образом в самом широком смысле, можно сказать, что каждое сексуальное извращение, даже гомосексуальность, является формой эротического символизма, поскольку мы обнаружим, что в каждом случае какой-либо объект или действие, которые для нормального человека имеют небольшую эротическую ценность или вообще не имеют ее, приобрели такую ценность в высшей степени; то есть они стали символом нормального объекта любви. Некоторые извращения, однако, имеют такое большое значение из-за их широкой взаимосвязи, что их нельзя адекватно обсуждать просто как формы эротического символизма. Это особенно верно в отношении гомосексуализма, аутоэротизма и алголагнии, все эти явления, следовательно, были отдельно обсуждены в предыдущих исследованиях. Сейчас нас в основном интересуют проявления, которые носят более узкий и исключительно символический характер.

Часть области эротического символизма охвачена тем, что Бине (вслед за Ломброзо, Крафт-Эбингом и другими) назвал "эротическим фетишизмом", или тенденцией, при которой сексуальное влечение чрезмерно усиливается какой-либо особой частью или особенностью тела или каким-либо неодушевленным предметом, который стал ассоциироваться с ним. Такая эротическая символика объекта, однако, не может быть отделена от еще более важной эротической символической процесса, и они настолько тесно связаны друг с другом, что мы не можем достичь истинно научного взгляда на них, пока не будем рассматривать их в широком смысле как связанные части общей психической тенденции. Если, как утверждает Гроос,^[3] символ имеет два основных значения: одно, в котором он указывает на физический процесс,

обозначающий психический процесс, и другое, в котором он указывает на часть, представляющую целое, эротическая символика акта соответствует первому из этих основных значений, а эротическая символика объекта - другому.

Хотя нет ничего невозможного в том, чтобы найти некоторые зачатки эротического символизма у животных, в своих более выраженных проявлениях он встречается только у человеческого вида. Иначе и быть не могло, ибо такая символика включает в себя не только игру фантазии, идеализирующие способности, но и определенную способность концентрировать внимание на точке, лежащей за пределами естественного пути инстинкта, и способность формировать новые ментальные конструкции вокруг этой точки. Действительно, существуют, как мы увидим, элементарные формы эротического символизма, которые нередко ассоциируются со слабоумием, но даже они все еще присущи исключительно человеку, и в своих менее грубых проявлениях эротический символизм легко поддается любой степени человеческой утонченности и интеллекта.

"Это зависит прежде всего от усиления психологического процесса репрезентации, - замечает Колин Скотт о сексуальном символизме в целом, - включающего в себя большие способности к сравнению и анализу по сравнению с низшими животными. Внешние впечатления начинают четко различаться как таковые, но в то же время к ним часто относятся как к символам внутренних переживаний и вкладывают в них смысл, которым они иначе не обладали бы. Символизм или фетишизм - это, действительно, просто способность видеть значение, подчеркивать что-то ради других вещей, которые не проявляются. В терминах мозга это указывает на активность высших центров, своего рода боковое отслеживание или длительную циркуляцию примитивной энергии; ... Стихотворение Розетти "Лесная шпора" дает конкретный пример формирования такого символа. Здесь незначительное в остальном представление вудспурджа с тремя чашечками, первоначально представлявшее собой простое боковое течение потока сознания, навсегда становится интеллектуальным символом или фетишем всего психоза. Действительно, кажется, что чем сильнее эмоция, тем более вероятно формирование вышележащего символизма, который служит для фокусирования и замещения чего-то большего, чем он сам; по крайней мере, нигде символизм не является более характерной чертой, чем как выражение сексуального инстинкта. Сексуальная страсть, с ее огромной наследственной подоплекой, у раннего человека часто сосредотачивалась на самых тривиальных и неважных чертах. ... Этот символизм, ныне ставший фетишистским или символическим в плохом смысле этого слова, является, по крайней мере, проявлением растущей репрезентативной силы человека, от которой во многом зависело его продвижение, в то время как он также служил выражению и помогал очистить его самые извечные эмоции". (Колин Скотт, "Секс и искусство", *Американский журнал психологии*, том vii, № 2, стр. 189.)

При изучении "Любви и боли" в предыдущем томе анализ большой и сложной массы сексуальных феноменов, связанных с болью, постепенно превратил их в значительной степени в особый случай эротической символики; боль или ограничение, причиняемые любимому человеку или самим любимым человеком, становятся в результате психического процесса, который обычно бессознателен, символом сексуального механизма и, следовательно, вызывают те же эмоции, что и этот механизм обычно. Теперь мы можем попытаться более широко и всесторонне рассмотреть нормальные и ненормальные аспекты эротической символики в некоторых из их наиболее типичных и наименее смешанных форм.

"Когда наше человеческое воображение стремится оживить искусственные предметы, - пишет Гюисманс *вLà-bas*, - оно вынуждено воспроизводить движения животных в процессе размножения. Посмотрите на машины, на игру поршней в цилиндрах; это Ромео из стали в Джульетах из чугуна ". И не только в произведениях рук человеческих, но и во всей Природе мы находим сексуальные символы, которые менее поддаются отрицанию, поскольку по большей части они ни в малейшей степени не вызывают даже к самому болезненному человеческому воображению. Язык полон метафорических символов секса, которые постоянно имеют тенденцию терять свой поэтический символизм и становиться обыденными. Семя, но семя, и для латинян, особенно весь процесс человеческого секса, а также мужских и женских органов, постоянно позиционировал себя в символах, полученных от сельскохозяйственной и садоводческой жизни. Яичками служили бобы (*fabæ*) и фрукты или яблоки (*poma* и *mala*); пенисом было дерево (*arbor*), или стебель (*thyrsus*), или корень (*radix*), или серп (*falx*), или лемех плуга (*vomer*). Спермы снова было росы (*ros*). Большие или малые половые губы были крыльями (*alæ*); вульва и влагалище были полем (*ager* и *campus*), или вспаханной бороздой (*sulcus*), или виноградником (*vineæ*), или фонтаном (*fons*), в то время как половые волосы были травой (*plantaria*).^[4] В других языках нетрудно проследить сходные и даже идентичные образы, применяемые к половым органам и половым актам. Таким образом, примечательно, что Шекспир не раз применял термин "вспаханная" к женщине, имевшей половой акт. Талмуд называет малые половые губы дверьми, большие половые губы петлями, а клитор ключом. Греки, по-видимому, находили не только в миртовой ягоде, плоде растения, посвященного Венере, изображение клитора, но и в розе изображение женских половых губ; в поэтической литературе многих стран этот образ розы действительно прослеживается в более или менее завуалированной форме.^[5]

Широко распространенный символизм секса возник в теориях и концепциях первобытных народов, касающихся функции зачатия и ее ближайших аналогий в Природе; он был продолжен ради энергичной и выразительной терминологии, которую он предоставил как для повседневной жизни, так и для литературы; его последние пережитки культивировались, потому что они обеспечивали деликатный эстетический метод подхода к вопросам, к которым растущая утонченность чувств затрудняла любовникам и поэтам подход в более грубой и прямой манере. Его существование представляет для нас интерес сейчас, потому что оно показывает объективную обоснованность основы, на которой развивается эротический символизм, как мы его здесь понимаем. Но от начала до конца это отдельное явление, имеющее более или менее обоснованную и интеллектуальную основу, и оно едва ли в какой-либо степени служит подпитке сексуального влечения. Эротический символизм по своему происхождению не интеллектуальный, а эмоциональный; он зарождается неясно, с очень смутным осознанием или по большей части вообще без него, либо внезапно в результате шока от какого-то обычно юношеского переживания, либо более постепенно в результате инстинктивного размышления о тех вещах, которые наиболее тесно связаны с сексуально желанным человеком.

Тип почвы, на которой могут развиваться зародыши эротического символизма, хорошо виден в случаях сексуальной гиперэстезии. В таких случаях все эмоционально-сексуальные аналогии и сходства, которые в эротическом символизме фиксированы и организованы, могут быть прослежены в расплывчатых и преходящих формах, и один гиперэстетичный индивид, возможно, представляет большое разнообразие зародышевых символизмов.

Так, об итальянской монахини (чья сестра стала проституткой) было записано, что с 8 лет она испытывала желание коитуса, с 10 лет мастурбировала, а позже испытывала гомосексуальные чувства, что те же чувства и практики продолжались и после того, как она приняла постриг, хотя время от времени они приобретали религиозные эквиваленты. Действительно, простого прикосновения руки священника, известия о представлении священнослужителя, которого она знала, епископству, вида обезьяны, созерцания распятого Христа, фигурки игрушки, изображения демона, акта дефекации вверенных ее попечению детей (которых по этой причине и вопреки правилам она сопровождала в чуланы), особенно вида и простого воспоминания о мухах в сексуальной связи — всего этого было достаточно, чтобы вызвать у нее мощный оргазм. (*Archivio di Psichiatria*, 1902, fasc. II-III, стр. 338.)

Мальчик 15 лет (склонный к мастурбации), которого изучал Макдональд в Америке, был аналогично гиперэстетичен по отношению к символам сексуальных эмоций. "Мне нравится развлекаться со своими товарищами, - сказал он Макдональду, - сворачиваясь в клубок, что придает человеку забавную теплоту. Мне доставляет особое удовольствие говорить о некоторых вещах. То же самое происходит, когда гувернантка целует меня, желая спокойной ночи, или когда я прижимаюсь к ее груди. У меня тоже возникает такое ощущение, когда я вижу некоторые фотографии в газетах с комиксами, но только на тех, которые изображают женщину, например, когда молодой человек на коньках сбивает девушку с ног, так что ее одежда немного приподнимается. Когда я прочитал, как мужчина спас молодую девушку от утопления, так что они плыли вместе, у меня возникло такое же ощущение. Взгляд на женские статуи в музее производит тот же эффект, или когда явижу обнаженных младенцев, или когда мать кормит ребенка грудью. У меня часто возникало это ощущение, когда я читал романы, которые мне не следовало читать, или когда смотрел на новорожденного теленка, или когда видел, как собаки, коровы и лошади взбираются друг на друга. Когда я вижу девушку, флиртующую с парнем, или опирающуюся на его плечо, или когда он обнимает ее за талию, у меня возникает эрекция. То же самое происходит, когда я вижу женщин и маленьких девочек в купальных костюмах или когда мальчики рассказывают о том, чем их отцы и матери занимаются вместе. В Музее естественной истории я часто вижу вещи, которые вызывают у меня такое ощущение. Однажды, когда я прочитал, как мужчина убил молодую девушку, отнес ее в лес и раздел, я испытал чувство наслаждения. Когда я читаю о мужчинах, которые были бастардами, мысль о том, что у женщины может быть ребенок таким образом, вызывает у меня это ощущение. Некоторые танцы и зрелище молодых девушек верхом на лошади тоже взволновали меня, как и в цирке, когда в женщину выстрелили из пушки, и ее юбки взметнулись в воздух. На меня не действует, когда я вижу обнаженных мужчин. Иногда мне нравится смотреть на женское нижнее белье в магазине или когда я вижу, как леди или девушка покупает его, особенно если это трусики. Когда я увидел даму в платье, застегнутом сверху донизу, это произвело на меня большее впечатление, чем вид нижнего белья. Наблюдение за совокуплением собак доставляет мне больше удовольствия, чем созерцание хорошеньких женщин, но меньше, чем созерцание хорошеньких маленьких девочек ". В порядке возрастания интенсивности он расположил явления, которые произвели на него такое впечатление: совокупление мух, затем лошадей, затем вид женского нижнего белья, затем флиртующие мальчик и девочка, затем коровы, взобравшиеся друг на друга, статуи женщин с обнаженной грудью, затем соприкосновение с телом и грудями гувернантки, наконец, коитус. (Артур Макдональд, "*Тип преступника*", стр. 126 и далее.)

Следует отметить, что инстинкт питания, когда его сдерживают, может проявлять нечто похожее на символику секса, хотя и в меньшей степени. Способы, с помощью которых

гиперэстетический голод может искать свои символы, проиллюстрированы на примере молодой женщины по имени Надя, которую Джанет в течение нескольких лет тщательно изучала. Это случай навязчивой идеи ("maladie du scrupule"), имитирующей истерическую анорексию, при которой пациентка, опасаясь растолстеть, сократила потребление пищи до минимально возможного количества. "Надя, как правило, голодна, даже очень. Об этом можно судить по ее действиям; время от времени она забывается до такой степени, что с жадностью поглощает все, что попадает под руку. В другое время, когда она не может устоять перед желанием поесть, она тайком берет печенье. Она испытывает ужасные угрызения совести за свой поступок, но, тем не менее, она делает это снова. Ее откровенность очень любопытна. Она признает, что требуются большие усилия, чтобы не есть, и считает себя героиней, раз так долго сопротивлялась. "Иногда я целыми часами думала о еде, я была так голодна; я глотала слюну, кусала свой носовой платок, каталась по полу, мне так сильно хотелось есть. Я искал в книгах описания блюда застолий и пытался утолить свой голод, воображая, что делюсь всеми этими вкусностями" (П. Жанет, "La Maladie du Scrupule", *Философское ревю*, май 1901 г., стр. 502). Отклонения пищевого инстинкта, однако, ограничены узкими рамками, и по природе вещей голод, в отличие от сексуального желания, не может легко принять фетиш.

"Нет почти ни одной черты, предмета одежды, позы, действия, - заявляет Стэнли Холл, - или даже животного или, возможно, объекта в природе, которые не обладали бы для какой-нибудь болезненной души особой эрогенной и эретической силой".^[6] Даже простая тень может стать фетишем. Горон рассказывает о парижском купце — человеке с репутацией способного, счастливо женатого и отца семейства, совершенно безупречного в личной жизни, — который однажды вечером возвращался домой после партии в бильярд с другом, когда, случайно подняв глаза, увидел на фоне освещенного окна тень женщины, переодевающейся в сорочку. Он влюбился в эту тень и в течение многих месяцев каждый вечер возвращался на это место, чтобы посмотреть в окно. И все же — и в этом заключается фетишизм — он не пытался увидеть женщину или выяснить, кто она такая; ему было достаточно тени; ему не нужна была реальность.^[7] Возможно даже наличие негативного фетиша, требуется отсутствие какого-либо характера в одиночестве, и в Чикаго был зарегистрирован случай с американским джентльменом среднего интеллекта, образования и хороших привычек, который, будучи мальчиком, питал чистую привязанность к девушке, у которой была ампутирована нога, на протяжении всей жизни был относительно импотентом с нормальными женщинами, но испытывал страсть и привязанность к другим женщинам. женщины, потерявшие ногу; его жена обнаружила, что он вел обширную переписку с одноногими женщинами по всей стране, тратя немалые деньги на покупку протезов для своих различных протезе.^[8]

Однако важно помнить, что, хотя эротический символизм становится фантастическим и ненормальным в своих крайних проявлениях, по своей сути он абсолютно нормален. Только в самых грубых формах сексуального желания оно полностью отсутствует. Стендаль описал ментальную сторону процесса набухания как кристаллизацию, процесс, при котором определенные черты любимого человека представляют собой точки, вокруг которых эмоции, удерживаемые в растворе в сознании влюбленного, могут сконцентрироваться и проявиться в ослепительном блеске. Этот процесс неизбежно имеет тенденцию происходить вокруг всех тех черт и объектов, связанных с любимым человеком, которые наиболее глубоко впечатлили разум влюбленного, и чем более чувствителен, богат воображением и эмоционален он, тем с большей вероятностью такие черты и объекты кристаллизуются в эротические символы. "Преданности и любви, - писала Мэри Уолстонкрафт, - может быть позволено освящать одежду так же, как и

саму личность, ибо влюбленному, должно быть, не хватает фантазии, если он не испытывает своего рода священного уважения к перчатке или туфельке своей любовницы. Он не стал бы смешивать их с вульгарными вещами того же рода". А почти двумя столетиями ранее Бертон, собравший воедино так много древних знаний о любви, ясно утверждал совершенно нормальный характер эротической символики. "Ни один из тысячи не влюбляется, - заявляет он, - но есть какая-то особая часть, которая доставляет ему наибольшее удовольствие и воспламеняет его больше всего остальных. ... Если ему достанется что-нибудь от нее, набалдашник, перо от ее веера, галстук от обуви, шнурок, кольцо, браслет из волос, он носит это в качестве одолжения на руке, в шляпе, на пальце или рядом с сердцем; как это сделала Лаодамия у Протесилая, когда он ушел на войну, сиди дома с его портретом перед ней: ее подвязка или браслет драгоценнее Реликвии любой Святой, он кладет их в свой ларец (о благословенная Реликвия) и каждый день будет целовать их: если в ее присутствии он не сводит с нее глаз, и пить он будет там, где пила она, если это возможно, в том самом месте" и т.д.^[9]

Точность Бертон в описании поведения влюбленных в его столетии подтверждается отрывком из *"Мемуаров Грамона" Гамильтона*. Мисс Прайс, одна из красавиц двора Карла II, и Донган были нежно привязаны друг к другу; когда последний умер, он оставил после себя шкатулку, полную всевозможных знаков любви, относящихся к его любовнице, включая, среди прочего, "всевозможные волосы". Что касается Франции, то современник Бертон, Хауэлл, писал в 1627 году в своих *Письмах к знакомым* об отражении нападения англичан при Ре: "Один капитан сказал мне, что, когда они разбирали трупы французских джентльменов после первого вторжения, они обнаружили, что у многих из них были привязаны к гениталиям подарки их любовниц".

Шуриг (*Сперматология*, стр. 357) в начале восемнадцатого века знал бельгийскую леди, которая после смерти своего горячо любимого мужа тайно отрезала ему пенис и хранила его как священную реликвию в серебряной шкатулке. В конце концов она растерла его в порошок, добавляет он, и обнаружила, что это эффективное лекарство для себя и других. Брантом упоминает более ранний пример дамы при французском дворе, которая забальзамировала и надушила половые органы своего умершего мужа, всегда храня их в золотой шкатулке. Мантегацца знал человека, который много лет хранил у себя на столе череп своей умершей любовницы, сделав его своим самым дорогим спутником. "Некоторые, - замечает он, - спали месяцами и годами с книгой, одеждой, безделицей. Когда-то у меня была подруга, которая проводила долгие часы радости и умиления, целуя шелковую нитку, которую она держала между пальцами, а теперь это единственная реликвия любви". (Мантегацца, *Физиология любви*, глава X.) Точно так же я знал даму, которая в преклонном возрасте все еще хранила в своем письменном столе, как единственную реликвию единственного мужчины, который ее когда-либо привлекал, клочок бумаги, который он небрежно скомкал в разговоре с ней полвека назад.

Склонность дорожить реликвиями любимого человека, особенно одеждой, является простейшей и наиболее распространенной основой эротического символизма. Это, без сомнения, абсолютно нормально. Неизбежно, что те объекты, которые были в тесном контакте с телом любимого человека и тесно связаны с этим человеком в сознании любящего, должны обладать некоторой долей той же добродетели, той же эмоциональной силы. Это явление, во многом аналогичное тому, благодаря которому считается, что мощи святых обладают особой добродетелью. Но это становится несколько менее нормальным, когда одежда считается необходимой даже в присутствии любимого человека.^[10]

Хотя можно обнаружить, что чрезвычайно большое количество объектов и действий иногда обладают значением эротических символов, такие символы чаще всего попадают в определенные четко определенные группы. Огромное количество изолированных объектов или действий может быть исключительно объектом эротического созерцания, но объектов и действий, которые часто становятся таким образом символическими, сравнительно немного.

Мне кажется, что феномены эротического символизма удобнее всего разделить на три больших класса на основе объектов или действий, которые их возбуждают.

I. ЧАСТИ ТЕЛА.—

А. В норме: Руки, стопы, грудь, затылок, волосы, выделения и т.д.

Б. Ненормальные: Хромота, косоглазие, изъязвления оспой и т.д. Пайдофилия, или любовь к детям, пресбиофилия, или любовь к старикам, и некрофилия, или влечение к трупам, могут быть включены в этот раздел, а также возбуждение, вызываемое различными животными.

II. НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ.^[11]—

А. Предметы одежды: Перчатки, обувь, чулки и подвязки, чепчики, фартуки, носовые платки, нижнее белье.

Б. Безличные объекты: Сюда могут быть включены все различные объекты, которые могут случайно приобрести силу возбуждающего сексуального чувства при аутоэротизме. Сюда же можно отнести пигмалионизм.

III. ПОСТУПКИ И ОТНОШЕНИЯ.—

Активный: Порка, жестокость, эксгибиционизм.

Б. Пассивный: Подвергаться порке, испытывать жестокость. Личные запахи и звук голоса могут быть включены в этот раздел.

С. Микроскопический: Видение лазания, раскачивания и т.д. Акты мочеиспускания и дефекации. Совокупление животных.

Хотя три основные группы, на которые здесь разделены феномены эротического символизма, могут показаться довольно четкими, тем не менее они очень тесно связаны и даже накладываются друг на друга, так что, как мы увидим, возможно, что один сложный символ попадает во все три группы.

Весьма законченный вид эротической символики дает пигмалионизм или любовь к статуям.^[12] Это в точности аналогично детской любви к кукле, которая также является формой сексуального

(хотя и не эротического) символизма. В несколько менее ненормальной форме эротический символизм, вероятно, проявляется в своей простейшей форме в тенденции идеализировать некрасивые особенности любимого человека, так что впоследствии такие особенности становятся почти или совершенно необходимыми для возбуждения сексуального влечения. Таким образом, мужчин привлекают хромящие женщины. Даже самый нормальный мужчина может идеализировать незначительный дефект в любимой женщине. Внимание неизбежно концентрируется на любом таком незначительном отклонении от обычной красоты, и естественным результатом такой концентрации является то, что комплекс связанных мыслей и эмоций привязывается к чему-то, что само по себе некрасиво. Дефект становится предметом восхищения, воплощенным символом эмоций влюбленного.

Таким образом, родинка сама по себе не красива, но из-за склонности к эротическому символизму она становится таковой. Персидские поэты особенно щедро изобразили кротов (*Анис Эль-Оччак в Библиотеке высоких этюдов*, fasc, 25, 1875); арабы, как замечает Лейн (*Арабское общество в средние века*, стр. 214), столь же экстравагантны в своем восхищении кротом.

Стендаль уже давно хорошо описал процесс, посредством которого дефект становится сексуальным символом. "Даже небольшие дефекты на лице женщины, - заметил он, - такие как оспенная ямочка, могут пробудить нежность у любящего ее мужчины и повергнуть его в глубокую задумчивость, когда он увидит их у другой женщины. Именно потому, что он испытал тысячу чувств в присутствии этого следа от оспы, эти чувства были по большей части восхитительными, все вызвали высочайший интерес, и что, какими бы они ни были, они возобновляются с невероятной живостью при виде этого знака, даже когда они видны на лице другой женщины. Если в таком случае мы начинаем предпочитать и любить *уродство*, то только потому, что в таком случае уродство - это красота. Мужчина любил женщину, которая была очень худой и побитой оспой; он потерял ее из-за смерти. Три года спустя, в Риме, он познакомился с двумя женщинами, одна очень красивая, другая худая и изуродованная оспой, из-за этого, если хотите, довольно уродливая. Я видела, как он влюбился в эту некрасивую девушку в конце недели, которую он потратил на то, чтобы стереть ее некрасивость из своих воспоминаний". (*О любви*, глава XVII.)

В тенденции идеализировать некрасивые черты любимого человека эротический символизм проявляется в простой и нормальной форме. В менее простой и более болезненной форме это проявляется у лиц, у которых нормальные пути сексуального удовлетворения по некоторым причинам заторможены, и которые, таким образом, вынуждены находить символы естественной любви в неестественных извращениях. Именно по этой причине так много эротической символики укореняется в детстве и половом созревании, до того, как сексуальные инстинкты достигли полного развития. По той же причине в конце жизни, когда сексуальная энергия иссякает, эротические символы иногда имеют тенденцию заменять обычные удовольствия от секса. Опять же, именно по этой причине и мужчины, и женщины, чья нормальная энергия подавлена, иногда находят символы сексуального удовлетворения в ласках детей.

Случай со школьной учительницей, зафиксированный Penta, поучительно показывает, как эротический символизм этого последнего вида может развиваться ни в коем случае не как утонченный порок, а как единственная форма, в которой сексуальное удовлетворение

становится возможным, когда нормальное удовлетворение патологически подавлено. Ф. Р., 48 лет, школьная учительница; несколько лет назад она находилась в психиатрической больнице с религиозной манией, но через несколько месяцев выздоровела. В возрасте 12 лет она впервые испытала сексуальное возбуждение в железнодорожном поезде от тряски вагона. Вскоре после этого она влюбилась в юношу, который представлял ее идеал и который отвечал ей взаимностью. Однако, когда она отдалась ему, велико было ее разочарование и удивление, когда она обнаружила, что половой акт, которого она с нетерпением ожидала, не может быть совершен, потому что при первом контакте влагалище испытывало сильную боль и спазматическое сопротивление. У нее было состояние вагинизма. После неоднократных попыток в последующих случаях ее любовник отказался. Однако ее желание полового акта скорее возросло, чем уменьшилось, и, наконец, она была в состоянии терпеть коитус, но боль была настолько сильной, что она пришла в ужас от сексуальных объятий и больше не стремилась к ним. Обладая большой силой воли, она в течение многих лет сдерживала все эротические порывы. Только в период менопаузы долго подавляемые желания вырвались наружу и, наконец, нашлись символический выход, который больше не был нормальным, но, как считалось, приносил полное удовлетворение. Она стремилась к тесному физическому контакту с маленькими детьми, находившимися на ее попечении. Она лежала обнаженной на своей кровати с двумя или тремя голыми детьми, заставляла их сосать ее грудь и прижимала их к каждой части своего тела. О ее поведении узнали другие дети, которые подглядывали в замочную скважину, и она была помещена под лечение в "Пенту". В этом случае потеря моральных и умственных ограничений, вероятно, из-за проблем с климактерическим периодом, привела к потворству в ненормальных условиях тем примитивным контактам, которые обычно являются началом любви, и они, поддерживаемые идеальным образом раннего любовника, представляли собой полный и адекватный символ естественной любви у болезненно извращенного индивидуума. (П. Пента, *Архив психопатологических исследований*, январь 1896 г.)

[1] Термин "эротический символизм" уже использовался Эйленбургом (*Сексуальная нейропатия*, 1895, стр. 101). Следует иметь в виду, что этот термин, подразумевающий конкретную эмоцию, гораздо более узкий, чем термин "сексуальный символизм", который может использоваться для обозначения большого разнообразия ритуальных и социальных практик, сыгравших определенную роль в эволюции цивилизации.

[2] *Половой отбор у человека*, iv, "Видение".

[3] К. Гроос, *"Эстетическое поколение"*, стр. 122. Психология ассоциаций смежности и сходства, посредством которых эротический символизм осуществляет свою передачу, кратко обсуждается Рибо в *"Психологии эмоций"*, часть 1, глава XII; можно также сказать, что ранние главы *"Логике чувств"* того же автора касаются эмоциональной основы, на которой возникает эротический символизм.

[4] Шуриг объединяет ряд синонимов для женских половых органов — *cunus, hortus, concha, navis, fovea, larva, canis, annulus, focus, cymba, antrum, delta, myrtus* и т.д. — И он обсуждает многие из них. (*Мулиебрия*, раздел I, глава I.)

[5] Кляйнпол, *Sprache Ohne Worte*, стр. 24-29; ср. К. Пирсон, "Об общих и специальных словах, обозначающих секс", *"Шансы смерти"*, т. ii, стр. 112-245; подборку литературы о розе можно найти в томе переводов, озаглавленном *"Рос Розарум"*.

[6] Г. С. Холл, *Отрочество*, том i, стр. 470.

[7] Горон, *Отверженные Любви*, стр. 45.

[8] А. Р. Рейнольдс, *Медицинский стандарт*, том x, цитируется Кирнаном, "Ответственность за сексуальные извращения", *Американский журнал неврологии и психиатрии*, 1882.

[9] Р. Бертон, *Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел II, Воспоминания. II, подзаголовки. II и Мем. III, подзаголовки I.

[10] Многочисленные примеры приведены Моллем, *Контраре сексуального воспитания*, третье издание, стр. 265-268.

[11] Шевалье (*De l'Inversion*, 1885; *id.*, *L'Inversion Sexuelle*, 1892, стр. 52), за которым следует Э. Лоран (*L'Amour Morbide*, 1891, глава X), отделяет эту группу от других фетишистских извращений под общим названием глава "азофилии". Я не вижу достаточных оснований для этого шага. Различные формы фетишизма слишком тесно связаны, чтобы допустить насильственное отделение какой-либо группы из них от других.

[12] Это уже рассматривалось как извращение, основанное на зрении, при обсуждении *полового отбора у человека*. IV.

II.

Содержание

Фетишизм ног и фетишизм обуви — Широкое распространение и нормальная основа—Restif de la Bretonne—Стопа является нормальным объектом сексуального влечения у некоторых народов — китайцев, греков, римлян, испанцев и др.—Врожденная предрасположенность к эротической символике—Влияние ранних ассоциаций и эмоционального шока—Фетишизм обуви по отношению к мазохизму—Два независимых, хотя и взаимосвязанных явления—Желание, чтобы на тебя наступали—Очарование физического ограничения—Символизм причиняемой самому себе боли—Динамический элемент эротической символики—Символизм одежды.

Из всех форм эротического символизма наиболее распространенной является та, которая идеализирует ступню и обувь. Явления, с которыми мы здесь сталкиваемся, иногда настолько сложны и поднимают так много интересных вопросов, что необходимо обсудить их несколько подробнее.

Казалось бы, даже для обычного любовника ступня является одной из самых привлекательных частей тела. Стэнли Холл обнаружил, что среди частей тела, которые молодые мужчины и женщины, ответившие на *вопросник*, назвали наиболее привлекательными у представителей другого пола, ноги заняли четвертое место (после глаз, волос, роста и габаритов).^[13] Казанова, проницательный исследователь и любитель женщин, который ни в коей мере не был

фетишистом ног, отмечает, что всех мужчин, разделяющих его интерес к женщинам, привлекают их ноги; по его мнению, они вызывают тот же интерес, что и вопрос о конкретном издании для книголюбов.^[14]

В отчете о результатах *опроса*, касающегося самоощущения детей, на который было получено более 500 ответов, Стэнли Холл таким образом резюмирует основные факты, установленные в отношении стоп: "Особый период наблюдения за ногами наступает несколько позже, чем тот, когда сознание обнаруживает руки. В наших архивах почти в два раза больше случаев для ног, чем для рук. Первые более удалены от основного психического фокуса или положения, а также чаще прикрыты, так что их вид является более заметным и исключительным событием. Некоторые дети сильно возбуждаются, когда обнажаются их ступни. Некоторые младенцы проявляют признаки страха при движении собственных прикрытых коленей и ступней, и еще чаще испуг является первым ощущением, сигнализирующим о том, что ребенок обнаружил свои ступни. ... Многие описываются как играющие с ними, словно очарованные странными, недавно обнаруженными игрушками. Они подбирают их и пытаются выбросить, или из колыбели, или поднести ко рту, куда обычно попадают все предметы. ... Дети часто трогают их за ноги, похлопывают по ним, предлагают игрушки и бутылочку, как будто у них тоже есть независимый голод, который нужно удовлетворить, их собственное *эго*. ... У детей часто развивается [позже] особый интерес к ступням других людей, и они разглядывают, ощупывают их и т.д., Иногда выражая удивление по поводу того, что прищипывание матери за палец ноги причиняет боль ей, а не ребенку, или сравнивая свои собственные ступни и ступни других людей пункт за пунктом. Любопытно также усиление внимания к ногам на протяжении первых лет детства, когда дети получают исключительную привилегию ходить босиком или носят новую обувь. Ноги часто оскорбляют, наказывают, иногда избивают до боли за то, что они ломают вещи, бросают ребенка на землю и т.д. У некоторых детей есть привычка, которая достигает большой интенсивности, а затем исчезает, касаться или щекотать ступни, сопровождаясь взрывами смеха, а некоторые из них, по описанию, демонстрируют почти болезненное нежелание носить что-либо на ногах или даже позволять другим прикасаться к ним. ... Некоторые почти влюбляются в большой палец ноги или в мизинец, особенно любясь какой-нибудь складкой или ямочкой на нем, перевязывая его каким-нибудь лоскутком шелка или кусочком ленты, или отрезанными пальцами перчатки, обматывая бечевкой, удлиняя ее, привязывая к кусочкам дерева. Поглаживание чужих ног, особенно если они красивые, часто становится почти страстью у маленьких детей, и некоторые взрослые признаются, что сохранили тот же импульс, удовлетворять который - изысканное удовольствие. Интерес некоторых матерей к пальчикам на ногах младенцев, выражение которых экстатично и почти невероятно, является фактором огромной важности". (Г. Стэнли Холл, "Некоторые аспекты раннего самоощущения", *Американский психологический журнал*, апрель 1898 г.) В "детстве" Стэнли Холл замечает в другом месте (*Отрочество*, vol. ii, стр. 104), "форма ухода может заключаться исключительно в соприкосновении ног под столом". Казалось бы, даже у животных есть определенная доля сексуального сознания в ступнях; я заметил, как самец осла непосредственно перед половым актом кусал ступни своей партнерши.

В то же время сегодня в большинстве цивилизованных стран обычный любовник вряд ли придает ногам первостепенное значение, подобное тому, какое он очень часто придает глазам, хотя ступни играют очень заметную роль в творчестве некоторых романистов.^[15]

Однако у небольшого, но не незначительного меньшинства людей ступня или ботинок становится наиболее привлекательной частью тела женщины, а в некоторых болезненных случаях сама женщина рассматривается как сравнительно неважный придаток к ее ступням или ботинкам. Сапоги в цивилизованных условиях гораздо чаще являются сексуальным символом, чем сами ноги; это неудивительно, поскольку в обычной жизни ступни видны нечасто.

Фетишизм ног обычно возникает только при исключительно благоприятных условиях, как в случае, описанном Марандоном де Монтъелем у врача, выросшего в Вест-Индии. Его мать была сумасшедшей, и он сам был подвержен навязчивым идеям, особенно из-за неспособности к мочеиспусканию; в детстве у него было ночное недержание мочи. Все женщины народа Вест-Индии ходят с голыми ногами, которые часто красивы. Его половое созревание развивалось под этим влиянием, и развился фут-фетишизм. Особенно его восхищали большие, толстые, изогнутые ступни с нежной кожей и большими правильными пальцами. Он мастурбировал изображениями ступней. В 15 лет у него были отношения с цветной горничной, но он боялся упоминать о своем фетишизме, хотя больше всего его возбуждало прикосновение ее ног. Теперь он бросил мастурбацию, и у него была череда любовниц, но он всегда стыдился признаваться в своих фантазиях, пока в возрасте 33 лет в Париже очень умная женщина, ставшая его любовницей, не обнаружила его манию и умело помогла ему поддаться ей, не шокировав его скромность. Он был предан этой любовнице, у которой были очень красивые ноги (он вообще приходил в ужас от ног европейцев), пока она, наконец, не бросила его. (*Архив неврологии*, октябрь 1904 г.)

Вероятно, первый случай фетишизма обуви, когда-либо зафиксированный сколь-либо подробно, относится к Рестифу де ла Бретонну (1734-1806), публицисту и романисту, одной из самых замечательных литературных фигур конца восемнадцатого века во Франции. Рестиф был невротичным субъектом, хотя и не в крайней степени, и его фетишизм обуви, хотя и отчетливо выраженный, не был патологическим; иными словами, обувь сама по себе не была адекватным удовлетворением сексуального импульса, а просто чрезвычайно важным подспорьем к распуханию, прелюдией к естественной кульминации распухания; лишь изредка, и *по причине любви*, в отсутствие любимого человека обувь использовалась как дополнение к мастурбации. В рассказах Рестифа и в других местах привлекательность обуви часто обсуждается или используется в качестве мотива. Его первый решительный литературный успех, *Le Pied de Fanchette*, был вызван видением девушки с очаровательной ножкой, случайно замеченной на улице. Хотя все подобные отрывки в его книгах на самом деле основаны на его личных чувствах и опыте, в своей тщательно разработанной автобиографии *месье Николя* откровенно изложил постепенную эволюцию и причину своей идиосинкразии. Первый запомнившийся след датировался 4-летним возрастом, когда он смог вспомнить, что заметил ноги молодой девушки в своих родных местах. Рестиф был сексуально не по годам развитым юношей, и в возрасте 9 лет, несмотря на хрупкое здоровье и застенчивые манеры, его мысли уже были поглощены девушками вокруг него. "В то время как маленький месье Николя, - рассказывает он нам, - слыл Нарциссом, его мысли, как только он оставался один, ночью или днем, не имели другой цели, кроме секса, от которого он, казалось, убегал. Девушки, наиболее тщательно следившие за своей внешностью, естественно, нравились ему больше всего, а поскольку наименее легко содержать в чистоте ту часть тела, которая касается земли, именно обуви он машинально уделил свое главное внимание. Агата, Рейн и особенно Мадлен были самыми элегантными девушками того времени; их тщательно подобранные и ухоженные туфли вместо шнурков или пряжек, которые еще не носили в Саси, были украшены голубой или розовой лентой, в

зависимости от цвета юбки. Я думал об этих девушках с волнением; я желал — я не знал, чего; но я желал чего-нибудь, хотя бы для того, чтобы подчинить их ". Происхождение, которое Рестиф здесь приписывает своему фетишизму обуви, может показаться парадоксальным; по его словам, он восхищался девушками, которые были наиболее опрятны в своей одежде, и, следовательно, уделял наибольшее внимание той части их одежды, которая была наименее чистой и опрятной. Но, каким бы парадоксальным ни казалось это замечание, оно психологически обосновано. Любой фетишизм - это разновидность не обязательно болезненной одержимости, и, как показала тщательная работа Джанет и других в этой области, одержимость - это зачарованное влечение к какому-либо объекту или идее, которое вызывает у субъекта своего рода эмоциональный шок из-за своего контраста с его обычными настроениями или идеями. Обычная болезненная навязчивая идея обычно не может быть гармонично согласована с другими переживаниями повседневной жизни субъекта и, следовательно, не проявляет тенденции к тому, чтобы стать приятной. Сексуальные фетишизмы, с другой стороны, обладают запасом приятных эмоций, из которых можно черпать, и, таким образом, способны обрести как стабильность, так и гармонию. Также будет видно, что в фетишизме Рестифа нет элемента мазохизма, хотя часто допускалась ошибка, заключающаяся в предположении, что эти два проявления обычно или даже обязательно связаны. Рестиф хочет подчинить девушку, которая его привлекает, он не желает быть подчиненным ей. Особенно его поразила молодая девушка из другого города, у которой были туфли модного покроя с пряжками, "и к тому же она была очаровательной особой". Она была нежна, как фея, и заставила его отвлечься от мыслей о крепких красавицах его родного Саси. "Без сомнения, - замечает он, - потому что, будучи сам хрупким и немощным, мне казалось, что так будет легче подчинить ее". "Это пристрастие к красоте ног, - продолжает он, - было во мне настолько сильным, что неизменно вызывало желание и заставляло меня не обращать внимания на уродство. Это чрезмерно у всех, у кого это есть ". Он восхищался не только обувью, но и ступней: "Искусственный вкус к обуви - лишь отражение вкуса к красивым ножкам. Когда я входил в дом и видел сапоги, расставленные в ряд, как это принято, я трепетал от удовольствия; я краснел и опускал глаза, как будто в присутствии самих девушек. С этой живостью чувств и сладострастием идей, невысказанных в возрасте 10 лет, я все еще убежал, с невольным порывом скромности, от девочек, которых я обожал".

Мы можем ясно видеть, как это сочетание чувствительной и не по годам развитой сексуальной пылкости с крайней застенчивостью послужило почвой, на которой зародыш обувного фетишизма смог прочно пустить корни и в какой-то степени сохраниться на протяжении долгой жизни, в значительной степени отданной преследованию женщин, ненормальному скорее своей чрезмерностью, чем порочностью. Несколько лет спустя, по его словам, он случайно увидел в сапожной мастерской красивую пару туфель и, услышав, что они принадлежат девушке, которую в то время он благоговейно обожал на расстоянии, покраснел и чуть не упал в обморок.

В 1749 году его на какое-то время привлекла молодая женщина намного старше его самого; он тайно унес одну из ее туфель и хранил ее в течение дня; чуть позже он снова забрал туфлю той же женщины, которая очаровала его, когда он был у нее на ноге, и, как он, по-видимому, подразумевает, использовал ее для мастурбации.

Возможно, главной страстью в жизни Рестифа была его любовь к Колетт Парангон. Он был еще мальчиком (1752), она была молодой и добродетельной женой печатника, учеником которого

был Рестиф и в доме которого он жил. Мадам Парангон, очаровательная женщина, какой ее описывают, не была счастлива в браке, и она, очевидно, испытывала нежную привязанность к мальчику, чрезмерную любовь и благоговение которого к ней не всегда удавалось скрыть. "Мадонна Парангон, - рассказывает он нам, - обладала очарованием, перед которым я никогда не мог устоять, хорошенькой маленькой ножкой; это очарование пробуждает нечто большее, чем нежность. Ее туфли, сделанные в Париже, обладали той чувственной элегантностью, которая, кажется, передает душу и жизнь. Иногда Колетт носила туфли из простой белой ткани или с серебряными цветами; иногда розовые туфельки на зеленых каблуках или зеленые с розовыми каблуками; ее гибкие ступни не только не деформировали туфли, но увеличивали их изящество и делали форму более волнующей ". Однажды, войдя в дом, он увидел мадам Парангон, элегантно одетую, в розовых туфельках с язычками, на зеленых каблуках и с красивой розеткой. Они были новыми, и она сняла их, чтобы надеть зеленые тапочки с розовыми каблуками и каймой, которые он считал не менее возбуждающими. Как только она вышла из комнаты, он продолжает: "увлеченный самой безудержной страстью и боготворящий Колетт, я, казалось, увидел ее и прикоснулся к ней, держа в руках то, что она только что надела; мои губы прижались к одному из этих украшений, в то время как другое, обманывая священную цель природы, от избытка экзальтации заменило объект секса (я не могу выразить это яснее). Тепло, которое она передала бесчувственному предмету, прикоснувшись к ней, все еще оставалось и придавало ему душу; сладострастное облако застилало мои глаза". Он добавляет, что с яростью целовал бы и изгонял все, что соприкасалось с женщиной, которую он обожал, и однажды страстно прижался губами к ее сброшенному нижнему белью, *vela secretiora penetralium*.

В этот период фетишизм ног Рестифа достиг высшей точки своего развития. Это было отклонение от нормы у очень чувствительного и не по годам развитого мальчика. Хотя озабоченность ногами и обувью сохранялась на протяжении всей жизни, это никогда не становилось полным извращением и никогда не заменяло нормального завершения сексуального желания. Его любовь к мадам Парангон, одно из самых глубоких чувств за всю его жизнь, также стала кульминацией его фетишизма в отношении обуви. Она олицетворяла его идеал женщины, неземную сильфиду с осиной талией и детскими ножками; его высшей похвалой для женщины всегда было то, что она походила на мадам Парангон, и он желал, чтобы ее туфелька была похоронена вместе с ним. (Restif de la Bretonne, *Monsieur Nicolas*, vols. i-iv, т. xiii, стр. 5; *id.*, *Надписи Mes*, стр. ci-cv.)

Обувной фетишизм, особенно если мы включим под этот термин все случаи реального или псевдомазохизма, главной чертой которого является влечение к ботинкам или тапочкам, является нередким явлением и, безусловно, наиболее часто встречающейся формой фетишизма. Многие случаи сведены воедино Крафтом-Эбингом в его *сексуальной психопатии*. Каждая проститутка с любым опытом знала мужчин, которые просто желают посмотреть на ее туфли или, возможно, полизать их, и которые вполне готовы заплатить за эту привилегию. В Лондоне такой человек известен как "сапожник", в Германии - как "Штифельфриер".

Преобладание ступни как средоточия сексуального влечения, хотя среди нас сегодня это явление не редкость, все же недостаточно распространено, чтобы называться нормальным;

большинство даже пылких любовников не испытывают этого влечения в сколько-нибудь заметной степени. Но эти проявления футфетишизма, которые у нас сегодня являются ненормальными, даже если они не настолько экстремальны, чтобы быть болезненными, возможно, станут для нас более понятными, когда мы осознаем, что в более ранние периоды цивилизации и даже сегодня в некоторых частях мира ступня общепризнана как средоточие сексуального влечения, так что некоторая степень футфетишизма становится нормальным явлением.

Наиболее ярко выраженный и наиболее известный пример такого нормального футфетишизма в наши дни, безусловно, можно найти среди южных китайцев. Для китайского мужа нога его жены интереснее, чем ее лицо. Китайка так же стесняется показывать свои ноги мужчине, как европейская женщина - свою грудь; они предназначены только для глаз ее мужа, а смотреть на женские ноги на улице в высшей степени неприлично и неделикатно. Китайский футфетишизм связан с обычаем сжимать ступни. Этот обычай, по-видимому, основан на том факте, что китайские женщины от природы обладают очень маленькой ступней и, таким образом, является примером всеобщей тенденции в поиске красоты подчеркивать, даже деформируя, расовые особенности. Но это еще не все. Красота - это в значительной степени название сексуальной привлекательности, и энергия, затрачиваемая на то, чтобы сделать маленькую ножку китайки еще меньше, является показателем сексуального очарования, которое она вызывает. Практика возникла на основе сексуальной привлекательности ступней, хотя она, несомненно, способствовала усилению этой привлекательности, точно так же, как тонкая талия, которая (если мы можем следовать за Стратцем) является характерной чертой красоты европейской женщины, становится для среднего европейского мужчины еще более привлекательной, когда подчеркивается, даже до степени деформации, сжатием корсета.

Говоря о сексуальном очаровании, которое вызывает нога в Китае, Матиньон пишет: "Мое внимание привлекло к этому вопросу большое количество порнографических гравюр, которые очень любят китайцы. Во всех этих похотливых сценах мы видим, как мужчина сладострастно ласкает женскую ногу. Когда Небожитель берет в руку женскую ступню, особенно если она очень маленькая, это производит на него точно такое же действие, какое у европейца вызывает ощупывание молодой и упругой груди. Все Небожители, которых я опрашивал по этому поводу, единодушно ответили: "О, маленькая ножка! Вы, европейцы, не можете понять, как это изысканно, как сладко, как возбуждающе!" Соприкосновение полового органа с маленькой ножкой вызывает у мужчины неопишемую степень сладострастия, и женщины, искушенные в любви, знают, что для возбуждения страсти своих любовников лучший метод, чем все китайские афродизиаки, включая "джузен" и ласточкины гнезда, — это поместить пенис у них между ног. Нередко можно встретить китайских христиан, обвиняющих себя на исповеди в том, что у них были "дурные мысли при взгляде на женскую ногу". " (Доктор Ж. Матиньоньонь, "Предложение о китайцах", *Архив криминологии*, 1898.)

Говорят, что китайская императрица, известная своим пороком и имевшая врожденную косолапость, примерно в 1100 году до нашей эры пожелала, чтобы все женщины были похожи на нее, и что так возникла практика сдавливания ступни. Но это всего лишь традиция, поскольку в 300 году до н.э. китайские книги были уничтожены (Мораш, статья "Китай", *Энциклопедический словарь медицинских наук*, стр. 191). Также говорят, что эта практика обязана своим происхождением желанию держать женщин в закрытом помещении. Но женщины в Китае не изолированы, и сдавливание стопы обычно не делает женщину

неспособной ходить. Многие интеллигентные китайцы придерживаются мнения, что его цель - способствовать развитию половых органов и бедер, и таким образом способствовать как половому акту, так и родам. Нет никаких оснований полагать, что это оказывает какое-либо подобное влияние, хотя Морах обнаружила, что венерические вены и половые губы в значительной степени развиты у китайок, а не у татарских женщин, живущих в Пекине (которые не сжимают стопу). Если и существует какая-либо взаимосвязь между стопами и областями таза, то это, скорее всего, врожденное, чем вызванное искусственным сжатием стоп. Древние, похоже, верили, что маленькая ступня указывает на маленькое влагалище. Рестиф де ла Бретонн, у которого было достаточно возможностей для формирования мнения по вопросу, которым он проявлял такой большой интерес, считал, что маленькая ступня, круглая и короткая, указывает на большое влагалище (*Месье Никола*, том i, переиздание 1883 г., стр. 92). Однако даже если мы признаем, что существует реальная взаимосвязь между стопой и влагалищем, этого ни в коем случае не будет достаточно, чтобы сделать ступню центром сексуального влечения.

Наиболее обоснованным остается мнение, что бандаж для ног следует рассматривать как строго аналогичный поясному бандажу или корсету, которые также имеют тенденцию вызывать деформацию суженной области. Стратц остроумно заметил (*Frauenkleidung*, третье издание, стр. 101), что успех китайцев в создании карликовых деревьев, возможно, подсказал аналогичную попытку в отношении женских ступней, и добавляет, что в любом случае и карликовые деревья, и подвязанные ступни свидетельствуют у монголов об одной и той же любви к маленьким и элегантным, чтобы не сказать деформированным, вещам. Для китайца деформированная ступня - это "золотая водяная лилия".

Многие факты (вместе с иллюстрациями), касающиеся китайской деформации стопы, можно найти в Ploss, *Das Weib*, том i, раздел IV.

Значение сексуальной эмоции, вызываемой женской ногой в Китае, и происхождение ее сжатия начинают становиться ясными, когда мы осознаем, что этот фут-фетишизм является всего лишь крайним развитием тенденции, которая довольно хорошо выражена почти у всех народов желтой расы. Джейкоби, который собрал воедино ряд интересных фактов, имеющих отношение к сексуальному значению стопы, утверждает, что аналогичную тенденцию можно обнаружить у монгольских и турецких народов Сибири, а также в восточной и центральной частях Европейской России, у пермяков, вотяков и др. Здесь женщина, во всяком случае, в молодости, всегда прикрывает ноги, так же как и голову, как бы мало одежды она ни носила в противном случае.

"Жаркими ночами или в жаркие дни, - утверждает Джейкоби, - вы можете без смущения видеть этих женщин с непокрытой грудью или даже полностью обнаженными, но вы никогда не увидите их с босыми ногами, и ни один родственник мужского пола, за исключением мужа, никогда не увидит ступни и нижнюю часть ног женщин в доме. У этих женщин есть своя скромность в ногах, а также свое кокетство; развязать ноги женщине - для мужчины сладострастный акт, и прикосновение лент производит такой же эффект, как корсет, еще теплый от женского тела, на европейского мужчину. Красота женщины, то, что привлекает и возбуждает мужчину, заключается в ее ногах; в мордовских любовных стихах, воспевающих красоту женщины, многое говорится о ее наряде, особенно о вышитой сорочке, но что касается прелести ее внешности, поэт довольствуется утверждением, что "у нее красивые ноги"; этим все

сказано. Молодая крестьянка из центральных провинций в качестве части своего праздничного наряда надевает большие шерстяные чулки, которые доходят до паха, а затем подворачиваются ниже колен. Обнажать ноги человека противоположного пола - это сексуальный акт, и, таким образом, он стал символом сексуальной одержимости, так что чулок или обувь для ног стали эмблемой брака, как позже кольцо. (Так было у евреев, как мы видим в книге *Руфь*, глава III, ст. 4, и глава IV, ст. 7 и 8). Святой Владимир Великий просил руки дочери князя Рогволда; поскольку мать Владимира была крепостной, принцесса с гордостью ответила, что "не обнажит ног рабыни". В настоящее время на востоке России, когда молодая девушка пытается с помощью гадания узнать, кто будет ее мужем, традиционной формулой является "Приди и сними с меня чулки". Среди христиан, живущих на востоке, у народов севера и востока иногда невеста должна сделать это для своего мужа в первую брачную ночь, а иногда жених для своей жены, но не в знак любви, а в качестве брачной церемонии. Среди профессиональных классов и мелкого дворянства в России родители кладут деньги в чулок своего ребенка при вступлении в брак в качестве подарка другому партнеру, предполагается, что супруги взаимно снимают одежду для ног друг друга в качестве акта сексуального обладания, символа соития". (Пол Джейкоби, *Archives d'Anthropologie Criminelle*, декабрь 1903 г., стр. 793.) Распространенный среди нас обычай, когда дети развешивают свои чулки на ночь в поисках подарков, по-видимому, является пережитком последнего упомянутого обычая.

Хотя мы можем наблюдать сексуальную символику ступни, с сопутствующим фут-фетишизмом или без него, наиболее развитую в Азии и Восточной Европе, она ни в коем случае не была полностью неизвестна на некоторых этапах западной цивилизации, и следы ее можно найти здесь и там до сих пор. Шинц ссылается на связь между ногами и сексуальным удовольствием, существующую не только среди египтян и арабов, но и среди древних немцев и современных испанцев,^[16] в то время как Джейкоби указывает, что среди греков, римлян и особенно этрусков было обычным представлять целомудренных и девственных богинь с покрытыми ногами, даже если они могли быть в остальном обнаженными. Овидий, опять же, не устает останавливаться на сексуальном очаровании женской стопы. Он представляет целомудренную матрону в утяжеленном *столе*, который всегда опускался так, чтобы прикрывать ее ноги; только куртизанка или нимфа, принимающая участие в эротическом празднике, появляется в приподнятых одеждах, обнажающих ее ноги.^[17] Столь серьезный историк, как Страбон, а также Элиан, ссылается на историю куртизанки Родопы, чью сандалию унес орел и уронил на колени царю Египта, когда он вершил правосудие, так что он не мог успокоиться, пока не выяснил, кому принадлежала эта изящно маленькая сандалия, и, наконец, сделал ее своей королевой. Кляйнпол, который повторяет эту историю, собрал множество европейских поговорок и обычаев (включая турецкие), указывающих на то, что туфелька - очень древний символ женских половых органов.^[18]

В Риме Дюфур отмечает: "Матронам, присвоившим использование обуви (*soccus*), проституткам не разрешалось ею пользоваться, и они были обязаны всегда носить босоножки или шлепанцы (*crepida* и *solea*), которые они закрепляли на подъеме позолоченными ремешками. Тибулл с удовольствием описывает маленькую ножку своей любовницы, сжатую биндом, который ее удерживал: *Ansaue compressos colligat arcta pedes*. Обнаженные ступни у женщины были признаком проституции, а их ослепительная белизна издали действовала как средство привлечения взглядов и желаний". (Dufour, *Histoire de la Prostitution*, vol. II., ch. xviii.)

Это чувство, по-видимому, сохранилось в более или менее смутной и бессознательной форме в средневековой Европе. "В десятом веке, - согласно Дюфуру (*История проституции*, том VI., стр. 11), - туфли в *стиле roulain* с когтями или клювом, более четырех столетий подвергавшиеся анафеме пап и оскорблениям проповедников, всегда рассматривались средневековыми казуистами как самые отвратительные символы нескромности. На первый взгляд нелегко понять, почему эти туфли, заканчивающиеся львиным когтем, орлиным клювом, носом корабля или другим металлическим придатком, должны быть такими скандальными. Отлучение от церкви, наложенное на этот вид обуви, предшествовало дерзкому изобретению какого-то распутника, который носил *пуланы* в форме фаллоса - обычай, принятый также женщинами. Этот вид *roulaine* был осужден как *mandite de Dicu* (Глоссарий Дюканжа, в слове *Roulainia*) и запрещен королевскими указами (см. Письмо Карла V. от 17 октября 1367 г., касающееся одежды женщин Монпелье). Знатные лорды и леди, однако, продолжали носить *пуланы*". При дворе Людовика XL их все еще носили длиной в четверть локтя.

Испания, когда-либо цепких древних представлений, по-видимому, сохраняется дольше, чем в других странах древней классической традиции в отношении к ноге в центре внимания скромность и объекта сексуального влечения. На испанских религиозных изображениях всегда было необходимо, чтобы ноги Богородицы были скрыты, духовенство предписывало, чтобы ее одеяние было длинным и ниспадающим, чтобы ноги могли быть прикрыты приличными складками. Пачеко, мастер и тесть Веласкеса, пишет в 1649 году в своем *Произведении искусства*: "Что может быть более чуждым тому уважению, которым мы обязаны чистоте Богоматери Девы Марии, чем изображать ее сидящей, положив одно колено на другое, и часто с непокрытыми и обнаженными священными ступнями. Давайте возблагодарим Святую инквизицию, которая приказывает исправить эту вольность!" Обязанностью Пачеко в Севилье было следить за выполнением этих приказов. При дворе Филиппа IV. в то время принцессы никогда не показывали свои ноги, как мы можем видеть на картинах Веласкеса. Когда местный фабрикант пожелал подарить второй невесте этого монарха, Мариане Австрийской, несколько шелковых чулок, придворный камергер с негодованием отверг это предложение: "У королевы Испании нет ног!" При Филиппе V королеву сбросили с лошади и потащили за ноги; никто не осмеливался вмешиваться, пока два джентльмена храбро не спасли ее, а затем бежали, опасаясь наказания со стороны короля: однако они были милостиво помилованы. Райнах ("*Pieds Pudiques*", *Культы, мифы и религии*, стр. 105-110) объединяет несколько отрывков из рассказа графини Д'Ольнуа о мадридском дворе семнадцатого века и из других источников, показывая, насколько осторожными были испанские дамы в отношении своих ног и насколько ревнивыми были испанские мужья в этом вопросе. В это время, когда испанское влияние было значительным, мода на Испанию, похоже, распространилась и на другие страны. Можно отметить, что на картинах Вандика, изображающих английских красавиц, ступни не видны, хотя у более характерных английских художников несколько более поздней эпохи стало обычным выставлять их напоказ, в то время как французский обычай в этом вопросе наиболее далек от испанского. В наши дни благовоспитанная испанка при ходьбе старается как можно меньше показывать свои ноги, и даже в некоторых из наиболее характерных испанских танцев удары ногами практически отсутствуют, а ступни могут быть даже незаметны повсюду. Примечательно, что на многочисленных фигурах испанских женщин (вероятно, моделей художников), воспроизведенных в "*Дас Вайб*" Пlossa, надеты чулки, хотя в остальном женщины в большинстве случаев совершенно обнажены. Макс Дессуар упоминает ("*Психология сексуальной жизни*", *Журнал психологии*, 1894, стр. 954), что на испанских порнографических

фотографиях женщины всегда в обуви, и он считает это признаком извращенности. Я видел утверждение (приписываемое "*Путешествию по Испании*" Готье, где, однако, этого не встречается), что испанские проститутки обнажают ноги в знак согласия, а мадам д'Ольнуа заявила, что в свое время показать ноги своему любовнику было последней милостью испанки.

Тенденция, которую мы, таким образом, находим нормальной в некоторые более ранние периоды цивилизации, настаивать на сексуальном символизме женской стопы или ее покрытий и рассматривать их как особое сексуальное очарование, не лишена значения для интерпретации спорадических проявлений фут-фетишизма среди нас. Каким бы эксцентричным ни казался нам футфетишизм, это просто возрождение в результате псевдо-атавизма или задержки развития ментального или эмоционального импульса, который, вероятно, испытывали наши предки и который сегодня часто прослеживается среди маленьких детей.^[19] Случайное возобновление этого ушедшего импульса и стабильность, которую он может приобрести, таким образом, обусловлены чувствительной реакцией ненормально нервного и обычно не по годам развитого организма на влияния, которые среди среднего и заурядного населения Европы сегодня либо никогда не ощущаются, либо быстро перерастают, либо очень строго подчиняются в чрезвычайно сложных кристаллизациях, которые течение любви и процесс обострения создают внутри нас.

Можно добавить, что это ни в коем случае не относится только к фетишизму стоп. При некоторых других фетишизмах кажущаяся врожденной предрасположенность выражена еще сильнее. Это относится не только к фетишизму волос и меха (см., например, Крафт-Эбинг, *Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 233, 255, 262). Во многих случаях фетишизма всех видов не только нет записей о каком-либо начале определенного эпизода (отсутствие, которое может быть объяснено предположением, что первоначальный инцидент был забыт), но в некоторых случаях может показаться, что фетишизм развивался очень медленно.

В этом смысле, как будет видно, хотя опасно говорить о фетишизме стоп как строго атавизме, можно с уверенностью сказать, что он возникает на врожденной основе. Оно представляет собой редкое развитие врожденного зародыша, обычно скрытого среди нас, который на более ранних стадиях цивилизации часто достигал нормального и всеобщего развития.

Интересно подчеркнуть этот врожденный элемент символики ступней, потому что фетишизмы в большей степени, чем любые другие формы сексуальных извращений, наиболее смутно обусловлены врожденными состояниями организма и наиболее определенно вызваны, казалось бы, случайными ассоциациями или потрясениями в ранней жизни. Инверсия иногда настолько фундаментально укоренилась в конституции индивида, что возникает и развивается, несмотря на самое сильное влияние в противоположном направлении. Но фетишизм, хотя он и имеет тенденцию возникать у чувствительных, нервных, робких, не по годам развитых индивидуумов — то есть у индивидуумов с более или менее невропатической наследственностью, — обычно, хотя и не всегда, можно проследить до определенной отправной точки в шоке от какого-либо сексуально-эмоционального эпизода в ранней жизни.

Здесь можно привести несколько примеров влияния такой ассоциации, по-разному относящихся к различным формам эротической символики. Маньян зафиксировал случай с фетишистом волос, живущим в районе, где женщины носили причесанные прически, который в возрасте 15 лет испытал приятные ощущения с эрекцией при виде деревенской красавицы, расчесывающей свои волосы; с этого времени распущенные волосы стали его фетишем, и он не смог устоять перед искушением прикоснуться к ним и, по возможности, отрезать их, таким образом став расхитителем волос, за что был арестован, но не приговорен. (*Архив криминальной антропологии*, том v, № 28.)

Я в другом месте описал историю 14-летнего мальчика, у которого уже была несовершенная связь со взрослой женщиной, которая много общалась с молодой замужней дамой; у него не было с ней сексуальных отношений, но однажды она помочилась в его присутствии, и он увидел, что ее венерические вены покрыты очень густыми волосами; с тех пор он тайно боготворил эту женщину и приобрел пожизненное фетишистское влечение к женщинам, у которых волосы на лобке были такими же обильными (*Studies in the psychology of Sex*, vol. iii, Приложение B, История V).

Рубо сообщил о случае с сыном генерала, которого в возрасте 14 лет сексуально возбудила светловолосая молодая леди 21 года, которая, чтобы избежать разоблачения, всегда носила свою одежду: гетры, корсет и шелковое платье; когда учеба мальчика была завершена и его отправили в гарнизон, где он мог наслаждаться свободой, он обнаружил, что его сексуальные желания могли возбудить только светловолосые женщины, одетые так, как дама, которая первой возбудила его сексуальные желания; следовательно, он отказался от всех мыслей о браке, поскольку женщина в ночной рубашке вызывала импотенцию (*Черта превосходства*, стр. 439). Крафт-Эбинг описывает несколько похожий случай с нервным польским мальчиком из старинной семьи, соблазненным в возрасте 17 лет французской гувернанткой, которая в течение нескольких месяцев практиковала с ним взаимную мастурбацию; таким образом, его внимание привлекли ее очень элегантные сапоги, и в конце концов он стал убежденным фетишистом ботинок (*Psychopathia Sexualis*, английский перевод, стр. 249).

7-летнего мальчика с плохой наследственностью научила мастурбировать служанка; однажды она практиковала это на нем ногой, не снимая туфли; это был первый раз, когда маневр доставил ему какое-либо удовольствие, и таким образом была установлена ассоциация, которая привела к фетишизму обуви (Hammond, *Сексуальная импотенция*, стр. 44). Государственный чиновник, чей первый половой акт в юности произошел на лестнице; звук скрипящих ботинок его партнерши по ступенькам, вызванный ее усилиями ускорить оргазм, сформировал ассоциацию, которая переросла в слуховой обувной фетишизм; на улицах он был вынужден следовать за дамами, чьи туфли скрипели, вызывая таким образом эякуляцию, в то время как для получения полного удовлетворения он заставлял проститутку, в остальном обнаженную, сидеть перед ним в туфлях, двигая ногами так, что туфли скрипели. (*Moraglia, Archivio di Psichiatria*, vol. xiii, стр. 568.)

Бехтерев из Санкт-Петербурга зафиксировал случай с мужчиной, который в детстве засыпал на коленях своей няни, зарывшись головой в складки ее фартука; в этой позе он впервые испытал эрекцию и сладострастные ощущения; в юности его не привлекали обнаженные женщины, и в реальной жизни и во снах он сексуально возбуждался только при условиях, напоминающих его ранний опыт; в своих отношениях с женщинами он предпочитал их одетыми и возбуждался от

шуршания их юбок; в этом случае не было прослеживаемого невропатического заболевания или каких-либо других личных особенностей. . (Обобщено в *Журнале нормальной и патологической психологии*, январь-февраль 1904 г., стр. 72.)

В любопытном случае, подробно описанном Моллем, филолог с чувствительным темпераментом, но здоровой наследственностью, который всегда любил цветы, в возрасте 21 года обручился с молодой леди, которая носила большие розы, прикрепленные к жакету; с этого времени розы стали для него сексуальным фетишем, их поцелуй вызывал эрекцию, и его эротические сны сопровождались видениями роз и галлюцинациями их запаха; помолвка была окончательно расторгнута, и фетишизм роз исчез (*Untersuchungen über Libido Sexualis*, bd. i , стр. 540).

Такие ассоциации естественным образом могут возникать в ранних переживаниях даже самых нормальных людей. Степень, в которой они будут влиять на последующую жизнь, мысли и чувства, зависит от степени болезненной эмоциональной восприимчивости индивида, от степени, в которой он наследственно подвержен аномальным отклонениям. Недоразвитость, несомненно, является условием, способствующим такому отклонению; ребенок, который не по годам развит и аномально чувствителен к лицам противоположного пола до того, как половое созревание установит нормальные каналы сексуального влечения, особенно склонен стать жертвой случайного символизма. Возможны все степени такого символизма. В то время как среднестатистический бесчувственный человек может вообще не воспринимать их, для более чуткого и наделенного воображением любовника они являются увлекательной частью высоко заряженной кристаллизации страсти. Более нервно настроенный человек, когда такая символика прочно укоренится, может счесть ее абсолютно необходимым элементом очарования любимого и обаятельного человека. Наконец, для индивидуума, который совершенно нездоров, символ становится обобщенным; человек вообще больше не является желанным, его просто рассматривают как придаток символа или от него вообще отказываются; желанным является только символ, и его вполне достаточно, чтобы сам по себе доставить полное сексуальное удовлетворение. Хотя требовать символа как почти необходимой части очарования желанного человека следует считать болезненным состоянием, только в конечном состоянии, когда символ становится самодостаточным, мы имеем истинное и полное извращение. В менее законченных формах символизма все еще желанна женщина, и цели продолжения рода могут быть достигнуты; когда женщину игнорируют, а простой символ является адекватным и даже предпочтительным стимулом к детумесценции, патологическое состояние становится завершенным.

Крафт-Эбинг рассматривал обувной фетишизм как, в значительной степени, более или менее скрытую форму мазохизма, при этом нога или ботинок были символом подчинения и унижения, которые мазохист испытывает в присутствии любимого объекта. Молл также склонен согласиться с такой связью.

"Очень многочисленный класс фетишистов обуви, - писал Крафт-Эбинг, - образует переход к проявлениям другого независимого извращения, то есть самого фетишизма; но он находится в более тесной связи с первым. ... Весьма вероятно, и это показано правильной классификацией наблюдаемых случаев, что большинство, а возможно, и все случаи обувного фетишизма основаны на более или менее сознательном мазохистском желании самоуничтожения. ... Большинство или все они могут рассматриваться как примеры латентного мазохизма (мотив

остается бессознательным), при котором *женская ступня или туфля, как фетиш мазохиста*, приобрела самостоятельное значение". (*Сексуальная психопатия*, английский перевод десятого издания, стр. 159, и далее.) "Хотя Крафт-Эбинг, возможно, не прояснил весь вопрос, - замечает Молл, - я рассматриваю его выводы относительно связи фетишизма ног и обуви с мазохизмом как наиболее важный прогресс, достигнутый в теоретическом изучении сексуальных извращений. ... В любом случае, связь очень частая". (*Konträre Sexualempfindung*, third edition, p. 306.)

Довольно легко увидеть, что это предполагаемое отождествление мазохизма и футфетишизма формирует соблазнительную теорию. Несомненно также, что мазохист может очень легко склониться к тому, чтобы найти в ногах своей любовницы средство для экстатического самоотречения, которого он желает достичь.^[20] Но любая общая попытка объединить мазохизм и футфетишизм приводит только к путанице. В широком смысле, в котором здесь понимается эротический символизм, и мазохизм, и фут-фетишизм могут быть согласованы как символизм; для мазохиста его самоуничижительные импульсы являются символом экстатического обожания; для фут-фетишиста нога или туфля его любовницы является концентрированным символом всего самого прекрасного, элегантного и женственного в ее личности. Но если в этом смысле они скоординированы, то остаются совершенно различными и даже не имеют какой-либо необходимой тенденции к слиянию. Мазохизм просто имитирует фетишизм ног; для мазохиста ботинок не является строго символом, это всего лишь инструмент, позволяющий ему осуществить свой импульс; истинным сексуальным символом для него является не ботинок, а эмоция подчинения себе. С другой стороны, для фут-фетишиста ступня или ботинок - это не просто инструмент, а истинный символ; предмет его поклонения, идеализированный объект, на который он довольствуется созерцанием или благоговейным прикосновением. У него нет ни необходимого импульса к какому-либо самоуничижительному действию, ни какой-либо постоянной эмоции подчинения. Можно отметить, что в очень типичном случае футфетишизма, который представлен нам в лице Рестифа де ла Бретонна (*ante*, стр. 18), он неоднократно говорит о "подчинении" женщины, к которой он испытывает это фетишистское обожание, и упоминает, что даже будучи ребенком, он особенно восхищался в этом отношении нежной и похожей на фею девушкой, потому что она казалась ему более легкой в подчинении. На протяжении всей жизни отношение Рестифа к женщинам было активным и мужественным, без малейших следов мазохизма.^[21]

Предполагать, что фетишистское восхищение ногой своей любовницы вызвано скрытым желанием любовника, чтобы его пнули, так же неразумно, как было бы предположить, что фетишистское восхищение ее рукой указывало на скрытое желание надрать ему уши. При определении того, имеем ли мы дело со случаем футфетишизма или мазохизма, мы должны принимать во внимание весь ментальный и эмоциональный настрой субъекта. Поступок, каким бы определенным он ни был, не будет достаточным критерием, поскольку один и тот же поступок у разных людей может иметь совершенно разные последствия. Объединение этих двух факторов является результатом неадекватного психологического анализа и приводит только к путанице.

Однако часто бывает очень трудно решить, имеем ли мы дело преимущественно со случаем мазохизма или фут-фетишизма. Природы желаемого действия, как мы видели, недостаточно для определения психологического характера извращения. Крафт-Эбинг считал, что желание быть растоптанным, очень часто испытываемое мазохистами, является абсолютным симптомом

мазохизма.^[22] Вряд ли это так. Желание, чтобы на него наступили, может быть в основе своей эротическим символизмом, вплотную приближающимся к фетишизму ног, и те незначительные признаки мазохизма, которые кажутся, могут быть просто паразитическим разрастанием символизма, разрастанием, возможно, в большей степени обусловленным обстоятельствами, связанными с удовлетворением ненормального желания, чем присущим врожденному импульсу субъекта. Это можно проиллюстрировать интересным случаем с очень умным человеком, с которым я хорошо знаком.

С. Р., 38 лет. Наследственность хорошая. Родители здоровы и нормальны. Несколько детей от брака, все сексуально нормальные, насколько известно. К. П. - самый младший в семье, и его разделяют многие годы. Он был семимесячным ребенком. Он всегда отличался крепким здоровьем и был активен как умственно, так и физически.

С 9 или 10 до 14 лет он время от времени мастурбировал ради физического облегчения, открыв для себя этот акт. Однако он был совершенно невинен и ничего не знал о сексуальных делах, поскольку никогда не подвергался инициации ни со стороны слуг, ни со стороны других мальчиков.

"Когда я встречаю женщину, которая меня очень сильно привлекает и которой я безмерно восхищаюсь, - пишет он, - мое желание никогда не состоит в том, чтобы я мог вступить с ней в сексуальную связь в обычном смысле этого слова, но в том, чтобы я мог лечь на пол на спину и быть растоптанным ею. Это странное желание редко возникает, если только объект моего восхищения действительно не леди, причем прекрасных пропорций. Она должна быть богато одета, предпочтительно в вечернее платье, и носить изящные туфли на высоком каблуке, либо совсем открытые, чтобы был виден изгиб подъема, либо только с одной бретелькой поперек. Юбки должны быть достаточно приподняты, чтобы я мог видеть ее ступни и значительную часть лодыжек, но ни в коем случае не выше колена, иначе эффект будет значительно снижен. Хотя я часто восхищаюсь интеллектом и даже личностью женщины, в сексуальном плане ни одна другая часть ее тела не вызывает у меня серьезного влечения, кроме ноги, от колена и ниже, и ступни, а они должны быть изысканно одеты. Учитывая это условие, мое желание сводится к желанию удовлетворить свое сексуальное чувство путем контакта с (для меня) привлекательной частью женщины. Сравнительно у немногих женщин, на мой взгляд, нога достаточно красива, чтобы возбудить какое-либо серьезное или непреодолимое желание, но когда это так, или я подозреваю это, я готов потратить любое время или хлопоты, чтобы заставить ее наступить на меня, и хочу, чтобы ее растоптали с величайшей жестокостью.

"Растирание следует наносить в течение нескольких минут по всей груди, животу и паху, и, наконец, по половому члену, который, конечно же, лежит вдоль живота в состоянии сильной эрекции и, следовательно, слишком силен, чтобы растирание могло его повредить. А еще мне нравится, когда меня чуть не задушила женская нога.

"Если дама, наконец, встанет лицом к моей голове и наденет свою туфельку на мой пенис так, чтобы высокий каблук приходился примерно на то место, где пенис выходит из мошонки, подошвой закрывая большую часть остальной части, а другой ногой - на живот, в который я могу видеть, а также чувствовать, как он опускается, когда она переносит вес с одной ноги на

другую, оргазм наступает почти сразу. Поллюция в этих условиях для меня является агонией наслаждения, во время которой практически весь вес женщины должен приходиться на пенис.

"Одна из причин моего особого удовольствия от этого метода, по-видимому, заключается в том, что сначала каблук, а затем подошва туфельки, когда она наступает на пенис, значительно затрудняют отхождение спермы, и, следовательно, удовольствие значительно продлевается. У этого дела есть и любопытная ментальная сторона. Мне нравится представлять, что леди, которая наступает на меня, - моя госпожа, а я ее раб, и что она делает это, чтобы наказать меня за какую-то провинность или доставить себе (не мне) удовольствие.

Отсюда следует, что чем с большим презрением и суровостью меня "наказывают", тем больше становится мое удовольствие. Идея "наказания" или "рабства" редко возникает, за исключением тех случаев, когда я испытываю большие трудности в осуществлении своего желания, а тот, кто топчет, более чем обычно красив и тяжел, а топтание безжалостно. Меня топтали так долго и так безжалостно несколько раз, что я вздрагивал каждый раз, когда туфля впивалась в мое ноющее тело, и несколько дней после этого был черно-синим. Я проявляю величайший интерес к тому, чтобы подтолкнуть дам к тому, чтобы они сделали это для меня там, где, я думаю, я их не оскорблю, и добились удивительного успеха. Я, должно быть, лежал под ногами целой сотни женщин, многие из них с хорошим социальным положением, которым и в голову не пришло бы разрешить какой-либо обычный половой акт, но которых эта идея настолько заинтересовала или позабавила, что они делали это для меня — многие из них снова и снова. Возможно, излишне говорить, что ни одна из моих собственных или женских вещей никогда не снимается и не приводится в беспорядок для достижения оргазма таким образом. После долгого и разнообразного опыта я могу сказать, что мой любимый вес - от 10 до 11 стоунов, и что черные туфли на очень высоком каблуке в сочетании с коричневыми шелковыми чулками, кажется, доставляют мне величайшее удовольствие и пробуждают во мне самые сильные желания.

"Ботинки, или уличная обувь, не привлекают меня ни в какой степени, хотя я несколько раз получал немалое удовольствие от их использования. Обнаженные женщины вызывают у меня отвращение, и я не нахожу удовольствия в том, чтобы видеть женщину в колготках. Я не испытываю отвращения к нормальной сексуальной связи и иногда прибегаю к ней. Однако для меня это удовольствие намного ниже, чем быть растоптанным. Я также получаю острое удовольствие — и обычно у меня сильная эрекция — от того, что вижу женщину, одетую так, как я описал, наступающую на все, что поддается под ее ногой, например, на сиденье экипажа, подушки плоскодонки, скамеечку для ног и т.д., И мне нравится видеть, как она раздавливает цветы, наступая на них. Я часто прогуливался вслед за какой-нибудь красивой леди на пикнике или вечеринке в саду ради удовольствия наблюдать, как трава, по которой она ступала, медленно поднимается после того, как по ней ступила ее нога. Мне также доставляет удовольствие видеть, как покачивается экипаж, когда женщина выходит из него или входит в него, — все, что нуждается в надавливании ногой.

Перейдем теперь к истокам такого направления моих чувств.

"Даже в раннем детстве я восхищался красивой женской обувью и при созерцании ее испытывал смутные ощущения, которые теперь я признаю сексуальными. Когда мне было 14 лет или около того, я подолгу гостил в доме близких друзей моих родителей, дочери в доме — единственного ребенка - красивой и сильной девушки, примерно на шесть лет старше меня,

которая была моей особой подругой. Эта девушка всегда была изысканно одета и, обладая прекраснейшими ступнями и лодыжками, естественно, знала об этом. По возможности она одевалась так, чтобы наилучшим образом продемонстрировать их красоту — довольно короткие юбки и, как правило, маленькие туфельки на высоком каблуке, — и была не прочь продемонстрировать их в самой отвлекающе кокетливой манере. Казалось, у нее была страсть наступать на вещи, которые хрустели или прогибались у нее под ногами, такие как цветы, маленькие упавшие с ветру яблоки и груши, желуди и т.д., Или кучи сена, соломы или скошенной травы. Пока мы бродили по садам — ибо нам было предоставлено делать все, что нам заблагорассудится, — я вполне привык видеть, как она выслеживает и наступает на такие вещи, и обычно подшучивал над ней по этому поводу. В то время я любил — как люблю и сейчас — лежать, вытянувшись во весь рост, на толстом коврик перед камином перед хорошим огнем. Однажды вечером, когда я лежал таким образом и мы были одни, А. пересек комнату, чтобы взять браслет с каминной полки. Вместо того, чтобы протянуть ко мне руку, она игриво наступила на мое тело, сказав, что покажет мне на ощупь сено и солому. Естественно, я поддержал шутку и рассмеялся. Постояв на мне несколько мгновений, она слегка приподняла юбку и, держась за каминную полку для опоры, протянула изящную ножку в коричневом шелковом чулке и туфельке на высоком каблуке к огню, чтобы погреться, глядя вниз и смеясь над моим покрасневшим, взволнованным лицом. Она была совершенно откровенной и очаровательной девушкой, и я почти уверен, что, хотя она явно наслаждалась моим возбуждением и ощущением того, как мое тело податливо под ее ногами, в тот первый раз она не поняла ясно моего состояния; и я не могу припомнить, чтобы, хотя желание сексуального удовлетворения сводило меня с ума, это, казалось, пробудило в ней какое-либо ответное чувство. Я взялся за ее поднятую ногу и, поцеловав ее, повинуюсь абсолютно непреодолимому порыву направил ее на свой пенис, который был твердым, как дерево, и, казалось, почти лопался. Почти в тот момент, когда она навалилась на него всем своим весом, оргазм впервые в моей жизни произошел основательно и эффективно. Никакое описание не может дать ни малейшего представления о том, что я чувствовал — я только знаю, что с этого момента мой искаженный сексуальный фокус закрепился навсегда. Бесчисленное количество раз после того вечера я ощущал тяжесть ее изящных туфелек, и ничто и никогда не заставит стереться воспоминание о том удовольствии, которое она мне таким образом доставила. Я знаю, что А. стало нравиться наступать на меня, так же сильно, как мне нравилось, когда она это делала. У нее были щедрые деньги на одежду, и, видя, какое удовольствие они мне доставляют, она всегда покупала красивые чулки и восхитительные туфли на самых высоких и тонких каблуках в стиле Луи, какие только могла найти, и с величайшим ликованием показывала их мне, уговаривая меня лечь, чтобы она могла их примерить. Она призналась, что ей нравилось видеть и чувствовать, как они погружаются в мое тело, когда она наступала на меня, и наслаждалась хрустом мышц под ее каблуками, когда она двигалась. После нескольких минут этого я всегда направлял ее туфельку на свой пенис, и она наступала осторожно, но всем своим весом — вероятно, около 9 стоунов — и смотрела на меня сверкающими глазами, покрасневшими щеками и дрожащими губами, когда чувствовала — что она, должно быть, и делала явно — пульсацию и набухание моего пениса под своей ногой, когда происходила эрекция. У меня нет ни малейших сомнений в том, что оргазм произошел одновременно с ней, хотя мы никогда открыто не говорили об этом. Это продолжалось в течение нескольких лет почти при каждой благоприятной возможности, которая у нас была, и после месяца или двух разлуки иногда по четыре или пять раз в течение одного дня. Несколько раз за время отсутствия А. я мастурбировал, беря ее туфельку и изо всех сил прижимая ее к пенису, представляя, что она

наступает на меня. Удовольствие, конечно, было гораздо ниже ее внимания. Между нами никогда не возникало вопроса о нормальном половом акте, и мы оба были вполне довольны тем, что все шло своим чередом.

"Вскоре после 20 лет я уехал за границу, а вернувшись примерно через три года, обнаружил, что она замужем. Хотя мы часто встречались, эта тема никогда не затрагивалась, хотя мы остались крепкими друзьями. Признаюсь, я часто, когда мог сделать это незаметно, с тоской смотрел на ее ноги и с радостью принял бы удовольствие, которое она могла бы доставить мне, время от времени возобновляя нашу странную практику, — но этого так и не произошло.

"Я снова уехал за границу, и теперь ни ее, ни ее мужа нет в живых, и они не оставили потомства. Время от времени у меня были случайные связи с проститутками, но всегда таким образом, хотя я гораздо больше предпочитаю найти какую-нибудь даму моего социального положения или выше, которая сделает все за меня. Это, однако, интересно сложно.

"Скажем, из ста женщин (которые, по моим оценкам, у себя дома и за границей стояли на моем теле) Я бы сказал, что почти 80 или 85 человек были не проститутками. Конечно, не более 10-12 человек разделяли какое-либо сексуальное возбуждение, но, хотя они были явно возбуждены, они не получили удовлетворения. О. один, насколько я знаю, получил полное сексуальное удовлетворение от этого. Я никогда так многословно не просил женщину наступить на меня с целью удовлетворения моих сексуальных желаний (исключая проститутку), но всегда искушал их делать это в шуточной или дразнящей манере, и очень сомнительно, что более чем несколько (замужних) женщин действительно понимали, даже после того, как они доставили мне чрезвычайное удовольствие, что они это сделали, потому что любое покраснение и движение с моей стороны под их ногами не было неестественно отнесено к топтанию, которому они меня подвергали, и мне было легко направлять их. касаться пениса ногой так часто, как это было необходимо, пока не наступит оргазм, и даже удерживать его там, обхватив другой рукой, чтобы поцеловать его или под каким-либо другим предлогом во время оргазма. Конечно, многие после того, как однажды сделали это (большинство сделали это только один раз), поняли, чем я занимаюсь, и, хотя они никогда не обсуждали это, как и я, они не отказывались дать мне столько советов, сколько я хотел предложить в шутку. Я не думаю, что они сами получали от этого какое-либо сексуальное удовольствие, хотя они ясно видели, что я получал, и не возражали против того, чтобы доставить мне это удовольствие. Я провел целых двенадцать месяцев с некоторыми женщинами, постепенно приближаясь к своему желанию — часто получая в итоге то, чего я хочу, но чаще терпя неудачу. Я никогда не рискую, пока не буду уверен, что спрашивать об этом безопасно, и никогда не получал серьезного отпора. В очень многих случаях я бы сказал, что выполнение того, чего я хочу, было просто расценено женщиной как удовлетворение глупой и, возможно, забавной прихоти, в которой, помимо новизны наступления на мужское тело, она проявляла мало интереса.

"Как и в обычном соблазнении, стремление склонить женщину к тому, чтобы она делала то, что я хочу, не вызывая у нее антагонизма, является для меня большей частью очарования, и, естественно, чем выше ее социальное положение, тем сложнее это становится — и тем привлекательнее. Я обнаружил, что в трех случаях проститутки выполняли ту же самую операцию для других мужчин и знали об этом все. Небезынтересно отметить, что все эти три женщины были прекрасного, массивного телосложения — одна ростом около 5 футов 10 дюймов и весом почти 14 стоунов, — но со сравнительно неинтересными лицами. Вес,

телосложение и одежда играют важную роль в возбуждении меня. Я нахожу, что внезапная остановка мужчины в момент наивысшего сексуального наслаждения имеет тенденцию усиливать и продлевать удовольствие. Мое физическое удовлетворение связано с тем фактом, что, заставляя даму стоять всем своим весом на моем пенисе (поскольку он находится между ее ногой и мягкой подстилкой моего собственного тела, в которую он глубоко вдавлен), акт поллюции чрезвычайно продлевается с соответствующим наслаждением. По этой же причине я предпочитаю туфли на очень высоком каблуке. Семенная жидкость должна быть вытеснена через два отдельных препятствия — давление пятки, смыкающейся у основания полового члена, а затем подушечкой стопы, которая сжимает внешнюю половину, оставляя свободную часть между ними под изогнутой подошвой туфельки. Я могу добавить, что удовольствие значительно усиливается за счет задержки мочи, и я всегда стараюсь удерживать как можно больше воды. Я испытываю непреодолимое отвращение к красным туфлям или чулкам; это может даже вызвать импотенцию. Почему, я не знаю. Как это ни странно, хотя боль и ушибы часто причиняются сильным наступлением, я никогда никоим образом не пострадал от этой практики, и мое удовольствие от нее, кажется, не уменьшается от постоянного повторения. Сравнительная трудность получения удовольствия только от той женщины, которую я хочу, имеет для меня бесконечное, хотя и необъяснимое очарование".

Следует отметить, что в данном случае особое значение придается обуви на высоких каблуках, и субъект считает, что давление такой обуви по механическим причинам наиболее благоприятно для достижения эякуляции. Однако почти всех гетеросексуальных обувных фетишистов, похоже, в равной степени привлекают высокие каблуки. Рестиф де ла Бретонн часто ссылался на этот момент и привел ряд причин привлекательности высоких каблуков: (1) Они не похожи на мужские ботинки и, следовательно, обладают сексуальным притягательностью; (2) они делают ногу более очаровательной; (3) они придают походке менее смелый и более сильфидоподобный характер; (4) они поддерживают ноги в чистоте. (Рестиф де ла Бретонн, "Нюи Парижа", том v, цитируется в предисловии к его *Mes Inscriptions*, стр. iii.) Несомненно, первая причина - тот факт, что высокие каблуки являются своего рода вторичным половым признаком, — как правило, наиболее сильна в этом влечении.

Предыдущая история, хотя и очень отчетливо показывает нам пример эротического символизма, не является строго примером обувного фетишизма. Символика более сложная. Фокус красоты в желанной женщине переносится и концентрируется в области ниже колена; в этом смысле мы имеем дело с фетишизмом ног. Но сам акт коитуса также переносится символически. Не только ступня стала символом вульвы, но и топтание стало символом коитуса; половой акт происходит символически *per pedem*. Именно в результате такой символизации ноги и притоптывания все акты притоптывания приобретают новое символическое сексуальное очарование. Элемент мазохизма — удовольствия быть рабом женщины — является паразитическим наростом; иными словами, он основан не на конституции субъекта, а на шансах найти благоприятную почву в особых обстоятельствах, при которых развивалась его сексуальная жизнь. Она не первична, а вторична и остается неважным и просто случайным элементом.

Может быть поучительно привести для сравнения случай, в котором мы также имеем дело с символикой, включающей фетишизм обуви, но выходящей за его рамки. В данном случае налицо инверсия (что нередко встречается в эротической символике), но с нынешней точки зрения психологическое значение случая остается прежним.

А. Н., 29 лет, холост, здоров, хотя и не крепок, и без каких-либо известных наследственных заболеваний. Занимался различными видами деятельности, не проявляя к ним особого интереса, но проявил некоторые литературные способности.

"Я англичанин, - гласит его собственное повествование, - третий из троих детей. На момент моего рождения моему отцу был 41 год, а матери 34. Моя мать умерла от рака, когда мне было 15. Мой отец все еще жив, замкнутый человек, который все еще скорбит о смерти своей жены. У меня нет причин считать своих родителей кем-либо, кроме нормальных и полезных членов общества. Моя сестра нормальная и счастлива в браке. У меня есть основания считать моего брата инвертированным.

"Составленный для меня гороскоп описывает меня так, как я считаю правильным, и мои друзья тоже: "Мягкий, услужливый, нежный, дружелюбный человек со многими прекрасными чертами характера; робкий по натуре, любит общество, любит тишину и покоя, наслаждается теплыми и близкими дружескими отношениями. В нем много твердого, непоколебимого и трудолюбивого, немного себялюбия, изрядная доля дипломатичности, немного утонченности, или того, что называется утонченностью. Вы сдержанны с теми, кто вам не нравится. В вашем характере есть серьезная и печальная сторона; вы очень вдумчивы и созерцательны, когда находитесь в подобном настроении. Но вы не пессимистичны. У вас превосходные способности, поскольку они интуитивно интеллектуальны. Существует холодная сдержанность, которая сдерживает щедрые порывы и которая склоняет к стяжательству; это сделает вас обдуманным, изобретательным, добавит самоуважения, немного тщеславия".

"В раннем возрасте меня часто оставляли одну в детской, и там я заразилась привычкой мастурбировать задолго до наступления половой зрелости. Я использую слово "мастурбация" за неимением лучшего, хотя, возможно, оно не совсем описывает мой случай. Я никогда не касался пениса рукой. Насколько я себя помню, у меня было то, что один француз назвал "фетишизмом шоссейной дороги", и в те ранние дни, когда мне не было 6 лет, я надевал отцовские ботинки, взятые из шкафа под рукой, а затем связывал или перевязывал ноги вместе, вызывая эрекцию и все приятные ощущения, испытываемые, я полагаю, посредством мастурбации. Я всегда делал это тайно, но не мог сказать почему. Я продолжал эту практику все свое детство и юность. Когда я обнаружил первое излучение, я был очень удивлен. Я всегда делал это, не расстегивая брюк. Что касается того, как возникли эти чувства, я совершенно не могу сказать. Я не могу вспомнить, чтобы у меня не было таких чувств, и они кажутся мне совершенно нормальными. Вид или даже мысль о высоких сапогах или леггинсах, особенно если они хорошо начищены или из лакированной кожи, воспламенили бы все мои сексуальные страсти, и это происходит до сих пор. Когда я был мальчиком, моим большим желанием было носить эти вещи. Солдат в сапогах со шпорами, конюх в ботфортах или даже мальчик на побегушках в лакированных леггинсах очаровывали меня и по сей день, несмотря на здравый смысл и все остальное. Вид таких вещей вызывал эрекцию. Излучение, которое я всегда мог произвести, плотно связав ноги вместе, но только в ботинках и, предпочтительно, леггинсах, которые я покупал для этой цели, когда у меня были карманные деньги. (В настоящий момент у меня в доме пять пар и две пары высоких ботинок, совершенно не пригодных для обычного использования.) Я все еще иногда впадаю в эту привычку. Запах кожи действует на меня, но я никогда не знаю, насколько это может быть связано с ассоциацией с ботинками; запах

подсказывает образ. Сдержанность кожаным ремешком возбуждает больше, чем шнуровкой. Эротические сны всегда принимают форму стеснения конечностей при загрузке.

"Мундиры и ливреи представляют для меня большое искушение, но только когда они плотно облегают фигуру и нарядны, как у солдат, конюхов и т.д., Но не у моряков; наиболее сильно, когда человек в сапогах или гетрах и бриджах.

"Я был тихим, чувствительным мальчиком, не принимал участия в играх или спорте. Всегда был к ним равнодушен. У меня было мало друзей, но я не хотел их иметь. Тяга к дружбе возникла гораздо позже, после того, как мне исполнился 21 год. Я был поденщиком в частной школе и никогда ни с одним мальчиком не разговаривал на сексуальные темы, хотя я смутно осознавал, что в школе было много "гадостей". Я ничего не знал о содомии. Но все это вызывало у меня отвращение, несмотря на мои тайные занятия. Я был "хорошим мальчиком".

"До 21 года я был вполне доволен собственным обществом, в некотором роде педантом, любил книги и так далее. Я был и всегда был абсолютно нечувствителен к влиянию другого пола. Я не женоненавистник и получаю интеллектуальное удовольствие в обществе определенных дам, но почти все они намного старше меня. Я испытываю сильное отвращение к сексуальным отношениям с женщинами. Я был бы не прочь жениться ради дружеского общения и ради того, чтобы иметь собственных мальчиков. Но половой акт напугал бы меня. В моем теперешнем настроении я не мог лечь в постель с женщиной. И все же я испытываю огромную зависть к своим женатым друзьям в связи с тем, что они способны отдавать свою привязанность и находить удовлетворение в ней способом, который для меня совершенно невозможен. Я представляю себе определенных мальчиков на месте жены.

"Сейчас я счастлива только в обществе мужчин моложе меня, в возрасте от 17 до (скажем) 23 или 24 лет, молодых людей с гладкими лицами или первыми признаками растительности на губах, ухоженных, с немного женственными чертами лица, симпатичных, возможно, слабых натур. Я чувствую, что хочу помочь им, сделать что-то для них, полностью посвятить себя их благополучию.

"С такими людьми нет четкой границы между дружбой и любовью. Я жажду близости с определенными друзьями, но никогда не осмеливаюсь выразить это. Я нахожу, что так много людей возражают против любого сильного выражения чувств, что я не смею рисковать показаться смешным в глазах этих желанных близких людей.

"У меня нет желания *издеваться*, но сама идея не вызывает у меня отвращения и не кажется неестественной, хотя лично меня она немного отталкивает. Но я думаю, что это всего лишь предубеждение с моей стороны, которое могло бы быть разрушено, если бы любимый человек проявил готовность играть пассивную роль. Однако я бы никогда не осмелился сделать шаг вперед.

"Моральные и религиозные соображения удерживают меня от того, чтобы открыто заявлять о своих истинных чувствах, и я чувствую, что упаду в собственной оценке, если уступлю, хотя мое естественное желание состоит в том, чтобы сделать это. Перед лицом возможностей (я имею в виду *непедикатию*, а выражение чрезмерной привязанности и т.д.), или того, что может быть таковым, я всегда молчу, чтобы не потерять уважение другого человека. Я испытываю чувство удивления, когда кто-то, кто мне нравится, проявляет симпатию ко мне. Я чувствую, что те, кого я люблю, неизмеримо выше меня, хотя мой разум может подсказывать мне, что это не так. Я бы

пресмыкался у их ног, сделал бы все, чтобы вызвать у них улыбку или заставить их составить мне компанию.

"Обычный телесный контакт с мальчиком, которого я люблю, доставляет мне самое изысканное удовольствие, и я никогда не упускаю возможности осуществить такой контакт, когда это можно сделать естественным образом. Я испытываю огромное желание обнять, поцеловать, потискать и т.д. Этого человека, в общем, поколотить его и сказать приятные вещи — такие вещи, которые мужчина обычно говорит женщине. Рукопожатие, само присутствие этого человека делает меня счастливым и довольным.

Я могу сказать вместе с албанцем: "Если я оказываюсь в присутствии возлюбленного, я отдыхаю, поглощенный созерцанием его. Отсутствующий, я не думаю ни о чем, кроме него. Если возлюбленный неожиданно появляется, я впадаю в замешательство. Мое сердце бьется быстрее. Мои глаза и уши предназначены только для возлюбленного".

"Я чувствую, что моя способность к привязанности более тонкая и духовная, чем та, которая обычно существует между людьми разного пола. И вот, пытаюсь бороться со своими инстинктами с помощью религии, я нахожу, что мое естественное чувство является частью моей религии и ее высшим выражением. В этом смысле я могу сказать по опыту в моем собственном случае, и особенно в случае с моим братом, что то, что вы сказали о филантропической деятельности, являющейся результатом подавленной гомосексуальности, действительно очень верно. Я могу сказать об одном из ваших женских случаев: "Любовь для меня - это религия. Сама природа моей привязанности к моим друзьям исключает возможность проникновения в нее какого-либо элемента, который не является абсолютно чистым и священным". Однако я безумно ревнив. Я хочу обладать всем целиком, и я ни на минуту не могу смириться с тем, что кто-то, кто мне безразличен, должен знать человека, которого я люблю.

"Меня никогда не привлекают мужчины старше меня. Молодые люди, которые меня привлекают, могут принадлежать к любому классу, хотя предпочтительнее, я думаю, к классу немного ниже моего. Однако я не совсем уверен в этом, поскольку обстоятельства, возможно, способствовали не только осознанному выбору привлечь мое внимание к определенным молодым людям. Те, кто оказал на меня самое сильное влияние, были студентом Оксфорда, помощником парикмахера и учеником сантехника. Хотя я от природы люблю интеллектуальное общество, я не требую интеллекта от тех, кого я люблю. Это ни к чему не приводит. Я всегда предпочитаю их обществу обществу самых образованных людей. Это предпочтение в некоторой степени отдалило меня от более утонченных и образованных кругов, с которыми я раньше был близок.

"Общение с друзьями помоложе полностью избавило меня от моих старых привычек, и теперь я делаю то, о чем раньше и мечтать не мог. Теперь мои мысли всегда с определенными молодыми людьми, и если они заговаривают о том, чтобы уехать из города, или каким-либо образом говорят о будущем, которое я не могу разделить, у меня ужасно замирает сердце и падает настроение".

Этот случай, хотя и касается человека совершенно иного темперамента, с более врожденной предрасположенностью к специфическим извращениям, все же во многих отношениях аналогичен предыдущему случаю. Существует фетишизм обуви; ничто не кажется столь

привлекательным, как обувь, и в то же время в этом есть нечто большее; существует притягательность подавления и ограничения, развившаяся в сексуальный символ. В случае К. П. этот символизм возникает из опыта ненормальных гетеросексуальных отношений; в случае А. Н. он основан на аутоэротических переживаниях, связанных с инверсией; в обоих случаях весь символизм стал рассеянным и обобщенным.

В двух только что приведенных случаях мы имеем дело с эротической символикой акта, основанной на эротической символике объекта и тесно связанной с ней. Возможно, будет поучительно привести еще один случай, в котором нельзя проследить фетишистского чувства по отношению к объекту, но эротический символизм все же явно присутствует. В этом случае боль, даже причиненная самому себе, приобрела символическое значение как стимул к возбуждению, без какого-либо элемента мазохизма. Такой случай служит указанием на то, что сексуальное влечение к боли на самом деле является частным случаем эротического символизма, который нас здесь интересует.

А. У., 50 лет, писатель и лектор, физически и умственно энергичный, обладающий хорошим здоровьем. Однако он очень эмоционален и обладает нервным темпераментом, но владеет собой. Хотя физически он хорошо развит, половые органы у него маленькие. Он женат на привлекательной женщине, к которой очень привязан, и имеет двоих здоровых детей.

В 10 или 12 лет у него часто возникало желание, чтобы его выпороли, хотя родители никогда не били его, и однажды он попросил брата пойти с ним в чулан, чтобы тот отхлестал его по заднице; но по прибытии он был слишком застенчив, чтобы обратиться с такой просьбой. Он не понимал причины этих желаний, ничего не зная о подобных вещах, кроме как из дезинформационных разговоров своих школьных товарищей. Насколько он помнит, он был совершенно нормальным, здоровым мальчиком примерно до 15 лет, когда его внимание привлекла реклама шарлатанского лекарства от последствий "юношеских излишеств".

Будучи городским парнем, он был незнаком со спариванием даже животных, у него никогда не было сознательной эрекции и он не знал возбуждения от трения. Эксперимент, однако, привел к оргазму, и, хотя он считал его порочным или, по крайней мере, слабым и унижающим достоинство, он периодически предавался мастурбации, обычно около шести раз в месяц, и продолжает до настоящего времени.

У него было аномально маленькое отверстие в крайней плоти, что делало раскрытие головки практически невозможным. (В возрасте около 37 лет он сам разрезал крайнюю плоть тремя или четырьмя надрезами ножницами с интервалом примерно в десять дней. За этим последовало заметное снижение желания, особенно после того, как вскоре после этого он узнал о важности местной чистоты.) Во время учебы в колледже, примерно в возрасте 19 лет, у него начались ночные выделения, время от времени и один или два раза в неделю во время дефекации. Встревоженный этим, он обратился к врачу, который предупредил его об опасности, дал ему бромид и прописал холодное омовение пораженных частей тела в жесткой прохладной постели. Это остановило выбросы.

У него никогда не было связи с женщинами до 25 лет, а затем всего три раза, пока он не женился в 30-летнем возрасте, отчасти из-за совестливых соображений, но больше из-за застенчивости и условностей, и он получал от этих случаев очень мало удовольствия. Даже

после женитьбы он получает больше удовольствия от сексуального возбуждения, чем от коитуса, и может поддерживать эрекцию целых два часа.

Он всегда привык истязать себя различными изобретательными способами, почти всегда связанными с сексом. Он мог глубоко прижечь себе кожу раскаленной проволокой в незаметных местах. За этими и подобными актами обычно следовало ручное возбуждение, почти всегда приводившее к кульминации.

Он считает, что его привлекают утонченные и интеллектуальные женщины. Но у него нет очень пылких желаний, поскольку он несколько раз ложился в постель с привлекательными женщинами, которые раздевались догола, но не предпринимал никаких попыток вступить с ними в половую связь. Он заинтересовался теорией "Кареццы" и пытался практиковать ее со своей женой, но так и не смог полностью контролировать выброс.

Он нанял массажиста, который отхлестал его, как отхлещут детей, тяжелым собачьим кнутом, что вызвало приятное возбуждение. В течение этого времени у него были отношения со своей женой, как правило, примерно раз в неделю, без какого-либо особого экстаза. Она была холодной и сексуально медлительной из-за традиционного подавления секса и представления о том, что все это было "как у животных", а также из-за страха вынашивания ребенка, что обычно требовало использования прикрытия или самоустранения. Только через восемь лет после их свадьбы она возжелала ребенка и получила его. В эти годы он часто втыкал булавки в свои груди и связывал их вместе веревочкой вокруг булавок, натянутых так коротко, что причиняли сильную боль, а затем предавался половому акту. Он использовал прочные деревянные зажимы с закрепленным в них гвоздиком, чтобы прокалывать и зажимать молочные железы, а однажды он полностью вогнал булавку в сам пенис, после чего добился оргазма трением. Ему никогда не удавалось добиться автоматической эрекции таким способом, хотя он часто пытался, даже при быстрой ходьбе во время эрекции.

В другом классе случаев чисто идеальная символика может присутствовать посредством фетиша, который действует как мощный стимул, но сам по себе не ощущается как обладающий какой-либо привлекательностью. Хорошей иллюстрацией этого состояния является случай, о котором мне сообщил медицинский корреспондент из Новой Зеландии.

"Пациент отправился в Южную Африку в качестве рядового вместе с контингентом из Новой Зеландии, получив для этого хорошую должность в офисе. До поездки в Южную Африку у него никогда не было проблем с отношениями с женщинами. Находясь на действительной службе на фронте, он неудачно упал с лошади, сломав ногу. Он пробыл без сознания четыре дня, а затем был отправлен инвалидом в Кейптаун. Здесь он быстро поправился, и его обычное здоровье вернулось к нему, и он начал проводить то, что он называет "хорошим времяпрепровождением". Он неоднократно посещал публичные дома, но не мог добиться ничего, кроме временной эрекции, и эякуляции не происходило. В одном из таких мест он оказался в компании с пьяным солдатом, который предложил им совершить половой акт в сапогах и шпорах (только). Мой пациент, который тоже был пьян, с готовностью согласился и, к его удивлению, смог совершить акт совокупления вообще без каких-либо затруднений. С тех пор он неоднократно пытался выполнить это действие без всяких шпор, но совершенно не в состоянии этого сделать; со шпорами у него нет никаких трудностей в получении всего желаемого удовлетворения. В целом у него хорошее здоровье. Его мать была чрезвычайно нервной женщиной, как и его сестра. Его

отец умер, когда он был совсем маленьким. Его единственная родственница в колонии - замужняя сестра, которая, кажется, обладает крепким здоровьем".

Рассмотрения приведенных здесь случаев может быть достаточно, чтобы показать, что помимо тех фетишизмов, которые находят свое удовлетворение в созерцании части тела или одежды, существует более тонкий символизм. Ступня является центром силы, средством оказания давления, и, таким образом, она служит отправной точкой не только для статичного сексуального фетиша, но и для динамичной эротической символизации. Энергия его движений заменяет энергию самих половых органов при коитусе и оказывает такое же притягательное воздействие. Молодая девушка (стр. 35), "которая, казалось, испытывала страсть наступать на вещи, которые хрустели или прогибались у нее под ногами", уже обладала зачатками эротического символизма, который под влиянием обстоятельств, в которых она сама принимала активное участие, развился в адекватный метод сексуального удовлетворения.^[23] Юноша, который был ее партнером, таким же образом научился находить эротический символизм во всех реакциях на давление привлекательных женских ног, покачивании коляски под их весом, смятии цветов, на которые они наступают, медленном поднимании травы, которую они примяли. Здесь мы имеем дело с символизмом, который полностью отличается от фетишизма, поклоняющегося определенному объекту; это динамический символизм, находящий свое удовлетворение в зрелище движений, которые в идеале напоминают основной ритм и реакции давления сексуального процесса.

Мы можем проследить очень похожий эротический символизм в абсолютно нормальной форме. Очарование одежды в глазах влюбленного, без сомнения, является сложным явлением, но отчасти оно основано на способности женской одежды смутно выражать динамичный символизм, который всегда должен оставаться неопределенным и неуловимым, и по этой причине всегда обладать очарованием. Никто так остро не описал этот символизм, как Херрик, часто являющийся замечательным психологом в вопросах сексуальной привлекательности. Особенно поучительны в этом отношении его стихотворения "Наслаждение беспорядком", "На одежде Джулии" и особенно "Нижняя юбка Джулии". "Милый беспорядок в наряде, - говорит он нам, - разжигает в одежде распушенность"; он настаивает не на самом наряде, а на характере его движения; на "сбивающихся кружевах", "победной волне" "бурной нижней юбки"; он говорит о "разжижении" одежды, ее "смелом свободном колебании", а о нижней юбке Джулии он говорит еще с более специфическим символизмом,

"Иногда он тяжело дышал, вздыхал и вздымался,
Как будто для того, чтобы расшевелить его, не хватало листьев;
Но, получив их,
После этого он отважно расширился".

В игре одежды любимой женщины он видит весь процесс центрального полового акта, с его подавлением и расширением, и при виде этого сам готов "упасть в обморок".

[13] Г. Стэнли Холл, *Юность*, том. ii, стр. 113. Следует отметить, что рука не фигурирует среди частей тела, которые обычно представляют наибольший интерес. Интерес к руке ни в коем случае не является чем-то необычным (это можно отметить, например, в курсе истории XII в

Приложении В к т. iii из этих *Исследований*), но рука не обладает тайной, которая окутывает ступню, и фетишизм рук встречается гораздо реже, чем фетишизм ног, в то время как фетишизм перчаток встречается удивительно редко. Интересный случай фетишизма рук, едва достигающий болезненной интенсивности, описан Бине, "*Этюды психологического эксперимента*", стр. 13-19; и см. Краффт-Эбинг, *Указ. соч.*, стр. 214 и далее.

[14] *Воспоминания*, том i, глава VII.

[15] Среди ведущих английских романистов Харди проявляет необычный, но ни в коем случае не преобладающий интерес к ногам и обуви своих героинь; см., *Например*, наблюдения сапожника в "*Под зеленым деревом*", глава III. Глава из книги Гете "*Wahlverwandtschaften*" (часть I, глава II) содержит эпизод, связанный с очарованием ножки и целованием туфельки возлюбленного.

[16] Шинц, "Философия социальных конвенций", *Философское ревю*, июнь 1903 г., стр. 626. Мирабо упоминает в своей *Библии эротики*, что современные гречанки иногда используют свои ноги, чтобы спровоцировать оргазм у своих любовников. Я могу добавить, что одновременная взаимная мастурбация с помощью ног не является чем-то неизвестным в наши дни, и один английский фетишист обуви рассказал мне, что одно время он практиковал это с замужней дамой (бразильянской) - она в тапочках, а он без, — которая получала такое же удовлетворение, как и он сам.

[17] Джейкоби (*loc. cit.* стр. 796-7) приводит большое количество ссылок на работы Овидия, касающиеся этого вопроса. "Читая его, - замечает он, - склоняешься к выводу, что психология римлян была тесно связана с психологией китайцев".

[18] Р. Кляйнпол, *Sprache ohne Worte*, стр. 308. См. также Moll, *Контраргументы сексуального поведения*, третье издание, стр. 306-308. Блох объединяет множество интересных ссылок, относящихся к древней сексуальной и религиозной символике обуви, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Раздел II, стр. 324.

[19] Джейкоби (*цитата* стр. 797), по-видимому, рассматривает фетишизм обуви как истинный атавизм: "Сексуальное обожание женской обуви, - заключает он, - возможно, самое загадочное и, безусловно, самое необычное из дегенеративных безумий, таким образом, является просто формой атавизма, возвращение дегенератов к очень древней и примитивной психологии, которую мы больше не понимаем и не способны чувствовать".

[20] Молл подробно описал (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, Часть II, стр. 320-324) случай, который и он, и Краффт-Эбинг рассматривают как иллюстрацию связи между фетишизмом ботинка и мазохизмом. По сути, это случай мазохизма, хотя и проявляющегося почти исключительно в желании совершать унижительные действия в связи с ботинками привлекательного человека.

[21] Краффт-Эбинг заходит так далеко, что утверждает (*Psychopathia Sexualis*, английский перевод десятого издания, стр. 174), что "когда в случаях обувного фетишизма женская обувь сама по себе является возбудителем сексуального желания, можно с полным основанием предположить, что мазохистские мотивы остались скрытыми. ... В качестве бессознательного мотива всегда можно предположить скрытый мазохизм". Таким образом, он безнадежно неверно истолковывает некоторые из своих собственных случаев.

[22] Крафт-Эбинг заходит так далеко, что утверждает (*Сексуальная психопатия*, перевод на английский, стр. 159 и 174). Тем не менее, некоторые из приводимых им случаев (*например*, случай Кокса, цитируемый Хэммондом) не обнаруживают признаков мазохизма, поскольку, согласно собственному определению Крафт-Эбинга (стр. 116), идея подчинения противоположного пола является сущностью мазохизма.

[23] Ее действия предполагают, что у женщин часто присутствует скрытое сексуальное сознание в отношении ступней, атавистическое или псевдоатавистическое, соответствующее сексуальному влечению, которое ступни раньше вызывали, почти обычно, у мужчин. На это также указывает случай, упомянутый Шуфельдтом, с незамужней женщиной, принадлежащей к семье, проявляющей в высокой степени как эротические, так и невротические черты, у которой было "определенное неконтролируемое увлечение обувью. Она в восторге от новых туфель и меняет их в течение всего дня с регулярными интервалами в три часа каждая. Она держит этот ряд обуви у себя в квартире на виду". (Р. В. Шуфельдт, "О случае женской импотенции", 1896, стр. 10.)

III.

Содержание

Скаталогический символизм—Уролагния—Копролагния—Аскетическое отношение к плоти—Нормальная основа скаталогического символизма—Скаталогические представления у примитивных народов—Моча как примитивная святая вода—Святость экскрементов животных—Скаталогия в фольклоре-Непристойное как производное от мифологического—Незрелый сексуальный импульс имеет тенденцию проявляться в скаталогических формах—Основа физиологической связи между мочевой и генитальной сферами—Мочевой фетишизм, иногда нормальный у животных—Уролагния мазохистов —Скаталогия Святых—Уролагния Чаще является Символизмом Действия, чем символикой Объекта—Лишь изредка встречается обонятельный фетишизм—Сравнительная редкость копролагнии—Влияние фетишизма Нейтса как перехода к Копролагнии—Идеальная Копролагния—Обонятельная копролагния—Уролагния и Копролагния как символы коитуса.

Мы встречаемся с другой группой эротических символов — похожих на символы объекта и действия — в связи с двумя функциями, примыкающими к анатомическому сексуальному фокусу: функциями мочеиспускания и выделения у животных. Их иногда называют скаталогической группой с двумя подразделениями уролагний и копролагний.^[24] "*Inter fæces et urinam nascimur*" - древний текст, который служил проповедникам-аскетам древности для многих бесед о ничтожестве человека и ничтожности той репродуктивной силы, которая играет столь большую роль в жизни человека. "Глупая ошибка Природы, - пишет корреспондент, - при которой органы размножения служат средством для опорожнения мочевого пузыря, несомненно, во многом ответственна за отвращение, которое эти органы вызывают в некоторых умах".

При этом необходимо отметить, что такое рефлекторное воздействие может действовать не только в одном направлении, но и в обратном. С точки зрения аскетического созерцания,

стремящегося принизить человечество, выделительные центры могут опозорить генитальный центр, к которому они примыкают. С более экстатической точки зрения страстного любовника, стремящегося усилить очарование женщины, которой он поклоняется, для выделительных центров вполне возможно перенять некоторое очарование от излучающего центра секса, который они окружают.

Даже обычно такой процесс можно отследить. Нормальный любовник может не идеализировать выделительные функции своей любовницы, но тот факт, что он не находит отвращения в самых интимных контактах и не испытывает отвращения к близости выделительных отверстий или существованию их функций, указывает на то, что идеализация любви оказала, во всяком случае, нейтрализующее влияние; действительно, наличие острой чувствительности к тревожащему влиянию этой близости выделительных отверстий и их функций следует считать ненормальным; "Стрефон и Хлоя" Свифта — с лежащим в основе убеждением, что это легкое дело для мужчины. выделительные функции, заглушающие возможности любви, могли исходить только от болезненно чувствительного мозга.^[25]

В сознании влюбленного может иметь место нечто большее, чем просто нейтрализующее влияние, положительно идеализирующее влияние сексуальной направленности на сопутствующие ей выделительные процессы, без подавления нормальных вариаций сексуального влечения и даже без возникновения выделительного фетишизма.

Отражения этого отношения можно найти у поэтов. В *Песне песней* влюбленный говорит о своей возлюбленной: "Твой пупок подобен круглому кубку, в котором нет недостатка в смешанном вине"; в своем стихотворении "К Дианеме" Херрик говорит с явной ссылкой на венерическую гору: —

"Покажи мне тот холм, где восседает улыбающаяся любовь, А под ним
Бьет живой фонтан";

и в очень многочисленных стихотворениях на разных языках, которые более или менее туманно трактуют розу как эмблему женского естества, время от времени встречаются упоминания о потоке, который охраняет розу или правит ею. Действительно, можно напомнить, что даже в названии *pumphae*, которое анатомы обычно применяют к *малым половым губам*, обычно считается, что это поэтический намек на нимф, которые руководили потоками, поскольку *малые половые губы* оказывают влияние на направление потока мочи.

В *"Вильгельме Мейстере"* (часть I, глава XV) Гете на основе собственного личного опыта описывает эмоции своего героя в скромной обстановке маленькой комнаты Марианны по сравнению с величием и порядком его собственного дома. "Ему казалось, когда ему приходилось здесь снимать с нее корсет, чтобы добраться до клавирина, там класть ее юбку на кровать, прежде чем он мог сесть, когда она сама с непринужденной откровенностью не делала попыток скрыть от него многие естественные поступки, которые люди привыкли скрывать от других из приличия, — говорю я, - ему казалось, что он стал связан с ней невидимыми узами". Нам рассказывают о Вордсворте (*"Воспоминания Финдли о Де Квинси"*, стр. 36), что он читал *"Вильгельма Мейстера"*, пока "не дошел до сцены, где герой в спальне своей любовницы впадает в сентиментальность из-за ее грязных полотенец и т.д., Которая вызвала у него такое отвращение, что он выбросил книгу из рук, больше никогда на нее не взглянул и заявил, что,

несомненно, ни одна английская леди никогда не прочтет подобное произведение". Однако я слышал, как одна женщина с высоким интеллектуальным уровнем ссылалась на особую правдивость и красоту именно этого отрывка.

В одном из своих последних романов, *"Свидания господина де Брео"*, Анри де Ренье, один из самых известных французских романистов последнего времени, рассказывает эпизод, имеющий отношение к рассматриваемому нами вопросу. Персонаж этой истории сидит на мгновение в темном гроте во время ночного праздника в дворянском парке, когда входят две дамы и, смеясь, приступают к поднятию своих одежд и выполнению естественной потребности. Мужчина на заднем плане, внезапно охваченный сексуальным влечением, бросается вперед; одна дама убегает, другая, которую он удерживает, почти не сопротивляется его ухаживаниям. Обращаясь к г-ну де Брео, с которым он вскоре встречается, он восклицает, смущенный собственными действиями: "Почему я не сбежал? Но мог ли я представить, что зрелище столь отвратительного действия произведет какой-либо иной эффект, кроме как сформирует у меня скромное мнение о человеческой природе?" Г-н де Брео, однако, продолжая упрекать своего собеседника в его необдуманной дерзости, замечает: "То, что вы мне рассказали, сэр, меня не совсем удивляет. Природа заложила в нас самые разные инстинкты, и импульс, который привел вас к тому, что вы только что сделали, не так уж необычен, как вы думаете. Человек может быть очень уважаемым мужчиной и все же любить женщин даже в самых низменных чертах их тела". С этим отрывком из романа Ренье согласуются замечания корреспондента, который пишет мне о функции мочеиспускания, что она "сексуально привлекательна для большинства нормальных людей. Мои собственные наблюдения и расспросы подтверждают это. Женщины сами инстинктивно чувствуют это. Секретность, окружающая этот вопрос, также, я думаю, придает ему сексуальный интерес".

Тот факт, что скаталогические процессы могут в некоторой степени оказывать притягательное действие даже при нормальной любви, был особенно подчеркнут Блохом (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Глава II, стр. 222, и далее.): "Человек, чей интеллект и эстетическое чувство были "затуманены сексуальным импульсом", видит эти вещи в совершенно ином свете, чем тот, кто не был охвачен опьянением любовью. Для него они идеализированы (*sit venia verbo*), поскольку являются частью любимого человека и, следовательно, ассоциируются с любовью". Блох цитирует *Мемуары эйнера Сангерина* (книгу, о которой говорят, что она, хотя это и кажется сомнительным, по-настоящему автобиографична) в том же смысле: "Мужчину, который влюбляется в девушку, не вытягивает из его поэтической сферы мысль о том, что его возлюбленная должна каждый день удовлетворять определенные естественные потребности. На самом деле ему кажется, что все как раз наоборот. Если кто-то любит человека, то не находит ничего непристойного или отвратительного в объекте, который мне нравится". Противоположное отношение, вероятно, в крайних случаях обусловлено влиянием невротического или болезненно чувствительного темперамента. Свифт обладал таким темпераментом. Обладание подобным темпераментом, несомненно, ответственно за маленькое стихотворение в прозе "Экстаз", в котором Гюисманс в своей первой книге *"Былинные приключения"* написал смягченную версию "Стрефона и Хлои", чтобы выразить разочарование в любви; влюбленный лежит в лесу, с восторженным чувством сжимая руку возлюбленной; "внезапно она встала, высвободила руку, исчезла в кустах, и я как бы услышал шелест дождя по листьям". Его мечта улетучилась.

Оценивая значение позиции влюбленного в этом вопросе, важно осознать то положение, которое котологические концепции занимали в первобытных верованиях. На определенных этапах ранней культуры, когда все эманации тела, как правило, обладают таинственными магическими свойствами и становятся пригодными для священного использования, обнаруживается, что выделения, и особенно моча, являются частью религиозных ритуалов и церемониальных функций. Даже среди дикарей экскременты часто считаются отвратительными, но под влиянием этих представлений такое отвращение подавляется, и те эманации тела, которые обычно почитаются меньше всего, становятся религиозными символами.

Моча считалась первоначальной святой водой, и многие обычаи, которые все еще сохранились в Италии и различных частях Европы, связанные с использованием жидкости, которая часто должна быть желтой, а иногда соленой, возможно, указывают на более раннее использование мочи. (Греческая асперсионная вода, согласно Феокриту, была смешана с солью, как иногда делают современную итальянскую святую воду. Дж. Дж. Блант, *Остатки древних манер и обычаев*, стр. 173.) У готтентотов, как записали Кольбейн и другие, знахарь мочился попеременно на невесту и жениха, и удачливого молодого воина окропляли таким же образом. Мунго Парк упоминает, что однажды в Африке невеста прислала миску со своей мочой, которую вылили на него в качестве особого знака почета высокому гостю. Пеннант заметил, что горцы окропляют свой скот мочой, как своего рода святой водой, в первый понедельник каждого квартала. (Бурк, *Скатологические обряды*, стр. 228, 239; Бранд, *Популярные древности*, "Брачный эль".)

Иногда даже экскременты животных считались священными. Это особенно верно в случае с коровой, из всех животных наиболее почитаемой первобытными народами, и особенно в Индии. Жюль Буа (*Visions de l'Inde*, стр. 86) описывает зрелище, представленное в храме коров в Бенаресе: "Я просунул голову в отверстие священных хлебов. Это был самый большой из храмов, великолепие драгоценных камней и мрамора, по которому взад и вперед ходили почитаемые телицы. Целый народ обожал их. Они не обращают на это внимания, погруженные в свою божественную и темную бессознательность. И они безмятежно выполняют свои животные функции: жуют подношения, пьют воду из медных сосудов, а когда они наполняются, справляют нужду. Тогда суровое и религиозное безумие овладевает этими женщинами со звездными лицами и почтенными мужчинами; они падают на колени, падают ниц, едят помет, жадно пьют жидкость, которая для них чудесна и священна". (Ср. Бурк, *Скатологические обряды*, глава XVII.)

У кавказских чевсуров, возможно, иранского народа, женщина после родов, из-за которых она живет отдельно, очищается, умываясь коровьей мочой, а затем возвращается домой. Этот способ очищения рекомендован в Авесте, и, как говорят, им пользуются немногие оставшиеся последователи этого вероучения.

Мы должны принимать во внимание не только частоту, с которой у первобытных народов выделения имеют религиозное значение. Далее следует отметить, что в фольклоре современной Европы мы повсюду находим многочисленные свидетельства более раннего распространения легенд и обычаев скатологического характера. Примечательно, что в большинстве случаев в этих историях и обычаях легко увидеть сексуальную отсылку. Легенды утратили свое прежнее и часто мифическое значение и часто приобретают оттенок

непристойности, в то время как скатологические практики превратились в магические приемы влюбленных дев или покинутых жен, практикуемые в тайне. К скатологическим обрядам, которые следует рассматривать, как мы можем заключить из *Облаков* Аристофана, относилось то, что священный кожаный фаллос, который женщины несли во время Вакханалий, становился в его время предметом развлечения маленьких мальчиков.

У многих примитивных народов по всему миру и среди низших социальных классов цивилизованных народов моча обладает магическими свойствами, особенно, по-видимому, моча женщин и моча людей, которые находятся или хотят находиться в сексуальных отношениях друг с другом. В легенде индейцев северо-западного побережья Америки, записанной Боасом, женщина дает своему возлюбленному немного своей мочи и говорит: "Ты можешь разбудить мертвых, если капнешь немного моей мочи им в уши и нос". (*Журнал этнологии*, 1894, Heft IV, стр. 293.) Среди тех же индейцев существует легенда о женщине с красивой белой кожей, которая каждое утро, купаясь в реке, обнаруживала, что рыбы притягиваются к ее коже и их нельзя отогнать даже магическими растворами. Наконец она сказала себе: "Я плесну на них воды, и тогда они оставят меня в покое". Она так и сделала, и с тех пор рыба оставила ее. Но вскоре после этого с Небес сошел огонь и убил ее. (*ib.*, 1891, Heft V, стр. 640.) Как у христиан, так и у мусульман жена может привязать неверного мужа, тайно подсыпав немного своей мочи в его напиток. (Б. Стерн, *Медицина в Турции*, том. ii, стр. 11.) Эта практика распространена по всему миру; так, у аборигенов Бразилии, по словам Мартиуса, моча и другие выделения обладают мощным афродизиакальным действием. (Книга Бурка "*Скатологические обряды всех народов*" содержит множество ссылок на фольклорные практики в этом вопросе; исследование народных верований в магическую силу мочи, опубликованное в Бомбее профессором Евгением Вильгельмом в 1889 году, я не видел.)

Легенды, повествующие о скатологических подвигах, многочисленны в литературе всех стран. У примитивных народов они часто носят чисто теологический характер, поскольку в популярных мифологиях всех стран (даже, как мы узнаем от Аристофана, у греков) такие природные явления, как дождь, склонны рассматриваться как божественные выделения, но со временем легенды приобретают более эротический или непристойный характер. В Ирландской книге *Лейнстера* (записанной где-то около двенадцатого века, но содержащей материалы гораздо более древней эпохи) нам рассказывается, как несколько принцесс в Эмайн-Маче, резиденции королей Ольстера, решили выяснить, кто из них сможет, помочившись на него, растопить снежный столб, сооруженный мужчинами, и женщина, которой это удалось, считалась лучшей среди них. Ни одна из них не преуспела, и они послали за Дербфоргейлль, которая была влюблена в Кухуллена, и ей удалось расплавить колонну; после чего другие женщины, завидуя превосходству, которое она таким образом продемонстрировала, вырвали ей глаза. (Zimmer, "Keltische Beiträge," *Zeitschrift für Deutsche Alterthum*, vol. xxxii, Глава II, стр. 216-219.) Рис считает, что Дербфоргейлль на самом деле была богиней рассвета и заката, "каплей, сверкающей в солнечных лучах", на что указывает ее имя, что означает капля или слеза. Рис, *Лекции о происхождении и развитии религии, проиллюстрированные кельтским язычеством*, стр. 466.) Интересно сравнить легенду о Дербфоргейлле с несколько более современным пикардийским фольклором *conte*, который явно аналогичен, но, похоже, больше не содержит какого-либо мифологического элемента, "La Princesse qui pisse par dessus les Meules". У этой принцессы была привычка мочиться на сенокосы; король, ее отец, чтобы отучить ее от этой привычки, предложил ее в жены любому, кто сможет сделать сенокос такой высоты, чтобы она не могла помочиться на него. Молодые люди приходили, но принцесса только смеялась и сразу

же выполняла задание. Наконец пришел молодой человек, который спорил сам с собой, что она не сможет совершить этот подвиг после того, как потеряет девственность. Поэтому он сначала соблазнил ее, а затем она позорно потерпела неудачу, просто намочив чулки. Соответственно, она стала его невестой. (Κρυπτόβια, vol. i. p. 333.) Такие легенды, утратившие все мифологические элементы, которыми они, возможно, обладали изначально, и ставшие просто *сюжетами*, не редкость в фольклоре многих стран. Но в своих более ранних религиозных формах и в более поздних непристойных формах они одинаково свидетельствуют о том большом месте, которое скатологические концепции играют в примитивном сознании.

Примечательным фактом, свидетельствующим о тесной и кажущейся нормальной связи скатологических процессов с сексуальным импульсом, является то, что интерес к ним, возникающий естественно и спонтанно, является одним из наиболее частых каналов, по которым сексуальный импульс впервые проявляется у маленьких мальчиков и девочек.

Стэнли Холл, который специально исследовал этот вопрос, отмечает, что в детстве продукты выделения мочевым пузырем и кишечником часто являются объектами интереса, на какое-то время едва ли менее интенсивного, чем еда и питье. ("Раннее осознание себя", *Американский журнал психологии*, апрель 1898 г., стр. 361.) "Непристойности при мочеиспускании, - снова замечает тот же автор, - которые, как показывают наши возвращения, так распространены до подросткового возраста, достигают кульминации в 10 или 12 лет и, кажется, отходят на задний план по мере появления сексуальных феноменов". Они, отмечает он, бывают двух классов: "Оскверняющие людей или предметы, тайно от взрослых, но открыто друг с другом", и реже "церемониальные действия, связанные с действием или продуктом, которые почти наводят на мысль о скатологических ритуалах дикарей, непригодных для описания здесь, но представляющих большой интерес и важность". (Г. Стэнли Холл, *Юность*, том i, стр. 116.) Природа таких скатологических явлений в детстве, которые часто являются явно инстинктивными проявлениями эротической символики, и их широкая распространенность как среди мальчиков, так и среди девочек, очень хорошо проиллюстрированы в рассказе, который я включаю в Приложение В, История II.

У мальчиков по мере приближения к пубертатному возрасту это влечение к скатологическому, если оно существует, имеет тенденцию угасать, уступая место более нормальным сексуальным представлениям, или, во всяком случае, оно занимает второстепенное и менее серьезное место в сознании. С другой стороны, у девочек это часто имеет тенденцию сохраняться. Эдмон де Гонкур, внимательный наблюдатель за женским умом, упоминает в "*Chérie*" о "тех невинных и торжествующих радостях, которые скатологические истории имеют привилегию вызывать у женщин, которые все еще оставались детьми, даже у самых выдающихся женщин". Однако степень, в которой невинные молодые женщины, которые часто были бы незаинтересованы или испытывали отвращение в присутствии сексуально непристойного, иногда привлекаются скатологически непристойным, становится понятной, если мы осознаем, что здесь в игру вступает символизм. У женщин более специфические сексуальные знания и жизненный опыт часто развиваются намного позже, чем у мужчин, или даже находятся в стадии застоя, и поэтому специфически сексуальные феномены не могут легко поддаваться остроумию, юмору или воображению. Но скатологическая сфера, в силу самого факта, что у женщин это особенно интимная и тайная область, которая, тем не менее, всегда подвержена неожиданному проявлению в сознании, предоставляет неисчерпаемое поле для ситуаций, имеющих тот же характер, что и сексуально непристойные. Таким образом, случается, что сексуально

непристойное, которое у мужчин имеет тенденцию затмевать непристойное скаталогически, у женщин — отчасти по неопытности, а отчасти, вероятно, из—за их почти физиологической скромности - играет роль, подчиненную скаталогическому. Несколько аналогичным образом скаталогическое остроумие и юмор играют значительную роль в творчестве различных выдающихся авторов, которые были священнослужителями.

В дополнение к анатомическим и психологическим ассоциациям, которые способствуют созданию основы, на которой может возникать эротическая символика, существуют также физиологические связи между генитальной и мочевыделительной сферами, которые непосредственно благоприятствуют такой символике. Обсуждая анализ сексуального влечения в предыдущем томе этих *Исследований*, я указал на замечательную взаимосвязь — иногда переноса, иногда компенсации, — которая существует между напряжением гениталий и напряжением мочевого пузыря как у мужчин, так и у женщин. В историях нормального полового развития, собранных воедино в конце этого и последующих томов, часто можно проследить взаимосвязь, как и в случае с С. Р. в настоящем исследовании (стр. 37). Также обычно считается, что сила мочевыводящих путей связана с сексуальной потенцией, и неспособность нормально выводить струю мочи является одним из общепринятых признаков сексуальной импотенции.^[26] Фере, опять же, записал историю мужчины с периодическими приступами сексуального желания, а впоследствии сексуальной одержимостью без желания, которые всегда сопровождались позывами к мочеиспусканию и усилением мочеиспускания.^[27] В случае, зарегистрированном Питре и Режи, молодой девушки, которая однажды при виде понравившегося ей молодого человека в театре была охвачена сексуальным чувством, сопровождавшимся сильным желанием помочиться, впоследствии ее мучил беспочвенный страх испытать непреодолимое желание помочиться в неподходящее время,^[28] у нас есть пример того, что можно назвать физиологическим скаталогическим символизмом секса, эмоция, которая изначально была эротической, передается в мочевой пузырь и затем остается стойкой. От такого физиологического символизма всего лишь шаг к психологическому символизму скаталогического фетишизма.

В качестве указания на то, что подобные явления вряд ли являются ненормальными, стоит отметить, что символика мочеиспускания и даже строго сексуальный фетишизм являются нормальными для многих животных.

Наиболее знакомый пример такого рода представляет собака, которая сексуально возбуждена подобным образом из-за следов суки и сама использует любую возможность, чтобы сделать свой собственный путь узнаваемым. "Этот обычай, - замечает Эспинас (*Общество животных*, стр. 228), - не имеет иной цели, кроме как распространять по дороге узнаваемые следы своего присутствия в интересах особей другого пола, запах которых, несомненно, вызывает возбуждение".

Примечательно также, что как у животных, так и у человека сексуальное возбуждение может проявляться в мочевом пузыре. Так, Даумас утверждает (*Шево де Сахара*, стр. 49), что если кобыла мочится, услышав ржание жеребца, это признак того, что она готова к общению.

Именно в мазохизме, или пассивной алголагии, мы чаще всего можем встретить скаталогический символизм в его полностью развитой форме. Мужчина, чьим преобладающим

побуждением является подчинение своей любовнице и получение от нее предельного унижения, часто достигает высшей точки своего удовлетворения, когда она мочится на него, будь то на самом деле или только в воображении.

Однако во многих подобных случаях очевидно, что мы имеем дело со смешанным явлением; символика здесь двойная. Этот акт становится желанным, потому что он является внешним и видимым признаком испытываемого внутри себя унижительного рабства по отношению к обожаемому человеку. Но это также желательно из-за интимно-сексуальных ассоциаций в самом акте, как символическое раскрытие, симулякр полового акта, исходящий из самого сексуального фокуса.

Крафт-Эбинг описывает различные случаи мазохизма, при которых выделение мочи на тело или в рот становилось кульминацией сексуального удовлетворения, как, например, (*Сексуальная психопатия*, английский перевод, стр. 183) в случае с русским чиновником, который в детстве воображал, что его связывают между бедер женщины, заставляют спать под ее ногами и пить ее мочу, а в более поздней жизни испытывал величайшее возбуждение, воплощая в жизнь последнюю часть этого раннего воображения.

В другом случае, зафиксированном Крафт-Эбингом и названном им "идеальным мазохизмом" (*Указ. соч.*, стр. 127-130), субъект с детства предавался сладострастным грезам наяву, в которых он был рабом прекрасной любовницы, которая заставляла его подчиняться всем ее капризам, стоять над ним, поставив одну ногу ему на грудь, садиться ему на лицо и тело, заставляла его прислуживать ей в ванне или когда она мочилась, а иногда настаивала на том, чтобы делать это ему на лицо; хотя высокоинтеллектуальный человек был мужчиной, он всегда был слишком робок, чтобы пытаться воплотить в жизнь какие-либо из своих идей; до 20 лет его беспокоил ночной энурез.

Neri, again (*Archivio delle Psicopatie Sessuali*, vol. i, fasc. 7 и 8, 1896), описывает случай итальянского мазохиста, который испытывал величайшее удовольствие, когда женщина, к которой он был привязан, практиковала таким образом мочеиспускание и дефекацию.

В предыдущем томе этих *исследований* ("Сексуальная инверсия", История XXVI) я описал мазохистские сны наяву мальчика, импульсы которого в то же время были инвертированы; в его грезах "центральным фактом, - утверждает он, - стало выделение мочи моим возлюбленным на мое тело и конечности, или, если я его очень любила, я позволяла этому быть у меня на лице". В реальной жизни акт мочеиспускания, случайно увиденный в детстве, стал символом, даже реальностью, центральной тайны секса: "Я стоял как вкопанный, покраснев, с опущенными глазами, пока акт не закончился, и в течение значительного времени осознавал, что говорю запинаясь и сбивый с толку. ... Я был переполнен эмоциями и едва мог оторвать ноги от этого места или отвести взгляд от влажной травы, где он оставил воды тайны. Даже сегодня я не могу отделиться от того потрясающего очарования, которое имел для меня тот момент".

Таким образом, не только моча и фекалии могут приобретать символическое очарование и привлекательность под влиянием мазохистских отклонений сексуальной идеализации. В некоторых случаях испытывался крайний восторг от вылизывания вспотевших ног. Действительно, нет выделений или продуктов организма, которые не были бы источником экстаза: пот со всех частей тела, слюна и менструальная жидкость, даже воск из ушей.

Крафт-Эбинг очень верно указывает (*Psychopathia Sexualis*, английский перевод, стр. 178), что этот сексуальный скаталогический символизм точно соответствует религиозному скаталогическому символизму. В припадке благочестивого энтузиазма аскет совершает в точности те же действия, которые совершаются в припадке эротического энтузиазма. Смешивать экскременты с пищей, слизывать экскременты, сосать гнойные язвы — все это и тому подобное совершали святые и почитаемые женщины.

Не только святой, но также пророк и знахарь часто употребляли в пищу человеческие экскременты; необходимо лишь сослаться на пример пророка Иезекииля, который заявил, что ему было повелено печь свой хлеб из человеческого помета, и на практику знахарей в Торресовом проливе, в обучении которых поедание человеческих экскрементов занимает признанное место. (Иногда предполагалось, что божества, особенно Баал-Фегор, ели экскременты, так что было естественно, что их посланники и представители среди людей делали это. Что касается Баал-Фегора, см. Дюлор, *"Божественные генералы"*, глава IV, и Дж. Г. Бурк, *Скаталогические обряды всех наций*, стр. 241. См. также книгу Иезекииля, глава IV, ст. 12, и *Отчеты антропологической экспедиции в Торресов пролив*, том v, стр. 321.)

Следует, однако, добавить, что в то время как мазохист охвачен сексуальным экстазом, так что он не видит ничего отвратительного в своем поступке, знахарь и аскет не так уж неизменно охвачены религиозным экстазом, и несколько авторов-аскетов упоминали об ужасе и отвращении, которые они испытывали, по крайней мере поначалу, при совершении таких действий, в то время как знахари-новички иногда находят испытание слишком суровым и вынуждены отказываться от своей карьеры. Бренье де Монморан, отмечая, не без некоторого преувеличения, что "христианские аскеты почти все едят экскременты" (*"Ascétisme et Mysticisme"*, *Философское ревю*, март 1904 г., стр. 245), цитирует свидетельства Маргариты-Мари и мадам Гийон о крайнем отвращении, которое им пришлось преодолеть. Ими двигал скорее чисто интеллектуальный символизм самоуничтожения, чем глубоко прочувствованный эмоциональный символизм, который движет мазохистом.

Копрофагические действия, будь то под влиянием религиозной экзальтации или сексуального восторга, неизбежно вызывают у нас отвращение. Мы считаем их почти сумасшедшими, подкрепляя это убеждение несомненным фактом, что копрофагия не редкость среди душевнобольных. Поэтому, возможно, будет уместно отметить, что прошло не так уж много времени с тех пор, как наши собственные предки употребляли в пищу человеческие экскременты самым разумным и обдуманном образом. Практикующие врачи применяли его при большом количестве заболеваний, по-видимому, с полностью удовлетворительными результатами. Менее двух столетий назад Шуриг, который так превосходно собрал воедино и упорядочил медицинские знания своего собственного и непосредственно предшествующих эпох, написал очень длинную и подробную главу "О стеркоризме человека в обычной медицине" (*Chylologia*, 1725, сар. XIII; в парижском *медицинском журнале* за 19 февраля 1905 г. появилась статья, которую я не видел, озаглавленная "Лекарства убитых: любовь и спасение человека".) Классы случаев, в которых лекарство было признано полезным, по-видимому, были чрезвычайно разнообразными. Не следует предполагать, что его обычно употребляли в сыром виде. Распространенным методом было брать фекалии мальчиков, высушивать их, смешивать с лучшим медом и принимать как настойку. (В более ранний период такие лекарства, по-видимому, встречали некоторое противодействие со стороны Церкви, которая, по-видимому, видела в них только применение магии; поэтому я отмечаю, что в замечательном Покаянном

труде Бурхарда четырнадцатого века, воспроизведенном Вассершлебенем, предписывается 40-дневная епитимья за использование человеческой мочи или экскрементов в качестве лекарства. *Wasserschleben Die Bussordnungen der Abendländlichen Kirche*, p. 651.)

Уролагния мазохизма - это не простое явление; она воплощает в себе двойную символику: с одной стороны, символику самоотречения, такого, какое испытывает аскет, с другой стороны, символику передаваемых сексуальных эмоций. Крафт-Эбинг был склонен рассматривать все случаи, в которых существовало скатологическое сексуальное влечение, как следствие "скрытого мазохизма". Такая точка зрения совершенно несостоятельна. Безусловно, связь распространена, но в большинстве случаев слабо выраженного скатологического фетишизма мазохизм не очевиден. И когда мы принимаем во внимание различные соображения, уже выдвинутые, которые показывают, насколько широко распространена и ясно осознается естественная и нормальная основа, заложенная в подобную символику, становится совершенно ненужным призывать на помощь мазохизм. Имеется достаточно доказательств того, что стремление придать символическое значение акту мочеиспускания любимого человека как обычному или, чаще, эпизодическому действию не является чем-то необычным; это было отмечено у мужчин с высоким интеллектуальным уровнем; это встречается как у женщин, так и у мужчин; когда оно проявляется лишь в незначительной степени, его следует рассматривать как находящееся в пределах нормы вариативности сексуальных эмоций.

Случайные случаи, когда пьют мочу, возможно, наводят на мысль, что мотив кроется в свойствах жидкости, действующей на организм. Подтверждение этого предположения можно найти в том факте, что моча действительно обладает, помимо своих магических свойств, воплощенных в народных преданиях, свойствами общего стимулятора. По составу (как впервые указал Мастерман) "говяжий чай" мало чем отличается от здоровой мочи", содержащей точно такие же компоненты, за исключением того, что в "говяжьем чае" меньше мочевины и мочевой кислоты. Свежая моча — особенно моча детей и молодых женщин — используется в качестве лекарства почти во всех частях мира при различных заболеваниях, таких как носовое кровотечение, малярия и истерия, и приносит пользу, причем эта польза почти наверняка обусловлена ее свойствами общеукрепляющего средства. *Диспансер Уильяма Сэлмона*, 1678 г. (цитируется в *Британском медицинском журнале*, 21 апреля 1900 г., стр. 974), показывает, что в семнадцатом веке моча все еще занимала важное место в качестве лекарственного средства и часто входила в состав *Aqua Divina*.

Его использование было известно даже в Англии в девятнадцатом веке. (Мастерман, *Ланцет*, 2 октября 1880 г.; Р. Нил, "Моча как лекарство", *Практикующий*, ноябрь 1881 г.; Бурк приводит множество доказательств терапевтического использования мочи в своих *Скатологических ритуалах*, особенно на стр. 331-335; Лузини показал, что нормальная моча неизменно увеличивает частоту сердечных сокращений, *Архив фармакологии*, fascs. 19-21, 1893.)

Но было бы ошибкой предполагать, что эти факты объясняют мочегонное питье мочи. Как и при удовлетворении нормального сексуального влечения, сильное возбуждение от удовлетворения скатологического сексуального влечения само по себе вызывает степень эмоциональной стимуляции, намного большую, чем было бы достаточно при приеме небольшого количества экстрактивных веществ животного происхождения. В таких случаях, как и при нормальной сексуальности, стимуляция носит явно психический характер.

Когда, как это чаще всего бывает, привлекательным является процесс мочеиспускания, а не сама моча, мы явно имеем дело с символикой акта, а не с фетишистской привлекательностью выделения. Когда выделение, помимо самого акта, обеспечивает привлекательность, нам обычно кажется, что мы имеем дело с обонятельным фетишизмом. Эти фетишизмы, связанные с выделениями, по-видимому, испытывают в основном люди несколько слабоумные, что не обязательно относится к тем людям, для которых привлекательным символом является акт, а не его результат, отдельно от любимого человека.

На сексуально символическую природу акта мочеиспускания для многих людей указывает существование, по словам Блоха, который перечисляет различные виды непристойных фотографий, группы, которую он называет "пресловутые *писсуары*". На это также указывают несколько репродукций из "*эротического элемента в карикатуре*" Фуха, таких как "Необходимость в точке зрения" Делорм. (Следует добавить, что такая сцена ни в коем случае не обязательно обладает эротической символикой, как мы можем видеть на офорте Рембрандта, обычно называемом "Женщина без писи", на котором отраженные огни на частично затененном ручье создают художественный мотив, явно свободный от каких-либо следов непристойности.) В случае, который Крафт-Эбинг цитирует из "Машки", о молодом человеке, который побуждал молодых девушек танцевать обнаженными в его комнате, прыгать и мочиться в его присутствии, после чего происходило семяизвержение, мы имеем типичный пример урологического символизма в форме, адекватной для получения полного удовлетворения. Случай, в котором урологическая форма скаталогической символики достигла своего наивысшего развития как сексуальное извращение, был описан в России Сухановым (обобщено в *Архиве криминологии*, ноябрь 1900 г., и *Медико-психологических анналах*, февраль 1901 г.). случай молодого человека 27 лет с невропатическим темпераментом, который, когда однажды случайно стал свидетелем того, как женщина мочилась, испытал сладострастные ощущения. С этого момента он стремился к тесному контакту с мочащими женщинами, и максимум удовлетворения был достигнут, когда он мог занять такое положение, чтобы женщина, при всей своей невинности, помочилась ему в рот. Все его любовные приключения были связаны с поиском возможностей для получения этого трудного удовлетворения. Чуланы, в которых он мог прятаться, зимнюю погоду и скучные дни он находил наиболее благоприятными для успеха. (Несколько похожий случай зарегистрирован в *Архиве неврологии*, 1902, стр. 462.)

Случай с крепким мужчиной с наследственностью невропата, зарегистрированный Пеландой, проливает некоторый свет на психическую установку в этих проявлениях; он занимался мастурбацией до 16 лет, когда он отказался от практики, и до 30 лет находил полное удовлетворение в употреблении еще горячей женской мочи. Когда леди или девушка в доме уходила в свою комнату, чтобы удовлетворить потребность такого рода, едва она покидала ее, как он поспешал туда, охваченный крайним возбуждением, кульминацией которого была самопроизвольная эякуляция. Чем моложе женщина, тем больший восторг он испытывал. Примечательно, что в этом, как, возможно, и во всех подобных случаях, не было извращения органов чувств и не было болезненного влечения к вкусу или запаху; он заявил, что действие его органов чувств было приостановлено из-за возбуждения и что он был совершенно неспособен воспринимать запах или вкус жидкости. (Пеланда, "Порнопатия", *Архив психиатрии*, fasc. iii-iv, 1889, стр. 356.) Очарование заключается в эмоциональном символизме, а не в каком-либо чувственном извращении.

Мэганн фиксирует спонтанное развитие этого сексуального символизма у 11-летней девочки с хорошим интеллектуальным развитием, но алкогольной наследственностью, которая соблазнила мальчика младше себя на взаимную мастурбацию и однажды, лежа на земле и задрав одежду, попросила его помочиться на нее. (*Международный конгресс криминальной антропологии*, 1889 г.) Этот случай (за исключением раннего возраста субъекта) иллюстрирует спорадически возникающую урологическую символику у женщины, для которой такая символика довольно очевидна из-за близкого сходства между выделением мочи и эякуляцией спермы у мужчины, а также того факта, что один и тот же канал служит для обеих жидкостей. (Подобный урологический сон наяву зафиксирован в истории болезни одной женщины, содержащейся в третьем томе этих *Исследований*, Приложение В, История VIII.) Естественный и неизбежный характер этого символизма подтверждается тем фактом, что у примитивных народов иногда предполагалось, что моча обладает оплодотворяющими свойствами семени. Дж. Дж. Фрейзер в своем издании "Павсания" (том iv, стр. 139) объединяет различные истории о женщинах, оплодотворенных мочой. Хартленд также (*Легенда о Персее*, том i, стр. 76, 92) записывает легенды о женщинах, которые забеременели от случайного или намеренного употребления мочи.

Символическое сексуальное значение уролагии до сих пор обычно путали с фетишистским и главным образом обонятельным извращением, при котором сами выделения становятся источником сексуального возбуждения. С давних пор Тардые упоминал под именем "renifleurs" лиц, которые, как говорили, обитают в тихих переходах, особенно в окрестностях театров, и которые, когда они замечали, что женщина выходит после мочеиспускания, спешили возбудиться от запаха выделений. Возможно, фетишизм такого рода существовал в случае, описанном Беллетрудом и Мерсье (*Annales d'Hygiène Publique*, июнь 1904 г., стр. 48). Слабоумный, робкий юноша, который был очень сексуален, но не привлекателен для женщин, наблюдал за женщинами, которые собирались помочиться, и сразу же после того, как они уходили, шел и лизал место, которое они увлажнили, одновременно мастурбируя. Такое фетишистское извращение строго аналогично фетишизму, благодаря которому женские носовые платки, фартуки или нижнее белье становятся способными доставлять сексуальное удовлетворение. Очень полный случай такого урологического фетишизма — полный, поскольку отделен от ассоциации с человеком, совершающим акт мочеиспускания, — был зарегистрирован Мораглией у женщины. Речь идет о красивой и привлекательной молодой женщине 18 лет, с густыми черными волосами и выразительными живыми глазами, но землистым цветом лица. Выйдя замуж годом ранее, но бездетная, она испытывала определенное удовольствие от полового акта, но предпочитала мастурбацию и откровенно признавала, что ее сильно возбуждал запах перебродившей мочи. Этот фетишизм был настолько силен, что, когда, например, она проходила мимо уличного писсуара, ей часто приходилось отходить в сторону и мастурбировать; однажды она зашла с этой целью в сам писсуар и была чуть не обнаружена на месте преступления, а в другой раз - в церковь. Ее извращенность причиняла ей много беспокойства из-за страха быть обнаруженной. Она предпочитала, когда могла, брать бутылочку с мочой — которая должна быть несвежей и принадлежать мужчине (это, по ее словам, она могла определить по запаху) — и запирается в своей комнате, держа бутылочку в одной руке и постоянно мастурбируя другой. (Moraglia, "Psicopatie Sessuali," *Archivio di Psichiatria*, vol. xiii, стр. 6, стр. 267, 1892.) Этот случай представляет особый интерес из-за большой редкости полностью развитого фетишизма у женщин. В незначительной и зачаточной степени я полагаю, что случаи фетишизма не редкость

у женщин, но они, безусловно, редки в ярко выраженной форме, и Краффт-Эбинг заявлял, даже в последних изданиях своей *сексуальной психопатии*, что он не знал ни о каких случаях у женщин.

До сих пор нас интересовала скорее урологическая, чем копрологическая разновидность скаталогической символики. Хотя эти два явления иногда связаны, необходимой связи нет, и чаще всего нет тенденции к тому, чтобы одно вовлекало другое. Уролагния, безусловно, встречается гораздо чаще; акт мочеиспускания гораздо более склонен наводить назротически символические идеи, чем идея дефекации. Нетрудно понять, почему это должно быть так. Акт мочеиспускания легче поддается сексуальному символизму; он более тесно связан с генитальной функцией; его повторение необходимо с более частыми интервалами, чтобы оно было более заметным; более того, его результат, в отличие от акта дефекации, не является оскорбительным для чувств. Тем не менее, копролагния встречается, и не так уж редко. Бертон заметил, что даже обычный любовник подвержен этому чувству: "*immo nec ipsum amicae stercus foetet*".^[29]

О Калигуле, который, однако, едва ли был в здравом уме, было сказано "*et quidem stercus uxoris degustavit*".^[30] В парижских публичных домах (согласно Таксилю и другим) для тех, кто сексуально возбужден зрелищем акта дефекации (без привязки к контакту или запаху), предусмотрено "табурет верре", из-под стеклянного пола которого можно внимательно наблюдать за зрелищем дефекации женщин. Можно добавить, что эротическая природа такого зрелища упоминается в романах маркиза де Сада.

Есть один мотив существования копролагнии, который нельзя упускать из виду, потому что он, несомненно, часто служил способом перехода к тому, что само по себе вполне может показаться наименее эстетически привлекательным из эротических символов. Я имею в виду тенденцию нейтов превращаться в сексуальный фетиш. Нейты во все века и во всех частях света часто считались одной из самых эстетически красивых частей женского тела.^[31] Вполне вероятно, что на основе этого совершенно нормального влечения, во всяком случае, частично поддерживается более чем одна форма эротического символизма. Дюрэн и другие считали, что эстетическое обаяние нейтов является одним из мотивов, вызывающих желание подвергнуть женщин бичеванию. Точно так же — безусловно, в некоторых и, вероятно, во многих случаях — сексуальное обаяние нейтов постепенно распространяется на анальную область, на акт дефекации и, наконец, на кал.

В случае с Краффт-Эбингом (*Указ. соч.*, стр. 183) испытуемый, будучи ребенком 6 лет, случайно соприкоснулся рукой с затылком маленькой девочки, которая сидела рядом с ним в школе, и испытал такое большое удовольствие от этого контакта, что часто повторял его; когда ему было 10 лет, гувернантка из детского сада, чтобы удовлетворить свои собственные желания, засунула его палец себе во влагалище; во взрослой жизни у него развились мочекаменные наклонности.

В случае Молла можно четко проследить развитие юношеского восхищения нейтами в копрологическом направлении. В данном случае молодой человек, торговец, занимающий хорошее положение, стремился вступить в контакт с испражняющимися женщинами; и с этим объектом стремился спрятаться в шкафах; запах выделений был ему приятен, но не был существенным для удовлетворения, и вид нейтов также был возбуждающим и в то же время не был существенным для удовлетворения; акт дефекации, по-видимому, однако, был расценен как необходимый. Он никогда не стремился увидеть проститутку в такой ситуации; его

привлекали только молодые, симпатичные и невинные женщины. Однако копролагния здесь имела своим источником детское впечатление восхищения нейтами. Когда ему было 5 или 6 лет, он залез под одежду служанки, его лицо соприкоснулось с ее пальцами, и это впечатление осталось в его сознании связанным с удовольствием. Три или четыре года спустя он испытывал большое удовольствие, когда молодая двоюродная сестра садилась ему на лицо; так укрепилась ассоциация, которая естественным образом переросла в копролагнию. (Moll, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, p. 837.)

Едва ли нужно замечать, что восхищение нейтами, даже достигающее фетишистской степени, ни в коем случае не обязательно влечет за собой, даже по прошествии многих лет, какое-либо влечение к экскрементам. Корреспондент, для которого нейты на протяжении многих лет были фетишем, пишет: "Я обнаружил, что моя тяга к женщинам с обильным развитием таза или задней части тела растет, и я хочу совокупляться сзади; но я бы испытал тошнотворное чувство, если бы какая-либо часть моего тела соприкоснулась с женским анусом. Мне приятнее видеть нейтов, чем монсов, но я ненавижу все, что связано с анальной областью".

Молл подробно описал случай того, что можно описать как "идеальную копролагнию", то есть когда символизм, хотя и был полностью развит в воображении, не был перенесен в реальную жизнь, что представляет большой интерес, поскольку показывает, как у очень умного субъекта отклоненный символизм может стать высокоразвитым и влиять на все взгляды на жизнь таким же образом, как нормальный импульс. (Желания субъекта также были инвертированы, но с данной точки зрения психологический интерес к делу от этого не пострадал.) Случай Молл был связан с символизмом акта, когда выделения не представляли никакой привлекательности, кроме процесса дефекации. С другой стороны, в случае, о котором мне сообщили, имело место обонятельное фетишистское влечение к экскрементам даже в отсутствие человека.

В случае Молла пациент Х., 23 лет, принадлежит к семье, которую он сам описывает как нервную. Его мать, страдающая анемией, долгое время страдала от почти периодических приступов возбуждения, слабости, обмороков и сердцебиения. Брат матери умер в сумасшедшем доме, и несколько других братьев часто жалуются на свои нервы. Сестры матери очень добродушны, но склонны к вспышкам бешеных страстей; это они унаследовали от своего отца. По-видимому, у пациентки нет нервных заболеваний со стороны отца. Сестры Х. тоже здоровы.

Сам Х. имеет мощное низкорослое телосложение и обладает хорошим здоровьем, не подвержен никаким эксцессам. Он считает себя нервным. Он усердно учился в школе и всегда был первым в своем классе; однако он добавляет, что это связано не столько с его собственными способностями, сколько с ленью его одноклассников. Он, как сам отмечает, очень религиозен и часто молится, но редко ходит в церковь.

Относительно своих экстрасенсорных характеров он говорит, что у него нет особо выдающихся талантов, но он очень интересуется языками, математикой, физикой и философией, фактически, абстрактными предметами в целом. "Хотя я проявляю живой интерес ко всем видам интеллектуальной работы, - говорит он, - реальная жизнь и ее требования привлекли меня лишь недавно. У меня никогда не было особых навыков в физических упражнениях. К внешним вещам до недавнего времени я относился с презрением. У меня утонченная натура, я люблю одиночество и общаюсь только с несколькими избранными людьми. У меня определенный вкус к художественной литературе, поэзии и музыке; мой темперамент идеалистичен и религиозен,

со строгими представлениями о долге и морали, а также стремлением к добру и красоте. Я ненавижу все банальное и грубое, и все же я могу думать и действовать так, как вы узнаете из следующих страниц".

Относительно своей сексуальной жизни Х. сделал следующее сообщение: "За последние два года я убедился в извращенности своего полового инстинкта. Раньше я часто думал, что во мне этот импульс был не совсем нормальным, но только недавно я убедился в своей полной извращенности. Я никогда не читал и не слышал ни о каком случае, в котором сексуальные ощущения были бы такого же рода. Хотя я чувствую живую склонность к выдающимся представительницам женского пола и дважды испытывал нечто похожее на любовь, вид или воспоминание даже о красивой женщине никогда не вызывали сексуального возбуждения ". В двух упомянутых исключительных случаях выясняется, что Х. имел склонность целовать рассматриваемых женщин, но мысль о половом акте не привлекала его. "В моих сладострастных снах, связанных с выделением спермы, женщины в соблазнительных ситуациях никогда не появлялись. У меня никогда не было никакого желания посещать *puella publica*. Любовные истории моих сокурсников казались мне очень глупыми, танцы и балы приводили меня в ужас, и только в очень редких случаях меня удавалось убедить появиться в обществе. Нетрудно догадаться о диагнозе в моем случае: я страдаю сексуальным влечением к представителям своего пола, я любительница мальчиков.

Вы не можете себе представить, какой мир мыслей, желаний, чувств и импульсов открывают для меня слова "knabe", "παῖς", "garçon", "мальчик", "ragazzo"; одно из этих слов, даже в ничего не значащем разделе книги переводов, вызывает у меня всю сумму ассоциаций, которые со временем стали связаны с этой идеей, и только приложив усилие, я могу отпугнуть дикую шайку. Эта группа мыслей демонстрирует чудесную смесь теплой чувственности и идеальной любви, она объединяет мои низменные и высшие порывы, силу и слабость моей натуры, мое проклятие и мое благословение. Моя склонность особенно к мальчикам в возрасте от 12 до 15 лет; хотя они могут быть и моложе, и старше. То, что я предпочитаю красивых и умных мальчиков, вполне понятно. Мне нужна не проститутка, а друг или сын, душу которого я люблю, которому я могу помочь стать более совершенным мужчиной, таким, каким я сам охотно стал бы.

"Когда я сам принадлежал к этому счастливому возрасту (т.е. моложе 15 лет) У меня не было более заветного желания, чем иметь друга со схожими вкусами. Я искал, надеялся, ждал, горевал и, наконец, разочаровался, охваченный желанием и отчаянием, но так и не нашел этого друга. Даже позже надежда часто появлялась вновь, но всегда напрасно, и я не могу похвастаться тем уверенным признанием, о котором читаешь в автобиографиях Урнингса. Я не знаю лично ни одного товарища по несчастью. Также сомнительно, что такое знакомство сильно помогло бы мне, поскольку у меня очень своеобразное представление о гомосексуализме. Как вы увидите, у меня мало общего с теми, кого называют педерастами, кроме сексуального безразличия к женскому полу, и я часто спрашиваю себя: "Чувствует ли себя так же, как ты, какой-нибудь другой мужчина в целом мире? Вы одиноки на земле со своими болезненными желаниями? Вы пария из парий, или, возможно, рядом с вами живет другая душа с похожими желаниями? Как часто летом я ходил на озера и ручьи за пределами городов в поисках купающихся мальчиков; но я всегда возвращался неудовлетворенным, независимо от того, находил я кого-нибудь или нет. Изимой меня неудержимо тянуло вернуться в те же места, как будто они были освящены мальчиками, но мои любимые исчезли, и холодные

ветры дули над ледяными водами, так что я возвращался с чувством, что похоронил все свое счастье.

Поэтому следует иметь в виду, что то, что я должен сказать относительно моих сексуальных импульсов, относится только к фантазиям и никогда к их практической реализации. Мои чувственные порывы не связаны с половыми органами; все мои сладострастные идеи ни в малейшей степени не связаны с этими частями тела. По этой причине я никогда не практиковал онанизм, *iimmissio membri in anum* вызывает у меня такое же отвращение, как и у нормального мужчины. Даже любая имитация полового акта для меня лишена привлекательности. В теле мальчика меня особенно волнуют две вещи: *его живот и ягодицы*, первая из которых содержит пищеварительный тракт, вторая - удерживает отверстие кишечника. Из растительных процессов жизнедеятельности мальчика ни один не интересует меня так сильно, как прогресс его пищеварения и процесс дефекации. Невероятно, до какой степени эта часть физиологии занимала меня с юности. Если в детстве мне хотелось прочесть что-нибудь пикантно волнующее, я искал в отцовской энциклопедии такие статьи, как: Непроходимость, запор, геморрой, фекалии и т.д. Ни одна функция организма не казалась мне столь важной, как эта, и я рассматривал ее нарушения как наиболее важные во всем механизме жизни. Описание других заболеваний я мог бы прочесть хладнокровно, но инвагинация кишечника делает меня больным даже сегодня. Мне всегда чрезвычайно приятно слышать, что пищеварение окружающих меня людей находится в хорошем состоянии. Человек, который недостаточно следил за своим пищеварением, вызывал у меня недоверие, и я вообразил, что злые люди, должно быть, ужасно равнодушны к этому важному вопросу. Даже больше, чем обычных людей, я интересовался пищеварением более загадочных существ, таких как волшебники из легенд или люди других народов. Я бы охотно посвятил антропологическое исследование своему любимому предмету, но, к моему раздражению, книги почти всегда обходят этот вопрос молчанием. В "Истории и художественной литературе" я сожалел об отсутствии информации о состоянии пищеварения моих героев, когда они томились в тюрьме или в каком-нибудь непривычном или нездоровом месте. По этой причине я не ценил книгу дороже, чем ту, в которой описывается, как молодой человек, потерпевший кораблекрушение, долгое время жил в узкой снежной хижине, и добросовестно утверждалось, что у него начались нарушения пищеварения. Никакая безнравственность не возмущает меня больше, чем глупая практика дам, которые в обществе пренебрегают удовлетворением своих естественных потребностей из неуместных побуждений скромности. Во время путешествия по железной дороге я ужасно страдаю от мысли, что одному из моих попутчиков могут помешать выполнить какую-то настоящую естественную необходимость.

"Естественно, я уделяю самое пристальное внимание собственному пищеварению. С болезненной добросовестностью я хожу испражняться каждый день в одно и то же время; если операция не проходит к моему удовлетворению, я испытываю не столько физический, сколько психический дискомфорт. С этим весьма полезным гигиеническим интересом в период полового созревания стал ассоциироваться чувственный интерес. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать лет, у меня не было большего удовольствия, чем испражняться раздетым (сейчас я этого не делаю) после того, как сначала тщательно исследовал вздутие своего живота. Летом я уходил в лес, раздевался в укромном месте и предавался сладострастным утехам дефекации. Иногда я совмещал это с купанием в ручье. Я истощал свое воображение в попытках изобрести особенно приятные вариации, мечтал о необитаемом острове, где я мог бы разгуливать голышом, насыщать свое тело большим количеством

питательной пищи, удерживать экскременты как можно дольше, а затем выпускать их в каком-нибудь тонко продуманном месте. Эти практики и идеи часто вызывали эрекцию, а позже и поллюции, но гениталии не играли никакой роли в моих представлениях; их движения были неудобными и не доставляли удовольствия.

"Вскоре мне захотелось участвовать в этих оргиях с каким-нибудь мальчиком того же возраста, но мне нужен был не только товарищ в моей страсти, но и настоящий друг. Поскольку не могло быть и речи о мастурбации или педерастии, наша любовь ограничивалась бы поцелуями, объятиями и — в качестве компенсации за коитус — совместной дефекацией. Это было бы для меня совершенным блаженством. Я избавлю вас от неэстетичного содержания моих сладострастных грез. Но я остался без спутницы, а значит, и без настоящего наслаждения. [Однако он в различных случаях испытывал эрекцию и даже выделения, когда случайно видел, как мужчины или мальчики испражняются.] Hinc illæ lacrimæ; волнение по поводу моей собственной дефекации имело место только из-за меня.

"Я очень хорошо знал, что мои мысли и поступки были нечисты и достойны презрения. Ах! как часто, когда опьянение проходило, я с раскаянием бросался на колени, моля Бога о прощении! В течение нескольких недель я подавлял свою тоску; но в конце концов она оказалась для меня слишком сильной, я попытался оправдать себя и снова впал в свой порок. То, что я была виновна в распущенности и впервые сексуально любила мальчиков, стало ясно мне позже, когда я узнала значение эрекции как признака сексуального возбуждения.

"Никто не может себе представить, какая демоническая радость овладевает мной при мысли о красивом обнаженном мальчике, живот которого наполнен в результате длительного воздержания от испражнений. Эта мысль сильно возбуждает меня, поток страсти разливается по моей крови, и мои конечности дрожат. Я никогда не устану ощупывать этот живот и смотреть на него. Моя страсть выражалась бы в бурных ласках, и мальчику приходилось бы принимать различные позы, чтобы продемонстрировать красоту своих форм, *то есть* чтобы лучше видеть рассматриваемые части тела. Наблюдение за дефекацией еще больше усилило бы это своеобразное удовольствие. Если кишечник мальчика не был достаточно заполнен, я кормил его всеми видами пищи, которая производит много экскрементов, такой как картофель, хлеб грубого помола и т.д. Если возможно, я бы постарался отложить дефекацию на два-три дня, чтобы она была как можно более обильной. Когда, наконец, это произойдет, для меня будет невыразимой радостью наблюдать, как фекалии — которые должны быть довольно твердыми — выходят из заднего прохода".

Х. хотел бы быть учителем и думает, что мог бы оказывать благотворное влияние на мальчиков. Несмотря на перенесенную боль, он не думает, что хотел бы излечиться от своих порочных наклонностей, поскольку они доставляли ему не только боль, но и радость, и боль эта была вызвана главным образом тем фактом, что он не мог удовлетворить свои наклонности. Х. курит и пьет в умеренных количествах, не имеет женских привычек. (Вышеизложенное представляет собой краткое изложение случая, о котором полностью сообщает Moll, *Борьба с сексуальным насилием*, третье издание, стр. 295-305.)

Случай копролагнии, о котором мне сообщили, произошел с женатым мужчиной, нормальным во всех других отношениях, блестящим интеллектуалом и успешно занимающим очень ответственную должность. Когда он был ребенком, женщины в его доме всегда были равнодушны к его присутствию в своих спальнях и без стеснения удовлетворяли все

естественные потребности перед ним. Он мечтал об этом с эрекцией. Его сексуальные интересы постепенно сосредоточились на акте дефекации, и этот фетиш на протяжении всей жизни никогда не привлекал его так сильно, как в связи с определенным типом домашней мебели, которая использовалась для этой цели в его собственном доме. Акт дефекации у противоположного пола или что-либо, относящееся к нему или предполагающее то же самое, вызывало неконтролируемое сексуальное возбуждение; нейты также вызывали сильное влечение. Выделения альвин оказывали это влияние даже в отсутствие женщины; однако было необходимо, чтобы она была сексуально желанной особой. Извращение в данном случае не было полным; это означает, что возбуждение, вызванное актом дефекации или самими выделениями, на самом деле не было предпочтено половому акту; сексуальная идея была нормальным половым актом обычным способом, но ей предшествовало визуальное и обонятельное наслаждение возбуждающим фетишем. Когда коитус был невозможен, наслаждение фетишем сопровождалось мастурбацией (как в аналогичном случае уролагнии у женщины, описанном на стр. 62.). Однажды друг обнаружил его в спальне, принадлежащей женщине, за актом мастурбации над сосудом, содержащим желанный фетиш. Испытывая муку стыда, он попросил о пощаде умолчать об этом эпизоде, в то же время раскрыв историю своей жизни. Его постоянно преследовал страх разоблачения, а также угрызения совести и сознание своей деградации, а также страх, что его непреодолимая одержимость может привести его в сумасшедший дом.

Скаталогические группы сексуальных извращений, уролагнии и копролагнии, как можно достаточно видеть из этого краткого изложения, не являются просто обонятельными ощущениями. В большей доле случаев они являются динамическими символами, выражающими озабоченность физиологическими актами, которые благодаря ассоциациям смежности и еще в большей степени сходству приобрели свойство стимулировать в незначительных случаях и заменять в более экстремальных случаях нормальную озабоченность самым центральным физиологическим актом. Мы видели, что существуют различные соображения, которых вполне достаточно, чтобы послужить основой для таких ассоциаций. И когда мы размышляем о том, что в массовом сознании и в какой-то степени на самом деле сам половой акт, подобно мочеиспусканию и дефекации, является экскреторным актом, мы можем понять, что истинные экскреторные акты могут легко стать символами псевдо-экскреторного акта. Действительно, именно в мышечном освобождении от накопленного давления и напряжений, связанных с актом высвобождения накопленных выделений, мы имеем наиболее близкое подобие набухания и распускания полового процесса.^[32]

Таким образом, эротический символизм уролагнии и копролагнии полностью аналогичен той динамичной символике цепляющихся и раскачивающихся предметов одежды, которую так точно описал Херрик, сложной символике бичевания и ее игры розгой с краснеющими и дрожащими нейтами, символам сексуального напряжения, которые воплощены в ступне и акте наступления.

[24] Фукс ("*Эротический элемент в карикатуре*", стр. 26), проводя четкое различие между "эротическим" и "непристойным", бережет последний термин исключительно для обозначения органов выделения и действий. Он считает, что это этимологически наиболее точное употребление. Как бы то ни было, мне кажется, что в любом случае термин

"непристойный" стал настолько расплывчатым, что сейчас невозможно придать ему ограниченный и точный смысл.

[25] В этой связи мы можем с пользой рассмотреть руку и вспомнить обширную гамму функций, священных и мирских, которые выполняет этот орган. Многие дикари строго придерживаются левую руку для более низменных жизненных целей; но в цивилизации это не считается необходимым, и некоторым из нас, возможно, будет полезно поразмыслить о более скромном использовании той же руки, которая поднята в высшем жесте благословения и целовать которую люди часто считали привилегией.

[26] See, e.g., Morselli, *Una Causa di Nullità del Matrimonio*, 1902, p. 39.

[27] Фере, *Comptes-Rendus Société de Biologie*, 23 июля 1904г.

[28] Материалы Международного медицинского конгресса, Москва, вып. iv, стр. 19. Подобный символизм можно проследить во многих случаях, когда фокус скромности у скромных женщин становится сосредоточенным в экскреторной сфере и иногда преувеличивается до степени одержимости. Однако не следует предполагать, что каждая одержимость в этой сфере имеет символическое значение эротического рода. В случае, например, который был зафиксирован Рэймондом и Джанет (*Les Obsessions*, vol. ii, стр. 306) у женщины, которая проводила большую часть своего времени в попытках идеально помочиться, постоянно чувствуя, что в чем-то ей это не удастся, навязчивая идея, по-видимому, возникла случайно на несколько невротической основе, без привязки к сексуальной жизни.

[29] *Анатомия меланхолии*, Часть III, Раздел II, Памятка. III, подп. I.

[30] Здесь можно отметить, что, хотя поедание экскрементов (помимо их прежнего использования в качестве магических амулетов и терапевтических средств) в настоящее время в цивилизации ограничено сексуальными извращениями и душевнобольными, среди некоторых животных это нормально как мера гигиены по отношению к их детенышам. Таким образом, как, *например*, пишет преподобный Артур Ист, дрозд мистле проглатывает помет своих детенышей. (*Знание*, 1 июня 1899 г., стр. 133.) У этой собаки я заметил, что сука вылизывает своих щенков вскоре после рождения, когда они мочатся, поглощая жидкость.

[31] Смотрите, *например*, предыдущий том этих исследований, "Половой отбор у человека", стр. 165 и далее., и Дюрэн, *Гешлехтсleben в Англии*, bd. ii, стр. 258, и далее.

[32] В исследовании *любви и боли* в предыдущем томе (стр. 130) Я процитировал высказывания одной дамы, которая ссылается на аналогию между сексуальным напряжением и напряжением мочевого пузыря — "Сладострастие как непреходящее на границах моря, где живут люди без границ" — и ее эротическое значение.

IV.

Содержание

Животные как источники эротической символики—Микроскопическая зоофилия—Материал-фетишизмы—Фетишизм волос-Материал—фетишизмы в основном на тактильной основе—Эротическая зоофилия—Зооэрастия—Зоофилия—Условия, благоприятствующие зоофилии—Ее широкая распространенность среди первобытных народов и крестьян—Примитивное представление о животных—Коза—Влияние дружеского общения с животными—Общение женщин с животными—Социальная реакция против зоофилии.

Эротические символы, которыми мы до сих пор занимались, в каждом случае были частями тела, или его физиологическими процессами, или, по крайней мере, одеждой, которую оно наделяло жизнью. Ассоциация, на основе которой возник символ, в каждом случае была в значительной степени, хотя и не полностью, ассоциацией смежности. Теперь необходимо коснуться группы сексуальных символов, в которых отсутствует ассоциация соприкосновения с человеческим телом: различных методов, с помощью которых животные или продукты животного происхождения, или зрелище совокупления животных может вызвать сексуальное желание у людей. Здесь мы сталкиваемся с символизмом, основанным главным образом на ассоциации по внешнему сходству; половой акт животного напоминает половой акт человека; животное становится символом человека.

Группа явлений, которые мы здесь рассматриваем, включает в себя несколько подразделений. Во-первых, более или менее сексуальное удовольствие, которое иногда испытывают, особенно молодые люди, при виде совокупляющихся животных. Я бы предложил назвать это микроскопической зоофилией; она находится в пределах нормальных вариаций. Затем мы имеем случаи, когда контакт с животными, поглаживание и т.д. Вызывают сексуальное возбуждение или удовлетворение; это сексуальный фетишизм в узком смысле, и Крафт-Эбинг называет его *эротической зоофилией*. Далее, у нас есть класс случаев, в которых желателен реальный или имитируемый половой акт с животными. Крафт-Эбинг не рассматривает такие случаи как фетишизм,^[33] но они относятся к явлениям эротического символизма, как они понимаются здесь. Этот класс делится на два подразделения: одно, в котором индивид довольно нормален, но принадлежит к низкому уровню культуры; другое, в котором он может принадлежать к более утонченному социальному классу, но подвержен глубокой степени дегенерации. В первом случае мы можем правильно применить термин "зоофилия"; во втором случае, возможно, лучше использовать термин *зооэрастия*, предложенный Крафт-Эбингом.^[34]

Среди детей, как мальчиков, так и девочек, принято считать, что совокупление животных - это таинственно завораживающее зрелище. Так должно быть неизбежно, ибо зрелище более или менее ясно ощущается как раскрытие тайны, которая была скрыта от них. Более того, это тайна, о которой они чувствуют интимный отклик внутри себя, и даже у совершенно невинных и невежественных детей это зрелище может вызвать неясное сексуальное возбуждение.^[35] Казалось бы, это чаще встречается у девочек, чем у мальчиков. Можно добавить, что даже во взрослом возрасте женщины склонны испытывать те же эмоции в присутствии таких очков. Одна дама вспоминает, что в детстве несколько раз элемент физического возбуждения присутствовал в чувствах, с которыми она наблюдала за кокетством кошек. Другая женщина упоминает, что в возрасте около 25 лет, когда она все еще была совершенно несведуща в вопросах секса, она увидела из окна, как несколько мальчиков щекотали собаку и вызывали у животного сексуальное возбуждение; она смутно догадывалась, что они делали, и, хотя чувствовала отвращение к их поведению, в то же время испытывала в сильной степени то, что, как она теперь знает, было сексуальным возбуждением. Совокупление более крупных животных

- это часто впечатляющее и великолепное зрелище, которое на самом деле далеко от непристойного и привлекает внимание людей с выдающимся интеллектом;^[36] но в молодых или неуравновешенных умах такие зрелища, как правило, становятся одновременно похотливыми и болезненными. Я уже упоминал о любопытном случае с сексуально гиперэстетичной монахиней, которая всегда сильно возбуждалась при виде или даже воспоминании о мухах в сексуальной связи, так что была вынуждена мастурбировать; это относится к детству. Став монахиней, она записала, что испытывала этот опыт с последующей мастурбацией более четырехсот раз.^[37] Зрелища с животными иногда оказывают сексуальное воздействие на детей, даже если они не являются специально сексуальными; так, корреспондент, священнослужитель, сообщает мне, что, когда я был маленьким и впечатлительным мальчиком, он был сильно взволнован, увидев, как ветеринарный врач засовывает руку в прямую кишку лошади, и впоследствии несколько раз видел это во сне с выделениями.

В то время как созерцание совокупления животных является легко понятным и, возможно, почти нормальным символом сексуальных эмоций в раннем возрасте, существует другое подразделение этой группы фетишизмов животных, которое образует более естественный переход от фетишизмов, центр которых находится в человеческом теле: фетишизмы материи, или сексуальное влечение, проявляемое различными тканями, возможно, всегда животного происхождения. Здесь мы сталкиваемся с несколько сложным явлением. Отчасти мы имеем дело, в значительном количестве таких случаев, с сексуальной привлекательностью женской одежды, поскольку все такие ткани могут попасть в состав платья. Частично также мы имеем дело с сексуальным извращением тактильной чувствительности, поскольку в значительной доле этих случаев именно сенсорные ощущения являются сильными в возбуждении эротических ощущений. Но отчасти, также, по-видимому, мы имеем здесь сознательное или подсознательное присутствие животного фетиша, и примечательно, что, возможно, все эти материалы, и особенно мех, который на сегодняшний день является самой распространенной из групп, являются продуктами явно животного происхождения. Возможно, мы можем рассматривать фетиш женских волос — на самом деле гораздо более важный и распространенный фетиш, чем любой из фетишизмов материи, — как связующее звено перехода. Волосы - это одновременно продукт животного и человеческого происхождения, хотя они могут быть отделены от тела и обладают качествами материала. Крафт-Эбинг отмечает, что чувства осязания, обоняния и слуха, а также зрения, по-видимому, участвуют в притяжении, создаваемом волосами.

Естественное очарование волосами, на котором основан волосяной фетишизм, начинается в очень раннем возрасте. "Волосы - особый объект интереса у младенцев, - заключает Стэнли Холл, - который часто начинается во второй половине первого года жизни. ... Волосы, без сомнения, дают совершенно уникальные тактильные ощущения, как у собственных корней, так и на руках, они пластичны и поддаются моторному восприятию, так что самый ранний интерес может быть сродни интересу к меху, который является заметным объектом в детском опыте. У некоторых детей развивается почти фетишистская склонность дергать или позже гладить волосы или бороду каждого, с кем они вступают в контакт". (Г. Стэнли Холл, "Раннее осознание себя", *Американский журнал психологии*, апрель 1898 г., стр. 359.)

Следует добавить, что очарование волос для инфантильного и ребячливого ума не обязательно является притягательным, но может вызывать отвращение. Здесь, как и в случае со столь многими характеристиками, имеющими сексуальное значение, случается так, что мы

находимся в присутствии объекта, который может оказывать динамическую эмоциональную силу, силу, способную отталкивать с той же энергией, с какой он притягивает. Фере описывает поучительный случай с трехлетним ребенком с наследственной психопатией, которого мать, когда он не мог заснуть, иногда брала к себе в постель. Однажды ночью его рука соприкоснулась с волосатой частью тела его матери, и это, вызвав мысль о животном, заставило его в ужасе вскочить с кровати. Ему стало любопытно узнать причину своего ужаса, и со временем он смог понаблюдать за "животным", но возникшая череда чувств привела к пожизненному безразличию к женщинам и склонности к гомосексуализму. Примечательно, что его привлекали мужчины, у которых были хорошо развиты волосы и другие вторичные половые признаки. (Фере, *Инстинктивная сексуальность*, второе издание, стр. 262-267.)

Как сексуальный фетиш волосы строго принадлежат к группе частей тела; но поскольку они могут быть удалены с тела и сексуально эффективны как фетиш в отсутствие человека, которому они принадлежат, они находятся на одном уровне с одеждой, которая может выполнять аналогичную функцию, например, с обувью, носовыми платками или перчатками. Психологически волосяной фетишизм не представляет особой проблемы, но широкая привлекательность волос - в сексуальном плане это наиболее часто отмечаемая часть женского тела после глаз — и особая легкость, с которой их можно удалить, заплетенные в косу, превращают волосяной фетишизм в сексуальное извращение, представляющее особый медико—правовой интерес.

На частоту фетишизма по поводу волос, а также на естественное восхищение, на котором он основан, указывает случай, зафиксированный Лораном. "Несколько лет назад, - утверждает он, - на балу Буллье в Париже постоянно видели высокую девушку с худым и костлявым лицом, но с черными волосами поистине замечательной длины. Она носила их ниспадающими на плечи и поясницу. Мужчины часто следовали за ней по улице, чтобы прикоснуться к волосам или поцеловать их. Другие провожали ее до дома и платили ей за простое удовольствие прикасаться и целовать длинные черные локоны. Один, имея в виду относительно значительную сумму, пожелал испортить шелковистые волосы. Она была вынуждена всегда быть настороже и принимать всевозможные меры предосторожности, чтобы никто не сорвал это украшение, которое составляло ее единственную красоту, а также ее средства к существованию". (Э. Лоран, *L'Amour Morbide*, 1891, стр. 164; также *Фетишисты и эротоманы того же автора*, стр. 23.)

Средство для удаления волос (*Coupeur des Nattes* или *Zopfabschneider*) можно найти в любой цивилизованной стране, хотя наиболее тщательно изученные случаи имели место в Париже. (Несколько судебно-медицинских историй лиц, лишивших волос, обобщены Краффт-Эбингом, *Указ. соч.*, стр. 329-334). Такие люди обычно обладают нервным темпераментом и плохой наследственностью; влечение к волосам иногда развивается в раннем возрасте; иногда болезненный импульс появляется только в более позднем возрасте после лихорадки. Фетишем могут быть либо распущенные волосы, либо заплетенные в косу, но обычно это одно или другое, а не оба сразу. Сексуальное возбуждение и эякуляция могут быть вызваны прикосновением или срезанием волос, которые впоследствии, во многих случаях, используются для мастурбации. Как правило, тот, кто портит волосы, является чистым фетишистом, в его чувствах нет элемента садистского удовольствия. В случае с "капиллярным клептоманом" в Чикаго — высокоинтеллектуальным и спортивным женатым молодым человеком из хорошей семьи — импульс отрезать девушкам косы появился после выздоровления от сильной лихорадки. Он

восхищенно смотрел на длинные локоны, а затем с огромной скоростью обрезал их; он делал это примерно в пятидесяти случаях, прежде чем его ловили и сажали в тюрьму. Обычно он выбрасывал косы до того, как возвращался домой. (*Психиатр и невролог*, апрель 1889 г., стр. 325.) В данном случае в анамнезе нет сексуального возбуждения, вероятно, потому, что не было проведено надлежащей судебно-медицинской экспертизы. (Можно добавить, что средства для удаления волос были специально изучены Мотетом в "Les Coupeurs de Nattes", *"Анналы Гигиен"*, 1890.)

Фетишами-материалами чаще всего являются мех и бархат; перья, шелк и кожа также иногда оказывают это влияние; все они, как следует отметить, являются веществами животного происхождения.^[38] Наиболее интересным, вероятно, является мех, привлекательность которого нередко ассоциируется с пассивной алголагией. Как показал Стэнли Холл, страх перед мехом, равно как и любовь к нему, ни в коем случае не редкость в детстве; он может проявляться даже в младенчестве и у детей, которые никогда не контактировали с животными.^[39] Примечательно, что в большинстве случаев неосложненного фетишизма влечение, по-видимому, возникает на врожденной основе, поскольку оно проявляется у лиц нервного или чувствительного темперамента в раннем возрасте и без привязки к какому-либо определенному причинному инциденту. Сексуальное возбуждение почти всегда вызывается прикосновением, а не видом. Как мы обнаружили, когда речь шла о чувстве осязания в предыдущем томе, специфические сексуальные ощущения можно рассматривать как особую модификацию щекотки. Эротический символизм в случае этих фетишизмов, по-видимому, является более или менее врожденным извращением щекотки по отношению к конкретным контактам с животными.

Дальнейшая степень извращения в этом направлении достигнута в случае эротической *зоофилии*, зарегистрированном Краффт-Эбингом.^[40] В данном случае врожденный невропат, с хорошим интеллектом, но деликатный и анемичный, со слабыми сексуальными способностями, с раннего возраста очень любил домашних животных, особенно собак и кошек; глядя их, он испытывал сексуальные эмоции, хотя был невинен в сексуальных вопросах. Достигнув половой зрелости, он осознал природу своих чувств и попытался избавиться от своих привычек. Ему это удалось, но затем начались эротические сны, сопровождавшиеся изображениями животных, и это привело к мастурбации, связанной с идеями подобного рода. В то же время у него не было желания вступать в какие-либо половые сношения с животными, и он был безразличен к полу животных, которые его привлекали; его сексуальные идеалы были нормальными. Такой случай, по-видимому, в основе своей является случаем фетишизма на тактильной основе и, таким образом, образует переход между материальными фетишизмами и полными извращениями сексуального влечения к животным.

В некоторых случаях сексуально гиперэстетичные женщины сообщали мне, что сексуальное чувство вызывалось случайным контактом с домашними собаками и кошками. В таких случаях настоящего извращения обычно нет, но представляется вероятным, что здесь мы можем иметь случайную основу для несколько болезненных, но едва ли порочных излишеств привязанности, которые женщины склонны проявлять по отношению к своим любимым собакам или кошкам. В большинстве случаев в этой привязанности определенно отсутствует сексуальный элемент; в случае бездетных женщин это скорее можно рассматривать как материнский, чем как эротический символизм. (Крайности этой неэротической зоофилии обсуждались Фере, *"Инстинктивный секс"*, второе издание, стр. 166-171.)

Краффт-Эбинг считает, что полное извращение сексуального влечения к животным радикально отличается от эротической *зоофилии*. Эта точка зрения не может быть принята. Зоофилия *изооэрастия* просто представляют в более выраженной и глубоко извращенной форме дальнейшую степень того же явления, с которым мы встречаемся при эротической *зоофилии*; разница в том, что они встречаются либо у более нечувствительных, либо у более заметно дегенерирующих личностей.

Довольно типичный случай *зооэрастии* был зарегистрирован в Америке Говардом из Балтимора. Это был случай с 16-летним мальчиком, не по годам зрелым и довольно сообразительным. Однако он был равнодушен к противоположному полу, хотя у него было достаточно возможностей для удовлетворения нормальных страстей. Его родители жили в городе, но юноша испытывал непомерную тягу к сельской жизни, и поэтому его отправили в деревенскую школу. На второй день после своего прибытия в школу фермер недосчитался свиноматки, которую нашли спрятанной во флигеле на территории школы. Это был первый из многих подобных инцидентов, в которых всегда принимала участие свинья. Его страсть была настолько сильной, что однажды пришлось применить силу, чтобы оторвать его от свиньи, которую он ласкал. Он не мастурбировал, и даже когда ему запрещали приближаться к свиноматкам, у него не было сексуального влечения к другим животным. Его частые ночные поллюции всегда сопровождались изображениями барахтающихся свиней. Несмотря на тщательное лечение, никакого излечения достигнуто не было; умственная и физическая сила покинула его, и он умер в возрасте 23 лет.^[41]

Однако несколько сомнительно, можем ли мы всегда или даже обычно проводить различие между *зооэрастией* и *зоофилией*. Доктор Г. Ф. Лидстон из Чикаго сообщил мне о случае (в котором с ним консультировались), который кажется довольно типичным и поучительным в этом отношении. Объектом исследования был молодой человек 21 года, сын фермера, не очень умный интеллектуально, но очень здоровый и сильный, оказывающий большую помощь на ферме, очень способный и трудолюбивый, такой хороший работник на ферме, что его отец не хотел отсылать его и лишаться его услуг. В семье не было случаев безумия или невроза, а в его личном анамнезе не было травм или болезней. Однако у него бывали приступы угрюмости и раздражительности, а также он увлекался мастурбацией. Женщины его не привлекали, но он совокуплялся с кобылами на ферме своего отца, и это без оглядки на время, место или зрителей. Такой случай, по-видимому, находится на полпути между обычной *зоофилией* и патологической *зооэрастией*, как их определяет Краффт-Эбинг, однако представляется вероятным, что в большинстве случаев обычной *зоофилии* можно было бы обнаружить некоторые незначительные следы психической аномалии, если бы такие случаи всегда расследовались должным образом.^[42]

Здесь мы подошли к самому грубому и наиболее частому извращению в этой группе; *зоофилии*, или стремлению достичь сексуального удовлетворения путем полового акта или другого тесного контакта с животными. Стремясь понять это извращение, необходимо отказаться от отношения к животным, которое является неизбежным результатом утонченной цивилизации и городской жизни. Большинство сексуальных извращений, если и не являются в значительной степени реальным результатом цивилизованной жизни, то легко приспосабливаются к ней. Зоофилия (за исключением одной формы, которая будет отмечена позже) - это, с другой стороны,

сексуальное извращение тупых, бесчувственных и непривередливых людей. Он процветает среди первобытных народов и среди крестьян. Это порок неуклюжего человека, непривлекательного для женщин или неспособного ухаживать за ними.

Чрезвычайному распространению зоофилии способствовали три условия: (1) примитивные представления о жизни, которые не создавали большого барьера между человеком и другими животными; (2) крайняя фамиллярность, которая обязательно существует между крестьянином и его животными, часто в сочетании с разлукой с женщинами; (3) различные фольклорные верования, такие как эффективность полового акта с животными как лекарства от венерических заболеваний и т.д.^[43]

Верования и обычаи первобытных народов, а также их мифология и легенды рисуют перед нами сообщество людей и животных, совершенно не похожее ни на что из того, что мы знаем о цивилизации. Люди могут стать животными, а животные могут стать людьми; животные и люди могут общаться друг с другом и жить на условиях равенства; животные могут быть предками человеческих племен; священными тотемами дикарей чаще всего являются животные. В понятии сексуальных отношений между человеком и животными нет ничего постыдного или унижающего достоинство, потому что в примитивных представлениях животные не являются низшими существами, отделенными от человека огромной пропастью. Они гораздо больше похожи на переодетых людей и в некоторых отношениях обладают способностями, которые делают их превосходящими мужчин. Это видно по тем пьесам, празднествам и религиозным танцам, столь распространенным среди первобытных народов, во время которых люди переодеваются в животных.^[44] Когда мужчины восхищаются качествами животных и подражают им и с гордостью верят, что они происходят от них, неудивительно, что иногда они не видят ничего унижительного в половом акте с ними.^[45]

Значительный пережиток первобытных представлений в этом вопросе, возможно, можно обнаружить в религиозных обрядах, связанных со священным козлом Мендеса, описанных Геродотом. Рассказав, как мендесийцы почитают козу, особенно козла-самца, из-за своего преклонения перед Паном, которого они представляют в виде козла ("истинный мотив, который они приписывают этому обычаю, я не решаюсь излагать"), он добавляет: "В этой стране и на моей памяти это действительно было общеизвестно, когда козел непристойно и публично общался с женщиной".^[46] Смысл этого отрывка, очевидно, заключается в том, что при обычном общении женщин со священным козлом связь была лишь имитированной или неполной из-за естественного безразличия козла к человеческой самке, но в редких случаях козел оказывался сексуально возбудимым с женщиной и способным к связи.^[47] Козел всегда был своего рода священной эмблемой похоти. В средние века оно стало ассоциироваться с Дьяволом как одна из любимых форм, которые он принимал. Для примитивно религиозной сексуальной связи между мужчинами и животными важно то, что ведьмы постоянно признавались или их заставляли признаваться, что у них были сношения с дьяволом в образе животного, очень часто собаки. Фигуры людей и животных, вырезанные на храмах в Индии, также, по-видимому, указывают на религиозное значение, которое иногда представляет это явление. Действительно, нет необходимости выходить за пределы Европы даже в периоды ее наивысшей культуры, чтобы найти религиозную санкцию для сексуального союза между людьми или богами в человеческом обличье и животными. Легенды об Ио и быке, о Леде и лебеде являются одними из самых известных в греческой мифологии, а в более поздней изобразительной форме они составляют одни из самых почитаемых произведений художников эпохи Возрождения.

Что касается распространенности случайных половых сношений между мужчинами или женщинами и животными среди первобытных народов в настоящее время, то можно найти множество разрозненных упоминаний путешественников во всех частях света. Такие ссылки ни в коем случае не указывают на то, что подобные практики, как правило, распространены, но они обычно показывают, что они принимаются с добродушным безразличием.^[48]

Скотоложство очень редко встречается в городах. В сельской местности этот порок кузнециков далеко не редкость. Для крестьянина, чьи чувства необразованны и который предъявляет к женщине лишь самые элементарные требования, разница между животным и человеком в этом отношении едва ли кажется очень большой. "Моя жена слишком долго отсутствовала, - объяснил магистрату немецкий крестьянин, - и поэтому я пошел со своей свиньей". Это, безусловно, объяснение, которое необразованному крестьянину, несведущему в богословских и юридических концепциях, часто должно казаться естественным и достаточным.

Скотоложство, таким образом, напоминает мастурбацию и другие ненормальные проявления сексуального влечения, которые могут практиковаться просто *по привычке*, а не как, в строгом смысле, извращения влечения. Таким образом, может практиковаться даже некрофилия. Молодой человек, который, помогая могильщику, задумал и осуществил идею выкапывать тела молодых девушек для удовлетворения своих страстей, и чей случай был зафиксирован Беллетрудом и Мерсье, сказал: "Я не мог найти молодую девушку, которая согласилась бы уступить моим желаниям; вот почему я это сделал. Я бы предпочел иметь отношения с живыми людьми. Мне казалось вполне естественным делать то, что я делал: я не видел в этом вреда и не думал, что кто-то другой смог бы. Поскольку живые женщины не испытывали ко мне ничего, кроме отвращения, было вполне естественно, что я обратился к мертвым, которые никогда не испытывали ко мне отвращения. Я обычно говорил им нежные вещи, например: "Моя красавица, любовь моя, я люблю тебя". (Беллетруд и Мерсье "Извращение генетического инстинкта", "Анналы общественной жизни", июнь 1903 г.) Но когда столь в высшей степени ненормальный поступок воспринимается как естественный, мы имеем дело с человеком, который от рождения неполноценен в том, что касается более тонкого развития интеллекта. Так было и в данном случае с некрофилией; он был сыном слабоумной женщины с необузданными сексуальными наклонностями и сам был несколько слабоумным; кроме того, поучительно заметить, что он был аносомом.

Но ни в коем случае не только их притупленная чувствительность или отсутствие женщин являются причиной частого проявления скотоложства среди крестьян. Очень важным фактором является их постоянное знакомство с животными. Крестьянин живет с животными, ухаживает за ними, учится узнавать все их индивидуальные особенности; он понимает их гораздо лучше, чем мужчин и женщин; они его постоянные спутники, его друзья. Более того, он знает подробности их сексуальной жизни, он часто становится свидетелем весьма впечатляющего зрелища их совокупления. Неудивительно, что крестьяне иногда считают животных не только такими же близкими им людьми, как их собратья, но и даже более близкими.

На значимость фактора фамиллярности указывает большая частота случаев зоофилии среди пастухов, козопасов и других лиц, чьим занятием является исключительно уход за животными. Мирабо в восемнадцатом веке утверждал, основываясь на свидетельствах баскских священников, что все пастухи в Пиренеях занимаются скотоложством. По-видимому, в Италии примерно то же самое.^[49] Говорят, что на Юге Италии и особенно на Сицилии зоофилия среди

козопасов и крестьян стала почти национальным обычаем.^[50] Сообщается, что на крайнем севере Европы северный олень в этом отношении заменяет козла.

Важность того же фактора подтверждается и тем фактом, что когда среди женщин в цивилизации появляются животные извращения, животным почти всегда является домашняя собака. Обычно в этих случаях животное учат доставлять удовольствие с помощью *куннилингуса*. Однако в некоторых случаях между животным и женщиной действительно имеет место половой акт.

Молл упоминает, что в деле о *куннилингусе* собакой в Германии возникла трудность относительно того, следует ли считать это неестественным преступлением или просто нарушением приличий; суд низшей инстанции рассмотрел это в первом свете, в то время как суд высшей инстанции занял более милосердную позицию. (Moll, *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, стр. 697.) В случае, о котором сообщил Пфафф и который упомянул Молл, деревенскую девушку обвинили в половом акте с большой собакой. При осмотре Пфафф обнаружил в густых лобковых волосах девочки выбившийся волос, который под микроскопом оказался принадлежащим собаке. (Лок. цит. по, стр. 698.) В таком случае следует отметить, что, хотя эти доказательства могут свидетельствовать о сексуальном контакте с собакой, их едва ли достаточно для доказательства полового акта. Однако это, несомненно, происходило время от времени, даже более или менее открыто. Блох (Указ. соч., стр. 277 и 282) отмечает, что это нередкое представление, устраиваемое проститутками в определенных публичных домах. Машка ссылаясь на подобную выставку женщины и бульдога, которая была устроена для избранных кругов Парижа. Росс ссылается на случай, когда молодая незамужняя женщина из Вашингтона была застигнута врасплох во время полового акта с крупным английским мастифом, который в своих попытках освободиться нанес ей такие серьезные травмы, что женщина умерла от кровотечения примерно через час. Росс также упоминает, что несколько лет назад подобное представление между проституткой и собакой ньюфаундленда можно было засвидетельствовать в Сан-Франциско, заплатив небольшую сумму; женщина заявила, что женщина, однажды совокупившаяся с собакой, впоследствии предпочтет это животное мужчине. Росс добавляет, что он был знаком с подобным представлением между женщиной и ослом, которое раньше имело место в Европе (Ирвинг Росс, "Сексуальная ипохондрия и извращение генного инстинкта", *Virginia Medical Monthly*, октябрь 1892 г., стр. 379). Ювенал упоминает о таких отношениях между ослом и женщиной (vi, 332). Краусс (цитируется Блохом, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Раздел II, стр. 276) утверждает, что в Боснии женщины иногда практикуют подобные практики с собаками, а также — во что он бы никогда не поверил, если бы однажды не наблюдал это — с кошками. "Мне кажется, - пишет доктор Кирнан из Чикаго (частное письмо), - что то, что Росс говорит о выставках животных в Сан-Франциско, верно для всех больших городов. Животным, используемым на подобных выставках, обычно был осел, и в одном случае смерть наступила от того, что животное затоптало девушку-партнера. Описанная практика встречается в регионах страны довольно часто. Так, в одном случае, о котором сообщалось в пригороде Омахи, штат Небраска, шестнадцатилетний юноша занимался ректальным половым актом с крупной собакой. Пытаясь вытащить свой раздутый пенис из прямой кишки мальчика, собака разорвала *финктер* на дюйм, задев ягодичные мышцы. (Клиника в Омахе, март 1893 г.) В случае из Миссури, который я подтвердил, у умной, симпатичной, хорошо образованной деревенской девушки были обнаружены обильные зловонные выделения из влагалища, которые присутствовали около недели и появились внезапно. После промывания наружных половых органов и вскрытия половых губ

были обнаружены три разреза: один через фуршет и два через левую нимфу. Влагалище было чрезмерно переполнено и покрыто кровотокающими точками при малейшем раздражении. Пациентка призналась, что однажды, играя с гениталиями крупной собаки, она возбудилась и подумала, что у нее будет легкий коитус. После того, как собака вошла, она не смогла освободиться от него, так как он так крепко обхватил ее передними лапами. Пенис настолько распух, что собака не могла освободиться, хотя в течение более чем часа прилагала к этому настойчивые усилия. (*Медицинский стандарт*, июнь 1903 г., стр. 184). В случае из Индианы, по поводу которого со мной консультировались, девочка была больна гебефренией, которая прибегла к этой процедуре с собакой ньюфаундленда по просьбе другой девочки, по-видимому, нормальной с точки зрения психики, и была тяжело травмирована; в результате появились выделения, напоминающие гонорею, но не содержащие гонококков. Эти случаи, вероятно, более часты, чем обычно предполагается".

Известно, что женщины время от времени или регулярно вступали в половую связь с различными другими животными в различных частях света. В этой связи упоминались обезьяны. Молл замечает, что, по-видимому, признаком ненормального интереса к обезьянам является то, что некоторые женщины, по наблюдениям обслуживающего персонала обезьянника зоологических садов, являются очень частыми посетительницами. Недалеко от Амазонки путешественник Кастельно увидел огромную обезьяну Коати, принадлежащую индианке, и попытался купить ее; хотя он предложил крупную сумму, женщина только рассмеялась. "Ваши усилия бесполезны, - заметил один индеец в той же хижине. - он ее муж". (Что касается ранней литературы по этому предмету, то ряд фактов и басен, касающихся общения женщин с собаками, козами и другими животными, был сведен воедино в начале восемнадцатого века Шуригом в его *Гинекологии*, Раздел II, глава. VII; Я не использовал эту коллекцию.)

В некоторых случаях женщины, а также мужчины находят удовлетворение в сексуальных манипуляциях с животными без какого-либо согласия. Это можно проиллюстрировать наблюдением, сообщенным мне корреспондентом, священнослужителем. "В Ирландии дом моего отца примыкал к резиденции архидьякона официальной церкви. Мне было тогда около 20 лет, и я все еще пребывал в религиозном благоговении перед путями зла. У архидьякона было две дочери, обеих он воспитал в большой строгости, решив, что они должны вырасти образцами добродетели и благочестия. Наши конюшни примыкали друг к другу и были разделены только тонкой стеной, в которой был дверной проем, забитый несколькими досками, поскольку раньше эти две конюшни были одной. Однажды ночью мне довелось пойти в нашу конюшню в поисках пропавшего садового инструмента, и я услышал, как с другой стороны открылась дверь, и увидел свет, пробивающийся сквозь щели в досках. Я заглянул внутрь, чтобы выяснить, кто мог быть там в такой поздний час, и вскоре узнал статную фигуру одной из дочерей, Ф. Ф. была высокой, темноволосой и красивой, но никогда не делала никаких заигрываний ни мне, ни я ей. Она занималась любовью с кобылой своего отца необычным образом. Обнажив правую руку, она сформировала пальцы в виде конуса и надавила на вульву кобылы. Я был поражен, увидев, как животное вытянуло задние лапы, словно для того, чтобы приспособиться к руке своей хозяйки, которую она постепенно и с кажущейся легкостью подталкивала к локтю. В то же время она, казалось, испытывала самые сладострастные ощущения, приближаясь к кризису за кризисом". Мой корреспондент добавляет, что, будучи чрезвычайно любопытным в этом вопросе, он сам провел несколько аналогичный эксперимент с одной из кобыл своего отца и испытал то, что он описывает как "мощнейший сексуальный

заряд", который произвел очень возбуждающий и изматывающий эффект. Некке (*Psychiatrische en Neurologische Bladen*, 1899, № 2) упоминает идиота, который таким образом манипулировал вульвой подопечных кобыл. Гильеро описал случай (*Журнал ветеринарной медицины и зоотехнии*, январь 1899 г.) с юношей, который имел обыкновение засовывать руку в вульву коров, чтобы получить сексуальное возбуждение.

Возможность сексуального возбуждения между женщинами и животными предполагает определенную степень сексуальной возбудимости у животных от контакта с женщинами. Дарвин утверждал, что не может быть никаких сомнений в том, что различные четвероногие животные могут отличать женщин от мужчин — в первую очередь, вероятно, по запаху и во вторую очередь по виду — и, таким образом, подвержены сексуальному возбуждению. Он цитирует мнения по этому вопросу Юэтта, Брема, сэра Эндрю Смита и Кювье (*Происхождение человека*, второе издание, стр. 8). Молл цитирует мнение опытного наблюдателя на тот же счет (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, Bd. i, стр. 429). Хуфеланд сообщил о случае с маленькой девочкой трех лет, которая играла, сидя на табурете, с собакой, помещенной между ее бедер и прижатой к ней. По-видимому, возбужденное этим контактом, животное предприняло попытку своего рода совокупления, в результате чего половые органы ребенка воспалились. Блох (*Указ. соч.*, стр. 280, и далее) обсуждает тот же момент; он не считает, что животные по собственной воле вступают в половое сожителство с женщинами, но что их можно легко приучить к этому. Не может быть никаких сомнений в том, что собаки в любом случае иногда сексуально возбуждаются в присутствии женщин, возможно, особенно во время менструации, и многие женщины могут свидетельствовать о смущающем внимании, которое они иногда получали от незнакомых собак. Не может быть никаких трудностей в том, чтобы поверить, что в том, что касается куннилингуса, собаки не нуждаются в дрессировке. В случае, зафиксированном Молл ("*Контраре сексуального поведения*", третье издание, стр. 560), женщина утверждает, что это было сделано с ней в детстве, как и с другими детьми, собаками, которые, по ее словам, проявляли признаки сексуального возбуждения. В этом случае у ребенка также возникло сексуальное возбуждение, вызванное таким образом, и после достижения половой зрелости взаимный куннилингус практиковался с подружками. Гутцайт (*Dreissig Jahre Praxis*, Глава I, стр. 310) отмечает, что некоторые русские офицеры, участвовавшие в турецкой кампании 1828 года, рассказывали ему, что из страха перед венерической инфекцией в Валахии воздерживались от женщин и часто использовали женские задницы, которые, по-видимому, демонстрировали признаки сексуального удовольствия.

Было зарегистрировано очень большое количество животных, которые использовались для удовлетворения сексуального желания в какой-то период или в какой-то стране мужчинами, а иногда и женщинами. Домашние животные, естественно, являются теми, о ком чаще всего идет речь, и есть лишь немногие, если вообще есть, из них, которые можно полностью исключить. Свиноматка - одно из животных, над которыми чаще всего издеваются подобным образом.^[51] Постоянно встречаются случаи, когда фигурируют кобылы, коровы и ослы, а также козы и овцы. Время от времени можно услышать о собаках, кошках и кроликах. Нередко используются куры, утки и, особенно в Китае, гуси. Говорили, что римские женщины питали ненормальную привязанность к змеям. Также упоминаются медведь и даже крокодил.^[52]

Общественное и правовое отношение к зоофилии частично отражает частоту, с которой она практиковалась, а частично - отвращение, смешанное с мистическим и кощунственным ужасом, которое она вызывала. Иногда это обходилось просто штрафом, а иногда преступник и

его невиновный партнер были сожжены вместе. В средние века и позже его частота подтверждается тем фактом, что он был излюбленной темой проповедников пятнадцатого и шестнадцатого веков. Примечательно, что в пенитенциариях, которые представляли собой уголовные кодексы, наполовину светские, наполовину духовные, применявшиеся до XIII века, когда епитимья была отнесена к компетенции духовника, считалось необходимым установить периоды епитимьи, которым должны подвергаться соответственно епископы, священники и дьяконы, виновные в скотоложстве.

В Покаянном документе Эгберта, документе девятого и десятого веков, мы читаем (ст. 22): "Пункт *Episcopus cum quadrupede fornicans VII annos, consuetudinem X, presbyter V, diaconus III, clericus II*". Наказания за скотоложество варьировались в широких пределах: от десяти лет до (в случае мальчиков) ста дней. Особо упоминается кобыла (Хэддон и Стаббс, *Соборы и церковные документы*, том iii, стр. 422). В Покаянном документе Теодора, другом англосаксонском документе примерно того же возраста, те, кто обычно прелюбодействует с животными, приговариваются к десяти годам епитимьи. Из *Penitential Pseudo-Romanum* (который датируется более ранним периодом, чем XI век) следует, что одного года епитимьи было достаточно за прелюбодеяние с кобылой, совершенное мирянином (точно так же, как и за простое прелюбодеяние с вдовой или девственницей), и этот срок милосердно сокращался до полугода, если у него не было жены. (Wasserschleben, *Die Bussordnungen der Abendländlichen Kirche*, p. 366). Покаянный Губерт (происходящий из монастыря Святого Губерта в Арденнах) предусматривает наказание в виде десяти лет епитимьи за содомию, в то время как Покаянный Фульберт (примерно одиннадцатый век) устанавливает семь лет либо за содомию, либо за скотоложство. Покаянный труд Берчарда, который всегда подробен и точен, особо упоминает кобылу, корову и осла и назначает сорок дней на хлебе и воде и семилетнюю епитимью, увеличенную до десяти лет в случае женатых мужчин. Женщине, вступившей в половую связь с лошадью, назначается семилетняя епитимья в Покаянном заведении Берчарда. (Wasserschleben, *ib.* pp. 651, 659.)

Крайняя суровость, которая часто применялась к виновным в этом преступлении, несомненно, была в значительной степени обусловлена тем фактом, что зоофилия рассматривалась как разновидность содомии, преступление, на которое часто смотрели с мистическим ужасом, независимо от любого фактического социального или личного вреда, который оно причиняло. Евреи, по-видимому, почувствовали этот ужас; было приказано предать смерти и грешника, и его жертву (Исход, гл. 22, ст. 19; Левит, гл. 20, ст. 15). В средние века, особенно во Франции, часто преобладало одно и то же правило. Мужчин и свиней, мужчин и коров, мужчин и ослов сжигали вместе. В Тулузе сожгли женщину за половую связь с собакой. Даже в семнадцатом веке ученый французский юрист Клод Лебрэн де Ларошет оправдывал подобные приговоры.^[53] Представляется вероятным, что даже сегодня в социальном и правовом отношении к зоофилии не уделяется достаточного внимания тому факту, что это преступление обычно совершается либо лицами с патологическими отклонениями, либо лицами с настолько низким уровнем интеллекта, что они граничат со слабоумием. В какой степени и на каких основаниях это должно быть наказано - вопрос, требующий серьезного пересмотра.

[33] Обсуждение темы Крафтом-Эбингом см. *Указ. соч.*, стр. 530-539.

[34] В Англии нередко используется термин "неестественное преступление"; это неудобная и, возможно, вводящая в заблуждение практика, которой не следует следовать. В Германии аналогичная путаница возникает из-за применения термина "содомия" к этим случаям, а также к педерастии. Крафт-Эбинг считает, что эта ошибка произошла из-за юристов, в то время как теологи всегда проводили правильное различие. В этом вопросе, добавляет он, наука должна стать *вспомогательной теологией* и вернуться к правильному употреблению слов.

[35] Этот детский интерес с последующими аномальными проявлениями можно увидеть в Истории I Приложения к этому тому.

[36] Графиня Пембрук, сестра сэра Филипа Сидни, по-видимому, находила сексуальное удовольствие в созерцании сексуальной доблести жеребцов. Обри пишет, что она "была очень непристойной, и у нее было изобретение, чтобы весной этого года ... жеребцы ... их должны были привести в такую часть дома, где у нее была видеозапись, чтобы посмотреть на них". (*Короткие жизни*, 1898, т. i, стр. 311.) Хотя скромность современного редактора привела к исчезновению нескольких строк из этого отрывка, общий смысл ясен. В том же столетии Бурхард, верный секретарь папы Александра VI, описывает в своем бесценном дневнике, как четырех скаковых лошадей подвели к двум кобылам во дворе Ватикана, лошади шумно боролись за обладание кобылами и в конце концов взобрались на них верхом, в то время как папа и его дочь Лукреция наблюдали за происходящим из окна "*cum magno risu et delectatione*". (*Дневник*, изд-во Туасне, том III, стр. 169.)

[37] *Архив Психиатрии*, 1902, часть ii-iii, стр. 338. В случае патологической сексуальности у мальчика 15 лет, о котором сообщил А. Макдональд и который уже был обобщен, вид совокупляющихся мух также упоминается среди многих других причин сексуального возбуждения.

[38] Крафт-Эбинг представляет или цитирует типичные случаи всех этих фетишей, *Указ. соч.*, стр. 255-266.

[39] Г. Стэнли Холл, "Исследование страхов", *Американский журнал психологии*, 1897, стр. 213-215.

[40] *Указ. соч.*, стр. 268.

[41] У. Говард, "Сексуальное извращение", *психиатр и невролог*, январь 1896 г. Крафт-Эбинг (*указ. соч.*, стр. 532) цитирует из Боэто несколько похожий случай с 16-летним сыном садовника - незаконнорожденным ребенком с невропатической наследственностью и явно дегенеративным, — у которого была непреодолимая и импульсивная страсть к кроликам. Его объявили безответственным. Молл (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, стр. 431-433) представляет случай невротичного мужчины, который с 15 лет испытывал сексуальное возбуждение при виде животных или контакте с ними. У него неоднократно были связи с коровами и кобылами; он также испытывал сексуальное возбуждение от овец, ослов и собак, будь то самки или самцы; нормальный сексуальный инстинкт был слабым, и он испытывал очень слабое влечение к женщинам.

[42] Молл также отмечает ("Извращенный сексуальный аспект" в "*Кранкхайтене и Эхе*" *Сенатора и Каминера*), что в этом вопросе часто едва ли возможно провести четкую грань между пороком и болезнью.

[43] Примеры этого широко распространенного верования, встречающегося как среди тамилы Цейлона, так и в Европе, цитируются у различных авторов Блохом, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Teil II, стр. 278, и Моллем, *Untersuchungen über die Libido Сексуальный язык*, bd. i, стр. 700. О частоте зоофилии, вызванной той или иной причиной, на Востоке см., например,, Штерн, *Медицина и Гешлехтсleben в Турции*, bd. ii, стр. 219.

[44] Иногда (как у алеутов) звериные пантомимические танцы дикарей могут представлять превращение пойманной птицы в прекрасную женщину, которая в изнеможении падает в объятия охотника. (Х. Х. Бэнкрофт, *Коренные расы Тихого океана*, том i, стр. 93.) Система верований, которая допускает возможность того, что человеческое существо может быть скрыто в животном, очевидно, благоприятствует практике зоофилии.

[45] Пример примитивной путаницы между половыми сношениями женщин с животными и с мужчинами см., например,, Boas, "Sagen aus British-Columbia", *Zeitschrift für Ethnologie*, heft V, стр. 558.

[46] Геродот, книга II, глава 46.

[47] Дюлар ("*Божественные женщины*", глава II) объединяет свидетельства, свидетельствующие о том, что в Египте женщины имели связь со священным козлом, очевидно, для обеспечения фертильности.

[48] Различные факты и ссылки, относящиеся к этому предмету, собраны Блюменбахом, *Антропологические мемуары*, переведенные Бендишем, стр. 80; Блок, *Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, Раздел II, стр. 276-283; также Плосс и Бартельс, *Das Weib*, седьмое издание, стр. 520.

[49] Мантегацца упоминает (*Gli Amori degli Uomini*, глава V), что в Римини молодой пастух с Апеннин, страдающий диспепсией и нервными симптомами, сказал ему, что это из-за излишеств с козами, находящимися на его попечении. Тонко выполненная мраморная группа сатира, связанного с козой, найденная в Геркулануме, а ныне в музее Неаполя (воспроизведена в *эротическом элементе Фукса в "Карикатуре"*), возможно, символизирует традиционную и примитивную практику козопаса.

[50] Бейль (*Словарь*, Искусство, Батиллус) цитирует различные источники, касающиеся итальянских вспомогательных войск на юге Франции в шестнадцатом веке и их обычая приносить и использовать коз для этой цели. Уордону в восемнадцатом веке сообщили, что на Сицилии священники на исповеди обычно спрашивали пастухов, имеют ли они какое-либо отношение к своим свиньям. В Нормандии священникам советуют задавать подобные вопросы.

[51] Стоит отметить, что в переводе с греческого произведение χοιρος означает как свинью, так и женский половой орган; в "*Ахарнях*" Аристофан довольно подробно обыгрывает эту ассоциацию. Римляне также (как можно понять из "*О деревенской жизни* Варрона") называли женский половой орган *porcus*.

[52] Шуриг, *Гинекология*, стр. 280-387; Блок, указ. соч., 270-277. Арабы, по словам Кохера, в основном практикуют скотоложство с козами, овцами и кобылами. Аннамиты, по словам Мондьера, обычно используют свиноматок и (особенно молодых женщин) собак. Говорят, что среди тамилы Цейлона очень распространено скотоложство с козами и коровами.

[53] Мантегацца (*Gli Amori degli Uomini*, загл. V) сводит воедино некоторые факты, имеющие отношение к этому вопросу.

V.

Содержание

Эксгибиционизм—Иллюстративные случаи—Символическое извращение ухаживания—Импульс к осквернению—Психическая установка эксгибициониста—Половые органы как фетиши—Поклонение фаллосу—Подростковая гордость сексуальным развитием—Эксгибиционизм Нейтов—Классификация форм эксгибиционизма—Природа связи эксгибиционизма с эпилепсией.

Существует замечательная форма эротического символизма — очень определенная и явно стоящая особняком от всех других форм, — в которой сексуальное удовлетворение испытывается в простом акте демонстрации полового органа лицам противоположного пола, обычно отдавая предпочтение молодым и предположительно невинным особам, очень часто детям. Это называется эксгибиционизмом.^[54] Казалось бы, это не такое уж редкое явление, и большинство женщин один или несколько раз в своей жизни, особенно в молодости, сталкивались с мужчиной, который таким образом намеренно выставлял себя напоказ перед ними.

Эксгибиционист, хотя часто это молодой и внешне энергичный мужчина, всегда удовлетворен простым актом самовыражения и эмоциональной реакцией, которую этот акт вызывает; он не предъявляет никаких требований к женщине, перед которой он выставляет себя напоказ; он редко разговаривает, он не делает попыток приблизиться к ней; как правило, он даже не проявляет признаков сексуального возбуждения. Его желания полностью удовлетворяются актом демонстрации и эмоциональной реакцией, которую он вызывает у женщины. Он уходит удовлетворенный и с облегчением.

Случай, описанный Шренк-Нотцингом, очень хорошо отражает как природу импульса, испытываемого эксгибиционистом, так и способ, которым он может возникнуть. Это случай делового человека 49 лет, с невротической наследственностью, любящего мужа и отца семейства, который, к своему собственному горю и стыду, вынужден время от времени демонстрировать свои половые органы женщинам на улице. Когда мальчику было 10 лет, девочка 12 лет пыталась склонить его к половому акту; у обоих были обнажены половые органы. С этого времени половые контакты, как его голая натес против те девушки, стал привлекательный, а также игры, в которых мальчики и девочки, в свою очередь, двинулись друг перед другом своими сексуальными частями выступающими, а также имитация совокупления животных. Коитус впервые практиковался примерно в 20-летнем возрасте, но вид и прикосновение к половым органам женщины всегда были необходимы для возникновения сексуального возбуждения. Также было необходимо — и это соображение чрезвычайно важно с точки зрения развития склонности к демонстрации, — чтобы женщина возбуждалась при виде

его органов. Оргазм часто наступал даже тогда, когда он видел или прикасался к женским частям тела. Главным образом его возбуждали обнаженные половые органы в другой одежде. Он не обладал высокой степенью потенции. В основном его возбуждали девочки в возрасте от 10 до 17 лет, особенно если он чувствовал, что они совершенно несведущи в сексуальных вопросах. Его самоэкспонирование было своего рода психической дефлорацией, и оно сопровождалось идеей о том, что другие люди так же, как и он, относились к сексуальному воздействию обнаженных органов, что он шокировал, но в то же время сексуально возбуждал молодую девушку. Таким образом, он удовлетворял себя, полагая, что доставляет сексуальное удовлетворение невинной девушке. Этот человек был осужден несколько раз, и в конце концов было объявлено, что он страдает импульсивным помешательством. (Schrenck-Notzing, *Kriminal-psychologische und Psycho-pathologische Studien*, 1902, pp. 50–57.) В другом случае Шренк-Нотцинга, 31-летнего актера и художника-портретиста, в молодости онанировал и любил созерцать изображения половых органов обоих полов, находя мало удовольствия в половом акте. В возрасте 24 лет в купальне ему случилось занять купе рядом с тем, которое занимала дама, и, раздевшись догола, он почувствовал, что его соседка наблюдает за ним через щель в перегородке. Это вызвало у него сильное возбуждение, и он был вынужден мастурбировать. С тех пор у него появилось желание выставлять напоказ свои органы и мастурбировать в присутствии женщин. Он считает, что вид его органов возбуждает женщину (*Ib.*, стр. 57-68). Наличие мастурбации в данном случае делает ее нетипичной для эксгибиционизма. Молл в свое время зашел так далеко, что утверждал, что когда имеет место мастурбация, мы не имеем права допускать эксгибиционизм (*Untersuchungen über die Libido Sexualis*, bd. i, стр. 661), но теперь допускает эксгибиционизм при мастурбации ("Perverse Sexualempfindung", *Krankheiten und Ehe*). Сам акт демонстрации удовлетворяет сексуальное влечение, и обычно этого достаточно, чтобы заменить как припухлость, так и детумесценцию.

Довольно типичный случай, зафиксированный Крафт-Эбингом, связан с немецким фабричным рабочим 37 лет, хорошим, трезвым и интеллигентным рабочим. Его родители были здоровы, но одна из сестер его матери, а также одна из сестер его отца были сумасшедшими; некоторые из его родственников эксцентричны в религии. У него томное выражение лица и самодовольная улыбка. У него никогда не было серьезных заболеваний, но он всегда отличался эксцентричностью и богатым воображением, был увлечен романами (такими как романы Дюма) и любил отождествлять себя с их героями. Признаков эпилепсии нет. В юности умеренная мастурбация, позже умеренный половой акт. Он ведет уединенный образ жизни, но любит элегантно одеваться и украшения. Хотя он не пьет, иногда он наливает себе что-то вроде пунша, который оказывает на него сексуально возбуждающее действие. Склонность к эксгибиционизму проявилась только в последние годы. Когда им овладевает импульс, ему становится жарко, его сердце сильно бьется, кровь приливает к голове, и он забывает обо всем вокруг, что не связано с его собственным поступком. После этого он считает себя дураком и принимает тщетные решения никогда не повторять этот акт. На выставке пенис эрегирован только наполовину, и эякуляции никогда не происходит. (Он способен на коитус только с женщиной, которая проявляет к нему большое влечение.) Он удовлетворен самовыражением и считает, что таким образом доставляет удовольствие женщине, поскольку сам получает удовольствие от созерцания женских половых органов. Его эротические мечты заключаются в том, чтобы показать себя молодым и сладострастным женщинам. Ранее он уже был наказан за преступление подобного рода; теперь судебно-медицинское заключение признало психопатическое состояние обвиняемого. (Крафт-Эбинг, *Указ. соч.*, стр. 492-494.)

Трошон сообщил о случае с женатым мужчиной 33 лет, рабочим на фабрике, который в течение нескольких лет время от времени показывался продавщицам и т.д. В состоянии эрекции, но не разговаривал и не делал других заигрываний. Он был трудолюбивым, честным, трезвомыслящим человеком со спокойными привычками, хорошим отцом своей семьи и счастливым дома. У него не было ни малейших признаков безумия. Но он был неразговорчив, меланхоличен и нервничал; сестра была идиоткой. Он был арестован, но на основании заключения экспертов о том, что он совершил эти действия под влиянием болезненного импульса, который не мог контролировать, он был освобожден. (Trochon, *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, 1888, p. 256.)

В случае с Freyer's (*Газета "Цайтшрифт фюр Медизинальбимте"*, третий курс, № 8) случайная связь эксгибиционизма с эпилепсией хорошо проиллюстрирована 35-летним помощником парикмахера, чей отец страдал хроническим алкоголизмом и, как утверждалось, также совершил правонарушение того же рода, что и его сын. Мать и сестра нервно страдали. В возрасте от 7 до 18 лет у испытуемого были эпилептические конвульсии. С 16 до 21 года у него были нормальные половые сношения. Примерно в то время ему часто приходилось проходить мимо детской площадки, и время от времени он мочился там; случалось, что дети с любопытством наблюдали за ним. Он заметил, что при таком наблюдении возникало сексуальное возбуждение, вызывающее эрекцию и даже семяизвержение. Постепенно он находил удовольствие в этом видесексуального удовлетворения; в конце концов он стал безразличен к половому акту. Его эротические сны, хотя по-прежнему обычно о нормальном половом акте, теперь иногда касались демонстрации перед маленькими девочками. Охваченный импульсом, он ничего не видел и не слышал вокруг себя, хотя и не терял сознания. После того, как акт был окончен, он был обеспокоен своим поступком. Во всех других отношениях он был совершенно благоразумен. Его много раз сажали в тюрьму за то, что он демонстрировал себя юным школьницам, иногда хвастаясь красотой своих органов и приглашая к осмотру. Однажды он прошел психиатрическое обследование, но был признан психически здоровым. В конце концов, его признали наследственно испорченным человеком с невропатическим телосложением. Голова была ненормально широкой, пенис маленьким, надколенничный рефлекс отсутствовал, и было много признаков неврастении. (Краффт-Эбинг, *Указ. соч.*, стр. 490-492.)

О распространенности эпилепсии среди эксгибиционистов свидетельствуют наблюдения Пеланды в Вероне. Он зафиксировал шесть случаев этого извращения, все из которых в конечном итоге попали в психиатрическую лечебницу и были либо эпилептиками, либо имели родственников-эпилептиков. У одного был брат, который также был эксгибиционистом. В некоторых случаях пенис был ненормально большим, в других - ненормально маленьким. У некоторых был очень слабый сексуальный импульс; один в возрасте 62 лет никогда не совершал полового акта и гордился тем фактом, что все еще был девственником, учитывая, как он сказал бы, эпоху деморализации, в которую мы живем. (Pelanda, "Pornopatici," *Archivio di Psichiatria*, fasc. ii-iv, 1889.)

В очень типичном случае эксгибиционизма, который зафиксировал Гарнье, некий Х., джентльмен, занимающийся бизнесом в Париже, имел пристрастие выставлять себя напоказ в церквях, особенно в Сен-Роше. Его несколько раз арестовывали за то, что он обнажал здесь свои половые органы перед молящимися дамами. Таким образом, он окончательно погубил свое коммерческое положение в Париже и был вынужден обосноваться в маленьком

провинциальном городке. Здесь он снова вскоре разоблачил себя в церкви и снова был отправлен в тюрьму, но после освобождения немедленно совершил тот же поступок в той же церкви в том, что было описано как самое невозмутимое поведение. Вынужденный покинуть город, он вернулся в Париж и через несколько недель снова был арестован за повторение своего старого преступления в Сен-Роше. Когда Гарнье допросил его, предоставленная им информация была расплывчатой и неполной, и он был очень смущен, пытаясь объяснить. Он не мог сказать, почему выбрал церковь, но чувствовал, что должен пойти именно в церковь. Однако у него не было ни мысли о профанации, ни желания оскорбить кого-либо. "Совсем наоборот!" - заявил он. У него был печальный и усталый вид человека, над которым довлеет сила, превосходящая его волю. "Я знаю, - добавил он, - какое отвращение должно вызывать мое поведение. Почему я создан таким? Кто вылечит меня?" (П. Гарнье, "Сексуальные извращения", *Встречи*, Международный медицинский конгресс в Париже в 1900 году, *Секция психиатрии*, стр. 433-435.)

В некоторых случаях, по-видимому, импульс к эксгибиционизму может быть преодолен или может пройти. Этот результат более вероятен в тех случаях, когда эксгибиционизм был в значительной степени обусловлен хроническим алкоголизмом или другими влияниями, имеющими тенденцию разрушать тормозящее и сдерживающее действие высших центров, которое может быть преодолено с помощью гигиены и лечения. В этой связи я могу привести случай, о котором мне сообщил медицинский корреспондент в Лондоне. Это актер, занимающий высокое положение в своей профессии и чрезвычайно умный, 49 лет, женат и отец большого семейства. Он сексуально энергичен и обладает эротическим темпераментом. Его общее состояние здоровья всегда было хорошим, но он нервный человек с быстрыми психическими реакциями. Долгое время его привычки были явно алкогольными, но два года назад, когда в моче было обнаружено небольшое количество белка, его убедили отказаться от алкоголя, и с тех пор он стал трезвенником. Хотя обычно он был очень сдержан в сексуальных вопросах, четыре или пять лет назад он начал совершать акты эксгибиционизма, выставляя себя напоказ перед слугами в доме, а иногда и перед женщинами в деревне. Это продолжалось и после того, как он отказался от употребления алкоголя, и продолжалось в течение нескольких лет, хотя внимание полиции это дело так и не привлекло, и, насколько это было возможно, он находился под тихим наблюдением своих друзей. Девять месяцев спустя акты эксгибиционизма прекратились, по-видимому, спонтанно, и до сих пор рецидивов не было.

Эксгибиционизм - это акт, который на первый взгляд кажется бессмысленным, и как таковой, как необъяснимый акт безумия, он часто рассматривался как авторами о безумии, так и о сексуальных извращениях. "Этим действиям настолько не хватает здравого смысла и разумных размышлений, что для пациента не может быть предложена никакая другая причина, кроме безумия", - заключил Болл.^[55] Молл, также слишком узко определяющий эксгибиционизм как состояние, при котором "очарование выставки заключается для объекта в самом показе", недостаточно учитывающее воображаемое воздействие на зрителя, приходит к выводу, что "психологическая основа эксгибиционизма в настоящее время никоим образом не прояснена".^[56]

Вероятно, мы можем лучше всего подойти к эксгибиционизму, рассматривая его в основном как символический акт, основанный на извращении ухаживания. Эксгибиционист демонстрирует

сексуальный органсвидетельнице женского пола, и в шоке скромного сексуального стыда, которым она реагирует на это зрелище, он находит приятное сходство с нормальными эмоциями при половом акте.^[57] Он чувствует, что совершил психическую дефлорацию.

Таким образом, эксгибиционизм аналогичен и, действительно, связан с импульсом, испытываемым многими людьми, совершать непристойные действия или рассказывать непристойные истории перед молодыми и невинными особами противоположного пола. Это своего рода психический эксгибиционизм, удовлетворение, которое он вызывает, заключается в точности, как при физическом эксгибиционизме, в эмоциональном замешательстве, которое, как считается, он вызывает. Два вида эксгибиционизма могут сочетаться у одного и того же человека: так, в случае, о котором сообщает Гош (стр. 97), эксгибиционист, интеллектуал и высокообразованный мужчина, имеющий докторскую степень, также получал удовольствие от рассылки непристойных стихотворений и картинок женщинам, которых, однако, он не пытался соблазнить; он был доволен мыслью об эмоциях, которые он вызывал, или верил, что вызывал.

Возможно, что в эту группу должен входить агент по следующему инциденту, который недавно наблюдала одна дама, моя собственная подруга. Пожилой мужчина в пальто был замечен стоящим возле большого и хорошо известного магазина тканей на окраине Лондона; когда ему удавалось привлечь внимание продавщицы или любой девушки на улице, он откидывал пальто и обнаруживал, что поверх собственной одежды на нем женская сорочка (или, возможно, лиф) и женские панталоны; обнажения не было. Единственным вразумительным объяснением этого действия, по-видимому, было бы то, что удовольствие было испытано от легкого шока заинтересованного удивления и оскорбленной скромности, который, как предполагалось, это видение вызвало у молодой девушки. Таким образом, это была бы сравнительно невинная форма психической дефлорации.

Интересно отметить, что сексуальная символика активного бичевания очень близка к этой символике эксгибиционизма. Флагеллант подходит к женщине с жезлом (который сам по себе является символом пениса и в некоторых странах носит названия, которые также применяются к этому органу) и наносит наинтимную часть ее тела признаки покраснения и судорожные движения, которые ассоциируются с сексуальным возбуждением, в то время как она чувствует, или флагеллант воображает, что чувствует, соответствующие эмоции восхитительного стыда.^[58] Это еще более точная имитация полового акта, чем достигается эксгибиционистом, поскольку последнему не удастся заручиться согласием женщины и он не получает удовольствия от какого-либо интимного контакта с ее обнаженным телом. Разница связана с тем фактом, что активный флагеллант обычно является более мужественным и нормальным человеком, чем эксгибиционист. В большинстве случаев сексуальный импульс эксгибициониста очень слаб, и, как правило, он либо в некоторой степени дегенерат, либо человек, страдающий ранней стадией общего паралича, слабоумия или какой-либо другой крайне ослабляющей причины психической дезорганизации, такой как хронический алкоголизм. На сексуальную беспомощность также указывает тот факт, что лица, выбранные в качестве свидетелей, часто являются простыми детьми.

Представляется вероятным, что форма эротического символизма, несколько похожая на эксгибиционизм, встречается в редких случаях, когда сексуальное удовлетворение достигается путем обрызгивания женских платьев чернилами, кислотой или другими оскверняющими жидкостями. Тоино описал случай такого рода (*Attentats aux Moeurs*, 1898, стр. 484, и далее.).

Молл представил поучительный случай. В этом случае молодой человек с несколько невропатической наследственностью в юности 16 или 17 лет, резвясь с товарищами по играм своей младшей сестры, испытал сексуальные ощущения, случайно увидев их белую нижнюю одежду. С этого времени белое нижнее белье и белые платья стали для него фетишем, и его привлекали только женщины в таком наряде. Однажды, в возрасте 25 лет, когда я переходил улицу в сырую погоду с молодой леди в белом платье, проезжающий автомобиль забрызгал платье грязью. Этот инцидент вызвал у него сильное сексуальное возбуждение, и с того времени у него возникло желание облить женские белые платья чернилами, перхлоридом железа и т.д., а иногда резать и рвать их, причем сексуальное возбуждение и эякуляция происходили каждый раз, когда он это делал. (Moll, "Gutachten über einem Sexual Perversen [Besudelungstrieb]," *Zeitschrift für Medizinalbeamte*, Heft XIII, 1900). Такой случай представляет значительный психологический интерес. Тоино считает, что в этих случаях пятнышко является фетишем. Это неверная трактовка вопроса. В этом случае белые одежды составляли первичный фетиш, но этот фетиш становится более остро осознанным, и в то же время обе стороны погружаются в эмоциональное состояние, которое для фетишиста становится имитацией коитуса посредством акта осквернения. Возможно, мы можем связать с этим феноменом влечение, которое грязная обувь часто оказывает на любителей обуви-фетишистов, и любопытный способ, которым, как мы видели (стр. 18), Рестиф де ла Бретонн связывает свою любовь к опрятности у женщин с влечением к ступням, которые, как он отмечает, наименее легко содержать в чистоте.

Гарнье применил термин *сади-фетишизм* к активному бичеванию и многим подобным проявлениям, подобным тем, которые нас здесь интересуют, на том основании, что они представляют собой гибриды, сочетающие болезненное обожание определенного объекта с импульсом к применению большей или меньшей степени насилия. С точки зрения принятой мною концепции эротического символизма, в этом термине нет необходимости. Здесь нет гибридной комбинации двух непохожих ментальных состояний. Нас просто интересуют состояния эротического символизма, более или менее полные, более или менее сложные.

Концепция эксгибиционизма как процесса эротического символизма предполагает сознательное или бессознательное проявление внимания в сознании эксгибициониста к психической реакции женщины, на которую направлена его демонстрация. Он стремится вызвать эмоцию, которая, вероятно, в большинстве случаев, по его желанию, должна быть приятной. Но по той или иной причине его тонкая чувствительность всегда подавлена или находится в состоянии бездействия, и он не в состоянии точно оценить ни впечатление, которое он, вероятно, произведет, ни общие результаты своих действий, либо же им движет сильная импульсивная одержимость, которая подавляет его суждения. Во многих случаях у него есть веские основания полагать, что его поступок доставит удовольствие, и часто он находит самодовольных свидетелей среди служанок из низшего класса и т.д.

Здесь можно отметить, что мы вполне правы, говоря о фетишизме пениса, а также о фетишизме вульвы. В этом можно усомниться. Мы, очевидно, вправе признать фетишизм, который прикрепляется к лобковым волосам или, как в случае, с которым я знаком, к клитору, но может показаться, что мы не можем рассматривать центральные половые органы как символы секса, как бы символы самих себя. Однако при правильном рассмотрении именно половой акт, а не половой орган является предметом вождения при нормальном сексуальном влечении; орган рассматривается просто как средство, а не как цель. Рассматриваемый как средство, орган

действительно является объектом желания, но он становится фетишем только тогда, когда привлекает и фиксирует внимание. Такое приятное сосредоточение внимания, фетишизм вульвы или фетишизм пениса, находится в пределах нормального диапазона сексуальных эмоций (этот момент упоминался в предыдущем томе при обсуждении роли первичных половых органов в половом отборе), и для грубых натур любого пола это нормальное влечение в его обобщенной форме, помимо какого-либо влечения к человеку, которому принадлежат эти органы. Однако в некоторых болезненных случаях этот фетишизм пениса может стать полностью развитым сексуальным извращением. Типичный случай такого рода был зарегистрирован Говардом в Соединенных Штатах. Миссис У., 39 лет, в 20 лет вышла замуж за сильного, здорового мужчину, но не получала удовольствия от коитуса, хотя получала огромное удовольствие от мастурбации, практикуемой сразу после коитуса, и через девять лет после замужества прекратила фактический коитус, вынудив своего мужа заняться взаимной мастурбацией. Она приводила мужчин в дом в любое время дня и ночи и, убедив их обнажиться, удалялась в свою комнату мастурбировать. Один и тот же мужчина никогда не вызывал желания больше одного раза. Это желание стало настолько сильным и настойчивым, что она выискивала мужчин во всевозможных общественных местах и, побудив их обнажиться, быстро удалялась в ближайшее удобное место для самоудовлетворения. Однажды она извлекла пару брюк, которые, как она видела, были на мужчине, и после того, как поласкала их, испытала оргазм. В конце концов, ее муж бросил ее после тщетных попыток поместить в психиатрическую лечебницу. Ее часто арестовывали за ее действия, но благодаря вмешательству друзей снова выпускали на свободу. Она была высокоинтеллектуальной женщиной и, если не считать этого извращения, совершенно нормальной. (У. Л. Ховард, "Сексуальное извращение", *психиатр и невролог*, январь 1896 г.) Именно на существование более или менее развитого фетишизма пениса такого рода эксгибиционист, в основном из-за невежественного инстинкта, полагается в достижении желаемого эффекта.

Эксгибиционист обычно не довольствуется простым возбуждающим развлечением; он стремится произвести более мощный эффект, который должен быть эмоциональным, независимо от того, доставляет он удовольствие или нет. Профессиональный мужчина в Страсбурге (в случае, о котором сообщил Hoche^[59]) прогуливался вечером в длинном плаще, и когда он встречал дам, внезапно откидывал свой плащ под уличным фонарем или зажигал красную спичку и таким образом демонстрировал свои органы. Было очевидным усилие — со стороны слабого, тщеславного и женоподобного мужчины — произвести максимальный эмоциональный эффект. Попытка усилить эмоциональный шок проявляется также в том факте, что эксгибиционист часто выбирает церковь в качестве места своих подвигов, не во время службы, поскольку он всегда избегает скопления людей, а, возможно, ближе к вечеру, когда по всему зданию разбросано всего несколько коленопреклоненных женщин. Церковь выбирается, часто скорее инстинктивно, чем намеренно, не из побуждения совершить святотатственное надругательство — каковым, как правило, эксгибиционист не считает свой поступок, — а потому, что она действительно создает условия, наиболее благоприятные для совершения поступка, и желаемый эффект. Образ мыслей эксгибициониста хорошо иллюстрирует одна из пациенток Гарнье, заявившая, что он никогда не хотел, чтобы его видели более двух женщин одновременно, "как раз то, что необходимо, - добавил он, - для обмена впечатлениями". После каждой выставки он с тревогой спрашивал себя: "Видели ли они меня? О чем они думают? Что они говорят друг другу обо мне? О! как бы я хотел знать!" Другой пациент Гарнье, который посещал церкви с этой целью, сделал очень важное заявление: "Почему мне нравится ходить в

церкви? Я едва ли могу сказать. *Но я знаю, что только там мой поступок обретает всю свою значимость.* Женщина находится в благочестивом расположении духа, и она должна понимать, что подобный поступок в таком месте - это не безвкусная шутка или отвратительная непристойность; *что если я иду туда, то не для того, чтобы развлечься; это гораздо серьезнее!* Я наблюдаю за эффектом, производимым на лицах дам, которым я показываю свои органы. Я хочу видеть, как они выражают глубокую радость. На самом деле, я хотел бы, чтобы они были вынуждены сказать себе: *Как впечатляюща Природа, когда ее видишь таким образом!"*

Здесь мы прослеживаем присутствие чувства, напоминающего феномены древнего и всемирного фаллического культа, которые все еще могут время от времени возникать вновь. Женщины иногда принимали участие в этих обрядах, и соприкосновение мужского полового органа или его символическое изображение женщинами легко прослеживается в фаллических обрядах Индии и многих других стран, не исключая Европу, даже в сравнительно недавние времена. (Дюлор в своих *"Божественных науках"* объединяет многое, имеющее отношение к этим вопросам; ср.: Плосс и Бартельс, *"Дас Вайб"*, том i, глава XVII, и Блох, *"Руководство по сексуальной психопатии"*, Глава I, стр. 115-117. У Колина Скотта есть несколько интересных замечаний о фаллическом поклонении и той роли, которую оно сыграло в содействии эволюции человека, *"Секс и искусство"*, *Американский журнал психологии*, vol. vii, № 2, стр. 191-197. Ирвинг Росс описывает некоторые современные фаллические ритуалы, в которых принимали участие как мужчины, так и женщины, подобные тем, которые практиковались в водевизме, *"Сексуальная ипохондрия"*, *Virginia Medical Monthly*, октябрь 1892 г.)

Оставляя в стороне любой вопрос о фаллическом поклонении, определенная гордость и более или менее личное чувство показухи по поводу нового расширения и развития органов мужественности кажутся почти нормальными в подростковом возрасте. "У нас есть много оснований предполагать, - замечает Стэнли Холл, - что в естественном состоянии существует определенная инстинктивная гордость и показуха, которые сопровождают новое местное развитие. Я думаю, будет обнаружено, что эксгибиционисты обычно - это те, у кого здесь чрезмерный рост, и многое из того, что современное общество клеймит как непристойное, по сути, более или менее спонтанно и, возможно, в некоторых случаях не является ненормальным. Доктор Сирли говорит мне, что он никогда не обследовал хорошо развитого молодого человека, у которого была обычная сильная инстинктивная тенденция скромно прикрываться руками, но он считает этот инстинкт общим для тех, чье развитие ниже среднего". (Г. Стэнли Холл, *Подростковый возраст*, том. ii, стр. 97.) Однако этот инстинкт показухи, поскольку он является нормальным, сдерживается другими соображениями и не является, в строгом смысле, эксгибиционизмом. Я наблюдал взрослого мальчика-телеграфиста, который шел по Хэмпстед-Хит с обнаженными половыми органами, но сразу же понял, что его заметили, и спрятал их. Серьезность эксгибиционизма в этом возрасте находит выражение в кульминационном моменте сонета "Oraison du Soir", написанного Рембо в 16 лет, чьи стихи обычно являются великолепным и дерзким проявлением низкопробной юности:

"Doux comme le Seigneur du cèdre et des hysopes,
Je pisse vers les cieux bruns très haut et très loin,

Avec l'assentiment des grands héliotropes."

(J. A. Rimbaud, *Œuvres*, p. 68.)

У женщин, по-видимому, также прослеживается нечто подобное хвостовству, хотя у них оно осложнено и в значительной степени сдерживается скромностью и в то же время распространяется по всему телу из-за отсутствия внешних половых органов. "Первобытная женщина, - замечает мадам Ренуз, - гордясь своей женственностью, долгое время защищала свою наготу, которую всегда олицетворяло древнее искусство. И в реальной жизни современной молодой девушки наступает момент, когда в силу тайного атавизма она ощущает гордость своего пола, интуицию своего морального превосходства и не может понять, почему она должна скрывать причину этого. В этот момент, колеблясь между законами природы и социальными условностями, она едва ли знает, должна ли нагота пугать ее или нет. Своего рода смутная атавистическая память напоминает ей о периоде, когда одежда еще не была известна, и раскрывает ей как райский идеал обычаи той человеческой эпохи". (Céline Renooz, *Psychologie Comparée de l'Homme et de la Femme*, p. 85.) Можно добавить, что среди первобытных народов и даже среди некоторых отдаленных европейских популяций в наши дни демонстрация женской наготы иногда рассматривалась как зрелище с религиозным или магическим действием. (Ploss, *Das Weib*, seventh edition, vol. ii, стр. 663-680; Хэвелок Эллис, "Мужчина и женщина", четвертое издание, стр. 304.) Гопчевич утверждает, что в длительной борьбе между албанцами и черногорками женщины первого народа стояли в первых рядах и выставляли себя напоказ, приподнимая юбки, полагая, что таким образом они обеспечат победу. Однако поскольку они были сбиты и, более того, победа обычно выпадала черногорцам, этот обычай был дискредитирован. (Цитируется Блохом, *Указ. соч.*, Раздел II, стр. 307.)

Что касается связи, предложенной Стэнли Холлом, между эксгибиционизмом и необычной степенью развития половых органов, следует отметить, что обе крайности — очень большой и очень маленький пенис — особенно распространены у эксгибиционистов. Преобладание малого органа связано с ассоциацией эксгибиционизма с сексуальной слабостью. Преобладание большого органа может быть связано с причиной, предложенной Холлом. Среди мусульман религиозные кающиеся иногда обычно обнажают половые органы, и я отмечаю, что Бернхард Стерн в своей книге о медицинских и сексуальных аспектах жизни в Турции, ссылаясь на такого кающегося, которого он видел на стамбульском мосту в Константинополе, отмечает, что этот орган был очень сильно развит. Вполне возможно, что в таком случае религиозное отношение кающегося подкрепляется каким-то сохранившимся пережитком более плотской показухи.

Этот фаллицизм вызывается у эксгибициониста псевдо-атавизмом. Истинного проявления инстинкта, унаследованного от предков, не происходит, но из-за паралича или подавления более тонких и возвышенных чувств, распространенных в цивилизации, эксгибиционист оказывается на том же ментальном уровне, что и человек более примитивной эпохи, и, таким образом, он представляет собой основу, на которой импульсы, принадлежащие более высокой культуре, могут естественным образом укорениться и развиваться.

Здесь можно сослаться на форму примитивного эксгибиционизма, присущую почти исключительно женщинам, которая, хотя и является безусловно символической, абсолютно

несексуальна, и поэтому ее не следует путать с феноменами, которыми мы здесь занимаемся. Я отношусь к выставлению ягодич напоказ как к знаку презрения. В своей самой примитивной форме, без сомнения, этот эксгибиционизм является разновидностью экзорцизма, методом обращения в бегство в первую очередь злых духов, а во вторую очередь людей, настроенных порочно. Это наиболее эффективный способ для женщины проявить сексуальные центры, и он разделяет магические свойства, которыми, по мнению примитивных народов, обладает любое раскрытие сексуальных центров. Записано, что женщины некоторых народов Балканского полуострова раньше использовали этот жест против врагов в бою. В шестнадцатом веке такой выдающийся богослов, как Лютер, когда на него ночью напал Дьявол, смог обратить противника в бегство, высунув свои непокрытые ягодич из постели. Но духовное значение этого отношения утрачено с упадком примитивных верований. Оно сохраняется, но лишь как жест оскорбления. Символизм связан с нейтами как с выделительным центром, местом расположения ануса. В любом случае, он игнорирует любую сексуальную привлекательность этой части тела. Эксгибиционизм такого рода, следовательно, вряд ли может возникнуть у людей с какой-либо чувствительностью или эстетическим восприятием, даже если оставить в стороне вопрос скромности, и, по-видимому, от него мало что осталось в классической древности, когда нейты считались объектами красоты. Однако среди египтян, как мы узнаем из Геродота (Вк. II, глава LX), что на некоем популярном религиозном празднике мужчины и женщины плыли в лодках по Нилу, распевая и играя, и когда они приближались к городу, женщины на лодках оскорбляли женщин города оскорбительными выражениями иставляли себя напоказ. Среди арабов, однако, отмечен специфический жест, о котором мы говорим, и человек, которому месть запрещена, выразил бы свои чувства, обнажив зад и посыпав голову землей (Велльхаузен, *Отдыхает арабское наследие*, 1897, стр. 195). Именно в Европе, в средневековье и более поздние времена этот выразительный жест, по-видимому, процветал как жестокий метод выражения презрения. Это ни в коем случае не ограничивалось низшими классами, и Кляйнпол, обсуждая эту форму "речи без слов", приводит примеры различных благородных особ, даже принцесс, которые, как записано, таким образом выражали свои чувства. (Kleinpaul, *Sprache ohne Worte*, pp. 271–273.) В более поздние времена этот жест стал просто редким и крайним выражением необузданных чувств у грубых крестьян. Можно сказать, что Золя в образе Мукетты в *"Жерминале"* придал этому жесту своего рода классическое выражение. В более отдаленных частях Европы это, по-видимому, все еще не такая уж редкость. Это, по-видимому, особенно характерно для южных славян, и Краусс утверждает, что "когда южнославянская женщина хочет выразить свое глубочайшее презрение к кому-либо, она наклоняется вперед, левой рукой приподнимая юбки, а правой хлопая себя по зад, одновременно восклицая: "Это для тебя!" (Κρυπτάβια, vol. vi, стр. 200.)

Вербальный пережиток этого жеста, состоящий в презрительном приглашении поцеловать эту область, все еще существует среди нас, в отдаленных частях страны, особенно как оскорбление, нанесенное разгневанной женщиной, которая забывает о себе. Говорят, что он широко используется в Уэльсе. ("Валлийская эдлогия", Κρυπτάβια, vol. ii, стр. 358, и далее.) В Корнуолле обращение женщины к мужчине иногда расценивается как смертельное оскорбление, даже если женщина молода и привлекательна, и может вызвать пожизненную вражду между родственными семьями. С этой точки зрения нейты являются символом презрения, и любое сексуальное значение исключается. (The distinction is brought out by Diderot in *Le Neveu de Rameau*: "Lui:—Il y a d'autres jours ou il ne m'en coûterait rien pour être vil tant qu'on voudrait; ces jours-là, pour un liard, je baiserais le cul à la petite Hus. Moi:—Eh! mais, l'ami, elle est

blanche, jolie, douce, potelée, et c'est un acte d'humilité auquel un plus délicat que vous pourrait quelquefois s'abaisser. *Lui*:—Entendons-nous; c'est qu'il y a baiser le cul au simple, et baiser le cul au figuré.")

Следует добавить, что сексуальная форма эксгибиционизма нейтов все еще должна быть признана. Это встречается при мазохизме и выражает стремление к пассивному бичеванию. Руссо, на эмоциональную жизнь которого глубоко повлияли побои, которые в детстве он получал от мадемуазель Дж. Ламберсье в своих *Признаниях* рассказал нам, как в юности он иногда выставлял себя напоказ подобным образом в присутствии молодых женщин. Однако такой мазохистский эксгибиционизм, по-видимому, встречается редко.

Хотя проявления эксгибиционизма по существу одинаковы во всех случаях, существует много степеней и разновидностей этого состояния. Как отмечает Гарнье, мы можем встретить среди эксгибиционистов слабоумие, бессознательные состояния, эпилепсию, общий паралич, алкоголизм, но наиболее типичными случаями, добавляет он, если не случаями, к которым этот термин действительно относится, являются те, в которых это импульсивная одержимость. Крафт-Эбинг^[60] делит эксгибиционистов на четыре клинические группы: (1) приобретенные состояния психической слабости, при которых заболевания головного или спинного мозга затуманивают сознание и в то же время вызывают импотенцию; (2) эпилептики, у которых акт представляет собой ненормальный органический импульс, выполняемый в состоянии несовершенного сознания; (3) несколько родственная группа неврастенических случаев; (4) периодические импульсивные случаи с глубоким наследственным заражением. Эта классификация не совсем удовлетворительна. Классификация Гарнье, помещающая группу обсессивных случаев на передний план и оставляющая другие, более расплывчатые группы на заднем плане, вероятно, лучше. Я склонен считать, что большинство случаев попадают в ту или иную из двух смешанных групп. К первому классу относятся случаи, в которых имеется более или менее врожденная аномалия, но в остальном имеется достаточная или даже полная степень психической целостности; обычно это молодые взрослые, они более или менее точно осознают цель, которой хотят достичь, и часто только с жестокой борьбой уступают своим импульсам. Во втором классе зачатки психических или нервных заболеваний снижают чувствительность высших центров; испытываемыми обычно являются пожилые люди, которые вели абсолютно правильную жизнь; часто они лишь смутно осознают природу удовлетворения, которого они ищут, и часто проявлению не предшествует никакая борьба; таков был случай с переутомленным священнослужителем, описанный Хьюзом,^[61] который после много учился, стал угрюмым и рассеянным, совершал акты эксгибиционизма, которые он не мог объяснить, но и не пытался отрицать; после отдыха и общеукрепляющего лечения его здоровье улучшилось, и акты прекратились. Только в первом классе случаев наблюдается развитое сексуальное извращение. В случаях второго класса имеется более или менее определенное сексуальное намерение, но оно только что осознано, и возникновение импульса обусловлено не его силой, а слабостью, временной или постоянной, высших тормозящих центров.

Случаи эпилепсии с потерей сознания во время акта можно рассматривать только как проявление псевдоэксгибиционизма. Их следует полностью исключить. Несомненно, верно, что многие случаи реального или кажущегося эксгибиционизма встречаются у эпилептиков.^[62] Мы не должны, однако, слишком поспешно заключать, что, поскольку эти действия происходят у эпилептиков, они обязательно являются бессознательными действиями. Эпилепсия часто возникает на почве наследственной дегенерации, и эксгибиционизм может быть, и нередко

является, признаком дегенерации, а не признаком возникновения незначительного эпилептического припадка. Когда акт псевдо-эксгибиционизма носит по-настоящему эпилептический характер, он обычно не имеет психосексуального содержания и, безусловно, может возникать при самых разных обстоятельствах, когда пациент один или в разном скоплении людей. Это будет наравне с действиями в высшей степени респектабельной молодой женщины, которая в конце приступа *маленького недуга*, состоящего в основном из внезапного желания помочиться, однажды задрала одежду и помочилась на публичном представлении, так что ее друзья с трудом предотвратили передачу ее полиции.^[63] Такой акт является автоматическим, бессознательным и непроизвольным; зрители его даже не воспринимают; это не может быть актом эксгибиционизма. С другой стороны, когда место и время явно выбраны намеренно — тихое место, присутствие только одной или двух молодых женщин или детей, — трудно признать, что мы находимся в состоянии эпилептического обморока, даже если известно, что субъект страдает эпилепсией.

Даже, однако, когда мы исключаем тех псевдо-эксгибиционистов-эпилептиков, которые, с юридической точки зрения, явно безответственны, все равно следует помнить, что в каждом случае эксгибиционизма наблюдается высокая степень либо психической ненормальности на невропатической основе, либо настоящего заболевания. Это в большей степени верно для эксгибиционизма, чем почти для любой другой формы сексуальных извращений. Ни один субъект эксгибиционизма не должен быть отправлен в тюрьму без медицинского освидетельствования.

[54] Ласеж первым обратил внимание на это сексуальное извращение и дал ему общепринятое название "Эксгибиционисты", *Журнал Медицинского союза*, май 1877 года. Маньян в различных случаях (например, в "Эксгибиционистах", *Архив криминальной антропологии*, том v, 1890, стр. 456) придавал дальнейшее развитие и точность клинической картине эксгибициониста.

[55] Б. Болл. *La Folie Erotique*, p. 86.

[56] Молл, *Основные принципы сексуального влечения*, bd. i, стр. 661.

[57] "Эксгибиционизм в его наиболее типичной форме, - верно говорит Гарнье, - это *систематический акт*, проявляющийся как *странный эквивалент сексуальной связи* или ее *замены*". Краткий отчет об эксгибиционизме (стр. 433-437) в обсуждении Гарнье "Сексуальных извращений" на Международном медицинском конгрессе в Париже в 1900 году (*Секция психиатрии: Comptes-Rendus*) является наиболее удовлетворительным изложением психологических аспектов этого извращения, с которыми я знаком. Непревзойденные клинические знания Гарнье об этих проявлениях, благодаря его многолетней работе врачом в департаменте префектуры полиции Парижа, придают большой вес его выводам.

[58] Символизм коитуса, связанный с бичеванием, был затронут Эйленбургом (*Сексуальная невропатия*, стр. 121) и более полно развит Дюреном (*Гешлехтсleben в Англии*, bd. ii, стр. 366, и далее.).

[59] А. Хоше, *Neurologische Centralblatt*, 1896, № 2.

[60] Указ. соч., стр. 478, и далее.

[61] Ч. Х. Хьюз, "Патологический эксгибиционизм", *психиатр и невролог*, август 1904 г. Другой похожий случай в Америке, которому также предшествовало переутомление и который в конечном итоге был признан судом невменяемым, зарегистрирован Д. С. Бутом, *психиатром и неврологом*, февраль 1905 г.

[62] Эксгибиционизм при эпилепсии кратко обсуждается Фере, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 194-195.

[63] У. С. Колман, "Постэпилептические бессознательные автоматические действия", *Lancet*, 5 июля 1890г.

VI.

Содержание

Формы эротического символизма являются Симулякрами коитуса—Широкое распространение эротического символизма—Фетишизм, не охватывающий Всю основу Полового отбора—Он основан на Индивидуальном факторе отбора—Кристаллизации—Любовнике и Художнике—Ключ к эротическому символизму можно найти в эмоциональной сфере —Переходе к Патологическим крайностям.

Теперь мы рассмотрели несколько очень разнообразных и все же очень типичных проявлений, во всех из которых нетрудно увидеть, как в какой-то странной и эксцентричной форме — на основе ассоциации через сходство или смежность, или и то, и другое вместе взятое — возникает определенная имитация нормального полового акта вместе с нормальными эмоциями, которые сопровождают этот акт. Стало ясно, в каком смысле мы вправе признавать эротическую символику.

Символическая и, так сказать, абстрагированная природа этих проявлений проявляется в том замечательном способе, которым они иногда способны передаваться от объекта к субъекту. Это означает, что фетишист может проявлять тенденцию культивировать свой фетиш в себе самом. Фут-фетишисту может нравиться самому ходить босиком; мужчине, который восхищался хромыми женщинами, нравилось останавливаться; мужчина, которого привлекала узкая талия у женщин, находил сексуальное удовлетворение в том, чтобы туго зашнуровываться; мужчина, который был очарован тонкой белой кожей и хотел срезать ее, находил удовлетворение в том, чтобы срезать собственную кожу; фетишист-копролагник Молла находил сладострастное удовольствие в собственных актах дефекации. (См., например, Крафт-Эбинг, *Указ. соч.*, стр. 221, 224, 226; Хаммонд, *Сексуальное бессилие*, стр. 74; *ср. ante*, стр. 68.) Такой символический перенос, по-видимому, имеет глубоко естественную основу, поскольку мы можем наблюдать несколько похожий феномен в хорошо известной тенденции коров взбираться на корову во время течки. По-видимому, это не столько гомосексуальный импульс, сколько динамическое психическое действие обонятельного сексуального символа в трансформированной форме.

Мы, по-видимому, имеем здесь психический процесс, представляющий собой любопытную обратную сторону того процесса *Самоанализа* - проекции собственной деятельности на

созерцаемый объект, — который Липпс столь плодотворно развил как сущность любого эстетического состояния. (Т. Липпс, "*Эстетик*", Первый том, 1903.) Благодаря *Einfühlung* наша собственная внутренняя активность становится активностью воспринимаемого объекта, вещь прекрасна в той мере, в какой она соответствует нашему *Einfühlung*. Но, с другой стороны, посредством этого действия эротического символизма мы переносим активность объекта на самих себя.

Когда идея эротического символизма, проявляющегося в таких определенных и типичных формах, становится осознанной, становится ясно, что более расплывчатые проявления такого символизма чрезвычайно распространены. Когда в предыдущем томе мы обсуждали и сводили воедино различные нити, объединяющие "Любовь и боль", теперь станет понятно, что мы все время стояли на пороге эротического символизма. Сама боль в том смысле, в каком мы постепенно научились определять ее в наших отношениях — как состояние сильного эмоционального возбуждения, — может при самых разных особых обстоятельствах стать эротическим символом и приносить такое же облегчение, как эмоции, обычно сопровождающие половой акт. Активная алголагния или садизм, таким образом, являются формой эротического символизма; пассивная алголагния или мазохизм - это (у мужчины) перевернутая форма эротического символизма. Активное или пассивное бичевание в точности одинаково являются проявлениями эротического символизма, образной имитацией полового акта.

Бине, а также Краффт-Эбинг^[64] фактически доказали, что весь половой отбор является вопросом фетишизма, то есть эротической символики объекта. "Нормальная любовь, - утверждает Бине, - возникает как результат сложного фетишизма". Тард, похоже, также рассматривал любовь как обычную разновидность фетишизма. "Проходит много времени, прежде чем мы влюбляемся в женщину, - замечает он. - мы должны подождать, чтобы увидеть детали, которые поражают и восхищают нас, и заставляют нас не обращать внимания на то, что нам не нравится. Только в обычной любви деталей много и они постоянно меняются. Постоянство в любви редко бывает чем-то иным, кроме путешествия вокруг любимого человека, путешествия, полного исследований и все новых открытий. Самый верный любовник не будет любить одну и ту же женщину одинаково два дня подряд".^[65]

С этой точки зрения нормальная сексуальная любовь — это влияние фетиша - более или менее произвольного, более или менее (как это называет Бине) политеистического, — и у нее может быть мало объективной основы. Но, как мы видели при рассмотрении "Полового отбора у человека" в предыдущем томе, особенно при анализе понятия красоты, у нас есть основания полагать, что красота в значительной степени имеет объективную основу и что любовь никоим образом не зависит просто от капризного отбора какого-то индивидуального фетиша. Индивидуальный фактор, как мы видели, является лишь одним из многих факторов, составляющих красоту. При изучении полового отбора этот индивидуальный фактор был обойден очень легким вниманием. Теперь мы видим, что это часто фактор огромной важности, поскольку в нем коренятся все эти наросты — нормальные в своем зачатке, крайне ненормальные в своем более экстремальном развитии, — которые составляют эротический символизм.

Следовательно, эротический символизм связан со всем, что является наименее общим, наименее специфичным, со всем, что является наиболее интимно личным и индивидуализированным в половом отборе. Это конечная точка, в которой фиксируется убывающий круг сексуальной привлекательности. В самой широкой и абстрактной форме половой отбор в человеке является чисто человеческим, и нас привлекает то, что наиболее полно несет на себе признаки человечности; в менее абстрактной форме он сексуальный, и нас привлекает то, что наиболее ярко демонстрирует вторичные половые признаки; еще более сужаясь, это тип нашей собственной нации и народа, который сильнее всего привлекает нас в вопросах любви; и еще более концентрируясь, мы оказываемся под влиянием идеала — в цивилизации чаще всего несколько экзотического идеала — наших дней, моды нашего собственного города. Но индивидуальный фактор все еще остается, и среди бесконечных возможностей эротического символизма индивид может развить идеал, который часто, насколько он знает и, возможно, на самом деле, является абсолютно уникальным событием в истории человеческой души.

Эротический символизм работает в своих более тонких проявлениях посредством склонности к идеализации; это область сексуальной психологии, в которой та способность кристаллизации, на которой любил останавливаться Стендаль, достигает своих самых блестящих результатов. В единственном отрывке, в котором мы, кажется, видим улыбку на лице строгого поэта из "*О природе*", Лукреций рассказывает нам, как каждый влюбленный, как бы его ни забавляли любовные выходки других мужчин, сам ослеплен страстью: если его любовница чернокожая, она обворожительная брюнетка, если она косоглазая, она соперница Паллады, если слишком высокая, она величественна, если слишком низкая, она одна из Граций, *tota merum sal*; если слишком худая, она очаровательна. ее утонченная натура, если и слишком толстая, то Церемонная, грязная и презирающая украшения, болтушка и ослепительно жизнерадостная, молчаливая и в этом ее изысканная скромность.^[66] Шестнадцать столетий спустя Роберт Бертон, описывая симптомы любви, составил длинный и ужасающий список физических недостатков, которыми влюбленный готов восхищаться.^[67]

Однако мы не должны быть слишком уверены, что влюбленный ошибается в этом вопросе. Мы слишком поспешно предполагаем, что случайное и поспешное суждение о мире обязательно более надежно, более соответствует тому, что мы называем "истиной", чем суждение влюбленного, основанное на поглощенном и терпеливом изучении. В некоторых случаях, когда влюбленному не хватает интеллекта, а объекту его любви - притворства, это может быть так. Но даже стихотворение или картина часто не раскрывают своей красоты, если не потратить время и не изучить их. Глупо ожидать, что тайная красота человеческой личности раскроется легче. Влюбленный - это художник, художник, который создает образ, это правда, но только путем терпеливого и сосредоточенного внимания к природе; он знает дефекты своего образа, вероятно, лучше, чем кто-либо другой, но он также знает, что искусство заключается не в том, чтобы избегать дефектов, а в реализации тех черт, которые поглощают дефекты и таким образом делают их несуществующими. Великий художник Роден, проведя жизнь в изучении природы, заявил, что для искусства в Природе нет уродства. "Я пришел к этой вере, изучая Природу, - сказал он. - Я могу постичь красоту души только по красоте тела, но однажды придет тот, кто объяснит то, что я вижу лишь мельком, и заявит, как прекрасна вся земля и все люди. Я никогда не мог выразить это в скульптуре так хорошо, как мне хотелось бы, как я чувствую, это утверждается во мне. Для поэтов Красота всегда была каким-то особым пейзажем, какой-то конкретной женщиной; но это должны быть все женщины, все пейзажи. Негр или монгол

обладают своей красотой, пусть и далекой от нашей, и такой же она должна быть и в их характерах. Уродства нет. Когда я был молод, я совершил эту ошибку, как и другие; я не мог взяться за женский бюст, если бы не считал ее хорошенькой, в соответствии с моим особым представлением о красоте; сегодня я бы сделал бюст любой женщины, и это было бы так же прекрасно. И какой бы уродливой ни выглядела женщина, когда она со своим возлюбленным, она становится красивой; красота есть в ее характере, в ее страстях, и красота возникает, как только становится виден характер или страсть, ибо тело - это слепок, на котором отпечатываются страсти. И даже без этого всегда есть кровь, которая течет в венах, и воздух, который наполняет легкие".^[68]

Святой также находится здесь заодно с влюбленным и художником. Человек, который настолько глубоко осознал ценность своих собратьев, что готов даже умереть ради их спасения, чувствует, что открыл великую тайну. Киплз прослеживает "тайные наслаждения", которые таким образом возникали в сердцах святых людей, к тому же источнику, что и чувства, возникающие между влюбленными, друзьями, родителями и детьми. "Время от времени по миру бродили немногие, - замечает он, - которые, каждый своим оригинальным способом, открыли для себя это чудо. ... Сразу же человек в целом стал для них настолько милым существом, что это увлечение показалось остальным их братьям небесным безумием. Лохмотья нищих на их решительных губах стали пригодны для поцелуев, потому что человечество прикоснулось к этой одежде; больше не было никаких действий прислуги, а только долгожданные услуги. ... Помните, насколько человек является самым тонким обстоятельством в мире; во скольких точках он может установить отношения; насколько разнообразен и постоянен он в своих результатах. Все остальное скучно, скудно, заурядно рядом с ним".^[69]

Можно добавить, что даже если мы все еще верим, что влюбленный, художник и святой извлекают основные элементы своих концепций из глубин собственного сознания, есть ощущение, что они приближаются к истине вещей, чем те, для кого их концепции являются всего лишь иллюзиями. Способность к осознанию красоты включала в себя перестройку нервов и связанных с ними мозговых центров на протяжении бесчисленных эпох, которые начались еще до появления человека. Когда видение высшей красоты медленно или внезапно осознается кем-либо с эхом, который распространяется по всему его организму, он достигает чего-то, что для его вида и для гораздо большего, чем для его вида, является истиной и может быть только иллюзией для того, кто искусственно поставил себя вне потока жизни.

В эссе "Боги как явления человеческой жизни" Эдвард Карпентер, хотя и использует несколько платоническую фразеологию, так хорошо формулирует суть дела: "Юноша видит девушку; это может быть случайное лицо, случайный абрис среди самого банального окружения. Но это дает сигнал. Есть воспоминание, смутное воспоминание. Смертная фигура снаружи проникает к бессмертной фигуре внутри, и там в сознании возникает сияющая форма, великолепная, не принадлежащая этому миру, но вибрирующая вековой жизнью человечества и памятью о тысяче любовных грез. Пробуждение от этого видения опьяняет человека; оно сияет и горит внутри него; богиня (возможно, это сама Венера) стоит в священном месте его храма; чувство благоговейного трепета наполняет его великолепием, и мир меняется ". "Он видит нечто" (продолжает тот же писатель в последующем эссе "Красота и долг"), "что, в некотором смысле,

более реально, чем фигуры на улице, ибо он видит нечто, что сотни лет жило и двигалось в сердце человечества; нечто, что оказало одно из величайших формирующих влияний на его собственную жизнь и что сделало для создания этих самых фигур на улице столько же, сколько свойства кровообращения могут сделать для формирования пальца или другой конечности. Он соприкасается с вполне реальным Присутствием или Силой — одним из тех органических центров роста в жизни человечества — и ощущает эту большую жизнь внутри себя, субъективную, если хотите, и в то же время чрезвычайно объективную. И даже больше. Ибо разве не очевидно также, что женщина, смертная женщина, которая будоражит его Воображение, *имеет* какое-то самое близкое отношение к нему и, действительно, является гораздо большим, чем просто маской или пустой формулой, которая напоминает ему об этом? Ибо внутри нее действительно, точно так же, как и у мужчины, действуют глубокие подсознательные Силы; и идеал, который так очаровательно открылся мужчине, по всей вероятности, тесно связан с тем, что наиболее мощно действовало в наследственности женщины и что больше всего способствовало формированию ее формы и очертаний. Неудивительно, что ее фигура должна напоминать ему об этом. Действительно, когда он смотрит в ее глаза, он видит *насквозь* гораздо более глубокую жизнь, чем она сама, возможно, осознает, и все же она действительно принадлежит ей — жизнь вечную и чудесную. Более чем смертный в нем созерцает более чем смертный в ней; и боги спускаются, чтобы встретиться". (Эдвард Карпентер, *Искусство созидания*, стр. 137, 186.)

Именно эта могущественная сила стоит за абберациями, о которых мы говорили, и скрывается за ними, это огромный резервуар, из которого они черпают жизненную кровь, которая оживляет даже их самые фантастические формы. Фетишизм и другие формы эротического символизма - это всего лишь развитие и изоляция кристаллизаций, которые обычно возникают на основе полового отбора. Нормальные в своей основе, в своих крайних формах они представляют собой крайние патологические отклонения сексуального инстинкта, которые могут быть достигнуты или зачаты. В промежуточном пространстве возможны все степени. В малейшей степени символ - это просто особо очаровательная и любимая черта в человеке, который во всех других отношениях считается привлекательным; как таковое, его признание является законной частью ухаживания, эффективным подспорьем к расцвету. В еще большей степени символ - это единственный притягивающий характер человека, который, однако, все еще должен ощущаться как сексуально привлекательная личность. В еще большей степени извращенный символ эффективен, даже если человек, с которым он ассоциируется, совершенно непривлекателен. На заключительной стадии личность и даже все ассоциации с личностью полностью исчезают из поля сексуального сознания; верховодит абстрактный символ.

Однако задолго до того, как символ достиг последней кульминации болезненной интенсивности, можно сказать, что мы вышли за пределы сферы сексуальной любви. Целью любви должна быть личность, а не абстрактное качество. Пока фетиш подчинен личности, он служит усилению любви. Но любовь должна основываться на комплексе привлекательных качеств, иначе у нее не будет стабильности.^[70] Как только фетиш становится изолированным и всемогущим, так что человек отодвигается на задний план как незначительный придаток фетиша, теряется вся стабильность. Фетишист теперь следует за безличным и абстрактным символом, куда бы он его ни повел.

Было замечено, что существует необычайное количество форм, в которых может ощущаться эротический символизм. Следует помнить, и это нельзя слишком отчетливо подчеркивать, что

связи, которые связывают воедино формы эротического символизма, следует искать не в объектах и даже не в действиях, а в лежащих в их основе эмоциях. Чувство - это первое условие символа, чувство, которое вызывает в памяти посредством тонкой и бессознательной автоматической ассоциации сходства или смежности какое-то прежнее чувство. Именно инстинктивно воспринимаемое сходство эмоций связывает символ, лишь частично сексуальный или даже, по-видимому, вовсе не сексуальный, с великим центральным фокусом сексуальной эмоции, великой доминирующей силой, которая придает символу его жизненную силу.^[71]

Случаи сексуальной гиперэстезии, приведенные в начале этого исследования, всего лишь представляют в болезненно всеобъемлющей и чувствительной форме те возможности эротического символизма, которые в той или иной степени или в какой-то период скрыты у большинства людей. Они действительно инстинктивны и автоматичны и не имеют ничего общего с той причудливой и преднамеренной игрой интеллекта вокруг сексуальных образов, которая нередко наблюдается у ненормальных и невменяемых людей и которая не имеет значения для сексуальной психологии.

Именно крайней индивидуализации, связанной с развитием эротической символики, фетишист обязан своей болезненной и опасной изоляции. Любящий, на которого влияют все элементы полового отбора, всегда опирается на сочувствие большей части других человеческих существ; за ним стоит его вид, его пол, его нация или, по крайней мере, мода. Даже перевернутый любовник в большинстве случаев вскоре оказывается в состоянии создать вокруг себя атмосферу, состоящую из людей, чьи идеалы похожи на его собственные. Но это не так с эротическим символизмом. Он почти всегда один. Он с самого начала предрасположен к изоляции, поскольку, по-видимому, проявления эротического символизма, скорее всего, развиваются на основе чрезмерной застенчивости и робости. Когда, наконец, символист осознает свои собственные устремления, которые по большей части кажутся ему совершенно новым явлением в мире, и в то же время осознает, в какой степени они отличаются от устремлений остального человечества, его природная скрытность еще больше усиливается. Он стоит особняком. Его самые священные идеалы для всех окружающих - детская нелепость или отвратительная непристойность, возможно, требующая вмешательства полицейского. Мы забыли, что все эти импульсы, которые нам кажутся такими неестественными — это обожание ступней и других презираемых частей тела, это благоговение перед выделительными процессами и продуктами, согласие на общение с животными, торжественность демонстрации себя - все это были верования и обычаи, которые для наших далеких предков были связаны с высочайшими представлениями о жизни и глубочайшим религиозным пылом.

Однако человек не может сразу так сильно и так спонтанно отклоняться в своих импульсах от остального мира, в котором он сам живет, не обладая изначально ненормальным темпераментом. По крайней мере, он проявляет невропатическую чувствительность к ненормальным впечатлениям. Нередко наблюдается нечто большее - отчетливые признаки дегенерации, иногда определенная степень врожденной слабоумия или склонность к безумию.

Тем не менее, рассматриваемые в целом и невзирая на частоту, с которой они являются свидетелями врожденной патологии, феномены эротического символизма вряд ли могут не произвести глубокого впечатления на терпеливого и беспристрастного исследователя человеческой души. Они часто кажутся абсурдными, иногда отвратительными, иногда

преступными; они всегда, когда доводятся до крайней степени, ненормальны. Но из всех проявлений сексуальной психологии, нормальных и ненормальных, они наиболее специфически человеческие. Больше, чем какие-либо другие, они задействуют мощную пластическую силу воображения. Они представляют нам отдельного человека не только отдельно от своих собратьев, но и в противовес им, создающего свой собственный рай. Они представляют собой высший триумф человеческого идеализма.

[64] Бине, *Экспериментальные психологические этюды*, особенно, стр. 84; Крафт-Эбинг, *Указ. соч.*, стр. 18.

[65] Г. Тард, "Болезненная любовь", *Архив криминальной антропологии*, 1890, стр. 585.

[66] Лукреций, *Lib. IV*, ст. 1150-1163.

[67] Бертон, *Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел II, Воспоминания. III, подп. I.

[68] Джудит Кладель, *Огюст Роден При жизни*, 1903, стр. 103-104. В перевод этого отрывка были внесены некоторые незначительные изменения из-за разговорной формы оригинала.

[69] У. Сайплс, *Процесс человеческого опыта*, стр. 462. Даже если (как мы уже видели, *ante*, стр. 58) святой не всегда может испытывать настоящее физическое удовольствие от интимного контакта с людьми, пыл преданного служения, который пробуждает его видение человечества, остается неизменным.

[70] "Любить", как определил это Стендаль ("*О любви*", глава II), "значит получать удовольствие от созерцания, прикосновения и осязания всеми органами чувств и как можно ближе к любимому объекту, которым человек любим сам".

[71] Исследование Пиллона "Эмоциональных воспоминаний" (*Философское ревю*, февраль 1901 г.) помогает объяснить психический механизм процесса.

МЕХАНИЗМ ДЕТУМЕСЦЕНЦИИ.

Содержание

Я.

Содержание

Психологическое значение детумесценции—Яичко и яичник—Сперматозоид и Зародышевая клетка—Развитие эмбриона—Наружные половые органы—Их Широкий диапазон изменения—Их Нервное обеспечение—Пенис—Его расовые вариации—Влияние физических упражнений—Мошонка и яички—Венерические горы—Вульва—Большие половые губы и их разновидности—Волосы на лобке и их признаки—Клитор и его функции—Задний проход как эрогенная зона—

Нимфы и их функция—Влагалище—Девственная плева—Девственность — Биологическое значение Девственной плевы.

Анализируя сексуальное влечение, мы видели, что процесс, посредством которого достигается соединение полов, естественным образом распадается на две фазы: первую фазу припухлости, во время которой в организме вырабатывается сила, и вторую фазу распухания, при которой эта сила высвобождается во время спаривания.^[72] До сих пор мы были заняты главным образом первой фазой, фазой припухлости, и связанными с ней психическими явлениями. Это было неизбежно, поскольку именно во время медленного процесса набухания происходит половой отбор, вырабатываются кристаллизации любви и, в значительной степени, определяются индивидуальные эротические символы. Но мы ни в коем случае не можем полностью миновать заключительную фазу детумесценции. Его рассмотрение, это правда, приводит нас непосредственно в область анатомии и физиологии; в то время как распухание в значительной степени контролируется волей, когда наступает момент распухания, поводья выскальзывают из-под контроля воли; более фундаментальные и неконтролируемые импульсы организма бесконтрольно скачут галопом; колесница Фаэтона слепо бросается в море эмоций.

И все же детумесценция - это конец и кульминация всей драмы; это, безусловно, анатомо-физиологический процесс, но он неизбежно затрагивает психологию на каждом этапе.^[73] Это, действительно, самый ключ к процессу распухания, и до тех пор, пока мы не поймем и не осознаем очень точно, что именно происходит во время распухания, наш психологический анализ сексуального импульса должен оставаться расплывчатым и неадекватным.

С точки зрения, которой мы сейчас придерживаемся, мужчина и женщина больше не являются двумя высокочувствительными организмами, вибрирующими, может быть, и сладострастно, но смутно и неопределенно, ко всем видам воздействий и с изменчивыми импульсами, способными быть направленными в любое русло, даже в высшей степени отклоняющееся от надлежащих целей продолжения рода. Теперь это два половых организма, которые существуют для продолжения рода, и какими бы еще они ни были, они должны быть адекватно устроены, чтобы совершить акт, посредством которого обеспечивается будущее расы. Мы должны рассмотреть, каковы материальные условия, которые обеспечивают наиболее удовлетворительное и полное выполнение этого акта, и как эти условия могут быть соотнесены с другими обстоятельствами в организме. Подходя таким образом к предмету, мы обнаружим, что на самом деле не отказались от изучения психических аспектов секса.

Двумя наиболее первичными половыми органами являются яичко и яичник; целью конъюгации является приведение в контакт сперматозоида из яичка с зародышем из яичника. Нет никаких оснований предполагать, что зародышевая клетка и сперматозоид существенно отличаются друг от друга. Таким образом, половое спаривание остается процессом, который в корне не отличается от предшествовавшего ему несексуального способа размножения. Слияние ядер двух клеток рассматривалось Ван Бенеденом, который в 1875 году впервые точно описал его, как процесс конъюгации, сравнимый с процессом конъюгации простейших и протофитов. Бовери, который еще больше расширил наши знания об этом процессе, считает, что сперматозоид устраняет тормозящее влияние, препятствующее началу развития яйцеклетки; сперматозоид заменяет часть яйцеклетки, которая уже подверглась дегенерации, так что целью конъюгации является главным образом объединение свойств двух клеток в одной, половое оплодотворение приводит к разделению труда с взаимным торможением; две клетки

отказались от своей первоначальной способности к раздельному развитию, чтобы достичь слияния качеств и, таким образом, сделать возможным производство новых форм и качеств. который повлиял на прогресс организованного мира.^[74]

В то время как у рыб это сопряжение мужского и женского элементов обычно обеспечивается тем, что самка откладывает икру в искусственное гнездо вне тела, на которое самец сбрасывает молоки, у всех животных (и, в некоторой степени, у птиц, которые занимают промежуточное положение) в женском теле имеется органическое гнездо, или инкубационная камера, как называет ее Блэнд Саттон, матка, в которой оплодотворенная яйцеклетка может развиваться до высокой степени зрелости, защищенная от тех разнообразных рисков внешнего мира, которые делают необходимым, чтобы икра рыб была такой огромной по размерам. сумма. Поскольку, однако, мужчины и женщины произошли от отдаленных предков, которые, подобно водным существам, выполняли функции выталкивания спермы и зародышей, которые были в точности аналогичны функциям обоих полов, без какой-либо специализированной женской организации матки, ранние стадии развития мужской и женской матки человека все еще демонстрируют сравнительно недифференцированную половую организацию этих отдаленных предков, и в течение первых месяцев материнской жизни практически невозможно определить при осмотре областей гениталий, развился бы эмбрион в мужчину или в женщину. Если мы исследуем эмбрион на ранней стадии развития, мы видим, что задний конец - этостебель тела, который на более поздних стадиях становится частью пуповины. Мочеполовая область, образованная быстрым расширением заднего конца за его первоначальные пределы, что соответствует тому, что позже станет пупком, развивается главным образом за счет постепенной дифференциации структур (тел Вольфа и Мюллера), которые изначально существуют идентично у обоих полов. Этот процесс половой дифференциации очень сложен, так что пока нельзя сказать, что среди исследователей существует полное согласие относительно его деталей. Когда в процессе происходит какая-либо неправильность или остановка развития, мы имеем дело с тем или иным из многочисленных пороков развития, которые могут повлиять на эту область. Если остановка происходит на очень ранней стадии, мы можем даже обнаружить состояние, которое, по-видимому, приближается к тому, которое обычно существует у взрослых рептилий.^[75] Из-за того факта, что как мужские, так и женские органы развиваются из более примитивных структур, которые не были дифференцированы половым путем, фундаментальная аналогия в половых органах полов всегда сохраняется; развитые органы одного пола существуют в виде рудиментов у другого пола; яички соответствуют яичникам; женский клитор является гомологом мужского полового члена; мошонка мужского полового члена всегда сохраняется. у одного пола это большие половые губы у другого, и так повсюду, хотя в настоящее время не всегда возможно быть совершенно уверенным в отношении этих гомологов.

Поскольку цель, достигаемая половыми органами у человеческого вида, идентична той, которую они преследуют у своих дочеловеческих предков, неудивительно обнаружить, что эти структуры имеют явное сходство с соответствующими структурами у обезьян, хотя в целом у человека, по-видимому, наблюдается более высокая степень половой дифференциации. Таким образом, матка различных видов *семнопитеков*, по-видимому, демонстрирует примечательное соответствие с одним и тем же органом у женщины.^[76] Несколько меньшая степень половой дифференцировки хорошо проявляется у гориллы; у самца внешние органы в пассивном состоянии покрыты морщинистой кожей брюшка, в то время как у самки, наоборот, они очень заметны, а при сексуальном возбуждении большой клитор и нимфы становятся заметно заметными. Однако пенис гориллы, согласно Хартманну, более похож на пенис человека, чем у

других человекообразных обезьян, которые в этом отношении отличаются от человеческого типа больше, чем киноцефальные обезьяны и некоторые виды бабуинов.

С психологической точки зрения нас меньше интересуют внутренние половые органы, которые наиболее фундаментально связаны с производством и рецепцией сексуальных элементов, чем более внешние части генитального аппарата, которые служат инструментами сексуального возбуждения и каналами для проникновения и прохождения семенной жидкости. Только они вообще могут играть какую-либо роль в половом отборе; это единственная часть полового аппарата, которая может участвовать в формировании нормальных или ненормальных эротических представлений; это органы, наиболее заметно участвующие в детумесценции; только они в любое время нормально участвуют в сознательном половом процессе. Поэтому представляется желательным кратко обсудить их на данном этапе.

Наши знания об индивидуальных и расовых вариациях внешних половых органов все еще крайне несовершенны. Несколько монографий и сборников данных по изолированным точкам можно найти в более или менее недоступных публикациях. Что касается женщин, то Плосс и Бартельс посвятили половым органам женщин главу, которая занимает сто страниц, но остается скудной и фрагментарной. (*"Дас Вайб"*, том i, глава VI.) Наиболее систематическая серия наблюдений была сделана в отношении различных видов дегенератов — идиотов, душевнобольных, преступников и т.д. — Но было бы явно небезопасно слишком безоговорочно полагаться на такие исследования в наших знаниях о половых органах обычного населения.

Однако не может быть никаких сомнений в том, что наружные половые органы нормальных мужчин и женщин демонстрируют особенно широкий диапазон вариаций. На это указывают не только бессистемные результаты, достигнутые опытными наблюдателями, но и более систематические исследования. Таким образом, Герман с помощью подробных измерений показал, что существуют большие нормальные вариации в строении частей, образующих дно женского таза. Он обнаружил, что проекция тазового дна варьировалась от нуля до целых двух дюймов и что у здоровых женщин, которые не рожали детей, расстояние между копчиком и анусом, длина промежности, расстояние между фуршетом и лобковым сочленением и длина влагалища подвержены большим колебаниям. (*Журнал "Ланцет"*, 12 октября 1889 г.) Даже отверстие уретры у женщин очень сильно различается, как показал Берг, который исследовал его почти у 700 женщин и воспроизводит различные обнаруженные формы; хотя чаще всего (примерно в трети наблюдаемых случаев) это продольная щель, она может быть крестообразной, звездообразной, полумесяцевидной и т.д.; и хотя иногда она очень маленькая, примерно в 6 процентах случаев. в одном из случаев это касалось кончика мизинца. (Bergh, *Monatsheft für Praktische Dermatologie*, 15 Sept., 1897.)

Что касается обоих полов, Стэнли Холл утверждает, что "доктор Ф. Н. Сирли, обследовавший более 2000 нормальных молодых мужчин, а также многих молодых женщин, говорит мне, что, по его мнению, индивидуальные различия в этих частях тела намного больше, чем различия в лице и форме, и что диапазон взрослых и, по-видимому, нормальных размеров и пропорций, а также функций, а также возраста и порядка развития не только каждой из нескольких частей тела, но и всех их непосредственных приложений, как у женщин, так и у мужчин, намного больше, чем было признано любым автором. Этот факт лежит в основе тревог и опасений по поводу морфологических аномалий, столь частых в подростковом возрасте". (Г. С. Холл, *Отрочество*, том i, стр. 414).

В соответствии с чрезвычайной важностью роли, которую они играют, и глубоко психической природой этой роли, половые органы, как внутренние, так и внешние, очень богато снабжены нервами. В то время как внутренние органы в изобилии снабжены симпатическими нервами и ганглиями, внешние органы демонстрируют максимально возможную степень специализации различных периферических нервных устройств, которые организм развил для приема, накопления и передачи раздражителей в мозг.^[77]

"Количество проводящих тяжей, которые соединяют гениталии с нервными центрами, просто огромно", - пишет Брайан Робинсон; "половой нерв состоит почти из всего третьего крестцового нерва и ответвлений от второго и четвертого крестцовых. Когда человек исследует этот нерв, он вынужден прийти к выводу, что это огромный запас для маленького органа. Периферия полового нерва веером распространяется по гениталиям. " Малый седалищный нерв снабжает только одну мышцу — большую ягодичную мышцу - изатем направляет большую срамную ветвь в сторону полового члена, и, следовательно, трение при половом акте вызывает активное сокращение большой ягодичной мышцы, "главной мышцы при соитии". Большой половой орган и срамная полость составляют основной источник питания наружных половых органов. У женщин сальный нерв такой же большой, но срамной нерв намного меньше, возможно, предполагает Брайан Робинсон, потому что женщины принимают менее активное участие в половом акте. Однако нервная система клитора в три-четыре раза больше нервной системы полового члена в пропорции к размеру. (Ф. Б. Робинсон, "Интимная нервная связь мочеполовых органов с цереброспинальной и симпатической системами", *New York Medical Journal*, 11 марта 1893 г.; *id.*, *Брюшной мозг*, 1899.)

Из всех половых органов пенис, без сомнения, произвел самое сильное впечатление на человеческое воображение. Это сама эмблема поколения, и повсюду люди созерцали ее со смесью благоговения и трепетного благоговения, которое иногда, даже среди цивилизованных народов, доходило до ужаса и отвращения. Его изображение носят как амулет для защиты от зла и используют как талисман для призыва благословения. Половые органы когда-то были самым священным предметом, на который мужчина мог возложить руки, чтобы принести нерушимую клятву, точно так же, как теперь он принимает Завещание. Даже в традициях великой классической цивилизации, которые мы унаследовали, пенис является *фасцинусом*, символом всякого очарования. В истории человеческой культуры он имел гораздо большее, чем просто человеческое значение; он был символом всей воспроизводящей силы Природы, воплощением творческой энергии как в животном, так и в растительном мире, образом, который следует высоко поднимать для поклонения, знаком всякого бессознательного экстаза. Как символ, священный фаллос, он был вплетен во все высшие и глубочайшие человеческие представления настолько глубоко, что его можно увидеть повсюду, что его можно нигде не увидеть.

Важности пениса соответствует большое количество названий, которыми мужчины повсюду наделяют его. Во французской литературе можно найти много сотен синонимов. Они также были многочисленны на латыни. В английском языке литературных терминов для обозначения пениса, по-видимому, сравнительно немного, но в разговорной речи и, возможно, просто местном употреблении существует большое количество нелитературных синонимов. Латинский термин *penis*, который утвердился среди нас как наиболее правильное обозначение, обычно считается связанным с *pendere* и, следовательно, связанным с обычно подвешенным положением органа. В средние века общепринятым литературным термином по всей Европе

был *coles* (или *колус*) от *caulis*, стебель, и *virga*, стержень. Единственный серьезный английский литературный термин "ярд" (точный эквивалент *virga*), используемый Чосером — едва ли не последним великим английским писателем, чей словарный запас был адекватен основным фактам жизни, — в настоящее время вышел из литературного и даже разговорного употребления.

Пирер и Шолан в своем анатомическом и физиологическом *реальном словаре* (том vi, стр. 134) приводят почти сотню синонимов пениса. Гиртл (*Топографическая анатомия*, седьмое издание, том ii, стр. 67-69), добавляет другие. Шуриг в своей "*Сперматологии*" (1720, стр. 89-91) также представляет ряд названий полового члена; в главе III (стр. 189-192) той же книги он обсуждает половой член в целом с большей полнотой, чем большинство авторов. Луи де Ландес в своем *эротическом словаре* французского языка (стр. 239-242) перечисляет несколько сотен литературных синонимов пениса, хотя многие из них, вероятно, встречаются только один раз.

В настоящее время не существует тщательного и всеобъемлющего исследования полового члена на антропологической основе (хотя я должен упомянуть ценное и полностью иллюстрированное исследование антропологических и патологических вариаций полового члена в серии статей Марандона де Монтеля "Аномалии женских органов у внешних пришельцев" и др., *Архив криминологии*, 1895), и здесь было бы неуместно пытаться собрать разрозненные упоминания о расовых и других вариациях. Возможно, достаточно отметить некоторые свидетельства, свидетельствующие о том, что такие вариации кажутся многочисленными и важными. Арабский пенис (согласно Кохеру) тонкий и длинный (на треть длиннее среднего европейского пениса) и с булавовидной головкой. Он претерпевает незначительные изменения, когда переходит в эрегированное состояние. Одежда оставляет его довольно свободным, и арабы практикуют ручное возбуждение в раннем возрасте, чтобы способствовать его развитию.

Среди жителей Огненной земли, также, согласно Гиадесу и Деникеру (*Cap Horn*, vol. vii, с. 153), средняя длина полового члена составляет 77 миллиметров, что длиннее, чем у европейцев.

У мужчин черной расы пенис также определенно большой. Так, сэр Х. Х. Джонстон (*Британская Центральная Африка*, стр. 399) утверждает, что это универсальное правило. Среди ванкенда Северной Ньяссы, например, он отмечает, что, хотя тело у них среднего размера, пенис, как правило, большой. Он называет обычную длину около шести дюймов, достигая девяти или десяти при эрекции. Добавляется, что крайняя плоть часто бывает очень длинной, и обрезание практикуется многими племенами.

Среди американских негров, обнаруженных также Хрдликой (*Труды Американской ассоциации содействия развитию науки*, том. xlvii, стр. 475), что пенис у чернокожих мальчиков больше, чем у белых.

Процитированные выше отрывки наводят на мысль о том, становится ли пенис больше в результате осуществления своих генеративных функций. Большинство старых авторов утверждают, что частая эрекция делает пенис большим и удлинненным (Шуриг, *Сперматология*, стр. 107). Гален отметил, что у певцов и спортсменов, которые были целомудренны, чтобы сохранить свою силу, половые органы были маленькими и морщинистыми, как у стариков, и что упражнения органов с юности развивают их; Рубо, цитируя это наблюдение (*Характеристика*

превосходства, стр. 373), соглашается с этим утверждением. Представляется вероятным, что в этом древнем веровании есть доля истины. В то же время необходимо помнить, что пенис лишь в небольшой степени является мышечным органом, и что увеличение размеров, вызванное частым скоплением эректильных тканей, не может быть ни быстрым, ни выраженным. Различия в размерах половых органов, вероятно, в целом в основном передаются по наследству, хотя решительно говорить на этот счет невозможно до тех пор, пока не станут привычными более систематические наблюдения.

В человеческом воображении мошонка обычно рассматривалась просто как придаток полового члена, имеющий второстепенное значение, хотя это одеяние первичных и важнейших органов секса, и тот факт, что она не является местом возникновения каких-либо сладострастных ощущений, несомненно, помог подтвердить это положение. Даже само название - всего лишь средневековое искажение *escortum*, кожи или прятут. В классические времена это обычно называли мешочком или кошельком. Важность яичек, однако, не была полностью проигнорирована, как показывает само слово "семенник", поскольку семенник - это просто свидетель мужественности.^[78]

Легко понять, почему пенис должен занимать такое особое место в мыслях мужчины как высший сексуальный орган. Это единственная заметная часть полового аппарата, в то время как его способность непроизвольно набухать и эрегироваться под влиянием сексуальных эмоций придает ему особое и почти уникальное положение в теле. В то же время это точка, в которой в мужском теле сосредоточены все сладострастные ощущения, единственный нормальный мужской центр секса.^[79]

Нелегко найти какой-либо соответственно бросающийся в глаза символ секса в сексуальной сфере женщин. В нормальном положении ничего не видно, кроме характерной для человека жировой подушки, живописно называемой Венерами Горой (потому что, как сказал Палфин, все те, кто записывается под знамя Венеры, обязательно должны взобраться на нее), но даже она скрыта от взгляда взрослого человека более или менее густой растительностью, которая растет на ней. Таким образом, на нижней вершине туловища образуется треугольник различной точности очертаний, и иногда это, по-видимому, рассматривалось как женский символ.^[80] Но более обычным и типичным символом женственности является идеализированное кольцо (некоторыми дикарями изображаемое в виде ромба) отверстия вульвы — *йони* соответствующая мужскому *лингаму*, которое обычно скрыто от глаз более крупными губами, выступающими из— под тени *горы*. Это символ, который, как и мужской фаллос, имеет двойное значение у первобытных народов и иногда используется для призыва благословения, а иногда и проклятия.^[81]

Это внешнее отверстие женского генитального канала с двумя прилегающими губами теперь обычно называется вульвой. Похоже, что первоначально (как у Цельса и Плиния) этот термин включал также матку, но когда термин "матка" вошел в обиход, "вульва" была ограничена (как и должно быть в значении складывающихся дверей) внешним входом. Классический термин *sinpūs* для обозначения наружных половых органов использовался в основном поэтами; он был этимологическим источником различных европейских названий этого региона, таких как старофранцузское *con*, которое сейчас, однако, исчезло из литературы, хотя даже в популярном употреблении оно уступило место *lapin* и подобным терминам. Но всегда существует тенденция,

отмеченная в большинстве частей света, к тому, что названия внешних женских частей тела становятся неприличными. Даже в классической древности эта часть была *пудендумом*, частью, за которую следовало стыдиться, и среди нас масса населения, все еще сохраняющая традиции первобытных времен, продолжает придерживаться того же представления.

Анатомия, антропология, фольклор и терминология внешней и, в некоторой степени, внутренней женской половой области могут быть изучены, среди прочего, в следующих публикациях: Ploss, *Das Weib*, том I, глава VI; Hyrtl, *Топографическая анатомия*, том II. II и другие публикации того же ученого-анатома; У. Дж. Стюарт Маккей, *История древней гинекологии*, особенно стр. 244-250; Р. Берг, "Symbolæ ad Cognitionem Genitalium Externorum Fœminearum" (на датском языке), *Госпитальстиденде*, август 1894 г.; а также в *Журнале практической дерматологии*, 1897. Д. С. Лэмб, "Женские наружные половые органы", *New York Journal of Гинекология*, август 1894 г.; Р. Л. Дикинсон, "Гипертрофии малых половых губ и их значение", *Американская гинекология*, сентябрь 1902 г.; Кριπτάδης (на разных языках), том. VIII, стр. 3-11, 11-13 и многие другие отрывки. Некоторые работы Шурига (особенно *Гинекология*, *Мулибрия* и *Партенология*) содержат полное изложение высказываний ранних авторов.

Наружные или более крупные губы, как и венерическая гора, являются специфически человеческими в их полном развитии, поскольку у человекообразных обезьян они маленькие, как и у *mons*, а у низших обезьян вообще отсутствуют; более того, у белых они крупнее, чем у других человеческих рас. Таким образом, у негритянок и в меньшей степени у японцев (Верних) и яванцев (Шерцер) они менее развиты, чем у женщин белой расы. Большие губы развиваются в полости рта позже, чем малые, которые, таким образом, сначала приоткрываются; это состояние, таким образом, представляет собой инфантильное состояние, которое иногда (менее чем у 2 % случаев, согласно Бергу) сохраняется у взрослого человека. Их общепринятое название, большие половые губы, является сравнительно современным.^[82]

Внешние стороны больших половых губ покрыты волосами, а на внутренних сторонах, которые гладкие и влажные, но не являются настоящей слизистой оболочкой, есть несколько потовых желез и многочисленные крупные сальные железы. Берг считает, что на внутренних сторонах больших половых губ практически нет волос, но Лэмб утверждает, что тщательное исследование показывает, что от одной до двух третей внутренней поверхности у взрослых женщин покрыты волосками, аналогичными волоскам на внешней поверхности. У брюнеток и женщин смуглых рас эта поверхность пигментирована; у смуглых рас она обычно грифельно-серая. В результате обследования 2200 молодых датских проституток Берг обнаружил, что существуют две основные разновидности формы больших половых губ с переходными формами. При первой и наиболее частой форме половые губы, как правило, менее выражены, более стертые и разделены в верхней и передней части, часто теряясь по бокам скул и представляя собой трещину, которая шире в верхней части и более или менее обнажает внутренние губы. При второй форме половые губы толще и более выдающиеся, а внутренние края соприкасаются по всей их длине, показывая *половые губы* в виде длинной узкой трещины. Какой бы ни была форма, половые губы более плотно прилегают друг к другу у девиц и у молодых особей в целом, чем у лишенных девственности и пожилых людей. У детей, как указывал Мартино, вульва, по-видимому, смотрит прямо вперед, и клитор и мочевого проход легко видны, в то время как у взрослых женщин, особенно после попыток коитуса, вульва, по-видимому, направлена больше ниже и сзади, а клитор и мочевого проход в большей степени прикрыты большими половыми губами; так что ребенок мочится вперед, в то время как взрослая

женщина обычно способна мочиться почти прямо вниз в эрегированном положении, хотя в некоторых случаях (что иногда можно наблюдать на улице) она может делать это, только слегка наклонившись вперед. Эта разница в направлении потока ранее служила одним из методов диагностики девственности, но ненадежным, поскольку разница в значительной степени обусловлена возрастом и индивидуальными особенностями. Основным фактором, влияющим на положение и внешний вид вульвы, является наклон таза. (См. Хэвелок Эллис, *"Мужчина и женщина"*, четвертое издание, стр. 64; Стратц, *"Философия Веиблихен Керперс"*, глава XII.) У европейской женщины, по словам Стратца, значительная степень наклона таза необходима для красоты, скрывая все, кроме передней трети вульвы. У негритянок и других женщин низшей расы вульва, однако, обычно расположена дальше назад, будучи более заметной сзади, чем у европейских женщин; в этом отношении низшие расы напоминают обезьян. Следовательно, те женщины темной расы, чья скромность сосредоточена сзади, а не спереди, таким образом, имеют на своей стороне здравые анатомические соображения.

Как отмечают Плосс и Бартельс, очень распространенная вариация среди европейских женщин заключается в необычно заднем положении вульвы и входа во влагалище, так что, если под ягодицы не подложить подушку, мужчине трудно осуществить коитус в обычной позе, не причиняя женщине особой боли. Они добавляют, что другая аномалия, которую труднее исправить, заключается в ненормально переднем положении входа во влагалище близко под тазовой костью, так что, хотя интромиссия проходит легко, спазматическое сокращение влагалища в кульминации оргазма прижимает пенис к кости и причиняет мужчине невыносимую боль.

Венерическая гора и большие половые губы после наступления половой зрелости всегда в норме покрыты более или менее обильным ростом волос. Примечательно, что человекообразные обезьяны, несмотря на их общую склонность к волосатости, не демонстрируют такого особого развития волосяного покрова в этой области. Таким образом, мы видим, что все внешние и наиболее заметные части сексуальной сферы женщины — почечные вены, большие половые губы и волосы — представляют собой не столько животное наследие, каким мы обычно их ошибочно представляем, сколько более высокое и подлинно человеческое развитие. Поскольку ни одна из этих структур не имеет четкого практического применения, может показаться, что они, должно быть, развились в результате полового отбора для удовлетворения эстетических потребностей глаза.^[83]

Характер и расположение лобковых волос, исследованные Эшрихтом и Фойгтом более полувека назад, были совсем недавно изучены Бергом. Как отметили эти наблюдатели, сверху и снизу идут различные сходящиеся потоки волос, и клитор, по-видимому, является центром, к которому они направлены. Сформированный таким образом волосяной покров обычно обильный и, как правило, больше у брюнеток, чем у блондинок. Он почти всегда изогнутый, вьющийся и более или менее закручен по спирали.^[84] В начале трещины часто есть один или два завитка, закатанные наружу, и иногда хорошо заметный пучок по средней линии. В изобилии волосы на лобке соответствуют волосам в подмышечных впадинах; когда в одной области волосяной покров недостаточен, в другой, как правило, тоже. Густые брови также обычно указывают на сильное развитие волос на лобке. Но волосяной покров головы обычно меняется независимо, и Берг обнаружил, что из 154 женщин с избыточным количеством

лобковых волос у 72 были хорошие и часто обильные волосы на голове. Полное или почти полное отсутствие волос на лобке, по опыту Берга, встречается только примерно у 3% о женщинах; все они были молоды и светловолосы.

Рот в своем исследовании лобковых волос 1000 берлинских женщин обнаружил, что нет двух женщин, действительно похожих в этом отношении, но наблюдалась тенденция к двум основным типам расположения с незначительными подразделениями, в зависимости от того, росли ли волосы в основном по средней линии, отходящей вбок от этой линии, или росли одинаково по всей длине лобковой области; эти две группы включали половину исследованных случаев.

У мужчин волосы на лобке обычно поднимаются спереди слабой линией до пупка, с тенденцией образовывать треугольник с вершиной выше, а сзади простираются назад до заднего прохода. У женщин эти передние и задние отростки сравнительно редки или, во всяком случае, представлены лишь несколькими торчащими волосками. Рот обнаружил эту вариацию у 4% женщин Северной Германии, хотя треугольник волос был обнаружен только у 2%.; Ломброзо обнаружил его у 5% итальянских женщин; Берг обнаружил его только у 1,6%. среди 1000 датских проституток все шестнадцать, за тремя исключениями, были брюнетками. В Вене среди 600 женщин Коу обнаружил только 1 процент с таким распределением волос и утверждает, что это были женщины явно мужского типа, хотя Плосс и Бартельс, а также Рот, однако, находят, что гетерогенность, как они называют мужское распределение, чаще встречается у блондинок. Переднее расширение волос обычно сопровождается задним расширением вокруг заднего прохода, обычно очень незначительным, но иногда таким же выраженным, как у мужчин. (Однако, по словам Рота, передняя гетерогенность сравнительно редка.) Эти мужские вариации роста лобковых волос, по-видимому, нередко связаны с другими физическими и психическими аномалиями; именно по этой причине их иногда рассматривали как признаки порочного или преступного темперамента; однако они встречаются у вполне нормальных женщин.

Волосы на лобке у женщин обычно короче, чем у мужчин, но густые, а отдельные волоски сильнее и больше в диаметре, чем у мужчин, как впервые показал Пфафф; темные волосы обычно крепче светлых. Как по длине, так и по размеру индивидуальные различия значительны. Обычная длина составляет около 2 дюймов, или 3-5 сантиметров, иногда достигая примерно 4 дюймов, или 9-10 сантиметров, в более крупных локонах. Из серии из 100 женщин, которых обследовали во время родов в Лондоне и на севере Англии, я только однажды (у довольно светловолосой женщины из Ланкашира) обнаружила, что волосы на половых губах достигают заметной длины в несколько дюймов и препятствуют манипуляциям, связанным с родоразрешением. Но Джан родила женщину, у которой лобковые волосы были длиннее, чем у нее на голове, и доходили ниже колен; Паулини также знал женщину, у которой лобковые волосы почти достигали колен и были проданы для изготовления париков; Бартолин упоминает жену солдата, которая заплетала лобковые волосы за спиной; в то время как у Брантома есть несколько упоминаний об аномально длинных волосах у дам французского двора шестнадцатого века. В 8 случаях из 2200 Берг обнаружил, что лобковые волосы образуют большой кудрявый парик, достигающий до подвздошных отростков. Отдельные волоски иногда оказывались настолько жесткими и похожими на щетку, что затрудняли коитус.

По цвету волосы на лобке, хотя в целом и приближаются к волосам на голове, иногда (согласно Роту в Германии, в одной трети случаев) светлее, а иногда и несколько темнее, как это было

обнаружено Коу, особенно у брюнеток, а также Бергом в Дании. Берг отмечает, что по цвету они обычно занимают промежуточное положение между бровями и подмышечными волосами, причем последние более или менее обесцвечиваются потом, и что из-за воздействия мочи и выделений из влагалища волосы на губах бледнее, чем на макушках; у блондинок с темными бровями обычно темные волосы на макушках. Волосы на этом месте, как заметил Аристотель, обычно седеют последними.

Ключ к генитальному аппарату у женщин с психической точки зрения и, действительно, в некоторой степени, его анатомический центр следует искать в клиторе. Анатомически и с точки зрения развития клитор является рудиментарным аналогом мужского полового члена. Функционально, однако, его объем намного меньше. В то время как пенис одновременно получает и передает специфические сладострастные ощущения и является одновременно органом, пропускающим сперму, и каналом для мочи, единственной функцией клитора является эрекция под воздействием сексуальных эмоций, а также получение и передача стимулирующих сладострастных ощущений, передаваемых ему трением о мужской генитальный аппарат. Это настолько незначительный орган, что только в последнее время была осознана его гомология с пенисом. В 1844 году Кобельт написал в своей важной книге, *"Умри, как человек, так и личность"*, что в его попытке показать, что женские органы в точности аналогичны мужским, читатель, вероятно, не сможет следовать за ним, в то время как даже Йоханнес Мюллер, отец научной физиологии, примерно в то же время заявил, что клитор существенно отличается от пениса. Действительно, прошло всего три столетия с тех пор, как клитор был настолько малоизвестен, что (в 1593 году) Реальный Колумб фактически претендовал на честь его открытия. Колумб не был его первооткрывателем, поскольку Фаллопий быстро показал, что о нем упоминали Авиценна и Альбукасис.^[85] Арабы, по-видимому, были хорошо знакомы с ним и, судя по различным названиям, которые они ему давали, ясно понимали, какую важную роль он играет в возбуждении сладострастных эмоций.^[86] Но он был известен в классической древности; греки называли его *μύρτον*, миртовая ягода; Гален и Соранус называли его *νύμφη*, потому что он покрыт, как невеста покрывается вуалью, в то время как старое латинское название было *tentigo*, из-за его силы возбуждения, и *columella*, маленький столб, из-за его формы. Говорят, что современный термин, который является греческим и относится к чувствительности части тела к сладострастному щекотанию, возник у Суидаса и Поллукса.^[87] Это было упомянуто, хотя и не принято, Руфусом.

"Клитор, - заявил Холлер, - это часть тела, чрезвычайно чувствительная и удивительно похотливая". Это, безусловно, главная, хотя и ни в коем случае не единственная точка, через которую женскому организму передается немедленный призыв к детумесценции. Это, действительно, как замечает Брайан Робинсон, "настоящая кнопка электрического звонка, нажатие на которую или раздражение приводит в действие всю нервную систему".

Нервная система этого маленького органа очень велика, а спинной нерв клитора относительно в три-четыре раза больше, чем у полового члена. Однако чувствительная точка этого органа имеет протяженность всего 5-7 миллиметров. Длина клитора обычно составляет более 2 сантиметров (или около дюйма) и 3 сантиметров в состоянии эрекции; длина в 4 сантиметра или более была расценена Мартино как находящаяся в пределах нормального диапазона вариаций. В Европе не принято находить клитор длиннее этого (поскольку среди некоторых рас, таких как негритянская, клитор обычно большой), но все степени величины могут быть найдены в качестве редких исключений. (См., например, сэр Дж. Я. Симпсон, "Гермафродиты",

Акушерские мемуары и материалы, том. ii, стр. 217-226; также Дикинсон, *лок. цит. по*) Раньше считалось, что клитор легко увеличивается при мастурбации, и Мартино полагал, что таким образом он может увеличиться в длину вдвое. Вполне вероятно, что небольшое увеличение клитора может быть вызвано очень частой мастурбацией, но только в незначительной степени, и диагностировать мастурбацию по размеру клитора невозможно. Среди женщин озера Ньясса, а также на Каролинских островах практикуются специальные методы удлинения клитора, но в Европе, во всяком случае, вероятно, что различия в размерах органа в основном врожденные. Вполне возможно, что врожденно большой клитор связан с аномально развитой возбудимостью полового аппарата. Тилт заявил (*О воспалении матки и яичников*, стр. 37), что в его опыте была частая, хотя и не неизменная связь между большим клитором и сексуальной склонностью. (Шуриг сослался на случай интенсивной сексуальной одержимости на всю жизнь, связанной с чрезвычайно большим клитором, *Гинекология*, стр. 16-17.) В последние годы некоторые гинекологи придают значительное значение (*например*, Р. Т. Моррис, "Пытается ли эволюция покончить с клитором?" *Труды Американской ассоциации акушеров и гинекологов*, том v, 1893) о препуциальных спайках вокруг клитора как источнике нервных расстройств и инвалидности у молодых женщин.

Хотя клитор анатомически аналогичен половому члену, его фактический механизм действия при стрессе сексуального возбуждения несколько иной. Как уже давно указывал Льетто, она не может свободно подниматься при эрекции, как это может делать пенис; по-видимому, она связана крайней плотью и уздечкой. Вальдейер в своей книге о тазе более точно утверждает, что, в отличие от пениса, в эрегированном состоянии он сохраняет свой угол, только становится несколько закругленным, так что орган в некоторой степени приподнимается и выступает вперед. Уолдейер считал, что клитор, таким образом, идеально приспособлен для выполнения своей роли получателя эротической стимуляции от трения половым членом. Адлер, однако, со значительной справедливостью указал, что это не совсем так. Клитор был развит у млекопитающих, которые практиковали задний способ коитуса; в этом положении клитор находился под половым членом, который, таким образом, был легко способен во время коитуса прижимать его к лобковой кости, близко под которой он расположен, и таким образом обеспечивать сжатие и трение, которых жаждет женский орган. Но при переднем способе коитуса человека он не обязательно вступает в тесный контакт с половым членом во время акта коитуса и, таким образом, не получает мощной стимуляции. Его ограниченное положение, которое является преимуществом при заднем половом акте, является недостатком при переднем половом акте. Адлер отмечает, что таким образом получается, что человеческий метод совокупления, хотя и придал объятиям полов новое достоинство и утонченность, новый источник наслаждения, не был безусловным преимуществом для женщины, поскольку, хотя мужчина ничего не потерял от этого изменения, женщины теперь приходится сталкиваться с возросшими трудностями в достижении адекватного давления на ту "электрическую кнопку", которая обычно приводит в действие весь механизм.^[88]

Мы вполне можем связать с изменениями, вызванными предшествующим половым актом, тот интересный факт, что, хотя клитор остается наиболее чувствительным из сексуальных центров у женщины, чувственная чувствительность гораздо шире распространена у женщины, чем у мужчины. Действительно, по всему телу она обычно выражена более отчетливо, чем это обычно бывает у человека. Но даже если мы ограничимся областью гениталий, в то время как у мужчины та часть полового члена, которая входит во влагалище, и особенно головка, обычно является единственной частью, которая даже во время набухания чувствительна к

сладострастным контактам, у женщины вся область находится в пределах больших губ, включая даже задний проход и внутреннюю часть влагалища и вагинальную часть матки,^[89] станьте чувствительными к сладострастным контактам. Без пениса способность мужчины испытывать специфические сексуальные ощущения действительно становится очень ограниченной. Но потеря клитора или любой другой структуры не влечет за собой соответствующих серьезных нарушений у женщин. По этой причине от удаления клитора при сексуальной гиперэстезии отказались, за исключением особых обстоятельств. Члены секты русских скопцов обычно ампутируют клитор, нимфы и груди, однако многие молодые женщины-скопцы говорили русскому врачу Гутцайту, что они вполне способны наслаждаться половым актом.

Фрейд считает, что у очень маленьких девочек клитор является исключительным источником сексуальных ощущений, мастурбация в этом возрасте направлена только на клитор, а спонтанное сексуальное возбуждение ограничивается подергиваниями и эрекцией этого органа, так что молодые девочки способны по собственному опыту распознавать признаки сексуального возбуждения у мальчиков без каких-либо инструкций. В более позднем возрасте сексуальная возбудимость распространяется от клитора к другим областям — точно так же, как легко воспламеняющееся дерево поджигает уголь, — хотя у мужчин пенис от начала до конца обычно остается почти исключительным очагом специфической возбудимости. (С. Фрейд, *Основы сексуальной теории*, стр. 62.)

Однако иногда кажется, что задний проход является эрогенной зоной даже в раннем возрасте. Пощекотание заднего прохода, по-видимому, часто доставляет удовольствие женщинам; и это неудивительно, учитывая высокую степень эротической чувствительности, которая легко развивается в отверстиях тела, где кожа соприкасается со слизистой оболочкой. (Таким образом, отверстие мочеиспускательного канала является очень эрогенной зоной, о чем достаточно свидетельствует частота попадания в мочевого пузырь заколок для волос и других предметов, используемых при мастурбации.) Несомненно, именно в этой зародышевой чувствительности мы находим главный ключ к практике *педикюра*. Фрейд придает большое значение анусу как сексуально эрогенной зоне в очень раннем возрасте и считает, что он очень часто дает о себе знать в этом отношении. Он считает, что катары кишечника в очень раннем возрасте и геморрой позже приводят к повышению чувствительности заднего прохода. Он находит указание на то, что задний проход стал сексуально эрогенной зоной, когда дети хотят, чтобы содержимое прямой кишки скапливалось так, что дефекация из-за ее повышенной трудности может вызывать сладострастные ощущения, и добавляет, что мастурбационное возбуждение заднего прохода пальцами ни в коем случае не редкость у детей старшего возраста. (С. Фрейд, *Указ. соч.*, стр. 40-42.) Медицинский корреспондент в Индии рассказывает мне об одной европейской даме, которая получала, по ее словам, "такое же, даже большее" удовольствие от пальцевого щекотания прямой кишки, как и от вульвовагинального щекотания; она несколько раз делала *педикюр* и наслаждалась этим, хотя проникновение было болезненным. Задний проход может сохранять эту эрогенную раздражимость даже в пожилом возрасте, и Раут упоминает случай с женщиной старше 70 лет, противоположностью похотливой, которая была настолько возбуждена актом дефекации, что неизменно была вынуждена мастурбировать, хотя такое положение вещей было для нее источником больших душевных страданий. (К. Х. Ф. Раут, *Британский гинекологический журнал*, февраль 1887 г., стр. 48.)

Бельше искал объяснение эрогенной природы заднего прохода и ключ *кледикюру* в атавистическом возвращении к очень далеким временам существования амфибий, когда задний проход соединялся с половыми органами в общей клоаке. Но нет необходимости ссылаться на какое-либо рудиментарное наследование из чрезвычайно отдаленного прошлого, когда мы помним, что иннервация этих двух смежных областей неизбежно очень тесно связана. Наличие выхода из тела с его выраженной и особой чувствительностью в точке, где оно едва ли может не получать нервный поток от чрезвычайно активного центра нервной энергии, вполне адекватно объясняет рассматриваемый феномен.

Внутренние губы, нимфы или малые половые губы, идущие параллельно большим губам, которые их окружают, охватывают клитор спереди и отходят назад, закрывая выход уретры между ними, а также вход во влагалище. Они образуют маленькие крылышки, откуда и пошло их старое латинское название, *alæ*, а из-за их сходства с петушиным гребнем Спигелиус назвал их *crista galli*. Красный и (особенно у брюнеток) темный внешний вид нимф предполагает, что они представляют собой слизистую оболочку, а не покровный материал; однако в настоящее время считается, что даже на внутренней поверхности они покрыты кожей и отделены от слизистой оболочки линией.^[90] По структуре, описанной Уолдейером, они состоят из тонкой соединительной ткани, богатой эластическими волокнами, а также некоторой мышечной ткани, и полны крупных вен, так что они способны к значительной степени набухания, напоминающего эрекцию во время сексуального возбуждения, в то время как Баллантайн обнаруживает, что нимфы в значительной степени снабжены нервными окончаниями.

В большей степени, чем любая другая часть полового аппарата у представителей обоих полов, малые губы, в силу своей формы, положения и строения, способны к приобретенным модификациям, в особенности к гипертрофии и удлинению. Утверждается, что при растяжении губа может увеличиться в размерах вдвое. "Готтентотский фартук", или удлинённые нимфы, обычно встречающиеся у некоторых народов Южной Африки, давно стали привычным явлением. В таких случаях обычно встречается длина или поперечный диаметр от 3 до 5 сантиметров. Но такие удлинённые нимфы ни в коем случае не ограничены одной частью света или одной расой; они довольно распространены среди женщин европейской расы и достигают размера, равного большинству наиболее достоверно зарегистрированных случаев у готтентотов. Дикинсон, который очень тщательно изучал этот вопрос в Нью-Йорке, обнаружил, что в 1000 последовательных гинекологических случаях гипертрофия половых губ наблюдалась в той или иной форме в 36 процентах случаев, или более чем у 1 из 3; в то время как среди 150 пациентов, страдавших неврастенией, эта доля достигла 56 процентов, даже когда незначительные или сомнительные увеличения были проигнорированы. Берг, примерно в 16 процентах, в случаях обнаружены очень увеличенные нимфы, высота которых достигнута примерно в 5 процентах, в большинстве случаев увеличение составило почти шесть сантиметров. Плосс и Бартельс, подробно обсуждая "готтентотский фартук", приходят к выводу, что это состояние, возможно, в большинстве случаев вызвано искусственно. Известно, что у басуто есть обычай, когда старшие девочки манипулируют нимфами младших детей, оставаясь с ними наедине, почти с самого рождения, и из-за эластичной природы этих структур такие манипуляции вполне адекватно объясняют удлинение. Нет необходимости предполагать, что этот обычай практикуется ради получения сексуальной стимуляции — хотя это может происходить часто, — поскольку существует множество подобных примитивных обычаев, связанных с деформацией половых органов без возникновения сексуального возбуждения. Дикинсон пришел каналогичному выводу относительно соответствующего удлинения нимфы у

цивилизованных европейских женщин. У 361 из 1000 женщин хорошего социального положения он обнаружил удлинение или утолщение, часто с заметной степенью морщинистости и пигментации, и считает, что это всегда результат часто повторяющейся мастурбации, практикуемой с отделением нимфы; у 30 процентов. из случаев было сделано признание в мастурбации.^[91] Хотя этот вывод, вероятно, в основном верен, он требует некоторой квалификации. Утверждать, что всякий раз, когда у женщин, которые не были беременны, заметное выступание внутренних губ за пределы наружных, означает, что в какой-то период практиковались манипуляции с целью вызвать сексуальное возбуждение или без него, - значит делать слишком категоричное заявление. Весьма вероятно, что нимфы, как и клитор, врожденно более заметны у некоторых низших человеческих рас, как и у обезьян; например, у жителей Огненного огня, согласно Гиадесу и Деникеру, малые половые губы опускаются ниже, чем у европейцев, хотя нет ни малейших оснований предполагать, что эти женщины практикуют какие-либо манипуляции. У европейских женщин, опять же, нимфы иногда очень заметно выступают за большие половые губы у женщин, которые органически относятся к несколько инфантильному типу; это происходит в случаях, когда мы можем быть убеждены, что никакие манипуляции никогда не практиковались.^[92]

Трудно говорить очень определенно о функции малых половых губ. Они, несомненно, оказывают некоторое защитное воздействие на вход во влагалище и таким образом соответствуют губам рта, в честь которых они и названы. Однако они выполняют одну очень определенную, хотя и не очевидно важную функцию, на которую указывает полученное ими мифологическое название. Действительно, существует некоторая неясность в происхождении этого термина "нимфа", которая, я полагаю, не была удовлетворительно прояснена. Было заявлено, что греческое название *νύμφη* было перенесено с клитора на малые половые губы. Любой такой перенос мог произойти только тогда, когда значение этого слова было забыто, и *νύμφη* стало совершенно другим словом *νύμφα*, обозначающим богинь, правящих потоками. Древние анатомы много размышляли над значением этого названия, но в целом были склонны полагать, что оно относится к действию малых половых губ по направлению потока мочи. Термин "нимфа" впервые был применен в современном смысле, по словам Берга, Пинеусом в 1599 году, главным образом из-за влияния этих структур на поток мочи, и он расширил в своем *De Virginitate* вопрос о пригодности этого термина для обозначения столь поэтического места.^[93] В более современные времена Люшка и сэр Чарльз Белл сочли, что одним из способов использования нимфы является направление потока мочи, и Лэмб, исходя из своих собственных наблюдений, считает вероятным тот же вывод. В действительности не может быть ни малейшего сомнения относительно функции нимф, как, по выражению Хиртла, "наяд источника мочи", и это может быть продемонстрировано простейшим экспериментом.^[94]

Нимфы образуют промежуточные врата влагалища, поскольку канал, ведущий к матке, был впервые назван в анатомии (согласно Хиртлю) Де Граафом.^[95] Это секретирующий, эректильный, более или менее чувствительный канал, выстланный тем, что обычно считается слизистой оболочкой, хотя некоторые рассматривают его как покров того же характера, что и у наружных половых органов; он, безусловно, больше напоминает такой покров, чем, например, слизистую оболочку прямой кишки. У женщины, которая никогда не имела полового акта и не подвергалась никаким манипуляциям или несчастным случаям, затрагивающим эту область, влагалище закрыто последними воротами тонкой мембраны, едва пропускающими больше тонкого пальца, — так называемой девственной плевой.

Поэты называли девственную плеву "fios virginitatis", цветок девственности, откуда и произошел судебно-медицинский термин *дефлорация*. Несмотря на большое значение, которое долгое время придавалось явлениям, связанным с ней, девственная плева не была точно известна до тех пор, пока Везалий, Фаллопий и Спигелиус не описали и не назвали ее. Это, однако, признавали арабские авторы, Авиценна и Аверроэс. Ранняя литература, касающаяся этого, кратко изложена Шуригом, *Мулибрия*, 1729, раздел II, глава V. *Партенология* того же автора посвящена различным древним проблемам, связанным с вопросом девственности.

Сказать, что этот тонкий кусочек мембраны с нефизической точки зрения является более важной структурой, чем любая другая часть тела, - значит дать лишь слабое представление об огромной важности девственной плевы в глазах мужчин многих прошлых эпох и даже нашего времени и среди нашего собственного народа.^[96] Для использования женского тела или для его красоты нет более незначительной части. Но в человеческих глазах она приобрела духовную ценность, которая сделала ее гораздо большим, чем просто частью тела. Она заняла место души, той, чье присутствие придает незамужней женщине всю ее ценность, даже ее имя, ее чистоту, ее сексуальную желанность, ее рыночную ценность. Без этого — хотя во всех физических и умственных отношениях она могла бы оставаться тем же человеком — иногда она была предметом презрения, никчемным изгоем.^[97]

Столь хрупкая мембрана едва ли обладает надежностью, которой должна обладать структура, присутствие или отсутствие которой часто так много значило. Его отсутствие ни в коем случае не обязательно означает, что у женщины был половой акт с мужчиной. Его наличие ни в коем случае не означает, что у нее никогда не было такого полового акта.

Существует много способов разрушения девственной плевы, помимо коитуса. У китайцев (а также, по-видимому, в Индии и некоторых других частях Востока) женские половые органы с младенчества содержатся в такой скрупулезной чистоте при ежедневном мытье, при введении пальца во влагалище, что девственная плева быстро исчезает, и о ее существовании неизвестно даже китайским врачам. Среди некоторых бразильских индейцев аналогичная практика существует среди матерей в отношении своих маленьких детей, однако не столько ради соблюдения чистоты, сколько для того, чтобы облегчить половые сношения в будущем. (Плосс и Бартельс, *Das Weib*, том I, глава VI.) Манипуляции при вагинальной мастурбации, конечно, аналогичным образом разрушат девственную плеву. Также вполне возможно, что девственная плева может быть разорвана в результате падений и других несчастных случаев. (См., например, пространное исследование Нины-Родригес "Разрывы Гименя на парашютах", *Annales d'Hygiene Publique*, сентябрь 1903 г.)

С другой стороны, целостность девственной плевы не является доказательством девственности, за исключением очевидного факта, что может иметь место половой акт без проникновения. (Был даже зарегистрирован случай с проституткой с сифилитическими кондиломами, несколько мужским типом лобковой дуги и вульвой, расположенной скорее кзади, чья девственная плева никогда не подвергалась проникновению.) Девственная плева может быть податливой или складчатой, так что может произойти полное проникновение, и все же впоследствии девственная плева будет обнаружена неповрежденной. Иногда случается, что в конце беременности девственная плева оказывается неповрежденной. В некоторых, хотя и не во всех, из этих случаев имело место зачатие без интромаиссии полового члена. Это происходило даже тогда, когда вход был совсем крошечным. Возможность такой концепции

давно была признана, и Шуриг (*Силлепсиология*, 1731, Раздел I, глава. VIII, стр. 2) цитирует древних авторов, которые зафиксировали случаи. О некоторых типичных современных случаях см. Guérard (*Centralblatt für Gynäkologie*, № 15, 1895), в одном из случаев которого в девственной плеве беременной женщины едва виднелся волос; также Braun (*ib.*, № 23, 1895).

Девственная плева сыграла очень определенную и ярко выраженную роль в социальной и моральной жизни человечества. До недавнего времени было сложнее решить, какую именно биологическую функцию он выполнял для обеспечения своего развития и сохранения. Половой отбор, без сомнения, сработал в ее пользу, но это влияние было очень ограниченным и сравнительно недавним. Девственность обычно не имеет никакой ценности среди совершенно примитивных народов. Действительно, даже в классической цивилизации, которую мы унаследовали, легко показать, что девственность и восхищение девственностью возникли поздно; богини-девственницы изначально не были девственницами в нашем современном понимании. Диана была многогрудой покровительницей деторождения до того, как стала целомудренной и одинокой охотницей, поскольку самое раннее различие, по-видимому, было просто между женщиной, которая была привязана к мужчине, и женщиной, которая следовала более раннему правилу свободы и независимости; предположение, что последняя женщина была отстранена от половых сношений, появилось позже. Мы, конечно, не должны искать происхождение девственной плевы в половом отборе; мы должны найти его в естественном отборе. И здесь на первый взгляд может показаться, что мы сталкиваемся с противоречием в Природе, поскольку природа всегда изобретает ухищрения для обеспечения максимального количества оплодотворения. "Возрастайте и размножайтесь" - это настолько очевидная заповедь Природы, что евреи, со своей обычной проницательностью, без колебаний осмелились вложить ее в уста Иеговы. Но девственная плева является препятствием для оплодотворения. Однако всегда следует помнить, что по мере того, как мы поднимаемся по зоологической шкале, и по мере того, как удлиняется период беременности и уменьшается возможное количество потомства, становится все более важным, чтобы оплодотворение было эффективным, а не легким; чем меньше потомства, тем более необходимо, чтобы оно было достаточно сильным для выживания. Не может быть никаких сомнений в том, что, как уже предположили один или два автора, девственная плева обязана своим развитием тому факту, что ее влияние направлено на эффективное оплодотворение. Это препятствие для оплодотворения молодой самки незрелыми, престарелыми или слабыми самцами. Таким образом, девственная плева является анатомическим выражением того восхищения силой, которое отличает женщину при выборе партнера. Рассматриваемый таким образом, это интересный пример интимной манеры, в которой половой отбор действительно основан на естественном отборе. Половой отбор - это всего лишь перевод на психические термины процесса, который уже нашел выражение в физической структуре тела.

Можно добавить, что такая интерпретация биологической функции девственной плевы подтверждается фактами ее эволюции. Он неизвестен среди низших млекопитающих, у которых оплодотворение происходит легко, беременность короткая, а потомство многочисленное. Это начинает проявляться только у высших млекопитающих, у которых размножение уже начинает приобретать признаки, которые полностью развиваются у человека. Различные авторы находили следы рудиментарной девственной плевы не только у обезьян, но и у слонов, лошадей, ослов, сук, медведей, свиней, гиен и жирафов. (Хиртл, *Соч. cit.*, vol. ii, стр. 189; Г. Геллхоен, "Анатомия и развитие девственной плевы", *Американский журнал акушерства*, август 1904 г.). Именно у человеческого вида тенденция к ограничению

потомства наиболее выражена, сочетаясь в то же время с большей способностью к оплодотворению, чем у любых низших млекопитающих. Следовательно, именно здесь физическая проверка имеет наибольшее значение, и, соответственно, мы обнаруживаем, что из всех животных только у женщины полностью развита девственная плева.

[72] "Анализ сексуального влечения", в т. iii из этих *Исследований*.

[73] "Выполнение никакой другой функции, - замечает Хиртл, - так тесно связано с разумом и в то же время так независимо от него".

[74] Однако процесс все еще недостаточно понятен; см. статью "Обоснование", под ред. Retterer, in Richet's *Dictionnaire de Physiologie*, vol. vi, 1905.

[75] Таким образом, мужской плод с признаками рептилии в половых протоках был продемонстрирован Шаттоком в Патологическом обществе Лондона 19 февраля 1895 года.

[76] J. Kohlbrugge, "Die Umgestaltung des Uterus der Affen nach den Geburt," *Zeitschrift für Morphologie*, bd. iv, p. 1, 1901.

[77] Однако нет специальных нервных окончаний (тельцов Краузе), как предполагалось ранее. Нервные окончания в области гениталий такие же, как и в других местах. Разница заключается в обилии наложенных друг на друга древесных разветвлений. См., например,, Ред. Реттерер, статья "Эякуляция", *Физиологический словарь Рише*, том v.

[78] Hyrtl, *Указ. соч.*, vol. ii, стр. 39.

[79] Ощущения удовольствия без прикосновений на кончике полового члена кажутся нормальными, как указано в Священном Писании, цитируемом в журнале "*Психиатр и невролог*", январь 1898г.

[80] Смотрите предыдущий том этих *исследований*, "Половой отбор у человека", стр. 161.

[81] См., например,, Плосс и Бартельс, *Das Weib*, том i, начало главы VI.

[82] Хиртл утверждает, что название *половые губы* впервые было использовано Халлером в середине восемнадцатого века в его "*Элементах физиологии*", заимствованное им у греческого поэта Эротииона, который дал этим структурам вполне очевидное название *χεῖλεα*, губы. Но это, по-видимому, ошибка, поскольку анатомы семнадцатого века определенно использовали название "половые губы" для этих частей тела.

[83] Берг в отношении волос на лобке предварительно предполагает, что их появление может быть связано с прямой походкой мужчины и позой человека во время коитуса, волосы предотвращают раздражение гениталий от стекающего с тела пота и защищают кожу от прямого трения во время коитуса. (Однако в обоих этих предложениях Фабрициус аб Аквапенденте задолго до этого предвосхитил его.) Причудливое предположение Луиса Робинсона о том, что волосы на лобке развились для того, чтобы человеческий младенец мог надежно цепляться за свою мать, очень слабо подкреплено фактами и не получило признания. Можно упомянуть, что (как утверждают Плосс и Бартельс) женщины архипелага Бисмарка, у которых волосы на лобке очень обильные, используют их как своего рода носовой платок для мытья рук.

[84] Раут и Хейвуд Смит отметили, что волосы на лобке имеют тенденцию терять свою кудрявость и становиться прямыми у женщин, которые мастурбируют. (*Британский гинекологический журнал*, февраль 1887 г., стр. 505.)

[85] Шуриг, *Мулиебрия*, стр. 75. Плацзон в 1621 году сказал, что на итальянском у него популярное название, *il besneeigio*.

[86] Шуриг объединил в своей "*Гинекологии*" (стр. 2-4) различные ранние мнения о клиторе как средоточии сладострастных чувств.

[87] Hyrtl, *Указ. соч.*, том. ii, стр. 193.

[88] Adler, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, 1904, pp. 117–119.

[89] Сладострастные ощущения, вызываемые половыми контактами, вызывающими движения матки, вероятно, нормальны. Они могут возникать даже при обстоятельствах, не связанных с сексуальными эмоциями, и Манде (*Международный журнал хирургии*, март 1893 г.) случайно упоминает, что в одном случае, когда женщина со звуком пощекотала шейку матки, у нее очень явно проявились сладострастные проявления.

[90] Генле заявил, что на нимфах часто видны тонкие волоски; Стида (*Журнал морфологии*, 1902, стр. 458) отмечает, что ему никогда не удавалось увидеть их невооруженным глазом.

[91] Р. Л. Дикинсон, "Гипертрофии малых половых губ и их значение", *американский гинеколог*, сентябрь 1902 г. Возможно, примечательно, что Берг обнаружил, что в 302 случаях, когда нимфы были неодинаковой длины, во всех, кроме 24, левая была длиннее.

[92] Можно отметить, что Берг считает, что нимфы и, действительно, наружные гениталии в целом, врожденно более сильно развиты у либидозных личностей и в то же время у брюнеток, в то время как у публичных проституток это обычно не так, что подтверждает мнение о том, что повышенная сексуальная чувствительность обычно не приводит к проституции. Он добавляет, что проституция, если она не продолжается в течение многих лет, мало влияет на форму наружных половых органов.

[93] Шуриг (*Мулибрия*, 1729, Раздел II, загл. II) gives numerous quotations on this point; thus De Graaf wrote in his book on the sexual organs of women: "Tales protuberantiæ nymphæ appellantur ea propter quod aquis e vesica prosilientibus proxime adstare reperiantur, quandoquidem inter illas, tanquam duos parietes, urina magno impetu cum sibilo sæpe et absque labiorum irrigatione erumpit, vel quod sint castitatis præsidēs, aut sponsam primo intromittant."

[94] Хэвелок Эллис, "Мочевой пузырь как динамометр", *Американский журнал дерматологии*, май 1902 г. Если женщина, которая никогда не была беременна, стоя в вертикальном положении перед началом акта мочеиспускания, раздвигает малые половые губы указательным и средним пальцами, струя будет направляться вперед так, что обычно она проходит на значительном расстоянии перед вертикальной линией от мочеиспускательного канала; если по завершении акта пальцы убрать, половые губы сомкнутся, и струя, хотя и поддерживается с постоянным давлением, сразу же изменит свой характер и направление.

[95] В поэзии этот термин использовал Плавт, *Псевдолус*, Акт IV, Sc. 7. Греческое αἰδοῖον иногда означало влагалище, а иногда внешние половые части; κοῖτος использовалось только для обозначения влагалища.

[96] Любопытно, однако, что европейские врачи семнадцатого и даже восемнадцатого веков сомневались в его ценности как признака девственности и считали, что он часто отсутствует.

[97] Краткое изложение верований и практик различных народов в отношении девственной плевы и девственности см. Плосс и Бартельс, *"Дас Вайб"*, том I, глава XVI.

II

Содержание

Объект Детумесценции—Эрогенные зоны—Губы—Сосудистые признаки детумесценции—Эректильная ткань—Эрекция у женщины—Слизистые выделения у женщин—Сексуальная связь—Человеческий способ полового акта—Нормальные вариации—Моторные признаки детумесценции—Эякуляция—Мужской рефлекс—Общие явления Детумесценции—Явления кровообращения и дыхания—Кровяное давление—Нарушения сердечной деятельности—Активность желез—Дистилляция—По существу моторный характер Детумесценции—Непроизвольное мышечное возбуждение мочевого пузыря и т.д.—Эротическая интоксикация—Аналог сексуальной детумесценции и напряжение мочевого пузыря —Специфически сексуальные движения детумесценции у Мужчины—У Женщины— Спонтанные движения полового канала у Женщины—Их функция при зачатии—Роль, которую играет активное движение сперматозоидов—Искусственная инъекция спермы—Выражение лица во время детумесценции—Выражение радости—Случайные серьезные последствия полового акта.

Мы увидели, какова цель детумесценции, и кратко рассмотрели органы и структуры, которые в основном задействованы в этом процессе. Теперь мы должны исследовать, каковы действительные явления, которые имеют место во время акта детумесценции.

Детумесценция обычно тесно связана с припухлостью. Набухание - это накопление топлива; распухание - это вырывание из всепожирающего пламени, из которого зажигается факел жизни, передаваемый из поколения в поколение. Весь процесс двойной и в то же время одиночный; он в точности аналогичен тому, с помощью которого сваю вбивают в землю путем поднятия, а затем отпускания тяжелого груза, который падает на головку сваи. В период набухания организм медленно заводится и накапливается сила; в процессе распускания накопленная сила высвобождается, и благодаря ее высвобождению инструмент, несущий сперму, возвращается домой. Ухаживание, как мы обычно называем процесс набухания, который имеет место, когда мужчина впервые сексуально приближается к женщине, обычно является очень длительным процессом. Но всегда необходимо помнить, что каждое повторение акта коитуса, для нормального и эффективного выполнения с обеих сторон, требует аналогичного двойного процесса; детумесценции должно предшествовать сокращенное ухаживание.

Это сокращенное ухаживание, с помощью которого обеспечивается или усиливается припухлость при повторении ставших привычными актов коитуса, в основном тактильное.^[98] Поскольку часть мужчины при половом акте более активна, а часть женщины более пассивна, сексуальная чувствительность кожи, по-видимому, более выражена у женщин. Более того, существуют участки поверхности женского тела, контакт с которыми, когда они вызывают симпатию, кажется особенно склонным вызывать эротическое возбуждение. Такие эрогенные зоны часто особенно заметны в области груди, иногда на ладони, затылке, мочке уха, мизинце; действительно, пожалуй, нет такой части поверхности тела, которая у некоторых людей на какое-то время не стала бы нормальной эрогенной зоной. При истерии эротическая возбудимость этих зон иногда бывает очень сильной. Губы, однако, без сомнения, являются наиболее стойкой и остро чувствительной областью всего тела за пределами сферы самих половых органов. Отсюда значение поцелуя как предварительного этапа детумесценции.^[99]

Важность губ как нормальной эрогенной зоны показана экспериментами Гуалино. Он приложил к губам нитку, сложенную в несколько раз сама по себе, стимулируя их таким образом простым механическим способом. Из 20 женщин в возрасте от 18 до 35 лет только 8 восприняли это как чисто механическую операцию, 4 почувствовали в происходящем смутный эротический элемент, 3 испытали желание коитуса, а у 5 наблюдалось настоящее сексуальное возбуждение с выделением слизи. Из 25 мужчин в возрасте от 20 до 30 лет у 15 отсутствовали все сексуальные ощущения, у 7 были предложены эротические идеи с гиперемией половых органов без эрекции, а у 3 наблюдалось начало эрекции. Следует добавить, что и женщины, и мужчины, у которых этот сексуальный рефлекс был особенно выражен, отличались несколько нервным темпераментом; у таких людей эротические реакции всех видов обычно проявляются легче всего. (Gualino, "Il Rifflesso Sessuale nell' eccitamento alle labbre," *Archivio di Psichiatria*, 1904, p. 341.)

По мере того как припухлость под влиянием сенсорной стимуляции приближается к кульминации, когда она уступает место распуханию, физические явления все более и более остро локализуются в половых органах. Процесс, который сначала был преимущественно нервным и психическим, теперь становится более выраженным сосудистым. Древняя сексуальная связь кожи дает о себе знать; на ее поверхности наблюдается выраженная гиперемия, проявляющаяся различными способами. Лицо имеет тенденцию краснеть, и точно такое же явление происходит в половых органах; "эрекция, - было сказано, - это покраснение полового члена". Разница в том, что в половых органах эта повышенная сосудистость выполняет определенную и специфическую функцию — эрекцию мужского органа, которая позволяет ему входить в женские органы, — и что, следовательно, в половом члене развился особый сосудистый механизм, состоящий из вен в соединительной ткани с неровными мышечными волокнами, называемый эректильной тканью.^[100]

Не только мужчина снабжается эректильной тканью, которая в процессе набухания становится застойной и отечной. Женщина также, в соответствующей области наружных половых органов, аналогичным образом снабжается эректильной тканью, теперь также наполненной кровью, и демонстрирует те же изменения, что произошли у ее партнера, хотя и менее заметные. У человекообразных обезьян, таких как горилла, большой клитор и нимфы становятся заметными при сексуальном возбуждении, но меньшее развитие клитора у женщин, вместе со специфически человеческой эволюцией венерической мышцы и более крупных губ, делает эту сексуальную выпуклость практически невидимой, хотя к ней можно прикоснуться по

повышенной степени губчатого и эластичного натяжения. Весь женский половой канал, включая матку, действительно, богато снабжен кровеносными сосудами и способен во время сексуального возбуждения к очень высокой степени набухания, своего рода эрекции.

Процесс эрекции у женщины сопровождается излитием жидкости, которая обильно омывает все части вульвы вокруг входа во влагалище. Это безвкусная слизь без более или менее запаха, которая при обычных обстоятельствах медленно и незаметно пропитывает части тела. Когда, однако, вход во влагалище обнажен и расширен, как во время гинекологического осмотра, который иногда вызывает сексуальное возбуждение, можно увидеть настоящую эякуляцию жидкости, которая, как обычно описывается, поступает в основном из желез Бартолина, расположенных в устье влагалища. При таких обстоятельствах его иногда описывают как излучаемый струей, которая отбрасывается на большое расстояние.^[101] Эта слизистая эякуляция в прежние дни рассматривалась как аналог семенной эякуляции у мужчины и, следовательно, необходима для зачатия. Хотя это мнение было ошибочным, жидкость, изливающаяся таким образом всякий раз, когда достигается высокая степень набухания, и до начала отхождения, безусловно, выполняет важную функцию смазки входа в генитальный канал и, таким образом, облегчает проникновение мужского органа.^[102] Менструация оказывает аналогичное влияние на облегчение полового акта, как давно указывал Шуриг.^[103] Аналогичный процесс происходит во время родов, когда те же самые части смазываются и растягиваются при подготовке к выступанию головки плода. Появление припухлости слизистых выделений всегда указывает на то, что этот процесс активно затрагивает центральные половые органы и что присутствуют сладострастные эмоции.^[104]

Выделения из полового канала и выходного отверстия у женщин довольно многочисленны. У нас есть пахучие железы сального происхождения, а вместе с ними и крайняя плоть клитора, которая была описана как своего рода гигантский сальный фолликул, внутреннюю часть которого занимает клитор. (Гиртл.) Есть секрет из желез Бартолина. Снова появляется вагинальный секрет, непрозрачный и белковистый, который при выделении кажется щелочным, но становится кислым под разлагающим воздействием бактерий, которые, однако, безвредны и не патогенны. (Гоу, *Акушерское общество Лондона*, 3 января 1894 г.) Наконец, существует слизистый маточный секрет, который является щелочным и, выделяясь во время оргазма, как полагают, защищает сперматозоиды от разрушения кислым вагинальным секретом.

Вера в то, что слизь, выделяемая женщинами во время сексуального возбуждения, является женской спермой и, следовательно, необходима для зачатия, имела много замечательных последствий и была широко распространена до семнадцатого века. Так, в главе "О способах и режиме полового акта" из книги "*О мужском секрете*" подчеркивается важность надлежащего смешивания мужской спермы с женской и обеспечения того, чтобы она не вытекала из влагалища. Женщина должна лежать тихо, по крайней мере, несколько часов, не вставая даже для того, чтобы помочиться, а когда она встанет, быть очень умеренной в еде и питье, а не бегать или прыгать, притворяясь, что у нее болит голова. Именно вера в женскую сперму побудила некоторых теологов заявить, что женщина может мастурбировать, если она не испытала оргазма при половом акте. Шуриги в его *Mulierbia* (1729, стр. 159, и сл.) рассмотрены мнения авторов относительно природы, происхождения и использует в женских половых органах

выделений, и котировки власти от старого мнения, что это была женщина Семен. В последующей работе (*Силлепсиология*, 1731, стр. 3, и далее.) он возвращается к тому же вопросу, цитирует авторов, которые признают женскую сперму, показывает, что Харви отрицал это какое-либо значение, и сам решает отказаться от этого. С тех пор этот вопрос серьезно не обсуждался.

Когда эрекция завершена как у мужчины, так и у женщины, условия, необходимые для спаривания, наконец-то выполнены. У всех животных, даже наиболее близких к человеку, коитус осуществляется самцом, приближающимся к самке сзади. У человека нормальный метод приближения самца - спереди, лицом к лицу. Леонардо да Винчи на хорошо известном рисунке, изображающем сагиттальный разрез мужчины и женщины, соединенных в этой позе так называемой обратной Венеры; показал, насколько хорошо приспособлено это положение к нормальному положению органов у человеческого вида.^[105]

Утверждается, что у обезьян съедание иногда осуществляется, когда самка стоит на четвереньках; в других случаях самец помещает самку между своих бедер, когда он сидит, удерживая ее передними лапами. Фрориен сообщил Лоуренсу, что самец иногда опирается ногами на икры самки. (Сэр У. Лоуренс, *Лекции по физиологии*, 1823, стр. 186.) Краткое изложение методов совокупления, практикуемых различными животными ниже млекопитающих, можно найти в статье Х. де Вариньи "Совокупление" в "*Словаре физиологии*" Рише, том iv.

Передняя позиция при половом акте, когда партнерша лежит на спине, настолько широко распространена во всем мире, что ее справедливо можно назвать наиболее типично человеческой позицией при сексуальном контакте. Это изображение найдено в египетских захоронениях в Бенихассане, принадлежащем Двенадцатой династии; мусульмане считают его обычным положением, хотя Пророком разрешены и другие положения: "Ваши жены - это ваша пашня; занимайтесь своей пашней, как вам заблагорассудится"; так принято на Малакке; судя по перуанским древностям, это положение обычно, хотя и не исключительно, было принято в древнем Перу; оно встречается во многих частях Африки и, по-видимому, также было наиболее распространенным среди американских аборигенов.

Однако обнаружены различные модификации этой позиции. Таким образом, в некоторых частях света, как, например, у суахили на Занзибаре, партнер-мужчина принимает положение лежа на спине. В Лоанго, согласно Печуэлю-Леше, коитус совершается лежа на боку. Иногда, как на западном побережье Африки, женщина лежит на спине, а мужчина более или менее выпрямлен; или, как среди жителей Квинсленда (как описано Ротом), женщина лежит на спине, а мужчина приседает на пятки, обхватив бедрами его бока, в то время как он приподнимает ее ягодицы руками.

Положение коитуса, в котором мужчина лежит на спине, без сомнения, является естественной и частой вариацией специфически человеческого метода коитуса наоборот. Очевидно, это было знакомо римлянам. Овидий упоминает об этом (*Ars Amatoria*, III, 777-8), рекомендуя это маленьким женщинам и говоря, что Андромаха была слишком высокой, чтобы практиковать это с Гектором. Об этом упоминает Аристофан, и есть греческие эпиграммы, в которых женщины хвастаются своим умением ездить верхом на своих любовниках. Иногда к этому относились с определенной неприязнью, потому что это, по-видимому, придавало женщине превосходство.

"Проклят тот, - согласно мусульманскому изречению, - кто делает женщину небом, а мужчину землей".

Особый интерес представляет широкое распространение позы при половом акте, напоминающей ту, которая преобладает среди четвероногих. Частота, с которой на стенах Помпей изображен половой акт, когда женщина наклоняется вперед, а ее партнер приближается к ней сзади, привела к убеждению, что раньше такая поза была очень распространена в Южной Италии. Как бы то ни было, это, безусловно, нормально в наши дни среди различных более или менее примитивных народов, у которых вульва часто расположена несколько кзади. Таким образом, это происходит среди суданцев, а также в совершенно другой части света, среди эскимосов, иннуитов и кониагов. Жители Новой Каледонии, согласно Фоули, сожительствуют четвероногими, как и папуасы Новой Гвинеи (Бонгу), согласно Вахнессу. Тот же обычай встречается и в Австралии, где, однако, также приняты другие позы. В Европе четвероногая поза, по-видимому, преобладает среди некоторых южных славян, особенно далматинцев. (Различные методы коитуса, практикуемые южными славянами, описаны в "Крипτάδία", т. vi, стр. 220, и далее.)

Этот метод коитуса был рекомендован Лукрецием (lib. iv), а также Павлом Эгинетом как благоприятный для зачатия. (Мнения различных ранних врачей цитируются Шуригом, *Spermatologia*, 1720, стр. 232, и далее.). По-видимому, это положение нередко нравится женщинам, и этот факт можно связать с уже цитированными замечаниями Адлера (стр. 131) относительно сравнительного отсутствия приспособления женских органов к положению наоборот. Примечательно, что во времена колдовства истеричные женщины постоянно верили, что таким образом они вступали в половую связь с Дьяволом. Это обстоятельство, действительно, вероятно, способствовало весьма заметной немилости, в которую коитуса *posteriori* попал после угасания классических влияний. Средневековые врачи описывали это как *mos diabolicus* и ошибочно предполагали, что это вызывает аборт (Hyrtl, *op. cit.*, vol. ii, стр. 87). Теологи, само собой разумеется, были против *mos diabolicus*, и уже в англосаксонском покаянии Теодора в конце VII века за этот метод совокупления предписывается 40-дневная епитимья.

Судя по частоте, с которой они были приняты различными народами в качестве национальных обычаев, следует сказать, что большинство поз при половом акте, упомянутых здесь, находятся в пределах нормального диапазона вариаций. Ошибочно рассматривать их как порочные извращения.

До того момента, когда мы это до сих пор рассматривали, процесс детумесценции носил в основном нервный и сосудистый характер; фактически, это была лишь более острая стадия процесса, который продолжался на протяжении всей опухоли. Но теперь мы подходим к моменту, когда появляется новый элемент: мышечное действие. С началом мышечного действия, которое в основном произвольное, даже когда оно затрагивает произвольные мышцы, начинает происходить собственно детумесценция. С этого момента целенаправленное психическое действие, за исключением усилий, фактически отменяется. Индивид, как отдельная личность, имеет тенденцию исчезать. Он стал единым целым с другим человеком, настолько близким к единому, насколько позволяют условия существования; он и она теперь

просто инструменты в руках высшей силы — каким бы именем мы ни называли эту Силу, — которая использует их для достижения цели, а не их самих.

Решающий момент в возникновении инстинктивного и непроизвольного оргазма наступает, когда под влиянием стимула, оказываемого на пенис трением влагалища, напряжение семенной жидкости, изливающейся в мочеиспускательный канал, возбуждает центр эякуляции в спинном мозге, и бульбо-кавернозная мышца, окружающая мочеиспускательный канал, ответно сокращается в ритмичных спазмах. Тогда-то и происходит семяизвержение.^[106]

"Кровообращение учащается, артерии сильно бьются", - писал Рубо в описании физического состояния во время полового акта, которое можно назвать почти классическим; "венозная кровь, задерживаемая мышечным сокращением, повышает общий жар, и этот застой, более выраженный в мозге из-за сокращения мышц шеи и запрокидывания головы назад, вызывает кратковременную мозговую перегрузку, во время которой теряется разум и утрачиваются способности. Глаза после сильной инъекции становятся изможденными, взгляд неуверенным, или, в большинстве случаев, глаза судорожно закрываются, чтобы избежать контакта со светом. Дыхание учащенное, иногда прерывистое и может быть приостановлено из-за спазматического сокращения гортани, и воздух, на какое-то время сжатый, наконец выходит в виде прерывистых и бессмысленных слов. Перегруженные нервные центры сообщают только о спутанных ощущениях и волевых действиях; подвижность и чувствительность демонстрируют крайнее расстройство; конечности охвачены конвульсиями, а иногда и судорогами, или их дико швыряет из стороны в сторону, или они становятся жесткими, как железные прутья. Плотные сжатые челюсти скрежещут зубами, а у некоторых людей бред заходит так далеко, что они до крови кусают плечи, которые их товарищи неосторожно бросили им. Это безумное состояние эпилепсии длится недолго, но его достаточно, чтобы истощить силы организма, особенно у человека. Это, я полагаю, Гален, который сказал: "У всех животных после полового акта происходит тройственный переход желчного пузыря"^[107] Большинство элементов, составляющих эту типичную картину состояния полового акта, не являются абсолютно необходимыми для этого состояния, но все они находятся в пределах нормального диапазона вариаций. Не может быть никаких сомнений в том, что этот диапазон значителен. По—видимому, существуют не только индивидуальные, но и расовые различия; в *"Камасутре"* Ватсыаны есть замечательный отрывок, описывающий различное поведение женщин разных рас Индии в условиях сексуального возбуждения — дравидийских женщин, с трудом достигающих эретизма, женщин Пенджаба, любящих, когда их ласкают языком, женщин Уде с безудержным желанием и обильным выделением слизи и т.д. - И весьма вероятно, замечают Плосс и Бартельс, что эти характеристики основаны на точных наблюдениях.^[108]

Все различные феномены, включенные в описание состояния во время коитуса Рубо, могут быть прямо или косвенно сведены к двум группам: первая - циркуляторная и дыхательная, вторая - двигательная. Необходимо рассмотреть оба этих аспекта процесса детумесценции несколько подробнее, хотя, хотя удобнее всего обсуждать их отдельно, следует иметь в виду, что на самом деле они неотделимы друг от друга; явления кровообращения в значительной степени являются побочным продуктом непроизвольного двигательного процесса.

С приближением детумесценции дыхание становится поверхностным, учащенным и до некоторой степени остановленным. Эта характеристика дыхания во время сексуального возбуждения хорошо известна; так что, например, в *"Тысяче и одной ночи"* обычно отмечается,

что женщины перестают дышать, когда смотрят на красивых юношей, любви которых они желают.^[109] Можно добавить, что точно такая же тенденция к поверхностному и задержанному дыханию имеет место всякий раз, когда происходит какая-либо интенсивная умственная концентрация, как и при тяжелой интеллектуальной работе.^[110]

Остановка дыхания приводит к венозному оттоку крови и, таким образом, способствует стимуляции сосудодвигательных центров, повышая кровяное давление в организме в целом, и особенно в эректильных тканях. Высокое кровяное давление является одним из наиболее заметных признаков состояния детумесценции. Сердцебиение усиливается и учащается, поверхностные артерии становятся более заметными, конъюнктивы краснеет. Точный уровень кровяного давления, достигнутый во время полового акта, был наиболее точно установлен у собаки. В лаборатории Бехтерева в Санкт-Петербурге в центральный конец сонной артерии суки был введен манометр; затем был введен кобель, и во время коитуса проводились наблюдения за кровяным давлением на периферическом и центральном концах артерии. Было обнаружено, что наблюдалось значительное общее повышение кровяного давления, интенсивная гиперемия головного мозга, быстрые смены во время акта вазоконстрикции и расширения сосудов головного мозга с повышением и уменьшением общего артериального давления в зависимости от различных фаз акта, наибольшая церебральная вазодилатация и гиперемия совпадают с моментом, следующим за введением полового члена; за окончанием акта следует значительное падение кровяного давления.^[111] Я не знаком с какими-либо точными наблюдениями за кровяным давлением у людей во время детумесценции, и на пути таких наблюдений возникают очевидные трудности. Однако вполне вероятно, что найденные условия были бы по существу теми же самыми. На это указывают, поскольку речь идет об очень заметном повышении кровяного давления, некоторые наблюдения, сделанные Вашиде и Вурпасом с помощью сфигманометра за женщиной, находящейся под влиянием сексуального возбуждения. В данном случае между экспериментатором и испытуемой, мадам Икс, 25 лет, существовали отношения симпатии и дружеской нежности. Экспериментатор и испытуемая сочувственно беседовали, и, наконец, как нам рассказывают, пока последняя все еще держала руки на сфигманометре, первая почти призналась в любви. Мадам Икс была сильно впечатлена и позже призналась, что ее эмоции были искренними и сильными. Кровяное давление, которое у этого субъекта обычно составляло 65 миллиметров, поднялось до 150 и даже 160, что указывает на очень высокое давление, которое встречается редко; в то же время мадам Икс выглядела очень взволнованной и обеспокоенной.^[112]

Некоторые авторитеты придерживаются мнения, что нарушения при совершении полового акта особенно часто вызывают нарушения кровообращения. Так, Киш из Праги ссылается на случай пары, практикующей прерывистый половой акт — муж уходит до эякуляции, — в котором жена, энергичная женщина, через несколько лет стала подвержена приступам, названным *Кишемневрастенией сердечной, вазомоторией*, при которой с ежедневными или более длительными интервалами наблюдалось учащенное сердцебиение с чувством тревоги, головной болью, головокружением, мышечной слабостью и склонностью к обморокам. Он рассматривает коитус как причину различных сердечных заболеваний у женщин: (1) Приступов тахикардии у очень возбудимых и сексуально склонных женщин; (2) приступов тахикардии с одышкой у молодых женщин при вагинизме; (3) сердечных симптомов с пониженным сосудистым тонусом у женщин, которые в течение длительного времени практиковали прерывистый половой акт без полного сексуального удовлетворения (Киш, "Herzbeschwerden der Frauen verursacht", durch den Cohabitationsact," *Мюнхенер Медицинские книги*

Вохеншифта, 1897, стр. 617). В этой связи также, вероятно, можно сослаться на те приступы тревоги, которые Фрейд связывает с психическими сексуальными повреждениями эмоционального характера.

В связи с этой сосудистой активностью при детумесценции мы обнаруживаем общую тенденцию к железистой активности. Обильно образуются различные выделения. Потоотделение обильное, и древняя взаимосвязь между кожной и половой системами, по-видимому, вызывает общую активность кожи и ее пахучих выделений. Слюноотделение, которое также имеет место, очень заметно у многих низших животных, как, например, у осла, особенно у самки, которая непосредственно перед половым актом стоит с открытым ртом, двигая челюстями и истекая слюной. У мужчин, что соответствует более обильным выделениям у женщин, на последних стадиях набухания наблюдается незначительное выделение слизи — *уретрореррация Фюрбрингера ex libidine*, которая появляется в виде капель в отверстии мочеиспускательного канала. Он поступает из маленьких желез Литтре и Купера, которые открываются в мочеиспускательный канал. Это явление было хорошо известно древним теологам, которые называли его *distillatio*, и осознавали его значение как одновременно отличное от спермы и указание на то, что ум заикливался на сладострастных образах; оно было также известно в классические времена^[113]; совсем недавно его часто путали со спермой и, таким образом, иногда вызывали ненужное беспокойство у нервных людей. Также наблюдается повышенное выделение мочи, и, вероятно, если бы внутренние органы были более доступны для наблюдения, мы могли бы продемонстрировать, что железы по всему телу участвуют в этой повышенной активности.

Однако явления детумесценции достигают высшей точки и наиболее явно проявляются в двигательной активности. Генитальный акт, как отмечают Вашиде и Вурпас, состоит, по существу, во "все более и более выраженном напряжении двигательного состояния, которое, достигая своего максимума, представляет короткую тоническую фазу, за которой следует клоническая фаза, и завершается периодом адинамии и покоя". Эта двигательная активность является сущностью импульса детумесценции, потому что без нее сперматозоиды не могли бы быть доставлены в окрестности зародышевой клетки и перемещены в органическое гнездо, предназначенное для их соединения и инкубации.

Двигательная активность носит как общий, так и специфически сексуальный характер. Существует общая тенденция к более или менее произвольным движениям без какого-либо увеличения произвольной мышечной силы, которая, действительно, снижается, и Вашиде и Вурпас утверждают, что динамометрические результаты несколько ниже нормальных во время сексуального возбуждения, а вариации больше.^[114] Тенденцию к рассеянной активности произвольных мышц хорошо иллюстрирует сокращение мочевого пузыря, связанное с детумесценцией. Хотя это происходит у обоих полов, у мужчин эрекция создает механическое препятствие для любого опорожнения мочевого пузыря. У женщин возникает не только желание помочиться, но иногда и само мочеиспускание. Многие вполне здоровые и нормальные женщины в качестве редкой случайности, возникшей в результате совпадения необычно полного мочевого пузыря с необычной степенью сексуального возбуждения, испытали мощное и совершенно произвольное опорожнение мочевого пузыря в момент оргазма. У женщин с менее нормальной нервной системой это, реже, было почти привычным явлением. Брантом, возможно, зафиксировал самый ранний случай подобного рода, ссылаясь на свою знакомую даму, которая "не могла понять, что такое любовь *elle se compassait à bon escient*".^[115] Тенденция

к дрожи, сжатию горла, чиханию, выделению внутренних газов и другим подобным явлениям, иногда связанным с детумесценцией, также обусловлена распространением двигательных нарушений. Даже в младенчестве двигательные признаки сексуального возбуждения являются наиболее очевидными признаками оргазма; так, Уэст, описывая мастурбацию у ребенка шести или девяти месяцев, который практиковал растирание бедер, утверждает, что, сидя в своем высоком стульчике, она хваталась за ручки, напрягалась и смотрела, несколько раз быстро потирая бедра друг о друга, а затем приходила в себя со вздохом, усталая, расслабленная и потная, родственники ошибочно принимали эти припадки, длившиеся одну или две минуты, за эпилептические припадки.^[116]

По существу моторный характер детумесценции хорошо демонстрируется крайними формами эротического опьянения, которые иногда проявляются в результате сексуального возбуждения. Фере, который особенно обратил внимание на различные проявления этого состояния, представляет поучительный случай мужчины с невротической наследственностью и прошлым, у которого иногда случалось, что сексуальное возбуждение, вместо того чтобы достигать кульминации в обычном оргазме, достигало своего апогея в приступе неконтролируемого мышечного возбуждения. Затем он пел, танцевал, жестикулировал, грубо обращался со своей партнершей, ломал предметы вокруг себя и, наконец, падал обессиленный и ошеломленный. (Фере, *Инстинктивная сексуальность*, глава X.) В таком случае рассеянная и общая детумесценция заняла место нормальной детумесценции, которая в основном сосредоточена в сексуальной сфере.

Та же взаимосвязь показана в случае импотенции, сопровождающейся судорогами в икрах и в других местах, который был зарегистрирован Брюгельманом ("Как лечить извращенный сексуализм", *Zeitschrift für Hypnotismus*, 1900, Высота I). Эти мышечные состояния прекращались на несколько дней всякий раз, когда совершался коитус.

Почительную аналогию с моторными иррадиациями, предшествующими моменту сексуальной детумесценции, можно найти в несколько сходных моторных иррадиациях, которые следуют за замедленным опорожнением сильно раздутого мочевого пузыря. Иногда они становятся очень заметными у ребенка или молодой женщины, неспособных полностью контролировать двигательную систему. Ноги скрещены, ступня покачивается, бедра плотно прижаты друг к другу, пальцы согнуты. Пальцы сгибаются в ритмичной последовательности. Все тело медленно изгибается, как будто сиденье стало неудобным. Трудно сконцентрировать ум; одно и то же замечание может повторяться автоматически; глаза беспокойно ищут, и есть тенденция считать окружающие предметы или узоры. Когда достигается крайняя степень напряжения, только исполнением своеобразного танца можно сдержать взрывное сокращение мочевого пузыря.

Картина мышечного облучения, представленная при этих обстоятельствах, лишь незначительно отличается от картины начала детумесценции. В одном случае ищут взрыва, в другом случае его боятся; но в обоих случаях имеет место замедленное мышечное напряжение — в одном случае непроизвольное, в другом случае добровольное — поддерживаемое в точке острой интенсивности, и в обоих случаях мышечные излучения этого напряжения распространяются по всему телу.

Повышенная двигательная возбудимость в состоянии детумесценции несколько напоминает состояния, вызываемые слабым обезболиванием, и представляет определенный интерес

отметить сексуальное возбуждение, которое может возникнуть при анестезии. Я в долгу перед доктором Дж. Ф. В. Силком за некоторые замечания по этому поводу:

"I. Сексуальные эмоции, по-видимому, могут быть вызваны во время стадии возбуждения, предшествующей или следующей за введением любого анестетика; эти эмоции могут принимать форму простых бредовых высказываний или могут быть связаны с тем, что, по-видимому, является сексуальным оргазмом. Или рефлекторные явления, связанные с половыми органами, могут иногда наблюдаться при особых обстоятельствах; или, другими словами, такие рефлекторные возможности не всегда устраняются состоянием наркоза или анестезии.

"II. Что касается конкретных используемых анестетиков, я склонен думать, что возможность возникновения таких состояний обратно пропорциональна их силе, *например*, они чаще наблюдаются при применении слабых анестетиков, таких как закись азота, чем при применении хлороформа.

"III. Я полагаю, что сексуальные эмоции редко наблюдаются у мужчин, и это примечательно, или, я бы сказал, особенно заметно, поскольку присутствие медсестер, студенток и т.д. Могло бы почти заставить ожидать, что на самом деле было бы наоборот. С другой стороны, именно у мужчин я часто наблюдал рефлекторный феномен, который обычно принимал форму эрекции полового члена при прикосновении к структурам, расположенным по соседству с семенным канатиком.

"IV. Среди женщин эмоционально-сексуальные феномены проявляются наиболее часто, и я полагаю, что, если бы было возможно побудить людей рассказать о своих снах, они очень часто носили бы сексуальный характер".

Гораздо более важными, чем общие двигательные явления, более целенаправленными, хотя и произвольными, являются специфически сексуальные мышечные движения. Действительно, с самого начала детумесценции мышечная активность дает о себе знать, и периферические мышцы секса действуют, по выражению Кобельта, как периферическое половое сердце. У самца эти движения довольно очевидны и довольно просты. Предполагается, что сперма должна быть выражена от *vesiculæ seminales*, движение вдоль мочеиспускательного канала, в сочетании с простатической жидкости, которая является столь же важной, и, наконец, выбрасывается с определенным количеством силы из отверстия уретры. Под влиянием стимуляции обстановка на контакт и трения влагалища, этот процесс эффективно осуществляется, главным образом ритмические сокращения мышца *bulbocavernosus*, и сперма выбрасывается в виде струи, которая может быть эякулировал на расстояние колеблется от нескольких сантиметров до метра и более.

Что касается подробностей психических сторон этого процесса, корреспондент, психолог, пишет следующее:—

"Я никогда не замечал в своих книгах попыток проанализировать ощущения, сопровождающие оргазм, и, поскольку я сам предпринял немало попыток провести такой анализ, я приложу результаты на тот случай, если они могут представлять какую-то ценность. Я проверил свои результаты, насколько это было возможно, сравнив их с опытом тех моих друзей, которые часто

занимались половым актом и были готовы рассказать мне как можно больше о психологии этого процесса.

"Первым фактом, на который я наткнулся, была важность давления. Как живописно выразился один из моих информантов, "чем плотнее облегание, тем больше удовольствия". Это также согласуется с их единодушным свидетельством о том, что приятные ощущения были намного сильнее, когда оргазм наступал одновременно у мужчины и женщины. Их анализ редко заходил дальше этого, но некоторые отметили, что характерные ощущения, сопровождающие оргазм, по-видимому, начинаются около корня полового члена или в яичках, и что они качественно отличаются от ощущений щекотки, которые им предшествуют.

"Я думаю, что эти щекочущие ощущения вызваны трением желез о стенки влагалища и дополняются другими ощущениями от мочеиспускательного канала, нервы которого стимулируются давлением стенок влагалища и сфинктера. Специфическое ощущение оргазма начинается, я полагаю, с сильного сокращения мышц стенок мочеиспускательного канала по всей длине и ощущается как своеобразная боль, начинающаяся от основания полового члена и быстро распространяющаяся по всему органу. Это ощущение достигает своего апогея с изгнанием спермы в мочеиспускательный канал и последующим ощущением растяжения, за которым немедленно следуют ритмичные перистальтические сокращения мышц мочеиспускательного канала, отмечающие кульминацию оргазма.

"Самый тщательный самоанализ, возможный в данных обстоятельствах, по-видимому, показывает, что эти ощущения возникают почти полностью в мочеиспускательном канале и в гораздо меньшей степени в коронарной артерии. В периоды сильного сексуального возбуждения нервы мочеиспускательного канала и коронарной артерии, по-видимому, обладают особой чувствительностью и сильно стимулируются сильными перистальтическими сокращениями мышц стенок мочеиспускательного канала во время эякуляции. Представляется возможным, что интенсивность и объем ощущений, ощущаемых в головке, могут быть частично обусловлены большей площадью чувствительной поверхности, представленной в ямке, а также чувствительностью коронки, и частично тем фактом, что во время оргазма головка более перегружена, чем в любое другое время, и нервные окончания, таким образом, подвергаются дополнительному давлению.

"Если приведенные выше утверждения верны, то легко понять, почему удовольствие мужчины значительно возрастает, когда оргазм наступает одновременно у его партнерши и у него самого, поскольку сокращения влагалища на половом члене усилили бы стимуляцию всех нервных окончаний в том органе, для которого механический стимул является адекватным, а выступание губчатого тела и короны обеспечило бы им наибольшую стимуляцию. Не кажется невероятным, что специфическое ощущение оргазма возникает в результате стимуляции своеобразной формы нервных окончаний-луковиц, которые Краузе обнаружил в губчатом теле и головке.

"Характерная масштабность переживания, вероятно, в значительной степени обусловлена большим количеством ощущений напряжения, вызванных мощным рефлекторным сокращением столь многих произвольных мышц.

"Конечно, приведенный выше анализ является чисто предварительным, и я предлагаю его только на тот случай, если он подскажет какое-то направление исследования, которое может привести к результатам, ценным для изучающего сексуальную психологию".

У человека весь процесс распадаения, когда он однажды действительно начался, занимает всего несколько мгновений. Аналогично это происходит у многих животных; у родов *Bos*, *Ovis* и т. Д. Это очень короткое явление, почти мгновенное, и довольно короткое также у *Equidae* (у сильного жеребца, по словам Колина, десять-двенадцать секунд). Как Disselhorst отметил, что это зависит от того, что эти животные, как и человек, обладают семявыносящего протока расширяется в ампулы, выступающая в качестве емкости, которая держит Семен готов для мгновенного выброса, когда это требуется. С другой стороны, у собаки, кошки, кабана, а также у псовых, кошачьих и *Suidae* вообще нет такого сосуда, и коитус протекает медленно, поскольку требуется больше времени для перистальтического действия семявыводящих путей, чтобы доставить сперму в уrogenитальный синус. (R. Дисселхорст, *Die Accessorischen Geschlechtsdrusen der Wirbelthiere*, 1897, стр. 212.)

Что касается человека, то не может быть никаких сомнений в том, что детумесценция у европейца происходит быстрее, чем на Востоке, в Индии, у желтых рас или в Полинезии. Вероятно, отчасти это связано с преднамеренной попыткой продлить акт на Востоке, а отчасти с большим нервным эретизмом среди жителей Запада.

У женщины специфически сексуальный мышечный процесс менее заметен, более неясен, более сложен и неопределен. Перед фактическим началом детумесценции периодически происходят произвольные ритмические сокращения стенок влагалища, которые, по-видимому, имеют целью одновременно стимулировать и гармонизировать с теми, которые вот-вот начнутся в мужском органе. Может показаться, что эти ритмичные сокращения являются преувеличением явления, которое является нормальным, точно так же, как незначительное сокращение является нормальным и постоянным в мочевом пузыре. Ястребофф показал на кролике, что влагалище находится в постоянном спонтанном ритмичном сокращении сверху вниз, не перистальтическом, а по сегментам, причем интенсивность сокращений увеличивается с возрастом и особенно с половым развитием. Это сокращение влагалища, которое у женщин становится хорошо заметным только непосредственно перед детумесценцией и происходит главным образом за счет действия сфинктера влагалища (аналогично кавернозному бугорку у мужчин), является лишь частью локализованного мышечного процесса. Сначала может показаться, что происходит рефлекторное перистальтическое движение фаллопиевых труб и матки. Дембо наблюдал, что у животных стимуляция верхней передней стенки влагалища вызывала постепенное сокращение матки, которая поднималась за счет мощного сокращения ее мышечных волокон и круглых связок, в то время как в то же время она опускалась по направлению к влагалищу, ее полость становилась все более и более уменьшенной и слизь вытеснялась наружу. Аристотель давно заметил, что при расслаблении происходит всасывание семенной жидкости.

Хотя активное участие половых органов у женщины, вплоть до направления спермы в матку в момент детумесценции, таким образом, является очень древним верованием и согласуется с греческим представлением о матке как о животном в теле, наделенном значительной активностью,^[117] точные наблюдения в наше время дали лишь небольшое подтверждение реальности этого участия. Такие наблюдения, которые были сделаны, обычно были случайным

результатом сексуального возбуждения и оргазма, происходящих во время гинекологического осмотра. Поскольку, однако, такой результат может иметь место у эротических субъектов, за прошедшее столетие накопилось определенное количество точных наблюдений. Судя по имеющимся данным, у женщин, как и у кобыл, сук и других животных, матка становится короче, шире и мягче во время оргазма, в то же время опускаясь ниже в таз, с периодически открывающимся ртом, так что, как замечает один автор, спонтанно возвращаясь к сравнению, которое понравилось грекам, "матку можно сравнить с животным, хватающим ротом воздух".^[118] Эта чувствительная подвижность матки, действительно, не ограничивается моментом детумесценции, но может возникать и в другое время под влиянием сексуальных эмоций.

Представляется вероятным, что при этой эрекции, сокращении и опускании матки и одновременном выделении слизи мы имеем решающий момент в завершении детумесценции у женщины, и вполне вероятно, что густая слизь, в отличие от более ранних прозрачных выделений, которые женщины иногда ощущают после оргазма, выделяется из матки в это время. В этом, однако, нет абсолютной уверенности. Некоторые авторитетные специалисты считают, что детумесценция у женщин достигается за счет излития выделений, другие - за счет ритмических сокращений половых органов; однако половые органы могут обильно купаться в слизи в течение неопределенно долгого периода, прежде чем достигается финальная стадия детумесценции, и ритмические сокращения также происходят в несколько ранний период; ни в том, ни в другом отношении нет какого-либо очевидного усиления в последний момент оргазма. У женщин это, по-видимому, более заметное нервное проявление, чем у мужчин. С субъективной стороны это очень выражено, с его ощущением снятия напряжения и приятного покоя — момент, когда, по выражению одной женщины, вместе с интенсивным удовольствием происходит как бы вознесение в высшую сферу, подобно началу действия хлороформного наркоза, — но с объективной стороны этот кульминационный момент определить не так-то просто.

Различные наблюдения и замечания, сделанные в течение последних двух-трех столетий Бондом, Валиснери, Дионисом, Халлером, Гюнтером и Бишоффом, указывающие на сосущую функцию матки как у женщин, так и у других самок животных, были сведены воедино Лицманом в книге Р. Вагнера *"Физиологический справочник"* (1846, т. iii, стр. 53). Лицманн поделился своим собственным опытом: "Недавно у меня была возможность при обследовании молодой и очень эретичной женщины наблюдать, как внезапно матка приняла более выпрямленное положение и опустилась глубже в таз; губы матки стали одинаковой длины, шейка матки округлилась, стала мягче, до нее легче дотянуться пальцем, и в то же время дыхание и голос выдавали высокое состояние сексуального возбуждения".

Однако по-прежнему сохранялось общее убеждение, что роль женщины в конъюгации пассивна и что соединение с зародышевой клеткой достигается исключительно за счет энергии мужского органа и мужских половых элементов, сперматозоидов. Согласно этой теории, считалось, что сперматозоиды, как выражается Уилкинсон в *"Истории мнений по этому вопросу"*, "наделены своего рода интуицией или инстинктом; что они поворачиваются в направлении зева матки, пробираясь сквозь кислую слизь влагалища; терпеливо перемещаются вверх и вокруг вагинальной части матки; входят в матку и продвигаются дальше в поисках ожидающей яйцеклетки". (А. Д. Уилкинсон, *"Бесплодие у женщин"*, *Труды Медицинского общества Линкольна*, Небраска, 1896 г.)

Примерно в 1859 году Фихштедт, по-видимому, сделал что-то, чтобы опровергнуть эту теорию, заявив о своей вере в то, что матка не была, как обычно предполагается, пассивным органом при половом акте, а была способна всасывать сперму в течение короткого периода детумесценции. Затем различные авторитетные источники начали выдвигать аргументы и наблюдения в том же смысле. Верних, в частности, обратил внимание на этот момент в 1872 году в статье об эректильных свойствах нижнего сегмента матки ("Die Erectionsfähigkeit des untern Uterus-Abschnitts", *Beiträge zur Geburtshilfe und Gynäkologie*, том i, стр. 296). Он провел точные наблюдения и пришел к выводу, что из-за эректильных свойств шейки матки эта часть матки удлиняется во время сокращения и опускается в таз с придыхательным движением, как будто встречаясь с головкой самца. Немного позже, в случае частичного выпадения, Бек, не зная теории Верниха, получил возможность сделать очень точное наблюдение за действием матки при возбуждении. В этом случае женщина была сексуально очень возбудима даже при обычном обследовании, и Бек тщательно отметил явления, имевшие место во время оргазма. "Зев и шейка матки, - утверждает он, - были примерно такими же твердыми, как обычно, умеренно твердыми и, вообще говоря, в естественном и нормальном состоянии, с закрытым наружным зевом до такой степени, что маточный зонд проходил с трудом; но в тот момент, когда наступал пик возбуждения, зев раскрывался на дюйм, насколько может судить мой глаз, и делал пять или шесть последовательных вдохов, как будто втягивал наружное зев в шейку матки, каждый раз мощно и, как мне казалось, с регулярным ритмичным движением". Действие, при этом теряя свою былую плотность и твердость и становясь довольно мягким на ощупь. После прекращения действия, как описано выше, зев внезапно закрылся, шейка матки снова затвердела, и интенсивный застойный процесс рассеялся". (Дж. Р. Бек, "Как сперматозоиды попадают в матку?" *Американский журнал акушерства*, 1874.) Похоже, что на ранней стадии этого заключительного процесса детумесценции действие матки в основном сводится к сокращению и извержению любой слизи, которая может содержаться; доктор Пол Манде описал "фонтанирование, почти струями" этой слизи, которое он наблюдал у эротичной женщины при довольно длительном пальцевом и зеркальном обследовании. (*Американский журнал акушерства*, 1893.) Казалось бы, именно во время последней части детумесценции и, возможно, в течение короткого времени после окончания оргазма матка действует в основном аспирационно.

Хотя активная роль, которую играет матка в детумесценции, больше не может подвергаться сомнению, не нужно слишком поспешно предполагать, что вера в активные движения сперматозоидов, следовательно, должна быть отвергнута. Энергичная подвижность головастикаподобных организмов очевидна любому, кто когда-либо видел свежую сперму под микроскопом; и если верно утверждение Клифтона Эдгара, что сперматозоиды могут сохранять свою полную активность в женских органах по меньшей мере семнадцать дней, у них достаточно времени, чтобы проявить свою энергию. Тот факт, что оплодотворение иногда происходит без разрыва девственной плевы, не является решающим доказательством того, что проникновения не было, поскольку девственная плева может расширяться без разрыва; но, по-видимому, нет причин сомневаться в том, что зачатие иногда имело место, когда семяизвержение происходило без проникновения; на это указывают довольно объективным образом случаи, когда, как иногда наблюдалось, зачатие происходило у женщин, влагалища которых были настолько узкими, что едва пропускали гусиное перо; таково было условие в случае беременной женщины, приведенное Рубо. Следовательно, истории, повторяющиеся в различных книгах, о женщинах, которые зачали после гомосексуальных отношений с

партнерами, только что покинувшими постель своих мужей, не являются по своей сути невозможными.^[119] Янке приводит многочисленные случаи, в которых имело место оплодотворение у девственниц, которые просто позволяли пенису соприкоснуться с вульвой, при этом девственная плева оставалась неповрежденной до родов.^[120]

Следует добавить, однако, что даже если сперма выделяется лишь в устье влагалища, без фактического проникновения сперматозоидов еще не полностью без каких-либо ресурса спасти свою подвижность в задачу выхода плодного яйца. Как мы видели, не только матка принимает активное участие в детумесценции; влагалище также находится в активном движении, и представляется весьма вероятным, что, во всяком случае, у некоторых женщин и при определенных обстоятельствах такое движение, способствующее устремлению к матке, может передаваться внешнему устью влагалища.

Риолан (*Антропология*, 1626, стр. 294) упоминал о сужении и расширении вульвы под влиянием сексуального возбуждения. Говорят, что в Абиссинии женщины могут, принимая позу коитуса сверху, только движениями собственных вагинальных мышц обхватить мужской орган и вызвать эякуляцию, хотя мужчина остается пассивным. Согласно Лориону, аннамиты, принимая нормальную позу для коитуса, вводят пенис вялым или только наполовину эрегированным, завершая процесс сокращением стенок влагалища; пенис у этого народа очень маленький. Гинекологи признают, что состояние вагинизма, при котором наблюдается спазматическое сокращение влагалища, делающее половой акт болезненным или невозможным, является всего лишь болезненным преувеличением нормального сокращения, возникающего при сексуальном возбуждении. Даже при отсутствии сексуального возбуждения возникает смутная привязанность, возникающая как у замужних, так и у незамужних женщин, и, казалось бы, необязательно истерическая, характеризующаяся дрожью или подергиванием вульвы; мне сказали, что в народе это называется "колебанием формы" в Йоркшире и "подергиванием губ" в Ирландии. Можно добавить, что дрожание ягодичных мышц также имеет место во время распускания, и что в индийской медицине это также рассматривается как признак сексуального желания у женщин, помимо коитуса.

Корреспондент-немедицин из Австралии У. Дж. Чидли, от которого я получил много сообщений по этому вопросу, на основании собственных наблюдений твердо придерживается мнения, что не только матка принимает активное участие в половом акте, но и влагалище в естественных условиях также играет активную роль в этом процессе. Он заподозрил подобное действие много лет назад, в том числе благодаря собственному опыту, а также услышав от молодой женщины, встретившей своего любовника после долгого отсутствия, что из-за вызванного таким образом возбуждения лента, прикрепленная к нижнему белью, была втянута во влагалище. С тех пор откровения различных друзей, а также наблюдения за животными подтвердили его мнение о том, что распространенное мнение о том, что коитус должен быть осуществлен путем насильственного введения мужского органа в пассивное влагалище, неверно. Он считает, что при нормальных обстоятельствах коитус должен иметь место, но редко, и то только при наиболее благоприятных обстоятельствах, возможно, исключительно весной, и, что особенно важно, только тогда, когда женщина готова к этому. Затем, находясь в объятиях мужчины, которого она любит, влагалище, в такт активным движениям матки, растягивается при прикосновении набухшего, но не полностью эрегированного пениса, "раскрывается и втягивает мужской орган". "Все животные, - добавляет он, - вступают в половой акт, когда мужской орган *втягивается* в самку, а не принуждается к этому. В этом меня убедили

друзья, которые видели лошадей, верблюдов, мулов и других крупных животных в сезон спаривания. Что может быть более абсурдным, например, чем сказать, что *всепроникает* в кобылу целиком? Его пенис - чувствительный, красивый механизм, который двигает своей легкой головкой туда-сюда, пока не коснется нужного места, когда кобыла, *если она* готова к этому, примет его. Пенис целого человека не может ни во что проникнуть; это изгиб, красивый изгиб, который легко изгибается. Бычий конец, опять же, загнут книзу и, что еще более ощутимо, сложился бы сам по себе, если бы на него надавили с силой. Матка и влагалище красивой и здоровой женщины представляют собой живой, жизненно важный, подвижный орган, чувствительный к взгляду, слову, мысли, руке на талии".

В подтверждение вышеизложенного известный американский автор пишет: "В природе женщина добивается расположения. При возбуждении ее влагалище становится эрегированным и расширенным, а губы так обильно смазываются слизью, что вход в них становится легким. Это расширение и эректильная экспансия влагалища отводит девственную плеву так близко к стенкам, что проникновение не обязательно должно разрывать ее или причинять боль. Чем более мускулистая, примитивная и здоровая женщина, тем прочнее и менее чувствительна девственная плева, и тем меньше вероятность разрыва или кровотечения. Я думаю, что еще одна важная функция крайней плоти - увлажнять головку, чтобы ее можно было смазать для входа, а затем втягивать влажной стороной наружу, чтобы еще больше облегчить вход. Я думаю, что в природе головка проникает внутрь половых губ, выдерживается мгновение, вибрируя, а затем всякое сопротивление устраняется внезапным "молниеносным открытием" врат, позволяя легко войти, и что внезапное прекращение сопротивления и замена приветствия мгновенным глубоким входом вызывает почти немедленный мужской оргазм (трепет непреодолимо возбуждающий). Безусловно, этот процесс наблюдается у лошадей, крупного рогатого скота, коз и т.д., и, вероятно, нечто аналогичное естественно для человека".

Хотя легко можно довести до крайности точку зрения, согласно которой активным действующим лицом в половом акте является женщина, а не мужчина (и можно напомнить, что у *Cebidae* пенис, как и клитор, снабжен косточкой), вероятно, есть доля истины в убеждении, что влагалище участвует в активной роли, которую, в настоящее время можно почти не сомневаться, играет матка в период опущения. Такая точка зрения, безусловно, позволяет нам понять, каким образом выделяются спермы на наружные половые органы могут быть переданы в матку.

Это действительно была неспособность понять жизнедеятельность семени и женских половых путей, взаимодействующих вместе в направлении соединения сперматозоида и зародышевой клетки, которая так долго стояла на пути правильного понимания зачатия. Даже гений Харви, успешно справившийся с проблемой обращения, потерпел неудачу в попытке осмыслить проблему поколения. Главным образом из-за этой трудности он не смог понять, как мужской элемент мог проникнуть в матку, хотя посвятил этому вопросу много наблюдений и исследований. Описывая состояние матки самки после совокупления, он говорит: "Я начал сомневаться, спрашивать себя, могло ли семя самца каким-либо образом проникнуть путем привлечения или инъекции в место зачатия, и повторное обследование привело меня к выводу, что ни одно семя не достигло этого места". (*Деторождение животных*, Упражнение lxvii.) "Женщина, - наконец заключил он, - после контакта с семенной жидкостью *во время полового акта*, кажется, получает влияние и оплодотворяется без соития". действие любого разумного

телесного агента подобно тому, как железо, к которому прикасается магнит, наделяется своими способностями".

Хотя специфически сексуальный мышечный процесс детумесценции у женщин — в отличие от общих мышечных явлений сексуального возбуждения, которые могут быть довольно очевидны, — таким образом, рассматривается как несколько сложный и неясный, у женщин, так же как и у мужчин, детумесценция представляет собой конвульсию, которая высвобождает медленно накапливающийся запас нервной силы. У женщин также, как и у мужчин, моторная разрядка направлена на определенную цель — проникновение спермы у представителей одного пола, ее прием у представителей другого. У обоих полов сексуальный оргазм и удовольствие и удовлетворенность, связанные с ним, включают в себя, как наиболее существенный элемент, двигательную активность сексуальной сферы.^[121]

На активное взаимодействие женских органов при детумесценции, вероятно, указывает трудность, с которой приходится сталкиваться при достижении зачатия путем искусственного введения спермы. Марион Симс заявил в 1866 году в *Клинических записках по хирургии матки*, что 55 инъекций шести женщинам были успешными только однажды; он считал, что это был единственный зарегистрированный случай на то время. Якоби, однако, практиковал искусственное оплодотворение у животных (в 1700 году), а Джон Хантер — у человека. См. Gould and Pyle, *Аномалии и курьезы медицины*, стр. 43; также Янке (*Die Willkürliche Hervorbringen des Geschlechts*, стр. 230 и далее.), который обсуждает вопрос искусственного оплодотворения и объединяет массу данных.

Выражение лица после завершения набухания характеризуется высокой степенью энергии у мужчин и привлекательности у женщин. В этот момент, когда кульминационный акт жизни вот-вот совершится, индивид, таким образом, достигает своего высшего состояния сияющей красоты. Цвет кожи усиливается, глаза становятся больше и ярче, мышцы лица более напряжены, так что у зрелых лиц исчезают любые морщины и возвращается молодость.

В начале детумесценции черты лица часто более расплывчаты. Наблюдается общее выражение жадной восприимчивости к сенсорным впечатлениям. Расширение зрачков, ноздрей, тенденция к слюноотделению и движениям языка — все это составляет картину, указывающую на приближающееся удовлетворение чувственных желаний; примечательно, что у некоторых животных в этот момент поднимаются уши.^[122] Иногда наблюдается тенденция произносить отрывистые и бессмысленные слова, и отмечается, что иногда женщины кричали на своих матерей.^[123] Расширение зрачков вызывает светобоязнь, и в процессе детумесценции глаза часто закрываются по этой причине. Вашиде и Вурпас наблюдали, что в начале сексуального возбуждения тонус глазных мышц, по-видимому, увеличивается; подъем верхних век сокращается, так что глаза кажутся больше, а их подвижность и яркость повышаются; с увеличением мышечного тонуса возникает косоглазие из-за большей силы мышц, которые отводят глаза внутрь.^[124]

Выражение лица, отмечающее кульминацию припухлости и приближение распухания, обычно выражает радость. В интересном психофизиологическом исследовании эмоции радости Дирборн таким образом обобщает ее характеристики: "Глаза ярче, верхнее веко приподнято, также как и брови, кожа над глабеллой, верхняя губа и уголки рта, в то время как кожа на внешних кантиках глаз сморщена. Ноздри умеренно расширены, язык слегка вытянут, а щеки несколько раздуты, в то время как у лиц с сильно развитыми верхнечелюстными мышцами уши,

как правило, несколько наклонены вперед. Расширяется вся артериальная система с последующим покраснением от этого воздействия на кожные капилляры лица, шеи, волосистой части головы и рук, а иногда даже более обширным; по той же причине глаза слегка выпучиваются. Аналогичным образом стимулируется вся железистая система, вызывая усиление секреции — желудочной, слюнной, слезной, потовой, молочной железы, гениталий и т.д. — С последующим повышением температуры и усилением катоболизма в целом. Словоохотливость повышается почти регулярно и действительно является одной из наиболее чувствительных и постоянных корреляций эмоционального наслаждения. ... Приятность коррелирует в живых организмах с расширением сосудов, мышц и желез, как в прямом, так и в переносном смысле". (Г. Дирборн, "Эмоция радости", *Дополнения к монографии "Психологический обзор"*, том. ii, № 5, стр. 62.) Все эти признаки радости, по-видимому, проявляются на определенной стадии процесса сексуального возбуждения.

У некоторых обезьян, по-видимому, мышечное движение, которое у человека превратилось в улыбку, является характерным выражением сексуального возбуждения или ухаживания на лице. Обсуждая выражение удовольствия на лице у детей, С. С. Бакман делает следующие замечания: "В таком выражении есть один момент, который не получил должного внимания, а именно, приподнимание комков плоти с каждой стороны носа как признак удовольствия. При этом могут быть замечены небольшие бороздки, как у детей, так и у взрослых, идущие от глаз несколько наискось к носу. О том, что обозначают эти знаки, можно узнать у самца мандрила, на лице которого, особенно в период размножения, по обе стороны носа видны разноцветные мясистые выступы с заметными бороздами и гребнями. У самца мандрила эти признаки были развиты потому, что, будучи безошибочным признаком сексуального пыла, они давали самке особое свидетельство сексуальных чувств. Таким образом, такие персонажи стали бы признаваться как обычные симптомы приятных чувств. Обнаруживая сходные черты у людей, и особенно у детей, хотя и не развитые в такой же степени, мы можем предположить, что у наших обезьяноподобных предков были развиты черты лица, сходные с мандриловыми, хотя и в меньшей степени, и что они были симптомами удовольствия, поскольку были связаны с периодом ухаживания. Затем они стали общепринятыми симптомами, доставляющими удовольствие". (С. С. Бакманн, "Человеческие младенцы: чему они учат", *Nature*, 5 июля 1900 г.) Если принять эту точку зрения, то можно сказать, что улыбка, ставшая у человека обобщенным признаком дружелюбия, больше не имеет никакого особого сексуального значения. Это правда, что слабая и произвольная улыбка часто ассоциируется с более поздними стадиями припухлости, но она обычно исчезает во время распухания и может даже уступить место выражению свирепости.

Когда мы осознаем, насколько глубоки органические конвульсии, вызванные процессом детумесценции, и насколько велико общее двигательное возбуждение, связанное с этим, мы можем понять, почему за половым актом могут последовать очень серьезные последствия. Даже у животных это иногда имеет место. Молодые бычки и жеребцы падали в обморок после первого съезда; кабаны могут быть серьезно поражены подобным образом; известно, что кобылы даже падали замертво.^[125] У человеческого вида, и особенно у мужчин — вероятно, как отмечает Брайан Робинсон, потому что женщины защищены большей медленностью, с которой у них происходит детумесценция, — известно, что не только сама смерть, но и бесчисленные расстройства и несчастные случаи следуют сразу после коитуса, эти результаты в основном обусловлены сосудистым и мышечным возбуждением, связанным с процессами детумесценции. Были отмечены обмороки, рвота, мочеиспускание, дефекация у молодых

мужчин после первого полового акта. Нередко регистрировалась эпилепсия. Иногда имели место поражения различных органов, даже разрыв селезенки. У мужчин зрелого возраста артерии иногда не могли противостоять высокому кровяному давлению, и происходило кровоизлияние в мозг с параличом. У пожилых мужчин возбуждение от общения с незнакомыми женщинами иногда приводило к смерти, и известны различные случаи, когда выдающиеся личности умирали таким образом на руках молодых жен или проституток.^[126]

Эти болезненные результаты, однако, весьма исключительны. Обычно они возникают у лиц с ненормальной чувствительностью или у тех, кто неосмотрительно нарушил очевидные правила сексуальной гигиены. Детумесценция - настолько глубоко естественный процесс; это настолько глубокая и интимная функция организма, что часто она безвредна, даже когда состояние организма далеко от абсолютно здорового. Его обычные результаты, при благоприятных обстоятельствах, полностью благоприятны. У мужчин обычно наступает, вместе с облегчением от длительного напряжения припухлости, с мышечным покоем и падением кровяного давления,^[127] чувство глубокого удовлетворения, сияние рассеянного благополучия,^[128] возможно, приятная усталость, иногда также чувство ментального освобождения от всепоглощающей навязчивой идеи. При разумно счастливых обстоятельствах нет ни боли, ни истощения, ни печали, ни эмоционального отвращения. Отношение счастливого влюбленного к своей партнерше не выражено в известном сонете (СХХIX) Шекспира:—

"Прошлый разум охотился, и не успел
Прошлый разум возненавидеть".

Вместе с Боккаччо он скорее чувствует, что поцелованный рот не теряет своего очарования,

"Bocca baciata non perde ventura."

У женщин результаты детумесценции те же, за исключением того, что тенденция к вялости не отмечается, если только акт не повторялся несколько раз; возникает ощущение покоя и уверенности в себе, и часто прилив свободной и радостной энергии. После полностью удовлетворительного выздоровления она может испытывать чувство опьянения, длящееся в течение нескольких часов, опьянение, за которым не следует никакой негативной реакции.

Таковы, насколько позволяют наши нынешние смутные и несовершенные знания, основные черты процесса детумесценции. В будущем, без сомнения, мы научимся более точно понимать процесс, который был столь чрезвычайно важен в жизни человека и его предков.

[98] Элементы, которые осязание вносит в половой отбор, обсуждались в первом разделе предыдущего тома этих *Исследований*.

[99] Смотрите Приложение А. "Происхождение поцелуя" в предыдущем томе.

[100] См., например, статью Реттерера "Эрекция" в *Словаре физиологии Руше*, том v.

[101] Guibaut, *Traité Clinique des Maladies des Femmes*, p. 242. Адлер обсуждает половые выделения у женщин и их значение, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 19-26.

[102] В некоторых частях мира этому дополнительно способствуют искусственные средства. Так, Ридель утверждает (цитируемый Плоссом и Бартельсом), что на архипелаге Горонг жених перед первым половым актом смазывает половые органы невесты мазью, содержащей опиум, мускус и т.д. Мне рассказывали об одной английской невесте, которая была проинструктирована своей матерью использовать свечу для той же цели.

[103] *Партенология*, стр. 302, и далее.

[104] Связь этого слизистого оттока с сексуальными эмоциями обсуждалась в начале восемнадцатого века Шуригом в его *Гинекологии*, стр. 8-11; более современные авторы часто обходят это стороной.

[105] Рисунок воспроизведен Плоссом и Бартельсом, *Das Weib*, том i, глава XVII; в этой главе собраны многие факты, касающиеся этнографии коитуса.

[106] Онанофф (Парижское биологическое общество, 3 мая 1890 г.) предложил название бульбо-кавернозного рефлекса для разумного сокращения ишио-и бульбо-кавернозных мышц (эректора полового члена и ускорителя мочеиспускания), вызываемого механическим возбуждением головки. Клинически этот рефлекс вызывается путем помещения указательного пальца левой руки на область луковицы, в то время как правая рука быстро трет тыльную поверхность желез краем листа бумаги или слегка пощипывает слизистую оболочку; затем ощущается подергивание области луковицы. Этот рефлекс всегда присутствует у здоровых взрослых субъектов и указывает на целостность физического механизма детумесценции. Он был описан Хьюзом. (Ч. Х. Хьюз, "Мужской, или бульбо-кавернозный рефлекс", *психиатр и невролог*, январь 1898 г.)

[107] Рубо, *Характеристика власти*, 1855, стр. 39.

[108] *Das Weib*, седьмое издание, том i, стр. 510.

[109] Влияние затрудненного дыхания на возбуждение более или менее извращенных форм сексуального удовлетворения обсуждалось в разделе "Любовь и боль" третьего тома этих *Исследований*.

[110] Смотрите, например,, эксперименты Обичи по этому вопросу, *Revista Sperimentale di Freniatria*, 1903, стр. 689, и далее.

[111] Обобщено в *Archives d'Anthropologie Criminelle*, март 1903 г., стр. 188. Тенденция закрывать глаза, отмеченная Рубо, чтобы избежать контакта со светом, указывает на расширение зрачков, которому нам не нужно искать другого объяснения, кроме общей тенденции всех периферических раздражений, согласно закону Шиффа, вызывать такое расширение.

[112] Васкид и Вурпас, "О сексуальном коэффициенте музыкального импульса", *Архив неврологии*, май 1904г.

[113] На *Приапее* есть надпись, которая была переведена следующим образом:—

"Вы видите, что этот орган, в честь которого меня называли
И который является моим сертификатом, влажный;
Эта влага - не роса и не капли дождя,

Это результат сладких воспоминаний,
Вызывающих мысли самодовольной служанки".

Переводчик предполагает, что речь идет о семени, но, без сомнения, имеется в виду *distillatio*.

[114] Женщина 30 лет, нормальная и интеллигентная, после разговора о любви и страсти, а затем прослушивания музыки Грига и Шумана, почувствовала настоящее и сильное сексуальное возбуждение, усиленное воспоминаниями, вызванными присутствием сочувствующего человека. При последующем тестировании динамометром было обнаружено, что среднее значение десяти усилий правой рукой составляет 28,2 (ее нормальное среднее значение 31,1), а левой рукой - 28,0 (нормальное значение 30,0). Наблюдалась, однако, большая вариабельность индивидуальных напряжений, которые иногда равнялись и даже превышали обычные усилия субъекта. Произвольные мышцы, таким образом, находятся в гармонии с приближающейся общей сексуальной лавиной. (Vaschide and Vurpas, "Quelques Données Expérimentales sur l'Influence de l'Excitation Sexuelle," *Archivio di Psichiatria*, 1903, fasc. v-vi.)

[115] Ср. MacGillicuddy, *Функциональные расстройства нервной системы у женщин*, стр. 110; Féré, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 238; *id.*, "Note sur une Anomalie de l'instinct Sexuel", *Бельгия "Медицина"*, 1905; также "Анализ сексуального влечения" в более раннем томе этих исследований.

[116] Дж. П. Уэст, "Мастурбация в раннем детстве", *Медицинский стандарт*, ноябрь 1895г.

[117] Ср. обсуждение истерии в "Аутоэротизме", том. я из этих Исследований.

[118] Херст, *Учебник акушерства*, 1899, стр. 67.

[119] Самая ранняя история такого рода, с которой я знаком, история вдовы, которая таким образом забеременела от женатого друга, цитируется в "*Сперматологии*" Шурпа (стр. 224) из Amatus Lusitanus, *Curationum Centuriae Septum*, 1629.

[120] Janke, *Die Willkürliche Hervorbringen des Geschlechts*, p. 238.

[121] Cf. Adler, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, pp. 29–38.

[122] Фере, *Патология эмоций*, стр. 51.

[123] Это инстинктивный импульс, лежащий в основе всех сильных эмоций у примитивных людей. "Австралийские диеры, - говорит А. У. Ховитт (*Журнал Антропологического института*, август 1890 г.), - когда им больно или они в горе, взывают к своему отцу или матери".

[124] Васхиде и Вурпас, *Архив неврологии*, май 1904г.

[125] Ф. Б. Робинсон, *Нью-Йоркский медицинский журнал*, 11 марта 1893г.

[126] Фере полностью рассматривает различные болезненные последствия, которые могут последовать за половым актом, "*Сексуальный инстинкт*", глава X; *id.*, *Патология эмоций*, стр. 99.

[127] В отношении связи детумесценции с кровяным давлением Хейг замечает: "Я думаю, что, поскольку половой акт вызывает низкое и падающее кровяное давление, он по необходимости облегчит состояния, которые вызваны высоким и повышающимся кровяным давлением, такие, например, как психическая депрессия и дурной характер; и, если мое наблюдение не обманывает меня, здесь мы имеем связь между состоянием высокого кровяного давления с психической и телесной депрессией и акт мастурбации, поскольку этот акт облегчит эти состояния и, как правило, будет практиковаться с этой целью". (А. Хейг, *Мочевая кислота*, шестое издание, стр. 154.)

[128] Медицинский корреспондент говорит о субъективных ощущениях повышения температуры тела через 20-24 часа после конгресса, которые сопровождаются ощущениями охлаждения тела и румянцем на щеках. В другом случае, хотя усталость появляется на второй день после конгресса, первый день после него отмечен заметным повышением умственной и физической активности.

III.

Содержание

Компоненты спермы—Функция предстательной железы—Свойства спермы—Афродизиаки—Алкоголь, опиум и т.д.—Анафродизиаки—Стимулирующее влияние спермы при половом акте—Внутренние эффекты секрета яичек—Влияние секреции яичников.

Зародышевая клетка никогда не входит в сферу сознания и поэтому не может интересовать нас при психологическом изучении феноменов сексуального инстинкта. Но со сперматозоидом дело обстоит иначе, а семенная жидкость имеет прямое или косвенное отношение к психическим явлениям, которые сейчас необходимо обсудить.

В то время как сперматозоиды образуются в железистой ткани яичек, семенная жидкость, которая в конечном итоге выделяется при детумесценции, не является чисто тестикулярным продуктом, а образуется в результате смешивания с жидкостями, изливаемыми во время или до детумесценции различными железами, которые открываются в мочеиспускательный канал, и особенно в предстательную железу.^[129] Это чисто половая железа, которая у животных становится большой и активной только в период размножения и может быть даже едва различима в другое время; более того, если семенники удаляются в младенчестве, предстательная железа остается рудиментарной, так что в последние годы удаление семенников широко пропагандировалось и практиковалось при той гипертрофии предстательной железы, которая иногда является тревожным заболеванием. болезнь преклонного возраста. По словам Фюрбрингера, именно предстательная жидкость придает сперме характерный запах. Однако, по-видимому, основной функцией предстательной жидкости является возбуждение и поддержание подвижности сперматозоидов; до встречи с предстательной жидкостью сперматозоиды неподвижны; эта жидкость, по-видимому, обеспечивает более тонкую среду, в которой они впервые обретают полную жизнеспособность.^[130]

Когда наконец Семен-выводится из организма, он содержит различные вещества, которые могут быть отделены от нее^[131] и обладает различными качествами, некоторые из которых лишь недавно были исследованы, в то время как другие, очевидно, были известны человечеству с самого раннего периода. "Если подержать некоторое время во рту, - заметил Джон Хантер, - то получается тепло, похожее на аромат специй, которое сохраняется некоторое время".^[132] Возможно, этот факт впервые предположил, что Семен может, при попадании в организм, обладают ценными стимулирующими качествами, открытие, которое было сделано с помощью различных дикарей, особенно у австралийских аборигенов, которые, во многих частях Австралии, управляют зелье спермы к смерти или немощные члены племени.^[133] Возможно, примечательно, что в Центральной Африке козы яички употребляются в качестве афродизиака.^[134] В Европе XVIII века Шуриг в своей "*Сперматологии*" все еще считал необходимым подробно обсудить возможные медицинские свойства человеческой спермы, дав множество рецептов, в которых она содержалась.^[135] стимуляцию вырабатывается проглатывание спермы, казалось бы, в виде, в некоторых случаях часть взаимного притяжения *минет*; де Сад отметил этот момент; и в случае, записанных Говард Семен, похоже, действовал как стимулятор, для которых жажда была такой же неотразимой, как и то, что на алкоголь в алкоголизма.^[136]

Следует помнить, что ранняя история этого предмета более или менее неразрывно связана с фольклорными практиками магического происхождения, не обязательно основанными на реальных наблюдениях физиологических эффектов употребления спермы или яичек. Так, согласно У. Х. Пирсу (*Скальпель*, декабрь 1897 г.), в Корнуолле у сельских служанок существует обычай есть яички молодых ягнят мужского пола, которых кастрируют весной, что, вероятно, является пережитком очень древнего религиозного культа. (Я сам не имел возможности слышать об этом обычае в Корнуолле.) В покаянном письме Берчарда (Сар. КЛИВ, Вассершлебен, указ. соч., стр. 660) семилетняя епитимья назначается женщине, которая проглатывает сперму своего мужа, чтобы заставить его любить ее сильнее. В семнадцатом веке (как показано на Уильяма лосось *Лондон Dispensatory*, 1678) Семен был по-прежнему считается эффективной против колдовства, а также ценных в любви-любовного зелья, в которых последнем качестве его использование еще выживает. (Бурк, *Скatalogические обряды*, стр. 343, 355.) В более раннюю эпоху (Пикарт, цитируемый Кроули, *Мистическая роза*, стр. 109) говорят, что манихеи окропляли свой евхаристический хлеб человеческим семенем - обычаю, которому следовали альбигойцы.

Вера, возможно, основана на опыте, что сперма обладает лечебным и стимулирующим добродетели, безусловно, был укреплен древний мнение, что спинной мозг является источником этой жидкости. Это было сделано не только высшими медицинскими авторитетами Греции, но и Индии и Персии.

Семен, таким образом, является естественным стимулятором, физиологическим афродизиаком, тип классу препаратов, которые были известны и культивируется во всех регионах мира с незапамятных времен. (Дюфур обсуждал афродизиаки, использовавшиеся в Древнем Риме, *История проституции*, том. II, гл. 21.) Было бы тщетно пытаться перечислить все продукты питания и медикаменты, которым приписывается влияние на усиление сексуального влечения. (Таким образом, в шестнадцатом веке Льебо в своем "*Рассказе о секретах воспоминаний о женских болезнях*" в шестнадцатом веке приписывал огромное разнообразие продуктов питания афродизиакальные свойства, 1585, стр. 104, и далее.) Большое

количество из них, конечно, вообще не имеют такого эффекта, но получили это признание либо по какой-то магической причине, либо по ошибочной ассоциации. Таким образом, картофель, впервые завезенный из Америки, имел репутацию мощного афродизиака, и драматурги елизаветинской эпохи содержат множество упоминаний об этой предполагаемой добродетели. Как мы знаем, картофель, даже употребляемый в самых больших дозах, не оказывает ни малейшего афродизиакального эффекта, а ирландские крестьяне, рацион которых в значительной степени состоит из картофеля, даже считаются обладателями необычайно малой степени сексуального влечения. Вероятно, ошибка возникла из-за того факта, что картофель изначально был роскошью, а предметы роскоши часто считаются афродизиаками, поскольку их употребляют в пищу при обстоятельствах, вызывающих сексуальное желание. Возможно также, что, как было правдоподобно высказано предположение, недоразумение могло возникнуть из— за моряков - первых, кто познакомился с картофелем, — которые приписывали этому конкретному элементу своего рациона на берегу общеукрепляющие свойства своей жизни в порту. Эринго (*Eryngium maritimum*), или морской остролист, который также имел эротическую репутацию в елизаветинские времена, вполне мог приобрести ее таким же образом. Многие другие овощи имеют похожую репутацию, которую они сохраняют до сих пор. Таким образом, лук считается афродизиакальным средством, и так считали греки, как мы узнаем из Аристофана. Примечательно, что Марро, надежный наблюдатель, обнаружил, что в Италии, как в тюрьмах, так и в приютах, похотливые люди любят лук (*La Pubertà*, стр. 297), и, возможно, стоит вспомнить наблюдение Серье о том, что у женщины, в которой сексуальный инстинкт проснулся только в среднем возрасте, был страх перед луком-пореем. В некоторых странах, и особенно в Бельгии, сельдерей широко используется как сексуальный стимулятор. Различные приправы, опять же, имеют одинаковую репутацию, возможно, потому, что они острые и потому, что сексуальное желание вполне справедливо рассматривается как разновидность жара. Рыба — коньки, например, и особенно устрицы и другие моллюски — очень широко считаются афродизиаками, и Киш приписывает это свойство икре. Вероятно, что все эти и другие продукты, получившие такую репутацию, в той мере, в какой они оказывают какое-либо действие на сексуальный аппетит, обладают им только благодаря своим общим питательным и стимулирующим свойствам, а не благодаря наличию какого-либо специального вещества, избирательно действующего на сексуальную сферу. Бифштекс, вероятно, является таким же мощным сексуальным стимулятором, как и любая другая пища; однако питательная пища, которая в то же время легко усваивается и, следовательно, требует меньших затрат энергии на ее усвоение, вполне может оказывать особенно быстрый и заметный стимулирующий эффект. Но провести черту невозможно, и, как давным-давно сказал Аквинат, если мы хотим поддерживать себя в состоянии чистоты, нам следует опасаться даже неумеренного употребления хлеба и воды.

Более определенно афродизиакальный эффект оказывают наркотики, и особенно наркотики, которые в больших дозах являются ядами. Афродизиаком с самой широкой репутацией является кантарид, но его сексуально возбуждающий эффект является всего лишь случайным результатом его действия, вызывающего воспаление мочеполовых путей, и это одновременно неопределенный и опасный результат, за исключением умелых рук и при введении в малых дозах. Нукс вомика (с содержащимся в нем алкалоидом стрихния), благодаря своему особому действию на спинной мозг, оказывает особенно выраженный эффект в повышении раздражительности спинномозгового центра эякуляции, хотя это ни в коем случае не обязательно оказывает какое-либо усиливающее влияние. Алкоголь оказывает сексуально

возбуждающее действие, но другим способом; он вызывает слабую стимуляцию спинного мозга и, действительно, в больших дозах даже парализует поясничный сексуальный центр, но он оказывает влияние на периферические нервные окончания и кожу, а также на мозговые центры, вызывая желание и ослабляя торможение. В последнем случае, как отмечает Адлер, в небольших дозах при некоторых обстоятельствах он может быть полезен мужчинам с чрезмерной нервозностью или страхом перед половым актом, а женщины, у которых было трудно достичь оргазма, часто обнаруживали, что этому способствовало некоторое пристрастие к алкоголю в прошлом. Возбуждающее действие алкоголя, по-видимому, особенно заметно на женщин. Но против использования алкоголя в качестве афродизиака следует помнить, что это далеко не тонизирующее средство для детумесценции, во всяком случае у мужчин, и что существует много свидетельств, указывающих на то, что не только хронический алкоголизм, но даже продолжение рода во время опьянения опасно для потомства (см., например, Андризен, *Журнал психологии*, январь 1905 г., исл. У. К. Салливан, "Алкоголизм и суицидальные импульсы", *ib.*, апрель 1898 г., стр. 268); можно добавить, что Бунге обнаружил очень высокую долю случаев неумеренного употребления алкоголя отцами женщин, неспособных кормить грудью своих младенцев (G. von Bunge, *Die Zunehmende Unfähigkeit der Frauen ihre Kinder zu Stillen*, 1903), в то время как даже приближение к состоянию опьянения далеко не является желательной прелюдией к созданию нового человека. Очевидно, что тем, кто по какой-либо причине желает культивировать строгое целомудрие мыслей и чувств, было бы лучше вообще избегать употребления алкоголя или только в самых легких его формах и в умеренных количествах. Афродизиакальные эффекты вина известны давно; Овидий упоминает о них (например, *Ars Am.*, Вк. III, 765). Климент Александрийский, который был в некотором роде человеком науки, а также христианским моралистом, указывает на влияние вина на развитие похоти и преждевременную сексуальную зрелость. (*Педагог*, Вк. II, глава II). Чосер заставляет Жену Бата сказать в прологе "Жены Бата":

"И, после вин, на Венере больше всего [нужно] Я думаю:

Как бы то ни было, холод порождает хейл,
У большинства людей похожий рот,
У женщины виолент нет защиты,
Это познается развратниками по опыту".

Алкоголь, как указывал Чосер, приходит на помощь мужчине, который беспринципен в своих попытках овладеть женщиной, и это не только благодаря его афродизиакальному эффекту и явно особому влиянию, которое он, по-видимому, оказывает на женщин, но и потому, что он усыпляет умственные и эмоциональные характеристики, которые являются хранителями личности. Корреспондент, расспросивший по этому поводу нескольких знакомых ему проституток, пишет: "Их рассказы о первом падении почти всегда были одинаковыми. Они познакомились с "джентльменом" и однажды слишком много выпили; прежде чем они полностью осознали, что происходит, они уже не были девственницами". "В психических областях под воздействием алкоголя, - замечает Шмидеберг (в своей книге *"Элементы фармакологии"*), - тончайшие степени наблюдения, суждения и рефлексии исчезают первыми, в то время как остальные психические функции остаются в нормальном состоянии. Солдат действует смелее, потому что он меньше замечает опасности и меньше размышляет о них; оратор не позволяет влиять на себя никаким посторонним соображениям относительно своей аудитории, следовательно, он говорит более свободно и одухотворенно; самосознание в очень

значительной степени утрачено, и многие поражаются легкости, с которой они могут выражать свои мысли, и остроте своих суждений в вопросах, которые, когда они совершенно трезвы, с трудом доходят до их сознания; а потом им становится стыдно за свои ошибки".

Действие опиума в малых дозах также в некоторой степени афродизиакально; он слегка стимулирует как головной, так и спинной мозг и оказывает сенсорное воздействие на кожу, подобно алкоголю; этому эффекту способствует состояние приятной мечтательности, которое он вызывает. В семнадцатом веке Венетт ("*Генерализация человека*", часть II, глава V) настоятельно рекомендовал для этой цели небольшие дозы опиума, тогда малоизвестного; он сам, по его словам, во время болезни испытал его радости, "тень тех, что на небесах". В Индии опиум (а также *cannabis indica*) долгое время был нередким афродизиаком; он специально используется для снижения местной чувствительности, отсрочки оргазма и, таким образом, продления полового акта. (У. Д. Сазерленд, "Об импотенции", *Indian Medical Gazette*, январь 1900 г.). На его более прямое и стимулирующее влияние на сексуальные эмоции, по-видимому, указывает утверждение, что проститутки можно найти возле притонов для курения опиума в Бомбее, но не возле соседних винных лавок. (Г. К. Лукас, *Ланцет*, 2 февраля 1884 г.) Как и алкоголь, опиум, по-видимому, оказывает выраженное афродизиакальное действие на женщин. Зарегистрирован случай психически ненормальной девушки, у которой не было нимфомании, хотя она мастурбировала, которая, приняв небольшие дозы опиума, сразу же проявила признаки нимфомании, следовала за мужчинами и т.д. (*Американский журнал акушерства*, май 1901 г., стр. 74.) Вполне можно полагать, что опиум благотворно действует на мужчин, когда центры эякуляции слабы, но раздражительны; но его действие слишком широко распространено на организм, чтобы сделать его в какой-либо степени ценным афродизиаком. Различные другие наркотики имеют более или менее репутацию афродизиаков; так, бромид золота, стимулятор нервной системы и желез, как говорят, одним из своих эффектов усиливает сексуальное влечение. Йохимбин, алкалоид, получаемый из западноафриканского дерева Йохимбехе, за последние годы приобрел значительную известность при лечении импотенции; в некоторых случаях (см., например, результаты Тоффа, обобщенные в *British Medical Journal*, 18 февраля 1905 г.) он давал хорошие результаты, по-видимому, за счет увеличения притока крови к половым органам, но не во всех случаях и не во всех руках. Всегда следует помнить, что в случаях психической импотенции внушение обязательно оказывает благотворное влияние, и это может сработать с помощью любого лекарства или просто с помощью хлебных пилюль. Любые физические упражнения, часто даже ходьба, могут быть сексуальным стимулятором, и вряд ли нужно добавлять, что мощная стимуляция кожи в сексуальной сфере, и особенно ягодиц, часто является более эффективным афродизиаком, чем любое лекарственное средство, будь то чисто механическое раздражение, например, при порке, или механико-химическое, например, при крапивнице или нанесении крапивы. Среди малайцев (у которых, по словам Воана Стивенса, и мужчины, и женщины часто используют различные растения в качестве афродизиаков) Брайтенштейн утверждает (*21 Jahre in India*, Theil I, стр. 228), что для увеличения сексуальной силы используются как массаж, так и гимнастика. Местное применение электричества является одним из самых мощных афродизиаков, и Макморди обнаружил, что, прикладывая один полюс к маточному звуку в матке, а другой - к брюшной стенке, у большинства здоровых женщин наступает оргазм.

Среди анафродизиаков, или сексуальных седативных средств, бромид калия, в силу своего противоядия от стрихнии, является одним из препаратов, действие которого наиболее определено, хотя он и притупляет сексуальное желание, но также притупляет всю нервную и

мозговую деятельность. Камфора имеет древнюю репутацию анафродизиака, и ее использование в этом отношении было известно арабам (как видно из упоминания о ней в "*Благоуханном саде*"), в то время как, как упоминает Хиртл (лок. цит. по ii, с. 94), рута (*Ruta graveolens*) считалась сексуальным успокоительным средством у древних монахов, которые по этой причине усердно выращивали ее в своих монастырских садах для получения *vinum rutæ*. Недавно было обнаружено, что героин в больших дозах (см., например, Беккер, *Berliner Klinische Wochenschrift*, 23 ноября 1903 г.) оказывает полезное действие в этом направлении. Однако можно усомниться в существовании какого-либо удовлетворительного и надежного анафродизиака. Говорят, Шарко действительно заявлял, что единственным анафродизиаком, в котором он хоть немного уверен, был тот, который использовал дядя Элоизы в случае с Абеяром. "*Cela* (добавлял он с мрачной улыбкой) *трудный транш*".

Если Семен является стимулятором при попадании в организм он легко предположить, что он может оказывать аналогичное действие на женщину, которая принимает его в вагину в нормальные сексуальные отношения. Ни в коем случае нельзя исключать, что, как утверждал Маттеи в 1878 году, это действительно так. Известно, что влагалище обладает значительной абсорбирующей способностью. Так, Коэн и Леви, среди прочих, показали, что если ввести во влагалище тампон, смоченный раствором йода, йод будет обнаружен в моче в течение часа. И то же самое верно в отношении различных других веществ.^[137] Если влагалище поглощает лекарства, оно, вероятно, поглощает сперму. Тофф из Браилы (Румыния), который придает большое значение такому усвоению, считает, что оно должно быть аналогично приему органических экстрактивных веществ. Он считает, что именно из-за этого влияния слабые и анемичные девушки так часто становятся полнокровными и сильными после замужества и теряют свои нервные наклонности и застенчивость.^[138]

Однако, безусловно, ошибочно полагать, что благотворное влияние полового акта на женщин исключительно или даже главным образом зависит от всасывания спермы. Это убедительно подтверждается тем фактом, что такое благотворное влияние оказывается, причем в полной мере, даже тогда, когда были приняты все меры предосторожности, чтобы избежать любого контакта со спермой. Поскольку *резервный коитус* или *прерывистый* может привести к поспешности или дискомфорту, которые препятствуют удовлетворительному оргазму со стороны женщины, это, без сомнения, является причиной неполноценного опущения и неполного удовлетворения. Но если оргазм завершен, благотворный эффект от полового акта сохраняется, даже если не было возможности всасывания спермы. Даже после *прерванного полового акта*, если его удастся продлить на период, достаточный для того, чтобы женщина достигла полного удовлетворения, она может испытывать то, что она может описать как чувство опьянения, длящееся в течение нескольких часов. Именно в действии самого оргазма, а также в сосудистой, секреторной и метаболической деятельности, запускаемой психическим и нервным воздействием полового акта с любимым человеком, мы должны искать главный ключ к эффектам, производимым половым актом на женщин, однако эти эффекты, возможно, могут быть еще более усилены фактическим поглощением спермы.^[139]

Положительное действие спермы, или, скорее, продуктов из яичек, было широко исследовано в последние годы и, по-видимому, в целом доказано. Известное открытие, сделанное Браун-Секаром четверть века назад, о том, что прием внутрь соков яичек при слабости и старческом маразме действует как полезный стимулятор и тонизирующее средство, открыло путь к новой области терапии. Многие исследователи в разных странах обнаружили, что экстракты яичек, и

особенно спермин, изученный Полем,^[140] и рассматриваемый им как положительный катализатор или ускоритель метаболических процессов, оказывают реальное влияние на придание тонуса сердцу и другим мышцам, а также на улучшение метаболизма тканей, даже когда все воздействия ментального внушения были исключены.^[141]

Поскольку яичники строго аналогичны семенникам, было высказано предположение, что экстракт яичников может оказаться лекарственным средством, не менее ценным, чем препараты для яичек. Фактически, экстракт яичников в форме оварина и т.д., По-видимому, оказался полезным при различных заболеваниях, особенно при анемии и проблемах, связанных с искусственной менопаузой. Однако в большинстве случаев, когда он применялся, результаты были сомнительными или неопределенными, и некоторые авторитетные специалисты полагают, что влияние внушения играет здесь значительную роль.

Существует, однако, другое применение, которому подчиняются продукты из яичек, использование, которое, действительно, можно сказать, подразумевается в тех видах применения, на которые уже делались ссылки, но все же исторически является последним, которое было осознано и изучено. Только в 1869 году Браун-Секар впервые предположил, что важный секрет вырабатывается железами внутренней секреции и поступает в кровообращение, но это предположение оказалось эпохальным. Если эти железистые выделения так ценны, когда их вводят в качестве лекарств другим людям, разве они не должны иметь гораздо большую ценность, когда выделяются естественным путем и изливаются в кровообращение в живом организме? В настоящее время принято считать, на основе большого и разнообразного массива свидетельств, что это, несомненно, так. В самом деле, в очень грубой форме это убеждение ни в коем случае не является современным. В противовес древним авторам, которые были склонны рассматривать сперму как выделения, которые полезно выводить, были и другие древние авторитеты, которые утверждали, что полезно сохранять ее как жизненно важную жидкость, которая, будучи реабсорбированной, укрепляет организм. Великий физиолог Галлер в середине восемнадцатого века подошел очень близко к современной доктрине, когда заявил в своих *"Элементах физиологии"*, что сперма, накопленная в семенных пузырьках, перекачивается обратно в кровь, и таким образом образуются борода и волосы вместе с другими удивительными изменениями полового созревания, которые отсутствуют у евнуха. Вряд ли можно сказать, что реабсорбция спермы является частью современной физиологической доктрины, но, по крайней мере, сейчас общепринято считать, что яички выделяют вещества, которые попадают в кровоток и имеют огромное значение в развитии организма.

Эксперименты Shattock и Зелигманн свидетельствуют о том, что Семен и его реабсорбции в семенных пузырьках, или нервной реакции, образующиеся при ее наличии, не может иметь участие в формировании вторичных половых признаков. Эти исследователи закупорили семявыносящий проток у овец с помощью лигатуры в раннем возрасте, что впоследствии сделало их стерильными, хотя и не импотентами. Вторичные половые признаки проявлялись как у обычных овец. Эти исследователи приходят к выводу, что сперматогенез может быть начальным фактором, но результаты следует отнести за счет выработки яичками внутренней секреции и ее всасывания в общий кровоток.^[142]

При кастрации животных происходит увеличение выводных желез в организме, особенно щитовидной железы и надпочечниковых капсул.^[143] Следовательно, очевидно, что секреция этих протоковых желез в некоторой степени компенсирует секрецию яичек. Но этого

компенсаторного действия недостаточно для того, чтобы вызвать какое-либо половое развитие при отсутствии яичек.

Таким образом, мы видим, насколько чрезвычайно важна функция яичка. Его значение не только для расы, оно связано не просто с образованием сперматозоидов, которые наравне с яйцеклетками разделяют честь создания человечества будущего. У него также есть отдельная и отчетливая функция, которая имеет отношение к индивидууму. Она вырабатывает те внутренние секреты, которые стимулируют и поддерживают физические и умственные качества, составляющие все самое мужское в самце животного, все, что отличает мужчину от евнуха. У различных первобытных народов, включая представителей европейской расы, откуда мы сами исходим, наиболее торжественной формой клятвы было возложение руки на яички, которые смутно признавались самой священной частью тела. Грубая и преходящая фаза цивилизации по невежеству опозорила половые органы; более примитивная вера теперь оправдана нашими передовыми знаниями.

В этом, как и в других отношениях, яичники в точности аналогичны семенникам. Они не только образуют яйцеклетки, но и вырабатывают для внутреннего использования секрет, который развивает и поддерживает особые физические и умственные качества женщины, подобно секрету яичек, свойственной мужчине. Более того, как обнаружили Чекка и Заппи, удаление яичников оказывает точно такое же влияние на аномальное развитие других желез внутренней секреции, как и удаление яичек. Интересно отметить, что внутренняя секреция яичников и ее важные функции, по-видимому, были выдвинуты еще до того, как яичкам приписали какую-либо иную секрецию, кроме сперматозоидов. Early in the nineteenth century Cabanis argued ("De l'Influence des Sexes sur le Caractère des Idées et des Affections Morales," *Rapport du Physique et du Moral de l'Homme*, 1824, vol. ii, стр. 18), что яичники являются секреторными железами, образующими "особую жидкость", которая реабсорбируется в кровь и вызывает возбуждение, которое ощущается всей системой и всеми ее органами.

[129] Составной характер спермы признавался различными старыми авторами, некоторые из которых говорили (например, Уортон), что она состоит из трех составляющих, которые они обычно считали: (1) самая благородная и существенная часть яичек; (2) водянистый элемент пузырьков; (3) маслянистый элемент из простаты. Шуринг, *Сперматология*, 1720, стр. 17.

[130] См., например, К. Мэнселл Мулен, "Вклад в морфологию предстательной железы", *Журнал анатомии и физиологии*, январь 1895 г.; Г. Уокер, "Вклад в анатомию и физиологию предстательной железы и несколько наблюдений за эякуляцией", *Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, октябрь, 1900.

[131] Об исследовании спермы и ее составляющих см. Флоренс, "Du Sperme", *Архив криминологии*, 1895.

[132] Дж. Хантер, *Очерки и наблюдения*, том i, стр. 189.

[133] Что касается одной части Австралии, Уолтер Рот, *Этнологические исследования среди аборигенов Квинсленда*, стр. 174.

[134] Сэр Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, стр. 438.

[135] Загл. VII, pp. 327–357, "De Spermaticis virilis usu Medico,"

[136] У. Л. Ховард, "Сексуальное извращение", *психиатр и невролог*, январь 1896г.

[137] *Zentralblatt für Gynäkologie*, 1894, No. 49.

[138] E. Toff, "Über Imprägnierung," *Zentralblatt für Gynäkologie*, April, 1903. В похожем, но несколько более точным образом Dufouguère утверждал (в "La Chlorose, СЭС Алматы АВЭК Ле брака, сын Солнца номинальной Ле Ликид orchitique," Thèse де Бордо, 1902), что Семен, когда поглощается влагалища стимулирует секрецию яичниками и, таким образом, оказывает влияние на кровь в anæmia; таким образом он пытался объяснить, почему он заключается в том, что половой акт-это наиболее эффективный способ лечения хлороза.

[139] В этой связи я могу сослаться на интересную и наводящую на размышления статью Гарри Кэмпбелла "Тяга к стимуляторам" (*Lancet*, 21 октября 1899 г.). Коитус не упоминается, но автор рассматривает стимуляторы как нормальные и полезные продукты организма и рассматривает природу "физиологической интоксикации", которую они вызывают.

[140] Спермин был впервые обнаружен в сперме Шрайнером в 1878 году; он также был обнаружен в щитовидной железе, яичниках и различных других железах. "Органы, выделяющие и вырабатывающие спермин, - замечает Говард Келли (*Британский медицинский журнал*, 29 января 1898 г.), - можно назвать аптекарями организма, выделяющими многие важные лекарства, гораздо более активные и более точно представляющие его истинные потребности, чем искусственно вводимые лекарства".

[141] Смотрите, например,, Краткое изложение всестороннего обсуждения Бушаном предмета органотерапии (*Настоящая энциклопедия Эйленбурга по изучению психики*) в *Журнале психических наук*, апрель 1899 г., стр. 355.

[142] "Наблюдения за приобретением вторичных половых признаков, указывающих на образование внутренней секреции яичками", *Труды Королевского общества*, том. lxxiii, стр. 49.

[143] Смотрите, например,, эксперименты Чекки и Заппи, обобщенные в *British Medical Journal*, 2 июля 1904г.

IV.

Содержание

Склонность к Детумесценции —Есть ли Эротический Темперамент?—Доступные стандарты сравнения—Характеристики кастрированных—Характеристики полового созревания—Характеристики состояния детумесценции—Низкорослость—Развитие вторичных половых признаков—Глубокий голос—Яркие глаза—Активность желез—Вывернутые губы—Пигментация—Обильное оволосение—Сомнительная значимость многих из этих признаков.

Каковы, если таковые имеются, признаки, которые тело в целом может предоставить относительно способности и силы индивидуума к оргазму детумесценции? Проявляется ли эротический темперамент внешне и зримо? Это вопрос, который часто занимал тех, кто

стремился проникнуть в более сокровенные тайны человеческой природы, и поскольку мы здесь рассматриваем людей в их отношении к процессу детумесценции, мы не можем полностью обойти этот вопрос, как бы трудно ни было обсудить его с точностью.

Старые физиономисты проявляли большую уверенность в решении этого вопроса. Возможно, у них было больше возможностей для наблюдений, чем у нас, поскольку они часто писали в те дни, когда жизнь была более обнаженной, чем у нас, но их описания, хотя иногда и демонстрируют большую проницательность, неразрывно связаны с ложной наукой и суевериями.

В "*О секретном мулируме*", ошибочно приписываемом Альберту Магнусу, мы находим главу, озаглавленную "*Signa mulieris calidae naturæ et quæit libenter*", которую можно кратко изложить здесь. "Признаки, - говорят нам, - женщины с горячим темпераментом и той, кто охотно сожительствует, таковы: молодость, возраст старше 12 лет или моложе, если ее соблазнили, маленькая, высокая грудь, полная и твердая, волосы в обычном положении; она дерзка на язык, с нежным и высоким голосом, надменный и даже жестокий нрав, хорошего цвета лица, скорее худощава, чем полна, склонна к выпивке. Такая женщина всегда желает полового акта и получает удовлетворение от него. Менструальные выделения не обильные и не всегда регулярные. Если она забеременеет, молока будет мало. Ее пот менее вонюч, чем у женщины с противоположным темпераментом; она любит петь и передвигаться, и ей нравятся украшения, если они у нее есть".

Полемон в своей *Физиономии Суллы* назвал среди признаков либидинозного импульса: вывернутые внутрь колени, обилие волос на ногах, косоглазие, яркие глаза, высокий и резкий голос, а у женщин длину ног ниже колена. Аристотель упоминал среди признаков распутства: бледность, обилие волос на теле, густые и черные волосы, волосы, покрывающие виски, и толстые веки.

В семнадцатом веке Буше в своих *сериях* (Troisième Serée) назвал признаки мужественности, которые указывали на то, что мужчина может иметь детей: громкий голос, густую черную бороду, большой толстый нос.

Ж. Турдес (статья "Афродизиака", *Энциклопедический словарь медицинских наук*) таким образом резюмировал древние верования по этому вопросу: "Эротический темперамент описывался как отмеченный худощавой фигурой, белыми и ровными зубами, развитым волосяным покровом, характерным голосом, воздухом и выражением лица, и даже особым запахом".

При подходе к вопросу об общих физических признаках особой склонности к проявлению сильной детумесценции наиболее очевидным предварительным, по-видимому, было бы изучение кастрированных. Если мы узнаем особые особенности тех, кто из-за удаления половых желез в очень раннем возрасте был лишен всякой способности проявлять детумесценцию, мы, вероятно, будем обладать типом, обратным тому, который мы можем ожидать у лиц с ярко выраженным эротическим темпераментом.

Наиболее общими характеристиками евнухов, по-видимому, являются необычная склонность к полноте, заметно большая длина ног, отсутствие волос в половой и вторичной половых областях, меньшая степень пигментации, что отмечается как у кастрированного негра, так и у

белого мужчины, ребяческая гортань и ребяческий голос. По характеру их обычно описывают как мягких, примирительных и милосердных.

Не может быть никаких сомнений в том, что кастрация у мужчин имеет тенденцию приводить к удлинению ног (большеберцовых и малоберцовых костей) в период полового созревания из-за замедленного окостенения эпифизов. Кисти и ступни также часто длиннее, а иногда и предплечья. В то же время кости более тонкие. Таз также уже. Говорят, что каирских евнухов легко заметить в толпе из-за их высокого роста. (Коллино цитирует Лорте, *"Мужское обозрение Антропологической школы"*, май 1896 г.) Кастрированные скопцы демонстрируют увеличенный рост и, по-видимому, большие уши при уменьшении груди и головы (Л. Питтард, *Научное ревью*, 20 июня 1903 г.) Фере показывает, что в большинстве этих аспектов евнух напоминает безбородых и инфантильных субъектов. (*"Les Proportions des Membres et les Caractères Sexuels," Journal de l'Anatomie et de la Physiologie*, November-December, 1897.) Подобные явления обычно наблюдаются у животных. Селлхайм, тщательно исследовавший кастрированных лошадей, свиней, быков и домашнюю птицу, обнаружил замедление окостенения, длинные и тонкие конечности, длинный, широкий, но низкий череп, относительно меньший таз и маленькую грудную клетку. (*"Zur Lehre von den Sekundären Geschlechtscharakteren," Beiträge zur Geburtshilfe und Gynäkologie*, 1898, summarized in *Centralblatt für Anthropologie*, 1900, Heft IV.)

Что касается умственных качеств и морального облика кастрированных, Гриффитс считает, что существует неоправданное предубеждение против евнухов, и ссылается на Нарсеса, который был не только одним из первых полководцев Римской империи, но и человеком весьма достойного характера. (*Журнал "Ланцет"*, 30 марта 1895 г.) Матиньон, который тщательно изучал китайских евнухов, указывает, что они занимают очень ответственные должности и, хотя во многих отношениях считаются социальными изгоями, обладают превосходными и дружелюбными моральными качествами (*Архив клиники Бордо*, май 1896 г.). В Америке Эверетт Флуд обнаружил, что кастрация приносит умственную и моральную пользу эпилептикам и слабоумным мальчикам. (*"Заметки о кастрации детей-идиотов," Американский психологический журнал*, январь 1899 г.) Часто забывают, что физические и психические качества, связанные со способностью испытывать импульс детумесценции и в значительной степени зависящие от нее, хотя и необходимы совершенному человеку, включают в себя множество эгоистических, агрессивных и стяжательских характеристик, которые не имеют большой интеллектуальной ценности и в то же время враждебны многим моральным добродетелям.

У нас есть еще один стандарт — на этот раз скорее положительный, чем отрицательный, — который поможет нам определить эротический темперамент: феномены полового созревания. Расцвет полового созревания - это, по сути, проявление способности испытывать детумесценцию. Поэтому разумно предположить, что индивиды, у которых особые явления полового созревания развиваются наиболее заметно, - это те, у кого детумесценция, вероятно, будет наиболее интенсивной. Если это так, мы должны ожидать, что эротический темперамент будет отмечен развитой гортанью и глубоким голосом, значительной степенью развития пигментации волос и кожи, и заметной склонностью к волосатости; в то время как у женщин должен быть выраженный рост груди и таза.^[144]

Существует еще один стандарт, по которому мы можем измерить склонность индивида к детумесценции: наличие тех видов деятельности, которые наиболее заметно проявляются в процессе детумесценции. Индивидуум, то есть тот, кто органически наиболее склонен к

проявлению физиологической активности, которая в основном составляет процесс детумесценции, скорее всего, будет обладать ярко выраженным эротическим темпераментом.

"Эротичные личности относятся к моторному типу, - замечают Ващице и Вурпас, - и мы можем сказать в целом, что почти все люди моторного типа эротичны". Состояние детумесценции - это состояние двигательной и мышечной энергии и большой сосудистой активности, так что привычную энергию двигательных реакций и активное кровообращение можно разумно рассматривать как указание на склонность к проявлению детумесценции.

Таким образом, можно сказать, что эти три типа дают нам ценные, хотя и несколько общие указания. Индивидуум, наиболее удаленный от кастрированного типа, проявляющий в наиболее полной степени признаки, которые начинают проявляться в период полового созревания, и обнаруживающий физиологическую склонность к энергичному проявлению тех видов деятельности, которые проявляются во время детумесценции, наиболее вероятно, будет обладать эротическим темпераментом. Наиболее осторожное описание характеристик этого темперамента, данное современными научными авторами, в отличие от более подробных и рискованных описаний ранних физиологов, будет признано вполне соответствующим стандартам, представленным нам таким образом.

Мужчина сексуального типа, согласно Бьеренту (*La Puberté*, стр. 148), волосат, смугл и обладает глубоким голосом.

"Мужчины, наиболее подверженные сатириазу", - утверждает Бушери (ст. "Сатириазис", *Энциклопедический словарь медицинских наук*), "это люди с сильной нервной системой, развитой мускулатурой, обильными волосами на теле, смуглым цветом лица и белыми зубами".

Мантегацца в своей *"Физиологии Пьячере"* так описывает сексуальный темперамент: "Люди с нервным темпераментом, с тонкой и коричневой кожей, округлыми формами, большими губами и очень выступающей гортанью наслаждаются в целом гораздо большим, чем люди с противоположными характеристиками. Универсальная традиция, - добавляет он, - описывает как похотливых горбунов, карликов и вообще людей невысокого роста с длинными носами".

В случае нимфомании у молодой женщины, описанном Алибертом (и цитируемом Лейкоком, *Нервные заболевания женщин*, стр. 28), бедра и голени были удивительно пухлыми, в то время как грудь и руки были полностью истощены. В несколько похожем случае, описанном Марком в его *"Де ла Фоли"*, у крестьянки, которая с раннего возраста испытывала сексуальную гиперестезию, так что испытывала спазматические сладострастные чувства при виде мужчины и, таким образом, была жертвой одиночных эксцессов и спазматических движений, которые она не могла подавить, верхняя часть тела была очень худой, бедра, голени сильно развиты.

В своей работе о *воспалении матки и яичников* (1862, стр. 37) Тилт отмечает: "Беспокойный, застенчивый взгляд и меняющийся цвет лица в присутствии лица противоположного пола, а также нервное беспокойство тела, постоянное движение, повороты и верчение на диване или стуле - лучшие признаки сексуального темперамента".

Чрезвычайно чувственная маленькая девочка 8 лет, которая постоянно мастурбировала, когда за ней не наблюдали, хотя и воспитывалась монахинями, была описана Бусдраги (*Архив*

Психиатрии, fas. i, 1888, стр. 53) как имеющая каштановые волосы, яркие черные глаза, приподнятый нос, маленький рот, приятное круглое лицо, румяные щеки, пухлый и здоровый вид.

Высокоинтеллектуальная молодая итальянка с сильными и несколько извращенными сексуальными импульсами описывается как привлекательная внешность, с оливковым цветом лица, маленькими черными миндалевидными глазами, расширенными зрачками, наклонными тонкими бровями, очень густыми черными волосами, довольно выступающими скулами, сильно развитой челюстью и с обильным пушком на нижней части щек и верхней губе. (*Archivio di Psichiatria*, 1899, fasc. v-vi.)

Как тип чувственной женщины в словах и поступках, ведомую своими страстями к совершению различных сексуальных преступлений, описывает Оттоленги (*Archivio di Psichiatria*, vol. xii, fasc. v-vi, стр. 496) женщина 32 лет, которая пыталась убить своего любовника. Дочь родителей, которые были невротиками и сами были очень эротичными, она была высокоинтеллектуальной и жизнерадостной женщиной, с приятным и открытым лицом, очень густыми темно-каштановыми волосами, крупными скулами, жировыми ягодицами, почти напоминающими ягодицы готтентота, и очень густыми волосами на лобке. Она очень любила соленые блюда. Сексуальное влечение началось в возрасте 7 лет.

Адлер и Молл совершенно справедливо отмечают, что, по крайней мере, в том, что касается женщин, половую анестезию или сексуальную склонность нельзя безошибочно прочесть по чертам лица. Каждая женщина желает нравиться, а кокетство - признак холодного, а не эротического темперамента.^[145] Можно добавить, что значительная степень врожденной сексуальной анестезии никоим образом не мешает женщине быть красивой и привлекательной, хотя, вероятно, все же следует всегда говорить, что, как указывает Рубо,^[146] женщина холодного и интеллектуального темперамента, "женщина тет-а-тет", какой бы красивой и умелой она ни была, не может соперничать в борьбе за любовь с мужчиной. женщина, чьи качества исходят от сердца и эмоций. Но кажется достаточно очевидным, что практические наблюдения опытных наблюдателей сходятся в приписывании лицам эротического типа определенных общих характеристик, которые согласуются с теми негативными и позитивными стандартами, которые мы можем сформулировать на основе кастрации, полового созревания и детумесценции. Возможно, стоит вкратце отметить некоторые из этих характеристик.

Аномальное удлинение длинных костей в возрасте половой зрелости у кастрированных, как мы видели, очень выражено. Существует небольшая тенденция связывать длину конечностей с эротическим темпераментом, и определенное количество данных, а также более расплывчатых мнений указывают в противоположном направлении. Арабы, по-видимому, верят, что сексуальный инстинкт сильно развит скорее у низкорослых, чем у высоких людей, и мы читаем в "*Благоухающем саду*": "При любых обстоятельствах маленькие женщины больше любят коитус и проявляют более сильную привязанность к мужскому члену, чем женщины крупного роста". В своем тщательном расследовании преступлений Марро обнаружил, что проститутки и женщины, виновные в сексуальных преступлениях, а также мужчины-сексуальные преступники, как правило, невысокого роста и коренастые.^[147] В европейском фольклоре толстая бычья шея рассматривается как признак сильной сексуальности.^[148] Мантегацца говорит о сильном сексуальном темпераменте, связанном с задержкой или нарушением развития костей, и Марро

предполагает, что пресловутая непристойность рахитиков может быть вызвана повышенной активностью половых органов.^[149] Можно добавить, что акромегалия с ее чрезмерным разрастанием костей, как правило, связана с преждевременной сексуальной инволюцией.

Еще один момент, который часто упоминается в случае женщин, - это развитие основных вторичных половых органов: таза и молочных желез. Действительно, почти неизбежно, что должна существовать некоторая степень корреляции между способностью к вынашиванию детей и способностью к детумесценции. Реальность такой связи подтверждается не только медицинскими наблюдениями, но и получает дальнейшее подтверждение в народных верованиях. В Италии женщины с большими ягодицами считаются распутницами, а среди южных славян они считаются особенно плодовитыми.^[150] Блюменбах утверждал, что преждевременное оплодотворение увеличивает грудь, и полагал, что нашел доказательства этого среди молодых лондонских проституток.^[151]

Связь способности к детумесценции со склонностью к глубокому, а не высокому голосу, как у мужчин, так и у женщин, часто отмечалась и редко отрицалась. Наступление половой зрелости всегда влияет на голос; в целом, утверждает Бирент, чем более басовит голос, тем более выражено развитие полового аппарата; "очень крепкий мужчина с очень развитыми половыми органами и очень темной и обильной волосяной системой, одним словом, мужчина сильного полового созревания, почти всегда бас".^[152] Влияние сексуального возбуждения на понижение голоса демонстрируют правила сексуальной гигиены, предписанные тенорам, в то время как басу меньше нужно соблюдать аналогичные меры предосторожности. У женщин каждая фаза сексуальной жизни — половое созревание, менструация, коитус, беременность — имеет тенденцию влиять на голос, и всегда придавая ему более глубокий характер. Углубление голоса при половом акте было древнегреческим наблюдением, и Марциал ссылается на хорошее или плохое пение женщины как показатель ее недавних сексуальных привычек. У проституток, как правило, низкий голос. Вентури указывает, что замужние женщины сохраняют свежесть голоса до более преклонного возраста, чем старые девы, это связано с преждевременным старением у последних неиспользуемой функции. Такое явление указывает на то, что связь детумесценции с углублением голоса не совсем проста. На это дополнительно указывает тот факт, что у здоровых мужчин воздержание еще больше углубляет голос (у монаха из мелодрамы всегда басовитый голос), в то время как чрезмерное или преждевременное потворство сексуальным желаниям, как правило, ассоциируется с тем же детским голосом, который встречается у тех лиц, у которых половое созревание не зашло слишком далеко, или которые относятся к тому, что Гриффитс называет евнухоидным типом. Мальчики-идиоты, которые часто сексуально неразвиты, как правило, имеют высокий голос, в то время как девочки-идiotки (которые часто проявляют выраженные сексуальные наклонности) нередко обладают низким голосом.^[153]

Яркие расширенные глаза относятся к числу явлений детумесценции и очень часто отмечаются у лиц с ярко выраженным эротическим темпераментом. Это действительно древнее наблюдение, и Бертон говорит о людях с черными, живыми и искрящимися глазами: "без сомнения, они самые влюбчивые", рисуя свои иллюстрации в основном из классической литературы.^[154] Тардье описал эротичную женщину как обладательницу ярких глаз, а Хейвуд Смит утверждает, что глаза похотливых женщин напоминают, хотя и в меньшей степени, глаза безумных.^[155] Сексуальное возбуждение является одной из многих причин — интеллектуального возбуждения, боли, громкого шума, даже любого сенсорного раздражения, — которые вызывают расширение зрачков и глазной щели с некоторым выступанием глазного яблока.

Влияние половой системы на зрение, по-видимому, гораздо менее сильно у мужчин, чем у женщин.^[156] Сексуальное желание, однако, ни в коем случае не является единственным раздражителем в сексуальной сфере, который может таким образом влиять на глаза; болезненные раздражения могут вызывать тот же эффект. Милнер Фотергилл в своей книге о *несварении* желудка ярко описывает внешний вид глаз, которые иногда наблюдаются при заболевании яичников: "Блестящий блеск, который появляется из радужек некоторых женских глаз, является внешним признаком раздражения яичников, и "отблеск яичников" имеет свои особенности. Самый заметный случай, который когда-либо попадал в поле моего зрения, был вызван раздражением яичников, которые были прижаты к передней части матки и зафиксированы там спайками. Здесь было мало сексуальной склонности, но глаза были очень примечательны. Они непрестанно вспыхивали и сверкали, и временами из них вылетали идеальные молнии. Обычно в них присутствует яркий сверкающий блеск, который контрастирует с мертвенным видом радужек при сексуальном избытке или обильных маточных выделениях".

Активность железистых выделений, и особенно кожных, во время детумесценции позволяет нам ожидать, что такая секреторная активность является показателем способности к детумесценции. На самом деле, медицинские наблюдатели иногда, хотя и не часто, отмечают это. Утверждается, что эротический темперамент характеризуется особым запахом.^[157] Наблюдатели-медики редко ссылаются на активность потовых желез при описании лиц с эротическим темпераментом, хотя описания романистов нередко содержат намеки на этот момент, а литература более раннего периода показывает, что склонность к потоотделению, особенно влажные руки, считалась верным признаком чувственного темперамента. "Мокрорукая мадонна Империя, самое редкое и божественное создание", - замечает Лазарильо в комедии Миддлтона *"Болтайте, мастер-констебль"*, цитируя одну из многих аллюзий на этот момент в елизаветинской драме.

Губы иногда отмечаются как красные и вывернутые, возможно, толстые^[158]; Тардые заметил, что у типично эротичной женщины толстые красные губы. Это соответствует характерному типу сатира на классических статуях, как и на более поздних картинах; его губы всегда толстые и вывернутые. Полнота, покраснение и выворот губ коррелируют с хорошим дыханием, отсутствием анемии, смехом, полнокровным лицом.

Такой вид рта указывает, возможно, не столько на врожденный эротический темперамент, сколько на отказ от импульсивных порывов. Противоположный тип рта — с перевернутыми, тонкими и втянутыми губами — по-видимому, особенно часто встречается у людей, которые обычно подавляют свои импульсы по моральным соображениям. Любое усилие сдержать произвольное мышечное действие может привести к втягиванию губ: усилие преодолеть гнев или страх или даже сопротивление сильному желанию помочиться или испражниться. Однако у религиозных молодых людей это становится привычным и закрепленным. Я вспоминаю небольшую группу студентов-медиков, собравшихся вместе из крупной медицинской школы, которые привыкли собираться вместе для молитвы и чтения Библии; у большинства этот тип рта был очень заметен: бледные лица, с вытянутыми, втянутыми губами. Это можно назвать христианской или благочестивой *фацией*. Это гораздо реже наблюдается у религиозных женщин (если только они не мужского типа), несомненно, потому, что религия для женщин в гораздо меньшей степени, чем для мужчин, является моральной дисциплиной.

Можно добавить, что интересной формой такого сжатия губ, которая не является чисто репрессивной, является та, которая указывает на состояние мышечного напряжения, связанное с импульсом охранять. В этой форме сжатый рот является показателем нежности и характерен для матери, которая присматривает за младенцем, которого она кормит грудью. Я наблюдал точно такое же выражение на лице мальчика 14 лет с большой врожденной мошоночной грыжей; при осмотре опухоли его нижняя губа стянулась, под углами книзу появились четко выраженные линии, хотя верхняя губа сохранила свое нормальное выражение, это было именно то нежное выражение, которое мы можем видеть на лицах матерей, с тревогой наблюдающих за своими отпрысками, и эмоция, очевидно, одна и та же в обоих случаях: забота о чувствительном и нежно охраняемом объекте.

Степень пигментации явно коррелирует с сексуальной активностью. "В целом, - писал Хойзингер в 1823 году, - количество пигмента пропорционально функциональной эффективности половых органов". Эта связь настолько глубока, что ее можно проследить очень широко во всем органическом мире.

Связь между пигментацией и сексуальной активностью очень древняя. Даже если не принимать во внимание свадебную одежду животных, почти всегда великолепную по чешуе, оперению и шерсти, половое отверстие демонстрирует более или менее выраженную тенденцию пигментации в период размножения от рыб и выше, в то время как у млекопитающих более темная пигментация этой области является постоянным явлением у половозрелых особей.^[159]

У человеческого вида как отрицательный стандарт кастрации, так и положительный стандарт полового созревания одинаково указывают на корреляцию такого рода. У тех индивидуумов, у которых половое созревание никогда не развивается полностью и которые, как считается, подвержены инфантилизму, обнаруживается относительное отсутствие пигмента в половых центрах, которые в норме пигментированы в высокой степени.^[160] У тех азиатских народов, которые удаляют яичники у молодых девушек, кожа в промежности, вокруг заднего прохода и в подмышечных впадинах остается белой.^[161] Даже у зрелых женщин, перенесших овариотомию, как обнаружил Кеплер, пигментация сосков и ареол исчезает, а также промежности и заднего прохода, кожа приобретает поразительную белизну.

Обычно половые центры и, в значительной степени, отверстие половых органов представляют собой максимум пигментации, и при некоторых обстоятельствах это отчетливо видно даже в младенчестве. Таким образом, у детей со смешанной черной и белой кровью при рождении может не быть следов негритянского происхождения, но всегда будет повышенная пигментация наружных половых органов.^[162] Плавная линия, которая простирается от лобка до пупка и иногда до мечевидного хряща, представляет собой линию половой пигментации, которая иногда рассматривается как характеристика беременности, но, как обнаружил Андерсен из Копенгагена, обследовав несколько сотен детей обоего пола, она присутствует в легкой форме примерно у 75% среди молодых девочек и почти в такой же степени среди мальчиков. Но нет сомнений в том, что это имеет тенденцию увеличиваться с возрастом, а также становиться заметным при беременности. В период полового созревания наблюдается общая тенденция к изменениям пигментации; так, Годин обнаружил, что у 28% подростков в этот период произошли изменения в глазах и волосах: волосы стали темнее, хотя глаза иногда становились светлее. Аммон в своем исследовании призывников в возрасте 20 лет (*сообщение*, стр. 196) обнаружил важный факт, что глаза и волосы темнеют *pari passu* с половым развитием. У женщин

во время менструации наблюдается общая тенденция к пигментации; это особенно очевидно вокруг глаз, и в некоторых случаях в этом месте образуются черные кольца истинного пигмента. Даже кожа негритянок Лоанго иногда становится на несколько тонов темнее во время менструации.^[163] Во время беременности эта тенденция к пигментации достигает своего апогея. Беременность постоянно приводит к появлению пигментации лица, шеи, сосков, живота, и это особенно заметно у brunetок.

Эта связь пигментации и сексуальных склонностей была признана в народных преданиях некоторых народов. Так, сицилийцы, которые восхищаются смуглой кожей и не любят ни светлую кожу, ни светлые волосы, считают, что белая женщина неспособна ответить на любовь. Именно смуглая женщина испытывает любовь; как говорится на сицилийском диалекте: "Fimmina scura, fimmina amurusa".^[164]

Зависимость пигментации от половой системы подтверждается тем фактом, что раздражения половых органов в результате болезни часто бывает достаточно, чтобы вызвать высокую степень пигментации. Это может быть шея, туловище, руки. Симпсон давно заметил, что раздражение матки помимо беременности может вызывать пигментацию ареол сосков (*Акушерские работы*, том I, стр. 345). Энгельманн обсудил этот предмет и привел примеры "Истероневрозов", стр. 124-139, в "*Гинекологических трудах*", vol. xii, 1887; а краткое изложение мемуаров Фуке на эту тему в "*La Gynécologie*", февраль 1903 г., можно найти в "*British Medical Journal*", 28 марта 1903 г.,

Из всех физических черт энергичность волосистой системы, пожалуй, чаще всего рассматривалась как показатель сильной сексуальности. В этом вопросе современные медицинские наблюдения совпадают с распространенным мнением и древними физиогномическими утверждениями.^[165] Отрицательный тест на кастрацию и положительный тест на половое созревание указывают в одном направлении.

Именно в период полового созревания начинают расти все волосы на теле, за исключением волос на голове; действительно, само слово "половое созревание" относится к этому росту как к наиболее очевидному признаку всего процесса. Когда кастрация происходит в раннем возрасте, все это развитие опущенных волос приостанавливается. Когда первичные половые органы неразвиты, половые волосы также не развиты, как в случае, зарегистрированном Plant,^[166] у девочки с рудиментарной маткой и яичниками, у которой было мало или совсем не было подмышечных и лобковых волос, хотя волосы на голове были длинными и крепкими.^[167]

Псевдо-Майкл Скот из *Signa mulieris calidae naturæ et quæ coit libenter* заявил, что ее волосы, как на голове, так и на теле, густые, жесткие и хрустящие, а Делла Порты, величайший из физиогномистов, сказал, что густота волос у женщин означает распутство. Венетт в своей книге "*Поколение человека*" заметил, что мужчины, у которых на теле много волос, наиболее влюбчивы. В более недавний период Рубо сказал, что лобковые волосы по их количеству, цвету и кудрявости являются показателем генитальной энергии. С другой стороны, слабую волосистую систему Рубо рассматривал как вероятное, хотя и не неопровержимое доказательство сексуальной фригидности у женщин. "У холодной женщины волосистой покров примечателен вялостью своей жизненной силы; волосы светлые, нежные, редкие и гладкие, в то время как у пылких натур на висках есть маленькие вьющиеся пучки". (*Traité de l'Impuissance*, pp. 124, 523.)

Мартино заявил (*Исследования по формированию вульвы*, стр. 40), что "чем более развиты половые органы, тем обильнее покрывающие их волосы; обилие волос, по-видимому, связано с совершенным развитием органов". Тардые описал типично эротичную женщину как очень волосатую.

Берг обнаружил, что среди 2200 молодых датских проституток те, у кого были необычно длинные волосы на лобке, включали нескольких женщин, которые, как считалось, были либидозны в очень высокой степени. (Берг, "Symbolæ" и др., *Hospitalstidende*, август 1894 г.) Мораглия, опять же, в Италии, описывая различных женщин, в основном проституток, с необычайно сильными сексуальными наклонностями, неоднократно отмечает очень густые волосы с пушком на лице. (*Archivio di Psichiatria*, vol. xvi, fasc. iv-v.)

Марро также в Италии обнаружил, что обилие волос и пуха особенно заметно у женщин, виновных в детоубийстве (как также обнаружил Пасини), хотя, по его опыту, женщины-преступницы обычно имеют аномально обильные волосы. (*Caratteri del Delinquenti*, cap. XXII.) Ломброзо считает, что проститутки обычно имеют тенденцию быть волосатыми (*Donna Delinquente*, стр. 320.)

Мальчик 14 лет, виновный в многочисленных насильственных преступлениях сексуального характера, описан Артуром Макдональдом в Америке как имеющий волосы на груди, а также по всему лобку. (А. Макдональд, *Архив криминологии*, январь 1893 г., стр. 55.) Связь волосатости с ненормальной сексуальностью у слабоумных была отмечена в Bicêtre (*Клинические исследования Эпилепсии*, vol. xix, стр. 69, 77)

Универсальный гипертрихоз, общая волосатость тела, был описан Касцеллой у женщины с очень сильными сексуальными желаниями, которая в конце концов сошла с ума. (*Revista Mensile di Psichiatria*, 1903, p. 408.) Бакнил и Тьюк приводят случай религиозно настроенной девушки с очень сильными и подавляемыми сексуальными желаниями, которая сошла с ума; единственной ненормальной чертой в ее физическом развитии был заметный рост волос по всему телу.

Брантом ссылается на известную ему знатную даму, чье тело было очень волосатым, и цитирует высказывание о том, что волосатые люди либо богаты, либо распутны; дама, о которой идет речь, добавляет он, была и тем, и другим. (Brantôme, *Vie des Dames Galantes*, Discours II.)

Де Сад, чьи труды сейчас считаются сокровищницей истинных наблюдений в области сексуальной психологии, изображает Родена *Жюстин* смуглой, с густыми волосами и бровями, в то время как его очень сексуальная сестра описывается как смуглая, худая и очень волосатая. (Dühren, *Der Marquis de Sade*, third edition, p. 440.)

Корреспондент, который всегда проявлял особый интерес к состоянию волосатости женщин, к которым его привлекали, прислал мне заметки, касающиеся серии из 12 женщин. Из этих заметок можно сделать вывод, что 5 женщин не были ни заметно сексуальными, ни заметно волосатыми (ни на голове, ни на лобке), в 6 случаях были как волосатые, так и сексуальные, 1 была сексуальной, но не волосатой, ни одна не была волосатой и не была сексуальной. Мой корреспондент замечает: "Могут быть женщины со скудными волосами на лобке, испытывающие очень сильные сексуальные эмоции. Мой собственный опыт свидетельствует об обратном". Он также независимо пришел к выводу, к которому пришли многие медицинские

наблюдатели и который ясно подтверждается некоторыми приведенными здесь фактами, что обильная растительность часто указывает на невротический темперамент.

Можно добавить, что у Мирабо, как мы узнаем из анекдота, рассказанного очевидцем и записанного Легуве, была очень волосатая грудь, то же самое зафиксировано и у Рестифа де ла Бретонна.

Это очень древнее и популярное поверье, что если волосатый мужчина не чувственен, то он силен: *волосяной покров без либидиноза и крепости*. Греки настаивали на волосатых затылках Геркулеса, и Нинон де л'Энкло, когда великий Конде делил с ней ложе, не прикасаясь к ней, заметила, увидев его волосатое тело: "Ах, монсеньор, зачем вам девиз- крепость!" Можно усомниться в том, существует ли какая-либо точная параллель между мышечной силой и волосатостью, поскольку сила в значительной степени зависит от тренировок, но не может быть никаких сомнений в том, что волосатость действительно имеет тенденцию ассоциироваться с общим энергичным развитием тела.

Хотя наблюдения, касающиеся волосатости тела как показателя бодрости, будь то сексуальной или только общефизической, очень древние, до недавних пор не предпринималось попыток крупномасштабно продемонстрировать, действительно ли существует корреляция между волосатостью и сексуальным или общим развитием организма. Поэтому определенное значение придается тщательным наблюдениям Аммона за многими тысячами призывников в Бадене. Эти наблюдения полностью подтверждают это древнее поверье, поскольку показывают, что, с одной стороны, размер яичек, а с другой - обхват груди и телосложение коррелируют с волосатостью тела.

Наблюдения Аммона были проведены почти над 4000 призывниками в возрасте от 20 лет. С точки зрения общей системы он разделил их на четыре класса:

- I. К которому принадлежали 6,1% мужчин с гладкими телами.
- II. Включая 25,3%, только незначительная волосатость.
- III. 53,8%, более развитая волосяная система, но живот, грудь и спина гладкие.
- IV. 14,7%, волосы по всему телу.
- V. 0,1%, крайние случаи волосатости.

Безбородых было 12,1%, у тех, у кого не было волос в подмышечных впадинах, - 9%, у тех, у кого не было волос на лобке, - 0,4%. Это соответствует тому факту, что волосы появляются первыми на лобке и в последнюю очередь на подбородке.

В первом классе 69% были безбородыми, 54% - без волос в подмышечных впадинах и 6% - без волос на лобке. Во втором классе 24% были безбородыми, у 17% не было волос в подмышечных впадинах. В третьем классе 3% были безбородыми и 3% - без волос в подмышечных впадинах.

До наступления половой зрелости диаметр яичек составляет менее 14 миллиметров. У 13 призывников диаметр яичек составлял менее 14 миллиметров. Все эти инфантильные индивидуумы принадлежали к первым трем классам и в основном к первому. Средний диаметр яичек в первом классе составлял почти 24 миллиметра и постепенно увеличивался в последующих классах до более чем 26 миллиметров в четвертом.

Несмотря на то, что разница в росте была небольшой, первый класс был самым низкорослым, четвертый - самым высоким. Четвертый класс также показал наибольший объем груди. Головной индекс всех классов составлял 84. (О. Аммон, "Инфантилизм и феминизм в Совете по развитию", *L'Anthropologie*, май-июнь 1896 г.)

Таким образом, мы видим, что вполне оправданно допускать тип личности, обладающий более чем средней склонностью к детумесценции. Такие люди, скорее всего, будут невысокими, чем высокими; у них будут полностью развиты вторичные половые признаки; голос будет, как правило, глубоким, а глаза яркими; активность желез кожи, вероятно, будет выражена, губы вывернуты; имеется тенденция к более чем средней степени пигментации, и часто наблюдается аномальное преобладание волос на некоторых частях тела. Хотя нельзя сказать, что ни один из этих признаков, взятых по отдельности, не имеет какой-либо необходимой связи с сексуальным влечением, взятые вместе, они указывают на организм, который реагирует на инстинкт детумесценции с особой склонностью или с заметной энергией. В этом отношении наблюдения, как научные, так и популярные, согласуются с вероятностями, предполагаемыми тремя стандартами в этом вопросе, которые уже были изложены.

Однако никакое обобщение здесь не может быть сформулировано абсолютным и безоговорочным образом. Существуют определенные причины, почему это должно быть так. Существует, например, чрезвычайно важное соображение о том, что сексуальное влечение индивидуума может проявляться двумя совершенно различными способами. Оно может приобретать известность из-за того, что индивид обладает очень сильным и хорошо питаемым организмом, или же его известность может быть вызвана психическим раздражением у очень болезненного индивидуума. В последнем случае — хотя иногда два набора условий сочетаются — большинство признаков, которые мы могли бы ожидать в первом случае, могут отсутствовать. Действительно, сексуальные импульсы, проистекающие из болезненной психической раздражительности, в большинстве случаев вообще не указывают на какую-либо особую склонность к детумесценции; в этом в значительной степени заключается их болезненный характер.

Опять же, точно так же, как сам преувеличенный импульс может быть либо здоровым, либо болезненным, так и различные признаки, которые, как мы обнаружили, обладают некоторой ценностью как признаки импульса, сами по себе могут быть либо здоровыми, либо болезненными. Особенно это касается аномального роста волос на теле, особенно когда он появляется в тех областях, где обычно волос мало или их вообще нет. Такой гипертрихоз часто носит дегенеративный характер, хотя все еще часто связан с половой системой. Однако, когда это, таким образом, дегенеративный признак сексуальной природы, берущий начало в каком-либо ненормальном состоянии матки или более поздней атрофии яичников, это не является необходимым признаком какой-либо склонности к детумесценции.

Идиотки, особенно, казалось бы, идиотки-девочки, как правило, демонстрируют высокоразвитую волосатую систему. Так, Вуазен, исследуя 150 идиотов и слабоумных девочек, обнаружил, что волосы у них длинные и густые и имеют тенденцию занимать большую поверхность; у одной девочки были волосы на ареолах матки. (Ж. Вуазен, "Структура женских органов у идиотов", *Annales d'Hygiène Publique*, июнь 1894 г.) Следует сказать, что у мальчиков-идиотов половое созревание наступает поздно, и половые органы, а также половой инстинкт

часто неразвиты, в то время как у девочек-идиотов задержки полового созревания нет, а половые органы и инстинкт часто развиты полностью и даже ненормально.

Хегар описал интересный случай, демонстрирующий связь полового происхождения между сексуальной аномалией и ненормальной волосатостью. В этом случае у девочки 16 лет было двойное расширение матки, инфантильный таз, очень слабые менструации и неразвитая грудь. У нее было очень волосатое лицо, передняя часть груди и живота, половые органы и бедра, но не особенно волосатое остальная часть тела. Волосы были лануго-подобного характера, но темного цвета. (А. Негар, *Руководство по Гебуртшюльфе и гинекологии*, том i, стр. III, 1898.) Иногда кожные высыпания на лице и животе начинают появляться во время беременности, очевидно, из-за заболевания или дегенерации яичников. (Случай отмечен в *Британском медицинском журнале*, 2 и 16 августа, стр. 375 и 436, 1902.) Лейкок много лет назад сослался на распространенное мнение о том, что женщины, у которых есть волосы на верхней губе, редко рожают детей, и расценил это мнение как "бесспорное, основанное на фактах". (Лейкок, *Нервные заболевания женщин*, стр. 22.) Если это так, мы можем предположить, что аномальный рост волос связан с дегенерацией яичников.

Есть еще один фактор, который связан с этим вопросом и делает определение физического сексуального типа менее точным, чем оно было бы в противном случае. Сексуальный инстинкт присущ всем людям, и хотя кажется вероятным, что существует тип людей, у которых преобладает сексуальная энергия, также может показаться, что люди, которые в остальном демонстрируют очень высокий уровень энергии в жизни, обычно проявляют более чем средний уровень энергии в вопросах любви. Преимущественно половой тип, как мы видели, имеет тенденцию ассоциироваться с высокой степенью пигментации; человек, особенно склонный к детумесценции, склонен принадлежать скорее к смуглой, чем к чисто белокурой группе населения. С другой стороны, активный, энергичный, практичный мужчина, наиболее склонный к достижению успеха в жизни, как правило, принадлежит к светлому, а не к смуглому типу.^[168] Таким образом, мы имеем определенный конфликт тенденций, и становится возможным утверждать, что, в то время как люди с ярко выраженной склонностью к сексуальному распаду, как правило, темноволосы, люди, чья ярко выраженная энергия в сексуальных вопросах имеет тенденцию обеспечивать успех, с наибольшей вероятностью будут светловолосыми.

Склонность светлого энергичного типа, типа североευропейского мужчины, к сексуальности может быть связана с тем фактом, что жестокий и преступный мужчина, совершающий сексуальные преступления, имеет тенденцию быть светлым даже среди темнокожего населения. Преступники в целом, по-видимому, склонны быть скорее темноволосыми, чем светловолосыми; но Марро обнаружил в Италии, что группа сексуальных преступников отличалась от всех других групп преступников тем, что их волосы были преимущественно светлыми. (*Caratteri del Delinquenti*, p. 374.) Точно так же Оттоленги, обследовав 100 сексуальных преступников, обнаружил, что у них было 17% светлых волос, хотя у преступников в целом (по данным почти 2000 человек) их было всего 6%, а у нормальных людей (почти 1000 человек) - 9%. Аналогичным образом, в то время как у нормальных людей было только 20% голубых глаз, а у преступников обычно 36%, у сексуальных преступников было 50% голубых глаз. (Ottolenghi, *Archivio di Psichiatria*, fasc. vi, 1888, p. 573.) Бертон заметил (*Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел II, Воспоминания. II, подзаголовки. II) что во все века большинство влюбленных молодых людей были желтоволосыми, добавляя: "Синезий считает, что каждый женоподобный

парень или прелюбодей светловолос". В фольклоре это было отмечено (Κρυπτάδης, vol. ii, с. 258), рыжие или желтые волосы иногда рассматриваются как признак сексуальности.

В соответствии с этой справедливостью, сексуальные преступники, по-видимому, более долихоцефальны, чем другие преступники. В Италии Марро обнаружил, что лоб у сексуальных преступников узкий, а в Калифорнии Драмс обнаружил, что в то время как у убийц средний головной индекс равен 83,5, а у воров - 80,5, у сексуальных преступников он равен 79.

С другой стороны, высокие скулы и широкие лица - состояние, наиболее часто встречающееся при брахицефалии, — иногда отмечались как связанные с чрезмерной или насильственной сексуальностью. Марро отметил чрезмерно выступающие скулы у сексуальных преступников, а в Америке было обнаружено, что у нецеломудренных девушек, как правило, широкие лица. (*Педагогическая семинария*, декабрь 1896 г., стр. 231, 235.)

Будет видно, что при всестороннем рассмотрении соответствующих фактов и соображений возможно получить более определенную и связную картину физических признаков выраженной склонности к детумесценции, чем это обычно считалось возможным до сих пор. Но мы также видим, что, хотя ансамбль этих признаков, вероятно, довольно надежен как показатель выраженной сексуальности, отдельные признаки не имеют такого определенного значения, и при некоторых обстоятельствах их значение может даже меняться на противоположное.

[144] См. Бьерент, *Период полового созревания*; Марро, *Период полового созревания* (и увеличенный французский перевод, *Период полового созревания*) и фрагменты *Юности*; также Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина* (четвертое издание, исправленное и дополненное).

[145] Adler, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, p. 174; Moll, "Perverse Sexualempfindung, Psychische Impotenz und Ehe" (Section II), in Senator and Kaminer, *Krankheiten und Ehe*.

[146] Рубо, *Характеристика власти*, стр. 524.

[147] Марро, *Карактери дель Правонарушенти*, стр. 374.

[148] Κρυπτάδης, vol. ii, стр. 258.

[149] Марро, *La Pubertà*, стр. 196. В Италии чувственность хромых является предметом притч.

[150] *Archivio di Psichiatria*, 1896, p. 515; Κρυπτάδης, vol. vi, стр. 212.

[151] Блюменбах, *Антропологические трактаты*, стр. 248.

[152] Biérent, *La Puberté*, стр. 148.

[153] Вентури, *Психологическая дегенерация*, стр. 408-410.

[154] *Анатомия меланхолии*, Часть III, Раздел II, Воспоминания. II, Подраздел II.

[155] *Британский гинекологический журнал*, февраль 1887 г., стр. 505.

[156] Пауэр, *Ланцет*, 26 ноября 1887г.

[157] Что касается сексуальных связей личного запаха, смотрите предыдущий том этих исследований, "Половой отбор у человека", раздел, посвященный запаху.

[158] В европейском фольклоре толстые губы у женщины иногда рассматриваются как признак чувственности, Κρυπτάδια, vol. ii, с. 258.

[159] Прямая зависимость половой пигментации от первичных половых желез хорошо проиллюстрирована настоящим взрослым вьюрком-гермафродитом, выставленным в Академии наук Амстердама (31 мая 1890 г.); у этой птицы были семенники с правой стороны и яичник с левой, а с правой стороны ее оперение было цвета самца, с левой - цвета самки.

[160] См., например,, Папийо, *Бюллетень Общества антропологии*, 1899, стр. 446.

[161] Гинар, статья "Кастрация", *Физиологический словарь Рише*.

[162] Дж. Уитридж Уильямс, *Акушерство*, 1903, стр. 132.

[163] *Журнал по этнологии*, 1878, стр. 19.

[164] С. Питре, *Популярная медицина Сицилии*, стр. 47. В Англии, судя по заметкам, присланным мне одним корреспондентом, соотношение темноволосых и сексуально склонных женщин к светловолосым и сексуально склонным женщинам составляет 3 к 1. Опыт других людей, несомненно, дал бы различные результаты, и в любом случае ошибок здесь множество. Смотрите в предыдущем томе этих исследований, "Половой отбор у человека", раздел IV.

[165] В Японии, по-видимому, придерживаются того же мнения. На обнаженной фигуре, изображающей типичную чувственную женщину японской художницы Маругамы Окио (воспроизведена в "Дас Вейб"Плосса), лобковые и подмышечные волосы обильные, хотя в Японии обычно редкие.

[166] *Centralblatt für Gynäkologie*, No. 9, 1896.

[167] Важно помнить, что в этом вопросе существует небольшая корреляция между волосами на голове и сексуальными волосами, если не сказать определенное противопоставление. (См. ante, стр. 127.) Согласно одному из афоризмов Гиппократ, повторенных Бюффоном, евнухи не лысеют, а Аристотель, похоже, считал, что причиной облысения у мужчин является половой акт. (Лейкок, *Нервные заболевания женщин*, стр. 23.)

[168] Некоторые доказательства по этому поводу см. Хэвелок Эллис, "Сравнительные способности светлых и темных", *Ежемесячное обозрение*, август 1901 г.; ср. id., *Исследование британского гения*, глава X.

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ.

Содержание

Взаимосвязь материнских и сексуальных эмоций—Зачатие и потеря девственности—Издrevле принятые признаки этого состояния—Повсеместное воздействие беременности на организм—

Пигментация—Кровь и кровообращение—Щитовидная железа—Изменения в нервной системе—Рвота при беременности—Страстные желания беременных женщин—Материнские впечатления—Доказательства за и против их обоснованности—Вопрос все еще открыт—Несовершенство наших знаний—Значение беременности.

Анализируя сексуальное влечение, я до сих пор намеренно не обращал внимания на материнский инстинкт. Это необходимо, поскольку материнский инстинкт специфичен и обособлен; он направлен на достижение цели, которая, как бы тесно она ни была связана с собственно сексуальным влечением, никоим образом не может быть смешана с ним. И все же эмоция любви, в том виде, в каком она, наконец, развилась в мире, имеет не только сексуальное происхождение; она частично сексуальна, но и частично родительская.^[169]

В той мере, в какой оно родительское, оно, безусловно, в основном материнское. В Лувре есть рисунок Бронзино, изображающий женскую голову, с нежностью вззирающую на какой-то невидимый предмет; это ее ребенок или возлюбленный? Несомненно, это ее ребенок, но выражение лица в равной степени соответствует эмоциям, вызываемым любовником. Если бы мы здесь конкретно имели дело с эмоцией любви как сложным целым, а не с психологией сексуального влечения, то, безусловно, было бы необходимо обсудить материнский инстинкт и связанные с ним эмоции. В любом случае, представляется желательным коснуться психического состояния беременности, поскольку нас здесь интересуют не только эмоции, очень тесно связанные с сексуальными эмоциями в более узком смысле, но мы здесь, наконец, приближаемся к тому состоянию, достижение которого является целью всего сексуального процесса.

В цивилизованной жизни между установлением сексуальных отношений и наступлением зачатия может пройти период в недели, месяцы и даже годы. В первобытных условиях потеря девственности практически влечет за собой беременность, так что в первобытных условиях очень мало внимания уделяется состоянию, столь распространенному среди цивилизованных народов, женщины, которая больше не девственница, но еще не собирается становиться матерью.

Представляет определенный интерес отметить признаки потери девственности, на которые в основном ссылались древние авторы. При этом удобно следовать в основном полному изложению авторитетных источников, приведенному Шуригом в его "*Бартенологии*" в начале восемнадцатого века. Древний обычай, известный в классические времена, измерять шею на следующий день после свадьбы часто практиковался, чтобы определить, была ли девушка девственницей. Для этого существовали различные способы. Один из них состоял в том, чтобы измерить ниткой окружность шеи невесты перед тем, как она ляжет спать в первую брачную ночь. Если утром та же самая нитка не обвивалась вокруг ее шеи, это был верный признак того, что она потеряла девственность ночью; если нет, то она все еще была девственницей или была лишена девственности в более ранний период. Катулл упоминал об этом обычае, который все еще существует или существовал до недавнего времени на юге Франции. Он совершенно обоснован, поскольку основан на интимной реакции гиперемии щитовидной железы на сексуальное возбуждение. (*Партенология*, стр. 283; Бирент, *Период полового созревания*, стр. 150; Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, четвертое издание, стр. 267.)

Некоторые говорят, говорит нам Шуриг, что голос, который у девственницы пронзительный, становится грубее и глубже после первого коитуса. Он цитирует заявление Риолана о том, что, несомненно, голос тех, кто предается похоти, изменился. По этой причине древние привязывали пенис своим певцам, и Марциал говорил, что те, кто хочет сохранить свой голос, должны избегать полового акта. Демокрит, который однажды приветствовал девушку как "деву", на следующий день обращался к ней как к "женщине", в то время как точно так же говорится, что Альберт Великий, наблюдая из своего кабинета за девушкой, идущей за вином для своего господина, понял, что у нее был половой акт, потому что по возвращении ее голос стал глубже. Здесь, опять же, древнее поверье имеет под собой прочную основу, поскольку сексуальные условия действительно влияют на голос и гортань. (*Партенология*, стр. 286; Марро, *Период полового созревания*, стр. 303; Хэвелок Эллис, указ. соч., стр. 271, 289.)

Другие, опять же, продолжает Шуриг, пришли к выводу, что козлий запах, исходящий из подмышечных впадин во время венерического акта, также является несомненным признаком дефлорации, такой запах ощущается теми, кто много использует венерические средства, и нередко у блудниц и новобрачных, в то время как, как сказал Гиппократ, он не ощущается мальчиками и девочками. (*Партенология*, стр. 286; ср. предыдущий том этих исследований, "Половой отбор у человека", стр. 64.)

У девственниц, замечает Шуриг, волосы на лобке, как говорят, длинные и не скрученные, в то время как у женщин, привыкших к половому акту, они более жесткие. Но некоторые авторы добавляют, что только после длительного и многократного коитуса волосы на лобке становятся жесткими. Следует отметить, что некоторые недавние наблюдатели отметили связь между сексуальным возбуждением и состоянием волос на лобке у женщин. (Ср. настоящий том, начало стр. 127.)

Признаком, которому древние авторы часто придавали большое значение, была струя мочи. В "О секретном мышлении", ошибочно приписываемом Альберту Великому, утверждается, что "девственница мочится выше, чем женщина". Риолан в своей *Антропологии*, обсуждая способность девственниц выделять мочу в большом количестве, утверждает, что Скалигер наблюдал, как девственницы выбрасывают мочу высокой струей на стену, но замужние женщины редко могли это делать. Буациолус также заявил, что моча девственниц выделяется небольшой струйкой на расстояние с резким шипящим звуком. (*Партенология*, стр. 281.) Вера фольклора в реальность этого влияния подтверждается уже упоминавшимся пикардийским графом (*ante*, стр. 53) "La Princesse qui pisse au dessus les Meules". Несомненно, различные стрессы сексуальной жизни имеют тенденцию оказывать влияние в этом направлении, хотя они действуют слишком медленно и неуверенно, чтобы быть надежным показателем наличия или отсутствия девственности.

Еще одно распространенное древнее испытание девственности с помощью мочеиспускания покоится на психической основе и проявляется в различных формах, которые на самом деле все сводятся к одному и тому же принципу. Так, в "О секретных материалах" говорится, что для определения того, соблазнена ли девушка, ей следует дать поесть измельченных в порошок цветов крокуса, и если ее соблазнили, она немедленно мочится. Мы здесь рассматриваем самовнушение, и вполне можно поверить, что с нервными и доверчивыми девушками этот тест часто раскрывал правду.

Еще одним критерием девственности, обсуждаемым Шуригом, является наличие скромности на лице. Если женщина краснеет, ее добродетель в безопасности. Говорят, что таким образом девушки, которые сами побывали на брачном ложе, обнаруживают девственность. Глаза девственницы опущены и почти неподвижны, в то время как у той, кто познал мужчину, глаза яркие и быстрые. Но этот признак двусмыслен, говорит Шуриг, поскольку девочки разные и могут симулировать скромность, которой они не чувствуют. Тем не менее, этот признак также опирается на фундаментально прочную психологическую основу. (См. "Эволюцию скромности" в первом томе *этих исследований*.)

В своей *Силлепсиологии* (раздел V, глава. I-II), опубликованной в 1731 году, Шуриг далее обсуждает древнеизвестные признаки беременности. Реальные или воображаемые признаки беременности, к которым стремились различные первобытные народы прошлого и настоящего, сведены воедино Плоссом и Бартельсом, "*Дас Вайб*", bd. i, глава XXVII.

Однако наступление беременности как в физическом, так и в психическом плане является отдельным событием. Оно знаменует начало непрерывного физического процесса, который не может не проявляться в психических реакциях. Появился великий центр жизнедеятельности — практически новый центр, поскольку ранее существовала только его зародышевая форма в виде менструации, — который воздействует на весь организм. "С того момента, как эмбрион вселяется в женщину, - говорит Роберт Барнс, - поражается каждая капля крови, каждая клеточка, каждый орган".^[170]

Одна женщина-художник однажды заметила доктору Стратц, что, поскольку конечная цель женщины - стать матерью, а беременность, таким образом, является временем ее расцвета, красивая женщина должна быть самой красивой, когда она беременна. Это так, ответила Стратц, если момент ее наивысшего физического совершенства соответствует ранним месяцам беременности, поскольку с началом беременности ускоряется обмен веществ, цвет кожи становится более живым и нежным, грудь более упругой.^[171] Беременность действительно часто становится заметной вскоре после зачатия по более ярким глазам, более живому взгляду в результате большей сосудистой активности, хотя позже, с увеличением нагрузки, лицо может иметь тенденцию становиться несколько тонким и искаженным. Волосы, утверждает Барнс, приобретают новую силу, даже если они, возможно, выпадали раньше. Температура повышается; вес увеличивается, даже если не учитывать рост плода. Расцвет беременности проявляется, как у распускающегося и оплодотворенного цветка, усиленной пигментацией.^[172] Соски с ареолами и средняя линия живота становятся темнее; коричневые пятна (лентиго), как правило, появляются на лбу, шее, руках и туловище; в то время как полосы - сначала сине—красные, затем ярко-белые — появляются на животе и бедрах, хотя их вряд ли можно назвать нормальными, поскольку их не видно у женщин, очень эластичная кожа и они редки среди крестьян и дикарей.^[173] Вся осанка женщины имеет тенденцию меняться по мере развития могучего мужского семени, посаженного внутри нее; она имитирует горделивую осанку с выгнутой спиной и выпяченным животом.^[174] Беременная женщина поднялась над уровнем обычного человечества, чтобы стать шкатулкой с бесценной драгоценностью.

Именно в крови и системе кровообращения обнаруживаются самые ранние из наиболее заметных симптомов беременности. Постоянно растущее развитие этого нового очага сосудистой активности влечет за собой усиление сосудистой активности во всем организме.

Эта активность присутствует в молочных железах почти с самого начала — через несколько дней после оплодотворения плодного яйца — и быстро становится очевидной при осмотре и пальпации. Прежде довольно пассивный орган, грудь теперь быстро увеличивается в активности кровообращения и размерах, в то время как вокруг сосков начинают происходить определенные характерные изменения.^[175] В результате дополнительной нагрузки сердце имеет тенденцию слегка гипертрофироваться, чтобы выдержать дополнительную нагрузку; также может наблюдаться некоторое расширение.^[176]

Недавние исследования Стенгеля и Стэнтона, как правило, показывают, что увеличение работы сердца во время беременности менее значительно, чем обычно предполагалось, и что, за исключением некоторого увеличения и дилатации правого желудочка, гипертрофии сердца обычно не наблюдается.

Общее количество крови увеличивается. Несмотря на увеличение количества, качество крови в целом несколько ухудшается, хотя по этому вопросу существуют значительные расхождения во мнениях. Таким образом, что касается гемоглобина, некоторые исследователи обнаружили, что старая идея о недостатке гемоглобина во время беременности совершенно необоснованна; некоторые даже обнаружили, что гемоглобин повышен. Большинство специалистов обнаружили, что количество эритроцитов уменьшено, хотя у некоторых лишь незначительно, в то время как количество лейкоцитов, а также фибрина увеличено. Но ближе к концу беременности наблюдается тенденция, возможно, из-за установления компенсации, к возвращению крови к нормальному состоянию.^[177]

Однако представляется вероятным, что сосудистые явления беременности не совсем так просты, как следует из приведенного выше утверждения. Активность различных желез в это время — хорошо иллюстрируемая заметным слюноотделением, которое иногда возникает, — указывает на то, что действуют другие модифицирующие силы, и было высказано предположение, что изменения в кровообращении матери во время беременности лучше всего можно объяснить теорией о том, что во время беременности в кровь в необычной степени выбрасываются два противоположных вида секрета: один сужает сосуды, другой их расширяет, иногда один или другой берет верх. Супраренальный экстракт при приеме внутрь оказывает сосудосуживающее действие, а экстракт щитовидной железы - сосудорасширяющее; можно предположить, что в организме эти железы выполняют сходные функции.^[178]

О важной роли, которую играет щитовидная железа, свидетельствует ее заметная активность в самом начале беременности. Вероятно, мы можем связать общую тенденцию к расширению сосудов на ранних сроках беременности со склонностью к зобу; Фрейнд обнаружила увеличение щитовидной железы в 45% из 50 случаев. Щитовидная железа относится к тому же классу желез внутренней секреции, что яичник, и, как настаивали Блэнд Саттон и другие, аналогии между щитовидной железой и яичником очень многочисленны и значимы. Можно добавить, что в последние годы Арман Готье отметил важность щитовидной железы для выработки нуклеопротеидов, содержащих мышьяк и йод, которые поступают в кровоток во время менструации и беременности. Это действительно влияет на весь обмен веществ в организме, и на последнем этапе беременности изучение приема пищи и выхода из организма показало, что происходит накопление азота и даже воды.^[179] Женщина, по выражению Пинара,

формирует ребенка из своей собственной плоти, а не просто из пищи; индивидуум приносится в жертву виду.

Изменения в нервной системе беременной женщины соответствуют изменениям в сосудистой системе. Наблюдается такое же повышение активности, усиление напряжения. Бруно Вольфф из экспериментов на суках пришел к выводу, что центральная нервная система женщин, вероятно, легче возбуждается у беременных, чем у небеременных, хотя он не был готов назвать эту мозговую возбудимость "специфической".^[180] Непосредственные наблюдения за беременными женщинами, без сомнения, показали повышенную нервную возбудимость. Рефлекторное действие обычно усиливается. Нейман исследовал судороги коленного сустава у 500 женщин во время беременности, родов и послеродового периода и у большого числа обнаружил, что с наступлением беременности наблюдалось прогрессирующее усиление, в первые месяцы наблюдались незначительные изменения или их вообще не наблюдалось; иногда, когда во время беременности изменений не наблюдалось, судороги коленного сустава все еще увеличивались во время родов, достигая своего максимума в момент изгнания плода; возвращение к нормальному состоянию происходило постепенно в послеродовом периоде. Тридандани обнаружил у беременных женщин, что, хотя поверхностные рефлексы, за исключением брюшных, были снижены, глубокие и сухожильные рефлексы были заметно повышены, особенно коленные, эти изменения были более выражены у первородящих, чем у многоплодных, и более выражены по мере продвижения беременности, нормальное состояние возвращалось через десять дней после родов. Электрическая возбудимость была заметно снижена.^[181]

Одним из первых признаков высокого нервного напряжения является рвота. Как хорошо известно, это явление обычно проявляется на ранних сроках беременности, и многие считают его полностью физиологичным. Барнс рассматривает это как своего рода предохранительный клапан, регулирующую функцию, снимающую чрезмерное напряжение и поддерживающую равновесие.^[182] Рвота, однако, является судорогой и, таким образом, является простейшей формой проявления, которому легко поддается повышенное нервное напряжение во время беременности, которое находит свою крайнюю патологическую форму при эклампсии. В этой связи интересно отметить, что беременная женщина проявляет здесь в высшей степени тенденцию, которая отмечена у женщин вообще, поскольку женский пол, помимо беременности, особенно подвержен судорожным явлениям.^[183]

Среди авторитетных специалистов существуют некоторые незначительные расхождения во мнениях относительно точной природы и причинно-следственной связи болезни во время беременности. Барнс, Хоррокс и другие считают это физиологическим; но многие считают это патологическим; таково, например, мнение Джайлса. Грэйли Хьюитт приписывал это сгибанию матки, Кальтенбах - истерии, а Заборски называл это неврозом. Уитридж Уильямс считает, что это может быть (1) рефлекторным, или (2) невротическим (когда это связано с истерией и поддается внушению), или (3) токсическим. Похоже, что он действительно находится на границе между здоровыми и болезненными проявлениями. Говорят, что он неизвестен фермерам и ветеринарам. По-видимому, это явление мало известно среди дикарей; оно сравнительно редко встречается среди женщин низших социальных классов, и, как обнаружил Джайлс, женщины, у которых обычно менструации проходят безболезненно и нормально, сравнительно мало страдают от болезни беременности.

Мы обязаны ценным исследованием болезней, связанных с беременностью, Джайлзу, который проанализировал записи о 300 случаях. Он пришел к выводу, что около трети беременных женщин не болели на протяжении всей беременности, 45 процентов были свободны в течение первых трех месяцев. Когда болезнь возникла, она началась у 70 процентов случаев в течение первого месяца и был наиболее частым во время второго месяца. Продолжительность варьировалась от нескольких дней до полного. В возрасте от 20 до 25 лет болезни были наименее частыми, и на третьей беременности их было меньше, чем при любой другой беременности. (Это согласуется с выводом Мэтьюса Дункана о том, что 25 лет - наиболее благоприятный возраст для беременности.) В некоторой степени соглашаясь с Геньо, Джайлс считает, что рвота во время беременности является "одной из форм проявления повышенной нервной возбудимости во время беременности". Это высокое нервное напряжение может перетекать в другие каналы, в сосудистую и выделительную системы, вызывая эклампсию; в мышечную систему, вызывая хорею, или, расходясь в мозге, вызывать истерию в легкой форме или безумие в тяжелой. Но влагалищный канал образует очень удобный канал для такого переполнения, отсюда и частота заболеваний во время беременности. Таким образом, в причинности этого явления есть три основных фактора: (1) повышенная нервная раздражительность; (2) локальный источник раздражения; (3) готовый эфферентный канал для нервной энергии. (Артур Джайлс, "Наблюдения над этиологией болезни беременности", *Труды Лондонского акушерского общества*, том xxv, 1894.)

Мартин, который считает это явление нормальным, указывает, что когда тошнота и рвота отсутствуют или внезапно прекращаются, часто есть основания подозревать что-то неладное, особенно гибель эмбриона. Он также отмечает, что женщин, страдающих большим варикозным расширением вен, редко беспокоит тошнота во время беременности. (Дж. М. Х. Мартин, "Рвота во время беременности", *Британский медицинский журнал*, 10 декабря 1904 г.) Эти наблюдения могут быть связаны с наблюдениями Эванса (*Американский гинекологический и акушерский журнал*, январь 1900 г.), который придает первостепенное значение несомненно активному фактору раздражения, создаваемого маткой, особенно ритмичным сокращениям матки; стимуляция молочных желез вызывает активные сокращения матки, и Эванс обнаружил, что осмотра молочных желез было достаточно, чтобы вызвать сильный приступ рвоты, в то время как в другом случае это было вызвано вагинальным исследованием. Эванс считает, что целью этих сокращений является облегчение циркуляции крови через крупные венозные синусы, наполнение относительно застойных бассейнов оттоком крови, вызывающим раздражение, которое приводит к ритмичным сокращениям.

Именно на основе повышенной активности сосудов и желез и повышенного нервного напряжения развиваются особые психические явления беременности. Наиболее известным и, возможно, наиболее характерным из этих проявлений является то, что известно как "страстное желание". Под этим термином подразумевается более или менее непреодолимое желание какой-либо особой пищи или напитка, которые могут быть легкоусвояемыми, иногда вещества, которое женщина обычно любит, например фруктов, а иногда того, что при обычных обстоятельствах ей не нравится, как в одном известном мне случае с молодой деревенской женщиной, которая, вынашивая ребенка, всегда тянулась к табаку и никогда не была счастлива, за исключением тех случаев, когда ей удавалось выкурить трубку, хотя при обычных обстоятельствах, как и у других молодых женщин ее класса, у нее не было никакого желания курить. Иногда страстные желания приводят к действиям, более беспринципным, чем это обычно бывает у одного и того же человека в другое время; так, в одном известном мне случае

молодая женщина, беременная своим первым ребенком, настояла, к ужасу своей сестры, на том, чтобы пойти на клубничную поляну съесть побольше фруктов. Эти "стремления" в их крайней форме по праву могут рассматриваться как неврастенические навязчивые идеи, но в своих простых и менее выраженных формах они вполне могут быть нормальными и здоровыми.

Старые авторы-медики изобилуют рассказами, описывающими пристрастие беременных женщин к натуральной и неестественной пище. Это заболевание обычно называли *лика*, иногда *читра* или *малатия*. Шуриг, чьи работы представляют собой всеобъемлющую сокровищницу древних медицинских знаний, посвящает им длинную главу (сар. II) из его "*Хилологии*", опубликованной в 1725 году, к пике, проявляющейся главным образом, хотя и не исключительно, у беременных женщин. Некоторые женщины, по его словам, были вынуждены употреблять в пищу всевозможные землистые вещества, из которых песок, по-видимому, является наиболее распространенным, а одна итальянка во время беременности с большим удовольствием съела несколько фунтов песка, запив это глотком собственной мочи. Известь, грязь, мел, древесный уголь, зола, пек также являются желаемыми веществами в других случаях, описанных подробнее. Одна беременная женщина должна есть хлеб, только что вынутый из печи, в очень больших количествах, а некая знатная матрона за один день и ночь съела 140 сладких пирожных. Пшеница и различные виды кукурузы, а также овощи были продуктами, о которых мечтали многие жаждущие женщины. Одна женщина готовила 20 фунтов перца, другая ела имбирь в больших количествах, третья хранила мускатный орех под подушкой; другие предпочитали корицу, соль, миндальную эмульсию, патоку, грибы. Один из них жаждал вишни, а другой за один вечер съел 30-40 лимонов. Упоминаются различные виды рыбы — кефаль, устрицы, крабы, живые угри и т.д., В то время как другие женщины находили удовольствие в ящерицах, лягушках, пауках и мухах, даже скорпионах, вшах и блохах. Беременная женщина 33 лет, сангвинического темперамента, с огромным удовольствием съела живую птицу. Желательны кожа, шерсть, хлопок, нитки, лен, промокательная бумага, а также более отталкивающие вещества, такие как слизь из носа и кал (их едят с хлебом). Вдругих случаях используются уксус, лед и снег. Одна женщина подавляла желание есть человеческую плоть, кусая затылки детей или руки мужчин. Металлы также проглатываются, такие как железо, серебро и т.д. Одна беременная женщина хотела бросить яйца в лицо своему мужу, а другая - чтобы ее муж бросил яйца ей в лицо.

В следующей главе той же работы Шуриг описывает случаи острой антипатии, которые могут возникнуть при тех же обстоятельствах (сар. III, "*De Nausea seu Antipathia certorum ciborum*"). Список включает хлеб, мясо, птицу, рыбу, угрей (очень распространенное отвращение), крабов, молоко, масло (очень часто), сыр (часто), мед, сахар, соль, яйца, икру, серу, яблоки (особенно их запах), клубнику, шелковицу, корицу, мускатный орех, каперсы, перец, лук, горчицу, свеклу, рис, мяту, абсент, розы (этой антипатии посвящено много страниц), лилии, цветы бузины, мускус (который иногда вызывал рвоту), амбру, кофе, опиаты, оливковое масло. масло, уксус, кошки, лягушки, пауки, осы, мечи.

Совсем недавно Гулд и Пайл (*Аномалии и курьезы медицины*, стр. 80) кратко обобщили некоторые древние и современные записи, касающиеся страстных желаний беременных женщин.

Выдвигаются различные теории относительно причинного характера страстного желания беременных женщин, но ни одна из них, по-видимому, сама по себе не дает полного и

адекватного объяснения всех случаев. Таким образом, говорят, что жажда является выражением естественного инстинкта, системы беременной женщины, действительно требующей пищи, о которой она так мечтает. Вполне вероятно, что это так во многих случаях, но очевидно, что в большинстве случаев это не так, даже когда мы ограничиваемся желанием употреблять вполне натуральную пищу, в то время как мы так мало знаем об особых потребностях организма во время беременности, что теория в любом случае не поддается четкому доказательству.

С этой теорией связано объяснение того, что стремление к вещам противодействует склонности к тошноте и недомоганию. Джайлс, однако, в своем ценном статистическом исследовании желаний серии из 300 беременных женщин показал, что процент женщин с желаниями точно такой же (33%) среди женщин, которые в какой-то период беременности страдали от болезней, как и среди женщин, которые так не страдали. Более того, Джайлс обнаружил, что период болезни часто не имел никакого отношения ко времени, когда возникала тяга, и у пациента часто появлялась тяга после того, как болезнь прекращалась.

Согласно другой теории, эти стремления в основном являются результатом самовнушения. Беременная женщина усвоила традицию таких стремлений, убеждает себя, что у нее есть такое стремление, а затем убеждается, что, согласно распространенному мнению, ребенку будет плохо, если это стремление не будет удовлетворено. Джайлс считает, что этот процесс самовнушения имеет место "в определенном количестве, возможно, даже в большинстве случаев".^[184]

Герцогиня д'Абрантес, жена маршала Жюно, в своих *Мемуарах* приводит забавный рассказ о том, как во время ее первой беременности страстное желание, по-видимому, было вызвано тревожной заботой о ней самой и родственниках ее мужа. Хотя она страдала от постоянной тошноты, у нее не было никаких желаний. Однажды за ужином, когда беременность длилась уже несколько месяцев, ее мать внезапно отложила вилку, воскликнув: "Я никогда не спрашивала тебя, чего ты хочешь!" Она честно ответила, что у нее ничего нет, ее дни и ночи были заняты страданиями. "Нет, *энви!*" - сказала мать, - никогда о таком не слышала. Я должен поговорить с вашей свекровью. Две пожилые леди взволнованно посоветовались и объяснили молодой матери, как неудовлетворенное желание может произвести на свет чудовищного ребенка, и теперь муж тоже начал каждый день спрашивать ее, о чем она мечтает. Более того, ее невестка рассказывала ей всевозможные истории о детях, родившихся по этой причине с ужасающими отметинами матери. Она испугалась и начала задаваться вопросом, чего ей больше всего хочется, но ничего не могла придумать. Наконец, когда она ела пастилу, приправленную ананасом, ей пришло в голову, что ананас - превосходный фрукт, к тому же такой, которого она никогда не видела, потому что в то время он был крайней редкостью. После этого она начала тосковать по ананасам, и еще больше, когда ей сказали, что в это время года их достать невозможно. Теперь она начала чувствовать, что должна съесть ананас или умереть, и ее муж обежал весь Париж, тщетно предлагая двадцать луидоров за ананас. Наконец ему удалось раздобыть ананас по доброте мадам. Бонапарт в ярости поехал домой как раз в тот момент, когда его жена, всегда говорившая об ананасах, легла спать. Он вошел в комнату с ананасом, к большому удовольствию матери герцогини. (Оказывается, во время одной из ее собственных беременностей она тщетно мечтала о вишнях в январе, и ребенок родился с отметиной на теле, напоминающей вишню, — в научной терминологии это *невус*.) Герцогиня горячо поблагодарила своего мужа и хотела немедленно съесть этот фрукт, но муж остановил ее

и сказал, что Корвизар, знаменитый врач, сказал ему, что она ни в коем случае не должна прикасаться к нему на ночь, так как он крайне неудобоварим. Она пообещала не делать этого и провела ночь, лаская ананас. Утром пришел муж, нарезал фрукт и подал ей в фарфоровой вазе. Внезапно, однако, ее охватило отвращение; она почувствовала, что никак не может съесть ананас; уговоры были бесполезны; фрукт пришлось убрать и открыть окна, потому что сам его запах стал отвратительным. Герцогиня добавляет, что с тех пор, на протяжении всей своей жизни, хотя ей по-прежнему нравился этот вкус, она могла есть ананасы, только совершая над собой своего рода насилие. (*Mémoires de la Duchesse d'Abrantès*, vol. iii, глава VIII.) Следует добавить, что в преклонном возрасте герцогиня д'Абрантес, по-видимому, сошла с ума.

Влияние внушения, безусловно, должно быть принято как, во всяком случае, усиливающее и подчеркивающее склонность к страстным желаниям. Однако вряд ли это можно рассматривать как радикальное и адекватное объяснение феномена в целом. Если это вопрос самовнушения, обусловленного традицией, то нам следует ожидать, что страстные желания наиболее часты и наиболее выражены у многодетных женщин, которые лучше всего знакомы с традицией и лучше всего способны испытать все, что ожидается от беременной женщины. Но, на самом деле, женщины, родившие больше всего детей, - это как раз те, кто с наименьшей вероятностью будут затронуты страстными желаниями, которые традиция требует от них проявлять. Джайлс показал, что при первой беременности тоска возникает гораздо чаще, чем при любой последующей; с увеличением числа беременностей наблюдается регулярное снижение, пока у женщин, имеющих десять или более детей, тоска не исчезает совсем.

Вероятно, мы должны рассматривать страстные желания как основанные на физиологической и психической тенденции, которая имеет универсальное распространение и почти или вполне нормальна. Они известны по всей Европе и были известны писателям-медикам древности. Старые индийские, а также старые еврейские врачи признавали их. В наши дни они были отмечены у многих диких рас: у индейцев Северной и Южной Америки, у народов Нила и Судана, на Малайском архипелаге.^[185] В Европе они наиболее распространены среди женщин из народа, ведущих простой и естественную жизнь.^[186]

Истинно нормальная связь стремления к беременности связана с импульсивным и часто непреодолимым стремлением к пищевым деликатесам, которое склонно овладевать детьми, а у девочек часто сохраняется или возрождается в подростковом возрасте и даже после него. Такие внезапные приступы жадности относятся к тому виду нормальных психических проявлений, которые находятся на грани ненормальности, в которую они иногда переходят. Однако они могут возникать у здоровых, хорошо воспитанных и хорошо воспитанных детей, которые под воздействием стресса, вызванного внезапным пристрастием, будут без угрызений совести и, по-видимому, без размышлений красть еду, которой они жаждут, или даже красть у своих родителей деньги, чтобы купить ее. Пища, которой таким образом овладевает почти непреодолимая жажда, почти всегда является фруктом. Фрукты обычно раздают детям в небольших количествах как роскошь, но мы произошли от примитивных человеческих племен и еще более отдаленных обезьяноподобных предков, которые в свое время обильно ели фрукты, и неудивительно, что когда наступает это время года, ребенок, более чувствительный, чем взрослый, к первобытным влияниям, иногда должен испытывать импульс своих предков с ошеломляющей интенсивностью, тем более если, как это вероятно, жажда в какой-то степени является выражением физиологической потребности.

Сэнфорд Белл, исследовавший пищевые пристрастия детей в Америке, обнаружил, что девочкам еда нравится больше, чем мальчикам того же возраста, хотя в то же время некоторые продукты им нравятся меньше, чем мальчикам. Склонность к сладостям и фруктам проявляется, как только ребенок начинает есть сухие продукты. Больше всего ему нравятся апельсины, бананы, яблоки, персики и груши. Это сильное предпочтение фруктам сохраняется до 13-14 лет, хотя и относительно ослабевает с 10 по 13. Однако у девочек Белл отмечает важный с нашей нынешней точки зрения факт, что в середине подросткового возраста возрождается вкус к сладостям и фруктам. Он считает, что развитие у детей вкуса к пище повторяет опыт расы. (С. Белл, "Вводное исследование психологии пищевых продуктов". *Педагогическая семинария*, март 1904 г.)

Повышенная нервная впечатлительность во время беременности, по-видимому, пробуждает к деятельности те примитивные импульсы, которые могут возникнуть в детстве и у незамужней девушки сохраняться до брачного возраста. Важным фактом является то, что беременные женщины в основном стремятся к фруктам, и особенно к такому полезному фрукту, как яблоко, которое вполне может оказать благотворное влияние на организм беременной женщины. Джайлс в своей таблице продуктов, которых жаждут 300 беременных женщин, обнаружил, что группа фруктов была самой многочисленной, составив 79 ящиков; яблоки были далеко впереди, встречаясь в 34 случаях из 99, которые испытывали тоску, в то время как апельсины следовали на некотором расстоянии (13 случаев), а в группе овощей помидоры были на первом месте (6 случаев). Несколько женщин заявили: "Я могла бы прожить на яблоках", "Я ела яблоки весь день", "Я обычно сидела в постели и ела яблоки".^[187] Беременные женщины, по-видимому, редко стремятся обладать предметами, не относящимися к классу съедобных, и представляется сомнительным, есть ли у них какая-либо особая склонность к клептомании. Пинар отметил, что ни Ласег, ни Люнье в своих исследованиях клептомании не упомянули ни одного ограбления магазина, совершенного беременной женщиной.^[188] Бруардель действительно находил такие случаи, но украденным предметом обычно была еда.

Еще один важный факт, связывающий стремления беременных женщин к детям, заключается в том, что они возникают в основном у молодых женщин. У нас, действительно, нет таблицы возрастов беременных женщин, у которых проявлялись страстные желания, но Джайлс ясно показал, что они в основном возникают у первородящих и неуклонно и быстро уменьшаются при каждой последующей беременности. Этот факт, в остальном несколько труднообъяснимый, естественен, если мы смотрим на тоску по беременности как на возрождение детских желаний. Это, безусловно, указывает также на то, что мы ни в коем случае не можем рассматривать эти стремления исключительно как выражение физиологического влечения, поскольку в этом случае они могли бы возникнуть при любой беременности, если, конечно, не утверждается, что с каждой последующей беременностью женщина становится менее чувствительной к своему собственному физиологическому состоянию.

Часто, особенно среди первобытных народов, наблюдалась тенденция рассматривать желания беременной женщины как нечто священное, и им следовало потакать, тем более, без сомнения, что они обычно носят простой и безвредный характер. В Шварцвальде, согласно Пlossу и Бартельсу, беременная женщина может свободно ходить в сады других людей и брать фрукты при условии, что она съест их на месте, и очень похожие привилегии предоставляются ей в

других местах. Старое английское мнение, отраженное, например, в пьесах Бена Джонсона (как указала доктор Харриет К. Б. Александер), считает беременную женщину не ответственной за свои желания, и Кирнан замечает ("Клептомания и коллективизм", *Психиатр и невролог*, ноябрь 1902 г.), что это "самый естественный и справедливый взгляд". Во Франции во время революции закон от 28 Жерминаля III года до некоторой степени признавал безответственность беременной женщины в целом — следуя классическому прецеденту, согласно которому женщина не могла предстать перед судом, пока она беременна, — но кодекс Наполеона, никогда не относившийся с нежностью к женщинам, отменил это. Пинар не считает, что желания беременных женщин непреодолимы, и, следовательно, считает беременную женщину ответственной. Вероятно, это наиболее распространенное мнение. В любом случае, эти стремления редко становятся предметом медико-правового рассмотрения.

Феномены страстного желания беременности связаны с гораздо более неясными и сомнительными явлениями влияния материнских впечатлений на ребенка в утробе матери. Действительно, между этими двумя группами проявлений нет никакой реальной связи, но они были так широко и так долго тесно связаны в массовом сознании, что удобно переходить непосредственно от одного к другому. Этим двум проявлениям иногда дается одно и то же название; так, во Франции тоска по беременности — это *зависть*, в то время как отметина матери на ребенке также называется *завистью*, потому что предполагается, что это связано с неудовлетворенным желанием матери.

Концепция "материнского впечатления" (немецкое *Versehen*) основана на вере в то, что мощное психическое воздействие, воздействующее на разум матери, может произвести впечатление, общее или определенное, на ребенка, которого она носит. Имеет большое значение, является ли воздействие впечатления на ребенка общим или определенным и ограниченным. Нетрудно поверить, что общее воздействие — даже, как впервые дал веские основания полагать сэр Артур Митчелл, идиотизм — может быть произведено на ребенка сильным и длительным эмоциональным воздействием матери, поскольку такое общее влияние может передаваться через ухудшенный кровоток. Но в настоящее время невозможно понять, как определенное и ограниченное воздействие, действующее на мать, могло бы произвести определенное и ограниченное воздействие на ребенка, поскольку не существует каналов нервной связи для передачи таких воздействий. Однако наши трудности с пониманием этого процесса должны быть отброшены в сторону, если сам факт может быть продемонстрирован убедительными доказательствами.

Чтобы проиллюстрировать природу материнских впечатлений, я подытожу несколько случаев, которые я собрал из лучшей медицинской периодической литературы за последние пятнадцать лет. Я не осуществлял никакого отбора и никоим образом не гарантирую достоверность предполагаемых фактов или предполагаемого объяснения. Это всего лишь примеры, иллюстрирующие класс случаев, время от времени публикуемых медицинскими обозревателями в медицинских журналах с высокой репутацией.

На ранних сроках беременности женщина обнаружила, что ее любимый кролик был убит кошкой, которая отгрызла ему две передние лапы, оставив рваные культы; она долгое время постоянно думала об этом. Ее ребенок родился с деформированными ступнями, на одной

ступне было всего два пальца, на другой - три, кальциевые кости на обеих стопах либо отсутствовали, либо были слабо развиты. (Г. Б. Бил, Тоттенхэм, *Ланцет*, 4 мая 1889 г.).

За три с половиной месяца до рождения ребенка отец, стекольщик, провалился сквозь крышу теплицы, сильно порезав правую руку, так что он долгое время лежал в лазарете, и было сомнительно, удастся ли спасти руку. Ребенок был здоров, но на сгибаемой поверхности лучевой стороны правого предплечья, чуть выше запястья, — в том же месте, что и травма отца, — была опухоль размером с шестипенсовик. (У. Рассел, Пейсли, *Ланцет*, 11 мая 1889 г.)

В начале беременности женщина была сильно напугана тем, что ее лягнула перепуганная корова, которую она доила; она вцепилась в соски животного, но подумала, что ее затопчут до смерти, и несколько недель после этого была больна и нервничала. Ребенок был чудовищем с мясистой субстанцией, которая, казалось, тянулась от спинного мозга и представляла собой головной мозг, выступающий из основания черепа. И врач, и медсестра были поражены сходством с коровьими сосками еще до того, как узнали историю женщины, и это было рассказано женщиной сразу после родов и до того, как она поняла, что родила. (А. Росс Патерсон, Реверсби, Линкольншир, *Ланцет*, 29 сентября 1889 г.)

На втором месяце беременности мать была напугана волком, когда возвращалась с рынка. Ребенок достиг полного срока и был хорошо развитым мальчиком, мертворожденным. Его голова "в точности напоминала голову коровы в миниатюре"; затылочная кость отсутствовала, теменные кости были развиты лишь слегка, глаза располагались на вершине лобной кости, которая была довольно плоской, с каждым из ее верхних углов, закрученных в рудиментарный рог. (Дж. Т. Хислоп, Тависток, Девон, *Ланцет*, 1 ноября 1890 г.)

На четвертом месяце беременности мать, 30-летняя многоплодка, была напугана тем, что черно-белая собака породы колли внезапно толкнула ее и убежала, когда она открыла дверь. Это не давало ей покоя, и она была уверена, что ее ребенок будет отмечен. Все правое бедро ребенка было окружено блестящей черной родинкой, усеянной белыми волосками; еще одна родинка была на спинке левой лопатки. (К. Ф. Уильямсон, Хорли, Суррей, *Ланцет*, 11 октября 1890 г.)

Женщина в комфортных условиях, 24 лет, не слишком эмоциональная, с одним ребенком, во всех отношениях здоровая, на ранних сроках беременности увидела просящего милостыню мужчину, у которого "все руки и ноги были согнуты пополам". Это повергло ее в шок, но она надеялась, что никаких дурных последствий не последует. Ребенок был энцефалическим монстром, с жестко согнутыми конечностями и сжатыми пальцами, ступни почти соприкасались. Во время следующей беременности она часто проходила мимо мужчины, который был частичным калекой, но у нее не было чрезмерной депрессии; ребенок был копией предыдущей, за исключением того, что голова была нормальной. Следующий ребенок был сильным и хорошо сформировавшимся. (К. У. Чепмен, Лондон, журнал "*Ланцет*", 18 октября 1890 г.)

Когда беременная мать работала на сенокосе, ее муж бросил в нее молодого зайца, которого нашел в сене; он ударил ее по щеке и шее. У ее дочери на левой щеке продолговатое пятно мягких темных волос, по цвету и характеру явно напоминающее мех очень молодого зайца. (А. Маккей, Порт-Аппин, Северная Каролина, *Ланцет*, 19 декабря 1891 г. Автор описывает также четыре других случая, которые произошли в его жизни.)

Когда мать была беременна, ее мужу пришлось ухаживать за свиноматкой, которая не могла родить поросят; он пустил ей кровь, вырезав надрезы из обеих ушей. Его жена настояла на том, чтобы увидеть свинью. Спираль в каждом ухе ее ребенка при рождении отсутствовала почти на полдюйма, как будто ее специально вырезали. (Р. П. Рунс, *Медицинский мир*, 1894.)

Беременная дама очень заинтересовалась историей, в которой у одного из персонажей была нештатная цифра, и это часто приходило ей на ум. У ее ребенка был дополнительный палец на одной руке. (Дж. Дженкинс, Абердин, *Британский медицинский журнал*, 2 марта 1895 г. Автор также описывает другой случай.)

Во время беременности мать увидела в лесу новорожденного олененка, который был двойным чудовищем. Ее ребенок был похожим двойным чудовищем (*cephalothora copagus*). (Hartmann, *Münchener Medicinisches Wochenschrift*, No. 9, 1895.)

Хорошо развитая женщина 30 лет, у которой за двенадцать лет родилось десять детей, на третьем месяце своей десятой беременности увидела, как ребенка сбила уличная машина, которая раздавила верхнюю и заднюю часть его головы. Ее собственный ребенок был анэнцефалическим и акраниальным, с полным отсутствием свода черепа. (Ф. А. Шталь, *Американский журнал акушерства*, апрель 1896 г.)

Здоровая женщина без единого дефекта кожи во время своей третьей беременности испытывала сильный аппетит к солнечной рыбе. В течение или после четвертого месяца ее муж, в качестве сюрприза, принес ей несколько живых солнечных рыб, положив их в ведро с водой на веранде. Она споткнулась о ведро, и от удара рыба перелетела через ведро и сильно ударилась о ее ногу. Холодная извивающаяся рыба вызвала у нее нервный шок, но она не придала этому значения. У ребенка (девочки) при рождении было пятно бронзового цвета, напоминающее рыбу с верхней головой (приведена фотография) на соответствующей части той же ноги. Здоровье дочери хорошее; на протяжении всей жизни у нее была сильная тяга к солнечной рыбе, которую она иногда ела до рвоты от переедания. (К. Ф. Гардинер, Колорадо-Спрингс, *Американский журнал акушерства*, февраль 1898 г.)

Следующий случай произошел с сукой. Чистокровная сука фокстерьера заблудилась и была обнаружена день или два спустя со сломанной правой передней ногой. Конечность подвергли воздействию хлороформа с помощью рентгеновских лучей, и собака хорошо выздоровела. Несколько недель спустя она родила щенка с плохо развитой правой передней ногой и без лапы. (Дж. Бут, Корт, *Британский медицинский журнал*, 16 сентября 1899 г.)

За четыре месяца до рождения своего ребенка женщина с четырьмя здоровыми детьми и отсутствием в анамнезе каких-либо уродств в семье упала и сильно порезала левое запястье о разбитую миску; она сильно испугалась и была в шоке. Ее ребенок, в остальном совершенный, родился без левой руки и запястья, культя руки заканчивалась у нижнего конца лучевой кости и локтевой кости. (Г. Эйнсли Джонстон, Эмблсайд, *Британский медицинский журнал*, 18 апреля 1903 г.)

Вера в реальность переноса сильных психических или физических впечатлений, произведенных на мать, на физические изменения в ребенке, которого она вынашивает, очень древняя и широко распространенная. Большинство авторов, пишущих на эту тему, начинают с

книги Бытия и хитроумного приема Иакова влиять на окрас своих ягнят с помощью ментальных впечатлений от своих овец. Но эта вера существует среди еще более примитивных людей, чем ранние евреи, и во всех частях света.^[189] Среди греков сохранились следы веры в Гиппократе, первого из великих врачей мира, в то время как Соранус, самый известный из древних гинекологов, излагает этот вопрос наиболее точным образом, приводя примеры в доказательство. Эта вера продолжала оставаться неоспоримой на протяжении всего Средневековья. Первым автором, который полностью отрицал влияние материнских впечатлений, по-видимому, был знаменитый анатом Реалдус Колумб, который в начале шестнадцатого века был профессором в Падуе, Пизе и Риме. Однако в том же столетии другой и не менее известный неаполитанец, Делла Порта, впервые сформулировал определенную теорию материнских впечатлений. Немного позже, в начале семнадцатого века, врач-философ из Падуи Фортунат Лицетус занял промежуточную позицию, которая до сих пор находит, возможно, обоснованно, очень много приверженцев. Он признавал, что очень частую причину пороков развития у ребенка следует искать в патологических дородовых состояниях, но в то же время не был готов полностью и во всех случаях отрицать влияние материнского впечатления на такие состояния. Мальбранш, философ-платоник, в наибольшей степени использовал силу материнского воображения. Однако в восемнадцатом веке новый дух свободного исследования, радикальной критики и ничем не ограниченной логики привел к скептическому отношению к этой древней вере, которая тогда бурно процветала.^[190] В 1727 году, через несколько лет после смерти Мальбранша, Джеймс Блондель, врач чрезвычайной проницательности, который родился в Париже, получил образование в Лейдене и практиковал в Лондоне, опубликовал первую методичную и тщательную атаку на доктрину материнских впечатлений, *Исследована сила воображения беременных женщин*, и проявил свои выдающиеся способности в ее высмеивании. Галлер, Редерер и Земмеринг пошли по стопам Блонделя и были либо скептически, либо враждебно настроены к древней вере. Блюменбах, однако, признал влияние материнских впечатлений. Эразм Дарвин, а также Гете в своей книге *"Вальвервандтшафтен"* даже признавали влияние отцовских впечатлений на ребенка. К началу девятнадцатого века большинство врачей были склонны относить материнские впечатления к области суеверий. Тем не менее, исключения имели заметное значение. Бурдах, когда были сделаны все выводы, все еще считал необходимым сохранять веру в материнские впечатления, и фон Бэр, основатель эмбриологии, также принял это, что подтверждается случаем, произошедшим с его собственной сестрой, который он смог исследовать до рождения ребенка. Л. В. Т. Бишофф также, подвергая доктрину острой критике, счел невозможным полностью отвергнуть материнские впечатления, и он отметил, что число приверженцев доктрины демонстрирует тенденцию скорее к увеличению, чем к уменьшению. Йоханнес Мюллер, основатель современной физиологии в Германии, выступил против нее, и его влияние долго преобладало; Валентин, Рудольф Вагнер и Эмиль Дюбуа-Реймон были на той же стороне. С другой стороны, различные выдающиеся гинекологи — Лицман, Рот, Хенниг и др. — приводили доводы в пользу реальности материнских впечатлений.^[191]

Длительный конфликт мнений, имевший место по поводу этого мнения, все еще оставлял вопрос нерешенным. Самые ярые критики древнего верования постоянно завершают дискуссию выражением сомнения и неуверенности. Даже если большинство авторитетных специалистов склонны отвергать материнские представления, научное превосходство тех, кто их принимает, затрудняет формирование окончательного мнения. Аргументы против такого влияния совершенно обоснованны: (1) это примитивное верование ненаучного происхождения;

(2) невозможно представить, как такое влияние может действовать, поскольку между матерью и ребенком нет нервной связи; (3) сравнительно небольшое количество случаев было подвергнуто серьезному критическому исследованию; (4) абсурдно приписывать дефекты развития влияниям, которые возникают спустя долгое время после того, как плод принял свою определенную форму^[192]; (5) в любом случае это явление должно быть редким, поскольку Уильям Хантер не мог найти совпадения между материнскими отпечатками и отметинами от кала в течение нескольких лет, а Бишофф не нашел ни одного случая из 11 000 родов. Эти утверждения воплощают в себе весь аргумент против материнских впечатлений, однако ясно, что они не решают вопроса. Эдгар в руководстве по акушерству, которое широко считается стандартной работой, утверждает, что это "пока спорный вопрос".^[193] Баллантайн, опять же, при обсуждении этого влияния в Эдинбургском акушерском обществе, подводя итог годичному расследованию, пришел к выводу, что это все еще "подведомственно суду".^[194] При последующем обсуждении вопроса он несколько изменил свое мнение и склонен отрицать, что определенные впечатления, воздействующие на сознание беременной женщины, могут вызывать аналогичные дефекты плода; это "случайные совпадения", но он добавляет, что некоторые из случаев трудно объяснить. В то же время он полностью убежден, что длительные и ярко выраженные психические состояния матери могут повлиять на развитие плода в ее матке, вызывая нарушения кровообращения и питания, аномалии развития и идиотизм.^[195]

Могут ли ментальные впечатления, производимые матерью, вызвать определенное ментальное и эмоциональное расположение у ребенка - и в какой степени, - это особый аспект вопроса, которому едва ли было посвящено какое-либо исследование. Однако такой выдающийся биолог, как мистер А. В. Уоллес, привлек внимание к этому моменту, приведя доказательства по этому вопросу и подчеркнув необходимость дальнейшего исследования. "Такая передача психического влияния, - замечает он, - вряд ли будет считаться невозможной или даже очень невероятной" (А. У. Уоллес, "Пренатальные влияния на характер", *Nature*, 24 августа 1893 г.)

Уже указывалось, что большое количество случаев деформации полости рта, предположительно вызванных впечатлениями матери, возможно, не могут быть вызваны таким образом, потому что впечатление имело место в период, когда развитие полости рта уже должно было быть предрешено. В этой связи, однако, следует отметить, что Дэбни наблюдал связь между временем предполагаемых ментальных впечатлений и природой фактического дефекта, что имеет значительное значение в качестве аргумента в пользу влияния ментальных впечатлений. Он собрал в таблицу 90 тщательно описанных случаев из недавней медицинской литературы и обнаружил, что 21 из них был связан с дефектами строения губ и неба. Во всех случаях, кроме двух из этих 21, дефект был отнесен к впечатлению, возникшему в течение первых трех месяцев беременности. Это важный момент, поскольку показывает, что установленная причина действительно относится к периоду, когда дефект развития действительно мог привести к наблюдаемому результату, хотя лицо, сообщавшее о случаях, во многих случаях было явно неосведомлено в деталях эмбриологии и тератологии. Не было такого преобладания ранних отпечатков среди дефектов кожи и волос, которые вполне могли бы, с точки зрения развития, быть вызваны в более поздний период; здесь, в 7 из 15 случаев, было четко указано, что отпечаток был сделан позже четвертого месяца.^[196]

В целом кажется, что, хотя влияние материнских впечатлений на ребенка в утробе матери ни в коем случае не было положительно продемонстрировано, мы не вправе отвергать это с какой-либо положительной уверенностью. Однако, даже если мы примем это, на данный момент это

должно оставаться необъяснимым фактом; *оспособе действия* мы едва ли можем даже догадываться. Общее влияние матери на ребенка мы можем легко представить как передаваемое кровью матери; мы можем даже предположить, что модифицированная кровь может специфически воздействовать на один конкретный вид ткани. Мы можем, опять же, как предположил Фере, вполне поверить, что материнские эмоции воздействуют на матку и оказывают различные виды и степени давления на ребенка внутри, так что внешне активные движения плода могут на самом деле быть следствием бессознательного материнского возбуждения.^[197] Мы также можем полагать, что, как предположил Джон Томсон, существуют небольшие нарушения координации *внутриутробно*, своего рода невроз развития, вызванный небольшим нарушением гармонии любого происхождения и ведущий к возникновению пороков развития.^[198] Наконец, мы знаем, что, как Фере и другие неоднократно демонстрировали в последние годы экспериментами на цыплятах и т.д., очень тонкие вещества, даже запахи, могут глубоко влиять на эмбриональное развитие и вызывать уродства. Но каким образом психическая предрасположенность матери может, помимо наследственности, конкретно влиять на физическое строение или даже на психическую предрасположенность ребенка в ее утробе, должно оставаться пока неразрешимой загадкой, даже если мы склонны заключить, что в некоторых случаях такое действие, по-видимому, показано.

Понимая подобную связь, какой бы недоказуемой она ни была в настоящее время, следует иметь в виду, что отношения матери с ребенком в ее утробе носят исключительно интимный характер. Интересно в этой связи процитировать некоторые замечания способного психолога, доктора Генри Ратгерса Маршалла; эти замечания не менее интересны тем, что они выдвигаются вне какой-либо связи с вопросом о материнских впечатлениях: "Это правда, что, насколько нам известно, нервная система эмбриона никогда не имеет прямой связи с нервной системой матери: тем не менее, поскольку существует взаимная реакция между физическим телом матери и его эмбриональным паразитом, отношение эмбриональной нервной системы к нервной системе матери не так уж далеко ушло от отношения доэмбриональной нервной системы". -выдающаяся часть нервной системы человека по отношению к какой-либо второстепенной нервной системе в его теле, которая в значительной степени отделена от всей нервной массы.

Соответственно, тогда и внутри сознания матери развивается новое маленькое второстепенное сознание, которое, хотя и слабо интегрировано с массой ее сознания, тем не менее, занимает свое место в ее сознании, взятом в целом, подобно тому, как психические корреспонденты действия нерва, управляющего секрецией желез тела, занимают свое место в ее сознании, взятом в целом.

"Это очень похоже на то, как если бы зрительные ганглии развивались полностью сами по себе, без какой-либо более тесной связи с остальной частью мозга, чем та, которая существовала при их первом появлении. Они сформировали бы небольшую сложную нервную систему, почти, но не совсем отделенную от мозговой системы; и было бы трудно отказать им в собственном сознании, которое действительно составляло бы часть всего сознания индивида, но которое было бы в некотором роде самостоятельным ". Если это так, то следует сказать, что до рождения, с психической стороны, деятельность эмбриона "образует часть сложного сознания, которое является сознанием матери и эмбриона вместе взятых". "Не присоединяясь к странным историям о телепатии, о торжественном появлении человека где-то в момент его смерти за тысячу миль от нас, о неупокоенном призраке, преследующем места его ушедших надежд и

начинаний, можно спросить" (совместно с автором обращения по медицине на собрании Британской медицинской ассоциации в Лестере, *Британский медицинский журнал*, 29 июля 1905 г.) "могут ли два мозга быть настроены на сочувствие настолько, чтобы передавать и принимать тонкое переливание разума без посредничества чувств. Принимая во внимание, что подразумевается под человеческим мозгом с его бесчисленными миллионами клеток, его сложностью мельчайшей структуры, его неисчислимым химическим составом и конденсированными силами в его микроскопических и ультрамикроскопических элементах — в целом, своего рода микромир космических сил, с которым не сравнимо ни одно мыслимое соединение электрических батарей; принимая во внимание, опять же, что от электрической станции волны энергии излучаются в невидимом воздухе и улавливаются подходящим приемником на расстоянии тысячи миль, не исключено, что человеческий мозг может посылать еще более тонкие волны, которые будут приняты и интерпретированы соответствующим образом настроенным принимающим мозгом. Является ли это, в конце концов, простой фантазией, что ментальная атмосфера или эманации, исходящие от одного человека, воздействуют на другого либо успокаивающе сочувственно, либо раздражающе антипатично?" Эти замечания (как и замечания доктора Маршалла) были сделаны без ссылки на материнские впечатления, но можно указать, что ни при каких мыслимых обстоятельствах мы не могли бы найти мозг в столь девственном и восприимчивом состоянии, как у ребенка в утробе матери.

В целом мы видим, что беременность вызывает психическое состояние, которое у здоровых людей является одновременно состоянием полного развития и бодрости, и в то же время таким, которое, особенно у лиц с незначительными отклонениями от нормы, склонно вызывать состояние напряженного или сверхнапряженного нервного напряжения и вызывать различные проявления, которые во многих отношениях все еще недостаточно поняты. Даже специфически сексуальные эмоции, как правило, усиливаются, большеособенно на более раннем периоде беременности. В 24 случаях беременности, в которых этот момент был исследован Гарри Кэмпбеллом, сексуальное чувство было явно усилено в 8 случаях, причем в одном случае (у женщины 31 года, у которой было четверо детей) оно действительно присутствовало только во время беременности, когда оно было значительным; только в 7 случаях наблюдалось уменьшение или исчезновение сексуального чувства.^[199] Беременность может вызвать психическую депрессию;^[200] но, с другой стороны, это часто приводит к изменению наиболее благоприятного характера психического и общего самочувствия. Некоторые женщины действительно чувствуют себя хорошо только во время беременности. Примечательно, что некоторые женщины, которые обычно страдают от различных нервных расстройств — невралгий, гастралгии, головной боли, бессонницы, — свободны от них только в этот момент. Этот "парадокс вынашивания плода", как назвал его Вине, особенно заметен у истеричных и тех, кто страдает легкими нервными расстройствами, но он ни в коем случае не универсален, так что, хотя, утверждает Вине, возможно подтвердить мнение древних о благотворном действии брака на истерию, это верно только для легких случаев и едва ли позволяет нам рекомендовать брак при истерии.^[201] Даже интеллект женщины иногда повышается во время беременности, и Тарнье, как цитирует Вине, знал многих женщин, чей интеллект, обычно несколько туповатый, поднялся до нормального уровня только во время беременности.^[202] Беременная женщина достигла кульминации женственности; она достигла того состояния, к которому периодически повторяющаяся менструальная волна с регулярными интервалами подводила ее на протяжении всей ее сексуальной жизни^[203]; у нее достигла той функции, для

которой было создано ее тело, и адаптировала свой ментальный и эмоциональный настрой на протяжении бесчисленных веков.

И все же, как мы видели, наше незнание изменений, вызванных наступлением этого в высшей степени важного события — даже на физической стороне — все еще остается глубоким. Беременность даже для нас, критически настроенных и непредубежденных детей цивилизованного века, все еще остается, как и для детей более примитивных эпох, загадкой. Зачатие само по себе является загадкой для первобытного человека и может быть произведено всевозможными тонкими способами, помимо сексуальной связи, даже путем нюхания цветка.^[204] Беременную женщину окружали церемониями, почитанием и страхом, часто запирали в отдельном месте.^[205] Ее присутствие, ее выдохи были чрезвычайно сильными; даже сегодня в некоторых частях Европы, как, например, в валлонских округах Бельгии, беременная женщина не должна целовать ребенка, поскольку ее дыхание опасно, или мочиться на растения, поскольку это убьет их.^[206] Тайна несколько изменила свою форму; она все еще остается. Будущее человечества связано с нашими усилиями постичь тайну беременности. "Первые дни человеческой жизни, - справедливо сказано, - полностью связаны с матерью. От ее образа жизни — еды, питья, сна и мышления — какое величие не может зависеть?"^[207] Шопенгауэр с неуместным ужасом заметил, что нет ничего менее скромного для женщины, чем состояние беременности, в то время как Вейнингер восклицает: "Никогда еще беременная женщина не выражала в какой—либо форме — стихотворении, мемуарах или гинекологической монографии - свои ощущения".^[208] Однако, когда мы размышляем о тайне беременности и обо всем, что с ней связано, какими тривиальными становятся все подобные соображения! Здесь мы поднимаемся в область, где наш высочайший разум может привести нас только к обожанию, ибо мы наблюдаем за процессом, в котором действия Природы становятся единым целым с божественной задачей Творения.

^[169]См., например,, Groos, *Esthetische Genuss*, стр. 249. "Мы должны признать, - замечает Гроос, - появление другого инстинкта, побуждения заботиться и лелеять, столь тесно связанного с сексуальной жизнью. По-видимому, именно благодаря сотрудничеству с этим импульсом маленькая птичка-самка во время ухаживания так часто кормится самцом, как молодой птенец. У человека "любовь" с биологической точки зрения также представляет собой сочетание двух потребностей; когда отсутствует нежная потребность защищать, воспитывать и служить, эмоция не совсем совершенна. Выражение Гейне "Своим плащом я защищаю вас от бури" всегда казалось мне очень характерным". Иногда сексуальное влечение может претерпевать полную трансформацию в этом направлении. "Я верю, что у женщин действительно есть тенденция, - пишет одна дама в письме, - позволять материнскому чувству занять место сексуального чувства. Очень часто чувство женщины к своему мужу становится таким (хотя он может быть на двадцать лет старше ее); иногда этого не происходит, оставаясь чисто сексуальным чувством. Иногда именно к какому-то другому мужчине она испытывает это любопытное самоуничтожающее материнское чувство. Это не обязательно связано с половым актом. Проститутка, имеющая отношения с десятками мужчин, может заполучить его для какого-нибудь слабоумного пьяного дурака, который, возможно, волочится за другими женщинами. Однажды я видел, как переход от сексуальных чувств к материнским, как я это называю, произошел почти внезапно у женщины после того, как она прожила около четырех лет с мужчиной, который был ей неверен. Затем, когда все настоящие сексуальные чувства, ненависть к женщине, за которой он следил, желание, чтобы он дарил ей любовь и нежность, - все ушло, пришло другое чувство, и она сказала мне: "Ты совсем не понимаешь; он всего лишь

мой маленький ребенок; что бы он ни делал, теперь для меня это ничего не изменит". По мере того, как я становлюсь старше и лучше понимаю женскую природу, я почти сразу вижу, какое отношение имеет женщина к своему мужу или любому другому мужчине. Именно это чувство, а не сексуальная страсть, мешает женщине быть свободной ". В импульсе опекать и защищать присутствует не только сексуальная ассоциация, но, по-видимому, аналогичный элемент присутствует и в реакции на этот импульс. Фрейд особенно настаивал на частично сексуальном характере чувств ребенка к тем, кто заботится о нем, ухаживает за ним и удовлетворяет его потребности. Это начинается в раннем младенчестве; "тот, кто видел, как насытившийся младенец отрывается от груди и засыпает с раскрасневшимися щеками и счастливой улыбкой, должен сказать, что картина адекватна выражению сексуального удовлетворения в дальнейшей жизни". Более того, губы являются самой ранней эрогенной зоной. "Возможно, возникнет некоторое противодействие, - замечает Фрейд (*Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, стр. 36, 64), - выявлению у ребенка чувства нежности и признательности к тем, кто ухаживает за ним с сексуальной любовью, но я верю, что точный психологический анализ не поставит личность под сомнение. Отношения ребенка с человеком, который за ним ухаживает, являются для него постоянным источником сексуального возбуждения и удовлетворения, исходящего от эрогенных зон, особенно потому, что воспитывающее лицо — как правило, мать — относится к ребенку с эмоциями, которые проистекают из ее сексуальной жизни; гладит его, целует, укачивает и совершенно очевидно рассматривает его как компенсацию за вполне реальный сексуальный объект ". Фрейд отмечает, что девочки, которые сохраняют детский характер своей любви к родителям до взрослого возраста, склонны становиться холодными женами и быть сексуально неэстетичными.

[170] Эсбах (в своей *Парижской работе*, опубликованной в 1876 году) показал, что даже ногти на пальцах рук страдают во время беременности и становятся заметно тоньше.

[171] С. Н. Stratz, *Die Schönheit des Weiblichen Körpers*, Chapter VI.

[172] Железо, по-видимому, высвобождается в материнском организме во время беременности, и Вихгель показал (*Журнал для здоровья и гинекологии*, bd. xlvii, раздел II), что пигмент беременных женщин содержит железо и что количество железа в моче увеличивается.

[173] Вине, *Основные болезни*, глава VIII; К. Хенниг, "Внешнее исследование", *Состязания XIIe. Congrès International de Médecine*, vol. vi, Раздел XIII, стр. 144-166. Библиография литературы, касающейся физиологии беременности, объемом в десять страниц, прилагается Пинаром к его статье "Grossesse", *Энциклопедический словарь медицинских наук*.

[174] Страц, указ. соч., глава XII.

[175] В. С. А. Гриффит, "Диагностика беременности", *Британский медицинский журнал*, 11 апреля 1903г.

[176] Дж. Маккензи и Х. О. Николсон, "Сердце при беременности", *Британский медицинский журнал*, 8 октября 1904 г.; Стенгель и Стэнтон, "Состояние сердца при беременности", *Медицинская карта*, 10 мая 1902 г. и *Медицинский бюллетень Пенсильванского университета*, сентябрь 1904 г. (обобщено в *Британский медицинский журнал*, 16 августа 1902 г. и 23 сентября 1905 г.)

[177] Дж. Хендерсон, "Материнская кровь при доношении", *Журнал акушерства и гинекологии*, февраль 1902 г.; К. Дуглас, "Кровь у беременных", *Британский медицинский журнал*, 26 марта 1904 г.; У. Л. Томпсон, "Кровь при беременности", *Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, июнь, 1904 год.

[178] Х. О. Николсон, "Некоторые замечания о кровообращении у матери во время беременности", *Британский медицинский журнал*, 3 октября 1903г.

[179] Дж. Моррис Слеманс, "Метаболизм во время беременности", *Отчеты больницы Джона Хопкинса*, том. xii, 1904.

[180] Б. Вольф, *Центральный институт гинекологии*, 1904, № 26.

[181] Тридандани, *Анналы Остетрики*, март 1900г.

[182] Р. Барнс, "Индукция родов", *Британский медицинский журнал*, 22 декабря 1894г.

[183] См., например,, Хэвелок Эллис, "Мужчина и женщина", четвертое издание, стр. 344, и далее.

[184] Артур Джайлс, "Тоска беременных женщин", *Труды Лондонского акушерского общества*, том. xxxv, 1893.

[185] Плосс и Бартельс, "*Дас Вайб*", глава XXX.

[186] Таким образом, в Корнуолле "быть в тоске" является популярным синонимом беременности.

[187] Яблоко, где бы оно ни было известно, почти всегда было священным или волшебным плодом (как показывает Дж. Ф. Кэмпбелл, *Popular Tales of West Highlands*, vol. I, стр. lxxv. и далее.), а плодом запретного дерева, искушавшего Еву, в народе всегда считалось яблоко. Возможно, в этой связи можно сослаться на тот факт, что в Риме и других местах семенники называли яблоками. Я могу добавить, что любопытное доказательство признания женской любви к яблокам мы находим в старой португальской балладе "Донна Гимар", в которой девушка надевает доспехи и отправляется на войну; подозревается ее пол, и в качестве проверки ее отводят в фруктовый сад, но донна Гимар слишком осторожна, чтобы попасть в ловушку, и, отвернувшись от яблок, срывает citron.

[188] А. Пинар, арт. "Grossesse," *Dictionnaire Encyclopédique des Sciences Médicales*, p. 138. О насильственных, преступных и ненормальных побуждениях во время беременности см. Камстон, "Беременность и преступление", *Американский журнал акушерства*, декабрь 1903г.

[189] См., в частности, Плосса и Бартельса, "*Дас Вайб*", том i, глава XXXI. Баллантайн в своей работе о патологии полости рта добавляет негров лоанго, эскимосов и древних японцев.

[190] В 1731 году Шуриг в своей *Силлепсиологии* посвятил более ста страниц (загл. IX) к обобщению огромного количества любопытных случаев материнских впечатлений, приводящих к появлению родимых пятен всех видов.

[191] Дж. У. Баллантайн написал превосходную историю учения о материнских впечатлениях, перепечатанную в его *Руководстве по дородовой патологии: эмбрион*, 1904, глава IX; он

приводит библиографию из 381 пункта. В Германии история вопроса была написана доктором Иваном Блохом (под псевдонимом Герхард фон Вельзенбург), *"Верующие из Фрауен"*, 1899. Ср., на французском языке, Г. Варио, "Происхождение популярных методов борьбы с завистью", *Бюллетень Общества антропологии*, Париж, 18 июня 1891 г. Варио категорически отвергает эту доктрину, Блох принимает ее, Баллантайн высказывается осторожно.

[192] Дж.Дж. Кирнан показал, сколько предполагаемых случаев отрицается из-за непринятия во внимание этого факта. (*Журнал Американской медицинской ассоциации*, 9 декабря 1899 г.)

[193] Дж. Клифтон Эдгар, *Практика акушерства*, второе издание, 1904, стр. 296. В ходе важного обсуждения этого вопроса в Американском гинекологическом обществе в 1886 году, инициированного Фордайсом Баркером, различные выдающиеся гинекологи более или менее осторожно высказались в пользу этой доктрины. (*Труды Американского гинекологического общества*, том xi, 1886, стр. 152-196.) Гулд и Пайл, приводя некоторые данные по этому вопросу (*Аномалии и курьезы медицины*, стр. 81, и далее.), утверждают, что реальность влияния материнских впечатлений кажется полностью установленной. С другой стороны, см. G. W. Cook, *American Journal of Obstetrics*, сентябрь 1889 г., и H. F. Lewis, *ib.*, июль 1899 г.

[194] *Труды Эдинбургского акушерского общества*, вып. xvii, 1892.

[195] Дж. У. Баллантайн, *Руководство по дородовой патологии: эмбрион*, стр. 45.

[196] У. К. Дабни, "Материнские впечатления", *Энциклопедия болезней детей Китинга*, том i, 1889, стр. 191-216.

[197] Féré, *Sensation et Mouvement*, Chapter XIV, "Sur la Psychologie du Fœtus."

[198] Дж. Томсон, "Дефектная координация внутриутробно", *Британский медицинский журнал*, 6 сентября 1902г.

[199] Х. Кэмпбелл, *Нервная организация мужчины и женщины*, стр. 206; ср. Молл, *Основные принципы сексуального влечения*, bd. i, стр. 264. Однако многие авторитеты, начиная с Сорана Эфесского, считают, что сексуальные отношения должны быть прекращены во время беременности и, конечно же, в последующие месяцы. Ср. Brénou, *De l'influence de la copulation, la grossesse*, 1903.

[200] Бьянки называет это довольно распространенное состояние неврастением беременности.

[201] Vinay, *Traité des Maladies de la Grossesse*, 1894, pp. 51, 577; Mongeri, "Nervenkrankungen und Schwangerschaft." *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, bd. LVIII, Heft 5. Хейг отмечает (*Мочевая кислота*, шестое издание, стр. 151), что во время нормальной беременности заболевания с избытком мочевой кислоты в крови (головные боли, припадки, психическая депрессия, диспепсия, астма) отсутствуют, и считает, что распространенное представление о том, что женщины нелегко переносят простуду, лихорадку и т.д., в это время вполне обосновано.

[202] Обосновывая свои замечания о некоторых анатомических изменениях и предположении Энгель, Дональдсон замечает: "Невозможно избежать вывода, что у женщин естественное воспитание завершается только материнством, которое, как мы знаем, вызывает некоторые незначительные изменения в симпатической системе и, возможно, спинном мозге, и которое

может быть справедливо заподозрено в том, что вызывает больше структурных модификаций, чем в настоящее время признано". Х. Х. Дональдсон, *Рост мозга*, стр. 352.

[203] Состояние менструации во многих отношениях приближено к состоянию беременности; см., например,, *"Практика акушерства" Эдгара*, таблицы 6, 6 и 7, показывающие сходство менструальных изменений в молочных железах и внешних половых органах с изменениями во время беременности; ср. Хэвелок Эллис, *"Мужчина и женщина"*, четвертое издание, глава XI, "Функциональная периодичность женщины".

[204] Так, цыгане говорят о незамужней женщине, которая забеременела: "Она понюхала лунный цветок" — цветок, который, как считается, растет на так называемой лунной горе и обладает свойством оплодотворять своим запахом. Ploss and Bartels, *Das Weib*, bd. I, глава XXVII.

[205] Это был здоровый инстинкт, поскольку в настоящее время признано чрезвычайно важной частью виноделия, что женщина должна во что бы то ни стало отдыхать на последней стадии беременности; см., например,, Pinard, *Gazette des Hopitaux*, 28 ноября 1895 г., и *Annales de Gynécologie*, август 1898 г.

[206] Плосс и Бартельс, указ. соч., глава XXIX; Крупптáдц, том. viii, с. 143.

[207] Гриффит Уилкин, *Британский медицинский журнал*, 8 апреля 1905г.

[208] Weininger, *Geschlecht und Charakter*, p. 107. Могу отметить, что недавно вышедшая книга Эллиса Мередита *"Сердце моего сердца"* посвящена, казалось бы, автобиографическому описанию эмоций и идей беременной женщины. Связь материнства с интеллектуальным трудом была тщательно и беспристрастно исследована Адель Герхард и Хеленой Саймон, которые, похоже, пришли к выводу, что конфликта между неизбежными требованиями материнства и едва ли менее неизбежными требованиями интеллектуальной жизни избежать невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ИСТОРИИ ПОЛОВОГО РАЗВИТИЯ.

Содержание

ИСТОРИЯ I.—Следующее повествование было написано человеком, обучавшимся психологии в университете:—

Насколько я смог узнать, никто из моих предков по крайней мере на протяжении трех поколений не страдал никакими нервными или психическими заболеваниями; а о более отдаленных я вообще ничего не могу узнать. Таким образом, представляется вероятным, что любые особенности моего собственного сексуального развития должны быть объяснены ссылкой на несколько своеобразное окружение.

Я был первым ребенком и, естественно, был несколько избалован — процесс, который, как правило, усиливал мою естественную склонность к сентиментальности. С другой стороны, я был застенчив и сдержан со всеми, кроме моих ближайших родственников, и с ними тоже после

седьмого или восьмого года обучения. И здесь, возможно, было бы неплохо описать мой "ментальный тип", поскольку это, вероятно, самый важный фактор в определении направления умственного развития человека. Из ментальных типов "визуальный", конечно, самый распространенный, но в моем собственном случае визуальные образы никогда не были сильными или яркими и постоянно ослабевали. Доминирующую роль сыграли тактильные, мышечные и органические ощущения, что относит меня к "тактильно-моторному" типу с сильными "вербально-моторными" и "органическими" тенденциями. Читая роман, я редко представляю себе персонажа или ситуацию, но легко представляю ощущения (кроме визуальных) и испытываю что-то из описанных эмоций. Когда я рассказываю о каком-либо событии, у меня возникает сильное желание совершать описанные движения и жестиковать. Я помню события в терминах движений и слов, которые следует использовать при их описании; и, думая о любом предмете, я могу чувствовать движения гортани и, в меньшей степени, губ и языка, которые были бы задействованы при облекании моих мыслей в слова. Я легко поддаюсь эмоциям, даже сентиментальности, но редко, если вообще когда-либо, бываю глубоко взволнован и испытываю такое отвращение к любому проявлению своих чувств, что среди своих знакомых пользуюсь репутацией человека холодного, бесчувственного и бесстрастного. Я от природы тихий и застенчивый до такой степени, что на протяжении большей части моей жизни все формы социального общения были болезненными, и это несмотря на реальное стремление общаться с людьми на условиях близости. В детстве я был чувствительным и одиноким; позже я тоже стал болезненным. В характере, устроенном таким образом, вероятно, преобладают чувства и импульсы текущего момента, и таков мой постоянный опыт, хотя большой элемент упрямства в моем характере не позволяет мне казаться импульсивным, а незначительные влияния вызывают реакции, которые кажутся совершенно непропорциональными их причине. Например, я даже сейчас не могу читать более эротичные рассказы Боккаччо без сильного сексуального возбуждения и беспокойства, которые можно унять только энергичными физическими упражнениями или мастурбацией.

Первые десять лет моей жизни прошли на ферме, большую часть времени без товарищей по играм моего возраста.

Сколько себя помню, я предавался замысловатым мечтам наяву, в которых я фигурировал в качестве главного героя наряду с несколькими другими, которые были в основном порождениями моего воображения, но иногда заимствовались из реальности. Эти другие всегда были мальчиками, пока я не научился правильному функционированию половых органов, когда девочки узурпировали всю сцену в количестве, превышающем пределы турецкого гарема. Даже в школе мои мечты наяву почти не прерывались, потому что моя застенчивость и робость сделали меня очень непопулярным среди моих школьных товарищей, которые мучили меня на манер маленьких мальчиков или пренебрегали мной, как им заблагорассудится. Что еще хуже, я воспитывался в рамках "системы защищенной жизни", меня тщательно держали подальше от "плохих парней", в категорию которых входила почти вся молодежь общества, и заваливали моральными проповедями и тирадами на религиозные темы, пока я не был полностью убежден, что добро и дискомфорт, правильное и неприятное - строго синонимичны; и меня большую часть времени держали перед перспективой ранней смерти, за которой последует старый добрый ортодоксальный ад или не менее мучительные последствия его великолепной альтернативы. Я могу сказать со всей серьезностью, что это консервативный и не преувеличенный отчет об одном этапе моей ранней жизни — том, который, как мне кажется, сильнее всего способствовал тому, что я стал интроспективным и болезненным.

Позже, когда я пытался отказаться от привычки мастурбировать, эта ранняя тренировка значительно усилила отчаяние, которое я испытывал при каждой последующей неудаче.

Первые следы сексуального возбуждения, которые я теперь могу вспомнить, появились, когда мне было около 4 лет. У меня довольно часто возникали эрекции, и я получал легкое удовольствие от ласк своих гениталий, когда это происходило, особенно сразу после пробуждения утром. Я не имел ни малейшего представления об оргазме, и мне никогда не удавалось добиться его, пока мне не исполнилось 13 лет. Летом на шестом курсе я испытывал приятные ощущения, смазывая свои гениталии маслом, а затем лаская или растирая их, но я отказался от этого развлечения после того, как в слуховой проход попало какое-то раздражающее вещество. Год спустя моя мать предупредила меня, что игры со своим пенисом "сделают меня очень больным", но поскольку опыт научил меня, что это неправда, моя убежденность в том, что запрещенное обязательно должно быть приятным, отправила меня прямо в мое любимое убежище на чердаке сарая для экспериментов. Поскольку, однако, мне не удалось, несмотря на настойчивые усилия, добиться каких-либо приятных результатов, на которые я рассчитывал, я вскоре оставил свои попытки заняться другими видами развлечений.

Через несколько месяцев после этого, в середине лета, очень чувственная служанка начала серию попыток сексуального удовлетворения с моей помощью. Она почти каждый день приходила на чердак, где я играл, и делала все возможное, чтобы посвятить меня в тайны сексуальных отношений, но я оказался плохим учеником. Она растирала мой пенис до тех пор, пока он не становился эрегированным, а затем, положив меня на себя, вводила пенис в свою вульву и совершала движения бедрами, рассчитанные на то, чтобы вызвать трение. Время от времени она меняла программу, ложась на меня и страстно обнимая. Я отчетливо помню ее быстрое, прерывистое дыхание и конвульсивные движения. Обычно она заканчивала сеанс, убеждая меня сделать ей куннилингус. Ни одно из этих представлений не было мне понятно, и я неизменно протестовал против того, что меня заставляют оставить мою пьесу, чтобы развлечь ее. Даже ее ласки моих гениталий раздражали меня; и, что еще более странно, я предпочитал удовлетворять ее куннилингусом попыткам совокупления.

Почти год спустя я испытал первые безошибочные проявления сексуального влечения — эрекции, сопровождавшиеся чувством похоти и смутными желаниями, о надлежащем удовлетворении которых я не имел ни малейшего представления. Мне никогда не приходило в голову связать свои переживания со служанкой с этими новыми ощущениями. Особенность их заключалась в том, что они обычно были вызваны причинением боли животным. Я не помню, как я впервые обнаружил, что их можно вызвать таким образом, но я отчетливо помню многие свои попытки вызвать это приятное возбуждение, ругая собаку или кошек или тыча в икры ног гвоздем, воткнутым в конец ручки метлы. В то время я редко манипулировал своими гениталиями, и когда я делал это, то с целью вызвать сексуальное возбуждение, а не ослабить его.

В том же году я получил свое первое представление о половом акте, наблюдая за совокуплением животных; но мои наблюдательные способности, должно быть, были ограничены, поскольку я предположил, что пенис самца входит в задний проход самки. Наблюдая за совокуплением животных, я испытывал живое сексуальное возбуждение и похотливые ощущения, локализованные не только в гениталиях, но, по-видимому, и в заднем проходе. Я сам часто возбуждался, представляя себя в роли самки животного — своеобразное

сочетание пассивной педерастии и зоофилии. Служанка помогла мне исправить только что упомянутую ошибку наблюдения, но пренебрегла применением этого принципа к людям-животным, и я еще год оставался в полном неведении о строении женских половых органов и о половом акте между мужчиной и женщиной. Тем временем я культивировал свои фантазии о совокуплении с животными, часто все еще извращенно воображая себя на месте самки; и представление о таких отношениях постепенно стало настолько привычным, что казалось возможным и желанным. Это особенно важно с учетом более поздних событий.

До одиннадцатого или двенадцатого года моей жизни эротический элемент в моих грезах менялся в зависимости от времени года. Летом это играло доминирующую роль, в то время как зимой почти полностью отсутствовало, возможно, из-за того, что большую часть времени я проводил в помещении или в долгих, утомительных походах в школу и обратно, а также из-за того, что зимой я почти не видел животных, которые действовали как стимул к сексуальному возбуждению. Зимой я так мало беспокоился и так мало знал о нормальных половых сношениях, что переспал с двоюродной сестрой, девочкой примерно моего возраста (7 или 8 лет), что мои знания о сексе не пополнились.

В начале моего девятого курса я впервые узнал кое-что об анатомических различиях между мужчиной и женщиной и о функциях половых органов при половом акте. Все это было объяснено мне молодым слугой, который, однако, ничего не сказал мне о зачатии или беременности. Сначала я был очень мало заинтересован, поскольку мне не сразу пришло в голову связать мои собственные эротические переживания с этими откровениями; но под преданным руководством моего нового инструктора я вскоре начал желать нормального коитуса, и мой интерес к сексуальным связям животных соответственно ослаб. Его учения пошли еще дальше, потому что он мастурбировал передо мной, затем убедил меня мастурбировать ему и, наконец, практиковал на мне коитус между бедрами. Он также пытался мастурбировать мне, но не смог добиться оргазма, хотя я нашла этот эксперимент слегка приятным.

В начале моего одиннадцатилетия мы уехали с фермы и несколько месяцев жили в городе. Тем временем в моей сексуальной жизни не произошло никаких изменений сверх того, что уже было указано. В городе я нашел так много интересного и забавляющего меня, что почти полностью забыл о своих эротических мечтах наяву и желаниях. Хотя моими главными товарищами по играм были две девочки примерно моего возраста, мне никогда не приходило в голову пытаться вступить с ними в половую связь, что я легко мог бы сделать, поскольку они были намного мудрее и опытнее в этих вещах, чем я. Незадолго до окончания нашего пребывания в городе старший одноклассник объяснил мне о процессе размножения столько, сколько обычно известно не по годам развитому подростку 12 лет, но я решительно отказался верить его утверждениям. Он привел факт лактации в доказательство правильности своих взглядов, но я был слишком глубоко погружен в сверхъестественное, чтобы поддаваться натуралистическим доказательствам такого рода, и остался непреклонен. Но это предположение осталось при мне и немало озадачило меня; когда мы вернулись на ферму, я начал наблюдать за репродуктивным процессом у животных.

Следующие два года были определенно неприятными. Я быстро рос и был вялым, неуклюжим и глупым. В школе я был еще более непопулярен, чем когда-либо, и, казалось, обладал положительным талантом совершать неправильные поступки. В тех редких случаях, когда мои

товарищи допускали меня к своим советам, я был добровольным простофилей, в результате чего у меня были большие проблемы с моими учителями. Будучи болезненно чувствительной, я остро страдала в этих обстоятельствах, и, поскольку мое здоровье было совсем не в порядке, я часто находила оправдания своим частым головным болям, чтобы остаться дома, где лежала в постели, размышляя о своих мелких неприятностях или, что чаще, видела эротическую наяду и предпринимала неоднократные попытки достичь оргазма. Но хотя эти усилия сопровождалось самыми похотливыми мыслями, а мое воображение создавало ситуации восточной экстравагантности, мне было 13 лет, когда они впервые увенчались успехом. Я помню этот случай очень отчетливо, тем более что я много и с горечью думал об этом, когда вскоре после этого попытался отказаться от привычки, которая, как уверяла семейная "книга врача", должна привести ко всем видам проклятий. Однако в тот момент я был очень удивлен и удовлетворен и сразу же попытался повторить это восхитительное ощущение, но смог сделать это только на следующий день. С того времени и по настоящее время я думаю, что мастурбировал в среднем десять раз в неделю, и это, безусловно, очень консервативная оценка; ибо, хотя до шестнадцатилетия я редко мог испытывать оргазм чаще одного раза в день, я часто, в течение последних четырех или пяти лет, без труда испытывал его от четырех до семи раз в день, и это в течение нескольких дней и даже недель подряд. Во время этих периодов чрезмерной мастурбации извергалось очень мало жидкости, а приятные ощущения были слабыми или полностью отсутствовали.

С того времени, как я начал регулярно мастурбировать, практически весь мой интерес сосредоточился на вещах, связанных с сексом. Я прочитал главы семейной "книги для врачей", в которых говорилось о сексуальных вопросах; мои сны наяду были почти исключительно эротическими; я искал возможности поговорить о сексуальных отношениях со своими школьными товарищами, с которыми теперь постепенно налаживал отношения; я коллекционировал фотографии обнаженных женщин, выучил огромное количество непристойных историй, прочел столько непристойных книг, сколько смог достать, и даже искал в словаре слова, имеющие сексуальный подтекст. Вплоть до моего пятнадцатилетия, когда началось извержение спермы, в моих мечтах наяду была сильная садистская окраска. В течение этого периода моя застенчивость в присутствии противоположного пола также возрастала, пока не дошла до абсурда.

Когда мне было пятнадцать лет, я начал практиковать коитус между бедрами со своим братом и продолжал это с перерывами около двух лет. Опыт был разочаровывающим, так как я уверенно ожидал значительного увеличения удовольствия от мастурбации в этом акте; и в поисках какого-нибудь более сильного стимула я вернулся к забытой идее совокупления с животными. Я немедленно попытался опробовать эту идею, но несколько раз терпел неудачу и, наконец, преуспел, только чтобы обнаружить, что результативно не оправдал моих ожиданий. Тем не менее я продолжал заниматься нерегулярно около трех лет — или, скорее, в течение той части из трех лет, которые я провел дома, поскольку, пока я учился в школе, возможностей для подобного баловства не было. Долгое знакомство с идеей общения с животными сделало для меня невозможным испытывать отвращение к практике, которую это вызывает у большинства людей; и даже прочтение книги Исход xxii: 19 не смогло заставить меня отказаться от нее. Поскольку я твердо верил в закон Моисея, превосходство сексуального влечения было полным.

Еще на шестнадцатом году жизни я пытался отказаться от "насилия над собой" во всех его формах и с тех пор неоднократно предпринимал те же усилия, но никогда не достигал более чем

частичного успеха. В двух или трех случаях я останавливался на несколько недель, но только для того, чтобы начать все сначала и предаваться этому еще более безрассудно, чем раньше. Глубокую депрессию, которая следовала за каждой неудачей, а часто и за каждым актом мастурбации, я объяснял исключительно потерей спермы, не принимая во внимание тот факт, что я ожидал почувствовать депрессию, а также полное уныние и презрение к себе, которые сопровождали чувство неудачи и слабости, когда, несмотря на свою решимость, я неоднократно уступал искушению совершить поступок, последствия которого, по моему твердому убеждению, должны быть разрушительными. Теперь я убежден, что по большей части эта депрессия была вызвана внушением и унижительным чувством поражения. И это чувство морального бессилия, эта кажущаяся беспомощность перед непреодолимым импульсом, который, с другой стороны, казался таким тривиальным, если смотреть на него бесстрастно, в конце концов ослабили мой самоконтроль до такой степени, о которой никто, кроме меня самого, не догадывался, и подорвали основы моей нравственной жизни, о чем у меня есть постоянный повод сожалеть.

Предыдущие абзацы, я думаю, дают четкое представление о моем состоянии, когда я уехал из дома в школу-интернат в начале моего семнадцатилетия. Можно сказать, что с этого времени мои переживания проходили в двух отчетливых циклах — летние месяцы, когда я был дома, и остаток года, когда я был в школе. Этот факт неизбежно внесет некоторую путаницу и очевидную непоследовательность в остальную часть этой "истории". Когда я уходил из дома, я был застенчивым, замкнутым, совершенно не разбирающимся в общественных обычаях, неуверенным в себе, неамбициозным, мечтательным и подверженным приступам меланхолии. Я мастурбировал по крайней мере раз в день, хотя почти постоянно бунтовал против этой привычки. В более свободные моменты я разрабатывал эротические сны наяву, в которых присутствовала своеобразная смесь чисто чувственного и чисто идеального элементов; которые никогда не сливались в моем опыте, но занимали поле попеременно или несколько смешивались на манер воздуха и воды. Один человек обычно служил объектом моей идеальной привязанности, другой — центром, вокруг которого я группировал свои чувственные мечты и желания.

В школе я нашел более приятных товарищей, чем где бы то ни было, а необходимый контакт с людьми обоих полов постепенно сгладил некоторые острые углы и принес некоторую уверенность в себе. У меня было две или три зарождающиеся любовные связи, которые моя отсталость не позволяла перерасти в серьезные. Из-за этой смены обстановки пришло чувство расширения, бегства от себя, что было определенно приятно. Я по-прежнему регулярно мастурбировал, но больше не испытывал прежней депрессии, за исключением тех случаев, когда был дома во время отпуска. По сравнению с прошлым, жизнь теперь была настолько разнообразной и интересной, что у меня оставалось все меньше и меньше времени для меланхолии; и открытие, что я могу вести свои занятия и самостоятельно заниматься спортом, казалось, указывало на то, что мои прошлые страхи были преувеличены. Тем не менее я так и не смирился с этой привычкой и часто бунтовал против слабости, которая держала меня ее рабом.

Когда я поступил в университет, последствия моей бесполезной борьбы с практикой мастурбации проявились довольно хорошо. Я больше не мог постоянно сосредоточивать свое внимание на своей работе и обнаружил, что только "списывая" и "блефуя", я могу сохранить свое место во главе своих классов. Меня немало беспокоила некачественность моей работы, и в течение двух лет, проведенных в этом колледже, я снова и снова пытался избавиться от этой

привычки. В университете я постепенно познакомился с более широким социальным кругом и настолько перерос свою застенчивость, что начал усердно искать общества противоположного пола. По мере того как я обретал уверенность в себе, я становился безрассудным, однажды у меня возникли серьезные неприятности с властями, которые едва не привели к моему исключению. Я стал одним из самых популярных членов клики, к которой принадлежал, — к большому моему удивлению и еще большему — к удивлению моих знакомых. В то время на меня напало увлечение физической культурой, и моим любимым стремлением было развитие силы и ловкости. Мое тщеславие также быстро росло, но безмерная ненависть ко всем видам щегольства удерживала меня на безопасной стороне умеренности в одежде и поведении.

На втором году моей университетской жизни у меня было две любовные связи, в ходе которых я обнаружил, что мой интерес к любой конкретной представительнице прекрасного пола пропадал, как только он возвращался. Гонка преследования была достаточно увлекательной, но меня совершенно не волновал приз, когда он оказался в пределах досягаемости. Могу добавить, что интерес, который я испытывал к девушкам, был чисто идеальным. Учась в этой школе, я не думаю, что мастурбировал и вполнину так часто, как в подготовительной школе.

Когда я ушел из этого колледжа в университет, я взял с собой внушительный список хороших решений, первым среди которых была решимость отказаться от всех видов "насилия над собой". Думаю, я хранил это около месяца. Поскольку я перешел из сравнительно небольшой школы в один из крупнейших американских университетов, перемена была огромной, а откровения, которые она мне принесла, часто унижительными. Мне было одиноко, я тосковал по дому, и моя шишка самооценки была сильно ушиблена; и непротивоестественно, что вскоре я начал искать частичного утешения в мечтах наяву и мастурбации. После того, как я несколько адаптировался к своему новому окружению, я реже предавался ни тому, ни другому, и с того времени по настоящее время я мастурбировал очень нерегулярно, иногда очень мало и снова с избытком.

Вскоре после того, как я приехал в это место, я познакомился с молодой леди, с которой вскоре стал довольно близок. Больше года наша дружба была строго платонической, а затем внезапно перешла на сексуальную основу. Мы были пылкими любовниками в течение нескольких недель, после чего я устал от игры, как и раньше в других случаях, и порвал с ней все отношения так резко, как только было возможно. С тех пор я почти полностью отдалился от общества женщин и их дружеского общения и почти полностью утратил тот такт и уверенность, которыми когда-то обладал в их обществе. Вещи, относящиеся к сексуальной жизни, интересовали меня скорее больше, чем меньше, но занимали мое внимание гораздо менее исключительно, чем до этого эпизода. Хотя я никогда не собирался жениться, мой разрыв отношений с этой девушкой сильно повлиял на меня. Во всяком случае, это ознаменовало резкое изменение в характере моих сексуальных переживаний. Сексуальный импульс, похоже, утратил свою способность побуждать меня к действию. До сих пор я практиковал мастурбацию всегда, так сказать, в знак протеста — как единственно доступную форму сексуального удовлетворения; в то время как теперь я смирился с этим как с единственным, на что можно было надеяться в этой области. Конечно, я знала, что немного усилий или немного денег обеспечат естественное удовлетворение моих сексуальных потребностей, но я также знала, что никогда, ни при каких обычных обстоятельствах, не приложила бы необходимых усилий, а страха перед венерическими заболеваниями было более чем достаточно, чтобы удерживать меня подальше от домов проституции.

Несколько месяцев назад я воздерживался от мастурбации в течение примерно шести недель и внимательно следил за любыми изменениями в своем здоровье или настроении, но вообще ничего не заметил. Единственный импульс к мастурбации был вызван приступами беспокойства, сопровождавшимися эрекцией и слегка приятным ощущением наполненности в половом члене и мошонке. Я думаю, что более 75 процентов моих актов мастурбации спровоцированы этими приступами беспокойства и не сопровождаются причудливыми образами, эротическими мыслями, похотливыми желаниями или выраженным удовольствием. В других случаях акт вызван эротическими мыслями и образами и сопровождается значительной степенью похотливого удовольствия, которое, однако, никогда не было таким интенсивным, как в моих предыдущих опытах, и неуклонно уменьшалось с первого раза. Обычно оргазм сопровождается сильным сокращением всех произвольных мышц, особенно разгибателей, за которым следует легкое головокружение и легкое чувство истощения. При повторении нескольких раз в течение одного дня за этими действиями следуют вялость и вялость; в противном случае чувство истощения быстро проходит, и его место занимает чувство облегчения и покоя. Это обращение к мастурбации как средству избавления от нервозности и беспокойства стало настолько естественным или, скорее, привычным, что этот акт становится почти инстинктивным в своей бессознательности.

Я чрезвычайно чувствителен ко всем видам сексуального влияния и обладаю ненасытным любопытством ко всему, что относится к сексуальной жизни мужчин или женщин. Однако я не испытываю сексуального возбуждения от разговоров о сексуальных фактах и взаимоотношениях, независимо от их характера, хотя при чтении эротической литературы мое возбуждение часто бывает сильным.

Склонность к грезам наяву никогда не покидала меня, но больше нет никаких тщательно продуманных сцен или длительных "историй", их заменили смутно воображаемые происшествия, которые обычно прерываются до того, как достигают удовлетворительной кульминации. Они всегда прерываются вторжением других вопросов, обычно представляющих более практический интерес; а давняя привычка удовлетворять себя мастурбацией сделала эротические сны скорее мучительными, чем приятными. Мне очень редко снятся сны по ночам — по крайней мере, я едва ли могу вспомнить какие-либо сны после пробуждения — и практически никогда о сексуальных отношениях. У меня не было ночных поллюций более трех лет, и, вероятно, не более двадцати пяти за всю мою жизнь.

В моих "любовных пассажах" с девушками с моей стороны не было серьезной мысли о половом акте, и у меня никогда не было полового акта с женщиной - если только мой ранний опыт со служанкой можно назвать таковым. Как и все мастурбаторы, я всегда идеализировал "любовь" до полного исключения всех чувственных влечений; и представление о том, что физический акт соития был чем-то унижающим и разрушительным для настоящей любви, а не ее завершением, было из всех когда-либо сформированных мной предрассудков самым трудным для избавления — обстоятельство, связанное, я полагаю, с тем фактом, что все, чему меня когда-либо учили по этому предмету, вело к полному отделению того, что называлось "любовью", от того, что клеймилось как "низменное чувственное желание". Исходя из моего собственного опыта и наблюдений, я должен сказать, что "идеальная любовь" - это всего лишь поверхностное чувство, которое неизбежно исчезнет, как только оно достигнет своего объекта, вызвав ответный интерес со стороны того, на кого оно направлено. Я так мало "материализовывал" объекты своей "любви", что меня никогда не интересовали поцелуи или теплые объятия,

которым обычно предаются влюбленные. Я никогда не целовался, кроме одной девушки, да и то со слишком небольшим энтузиазмом, чтобы удовлетворить ее. Моей последней возлюбленной была очень страстная девушка, тепло объятий которой было несколько обжигающим и, по моему, одновременно озадачивающим и раздражающим. Интенсивность чувств, требовавшая такого напряженного выражения, была за пределами моих знаний о человеческой природе. Несколько странным обстоятельством в связи с этими переживаниями является тот факт, что я часто ловил себя на том, что пытаюсь проанализировать свои эмоции с чисто психологическим интересом, играя роль опьяненного любовника в объятиях своей любовницы.

Мне почти нечего сказать о моем сексуальном развитии. За последние два-три года мои познания о фактах сексуальной жизни очень сильно расширились, и я познакомился с такими сторонами человеческой натуры, которые раньше были мне совершенно неизвестны. Роль, которую играют сексуальные вещи в моей жизни, все еще, я полагаю, ненормально велика; это, несомненно, самый большой отдельный интерес, хотя моя внешняя жизнь почти полностью определяется другими соображениями.

Конечно, я ничего не знаю о том влиянии, которое длительная мастурбация могла оказать на мою способность совершать нормальный коитус. Я не думаю, что я подвержен каким-либо сексуальным извращениям, поскольку все мои потворства были *следствием любви* и, по крайней мере, с тех пор, как я начал мастурбировать, все мои желания и эротические грезы наяву были связаны только с нормальным половым актом. Временами кажется, что тайна, окружающая половой акт, вновь обретает свое прежнее влияние и силу очарования. Однако я не сомневаюсь, что был бы сильно разочарован, если бы когда-нибудь совершил коитус; и я очень сожалею, что не смог проверить это убеждение и таким образом завершить эту "историю".

Возможно, стоит сказать несколько слов о моих религиозных переживаниях, поскольку во многих случаях они тесно связаны с сексуальным импульсом. Я никогда не был "обращен", но в дюжине или более случаев более или менее близко подходил к кризису. Доминирующей эмоцией в этих переживаниях всегда был страх, иногда с гневом и отчаянием, смешанными в различных пропорциях. Полный анализ этих переживаний, конечно, невозможен, но различные приятные чувства, о которых новообращенные говорили на пробуждениях, которые я посещал, были для меня закрытой книгой. После моих встреч с пробуждением последовало несколько дней, проведенных в своего рода моральном подъеме, в течение которых я отказался от всех своих привычек, которые не одобряла общепринятая мораль, за исключением мастурбации, и почувствовал немалое удовлетворение своим моральным состоянием. Я стал первоклассным фарисеем. К женщинам, которые фигурировали в моих грезах наяву, я внезапно проникся самой целомудренной привязанностью, решительно заглушив все чувственные мысли и фантазии при мысли о них и заменив эти элементы идеальной любовью, самопожертвованием, рыцарской преданностью — картинки из воскресной школы в Эдемском саду средневекового романтического колорита. Эти сны наяву всегда были сексуальными, включающими ситуации чрезвычайной сложности и монументальной глупости. Мастурбация всегда продолжалась и обычно с повышенной частотой. Окончание этих периодов всегда было резким и во многом напоминало пробуждение ото сна, в котором сновидец вел себя так, чтобы вызвать свое собственное отвращение. За ними последовали чувства застенчивости и презрения к себе, смешанные с гневом и неприязнью ко всему, что имеет отношение к религии. Моя неспособность преодолеть кризис обращения и растущее презрение к пустому энтузиазму в

конце концов привели меня к более здоровому отношению к религии, от которого я легко перешел к религиозному скептицизму; а позже изучение философии и естественных наук, и особенно психологии, изгнало последние остатки веры в сверхъестественные силы и привело меня к страсти к фактам и безразличию к ценностям, из-за которых меня часто называют "мертвым для всякой морали".

ИСТОРИЯ II.—К.А., 25 лет, не женат; репетитор, готовится принять священный сан:—

Моя родословная по отцовской линии (которая в основном гугенотская) примечательна своим патриотизмом и большими семьями. Моего отца, который умер, когда мне был год, помнят за исключительную прямооту и чистоту его жизни с самого раннего детства. Фотография, которая у меня есть, показывает, что он обладал редкой классической красотой черт лица. Он был идеальным мужем и отцом. На момент своей смерти он был магистром искусств и директором школы. Моя мать - необычайно невротичная женщина, но среди своих друзей известна своей большой домовитостью, привязанностью к мужьям и почти ненормальной любовью к детям. Она благородно переносила жестокое обращение своего второго мужа, который в течение нескольких лет пребывал в состоянии меланхолии. Моя мать всю свою жизнь была "на взводе" и сильно страдала от всевозможных страхов. В детстве она была сомнамбулой и однажды во сне упала с лестницы. Несмотря на свои телесные страдания от несварения желудка, перенапряжения глаз и депрессии, она сохраняет свою молодость. У нее слабые способности к рассуждению. У нее были периоды бессознательности и ригидности, я никогда не слышал никаких упоминаний об эпилепсии. Она боится проявлять ханжество в отношении здоровых проявлений сексуальной жизни и всегда хвалит примеры того, что она называет "естественной женщиной".

Я слышал, что в течение моего первого года жизни моя мать застукала мою медсестру за тем, что она подсыпала мне на язык порошок морфия, чтобы заставить меня замолчать. В тот период я был подвержен судорогам и чудом избежал постоянной грыжи. Моя семья говорит мне, что с самого начала я был хорошо развитым мальчишкой, полным озорства, импульсивным, приятным на вид, необычайно ласковым, всеми любимым.

На третьем курсе я получала удовольствие, залезая под кровать со своим двоюродным братом, который был на девять месяцев старше меня, а после того, как мы снимали трусы, целовали затылки друг друга. Я не помню, кто из нас первым додумался до такого времяпрепровождения.

В возрасте 4 лет я доставил себе удовольствие, посмотрев вверх через окно подвала на бедра женщины, которая испражнялась с высоты нескольких футов в выгребную яму, находившуюся внизу. Именно этим летом я также напугала себя, оттянув крайнюю плоть достаточно далеко, чтобы обнажить фиолетовую головку, которую я никогда раньше не видела. Но этот акт не вызвал у меня желания мастурбировать.

Когда мне было 5 лет, и я жила в большом городе, я рисовала непристойные картинки в компании маленькой девочки и ее младшего брата. На этих рисунках были изображены мужчины в момент мочеиспускания. Пенисы были нарисованы крупно, и четко обозначались струйки мочи. Однажды днем я уговорил мальчика пойти в ванную, лечь на спину и позволить мне выполнить *фелляцию* над ним. Я не просила его отплатить мне тем же. Я помню странный

дегтеобразный запах его одежды и области вокруг его гениталий. Возможно, что я получил свои знания о *фелляции* от неизвестного мальчика 10 лет, который прошлым летом побудил меня выйти с ним на песчаную стоянку, посмотреть, как он мочится, а затем, опустившись перед ним на колени, совершить *фелляцию*. Год спустя, когда я шел под дождем домой в наш летний коттедж с открытым зонтиком через плечо, 15-летний мальчик, прислонившийся к нашему забору, продемонстрировал большой эрегированный пенис, и когда я проходил мимо него, помочился на меня и мой зонтик. Я больше никогда не видел мальчика. Я чувствовал себя особенно оскорбленным его поступком. За домом жил 12-летний мальчик, который пригласил меня посмотреть, как он справляет нужду в уборной на открытом воздухе, и во время представления рассказал мне несколько неприличных историй и слов, которые я не могу вспомнить.

Примерно в это же время я влюбилась в маленького еврейского мальчика по соседству. Часто я плакала до тех пор, пока не заснула, думая, что, возможно, он лежит один на диване и плачет от боли в животе. Мне страстно хотелось обнять его, и все же я мало его видела и мало ценила, когда была с ним.

Несколько месяцев спустя, когда я жила в западном городе, несколько девочек 12 и 14 лет привели меня в свой сарай, где они переоделись в мужскую одежду и притворились ковбоями. Один из них сказал мне: "Закрой глаза, открой рот и получи сюрприз". Когда я снова открыл глаза, у меня во рту лежал кусочек куриного помета. У меня сохранилось смутное воспоминание о том, как одна из девушек попросила меня зайти с ней в туалет. Она произнесла какую-то неudelикатную фразу, но я ничего с ней не сделал. В доме, где я жила, я однажды вошла в спальню девочки-подростка, когда она одевалась. Она опустилаcя на колени, чтобы поцеловать меня достаточно невинно, и я, повинувшись внезапному порыву, провел рукой между ее обнаженной шеей и корсетом, насколько мог дотянуться. Очевидно, она не обратила внимания на мое движение. Хотя я не мастурбировал, все же в течение этой зимы я испытывал ощущение щекотки в области своих гениталий, когда я подносил подних руку, лежа на животе в постели. Однажды вечером я задрала ночную рубашку и, держа пенис в руке, танцевала взад-вперед на ковре. Я представил себе, что я один из шеренги обнаженных мужчин и женщин, которые продвигаются к другой такой же шеренге, стоящей перед ними. Я представил себе, как мне доставляет удовольствие соприкосновение с моей партнершей, обладающей мужскими гениталиями.

Следующим летом я жила в лесу. Моей соседкой по играм была маленькая девочка моего возраста — 6 лет. Она села передо мной в сарае и обнажила свои гениталии. Это был первый раз, когда я увидел женские органы или на мгновение подумал, что они отличаются от моих собственных. В большом недоумении я спросил маленькую девочку: "Ее отрезали?" Мы с ней испражнялись в корзинки для персиков, которые нашли в верхней части сарая.

Когда мне было 7 лет, я вернулся в Восточный город и жил в доме врача. Однажды наедине со своей 3-летней дочерью я показал ей свой эрегированный орган и почувствовал восхитительное удовлетворение, когда она погладила его со словами: "Приятно! Приятно!" Я признался в своей вине своему опекуну в ту ночь после того, как помолился. За год до этого я пожаловался своей матери на неудобства, которые я испытывал из-за того, что мой пенис "иногда такой длинный". Она сказала, что "позаботится о том, чтобы мне отрезали конец". Но я

никогда не был обрезан. Ее слова произвели на меня вдвойне неприятное впечатление, что мою голову собираются отрезать.

Время от времени на кухню дома доктора У. приходила сквернословящая ирландская прачка, которая грубо выражалась со мной по поводу мочеиспускания. Я ненавидел эту женщину, и все же однажды ночью мне приснилось, что я обнимаю ее обнаженное тело и перекатываюсь с ней по кровати снова и снова; и, несмотря на то, что несколько месяцев назад я видел женские гениталии, я думал о ней как о органах моего вида и размера. В моей первой школе я наблюдал, как рыжеволосый мальчик 12 лет обнажал пенис 7-летнего мальчика, когда тот лежал на спине в ванной. Я не помню, чтобы это зрелище доставляло мне сексуальное удовольствие.

Я провел лето до того, как мне исполнилось 8 лет, в доме на двоих. Приемной дочерью нашего соседа (невротика, врача на пенсии) была 13-летняя девочка, которую забрали из бедной рабочей семьи. Она заставила меня показать ей свои части тела, потрогала их и спросила, мочусь ли я из мошонки. Она также побудила меня поиграть с ее гениталиями, когда мы сидели на диване в сумерках, и отшлепать ее обнаженную попку тыльной стороной щетки для волос, когда она лежала на кровати; но ни от одного из этих представлений я не получил физического удовлетворения. Девушка Э. и я получали удовольствие от "обсуждения грязных секретов", как она выражалась. Ее юный кузен Х. (племянник ее приемной матери) никогда не слышал, чтобы я употреблял слово "вещь" без многозначительной улыбки. Э. вспомнила приятные часы, которые она провела со своим двоюродным братом, когда они были в ночных рубашках. Она не стала подробно описывать эти сексуальные отношения. Под доской ходит мальчик Х., и я однажды испражнялся в бутылки. Несколько маленьких девочек, живших напротив нас, однажды вечером задрали свои платья и "вызывали" друг друга на танец за углом дома, на виду у дороги. Мы, мальчики, просто смотрели.

Теперь я страстно влюбилась в удивительно красивого маленького мальчика моего возраста. Мне очень хотелось поцеловать и обнять его, но я не осмеливалась этого сделать, потому что он был надменен и нетерпим к моему вниманию. Я даже позволил ему встать на меня одной ногой и громко заявить: "Я Победитель!" Я бесконечно терпел мелкие оскорбления и жестокое обращение со стороны этого мальчика. Я достигла апогея своей страсти в ту ночь, когда он появился в нашем коттедже в облегающем костюме цвета перца с солью. Я восхищалась его идеальными ногами и умоляла свою опекуницу купить мне такой же костюм.

Все лето после того, как мне исполнилось 8 лет, я жил в коттедже в провинциальном городке. Служанкой М. была молодая девушка 16 лет, которая жадно слушала мои рассказы о "секретах" и действиях, которыми мы с девочкой Э. восхищались год назад. Я думаю, что М. устроил встречу между маленькой черноволосой девочкой и мной для того, чтобы мы могли прогуляться и поиграть друг с другом в сексуальные игры. Как только мы отправились на прогулку, один из моих родственников сказал, что я не должен покидать двор.

Мы с маленькой девочкой пилили вместе, и меня заинтересовали ее ноги, когда она поднялась в воздух. (Когда мне было 13 лет, и я пилил на пикнике с полной девушкой, движение доски и вид ее оседланной фигуры наполнили меня страстным желанием сексуально обнять ее.) Однажды днем М. привела меня в дом своей знакомой. Брат М. был в комнате и сделал несколько незапоминающихся замечаний, которые показались мне довольно "свободными", и М. позже рассказала мне, что однажды они с девушкой переоделись танцорами балета и

танцевали перед братом М. Я чувствовала, что он похотлив. У меня всегда была замечательная интуиция.

Я влюбилась в красивого, полного, черноволосого мальчика, который жил на ферме; но он не был "сыном фермера" в обычном смысле этого слова. Я навещала его два или три дня, и мы переспали друг с другом, к моей безграничной радости. Что касается его веснушчатой кузины, меня не волновал поворот моего запястья, хотя она была достаточно милой малышкой. Однажды ночью, когда мы втроем лежали на кровати в темноте, и ни у кого из нас, мальчиков, не было ни глаз, ни слов для нее, она молча ушла от нас. Мы с ним никогда не совершали ни малейшей сексуальной ошибки. В конце лета я рассталась с ним в слезах, а следующей зимой часто целовала его фотографию.

В многоквартирном доме, где я начал жить, когда мне было 8 лет, я однажды практиковал взаимную щеку с очень легкого характера с мальчиком моего возраста. Мы сели на стулья, поставленные друг напротив друга, и просунули пальцы в отверстия на брюках. Как раз в тот момент, когда мы начали наслаждаться этим возбуждением, нас прервало приближение одного из членов моей семьи, который, однако, оказался недостаточно быстрым, чтобы обнаружить нас. В подвале я часто видел гениталии маленьких девочек уборщицы — они любили задиравать юбки и не носили подштанников, — но у меня не было никакого желания пытаться соединиться. Однажды я застал своего старшего друга (ему было 13 лет) за тем, как он уходил от одной из девочек. Пара находилась в угольном отсеке. Мальчик застегивал брюки, и я догадался, что он делал. Когда на десятом году жизни я начал спать один, у меня не было желания мастурбировать, и я не хотел этого делать из-за многочисленных предупреждений, данных мне моим опекуном и семейным врачом. Однажды днем мой низкорослый друг сел на заднем дворе и поразил меня, привязав к своему пенису кусок бечевки. В большой частной школе, которую я сейчас посещал, я познакомился с сыном директора и удивился, почему ему так нравится наряжать свою 5-летнюю сестру в мальчишескую одежду. Он закрыл передо мной дверь, пока был занят этим. У меня дома мы вместе пошли в ванную, и он показал мне свой обрезанный пенис с выступающими ребрами. Никто из нас не упоминал о мастурбации.

В тот период я слегка влюбилась в 5-летнего мальчика с ярко-черными глазами. Я целовала его всякий раз, когда мы оставались наедине, но у меня не было желания соблазнять его. Мне всегда было интересно наблюдать за мочеиспусканием детей младшего возраста. Когда мне было 5 лет, я встал на колени перед незнакомым маленьким мальчиком, чтобы прошептать ему на ухо вопрос, не хочет ли он помочиться. Я испытал приятный трепет, когда мне было 10 лет, когда я вел маленькую двоюродную сестру в уборную на открытом воздухе, помогал ей садиться на открытое сиденье и слезать с него, застегивал и расстегивал ее панталоны и смотрел на ее вульву.

Летом, перед тем как мне исполнилось 10 лет, я вел дикий образ жизни в горах. Моими спутниками были негритянка, две дочери священника, два сына сомнительной женщины-содержательницы гостиницы и дочь ирландского мусорщика. Все эти дети были необычайно чувственными. Их главным времяпрепровождением с утра до ночи были различные формы непристойностей, а самым частым наслаждением была высшая ласка, которую они называли "воспитанием дикки". 5-летняя дочь мусорщика объяснила нам, как она видела, как ее отец приближался к ее полной матери с эрегированным пенисом, пара стояла перед светом лампы во время акта. Эта кудрявая, розовощекая девочка так часто трогала свои гениталии, что они

воспалились. Однажды я увидел, как она сидела на дороге и втирала пыль в вульву. Я мало виделся со старшей дочерью священника (ей было 12 лет). Она убедила меня обнажиться перед ней в подвале недостроенного дома. В обмен на мою услугу она позволила мне посмотреть на ее гениталии. Она не просила *осоединении*. Две младшие дочери были моими близкими подругами. Со средней я постоянно выполнял слабое соединение, которое заключалось в том, что мой член касался ее вульвы. Несмотря на все мольбы моей маленькой подруги, меня так и не удалось убедить приставить свой пенис к ее влагалищу; и ни разу на моей памяти я не испытывал эрекции или экстремального удовольствия. Наверху, на чердаке, она оседлала косые балки, обнажив гениталии, и я последовал ее примеру. Негритянка и мой маленький друг по моей просьбе помочились на пол палатки. Мне не понравился ни запах женских гениталий, ни вид вульвы, когда половые губы раздвинуты.

Следующим летом, когда мне было почти 11, я однажды отправился на долгую прогулку со своей старой подругой, девушкой Э. Мы вошли в рощицу и пообедали, но меня не охватило чувство сексуального влечения к девушке, и она не предложила соблазнить меня. Однажды ночью я переспала с ее двоюродным братом, и ее тетя-невропатка, женщина-врач на пенсии, беспокоила нас, постоянно прокрадываясь в нашу комнату. Я интуитивно чувствовал, что она наблюдает, не займемся ли мы взаимной мастурбацией, чего у нас и в мыслях не было делать. За три года до этого я внезапно открыл дверь ее спальни и увидел обнаженную фигуру Э. Врач осматривал ее, сказал мне Э. позже. Мой опекун также раздражал меня постоянными предупреждениями не играть с собой.

Незадолго до того, как мне исполнилось 11, меня отправили в маленькую так называемую "домашнюю" школу-интернат. Восемь из нас жили в общежитии поменьше. Комната надзирательницы располагалась на первом этаже. Не было постоянного мастера — серьезная ошибка. Однажды вечером нам, маленьким мальчикам, сказали раздеться. Затем нас связали шея к шее и заставили танцевать "танец рабыни", в котором не было никакой сексуальности. Однажды днем 15-летний мальчик Р. сообщил мне поразительную информацию о том, что мой отец принимал участие в моем зачатии. До этого момента я знала только об отделениях материнства, информацией о которых меня прекрасно снабдил мой опекун, когда мне было 7 лет. В то время я свободно рассказывал о появлении младшего брата в далеком городе; я наблюдал за изготовлением детской одежды; я назвал новичка и был на мгновение разочарован, когда оказалось, что это девочка. Этот самый Р., сильный парень с большим пенисом, взял в обычай ложиться со мной в постель незадолго до того, как погасили свет. Он читал про себя и время от времени останавливался, чтобы накачать свой пенис и издавать губами звук работающего локомотива. Я почувствовала побуждение прикоснуться к его органу, потому что была очарована его размером, жесткостью и теплом. Редко онщекотал мой тогда еще маленький и не эрегированный пенис. Р. никогда не эякулировал, когда был со мной; следовательно, только на третьем курсе я познакомился с появлением потока спермы. Иногда Р. останавливался во время одевания, чтобы поупражняться со своим пенисом, но являл собой такую картину розового здоровья, что я сомневаюсь, часто ли он доводил себя до эякуляции. Р. сказал мне, что он был в борделе, где его гениталии обследовали, чтобы определить, достаточно ли они большие и не больны. Он также рассказал, как "играл в корову" с девушкой своего возраста, когда она согласилась сделать ему *фелляцию*. Темнокожий, невымытый, прыщавый, но довольно энергичный парень 16 лет с раздражительными властными манерами рассказывал мне о прелестях совокупления с девушкой в бане, и я подслушал его разговор с

другим "пожилым" парнем о покупке девушки в большом городе за сумму в пять долларов. Никаких подробностей сообщено не было.

Теперь я перехожу на третий курс, когда мне было 13 лет. Моим кумиром стал крупный, хорошо сложенный 16-летний мальчик А. Его терпимость к моему присутствию в его комнате наполнила меня бесконечной любовью. Когда я лгал о деле, в котором он был замешан, его донос на меня приводил меня в состояние невыразимой дрожи и рыданий. Когда наши отношения снова установились, А. позволил мне забраться к нему в постель после того, как погас свет, и там я страстно обняла его, но без совершения какого-либо определенного действия. Когда я перевернулась на бок спиной к нему, он поводил моей крайней плотью взад-вперед, пока я не испытала оргазм, но не эякуляцию. Я бы ответила ему взаимностью, накачав его эрегированный пенис, но без эякуляции с его стороны. Он не предлагал *фелляции*, и я не думала об этом. Однажды ночью, когда он был в моей постели, я начала слегка мастурбировать, после чего он рассмеялся и сказал: "Так вот как ты развлекаешься!" На самом деле, эта привычка не закрепилась за мной. Он всегда смеялся, когда его палец касался моей обнаженной головки, заставляя меня съеживаться. Другой мальчик, Х., теперь начал показывать мне свой эрегированный пенис, и мы практиковали взаимные манипуляции. А. со смехом рассказал мне, как я застал Х. за мастурбацией, когда он стоял в ванне. А. рассказал мне ряд сексуальных историй - как он наслаждался совокуплением в кустах с девушкой по дороге домой с развлечений; как полдюжины мальчиков и девочек разделись в подвале церкви и совершили совокупление на бархатных стульях, стоявших за кафедрой; и как он и мальчик помладше, которые вместе ночевали на природе, играли с гениталиями друг друга. Ф., мальчик 11 лет, был очень нервным, робким и плакал при малейшем поводе. провокация, часто угрюмый, проходит лечение от проблем с почками. Его пенис вставал всякий раз, когда я видел, как он раздевается. Он рассказал мне, что какой-то полоумный мужчина научил Ф. и его спутницу мастурбировать. Мужчина пригласил мальчиков в свою палатку и там качал свой орган, пока "из него не потекло что-то белое". Ф. также рассказал мне, что индийская принцесса в его части страны разрешала коитус за пятьдесят центов. А. иногда спал с Ф., и я мог представить их объятия. С., скрытный, красивый мальчик 13 лет, каждую ночь мочился в свою постель. Единственным признаком его интереса к сексуальности было его смеющееся замечание по поводу спаривания розовых жуков. О его приятеле, моем любимом К., я расскажу позже. Мой маленький сосед по комнате держал себя в руках совсем немного. У меня никогда не было желания лечь ни с ним, так как он мне не нравился, ни с моим первым соседом по комнате, "коренастым" вспыльчивым мальчиком 10 лет, чей пенис интересовал меня только потому, что он был обрезан и почти всегда эрегирован. Его мастурбация также была настолько незначительной, что не привлекала особого внимания. Похотливый немецкий мальчик Б. не проявлял никаких признаков сексуальности до своего третьего курса, когда он посмеялся над своими недавно появившимися волосами на лобке и открыто рассказал нескольким из нас о том, как ему нравилось наигрывать "барабанную дробь" на своем пенисе перед сном. "Хотя я делаю это не слишком часто", - объяснил он. Он проявил легкое любопытство, когда я дал ему резюме книги о совместном проживании, в которой содержались иллюстрации эрегированного пениса и женских органов. Я нашел эту книгу в лесу и жадно читал ее на третьем курсе.

Я пришел к тому, что согласился с А., который сказал: "Все грязные". Действительно, я жил в мире похоти, и все же мои мысли были сосредоточены также на книгах, писательстве и внешнем мире. Я был великовозрастным и великолепно развитым, с пенисом среднего размера и скудной порослью лобковых волос. На моем лице застыло несколько инфантильное

выражение. Мой рот напоминал идеальный "лук Купидона", волосы были тонкими и светлыми. Меня беспокоил мой курносый нос, который очень забавлял мальчиков. На самом деле я преувеличил тенденцию к росту из-за своего болезненного самосознания и трусости. Мое воображение было необычайно напряженным, как и всегда. Я была чувствительна к запахам, звукам, цветам и личностям, а также к тонкому влиянию ночи. Я была робкой и легко доводила себя до слез, но не от какой-либо физической слабости, пока не закончила. В нижнем корпусе был мальчик Z., известный своим большим пенисом; и старший G., 15-летний мальчик, который был лидером по сексуальности в своем общежитии. З. достаточно часто показывал мне свой пенис и обнажал головку, но мы не манипулировали друг другом. G. попросил нас обратить внимание, какое большое пространство занимает его пенис в брюках, и посмеялся над обычаем З. мастурбировать с помощью узкой вазы. Особым любовником G. был нервный мальчик десяти лет. Примечательно, что никто из нас не упомянул о *фелляции* или *педикации*. Эти действия, возможно, происходили в школе, но, насколько мне известно, нет. У нас не было много чего сказать о девочках в сексуальном плане. До нас дошли слухи о 16-летнем В., которого исключили из школы за коитус; а мой первый сосед по комнате, как говорили, заключил *conjunctio* с девушкой под прикрытием сарая при часовне. Однажды мы с А. направили подзорную трубу на открытые окна женского общежития, но не увидели ничего интересного. Дневной ученик Дж., бледный, нервный, смышленный мальчик 13 лет, привел меня в кабинет своего дяди-врача, и мы вместе восхищались изображениями половых органов. Однажды А. был с нами. Дж. рассказал мне, как ему нравилось переворачиваться в постели, положив руку под мошонку. Этот акт, по его словам, заставил его представить, что он совершает коитус. Он посоветовал мне двигать своим пенисом взад-вперед во влагалище всякий раз, когда я действительно собираюсь совершить коитус. В моей школьной комнате Дж. однажды нарисовал воображаемую карту баньо, на которой был аккуратно изображен туалет, *примыкающий* к спальням. Дж. и я никогда не мастурбировали вместе. Действительно, я не помню, чтобы видел его орган. Неуклюжий 16-летний мальчик, живший напротив школьной территории, сблизился с Дж., и мы втроем отправились на прогулку вдоль железнодорожного полотна. Большой парень, У., пытался разжечь мои страсти, рассказывая, как они с Дж. совокуплялись в городе с красивой черноволосой вдовой, но я оставался холоден.

В течение этого года я влюбилась в К., популярного, разговорчивого, остроумного мальчика моего возраста или, возможно, на год младше. Я ему понравилась, и однажды ночью мы переспали при самых невинных обстоятельствах. Я никогда не мечтала о сексуальных отношениях с ним, и все же я буквально сгорала от любви к нему. Мое пребывание в его прекрасном доме в воскресенье, пока его родители были в отъезде, было сплошным наслаждением. Мы спали в объятиях друг друга, но между нами не было сексуальности. По дороге к дому К. он указал перчаткой на маленькую работающую девочку, сказав, что хотел бы заняться с ней сексом, но это было единственное замечание подобного рода, которое когда-либо слетало с его губ в моем присутствии. Раздевшись, за исключением нижней рубашки, он со смехом держал в руке свой не возбужденный орган и делал движения, изображающие соединение с воображаемой партнершей. Однажды мы заговорили о мастурбации (я могла бы привести информацию моего доброго врача с изумительной демонстрацией добродетели), и К. заметил: "Да, это сводит мальчиков с ума". К. в конце концов устал от моей обманчивой детской натуры и чрезмерного интереса к книгам и головоломкам, но я питала к нему неослабевающую привязанность, и когда его на две недели задержали дома сломанной рукой, я написала ему страстное письмо, над которым рыдала и даже омочила своими слезами. Но пыл моей страсти

угас к концу года. Я считаю эту незапятнанную дружбу единственной искупительной чертой моих чувственных дней в школе.

Будучи сведущим в предупреждениях против мастурбации, однажды днем, когда я был один, я получил удовольствие, просунув свой пенис через открытую ручку ножниц и яростно размахивая своим частично эрегированным органом, пока странный, сладкий трепет не охватил меня с головы до ног, и капля прозрачной жидкости не выступила из моего члена. Но я отказался от манипуляций с ножницами, находя большее удовлетворение в мастурбации во время дефекации или сразу после нее. Я либо качал свой орган, перемещая крайнюю плоть взад-вперед, либо хватал орган за его корень и яростно дергал его взад-вперед. Вскоре я начал мастурбировать не только каждый раз, когда испражнялся, но и ночью, непосредственно перед сном, а иногда и ранним утром. В целом я предпочитал только что описанные дочки. Я всегда вызывал семяизвержение примерно через пять минут сильного напряжения.

Мой пенис натерся у основания, но меня это не особенно волновало. Я помню тот день, когда я впервые мастурбировал, когда испражнялся в школьном туалете. Я не могу припомнить, чтобы сначала я думал о половом акте во время мастурбации. Однажды я мастурбировал над *черной вазой* после восхитительного дня катания на санях вверх и вниз по горе.

В течение этого первого года жестокого обращения я вообще не ощущал никаких негативных последствий, хотя и понимал, не задумываясь, что поступаю неправильно. Но сексуальность стала регулярной чертой нашей школьной жизни. Мне было трудно представить "универсальный" взгляд в его истинной перспективе. Раньше я улыбался остекленевшим, тусклым утренним глазам бедняги Х., который был низкорослым 15-летним мальчиком и поэтому не мог переносить свои потери так хорошо, как я мог переносить их. Угрызения совести, от которых я страдал, растворились в моем восторге от зарождающейся сексуальной жизни. Иногда я лежал в постели на животе и, положив руку себе под мошонку, согласно указаниям Дж., вспоминал хорошенькую девушку. Как раз перед началом воскресной школы Джи, наш главный нечестивец, и остальные из нас выискивали то, что мы считали отвратительными текстами Священного Писания. Особое удовольствие мне доставила глава о блудодеяниях Ахолой и Ахолибы. Т. упомянул хихиканье, которое раздавалось во время молитв в нижней спальне, когда зачитывались подробности рождения Исава. За несколько дней до того, как Гурджиева исключили — по какой именно причине, я не знаю, — он рассказал мне о том, как сильно ему понравилось совокупляться на диване своей бабушки с пятнадцатилетней девочкой. Когда я возвращался домой на лодке на каникулы, я обратил внимание на большой, покрытый черными волосками пенис сильного мальчика из нашей школы. Он занимал со мной каюту, но не делал никаких сексуальных попыток.

Начиная с двенадцати лет, я все лето была привязана к мальчику, который был на шесть месяцев старше меня. Мы постоянно спали вместе, но ни разу не подумали о взаимном удовлетворении. Напротив, мы поддерживали друг в друге высокие идеалы и неодобрительно относились к мастурбации. Мне доставляло удовольствие говорить, что я никогда не занималась собой и никогда не буду этого делать. Даже в разгар моего "аутоэротического" периода я умело скрывала свои привычки от всех своих друзей-парней. Мой друг-невротик, солист хора, однажды заговорил о достижении эякуляции, после чего я, маленькая лицемерка, выразила полное невежество по поводу такого акта. Этот мальчик рассказал, как слуги шутили с ним по поводу полового акта и делали смеющиеся выпады в сторону его органов.

Но как бы сильно я ни любил своего приятеля, на тринадцатом году жизни мое самое страстное отношение проявилось к Н., круглолицему, голубоглазому 12-летнему мальчику из хора. Он был симпатичным мальчиком на любой взгляд. Он не был одарен, разве что в водных видах спорта, и совсем не пользовался популярностью ни у девочек, ни у мальчиков; и все же мне стало тепло при упоминании его имени. Я была ему совершенно безразлична. От начала до конца я не осознавала сексуальную природу своей страсти, и мысль о чем-то большем, чем невинные объятия и поцелуи, никогда не приходила мне в голову. В течение двух летних сезонов я ночами ворочалась в своей постели (хотя я почти никогда не страдала бессонницей по какой-либо причине), когда видела его дорогое лицо и фигуру, входящую в бассейн и выходящую из него, или, возможно, занятую пением или показывающую свои прекрасные зубы. Я редко влюблялся в маленьких девочек, и после того, как мне исполнилось девять лет, я чувствовал себя неловко в их обществе; и все же я был достаточно высокого мнения об их внешности и манерах поведения, чтобы наслаждаться их обществом на танцах. Я нравился девочкам платонически, потому что меня считали хорошим, большим, добрым, неуклюжим мальчиком, готовым протянуть руку помощи самой мелкой сошке.

Летом, после того как мне исполнилось 13 лет, я представил себя ранним утром, в полудреме, как уговариваю свою жену вступить со мной в половую связь. Произнося эти слова, я держал руку под мошонкой.

Пухленькая двоюродная сестра моего возраста гостила у моего дяди летом, когда мне исполнилось 13. С ней мне очень хотелось удовлетворить себя, но я не мог быть уверен, что мой двоюродный брат (5 лет) не узнает нас, даже если она согласится. Однажды, когда мы втроем были на сеновале, меня захлестнула волна вожделения, но я не сделал предложения. Ночь и газовый свет значительно увеличили мою *либидо*. Однажды моя тетя отправилась в деревню за мороженым, и мы с Л. остались одни в столовой. Я посадил ее к себе на колени, и у меня возникла мощная эрекция. Я чуть было не попросил ее поиграть со мной в сарае, но вместо этого заговорил о воображаемой девочке, первые буквы имени которой образовывали неприличное слово, обозначающее совокупление, — боюсь, слово, известное почти каждому англосаксонскому ребенку. Л. рассмеялся, но не подал никаких признаков согласия. К соседской девочке 15 лет я испытывал такое влечение, что ранним утром катался по полу со своим эрегированным органом в руке, буйно представляя себе коитус с ней. Я гулял с ней по лесу и сидел у ее ног, но, хотя инстинктивно чувствовал, что она удовлетворит меня без особых уговоров, все же *я не мог* попросить ее. Однажды вечером я отправился в церковь, чтобы пойти с ней домой и отвести ее (если возможно) на поле, где мы могли бы ублажить себя (я точно выбрал травянистое местечко, где мы могли бы лечь); но когда я был почти у дверей церкви, мое "моральное чувство" (если это было то, что было) проснулось и потащило меня обратно домой.

Во время купания я наблюдал за гениталиями мальчиков, тщательно сравнивая их в мельчайших деталях. Обрезанные органы казались мне неприятными, а мужские волосатые, грубые гениталии вызывали у меня отвращение.

В 13 лет я познакомился с новым рассыльным в гостинице. Он был городским "уличным мальчишкой" и время от времени приучал меня курить сигареты. Я определенно не бросал курить, пока мне не исполнилось 16. Он рассказал мне, что однажды каменщик предложил ему десять центов, если он подрочит мужчине в подвале. Мальчик сказал, что отказался. Я несколько раз переспала с неприятным мальчиком прекрасного происхождения. Он был моего

возраста, и я играл с ним естественным образом в течение нескольких лет, но мои растущие сексуальные желания привели меня к взаимной мастурбации с ним и даже безуспешной попытке взаимной педикации с ним. Утром после наших чувственных ночей я чувствовал себя "ушедшим" и несчастным, но не раскaiвающимся. К вечеру я снова был самим собой. Мои отношения с Гурджиевым были чисто животными, потому что мне не нравились его ревнивый нрав, его лошадиный смех, его черты лица, его фигура, его втянутая мошонка и его низкорослый пенис. Дома по вечерам я часто ловила себя на том, что мысленно представляю себе активную *фелляцию* с ним, но, насколько я помню, я никогда не совершала этого акта.

Одним из моих самых больших сексуальных желаний было пройти вдоль забора, на котором сидела девушка. Чтобы я мог полюбоваться ее пышными формами, она не должна носить панталоны.

Когда мне исполнилось 14, я из-за своего необычного размера несколько месяцев носил длинные брюки. Я поступил в частную дневную школу и блестяще продвигался в учебе. Я продолжал мастурбировать почти ежедневно, иногда дважды в день, как в туалете, так и в постели. Я помню, как эякулировал перед мочеиспусканием в школьном *кабинете*. По ночам я часто ловил себя на том, что мечтаю о возвращении моей сестры, которая была младше меня на семь лет, чтобы я мог обнять ее в постели и ласкать ее гениталии. Я делал это во время своих рождественских каникул годом ранее. Я слегка упрекал себя за такие кровосмесительные желания, но они постоянно повторялись. Мне мало что снилось. И я не могу вспомнить характер своих снов. Мое пробуждающееся *либидо* тратило себя в основном на страстное желание обнять (без похотливых действий) маленьких мальчиков изысканной белокурой красоты с густыми волосами. Возможно, здесь присутствовал нарциссизм, потому что на двенадцатом году моей жизни мне сказали, что в возрасте 5-6 лет я была необычайно красивым маленьким созданием с длинными, белоснежными волосами. Предпочтительный возраст был от 6 до 9 лет. Я внимательно следил на улицах за мальчиками, подходящими под это описание, и уличный мальчишка с длинными белыми волосами настолько завоевал мою страсть, что я последовал за ним до его дома и спросил его мать, может ли он зайти ко мне и "поиграть в какие-нибудь игры". Поскольку я даже не знал имени мальчика и никогда раньше его не видел, мне с удивлением отказали. Я тщетно пытался выяснить местонахождение другого длинноволосого уличного мальчишки, которого мне не терпелось обнять и осыпать подарками. У меня было безграничное желание, чтобы такой мальчик, как этот, боготворил меня — смотрел мне в лицо большими глазами и терялся в любви ко мне - называл меня ласкательными именами - по собственной воле обвивал руками мою шею. Этот второй настоящий мальчик исчез с моего горизонта, предположительно уехав из огромного городского района. В школе мне приглянулся маленький мальчик, который обладал необходимой деликатностью, робостью и миловидностью, если не физическими данными, моего идеала кавалера. Я гулял с ним в парке и планировал пригласить его к нам домой, но это не было улажено. В школе-интернате я много общался с младшими и более слабыми мальчиками, и меня часто высмеивали за мою трусость в спорте, но в городской школе я общался с равными себе и завоевал их признание. Директор нашей гимназии был средних лет и ленивого нрава. Ему нравилось вспоминать о своей юношеской эрекции и слишком полно отвечать на мои сексуальные вопросы, и он охотно делился информацией о публичных домах. И все же я сомневаюсь, что у него была злая цель в разговоре со мной. Я думал, что никогда не осмелюсь или не захочу войти туда. Я всегда представлял себе ряд обнаженных женщин, из которых я мог сделать свой выбор, и запах этих женщин, как мне представлялось, был идентичен запаху моей большой подруги А. из школы-интерната.

Однажды днем, когда я ехал по городу в поезде надземки, кондуктор спросил меня, бывал ли я когда-нибудь в публичном доме, и сказал, что по соседству с моим домом полно притонов беспорядка. "У меня были отношения с женщинами, - сказал этот рыжеволосый молодой человек, помахав рукой в знак приветствия женщине, которая кивнула ему из окна, - с тех пор, как мне исполнилось 15 лет. Не так давно симпатичная молодая женщина в черном предложила оплатить все мои расходы, если я буду жить с ней и поддерживать связь".

Когда девочка лет семи, моя дальняя родственница, приехала к нам на несколько дней, я удовлетворил свою похоть, положив руку ей под гениталии и раскачивая ее взад-вперед. Она захихикала от удовольствия. Тем летом я начал испытывать на себе пагубные последствия мастурбации, которой я практиковался ежедневно в течение полутора лет. На моем подбородке начали появляться прыщи (до этого времени мой цвет лица был белым и нежным). Семья приписала мое состояние проблемам с пищеварением. Играя с мальчиками и девочками, я обнаружил, что меня охватывает ужасная застенчивость и склонность смотреть вниз и плакать. Я растерял все свое мужество — оно никогда не было большим — в присутствии толпы детей. Я чувствовал себя довольно непринужденно с одним товарищем. Мое самосознание было для меня чем-то более болезненным, чем я могу передать словами. Дома я плакала в своей комнате и проклинала себя за ребенка. Я мало осознавала причину своего нервного срыва. И все же у меня было слишком крепкое телосложение, чтобы не иметь возможности спать и усердно играть. Сочувственное удовольствие, которое я получал, раскачивая мою двоюродную сестру взад-вперед, я теперь удвоил, позволив семилетнему мальчику прокатиться верхом на моих ногах. Во время этого процесса я испытала эрекцию и почти вызвала семяизвержение, когда пощекотала мальчика ногами в области его гениталий. Видеть его сжимающуюся, хихикающую радость доставляло мне изысканный сексуальный трепет. Я страстно желала переспать с этим парнем, но боялась вызвать комментарии. В новой и большой школе-интернате, в которую я поступил осенью, мои самые похотливые сны и эякуляции были связаны с тем, чтобы поставить этого маленького мальчика в изножье кровати, снять с него трусики и сделать *фелляцию* над ним. Но я мечтала также о естественном половом акте. Я влюбилась в красивого 12-летнего сына престарелого директора школы. Мальчик по имени О. сидел рядом со мной за столом, и я никогда не уставал смотреть на него. Мне доставляло особое удовольствие смотреть на него, когда на нем был какой-то струящийся алый галстук "четыре в одну руку". Но О. не испытывал ко мне влечения — во-первых, я была в неприятном прыщавом состоянии, — и я не могла заставить его задержаться в моей комнате или переспать со мной. Моя страсть к О. не уменьшилась, и она достигла своего апогея в тот вечер, когда он появился в нашем коридоре (он жил на женской половине дома и намекал на сексуальные зрелища, которые видел) в костюме из белого атласа, кружев и крыльев. Он был готов к костюмированной вечеринке.

Теперь я мастурбировал реже, поскольку начинал осознавать ужасные последствия своего потворства своим желаниям. У меня были частые поллюции во сне. Мой день был одной долгой агонией страха. Как я боялась ложиться спать в одной постели со своим старшим приятелем, который никогда не делал никаких авансов, кроме пассивных *эректильных* объятий, пока он спал. Мой день был одной долгой агонией страха. Во время еды мои ноги постоянно корчились в агонии из-за страха, что взрослые юные леди директора школы будут смеяться надо мной или что мое отсутствие самообладания на лице и неспособность смотреть людям в глаза могут быть прокомментированы. Меня покалывало от дурных предчувствий, особенно в области живота. Каждый нерв был напряжен от усилий, которые я прилагал, чтобы казаться невозмутимым. Я мастурбировал с эрекцией по пустякам. Декламация греческого была для меня *аутодафе*. Мое

сердце забилося, как отбойный молоток, при мысли о том, что я встану и начну декламировать, и, как только я поднялась на ноги, мой голос дрожал, а мысли путались. Я ненавидела мысль о том, что люди позади меня смотрят на меня. Я редко набирался смелости повернуть голову в ту или иную сторону. Я безмерно восхищался "храбростью" маленького 15-летнего мальчика, который декламировал так спокойно и так хорошо. Я был слишком труслив, чтобы играть в футбол и бейсбол, и я боялся даже своего любимого тенниса, потому что зрители приводили меня в состояние испуганной застенчивости. Зная о своем собственном состоянии, я все же был настолько слеп к нему большую часть времени и был таким Джекиллом и Хайдом, что на самом деле пожалел 19-летнего парня, который был эксцентричной и напуганной жертвой мастурбации. Но, несмотря на мое невропатическое состояние, я развивался интеллектуально. Однако я не касаюсь этого аспекта своей жизни, потому что стараюсь строго ограничивать себя сексуальными проявлениями. В настоящее время у меня не хватает смелости продолжать повествование.

ИСТОРИЯ III.—Следующее повествование написано священнослужителем, 40 лет, неженатым:—

Мое детство и раннее отрочество не были отмечены сексуальными явлениями, за исключением случайных эрекций, которые начались примерно в 5-летнем возрасте без каких-либо возбуждающих причин. Они сопровождались некоторой степенью возбуждения, того же характера, что и то, которое я испытывал в последующие годы. Я был абсолютно несведущ в вопросах секса, но всегда считал, что существенное различие между мужчиной и женщиной заключается в половых органах. Иногда это было поводом для размышлений и любопытства.

Будучи в течение многих лет единственным ребенком в семье, я мало видел других детей и приобрел привычку развлекаться мастерством — лодок, домиков и т.д. — и вкус к науке. Когда я умел читать, я предпочитал биографию, историю и поэзию всему остальному.

Когда мне было 13 лет и я учился в большой школе, я впервые услышал о половом акте, но очень несовершенно. В течение нескольких дней это занимало мои мысли и разум, но, чувствуя, что это слишком захватывающая тема и отвлекает меня от более приятных дел, я выбросил ее из головы. Позже другой мальчик дал мне более полное описание этого вопроса, и у меня появилось огромное желание узнать больше и стать достаточно взрослым, чтобы практиковать это. Я также обнаружил, что мальчики мастурбируют, и примерно через год после этого попробовал провести эксперимент на себе. Этому пороку в значительной степени потворствовали мои школьные товарищи. Мне никогда не приходило в голову, что это греховно, пока мне не исполнилось почти 16, когда я наткнулся на отрывок в *Руководстве для школьников* Кеннса, в котором намекалось, что такие вещи неправильны с моральной и духовной точки зрения. Раньше я считала это неделикатным и постыдным поступком, вредным для здоровья. Все мои друзья-мальчики восприняли эту последнюю идею как непреложный факт. Постепенно религия начала оказывать влияние на мою сексуальную натуру, приобретая с годами все большую и большую сдерживающую силу. Для меня просто невозможно написать историю моего сексуального развития, не описав также того действия, которое христианство оказало на его рост. Эти два понятия были так тесно связаны друг с другом, что история моей жизни не была бы достоверным изложением фактов, если бы я не касался религии.

В школе я с большим увлечением играл в крикет и футбол и был очень честолобив во всем, что меня интересовало, но у меня всегда были и другие вкусы, которые были для меня более ценными, например, любовь к науке, истории и поэзии. Пока мне не исполнилось 16 лет, моим желанием был просто половой акт, девушки и женщины привлекали меня только как средство удовлетворения этого желания; но когда мне было почти 17, я начал рассматривать девушек как прекрасные объекты, помимо этого, и желать их любви и общения. В то же время до меня дошло, что в жизни много радости в любви к женщинам и в домашнем быту — так что отныне я рассматривал их в более высоком и чистом свете, помимо сексуального удовлетворения. На самом деле, с этого периода и до тех пор, пока мне не исполнилось 20 лет, эта идея настолько доминировала над всем моим существом, что низшая сторона моей натуры была полностью подчинена ей. Было довольно отталкивающе думать о девушках как об объектах похоти. Такое состояние ума не было вызвано какой-либо романтической привязанностью, или каким-либо знакомством, или обстоятельствами. Я жил в большом уединении, и у меня не было друзей. После этого периода низшая сторона моей натуры проснулась, как гигант, освеженный вином, и в течение многих лет я подвергался постоянной борьбе со своей натурой, в которой религия в конце концов всегда побеждала. Я никогда не впадал в блуд, хотя иногда впадал в порок мастурбации. Эти вспышки желания были периодическими, с интервалом примерно в десять-четырнадцать дней, и продолжались несколько дней. Я должен также отметить тот факт, что с того момента, как произошло это пробуждение, мои идеальные представления о женщине больше не казались несовместимыми с сексуальными отношениями. Я заметил, что примерно в 27 лет желание уменьшилось, но, возможно, это было связано с переутомлением и последующим нервным истощением. Я сильно волновался и занимался ежедневно около восьми часов. В любом случае, импульс был самым сильным в вышеупомянутые годы. Немного позже, на какое-то время, я привязался к девушке и в конце концов обручился. Затем я заметил, к большому своему огорчению и досаде, что всякий раз, когда я встречал эту леди или даже думал о ней, у меня возникала эрекция. Это было особенно болезненно для меня, поскольку мои мысли не носили похотливого или нечистого характера. Иногда, сидя рядом с ней на религиозной службе, это происходило, когда, конечно, мой разум был далек от чего-либо подобного. Это была первая женщина, которую я поцеловал, за исключением, конечно, членов моего ближайшего семейного круга. Позже мои мысли обратились к браку, и временами я очень сильно желал, чтобы это событие состоялось. Однако, поскольку впоследствии эта привязанность стала величайшим горем моей жизни на долгие годы, она больше не нуждается в комментариях. На этом заканчивается одна глава моей истории, и в настоящее время я не собираюсь добавлять еще одну, поскольку в значительной степени она написана лишь частично. Возможно, здесь уместно заявить, что у меня никогда не было ни малейшего гомосексуального желания; на самом деле это всегда казалось чем-то совершенно непостижимым и отвратительно отвратительным. Я люблю общество как мужчин, так и женщин, но в целом предпочитаю последнее. У меня было несколько теплых и интимных, хотя и платонических дружеских отношений, и я чрезвычайно хорошо уживаюсь с другим полом, хотя и не являюсь красивым мужчиной. Меня всегда привлекали в женщинах их духовные или умственные качества, а не физическая красота, и я твердо уверен, что одно только последнее никогда не вызвало бы у меня желания коитуса. Если бы не было иного влечения, кроме плотского, я бы чувствовал, что следую просто грубому инстинкту, и это противоречило бы моей высшей природе и вызывало бы отвращение. В мои прежние годы этого не было в такой же степени. Я часто задавался вопросом, был ли силен во мне сексуальный импульс или нет, но если нет, то в моем физическом состоянии или семейной истории нет ничего, что могло бы

объяснить это. Я достаточно хорошо знаком с жизнью моих предков, поскольку происходил из двух старинных семей. Сексуальный инстинкт у них, безусловно, не был слабым или ненормальным. Лично я высокий и здоровый, хорошо сложенный, но чувствительный и очень нервный. Обоняние никогда в моей жизни не играло никакой роли в качестве стимулятора сексуального желания, и простая мысль о запахе тела произвела бы очень решительный эффект в противоположном направлении. Осязание и зрение мне очень нравятся, и из двух первое наиболее.

После многих лет тщательных размышлений я убежден, что сексуальные пороки и извращения могли бы быть значительно сокращены, если бы молодежь обучали элементам физиологии, имеющим отношение к этому вопросу. Лично я, будь я таким просвещенным, избежал бы многих грехов в школьные годы, и извращенный взгляд на сексуальные вопросы никогда не возник бы в моем сознании. Потребовались годы, чтобы преодолеть чувство, что все подобные вещи были нечистыми и оскверняющими. В конце концов, ко мне пришел свет, когда я прочитал отрывок из трактата о Символе веры Руфина. Он защищал доктрину Воплощения против языческого возражения о том, что это была нечистая и отвратительная идея о том, что Бог должен войти в мир через чрево Пресвятой Девы Марии, и он отвечает на это, показывая, что Бог создал половые органы, поэтому возражение недействительно — иначе Бог не был бы чистым, поскольку Сам спроектировал их и их функции. Этот отрывок сам по себе незначителен, но породил направление мыслей, которое оказало на меня глубокое влияние. Я больше не считаю сексуальные отношения отвратительными и нечестивыми, но в высшей степени священными, поскольку они являются результатом Божественного Разума. Далее, Воплощение Спасителя не только санкционировало материнство и все, что с ним связано, но и навечно осватило его как средство, избранное для явления Бога миру. Я не стал бы навязывать своитеологические концепции, если бы не тот факт, что они определили историю моей жизни в этом аспекте.

ИСТОРИЯ IV.—Когда мне было 9 лет, мальчик из подготовительной школы, которую я посещал, показал мне акт мастурбации, который, по его словам, он практиковал долгое время, и которому он убеждал меня подражать, если я хочу стать отцом, когда вырасту, и женюсь! Я по-мальчишески поверил ему и попытался, но полученное ощущение было не из приятных (полагаю, я был слишком груб с самим собой), и я воздержался.

Когда мне было около 12 лет, школьный товарищ рассказал мне, что он видел, как его няня совокуплялась с женихом, и мы с ним часто бродили по лесу в надежде увидеть влюбленную пару, столь же обрученную, но безуспешно. Мы часто говорили об этом акте, о том, как он был совершен. Ни у него, ни у меня не было никаких четких представлений по этому поводу, кроме как о задействованных органах. Мне было около 15 лет, когда служанка дома, в котором я жил, однажды ночью пришла в мою спальню и научила меня мастурбировать на нее. Она сказала, что это хороший поступок с моей стороны, и предупредила меня, чтобы я никогда не "играл сам с собой", так как это убьет меня или сведет с ума. Я сказал ей, что пробовал это, но не смог вызвать приятных ощущений, поэтому она сделала это со мной, и хотя у меня не было эякуляции, я получил огромное удовольствие от этого акта. Она сказала мне, что мальчику никогда не повредит, если он позволит девочке играть его роли, и пообещала, что, если я

сохраню секрет, она будет часто делать это для меня. Естественно, я пообещал ничего не говорить, и она часто поднималась ко мне в комнату. Позже она обычно вводила мой член в свою вульву, потирая ее, одновременно посылая мне воздушный поцелуй. Я высоко оценил этот способ работы. Однажды ночью, после того как мы были вместе таким образом, мне приснилась она и ее маневры, и я испытал свой первый выброс. Я был очень горд этим, так как считал, что наконец-то достиг положения мужчины, и сказал ей об этом. После этого она так и не позволила мне ввести свой пенис в ее вульву, утверждая, что не хочет иметь ребенка.

Мне было около 16 с половиной лет, когда у меня произошел мой первый настоящий коитус, моей партнершей по акту была девушка примерно на два года старше меня, которая жила неподалеку от нас. Я очень наслаждался этим актом, поскольку она разрешила, нет, настояла на эякуляции *внутривагинально*, и сказала ей, что это было намного приятнее, чем мои любовные похождения со служанкой, о которых я, конечно, ей рассказал. Она засмеялась и сказала: "Конечно". Мы часто совокуплялись, пока я был дома, а потом я потерял ее из виду. Из всех женщин, с которыми мне приходилось иметь дело, за исключением одной, у нее было самое обильное выделение слизи, которую в те дни я считал женской спермой. Раньше ее бедра были влажными от этого.

В университете у меня были регулярные отношения с женщинами всех мастей, я редко пропускал неделю. Две из них были замужними женщинами, одна - женой адвоката, другая - врача. Как я гордился своей первой интрижкой с замужней женщиной! Я почувствовал, что теперь я действительно светский человек!

Но хотя мои друзья часто рассказывали мне о своих любовных похождениях, и мне очень хотелось довериться им, я этого не делал. Это произошло потому, что, когда я поступил в университет, мой дядя сказал, что даст мне небольшой совет, и выразил надежду, что я последую ему — никогда не отдавать женщину и никогда не отказываться отвечать на ухаживания женщины, кем бы она ни была. Пренебречь этим советом было бы, по его словам, глупо и нарушать правила "чертовски не по-джентльменски". Жаль, что я не всегда следовал предложенным советам так же внимательно, как я следовал этому. Однажды ночью, когда я был несколько замаскирован алкоголем, как выразились бы наши дедушки, я подцепил девушку, которая была частной проституткой, если можно так выразиться. Она отказалась от совокупления и предложила другие способы удовлетворения. Я настаивал, будучи упрямым в своих чувствах. Если бы я был трезв, я бы поступил так, как она предложила, потому что я всегда считал за правило позволять женщине выбирать способ удовлетворения, а не требовать или даже предлагать что-либо самому. Мне нравится доставлять удовольствие женщинам, и мне всегда было любопытно узнать об их желаниях, которые раскрываются сами по себе, без постороннего влияния. Результатом моего отказа от всех методов удовлетворения, кроме самых обычных, было то, что девушка, которая должна была знать, что с ней не все в порядке, но боялась сказать об этом в таких словах, заразила меня гонореей, которая длилась девять недель и сильно мешала моим любовным утехам, поскольку я, естественно, отказался подвергаться риску заразить своего партнера, риску, которому, насколько мне известно, подвергались многие молодые люди, с катастрофическими последствиями для доверчивой женщины. Поскольку это произошло из-за моего подвыпившего упрямства, я не мог винить девушку, но решил никогда больше не пить слишком много, и это решение я сохранил, за исключением одного раза, нерушимым. В те дни мы, молодежь, думали, что мужественно уметь

хорошо переносить выпивку, и делали все, что в наших силах, чтобы набраться выдержки; но я считал, что сопряженный с этим риск слишком серьезен, чтобы им пренебрегать.

Мне было уже много лет, когда я встретил вдову, в которую влюбился, в результате чего женился на ней. Она самая разумная женщина, и именно ее интеллектуальные способности привлекали меня. В моих любовных делах интеллект никогда не играл роли. Она все это время осознавала и снисходительно относилась к моим полигамным наклонностям; ибо она признает тот факт, что какая бы *фреда* ни была у меня под рукой, это ни в малейшей степени не влияет на мою любовь и уважение к ней. Будь она более чувственной женщиной, возможно, все было бы по-другому.

Всего мне пришлось иметь дело с 81 другой женщиной, чьи особые характеристики я в то время тщательно фиксировал. Двадцать шесть были нормальными женщинами, с которыми мои *связи* длились долго, поэтому я знаю о них больше, чем об остальных пятидесяти пяти, которые были проститутками, и с некоторыми из них я имел дело всего один день.

Были представлены следующие расы, поскольку я немного повидал мир: англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы, французы, немцы, итальянцы, греки, датчане, венгры, румыны, индийцы и японцы. Рассматривая их со всех сторон, единственное различие, которое я обнаружил между пожилыми и молодыми женщинами, заключается в том, что пожилые менее эгоистичны, более покладисты и менее склонны возмущаться из-за неспособности достичь вершины своего желания, потому что время от времени я не мог "собраться с духом" после тяжелой ночной работы или когда я боялся быть застигнутым во время акта соития, страха, который, по моему опыту, действует как стимул к желанию у женщин, в отличие от его действия у мужчин. Из всех женщин, с которыми мне приходилось общаться, самыми милыми во всех отношениях были француженки. Англичанки в этом городе слишком много пьют и слишком стремятся получить как можно больше денег за как можно меньшую цену, чтобы доставить мне удовольствие. Если бы лондонские девушки осознали, что мужчинам не нравятся подвыпившие женщины и что там, где так много конкуренции, тот, кто самый умелый и вежливый, пользуется наибольшим спросом, вторжению инопланетян на Риджент-стрит вскоре пришел бы конец.

Из пятидесяти пяти проституток: восемнадцать сообщили мне, что имеют привычку мастурбировать; восемь по собственной воле, не прося вознаграждения, сделали *фелляцию*; шестеро попросили меня сделать *куннилингус*, на что я, естественно, отказался; трое предложили анальный половой акт. Тех, кто делал *фелляцию*, два (один французский и один немецкий) сказал мне, что они приняли его, потому что они слышали, что человеческая сперма была прекрасным средством от чахотки, какое заболевание перенес некоторые из их родственников, и они постепенно приходят к нравиться это делать. Все, кто сказал мне, что они мастурбировали, спросили меня, делаю ли я то же самое, и двое пожелали, чтобы я показал им этот акт, одна утверждала, что ей нравится смотреть, как это делает мужчина; она вышла замуж поздно, после "бурной юности", и имела, по ее словам, большой опыт общения с мужским полом. Все они, казалось, думали, что, как бы сильно ни вредила мужчине практика самовозбуждения, и все думали, что это повредит ему, женщина может мастурбировать так часто, как ей заблагорассудится, не имея лучших средств удовлетворения, поскольку у нее нет такой материальной потери, как у мужчины.

Из двадцати шести нормальных женщин, которых я знал более близко, чем пятьдесят пять проституток, тринадцать, не дожидаясь моих расспросов, проговорились, что они заядлые мастурбаторши, и, по-видимому, всем им для получения полного удовлетворения требовалось

думать о любимом человеке. *Фелляция* была предложена и полностью выполнена девятью, из которых трое испытали оргазм, как только поняли, что я достиг его. Все были более или менее взволнованы, делая это. Один предложил анальный половой акт, "просто чтобы посмотреть, на что это похоже", а трое предложили *куннилингус*, причем инициатором одной из них была подруга, а другой - ее муж. Третья, я полагаю, развила этот акт из своего собственного внутреннего сознания в своем желании испытать удовольствие со мной. Мои отношения с одной из двадцати шести были ограничены моей мастурбацией на нее, пока она делала *фелляцию*, поскольку она сказала, что у нее "там, внизу, ничего не было".

За двумя исключениями, мои расставания с этими нормальными женщинами не были трагичными, и все, кого я встретил в загробной жизни (семеро), были очень готовы возобновить отношения со мной, четверо из них сами сделали предложение.

Одна вещь поразила меня, и это та, зачастую огромная, разница, которая существует между тем, какой женщина кажется по внешности, и тем, какой она становится, когда ты становишься ее любовником; самая чувственная женщина, которую я встречал, могла бы позировать для своего портрета в роли Мадонны, и она была единственной, кто получал удовольствие от слушания и рассказывания "историй из курилки", формы развлечения, которой женщины, возможно, из-за недостатка понимания юмора и остроумия, не балуются — по крайней мере, по моему опыту.

ИСТОРИЯ V.—(Продолжение Истории III в Приложении В к предыдущему тому.)

Когда мне стало лучше, я начал мечтать о настоящей любви. Я также задавался вопросом, действительно ли можно забыть мое ужасное прошлое и молодая женщина полюбит *меня*. Я получал удовольствие от чтения любовных стихотворений, особенно Браунинга, и иллюстрировал некоторые из них маленькими акварелями. ...

Однажды вечером я сидел в партере и смотрел представление труппы английских актеров, когда один из них сыграл так плохо, что я подумал про себя: "Черт возьми, я сам мог бы сыграть это лучше!" В следующую минуту последовала другая мысль: "Почему бы не попробовать?" Я вышел из партера пресловутым юношей, влюбленным в сцену. Я сидел на том же месте в другой вечер, когда молодой человек рядом со мной вступил в разговор. По странному совпадению он знал нескольких молодых людей, любителей, которые собирались создать компанию, бросить свое дело и путешествовать, если бы им удалось убедить еще нескольких присоединиться к ним и вложить в это немного денег. Я назначил встречу на следующий вечер. ...

Было много встреч в спальнях и репетиций между кроватями, но в конце концов мне сказали, что занята классная комната и профессиональная актриса А. Ф. Я пошел в классную комнату и нашел там всех мальчиков и молодую женщину с бледным, как рисовая пудра, лицом. При знакомстве она уставилась на меня так, словно лишилась дара речи. Если бы она была красивее (я считал ее вульгарной и надутой) Я был бы польщен. Я был разочарован, но скорее напуган (у нее была сценическая осанка) ее профессиональными способностями, особенно когда мы начали репетировать. Мне тоже пришлось заняться с ней любовью, что смутило меня. Я заметил, что у нее хороший профиль, и подумал, что она была бы красивее, если бы была в лучшем состоянии, потому что она была молода, примерно моего возраста, двадцати трех или

четырёх лет. Мы все были молоды — наслаждались нашими репетициями и получали массу удовольствия, — но я не отвечал на заигрывания, которые, очевидно, делал мне А. Наконец мы отправились в турне. Шли недели, и А. Ф., как и остальные, заметно поправился в здоровье и внешнем виде. Если бы у нас было что-нибудь похожее на дома, это была бы приятная поездка. Мои странности не совсем ускользнули от внимания мальчиков, потому что я все еще был немного странного склада ума и нервов — и глубоко религиозен, склонял голову перед каждым приемом пищи и в разное время читал свою маленькую Библию и молитвенник. Я не употреблял алкоголь. Я проводил много времени наедине со своей верной спутницей А., которая почти всегда была рядом со мной, с ней и ее умоляющими глазами. Я был удивлен, увидев, как быстро ей стало лучше; иногда за ужином она выглядела довольно привлекательно и по-женски, но я только терпел ее. Я был эгоистичен и тщеславен.

Так продолжалось целую неделю — постоянно проигрывали в пустых залах, а наших денег становилось все меньше и меньше, — когда в поезде в моем присутствии А. сказала другой нашей даме, миссис Т.: "Полагаю, мне придется отказаться от него; он не будет иметь со мной ничего общего". Миссис Т. сказала: "Вы отказываетесь от него, не так ли?" - и посмотрела на меня так, как будто собиралась попробовать свои силы. А. сказала "Да" и посмотрела на меня, грустно улыбаясь. Я не знаю, какой мотив побудил меня — то ли мое тщеславие было встревожено ее угрозой ухода, то ли то, что она действительно произвела на меня какое-то впечатление своей любовью, возможно, немного того и другого, - но я сказал: "Нет, не надо; подойди и сядь сюда", уступая ей дорогу, и она радостно подошла и прижалась ко мне. С этого времени я перестал относиться к ней с насмешкой и целовал ее не только на сцене. Я все еще был подвержен мрачному настроению и иногда часами не разговаривал с ней, но она, казалось, была довольна прогулкой со мной и была бесконечно терпелива. Я слышал, что она жила с актером — если не была замужем —. Однажды я спросил ее о нем, и она сказала, что не любит его; она любила меня и никогда раньше не любила. На ее лице была трогательная грусть; ее жизнь была несчастливой и бурной, в ней не было любви и мало отдыха. Ее лицо, когда оно утратило рассеянный вид и нездоровую бледность, стало изысканным, нежным, как камень. Любовь также улучшила ее манеры; она стала более мягкой и утонченной. Я пустил все на самотек, не думая о будущем, когда однажды вечером после спектакля — я лежал на диване, а А., как обычно, сидел рядом — я вдруг подумал с жестокостью, которая была характерна для меня в таких вопросах — "Я попрошу ее позволить мне переспать с ней". Я все еще боролся с любой предчувствующей мыслью о самобичевании, но здесь, подумал я про себя, есть шанс на что-то лучшее, что не причинит мне вреда, а возможно, и пойдет на пользу. Когда она поняла меня, то сильно покраснела и ушла, качая головой. Но я дал ей понять, что это был единственный способ удержать меня, и, наконец, когда они все легли спать, она отдалась мне, неохотно и печально; потому что она тоже плыла по течению, не думая ни о чем подобном (в то время она ненавидела это), а просто живя ради своей любви ко мне, своей первой настоящей любви.

До того, как это произошло, я должен вам сказать, мне было настолько лучше, что иногда я чувствовал себя способным на все, ощущение силы и хватки интеллекта, которые сочетались с тонкостью чувств и восприимчивостью к красоте, к небесам, облакам и цветам. Казалось, во мне пробуждается истинная мужественность, мое истинное "я". И за едой, стоит отметить, я начал испытывать отвращение к мясу.

Эти проблески лучшего положения вещей оставили меня при совместном проживании с А., и на какое-то время моя мрачность и черная религиозная мания снова овладели мной. Теперь я вспомнил о своем обещании на конфирмации, и мне показалось, что я нанес непоправимый проступок. Однако, когда мы приехали в следующий город, я открыто переспал с А. всю ночь, оставив свою постель нетронутой. Когда мы вернулись в Аделаиду, один из наших участников заметил: "Единственный мужчина, который имел хоть какой-то успех у женщин в туре, был читающим Библию, молящимся и хорошим, набожным, убежденным христианином".

Зарождающаяся красота, изящество и совершенствование А. также постепенно ослабевали. Временами мое собственное поведение становилось таким угрюмым, что, помимо увеличения ее страданий, я оскорблял других, и за этим следовали ссоры. Я слышал, как другая актриса сказала: "Он сумасшедший, вот в чем дело". И я был так погружен в себя и свою религиозную манию, что не возражал против того, что они так думали.

После окончания тура А. попросила меня навестить ее дома, и так как я очень скучал по ней, то однажды вечером пошел пить чай. У нее была отдельная комната в доме ее отца. А. была одета в свое лучшее платье, и у нас была теплая встреча. После чая я спросил ее, замужем ли она за Э. Она сказала "Нет". Тогда я спросил: "За кем ты замужем?" Тогда она заплакала и рассказала мне кое-что из своей жизни, самое печальное, что я когда-либо слышал. Когда ей было всего 17 лет, за ней ухаживал молодой человек, который ей не нравился, но который убедил ее родителей, притворившись, что соблазнил ее, но хотел жениться на ней. Как это ни странно, А. не знала, что такое брак, поскольку ее мать была одной из тех глупых женщин, которые не любят говорить о таких вещах и позволяют своим дочерям расти в невежестве, ожидая, что они у кого-нибудь научатся. В девятислучаях из десяти это происходит, но А. был исключением. Именно это, а также тот факт, что у нее не было ни капли любви к своему мужу, породило в ней такую ненависть к соитию. Когда ее мать увидела простыни на следующее утро после свадьбы, она разрыдалась; ей не понравился молодой человек, и она поняла, что ее обманули.

Муж А. вскоре показал свой истинный характер; на самом деле он был тюремной птицей. Он бил ее, пил и даже хотел, чтобы она вышла на улицу, чтобы заработать для него денег. Она бросила его и уехала домой; именно тогда она начала свою театральную карьеру, поступив в балет. Время от времени ее муж, пьяный и отчаявшийся, подстерегал ее на улице и угрожал. Однажды после репетиции он попытался ударить ее ножом. Несмотря ни на что, она преуспела, будучи прирожденной актрисой, и играла небольшие роли в бродячих труппах. Тогда Э., который тоже вышел на сцену, ухаживал за ней, и она послушалась его, не потому, что он был ей небезразличен, но он защитил ее и предложил ей дом. Она присоединилась к нему; но его пьянство и чувственность были настолько сильны, что он подорвал свое здоровье и попытался жестоко обращаться с А. неизвестным способом. И всякий раз, когда она вела себя по-семейному, он оставлял ее одну в полубессознательном состоянии в подвале на несколько дней. В довершение к ее страданиям у нее случались эпилептические припадки. Иногда они проигрывали бой и умирали с голоду. Они были так голодны, что воровали сырую картошку из мешка и ели ее так, без огня. У нее часто были помолвки, но Э. ревновал и не позволял ей выступать без него. И он избивал ее, как это делал ее муж, и ее здоровье было подорвано. Как раз после одного из вынужденных выкидышей она присоединилась к нашей путешествующей труппе, и это объясняло ее желтый и одутловатый вид. Э. сейчас была далеко за городом с цирком, но ее ожидали с минуты на минуту. А. рассказала мне многое из всего этого, сквозь слезы, сидя у моих ног, и в ее тоне звучала убежденность. Когда мне следовало идти домой, я

убедил ее позволить мне остаться на всю ночь. Некоторое время мы были в постели, когда в дверь постучала ее мать и захотела зайти за чем-нибудь, что лежало в ящиках комода. "Почему ты не открываешь дверь, А.? Кто у тебя там? Разве этот парень не ушел?" А. была смущена и велела мне залезть под кровать, но я отказался, и она, как могла, укрыла меня постельным бельем и открыла дверь. Она спрятала мою одежду, но пропустила одну из моих туфель, и ее мать это увидела. "О, А.", - вот все, что она сказала. "Ты уложила этого парня в постель", - и вышла, плача. "Ну, Фред" (мой сценический псевдоним), "ты втянул меня в приятную ссору", - сказал А.. Утром она принесла мне завтрак, и я вышел через парадную дверь, не подвергаясь приставаниям. В другой раз я залез к ней в окно по приставной лестнице и оставался там всю ночь. Посреди ночи Э. пришел домой пьяный. Она не пустила его и сказала, что больше не желает иметь с ним ничего общего. Он попытался взломать дверь, когда А. позвала меня, и, услышав, что в комнате кто-то есть, он ушел, спускаясь по лестнице: "О, А.! О, А.!" как будто он думал, что она не сделала бы такого. После той ночи он больше не приставал к нам.

Я думаю, что сначала у меня было намерение порвать с А. постепенно. Однако я обнаружил, что не могу держаться от нее подальше, и мне стало очевидно, что холостяцкая жизнь в съемной квартире снова станет тоскливой и одинокой. И все это время страх, что я оскорбил Бога, беспокоил меня больше, чем я сказал, и мне пришло в голову (возможно, в этом был налет софистики, а может, и нет), что если бы я был ей настоящим мужем на будущее — был привязан к ней и работал на нее до конца своих дней, — возможно, это нашло бы благосклонность в глазах Бога и стало бы искуплением моего греха. Будь она свободна, я бы, наверное, женился на ней. Но ее начала преследовать мать, и ее беспокоило, что я постоянно прихожу к ней и остаюсь на всю ночь. Все закончилось тем, что я сказал ей, что буду ее мужем, и она переехала ко мне на квартиру. У нас была одна комната, и еда стоила нам по шесть пенсов каждому. Как бы дешево это ни было, для меня это была борьба за то, чтобы вообще зарабатывать деньги. Помню, однажды я почувствовал себя больным и встревоженным и поддерживал себя мыслью о том, как мой отец катил по улице на тяжелом грузовике, когда женился на моей матери. И я тоже решил покататься на своем грузовике.

А. казалась счастливой, и ее любовь возросла, если это было возможно; однако поначалу она, должно быть, сочла меня испытывающим любовником, потому что я заставлял ее становиться на колени и молиться вместе со мной два или три раза в день, что она делала с таким странным выражением лица. Иногда ее чувства брали верх, и она говорила: "О, черт возьми, Фред, ты всегда молишься". И тогда я был шокирован, а она сожалела. ... Коитус был частым; теперь ей это начало нравиться. ...

Однажды вечером, когда она вошла и легла на кровать, А. выглядела неважно. Вскоре она начала издавать странные звуки, и я увидел, что ее глаза закрыты, а руки сжаты в кулаки. "Ах, - сказала хозяйка, которая вошла, чтобы помочь мне, - у нее эпилептические припадки". Когда ее конвульсии прошли, она непонимающе посмотрела на нас, нахмутив брови и, очевидно, ломая голову над тем, чтобы вспомнить, кто мы такие. В течение многих лет моей судьбой было видеть, как она смотрит на меня таким образом, сначала каменно и отчужденно, как обитатель другой звезды, затем наполовину вспоминая с протянутой рукой, затем снова забывая с прижатием руки ко рту, затем постепенный рассвет памяти и любви и, наконец, полное узнавание. "Это Фред, мой Фред!" Я так и не привыкла к этому; это всегда трогало меня до слез. ... Нельзя было подумать, что у нас не было ссор. У меня все еще случались приступы дурного настроения, и иногда они вступали в противоречие с характером А. Мое тщеславие было сильно задето, когда

я увидел, как быстро она утратила почтительность, терпение, манеры спаниеля, которые были у нее, когда мы путешествовали. Я наговорил ей несколько жестоких вещей, и она ответила мне тем же. Услышав нас, можно было бы подумать, что всякой привязанности пришел конец. Но когда настроение ярости выветривалось само собой, мы оба сожалели, заглаживали вину слезами и были очень счастливы, несмотря на нашу бедность.

Я думаю, что именно похоть помешала мне реализовать свои амбиции. О. позволяла мне делать все, что мне заблагорассудится, в любое время дня и ночи, хотя иногда она казалась удивленной моим поведением, потому что у меня начиналась лихорадочная похоть. Она по-прежнему думала только о своей любви. Я помню, как однажды она пришла, усталая, бледная, вспотевшая и встревоженная — у нас в доме почти ничего не было, и она безрезультатно ходила в театр, — и когда ее глаза остановились на мне, все выражение ее лица изменилось, смягчилось и просветлело сразу, и она подошла, поцеловала меня и сказала: "Это так странно, я думала о всяких неприятных вещах, но как только я вижу мордочку моего питомца, я чувствую себя счастливой — мне все равно — я скорее разделю с ним коржик, чем все деньги мира!"

Я начал испытывать похотливое любопытство к ней — это происходило в основном по воскресеньям, — и она позволила мне, сначала покраснев, но смеясь. Затем я пробовал новые позы для коитуса, о которых я слышал. И все же она не соответствовала моему настроению.

В то время она была приглашена играть в пантомиме, и я начал вести жалкое, исполненное зависти существование. Я слышал о ней скандал, достаточно беспочвенный, но в том болезненном, нервном, встревоженном состоянии, до которого я довел себя, он чуть не свел меня с ума. Иногда я ходил с ней навестить ее мать, которая мне начала нравиться. С ее братом я по-прежнему холодно здоровался. Меня приводило в ужас и ревность то, что А. целовала его и позволяла ему щекотать себя. В ярости, когда мы вернулись домой, я даже сказал, что, возможно, она позволила бы ему сделать что-то еще, назвав это грубо. Я помню ее стыд, изумление, негодование и слезы. Если когда-либо мужчина пытался добиться любви женщины, то это сделал я. Но она простила мне даже это.

Мы переехали жить в маленький коттедж. Именно в этом коттедже А. впервые проявила признаки похоти, и в болезненном состоянии моего ума, вместо того чтобы сожалеть об этом, я поощрял ее. Однажды она сказала мне, что оргазм у нее очень часто наступает не одновременно со мной и что его не будет, если я не введу свой мизинец в задний проход. Этому научил ее муж, и она скорее умерла бы, чем призналась мне в этом при нашей первой встрече. Мы часто посвящали наши воскресенья пикникам, как мы называли наши похотливые приступы, подбадривая себя вином. Характер у нее от этого не улучшился (хотя припадки полностью прекратились на год) — у нас были многословные перепалки, но мы снова мирились, всегда со слезами. Я также не позволял себе деградировать без реакции и стремления к лучшему. Я всегда читал Эмерсона; именно он спас меня от ортодоксального христианства и научил доверять себе и Природе. Я никогда не прекращал этой борьбы за лучшее по сей день. Вот, в двух словах, моя жизнь; я всегда терпел поражение, когда приходило искушение, но я никогда не переставал бороться. Я решил быть более воздержанным в сексуальных излишествах и попросил ее помочь мне. Она охотно согласилась, потому что ее легко было провести. Всякий раз, когда мы снова впадали в крайности, это была моя вина.

На театральном представлении мы впервые познакомились с мисс Т., молодой немкой, которая пела. Ей было около 25 лет, у нее были скромные, тихие и привлекательные манеры. А. и она

стала очень дружелюбной. Она мне нравилась; она была высокой, темноволосой и гибкой, но у нее были плохие зубы.

Я был болен, и в это время у нас с А. произошла ссора, мой характер внезапно перерос в кровожадное неистовство. Я обзывал ее и, в конце концов, выставил из дома, сказав, чтобы она шла к своей матери. Я испытывал адские угрызения совести и страдания. Все в этом тихом, одиноком доме напоминало мне о ней, казалось, благоухало ею; моя тоска стала такой острой, что я не мог остановиться в доме, хотя и ходил такой же несчастный. Я продолжал в том же духе в течение двух дней, пока не встретил ее, идущую искать меня. Было достаточно одного взгляда — "А.!", "Любимая!" с прерывистыми рыданиями — и в слезах мы поцеловались и помирились. С ней была мисс Т., и я тоже поприветствовала ее со слезами счастья на глазах. В другой раз, когда А. дала волю своему нраву, и можно было подумать, что всякая любовь умерла, я сказал: "Значит, ты меня не любишь?" и одно это слово было талисманом, ее лицо изменилось, она протянула руки и начала тихо всхлипывать. ... Она приняла предложение поехать с небольшой театральной труппой, которая направлялась в глубь страны. Когда я уезжал, она неважно выглядела, и через некоторое время я получил телеграмму с просьбой немедленно приехать к ней, поскольку она заболела. Опасаясь всего на свете, я взял деньги на проезд и отправился к ней. Я ничего не знал о женщинах, об их точке зрения и ином кодексе чести и был очень далек от позиции Ги де Мопассана, который говорил, что женщины ему нравятся еще больше за их очаровательную лживость. О. хотел видеть меня и принял самые надежные меры, чтобы обеспечить мой приезд. Сначала я разозлился, но она выглядела так хорошо и была такой любящей, что я не мог долго сердиться.

Однажды, когда я работал, вошла хозяйка квартиры и заговорила об А. и ее поведении до моего прихода. По словам женщины, она постоянно заходила в комнаты актеров, пила и вела себя так же плохо, как и все остальные в ее разговоре. Это был второй раз, когда замужняя женщина подвезла ее ко мне, и я начал думать, что в этом что-то есть, и снова испытал всю свою безумную ревность. Не зная, какую свободу позволяют себе актеры и актрисы на гастролях, хотя это и не обязательно, я волновался до тех пор, пока не подумал, что мне ничего не остается, как умереть. И тут произошла одна из величайших битв в моей жизни. Гуляя по проселочным дорогам, я спросил себя: "если это является правдой, если она была неверна, будут ли ты простить ее и помочь ей достичь ее наилучшим?" Долгое время ответом было "Нет!" Но, возможно, мое стремление к единству с самим собой принесло какую-то пользу, и окончательным решением было попросить прощения. Тогда я почувствовал больше душевного покоя, и когда я рассказал умирающему от чахотки жильцу дома, что сказала хозяйка, он ответил: "Не верьте ни единому слову из этого. Я знаю, что она любит тебя!". ...

Однажды вечером после долгого отсутствия я оказался в городе, где выступал А. Я зашел в подсобку, и мне сказали, что она ушла в номер в отеле, чтобы переодеться для другой роли. Я последовал за ней и вошел в комнату с бокалом крепкого алкоголя, который, как я обнаружил, подносил ей женоподобный молодой актер. Она была наполовину раздета, ее красивые руки и плечи были обнажены. Мое прибытие было неожиданным, и она посмотрела на меня удивленно, как мне показалось, холодно, когда я упрекнул ее в том, что я не сдержал данное мне обещание не прикасаться к алкоголю во время экскурсии, но вскоре ее руки обвились вокруг моей шеи. Она плакала как ребенок. Она была крупнее, красивее и здоровее. Увеличились не только сила и размер, но и нежность и сладость; ее глаза и брови были прекрасны; от нее исходил неопишуемый цвет и благоухание, подобные солнечным листьям на

персике; путешествия, деревенский воздух и свобода от коитуса (если бы я знал об этом) позволили ей обрести свою истинную сущность, стать не только красивой женщиной, но и женщиной обаяния, остроумия, живости и всеобщего *товарищества*. Ее лицо было подобно рассвету; все мои страхи и ревность рассеялись, как облако, которое тает перед лучами солнца. Я помню выражение ее лица, когда она обнимала меня в постели той ночью. В нем был лишь самый слабый налет чувственности, но он был больше похож на взгляд прекрасного ребенка, которого ласкает тот, кого она любит; такого божественного, сонного, очаровательного взгляда я никогда не видел на ее лице ни раньше, ни с тех пор.

Мы вернулись к нашим старым похотливым привычкам. Позже А. заболел, и вернулся черный дьявол эпилепсии. Я стал мрачным. ... Мной овладели беспокойство и эгоистичная жестокость; наша любовь и покой исчезли. Я убедила А. поехать в Мельбурн и поискать ангажемент. За день до отплытия мы отправились в Гленелг на прогулку. Морской воздух, как это часто случалось, ускорил припадки А.. Мы спустились на пирс, и А. сказала, что плохо себя чувствует. Мне едва удалось донести ее до отеля, прежде чем она окоченела, и я сделал какое-то нетерпеливое замечание (потому что она чуть не потащила меня вниз), которое она услышала, будучи не совсем без сознания, и сказала наполовину бессвязно и очень жалобно: "Будь добра, о, будь добра!" - повторяя это после того, как сознание покинуло ее. Ее сердце весь день разрывалось от перспективы расставания, а также, я полагаю, из-за того, что я был так готов расстаться с ней. Тот момент стал переломным в моей жизни. Я был в убийственном настроении, но она выглядела такой невыразимо несчастной, что казалось невозможным быть какой-либо иной, кроме доброй. В моменты полубессознательного состояния я заставлял себя говорить с ней с любовью, снимал комнату, относил ее наверх, нянчил и гладил всю ночь. Акт самоконтроля, и принуждение себя быть добрым, что бы я ни чувствовал, со временем стали привычкой, своего рода второй натурой.

Через несколько дней она уплыла. Когда она ушла, я был полон раскаяния и зол на себя. Как я мог отпустить ее одну? Я решил последовать за ней как можно скорее и так и сделал.

Если я правильно помню, примерно в то время я пришел к выводу, что нам не следует вступать в половую связь, если мы не испытываем большой любви друг к другу. Это, казалось, в определенной степени подтверждало то, что А. всегда казался более наэлектризованным и приятным на ощупь, когда у нас была связь по любви, а не из похоти. Предоставь это природе, сказал бы я себе. Я начал чувствовать, насколько моя борьба, усилия и умеренный образ жизни улучшили меня. У меня появилось больше самоуважения, хотя что-то от прежнего самосознания все еще оставалось. Мне становилось лучше не постоянно, а зигзагообразно вверх-вниз. У меня все еще были приступы ярости, приближающиеся к безумию, и периоды невротической депрессии. Долгие прогулки определенно помогли мне вылечиться, а море, солнце, ветер, облака и деревья очень мило окрашивали мои ночные сны. Мне часто снилось, что я гуляю по фруктовым садам или лесам, и более глубокое, слегка меланхоличное, но сильное ощущение, как от предначертанной судьбы, овладевало моей душой.

После долгого отсутствия, во время которого она часто болела, А. присоединилась ко мне. Я видел, что она оправляется от припадков, которые, как я начал понимать, у нее случались чаще в мое отсутствие, а также, возможно, от выпивки. Она была маленькой и худенькой, но свежей и сладкой, как мед, и все признаки припадков исчезли с ее лица, такого чудесного в своих изменениях. Я стала настолько здоровой благодаря своему воздержанию и долгим прогулкам,

что наша встреча стала для меня новым откровением о том, какой нежной, благоухающей и божественной может быть выздоравливающая женщина. Она была рада и удивлена, увидев, что я так хорошо выгляжу, и когда она положила свою руку мне на плечо, я почувствовал радостный трепет. Я, конечно, был лучшим мужчиной из-за воздержания, а она - лучшей женщиной, и я решил не вступать в связь до тех пор, пока мы не будем увлечены нашей любовью. На самом деле мы не поддавались излишествам, хотя и были очень любящими. Я пытался убедить себя, что мы не вернулись к нашим старым привычкам, но я не мог так долго ждать.

Мисс Т. появлялась каждый день. Она не выглядела такой уж невинной, но поскольку это было не мое дело, я не стал утруждать себя. Она казалась более привязанной к А., чем когда-либо. ... А. по-прежнему была очень любвеобильна со мной, но мне стоило больших усилий не отставать от нее, и когда А. предложила поехать в Мельбурн с мисс Т., чтобы распродать мебель, прежде чем поселиться в Аделаиде, я был скорее рад возможности воздержаться от полового акта и понаблюдать за собой, чтобы увидеть, исправлюсь ли я снова. Когда А. и мисс Т. зашли повидаться со мной перед тем, как отправиться на пароход, А. чуть не плакала, а мисс Т., превратившаяся из старой желанной подруги в не только бледную и встревоженную, но и выглядевшую виноватой, как будто у нее на уме было какое-то предательство; она не могла встретиться со мной взглядом. Тогда я меньше думал об этом, чем впоследствии. И снова я совершал долгие прогулки по ночам и вставал рано, чтобы насладиться утренней свежестью.

Незадолго до этого я прочитал книгу, пропагандирующую вегетарианскую диету, и в это время мне случайно попался прекрасный "Денис Л'Оксерруа" Патера, воображаемый портрет молодого виноградаря, который был привлекательнее обычных смертных и до своего падения и порчи жил на фруктах и воде. Слова "естественная простота в жизни" остались в моей памяти. Я решила более внимательно прочитать книгу о научном питании. "Кто может сказать, - подумал я, - какие перемены к лучшему могут произойти со мной, если я буду придерживаться строго научной и натуральной диеты?"

Я постился целый день, а затем позавтракал вишнями, в середине дня поел фруктов, и, прогуливаясь днем — серым дождливым днем, — я почувствовал себя таким легким, таким другим, а серое небо выглядело таким милым и знакомым, что мне вспомнились светлые видения моего детства. Это было настоящим откровением. Однако это паническое, почти вакхическое ощущение длилось недолго, и я не всегда мог придерживаться своего нового метода питания, хотя и пытался это делать. Тем не менее, я предпринял попытку, но, полагаю, был вымотан больше обычного. Я бы прошел несколько миль в надежде почувствовать себя менее беспокойным. Однажды в отпуск я отправился в Гленелг, поужинав только виноградом, и, лежа на пляже, смотрел в сильный бинокль, который позаимствовал у купающихся девушек. И красота их лиц в обрамлении волос, их рук, их фигур, видневшаяся сквозь мокрые облегающие платья, удовлетворила меня и наполнила радостью, дала мне на короткое время тот покой и довольство — в гармонии с ярким солнечным светом, играющим на волнах, и ритмичным прибоем на берегу, — которые я искал. Летние вечера на пирсе или вдоль пляжа имели особый привкус; здесь чувствовались молодость и красота даже темными ночами, воздух был пропитан ими, белые платья и летние шляпки исчезали на пляже или за песчаными холмами. Было легко — иногда, несомненно, оправданно — придать этим исчезновениям непристойную форму; но я чувствовал, что в этом не было необходимости; что не было необходимости, чтобы молодость и

красота, даже сам половой акт, если к нему ведет любовь, были предметом хихиканья. Я всегда со вздохом покидала пляж и его развевающиеся летние платья.

А., написав один раз, вообще перестала писать, и мы с ее матерью снова остались в состоянии тревоги и неизвестности. В конце концов я решил поехать в Мельбурн, чтобы разыскать ее, и единственной зацепкой, которая у меня была, было замечание в ее письме о том, что некий актер дает ей ангажемент. В Мельбурне я не мог найти никаких ее следов в течение нескольких дней, и те следы, которые я все-таки нашел, не были рассчитаны на то, чтобы развеять мои тревожные опасения. Один владелец отеля сказал мне, что некто по имени А. останавливался там с другой шлюхой (назавшейся сценическим псевдонимом мисс Т.): "Они с парой неплохо развлекались". Я подумал о странных взглядах мисс Т., но не мог представить, какое влияние она имела на А., потому что А. любила меня, я знал. Казалось, я нахожусь в запутанном лабиринте. Я ни на чем не мог остановиться и уже подумывал обратиться в полицию, когда услышал, что актер, о котором упоминал А., повез свою труппу на озера Гиппсленд. Я последовал в Сейл, нашел актера, и мне сказали, что А. там не было. "Она ускользнула от меня в последний момент, - сказал он, - и осталась в Мельбурне". Я вернулся к себе домой, моя тревога и нервное беспокойство возросли в десять раз. Но внезапно мой страх и беспокойство покинули меня, как облако. Я чувствовал себя спокойным, молодым, умиротворенным, способным наслаждаться природой, с А., несомненно, все было в порядке, и я смог бы объяснить ее молчание. Я разделся неторопливо и счастливо, думая о звездах.

На следующий день, в воскресенье, я проснулся отдохнувшим и по-прежнему умиротворенным. После завтрака, услышав детские голоса, я вышел в сад, и там произошло столкновение душ, которые каким-то образом были родственными. Молодая девушка лет двенадцати или младше, с приятной осанкой и красивым лицом, с полминуты смотрела на меня, а затем подошла и села мне на колени. Она была одной из тех детей, которых я привыкла называть "детьми любви", потому что они намного умнее, здоровее, крупнее и любвеобильнее других. Я всегда представляю, что на их создание было потрачено больше любви. Мы полюбили друг друга, и она сказала, поглаживая мою бороду: "О, ты такой красивый!" и я ответил: "И ты тоже!" Мы были так нежны, что служанка отозвала ребенка, и я пошел прогуляться, обнаружив, что моя маленькая возлюбленная ждет меня по возвращении. Прикосновение ее руки было возбуждающим, а голос свежим и музыкальным. Я поцеловал ее, но с утра стал более застенчивым и задавался вопросом, смотрят ли на меня ее мать или служанка или даже появятся ли они. Я не был таким откровенным и естественным, как моя маленькая подруга. С тех пор я часто думал о ней. У нее был широкий лоб, сильные и в то же время легкие конечности, а также не слишком маленькие руки и ноги, которые, как я всегда представляю, должны быть у обитателей Рая.

Я вернулся в Мельбурн и продолжил попытки найти А. В то же время я всерьез начал питаться только фруктами и черным хлебом и с каждым днем чувствовал себя все лучше, так что мне доставляло удовольствие прогуливаться по улице под солнцем и переглядываться с пассажирами а-ля старина Уолт. Однажды в Ботаническом саду с моих глаз словно спала пелена. Я мог смотреть прямо на солнце и, ориентируясь на цвет этого золотого света, обратил свой взор на цветы, скошенную траву, деревья и впервые осознал, что такое небесный зеленый цвет, какими божественными спутниками являются цветы и что на самом деле означает голубое небо. На полчаса я оказался в Раю, и в довершение моей радости Природа открыла мне новую и неожиданную тайну.

Я лежал на скамейке, греясь, и моя шелковая рубашка распахнулась, яркое солнце добралось до моей груди, и вскоре я ощутил там совершенно новые ощущения. Я открыл для себя последнюю радость кожи. Моя кожа, питаемая здоровой фруктовой кровью, должно быть, именно тогда нормально функционировала под воздействием солнечных лучей (увы, лишь на короткое время!). Я не могу описать эту радость, как не мог бы описать вкус персика тому, кто ел только яблоки: это было сытно, божественно. Я распахнул рубашку пошире, но ощущение распространилось лишь слабо, и действительно, этот безмятежный солнечный час закончился беспокойством, которое заставило меня отправиться в город на поиски А.

Наконец я услышал, но не об А., а о мисс Т. Она играла в балете. Я обошла вокруг во время репетиции и, пока ждала, разговорилась с маленькой хористкой с милым лицом, которая шила. Когда я сказал ей, кого ищу, она перестала шить и быстро посмотрела на меня: "О, вы ее муж? Я ее знаю. *Я видел их вместе.* Она выглядела так, словно собиралась мне что-то сказать, но лишь скорбно, неописуемо покачала своей старомодной головой, сказав: "Почему бы тебе не оставить свою жену при себе?" Я подошел к двери и вскоре увидел мисс Т. Мне показалось, что она пыталась избегать меня и выглядела еще более злобной, чем когда-либо, но после минутного раздумья неохотно сказала мне, где они с А. остановились. Чтобы скрыть свои страхи и подозрения, я вел себя небрежно, но, думаю, я бы задушил ее, если бы она отказалась мне рассказать. Я поспешно направился в указанное место и, поднявшись по лестнице (к удивлению людей), открыл дверь и оказался лицом к лицу с А. — но как изменился! У нее был жесткий, развратный, лишенный любви взгляд, который я терпеть не мог. На несколько минут мне показалось, что я ее не люблю, и она тоже смотрела на меня холодно, но вскоре старые привычки взяли свое. Она очень жалобно протянула руки, а потом зарыдала в моих объятиях. Я не смог добиться от нее ничего, кроме рыданий, и по сей день не знаю, где она провела все эти недели и почему не писала. Мисс Т. вошла после репетиции, бледная, с застывшим лицом. Я вежливо поздоровался с ней, но наблюдал за ней, пытаюсь понять, почему А. выглядела не так, как обычно после долгого отсутствия в соитии. Мисс Т. сняла другую комнату в том же доме, и вскоре к ней присоединилась другая балерина, молодая и очень хорошенькая, у которой вскоре начались припадки. А. постоянно плакала, пока мисс Т. не ушла со своей хорошенькой подругой. Я ничего не знал, вряд ли можно было сказать, что я подозревал что-то определенное, и все же мне было жаль эту хорошенькую девушку, чьи глаза выглядели такими беспомощными и умоляющими.

Я снова принялся за работу. Но я продолжал питаться фруктами и хлебом и, раздевшись, вставал у окна на солнце. Однако многие проститутки, жившие на задворках, увидели меня и были шокированы или подумали, что я сумасшедшая. Хозяйка квартиры услышала об этом и поговорила с А. Так что мне пришлось отказаться от своих великолепных солнечных ванн.

Мы спали на односпальной кровати, и хотя я делал все возможное, чтобы избежать коитуса (я хотел подождать и придумать какую-нибудь теорию на этот счет), А., который ничего об этом не знал, захотел вернуться к нашим старым привычкам, и в конце концов я сдался. Но на следующий день мои страдания были невыносимы, и у меня было такое чувство, что я упал с какого-то высокого уровня. Мои мысли разделились между двумя теориями: одна гласила, что наши страдания в большей или меньшей степени вызваны нашей диетой; другая гласила, что мы допустили какую-то ошибку в отношении коитуса, и это становилось для меня почти несомненным фактом.

Я считаю заслуживающим внимания один случай, который произошел до того что упомянутого "падения", когда я питался фруктами и был великолепно здоров. На представлении я увидел на сцене девушку с красивыми ногами в трико, и однажды, когда она выпрямила ногу, коленная чашечка, вставшая на место, доставила мне такую странную и острую радость — то качество, которое я называю божественным или музыкальным, — что я был подобен человеку, внезапно осознавшему божественность и красоту женских форм. Радость была такой острой и в то же время спокойной, знакомой и субъективной, что я невольно сравнил ее со счастливым химическим изменением в тканях моего собственного мозга. Как и неожиданное функционирование моей кожи на солнце, это был признак частичного возвращения к нормальному состоянию, еще один проблеск Рая.

Я придерживался своей новой диеты и обрел новый душевный подъем и радость в жизни. Постепенно одежда стала невыносимой, и я как можно чаще спускался на пляж, чтобы снять ее, а по ночам лежал обнаженным рядом с терпеливым и изумленным А. Однажды вечером, проходя по траве, я, как цыганка, заглянула через забор и почувствовала страстное желание раздеться и проспать в траве всю ночь. Конечно, это было невозможно. И А. с несчастным видом посмотрела мне в лицо; она начала думать, что ее мать, которая теперь считала меня сумасшедшей, должно быть, права.

Той ночью я проснулся и обнаружил, что занимаюсь соитием. Я был зол и чувствовал, что меня отбросили назад в моем развитии, но теперь мной овладела лихорадка похоти. Я сидела под краном и пускала на себя холодную воду, чтобы побороть лихорадку, но в конце недели мои надежды рухнули, и я даже отказалась от своей естественной диеты, на которой я стала плотнее. У А., как я и ожидала, начались обычные приступы, и она постепенно выздоравливала. (Если у нас была связь только один раз, то примерно через три недели у нее случался легкий приступ судорог; если у нас было соитие более одного раза, припадки были более сильными.) У меня не раз случались рецидивы, и, чтобы укрепить свою решимость воздерживаться в будущем, я проходил несколько миль посреди непроглядно черных ночей. ...

Мисс Т. приехала в Аделаиду, и поскольку я не знал о ней ничего определенного и слышал, что она помолвлена, я подумал, что, возможно, мои подозрения были необоснованны, и отнесся к ней дружелюбно. Но однажды в городе я увидел ее и А. в трамвае, направляющихся к нашему коттеджу. Даже тогда мои подозрения, возможно, не пробудились, но я увидел, как мисс Т. что-то быстро сказала А., и А. окликнул меня: "Ты скоро вернешься домой?" И я ответил "Нет". Когда трамвай тронулся, я поймал себя на том, что смутно задаюсь вопросом, зачем мисс Т. хотела это знать, поскольку мое восприятие становилось достаточно острым, чтобы понимать женские повадки. Через минуту я уже быстро шел домой. Когда я подошел к двери, она была заперта. Я стучал и стучал, но никто не пришел. Я крикнул и пригрозил вышибить дверь. По-прежнему никто не приходил. Обезумев от ярости, я начал приводить свою угрозу в исполнение, когда дверь открыла мисс Т., полуголая, в нижних юбках, бледная как смерть, но уже не вызывающая. "Значит, я поймал тебя, не так ли?" *Я посмотрел*, но не мог заставить себя заговорить. Недоумевая, почему А. не появляется, я пошел в спальню. Она лежала на кровати в том виде, в каком оставила ее мисс Т., на грани припадка, и, увидев меня, жалобно протянула ко мне руки, а когда я наклонился к ней, она прошептала: "Отошлите ее, отошлите ее". Затем она потеряла сознание, и, выйдя в соседнюю комнату, я приказал мисс Т. (которая умудрилась вцепиться в свое платье) убираться из дома. Я говорил презрительно, словно обращаясь к собаке, и она выскользнула со злобным, но испуганным выражением, которое я надеюсь никогда больше не

увидеть на лице женщины. Что они делали без одежды, я не знаю; женщины скорее умрут, чем признаются. Когда А. оправилась от припадка, она отрицала, что между ними что-то было, и упрямо настаивала на этом, но с таким несчастным видом у меня не хватило духу продолжать свои расспросы.

Что касается меня, то все усилия, которые я прилагал так долго, какое-то время казались напрасными; на несколько недель я погрузился в своего рода сатириазис, и даже мой гнев против мисс Т. превратился в похотливое любопытство. В то же время я не всегда мог придерживаться своей диеты. Но как в отношении соития, так и в отношении диеты я все еще боролся, и в целом успешно. Однако мои приступы гнева были чрезмерными, и моя скука переросла в мрачное отчаяние. Однажды, пересекая Парк, я богохульствовал и презрительно отзывался о "Боге и его двухпенсовых вращающихся шариках", имея в виду планетарную систему. Но от долгих прогулок я бы сошла с ума. А. пила в перерывах между приступами. Я нашла припрятанные полупустые бутылки вина. Это не улучшило моего настроения, и однажды — это было, когда она была здорова — я сильно ударил ее по лицу, а она запустила в меня стеклянным графином. Она уехала домой к своей матери, а я жил один в коттедже. Вскоре после этого я услышал, что ее муж вернулся и что они помирились. Однако нашему расставанию не суждено было стать окончательным.

Даже на страданиях того месяца я заработал капитал. Мне стало лучше после моей склонности к смазливости, моей мрачности, ярости, беспокойства и деградации. Это были всего лишь раздражители, связанные с выздоровлением.

Том 6

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ГЛАВА I. МАТЬ И ЕЕ ДИТЯ.

ГЛАВА II. СЕКСУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

ГЛАВА III. СЕКСУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ И НАГОТА.

ГЛАВА IV. ОЦЕНКА СЕКСУАЛЬНОЙ ЛЮБВИ.

ГЛАВА V. ФУНКЦИЯ ЦЕЛОМУДРИЯ.

ГЛАВА VI. ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОГО ВОЗДЕРЖАНИЯ.

ГЛАВА VII. ПРОСТИТУЦИЯ.

ГЛАВА VIII. ПОБЕДА НАД ВЕНЕРИЧЕСКИМИ БОЛЕЗНЯМИ.

ГЛАВА IX. СЕКСУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ.

ГЛАВА X. БРАК.

ГЛАВА XI. ИСКУССТВО ЛЮБВИ.

ГЛАВА XII. НАУКА О ПРОДОЛЖЕНИИ РОДА.

ПОСТСКРИПТУМ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

В предыдущих пяти томах этих *Исследований* я рассматривал главным образом сексуальное влечение в связи с его объектом, не принимая во внимание внешних лиц и влияния окружающей среды, которые, тем не менее, могут сильно повлиять на это влечение и его удовлетворение. Однако мы не можем позволить себе оставить незамеченной эту связь сексуального влечения с третьими лицами и с обществом в целом со всеми его древними традициями. Мы должны рассматривать секс в контексте общества.

При этом появится возможность более кратко, чем в предыдущих томах, обсудить многообразные и важные проблемы, которые предстают перед нами. При рассмотрении более специальных вопросов сексуальной психологии мы вступили в заброшенную область, и было необходимо проявить аналитическую тщательность и точность, которые во многих случаях никогда раньше не применялись к этим вопросам. Но когда мы переходим к отношениям секса с обществом, мы по большей части не сталкиваемся с таким пренебрежением. Тема каждой главы настоящего тома могла бы легко стать и часто уже стала темой целого тома, и литература по многим из этих тем уже чрезвычайно объемна. Следовательно, нашей главной целью здесь должно быть не накопление подробностей, а как можно более четкое и сжатое изложение каждого предмета по очереди в связи с теми фундаментальными принципами сексуальной психологии, которые — насколько позволяют имеющиеся на данный момент данные — были изложены в предыдущих томах.

Действительно, некоторым может показаться, что в этом изложении мне следовало бы ограничиться настоящим и не включать столь широкий обзор хода человеческой истории и традиций расы. Особенно может показаться, что я придал слишком большое значение влиянию христианства на формирование сексуальных идеалов и установление сексуальных институтов. Я убежден, что это ошибка. Именно потому, что это так часто делается, движения прогресса среди нас — движения, которые никогда, ни в один период социальной истории не могут прекратиться, — многими воспринимаются столь серьезно неправильно. Мы не можем убежать от наших традиций. Никогда не было и никогда не может быть никакой "эпохи разума". Самый ярый так называемый "вольнодумец", который, воображая авторитет христианского прошлого, отбрасывает его в сторону, все еще держится за это прошлое. Если его традиции не совсем у него в крови, они укоренились в структуре всех социальных институтов, в среде которых он родился, и влияют даже на его образ мышления. Последние модификации наших институтов

неизбежно находятся под влиянием прошлой формы этих институтов. Мы не можем осознать, где мы находимся и куда движемся, пока не узнаем, откуда мы пришли. Мы не сможем понять значение происходящих вокруг нас перемен и встретить их с жизнерадостной уверенностью, если не будем знакомы с ходом великих движений, которые движут всю цивилизацию в нескончаемых циклах.

Таким образом, при обсуждении сексуальных вопросов, которые в значительной степени являются вопросами социальной гигиены, мы по-прежнему будем придерживаться психологической точки зрения. Такая точка зрения по отношению к этим вопросам не только законна, но и необходима. Обсуждения социальной гигиены, которые носят чисто медицинский, или чисто юридический, или чисто моральный, или чисто теологический характер, не только приводят к выводам, которые часто полностью противоположны друг другу, но и, очевидно, не обладают полной применимостью к сложной человеческой личности. Главная задача, стоящая перед нами, должна состоять в том, чтобы выяснить, что наилучшим образом выражает и что наилучшим образом удовлетворяет совокупность импульсов и идей цивилизованных мужчин и женщин. Таким образом, хотя мы должны постоянно помнить о медицинских, юридических и моральных требованиях, которые в некотором отношении соответствуют тем или иным индивидуальным или социальным потребностям, главное — удовлетворить потребности всей человеческой личности.

Необходимо подчеркнуть эту точку зрения, потому что кажется, что среди авторов, пишущих о гигиенических и моральных проблемах секса, нет более распространенной ошибки, чем пренебрежение психологической точкой зрения. Они могут встать, например, на сторону сексуального ограничения или сексуальной необузданности, но они не в состоянии осознать, что столь узкая основа неадекватна потребностям сложных человеческих существ. С более широкой психологической точки зрения мы признаем, что должны примирять противоположные импульсы, которые оба одинаково основаны на психическом организме человека.

В предыдущих томах этих *Исследований* я стремился воздерживаться от выражения какого-либо личного мнения и придерживаться, насколько это возможно, строго объективной позиции. Я надеюсь, что в этом начинании я преуспел, если судить по тому факту, что я получил сочувствие и одобрение самых разных людей, не меньше рационалистического вольнодумца, чем ортодоксального верующего, как тех, кто принимает, так и тех, кто отвергает наши самые современные стандарты морали. Так и должно быть, ибо какими бы ни были наши критерии ценности чувств и поведения, нам всегда должно быть полезно знать, каковы именно чувства людей и как эти чувства имеют тенденцию влиять на их поведение. Однако в настоящем томе, где социальные традиции обязательно становятся предметом рассмотрения и где нам приходится обсуждать рост этих традиций в прошлом и их вероятную эволюцию в будущем, я не уверен, что объективность моей позиции будет столь же ясна читателю. Я должен здесь описать не только то, что люди на самом деле чувствуют и делают, но и то, что, по моему мнению, они склонны чувствовать и делать. Это вопрос только оценки, как бы широко и осторожно к нему ни подходили; это не может быть вопросом абсолютной демонстрации. Я верю, что те, кто следовал за мной в прошлом, по-прежнему будут терпеть меня, даже если для них невозможно всегда соглашаться с выводами, к которым я сам пришел.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

Залив Карбис, Корнуолл, Англия.

ГЛАВА I.

МАТЬ И ЕЕ РЕБЕНОК.

Содержание

Право ребенка выбирать свою родословную—Как это осуществляется—Мать как высший родитель ребенка—Материнство и женское движение—Огромная важность материнства—Младенческая смертность и ее причины—Главная причина у матери—Потребность в отдыхе во время беременности—Частота преждевременных родов—Функция государства—Недавний прогресс в виноделии—Вопрос о половом акте во время беременности—Необходимость отдыха во время лактации—Обязанность матери кормить грудью своего ребенка—Экономический вопрос—Обязанность государства—Недавний прогресс в защите матери—Ошибочность Государственные ясли.

Сексуальная природа мужчины, как и все остальное, что в нем наиболее существенно, уходит корнями в почву, которая сформировалась задолго до его рождения. В этом, как и во всех других отношениях, он черпает элементы своей жизни от своих предков, какой бы новой ни была рекомбинация и как бы сильно она ни была изменена последующими условиями. Судьба человека находится не в будущем, а в прошлом. Это, если правильно считать, самый важный из всех жизненных фактов. Таким образом, каждый ребенок имеет право выбирать своих предков. Естественно, он может сделать это только опосредованно, через своих родителей. Самый серьезный и священный долг будущего отца - выбрать одну половину родового и наследственного характера своего будущего ребенка; самый серьезный и священный долг будущей матери - сделать аналогичный выбор.^[1] Выбирая друг друга, они выбрали всю родословную своего ребенка. Они определили звезды, которые будут управлять его судьбой.

В прошлом это судьбоносное решение обычно принималось беспомощно, по неведению, почти бессознательно. Оно либо руководствовалось инстинктом, который, в целом, сработал довольно хорошо, либо контролировалось экономическими интересами, о результатах которых так много сказать нельзя, либо было оставлено на волю случая ниже звериного, который не может привести ни к чему, кроме зла. В будущем мы не можем не верить — ибо вся надежда человечества должна основываться на этой вере, — что новый руководящий импульс, усиливающий природный инстинкт и становящийся со временем его неотъемлемым сопровождением, поведет цивилизованного человека по его расовому пути. Точно так же, как в прошлом раса в целом формировалась естественным и частично половым отбором, который был бессознательным сам по себе и не ведал о целях, к которым стремился, так и в будущем раса будет формироваться преднамеренным отбором, творческая энергия Природы станет самосознательной в цивилизованном мозгу человека. Это не та вера, которая имеет своим

источником смутную надежду. Проблемы индивидуальной жизни связаны с судьбой расовой жизни, и снова и снова мы будем обнаруживать, размышляя над отдельными вопросами, которые нас здесь интересуют, что во всех точках они в конечном счете сходятся к одному и тому же расовому концу.

Следовательно, поскольку здесь нам предстоит проследить за сексуальными отношениями индивида, как они влияют на общество, на данном этапе будет удобно отложить в сторону вопросы происхождения и принять индивида таким, каким он находится в утробе своей матери, с уже определенной наследственной конституцией.

Именно мать является высшим родителем ребенка. На различных этапах зоологической эволюции казалось возможным, что функции, которые мы теперь знаем как материнские, будут в значительной степени и даже в равной степени выполняться родителем-мужчиной. Природа проводила различные эксперименты в этом направлении, например, среди рыб и даже среди птиц. Но какими бы разумными и превосходными ни были эти эксперименты, и хотя они были достаточно надежными, чтобы обеспечить их продолжение по сей день, остается правдой, что Человеку было суждено появиться не по этим линиям. Среди всех млекопитающих, предшественников Человека, самец является внушительной и важной фигурой в первые дни ухаживания, но после того, как зачатие однажды обеспечено, мать играет главную роль в жизни расы. Самец должен довольствоваться добычей пищи за границей и стоять на страже, когда находится дома, в прихожей семьи. Однажды оплодотворенная самка животного гневно отвергает ласки, которые она раньше так кокетливо приветствовала, и даже у Мужчины место отца при рождении его ребенка не является особенно достойным или комфортным. Природа отводит мужчине лишь второстепенное и сравнительно скромное место в доме, месте размножения расы; он может компенсировать это, если захочет, поиском приключений и славы во внешнем мире. Мать является высшим родителем ребенка, и в период от зачатия до рождения гигиена будущего мужчины может быть нарушена только теми влияниями, которые действуют через нее.

Каким бы фундаментальным и элементарным ни был факт преобладающего положения матери по отношению к жизни расы, каким бы неоспоримым он ни казался всем тем, кто ознакомился с томами этих *Исследований* вплоть до настоящего момента, следует признать, что иногда о нем забывали или игнорировали. В великие века человечества это действительно принималось как центральный и священный факт. В классическом Риме в какой-то период дом беременной женщины был украшен гирляндами, а в Афинах это было неприкосновенное святилище, где мог найти убежище даже преступник. Даже среди смешанных влияний буйно развивающихся времен, предшествовавших вспышке Возрождения, идеально красивой женщиной, как до сих пор показывают фотографии, была беременная женщина. Но так было не всегда. В настоящее время, например, не может быть никаких сомнений в том, что мы только начинаем выходить из периода, в течение которого этот факт часто оспаривался и отрицался, как в теории, так и на практике, даже самими женщинами. В частности, это имело место как в Англии, так и в Америке, и, вероятно, во многом благодаря неудачному увлечению, которое побудило женщин в этих странах следовать мужским идеалам, в настоящий момент вдохновение для прогресса в женских движениях исходит в основном от женщин других стран. Материнство и будущее расы систематически принижались. Утверждалось, что отцовство - это всего лишь случай в жизни мужчины: почему материнство должно быть чем-то большим, чем просто случай в жизни женщины? В Англии, благодаря любопытно извращенной форме сексуального влечения,

женщины были настолько очарованы очарованием, окружавшим мужчин, что желали подавить или забыть все факты органического строения, которые делали их непохожими на мужчин, считая свою славу своим позором, и стремились к тому же образованию, что и мужчины, тем же занятиям, что и мужчины, даже к тем же видам спорта. Как мы знаем, изначально в этом порыве был элемент правильности.^[2] Это было абсолютно правильно, поскольку это было требование свободы от искусственных ограничений и требование экономической независимости. Но это стало озорным и абсурдным, когда переросло в страсть делать во всех отношениях то же, что делают мужчины; насколько озорным и абсурдным мы можем понять, если представим, что мужчины развивают в себе страсть подражать образу жизни и занятиям женщин. Свобода хороша только тогда, когда это свобода следовать законам своей собственной природы; она перестает быть свободой, когда превращается в рабскую попытку подражать другим, и была бы катастрофической, если бы могла увенчаться успехом.^[3]

В настоящее время это движение в теоретическом плане перестало иметь каких-либо представителей, оказывающих серьезное влияние. Тем не менее, его практические результаты все еще заметны в Англии и других странах, в которых он был осущит. Детская смертность огромна, и в Англии, во всяком случае, только начинает демонстрировать тенденцию к снижению; материнство лишено достоинства, и жизненная сила матерей быстро подавляется, так что часто они не могут даже покормить грудью своих младенцев; невежественные девушки-матери кормят своих младенцев картошкой и джином; повсюду нам говорят о доказательствах вырождения расы, или, если не расы, то, во всяком случае, современной молодежи.

Было бы неуместно и завело бы нас слишком далеко обсуждать здесь эти различные практические результаты глупой попытки принизить огромную расовую важность материнства. Здесь достаточно коснуться одного момента, связанного с избыточной детской смертностью.

В Англии, которая с социальной точки зрения не находится в гораздо худшем положении, чем большинство стран, поскольку в Австрии и России младенческая смертность все еще выше, хотя в Австралии и Новой Зеландии она намного ниже, но все еще чрезмерна, — более четверти общего числа смертей ежегодно приходится на младенцев в возрасте до одного года. По мнению медицинских работников здравоохранения, которые находятся в наилучшем положении для формирования мнения, примерно половина этой смертности, грубо говоря, абсолютно предотвратима. Более того, сомнительно, наблюдается ли какое-либо реальное снижение этой смертности; за последние полвека она иногда немного повышалась, а иногда немного падала, и хотя в течение последних нескольких лет общая динамика смертности детей в возрасте до пяти лет в Англии и Уэльсе демонстрировала тенденцию к снижению, в Лондоне (согласно Дж. Ф. Дж. Сайксу, хотя сэр Ширли Мерфи пыталась свести к минимуму значимость этих цифр) уровень детской смертности за первые три месяца жизни фактически вырос с 69 на 1000 в период 1888-1892 гг. до 75 на 1000 в период 1898-1901 гг. (Следует помнить, что это относится к периоду до вступления в силу Закона об уведомлении о рождении.) В любом случае, хотя общая смертность демонстрирует заметную тенденцию к улучшению, соответствующего улучшения младенческой смертности, безусловно, нет. Это неудивительно, когда мы понимаем, что в условиях, в которых рождаются и воспитываются наши младенцы, произошли изменения не к лучшему, а скорее к худшему. Так, Уильям Холл, который на протяжении пятидесяти шести лет обладал глубокими знаниями о трущобах Лидса и взвесил и измерил многие тысячи детей из трущоб, помимо обследования более 120 000 мальчиков и девочек на предмет их пригодности к фабричному труду, утверждает (*Британский медицинский журнал*, 14 октября

1905 г.), что "пятьдесят лет назад мать из трущоб была намного более трезвой, чистоплотной, домашней и матерински заботливой, чем сегодня; она сама была лучше питаема и почти всегда кормила своих детей грудью, а после отлучения от груди они получали более питательные вещества для формирования костей". еда, и она смогла приготовить более полезную еду дома ". Система обязательного образования оказала неблагоприятное влияние, оказав давление на родителей и ухудшив условия жизни в семье. Ибо, каким бы прекрасным было образование само по себе, оно не является первостепенной потребностью в жизни и было сделано обязательным до того, как более важные вещи в жизни стали столь же обязательными. Насколько абсолютно необязательна такая высокая смертность, можно показать, не приводя в пример Австралию и Новую Зеландию, а просто сравнив небольшие английские городки; так, в то время как в Гилфорде уровень детской смертности составляет 65 на тысячу, в Берследе - 205 на тысячу.

Иногда говорят, что детская смертность - это экономический вопрос, и что с повышением заработной платы она прекратится. Это верно лишь в ограниченной степени и при определенных условиях. В Австралии нет крайней бедности, но смертность младенцев в возрасте до одного года по-прежнему составляет от 80 до 90 случаев на тысячу, и, по данным Хупера (*British Medical Journal*, 1908, vol. ii, стр. 289), происходящий из-за невежества матерей и нелюбви к грудному вскармливанию, легко предотвратим. Занятость замужних женщин значительно уменьшает бедность семьи, но ничто не может быть хуже для благополучия женщины как матери или для благополучия ее ребенка. Рид, медицинский работник здравоохранения Стаффордшира, где есть два крупных центра ремесленного населения с одинаковыми условиями здоровья, показала, что в северном центре, где на фабриках занято очень большое количество женщин, мертворождение в три раза чаще, чем в южном центре, где для женщин практически нет работы в торговле; частота отклонений также находится в том же соотношении. Опять же, превосходство еврейских детей над христианскими и их более низкая детская смертность, по-видимому, полностью объясняются тем фактом, что еврейки - лучшие матери. "Еврейские дети в трущобах, - говорит Уильям Холл (*Британский медицинский журнал*, 14 октября 1905 г.), основываясь на обширных и точных знаниях, - были выше по весу, зубам и общему физическому развитию, и они казались менее восприимчивыми к инфекционным заболеваниям. Тем не менее, эти евреи были переполнены, они мало занимались спортом, и их антисанитарные условия были очевидны. Дело в том, что их дети получали гораздо лучшее питание. О беременной еврейке заботились больше, и, без сомнения, она лучше питала плод. После рождения детей 90% они получали грудное молоко, и в более позднем детстве их обильно кормили материалом для производства костей; яйца и масло, рыба, свежие овощи и фрукты в значительной степени входили в их рацион ". Г. Ньюман в своей важной и всеобъемлющей книге *о младенческой смертности* подчеркивает вывод о том, что "прежде всего нам нужен более высокий уровень физического материнства". Проблема детской смертности, заявляет он (стр. 259), связана не только с санитарией, жильем или бедностью как таковой, "но главным образом с вопросом материнства".

Основной потребностью беременной женщины является *отдых*. Без большой степени материнского покоя не может быть вошествоводства.^[4] Для создания мужчины требуется вся лучшая энергия женщины, особенно в течение трех месяцев до родов. Она не может быть подчинена налогу на силу, связанному с физическим или умственным трудом, или даже с напряженными общественными обязанностями и развлечениями. Многочисленные эксперименты и наблюдения, проведенные в последние годы в родильных домах, особенно во

Франции, убедительно показали, что отдых в течение последнего месяца беременности оказывает огромное влияние не только на настоящее и будущее самочувствие матери и легкость ее родов, но и на судьбу ребенка. "Каждая работающая женщина имеет право на отдых в течение последних трех месяцев своей беременности". Эта формула была принята Международным гигиеническим конгрессом в 1900 году, но на практике она может быть реализована только при сотрудничестве всего сообщества. Ибо недостаточно сказать, что женщина должна отдыхать во время беременности; дело общества - обеспечить надлежащий отдых. Мы можем быть уверены, что сама женщина и ее работодатель сделают все возможное, чтобы обмануть общество, но именно общество страдает, как экономически, так и морально, когда женщина выпускает в мир своих неполноценных детей, и в своих собственных интересах сообщество вынуждено контролировать как работодателя, так и нанятых. Мы больше не можем позволять говорить словами Бушакур, что "сегодня отбросы человеческого рода - слепые, глухонемые, дегенераты, нервные, порочные, идиоты, имбецилы, кретины и эпилептики — защищены лучше, чем беременные женщины".^[5]

Пинар, которого всегда следует чтить как одного из основателей евгеники, вместе со своими учениками многое сделал, чтобы подготовить почву для принятия этого простого, но важного принципа, разъяснив основания, на которых он основан. На основе длительных наблюдений за беременными женщинами всех категорий Пинар убедительно показал, что у женщин, которые отдыхают во время беременности, рождаются более прекрасные дети, чем у женщин, которые не отдыхают. Помимо более общих недостатков работы во время беременности, Пинар обнаружил, что в последующие месяцы она имела тенденцию вдавливать матку в таз и, таким образом, вызывать преждевременные роды неразвитых детей, в то время как роды становились более трудными и опасными (см., *Например*, Pinard, *Gazette des Hopitaux*, 28 ноября 1895 г., *Id.*, *Annales de Gynécologie*, август 1898 г.).

Летурне изучил вопрос о том, необходим ли отдых во время беременности женщинам, профессиональная работа которых лишь слегка утомляет. Он исследовал 732 последовательных родоразрешения в парижской клинике Бодлока. Он обнаружил, что 137 женщин, занятых утомительными профессиями (прислуга, повара и т.д.) и не отдыхавших во время беременности, произвели на свет детей со средним весом 3081 грамм; 115 женщин, занятых лишь слегка утомительными профессиями (портнихи, модистки и т.д.), а также не отдыхавших во время беременности, родили детей со средним весом 3130 грамм, небольшая, но существенная разница, учитывая тот факт, что женщины первой группы были крупными и крепкими, в то время как женщины второй группы были худощавого и элегантного телосложения. Опять же, сравнивая группы женщин, которые отдыхали во время беременности, было обнаружено, что у женщин, привыкших к изнурительной работе, были дети со средним весом 3319 граммов, в то время как у женщин, привыкших к менее изнурительной работе, были дети со средним весом 3318 граммов. Таким образом, разница между отдыхом и не-отдыхом значительна, в то время как это также позволяет крепким женщинам, выполняющим утомительную работу, догнать, хотя и не превзойти, более хрупких женщин, выполняющих менее утомительную работу. Мы также видим, что даже при сравнительно не утомительных занятиях модистками и т.д. Отдых во время беременности все еще остается важным, и без него нельзя безопасно обойтись. "Общество, - заключает Летурне, - должно гарантировать отдых женщинам, не обеспеченным в течение определенного периода беременности. Затраты на это окупятся возросшей энергией произведенных таким образом детей" (Летурне, "О влиянии профессии на жизнь матери", Парижская галерея, 1897).

Доктор Двейра-Бернсон (*"Ревю практической медицины и педиатрии"*, 1903, стр. 370) сравнила четыре группы беременных женщин (прислуга с легкой работой, слуги с тяжелой работой, девушки с ферм, портнихи), которые отдыхали в течение трех месяцев перед родами, с четырьмя группами аналогичного состава, которые не отдыхали перед родами. В каждой группе он обнаружил, что разница в среднем весе ребенка была заметно в пользу женщин, которые отдыхали, и примечательно, что наибольшая разница была обнаружена в случае девочек с фермы, которые, вероятно, были самыми крепкими, а также работали тяжелее всех.

Обычное время беременности колеблется между 274 и 280 днями (или от 280 до 290 дней от последней менструации), а иногда и на несколько дней дольше, хотя существуют споры относительно продолжительности крайнего предела, который некоторые авторитетные источники расширили бы до 300 дней или даже до 320 дней (Pinard, в *Словаре физиологии Рише*, vol. vii, стр. 150-162; Тейлор, *Медицинская юриспруденция*, пятое издание, стр. 44, 98 и далее.; Л. М. Аллен, "Продолжительная беременность", *Американский журнал акушерства*, апрель 1907 г.). Возможно, как предположил Мюллер в 1898 году в "Тезисе Нанси", цивилизация имеет тенденцию сокращать период вынашивания ребенка и что в прежние эпохи он был длиннее, чем сейчас. Такая склонность к преждевременным родам под возбуждающим нервным влиянием цивилизации, таким образом, соответствовала бы, как указывал Бушакур (*La Grossesse*, стр. 113), аналогичному эффекту одомашнивания у животных. Крепкая сельская жительница превращается в более грациозную, но и более хрупкую горожанку, нуждающуюся в определенной степени в уходе и гигиене, без которых сельская жительница с ее более устойчивой нервной системой может в какой-то степени обойтись, хотя даже она, как мы видим, страдает в лице своего ребенка и, вероятно, в своем собственном лице от последствий работы во время беременности. Серьезный характер этой цивилизованной тенденции к преждевременным родам, недостаток отдыха во время беременности которой, однако, является лишь одной из нескольких важных причин, подтверждается тем фактом, что Серопиан (*Сравнительный анализ причин преждевременных родов*, Парижская больница, 1907) обнаружил, что около трети французских родов (32,28%) в большей или меньшей степени являются преждевременными. Беременность не является болезненным состоянием; напротив, беременная женщина находится на пике своей наиболее нормальной физиологической жизни, но из-за связанного с этим напряжения она особенно подвержена любому легкому шоку или перенапряжению.

Следует отметить, что повышенная склонность к преждевременным родам, хотя частично это может быть связано с общими тенденциями цивилизации, также частично обусловлена вполне определенными и предотвратимыми причинами. Сифилис, алкоголизм и попытки произвести аборт относятся к числу нередких причин преждевременных родов (см., например, Г. Ф. Макклири, "Влияние родовых состояний на младенческую смертность", *Британский медицинский журнал*, 13 августа 1904 г.).

Следует избегать преждевременных родов, потому что ребенок, родившийся слишком рано, недостаточно подготовлен для выполнения стоящей перед ним задачи. Astengo, изучив почти 19 000 случаев в больнице Ларибуазьер в Париже и родильном доме, обнаружила, что, если отсчитывать от даты последней менструации, существует прямая связь между весом ребенка при рождении и продолжительностью беременности. The longer the pregnancy, the finer the child (Astengo, *Rapport du Poids des Enfants à la Durée de la Grossesse*, Thèse de Paris, 1905).

Частота преждевременных родов в Англии, вероятно, так же велика, как и во Франции. Баллантайн утверждает (*Руководство по дородовой патологии; The Fœtus*, стр. 456), что для практических целей частоту преждевременных родов в родильных домах можно установить на уровне 20%, но если все младенцы весом менее 3000 граммов будут считаться недоношенными, она возрастет до 41,5%. На то, что число преждевременных родов в Англии растет, по-видимому, указывает тот факт, что в течение последних двадцати пяти лет наблюдается устойчивый рост смертности от преждевременных родов. Макклири, который обсуждает этот момент и считает увеличение реальным, приходит к выводу, что "похоже, что произошло снижение качества, а также количества произведенных нами младенцев" (см. Также дискуссию, представленную Доусоном Уильямсом, о "Физическом износе", *Британский медицинский журнал*, 14 октября 1905 г.).

Едва ли нужно указывать на то, что незрелость не только является причиной ухудшения состояния выживших младенцев, но и сама по себе в огромной степени способствует сокращению числа младенцев, способных выжить. Так, Г. Ньюман утверждает (*лок. цит. по*), что в большинстве крупных городских округов Англии незрелость является основной причиной младенческой смертности, составляя около 30% о младенческих смертях; даже в Лондоне (Ислингтон) Альфред Харрис (*Британский медицинский журнал*, 14 декабря 1907 г.) считает, что на его долю приходится почти 17% о детских смертях. Ньюман подсчитал, что около половины матерей младенцев, умирающих от незрелости, страдают от выраженного ухудшения здоровья и плохого телосложения; следовательно, они не годятся в матери.

Отдых во время беременности - очень мощное средство предотвращения преждевременных родов. Так, доктор Саррот-Лурье сравнила 1550 беременных женщин в больнице Мишле, которые отдыхали перед родами, с 1550 женщинами, содержащимися в больнице Ларибуазьер, у которых не было такого периода отдыха. Она обнаружила, что средняя продолжительность беременности была по крайней мере на двадцать дней короче в последней группе (Mme . Sarraute-Lourié, *De l'Influence du Repos sur la Durée de la Gestation*, Thèse de Paris, 1899).

Лейбофф настаивает на абсолютной необходимости отдыха во время беременности, а также ради самой женщины как бремени, которое она несет, и показывает пагубные последствия, которые возникают, когда отдыхом пренебрегают. Путешествия по железной дороге, верховая езда, езда на велосипеде и морские путешествия также, по мнению Лейбофф, могут нанести вред течению беременности. Лейбофф признает трудности, с которыми сталкиваются рожаящие женщины в нынешних производственных условиях, и приходит к выводу, что "срочно необходимо законодательно запретить женщинам работать в течение последних трех месяцев беременности; что в каждом округе должен быть фонд материнства; что во время этого вынужденного отдыха женщина должна получать ту же зарплату, что и во время работы". Он добавляет, что о детях незамужних матерей должно заботиться государство, что для всех работников должен быть установлен восьмичасовой рабочий день и что к работе не должны допускаться дети моложе шестнадцати лет (Э. Лейбофф, *Гигиен де ла Гроссесс*, Парижская башня, 1905).

Перрук заявляет, что по крайней мере двухмесячный отдых перед родами должен быть обязательным, и что в течение этого периода женщина должна получать пособие, регулируемое государством. Он придерживается мнения, что это должно принять форму обязательного

страхования, в которое в равной степени внесли свой вклад трудящийся, работодатель и государство (Перрук, *Помощь окружающим женщинам*, Парижская галерея, 1905).

Вероятно, что в первые месяцы беременности работа, если она не чрезмерно тяжелая и изнуряющая, оказывает незначительное вредное воздействие или вообще не оказывает его; так, Бахимон (*Документы по службе и история сельского хозяйства внутриутробно*, Парижская больница, 1898) обнаружил, что, хотя у детей матерей, которые отдыхали в течение трех месяцев, наблюдался значительный прирост веса, у детей тех матерей, которые отдыхали более длительное время, соответствующего прироста не было. Именно в течение последних трех месяцев свобода, покой, прекращение рутинной работы становятся необходимыми. Таково мнение Пинара, главного авторитета в этом вопросе. Однако многие, опасаясь, что экономические и производственные условия делают столь длительный период отдыха слишком труднодостижимым на практике, вместе с Клаппье и Г. Ньюманом довольствуются тем, что требуют как минимум двух месяцев; Сальва просит только месячный отдых перед родами, при этом женщина, замужем она или нет, получает денежное возмещение в течение этого периода с бесплатным медицинским обслуживанием и лекарствами. Баллантайн (*Руководство по рододовой патологии: The Fœtus*, стр. 475), как и Нивен, также просят только об обязательном месячном отдыхе во время беременности с выплатой компенсации. Артур Хелме, однако, рассматривая более всесторонне все вовлеченные факторы, приходит к выводу в ценной статье "Нерожденный ребенок: уход за ним и его права" (*Британский медицинский журнал*, 24 августа 1907 г.): "Важным было бы вообще запретить беременным женщинам выходить на работу, и с точки зрения ребенка не менее важно, чтобы этот запрет распространялся как на ранние, так и на поздние месяцы беременности".

В Англии пока не достигнут значительный прогресс в вопросе отдыха во время беременности, даже в том, что касается воспитания общественного мнения. Сэр Уильям Синклер, профессор акушерства в Манчестерском университете Виктории, опубликовал (1907) *Призыв к созданию муниципальных родильных домов*. Баллантайн, крупный британский авторитет в области эмбриологии ребенка, опубликовал "Призыв к созданию больницы для беременных" (*British Medical Journal*, 6 апреля 1901 г.), с тех пор прочитал важную лекцию на эту тему (*British Medical Journal*, 11 января 1908 г.) и более подробно обсудил этот вопрос в своем *Руководстве по рододовой патологии: Плод* (глава XXVII); однако он больше заинтересован в создании больниц для лечения заболеваний, связанных с беременностью, чем в более широком и эффективном более фундаментальный вопрос - отдых для всех беременных женщин. В Англии действительно есть несколько учреждений, которые принимают незамужних женщин с послужным списком хорошего поведения, которые забеременели в первый раз, поскольку, как отмечает Бушакур, древние британские предрассудки против какого-либо милосердия к женщинам-рецидивисткам, совершившим преступление зачатия.

В настоящее время, действительно, только во Франции четко осознается настоятельная необходимость отдыха в последние месяцы беременности и предпринимаются какие-либо серьезные официальные попытки обеспечить его. В интересной парижской диссертации (*De la Puériculture avant le Naissance*, 1907) Клаппье собрал много информации, касающейся усилий, предпринимаемых в настоящее время для практического решения этого вопроса. В Париже есть много *приютов* для беременных женщин. Одним из лучших является санаторий "Асиль Мишле", основанный в 1893 году Парижской общественной организацией содействия. Это санаторий для беременных женщин, достигших срока в семь с половиной месяцев. Номинально

прием ограничен француженками, которые в течение года проживали в Париже, но на практике, похоже, принимаются женщины со всех уголков Франции. Они заняты на легкой и эпизодической работе в учреждении, им за эту работу платят, а также занимаются пошивом одежды для ожидаемого ребенка. Замужние и незамужние женщины допускаются одинаково, все женщины равны с точки зрения материнства, и действительно, большинство женщин, приезжающих в Asile Michelet, не замужем, некоторые из них даже пришли пешком из Бретани и других отдаленных частей Франции, чтобы укрыться от своих друзей в гостеприимном уединении этих убежищ в большом городе. Немаловажным преимуществом этих учреждений является то, что они защищают незамужних матерей и их отпрысков от многообразного зла, которому они подвергаются, и таким образом способствуют уменьшению преступности и страданий. Помимо приютов для беременных, во Франции существуют учреждения для оказания помощи и консультирования тем беременным женщинам, которые предпочитают оставаться дома, но таким образом могут избежать ненужного домашнего труда.

Не должно быть никаких сомнений в том, что, когда, как это имеет место сегодня в нашей стране и некоторых других предположительно цивилизованных странах, внебрачное материнство рассматривается чуть ли не как преступление, существует величайшая потребность в надлежащем обеспечении незамужних женщин, которые вот-вот станут матерями, позволяющем им получать убежище и уход в тайне и сохранять свое самоуважение и социальное положение. Это необходимо не только в интересах человечества и общественной экономики, но также, как об этом слишком часто забывают, в интересах морали, поскольку несомненно, что пренебрежение к обеспечению надлежащего обеспечения такого рода приводит женщин к детоубийству и проституции. В прежние, более гуманные времена общее положение о тайном приеме незаконнорожденных младенцев и уходе за ними, несомненно, было наиболее полезным. Подавление средневекового метода, которое во Франции происходило постепенно в период с 1833 по 1862 год, привело к значительному увеличению числа детоубийств и аборт и стало прямым поощрением преступности и безнравственности. В 1887 году Генеральный совет Сены попытался заменить преобладающее пренебрежение к этому вопросу принятием более просвещенных идей и основал *секретное бюро приема беременных женщин*. С тех пор как случаи оставления младенцев, так и детоубийства значительно сократились, хотя они участились в тех частях Франции, где нет подобных учреждений. Широко распространено мнение, что государство должно унифицировать механизмы обеспечения тайного материнства и в своих собственных интересах взять на себя расходы. В 1904 году французский закон обеспечил защиту незамужних матерей, гарантировав их тайну, но он не смог организовать общее учреждение тайных материнств и оставил врачам новаторскую роль в этой великой и гуманной общественной работе (A. Maillard-Brune, *Убежища, родильные дома, Бюро секретной информации, comme Moyens Preservatives des Infanticide*, Thèse de Paris, 1908). Не последнее преимущество снижения рождаемости заключается в том, что оно помогло стимулировать это благотворное движение.

Развитие промышленной системы, которая подчиняет человеческое тело и человеческую душу жажде золота, на какое-то время исключило из общественного рассмотрения интересы расы и даже отдельного человека, но следует помнить, что так было не всегда и не везде. Хотя в некоторых частях света женщины диких народов работают до срока заключения, следует отметить, что условия труда в условиях дикой жизни не похожи на напряженный и непрерывный труд на современных фабриках. Однако во многих частях мира женщинам не разрешается много работать во время беременности, и к ним проявляют всяческое уважение. Так обстоит

дело, например, у индейцев пуэбло и среди индейцев Мексики. Аналогичная забота соблюдается на Каролинских островах и островах Гилберта, а также во многих других регионах по всему миру. В некоторых местах женщины уединяются во время беременности, а в других вынуждены соблюдать множество более или менее прекрасных правил. Верно, что причиной этих правил часто является страх перед злыми духами, но, тем не менее, они часто сохраняют гигиеническую ценность. Во многих частях мира обнаружение беременности является признаком праздника, носящего более или менее ритуальный характер, и будущей матери дается много полезных советов. Современные мидийцы тщательно следят за здоровьем своих женщин во время беременности, и китайцы тоже.^[6] Даже в Европе в тринадцатом веке, как отмечает Клаппье, промышленные корпорации иногда учитывали этот вопрос и не разрешали женщинам работать во время беременности. В Исландии, где до сих пор сохранилась большая часть примитивной жизни скандинавской Европы, с беременными женщинами принимаются большие меры предосторожности. Они должны вести спокойный образ жизни, избегать тесной одежды, быть умеренными в еде и питье, не употреблять алкоголь, быть защищенными от всех потрясений, в то время как их мужья и все остальные, кто их окружает, должны относиться к ним с вниманием, избавлять их от беспокойства и всегда терпеливо сносить их.^[7]

Необходимо подчеркнуть этот момент, потому что мы должны понимать, что современное движение за окружение беременной женщины нежностью и заботой, столь далекое от того, чтобы быть простым результатом цивилизованной мягкости и вырождения, является, по всей вероятности, возвращением на более высоком плане к разумной практике тех рас, которые заложили основы человеческого величия.

Хотя отдых является основным достоинством, которое женщина должна соблюдать в последние месяцы беременности, в ее режиме есть и другие моменты, которые отнюдь не маловажны в своем влиянии на судьбу ребенка. Одним из них является вопрос об употреблении матерью алкоголя. Несомненно, алкоголь был причиной большого фанатизма. Но декламационная экстравагантность борцов с алкоголизмом не должна закрывать от нас тот факт, что зло алкоголя реально. Особенно на репродуктивный процесс, на молочные железы и на ребенка, алкоголь оказывает тормозящее и дегенеративное воздействие без каких-либо компенсаторных преимуществ. Экспериментами на животных и наблюдениями за людьми было доказано, что алкоголь, принимаемый беременной женщиной, свободно переходит из кровообращения матери в кровообращение плода. Далее Фере показал, что путем введения спирта и альдегидов в куриные яйца во время инкубации можно вызвать остановку развития и пороки развития у цыпленка.^[8] Женщине, вынашивающей своего ребенка в утробе матери или кормящей его грудью, не мешало бы помнить, что алкоголь, который может быть безвреден для нее самой, немногим лучше яда для незрелого существа, получающего питание из ее крови. Ей следует ограничиться самыми легкими алкогольными напитками в очень умеренных количествах, а еще лучше полностью отказаться от них и вместо них пить молоко. Теперь она является единственным источником жизни ребенка, и она не может быть слишком щепетильной в создании вокруг него атмосферы чистоты и здоровья. Никакое последующее влияние никогда не сможет компенсировать ошибки, допущенные в настоящее время.^[9]

То, что верно в отношении алкоголя, в равной степени верно и в отношении других сильнодействующих наркотиков и ядов, которых следует по возможности избегать во время беременности из-за вредного воздействия, которое они могут оказывать непосредственно на эмбрион. Гигиена лучше лекарств, и следует соблюдать осторожность при соблюдении диеты,

которая ни в коем случае не должна быть чрезмерной. Ошибочно полагать, что беременной женщине требуется значительно больше пищи, чем обычно, и есть много оснований полагать, что богатая мясом диета не только приводит к бесплодию, но и неблагоприятно сказывается на развитии ребенка в утробе матери.^[10]

Часто спрашивают, как долго, если вообще следует, следует продолжать половой акт после того, как будет четко установлено оплодотворение? Ответить на этот вопрос не всегда было легко, поскольку в человеческой паре многие соображения в совокупности усложняют ответ. Даже католические богословы не были полностью согласны по этому вопросу. Климент Александрийский сказал, что после посева семян поле должно быть оставлено до сбора урожая. Но можно сделать вывод, что, как правило, Церковь была склонна рассматривать половое сношение во время беременности как самое большее простительный грех, при условии отсутствия опасности аборта. Августин, Григорий Великий, Фома Аквинский, Денс, например, похоже, придерживаются такого мнения; для некоторых это вообще не грех.^[11] Среди животных правило простое и единообразное; как только самка оплодотворяется в период стресса, она абсолютно отвергает все попытки самца, пока после окончания родов и лактации не наступит другой период стресса. Среди диких эта тенденция менее единообразна, и половое воздержание, когда оно наступает во время беременности, становится не столько естественным инстинктом, сколько ритуальным соблюдением или обычаем, который в настоящее время в основном поддерживается суевериями. Среди многих первобытных народов воздержание в течение всей беременности предписано, потому что считается, что Семен хотел убить foetus.^[12]

Талмуд отрицательно относится к половому акту во время беременности, а Коран запрещает его в течение всего периода, а также во время кормления грудью. Среди индусов, с другой стороны, общение продолжалось вплоть до последних двух недель беременности, и полагают даже, что впрыснути спермы помогает питать эмбрион (В. Д. Сазерленд, "Ueber Das Alltagsleben УНД умереть Volksmedizin Унтер-ден-Bauern Britischostindiens," *Münchener медицинский Wochenschrift*, № 12 и 13, 1906). Великий индийский врач Шушрута, однако, был против коитуса во время беременности, и китайцы решительно на той же стороне.

Поскольку мужчины вышли из состояния варварства в направлении цивилизации, животный инстинкт отказа после оплодотворения у женщин был полностью утрачен, в то время как в то же время оба пола склонны становиться безразличными к тем ритуальным ограничениям, которые в более ранний период были почти такими же обязательными, как инстинкт. Таким образом, половое сношение стало практиковаться после оплодотворения, почти так же, как и раньше, как часть обычных "супружеских прав", хотя иногда оставалось слабое подозрение, отраженное в нерешительной позиции католической церкви, о которой уже упоминалось, что такое сношение может быть потворством греху. Мораль, однако, призвана укрепить это снисхождение. Утверждается, что если муж не допущен к супружеским отношениям в это время, он будет стремиться к внебрачным связям, поскольку действительно, в некоторых частях мира признается, что он может это делать на законных основаниях; следовательно, интересы жены, стремящейся сохранить верность своего мужа, и интересы христианской морали, стремящейся поддержать институт моногамии, объединяются, чтобы разрешить продолжение полового акта во время беременности. Этому обычаю способствовал тот факт, что, во всяком случае, для цивилизованных женщин коитус во время беременности обычно не менее приятен, чем в другое время, а некоторые женщины ощущают его даже более приятным.^[13] Тем парам, которые пытались предотвратить зачатие, также следует учесть, что теперь половым актом

можно наслаждаться безнаказанно. С более высокой точки зрения такое общение также может быть оправдано, поскольку, если, как сейчас считают все утонченные моралисты сексуального влечения, любовь имеет ценность не только в той мере, в какой она побуждает к продолжению рода, но и в той мере, в какой она способствует индивидуальному развитию и взаимному благу и гармонии объединенной пары, это становится морально правильным во время беременности.

Однако с самого раннего периода крупные авторитеты заявляли о своем несогласии с обычаем практиковать коитус во время беременности. В конце первого столетия Соранус, первый из великих гинекологов, заявил в своем трактате о женских болезнях, что половой акт вреден на протяжении всей беременности из-за движения, сообщаемого матке, и особенно вреден в последние месяцы. На протяжении более чем шестнадцати столетий этим вопросом, попавшим в руки теологов, похоже, пренебрегали с медицинской точки зрения, пока в 1721 году выдающийся французский акушер Морисо не заявил, что ни одна беременная женщина не должна вступать в половую связь в течение последних двух месяцев и что ни одна женщина, у которой может произойти выкидыш, вообще не должна вступать в половую связь во время беременности. Однако на протяжении более чем столетия Морисо оставался пионером, у которого было мало последователей или их вообще не было. Высказывалось мнение, что было бы неудобно, даже если бы это было необходимо, запрещать половые сношения во время беременности.^[14]

Тем не менее, в последние годы среди акушеров наблюдается все более сильная тенденция решительно высказываться по поводу полового акта во время беременности, либо полностью осуждая его, либо призывая к большой осторожности. Весьма вероятно, что в соответствии с классическими экспериментами Dareste на куриных эмбрионах потрясения и нарушения в организме человеческого эмбриона также могут оказывать вредное воздействие на рост. Таким образом, нарушения, вызванные половым актом на ранних стадиях беременности, могут иметь тенденцию к возникновению пороков развития. Когда такие состояния обнаруживаются у детей совершенно здоровых, энергичных и в целом умеренных родителей, которые безрассудно предавались половому акту на ранних стадиях беременности, возможно, что такой половой акт подействовал на эмбрион так же, как, как известно, шоки и интоксикации действуют на эмбрион низших организмов. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что у предрасположенных женщин коитус во время беременности вызывает преждевременные роды; иногда случается, что родовые схватки начинаются через несколько минут после акта.^[15] Естественный инстинкт животных запрещает половой акт во время беременности; соблюдение ритуалов первобытными народами очень часто указывает в том же направлении; голос медицинской науки, насколько он вообще говорит, начинает произносить то же предупреждение и вскоре, вероятно, будет в состоянии сделать это на основе более веских и последовательных доказательств.

Пинар, величайший авторитет в области виноделия, утверждает, что необходимо полное прекращение половых сношений на протяжении всей беременности, и в своем кабинете в клинике Бодлок он разместил большой плакат с "Важным уведомлением" на этот счет. Фере был твердо убежден в том, что сексуальные отношения во время беременности, особенно если они были безрассудно осуществлены, играют важную роль в возникновении нервных расстройств у детей со здоровой наследственностью и в остальном свободными от любых патологических инфекций во время беременности и развития; он подробно описал случай, который считал убедительным ("Влияние продолжающейся сексуальной жизни на беременность по

происхождению", *Архив неврологии*, апрель 1905 г.). Бушакур подробно обсуждает этот вопрос (*La Grossesse*, стр. 177-214) и считает, что половых сношений во время беременности следует избегать, насколько это возможно. Фюрбрингер (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том I, стр. 226) рекомендует воздерживаться с шестого или седьмого месяца и на протяжении всей беременности, если есть какая-либо тенденция к выкидышу, при этом во всех случаях следует проявлять большую осторожность и мягкость.

Весь этот вопрос был исследован в парижской диссертации Х. Брено (*О влиянии совокупления на общую жизнь*, 1903); он приходит к выводу, что сексуальные отношения опасны на протяжении всей беременности, часто провоцируя преждевременные роды или аборт, и что они более опасны при первородящих, чем при многоплодных.

Почти все, что было сказано о гигиене беременности и необходимости отдыха, относится также к периоду, непосредственно следующему за рождением ребенка. Отдых и гигиена со стороны матери по-прежнему необходимы как в ее собственных интересах, так и в интересах ребенка. Эта потребность действительно получила более широкое и практическое признание, чем потребность в отдыхе во время беременности. Законы ряда стран устанавливают обязательный период отдыха от работы после родов, и в некоторых странах они стремятся обеспечить матери вознаграждение за этот вынужденный отдых. Действительно, ни в одной стране этот принцип не осуществляется так тщательно и в течение столь длительного периода, как хотелось бы. Но это правильный принцип, и он воплощает в себе зародыш, который в будущем получит развитие. Не может быть никаких сомнений в том, что какими бы ни были эти вопросы, а их, безусловно, много, которые можно смело оставить на усмотрение отдельного человека, забота о матери и ее ребенке не входит в их число. Это вопрос, который больше, чем любой другой, касается сообщества в целом, и сообщество не может позволить себе быть слабым в утверждении своей власти над ним. Государству нужны здоровые мужчины и женщины, и любой небрежностью в удовлетворении этой потребности оно налагает на себя всевозможные серьезные расходы и в то же время опасно снижает свою эффективность в мире. Страны начали признавать желательность образования, но они едва ли еще начали осознавать, что национализация здравоохранения даже более важна, чем национализация образования. Если бы нужно было выбирать между задачей дать детям образование и задачей сделать их хорошо родившимися и здоровыми, было бы лучше отказаться от образования. Было много великих народов, которые никогда не мечтали о национальных системах образования; не было ни одного великого народа, не владевшего искусством производить на свет здоровых и энергичных детей.

Этот вопрос приобретает особую важность в таких крупных индустриальных государствах, как Англия, Соединенные Штаты и Германия, потому что в таких государствах растет негласный заговор, направленный на подчинение национальных целей индивидуальным и практически работающий на деградацию расы. В Англии, например, эта тенденция стала особенно ярко выраженной и привела к катастрофическим результатам. Интересы работающей женщины имеют тенденцию сливаться с интересами ее работодателя; вместе они объединяются, чтобы подавить интересы ребенка, представляющего расу, и разрушить законы, принятые в интересах расы, которые являются интересами общества в целом. Работающая женщина желает получать как можно больше заработной платы и с как можно меньшими перерывами; удовлетворяя это

желание, она в то же время действует в интересах работодателя, который тщательно избегает препятствовать ей.

Этот импульс со стороны работающей женщины ни в коем случае не всегда и не полностью является результатом бедности и, следовательно, не может быть устранен повышением ее заработной платы. Задолго до замужества, когда она была еще совсем ребенком, она обычно выходила на работу, и работа стала ее второй натурой. Она справилась со своей работой, она занимает определенное положение и получает высокую заработную плату; она находится среди своих друзей и товарищей; шум, суета и возбуждение в мастерской или на фабрике стали приятным стимулятором, без которого она больше не может обходиться. С другой стороны, ее дом ничего для нее не значит; она возвращается туда только поспать, покидая его на следующее утро на рассвете или раньше; она несведуща даже в простейших домашних делах; она передвигается по своему собственному дому, как странный и неуклюжий ребенок. Простой акт вступления в брак не может изменить такого положения вещей; как бы она ни желала в браке стать домашней женой, она в равной степени лишена склонности или умения вести домашнее хозяйство. Даже вопреки самой себе она возвращается в мастерскую, в единственное место, где она чувствует себя по-настоящему дома.

В Германии женщинам не разрешается работать в течение четырех недель после родов, а также в течение следующих двух недель, за исключением медицинского заключения. Обязательное страхование от болезней, которым охвачены женщины в период родов, гарантирует им на данный момент возмещение, эквивалентное значительной части их заработной платы. Замужние и незамужние матери получают одинаковую выгоду. Австрийское законодательство основано на одной и той же модели. Эта мера привела к очень значительному снижению детской смертности и, следовательно, к значительному улучшению состояния здоровья тех, кто выжил. Однако это считается крайне неадекватным, и в Германии существует движение за продление срока, за применение системы к большему числу женщин и за то, чтобы сделать ее еще более обязательной.

В Швейцарии с 1877 года запрещено допускать любую женщину на фабрику после родов, если только она не отдохнула в течение восьми недель, по крайней мере шесть недель из этого периода приходится на период после родов. С 1898 года швейцарские работающие женщины защищены законом от выполнения тяжелой работы во время беременности и от различных других воздействий, которые могут нанести вред. Но на практике этот закон обходится стороной, поскольку он не предусматривает никакой компенсации для женщины. Попытка в 1899 году внести поправки в закон, предусмотрев такое возмещение, была отвергнута народом.

В Бельгии и Голландии действуют законы, запрещающие женщинам работать сразу после родов, но никакой компенсации не предусмотрено, так что работодатели и нанятые объединяются, чтобы обойти закон. Во Франции такого закона нет, хотя о его необходимости часто решительно заявляли (см., например, *Salvat, La Population de la France*, Thèse de Lyon, 1903).

В Англии незаконно нанимать женщину "сознательно" в мастерскую в течение четырех недель после рождения ее ребенка, но закон не предусматривает компенсации женщине, которая, таким образом, вынуждена жертвовать собой ради интересов государства. Женщина

уклоняется от закона в молчаливом сговоре со своими работодателями, которые всегда могут не "знать" о том, что роды имели место, и таким образом избежать всякой ответственности за трудоустройство матери. Таким образом, фабричные инспекторы не в состоянии принять меры, и закон становится мертвой буквой; в 1906 году только одно уголовное дело за это правонарушение могло быть передано в суд. Добавляя это "сознательно", мы делаем ставку на невежество. Неразумность такой предварительной ставки на невежество всегда более или менее четко осознавалась составителями юридических кодексов, даже во времена Десяти заповедей и законов Хамурапи. Дело суда, тех, кто вершит правосудие, делать скидку на невежество там, где это справедливо требуется; законодатель не должен сглаживать путь нарушителю закона. Очевидно, в наши дни есть законодатели, настолько щепетильные или простодушные, что они были бы готовы потребовать, чтобы ни один карманник не был привлечен к ответственности, если бы он мог заявить под присягой, что он "не знал", что взятый им кошелек принадлежал человеку, у которого он его забрал.

Ежегодные отчеты английских фабричных инспекторов служат для того, чтобы высмеивать этот закон, который выглядит таким мудро-гуманным и все же ничего не значит, но до сих пор был бессилён произвести какие-либо изменения. Более того, эти отчеты показывают, что сложность возрастает по масштабам. Так, мисс Мартиндейл, фабричный инспектор, утверждает, что во всех городах, которые она посещает, от тихого кафедрального городка до крупного промышленного городка, занятость замужних женщин быстро растет; они всю свою жизнь проработали на фабриках и совершенно не привыкли готовить, вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, так что после замужества, даже если их не принуждает бедность, они предпочитают продолжать работать по-прежнему. Мисс Вайнс, еще один фабричный инспектор, повторяет замечание женщины-работницы на фабрике. "Мне не нужно работать, но я не люблю оставаться дома", в то время как другая женщина сказала: "Я бы сто раз предпочла быть на работе, чем дома. Я теряюсь дома" (*Годовой отчет главного инспектора фабрик и мастерских за 1906 г.*, стр. 325 и др.).

Можно добавить, что английский закон, предписывающий матери четырехнедельный отдых после родов, не только практически не действует, но и сам этот период абсурдно неадекватен. В качестве отдыха для матери этого действительно достаточно, но государство по-прежнему больше заинтересовано в ребенке, чем в его матери, и ребенок нуждается в главной заботе матери в течение гораздо более длительного периода, чем четыре недели. Хельме выступает за государственный запрет на работу женщин по крайней мере в течение шести месяцев после родов. Там, где ясли прикреплены к фабрикам, что позволяет матери кормить грудью своего младенца в перерывах между работой, этот период, несомненно, может быть сокращен.

Важно помнить, что ни в коем случае не только женщин на фабриках заставляют работать в обычном режиме в течение всего периода беременности и возвращаться к работе сразу после короткого перерыва в родах. Исследовательский комитет Христианско-социального союза (Лондонское отделение) провел в 1905 году расследование трудоустройства женщин после родов. Женщины, работающие на фабриках и мастерских, были исключены из опроса, который касался только женщин, занятых домашними обязанностями, в надомном производстве и на случайной работе. Было установлено, что большинство из них продолжают свою трудовую деятельность вплоть до момента заключения и возобновляют ее через десять-четырнадцать дней. Уровень младенческой смертности среди детей женщин, занятых только домашними обязанностями, был значительно ниже, чем у детей других женщин, в то время как у младенцев,

вскармливаемых вручную, как всегда, уровень смертности был значительно выше, чем у младенцев, вскармливаемых грудью (*Британский медицинский журнал*, 24 октября 1908 г., стр. 1297).

На крупном французском заводе по производству орудий и бронепластин в Крезе (Сона и Луара) повышается заработная плата будущих матерей среди работающих; принимаются меры для предоставления им надлежащих консультаций и медицинского обслуживания; им не разрешается работать после середины беременности или возвращаться к работе после родов без медицинского свидетельства о пригодности. Говорят, что результаты были превосходными не только для здоровья матерей, но и для уменьшения числа преждевременных родов, снижения младенческой смертности и общей распространенности грудного вскармливания. Вероятно, было бы безнадежно ожидать, что многие работодатели в англосаксонских странах примут эту политику. Они слишком "практичны", они знают, насколько мала денежная ценность человеческих жизней. У нас необходимо вмешательство государства.

Не может быть никаких сомнений в том, что в целом современные цивилизованные сообщества начинают понимать, что в социальных и экономических условиях, которые сейчас все больше и больше преобладают, они должны в своих собственных интересах обеспечить, чтобы вся энергия и жизнеспособность матери были направлены на ребенка, как до, так и после его рождения. Они также осознают, что не смогут выполнить свой долг в этом отношении, если не будут обеспечивать надлежащим образом матерей, которые таким образом вынуждены отказаться от своей работы, чтобы посвятить себя своим детям. Здесь мы достигаем точки, в которой индивидуализм сливается с социализмом. Индивидуалист не может не видеть, что любой ценой необходимо устранить социальные условия, которые подавляют всякую индивидуальность; социалист не может не видеть, что общество, которое пренебрегает наведением порядка в этом центральном и жизненно важном пункте, производстве личности, должно быстро погибнуть.

Надлежащая реализация отношений матери к своему младенцу заключается в том, что, при условии, что она здорова, она должна кормить его грудью. В последние годы этот вопрос приобрел серьезную актуальность. В середине восемнадцатого века, когда женщины из высшего сословия Франции разонравились кормить грудью собственных детей, Руссо поднял такой громкий и красноречивый протест, что выполнение женщинами своих естественных обязанностей снова вошло в моду. В настоящее время, когда то же самое зло обнаруживается еще раз, и в гораздо более серьезной форме, поскольку теперь речь идет не о малочисленном высшем классе, а о большом низшем, красноречие Руссо было бы бессильно, поскольку речь идет в первую очередь не столько о моде, сколько об удобстве, и особенно о непреодолимом экономическом факторе. Не менее важной причиной для создания более прочной экономической основы для женщин, и особенно для матерей, является необходимость предоставления им возможности кормить грудью своих детей.

Ни одна женщина не будет здоровой и полноценной, если у нее нет груди, достаточно красивой, чтобы обещать быть функциональной, когда придет время для ее тренировки, и сосков, которые могут посасывать. Серьезность этого вопроса сегодня проявляется в том, с какой частотой женщинам не хватает этого важнейшего элемента женственности, и, как было сказано, современный молодой человек, часто женясь, "на самом деле женится лишь на части женщины, другая часть выставляется в витрине аптеки в форме стеклянной бутылочки для

кормления". Блэкер обнаружил, что среди тысячи пациенток родильного отделения больницы Университетского колледжа тридцать девять вообще никогда не кормили грудью, семьсот сорок семь кормили грудью всех своих детей, а двести четырнадцать кормили грудью только некоторых. Основной причиной отказа от кормления грудью было отсутствие или недостаточность молока; другими причинами были неспособность или нежелание сосать грудь и отказ ребенка брать грудь (Blacker, *Medical Chronicle*, февраль 1900 г.). Эти результаты среди лондонской бедноты, безусловно, намного лучше, чем можно было бы найти во многих промышленных городах, где женщины работают после замужества. В других крупных странах Европы наблюдаются столь же неудовлетворительные результаты. В Париже мадам Длуска показала, что из 209 женщин, которые пришли на роды в клинику Бодлок, только 74 кормили грудью своих детей; из 135 тех, кто не кормил грудью, 35 помешали патологические причины или отсутствие молока, 100 - необходимость их работы. Даже те, кто кормил грудью, редко могли продолжать более семи месяцев из-за физиологического напряжения работы (Длуска, *Вклад в изучение материнства*, Парижская галерея, 1894). В странах Германии было собрано много статистических данных. Так, Видов (*Centralblatt für Gynäkologie*, № 29, 1895) обнаружил, что из 525 женщин во Фрайбургском родильном доме только половина могла полноценно сосать грудь в течение первых двух недель; несовершенные соски были отмечены в 49 случаях, и было обнаружено, что развитие соска имеет прямое отношение к ценности груди как органа выделения. В Мюнхене Эшерих и Бюллер обнаружили, что это почти 60 процентов. большинство женщин низшего класса не могли кормить грудью своих детей, и в Штутгарте три четверти детородных женщин находились в таком состоянии.

Причин, по которым детей следует кормить грудью матери, больше, чем некоторые склонны думать. Во-первых, психологическая причина не имеет большого значения. Грудь с ее чрезвычайно чувствительным соском, вибрирующим в гармонии с половыми органами, представляет собой нормальный механизм, с помощью которого развивается материнская любовь. Без сомнения, женщина, которая никогда не кормит своего ребенка грудью, может любить это, но такая любовь может остаться ущербной с фундаментальной и инстинктивной стороны. Действительно, у некоторых женщин, которых мы, возможно, не решаемся назвать ненормальными, материнская любовь вообще не пробуждается, пока не приводится в действие этим механизмом посредством акта кормления грудью.

Более общепризнанной и, безусловно, фундаментальной причиной кормления ребенка грудью является то, что молоко матери, при условии, что она достаточно здорова, является единственной идеально подходящей пищей для младенца. Есть люди, чья вера в науку приводит их к убеждению, что возможно производить продукты, которые так же хороши или даже лучше материнского молока; они воображают, что молоко, которое лучше всего подходит для теленка, в равной степени лучше для такого другого животного, как детеныш. Это заблуждения. Лучшая пища для младенца - та, которая вырабатывается в организме его собственной матери. Все остальные продукты являются более или менее возможными заменителями, для правильного приготовления которых требуются трудности, и, кроме того, они подвержены различным рискам, от которых материнское молоко не зависит.

Еще одна причина, особенно среди бедных, против использования любых искусственных продуктов питания, заключается в том, что это приучает окружающих ребенка экспериментировать с его кормлением и воображать, что любая пища, которую они едят сами, может быть полезна для младенца. Таким образом, случается, что младенцам засовывают в рот

хлеб и картофель, бренди и джин. С младенцем, которому дают грудь, легче разъяснить, что, кроме как по указанию врача, больше ничего давать нельзя.

Дополнительной причиной, по которой мать должна кормить своего ребенка грудью, является тесное и частое общение с ребенком, связанное с этим. О ребенке не только лучше заботятся во всех отношениях, но и мать не лишается дисциплины, связанной с такой заботой, и также с самого начала получает возможность изучать и понимать природу ребенка.

Неспособность кормить грудью приобретает большое значение, если мы осознаем, что она связана, вероятно, в значительной степени как прямая причина, с детской смертностью. Смертность младенцев на искусственном вскармливании в течение первого года жизни редко бывает менее чем в два раза выше, чем у детей на грудном вскармливании, иногда она в целых три раза выше, чем у детей на грудном вскармливании, или даже больше; таким образом, в Дербии она составляет 51,7%. Дети, находящиеся на ручном вскармливании, умирают в возрасте до двенадцати месяцев, но только 8,6% детей, находящихся на грудном вскармливании. Те, кто выживает, отнюдь не свободны от страданий. К концу первого года их вес составляет около 25% меньше, чем те, кого кормят грудью, и они намного короче ростом; они более подвержены туберкулезу и рахиту со всеми пагубными последствиями, проистекающими из этих заболеваний; и есть некоторые основания полагать, что это пагубно сказывается на развитии их зубов. На дегенеративный характер лиц, находящихся на искусственном вскармливании, хорошо указывает тот факт, что из 40 000 детей, доставленных на лечение в детскую больницу Мюнхена, 86 процентов воспитывались вручную, и те немногие, кого кормили грудью, обычно держали грудь лишь короткое время. Дурное влияние сохраняется даже во взрослой жизни. В некоторых частях Франции, где индустрия кормилиц процветает настолько, что почти все дети воспитываются вручную, было обнаружено, что процент отвергнутых призывников почти вдвое выше, чем во Франции в целом. Соответствующие результаты были получены Friedjung в крупной немецкой спортивной ассоциации. Среди 155 членов - 65 процентов. при опросе было установлено, что они находились на грудном вскармливании в младенчестве (в среднем в течение шести месяцев); но среди лучших спортсменов процент лиц, находившихся на грудном вскармливании, вырос до 72 процентов. (в среднем за девять или десять месяцев), в то время как в группе из 56 человек, показавших наименьшую спортивную силу, процент лиц, находившихся на грудном вскармливании, снизился до 57 (в среднем всего за три месяца).

Преимущества грудного вскармливания для младенца больше, чем можно объяснить простым фактом того, что его кормят грудью, а не с рук. Это было показано Витреем (*О детской смертности*, Thèse de Lyon, 1907), который обнаружил на основе статистических данных лионского отеля-Дье, что смертность младенцев, вскормленных их матерями, составляет всего 12%, но если их вскармливают незнакомые люди, смертность возрастает до 33%. Можно добавить, что, хотя грудное вскармливание необходимо для полного благополучия ребенка, оно крайне желательно и для здоровья матери. (Некоторые важные статистические данные обобщены в статье "Детская смертность" в *British Medical Journal*, 2 ноября 1907 г.), в то время как различные аспекты грудного вскармливания были подробно обсуждены Боллинджером в "Ueber Säuglings-Sterblichkeit und die Erbliche functionelle Atropie der menschlichen Milchdrüse" (*Correspondenzblatt Deutschen Gesellschaft Anthropologie*, октябрь 1899 г.).

Похоже, что в Швеции в середине восемнадцатого века для женщины было наказуемым преступлением давать ребенку бутылочку, когда она была в состоянии его сосать. В последние

годы проф. Антон фон Менгер из Вены утверждал (в своей книге *"Бюргерское право и смерть беззащитного"* Классен), что будущее поколение имеет право предъявлять это требование, и он предлагает, чтобы каждая мать была юридически обязана кормить грудью своего ребенка, если только ее неспособность к этому не подтверждена врачом. Э. А. Шредер (*"Дас Рехт в 'дер Гешлехтлихен Орднунг'"*, 1893, стр. 346) также утверждал, что мать должна быть юридически обязана кормить своего младенца грудью не менее девяти месяцев, если только у нее нет твердого можно было бы привести основания для обратного, и это требование, которое кажется разумным и естественным, поскольку кормить грудью своего ребенка, когда это возможно, является привилегией матери, а также ее обязанностью, настойчиво выдвигалось и другими. С юридической стороны это было поддержано Вайнбергом (*Муттершутц*, сентябрь 1907 г.). Во Франции Лои Руссель запрещает женщине выполнять функции кормилицы, пока ее ребенку не исполнится семь месяцев, и это оказало превосходный эффект в снижении детской смертности (А. Алле, *Сельское хозяйство и ла Лои Руссель*, Парижская галерея, 1908). В некоторых частях Германии производители вынуждены оборудовать на фабрике комнату для кормления грудью, где матери могут давать грудь ребенку в перерывах между работой. Контроль и содержание этих помещений, включая предоставление врачей и медсестер, осуществляется муниципалитетом (*Sexual-Probleme*, сентябрь 1908 г., стр. 573).

При нынешнем положении дел в современных индустриальных странах исправление этих ошибок не может быть предоставлено Природе, то есть невежественным и неподготовленным импульсам людей, которые живут в водовороте искусственной жизни, где заглушается голос инстинкта. Мы привыкли думать, что матери можно доверить заботиться о благополучии своего ребенка, и нет необходимости или даже "аморально" приходить ей на помощь. И все же, я думаю, мало что может быть более трогательным, чем вид молодой матери из Ланкашира, работающей на фабрике, когда ей приходится оставаться дома, чтобы ухаживать за своим больным ребенком. Она привыкла вставать до рассвета, чтобы идти на мельницу; она почти не видела своего ребенка при свете солнца, она ничего не знает о том, что для этого нужно, руки, которые так умело управляют с ткацким станком, не могут успокоить ребенка. Мать смотрит на это сверху вниз в смутном, неловком, безмолвном страдании. Это зрелище невозможно забыть никогда.

Именно Франция берет на себя ведущую роль в зарождении научных и практических движений по уходу за маленьким ребенком до и после рождения, и именно во Франции мы можем найти зародыши почти всех методов, которые в настоящее время принимаются для предотвращения детской смертности. Система деревень Вилье-ле-Дюк, недалеко от Дижона в Кот-д'Оре, оказалась зародышем такого плодотворного рода. Здесь каждая беременная женщина, не способная обеспечить надлежащие условия для своей собственной жизни и жизни ребенка, которого она вынашивает, может обратиться за помощью к сельским властям; она имеет право на бесплатное посещение врача и акушерки и на один франк в день во время родов. Меры, принятые в этой деревне, практически ликвидировали как материнскую, так и детскую смертность. Несколько лет назад доктор Самсон Мур, ответственный за здравоохранение Хаддерсфилда, услышал об этой деревне, а мистер Бенджамин Бродбент, мэр Хаддерсфилда, посетил Вилье-ле-Дюк. Было решено инициировать в Хаддерсфилде движение за борьбу с детской смертностью. С тех пор возникло то, что известно как схема Хаддерсфилда, схема, которая принесла блестящие результаты. Пунктами схемы Хаддерсфилда являются: (1) обязательное уведомление о рождении в течение сорока восьми часов.; (2) назначение женщин-помощниц медицинских работников по оказанию помощи для посещения дома,

расспросов, консультирования и оказания помощи; (3) организованная помощь женщин-добровольцев, подчиняющихся муниципальной части программы; (4) обращение к врачу по оказанию помощи, когда ребенок, не находящийся под медицинским наблюдением, не может развиваться. Благодаря этой схеме детская смертность в Хаддерсфилде была очень сильно снижена.^[16]

Можно сказать, что схема Хаддерсфилда положила начало Английскому закону об уведомлении о рождении, который вступил в силу в 1908 году. Этот Закон представляет собой в Англии национальное открытие плана улучшения расы, конечные результаты которого невозможно предвидеть. Когда этот Закон вступит во всеобщее действие, каждый ребенок в стране будет иметь право — по закону, а не по личному капризу или филантропической снисходительности — на медицинскую помощь со дня рождения, и каждая мать будет иметь под рукой совет образованной женщины, поддерживающей связь с муниципальными властями. Не могло быть большего триумфа медицинской науки, национальной эффективности и дела человечества в целом. Даже на более низком финансовом уровне легко увидеть, что таким образом будет достигнута огромная экономия государственных и частных денег. Этот закон носит рекомендательный, а не обязательный характер. Это была мудрая предосторожность, поскольку Акт такого рода не может быть эффективным, если он не будет тщательно выполнен сообществом, принявшим его, и он не будет принят до тех пор, пока сообщество четко не осознает свои преимущества и методы их достижения.

Важным дополнением к этой организации является Школа для матерей. Можно сказать, что такие школы, которые сейчас начинают возникать повсюду, берут свое начало в *Консультациях Нурриссонов* (с их ответвлением *Гутте де Лайт*), основанных профессором Буденом в 1892 году, которые распространились по всей Франции и оказали большое влияние во благо. На *консультациях* младенцев еженедельно осматривают и взвешивают, а матерям рекомендуют кормить своих детей грудью. *Больницы при подагре* - это практически молочные диспансеры, где младенцев, для которых грудное вскармливание невозможно, кормят молоком под наблюдением врача. Школы для матерей представляют собой расширение той же схемы, охватывающей различные предметы, которые необходимо знать матери. Некоторые из первых таких школ были открыты в Бонне, в баварском городе Вайсенберг и в Генте. В некоторых школах для матерей, и особенно в Генте (описанном миссис Бертран Рассел в *девятнадцатом* веке, 1906), был сделан важный шаг в обучении молодых девушек от четырнадцати до восемнадцати лет; они получают инструкции по анатомии и физиологии младенцев, приготовлению стерилизованного молока, взвешиванию детей, измерению температуры и составлению графиков, уходу за яслями и через два года могут получать зарплату. В различных частях Англии в настоящее время создаются школы для молодых матерей и девочек в этом направлении, сначала в Лондоне, под эгидой доктора Ф. Дж. Сайкса, медицинского работника больницы Святой Поджелудочной Железы (см., например, *Школа для матерей*, 1908, описание учреждения такого рода в Сомерс-Тауне с предисловием сэра Томаса Барлоу; отчет о недавних попытках улучшить уход за младенцами в Лондоне также можно найти в *Lancet*, 26 сентября 1908 г.). Можно добавить, что некоторые английские муниципалитеты создали склады для дешевого снабжения матерей хорошим молоком. Однако такие хранилища, вероятно, будут скорее вредными, чем полезными, если они будут способствовать замене грудного вскармливания с рук. Их никогда не следует устанавливать, за исключением Школ для матерей, где может быть оказано воспитательное влияние, и ни одна мать не должна получать молоко, если она не представит медицинскую справку, подтверждающую, что она не в состоянии

кормить своего ребенка (Байерс, "Женщины-медики и вопросы общественного здравоохранения", *Британский медицинский журнал*, 6 октября 1906 г.). Примечательно, что в Англии местные власти вскоре будут уполномочены законом создавать Школы для матерей.

Огромная польза, которую приносят эти учреждения во Франции, как в снижении младенческой смертности, так и в содействии образованию матерей, воспитанию у них чувства гордости и интереса к своим детям, была изложена в двух парижских тезисах Г. Шаиньона (*Организация консультаций Нурриссонов в Походе*, 1908) и Альсида Александра (*Консультация Нурриссонов и подагры для детей Арк*, 1908).

В настоящее время движение распространяется по всей Европе, и был сформирован Международный союз, включающий все учреждения, специально созданные для защиты жизни детей и продвижения фруктовой культуры. Постоянный комитет находится в Брюсселе, а Конгресс по защите младенцев (*Goutte de Lait*) проводится каждые два года.

Будет видно, что все движения, которые сейчас приводятся в действие для улучшения расы через ребенка и мать ребенка, признают близость отношений между матерью и ее ребенком и призваны помочь ей, даже если необходимо, путем оказания некоторого давления, в выполнении ее естественных функций по отношению к своему ребенку. Филантропу-теоретику, стремящемуся преобразовать мир на бумаге, не кажется ничего проще, чем излечить нынешние пороки воспитания детей, открыв государственные ясли, которые должны одновременно избавить матерей от всего, что связано с производством мужчин будущего, помимо удовольствия — если таковое случится — от их зачатия и хлопот по их вынашиванию, и в то же время воспитать их независимо от дома, здоровым, экономичным и научным образом.^[17] Нет ничего проще, но с фундаментальной психологической точки зрения нет ничего фальшивее. Идея государства, находящегося вне сообщества, является всего лишь пережитком в другой форме того устаревшего представления, которое вынудило Людовика XIV провозгласить "Это - мое!" Государство, которое признает, что составляющие его индивиды некомпетентны выполнять свои собственные самые священные и интимные функции, и вместо этого берет на себя их выполнение, пытается выполнить задачу, которая была бы нежелательной, даже если бы ее можно было выполнить. Всегда следует помнить, что государство, предлагающее освободить составляющих его членов от их естественных функций и ответственности, пытается сделать нечто совершенно отличное от государства, стремящегося помочь своим членам более адекватно выполнять их собственные биологические и социальные функции. Государство, которое позволяет своим матерям отдыхать во время вынашивания ребенка, занимается разумной задачей; государство, которое забирает детей своих матерей, доводит филантропию до абсурда. Это легко понять, если мы рассмотрим неизбежный ход событий в рамках системы "Государство-ясли". Ребенка забирают у его настоящей матери в самом раннем возрасте, но кто-то должен выполнять материнские обязанности; следовательно, заменяющая его женщина должна быть должным образом подготовлена к выполнению таких обязанностей; и при выполнении их при благоприятных обстоятельствах развиваются материнские отношения между ребенком и "матерью", которая, несомненно, обладает естественными материнскими инстинктами, но не имеет естественной материнской связи с ребенком, за которым она ухаживает. Такие отношения имеют тенденцию становиться для обеих сторон практически и эмоционально настоящими отношениями. У нас очень часто есть возможность увидеть, насколько неудовлетворительными становятся такие отношения. Искусственная мать лишена ребенка, которого она начала ощущать своим; эмоциональные

отношения ребенка расстроены, расколоты и искажены; настоящая мать испытывает горечь оттого, что для своего ребенка она не настоящая мать. Разве не было бы намного лучше для всех, если бы государство поощряло огромную армию женщин, которых оно подготовило для работы с детьми других женщин, заводить вместо этого своих собственных детей? Тогда женщин, неспособных по-матерински воспитывать своих собственных детей, можно было бы научить воздерживаться от их вынашивания.

Эллен Ки (в ее книге *"Столетие ребенка"* и в других местах) выступала за введение для всех молодых женщин года обязательной "службы", аналогичной обязательной военной службе, налагаемой в большинстве стран на молодых мужчин. В течение этого периода девочку обучали рациональному ведению домашнего хозяйства, принципам гигиены, уходу за больными, особенно за младенцами, и всему, что касается физического и психического развития детей. Принцип, лежащий в основе этого предложения, с тех пор получил широкое признание. Мария фон Шмид (в своей *"Наставлениях"*, 1907) заходит так далеко, что выступает за общее обучение молодых женщин таким обязанностям, проводимое в своего рода расширенной и усовершенствованной акушерской школе. Служба продлится год, а затем молодая женщина в течение трех лет будет находиться в резерве и может быть призвана на службу. Безусловно, в пользу такого предложения можно многое сказать, значительно больше, чем в пользу обязательной военной службы. Ибо, хотя очень сомнительно, что мужчину когда-либо призовут на войну, большинство женщин могут быть призваны выполнять домашние обязанности или присматривать за детьми, будь то за себя или за других людей.

[1] Конечно, не всегда буквально верно, что каждый родитель обеспечивает ровно половину наследственности, поскольку, как мы видим среди животных в целом, потомство может иногда более приближаться к одному родителю, иногда к другому, в то время как у растений, как показали Де Фриз и другие, наследственность может быть разделена еще более неравномерно.

[2] Вряд ли нужно говорить, что утверждать, что материнство является высшей функцией женщины, ни в коем случае не означает утверждать, что ее деятельность должна ограничиваться домом. Это мнение, которое сейчас можно считать почти исчезнувшим даже среди тех, кто больше всего прославляет материнскую функцию женщины. Как справедливо отмечали Фридрих Науманн и другие, женщина недостаточно подготовлена для выполнения своих функций матери и воспитателя детей, если она не жила в миру и не занималась своим призванием.

[3] "Если бы способности мозга и сердца у мужчин и женщин были равны", - хорошо говорит Лили Браун (*Die Frauenfrage*, стр. 207), "вступление женщин в общественную жизнь не имело бы никакой ценности для человечества и даже привело бы к еще более жесткой конкуренции. Только признание того, что вся природа женщины отличается от природы мужчины, что это означает новый животворящий принцип в человеческой жизни, делает женское движение, несмотря на неправильное представление его врагов и друзей, социальной революцией" (см. также Хэвелок Эллис, *"Мужчина и женщина"*, четвертое издание, 1904 г., особенно главу XVIII).

[4] Слово "фруктовость" было изобретено доктором Кароном в 1866 году для обозначения культуры детей после рождения. Именно Пинар, выдающийся французский акушер, в 1895 году придал этому более широкое и истинное значение, применив его к воспитанию детей до

рождения. В настоящее время она определяется как "наука, целью которой является поиск знаний, относящихся к воспроизводству, сохранению и улучшению человеческого рода" (Печен, *"Сельское хозяйство в авангарде развития"*, Парижская галерея, 1908).

[5] в городе *La Grossesse* (с. 450 и след.) Бушакур довольно подробно обсуждал проблемы виноделия.

[6] Важность дородового выращивания фруктов была полностью признана в Китае тысячу лет назад. Так, мадам Ченг писала в то время о воспитании ребенка: "Еще до рождения может начаться его образование; и, следовательно, будущая мать в древности, когда лежала, лежала прямо; когда сидела, сидела прямо; и когда стояла, стояла прямо. Она не желала пробовать странные ароматы и не имела ничего общего со спиритизмом; если бы ее еда не была ровно нарезана, она бы не стала ее есть, а если бы ее циновка не была ровно постелена, она бы не села на нее. Она не смотрела ни на одно неприятное зрелище, не слушала ни одного неприятного звука, не произносила ни одного грубого слова, не прикасалась к какой-либо нечистой вещи. По ночам она изучала какие-то канонические произведения, днем занималась церемониями и музыкой. Следовательно, ее сыновья были честными и выделялись своими талантами и добродетелями; таков был результат дородовой подготовки" (Х. А. Джайлс, *"Женщина в китайской литературе"*, *Девятнадцатый век*, ноябрь 1904 г.).

[7] Max Bartels, "Isländischer Brauch," etc., *Zeitschrift für Ethnologie*, 1900, p. 65. Краткое изложение обычаев различных народов в отношении беременности приведено Плоссом и Бартельсом, *"Дас Вайб"*, раздел. XXIX.

[8] О влиянии алкоголя во время беременности на эмбрион см., например,, Г. Ньюман, *Младенческая смертность*, стр. 72-77. У. С. Салливан (*Алкоголизм*, 1906, гл. XI), обобщает доказательства, показывающие, что алкоголь является фактором дегенерации человека.

[9] Есть даже основания полагать, что алкоголизм отца матери может повлиять на ее материнские способности. Бунге (*Die Zunehmende Unfähigkeit der Frauen ihre Kinder zu Stillen*, пятое издание, 1907), проведя исследование, охватившее более 2000 семей, приходит к выводу, что хроническое алкогольное отравление отца является главной причиной неспособности дочери сосать грудь, и эта неспособность обычно не восстанавливается в последующих поколениях. Бунге, однако, возражала доктор Агнес Блум, *"Die Stillungsnot"*, *Журнал общественной медицины*, 1908 (полностью изложен ею самой в *"Сексуальной проблеме"*, январь 1909).

[10] См., например,, Т. Артур Хелм, "Нерожденный ребенок", *Британский медицинский журнал*, 24 августа 1907 г. Питание, конечно, должно быть адекватным. Ноэль Патон показал (*Журнал "Ланцет"*, 4 июля 1903 г.), что неправильное питание беременной женщины снижает вес потомства.

[11] Дебрейн, *Психология*, стр. 277. А с протестантской стороны см. Норткот (*Христианство и проблемы секса*, гл. IX), который разрешает половые сношения во время беременности.

[12] Смотрите Приложение А к третьему тому этих исследований; также Плосс и Бартельс, *цит. по.*

[13] Так, одна дама пишет: "У меня был только один ребенок, но я могу сказать, что во время беременности желание союза было намного сильнее, на протяжении всего времени, чем в любой другой период". Бушакур (*La Grossesse*, стр. 180-183) утверждает, что, как правило, сексуальное желание не уменьшается из-за беременности, а иногда усиливается.

[14] Это "неудобство" и по сей день остается камнем преткновения для многих авторитетных источников. "За исключением случаев, когда имеется тенденция к выкидышу, - говорит Коссманн (Senator and Kaminer, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 257), - мы должны быть очень осторожны, предписывая воздерживаться от половых сношений во время беременности", а Баллантайн (*The Fœtus*, стр. 475) осторожно замечает, что этот вопрос трудно решить. Форель также ("*Сексуальная жизнь*", четвертое издание, стр. 81), которая не готова выступать за полное сексуальное воздержание во время нормальной беременности, признает, что это довольно сложный вопрос.

[15] Этот момент обсуждается, например, Серпианом в парижской диссертации (*Сравнительный анализ причин преждевременных родов*, 1907); он приходит к выводу, что коитус во время беременности является более частой причиной преждевременных родов, чем принято предполагать, особенно у первородящих, и это заметно к девятому месяцу.

[16] "Детская смертность: схема Хаддерсфилда", *Британский медицинский журнал*, декабрь 1907 г.; Самсон Мур, "Младенческая смертность", *ib.*, 29 августа 1908 г.

[17] Эллен Ки превосходно разобралась с предложениями такого рода (выдвинутыми К. П. Стетсоном) в своих эссе "О любви и браке". В противовес таким предложениям Эллен Ки предлагает, чтобы такие женщины, которые были должным образом подготовлены к выполнению материнских обязанностей и не в состоянии полностью прокормить себя, выполняя их, должны субсидироваться государством в течение первых трех лет жизни ребенка. Можно добавить, что в Лейпциге уже введен план субсидирования матерей, которые (под надлежащим медицинским и иным наблюдением) кормят грудью своих младенцев.

ГЛАВА II.

СЕКСУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Содержание

Необходимо как воспитание, так и Размножение — Преждевременные проявления Сексуального влечения — следует ли считать их нормальными?—Сексуальные игры детей — Эмоция любви в детстве — Являются Ли городские дети более развитыми в сексуальном плане, чем деревенские?—Представления детей о происхождении младенцев—Необходимость начинать половое воспитание детей в раннем возрасте—Важность раннего воспитания ответственности—Зло Старой Доктрины молчания в вопросах секса—Зло, усиливающееся в применении к девочкам—Мать естественный и лучший учитель—Пагубное влияние искусственной таинственности в вопросах секса—Книги по сексуальному просвещению молодежи—Природа материнской задачи—Сексуальное воспитание в школе—Ценность ботаники—зоологии—Сексуальное воспитание после достижения половой зрелости—

Необходимость противодействия шарлатанской литературе—Опасность пренебрежения подготовкой к сексуальному воспитанию. первое начало менструации—Правильное отношение к сексуальной жизни женщины—Жизненная необходимость гигиены менструации в подростковом возрасте—Такая гигиена совместима с образовательным и социальным равенством полов—Инвалидность женщин В основном из—за пренебрежения гигиеной—Положительное влияние физических тренировок на женщин и плохое влияние легкой атлетики—Зло эмоционального подавления—Необходимость обучения достоинству пола—Влияние этих факторов на судьбу женщины в браке—Лекции и обращения по сексуальной гигиене—Роль врача в сексуальном воспитании—Пубертатное посвящение в идеальный мир—Место религиозного и этического воспитания Учитель—Обряды посвящения дикарей в Мужественность и Женственность—Сексуальное влияние литературы-Сексуальное влияние искусства.

Кому-то может показаться, что, придавая значение происхождению, родительскому происхождению, зачатию, вынашиванию и даже первому младенчеству ребенка, мы уходим от сферы психологии секса. Это далеко не так. Напротив, мы приближаемся к истокам секса. Все наши растущие знания показывают, что, как и его физическая природа, психическая природа ребенка основана на породе и воспитании, на качестве породы, к которой он принадлежит, и на заботе, проявляемой в ранние моменты, когда забота важнее всего, чтобы сохранить прекрасное качество этих пород.

Следует, конечно, помнить, что влияние как породы, так и воспитания одинаково влияет на судьбу индивида. Влияние воспитания настолько очевидно, что мало кто, вероятно, недооценит его. Влияние породы, однако, менее очевидно, и мы все еще можем встретить людей, настолько плохо информированных и, возможно, настолько предвзятых, что они полностью отрицают это. Рост наших знаний в этом вопросе, показывающий, насколько тонким и всепроникающим является влияние наследственности, не может не развеять это пагубное представление. Никакая здоровая цивилизация невозможна иначе, как в сообществе, которое в массе своей не только хорошо воспитано. И ни в какой другой сфере жизни влияние хорошего воспитания не является более решающим, чем в сексуальных отношениях. Поучительную иллюстрацию можно почерпнуть из подробной истории его юности, рассказанной мне высококультурным русским джентльменом. В детстве он воспитывался со своими собственными братьями и сестрами и маленькой девочкой того же возраста, которая была усыновлена с младенчества, ребенком проститутки, умершей вскоре после рождения младенца. К приемному ребенку относились как к члену семьи, и все дети считали ее настоящей сестрой. Тем не менее, с ранних лет у нее развились инстинкты, отличные от инстинктов детей, с которыми она воспитывалась; она лгала, была жестокой, любила проказничать и у нее развились не по годам порочные сексуальные импульсы; несмотря на тщательное образование, она переняла профессию своей матери и в возрасте двадцати двух лет была сослана в Сибирь за грабеж и попытку убийства. Ребенок случайного отца и матери-проститутки не обречен на гибель, но такой ребенок невоспитан, и этот факт в некоторых случаях может нейтрализовать все влияние хорошего воспитания.

Когда мы достигаем периода младенчества, мы уже вышли за пределы основ и потенциальных возможностей сексуальной жизни; в некоторых случаях мы являемся свидетелями ее действительного зарождения. Хорошо установленный факт, что аутоэротические проявления иногда могут наблюдаться даже у младенцев в возрасте до двенадцати месяцев. Мы сейчас не призваны обсуждать спорный момент относительно того, насколько подобные проявления в

этом возрасте можно назвать нормальными.^[18] Иногда при рождении наблюдается незначительная менструальная активность и активность молочных желез.^[19] Кажется очевидным, что нервная и психическая сексуальная активность берет свои первые истоки в этот ранний период, и с годами все большее число индивидуумов присоединяется к потоку, пока в период полового созревания практически все они не будут унесены великим течением.

Таким образом, хотя, возможно, даже вероятно, верно, что самые здоровые люди не проявляют определенных признаков нервной и психической сексуальности в детстве, такие проявления все еще достаточно часты, чтобы нельзя было утверждать, что сексуальная гигиена может полностью игнорироваться до наступления половой зрелости.

Преждевременное физическое развитие встречается как довольно редкая разновидность. У. Роджер Уильямс ("Преждевременное половое развитие с описанием более ста случаев", *Британский гинекологический журнал*, май 1902 г.) внес важный вклад в изучение этой аномалии, которая гораздо чаще встречается у девочек, чем у мальчиков. Случаи заболевания Роджера Уильямса включают только двадцать мальчиков и восемьдесят девочек, и преждевременное развитие не только встречается чаще, но и более выражено у девочек, которые, как известно, зачинают в восемь лет, в то время как тринадцать лет считаются самым ранним возрастом, в котором мальчики доказали свою способность зачинать детей. Следует отметить, что это также самый ранний возраст, в котором сперматозоиды обнаруживаются в семенной жидкости мальчиков; до этого возраста эякуляции не содержат сперматозоидов, и, как обнаружили Фюрбрингер и Молль, они могут даже отсутствовать в шестнадцать или позже. У детей женского пола преждевременное половое развитие реже связано с общим ускорением физического развития, чем у мальчиков. (Индивидуальный случай раннего сексуального развития у пятилетней девочки был полностью описан и приведен в *Журнале "Время этнологии"*, 1896, Часть 4, стр. 262.)

Преждевременные сексуальные импульсы, как правило, расплывчаты, случайны и более или менее невинны. Случай редкого и ярко выраженного характера, когда ребенок, мальчик, с двухлетнего возраста испытывал сексуальное влечение к девочкам и женщинам и направлял все свои мысли и действия на попытки сексуального воздействия на них, был описан Гербертом Ричем из Детройта (*Психиатр и невролог*, ноябрь 1905 г.). Общие данные из литературы по данному вопросу о половом созревании, его частоте и значимости были собраны Л. М. Терманом ("Исследование преждевременности", *Американский журнал Psychology*, апрель 1905 г.).

Эрекции, которые могут возникать у младенцев мужского пола, обычно не имеют сексуального значения, хотя, как отмечает Молл, они могут приобретать его, привлекая внимание ребенка; они являются просто рефлекторными. Однако некоторые, и в частности Фрейд, полагают, что определенные проявления младенческой активности, особенно сосание пальца, имеют сексуальную обусловленность и что сексуальное влечение постоянно проявляется в очень раннем возрасте. Веру в то, что сексуальный инстинкт отсутствует в детстве, Фрейд рассматривает как серьезную ошибку, которую так легко исправить наблюдением, что он удивляется, как она могла возникнуть. "На самом деле, - замечает он, - новорожденный младенец приносит с собой в мир сексуальность, сексуальные ощущения сопровождают его в течение периода лактации и детства, и очень немногие дети могут не испытывать сексуальных

действий и чувств до периода полового созревания" (Фрейд, "О сексуальном воспитании детей", *Soziale Medizin und Hygiene*, Bd. ii, 1907; *ср.*, подробнее, *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie* того же автора, 1905). Молль, с другой стороны, считает, что взгляды Фрейда на сексуальность в младенчестве являются преувеличениями, которые должны быть решительно отвергнуты, хотя он признает, что трудно, если не невозможно, дифференцировать чувства в детстве (Молль, "О сексуальности детей", стр. 154). Молл считает также, что психосексуальные проявления, появляющиеся после восьми лет, не являются патологическими; дети со слабостью или плохой наследственностью нередко развиваются сексуально не по годам, но, с другой стороны, Молл знала детей восьми-девяти лет с сильно развитыми сексуальными импульсами, которые, тем не менее, становятся прекрасно развитыми мужчинами.

Зачаточная сексуальная активность в детстве, сопровождающаяся сексуальными чувствами, действительно должна рассматриваться — когда она не слишком выражена или преждевременна — как относящаяся к сфере нормы, хотя, когда она возникает у детей с плохой наследственностью, она сопряжена с серьезными рисками. Но у здоровых детей после семи-восьми лет они, как правило, не приводят к плохим результатам и носят строго игровой характер. Игра, как у животных, так и у людей, как показал Гроос с изумительным богатством иллюстраций, является благотворным процессом воспитания; таким образом, молодое существо готовит себя к выполнению тех функций, которые в дальнейшей жизни оно должно выполнять более полно и серьезно. В своей *Книге о мужчинах* Гроос применяет эту идею к сексуальным играм детей и в доказательство приводит цитаты из литературы. Келлер в своей книге "Ромео и Джульетта за семью печатями" дал восхитительно правдивую картину этих детских любовных отношений. Эмиль Шульце-Малковски (*Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. ii, стр. 370) воспроизводит некоторые сцены из жизни маленькой девочки семи лет, ясно иллюстрирующие точную природу сексуальных проявлений в этом возрасте.

Своего рода рудиментарный половой акт между детьми, как заметил Блох (*Beiträge* др., Bd. ii, стр. 254), происходит во многих частях мира и воспринимается взрослыми как игра. Это, к примеру, имеет место среди бавендов Трансвааля (*Журнал этнологии*, 1896, раздел 4, стр. 364) и среди папуасов Земли кайзера Вильгельма, с одобрения родителей, хотя наблюдается большая сдержанность (*id.*, 1889, Раздел 1, стр. 16). Годар (*Египет и Палестина*, 1867, стр. 105) отмечал сексуальные игры мальчиков и девочек в Каире. В Нью-Мексико У. А. Хаммонд (*Сексуальное бессилие*, стр. 107) видел мальчиков и девочек, пытающихся вступить в игривую сексуальную связь при поддержке мужчин и женщин, а в Нью-Йорке он видел мальчиков и девочек трех и четырех лет, делающих то же самое в присутствии своих родителей, получив лишь смеющийся упрек. "Игра в папу и маму" действительно чрезвычайно распространена среди детей с неподдельной невинностью и полным отсутствием порочности; и ни в коем случае не ограничивается детьми низкого социального класса. Молл отмечает его частоту (*Сексуальное влечение*, Bd. i, стр. 277), а комитет евангельских пасторов в своем исследовании немецкой сельской морали (*Die Geschlechtliche-sittliche Verhältnisse*, Bd. i, стр. 102) обнаружил, что дети, еще не достигшие школьного возраста, предпринимают попытки совокупления. Сексуальные игры детей ни в коем случае не ограничиваются играми отца и матери; часто встречаются школьные игры, кульминацией которых является разоблачение и затрещины, а иногда бывают игры в роль врачей и проведение обследований. Так, молодая англичанка говорит: "Конечно, когда мы были в школе [в возрасте двенадцати лет и раньше], мы, девочки, играли друг с другом; мы ходили в поле и притворялись врачами, которым нужно было осмотреть друг друга, а потом мы задирали друг друга одежду и ощупывали друг друга".

Эти игры не обязательно предполагают сотрудничество сексуального влечения и еще меньше содержат в себе какого-либо элемента любви. Но эмоции любви, едва ли отличимые, если вообще отличимые, от сексуальной любви взрослых, часто проявляются в столь же раннем возрасте. Они носят характер игры, поскольку игра является подготовкой к деятельности в дальнейшей жизни, хотя, в отличие от игр, они не ощущаются как игра. Рамдор более века назад (*Венера Урания*, 1798) упоминал о частой любви маленьких мальчиков к женщинам. Чаще всего любовь испытывается к лицам противоположного или того же пола, которые не сильно отличаются по возрасту, хотя обычно старше. Наиболее полное исследование этого вопроса было проведено Сэнфордом Беллом в Америке на основе целых 2300 случаев (С. Белл, "Предварительное исследование эмоции любви между полами", *Американский журнал Psychology*, июль 1902 г.). Белл считает, что наличие эмоций в возрасте от трех до восьми лет проявляется в таких действиях, как объятия, поцелуи, подъем друг друга, потасовка, сидение близко друг к другу, признания друг другу и окружающим, разговоры друг о друге в разлуке, поиск друг друга и исключение остального, скорбь при разлуке, дарение подарков, проявление особой вежливости друг к другу, самопожертвование друг ради друга, проявление ревности. Девочки, в целом, более агрессивны, чем мальчики, и менее стремятся сохранить это в секрете. После восьми лет девочки становятся более скромными, а мальчики - еще более скрытными. Физические ощущения обычно локализуются не в половых органах; эрекцию полового члена и гиперемия женских половых органов Белл рассматривает как признаки чрезмерно раннего развития. Но наблюдается рассеянная сосудистая и нервная припухлость и состояние экзальтации, сравнимое, хотя и не равное тому, что наблюдается в подростковом и взрослом возрасте. В целом, как обоснованно заключает Белл, "любовь между детьми противоположного пола имеет почти такое же отношение к любви между взрослыми, как цветок к плоду, и в ней так же мало физической сексуальности, как в цветке яблони к вырастающему из него яблоку". Молл также (указ. соч., стр. 76) считает, что поцелуи и другие подобные поверхностные контакты, которые он называет феноменами самоограничения, чаще всего представляют собой первое и единственное проявление сексуального импульса в детстве.

Часто утверждается, что детям легче сохранить свою сексуальную невинность в деревне, чем в городе, и что только в городах сексуальность безудержна и бросается в глаза. Это ни в коем случае не соответствует действительности, и в некоторых отношениях это противоположно истине. Конечно, тяжелая работа, естественная и простая жизнь и недостаток бдительного интеллекта часто сочетаются в том, что сельский парень остается целомудренным в мыслях и поступках до завершения периода отрочества. Аммон, например, утверждает, хотя и не приводя определенных доказательств, что это обычное явление среди баденских призывников. Несомненно, также, что все многочисленные сенсорные возбуждения городской жизни имеют тенденцию вызывать нервную и церебральную возбудимость молодежи в сравнительно раннем возрасте в сексуальной, как и в других областях, и способствуют преждевременным желаниям и любознательности. Но, с другой стороны, городская жизнь не дает молодым удовлетворения их желаний и любопытства. Публичность города, всеобщая слежка, продуманный этикет населения, сознающего, что оно постоянно подвергается пристальному вниманию незнакомцев, в совокупности прикрывают завесой эзотерическую сторону жизни, которая, даже когда, наконец, не удастся скрыть от молодежи городские стимулы этой жизни, эффективно скрывает, по большей части, удовлетворение от этих стимулов. В сельской местности, однако, эти ограничения не существуют в какой-либо соответствующей степени; животные делают элементарные факты сексуальной жизни понятными для всех; там меньше

необходимости или уважения к приличиям; речь более понятна; надзор невозможен, и самые широкие возможности для сексуальной близости под рукой. Если о городе, возможно, можно сказать, что он поощряет нецеломудрие в мыслях молодежи, то о стране, безусловно, можно сказать, что она поощряет нецеломудрие в действиях.

Подробные исследования Комитета лютеранских пасторов по сексуальной морали (*Die Geschlechtlich-sittliche Verhältnisse im Deutschen Reiche*), опубликованные несколько лет назад, наглядно демонстрируют сексуальную свободу в сельской Германии, и Молль, который твердо придерживается мнения, что в стране нет относительной свободы от сексуальности, заявляет (указ. соч., стр. 137-139, 239), что даже распространение непристойных книг и картинок среди школьников, по-видимому, более частое явление в маленьких городах и сельской местности, чем в крупных городах. В России, где, как можно было бы подумать, городские и сельские условия менее контрастны, чем во многих странах, наблюдалась такая же разница. "Я не знаю, - пишет российский корреспондент, - правильно ли Золя в "Земле" описывает жизнь французских деревень. Но обычаи русской деревни, где я провел часть своего детства, довольно напоминают те, что описаны Золя. В жизни сельского населения, в которую я окунулся, все было пропитано эротизмом. Человек был окружен животной похотливостью во всей ее нескромности. Вопреки общепринятому мнению, я считаю, что ребенку легче сохранить свою сексуальную невинность в городе, чем в деревне. Несомненно, есть много исключений из этого правила. Но функции сексуальной жизни обычно более скрыты в городах, чем в полях. Скромность (независимо от того, носит ли она чисто поверхностный и внешний характер) более развита среди городского населения. Говоря о сексуальных вещах, в городах люди больше скрывают свои мысли; даже низший класс в городах использует больше сдержанности, больше эвфемизмов, чем крестьяне. Таким образом, в городах ребенок может легко не понять, когда в его присутствии говорят о рискованных предметах. Можно сказать, что коррупция в городах, хотя и более скрытая, все же более глубокая. Возможно, но это сокрытие предохраняет детей от этого. Городской ребенок каждый день видит проституток на улице, не отличая их от других людей. В деревне он каждый день слышал бы, как в самых грубых выражениях заявляют, что такая-то девушка была найдена ночью в сарае или канаве, занимающейся любовью с таким-то юношей, или что служанка каждую ночь проскальзывает в постель кучера, причем факты полового акта, беременности и родов упоминаются в самых откровенных выражениях. В городах внимания ребенка привлекают тысячи различных предметов; в сельской местности, за исключением полевых работ, которые его не интересуют, он слышит только о размножении животных и эротических подвигах девочек и юношей. Когда мы говорим, что городская среда более возбуждает, мы имеем в виду взрослых, но то, что возбуждает взрослого, обычно не оказывает эротического воздействия на ребенка, который, однако, не может долго оставаться асексуальным, когда видит красивых крестьянских девушек, пылких, как кобылы во время течки, отдающихся в объятия крепких юношей. Он не может не отметить эти откровенные проявления сексуальности, хотя утонченные и извращенные особенности города ускользнули бы от его внимания. Я знаю, что в странах с преувеличенной чопорностью скрытой коррупции гораздо больше, иногда склонны думать, чем в менее лицемерных странах. Но я считаю, что это ложное впечатление, и убежден, что именно из-за всех этих мелких сокрытий, которые вызывают злонамеренное веселье иностранцев, в Англии действительно гораздо больше молодых людей, остающихся целомудренными, чем в странах, где к сексуальным отношениям относятся более откровенно. Во всяком случае, если я знал англичан, которые были очень распущены и изощрены в пороке, я также знал молодых людей той же нации, старше двадцати, которые были

невинны, как дети, но никогда не встречал молодого француза, итальянца или испанца, о которых можно было бы сказать такое ". Несомненно, в этом утверждении есть доля истины, хотя следует помнить, что каким бы прекрасным ни было целомудрие, если оно основано на простом невежестве, его обладатель подвергается ужасным опасностям.

Вопрос сексуальной гигиены, особенно в его особом аспекте сексуального просвещения, однако, не зависит от того факта, что у некоторых детей психические и нервные проявления секса проявляются в более раннем возрасте, чем у других. Это основано на более широком общем факте, что у всех детей интеллектуальная активность начинает проявляться в очень раннем возрасте и что эта активность имеет тенденцию проявляться в любознательном желании познать многие элементарные факты жизни, которые действительно зависят от пола. Основным и наиболее универсальным из этих желаний является желание знать, откуда берутся дети. Никакой вопрос не может быть более естественным; вопрос о происхождении обязательно является фундаментальным в детских философиях, как, в более предельных формах, и во взрослых философиях. Большинство детей, руководствуясь либо утверждениями, обычно ошибочными, старших, либо собственным интеллектом, работающим на основе тех указаний, которые им доступны, владеют теорией происхождения младенцев.

Стэнли Холл ("Содержание представлений детей при поступлении в школу", *Педагогическая семинария*, июнь 1891 г.) собрал некоторые представления маленьких детей о происхождении младенцев. "Бог создает детей на небесах, хотя некоторых делают Пресвятая Богородица и даже Санта-Клаус. Он опускает их и роняет, а женщины или врачи ловят их, или Он оставляет их на тротуаре, или спускает их задом наперед по деревянной лестнице и снова поднимает ее, или мама, или доктор, или медсестра поднимаются и забирают их, иногда на воздушном шаре, или они летят вниз и теряют крылья в том или ином месте и забывают об этом, и прыгают вниз к Иисусу, который их окружает. Также часто говорили, что их можно найти в бочках из-под муки, и мука очень долго прилипает, знаете ли, или что они выросли в капусте, или что Бог кладет их в воду, возможно, в канализацию, а доктор достает их и относит больным, которым они нужны, или молочник приносит их ранним утром; их выкапывают из земли или покупают в детском магазине ".

В Англии и Америке любознательному ребенку часто говорят, что младенца нашли в саду, под кустом крыжовника или в другом месте; или, что более обычно, говорят, что это, несомненно, ближе к истине, что его принес доктор. В Германии детям часто рассказывают историю о том, что младенца приносит аист. Для объяснения этой истории были выдвинуты различные теории, в основном основанные на фольклоре, но ни одна из них не кажется достаточно убедительной (см., *Например*, Г. Герман, "Сексуальный миф", *Geschlecht und Gesellschaft*, том i, Heft 5, 1906, стр. 176, и П. Некке, *Neurologische Centralblatt*, № 17, 1907). Некке считает, что есть некоторое правдоподобие в предположении профессора Петерманна о том, что лягушка, извивающаяся в клюве аиста, напоминает крошечное человеческое существо.

В Исландии, по словам Макса Бартельса ("Isländischer Brauch und Volksglaube" и др., *Журнал этнологии*, 1900, главы 2 и 3), мы находим переход между естественным и фантастическим в историях, рассказываемых детям о происхождении младенцев (аист здесь исключен, поскольку он простирается только до южной границы скандинавских земель). В Северной Исландии говорят, что Бог создал ребенка, и мать родила его, и по этой причине сейчас больна. На северо-западе говорят, что Бог создал ребенка и отдал его матери. В другом месте говорится,

что Бог послал ребенка, а акушерка принесла его, причем мать находилась в постели только для того, чтобы быть рядом с младенцем (которого редко кладут в колыбель). Также иногда говорят, что ребенка принес ягненок или птица. Опять же, говорят, что он проник ночью через окно. Иногда, однако, ребенку говорят, что ребенок вышел из груди матери или из-под ее груди, и именно поэтому он нездоров.

Даже когда дети узнают, что младенцы появляются из тела матери, эти знания часто остаются очень расплывчатыми и неточными. Например, очень часто во всех цивилизованных странах пупок считается точкой выхода ребенка из тела. Это естественный вывод, поскольку пупок, по-видимому, является каналом в тело, и каналом, для которого нет очевидного применения, в то время как срамная щель не представляется девочкам (и тем более мальчикам) вратами рождения, поскольку она уже, по-видимому, монополизирована выделением мочи. Это представление о пупке иногда сохраняется на протяжении всего подросткового возраста, особенно у девочек из так называемого образованного класса, которые слишком хорошо воспитаны, чтобы обсуждать этот вопрос со своими замужними подругами, и действительно считают, что они уже достаточно хорошо информированы. В этом возрасте вера может быть не совсем безобидной, поскольку она приводит к тому, что настоящие врата секса остаются незащищенными. В Эльзасе, где девочки обычно верят и которым их учат, что дети появляются через пупок, популярны народные сказки (*Anthropophyteia*, vol. iii, стр. 89), которые представляют ошибки, вытекающие из этой веры, как ведущие к потере девственности.

Фрейд, который считает, что дети мало верят басне об аисте и подобным историям, придуманным для их мистификации, провел интересное психологическое исследование реальных теорий, к которым сами дети приходят в результате наблюдений и размышлений относительно сексуальных фактов жизни (С. Фрейд, "Ueber Infantile Sexualtheorien", *Сексуальная проблема*, декабрь 1908 г.). Такие теории, замечает он, соответствуют блестящим, но ошибочным гипотезам, к которым приходят первобытные народы относительно природы и происхождения мира. Есть три теории, которые, как совершенно верно заключает Фрейд, очень часто формируются детьми. Первая, и наиболее широко распространенная, заключается в том, что между мальчиками и девочками нет реальной анатомической разницы; если мальчик замечает, что у его младшей сестры нет видимого пениса, он даже приходит к выводу, что это потому, что она слишком молода, и сама маленькая девочка придерживается той же точки зрения. Тот факт, что в раннем возрасте клитор относительно больше и больше похож на пенис, помогает подтвердить эту точку зрения, которую Фрейд связывает со склонностью в более позднем возрасте видеть эротические сны о женщинах, снабженных пенисом. Эта теория, как также отмечает Фрейд, способствует росту гомосексуализма, когда присутствуют его зародыши. Вторая теория - это фекальная теория происхождения младенцев. Ребенок, который, возможно, думает, что у его матери есть пенис, и в любом случае ничего не знает о влагалище, приходит к выводу, что ребенок появляется на свет благодаря действию, аналогичному работе кишечника. Третью теорию, которая, возможно, менее распространена, чем другие, Фрейд называет садистской теорией коитуса. Ребенок понимает, что его отец, должно быть, принимал какое-то участие в его создании. Теория о том, что половой акт заключается в насилии, имеет в себе долю истины, но, по-видимому, сформулирована довольно туманно. Собственные сексуальные чувства ребенка часто впервые пробуждаются во время борьбы с товарищем; он также может видеть, как его мать более или менее игриво сопротивляется внезапной ласке отца, и если происходит настоящая ссора, впечатление может быть усилено. Что касается того, в чем заключается состояние брака, Фрейд считает, что его обычно рассматривают как

состояние, которое устраняет скромность; наиболее распространенной теорией является то, что брак означает, что люди могут разливать воду друг перед другом, в то время как другая распространенная детская теория заключается в том, что брак - это когда люди могут показывать друг другу свои интимные места.

Таким образом, на самом раннем этапе жизни ребенка мы сталкиваемся лицом к лицу с вопросом, как наиболее мудро начать его посвящение в знание великих центральных фактов секса. Возможно, немного поздно рассматривать это как вопрос, но среди нас это так, хотя три тысячи пять столетий назад отец-египтянин сказал своему ребенку: "Я дал тебе мать, которая носила тебя в себе, тяжелое бремя, ради тебя, не полагаясь на меня. Когда, наконец, ты родился, она действительно подчинилась игу, потому что в течение трех лет ее соски были у тебя во рту. Твои экскременты ни разу не выворачивали ее желудок и не заставляли ее говорить: "Что я делаю?" Когда тебя отправили в школу, она регулярно ходила каждый день носить твоему хозяину домашний хлеб и пиво. Когда, в свою очередь, вы выйдете замуж и у вас родится ребенок, воспитывайте своего ребенка так, как воспитывала вас ваша мать".^[20]

Однако я считаю само собой разумеющимся, что — какие бы сомнения ни были относительно того, как или когда — больше не может быть сомнений в абсолютной необходимости сознательного и активного участия в этой сексуальной инициации, вместо того, чтобы оставлять это на усмотрение невежественных и, возможно, порочных компаньонов или слуг. Становится все более и более распространенным мнение о том, что риск невежественной невиновности слишком велик.

"Вся любовь и забота, которые может дать родительская тоска, - пишет доктор Г. Ф. Батлер из Чикаго (*Любовь и ее сходства*, 1899, стр. 83), - все, что может предложить самое утонченное религиозное влияние, все, чего могут достичь самые культурные ассоциации, в один роковой момент может быть уничтожено. Здесь нет места для этических рассуждений, на самом деле часто нет сознания неправоты, а есть только "Es war so süß" Маргарет ". Тот же автор добавляет (как ранее отмечала миссис Крейк и другие), что среди членов церкви именно более тонкие и чувствительные организации наиболее восприимчивы к сексуальным эмоциям. Что касается мальчиков, мы оставляем наставления в вопросах секса, самого священного и центрального факта в мире, как замечает каноник Литтелтон, "грязно мыслящим школьникам, конюхам, садовникам, короче говоря, всем, кто в раннем возрасте может быть достаточно осквернен и достаточно безрассуден, чтобы говорить о них". А что касается девочек, то, как давным-давно заметил Бальзак, "мать может строго воспитывать свою дочь и укрывать ее своим крылом в течение семнадцати лет; но служанка может разрушить эту долгую работу одним словом". , даже жестом".

Огромная роль, которую служанки низшего класса играли в сексуальной инициации детей среднего класса, была проиллюстрирована в работе "Сексуальное влечение у женщин" в т. iii, из этих *исследований*, и в дальнейшем обсуждении сейчас нет необходимости. Я бы здесь только мимоходом сказал пару слов с другой стороны. Часто, когда эту роль берут на себя служанки, мы не должны заходить так далеко, чтобы говорить, что так обстоит дело с большинством. Что касается Германии, доктор Альфред Кинд недавно описал свой опыт: "В юности *яникогдане* слышал плохого или неприличного слова о сексуальных отношениях от служанки, хотя служанки сменяли друг друга в нашем доме, как солнце и ливень в апреле, и между нами, детьми, и слугами всегда были товарищеские отношения". Что касается Англии, я

могу добавить, что мой собственный юношеский опыт соответствует опыту доктора Кайнда. Это неудивительно, поскольку можно сказать, что в обычной воспитанной девушке, хотя ее добродетель может и не быть развита до героических размеров, все же обычно присутствует естественное уважение к невинности детей, естественное сексуальное безразличие к ним и естественное ожидание, что мужчина должен принять активное участие, когда возникает сексуальная ситуация.

Также начинает казаться, что, особенно в отношении женщин, невежественная невинность - это не просто слишком хрупкое достояние, чтобы его стоило сохранять, но и положительно пагубное, поскольку влечет за собой отсутствие необходимых знаний. "Это почти преступление, - пишет доктор Ф. М. Гудчайлд,^[21] - отправлять наших молодых людей в гущу волнений и соблазнов большого города без дополнительной подготовки, как если бы они собирались жить в Раю". В случае женщин невежество имеет еще один недостаток, заключающийся в том, что оно лишает их знаний, необходимых для разумного сочувствия другим женщинам. Несимпатичное отношение женщин к женщинам часто в значительной степени объясняется полным незнанием фактов жизни. "Почему, - пишет в частном письме замужняя дама, которая прекрасно осознает это, - женщины воспитываются в таком глубоком невежестве относительно своей собственной природы и особенно природы других женщин? Они и вполнину не знают о других женщинах столько, сколько мужчина с самыми средними способностями узнает за свой дневной поход". Мы пытаемся компенсировать нашу неспособность обучать женщин основным вопросам секса, возлагая на полицию и других блюстителей общественного порядка обязанность защищать женщин и мораль. Но, как настаивает Молл, настоящая проблема целомудрия заключается не в множестве законов и полицейских, а в основном в том, что женщины знают об опасностях секса и развивают в себе чувство ответственности.^[22] Мы всегда разрабатываем законы для защиты детей и ставим полицию на стражу. Но законы и полиция, хороши они или плохи, в любом случае одинаково неэффективны. По большей части к ним можно прибегнуть только тогда, когда ущерб уже нанесен. Мы должны научиться вникать в суть вопроса. Мы должны научить детей быть законом для самих себя. Мы должны дать им те знания, которые позволят им беречь свою собственную личность.^[23] Существует достоверная история о даме, которая научилась плавать, к большому ужасу ее священника, который считал, что плавание неженственно. "Но, - сказала она, - предположим, я тонула". "В таком случае, - ответил он, - вам следует подождать, пока не появится мужчина и не спасет вас". Итак, у нас есть два метода спасения, которые проповедовались женщинам, старый метод и новый. Ни в одном море женщины не подвергались большей опасности утонуть, чем в море секса. Не должно быть вопроса о том, какой метод спасения лучше.

В наши дни трудно найти какие-либо серьезные аргументы против желательности раннего сексуального просвещения, и мы почти с удовольствием читаем, как романист Альфонс Доде, когда спросили его мнение о таком просвещении, возразил — в духе, безусловно, распространенном среди мужчин его времени, - что в этом нет необходимости, потому что мальчики могут всему научиться на улицах и из газет, в то время как "что касается молодых девушек — нет! Я бы не стал учить их ни одной из истин физиологии. Я вижу только недостатки в таком подходе. Эти истины уродливы, разочаровывают, несомненно, шокируют, пугают, вызывают отвращение к уму, природе девушки". Это все равно что сказать, что нет необходимости снабжать источники чистой водой, когда на улице есть лужи, из которых каждый может попить. Современник Доде, обладавший гораздо более тонкой духовной проницательностью, поэт Ковентри Патмор в эссе "Древние и современные представления о

чистоте" в своей прекрасной книге *"Религиозные поэты"*, уже тонко протестовал против той "болезни нечистоты", которая проистекает из "нашего современного небожественного молчания", за которое выступал Доде. И Мечников, совсем недавно, с научной стороны, говоря особенно о женщинах, заявляет, что знание настолько необходимо для нравственного поведения, что "невежество следует считать самым аморальным из поступков" (*"Оптимистические эссе"*, стр. 420).

Выдающийся бельгийский романист Камиль Лемонье в своей книге *"Человек в любви"* затрагивает вопрос сексуального воспитания молодежи, представляя историю молодого человека, воспитанного под влиянием общепринятых и лицемерных взглядов, которые учат, что нагота и секс - вещи постыдные и отвратительные. Таким образом, он упускает возможности невинной и естественной любви, чтобы в конце концов безнадежно попасть в рабство к чувственной женщине, которая относится к нему просто как к орудию своего удовольствия, последнему из длинной череды любовников. Книга является убедительным призывом к разумному, полезному и естественному образованию в вопросах секса. Однако в 1901 году по ней было возбуждено уголовное дело в Брюгге, хотя судебный процесс в конечном итоге завершился оправдательным приговором. Такой вердикт согласуется с общей тенденцией настроений в настоящее время.

Старые идеи, высказанные Доде, о том, что факты секса уродливы и разочаровывают, и что они шокируют умы молодежи, одинаково ложны. Как отмечает каноник Литтелтон, призывая к тому, чтобы матери учили детей законам передачи жизни: "То, как они принимают это с врожденным благоговением, правдивостью понимания и бесхитростной деликатностью, является не чем иным, как откровением нескончаемой красоты природы. Люди иногда говорят о неопишуемой красоте детской невинности. Но я осмелюсь сказать, что никто до конца не знает, что это такое, кто отказался от привилегии быть первым, кто открыл им истинный смысл жизни, рождения и тайну своего собственного существа. Мы не только не в состоянии накопить в них прочные знания, но и лишаем себя шанса научиться чему-то, что должно быть божественным". Точно так же Эдвард Карпентер, утверждая, что ребенку легко и естественно с самого начала научиться своему физическому отношению к матери, замечает (*Совершеннолетие любви*, стр. 9): "Ребенок в возрасте полового созревания, с раскрытием его глубинной эмоциональной и сексуальной природы, в высшей степени способен к самому чувствительному, нежному и безмятежному пониманию того, что означает секс (обычно в большей степени, чем его светский родитель или опекун); и он может усвоить это учение, если с сочувствием, без какого-либо потрясения или нарушения чувства стыда - того чувства, которое является столь естественной и ценной гарантией ранней юности".

Насколько широко еще несколько лет назад было распространено убеждение, что сексуальным фактам жизни следует обучать как девочек, так и мальчиков, было показано, когда по этому вопросу были запрошены мнения самого разного круга более или менее выдающихся личностей (*"Древо познания"*, *New Review*, июнь 1894 г.). Лишь небольшое меньшинство из двух (раввин Адлер и миссис Линн Линтон) были против такого знания, в то время как среди большинства, выступавших за это, были мадам Дж. Адам, Томас Харди, сэр Уолтер Безант, Бьернсон, Холл Кейн, Сара Гранд, Нордау, леди Генри Сомерсет, баронесса фон Саттнер и мисс Уиллард. Лидеры женского движения, конечно же, выступают за такие знания. Так, собрание Бундестага в Берлине в 1905 году почти единогласно приняло резолюцию, объявляющую, что раннее сексуальное просвещение детей в вопросах сексуальной жизни настоятельно

необходимо (*Mutterschutz*, 1905, Глава 2, стр. 91). Можно добавить, что медицинское мнение уже давно одобряло это просвещение. Так, в Англии в редакционной статье "*Британского медицинского журнала*" несколько лет назад (9 июня 1894 г.) было заявлено: "Большинство врачей того возраста, когда зарождается уверенность в подобных делах, смогут вспомнить случаи, когда невежество, которое было бы смехотворным, если бы не было таким печальным, проявлялось в вопросах, относительно которых каждая женщина, вступающая в супружескую жизнь, должна быть точно проинформирована. Мы думаем, не может быть никаких сомнений в том, что можно было бы предотвратить множество несчастий и болезней, если бы молодые люди обоих полов обладали немного точными знаниями о сексуальных отношениях и были хорошо осведомлены о глубокой важности выбора здоровых партнеров. Знание не обязательно должно быть неприятным, но даже если бы это было так, оно, безусловно, несопоставимо в этом отношении с представлениями невежества". Также и в Америке, где на ежегодном собрании Американской медицинской ассоциации доктор Денслоу Льюис из Чикаго красноречиво настаивал на необходимости обучения юношей и девушек сексуальной гигиене, все последующие девять ораторов, некоторые из которых были врачами с мировым именем, выразили свое существенное согласие (*Медико-юридический журнал*, июнь-сентябрь 1903 г.). Говард, опять же, в конце своей подробной *Истории супружеских институтов* (том iii, стр. 257) утверждает необходимость образования в вопросах секса, поскольку это корень проблемы брака. "В будущей образовательной программе, - замечает он, - вопросы секса должны занимать почетное место".

Однако, хотя в настоящее время широко признано, что дети имеют право на сексуальное просвещение, нельзя сказать, что это убеждение широко применяется на практике. Многие люди, которые полностью убеждены в том, что дети рано или поздно должны быть просветлены относительно сексуальных источников жизни, несколько нервничают по поводу точного возраста, в котором это просвещение должно начаться. Их скрытое чувство, по-видимому, заключается в том, что секс - это зло, и просвещение относительно секса тоже зло, каким бы необходимым оно ни было, и что главное - определить последний момент, до которого мы можем безопасно отложить это необходимое зло. Такое отношение, однако, совершенно ошибочно. Желание ребенка узнать о своем происхождении - совершенно естественное, честное и безобидное желание, пока оно не извращается из-за того, что ему препятствуют. Четырехлетний ребенок может задавать вопросы по этому поводу просто и спонтанно. Как только вопросы заданы, конечно, как только они становятся хоть сколько-нибудь настойчивыми, на них следует отвечать в том же простом и непосредственном духе, правдиво, хотя и в соответствии с уровнем интеллекта ребенка, его способностями и стремлением к знаниям. Этот период не должен, и, если следовать этим показаниям, естественно, ни в коем случае не будет затягиваться после шестого года. После этого возраста даже самый тщательно охраняемый ребенок подвержен загрязнению коммуникаций извне. Молл указывает, что сексуальное просвещение девочек на различных этапах всегда должно немного опережать сексуальное просвещение мальчиков, и поскольку развитие девочек до пубертатного возраста более преждевременное, чем у мальчиков, это требование является разумным.

Если элементы сексуального воспитания должны прививаться в раннем детстве, то совершенно ясно, кто должен быть учителем. Не должно быть никаких сомнений в том, что эта привилегия по всем правам принадлежит матери. За исключением случаев, когда ребенок искусственно отделен от своего главного родителя, на самом деле только мать имеет естественную возможность получить ответы на эти вопросы. Ей нет необходимости проявлять какую-либо

инициативу в этом вопросе. Неизбежное пробуждение интеллекта ребенка и развитие его безграничного любопытства предоставляют ее любви и мастерству все возможности для направления мыслей и знаний ее ребенка. На данном этапе ей также не обязательно обладать ни малейшей технической информацией. Важно только, чтобы она была абсолютно уверена в чистоте и достоинстве своих физических отношений со своим ребенком и могла говорить об этом с откровенностью и нежностью. Когда это важнейшее условие выполняется, каждая мать получает все знания, необходимые ее маленькому ребенку.

Среди авторитетных специалистов, как мужчин, так и женщин, во всех странах, где этот вопрос привлекает внимание, в настоящее время, по-видимому, сложилось единодушное мнение в пользу того, что элементарные факты взаимоотношений ребенка со своей матерью должны быть объяснены ребенку матерью, как только ребенок начнет задавать вопросы. Так, в Германии Молль неоднократно высказывался в этом смысле; он настаивает на том, что сексуальное просвещение должно быть в основном частным и индивидуальным делом; что в школах не должно быть общих и личных предупреждений о мастурбации и т.д. (хотя в более позднем возрасте он одобряет обучение венерическим заболеваниям), но что мать является подходящим человеком, чтобы передать ребенку глубокие знания, и что любой возраст подходит для начала такого просвещения, при условии, что оно облечено в форму, соответствующую возрасту (Moll, указ. соч., стр. 264).

На Мангеймском заседании конгресса Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями, когда единственным предметом обсуждения стал вопрос сексуального просвещения, преобладало мнение в пользу раннего обучения со стороны матери. "Именно мать в первую очередь должна нести ответственность за ясное понимание ребенком сексуальных вещей, которого так часто не хватает", - сказала фрау Крукенберг ("Die Aufgabe der Mutter", *Sexualpädagogik*, стр. 13), в то время как Макс Эндерлин, учитель, сказал по тому же поводу ("Die Sexuelle Frage in die Volksschule", *id.*, стр. 35): "Именно мать должна дать ребенку первые объяснения, потому что это для того, чтобы своей матери, что он, естественно, первым приходит со своими вопросами". В Англии каноник Литтелтон, который выделяется среди руководителей государственных школ не в последнюю очередь своими четкими и замечательными высказываниями по этим вопросам, утверждает (*Матери и сыновья*, стр. 99), что участие матери в сексуальном просвещении и сексуальной опеке своего сына имеет первостепенное значение и должно начинаться с самых ранних лет. Дж. Х. Бэдли, другой школьный учитель ("Трудности с сексом", *Широкие взгляды*, июнь 1904 г.), также утверждает, что роль матери на первом месте. Норткот (*Христианство и проблемы секса*, стр. 25) считает, что долг родителей в этом вопросе первичен, а семейный врач и школьный учитель приходят на более позднем этапе. В Америке доктор Мэри Вуд Аллен, занимающая видное и влиятельное положение в женских общественных движениях, призывает (в книге "*Доверие к ребенку вознаграждается*" и других брошюрах), чтобы мать начинала рассказывать своему ребенку об этих вещах, как только он начинает задавать вопросы, поскольку четырехлетний возраст не является слишком маленьким, и объясняет, как это можно сделать, приводя примеры счастливых результатов в укреплении доверия между ребенком и его матерью.

Если, как некоторые полагают, так и должно быть, первое посвящение откладывается до десятого года или даже позже, возникает трудность в том, что уже не так легко говорить просто и естественно о таких вещах; мать начинает чувствовать себя слишком застенчивой, чтобы впервые заговорить на эти трудные темы с сыном или дочерью, которые почти такого же роста,

как она сама. Она чувствует, что может делать это только неуклюже и неэффективно, и, вероятно, решает не делать этого вообще. Таким образом, создается атмосфера таинственности со всеми смущающими и извращающими влияниями, которые поощряют таинственность.

Не может быть никаких сомнений в том, что, особенно у высокоинтеллектуальных детей со смутными и неспециализированными, но настойчивыми сексуальными импульсами, искусственная таинственность, которой слишком часто облекается секс, не только усиливает естественное любопытство, но и способствует болезненной интенсивности и даже похотливости сексуального влечения. Это давно признано. Доктор Беддоус писал в начале девятнадцатого века: "Напрасно мы скрываем от самих себя то рвение, с которым дети обоих полов стремятся получить удовлетворение относительно внешности другого. Никакая сдержанность глав семейств, никакие ухищрения, никакая забота убрать книги одного описания с глаз долой и исказить другие, возможно, ни у одной группы детей не смогли предотвратить или подавить такого рода любопытство. Пожалуй, нет более необычной части истории человеческой мысли, чем стратагемы, изобретаемые молодыми людьми в различных ситуациях, чтобы стать хозяевами или свидетелями тайны. И каждое открытие, сделанное благодаря их собственным исследованиям, может быть лишь подлитым маслом в пылающее воображение" (Т. Beddoes, *Hygeia*, 1802, vol. iii, стр. 59). Каан, опять же, в одной из самых ранних книг о патологической сексуальности называет тайну одной из причин *сексуальной психопатии*. Марро (*La Pubertà*, стр. 299) указывает на то, что завеса тайны, наброшенная на сексуальные вопросы, просто служит для концентрации на них внимания. Выдающийся голландский писатель Мультатули в одном из своих писем (цитируется с одобрением Фрейдом) отмечает опасность сокрытия чего-либо от мальчиков и девочек под покровом тайны, указывая, что это должно только усилить любопытство детей, и, вместо того чтобы сохранить их в чистоте, чего никогда не может сделать простое невежество, разжигает и извращает их воображение. Миссис Мэри Вуд Аллен также предостерегает мать (указ. соч., стр. 5) от опасности напускать на эти вещи какой-либо ауры смущающей таинственности. "Если инструктор испытывает какое-либо смущение, отвечая на вопросы ребенка, он не годится на роль учителя, поскольку чувство смущения каким-то неуловимым образом передастся ребенку, и он будет испытывать неопределимое чувство оскорбленной деликатности, которое является одновременно ненужным и нежелательным. Таким образом, очищение собственных мыслей - это первый шаг к чистому учению истине. Почему, - добавляет она, - смерть, выход из жизни, более достойна или патетична, чем рождение, вход в жизнь? Или почему лишение земной жизни - более ужасный факт, чем дарение жизни?" Миссис Эннис Ричмонд в книге советов матерям, которая содержит много мудрых и правдивых вещей, говорит: "Я хочу настаивать сильнее, чем на чем-либо другом, на том, что именнотайна которая окружает определенные части тела и их функции, придает им опасность в сознании ребенка. Маленьких детей с самых ранних лет учат думать об этих частях своего тела как о таинственных, и не только о них, но и о том, что они таинственны, потому что нечисты. У детей даже нет для них названия. Если вам приходится разговаривать со своим ребенком, вы намекаете на него таинственно и полупшепотом как на "ту маленькую часть вас, о которой вы не говорите", или что-то в этом роде. Прежде всего важно, чтобы у вашего ребенка было хорошее рабочее название для этих частей его тела и для их функций, и чтобы его научили использовать эти названия и слышать их, причем так естественно и открыто, как если бы он или вы говорили о его голове или ноге. Условности по разным причинам сделали невозможным подобное выступление на публике. Но вы, во всяком случае, можете преодолеть

это в детской. Там это условное правило не имеет никаких преимуществ, а имеет множество серьезных недостатков. Легко сказать ребенку, когда он впервые делает "неловкое" замечание на публике: "Послушай, парень, ты можешь говорить все, что хочешь, со мной или с папой, но по той или иной причине об этом не говорят " (только "скажи *что*") на публике. "Только позволь своему ребенку сделать замечание на публике *до того, как* заговоришь ты (не обращай внимания на шок для чувств собеседника), не предостерегай его от этого" (Эннис Ричмонд, "*Отрочество*", стр. 60). Секс всегда должен быть тайной, но, как говорит миссис Ричмонд справедливо замечает: "настоящие тайны зарождения и рождения сильно отличаются от вульгарной секретности, которой их окружает обычай".

Вопрос о точных названиях, которые следует дать более частным частям тела и функциям, иногда немного сложен для решения. Каждая мать, естественно, следует своим собственным инстинктам и, вероятно, своим собственным традициям в этом вопросе. Я уже указывал в другом месте (в исследовании "Эволюция скромности"), насколько широко распространена и инстинктивна тенденция постоянно использовать новые эвфемизмы в этой области. Древние и простые слова, которые в Англии такой великий поэт, как Чосер, все еще мог использовать правильно и естественно, так часто втоптываются в грязь вульгарными людьми, что в наши дни существует инстинктивная нерешительность в применении их к красивым словам. Однако это, несомненно, самые лучшие и по своему происхождению самые достойные и выразительные слова. Многие люди придерживаются мнения, что по этой причине их следует вытащить из грязи и научить детей их святости. Друг-медик пишет, что он всегда учил своего сына тому, что вульгарные сексуальные названия - это действительно красивые слова древнего происхождения, и что когда мы понимаем их правильно, мы вряд ли сможем увидеть в них какой-либо повод для низкой шутки. Это простые, серьезные и торжественные слова, обозначающие самые важные факты жизни, и только у невежественной и плебейской вульгарности они могут вызвать непристойное веселье. Американский ученый, который частным образом и анонимно напечатал несколько брошюр по вопросам секса, также придерживается этой точки зрения и последовательно и методично использует древние и простые слова. Я придерживаюсь мнения, что это идеал, к которому следует стремиться, но в настоящее время на пути его достижения существуют очевидные трудности. В любом случае, однако, мать должна обладать очень точным словарным запасом для обозначения всех частей тела и действий, которые должны быть известны ее детям.

Иногда говорят, что в этом раннем возрасте детям не следует рассказывать, даже в простой и элементарной форме, реальные факты их происхождения, а вместо этого следует послушать сказку, возможно, содержащую какую-то символическую правду. Это утверждение может быть полностью отвергнуто, ни в коей мере не отрицая при этом важного места, которое волшебные сказки занимают в воображении маленьких детей. Сказки имеют реальную ценность для ребенка; они - пища для ума, в которой он нуждается, если не хочет испытывать духовный голод; лишать его сказок в этом возрасте - значит причинять ему зло, которое никогда не сможет быть исправлено ни в каком последующем возрасте. Но не только вопросы секса слишком важны даже в детстве, чтобы без опаски превращать их в сказку, но и реальные факты сами по себе столь же замечательны, как любая сказка, и вызывают к воображению ребенка с такой же силой, как сказка.

Однако даже если бы не было других причин против того, чтобы рассказывать детям сказки о сексе вместо реальных фактов, есть одна причина, которая должна быть решающей для каждой

матери, ценящей свое влияние на своего ребенка. Он очень быстро обнаружит, либо благодаря информации от других, либо благодаря своему собственному природному интеллекту, что сказка, рассказанная ему в ответ на вопрос о простом факте, была ложью. С этим открытием влияние его матери на него во всех подобных вопросах исчезает навсегда, поскольку ребенок не только испытывает ужас перед тем, что его обманули, но и чрезвычайно чувствителен к любому отпору такого рода и никогда не повторяет того, что, по его мнению, было ошибкой, которой следовало стыдиться. Он больше не будет беспокоить свою мать никакими вопросами по этому поводу; он не будет откровенничать с ней; он сам научится искусству рассказывать "сказки" о сексе. Он доверился своей матери; она не ответила ему таким же доверием, и она должна понести наказание, как выразилась Генриетта Фюрт, за то, что увидела, как "любовь и доверие ее сына украл у нее первый мальчик, с которым он подружился на улице". Когда, как это иногда случается (Молл упоминает случай), мать продолжает повторять эти глупые истории семилетней девочке или мальчику, которые втайне хорошо информированы, она только унижает себя в глазах своего ребенка. Именно эта роковая ошибка, которую так часто совершают матери, поначалу заставляет их воображать, что их дети такие невинные, а в последующие годы вызывает у них долгие часы горечи, потому что они понимают, что не пользуются доверием своих детей. В вопросе доверия первый шаг должна сделать мать; дети, которые не доверяют своим матерям, по большей части просто помнят урок, который они получили, сидя на коленях у матери.

Количество небольших книг и брошюр, посвященных вопросу сексуального просвещения молодежи, — будь то предназначенных для чтения молодежи или предлагающих рекомендации матерям и учителям в деле передачи знаний, — действительно стало очень большим за последние годы в Америке, Англии и особенно в Германии, где в последнее время было произведено огромное количество подобной литературы. Покойный Бен Элми, писавший под псевдонимом "Эллис Этельмер", опубликовал две брошюры: "*Детские бутоны*" и "*Человеческий цветок*" (выпущено миссис Уолстенхолм Элми, Бакстон Хаус, Конглтон), в которых факты излагаются в простой и деликатной манере, хотя автор не был особенно надежным проводником по научным аспектам этих вопросов. Очаровательный разговор матери и ребенка, взятый из французского источника, перепечатан Эдвардом Карпентером в конце книги "*Совершеннолетие его возлюбленной*". "*Как мы рождаемся*" миссис Н. Дж. (очевидно, русская леди, пишущая по-английски), предваряемая Дж. Х. Бэдли, является удовлетворительной. Можно также упомянуть "*Чудо жизни*" Мэри Тюдор Поул. "*Песнь жизни*" Маргарет Морли, американская книга, которую я не видел, получила высокую оценку. Большинство этих книг предназначено для совсем маленьких детей, и хотя они более или менее ясно объясняют происхождение младенцев, почти всегда начиная с фактов из жизни растений, они очень слабо затрагивают отношения полов, если затрагивают вообще.

Миссис Книги Энниса Ричмонда, в основном адресованные матерям, затрагивают эти вопросы в очень здоровой, прямой и замечательной манере, и книги Кэнон Литтелтон, обсуждающие подобные вопросы в целом, также превосходны. Большинство книг, которые сейчас будут упомянуты, предназначены для чтения мальчиками и девочками, достигшими половой зрелости. В них более или менее точно говорится о сексуальных отношениях, и обычно они затрагивают мастурбацию. *История жизни*, написанная очень образованной женщиной, покойной Эллис Хопкинс, несколько расплывчата и содержит слишком много возвышенных религиозных идей. "*Здоровое детство*" Артура Трюби — это небольшая книга здорового направления; в ней особое внимание уделяется мастурбации. "*Разговор с мальчиками о себе*" и

"Разговор с девочками о себе" Эдварда Брюса Кирка (последняя книга написана совместно с женщиной) посвящены как общей, так и сексуальной гигиене. Не может быть лучшей книги, которую можно дать в руки мальчику или девочке в период полового созревания, чем *"Почти четырнадцать"* М. А. Уоррена, написанная американским школьным учителем в 1892 году. Это была в высшей степени очаровательная и изящно написанная книга, которая не смогла бы оскорбить невинность самой чувствительной девушки. Однако для похоти нет ничего святого, и похотливому человеку было легко воспользоваться законом и добиться (в 1897 году) юридического осуждения этой книги как "непристойной". Все, что сексуально возбуждает похотливый ум, это правда, "непристойно" для этого ума, ибо, как замечает мистер Теодор Шредер, непристойность - это "вклад читающего ума", но нам нужны такие книги, как эта, чтобы уменьшить количество похотливых умов, и осуждение столь замечательной книги свидетельствует не о морали, а о безнравственности. Мне сказали, что впоследствии книга была издана заново, при этом большинство лучших ее частей были опущены, и Шредер утверждает (*Свобода слова и печати необходимы для пропаганды чистоты*, стр. 34), что автор был вынужден уйти с поста директора государственной школы. Книга Марии Лишневской *"Руководство по воспитанию детей"* (перепечатано из *"Муттершутц"*, 1905, стр. 4 и 5) представляет собой самое замечательное и подробное обсуждение всего вопроса сексуального воспитания, хотя писательницу больше интересует участие учителя в этом вопросе, чем матери. Рекомендации матерям содержатся в книгах Хьюго Салюса, *Как сделать ее добрее?*, Э. Штиля, *"Эйне Муттерплихт"* и многих других книгах. Доктор Альфред Кинд настоятельно рекомендует книгу Людвиг Гурлитта *"О верке в то, что такое любовь к детям"*, особенно в сочетании сексуального воспитания с художественным образованием. На многие подобные книги ссылается Блох в своей книге *"Сексуальная жизнь нашего времени"*, глава XXVI.

Я перечислил названия этих маленьких книжечек, потому что они часто выпускаются полупублично, и их редко бывает легко достать или услышать о них. Распространение таких книг, по-видимому, воспринимается как почти позорное действие, совершаемое только тайком. И такое чувство не кажется неестественным, когда мы видим, как в случае с автором книги *"Почти четырнадцать"*, что номинально цивилизованная страна, вместо того чтобы награждать почестями человека, который трудился ради ее морального и физического благополучия, стремится, насколько это возможно, разорить его.

Я могу добавить, что, хотя обычно матери было бы очень полезно ознакомиться с несколькими из названных мною брошюр, ей не мешало бы в беседах со своими детьми полагаться главным образом на свои собственные знания и вдохновение.

Сексуальное воспитание, инициировать которое в ранние годы жизни своего ребенка является обязанностью и привилегией матери, не может и не должно быть техническим. Это не носит характера формального обучения, а является частным и интимным посвящением. Без сомнения, мать должна обучаться сама.^[24] Но образование, в котором она нуждается, - это в основном образование в любви и проникательности. Фактические факты, которые она должна использовать на этом раннем этапе, очень просты. Ее главная задача - прояснить интимные отношения ребенка к самому себе и показать, что все молодые существа имеют такие же интимные отношения со своими матерями; обобщая этот пункт, можно сказать, что яйцо является самым простым и фундаментальным типом для объяснения происхождения

индивидуальной жизни, поскольку идея яйца — в самом широком смысле как семени — справедлива не только для человеческого существа, но и может быть применена во всем животном и растительном мире. В этом объяснении сначала необязательно затрагиваются физические отношения ребенка со своим отцом; это может быть отложено до следующего этапа или до тех пор, пока вопросы ребенка не приведут к этому.

Помимо интереса к своему происхождению, ребенок также интересуется своими половыми органами, или, как ему кажется, исключительно своими выделительными органами, а также органами других людей, своих сестер и родителей. В этом отношении в этом возрасте его мать может просто и естественно удовлетворить его простое и естественное любопытство, называя вещи точными именами, независимо от того, являются ли используемые имена обычными или необычными, - это вопрос, в отношении которого она может проявлять свое суждение и вкус. Таким образом, мать с самого начала косвенно сможет защитить своего ребенка от ханжеских и похотливых представлений, с которыми он столкнется позже. Она также сможет без неестественного напряжения привить ребенку благоговейное отношение к его собственным органам и таким образом оказать влияние на любое нежелательное вмешательство в них. Разговаривая с ним о происхождении жизни, о его собственном теле и функциях, пусть даже самым элементарным образом, она посвятит его как в сексуальные знания, так и в сексуальную гигиену.

Мать, которая устанавливает доверительные отношения со своим ребенком в эти первые годы, вероятно, если она обладает какой-либо долей мудрости и такта, сможет сохранить их даже после периода полового созревания в трудные годы подросткового возраста. Но как воспитатель в более узком смысле ее функции в большинстве случаев заканчиваются в период полового созревания или до него. Тогда становится желательным несколько более техническое и совершенно обезличенное знакомство с существенными фактами секса, и это, как правило, обеспечивается школой.

Великий, хотя и капризный педагог Базедов, в некоторой степени ученик Руссо, был пионером как в теории, так и в практике обучения школьников фактам сексуальной жизни, начиная с десятилетнего возраста. Он много настаивает на этой теме в своем великом трактате *"Элементариверк"* (1770-1774). Он утверждает, что на вопросы детей нужно отвечать правдиво, и их нужно научить никогда не шутить над чем-то столь священным и серьезным, как сексуальные отношения. Им должны быть показаны фотографии родов, и с самого начала им должны быть четко разъяснены опасности сексуальных нарушений. Мальчиков следует доставлять в больницы, чтобы увидеть результаты венерических заболеваний. Базедов осознает, что многие родители и учителя будут шокированы его настойчивостью в отношении этих вещей в его книгах и в его практической педагогической работе, но таких людей, по его словам, должна шокировать Библия (см., например, Пинлош, *Реформа образования во всем Мипе: Basedow et le Philanthropinisme*, стр. 125, 256, 260, 272). Базедов слишком опередил свое время и даже нас, чтобы оказывать большое влияние в этом вопросе, и у него было мало непосредственных подражателей.

Несколько позже Базедова выдающийся английский врач Томас Беддоус работал примерно в том же направлении, стремясь продвигать знания о сексе посредством лекций и демонстраций. В своей замечательной книге *"Гигиена"*, опубликованной в 1802 году (том i, Эссе IV), он излагает

абсурдность общепринятого требования о том, что "благоразумие и невежество должны сочетаться в одной груди", и подробно рассматривает вопрос о мастурбации и необходимости сексуального воспитания. Он настаивает на огромной важности лекций по естественной истории, которые, как он обнаружил, могут быть совершенно уместно прочитаны смешанной аудитории. Его опыт показал, что ботаника, земноводные, курица и ее яйца, анатомия человека, даже болезни, а иногда и их вид, полезны с этой точки зрения. Он считает, что для ребенка счастье получить первые знания о половых различиях из анатомических предметов, поскольку достоинство смерти является благородной прелюдией к познанию секса и навсегда лишает его болезненного вожделения. Вряд ли нужно отмечать, что этот метод обучения детей элементам сексуальной анатомии *вкомнате для вскрытия* не нашел много сторонников или последователей; он нежелателен, поскольку не учитывает чувствительность детей к подобным впечатлениям, и в нем нет необходимости, поскольку научить достоинству жизни так же легко, как и достоинству смерти.

Обязанность школы давать детям образование в вопросах пола в последние годы энергично и умело отстаивалась Марией Лишневнойской (указ. соч.), которая имеет тридцатилетний опыт работы учителем и близко знакома с детьми и их семейной жизнью. Она утверждает, что среди сегодняшней массы населения, в то время как в семейной жизни есть все возможности для грубого ознакомления с сексуальными вопросами, нет возможности для чистого и просвещенного ознакомления с ними, родители по большей части как морально, так и интеллектуально неспособны помочь своим детям здесь. То, что школа должна взять на себя ведущую роль в решении этой задачи, по ее мнению, соответствует общей тенденции современной цивилизованной жизни. Она должна была организовать обучение таким образом, чтобы на пятом или шестом году школьной жизни ученик получал инструкции с помощью диаграмм, касающиеся половых органов и функций высших млекопитающих, причем бык и корова выбирались предпочтительно. Разумеется, будут включены факты о беременности. Когда эта стадия будет достигнута, будет легко перейти к человеческому виду с утверждением: "Точно так же, как теленок развивается в теле коровы, так и ребенок развивается в теле матери".

Трудно не признать силу аргумента Марии Лишневнойской, и представляется весьма вероятным, что, как она утверждает, предложенная инструкция лежит в русле нашего нынешнего пути прогресса. Такое обучение было бы формальным, бесстрастным и обезличенным; оно давалось бы не как конкретное наставление в вопросах секса, а просто как часть естественной истории. Это дополнило бы, насколько это касается простого знания, информацию, которую ребенок уже получил от своей матери. Но это ни в коем случае не вытеснило бы и не заменило личные и интимные отношения доверия между матерью и ребенком. К этому всегда нужно стремиться, и хотя это может быть невозможно среди современных малообразованных масс, ничто другое не займет достойного места.

Однако не может быть никаких сомнений в том, что, хотя в будущем школа, скорее всего, будет рассматриваться как подходящее место для преподавания элементов физиологии — а не как в настоящее время просто выхолощенная и изнеженная физиология, — введение такого реформированного преподавания пока неосуществимо во многих сообществах. Грубое и невоспитанное сообщество движется попорочному кругу. Ее членов воспитывают в убеждении, что секс - это грязно, и когда они становятся взрослыми, они яростно протестуют против того, чтобы их детей обучали этим грязным знаниям. Таким образом, задача учителя становится в лучшем случае трудной, а в демократических условиях - невыполнимой. Следовательно, мы не

можем надеяться на какое-либо немедленное введение сексуальной физиологии в школы, даже в той ненавязчивой форме, в которой только и можно было бы ввести ее должным образом, то есть как естественную и неизбежную часть общей физиологии.

Однако это возражение против физиологии животных никоим образом не применимо к ботанике. Не может быть никаких сомнений в том, что ботаника из всех естественных наук лучше всего учитывает это случайное указание на фундаментальные факты пола, когда мы имеем дело с детьми младше половой зрелости. Есть по крайней мере две причины, почему это должно быть так. Во-первых, ботаника действительно представляет зачатки секса в их наиболее обнаженных и существенных формах; она проясняет природу, происхождение и значение секса. Во-вторых, при общении с растениями факты о сексе могут быть изложены детям любого пола или любого возраста совершенно ясно и неприкрыто, без каких-либо оговорок, поскольку в наши дни никто не считает ботанические факты о сексе каким-либо образом оскорбительными. Толкователь секса у растений также имеет на своей стороне то преимущество, что может без всяких сомнений утверждать всю красоту полового процесса. Он не сталкивается с невежеством, плохим образованием и ложными ассоциациями, из-за которых так трудно увидеть или показать красоту секса у животных. Однако от сексуальной жизни растений к сексуальной жизни низших животных есть лишь шаг, который учитель может сделать по своему усмотрению.

Специалист по раннему образованию Зальцманн в 1785 году выступал за сексуальное просвещение детей, сначала обучая их ботанике, за которой последует зоология. В наше время метод передачи знаний о сексе детям с помощью, в первую очередь, ботаники широко пропагандируется, причем с самых разных сторон. Так, Марро ("*Половое созревание*", стр. 300) рекомендует этот план. Дж. Хадри-Менос ("*Вопрос пола в образовании*", "*Социалистическое ревю*", июнь 1895 г.) дает тот же совет. Rudolf Sommer, in a paper entitled "*Mädchenerziehung oder Menschenbildung?*" (*Geschlecht und Gesellschaft*, Jahrgang I, раздел 3) рекомендует, чтобы первое знакомство детей со знаниями о сексе осуществлялось посредством бесед с ними на простые естественнонаучные темы; "есть бесконечные возможности, - замечает он, - в виде сказки, или прогулки, или плода, или яйца, посева семян или строительства гнезд птицами". Каноник Литтелтон (*Обучение детей законам секса*, стр. 74 и далее.) рекомендует несколько схожий метод, хотя и делает главный упор на личном доверии между ребенком и его матерью; "ссылка делается на животный мир настолько, насколько расширяются знания ребенка, чтобы новые факты не рассматривались изолированно, но основной акцент делается на его чувстве к матери и инстинкте почитания, который существует почти у всех детей из-за материнских отношений"; он добавляет, что, каким бы трудным ни казался предмет, существенное значение имеет изучение животного мира. факты отцовства также должны быть объяснены как мальчикам, так и девочкам. Кейс, опять же (*New York Medical Journal*, 10 февраля 1906 г.), выступает за то, чтобы с раннего возраста учить детей сексуальным фактам растительной жизни, а также о насекомых и других низших животных, и таким образом постепенно подводить к людям, лишая этот вопрос его пагубной тайны. Миссис Эннис Ричмонд (*Отрочество*, стр. 62) рекомендует отправлять детей проводить часть времени на ферме, чтобы они могли не только познакомиться с общими фактами мира природы, но и с сексуальной жизнью животных, изучая вещи, которым трудно научить устно. Karina Karin ("*Wie erzieht man ein Kind zur wissenden Keuschheit?*" *Geschlecht und Gesellschaft*, Jahrgang I, раздел 4), воспроизводящий некоторые из ее бесед со своим девятилетним сыном, начиная с того момента, когда он впервые спросил ее, откуда берутся дети, показывает, как она начала с рассказа о цветах, затем перешла к рыбам и птицам и,

наконец, к фактам человеческой беременности, показывая ему картинки из руководства по акушерству, изображающие ребенка в теле матери. Можно добавить, что целесообразность начинать обучение детей сексу с фактов ботаники неоднократно подчеркивалась различными докладчиками на специальном заседании Немецкого конгресса по борьбе с венерическими заболеваниями, посвященном теме сексуального обучения (*Sexualpädagogik*, особенно стр. 36, 47, 76).

Переход от ботаники к элементарной зоологии низших животных, к анатомии и физиологии человека и к основанной на них науке антропологии прост и естественен. Вряд ли это будет изучаться подробно до наступления половой зрелости. Секс входит во все эти темы, и его не следует искусственно исключать из них при обучении мальчиков или девочек. Учебники, в которых половая система полностью опущена, больше не должны допускаться. Природа и секреты яйцеклетки, значение яичников и менструации, а также значение обмена веществ и выделения мочи должны быть понятны в основных чертах всем мальчикам и девочкам, достигшим половой зрелости.

В период полового созревания возникает новая и весомая причина, по которой мальчики и девочки должны получать определенные инструкции в вопросах секса. До этого возраста глупый родитель может вообразить, что ребенка можно сохранить в невежественной невинности.^[25] В период полового созревания эта вера, очевидно, больше невозможна. Расцвет половой зрелости с развитием половых органов, появление волос в незнакомых местах, общие органические изменения, связанные с этим, спонтанное и, возможно, вызывающее тревогу возникновение у мальчиков семенных выделений, а у девочек менструаций, непривычное и иногда острое осознание сексуального желания, сопровождающееся новыми ощущениями в половых органах и приводящее, возможно, к мастурбации; все это вызывает, как мы не можем не понимать, новую тревогу в сознании мальчика или девочки и новое любопытство, во многих случаях тем более острое, что это тщательно скрывается как слишком личное и даже слишком постыдное., говорить об этом с кем угодно. У мальчиков, особенно с чувствительным темпераментом, причиняемые таким образом страдания могут быть сильными и продолжительными.

Доктор философии, выдающийся специалист в своей профессии, писал Стэнли Холлу (*Отрочество*, том I, стр. 452): "Вся моя юность, с шести до восемнадцати лет, была несчастной из-за недостатка знаний, которые мог бы дать любой, кто хоть что-то знал о природе полового созревания; это долгое ощущение дефекта, страх операции, стыд и беспокойство оставили неизгладимый след". Конечно, есть много мужчин, которые могли бы сказать то же самое. Ланкастер ("Психология и педагогика подросткового возраста", *Педагогическая семинария*, июль 1897 г., стр. 123-5) решительно высказывается о зле незнания сексуальной гигиены и ужасном факте, что миллионы молодых людей всегда находятся в руках шарлатанов, которые обманывают их, заставляя поверить, что они находятся на пути к ужасной судьбе только потому, что у них время от времени случаются выделения во время сна. "Это непростой вопрос", - заявляет Ланкастер. "Он затрагивает саму основу нашей сокровенной жизни. Он затрагивает репродуктивную часть нашей природы и должен оказывать глубокое наследственное влияние. Это естественный результат глупой ложной скромности, проявляемой в отношении любого полового воспитания. Каждого мальчика следует научить простым физиологическим фактам, прежде чем это навсегда омрачит его жизнь". В руках Ланкастера была тысяча писем, в основном написанных молодыми людьми, которые обычно были нормальными, и адресованных

шарлатанам, которые их обманывали. Время от времени поступают сообщения о самоубийствах молодежи по этой причине, и во многих загадочных самоубийствах это, несомненно, было истинной причиной. "Неделя за неделей, - пишет *Британский медицинский журнал* в редакционной статье ("Опасная литература шарлатанов: мораль недавнего самоубийства", 1 октября 1892 г.), - мы получаем письма отчаяния от тех жертв мерзких хищных птиц, которые впервые заполучили в свои руки тех, кого они грабят, пытаются и часто губят с помощью рекламы, размещенной в газетах респектабельного, нет, даже ценного и уважаемого характера". Добавляется, что богатые владельцы таких газет, часто пользующиеся репутацией доброжелательных, даже когда дело доходит до них, отказываются вмешиваться, поскольку тем самым они потеряли бы источник дохода, и предлагается ввести цензуру рекламы. Это, однако, трудно и было бы совершенно ненужным, если бы молодые люди получали надлежащее просвещение от своих естественных опекунов.

Мастурбация и страх того, что из-за случайной и, возможно, переросшей практику мастурбации они иногда наносят себе непоправимый вред, являются распространенным источником беспокойства мальчиков. Уже давно возникает вопрос, следует ли предостерегать мальчика от мастурбации. На заседании Секции психологии Британской медицинской ассоциации несколько лет назад четверо ораторов, включая Президента (доктора Блэндфорда), были решительно за то, чтобы родители предостерегали своих детей от мастурбации, в то время как трое ораторов были решительно против этого курса, главным образом на том основании, что можно пройти даже через жизнь в государственной школе, не слыша о мастурбации, а также что предупреждение против мастурбации может стимулировать практику. Однако становится все более и более ясно, что невежество, даже если его можно сохранить, является опасным приобретением, в то время как обучение, которое, как и должно быть, заключается в совете любящей матери ребенку с самых ранних лет обращаться со своими половыми органами с заботой и уважением, может привести только к мастурбации у ребенка, который уже непреодолимо склонен к ней. Большинство руководств по сексу для мальчиков затрагивают тему мастурбации, иногда преувеличивая ее опасность; такого преувеличения следует избегать, поскольку оно приводит к гораздо худшим злам, чем те, которые оно пытается предотвратить. Представляется нежелательным, чтобы какие-либо предупреждения о мастурбации были частью школьного обучения, за исключением случаев совершенно особых обстоятельств. Сексуальное обучение, проводимое в школе по сексуальным, как и по другим предметам, должно быть абсолютно безличным и объективным.

На этом этапе мы подходим к одной из трудностей на пути сексуального просвещения: невежеству или неразумию потенциальных учителей. Эта трудность в настоящее время существует как в доме, так и в школе, в то время как она сводит на нет ценность многих руководств, написанных для сексуального воспитания молодежи. Мать, которая должна быть доверенным лицом ребенка и наставником в вопросах сексуального воспитания и, естественно, могла бы стать таковой, если предоставить ее собственным здоровым инстинктам, обычно воспитывалась в ложных традициях, для отступления от которых требуется высокий уровень интеллекта и характера; школьный учитель, даже если он призван преподавать естественную историю, угнетен теми же традициями и ложным стыдом в отношении всего предмета секса; автор руководств по сексу часто освобождался от этих уз только для того, чтобы отстаивать догматические, ненаучные, а иногда и вредные мнения, которые не соответствуют действительности. развивались в полном незнании реальных фактов. Как говорит Молл ("*Дас*" *Сексуальное просвещение для добрых людей*, стр. 276), каким бы необходимым ни было

сексуальное просвещение, мы не можем не относиться немного скептически к его результатам, пока те, кто должен просветляться, сами часто нуждаются в просветлении. Он также ссылается на тот факт, что даже среди компетентных органов существуют разногласия по важным вопросам, таким, например, как физиологичность мастурбации при первом проявлении сексуального влечения и насколько полезно сексуальное воздержание. Но очевидно, что трудности, вызванные ложными традициями и невежеством, будут уменьшаться по мере того, как здравые традиции и лучшие знания будут распространяться все шире.

Девочка в период полового созревания обычно менее остро и определенно осознает свою сексуальную природу, чем мальчик. Но риски, которым она подвергается из-за сексуального невежества, хотя и по большей части иные, являются более тонкими и их труднее устранить. Она часто чрезвычайно любознательна в этих вопросах; мысли девочек-подростков и часто их разговоры между собой во многом вращаются вокруг сексуальных тайн и связанных с ними отношений. Даже в том, что касается сознательного сексуального влечения, девочка часто не так сильно отличается от своего брата и у нее не так много шансов избежать заражения дурными связями, так что угрызения совести глупых и невежественных людей, которые боятся "запятнать ее чистоту" надлежащими наставлениями, крайне неуместны.

Беседы, посвященные важным тайнам человеческой природы, о которых Обичи и Маркезини рассказали дамы, ранее учившиеся в итальянских общеобразовательных школах, являются обычным делом в школах и колледжах, и особое внимание уделяется деторождению, самой сложной тайне из всех. В Англии, даже в лучших и самых современных колледжах, где широко культивируются игры и физические упражнения, мне говорили, что "большинство девушек совершенно невежественны во всех сексуальных вопросах и вообще ничего в них не понимают. Но они действительно удивляются им и постоянно говорят о них" (см. Приложение D, "Школьная дружба девочек", во втором томе этих *Исследований*). "Ограниченная жизнь и скованный разум девочек, - писал известный врач несколько лет назад (J. Milner Fothergill, *Юность*, 1880, стр. 20, 22), - оставляют им меньше возможностей активно занимать свои мысли, чем в случае с мальчиками. Их старательно учат маскировке, и девушка может быть идеальным образцом внешнего приличия, но при этом иметь очень грязный ум. Ханжество, с которым она воспитана, не оставляет ей иного выбора, кроме как рассматривать свои страсти с отвратительной стороны человеческой натуры. Все здоровые мысли на эту тему решительно подавляются. Делается все, чтобы затуманить ее разум и осквернить воображение, возвращая ее к ее собственным мыслям и литературе, о знакомстве с которой она стыдится признаться. Это противоречит наилучшим интересам девушки - мешать ей иметь честные представления о себе и своей природе. Многие прекрасные молодые девушки безвозвратно погибают на самом пороге жизни, опозоряя себя и свою семью как по невежеству, так и по пороку. Когда наступает момент искушения, она падает без какого-либо ощутимого сопротивления; у нее внутри нет натренированной, образованной силы сопротивления; все ее будущее зависит не от нее самой, а от совершенства социальных гарантий, которыми она ограждена и окружена". При свободном общественном строе современной Америки обнаруживаются во многом те же результаты. В поучительной статье ("Почему девочки поступают неправильно", *Журнал "Дамский дом"*, январь 1907 г.) Б. Б. Линдси, которая, будучи судьей Суда по делам несовершеннолетних Денвера, способна говорить авторитетно, приводит достаточно доказательств по этому поводу. Он обнаружил, что и у девочек, и у мальчиков иногда есть рукописные книги, в которых они записывали самые грубые сексуальные сцены. Эти дети часто были миловидными, приятными, утонченными и умными, и у них были респектабельные родители; но никто никогда не говорил с

ними о сексе, за исключением худших из их школьных товарищей или какого-нибудь грубого и безрассудного взрослого. Проведя тщательное расследование, Линдси обнаружила, что только в одном из двадцати случаев родители когда-либо говорили с детьми на сексуальные темы. Почти в каждом случае дети признавали, что о сексе они узнали не от своих родителей, а на улице или от старших товарищей. Родители обычно воображали, что их дети абсолютно несведущи в этих вопросах, и были поражены, осознав свою ошибку: "родители не знают своих детей и не имеют ни малейшего представления о том, что знают их дети, или о чем их дети говорят и делают вдали от них". Линдси заявляет, что родители, виновные в таком пренебрежении к обучению своих детей, являются предателями по отношению к своим детям. По собственному опыту он судит, что девять десятых девочек, которые "сбиваются с пути истинного", независимо от того, тонут они в этом мире или нет, делают это из-за невнимания своих родителей, и что в случае большинства проституток зло действительно совершается до двенадцатилетнего возраста; "каждая своенравная девочка, с которой я разговаривал, заверила меня в этой истине". Он считает, что девять десятых школьников в городе или сельской местности очень любознательны в вопросах секса, и, к его собственному изумлению, он обнаружил, что у девочек это так же заметно, как и у мальчиков.

Забота матери девочки, по крайней мере в той же степени, что и матери мальчика, заключается в том, чтобы присматривать за своим ребенком с самых ранних лет и завоевывать ее доверие во всех интимных вопросах секса. Школа не может должным образом вмешиваться в эти аспекты. Но в вопросах физической сексуальной гигиены, особенно менструации, в отношении которой все девочки находятся на одинаковом уровне, безусловно, долг учителя - принимать активное участие в наблюдении и, более того, соответствующим образом направлять общую работу по воспитанию и обеспечивать, чтобы ученица отдыхала всякий раз, когда это может показаться желательным. Это часть самих элементов образования девочек. Игнорирование этого должно лишать учителя права принимать дальнейшее участие в образовательной работе. Тем не менее, этим постоянно и упорно пренебрегают. Большое количество девочек даже не были подготовлены своими матерями или учителями к первому началу менструации, что иногда приводит к катастрофическим последствиям как для их физического, так и для психического здоровья.^[26]

"Я не знаю ни одной крупной школы для девочек, - писал выдающийся гинеколог сэр У. С. Плейфейр ("Образование и тренировка девочек в период полового созревания", *Британский медицинский журнал*, 7 декабря 1895 г.), - в которой систематически соблюдалось бы абсолютное различие, существующее между мальчиками и девочками в отношении доминирующей менструальной функции. Действительно, чувства всех школьных учительниц явно враждебны такому признанию. Утверждается, что нет реальной разницы между подростками мужского и женского пола, что то, что хорошо для одного, хорошо и для другого, и что то, что есть, связано с порочными обычаями прошлого, которые лишали женщин амбиций и преимуществ, доступных мужчинам, и что это исчезнет, когда наступит более счастливая эра. Если это так, то как получается, что, в то время как каждый опытный врач-практик видел множество случаев анемии и хлороза у девочек, сопровождающихся аменореей или меноррагией, головными болями, сердцебиением, истощением и всеми знакомыми признаками нервного срыва, аналогичное состояние у школьника встречается настолько редко, что можно усомниться, наблюдалось ли оно вообще?"

Однако новыми являются только оправдания этой почти преступной небрежности, как это следует учитывать; сама небрежность древняя. Полвеком ранее, до наступления новой эры женского образования, другой выдающийся гинеколог Тилт ("*Элементы здоровья и принципы женской гигиены*", 1852, стр. 18) заявил, что в результате статистического исследования начала менструации почти у тысячи женщин он обнаружил, что "25% были совершенно не готовы к его появлению; что тринадцать из двадцати пяти были сильно напуганы, кричали или впадали в истерические припадки; и что шестеро из тринадцати сочли себя ранеными и обмылись холодной водой. Из числа напуганных ... общее состояние здоровья было серьезно подорвано".

Энгельманн, заявив, что его опыт в Америке был похож на опыт Тилта в Англии, продолжает ("*Здоровье американской девушки*", *Труды Южного хирургического и гинекологического общества*, 1890): "Бесчисленному количеству женщин испуг, нервное и эмоциональное возбуждение, воздействие холода принесли травмы в период полового созревания. Что может быть более естественным, чем то, что встревоженная девушка, удивленная внезапной потерей драгоценной жизненной жидкости, должна попытаться осмотреть кровоточащую рану — как она предполагает? Для этой цели широко используются холодные обмывания и аппликации, некоторые даже пытаются остановить кровотечение с помощью холодной ванны, как это сделала ныне заботливая мать, которая долго лежала при смерти в результате такой неосторожности, но медленно, благодаря многолетним заботам, восстановила свое здоровье. Ужасное предупреждение не пропало даром, и, помня о собственном опыте, она преподавала своим детям урок, усвоить который посчастливилось немногим, — индивидуальный уход в периоды функциональной активности, необходимый для сохранения здоровья женщины".

В исследовании ста двадцати пяти американских старшеклассниц доктор Хелен Кеннеди ссылается на "скромность", из-за которой даже матери и дочери не могут говорить друг с другом о менструальных функциях. "Тридцать шесть девочек в этой средней школе стали взрослыми, не имея никаких знаний из надлежащего источника обо всем, что делает их женщинами. Тридцать девять, вероятно, были ненамного мудрее, поскольку заявили, что получили некоторые инструкции, но не говорили свободно по этому вопросу. Из-за того, что любопытная девушка не говорила свободно о том, что ее, естественно, интересовало, возможно, ее отделились несколькими словами об уходе за собой и выговором за ее любопытство. Менее половины девочек сочли нужным поговорить со своими матерями об этом самом важном вопросе!" (Хелен Кеннеди, "Влияние работы в средней школе на девочек в подростковом возрасте", *Педагогическая семинария*, июнь 1896 г.)

Такое же положение вещей, вероятно, наблюдается и в других странах. Так, что касается Франции, Эдмон де Гонкур в "*Чери*" (стр. 137-139) описал ужас своей юной героини при появлении первой менструации, к которой она никогда не была готова. Он добавляет: "На самом деле женщины очень редко говорят о таком развитии событий. Матери боятся предупреждать своих дочерей, старшие сестры не любят откровенничать со своими младшими сестрами, гувернантки, как правило, немые с девочками, у которых нет ни матерей, ни сестер".

Иногда это приводит к самоубийству или попыткам самоубийства. Так, несколько лет назад во французских газетах было опубликовано сообщение о пятнадцатилетней девушке, которая бросилась в Сенув Сент-Уэ. Ее спасли, и, когда ее привели к комиссару полиции, она сказала, что на нее напала "неизвестная болезнь", которая довела ее до отчаяния. Осторожное

расследование показало, что таинственный недуг был общим для всех женщин, и девочку вернули к ее недостаточно наказанным родителям.

Полвека назад сексуальная жизнь девочек игнорировалась их родителями и учителями из соображений ханжества; в настоящее время, когда преобладают совершенно иные представления о женском воспитании, это игнорируется на том основании, что девочки должны быть так же независимы в своей физиологической сексуальной жизни, как и мальчики. Тот факт, что это пагубное пренебрежение одинаково преобладало в таких разных условиях, ясно указывает на то, что различные причины, приписываемые ему, являются всего лишь маскировкой невежества. С ростом знаний мы можем обоснованно надеяться, что одно из главных зол, которое в настоящее время подрывает в раннем возрасте не только здоровое материнство, но и здоровую женственность в целом, может быть постепенно устранено. Накопленные в настоящее время данные свидетельствуют не только о чрезвычайной распространенности болезненных, неупорядоченных и отсутствующих менструаций у девочек-подростков и молодых женщин, но и о большом, а иногда и необратимом зле, которому подвергаются даже здоровые девочки, когда в начале половой жизни они подвергаются серьезному напряжению любого рода. Медицинские авторитеты, к какому бы полу они ни принадлежали, в настоящее время, можно сказать, почти или совершенно единодушны по этому вопросу. Действительно, несколько лет назад доктор Мэри Патнэм Джейкоби в очень хорошей книге *"Вопрос об отдыхе для женщин"* пришла к выводу, что "обычно здоровые" женщины могут не обращать внимания на менструальный период, но она признала, что сорок шесть процентов женщин не "обычно здоровы", и меньшинство, которое так близко к большинству, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов как ничтожно малую величину. Действительно, сами девушки, увлеченные своим стремлением к работе или развлечениям, обычно безрассудно и невежественно безразличны к серьезному риску, которому они подвергаются. Но мнения учителей в настоящее время склоняются к согласию с мнением врачей в признании важности ухода и отдыха в подростковом возрасте, и учителя даже готовы признать, что годовой отдых от тяжелой работы в период становления сексуальной жизни девочки, хотя и может обеспечить ее здоровье и бодрость, даже не является недостатком с точки зрения образования. С ростом знаний и упадком древних предрассудков мы можем разумно надеяться, что женщины будут эмансипированы от традиций ложной цивилизации, которые заставили их считать свою славу своим позором — хотя среди здоровых примитивных народов такого никогда не было, — и отрадно обнаружить, что такой выдающийся педагог, как директор школы Стэнли Холл, с уверенностью ожидает наступления такого времени. В своей исчерпывающей работе *о подростковом возрасте* он пишет: "Вместо того, чтобы стыдиться этой функции, девочек следует учить с величайшим почтением относиться к ней и помогать ей нормализоваться, регулярно отходя в указанное время в сторону на несколько лет, пока она не станет устоявшейся и нормальной. Для высших существ, которые смотрели на человеческую жизнь свысока, как мы смотрим на цветы, это были бы самые интересные и прекрасные часы цветения. С большим самопознанием женщины будут больше уважать себя в это время. Дикость почитает это состояние, и оно вызывает у женщин мистический трепет. Может наступить время, когда нам придется даже изменить деление года для женщин, оставив мужчине его неделю и предоставив ей такое же количество суббот в году, но группами по четыре последовательных дня в месяц. Когда женщина заявит о своих истинных физиологических правах, она начнет с этого и будет гордиться тем, что в эпоху невежества мужчина заставил ее считать своим позором. Пафос лидеров так называемой женской

эмансипации заключается в том, что они даже в большей степени, чем те, кого они хотели бы убедить, принимают мужскую оценку этого состояния ".^[27]

Над этими мудрыми словами нельзя слишком глубоко задумываться. Пафос ситуации действительно заключался — во всяком случае, в прошлом, поскольку сегодня подрастает более просвещенное поколение, — в том, что сами лидеры женского движения часто предавали дело женщин. Они приняли идеалы мужчин, они призвали женщин стать второсортными мужчинами, они заявили, что здоровая естественная женщина пренебрегает наличием у нее менструальных функций. Это прямо противоположная истина. "Они утверждают, - замечает Энгельман, - что женщина в ее естественном состоянии физически равна мужчине, и постоянно указывают на первобытную женщину, самку диких народов, как на пример этой предполагаемой аксиомы. Знают ли они, насколько хорошо этот самый дикарь осознает слабость женщины и ее восприимчивость в определенные периоды ее жизни? И с какой заботой он защищает ее от вреда в эти периоды? Я думаю, что нет. Важность окружения женщины определенными предосторожностями в разгар этих великих функциональных волн ее существования была оценена всеми народами, живущими примерно в естественном состоянии, всеми расами во все времена; и среди их сравнительно немногих религиозных обычаев этот, предоставляющий женщинам покой, соблюдался наиболее настойчиво. " Только среди белых рас преобладает сексуальная инвалидность женщин, и только белые расы, которые, переросшие религиозные идеи, с которыми было связано менструальное затворничество женщин, отбросили само это благотворное затворничество, отбросив привычки к сексу ". ребенок с ванночкой в почти буквальном смысле этого слова.^[28]

В Германии Тоблер исследовал истории менструаций более тысячи женщин (*Журнал менструальной практики и гинекологии*, июль 1905 г.). Он обнаружил, что у подавляющего большинства женщин в настоящее время менструация связана с явным ухудшением общего состояния здоровья и снижением функциональной энергии. У 26%. местная боль, общее недомогание и психические и нервные аномалии сосуществовали; в большей доле случаев в этот период наблюдались только местная боль, общее ослабление здоровья или психические отклонения. В 16 процентах. только ни один из этих симптомов не наблюдался. В очень небольшой отдельной группе физические и психические функции были сильнее в этот период, но в половине этих случаев наблюдались отчетливые нарушения в межменструальный период. Тоблер приходит к выводу, что, хотя менструация сама по себе физиологична, все эти нарушения патологичны.

Что касается Англии, то при обсуждении нормальных и болезненных менструаций на собрании Британской ассоциации зарегистрированных женщин-медиков 7 июля 1908 года мисс Бентам заявила, что 50%. большинство девушек в хорошем положении страдали от болезненных менструаций. Миссис Даннетт сказала, что это обычно происходило в возрасте от двадцати четырех до тридцати лет, часто из-за пренебрежения отдыхом во время менструации в более ранние годы, и миссис Грейнджер Эванс обнаружила, что это состояние было очень распространено среди учителей начальной школы, которые усердно готовились к экзаменам в раннем девичестве.

В Америке были проведены различные исследования, показывающие распространенность нарушений сексуального здоровья школьниц и молодых женщин. Так, доктор Хелен П. Кеннеди

получила подробные данные о менструальной жизни ста двадцати пяти старшеклассниц среднего возраста восемнадцати лет ("Влияние работы в средней школе на девочек в подростковом возрасте", *Педагогическая семинария*, июнь 1896 г.). Только двадцать восемь не чувствовали боли в течение менструации; половина от общего числа испытывала неприятные симптомы до менструации (такие как головная боль, недомогание, раздражительность), в то время как сорок четыре жаловались на другие симптомы, помимо боли, во время менструации (особенно на головную боль и сильную слабость). Джейн Келли Сабина (цитируется в *Boston Medical and Surgical Journal*, 15 сентября 1904 г.) обнаружила, что в школах Новой Англии среди двух тысяч девочек 75% у 90% были проблемы с менструацией. у 60% были бели и невралгия яичников. приходилось отказываться от работы на два дня в течение каждого месяца. Эти результаты кажутся более чем обычно неблагоприятными, но являются значимыми, поскольку охватывают большое количество случаев. Доктор Мэри Риттер (в докладе, прочитанном перед Медицинским обществом штата Калифорния в 1903 году) заявила, что из 660 девушек-первокурсниц Калифорнийского университета 67 процентов. были подвержены нарушениям менструального цикла - 27%. головным болям - 30%. болям в спине - 29%. имели постоянные запоры - 16%. были ненормальные сердечные тоны; только у 23%. были свободны от функциональных нарушений. Доктор Хелен Макмерчи в интересной статье "Физиологические явления, предшествующие или сопровождающие менструацию" (*"Ланцет"*, 5 октября 1901 г.), проведя опрос среди ста женщин-медиков, медсестер и учительниц в Торонто относительно наличия или отсутствия двадцати одного различного аномального менструального явления, обнаружила, что от 50 до 60%. признали, что в это время они были подвержены нарушению сна, головной боли, психической депрессии, нарушению пищеварения или нарушению особых чувств, при этом примерно от 25 до 50%. были подвержены невралгии, головокружению, чрезмерной нервной энергии, нарушению нервной и мышечной силы, кожной гиперестезии, вазомоторным нарушениям, запорам, диарее, учащенному мочеиспусканию, кожной сыпи, повышенной склонности к простуде или раздражающим водянистым выделениям до или после менструальных выделений. Это исследование представляет большой интерес, поскольку оно ясно выявляет значительную распространенность во время менструации состояний, которые, хотя и не обязательно имеют какую-либо тяжесть, все же определенно указывают на снижение сопротивляемости болезненным воздействиям и снижение работоспособности.

О том, насколько серьезным препятствием являются проблемы с менструацией для женщины, свидетельствует тот факт, что женщины, добившиеся успеха и славы, похоже, редко сильно страдают от них. Этому мы можем, отчасти, приписать частоту, с которой лидеры женского движения относились к менструации как к чему-то второстепенному в жизни женщины. Адель Герхард и Хелен Саймон также в своей ценной и беспристрастной работе "*Общество людей и искусство обращения*" (стр. 312), проведя опросы среди женщин с выдающимися способностями, не смогли обнаружить, что менструация серьезно мешает работе.

В последнее время часто выдвигается предложение о том, что девочки-подростки должны не только отдыхать от работы в течение двух дней менструального цикла, но и иметь полный отпуск от школы в течение первого года половой жизни, как с медицинской, так и с образовательной стороны. На собрании Ассоциации зарегистрированных женщин-медиков, о котором уже упоминалось, мисс Стердж рассказала о хороших результатах, полученных в школе, где в течение первых двух лет после достижения половой зрелости девочек держали в постели в течение первых двух дней каждой менструации. Несколько лет назад доктор Г. В. Кук ("*Некоторые нарушения менструации*", *Американский журнал акушерства*, апрель 1896 г.),

приведя соответствующие примеры, написал: "Я твердо убежден, что ни одна девочка не должна ограничиваться учебой в год своего полового созревания, но она должна жить на свежем воздухе". В статье "Дети выпускницы", опубликованной "Выпускницей" (*Научно-популярный ежемесячник*, май 1904 г.), посвященной сексуальной неполноценности американских женщин и тяжелому бремени материнства для них, автор, хотя она ни в коем случае не враждебна образованию, в котором, по ее словам, нет вины, призывает к отдыху для девочек в период полового созревания. "Если мозг требует всей ее жизненной силы, как может быть какое-либо надлежащее развитие? Точно так же, как очень маленькие дети должны отдавать все свои силы в течение нескольких лет исключительно физическому росту, прежде чем мозгу будет позволено предъявлять какие-либо значительные требования, так и в этот критический период в жизни женщины ничто не должно препятствовать правильному функционированию этой важной системы. По крайней мере, год должен быть для нее особенно легким, без умственного или нервного перенапряжения; и в течение остальных школьных дней у нее должен быть периодический день отдыха, свободный от какой-либо учебы или перенапряжения". В другой статье на ту же тему в том же журнале ("Здоровье американских девушек", сентябрь 1907 г.) Нелли Коминс Уитакер выступает за аналогичный курс. "Я прихожу к убеждению, несколько против своего желания, что есть много случаев, когда девочку следует полностью исключить из школы на несколько месяцев или на год в период полового созревания". Она добавляет, что главным препятствием на этом пути являются собственные симпатии и антипатии девочки, а также невежество ее матери, которая привыкла думать, что боль - естественный удел женщины.

Такой период отдыха от умственного напряжения, хотя впоследствии он укрепит организм в его сопротивлении любому разумному напряжению, ни в коем случае не должен быть потерян для образования в более широком смысле этого слова, поскольку образование, требуемое в классах, является лишь небольшой частью образования, необходимого для жизни. Это ни в коем случае не должно быть предназначено только для болезненных и деликатных девочек. Трагическая сторона нынешнего пренебрежения к тому, чтобы дать девочкам действительно здоровое и подобающее образование, заключается в том, что лучшие и восхитительные девочки из-за этого так часто погибают. Даже английский полицейский, который, по общему признанию, принадлежит по физической силе и нервному равновесию к цвету общества, не в состоянии выносить напряжения своей жизни и, как говорят, выбивается из сил за двадцать пять лет. Столь же глупо подвергать лучшие цветы девичества испытанию, которое, по общему признанию, слишком сурово.

Кажется очевидным, что основным фактором распространенной сексуальной и общей инвалидности девочек и молодых женщин является плохая гигиена, в первую очередь заключающаяся в пренебрежении менструальными функциями и, во вторую очередь, в порочных привычках в целом. Во всех наиболее важных вопросах, касающихся гигиены тела, традиции девочек — и это, по-видимому, особенно актуально в англосаксонских странах, — уступают традициям молодежи. Женщины гораздо более склонны, чем мужчины, подчинять эти вещи тому, что кажется им более насущным интересом или прихотью момента; они приучены носить неудобоваримую одежду, они равнодушны к регулярному и сытному питанию, предпочитая непитательные и неудобоваримые продукты и напитки; они склонны игнорировать требования кишечника и мочевого пузыря из лени или скромности; они даже равнодушны к физической чистоте.^[29] Множеством незначительных факторов, которые по отдельности могут показаться не имеющими большого значения, они играют на руку окружающей среде, которая,

не всегда будучи адекватно приспособленной к их особым потребностям, вызвала бы значительный стресс, даже если бы они тщательно пытались защититься от этого. В Американском женском колледже, где около половины студентов носили корсеты, а половина - нет, было обнаружено, что почти все почести и призы достались тем, кто не носил корсетов. Макбрайд, выдвигая на первый план этот факт, уместно замечает: "Если ношение одежды одного стиля так сильно меняет жизнь молодых женщин, и это тоже в период их наибольшей активности и сопротивления, то насколько сильно изменятся десятки нездоровых привычек, если они сохранятся на всю жизнь?"^[30]

"Кажется очевидным, - заключает А. Э. Джайлс ("Некоторые аспекты профилактического лечения женских болезней", *Больница*, 10 апреля 1897 г.), - что дисменорею можно в значительной степени предотвратить, уделяя внимание общему здравоохранению и образованию. Короткие часы работы, особенностояния; много упражнений на свежем воздухе — теннис, катание на лодке, езда на велосипеде, гимнастика и ходьба пешком для тех, кто не может себе этого позволить; регулярность приема пищи и еда надлежащего качества — не бесконечный чай и хлеб с маслом с различными кондитерскими изделиями; избегание перенапряжения и длительной усталости; вот некоторые из основных вещей, требующих внимания. Пусть девочки продолжают учебу, но более неторопливо; они придут к той же цели, но немного позже". Польза от предоставления свободы движений и физических упражнений всему телу, несомненно, очень велика как с точки зрения сексуального и общего физического здоровья, так и с точки зрения психического равновесия; чтобы обеспечить это, необходимо избегать тяжелой и стесняющей одежды, особенно в области груди, поскольку именно в силе дыхания и расширении грудной клетки девочки больше, чем в каком-либо другом отношении, отстают от мальчиков (см., например, Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, гл. IX). В старые времена большим препятствием для свободных физических упражнений девочек был идеал женского поведения, который предполагал строгое ограничение каждого естественного движения тела. В наши дни этот идеал проповедуется не так пылко, как раньше, но его традиционное влияние все еще в некоторой степени сохраняется, хотя существует еще одна трудность, заключающаяся в том, что девочкам обычно не предоставляется достаточно времени, возможностей и поощрения для развития инстинктов игры, которые действительно являются серьезной частью образования, поскольку именно благодаря таким свободным упражнениям всего тела формируется нервно-мышечная система, основа всей жизнедеятельности. Пренебрежение к такому образованию сегодня отчетливо заметно в структуре наших женщин. Доктор Ф. Мэй Дикинсон Берри, судебно-медицинский эксперт Совета по техническому образованию Совета Лондонского графства, обнаружила (*Британский медицинский журнал*, 28 мая 1904 г.), что среди более чем 1500 девочек, которые представляют собой цвет школ, поскольку они получили стипендии, позволяющие им поступить в высшие учебные заведения, у 22 процентов была некоторая степень, не всегда выраженная, бокового искривления позвоночника, хотя среди мальчиков такие случаи были очень редки. Точно так же среди очень похожего класса избранных девочек в Чикагской педагогической школе мисс Лура Санборн (*Журнал для врачей*, декабрь 1900 г.) обнаружила у 17% искривление позвоночника, в некоторых случаях очень выраженное. Нет причин, по которым у девочки не должна быть такая же прямая спина, как у мальчика, и причина может заключаться только в дефектном развитии мышц, которое было обнаружено в большинстве случаев, иногда сопровождающемся анемией. Кое-где в наши дни, среди высших социальных слоев, имеется достаточно возможностей для развития мышечной силы у девочек, но в любом случае нет адекватных возможностей для таких

упражнений, а среди рабочего класса, прежде всего, в той его части, которая касается низов среднего класса, хотя их жизни обречены быть наполненными постоянным напряжением нервно-мышечной системы из-за работы дома или в магазинах и т.д., Обычно наблюдается минимум полезных физических упражнений и развития. Доктор У. А. Б. Селлман из Балтимора ("Причины болезненных менструаций у незамужних женщин", *Американский журнал акушерства*, ноябрь 1907 г.), подчеркивает замечательные результаты, полученные при умеренных физических упражнениях для молодых женщин и приучении их заботиться о своем теле и давать отдых нервной системе, в то время как доктор Шарлотта Браун из Сан-Франциско справедливо настаивает на создании во всех городах и деревнях открытых гимнастических площадок для женщин и девочек и здания при каждой крупной школе для обучения физкультуре, мануальному искусству и домоводству. Создание специальных игровых площадок необходимо там, где упражнения для девочек настолько непривычны, что вызывают смущающее количество внимания со стороны противоположного пола, хотя, когда это древний обычай, его можно проводить на деревенской лужайке, не привлекая ни малейшего внимания, как я видел в Испании, где это невозможно не связать с физической силой женщин. В школах для мальчиков игры не только поощряются, но и становятся обязательными; но это ни в коем случае не является универсальным правилом в школах для девочек. Нет необходимости и действительно крайне нежелательно, чтобы принятые игры были играми мальчиков. Особенно в Англии, где движения женщин так часто отмечены неловкостью, угловатостью и отсутствием грации, важно, чтобы ничего не делалось для подчеркивания этих характеристик, поскольку там, где энергичность предполагает насилие, мы сталкиваемся с отсутствием должной нервно-мышечной координации. Плавание, когда это возможно, и особенно некоторые формы танцев, превосходно приспособлены для развития у женщин энергичных и гармоничных движений тела (см., например, Хэвелок Эллис, *"Мужчина и женщина"*, гл. VII). На Международном конгрессе школьной гигиены в 1907 году (см., например, *Британский медицинский журнал*, 24 августа 1907 г.) доктор Л. Х. Гулик, бывший директор по физическому воспитанию в государственных школах Нью-Йорка, заявил, что после многих экспериментов в начальных и средних школах Нью-Йорка было обнаружено, что народные танцы являются самым лучшим упражнением для девочек. "Выбранные танцы включали в себя множество сокращений больших мышечных масс тела и, следовательно, оказывали большое влияние на дыхание, кровообращение и питание. Более того, такие движения, выполняемые в виде танцев, можно было выполнять в три-четыре раза дольше, не вызывая утомления, чем формальная гимнастика. Многие народные танцы были имитационными, танец посева и жатвы, танцы, выражающие торговые движения (танец сапожника), другие иллюстрировали нападение и защиту или преследование дичи. Такие нервно-мышечные движения были древними с расовой точки зрения и соответствовали экспрессивной жизни человека, и если бы было признано, что народные танцы действительно отражают нервно-мышечную историю человека, в отличие от простой перестановки движений, комбинации народных танцев следовало бы предпочесть по этим биологическим причинам невыбранным или даже физиологически отобранным. С эстетической точки зрения чувство красоты, проявляющееся в танце, было гораздо более распространенным, чем умение петь, рисовать или быть моделью".

Всегда следует помнить, что, осознавая особые требования женской природы, мы не склонны полагать, что высшее образование не подходит женщине. Теперь этот вопрос можно считать решенным. Таким образом, больше нет необходимости в лихорадочном стремлении первых

лидеров женского образования доказать, что девочки могут получать образование точно так же, как если бы они были мальчиками, и давать, по крайней мере, такие же хорошие результаты в образовании. В настоящее время, действительно, это беспокойство не только ненужно, но и вредно. Сейчас более необходимо показать, что у женщин есть особые потребности точно так же, как и у мужчин, и что заставлять их принимать особые законы и ограничения мужчин так же плохо для женщин, а следовательно, и для всего мира, как было бы плохо для мужчин, а следовательно, и для мира, заставлять мужчин принимать особые законы и ограничения женщин. Каждый пол должен стремиться достичь цели, следуя законам своей собственной природы, даже несмотря на то, что по-прежнему желательно, чтобы как в школе, так и в мире они работали, насколько это возможно, бок о бок. Важный факт, о котором следует всегда помнить, заключается в том, что женщины не только по физическим размерам и структуре тела стройнее и изящнее мужчин, но и в совершенно неизвестной среди мужчин степени их центр тяжести склонен смещаться из-за серии ритмичных сексуальных изгибов, по которым они всегда живут. Таким образом, они более уравновешенны, и любой вид стресса или перенапряжения — мозгового, нервного или мышечного — с большей вероятностью вызовет серьезные нарушения и требует точной адаптации к их особым потребностям.

Тот факт, что именно стресс и перенапряжение в целом, а не обязательно учебные занятия, наносят вред женщинам-подросткам, достаточно доказан, если доказательства необходимы, тем фактом, что сексуальные ограничения и физические или нервные срывы чрезвычайно часто происходят у девочек, работающих в магазинах или на фабриках, даже у девочек, которые вообще никогда не ходили в школу. Даже излишества в легкой атлетике — которые сейчас нередко происходят как реакция на безразличие женщин к физическим упражнениям, плохи. Езда на велосипеде полезна для женщин, которые могут ездить верхом без боли или дискомфорта, и, по словам Уоткинса, это даже полезно при многих заболеваниях органов малого таза, но чрезмерная езда на велосипеде пагубно сказывается на женщинах, особенно вызывая ригидность промежности до такой степени, что может даже предотвратить роды и потребовать операции. Я могу добавить, что то же самое возражение применимо и к занятиям верховой ездой. Точно так же все, что вызывает потрясения в организме, может быть опасным для женщин, поскольку в утробе матери они обладают изящно расположенным органом, вес которого меняется в разное время, и, например, было бы невозможно рекомендовать футбол как игру для девочек. "Я не верю, - писала мисс Х. Баллантайн, директор гимназии колледжа Вассар, профессору У. Томасу (*Секс и общество*, стр. 22), - что женщины когда-либо, независимо от уровня подготовки, смогут сравняться с мужчинами в физических достижениях; и, - мудро добавляет она, - я не вижу причин, по которым они должны это делать". Похоже, действительно, как уже указывалось, есть причины, по которым они не должны этого делать, особенно если они с нетерпением ждут возможности стать матерями. Я заметил, что женщины, которые вели очень здоровый и спортивный образ жизни на свежем воздухе, далеко не всегда переносят легкие роды, которые мы могли бы ожидать, иногда переживают очень серьезные трудности, ставя под угрозу жизнь ребенка. Высказав это наблюдение выдающемуся акушеру, покойному доктору Энгельманну, который был горячим сторонником физических упражнений для женщин (в, например, в своем президентском обращении "Здоровье американской девушки", *Труды Южной хирургической и гинекологической ассоциации*, 1890), он ответил, что сам сделал такое же наблюдение и что инструкторы по физической подготовке, как в Америке, так и в Англии, также рассказывали ему о подобных случаях среди своих учениц. "Я придерживаюсь, - писал он, - именно того мнения, которое вы выражаете [относительно

неблагоприятного влияния развития мускулатуры у женщин]. *Легкая атлетика, то есть* чрезмерная физическая подготовка, приводит к тому, что организм девочки приближается к мужскому; это происходит либо из-за спорта, либо по необходимости. Женщина, которая предается этому занятию, приближается по своим качествам к мужчине; это проявляется в снижении сексуальной интенсивности и увеличении трудности родов, а со временем и в снижении плодовитости. Улучшаются здоровые привычки, но уменьшается развитие мужской мускулатуры, уменьшаются женские качества, хотя верно, что у крестьянина и работающей женщины труд легкий. Я никогда не выступала за развитие мускулатуры у девочек, только за физическую подготовку, но, возможно, говорила об этом слишком много и хвалила это слишком неосторожно. Однако пока в школах и колледжах этого скорее недостаточно, чем слишком много; только богатые слишком увлекаются гольфом и спортивными состязаниями. Я собираю новый материал, но из того, что я уже видел, я впечатлен правдивостью того, что вы говорите. Я изучаю суть и подробно изложу объяснение." Однако любой публикации на эту тему помешала смерть Энгельмана несколько лет спустя.

Надлежащее признание особой природы женщины, ее особых потребностей и ее достоинства имеет значение, выходящее за рамки образования и гигиены. Традиции и воспитание, которым она подвергается в этом вопросе, имеют тонкое и далеко идущее значение, независимо от того, являются они добрыми или злыми. Если ее учат, неявно или явно, презрению к характеристикам ее собственного пола, у нее естественным образом развиваются мужские идеалы, которые могут навсегда изменить ее видение жизни и исказить ее практическую деятельность; было обнаружено, что до пятидесяти процентов. среди американских школьниц мужские идеалы есть у пятнадцати процентов. Американки - не менее тридцати четырех процентов. Английские школьницы хотели быть мужчинами, хотя вряд ли кто-то из мальчиков хотел быть женщинами.^[31] С той же тенденцией может быть связано пренебрежение к развитию эмоций, которое в результате озорно экстравагантной, но неизбежной реакции противоположной крайности иногда характеризует современное обучение женщин. У тонко развитой женщины интеллект пронизан эмоциями. При наличии преувеличенной и изолированной культуры интеллекта проявляется тенденция к дисгармонии, которая разрушает характер или ухудшает его завершенность. В этой связи Рейбмайтс отметил, что американка может послужить предупреждением.^[32] Можно добавить, что в самой эмоциональной сфере у женщин существует тенденция к дисгармонии из-за противоречивой природы чувств, которые традиционно внушаются ей, противоречие, которое действительно восходит к отождествлению святости и нечистоты на заре цивилизации. "Каждую девушку и женщину, - писал Хеллманн в новаторской книге, которая довела здравый принцип до эксцентричных крайностей, - учат относиться к своим половым органам как к драгоценному и священному месту, к которому должен обращаться только муж или, при особых обстоятельствах, врач. В то же время ее учат относиться к этому месту как к своего рода туалету, обладания которым ей должно быть крайне стыдно и одно упоминание о котором должно вызывать болезненный румянец".^[33] Средняя легкомысленная женщина безоговорочно принимает неуместность этого противопоставления и привыкает приспосабливаться к каждому из несовместимых факторов в зависимости от обстоятельств. Более вдумчивая женщина разрабатывает собственную теорию. Но в очень многих случаях это вредное противодействие оказывает тонко извращающее влияние на весь взгляд на Природу и жизнь. Кроме того, в некоторых случаях у женщин с чувствительным темпераментом это даже подрывает и разрушает психическую индивидуальность.

Так, Борис Сидис записал случай, иллюстрирующий катастрофические последствия внушения болезненно чувствительной девушке доктрины о нечистоте женщин. Она получила образование в монастыре. "Находясь там, она прониклась верой в то, что женщина - это вместилище порока и нечистоты. Похоже, это внушила ей одна из монахинь, которая была очень святой и практиковала умерщвление плоти. С началом месячных и наблюдением того же у других девочек эта доктрина женской нечистоты еще сильнее запечатлелась в ее чувствительном уме". Однако это выветрилось из сознательной памяти и вышло на первый план только в последующие годы из-за изнеможения от длительной офисной работы. Затем она вышла замуж. Сейчас "она испытывает крайнее отвращение к женщинам. Женщина для пациента - это нечистота, мерзость, само воплощение деградации и порока. Домашнюю стирку нельзя отдавать в прачечную, где работают женщины. Ничего нельзя подбирать на улице, даже самый ценный предмет, возможно, его уронила женщина" (Борис Сидис, "Исследования по психопатологии", *Boston Medical and Surgical Journal*, 4 апреля 1907 г.). Это логический результат большей части традиционного обучения, которое преподается девочкам. К счастью, здоровый разум оказывает естественное сопротивление его полному принятию, но обычно оно в какой-то степени сохраняется и оказывает вредное влияние.

Однако не только в отношении к себе и своему полу мысли и чувства девушки имеют тенденцию искажаться невежеством или ложными традициями, которыми ее так часто заботливо окружают. Ее счастье в браке, вся ее будущая карьера поставлены под угрозу. Невинная молодая женщина всегда должна сильно рисковать, вступая в дверь нерасторжимого брака; она ничего по-настоящему не знает о своем муже, она ничего не знает о великих законах любви, она ничего не знает о своих собственных возможностях, и, что еще хуже, она даже не подозревает о своем невежестве. Она рискует проиграть игру, хотя еще только начинает осваивать ее. В какой-то степени это совершенно неизбежно, если мы настаиваем на том, что женщина должна взять на себя обязательство выйти замуж за мужчину до того, как она испытает природу сил, которые брак может в ней высвободить. Молодая девушка верит, что обладает определенным характером; она строит свое будущее в соответствии с этим характером; она выходит замуж. Затем, в значительной доле случаев (в пяти из шести, согласно романисту Бурже), в течение года или даже недели она обнаруживает, что полностью ошибалась в себе и в мужчине, за которого вышла замуж; она обнаруживает в себе другое "я", и это "я" ненавидит мужчину, с которым она связана. Это возможная судьба, от которой только женщина, уже пробудившаяся к любви, имеет право считать себя достаточно защищенной.

Однако существует определенный вид защиты, который можно предоставить невесте, даже не отходя от наших самых общепринятых представлений о браке. Мы можем, по крайней мере, настоять на том, чтобы она была точно проинформирована о точном характере ее физических отношений с будущим мужем и была защищена от потрясений или разочарований, которые в противном случае мог бы принести брак. Несмотря на упадок предрассудков, вполне вероятно, что даже сегодня большинство женщин так называемого образованного класса вступают в брак, имея лишь самые смутные и неточные представления, усвоенные более или менее тайно, о природе сексуальных отношений. Такая высокоинтеллектуальная женщина, как мадам Адам, заявила, что считала себя обязанной выйти замуж за мужчину, который поцеловал ее в губы, воображая, что это высший акт сексуального союза,^[34] и часто случалось, что женщины выходили замуж за сексуально инвертированных лиц своего пола, не всегда сознательно, но считая их мужчинами, и никогда не обнаруживая своей ошибки; это прошло совсем немного

времени с тех пор, как в Америке три женщины были таким образом последовательно женаты на одной и той же женщине, и ни одна из них, по-видимому, так и не узнала настоящий пол своего "мужа". "Цивилизованную девушку, - как замечает Эдвард Карпентер, - часто ведут к "алтарю" в полном неведении и непонимании предстоящих жертвенных обрядов". Безусловно, в браке было совершено больше изнасилований, чем вне его.^[35] Девушка полна смутной и романтической веры в обещания любви, часто усиливаемой экстазом, изображаемым в сентиментальных романах, из которых тщательно исключено всякое прикосновение к здоровой реальности. "Здесь вся искренность веры", - как говорит Сенанкур в своей книге *"О любви"*, - "желания неопытности, потребности новой жизни, надежды честного сердца. У нее есть все способности к любви, она должна любить; у нее есть все средства для наслаждения, она должна быть любима. Все выражает любовь и требует любви: эта рука, созданная для сладостных ласк, глаза, возможности которых неизвестны, если они не должны говорить, что они согласны быть любимыми, грудь, которая неподвижна и бесполезна без любви и увянет без поклонения; эти чувства, которые так обширны, так нежны, так сладострастны, честолюбие сердца, героизм страсти! Она должна следовать восхитительному правилу, которое продиктовал закон этого мира. Эта опьяняющая роль, которую она так хорошо знает, о которой все напоминает, которая днем вдохновляет, а ночью повелевает, какая молодая, чувствительная, любящая женщина может вообразить, что она не сыграет ее?" Но когда перед ней начинается разворачиваться настоящая любовная драма, и она осознает истинную природу "опьяняющей роли", которую ей предстоит сыграть, тогда, как это часто случалось, ситуация меняется; она оказывается совершенно неподготовленной и охвачена ужасом и тревогой. Тогда все счастье ее супружеской жизни может зависеть от нескольких случайностей, умения и рассудительности ее мужа, ее собственного присутствия духа. Хиршфельд описывает случай с невинной семнадцатилетней девушкой — в данном случае, как в конечном итоге выяснилось, инвертированной, — которую убедили выйти замуж, но, узнав, что такое брак, она энергично сопротивлялась сексуальным подходам своего мужа. Он обратился к ее матери с просьбой объяснить дочери природу "супружеских обязанностей". Но молодая жена ответила на упреки своей матери: "Если это мой супружеский долг, то твоим родительским долгом было предупредить меня заранее, потому что, если бы я знала, я бы никогда не вышла замуж". В данном случае муж, сильно любивший свою жену, в течение восьми лет пытался переубедить ее, но тщетно, и в конце концов произошло расставание.^[36] Это, без сомнения, крайний случай, но сколько невинных юных перевернутых девушек так и не осознают свою истинную природу до замужества, и сколько совершенно нормальных девушек настолько шокированы слишком внезапным вступлением в брак, что их прекрасные ранние мечты о любви так и не переросли медленно и полноценно в принятие ее еще более прекрасной реальности?

Кажется, что до наступления половой зрелости сексуальное посвящение ребенка — помимо получения такой научной информации, которая могла бы стать частью школьных курсов ботаники и зоологии, — должно быть исключительной привилегией матери или кого бы то ни было, кому делегированы материнские обязанности. В период полового созревания желателен более авторитетный и точный совет, чем может дать мать. Именно в этом возрасте ей следует передать в руки своего сына или дочери то или иное из очень многочисленных руководств, на которые уже делались ссылки (стр. 53), разъясняющих физические и моральные аспекты сексуальной жизни и принципы сексуальной гигиены. Мальчик или девочка, как мы можем предположить, уже знакомы с фактами материнства и происхождения младенцев, а также, более или менее точно, с ролью отца в их деторождении. Какое бы руководство ни попало ему в

руки, оно должно, по крайней мере, касаться кратко, но определенно сексуальных отношений, а также должно комментировать, предостерегающе, но без паникерского настроя, основные аутоэротические явления и ни в коем случае не исключительно мастурбацию. Использование такого руководства не принесет ничего, кроме пользы, если оно было выбрано с умом; оно заменит то, что уже сделала мать, то, что, возможно, все еще делает учитель, и то, что позже может быть сделано путем личной беседы с врачом. Действительно, утверждалось, что мальчик или девочка, которым преподносят такую литературу, просто используют ее как возможность для нездорового разгула и чувственного наслаждения. Вполне можно поверить, что иногда это может происходить с мальчиками или девочками, от которых все сексуальные факты всегда были таинственно скрыты, и что, когда, наконец, они находят возможность удовлетворить свое долго подавляемое и совершенно естественное любопытство, их охватывает возбуждение от этого события. Этого не могло случиться с детьми, получившими естественное и здоровое воспитание. В более позднем возрасте, в подростковом возрасте, несомненно, есть большое преимущество в плане, который сейчас часто используется, особенно в Германии, чтения лекций, обращений или тихих бесед с молодыми людьми каждого пола в отдельности. Выступающий обычно является специально отобранным преподавателем, врачом или другим квалифицированным специалистом, который может быть привлечен для этой специальной цели.

Стэнли Холл, отметив, что половое воспитание должно передаваться главным образом от отцов к сыновьям и от матерей к дочерям, добавляет: "Возможно, в будущем этот вид посвящения снова станет искусством, и эксперты будут с большей уверенностью говорить нам, как выполнять наш долг перед многообразными потребностями, типами и стадиями развития молодежи, и вместо того, чтобы чувствовать себя сбитыми с толку и побежденными, мы увидим, что этот возраст и тема являются высшим открытием для высшей педагогики, позволяющим ей выполнять свою лучшую и наиболее преобразующую работу, а также величайшей из всех возможностей для учителя религии" (Стэнли Холл, *Юность*, том I, стр. 469). "В Уильямс-колледже, Гарварде, Джонсе Хопкинсе и Кларке, - замечает тот же выдающийся преподаватель (*ib.*, стр. 465), - преподавая на своем факультете, я считал своим долгом очень кратко, но ясно выступать перед молодыми людьми, находящимися под моим руководством, лично, если я считал это разумным, и часто, хотя здесь только в общих чертах, перед студенческими сообществами, и я считаю, что нигде я не принес больше пользы, но это болезненная обязанность. Это требует такта и некоторой степени твердого и напряженного здравого смысла, а не технических знаний".

Вряд ли нужно говорить, что обычный учитель любого пола совершенно некомпетентен в вопросах сексуальной гигиены. Это задача, к выполнению которой должны быть подготовлены все или некоторые учителя. Начало в этом направлении было положено в Германии путем чтения преподавателям курсов лекций по сексуальной гигиене в образовании. В Пруссии первая попытка была предпринята в Бреслау, когда руководство центральной школы обратилось к доктору Мартину Хотцену с просьбой провести такой курс для ста пятидесяти учителей, которые проявили наибольший интерес к лекциям, посвященным анатомии половых органов, развитию полового инстинкта, его основным извращениям, венерическим заболеваниям и важности воспитания самоконтроля. В книге *"Гешлехт и общество"* (Bd. I,

раздел 7) доктор Фриц Ройтер излагает суть лекций, которые он прочитал классу молодых преподавателей; они охватывают почти ту же тему, что и лекции Чотцена.

Нет никаких свидетельств того, что в Англии министр образования еще не предпринял каких-либо шагов для обеспечения чтения лекций по сексуальной гигиене учащимся, которые вот-вот закончат школу. Однако в Пруссии Министерство образования проявило активный интерес к этому вопросу, и такие лекции начинают читаться повсеместно, хотя посещение их обычно не является обязательным. Несколько лет назад (в 1900 году), когда было предложено прочитать серию лекций по сексуальной гигиене для продвинутых учеников берлинских школ под эгидой общества улучшения нравственности, муниципальные власти отозвали свое разрешение на использование аудиторий на том основании, что "такие лекции были бы чрезвычайно опасны для морального чувства молодежи". То же возражение было высказано муниципальными чиновниками во Франции. Однако в Германии, во всяком случае, общественное мнение быстро становится более просвещенным. В Англии пока достигнут незначительный прогресс или его вообще нет, но в Америке предпринимаются шаги в этом направлении, например, Чикагским обществом социальной гигиены. Действительно, следует сказать, что те, кто выступает против сексуального просвещения молодежи в больших городах, напрямую связывают себя, знают они об этом или нет, с влиянием, способствующим пороку и безнравственности.

Такие лекции также читаются девочкам по окончании школы, причем не только девочкам из состоятельных слоев населения, но и девочкам из бедного класса, которые нуждаются в них не меньше, а в некоторых отношениях и больше. Так, доктор А. Хайденхайн опубликовал лекцию (*Sexuelle Belehrung der aus den Volksschule entrassenen Mädchen*, 1907), сопровождаемую анатомическими таблицами, которые он прочитал девочкам, собирающимся окончить школу, и которые предполагается вручить им в это время. Сальва в лионской диссертации (*О населении Франции*, 1903) настаивает на том, что гигиена беременности и уход за младенцами должны составлять часть предмета таких лекций. Однако эти темы вполне можно было бы отложить на несколько более поздний период.

Очевидно, что необходимо что-то помимо лекций по этим вопросам. Обязанностью родителей или других опекунов каждого подростка и девушки должно быть организовать, по крайней мере, один раз в этот период жизни, приватную беседу с врачом, чтобы предоставить возможность дружеской и конфиденциальной беседы об основных моментах сексуальной гигиены. Семейный врач лучше всего подошел бы для выполнения этой обязанности, потому что он был бы знаком с личным темпераментом молодежи и семейными склонностями.^[37] В случае девочек часто предпочтение отдается женщине-врачу. Секс по сути своей является тайной; и для неиспорченной молодежи он инстинктивно является таковым; за исключением абстрактной и технической формы, он не может должным образом стать предметом лекций. В частной и индивидуальной беседе между новичком в жизни и экспертом можно сказать много необходимых вещей, которые нельзя было бы сказать публично, и более того, молодежь может задавать вопросы, которые застенчивость и сдержанность не позволяют задать родителям, в то время как удобная возможность естественно задать их эксперту в противном случае редко или вообще не предоставляется. У большинства молодых людей есть свое особое невежество, свои особые трудности, которые иногда можно было бы разрешить с помощью слова. И все же нередко случается, что они далеко продвинулись во взрослой жизни из-за того, что им не

хватило возможности или умения и уверенности создать такую возможность для достижения просветления.

Необходимо четко понимать, что эти беседы носят медицинский, гигиенический и физиологический характер; они не должны использоваться для распространения моральных банальностей. Совершать их было бы фатальной ошибкой. Молодежь часто очень враждебно относится к чисто общепринятым моральным принципам и подозревает их пустоту, не всегда без оснований. Цель, к которой здесь следует стремиться, - просвещение. Конечно, знание никогда не может быть аморальным, но ничего не добьешься, смешивая знание и мораль воедино.

Подчеркивая природу задачи врача в этом вопросе как исключительно мудрое практическое просвещение, мы не подразумеваем ничего против преимуществ и, действительно, огромной ценности в сексуальной гигиене моральных, религиозных, идеальных элементов жизни. В обязанности врача не входит внушать им это, но они имеют очень тесную связь с сексуальной жизнью, и каждому мальчику и девочке в период полового созревания, и никогда раньше, следует предоставить привилегию — а не обязанность или задачу — посвящения в те элементы мирской жизни, которые в то же время являются естественными функциями души подростка. Здесь, однако, сфера деятельности религиозного или этического учителя. В период полового созревания у него появляется великая возможность, величайшая, которую он когда-либо может получить. Цветок секса, который распускается в теле в период полового созревания, имеет своего духовного двойника, который в тот же момент распускается в душе. Церкви издревле признавали религиозное значение этого момента, ибо именно этот период жизни они назначили временем конфирмации и подобных обрядов. С течением веков, это правда, такие ритуалы становятся просто формальными и, по-видимому, бессмысленными ископаемыми. Но, тем не менее, они имеют значение и могут быть вновь оживлены. Также по своему духу и сути они не должны ограничиваться теми, кто принимает религию, ниспосланную сверхъестественным путем. Они касаются всех учителей этики, которые должны понимать, что именно в период полового созревания они призваны вдохновлять или укреплять великие идеальные устремления, которые в этот период имеют тенденцию спонтанно возникать в душе юноши или девушки.^[38]

Я уже говорил, что возраст полового созревания отмечает период, в который требуется этот новый вид сексуальной инициации. До наступления половой зрелости, хотя часто развивается психическая эмоция любви, а иногда и физические сексуальные эмоции, которые в основном расплывчаты, определенные и локализованные сексуальные ощущения встречаются редко. Для нормального юноши или девушки любовь обычно является неспециализированной эмоцией; по словам Гуйо, это "состояние, в котором телу есть лишь самое маленькое место". При первом восходе сексуального солнца мальчик или девочка видят, как, по словам Блейка, он видел на восходе солнца, не круглое желтое тело, появляющееся над горизонтом, или какое-либо другое физическое проявление, а огромную компанию поющих ангелов. С определенным всплеском физических сексуальных проявлений и желания, будь то в период полового созревания или позже в подростковом возрасте, появляется новое бурное тревожащее влияние. Против силы этого влияния простое интеллектуальное просвещение или даже любящий материнский совет — средства, которыми мы до сих пор занимались, - могут оказаться бессильными. В обретении контроля над этим мы должны найти поддержку в том факте, что половое созревание - это расцвет не только новой физической, но и новой

психической силы. Идеальный мир естественным образом раскрывается перед мальчиком или девочкой в период полового созревания. Магия красоты, инстинкт скромности, естественность самоограничения, идея бескорыстной любви, значение долга, чувство искусства и поэзии, тяга к религиозным концепциям и эмоциям — все это спонтанно пробуждается в неиспорченном мальчике или девочке в период полового созревания. Я говорю "неиспорченный", потому что если эти вещи были навязаны ребенку до наступления половой зрелости, когда они еще не имели для него значения — как, к сожалению, слишком часто делается, особенно в том, что касается религиозных представлений, — то слишком вероятно, что он не сможет отреагировать должным образом в тот момент своего развития, когда в противном случае он отреагировал бы на них естественным образом. В естественных условиях это период духовного посвящения. Сейчас, и не раньше, настало время для религиозного или этического учителя, в зависимости от обстоятельств — поскольку все религии и этические системы могут в равной степени приспособиться к этой задаче, — взять мальчика или девочку под контроль, не делая каких-либо особых и навязчивых ссылок на сексуальные импульсы, но с целью содействия развитию и проявлению этого психического созревания, косвенно помогая юной душе избежать сексуальных опасностей, привязав его колесницу к звезде, которая может помочь ей не застрять в какой-либо извилистой колее плоти.

Важно отметить, что такое посвящение - это нечто большее, чем просто введение в сферу религиозных чувств. Это посвящение в мужественность, оно должно включать в себя признание мужских достоинств даже в большей степени, чем женских. Это было хорошо понято лучшими примитивными расами. Они постоянно дают своим мальчикам и девочкам посвящение в период полового созревания; это посвящение, которое включает в себя не просто образование в обычном смысле этого слова, но и строгую дисциплину характера, подвиги выносливости, испытание характера, проверку мускулов души в той же степени, что и тела.

Церемонии посвящения в мужчины в период полового созревания, включающие физическую и умственную дисциплину, а также обучение, длящиеся неделями или месяцами и никогда не являющиеся одинаковыми для обоих полов, распространены среди дикарей во всех частях света. Они почти всегда включают в себя выдерживание определенного количества боли и лишений, мудрую меру воспитания, которой мягкотелая цивилизация слишком глупо позволила пренебречь, поскольку способность переносить трудности является необходимым условием всякой настоящей мужественности. Именно в качестве исправления этой тенденции к дряблости в современном образовании столь неocenимо учение Ницше.

Инициация мальчиков среди аборигенов Торресова пролива была подробно описана А. К. Хэддоном (*Отчеты антропологической экспедиции в Торресов пролив*, том v, гл. VII и XII). Оно длится месяц, включает в себя много суровых тренировок и силу выносливости, а также включает замечательные моральные наставления. Хэддон отмечает, что это сформировало "очень хорошую дисциплину", и добавляет: "нелегко придумать более эффективное средство для быстрого обучения".

У аборигенов Виктории, Австралия, церемонии посвящения, описанные Р. Х. Мэтьюзом ("Некоторые церемонии посвящения", *Zeitschrift für Ethnologie*, 1905, раздел 6), длятся семь месяцев и представляют собой замечательную дисциплину. Старейшины племени забирают мальчиков, подвергают их многочисленным испытаниям на терпение и переносимость боли и дискомфорта, иногда включающим даже глотание мочи и экскрементов, вводят в контакт с

незнакомыми племенами, обучают законам и фольклору, а в конце проводят собрания, на которых устраивают помолвки.

У северных племен Центральной Австралии церемонии инициации включают обрезание и субинцизию уретры, а также тяжелый ручной труд и лишения. Посвящение девочек в женственность сопровождается вскрытием влагалища. Эти церемонии были описаны Спенсером и Гилленом (*Северные племена Центральной Австралии*, гл. XI). У различных народов Британской Восточной Африки (включая масаи) инициация полового созревания - это большое церемониальное событие, длящееся много месяцев, и оно включает обрезание у мальчиков, а у девочек клиторидэктомию, а также, среди некоторых племен, удаление нимфы. Девушка, которая морщится или вскрикивает во время операции, опозорена среди женщин и изгнана из поселения. Когда церемония удовлетворительно завершена, мальчик или девочка могут вступить в брак (К. Марш Биднелл, "Обрезание и клиторидэктомия, практикуемые уроженцами Британской Восточной Африки", *Британский медицинский журнал*, 29 апреля 1905 г.).

Инициация среди африканских бавенда, как описано миссионером, состоит из трех этапов: (1) Этап обучения и дисциплины, во время которого раскрываются традиции и священные вещи племени, обучают искусству ведения войны, демонстрируют самоограничение и выносливость; затем юноши считаются совершеннолетними. (2) На следующем этапе искусство танца практикуется каждым полом отдельно в течение дня. (3) На заключительной стадии, которая является стадией полной сексуальной инициации, два пола танцуют вместе ночью; сцена, по мнению доброго миссионера, "не поддается описанию"; посвященные теперь совершеннолетние, со всеми привилегиями и обязанностями взрослых (преподобный Э. Готтшлинг, "Бавенда", *журнал антропологического института*, июль-декабрь 1905 г., стр. 372. Ср. интересный отчет о школах тондо Бавенды, написанный другим миссионером, Вессманном, *Бавенда*, стр. 60 и далее.).

Инициация девочек в Стране Азимба, Центральная Африка, была полностью и интересно описана Х. Кроуфордом Ангусом ("Ченсамвали, или Церемония посвящения девочек", *Zeitschrift für Ethnologie*, 1898, раздел 6). При первых признаках менструации мать забирает девочку из деревни в приготовленную для нее травяную хижину, где только женщинам разрешается навещать ее. По окончании менструации ее отводят в уединенное место, и женщины танцуют вокруг нее без присутствия мужчин. Ангусу лишь с большим трудом удалось стать свидетелем церемонии. Затем девушку информируют о гигиене менструации. "Поется много песен об отношениях между мужчинами и женщинами, и девушку инструктируют относительно всех ее обязанностей, когда она станет женой. ... Девушку учат быть верной своему мужу и пытаться рожать детей. На все это смотрят как на нечто само собой разумеющееся, а не как на то, чего следует стыдиться или скрывать, и, когда к этому относятся таким образом открыто и не делают из этого тайны, вы обнаруживаете, что в этом племени женщины очень добродетельны, потому что тема супружеской жизни не имеет для них очарования. Когда женщина беременна, ее снова танцуют; на этот раз все танцовщицы обнажены, и ее учат, как себя вести и что делать, когда придет время родов".

Среди индейцев юман в Калифорнии, как описано Горацио Растом ("Церемония полового созревания индейцев миссии", *американский антрополог*, январь к марту 1906 г., стр. 28) девочек в период полового созревания готовят к браку с помощью специальной церемонии. Их

заворачивают в одеяла и помещают в теплую яму, где они лежат с очень счастливым видом, выглядывая наружу из-под своих одеял. В течение четырех дней и ночей они лежат здесь (иногда уходя за едой), в то время как старые женщины племени постоянно танцуют и поют вокруг ямы. Время от времени старухи бросают в толпу серебряные монеты, чтобы научить девочек быть щедрыми. Они также раздают одежду и пшеницу, чтобы научить их быть добрыми к старым и нуждающимся; и они сеют дикорастущие семена, разбрасываемые по девочкам, чтобы те стали плодовитыми. Наконец, всем незнакомцам приказывают удалиться, на головы девушек надевают гирлянды, их ведут на склон холма и показывают большой священный камень, символизирующий женские органы зачатия и похожий на них, который, как говорят, защищает женщин. Затем зерно рассыпается по всем присутствующим, и церемония заканчивается.

Эскимосские женщины племени тлинкит издавна славились своими прекрасными качествами. В период полового созревания они были изолированы, иногда на целый год, их держали в темноте, страданиях и грязи. И все же, каким бы ущербным и неудовлетворительным ни было это посвящение, "Лангсдорф предполагает, - говорит Бэнкрофт (*Коренные расы Тихого океана*, том I, стр. 110), имея в виду добродетели женщины Тлинкит, - что, возможно, именно в этот период заключения закладывается основа ее влияния; что при скромной сдержанности и медитации ее характер укрепляется, и она выходит очищенной как разумом, так и телом".

Мы утратили эти древние и бесценные обряды посвящения в мужчины и женщины с их неоценимыми моральными преимуществами; самое большее, мы просто сохранили оболочки посвящения, сердцевина которых истлела. Мы не сомневаемся, что со временем они возродятся в современных формах. В настоящее время духовное посвящение юношей и девушек оставлено на волю какого-нибудь счастливого случая, и обычно оно носит чисто мозговой характер, который не может быть совершенно здоровым и в лучшем случае абсурдно неполным.

Это церебральное посвящение обычно происходит с молодежью через литературу. Таким образом, влияние литературы в области сексуального воспитания в неисчислимой степени выходит за рамки узкой сферы руководств по сексуальной гигиене, какими бы замечательными и желательными они ни были. Большая часть литературы более или менее отчетливо пронизана эротическими и аутоэротическими концепциями и импульсами; почти вся художественная литература исходит из корня секса, чтобы расцвести в видениях красоты и экстаза. Божественная комедия Данте в этом смысле является бессмертным прообразом эволюции поэта. Молодежь знакомится с образными представлениями о любви раньше, чем с реальностью любви, так что, как выразился Лео Берг, "путь к любви у цивилизованных народов проходит через воображение".^[39] Таким образом, для души подростка вся литература является частью сексуального воспитания. В какой-то степени, хотя, к счастью, не полностью, от суждения тех, кто имеет власть над юной душой, зависит, относится ли литература, к которой допущен юноша или девушка, к обширной и гуманизирующей, или нет.

Вся великая литература открыто и здраво затрагивает центральные факты секса. Всегда приятно помнить об этом в век мелкой стыдливости. И отрадно сознавать, что было бы невозможно выхолостить литературу великих эпох, какой бы желанной она ни казалась людям более дегенеративных эпох, или закрыть пути к этой литературе для молодежи. Все наши религиозные и литературные традиции служат укреплению позиций Библии и Шекспира. "Так много мужчин

и женщин, - пишет корреспондент, литератор, - приобретают сексуальные представления в детстве, читая Ветхий Завет, что Библию можно назвать эротическим учебником. Большинство людей обоего пола, с которыми я беседовал на эту тему, говорят, что Книги Моисея и истории об Амноне и Фамарь, Лоте и его дочерях, жене Потифара и Иосифе и т.д. вызвали предположения и любопытство и дали им информацию о сексуальных отношениях. Пятнадцатилетние юноша и девушка, оба друзья писателя, которым сейчас за тридцать, обычно находили эротические отрывки из Библии воскресным утром, находясь в часовне раскольников, и передавали свои Библии друг другу, прикасаясь пальцами к тем местам, которые их интересовали." Точно так же многие молодые женщины брали Шекспира, чтобы прочитать пылкую эротическую поэзию *о Венере и Адонисе*, о которой ей рассказывали ее друзья.

Можно заметить, что Библия не во всех отношениях является образцовым введением молодого ума в вопросы секса. Но даже откровенное признание сексуальных правил, столь непохожих на те, которые номинально принадлежат нам, таких как полигамия и сожителство, как божественное происхождение, помогает расширить кругозор юношеского разума, показывая, что правила, окружающие ребенка, действуют не везде и не всегда, в то время как нагота и реализм Библии не могут не быть благотворным и укрепляющим средством борьбы с обычной стыдливостью.

Мы должны, действительно, всегда протестовать против абсурдной путаницы, из-за которой неприкрытость речи рассматривается как эквивалент безнравственности, и не в меньшей степени потому, что она часто принимается даже в тех местах, которые считаются интеллектуальными. Когда в Палате лордов в прошлом веке обсуждался вопрос об исключении статуи Байрона из Вестминстерского аббатства, лорд Броэм "отрицал, что Шекспир был более нравственным, чем Байрон. Напротив, он мог бы указать на одной странице Шекспира на большую грубость, чем можно было найти во всех произведениях лорда Байрона". Вывод, к которому таким образом пришел Броэм, что Байрон - писатель несравненно более нравственный, чем Шекспир, должен был быть достаточным *доведением до абсурда* его аргументации, но, похоже, никто не указал на вульгарную путаницу, в которую он впал.

Можно сказать, что особая привлекательность, которой нагота великой литературы иногда обладает для молодых умов, нездорова. Но следует помнить, что особый интерес к этому элементу объясняется просто тем фактом, что в других местах существует укоренившееся и ненормальное сокрытие. Следует также сказать, что высказывания великих писателей о естественных вещах никогда не были ни унижительными, ни даже эротически возбуждающими для молодежи, и то, что Эмилия Пардо Базан рассказывает о себе и своем восторге в детстве от исторических книг Ветхого Завета, о том, что грубые отрывки в них не вызвали ни малейшего беспокойства в ее юном воображении, в равной степени верно для большинства детей. Действительно, необходимо, чтобы эти обнаженные и серьезные вещи остались на месте, хотя бы для того, чтобы уравновесить непристойно-комические попытки очернить любовь и секс, которые видны всем в витрине любого низкопробного книготорговца.

Эта точка зрения была энергично отстаивалась докладчиками по сексуальному воспитанию на Третьем конгрессе Немецкого общества охраны природы в 1907 году. Таким образом, Эндерлин, выступая как директор школы, протестовал против обычая клеветать на стихи и народные песни для использования детьми и, таким образом, лишая их наилучшего представления об очищенных сексуальных импульсах и высшей сфере эмоций, в то время как в

то же время они безрассудно подвергаются "психической инфекции" вульгарных комиксов, повсюду выставленных на продажу. "Пока дети слишком малы, чтобы реагировать на эротическую поэзию, она не может причинить им вреда; когда они станут достаточно взрослыми, чтобы реагировать, она может принести им только пользу, открыв для них высшие и чистейшие каналы человеческих эмоций" (*Sexualpädagogik*, стр. 60). Профессор Шефенакер (*id.*, стр. 98) высказывается в том же смысле и отмечает, что "метод удаления из школьных учебников всех тех отрывков, которые, по мнению близоруких и ограниченных школьных учителей, не подходят для молодежи, должен быть решительно осужден". Каждому здоровому мальчику и девочке, достигшим половой зрелости, можно смело позволить побродить по любой хорошей библиотеке, каким бы разнообразным ни было ее содержание. Они не только не нуждаются в руководстве, но и обычно проявляют гораздо более утонченный вкус, чем их старшие товарищи. В этом возрасте, когда эмоции еще девственны и чувствительны, все реалистичное, уродливое или болезненное раздражает юный дух и отбрасывается в сторону, хотя во взрослой жизни, с огрубением психической структуры, которое приходит с годами и опытом, это отвращение, несомненно, вызванное столь же здоровым и естественным инстинктом, может стать гораздо менее острым.

Эллен Ки в гл. VI из ее *"Века ребенка"* хорошо резюмирует доводы против практики отбора для детей "подходящих" для них книг, практики, которую она считает одним из безумств современного образования. Ребенок должен иметь возможность свободно читать всю великую литературу и сам инстинктивно откладывать в сторону то, для чего он еще не созрел. Его более холодные чувства не тревожат сцены, которые его старшие считают слишком захватывающими, в то время как даже на более позднем этапе дело не в наготы великой литературы, а в гораздо большей степени в методе современного романа, который, вероятно, запятнает воображение, фальсифицирует реальность и вредит вкусу. Именно сокрытие вводит в заблуждение и огрубляет, создавая такое состояние ума, при котором даже Библия становится стимулом для чувств. Произведения великих мастеров дают пищу для воображения, которой жаждет ребенок, и эротический момент в них слишком краток, чтобы быть перегретым. Эллен Ки замечает, что знакомство детей с великой литературой тем более необходимо, что у них часто мало возможностей заняться ею в дальнейшей жизни. Много лет назад Рескин в *"Кунжуте и лилиях"* красноречиво призывал к тому, чтобы даже молодым девушкам разрешалось свободно ходить по библиотекам.

То, что было сказано о литературе, в равной степени относится и к искусству. Искусство, так же как и литература, и таким же косвенным образом, может стать ценным подспорьем в деле сексуального просвещения и сексуальной гигиены. Действительно, современное искусство по большей части можно игнорировать с этой точки зрения, но детей нельзя слишком рано знакомить с изображениями обнаженной натуры в античной скульптуре и на картинах старых мастеров итальянской школы. Таким образом, они могут быть иммунизированы, как выражается Эндерлин, против тех изображений обнаженной натуры, которые апеллируют к низменным инстинктам. Раннее знакомство с обнаженной натурой в искусстве в то же время помогает выработать правильное отношение к чистоте в природе. "Тот, кто однажды научился, - как замечает Хеллер, - мирно наслаждаться наготой в искусстве, сможет смотреть на наготу в природе как на произведение искусства".

Слепки с классических обнаженных статуй и репродукции картин старых венецианских и других итальянских мастеров вполне уместно использовать для украшения школьных комнат - не столько как учебные предметы, сколько как красивые вещи, с которыми ребенок не может ознакомиться слишком рано. Говорят, что в Италии учителя обычно водят школьные классы в художественные музеи с хорошими результатами; такие посещения являются частью официальной программы образования.

Не может быть никаких сомнений в том, что такое раннее знакомство с красотой обнаженной натуры в классическом искусстве широко необходимо среди всех социальных слоев и во многих странах. Именно этому недостатку нашего образования мы должны приписать случайное, а в действительности в Америке и Англии частое возникновение таких инцидентов, как петиции и протесты против выставки обнаженных скульптур в художественных музеях, выставления в витринах магазинов таких безобидных картин, как "Ванна Психеи" Лейтона, и требование драпировки обнаженных олицетворений абстрактных добродетелей в архитектурном оформлении улиц. Образование толпы все еще настолько несовершенно, что в этих вопросах невоспитанный фанатик похоти обычно добивается своего. Такое положение вещей не может не оказывать пагубного воздействия на моральную атмосферу сообщества, в котором это возможно. Даже с религиозной точки зрения похотливая стыдливость не может быть оправдана. Норткот очень сдержанно и разумно обсудил вопрос обнаженной натуры в искусстве с точки зрения христианской морали. Он указывает, что не только обнаженная натура в искусстве не подлежит безоговорочному осуждению, и что обнаженная натура ни в коем случае не обязательно эротична, но он также добавляет, что даже эротическое искусство, в его лучших и чистейших проявлениях, вызывает эмоции, которые являются законным объектом стремлений человека. Было бы невозможно даже адекватно изобразить библейские истории на холсте или мраморе, если бы эротическое искусство было табуировано (преподобный Х. Норткот, *Христианство и проблемы секса*, глава XIV).

Раннее знакомство с обнаженной натурой в классическом и раннеитальянском искусстве следует сочетать в период полового созревания с равным знакомством с фотографиями красивых и естественно развитых обнаженных моделей. В прежние годы книги, содержащие такие картинки в подходящей и привлекательной форме для показа молодежи, было трудно достать. Теперь эта трудность больше не существует. Доктор К. Х. Стратц из Гааги был пионером в этом вопросе, и в серии прекрасных книг (в частности, в "*О керперах добрых*", "*В духе любви к керперам*" и "*В духе дружбы*", все изданные Энке в Штутгарте) он собрал большое количество превосходно подобранных фотографий обнаженных, но совершенно целомудренных фигур. Совсем недавно доктор Шуфельдт из Вашингтона (который посвящает свою работу Стратцу) опубликовал свои *Исследования человеческого тела*, в которых, в том же духе, он собрал воедино результаты своих собственных многолетних исследований обнаженного человеческого тела. Необходимо скорректировать впечатления, полученные из классических источников, хорошими фотоиллюстрациями из-за ложных условностей, преобладающих в классических произведениях, хотя эти условности не обязательно были ложными для художников, создавших их. Отсутствие половых волос при изображении обнаженной натуры было, например, вполне естественным, поскольку жители стран, все еще находящиеся под восточным влиянием, привыкли удалять волосы с тела. Если, однако, при совершенно иных условиях мы увековечиваем эту художественную условность сегодня, мы ставим себя в извращенное отношение к природе. Тому есть множество свидетельств. "Есть одна конвенция, настолько древняя, настолько необходимая, настолько универсальная, - пишет мистер Фредерик

Харрисон (*Девятнадцатый век и после*, август 1907 г.), - что ее преднамеренное пренебрежение сегодня может вызвать желчь у наименее брезгливых мужчин и должно заставить женщин немедленно отступить". Если бы мальчики и девочки воспитывались на коленях у своих матерей, знакомясь с изображениями красивой и естественной наготы, никто не смог бы написать такие глупые и постыдные слова, как эти.

Не может быть никаких сомнений в том, что среди нас простое и непосредственное отношение ребенка к наготы так рано вытесняется из него, что необходимо разумное воспитание, чтобы он мог различать, что является непристойным, а что нет. Для мальчика-пахаря и деревенской служанки любая нагота, включая наготу греческих скульптур, одинаково постыдна или похотлива. "У меня есть фотография таких женщин", - с усмешкой сказал один из соотечественников, указывая на фотографию одной из самых красивых групп Тинторета, "курящих сигареты". И масса людей в большинстве северных стран все еще немного продвинулась дальше этой стадии различения; в способности отличать красивое от непристойного они все еще находятся на уровне мальчика-пахаря и девочки-служанки.

[18] Эти проявления рассматривались при изучении аутоэротизма в vol. i из настоящих исследований. Можно добавить, что сексуальная жизнь ребенка была исчерпывающе исследована Моллем, *"О сексуальной жизни детей"*, 1909.

[19] Это генитальное высыпание в половых железах и молочных железах при рождении или в раннем младенчестве обсуждалось в парижской диссертации Камиля Ренуфа (*"Кризис гениталий и связь проявлений с будущим и новым"*, 1905); он не в состоянии предложить удовлетворительного объяснения этим явлениям.

[20] Амелино, *Мораль Египтян*, стр. 64.

[21] "Социальное зло в Филадельфии", *Арена*, март 1896г.

[22] Moll, *Контраргументы сексуального воспитания*, третье издание, стр. 592.

[23] Это бессилие закона и полиции хорошо признано юристами, знакомыми с этим вопросом. Так, Ф. Вертхауэр (*Sittlichkeitsdelikte der Grosstadt*, 1907) повсюду настаивает на важности того, чтобы родители и учителя с раннего возраста прививали детям постепенно расширяющиеся знания о сексуальных вопросах.

[24] "Родителей нужно учить тому, как передавать информацию", - замечает Э. Л. Кейс ("Просвещение по сексуальным вопросам", *New York Medical Journal*, 10 февраля 1906 г.). "и это обучение родителя должно начинаться, когда он сам еще ребенок".

[25] Молл (указ. соч., стр. 224) хорошо доказывает, насколько невозможно уберечь детей от взглядов и влияния, связанных с сексуальной жизнью.

[26] Девочки во многих случаях даже не готовы к появлению волос на лобке. Этот неожиданный рост волос часто вызывает у молодых девушек сильное тайное беспокойство, и часто они тщательно их срезают.

[27] Г. С. Холл, *Юность*, том i, стр. 511. Много лет назад, в 1875 году, покойный доктор Кларк в своей работе "*Секс в образовании*" рекомендовал девочкам соблюдать менструальный перерыв и тем самым вызвал яростное противодействие, которого, конечно, не встретишь в наши дни, когда все яснее осознаются особые риски, связанные с женственностью.

[28] Краткое описание физических и психических явлений менструального периода см. Хэвелок Эллис: *Мужчина и женщина*, глава XI. Примитивная концепция менструации кратко обсуждается в Приложении А к первому тому этих *Исследований*, и более подробно Дж. Дж. Фрейзером в "*Золотой ветви*". Большую подборку фактов, касающихся уединения женщин во время менструации во всем мире, можно найти в Ploss and Bartels, *Das Weib*. Уединение девочек в период полового созревания в Торресовом проливе было специально изучено Селигманном, *Отчеты Антропологической экспедиции в Торресов пролив*, том v, глава VI.

[29] Таким образом, мисс Люра Санборн, директор по физической подготовке Чикагской педагогической школы, обнаружила, что мытье раз в две недели не является чем-то необычным. В период менструации все еще сохраняется суеверный страх перед водой. Девочек всегда следует учить, что в этот период, прежде всего, настоятельно необходима чистота. Вечером и утром следует принимать прохладные ванночки для бедер, а вагинальный душ (который никогда не должен быть холодным) всегда полезен как для комфорта, так и для чистоты. Нет ни малейшей причины бояться воды во время менструации. Этот вопрос обсуждался несколько лет назад в *Британском медицинском журнале* с полным единодушием. Клифтон Эдгар, также выдающийся американский акушер, после тщательного изучения мнений и практики в этом вопросе ("*Купание во время менструации*", *американский журнал акушерства*, сентябрь 1900 г.), приходит к выводу, что возможно и полезно принимать холодные ванны (но не морские) в течение этого периода, при условии соблюдения надлежащих мер предосторожности и отсутствия резких изменений привычек. Такой образ действий не следует применять без разбора, но не может быть никаких сомнений в том, что у крепких крестьянских женщин, которые привыкли к нему с раннего возраста, даже длительное погружение в море во время рыбной ловли не приводит к пагубным последствиям, а даже приносит пользу. Хуэль ("*Анналы гинекологии*", декабрь 1894 г.) опубликовал статистику менструальной жизни 123 рыбаков на французском побережье. Они привыкли часами ловить креветок в море, часто по пояс, а затем разгуливать в мокрой одежде, продавая креветки. Все они настаивали на том, что их менструации протекали легче, когда они были активно заняты работой. Их месячные были особенно регулярными, а фертильность высокой.

[30] Дж. Х. Макбрайд, "Жизнь и здоровье наших девочек в зависимости от их будущего", *Психиатр и невролог*, февраль 1904г.

[31] У. Г. Чемберс, "Эволюция идеалов", *Педагогическая семинария*, март 1903 г.; Кэтрин Додд, "Идеалы школьников", *Национальное обозрение*, февраль и декабрь 1900 г. и июнь 1901 г. Ни одна немецкая девушка не признавалась в желании быть мужчинами; они говорили, что это было бы порочно. Однако среди фламандских девушек Варендонк обнаружил в Генте (*Архив психологии*, июль 1908 г.), что 26% имели мужчин в качестве своих идеалов.

[32] A. Reibmayr, *Die Entwicklungsgeschichte des Talenten und Genies*, 1908, Bd. i, p. 70.

[33] Р. Хеллманн, *Ueber Geschlechtsfreiheit*, стр. 14.

[34] Это убеждение, по-видимому, часто встречается среди молодых девушек в Континентальной Европе. Этому посвящена одна из *женских книг Марселя Прево*. В Австрии, по словам Фрейда, это не редкость, исключительно среди девочек.

[35] Тем не менее, согласно английскому законодательству, изнасилование является преступлением, которое муж не может совершить по отношению к своей жене (см., например,, Невилл Гири, *Закон о браке*, глава XV, раздел V). Однако совершение брачной церемонии, даже если она обязательно включает четкое разъяснение супружеских привилегий, не может рассматриваться как адекватное оправдание акта сексуального сношения, совершенного с применением насилия или без согласия жены.

[36] Hirschfeld, *Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, 1903, p. 88. Можно добавить, что ужас перед половым актом не обязательно обусловлен плохим воспитанием и может также возникать у наследственно дегенерирующих женщин, чьи предки проявляли сходные или родственные психические особенности. Сообщалось о случае такой "функциональной импотенции" у молодой жены-итальянки двадцати одного года, которая в остальном была здоровой и сильно привязана к своему мужу. Брак был расторгнут на том основании, что "рудиментарная сексуальная или эмоциональная паранойя, которая делает жену непобедимо невосприимчивой к сексуальному союзу, несмотря на целостность половых органов, представляет собой психическую функциональную импотенцию" (*Архив Психиатрии*, 1906, раздел vi, стр. 806).

[37] Разумность этого шага настолько очевидна, что вряд ли стоит настаивать. "Обучение школьников наиболее адекватно осуществляется пожилым врачом, - замечает Нэкке, - иногда, возможно, школьным врачом". "Я решительно выступаю за то, - говорит Клаустон (*Гигиена разума*, стр. 249), - чтобы семейный врач под руководством родителей и учителя был, безусловно, лучшим инструктором и наблюдателем". Молл придерживается того же мнения.

[38] Я развил этот аргумент далее в "Религии и ребенке", *Девятнадцатый век и после*, 1907.

[39] Интимная связь искусства и поэзии с сексуальным импульсом была осознана фрагментарно многими, кто не достиг сколько-нибудь широкого видения аутоэротической активности в жизни. "Поэзия обязательно связана с сексуальной функцией", - говорит Мечников (*"Оптимистические эссе"*, стр. 352), который также с одобрением цитирует утверждение Мебиуса (ранее сделанное Ферреро и многими другими) о том, что "художественные способности, вероятно, следует рассматривать как вторичные половые признаки".

ГЛАВА III.

СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАГОТА.

Содержание

Отношение греков к наготы—Как римляне изменили это отношение—Влияние христианства—Нагота в средневековье—Эволюция ужаса перед наготой—Сопутствующее изменение концепции наготы—Стыдливость—Романтическое движение—Возникновение нового чувства в отношении наготы—Гигиенический аспект наготы—Как детей можно приучить к наготы—Нагота не противоречит скромности—Инстинкт физической гордости—Ценность наготы в

образовании—Эстетическая ценность наготы—Человеческое тело как одно из главных Тоники жизни — Как можно культивировать наготу —Моральная ценность наготы.

Обсуждение значения наготы в искусстве подводит нас к смежному вопросу о наготы в природе. Каково психологическое влияние знакомства с наготой? Насколько глубоко следует знакомить детей с обнаженным телом? Это вопрос, по поводу которого в разные эпохи высказывались разные мнения, и в последние годы в умах специалистов-практиков в области образования в отношении него начали происходить заметные перемены.

В Спарте, на Хиосе и в других местах Греции женщины одно время практиковали гимнастические трюки и танцы обнаженными вместе с мужчинами или в их присутствии.^[40] Платон в своей *"Республике"* одобрял такие обычаи и говорил, что насмешки тех, кто смеялся над ними, были всего лишь "незрелым плодом, сорванным с древа познания". Мнения Платона изменились по многим вопросам, но не по этому. В *"Законах"*, которые являются последним итогом его философских размышлений в преклонном возрасте, он все еще выступает за подобное совместное воспитание полов и их сотрудничество во всех сферах жизни, отчасти с целью притупить чрезмерно острый сексуальный аппетит; с той же целью он выступал за совместное общение юношей и девушек без стеснения в костюмах, которые не скрывали формы.

Примечательно, что римляне, более грубый народ, чем греки, и в нашем узком современном смысле более "моральный", не проявляли никакого понимания морализующего и облагораживающего влияния наготы. Нагота для них была всего лишь распущенной потакаемостью, к которой следовало относиться с презрением, даже когда она доставляла удовольствие. Это было ограничено сценой, и население требовало этого. В *"Флоралии"*, в частности, толпа, похоже, считала своим правом, что актеры должны играть обнаженными, вероятно, это считалось пережитком народного ритуала. Но римляне, хотя и стремились поскорее попасть в театр, не испытывали к артистам ничего, кроме презрения. *"Flagitii principium est, nudare inter cives corpora."* Так думал старый Энний, как сообщает Цицерон, и это оставалось подлинным римским чувством до конца. *"Quanta perversitas!"* - воскликнул Тертуллиан. *"Artem magnificent, artificem notant."*^[41] В этом вопросе римляне, хотя и вызывали ужас у христиан, все же на самом деле закладывали основы христианской морали.

Христианство, которое сочло столь многие мнения Платона близкими по духу, не захотело иметь ничего общего с его взглядом на наготу и не смогло признать его психологическую корректность. Причина была простой, и действительно бесхитростной. Церковь страстно стремилась бороться с тем, что она называла "плотью", и поэтому впала в ошибку, смешав субъективный вопрос сексуального желания с объективным зрелищем обнаженной формы. "Плоть" - это зло; следовательно, "плоть" должна быть скрыта. И они скрывали это, не понимая, что, поступая таким образом, они не подавили тягу к человеческому облику, а, напротив, усилили ее, придав ей дополнительное очарование запретной тайны.

Бертон в своей книге *"Анатомия меланхолии"* (Часть III, раздел II, Воспоминания. II, Подводные лодки. IV), ссылаясь на рекомендации Платона, добавляет: "Но *Евсевий* и *Феодорит* достойно наказывают его за это; и вполне могли бы: ибо, как говорится, сам вид обнаженных частей тела

вызывает огромное, непомерное вожделение и возбуждает как мужчин, так и женщин к жгучей похоти". Тем не менее, как добавляет сам Бертон далее в том же разделе своей работы (Мет. V, подзаголовки. III), без возражений: "некоторые придерживаются мнения, что вид обнаженной женщины сам по себе способен изменить его привязанность; и заслуживает внимания, говорит *Монтень*, француз, в своих "Эссе", что искуснейшие мастера любовных утех назначают для лечения венерических страстей полное обследование тела".

Не должно быть никаких сомнений относительно того факта, что именно украшенное, частично скрытое тело, а не абсолютно обнаженное тело, действует как сексуальный возбудитель. Я собрал некоторые свидетельства по этому вопросу в исследовании "Эволюция скромности". "На Мадагаскаре, в Западной Африке и на Кейптауне, - говорит Г. Ф. Скотт Эллиот (*Натуралист из Средней Африки*, стр. 36), - я всегда обнаруживал одно и то же правило. Целомудрие меняется обратно пропорционально количеству одежды." В настоящее время действительно общепринято считать, что одним из главных объектов украшения и одежды была стимуляция сексуального желания, и модели художников хорошо знают, что когда они полностью раздеты, они наиболее защищены от нежелательных мужских домогательств. "Моя любимая модель сказала мне, - отмечает доктор Шуфельдт (*Медицинская справка*, октябрь 1904 г.), выдающийся автор книги "*Исследования человеческого облика*", - что у нее была практика раздеваться как можно скорее после входа в мастерскую художника, поскольку мужчины не всегда ответственны за свои эмоции, и она чувствовала, что у нее гораздо меньше шансов возбудить их, когда она полностью обнажена, чем когда она только наполовину задрапирована". Этот факт, действительно, хорошо знаком моделям художников. Если бы удовлетворение сексуального желания было первым и последним соображением в жизни, было бы более разумно запретить одежду, чем запрещать наготу.

Когда христианство поглотило весь европейский мир, это строгое избегание даже вида "плоти", хотя номинально и принимаемое всеми в качестве желаемого идеала, могло быть осуществлено полностью только в монастыре. В практике внешнего мира, хотя первоначальные христианские идеалы оставались влиятельными, различные языческие и примитивные традиции в пользу наготы все еще сохранялись, и им, в некоторой степени, было позволено проявлять себя как в обычных обычаях, так и в особых случаях.

Насколько широко распространена случайная или привычная практика обнаженности в мире в целом и насколько она полностью согласуется даже с самой чувствительной скромностью, было изложено в "Эволюции скромности", в vol. я из этих *Исследований*.

Даже в христианскую эпоху сохранялся импульс к принятию наготы, часто с ощущением, что это была особенно священная практика. Адамиты второго века, которые читали и молились обнаженными и совершали причастие обнаженными, согласно утверждению, цитируемому святым Августином, похоже, не вызвали особого скандала до тех пор, пока они практиковали наготу только в своих священных церемониях. Немецкие братья Свободного Духа в тринадцатом веке настолько сочетали целомудрие с беспорядочной наготой, что ортодоксальные католики верили, что им помогает дьявол. Французские пикардийцы гораздо позже настаивали на публичной наготе, веря, что Бог послал их лидера в мир как нового Адама, чтобы восстановить закон Природы; они подвергались преследованиям и в конце концов были истреблены гуситами.

Однако в повседневной жизни в средние века допускалась значительная степень наготы. Особенно это было заметно в общественных банях, которые мужчины и женщины посещали вместе. Так, Элвин Шульц отмечает (в своей книге *"Жизнь в духе времени миннесоты"*), что женщины аристократических классов, хотя и не мужчины, часто ходили в этих банях обнаженными, за исключением шляпы и ожерелья.

Иногда утверждается, что в средневековых религиозных пьесах Адам и Ева были абсолютно обнажены. Чемберс сомневается в этом и думает, что они носили трико телесного цвета или были, как в более поздней пьесе подобного рода, "облачены в белую кожу" (Э. К. Чемберс, *Средневековая сцена*, том I, стр. 5). Может быть, это и так, но публичное обнажение даже половых органов было разрешено, и то в аристократических домах, поскольку Джон Солсберийский (в отрывке, цитируемом Баклом, *Commonplace Book*, 541) протестует против этого обычая.

Женщины феминистской Франции XVI века, как отмечает Р. де Молд ла Клавьер (*"Ревю де л'Арт"*, январь 1898 г.), без колебаний вознаграждали своих поклонников, позволяя им пользоваться своим туалетом или даже ванной. В конце века они стали еще менее чопорными, и многие известные дамы позволяли изображать себя обнаженными по пояс, как мы видим на портрете "Габриэль д'Эстрес о Бен" в Шантийи. Однако многие из этих фотографий, безусловно, не являются настоящими портретами.

Даже в середине семнадцатого века в Англии публичное ношение наготы не было запрещено, поскольку Пепис рассказывает нам, что 29 июля 1667 года квакер вошел в Вестминстерский зал с криком: "Покайтесь! Покайтесь!", находясь в состоянии наготы, за исключением того, что он был "очень вежливо связан в интимных местах, чтобы избежать скандала". (Это, несомненно, был Соломон Экклз, который привык разгуливать в этом костюме как до, так и после Реставрации. Он был выдающимся музыкантом и, хотя и эксцентричен, явно не был сумасшедшим.)

В главе "О наготы" и в приложениях к своей книге *"О любви"* (том I, стр. 221) Сенанкур приводит примеры случайной практики обнажения в Европе и добавляет несколько собственных интересных замечаний; то же самое делает и Дюлор (*"Божественные женщины"*, гл. XV). Казалось бы, как правило, хотя полная нагота разрешалась в других отношениях, обычно прикрывали половые органы.

Движение восстания против наготы никогда не одерживало полной победы до девятнадцатого века. Тот век стал триумфом всех сил, которые повсеместно и полностью запрещали публичную наготу. Если, как настаивает Пудор, нагота является аристократической, а рабство одежды - плебейской характеристикой, навязанной низшим классам высшим классом, который сохранил за собой привилегию физической культуры, мы, возможно, можем связать это со вспышкой демократического плебейства, которое, как указывал Ницше, достигло своего апогея в девятнадцатом веке. В любом случае, безусловно, интересно наблюдать, что к этому времени движение полностью изменило свой характер. Оно стало всеобщим, но в то же время его основа была подорвана. Она в значительной степени утратила свой религиозный и моральный характер и вместо этого рассматривалась как вопрос условности. Человек девятнадцатого века, столкнувшийся с зрелищем белых конечностей, сверкающих на солнце, больше не чувствовал себя средневековым аскетом, который рисковал спасением своей бессмертной души или даже стремился к падению своей морали; он просто чувствовал, что это "неприлично" или, в крайних

случаях, "отвратительно". Иными словами, он рассматривал этот вопрос просто как вопрос общепринятого этикета, на худой конец, вкуса, эстетики. Низведя таким образом свое отвращение к наготы до столь низкого уровня, он действительно сделал ее общепринятой, но в то же время лишил ее высшей санкции. Его глубокий ужас перед наготой никак не вязался с теми легкомысленными соображениями, на которых он ее основывал.

Однако мы не должны недооценивать упорство, с которым сохранялся этот ужас наготы. Ничто так ярко не иллюстрирует глубоко укоренившуюся ненависть девятнадцатого века к наготы, как свирепость — для этого нет другого слова, — с которой христианские миссионеры обращались к дикарям по всему миру, даже в тропиках, настаивая на том, чтобы их новообращенные носили традиционную одежду Северной Европы. Рассказы путешественников изобилуют упоминаниями о том, какое значение миссионеры придавали этому изменению обычая, которое было как вредным для здоровья людей, так и унижающим их достоинство. Достаточно процитировать одного авторитетного свидетеля, лорда Стэнмора, бывшего губернатора Фиджи, который зачитал длинный доклад на англиканской миссионерской конференции в 1894 году на тему "Неправомерного внедрения западных обычаев". "В центре деревни, - заметил он, цитируя типичный случай (и имея в виду не Фиджи, а Тонгу), - находится церковь, деревянное здание, похожее на сарай. Если день воскресный, мы увидим местного священника в зеленовато-черном фраке, шейном платке, когда-то белом, и очках, в которых он, вероятно, не нуждается, проповедующего перед паствой, мужская часть которой одета почти так же, как он сам, в то время как женщины одеты в старые потрепанные шляпы или капоры и бесформенные платья, похожие на купальные, или это могут быть кринолины раннего образца. Влиятельные особы и женщины высокого происхождения, которые в своей местной одежде выглядели бы, и действительно выглядят, теми леди и джентльменами, которыми они являются, благодаря своим воскресным нарядам выглядят как слуги Джека в Зеленом. Если посетить городские дома после того, как люди закончат утреннюю работу, то обнаружат семью, сидящую на стульях, вялую и неудобную, в комнате, полной мусора. В домах высшего местного духовенства будет наблюдаться еще большее подражание западным нравам. Там будут стулья, покрытые отвратительными салфетками, безвкусные круглые коврики камвольной работы для отсутствующих вазонов с цветами и множество уродливых дешевых и вульгарных фарфоровых украшений для камина, которые, поскольку здесь нет камина и, следовательно, каминной доски, расставлены по порядку на шатком сосновом столе. Вся жизнь этих деревенских жителей - одна часть нереальной игры. Они постоянно спрашивают себя, подвергаются ли они каким-либо наказаниям, влекущим за собой нарушение длинной таблицы запретов, и соответствуют ли они иностранной одежде, которую носят. На их лицах, по большей части, выражение угрюмого недовольства, они передвигаются молча и безрадостно, в глубине души восставая против наложенного на них строгого кодекса, но от которого они боятся отказаться, отчасти из-за смутного предчувствия возможных светских результатов, а отчасти потому, что они предполагают, что перестанут быть добрыми христианами, если поступят так. У них есть веские основания для своего недовольства. В то время, когда я посещал деревни, которые мне особенно запомнились, ношение местной одежды каралось штрафом и тюремным заключением; ношение длинных волос или гирлянды цветов каралось штрафом и тюремным заключением; борьба или игра в мяч карались штрафом или тюремным заключением; строительство дома по местному образцу каралось штрафом и тюремным заключением; не носить рубашку и брюки, а в определенных местностях также пальто и обувь; и, в дополнение к законам, обеспечивающим строго пуританское соблюдение субботы, мытье по воскресеньям

каралось штрафом и тюремным заключением. В некоторых других местах купание в воскресенье каралось поркой; и насколько мне известно, женщин не порол ни за какие другие проступки. Люди в таких обстоятельствах созрели для бунта, и иногда бунт приходит".

Очевидным результатом сведения чувства наготы к неразумной, но императивной условности является тенденция к стыдливости. Это, как мы знаем, форма псевдостыдливости, которая, будучи условностью, а не естественным чувством, способна к неограниченному распространению. Это никоим образом не ограничивается современностью или христианской Европой. Древние евреи не были полностью свободны от ханжества, и мы находим в Ветхом Завете, что с помощью любопытного эвфемизма половые органы иногда называются "ногами". Турки способны на ханжество. Такими, собственно, были даже древние греки. "Дион философ говорит нам", - замечает Климент Александрийский (*Строматы*, Вк. IV, гл. XIX) "что некая женщина, Лисидика, из-за избытка скромности искупалась в своей одежде, и что Филотера, когда ей предстояло войти в ванну, постепенно оттягивала назад свою тунику, когда вода покрывала ее обнаженные части тела; а затем, постепенно поднимаясь, надела ее". Жеманные ханжи встречались среди первых христиан, и их обычаи наглядно описаны святым Иеронимом в одном из его писем к Евстохию: "Эти женщины, - говорит он, - говорят сквозь зубы или краешком губ, а также с улыбкой. шепелявящие, произносящие слова лишь наполовину, потому что они считают грубым все, что естественно. Подобные им, - заявляет Джером, ученый в нем побеждает аскета, - развращают даже язык". Всякий раз, когда дикарям навязывается новая и искусственная "скромность", возникает ханжество. Хэддон описывает это среди аборигенов Торресова пролива, где даже дети теперь страдают от чрезмерной стыдливости, хотя раньше были абсолютно голыми и не стыдились (*Кембриджская антропологическая экспедиция в Торресов пролив*, т. v, стр. 271).

Девятнадцатый век, ставший свидетелем торжества робости и ханжества в этом вопросе, также породил первый плодотворный зародыш новых представлений о наготы. В какой-то степени это было воплощено в великом романтическом движении. Руссо, действительно, не особо настаивал на наготы как элементе возвращения к природе, которое он проповедовал с таким влиянием. Однако новое чувство в этом вопросе проявилось с характерной экстравагантностью в некоторых эпизодах Революции, в то время как в Германии в новаторской "*Люсинде*" Фридриха Шлегеля, характерной фигуры романтического движения, все еще незнакомая концепция тела была изложена в серьезном духе.

В Англии Блейк с его странным и пламенным гением провозгласил мистическое учение, которое включало духовное прославление тела и презрение к цивилизованному поклонению одежде ("Что касается современного человека, - писал он, - без одежды он подобен мертвому трупу"); в то время как позже в Америке Торо, Уитмен и Берроуз еще более определенно провозгласили схожее послание о необходимости возвращения к Природе.

Мы находим, что важность созерцания тела — хотя и очень узко, во избежание мошенничества при вступлении в брак — была изложена еще в шестнадцатом веке сэром Томасом Мором в его *Утопии*, которая так богата новыми и плодотворными идеями. В Утопии, согласно сэру Томасу Мору, перед вступлением в брак степенная и честная матрона "показывает женщину, будь то служанка или вдова, обнаженной перед женихом. И точно так же мудрый и благоразумный мужчина показывает жениха обнаженным перед женщиной. Мы посмеялись над этим обычаем и отвергли его как глупый. Но они, со своей стороны, очень удивляются

глупости всех других народов, которые, покупая жеребенка за небольшие деньги, рискуют быть настолько осторожными, что, хотя он почти полностью обнажен, они все же не купят его, пока не снимут седло и всю сбрую, чтобы под этими покрывалами не скрывалась какая-нибудь желчь или язва. И все же, выбирая жену, которая будет доставлять им либо удовольствие, либо неудовольствие всю последующую жизнь, они настолько безрассудны, что, поскольку все остатки тела женщины покрыты одеждой, они оценивают ее едва ли на ладонь ниже (ибо они не могут видеть ничего, кроме ее лица) и таким образом присоединяют ее к себе, не без большой опасности злого согласия, если что-нибудь в ее теле впоследствии случайно оскорбит их или не понравится им. Воистину, под этими покрывалами может скрываться настолько отвратительное уродство, что оно может совершенно оттолкнуть разум мужчины от его жены, когда их тела не будут законно снова разделены. Если такое уродство произойдет случайно после того, как брак будет заключен, что ж, нет другого средства, кроме терпения. Но было хорошо сделано, что был принят закон, по которому все подобные обманы заранее пресекались".

Четкое представление о том, что можно назвать духовной ценностью наготы - ни в коем случае не с точки зрения Мора, а как части естественной гигиены в самом широком смысле и как высоком и особом аспекте очищающей и облагораживающей функции красоты — появилось гораздо позже. Это не было четко выражено до времен романтического движения в начале девятнадцатого века. У нас это превосходно изложено в книге Сенанкура "О любви" (первое издание, 1806; четвертое и дополненное издание, 1834), которая до сих пор остается одной из лучших книг о нравственности любви. Отметив, что нагота ни в коем случае не отменяет скромности, он переходит к защите случайной частичной или полной наготы. "Давайте предположим, - замечает он, отчасти в духе Платона, - что существует страна, в которой на определенных всеобщих празднествах женщины могут быть абсолютно свободны быть почти или даже совсем обнаженными. Плавая, вальсируя, прогуливаясь пешком, те, кто считал это за благо, могли оставаться раздетыми в присутствии мужчин. Несомненно, иллюзии любви были бы малоизвестны, и страсть испытывала бы меньший восторг. Но разве страсть вообще облагораживает человеческие дела? Нам нужны искренние привязанности и утонченные наслаждения, и все это мы можем получить, сохраняя при этом наш здравый смысл. ... Такая нагота потребовала бы соответствующих институтов, сильных и простых, и большого уважения к тем условиям, которые присущи всем временам" (Sénancour, *De l'Amour*, том i, стр. 314).

С этого времени ссылки на ценность и желательность наготы становятся все более частыми во всех цивилизованных странах, иногда смешиваясь с саркастическими намеками на ложные условности, унаследованные нами в этом вопросе. Так, Торо записывает в своем дневнике от 12 июня 1852 года, глядя на мальчиков, купающихся в реке: "Цвет их тел на солнце на расстоянии приятен. Я слышу, как звуки их игры разносятся над водой. Пока в природе нет человека. Какой странный факт для ангела, посетившего эту землю, занести в свою записную книжку, что мужчинам было запрещено обнажать свое тело под страхом самых суровых наказаний".

Иван Блох в главе VII своей книги "Сексуальная жизнь нашего времени" обсуждает этот вопрос о наготы с современной точки зрения и приходит к выводу: "Естественное представление о наготы - вот лозунг будущего. Все гигиенические, эстетические и моральные усилия нашего времени направлены в этом направлении".

Стратц, как и подобает человеку, который так усердно трудился во имя здоровья и красоты человека, превосходно описывает стадию, которой мы сейчас достигли в этом вопросе. Указав

(*Die Frauenkleidung*, третье издание, 1904, стр. 30), что в противовес языческому миру, поклонявшемуся обнаженным богам, христианство развило идею о том, что нагота была просто сексуальной и, следовательно, аморальной, он продолжает: "Но поверх всего сияло на небесных высотах Креста обнаженное тело Спасителя. Под этой защитой постепенно освободилась от путаницы идей новая преобразованная форма наготы, ставшая свободной после долгой борьбы. Я бы назвал это *художественной наготой*, ибо как древние греки увековечивали ее в искусстве, так и у нас искусство пробудило ее к новой жизни. Художественная нагота по своей природе намного выше, чем естественное или чувственное представление о наготы. Простое дитя Природы вообще ничего не видит в наготы; одетый человек видит в непокрытом теле только чувственное раздражение. Но на высшей точке зрения человек сознательно возвращается к Природе и признает, что под многообразными покровами человеческих выдумок скрыто самое великолепное создание, которое создал Бог. Один может стоять в безмолвном, благоговейном изумлении перед этим зрелищем; другой может быть побужден подражать и показывать своим ближним то, что он увидел в этот священный момент. Но оба наслаждаются зрелищем человеческой красоты с полным сознанием и просветленной чистотой помыслов".

Однако главный практический вклад девятнадцатого века в новое отношение к наготы был сделан не столько с этих, более духовных, сторон, сколько с точки зрения гигиены.

Шотландский судья лорд Монбоддо, который был пионером многих современных идей, уже в восемнадцатом веке осознал гигиеническую ценность "воздушных ванн" и придумал это ставшее привычным название. "Лорд Монбоддо", - говорит Босуэлл в 1777 году (*Жизнь Джонсона*, под редакцией Хилла, том. iii, стр. 168) "сказал мне, что он просыпался каждое утро в четыре, а затем ради своего здоровья вставал и ходил по своей комнате голый, с открытым окном, что он называл принятием *воздушной ванны*". Говорят также, я не знаю, на основании какого источника, что он каждое утро заставлял своих прекрасных дочерей обнаженными принимать воздушные ванны на террасе. Другой выдающийся человек того же столетия, Бенджамин Франклин, иногда работал обнаженным в своем кабинете по соображениям гигиены и, как известно, однажды напугал служанку, открыв дверь по рассеянности, таким образом, без одежды.

Рикли, по-видимому, был апостолом воздушных и солнечных ванн, рассматриваемых как систематический метод. Более полувека назад он основал световоздушные бани в Триесте и других местах Австрии. Его девизом было: "Свет, истина и Свобода являются движущими силами на пути к высшему развитию физического и нравственного здоровья". Человек - не рыба, заявлял он; свет и воздух - это первые условия высокоорганизованной жизни. Солярии для лечения ряда различных неупорядоченных состояний в настоящее время широко используются, и большинство систем естественной терапии придают первостепенное значение свету и воздуху, в то время как в медицине в целом начинает признаваться, что такими воздействиями ни в коем случае нельзя пренебрегать. Доктор Фернан Сандос в своем *"Введении в натуралистскую терапию в отношении физических и диетических средств"* (1907) всесторонне излагает такие методы. В Германии солнечные ванны стали широко распространены; так, Ленкей (в статье, опубликованной в *British Medical Journal*, 31 октября 1908 г.) назначает их с большой пользой при туберкулезе, ревматических заболеваниях, ожирении, анемии, неврастении и т.д. Он считает, что их особая ценность заключается в действии света. Профессор Дж. Н. Хайд из Чикаго даже считает ("Световой голод в возникновении

псориаза", *Британский медицинский журнал*, 6 октября 1906 г.), что псориаз вызывается дефицитом солнечного света и лучше всего излечивается применением света. Это убеждение, которое, однако, не было общепринятым в его безоговорочной форме, он изобретательно подкрепляет тем фактом, что псориаз имеет тенденцию появляться на наиболее открытых частях тела, которые, как можно считать, естественным образом получают максимум света и нуждаются в нем, а также отсутствием заболевания в жарких странах и среди негров.

О гигиенической ценности наготы свидетельствует крепкое здоровье дикарей по всему миру, которые ходят обнаженными. Энергичность ирландцев также была связана с тем фактом, что (как показывает *Маршрут* Файнса Морисона) представители обоих полов, даже среди лиц высокого социального класса, привыкли ходить обнаженными, за исключением мантии, особенно в более отдаленных частях страны, еще в семнадцатом веке. Где бы примитивные расы ни отказались от наготы в пользу одежды, сразу же заметно возрастает склонность к болезням, смертности и вырождению, хотя следует помнить, что использование одежды обычно сопровождается привитием других вредных привычек. "Нагота - единственное условие, универсальное среди энергичных и здоровых дикарей; во всем остальном, возможно, они различаются", - замечает Фредерик Бойл в статье ("Дикари и одежда", *Ежемесячное обозрение*, сентябрь 1905 г.), в которой он собирает множество доказательств гигиенических преимуществ естественного состояния человека, когда у человека "все лицо".

Именно в Германии возврат к наготы был наиболее умело и тщательно пропагандирован, в частности доктором Х. Пудором в его книге *"Накт-культура"* и Р. Унгевицкером в книге *"Нактитура"* (впервые опубликованной в 1905 году), книга, которая разошлась очень большим тиражом во многих изданиях. Эти писатели с энтузиазмом пропагандируют наготу не только по гигиеническим, но и по моральным и художественным соображениям. Пудор особенно настаивает на том, что "нагота, как в гимнастике, так и в спорте, является методом лечения и восстановления"; он выступает за совместное обучение этой культуре наготы. Хотя Пудор предъявляет большие претензии к наготы, полагая, что все нации, которые игнорировали эти претензии, быстро пришли в упадок, он меньше надеется, чем Унгевицкер, на какую-либо быструю победу над предрассудками, противостоящими культуре наготы. Он считает, что ближайшей задачей является образование и что практическое начало лучше всего начать со стопы, которая особенно нуждается в гигиене и физических упражнениях; большая часть первого тома его книги посвящена стопе.

С точки зрения сегодняшних педагогов, которые в равной степени относятся к санитарным и сексуальным соображениям, требование наготы, насколько это касается молодежи, рассматривается как часть как физической, так и моральной гигиены. Свободный контакт обнаженного тела с воздухом, водой и светом способствует оздоровлению тела; знакомство с видом тела устраняет мелочную похоть, тренирует чувство красоты и способствует здоровью души. Этот двойной аспект вопроса, несомненно, имеет большое значение для тех учителей, которые сейчас одобряют обычаи, которые несколько лет назад были бы поспешно отвергнуты как "неприличные". По-прежнему существуют большие разногласия относительно пределов, до которых может быть доведена практика обнаженности, а также относительно возраста, когда ее следует начинать ограничивать. Тот факт, что взрослое поколение наших дней выросло под влиянием старого ужаса перед наготой, является неизбежным препятствием для любых революционных изменений в этих вопросах.

Мария Лишнеуска, одна из самых способных сторонниц методичного просвещения детей в вопросах секса (указ. соч.), ясно осознает, что разумное отношение к телу лежит в основе полноценного образования на всю жизнь. Она считает, что главным возражением, с которым сталкивается такое образование, применяемое в старших классах школ, является "ужас цивилизованного человека перед собственным телом". Она показывает, что не может быть никаких сомнений в том, что те, кто занят трудной задачей по уничтожению этого суеверного ужаса, взяли на себя моральную задачу первостепенной важности.

Вальтер Герхард в вдумчивой и разумной статье по вопросу образования ("Ein Kapitel zur Erziehungsfrage", *Geschlecht und Gesellschaft*, том i, часть 2) указывает, что взрослый человек нуждается в образовании в этом вопросе — как и во многих других вопросах сексуального просвещения — значительно больше, чем ребенок. Родители с самых ранних лет воспитывают своих детей в благоразумии и тщетно льстят себе мыслью, что таким образом воспитали в них скромность и нравственность. Он описывает свою собственную раннюю жизнь в тропической стране и с самого начала привык к наготы. "Только когда я приехала в Германию, когда мне было почти двадцать, я узнала, что человеческое тело неприлично и что его нельзя показывать, потому что это "возбудило бы дурные побуждения". Только когда человеческое тело было полностью скрыто из виду и после того, как мне постоянно говорили, что за одеждой скрывается что-то неприличное, я смогла это понять. ... До тех пор я не знал, что обнаженное тело самым фактом своей обнаженности может вызывать эротические чувства. Я познал эротические чувства, но они возникли не от вида обнаженного тела, а постепенно расцвели от единения наших душ". И он выводит заключительную мораль о том, что, хотя бы ради наших детей, мы должны научиться воспитывать самих себя.

Форель ("Сексуальная жизнь", стр. 140), высказываясь в том же смысле, что и Герхард, отмечает, что у детей ханжество может быть либо вызвано, либо излечено. Это может быть вызвано неоправданным беспокойством прикрывать свои тела и прятать от них тела других людей. Это можно вылечить, заставив их осознать, что в теле нет ничего неестественного, чего нам нужно стыдиться, и поощряя совместное купание представителей обоих полов. Он указывает (стр. 512) на преимущества того, чтобы позволить детям знакомиться со взрослыми формами, которые они сами когда-нибудь примут, и осуждает поведение тех глупцов, которые предполагают, что дети уже обладают эротическими чувствами взрослых к телу. Это настолько далеко от истины, что дети часто не в состоянии отличить пол других детей по их одежде.

На Мангеймском конгрессе Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями, специально посвященном сексуальной гигиене, выступавшие постоянно ссылались на необходимость популяризации знакомства с обнаженным телом. Так, Эйленбург и Джулиан Маркузе (*Сексуальная педагогика*, стр. 264) подчеркивают важность воздушных ванн не только для физического здоровья молодежи, но и в интересах рационального сексуального воспитания. Хеллер, учитель, выступая на том же конгрессе (указ. соч., стр. 85), настаивая на знакомстве с обнаженной натурой в искусстве и литературе и протестуя против распространения стихов для молодежи, продолжает: "Постановлениями о купальных трусах еще ни одна душа не была спасена от морального разорения. Того, кто научился мирно наслаждаться обнаженным в искусстве, обнаженное в природе волнует только как произведение искусства". Эндерлин, другой учитель, высказываясь в том же смысле (стр. 58), указывает, что нагота не может действовать сексуально или аморально на ребенка, поскольку сексуальное влечение еще не стало ярко выраженным, и чем раньше он знакомится с

обнаженным в природе и в искусстве, как с чем-то само собой разумеющимся, тем меньше вероятность преждевременного развития сексуальных чувств. Таким образом, ребенок действительно становится невосприимчивым к нечистым влияниям, так что позже, когда перед ним предстают изображения обнаженной натуры с целью спровоцировать его распутство, они бессильны причинить ему вред. Эндерлин добавляет, что знакомство с обнаженной натурой в искусстве важно изучать в школе, поскольку большинству из нас, как отмечает Зиберт, приходится учиться чистоте через искусство.

Обнаженность при купании, замечает Бельше в своем *"Трудах о природе"* (том iii, стр. 139 и далее), мы уже в какой-то мере обладаем; она нужна нам в физических упражнениях, сначала для мужчин и женщин по отдельности; затем, когда мы привыкнем к этой идее, иногда для обоих полов вместе. Нам нужно приобрести способность видеть тела особей другого пола с таким самоконтролем и таким естественным инстинктом, чтобы они стали для нас незротичными и на них можно было смотреть без эротических чувств. Искусство, по его словам, показывает, что это возможно в цивилизации. Наука, добавляет он, приходит на помощь с той же точки зрения.

Унгевиттер (*Die Nacktheit*, стр. 57) также призывает мальчиков и девочек заниматься играми и гимнастикой вместе, полностью обнаженными в воздушных ваннах. "Таким образом, - считает он, - гимназия стала бы школой нравственности, в которой молодые подрастающие существа смогли бы сохранять свою чистоту как можно дольше, естественным образом привыкая друг к другу. В то же время их тела были бы закалены и развиты, а восприятие красивых и естественных форм пробудилось бы". Для тех, у кого есть какие-либо "моральные" сомнения по этому поводу, он упоминает обычай в отдаленных сельских районах, когда мальчики и девочки купаются вместе совершенно голыми и без какого-либо сексуального осознания. Rudolf Sommer, similarly, in an excellent article entitled "Mädchenerziehung oder Menschenbildung?" (*Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. i, раздел 3) советует приучать детей к наготы друг друга с раннего возраста в семейной жизни дома или в саду, в играх и особенно при купании; он отмечает, что родители, имеющие детей только одного пола, должны развивать ради своих детей интимные отношения с семьей, в которой есть дети аналогичного возраста противоположного пола, чтобы они могли расти вместе.

Едва ли нужно добавлять, что культивирование наготы всегда должно сочетаться с уважением к естественным инстинктам скромности. Если бы практика обнаженности привела к тому, что молодежь стала испытывать меньшее почтение к своей собственной или чужой личности, преимущества этого были бы куплены слишком дорогой ценой. Отчасти это вопрос здорового инстинкта, отчасти мудрой дрессировки. Теперь мы знаем, что отсутствие одежды имеет мало общего с отсутствием скромности, а та связь, которая существует, имеет обратный порядок, ибо дикие расы, которые ходят обнаженными, обычно более скромны, чем те, которые носят одежду. Изречение, цитируемое Геродотом в древнегреческом мире, о том, что "женщина снимает свою скромность вместе с платьем", было любимым текстом отцов христианства. Но Плутарх, который также был моралистом, уже протестовал против этого в конце греческого мира: "Ни в коем случае, - заявил он, - та, кто скромна, одевается скромно, когда снимает тунику". "Женщина может быть обнаженной", как выразилась миссис Бишоп, путешественник, заметил доктору Бельцу в Японии: "и все же вежи себя как леди".^[42]

Этот вопрос является сложным для нас самих, потому что устоявшиеся традиции жесткого сокрытия породили похоть, которая является оскорбительным оскорблением обнаженной скромности. Во многих странах женщины, привыкшие быть почти или совсем обнаженными в присутствии своих соплеменников, прикрываются, как только чувствуют на себе похотливые пытливые взгляды европейцев. Стратц ссылается на распространенность этого импульса оскорбленной скромности в Японии и упоминает, что ему самому не удалось пробудить его просто потому, что он был врачом и, более того, долгое время жил в другой стране (Ява), где также преобладает обычай обнажаться.^[43] До тех пор, пока существует эта неестественная похоть, свободная, неквалифицированная нагота становится затруднительной.

Однако скромность - не единственный естественный импульс, который следует учитывать в связи с обычаем обнаженности. Представляется вероятным, что, культивируя практику обнаженности, мы не просто выполняем моральные и гигиенические предписания, но даем законный простор инстинкту, который в некоторые периоды жизни, особенно в подростковом возрасте, является спонтанным и естественным, даже, может быть, благотворно основанным на традициях расы в половом отборе. Наши жесткие условности делают для нас невозможным открытие законов природы в этом вопросе, подавляя их с самого начала. Вполне возможно, что существует ритмическая гармония и соответствие между импульсами скромности и импульсами хвастовства, хотя мы сделали все возможное, чтобы замаскировать закон природы нашими глупыми и извращенными подзаконными актами.

Стэнли Холл, который подчеркивает важность наготы, отмечает, что в период полового созревания у нас есть много оснований предполагать, что в естественном состоянии существует определенная инстинктивная гордость и показуха, которые сопровождают новое локальное развитие, и цитирует наблюдение доктора Сирли о том, что стремление скрывать половые органы особенно заметно у недоразвитых молодых мужчин, но не очевидно у тех, кто развит выше среднего. Стэнли Холл (*"Юность"*, т. ii, стр. 97), также относится к частоте, с которой не только "добродетельные молодые люди, но даже женщины, скорее, хвалятся случаями, когда они могут демонстрировать красоту своих форм без стеснения не только перед самими собой и любимыми, но даже перед другими под соответствующими предлогами".

Многие, несомненно, отмечали эту тенденцию, особенно у женщин, и главным образом у тех, кто осознает прекрасное физическое развитие. Мадам Селин Ренуз считает, что эта тенденция соответствует действительно глубоко укоренившемуся в женщинах инстинкту, мало или совсем не проявляющемуся у мужчин, которые, следовательно, пытались искусственно навязать женщинам свои собственные мужские представления о скромности. "В реальной жизни современной молодой девушки наступает момент, когда в силу тайного атавизма она ощущает гордость своего пола, интуицию своего морального превосходства и не может понять, почему она должна скрывать причину этого. В этот момент, колеблясь между законами природы и социальными условностями, она едва ли знает, должна ли нагота пугать ее или нет. Своего рода смутная атавистическая память напоминает ей о периоде, когда одежда еще не была известна, и раскрывает ей как райский идеал обычаи той человеческой эпохи" (Селин Ренуз, *Сравнительная психология человека и женщины*, стр. 85-87). Возможно, это смутно почувствовала немецкая девушка (упомянутая в *"Жизни Брамса"* Кальбека), которая сказала: "Музыкой наслаждаешься вдвое больше, чем декольте".

С точки зрения, которую мы здесь по существу рассматриваем, есть три способа, которыми культивирование наготы — насколько это допускается медленным формированием общественного мнения — имеет тенденцию оказывать влияние: (1) Это важный элемент сексуальной гигиены молодежи, привносящий полезные знания и неопытность в сферу, некогда отданную ханжеству и распутству. (2) Эффект наготы благотворен и для лиц более зрелого возраста, поскольку он способствует развитию чувства красоты и оказывает тонизирующее и утешающее воздействие природной силы и грации. (3) Обычай обнажаться, во всяком случае, с момента своего зарождения, оказывает динамичное психологическое влияние также и на мораль, влияние, проявляющееся в замене строгой и позитивной морали чисто негативной и робкой моралью, которая господствовала в этой сфере.

Возможно, найдется не так много взрослых, которые осознают интенсивную и тайную поглощенность мыслями в умах многих мальчиков и некоторых девочек относительно проблемы физического сложения другого пола, а также время, терпение и интеллектуальную энергию, которые они готовы потратить на решение этой проблемы. Чаще всего это делается тайно, но нередко тайный импульс проявляется во внезапном насилии, которое в слепых глазах закона расценивается как преступление. Немецкий юрист, доктор Вертхауэр, недавно заявил, что при должной степени знакомства с естественными органами и функциями противоположного пола девяносто процентов все непристойные действия молодых людей с девочками исчезли бы, поскольку в большинстве случаев это не нападения, а просто невинный, хотя и неконтролируемый результат подавленного естественного любопытства. Совершенно верно, что немало детей смело заручаются сотрудничеством друг друга в решении этого вопроса и решают его к обоюдному удовлетворению. Но даже это не вполне удовлетворительно, поскольку цель достигается не открыто и благотворно, с должным подчинением специфически сексуального, а с сознанием неправильности поступков и исключительным вниманием к чисто физическому факту, которые непосредственно способствуют развитию сексуального возбуждения. Когда знакомство с обнаженным телом другого пола приобретает открыто и без осознания неприличия, в ходе работы и игр, при физических упражнениях или гимнастике, при беге или купании, с самых ранних лет ребенка, знание основных фактов физического строения, приобретенное таким естественным образом, не влечет за собой никаких вредных последствий. Похоть и щепетильность, которые отравляли сексуальную жизнь в прошлом, также стали невозможными.

Однако нагота имеет как гигиеническое, так и духовное значение, выходящее далеко за рамки ее влияния на естественную любознательность молодежи или предотвращение болезненных эмоций. Это источник вдохновения для взрослых, которые давно переросли любые юношеские пристрастия. Видение сущностной и вечной человеческой формы, самого близкого нам существа во всем мире, с его энергией, красотой и изяществом, является одним из главных тонизирующих средств жизни. "Сила женского тела, - сказал Джеймс Хинтон, - не более телесна, чем сила музыки - сила атмосферных вибраций". Это больше, чем все красивые и возбуждающие вещи в мире, чем цветы, звезды или море. История, легенды и мифы раскрывают нам священное и ужасное влияние наготы, ибо, как говорит Стэнли Холл, нагота всегда была "талисманом удивительной силы у богов и людей". О том, как сильно люди жаждут зрелища человеческого тела — даже сегодня, после того как поколения привили представление о том, что это неприличное и даже отвратительное зрелище, - свидетельствует то рвение, с которым они стремятся к зрелищу даже его несовершенных и банальных форм, хотя они, безусловно, обладают пьянящим и возбуждающим качеством, которого никогда не найти в

трогательной простоте обнаженной красоты. Это было еще одно зрелище, когда королевы древнего Мадагаскара на ежегодном Фандруне, или празднике бани, сняли свои королевские одежды и, пока их подданные толпились во дворе дворца, спустились по мраморным ступеням в купальню в полной наготе. Когда мы делаем наши условности в одежде жесткими, мы сразу же устраиваем пиршество для похоти и отказываем себе в одном из главных тонизирующих средств жизни.

"Я был в отчаянии и уныло брел по улице Мельбурна, - пишет австралийский автор еще неопубликованной автобиографии, - когда трое детей выбежали из переулка и перешли дорогу при полном свете дня. Красота и стройность их ног на открытом воздухе наполнили меня радостью, так что я забыл обо всех своих проблемах, глядя на них. Это было яркое откровение, неожиданный проблеск Рая, и я никогда не переставал благодарить счастливое сочетание формы, чистой крови и нежной кожи этих обездоленных детей, ибо ветер, казалось, оживлял их золотистую красоту, и я сохранил розовое видение их естественных юных конечностей, гораздо более божественных, чем те, что всегда под покровом. Другой случай, когда обнаженные молодые конечности заставили меня забыть всю мою мрачность и уныние, произошел во время моего первого визита в Аделаиду. Я наткнулась на обнаженного юношу, облокотившегося на перила возле Бани, и красота его лица, торса, прекрасных юных конечностей и изящных ступней наполнила меня радостью и возродившейся надеждой. Слезы навернулись мне на глаза, и я сказал себе: "Пока в мире есть красота, я буду продолжать бороться", -

Мы должны, как заявляет Бельше (*лок. цит. по*), приучить себя смотреть на обнаженное человеческое тело точно так же, как мы смотрим на прекрасный цветок, не просто с жалостью, с которой врач смотрит на тело, но с радостью от его силы, здоровья и красоты. Ибо цветок, как справедливо добавляет Бельше, - это не просто "обнаженное тело", это самая священная часть тела, половые органы растения.

"Для девушек танцевать обнаженными, - сказал Хинтон, - это единственная по-настоящему чистая форма танца, и поэтому в свое время это должно произойти. Это несомненно: девушки будут танцевать обнаженными, а мужчины будут достаточно чисты, чтобы смотреть на них". Так уже было в Греции, замечает он в другом месте, как и сегодня в Японии (как совсем недавно описал Стратц). Прошло почти сорок лет с тех пор, как были написаны эти пророческие слова, но сам Хинтон, вероятно, был бы удивлен прогрессом, который уже был достигнут медленно (ибо всякий истинный прогресс должен быть медленным) на пути к этой цели. Даже на сцене в Европе начинают преобладать новые, более естественные традиции. Прошло не так много лет с тех пор, как английская актриса расценила как клевету заявление о том, что она появилась на сцене босиком, и подала иск о клевете, добившись существенного возмещения ущерба. Такой результат вряд ли был бы возможен сегодня. Движение, пионером которого была Айседора Дункан, привело к частичному отказу танцоров от оскорбительного приема трико, и больше не считается неприличным демонстрировать многие части тела, которые раньше было принято прикрывать.

Следует, однако, в то же время добавить, что, хотя танцоры, в той мере, в какой они являются подлинными художниками, имеют право определять условия, наиболее благоприятные для их искусства, "живые статуи" и "живые картины", вошедшие в международную моду в последние годы, ничего не выигрывают для дела здоровой культуры обнаженности. Они могут быть законны как эстрадные представления, но они не имеют ничего общего ни с Природой, ни с

искусством. Доктор Пудор, пишущий как один из первых апостолов культуры наготы, энергично протестовал против этих представлений (*Сексуальная проблема*, декабрь 1908 г., стр. 828). Он справедливо указывает, что нагота, чтобы быть полезной, требует открытого воздуха, лугов, солнечного света, и что нагота ночью, в мюзик-холле, при искусственном освещении, в присутствии зрителей, которые сами одеты, не имеет в себе никакого элемента морали. То тут, то там незаметно предпринимались попытки культивировать определенную степень взаимной наготы между полами во время поездок в отдаленные страны. Важно найти запись о таком эксперименте в книге Унгевицера "*Die Nacktheit*". В этом случае группа людей, мужчин и женщин, регулярно каждое воскресенье искала бы отдаленные места в лесу или на лугу, где они устраивали бы пикник и наслаждались играми. "Они устроились поудобнее, насколько это было возможно: мужчины сняли пальто, жилеты, ботинки и носки; женщины - блузки, юбки, туфли и чулки. Постепенно, по мере того как в их умах формировалось моральное представление о наготе, все больше и больше одежды исчезало, пока на мужчинах не осталось ничего, кроме купальных трусов, а на женщинах - только сорочки. В этом "костюме" совместно проводились игры и велась обычная походная жизнь. Затем дамы (некоторые из которых были незамужними) лежали в гамаках, а мы, мужчины, - на траве, и общение было восхитительным. Мы чувствовали себя членами одной семьи и вели себя соответственно. Совершенно естественно и без смущения мы полностью отдались освобождающим чувствам, вызванным этим воздушно-световым купанием, и провели эти великолепные часы в радостном пении и танцах, в беспричинно детской манере, освободившись от бремени ложной цивилизации. Конечно, необходимо было искать места, как можно более удаленные от больших дорог, опасаясь, что их потревожат. В то же время мы ни в коем случае не отказывали себе в природной скромности и внимании друг к другу. Детям, которые могут быть полностью обнаженными, может быть разрешено принимать участие в таких собраниях взрослых, и, таким образом, они будут воспитаны свободными от болезненной стыдливости" (П. Унгевицтер, *Die Nacktheit*, стр. 58).

Несомненно, можно сказать, что идеалом в этом вопросе является возможность разрешить полную наготу. Это можно признать, и это, несомненно, правда, что наши жесткие полицейские правила во многом способствуют искусственному сокрытию этого факта, которое не основано ни на каком естественном инстинкте. Доктор Шуфельдт рассказывает в своих *Исследованиях человеческого облика*, что однажды в ходе фотографической экспедиции в лесу он наткнулся на двух мальчиков, голых, если не считать плавок, которые собирали водяные лилии из пруда. Он нашел их хорошим объектом для съемки, но их никак не удавалось заставить снять панталоны, ни в коем случае не из скромности или притворной скромности, а просто потому, что они боялись, что их могут поймать и арестовать. Мы должны признать, что в настоящее время общее общественное мнение еще недостаточно образовано, чтобы допустить публичное пренебрежение к конвенции о прикрытии сексуальных центров, и все попытки расширить границы наготы должны демонстрировать должное уважение к этому требованию. Что касается женщин, Валентин Лер из Фрайбурга, в Брайсгау, изобрел костюм (изображенный в книге Унгевицера "*Заклятие*"), который подходит как для общественных водных, так и для воздушных ванн, потому что он отвечает требованиям тех, чьим минимальным требованием является то, чтобы главные сексуальные центры тела были прикрыты на публике, в то время как в остальном это практически не вызывает возражений. Он состоит из двух частей, сделанных из пористого материала, одна прикрывает грудь лентой через плечи, а другая прикрывает живот ниже пупка и натягивается между ног. Этот минималистичный костюм, хотя и не является ни

идеальным, ни эстетичным, адекватно прикрывает сексуальные зоны тела, оставляя руки, талию, бедра и ноги полностью свободными.

Наконец, остается моральный аспект наготы. Хотя многие подчеркивали это на протяжении последних полувека, большинству он все еще незнаком. Человеческое тело никогда не может быть мелочью. Мудрый воспитатель может позаботиться о том, чтобы мальчики и девочки воспитывались вестественной и полезной близости друг к другу, но зрелище тела всегда должно вызывать определенный ужас и красоту, смесь притяжения и отвращения. Поскольку он обладает такой силой, он естественным образом взывает к добродетели тех, кто принимает участие в спектакле, и делает невозможным любое мягкое подчинение эмоциям. Даже если мы признаем, что зрелище наготы - это вызов страсти, это все равно вызов, который призывает к облагораживающим качествам самоконтроля. Это всего лишь жалкая добродетель, заключающаяся в бегстве в пустыню от вещей, которые, как мы боимся, могут таить в себе искушение. Мы должны усвоить, что еще хуже пытаться создать вокруг себя пустыню посреди цивилизации. Мы не можем обойтись без страстей, если бы захотели; разум, как сказал Гольбах, - это искусство выбирать правильные страсти, а образование - искусство сеять и взращивать их в человеческих сердцах. Зрелище наготы имеет свою моральную ценность, поскольку учит нас наслаждаться тем, чем мы не обладаем, - урок, который является неотъемлемой частью подготовки к любой светской жизни. Ребенок должен научиться смотреть на цветы, а не срывать их; мужчина должен научиться смотреть на женскую красоту, а не желать обладать ею. Радостная победа над этой "эротической клептоманией", как хорошо сказала Эллен Ки, свидетельствует о расцвете прекрасной цивилизации. Мы воображаем, что победа трудна, даже невозможно трудна. Но это не так. Этот импульс, как и другие человеческие импульсы, имеет тенденцию в естественных условиях развиваться умеренно и благотворно. Мы искусственно давим на него глупой и жестокой рукой, и оно впадает в две неестественные крайности подавления и вседозволенности, причем одна крайность столь же отвратительна, как и другая.

Тем, кто воспитывался в плохих условиях, действительно может показаться безнадежной попытка подняться до уровня греков и других более уравновешенных народов древности в осознании моральных, а также педагогических, гигиенических и эстетических преимуществ^[44] допущения в жизнь зрелища обнаженного человеческого тела. Но если мы этого не сделаем, то безнадежно скуем себя в нашем шествии по дороге цивилизации, мы сразу же лишим себя источника моральной силы и радостного вдохновения. Точно так же, как Уэсли однажды спросил, почему у дьявола должны быть все лучшие мелодии, так и современные люди начинают задаваться вопросом, почему человеческому телу, самой божественной мелодии в ее лучшие моменты, которую когда-либо создавало творение, должно быть позволено стать привилегией тех, кто жаждет непристойного. И некоторые, далее, убеждены, что, привлекая его на сторону чистоты и силы, они воздвигают самый мощный из всех бастионов против вторжения порочной концепции жизни и последующей деградации секса. Это соображения, которыми мы больше не можем позволить себе пренебрегать, какое бы сильное противодействие они ни вызывали среди бездумных людей.

"Люди боятся, что такие вещи разжигают страсти", - замечает Эдвард Карпентер. "Без сомнения, вещи могут действовать именно так. Но почему, мы можем спросить, люди должны бояться разжигания страстей, которые, в конце концов, являются великими движущими силами человеческой жизни?" Это правда, продолжает тот же автор, что наши общепринятые

моральные формулы уже недостаточно сильны, чтобы адекватно контролировать страсть, и что мы создаем пар в котле, который изъеден ржавчиной. "Лекарство не в том, чтобы отсекал страсти или слабо бояться их, а в том, чтобы найти новый, надежный двигатель общей морали и здравого смысла, внутри которого они будут работать" (Эдвард Карпентер, *Олбани Ревью*, сентябрь 1907 г.).

Однако, насколько мне известно, именно Джеймс Хинтон в основном стремился прояснить возможность позитивной морали на основе наготы, красоты и сексуального влияния, рассматриваемых как динамические силы, которые, будучи подавленными, способствуют развращению, а при разумном использовании служат вдохновению и облагораживанию жизни. Он изложил свои мысли по этому поводу в рукописи, написанной примерно с 1870 года до его смерти два года спустя, которая, так и не будучи подготовленной к публикации, сохранилась во фрагментарном виде и не была опубликована. Я процитирую несколько кратких характерных отрывков: "Разве, - писал он, - отказ индусов видеть, как женщина странно ест, не похож на наш отказ видеть ее обнаженной? Реальная чувственность мысли явно идентична. ... Предположим, из-за того, что ананасы очень вкусные, их запретили показывать, кроме как на картинках, и в этом было что-то сомнительное. Предположим, что никто не мог бы увидеть ананас, если бы он не был достаточно богат, чтобы купить его для своего конкретного употребления, поскольку видение и поедание настолько неразрывно связаны. Какая похоть окружала бы их, какая постоянная похоть, какое воровство! ... Мисс... рассказала нам о своих приключениях в Сирии, и как она зашла в мастерскую резчика по дереву, а ондаже не взглянул на нее; и как она взяла инструмент и работала, пока, наконец, он не взглянул, и они оба не расхохотались. Не будет ли так же и с нашим взглядом на женщин в целом? Наступит время *работы*- и наконец мы поднимем глаза и оба расхохочемся. ... Когда мужчины действительно увидят, что не так, и будут действовать разумно и предусмотрительно в отношении сексуальных отношений, разве они не будут настаивать на том, чтобы юноши наслаждались женской красотой, причем с самого раннего возраста, чтобы первым чувством была красота? Разве они не скажут: "Мы не должны допускать ложной чистоты, мы должны обладать истинной". Ложь была испытана, и она недостаточно хороша; нужно обрести силу просто наслаждаться красотой; попытка обходиться меньшим - фатальна. Каждый наставник молодежи должен сказать: "Эта красота женщины, главное творение Бога красоты, хорошо, что вы это видите; это удовольствие, которое служит добру; вся красота служит ему, и прежде всего этому, ибо ее назначение - сделать вас чистыми. Приходите к этому, как вы приходите к хлебу насущному, или чистому воздуху, или очищающей ванне: это чисто для вас, если вы будете чисты, это поможет вам в ваших усилиях быть такими. Но если кто-то из вас нечист и делает из этого источник нечистоты, тогда вам должно быть стыдно и молиться; не для вас может быть устроена наша жизнь; это для людей, а не для животных ". Это должно произойти, когда люди откроют глаза и будут действовать хладнокровно, разумно и предусмотрительно, а не просто в панике по отношению к сексуальной страсти в ее моральных отношениях ".

[40] Так, Афиней (Вк. xiii, гл. XX) говорит: "На острове Хиос прекрасное зрелище - ходить в гимнастические залы и на ипподромы и видеть, как обнаженные юноши борются с девушками, которые тоже обнажены".

[41] Августин (*De civitate Dei*, lib. ii, глава. XIII) относится к тому же пункту, противопоставляя римлян грекам, которые чтили своих актеров.

[42] Смотрите "Эволюцию скромности" в первом томе этих *Исследований*, где полностью обсуждается этот вопрос о связи наготы со скромностью.

[43] C. H. Stratz, *Die Körperformen in Kunst und Leben der Japaner*, Second edition, Ch. III; *id.*, *Frauenkleidung*, Third edition, pp. 22, 30.

[44] Я не рассматривал это здесь для того, чтобы подчеркнуть эстетическое влияние знакомства с наготой. Наиболее эстетичными нациями (особенно греками и японцами) были те, которые сохранили определенную степень знакомства с обнаженным телом. "Во всех искусствах, - замечает Метерлинк, - цивилизованные народы приближались к чистой красоте или отходили от нее в зависимости от того, приближались они к привычке к наготы или отходили от нее". Унгевиттер настаивает на преимуществе для художника возможности изучать обнаженное тело в движении, и, возможно, стоит упомянуть, что Фидус (Хуго Хеппенер), современный немецкий художник, который оказал большое влияние своим свежим, мощным и в то же время благоговейным изображением обнаженной человеческой формы во всех ее различных аспектах, приписывает свое вдохновение и видение тому факту, что, будучи учеником Дифенбаха, он привык со своими товарищами работать обнаженными в уединенных местах за пределами Мюнхена, которые они часто посещали (Ф. Enzensberger, "Fidus," *Deutsche Kultur*, Aug., 1906).

ГЛАВА IV.

ОЦЕНКА СЕКСУАЛЬНОЙ ЛЮБВИ.

Содержание

Концепция сексуальной любви —Позиция средневекового аскетизма—Св. Бернارد и святой Одо Клунийский—Аскетическое настаивание на близости сексуального и выделительного центров—Любовь как таинство природы—Идея нечистоты секса в примитивных религиях в целом—Теории происхождения этой идеи—Антиаскетический элемент в Библии и раннем христианстве—Климент Александрийский—Св. Позиция Августина—Признание Тертуллианом, Руфином и Афанасием святости Тела—Реформация—Сексуальный инстинкт, рассматриваемый как звериный—Человеческий сексуальный инстинкт, не подобный животному—Похоть и любовь—Определение любви—Любовь и названия для любви Неизвестны в некоторых частях мира—Романтическая любовь позднего развития у Белой расы—Тайна сексуального желания—Является ли Любовь заблуждением—Духовная, а также физическая структура Мира, частично построенная на сексуальной любви—Свидетельство интеллектуальных людей о превосходстве Человеческой природы. о Любви.

Будет видно, что предыдущее обсуждение наготы имеет значение, выходящее за рамки того, каким оно казалось вначале. Гигиеническая ценность, физическая и умственная, привычки к

наготы в первые годы жизни, какой бы значительной она ни была, - не единственная ценность, которой обладает такая привычка. Помимо его эстетической ценности, в нем также заложена моральная ценность, источник динамичной энергии. И теперь, делая еще один шаг вперед, мы можем сказать, что это имеет духовную ценность по отношению ко всей нашей концепции сексуального влечения. Наше отношение к обнаженному человеческому телу является проверкой нашего отношения к сексуальному инстинкту. Если наше собственное тело и тела наших близких кажутся нам по своей сути постыдными или отвратительными, ничто и никогда по-настоящему не облагородит и не очистит наши представления о сексуальной любви. Любовь жаждет плоти, и если плоть постыдна, то и любящий должен быть постыден. "Se la cosa amata è vile," as Leonardo da Vinci profoundly said, "l'amante se fa vile." Каким бы нелогичным это ни казалось, у старого христианского отождествления плоти с половым инстинктом действительно было оправдание. Они стоят или падают вместе; мы не можем унижать одно и возвышать другое. Каковы наши чувства к наготы, такими же будут и наши чувства к любви.

"Человек - это не что иное, как зловонная сперма, мешок с навозом, пища червей. ... Вы никогда не видели более мерзкой навозной горы". Таков был итог уединенных *размышлений святого Бернарда о Пииссимэ*.^[45] Иногда, действительно, эти средневековые монахи признавали, что кожа обладала определенной внешней красотой, но они делали это признание только для того, чтобы подчеркнуть уродство тела, лишённого этой пленки красоты, и напрягали всю свою извращенную интеллектуальную проницательность и свою свирепую иронию, поскольку они нетерпеливо указывали пальцем в насмешку на каждую деталь того, что казалось для них жалкая фигура человека. Святой Одо Клунийский — каким бы очаровательным святым он ни был и пионером в понимании дикой красоты Альп, которые он часто пересекал, — все же был адептом в этом искусстве поносить красоту человеческого тела. Красота заключается только в коже, настаивает он; если бы мы могли заглянуть под кожу, женщины не вызвали бы ничего, кроме тошноты. Их украшения - всего лишь кровь, слизь и желчь. Если мы отказываемся прикасаться к навозу и мокроте даже кончиком пальца, как мы можем желать обнять мешок с навозом?^[46] Средневековые монахи более созерцательного ордена, действительно, часто находили здесь восхитительное поле для размышлений, и христианский мир в целом был доволен тем, что принимал их мнения в более или менее смягченных версиях, или, во всяком случае, никогда не высказывал против них какого-либо определенного протеста.

Даже люди науки приняли эти концепции и, действительно, только сейчас начинают освобождаться от таких древних суеверий. Р. де Граф в Предисловии к своему знаменитому трактату о половых органах женщин, *De Mulierum Organis Generatione Inservientibus*, посвященному Космо III Медичи в 1672 году, счел необходимым извиниться за предмет своего труда. Даже столетие спустя Линней в своем великом труде "*Система природы*" отверг как "отвратительное" точное изучение женских гениталий, хотя и признал научный интерес таких исследований. И если людям науки было трудно составить объективное представление о женщинах, нас не должно удивлять, что средневековые и еще более древние концепции часто тонко смешивались со взглядами философских и полуфилософских авторов.^[47]

Мы можем рассматривать как особую разновидность аскетического взгляда на секс — ибо аскеты, как мы видим, свободно, но не вполне законно, основывали свой аскетизм в основном на эстетических соображениях — то упорство в близости сексуального к выделительным

центрам, которое нашло выражение в ранней Церкви в пренебрежительном утверждении Августина: "Inter fæces et urinam nascimur", и все еще сохраняется среди многих, кто далеко не всегда связывает это с религиозным аскетизмом.^[48] "В результате какой нелепой экономии и какой мефистофелевской иронии", - спрашивает Тард,^[49] "вообразила ли Природа, что функция, столь возвышенная, столь достойная поэтические и философские гимны, прославлявшие его, заслуживали того, чтобы его исключительный орган разделялся только с одним из самых отвратительных телесных функций?"

Можно, однако, указать, что такой взгляд на этот вопрос, каким бы бессознательным он ни был, сам по себе является результатом аскетического обесценивания тела. С научной точки зрения, метаболические процессы организма от одного конца до другого, независимо от того, рассматриваются ли они химически или психологически, все они взаимосвязаны и имеют одинаковое достоинство. Мы не можем выделить какой-либо конкретный химический или биологический процесс и заявить: это мерзко. Даже то, что мы называем экскрементами, по-прежнему накапливает материал нашей жизни. Некоторым людям прием пищи кажется отвратительным процессом. Но все же было возможно сказать вместе с Торо, что "боги действительно хотели, чтобы люди питались божественно, как они сами, своим собственным нектаром и амброзией. ... Я почувствовал, что прием пищи стал таинством, методом причащения, экстатическим упражнением и сидением за общим столом всего мира".

Таким образом, таинства Природы повсюду вплетены в структуру мужского и женского тел. Губы, которыми приятно целоваться, действительно, прежде всего хороши для еды и питья. Центры силы стали настолько накапливаться и накладываться друг на друга в ходе длительного развития, что слизистые оболочки естественных отверстий, благодаря чувствительности, приобретенной в их собственных функциях, все становятся проводниками, приводящими душу в трепет при соприкосновении с любовью; бесполезно различать высокое или низкое, чистое или нечистое; все они в равной степени уже освящены чрезвычайным помазанием Природы. Нос получает дыхание жизни; влагалище получает воду жизни. В конечном счете ценность и прелесть жизни должны измеряться ценностью и прелестью для нас инструментов жизни. Набухающие груди - такие божественно изящные знаки женственности из-за потенциального ребенка, который висит на них и сосет; широкие изгибы бедер такие чувственные из-за потенциального ребенка, которого они заключают в себе; здесь не может быть разделения, мы не можем отрезать корни от дерева. Высшая функция зрелости — передача светильника жизни будущим расам - осуществляется, это правда, тем же инструментом, который является ежедневным проводником мочевого пузыря. С презрением говорилось, что мы рождаемся между мочой и экскрементами; с благоговением можно сказать, что прохождение через этот канал рождения является таинством Природы, более священным и значительным, чем когда-либо могли изобрести люди.

Иногда эти отношения воспринимались и их значение осознавалось с помощью своего рода мистической интуиции. Время от времени мы ловим проблески такого понимания, сначала у поэтов, а затем у врачей эпохи Возрождения. В 1664 году Ролфинциус в своей книге *"Порядок и методы поколений"* и т. Д., в начале второй части, посвященной половым органам женщин, излагает то, что древние писатели говорили об элевсинских и других мистериях, а также о преданности и чистоте, требуемых от тех, кто приближался к этим священным обрядам. То же самое происходит и с нами, продолжает он, в ритуалах научного исследования. "Мы также оперируем священными предметами. Половые органы должны храниться среди священных

предметов. Те, кто приближается к этим алтарям, должны приходить с благочестивыми мыслями. Пусть профаны останутся снаружи, и двери будут закрыты ". В те дни даже для науки были возможны только вера и интуиция. Только в последние годы микроскоп гистолога и пробирка химика-физиолога дали им рациональную основу. Больше невозможно делить Природу надвое и утверждать, что здесь она чиста, а там нечиста.^[50]

Таким образом, по-видимому, нет достаточных оснований соглашаться с теми, кто считает, что близость генеративного и выделительного центров является "глупой ошибкой Природы". Ассоциация, столь древняя и примитивная по своей природе, может показаться отталкивающей только тем, чьи чувства стали болезненно неестественными. Далее можно отметить, что задний проход, который является наиболее эстетически непривлекательным из выделительных центров, сравнительно удален от сексуального центра, и что, как заметил Р. Хеллманн много лет назад при обсуждении этого вопроса (*Ueber Geschlechtsfreiheit*, стр. 82): "Во-первых, в свежесвыделенной моче нет ничего особенно неприятного, а во-вторых, даже если бы это было так, мы могли бы подумать, что розовый рот ни в коем случае не теряет своего очарования только потому, что не приглашает к поцелую". в тот момент, когда его обладателя рвет.

Священнослужитель пишет, предполагая, что мы можем пойти дальше и найти положительное преимущество в такой близости: "Я рад, что вы не согласны с человеком, который считал, что Природа допустила ошибку, используя гениталии для мочеиспускания; помимо телеологических или теологических оснований, я не мог следовать этой линии рассуждений. Я думаю, что нет необходимости испытывать отвращение к органам мочеиспускания, хотя я чувствую, что задний проход никогда не может быть привлекательным для нормального ума; но задний проход совершенно отделен от гениталий. Я бы предположил, что близость служит хорошей цели, делая органы более или менее секретными, за исключением случаев проявления сексуальных эмоций или для влюбленных. Результатом является некоторая степень отталкивания в обычное время и сильное влечение во время сексуальной активности. Следовательно, обычная защита частей тела от страха вызвать отвращение значительно повышает их привлекательность в другие моменты, когда сексуальные эмоции имеют первостепенное значение. Далее, чувство отвращения само по себе является всего лишь результатом привычки и сантиментов, какими бы полезными они ни были, а согласно Священному Писанию, все чисто и хорошо. Аскетическое чувство отвращения, если мы вернемся к истокам, вызвано не только христианским влиянием. Христианство вышло из иудаизма, который не имел представления о нечистоте брака, поскольку "нечистый" в Ветхом Завете означает просто "священный". Аскетическая сторона религии христианства не является частью религии Христа в том виде, в каком она вышла из рук ее Основателя, и современное мнение по этому вопросу является давним пережитком ереси манихеев ". Однако я могу добавить, что, как указывает Норткот (*Христианство и проблемы секса*, стр. 14), наряду с откровенным признанием сексуальности в Ветхом Завете существует круг идей, раскрывающих чувство нечистоты в сексе и стыда в связи с этим. Христианство унаследовало это смешанное чувство. Среди древних и первобытных народов действительно было широко распространено и почти повсеместно считалось, что в сексе есть что-то нечистое и греховное, так что те, кто хотел бы вести религиозную жизнь, должны избегать сексуальных отношений; даже в Индии безбрачие вызывало уважение (см., например, Вестермарк, *Брак*, стр. 150 и далее.). Что касается первоначального основания этого понятия, которое здесь нет необходимости обсуждать более подробно, было выдвинуто множество теорий; святой Августин в своем "О гражданстве божьем" выдвигает гениальную идею о том, что пенис, подверженный

спонтанным движениям и эрекции, неподконтрольным воле, является постыдным органом и вовлекает в свой позор всю сферу секса. Вестермарк утверждает, что почти у всех народов существует чувство неприязни к сексуальным отношениям с членами одной семьи или домочадца, и поскольку секс, таким образом, был изгнан из сферы домашней жизни, возникло представление о его общей нечистоте; Норткот указывает, что с самого начала было необходимо стремиться к сокрытию полового акта, потому что в этот момент пара стала бы жертвой враждебных нападков, и что именно благодаря легкому переходу секс стал рассматриваться как вещь, которую следует скрывать, и, следовательно, греховная. (Дидро в своем *Дополнении к путешествию по Бугенвилю* уже упоминал этот мотив уединения как "единственный естественный элемент скромности".) Кроули посвятил большую часть своей наводящей на размышления работы *"Мистическая роза"* показу того, что для дикаря секс - опасный и ослабляющий элемент жизни, а следовательно, греховный.

Было бы, однако, ошибкой думать, что таких людей, как святой Бернар и святой Одо Клунийский, превосходно представлявших аскетические и даже общехристианские взгляды своего времени, следует рассматривать как в целом типичных выразителей подлинных и примитивных христианских взглядов. Насколько я смог выяснить, в течение первой тысячи лет христианства мы не находим такой концентрированной интеллектуальной и эмоциональной свирепости в нападениях на тело; она развилась только в тот момент, когда при папе Григории VII средневековое христианство достигло кульминации своего завоевания душ европейских людей, установив безбрачие светского духовенства и рост больших монашеских общин в строго регламентированных и уединенных орденах.^[51] До этого учителя аскетизма больше заботились о том, чтобы призывать к целомудрию и скромности, чем направлять преднамеренную и систематическую атаку на все тело; они концентрировали свое внимание скорее на духовных добродетелях, чем на физических несовершенствах. И если мы вернемся к Евангелиям, мы найдем мало от средневекового аскетического духа в сообщаемых словах и деяниях Иисуса, которые, скорее всего, действительно обнаруживают в целом, несмотря на лежащий в их основе аскетизм, определенную нежность и снисходительность к телу, в то время как даже Павел, хотя и не проявляет нежности к телу, призывает благоговеть перед ним как перед храмом Святого Духа.

Мы не можем ожидать, что Отцы Церкви отнесутся сочувственно к зрелищу обнаженного человеческого тела, поскольку их позиция была основана на бунте против язычества, а язычество культивировало тело. Нагота в большей степени ассоциировалась с общественными банями, гимнастическими залами и театрами; выражая глубокое неодобрение этим языческим институтам, христианстве поощряло наготу. Тот факт, что знакомство с наготой скорее благоприятствовало, чем противоречило целомудрию, которому Церковь придавала такое большое значение, хотя действительно в какой—то момент она приняла наготу в обряде крещения, по большей части был неспособен увидеть, действительно ли это факт, который особые условия декадентской классической жизни имели тенденцию маскировать. Но в своем решительном предпочтении одетого человеческого телу обнаженному ранние христиане часто колебались, прежде чем сделать следующий шаг, утверждая, что тело является средоточием нечистоты и что физические органы секса - это орудие дьявола. Напротив, некоторые из наиболее выдающихся Отцов Церкви, особенно те из Восточной Церкви, кто почувствовал

живительное дыхание греческой мысли, время от времени высказывались о природе, сексе и теле в духе, который заслужил бы одобрение Гете или Уитмена.

Климент Александрийский, при всех эксцентричностях его сверхтонкого интеллекта, все же был самым подлинным греком из всех Отцов Церкви, и неудивительно, что умирающий луч классического света, отразившийся в его сознании, пролил некоторый свет на этот вопрос о сексе. Он протестовал, например, против той ханжеской чопорности, которая с заходом солнца классического мира начала затмевать жизнь. "Нам не должно быть стыдно называть, - заявил он, - то, что Бог не постеснялся создать".^[52] Это было запоминающееся заявление, потому что, хотя оно и принимало старое классическое чувство отсутствия стыда в присутствии природы, оно ставило это чувство на новую религиозную основу, гармоничную христианству. Повсюду, хотя и не всегда достаточно последовательно, Климент защищает тело и сексуальные функции от тех, кто относился к ним с презрением. И поскольку причина секса - это причина женщин, он всегда решительно отстаивает достоинство женщин, а также провозглашает святость брака, состояние, которое он иногда ставит выше состояния девственности.^[53]

К сожалению, следует сказать, что святой Августин — еще один североафриканец, но из римского Карфагена, а не из греческой Александрии — думал, что у него есть убедительный ответ на аргументы, представленные Климентом, и сила его страстного и могущественного гения была настолько велика, что в конце концов он смог добиться того, чтобы его ответ возобладал. Для Августина грех был наследственным, и грех имел свое особое место и символ в половых органах; факт греха изменил первоначальный божественный акт творения, и мы не можем относиться к сексу и его органам так, как если бы не было унаследованного греха. Наши половые органы, заявляет он, стали постыдными, потому что из-за греха ими теперь движет похоть. В то же время Августин ни в коем случае не занимает средневековую аскетическую позицию презрительной ненависти к телу. Ничто не может быть дальше от Одо Клунийского, чем энтузиазм Августина по поводу тела, даже по поводу изысканной гармонии частей тела под кожей. "Я полагаю, можно сделать вывод, - даже говорит он, - что при создании человеческого тела красота ценилась больше, чем необходимость. По правде говоря, необходимость преходяща, и приближается время, когда мы сможем наслаждаться красотой друг друга без всякой похоти".^[54] Даже в сфере секса он был бы готов признать чистоту и красоту, помимо унаследованного влияния греха Адама. В Раю, говорит он, если бы Рай продолжался, акт зарождения был бы таким же простым и бесстыдным, как действие руки, разбрасывающей семя по земле. "Сексуальное соприкосновение происходило бы под контролем воли без какого-либо сексуального желания. Сперма будет вводить во влагалище в максимально простой форме, как менструальная жидкость имеет сейчас выбрасывается. Не было бы никаких слов, которые можно было бы назвать непристойными, но все, что можно было бы сказать об этих членах, было бы таким же чистым, как и то, что говорят о других частях тела".^[55] Однако для Августина это то, что могло быть в Раю, где, как он верил, сексуального желания не существовало. Как бы то ни было, считал он, мы имеем право стыдиться, нам хорошо краснеть. И было естественно, что, как упоминает Климент Александрийский, многие еретики пошли дальше по этому пути и поверили, что, хотя Бог сотворил человека до пупка, остальное было создано другой силой; у таких еретиков есть потомки среди нас даже сегодня.

Однако, как в Восточной, так и в Западной Церквях, как до, так и после Августина, хотя и не так часто после, великие Отцы и учителя высказывали мнения, которые напоминают скорее мнения Климента, чем Августина. Мы не можем придавать большого значения высказываниям

экстравагантного и часто противоречивого Тертуллиана, но стоит отметить, что, хотя он заявлял, что женщина - это врата ада, он также говорил, что мы должны относиться к Природе с благоговением, а не краснея. "Природа вены есть, не эрубескенда". "Ни один христианский автор, - действительно было сказано, - не выступал так энергично против еретического презрения к телу, как Тертуллиан. Душа и тело, согласно Тертуллиану, находятся в теснейшей связи. Душа - это жизненный принцип тела, но нет такой деятельности души, которая не была бы проявлена и обусловлена плотью".^[56] Большой вес имеет Руфин Тиранний, друг и соученик святого Иеронима, в четвертом веке написавший комментарий к Апостольскому символу веры, который был высоко оценен ранними и средневековая церковь, и действительно, до сих пор ценится даже сегодня. Здесь, отвечая тем, кто заявлял, что факт рождения Христа через половые органы женщины является непристойным, Руфин отвечает, что Бог создал половые органы и что "не природа, а просто человеческое мнение учит, что эти части тела непристойны. В остальном все части тела сделаны из одной и той же глины, какие бы различия ни были в их использовании и функциях".^[57], как мы видим, Он смотрит на этот вопрос действительно благочестиво, но естественно и просто, как Климент, а не, как Августин, через искажающую среду теологической системы. Афанасий в Восточной Церкви высказывался в том же смысле, что и Руфин в Западной Церкви. Некий монах по имени Амон был очень огорчен появлением семенных выделений во время сна, и он написал Афанасию, чтобы узнать, являются ли такие выделения грехом. В письме, которое он написал в ответ, Афанасий пытается успокоить Амона. "Все вещи, - говорит он ему, - чисты для чистых. Ибо что, я спрашиваю, дорогой и благочестивый друг, может быть греховного или естественно нечистого в экскрементах? Человек - это творение рук Божьих. Конечно, в нас нет ничего нечистого".^[58] Читая эти высказывания, мы чувствуем, что семена ханжества и похотливости уже живы в массовом сознании, но все же мы также видим, что некоторые из наиболее выдающихся мыслителей ранней христианской церкви, в разительный контраст с более болезненными и узколобыми средневековыми аскетами, явно стояли в стороне от народного движения. В целом, они были затоплены, потому что христианство, как и буддизм, с самого начала несло в себе зародыш аскетического отречения, а сексуальная жизнь всегда является первым импульсом, который нужно принести в жертву страсти к отречению. Но в христианстве были и другие зародыши, и Лютер, который по-своему плебейски отстаивал права тела, хотя и порвал со средневековым аскетизмом, ни в коем случае не отрекся тем самым от традиций раннехристианской церкви.

Я подумал, что стоит привести это доказательство, хотя я прекрасно понимаю, что факты Природы не получают дополнительной поддержки со стороны авторитета Отцов Церкви или даже Библии. Природа и человечество существовали до Библии и будут продолжать существовать, хотя Библия должна быть забыта. Но позиция христианства по этому вопросу так часто безоговорочно осуждалась, что, по-видимому, стоит также указать на то, что в свои лучшие моменты, когда оно было молодой и растущей силой в мире, высказывания христианства часто совпадали с высказываниями Природы и разума. Можно добавить, что многие находят утешением то, что, следуя естественному и рациональному пути в этом вопросе, они тем самым не порывают полностью с религиозными традициями своей расы.

Едва ли нужно замечать, что, когда мы обращаемся от христианства к другим великим мировым религиям, мы обычно не сталкиваемся со столь двусмысленным отношением к сексу. Мусульмане были столь же настойчивы в утверждении святости секса, как и в утверждении физической чистоты; они были готовы перенести сексуальные функции в будущую жизнь и никогда не беспокоились, как Лютер и многие другие христиане, об отсутствии занятий на

Небесах. В Индии, хотя Индия является родиной самых крайних форм религиозного аскетизма, сексуальная любовь была освящена и обожествлена в большей степени, чем в любой другой части мира. "Кажется, это никогда не приходило в головы индийским законодателям", - сказал сэр Уильям Джонс давным-давно (*Works*, vol. ii, стр. 311), "что все естественное может быть оскорбительно непристойным, и эта особенность пронизывает все их произведения, но не является доказательством порочности их морали". Половой акт часто имел религиозное значение в Индии, и мельчайшие детали сексуальной жизни и ее вариации обсуждаются в индийских эротических трактатах в духе серьезности, в то время как нигде больше анатомические и физиологические сексуальные особенности женщин не изучались с таким тщательным и благоговейным трепетом. "Любовь в Индии, как с точки зрения теории, так и практики, - замечает Ричард Шмидт (*История индийской эротики*, стр. 2), - обладает важностью, которую мы даже представить себе не можем".

В протестантских странах влияние Реформации, реабилитировавшей секс как естественное явление, косвенно привело к замене в общественном отношении к сексу порицания греховности порицанием животности. Отныне сексуальное влечение должно быть замаскировано или приукрашено, чтобы стать уважаемым человеком. Это можно проиллюстрировать отрывком из *Дневника* Пеписа, написанного в семнадцатом веке. Утром после дня свадьбы было принято созывать молодоженов с помощью музыки; однажды (в 1667 году) отсутствие этой музыки показалось Пепису "таким, как будто они поженились, как кобель и сука". Мы больше не настаиваем на музыке, но то же самое чувство все еще присутствует в жажде других маскировок и украшений для сексуального импульса. Мы не всегда осознаем, что любовь приносит с собой свою собственную святость.

Действительно, в наши дни, когда бы ни проявлялось отвращение к сексуальной стороне жизни, почти всегда утверждается, что это не столько "греховно", сколько "отвратительно". Это рассматривается как та часть человека, которая наиболее тесно роднит его с низшими животными. Вряд ли нужно указывать, что это ошибка. С какой бы стороны мы ни подходили к этому, вывод о том, что пол у человека и животных идентичен, не может быть подтвержден. С точки зрения тех, кто принимает это отождествление, было бы гораздо правильнее сказать, что люди стоят ниже, чем на одном уровне с животными, поскольку у животных в естественных условиях сексуальный инстинкт строго подчинен размножению и очень мало подвержен отклонениям, так что с точки зрения тех, кто хочет свести секс к минимуму, животные ближе к идеалу, и такие люди должны сказать вместе с Вудсом Хатчинсоном: "В целом, у наших предков-животных было столько же причин стыдиться нас, сколько у нас их". Но если мы посмотрим на этот вопрос с более широкой биологической точки зрения развития, наш вывод должен быть совсем иным.

Сексуальные порывы человека далеки от того, чтобы быть животноподобными, они относятся к числу наименее животноподобных приобретений человека. Сексуальная сфера человека отличается от сексуальной сферы животных в необычайно большой степени.^[59] Дыхание - это функция животного, и здесь мы не можем конкурировать с птицами; передвижение - это функция животного, и здесь мы не можем сравняться с четвероногими; мы не добились заметного прогресса в наших функциях кровообращения, пищеварения, почек или печени. Даже в том, что касается зрения и слуха, есть много животных, которые более зорки, чем человек, и многие из них способны слышать звуки, которые для него неслышимы. Но нет животных, у которых половой инстинкт был бы столь чувствителен, столь высокоразвит, столь

разнообразен в своих проявлениях, столь постоянно настороже, столь способен поражать самые высокие и отдаленные части организма. Сексуальная активность мужчины и женщины относится не к той низшей части нашей природы, которая низводит нас до уровня "животного", а к высшей части, которая поднимает нас ко всем прекрасным действиям и идеалам, на которые мы способны. Это правда, что в основном в устах нескольких невежественных и невоспитанных женщин мы находим, что секс называют "скотским" или "животной частью нашей натуры".^[60] Но поскольку женщины являются матерями и учителями человеческой расы, это проявление невежества и невоспитанности, которое нельзя искоренить слишком быстро.

Некоторые, похоже, думают, что они уравнили ситуацию и, наконец, поставили точку, если признают, что сексуальная любовь может быть либо прекрасной, либо отвратительной, и что любая точка зрения одинаково нормальна и законна. "Послушайте в свою очередь, - замечает Тард, - двух мужчин, которые, один холодный, другой пылкий, один целомудренный, другой влюбленный, оба одинаково образованные и широкомыслящие, оценивают одно и то же: один считает отвратительным, гнусное, отвратительное и скотское то, что другой считает восхитительным, изысканным, невыразимым, божественным. То, что для одного является, по христианской терминологии, непростительным грехом, для другого является состоянием истинной благодати. Поступки, которые для одного кажутся печальной и случайной необходимостью, пятна, которые должны быть тщательно стерты длительными интервалами воздержания, для другого являются золотыми гвоздями, на которых подвешено все остальное поведение и существование, вещами, которые одни придают человеческой жизни ценность".^[61] Тем не менее, мы вполне можем усомниться в том, что оба этих человека "одинаково хорошо образованы и широко мыслят". Дикарь чувствует, что секс опасен, и он прав. Но человек, который чувствует, что сексуальное влечение - это плохо, или даже низко и вульгарно, является абсурдом во вселенной, аномалией. Он похож на тех людей в наших сумасшедших домах, которые считают, что инстинкт питания - это зло, и поэтому продолжают морить себя голодом. Они похожи на духовных изгоев во вселенной, детьми которой они являются. Другое дело, когда человек заявляет, что лично в его случае он лелеет аскетический идеал, который побуждает его сдерживать, насколько это возможно, один или оба импульса. Человек, который является здравомыслящим аскетом, ищет дисциплину, которая помогает идеалу, который он лично поставил перед собой. Теоретически он все еще может оставаться в гармонии со вселенной, к которой он принадлежит. Но презирать сексуальную жизнь, набрасывать на нее покров "нечистоты" - это, как провозгласил Ницше, непростительный грех против Святого Духа Жизни.

Многие стремятся примирить предрассудки и разум в своей оценке секса, проводя четкое различие между "похотью" и "любовью", отвергая одно и принимая другое. Проводить такое различие вполне уместно, но способ, которым оно проводится, обычно ни в коем случае не выдерживает критики. Мы должны определить, что мы подразумеваем под "похотью" и что мы подразумеваем под "любовью", а это нелегко, если они рассматриваются как взаимоисключающие. Иногда говорят, что "похоть" следует понимать как безрассудное потакание сексуальному импульсу без оглядки на другие соображения. Понятое таким образом, мы можем с полной уверенностью отвергнуть его. Но это совершенно произвольное определение этого слова. "Похоть" на самом деле очень двусмысленный термин; это хорошее слово, которое изменило свои моральные ценности, и поэтому нам нужно очень тщательно определить его, прежде чем мы рискнем его использовать. Собственно говоря, "похоть" - это совершенно бесцветное слово^[62] и просто означает желание в целом и сексуальное влечение в частности; оно соответствует "голоду" или "жажде"; использовать его в оскорбительном смысле

- почти то же самое, как если бы мы всегда предполагали, что слово "голодный" имело оскорбительное значение "жадный". Результатом стало то, что чувствительные умы с негодованием отвергают термин "похоть" в связи с любовью.^[63] В раннем употреблении нашего языка слова "похоть", "похотливый" и "похотливый" передавали смысл здоровой и нормальной сексуальной энергии; теперь, за частичным исключением слова "похотливый", они настолько полностью деградировали до более низкого смысла, что, хотя было бы очень удобно вернуть их на их первоначальное и надлежащее место, которое все еще остается вакантным, попытка такого восстановления вряд ли кажется обнадеживающей задачей. Мы так глубоко отравили источники чувств в этих вопросах средневековой аскетической грубостью, что все наши слова о сексе, как правило, вскоре покрываются грязью; мы можем поднимать их из грязи, в которую они упали, и пытаться очистить, но многим они все равно будут казаться грязными. Одним из результатов этой тенденции является то, что у нас нет простого, точного, естественного слова для обозначения любви полов, и мы вынуждены прибегать к общему термину, диапазон которого настолько широк, что в английском, французском и большинстве других ведущих языков Европы одинаково правильно "любить" Бога или "любить" еду.

Любовь в сексуальном смысле - это, вкратце, синтез похоти (в примитивном и неокрашенном смысле сексуальных эмоций) и дружбы. Неверно применять термин "любовь" в сексуальном смысле к элементарному и неосложненному сексуальному желанию; столь же неверно применять его к любой разновидности или сочетанию разновидностей дружбы. Не может быть сексуальной любви без вожделения; но, с другой стороны, пока потоки вожделения в организме не были облучены настолько, чтобы воздействовать на другие части психического организма — по крайней мере, на привязанности и социальные чувства, — это еще не сексуальная любовь. Похоть, специфический сексуальный импульс, действительно является первичным и существенным элементом в этом синтезе, поскольку только ее достаточно для завершения размножения не только у животных, но и у мужчин. Но только когда вожделение расширяется и излучается, оно развивается в изысканный и завораживающий цветок любви. Мы можем вспомнить, что происходит среди растений: с одной стороны, у нас есть низшие организмы, в которых секс осуществляется суммарно и криптогамно, никогда не проливая на мир ни капли великолепного цветения, а с другой стороны, высшие растения, среди которых секс стал фанерсгамным и чрезвычайно расширился в форме, цвете и аромате.

В то время как "похоть", конечно, известна во всем мире, и везде есть слова для ее обозначения, "любовь" известна не всем, и во многих языках нет слов для обозначения "любви". Неудачи в поиске любви часто замечательны и неожиданны. Мы можем найти ее там, где меньше всего этого ожидаем. Сексуальное желание стало идеализироваться (как указал Серджи) даже некоторыми животными, особенно птицами, поскольку, когда птица тоскует до смерти из-за потери своей пары, это не может быть связано с простым инстинктом секса, но должно включать переплетение этого инстинкта с другими элементами жизни до такой степени, которая редка даже среди самых цивилизованных людей. У некоторых диких рас, по-видимому, нет фундаментального понятия любви и (как у американских науа) нет основного слова для ее обозначения, в то время как, с другой стороны, в кичуа, языке древних перуанцев, насчитывается почти шестьсот сочетаний глагола *мунай*, любить. У некоторых народов любовь, по-видимому, ограничивается женщинами. Летурно (*"Литературная эволюция"*, стр. 529) отмечает, что в различных частях мира женщины играли ведущую роль в создании эротической поэзии. В этой связи можно упомянуть, что самоубийства по эротическим мотивам у первобытных народов совершаются главным образом женщинами (*Журнал социальной*

политики, 1899, стр. 578). Немало дикарей владеют любовными стихотворениями, как, например, суахали (Велтен в своей *"Прозе и поэзии суахали"* посвящает раздел любовным стихам, воспроизведенным на языке суахали). Д. Г. Бринтон в интересной статье "Концепция любви в некоторых американских языках" (*Труды Американского философского общества*, vol. xxiii, стр. 546, 1886) утверждает, что слова, обозначающие любовь, в этих языках раскрывают четыре основных способа выражения концепции: (1) нечленораздельные крики эмоций; (2) утверждения об одинаковости или подобии; (3) утверждения о соединении или унификации; (4) утверждения о желании, вожделении, тоске. Бринтон добавляет, что "те же самые понятия лежат в основе большинства слов любви в великой арийской семье языков". Однако выясняется замечательный факт, что народы, говорящие на арийском языке, медленно развивали свое представление о сексуальной любви. Бринтон отмечает, что американские майя должны быть поставлены выше народов ранней арийской культуры, поскольку у них было радикальное слово для обозначения радости любви, которое имело чисто психическое значение, относящееся строго к психическому состоянию, а не к сходству или желанию. Даже греки опоздали с разработкой какого-либо идеала сексуальной любви. Это было хорошо показано Э. Ф. М. Бенеке в его книге *"Антимах из Колофона"* и *"Положение женщины в греческой поэзии"*, книга, которая содержит несколько опасных утверждений, но в высшей степени поучительна с современной точки зрения. Греческие поэты-лирики практически вообще не писали любовных стихотворений женщинам до Анакреона, а его стихи были написаны только в старости. Настоящая любовь для греков почти всегда была гомосексуальной. Ионийские лирики ранней Греции считали женщину всего лишь инструментом наслаждения и основательницей семьи. Феогнис сравнивает брак со скотоводством; Алкман, когда хочет сделать комплимент спартанским девушкам, говорит о них как о своих "подружках-мальчиках". Эсхил заставляет даже отца предполагать, что его дочери будут плохо себя вести, если их предоставить самим себе. У Софокла нет сексуальной любви, а у Еврипида влюбляются только женщины. Бенеке приходит к выводу (стр. 67), что в Греции на половую любовь вплоть до сравнительно более позднего периода смотрели свысока и считали ее недостойной общественного обсуждения и представления. Именно в Великой Греции, а не в самой Греции мужчины проявляли интерес к женщинам, и только в александрийский период, и особенно во времена Асклепиада, утверждает Бенеке, любовь к женщинам рассматривалась как вопрос жизни и смерти. Впоследствии концепция сексуальной любви в ее романтических аспектах появляется в европейской жизни. С кельтской историей о Тристраме, как замечает Гастон Парис, она, наконец, появляется в христианском европейском поэтическом мире как главный момент человеческой жизни, великая движущая сила поведения.

Однако романтическая любовь не смогла проникнуть в массы в Европе. В шестнадцатом веке, или когда была написана баллада о "Гласгерионе", мы видим, что предполагалось, что отношения холопа со своей любовницей ограничиваются простым половым актом; он не целует ее при входе или выходе; только рыцарю, мужчине высшего сословия, могло прийти в голову проявить такую нежную вежливость. И в наши дни, например, в регионе между Восточной Фрисландией и Альпами, Блох утверждает (*Sexualeben unserer Zeit*, стр. 29), следуя Э. Х. Мейеру, что слово "любовь" неизвестно массам, и признан только его грубый аналог.

На другом конце света, в Японии, сексуальная любовь, по-видимому, пользуется такой же дурной славой, как и в Древней Греции; так мисс Цуда, японская директриса школы и сама христианка, замечает (цитируется миссис Ластик в журнале *World's Work and Play*, декабрь 1906 г.): "Это слово "любовь" было до сих пор неизвестно нашим девушкам в иностранном смысле.

Долг, покорность, доброта — вот чувства, которые девушка должна была испытывать к мужу, который был выбран для нее, и результатом стали многие счастливые, гармоничные браки. Теперь ваши дорогие сентиментальные иностранки говорят нашим девушкам: "Нехорошо выходить замуж без любви; послушание родителям в таком случае является оскорблением природы и христианства. Если ты любишь мужчину, ты должна пожертвовать всем, чтобы выйти за него замуж".

Однако, когда любовь полностью развита, она становится чрезвычайно протяженной, чрезвычайно сложной эмоцией, а вожделение, даже в лучшем смысле этого слова, становится всего лишь согласованным элементом среди многих других элементов. Герберт Спенсер в интересном отрывке из своих *Принципов психологии* (часть IV, гл. VIII) проанализировал любовь на целых девять отдельных и важных элементов: (1) физический импульс секса; (2) чувство красоты; (3) привязанность; (4) восхищение и уважение; (5) любовь к одобрению; (6) самоуважение; (7) чувство собственности; (8) расширенная свобода действий из-за отсутствия личных барьеров; (9) возвышение симпатий. "Эта страсть, - заключает он, - сплавляет в одну огромную совокупность большинство элементарных возбуждений, на которые мы способны".

Едва ли нужно говорить, что дать определение сексуальной любви или даже проанализировать ее составляющие - это ни в коем случае не значит объяснить ее тайну. Мы стремимся удовлетворить свой интеллект с помощью связанной картины любви, но пропасть между этой картиной и эмоциональной реальностью всегда должна быть несоизмеримой и непроходимой. "Нет слова, произносимого чаще, чем слово "любовь", - писал Бонштеттен много лет назад, - и все же нет предмета более загадочного. О том, что касается нас наиболее близко, мы знаем меньше всего. Мы измеряем движение звезд и не знаем, как мы любим". И какими бы опытными мы ни стали в выявлении и анализе причин, сопутствующих явлений и результатов любви, мы все равно должны сделать то же признание сегодня. Мы можем, как это делали некоторые, пытаться объяснить любовь как форму голода и жажды, или как силу, аналогичную электричеству, или как разновидность магнетизма, или как разновидность химического сродства, или как витальный тропизм, но эти объяснения - не более чем способы выразить самим себе масштаб явления, с которым мы сталкиваемся.

Что всегда ставило людей в тупик при рассмотрении сексуальной любви, так это кажущаяся неадекватность ее причины, огромное несоответствие между обязательно ограниченной областью слизистой оболочки, которая является конечной целью такой любви, и морем охватывающих мир эмоций, к которым она ведет, как дверь, так что, как сказал Реми де Гурмон, "слизистые оболочки посредством невыразимой тайны заключают в своих темных складках все богатства бесконечного". Это тайна, перед которой в равной степени оказываются побежденными и мыслитель, и художник. Донней в своей пьесе "Эскалада" заставляет холодного и сурового ученого, который рассматривает любовь как простое психическое расстройство, которое можно вылечить, как и другие расстройства, в конце концов отчаянно влюбиться самого. Глубокой ночью он по приставной лестнице врывается в комнату девушки и разражается длинной и страстной речью: "Все, что прикасается к тебе, становится для меня таинственным и священным. Подумать только, что вещь, столь хорошо известная, как женское тело, которую лепили скульпторы, о которой пели поэты, которую препарировали люди науки вроде меня, что такая вещь внезапно становится непознанной тайной и доставляет

бесконечную радость только потому, что это тело одной конкретной женщины, — какое безумие! И все же это то, что я чувствую".^[64]

То, что любовь - это естественное безумие, временное заблуждение, от которого индивид вынужден страдать ради блага расы, действительно является объяснением, которое пришло в голову многим, кто был сбит с толку этой тайной. Это, как мы знаем, было объяснение, предложенное Шопенгауэром. Когда юноша и девушка падают в объятия друг друга в любовном экстазе, они воображают, что ищут свое собственное счастье. Но это не так, сказал Шопенгауэр; гений расы ввел их в заблуждение, заставив поверить, что они стремятся к личной цели, чтобы их можно было побудить осуществить гораздо более великую, безличную цель: создание будущей расы. Сила их страсти - это не показатель личного счастья, которого они добьются, а показатель их способности производить потомство. Принимая страсть и отказываясь от советов осторожного благоразумия, юноша и девушка на самом деле жертвуют своими шансами на эгоистичное счастье и достижение высших целей Природы. С точки зрения Шопенгауэра, здесь не было вульгарной иллюзии. Влюбленные думали, что достигают безграничного личного счастья; вероятно, они были обмануты. Но они были обмануты не потому, что реальность была меньше, чем их воображение, а потому, что она была больше; вместо того, чтобы преследовать, как они думали, чисто личную цель, они продолжали творческую работу над миром, задачу, которую лучше не выполнять, как считал Шопенгауэр, но масштаб которой он полностью осознавал.^[65]

Следует помнить, что в низшем смысле обмана любовь может быть и часто является иллюзией. Мужчина может обманывать себя или быть обманут объектом своего влечения относительно качеств, которыми она обладает или не обладает. В первой любви, возникающей в юности, такой обман, возможно, совершенно нормален, и у определенных внушаемых и легковоспламеняющихся типов людей он особенно склонен проявляться. Такого рода обман, хотя и гораздо более частый и заметный в вопросах любви — и более серьезный из-за прочности брачных уз, - может иметь место в любых жизненных отношениях. Однако для большинства людей, в том числе не самых здравомыслящих, воспоминание о возвышении любви, даже когда период этого возвышения закончился, все еще остается, по крайней мере, как воспоминание об одном из самых реальных и существенных фактов жизни.^[66]

Некоторые авторы, похоже, путают ответственность в вопросах любви за обман или разочарование с более широким вопросом о метафизической иллюзии в смысле Шопенгауэра. В некоторой степени эта путаница, возможно, присутствует в обсуждении любви Ренувье и Пратом в "*Новой монадологии*" (стр. 216 и далее). Рассматривая вопрос о том, является ли любовь заблуждением или нет, они отвечают, что это так или нет, в зависимости от того, находимся мы во власти эгоизма и несправедливости или нет. "Это не было существенной ошибкой, которая руководила созданием *идола*, ибо идол - это всего лишь то, что во всех вещах является *идеалом*. Но для реализации идеала любви необходимы два человека, и в этом заключается большая трудность. Мы никогда не имеем права, - заключают они, - презирать нашу любовь или даже ее объект, ибо если верно, что мы не овладели суверенной красотой мира, то столь же верно и то, что мы не достигли такой степени совершенства, которая давала бы нам право справедливо претендовать на столь великую награду". И, возможно, следует добавить, что большинство из нас, в конце концов, должны признать, если мы честны с самими собой, что награды в виде любви, которые мы получили в этом мире, какими бы ни были их недостатки, намного больше, чем мы заслуживали.

Мы вполне можем согласиться с тем, что в определенном смысле не только любовь, но и все страсти и желания людей являются иллюзиями. В этом смысле Евангелие Будды оправдано, и мы можем признать вдохновение Шекспира (в *"Буре"*) и Кальдерона (в *"Виде на Суэне"*), которые чувствовали, что в конечном счете весь мир - это несбыточная мечта. Но без этого широкого и предельного видения мы не можем принять иллюзию; мы не можем признать, что любовь - это заблуждение в каком-то особом смысле, которого избегают другие человеческие желания и устремления. Напротив, это самая прочная из реальностей. Все прогрессивные формы жизни основаны на сексуальной привлекательности. Если мы признаем действие полового отбора — что мы вряд ли сможем не сделать, если очистим его от несущественных наростов^[67] — любовь сформировала точную форму и цвет, неотъемлемую красоту, как животной, так и человеческой жизни.

Если мы далее поразмыслим над тем, что, как полагают многие исследователи, не только физическая структура жизни, но и ее духовная структура — наши социальные чувства, наша мораль, наша религия, наша поэзия и искусство — по крайней мере в какой-то степени также основаны на сексуальном импульсе и были бы если не несуществующими, то уж точно совершенно иными, если бы в мире преобладали иные методы размножения, кроме сексуальных, мы можем легко понять, что можем впасть в замешательство, только отвергая любовь как иллюзию. Все здание жизни рушится, ибо, как давным-давно сказал идеалист Шиллер, оно целиком построено на голоде и любви. Смотреть на любовь как на иллюзию в каком-либо особом смысле - значит просто попадаться в ловушку мелкого цинизма. Любовь - это иллюзия лишь постольку, поскольку иллюзией является вся жизнь, и если мы принимаем факт жизни, нефилософски отказываться принимать факт любви.

Здесь нет необходимости преувеличивать функции любви в мире; достаточно исследовать ее действие в присущей ей сфере. Возможно, однако, стоит процитировать несколько высказываний мыслителей, принадлежащих к различным школам, которые указывали на то, что им казалось далеко идущим значением сексуальных эмоций для нравственной жизни. "Страсти - это небесный огонь, который дает жизнь нравственному миру", - писал Гельвеций давным-давно в *"Де л'Эспри"*. "Активность ума зависит от активности страстей, и именно в период страстей, в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти или сорока лет, люди способны на величайшие усилия добродетели или гениальности". "То, что касается секса, - писал Золя, - затрагивает центр социальной жизни". Профессор Томас утверждает, что даже наше отношение к похвале и порицанию других имеет сексуальное происхождение (*Психологический обзор*, январь 1904 г., стр. 61-67), и именно любовь является источником восприимчивости в целом и альтруистической стороны жизни. "Появление секса, - пытается показать профессор Вудс Хатчинсон (*"Любовь как фактор эволюции"*, *Монист*, 1898), - развитие мужественности и женственности было не только местом зарождения привязанности, источником всей морали, но и огромным экономическим преимуществом для расы и абсолютной необходимостью прогресса. В нем мы сначала обнаруживаем любое сознательное стремление или активный импульс по отношению к ближнему". "Если бы у человека отняли инстинкт продолжения рода и все, что из него вытекает духовно, - восклицал Модсли в своей *"Физиологии разума"*, - в этот момент вся поэзия, а возможно, и все его моральное чувство были бы вычеркнуты из его жизни". "Человек кажется самому себе преображенным, более сильным, богатым, более совершенным; *one's more complete*," says Nietzsche (*Der Wille zur Macht*, с. 389). "Мы находим здесь искусство как органическую функцию: мы находим его воплощенным в самом ангельском инстинкте "любви": мы находим его величайшим стимулятором жизни. ... Дело не только в том,

что это меняет представление о ценностях: влюбленный *is* стоит больше, он сильнее. У животных это состояние порождает новое оружие, пигменты, цвета и формы, прежде всего новые движения, новые ритмы, новую соблазнительную музыку. У человека все иначе. ... Даже в искусстве перед ним открыта дверь. Если мы вычтем из лирического произведения в словах и звуках намеки на ту кишечную лихорадку, что останется в поэзии и музыке? *Искусство для искусства* возможно, виртуозное кряканье замерзших лягушек, которые погибают в своем болоте. Все остальное создано любовью".

Было бы легко привести множество цитат, стремящихся показать, сколько самых разных мыслителей пришли к выводу, что сексуальная любовь (включая вместе с ней родительскую и особенно материнскую любовь) является источником главных проявлений жизни. Насколько обоснован их такой вывод, выяснять сейчас не наше дело.

Несомненно, верно, что, как мы видели при обсуждении беспорядочного и несовершенного распространения концепции любви и даже слов, обозначающих любовь, по всему миру, далеко не все люди одинаково склонны испытывать, даже в любое время своей жизни, эмоции сексуального возбуждения. Разница между рыцарем и деревенщиной все еще существует, и то и другое иногда можно встретить во всех социальных слоях. Нет необходимости настаивать на том, что даже утонченность сексуального наслаждения довольно часто основывается начисто физической основе и мало влияет на интеллектуальную и эмоциональную природу.^[68] Но это не относится к людям, которые наиболее сильно повлияли на ход мыслей и чувств в мире. Личная реальность любви, ее важность для жизни отдельного человека - это факты, которые были засвидетельствованы некоторыми величайшими мыслителями, прожившими жизни, посвященные интеллектуальному труду. Опыт Ренана, который к концу своей жизни изложил в своей замечательной драме *"Аббатиса де Жуар"* свою убежденность в том, что даже с точки зрения целомудрия любовь, в конце концов, является высшей вещью в мире, далеко не одинок. "Любовь всегда проявлялась как низшая форма человеческой музыки, честолубие - как высшая", - писал Тард, выдающийся социолог, в конце своей жизни. "Но всегда ли так будет? Разве нет причин думать, что будущее, возможно, приготовит для нас невыразимый сюрприз в виде изменения этого светского порядка?" Лаплас за полчаса до своей смерти взял в руки свой собственный томик *"Мексиканской целесты"* и сказал: "Все это только мелочи, нет ничего истинного, кроме любви". Конт, посвятивший свою жизнь созданию Позитивной философии, которая должна была быть абсолютно реальной, нашел (как, впрочем, можно сказать, нашел и великий английский позитивист Милль) кульминацию всех своих идеалов в женщине, которая была, по его словам, Эгерией, Беатриче и Лаурой в одном лице, и он писал: "В мире нет ничего реального, кроме любви. Человек устает думать и даже действовать; он никогда не устает ни любить, ни говорить об этом. В самых страшных муках привязанности я никогда не переставал чувствовать, что суть счастья в том, чтобы сердце было достойно наполнено — даже болью, да, даже болью, самой горькой болью". А Софи Ковалевски, после интеллектуальных достижений, которые сделали ее одной из самых выдающихся представительниц своего пола, трогательно писала: "Почему никто не может полюбить меня? Я могла бы дать больше, чем большинство женщин, и все же самых незначительных женщин любят, а меня - нет". Кажется, все они говорят, что любовь - это единственная вещь, которая в высшей степени ценна. Величайшие и наиболее блестящие из мировых интеллектуальных гигантов в моменты своего окончательного прозрения достигают, таким образом, обычного уровня скромных и почти анонимных личностей, отрешенных от мира, которые написали *"Подражание Христу"* или *"Письма португальской монахини"*. И сколько еще других!

[45] Основные размышления о познании состояния человека, *Патрология* Мина, том. clxxiv, стр. 489, загл. III, "De Dignitate Animæ et Vilitate Corporis." Возможно, стоит более подробно процитировать энергичный язык оригинала. "Si diligenter consideres quid per os etnares cæterosque corporis meatus egrediatur, vilius sterquilinum numquam vidisti. ... Attende, homo, quid fuisti ante ortum, et quid es ab ortu usque ad occasum, atque quid eris post hanc vitam. Profecto fuit quand non eras: postea de vili materia factus, et vilissimo panno involutus, menstrualі sanguine in utero materno fuisti nutritus, et tunica tua fuit pellis secundina. Nihil aliud est homo quam sperma fetidum, saccus stercorum, cibus vermium. ... Quid superbis, pulvis et cinis, cujus conceptus cula, nasci miseria, vivere pœna, mori angustia?"

[46] Смотрите (в издании Миньеса) *Подборку S. Odonis abbatis Cluniacensis*, библиотека. ii, глава IX.

[47] Дюрен (*Neue Forshungen über die Marquis de Sade*, стр. 432 и далее.) показывает, как аскетический взгляд на женское тело сохранялся, например, у Шопенгауэра и Де Сада.

[48] В "Эволюции скромности", в первом томе этих *Исследований*, и снова в пятом томе при обсуждении уролагнии в исследовании "Эротического символизма", взаимные реакции сексуального и выделительного центров были полностью рассмотрены.

[49] "Сексуальная мораль", *Архив криминальной антропологии*, январь 1907г.

[50] Приведенный выше отрывок, теперь слегка измененный, первоначально составлял неопубликованную часть эссе об Уолте Уитмене в "*Новом духе*", впервые опубликованного в 1889 году.

[51] Однако даже в девятом веке, когда монашеское движение быстро развивалось, были некоторые, кто противостоял тенденциям новых аскетов. Так, в 850 году Ратрамнус, монах из Корби, написал трактат (*Liber de eo quod Christus ex Virgine natus est*), чтобы доказать, что Мария действительно родила Иисуса через свои половые органы, а не через более традиционно приличную грудь, как это начинали думать некоторые взволнованные люди. Половые органы были освящены. "Spiritus sanctus ... et thalamum tanto dignum sponso sanctificavit et portam" (Achery, *Spicilegium*, vol. i, p. 55).

[52] *Педагогус*, библиотека. ii, глава X. В другом месте (*id.*, lib. ii, глава VI) он делает более подробное заявление на тот же счет.

[53] См., например, Вильгельм Капитан, *Моральные принципы Клемена фон Александриена*, стр. 112 и далее.

[54] *Закон о гражданстве*, библиотека. xxii, глава. XXIV. "В этом нет необходимости", - снова говорит он (*id.*, lib. xiv, глава. V) "что в наших грехах и пороках мы обвиняем природу плоти во вред Творцу, ибо плоть по-своему хороша".

[55] Святой Августин, *De Civitate Dei*, lib. xiv, cap. XXIII-XXVI. Златоуст и Григорий Нисский думали, что в Раю люди размножились бы в результате особого сотворения, но это не является общепринятой католической доктриной.

[56] У. Капитан, *Моральные принципы Клемена фон Александриена*, стр. 112 и далее. Тертуллиан заявлял, что без тела не могло бы быть ни девственности, ни спасения. Душа сама по себе материальна. Он действительно доводит свою идею о вездесущности тела до абсурда.

[57] Руфин, *Комментарий к "Апостольскому символу"*, глава XII.

[58] Минье, *Patrologia Græca*, том. xxvi, pp. 1170 et seq.

[59] Даже в физическом строении половые органы человека, по сравнению с органами низших животных, демонстрируют заметные различия (см. "Механизм детумесценции" в пятом томе этих исследований).

[60] Возможно, было бы также полезно указать вместе с Форелем (*Die Sexuelle Frage*, стр. 208), что слово "скотский" обычно используется в этой связи совершенно неправильно. Действительно, не только для высшего, но и для низшего проявления сексуального влечения обычно правильнее было бы использовать определение "человеческий".

[61] *Документальное издание, Архив криминологии*, январь 1907г.

[62] Однако оно стало окрашенным и подозрительным с раннего периода истории христианства. Святой Августин (*De Civitate Dei*, lib. xiv, cap. XV), признавая, что либидо или похоть - это всего лишь общее название всякого желания, добавляет, что в особом применении к сексуальному влечению оно справедливо смешивается с идеями стыда.

[63] Хинтон хорошо иллюстрирует это чувство. "Мы называем похотью, - заявляет он в своей рукописи, - самые простые и естественные желания. С таким же успехом мы могли бы назвать голод и жажду "похотью", как и сексуальную страсть, выражая просто побуждение Природы. Мы неправильно называем это "похотью", жестоко клеветаем на тех, кому мы это приписываем, и вносим абсолютный беспорядок. Ибо, глупо смешивая требования Природы с похотью, мы настаиваем на ее ограничении".

[64] Несколькими столетиями ранее другой французский писатель, выдающийся врач А. Лаврентий (Де Лоренс) в своей *Истории анатомии человеческого тела* (lib. viii, Quæstio vii) аналогичным образом ломал голову над "невероятным желанием совокупления" и спрашивал, как получилось, что "это божественное животное, полное разума и рассудительности, которое мы называем Человеком, должно привлекать к тем непристойным частям тела женщин, испачканным нечистотами, которые расположены, подобно канализации, в самой нижней части тела". Примечательно, что с самого начала, а также в равной степени среди религиозных деятелей, ученых и литераторов, загадочность этой проблемы особенно привлекала умы французов.

[65] Schopenhauer, *Die Welt als Wille und Vorstellung*, vol. ii, стр. 608 и далее.

[66] "Пожалуй, едва ли найдется человек, - писал Мальтус, священнослужитель и один из глубочайших мыслителей своего времени (*Эссе о принципе народонаселения*, 1798, гл. XI), - который однажды испытал подлинное наслаждение добродетельной любовью, какими бы великими ни были его интеллектуальные удовольствия, которые не оглядывается на тот период как на солнечное пятно во всей своей жизни, где любит нежиться его воображение, которое он вспоминает и созерцает с самыми нежными сожалениями и которое ему больше всего хотелось бы пережить снова. Превосходство интеллектуальных удовольствий над сексуальными состоит

скорее в том, что они занимают больше времени, имеют больший диапазон и менее подвержены насыщению, чем в том, что они более реальны и существенны".

[67] Вся аргументация четвертого тома этих *Исследований*, посвященная "Половому отбору у человека", указывает в этом направлении.

[68] "Возможно, большинство обычных мужчин, - замечает Форель ("*Сексуальная жизнь Фраге*", стр. 307), - лишь слегка восприимчивы к опьянению любовью; они в лучшем случае находятся на уровне *гурманов*, что ни в коем случае не обязательно является аморальным уровнем, но уж точно не уровнем поэзии".

ГЛАВА V.

ФУНКЦИЯ ЦЕЛОМУДРИЯ.

Содержание

Целомудрие, необходимое для достоинства любви—Восстание восемнадцатого века против идеала целомудрия—Неестественные формы целомудрия—Психологическая основа аскетизма—Аскетизм и целомудрие как добродетели дикарей—Значение Таити—Целомудрие у варварских народов—Целомудрие у ранних христиан—Борьба святых с плотью—Романтика христианского целомудрия—Его упадок в средневековье—*Окассен и Николетт* и новый роман о целомудренной любви—The Нецеломудрие северных варваров—Кающиеся—Влияние эпохи Возрождения и Реформации—Восстание против девственности как добродетели—Современная концепция целомудрия как добродетели—Влияния, благоприятствующие целомудрию—Целомудрие как дисциплина—Ценность целомудрия для художника—Потенция и импотенция в народной оценке—Правильные определения аскетизма и целомудрия.

Первостепенная важность целомудрия и даже аскетизма никогда, ни в одно время, ни в одном сильно развитом человеческом обществе полностью не оставалась без признания. Иногда целомудрие превозносилось в человеческих оценках, иногда оно принижалось; оно часто меняло природу своих проявлений; но оно всегда было здесь. Это даже часть прекрасного видения всей Природы. "Величие мира может увидеть только целомудренный ум", - сказал Торо со свойственной ему изысканной экстравагантностью. "Для кого бы этот факт ни был ужасной, но прекрасной тайной, в природе нет цветов". Без целомудрия невозможно сохранить достоинство сексуальной любви. Общество, в котором его оценка падает до минимума, находится на последних стадиях вырождения. Целомудрие имеет для сексуальной любви значение, которое оно никогда не может потерять, и меньше всего сегодня.

Совершенно верно, что на протяжении восемнадцатого и девятнадцатого веков многие люди с высокими моральными и интеллектуальными достоинствами весьма решительно осуждали идеал целомудрия. Великий Бюффон отказывался признавать целомудрие идеалом и презрительно отзывался о "том виде безумия, которое превратило девственность девушки в вещь, имеющую реальное существование", в то время как Уильям Моррис в свойственной ему

прямолинейной манере однажды заявил на собрании Братства Новой жизни, что аскетизм - "самый отвратительный порок, которым поражена человеческая природа". Блейк, хотя он, кажется, всегда был строго нравственным человеком в самом общепринятом смысле этого слова, не испытывал ничего, кроме презрения к целомудрию, и иногда придает идее нецеломудрия своего рода религиозную торжественность. Шелли, которая, возможно, была неразумна в сексуальных вопросах, но вряд ли может быть названа нецеломудренной, также часто, кажется, связывает религию и мораль не с целомудрием, а с нецеломудрием, и почти то же самое можно сказать о Джеймсе Хинтоне.^[69]

Но все эти мужчины — вместе с другими мужчинами с высокой репутацией, которые высказывали схожие мнения, — выступали против ложных, разложившихся и общепринятых форм целомудрия. Они не бунтовали против идеала; они стремились утвердить идеал в таком месте, где поняли бы, что злонамеренное притворство маскируется под моральную реальность.

Мы не сможем принять идеал целомудрия, пока не отбросим безжалостно все неестественные и пустые формы целомудрия. Если целомудрие - это просто утомительное усилие подражать в сексуальной сфере подвигам профессиональных постников, усилие, отнимающее всю энергию организма и не приводящее ни к чему большему, чем связанное с ним воздержание, то это, безусловно, недостойный идеал. Если это слабое подчинение внешнему общепринятому закону, нарушить который не хватает смелости, то это вовсе не идеал. Если это правило морали, навязываемое одним полом противоположному полу, то это несправедливость и провокация бунта. Если это воздержание от обычных форм сексуальности, замененное более ненормальными или более тайными формами, то это просто нереальность, основанная на неправильном представлении. И если это просто внешнее принятие условностей без какого-либо дальнейшего принятия, даже на деле, то это презренный фарс. Это те формы целомудрия, которые в течение последних двух столетий решительно отвергали многие благородные люди.

Тот факт, что целомудрие, или аскетизм, является настоящей добродетелью, имеющей прекрасное применение, становится очевидным, когда мы осознаем, что оно процветало во все времена, в связи со всеми видами религий и самыми разнообразными моральными кодексами. Мы находим это ярко выраженным среди дикарей, а особые добродетели дикости — твердость, выносливость и храбрость — тесно связаны с культивированием целомудрия и аскетизма.^[70] Это правда, что у дикарей редко бывает какой-либо идеал целомудрия в современном деградировавшем смысле этого слова, как состояния постоянного воздержания от сексуальных отношений, имеющего собственные достоинства, помимо какой-либо пользы. Они ценят целомудрие за его ценности, магические или реальные, как метод самоконтроля, который способствует достижению важных целей. Способность переносить боль и сдержанность почти всегда являются основными элементами инициации молодежи в период полового созревания. Обычай воздерживаться от половых сношений перед военными походами и охотой, а также другими серьезными делами, требующими большого мышечного и умственного напряжения, каковы бы ни были мотивы, является мудрым методом экономии энергии. Чрезвычайно распространенная привычка избегать половых сношений во время беременности и кормления грудью, опять же, является замечательной мерой предосторожности в области сексуальной гигиены, соблюдение которой в условиях цивилизации чрезвычайно трудно обеспечить. Дикари также прекрасно понимают, насколько ценно сексуальное воздержание в сочетании с постом и уединением для приобретения способности к сверхъестественным духовным силам.

Таким образом, К. Хилл утверждает (*Журнал Антропологического института*, январь.-Июнь 1905 г., стр. 143-145) приводит интересный отчет о самодисциплине, которой подвергаются те из индейцев салиш в Британской Колумбии, кто стремится обрести шаманские силы. Психический эффект такого обучения на этих людей, говорит Хилл Таут, несомненен. "Это позволяет им предпринимать и совершать подвиги необычайной силы, ловкости и выносливости; и временами дает им, помимо общего возбуждения чувств, несомненное ясновидение и другие сверхъестественные умственные и телесные способности". На другом конце света, как показывают *Отчеты антропологической экспедиции в Торресов пролив* (т. v, с. 321), также распространены аналогичные методы обретения сверхъестественных сил.

Существуют фундаментальные психологические причины широкого распространения аскетизма и той удивительной манеры, с которой он включает в себя умерщвление плоти, даже острые физические страдания. Такая боль является настоящим психическим стимулятором, особенно у слегка невротичных людей. Это хорошо иллюстрирует молодая женщина, пациентка Джанет, которая страдала от психической депрессии и привыкла находить облегчение в легком обжигании рук и ног. Она сама ясно понимала природу своих действий. "Я чувствую, - сказала она, - что прилагаю усилие, когда держу руки на плите или поливаю ноги кипятком; это насильственный акт, и он пробуждает меня: я чувствую, что это действительно делаю я, а не кто-то другой. ... Совершить умственное усилие само по себе для меня слишком сложно; я должен дополнить его физическими усилиями. Я не преуспел ни в чем другом; вот и все: когда я готовлюсь сжечь себя, я делаю свой ум свободнее, светлее и активнее на несколько дней. Почему ты говоришь о моем желании умерщвления плоти? Мои родители верят в это, но это абсурдно. Было бы унижительно, если бы это принесло какие-либо страдания, но я наслаждаюсь этими страданиями, они возвращают мне разум; они не дают моим мыслям остановиться: чего бы только не сделали, чтобы достичь такого счастья?" (П. Джанет, "Патогенез некоторых импульсов", *Журнал аномальной психологии*, апрель 1906 г.) Если мы поймем этот психологический процесс, мы сможем понять, почему даже в высших религиях, какими бы другими они ни отличались, практическая ценность аскетизма и умерщвления плоти как необходимой двери к самому возвышенному религиозному состоянию, признается почти повсеместно, и с полной радостью. "Аскетизм и экстаз неразделимы", - замечает Пробст-Бирабен в начале интересной статьи о магометанском мистицизме ("Экстаз мусульманского мистицизма", *Философское ревю*, ноябрь 1906 г.). Аскетизм - необходимая предпосылка к духовному совершенству.

Таким образом, случается, что дикие народы в значительной степени основывают свое часто вызывающее восхищение применение аскетизма не на практических основаниях, которые могли бы его оправдать, а на религиозных основаниях, которые с ростом интеллекта становятся дискредитированными.^[71] Однако, даже когда скрупулезные обряды дикарей, будь то в сексуальных или несексуальных вопросах, не имеют под собой какой-либо очевидной основы, нельзя сказать, что они совершенно бесполезны, если они способствуют развитию самоконтроля и чувства почтения.^[72] Предполагаемые разумные и практичные народы, которые отбрасывают примитивные обряды, потому что они кажутся необоснованными или даже нелепыми, нуждаются в еще более тонком практическом чутье и еще большем интеллекте, чтобы понять, что, хотя причины обрядов были ошибочными, все же сами обряды могли быть необходимыми методами достижения личной и социальной эффективности. В ходе развития цивилизации постоянно случается так, что нам приходится возрождать старые обряды и подкреплять их новыми причинами.

Рассматривая моральное качество целомудрия у дикарей, мы должны тщательно отделять то целомудрие, которое у полупервобытных народов навязывается исключительно женщинам. Это не имеет никакого морального качества, поскольку применяется не как полезная дисциплина, а просто для того, чтобы повысить экономическую и эротическую ценность женщин. Многие авторитетные источники считают, что отношение к женщинам как к собственности является истинной причиной широко распространенного требования к девственности невест. Так, А. Б. Эллис, говоря о Западном побережье Африки (*Народы, говорящие на языке йоруба*, стр. 183 и далее.), говорит, что девушек из хорошего сословия обручают еще в детстве, и их тщательно оберегают от мужчин, в то время как девушки из низшего сословия редко обручаются и могут вести любой образ жизни, который они выберут. "В этом обычае обручения младенцев мы, вероятно, находим ключ к тому любопытному отношению к добрачному целомудрию, которое встречается не только у племен Золотого и Невольничьего побережий, но и у многих других нецивилизованных народов в разных частях света". В совершенно другой части света, на севере Сибири, "якуты", - утверждает Серошевский (*Журнал Антропологического института*, январь.- Июнь 1901 г., стр. 96), "не вижу ничего аморального в незаконной любви, при условии только, что из-за нее никто не несет материальных потерь. Это правда, что родители будут ругать дочь, если ее поведение угрожает лишить их выгоды от выкупа за невесту; но если однажды они потеряли надежду выдать ее замуж или если выкуп за невесту был потрачен, они проявляют полное безразличие к ее поведению. Девушки, которые больше не ожидают замужества, вообще не сдерживаются, если они и соблюдают приличия, то только из уважения к обычаю". Вестермарк (*История человеческого брака*, стр. 123 и последующие) также показывает связь между высокими оценками девственности и представлением о женщине как собственности, и, возвращаясь к этому вопросу в своей более поздней работе "*Происхождение и развитие моральных идей*" (том ii, гл. XLII), указав, что "таким образом, брак по купле повысил стандарты женского целомудрия", он ссылается (стр. 437) на важный факт, что соблазнение незамужней девушки "в основном связано с , если не исключительно, рассматривается как оскорбление родителей или семьи девушки ", и нет никаких указаний на то, что дикари когда-либо считали, что по отношению к самой женщине было причинено какое-либо зло. Вестермарк признает в то же время, что предпочтение, отдаваемое девственницам, имеет также биологическую основу в инстинктивном мужском чувстве ревности по отношению к женщинам, имевшим половой акт с другими мужчинами, и особенно в эротическом очаровании для мужчин эмоционального состояния застенчивости, которое сопровождает девственность. (Этот момент рассматривался при обсуждении скромности в томе i этих исследований.)

Вряд ли нужно добавлять, что требование девственности невест ни в коем случае не ограничивается, как, по-видимому, подразумевает А. Б. Эллис, нецивилизованными народами, и нет необходимости, чтобы покупка жены всегда сопровождала это. Это предпочтение все еще сохраняется не только в силу его естественной биологической основы, но и как уточнение и расширение представления о женщине как собственности среди тех цивилизованных народов, которые, как и мы, наследуют форму брака, в некоторой степени основанную на покупке жены. В таких условиях женское целомудрие должно выполнять важную социальную функцию, будучи, как миссис Мона Кэрд назвала это (*Мораль брака*, 1897, стр. 88) сторожевым псом собственности человека. Тот факт, что речь не идет ни о каком элементе идеальной морали, подтверждается обычным отсутствием у мужа каких-либо требований к добрачному целомудрию.

Не следует предполагать, что, когда, как это чаще всего бывает, нет полного и постоянного запрета на внебрачные половые сношения, преобладает простая безудержная распущенность. Такого, вероятно, никогда не случалось нигде среди незагрязненных дикарей. Правило, вероятно, заключается в том, что, как и среди племен в Торресовом проливе (*Отчеты Кембриджской антропологической экспедиции*, т. v, стр. 275), здесь нет полного воздержания до брака, но нет и необузданной распущенности.

Пример Таити поучителен в том, что касается распространенности целомудрия среди народов, которые мы обычно считаем находящимися на низком уровне цивилизации. Таити, по словам всех, кто его посетил, от первых исследователей до выдающегося американского хирурга, покойного доктора Николаса Сенна, является островом, обладающим такими качествами природной красоты и превосходного климата, которые невозможно оценить слишком высоко. "Мне показалось, что я перенесся в Райский сад", - сказал Бугенвиль в 1768 году. Но, главным образом под влиянием ранних английских миссионеров, которые придерживались идей теоретической морали, совершенно чуждых идеям жителей островов, таитяне стали типичным примером населения, предавшегося распущенности со всеми ее ужасными последствиями. Так, в своих ценных *полинезийских исследованиях* (второе издание, 1832, том i, глава IX) Уильям Эллис говорит, что таитяне практиковали "наихудшее загрязнение, в котором только мог быть виновен человек", хотя и не уточняет их. Однако, когда мы внимательно изучаем рассказы первых посетителей Таити, еще до того, как население подверглось заражению в результате контакта с европейцами, становится ясно, что эта точка зрения нуждается в серьезном изменении. "Огромное количество хорошей и питательной пищи, - писал один из первых исследователей Дж. Р. Форстер (*Наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия*, 1778, стр. 231, 409, 422), - вместе с прекрасным климатом, красотой и непринужденным поведением их самок, мощно приглашают их к любовным утехам. Они очень рано начинают отдаваться самым развратным сценам. Их песни, танцы и драматические представления дышат духом роскоши ". И все же он снова и снова вынужден приводить факты, свидетельствующие о добродетелях этих людей. По его словам, несмотря на довольно женственное телосложение, они атлетичны. Более того, в своих войнах они сражаются с большой храбростью. В остальном они гостеприимны. Он отмечает, что они относятся к своим замужним женщинам с большим уважением и что женщины в целом почти равны мужчинам как по интеллекту, так и по социальному положению; он дает очаровательное описание женщин. "Короче говоря, их характер, - заключает Форстер, - столь же дружелюбен, как и у любого народа, когда-либо вышедшего из-под влияния Природы невинным", и он замечает, что, как и у народов Южных морей в целом, "всякий раз, когда мы приезжали на этот счастливый остров, мы, очевидно, могли ощутить богатство и счастье его обитателей". Примечательно также, что, несмотря на большое значение, которое таитяне придавали эротической стороне жизни, у них не было недостатка в соблюдении целомудрия. Когда Кук, который много раз посещал Таити, был среди "этого доброжелательного гуманного" народа, он отметил их уважение к целомудрию и обнаружил, что не только обрученных девушек строго охраняли до замужества, но и мужчин, которые, как считалось, воздерживались от половых сношений в течение некоторого времени до брака, после смерти сразу переходили в обитель блаженных. "Их поведение во всех случаях, по-видимому, свидетельствует о большой открытости и великодушии характера. Я никогда не видел, чтобы они, попав в беду, трудились под видом беспокойства после того, как критический момент миновал. И, кажется, на их лбу никогда не появляется морщин от беспокойства. Напротив, даже приближение смерти, по-видимому, не меняет их обычной бодрости" (*Третье*

путешествие открытий, 1776-1780). Тернбулл посетил Таити в более поздний период (*Кругосветное путешествие в 1800 г. и др.*, стр. 374-5), но, обнаружив среди них всевозможные пороки, он все же вынужден признать их достоинства: "Их манера обращения к незнакомцам, от короля до самого ничтожного подданного, чрезвычайно вежлива и приветлива. ... Они, безусловно, живут друг с другом в большей гармонии, чем это принято среди европейцев. За все время, что я был среди них, я никогда не видел такой вещи, как битва. ... Я никогда не помню, чтобы видел отахейтянина в раздражении. Они подшучивают друг над другом с большей свободой, чем европейцы, но эти шутки никогда не воспринимаются дурно. ... Что касается еды, то, я полагаю, у отахейцев неизменным законом является то, что все, чем владеет один, является общим для всех". Таким образом, мы видим, что даже среди людей, которых обычно называют высшим примером нации, предавшейся неконтролируемой распущенности, были признаны притязания на целомудрие и энергично процветали многие другие добродетели. Таитяне были храбры, гостеприимны, обладали самообладанием, вежливы, внимательны к нуждам других, по-рыцарски относились к женщинам, даже ценили преимущества сексуальной сдержанности до такой степени, которая редко, если вообще когда-либо, была известна среди тех христианских народов, которые смотрели на них свысока как на преданных невыразимым порокам.

Когда мы переходим от дикарей к народам, находящимся на варварской и цивилизованной стадиях, мы обнаруживаем общую тенденцию к тому, что целомудрие, поскольку оно является общим достоянием простых людей, менее ценится или сохраняется только как традиционная условность, которая больше не соблюдается строго. Старые основы целомудрия в примитивных религиях *итабу* пришли в упадок, и никаких новых оснований, как правило, установлено не было. "Хотя прогресс цивилизации, - писал Гиббон давным-давно, - несомненно, способствовал смягчению более жестоких страстей человеческой натуры, он, по-видимому, был менее благоприятен для добродетели целомудрия", и Вестермарк приходит к выводу, что "нерегулярные связи между полами в целом демонстрируют тенденцию к увеличению вместе с прогрессом цивилизации".

Основное различие в социальной функции целомудрия по мере того, как мы переходим от дикости к более высоким ступеням культуры, по-видимому, заключается в том, что оно перестает существовать как общая гигиеническая мера или общее церемониальное соблюдение и, по большей части, ограничивается специальными философскими или религиозными сектами, которые культивируют его до крайней степени более или менее профессиональным образом. Такое положение вещей хорошо иллюстрируется Римской империей в первые века христианской эры.^[73] Само христианство сначала было одной из этих сект, очарованных идеалом целомудрия; но благодаря своей превосходной жизнеспособности оно заменило все остальные и, наконец, навязало свои идеалы, хотя ни в коем случае не примитивные практики, европейскому обществу в целом.

Целомудрие проявлялось в первобытном христианстве двумя разными, хотя и не обязательно противоположными способами. С одной стороны, это приняло суровую и практичную форму у энергичных мужчин и женщин, которые, воспитавшись в обществе, допускающем высокую степень сексуального потворства своим желаниям, внезапно убедились в греховности такого потакания своим желаниям. Борьба с обществом, в котором они родились, и с их собственными старыми импульсами и привычками стала настолько суровой, что они часто оказывались вынуждены полностью удалиться от мира. Таким образом, выжженные пустынные места Египта

были населены отшельниками, в основном занятыми проблемой подчинения собственной плоти. Можно сказать, что их предрасположенность, как и предрасположенность большей части раннехристианской литературы, к сексуальным вопросам была значительно больше, чем в случае с языческим обществом, которое они покинули. Язычество принимало сексуальные потворства, а затем смогло отвергнуть их, так что в классической литературе мы находим очень мало упоминаний сексуальных подробностей, за исключением таких писателей, как Марциал, Ювенал и Петроний, которые вводят их в основном в сатирических целях. Но христиане не могли таким образом избавиться от одержимости сексом; она всегда была с ними. Интересные намеки на их борьбу, по большей части бесплодную, мы находим в Посланиях святого Иеронима, который сам был спортсменом в этих аскетических состязаниях.

"О, сколько раз, - писал святой Иероним Евстохии, пресвятой деве, которой он адресовал одно из самых длинных и интересных своих писем, - когда в пустыне, в этом обширном уединении, которое, выжженное солнцем, представляет собой лишь ужасное жилище для монахов, я воображал себя среди прелестей Рима! Я был одинок, ибо душа моя была полна горечи. Мои конечности были покрыты жалким мешком, а кожа была черной, как у эфиопа. Каждый день я плакал и стонал, и если меня неохотно одолевал сон, мое худое тело лежало на голой земле. Я ничего не говорю о своей еде и питье, потому что в пустыне даже у инвалидов нет ничего, кроме холодной воды, а приготовленная пища считается роскошью. Что ж, я, который из страха перед адом приговорил себя к этой тюрьме, спутнице скорпионов и диких зверей, часто представлялся в воображении среди групп девушек. Мое лицо было бледным от поста, а мой разум в моем холодном теле горел от желания; огни похоти все еще вспыхивали в теле, которое уже казалось мертвым. Затем, лишенный всякой помощи, я бросился к ногам Иисуса, омывая их своими слезами и вытирая волосами, усмиряя свою мятежную плоть долгими постами. Я помню, что не раз я проводил ночь, издавая крики и ударяя себя в грудь, пока Бог не посылал мне мир". "Наш век, - писал святой Златоуст в своем *Обращении к тем, кто держит девственников в своих домах*, - видел многих мужчин, которые связывали свои тела цепями, одевались в мешки, удалялись на вершины гор, где жили в постоянном бдении и посте, подавая пример самой строгой дисциплины и запрещая всем женщинам переступать пороги своих скромных жилищ; и все же, несмотря на все строгости, которые они применяли к себе, они с трудом могли подавлять неистовство своих страстей". Иларион, говорит Джером, видел обнаженных женщин, когда ложился на свое одинокое ложе, и вкусное мясо, когда садился за свой скромный стол. Такой опыт сделал первых святых очень щепетильными. "Они обычно говорили", - говорится в интересной истории египетских отшельников, *"Рассказы о святых отцах"* Палладия, относящейся к четвертому веку (А. W. Бадж, *"Рай"*, том. ii, стр. 129), "что аббат Исаак вышел и нашел на дороге след ноги женщины, и он подумал об этом в уме и уничтожил его, сказав: "Если брат увидит это, он может упасть". Точно так же, согласно правилам святого Кесария Овевского для монахинь, никакая мужская одежда не должна была сдаваться в монастырь для стирки или починки. Даже в преклонном возрасте определенная тревога по поводу целомудрия все еще сохранялась. Один из братьев, как нам рассказывают в *"Рассказах"* (стр. 132), сказал аббату Зенону: "Смотри, ты состарился, как обстоит дело с блудом?" Достопочтенный святой ответил: "Оно стучит, но проходит дальше".

По прошествии веков все та же напряженная тревога по охране целомудрия все еще сохранялась, и старая борьба постоянно возобновлялась (см., например, *Словарь аскетизма* Миня, art. "Démon, Tentation du"). Правда, некоторые святые, такие как Луиджи ди Гонзага, были настолько ангельски добры, что никогда не испытывали уколов сексуального

желания. Эти, по-видимому, были исключением. Святой Бенедикт и святой Франциск испытывали трудности спокорением плоти. Святая Магдалена де Поцци, чтобы развеять сексуальные желания, каталась по колючим кустам до тех пор, пока не потечет кровь. Некоторые святые держали в своих кельях специальный бочонок с холодной водой для стояния в нем (Lea, *Жреческое безбрачие*, том I, стр. 124). С другой стороны, блаженная Андже́ла де Фульхинио рассказывает нам в своих *видениях* (сар. XIX) что, пока ее духовник не запретит, она будет класть горячие угли в свои тайные места, надеясь материальным огнем погасить огонь вожделения. Святой Алдхельм, святой епископ Шерборна, в восьмом веке также применил гомеопатический метод лечения, хотя и более буквального характера, поскольку Уильям Малмсбери утверждает, что при искушении плотью он заставлял женщин сидеть и лежать рядом с ним, пока он снова не успокоится; метод оказался очень успешным, по той причине, как считалось, что дьявол чувствовал, что из него сделали дурака.

Со временем католическая практика и теория аскетизма стали более формализованными и проработанными, и считалось, что их благотворное воздействие распространяется не только на самого человека. "Аскетизм с христианской точки зрения, - пишет Бренье де Монморан в интересном исследовании ("Аскетизм и мистицизм", *Философское ревю*, март 1904 г.), - это не что иное, как все терапевтические меры, направленные на моральное очищение. Христианский аскет - это спортсмен, борющийся за преобразование своей порочной природы и прокладывающий путь к Богу через препятствия, вызванные его страстями и окружающим миром. Он действует не только в своих собственных интересах, но — в силу обратимости заслуг, которая компенсирует солидарность в заблуждении, — на благо и для спасения всего общества".

Этот аспект раннехристианского аскетизма подчеркивался чаще всего. Но есть и другой аспект, который, возможно, менее знаком, но отнюдь не менее важен. Первобытное христианское целомудрие, с одной стороны, было суровой дисциплиной. С другой стороны, это была романтика, и это действительно была ее наиболее специфически христианская сторона, поскольку спортивный аскетизм был связан с самыми разнообразными религиозными и философскими верованиями. Если бы она действительно не обладала очарованием новых ощущений, восхитительной свободы, неизведанного приключения, она никогда бы не покорила европейский мир. В этом мире лишь немногие обладают качествами моральных атлетов; многие откликаются на привлекательность романтики.

Христиане отвергали более грубые формы сексуального потакания своим желаниям, но при этом они с более утонченным пылом переходили к более утонченным формам сексуальной близости. Они культивировали отношения братьев и сестер друг к другу, они целовали друг друга; одно время, во время духовной оргии крещения, они не стыдились обнажаться полностью.^[74]

Очень поучительная картина форм, которые принимало целомудрие у первых христиан, дана нам в трактате Златоуста *Против тех, кто держит девственниц в своих домах*. "Наши отцы, - начинает Златоуст, - знали только две формы сексуальной близости: брак и блуд". Теперь появилась третья форма: мужчины вводят молодых девушек в свои дома и держат их там постоянно, уважая их девственность. "В чем, - спрашивает Златоуст, - причина? Мне кажется, что совместная жизнь с женщиной сладка, даже вне супружеского союза и плотской коммерции. Таково мое чувство; и, возможно, это чувство не только мое; оно также может быть

чувством этих людей. Они не ценили бы свою честь так дешево и не устраивали бы таких скандалов, если бы это удовольствие не было жестоким и тираническим. ... То, что в этом действительно должно быть удовольствие, которое порождает любовь более пылкую, чем супружеский союз, может поначалу удивить вас. Но когда я представлю вам доказательства, вы согласитесь, что это так". Отсутствие сдерживания желания в браке, продолжает он, часто приводит к быстрому отвращению, и даже помимо этого, половой акт, беременность, роды, лактация, воспитание детей и все боли и тревоги, которые сопровождают эти вещи, вскоре разрушают молодость и притупляют смысл удовольствия. Девственница свободна от этого бремени. Она сохраняет свою энергию и молодость и даже в возрасте сорока лет может соперничать с молодой девушкой, вступающей в половую жизнь. "Таким образом, двойной пыл горит в сердце того, кто живет с ней, и удовлетворение желания никогда не гасит яркое пламя, которое всегда набирает силу". Златоуст подробно описывает все те маленькие заботы и внимание, в которых нуждались современные девушки его времени и которые эти мужчины с удовольствием оказывали своим девственным возлюбленным, будь то публично или наедине. Однако он не может отделаться от мысли, что мужчина, который расточает поцелуи и ласки женщине, чью девственность он сохраняет, ставит себя в некотором роде в положение Тантала. Но эта новая утонченность нежного целомудрия, ставшая восхитительным открытием для первых христиан, которые решительно отвергли распущенность языческого мира, имела глубокие корни, как мы видим из того, с какой частотой серьезные Отцы Церкви, опасаясь скандала, чувствовали себя призванными порицать это, хотя их осуждение иногда не лишено оттенка тайного сочувствия.^[75]

Была одна форма, в которой новое христианское целомудрие процветало буйно и неконтролируемо: оно завоевало литературу. Самой очаровательной и, мы можем быть уверены, самой популярной литературой ранней Церкви были бесчисленные романы об эротическом целомудрии — в какой—то степени, вполне возможно, основанные на фактах, — которые сегодня воплощены в *Acta Sanctorum*. Мы можем видеть даже в самых простых и не вызывающих чудес раннехристианских записях о мученичестве женщин, что писатели полностью осознавали тонкое очарование героини, которая, подобно карфагенской Перпетуе, брошенной диким скотом на арене, поднимается, чтобы запахнуть на себе разорванную одежду и поправить растрепанные волосы.^[76] Это был легкий шаг к рассказам о романтических приключениях. Среди этих восхитительных историй я могу особо упомянуть легенду о Текле, которая была помещена, возможно, ошибочно, еще в первом столетии, "Невеста и жених Индии" в *Деяниях Иуды Фомы*, "Дева Антиохийская" в изложении святого Амвросия, историю "Ахиллея и Нерее", "Мигдонию и Кариша" и "Двух влюбленных из Оверни" в изложении Григория Турского. Раннехристианская литература изобилует историями о влюбленных, которые действительно сохранили свое целомудрие и все же открыли для себя самые изысканные секреты любви.

День Феклы - двадцать третье сентября. Существует очень хорошая сирийская версия (написанная Липсиусом и другими, считающаяся более примитивной, чем греческая версия) *Деяний Павла и Феклы* (см., например,, *Апокрифические деяния Райта*). Эти *деяния* относятся ко второй половине II века. История гласит, что Фекла, отказавшаяся уступить страсти верховного жреца Сирии, была выставлена обнаженной, если не считать пояса (*subligaculum*), на арену на спине львицы, которая лизала ей ноги и сражалась за нее с другими зверями, умирая, защищая

ее. Другие звери, однако, не причинили ей вреда, и в конце концов ее освободили. Королева снабдила ее деньгами, она изменила платье, чтобы выглядеть как мужчина, отправилась на встречу с Полом и дожила до старости. Сэр У. М. Рамзи написал интересное исследование об этих *Деяниях* (*Церковь в Римской империи*, глава XVI). Он придерживается мнения, что *Деяния* основаны на документе первого века и способны выделить из этой истории многие элементы правды. Он утверждает, что это единственное имеющееся у нас свидетельство идей и действий женщин в первом веке в Малой Азии, где их положение было так высоко, а влияние так велико. Фекла олицетворяет собой утверждение прав женщины, и она совершала обряд крещения, хотя в существующих версиях *Деяний* эти особенности смягчены или устранены.

Некоторые из наиболее типичных из этих раннехристианских романов описываются как гностические по происхождению, с некоторыми зародышами манихейского дуализма, которые содержались в богатой и сложной матрице гностицизма, в то время как дух этих романов также в значительной степени монтанистский, с сочетанием целомудрия и пылкости, ярко выраженным женственным оттенком из-за его происхождения из Малой Азии, что характерно для монтанизма. Однако нельзя отрицать, что они в значительной степени вошли в основной поток христианской традиции и составляют существенную и значимую часть этой традиции. (Ренан в своем *"Марке Ореле"*, гл. IX и XV, настаивает на огромном долге христианства перед вкладками гностиков и монтанистов). Характерным примером является история "Обрученного из Индии" в книге *Деяний Иуды Фомы* (Апокрифические деяния Райта). Иуда Фома был продан своим учителем Иисусом индийскому купцу, которому потребовался плотник, чтобы отправиться с ним в Индию. Сойдя на берег в городе Сандарук, они услышали звуки музыки и пения и узнали, что это свадебный пир дочери короля, на котором должны присутствовать все, богатые и бедные, рабы и свободные, чужеземцы и горожане. Иуда Фома отправился со своим новым учителем на пир и возлежал с миртовой гирляндой на голове. Когда пришел еврей-флейтист, встал над ним и заиграл, он запел песни Христа, и было видно, что он прекраснее всех, кто был там, и царь послал за ним, чтобы благословить молодую пару в чертоге новобрачных. И когда все вышли и дверь брачного чертога закрылась, жених приблизился к невесте и увидел, что Иуда Фома все еще разговаривает с ней. Но именно наш Господь сказал ему: "Я не Иуда, а его брат". И наш Господь сел на кровать рядом с молодыми людьми и начал говорить им: "Помните, дети мои, о чем говорил с вами мой брат, и знайте, кому он вас вверил, и знайте, что если вы будете оберегать себя от этого грязного общения, вы станете чистыми храмами и будете спасены от явных и скрытых бедствий и от тяжелой заботы о детях, конец которой - горькая печаль. Ради них вы станете угнетателями и грабителями, и вас будут жестоко мучить за их обиды. Ибо дети - причина многих страданий; либо Царь нападает на них, либо демон овладевает ими, либо их постигает паралич. И если они здоровы, то приходят к болезни либо из-за прелюбодеяния, либо из-за воровства, либо из-за блуда, либо из-за алчности, либо из-за тщеславия. Но если я вас убеду и вы будете хранить чистоту перед Богом, у вас будут живые дети, к которым не приблизится ни один из этих пороков и увечий; и вы будете без забот, без печали и без печали, и вы будете надеяться на то время, когда увидите настоящий свадебный пир". Молодая пара была убеждена и воздержалась от похоти, и наш Господь исчез. А утром, когда рассвело, король велел рано накрыть стол и предстать перед женихом и невестой. И он обнаружил, что они сидят друг напротив друга, и лицо невесты было непокрыто, а жених был очень весел. Мать невесты говорит ей: "Почему ты сидишь так и не стыдишься, но ведешь себя так, как будто ты была замужем долгое время и по многу дней?" И ее отец тоже сказал: "Неужели твоя великая любовь к мужу мешает тебе даже прикрыться вуалью?" И невеста

ответила и сказала: "Воистину, отец мой, я испытываю великую любовь и молюсь моему Господу, чтобы я могла продолжать пребывать в этой любви, которую я испытала этой ночью. Я не покрыт вуалью, потому что с меня снята завеса разврата, и я не стыжусь, потому что позорное деяние было удалено далеко от меня, и я весел, и презираю это развращающее деяние и радости этого свадебного пира, потому что я приглашен на настоящий свадебный пир. У меня не было половой связи с мужем, концом которой было бы горькое раскаяние, потому что я обручена с истинным Мужем". Жених ответил также в том же духе, что, естественно, привело в смятение короля, который послал за колдуном, которого он просил благословить его несчастную дочь. Но Иуда Фома уже покинул город, и в его гостинице королевские слуги нашли только флейтистку, которая сидела и плакала из-за того, что он не взял ее с собой. Однако она обрадовалась, когда услышала, что случилось, и поспешила к молодой паре, и с тех пор жила с ними. Король тоже наконец примирился, и все закончилось целомудренно, но счастливо.

В тех же самых *Деяниях Иуды Фомы*, которые датируются не позднее четвертого века, мы находим (восьмой акт) историю Мигдонии и Кариша. Мегдония, жена Кариша, обращена Томасом и убегает от своего мужа, обнаженная, если не считать занавески на двери комнаты, которой она закуталась, к своей старой няне. Вместе с медсестрой она идет к Томасу, который льет ей на голову святое масло, приказывая медсестре помазать им ее всю; затем на ее чресла надевают ткань, и он крестит ее; затем ее одевают, и он дает ей причастие. Юношеский восторг целомудрия временами становится лиричным, и Иуда Фома прорывается наружу: "Чистота - это атлет, которого не победить. Чистота - это истина, которая не ослепляет. Чистота достойна перед Богом быть для Него знакомой служанкой. Чистота - вестница согласия, несущая весть о мире".

Другой роман о целомудрии представлен эпизодом с Друзианой в *Истории апостолов*, традиционно приписываемой Абдиасу, епископу Вавилона (Вк. v, гл. IV, и последующие). Друзиана - жена Андроника, и она настолько набожна, что не желает вступать с ним в половую связь. Юноша Каллимах безумно влюбляется в нее, и его любовные попытки влекут за собой множество захватывающих приключений, но целомудрие Друзианы в конце концов торжествует.

Характерным примером литературы, которую мы здесь рассматриваем, является рассказ святого Амвросия о "Деве в публичном доме" (изложен в его *De Virginibus*, издании сочинений Амвросия Минье, тома. iii-iv, с. 211). Святой Амвросий сообщает нам, что некая девственница, которая недавно жила в Антиохии, была осуждена либо приносить жертвы богам, либо ходить в публичный дом. Она выбрала последнее. Но первым человеком, который вошел к ней, был солдат-христианин, который назвал ее "сестрой" и сказал, чтобы она ничего не боялась. Он предложил им обменяться одеждой. Это было сделано, и она сбежала, в то время как солдата увели на казнь. Однако на месте казни она подбежала и воскликнула, что боится не смерти, а позора. Он, однако, утверждал, что был приговорен к смерти вместо нее. В конце концов мученический венец, за который они боролись, был присужден обоим.

В ранних документах этой романтической литературы о целомудрии мы постоянно замечаем, что на целомудрии настаивают отнюдь не только из-за награды за него после смерти, и даже не потому, что девственница, посвятившая себя этому, обретает во Христе вечно молодого возлюбленного, чья золотоволосая красота иногда подчеркивается. Его главное очарование заключается в его собственной радости и свободе, а также в безопасности, которую он

предполагает от всех неприятностей, неудобств и уз супружества. Очевидно, что это раннехристианское движение романтического целомудрия в значительной степени было бунтом женщин против мужчин и брака. Это хорошо показано в поучительной истории, предположительно относящейся к третьему веку, о евнухах Ахиллее и Нерее, изложенной в *Святом акте* от 12 мая. Ахилл и Нерей были христианскими евнухами из опочивальни Домиции, девственницы благородного происхождения, состоящей в родстве с императором Домицианом и обрученной с Аврелианом, сыном консула. Однажды, когда их госпожа надевала свои драгоценности и пурпурные одежды, расшитые золотом, они по очереди начали говорить с ней обо всех радостях и преимуществах девственности по сравнению с браком с простым мужчиной. Беседа развивается очень долго и с большим красноречием. Домицию, наконец, убедили. Вследствие этого она много страдала от Аврелиана, и когда он добился ее изгнания на остров, она отправилась туда вместе с Ахиллеем и Нереем, которые были казнены. Между прочим, описывается смерть Феликулы, другой героини "целомудрия". Когда ее вздернули на дыбе за то, что она не хотела выходить замуж, она постоянно отказывалась отречься от Иисуса, которого называла своим возлюбленным. "Ego non nego amatorem meum!"

Особый раздел этой литературы посвящен историям обращения или покаяния куртизанок. Например, святой Мартиниан (13 февраля) был соблазнен куртизанкой Зоей, но обратил ее. История святой Маргариты Кортонской (22 февраля), кающейся куртизанки, запоздала, поскольку относится к тринадцатому веку. Самым восхитительным документом в этой литературе, вероятно, является новейший итальянский религиозный роман четырнадцатого века под названием "*Житие святой Марии Магдалины*", который обычно ассоциируется с именем брата Доменико Кавальки. (Переведено на английский). Это деликатно и восхитительно рассказанный роман о целомудренной и страстной любви милой грешницы Марии Магдалины к своему возлюбленному Учителю.

С течением времени стремление к радостям целомудрия в этой жизни становилось менее заметным, и целомудрие все больше и больше рассматривается как состояние, которое должно быть полностью вознаграждено только в будущей жизни. Однако даже в очаровательном рассказе Григория Турского "Двое влюбленных из Оверни", в котором это отношение ясно, радости целомудренной любви в этой жизни представлены так же ясно, как и в любом из ранних романов (*История Франции*, lib. i, cap. XLII). У двух сенаторов Оверни было по единственному ребенку, и они обручили их друг с другом. Когда наступил день свадьбы и молодую пару уложили в постель, невеста отвернулась к стене и горько заплакала. Жених умолял ее рассказать ему, в чем дело, и, повернувшись к нему, она сказала, что если она будет плакать всю свою жизнь, то никогда не сможет смыть свое горе, потому что она решила отдать свое маленькое тело Христу непорочным, нетронутым мужчинами, и теперь вместо бессмертных роз на ее челе были только увядшие розы, которые скорее уродовали, чем украшали его, и вместо райского приданого, которое обещал ей Христос, она стала супругой простого смертного мужчины. Она довольно долго и мягко оплакивала свою печальную судьбу. Наконец жених, тронутый ее сладкими словами, почувствовал, что вечная жизнь засияла перед ним подобно великому свету, и заявил, что если она желает воздержаться от плотских желаний, то он того же мнения. Она была благодарна, и, взявшись за руки, они уснули. Так они прожили много лет, целомудренно деля одну постель. Наконец она умерла и была похоронена, а ее возлюбленный передал ее непорочную в руки Христа. Вскоре после этого он тоже умер и был помещен в отдельную гробницу. Затем произошло чудо, которое продемонстрировало величие этой целомудренной любви, ибо два тела были найдены таинственным образом сложенными

вместе. По сей день, заключает Грегори (писавший в шестом веке), местные жители называют их "Двумя влюбленными".

Хотя Ренан (*Марк Орель*, гл. XV) кратко привлек внимание к существованию этой обильной раннехристианской литературы, излагающей роман о целомудрии, она, похоже, до сих пор практически не изучалась. Однако это имеет большое значение не только само по себе, но и из-за его психологического значения для прояснения природы движущих сил, которые делали целомудрие легким и очаровательным для людей раннехристианского мира, даже когда оно предполагало полное воздержание от половых сношений. Ранняя Церковь предала анафеме эротизм языческого мира и изгнала его самым действенным образом, установив новый, более изысканный эротизм.

В Средние века первобытная свежесть христианского целомудрия начала терять свое очарование. Романы о целомудрии больше не писались, и в реальной жизни мужчины больше не искали смелых приключений на ниве целомудрия. Насколько старые идеалы вообще сохранились, так это в светской сфере рыцарства. Последней заметной фигурой, подражавшей достижениям первых христиан, был Роберт Арбриссельский в Нормандии.

Роберт Арбриссельский, основавший в одиннадцатом веке знаменитый женский орден Фонтевро, был бретонцем. Это кельтское происхождение, несомненно, имеет большое значение, поскольку оно может объяснить его неизменный пыл и веселость, а также его восторженное почитание женского начала. Даже те из его друзей, которые осуждали то, что они считали его скандальным поведением, свидетельствуют о его неизменном и жизнерадостном темпераменте, его бдительности в действии, его готовности к любому гуманному поступку и полной свободе от суровости. Он привлекал огромные толпы людей любого положения, особенно женщин, включая проституток, и его влияние на женщин было велико. Однажды он зашел в публичный дом, чтобы погреть ноги, и, между прочим, обратил в свою веру всех находившихся там женщин. "Кто вы?" - спросил один из них. "Я здесь уже двадцать пять лет, и никто никогда не приходил сюда, чтобы поговорить о Боге". Отношения Роберта со своими монахинями в Фонтевро были очень близкими, и он часто спал с ними. Это точно изложено в письмах, написанных его друзьями, епископами и аббатами, один из которых отмечает, что Роберт "открыл новую, но бесплодную форму мученичества". Королевская настоятельница Фонтевро в семнадцатом веке, делая вид, что почитаемый основатель ордена никак не мог быть виновен в таком скандальном поведении и что письма, следовательно, должны быть поддельными, приказала, насколько это было возможно, уничтожить оригиналы. Болландисты в неучтенном и неполном изложении этого вопроса (*Священный акт*, 25 февраля) приняли эту точку зрения. Дж. фон Вальтер, однако, в недавнем и тщательном исследовании Роберта Арбриссельского (*Die Ersten Wanderprediger Frankreichs*, Глава I) показывает, что нет никаких оснований сомневаться в аутентичности и достоверности оспариваемых писем.

Однако у раннехристианских легенд о целомудрии были свои преемники. "*Окассен и Николетта*", которая, вероятно, была написана на Севере Франции в конце XII века, является прежде всего продолжением историй из "*Святого акта*" и других мест. Она воплощала их дух и несла его вперед, объединяя их нежное чувство целомудрия и чистоты с идеалом моногамной любви. "*Окассен и Николетта*" стали похоронным звоном по примитивному христианскому роману о целомудрии. Это было открытие, что целомудренные изыски деликатности и преданности возможны в строго нормальной сфере сексуальной любви.

Существовали по крайней мере две причины, которые имели тенденцию подавлять примитивное христианское влечение к целомудрию, даже помимо влияния церковных властей на подавление его романтических проявлений. Во-первых, затопление старого языческого мира с его практикой и, в некоторой степени, идеалом потворства сексуальным желаниям убрало ту пленку, которая придавала изящество и деликатность нежной свободе молодых христиан. Во-вторых, аскетизм, который ранние христиане с радостью практиковали ради здоровья своей души, был лишен своего очарования и непосредственности, поскольку был официально включен в кодексы наказаний за грехи, сначала при покаянии, а затем по усмотрению исповедников. Это, можно добавить, стало тем более необходимым, что идеал христианского целомудрия больше не был в значительной степени достоянием утонченных людей, которые стали невосприимчивыми к языческой распущенности, будучи воспитанными в ее среде и даже сами пропитанными ею. Очевидно, что для жестоких североафриканцев с самого начала было серьезной задачей поддерживать идеал целомудрия, и когда христианствораспространилось по Северной Европе, акклиматизация его идеалов среди диких немцев казалась почти безнадежной задачей. Впоследствии стало необходимым навязать обычному духовенству безбрачие суровой силой церковной власти, в то время как добровольное безбрачие поддерживалось только чередой религиозных энтузиастов, постоянно основывающих новые Ордена. Насаждаемый таким образом аскетизм не всегда мог сопровождаться пылкой экзальтацией, необходимой для его поддержания, и в своих искусственных усилиях по самосохранению он часто падал со своих ненадежных высот в глубины необузданной распущенности.^[77] Эта фатальность всех опасных попыток преодолеть нормальные пределы человечества начала осознаваться после того, как закончились средние века, дальновидными мыслителями. "Qui veut faire l'ange, - сказал Паскаль, едко резюмируя этот взгляд на дело, - свершившийся факт". Это часто проиллюстрировалось в истории Церкви.

Покаяния начали использоваться в седьмом веке и приобрели широкое распространение и авторитет в девятом и десятом веках. Они представляли собой свод законов, частично духовных и частично светских, и были составлены в виде каталогов правонарушений с точной мерой наказания, предписанной за каждое правонарушение. Они представляли собой установление общественного порядка среди неукротимых варваров и были кодексами уголовного права в гораздо большей степени, чем частью системы сакраментальной исповеди и покаяния. Во Франции и Испании, где уже существовал порядок на христианской основе, они были мало нужны. Они зародились в Ирландии и Англии и особенно процветали в Германии; Карл Великий поддерживал их (см., например, Lea, *History of Auricular Confession*, vol. ii, стр. 96, также гл. XVII; Хью Уильямс, издание "Гильдаса", часть II, приложение 3; главные наказания воспроизведены в "Бюссорднунген" Вассершлебена).

В 1216 году Латеранский собор при Иннокентии III сделал исповедь обязательной. Прерогатива священников регулировать размер епитимьи в соответствии с обстоятельствами с большей гибкостью, чем допускалось при строгом покаянии, впервые была абсолютно утверждена Петром из Пуатье. Затем Ален де Лилль отбросил Покаяния как устаревшие и заявил, что священник сам должен расследовать обстоятельства каждого греха и точно взвесить его вину (Lea, *op. cit.*, vol. ii, стр. 171).

Однако задолго до этого периода идеалы целомудрия, поскольку они предполагали сколько-нибудь значительную степень воздержания, хотя и были прочно закреплены в общепринятых традициях и идеалах христианской церкви, утратили какое-либо большое очарование или силу

для людей, живущих в христианском мире. Среди северных варваров, за которыми стояли другие традиции более энергичного и естественного порядка, требования секса часто откровенно проявлялись. Монах Ордерик Виталис в одиннадцатом веке отмечает то, что он называет "распутством" жен норманнских завоевателей Англии, которые, оставшись дома одни, посылали сообщения, что, если их мужья не вернутся быстро, они заведут новых. Безбрачие духовенства было установлено лишь с величайшими трудностями, и когда оно было установлено, священники стали нецеломудренными. Архиепископ Руанский Одо в XIII веке записал в дневнике своих епархиальных посещений, что в каждом пяти приходах был один нецеломудренный священник, и даже что касается Италии того же периода, то монах Салимбене в своей замечательной автобиографии показывает, как мало ценилось целомудрие в религиозной жизни. Целомудрие теперь можно было поддерживать только силой, обычно моральной силой церковного авторитета, который сам был подорван нецеломудрием, но иногда даже физической силой. По мнению некоторых, впервые начинает появляться пояс целомудрия (*cingula castitatis*) в тринадцатом веке, но главный авторитет Кауфейнон (*La Ceinture de Chasteté*, 1904) считает, что он относится только к эпохе Возрождения (Шульц, "Жизнь в духе времени миннесотцев", т. i, стр. 595; Дюфур, *История проституции*, т. v, стр. 272 ; Краусс, *Антропофития*, том. iii, стр. 247). В шестнадцатом веке монастыри могли превратиться почти в публичные дома, как мы узнаем из безупречного авторитета Бурхарда, секретаря папы римского, в его *Дневнике* под редакцией Туасне, который приводит дополнительные источники для этого утверждения в примечании (т. ii, стр. 79); то, что они оставались такими и в восемнадцатом веке, мы ясно видим на страницах *Мемуаров* Казановы и во многих других документах того периода.

Эпоха Возрождения и расцвет гуманизма, несомненно, повлияли на отношение к аскетизму и целомудрию. С одной стороны, было найдено новое и древнее оправдание пренебрежению добродетелями, на которые люди стали смотреть как на чисто монашеские, а с другой стороны, более утонченные умы, затронутые новым движением, начали понимать, что целомудрие лучше культивировать и соблюдать тем, кто был волен поступать, как им заблагорассудится, чем тем, кто находился под принуждением священнической власти. Именно это чувство преобладает у Монтеня, и именно такова идея Рабле, когда он сделал это единственным правилом своего Телемского аббатства: "Верь се к вульдрам".

Чуть позже эту доктрину в той или иной форме повторяли многие авторы, более или менее знакомые с культурой, введенной в моду эпохой Возрождения. "Пока Даная была свободна, - замечает Ферран в своем трактате шестнадцатого века "О любви", - она была целомудренна". А сэр Кенелм Дигби, новейший представитель духа Возрождения, настаивает в своих *личных мемуарах*, что свобода, которую Ликург, "мудрейший из когда-либо существовавших законодателей", предоставил женщинам раскрывать свое тело мужчинам, к которым их влекла благородная привязанность и надежда на щедрое потомство, была истинной причиной того, что "настоящее целомудрие процветало в Спарте больше, чем в какой-либо другой части мира".

В протестантских странах аскетический идеал целомудрия был еще больше дискредитирован движением Реформации, которое в значительной степени было восстанием против обязательного безбрачия. Таким образом, религия больше не стояла на стороне целомудрия. В восемнадцатом веке, если раньше, против целомудрия также часто ссылались на авторитет Природы. Таким образом, случилось так, что в течение последних двух столетий серьезное мнение о целомудрии было лишь частично благоприятным для него. Стало казаться, что была

совершена досадная и пагубная ошибка в попытке сохранить высокий идеал, поощряющий лицемерие. "Человечество многое бы выиграло, - писал Сенанкур в начале девятнадцатого века в своей замечательной книге о любви, - если бы добродетель была менее трудоемкой. Заслуга была бы не столь велика, но какая польза от возвышения, которое редко удается сохранить?"^[78]

Не может быть никаких сомнений в том, что неоправданная дискредитация, которой идея целомудрия начала подвергаться с восемнадцатого века, была в значительной степени вызвана существованием того чисто внешнего и условного физического целомудрия, которое произвольно навязывалось, насколько это было возможно, — и действительно в какой-то степени все еще навязывается, номинально или реально — всем уважаемым женщинам вне брака. Представление о физической добродетели девственности принижало представление о духовной добродетели целомудрия. Считалось, что простая рутина, предписанная всему полу, хотя бы они того или нет, никогда не сможет обладать красотой и очарованием добродетели. В то же время стало осознаваться, что на самом деле состояние принудительной девственности не только не является состоянием, особенно благоприятствующим развитию настоящих добродетелей, но и связано с качествами, которые больше не считаются ценными.^[79]

"Насколько произвольной, искусственной, противоречащей Природе является жизнь, которую сейчас навязывают женщинам в вопросе целомудрия!" - писал Джеймс Хинтон сорок лет назад. "Подумайте об этой фразе: "Женщина, которая раздумывает, пропала". Мы создаем опасность, заставляя всю женственность зависеть от подобной точки зрения и окружая ее неестественными и сверхъестественными опасностями. В жизни женщины сейчас воплощена беспричинная неразумность; нынешняя "добродетель" - это болезненное, нездоровое растение. Природа и Бог никогда не держали жизнь женщины на таком острие иглы. Вся современная идея целомудрия содержит в себе чувственное преувеличение, несомненно, частично оставшееся нам от других времен, когда то хорошее, что в ней было, по большей части ушло".

"Вся прелесть девственности, - писал другой философ, Гюйо, - это невежество. Девственность, как и некоторые фрукты, может быть сохранена только путем высушивания".

Мериме указала на то же иссушающее влияние девственности. В письме, датированном 1859 годом, он писал: "Я думаю, что в наши дни люди придают слишком большое значение целомудрию. Не то чтобы я отрицал, что целомудрие - это добродетель, но в добродетелях есть свои степени, как и в пороках. Кажется абсурдным, что женщина должна быть изгнана из общества за то, что у нее был любовник, в то время как скупая, двуличная и злобная женщина ходит повсюду. Мораль этого века, безусловно, не та, которой учит Евангелие. По моему мнению, лучше любить слишком сильно, чем недостаточно. В наши дни высохшие сердца возносятся на вершину" (*Revue des Deux Mondes*, апрель 1896 г.).

Доктор Х. Пол развила смежную точку зрения. Она пишет: "Есть девочки, которые даже в детстве занимались проституцией с помощью мастурбации и похотливых мыслей. Чистота их душ давно утрачена, и для них не осталось ничего неизвестного, но — они сохранили свои девственные цепи! Это ради будущего мужа. Пусть никто не посмеет усомниться в их невинности с помощью этих безупречных доказательств! И если другая девушка, проводшая свое детство в совершенной чистоте, теперь, с пробудившимися чувствами и теплой порывистой женственностью, отдается мужчине в любви или даже только в страсти, все они

встают и кричат, что она "обесчещена!" И, не в последнюю очередь, проститутка с девственной плевой. Именно она действительно кричит громче всех и бросает самые большие камни. И все же "обесчещенной" женщине, которая здорова, не нужно бояться рассказать, что она сделала мужчине, который желает жениться на ней, говоря как один человек другому. Ей незачем краснеть, она воспользовалась своими правами человека, и ни один разумный человек не станет из-за этого уважать ее меньше" (Доктор Х. Пауль, "Die Ueberschätzung der Jungfernschaft", *Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. ii, стр. 14, 1907).

В подобном духе пишет Ф. Эрхард (*Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. i, стр. 408): "Девственность в каком-то смысле имеет свою ценность, но в обычном смысле ее сильно переоценивают. Помимо того факта, что девушка, обладающая девственностью, все же может быть полностью извращена, такая переоценка девственности приводит к тому, что девушку, лишенную девственности, презирают, и в дальнейшем привела к развитию специальной индустрии по подготовке посредством ханжеского монастырского образования девушек, которые принесут своим мужьям особую изысканность невесты, которая ни в чем не разбирается. Естественно, этого можно достичь только за счет любого рационального воспитания. Во что может превратиться неразвитый маленький гусь, никто не может предвидеть".

Фрейд (*Сексуальная проблема*, март 1908 г.) также указывает на пагубные результаты воспитания девочек для вступления в брак на основе этого идеала девственности. "Воспитание берет на себя задачу подавления чувственности девушки до момента помолвки. Это не только запрещает сексуальные отношения и высоко ценит невинность, но и ограждает созревающую женскую индивидуальность от искушения, поддерживая состояние невежества относительно практической стороны роли, которую ей предназначено играть в жизни, и не вынося возбуждения любви, которое не может привести к браку. В результате, когда ей внезапно разрешают влюбиться авторитетом старших, девушка не может справиться со своей психической предрасположенностью и вступает в брак, неуверенная в собственных чувствах. Как следствие этого искусственного замедления функции любви, она не приносит ничего, кроме обмана мужу, который навязал ей все свои желания, и проявляет фригидность в своих физических отношениях с ним".

Сенанкур (*De l'Amour*, том i, стр. 285) даже полагает, что, когда станет возможным оставить в стороне вопрос о потомстве, закон целомудрия не только станет равным для двух полов, но и возникнет тенденция к некоторому изменению положения полов. "Воздержание становится скорее советом, чем предписанием, и именно у женщин к сладострастным наклонностям будут относиться с наибольшим снисхождением. Мужчина создан для работы; он получает удовольствие лишь мимоходом; он должен быть доволен тем, что женщины занимаются этим больше, чем он. Это изматывает мужчин, а мужчины всегда должны отчасти сдерживать свои желания".

Однако по мере того, как мы освобождаемся от оков обязательного физического целомудрия, становится возможным реабилитировать целомудрие как добродетель. В настоящее время уже нельзя сказать, что со стороны мыслителей и моралистов наблюдается какая-либо активная враждебность к идее целомудрия; напротив, наблюдается тенденция признавать ценность целомудрия. Но это признание сопровождалось возвращением к более старой и здоровой концепции целомудрия. Сохранение жесткого сексуального воздержания, пустой девственности может рассматриваться только как псевдомастерство. Единственной

положительной добродетелью, которую Аристотель мог бы признать в этой области, было воздержание, предполагающее сдерживание низменных импульсов, мудрое упражнение, а не бездействие.^[80] Лучшие мыслители христианской церкви придерживались той же концепции; святой Василий в своих важных монашеских правилах не придавал значения самодисциплине как самоцели, но рассматривал ее как инструмент, позволяющий духу обрести власть над плотью. Святой Августин заявлял, что воздержание превосходно только тогда, когда практикуется в вере в высшее благо,^[81] и он считал целомудрие как "упорядоченное движение души, подчиняющее низшие вещи высшим, и особенно проявляющееся в супружеских отношениях"; Фома Аквинский, определяя целомудрие во многом таким же образом, определил нечистоту как получение сексуального удовольствия не в соответствии с здравым смыслом, будь то в отношении объекта или условий.^[82] Но какое-то время голоса великих моралистов были неслышаны. Добродетель целомудрия была поглощена популярной христианской страстью к уничтожению плоти, и эта точка зрения была в шестнадцатом веке окончательно утверждена Тридентским собором, который официально предал анафеме любого, кто заявит, что состояние девственности и безбрачия не лучше состояния брака. В наши дни псевдо-целомудрие, которое имело ценность на том простом основании, что любой вид воздержания имеет более высокую духовную ценность, чем любые сексуальные отношения, принадлежит прошлому, за исключением тех, кто придерживается древних аскетических верований. Мистическая ценность девственности исчезла; кажется, она только пробуждает в сознании современного мужчины идею пикантности, которой жаждут прожженные повесы;^[83] именно мужчины, которые сами давно вышли из возраста невинности, придают такое большое значение невинности своих невест. Концепция пожизненного воздержания как идеала также исчезла; в лучшем случае это рассматривается просто как вопрос личных предпочтений. И традиционная имитация всеобщего целомудрия в угоду респектабельности начинает рассматриваться скорее как препятствие, чем как помощь в культивировании любого реального целомудрия.^[84]

Целомудрие, которое современные моралисты считают добродетелью, имеет свою ценность отнюдь не в воздержании. По словам святой Терезы, это не добродетель черепахи, которая прячет свои конечности под панцирь. Это добродетель, потому что это дисциплина самоконтроля, потому что она помогает укрепить характер и волю, а также потому, что она непосредственно благоприятствует развитию самой красивой, возвышенной и эффективной сексуальной жизни. С такой точки зрения целомудрие может противоречить требованиям униженного средневекового католицизма, но оно находится в гармонии с требованиями нашей сегодняшней цивилизованной жизни и ни в коем случае не противоречит требованиям Природы.

Всегда существует аналогия между инстинктом размножения и инстинктом питания. В вопросе питания это влияние науки, физиологии, которая наконец-то отбросила преувеличенный аскетизм и сделала прием пищи "чистым". Тот же процесс, как хорошо заметил Джеймс Хинтон, стал возможен и в сексуальных отношениях: "в руках науки ключ к чистоте".^[85]

Однако многие факторы, оказавшие влияние, объединились в пользу настаивания на целомудрии. Во-первых, это была неизбежная реакция против сексуальной легкости, которая стала рассматриваться как естественная. Было установлено, что такая легкость не имеет

моральной ценности, поскольку она ведет к ослаблению моральных устоев и неблагоприятна для наилучшего сексуального удовлетворения. Это даже не могло претендовать на естественность в каком-либо широком смысле этого слова, поскольку в Природе вообще сексуальное удовлетворение, как правило, бывает редким и трудным.^[86] Ухаживание трудное и долгое, сезон любви строго ограничен, беременность прерывает сексуальные отношения. Даже среди дикарей, пока они не были запятнаны цивилизацией, мужественность обычно поддерживается утонченным аскетизмом; перенос трудностей, самоконтроль и сдержанность, смягчаемые редкими оргиями, составляют дисциплину, которая охватывает сексуальную, а также любую другую сферу жизни дикарей. Вполне возможно, что для сохранения той жемужественности в цивилизованной жизни мы должны сознательно культивировать добродетель, которая в диких условиях жизни естественна.^[87]

Влияние Ницше, прямое и косвенное, было на стороне добродетели целомудрия в ее современном понимании. Заповедь "Будь тверд", как ее использовал Ницше, была не столько предписанием к бесчувственному безразличию к другим, сколько призывом к более жесткому отношению к самому себе, к развитию самоконтроля, способного собрать и удержать силы души для расходования на сознательно принятые цели. "Относительное целомудрие, - писал он, - фундаментальное и мудрое предвидение перед лицом эротических явлений, даже в мыслях, является частью прекрасной разумности в жизни, даже у богато одаренных и цельных натур".^[88] В этом вопросе Ницше является типичным представителем современного движения за восстановление целомудрия на его подобающем месте как реальной и полезной добродетели, а не просто пустой условности. Такое движение не могло не дать о себе знать, поскольку все, что способствует легкости и роскошной мягкости в сексуальных вопросах, быстро портит характер, а также уменьшает высшее эротическое удовлетворение. Ибо эротическое удовлетворение на его высших уровнях возможно только тогда, когда мы обеспечили сексуальному импульсу высокую степень того, что Колин Скотт называет "облучением", то есть широким распространением по всему психическому организму. И этого можно достичь, только устанавливая препятствия на пути быстрого и прямого удовлетворения сексуального желания, заставляя его увеличивать свою силу, совершать длительные кругообороты, заряжать весь организм настолько сильно, чтобы конечной кульминацией удовлетворенной любви было не тривиальное утоление мелкого желания, а огромное удовлетворение страстного желания, в котором участвует вся душа, а также все тело. "Только целомудренное может быть по-настоящему непристойным", - сказал Гюисманс. А на более высоком плане только целомудренные могут по-настоящему любить.

"Physical purity," remarks Hans Menjago ("Die Ueberschätzung der Physischen Reinheit," *Geschlecht und Gesellschaft*, vol. ii, часть VIII) "первоначально ценился как признак большей силы воли и твердости характера, и это знаменовало подъем над примитивными условиями. Такую чистоту было трудно сохранить в те неуверенные дни; это было редкостью. Из этой редкости возникло суеверие о сверхъестественной силе, заключенной в деве Марии. Но это теряет смысл, как только такая чистота становится всеобщей и для ее поддержания больше не требуется особо заметной твердости характера. ... Физическая чистота может иметь ценность только тогда, когда она является результатом индивидуальной силы характера, а не тогда, когда она является результатом обязательных правил морали".

Конрад Хеллер, который уделял особое внимание сексуальному вопросу в школах, замечает по поводу физических упражнений: "Величайшее преимущество физических упражнений, однако,

заключается не в развитии активной и пассивной силы тела и его навыков, а в установлении и укреплении власти воли над телом и его потребностями, в такой степени отданными праздности. Тот, кто научился терпеть и преодолевать ради определенной цели голод, жажду и усталость, будет лучше способен противостоять сексуальным импульсам и искушению удовлетворить их, когда лучшая пронизательность и эстетическое чувство проявятся ему, как человеку, привыкшему сохранять власть над своим телом, что уступать было бы вредно или позорно" (К. Хеллер, "Die Aufgabe der Volksschule", *Сексуальная педагогика*, стр. 70). Профессор Шефенакер (*id.*, стр. 102), который также подчеркивает важность самоконтроля и самоограничения, считает, что молодежь должна помнить о своей будущей миссии как гражданина и отца семейства.

Тонкий и пронизательный мыслитель современности Жюль де Готье, пишущий о морали без привязки к этому конкретному вопросу, обсуждал, к каким новым внутренним сдерживающим мотивам мы можем апеллировать, заменяя старые внешние ограничения авторитетом и верой, которые сейчас пришли в упадок. Он отвечает, что состояние чувств, на котором основывались старые веры, все еще сохраняется. "Не может ли, - спрашивает он, - желание иметь вещь, которую мы любим и к которой стремимся, благотворно заменить веру в то, что вещь существует по божественной воле или в природе вещей? Не проявится ли наличие узды на неистовстве инстинкта как полезная установка, принятая самим инстинктом для собственного сохранения, как симптом силы и здоровья инстинкта? Разве власть над самим собой, способность регулировать свои поступки не является признаком превосходства и мотивом для самоуважения? Не будет ли эта радость гордости обладать такой же властью в сохранении инстинктов, какой некогда обладали религиозный страх и мнимые императивы разума?" (Jules de Gaultier, *La Dépendance de la Morale et l'Indépendance des Mœurs*, p. 153.)

Герберт Уэллс (в "*Современной утопии*"), указывая на важность целомудрия, хотя и отвергает безбрачие, ссылается, подобно Жюлю де Готье, на мотив гордости. "Цивилизация развивалась гораздо быстрее, чем изменялся человек. В условиях неестественного совершенства безопасности, свободы и изобилия, которого достигла наша цивилизация, нормальный нетренированный человек склонен к излишествах почти во всех областях; он склонен есть слишком много и слишком изысканно, слишком много пить, становиться ленивым быстрее, чем сокращается его работа, растрачивать свой интерес на показы и заниматься любовью слишком много и слишком изощренно. Он прекращает тренировки и сосредотачивается на эгоистических или эротических размышлениях. Наши основатели собрали мотивы из самых разных источников, но я думаю, что главная сила, дающая мужчинам самоконтроль, - это гордость. Гордость, может быть, и не самое благородное в душе, но, несмотря ни на что, это лучший король. Они стремились сохранить человека чистым, здоровым и вменяемым. В этом вопросе, как и во всех вопросах естественных желаний, они считали, что аппетит не должен быть утолен, что аппетит не должен быть искусственно разжигаем, а также, в равной степени, что аппетит не следует утолять голодом. Мужчина должен выходить из-за стола довольным, но не пресыщенным. И в том, что касается любви, идеалом наших основателей было прямое и непорочное стремление к чистому и непорочному ближнему. Они предписывали вступать в брак между равными как долг перед расой, и они сформулировали самые точные указания, чтобы предотвратить ту пагубную неразделимость, ту супружескую близость, которая иногда сводит пару людей к чему-то совместно меньшему, чем любой из них".

Что касается целомудрия как элемента эротического удовлетворения, Эдвард Карпентер пишет (*Совершеннолетие любви*, стр. 11): "Существует своего рода иллюзия физического желания, подобная той, от которой страдает ребенок, когда, увидев красивый цветок, он мгновенно хватается такой же и за несколько мгновений уничтожает форму и аромат, которые его привлекли. Полную славу обретает только тот, кто немного сдерживает себя и по-настоящему обладает, кто готов, если понадобится, не обладать. Он действительно хозяин жизни, который, принимая самые грубые желания по мере того, как они приходят в его тело, и не отказываясь от них, знает, как по желанию трансформировать их в самые редкие и благоухающие цветы человеческих эмоций".

Помимо своих функций по формированию характера, усилению и облагораживанию эротической жизни, а также по обеспечению надлежащего выполнения семейных и общественных обязанностей, целомудрие имеет более особую ценность для тех, кто занимается искусством. Возможно, мы не всегда склонны верить авторам, которые заявляют, что только их стихи распутны, но их жизнь целомудренна. Однако, безусловно, верно, что отношения такого рода имеют тенденцию возникать. Материал сексуальной жизни, как говорит Ницше, - это материал искусства; если он расходуется в одном направлении, то теряется для другого. Мастера всех наиболее эмоциональных искусств часто культивировали высокую степень целомудрия. Особенно это касается музыки; вспоминается Моцарт,^[89] Бетховен, Шуберт и многие другие люди меньшего масштаба. В случае поэтов и романистов целомудрие обычно может показаться менее распространенным явлением, но оно часто хорошо выражено и нередко маскируется оглушительным воздействием, которое даже малейший любовный эпизод часто оказывает на поэтический организм. На первый взгляд, жизнь Гете кажется длинной чередой непрерывных любовных эпизодов. И все же, когда мы вспоминаем, что это была очень долгая жизнь мужчины, чья энергия сохранялась до конца, что его привязанности долго и глубоко влияли на его эмоциональную жизнь и его работу, и что с большинством женщин, которых он увековечил, у него вообще никогда не было настоящих сексуальных отношений, и более того, когда мы осознаем, что на протяжении всего этого он проделал почти невообразимо огромный объем работы, мы, вероятно, придем к выводу, что сексуальное потворство своим желаниям занимало в жизни Гете гораздо меньшую роль, чем в жизни многих обычных мужчин, на которых это не оставляет никаких очевидных эмоциональных или интеллектуальных следов. Стерн снова заявил, что у него в голове, должно быть, всегда танцует Дульцинея, однако количество его интимных отношений с женщинами, по-видимому, было невелико. Бальзак провел свою жизнь, трудясь за письменным столом и в течение многих лет ведя любовную переписку с женщиной, которую он почти никогда не видел, и в конце концов провел в браке всего несколько месяцев. Подобный опыт постиг многих творцов искусства. Ибо, по словам Лэндора, "отсутствие - это невидимая и бестелесная мать идеальной красоты".

Нам хорошо бы помнить, что, хотя аутоэротические проявления через мозг бесконечно разнообразны и важны, мозг и половые органы все же являются великими соперниками в расходовании телесной энергии, и что существует антагонизм между крайней активностью мозга и крайней сексуальной активностью, даже несмотря на то, что иногда они оба могут проявляться в разные периоды у одного и того же человека.^[90] В этом смысле нет никакого парадокса в высказывании Рамона Корреа о том, что потенция - это импотенция, а импотентная потенция - это потенция, поскольку высокий уровень энергии, будь то в спорте, интеллекте или сексуальной активности, неблагоприятен для проявления энергии в других направлениях. Каждая высокая степень потенции имеет связанные с ней импотенции.

Можно добавить, что мы можем найти любопытно противоречивое доказательство чрезмерного значения, придаваемого сексуальной функции обществом, которое систематически пытается обесценить секс, в позоре, который приписывается отсутствию "мужской" потенции. Хотя цивилизованная жизнь предлагает огромный простор для деятельности сексуально импотентных людей, импотента заставляют чувствовать, что, хотя ему не нужно сильно беспокоиться, если он страдает от нервных нарушений пищеварения, если он так же невинно страдает от нервных нарушений сексуального влечения, это почти преступление. Поразительный пример этого был показан несколько лет назад, когда было правдоподобно высказано предположение, что отношения Карлайла с его женой лучше всего можно объяснить, предположив, что он страдал от каких-то проблем с сексуальной потенцией. Поклонники сразу же бросились "защищать" Карлайла от этого "позорного" обвинения; они были шокированы больше, чем если бы его обвинили в сифилитизме. И все же импотенция - это, самое большое, немощь, будь то из-за какого-нибудь врожденного анатомического дефекта или нарушения нервного равновесия в тонком половом механизме, которое обычно возникает у мужчин с аномально чувствительным темпераментом. Страдать от этого не более позорно, чем от диспепсии, с которой, действительно, это может быть связано. Многие гениальные люди с высокими моральными качествами были сексуально деформированы. Так было в случае с Каупером (хотя этот важный факт замалчивается его биографами); Рескин был разведен по причине подобного рода; а Дж. С. Милл, как говорят, был сексуально развит лишь в младенческом возрасте.

До этого момента я рассматривал качество целомудрия и качество аскетизма в их самом общем смысле и без каких-либо попыток точного разграничения.^[91] Но если мы хотим принять их как современные достоинства, действующие и сегодня, необходимо, чтобы мы были несколько более точными в их определении. Кажется наиболее удобным и наиболее строго соответствующим этимологии, если мы согласимся подразумевать под аскетизмом или *аскезой* спортивное качество самодисциплины, контролирующее, отнюдь не обязательно в течение неопределенно длительных периодов, удовлетворение сексуального импульса. Под целомудрием, которое в первую очередь означает чистоту и, во вторую очередь, святость, а не воздержание, мы можем лучше всего понять должное соотношение между эротическими притязаниями и другими притязаниями в жизни. "Целомудрие, - как говорит Эллен Ки Уэлл, - это гармония между телом и душой по отношению к любви". В таком понимании аскетизм - это добродетель контроля, ведущая к эротическому удовлетворению, а целомудрие - это добродетель, оказывающая свое гармонизирующее влияние на саму эротическую жизнь.

Будет видно, что аскетизм ни в коем случае не обязательно предполагает постоянное воздержание. При правильном понимании аскетизм - это дисциплина, тренировка, которая имеет отношение к цели, а не к самой себе. Если это является обязательным на постоянной основе, будь то по велению религиозной догмы или просто как фетиш, то это уже не имеет естественной основы и больше не является моральным, поскольку ограничение человека, прошедшего всю свою жизнь в тюрьме, не имеет никакой ценности для жизни. Чтобы быть естественным и нравственным, аскетизм должен иметь цель вне себя, он должен служить целям жизнедеятельности, которые не могут быть достигнуты человеком, вовлеченным в постоянную борьбу со своими собственными естественными инстинктами. Мужчина действительно может, исходя из вкуса или предпочтений, прожить всю свою жизнь в сексуальном воздержании, свободно и легко, но в этом случае он не аскет, и его воздержание не является ни предметом для аплодисментов, ни для критики.

Точно так же целомудрие, далекое от сексуального воздержания, имеет свою ценность только тогда, когда оно привносится в эротическую сферу. Чистота, которая является невежеством, когда возраст детской невинности однажды пройден, - это просто глупость; она ближе к пороку, чем к добродетели. Чистота также не совместима с усилием и борьбой; в этом отношении она отличается от аскетизма. "Мы побеждаем рабство секса, - говорит Роза Майредер, - принятием, а не отрицанием, и мужчины могут сделать это только с помощью женщин". Предполагаемое целомудрие холодного расчета в равной степени некрасиво, нереально и не имеет никакой ценности. Истинное и достойное целомудрие может поддерживаться только пылким идеалом, будь то, как у ранних христиан, эротический идеал нового романа, или, как у нас, более гуманный эротический идеал. "Только эротический идеализм, - говорит Эллен Ки, - может пробудить энтузиазм к целомудрию". Целомудрие у здороворазвитого человека, таким образом, может прекрасно проявляться только в настоящей эротической жизни; отчасти это естественный инстинкт достоинства и умеренности; отчасти это искусство прикасаться к предметам секса руками, которые помнят о своей пригодности для всех прекрасных целей жизни. Таким образом, на дверях, ведущих в сокровенное святилище любви, есть та же надпись, что и на дверях в Эпидаврское святилище Эскулапа: "Сюда не войдет никто, кроме чистых".

Будет видно, что определению целомудрия по-прежнему не хватает точности. Это неизбежно. Мы не можем крепко ухватиться за чистоту, ибо, подобно снегу, она просто растает в наших руках. "Чистота сама по себе запрещает слишком тщательную систему правил соблюдения чистоты", - хорошо говорит Сиджвик (*Методы этики*, Вк. iii, гл. IX). В другом месте (указ. соч., Вк. iii, гл. XI) он пытается ответить на вопрос: какие сексуальные отношения по существу нечисты? и приходит к выводу, что ответ невозможен. "По-видимому, не существует четкого принципа, претендующего на самоочевидность, на основании которого можно было бы ответить на этот вопрос так, чтобы получить общее согласие". Даже то, что называется "Свободной любовью", добавляет он, "поскольку ее искренне пропагандируют как средство достижения более полной гармонии чувств между мужчинами и женщинами, не может быть осуждено как нечистое, поскольку кажется парадоксальным отличать чистоту от нечистоты просто по меньшей скорости перехода".

Молл, с точки зрения медицинской психологии, приходит к тому же выводу, что и Сиджвик с точки зрения этики. В отчете "Ценность целомудрия для мужчин", опубликованном в качестве приложения к третьему изданию (1899) его *"Контраре сексуального воспитания"*, выдающийся берлинский врач обсуждает этот вопрос с большим здравым смыслом, настаивая на том, что "целомудрие и нецеломудрие - это *относительные понятия*". Мы не должны, заявляет он, как это часто делается, отождествлять "целомудренный" с "сексуально воздержанным". Он добавляет, что мы не вправе называть все внебрачные половые сношения нецеломудренными, поскольку, если мы сделаем это, мы будем вынуждены считать нецеломудренными почти всех мужчин и некоторых очень уважаемых женщин. Он справедливо настаивает на том, что в этом вопросе мы должны применять к женщинам то же правило, что и к мужчинам, и он указывает, что даже когда речь идет о том, что технически может быть супружеской изменой, половой акт не обязательно является нецеломудренным. Он рассматривает случай с девушкой, которая в восемнадцать лет, будучи еще умственно незрелой, выходит замуж за мужчину, с которым считает невозможным жить, и в результате происходит раздельное проживание, хотя получить

развод может оказаться невозможным. Если она сейчас страстно влюбится в мужчину, ее любовь может быть совершенно целомудренной, хотя технически это называется супружеской изменой.

Понимая таким образом аскетизм и целомудрие и их полезные функции в жизни, мы видим, что они занимают место посередине между искусственно преувеличенным положением, которое они когда-то занимали, и тем, до которого они были низведены неизбежной реакцией полного безразличия или фактической враждебности, которая последовала за этим. Аскетизм и целомудрие - это не жесткие категорические императивы; это полезные средства для достижения желаемых целей; это мудрое и прекрасное искусство. Они требуют нашей оценки, но не переоценки. Слишком часто забывают, что, переоценивая их, мы переоцениваем сексуальный инстинкт. Сексуальный инстинкт действительно чрезвычайно важен. И все же она не имеет того всеобъемлющего и выдающегося значения, в которое привыкли верить некоторые, даже из тех, кто борется с ней. Это искусственно преувеличенное представление о сексуальном влечении подкрепляется искусственным акцентом, делаемым на аскетизме. Мы можем узнать истинное место сексуального влечения, узнав, как мы можем разумно и естественно рассматривать ограничения этого влечения.

[69] Для Блейка и Шелли, а также, можно добавить, для Хинтона целомудрие, как отмечает Тодхантер в своем *Исследовании Шелли*, является "разновидностью подчинения актуальному, отречением от бесконечного, и поэтому они ненавидят его. Целомудренный человек, *то есть человек* благоразумия и самоконтроля, - это человек, утративший наготу своей первобытной невинности".

[70] Доказательства практики дикарей в этом вопросе см. В Приложении А к третьему тому этих исследований "Сексуальный инстинкт у дикарей". Ср. также Гл. IV и VII из *Истории человеческого брака* Вестермарка, а также главы XXXVIII и XLI книги того же автора "Происхождение и развитие моральных идей", т. ii; "Золотая ветвь" Фрейзера, а также "Мистическая роза".

[71] См., например, Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей*, том. ii, стр. 412 и далее.

[72] Так, несколько лет назад пожилой маори заявил, что упадок его расы произошел исключительно из-за утраты древней религиозной веры в *табу*. "Ибо, - сказал он (я цитирую оклендскую газету), - в старину наше *тапу* представляло собой разветвленную социальную систему. Голова, волосы, места, где появлялись призраки, места, которые *тохунги* провозгласили священными, мы забыли и пренебрегли. Кто в наше время думает о святости головы? Смотрите, когда чайник закипает, молодой человек вскакивает, срывает с головы кепку и использует ее вместо подставки для чайника. Кто в наши дни только смотрит с безразличием, когда деревенский цирюльник, если он находится рядом с огнем, стряхивает распущенные волосы со своей одежды, а шутки и смех продолжаются, как будто никакой священной операции только что не было. Пищу употребляют в местах, куда в былые времена ее не осмеливались даже переносить".

[73] Таким образом, задолго до появления христианских монахов аскетическая жизнь монастыря, очень похожая на поклонение Серапису, существовала в Египте (Дилл, *Римское общество*, стр. 79).

[74] Ночью в баптистерии при тускло горящих лампадах с женщин сняли даже туники, трижды окунули в бассейн, затем помазали, одели в белое и поцеловали.

[75] Таким образом, Иероним в своем письме Евстохию ссылается на те пары, которые "делят одну комнату, часто даже одну кровать, и вызывают у нас подозрения, если мы делаем какие-либо выводы", в то время как Киприан (*Epistola*, 86) не может одобрить тех мужчин, о которых он слышит, один из них диакон, которые живут в привычных сношениях с девственницами, даже спят в одной постели с ними, ибо, как он заявляет, женский пол слаб, а молодежь распутна.

[76] Перпетую (*Акт Священный*, 7 марта) Хорт и мэр назвали "прекраснейшим цветком в саду послеапостольского христианского мира". Однако она не была девственницей, а молодой матерью с младенцем у груди.

[77] Сила раннехристианского аскетизма заключалась в его спонтанном и добровольном характере. Когда в девятом веке карловинги попытались навязать монашеское и клерикальное безбрачие, результатом стал большой всплеск нецеломудрия и преступности; женские монастыри превратились в публичные дома, монахини часто были виновны в детоубийстве, монахи совершали невыразимые мерзости, обычное духовенство вступало в кровосмесительные отношения со своими ближайшими родственницами женского пола (Lea, *История жреческого безбрачия*, том i, стр. 155 и далее.).

[78] Сенанкур, *О любви*, т. ii, стр. 233. В исламе целомудрию придается гораздо меньшее значение, чем в христианстве, но на практике, как представляется, при мусульманском правлении целомудрию уделяется больше внимания, чем при христианском. Так, "Виатор" утверждает (*Двухнедельное обозрение*, декабрь 1908 г.), что раньше, при турецко-мусульманском правлении, купить добродетель женщин в Боснии было невозможно, но теперь, при христианском правлении Австрии, купить женщин вблизи австрийской границы можно повсюду.

[79] Основа этого чувства укрепилась, когда ученые показали, что физическое достоинство "девственности" маскировалось под вымышленным именем. Оставаться девственницей, по-видимому, поначалу у народов ранней арийской культуры означало ни в коем случае не давать обет целомудрия, а отказываться подчиняться игу патриархального брака. Женщины, предпочитавшие оставаться вне брака, были "девственницами", хотя и многодетными матерями, и Эсхил говорит об амазонках как о "девственницах", в то время как по-гречески ребенок незамужней девушки всегда был "сыном девственницы". История Артемиды, самого примитивного из греческих божеств, поучительна с этой точки зрения. Изначально она была девственницей только в том смысле, что отвергала брак, будучи богиней кочевого и матриархального охотничьего народа, который еще не принял брак, и она была богиней деторождения, которой поклонялись с помощью оргиастических танцев и фаллических эмблем. Именно в результате поздней трансформации Артемида стала богиней целомудрия (Фарнелл, *Культы греческих государств*, vol. ii, стр. 442 и далее; сэр У. М. Рамзи, *Города Фригии*, том i, стр. 96; Поль Лафарг, "Исторические мифы", *Ревю идей*, декабрь 1904 г.).

[80] См., например,, Никомахова этика, Вк. iii, глава XIII.

[81] *De Civitate Dei* XX. Чуть дальше (lib. xvi, cap. XXV) он говорит об Аврааме как о мужчине, способном использовать женщин так, как подобает мужчине: свою жену сдержанно, свою наложницу покладисто, но не чрезмерно.

[82] *Сумма*, издание Миня, том. iii, п. 154, ст. I.

[83] Смотрите Исследование скромности в первом томе этих *исследований*.

[84] Большинство целомудренных юношей, отмечает острый критик современной жизни (Хеллпах, *Нервозность и культура*, стр. 175), руководствуются просто традиционными принципами или застенчивостью, страхом венерических инфекций, неуверенностью в себе, нехваткой денег, очень редко какими-либо соображениями о будущей жене, и это действительно было бы трагикомической ошибкой, поскольку женщина не придает значения нетронутой мужественности. Более того, добавляет он, целомудренный мужчина не способен мудро выбрать жену, и именно среди учителей и священнослужителей — самого целомудренного класса — заключаются самые несчастливые браки. Милтон уже использовал этот факт в качестве аргумента в пользу легкости развода.

[85] "В еде, - сказал Хинтон, - мы достигли цели сочетания удовольствия с отсутствием "похоти". Проблема для мужчины и женщины заключается в том, чтобы использовать сексуальную страсть и обладать ею так, чтобы она служила высшим целям, без каких-либо ограничений, кроме этого. Это существенно связано с вещами духовного порядка и, естественно, вращается вокруг них. Считать это просто телесным - ошибка".

[86] Смотрите "Анализ сексуального влечения" и приложение "Сексуальный инстинкт у дикарей", в т. iii из этих *Исследований*.

[87] Я в другом месте более подробно обсуждал необходимость естественного и искреннего аскетизма в современной цивилизованной жизни (см. *Утверждения*, 1898) "Св. Фрэнсис и другие".

[88] *Der Wille zur Macht*, стр. 392.

[89] В возрасте двадцати пяти лет, когда у него уже было много прекрасных работ, Моцарт писал в своих письмах, что никогда не прикасался к женщине, хотя страстно желал любви и брака. Он не мог позволить себе жениться, он не стал бы соблазнять невинную девушку, простодушное отношение было ему отвратительно.

[90] Reibmayr, *Die Entwicklungsgeschichte des Talenten und Genies.*, Bd. i, p. 437.

[91] Мы можем полностью исключить качество девственности, то есть обладание неповрежденной девственной плевой, поскольку это чисто физическое качество без необходимых этических отношений. Спрос на девственность у женщин - это, по большей части, либо спрос на более товарный товар, либо на более мощный стимулятор мужского желания. Девственность не предполагает наличия у ее обладателя никаких моральных качеств. Целомудрие и аскетизм, с другой стороны, являются бессмысленными терминами, если не считать требований, предъявляемых духом к самому себе или к телу, которым он управляет.

ГЛАВА VI.

ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОГО ВОЗДЕРЖАНИЯ.

Содержание

Влияние традиции—Теологическая концепция похоти—Тенденция этих влияний к деградации сексуальной морали—Их результатом является создание проблемы сексуального воздержания—Протесты против сексуального воздержания—Сексуальное воздержание и гениальность—Сексуальное воздержание у женщин—Сторонники сексуального воздержания—Промежуточная позиция—Неудовлетворительный характер всей дискуссии—Критика Концепции сексуального воздержания—Сексуальное воздержание по сравнению с воздержанием от пищи—Нет полной аналогии—Мораль сексуального воздержания полностью негативна—Обязан ли врач рекомендовать внебрачное воздержание Половой акт?—Мнения тех, кто подтверждает или отрицает эту обязанность—Заключение против такого Совета—Врач, связанный социальными и моральными представлениями Своего времени—Врач как реформатор—Половое воздержание и сексуальная гигиена—Алкоголь—Влияние физических и умственных упражнений— Неадекватность сексуальной гигиены в этой области—Нереальная природа Концепции сексуального воздержания—Необходимость замены ее более позитивным идеалом.

Когда мы смотрим на этот вопрос с чисто абстрактной или даже чисто биологической точки зрения, может показаться, что, решив, что аскетизм и целомудрие имеют большое значение для личной жизни, мы сказали все, что необходимо. Это, однако, очень далеко от истины. Вскоре мы понимаем, что здесь, как и на любом этапе практического применения сексуальной психологии, недостаточно определить абстрактно правильный курс в биологическом направлении. Мы должны согласовать наши биологические потребности с социальными. Нами управляют не только природные инстинкты, но и унаследованные традиции, которые в далеком прошлом были прочно основаны на понятных основаниях и которые даже сейчас, самим фактом своего существования, оказывают влияние, которое мы не можем и не должны игнорировать.

Обсуждая оценку сексуального влечения, мы обнаружили, что у нас есть веские основания для очень высокой оценки любви. Обсуждая целомудрие и аскетизм, мы обнаружили, что они также высоко ценятся. И мы обнаружили, что здесь нет ни малейшего противоречия, любовь и целомудрие переплетены во всех своих лучших проявлениях, и, таким образом, существует совершенная гармония в кажущемся противостоянии. Но когда мы начинаем рассматривать этот вопрос в деталях, в его конкретных личных приложениях, мы обнаруживаем, что проявляется новый фактор. Мы обнаруживаем, что унаследованные нами социальные и религиозные традиции оказывают давление, все с одной стороны, что делает невозможным рассматривать отношения любви и целомудрия просто на основе биологии и разума. С самого начала мы сталкиваемся с нашими традициями. С одной стороны, эти традиции придали слову "похоть", рассматриваемому как выражающее все проявления сексуального влечения, которые происходят вне брака или которые не имеют брака в качестве своей прямой и показной цели, уничижительный и злобещий смысл. С другой стороны, эти традиции создали проблему

"сексуального воздержания", которая не имеет ничего общего ни с аскетизмом, ни с целомудрием, как они были определены в предыдущей главе, а просто с чисто негативным давлением на сексуальный импульс, оказываемым, независимо от желаний индивида, его религиозным и социальным окружением.

Теологическая концепция "похоти", или "либидо", как греха, логически следовала раннехристианской концепции "плоти" и стала неизбежной, как только эта концепция была твердо установлена. Раннехристианские идеалы не только оказали унижительное влияние на оценку сексуального желания как *такового*, но и имели тенденцию в целом принижать достоинство сексуальных отношений. Если мужчина заигрывал с женщиной вне брака и таким образом вводил ее в презируемый круг "похоти", он причинял ей вред, потому что умалял ее религиозные и моральные ценности.^[92] Единственный способ, которым он мог возместить нанесенный ущерб, - это заплатить ей деньги или вступить с ней в вынужденный и, следовательно, вероятно, неудачный брак. Это означает, что сексуальные отношения, согласно церковным традициям, были поставлены на денежную основу на том же уровне, что и проституция. Своими благонамеренными намерениями поддержать теологическую мораль, сложившуюся на аскетической основе, Церковь, таким образом, фактически подрывала даже ту форму сексуальных отношений, которую она освящала.

Григорий Великий приказал, чтобы соблазнитель девственницы женился на ней или, в случае отказа, подвергся суровому телесному наказанию и был заточен в монастырь для совершения епитимьи. Согласно другим церковным правилам, соблазнитель девственницы, хотя гражданский суд и не привлекал его к ответственности, должен был жениться на ней или найти мужа и обеспечить ей приданое. У таких правил были свои положительные стороны, и они были особенно справедливы, когда соблазнение осуществлялось обманом. Но на практике они в основном имели тенденцию подчинять все вопросы сексуальной морали денежному вопросу. Возмещение ущерба женщине также в значительной степени стало необходимым, потому что церковная концепция похоти привела к обесцениванию ее ценности из-за контакта с похотью, и можно сказать, что возмещение ущерба составляет часть епитимьи. Фома Аквинский считал, что похоть, какой бы незначительной она ни была, является смертным грехом, и большинство наиболее влиятельных теологов придерживались почти такой же жесткой точки зрения. Некоторые, однако, считали, что в этих вопросах возможна определенная степень наслаждения без смертного греха, или утверждали, например, что ощутить прикосновение мягкой и теплой руки не является смертным грехом до тех пор, пока при этом не возбуждается сексуальное чувство. Другие, однако, считали, что такие различия невозможны и что все удовольствия такого рода греховны. Томас Санчес долго пытался установить правила для возникающих таким образом сложных проблем наслаждения, но он был вынужден признать, что на самом деле никаких правил не существует и что подобные вопросы следует оставить на усмотрение благоразумного человека. В этот момент казуистика растворяется и появляется современная точка зрения (см., *например*, Lea, *History of Auricular Confession*, vol. ii, стр. 57, 115, 246 и др.).

Даже сегодня влияние старых традиций Церкви все еще бессознательно сохраняется среди нас. Это неизбежно в отношении религиозных учителей, но это встречается и у людей науки, даже в протестантских странах. В результате весьма противоречивые догмы встречаются бок о бок даже у одного и того же автора. С одной стороны, проявления сексуального влечения решительно осуждаются как ненужные и порочные; с другой стороны, брак, который в основе своей (каким бы еще он ни был) является проявлением сексуального влечения, получает столь

же решительное одобрение как единственная правильная и нравственная форма жизни.^[93] Не может быть никаких разумных сомнений в том, что именно сохраняющемуся и всепроникающему влиянию древней традиционной теологической концепции *либидо* мы должны в значительной степени приписать резкое расхождение во мнениях среди врачей по вопросу сексуального воздержания и ненужную в иных случаях язвительность, с которой эти мнения иногда высказывались.

С одной стороны, мы находим категорическое утверждение о том, что половой акт необходим и что здоровье невозможно сохранить, если сексуальная активность не осуществляется регулярно.

"Все части тела, которые развиты для определенного использования, поддерживаются в здоровом состоянии и позволяют наслаждаться хорошим ростом и долгой молодостью благодаря выполнению этого использования и их соответствующей физической нагрузке при занятиях, к которым они привыкли". В этом утверждении, которое встречается в великом трактате Гиппократов "О суставах", мы имеем классическое выражение доктрины, которой в самых разных формах учили все те, кто протестовал против сексуального воздержания. Когда мы переходим к вспышке протестантизма в шестнадцатом веке, мы обнаруживаем, что восстание Лютера против католицизма было отчасти протестом против учения о сексуальном воздержании. "Тот, кому не дан дар воздержания, - сказал он в своей *Застольной беседе*, - не станет целомудренным от поста и бдений. Что касается меня, то я не был чрезмерно измучен (хотя в другом месте он говорит о великом огне похоти, который его беспокоил), но все равно, чем больше я терзал себя, тем больше я горел". И триста лет спустя Бебель, будущий лютер девятнадцатого века, исповедующий другой протестантизм, придерживался такого же отношения к сексуальному воздержанию, в то время как врач и философ Хинтон, живущий в стране жестких сексуальных условностей и ханжества, и движимый острым сочувствием к страданиям, которые он видел вокруг себя, раздражался страстным сарказмом, столкнувшись с доктриной сексуального воздержания. "Существуют неисчислимы бед — ужасные разрушения, даже безумие, крушение жизней, — от которых объятия мужчины и женщины были бы лекарством. Никому не приходит в голову подвергать это сомнению. Ужасное зло и средство от него в восторге и радости! И человек решил так запутать свою жизнь, что он должен сказать: "Вот, это было бы средством, но я не могу им воспользоваться. Я *должен быть добродетельным!*"

Если мы обратимся к современности и к довольно точным медицинским заключениям, мы найдем в "*Сперматологии*" Шурига (1720, стр. 274 и далее.) не только обсуждение преимуществ умеренного полового акта при ряде расстройств, о чем свидетельствуют известные авторитеты, но и список результатов, включая анорексию, безумие, импотенцию, эпилепсию и даже смерть, которые, как считалось, были вызваны половым воздержанием. Этот экстремальный взгляд на возможное зло сексуального воздержания, по-видимому, был частью медицинских традиций эпохи Возрождения, усиленных определенным противостоянием между религией и наукой. Это все еще было строго заявлено Лаллеманом в начале девятнадцатого века. Впоследствии медицинские заявления о пагубных последствиях сексуального воздержания стали более умеренными и взвешенными, хотя все еще часто произносились. Таким образом, Гюрковечки считает, что эти результаты могут быть такими же серьезными, как и последствия сексуального избытка. Крафт-Эбинг показал, что сексуальное воздержание может вызывать состояние общего нервного возбуждения (*Jahrbuch für Psychiatrie*, Bd. viii, Главы 1 и 2). Шренк-Нотцинг

рассматривает половое воздержание как причину крайней сексуальной гиперэстезии и различных извращений (вглаве о сексуальном воздержании в его *Криминальной психологии и психопатологических исследованиях*, 1902, стр. 174-178). В качестве иллюстрации он приводит случай тридцатилетнего мужчины, который в детстве мастурбировал умеренно, но двадцать лет назад полностью отказался от этой практики по моральным соображениям и никогда не имел половых сношений, испытывая гордость от того, что вступает в брак целомудренным человеком, но теперь в течение многих лет сильно страдает от крайней сексуальной гиперэстезии и концентрации мыслей на сексуальных темах, несмотря на сильную волю и решимость не мастурбировать и не предаваться недозволенным половым сношениям. В другом случае энергичный и здоровый мужчина, не инвертированный, с сильными сексуальными желаниями, который оставался воздержанным до брака, страдает психической импотенцией, а его жена остается девственницей, несмотря на всю свою привязанность и ласки. Орд считал, что сексуальное воздержание может привести к множеству незначительных зол. "Большинство из нас, - писал он (*Британский медицинский журнал*, 2 августа 1884 г.), - без сомнения, консультировались с мужчинами, целомудренными в поступках, которых мучает сексуальное возбуждение. Они рассказывают истории о длительном местном возбуждении, за которым следует сильная мышечная усталость или сильная ноющая боль в спине и ногах. У некоторых из них были жалобы на отеки и скованность в ногах, а также на боли в суставах, особенно в коленях"; он приводит случай мужчины, который после длительного целомудрия страдал от воспалительных заболеваний коленей и был излечен только женитьбой. Можно добавить, что Пирс Гулд считает, что "чрезмерное неудовлетворенное сексуальное желание" является одной из причин острого орхита. Ремондино ("Некоторые наблюдения о воздержании как факторе здоровья и болезней", *Тихоокеанский медицинский журнал*, январь 1900 г.) описывает случай джентльмена почти семидесяти лет, который во время продолжительной болезни своей жены страдал частым и сильным приапизмом, вызывавшим бессонницу. Он был совершенно уверен, что его проблемы были вызваны не воздержанием, но все лечение не дало результатов, и самопроизвольных выделений не было. В конце концов Ремондино посоветовал ему, как он выражается, "подражать Соломону". Он так и сделал, и все симптомы сразу исчезли. Этот случай представляет особый интерес, потому что симптомы не сопровождались каким-либо осознанным сексуальным желанием. Больше не принято считать, что сексуальное воздержание приводит к безумию, и случайные случаи, когда за длительным и интенсивным сексуальным влечением у молодых женщин следует безумие, обычно оказываются следствием наследственной дегенерации. Однако многие авторитетные специалисты придерживаются мнения, что незначительные психические расстройства более или менее неопределенного характера, а также невращения и истерия отнюдь не редко возникают из-за сексуального воздержания. Таким образом, Фрейд, который тщательно изучал ангстневроз, навязчивую идею тревоги, находит, что это результат сексуального воздержания и действительно может рассматриваться как опосредованная форма такого воздержания (Freud, *Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre*, 1906, стр. 76 и далее.).

Вся тема сексуального воздержания была подробно рассмотрена Нистремом из Стокгольма в книге *"Гешлехтсleben и невода"*, глава III. Он приходит к выводу, что желательно сохранять воздержание как можно дольше, чтобы укрепить физическое здоровье и развить интеллект и характер. Однако доктрину постоянного сексуального воздержания он считает совершенно ложной, за исключением небольшого числа религиозных или философствующих личностей. "Полное воздержание в течение длительного периода лет не может быть перенесено без

серьезных последствий как для тела, так и для ума. ... Конечно, молодой человек должен как можно дольше подавлять свои сексуальные порывы и избегать всего, что может искусственно действовать как сексуальный стимулятор. Если, однако, он сделал это и все еще страдает от неудовлетворенных нормальных сексуальных желаний, и если он не видит возможности вступить в брак в разумные сроки, никто не должен осмеливаться сказать, что он совершает грех, если по взаимному пониманию он вступает в сексуальные отношения с подругой или формирует временные сексуальные отношения, при условии, что он соблюдает почетную предосторожность и не заводит детей, если только его партнерша полностью не желает стать матерью, и он готов принять на себя все обязанности отцовства ". In an article of later date ("Die Einwirkung der Sexuellen Abstinenz auf die Gesundheit," *Sexual-Probleme*, July, 1908) Nyström vigorously sums up his views. Он включает в число результатов сексуального воздержания орхит, частые непроизвольные выделения семени, импотенцию, неврастению, депрессию и большое разнообразие нервных расстройств более неопределенного характера, включающих снижение трудоспособности, ограниченное удовольствие от жизни, бессонницу, нервозность и чрезмерную занятость сексуальными желаниями и фантазиями. В частности, наблюдается повышенная сексуальная раздражительность с эрекцией или даже выделением семени по малейшему поводу, например, при взгляде на привлекательную женщину или при общении с ней, или при наличии произведений искусства, изображающих обнаженные фигуры. Нистрем имел возможность расследовать и зарегистрировать девять случаев заболевания лиц, у которых эти и подобные симптомы проявились, по его мнению, в результате сексуального воздержания. Он опубликовал некоторые из этих случаев (*Журнал о сексуальном воздержании*, октябрь 1908 г.), но можно добавить, что Роледер ("Сексуальная абстиненция", *ib.*, ноябрь 1908 г.) раскритиковал эти случаи и сомневается, являются ли какие-либо из них убедительными. Роледер считает, что плохие результаты сексуального воздержания никогда не бывают постоянными, а также что таким образом не может быть вызвано никаких анатомически патологических состояний (таких как орхит). Но, тем не менее, он считает, что даже неполное и временное половое воздержание может привести к довольно серьезным результатам, и особенно к неврастеническим расстройствам различного рода, таким как нервная раздражительность, тревога, депрессия, нежелание работать; также к суточным выделениям, преждевременной эякуляции и даже состоянию, приближающемуся к сатириазу; а у женщин - к истерии, истероэпилепсии и проявлениям нимфомании; однако, по его мнению, все эти симптомы можно вылечить, когда воздержание прекратится.

Многие сторонники сексуального воздержания придавали большое значение тому факту, что гениальные люди, по-видимому, были полностью свободны на протяжении всей жизни. Это, безусловно, верно (см. *ante*, стр. 173). Но этот факт вряд ли можно использовать в качестве аргумента в пользу преимуществ сексуального воздержания среди обычного населения. Дж. Ф. Скотт выбирает Иисуса, Ньютона, Бетховена и Канта как "энергичных и сообразительных людей, которые целомудренно жили холостяками". Нельзя, однако, сказать, что доктор Скотт был счастлив в четырех фигурах, которых он смог выбрать из всей истории человеческого гения в качестве примеров пожизненного сексуального воздержания. Мы мало что знаем с абсолютной уверенностью об Иисусе, и даже если мы отвергнем диагноз, который профессор Бине-Сангле (в его *Книге "Фоли де Иисус"*) поставил на основе скрупулезного изучения Евангелий, есть много причин, по которым нам следует воздерживаться от подчеркивания примера его сексуального воздержания; Ньютон, за исключением его колоссального гения в специальной области, был неполным и неудовлетворительным человеком, который в конечном итоге достиг состояния,

очень похожего на безумие; Бетховен был насквозь болезненным человеком, который вел крайне несчастливое существование; Кант, с самого начала своей деятельности в до последнего был немощным валетудинарием. Вероятно, было бы трудно найти здорового нормального мужчину, который добровольно принял бы жизнь, которую ведет любой из этих четверых, даже в качестве цены их славы. Дж. А. Годфри (*Наука о сексе*, стр. 139-147) подробно обсуждает вопрос, благоприятствует ли сексуальное воздержание обычной интеллектуальной энергии, решая, что это не так, и что мы не можем утверждать, что случайное сексуальное воздержание гениальных людей, которые часто ненормально сложены и физически ниже среднего, соответствует нормально развитому человеку. Можно добавить, что сексуальное воздержание ни в коем случае не всегда является благоприятным признаком, даже у мужчин, интеллектуально стоящих выше среднего. "У меня не сложились впечатления, - замечает Фрейд (*Сексуальная проблема*, март 1908 г.), - что сексуальное воздержание полезно энергичным и независимым людям действия или оригинальным мыслителям, отважным освободителям или реформаторам. Сексуальное поведение мужчины часто символизирует весь его способ реагирования на окружающий мир. Мужчине, который энергично овладевает объектом своего сексуального влечения, можно доверять, что он проявит такую же неутомимую энергию в достижении других целей".

Многие, хотя и не все, кто отрицает, что длительное сексуальное воздержание безвредно, включают в это утверждение женщин. Действительно, есть некоторые авторитеты, которые считают, что независимо от наличия сознательного сексуального желания или его отсутствия, сексуальное воздержание переносится женщинами легче, чем мужчинами.^[94]

Кабанис в своей знаменитой и новаторской работе "*Взаимоотношения тела и морали*" сказал в 1802 году, что женщины не только легче переносят сексуальные излишества, чем мужчины, но и сексуальные лишения с большим трудом, а осторожный и опытный современный наблюдатель Левенфельд (*Sexualeben und Nervenleiden*, 1899, стр. 53), не принимая во внимание, что нормальные женщины переносят сексуальное воздержание легче, чем мужчины, добавляет, что это не относится к женщинам с невропатической предрасположенностью, которые страдают гораздо больше. из-за этого они либо мастурбируют, когда половой акт невозможен, либо впадают в истероневрастенические состояния. Буш утверждал ("*Гешлехтсleben де Вайбес*", 1839, т. i, стр. 69, 71), что у женщин не только работа сексуальных функций в организме сильнее, чем у мужчин, но и что плохие результаты сексуального воздержания более заметны у женщин. Сэр Бенджамин Броди давным-давно сказал, что воздержание для женщин, возможно, приносит больше вреда, чем недержание мочи, и сегодня Хаммер (*Die Gesundheitlichen Gefahren der Geschlechtlichen Enthaltensamkeit*, 1904) утверждает, что по соображениям здоровья сексуальное воздержание рекомендуется женщинам не больше, чем мужчинам. Нистрем придерживается того же мнения, хотя он считает, что женщины лучше переносят половое воздержание, чем мужчины, и подробно обсудил этот особый вопрос в разделе своей книги "*История болезни и невод*". Он согласен с опытным Эрбом в том, что большое количество абсолютно целомудренных женщин с высоким характером, обладающих выдающимися качествами ума и сердца, более или менее неупорядочены из-за своего сексуального воздержания; особенно часто это случается с женщинами, вышедшими замуж за мужчин-импотентов, хотя, как отмечает Нистрем, женщины часто не осознают свои сексуальные потребности, пока не достигнут тридцатилетнего возраста.

Очень многие здоровые, целомудренные и скромные женщины временами испытывают такое сильное сексуальное желание, что едва могут устоять перед искушением выйти на улицу и приставать к первому встречному мужчине. Немало таких женщин, часто хорошего воспитания, действительно предлагают себя мужчинам, с которыми они, возможно, едва знакомы. Раут описывает такие случаи (*Британский гинекологический журнал*, февраль 1887 г.), и большинство мужчин когда-то встречались с ними. Когда женщина с высокими моральными качествами и сильными страстями в течение очень длительного периода подвергается постоянному напряжению такого сексуального влечения, особенно в сочетании с любовью к определенному индивидууму, может возникнуть цепь пагубных последствий, физических и моральных, и многочисленные выдающиеся врачи зафиксировали такие случаи, которые сразу же заканчивались полным выздоровлением, как только страсть была удовлетворена. Ловернь уже давно описал один случай. Довольно типичный случай такого рода был подробно описан Браше (*De l'Hypochondrie*, стр. 69) и описан Гринингером в его классической работе "Психическая патология". Речь шла о здоровой замужней даме двадцати шести лет, имеющей троих детей. Приезжий знакомый полностью завоевал ее расположение, но она упорно сопротивлялась соблазнительному влиянию и скрывала неистовую страсть, которую он в ней пробудил. Постепенно начали проявляться различные серьезные симптомы, физические и психические, и у нее развилось то, что казалось признаками чахотки. Шестимесячное пребывание на юге Франции не привело к улучшению ни физических, ни психических симптомов. По возвращении домой ей стало еще хуже. Затем она снова встретила объект своей страсти, уступила, бросила мужа и детей и сбежала с ним. Шесть месяцев спустя ее было едва можно узнать; красота, свежесть и полнота сменились истощением, в то время как симптомы чахотки и все другие неприятности полностью исчезли. В чем-то похожий случай зарегистрирован Камиллом Ледерером из Вены (*Контроль за соблюдением правил сексуальной гигиены*, 1906, раздел 3). У вдовы через несколько месяцев после смерти мужа начался кашель с симптомами бронхиального катара, но без явных признаков заболевания легких. Лечение и смена климата оказались совершенно бессильными для излечения. Два года спустя, поскольку никаких признаков болезни в легких не появилось, хотя симптомы сохранялись, она снова вышла замуж. Всего через несколько недель все симптомы исчезли, и она была совершенно свежа и здорова.

Многочисленные выдающиеся гинекологи зафиксировали свое убеждение в том, что сексуальное возбуждение является средством от различных расстройств половой системы у женщин, и что воздержание является причиной таких расстройств. Мэтьюз Дункан сказал, что сексуальное возбуждение - единственное средство от аменореи; "единственное эмменогическое лекарство, о котором я знаю", - писал он (*Medical Times*, 2 февраля 1884 г.), "его нельзя найти в фармакопее: это эротическое возбуждение. В ценности эротического возбуждения нет никаких сомнений". Энсти в своей работе о *невралгии* ссылается на благотворное влияние полового акта на дисменорею, отмечая, что о необходимости полного естественного осуществления сексуальной функции свидетельствует значительное улучшение в таких случаях после вступления в брак, и особенно после родов. (Можно отметить, что не все авторитетные источники считают, что брак способствует развитию дисменореи, а некоторые считают, что болезнь часто усугубляется; см., *Например*, Уайт Кук, *Американский журнал акушерства*, декабрь 1893 г.) Выдающийся гинеколог Тилт несколько ранее (*О воспалении матки и яичников*, 1862, стр. 309) настаивал на пагубных последствиях сексуального воздержания в виде раздражения яичников и, возможно, подострого оварита, отмечая, что это

особенно заметно у молодых вдов и проституток, помещенных в исправительные учреждения. Сильное желание, указывал он, определяет органические движения, похожие на те, которые требуются для удовлетворения желания. Эти жгучие желания, которые могут быть утолены только путем их законного удовлетворения, еще больше усиливаются эротическим влиянием мыслей, книг, картин, музыки, которые часто даже более сексуально стимулируют, чем общение с мужчинами, но возбуждение, вызванное таким образом, не ослабляется естественным спадом, который должен следовать за состоянием витального подъема. Обратившись к биологическим фактам, которые показывают влияние психических воздействий на формирующие способности яичниково-маточных органов у животных, Тилт продолжает: "Я могу справедливо заключить, что подобные воздействия на разум самок могут оказывать стимулирующее действие на органы овуляции. Я часто сталкивался с тем, что менструации были нерегулярными, обильными или ненормального типа во время ухода за женщинами, у которых ранее ничего подобного не наблюдалось, и что это затягивало лечение хронического яичника и воспаления матки". Боннифилд из Цинциннати (*Медицинский стандарт*, декабрь 1896 г.) считает, что неудовлетворенное сексуальное желание является важной причиной катарального эндометрита. Хорошо известно, что миома матки имеет определенное отношение к органической сексуальной активности, и что сексуальное воздержание, особенно длительное лишение беременности, является очень важной причиной заболевания. Это хорошо показано анализом, проведенным А. Э. Джайлзом ("*Ланцет*", 2 марта 1907 г.), одного из ста пятидесяти случаев. Целых пятьдесят шесть из этих случаев, то есть более трети, были незамужними женщинами, хотя почти всем было больше тридцати лет. Из девяноста четырех замужних женщин тридцать четыре никогда не были беременны; из тех, кто был беремен, тридцать шесть не были беременны по крайней мере десять лет. Таким образом, восемьдесят четыре процента либо вообще не были беременны, либо у них не было беременности по крайней мере десять лет. Таким образом, очевидно, что нарушение сексуальной функции, независимо от того, связано оно с воздержанием от половых сношений или нет, является важной причиной фиброзных опухолей матки. Боллс-Хедли из Виктории (*Эволюция женских болезней*, 1894, и "Этиология заболеваний женских половых органов", Олбат и Плейфайр, *Система гинекологии*) считает, что неудовлетворенное сексуальное желание является фактором очень многих заболеваний половых органов у женщин. "Мои взгляды, - пишет он в частном письме, - основаны на действительно особой двадцатилетней гинекологической практике, в течение которой я сам сделал около семи тысяч самых тщательных записей. Нормальная женщина сексуально хорошо сформирована, и ее сексуальные чувства требуют удовлетворения в направлении производства следующего поколения, но в ограничительных, а теперь особенно ненормальных условиях цивилизации некоторые женщины подвергаются наследственной атрофии, и матка и сексуальные чувства ослабевают; у других с хорошим средним местным развитием чувства сдерживаются; у других чувства, так же как и органы, сильны, и при отказе от нормального использования возникают беды. Принимая во внимание эти разновидности врожденного развития в связи с соответствующим состоянием девственности, бесплодия или преждевременной супружеской жизни, способ возникновения и прогрессирования болезни все больше занимает внимание врача, и нет большего повода для замешательства, чем у математика, изучающего конические сечения, когда его знания выросли из основ науки. Предлагается проблема: обрушился ли на женщину, как сквозь сито, целый ряд не связанных между собой заболеваний, или эти заболевания почти обязательно проистекают из обстоятельств ее неестественного окружения?" Можно добавить, что Kisch (*Сексуальная жизнь женщины*), протестуя против любой преувеличенной оценки последствий сексуального

воздержания, считает, что у женщин это может привести не только к многочисленным местным расстройствам, но также к нервному расстройству, истерии и даже безумию, в то время как у неврастеничных женщин "регулируемый половой акт оказывает активно благотворный эффект, который часто бывает паразитическим".

Важно отметить, что пагубные последствия сексуального воздержания у женщин, по мнению многих из тех, кто настаивает на их важности, ни в коем случае не обусловлены просто неудовлетворенным сексуальным желанием. Они могут быть ярко выражены даже тогда, когда сама женщина не имеет ни малейшего представления о сексуальных потребностях. На это ясно указал сорок лет назад проницательный Энсти (указ. соч.) Он отмечает, что особенно у женщин "определенная беспокойная гиперактивность ума, а возможно, и тела, по-видимому, является выражением подсознательного недовольства Природы *пренебрежением сексуальными функциями*". Такие женщины, добавляет он, удерживали себя от мастурбации "за счет постоянной и почти неистовой активности ума и мышц". Энсти обнаружил, что некоторые из самых тяжелых случаев нервозности и неврастении, которые он назвал "раздражением позвоночника", часто сопровождающиеся раздражением желудка и анемией, выздоравливают в браке. "Не может быть никаких сомнений, - продолжает он, - что очень большая доля этих случаев у одиноких женщин (которые составляют гораздо большее число субъектов раздражения позвоночника) обусловлена этим сознательным или бессознательным раздражением, поддерживаемым неудовлетворенной сексуальной потребностью. Несомненно, что очень многие молодые люди (особенно женщины) страдают от раздражительности половых органов, не имея ни малейшего представления о сексуальном желании, и представляют собой печальное зрелище *мужественной* жизни, даже не подозревая об истинном источнике страданий, которые лишают их способности выполнять все активные обязанности в жизни. Это странный факт, что в случайных случаях можно даже увидеть двух сестер, унаследовавших один и тот же тип нервной организации, обеих мучают симптомы раздражения позвоночника и обе, вероятно, страдают от подавленных сексуальных функций, но из них одна должна быть чистомыслящей и полностью не сознавать истинного источника своих проблем, в то время как другая является жертвой сознательного и бесплодного сексуального раздражения". В этом вопросе Энсти можно рассматривать как предшественника Фрейда, который с большой тонкостью и аналитической силой разработал доктрину о трансформации подавленного полового инстинкта у женщин в болезненные формы. Он считает, что нервозность наших дней в значительной степени обусловлена пагубным воздействием на сексуальную жизнь того подавления естественных инстинктов, на котором построена наша цивилизация. (Возможно, самое ясное краткое изложение взглядов Фрейда по этому вопросу можно найти в весьма наводящей на размышления статье "Культура сексуальной морали и современной нервной системы" в "*Сексуальной проблеме*", март 1908 г., перепечатанной во второй серии "*Саммлунг Кляйнер Шрифтен цур Нейрофизиолог*" Фрейда, 1909). Мы обладаем способностью, говорит он, сублимировать и трансформировать нашу сексуальную активность в другие виды деятельности психически связанного характера, но несексуального характера. Однако этот процесс не может быть осуществлен в неограниченном объеме, так же как и преобразование тепла в механическую работу в наших машинах. Определенный уровень прямого сексуального удовлетворения необходим для большинства организаций, и отказ от этого индивидуально варьирующегося уровня наказывается проявлениями, которые мы вынуждены рассматривать как нездоровые. Процесс сублимации под влиянием цивилизации приводит как к сексуальным извращениям, так и к психоневрозам. Эти два состояния тесно связаны, как Фрейд

рассматривает процесс их развития; они противостоят друг другу как положительные и отрицательные, сексуальные извращения являются положительным полюсом, а психоневрозы - отрицательным. Часто случается, замечает он, что брат может быть сексуально извращенным, в то время как его сестра с более слабым сексуальным темпераментом является невротиком, симптомы которого являются трансформацией извращенности ее брата; в то время как во многих семьях мужчины аморальны, а женщины чисты и утонченны, но очень нервны. В случае женщин, у которых нет недостатка в сексуальном влечении, все то же давление цивилизованной морали толкает их в невротические состояния. Фрейд отмечает, что это ужасно серьезная несправедливость, что цивилизованный стандарт сексуальной жизни одинаков для всех людей, потому что, хотя некоторые, в силу своей организации, могут легко принять его, для других это сопряжено с самыми тяжелыми психическими жертвами. Незамужней девушке, которая стала нервно слабой, нельзя советовать искать облегчения в браке, поскольку она должна быть сильной, чтобы "вынести" брак, в то время как мы призываем мужчину ни в коем случае не жениться на девушке, которая не обладает силой. Замужней женщине, испытавшей на себе обман браком, обычно не остается иного способа облегчить душу, кроме как отказаться от своей добродетели. "Чем усерднее она получала образование и чем полнее подчинялась требованиям цивилизации, тем больше она боялась этого пути бегства, и в конфликте между своими желаниями и чувством долга она также ищет убежища — в неврозе. Ничто так надежно не защищает ее добродетель, как болезнь. Рассматривая еще более широкий взгляд на влияние узкой "цивилизованной" концепции сексуальной морали на женщин, Фрейд обнаруживает, что оно не ограничивается возникновением невротических состояний; оно влияет на все интеллектуальные способности женщин. Их образование не позволяет им заниматься сексуальными проблемами, хотя такие проблемы их очень интересуют, поскольку это прививает древний предрассудок, что любое любопытство в подобных вопросах не по-женски и является доказательством порочных наклонностей. Таким образом, они боятся думать, и знание лишается ценности. Запрет думать распространяется, автоматически и неизбежно, далеко за пределы сексуальной сферы. "Я не верю, - заключает Фрейд, - что существует какое-либо противопоставление между интеллектуальной работой и сексуальной активностью, подобное тому, которое предполагал Мебиус. Я придерживаюсь мнения, что неоспоримый факт интеллектуальной неполноценности столь многих женщин обусловлен подавлением мышления, навязанным им с целью сексуального подавления".

Только в последние годы эта проблема была осознана и столкнулась с ней лицом к лицу, хотя мыслители-одиночки, такие как Хинтон, остро осознавали ее существование; ибо "скорбящая добродетель", как выразилась миссис Элла Уилер Уилкоккс говорит об этом так: "он больше стыдится своих бед, чем несчастного греха, потому что у мира есть слезы по поводу последних и только насмешки по поводу первых". "Это почти циничная черта нашего времени, - писал Хеллпах несколько лет назад, - что оно постоянно обсуждает тему проституции, полицейского контроля, возраста согласия, "белого рабства" и умалчивает о моральной борьбе женской души, не пытаясь ответить на ее животрепещущие вопросы".

С другой стороны, мы находим, что авторы-медики не только с большим моральным пылом утверждают, что половые сношения вне брака всегда и совершенно не нужны, но, более того, заявляют о безвредности или даже преимуществах сексуального воздержания.

Шведский профессор Риббинг в своей книге *"Гигиена секса"* выступает за половое воздержание вне брака и утверждает его безвредность. Жиль де ла Туретт, Фере и Оганьер во Франции согласны с этим. В Германии Фюрбрингер (Senator and Kaminer, *Здоровье и болезни в отношении брака*, том i, стр. 228) утверждает, что воздержание возможно и необходимо, хотя и признает, что в исключительных случаях это может привести к серьезному вреду. Эйленбург (*Сексуальная невропатия*, стр. 14) сомневается, что кто-либо, кто в остальном вел разумную жизнь, когда-либо заболел, или, точнее, становился неврастеником из-за сексуального воздержания. Хегар, отвечая на аргументы Бебеля в его хорошо известной книге о женщинах, отрицает, что сексуальное воздержание когда-либо может привести к сатириазису или нимфомании. Нэкке, который часто обсуждал проблему сексуального воздержания (*например*, *Архив криминальной антропологии*, 1903, Глава 1, и *Sexual-Probleme*, июнь 1908), утверждает, что сексуальное воздержание может, в лучшем случае, привести к редким и незначительным неблагоприятным результатам, и что вероятность того, что оно приведет к безумию, даже у предрасположенных лиц, не выше, чем противоположные крайности сексуального избытка и мастурбации. Он добавляет, что, по его собственным наблюдениям, пациенты приютов практически не страдают от принудительного сексуального воздержания.

Однако именно в Англии добродетели сексуального воздержания провозглашались наиболее громко и выразительно, иногда действительно со значительным отсутствием осторожных оговорок. Эктон в своей книге *"Репродуктивные органы"* излагает традиционную английскую точку зрения, так же как и Бил в своей *"Морали и моральном вопросе"*. Более выдающимся представителем той же точки зрения был Педжет, который в своей лекции о "Сексуальной ипохондрии" связал половое сношение с "воровством или ложью". Сэр Уильям Гауэрс (*Сифилис и нервная система*, 1892, стр. 126) также провозглашает преимущества "несломленного целомудрия", особенно как метода предотвращения сифилиса. Однако он не питает особых надежд даже в отношении своего собственного лекарства, поскольку добавляет: "У нас есть небольшие основания надеяться, что таким образом болезнь будет существенно уменьшена". Однако он все равно проповедовал бы целомудрие индивидууму, и делает это со всем аскетическим пылом средневекового монаха. "Со всей силой, которой могут дать любые знания, которыми я обладаю, и любой авторитет, которым я обладаю, я утверждаю, что ни один человек никогда еще не был ни в малейшей степени хуже из-за воздержания или лучше из-за невоздержанности. От последнего всем становится хуже морально; явному большинству хуже физически; и в немалой степени результатом является и всегда будет полное физическое кораблекрушение на одной из многих острых скал с зазубренными краями, которые окружают путь, или на одном из многочисленных слоев гноящейся слизи, которых невозможно избежать при любой осторожности". В Америке широко распространена та же точка зрения, и доктор Дж. Ф. Скотт в своей книге *"Сексуальный инстинкт"* (второе издание, 1908, гл. III) очень энергично и пространно аргументирует в пользу сексуального воздержания. Он даже не признает, что у этого вопроса есть две стороны, хотя, если бы это было так, длина и энергия его аргументов были бы излишни.

Среди медицинских авторитетов, которые подробно обсуждали вопрос сексуального воздержания, действительно, обычно невозможно найти таких безоговорочных мнений в его пользу, как те, которые я процитировал. Однако не может быть никаких сомнений в том, что значительная часть врачей, не исключая известных авторитетов, случайно столкнувшись с вопросом, безвредно ли сексуальное воздержание, сразу же выберет очевидный путь наименьшего сопротивления и ответит: Да. Лишь в нескольких случаях они хотя бы как-то

квалифицируют этот утвердительный ответ. Эту тенденцию очень хорошо иллюстрирует исследование, проведенное доктором Людвигом Якобсоном из Санкт-Петербурга ("Die Sexuelle Enthalttsamkeit im Lichte der Medizin", *St. Petersburger Medicinische Wochenschrift*, 17 марта 1907 г.). Он написал более чем двумстам выдающимся российским и немецким профессорам физиологии, неврологии, психиатрии и т.д., спрашивая их, считают ли они сексуальное воздержание безвредным. Большинство не ответило; одиннадцать русских и двадцать восемь немцев ответили, но четверо из них просто сказали, что "у них не было личного опыта" и т.д.; Таким образом, осталось тридцать пять. Э. Пфлюгер из Бонна скептически относился к пользе любой пропаганды воздержания: "если бы все власти в мире заявили о безвредности воздержания, это не оказало бы никакого влияния на молодежь. Здесь в игре задействованы силы, которые преодолевают все препятствия". Безвредность воздержания подтверждалась Крепелином, Кремером, Гартнером, Тучеком, Шоттелиусом, Гаффки, Финклером, Селенью, Лассаром, Зайфертом, Грубером; последний, однако, добавил, что он знал очень немногих воздерживающихся молодых людей и сам считал воздержание полезным только до полного развития, а половое сношение не опасным в умеренных количествах даже до этого. Бригер знал случаи воздержания без вредных последствий, но сам считал, что общего мнения высказать невозможно. Юргенсен сказал, что воздержание само по себе не вредно, но что в некоторых случаях половое сношение оказывает более благотворное влияние. Хоффман сказал, что воздержание безвредно, добавив, что, хотя оно, безусловно, приводит к мастурбации, это лучше, чем гонорея, не говоря уже о сифилисе, и его легко держать в рамках. Струмпель ответил, что половое воздержание безвредно и косвенно полезно как предохраняющее от риска венерических заболеваний, но что половой акт, будучи нормальным, всегда более желателен. Хенсен сказал, что воздержание не должно быть безоговорочно одобрено. Румпф ответил, что воздержание не вредно для большинства людей до тридцати лет, но после этого возраста появляется склонность к психическим навязчивым идеям, и брак должен заключаться в двадцать пять. Лейден также считал воздержание безвредным до тридцати лет, когда оно приводит к психическим аномалиям, особенно к состояниям тревоги и определенной аффектации. Хейн ответил, что воздержание безвредно для большинства, но у некоторых приводит к истерическим проявлениям и косвенно к плохим результатам от мастурбации, в то время как для нормального мужчины воздержание не может быть непосредственно полезным, поскольку половое сношение естественно. Грютцнер считал, что воздержание почти никогда не наносит вреда. Нещеда сказал, что оно безвредно само по себе, но вредно в той мере, в какой приводит к неестественным способам удовлетворения. Найссер считает, что более длительное воздержание, чем принято сейчас, было бы полезно, но признал сексуальное возбуждение нашей цивилизации; он добавил, что, конечно, не видит вреда для здоровых мужчин в половом акте. Гош ответил, что воздержание вполне безвредно для нормальных людей, но не всегда так бывает у ненормальных. Вебер считал, что оно оказывает полезное влияние на увеличение силы воли. Тарновски сказал, что это хорошо в раннем взрослом возрасте, новероятно, будет неблагоприятно после двадцати пяти. Орлоу ответил, что, особенно в молодости, это безвредно, и мужчина должен быть таким же целомудренным, как и его жена. Попоу сказал, что воздержание полезно в любом возрасте и сохраняет энергию. Блюменау сказал, что во взрослом возрасте воздержание не является ни нормальным, ни полезным и обычно не приводит к мастурбации, хотя обычно и не к нервным расстройствам; но что даже мастурбация лучше сифилиса. Чирьев не видел вреда в воздержании до тридцати лет и считал, что сексуальная слабость с большей вероятностью последует за избытком, чем воздержание. Чиш считал воздержание скорее полезным, чем вредным до двадцати пяти или двадцати восьми лет,

но считал, что после этого возраста трудно принимать решения, когда, по-видимому, возникают нервные изменения. Даркшевитч считал воздержание безвредным до двадцати пяти лет. Френкель сказал, что оно безвредно для большинства, но для значительной части людей половой акт является необходимостью. Якобсон считает мнение Эрба самостоятельным; он определил возраст, ниже которого воздержание безвредно, в двадцать лет; после этого возраста он рассматривал его как вредное для здоровья, серьезно препятствующее работе и работоспособности, в то время как у невротиков оно приводит к еще более серьезным результатам. Якобсон приходит к выводу, что общее мнение тех, кто отвечает на запрос, можно выразить следующим образом: "Молодежь должна быть воздержанной. Воздержание никоим образом не может причинить им вреда; напротив, оно полезно. Если наша молодежь будет сохранять воздержание и избегать внебрачных связей, они сохраняют высокий идеал любви и уберегут себя от венерических заболеваний".

Безвредность сексуального воздержания также была подтверждена в Америке в резолюции, принятой Американской медицинской ассоциацией в 1906 году. Формально принятое предложение было сформулировано следующим образом: "Воздержание не является несовместимым со здоровьем". Следует в целом понимать, что абстрактные предложения такого рода бесполезны, поскольку они ничего не значат. Каждый здравомыслящий человек, столкнувшись с требованием смело подтвердить или опровергнуть утверждение "Воздержание не является несовместимым со здоровьем", обязан подтвердить его. Он мог бы твердо верить, что воздержание несовместимо со здоровьем большинства людей и что длительное воздержание несовместимо со здоровьем любого человека, и все же, если он будет честен в использовании языка, для него было бы невозможно отрицать расплывчатое и абстрактное утверждение, что "Воздержание несовместимо со здоровьем". Следовательно, такие утверждения не только не имеют ценности, но и фактически вводят в заблуждение.

Очевидно, что наиболее экстремальные и безоговорочные мнения в пользу сексуального воздержания основаны не на медицинских, а на том, что авторы считают моральными соображениями. Более того, поскольку одни и те же авторы обычно одинаково подчеркивают преимущества полового акта в браке, ясно, что они вступили в противоречие. Один и тот же поступок, как справедливо отмечает Нэкке, не может стать хорошим или плохим в зависимости от того, совершается он в браке или вне брака. В нескольких словах, произнесенных священником или правительственным чиновником, нет никакой магической силы.

Ремондино (*лок. цит. по*) отмечает, что авторитеты, взявшие на себя обязательства заявлять о безусловных преимуществах сексуального воздержания, склонны впадать в три ошибки: (1) они чрезмерно обобщают, вместо того чтобы рассматривать каждый случай индивидуально, по существу; (2) они не понимают, что человеческая природа подвержена влиянию весьма неоднозначных и сложных мотивов, и нельзя предполагать, что она подчиняется только мотивам абстрактной морали; (3) они игнорируют огромную армию мастурбаторов и сексуальных извращенцев, которые не жалуются на сексуальные страдания, но поддерживают строгий порядок. жесткое сексуальное воздержание, что касается нормальных отношений, постепенно переходит в русло, откуда нет возврата.

Между теми, кто безоговорочно утверждает или отрицает безвредность сексуального воздержания, мы находим промежуточную группу авторитетов, мнения которых более квалифицированы. Многие из тех, кто занимает эту более осторожную позицию, являются

людьми, чьи мнения имеют большой вес, и вполне вероятно, что у них, а не у более крайних защитников с обеих сторон, больше здравого смысла. Столь сложный вопрос, как этот, не может быть адекватно исследован просто абстрактно и разрешен безоговорочным отрицанием или утверждением. Это вопрос, в котором каждый случай требует своего особого и личного рассмотрения.

"Там, где существует такое явное противопоставление мнений, истина не только на одной стороне", - замечает Левенфельд (*Сексуальные отношения и нервная система*, второе издание, стр. 40). Сексуальное воздержание, безусловно, часто вредно для людей с невропатией. (В настоящее время в это верит большое количество авторитетов, и, возможно, впервые это было решительно заявлено Краффт-Эбингом, "*Ueber Neurosen durch Abstinenz*", *Jahrbuch für Psychiatrie*, 1889, стр. 1). Левенфельд не обнаруживает особой склонности к неврастении среди католического духовенства, а когда это все-таки происходит, нет оснований предполагать сексуальную обусловленность. "У здоровых мужчин, не страдающих наследственными невропатиями, возможно полное воздержание без повреждения нервной системы". Вредные последствия, продолжает он, когда они появляются, редко проявляются до достижения возраста от двадцати четырех до тридцати шести лет, и даже тогда они обычно недостаточно серьезны, чтобы привести к посещению врача, заключающиеся в основном в частоте ночных поллюций, боли в яичках или прямой кишке, гиперестезии в присутствии женщин или сексуальных мыслей. Однако, если возникают условия, которые особенно стимулируют сексуальные эмоции, может развиться неврастения. Левенфельд согласен с Фрейдом и Гаттелем в том, что невроз тревоги, как правило, возникает у абстинентов, тщательное исследование показывает, что воздержание является фактором его возникновения у обоих полов. Это распространено среди молодых женщин, вышедших замуж за мужчин гораздо старше их, и часто проявляется в первые годы брака. Следовательно, при особых обстоятельствах воздержание может быть вредным, но в целом трудности, вызванные таким воздержанием, не являются серьезными, и они лишь в исключительных случаях вызывают реальные нарушения в нервной или психической сферах. Молл придерживается аналогичной умеренной и разборчивой точки зрения. Он считает сексуальное воздержание до брака идеалом, но указывает, что мы должны избегать любых доктринальных крайностей в проповеди сексуального воздержания, поскольку такая проповедь просто приведет к лицемерию. Общение с проститутками и тенденция менять женщину, как одежду, приводят к потере чувствительности к духовному и личностному элементу в женщине, в то время как опасности сексуального воздержания следует преувеличивать не больше, чем опасности полового акта (Moll, *Libido Sexualis*, 1898, т. i, стр. 848; *id.*, *Konträre Sexualempfindung*, 1899, стр. 588). Аналогичной точки зрения придерживается и Блох (в главе, посвященной вопросу сексуального воздержания в его "*Sexualeben unserer Zeit*", 1908). Он выступает за воздержание в раннем возрасте и временное воздержание во взрослой жизни, поскольку такое воздержание ценно не только для сохранения и преобразования энергии, но и для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что в жизни есть и другие цели, к которым нужно стремиться, помимо секса. Редлих (*Медицинская клиника*, 1908, № 7) также при тщательном изучении медицинских аспектов вопроса занимает промежуточную позицию по отношению к относительным преимуществам и недостаткам сексуального воздержания. "Мы можем сказать, что сексуальное воздержание не является условием, которого следует избегать при любых обстоятельствах и любой ценой, хотя верно, что для большинства здоровых взрослых людей регулярные половые сношения полезны, а иногда даже рекомендуются".

Можно добавить, что с точки зрения христианской религиозной морали такое же отношение между крайностями любой из сторон, признающих преимущества сексуального воздержания, но не настаивающих на том, что они должны быть приобретены любой ценой, также нашло отражение. Так, в Англии англиканский священник преподобный Х. Норткот (*Христианство и проблемы секса*, стр. 58, 60) сдержанно и сочувственно рассматривает трудности сексуального воздержания и отнюдь не убежден, что такое воздержание всегда является несомненным преимуществом; в то время как в Германии католический священник Карл Дженч (*Sexualethik, Sexualjustiz, Sexualpolizei*, 1900) выступает против строгих и безоговорочных утверждений о подшучивании в пользу сексуального воздержания. Дженч таким образом выражает то, что, по его мнению, должно быть отношением отцов церкви, общественного мнения, государства и Церкви к молодому человеку в этом вопросе: "Старайся быть воздержанным до вступления в брак. Многие преуспевают в этом. Если вы можете добиться успеха, это хорошо. Но если вы не можете добиться успеха, нет необходимости упрекать себя и считать себя негодяем или заблудшим грешником. При условии, что вы не предаетесь простым удовольствиям или распутству, а довольствуетесь тем, что необходимо для восстановления вашего душевного равновесия, самообладания и бодрой работоспособности, а также соблюдаете меры предосторожности, которые вам рекомендуют врачи или опытные друзья".

Когда мы, таким образом, анализируем и исследуем три основных потока экспертных мнений по этому вопросу сексуального воздержания — мнения в его пользу, мнения, противоположные ему, и мнения, придерживающиеся промежуточного курса, — мы едва ли можем не прийти к выводу, насколько неудовлетворительна вся дискуссия в целом. Состояние "сексуального воздержания" - это совершенно расплывчатое и неопределенное состояние. Неопределенный и даже бессмысленный характер выражения "сексуальное воздержание" проявляется в том, с какой частотой те, кто спорит по этому поводу, предполагают, что оно может или даже обязательно включать мастурбацию. Один этот факт в значительной степени лишает его ценности как мораль и вообще как воздержание. На этом этапе мы действительно подходим к самой фундаментальной критике, которой может подвергнуться концепция "сексуального воздержания". Роледер, опытный врач и признанный авторитет в вопросах сексуальной патологии, подвергла критике современные взгляды на "сексуальное воздержание" в пространной и важной статье.^[95] Он полностью отрицает, что строгое сексуальное воздержание вообще существует. "Сексуальное воздержание", - указывает он в любом строгом понимании этого термина, должно включать воздержание не только от полового акта, но и от аутоэротических проявлений, от мастурбации, от гомосексуальных актов, от всех сексуально извращенных практик. Кроме того, это должно включать постоянное воздержание от потакания эротическим фантазиям и сладострастным грезам. Когда, однако, возможно таким образом превратить все психическое поле в *tabula rasa* в том, что касается сексуальной активности, — а если это не удастся сделать постоянно и последовательно, то строгого сексуального воздержания нет, — тогда, указывает Роледер, мы должны рассмотреть, не имеем ли мы дело с сексуальной анестезией, с *сексуальной анафродизией*. Это вопрос, с которым редко, если вообще когда-либо, сталкиваются те, кто обсуждает сексуальное воздержание. Однако это чрезвычайно актуальный вопрос, потому что, как настаивает Роледер, если существует сексуальная анестезия, вопрос о сексуальном воздержании отпадает сам собой, поскольку мы можем "воздерживаться" только от действий, которые в нашей власти. Полная сексуальная анестезия, однако, является настолько редким состоянием, что ее можно практически не принимать во внимание, и поскольку сексуальное влечение, если оно существует, должно по

физиологической необходимости иногда проявляться в той или иной форме — даже если только, согласно взгляду Фрейда, путем трансформации в какое—либо болезненное невротическое состояние - мы приходим к выводу, что "сексуальное воздержание" строго невозможно. Роледер встречался с несколькими случаями, в которых, как ему казалось, не было выхода из заключения о существовании сексуального воздержания, но во всех этих случаях он впоследствии обнаружил, что ошибался, обычно из-за практики мастурбации, которая, по его мнению, чрезвычайно распространена и очень часто сопровождается настойчивыми попытками ввести врача в заблуждение относительно ее существования. Единственный существующий вид "сексуального воздержания" - это частичное и временное воздержание. Роледер считает, что вместо того, чтобы говорить, как говорят некоторые, "Постоянное воздержание неестественно и не может существовать без физических и психических травм", мы должны сказать: "Постоянное воздержание неестественно и никогда не существовало".

Созерцая эту хаотичную массу мнений, невозможно не почувствовать, что вся дискуссия вращается вокруг чисто негативной идеи и что фундаментальный факт ответственен за то, что на первый взгляд кажется поразительным противоречием утверждений. Если бы мы действительно устранили то, что обычно рассматривается как религиозный и моральный аспект вопроса — аспект, о котором следует помнить, который не имеет отношения к существенным естественным фактам вопроса, — мы не могли бы не заметить, что эти показные различия в убеждениях были бы сведены к очень узким и незначительным рамкам.

Мы не можем строго координировать импульс размножения с импульсом питания. Между ними есть очень важные различия, особенно фундаментальное различие в том, что, в то время как удовлетворение одного импульса абсолютно необходимо как для жизни индивидуума, так и для жизни расы, удовлетворение другого импульса абсолютно необходимо только для жизни расы. Но когда мы сводим этот вопрос к вопросу о "сексуальном воздержании", мы, очевидно, ставим его на ту же основу, что и вопрос о воздержании от пищи, то есть на совершенно противоположном полюсе, на который мы его ставим, когда (как в предыдущей главе) рассматриваем его с точки зрения аскетизма и целомудрия. Таким образом, получается, что на этой негативной основе действительно прослеживается интересная аналогия между воздержанием от пищи, хотя и обязательно соблюдаемым неполностью и в течение короткого времени, и сексуальным воздержанием, соблюдаемым более полно и в течение более длительного времени. Пациентка Джанет, кажется, ясно демонстрирует это сходство. Надя, которую Джанет смогла изучать в течение пяти лет, была молодой женщиной двадцати семи лет, здоровой и умной, не страдавшей ни истерией, ни анорексией, поскольку у нее был нормальный аппетит. Но у нее была идея; она стремилась быть стройной, и для достижения этой цели сократила свой рацион до самого маленького - всего лишь немного супа и несколько яиц. Она сильно страдала от воздержания, которое таким образом навязала себе, и всегда была голодна, хотя иногда ее голод маскировался неизбежными проблемами с желудком, вызванными столь долгим соблюдением этого режима. Временами, действительно, она была так голодна, что с жадностью поглощала все, что попадалось под руку, и нередко не могла устоять перед искушением тайком съесть несколько бисквитов. Такие действия вызывали у нее ужасные угрызения совести, но, тем не менее, она снова была бы виновата в них. Она понимала, каких огромных усилий требует ее образ жизни, и действительно считала себя героиней за то, что так долго сопротивлялась. "Иногда, - рассказывала она Джанет, - я проводила целые часы в мыслях о еде, я была так голодна. Я сглотнула слюну, я прикусила носовой платок, я каталась по

земле, мне так сильно хотелось есть. Я искал в книгах описания блюд и застолий, я пытался обмануть свой голод, воображая, что я тоже наслаждаюсь всеми этими вкусностями. Я действительно был страшно голоден, и, несмотря на некоторую слабость к бисквитам, я знаю, что проявил большое мужество".^[96] Мотивирующая идея Нади о том, что она хотела быть стройной, соответствует идее воздерживающегося мужчины о том, что он хочет быть "нравственным", и отличается от нее только тем преимуществом, что она несколько более позитивна и личностна, поскольку идея человека, который хочет избегать сексуальных утех, потому что это "неправильно", часто не просто негативна, но и безлична и навязанный социальным и религиозным окружением. Случайные вспышки безрассудной жадности Нади соответствуют внезапным порывам заняться проституцией, а ее тайная слабость к бисквитам, сопровождаемая острыми угрызениями совести, - привычке к мастурбации. Ее припадки борьбы и катанья по земле в точности похожи на вспышки тщетного желания, которые иногда случаются с молодыми воздерживающимися мужчинами и женщинами, здоровыми и сильными. Поглощенность мыслями о еде и литературными описаниями блюд явно аналогична поглощенности воздерживающегося человека распутными мыслями и эротическими книгами. Наконец, убежденность Нади в том, что она героиня, в точности соответствует позиции самоправедности, которая часто присуща сексуальному воздержанию.

Если мы обратимся к глубокому и наводящему на размышления исследованию Фрейдом проблемы сексуального воздержания в связи с "цивилизованной" сексуальной моралью, мы обнаружим, что, хотя он и не ссылается на аналогию с воздержанием от пищи, его слова по большей части в равной степени применимы к обоим случаям. "Задача подавления такого мощного инстинкта, как сексуальное влечение, иначе чем путем его удовлетворения, - пишет он, - может потребовать применения всей силы мужчины. Подчинение посредством сублимации, направляя сексуальные силы на более высокие пути цивилизации, может преуспеть у меньшинства, и даже у них лишь на время, что менее всего легко в годы пылкой юношеской энергии. Большинство других становятся невротиками или иным образом попадают в беду. Опыт показывает, что большинство людей, составляющих наше общество, конституционально не в состоянии справиться с задачей воздержания. Мы действительно говорим, что борьба с этим мощным импульсом и акцент, который эта борьба делает на этических и эстетических силах в жизни души, "закаляют" характер, и для немногих благоприятно организованных натур это верно; следует также признать, что дифференциация индивидуального характера, столь заметная в наше время, становится возможной только благодаря сексуальным ограничениям. Но в подавляющем большинстве случаев борьба с чувственностью истощает имеющуюся энергию характера, и это в то самое время, когда молодому человеку нужны все его силы, чтобы завоевать свое место в мире".^[97]

Когда мы ставим проблему на эту негативную основу воздержания, трудно понять, как мы можем оспаривать справедливость выводов Фрейда. Они одинаково хороши как для воздержания от пищи, так и для воздержания от половой любви. Когда мы ставим проблему на более позитивную основу и способны задействовать более активные и плодотворные мотивы аскетизма и целомудрия, эта неудачная борьба с естественным импульсом прекращается. Если целомудрие - это идеал гармоничной игры всех органических импульсов души и тела, если аскетизм, правильно понятый, - это спортивное стремление к достойной цели, которое вызывает на время безразличие к удовлетворению сексуальных импульсов, то мы находимся на здоровой и естественной почве, и нет пустой траты энергии в бесплодном стремлении к

негативной цели, будь то навязанной извне, как это обычно бывает, или добровольно выбранной самим человеком.

Ибо на самом деле нет полной аналогии между сексуальным желанием и голодом, между воздержанием от сексуальных отношений и воздержанием от пищи. Когда мы ставим их оба на основу воздержания, мы ставим их на основу, которая покрывает стремление к еде, но только наполовину покрывает стремление к сексуальной любви. Мы не приносим никакого удовольствия и не оказываем никакой услуги нашей пище, когда едим ее. Но половина сексуальной любви, возможно, самая важная и облагораживающая половина, заключается в том, что мы даем, а не в том, что мы берем. Свести этот вопрос к низкому уровню воздержания - значит не только сосредоточить его на чисто негативном отрицании, но и сделать его вопросом, касающимся исключительно себя. Вместо того, чтобы спрашивать: "Как я могу принести радость и силу другому?" мы спрашиваем только: "Как я могу сохранить свою пустую добродетель?"

Следовательно, с какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос — будь то ввиду вопиющего противоречия между авторитетами, обсуждавшими этот вопрос, или незаконного смешения здесь моральных и физиологических соображений, или чисто негативного действительно неестественного характера устанавливаемой таким образом "добродетели", или связанной с этим неспособности осознать благородную альтруистическую и взаимную сторону сексуальной любви, — с какой бы стороны мы ни подходили к проблеме "сексуального воздержания", мы должны соглашаться делать это только в знак протеста.

Если мы таким образом решим подойти к делу и если мы пришли к убеждению — которого, принимая во внимание все доказательства, мы едва ли можем избежать, — что, хотя сексуальное воздержание, насколько это можно признать возможным, не является несовместимым со здоровьем, все же есть много взрослых, для которых оно вредно, и гораздо большее число тех, для кого его продление нежелательно, мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Это проблема, с которой сталкивается любой человек, и особенно врач, который может быть призван дать профессиональный совет своим коллегам по этому вопросу. Если сексуальные отношения иногда желательны для лиц, не состоящих в браке, или для состоящих в браке лиц, которые по какой-либо причине лишены возможности вступать в супружеский союз, имеет ли право врач рекомендовать такие сексуальные отношения своему пациенту? Это вопрос, который часто обсуждался и решался в противоположных смыслах.

Различные выдающиеся врачи, особенно в Германии, провозгласили обязанность врача рекомендовать своему пациенту половой акт всякий раз, когда он считает это желательным. Гюрковечки, например, полностью обсудил этот вопрос и ответил на него утвердительно. Нистрем (*Sexual-Probleme*, июль 1908 г., стр. 413) утверждает, что в некоторых случаях сексуальной слабости, когда все другие методы лечения не помогают, долг врача рекомендовать половой акт как лучшее средство. Доктор Макс Маркузе выделяется как ярый сторонник безусловной обязанности врача поддерживать половой акт в некоторых случаях, как мужчинам, так и женщинам, и неоднократно аргументировал в этом смысле (*например,, Darf der Arzt zum Ausserehelichen Geschlechtsverkehr raten?* 1904). Маркузе твердо придерживается

мнения, что врач, который, поддаваясь влиянию моральных, социологических или иных соображений, пренебрегает рекомендацией полового акта, когда он считает это желательным для здоровья пациента, недостойн своей профессии и должен либо отказаться от медицины, либо направить своих пациентов к другим врачам. Такое отношение, хотя обычно и не высказывается столь категорично, по-видимому, широко распространено. Ледерер идет еще дальше, когда заявляет (*Журнал по охране здоровья и сексуальной гигиене*, 1906, раздел 3), что в случае женщины, страдающей импотенцией своего мужа, долг врача посоветовать ей вступить в половую связь с другим мужчиной, добавляя, что "делает ли она это с согласия своего мужа, не дело врача, поскольку он не блюститель морали, а блюститель здоровья". Однако врачи, публично придерживающиеся такой позиции, составляют незначительное меньшинство. В Англии, насколько мне известно, ни один выдающийся врач открыто не заявлял об обязанности врача рекомендовать половые сношения вне брака, хотя вряд ли нужно добавлять, что в Англии, как и везде, случается, что врачи, включая женщин-врачей, время от времени в частном порядке указывают своим незамужним и даже женатым пациентам, что половые сношения, вероятно, были бы полезны.

Обязанность врача рекомендовать половой акт отрицалась столь же решительно, сколь и утверждалась. Так, Эйленбург (*Сексуальная невропатия*, стр. 43) ни в коем случае не стал бы советовать своим пациентам внебрачные отношения; "такой совет совершенно выходит за рамки компетенции врача". Это, конечно, отрицают те, кто считает сексуальное воздержание всегда безвредным, если не полезным. Но это также отрицают многие, кто считает, что при некоторых обстоятельствах половой акт принес бы пользу.

Молль особенно и во многих случаях обсуждал обязанность врача по отношению к вопросу о рекомендациях вступать в половые сношения вне брака (*например*, в своей всеобъемлющей работе *"Этика поведения"*, 1902; также *"Цайтшрифт для укрепления здоровья"*, 1905, № 12-15; *"Mutterschutz"*, 1905, Heft 3; *Geschlecht und Gesellschaft*). ii, Heft 8). С самого начала Молль был склонен отстаивать право врача рекомендовать половое сношение при определенных обстоятельствах; "до тех пор, пока брак неоправданно затягивается и существует половое сношение вне брака", - писал он (*Die Conträre Sexualempfindung*, второе издание, стр. 287), "до тех пор, я думаю, мы можем использовать такое сношение в терапевтических целях, при условии, что права третьего лица (мужа или жены) не ущемляются". Однако во всех своих более поздних работах Молль четко и решительно отстаивает противоположную точку зрения. Он считает, что врач не имеет права упускать из виду возможные последствия своего совета в виде возникновения венерических заболеваний или, в случае женщины, беременности у своей пациентки, и он считает, что эти серьезные последствия имеют гораздо большую вероятность, чем это всегда признают те, кто защищает законность такого совета. Молл также не признает, что врач имеет право не обращать внимания на моральные аспекты вопроса. Врач может знать, что бедный человек мог бы получить много полезных для своего здоровья вещей путем воровства, но он не может посоветовать ему воровать. Молл рассматривает случай католического священника, страдающего неврастенией из-за сексуального воздержания. Даже несмотря на то, что врач уверен, что священник сможет избежать всех рисков заболевания, а также огласки, он не имеет права побуждать его к половому акту. Он должен помнить, что, заставляя таким образом священника нарушить свои обеты целомудрия, он может вызвать психический конфликт и горькие угрызения совести, которые могут привести к наихудшим результатам, даже для физического здоровья его пациента. Аналогичные результаты, замечает Молл, могут быть получены после такого совета, когда он дается женатому

мужчине или женщине, не говоря уже о возможном бракоразводном процессе и сопутствующих ему неприятностях.

Rohleder (*Vorlesungen über Geschlechtstrieb und Gesamtes Geschlechtsleben der Menschen*) adopts a somewhat qualified attitude in this matter. Как правило, он решительно против рекомендации внебрачных половых сношений тем, кто страдает частичным или временным воздержанием (единственная форма воздержания, которую он признает), отчасти на том основании, что вред воздержания не является серьезным или постоянным, а отчасти потому, что пациент вполне уверен в том, что вынесет собственное суждение в этом вопросе. Но в некоторых категориях случаев он рекомендует такие половые сношения, особенно бисексуальным лицам, на том основании, что таким образом он ограждает своего пациента от криминальных рисков, связанных с гомосексуальными практиками.

Мне кажется, что не должно быть никаких сомнений относительно правильного профессионального отношения врача к этому вопросу рекомендаций относительно полового акта. Врач никогда не имеет права советовать своему пациенту прибегать к половому сношению вне брака или какому-либо другому методу облегчения, который обычно считается незаконным. Говорят, что врач не имеет ничего общего с соображениями общепринятой морали. Если он считает, что шампанское было бы полезно для бедного пациента, он должен порекомендовать ему пить шампанское; он не обязан думать о том, будет ли пациент выпрашивать, занимать или красть шампанское. Но, в конце концов, даже если это признать, все равно следует сказать, что врач знает, что шампанское, каким бы оно ни было получено, вряд ли окажется ядовитым. Однако, когда он предписывает половое сношение с тем же возвышенным безразличием к практическим соображениям, у него нет такого знания. Выписывая такой рецепт, врач на самом деле не имеет ни малейшего представления о том, что он может прописывать. Возможно, он заразил своего пациента венерическим заболеванием; возможно, он взвалил на себя заботы и ответственность незаконнорожденного ребенка; врач, выписывающий рецепт, пребывает в полном неведении. Он находится в том же положении, как если бы прописал шарлатанское лекарство, состав которого был ему неизвестен, с дополнительным недостатком, заключающимся в том, что лекарство может оказаться гораздо более взрывоопасным, чем в случае с обычно безвредным патентованным лекарством. Самое большее, что врач может позволить себе должным образом сделать, - это беспристрастно изложить случай своему пациенту и представить ему все риски. Решение должно быть найдено самим пациентом, насколько это возможно, поскольку оно включает социальные и другие соображения, которые, хотя они ни в коем случае не выходят за рамки сферы медицины, безусловно, полностью неподконтрольны отдельному частнопрактикующему врачу.

Молл также придерживается мнения, что такое беспристрастное изложение доводов за и против полового акта соответствует обязанностям врача в данном вопросе. Это действительно обязанность, от которой врач во многих случаях едва ли может уклониться. Молл указывает, что это ни в коем случае нельзя отождествлять, как некоторые предполагали, с рекомендацией полового акта. Напротив, замечает он, это гораздо более аналогично обязанностям врача в отношении операций. Он знакомит пациента с характером операции, ее преимуществами и рисками, но оставляет на усмотрение пациента принятие или отклонение операции. Левитт также (*Geschlechtliche Enthaltsamkeit und Gesundheitsstörungen*, 1905), обсудив различные мнения по этому вопросу, приходит к выводу, что врач, если он считает, что внебрачные

половые сношения могут быть полезными, должен объяснить трудности и предоставить пациенту самому решать.

Есть еще одна причина, по которой, принимая во внимание преобладающие моральные взгляды, во всяком случае, среди среднего класса, врач должен воздерживаться от рекомендаций относительно внебрачных связей: он ставит себя в ложное отношение к своему социальному окружению. Он рекомендует средство правовой защиты, природу которого он не мог публично признать, и тем самым подрывает доверие общественности к себе. Единственный врач, который имеет моральное право советовать своим пациентам вступать во внебрачные отношения, - это тот, кто открыто признает, что он готов дать такой совет. Врач, который открыто работает над социальной реформой, возможно, завоевал моральное право давать советы в соответствии с тенденцией своей общественной деятельности, но даже в этом случае его советы могут быть весьма сомнительно разумными, и ему лучше было бы ограничить свои усилия по социальной реформе своей общественной деятельностью. Голос врача, как отмечает профессор Макс Флеш из Франкфурта, все больше и больше слышен в развитии социальных институтов; он является естественным лидером в таких движениях, и предложения по реформированию должным образом исходят от него. "Но, - продолжает Флеш, - публично признавать превосходство существующих институтов и в уединении консультационного кабинета давать советы, предполагающие несовершенство этих институтов, нелогично и сбивает с толку. Дело врача - давать советы, соответствующие интересам общества в целом, а эти интересы требуют, чтобы сексуальные отношения вступали в силу между здоровыми мужчинами и женщинами, которые способны и желают принять результаты своего союза. Это должно быть правилом поведения врача. Только так он может стать тем, кем его сегодня часто провозглашают, - лидером нации".^[98] Эта точка зрения, как мы видим, не совсем согласуется с той, которая предполагает, что долг врача заключается исключительно в заботе о своем пациенте, независимо от того, как его советы влияют на социальное поведение. Интересы пациента являются первостепенными, но они не имеют права вступать в противоречие с интересами общества. Советы, которые дает мудрый врач, всегда должны соответствовать социальному и моральному тону его возраста. Таким образом, тенденция среди современного молодого поколения врачей проявлять активный интерес к повышению этого тона и продвижению социальных реформ - тенденция, которая существует не только в Германии, где такие интересы давно остры, но и в такой консервативной стране, как Англия, — полна надежд на будущее.

Врач обычно довольствуется тем, что считает свой долг перед пациентом в отношении сексуального воздержания достаточно выполненным, когда он пытается ослабить сексуальную гиперестезию с помощью медицинского или гигиенического лечения. Однако вряд ли можно утверждать, что результаты такого лечения обычно являются удовлетворительными, а иногда лечение действительно приводит к результату, прямо противоположному тому, который был задуман. Трудность обычно заключается в том, что для того, чтобы лечение было эффективным, оно должно быть доведено до крайности, которая истощает или подавляет не только генитальную активность в одиночку, но и деятельность всего организма, и в противном случае оно может оказаться скорее стимулятором, чем седативным средством. Трудно, а обычно и невозможно, выделить сексуальную активность мужчины и оказать влияние только на эту деятельность. Сексуальная активность настолько тесно переплетена с другими органическими видами деятельности, эротическое изобилие настолько похоже на цветок, укоренившийся во всем организме, что удар, сокрушающий его, может поразить всего человека. Бромиды

повсеместно признаны сильными сексуальными успокоительными средствами, но их влияние в этом отношении дает о себе знать только тогда, когда они притупляют все тончайшие энергии организма. Пациентам с сексуальной гиперэстезией повсеместно рекомендуются физические упражнения. Тем не менее, большинство людей, мужчин и женщин, считают, что физические упражнения являются положительным стимулом к сексуальной активности. Особенно это касается ходьбы, и буйно энергичные молодые женщины, которых беспокоит раздражающая активность их здоровых сексуальных эмоций, иногда тратят большую часть своего времени в тщетных попытках усыпить свою активность долгими прогулками. Физические упражнения оказываются эффективными в этом отношении только тогда, когда они доведены до такой степени, что приводят к общему истощению. Тогда сексуальная активность действительно ослабевает; но то же самое происходит со всей умственной и физической активностью. Несомненно, верно, что всевозможные упражнения и игры для молодых людей обоих полов оказывают как сексуально гигиеническое, так и общегигиеническое воздействие, которое, несомненно, благотворно. Их, по всем признакам, следует предпочесть длительным сидячим занятиям. Но было бы напрасно предполагать, что игры и упражнения будут подавлять сексуальные импульсы, ибо в той мере, в какой они способствуют здоровью, они благоприятствуют всем импульсам, которые являются результатом здоровья. Максимум, чего можно ожидать, - это того, что они могут быть склонны сдерживать проявления секса, рассеивая генерируемую ими энергию.

Существует множество физических правил и предосторожностей, которые не без оснований пропагандируются как имеющие тенденцию подавлять или уменьшать сексуальную активность. Избегание жары и культивирование холода - одно из самых важных из них. Жаркий климат, тесная атмосфера, плотное постельное белье, горячие ванны - все это сильно возбуждает половую систему, поскольку эта система является периферическим органом чувств, и все, что стимулирует кожу в целом, стимулирует половую систему.^[99] Холод, от которого сжимается кожа, также притупляет сексуальные чувства, факт, который знали аскеты древности и действовали в соответствии с ним. Одежда и поза тела не остаются без влияния. Сужение или давление в области половых органов, даже тугие корсеты, а также внутреннее давление, например, от раздутого мочевого пузыря, являются источниками сексуального раздражения. Сон на спине, который вызывает перегрузку спинномозговых центров, также действует таким же образом, как давно известно тем, кто следит за сексуальной гигиеной; таким образом, утверждается, что во францисканском ордене запрещено лежать на спине. Кроме того, еда и питье являются мощными сексуальными стимуляторами. Это верно даже в отношении самых простых и полезных продуктов питания, но в большей степени это относится к мясу и, прежде всего, к алкоголю в его более крепких формах, таких как крепкие спиртные напитки, ликеры, игристые и крепкие вина и даже многие сорта английского пива. Это всегда было ясно осознано теми, кто культивирует аскетизм, и это одна из весомых причин, почему алкоголь не следует употреблять в ранней молодости. Как писал святой Иероним, говоря Евстохии, что она должна избегать вина, как яда: "вино и молодость - это два огня похоти. Зачем подливать масла в огонь?"^[100] Безделье, опять же, особенно в сочетании с богатой жизнью, способствует сексуальной активности, как Бертон подробно излагает в своей *Анатомии меланхолии*, а постоянная занятость, с другой стороны, концентрирует бродячую деятельность.

Умственные упражнения, как и физические, иногда пропагандируются как метод успокоения сексуального возбуждения, но их действие представляется столь же двусмысленным. Если это глубоко интересно и возбуждает, это может скорее возбудить, чем усыпить сексуальные

эмоции. Если это вызывает мало интереса, то не способно оказать никакого влияния. Это верно даже для занятий математикой, которые пропагандировались различными авторитетами, включая Бруссе, как вспомогательные средства для сексуальной гигиены.^[101] "Я пробовала механическую умственную работу, - пишет дама, - такую как решение арифметических или алгебраических задач, но это не приносит пользы; на самом деле, кажется, это только усиливает возбуждение". "Я изучал математику и особенно обратил свое внимание на нее, - пишет священник, - с целью обуздать свои сексуальные наклонности. В определенной степени я добился успеха. Но при приближении старого друга, голоса или прикосновении эти тенденции возвращались с новой силой. Однако я обнаружил, что математика в целом лучше всего отвлекает мое внимание от женщин, лучше, чем религиозные упражнения, которые я пробовал, когда был моложе (от двадцати двух до тридцати)". Однако в лучшем случае такие устройства действуют лишь временно.

Легче избежать возбуждения сексуальных импульсов, чем заглушить их гигиеническими мерами, когда они уже возбуждены. Поэтому именно в детстве и юности все эти меры могут быть наиболее разумно соблюдены, чтобы избежать любого преждевременного сексуального возбуждения. В одной группе абсолютно нормальных детей влияния, которые, как можно было бы ожидать, приведут к сексуальным действиям, проходят незамеченными. С другой стороны, другая группа детей настолько невротически и не по годам развито чувствительны, что никакие меры предосторожности не защитят их от подобного влияния. Но между этими группами есть другая, вероятно, гораздо более многочисленная, которая сопротивляется легким сексуальным внушениям, но может поддаваться более сильным или длительным воздействиям, и на них могут быть с пользой возложены заботы о сексуальной гигиене.^[102]

После наступления половой зрелости, когда спонтанный внутренний голос секса может в любой момент внезапно дать о себе знать, все гигиенические меры предосторожности могут быть отброшены в сторону, и даже юноше или девушке, наиболее стремящимся сохранить идеалы целомудрия, часто остается только ждать, пока буря утихнет. Иногда случается, что длительный период сексуальной бури и стресса наступает вскоре после наступления половой зрелости, а затем проходит, хотя сексуального удовлетворения было мало или вообще не было, и сменяется периодом сравнительного спокойствия. Следует помнить, что у многих и, возможно, большинства индивидуумов, мужчин и женщин, сексуальный аппетит, в отличие от голода или жажды, после длительной борьбы может быть снижен до более или менее спокойного состояния, которое не только не вредит, но даже может принести пользу физической и психической силе в целом. Это может произойти независимо от того, было получено сексуальное удовлетворение или нет. Если такого удовлетворения никогда не было, борьба менее сурова и быстрее заканчивается, если только индивид не обладает сильно эротическим темпераментом. Если было удовлетворение, если ум наполнен не просто желаниями, но и радостными переживаниями, к которым привыкло и тело, тогда борьба становится более длительной и всепоглощающей. Однако последующее облегчение, если оно наступает, иногда бывает более полным и, скорее всего, связано с состоянием психического здоровья. Ибо фундаментальные жизненные переживания в нормальных условиях приносят не только интеллектуальное здравомыслие, но и эмоциональное умиротворение. Покорение сексуальных appetитов, которое никогда и ни в какой период не включало в себя удовлетворение этих appetитов, редко приводит к результатам, которые оцениваются как богатые и красивые.

Однако в этих сражениях нет постоянных побед. Действительно, для очень большого числа людей, хотя и могут иметь место эмоциональные изменения и флуктуации, зависящие от различных обстоятельств, вряд ли можно сказать, что это вообще какое-либо завоевание. Они либо всегда поддаются импульсам, которые их одолевают, либо всегда сопротивляются этим импульсам, в первом случае с угрызениями совести, во втором - с неудовлетворенностью. В любом случае большая часть их жизни, в то время, когда она наиболее энергична, тратится впустую. Что касается женщин, то, если им посчастливилось проявить сильные страсти и безрассудные порывы к отказу, результаты могут быть весьма обессиливающими, если не катастрофическими для общей психической жизни. Действительно, именно этой причине некоторые склонны приписывать частую посредственность женской работы в художественной и интеллектуальной сферах. Женщины с сильным интеллектом часто, если не вообще, являются женщинами сильных страстей, и если они сопротивляются тенденции полностью посвятить себя материнским обязанностям, их жизнь часто растрачивается впустую в эмоциональных конфликтах, а их психическая природа обедняется.^[103]

Степень, в которой сексуальное воздержание и связанная с ним борьба могут затруднять и поглощать человека на протяжении всей жизни, хорошо проиллюстрирована следующим случаем. Энергичная, крепкая и в целом здоровая женщина, обладающая большим умом и высоким характером, достигла среднего возраста, не выходя замуж и никогда не вступая в сексуальные отношения. Она была единственным ребенком в семье, и когда ей исполнилось три-четыре года, товарищ по играм примерно на шесть лет старше приучил ее играть со своими половыми органами. Однако в этом возрасте она была совершенно лишена сексуальных чувств, и эта привычка исчезла естественным образом, без каких-либо вредных последствий, как только она покинула район этой девушки год или около того спустя. Ее здоровье было хорошим и даже блестящим, и она энергично развивалась в период полового созревания. Однако в возрасте шестнадцати лет психическое потрясение привело к уменьшению количества менструаций в течение нескольких лет, и одновременно с этим уменьшением впервые спонтанно возникло стойкое сексуальное возбуждение. Она считала такие чувства ненормальными и нездоровыми и прилагала все свои силы к самоконтролю, сопротивляясь им. Но сила воли никак не влияла на уменьшение этих чувств. Наблюдалось постоянное и властное возбуждение с ощущением вибрации, напряжения, давления, расширения и щекотания, сопровождавшееся, возможно, некоторой гиперемией яичников, поскольку она чувствовала, что с левой стороны имеется сеть половых нервов, и несколько лет спустя была обнаружена ретроверсия матки. Ее жизнь была насыщена множеством обязанностей, но ни одно занятие не могло быть осуществлено без этого скрытого течения сексуальной гиперестезии, требующего постоянного самоконтроля. Это продолжалось более или менее остро в течение многих лет, когда менструации внезапно полностью прекратились, намного раньше обычного климактерического периода. В то же время сексуальное возбуждение прекратилось, и она стала спокойной, умиротворенной и счастливой. Уменьшение менструации было связано с сексуальным возбуждением, но обильные менструации и их полное отсутствие сопровождались ослаблением возбуждения. Это продолжалось в течение двух лет. Затем, для лечения незначительной степени анемии, она была подвергнута длительному и, в ее случае, неразумному курсу подкожных инъекций стрихнии. С того времени, пять лет назад, и по настоящее время у нее было постоянное сексуальное возбуждение, и ей всегда приходилось быть настороже, чтобы ее не охватил сексуальный спазм. Ее пытки усугубляются тем фактом, что

ее традиции не позволяют ей (за исключением очень исключительных обстоятельств) упоминать причину своих страданий. "Женщина - инвалид", - пишет она. "Возможно, она никогда ни с кем не заговорит на подобную тему. Она должна пережить свою трагедию в одиночестве, улыбаясь как можно больше под тяжестью своего ужасного бремени". В довершение ко всем ее неприятностям, два года назад она почувствовала побуждение прибегнуть к мастурбации и с тех пор делала это примерно раз в месяц; это не только не приносит реального облегчения и оставляет раздражительность, бессонницу и темные круги под глазами, но и вызывает у нее угрызения совести, поскольку она считает мастурбацию совершенно ненормальной и противоестественной. Она пыталась извлечь пользу не только с помощью обычных методов физической гигиены, но и с помощью внушения, христианской науки и т.д., Но все напрасно. "Я могу сказать, - пишет она, - что самое страстное желание моего сердца - освободиться от этого рабства, чтобы я могла ослабить ужасное многолетнее напряжение сопротивления и быть счастливой по-своему. Если бы я страдал от этого недуга раз в месяц, раз в неделю, даже дважды в неделю, противостоять ему было бы детской забавой. Я бы презирал неестественные средства, какими бы умеренными они ни были. Но самоконтроль мстит за себя, и иногда мне кажется, что этого больше нельзя выносить".

Таким образом, хотя это огромная выгода для физического и психического развития, если проявление беспокоящих сексуальных эмоций может быть отложено до полового созревания или подросткового возраста, и хотя это очень большое преимущество - после того, как это проявление произошло, иметь возможность получить контроль над этими эмоциями, полностью подавить сексуальную природу было бы бесплодной, если не сказать более, опасной победой, не приносящей удовлетворения. "Если бы у меня было всего три недели счастья, - сказала одна женщина, - я бы не ссорилась с Судьбой, но иметь всю свою жизнь такой абсолютно пустой - это ужасно". Если такое бессмысленное самоограничение из вежливости можно назвать добродетелью, то это всего лишь отрицательная добродетель. Люди, достигающие этого в результате врожденно слабых сексуальных наклонностей, просто (как одинаково отмечали Гюрковечки, Фюрбрингер и Левенфельд) сделали из своей слабости достоинство. Многие другие, чьи инстинкты были менее слабыми, когда они презрительно обращали в бегство сексуальные желания в молодости, обнаружили, что в более позднем возрасте этот враг возвращается с десятикратной силой и, возможно, в неестественных формах.^[104]

Концепция "сексуального воздержания", как мы видим, является совершенно ложной и искусственной концепцией. Оно не только плохо согласуется с гигиеническими фактами данного случая, но даже не может вызвать какого-либо подлинно морального мотива, поскольку оно исключительно эгоцентрично. Это становится по-настоящему нравственным и по-настоящему вдохновляющим только тогда, когда мы трансформируем это в альтруистическую добродетель самопожертвования. Сделав это, мы видим, что элемент воздержания в нем перестает быть существенным: "Самопожертвование, - пишет автор вдумчивой книги о сексуальной жизни, - признается основой добродетели; самые благородные примеры самопожертвования - это те, которые продиктованы сексуальной привязанностью. Сочувствие - это секрет альтруизма; нигде сочувствие не является более реальным и полным, чем в любви. Мужество, как моральное, так и физическое, любовь к истине и чести, дух предприимчивости и восхищение моральными достоинствами - все это вдохновляется любовью, как ничем другим в

природе человека. Безбрачие само по себе отрицает это вдохновение или ограничивает его влияние, в зависимости от степени его отрицания сексуальной близости. Таким образом, преднамеренное принятие постоянного целибата подразумевает сужение эмоционального и морального опыта до степени, которая, с широкой научной точки зрения, неоправдана никакими благочестиво предполагаемыми преимуществами, вытекающими из него".^[105]

В нормальном естественном порядке все импульсы сосредоточены на удовлетворении потребностей, а не на их отрицании. Более того, в этом особом вопросе секса неизбежно, что потребности других, а не только потребности самого человека, должны определять действия. В особенности определяющим фактором являются потребности женщины; ибо эти потребности более разнообразны, сложны и неуловимы, и в своем внимании к их удовлетворению мужчина находит источник бесконечного эротического удовлетворения. Можно было бы подумать, что введение здесь альтруистического мотива - это всего лишь требование теоретической морали, настаивающей на том, что животный инстинкт должен быть жестко обуздан. Но, как мы снова и снова убеждались на протяжении долгого времени этих *Исследований*, это не так. Сам животный инстинкт предъявляет это требование. Это биологический закон, который действует во всем зоологическом мире и предполагает универсальность ухаживания. У человека она видоизменена только потому, что у него сексуальные потребности не сосредоточены полностью на размножении, а более или менее пронизывают всю жизнь.

Хотя с точки зрения общества, как и с точки зрения Природы, целью сексуального влечения является продолжение рода, и ничего сверх продолжения рода, это никоим образом не верно для индивида, главной целью которого должно быть гармоничное самореализация с должным уважением к другим, которого требует искусство жизни. Даже если бы сексуальные отношения не имели никакой связи с продолжением рода — как считают некоторые центральноавстралийские племена, — они все равно были бы оправданы и действительно являлись бы незаменимым подспорьем для наилучшего морального развития личности, поскольку только в таких интимных отношениях, как сексуальные, лучшие качества и склонности жизни проявляются в полной мере. Даже святые не могут отказаться от сексуальной стороны жизни. Лучшие и наиболее совершенные святые от Иеронима до Толстого - даже утонченный Франциск Ассизский — накопили в своем прошлом весь опыт, необходимый для полной реализации жизни, и если бы это было не так, они были бы менее святыми.

Элемент позитивной добродетели, таким образом, появляется только тогда, когда контроль сексуального влечения выходит за рамки жесткого и бесплодного воздержания и становится не просто преднамеренным отказом от того, что является злом в сексе, но и преднамеренным принятием того, что является добром. Только в этот момент такой контроль становится реальной частью великого искусства жить. Ибо искусство жить, как и любое другое искусство, несовместимо с жесткостью, оно заключается в создании постоянной гармонии между отказом и принятием, между отдачей и взятием.^[106]

Очевидно, что будущее в конечном счете принадлежит тем, кто постепенно внедряет более прочные традиции в структуру жизни. "Проблема сексуального воздержания" будет все больше и больше отходить на второй план. Остается великий незыблемый факт любви, великий незыблемый факт целомудрия. Они вечны. Между ними нет ничего, кроме гармонии. Развитие одного влечет за собой развитие другого.

Было необходимо серьезно отнестись к проблеме "сексуального воздержания", потому что у нас за плечами двухтысячелетние традиции, основанные на определенных идеалах сексуального права и сексуальной распущенности, а также длительные усилия по созданию практик, более или менее обусловленных этими идеалами. Мы не можем сразу убежать от этих традиций, даже когда сомневаемся в их достоверности для самих себя. Мы должны не только признать их существование, но и принять тот факт, что в течение некоторого времени они все еще должны в значительной степени контролировать мысли и даже в некоторой степени действия существующих сообществ.

Это, несомненно, прискорбно. Это предполагает внесение искусственности в реальный естественный порядок. Любовь реальна и позитивна; целомудрие реально и позитивно. Но сексуальное воздержание нереально и негативно, в строгом смысле, возможно, невозможно. Подспудные чувства всех тех, кто подчеркивал его важность, заключаются в том, что физиологический процесс может быть хорошим или плохим в зависимости от того, осуществляется он или нет при определенных произвольных внешних условиях, которые делают его законным или недозволенным. Акт полового акта под названием "брак" полезен; сам же акт под названием "недержание мочи" пагубен. Ни один физиологический процесс, а тем более любой духовный процесс, не может вынести такого ограничения. Это все равно что сказать, что еда становится хорошей или плохой, усваиваемой или неусваиваемой, в зависимости от того, произносится или не произносится молитва перед ее употреблением.

Это прискорбно, потому что, поскольку такая концепция по сути нереальна, элемент нереальности, таким образом, привносится в вопрос, представляющий серьезную озабоченность как для отдельного человека, так и для общества. Искусственные споры были введены там, где не существовало реальной необходимости в споре. Было проведено соревнование, отмеченное всей свирепостью, которая характерна для состязаний по поводу метафизических или псевдометафизических различий, не имеющих конкретной основы в реальном мире. Как и положено в подобных случаях, в конце концов, между спорящими сторонами не было никакой реальной разницы, потому что пункт, из-за которого они поссорились, был нереальным. По правде говоря, каждая сторона была права, и каждая сторона была неправа.

Мы видим, что необходимо сохранять равновесие. Абсолютная вседозволенность — это плохо; абсолютное воздержание — даже если некоторые по природе или обстоятельствам действительно призваны принять его - тоже плохо. Они оба одинаково далеки от благодатного равновесия Природы. И мы видим, что сила, которая естественным образом поддерживает даже это равновесие, заключается в биологическом факте, что акт сексуального единения является удовлетворением эротических потребностей не одного человека, а двух.

[92] Эта точка зрения была неоднозначным улучшением точки зрения, повсеместно распространенной, как показал Вестермарк, среди первобытных народов, что половой акт влечет за собой унижение достоинства женщины или принижение ее достоинства только в той мере, в какой она является собственностью другого человека, который действительно является потерпевшей стороной.

[93] Это скрытое противоречие было четко указано с религиозной стороны преподобным Х. Норткотом, *Христианство и проблемы секса*, стр. 53.

[94] Уже было необходимо кратко обсудить этот момент в "Сексуальном влечении у женщин", т. iii из этих *Исследований*.

[95] "Die Abstinencia Sexualis," *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, Nov., 1908.

[96] П. Жанет, "Болезнь скрупулезности", *Философское ревю*, май 1901г.

[97] С. Фрейд, *Сексуальная проблема*, март 1908 г. Как также указывает Адель Шрайбер (*Муттершутц*, январь 1907 г., стр. 30), недостаточно доказать, что воздержание не опасно; мы должны помнить, что духовная и физическая энергия, затрачиваемая на подавление этого могущественного инстинкта, часто превращает радостную и энергичную натуру в усталую и блеклую тень. Аналогичным образом, Хелен Штекер ("*Любовь и любовь женщин*", стр. 105) говорит: "Вопрос о том, вредно ли воздержание, по правде говоря, нелепый. Не нужно быть специалистом по нервным расстройствам, чтобы знать, как само собой разумеющееся, что жизнь в счастливой любви и браке - это здоровая жизнь, и ее полное отсутствие не может не привести к тяжелой психической депрессии, даже если не может быть продемонстрировано никаких прямых физиологических нарушений".

[98] Max Flesch, "Ehe, Hygiene und Sexuelle Moral," *Mutterschutz*, 1905, Heft 7.

[99] Смотрите Раздел о прикосновениях в четвертом томе этих *Исследований*.

[100] "У меня был двухлетний опыт тесного общения с траппистами, - писал доктор Баттерфилд из Натала (*Британский медицинский журнал*, 15 сентября 1906 г., стр. 668), - и как медработник, и как католик по вероисповеданию. Я изучал их и исследовал их жизнь, привычки и рацион питания, и, хотя я бы очень запоздал с принятием этого сам, поскольку это не подходит мне индивидуально, подавляющее большинство из них обладают абсолютно идеальным здоровьем и силой, редко болеют, способны к огромной работе, умственной и физической. Их жизнь очень проста и размеренна. Трудно было бы найти более здоровых мужчин и женщин с совершенным спокойствием характера — на последнее я делаю большой упор. Здоровье сияет в их глазах, выражении лица и действиях. Только во время болезни или длительных путешествий им разрешена любая крепкая пища — мясо, яйца и т.д. — или любой алкоголь".

[101] Фере, *Инстинктивный секс*, второе издание, стр. 332.

[102] Сельская жизнь, как мы видели при обсуждении ее связи с половым созреванием, является, с одной стороны, обратной стороной защиты от сексуального влияния. Но, с другой стороны, в той мере, в какой это включает тяжелую работу и простую жизнь в условиях, не возбуждающих нервную систему, это благоприятствует значительной задержке сексуальной активности в молодости и относительному воздержанию. Аммон в ходе своих антропологических исследований баденских призывников обнаружил, что половые сношения в стране были редкостью до двадцати лет, и даже сексуальные поллюции во время сна были редкостью до девятнадцати-двадцати лет. Говорят также, повторяет он, что никто не имеет права бегать за девочками, которые еще не носят оружия, и старшие мальчики иногда жестоко обращаются с любым младшим мальчиком, которого застукают гуляющим с девочкой. Без сомнения, это часто является предварительным этапом для получения лицензии позже.

[103] Численное преобладание, которое в настоящее время получили в американской школьной системе учителя-женщины, соблюдающие целибат, вызвало большие опасения у многих проницательных наблюдателей и, как говорят, неудовлетворительно сказывается на результатах обучения учеников обоих полов. Выдающийся авторитет, профессор Маккин Кэттелл ("Школа и семья", *Научно-популярный ежемесячник*, январь 1909 г.), ссылаясь на это преобладание "лишенных жизненных сил и несексуальных старых дев", заходит так далеко, что говорит, что "конечный результат того, что женщина, соблюдающая целибат, стала обычной учительницей, был таков, что возник вопрос, не принесет ли стране пользу, если всю школьную систему можно будет ликвидировать".

[104] Corre (*Les Criminels*, стр. 351) упоминает, что из тринадцати священников, осужденных за преступления, шестеро были виновны в сексуальных покушениях на детей, а из восьмидесяти трех осужденных учителей-мирян сорок восемь совершили аналогичные преступления. Это было в то время, когда учителя-миряне на практике были почти вынуждены вести безбрачный образ жизни; изменившиеся условия значительно уменьшили этот класс правонарушений среди них. Не доходя до преступления, многие нравственные и религиозные люди, священнослужители и другие, которые в молодости вели строгий образ жизни воздерживающихся, иногда испытывают в среднем возрасте или позже вспышку почти неконтролируемых сексуальных импульсов, нормальных или ненормальных. У женщин такие проявления склонны принимать форму навязчивых мыслей сексуального характера, как, например,, в случае (*Международный медицинский конгресс*, Москва, 1897, т. iv, стр. 27) о целомудренной женщине, которая была вынуждена думать о половых органах мужчин и смотреть на них.

[105] Дж. А. Годфри, *Наука о сексе*, стр. 138.

[106] См., например,, Хэвелок Эллис, "Св. Фрэнсис и другие", *Утверждения*.

ГЛАВА VII.

ПРОСТИТУЦИЯ.

Содержание

I. *Оргия*:—Религиозное происхождение оргии—Праздник дураков—Признание Оргии греками и римлянами—Оргия у дикарей—Драма—Объект, которому служит Оргия.

II. *Происхождение и развитие проституции*:—Определение проституции—Проституция среди дикарей—Условия, при которых возникает профессиональная проституция—Священная проституция—Обряд Милитты—Практика проституции для получения доли в браке—Рост светской проституции в Греции—Проституция на Востоке—Индия, Китай, Япония и т.д.—Проституция в Риме—Влияние христианства на проституцию—Усилия по борьбе с проституцией—Средневековый бордель—Появление куртизанки—Туллия Д'Арагона—Вероника Франко—Нинон де Ланкло—Позже Попытки искоренить проституцию — Регулирование проституции — Становятся общепризнанными.

III. *Причины проституции*:—Проституция как часть брачной системы—Сложная причинно—следственная связь проституции—Мотивы, выдвигаемые проститутками—(1) Экономический фактор проституции—Бедность редко бывает главным мотивом проституции—Но экономическое давление оказывает реальное влияние—Большая доля проститутток, набираемых из домашней прислуги—Значение этого факта—(2) Биологический фактор проституции—Так называемая прирожденная проститутка—Предполагаемая идентичность с прирожденной преступницей—Сексуальный инстинкт у проститутток—Физические и психические особенности проститутток—(3) Моральная необходимость как фактор существования проституции—Значение этого факта Моральные защитники проституции—Моральное отношение христианства к проституции—Отношение протестантизма—Недавние сторонники моральной необходимости проституции—(4) Цивилизационная ценность как фактор проституции—Влияние городской жизни—Тяга к возбуждению—Почему служанки так часто обращаются к проституции—Небольшую роль играет соблазнение—Проститутки в основном приезжают из деревни—Привлекательность цивилизации привлекает женщин к проституции—Соответствующее влечение испытывают мужчины—Проститутка как художник и лидер моды—Очарование вульгарности.

IV. *Современное общественное отношение к проституции*:—Упадок публичных домов—Тенденция к гуманизации проституции—Денежные аспекты проституции—Гейши—Гетеры—Моральный бунт против проституции—Убогий порок, основанный на роскошной добродетели—Обычное отношение к проституткам—Его жестокость абсурдна—Необходимость реформирования проституции—Необходимость реформирования брака —Эти Две потребности тесно взаимосвязаны—Задействованные динамичные отношения.

I. Оргия.

Традиционная мораль, религия и устоявшиеся условности в совокупности способствуют не только крайнему жесткому воздержанию, но и безрассудной распущенности. Они проповедуют и идеализируют одну крайность; они подталкивают тех, кто не может принять ее, к принятию противоположной крайности. В великие религиозные эпохи случалось даже, что строгость правила воздержания более или менее сознательно смягчалась разрешением случайных вспышек распущенности. Таким образом, мы имеем оргию, которая процветала в средневековье и, действительно, в самом широком смысле является универсальным проявлением, имеющим функцию, которую должна выполнять каждая упорядоченная и трудоемкая цивилизация, построенная на естественных энергиях, которые связаны более или менее неизбежными ограничениями.

Можно сказать, что рассмотрение оргии поднимает нас за пределы чисто сексуальной сферы в более высокую и широкую область, принадлежащую религии. Греческое *orgeia* первоначально относилось к ритуальным действиям, совершаемым с религиозной целью, хотя позже, когда вакхические танцы и тому подобное утратили свой священный и вдохновляющий характер, христианство поддержало идею о том, что такие вещи аморальны.^[107] Однако само христианство по своему происхождению было оргией высшей духовной деятельности, освобожденной от неподобающего рабства классической цивилизации, великим праздником бедных и смиренных, раба и грешника. И когда из-за необходимости упорядоченной социальной организации христианство перестало быть таковым, оно все еще признавало, как

это делало язычество, необходимость периодических оргий. Похоже, что в 743 году на Синоде, проходившем в Эно, упоминался февральский разврат (*de Spurcalibus in februario*) как языческая практика; однако именно этот языческий праздник был воплощен в принятых обычаях христианской церкви как главная оргия церковного года, великий карнавал, предшествующий долгому посту Великого поста. Празднование Масленицы и предыдущего воскресенья представляло собой христианский вакханальный праздник, в котором участвовали все классы. Поощрялась максимальная свобода и активность физических движений; "некоторые ходят обнаженными, не стыдясь, некоторые ползают на четвереньках, некоторые на ходулях, некоторые подражают животным".^[108] С течением времени Карнавал утратил свои наиболее ярко выраженные вакхические черты, но он по-прежнему сохраняет свой основной характер как разрешенное и временное ослабление напряжения обычных ограничений и условностей. Средневековый праздник дураков — новогоднее веселье, широко распространенное в XII веке, главным образом во Франции, — представлял собой выразительную картину христианской оргии в ее крайней форме, поскольку здесь самые священные церковные церемонии становились предметом фантастической пародии. Церковь, согласно высказыванию Ницше, как и все мудрые законодатели, признавала, что там, где необходимо культивировать великие импульсы и привычки, должны быть назначены промежуточные дни, в которые эти импульсы и привычки можно отвергнуть, и таким образом заново научиться голодать.^[109] Духовенство принимало ведущее участие в этих народных празднествах, ибо для людей того времени, как замечает Мерей, "храм предлагал полную гамму человеческих нот; они находили там наставление обо всех обязанностях, утешение во всех печалях, удовлетворение от всех радостей. Священные праздники средневекового христианства не были пережитком римских времен; они возникли в самом сердце христианского общества".^[110] Но, как признает Мера, все великие и энергичные народы Востока и Запада находили необходимым иногда поиграть со своими святынями.

У греков и римлян эта потребность видна повсюду, не только в их комедии и литературе в целом, но и в повседневной жизни. Как верно замечает Ницше (в его книге *"История трагедии"*), греки признавали все естественные импульсы, даже те, которые кажутся недостойными, и оберегали их от причинения вреда, обеспечивая каналы, по которым в особые дни и в ходе особых ритуалов избыток дикой энергии мог течь, не причиняя вреда. Плутарх, последний и наиболее влиятельный из греческих моралистов, хорошо говорит, выступая в защиту праздников (в своем эссе "О воспитании детей"), что "даже у луков и арф мы ослабляем струны, чтобы снова согнуть и намотать их". Сенека, возможно, самый влиятельный из римских, если не из европейских моралистов, даже рекомендовал время от времени употреблять алкоголь. "Иногда, - писал он в своем *"О спокойствии"*, - мы должны дойти даже до состояния опьянения, но не для того, чтобы утопиться, а для того, чтобы по уши погрузиться в вино. Ибо это смывает заботы и поднимает наш дух из самых низменных глубин. Изобретателя вина называют *Либералом*, потому что он освобождает душу от рабства забот, освобождает ее от рабства, оживляет и делает смелее для всех начинаний". Римляне были более суровым и серьезным народом, чем греки, но именно по этой причине они признавали необходимость время от времени расслаблять свои моральные устои, чтобы сохранить тонус, и поощряли проведение праздников, которые были отмечены гораздо большей заброшенностью, чем в Греции. Когда эти праздники начали терять свою моральную санкцию и приходил в упадок, начался упадок Рима.

Во всем мире, и не исключая самых примитивных дикарей — ибо даже жизнь дикарей построена на систематических ограничениях, которые иногда требуют ослабления, — принцип

оргии признан и принят. Так, Спенсер и Гиллен описывают^[111] Натагуру, или церемонию возгорания у племени варрамуंगा в Центральной Австралии, праздник, в котором принимают участие представители обоих полов, в котором нарушаются все обычные правила социальной жизни, своего рода Сатурналии, в которых, однако, нет сексуальной распушенности, ибо сексуальная распушенность есть, и вряд ли ее нужно проводить. сказано, что это не является существенной частью оргии, даже когда оргия облегчает бремя сексуальных ограничений. В совершенно другой части света, в Британской Колумбии, индейцы салиш, согласно Hill Tout,^[112] верили, что задолго до прихода белых их предки соблюдали субботу или церемонию седьмого дня танцев и молитв, собираясь на рассвете и танцуя до полудня. Суббота, или периодически повторяющаяся оргия — не день напряжения и принуждения, а праздник радости, отдых от всех обязанностей повседневной жизни — как мы знаем, составляла существенную часть многих упорядоченных древних цивилизаций, на которых была построена наша собственная;^[113] весьма вероятно, что стабильность этих древних цивилизаций была тесно связана с их признанием необходимости о субботней оргии. Такие фестивали, действительно, как отмечает Кроули, являются процессами очищения и придания сил, попыткой сбросить "старого человека" и облачиться в "нового человека", чтобы со свежей энергией вступить на путь повседневной жизни.^[114]

Оргия - это институт, который ни в коем случае не имеет значения только для прошлого. Напротив, высокое напряжение, жесткая рутина, серое однообразие современной жизни настойчиво требуют моментов органического облегчения, хотя точная форма, которую принимает это оргиастическое облегчение, обязательно должна меняться вместе с другими социальными изменениями. Как сказал Вильгельм фон Гумбольдт, "точно так же, как людям нужны страдания, чтобы стать сильными, им нужна радость, чтобы стать хорошими". Чарльз Вагнер, настаивающий совсем недавно (в своей *Женессе*) на той же потребности в радости в нашей современной жизни, сожалеет о том, что танцы в старой, свободной и естественной манере вышли из моды или стали вредными для здоровья. Танец действительно является самой фундаментальной и примитивной формой оргии и тем, что наиболее полно и полезно для здоровья выполняет свою цель. Ибо, хотя это, несомненно, как мы видим даже среди животных, процесс, посредством которого достигается сексуальное возбуждение,^[115] это ни в коем случае не обязательно фокусируется на сексуальном возбуждении, но само по себе может стать высвобождением накопленной энергии. Во всяком случае, именно по этой причине в прежние времена духовенство Испании, руководствуясь моральными соображениями, открыто поощряло национальную страсть к танцам. Среди культурных людей в наше время оргия имеет тенденцию принимать чисто мозговую форму, которая менее полезна, поскольку не приводит к гармоничной разрядке по двигательным каналам. Однако в этих сравнительно пассивных формах оргия имеет тенденцию становиться все более и более выраженной в условиях цивилизации. Знаменитое утверждение Аристотеля о функции трагедии как "очищения", по-видимому, является признанием благотворного воздействия оргии.^[116] Музыкальные драмы Вагнера мощно вызывают к этой потребности; театр, сейчас, как никогда, выполняет великую функцию того же рода, унаследованную от древних времен, когда он был упорядоченным выражением сексуального праздника.^[117] Театр, действительно, в настоящее время имеет тенденцию придавать большее значение и приближаться к более серьезным драматическим представлениям классических времен, перенося их на дневное время и на открытый воздух. Франция особенно проявила инициативу в проведении этих представлений, аналогичных

дионисийским празднествам древности и мистериям и морали средневековья. Движение началось несколько лет назад в Оранже. В 1907 году во Франции насчитывалось до тридцати театров под открытым небом ("Театры природы", "Театр дю Солей" и др.), в то время как именно в Марселе был построен первый официальный театр под открытым небом со времен классицизма.^[118] Аналогичным образом в Англии наблюдается значительный рост интереса населения к драматическим представлениям, и недавно учрежденные театрализованные представления, проводимые населением региона, отмечаемого в этом конкурсе, и в которых в нем принимают участие, являются фестивалями того же характера. В Англии, однако, в настоящее время по-настоящему популярными оргиастическими празднествами являются государственные праздники, с которыми могут быть связаны более редкие празднования, "Маффекинги" и т.д., Часто вызываемые сравнительно незначительными национальными событиями, но все же достаточные для пробуждения оргиастических эмоций, столь же подлинных, как в древности, хотя им и не хватает красоты и религиозного посвящения. Действительно, узко аскетичному человеку легко смотреть на подобные проявления с высокомерной улыбкой, но в глазах моралиста и философа эти оргиастические празднества выполняют спасительную и охранительную функцию. В любой век скучной и монотонной рутины — а любая цивилизация включает в себя такую рутину — многие естественные импульсы и функции имеют тенденцию подавляться, атрофироваться или извращаться. Они нуждаются в этих моментах радостного упражнения и самовыражения, моментах, в которые они, возможно, не обязательно достигнут своей полной активности, но в которых они, во всяком случае, смогут, как выражается Сайплз, отрешиться от своих великих возможностей.^[119]

II. Происхождение и развитие проституции.

Более утонченные формы оргии процветают в цивилизации, хотя из-за своего преимущественно интеллектуального характера они не являются самыми благотворными или наиболее эффективными. С другой стороны, более примитивные и мускулистые формы оргии имеют тенденцию под влиянием цивилизации подвергаться дискредитации и, насколько это возможно, вообще подавляться. Отчасти именно таким образом цивилизация поощряет проституцию. Ибо оргия в ее примитивных формах, которой запрещено проявлять себя открыто и достойно уважения, стремится во тьму и, вступая в союз с фундаментальным инстинктом, которому цивилизованное общество не предлагает полного законного удовлетворения, прочно укореняется в самом центре цивилизованной жизни и, таким образом, представляет собой проблему огромной трудности и важности.^[120]

Принято говорить, что проституция существовала всегда и везде. Это утверждение далеко от истины. Своего рода любительская проституция иногда встречается среди дикарей, но обычно хорошо развитая проституция обнаруживается только тогда, когда варварство полностью развито и уже приближается к стадии цивилизации. Она существует в систематической форме в каждой цивилизации.

Что такое проституция? Было много дискуссий относительно правильного определения проституции.^[121] Римлянин Ульпиан говорил, что проститутка - это та, кто открыто отдает свое

тело нескольким мужчинам без выбора, за деньги.^[122] Не все современные определения были настолько удовлетворительными. Иногда говорят, что проститутка - это женщина, которая отдается множеству мужчин. Однако, чтобы быть обоснованным, определение должно быть применимо к обоим полам одинаково, и мы, конечно, не должны стесняться называть мужчину, имевшего половые сношения со многими женщинами, проституткой. Идея продажности, намерение продавать благосклонность тела имеет важное значение для концепции проституции. Таким образом, Гийо определяет проститутку как "любое лицо, для которого сексуальные отношения подчинены выгоде".^[123] Однако недостаточно определять проститутку просто как женщину, которая продает свое тело. Это делают каждый день женщины, которые становятся женами, чтобы обзавестись домом и средствами к существованию, и все же, каким бы аморальным ни было такое поведение с любой высокой этической точки зрения, было бы неудобно и даже вводило бы в заблуждение называть это проституцией.^[124] Поэтому лучше определять проститутку как женщину, которая временно оказывает свои сексуальные услуги различным лицам. Таким образом, по данным Уортона *права-лексикон* проститутка-это "женщина, которая без разбора общаться с мужчинами по найму"; Бонгер говорится, что "эти женщины-проститутки, которые продают их органы для осуществления полового акта и сделать из этого профессию";^[125] Ричард снова утверждает, что "проститутка-это женщина, которая публично отдалась первому встречному в обмен на денежное вознаграждение".^[126] Поскольку, наконец, распространенность гомосексуализма привела к существованию проституток мужского пола, определение должно быть дано в форме независимо от пола, и поэтому мы можем сказать, что проститутка - это человек, который делает своей профессией удовлетворение похоти различных лиц противоположного или того же пола.

Важно, чтобы акт проституции обычно совершался с "различными лицами". Женщина, зарабатывающая себе на жизнь тем, что является любовницей мужчины, которому она верна, не является проституткой, хотя впоследствии она часто становится таковой и, возможно, была ею раньше. Точный момент, с которого женщина начинает заниматься проституцией, является вопросом, имеющим большое значение в странах, в которых проститутки подлежат регистрации. Так, не так давно в Берлине девушка, бывшая любовницей богатого кавалерийского офицера и получавшая от него поддержку, во время болезни офицера случайно встретила мужчину, которого знала раньше, и раз или два приглашала его к себе, получая от него денежные подарки. Это каким-то образом стало известно полиции, и она была арестована и приговорена к одному дню тюремного заключения как незарегистрированная проститутка. Однако после апелляции приговор был отменен. Лист в своем "*Страфрехте*" утверждает, что девушка, получающая весь или часть своего дохода от "постоянных отношений", не практикует нецеломудрие ради выгоды в смысле немецкого законодательства (*Законы Германии, Jahrgang 1, Heft 9, стр. 345*).

Не совсем просто объяснить происхождение систематизированной профессиональной проституции, с существованием которой мы знакомы в цивилизации. Любительский вид проституции, который иногда отмечался у первобытных народов, то есть тот факт, что мужчина может сделать женщине подарок, пытаясь убедить ее позволить ему вступить с ней в половую связь, на самом деле не является проституцией в нашем понимании. Настоящее в таком случае - это всего лишь часть своего рода ухаживания, ведущего к временным отношениям. Женщина более или менее сохраняет свое социальное положение и не вынуждена заниматься самопродажей, потому что отныне никакая другая карьера для нее невозможна. Когда Кук приехал в Новую Зеландию, его люди обнаружили, что женщины не были неприступными, "но

условия и способ заключения брака были такими же приличными, как и у нас в браке", и, "по их представлениям, соглашение было таким же невинным". Необходимо было согласие подружки женщины, и когда предварительные условия были улажены, также было необходимо обращаться с этой "Джюльеттой ночи" с "той же деликатностью, которая здесь требуется от жены на всю жизнь, и любовник, который позволил себе какие-либо вольности, которые были нарушены, несомненно, был разочарован".^[127] Говорят, что на некоторых меланезийских островах женщины иногда становились проститутками или из-за своего плохого поведения были вынуждены на время стать проститутками; однако их не особенно презирали, и когда они таким образом накапливали определенное количество собственности, они могли удачно выйти замуж, после чего было бы неуместно вспоминать об их прежней карьере.^[128]

Когда проституция впервые возникает среди первобытных народов, иногда случается так, что к ней практически не приковывается клеймо позора по той причине, что сообщество еще не привыкло придавать какое-либо особое значение наличию девственности. Шурц цитирует несколько интересных замечаний древнеарабского географа Аль-Бекри о славянах: "Женщины славян, выйдя замуж, остаются верны своим мужьям. Однако, если молодая девушка влюбляется в мужчину, она идет к нему и удовлетворяет свою страсть. И если мужчина женится и обнаруживает, что его жена девственница, он говорит ей: "Если бы ты чего-нибудь стоила, мужчины любили бы тебя, и ты бы выбрала того, кто лишил бы тебя девственности". А потом он прогоняет ее и отрекается от нее. Именно такое чувство у некоторых народов заставляет девушку гордиться подарками, которые она получила от своих любовников, и сохранять их в качестве приданого для своего замужества, зная, что таким образом ее ценность еще больше возрастет. Даже среди южных славян современной Европы, сохранивших большую часть примитивной сексуальной свободы, эта свобода, как заявляет Краусс, досконально изучивший манеры и обычаи этих народов, коренным образом отличается от порока, распущенности или нескромности."^[129]

Проституция имеет тенденцию возникать, как указывал Шурц, в любом обществе, в котором ранние браки затруднены, а внебрачные половые сношения социально не одобряются. "Продажные женщины повсюду появляются, как только свободное половое сношение молодых людей подавляется, при этом необычайно ранним бракам не препятствуют необходимые последствия".^[130] Подавление сексуальной близости вне брака - явление цивилизации, но само по себе оно ни в коем случае не является показателем общего уровня людей и, следовательно, может начать проявляться в ранний период. Но важно помнить, что примитивные и рудиментарные формы проституции, когда они возникают, носят лишь временный характер и часто — хотя и не всегда — не оказывают унижающего влияния на женщину в глазах общества, иногда даже повышая ее ценность как жены. Женщина, которая продает себя за деньги исключительно по профессиональным соображениям, без всякой мысли о любви или страсти, и которая в силу своей профессии принадлежит к классу париев, определенно и жестко исключенных из основной массы представителей своего пола, представляет собой явление, которое редко можно встретить, кроме как в развитой цивилизации. Совершенно неверно говорить о проститутках как о простом пережитке первобытных времен.

В целом, хотя у дикарей сексуальные отношения иногда свободны до брака, а также по случаю особых праздников, они редко бывают по-настоящему беспорядочными и еще реже продажными. Когда в наши дни дикие женщины продают себя или их продают мужья, обычно обнаруживается, что мы озабочены загрязнением европейской цивилизации.

Конкретных путей возникновения профессиональной проституции, без сомнения, много.^[131] Мы можем согласиться с общим принципом, изложенным Шурцем, который гласит, что всякий раз, когда свободному союзу молодых людей препятствуют в условиях, при которых ранние браки также затруднительны, непременно возникает проституция. Однако существуют различные способы, с помощью которых этот принцип может быть реализован. Что касается нашей западной цивилизации — то есть цивилизации, колыбель которой находится в бассейне Средиземного моря, — то, по-видимому, истоки проституции следует искать прежде всего в религиозном обычае, религии, великой хранительнице социальных традиций, сохраняющей в преобразованной форме примитивную свободу, которая уходила из общей социальной жизни.^[132] Типичным примером является описанный Геродотом в пятом веке до Рождества Христова в храме Милитты, вавилонской Венеры, куда каждая женщина раз в жизни должна была прийти и отдаться первому незнакомцу, который бросал ей на колени монету, в знак поклонения богине. От денег нельзя было отказаться, какой бы маленькой ни была их сумма, но они были переданы в качестве пожертвования храму, и женщина, последовав за мужчиной и таким образом совершив жертвоприношение Милитте, вернулась домой и с тех пор жила целомудренно.^[133] Очень похожие обычаи существовали в других частях Западной Азии, в Северной Африке, на Кипре и других островах Восточного Средиземноморья, а также в Греции, где в Храме Афродиты на форте в Коринфе находилось более тысячи иеродулов, посвященных служению богине, время от времени, как утверждает Страбон, теми, кто желал совершить благодарственное приношение за милости, удостоенный их. Пиндар упоминает гостеприимных молодых коринфянок-служанок, мысли которых часто обращаются к Урании Афродите^[134] в храме которой они воскуривали благовония; и Афиней упоминает важность, которая придавалась молитвам коринфских проституток при любом национальном бедствии.^[135]

Кажется, что здесь мы имеем дело не просто с религиозно охраняемым пережитком большей сексуальной свободы, существовавшей ранее,^[136] но со специализированным и ритуализированным развитием того примитивного культа воспроизводящих сил Природы, который включает веру в то, что вся естественная плодотворность связана с актами полового акта человека и поощряется ими, которые, таким образом, приобретают религиозное значение. На более поздней стадии акты полового акта, имеющие религиозное значение, становятся специализированными и локализуются в храмах, и благодаря рациональному изменению идей становится верным, что такие акты полового акта на службе богу или с лицами, посвященными служению богу, приносили пользу человеку, который их совершал, особенно женщине, обеспечивая ее фертильность. Среди первобытных народов обычно эта концепция воплощается главным образом в сезонных праздниках, но среди народов Западной Азии, которые перестали быть первобытными и среди которых традиционные жреческие и иератические влияния приобрели очень большое влияние, более ранний культ размножения, таким образом, представляется вероятным, естественным образом изменил свою форму, став привязанным к храмам.^[137]

Теория о том, что религиозная проституция возникла, как правило, из веры в то, что репродуктивная деятельность людей обладает таинственным и священным влиянием, способствующим плодородию Природы, в целом, по-видимому, была впервые изложена Маннхардтом в его книге *"Антике Вальда и фельдкульте"* (стр. 283 и далее.). Это поддержано доктором Ф. С. Крауссом (*"Beischlafausübung als Kulthandlung"*, *Антропологическая*, том. iii, стр. 20), который ссылается на важный факт, что во времена Баруха, в период, задолго до Геродота, священная проституция происходила под деревьями. Доктор Дж. Дж. Фрейзер более подробно

развил эту концепцию происхождения священной проституции в своей книге "*Адонис, Аттис, Осирис*". Таким образом, он подводит итог своему пространному обсуждению: "Мы можем заключить, что великой Богине-Матери, олицетворению всех репродуктивных энергий природы, поклонялись под разными именами, но с существенным сходством мифов и ритуалов многие народы Западной Азии; что с ней ассоциировался любовник, или, скорее, серия любовников, божественных, но смертных, с которыми она спаривалась год за годом, их общение считалось необходимым для размножения животных и растений, каждого в их нескольких видах; и далее, что сказочный союз божественной пары был имитирован и, так сказать, умножен на земле реальным, хотя и смертным. временный союз человеческих полов в святилище богини ради того, чтобы тем самым обеспечить плодородие земли и размножение людей и животных. С течением времени, по мере того как институт индивидуального брака становился все более популярным, а старый коммунизм все больше и больше дискредитировался, возрождение древней практики, даже для единственного случая в жизни женщины, становилось все более противным моральному чувству людей, и, соответственно, они прибегали к различным уловкам, чтобы на практике уклониться от обязательств, которые они все еще признавали в теории. ... Но хотя большинству женщин таким образом удавалось соблюдать форму религии, не жертвуя своей добродетелью, все же считалось необходимым для общего блага, чтобы определенное число из них выполняло старые обязанности старым способом. Они стали проститутками, пожизненно или на несколько лет, в одном из храмов: посвященные служению религии, они были наделены священным характером, и их призвание, далекое от того, чтобы считаться позорным, вероятно, долгое время рассматривалось мирянами как проявление более чем обычной добродетели, и вознаграждалось данью смешанного удивления, почтения и жалости, мало чем отличающейся от той, которую в некоторых частях мира до сих пор платят женщинам, которые стремятся почтить своего Создателя по-другому, отказываясь от естественных функций своего пола и самых нежных человеческих отношений ". Фрейзер, *Адонис, Аттис, Осирис*, 1907, стр. 23 и далее.).

Трудно удержаться от вывода, что эта теория представляет собой центральную и примитивную идею, которая привела к развитию священной проституции. Однако представляется столь же очевидным, что с течением времени, и особенно по мере развития храмовых культов и усиления влияния жрецов, эта фундаментальная и примитивная идея имела тенденцию видоизменяться и даже трансформироваться. Первобытная концепция стала специализироваться на вере в то, что религиозные блага, и особенно дар плодотворности, были получены *верующим*, который таким образом добивался благосклонности богини посредством нецеломудренного поступка, который, как можно было предположить, был приятен нецеломудренному божеству. Обряд Милитты, описанный Геродотом, был поздним развитием подобного рода в древней цивилизации, и искомая польза, очевидно, предназначалась для самой верующей. На это указал доктор Вестермарк, который отмечает, что слова, сказанные женщине ее партнером, когда он вручал ей монету — "Да будет благосклонна к тебе богиня!" — сами по себе указывают на то, что целью этого действия было обеспечить ее фертильность, и он ссылается также на тот факт, что незнакомцы часто имели полусверхъестественный характер, а их пособия носили особо действенный характер (Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей*, т. ii, стр. 446). Можно добавить, что обряд Милитты, таким образом, стал аналогом другого средиземноморского обряда, в котором акт имитации полового акта с представителем бога или его образом обеспечивал женщине фертильность. Это обряд, практикуемый египтянами Мендеса, в котором женщина проходила церемонию имитированного совокупления со

священным козлом, считавшимся представителем божества, подобного Пану (Геродот, Вк. ii, гл. XLVI; и см. Dulaure, *Des Divinités Génératrices*, гл. II; ср. vol. v из этих *Исследований*, "Эротический символизм", раздел IV). Этот обряд сохранялся римскими женщинами в связи со статуями Приапа гораздо позже, и святой Августин упоминает, как римские матроны сажали молодую невесту на эрегированный член Приапа (*De Civitate Dei*, Вк. iii, Гл. IX). Идея, очевидно, пронизывающая всю эту группу явлений, состоит в том, что божество, или представитель, или даже просто изображение божества, способно посредством реального или имитируемого акта общения передать верующему часть своей собственной возвышенной воспроизводящей активности.

В более поздний период в Коринфе проститутки все еще были жрицами Венеры, более или менее привязанными к ее храмам, и пока это было так, они пользовались значительной степенью уважения. Однако на данном этапе мы понимаем, что религиозная проституция развивала утилитарную сторону. Эти храмы процветали главным образом в прибрежных городах, на островах, в крупных городах, куда приезжало много чужаков и моряков. Кипрские жрицы воскуривали благовония на ее алтарях и зывали к ее священной помощи, но в то же время Пиндар обращается к ним как к "молодым девушкам, которые приветствуют всех незнакомцев и оказывают им гостеприимство". Наряду с религиозным значением акта зачатия уже начинали определенно осознаваться потребности людей, находящихся вдали от дома. Вавилонянка отправилась в храм Милитты, чтобы исполнить личный религиозный долг; коринфская жрица начала действовать как общепризнанная служительница сексуальных потребностей мужчин в чужих городах.

Обычай, отмеченный Геродотом в "Лидии", когда молодые девушки занимались проституцией, чтобы получить приданое, которым они могли распоряжаться по своему усмотрению (Вк. I, гл. 93) вполне могла развиться (как также считает Фрейзер) из религиозной проституции; мы действительно можем проследить ее эволюцию на Кипре, где в конечном итоге, в период посещения острова Юстинианом, деньги, которые незнакомцы давали женщинам, больше не клали на алтарь, а складывали в сундук, чтобы сформировать для них брачные припасы. Этот обычай встречается в Японии и различных других частях света, особенно среди алжирских оулд-нейлов,^[138] и не обязательно всегда основан на религиозной проституции; но, очевидно, он не может существовать, кроме как среди народов, которые не видят ничего особо унижительного в свободном половом акте с целью получения денег, так что обычай Милитты послужил для него естественной основой.^[139]

По мере развития более духовной концепции религии и по мере того, как рост цивилизации имел тенденцию лишать половые сношения их священного ореола, религиозная проституция в Греции постепенно отменялась, хотя на побережьях Малой Азии как религиозная проституция, так и проституция с целью получения доли в браке сохранялись до времен Константина, который положил конец этим древним обычаям.^[140] Суеверия были на стороне старой религиозной проституции; считалось, что женщины, которые никогда не приносили жертвы Афродите, были охвачены похотью, и согласно легенде, записанной Овидием — легенде, которая, по-видимому, указывает на определенный антагонизм между священной и светской проституцией — так было в случае с женщинами, которые впервые стали публичными проститутками. Упадок религиозной проституции, несомненно, в сочетании со страстными

желаниями, всегда порождаемыми ростом цивилизации, привел к первому учреждению, приписываемому согласно легенде Солону, публичного публичного дома, чисто светского заведения, преследующего чисто светскую цель: сохранение добродетели населения в целом и увеличение государственных доходов. С появлением этого института завершилась эволюция проституции и современной системы брака, частью которой она является. Афинский *диктерион* - это современный публичный дом; *диктериада* - современная проститутка, регулируемая государством. Впоследствии действительно возникли свободные *гетеры*, образованные женщины, не имевшие запаха *диктериона*, но они также не принимали официального участия в общественном богослужении.^[141] Первоначальное представление о святости полового акта во время богослужения было полностью утрачено.

Довольно типичный пример условий, существовавших среди дикарей, можно найти на острове Ротума в Южном море, где "проституция за деньги или подарки была совершенно неизвестна". Прелюбодеяние после вступления в брак также было неизвестно. Но существовала большая свобода в формировании сексуальных отношений до брака (J. Stanley Gardiner, *Журнал Антропологического института*, февраль 1898 г., стр. 409). Почти то же самое говорится о банту Ба мбола в Африке (указ. соч., июль-декабрь 1905 г., стр. 410).

Среди ранних кимри Уэльса, представляющих более развитую социальную стадию, проституция, по-видимому, не была абсолютно неизвестна, но публичная проституция наказывалась потерей ценных привилегий (Р. Б. Холт, "Брачные законы и обычаи кимри", *Журнал Антропологического института*, август-ноябрь 1898 г., стр. 161-163).

Проституция была практически неизвестна в Бирме и считалась постыдной до прихода англичан и примера современных индусов. Миссионеры непреднамеренно, но неизбежно способствовали росту проституции, осуждая свободные союзы (*Archives d'Anthropologie Criminelle*, ноябрь 1903 г., стр. 720). Англичане принесли проституцию в Индию. "В этом не было особой вины англичан, - сказал один брамин Жюлю Буа. - Это преступление вашей цивилизации. У нас никогда не было проститутток. Под этим ужасным словом я подразумеваю озверевших слуг грубого желания прохожего. У нас были и есть касты певцов и танцовщиц, которые сочетались браком с деревьями — да, с деревьями — посредством церемоний прикосновения, восходящих к ведическим временам; наши священники благословляют их и получают от них много денег. Они не отказывают в себе тем, кто их любит и угождает им. Короли сделали их богатыми. Они представляют все искусства; они - видимая красота вселенной" (Жюль Буа, *Видения Мира*, стр. 55).

Религиозные проститутки, можно добавить, "слуги бога", связаны с храмами Южной Индии и Декана. Они преданы своему священному призванию с самых ранних лет, и их главное занятие - танцевать перед изображением бога, за которого они замужем (хотя в Верхней Индии профессиональные танцовщицы выдаются замуж за неодушевленные предметы), но они также обучены возбуждать и утолять желания преданных, которые совершают паломничество к святилищу. Обряды обручения, с помощью которых в Индии посвящают проститутток, см., например, А. Van Gennep, *Rites de Passage*, стр. 142.

Во многих частях Западной Азии, где варварство достигло высокой стадии развития, проституция не была чем-то неизвестным, хотя обычно и не одобрялась. Евреи знали это, и исторические библейские упоминания о проститутках не предполагают особого осуждения. Иеффая был сыном проститутки, воспитывался с законнорожденными детьми, и история

Фамарь поучительна. Но правовые кодексы были чрезвычайно суровы к еврейским девушкам, ставшим проститутками (преступление было вполне терпимым для незнакомых женщин), в то время как еврейские моралисты выступали с нападками на проституцию; достаточно сослаться на хорошо известный отрывок из Книги Притчей (см. "Блудница" Чейна, в *Библейской энциклопедии*). Магомет также сурово осуждал проституцию, хотя несколько более терпимо относился к ней у рабынь; однако, по словам Халеби, проституция была практически неизвестна в исламе в первые века после правления Пророка.

Персидские приверженцы несколько аскетичного учения *Зендавесты* также знали проституцию и относились к ней с отвращением: "Это Гахи [куртизанка, воплощение женского демона Гахи], о Спитама Заратустра! который смешивает в себе семя верного и неверного, поклоняющегося Мазде и поклоняющегося Дэвам, нечестивого и праведного. Ее взгляд иссушает треть могучих потоков, сбегających с гор, о Заратустра; ее взгляд иссушает треть прекрасных, золотистых, растущих растений, о Заратустра; ее взгляд иссушает треть силы Spenta Armaiti [земли]; и ее прикосновение иссушает в верном одну треть его добрых мыслей, его добрых слов, его добрых дел, одну треть его силы, его победоносной мощи, его святости. Истинно говорю я тебе, о Спитама Заратустра! таких существ следует убивать даже чаще, чем скользких змей, чем воющих волков, чем волчицу, которая нападает на стадо, или чем лягушку, которая падает в воду со своим тысячекратным выводком" (*Зенд-Авеста*, "Вендидад", перевод Джеймса Дарместетера, Фарфад XVIII).

Однако на практике проституция прочно укоренилась на современном Востоке. Так, в татаро-туркменском регионе дома проституции, расположенные вне дорог, часто посещаемых христианами, были описаны писателем, который, по-видимому, хорошо информирован ("Восточная проституция", *Geschlecht und Gesellschaft*, 1907, Bd. ii, часть 1). Эти дома не считаются аморальными или запретными, но как места, в которых посетитель найдет женщину, которая подарит ему на несколько часов иллюзию пребывания в его собственном доме, с удовольствием наслаждаясь ее песнями, танцами, декламациями и, наконец, ее телом. Оплата производится у двери, и в дальнейшем вопроса о деньгах не возникает; отныне посетитель находится среди друзей, почти как в своей собственной семье. Он обращается с проституткой почти так, как если бы она была его женой, и не употребляет непристойностей или грубости в речи. "В восточном борделе нет непристойностей". В то же время здесь нет искусственного притворства невинности.

В Восточной Азии, среди народов монгольского происхождения, особенно в Китае, мы находим проституцию прочно укоренившейся и организованной на практической коммерческой основе. Проституция здесь принимается и рассматривается без серьезной неприязни, но к самой проститутке, тем не менее, относятся с презрением. Маленьких детей часто продают, чтобы они приучились к проституции, получили соответствующее образование и были изолированы от мира. Молодые вдовы (повторный брак не одобряется) часто также втягиваются в проституцию. Китайские проститутки часто кончают от опиума и разрушительного действия сифилиса (см., например, "*Китайцы*" Колтмана, 1900, гл. VII). Говорят, что в Древнем Китае проститутки были высшим классом и занимали положение, несколько похожее на положение *гетер* в Греции. Однако даже в современном Китае, где они очень многочисленны, а цветочные лодки, в которых они обычно живут в городах у моря, очень роскошны, к ним прибегают, по мнению некоторых авторов, главным образом для развлечения. Чанг Ки Тонг, военный атташе в Париже (цитируемый Плоссом и Бартельсом), описывает "Цветочную лодку" как нечто похожее не

столько на европейский бордель, сколько на кафе "*Шантан*"; молодой китаец приходит сюда послушать музыку, выпить чаю, приятно побеседовать с цветочницами, которые вовсе не обязательно призваны удовлетворять похоть своих посетителей.

В Японии удел проститутки не так низок, как в Китае. Большая утонченность японской цивилизации позволяет проститутке сохранять более высокую степень самоуважения. Иногда на нее смотрят с жалостью, но реже с презрением. Она может открыто общаться с мужчинами, в конечном итоге выйти замуж, даже за мужчин хорошего социального класса, и считаться респектабельной женщиной. "Прошлой зимой, когда я ехал из Токио в Иокогаму, - замечает Колтман (указ. соч., стр. 113), - я увидел компанию из четырех молодых людей и трех довольно симпатичных и ярко накрашенных проституток в одной машине, которые прекрасно проводили время. У них было две или три бутылки различных ликеров, апельсины и изысканные пирожные, и они ели, пили и пели, не говоря уже о том, что подшучивали друг над другом и резвились, как котята. Вы можете проехать всю Китайскую империю и никогда не стать свидетелем подобной сцены". Тем не менее, история японских проституток (которая была написана в интересной и содержательной книге, *Город без ночи*, английским студентом-социологом, который остается анонимным) показывает, что проституция в Японии не только строго регулировалась, но и на нее очень часто смотрели свысока, и что японским проституткам часто приходилось сильно страдать; одно время они были практически рабынями, и с ними часто обращались очень жестоко. Сейчас они свободны, и любое состояние, приближающееся к рабству, строго запрещено и охраняется. Однако может показаться, что лучшие дни японской проституции были несколько столетий назад. Вплоть до середины восемнадцатого века японские проститутки были весьма искусны в пении, танцах, музыке и т.д. Однако к этому периоду они, по-видимому, утратили уважение к обществу и перестали быть хорошо образованными. И все же даже сегодня, говорит Матиньон ("*Японская проституция*", *Архив криминологии*, октябрь 1906 г.), проституция в Японии менее позорна, чем в Европе, и в то же время в Японии меньше безнравственности, чем в Европе. Хотя проституция организована подобно почтовой или телеграфной службе, существует также много подпольной проституции. Кварталы проституции чистые, красивые и ухоженные, но японские проститутки во многом утратили свой врожденный хороший вкус в одежде, пытаясь подражать европейской моде. Именно тогда, когда проституция начала приходить в упадок два столетия назад, впервые появились гейши, которые были организованы таким образом, что они не должны, по возможности, конкурировать в качестве проституток с признанными и лицензированными жителями Есивары, как называется квартал, в котором содержатся проститутки. Гейши, конечно, не проститутки, хотя их добродетель не всегда может быть неприступной, а по социальному положению они соответствуют европейским актрисам.

В Корею, во всяком случае, до того, как Корея попала в руки японцев, казалось бы, не существовало различия между классом танцовщиц и проституток. "Среди куртизанок, - утверждает Ангус Гамильтон, - умственные способности тренируются и развиваются с целью сделать их блестящими и занимательными спутницами. Эти "солнечные листья" называются *гисаини* соответствуют гейшам Японии. Официально они прикреплены к правительственному департаменту и контролируются собственным бюро, как и придворные музыканты. Они поддерживаются из национальной казны и присутствуют на официальных обедах и всех дворцовых развлечениях. Они читают и декламируют; они танцуют и поют; они становятся опытными художниками и музыкантами. Они одеваются с исключительным вкусом; они двигаются с необычайной грацией; они изящны на вид, очень хрупки и очень человечны,

очень нежны, отзывчивы и обладают богатым воображением ". Но хотя они, безусловно, самые красивые женщины в Коре, вращаются в высшем обществе и могут стать наложницами императора, им не разрешается выходить замуж за мужчин из хорошего класса (Ангус Гамильтон, *Корея*, стр. 52).

Можно с полным правом сказать, что история европейской проституции, как и многих других современных институтов, начинается в Риме. Здесь уже с самого начала мы обнаруживаем то непоследовательно неоднозначное отношение к проституции, которое сохраняется и по сей день. В Греции все было во многих отношениях иначе. Греция была ближе ко временам религиозной проституции, а искренность и утонченность греческой цивилизации позволили проституткам лучшего сорта оказывать и часто быть достойными оказывать влияние во всех сферах жизни, которое она с тех пор никогда не могла оказывать, за исключением, возможно, эпизодических случаев, в гораздо меньшей степени, во Франции. Конечно, энергичный, практичный римлянин был вполне готов терпеть проститутку, но он не был готов довести эту терпимость до логических результатов; он никогда не чувствовал себя обязанным согласовывать противоречивые факты жизни. Цицерон, моралист незаурядного склада, хотя и не одобрял проституцию, все же не мог понять, как кто-то может желать запретить юношам вступать в сношения с проститутками, если такая строгость не согласуется со всеми обычаями прошлого или настоящего.^[142] Но высший класс римских проституток, *bonæ mulieres*, не занимал такого достойного положения, как греческие *гетеры*. Их влияние действительно было огромным, но оно ограничивалось, как и в случае с их современными европейскими преемниками, модой, обычаями и искусствами. В римлянинах всегда была определенная моральная жесткость, которая не позволяла ему далеко отступить в этом направлении. Он поощрял публичные дома, но входил в них только с покрытой головой и лицом, скрытым плащом. Точно так же, хотя он терпел проститутку, после определенного момента он резко урезал ее привилегии. Она не только была лишена всякого влияния в высших сферах жизни, но ей даже не разрешалось носить *витту* или *столу*; она действительно могла ходить почти обнаженной, если ей заблагорассудится, но она не должна была подражать эмблемам респектабельной римской матроны.^[143]

Приход христианства к политической власти привел в целом к меньшим изменениям в политике, чем можно было ожидать. Христианским правителям приходилось практически изо всех сил справляться с очень смешанным, беспокойным и полуязыческим миром. Ведущие отцы Церкви были склонны терпимо относиться к проституции во избежание большего зла, а христианские императоры, подобно своим языческим предшественникам, были готовы взимать налог с проституции. Право проституции на существование, однако, уже не признавалось так бесспорно, как в языческие времена, и время от времени какой-нибудь энергичный правитель пытался подавить проституцию суровыми законами. Младший Феодосий и Валентиниан определенно постановили, что больше не должно быть публичных домов и что любой, кто дает приют проститутке, должен быть наказан. Юстиниан подтвердил эту меру и приказал сослать всех сводников под страхом смерти. Эти постановления были совершенно напрасными. Но в течение тысячи лет они повторялись снова и снова в различных частях Европы, и неизменно с теми же бесплодными или хуже, чем бесплодными результатами. Теодорих, король вестготов, наказывал смертью тех, кто поощрял проституцию, а Рекаред, католический король того же народа, в шестом веке полностью запретил проституцию и приказал, чтобы проститутка, при обнаружении, получала триста ударов кнутом и изгонялась из города. Карл Великий, а также Гензрих в Карфагене, а позже Фридрих Барбаросса в Германии издали суровые законы против

проституции, которые не возымели никакого эффекта, ибо даже если они казались эффективными какое-то время, реакция была еще более резкой впоследствии.^[144]

Именно во Франции предпринимались наиболее настойчивые усилия по борьбе с проституцией. Наиболее заметными из всех были усилия короля и святого Людовика IX. В 1254 году Людовик Святой постановил, что проститутки следует полностью изгнать и лишить всех их денег и имущества, даже мантий. В 1256 году он повторил этот указ, а в 1269 году, перед отправлением в крестовый поход, он приказал уничтожить все места проституции. Повторение этих указов показывает, насколько неэффективными они были. Они даже усугубили ситуацию, поскольку проститутки были вынуждены смешиваться с населением в целом, и таким образом их влияние расширилось. Сент-Луис не смог покончить с проституцией даже в своем собственном лагере на Востоке, и она существовала за пределами его собственной палатки. Его законодательству, однако, часто подражали последующие правители Франции, вплоть до середины семнадцатого века, всегда с теми же неэффективными и худшими результатами. В 1560 году эдикт Карла IX отменил публичные дома, но количество проститутки, таким образом, скорее увеличилось, чем уменьшилось, в то время как многие новые виды публичных домов появлялись в неожиданных формах и были более опасны, чем более известные публичные дома, которые были подавлены.^[145] Несмотря на все эти законы или благодаря им, не было страны, в которой проституция играла бы более заметную роль.^[146]

В Мантуе отвращение к проституткам было настолько велико, что они были вынуждены покупать на рынках любые фрукты или хлеб, которые были испачканы одним прикосновением их рук. Так было и в Авиньоне в 1243 году. В Каталонии они не могли сидеть за одним столом с дамой или рыцарем или поцеловать любого благородного человека.^[147] Даже в Венеции, раю проституции, против нее были приняты многочисленные и суровые постановления, и прошло много времени, прежде чем венецианские правители смирились с ее терпимостью и регулированием.^[148]

Последней энергичной попыткой искоренить проституцию в Европе была попытка Марии Терезии в Вене в середине XVIII века. Несмотря на столь недавнюю дату, он может быть упомянут здесь, потому что он был похож на средневековый по своей концепции и методам. Его целью действительно было подавление не только проституции, но и блуда вообще, и применялись такие средства, как штрафы, тюремное заключение, порка кнутом и пытки. Предполагаемые причины блуда также подвергались суровому пресечению; короткие платья были запрещены; были проверены бильярдные и кафе; официанток не допускали, а при обнаружении официантки на нее могли надеть наручники и увести полицейские. Комиссия по соблюдению целомудрия, в рамках которой эти меры неукоснительно выполнялись, была, по-видимому, учреждена в 1751 году и была тихо упразднена императором Иосифом II в первые годы его правления. Было общее мнение, что это суровое законодательство действительно неэффективно и что оно вызывает гораздо более серьезные бедствия, чем излечивает.^[149] В любом случае несомненно, что в течение долгого прошлого нелегитимность была более распространена в Вене, чем в любой другой крупной европейской столице.

Однако отношение к проституткам всегда было неоднозначным и непоследовательным в разных местах или в разное время, или даже в одно и то же время и в одном и том же месте. Дюфур метко сравнил их положение со средневековыми евреями; они постоянно подвергались преследованиям, церковным, гражданским и социальным, однако все классы были рады

прибегнуть к ним, и обойтись без них было невозможно. В некоторых странах, включая Англию в четырнадцатом веке, проституткам был навязан специальный костюм как знак позора.^[150] Однако во многих отношениях никакой позорности, связанной с проституцией, нет. Высокопоставленные чиновники могли требовать оплаты своих расходов, понесенных при посещении проституток во время поездок по государственным делам. Проституция иногда играла официальную роль на празднествах и приемах, устраиваемых крупными городами для королевских гостей, и бордель мог составлять важную часть городского гостеприимства. Когда император Сигизмунд прибыл в Ульм в 1434 году, улицы были освещены в те моменты, когда он или его свита желали посетить обычный публичный дом. Публичные дома, находящиеся под защитой муниципалитета, были обнаружены в XIII веке в Аугсбурге, Вене, Гамбурге.^[151] Во Франции самыми известными *аббатствами* проституток были Тулуза и Монпелье.^[152] Дюркгейм придерживается мнения, что в раннем средневековье, до этого периода, свободная любовь и брак отличались менее строго. Он считает, что именно подъем среднего класса, стремящегося защитить своих жен и дочерей, привел к регулируемой и публично признанной попытке направить разврат в отдельное русло, взятое под контроль.^[153] Эти публичные дома представляли собой своего рода государственную службу, их директора считались почти государственными чиновниками, обязанными содержать определенное количество проституток, взимать плату по фиксированному тарифу и не принимать в свои дома девушек, принадлежащих к соседству. Учреждения такого рода просуществовали три столетия. Отчасти, возможно, это послужило толчком для нового протестантского движения, но главным образом ужасные разрушения, вызванные заносом сифилиса из Америки в конце пятнадцатого века, который, как указывали Буркхардт и другие, привел к упадку средневековых публичных домов.^[154]

Превосходная современная проститутка, "куртизанка", не имевшая никакого отношения к борделю, по-видимому, была порождением эпохи Возрождения и появилась в Италии в конце пятнадцатого века. "Куртизанка" или "кортегиана" означало даму, следующую за придворными, и в это время этот термин начали применять к проституткам высшего сорта, соблюдающим определенную степень приличия и сдержанности.^[155] При папском дворе Александра Борджиа куртизанка процветала, даже когда ее поведение было не совсем достойным. Бурхард, верный и безупречный летописец этого двора, описывает в своем дневнике, как однажды вечером, в октябре 1501 года, папа послал за пятьюдесятью куртизанками, чтобы те привели их в его покои; после ужина, в присутствии Цезаря Борджиа и его юной сестры Лукреции, они танцевали со слугами и другими присутствующими, сначала одетые, а затем обнаженные. Затем подсвечники с зажженными свечами ставили на пол и бросали между ними каштаны, которые женщины собирали, ползая между подсвечниками на руках и ногах. Наконец, был выдвинут ряд призов, которые должны были быть вручены тем мужчинам, которые "не знают, что такое свобода воли и что такое карналитер", причем победитель в состязании определялся по мнению зрителей.^[156] Эта сцена, публично разыгранная в апостольском дворце и безмятежно изложенная беспристрастным секретарем, является одновременно примечательным эпизодом в истории современной проституции и одной из самых ярких иллюстраций язычества эпохи Возрождения, которыми мы располагаем.

До того, как термин "куртизанка" вошел в обиход, проституток даже в Италии обычно называли "грешницами", *peccatrice*. Это изменение, отмечает Граф в очень интересном исследовании ренессансной проститутки ("*Una Cortigiana fra Mille*", *Attraverso il Cinquecento*, стр. 217-351), "обнаруживает глубокое изменение в идеях и в жизни"; термин, предполагавший бесчестие,

уступил место термину, предполагавшему одобрение и даже почет, поскольку дворы эпохи Возрождения представляли собой лучшую культуру того времени. Лучшие из этих куртизанок, по-видимому, были не совсем недостойны оказанной им чести. Мы можем обнаружить это в их письмах. В книге Лотара Шмидта "*Фрауэнбрайф дер Ренессанс*" есть глава о письмах проституток эпохи Возрождения, особенно Камиллы де Пизы, которые отмечены неподдельной страстью. Знаменитая Империя, названная папой римским в начале шестнадцатого века "*nobilissimum Romæ scortum*", знала латынь и умела писать итальянские стихи. Другие куртизанки знали итальянскую и латинскую поэзию наизусть, в то время как они были искусны в музыке, танцах и речи. Нам вспоминается Древняя Греция, и Граф, обсуждая, насколько куртизанки эпохи Возрождения походили на гетер, находит очень значительное сходство, особенно в культуре и влиянии, хотя и с некоторыми различиями из-за антагонизма между религией и проституцией в более поздний период.

Самой выдающейся фигурой во всех отношениях среди куртизанок того времени, безусловно, была Туллия Д'Арагона. Вероятно, она была дочерью кардинала Д'Арагона (незаконнорожденного отпрыска испанской королевской семьи) от феррарезской куртизанки, которая стала его любовницей. Туллия завоевала высокую репутацию своими стихами. Ее лучший сонет адресован двадцатилетнему юноше, которого она страстно любила, но который не ответил ей взаимностью. Ее перевод с испанского "*Геррино Мешино*" - очень чистое и целомудренное произведение. Она была женщиной сутонченными инстинктами и стремлениями, и, по крайней мере, однажды она отказалась от проституции. Она пользовалась большим уважением. Когда в 1546 году Козимо, герцог Флоренции, приказал всем проституткам носить желтую вуаль или носовой платок в качестве общественного знака их профессии, Туллия обратилась к герцогине, испанской даме с высокой репутацией, и получила разрешение отказаться от этого знака из-за ее "рара науки поэзии и философии". Она посвятила свой роман герцогине. Туллия Д'Арагона была очень красива, с желтыми волосами и удивительно большими и яркими глазами, которые завораживали всех, кто оказывался рядом с ней. Она обладала гордой осанкой и внушала необычайное уважение (G. Biagi, "*Un'Etera Romana*", *Новая антология*, vol. iv, 1886, pp. 655-711; S. Bongi, *Rivista critica della Letteratura Italiana*, 1886, IV, p. 186).

Туллия Д'Арагона явно не была куртизанкой в душе. Возможно, наиболее типичным примером куртизанки эпохи Возрождения в ее лучших проявлениях является Вероника Франко, родившаяся в 1546 году в Венеции, из семьи среднего класса и в молодости вышедшая замуж за врача. О ней также говорили, что, хотя по профессии она была проституткой, по склонности она была поэтессой. Но, похоже, она была вполне довольна своей профессией и никогда не стыдилась ее. Ее жизнь и характер были изучены Артуро Графом, а подробнее - в небольшой книге Тассини. Она была высококультурной личностью и знала несколько языков; она также хорошо пела и играла на многих инструментах. В одном из своих писем она советует юноше, который был безумно влюблен в нее, что, если он хочет добиться ее расположения, он должен перестать приставать к ней и спокойно посвятить себя учебе. "Ты хорошо знаешь, - добавляет она, - что все те, кто утверждает, что способен завоевать мою любовь, и кто мне чрезвычайно дорог, усердны в прилежной дисциплине. ... Если бы мое состояние позволяло, я бы спокойно проводил все свое время в академиях добродетельных людей". Античные Диотимы и Аспазии, как замечает Граф, не требовали бы так много от своих возлюбленных. В ее стихах можно проследить некоторые из ее любовных историй, и она часто показывает, что ее разрывает ревность при мысли о том, что, возможно, другая женщина может приблизиться к ее

возлюбленному. Однажды она влюбилась в священнослужителя, возможно, епископа, с которым у нее не было никаких отношений, и после долгого отсутствия, которое исцелило ее любовь, они с ним стали искренними друзьями. Однажды ее посетил Генрих III Французский, который забрал ее портрет, в то время как она, со своей стороны, пообещала посвятить ему книгу; она настолько выполнила это, что адресовала ему несколько сонетов и письмо; "Король не стыдился своей близости с куртизанкой, - замечает Граф, - и она не подозревала, что он будет стыдиться этого". Когда Монтень проезжал через Венецию, она послала ему свою маленькую книжечку, как мы узнаем из его *дневника*, хотя они, похоже, не встречались. Тинторет был одним из ее многочисленных выдающихся друзей, и она была ярким сторонником высоких качеств современного искусства по сравнению с древним. Ее дружба была нежной, и, кажется, среди ее подруг даже были разные знатные дамы. Однако она была настолько далека от того, чтобы стыдиться своей профессии куртизанки, что в одном из своих стихотворений утверждает, что Аполлон научил ее другим искусствам, помимо тех, которым, как обычно считается, он обучает:

"Cosi dolce e gustevole divento,
Quando mi trovo con persona in letto
Da cui amata e gradita mi sento."

В определенном *каталоге* цен венецианских куртизанок Веронике за ее услуги назначено всего 2 скудо, в то время как куртизанке, которой посвящен каталог, назначено 25 скудо. Граф считает, что здесь может быть какая-то ошибка или злой умысел, и итальянский джентльмен того времени заявляет, что она требовала не менее 50 скудо от тех, кому она была готова предоставить то, что Монтень назвал "началом переговоров".

В связи с этим вопросом можно упомянуть, что, как утверждает Банделло, у венецианской проститутки был обычай иметь в любовниках одновременно шесть или семь джентльменов. Каждый имел право прийти поужинать и переспать с ней одну ночь в неделю, оставляя ее дни свободными. Они платили ей столько-то в месяц, но она всегда определенно оставляла за собой право принять незнакомца, проезжающего через Венецию, если пожелает, изменив время встречи со своим возлюбленным на ночь. Высокие и особые цены, которые мы находим зафиксированными, - это, конечно, те, которые требуются от случайного знатного незнакомца, приехавшего в Венецию, как когда-то в шестнадцатом веке приезжал Монтень.

В 1580 году (когда ей было не более тридцати четырех) Вероника призналась Святой канцелярии, что у нее было шестеро детей. В том же году она задумала основать дом, который не должен был быть монастырем, где проститутки, пожелавшие отказаться от своего образа жизни, могли бы найти убежище со своими детьми, если бы они у них были. Похоже, это привело к созданию Каса дель Соккорсо. В 1591 году она умерла от лихорадки, примирившись с Богом и благословленная многими несчастными. У нее было доброе сердце и здравый ум, и она была последней из великих куртизанок эпохи Возрождения, возродивших греческий гетеризм (Graf, *Attraverso il Cinquecento*, стр. 217-351). Однако, как мы увидим, даже в Венеции шестнадцатого века Вероника Франко, похоже, не была полностью спокойна в карьере куртизанки. Она явно не была приспособлена для обычного брака, и все же при самых благоприятных условиях, которые когда-либо предлагал современный мир, все еще можно

сомневаться в том, что карьера проститутки может принести полное удовлетворение женщине с большим сердцем и умом.

Нинон де Ланкло, которую часто называют "последней из великих куртизанок", может показаться исключением из общего правила, согласно которому женщина с добрым сердцем, высоким характером и тонким интеллектом неспособна найти удовлетворение в жизни проститутки. Но это совершенно неправильное представление как о темпераменте Нинон де Ланкло, так и о ее карьере - считать ее в каком-либо истинном смысле проституткой вообще. Знание даже самых общих черт ее жизни должно было бы предотвратить подобную ошибку. Родившаяся в начале семнадцатого века, она происходила из хорошей семьи с обеих сторон; ее мать была женщиной сурового образа жизни, но отец, дворянин из Турени, вдохновил ее своей собственной эпикурейской философией, а также любовью к музыке. Она была чрезвычайно хорошо образована. В возрасте шестнадцати или семнадцати лет у нее появился свой первый возлюбленный, благородный и доблестный Гаспар де Колиньи; за ним в течение полувека следовала длинная череда других любовников, иногда более одного за раз; три года были самым долгим периодом, в течение которого она была верна одному возлюбленному. Ее увлечение длилось так долго, что, как говорят, среди ее любовников были три поколения Севинье. Талеман де Рео позволяет нам детально изучить ее *связи*.

Однако не обилие любовников делает женщину проституткой, а характер ее отношений с ними. Сент-Бев в замечательном исследовании Нинон де Ланкло (*Causeries du Lundi*, vol. iv), кажется, причисляет ее к куртизанкам. Но ни одна женщина не является проституткой, если она не использует мужчин как источник денежной выгоды. Мало того, что нет никаких доказательств того, что так было с Нинон, но все доказательства исключают подобную связь. "Требовалось большое мастерство, - сказал Вольтер, - и большая любовь с ее стороны, чтобы заставить ее принимать подарки". Таллеман, действительно, говорит, что она иногда брала деньги у своих любовников, но это утверждение, вероятно, не включает в себя ничего сверх того, что содержится в замечании Вольтера, и, в любом случае, сплетни Таллемана, хотя обычно они были хорошо информированы, не всегда были достоверными. Все согласны с ее крайней бескорыстностью.

Когда мы слышим именно о Нинон де Ланкло в связи с деньгами, речь идет не о получении подарка, а только о погашении долга старому любовнику или возвращении крупной суммы, оставленной ей на хранение после изгнания владельца. Подобные инциденты далеки от того, чтобы свидетельствовать о профессиональной проститутке любого возраста; скорее, это отношения, которые могут существовать между друзьями-мужчинами. Характер Нинон де Ланкло был во многих отношениях далек от совершенства, но она сочетала в себе многие мужские добродетели, и особенно честность, с темпераментом, который в целом, безусловно, был женским; она ненавидела лицемерие и никогда не руководствовалась денежными соображениями. Более того, она никогда не была безрассудной, но всегда сохраняла определенную сдержанность и воздержанность, даже в еде и питье, и, как нам сказали, она никогда не пила вина. Как заметил Сент-Бев, она была первой, кто понял, что у мужчин и у женщин должны быть одни и те же добродетели и что абсурдно сводить все женские добродетели к одной. "Наш пол был отягощен всеми этими легкомыслиями, - писала она, - и мужчины приберегли для себя основные качества: я сделала себя мужчиной". Иногда она переодевалась мужчиной во время верховой езды (см., например, *Подлинную переписку* Нинон де Ланкло с хорошим вступительным словом Эмиля Коломби). Сознательно или нет, она

олицетворяла новую женскую идею в период, когда — как мы можем видеть во многих забытых романах, написанных женщинами того времени, — идеи начинали зарождаться в женской сфере. Она была первой и, несомненно, с какой-то точки зрения, самой яркой представительницей небольшой и выдающейся группы француженок, среди которых Жорж Санд является самой яркой личностью.

Таким образом, бесполезно пытаться приукрасить историю проституции именем Нинон де Ланкло. Распутная старая проститутка никогда бы не смогла, подобно Нинон в конце своей долгой жизни, сохранить или завоевать любовь и уважение многих лучших мужчин и женщин своего времени; даже суровому Сен-Симону казалось, что при ее маленьком дворе царит благопристойность, недостижимая для величайших принцесс. Она была не проституткой, а женщиной с уникальной индивидуальностью и небольшой долей гениальности. Возможно, нам не стоит сильно сожалеть о том, что она была неподражаемой. В ее преклонном возрасте, в 1699 году, ее старый друг и бывший любовник Сент-Эвремон написал ей, лишь немного преувеличив, что мало принцесс и мало святых, которые не покинули бы свои дворы и монастыри, чтобы поменяться с ней местами. "Если бы я заранее знала, какой будет моя жизнь, я бы повесилась", - был ее часто цитируемый ответ. Это, действительно, одинокая фраза, которая проскальзывает, возможно, как выражение сиюминутного настроения; кто-то может придавать ей слишком большое значение. Более характерным является прекрасное высказывание, в котором ее эпикурейская философия, кажется, перекликается с Ницше: "Радость жизни в марке силы".

Откровенное признание проституции духовной или даже светской властью со времен Возрождения становится все более и более исключительным. Противоположная крайность - попытки искоренить проституцию - также на практике была полностью отброшена. Действительно, время от времени предпринимались попытки покончить с проституцией сильной рукой даже в совершенно новое время. Однако теперь стало ясно, что в таком случае лекарство хуже болезни.

В 1860 году мэр Портсмута счел своим долгом попытаться подавить проституцию. "В начале его пребывания на посту мэра, - по словам свидетеля в Специальном комитете по законам о заразных болезнях (стр. 393), - был издан приказ о том, что с каждым владельцем пивной и лицензированным поставщиком продуктов питания в районе, который, как известно, приютил этих женщин, будут разбираться и, вероятно, лишат лицензии. В определенный день около трехсот или четырехсот этих несчастных изгоев были скопом выведены на улицы, и они образовали большую группу, на многих из них были только сорочки и нижние юбки, и с большим количеством пьяных мужчин и мальчиков с дудками и скрипками они несколько дней шествовали по улицам парадом. Они всем скопом направились в рабочий дом, но по многим причинам им было отказано во входе. ... Эти женщины бродили два или три дня без крова, и было сочтено, что лекарство гораздо хуже болезни, и женщинам разрешили вернуться на свои прежние места".

Аналогичные эксперименты проводились еще совсем недавно в Америке. "В Питтсбурге, штат Пенсильвания, в 1891 году дома проституток были закрыты, их обитательниц выгнали на улицы, и местные жители отказали им в жилье и даже еде. Волна народного протеста по всей стране против надругательства над человечеством вызвала реакцию, которая привела к последнему состоянию, ни в коей мере не лучшему, чем первое". В том же году аналогичный инцидент

произошел в Нью-Йорке с такими же печальными результатами (Исидор Дайер, "Муниципальный контроль проституции в Соединенных Штатах", доклад, представленный Брюссельской международной конференции в 1899 году).

Вместо этого возникла тенденция регулировать проституцию, придавать ей полуофициальную терпимость, что позволяло властям осуществлять контроль над ней и, насколько это возможно, ограждать от этого зла с помощью медицинских и полицейских проверок. Новая система публичных домов отличалась от древних средневековых домов проституции в важных отношениях; она включала в себя рутинный медицинский осмотр и была направлена на подавление любого соперничества со стороны нелегализованных проституток на улице. Бернард Мандевиль, автор *Басни о пчелах* и проницательный мыслитель, был пионером в отстаивании этой системы. В 1724 году в своей *скромной защите публичных рагуон* утверждает, что "поощрение публичного блуда не только предотвратит большинство пагубных последствий этого порока, но даже уменьшит количество блуда в целом и сведет его к самым узким границам, в которых оно только возможно". Он предложил препятствовать частной проституции, предоставив публичным домам особые привилегии и иммунитеты Актом парламента. Его план предусматривал возведение ста публичных домов в особом квартале города, чтобы содержать две тысячи проституток и сто матрон, обладающих способностями и опытом работы с врачами и хирургами, а также уполномоченных по надзору за всем этим. Мандевиль считали просто циником или того хуже, а его план игнорировали или относились к нему с презрением. Гению Наполеона восемьдесят лет спустя было предоставлено установить систему "мезонов терпимости", которая оказала столь большое влияние на современную европейскую практику в течение значительной части прошлого столетия и даже до сих пор в своих многочисленных пережитках является предметом самых разных мнений.

Однако в целом следует сказать, что система регистрации, освидетельствования и легализации проституток в настоящее время принадлежит прошлому. По этому вопросу велось много великих битв; наиболее важной является та, которая в течение многих лет бушевала в Англии из-за Законов о заразных болезнях, и она отражена в 600 страницах отчета Специального комитета по этим законам, опубликованного в 1882 году. Большинство членов Комитета положительно отнеслись к Актам, которые, несмотря на это, были отменены в 1886 году, и с тех пор в Англии не предпринималось серьезных попыток ввести их снова.

В настоящее время, хотя старая система все еще существует во многих странах с инертной флегматичностью устоявшихся институтов, она больше не пользуется всеобщим одобрением. Как справедливо заявили Поль и Виктор Маргерит в ходе тщательного изучения феномена регулируемой государством проституции в Париже, система "изначально варварская и к тому же почти неэффективная". Эксперт с каждым днем все яснее демонстрирует его неэффективность, в то время как психолог и социолог все больше убеждаются в том, что это варварство.

Действительно, ни в коем случае нельзя сказать, что было достигнуто какое-либо единодушие. Очевидно, что так срочно необходимо бороться с потоком болезней и несчастий, которые происходят непосредственно от распространения сифилиса и гонореи и косвенно от проституции, которая является главным распространителем этих болезней, что мы не можем удивляться, что многие с готовностью хватаются за любую систему, которая, кажется, обещает смягчение последствий зла. Однако в настоящее время именно те, кто лучше всех знаком с

функционированием системы контроля, наиболее четко осознали, что предполагаемое смягчение по большей части иллюзорно,^[157] и в любом случае достигается ценой искусственного создания других зол. Во Франции, где система регистрации и контроля за проститутками существует уже более века,^[158] и где, следовательно, ее преимущества, если таковые имеются, должны быть четко осознаны, она встречает почти страстное противодействие со стороны способных мужчин, принадлежащих ко всем слоям общества. В Германии оппозицию упорядоченному контролю долгое время возглавляли хорошо оснащенные эксперты во главе с Блашко из Берлина. К точно таким же выводам приходят в Америке. Готтейл из Нью-Йорка считает, что муниципальный контроль за проституцией "не является ни успешным, ни желательным". Хайдингсфельд приходит к выводу, что действующая в Цинциннати система регулирования и контроля принесла мало пользы и много вреда; при этой системе среди частных пациентов в его собственной клинике увеличилась доля случаев как сифилиса, так и гонореи; "подавление проституток невозможно, а контроль неосуществим".^[159]

Именно в Германии попытки регулировать проституцию по-прежнему остаются наиболее настойчивыми, и результаты, которые в самой Германии считаются неудачными. Таким образом, немецкое законодательство налагает наказание на домовладельцев, которые допускают незаконные половые сношения в своих домах. Это предназначено для того, чтобы ударить по нелегальной проститутке, но на самом деле поощряет проституцию, поскольку порядочный юноша и девушка, которые решают завязать отношения, которые позже могут перерасти в брак, и которые не являются незаконными (поскольку внебрачные половые сношения как *таковые* не являются в Германии уголовно наказуемым деянием, поскольку по устаревшим законам нескольких американских штатов это является уголовно наказуемым преступлением), подвергаются таким большим неприятностям и раздражению со стороны подозрительной полиции, что девушке гораздо легче стать проституткой и отдать себя под защиту полиции. Закон был в значительной степени направлен против тех, кто живет на доходы от проституции. Но на практике все получается по-другому. Проститутка просто вынуждена платить непомерно высокую арендную плату, чтобы ее домовладелец действительно жил плодами своего ремесла, в то время как она должна вести свой бизнес с повышенной активностью и в большем масштабе, чтобы покрывать свои большие расходы (П. Хаусмейстер, "Цур Анализ проституции", *Geschlecht und Gesellschaft*, vol. ii, 1907, с. 294).

В Италии мнения по этому вопросу сильно разделились. Регулирование проституции последовательно принималось, отменялось и принималось заново. В Швейцарии, стране правительственных экспериментов, в разных кантонах пробуются различные планы. В некоторых странах не предпринимается попыток вмешиваться в проституцию, за исключением особых обстоятельств; в других любая проституция и даже блуд вообще наказуемы; в Женеве заниматься проституцией разрешено только местным проституткам; в Цюрихе с 1897 года проституция запрещена, но принимаются меры к тому, чтобы не создавать трудностей на пути свободных сексуальных отношений, не преследующих корыстных целей. Говорят, что из-за этих различных правил мораль в Швейцарии в целом находится на том же уровне, что и в других странах (Моро-Кристоф, *О проблеме страданий*, т. iii, стр. 259). Тот же вывод справедлив и для Лондона. Незаинтересованный наблюдатель Феликс Ремо ("*Галантная жизнь в Англетеере*", 1888, стр. 237) пришел к выводу, что, несмотря на свободную торговлю проституцией, алкогольные излишества и всевозможные пороки, "Лондон - одна из самых

высоконравственных столиц Европы". Свидетельством движения к свободе в этом вопросе в последние годы стал отказ Дании от системы регулирования в 1906 году.

Даже самые ярые сторонники регистрации проституток признают, что не только тенденция цивилизации противоречит, а не благоприятствует системе, но и что во многих странах, где сохраняется система, зарегистрированные проститутки теряют позиции в борьбе с подпольными проститутками. Даже во Франции, классической стране проституток, контролируемых полицией, число "домов терпимости" уже давно неуклонно сокращается, и вовсе не потому, что проституция сокращается, а потому, что их место занимают *плевные* низкого класса и маленькие *кафе-шантаны*, которые на самом деле являются нелегализованными публичными домами.^[160]

За повсеместную легализацию проституции в цивилизованных центрах в настоящее время, действительно, выступают немногие, если вообще есть, представители власти, принадлежащие к новой школе. В лучшем случае это считается желательным в определенных местах при особых обстоятельствах.^[161] Даже те, кто все еще был бы рад видеть проституцию под тщательным контролем полиции, теперь признают, что опыт показывает, что это невозможно. Поскольку многие девочки начинают свою карьеру проститутки в очень раннем возрасте, следует подготовить надежную систему регулирования для зачисления в качестве постоянных проституток даже девочек, которые немногим старше детей. Это, однако, логический вывод, против которого инстинктивно восстает моральное чувство и даже здравый смысл сообщества. В Париже девушки не могут быть зарегистрированы в качестве проституток, пока не достигнут шестнадцатилетнего возраста, а некоторые считают даже этот возраст слишком низким.^[162] Более того, всякий раз, когда она заболевает или устает от своего положения, зарегистрированная женщина всегда может выскользнуть из рук полиции и обосноваться в другом месте в качестве подпольной проститутки. Любая жесткая попытка удержать проституцию в полицейском кольце приводит к оскорбительному вмешательству в действия и свободу уважаемых женщин, что не может не быть нетерпимым в любом свободном сообществе. Даже в таком городе, как Лондон, где проституция относительно свободна, надзор полиции привел к скандальным обвинениям полиции против женщин, которые не сделали ничего такого, что могло бы законно вызвать подозрение в их поведении. Побег инфицированной женщины из-за полицейского кордона, очевидно, способствовал повышению очевидного уровня здоровья зарегистрированных женщин, и полицейская статистика еще больше ошибочно улучшается за счет того факта, что обитательницы публичных домов в среднем старше подпольных проституток и приобрели иммунитет к болезням.^[163] Эти факты сейчас становятся достаточно очевидными и общепризнанными. Государственное регулирование проституции нежелательно по моральным соображениям, поскольку часто подчеркивается, что оно применяется только к одному полу, и по практическим соображениям, поскольку оно неэффективно. Общество позволяет полиции преследовать проститутку мелкими преследованиями под видом обвинений в "домогательствах", "нарушении общественного порядка" и т.д., Но оно больше не убеждено, что она должна находиться под абсолютным контролем полиции.

Проблема проституции, если посмотреть на нее узко, по-видимому, находится сегодня в том же положении, что и в любое другое время на протяжении последних трех тысяч лет. Однако для того, чтобы понять реальное значение проституции и выработать разумное отношение к ней, мы должны взглянуть на нее с более широкой точки зрения; мы должны рассмотреть не только ее

эволюцию и историю, но и ее причины и ее связь с более широкими аспектами современной социальной жизни. Когда мы, таким образом, рассмотрим проблему с более широкой точки зрения, мы обнаружим, что нет конфликта между требованиями этики и требованиями социальной гигиены и что скоординированная деятельность обоих вовлечена в постепенное совершенствование цивилизованных сексуальных отношений.

III. Причины проституции.

История возникновения и развития проституции позволяет нам увидеть, что проституция - это не случайность нашей брачной системы, а существенная составляющая, которая проявляется одновременно с другими ее существенными составляющими. Постепенное развитие семьи на патриархальной и в значительной степени моногамной основе делало все более и более трудным для женщины распоряжаться своей собственной личностью. В первую очередь она принадлежит своему отцу, в интересах которого было тщательно оберегать ее до тех пор, пока не появится муж, который мог бы позволить себе купить ее. По мере повышения ее ценности постепенно развивалась новая идея рыночной стоимости девственности, и там, где ранее "девственница" означала женщину, которая была вольна делать со своим телом все, что ей заблагорассудится, теперь ее значение изменилось на противоположное и стало означать женщину, которой было запрещено вступать в половую связь с мужчинами. Когда ее передали от отца к мужу, ее по-прежнему охраняли с той же заботой; и муж, и отец были одинаково заинтересованы в том, чтобы уберечь своих женщин от неженатых мужчин. Сложившаяся таким образом ситуация привела к появлению большого количества молодых мужчин, которые еще не были достаточно богаты, чтобы обзавестись женами, и большого количества молодых женщин, которых еще не выбрали в качестве жен, и многие из которых никогда не могли рассчитывать стать женами. На таком этапе социальной эволюции проституция, очевидно, неизбежна; это не столько неперенный спутник брака, сколько существенная часть всей системы. Некоторые из лишних или забытых женщин, используя свою денежную ценность и, возможно, в то же время возрождая традиции прежней свободы, находят свою социальную функцию в продаже своих благосклонностей для удовлетворения временных желаний мужчин, которые еще не смогли обзавестись женами. Таким образом, каждое звено в цепи брачной системы прочно спаяно и образует замкнутый круг.

Но хотя история возникновения и развития проституции показывает нам, насколько неразрушимым и существенным элементом системы брака, которая долгое время господствовала в Европе — при очень разнообразных расовых, политических, социальных и религиозных условиях, — является проституция, она все же не дает нам во всех отношениях данных, необходимых для выработки определенного отношения к проституции сегодня. Чтобы понять место проституции в нашей существующей системе, необходимо проанализировать основные факторы проституции. Нам легче всего научиться понимать их, если мы рассмотрим проституцию по порядку в четырех аспектах. Это: (1) *экономическая* необходимость; (2) *биологическая* предрасположенность; (3) *моральные* преимущества; и (4) то, что можно назвать его *цивилизационной* ценностью.

Хотя эти четыре фактора проституции кажутся мне теми, которые нас здесь интересуют в первую очередь, вряд ли есть необходимость указывать, что многие другие причины способствуют возникновению и модификации проституции. Сами проститутки часто стремятся подтолкнуть других девушек к тому, чтобы они пошли тем же путем; рекрутов приходится искать для публичных домов, откуда мы имеем "торговлю белыми рабынями", с которой сейчас энергично борются во многих частях мира; в то время как алкоголизм одобряет все формы соблазнения этой жизнью и часто предрасполагает к ним. Как правило, обнаруживается, что несколько причин объединились, чтобы подтолкнуть девушку к занятию проституцией.

Способы, с помощью которых различные факторы окружающей среды и внушения объединяются, чтобы привести девушку на путь проституции, указаны в следующем заявлении, в котором корреспондент излагает свои собственные выводы по этому вопросу как светский человек: "У меня был несколько разнообразный опыт общения с распутными женщинами, и я могу без колебаний сказать, что не более 1 процента женщин, которых я знал, можно считать образованными. Это указывает на то, что почти всегда они имеют скромное происхождение, а ужасные случаи переполненности, которые ежедневно выявляются, предполагают, что в очень раннем возрасте чувство скромности исчезает, и задолго до наступления половой зрелости происходит знакомство с сексуальными вещами. Как только они становятся достаточно взрослыми, эти девочки соблазняются своими возлюбленными; фамильярность, с которой они относятся к сексуальным вопросам, снимает сдержанность, которая окружает девочку, чья ранняя жизнь прошла в приличной обстановке. Позже они идут работать на фабрики и в магазины; если они хорошенькие и привлекательные, они общаются с менеджерами и бригадирами. Затем любовь к нарядам, которая составляет столь значительную часть женского характера, соблазняет девушку стать "содержанкой" какого-нибудь состоятельного мужчины. Примечательным в этой связи является тот факт, что они редко получают удовольствие от общения со своими защитниками, предпочитая скорее более грубые объятия какого-нибудь человека, более близкого по их положению в жизни, очень часто солдата. Я знал не так уж много женщин, которые были соблазнены и брошены, хотя проститутки сильно повлияли на эту выдумку. Барменши пополняют ряды проституток, в основном из-за своего пристрастия к выпивке; пьянство неизменно приводит к ослаблению моральных устоев у женщин. Другой мощный фактор в производстве проституток заключается в ярком наряде, которым щеголяет какой-нибудь друг, принявший эту жизнь. Девушка, усердно работающая, чтобы выжить, видит какую-нибудь подругу, возможно, делающую звонок на улице, где живет эта усердно работающая девушка, одетая в пышные одежды, в то время как сама она едва может прокормиться. Она беседует со своей изысканно одетой подругой, которая рассказывает ей, как легко она может зарабатывать деньги, объясняя, каким жизненно важным активом являются половые органы, и вскоре в их ряды добавляется еще одна".

Представляет определенный интерес рассмотрение причин, по которым проститутки начинают свою карьеру. В некоторых странах это оценивалось теми, кто вступал в тесные официальные или иные контакты с проститутками. В других странах для девушек является правилом, прежде чем они регистрируются в качестве проституток, указывать причины, по которым они желают начать карьеру.

Парент-Дюшателе, чья работа о проститутках Парижа до сих пор является авторитетом, представила первую оценку такого рода. Он обнаружил, что из более чем пяти тысяч проституток 1441 пострадала от бедности, 1425 - от соблазнения бросивших их любовников,

1255 - от потери родителей в результате смерти или по другой причине. По такой оценке, почти все это число объясняется нищетой, то есть только экономическими причинами (Parent-Duchâtelet, *О проституции*, 1857, т. i, стр. 107).

В Брюсселе за двадцать лет (1865-1884) 3505 женщин были зарегистрированы как проститутки. Причины, по которым они решили избрать эту карьеру, представляют картину, отличную от той, что показала Parent-Duchâtelet, но, возможно, более достоверную, хотя есть некоторые заметные и любопытные расхождения. Из 3505 1523 объяснили, что причиной их деградации была крайняя бедность; 1118 откровенно признались, что причиной были их сексуальные страсти; 420 приписали свое падение дурной компании; 316 сказали, что они испытывали отвращение и устали от своей работы, потому что труд был таким тяжелым, а оплата такой маленькой; 101 были брошены своими любовниками; 10 поссорились со своими родителями; 7 были брошены своими мужьями; 4 не согласились со своими опекунами; у 3 были семейные ссоры; 2 были вынуждены заниматься проституцией своими мужьями и 1 ее родителями (Ланцет, 28 июня 1890 г., стр. 1442).

В Лондоне Меррик обнаружил, что из 16 022 проституток, прошедших через его руки за годы, пока он был капелланом в тюрьме Миллбанк, 5061 добровольно покинули дом или положение ради "жизни в удовольствиях"; 3363 назвали причиной бедность; 3154 были "соблазнены" и оказались на улице; 1636 были преданы обещаниями жениться и брошены любовниками и родственниками. В целом, утверждает Меррик, можно сказать, что 4790 человек, или почти треть от общего числа, обязаны своей карьерой непосредственно мужчинам, 11 232 - другим причинам. Он добавляет, что из тех, кто ссылался на бедность, большое количество были ленивыми и неспособными (Г. П. Меррик, *Работа среди падших*, стр. 38).

Логан, английский городской миссионер, хорошо знакомый с проститутками, разделил их на следующие группы: (1) четверть девушек являются прислугами, особенно в публичных домах, пивных и т.д., и таким образом вводятся в жизнь; (2) четверть приходит с фабрик и т.д.; (3) почти четверть нанимается сводницами, посещающими провинциальные города, рынки и т.д.; (4) последняя группа включает, с одной стороны, тех, кого вынуждает стать проститутками нужда, или лень, или дурной характер, который им не подходит для обычных занятий и, с другой стороны, для тех, кто был соблазнен ложным обещанием брака (У. Логан, *Великое социальное зло*, 1871, стр. 53).

В Америке Сэнгер сообщил о результатах опроса двух тысяч нью-йоркских проституток относительно причин, побудивших их заняться своим ремеслом:

Нужда 525

Склонность 513

Соблазненный и брошенный 258

Пьянство и тяга к выпивке 181

Жестокое обращение со стороны родителей, родственников или мужей 164

Как легкая жизнь 124

Дурная компания 84

Склонен к проституции 71

Слишком ленив, чтобы работать 29

Изнасилован 27
Совращен на эмигрантском корабле 16
Совращен в эмигрантских пансионах 8

2000

(Сэнгер, *История проституции*, стр. 488.)

В Америке, опять же, совсем недавно, профессор Вудс Хатчинсон пообщался примерно с тридцатью представительными мужчинами в различных крупных столичных центрах и таким образом обобщил ответы относительно этиологии проституции:

В процентах.

Любовь к показухе, роскоши и безделью 42,1
Плохое семейное окружение 23,8
Соблазнение, невинными жертвами которого они стали 11,3
Отсутствие работы 9,4
Наследственность 7,8
Первичный сексуальный аппетит 5,6

(Вудс Хатчинсон, "Экономика проституции", *Американский гинекологический и акушерский журнал*, сентябрь 1895 г.; *Id.*, *Евангелие от Дарвина*, стр. 194.)

В Италии в 1881 году среди 10 422 зарегистрированных проституток в возрасте от семнадцати лет и старше причины проституции были классифицированы следующим образом:

Порок и порочность 2,752
Смерть родителей, мужа и т.д. 2,139
Соблазнение любовником 1,653
Соблазнение работодателем 927
Брошенный родителями, мужем и т.д. 794
Любовь к роскоши 698
Подстрекательство любовника или других лиц вне семьи 666
Подстрекательство родителей или мужа 400
Стремление содержать родителей или детей 393

(Ferriani, *Minorenni Delinquenti*, p. 193.) Причины, по которым русские проститутки начинают свою карьеру, (по словам Федероу), следующие:

38,5%. недостаточная заработная плата.
21.%. желание развлечься.
14.%. потеря места.
9,5%. убеждение подруг.
6,5%. потеря привычки к работе.

5,5%. огорчение и желание наказать любовника.
.5%. пьянство.

(Обобщено в *Архиве криминологии*, 15 ноября 1901 г.)

1. *Экономическая причина проституции.*—Авторы статей о проституции часто утверждают, что экономические условия лежат в основе проституции и что ее главной причиной является бедность, в то время как сами проститутки часто заявляют, что трудности с добыванием средств к существованию другими способами были основной причиной, побудившей их избрать эту профессию. "Из всех причин проституции, - писал Парент-Дюшателе столетие назад, - особенно в Париже и, вероятно, во всех крупных городах, ни одна не является более действенной, чем отсутствие работы и нищета, которые являются неизбежным результатом недостаточной заработной платы". Шеруэлл утверждает, что в Англии также в значительной степени "мораль меняется в зависимости от торговли".^[164] Точно так же обстоит дело и в Берлине, где число зарегистрированных проституток увеличивается в плохие годы.^[165] Так и в Америке. То же самое и в Японии: "причина причин - бедность".^[166]

Таким образом, исследователи повсеместно делают широкое заявление о том, что проституция является в значительной степени экономическим явлением из-за низкой заработной платы женщин или внезапного спада в торговле. Следует, однако, добавить, что эти общие утверждения значительно уточнены в свете подробных расследований, проведенных тщательными исследователями. Таким образом, Стремберг, который тщательно исследовал 462 проститутки, обнаружил, что только одна назвала нужду причиной выбора своей карьеры, и в ходе расследования это было признано наглой ложью.^[167] Хаммер обнаружил, что из девяноста зарегистрированных немецких проституток ни одна не начала карьеру из-за нужды или для содержания ребенка, в то время как некоторые вышли на улицу, имея при себе деньги или не желая получать плату.^[168] Пастор Бушманн из Дома Магдалины в Тельтове в Берлине считает, что не нужда, а безразличие к моральным соображениям заставляет девушек становиться проститутками. В Германии, прежде чем девушку ставят на учет в полиции, всегда принимают надлежащие меры для того, чтобы дать ей шанс вернуться домой и устроиться на работу; в Берлине в течение десяти лет только две девушки — из тысяч — были готовы воспользоваться этой возможностью. Общеизвестны трудности, с которыми сталкиваются английские Дома спасения при поиске девочек, готовых быть "спасенными". Та же трудность встречается и в других городах, даже там, где преобладают совершенно иные условия; так, в Мадриде, по словам Бернальдо де Кироза и Льянаса Агиланьедо, проститутки, которые заходят в Дома, несмотря на всю набожность монахинь, сразу после ухода возвращаются к своей прежней жизни. Хотя экономический фактор в проституции, несомненно, существует, чрезмерная частота и акцент, с которым он выдвигается и принимается, явно обусловлены, отчасти незнанием реальных фактов, отчасти тем фактом, что такое предположение импонирует тем, чья слабость заключается в объяснении всех социальных явлений экономическими причинами, а отчасти его очевидной правдоподобностью.^[169]

Проститутки в основном набираются из числа фабричных девушек, домашней прислуги, продавщиц и официанток. В некоторых из этих профессий трудно найти работу круглый год. Таким образом, многие модистки, портнихи и портнихи становятся проститутками, когда бизнес идет на спад, и возвращаются к работе с началом сезона. Иногда обычная дневная работа

одновременно дополняется занятием проституцией на улице по вечерам. Говорят, возможно, не без доли правды, что любительская проституция такого рода чрезвычайно распространена в Англии, поскольку она не сдерживается мерами предосторожности, которые в странах, где проституция регулируется, должны принимать подпольные проститутки, чтобы избежать регистрации. Говорят, что некоторые общественные туалеты и раздевалки в центре Лондона используются девушками для нанесения и окончательного смывания обычной краски перед уходом домой.^[170] Несомненно, что в Англии значительная часть родителей, принадлежащих к рабочему и даже низшему среднему классу, незнакомы с характером жизни, которую ведут их собственные дочери. Следует также добавить, что иногда родители подмигивают или поощряют такое поведение дочери; так, корреспондент пишет, что он "знает несколько городов в Англии, где проституция не считается чем-то постыдным, и может вспомнить много случаев, когда дочь пользовалась домом матери с ведома матери".

Эктон в хорошо информированной книге о лондонской проституции, написанной в середине прошлого века, сказала, что проституция - это "переходная стадия, через которую проходит неисчислимое количество британских женщин".^[171] В то время это утверждение было категорически опровергнуто многими ревностными моралистами, которые отказывались признать, что для женщины, погрязшей в такой глубокой яме деградации, возможно когда-либо снова выбраться оттуда в целости и сохранности. Тем не менее, это, безусловно, верно в отношении значительной доли женщин не только в Англии, но и в других странах. Так, Парент-Дюшателе, крупнейший специалист по французской проституции, заявил, что "проституция для большинства является лишь переходной стадией; обычно ее прекращают в течение первого года; очень немногие проститутки продолжают заниматься проституцией до полного исчезновения". Трудно, однако, точно установить, насколько велика доля правды; нет данных, которые могли бы послужить основой для точной оценки,^[172] и невозможно ожидать, что респектабельные замужние женщины признаются, что когда-либо были "на улице"; возможно, они не всегда признавались в этом даже самим себе.

Следующий случай, хотя и описанный более двадцати лет назад, довольно типичен для определенного класса, среди низших слоев проституции, в котором экономический фактор имеет большое значение, но в котором мы не должны слишком поспешно предполагать, что это единственный фактор.

Вдова, тридцати лет, с двумя детьми. Работает на фабрике по производству зонтиков в лондонском Ист-Энде, зарабатывая тяжелым трудом восемнадцать шиллингов в неделю и увеличивая свой доход, время от времени выходя по вечерам на улицу. Она обитает в тихом переулке, который является одним из подходов к железнодорожной станции большого города. Это удобная, почти почтенного вида женщина, неброско одетая, что заметно только по довольно коротким юбкам. Если с ней заговорят, она может заметить, что "ждет подругу", жеманно рассказывает о погоде и в скобках представляет свои предложения. Она либо заведет мужчину в один из тихих соседних переулков, заполненных складами, либо отведет его к себе домой. Она готова принять любую сумму, которую мужчина захочет или сможет дать; иногда это соверен, иногда всего шесть пенсов; в среднем она зарабатывает несколько шиллингов за вечер. Она пробыла в Лондоне всего десять месяцев; до этого она жила в Ньюкасле. Там она не выходила на улицу; "Обстоятельства меняют дело", - глубокомысленно замечает она. Хотя она не очень хорошо отзывалась о полиции, она говорит, что они не вмешиваются в ее дела, как это

происходит с некоторыми девушками. Она никогда не дает им денег, но намекает, что иногда необходимо удовлетворять их желания, чтобы поддерживать с ними хорошие отношения.

Всегда следует помнить, поскольку социалисты и социальные реформаторы иногда забывают, что, хотя давление бедности оказывает заметное модифицирующее влияние на проституцию, поскольку оно увеличивает число женщин, которые таким образом ищут средства к существованию, и, следовательно, может должным образом рассматриваться как фактор проституции, никакое практически осуществимое повышение уровня заработной платы женщин не может служить, непосредственно и единолично, искоренению проституции. Экономист Де Молинари, отметив, что "проституция - это индустрия" и что, если другие конкурирующие отрасли могут предложить женщинам достаточно высокие денежные стимулы, они не будут так часто привлекаться к проституции, продолжает указывать, что это никоим образом не решает вопрос. "Как и любая другая индустрия, проституцией управляет требование потребности, на которое она удовлетворяет. Пока эта потребность и этот спрос сохраняются, они будут провоцировать предложение. Это необходимость и спрос, в соответствии с которыми мы должны действовать, и, возможно, наука предоставит нам средства для этого".^[173] Однако неясно, каким образом Молинари ожидает, что наука уменьшит спрос на проститутку.

Мы не только должны признать, что никакое реальное повышение уровня заработной платы, выплачиваемой женщинам в обычных отраслях промышленности, не может конкурировать с заработной платой, которую довольно привлекательные женщины с вполне обычными способностями могут зарабатывать проституцией,^[174] но мы также должны понимать, что рост общего благосостояния, который сам по себе может сделать рост заработной платы женщин здоровым и нормальным, влечет за собой рост заработной платы за проституцию и увеличение количество проститутки. Так что, если хорошую заработную плату рассматривать как антагониста проституции, мы можем только сказать, что она более чем одной рукой возвращает то, что берет другой. Это настолько заметно, что Депре в подробном моральном и демографическом исследовании распространения проституции во Франции приходит к выводу, что мы должны изменить древнюю доктрину о том, что "бедность порождает проституцию", поскольку проституция регулярно увеличивается с увеличением богатства,^[175] и по мере роста благосостояния департамента число как зарегистрированных, так и бесплатных проститутки также увеличивается. Здесь действительно есть логическая ошибка, поскольку, хотя верно, как утверждает Депре, что богатство требует проституции, верно также и то, что богатое сообщество сопряжено с крайней нищетой, равно как и с богатством, и что проституция в основном находит своих рекрутов среди более бедных элементов. Древнее изречение о том, что "бедность порождает проституцию", все еще остается в силе, но оно усложнено и дополнено сложными условиями цивилизации. Бонджер в своем умелом обсуждении экономической стороны вопроса осознал широкую и глубокую основу проституции, когда пришел к выводу, что это "с одной стороны, неизбежное дополнение существующей легальной моногамии, а с другой стороны, результат плохих условий, в которых растут многие молодые девушки, результат физического и психического убожества, в котором живут женщины народа, а также следствие более низкого положения женщин в нашем реальном обществе".^[176] Узкоэкономический анализ проституции никоим образом не может привести нас к корню вопроса.

Одного обстоятельства должно было быть достаточно, чтобы указать на то, что неспособность многих женщин обеспечить себе "прожиточный минимум" далеко не является самой фундаментальной причиной проституции: значительная часть проститутки происходит из рядов

домашней прислуги. Из всех больших групп работниц домашняя прислуга наиболее свободна от экономических забот; они не платят ни за еду, ни за жилье; они часто живут так же хорошо, как и их хозяйки, и в значительной доле случаев у них меньше забот о деньгах, чем у их любовниц. Более того, они удовлетворяют почти всеобщий спрос, так что никогда не возникает необходимости в том, чтобы даже очень умеренно компетентные слуги нуждались в работе. Они составляют, это правда, очень большую организацию, которая не могла не поставлять определенный контингент новобранцев для занятия проституцией. Но когда мы видим, что домашняя прислуга является главным источником, из которого черпают проститутки, должно быть ясно, что жажда еды и крова ни в коем случае не является главной причиной проституции.

Можно добавить, что, хотя значение этого преобладания прислуги среди проститутки редко осознается теми, кто воображает, что искоренение бедности означает ликвидацию проституции, это не было проигнорировано более вдумчивыми исследователями социальных вопросов. Таким образом, Шеруэлл, справедливо указывая на то, что в значительной степени "мораль меняется в зависимости от торговли", добавляет, что, несмотря на важность экономического фактора, наводящим на размышления и во всех отношениях впечатляющим фактом является то, что большинство девушек, часто посещающих лондонский Вест-Энд (88%, согласно реестрам Армии спасения), наняты из домашней прислуги, где экономическая борьба не ощущается сильно (Артур Шеруэлл, *Жизнь в Западном Лондоне*, глава V "Проституция").

В то же время стоит отметить, что по условиям своей жизни прислуга больше, чем какой-либо другой класс, напоминает проститутку (Бернальдо де Кирос и Льянас Агиланьедо указали на это в книге *"Малая жизнь в Мадриде"*, стр. 240). Как и проститутки, они представляют собой особый класс женщин; они не имеют права на те соображения и небольшие знаки внимания, которые обычно оказывают другим женщинам; в некоторых странах они даже зарегистрированы как проститутки; едва ли удивительно, что, когда они страдают от стольких недостатков проститутки, они иногда желают обладать и некоторыми из ее преимуществ. Лили Браун (*Frauenfrage*, стр. 389 и далее.) подробно описала эти неблагоприятные условия домашнего труда, поскольку они влияют на склонность служанок становиться проститутками. Р. де Рикер в своей важной работе *"Служанка преступника"* (1907, стр. 460 и далее.; ср., статья того же автора "Вспомогательная криминалистика", *Архив криминологии*, июль и декабрь 1906 г.), изучила психологию служанки. Он обнаруживает, что она особенно отмечена отсутствием дальновидности, тщеславия, изобретательности, склонностью к подражанию и подвижностью ума. Это характеры, которые роднят ее с проституткой. Де Рикер оценивает долю бывших слуг среди проститутки в целом в пятьдесят процентов и добавляет, что так называемое "белое рабство" здесь находит своих наиболее самодовольных и покорных жертв. Однако он замечает, что служанка-проститутка в целом не столько аморальна, сколько неморальна.

В Париже Парент-Дюшателе обнаружил, что пропорционально их количеству прислуга предоставляла наибольший контингент проститутки, и его редакторы также обнаружили, что они возглавляют список (Parent-Duchâtelet, издание 1857 г., т. i, стр. 83). Среди подпольных проститутки Парижа, как недавно выяснил Commenge, бывшие служанки составляют сорок процентов. В Бордо Жаннель (*Об общественной проституции*, стр. 102) также обнаружил, что в 1860 году сорок процентов проститутки были служанками, следующими шли швеи с тридцатью семью процентами.

В Германии и Австрии давно признано, что домашняя прислуга обеспечивает наибольшее число новобранцев для занятия проституцией. Липперт в Германии и Гросс-Хоффингер в Австрии указали на это преобладание горничных и его значение до середины девятнадцатого века, а совсем недавно Блашко заявил ("Гигиена сифилиса" в *Справочнике Вейля по гигиене*, Bd. ii, стр. 40), что среди берлинских проституток в 1898 году горничные стояли во главе с пятьюдесятью одним процентом. Баумгартен заявил, что в Вене доля прислуги составляет пятьдесят восемь процентов.

В Англии, согласно Отчету Специального комитета лордов по законам о защите детей, шестьдесят процентов проституток были прислугами. Ф. Римо в своей книге *"Галантная жизнь в Англии"* утверждает, что эта доля составляет восемьдесят процентов. Что касается Вест-Энда Лондона, то он, казалось бы, еще выше. Рассматривая Лондон в целом, обширная статистика Меррика (*Работа среди падших*), капеллана тюрьмы Миллбэнк, показала, что из 14 790 проституток 5823, или около сорока процентов, ранее были прислугой, затем шли прачки, а затем портнихи; классифицировав свои данные несколько более кратко и грубо, Меррик обнаружил, что доля прислуги составляла пятьдесят три процента.

В Америке среди двух тысяч проституток, по словам Сэнгера, сорок три процента были прислугами, следующими шли портнихи, но с большим интервалом - шесть процентов. (Сэнгер, *История проституции*, стр. 524). Гудчайлд утверждает, что среди филаделфийских проституток "домашняя прислуга, вероятно, составляет наибольшую долю", хотя некоторых новобранцев можно найти практически из любой профессии.

То же самое происходит и в других странах. В Италии, по словам Таммео (*La Prostituzione*, стр. 100), прислуга занимает первое место среди проституток с долей в двадцать восемь процентов., за ней следует группа портних, портнихесс и модистек (семнадцать процентов). На Сардинии, утверждает Мантегацца, большинство проституток - прислуга из страны. В России, по словам Фио, эта доля составляет сорок пять процентов. В Мадриде, по словам Эславы (цитируемой Бернальдо де Кирсом и Льянасом Агиланьедо (*La Mala Vida, en Madrid*, стр. 239)), во главе зарегистрированных проституток стоят слуги (двадцать семь процентов) - почти такая же доля, как в Италии, — а за ними следуют портнихи. В Швеции, согласно Веландеру (*Monatshefte für Praktische Dermatologie*, 1899, стр. 477), из 2541 зарегистрированной проститутки 1586 (или шестьдесят два процента). были домашние слуги; с большим интервалом за ними следовали 210 швей, затем 168 фабричных рабочих и т.д.

2. Биологический фактор проституции.—Экономические соображения, как мы видим, оказывают весьма важное модифицирующее влияние на проституцию, хотя ни в коем случае нельзя утверждать, что они являются ее основной причиной. Есть еще один вопрос, который волновал многих исследователей: в какой степени органическая конституция предопределяет проституток к этой карьере? Общеизвестно, что экономические и другие условия являются возбуждающей причиной проституции; в какой степени те, кто поддается, предрасположены к обладанию ненормальными личностными характеристиками? Некоторые исследователи утверждали, что эта предрасположенность настолько выражена, что проституцию справедливо можно рассматривать как женский эквивалент преступности, и что в семье, в которой мужчины инстинктивно склоняются к преступлению, женщины инстинктивно обращаются к проституции. Другие столь же яростно отрицали этот вывод.

Ломброзо более конкретно отстаивал доктрину о том, что проституция является косвенным эквивалентом преступности. В этом он развивал результаты, достигнутые в важном исследовании семьи Джакс, проведенном Дагдейлом, который обнаружил, что "там, где братья совершают преступления, сестры занимаются проституцией"; штрафы и тюремное заключение женщин семьи были наложены не за нарушения права собственности, а главным образом за преступления против общественной порядочности. "Психологическая, а также анатомическая идентичность преступника и прирожденной проститутки, - заключили Ломброзо и Ферреро, - не может быть более полной: оба тождественны моральному безумцу и, следовательно, согласно аксиоме, равны друг другу. Тот же недостаток нравственного чувства, та же черствость сердца, тот же преждевременный вкус ко злу, то же безразличие к общественному позору, то же непостоянство, любовь к праздности и недалёковидность, тот же вкус к легким удовольствиям, к оргиям и алкоголю, то же или почти то же тщеславие. Проституция - это всего лишь женская сторона преступности. И это настолько верно, что проституция и преступность являются двумя аналогичными или, так сказать, параллельными явлениями, что в своих крайностях они встречаются. Следовательно, проститутка психологически преступница: если она не совершает правонарушений, то это потому, что ее физическая слабость, ее небольшой интеллект, легкость получения желаемого более легкими методами избавляют ее от необходимости совершать преступления, и именно на этом основании проституция представляет собой специфическую форму женской преступности". Авторы добавляют, что "проституция в определенном смысле общественно полезна как выход для мужской сексуальности и предупреждение преступности" (Ломброзо и Ферреро, *La Donna Delinquente*, 1893, стр. 571).

Те, кто выступал против этой точки зрения, приводили различные доводы и далеко не всегда понимали позицию, на которую они нападают. Так, У. Фишер (в книге "*Проституция*") энергично утверждает, что проституция - это не безобидный эквивалент преступности, а фактор преступности. Фере, опять же (в "*Возрождении и преступности*"), утверждает, что преступность и проституция не эквивалентны, а идентичны. "Проститутки и преступников, - утверждает он, - объединяет непродуктивность, и, следовательно, они обе антисоциальны. Таким образом, проституция представляет собой форму преступности". Сущностный характер преступников, однако, заключается не в их непроизводительности, поскольку они разделяют ее со значительной долей самых богатых представителей высшего класса; следует также добавить, что проститутка, в отличие от преступницы, занимается деятельностью, на которую есть спрос, за которую ей охотно платят и за которую она должна работать (иногда отмечалось, что проститутка смотрит свысока на вора, который "не работает"); она занимается профессией и не более и не менее продуктивна, чем те, кто занимается многими более уважаемыми профессиями. Ашаффенбург, также считающий себя оппонентом Ломброзо, утверждает, несколько отличаясь от Фере, что проституция на самом деле не является, как сказал Фере, формой преступности, но что она слишком часто соединяется с преступностью, чтобы рассматривать ее как эквивалент. Менкемеллер совсем недавно поддержал ту же точку зрения. Однако здесь, как обычно, существует большое расхождение во мнениях относительно доли проститутки, в отношении которых это верно. Все исследователи признают, что это верно в отношении определенного числа, но в то время как Баумгартен, обследовав восемь тысяч проститутки, обнаружил лишь ничтожную долю преступников, Стремберг обнаружил, что среди 462 проститутки было целых 175 воров. С другой стороны, Морассо (как цитируется в *Archivio di Psichiatria*, 1896, fasc. I), основываясь на своих собственных исследованиях, более явно выступает против Ломброзо, поскольку он вообще протестует против любого чисто

дегенеративного взгляда на проституток, который каким-либо образом приравнивал бы их к преступникам.

Вопрос о сексуальности проституток, который имеет определенное отношение к вопросу об их склонности к вырождению, рассматривался разными авторами в разном смысле. В то время как некоторые, подобно Морассо, утверждают, что сексуальное влечение является основной причиной, побуждающей женщин избирать профессию проститутки, другие утверждают, что проститутки обычно почти лишены сексуального влечения. Ломброзо ссылается на распространенность сексуальной фригидности среди проституток.^[177] В Лондоне Меррик, зная более 16 000 проституток, утверждает, что он встречался с "лишь очень несколькими случаями", когда сильное сексуальное желание было мотивом для занятия проституцией. В Париже Рачиборски гораздо раньше заявил, что "среди проституток очень мало тех, кого побуждает к распутству сексуальный пыл".^[178] Комментарий: опять же, внимательный исследователь парижских проституток не может признать, что сексуальное желание следует отнести к числу серьезных причин проституции. "Я опросил тысячи женщин по этому вопросу, - заявляет он, - и только очень небольшое число сказали мне, что их заставляли заниматься проституцией ради удовлетворения сексуальных потребностей. Хотя девушкам, которые занимаются проституцией, часто не хватает откровенности, в этом вопросе, я полагаю, у них нет желания обманывать. Когда у них возникают сексуальные потребности, они не скрывают их, а, напротив, проявляют определенную *влюбленность*, признавая их как достаточное оправдание своей жизни; так что, если только очень небольшое меньшинство признает этот мотив, причина в том, что для подавляющего большинства его не существует".

Не может быть никаких сомнений в том, что заявления, сделанные относительно сексуальной фригидности проституток, часто слишком неквалифицированы. Отчасти это, конечно, связано с тем фактом, что они обычно делаются теми, кто говорит со слов старых проституток, чье привычное знакомство с нормальным половым актом в его наименее привлекательных аспектах привело к полному безразличию к такому общению, насколько это касается их клиентов.^[179] Можно с уверенностью утверждать, что для женщины с глубокими страстями эфемерные и поверхностные отношения проституции не могут стать соблазном. И можно добавить, что большинство проституток начинают свою карьеру в очень раннем возрасте, задолго до того, как несколько поздний период, когда у женщин усиливается склонность к страсти, еще не наступил.^[180] Можно также сказать, что безразличие к сексуальным отношениям, склонность не придавать им личной ценности часто является предрасполагающей причиной выбора профессии проститутки; общая умственная поверхностность проституток вполне может сопровождаться поверхностностью физических эмоций. С другой стороны, многие проститутки, во всяком случае, в начале своей карьеры, проявляют заметную степень чувственности, и для женщин с грубыми сексуальными наклонностями занятие проституцией не лишено привлекательности с этой точки зрения; известно, что удовлетворение физического желания выступает мотивом в одних случаях и четко обозначается в других.^[181] Это неудивительно, если вспомнить, что проститутки в очень значительной доле случаев являются в целом удивительно крепкими и здоровыми людьми.^[182] Они без труда выдерживают риски своей профессии, и хотя под ее влиянием проявления сексуальных чувств с течением времени едва ли могут не измениться или не извращаться, это не является доказательством изначального отсутствия сексуальной чувствительности. Это даже не доказательство его утраты, поскольку истинная сексуальная природа обычной проститутки и ее возможности сексуального пыла проявляются главным образом не в ее профессиональных отношениях со своими клиентами, а в ее

отношениях со своим "хахалем" или "хулиганом".^[183] Совершенно верно, что условия ее жизни часто делают практически выгодным для проститутки иметь рядом с собой мужчину, который предан ее интересам и будет защищать их в случае необходимости, но это лишь второстепенное, случайное и второстепенное преимущество "хахалей", поскольку это касается проституток в целом. Ее влечет к нему прежде всего потому, что он нравится ей лично, и она хочет его для себя. Мотив ее привязанности, прежде всего, эротический в полном смысле этого слова, включающий не просто сексуальные отношения, но обладание и общие интересы, постоянную и интимную совместную жизнь. "Вы знаете, что то, что человек делает в бизнесе, не может наполнить его сердце", - сказала немецкая проститутка; "Почему бы нам не иметь мужа, как у других женщин? Мне тоже нужна любовь. Если бы это было не так, мы бы не хотели хулигана". И он, со своей стороны, отвечает взаимностью на это чувство и ни в коем случае не руководствуется только личными интересами.^[184]

Один из моих корреспондентов, имевший большой опыт общения с проститутками не только в Великобритании, но и в Германии, Франции, Бельгии и Голландии, обнаружил, что нормальные проявления сексуальных чувств гораздо чаще встречаются у британских проституток, чем у континентальных. "Я должен сказать, - пишет он, - что при обычном половом акте иностранные женщины, как правило, не осознают сексуального возбуждения. Не думаю, что я когда-либо знал иностранку, которая испытывала какое-либо подобие оргазма. Британские женщины, с другой стороны, если мужчина в меру добр и показывает, что у него есть какие-то чувства, выходящие за рамки простого чувственного удовлетворения, часто предаются самым диким наслаждениям сексуального возбуждения. Конечно, в этой жизни, как и в других, существует острая конкуренция, и женщина, чтобы соперничать со своими соперницами, должна угождать своим друзьям-джентльменам; но светский мужчина всегда может отличить настоящую страсть от наигранной". (Возможно, однако, что он добьется наибольшего успеха в пробуждении чувств женщин своей собственной страны.) С другой стороны, этот автор считает, что иностранки больше заботятся о том, чтобы обеспечить удовольствие своим временным супругам и выяснить, что нравится им. "Иностранка, похоже, сделала делом своей жизни поиск какого-то ненормального способа сексуального удовлетворения для своего супруга". Также для собственного удовольствия иностранные проститутки часто просят *кунилингус*, предпочитая обычный половой акт, в то время как анальный половой акт также является обычным явлением. Разница, очевидно, заключается в том, что британские женщины, когда они ищут удовлетворения, находят его в нормальном половом акте, в то время как иностранки предпочитают более ненормальные методы. Однако есть один класс британских проституток, который, по мнению этого корреспондента, является исключением из общего правила: класс тех, кто набирается из низших слоев общества. "Такие женщины, как правило, более распущенны, то есть лучше знакомы с причудами сексуализма, чем девушки из магазинов или баров; они демонстрируют знание *фелляции* даже анального коитуса, а во время менструации часто предполагают межмолочный коитус".

В целом представляется, что проститутки, хотя обычно и не руководствуются в своей жизни чувственными побуждениями, при вступлении в должность и на раннем этапе своей карьеры обладают довольно средним уровнем сексуального влечения с вариациями в обоих направлениях - избытком и недостатком, а также извращенностью. В несколько более поздний период бесполезно пытаться измерить сексуальное влечение проституток по количеству удовольствия, которое они получают при профессиональном половом акте. Необходимо установить, обладают ли они сексуальными инстинктами, которые удовлетворяются другими

способами. В значительной части случаев это оказывается именно так. Мастурбация, в частности, чрезвычайно распространена среди проституток повсюду; как бы широко она ни была распространена среди женщин, у которых нет других средств получения сексуального удовлетворения, все признают, что она еще более распространена среди проституток, фактически почти повсеместно.^[185]

Гомосексуальность, хотя и не так распространена, как мастурбация, очень часто встречается среди проституток — во Франции, по—видимому, чаще, чем в Англии, - и действительно можно сказать, что среди проституток она встречается чаще, чем среди женщин любого другого класса. Этому способствует приобретенное отвращение к нормальному половому акту из-за профессионального общения с мужчинами, что приводит к тому, что гомосексуальные отношения по сравнению с ними считаются чистыми и идеальными. Представляется также, что в значительной доле случаев проститутки демонстрируют врожденное состояние сексуальной инверсии, такое состояние, сопровождающееся безразличием к половым сношениям с мужчинами, является предрасполагающей причиной выбора профессии проститутки. Курелла даже считает проституток разновидностью врожденных инвертированных. Анна Рюлинг из Германии утверждает, что около двадцати процентов проституток гомосексуальны; когда их спросили, что побудило их стать проститутками, не одна перевернутая уличная женщина ответила ей, что это был чисто деловой вопрос, о сексуальных чувствах речь шла только с другом того же пола.^[186]

Случаи врожденной инверсии среди проституток — хотя нам и не нужно рассматривать проституток как обязательно дегенеративный класс — наводят на вопрос, можем ли мы обнаружить среди них необычно большое количество физических и других аномалий. Нельзя сказать, что по этому вопросу существует единодушие во мнениях. Для некоторых авторитетов проститутки - это просто нормальные женщины низкого социального положения, если на самом деле их инстинкты хотя бы немного не превосходят инстинкты того класса, в котором они родились. Другие исследователи обнаруживают среди них столь большую долю лиц, отклоняющихся от нормы, что они склонны относить проституток вообще к тому или иному классу ненормальных.^[187]

Баумгартен в Вене, изучив более 8000 проституток, пришел к выводу, что лишь очень незначительная часть из них являются преступниками или психопатками по темпераменту или организации (*Архив криминальной антропологии*, том xi, 1902). Неясно, однако, проводил ли Баумгартен какие-либо подробные и точные расследования. Мистер Лейн, магистрат лондонской полиции, заявил в результате своего собственного наблюдения, что проституция является "одновременно симптомом и результатом того же ухудшения физического состояния и упадочных моральных устоев, которые определяют производство бродяг-мужчин, мелких воришек и профессиональных попрошайек, аналогом женщин которых в целом является проститутка" (*Ethnological Journal*, апрель 1905 г., стр. 41). Эта оценка, несомненно, верна в отношении значительной доли женщин, часто ослабленных пьянством, которые проходят через суды полиции, но вряд ли ее можно безоговорочно применять к проституткам в целом.

Morasso (*Archivio di Psichiatria*, 1896, fasc. I) протестовал против чисто дегенеративного взгляда на проституток на основании своих собственных наблюдений. Он утверждает, что существует категория проституток, неизвестная научным исследователям, которую он

называет проституткой *альто бордо*. Среди них признаки вырождения, физического или морального, встречаются не в большем количестве, чем среди женщин, не занимающихся проституцией. Они раскрывают всевозможные характеры, некоторые из них демонстрируют большую утонченность, и в основном отличаются необычной степенью сексуального аппетита. Даже среди наиболее деградировавшей группы *проституции*, утверждает он, мы обнаруживаем преобладание сексуальных, а также профессиональных черт характера, а не признаков вырождения. Достаточно процитировать еще одно свидетельство, сделанное много лет назад женщиной с высоким интеллектом и характером, миссис Крейк, писательница: "Женщины, которые падают, ни в коем случае не являются худшими в своем положении", - писала она. "Я слышал, как не одна леди — в частности, одна, чей опыт был столь же велик, как и ее доброжелательность, — утверждала, что многие из них самые лучшие, утонченные, умные, правдивые и любящие. "Я не знаю, как это получается, — говорила она, — то ли само их превосходство вызывает у них недовольство собственным положением - такие скоты или клоуны, какими часто бывают рабочие! - так что они становятся более легкими жертвами положения выше их; или же, хотя эта теория шокирует многих людей, могут существовать и процветать другие добродетели, совершенно отличные от того, что мы привыкли считать незаменимой главной добродетелью нашего пола, и после утраты его — целомудрия. Я не могу этого объяснить; я могу только сказать, что это так, что некоторые из моих самых многообещающих деревенских девушек первыми пострадали; и некоторые из лучших и преданнейших слуг, которые у меня когда-либо были, были девушками, которые опозорились и которые, если бы я не пришел на помощь и не наставил их на путь преуспевания, безошибочно стали бы "потерянными женщинами"" (*Мысли женщины о женщинах*, 1858, стр. 291). Различные авторы настаивали на хороших моральных качествах проституток. Так, во Франции Деспин сначала перечисляет их пороки как (1) жадность и любовь к выпивке, (2) ложь, (3) гнев, (4) отсутствие порядка и неопрятность, (5) подвижность характера, (6) потребность в движении, (7) склонность к гомосексуализму; а затем переходит к описанию их хороших качеств: их материнской и сыновней привязанности, их милосердия друг к другу; и их отказа доносить друг на друга; при этом они часто религиозны, иногда скромны и в целом очень честны (Despine, *Psychologie Naturelle*, вып. iii, стр. 207 и далее.; что касается сицилийских проституток, ср. Каллари, *Архив Психуампуи*, fasc. IV, 1903). Милосердие друг к другу, часто проявляющееся в бедственном положении, в значительной степени нейтрализуется склонностью к профессиональной подозрительности и ревности друг к другу.

Ломброзо считает, что основу проституции следует искать в моральном идиотизме. Если под моральным идиотизмом понимать состояние, вообще тесно связанное с безумием, то это утверждение сомнительно. По-видимому, нет четкой связи между проституцией и безумием, и Таммео показал (*La Prostituzione*, стр. 76), что частота проституции в различных итальянских провинциях обратно пропорциональна частоте душевнобольных; по мере роста безумия проституция уменьшается. Но если мы имеем в виду незначительную степень морального слабоумия, то есть нечеткость восприятия обычных моральных соображений цивилизации, которая, хотя и обусловлена в значительной степени ожесточающим влиянием неблагоприятного раннего окружения, также может основываться на врожденной предрасположенности, то не может быть никаких сомнений в том, что моральное слабоумие легкой степени очень часто встречается среди проституток. Несомненно, было бы правдоподобно сказать, что каждая женщина, отдающая свою девственность в обмен на неадекватную отдачу, является идиоткой. Если она отдает себя ради любви, то, в худшем

случае, совершает глупую ошибку, какую в любой момент могут совершить молодые и неопытные люди. Но если она намеренно предлагает продать себя и делает это за бесценок или почти за бесценок, дело меняется. Опыт Commenge в Париже поучителен в этом отношении. "Для многих молодых девушек, - пишет он, - скромности не существует, они не испытывают никаких эмоций, показывая себя полностью раздетыми, они отдаются любому случайному человеку, которого больше никогда не увидят. Они не придают никакого значения своей девственности; их лишают девственности при самых странных условиях, без малейшей мысли или заботы об акте, который они совершают. Ни сентиментальность, ни расчет не толкают их в объятия мужчины. Они дают себе волю без рефлексии и без мотива, почти животным способом, из безразличия и без удовольствия". Он был знаком с сорока пятью девушками в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, которые были лишены девственности случайными незнакомцами, с которыми они больше никогда не встречались; они потеряли свою девственность, по выражению Дюма, так же, как потеряли молочные зубы, и не могли дать никакого правдоподобного отчета о потере. Пятнадцатилетняя девушка, упомянутая в комментарии, живущая со своими родителями, которые обеспечивали все ее потребности, потеряла девственность, случайно встретив мужчину, который предложил ей два франка, если она пойдет с ним; она сделала это без возражений и вскоре начала приставать к мужчинам из-за себя. Четырнадцатилетняя девочка, также безбедно живущая со своими родителями, пожертвовала своей девственностью на ярмарке в обмен на бокал пива и с тех пор начала общаться с проститутками. Другая девочка того же возраста на местном празднике, желая прокатиться на коньке для хобби, спонтанно предложила себя мужчине, управляющему машиной, чтобы получить удовольствие от поездки. Еще одна пятнадцатилетняя девушка на другом празднике предложила свою девственность в обмен на ту же сиюминутную радость (Комментарий, "Тайная проституция", 1897, стр. 101 и далее.). В Соединенных Штатах доктор У. Трэвис Гибб, лечащий врач Нью-Йоркского общества по предотвращению жестокого обращения с детьми, приводит аналогичные свидетельства того факта, что в довольно значительной доле случаев "изнасилования" добровольной жертвой является ребенок. "Ужасно жалко, - говорит он (*Медицинская справка* от 20 апреля 1907 г.), - узнавать, насколько центов или четвертаков хватит на покупку добродетели этих детей".

При оценке склонности проституток демонстрировать врожденные физические аномалии самым грубым и наиболее очевидным критерием, хотя и не точным и не удовлетворительным, является общее впечатление, производимое лицом. Во Франции, когда почти 1000 проституток были разделены на пять групп с точки зрения их внешности, было обнаружено, что только от семи до четырнадцати процентов принадлежат к первой группе, или к тем, о ком можно сказать, что они обладают молодостью и красотой (Jeannel, *О публичной проституции*, 1860, стр. 168). Вудс Хатчинсон, опять же, судя по обширному знакомству с Лондоном, Парижем, Венной, Нью-Йорком, Филадельфией и Чикаго, утверждает, что красивая или даже привлекательно выглядящая проститутка встречается редко и что общий средний показатель красоты ниже, чем у любого другого класса женщин. "За какие бы другие пороки, - замечает он, - ни была ответственна роковая сила красоты, это не имеет ничего общего с проституцией" (Вудс Хатчинсон, "Экономика проституции", *Американский гинекологический и акушерский журнал*, сентябрь 1895 г.). Следует, конечно, иметь в виду, что эти оценки могут быть искажены из-за того, что они основаны главным образом на обследовании женщин, которые наиболее явно принадлежат к классу проституток и уже огрубели в результате своей профессии.

Если мы можем заключить — и этот факт, вероятно, неоспорим, — что красивые, приятные и гармонично сформированные лица скорее редки, чем обычны среди проституток, мы с уверенностью можем сказать, что тщательный осмотр выявит большое количество физических отклонений. Одним из первых важных физических исследований проституток было исследование доктора Полины Тарновски в России (впервые опубликовано в "*Враче*" в 1887 году, а затем в "*Этюдах антропометрии проституток и волеизъявлений*"). Она обследовала пятьдесят петербургских проституток, которые были обитательницами публичного дома не менее двух лет, а также пятьдесят крестьянских женщин, насколько это было возможно, того же возраста и умственного развития. Она обнаружила, что (1) у проститутки был меньший переднезадний и поперечный диаметры черепа; (2) пропорция, равная восьмидесяти четырем процентам, проявлял различные признаки физической дегенерации (неправильной формы череп, асимметрия лица, аномалии твердого неба, зубов, ушей и т.д.). Эта тенденция к аномалии среди проституток была в некоторой степени объяснена, когда было обнаружено, что примерно у четырех пятых из них родители были заядлыми пьяницами, и почти пятая часть были последними выжившими из многодетных семей; такие семьи часто создавались родителями-дегенератами.

Частота наследственной дегенерации была отмечена Бонхеффером среди немецких проституток. Он исследовал 190 проституток Бреслау, находившихся в тюрьме и, следовательно, принадлежавших к более ненормальному классу, чем обычные проститутки, и обнаружил, что 102 были наследственно дегенеративными, и в основном у них один или оба родителя были пьяницами; 53 также страдали слабоумием (*Zeitschrift für die Gesamte Strafwissenschaft*, Bd. xxiii, стр. 106).

Наиболее подробные обследования обычных некриминальных проституток, как антропометрически, так и с точки зрения распространенности аномалий, были проведены в Италии, хотя и не по достаточно большому числу испытуемых, чтобы дать абсолютно решающие результаты. Таким образом, Форнасари провел детальное обследование шестидесяти проституток, принадлежащих в основном к Эмилии и Венеции, а также двадцати семи других, принадлежащих к Болонье, причем последняя группа сравнивалась с третьей группой из двадцати нормальных женщин, принадлежащих к Болонье (*Архив Психиатрии*, 1892, стр. VI). Было обнаружено, что проститутки принадлежали к более низкому типу, чем обычные люди, у них были меньшие головы и большие лица. Как отмечает сам автор, его темы были недостаточно многочисленны, чтобы оправдать далеко идущие обобщения, но, возможно, стоит суммировать некоторые из его результатов. При равном росте проститутки демонстрировали больший вес; в равном возрасте они были ниже ростом, чем другие женщины, не только состоятельные, но и бедные: высота лица, диаметр между скулами (но не расстояние между скулами), расстояние от подбородка до наружного слухового прохода и размер челюсти были у проституток больше; руки были длиннее и шире по сравнению с ладонями, чем у обычных женщин; ступня также была длиннее у проституток, а бедро по сравнению с икрами было больше. Примечательно, что в большинстве деталей, и особенно в отношении размеров головы, различия были намного больше среди проституток, чем среди других обследованных женщин; это в некоторой степени, хотя и не полностью, объясняется несколько большим числом первых.

Ardu (в том же номере *Archivio*) привел результаты наблюдений (предпринятых по предложению Ломброзо) относительно частоты отклонений от нормы среди проституток. Испытуемых было семьдесят четыре, и они принадлежали к *Сифилопатической клинике* профессора Джованнини

в Турине. Исследованными аномалиями были мужественное распределение волос на лобке, груди и конечностях, гипертрихоз на лбу, леворукость, атрофия сосков и татуировка (которая была обнаружена только один раз). Объединив наблюдения Арду с другой серией наблюдений за пятьюдесятью пятью проститутками, обследованными Ломброзо, было обнаружено, что мужественное расположение волос встречается у пятнадцати процентов. по сравнению с шестью процентами. у нормальных женщин; некоторая степень гипертрихоза у восемнадцати процентов.; леворукость у одиннадцати процентов. (но у нормальных женщин достигает двенадцати процентов. согласно Галлии); и атрофия соска на двенадцать процентов.

Джуффрида-Руджери, опять же (*Atti della, Римское общество антропологии*, 1897, стр. 216), при обследовании восьмидесяти двух проституток обнаружила аномалии в следующем порядке убывания частоты: тенденция к сближению бровей, отсутствие симметрии черепа, углубление у корня носа, дефектное развитие икр, гипертрихоз и другие аномалии волосяного покрова, сросшаяся или отсутствующая доля, выступающая зигома, выступающий лоб или лобные кости, плохая имплантация зубов, дарвиновский бугорок уха, тонкая вертикальная губы. Эти признаки по отдельности не имеют большого значения, хотя вместе они не лишены значения как признак общей аномалии.

Совсем недавно Ascarilla в подробном исследовании (*Archivio di Psichiatria*, 1906, fasc. VI, стр. 812) из отпечатков пальцев проституток приходит к выводу, что даже в этом отношении проститутки, как правило, образуют класс, демонстрирующий морфологическую неполноценность по сравнению с нормальными женщинами. Узоры, как правило, демонстрируют необычную простоту и единообразие, и на значимость этого указывает тот факт, что аналогичное единообразие демонстрируют отпечатки пальцев душевнобольных и глухонемых (Де Санктис и Тоскано, *Atti Società Romana Antropologia*, vol. viii, 1901, fasc. II).

В Чикаго доктор Харриет Александер совместно с доктором Э. С. Тэлботом и доктором Дж. Дж. Кирнаном обследовали тридцать проституток в Брайдуэлле, или Исправительном доме; только "тупой" класс профессиональных проституток попадает в это учреждение, и поэтому неудивительно, что у них были обнаружены очень заметные стигматы дегенерации. По расовому признаку почти половина обследованных были ирландцами кельтского происхождения. У шестнадцати из них скуловые отростки были неодинаковыми и очень выступающими. Другие асимметрии лица были обычным явлением. В трех случаях головы были монголоидного типа; шестнадцать были эпигнатическими и одиннадцать прогнатическими; в пяти наблюдалась остановка развития лица. Преобладала брахицефалия (семнадцать случаев); остальные были мезатикефальными; долихоцефалов не было. Аномалий в форме черепа было множество, и у двадцати девяти были дефектные уши. Четверо были явно невменяемы, а одна страдала эпилепсией (Х. К. Б. Александер, "Физические аномалии у проституток", Чикагская медицинская академия, апрель 1893 г.; Э. С. Талбот, *Дегенерация*, стр. 320; *Id.*, *Неровности зубов*, четвертое издание, стр. 141).

В целом, судя по имеющимся в настоящее время доказательствам, проститутки - не совсем нормальные представительницы тех слоев общества, в которых они родились. Происходил процесс отбора индивидов, которые от рождения слегка отклоняются от среднего нормального уровня и, соответственно, слегка не приспособлены к нормальной жизни.^[188] Психические характеристики, сопровождающие такое отклонение, не всегда обязательно носят явно неблагоприятный характер; слегка невротичная девушка низкого происхождения — не

склонная к тяжелой работе из-за недостатка энергии и, возможно, жадная и эгоистичная — может даже показаться, что обладает утонченностью, превышающей ее положение. Хотя, однако, среди проституток существует тенденция к аномалии, следует четко признать, что эта тенденция остается незначительной до тех пор, пока мы беспристрастно рассматриваем весь класс проституток. Те исследователи, которые пришли к выводу, что проститутки являются в высшей степени дегенеративным и ненормальным классом, наблюдали только за особыми группами проституток, особенно за теми, кого часто можно встретить в тюрьме. Невозможно составить справедливое представление о проститутках, изучая их только в тюрьме, так же как невозможно было бы составить справедливое представление о священнослужителях, врачах или юристах, изучая их исключительно в тюрьме, и это остается правдой, даже несмотря на то, что через тюрьмы проходит гораздо большая доля проституток, чем представителей более уважаемых профессий; этот факт, без сомнения, частично указывает на большую ненормальность проституток.

Следует, конечно, помнить, что особые условия жизни проституток, как правило, вызывают у них появление определенных профессиональных характеристик, которые являются полностью приобретенными, а не врожденными. Таким образом, мы можем объяснить постепенную модификацию вторичных и третичных женских половых признаков и появление мужских признаков, таких как частый низкий голос и т.д.^[189] Но, при всем уважении к этим приобретенным признакам, остается верным, что такие сравнительные исследования, которые были проведены до сих пор, хотя и безрезультатные, по-видимому, указывают на то, что, даже помимо распространенности приобретенных аномалий, профессиональный отбор по их призванию имеет тенденцию выделять из общей популяции того же социального класса индивидов, обладающих антропометрическими признаками, изменяющимися в определенном направлении. Сделанные таким образом наблюдения, по-видимому, указывают на то, что проститутки, как правило, имеют вес выше среднего, но не рост, что по длине рук они уступают им, хотя кисти длиннее (это было обнаружено одинаково в Италии и России); у них меньшие лодыжки и более крупные икры, и еще более крупные бедра пропорционально их крупным икрам. Предполагаемый объем черепа, а также окружность и диаметры черепа несколько ниже нормы не только по сравнению с респектабельными женщинами, но и с ворами; наблюдается склонность к брахицефалии (как в Италии, так и в России); скулы обычно выступают вперед, а челюсти развиты; волосы темнее, чем у респектабельных женщин, хотя и в меньшей степени, чем у воров; их также необычно много, не только на голове, но и в области сальных желез и в других местах; было обнаружено, что глаза определенно темнее, чем у респектабельных женщин или преступников.^[190]

Насколько можно судить, это указывает на то, что проститутки, как правило, приближаются к типу, который, как было показано в предыдущем томе, есть основания рассматривать как особенно показательный для развитой сексуальности. Однако нет необходимости обсуждать этот вопрос до тех пор, пока наши антропометрические знания о проститутках не станут более обширными и точными.

3. Моральное оправдание проституции.— Есть и всегда были моралисты — многие из них люди, мнение которых заслуживает самого серьезного уважения, — которые считают, что, учитывая необходимость улучшения гигиенических условий, существование проституции не представляет серьезной проблемы, требующей решения. Они говорят, что это, в лучшем случае, неизбежное зло и, в лучшем случае, благотворный институт, оплот семьи, неизбежной

обратной стороной которого является моногамия. "Безнравственный страж общественной морали" - таково определение проституток, данное одним писателем, который придерживается скромного взгляда на этот вопрос, а другой, занимающий более возвышенную позицию, пишет: "Проститутка выполняет социальную миссию. Она - хранительница девственной скромности, канал для реализации прелюбодейного желания, защитница матрон, которые боятся позднего материнства; в ее обязанности входит защищать семью". "Женские решения, - сказал Бальзак в своей *"Физиологии брака проституток"*, - они жертвуют собой ради республики и превращают свои тела в бастион для защиты респектабельных семей". Точно так же Шопенгауэр называл проституток "человеческими жертвоприношениями на алтаре моногамии". Леки, опять же, в часто цитируемом отрывке из "Риторики",^[191] можно сказать, что он сочетает в себе как высший, так и низменный взгляд на миссию проститутки в человеческом обществе, которой он даже стремится придать иератический характер. "Высший тип порока, - провозгласил он, - она, в конечном счете, является самым эффективным хранителем добродетели. Если бы не она, неоспоримая чистота бесчисленных счастливых домов была бы осквернена, и немало тех, кто, гордясь своим неиспорченным целомудрием, думает о ней с негодующим содроганием, познали бы муки раскаяния и отчаяния. На этой единственной деградированной и неблагородной форме сосредоточены страсти, которые могли бы наполнить мир стыдом. Она остается, в то время как возникают и рушатся религии и цивилизации, вечной жрицей человечества, проклятой за грехи людей".^[192]

Я не знаю, чтобы греки были сильно озабочены моральным оправданием проституции. Они не позволили этому принять очень оскорбительные формы и по большей части были довольны, приняв это. Римляне обычно тоже принимали это, но, как мы понимаем, не так легко. Римляне старой закалки были сурово серьезны, почти пуритански настроены, и иногда они, кажется, чувствовали необходимость убедиться в том, что проституция действительно морально оправдана. Важно отметить, что они привыкли помнить, что Катон, по слухам, выразил удовлетворение, увидев мужчину, выходящего из публичного дома, поскольку в противном случае он мог бы лечь в постель с женой своего соседа.

Социальная необходимость проституции - самый древний из всех аргументов моралистов в пользу терпимости к проституткам; и если мы примем вечную обоснованность системы брака, при которой развивалась проституция, и теоретической морали, основанной на этой системе, это аргумент чрезвычайно убедительный, если не неопровержимый.

Приход христианства с его особым отношением к "плоти" неизбежно вызвал огромный рост внимания к моральным аспектам проституции. Когда проституция не была морально осуждена, стало очевидно, что необходимо морально оправдать ее; церковь, идеалы которой были более или менее аскетичными, не могла оставаться благожелательно равнодушной в таком вопросе. Как правило, мы повсюду обнаруживаем, что в то время как более независимые и безответственные богословы принимают сторону осуждения, те богословы, которые возложили на них серьезную ответственность за управление церковным государством, скорее склоняются к неохотному моральному оправданию проституции. Из этого у нас есть пример первостепенной важности у святого Августина, после святого Павла, главного строителя христианской церкви. В трактате, написанном в 386 году для оправдания Божественного управления миром, мы находим, что он заявляет, что точно так же, как палач, каким бы отталкивающим он ни был, занимает необходимое место в обществе, так и проститутка и ей подобные, какими бы грязными, уродливыми и порочными они ни были, одинаково необходимы;

устраните проституток от человеческих дел, и вы оскверните мир похотью: "Aufer meretrices de rebus humanis, turbaveris omnia libidinibus".^[194] Аквинский, единственный теологический мыслитель христианского мира, которого можно назвать одним именем с Августином, придерживался того же мнения с ним по вопросу проституции. Он поддерживал греховность блуда, но признавал необходимость проституции как полезной части социальной структуры, сравнивая ее с канализацией, которая поддерживает чистоту во дворце.^[195] "Проституция в городах подобна канализации во дворце; уберите канализацию, и дворец станет нечистым и вонючим местом". Лигуори, самый влиятельный теолог более позднего времени, придерживался аналогичного мнения.

Такое колеблющееся и полупристрастное отношение к проституции действительно в целом поддерживалось теологами. Некоторые, следуя Августину и Аквинату, разрешили бы проституцию во избежание большего зла; другие были бы категорически против нее; третьи, опять же, разрешили бы ее в городах, но нигде больше. Однако теологи повсеместно придерживались мнения, что проститутка имеет право на свою заработную плату и не обязана возмещать ущерб.^[196] Ранние христианские моралисты без труда утверждали, что нет греха в том, чтобы сдавать дом проститутке для целей ее ремесла; за это всегда давалось отпущение грехов и воздержание не требовалось.^[197] Однако блуд всегда оставался грехом, и начиная с двенадцатого века Церковь предприняла серию организованных попыток вернуть проституток. Все католические теологи считают, что проститутка обязана признаться в грехе проституции, и большинство, хотя и не все, теологи верят, что мужчина также должен признаться в половом акте с проституткой. В то же время, хотя к самой проститутке существовало определенное снисхождение, Церковь всегда была очень сурова к тем, кто жил на доходы от продвижения проституции, к *ленонам*. Таким образом, Совет Эльвиры, который был готов принять без покаяния проститутку, вышедшую замуж, отказал в примирении, даже после смерти, лицам, виновным в *леноции*.^[198]

Протестантизм, в этом, как и во многих других вопросах сексуальной морали, отказавшись от исповеди, обычно мог избежать необходимости в каких-либо определенных и ответственных высказываниях относительно морального статуса проституции. Когда оно выражало какое-либо мнение или пыталось инициировать какие-либо практические действия, оно, естественно, основывалось на библейских предписаниях против блуда, выраженных святым Павлом, и не проявляло ни милосердия к проституткам, ни терпимости к проституции. Такая позиция, характерная для пуритан, была тем более легкой, что в протестантских странах, за исключением особых округов в особые периоды — таких, как Женева и Новая Англия в семнадцатом и восемнадцатом веках, — теологи в этих вопросах были призваны скорее давать религиозные наставления, чем проводить практическую политику. Последнюю задачу они оставили другим, и поэтому в сознании протестантов-мирян часто возникали определенная путаница и неуверенность. Такое отношение вдумчивого и серьезного писателя хорошо проиллюстрировано в Англии Бертоном, писавшим спустя столетие после Реформации. Он со сдержанным одобрением относится к "нашим псевдокатоликам", которые суровы к супружеской неверности, но снисходительны к блуду, возможно, придерживаясь мнения Катона о том, что следует поощрять избегать худших злодеяний дома, и которые держат публичные дома "так же необходимо, как церкви" и "имеют целые Колледжи куртизанок в своих городах". "Они считают невозможным, - продолжает он, - для праздных людей, молодых, богатых и похотливых, для стольких слуг, монахов, монахинь жить честно, слишком тираническим бременем, чтобы принуждать их к целомудрию, и совершенно неприличным

допускать, чтобы бедняки, младшие братья и солдаты вообще вступали в брак, а также больные люди, приверженцы, священники, слуги. Поэтому, чтобы сохранить и облегчить как одно, так и другое, они терпят такого рода бордели и похлебки и подмигивают им. У них есть множество вероятных аргументов, доказывающих законность, необходимость и терпимость к ним как к предметам использования; и, несомненно, в политике им нельзя противоречить, но в целом в религии".^[199]

Только в начале следующего столетия древний аргумент святого Августина о моральном оправдании проституции был смело и решительно изложен в протестантской Англии Бернардом Мандевилем в его *Басне о пчелах*, и при первом обнародовании он показался общественному сознанию настолько оскорбительным, что книга была запрещена. "Если бы куртизанок и шлюх преследовали с такой строгостью, с какой этого хотели бы некоторые глупые люди, - писал Мандевиль, - каких замков или решеток было бы достаточно, чтобы сохранить честь наших жен и дочерей? ... Очевидно, что существует необходимость пожертвовать одной частью женского рода, чтобы сохранить другую и предотвратить грязь более отвратительного характера. Отсюда, я думаю, я могу справедливо заключить, что целомудрие может поддерживаться невоздержанностью, а лучшая из добродетелей нуждается в помощи худшего из пороков".^[200] Со времен Мандевилля этот взгляд на проституцию стал распространенным как в протестантских, так и в других странах, хотя обычно он не был выражен так четко.

Возможно, будет интересно собрать воедино еще несколько современных примеров заявлений, выдвигаемых в качестве морального оправдания проституции.

Так, во Франции Менье де Кверлон в своей истории *о Псафионе*, написанной в середине восемнадцатого века, вкладывает в уста греческой куртизанки много интересных размышлений о жизни и положении проститутки. Она очень умело защищает свою профессию и утверждает, что, в то время как мужчины воображают, что проститутки - это просто презируемые жертвы их удовольствий, эти потенциальные тираны на самом деле простофили, которые служат нуждам женщин, которых они топчут ногами, и сами в равной степени заслуживают презрения, которым они их одаривают. "Мы отвечаем отвращением на отвращение, как они, несомненно, должны понимать. Мы часто оставляем им всего лишь статуя, и в то время как, воспламененные собственными желаниями, они поглощают себя бесчувственными чарами, наша спокойная холодность неторопливо наслаждается их чувствительностью. Тогда мы восстановим все наши права. Немного горячей крови поставило этих гордых созданий к нашим ногам и сделало нас хозяевами их судьбы. на чьей, я спрашиваю, стороне преимущество?" Но не все мужчины, добавляет она, столь несправедливы по отношению к проститутке, и она продолжает произносить хвалебную речь, не без легкой иронии, о полезности, удобстве борделя.

Большое количество современных авторов, пишущих о проституции, настаивают на ее социально выгодном характере. Таким образом, Чарльз Ришар завершает свою книгу по этому вопросу словами: "Поведение общества в отношении проституции должно исходить из принципа благодарности без ложного стыда за ее полезность и сострадания к бедным созданиям, за счет которых это достигается" (*"Девантная философия проституции"*, 1882, стр. 171). "Сделать брак постоянным - значит усложнить его, - замечает американский писатель-медик, - усложнить - значит отложить его; откладывать - значит поддерживать в обществе все большее число сексуально совершенных индивидуумов с нормальными или, в случаях, когда

подавление затягивается, чрезмерными сексуальными аппетитами. Социальное зло - это естественный результат физической природы человека, его унаследованных импульсов и искусственных условий, в которых он вынужден жить" ("Социальное зло", *Медицина*, август и сентябрь 1906 г.). Вудс Хатчинсон, хотя и высказывается с решительным неодобрением о проституции и считает проститутку "худшими представительницами пола", все же рассматривает проституцию как социальную организацию высшей ценности. "С медико-экономической точки зрения я осмеливаюсь утверждать, что это одно из величайших средств отбора и элиминации в природе, имеющее наивысшую ценность для общества. Его можно грубо охарактеризовать как предохранительный клапан для института брака" (*Евангелие от Дарвина*, стр. 193; ср. статью того же автора "Экономика проституции", опубликованную в *Boston Medical and Surgical Journal*, 21 ноября 1895 г.). Адольф Герсон в несколько сходном духе утверждает ("Die Ursache der Prostitution", *Сексуальная проблема*, сентябрь 1908 г.), что "проституция является одним из средств, используемых Природой для ограничения репродуктивной активности мужчин, и особенно для отсрочки периода половой зрелости". Молинали считает, что социальные выгоды проституции с самого начала проявлялись различными способами; стерилизуя, например, наиболее чрезмерные проявления сексуального импульса, проституция подавила необходимость в детоубийстве лишних детей и привела к запрету этого примитивного метода ограничения численности населения (Г. де Молинали, *La Viriculture*, стр. 45). Совершенно иным образом, чем тот, о котором упоминал Молинали, проституция даже в совсем недавние времена привела к отказу от детоубийства. В китайской провинции Пиньян, утверждает Матиньон, не так давно было обычным делом, когда бедные родители убивали сорок процентов детей. о девочках, или даже обо всех них, при рождении, поскольку их воспитание обходилось слишком дорого и они ничего не приносили, поскольку мужчины, желавшие жениться, могли легко найти жену соседней провинции Вэньчу, где женщин было очень легко заполучить. Однако теперь линия пароходов вдоль побережья позволяет девушкам очень легко добираться до борделей Шанг-Хая, где они могут зарабатывать деньги для своих семей; поэтому обычай убивать их вымер (Matignon, *Archives d'Anthropologie Criminelle*, 1896, стр. 72). "В нынешних условиях", - пишет доктор Ф. Эрхард ("Auch ein Wort zur Ehereform", *Geschlecht und Gesellschaft*, Jahrgang I, раздел 9), "проституция (в самом широком смысле, включая свободные отношения) необходима для того, чтобы молодые мужчины могли в какой-то степени научиться узнавать женщин, поскольку обычного разговора для этого недостаточно; однако точное знание женских мыслей и действий необходимо для правильного выбора, поскольку редко возможно полагаться на уверенность инстинкта. Хорошо также, что мужчины должны сбивать свои рога перед женитьбой, ибо полигамная тенденция где-нибудь прорвется. Проституция портит только тех мужчин, в которых нечего портить, и если таким образом пропадает желание вступать в брак, у нерожденных детей мужчины может быть повод поблагодарить его". Найссер, Нэкке и многие другие призывали к проституции и даже к публичным домам как к "неизбежному злу".

Едва ли нужно добавлять, что многие, даже среди самых ярых сторонников моральных преимуществ проституции, считают, что некоторое улучшение методов все еще желательно. Таким образом, Боро с нетерпением ждет того времени, когда регулируемые публичные дома станут менее презренными. Различные усовершенствования, по его мнению, могут в ближайшем будущем "лишить их варварских атрибутов, которые выделяют их на поругание скептически настроенной или невежественной толпы, в то время как их узнаваемые

преимущества положат конец презрению, вызываемому их циничным видом" (*Дом терпимости*, Парижская галерея, 1904).

4. *Цивилизационная ценность проституции*. Моральный аргумент в пользу проституции основан на вере в то, что наша брачная система настолько бесконечно ценна, что институт, служащий ее опорой, должен сохраняться, каким бы уродливым или иным образом предосудительным он ни был сам по себе. Однако есть еще один аргумент в поддержку проституции, которому едва ли уделяется то внимание, которого он заслуживает. Я имею в виду его влияние на добавление элемента, в той или иной необходимой форме, веселья и разнообразия в упорядоченную сложность современной жизни, избавление от монотонности ее механической рутины, отвлечение от ее унылой и респектабельной монотонности. Это отличается от более специфической функции проституции как выхода избыточной сексуальной энергии и может затронуть даже тех, кто практически не общается с проститутками. Можно сказать, что этот элемент составляет цивилизационную ценность проституции.

Настойчивость этого фактора обусловлена не только общими условиями цивилизации, но и, более конкретно, условиями городской жизни. Городская жизнь, вызванная стрессом конкуренции, налагает очень суровую и изматывающую рутину скучной работы. В то же время это делает мужчин и женщин более чувствительными к новым впечатлениям, более влюбленными в азарт и перемены. Это увеличивает возможности социального общения; это снижает шансы обнаружения незаконного полового акта и в то же время затрудняет вступление в брак, поскольку, усиливая социальные амбиции и увеличивая расходы на жизнь, это отодвигает время, когда можно создать дом. Городская жизнь задерживает вступление в брак и в то же время делает заменители брака более необходимыми.^[201]

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что именно этот мотив — стремление дополнить несовершенные возможности для саморазвития, предлагаемые нашей ограниченной, механической и трудоемкой цивилизацией, — играет одну из главных ролей в побуждении женщин вести, временно или постоянно, образ жизни проститутки. Мы видели, что экономический фактор никоим образом не является преобладающим в этом выборе, как когда-то предполагалось. И опять же, нет никаких оснований предполагать, что преобладающий сексуальный импульс является ведущим фактором. Но большое количество молодых женщин инстинктивно обращаются к проституции, потому что ими движет неясный импульс, который они едва ли могут определить для себя или выразить и часто стыдятся признаться. Поэтому удивительно, что этот мотив занимает столь большое место даже в официальной статистике факторов проституции. Меррик из Лондона обнаружил, что 5000, или почти треть, проститутток, которых он исследовал, добровольно отказались от дома или положения "ради жизни в удовольствиях", и он ставит это во главу угла причин проституции.^[202] В Америке Сэнгер обнаружил, что "склонность" стоит почти во главе причин проституции, в то время как Вудс Хатчинсон обнаружил, что "любовь к показухе, роскоши и праздности", безусловно, во главе. "Отвращение и усталость от работы" — вот причина, которую многие бельгийские девушки называют, заявляя в полицию о своем желании стать проститутками. В Италии аналогичный мотив, по оценкам, играет важную роль. В России "стремление к развлечениям" занимает второе место среди причин проституции. Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что, как заключил вдумчивый исследователь лондонской жизни, проблема проституции — это "в основе своей безумная и непреодолимая тяга к возбуждению, серьезный и преднамеренный бунт против монотонности банальных идеалов и невдохновляющей рутины повседневной

жизни".^[203] Мы можем обоснованно заключить, что именно этот фактор проституции в основном ответственен за тот факт, на который указал Ф. Шиллер,^[204] что с развитием цивилизации предложение проституток имеет тенденцию перерасти в спрос.

Чарльз Бут, похоже, придерживается того же мнения и цитирует (*Жизнь и труд народа*, Третья серия, том. vii, стр. 364) из отчета Комитета спасения: "Популярная идея состоит в том, что эти женщины стремятся оставить греховную жизнь. Простая истина заключается в том, что по большей части у них вообще нет желания быть спасенными. Очень многие из этих женщин не считают и не будут считать проституцию грехом. "Меня каждый вечер водят ужинать и в какое-нибудь увеселительное заведение; почему я должна отказываться от этого?" Меррик, которая обнаружила, что пять процентов из 14 000 проституток, прошедших через тюрьму Миллбэнк, привыкли сочетать религиозные обряды со своей профессией, также замечает относительно их отношения к морали: "Я убеждена, что есть много бедных мужчин и женщин, которые ни в малейшей степени не понимают, что подразумевается под термином "безнравственность". Из вежливости к вам они могут согласиться с тем, что вы говорите, но они не понимают, что вы имеете в виду, когда говорите о добродетели или чистоте; вы просто говорите поверх их голов" (Меррик, указ. соч., стр. 28). Такое же отношение можно встретить среди проституток повсюду. В Италии Ферриани упоминает пятнадцатилетнюю девочку, которая, когда ее обвинили в непристойном поведении с мужчиной в общественном саду, отрицала это со слезами и большим возмущением. В конце концов он заставил ее признаться, а затем спросил: "Почему ты пыталась заставить меня поверить, что ты хорошая девочка?" Она колебалась, улыбнулась и сказала: "Потому что *говорят*, что девушки не должны делать то, что делаю я, а должны работать. Но я такая, какая я есть, и это их не касается". Такое отношение часто является чем-то большим, чем инстинктивное чувство; у интеллигентных проституток оно часто становится обоснованным убеждением. "Я могу вынести все, если так должно быть, - писал автор *Tagebuch einer Verlorenen* (стр. 291), - даже серьезное и благородное презрение, но я не могу вынести презрения. Презрение — да, если оно оправдано. Если бедная и хорошенькая девушка с больным и ожесточенным сердцем остается одна в жизни, отвергнутая, со всех сторон подстерегающими ее соблазнами, и, несмотря на это, по внутреннему убеждению она выбирает серый и монотонный путь самоотречения и мещанской морали, я узнаю в этой девушке личность, у которой есть определенное оправдание смотреть с презрительной жалостью на более слабых девушек. Но те гуси, которые на глазах у своих пастухов и пожизненных владельцев всегда паслись на ровных зеленых полях, конечно, не имеют права презрительно смеяться над другими, которым не так повезло". Не следует также предполагать, что в оправдании самой себя проституткой обязательно присутствует какая-либо софистика. Некоторые из наших лучших мыслителей и наблюдателей пришли к выводу, который не отличается от предыдущего. "Реальные условия общества противостоят любым высоким моральным чувствам женщин", - отмечает Марро (*La Pubertà*, стр. 462), "ибо между теми, кто продает себя проституции, и теми, кто продает себя браку, разница заключается только в цене и продолжительности контракта".

Мы уже видели, какую значительную роль в проституции играют те, кто оставил домашнюю работу, чтобы принять эту жизнь (*ante*, стр. 264). Нетрудно найти в этом факте свидетельство того импульса, который толкает женщину к занятию проституцией. "Служанка в нашем обществе равенства, - писал Гонкур, вспоминая несколько более ранние дни, когда ее часто допускали к участию в семейной жизни, - стала не чем иным, как платным парией, машиной для выполнения домашней работы, и ей больше не разрешается разделять человеческую жизнь

работодателя".^[205] И в Англии, даже полвека назад, мы уже находим те же заявления относительно положения прислуги: "домашняя работа - это полное рабство", с ранними и поздними часами и постоянной беготней вверх и вниз по лестнице, пока у нее не отекут ноги; "слишком часто проявляется изобретательность, достойная лучшего дела, в получении максимально возможного количества рабочей силы из дома". домашняя машина"; кроме того, она является "своего рода громоотводом", позволяющим воспринимать дурной нрав и нездоровые чувства своей хозяйки и молодых леди; так что, как говорили некоторые, "я чувствовала себя такой несчастной, что мне было все равно, что со мной будет, я хотела умереть".^[206] Служанка лишена всех человеческих отношений; она не должна выдавать существование какого-либо простого порыва или естественной потребности. В то же время она живет на грани роскоши; ее окружают дразнящие видения удовольствий и забав, которых жаждет ее свежая юная натура.^[207] Неудивительно, что, испытывая отвращение к рутинной работе и привлекаясь праздной роскошью, она должна сделать решительный шаг, который единственный позволит ей насладиться блестящими аспектами цивилизации, которые кажутся ей столь желанными.^[208]

Иногда утверждается, что распространенность проституции среди девушек, которые раньше были прислугой, объясняется огромным количеством прислуг, которых соблазняют их хозяева или молодые мужчины из семьи, и таким образом они вынуждены выходить на улицу. Несомненно, в определенной доле случаев, возможно, иногда довольно значительной, это является решающим фактором в данном вопросе, но вряд ли это главный фактор. Следует помнить, что существование отношений между слугами и хозяевами ни в коем случае не обязательно подразумевает соблазнение. В большом количестве случаев прислуга в домашнем хозяйстве в сексуальных вопросах является скорее учителем, чем учеником. (В "Сексуальном влечении у женщин", в третьем томе этих *Исследований*, я обсуждал роль слуг в качестве сексуальных инициаторов мальчиков в семьях, в которые они попадают.) Более точная статистика причин проституции редко указывает на соблазнение в качестве основного определяющего фактора более чем в двадцати процентах случаев. случаев, хотя это, очевидно, один из наиболее легко признаваемых мотивов (см. *ante*, стр. 256). Соблазнение со стороны любого работодателя составляет лишь часть (обычно менее половины) даже из этих случаев. Таким образом, частный случай совращения слуг хозяевами не может играть значительной роли как фактор проституции.

Статистика происхождения незаконнорожденных детей имеет некоторое отношение к этому вопросу. В серии из 180 незамужних матерей, которым помогал Берлинский бунд за права человека, подробно рассказывается о профессиях как матерей, так и, насколько это возможно, отцов. Первые на треть составляли служанки, а подавляющее большинство остальных - помощницы по ремеслу или девушки, выполняющие работу по дому. Во главе отцов (из 120 случаев) стояли ремесленники (33), за ними следовали торговцы (22); лишь небольшую часть (от 20 до 25) можно было назвать "джентльменами", и даже эта доля отчасти теряет свое значение, когда указывается, что некоторые девушки также принадлежали к среднему классу; в девятнадцати случаях отцами были женатые мужчины (*Муттершутц*, январь 1907 г., стр. 45).

Большинство авторитетных лиц в большинстве стран придерживаются мнения, что девушки, которые в конечном итоге (обычно в возрасте от пятнадцати до двадцати лет) становятся проститутками, теряют девственность в раннем возрасте, и в подавляющем большинстве случаев через мужчин своего класса. "Девушка из народа погибает от рук народа", - заявил

Ройсс во Франции (*La Prostitution*, стр. 41). "Именно такие, как она, работники, подобные ей, получают первые плоды ее красоты и девственности. Светский мужчина, который покрывает ее золотом и драгоценностями, получает только их объедки". Мартино снова (*О тайной проституции*, 1885) показал, что проститутки обычно лишают девственности мужчины их собственного класса. А Жаннель из Бордо нашла основания полагать, что слуг сбивают с пути истинного не только их хозяева; они часто идут в услужение, потому что были соблазнены в деревне, в то время как ленивых, жадных и неразумных девушек отправляют из деревни в город на службу. В Эдинбурге У. Тейт (*Магдалинизм*, 1842) обнаружил, что солдаты больше, чем любой другой класс в обществе, являются соблазителями женщин, причем горцы особенно печально известны в этом отношении. Солдаты имеют такую репутацию повсюду, и в Германии особенно, постоянно обнаруживается, что присутствие солдат в сельской местности, например, на ежегодных маневрах, является причиной распутства и внебрачных рождений; так же обстоит дело и в Австрии, где давным-давно Гросс-Хоффингер заявил, что солдаты ответственны по меньшей мере за треть всех внебрачных рождений, доля, совершенно непропорциональная их численности. В Италии Марро, расследуя случай потери девственности двадцатью двумя проститутками, обнаружил, что десять из них более или менее спонтанно отдались любовникам или хозяевам, десять уступили в ожидании брака, а двое были возмущены (*La Pubertà*, стр. 461). Марро добавляет, что потеря девственности, хотя и не может быть прямой причиной проституции, часто приводит к ней. "Когда дверь однажды взломали, - сказала ему проститутка, - ее трудно держать закрытой". На Сардинии, как выяснили А. Мантегацца и Чиуффо, проститутки - это в основном прислуга из страны, которая уже была лишена девственности мужчинами своего класса.

На этот цивилизационный фактор проституции, влияние роскоши, возбуждения и утонченности в привлечении девушек из народа, как пламя привлекает мотылька, указывает тот факт, что именно сельские жители в основном поддаются очарованию. Девушки, чьи юношеские взрывные и оргиастические порывы, иногда усиливаемые небольшим врожденным недостатком нервной уравновешенности, были скрыты в унылом однообразии сельской жизни и обострены зрелищем роскоши, подействовавшим на безрадостную рутину городской жизни, находят, наконец, свое полное удовлетворение в карьере проститутки. Для городской девушки, родившейся и выросшей в городе, эта карьера обычно не слишком привлекательна, если только она с самого начала не воспитывалась в среде, которая предрасполагает ее к этому. Она с детства знакома с волнениями городской цивилизации, и они не опьяняют ее; более того, она более проницательна в том, чтобы позаботиться о себе, чем деревенская девушка, и слишком хорошо знакома с реальными фактами жизни проститутки, чтобы очень стремиться избрать ее карьеру. Помимо этого, также, вероятно, что популяции, к которым она принадлежит, обладают врожденной или приобретенной способностью сопротивляться нарушающим равновесие воздействиям, которая позволила им выжить в городской жизни. Она стала невосприимчивой к ядам той жизни.^[209]

Во всех крупных городах значительная часть, если не большинство, жителей обычно родились за пределами города (в Лондоне только около пятидесяти процентов. о главах домохозяйств определенно сообщается, что они родились в Лондоне); и поэтому неудивительно, что проститутки также часто должны быть посторонними. Тем не менее, важным фактом остается то, что такое типично городское явление, как проституция, в значительной степени набирается из

сельской местности. Так происходит повсюду. Меррик перечисляет регионы, из которых прибыло около 14 000 проституток, прошедших через тюрьму Миллбэнк. Мидлсекс, Кент, Суррей, Эссекс и Девон - графства, стоящие во главе, и Меррик подсчитал, что контингент Лондона из четырех графств, составляющих Лондон, составлял 7000 человек, или половину от общего числа; военные города, такие как Колчестер, и военно-морские порты, такие как Плимут, поставляют в Лондон много проституток; Ирландия поставляла намного больше, чем Шотландия, а Германия - намного больше, чем любая другая европейская страна, Франция практически не представлена вообще (Merrick, *Work Among the Fallen*, 1890, стр. 14-18). Конечно, возможно, что пропорции среди тех, кто проходит через тюрьму, не совсем точно отражают пропорции среди проституток в целом. Реестры Приюта спасения Лондонской армии спасения показывают, что шестьдесят процентов. некоторые девушки и женщины приезжают из провинции (А. Шеруэлл, *Жизнь в Западном Лондоне*, гл. V). Это точно такая же пропорция, какую Тейт обнаружил среди проституток в целом полувеком ранее в Эдинбурге. Сэнгер обнаружил, что из 2000 проституток в Нью-Йорке 1238 родились за границей (706 в Ирландии), в то время как из оставшихся 762 только половина родилась в штате Нью-Йорк, и явно (хотя точные цифры не приводятся) еще меньшая доля в Нью-Йорке. Проституток приезжает с Севера, где неблагоприятный климат, преобладают промышленные предприятия и сидячий образ жизни, гораздо больше, чем с Юга; так, Мэн, холодный унылый приморский штат, отправил двадцать четыре таких проститутки в Нью—Йорк, в то время как равноудаленная Вирджиния, которая при том же показателе должна была отправить семьдесят две, отправила только девять; аналогичная разница была между Род—Айлендом и Мэрилендом (Сэнгер, *История проституции*, стр. 452). Поучительно видеть здесь влияние унылого климата и монотонного труда на возбуждение аппетита к "жизни в удовольствиях". Во Франции, как показано на карте в работе Парента-Дюшателе (том i, стр. 37-64, 1857), если страна разделена на пять зон, в целом простирающихся на восток и запад, наблюдается неуклонное и прогрессирующее уменьшение числа проституток, которых каждая зона отправляет в Париж, по мере продвижения на юг. Немногим более трети, по-видимому, принадлежат Парижу, и, как и в Америке, наибольший контингент приходится на серьезный и трудолюбивый Север с его относительно холодным климатом; даже в старой Франции, отмечает Дюфур (*op. cit.*, vol. iv, гл. XV), проституция, как показывают *фаблио* и *римляне*, была менее печально известна на *ойльском языке*, чем на *окском*, так что они, несомненно, были редкостью на Юге. В более поздний период Ройсс утверждает (*La Prostitution*, стр. 12), что "почти все проститутки Парижа родом из провинции". Жаннель обнаружила, что из тысячи проституток Бордо только сорок шесть принадлежали к самому городу и Поттону (Приложение к Parent-Duchâtelet, vol. ii, стр. 446) говорится, что из почти четырех тысяч лионских проституток только 376 принадлежали Лиону. В Вене, в 1873 году, Шранк отмечает, что из более чем 1500 проституток только 615 родились в Вене. Как будет видно, общее правило, хотя и с большими вариациями, заключается в том, что немногим более трети городских проституток - городские дети.

Интересно отметить, что эта тенденция проституток добираться до городов издалека, эта миграционная тенденция, которую они сегодня разделяют с официантами, — не просто современное явление. "В Ломбардии, Франции или Галлии мало городов, - писал святой Бонифаций почти двенадцать веков назад, - в которых не было бы прелюбодейки или проститутки английской нации", и святой объясняет это обычаем совершать паломничество к иностранным святыням. В настоящее время среди континентальных проституток нет заметного английского элемента. Так, в Париже, согласно Рейссу (*La Prostitution*, стр. 12), иностранными

проститутками в порядке убывания являются бельгийки, немки (Эльзас-Лотарингия), швейцарки (особенно Женева), итальянки, испанки и только потом англичанки. Знатоки в этом вопросе действительно говорят, что английская проститутка по сравнению со своей континентальной (и особенно французской) сестрой не может показать себя с лучшей стороны, поскольку обычно жадна до денег и лишена обаяния.

Именно привлекательность цивилизации, хотя и не то, что является лучшим в цивилизации, больше, чем любой другой мотив, побуждает женщин к карьере проститутки. Теперь необходимо отметить, что и для мужчины такая же привлекательность ощущается в лице проститутки. Распространенное и невежественное предположение, что проституция существует для удовлетворения грубой чувственности молодого неженатого мужчины, и что если его учат обуздывать грубые сексуальные побуждения или принуждают рано жениться, проститутка должна быть праздною, совершенно неверно. Если бы все мужчины женились совсем молодыми, лекарство не только было бы хуже болезни — этот момент здесь было бы неуместно обсуждать, — но и само лекарство не излечило бы болезнь. Проститутка - это нечто большее, чем канал для отвода избыточной сексуальной энергии, и ее привлекательность ни в коем случае не исчезает, когда мужчины женаты, поскольку большое количество мужчин, посещающих проститутки, если не большинство, женаты. И независимо от того, женаты они или неженаты, их мотивом является не простая похоть.

В Англии хорошо информированный писатель отмечает, что "о ценности брака как морального фактора свидетельствует тот факт, что все проститутки высшего класса в Лондоне почти полностью содержатся женатыми мужчинами", в то время как в Германии, как указано в интересной серии воспоминаний бывшей проститутки Хедвиг Хард "*Beichte einer Gefallenen*" (стр. 208), большинство мужчин, посещающих проститутки, женаты. Оценка, вероятно, завышена. Найссер утверждает, что только двадцать пять процентов случаев гонореи встречаются у женатых мужчин. Это указание, вероятно, вводит в заблуждение в обратном направлении, поскольку женатые были бы менее безрассудны, чем молодые и неженатые. Что касается мотивов, которые приводят женатых мужчин к проституткам, Хедвиг Хард рассказывает на основе собственного опыта случай, который поучителен и, без сомнения, типичен. В городке, в котором она тихо жила проституткой, друг представил ей мужчину из высшего социального класса, и он регулярно навещал ее. Она часто видела его жену и восхищалась ею, которая была одной из местных красавиц, и у нее было двое очаровательных детей; муж и жена, казалось, были преданы друг другу, и каждый завидовал их счастью. Он был умным и культурным человеком, который поощрял любовь Хедвиг к книгам; она очень привязалась к нему и однажды осмелилась спросить его, как он мог оставить свою милую и обаятельную жену ради того, чтобы уйти к той, которая была недостойна завязывать шнурки на ее ботинках. "Да, дитя мое, - ответил он, - но вся ее красота и культура ничего не трогают в моем сердце. Она холодна, как лед, корректна и, прежде всего, флегматична. Избалованная, она живет только для себя; мы - два хороших товарища, и ничего больше. Если, например, я возвращаюсь вечером из клуба и ложусь к ней в постель, возможно, немного взволнованный, она начинает нервничать и считает неприличным будить ее. Если я целую ее, она оправдывается и говорит, что от меня ужасно пахнет сигарами и вином. И если, возможно, я попытаюсь сделать что-то еще, она вскакивает с кровати, ошетинивается, как будто я нападаю на нее, и угрожает выброситься из окна, если я прикоснусь к ней. Поэтому, ради мира, я оставляю ее в покое и прихожу к тебе". Не может быть никаких сомнений в том, что это опыт многих женатых мужчин, которые были бы вполне довольны, найдя в своих женах не только

подругу, но и возлюбленную. Но жены по целому ряду причин оказались неспособными стать сексуальными партнершами своих мужей. И мужья, не поддаваясь никакому порыву сильной страсти или какому-либо желанию измены, ищут за границей то, чего не могут найти дома.

Это не единственная причина, по которой женатые мужчины посещают проститутку. Даже мужчины, которые счастливы в браке с женщинами, подходящими им во всех основных отношениях, склонны после нескольких лет супружеской жизни обнаруживать таинственную тягу к разнообразию. Они не устали от своих жен, у них нет ни малейшего желания или намерения бросить их, они, если смогут, не причинят им ни малейшей боли. Но время от времени ими руководит почти непреодолимый и произвольный импульс искать временной близости с женщинами, с которыми ничто не заставило бы их соединиться навсегда. Пепис, чей *Дневник*, в дополнение к другим его заявлениям о нас, является уникальным психологическим документом, представляет собой очень характерный пример такого рода импульса. Он женился на молодой и очаровательной жене, к которой очень привязан, и живет с ней счастливо, если не считать нескольких случайных домашних ссор, которые вскоре улаживаются поцелуями; о его любви свидетельствует его ревность, ревность, которая, как он признает, совершенно неразумна, поскольку она верная и преданная жена. И все же через несколько лет после женитьбы, в разгар напряженной официальной деятельности, Пепис не может устоять перед искушением добиваться временных благосклонностей других женщин, редко проститутки, но почти всегда женщин из низкого социального класса — продавщиц, жен рабочих, высокопоставленных служанок. Часто он довольствуется тем, что приглашает их в тихую пивную и позволяет себе несколько тривиальных вольностей. Иногда они категорически отказываются допускать большего; когда это случается, он часто благодарит Всемогущего Бога (делая запись в своем *Дневнике* ночью) за то, что был спасен от искушения и от потери времени и денег; в любом случае, он склонен поклясться, что это никогда не повторится. Это всегда происходит снова. Пепис вполне искренен с самим собой; он не пытается оправдываться; он знает, что поддался искушению; это импульс, который время от времени овладевает им, импульс, которому он, кажется, не в состоянии долго сопротивляться. На протяжении всего этого он остается уважаемым и прилежным чиновником и во многих отношениях довольно добродетельным человеком, испытывающим искреннюю неприязнь к распущенным людям и распущенным разговорам. Позиция Пеписа раскрывается с несравненной простотой и искренностью, потому что он излагает эти вещи только для своих собственных глаз, но его случай в значительной степени похож на случай огромного числа других мужчин, возможно, действительно типичного человека с чувствами (см. Пепис, *Дневник*, изд. Уитли; например,, том. iv, passim).

Существует третий класс женатых мужчин, менее значительный по численности, но не маловажный, которых побуждают посещать проститутку: класс сексуально извращенных мужчин. Существует великое множество причин, по которым такие мужчины могут желать жениться, и в некоторых случаях они женятся на женщинах, с которыми считают возможным получить ту особую форму сексуального удовлетворения, которой они жаждут. Но в значительной доле случаев это невозможно. Женщина традиционного воспитания часто не может заставить себя потакать даже какой-нибудь совершенно невинной фетишистской прихоти своего мужа, поскольку это слишком чуждо ее чувствам и непостижимо для ее идей, даже если она может быть искренне влюблена в него; во многих случаях муж не осмеливается просить и едва ли даже желает, чтобы его жена согласилась сыграть фантастическую или, возможно, унижительную роль, которой требуют его желания. В таком случае он, естественно,

обращается к проститутке, единственной женщине, в обязанности которой входит удовлетворять его особые потребности. Женитьба не принесла облегчения этим мужчинам, и они составляют значительную долю клиентов проститутки в каждом крупном городе. Самая обычная проститутка с любым опытом может привести примеры из числа своих собственных посетителей, чтобы проиллюстрировать трактат о психопатической сексуальности. Здесь может быть достаточно процитировать отрывок из исповеди молодой лондонской проститутки (Стрэнд), записанный с ее слов другом, которому я обязан этим документом; я просто преобразовал несколько разговорных терминов в более технические формы. После описания того, как, когда она была еще тринадцатилетней девочкой в деревне, богатый пожилой джентльмен часто приезжал и выставлялся напоказ перед ней и другими девочками, и в конце концов был арестован и заключен в тюрьму, она рассказала о тех извращениях, с которыми столкнулась с тех пор, как стала проституткой. Она знала молодого человека лет двадцати пяти, обычно одетого в спортивном стиле, который всегда приходил с парой живых голубей, которых приносил в корзинке. Она и девушка, с которой она жила, должны были раздеться, взять голубей и свернуть им шеи; он становился перед ними, и когда им сворачивали шеи, наступал оргазм. Однажды мужчина встретил ее на улице и спросил, может ли он пойти с ней и полизать ее сапоги. Она согласилась, и он отвез ее в гостиницу, заплатил полгинеи за номер, а когда она села, залез под стол и лизнул ее сапоги, которые были покрыты грязью; больше он ничего не сделал. Потом, по ее словам, были некоторые вещи, которые были слишком грязными, чтобы их повторять; так вот, один мужчина пришел домой с ней и ее подругой и заставил их помочиться ему в рот. У нее также были истории о бичевании, как правило, о мужчинах, которые пороли девушек, реже о мужчинах, которым нравилось, когда они пороли их. Одному мужчине, который каждый раз приносил новую березку, нравилось пороть ее друга до крови. Она знала другого мужчину, который только и делал, что яростно шлепал ее по ягодицам. Итак, все эти вещи, которые входят в обычную повседневную работу проститутки, коренятся в глубоких и почти непреодолимых импульсах (как будет ясно любому читателю, ознакомленному с обсуждением эротической символики в предыдущем томе этих *Исследований*). Они должны найти какой-то выход. Но только на проститутку можно положиться, что благодаря ее интересам и обучению она преодолееет естественное отвращение к подобным действиям и удовлетворит желания, которые без удовлетворения могут принять другие, более опасные формы.

Хотя Вудс Хатчинсон с одобрением цитирует заявление своего друга: "Из тысяч я никогда не видел ни одной с хорошими манерами за столом", все же существует реальный смысл, в котором проститутка олицетворяет, пусть и неадекватно, привлекательность цивилизации. "Не было дома, в котором я мог бы привычно видеть женское лицо и слышать женский голос", - писал романист Энтони Троллоп в своей *автобиографии* о своей ранней жизни в Лондоне. "На моем пути не стояло никакого соблазна к приличной респектабельности. Мне кажется, что в таких обстоятельствах соблазны разгульной жизни почти наверняка восторжествуют над молодым человеком. Во всяком случае, искушение у меня взяло верх." Говорят, что в каждом большом городе есть тысячи мужчин, которые не имеют права называть ни одну женщину, кроме официантки, по имени.^[210] Вся блестящая лихорадка цивилизации пульсирует вокруг них на улицах, но их губы никогда не прикасаются к ней. Именно проститутка воплощает это очарование города гораздо лучше, чем девственница, даже если близость с ней была бы в пределах досягаемости. Проститутка олицетворяет это, потому что она сама это чувствует, потому что она даже пожертвовала своей женской честью в попытке отождествить себя с этим. У нее необузданные женские инстинкты, она владеет женским искусством украшения, она

может говорить с ним о тайнах женственности и роскоши секса с такой непосредственной свободой и знанием дела, на которые неспособна была бы невинная девушка, запертая в своем доме. Она привлекает его ни в коем случае не только потому, что может удовлетворить низменные сексуальные желания, но и потому, что она, в своем роде, художница, эксперт в искусстве эксплуатации женщин, лидер женской моды. Ибо она такая, и есть, как заявил Зиммель в своей *Философии моды*, веские психологические причины, по которым она всегда должна быть такой. Ее неопределенное социальное положение делает все условное и устоявшееся ненавистным для нее, в то время как ее темперамент делает постоянную новизну восхитительной. В новых модах она находит "эстетическую форму того инстинкта разрушения, который, по-видимому, присущ всем существам-париям, поскольку они не полностью поработаны духом".

"Каким бы удивительным это ни казалось некоторым, - замечает современный писатель, - проститутки следует ставить на один уровень с художницами. Оба используют свои дары и таланты для радости и удовольствия других, и, как правило, за плату. В чем существенная разница между певицей, которая доставляет удовольствие слушателям своим горлом, и проституткой, которая доставляет удовольствие тем, кто ищет ее, другой частью своего тела? Любое искусство воздействует на чувства." Он ссылается на важный факт, что к актерам, и особенно актрисам, раньше относились во многом так же, как сейчас к проституткам (Р. Хеллманн, *Ueber Geschlechtsfreiheit*, стр. 245-252).

Бернальдо де Кирос и Льянас Агиланьедо ("*Малая жизнь в Мадриде*", стр. 242) прослеживают то же влияние еще ниже по социальной лестнице. Они описывают более убогий вид *café chantant*, в котором в Испании и других странах самые порочные и дегенеративные создания женского пола становятся официантками (а иногда певицами и танцовщицами), играя роль любезных и утонченных *гетер* для публики кармен и мальчишек-продавцов, которые часто посещают эти курорты. "Одетые с безукоризненным вкусом, как кажется юноше, с тщательно уложенными волосами и чистым лицом, украшенным цветами или безделушками, приветливые и порой надменные, превосходящие по обаянию и нарядам других женщин, которых он может знать, официантки становятся самым возвышенным примером *галантной женщины*, на которую он может смотреть и с которой может разговаривать, куртизанки в своей сфере".

Но в то время как для простой, невежественной и голодной молодежи проститутка привлекательна как воплощение многих утонченностей и извращений цивилизации, на многих более сложных и цивилизованных мужчин она оказывает притягательное воздействие почти обратного рода. Она привлекает своей свежей и естественной грубостью, своим откровенным знакомством с самыми грубыми фактами жизни; и таким образом поднимает их на мгновение из иссушающей атмосферы искусственных мыслей и нереальных чувств, в которой так много цивилизованных людей вынуждены проводить большую часть своей жизни. Они чувствуют это в словах, которые, как говорят, использовал королевский друг женщины с таким темпераментом, объясняя ее непонятное влияние на него: "Она так великолепно вульгарна!"

В качестве иллюстрации этого аспекта привлекательности проституции я могу процитировать отрывок, в котором романист Герман в своей "*Исповеди друга Тьера*" (Письмо VII) излагает причины, которые могут побудить сверхразвитое дитя культурного века, но ни в коем случае не радикально и не полностью порочное, находить удовлетворение в общении с проститутками:

"Пока мое сердце не было затронуто, объект моего удовлетворения был мне совершенно безразличен. Более того, я был большим любителем абсолютной свободы, которая возможна только в кругу этих безымянных созданий и в их заповедном жилище. Там все стало дозволенным. С другими женщинами, как бы низко мы к ним ни стремились, должны соблюдаться определенные условности, своего рода протокол. Им можно говорить все: человек защищен инкогнито и заверен, что ничто не будет разглашено. Я воспользовался этой свободой, которая соответствовала моему возрасту, но с извращенной фантазией, не свойственной моим годам. Я едва ли знаю, где я нашел то, что сказал им, потому что это было противоположно моим вкусам, которые были простыми и, если можно так выразиться, классическими. Верно, что в вопросах любви необузданный натурализм всегда ведет к извращениям, факт, который может показаться парадоксальным только на первый взгляд. У примитивных народов много общих черт с дегенератами. Однако я был необуздан только на словах; и это был единственный случай, когда я могу вспомнить, чтобы всерьез солгал. Но та необходимость, которую я тогда испытал, изгнать из глубины низменные инстинкты, кажется мне характерной и унижительной. Могу добавить, что даже среди этих разгулов я сохранял известную сдержанность. Контакты, которым я подвергался, не запятнали меня; когда я переступил порог, от них ничего не осталось. От этой насильственной и безразличной коммерции я всегда сохранял привычку не приписывать никаких последствий действиям плоти. Любовная функция, которую религия и мораль окружили тайной или приправили грехом, кажется мне функцией, подобной любой другой, немного мерзкой, но приятной, и к которой обычный эпилог слишком длинный. ... Такого рода дружеские отношения длились недолго". Этот анализ отношения определенного распространенного типа современного цивилизованного человека кажется справедливым, но некоторым читателям, возможно, придет в голову, что коммерция, которая привела к тому, что "действие плоти" не имело значения, вряд ли можно сказать, что она не оставила запятнанности.

В несколько сходной манере Анри де Ренье в своем романе *"Свидания месье Бре"* (стр. 50) представляет Беркайе как намеренно предпочитающего получать удовольствия со служанками, а не с дамами, поскольку удовольствие, по его мнению, было своего рода услугой, которая вполне могла сочетаться с услугами, которые они привыкли оказывать; и потом, они крепкие и приятные, они обладают *наивностью*, которая всегда очаровывает простых людей, и они не склонны быть испытывали отвращение к тем мелким происшествиям, которые могли оскорбить тонченную чувствительность тонченно воспитанных леди.

Блох, который особенно подчеркивал эту сторону привлекательности проституции (*Das Sexualeben unserer Zeit*, стр. 359-362), ссылается на тонкого и чувствительного молодого датского писателя Я. П. Якобсена, который, кажется, остро ощущал контраст между высшими и более привычными импульсами и случайными вспышками того, что он считал низшими инстинктами; в своем *"Нильсе Лине"* он описывает вид двойной жизни, при которой человек на две недели остается верен богу, которому поклоняется, а затем оказывается побежденным другими силами, которые безумно тащат его в своих объятиях к тому, что он считает унижительным, извращенным и грязным. "В такие моменты, - замечает Блох, - человек становится другим существом. "Две души" в груди становятся реальностью. Неужели это знаменитый ученый, возвышенный идеалист, тончайший эстетик, художник, подаривший нам так много великолепных и чистых произведений в поэзии и живописи? Мы больше не узнаем его, ибо в такие моменты другое существо выходит на поверхность, другая природа движется внутри него и с мощью элементарной силы толкает его к вещам, от которых его "высшее

сознание", цивилизованный человек внутри него, содрогнулся бы ". Блох считает, что здесь речь идет о своего рода нормальном мужском мазохизме, удовлетворению которого служит проституция.

IV. Современное общественное отношение к проституции.

Теперь мы рассмотрели сложный факт проституции в некоторых из ее наиболее разнообразных и типичных аспектов, стремясь осознать, разумно и сочувственно, фундаментальную роль, которую она играет как элементарная составляющая нашей брачной системы. Наконец, мы должны рассмотреть причины, по которым проституция в настоящее время представляется большому и растущему числу людей не только неудовлетворительным методом сексуального удовлетворения, но и радикально плохим методом.

Движение антагонизма по отношению к проституции проявляется наиболее явно, как и можно было предвидеть заранее, чувством отвращения к самому древнему и типичному, некогда наиболее почитаемому и наиболее устоявшемуся проявлению проституции - публичному дому. Рост этого отвращения не ограничивается одной или двумя странами, он носит международный характер и, таким образом, может рассматриваться как соответствующий реальной тенденции в нашей цивилизации. Это одинаково выражено как у самих проституток, так и у людей, которые являются их клиентами. Отвращение с одной стороны усиливает отвращение с другой. Поскольку в наши дни только самые беспомощные или самые глупые проститутки готовы мириться с условиями содержания в борделе, содержатель борделя вынужден прибегать к экстраординарным методам заманивания жертв в ловушку и даже принимать участие в той космополитической торговле "белыми рабынями", которая существует исключительно для того, чтобы прокормить бордели.^[211] Такое положение вещей вызывает естественную реакцию в виде предвзятого отношения клиентов проституции к заведению, которое выходит из моды и теряет авторитет. Еще более фундаментальная антипатия порождается тем фактом, что бордель не в состоянии удовлетворить высокую степень личной свободы и разнообразия, которые создает цивилизация, и всегда требует, даже когда она не в состоянии этого обеспечить. С одной стороны, проститутка не склонна вступать в рабство, которое обычно даже не приносит ей никакой награды; с другой стороны, ее клиент считает частью очарования проституции в цивилизованных условиях то, что он будет наслаждаться свободой и выбором, которые бордель не может предоставить.^[212] Таким образом, получается, что бордели, в которых когда-то содержались почти все женщины, занимавшиеся удовлетворением сексуальных потребностей мужчин, теперь содержат лишь уменьшающееся меньшинство, и что превращение закрытой проституции в свободную одобряется многими социальными реформаторами как достижение нравственности.^[213]

Упадок публичных домов, будь то причина или следствие, был связан со значительным ростом проституции вне публичных домов. Но отвращение к публичным домам во многих существенных отношениях относится и к проституции в целом, и, как мы увидим, оно оказывает на нее глубоко модифицирующее влияние.

Меняющееся отношение к проституции, по-видимому, выражается в основном двумя способами. С одной стороны, есть те, кто, не желая искоренять проституцию, возмущены сопровождающим ее отречением и испытывают отвращение к ее грязным аспектам. У них может не быть моральных угрызений совести против проституции, и они не знают причин, по которым женщина не должна свободно поступать со своей персоной, как ей заблагорассудится. Но они считают, что, если проституция необходима, отношения мужчин с проститутками должны быть гуманными и приятными для каждой стороны, а не унижающими достоинство ни одной из них. Следует помнить, что в условиях цивилизованной городской жизни трудовая дисциплина часто слишком сурова, а волнения городского существования слишком постоянны, чтобы предаться оргии как желанному развлечению. Грубая форма оргии привлекает не горожан, а крестьян, а также моряков или солдат, которые добираются до города после долгих периодов унылой рутины и эмоционального воздержания. Было бы ошибкой даже предполагать, что привлекательность проституции неизбежно связана с совершением сексуального акта. Это далеко не так, что самой привлекательной проституткой может быть женщина, которая, имея мало собственных сексуальных потребностей, желает понравиться благодаря обаянию своей личности; они относятся к числу тех, кто чаще всего находит хороших мужей. Есть много мужчин, которые даже вполне довольны просто несколькими часами свободной близости с приятной женщиной, без каких-либо дополнительных услуг, хотя они могут быть открыты для этого. Для очень большого числа мужчин в городских условиях существования проститутка перестает быть деградировавшим инструментом минутного похотливого желания; они ищут приятную человеческую личность, с которой они могли бы найти расслабление от ежедневного стресса или рутины жизни. Когда акт проституции, таким образом, ставится на гуманную основу, хотя это никоим образом не способствует наилучшему развитию ни одной из сторон, он, по крайней мере, перестает быть безнадежно унижительным. Иначе религиозная проституция не могла бы так долго процветать в древние времена среди благородных женщин хорошего происхождения на берегах Средиземного моря, даже в таких регионах, как Лидия, где положение женщин было особенно высоким.^[214]

Это правда, что денежная сторона проституции все еще существовала бы. Но ее значение можно преувеличить. Следует отметить, что, хотя о проститутке обычно говорят как о женщине, которая "продает себя", это довольно грубый и неточный способ выразить в его типичной форме отношение проститутки к своему клиенту. Проститутка - это не товар с рыночной ценой, как буханка хлеба или баранья нога. Она находится гораздо на одном уровне с людьми, принадлежащими к профессиональному классу, которые принимают гонорары в обмен на оказанные услуги; размер гонорара варьируется, с одной стороны, в зависимости от профессионального положения, с другой стороны, в зависимости от средств клиента, и при особых обстоятельствах может быть милостиво отменен вовсе. Проституция ставит на продажную основу интимные отношения, которые должны проистекать из естественной любви, и тем самым унижает их. Но, строго говоря, в таком случае нет никакой "продажи". Говорить о проститутке, "продающей себя", вряд ли можно назвать даже простительным риторическим преувеличением; это и неточно, и несправедливо.^[215]

Мы можем отметить, что эта тенденция развитой цивилизации к гуманизации проституции является процессом, обратным тому, который имеет место на более ранней стадии цивилизации, когда древняя концепция религиозного достоинства проституции начинает приобретать дурную славу. Когда мужчины перестают почитать женщин, которые являются проститутками на службе у богини, они ставят на их место проституток, которые являются всего

лишь жалкими рабынями, лстя себе мыслью, что тем самым они трудятся во имя "прогресса" и "морали". На берегах Средиземного моря этот процесс происходил более двух тысяч лет назад и связан с именем Солона. Сегодня мы можем наблюдать, как тот же процесс происходит в Индии. В некоторых частях Индии (например, в Джеджури, недалеко от Пунаха) девочек-первенцев посвящают Кхандобе или другим богам; их выдают замуж за бога и называют *муралис*. Они служат в храме, подметают его и моют священные сосуды, а также танцуют, поют и занимаются проституцией. Им запрещено вступать в брак, и они живут в домах своих родителей, братьев или сестер; будучи посвященными религиозному служению, они не подвержены деградации. Однако в наши дни индийские "реформаторы" во имя "цивилизации и науки" стремятся убедить *мурали* в том, что они "ввергнуты в деградацию". Несомненно, со временем горе-моралисты изгонят *муралистов* из их храмов и домов, лишат их всякого самоуважения и превратят в жалких изгоев, и все это во имя "науки и цивилизации" (см., например,, статью миссис Кашибай Деодхар, *Новый реформатор*, октябрь 1907 г.). Таким образом, ранние реформаторы ставят перед реформаторами более поздних дней задачу по новой гуманизации проституции.

Не может быть никаких сомнений в том, что эта более гуманная концепция проституции сегодня начинает реализовываться в реальной цивилизованной жизни Европы. Так, описывая проституцию в Париже, доктор Роберт Михельс (*"Erotische Streifzüge"*, *Муттершутц*, 1906, Раздел 9, стр. 368) отмечает: "В то время как в Германии проститутку обычно считают существом "отверженным" и обращаются с ней соответствующим образом, инструментом мужской похоти, который нужно использовать и выбросить, и которого ни при каких обстоятельствах нельзя признавать на публике, во Франции проститутка играет во многих отношениях роль, которая когда-то придавала значение и славу *гетерам* Афин". И после описания внимания и уважительности, которых парижская проститутка часто может требовать от своих друзей, и несексуальных отношений товарищества, в которые она может вступать с другими мужчинами, автор продолжает: "Девушка, которая, безусловно, отдается за деньги, но ни в коем случае не за деньги первого встречного, и которая, в дополнение к своим "друзьям по бизнесу", испытывает потребность, так сказать, в несексуальных партнерах, с которыми она может общаться свободно, по-товарищески, и которые обращаются с ней и ценят как со свободным человеком, не полностью утрачивает моральную ценность". о человечестве". Любая проституция плоха, заключает Михельс, но у нас были бы основания поздравить себя, если бы любовные отношения этого парижского вида представляли собой наихудшую из известных форм внебрачной сексуальности. (Что касается относительного уважения, оказываемого проституткам, я могу упомянуть, что парижская проститутка заметила моему другу, что англичане будут задавать ей вопросы, которые не осмелился бы задать ни один француз.)

Однако не только в Париже, хотя здесь более заметно это гуманизирующее изменение в проституции начинает давать о себе знать. Это проявляется, например, в большей открытости сексуальной жизни мужчины. "Если раньше он прокрадывался в бордель на отдаленной улице, - замечает доктор Вилли Хеллпах (*Нервозность и культура*, стр. 169), - то теперь он гуляет за границей со своей "связью", посещая театры и кафе, нисколько не стремясь встретиться со своими знакомыми, но и не испытывая по этому поводу смущения. Это становится все более обыденным, более естественным". Хеллпах продолжает подчеркивать, что это также становится более нравственным, и со многими нездоровыми проявлениями ханжества и похотливости покончено.

В Англии, где изменения происходят медленно, эта тенденция к гуманизации проституции может быть менее выражена. Но она, безусловно, существует. В середине прошлого века Леки написал (*История европейской морали*, т. ii, стр. 285), что обычная проституция "ни в одной другой европейской стране не является столь безнадежно порочной или столь безвозвратной". Это заявление, с которым также выступили Parent-Duchâtelet и другие иностранные наблюдатели, полностью подтверждается имеющимися свидетельствами. Но это утверждение вряд ли было бы сделано сегодня, за исключением, возможно, особых ограниченных районов наших городов. То же самое происходит и в Америке, и мы, несомненно, можем обнаружить отражение этой тенденции в отчете о *социальном зле* (1902), составленном комитетом в Нью-Йорке, который дал его (стр. 176) в качестве одной из своих главных рекомендаций о том, что проституцию больше не следует рассматривать как преступление, в свете чего, как можно заключить, она раньше рассматривалась в Нью-Йорке. Это может показаться лишь небольшим шагом на пути гуманизации, но это в правильном направлении.

Отнюдь не только в странах европейской цивилизации мы можем проследить с развитием культуры утончение и гуманизацию более слабых уз взаимоотношений с женщинами. В Японии точно такие же требования привели несколько столетий назад к появлению гейш. В ходе интересного и точного исследования гейш мистер Р. Т. Фаррер замечает (*Девятнадцатый век*, апрель 1904 г.): "Гейша ни в коем случае не обязательно куртизанка. Она женщина, воспитанная так, чтобы привлекать; с детства овладевала всеми тонкостями японской литературы; практиковалась в остроумии и остроумных репликах; приучена быстро уступать и принимать участие в разговоре на любую тему, человеческую и божественную. С самой ранней юности в ней заложено незыблемое очарование манер, непостижимое для утонченного европейца, и все же она почти неизменно является цветком низших классов, с толстыми когтями и приземистыми, уродливыми ногтями. Ее воспитание, физическое и моральное, намного сложнее, чем у балерин, и ее успех достигается только после долгих лет борьбы и горьких мучений. ... А социальное положение гейши можно сравнить с положением европейской актрисы. Дом гейши предлагает призы, столь же желанные, как и любая западная сцена. Великая гейша, вокруг которой сидят двадцать аристократов, борющихся за ее смех и постоянно сдерживаемых искрометным остроумием, занимает положение не менее высокое и знаменитое, чем положение Сары Бернар в расцвете сил. Ее так же ищут, ей так же льстят, ее так же безумно обожают, эту тихую маленькую пожилую невзрачную девушку в тускло-голубом. Но, таким образом, ее ценят в первую очередь за ее язык, сила которого полностью созревает только по мере того, как ее физическое очарование ослабевает. Она требует огромные суммы за своих владельцев, но даже так часто появляется и танцует только в свое удовольствие. Мало кто из жителей Запада когда-либо видел по-настоящему знаменитую гейшу. Она слишком велика, чтобы предстать перед европейцем, за исключением августейшего или императорского приказа. Наконец, она может выйти замуж и часто выходит замуж за высокопоставленных людей. Во всем этом нет ни малейшей необходимости в каких-либо незаконных отношениях".

В некоторых отношениях положение древнегреческой *гетеры* было скорее аналогично положению японской *гейши*, чем положению проститутки в строгом смысле этого слова. Для греков, действительно, *гетера* вообще не была *порне* или проституткой. Это имя означало друга или компаньонку, и женщина, к которой применялось это имя, занимала почетное положение, которое не могло быть предоставлено простой проститутке. Афинея (Вк. xiii, Гл. XXVIII-XXX) объединяет отрывки, показывающие, что *гетеру* можно рассматривать как независимую гражданку, чистую, простую и добродетельную, совершенно отличную от

обычной команды проституток, хотя они могут подражать ее имени. *Гетеры* "были почти единственными гречанками, - говорит Дональдсон (*Женщина*, стр. 59), - которые демонстрировали все лучшее и благородное в женской природе". Этот факт делает более понятным, почему женщина с таким выдающимся интеллектом, как Аспазия, должна была быть *гетерой*. Кажется, мало кто сомневается в ее интеллектуальных достоинствах. "Эсхин в своем диалоге, озаглавленном "Аспазия", - пишет Гомперц, историк греческой философии (*Greek Thinkers*, vol. iii, стр. 124 и 343), "вкладывает в уста этой выдающейся женщины резкую критику традиционного для ее пола образа жизни. Было бы чрезвычайно странно, - добавляет Гомперц, утверждая, что таким образом можно сделать вывод относительно исторической Аспазии, — если бы три автора — Платон, Ксенофонт и Эсхин - согласились фиктивно наделить спутницу Перикла тем, чего мы вполне обоснованно ожидали от нее, — высокоразвитым умом и интеллектуальным влиянием". Возможно даже, что движение за права женщин, которое, как мы смутно догадываемся по страницам Аристофана, имело место в Афинах в четвертом веке до нашей эры, возглавляли *гетеры*. По словам Иво Брунса (*Frauenemancipation in Athen*, 1900, стр. 19), "самая достоверная информация, которой мы располагаем об Аспазии, имеет сильное сходство с изображением Еврипида и Аристофана, которые представляют нам лидеров женского движения". Именно существование этого движения сделало идеи Платона о женском сообществе гораздо менее абсурдными, чем они кажутся нам. Возможно, кто-то подумает, что это движение представляло на более высоком плане ту любовь к разрушению, или, как нам лучше сказать, тот дух бунта и устремлений, который Зиммель считает характерным для интеллектуальной и художественной деятельности тех, кто не имеет определенного или сомнительного статуса в социальной иерархии. Нинон де Ланкло, как мы видели, не была строго куртизанкой, но она была пионером в отстаивании прав женщины. Афра Бен, которая немного позже в Англии заняла такое же сомнительное общественное положение, также была пионером в реализации щедрых гуманитарных устремлений, которые с тех пор были приняты во всем мире.

Можно сказать, что эти усовершенствования проституции являются главным образом результатом поздних и более развитых стадий цивилизации. Как выразился Шурц (*Altersklassen und Männerbünde*, стр. 191): "Жизнерадостная, умелая и артистически развитая *гетера* часто выступает идеальной фигурой в противовес интеллектуально некультурной жене, изгнанной вглубь дома. Куртизанки итальянского Возрождения, японские гейши, китайские цветочницы и индийские баядерки - все они обладают некоторыми примечательными чертами, дыханием свободного артистического существования. Они достигли — правда, пожертвовав своим высшим достоинством — независимости от деспотического правления мужчин и домашних обязанностей, и часть женской одаренности, которая так часто калечится, получает в них блестящее развитие. Таким образом, проституция в ее наилучшей форме может предложить путь, с помощью которого эти женские характеристики могут оказать определенное влияние на развитие цивилизации. Мы также можем полагать, что художественная активность женщин в какой-то мере способна уравновесить менее приятные результаты сексуального отказа, предотвращая огрубение и разрушение эмоциональной жизни; в своей книге "Магда Зудерманн описал тип женщины, которая, с точки зрения строгой морали, открыта для осуждения, но в своем искусстве находит точку опоры, силу которой неохотно признают даже недоброжелатели". В своей книге "Секс и характер" Вайнингер в более экстремальной и экстравагантной манере

развил концепцию проститутки как фундаментальной и существенной части жизни, постоянного женского типа.

Есть и другие, число которых, по-видимому, растет, которые подходят к проблеме проституции не с эстетической, а с моральной точки зрения. Однако эта моральная позиция отличается от общепринятой морали Катона, святого Августина и Лекки, изложенной на предыдущих страницах, согласно которой уличная проститутка должна быть принята как опекунша жены в доме. Эти моралисты действительно отвергают притязания этой веры на то, чтобы вообще считаться моральной. Они считают, что с моральной точки зрения невозможно, чтобы честь одних женщин можно было купить ценой бесчестия других женщин, потому что такой ценой добродетель теряет всякую моральную ценность. Когда они читают, что, как утверждал Гонкур, "самые роскошные предметы женского приданого, свадебные сорочки девушек с приданым в шестьсот тысяч франков, изготавливаются в тюрьме Клерво",^[216] они видят символ интимной зависимости нашей роскошной добродетели от нашего убогого порока. И хотя они принимают исторические и социологические свидетельства, свидетельствующие о том, что проституция является неизбежной частью брачной системы, которая все еще существует среди нас, они спрашивают, нельзя ли так изменить нашу брачную систему, чтобы не было необходимости делить женское человечество на "женщин с сомнительной репутацией", которые идут на жертвы, которые бесчестно приносить, и "респектабельных" женщин, которые идут на жертвы, которые не менее бесчестно принимать.

Проститутки, как сказал выдающийся ученый (Дюкло, *Социальная жизнь*, стр. 243), "стали вещами, которыми публика пользуется, когда она в них нуждается, и выбрасывает на помойку, когда это делает их мерзкими. В своем фарисействе у него даже хватает наглости считать свое ремесло постыдным, как будто покупать на этом рынке не так же постыдно, как продавать". Блох (*Sexualeben unserer Zeit*, глава XV) настаивает на том, что проституция должна быть облагорожена, и что только так ее можно даже уменьшить. Исидор Дайер из Нового Орлеана также утверждает, что мы не сможем обуздать проституцию, пока не создадим "в умах мужчин и женщин дух терпимости вместо нетерпимости к падшим женщинам". Этот момент может быть проиллюстрирован замечанием автора-проститутки из *Tagebuch einer Verlorenen*. "Если бы профессия отдавать тело перестала быть постыдной, - писала она, - армия "несчастливых" сократилась бы на четыре пятых — я бы даже сказала, на девять десятых. Я, например! С какой радостью я бы устроилась компаньонкой или гувернанткой!" "Одно из двух, - писал выдающийся социолог Тард ("Сексуальная мораль", *Архив криминальной антропологии*, январь 1907 г.), - либо проституция исчезнет из-за того, что она будет оставаться бесчестной, и ее заменит какой-нибудь другой институт, который лучше исправит недостатки моногамного брака, либо она выживет, став респектабельной, то есть заставив уважать себя, нравится она или нет". Тард полагал, что этого, возможно, можно было бы добиться за счет лучшей организации проституток, более тщательного отбора среди тех, кто желал быть принятым в их ряды, и культивирования профессиональных добродетелей, которые повысили бы их моральный уровень. "Если куртизанки удовлетворяют потребность, - сказал Бальзак в своей *Физиологии брака*, - они должны стать институтом".

Эта моральная установка поддерживается и насаждается неизбежной демократической тенденцией цивилизации, которая, хотя ни в коем случае не уничтожает идею класса, подрывает эту идею как признак фундаментальных человеческих различий и делает ее поверхностной. Проституция больше не делает женщину рабыней; она не должна делать ее

даже парией: "Мое тело принадлежит мне, - сказала сегодняшняя молодая немецкая проститутка, - и что я с ним делаю, никого больше не касается". Когда проститутка была буквально рабыней, моральный долг по отношению к ней ни в коем случае не обязательно совпадал с моральным долгом по отношению к свободной женщине. Но когда даже в одной семье проститутку может отделять огромная и непреодолимая социальная пропасть от ее замужней сестры, становится возможным увидеть и, по мнению многих, действительно необходимым увидеть, что требуется перестройка моральных ценностей. На протяжении тысячелетий проституцию защищали на том основании, что проститутка необходима для обеспечения "чистоты женщины". В век демократии начинает осознаваться, что проститутки тоже являются женщинами.

Развивающееся чувство фундаментального равенства людей, лежащее в основе поверхностных классовых различий, заставляет обычное отношение к проститутке, отношение ее клиентов даже в большей степени, чем к обществу в целом, казаться болезненно жестоким. Было сказано, что бессердечный и грубо легкомысленный тон стольких молодых людей в отношении проституток - это "просто жестокость особо жестокого рода", которую нельзя обнаружить ни в каких других сферах жизни.^[217] И если такое отношение жестоко даже на словах, то еще более жестоко на деле, какие бы попытки ни предпринимались, чтобы замаскировать его жестокость.

Можно считать, что замечания каноника Литтелтона относятся в основном к молодым людям из высшего среднего класса. Относительно того, каково, возможно, обычное отношение представителей низшего среднего класса к проституции, я могу процитировать замечательное сообщение, дошедшее до меня из Австралии: "Каковы взгляды молодого человека, воспитанного в английской христианской семье среднего класса, на проституток? Возьмем, к примеру, моего отца. Он впервые упомянул при мне проституток, если я правильно помню, когда рассказывал о своей жизни до брака. И он говорил о них так, как говорил бы о лошади, которую нанял, заплатил за нее и выбросил из головы, когда она сослужила ему службу. Хотя моя мать была такой доброй, она говорила о брошенных женщинах с отвращением и презрением, как о каком-то нечистом животном. Поскольку это льстит тщеславию и гордости - иметь возможность с благосклонностью и всеобщим согласием смотреть на что-то свысока, я вскоре осознал ситуацию и принял отношение, которое, в основном, характерно для большинства англичан-христиан среднего класса по отношению к проституткам. Но по мере развития полового созревания это отношение должно быть согласовано с желанием использовать эту мразь, этих моральных прокаженных. Обычный молодой человек, который любит приправу к безнравственности и испытывает ее, находясь в городе, и думает, что это вряд ли дойдет до ушей его матери или сестер, не преодолевает своего высокомерия и отвращения и ни в малейшей степени не ослабляет их. Он берет их с собой, более или менее замаскированных, в бордель, и они окрашивают его мысли и поступки все то время, пока он спит с проститутками, или целует их, или проводит по ним руками, как по кобыле, получая за свои деньги столько, сколько может. По правде говоря, в целом, таково было и мое отношение. Но если бы кто-нибудь спросил меня о малейшей причине такого отношения, этого чувства превосходства, гордости, *высокомерия* предубежденности, я бы, как любой другой "респектабельный" молодой человек, был в полной растерянности и мог бы только глупо разинуть рот".

С современной моральной точки зрения, которая сейчас нас интересует, абсурдна не только жестокость, связанная с бесчестием проститутки, но и не менее абсурдной, а часто и не менее жестокой кажется честь, оказываемая респектабельным женщинам по другую сторону

социальной пропасти. Хорошо известно, что мужчины иногда обращаются к проституткам, чтобы удовлетворить возбуждение, вызванное ласками их нареченной.^[218] Поскольку эмоциональные и физические последствия неудовлетворенного возбуждения нередко более серьезны у женщин, чем у мужчин, обрученные женщины в этих случаях имеют равные основания искать облегчения у других мужчин, и таким образом порочный круг абсурда может быть завершен.

С точки зрения современного моралиста, есть еще одно соображение, которое было совершенно упущено из виду в общепринятой и традиционной морали, которую мы унаследовали, и действительно, практически не существовало в древние времена, когда эта мораль все еще была живой реальностью. Женщины больше не делятся только на две группы: жен, которых следует чтить, и проституток, которые являются обесчещенными хранительницами этой чести; существует большой третий класс женщин, которые не являются ни женами, ни проститутками. Для этой группы неженатых добродетельных людей традиционная мораль вообще не имела места; она просто игнорировала их. Но новый моралист, который учится признавать как притязания личности, так и притязания общества, начинает задаваться вопросом, с одной стороны, не имеют ли эти женщины права на удовлетворение своих аффективных и эмоциональных импульсов, если они того желают, а с другой стороны, не имеет ли право сообщество поощрять каждую здоровую и трудоспособную женщину вносить свой вклад в поддержание рождаемости, когда она того желает.

Все соображения, кратко указанные на предыдущих страницах — фундаментальное чувство человеческого равенства, порожденное нашей цивилизацией, отвращение к жестокости, сопровождающее утонченную городскую жизнь, уродливый контраст крайностей, который шокирует наши развивающиеся демократические тенденции, растущее чувство права личности на власть над своей собственной личностью, не менее сильно подчеркиваемое право общества на лучшее, что может дать индивидум, — все эти соображения с каждым днем все сильнее побуждают современного моралиста занимать по отношению к проститутке позицию, совершенно отличную от морали, которую мы заимствовали у Катона и Августина. Он рассматривает вопрос шире и динамичнее. Вместо того чтобы заявлять, что проститутку стоит терпеть и в то же время осуждать, чтобы сохранить неприкосновенность жены в ее доме, он не только более склонен считать каждую из них надлежащей хранительницей ее собственной моральной свободы, но он менее уверен в освященном веками положении проститутки и, более того, ни в коей мере не уверен, что жена в доме не нуждается в спасении в той же степени, что и проститутка на улице; он готов рассмотреть, не произойдет ли реформа в этом вопросе, скорее всего, в форме более справедливого отношения к ней. распределение сексуальных привилегий и сексуальных обязанностей между женщинами в целом с неизбежным улучшением сексуальной жизни мужчин.

Протест многих серьезных реформаторов против несправедливости и деградации, которые сейчас вызывает наша система проституции, настолько глубок, что некоторые заявили о своей готовности принять любую революцию идей, которая привела бы к более благотворному преобразованию моральных ценностей. "Воистину, лучше были бы сатурналии свободных мужчин и женщин", - восклицает Эдвард Карпентер ("*Совершеннолетие любви*", стр. 62), "чем зрелище, которое наши великие города представляют по ночам".

Даже те, кто был бы вполне доволен максимально консервативным отношением к социальным институтам, все равно не могут не понимать, что проституция неудовлетворительна, если только мы не довольствуемся очень скромными притязаниями на сексуальный акт. "Акт проституции, - заявляет Годфри (*Наука о сексе*, стр. 202), - может быть физиологически завершенным, но он не является завершенным ни в каком другом смысле. Все моральные и интеллектуальные факторы, которые в сочетании с физическим желанием формируют совершенное сексуальное влечение, отсутствуют. Все высшие элементы любви — восхищение, уважение, честь и самоотверженная преданность - так же чужды проституции, как и эгоистическому акту мастурбации. Основные недостатки нравственности поступка заключаются скорее в его ассоциациях, чем в самом поступке. Любое эмоциональное качество, которым могла бы обладать более или менее беспорядочная связь, сразу же разрушается вторжением денежного элемента. В результате деградации наибольшая доля приходится на женщину, поскольку это делает ее изгоем и вовлекает во все ожесточающие и развращающие влияния социального ostracism. Но ее деградация лишь усиливает ее деморализующее влияние на партнеров. Проституция, - заключает он, - имеет сильную тенденцию подчеркивать естественное эгоистичное отношение мужчин к женщинам и поощрять их в заблуждении, порожденном нерегулируемыми страстями, что сам половой акт является целью и завершением сексуальной жизни. Таким образом, проституция не может претендовать на то, чтобы позволить себе даже временное решение сексуальной проблемы. Она выполняет только ту миссию, которая сделала ее "необходимым злом" — миссию паллиатива по сравнению с физическими тяготами безбрачия и моногамии. Это достигается ценой значительного физического и морального износа, большая часть которого, несомненно, происходит из-за действий общества, направленных на завершение деградации проститутки постоянным ostracism. Проституция не была таким большим злом, когда ее не считали такой уж большой, но даже в лучшем случае это было настоящее зло, меланхоличная и грязная пародия на искренние и естественные отношения страсти. Это зло, которое мы неизбежно будем иметь при себе до тех пор, пока безбрачие остается обычаем, а моногамия - законом ". Именно жена, так же как и проститутка, деградирует из-за системы, которая делает возможной продажную любовь. "Прошло то время, - замечает тот же автор в другом месте (стр. 195), - когда простая церемония действительно могла освятить то, что является низменным, и преобразовать похоть и жадность в искренность сексуальной привязанности. Если вступать в половую связь с мужчиной исключительно с материальной целью является позором для человечества, то это такой же позор в рамках брачных уз, как и вне лицемерного благословения церкви или закона. Если публичная проститутка - это существо, заслуживающее того, чтобы с ней обращались как с парией, то безнадежно иррационально утаивать всякого рода моральное порицание от женщины, которая ведет похожий образ жизни при другом наборе внешних обстоятельств. Либо жена-проститутка должна попасть под моральный запрет, либо должен быть положен конец полному ostracism, которому подвергается проститутка".

Мыслителем, который более ясно и фундаментально, чем другие, и в первую очередь осознал динамичность проституции как зависящей от изменения других социальных отношений в жизни, был Джеймс Хинтон. Более тридцати лет назад во фрагментарных работах, которые до сих пор остаются неопубликованными, поскольку он так и не придал им упорядоченной формы, Хинтон энергично и часто страстно выразил эту фундаментальную идею. Возможно, стоит процитировать несколько кратких отрывков из рукописи Хинтона: "Я чувствую, что законы силы должны действовать и среди волн человеческих страстей, что механические отношения верны

и будут править также в человеческой жизни. ... Наша современная жизнь вызывает напряжение, сокрушение души, и она готова к внезапному скачку к другому порядку, в котором силы должны перестроиться. Это динамичный вопрос, представленный в терминах морали. ... Сохранение части женского населения без перспективы вступления в брак означает наличие проституток, то есть женщин в качестве инструментов простой мужской чувственности, а это означает убийство во многих из них всей чистой любви или способности к ней. Это факт, с которым мы должны столкнуться. ... Сегодня я видел молодую женщину, чья жизнь была разрушена из-за недостатка любви, случай угрожающего полного несчастья: теперь посмотрите, какой ценой мы покупаем ее плохое самочувствие; за ее плохое самочувствие мы платим отправлением другой девушки в ад. Мы отдаем это за это; ее несчастье души и тела куплено проституцией; у нас есть проститутки, созданные для этого. ... Мы безрассудно обрекаем некоторых женщин на гибель, чтобы превратить остальных в теплый Рай. ... Одна изнуряет себя, тщетно пытаясь вынести удовольствия, на которые у нее не хватает сил, в то время как другие женщины гибнут из-за отсутствия этих самых удовольствий. Если брак таков, разве он не воплощенная похоть? Счастливые христианские дома - это поистине темные места на земле. ... Проституция для мужчины, сдержанность для женщины — это две стороны одного и того же, и обе являются отрицанием любви, как роскошь и аскетизм. Горы сдержанности должны быть использованы для того, чтобы заполнить бездны роскоши".

Некоторые взгляды Хинтона были изложены писателем, близко знакомым с ним, в брошюре, озаглавленной *"Будущее брака: энциклопедический словарь по вопросу сегодняшнего дня"*, написанной респектабельной женщиной (1885). "Когда однажды "хорошим" женщинам навязывается убеждение, - замечает писательница, - что их почетное место и привилегии основаны на деградации других в качестве основы, они никогда не успокоятся, пока либо не откажутся от него, либо не поищут для него какой-нибудь другой пьедестал. Если наша негибкая система брака имеет своим существенным условием параллельное существование проституции, то отсюда следует одно из двух: либо должно быть доказано, что проституция совместима с моральным и физическим благополучием женщин, которые ею занимаются, либо наша система брака должна быть осуждена. Если бы это было ясно поставлено перед кем-либо, он не смог бы всерьез утверждать, что это "добродетель", которую можно практиковать только за счет чужого порока. ... В то время как законы физики становятся настолько общепризнанными, что никому и в голову не приходит пытаться уничтожить частицу материи или силы, все же мы инстинктивно не применяем ту же концепцию к моральным силам, а думаем и действуем так, как если бы мы могли просто покончить со злом, оставив неизменным то, что придает ему силу. Это единственный взгляд на социальную проблему, который может дать нам надежду. То, что проституция должна просто прекратиться, оставив все остальное как есть, было бы катастрофой, если бы это было возможно. Но это невозможно. Слабость всех существующих усилий по искоренению проституции заключается в том, что они направлены против нее как изолированного явления, тогда как это всего лишь один из симптомов общей болезни".

Эллен Ки, которая в последние годы была главным апостолом евангелия сексуальной морали, основанной на потребностях женщин как матерей расы, в чем-то сходном духе осудила проституцию и жесткий брак, заявив (в своих *"Очерках о любви и браке"*), что "развитию эротического личного сознания в такой же степени препятствует социально регулируемая "мораль", как и социально регулируемая "безнравственность"", и что "два низших и социально санкционированных выражения сексуального дуализма, жесткий брак и проституция,

постепенно станут невозможными, потому что с завоеванием власти ". идея эротического единения у них больше не будет соответствовать человеческим потребностям".

Мы можем резюмировать нынешнюю ситуацию в отношении проституции, сказав, что, с одной стороны, наблюдается тенденция к ее возвышению в связи с ростом человечности и утонченностью цивилизации, характеристики, которые неизбежно должны все больше и больше характеризовать как тех женщин, которые становятся проститутками, так и тех мужчин, которые их ищут; с другой стороны, но, возможно, благодаря той же динамической силе, существует тенденция к медленному искоренению проституции за счет успешной конкуренции более высоких и чистых методов сексуальных отношений, свободных от денежных соображений. Эта утонченность и гуманизация, это соревнование за счет более совершенных форм сексуальной любви действительно являются неотъемлемой частью прогресса по мере того, как цивилизация становится более по-настоящему здоровой и искренней.

Это моральное изменение, как представляется вероятным, не может не сопровождаться осознанием того, что факты человеческой жизни важнее форм. Ибо все изменения от низших социальных форм к высшим, от дикости к цивилизации сопровождаются — в той мере, в какой они являются жизненно важными изменениями, — медленным и болезненным нащупыванием истины о том, что только в естественных отношениях можно обрести здравомыслие и святость, ибо, как сказал Ницше, "возвращение" к Природе скорее следует назвать "восхождением". Только так мы можем добиться окончательного устранения из наших сердец этой цепляющейся традиции, согласно которой в актах любви, для которых были выполнены разумные, а не просто общепринятые условия, есть какая-либо нечистота или бесчестие. Ибо тщетно пытаться очистить наши законы или даже подзаконные акты, пока мы сначала не очистим свои сердца.

Здесь было бы неуместно углубляться в постановку морального вопроса в том виде, в каком он сегодня начинает формироваться в сфере секса. В психологической дискуссии мы заинтересованы только в том, чтобы установить действительную позицию моралиста и цивилизации. Практический результат такого отношения должен быть оставлен на усмотрение моралистов, социологов и общества в целом.

Можно надеяться, что наше исследование также случайно показало, что при практическом рассмотрении вопроса проституции в высшей степени необходимо помнить предупреждение, которое, как и в отношении многих других социальных проблем, было воплощено Гербертом Спенсером в его знаменитой иллюстрации с гнутой железной пластиной. Спенсер указал, что при попытке сделать изогнутую пластину гладкой бесполезно бить молотком непосредственно по загнутой детали; если мы сделаем это, то обнаружим, что только ухудшили ситуацию; чтобы наш удар был эффективным, он должен быть направлен вокруг выступающего выступа, который мы хотим уменьшить, а не непосредственно на него; только так железная пластина может быть выглажена молотком.^[219] Но этот элементарный закон не был понят моралистами. Простой, практичный, руководствующийся здравым смыслом реформатор, каким он себя воображал - со времен Карла Великого и далее — снова и снова обрушивал свой тяжелый кулак прямо на такое зло, как проституция, и всегда усугублял ситуацию. Только мудро работая вне зла и вокруг него, мы можем надеяться эффективно уменьшить его. Стремясь развивать и возвышать отношения мужчин к женщинам и женщин к женщинам, изменяя наши представления о сексуальных отношениях и внедряя более разумную и правдивую концепцию женственности и обязанностей как женщин, так и мужчин, достигая, как в социальном, так и в экономическом плане, более

высокого уровня жизни человека — только с помощью подобных методов мы можем разумно ожидать какого-либо уменьшения зла проституции. До тех пор, пока мы неспособны к таким методам, мы должны довольствоваться проституцией, которой заслуживаем, учась относиться к ней с жалостью и уважением, на которые имеет право столь скрытый провал нашей цивилизации.

[107] Смотрите, например,, Лекции Читама по Халсу, *Мистерии, языческие и христианские*, стр. 123, 136.

[108] Хормайровский *Taschenbuch*, 1835, стр. 255. Хагельстанге в главе о средневековых празднествах в его *"Дочерей Бауэрнлебена в Миттелальтере"* показывает, как в этих христианских оргиях, которые на самом деле имели языческое происхождение, немецкий народ с огромной и неистовой энергией выступал против трудоемкого и монотонного существования повседневной жизни.

[109] Это было ясно осознано более умными сторонниками Праздника дураков. Строгие люди хотели отменить этот праздник, и в замечательной петиции, отправленной на богословский факультет Парижа (и цитируемой Флогелем, *"История гротеска-комического"*, четвертое издание, стр. 204), обоснование Праздника представлено таким образом: "Мы делаем это в соответствии с древним обычаем, чтобы безумие, которое является второй натурой человека и кажется врожденным, могло по крайней мере раз в год получить свободный выход. Винные бочки лопались, если мы иногда не снимали пробку и не впускали воздух. Теперь мы все - плохо окованные бочки, из которых вытекло бы вино мудрости, если бы мы с постоянной преданностью и страхом Божиим позволили ему забродить. Мы должны впускать воздух, чтобы он не был испорчен. Таким образом, в некоторые дни мы предаемся спорту, чтобы с еще большим рвением впоследствии вернуться к поклонению Богу". Праздник дураков не был запрещен до середины шестнадцатого века, и его пережитки сохранялись (как в Эксе) почти до конца восемнадцатого века.

[110] A Méray, *La Vie au Temps des Libres Prêcheurs*, vol. ii, Гл. X. Хороший и научный отчет о "Пире дураков" дан Э. К. Чемберсом, *"Средневековый этап"*, гл. XIII. Это правда, что Церковь и первые Отцы Церкви часто предавали театр анафеме. Но Григорий Назианзин хотел основать христианский театр; средневековые мистерии, безусловно, находились под защитой духовенства; и святой Фома Аквинский, величайший из схоластов, осуждает театр лишь с осторожными оговорками.

[111] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, глава XII.

[112] *Журнал Антропологического института*, июль-декабрь 1904 г., стр. 329.

[113] Вестермарк (*Происхождение и развитие моральных идей*, т. ii, стр. 283-9) показывает, насколько широко распространен обычай периодически выделять день отдыха.

[114] А. Э. Кроули, *"Мистическая роза"*, стр. 273 и далее. Кроули связывает с этой функцией великих праздников обычай, встречающийся в некоторых частях мира, обмениваться женами в это время. "Это не имеет никакого отношения к брачной системе, за исключением того, что ее разрываютна время, когда женщинам запрещенного уровня предоставляют в аренду на тех же

основаниях, на каких нарушаются условности и обычные отношения на фестивалях типа Сатурналий, цель которых - изменить жизнь и начать все заново, обменяв все, что можно, в то время как сам акт обмена совпадает с другим желанием - сплотить сообщество" (*ib.*, стр. 479).

[115] Смотрите "Анализ сексуального влечения" в vol. iii из этих *Исследований*.

[116] Г. Мюррей, *Древнегреческая литература*, стр. 211.

[117] Греческая драма, вероятно, возникла из народного фестиваля более или менее сексуального характера, и даже возможно, что средневековая драма имела несколько схожее происхождение (см. Дональдсон, *Греческий театр*; Гилберт Мюррей, *лок. цит. по*; Карл Пирсон, *Шансы смерти*, т. ii, стр. 135-6, 280 и далее.).

[118] Р. Канудо, "Французский хореограф", *Меркюр де Франс*, 1 мая 1907 г., стр. 180.

[119] "На самом деле, — заявляет Сайплс (*Процесс человеческого опыта*, стр. 743), - великая функция искусства - воспроизводить внутри нас большие эгоистические возможности, приучать нас к большей актуализации личности рудиментарным способом" и таким образом пробуждать, "бесцельно, но великолепно, явную, пока еще нереализованные возможности внутри нас".

[120] Даже когда монотонный труд является интеллектуальным, он тем самым не защищен от деградирующих оргиастических реакций. Проф . Л. Гурлитт показывает ("*Новое поколение*", январь 1909 г., стр. 31-6), как напряженная, неустанная интеллектуальная работа в прусских семинариях приводит как учителей, так и ученых к наихудшим формам оргии.

[121] Рабюто обсуждает различные определения проституции, *О проституции в Европе*, стр. 119 и далее. О происхождении имен, обозначающих проститутку, см. Шрейдер, *Настоящий словарь*, ст. "Beischläferin."

[122] *Дайджест*, библиотека. xxiii, тит. ii, стр. 43. Если она отдавалась только одному или двум лицам, хотя и за деньги, это не было проституцией.

[123] Гийо, *La Prostitution*, стр. 8. Элемент продажности важен, и религиозные писатели (например, Роберт Уордлоу, доктор философии из Эдинбурга, в его *Лекциях о женской проституции*, 1842, стр. 14), которые определяют проституцию как "незаконное сношение полов" и синоним теологического "блуда", впадают в абсурдную ошибку. замешательство.

[124] "Такие браки иногда клеймят как "легализованную проституцию", - замечает Сиджвик (*Методы этики*, Вк. iii, глава XI), - но эта фраза воспринимается как экстравагантная и парадоксальная".

[125] Бонгер, *Криминалистика и экономические условия*, стр. 378. Бонджер считает, что акт проституции "по сути равен акту мужчины или женщины, которые вступают в брак по экономическим соображениям".

[126] Э. Ришар, *Парижская проституция*, 1890, стр. 44. Может возникнуть вопрос, должна ли публичность или дурная слава составлять существенную часть определения; однако, по-видимому, это связано с тем, что проститутка не может заполучить клиентов. Ройсс заявляет, что, кроме того, она должна быть абсолютно без средств к существованию; это, конечно, не

обязательно. Также нет необходимости, как настаивал *Сборник*, в том, чтобы акт совершался "без удовольствия"; это может быть как угодно, не затрагивая проституционной природы акта.

[127] Хоксворт, *Отчет о путешествиях* др., 1775, т. ii, стр. 254.

[128] Р. В. Кодрингтон, *меланезийцы*, стр. 235.

[129] Ф. С. Краусс, *Romanische Forschungen*, 1903, стр. 290.

[130] Н. Schurtz, *Altersklassen und Männerbünde*, 1902, р. 190. В этой работе Шурц объединяет (стр. 189-201) некоторые примеры зародышей проституции среди первобытных народов. Многие факты и ссылки приведены Вестермарком (*История человеческого брака*, стр. 66 и далее, и *Происхождение и развитие моральных идей*, том. ii, стр. 441 и далее.).

[131] Бахофен (особенно в своих работах "*Муттеррехт*" и "*Сейдж фон Танаквиль*") утверждал, что даже религиозная проституция возникла из сопротивления примитивных инстинктов индивидуализации любви. Ср. Робертсон Смит, "*Религия семитов*", второе издание, стр. 59.

[132] Какой бы ни была причина, не может быть никаких сомнений в том, что существует широко распространенная тенденция связывать религию и проституцию; возможно, в какой-то степени это частный случай той общей связи между религиозными и сексуальными импульсами, которая обсуждалась в другом месте (Приложение С к vol. i из этих *Исследований*). Так, А. Б. Эллис в своей книге о *овцеязычных народах Западной Африки* (стр. 124, 141) утверждает, что здесь женщины, посвященные богу, становятся неразборчивыми в связях проститутками. У. Г. Самнер (*Народные обычаи*, гл. XVI) объединяет множество фактов, касающихся широкого распространения религиозной проституции.

[133] Геродот, Бк. I, гл. СХСІХ; Барух, гл. VI, стр. 43. Современные ученые подтверждают утверждения Геродота, основанные на изучении вавилонской литературы, хотя и склонны отрицать, что религиозная проституция занимала такое большое место, какое он ей отводит. Согласно Моррису Джастроу, в табличке из эпоса о Гильгамеше проститутки упоминаются как служанки богини Иштар в городе Урук (или Эрехе), который, таким образом, был центром и, возможно, главным центром обрядов, описанных Геродотом (Моррис Джастроу, *Религия Вавилонии и Ассирии*, 1898, с. 475). Иштар была богиней плодородия, великой богиней-матерью, а проститутки были жрицами, поклонявшимися ей, которые принимали участие в церемониях, призванных символизировать плодородие. Эти жрицы Иштар были известны под общим названием Кадишту, "святые" (указ. соч., стр. 485, 660).

[134] Среди современных авторов принято ассоциировать Афродиту Пандемос, а не Уранию, с продажной или беспорядочной сексуальностью, но это полная ошибка, поскольку Афродита Пандемос была чисто политической и не имела сексуального значения. Эта ошибка была допущена, возможно, намеренно, Платоном. Было высказано предположение, что этот архижонглер, которому не нравились демократические идеи, намеренно стремился извратить и вульгаризировать концепцию Афродиты Пандемос (Фарнелл, *Культы греческих государств*, vol. ii, стр. 660).

[135] Афиней, Бк. xiii, сар. XXXII. Похоже, что единственной другой эллинской общиной, где храмовый культ предполагал распутство, был город Локри Эпизефирий (Farnell, *op. cit.*, vol. ii, стр. 636).

[136] Я не говорю о более ранней "беспорядочной половой жизни", поскольку теория примитивной сексуальной распущенности сейчас широко дискредитирована, хотя не может быть разумных сомнений в том, что раннее преобладание материнского права было более благоприятным для сексуальной свободы женщин, чем более поздняя патриархальная система. Таким образом, в очень ранние египетские времена женщина могла одарить своей благосклонностью любого мужчину, которого она выбрала, послав ему свою одежду, даже если она была замужем. Со временем расширение прав мужчин привело к тому, что это стало рассматриваться как уголовное преступление, но жрицы Амона сохраняли привилегию до последнего, поскольку находились под божественной защитой (Флиндерс Петри, *Египетские сказки*, стр. 10, 48).

[137] Следует добавить, что Фарнелл ("Положение женщины в древней религии", *Архив религиозных организаций*, 1904, стр. 88) пытается объяснить религиозную проституцию Вавилонии как особую религиозную модификацию обычая лишать девственности перед браком, чтобы защитить мужа от мистических опасностей дефлорации. Э. С. Хартленд, также ("Относительно обряда в храме Милитты", *Антропологические очерки, представленные Э. Б. Тайлеру*, стр. 189), предполагает, что это была религиозная модификация обычая лишать девственности перед браком. обряд полового созревания связан с церемониальной дефлорацией. Однако эта теория не является общепринятой среди ученых-семитов.

[138] Удивительно хорошенькие девушки этого племени, потратив два-три года на то, чтобы накопить небольшое приданое, возвращаются домой, чтобы выйти замуж, и, как говорят, из них получаются образцовые жены и матери. Они описаны Бертераном в книге Parent-Duchâtelet, *La Prostitution à Paris*, vol. ii, стр. 539.

[139] В Абиссинии (согласно Фиаски, *Британский медицинский журнал*, 13 марта 1897 г.), где проституция всегда была в почете, проститутки, которые теперь проходят медицинский осмотр два раза в неделю, по-прежнему не позорят свою профессию и впоследствии легко находят мужей. Поттер (*Сохраня и Рустем*, стр. 168 и далее) приводит ссылки на народы, широко рассеянные по Старому и Новому Свету, среди которых молодые женщины занимались проституцией, чтобы получить приданое.

[140] В Траллесе, в Лидии, даже во втором веке нашей эры, как отмечает сэр У. М. Рамзи (*Города Фригии*, т. i, стр. 94, 115), священная проституция все еще была почетной практикой для женщин хорошего происхождения, которые "чувствовали себя призванными жить божественной жизнью под влиянием божественного вдохновения".

[141] Постепенная секуляризация проституции по сравнению с ее более ранней религиозной формой была прослежена различными авторами (см., например, Дюпуи, *"Проституция в античности"*). Согласно Бенеке, самое раннее комплиментарное упоминание *огетере* в литературе можно найти у Вакхилида (*Антимах из Колофона*, стр. 36).

[142] Цицерон, *Оратория про Целию*, глава XX.

[143] Pierre Dufour, *Histoire de la Prostitution*, vol. ii, Главы XIX-XX. Говорят, что настоящим автором этой хорошо известной истории проституции, которая, хотя и не является научной по своим методам, объединяет огромную массу интересной информации, является Поль Лакруа.

[144] Рабюто в своей *Истории проституции в Европе* описывает множество попыток подавления проституции; ср. Дюфур, соч. cit., том iii.

[145] Дюфур, указ. соч., том. vi, гл. XLI. Именно в правление Генриха III-гомосексуалиста была установлена терпимость к публичным домам.

[146] Особенно в восемнадцатом веке дома проституции в Париже достигли поразительной степени развития и процветания. Благодаря постоянному бдительному вниманию полиции было накоплено огромное количество подробной информации об этих заведениях, и за последние годы большая ее часть была опубликована. A summary of this literature will be found in Dühren's *Neue Forschungen über den Marquis de Sade und seine Zeit*, 1904, pp. 97 et seq.

[147] Рабюто, указ. соч., стр. 54.

[148] Кальца написал историю венецианской проституции; и некоторые из найденных им документов были воспроизведены Мантегаццей, *Gli Amori degli Uomini*, глава XIV. В начале семнадцатого века, сравнительно позднего периода, Кориат посетил Венецию и в своих "Грубостях" дает полный и интересный отчет о тамошних куртизанках, которых тогда насчитывалось, по его словам, не менее 20 000 человек; доход, который они приносили государству, содержал дюжину галер.

[149] Дж. Шранк, *Смерть проституции в Вене*, Bd. I, стр. 152-206.

[150] У. Робер, "Имена Семьи в моем возрасте", глава IV.

[151] Рудек (*Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland*, стр. 26-36) приводит множество подробностей, касающихся важной роли проституток и публичных домов в жизни средневековой Германии.

[152] Они описаны Рабюто, указ. соч., стр. 90 и далее.

[153] "Социологическая энциклопедия", седьмой год, 1904, стр. 440.

[154] Блох, *Источник сифилиса*. As regards the German "Frauenhausen" see Max Bauer, *Das Geschlechtsleben in der Deutschen Vergangenheit*, pp. 133-214. В Париже, утверждает Дюфур (указ. соч., том v, глава XXXIV), публичные дома в соответствии с указами Людовика Святого имели много прав, которые они окончательно утратили в 1560 году, когда стали просто терпимыми домами без законов, специальных костюмов или ограничения доступа к особым улицам.

[155] "Cortegiana, hoc est meretrix honesta", - писал Берчард, секретарь папы римского, в начале шестнадцатого века, *Diarium*, изд. Туасне, том ii, стр. 442; другие источники цитируются Туасне в примечании.

[156] Берчард, *Дневник*, том. iii, стр. 167. Туасне цитирует другие источники в подтверждение.

[157] Пример Голландии, где некоторые крупные города приняли регулирование проституции, а другие нет, поучителен в отношении иллюзорной природы преимуществ регулирования. В 1883 году доктор Депре привел цифры, предоставленные голландскими официальными лицами, показывающие, что в Роттердаме, где проституция регулировалась, как проституция, так и

венерические заболевания были более распространены, чем в Амстердаме, городе без регулирования (А. Депре, *Проституция во Франции*, стр. 122).

[158] Именно в 1802 году был введен медицинский осмотр проституток в парижских публичных домах, хотя полностью он был установлен и стал всеобщим только в 1825 году.

[159] М. Л. Хайдингсфельд, "Контроль над проституцией", *журнал Американской медицинской ассоциации*, 30 января 1904г.

[160] See, e.g., G. Bérault, *La Maison de Tolérance*, Thèse de Paris, 1904.

[161] Таким образом, положение английской армии в Индии носит особый характер. Ряд заявлений (из отчетов комитетов, официальных публикаций и т.д.) Относительно положительного влияния регулирования на снижение венерических заболеваний в Индии сведен воедино хирургом-полковником Ф. Х. Уэлчем, "Профилактика сифилиса", *Lancet*, 12 августа 1899 г. Система была отменена, но только в результате народного протеста, а не по вопросу о ее достоинствах.

[162] Таким образом, Ришар, который принимает регулирование и которому было поручено доложить о нем муниципальному совету Парижа, не стал бы регистрировать девочек в качестве профессиональных проституток до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия и не смогут осознать, чем они себя связывают (Э. Ришар, *Проституция в Париже*, стр. 147). Но в этом возрасте значительная часть проституток занимается своей профессией уже много лет.

[163] В Германии, где лечение инфицированных проституток в соответствии с законодательством почти повсеместно является обязательным, обычно за счет общества, обнаружено, что 18 лет - это средний возраст, в котором они поражаются сифилисом; средний возраст проституток в публичных домах выше, чем у тех, кто находится за их пределами, и поэтому гораздо большая часть из них приобрела иммунитет к болезни (Blaschko, "Hygiene der Siphilis" в *Справочнике Вейля по гигиене*, Bd. ii, стр. 62, 1900).

[164] А. Шеруэлл, *Жизнь в Западном Лондоне*, 1897, Ч. V.

[165] Бонджер объединяет статистические данные, иллюстрирующие этот момент, указ. соч., стр. 402-6.

[166] *Город без ночи*, стр. 125.

[167] Стремберг, цитируемый Ашаффенбургом, *Das Verbrechen*, 1903, стр. 77.

[168] *Monatsschrift für Harnkrankheiten und Sexuelle Hygiene*, 1906. Высота 10, стр. 460. Но эта причина, несомненно, эффективна в некоторых случаях, когда незамужние женщины в Германии не могут найти работу (см. Статью сестры Генриетты Арендт, помощника полиции Штутгарта, *Sexual-Probleme*, декабрь 1908 г.).

[169] Так, например, мы находим, что Ирма фон Тролль-Боростьяни говорит в своей книге *"Я во свободном рейхе"* (стр. 176): "Пойдите и спросите этих несчастных существ, добровольно ли они посвятили себя пороку. И почти все они расскажут вам историю о нужде и лишениях, о голоде и отсутствии работы, которые вынудили их к этому, или же о любви, обольщении и страхе разоблачения их неверного шага, который выгнал их из дома, беспомощных и покинутых, в омут

порока, из которого вряд ли есть спасение ". Конечно, совершенно верно, что проститутка часто готова рассказывать подобные истории филантропическим личностям, которые ожидают их услышать, а иногда даже вкладывают эти слова в ее уста.

[170] С. Бут, *Жизнь и труд*, последний том, стр. 125. Аналогичным образом, по словам Кульберга, в Швеции девочек в возрасте от тринадцати до семнадцати лет, живущих дома со своими родителями в комфортных условиях, часто находили на улицах.

[171] У. Эктон, *Проституция*, 1870, стр. 39, 49.

[172] В Лионе, по словам Поттона, из 3884 проституток 3194 отказались или, по-видимому, отказались от своей профессии; в Париже очень многие стали прислугами, портнихами или портнихами, профессиями, которыми, несомненно, во многих случаях они занимались раньше (Parent-Duchâtelet, *О проституции*, 1857, том i , с. 584; вып. ii, стр. 451). Слоггетт (цитируется Эктоном) заявил, что в Давенпорте 250 из 1775 проституток вышли замуж. Хорошо известно, что проститутки иногда выходят замуж очень удачно. Почти столетие назад было замечено, что браки проституток с богатыми мужчинами были особенно частыми в Англии и обычно заканчивались благополучно; похоже, то же самое верно и до сих пор. По своему социальному положению они нередко выходят замуж за извозчиков и полицейских - два класса людей, с которыми они наиболее тесно соприкасаются на улицах. Что касается Германии, К. К. Шнайдер ("*О проституции и обществе*") утверждает, что молодые проститутки выбирают всевозможные профессии и ситуации, иногда, если они скопили немного денег, открывают бизнес, в то время как старые проститутки становятся сводницами, содержательницами борделей, уборщицами и так далее. Немало проституток выходят замуж, добавляет он, но доля зарегистрированных немецких проституток очень мала, менее 2 процентов.

[173] Г. де Молинари, "*Вирусология*", 1897, стр. 155.

[174] Ройсс и другие авторы воспроизвели типичные выдержки из личных учетных книг проституток, показывающие высокий уровень их заработка. Даже в обычных публичных домах Филадельфии (согласно Гудчайлду, "*Социальное зло в Филадельфии*", *Арена*, март 1896 г.) девушки зарабатывают двадцать долларов или больше в неделю, что намного больше, чем они могли бы заработать при любом другом доступном для них занятии.

[175] А. Депре, *Проституция во Франции*, 1883.

[176] Бонгер, *Криминалистика и экономические условия*, 1905, стр. 378-414.

[177] *La Donna Delinquente*, стр. 401.

[178] Рачиборский, *Характеристика власти*, стр. 20. Можно добавить, что Берг, ведущий специалист по анатомическим особенностям наружных женских половых органов, который считает, что сильное развитие наружных половых органов сопровождается либидинозные тенденции, не обнаружил, что такое развитие является обычным явлением среди проституток.

[179] Хаммер, у которого было много возможностей для изучения психологии проституток, отмечает, что он не видел причин подозревать сексуальную холодность (*Журнал по охране здоровья и сексуальной гигиене*, 1906, Часть 2, стр. 85), хотя, как он уже заявлял в другом месте, он придерживается мнения, что лень, а не избыток чувственности, является главной причиной проституции.

[180] Смотрите "Сексуальное влечение у женщин" в третьем томе этих *исследований*.

[181] Тейт заявил, что в Эдинбурге многие замужние женщины, живущие со своими мужьями в комфортных условиях и имеющие детей, были уличены в проституции, то есть в регулярной привычке назначать свидания с незнакомцами (У. Тейт, *Магдалинизм в Эдинбурге*, 1842, стр. 16).

[182] Янке объединяет мнения на этот счет, *Die Willkürliche Hervorbringen des Geschlechts*, стр. 275. "Если мы сравним тридцатипятилетнюю проститутку с ее респектабельной сестрой", - заметил Эктон (*Проституция*, 1870, стр. 39), - "мы редко обнаруживаем, что разрушительные последствия проституции для организма, которые часто считаются необходимыми последствиями, превышают те, которые можно отнести к заботам о семье и изматывающей душу борьбе за добродетельный труд".

[183] Хиршфельд утверждает (*Wesen der Liebe*, стр. 35), что желание вступить в половую связь с симпатизирующим человеком усиливается, а не уменьшается профессиональным актом совокупления.

[184] Это было ясно показано Гансом Оствальдом (у которого я заимствую процитированное выше наблюдение о проститутке), одним из лучших авторитетов в области жизни и характера проститутки; см., например,, его статью "Die erotischen Beziehungen zwischen Dirne und Zuhälter", *Сексуальная проблема*, июнь 1908 г. В следующем номере того же периодического издания (июль 1908 г., стр. 393) доктор Макс Маркузе поддерживает опыт Оствальда и говорит, что письма проституток и их хулиганов - это любовные письма, точно такие же, как письма респектабельных людей того же класса, и с теми же элементами любви и ревности; эти отношения, замечает он, часто оказываются очень прочными. Автор-проститутка книги "*Tagebuch einer Verlorenen*" (стр. 147) также высказывает некоторые замечания об отношениях проститутки к своему хулигану, заявляя, что это просто естественные отношения девушки к своему возлюбленному.

[185] Так, Мораглия обнаружил, что среди 180 проституток в борделях Северной Италии и среди 23 элегантных итальянских и иностранных кокоток каждая признала, что она мастурбировала, предпочтительно трением клитора; 113 из них, большинство, заявили, что предпочитают одиночную или взаимную мастурбацию нормальному половому акту. Хаммер утверждает (*Zehn Lebensläufe Berliner Kontrollmädchen* в серии "Гроссшадтские документы" Оствальда, 1905), что в больнице мастурбируют все шестьдесят проституток, кроме трех или четырех, а над теми, кто этого не делает, остальные смеются.

[186] *Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen*, Jahrgang VII, 1905, p. 148; "Sexual Inversion," vol. второе из этих *исследований*, глава IV. Хаммер обнаружил, что из двадцати пяти проституток в исправительном учреждении целых двадцать три были гомосексуалистами или, по веским основаниям, подозревались в таковых. Хиршфельд (*Berlins Drittes Geschlecht*, стр. 65) упоминает, что проститутки иногда пристают к женщинам из высшего общества, которых из-за их мужеподобного вида они принимают за гомосексуалистов; от лиц своего пола проститутки принимают меньшее вознаграждение, а иногда и вовсе отказываются от оплаты.

[187] В случае проституции, как и в случае преступности, конечно, трудно отделить элемент наследственности от элемента окружающей среды, даже когда у нас есть веские основания полагать, что фактор наследственности здесь, как и во всей жизни, не может не иметь большого

значения. В любом случае, несомненно, что проституция часто происходит в семьях. "Я часто сталкивалась с тем, - пишет бывшая проститутка (Хедвиг Хард, *Beichte einer Gefallenen*, стр. 156), - что, когда в семье девушка вступает на этот путь, ее сестра вскоре следует за ней: я встречалась с бесчисленными случаями; иногда все три сестры числятся на учете, и я знала случай с четырьмя сестрами, мать которых, акушерка, сидела в тюрьме, а отец пил. В данном случае все четыре сестры, которые были очень красивы, вышли замуж, по крайней мере, одна очень счастливо, за богатого врача, который забрал ее из борделя в шестнадцать лет и дал ей образование".

[188] Этому факту не противоречит тот несомненный факт, что проститутки отнюдь не всегда довольны той жизнью, которую они выбирают.

[189] Этот момент обсуждался Блохом, *Sexualeben unserer Zeit*, глава XIII.

[190] Различные серии наблюдений обобщены Ломброзо и Ферреро, *La Donna Delinquente*, 1893, Часть III, глава IV.

[191] *История европейской морали*, том. iii, стр. 283.

[192] Аналогично написал лорд Морли (*Дидро*, т. ii, стр. 20): "Чистота семьи, какой бы прекрасной и дорогой она ни была, до сих пор обеспечивалась только сохранением огромного и скорбного сонма отверженных женщин ... на чьи головы, как на козла отпущения по еврейскому обряду, мы возлагаем все беззакония детей дома и все их прегрешения во всех их грехах, а затем изгоняем их с проклятиями в грязную внешнюю пустыню и необитаемую землю".

[193] Гораций, *Сатиры*, lib. i, 2.

[194] Августин, *De Ordine*, Bk. II, глава IV.

[195] *О принципах режима (Opuscula XX)*, библиотека. iv, глава XIV. Я признателен преподобному Х. Норткоту за ссылку на точное место, где встречается это утверждение; обычно оно цитируется более расплывчато.

[196] Леа, *История аурикулярной исповеди*, том. ii, стр. 69. Кажется, было даже эксцентричное решение богословов Саламанки о том, что монахиня может таким образом получать деньги, "законные и действительные".

[197] Леа, указ. соч., vol. ii, стр. 263, 399.

[198] Рабюто, *О проституции в Европе*, стр. 22 и далее.

[199] Бертон, *Анатомия меланхолии*, Часть III, раздел. III, Память. IV, Подразделы II.

[200] Б. Мандевиль, *Замечания к "Басне о пчелах"*, 1714, стр. 93-9; ср. П. Сакман, *Бернар де Мандевиль*, стр. 101-4.

[201] Эти условия благоприятствуют временным свободным союзам, но они также благоприятствуют проституции. Причина в том, согласно Адольфу Герсону (*Sexual-Probleme*, сентябрь 1908 г.), что у женщины из хорошего класса не будет свободных союзов. Отчасти движимая моральными традициями, а отчасти чувством, что мужчина по закону должен быть ее

собственностью, она не отдастся мужчине из любви; и поэтому он обращается к женщине из низшего класса, которая отдается за деньги.

[202] Многие девочки, по словам Эллис Хопкинс, проказничают только потому, что в них есть элемент "черного котенка", который должен резвиться и забавляться, но не имеет желания подвергаться опасности. "Тебе не кажется немного суровым, - добавила она, - что мужчины должны были вырыть рядом с ее глупыми танцующими ногами бездонную яму, и что она не может в безопасности прыгать и веселиться, и надеть свои прекрасные перья, как та глупая птичка, которой она и является, без того, чтобы ни один неверный шаг не сбросил ее с края и не оставил с той самой женственностью, которая была выбита из нее?"

[203] А. Шеруэлл, *Жизнь в Западном Лондоне*, 1897, Ч. V.

[204] Цитируется Блохом, *Sexualeben Unserer Zeit*, стр. 358. В Берлине за последние годы число проституток увеличилось почти вдвое по сравнению с ростом населения в целом. Несомненно, что предложение имеет тенденцию увеличивать спрос.

[205] Гонкур, *Журнал*, том. iii, стр. 49.

[206] Вандеркист, *Лондонские притоны*, 1854, стр. 242.

[207] Бонджер (*Criminalité et Conditions Economiques*, стр. 406) ссылается на распространенность проституции среди портних и модисток, а также среди прислуги, как на проявление влияния контакта с роскошью, и добавляет, что богатые женщины, которые смотрят на проституцию свысока, не всегда осознают, что они сами являются важным фактором проституции, как по своей роскоши и их праздности; в то время как они, кажется, не осознают, что сами поступили бы точно так же, если бы были поставлены в те же условия.

[208] Х. Липперт в своей книге о проституции в Гамбурге много внимания уделял тяге к одежде и украшениям как фактору проституции, а Блох (*Das Sexualeben unserer Zeit*, стр. 372) считает, что этот фактор обычно недооценивают и что он оказывает особенно сильное влияние на прислугу.

[209] С тех пор, как это было написано, Рейбмайр, *Die Entwicklungsgeschichte des Talentes und Genies*, 1908, vol. С тех пор, как это было написано, влияние нескольких поколений горожан на иммунизацию населения к порокам этой жизни (хотя и без ссылки на проституцию), изложил влияние нескольких поколений горожан на иммунизацию населения к порокам этой жизни (хотя и без ссылки на проституцию). ii, стр. 73 и далее.

[210] Во Франции эта близость воплощается в восхитительной привилегии *совместного использования*. "Тайна единения!" - восклицает Эрнест Ла Дженнесс в "Голокаусте": "Разрушенные барьеры, отброшенные завесы и легкость существования! В то время, когда я была очень одинока и пыталась привыкнуть к Парижу и к несчастью, я преодолевала мили — естественно, пешком, — чтобы повидать двоюродную сестру и тетю, просто чтобы что-нибудь порассказать. Иногда их не было дома, и мне приходилось возвращаться со своим *tu*, с моей жадной уверенности, фамильярности и братства".

[211] Некоторые факты и ссылки на обширную литературу, касающуюся этого ремесла, см., например., Блох, "О сексуальном сексе", стр. 374-376; также К. М. Бэр, *Журнал "О сексуальном сексе"*, сентябрь 1908 г.; Паулуччи де Кальболи, *Новая антилогия*, апрель 1902г.

[212] Эти соображения, правда, неприменимы ко многим видам сексуальных извращенцев, которые составляют значительную долю клиентов публичных домов. Им часто гораздо легче найти то, чего они жаждут, внутри борделя, чем снаружи.

[213] Так, Чарльз Бут в своем великом труде о *жизни и труде в Лондоне*, заключительный том (стр. 128), рекомендует терпимо относиться к "жилым домам", вместо того чтобы устраивать охоту на них, как к шагу к пресечению публичных домов.

[214] "Такие города, как Вулвич, Олдершот, Портсмут, Плимут, - как было сказано, - изобилуют жалкими, грязными чудовищами, которые не имеют никакого сходства с женщинами; но до такого состояния их довели пьянство, презрение, жестокость и болезни, а не сам факт общения с мужчинами".

[215] "Договор проституции, по мнению самих проституток, - замечают Бернальдо де Кирос и Льянас Агиланьедо (*"Малая жизнь в Мадриде"*, стр. 254), - не может быть приравнен ни к продаже, ни к трудовому договору, ни к какой-либо другой форме обмена, признанной гражданским законодательством. Они считают, что в эти договоры всегда входит элемент, который делает их гораздо более похожими на дар в вопросе, по которому никакая оплата не может быть адекватной. "Женское тело не имеет цены" - это аксиома проституции. Деньги, вложенные в руки той, кто добивается удовлетворения сексуального желания, - это не цена акта, а подношение, которое жрица Венеры направляет на ее содержание". Для испанца, это правда, отвратительна любая сделка, напоминающая торговлю, но принцип, лежащий в основе этого чувства, применим к проституции в целом.

[216] *Гонкуровский журнал*, том iii; это было в 1866 году.

[217] Преподобный К. Литтелтон, *Обучение молодежи законам секса*, стр. 42.

[218] См., например, Р. У. Тейлор, *Трактат о сексуальных расстройствах*, 1897, стр. 74-5. Георг Хирт (*Wege zur Heimat*, 1909, стр. 619) повествует о случае с молодым офицером, который, будучи возбужден ласками своей нареченной и испытывая слишком большое уважение к ней, чтобы пойти дальше этого, и слишком большое уважение к самому себе, чтобы прибегнуть к мастурбации, не придумал ничего лучше, чем пойти к проститутке. Сифилис развился через несколько дней после свадьбы. Хирт кратко добавляет, что результаты были ужасными.

[219] Это часто цитируемый отрывок, но вряд ли его можно цитировать слишком часто: "Вы видите, что эта кованая железная пластина не совсем плоская: она немного торчит вот здесь, слева, — "ракушки", как мы говорим. Как мы будем расплющивать ее? Очевидно, отвечаете вы, ударяя по выступающей части. Что ж, вот молоток, и я ударяю по пластине, как вы советуете. Сильнее, говорите вы. По-прежнему никакого эффекта. Еще один удар? Что ж, есть один, и еще, и еще. Заметность остается, вы видите: зло так же велико, как и прежде, — даже больше. Но это еще не все. Посмотрите на деформацию, которую получила пластина у противоположного края. Там, где раньше она была плоской, теперь она изогнута. Мы допустили изрядную оплошность. Вместо того чтобы устранить первоначальный дефект, мы создали второй. Если бы мы спросили ремесленника, практикующегося в "строгании", как это называется, он бы сказал нам, что от удара по выступающей части не будет никакой пользы, а только вред. В другом месте Он научил бы нас наносить разнонаправленные и специально выверенные удары молотком: таким образом, атаковать зло не прямыми, а косвенными действиями. Требуемый процесс не так прост, как вы думали. Даже с листом металла нельзя успешно справиться с помощью тех

методов здравого смысла, в которые вы так верите. Что же тогда мы скажем об обществе? ... Неужели человечество легче выпрямить, чем железную пластину?" (*Изучение социологии*, стр. 270.)

ГЛАВА VIII.

ПОБЕДА Над ВЕНЕРИЧЕСКИМИ БОЛЕЗНЯМИ.

Содержание

Значение венерических заболеваний—История сифилиса—Проблема его происхождения—Социальная тяжесть сифилиса—Социальная опасность гонореи—Современные изменения в методах борьбы с венерическими заболеваниями—Причины упадка системы полицейского регулирования—Необходимость смотреть фактам в лицо—Невинные жертвы венерических заболеваний—Болезни, а не преступления—Принцип уведомления—Скандинавская система—Бесплатное лечение—Наказание за передачу венерических заболеваний—Сексуальное просвещение в отношении венерических заболеваний—Лекции и т.д.—Обсуждение в романах и на сцена — "Отвратительная", а не "Аморальная".

Возможно, вас удивит тот факт, что в предыдущем обсуждении проституции почти ни слова не было сказано о венерических заболеваниях. В глазах многих людей вопрос проституции - это просто вопрос сифилиса. Но с психологической точки зрения, которой мы занимаемся непосредственно, как и с моральной точки зрения, которая нас не может не касаться косвенно, вопрос о болезнях, которые могут быть связаны и так часто связаны с проституцией, не может быть поставлен в первую очередь по значимости. Эти два вопроса, как бы тесно они ни были переплетены, принципиально различны. Мало того, что венерические заболевания все еще сохранялись бы, даже если бы проституция полностью прекратилась, но, с другой стороны, когда мы взяли бы сифилис под тот же контроль, что и проказу, в чем-то аналогичную болезнь, проблема проституции все еще оставалась бы.

Тем не менее, даже с той точки зрения, которую мы здесь занимаем, вряд ли возможно игнорировать вопрос о венерических заболеваниях, поскольку психологические и моральные аспекты проституции и даже весь вопрос сексуальных отношений в некоторой степени зависят от существования серьезных заболеваний, которые особенно подвержены распространению половым путем.

Фурнье, один из ведущих авторитетов в этой области, хорошо сказал, что сифилис, алкоголизм и туберкулез - это три современные язвы. В гораздо более ранний период (1851) Шопенгауэр в "*Паралипоменах*" выразил мнение, что две вещи, которые отличают современную общественную жизнь, в отличие от античной, и в пользу последней, - это рыцарский принцип чести и венерические болезни; вместе они, добавил он, отравили жизнь и внесли враждебный и даже дьявольский элемент в отношения полов, что косвенно повлияло на все другие социальные отношения.^[220] По словам Хавельбурга, сифилис подобен товару, который

цивилизация распространила повсюду, так что лишь очень немногие отдаленные районы земного шара (например, Центральная Африка и Центральная Бразилия) сегодня свободны от него.^[221]

Несомненно, верно, что в старых цивилизованных странах проявления сифилиса, хотя и остаются серьезными и являются причиной физического ухудшения личности и расы в целом, менее серьезны, чем были даже поколение назад.^[222] Частично это результат более раннего и качественного лечения, частично, возможно, это также результат сифилизации расы, определенная степень иммунитета теперь стала наследственным достоянием, хотя следует помнить, что приступ сифилиса не обязательно обеспечивает иммунитет от фактического приступа болезни даже у одного и того же человека. Но следует добавить, что, хотя сифилис стал менее тяжелым заболеванием, по мнению многих, он, тем не менее, все еще распространяется даже в главных центрах цивилизации; это было отмечено как в Париже, так и в Лондоне.^[223]

Согласно распространенному в настоящее время мнению, сифилис был завезен в Европу в конце пятнадцатого века первыми первооткрывателями Америки. В Севилье, главном европейском порту, соединяющем Америку, она была известна как индейская болезнь, но когда Карл VIII и его армия впервые привезли ее в Италию в 1495 году, хотя эта связь с французами была лишь случайной, ее называли галльской болезнью, "чудовищной болезнью, - сказал Катанеус, - никогда не встречавшейся в предыдущие столетия и совершенно неизвестной в мире".

Синонимы сифилиса поначалу были почти бесчисленны. Именно в своей латинской поэме *Syphilis sive Morbus Gallicus*, написанной до 1521 года и опубликованной в Вероне в 1530 году, Фракасторус, наконец, дал болезни ее ныне общепринятое название, придумав романтический миф для объяснения ее происхождения.

Хотя весомость авторитетного мнения сейчас, по-видимому, склоняется к убеждению, что сифилис был завезен в Европу из Америки после открытия Нового Света, только в последние годы это убеждение укрепилось, и едва ли еще можно с уверенностью утверждать, что то, что испанцы привезли из Америки, на самом деле было абсолютно новой для Старого Света болезнью, а не более опасной формой старой болезни, проявления которой стали мягкими. Бюре, например ("О сифилисе в кругу семьи и древних", 1890), который несколько лет назад пришел к "глубокому убеждению, что сифилис восходит к сотворению человека", и полагал, на основании тщательного изучения классических авторов, что сифилис существовал в Риме при цезарях, придерживался мнения, что он вспыхивал в разных местах и в разное время, в виде эпидемических вспышек, демонстрирующих различные комбинации его разнообразных симптомов, так что он оставался незамеченным как в обычное время, так и во времена своего более интенсивного проявления. рассматривался как доселе неизвестная болезнь. Таким образом, в классические времена, по его мнению, она считалась происходящей из Египта, хотя он считал ее настоящей родиной Азию. Леопольд Глюк также процитировал (*Архив дерматологии и сифилиса*, январь 1899 г.) отрывки из медицинских эпиграмм врача шестнадцатого века Габриэля Айалы, в которых говорится, что сифилис на самом деле не новая болезнь, хотя в народе так и предполагают, а старая болезнь, которая вспыхнула с доселе неизвестной силой. Однако нет убедительных оснований полагать, что сифилис вообще был

известен в классической древности. А. В. Ноттафт ("Die Legende von der Altherthums-сифилис", в *RindfleischFestschrift*, 1907, стр. 377-592) критически исследовал отрывки классических авторов, которые, как предполагали Розенбаум, Бюре, Прокш и другие, относятся к сифилису. Ноттафт признает, что это совершенно верно, что многие из этих отрывков, возможно, относятся к сифилису, а один или два даже лучше подходят для сифилиса, чем для любой другой болезни. Но, в целом, они вообще не дают никаких доказательств, и ни одному сифилологу, заключает он, никогда не удавалось доказать, что сифилис был известен в древности. Это убеждение - легенда. Ноттафт указывает, что самым убедительным аргументом против этого является тот факт, что, хотя в древности были великие врачи, которые были проникательными наблюдателями, ни один из них не дает никакого описания первичной, вторичной, третичной и врожденной форм этого заболевания. Китай часто упоминается как первоначальная родина сифилиса, но это убеждение также совершенно беспочвенно, и японский врач Окамура доказал (*Monatsschrift für praktische Dermatologie*, vol. xxviii, стр. 296 и далее.), что китайские записи не обнаруживают ничего, относящегося к сифилису ранее шестнадцатого века. В Парижской медицинской академии в 1900 году Фуке выставил фотографии человеческих останков из Египта, датируемые 2400 годом до н.э., на которых видны поражения костей, которые казались явно сифилитическими; Фурнье, однако, один из величайших авторитетов, считал, что диагноз сифилиса не может быть подтвержден до тех пор, пока не будут устранены другие состояния, способные вызвать несколько похожие поражения костей (*Британский медицинский журнал*, 29 сентября 1900 г., стр. 946). Во Флориде и различных регионах Центральной Америки, в несомненно доколумбовых захоронениях, были найдены пораженные болезнью кости, которые, как заявили авторитетные источники, не могли быть ничем иным, кроме сифилитических (например, *Британский медицинский журнал*, 20 ноября 1897 г., стр. 1487), хотя можно отметить, что совсем недавно, в 1899 году, осторожный Вирхов заявил, что доколумбовый сифилис в Америке все еще оставался для него открытым вопросом (*Журнал "Цайтшрифт для этнологии"*, главы 2 и 3, 1899, с. 216). С другой стороны, Селер, выдающийся авторитет в области мексиканской старины, показывает (*Журнал по этнологии*, 1895, раздел 5, стр. 449), что древние мексиканцы были знакомы с болезнью, которая, как они ее описывали, вполне могла быть сифилисом. Очевидно, однако, что, хотя трудность демонстрации сифилитических поражений костей в Америке столь же велика, как и в Европе, демонстрации, какой бы полной она ни была, было бы недостаточно, чтобы показать, что болезнь не существовала ранее и в Старом Свете. Правдоподобная теория Айалы о том, что сифилис пятнадцатого века был вирулентным рецидивом древней болезни, часто возрождалась в более поздние времена. Так, Дж. Нотт ("Происхождение сифилиса", *New York Medical Journal*, 31 октября 1908 г.) предполагает, что, хотя в Европе XV века он не был чем-то новым, затем он был завезен заново в форме, усугубленной происхождением от экзотической расы, как это часто бывает.

Именно в восемнадцатом веке Жан Астрюк начал реабилитацию веры в то, что сифилис на самом деле является сравнительно современной болезнью американского происхождения, и с тех пор различные авторитетные специалисты придерживаются этой точки зрения. Именно энергии и учености доктора Ивана Блоха из Берлина (первый том его важной работы "*Источник сифилиса*" был опубликован в 1901 году) мы обязаны наиболее полным изложением доказательств в пользу американского происхождения сифилиса. Блох считает Руя Диаса де Исла, выдающегося испанского врача, самым веским свидетелем индийского происхождения болезни и приходит к выводу, что она была занесена в Европу людьми Колумба из Центральной

Америки, точнее, с острова Гаити, в Испанию в 1493 и 1494 годах, а сразу после этого была эпидемически распространена армиями Карла VIII по Италии и другим странам Европы.

Можно добавить, что даже если нам придется принять теорию о том, что центральные регионы Америки являются местом зарождения европейского сифилиса, мы все равно должны признать, что сифилис распространялся на североамериканском континенте гораздо медленнее и частично, чем в Европе, и даже в наши дни существуют племена американских индейцев, среди которых он неизвестен. Холдер, основываясь на своем собственном опыте общения с индейскими племенами, а также на обширных запросах врачей агентства, подготовил таблицу, показывающую, что примерно из тридцати племен и групп племен восемнадцать были почти или полностью свободны от венерических заболеваний, в то время как среди тринадцати они были очень распространены. Почти все без исключения племена, где сифилис редок или неизвестен, отказываются от половых сношений с незнакомцами, в то время как те, среди кого распространено такое заболевание, морально распущены. Именно белые являются источником инфекции среди этих племен (А. Б. Холдер, "Гинекологические заметки американских индейцев", *Американский журнал акушерства*, 1892, № 1).

Сифилис - лишь одно, безусловно, самое важное, из группы трех совершенно различных "венерических заболеваний", которые были выделены лишь в недавнее время, и что касается их точной природы и причинности, то они действительно только сегодня начинают пониматься, хотя два из них, безусловно, были известны в древности. Прошло всего семьдесят лет с тех пор, как Рикорд, великий французский сифилолог, вслед за Бассеро, впервые доказал полную независимость сифилиса как от гонореи, так и от мягкого шанкра, в то же время четко изложив три стадии, первичную, вторичную и третичную, через которые обычно проходят сифилитические проявления, в то время как полный объем третичных сифилитических симптомов еще едва понят, и только сегодня начинает широко осознаваться, что два наиболее распространенных и серьезных заболевания мозга и нервной системы - общий паралич и табес. спинномозговая или локомоторная атаксия — имеют свою преобладающую, хотя и не единственную причину в проникновении сифилитического яда много лет назад. В 1879 году новый этап более точных знаний о венерических заболеваниях начался с открытия Найссером гонококка, который является специфической причиной гонореи. За этим последовало несколько лет спустя открытие Дюкреем и Унной бациллы мягкого твердого шанкра, наименее важного из венерических заболеваний, поскольку оно оказывает исключительно местное воздействие. Наконец, в 1905 году — после того, как Мечников подготовил почву, преуспев в передаче сифилиса от человека к обезьяне, а Лассар путем прививки — от обезьяны к обезьяне, - Фриц Шаудинн сделал свое великое открытие простейшей *бледной спирохеты* (с тех пор ее иногда называют *бледной трепонемой*), которая сейчас обычно рассматривается как причина сифилиса, и таким образом раскрыл последнее убежище одного из самых опасных и коварных врагов человечества.^[224]

Нет более тонкого яда, чем сифилис. Это не такая болезнь, как оспа или брюшной тиф, которая вызывает кратковременную и внезапную бурю, жестокую борьбу с жизненными силами, в которой она имеет тенденцию погибать даже без лечения, при условии, что организм здоров, не оставляя после себя практически никаких следов своего разрушительного действия. Он проникает все глубже и глубже в организм, с течением времени приводя ко все новым проявлениям, и ни одна ткань не защищена от его атаки. И этот всепроникающий яд настолько

неуловим, что, хотя его внешние проявления поддаются длительному лечению, часто трудно сказать, что яд окончательно уничтожен.^[225]

Огромное значение сифилиса и главная причина, по которой необходимо рассмотреть его здесь, заключается в том факте, что его последствия не ограничиваются самим индивидуумом и даже лицами, которым он может заразиться в результате контакта в сексуальных отношениях или вне их: он поражает потомство и влияет на способность производить потомство. Она поражает мужчин и женщин, находящихся в центре жизни, как прародителей грядущей расы, вызывая либо бесплодие, либо тенденцию к абортированным и больным продуктам зачатия. Возможно, только отец может передать сифилис своему ребенку, даже если мать избежит инфекции, и ребенок, рожденный от родителей-сифилитиков, может появиться на свет внешне здоровым только для того, чтобы выявить свое сифилитическое происхождение по прошествии месяцев или даже лет. Таким образом, сифилис, вероятно, является основной причиной ослабления расы.^[226]

Как у отдельного человека, так и у его потомства сифилис проявляет свое ухудшающее воздействие на все структуры организма, но особенно на мозг и нервную систему. Существует, как было указано Моттом, ведущим авторитетом в этом вопросе,^[227] пять способов, которыми сифилис поражает мозг и нервную систему: (1) путем морального потрясения; (2) действием яда, вызывающего анемию и нарушение общего питания; (3) вызывая воспаление оболочек и тканей мозга; (4), вызывая артериальную дегенерацию, приводящую к размягчению мозга, параличу и слабоумию; (5) как основная причина парасифилитических поражений общего паралича и дорсальных язычков.

Только в последние годы врачи осознали преобладающую роль приобретенного или унаследованного сифилиса в возникновении общего паралича, который в значительной степени способствует заполнению приютов для умалишенных, и спинного шва, который является наиболее важным заболеванием спинного мозга. Даже сегодня едва ли можно сказать, что существует полное согласие относительно первостепенной важности фактора сифилиса при этих заболеваниях. Однако не может быть никаких сомнений в том, что примерно в девяноста пяти процентах, по крайней мере, в случаях общего паралича присутствует сифилис.^[228]

На самом деле сифилис сам по себе не является достаточной причиной общего паралича, поскольку среди многих диких народов сифилис очень распространен, в то время как общий паралич встречается очень редко. Как обычно говорил Крафт-Эбинг, сифилизация и цивилизация, работающие вместе, вызывают общий паралич, возможно, во многих случаях, есть основания думать, на нервной почве, которая в некоторой степени наследственно дегенерирована; об этом свидетельствует аномальная распространенность врожденных стигматов дегенерации, обнаруженных у общих паралитиков Некке и другими. "Paralyticus nascitur atque fit", согласно изречению Оберштайнера. Однажды подорванный сифилисом, ослабленный мозг не в состоянии противостоять нагрузкам цивилизованной жизни, и в результате возникает общий паралич, который действительно описывается как "одно из самых ужасных бедствий современности". В 1902 году Психологическая секция Британской медицинской ассоциации, представляющая наиболее компетентный английский орган в этом вопросе, единогласно приняла резолюцию, рекомендующую обратить внимание Законодательной власти и других государственных органов на необходимость немедленных

действий ввиду того факта, что "общий паралич, очень серьезная и частая форма заболевания мозга, наряду с другими разновидностями безумия, в значительной степени вызван сифилисом и, следовательно, поддается профилактике". Однако до сих пор не было сделано ни единого шага в этом направлении.

Опасность сифилиса заключается не только в его силе и стойкости, но и в его распространенности. Трудно назвать точную частоту распространения сифилиса, но в различных странах было проведено очень много частичных исследований, и, по-видимому, от пяти до двадцати процентов. около пятнадцати процентов населения европейских стран страдают сифилитизмом. в большинстве случаев сифилитики умирают от причин, прямо или косвенно связанных с этим заболеванием.^[229] Во Франции в целом, по оценкам Фурнье, это семнадцать процентов. из всего населения были больны сифилисом, а в Тулузе, по мнению Одри, таких восемнадцать процентов. все его пациенты - сифилитики. В Копенгагене, где уведомление обязательно, более четырех процентов. говорят, что большая часть населения страдает сифилитизмом. В Америке комитет Медицинского общества Нью-Йорка, назначенный для расследования этого вопроса, сообщил в результате исчерпывающего расследования, что в городе Нью-Йорк ежегодно происходит не менее четверти миллиона случаев венерических заболеваний, а ведущий нью-йоркский дерматолог заявил, что среди семей высшего класса, которых он близко знает, по крайней мере, треть сыновей болели сифилисом. По оценкам одного авторитетного органа, в Германии ежегодно происходит восемьсот тысяч случаев венерических заболеваний, а в крупных университетах - двадцать пять процентов. большинство студентов заражаются каждый семестр, однако венерические заболевания особенно распространены среди студентов. Ежегодное число мужчин, ставших инвалидами в немецкой армии из-за венерических заболеваний, составляет треть от общего числа раненых во франко-прусской войне. Тем не менее, немецкая армия занимает довольно высокое положение в плане защиты от венерических заболеваний по сравнению с британской армией, которая более сифилитична, чем любая другая европейская армия.^[230] Однако британская армия, будучи профессиональной, а не национальной, менее репрезентативна для народа, чем в странах, где преобладает та или иная форма воинской повинности. В одной лондонской больнице удалось установить, что десять процентов. у пациентов был сифилис; это, вероятно, означает реальную долю примерно в пятнадцать процентов., высокий, хотя и не чрезвычайно высокий показатель. Тем не менее, очевидно, что даже если это соотношение действительно ниже этого, национальные потери в жизни и здоровье, в неполноценном деторождении и расовом разложении должны быть огромными и практически неисчислимыми. Даже в денежном выражении венерический бюджет сопоставим по сумме с общим бюджетом великой нации. По оценкам Стритча, стоимость венерических заболеваний для британской нации только в армии, флоте и правительственных ведомствах ежегодно составляет 3 000 000 фунтов стерлингов, а с учетом надбавок за выслугу лет и отпусков по болезни, косвенно вызванных этими заболеваниями, хотя они и не указаны в декларациях как таковые, более точная оценка стоимости для страны составляет 7 000 000 фунтов стерлингов. Принятие простых гигиенических мер для профилактики и скорейшего излечения венерических заболеваний станет не только косвенным, но даже прямым источником огромного богатства нации.

Сифилис - наиболее очевидное и бросающееся в глаза ужасное из венерических заболеваний. Тем не менее, это менее частое и в некоторых отношениях менее опасное заболевание, чем гонорея, другое главное венерическое заболевание.^[231] Одно время мало осознавалась серьезная природа гонореи, особенно у женщин. Мужчины восприняли это с легким сердцем

как тривиальную случайность; женщины проигнорировали это. Эта неспособность осознать серьезность гонореи, даже иногда со стороны медицинской профессии — так что в народе это рассматривалось, по словам Грандина, как нечто немногим более значимое, чем насморк - привела к реакции некоторых в противоположную крайность, а риски и опасности гонореи были даже неоправданно преувеличены. Особенно это касается бесплодия. Воспалительные проявления гонореи, несомненно, являются мощной причиной бесплодия у обоих полов; некоторые авторитетные источники заявили, что не только в восьмидесяти процентах случаев. большинство смертей от воспалительных заболеваний органов малого таза и случаев хронической инвалидности у женщин, но не более девяноста процентов. причиной недобровольных бесплодных браков является гонорея. Найссер, крупный авторитет, без сомнения, приписывает этой болезни пятьдесят процентов таких браков. По опыту некоторых наблюдателей, даже эта оценка является чрезмерной. Полностью доказано, что подавляющее большинство мужчин, переболевших гонореей, даже если они вступают в брак в течение двух лет после заражения, не могут передать болезнь своим женам, и даже среди женщин, инфицированных своими мужьями, более половины имеют детей. Это, например, результат опыта Эрба, и Киш высказывается еще более решительно в том же смысле. Бум, опять же, хотя и рассматривает гонорею как одну из двух основных причин бесплодия у женщин, обнаруживает, что это не самая частая причина, поскольку она является причиной лишь примерно одной трети случаев; остальные две трети обусловлены нарушениями развития половых органов. Даннинг в Америке достиг результатов, которые в значительной степени согласуются с результатами Бумма.

Что касается другого ужасного последствия гонореи - роли, которую она играет в пожизненной слепоте из-за инфицирования глаз при рождении, - то в этом долгое время не было никаких сомнений. Комитет Офтальмологического общества в 1884 году сообщил, что от тридцати до сорока одного процента. большинство обитателей четырех приютов для слепых в Англии были обязаны своей слепотой этой причине.^[232] В немецких приютах Рейнхард обнаружил, что тридцать процентов. потеряли зрение по той же причине. Общее число лиц, ослепших от гонорейной инфекции, полученной от их матерей при рождении, огромно. Британская королевская комиссия по положению слепых подсчитала, что только в Соединенном Королевстве насчитывается около семи тысяч человек (или двадцать два процента). слепых в стране), которые ослепли в результате этой болезни, и Мукерджи заявил в своем выступлении по офтальмологии на Индийском медицинском конгрессе 1894 года, что только в Бенгалии насчитывалось шестьсот тысяч полностью слепых нищих, или сорок процентов. те, кто потерял зрение при рождении из-за гонореи у матери; и это относится только к классу нищих.

Хотя гонорея способна вызывать множество различных бедствий,^[233] не может быть никаких сомнений в том, что большинство больных гонореей избегают либо страданий, либо нанесения каких-либо очень серьезных травм. Особой причиной, по которой гонорея стала столь серьезным бедствием, является ее чрезвычайная распространенность. Трудно оценить долю мужчин и женщин в общей популяции, переболевших гонореей, и оценки варьируются в широких пределах. Они часто устанавливаются слишком высокими. Эрб из Гейдельберга, стремясь опровергнуть преувеличенные оценки распространенности гонореи, просмотрел записи двух тысяч двухсот пациентов в своей частной практике (исключая всех пациентов больниц) и обнаружил, что доля тех, кто страдал гонореей, составила 48,5%.

Среди рабочих классов это заболевание гораздо менее распространено, чем среди людей более высокого класса. В берлинском клубе больных промышленников гонореей за год болели 412 человек на 10 000 мужчин и 69 человек на 10 000 женщин; в течение ряда лет Клуб демонстрировал неуклонный рост числа мужчин и уменьшение числа женщин с венерической инфекцией; это, по-видимому, указывает на то, что рабочие начинают чаще вступать в половые сношения с проститутками и реже с респектабельными девушками.^[234] В Америке Вуд Рагглз дал (как и Ноггерат ранее для Нью-Йорка) распространенность гонореи среди взрослых мужчин в диапазоне от 75 до 80%.; Тенни считает, что она намного ниже, 20%. для мужчин и 5 процентов. для женщин. В Англии автор статьи в "*Ланцете*" несколько лет назад,^[235] в результате опыта и запросов обнаружил, что 75%. взрослые мужчины болели гонореей один раз - 40%. дважды - 15%. три или более раз. По данным Дюльберга, около двадцати процентов. большинство новых случаев заболевания происходит у женатых мужчин из хорошего социального класса, причем это заболевание сравнительно редко встречается среди женатых мужчин из рабочего класса в Англии.

Таким образом, гонорея по своей распространенности уступает только кори, а по тяжести последствий едва ли уступает туберкулезу. "И все же, - замечает Грандин, сравнивая гонорею с туберкулезом, - посмотрите на активность крестового похода против последней и преступную апатию, проявляемую, когда дело касается первой".^[236] Общественность должна научиться понимать, замечает другой автор, что "гонорея - это вредитель, который затрагивает ее высшие интересы и самые священные отношения в такой же степени, как оспа, холера, дифтерия или туберкулез".^[237]

Нельзя с полной уверенностью сказать, что не предпринималось никаких попыток сдержать поток венерических заболеваний. Напротив, такие попытки предпринимались с самого начала. Но они никогда не были эффективными;^[238] они никогда не модифицировались до измененных условий; в наши дни они безнадежно ненаучны и полностью противоречат как социальным, так и индивидуальным требованиям современных людей. На различных конференциях по этому вопросу, которые проводились в последние годы, был сделан единственный общепринятый вывод о том, что все существующие системы вмешательства или невмешательства в проституцию неудовлетворительны.^[239]

Характер проституции изменился, и методы борьбы с ней должны измениться. Публичные дома и системы официального регулирования, которые выросли с особым упором на публичные дома, одинаково устарели; в них царит средневековая атмосфера, дух старины, который теперь делает их непривлекательными и вызывающими подозрение. Бросающийся в глаза публичный дом приобретает дурную славу; вряд ли можно сказать, что проститутка в ливрее, находящаяся под абсолютным муниципальным контролем, вообще существует. Проституция имеет тенденцию становиться более рассеянной, более тесно связанной с социальной жизнью в целом, ее труднее выделить как определенно отделимую часть жизни. В настоящее время мы можем влиять на это только с помощью методов проникновения, которые оказывают влияние на всю нашу социальную жизнь.

Возражения против регулирования проституции все еще растут медленно, но они неуклонно развиваются повсюду и могут быть прослежены в равной степени как в научных мнениях, так и в народных чувствах. Во Франции муниципалитеты некоторых крупнейших городов либо полностью подавили систему регулирования, либо продемонстрировали свое неодобрение по

отношению к ней, в то время как опрос нескольких сотен медиков показал, что менее трети высказались за сохранение регулирования (*Die Neue Generation*, июнь 1909 г., стр. 244). В Германии, где в некоторых отношениях более терпеливо переносят вмешательство в свободу личности, чем во Франции, Англии или Америке, продолжают существовать различные сложные системы организации проституции и борьбы с венерическими заболеваниями, но они не могут быть полностью реализованы, и общепризнано, что в любом случае они не смогли бы достичь поставленных целей. Таким образом, в Саксонии официально запрещены публичные дома, хотя фактически они, тем не менее, существуют. Здесь, как и во многих других частях Германии, установлены самые подробные правила использования проституток. Таким образом, в Лейпциге они не должны ни сидеть на скамейках на общественных прогулках, ни ходить в картинные галереи, или театры, или концерты, или рестораны, ни выглядывать из своих окон, ни глазеть по сторонам на улице, ни улыбаться, ни подмигивать и т.д., и т.п. Фактически, немецкая проститутка, обладающая героическим самообладанием, позволяющим добросовестно выполнять все самоотверженные предписания, официально предписанные для ее руководства, по-видимому, имеет право на пожизненную государственную пенсию.

В Германии преобладают два метода борьбы с проституцией. В некоторых городах к публичным домам проституции относятся терпимо (хотя и без лицензии); в других городах проституция "бесплатная", хотя и "тайная". Гамбург - самый важный город, где к домам проституции относятся терпимо и изолированно. Но, как утверждается, "повсюду гораздо большая доля проституток принадлежит к так называемому "секретному" классу". Только в Гамбурге подозреваемые мужчины, обвиняемые в заражении женщин, проходят официальное обследование; мужчины любого социального класса должны подчиняться такого рода повестке, которая выдается тайно, и в случае заболевания они обязаны проходить лечение, при необходимости принудительное лечение в городской больнице, пока не перестанут представлять опасность для общества.

В Германии только в тех случаях, когда женщину неоднократно замечали за подозрительным поведением на улицах, ее негромко предупреждают; если предупреждение игнорируется, ей предлагают сообщить полиции свое имя и адрес и допрашивают. Только после того, как эти методы не сработают, она будет официально зарегистрирована как проститутка. Зарегистрированные женщины, во всяком случае, в некоторых городах, вносят взносы в фонд пособий по болезни, который оплачивает их расходы во время пребывания в больнице. Нерешительность полиции включить женщину в официальный список является законной и неизбежной, поскольку иного пути не было бы допущено; тем не менее, большинство проституток начинают свою карьеру очень молодыми, и поскольку они, как правило, заражаются очень рано после начала своей карьеры, очевидно, что эта задержка способствует неэффективности системы регулирования. В Берлине, где нет официально признанных публичных домов, насчитывается около шести тысяч зарегистрированных проституток, но, по оценкам, насчитывается более шестидесяти тысяч проституток, которые не зарегистрированы. (Вышеупомянутые факты взяты из серии статей, описывающих личные расследования в Германии, проведенные доктором Ф. Бирхоффом из Нью-Йорка, "Полицейские методы санитарного контроля проституции", *New York Medical Journal*, август 1907 г.) Оценка количества подпольной проституции действительно никогда не может быть чем-то большим, чем предположение; точно такая же цифра в шестьдесят тысяч обычно выдвигается в качестве вероятного числа проституток не только в Берлине, но также в Лондоне и в Нью-Йорке. Абсолютно невозможно сказать, меньше или больше реального числа, поскольку тайная

проституция совершенно неосязема. Даже если бы факты чудесным образом раскрылись, все равно оставалась бы трудность решить, что является проституцией, а что нет. Признанная и публичная проститутка связана различными градациями, с одной стороны, с респектабельной девушкой, живущей дома и ищущей небольшого облегчения от гнета своей респектабельности, а с другой стороны, с замужней женщиной, которая вышла замуж ради дома. В любом случае, однако, совершенно очевидно, что публичные проститутки, живущие исключительно за счет проституции, составляют лишь малую долю огромной армии женщин, которых можно назвать проститутками в широком смысле этого слова, т.е. которые используют свою привлекательность, чтобы добиться от мужчин не только любви, но и денег или товаров.

"Борьба с сифилисом возможна только в том случае, если мы согласимся считать его жертв несчастными, а не виноватыми. ... Мы должны отказаться от предрассудков, которые привели к созданию термина "позорные болезни" и которые требуют молчания в отношении этого бедствия семьи и человечества". Этими словами Дюкло, выдающегося преемника Пастера в Пастеровском институте, в его благородной и достойной восхищения работе "*Социальная гигиена*", я убежден, мы указали нам единственный путь, по которому мы можем приблизиться к рациональному и успешному решению великой социальной проблемы венерических заболеваний.

Исключительная важность этого ключа к решению проблемы, которая часто казалась неразрешимой, сегодня начинает осознаваться во всех кругах и в каждой стране. Так, выдающийся немецкий авторитет профессор Фингер (*Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. i, раздел 5) заявляет, что венерические заболевания следует рассматривать не как заслуженное наказание за распутную жизнь, а как несчастный случай. Однако, по-видимому, именно во Франции эта истина была провозглашена с наибольшим мужеством и гуманностью, и не только последователями науки и медицины, но и многими другими, кому вполне можно было бы простить вмешательство в столь трудное и неблагодарное дело. Так, братья Поль и Виктор Маргериты, занимающие блестящее и почетное место в современной французской литературе, отличились тем, что пропагандировали более гуманное отношение к проституткам и более современный метод решения вопроса о венерических заболеваниях. "Истинный метод профилактики - это тот, который дает понять всем, что сифилис - это не таинственная и ужасная вещь, не наказание за плотский грех, не своего рода постыдное зло, заклеянное католическим проклятием, а обычная болезнь, которую можно лечить". Можно отметить, что нежелание признавать наличие венерических заболеваний во Франции, по крайней мере, столь же заметно, как и в любой другой стране; "недуги хонте" - это освященный французский термин, точно так же, как "отвратительная болезнь" - в английском; "в больнице, - говорит Ландрэ, - требуется много усилий, чтобы добиться признания в гонорее, и мы можем считать себя счастливыми, если пациент признает факт наличия сифилиса".

Ни с каким злом нельзя бороться до тех пор, пока оно не будет признано, просто и откровенно обсуждено. Важным и даже символическим фактом является то, что болезнетворные бактерии редко размножаются, когда они открыты свободным потокам чистого воздуха. Неясность, маскировка, сокрытие создают наилучшие условия для их развития и распространения, и эти благоприятные условия мы на протяжении столетий прошлого придавали венерическим заболеваниям. Так было не всегда, о чем свидетельствует само по себе сохранение слова "венерический" в этой связи, с его отсылкой к богине. Даже само название "сифилис", взятое из романтической поэмы, в которой Фракасторус искал мифологическое происхождение болезни,

свидетельствует о том же факте. Романтическое отношение действительно так же устарело, как и отношение к лицемерному и стыдливому мракобесию. Нам нужно противостоять этим болезням тем же простым, прямым и мужественным способом, который уже был успешно применен в случае с оспой, болезнью, которую в старину люди считали аналогом сифилиса и которая действительно когда-то была почти такой же ужасной по своим разрушительным последствиям.

Однако на данном этапе мы сталкиваемся с теми, кто говорит, что нет необходимости демонстрировать какое-либо признание венерических заболеваний и аморально делать что-либо, что может показаться предполагающим снисхождение к тем, кто страдает такими заболеваниями; они получили по заслугам и вполне могут быть оставлены умирать. Те, кто придерживается такой позиции, ставят себя настолько далеко за пределы цивилизации - не говоря уже о морали или религии, — что на них вполне можно не обращать внимания. Прогресс расы, развитие человечества на деле и в чувствах заключалось в устранении отношения, которое для примитивных народов было бы оскорблением называть диким. Тем не менее, это позиция, которую не следует игнорировать, поскольку она все еще имеет вес для многих, кто слишком слаб, чтобы противостоять тем, кто жонглирует прекрасными моральными фразами. Я даже видел в медицинском отделе заявление о том, что венерическое заболевание нельзя ставить на один уровень с другими инфекционными заболеваниями, потому что оно является "результатом добровольных действий". Но все болезни, более того, все несчастья, постигающие страдающих людей, в равной степени являются произвольными результатами добровольных действий. Мужчина, которого сбивают при переходе улицы, семья, отравленная нездоровой пищей, мать, подхватывающая болезнь ребенка, которого она кормит грудью, — все они страдают в результате добровольного акта удовлетворения какого-то фундаментального человеческого инстинкта - инстинкта активности, инстинкта питания, инстинкта привязанности. Сексуальный инстинкт столь же фундаментален, как и любой из этих инстинктов, и произвольное зло, которое может последовать за добровольным актом его удовлетворения, стоит точно на том же уровне. Это существенный факт: человеческое существо, следуя заложенным в нем человеческим инстинктам, споткнулось и упало. Любой человек, который видит не этот существенный факт, а всего лишь какой-то его вспомогательный аспект, обнаруживает извращенный ум; он не может претендовать на то, чтобы привлечь наше внимание.

Но даже если бы мы приняли точку зрения потенциальных моралистов и согласились с тем, что каждому должно быть предоставлено страдать по заслугам, это далеко не факт, что все те, кто заражается венерическими заболеваниями, в каком-либо смысле получают по заслугам. В большом количестве случаев болезнь была передана им абсолютно произвольным образом. Это, конечно, верно в случае с огромным количеством младенцев, инфицированных при зачатии или рождении. Но едва ли в меньшей степени это справедливо и для значительной части людей, инфицированных в более позднем возрасте.

Врожденный сифилис, или сифилис невинных, как его обычно называют, можно разделить на пять групп: (1) огромная армия врожденных сифилитиков, которые наследуют болезнь от отца или матери.; (2) постоянно встречающиеся случаи заражения сифилисом при исполнении своих профессиональных обязанностей врачами, акушерками и кормилицами; (3) заражение в результате привязанности, например, при простом поцелуе; (4) случайное заражение в результате случайных контактов и совместного использования предметов и утвари

повседневной жизни, таких как чашки, полотенца, бритвы, ножи (как при ритуальном обрезании) и т.д.; (5) заражение жен их мужьями.^[240]

Наследственный врожденный сифилис относится к обычной патологии этого заболевания и является главным элементом его социальной опасности, поскольку он является причиной огромной детской смертности.^[241] Риски экстрагенитальных инфекций в профессиональной деятельности врачей, акушеров и кормилиц также общепризнаны. В случае с кормилицами, зараженными сифилитическими младенцами, находившимися у их груди, наказание, назначаемое невиновным, особенно сурово и не является необходимым. Влияние инфицированных акушеров из низшего класса особенно опасно, поскольку по незнанию они могут нанести массовый вред здоровью; так, был зарегистрирован случай с акушеркой, палец которой заразился при исполнении своих обязанностей и прямо или косвенно заразил сто человек. Поцелуи - чрезвычайно распространенный источник сифилитической инфекции, и из всех экстрагенитальных областей рот, безусловно, является наиболее частым местом возникновения первичных сифилитических язв. В некоторых случаях это действительно так, особенно у проституток, это результат ненормальных сексуальных контактов. Но в большинстве случаев это результат обычных и легких поцелуев, как между маленькими детьми, между родителями и детьми, между влюбленными, друзьями и знакомыми. Довольно типичными примерами, о которых сообщалось, являются случаи ребенка, поцелованного проституткой, который заразился и впоследствии заразил свою мать и бабушку; молодой французской невесты, зараженной в день свадьбы одним из гостей, который, согласно французскому обычаю, поцеловал ее в щеку после церемонии; американской девушки, которая, возвращаясь с бала, поцеловала на прощание молодого человека, провожавшего ее домой, заразившись таким образом болезнью, которую она вскоре таким же образом передала своей матери и трем сестрам. Невежественные и легкомысленные люди склонны высмеивать тех, кто указывает на серьезные риски, связанные с разными поцелуями. Но, тем не менее, верно то, что люди, которые недостаточно близки, чтобы знать о состоянии здоровья друг друга, недостаточно близки, чтобы целоваться. Заражение при пользовании домашней утварью, бельем и т. д., Хотя и сравнительно редкое среди высших социальных слоев, чрезвычайно распространено среди низших классов и среди менее цивилизованных наций; в России, по словам Тарновского, главного авторитета, семьдесят процентов. большинство случаев сифилиса в сельских округах вызвано этой причиной и обычными поцелуями, и специальная конференция в Санкт-Петербурге в 1897 году для рассмотрения методов борьбы с венерическими заболеваниями высказала свое мнение о том же самом; во многом то же самое, по-видимому, справедливо в отношении Боснии и различных частей Балканского полуострова, где сифилис чрезвычайно распространен среди крестьянства. Что касается последней группы, то, по данным Балкли в Америке, пятьдесят процентов. женщины, как правило, заражаются сифилисом невинно, главным образом от своих мужей, в то время как Фурнье утверждает, что во Франции семьдесят пять процентов. большинство замужних женщин, больных сифилисом, были инфицированы своими мужьями, чаще всего (семьдесят процентов) от мужей, которые сами были инфицированы до брака и предполагали, что вылечились. Среди мужчин доля случайно инфицированных сифилитиков, хотя и меньше, чем среди женщин, все же очень значительна; утверждается, что она составляет по меньшей мере десять процентов, а возможно, это гораздо большая доля случаев. Скрупулезный моралист, стремящийся к тому, чтобы все получили по заслугам, не может не стремиться к тому, чтобы невинные не страдали вместо виновных. Но для

него абсолютно невозможно совместить эти две цели; сифилис не может быть одновременно увековечен для виновных и уничтожен для невинных.

Я принимал во внимание только сифилис, но почти все, что сказано о случайном заражении сифилисом, в равной или большей степени применимо и к гонорее, поскольку, хотя гонорея не проникает в организм по стольким каналам, как сифилис, это более распространенное, а также более тонкое и неуловимое заболевание.

Литература о сифилисе в Соонции чрезвычайно обширна. В конце книги Дункана Балкли *"Сифилис у невинных" есть библиография*, а исчерпывающее изложение вопроса содержится в Лейпцигской первой диссертации Ф. Мозеса *"Казуистика экстрагенитальной сифилисной инфекции"*, 1904.

Однако даже если мы оставим в стороне огромное количество венерически инфицированных людей, о которых можно сказать, что в самом узком и наиболее условно моральном смысле они являются "невинными" жертвами болезней, которыми они заразились, по этому вопросу еще многое предстоит сказать. Следует помнить, что большинство тех, кто заражается венерическими заболеваниями в результате незаконного полового акта, молоды. Это молодые люди, несведущие в жизни, едва сбежавшие из дома, все еще неразвитые, неполно образованные и легко обманываемые женщинами; во многих случаях они встречали, как им казалось, "милую" девушку, не совсем добродетельную, но, как им казалось, прежде всего сподозрением на болезнь, хотя на самом деле она была тайной проституткой. Или это молодые девушки, которые действительно перестали быть абсолютно целомудренными, но еще не потеряли всю свою невинность, и которые не считают себя проститутками и не считаются другими; это действительно один из камней, о который разбивается система полицейского регулирования проституции, поскольку полиция не может поймать проститутку на достаточно ранней стадии. По данным Фурнье, среди женщин, заболевших сифилитизмом, двадцать процентов инфицируются до девятнадцати лет; в больницах эта доля достигает сорока процентов.; а среди мужчин - пятнадцати процентов. случаи заболевания регистрируются в возрасте от одиннадцати до двадцати одного года. Возраст максимальной частоты инфицирования составляет для женщин двадцать лет (для сельского населения восемнадцать), а для мужчин двадцать три года. В Германии Ербвыяснило, что до восьмидесяти пяти процентов мужчин с гонореей заразились этим заболеванием в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет, и очень небольшой процент инфицируется после тридцати. Эти юные создания по большей части попадались в ловушку, расставленную Природой с ее самой чарующей приманкой; обычно они были невежественны; нередко их вводила в заблуждение привлекательная личность; часто ими овладевала страсть; часто всякое благоразумие и сдержанность терялись в винных парах. С истинно нравственной точки зрения они были едва ли менее невинны, чем дети.

"Я спрашиваю, - говорит Дюкло, - делало ли общество все возможное, чтобы предостеречь их, когда молодой человек или юная девушка предаются опасным ласкам?" Возможно, у него были благие намерения, но когда возникла необходимость в точном знании, глупая ханжество удержала его, и он оставил своих детей без*виатикума*. ... Я пойду дальше и заявлю, что в большом количестве случаев мужа, оскверняющие своих жен, невинновы. Никто не несет ответственности за зло, которое он совершает, не зная об этом и не желая этого". Я могу напомнить наводящий на размышления факт, о котором уже упоминалось, что большинство

мужей, заражающих своих жен, заразились этой болезнью до вступления в брак. Они вступили в брак, веря, что их болезнь излечена и что они порвали со своим прошлым. Врачи иногда (и шарлатаны часто) способствовали такому результату, слишком оптимистично оценивая период, необходимый для уничтожения яда. Такой большой авторитет, как Фурнье, раньше считал, что сифилитику можно безопасно разрешить жениться через три-четыре года после заражения, но теперь, с возросшим опытом, он продлевает этот период до четырех-пяти лет. Несомненно, верно, что, особенно при тщательном и быстром лечении, патологическая конституция в большинстве случаев может быть поставлена под полный контроль за более короткий период, чем этот, но всегда существует определенная доля случаев, в которых инфекционные способности сохраняются в течение многих лет, и даже когда муж-сифилитик больше не способен заразить свою жену, он, возможно, все еще может быть в состоянии оказать пагубное влияние на потомство.

Почти во всех этих случаях имело место большее или меньшее неведение — что является всего лишь другим словом, обозначающим невиновность в том смысле, в каком мы обычно понимаем невиновность, — и когда, наконец, после события, жертве более или менее откровенно объясняют факты, он часто восклицает: "Мне никто не говорил!" Именно этот факт осуждает псевдо-моралиста. Если бы он позаботился о том, чтобы матери начали объяснять факты о сексе своим маленьким мальчикам и девочкам с детства, если бы он (как настаивает доктор Джозеф Прайс) рассказывал об опасности венерических заболеваний в воскресной школе, если бы он ясно проповедовал об отношениях полов с кафедры, если бы он позаботился о том, чтобы каждый юноша в начале подросткового возраста получил от своего семейного врача несколько простых технических инструкций относительно сексуального здоровья и половых заболеваний - тогда, хотя все еще оставалась бы потребность в жалости к тем, кто сбился с пути, по которому всегда должно быть трудно идти таким образом, потенциальный моралист, во всяком случае, был бы в какой-то мере оправдан. Но на самом деле он редко шевелил пальцем, чтобы сделать что-либо из этих вещей.

Даже тем, кто, возможно, не желает отказываться от личной моральной нетерпимости к жертвам венерических заболеваний, все же не мешало бы помнить, что, поскольку публичное проявление их нетерпимости вредно и в лучшем случае бесполезно, им необходимо сдерживать его в интересах общества. Они были бы не менее свободны распоряжаться своим личным поведением в строжайшем соответствии со своей высшей моральной жесткостью; а это, в конце концов, для них главное. Но ради блага общества им необходимо принять то, что они могут считать условностью чисто гигиенического отношения к этим болезням. Заблуждающиеся неизбежно пугаются отношения морального порицания и прибегают к методам сокрытия, и это порождает бесконечную цепь социальных зол, которые могут быть рассеяны только открытостью. Как так искренне настаивал Дюкло, невозможно успешно бороться с венерическими заболеваниями, если мы не согласимся не приносить в этот вопрос наши предрассудки или даже нашу мораль и религию, а относиться к нему чисто как к санитарному вопросу. И если псевдоморалисту все еще трудно содействовать исцелению этой социальной раны, ему можно напомнить, что у него самого — как и у каждого из нас, хотя мы, возможно, и не подозреваем об этом — несомненно, среди его собственных предков на протяжении последних четырех столетий была огромная армия сифилитиков и гонорейных больных. Мы все связаны друг с другом, и абсурдно, даже если это не бесчеловечно, презирать нашу собственную плоть и кровь.

Я довольно подробно обсудил позицию тех, кто ссылается на мораль как причину игнорирования социальной необходимости борьбы с венерическими заболеваниями, потому что, хотя, возможно, не так много тех, кто серьезно и с пониманием придерживается такой антисоциальной и бесчеловечной позиции, безусловно, есть много тех, кто рад необходимости существования столь прекрасного оправдания своего морального безразличия или своей умственной лени.^[242] Когда они сталкиваются с этой большой и трудной проблемой, им легко предложить средство правовой защиты в виде общепринятой морали, хотя они хорошо знают, что в больших масштабах это средство давно доказало свою неэффективность. Они демонстративно выставляют бесполезный толстый конец клина в такой точке, где только с большим мастерством и осмотрительностью можно вставить тонкий рабочий конец.

Всеобщее признание того факта, что сифилис и гонорея являются болезнями, а не обязательно преступлениями или грехами, является условием для любой практической попытки рассмотреть этот вопрос с санитарной точки зрения, которая сейчас заменяет устаревшую и неэффективную полицейскую точку зрения. Скандинавские страны Европы были пионерами в применении практических современных гигиенических методов борьбы с венерическими заболеваниями. Существует несколько причин, по которым это произошло. Все проблемы секса — как половой любви, так и половых заболеваний — уже давно занимают видное место в этих странах, и нетерпимость к ханжескому лицемерию, по-видимому, здесь была более выражена, чем где бы то ни было; мы видим, например, что этот дух ярко воплощен в пьесах Ибсена и, в некоторой степени, в произведениях Бьернсона. Бесстрашный и энергичный характер людей побуждает их практически справляться с сексуальными трудностями, в то время как их сильные инстинкты независимости вызывают у них отвращение к бюрократическим полицейским методам, которые процветают в Германии и Франции. Таким образом, скандинавы были естественными первопроходцами методов борьбы с венерическими заболеваниями, которые в настоящее время становятся общепризнанными методами будущего, и они полностью организовали систему установления обычных законов о венерических заболеваниях и борьбы с ними, как с другими заразными болезнями.

Первым шагом в борьбе с инфекционным заболеванием является применение к нему признанных принципов уведомления. Каждое новое применение этого принципа, это правда, встречает противодействие. Это не дает практического результата, это необоснованное вмешательство в дела отдельных людей, это новый налог на занятого практикующего врача и т.д. Конечно, оповещение само по себе не остановит развитие какого-либо инфекционного заболевания. Но оно является важным элементом в каждой попытке справиться с профилактикой заболевания. До тех пор, пока мы точно не знаем точную частоту, локальные вариации и временные колебания заболевания, мы находимся в полном неведении и можем двигаться только наугад. Весь прогресс в области общественной гигиены сопровождался увеличением числа сообщений о заболеваниях, и большинство органов власти согласны с тем, что такое уведомление должно быть продлено еще больше, поскольку любое незначительное неудобство, причиняемое таким образом отдельным лицам, имеет незначительное значение по сравнению с большими общественными интересами, поставленными на карту. Это правда, что такой крупный авторитет, как Найссер, выразил сомнение относительно распространения уведомления на гонорею; диагноз не может быть безошибочным, и пациенты часто называют вымышленные имена. Эти возражения, однако, кажутся тривиальными; диагноз очень редко может быть безошибочным (хотя в этой области никто не сделал так много для постановки точного диагноза, как сам Найссер), и имена не нужны для уведомления, и они действительно

не требуются в форме обязательного уведомления о венерических заболеваниях, которые существовали несколько лет назад в Норвегии.

Принцип обязательного уведомления о венерических заболеваниях, по-видимому, впервые был установлен в Пруссии, где он датируется 1835 годом. Система здесь, однако, лишь частичная, она обязательна не во всех случаях, а только тогда, когда, по мнению врача, секретность может нанести вред самому пациенту или обществу; она обязательна только тогда, когда пациент - солдат. Этот метод уведомления действительно основан на неправильной основе, он не является частью всеобъемлющей санитарной системы, а всего лишь вспомогательным средством к полицейским методам борьбы с проституцией. Согласно скандинавской системе, уведомление, хотя и не является неотъемлемой частью этой системы, основывается на совершенно иной основе.

Скандинавский план в измененном виде недавно был внедрен в Дании. Эта маленькая страна, так близко примыкающая к Германии, в течение некоторого времени следовала в этом вопросе примеру своего великого соседа и приняла полицейское регулирование проституции и венерических заболеваний. Однако более фундаментальные скандинавские черты Дании в конечном итоге были подтверждены, и в 1906 году система регулирования была полностью отменена, и Дания решила полагаться на тщательное и систематическое применение санитарных принципов, уже принятых в стране, хотя некоторое немецкое влияние все еще сохраняется в строгом регулировании улиц и наказаниях, налагаемых на содержателей публичных домов, оставляя саму проституцию свободной. Решающей особенностью нынешней системы является, однако, то, что санитарные органы теперь являются исключительно медицинскими. Каждый человек, независимо от его социального или финансового положения, имеет право на бесплатное лечение венерических заболеваний. Пользуется он этим или нет, он в любом случае обязан пройти курс лечения. Таким образом, каждый больной человек, насколько это возможно, находится в руках врача. У всех врачей есть свои инструкции в отношении таких случаев, они должны не только информировать своих пациентов о том, что они не могут вступать в брак до тех пор, пока существует предполагаемый риск заражения, но и о том, что они несут ответственность за расходы на лечение, а также за опасности, которым подвергаются любые лица, которых они могут заразить. Хотя не удалось полностью обеспечить функционирование системы на каждом этапе, о ее общем успехе свидетельствует полное доверие, которое в настоящее время возлагается на нее, и отказ от полицейского регулирования проституции. Несколько лет ранее в Норвегии была создана система, очень похожая на датскую. Принципы лечения венерических заболеваний за государственный счет существуют также в Швеции, а также в Финляндии, где лечение является обязательным.^[243]

Вряд ли можно сказать, что принцип уведомления до сих пор должным образом применялся в широких масштабах к венерическим заболеваниям. Но она постоянно получает все более широкое распространение, особенно в Англии и Соединенных Штатах,^[244] там, где национальный темперамент и политические традиции делают систему полицейского регулирования проституции невозможной — даже если бы она была более эффективной, чем она есть на практике, — и где система борьбы с венерическими заболеваниями на основе общественного здравоохранения должна быть признана не только лучшей, но и единственно возможной системой.^[245]

В связи с этим необходимо, что также становится все более широко признанным, создать максимально широкие возможности для бесплатного лечения венерических заболеваний; особенно необходимо общее создание бесплатных диспансеров, открытых по вечерам, поскольку многие могут обратиться за советом и помощью только в это время. Значительное сокращение числа венерических заболеваний в Швеции, Норвегии и Боснии объясняется в значительной степени систематическим внедрением учреждений для бесплатного лечения. Именно отсутствие средств для лечения, подразумеваемое ощущение, что жертвы венерических заболеваний - это не страдальцы, а просто правонарушители, не имеющие права на уход, - вот что в прошлом приводило к таким катастрофическим последствиям, искусственно способствуя распространению предотвратимых заболеваний, которые можно было бы взять под контроль.

Если мы обойдемся без отеческих методов полицейского регулирования, если мы положимся на общие принципы медицинской гигиены и в остальном позволим ответственности за его собственные хорошие или плохие поступки лежать на самом человеке, то есть следующий шаг, уже полностью признанный в принципе, которым мы не можем пренебречь: мы должны рассматривать каждого человека как ответственного за венерические заболевания, которые он передает. До тех пор, пока мы отказываемся признавать венерические заболевания наравне с другими инфекционными заболеваниями, и до тех пор, пока мы не предлагаем полных и справедливых средств для их лечения, несправедливо привлекать человека к ответственности за их распространение. Но если мы публично признаем опасность инфекционных венерических заболеваний и если мы оставляем свободу личности, мы неизбежно должны заявить вместе с Дюкло, что каждый мужчина или женщина должны нести ответственность за болезни, которые они передают.

Согласно Ольденбургскому кодексу 1814 года, вступление венерически больного человека в половую связь со здоровым человеком считалось наказуемым преступлением, независимо от того, приводило к заражению или нет. Однако в Германии на сегодняшний день такого закона нет, хотя видные немецкие юристы, в частности фон Лист, придерживаются мнения, что в Кодекс следует добавить пункт, объявляющий, что половое сношение со стороны лица, знающего, что оно больное, должно караться тюремным заключением на срок не более двух лет, причем закон не должен применяться в отношениях между супружескими парами, за исключением случаев подачи заявления одной из сторон. В настоящее время в Германии передача венерических заболеваний наказуема только как особый случай причинения телесных повреждений.^[246] В этом вопросе Германия отстает от большинства скандинавских стран, где индивидуальная ответственность за венерические инфекции хорошо признана и активно применяется.

Во Франции, хотя закон не является определенным и удовлетворительным, иски о передаче сифилиса успешно возбуждаются в судах. Мнение, по-видимому, более решительно в пользу наказания за это преступление, чем в Германии. В 1883 году Депре обсудил этот вопрос и рассмотрел возражения. Он отмечает, что немногие могут воспользоваться законом, но все стали бы более осторожными из-за боязни его нарушить; хотя трудности с отслеживанием и доказательством заражения не больше, указывает он, чем трудности с отслеживанием и доказательством отцовства в случае внебрачных детей. Депре наказал бы тюремным заключением сроком не более двух лет любого человека, знающего, что он болен, который передал венерическое заболевание, и просто оштрафовал бы тех, кто по неосторожности

передал инфекцию, не осознавая, что они больны.^[247] Этот вопрос совсем недавно обсуждался Ориентисом в парижской диссертации. Он заявляет, что действующее французское законодательство в отношении передачи половых заболеваний четко не установлено, и ему трудно следовать, но, безусловно, справедливо, что те, кто был заражен и пострадал таким образом, должны иметь возможность легко получить возмещение ущерба. Хотя в принципе признается, что сообщение о сифилисе является преступлением даже по общему праву, он согласен с теми, кто рассматривал бы это как особое преступление, принимая новый и более практичный закон.^[248] Даже в настоящее время во французских судах взыскиваются серьезные убытки от мужчин, заразивших молодых женщин при половом акте, а также от врачей, а также матерей младенцев-сифилитиков, заразивших приемных матерей, которым они были доверены. Хотя Уголовный кодекс Франции в целом запрещает разглашение профессиональной тайны, долг практикующего врача в таком случае предупредить приемную мать об опасности, которой она подвергается, но без указания болезни; если он пренебрегает этим предупреждением, он может быть привлечен к ответственности.

В Англии, так же как и в Соединенных Штатах, закон более неудовлетворителен и более беспомощен по отношению к этому классу преступлений, чем во Франции. Пагубное и варварское представление, с которым мы уже сталкивались, согласно которому венерические заболевания являются результатом незаконных половых сношений и к ним следует относиться терпимо как к справедливому посещению Бога, по-видимому, все еще процветает в этих странах с фатальным упорством. В Англии сообщение о венерическом заболевании путем незаконного полового акта не является уголовно наказуемым деянием, если половой акт был добровольным, даже несмотря на умышленное сокрытие заболевания. *Ex turpi causâ non oritur actio*, это сентенциально сказано; ибо в латинской максиме много дремлющей добродетели. До сих пор не было совершено ни одного правонарушения, если муж оскверняет свою жену или жена - своего мужа.^[249] "Свобода", которой пользуются в этом вопросе Англия и Соединенные Штаты, хорошо иллюстрируется американским случаем, процитированным доктором Исидором Дайером из Нового Орлеана в его докладе Брюссельской конференции по профилактике венерических заболеваний в 1899 году: "Пациентка с первичным сифилисом отказалась даже от благотворительного лечения и носила с собой книгу, в которой она записывала количество мужчин, которых у нее было. привит. Когда я впервые увидел ее, она заявила, что их число достигло двухсот девятнадцати и что с ней не будут обращаться, пока она не отомстит пятистам мужчинам. В обществе, где царят самые элементарные правила правосудия, существовали бы средства, позволяющие этой женщине добиться возмещения ущерба от мужчины, причинившего ей вред, или даже добиться его осуждения на срок тюремного заключения. Получив некоторое возмещение за причиненное ей зло и обеспечив "мечь", которой она жаждала, она в то же время принесла бы пользу обществу. Она лишена права предпринимать какие-либо действия против единственного человека, причинившего ей вред; но в качестве своего рода компенсации ей позволено стать распространяющимся очагом болезни, сократить множество жизней, вызвать множество смертей, нанести неисчислимый ущерб; и, поступая таким образом, сегодня она полностью находится в пределах своих законных прав. Сообщество, которое поощряет такое положение вещей, не только аморально, но и глупо.

Однако, похоже, что как в Англии, так и в Соединенных Штатах растет число влиятельных сторонников того, чтобы сделать передачу венерических заболеваний преступлением, наказуемым крупным штрафом или тюремным заключением.^[250] Ни в одном законодательном акте не следует подчеркивать, что инфекция передается "сознательно". Любое формальное

ограничение такого рода не является необходимым, поскольку в подобном деле Суд всегда принимает во внимание невежество или простую халатность правонарушителя, и это вредно, поскольку имеет тенденцию делать постановление неэффективным и делать ставку на невежество; мужья, которые заражают своих жен гонореей сразу после вступления в брак, обычно делают это по незнанию, и им, по крайней мере, необходимо доказать, что они укрепились в своем невежестве с помощью медицинской консультации. Иногда говорят, что существующий закон мог бы быть использован для возбуждения исков такого рода и что не следует предлагать больших возможностей из-за опасений усиления попыток шантажа. Бесплезность закона в настоящее время для этой цели подтверждается тем фактом, что редко или вообще никогда не предпринимается никаких попыток его использования, в то время как существует не только ряд наказуемых преступлений, которые являются предметом попыток шантажа, но шантаж все еще может быть затребован даже в отношении сомнительных действий, которые вообще не являются наказуемыми по закону. Более того, попытка шантажа сама по себе является правонарушением, которое всегда строго рассматривается в судах.

Можно проследить начало признания того факта, что передача венерического заболевания является вопросом, который может быть отнесен к юридической компетенции английских судов. В настоящее время твердо установлено, что заражение жены ее мужем может рассматриваться как юридическая жестокость, которая, согласно действующему закону, должна быть доказана в дополнение к супружеской измене, прежде чем жена сможет получить развод со своим мужем. В 1777 году Рестиф де ла Бретонн в своих *"Гинографиях"* предложил, чтобы сообщение о венерическом заболевании само по себе было достаточным основанием для развода; однако в настоящее время это не является общепринятым.^[251]

Иногда говорят, что очень хорошо возложить на человека юридическую ответственность за венерическое заболевание, о котором он сообщает, но трудности с привлечением к ответственности домашних все равно останутся. И те, кто признает эти трудности, часто отвечают, что в худшем случае у нас в руках было бы средство воспитания ответственности; человека, который сознательно подвергся риску передачи такой инфекции, заставили бы почувствовать, что он больше не был справедлив в рамках своих законных прав, но совершил плохой поступок. Таким образом, мы, наконец, подходим к тому, что в настоящее время становится общепризнанным главным методом борьбы с венерическими заболеваниями, если мы хотим признать принцип индивидуальной ответственности господствующим в этой сфере жизни. Организованные санитарные и медицинские меры предосторожности, а также надлежащая правовая защита пострадавших не действуют без воспитательного воздействия элементарных гигиенических инструкций, которыми должен обладать каждый молодой мужчина и женщина. В сфере, которая обязательно является столь интимной, медицинская организация и легальное обращение никогда не могут быть исчерпывающими; знания необходимы каждому человеку на каждом шагу, чтобы направлять и даже пробуждать то чувство личной моральной ответственности, которое здесь всегда должно преобладать. Везде, где важность этих вопросов становится остро осознаваемой — и особенно на конгрессах Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями, — проблема решается главным образом в сфере образования.^[252] И хотя мнение и практика в этом вопросе сегодня в Германии более развиты, чем где-либо еще, убежденность в этой необходимости становится едва ли менее выраженной во всех других цивилизованных странах, как в Англии и Америке, так и во Франции и скандинавских странах.

Знание рисков заболевания при половом акте, как в браке, так и вне его, — да и вообще, помимо полового акта в целом, — является дальнейшим этапом того сексуального воспитания, которое, как мы уже видели, должно начинаться, насколько это касается элементов, в очень раннем возрасте. Юношей и девушек следует учить, как писал выдающийся австрийский экономист Антон фон Менгер незадолго до своей смерти в своей превосходной небольшой книге *"Новое Зиттенле"*, что рождение детей является преступлением, когда родители сифилитичны или иным образом некомпетентны из-за передающихся хронических заболеваний. Действительно, информацию о венерических заболеваниях не следует давать до тех пор, пока не установится период полового созревания. Нет необходимости и нежелательно передавать медицинские знания маленьким мальчикам и девочкам и предупреждать их о рисках, которым они пока мало подвержены. Именно тогда, когда наступает эпоха сильного сексуального инстинкта, фактического или потенциального, необходимо четко представлять себе риск поддаться ему при некоторых обстоятельствах. Ни один человек, размышляющий о реальных фактах жизни, не должен сомневаться в том, что в высшей степени желательно, чтобы каждый подросток и девушка получили некоторые элементарные сведения об общих фактах венерических заболеваний, туберкулеза и алкоголизма. Эти три "язвы цивилизации" настолько широко распространены, настолько тонки и многообразны в своем действии, что каждый соприкасается с ними в течение жизни и что каждый склонен страдать, даже до того, как осознает, возможно, безнадежно и навсегда, от результатов этого контакта. Расплывчатые заявления об аморальности и еще более расплывчатые предупреждения против нее не имеют никакого эффекта и не имеют смысла, в то время как риторические преувеличения излишни. Очень простое и сжатое изложение реальных фактов, касающихся зла, которое окружает жизнь, вполне достаточно, адекватно и весьма существенно. Игнорировать эту потребность могут только те, кто придерживается опасно легкомысленного взгляда на жизнь.

В этом просветлении нуждается не только юноша, но и молодая женщина. Все еще есть люди, настолько плохо информированные, что верят, что, хотя, возможно, и необходимо проинструктировать юношу, лучше оставить его сестру незапятнанной, как они считают, знанием фактов жизни. Это прямо противоположно истине. Действительно, желательно, чтобы все были ознакомлены с фактами, столь важными для человечества, даже если они не касаются их лично. Но девушка обеспокоена даже больше, чем юноша. Мужчина в большей степени владеет этим вопросом самостоятельно, и, если он того пожелает, он может избежать всех более серьезных рисков контакта с венерическими заболеваниями. Но это не так с женщиной. Какой бы ни была ее собственная чистота, она не может быть уверена, что ей не придется остерегаться возможности заболевания своего будущего мужа, а также тех, кому она может доверить своего ребенка. Это возможность, с которой образованная женщина не только не избавлена, но и более подвержена риску, чем женщина из рабочего класса, поскольку венерические заболевания менее распространены среди бедных, чем среди богатых.^[253] Осторожный врач, даже если его пациент является служителем религии, считает своим долгом поинтересоваться, не болел ли он сифилисом, и священнослужитель с самой строгой нравственной жизнью признает необходимость такого опроса и, возможно, может улыбнуться, но редко чувствует себя оскорбленным. Отношения между мужем и женой даже гораздо более интимные и важные, чем отношения между врачом и пациентом, и женщина не освобождается от необходимости такого расспроса о своем будущем муже из убеждения, что ответ наверняка должен быть удовлетворительным. Более того, в некоторых случаях вполне может оказаться, что, если она будет достаточно просвещена, она сможет спасти его, пока не стало слишком

поздно, от вины за преждевременный брак и его роковые последствия, заслужив его вечную благодарность. Даже если ей не удастся победить в этом, у нее все равно есть свой долг перед собой и перед будущей расой, которую ее дети помогут сформировать.

В большинстве стран растет мнение в пользу просвещения молодых женщин наравне с молодыми мужчинами в вопросах венерических заболеваний. Так, в Германии Макс Флеш в своей книге *"Проституция и Фрауэнкрайтен"* считает, что в конце школьных дней все девочки должны получать инструкции относительно серьезных физических и социальных опасностей, которым женщины подвергаются в жизни. Во Франции Дюкло (в его *Социальной жизни*) подчеркивает, что женщин необходимо учить. "Уже сейчас, - заявляет он, - врачи, которые по традиции вопреки своей воле стали сообщниками мужа, расскажут вам об ироническом взгляде, с которым они иногда сталкиваются, когда пытаются ввести жену в заблуждение относительно причин ее недугов. Приближается день восстания против социальной лжи, которая принесла так много жертв, и вы будете обязаны научить женщин тому, что им нужно знать, чтобы защититься от вас ". То же самое происходит и в Америке. Реформа в этой области, заявляет Исидор Дайер, должна увековечить на своем флаге девиз "Знание - это здоровье", как ума, так и тела, как для женщин, так и для мужчин. В дискуссии, представленной Денслоу Льюисом на ежегодном собрании Американской медицинской ассоциации в 1901 году по ограничению распространения венерических заболеваний (*Медико-юридический журнал*, июнь и сентябрь 1903 г.), все выступавшие пришли к довольно общему согласию, что почти или совсем главный метод профилактики заключается в образовании, причем образовании женщин в той же степени, что и мужчин. "Образование лежит в основе всего этого, - заявил один оратор (Сенека Эгберт из Филадельфии), - и мы никогда не добьемся большого прогресса, пока каждый молодой человек и каждая молодая женщина, даже до того, как она влюбится и обручится, не узнают, что это за болезни и что это будет означать, если она выйдет замуж за человека, который ими заразился". "Обучите отца и мать, и они дадут образование своим сыновьям и дочерям", - восклицает Эгберт Грандин, особенно в отношении гонореи (*Медицинская справка*, 26 мая 1906 г.); "Дайте образование отцу и матери, и они дадут образование своим сыновьям и дочерям". Я обращаю особое внимание на дочь, потому что она становится главной жертвой прививки, и это ее право знать, что она должна защищать себя как от гонореи, так и от алкоголизма ".

Мы должны полностью признать тот факт, что именно сама женщина должна нести такую же ответственность, как и мужчина, за обеспечение правильных условий брака, в который она собирается вступить. На практике, с самого начала, эта ответственность, несомненно, может быть частично делегирована родителям или опекунам. Неразумно проявлять какую-либо ложную деликатность в этом вопросе с любой из сторон. Вопросы денег и дохода обсуждаются до свадьбы, и по мере того, как общественное мнение укрепляется, никто не будет подвергать сомнению необходимость обсуждения еще более серьезного вопроса о здоровье, как будущего жениха, так и невесты. Неисчислимое количество болезней и несчастий в браке было бы предотвращено, если бы до окончательного заключения помолвки каждая сторона передала себя в руки врача и уполномочила его сообщить об этом другой стороне. Такой отчет вышел бы далеко за рамки венерических заболеваний. Если бы его необходимость стала общепризнанной, это положило бы конец многочисленным мошенничествам, которые сейчас имеют место при вступлении в брачные узы. В настоящее время постоянно случается, что та или иная сторона скрывает наличие какого-либо серьезного заболевания или инвалидности, которые быстро обнаруживаются после вступления в брак, иногда с болезненным и тревожным

потрясением — как, например, когда мужчина обнаруживает свою жену в эпилептическом припадке впервые брачную ночь, - и всегда с горьким и стойким чувством того, что его обманули. Не может быть никаких разумных сомнений в том, что такое сокрытие является достаточной причиной развода. Сэр Томас Мор, несомненно, стремился уберечься от подобного мошенничества, когда в своей *Утопии* предписал, чтобы каждая сторона перед вступлением в брак показывалась другой обнаженной. Причудливая церемония, которую он описывает, была основана на разумной идее, поскольку смешно, если бы ее результаты часто не были трагичными, просить любого человека взять на себя обязательство обнять на всю жизнь человека, которого он или она даже не видели.

Возможно, необходимо указать, что каждое движение в этом направлении должно быть спонтанным действием отдельных людей, направляющих свою собственную жизнь в соответствии с правилами просвещенной совести, и не может быть инициировано под диктовку сообщества в целом, обеспечивающего выполнение своих приказов законом. В этих вопросах закон может вступить в силу только в конце, а не в начале. В важнейших вопросах брака и продолжения рода законы в первую очередь создаются в мозгах и совести людей для их собственного руководства. Если такие законы уже не воплощены в реальной практике подавляющего большинства населения, парламентам бесполезно принимать их законодательно. Они будут неэффективны, или же они будут хуже, чем неэффективны, поскольку причинят непреднамеренный вред. Мы можем докопаться до сути дела, только настаивая на воспитании моральной ответственности и наставлении в фактических вопросах.

Возникает вопрос о том, кто лучше всего передаст это наставление. Как мы видели, не может быть никаких сомнений в том, что до наступления половой зрелости родители, и особенно мать, являются надлежащими наставниками своих детей в эзотерических знаниях. Но после наступления половой зрелости ситуация меняется. Мальчик и девочка становятся менее поддающимися родительскому влиянию, с обеих сторон наблюдается большая застенчивость, и родители редко обладают более техническими знаниями, которые требуются сейчас. На данном этапе, по-видимому, следует прибегнуть к помощи врача, семейного врача, если он обладает необходимыми качествами для выполнения этой задачи. Обычно принимаемый план, который в настоящее время широко осуществляется, состоит в проведении лекций, излагающих основные факты, касающиеся венерических заболеваний, их опасностей и смежных тем.^[254] Этот метод довольно хорош. Такие лекции должны периодически читаться лекторами-медиками во всех городских, образовательных, производственных, военных и военно-морских центрах, где действительно собирается большое количество молодых людей. В обязанности центрального органа образования должно входить либо проведение таких лекций, либо возложение обязанности по проведению таких лекций на тех, кто контролирует молодых людей или нанимает их на работу. Лекции должны быть бесплатными для всех, достигших шестнадцатилетнего возраста.

В Германии, по-видимому, утвердился принцип обучения венерическим болезням с помощью лекций, по крайней мере, для молодых людей, и такие лекции постоянно становятся все более обычными. В 1907 году министр образования учредил курсы лекций врачей по сексуальной гигиене и венерическим заболеваниям для высших школ и учебных заведений, хотя посещение их не было обязательным. Курсы, которые в настоящее время часто читаются медиками старшим классам немецких средних школ по общим принципам сексуальной анатомии и физиологии, почти всегда включают сексуальную гигиену с особым упором на венерические

заболевания (см., например, *Sexualpädagogik*, стр. 131-153). В Австрии также студентам, собирающимся покинуть гимназию и поступить в университет, читаются лекции по личной гигиене и опасностям венерических заболеваний; клубы рабочих мужчин учредили регулярные курсы лекций по тем же предметам, которые читают врачи. Во Франции многие выдающиеся люди, как в медицинской профессии, так и за ее пределами, работают над обучением молодежи сексуальной гигиене, хотя им приходится бороться с более упрямыми предрассудками и ханжеством со стороны среднего класса, чем в германских землях. Внепарламентская комиссия по режиму мужчин совместно с Оганье, Альфредом Фурнье, Ивом Гийо, Жидом и другими выдающимися профессорами, преподавателями и т.д. Недавно высказалась в пользу официального введения обучения сексуальной гигиене, которое должно проводиться в старших классах лицеев или в начальных классах высших учебных заведений; утверждается, что такое обучение не только дало бы необходимое просвещение, но и воспитало бы чувство моральной ответственности. Во Франции также существует активное и уважаемое, хотя и неофициальное Французское общество санитарной профилактики и морали, которое читает публичные лекции по сексуальной гигиене. Фурнье, Пинар, Бурлуго и другие выдающиеся врачи написали брошюры на эту тему для широкого распространения (см., например, *"Медицинский прогресс"* от сентября 1907 г.). В Англии и Соединенных Штатах еще очень мало сделано в этом направлении, но в Соединенных Штатах, во всяком случае, мнение в пользу действий быстро растет (см., например, У. А. Фанк, *"Венерическая опасность"*, *Медицинская справка*, 13 апреля 1907 г.). Американское общество санитарной и моральной профилактики (основанное на родительском обществе, основанном Фурнье в Париже в 1900 году) было основано в Нью-Йорке в 1905 году. Аналогичные общества существуют в Чикаго и Филадельфии. Основная цель - изучение венерических заболеваний и работа над их социальным контролем. Членами являются врачи, непрофессионалы и женщины. Лекции и короткие беседы в настоящее время читаются под эгидой этих обществ небольшим группам молодых женщин в социальных поселениях и другими способами с обнадеживающим успехом; установлено, что это отличный метод достучаться до молодых женщин из рабочего класса. В лекциях принимают участие как мужчины, так и женщины-врачи (Клемент Кливленд, Президентское обращение "О профилактике венерических заболеваний", *Труды Американского гинекологического общества*, Филадельфия, vol. xxxii, 1907).

Важным вспомогательным методом выполнения задачи сексуальной гигиены и в то же время распространения полезного просвещения является метод вручения каждому пациенту с сифилитизмом в клиниках, где лечат такие случаи, карточки с инструкциями по вопросам гигиены вместе с предупреждением о рисках вступления в брак в течение четырех-пяти лет после заражения, и ни в коем случае не без консультации врача. Такая печатная инструкция, написанная ясным, простым и доходчивым языком, должна быть передана в руки каждому пациенту с сифилитизмом в качестве рутинной процедуры, и было бы также неплохо иметь соответствующую карточку для пациентов с гонореей. Этот план уже внедрен в некоторых больницах, и это настолько простая и не вызывающая возражений мера предосторожности, что она, без сомнения, будет принята повсеместно. В некоторых странах эта мера осуществляется в более широком масштабе. Так, в Австрии, в результате движения, в котором приняли активное участие несколько университетских профессоров, листовки и циркуляры, кратко объясняющие основные симптомы венерических заболеваний и предостерегающие от шарлатанов и секретных средств, распространяются среди молодых рабочих и фабричных рабочих, поступающих в вузы, и ученых, оканчивающих профессиональные училища.

Во Франции, где великие социальные вопросы решаются иногда с большей рыцарской отвагой, чем где бы то ни было, опасности сифилиса и социальному положению проститутки одинаково касались выдающиеся романисты и драматурги. Гюисманс положил начало этому движению своим первым романом *"Марта"*, который был немедленно пресечен полицией. Вскоре после этого Эдмон де Гонкур опубликовал *"Дочь Элизы"*, первый заметный роман подобного рода выдающегося автора. Она была написана с большой сдержанностью и на самом деле не представляла собой произведение высокой художественной ценности, но в ней смело рассматривалась большая социальная проблема и ясно излагались пороки распространенного отношения к проституции. Она была инсценирована и сыграна Антуаном в Свободном театре, но когда в 1891 году Антуан захотел поставить ее в театре Порт-Сен-Мартен, вмешалась цензура и запретила пьесу из-за ее "общего контекста". Министр образования защищал это решение на том основании, что в пьесе было много такого, что могло вызвать отвращение. "Отвращение здесь более морально, чем привлекательность", - воскликнул месье Поль Дерулед, и газеты раскритиковали порицание, которое допускало на сцене все тривиальные непристойности, способствующие проституции, но не терпело никаких нападок на проституцию. В последние годы братья Маргарет, как в романах, так и в журналистике, в значительной степени посвятили свои выдающиеся способности и высокое литературное мастерство смелой и просвещенной пропаганде многих социальных реформ. Виктор Маргерит в своем романе *"Проститутка"* (1907), который привлек широкое внимание и был переведен на различные языки, стремился представить положение женщин в нашем современном обществе, и особенно положение проститутки в условиях того, что он считает одиозной и незаконной системой, все еще преобладающей. Книга представляет собой точную картину реальных фактов, благодаря помощи, оказанной автору префектурой полиции Парижа, и во многом по этой причине не является в полной мере удовлетворительным произведением искусства, но она ярко и пронзительно отражает жестокость, безразличие и лицемерие, столь часто проявляемые мужчинами по отношению к женщинам, и по этой причине является книгой, которую нельзя считать слишком популярной. Одной из самых заметных современных пьес является *"Несчастные"* Брие (1902). Этот выдающийся драматург, сам врач, посвящает свою пьесу Фурнье, величайшему из сифилографов. "Я думаю вместе с вами, - пишет он здесь, - что сифилис в значительной степени утратит свою опасность, когда можно будет открыто говорить о зле, которое не является ни позором, ни наказанием, и когда те, кто страдает от него, зная, какое зло они могут распространять, будут лучше понимать свои обязанности по отношению к другим и к самим себе". История, развитая в драме, - это старая и типичная история молодого человека, который провел свои холостяцкие дни, как он считает, сдержанно и регулярно, у которого было всего две любовницы, ни одна из них не была проституткой, но в конце этого периода, на веселом ужине, за которым он прощается со своей холостяцкой жизнью, он совершает роковую неосторожность и заражается сифилисом; приближается его женитьба, и он идет к известному специалисту, который предупреждает его, что лечение требует времени, и что брак невозможен в течение нескольких лет; однако он находит шарлатана, который берется вылечить его за шесть месяцев. ; по истечении времени он женится; рождается ребенок-сифилитик; жена узнает о положении вещей и покидает свой дом, чтобы вернуться к родителям; ее возмущенный отец, депутат парламента, прибывает в Париж; последнее слово остается за великим специалистом, который приносит, наконец, некоторую степень мира и надежды в семью. Главные принципы морали, на которые указывает Брие, заключаются в том, что родители невесты обязаны перед вступлением в брак удостовериться в состоянии здоровья жениха; что у жениха должно быть свидетельство врача; что при каждом браке роль врачей по

меньшей мере так же важна, как и роль юристов. Даже если бы это было менее совершенное произведение искусства, чем оно есть на самом деле, "*Несчастные случаи*" - это пьеса, которую только с социальной и воспитательной точки зрения должны быть вынуждены посмотреть все, кто достиг подросткового возраста.

Другой аспект той же проблемы был представлен в "*Plus Fort que le Mal*", книге, написанной в драматической форме (хотя и не как должным образом составленная пьеса, предназначенная для сцены) выдающимся французским автором-медиком, который здесь носит имя Эспи де Мец. Автор (который, однако, не умоляет за себя) призывает к более сочувственному отношению к тем, кто страдает сифилисом, и хотя он пишет с гораздо меньшим драматическим мастерством, чем Брие, и едва ли излагает свою мораль в столь недвусмысленной форме, его работа является заметным вкладом в драматическую литературу о сифилисе.

Вероятно, пройдет некоторое время, прежде чем эти вопросы, какими бы острыми они ни были с драматической точки зрения и жизненно важными с социальной точки зрения, будут представлены на английской или американской сцене. Примечательным фактом является то, что, несмотря на пуританские элементы, которые все еще существуют в англосаксонской мысли и чувствах в целом, пуританский аспект жизни никогда не получал воплощения в английской или американской драматургии. На английской сцене никогда не разрешается намекать на трагическую сторону распутства; порок всегда должен быть соблазнительным, даже если *deus ex machina* приводит к его краху в конце представления. Как сказал мистер Бернард Шоу, английский театральный метод ни в коем случае не изгоняет порок; он просто соглашается с тем, что его нужно сделать привлекательным; его прелести рекламируются, а наказания пресекаются. "Теперь бесполезно утверждать, что сцена - неподходящее место для представления и обсуждения незаконных операций, кровосмешения и венерических заболеваний. Если сцена является подходящим местом для демонстрации и обсуждения соблазнения, прелюбодеяния, беспорядочных половых связей и проституции, она должна быть открыта для всех последствий этих вещей, иначе это деморализует нацию".

Стремление настаивать на том, что порок всегда должен быть привлекательным, на самом деле, вопреки видимости, не является порочным побуждением. Это происходит от ментального замешательства, общей психической тенденции, которая ни в коем случае не ограничивается англосаксонскими землями и даже более заметна среди более образованных в чисто литературном смысле людей, чем среди менее образованных. Эстетическое путают с моральным, и поэтому то, что вызывает отвращение, считается аморальным. Во Франции романы Золя, самого прозаичного моралиста из писателей, долгое время считались аморальными, потому что часто были отвратительными. То же самое чувство еще более распространено в Англии. Если на сцену выводят проститутку, и она хорошенькая, хорошо одетая, соблазнительная, она может весело плыть по пьесе, и все останутся довольны. Но если бы она не была особенно хорошенькой, хорошо одетой или соблазнительной, если бы стало ясно, что она больна и безрассудно заражает этой болезнью других, если бы намекнули, что при случае она может сквернословить, если бы, короче говоря, показали картину с натуры, — тогда мы услышали бы, что несчастная драматург совершила нечто "отвратительное" и "аморальное". Возможно, это отвратительно, но именно по этой причине это было бы морально. Здесь есть различие, на которое психолог не может слишком часто указывать, а моралист - слишком часто подчеркивать.

Не дело врача усложнять и запутывать свою собственную задачу как учителя, смешивая ее с соображениями, относящимися к духовной сфере. Но, беспристрастно выполняя свою особую работу по просвещению, ему всегда будет полезно помнить, что в сознании подростка, как было необходимо указать в предыдущей главе, существует спонтанная сила, действующая на стороне сексуальной гигиены. Те, кто верит, что ум подростка просто склонен к потаканию чувственным желаниям, не менее лживы и порочны в своем влиянии, чем те, кто считает возможным и желательным, чтобы подростки оставались в полном сексуальном невежестве. Какими бы скрытыми, подавленными или деформированными они ни были — обычно из—за неуместного и преждевременного рвения глупых родителей и учителей, — в период полового созревания возникают идеальные импульсы, которые, хотя и могут корениться в сексе, все же по своему масштабу превосходят секс. Они способны стать гораздо более мощными проводниками физического сексуального влечения, чем просто материальные или даже гигиенические соображения.

Пришло время подвести итог и завершить это обсуждение профилактики венерических заболеваний, которое, хотя поверхностному наблюдателю может показаться просто медицинским и санитарным вопросом вне сферы компетенции психолога, все же при ближайшем рассмотрении оказывается тесно связанным даже с самой духовной концепцией сексуальных отношений. Не только венерические болезни являются врагами более тонкого развития расы, но и мы не можем достичь какого-либо здорового и прекрасного видения сексуальных отношений, пока такие отношения в каждый момент подвержены искажению и подрыву в самом их источнике. Мы пока не можем точноизмерить промежуток времени, который должен пройти, прежде чем, по крайней мере, в Европе, сифилис и гонорея будут отправлены в тот лимб чудовищных старых мертвых болезней, до которого дошли чума и проказа, а оспа уже приближается. Но общество начинает понимать, что в эту область также должно быть внесено оружие света и воздуха, меч и нагрудник, с помощью которых можно победить все болезни в одиночку. Как мы видели, в настоящее время в более просвещенных странах начинают бороться с венерическими заболеваниями четырьмя методами.^[255] (1) объявляя открыто, что венерические заболевания-это заболевания как и любое другое заболевание, хотя и более изощренных и страшных, чем большинство, которые могут напасть на кого-либо из еще не родившегося ребенка его бабушка, и что они не более других болезней, позорные наказания за грех, из которых рельеф является только надо искать, если вообще, исподтишка, но человеческих бедствий; (2) приняв методов получения официальной информации о степени распространения и изменения венерическое заболевание через уже признали план уведомление и иное, а также путем предоставления такого средства для лечения, особенно для бесплатного лечения, так как могут быть сочтены необходимыми; (3) обучение по индивидуальному чувство моральной ответственности, так что каждый член сообщества может понять, что для того, чтобы нанести серьезные болезни на другого человека, пусть даже только в результате опрометчивой неосторожности, это более серьезное преступление, чем если бы он или она использовала нож или пистолет или яд как способ нападения, и что надо ввести особое правовое положение в каждой стране, чтобы помочь в восстановлении ущерба от таких травм и учинить наказание на лишение свободы или иное; (4) распространение санитарно-гигиенических знаний, так что всех подростков, юношей и девочек, может быть обстановка в начале взрослой жизни оборудования из информации, которая поможет им избежать грубых риски загрязнения и позволяют им распознавать и избегать опасности на самых ранних стадиях.

Несколько лет назад, когда не было известно никакого метода борьбы с венерическими заболеваниями, кроме системы полицейского регулирования, которая сейчас находится в упадке, было бы невозможно выдвинуть подобные соображения; они показались бы утопическими. Сегодня они не только признаны практичными, но и действительно применяются на практике, хотя, это правда, с очень разной энергией и пониманием в разных странах. И все же несомненно, что в соревновании национальностей, как хорошо сказал Макс фон Ниссен, "та страна лучше всего займет лидирующее место на пути цивилизации, у которой хватит дальновидности и смелости внедрить и проводить в жизнь те практические движения в области сексуальной гигиены, которые имеют столь широкое и значительное влияние на ее собственное будущее и будущее человеческой расы в целом".^[256]

[220] Вполне вероятно, что Шопенгауэр испытывал к этому вопросу нечто большее, чем просто спекулятивный интерес. Блох продемонстрировал веские основания полагать, что сам Шопенгауэр заразился сифилисом в 1813 году и что это было фактором формирования его концепции мира и подтверждения его конституционного пессимизма (*Медицинская клиника*, № 25 и 26, 1906).

[221] Гавелбург в книге "Сенатор и Каминер", *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 186-189.

[222] Это совершенно определенное мнение Ландса после пятидесятитрехлетнего опыта лечения венерических заболеваний в Ливерпуле (*Британский медицинский журнал*, 9 февраля 1907 г., стр. 334). На это также указывает тот факт (если это реальный факт), что с 1876 года в Англии наблюдается снижение как детской, так и общей смертности от сифилиса.

[223] "Нет никаких сомнений в том, что число заболевших сифилисом в Лондоне растет, судя только по работе больниц", - говорит Пернет (*Британский медицинский журнал*, 30 марта 1907 г.). Однако сифилис, очевидно, был очень распространен столетие или два назад, и нет никаких оснований положительно утверждать, что он более распространен сегодня.

[224] См., например, А. Найссера, *Экспериментальное исследование сифилиса*, 1906, и Э. Хоффмана (который был связан с открытием Шаудинна), *Этиология сифилиса*, 1906; Д'Арси Пауэр, *Система о сифилисе*, 1908 и др.; Ф. В. Мотт, "Патология сифилиса в свете современных исследований", *Британский медицинский журнал*, 20 февраля 1909 г.; также, *Архивы неврологии и психиатрии*, том. iv, 1909.

[225] По этому поводу существуют некоторые расхождения во мнениях, и хотя представляется вероятным, что раннее и тщательное лечение обычно излечивает болезнь в течение нескольких лет и делает дальнейшие осложнения крайне маловероятными, даже при самых благоприятных обстоятельствах невозможно говорить с абсолютной уверенностью относительно будущего.

[226] "Нельзя отрицать, что сифилис был и остается одной из главных причин физического вырождения в Англии, и это факт, который признают все стороны", - пишет подполковник Ламбкин, офицер медицинской службы, командующий Лондонским военным госпиталем венерических заболеваний. "Борьба с лечением сифилиса среди гражданского населения

Англии должна быть главной целью тех, кто интересуется этим самым животрепещущим вопросом - физическим вырождением нашей расы" (*Британский медицинский журнал*, 19 августа 1905 г.).

[227] Ф. В. Мотт, "Сифилис как причина безумия", *Британский медицинский журнал*, 18 октября 1902г.

[228] Это редко может быть доказано более чем в восьмидесяти процентах случаев. но в двадцати процентах. в старых случаях сифилитизма обычно невозможно обнаружить следы заболевания или получить его историю. Крокер обнаружил, что это произошло только в восьмидесяти процентах случаев. случаев абсолютно определенных сифилитических заболеваний кожи, которые он мог получить в анамнезе сифилитической инфекции, и Мотт обнаружил точно такой же процент при абсолютно определенных сифилитических поражениях мозга; Мотт считает (*например*, "Сифилис в отношении нервной системы", *Британский медицинский журнал*, 4 января 1908 г.), что сифилис является основной причиной общего паралича и табеса.

[229] Одри. *La Semaine Médicale*, June 26, 1907. Когда европейцы заносят сифилис в земли, населенные людьми низшей расы, результаты часто бывают гораздо хуже этого. Так, Ламбкин в результате специальной миссии по расследованию случаев заражения сифилисом в Уганде обнаружил, что в некоторых округах сифилисом страдает до девяноста процентов населения, и от пятидесяти до шестидесяти процентов младенческой смертности приходится на эту причину. Эти люди - баганда, высокоинтеллектуальное, могущественное и хорошо организованное племя до того, как они получили в дар сифилис, все блага цивилизации и христианства, которые (указывает Ламбкин) были в значительной степени причиной распространения болезни из-за разрушения социальных обычаев и эмансипации женщин. Христианство достаточно мощно, чтобы разрушить старую мораль, но недостаточно мощно, чтобы построить новую мораль (*Британский медицинский журнал*, 3 октября 1908 г., стр. 1037).

[230] Даже в пределах английской армии в Индии обнаружено (Х. К. Френч, *Сифилис в армии*, 1907), что венерические заболевания среди британских войск в десять раз чаще, чем среди местных войск. За пределами национальных армий по количеству госпитализаций и смертности установлено, что Соединенные Штаты занимают далеко не первое место по частоте венерических заболеваний, за ними следуют Великобритания, затем Франция и Австро-Венгрия, Россия и Германия.

[231] Относительно древности гонореи в Старом Свете нет споров, как в отношении сифилиса. Эта болезнь, безусловно, была известна в очень отдаленный период. Даже Асархаддона, знаменитого ассирийского царя, упоминаемого в Ветхом Завете, священники лечили от заболевания, которое, как описано в клинописных документах того времени, могло быть только гонореей. Болезнь была также хорошо известна древним египтянам и, очевидно, распространена, поскольку они записали множество рецептов для ее лечения (Офеле, "Гонорея 1350 против Кристи Гебурт", *Журнал практической дерматологии*, 1899, стр. 260).

[232] Ср. Меморандум Сиднея Стивенсона, Отчет Комитета по офтальмологии новорожденных, *Британский медицинский журнал*, 8 мая 1909г.

[233] Масштабы этого зла изложены, *например*, во всеобъемлющем эссе Тейлора, *Американский журнал акушерства*, январь 1908г.

[234] Найссер объединяет данные о распространенности гонореи в Германии, Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том. ii, стр. 486-492.

[235] *Ланцет*, 23 сентября 1882 г. Что касается женщин, доктор Фрэнсис Ивенс (*Британский медицинский журнал*, 19 июня 1909 г.) обнаружила в Ливерпуле, что 14% анализ гинекологических случаев выявил наличие гонореи. В основном это были бедные респектабельные замужние женщины. Вероятно, это высокая доля, поскольку Ливерпуль - оживленный морской порт, но она меньше, чем оценка Зенгера в 18 процентов.

[236] Э. Х. Грандин, *медицинская карта*, 26 мая 1906г.

[237] Э. В. Кушинг, "Социологические аспекты гонореи", *Труды Американского гинекологического общества*, том. xxii, 1897.

[238] Только в очень небольших сообществах, управляемых автократической властью, обладающей абсолютными полномочиями контролировать условия и обследовать лиц обоих полов, регулирование становится в какой-либо степени эффективным. Это хорошо показано доктором У. Э. Харвудом, который описывает систему, которую он организовал на рудниках Миннесотской железной компании (*Журнал Американской медицинской ассоциации*, 22 декабря 1906 г.). Женщины в борделях на территории компании принадлежали к низшему классу, и болезни были очень распространены. Было установлено тщательное обследование женщин и контроль за мужчинами, которые сразу же после того, как заболели, были обязаны заявить, от какой женщины они заразились. Женщина несла ответственность за медицинский счет мужчины, которого она заразила, и даже за его питание, если он становился нетрудоспособным, и женщины были вынуждены при необходимости содержать фонд для покрытия своих собственных больничных расходов. Таким образом, венерические заболевания, хотя и не были полностью искоренены, были очень значительно уменьшены.

[239] Четкое и всеобъемлющее изложение нынешней позиции по этому вопросу дано Иваном Блохом, *"О сексуальных отношениях в духе времени"*, Chs. XIII-XV. Насколько неэффективна система полицейского регулирования даже в Германии, где вмешательство полиции терпимо в столь значительной степени, можно проиллюстрировать на примере Мангейма. Здесь регулирование проституции очень строгое и тщательное, однако тщательное расследование, проведенное в 1905 году среди врачей Мангейма (девятьюстами двумя из которых прислали подробные отчеты), показало, что из шестисот случаев венерических заболеваний у мужчин, почти половина была заразилась от проституток. Около половины оставшихся случаев (почти четверть от общего числа) были связаны с официантками и барменшами; затем следовали служанки (Лайон и Леб, в *Сексуальной педагогике*, Материалы Третьего Немецкого конгресса по борьбе с венерическими заболеваниями, 1907, стр. 295).

[240] Можно было бы добавить шестой, менее многочисленный класс молодых девушек, часто не более чем детей, которые были практически изнасилованы мужчинами, верящими, что половой акт с девственницей является лекарством от хронических венерических заболеваний. В Америке этого убеждения часто придерживаются итальянцы, китайцы, негры и т.д. У. Трэвис Гибб, врач-терапевт Нью-Йоркского общества по предотвращению жестокого обращения с детьми, обследовал более 900 изнасилованных детей (по его словам, это лишь малая часть реально имевших место случаев) и обнаружил, что у тринадцати процентов есть венерические заболевания. По его словам, довольно большая доля таких случаев среди девочек в возрасте от

двенадцати до шестнадцати лет являются добровольными жертвами. Доктор Флора Поллак из диспансера больницы Джона Хопкинса также подсчитала, что только в Балтиморе от 800 до 1000 детей в возрасте от года до пятнадцати лет ежегодно подвергаются венерическому заражению. Наибольшее число, как она выяснила, приходится на шестилетний возраст, и главной причиной, по-видимому, является не похоть, а суеверие.

[241] Обсуждение наследственного сифилиса см., например,, Клемент Лукас, *Lancet*, 1 февраля 1908г.

[242] В некоторых странах большой вред был нанесен глупой и вредной практикой дружеских обществ и клубов больных, игнорирующих венерические заболевания и не предоставляющих бесплатную медицинскую помощь или больничные листы тем членам, которые от них страдают. Такая практика преобладала, например, в Вене до 1907 года, когда была введена в действие более гуманная и просвещенная политика, при которой венерические заболевания были поставлены на один уровень с другими болезнями.

[243] Активные меры против венерических заболеваний были введены в Швеции в начале прошлого века, и было установлено обязательное и бесплатное лечение. Обязательное уведомление было введено много лет назад в Норвегии, и к 1907 году распространенность венерических заболеваний значительно снизилась; существует обязательное лечение.

[244] См., например,, Морроу, *Социальные болезни и брак*, глава XXXVII.

[245] Комитет Медицинского общества Нью-Йорка, назначенный в 1902 году для рассмотрения этого вопроса, высказался в пользу уведомления без указания имен и адресов, а доктор К. Р. Драйсдейл, принимавший активное участие в Брюссельской международной конференции 1899 года, выступал за аналогичный план в Англии, *Британский медицинский журнал*, 3 февраля 1900 г.

[246] Так, в Мюнхене в 1908 году мужчина, заразивший гонореей служанку, был отправлен в тюрьму на десять месяцев на этом основании. Современное состояние общественного мнения Германии по этому вопросу резюмируется Блохом, *Sexualeben unserer Zeit*, стр. 424.

[247] А. Депре, *Проституция в Париже*, стр. 191.

[248] F. Aurientis, *Etude Medico-légale sur la jurisprudence actuelle à propos de la Transmission des Maladies Venériennes*, Thèse de Paris, 1906.

[249] В Англии в настоящее время "муж, сознательно и умышленно заражающий свою жену венерическим заболеванием, не может быть привлечен к уголовной ответственности ни по обвинению в нападении, ни в причинении тяжких телесных повреждений" (Н. Гири, *Закон о браке*, стр. 479). Это было решено в 1888 году по делу *Р. против Кларенса* девятью судьями против четырех судей в Суде, зарезервированном для рассмотрения дел короны.

[250] Современные демократические настроения выступают против изоляции проститутки только потому, что она больна. Но не может быть никаких разумных сомнений в том, что, если больная проститутка заражает другого человека и не в состоянии возместить очень большой ущерб, который следует потребовать в таком случае, ее следует изолировать и подвергнуть лечению. Это необходимо в интересах сообщества. Но также необходимо, чтобы во избежание придания большого значения совершению преступления, которое обеспечило бы бесплатное

лечение и оставило проститутку без средств, чтобы она в любом случае была обеспечена средствами для лечения.

[251] Однако Апелляционный суд Парижа постановил, что вступление в брак мужа, заведомо страдающего венерическим заболеванием, и сообщение об этом заболевании своей жене является достаточным основанием для развода (*Семейная медицина*, май 1896 г.).

[252] Большой том, озаглавленный "*Сексуальная педагогика*", содержащий материалы Третьего из этих конгрессов, почти игнорирует специальную тему венерических заболеваний и посвящен вопросам общего сексуального воспитания молодежи, которое, как утверждали многие выступавшие, должно начинаться с того, что ребенок садится на колени матери.

[253] "Рабочие, солдаты и так далее", - замечает Найссер (Senator and Kaminer, *Здоровье и болезни в связи с браком*, vol. ii, стр. 485), "им легче найти девушек своего класса, не занимающихся проституцией, желающих вступить с ними в любовные отношения, которые заканчиваются половым актом, и поэтому они менее подвержены опасности заражения, чем те мужчины, которые прибегают почти исключительно к услугам проституток" (см. также Bloch, *Sexualeben unserer Zeit*, стр. 437).

[254] Характер и объем таких лекций полностью обсуждаются в Материалах Третьего конгресса Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями, *Сексуальная педагогика*, 1907.

[255] Я оставляю за рамками настоящей работы вспомогательные средства для подавления венерических заболеваний, предоставляемые многообещающими новыми методами лечения или даже прерывания таких заболеваний, которые только сейчас начинают пониматься (см., например, Мечников, *Новая гигиена*, 1906).

[256] Макс фон Ниссен, "Герр доктор, дарф ич хайратен?" *Mutterschutz*, 1906, p. 352.

ГЛАВА IX.

СЕКСУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ.

Содержание

Проституция по отношению к нашей брачной системе—Брак и мораль—Определение термина "Мораль"—Теоретическая мораль—Ее разделение на традиционную мораль и идеальную мораль—Практическая мораль—Практическая мораль, основанная на обычае—Единственный предмет научной этики—Реакция между теоретической и практической моралью—Сексуальная мораль в прошлом Применение экономической морали—Сочетание жесткости и распушенности этой морали—Рост специфической сексуальной морали и эволюция моральных идеалов—Проявления сексуальной морали—Пренебрежение формами брака—Пробный брак—Брак после зачатия ребенка—Явления в Германии, англосаксонских странах, Россия и т.д.—Статус женщины—Историческая тенденция в пользу морального равенства женщин с мужчинами—Теория матриархата—Происхождение по материнской линии—Женщины в Вавилонии—Египте—Риме—Восемнадцатом и девятнадцатом веках—Историческая тенденция

в пользу морального неравенства женщин—Неоднозначное влияние христианства—Влияние тевтонских обычаев и феодализма—Рыцарство—Женщина в Англии—Продажа жен—Исчезающее подчинение женщины—Неспособность современного мужчины доминировать—Рост моральной ответственности у женщин—Сопутствующее развитие экономической независимости—Увеличение количества женщин. работающих женщин—Вторжение женщин в современную индустриальную сферу —Насколько это социально оправдано—Сексуальная ответственность женщин и ее последствия—Предполагаемая моральная неполноценность женщин— "Самопожертвование" женщин—Общество, не заинтересованное в сексуальных отношениях—Продолжение рода — единственная сексуальная забота государства—Первостепенная важность материнства.

Необходимо было полностью разобраться с феноменом проституции, потому что, как бы отстраненно мы лично ни относились к этим явлениям, они действительно подводят нас к сути сексуального вопроса в той мере, в какой он представляет собой социальную проблему. Если мы посмотрим на проституцию со стороны, как на объективное явление, как на вопрос социальной динамики, то увидим, что это не просто случайный и устранимый инцидент нашей нынешней системы брака, а неотъемлемая ее часть, без которой она развалилась бы на куски. Это, вероятно, будет достаточно ясно всем, кто следил за предыдущим изложением феноменов проституции. Однако следует сказать больше, чем это. Проституция не только сегодня, какой она была на протяжении более двух тысяч лет, является опорой нашей брачной системы, но если мы посмотрим на брак не извне как на формальный институт, а изнутри, в связи с мотивами, которые его составляют, мы обнаружим, что брак в значительной доле случаев сам по себе в определенных отношениях является формой проституции. Это подчеркивалось так часто и со стольких самых разных точек зрения, что вряд ли может показаться необходимым вдаваться в подробности здесь. Но этот вопрос чрезвычайно важен в связи с вопросом сексуальной морали. Наши социальные условия неблагоприятны для развития в женщине высоких моральных чувств. Разница между женщиной, которая продает себя в проституции, и женщиной, которая продает себя в браке, согласно уже цитировавшемуся высказыванию Марро, "заключается только в разнице в цене и сроке действия контракта". Или, как выразился Форел, брак - это "более модная форма проституции", то есть способ получения или распоряжения сексуальным товаром из денежных соображений. Брак - это, действительно, не просто более модная форма проституции, это форма, освященная законом и религией, и здесь недопустимо вмешиваться в вопросы морали. Нравственность может быть безнаказанно нарушена при условии, что были задействованы закон и религия. Таким образом, основной принцип проституции легализован и освящен среди нас. Вот почему так трудно вызвать какое-либо серьезное возмущение или выдвинуть какие-либо аргументированные возражения против нашей проституции, рассматриваемой самой по себе. Наиболее правдоподобным основанием является мнение тех^[257], которые, низводя брак до уровня проституции, утверждают, что проститутка - это "черная нога", которая принимает за сексуальные услуги, которые она оказывает, меньше "рыночной ставки заработной платы", *то есть* брака. Но даже это низкое положение довольно небезопасно. Проститутке действительно платят очень хорошо, учитывая, как мало она дает взамен; жене действительно платят очень плохо, учитывая, как много она часто дает и как много она обязательно отдает. Ради преимущества экономической зависимости от своего мужа она должна отказаться, как замечает Эллен Ки, от тех прав на своих

детей, свою собственность, свою работу и саму себя, которыми она пользуется как незамужняя женщина, даже, можно добавить, как проститутка. Проститутка никогда не отказывается от права на свою собственную личность, как это вынуждена делать жена; проститутка, в отличие от жены, сохраняет свою свободу и свои личные права, хотя они часто не имеют большой ценности. Именно жена, а не проститутка является "черной ногой".

Наша брачная система предстала перед судом морали отнюдь не только в последние годы. Сорок лет назад Джеймс Хинтон исчерпал словарный запас осуждения, описывая безнравственность и эгоистичную распущенность, которые наша брачная система прикрывает покровом законности и святости. "В наших брачных отношениях есть нездоровье", - писал Хинтон. "Они не только ужасны практически, но и не отвечают чувствам и убеждениям, слишком распространенным, чтобы их разумно игнорировать. Возьмем случай с выдающимися женщинами, согласившимися стать любовницами женатого мужчины; с чистыми и незатейливыми девушками, говорящими, что они не понимают, почему они должны вступать в брак по закону; с дамой, говорящей, что если бы она была влюблена, у нее не было бы никаких законных уз; с необходимостью — или так думают хорошие и мудрые мужчины — держать представителей одного пола в горьком и часто фатальном неведении. Эти вещи (и сколько еще) свидетельствуют о какой-то глубокой нездоровости в брачных отношениях. Это нужно исследовать до конца".

Несколько раньше, в 1847 году, Гросс-Хоффингер в своей книге *"Шиксале девушек и проституции"* — замечательной книге, которую Блох без особого преувеличения описывает как имеющую эпохальное значение, — энергично показал, что проблема проституции на самом деле является проблемой брака, и что мы можем искоренить проституцию только путем реформирования брака, рассматриваемого как обязательный институт, опирающийся на устаревшую экономическую основу. Гросс-Хоффингер была новаторской предшественницей Эллен Ки.

Более полутора столетий назад человек совсем другого типа язвительно проанализировал мораль своего времени, действительно, с жестокой откровенностью, которая показала его современникам отвратительно циничным отношением к их священным институтам, и они почувствовали, что им ничего не остается, кроме как сжечь его книги. Описывая современный брак в своей *Басне о пчелах* (1714, с. 64) и то, что этот брак может охватывать юридически, Мандевиль писал: "Благородному джентльмену, о котором я говорил, не нужно практиковать большего самоотречения, чем дикарю, и последний действовал в большей степени в соответствии с законами природы и искренности, чем первый. Человеку, который удовлетворяет свой аппетит так, как это позволяет обычай страны, нечего бояться порицания. Если он горячее коз или быков, как только церемония закончится, дайте ему насытиться и изнурить себя радостью и экстазом удовольствия, возбуждайте и потакайте его аппетиту по очереди, настолько экстравагантно, насколько позволят ему его силы и мужественность. Он может без опаски смеяться над мудрецами, которые должны его порицать: все женщины и более девяти из десяти мужчин на его стороне; более того, у него есть свобода оценивать себя по ярости своих необузданных страстей, и чем больше он погрязает в похоти и напрягает все свои способности, чтобы быть безудержно сладострастным, тем скорее он добьется расположения и завоюет любовь женщин, не только молодых, тщеславных и похотливых, но и благоразумных, серьезных и наиболее трезвых матрон".

Таким образом, обвинение, выдвинутое против нашей брачной системы с точки зрения морали, состоит в том, что она подчиняет сексуальные отношения соображениям денег и похоти. Именно в этом суть проституции.

Единственная законно моральная цель брака — рассматриваем ли мы его с более широкой биологической точки зрения или с более узкой точки зрения человеческого общества — это половой отбор, осуществляемый в соответствии с законами полового отбора и имеющий своей прямой целью совместную жизнь в полной взаимной любви, а косвенной - продолжение рода. Если продолжение рода не является частью цели брака, общество не имеет к этому никакого отношения и не имеет права заявлять, что его голос услышан. Но если продолжение рода является одной из целей брака, то с биологической и социальной точек зрения крайне важно, чтобы никакие влияния, кроме надлежащего естественного влияния полового отбора, не могли повлиять на выбор брачных партнеров, поскольку в той мере, в какой нарушается здоровый половой отбор, может пострадать потомство и пострадать интересы расы.

Конечно, следует четко понимать, что идея брака как формы сексуального союза, основанного не на биологических, а на экономических соображениях, очень древняя и иногда встречается в обществах, которые являются почти примитивными. Однако всякий раз, когда брак на чисто имущественной основе и без должного учета полового отбора имел место среди сравнительно примитивных и энергичных народов, он в значительной степени лишался своих пагубных последствий благодаря признанию его чисто экономического характера и отсутствию какого-либо желания подавлять, даже номинально, другие сексуальные отношения на более естественной основе, которые были вне этой искусственной формы брака. Полигамия особенно способствовала примирению союзов на экономической основе с союзами на естественной сексуальной основе. Наша современная брачная система, однако, приобрела искусственную жесткость, которая исключает возможность этой естественной защиты и компенсации. Каким бы ни было ее реальное моральное содержание, современный брак всегда "законен" и "священен". Мы действительно настолько привыкли к экономическим формам брака, что, как верно заметил Сиджвик (*Метод этики*, Вк. ii, гл. XI), когда о них говорят как о "легализованной проституции", постоянно случается, что "фраза ощущается экстравагантной и парадоксальной".

Мужчина, который женится из-за денег или амбиций, отступает от биологических и моральных целей брака. Женщина, которая продает себя за жизнь, морально находится на том же уровне, что и та, которая продает себя за ночь. Тот факт, что плата кажется большей, что в обмен на оказание определенных домашних услуг и определенное личное самоуспокоение — услуг и самоуспокоенности, в которых она, возможно, совершенно неопытна, — она получит богадельню, в которой ее будут кормить, одевать и обеспечивать кровом всю жизнь, не имеет никакого значения для морального аспекта ее дела. Вряд ли нужно говорить, что моральная ответственность лежит, по крайней мере, в такой же степени на мужчине, как и на женщине. Во многом это происходит из-за невежества и даже безразличия мужчин, которые часто мало или вообще ничего не знают о природе женщин и искусстве любви. Неразумие, с которым даже мужчины, которые, как можно было бы подумать, не лишены опыта, выбирают в качестве пары женщину, которая, какой бы прекрасной и обаятельной она ни была, не обладает ни одним из качеств, которых на самом деле жаждет ее жених, является вечным чудом. Воздерживаться от проверки характера и качеств женщины, которую он желает видеть своей парой, без сомнения, является приятной чертой смирения со стороны мужчины. Но совершенно очевидно, что

мужчина никогда не должен довольствоваться меньшим, чем лучшим из того, что могут дать душа и тело женщины, каким бы недостойным он себя ни чувствовал такого обладания. Следует отметить, что это требование отвечает высшим интересам самой женщины. Женщина может предложить мужчине то, что при любых обстоятельствах является частью тайны вселенной. Женщина унижает себя, опускаясь до уровня кандидата в приют для обездоленных.

Таким образом, как мы увидим, наше обсуждение психических фактов секса привело нас к вопросу о морали. Снова и снова при описании феномена проституции приходилось использовать слово "моральный". Это слово, однако, расплывчато и даже, может быть, вводит в заблуждение, потому что оно имеет несколько значений. До сих пор разумному читателю, как он не преминет заметить, предоставлялось решать из контекста, в каком смысле было использовано это слово. Но на данном этапе, прежде чем мы перейдем к обсуждению сексуальной психологии в связи с браком, необходимо, во избежание двусмысленности, напомнить читателю, в каких именно основных смыслах обычно используется слово "мораль".

Мораль, о которой говорится в этических трактатах, является *теоретической моралью*. Это связано с тем, что люди "должны" — или что для них "правильно" — делать. Сократ в "Диалогах Платона" касался такой теоретической морали: чего "должны" люди добиваться в своих действиях? Большая часть литературы по этике, можно сказать, что до недавнего времени вся она была посвящена этому вопросу. Такая теоретическая мораль, как сказал Сиджвик, является скорее исследованием, чем наукой, поскольку наука может быть основана только на том, что есть, а не на том, что должно быть.

Даже в сфере теоретической морали существуют два совершенно разных вида морали, настолько разных, что иногда каждый рассматривает другой даже как враждебный или, в лучшем случае, только из вежливости, с оттенком презрения, "моральный". Этими двумя видами теоретической морали являются *традиционная мораль* и *идеальная мораль*. Традиционная мораль основана на давно установившихся обычаях сообщества и обладает стабильностью всех теоретических идей, основанных на прошлой социальной жизни и окружающих каждого человека, рожденного в сообществе, с самых ранних лет. Это становится голосом совести, который автоматически высказывается в пользу всех правил, которые таким образом твердо установлены, даже когда сам индивид больше не принимает их. Многие люди, например, которых с детства приучали к пуританскому соблюдению воскресенья, вспомнят, как спустя долгое время после того, как они перестали верить в "правильность" таких обрядов, они все же, нарушая их, слышали протест автоматически пробуждающегося голоса "совести", то есть выражения внутри индивида обычных правил, которые действительно теперь перестали быть его собственными, а стали правилами общества, в котором он вырос.

Идеальная мораль, с другой стороны, относится не к прошлому сообщества, а к его будущему. Она основана не на старых социальных действиях, которые становятся устаревшими и, возможно, даже антисоциальными по своей тенденции, а на новых социальных действиях, которые пока практикуются лишь небольшим, хотя и растущим меньшинством сообщества. Ницше в новое время был заметным поборником идеальной морали, героической морали первопроходца, индивидуума грядущего сообщества, выступающего против традиционной морали, или, как он ее называл, стадной морали, морали толпы. Эти две морали неизбежно противоположны друг другу, но мы должны помнить, что обе они одинаково здравы и одинаково необходимы не только для тех, кто их принимает, но и для сообщества, в поддержание

жизненно важного теоретического равновесия в котором они обе способствуют. Мы видели, например, как они оба применялись к вопросу проституции; традиционная мораль защищает проституцию не ради нее самой, а ради системы брака, которую она считает достаточно ценной, чтобы ею стоило жертвовать, в то время как идеальная мораль отказывается признавать необходимость проституции и ожидает прогрессивных изменений в системе брака, которые видоизменяют и уменьшают проституцию.

Но совершенно вне теоретической морали или вопроса о том, что люди "должны" делать, остается *практическая мораль* или вопрос о том, что, собственно говоря, люди на самом деле делают. Это действительно фундаментальная и существенная мораль. Латинский *mos* и греческий *ἦθος* оба относятся к *обычаю*, к тому, что есть, а не к тому, что "должно" быть, за исключением косвенного и вторичного смысла: что бы ни делали члены сообщества в массе своей на самом деле, это то, что они чувствуют, что должны делать. Однако, во-первых, моральный поступок совершался не потому, что считалось, что он должен быть совершен, а по причинам гораздо более глубокого и инстинктивного характера.^[258] Это было сделано не потому, что считалось, что так должно быть сделано, но считалось, что это "должно" быть сделано, потому что так действительно стало принято.

Действия сообщества определяются жизненно важными потребностями сообщества в особых условиях его культуры, времени и земли. Когда дети по обычаю убивают своих престарелых родителей, этот обычай всегда оказывается наилучшим не только для общества, но даже для самих стариков, которые желают этого; действие является как практически, так и теоретически нравственным.^[259] И когда, как у нас, пожилым людям оставляют жизнь, это действие также является как практически, так и теоретически моральным; оно никоим образом не зависит от какого-либо закона или правила, противодействующего отнятию жизни, ибо мы гордимся отнятием жизни под патриотическим названием "война" и довольно равнодушны к нему, когда оно связано с требованиями нашей промышленной системы; но убийство пожилых людей они больше не удовлетворяют никаким социальным потребностям, а их сохранение служит нашим цивилизованным эмоциональным потребностям. Убийство человека действительно общеизвестно как акт, который сильно различается по своей моральной ценности в разные периоды и в разных странах. Два столетия назад в Англии было вполне морально убивать человека за незначительные посягательства на собственность, поскольку такое наказание считалось желательным для общего сознания образованного сообщества. Сегодня это было бы расценено как в высшей степени аморальное. Мы даже еще только начинаем сомневаться в нравственности приговора к смерти и пожизненного заключения в тюрьму незамужней девушки, которая уничтожила своего младенца при рождении, руководствуясь исключительно, вопреки всем своим естественным побуждениям, примитивным инстинктом самозащиты. Нельзя сказать, что мы все еще начали сомневаться в нравственности убийства мужчин на войне, хотя мы больше не одобряем убийства женщин и детей или даже мирных жителей в целом. У каждой эпохи или страны есть своя мораль.

"Обычай в строгом смысле этого слова, - хорошо говорит Вестермарк, - включает в себя моральное правило. ... Общество - это школа, в которой люди учатся отличать добро от зла. Директор - это обычай".^[260] Обычай является основой не только морали, но и права. "Обычай - это закон".^[261] Область теоретической морали была признана настолько увлекательной игровой площадкой для умных философов, что иногда возникала опасность забыть, что, в конце концов, это не теоретическая мораль, а практическая мораль, вопрос о том, что на самом деле делают

люди в массе сообщества, что составляет реальную основу морали.^[262] Если мы более точно определим, что мы подразумеваем под моралью, с практической стороны, мы можем сказать, что она состоит из тех обычаев, которые подавляющее большинство членов сообщества считает способствующими благосостоянию сообщества в определенное время и в определенном месте. Именно по этой причине — *т.е.*, поскольку речь идет о том, что есть, а не просто о том, чем, по мнению некоторых, должно быть, — практическая мораль является надлежащим предметом науки. "Если слово "этика" должно использоваться в качестве названия науки, - говорит Вестермарк, - то целью этой науки может быть только изучение морального сознания как факта".^[263]

"История европейской морали" Лекки - это исследование скорее практической, чем теоретической морали. Великая работа доктора Вестермарка "*Происхождение и развитие моральных идей*" является более современным примером объективно научного обсуждения морали, хотя, возможно, это не совсем понятно из названия. По сути, это описание реальных исторических фактов того, что было, а не того, что "должно" быть. "*Мораль в эволюции*" мистера Л. Т. Хобхауза, опубликованная почти в то же время, также является работой, которая, хотя и открыто имеет дело с идеями, *т.е.* с правилами и предписаниями, и действительно отказывается от задачи быть "историей поведения", все же ограничивается теми правилами, которые "на самом деле являются нормальным поведением среднего человека" (т. i, стр. 26). Другими словами, это, по сути, история практической морали, а не теоретической. Один из самых тонких и наводящих на размышления мыслителей из ныне живущих, М. Жюль де Готье, в нескольких своих книгах, и особенно в "*Управление моралью и влияние людей*" (1907), проанализировал концепцию морали в несколько сходном смысле. "Явления, относящиеся к поведению", как он выражается (указ. соч., стр. 58), "даны в опыте подобно другим явлениям, так что мораль, или совокупность законов, которые в любой данный момент исторической эволюции применяются к человеческой практике, зависит от обычаев". Я могу также сослаться на мастерское изложение этого аспекта морали в книге Леви-Брюля "*Мораль и наука о людях*" (есть английский перевод).

Таким образом, практическая мораль - это твердый естественный факт, который формирует биологическую основу теоретической морали, будь то традиционной или идеальной. Столь распространенный среди нас чрезмерный страх нанести ущерб морали неуместен. Мы не можем причинить вред морали, хотя можем навредить себе. Мораль основана на природе и в лучшем случае может быть изменена. Как справедливо настаивает Кроули,^[264] даже категорические императивы наших моральных традиций, столь далекие от того, чтобы быть, как часто принято считать, попытками подавить Природу, возникают из желания помочь Природе; они просто попытка жесткой формулировки естественных импульсов. Зло от них заключается только в том факте, что, подобно всем вещам, которые становятся жесткими и мертвыми, они имеют тенденцию сохраняться после того периода, когда они были благотворной жизненной реакцией на окружающую среду. Таким образом, они порождают новые формы идеальной морали; а практическая мораль развивает новые структуры в соответствии с новыми жизненно важными отношениями, чтобы заменить старые и иссякшие традиции.

Очевидно, что существует тесная связь между теоретической моралью и практической моралью, или моралью как таковой. Ибо теоретическая мораль не только является результатом осознанных практик, воплощенных в общей жизни сообщества, но, став таким образом осознанной, она реагирует на эти практики и стремится поддерживать их или, благодаря своему

собственному спонтанному росту, изменять их. Это действие разнообразно, в зависимости от того, с каким из четко обозначенных разделений теоретической морали мы имеем дело: с традиционной и последующей моралью, тормозящей жизненный рост моральной практики, или с идеальной и предшествующей моралью, стимулирующей жизненный рост моральной практики. Можно сказать, что практическая мораль, или мораль как таковая, находится между этими двумя разделами теоретической морали. Практика постоянно следует за предшествующей теоретической моралью, в той мере, конечно, в какой идеальная мораль действительно предшествует, а не, как это часто бывает, заводит в тупик. Апостериорная или традиционная мораль всегда следует за практикой. В результате получается, что, хотя фактическая мораль на практике в любое время и в любом месте всегда тесно связана с теоретической моралью, она никогда не может в точности соответствовать ни одной из ее форм. Ей всегда не удастся догнать идеальную мораль; она всегда перерастает традиционную мораль.

Здесь было необходимо определенно сформулировать три основные формы, в которых употребляется слово "моральный", хотя в той или иной форме они не могут не быть знакомы читателю. При обсуждении проституции действительно было легко следовать обычаю, согласно которому особый смысл, в котором использовалось это слово, определялся контекстом. Но теперь, когда мы на данный момент непосредственно занимаемся конкретным вопросом эволюции сексуальной морали, необходимо более точно сформулировать термины, которые мы используем. В этой главе, если не указано иное, нас интересует в первую очередь собственно мораль, фактическое поведение, складывающееся среди масс сообщества, и лишь во вторую очередь предшествующая мораль или мораль после нее.

Сексуальная мораль, как и все другие виды морали, обязательно состоит из унаследованных традиций, модифицированных новыми приспособлениями к меняющейся социальной среде. Если влияние традиции становится чрезмерно выраженным, нравственная жизнь имеет тенденцию к упадку и утрачивает свою жизненно важную приспособляемость. Если способность к адаптации становится слишком легкой, моральная жизнь имеет тенденцию становиться нестабильной и терять авторитет. Только разумный синтез структуры и функции — того, что называется традиционным, с тем, что называется идеальным, — позволяет моральной жизни сохранить свой авторитет, не теряя при этом своей реальности. Многим, даже из тех, кто называет себя моралистами, было трудно это понять. В тщетном стремлении к невозможной логичности они чрезмерно подчеркивали либо идеальное влияние на практическую мораль, либо, что еще чаще, традиционное влияние, которое привлекало их из-за впечатляющего авторитета, который, по-видимому, придают их *изречения*. Результаты в сфере, которую мы здесь рассматриваем, часто были плачевными, поскольку ни один социальный импульс не является таким непокорным пришедшим в упадок традициям, таким вулканически извергающимся, как секс.

Мы привыкли абстрактно отождествлять нашу нынешнюю систему брака с "моралью", и многим людям, возможно, большинству, трудно осознать, что медленное и незаметное движение, которое всегда влияет на социальную жизнь в настоящее время, как и в любое другое время, глубоко влияет на нашу сексуальную мораль. Постоянно происходит перенос ценностей; то, что когда-то было самым стандартом морали, становится аморальным, то, что когда-то, несомненно, было аморальным, становится новым стандартом. Такой процесс почти так же сбивает с толку, как для европейского мира две тысячи лет назад великая борьба между римским городом и христианской церковью, когда стало необходимо осознать, что то, что Марк

Аврелий, великий образец морали, стремился сокрушить как, без сомнения, аморальное,^[265] стало рассматриваться как высший стандарт морали. Классический мир считал любовь, жалость и самопожертвование немногим лучше слабости, а иногда и хуже; христианский мир не только рассматривал их как нормы морали, но и воплощал их в божестве. Наша сексуальная мораль также игнорирует естественные человеческие эмоции и неспособна понять тех, кто заявляет, что сохранение чрезмерно традиционных законов, противоречащих жизненно важным потребностям человеческого общества, является не моралью, а безнравственностью.

Причина, по которой постепенная эволюция моральных идеалов, которая происходит всегда, имеет тенденцию в сексуальной сфере, во всяком случае, между нами, достигать стадии, на которой, по-видимому, существует противоположность между различными стандартами, заключается в том факте, что пока у нас вообще нет особой сексуальной морали.^[266] Поначалу это может показаться удивительным тому, кто размышляет об огромном весе, который обычно придается "сексуальной морали". И, несомненно, верно, что у нас есть мораль, которую мы применяем к сфере секса. Но эта мораль относится в основном к сфере собственности и была в значительной степени развита на основе собственности. Все историки морали вообще и брака в частности констатировали этот факт и проиллюстрировали его богатым историческим материалом. У нас пока нет общепризнанной сексуальной морали, которая была бы основана на конкретных сексуальных фактах жизни. Это сразу становится ясно, когда мы осознаем главный факт, что сексуальные отношения основаны на любви, по крайней мере, на сексуальном желании, и что эта основа настолько глубока, что даже физиологична, поскольку при отсутствии такого сексуального желания мужчина физиологически не может совершить половой акт с женщиной. Любая конкретная сексуальная мораль должна основываться на этом факте. Но наша так называемая "сексуальная мораль", пока что далекая от того, чтобы основываться на этом факте, пытается его вообще игнорировать. Он заключает контракты, заранее договаривается о сексуальных отношениях, предлагает гарантировать постоянство сексуальных наклонностей. Иными словами, он вводит соображения такого рода, которые совершенно обоснованны в экономической сфере, к которой такие соображения по праву принадлежат, но смехотворно неуместны в сфере секса, к которой они были торжественно применены. Экономические отношения в жизни в широком смысле, как мы увидим, чрезвычайно важны в эволюции любой здоровой сексуальной морали, но они относятся к условиям ее развития и не составляют ее основы.^[267]

Тот факт, что с юридической точки зрения брак - это прежде всего соглашение для обеспечения прав собственности и наследования, хорошо иллюстрируется современным английским законом о разводе. Согласно этому закону, если женщина имеет половую связь с любым мужчиной, кроме своего мужа, он имеет право развестись с ней; если, однако, муж имеет половую связь с другой женщиной, кроме своей жены, она не имеет права на развод; это допускается только в том случае, если, вдобавок, он также был жесток с ней или бросил ее, и с любой точки зрения идеальной морали такой закон явно несправедлив, и в настоящее время он отменен почти во всех цивилизованных странах, кроме Англии.

Но с точки зрения собственности и наследования это вполне понятно, и на этом основании его до сих пор поддерживает большинство англичан. Если жена вступает в половую связь с другими

мужчинами, существует риск того, что имущество мужа унаследует чужой ребенок. Но за половыми сношениями мужа с другими женщинами такого риска не следует. Неверность жены является серьезным преступлением против собственности; неверность мужа не является преступлением против собственности и, следовательно, не может рассматриваться как основание для развода с нашей юридической точки зрения. Тот факт, что его супружеская измена, осложненная жестокостью, является таким основанием, является просто уступкой современным чувствам. Тем не менее, как справедливо отмечает Хелена Штекер ("Высшая точка зрения на любовь людей", *Журнал о сексуальной жизни*, декабрь 1908 г.), женатый мужчина, у которого есть непризнанный ребенок от женщины вне брака, совершил поступок столь же серьезный антиобщественный, как и замужняя женщина, у которой есть ребенок, не признающий, что отец не является ее мужем. В первом случае муж, а во втором - жена возложили чрезмерную ответственность на другого человека. (То же самое выдвигает автор книги *"Вопрос об английском разводе"*, стр. 56.)

Я настаиваю здесь на экономическом элементе нашей сексуальной морали, потому что это тот элемент, который придал ей своего рода стабильность и закрепил в законе. Но если мы посмотрим на нашу сексуальную мораль шире, мы не можем игнорировать древний элемент аскетизма, который придал религиозной страсти и санкционировал ее. Таким образом, наша сексуальная мораль на самом деле является уклонением, рожденным от союза морали собственности с примитивной аскетической моралью, не имеющей ни малейшего отношения к жизненно важным фактам сексуальной жизни. Действительно, элемент собственности, с некоторыми несоответствиями, стал, наконец, главной заботой нашего законодательства, но аскетический элемент (с в прошлом неустойчивым отношением к закону) сыграл важную роль в формировании народных настроений и в формировании осуждающего отношения к половому акту как *таковому*, хотя такой акт рассматривается как неотъемлемая часть основанного на собственности и освященного религией института законного брака.

Прославление девственности незаметно привело к формулировке "блуда" как смертного греха и, наконец, как настоящего светского "преступления". Иногда утверждается, что только на Тридентском соборе Церковь официально предала анафеме тех, кто считал, что состояние брака выше, чем состояние девственности, но этого мнения более или менее формально придерживались почти с самых ранних эпох христианства, и оно ясно выражено в посланиях Павла. Все теологи сходятся во мнении, что блуд - это смертный грех. Карамуэль, действительно, выдающийся испанский богослов, который пошел на необычные уступки требованиям разума и природы, считал, что блуд является злом только потому, что он запрещен, но Иннокентий XI официально осудил это утверждение. Блуд как смертный грех постепенно превратился в секуляризацию в блуд как преступление. Блуд был преступлением во Франции еще в восемнадцатом веке, как выяснил Тард в своих исторических исследованиях уголовного процесса в Перигоре; прелюбодеяние также было преступлением и сурово наказывалось совершенно независимо от какой-либо жалобы любой из сторон (Тард, "Криминологическая археология в Перигоре", *Архив криминологической антропологии*, 15 ноября 1898 г.).

Пуритане времен Содружества в Англии (как и пуритане Женевы) последовали примеру католиков и включили церковные преступления против целомудрия в светский закон. Согласно Закону, принятому в 1653 году, блуд стал наказываться тюремным заключением сроком на три месяца для обеих сторон. Тем же Актом прелюбодеяние жены (о муже ничего не говорится) было

признано уголовным преступлением как для нее, так и для ее партнера по вине и, следовательно, каралось смертной казнью (Скобелл, *Акты и постановления*, стр. 121).

Действие псевдо-морали, такой, какой была наша сексуальная мораль, обоюдоостро. С одной стороны, это порождает тайную и постыдную распущенность, с другой - поддерживает жесткий и не вдохновляющий теоретический кодекс, которому так мало кто может последовательно следовать, что теоретическая мораль, таким образом, деградирует до более или менее пустой формы. "Человечество многое бы выиграло, - сказал мудрый Сенанкур, - если бы добродетель была менее трудоемкой. Заслуга была бы не столь велика, но какая польза от возвышения, которое редко удастся сохранить?"^[268] В настоящее время, как выразилась более современная моралистка Эллен Ки, у нас есть только аморальность, которая поощряет порок и делает добродетель нереализуемой, и, как она восклицает с простительной экстравагантностью, проповедовать молодежи более здравую мораль, не осуждая в то же время общество, которое поощряет преобладающую аморальность, "хуже, чем безумие, это преступление".

Именно по тем направлениям, по которым Сенанкур столетие назад и Эллен Ки сегодня являются великими первопроходцами, сейчас продвигаются новые формы предшествующей или идеальной теоретической морали в соответствии с общей тенденцией в морали, традиционной морали и даже практики.

Существует одно великое современное движение определенного рода, которое покажет, насколько явно сексуальная мораль сегодня движется к новой точке зрения. Это меняющееся отношение основной части общества как к государственному, так и к религиозному браку, а также растущая тенденция запрещать вмешательство государства в сексуальные отношения, за исключением рождения детей.

Несомненно, среди широких масс населения Европы всегда существовала тенденция обходиться без официального разрешения сексуальных отношений до тех пор, пока такие отношения не были прочно установлены и надежда на потомство не стала оправданной. Эта тенденция выкристаллизовалась в признанные обычаи среди бесчисленных сельских общин, мало затронутых ни тревожащими влияниями внешнего мира, ни контролирующими влияниями теологических христианских концепций. Но в наши дни эта тенденция не ограничивается более примитивными и изолированными сообществами Европы, среди которых, напротив, она имеет тенденцию к вымиранию. По словам профессора Бруно Мейера, неоспоримым фактом является то, что в настоящее время гораздо больше половины половых сношений происходит вне законного брака.^[269] Это движение особенно заметно среди интеллигентных классов, а также в процветающих и прогрессивных сообществах. Мы видим, как во всем мире практический здравый смысл людей формируется в направлении, которое было начато идеальными моралистами, которые неизменно предшествуют новому росту практической морали.

Сегодняшние добровольные бездетные браки показали возможность таких союзов вне законного брака, и такие свободные союзы становятся, как говорит миссис Парсонс указывает на "прогрессивную замену брака".^[270] Постепенное, но неуклонное повышение возраста вступления в законный брак также указывает в том же направлении, хотя это указывает не просто на увеличение числа свободных союзов, но и на увеличение всех форм нормальной и ненормальной сексуальности вне брака. Так, в Англии и Уэльсе в 1906 году только 43 на 1000 мужей и 146 на 1000 жен были несовершеннолетними, в то время как средний возраст мужей составлял 28,6 года, а жен - 26,4 года. За последние сорок лет у мужчин этот возраст увеличился

примерно на восемь месяцев, у женщин - больше. В крупных городах, таких как Лондон, где больше возможностей для внебрачных отношений, возраст для законного вступления в брак выше, чем в сельской местности.

Если мы хотим рассматривать возраст вступления в законный брак как возраст, в котором население в целом вступает в сексуальные союзы, то, несомненно, уже слишком поздно. Бейер, ведущий немецкий невролог, считает, что как в раннем, так и в позднем браке есть свои пороки, и приходит к выводу, что в зонах умеренного климата лучший возраст для вступления в брак для женщин - двадцать первый год, а для мужчин - двадцать пятый.

Тем не менее, в плохих экономических условиях и при жестком законе о браке ранние браки во всех отношениях губительны. Среди бедных они являются признаком нищеты. Самые бедные вступают в брак первыми, и они делают это из чувства, что их положение не может быть хуже. (Доктор Майкл Райан собрал много интересных свидетельств, касающихся причин ранних браков в Ирландии, в своей книге *"Философия брака"*, 1837, стр. 58-72). Таким образом, для бедных ранний брак всегда является несчастьем. "Многие добрые люди, - говорит мистер Томас Холмс, секретарь Ассоциации Говардов и миссионер при полицейских судах (в интервью, *Daily Chronicle*, 8 сентября 1906 г.), - советуют мальчикам и девочкам вступать в брак, чтобы предотвратить то, что они называют "позором". Я считаю это абсолютно безнравственным, и оно ведет к гораздо большему злу, чем может быть предотвращено".

Ранние браки являются одной из самых распространенных причин как проституции, так и разводов. В бесчисленных случаях они приводят к проституции, даже когда внешнего разделения не происходит. О том, что они приводят к разводу, свидетельствует то важное обстоятельство, что в Англии, хотя только 146 из 1000 женщин моложе двадцати одного года на момент вступления в брак, среди жен, затронутых в делах о разводе, 280 из 1000 были моложе двадцати одного года на момент вступления в брак, и это расхождение даже больше, чем кажется, поскольку в состоятельном классе, который один может позволить себе роскошь развода, нормальный возраст вступления в брак намного выше, чем для населения в целом. Неопытность, как давным-давно указал Милтон (который усвоил этот урок ценой своих усилий), приводит к кораблекрушению в браке. "Те, кто жил наиболее вольготно, - писал он, - оказываются наиболее успешными в своих браках, потому что их необузданные привязанности, выбивающие из колеи по желанию, привели к стольким разводам, которые научили их опыту".

Мисс Клаппертон, имея в виду образованные классы, выступает за очень ранние браки, даже во время студенчества, которые затем могли бы в какой-то степени продолжаться бок о бок (*Научный мелиоризм*, гл. XVII). Эллен Ки также выступает за ранние браки. Но она мудро добавляет, что это предполагает необходимость легкого развода. Это, действительно, единственное условие, которое может сделать ранний брак в целом желательным. Молодые люди — если только они не обладают очень простой и инертной натурой — не могут ни предсказать ход своего собственного развития и свои самые сильные потребности, ни точно оценить природу и качества другой личности. Брак, заключенный в раннем возрасте, очень быстро перестает быть браком каким бы то ни было, кроме номинального. Иногда молодая девушка подает заявление о разводе со своим мужем даже на следующий же день после свадьбы.

Более или менее постоянные свободные союзы, заключаемые у нас в Европе, обычно следует рассматривать просто как пробные браки. Иными словами, это мера предосторожности,

которая становится желательной как из-за неопределенности относительно гармонии или плодотворности союза до тех пор, пока не будет проведен реальный эксперимент, так и из-за практической невозможности иным образом исправить какую-либо ошибку из-за устаревшей жесткости большинства европейских законов о разводе. Следовательно, такие пробные браки требуют благоразумия и осторожности, и поскольку предусмотрительность возрастает с развитием цивилизации и постоянно растет среди нас, мы можем ожидать, что будет наблюдаться параллельное увеличение частоты пробных браков и общественного отношения к таким союзам. Единственной альтернативы — радикальной реформы европейских законов о браке, которая должна сделать расторжение законного брака таким же экономичным и удобным, как расторжение свободного брака, — пока ожидать нельзя, поскольку закон всегда отстает от общественного мнения и общественной практики.

Если, однако, мы посмотрим на историю шире, то обнаружим, что имеем дело с явлением, которое, хотя и поддерживается современными условиями, является очень древним и широко распространенным, начиная, насколько это касается Европы, с того времени, когда Церковь впервые попыталась навязать церковный брак, так что это практически продолжение древнего европейского обычая частного брака.

Пробные браки незаметно переходят в группу обычаев ухаживания, которые, хотя и позволяют молодой паре провести ночь вместе в более или менее интимной обстановке, исключают, как правило, фактический половой акт. Ночные ухаживания процветают в стабильных и сплоченных европейских сообществах, не подверженных дезорганизации из-за контакта с незнакомцами. Кажется, это особенно распространено в тевтонских и кельтских землях и известно под разными названиями, такими как *Пробенахте*, *фенстерлн*, *Килтганг*, *ручное голодание*, *укутывание*, *сидение*, *ухаживание на кровати и т.д.* Он хорошо известен в Уэльсе; он встречается в различных английских графствах, например, в Чешире; он существовал в Ирландии восемнадцатого века (согласно *Путешествиям* Ричарда Твисса); в Новой Англии он был известен как *задерживание*; в Голландии он называется *квестинг*. В Норвегии, где это называется *ночным бегством*, из-за большого расстояния между домами, как мне сказали, это обычно практикуется, хотя духовенство проповедует против этого; молодая девушка надевает несколько дополнительных юбок и ложится спать, а молодой человек входит через дверь или окно и ложится с ней в постель; они разговаривают всю ночь и не обязаны вступать в брак, если только не случится так, что девушка забеременеет.

У Риса и Бринмор-Джонс (*Валлийцы*, стр. 582-4) есть интересный отрывок об этом ночном ухаживании с многочисленными ссылками. As regards Germany see, e.g., Rudeck, *Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit*, pp. 146–154. Что касается пробного брака, то, как правило, М. А. Поттер приводит много фактов и ссылок (*Сохраб и Рустем*, стр. 129-137).

Обычай свободных брачных союзов, обычно признаваемых законными до или после рождения детей, по-видимому, довольно распространен во многих, а возможно, и во всех сельских районах Англии. Союз считается законным, если он признан удовлетворительным, даже если нет перспективы завести детей. Говорят, что в некоторых графствах почти повсеместной практикой для женщин является вступление в сексуальные отношения до законного брака; иногда она выходит замуж за первого мужчину, которого пробует; иногда она пробует несколько, прежде чем находит мужчину, который ей подходит. Такие браки неизбежно, в целом, оказываются лучше, чем браки, в которых женщина, ничего не зная о том, что ее

ожидает, и не имея другого опыта для сравнения, склонна разочаровываться или чувствовать, что она "могла бы поступить лучше". Даже если юридического признания добиваются только после рождения детей, из этого ни в коем случае не следует, что речь идет о каком-либо моральном разложении. Так, в некоторых частях Стаффордшира, где у женщин принято заводить ребенка до брака, нам говорят, что, несмотря на это "развращение" (Бертон, *Город святых*, Приложение IV), женщины являются "очень хорошими соседями, превосходными, трудолюбивыми и любящими женами и матерями".

"Низшие социальные классы, особенно крестьяне, - замечает доктор Эрхард ("Auch Ein Wort zur Ehereform", *Geschlecht und Gesellschaft*, Jahrgang I, Глава 10), - лучше нас знают, что брачное ложе является основой брака. По этой причине они сохранили примитивный обычай пробного брака, который в средние века все еще практиковался даже в лучших кругах. Дополнительное преимущество заключается в том, что брак не заключается до тех пор, пока он не покажет себя плодотворным. Пробный брак предполагает, конечно, что девственность не ценится выше ее истинной ценности." В связи с этим можно упомянуть, что во многих частях мира женщина более высоко ценится, если у нее был половой акт до брака (см., например, Поттер, указ. соч., стр. 163 и далее.). Хотя девственность - это одно из сексуальных влечений, которым может обладать женщина, влечение, основанное на естественном инстинкте (см. "Эволюция скромности", в т. I из этих исследований), однако чрезмерное внимание к девственности можно рассматривать только как сексуальное извращение, связанное с пайдофилией, сексуальным влечением к детям.

В очень маленьких скоординированных сообществах примитивный обычай пробного брака имеет тенденцию приходить в упадок, когда происходит массовое нашествие чужаков, которые не были воспитаны в соответствии с этим обычаем (который кажется им неотличимым от лицензии на проституцию) и которые не в состоянии взять на себя обязательства, связанные с пробным браком. Именно это произошло в случае с так называемым "островным обычаем" Портленда, который просуществовал до девятнадцатого века; согласно этому обычаю, женщина до замужества жила со своим возлюбленным до беременности, а затем выходила за него замуж; она всегда была строго верна ему, пока жила с ним, но если беременность не наступала, пара могла решить, что они не созданы друг для друга, и разорвать отношения. В результате в течение длительного периода лет не рождалось ни одного внебрачного ребенка, и лишь немногие браки были бездетными. Но когда была развита торговля портлендским камнем, рабочие, привезенные из Лондона, воспользовались "островным обычаем", но отказались выполнять брачные обязательства при наступлении беременности. Впоследствии этот обычай вышел из употребления (см., например, Примечание переводчика к книге Блоха "Сексуальная жизнь нашего времени", стр. 237, и цитату, приведенную там из Hutchins, "История и древности Дорсета", vol. ii, стр. 820).

Однако браки с самого начала являются свободными союзами не только в сельских округах, но и в крупных городах. Так, в Париже Дебре заявил более тридцати лет назад ("*Проституция в Париже*", стр. 137), что в среднем по округу девять из десяти законных браков являются консолидацией свободного союза; хотя, хотя это и было средним показателем, в нескольких округах это было только в трех из десяти. Почти такие же условия преобладают в Париже и сегодня; утверждается, что по меньшей мере половина браков заключена именно в этом роде.

В тевтонских землях обычай свободных союзов очень древний и устоявшийся. Таким образом, в Швеции, утверждает Эллен Ки (*Любовь и Ehe*, стр. 123), большинство населения начинает супружескую жизнь таким образом. Соглашение признано выгодным, и "супружеская верность столь же велика, сколь безгранична добрачная свобода". В Дании также большое количество детей зачинается до того, как союзы родителей легализуются (Рубин и Вестергаард, цитируется Gaedeken, *Archives d'Anthropologie Criminelle*, 15 февраля 1909 г.).

В Германии не только очень высока доля внебрачных детей, поскольку в Берлине она составляет 17%, а в некоторых городах намного выше, но и добрачные зачатия происходят почти в половине браков, а иногда и в большинстве. Так, в Берлине более 40% всех законных первенцев зачаты до брака, в то время как в некоторых сельских провинциях (где доля внебрачных детей ниже) процент браков после добрачных зачатий намного выше, чем в Берлине. Условия в сельской местности Германии были специально исследованы комитетом лютеранских пасторов и были изложены несколько лет назад в двух томах "*Die Geschlecht-sittlich Verhältnisse im Deutschen Reiche*", которые полны наставлений относительно сексуальной морали немцев. В Ганновере, как говорится в этой работе, большинство авторитетных источников утверждают, что половое сношение до брака является правилом. По крайней мере, *зондаж*, или судебное разбирательство, рассматривается как нечто само собой разумеющееся перед вступлением в брак, поскольку никто не желает "покупать кота в мешке". В Саксонии, как нам говорят, точно так же редко случается, чтобы девушка не вступила в половую связь до брака или чтобы ее первый ребенок не родился или, по крайней мере, не был зачат вне брака. Это оправдано как надлежащее испытание невесты перед тем, как забрать ее навсегда. "Нельзя купить даже дешевую трубку, не попробовав ее", - сообщили немецкому пастору. Вокруг Штеттина, в двенадцати округах (почти половине всего), половое сношение до брака является признанным обычаем, а в остальных, если это и не совсем обычай, то очень распространенный, и общественное мнение его сурово или вообще не осуждает. В некоторых районах вступление в брак следует сразу за беременностью. В окрестностях Данцига, опять же, по данным лютеранского комитета, половое сношение до брака происходит более чем в половине случаев, но брак далеко не всегда следует за беременностью. Почти у всех девушек, поступающих в прислуги, есть любовники, и деревенские жители, нанимая прислугу, иногда говорят им, что вечером и ночью они могут делать все, что им заблагорассудится. Считается, что такое положение вещей благоприятствует супружеской верности. У немецкой крестьянки, как замечает другой авторитетный источник (Э. Х. Мейер, *Немецкое народное общество*, 1898, стр. 154, 164), есть своя комната; она может принимать своего возлюбленного; нет большогостыда, если она отдастся ему. Число женщин, вступающих в законный брак девственницами, невелико (особенно это относится к Бадену), но общественное мнение защищает их, и такое мнение неблагоприятно по отношению к пренебрежению обязанностями, связанными с сексуальными отношениями. Немка менее целомудренна до брака, чем ее сестра-француженка или итальянка. Но, добавляет Мейер, она, вероятно, более верна после брака, чем они.

Многие полагают, что такое состояние немецкой морали в том виде, в каком оно существует сегодня, является новым явлением и признаком быстрого национального вырождения. Это ни в коем случае не так. В этой связи мы можем принять свидетельство католических священников, которые благодаря опыту исповеди могут говорить авторитетно. Старый баварский священник так пишет (*Geschlecht und Gesellschaft*, 1907, Bd. ii, Часть I): "На конгрессах нравственности мы слышим восхваления "добрых старых времен", когда среди людей преобладали вера и

нравственность. Правильно ли это - другой вопрос. Будучи молодым священником, я слышал о стольких же серьезных грехах, о каких сейчас слышу, будучи стариком. Нравственность людей не стала ни больше, ни меньше. Ошибкой является вера в то, что безнравственность выходит за пределы городов и отравляет страну. Люди говорят так, как будто страна - это чистый Рай невинности. Я ни в коем случае не назову наших деревенских жителей аморальными, но по многолетнему опыту могу сказать, что в сексуальном отношении нет разницы между городом и деревней. Я познакомился с более чем сотней различных приходов и в самых разных местностях, в горах и на равнине, на бедной земле и на богатой земле. Но везде я нахожу одну и ту же мораль и отсутствие морали. Везде одни и те же люди, хотя в деревне часто бывают лучшие христиане, чем в городах".

Если, однако, мы углубимся гораздо дальше в прошлое, чем воспоминания живущего человека, то представляется весьма вероятным, что сексуальные обычаи современного немецкого народа существенно не отличаются — хотя вполне возможно, что в разные периоды их усиливали разные обстоятельства — от того, какими они были на заре истории Тевтона. Таково мнение одного из самых глубоких исследователей индогерманского происхождения. В своем *Реальном словаре* (статья "Keuschheit") О. Шрейдер указывает, что часто цитируемый Тацит, при строгом рассмотрении, может быть использован только для доказательства того, что женщины были целомудренны после замужества и что проституции не существовало. Не может быть никаких сомнений, добавляет он, и самые ранние исторические свидетельства показывают, что женщины в древней Германии не были целомудренны до брака. Этот факт был замаскирован тенденцией старых классических авторов идеализировать северные народы.

Таким образом, мы должны осознать, что концепция "немецкой добродетели", которая стала столь привычной миру благодаря долгой череде немецких авторов, ни в коем случае не предполагает какой-либо особой приверженности добродетели целомудрия. Действительно, Тацит в отрывке, который в Германии цитируется чаще, чем любой другой отрывок в классической литературе, хотя и правильно подчеркивает позднее половое созревание немцев и их жестокое наказание за супружескую неверность со стороны жены, по-видимому, подразумевает, что они также были целомудренны. Но мы всегда должны отмечать, что Тацит писал как сатирический моралист, так и историк, и что, рассуждая о добродетелях германских варваров, он одним глазом поглядывал на римскую галерею, пороки которой ему хотелось высмеять. Почти такая же вызывающая путаница была создана Гильдасом, который, описывая результаты саксонского завоевания Британии, писал как проповедник, так и историк, и та же моральная цель (как указал Дилл) искажает картину Сальвиана о пороках Галлии пятого века. (Я могу добавить, что некоторые свидетельства в пользу сексуальной свободы, обеспечиваемой ранними тевтонскими верованиями и обычаями, собраны воедино в исследовании "Сексуальной периодичности" в первом томе этих *исследований*; ср. также, Rudeck, *Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Germanien*, 1897, стр. 146 и далее.).

Свобода и терпимость российских сексуальных обычаев довольно хорошо известны. Как пишет мне российский корреспондент, "либерализм русских нравов позволяет юношам и девушкам наслаждаться полной независимостью. Они навещают друг друга поодиночке, гуляют поодиночке и возвращаются домой в любое удобное для них время. У них такая же полная свобода передвижения, как и у взрослых; одни пользуются ею, чтобы обсуждать политику, а другие - чтобы заниматься любовью. Они также могут достать любые книги, какие им заблагорассудится; так, на столе знакомой студентки колледжа я увидел *Элементы*

общественных наук, запрещенные тогда в России; эта девушка жила со своей тетей, но у нее была отдельная комната, в которую разрешалось входить только ее друзьям: ее тетя или другие родственники никогда туда не входили. Естественно, она уходила и возвращалась в любое удобное для нее время. Многие другие студентки колледжа пользуются такой же свободой в своих семьях. Совсем по-другому обстоит дело в Италии, где девушки не имеют свободы передвижения и не могут ни выходить на улицу в одиночку, ни принимать кавалеров в одиночку, и где, в отличие от России, девушка, вступившая в половую связь вне брака, действительно "потеряна" и "обесчещена" (ср. *Сексуальная проблема*, август 1908 г., стр. 506).

Похоже, что свобода сексуальных отношений в России — помимо влияния древних обычаев - в значительной степени стала необходимой из-за сложности развода. Супружеские пары, которые не смогли добиться развода, расстались и нашли новых партнеров без законного брака. Однако в 1907 году была предпринята попытка исправить этот недостаток закона; был введен либеральный закон о разводе, при котором взаимное согласие с раздельным проживанием на срок более года признается достаточным основанием для развода (*Beiblatt to Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. ii, Глава 5, стр. 145).

В последние годы в России среди образованных молодых мужчин и женщин возникло движение за сексуальную распущенность, которое, хотя оно, несомненно, поддерживается старыми традициями сексуальной свободы, ни в коем случае не следует путать с этой свободой, поскольку оно напрямую обусловлено причинами совершенно иного порядка. Напряженные революционные усилия, предпринятые в последние годы прошлого столетия для достижения политической свободы, поглотили более молодую и энергичную часть образованных классов, потребовали высокой степени умственного напряжения и сопровождались склонностью к аскетизму. Перспектива смерти постоянно стояла у них перед глазами, и любое увлечение сексуальными вопросами воспринималось бы как противоречащее духу революции. Но в нынешнем столетии революционная активность в значительной степени прекратилась. Оно было в значительной степени заменено движением интереса к сексуальным проблемам и потворства сексуальной необузданности, часто принимающим несколько распущенный и чувственный характер. Союзы "Свободной любви" были созданы студентами обоих полов для культивирования этих тенденций. Большое влияние на продвижение этих тенденций оказал роман Арцибашева "Ссанин". Маловероятно, что это движение в его более экстравагантных формах продлится долго. (Чтобы получить некоторый отчет об этом движении, см., например,, Вернер Дайя, "Сексуальная жизнь в России", *Журнал для сексуальной жизни*, август 1908 г.; также, "Эротические ассоциации в России", *Журнал международного права, посвященный частной жизни*, январь 1909 г., полностью обобщенный в *Revue des Idées*, февраль 1909 г.)

Однако движение за сексуальную свободу в России лежит гораздо глубже, чем эта мода на чувственную распущенность; оно встречается в отдаленных и незагрязненных частях страны и связано с очень древними обычаями.

Существует значительный интерес к осознанию существования продолжительной сексуальной свободы - которую некоторые ошибочно называют "безнравственностью", поскольку то, что соответствует обычаям или *нравам* народа, не может быть безнравственным — среди таких мужественных и крепких народов, столь в высшей степени способных к блестящим достижениям, как немцы и русские. Однако, возможно, еще больший интерес представляет отслеживание развития той же тенденции среди новых процветающих и высокопрогрессивных

сообществ, которые либо не унаследовали обычай сексуальной свободы, либо сейчас только возрождают его. Мы можем, например, взять случай Австралии и Новой Зеландии. На самом деле, это событие может быть не совсем недавним. Откровенность сексуальной свободы в Австралии и терпимость по отношению к ней были заметны тридцать лет назад тем, кто приехал из Англии жить на Южный континент, и, несомненно, были столь же заметны и раньше. Однако, по-видимому, это развилось с ростом самосознательной цивилизации. "После тщательного расследования, - говорит преподобный Х. Норткот, много лет проживший в Южном полушарии (*Христианство и проблемы секса*, гл. VIII), - автор находит достаточные доказательства того, что в последние годы внебрачные половые связи имеют тенденцию к фактическому увеличению в некоторых частях Австралии". Коглен, главный специалист по австралийской статистике, более точно заявляет в своей работе *"Роды в Новом Южном Уэльсе"*, опубликованной несколько лет назад: "Распространенность случаев добрачного зачатия — вопрос, до сих пор мало изученный, — теперь полностью исследована. В Новом Южном Уэльсе за шесть лет было заключено 13 366 браков, в отношении которых имело место добрачное зачатие, и, поскольку общее число браков составило 49 641, по меньшей мере двадцать семь браков из ста последовали за зачатием. За тот же период число внебрачных рождений составило 14 779; таким образом, было зарегистрировано 28 145 случаев зачатия среди незамужних женщин; в 13 366 случаях рождению ребенка предшествовал брак, так что дети были узаконены более чем в сорока семи случаях из ста. Изучение числа рождений до брачного зачатия делает очевидным, что в очень большом количестве случаев добрачный половой акт не является предвосхищением уже заключенного брака, но что браки являются принудительными для сторон и не были бы заключены, если бы не состояние женщины" (ср. Powys, *Biometrika*, том i, 1901-2, стр. 30). То, что брак должен быть, как выразился Коглен, "навязан сторонам", конечно, нежелательно с точки зрения общих моральных интересов, и это также признак несовершенной моральной ответственности самих сторон.

Существование такого положения вещей в молодой стране, принадлежащей к той части мира, где общий уровень процветания, интеллекта, морали и социальной ответственности, возможно, можно назвать более высоким, чем в любом другом регионе, населенном людьми белой расы, является фактом самого первого значения, когда мы пытаемся спрогнозировать направление, в котором движется цивилизованная мораль.

Иногда говорят или, по крайней мере, подразумевают, что в этом движении женщины принимают лишь пассивное участие и что инициатива принадлежит мужчинам, которые, вероятно, движимы желанием избежать супружеских обязанностей. Это очень далеко от истины.

Лютеранские пасторы снова и снова упоминают активное участие немецких девушек в сексуальных вопросах в своем подробном отчете. О Данцигском округе говорят, что "молодые девушки отдаются юношам или даже соблазняют их". Военные маневры часто являются источником распутства в сельских районах. "Вина лежит не только на солдатах, но главным образом на девушках, которые становятся наполовину сумасшедшими, как только видят солдата", - сообщают из дрезденского района. И в отчете, обобщающем условия в Восточной Германии, говорится: "В сексуальном распутстве девушки не отстают от молодых людей; они слишком охотно позволяют себя соблазнять; даже взрослые девушки часто встречаются с юношами-подростками, а девушки часто отдаются нескольким мужчинам, одному за другим. Далеко не всегда юноша совершает обольщение, очень часто девушки склоняют юношу к

половому акту; они не всегда ждут, пока мужчины придут в их комнаты, а идут в мужские туалеты и ждут их в их постелях. При такой склонности к половым сношениям неудивительно, что многие считают, что после шестнадцати ни одна девушка не является девственницей. Нецеломудрие среди сельских рабочих классов является всеобщим и одинаково выражено у обоих полов" (указ. соч., т. I, 218).

Среди женщин образованных слоев населения условия несколько иные. Ограничений, как внутренних, так и внешних, гораздо больше. Девственность, во всяком случае, в ее физическом проявлении, сохраняется, по большей части, до давно прошедшего девичества, а когда она утрачивается, эту потерю скрывают со скрупулезной заботой и благоразумием, неизвестными рабочему классу. Тем не менее, фундаментальные тенденции остаются теми же. Что касается Англии, Джеффри Мортимер совершенно справедливо пишет (*Главы о человеческой любви*, 1898, стр. 117), что две группы (1) женщин, которые живут в постоянной тайной связи с единственным любовником, и (2) женщин, которые без страха отдаются мужчинам, подчиняясь силе своих страстей, "гораздо больше, чем обычно предполагается. Во всех классах общества есть женщины, которые являются девственницами только по слухам. Многие рожали детей, даже не подозреваясь в сожительстве; но большинство применяет методы предотвращения зачатия. Врач из маленького провинциального городка заявил мне, что такие нерегулярные интимные отношения были правилом, а ни в коем случае не исключением в его округе". Что касается Германии, женщина-врач фрау Адамс-Леманн заявляет в сборнике Трудов Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями (*Sexualpädagogik*, стр. 271): "Я могу сказать, что во время консультаций я вижу очень мало девственниц старше тридцати. Эти женщины, - добавляет она, - разумны, мужественны и естественны, часто являются лучшими представительницами своего пола; и мы должны оказать им моральную поддержку. Они работают в направлении новой эпохи".

Часто утверждается, что ярко выраженная тенденция, наблюдаемая в настоящее время, как можно дольше обходиться без официальной церемонии обязательного брака, вызывает сожаление, поскольку ставит женщин в невыгодное положение. Поскольку социальная среда, в которой она живет, неодобрительно относится к сексуальным отношениям без официального брака, это утверждение, очевидно, в определенной степени верно, хотя, с другой стороны, следует отметить, что когда общественное мнение решительно одобряет законный брак, оно действует как непреодолимая сила в направлении узаконивания свободных союзов. Но если бы отсутствие официальных брачных уз представляло собой реальный и неотъемлемый недостаток для женщин в сексуальных отношениях, они не проявляли бы себя с такой готовностью обходиться без этого. И, на самом деле, те, кто близко знаком с фактами, заявляют, что отсутствие официального брака способствует повышению внимания к женщинам и даже благоприятствует верности и продлению союза. Это, по-видимому, верно в отношении людей самых разных социальных классов и даже разных рас. Вероятно, это основано на фундаментальных психологических фактах, поскольку чувство принуждения всегда имеет тенденцию вызывать раздражение и бунт. Нас здесь не интересует вопрос о том, насколько формальный брак также основан на естественных фактах; это вопрос, который будет поднят для обсуждения на более позднем этапе.

Преимущество свободных сексуальных союзов для женщин перед принудительным браком хорошо признано в случае с рабочими классами Лондона, среди которых сексуальные отношения до брака не являются чем-то необычным и относятся к ним снисходительно. Это,

например, ясно утверждается в монументальном труде К. Бута *"Жизнь и труд народа"*. "Даже о грубых работников говорят, - читаем мы, например, в последнем томе этого труда (стр. 41), - что они ведут себя лучше всего, если не женаты на женщине, с которой живут". Доказательства по этому вопросу часто тем более впечатляющи, что приводятся людьми, которые на самом деле очень далеки от стремления основывать на них какие-либо общие выводы. Так, в том же томе цитируется высказывание священнослужителя: "Этим людям удастся жить вместе довольно мирно, пока они не женаты, но если они женятся, это, кажется, всегда приводит к дракам и ссорам".

Можно сказать, что в таком случае мы являемся свидетелями не столько действия естественного закона, сколько влияния великого центра цивилизации, оказывающего свое морализующее воздействие даже на тех, кто стоит вне юридически признанного института брака. Это утверждение, однако, может быть отброшено в сторону. Мы обнаруживаем точно такую же тенденцию на Ямайке, где население в основном цветное, и вряд ли можно сказать, что стресс, вызванный высокой цивилизацией, существует. Законный брак здесь отвергается в еще большей степени, чем в Лондоне, поскольку законнорожденным детям от брака уделяется мало внимания. Комитет, назначенный для изучения брачного законодательства Ямайки, установил, что три из каждых пяти рождений являются незаконнорожденными, то есть юридически незаконнорожденность перестала быть аморальной, став признанным обычаем большинства жителей. Нет никакого общественного чувства против нелегитимности. Мужчины одобряют упадок законного брака, потому что они говорят, что женщины лучше работают по дому, когда они не замужем; женщины одобряют это, потому что они говорят, что мужчины более верны, когда не связаны законным браком. Это было хорошо показано У. П. Ливингстоном в его интересной книге *"Черная Ямайка"* (1899). Люди признают, говорит он нам (стр. 210), что "верная совместная жизнь составляет брак"; они говорят, что они "женаты, но не разведены". Одна из причин, по которой они выступают против законного брака, заключается в том, что они не склонны нести расходы, связанные с официальным разрешением. (Можно добавить, что в Венесуэле, где также большинство рождений происходит вне официального брака, главной причиной, как утверждается, является не моральная распушенность, а все то же нежелание оплачивать расходы по законному бракосочетанию.) Часто в более позднем возрасте, иногда когда у них вырастают сыновья и дочери, пары проходят официальную церемонию. (Также Хьюг Ле Ру утверждает, что в Абиссинии, где люди являются христианами, а брак нерасторжим, а церемония дорогая, для супружеских пар не принято узаконивать свои союзы до наступления старости, *Sexual-Probleme*, апрель 1908 г., стр. 217.) Показательно, что такое положение вещей на Ямайке, как и везде, связано с превосходством женщин. "Женщины крестьянского сословия, - замечает Ливингстон (стр. 212), - все еще практически независимы от мужчин и часто превосходят их как по физическим, так и по умственным способностям". Они отказываются связывать себя с мужчиной, который может оказаться ни на что не годным, обузой вместо помощи и защиты. Пока союзы свободны, они, вероятно, будут постоянными. Если они будут легализованы, существует риск того, что они станут невыносимыми и прекратятся из-за того, что одна из сторон покинет другую. "Необходимость взаимной доброты и снисходительности устанавливает условие, которое является наилучшей гарантией постоянства" (стр. 214). Говорят, однако, что под влиянием религиозного и социального давления люди все больше стремятся принять "респектабельные" представления о сексуальных отношениях, хотя, принимая во внимание заявление Ливингстона, кажется очевидным, что такая респектабельность, вероятно, влечет за собой снижение реальной морали. Ливингстон

указывает, однако, на один серьезный недостаток в нынешних условиях, который позволяет аморальным мужчинам легко уклоняться от отцовских обязанностей, и это отсутствие юридического положения о регистрации имени отца в свидетельствах о рождении (стр. 256). В каждой стране, где большинство рождений являются незаконными, очевидной социальной необходимостью является то, чтобы имена обоих родителей были должным образом зарегистрированы во всех свидетельствах о рождении. Со стороны правительства Ямайки было непростительной неудачей пренебречь простой мерой, необходимой для того, чтобы "у каждого ребенка, рожденного в стране, был законный отец" (стр. 258).

Таким образом, мы видим, что сегодня мы достигли положения, в котором - частично из-за экономических причин, а частично из-за причин, более глубоко укоренившихся в тенденциях, присущих цивилизации, — женщины чаще, чем раньше, отстранены от законных сексуальных отношений с мужчинами, и оба пола менее склонны, чем на более ранних стадиях цивилизации, жертвовать своей собственной независимостью, даже когда они вступают в такие отношения. "Я никогда не слышал о женщине старше шестнадцати лет, у которой до разрушения обычаев аборигенов после прихода белых не было мужа", - писал Карр об австралийских чернокожих.^[271] Даже в отношении некоторых частей Европы сегодня все еще возможно сделать почти такое же заявление. Но во всех более богатых, энергичных и прогрессивных странах преобладают совсем другие условия. Браки заключаются поздно, и определенная доля мужчин и еще большая доля женщин (которые превышают мужчин в общей численности населения) вообще никогда не вступают в брак.^[272]

Прежде чем мы рассмотрим судьбоносное значение этого факта роста доли взрослых незамужних женщин, сексуальные отношения которых не признаются государством и в значительной степени вообще не признаются, может быть, было бы неплохо кратко взглянуть на два исторических течения, оба все еще действующие среди нас и влияющие на статус женщин: одно выступает за социальное равенство полов, другое - за социальное подчинение женщин. Нетрудно проследить эти два потока как в поведении, так и во мнениях, в практической морали и в теоретической морали.

Одно время было широко распространено мнение, что на ранних стадиях развития общества, до установления патриархальной стадии, которая ставит женщин под защиту мужчин, преобладала матриархальная стадия, при которой женщины обладали верховной властью.^[273] Бахофен полвека назад был великим сторонником этой точки зрения. Он нашел типичный пример матриархального государства у древних ликийцев Малой Азии, у которых, как утверждал Геродот, ребенок берет имя матери и следует ее статусу, а не статусу отца.^[274] Бахофен считал, что такие народы были гинекократическими; власть находилась в руках женщин. Больше нельзя сказать, что это мнение в той форме, которой придерживается Бахофен, встречает какую-либо значительную поддержку. Что касается широко распространенного происхождения по материнской линии, то нет никаких сомнений в том, что оно имело очень широкое распространение. Но такое происхождение по материнской линии, как стало известно, ни в коем случае не обязательно предполагает власть матери, и материнское происхождение может даже сочетаться с патриархальной системой.^[275] Даже наметилась тенденция впадать в противоположную Бахофену крайность и отрицать, что материнское происхождение дает женщинам какие-либо особые права на рассмотрение. Это, однако, вряд ли согласуется с имеющимися доказательствами и даже в отсутствие доказательств вряд ли может рассматриваться как вероятное. Казалось бы, мы можем справедливо рассматривать как тип

матриархальной семьи, основанной на браке *амбил анак* на Суматре, в котором муж живет в семье жены, ничего не платя и занимая подчиненное положение. Пример ликийцев здесь уместен, поскольку, хотя, как сообщает Геродот, ничто не указывает на то, что в Ликийи существовало что-либо похожее на гинекократию, мы знаем, что женщины во всех этих регионах Малой Азии пользовались большим уважением и влиянием, следы которого можно обнаружить в ранней литературе и истории христианства. Решающим и более известным примером благоприятного влияния происхождения по материнской линии на статус женщины является брак *бина* в древней Аравии. При такой системе жена не только защищена от подчинения, связанного с покупкой, что всегда бросает на нее некоторую тень неполноценности, связанной с собственностью, но она сама является владелицей палатки и домашнего имущества и пользуется достоинством, всегда связанным с владением собственностью и способностью освободиться от своего мужа.^[276]

Также невозможно избежать связи примитивной тенденции к материнскому происхождению и связанного с этим акцента на материнской, а не отцовской воспроизводящей энергии с тенденцией ставить богиню, а не бога, во главу угла примитивных пантеонов, тенденцией, которая не может не отражать почитание пола, к которому принадлежит верховное божество, и которая может быть связана с большой ролью, которую примитивные женщины часто играют в религиозных функциях. Таким образом, согласно традициям, общим для всех центральных племен Австралии, женщины раньше принимали гораздо большее участие в совершении священных церемоний, которые теперь считаются почти исключительно мужскими, и по крайней мере в одном племени, которое, по-видимому, сохраняет древние обычаи, женщины все еще фактически принимают участие в этих церемониях.^[277] Похоже, примерно то же самое было и в Европе. Мы также наблюдаем, как в кельтском пантеоне, так и у народов Средиземноморья, что, хотя все древние божества отошли на задний план, богини все же кажутся крупнее богов.^[278] В Ирландии, где древние обычаи и традиции всегда очень стойко сохранялись, женщины сохраняли очень высокое положение и большую свободу как до, так и после вступления в брак. "Каждая женщина, - говорилось в нем, - должна поступать так, как ей заблагорассудится", и после замужества она пользовалась лучшим положением и большей свободой развода, чем это было предоставлено христианской церковью или английским общим правом.^[279] Легче признать, что материнское происхождение было особенно благоприятным для высокого статуса женщин, когда мы понимаем, что даже при очень неблагоприятных условиях женщины были способны оказывать большое давление на мужчин и успешно противостоять попыткам тиранить их.^[280]

Если мы рассмотрим статус женщины в великих империях древности, то в целом обнаружим, что на их ранней стадии, стадии роста, а также на их заключительной стадии, стадии расцвета, женщины, как правило, занимают благоприятное положение, в то время как на их средней стадии, обычно стадии доминирующей военной организации на патриархальной основе, женщины занимают менее благоприятное положение. Это циклическое движение кажется почти естественным законом развития больших социальных групп. Очевидно, оно было хорошо заметно в очень стабильном и упорядоченном росте Вавилонии. В древнейшие времена вавилонская женщина обладала полной независимостью и равными правами со своими братьями и мужем; позже (как показывает кодекс Хаммураби) права женщины, хотя и не ее обязанности, были более ограничены; в еще более поздние неовавилонские периоды она снова приобрела равные права со своим мужем.^[281]

В Египте положение женщин было самым высоким в конце, но, по-видимому, оно оставалось высоким на протяжении всего долгого периода египетской истории и постоянно улучшалось, в то время как тот факт, что добрачному целомудрию уделялось мало внимания и что в брачных контрактах не делался упор на девственность, указывает на отсутствие представления о женщинах как собственности. Более трех тысяч пятисот лет назад мужчины и женщины в Египте были признаны равными. На высокое положение египтянки красноречиво указывает тот факт, что ее ребенок никогда не был незаконнорожденным; незаконнорожденность не признавалась даже в случае с ребенком рабыни.^[282] "Слава египетской морали, - говорит Амелино, - в том, что она первой выразила Достоинство женщины".^[283] Идея супружеской власти была совершенно неизвестна в Египте. Не может быть никаких сомнений в том, что высокий статус женщины в двух цивилизациях, таких стабильных, жизненно важных, долгоживущих и оказавших такое влияние на человеческую культуру, как Вавилония и Египет, является фактом огромной важности.

У евреев, по-видимому, не было промежуточной стадии подчинения женщин, а вместо этого наблюдался постепенный переход от полного подчинения женщины как жены ко все большей свободе. Сначала муж мог отказаться от своей жены по своему желанию без причины. (Это было не расширением патриархальной власти, а чисто супружеской властью.) Ограничения на этот авторитет постепенно усиливались и начинают проследиваться уже во Второзаконии. Мишна пошла дальше и запретила развод всякий раз, когда состояние жены вызывало жалость (например, при безумии, пленении и т.д.). К 1025 году нашей эры развод уже был невозможен без законных оснований или согласия жены. В то же время жена также начала приобретать право на развод в форме принуждения мужа отказаться от нее под страхом наказания в случае отказа. После развода жена становилась самостоятельной женщиной, и ей разрешалось забрать приданое, которое муж дал ей при вступлении в брак. Таким образом, несмотря на уважение евреев к букве закона, гибкая юриспруденция раввинов в гармонии с ростом культуры придавала женщинам все большую степень сексуальной справедливости и равенства (Д. В. Амрам, *Еврейский закон о разводе*).

У арабов тенденция прогресса также была благоприятна для женщин во многих отношениях, особенно в том, что касалось наследования. До Мухаммеда, в соответствии с системой, господствовавшей в Медине, женщины практически не имели права наследования. Законодательство Корана изменило это правило, но не отменило его полностью, и поставило женщин в гораздо лучшее положение. Во многом это объясняется тем фактом, что Мухаммед принадлежал не к Медине, а к Мекке, где все еще сохранились следы матриархальных обычаев (У. Марсе, *О родителях и преемственных союзниках по праву мусульманина*).

Можно указать — поскольку это не всегда осознается, — что даже та стадия цивилизации, когда она наступает, которая предполагает подчинение женщины и ее прав, на самом деле берет свое начало в необходимости защиты женщин и иногда даже является признаком приобретения женщинами новых привилегий. Они как бы заперты, но не для того, чтобы лишить их их прав, а для того, чтобы защитить эти права. На более позднем, более стабильном этапе развития цивилизации, когда женщины больше не подвергаются прежним опасностям, этот мотив забывается, и опека над женщиной и ее правами кажется, и действительно стала, скорее затруднением, чем преимуществом.

О статусе женщин в Риме в самые ранние периоды мы знаем мало или вообще ничего; патриархальная система была уже прочно установлена, когда римская история начинает проясняться, и она предполагала необычайно строгое подчинение женщины сначала своему отцу, а затем мужу. Но нет ничего более определенного, чем то, что статус женщин в Риме повышался с развитием цивилизации, точно так же, как в Вавилонии и Египте. Однако в случае Рима растущее совершенствование цивилизации и расширение империи были связаны с великолепным развитием системы римского права, которое в своих окончательных формах освятило положение женщин. В последние дни Республики женщины уже начали достигать того же юридического уровня, что и мужчины, а позже великие юристы Антонины, руководствуясь своей теорией естественного права, пришли к концепции равенства полов как принципа кодекса справедливости. Патриархальное подчинение женщин подверглось полной дискредитации, и это продолжалось до тех пор, пока во времена Юстиниана, под влиянием христианства, положение женщин не начало ухудшаться.^[284] В лучшие дни старые формы римского брака уступили место форме (по-видимому, старой, но до сих пор не считавшейся уважаемой), которая по закону равнялась временному залогу женщины ее семьей. Она была независима от своего мужа (тем более что пришла к нему со своим собственным приданым) и лишь номинально зависела от своей семьи. Брак был частным договором, сопровождавшимся при желании религиозной церемонией, и, будучи контрактом, он мог быть расторгнут по любой причине в присутствии компетентных свидетелей и с соблюдением надлежащих юридических форм, после того как была принята рекомендация семейного совета. Согласие было сутью этого брака, и поэтому в его расторжении не было ничего постыдного. И это не оказало никакого пагубного влияния ни на счастье, ни на нравственность римских женщин.^[285] Такая система, очевидно, больше соответствует современным цивилизованным чувствам, чем любая система, когда-либо созданная в христианском мире.

Также ясно, что в Риме эта система была не простым юридическим изобретением, а естественным результатом просвещенного общественного мнения в пользу равенства мужчин и женщин, часто даже в области сексуальной морали. Плавт, который заставляет старую рабыню Сиру спросить, почему в этом отношении для мужа не существует того же закона, что и для жены,^[286] предшествовал легисту Ульпиану, который написал: "Кажется очень несправедливым, что мужчина требует от своей жены целомудрия, в то время как сам он не подает этому примера".^[287] Такие требования лежат глубже, чем социальное законодательство, но тот факт, что эти вопросы задавались типичным римским мужчинам, указывает на общее отношение к женщинам. На заключительной стадии развития римского общества узлы патриархальной системы в том, что касалось женщин, сократились до простой нити, связывающей их с отцами и оставляющей их совершенно свободными лицом к лицу со своими мужьями. "Римская матрона Империи, - говорит Хобхауз, - была более полной хозяйкой самой себе, чем замужняя женщина любой более ранней цивилизации, возможно, за исключением определенного периода египетской истории, и, следует добавить, чем жена любой более поздней цивилизации вплоть до нашего поколения".^[288]

Основываясь на высказываниях двух писателей-сатириков, Ювенала и Тацита, многие предполагали, что римские женщины позднего периода были распущены. Однако бесполезно искать в сатириках какую-либо сбалансированную картину великой цивилизации. Хобхауз (*лок. цит. по*, стр. 216) приходит к выводу, что в целом римские женщины достойно сохранили положение спутниц, советниц и друзей своих мужей, которое они занимали, когда строгая система юридически отдавала их в его власть. Большинство авторитетных источников, по-

видимому, сейчас придерживаются такого мнения, хотя в более ранний период Фридлендер выражался более сомнительно. Так, Дилл в своей книге "Разумное Римское общество" (стр. 163) утверждает, что положение римлянки, как по закону, так и фактически, возросло во времена империи; не будучи менее добродетельной или уважаемой, она стала гораздо более совершенной и привлекательной; при меньшем количестве ограничений она обладала большим обаянием и влиянием, даже в государственных делах, и все больше и больше равнялась своему мужу. "В последнюю эпоху существования Западной империи положение и влияние женщин не ухудшились". Директор школы Дональдсон также в своем ценном историческом очерке "Женщина" считает (стр. 113), что в Римской империи не было падения нравов; "распушенность языческого Рима ничто по сравнению с распушенностью христианской Африки, Рима и Галлии, если мы можем хоть немного полагаться на описание Сальвиана". Описание христианского мира Сальвианом, вероятно, преувеличено и односторонне, но то же самое в еще большей степени можно сказать об описаниях древнего Рима, оставленных умными языческими сатириками и христианскими проповедниками-аскетами.

Таким образом, становится необходимым перепрыгнуть значительно более чем через тысячу лет, прежде чем мы достигнем стадии цивилизации, в какой-либо степени приближающейся по высоте к заключительной стадии римского общества. В восемнадцатом и девятнадцатом веках, сначала во Франции, затем в Англии, мы вновь обнаруживаем моральное и правовое движение, стремящееся к уравниванию женщин с мужчинами. Мы также находим длинный ряд пионеров этого движения, предвосхищающих его развитие: Мэри Астор, "София, знатная дама", Сегюр, миссис Уилер, и особенно Мэри Уолстонкрафт в "Защите прав женщины", и Джон Стюарт Милль в "Порабощении женщин".^[289]

Мы едва ли можем сомневаться в том, что основной европейский поток влияний в этом вопросе в исторические времена заключался в поддержании неравенства в невыгодную для женщин сторону, если принять во внимание его сложные явления в целом. Прекрасное наследие римского права в Европе действительно было благоприятно для женщин, но это наследие было рассеяно и по большей части утрачено под более доминирующим влиянием стойких тевтонских обычаев, связанных с энергично организованной христианской церковью. Несмотря на то, что не все факты указывают в одном направлении и, следовательно, существуют некоторые расхождения во мнениях, представляется очевидным, что в целом как тевтонский обычай, так и христианская религия были неблагоприятны для равенства женщин с мужчинами. Тевтонский обычай в этом вопросе определялся двумя решающими факторами: (1) существованием покупного брака, который, хотя, как указал Кроули, ни в коем случае не обязательно влечет за собой деградацию женщин, безусловно, имеет тенденцию ставить их в более низкое положение, и (2) предшествующей войной, которая всегда сопровождается обесцениванием мирных и женских занятий и безразличием к любви. Христианство с самого начала было благоприятным для женщин, потому что оно освобождало и прославляло самые по сути женские эмоции, но когда оно стало устоявшейся и организованной религией с определенно аскетическими идеалами, весь его эмоциональный тон стал неблагоприятным для женщин. Оно с самого начала исключило их из любых священнических функций. Теперь оно рассматривало их как особых представителей презируемого элемента секса в жизни.^[290] Эксцентричный Тертуллиан однажды объявил, что женщина - это *janua Diaboli*; почти семьсот лет спустя даже мягкий и философски настроенный Ансельм написал: *Femina fax est Satanæ*.^[291]

Таким образом, у франков, у которых преобладала практика моногамии, женщина никогда не была свободной; она не могла покупать, продавать или наследовать без разрешения тех, кому она принадлежала. Она перешла во владение своего мужа путем приобретения, и когда он назначил день свадьбы, то подарил ее родителям мелкие монеты в качестве *арры*, а на следующий день после свадьбы она получила от него подарок - *моргенгабе*. Вдова снова принадлежала своим родителям (Бедольер, *История французской культуры*, том I, стр. 180). Верно, что салический закон предусматривал денежный штраф за прикосновение к женщине, даже за сжатие ее пальца, но ясно, что совершенное таким образом преступление было преступлением против собственности, а ни в коем случае не против неприкосновенности личности женщины. Первобытный германский муж мог продать своих детей, а иногда и жену, даже в рабство. В одиннадцатом веке о случаях продажи жен все еще слышали, хотя они больше не признаются законом.

Традиции христианства были более благоприятны для сексуального равенства, чем тевтонские обычаи, но, слившись с этими обычаями, они внесли свой особый вклад в то, что касалось женской нечистоты. Эта духовная неполноценность женщины была в значительной степени продемонстрирована ограничениями, иногда налагаемыми на женщин в церкви, и даже в праве входить в церковь; в некоторых местах они были вынуждены оставаться в притворе, даже в немонашеских церквях (см. Эти правила, Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*, арт. "Разделение полов").

Пытаясь десексуализировать идею мужчины и сверхсексуализировать идею женщины, христианство неизбежно принижало положение женщины и концепцию женственности. Как хорошо замечает Дональдсон, указывая на это (указ. соч., стр. 182), "Я могу определить мужчину как человеческое существо мужского пола, а женщину - как человеческое существо женского пола. ... То, что сделали ранние христиане, - это вычеркнули "мужчина" из определения мужчины, а "человеческое существо" - из определения женщины". Религия, как правило, оказывает сильное угнетающее влияние на положение женщины, несмотря на то, что она привлекает женщин. Вестермарк действительно считает (*Происхождение и развитие моральных идей*, том I, стр. 669), что религия "вероятно, была наиболее стойкой причиной подчинения жены власти мужа".

Иногда говорят, что христианская тенденция ставить женщин в более низкое духовное положение зашла так далеко, что церковный совет официально отрицал наличие у женщин души. Эта глупая история действительно повторялась в манере попугая рядом авторов. Источник этой истории, вероятно, следует искать в факте, записанном Григорием Турским в его "Истории" (lib. viii, cap. XX), что на Маконском соборе в 585 году епископ сомневался относительно того, включает ли термин "мужчина" женщину, но другие члены Собора убедили его, что это так. Та же трудность возникла перед юристами в более поздние времена, и не всегда решалась так благоприятно для женщин, как христианским советом Макона.

Низкая оценка женщин, преобладавшая даже в ранней Церкви, признается христианами учеными. "Мы не можем не заметить", - пишет Мейрик (арт. "Брак", Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*), "даже у величайших отцов церкви прискорбно низкая оценка женщины и, следовательно, брачных отношений. Даже святой Августин не видит оправдания браку, кроме как в серьезном, сознательно принятом желании иметь детей; и в соответствии с этой точкой зрения, все супружеские отношения, за исключением этой единственной цели,

строго осуждаются. Если к браку стремятся ради детей, это оправданно; если вступают в брак как *средство* от худшего зла, это простительно; идея взаимного общества, помощи и утешения, которые один должен иметь от другого, как в благополучии, так и в невзгодах, вряд ли существовала и вряд ли еще могла существовать".

С точки зрения женщины, Лили Браун в своей важной работе по женскому вопросу (*Die Frauenfrage*, 1901, стр. 28 и далее) приходит к выводу, что, поскольку христианство было благосклонно к женщинам, мы должны видеть это благоприятное влияние в том, что женщины были поставлены на тот же моральный уровень, что и мужчины, как показано в высказывании Иисуса: "Пусть тот, кто без греха среди вас, первым бросит камень", подразумевая, что каждый пол обязан одинаковой верности. Дальше этого, добавляет она, дело не пошло. "Христианство, которое женщины с таким энтузиазмом принимали как избавление и за которое умирали как мученицы, не оправдало их надежд".

Даже в том, что касается морального равенства полов в браке, позиция христианских властей иногда была двусмысленной. Один из величайших Отцов Церкви, святой Василий, во второй половине четвертого века проводил различие между прелюбодеянием и блудодеянием, совершаемыми женатым мужчиной; если с замужней женщиной, то это было прелюбодеяние; если с незамужней женщиной, то это был просто блуд. В первом случае жена не должна принимать своего мужа обратно; во втором случае она должна (ст. "Прелюбодеяние", Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*). Такое решение, придававшее первостепенное значение отличию, которое не могло иметь никакого значения для жены, влекло за собой непризнание ее моральной индивидуальности. Однако многие Отцы Западной Церкви, такие как Иероним, Августин и Амвросий, не могли видеть причин, по которым моральный закон не должен быть одинаковым для мужа и для жены, но поскольку взгляды позднеримлян как с юридической, так и с популярной стороны уже приближались к этой точке зрения, влияние христианства едва ли требовалось для ее достижения. В конечном итоге это получило официальную санкцию в Римском каноническом праве, которое постановило, что прелюбодеяние в равной степени совершается любой из супружеских сторон в двух степенях: (1) *простое*, состоящее в браке с неженатым, и (2) *двойное*, состоящее в браке с женатым.

Однако вряд ли можно сказать, что христианству удалось добиться включения этого взгляда на моральное равенство полов в реальную практическую мораль. Это было принято в теории; этому не следовали на практике. У. Г. Самнер, обсуждая этот вопрос (*Народные обычаи*, стр. 359-361), приходит к выводу: "Почему эти взгляды не соответствуют *нравам*? Несомненно, это потому, что они догматичны по форме, изобретены или навязаны теологическим авторитетом или философскими спекуляциями. Они не вырастают из жизненного опыта и не могут быть им проверены. Причины кроются в окончательных физиологических фактах, в силу которых один является женщиной, а другой - мужчиной". Однако об этом подробнее будет сказано позже.

Однако, вероятно, не столько Церковь, сколько тевтонские обычаи и развитие феодальной системы с мужскими и военными идеалами, которые она культивировала, были главным образом решающими в закреплении низшего положения женщин в средневековом мире. Даже идеи рыцарства, которые часто считались особенно благоприятными для женщин, поскольку они затрагивали женщин, по-видимому, имели мало практического значения.

В своем великом труде о рыцарстве Готье приводит множество свидетельств того, что феодальный дух, как и воинский дух всегда и везде, в целом заключал в себе презрение к женщинам, хотя иногда и идеализировал их. "Идите в свои расписные и позолоченные покои, - читаем мы у *Рено де Монтобан*, - посидите в тени, устраивайтесь поудобнее, пейте, ешьте, тките гобелены, крашьте шелк, но помните, что вы не должны вмешиваться в наши дела. Наше дело - наносить удары стальным мечом. Молчать! И если женщина настаивает, ее бьют по лицу до крови. Муж имел законное право избивать свою жену не только за супружескую измену, но даже за то, что она противоречила ему. Женщины, однако, не были полностью лишены власти, и в коллекции *кутумов* тринадцатого века говорится, что муж должен бить свою жену только разумно, *возмездие*. (Что касается права мужа наказывать свою жену, см. также Хобхаус, *Мораль в эволюции*, том i, стр. 234. В Англии только во времена правления Карла II, от которого восходит так много современных движений, муж был лишен этого законного права.)

Можно добавить, что в глазах феодального рыцаря красота лошади соперничала, часто успешно, с красотой женщины. В *Герберсе де Мец* два рыцаря, Гарин и его кузен Герберт, проезжают мимо окна, у которого сидит прекрасная девушка с лицом розы и белой мякотью лилии. "Смотри, кузен Герберт, смотри! Клянусь Святой Марией, прекрасная женщина!" "Ах, - отвечает Герберт, - прекрасное животное - мой конь!" "Я никогда не видел ничего более очаровательного, чем эта молодая девушка с ее свежим румянцем и темными глазами", - говорит Гарин. "Я не знаю коня, который мог бы сравниться с моим", - возражает Гирбер. Когда мужчины были таким образом поглощены вещами, имеющими отношение к войне, неудивительно, что любовные ухаживания были предоставлены молодым девушкам. "Во всех шансонах жеста, - замечает Готье, - именно молодые девушки заигрывают, часто с бесстыдством", хотя, добавляет он, жены представлены как более добродетельные (Л. Готье, *Шевалье*, стр. 236-8, 348-50).

В Англии Поллок и Мейтленд (*История английского права*, т. ii, с. 437) не верят, что когда-либо существовала пожизненная женская опека, как у других тевтонских народов. "Начиная с Завоевания, - утверждает Хобхаус (указ. соч., т. i, стр. 224), - незамужняя английская женщина по достижении совершеннолетия становится полностью наделенной всеми юридическими и гражданскими правами, такой же правосубъектностью, какой была вавилонянка три тысячи лет назад". Но развитый английский закон с лихвой компенсировал любые привилегии, таким образом предоставленные неженатым, непоследовательным способом, которым он окутывал жену бесконечными складками безответственности, за исключением тех случаев, когда она совершала высшее преступление, причиняя вред своему господину. Английская жена, как продолжает Хобхаус (лок. цит. по), была если не рабыней своего мужа, то, во всяком случае, его подданной; если она убивала его, это было "мелкой изменой", восстанием подданного против суверена в миниатюрном королевстве и более серьезным преступлением, чем убийство. Убийство она не могла совершить в его присутствии, ибо ее личность была слита с ним; он был ответственен за большинство ее преступлений и правонарушений (именно этот факт давал ему право наказывать ее), и он даже не мог заключить с ней контракт, поскольку это означало бы заключение контракта с самим собой. "Само бытие и законное существование женщины приостанавливается во время брака, - сказал Блэкстоун, - или, по крайней мере, включается и консолидируется в бытие ее мужа, под чьим крылом, защитой и покровительством она выполняет все. Таким большим фаворитом, - добавил он, - является женский пол в законах Англии". "Сила женщины, - говорит Хобхаус, интерпретируя смысл английского закона, - была ее слабостью. Она побеждала, уступая. Ее мягкость должна была быть защищена от мирской

суеты, ее аромат должен был быть сладким и свежим, вдали от пыли и дыма битвы. Отсюда ее потребность в защитнике.

Во Франции жена в эпоху средневековья и Возрождения занимала примерно такое же положение в доме своего мужа. Он был ее абсолютным хозяином и повелительницей, главой и душой "женственного и слабого создания", обязанного ему "совершенной любовью и послушанием". Она была его главной служанкой, старшей из его детей, его женой и подданной; в письме к нему она подписывалась "ваша покорная дочь и друг". Историк Де Молд ла Клавьер, который собрал свидетельства по этому поводу в своей книге "*Женщины эпохи Возрождения*", отмечает, что, хотя муж занимал такое высокое положение в браке, обычно именно он, а не жена, жаловался на тяготы брака.

Закон и обычай предполагали, что женщина должна быть более или менее под защитой мужчины, и даже идеалы прекрасной женственности, возникшие в этом обществе в феодальные и более поздние времена, неизбежно были окрашены той же концепцией. Это предполагало неравенство женщин по сравнению с мужчинами, но в социальных условиях феодального общества такое неравенство было в пользу женщин. Мужская сила была определяющим фактором в жизни, и было необходимо, чтобы каждая женщина имела часть этой силы на своей стороне. Эта здравая и разумная идея, естественно, имела тенденцию сохраняться даже после того, как рост цивилизации сделал силу гораздо менее решающим фактором в социальной жизни. Во времена королевы Елизаветы в Англии ни одна женщина не должна была оставаться без хозяина, хотя подданные королевы Елизаветы женского пола получили от своего государя наглядный урок женщины, которая могла сыграть очень блестящую и эффективную роль в жизни и все же остаться абсолютно без хозяина. Еще позже, в восемнадцатом веке, даже такой тонкий моралист, как Шефтсбери, в своих *Характеристиках* называет любовников замужних женщин захватчиками собственности. Если такие концепции все еще господствовали даже в лучших умах, неудивительно, что в том же столетии и даже в следующем столетии они претворялись в жизнь менее образованными людьми, которые откровенно покупали и продавали женщин.

Шрейдер в своем *Реаллексиконе* (ст. "Brautkauf"), указывает на то, что первоначально покупка жены была покупкой ее личности, а не просто права на ее защиту. Первоначальная концепция, вероятно, долго сохранялась в Великобритании из-за ее удаленности от центров цивилизации. В одиннадцатом веке Григорий VII пожелал, чтобы Ланфранк прекратил продажу жен в Шотландии и других частях английского острова (Пайк, *История преступности в Англии*, том I, стр. 99). Однако эта практика так и не прекратилась полностью в отдаленных сельских районах.

Подобные сделки имели место даже в Лондоне. Так, в *Ежегодном реестре* за 1767 год (стр. 99) мы читаем: "Около трех недель назад рабочий-каменщик в Мэрилебоне продал женщину, с которой он сожительствовал несколько лет, своему товарищу по работе за четверть гинеи и галлон пива. Рабочий ушел с покупкой, и с тех пор ей посчастливилось получить в наследство 200 фунтов стерлингов и немного посуды, оставленные ей покойным дядей в Девоншире. Стороны поженились в прошлую пятницу.

Преподобный Дж. Эдвард Во (*Церковный фольклор*, второе издание, стр. 146) рассказывает о двух достоверных случаях, когда женщины были куплены своими мужьями на открытом рынке в девятнадцатом веке. В одном случае жену, с ее полного согласия, привезли на рынок с уздечкой на шею, продали за полкроны и новый муж, купивший ее, отвел в ее новый дом, расположенный

в двенадцати милях отсюда; в другом случае владелец таверны купил чужую жену за двухгаллоновую банку джина.

Это та же концепция женщины как собственности, которая даже до настоящего времени является причиной сохранения во многих юридических кодексах положений, возлагающих на мужчину обязанность возместить материальный ущерб женщине, ранее девственнице, с которой он вступил в половую связь и впоследствии бросил (Натали Фукс, "Die Jungfernschaft im Recht und Sitte", *Сексуальная проблема*, февраль 1908 г.). Женщина "обесцещена" половым актом, ее рыночная стоимость обесценивается точно так же, как новая одежда становится "подержанной", даже если ее носили всего один раз. Мужчина, с другой стороны, отверг бы саму мысль о том, что его личная ценность может быть уменьшена любым количеством половых актов.

Этот факт даже побудил некоторых выступать за "отмену физической девственности". Так, немецкая авторша книги *"Уна познания"* (1907), считая, что защита женщины отнюдь не так хорошо обеспечивается маленьким кусочком мембраны, как наличием внутри истинной и бдительной души, выступает за операцию по удалению девственной плевы в детском возрасте. Несомненно, верно, что чрезмерное значение, придаваемое девственной плеве, привело к ложному представлению о женской "чести" и нездоровому представлению о женской чистоте.

Обычаи и законы постепенно меняются в соответствии с изменившимися социальными условиями, которые больше не требуют подчинения женщин ни в их собственных интересах, ни в интересах общества. Одновременно с этими изменениями развивается иной идеал женской личности. Верно, что древний идеал господства мужа над женой все еще более или менее сознательно утверждается вокруг нас. Муж часто диктует жене, какими занятиями она не может заниматься, какие места она не может посещать, каких людей она не может знать, какие книги она не может читать. Он предполагает контролировать ее даже в личных вопросах, не имеющих прямого отношения к нему самому, в силу старой мужской прерогативы силы, которая отдавала женщину в руки мужчины, как называли это древние патриархальные юристы. Однако становится все более и более общепризнанным, что такая роль не подходит современному человеку. Современный мужчина, как указала Роза Майредер в вдумчивом эссе,^[292] больше не способен играть эту доминирующую роль по отношению к своей жене. "Благородный дикарь", ведущий дикую жизнь в горах и лесах, охотящийся на опасных зверей и снимающий скальпы с врагов, когда это необходимо, может время от времени мягко и эффективно обрушивать свою дубинку на голову своей жены, даже, возможно, с благодарностью с ее стороны.^[293] Но современный человек, который по большей части смиренно проводит свои дни за письменным столом, который был приучен молча сносить оскорбления, которые могут нанести ему вышестоящие чиновники или покровительствующие клиенты, этот типичный современный человек больше не в состоянии эффективно играть роль "благородного дикаря", когда он возвращается в свой дом. Он действительно настолько непригоден для этой роли, что его жена возмущается его попытками сыграть ее. Он постепенно осознает это, даже несмотря на какое-либо осознание общей тенденции развития цивилизации. Современный идейный человек признает, что в принципе его жена имеет право на равенство с ним самим; современный светский человек чувствует, что было бы нелепо и неудобно не предоставить своей жене почти такую же свободу, какой обладает он сам. И, более того, в то время как современный мужчина в какой-то степени приобрел женские качества, современная женщина в соответствующей степени приобрела мужские качества.

Каким бы кратким и обобщенным ни было предыдущее обсуждение, оно поставило нас лицом к лицу с центральным фактом сексуальной морали, который рост цивилизации в наши дни сделал неизбежным: личная ответственность. "Ответственный человек, мужчина или женщина, является центром современной этики и современного права"; к такому выводу пришел Хобхауз в своем обсуждении эволюции человеческой морали.^[294] Происходящее среди нас движение за освобождение сексуальных отношений от чрезмерного рабства фиксированным и произвольным правилам было бы невозможным и пагубным, если бы не сопутствующий рост чувства личной ответственности у членов сообщества. На самом деле это не могло бы просуществовать и года, не выродившись в распущенность и беспорядок. Свобода в сексуальных отношениях предполагает взаимное доверие, а оно может основываться только на личной ответственности. Там, где нельзя полагаться на личную ответственность, не может быть и свободы. В большинстве областей морального действия это чувство личной ответственности приобретается на довольно ранней стадии социального прогресса. Сексуальная мораль - это последняя область морали, которая должна быть отнесена к сфере личной ответственности. Сообщество навязывает своим членам, особенно женщинам, самые разнообразные, сложные и искусственные кодексы сексуальной морали, и, что вполне естественно, оно всегда с большим подозрением относится к их способности соблюдать эти кодексы и старается не допускать, насколько это возможно, никакой личной ответственности в этом вопросе. Но воспитание сдержанности, проходящее через длинный ряд поколений, является лучшей подготовкой к свободе. Закон, возложенный на более ранние поколения, как утверждала старая теология, был школьным учителем, призванным привести более поздние поколения ко Христу; или, поскольку новая наука выражает точно ту же идею, более поздние поколения стали иммунизированными и, наконец, приобрели определенную степень защиты от вируса, который уничтожил бы более ранние поколения.

Процесс, посредством которого народ приобретает чувство личной ответственности, медленный, и, возможно, оно вообще не может быть адекватно приобретено расами, лишенными высокого уровня нервной организации. Это особенно верно в отношении сексуальной морали, и это часто иллюстрировалось контактом высшей цивилизации с низшей. Постоянно случалось, что миссионеры — совершенно вопреки своему собственному желанию, нет необходимости говорить об этом, — ниспровергая строгую моральную систему, которую они сочли установившейся, и заменяя свободу европейских обычаев людьми, совершенно неподготовленными к такой свободе, оказывали самые катастрофические последствия для морали. Это имело место среди некогда хорошо организованных и высоконравственных баганда Центральной Африки, как записано в официальном отчете полковника Ламбкина (*Британский медицинский журнал*, 3 октября 1908 г.).

Что касается Полинезии, то Р. Л. Стивенсон в своей интересной книге "*В южных морях*" (гл. V) указал, что, хотя до прихода белых полинезийцы в целом были целомудренны и за молодежью тщательно следили, сейчас все совсем по-другому.

Даже на Фиджи, где, по словам лорда Стэнмора, который был Верховным комиссаром Тихоокеанского региона, и независимого критика, миссионерские усилия были "удивительно успешными", где все, по крайней мере номинально, привержены христианству, которое сильно изменило жизнь и характер, все же пострадало целомудрие. Это было показано Королевской комиссией по изучению положения коренных народов Фиджи. Г-н Фитчетт, комментируя этот отчет (*Австралийский обзор обзоров*, октябрь 1897 г.), отмечает: "Немало свидетелей,

опрошенных комиссией, заявляют, что моральный прогресс на Фиджи носит на удивление неоднородный характер. По их словам, отмена полигамии, например, не во всех случаях говорила в пользу женщин. Женщина - труженица на Фиджи; и когда содержание мужа распределялось между четырьмя женами, нагрузка на каждую жену была меньше, чем сейчас, когда ее приходится нести одной. В языческие времена женское целомудрие охранялось дубинкой; неверная жена, незамужняя мать, без промедления предавалась смерти. Христианство отменило клубное право, и чисто моральные ограничения или ужас перед наказаниями загробного мира, по мнению ограниченного воображения фиджийца, не вполне занимают его место. Так что уровень фиджийского целомудрия удручающе низок".

Всегда следует помнить, что когда устраняется высокоорганизованная примитивная система смешанных духовных и физических ограничений, целомудрие становится более хрупким и неустойчивым. Контролирующая сила личной ответственности, какой бы ценной и существенной она ни была, не может постоянно и неустанно сдерживать вулканические силы любовной страсти даже в высокоразвитых цивилизациях. "Никакое совершенство морального склада женщины, - хорошо сказал Хинлон, - никакая сила воли, никакое желание и решимость быть "хорошей", никакая сила религии или контроль обычаев не могут обеспечить то, что называется добродетелью женщины. Чувство абсолютной преданности, которое может внушить ей какой-нибудь мужчина, сметет их всех прочь. Общество, решая строить себя на этой основе, выбирает неизбежный беспорядок, и до тех пор, пока оно продолжает выбирать, оно будет продолжать иметь такой результат".

Необходимо некоторое время настаивать на этой личной ответственности в вопросах сексуальной морали, в той форме, в которой она дает о себе знать среди нас, и исследовать ее последствия. Наиболее важным из них, несомненно, является экономическая независимость. Это действительно настолько важно, что вряд ли можно сказать, что моральная ответственность в любом тонком смысле существует в ее отсутствие. Моральная ответственность и экономическая независимость действительно идентичны; это всего лишь две стороны одного и того же социального факта. Ответственный человек - это человек, способный отвечать за свои действия и, при необходимости, заплатить за них. Экономически зависимый человек может взять на себя уголовную ответственность; он может с пустым кошельком отправиться в тюрьму или на смерть. Но в обычной сфере повседневной морали от него не требуется такого большого наказания; если он идет против воли своей семьи, своих друзей или своего прихода, они могут отвернуться от него, но обычно не могут требовать от него последних мер наказания по закону. Он может нести свою личную ответственность, он может свободно выбирать свой собственный путь и отстаивать себя на нем перед своими собратьями при одном условии, что он в состоянии заплатить за это. Его личная ответственность имеет мало значения или вообще не имеет его, за исключением того, что это также экономическая независимость.

В цивилизованных обществах по мере достижения зрелости женщины, как правило, приобретают все большую степень моральной ответственности и экономической независимости. Любая свобода и кажущееся равенство женщин, даже когда они на самом деле демонстрируют свое превосходство, которое на самом деле так не основано, нереальны. Это только при условии терпения; это свобода, предоставляемая ребенку, потому что он так мило просит об этом или может закричать, если ему отказывают. Это просто паразитизм.^[295] Основа экономической независимости обеспечивает более реальную свободу. Даже в обществах, которые по закону и обычаям держат женщин в строгом подчинении, женщина, которой

посчастливилось стать обладательницей собственности, пользуется высокой степенью как независимости, так и ответственности.^[296] Рост высокоразвитой цивилизации, по-видимому, действительно настолько тесно связан с экономической свободой и независимостью женщин, что трудно сказать, что является причиной, а что следствием. Геродот в своем увлекательном рассказе о Египте, стране, которая, по его мнению, превосходила все другие страны, с удивлением отметил, что, в отличие от греческой моды, женщины оставляли мужчин дома за ткацким станком и отправлялись на рынок заниматься коммерческими делами.^[297] Именно экономический фактор в общественной жизни обеспечивает моральную ответственность женщин и в основном определяет положение жены по отношению к своему мужу.^[298] В этом отношении на своих поздних стадиях цивилизация возвращается к той же точке, которую она занимала в начале, когда, как уже отмечалось, мы обнаруживаем большее равенство с людьми и в то же время большую экономическую независимость.^[299]

За прошедшее столетие во всех ведущих современных цивилизованных странах обычаи и закон объединились, чтобы предоставить женщинам все большую экономическую независимость. В некоторых отношениях Англия взяла на себя инициативу, положив начало великому промышленному движению, которое медленно вовлекло женщин в свои ряды,^[300] и сделала неизбежными изменения в законодательстве, которые к 1882 году гарантировали замужней женщине владение ее собственным заработком. То же самое движение, с его теми же последствиями, происходит и в других местах. В Соединенных Штатах, как и в Англии, существует огромная армия из пяти миллионов женщин, быстро увеличивающаяся, которые сами зарабатывают себе на жизнь, и их положение по отношению к рабочим-мужчинам даже лучше, чем в Англии. Во Франции - от двадцати пяти до семидесяти пяти процентов. среди работников большинства основных отраслей промышленности — свободных профессий, торговли, сельского хозяйства, фабрично-заводской промышленности — женщины, а в некоторых из самых крупных, таких как домашняя промышленность и текстильная промышленность, занято больше женщин, чем мужчин. Говорят, что в Японии три пятых фабричных рабочих - женщины, и вся текстильная промышленность находится в руках женщин.^[301] Это движение является внешним выражением современной концепции личных прав, личной моральной ценности и личной ответственности, которая, как заметил Хобхаус, вынудила женщин взять свою жизнь в собственные руки и в то же время превратила древние законы о браке в анахронизм, а древние идеалы женской невинности, укрытые от мира, - просто в ложное чувство.^[302]

Не может быть никаких сомнений в том, что приход женщин в сферу промышленного труда, конкурирующих с мужчинами и находящихся в примерно тех же условиях, что и мужчины, поднимает серьезные вопросы другого порядка. Общая тенденция цивилизации к экономической независимости и моральной ответственности женщин неоспорима. Но ни в коем случае не совсем ясно, что для женщин и, следовательно, для общества лучше всего, чтобы женщины выполняли все обычные обязанности и профессии мужчин на том же уровне, что и мужчины. Не только условия занятий и профессий сложились в соответствии с особыми склонностями мужчин, но и тот факт, что сексуальные процессы, посредством которых размножается раса, требуют от женщин несравненно больших затрат времени и энергии, чем от мужчин, не позволяет женщинам в массе своей посвящать себя промышленному труду так же исключительно, как мужчины. Некоторым биологам действительно кажется очевидным, что вне дома и школы женщины вообще не должны работать. "Любая нация, которая работает со своими женщинами, проклята", - говорит Вудс Хатчинсон (*Евангелие от Дарвина*, стр. 199). Эта

точка зрения является экстремальной. Однако и с экономической точки зрения Хобсон, подводя итог этому вопросу, рассматривает тенденцию машинной промышленности вытеснять женщин из дома как "тенденцию, антагонистичную цивилизации". Пренебрежение к дому, утверждает он, является "в целом наихудшим ущербом, который современная промышленность нанесла нашей жизни, и трудно представить, как это можно компенсировать каким-либо увеличением объема материальных продуктов. Фабричная жизнь женщин, за исключением крайне редких случаев, подтачивает физическое и моральное здоровье семьи. Требования заводской жизни несовместимы с положением хорошей матери, жены или хозяйки домашнего очага. За исключением экстремальных обстоятельств, никакое повышение заработной платы семьи не может компенсировать эти потери, ценности которых находятся на более высоком качественном уровне" (Дж. А. Хобсон, *Эволюция современного капитализма*, гл. XII; ср. то, что было сказано в гл. I настоящего тома). Сейчас начинает признаваться, что первые пионеры "женского движения", работавшие над устранением "подчинения женщины", все еще находились во власти старых идеалов этого подчинения, согласно которым мужской род является во всех основных отношениях высшим полом. Они считали, что все, что хорошо для мужчины, должно быть одинаково хорошо и для женщины. Это было источником всего несбалансированного и нестабильного, иногда и немного патетичного, и немного абсурдного, в старом "женском движении". Было непонимание того, что, прежде всего, женщины должны заявить о своем праве на собственную женственность как матери расы и, следовательно, высшие законодатели в сфере секса и значительной части жизни, зависящей от секса. Это особое положение женщин, по-видимому, потребует приведения экономических условий в соответствие с их потребностями, хотя маловероятно, что такому изменению будет позволено повлиять на их независимость или ответственность. У нас были, как выразилась мадам Жюльетта Адам, права мужчин, приносящих в жертву женщин, за которыми следуют права женщин, приносящих в жертву ребенка; за этим должны последовать права ребенка, восстанавливающего семью. Уже было необходимо затронуть этот вопрос в первой главе этого тома, и это снова будет необходимо в последней главе.

Вопрос о методе, с помощью которого экономическая независимость женщин будет полностью застрахована, и о той роли, которую общество может принять в ее страховании, исходя из особых детородных функций женщины, является с настоящей точки зрения второстепенным. Однако не может быть никаких сомнений в реальности движения в этом направлении, какие бы сомнения ни возникали относительно окончательной корректировки деталей. В этом месте необходимо лишь коснуться некоторых общих и наиболее очевидных аспектов, в которых рост ответственности женщины влияет на сексуальную мораль.

Первый и наиболее очевидный способ, которым работает чувство моральной ответственности, - это настаивание на реальности в сексуальных отношениях. Моральная безответственность слишком часто сочеталась с экономической зависимостью, чтобы заставить женщину относиться к сексуальному событию в ее жизни, имеющему биологически роковую серьезность, как к простому веселому и тривиальному событию, в лучшем случае к событию, которое дало ей триумф над соперницами и надпревосходящим мужчиной, который, со своей стороны, охотно снисходит на мгновение до того, чтобы взять на себя роль побежденного. "Галантность по отношению к дамам, - говорят нам о герое величайшего и наиболее типичного английского романа, - была одним из его принципов чести, и он считал своим долгом принять вызов любви в такой же степени, как если бы это был вызов на бой"; он героически отправляется домой на ночь с титулованной леди, которую встречает на маскараде, хотя в то время был очень

влюблен в девушку, на которой в конце концов женится.^[303] Женщина, сила которой заключается только в ее обаянии, и которая вольна переложить бремя ответственности на плечи мужчины,^[304] могла бы легко сыграть роль соблазнителя. расстаться и тем самым проявить независимость и власть в единственных доступных ей формах. Мужчина, со своей стороны, привнося неуместное представление о "чести" на поле боя, с которого было изгнано естественное представление об ответственности, согласно старой легенде, готов спуститься по приказу дамы на арену и спасти перчатку, даже если впоследствии он презрительно швырнет ее ей в лицо. Древняя концепция галантности, которую так хорошо воплощает Том Джонс, является прямым результатом системы, предполагающей моральную безответственность и экономическую зависимость женщин, и так же противоположна концепциям приблизительного сексуального равенства, преобладавшим на ранних и более поздних этапах цивилизации, как и биологическим традициям естественного ухаживания в мире в целом.

Контролируя свою собственную сексуальную жизнь и понимая, что ее ответственность за такой контроль больше нельзя переложить на плечи другого пола, женщина также будет косвенно влиять на сексуальную жизнь мужчин, во многом так же, как мужчины уже влияют на сексуальную жизнь женщин. Какими способами это влияние будет в основном оказываться, пока говорить преждевременно. По мнению некоторых, точно так же, как раньше мужчины покупали своих жен и требовали добрачной девственности в приобретенном таким образом предмете, так и в наши дни среди высших классов женщины могут покупать своих мужей, и, в свою очередь, склонны требовать воздержания.^[305] Это, однако, слишком упрощенный способ рассмотрения вопроса. Достаточно сослаться на тот факт, что женщин не привлекает девственная невинность в мужчинах и что у них часто есть веские основания относиться к такой невинности с подозрением.^[306] Тем не менее, вполне можно полагать, что женщины будут все больше и больше предпочитать проявлять определенную дискриминацию при одобрении прошлой жизни своих мужей. Как бы инстинктивно женщина ни желала, чтобы ее муж был посвящен в искусство заниматься с ней любовью, она часто может сомневаться, можно ли добиться наилучшего посвящения от среднестатистической проститутки. Проституция, как мы видели, в конечном счете так же несовместима с полной сексуальной ответственностью, как и патриархальная система брака, с которой она была так тесно связана. Это устройство в основном определяется требованиями мужчин, в какой бы степени оно ни удовлетворяло различные потребности женщин. Мужчины договорились, что одна группа женщин должна быть выделена для удовлетворения исключительно своих сексуальных потребностей, в то время как другая группа должна быть воспитана в аскетизме в качестве кандидатов на привилегию заботиться о своем домашнем хозяйстве и семейных нуждах. То, что это было во многих отношениях самое превосходное устройство, достаточно доказывается тем фактом, что оно существовало в течение столь длительного периода, несмотря на враждебные ему влияния. Но очевидно, что это возможно только на определенном этапе развития цивилизации и в сочетании с определенной социальной организацией. Это не совсем соответствует демократической стадии цивилизации, предполагающей экономическую независимость и сексуальную ответственность обоих полов во всех социальных классах. Вполне возможно, что женщины начнут осознавать этот факт раньше, чем мужчины.

Многие также верят, что женщины поймут, что высокая степень моральной ответственности нелегко совместима с практикой притворства и что экономическая независимость лишит обман — к которому всегда прибегают слабые — какого бы морального оправдания он ни имел. Здесь, однако, необходимо говорить с осторожностью, иначе мы можем быть несправедливы к

женщинам. Следует отметить, что в сфере секса мужчины также часто бывают слабыми и поэтому склонны прибегать к помощи слабых. Признав этот факт, мы можем также признать, что женский обман был причиной многих вековых ошибок мужского разума в созерцании женских обычаев. Мужчины постоянно совершают двойную ошибку, не замечая притворства женщин и переоценивая его. Этот факт всегда еще больше усложнял неизбежно трудный путь женщин по окольному пути сексуального поведения. Пепис, который так ярко и откровенно представляет пороки и добродетели обычного мужского ума, рассказывает, как однажды, когда он зашел повидать миссис Куколка Мартина, ее сестра, вышла за бутылкой вина и вернулась возмущенная, потому что голландец затащил ее в конюшню и там кувыркался с ней. Поскольку Пепису самому часто позволяли позволять себе вольности с ней, ему казалось, что ее возмущение голландцем было "лучшим примером женской лживости в мире".^[307] Он безоговорочно предполагает, что женщина, предоставившая привилегию фамильярности мужчине, которого она знает и, хочется надеяться, уважает, была бы готова благодушно принять грубое внимание первого же пьяного незнакомца, которого она встретит на улице.

Именно предположение о лживости женщины привело ультра-маскулинных Пепи к достаточно абсурдной ошибке. На данном этапе мы действительно сталкиваемся с тем, что некоторым казалось серьезным препятствием на пути к полной моральной ответственности женщин. Ломброзо и Ферреро утверждают, что притворство у женщины "почти физиологично", и они приводят различные основания для такого вывода.^[308] Теологи, со своей стороны, пришли к аналогичному выводу. "Духовник не должен сразу верить словам женщины, - говорит отец Гурий, - потому что женщины обычно склонны лгать".^[309] Можно сказать, что эта тенденция, которая, как принято считать, затрагивает женщин как пол, каким бы свободным от нее ни было огромное количество отдельных женщин, в значительной степени является результатом подчинения женщин и, следовательно, вероятно, исчезнет по мере исчезновения этого подчинения. Однако, поскольку это "почти физиологично" и основано на радикальных женских качествах, таких как скромность, аффектированность и сочувствие, которые имеют органическую основу в женской конституции и поэтому никогда полностью не могут быть изменены, женское притворство вряд ли исчезнет. Максимум, чего можно ожидать, - это того, что это должно контролироваться развитым чувством моральной ответственности и, будучи сведено к своим просто естественным пропорциям, становиться узнаваемо понятным.

Нет необходимости отмечать, что здесь не может быть и речи о каком-либо врожденном моральном превосходстве одного пола над другим. Ответ на этот вопрос был хорошо сформулирован много лет назад одним из самых тонких моралистов в области любви. "Взятый в целом", - заключил Сенанкур (*De l'Amour*, vol. ii, стр. 85): "У нас нет оснований утверждать моральное превосходство того или иного пола. Оба пола, со своими ошибками и благими намерениями, в равной степени достигают целей природы. Мы вполне можем полагать, что в любом из двух видов человеческого рода сумма зла и сумма добра примерно равны. Если, например, в том, что касается любви, мы противопоставим явно распущенное поведение мужчин очевидной сдержанности женщин, это было бы напрасной оценкой, поскольку количество ошибок, совершаемых женщинами по отношению к мужчинам, обязательно такое же, как и у мужчин по отношению к женщинам. Среди нас меньше щепетильных мужчин, чем безупречно честных женщин, но легко увидеть, как восстанавливается равновесие. Если бы вопрос о моральном превосходстве одного пола над другим не был неразрешимым, он все равно оставался бы очень сложным применительно ко всему виду или даже ко всей нации, и любой спор здесь кажется праздным".

Этот вывод согласуется с общими компенсаторными и взаимодополняющими отношениями женщин к мужчинам (см., например, Хэвелок Эллис, "Мужчина и женщина", четвертое издание, особенно стр. 448 и далее.).

На недавнем симпозиуме по вопросу о том, стоят ли женщины морально ниже мужчин, с особым упором на способность к лояльности (*La Revue*, 1 января 1909 г.), на котором различные выдающиеся французские мужчины и женщины поделились своими мнениями, некоторые заявили, что женщины обычно выше; другие рассматривали это как вопрос различия, а не превосходства или неполноценности; все были согласны с тем, что, когда они пользуются такой же независимостью, как мужчины, женщины столь же лояльны, как и мужчины.

Несомненно, верно, что — отчасти в результате древних традиций и образования, отчасти из — за подлинно женских качеств — многие женщины неуверенны в своем праве на моральную ответственность и не желают брать ее на себя. И предпринимается попытка оправдать их позицию утверждением, что роль женщины в жизни от природы заключается в самопожертвовании, или, выражаясь несколько более технически, что женщины от природы мазохистки; и что существует, как утверждает Крафт-Эбинг, естественное "сексуальное подчинение" женщины. Ни в коем случае не ясно, является ли это утверждение абсолютной правдой, и если бы оно было правдой, это не привело бы к отмене моральной ответственности женщин.

Блох (*Руководство по этиологии сексуальной психопатии*, часть II, стр. 178), соглашаясь с Эйленбургом, решительно отрицает существование какого-либо естественного "сексуального подчинения" женщин, считая его искусственно созданным, результатом социально неполноценного положения женщин и утверждая, что такое подчинение в гораздо большей степени является физиологической характеристикой мужчин, чем женщин. (Было необходимо обсудить этот вопрос при рассмотрении "Любви и боли" в третьем томе этих *Исследований*.) Кажется совершенно очевидным, что представление о том, что женщины особенно склонны к самопожертвованию, имеет мало биологической обоснованности. Самопожертвование по принуждению, будь то физическое или моральное принуждение, не заслуживает такого названия; когда оно преднамеренное, это просто жертвование меньшим благом ради большего блага. Несомненно, о человеке, который хорошо пообедал, можно сказать, что он "жертвует" своим голодом. Даже в рамках традиционной морали женщина, жертвующая своей "честью" ради своей любви к мужчине, своей "жертвой" приобрела нечто, что она ценит больше. "Какой это триумф для женщины, — сказала одна женщина, — доставить удовольствие мужчине, которого она любит!" И в соответствии с моралью, основанной на прочной биологической основе, здесь не требуется никаких "жертв". Скорее можно сказать, что биологические законы ухаживания в корне требуют самопожертвования от мужчины, а не от женщины. Таким образом, львица, по словам Жерара, охотника на львов, отдается самому энергичному из своих ухажеров-львов; она поощряет их сражаться между собой за превосходство, лежа на животе, чтобы наблюдать за схваткой, и с наслаждением хлещет хвостом. За каждой женщиной ухаживают многие мужчины, но она принимает только одного; к эротическому самопожертвованию призывают не женщину, а мужчину. Это действительно часть божественной компенсации Природы, ибо, поскольку более тяжелая часть сексуального бремени ложится на женщину, вполне уместно, чтобы от нее меньше требовали отречения.

Таким образом, представляется вероятным, что повышение моральной ответственности может привести к тому, что поведение женщины станет более понятным для окружающих;^[310] это в любом случае, безусловно, уменьшит озабоченность окружающих. Это особенно верно в отношении сексуальных отношений. В прошлом мужчинам предлагалось преуспеть во многих формах добродетели; только одна добродетель была доступна женщинам. Это больше невозможно. Возлагать на женщину главную ответственность за ее собственное сексуальное поведение - значит лишать это поведение его явно публичного характера как добродетели или порока. Сексуальный союз в такой же степени для женщины, как и для мужчины, является физиологическим фактом; он также может быть духовным фактом; но это не социальный акт. Напротив, это действие, которое, помимо всех других действий, требует уединения и таинственности для своего свершения. Это действительно общечеловеческий, почти зоологический факт. Более того, это требование тайны в большей степени предъявляется женщиной в силу ее большей скромности, которая, как мы нашли основания полагать, имеет биологическую основу. Только после рождения или зачатия ребенка сообщество имеет какое-либо право интересоваться сексуальными актами своих членов. Сексуальный акт волнует сообщество не больше, чем любой другой частный физиологический акт. Попытаться расследовать это - дерзость, если не оскорбление. Но рождение ребенка - это социальный акт. Общество касается не того, что попадает в утробу матери, а того, что выходит из нее. Сообществу предлагается принять нового гражданина. Оно вправе требовать, чтобы этот гражданин был достоин места в его среде и чтобы ответственный отец и ответственная мать должным образом представили его. Вся сексуальная мораль, как сказала Эллен Ки, вращается вокруг ребенка.

На этом заключительном этапе нашего обсуждения сексуальной морали мы, возможно, сможем осознать масштабность изменений, вызванных развитием у женщин моральной ответственности. До тех пор, пока женщинам отказывали в ответственности, до тех пор, пока отец или муж, поддерживаемые обществом, считали себя ответственными за сексуальное поведение женщины, за ее "добродетель", было необходимо, чтобы вся сексуальная мораль вращалась вокруг входа во влагалище. Для поддержания морали стало абсолютно необходимым, чтобы все взгляды в обществе были постоянно направлены на этот момент, и весь закон о браке должен был быть соответствующим образом скорректирован. Это больше невозможно. Когда женщина берет на себя собственную моральную ответственность, как в сексуальных, так и в других вопросах, для общества становится не только невыносимым, но и бессмысленным совать нос в ее самые интимные физиологические или духовные акты. Она сама несет прямую ответственность перед обществом, как только совершает социальный акт, и не раньше.

В связи с фактом материнства особенно важно осознание всего, что связано с новой моральной ответственностью женщин. В соответствии с системой морали, согласно которой мужчина свободен принимать на себя ответственность за свои сексуальные действия, в то время как женщина не в равной степени свободна делать подобное, за сексуальные действия, которые не заканчиваются деторождением, налагается награда, а за действия, которые приводят к деторождению, налагается наказание. Причина в том, что именно в первом классе действий мужчины находят главное удовлетворение; именно во втором классе действий женщины находят главное удовлетворение. Ибо трагическая часть старой сексуальной морали в ее

отношении к женщинам заключалась в том, что, хотя она возлагала моральную ответственность за сексуальные действия, в которых принимали участие и мужчина, и женщина, только на мужчин, женщины были лишены как социальной, так и юридической возможности воспользоваться фактом мужской ответственности, если они не выполнили условия, которые мужчины поставили перед ними, и все же воздержались от навязывания их самим себе. Акт полового сношения, будучи половым актом, в котором мужчины находили главное удовольствие, при любых обстоятельствах был актом небольшой социальной значимости; акт зачатия ребенка, который является для женщин наиболее массовым из всех сексуальных актов, считался преступлением, если мать до этого не выполнила условий, требуемых мужчиной. Это было, пожалуй, самым прискорбным и, безусловно, самым неестественным из результатов патриархального регулирования общества. Такого никогда не существовало ни в одном крупном государстве, где женщины обладали бы какой-то регулирующей властью.

Абстрактные теоретики, конечно, говорили, что женщины берут дело в свои руки. Они никогда не должны любить мужчину, пока не свяжут его законными узами брака. Такой аргумент абсолютно бесполезен, поскольку он игнорирует тот факт, что, хотя любовь и даже моногамия естественны, законный брак - это всего лишь внешняя форма, обладающая очень слабой способностью подавлять естественные импульсы, за исключением тех случаев, когда эти импульсы слабы, и вообще не способная подчинить их навсегда. Цивилизация предполагает развитие дальновидности и самоконтроля у обоих полов; но глупо пытаться возлагать на эти прекрасные и совершенные наработки цивилизации нагрузку, которую они никогда не смогли бы вынести. Насколько это глупо, раз и навсегда показал Леа в своей замечательной *Истории жреческого безбрачия*.

Более того, когда мы сравниваем соответствующие склонности мужчин и женщин в этом конкретном регионе, следует помнить, что мужчины обладают большей силой предвидения и самоконтроля, чем женщины, несмотря на скромность и сдержанность женщин. Сексуальная сфера у женщин значительно больше, так что, когда ее активность однажды возбуждена, ее гораздо труднее овладеть или контролировать. (Причины были подробно изложены в обсуждении "Сексуального влечения у женщин" в томе iii этих *исследований*.) Поэтому несправедливо по отношению к женщинам и излишне благосклонно к мужчинам, когда слишком большое значение придается предусмотрительности и самоограничению в сексуальных вопросах. Поскольку женщины играют преобладающую роль в сексуальной сфере, стандартом должны быть их естественные потребности, а не потребности мужчин.

С осознанием моральной ответственности женщин естественные жизненные отношения возвращаются к должному биологическому регулированию. Материнству возвращается его естественная святость. Определение условий, при которых должен быть зачат ребенок, становится заботой самой женщины, а не общества или какого-либо отдельного человека. Общество вправе требовать, чтобы отец в каждом конкретном случае признавал факт своего отцовства, но оно должно возложить главную ответственность за все обстоятельства рождения ребенка на мать. Это точка зрения, которая сейчас завоевывает все большее распространение во всех цивилизованных странах как в теории, так и на практике.^[311]

[257] Например, Э. Белфорт Бакс, *Откровенные эссе*, стр. 6.

[258] Такие причины связаны с общественным благосостоянием. "Все аморальные поступки приводят к общему несчастью, все моральные поступки - к общему счастью", - замечает профессор А. Мэтьюз, "Наука и мораль", *Ежемесячник популярной науки*, март 1909г.

[259] См. Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей*, том i, стр. 386-390, 522.

[260] Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей*, стр. 9, 159; также вся глава VII. Действия, соответствующие обычаю, вызывают общественное одобрение, действия, противоречащие обычаю, вызывают общественное негодование, и Вестермарк убедительно доказывает, что такое одобрение и такое негодование являются основой моральных суждений.

[261] Это хорошо признано правоведами (например,, Э. А. Шредер, "Речь в книге о порядке ведения войны", стр. 5).

[262] У. Г. Самнер (*Народные обычаи*, стр. 418) даже считает желательным изменить форму слова, чтобы подчеркнуть реальное и фундаментальное значение морали, и предлагает использовать словонаравы для обозначения "популярных обычаев и традиций, способствующих реформированию общества". ""Безнравственный", - указывает он, - никогда не означает все, что угодно, только не противоречащее *нравам* того времени и того места. Однако нет никакой необходимости отменять или дополнять старое доброе слово "мораль", пока мы ясно осознаем, что с практической стороны оно означает, по сути, обычай.

[263] Вестермарк, указ. соч., том i, стр. 19.

[264] См., например,, "Экзогамия и спаривание двоюродных братьев" в *Эссе, представленных Э. Б. Тайлору*, 1907, стр. 53. "Во многих сферах примитивной жизни мы обнаруживаем наивное желание, так сказать, помочь Природе, утвердить то, что нормально, а позже подтвердить это категорическим императивом обычая и закона. Эта тенденция все еще процветает в наших цивилизованных сообществах и, как поклонение нормальному, часто является смертельным врагом ненормального и эксцентричного и слишком часто парализует оригинальность".

[265] Дух христианства, проиллюстрированный Паулином в его *Послании XXV*, был с римской точки зрения, как замечает Дилл (*Римское общество*, стр. 11), "отказом не только от гражданства, но и от всех с трудом добытых плодов цивилизации и общественной жизни".

[266] Таким образом, получается, что, как сказал Леки в своей *Истории европейской морали*, "из всех разделов этики вопросы, касающиеся отношений полов и надлежащего положения женщины, являются теми, в отношении будущего которых существует наибольшая неопределенность". Возможно, с тех пор, как были написаны эти слова, был достигнут некоторый прогресс, но они по-прежнему актуальны для большинства людей.

[267] Об экономическом браке как рудиментарном выживании см., *Например,, Блох, Сексуальная жизнь нашего времени*, стр. 212.

[268] Сенанкур, *Де л'Амур*, т. ii, стр. 233. Автор книги "Вопрос об английском разводе" объясняет отсутствие сколько-нибудь широко распространенных настроений против сексуальной распущенности абсурдной жесткостью закона.

[269] Бруно Мейер, "Это была позитивная сексуальная реформа", *Сексуальная проблема*, ноябрь 1908г.

[270] Эллис Ключ Парсонс, *Семья*, стр. 351. Доктор Парсонс справедливо считает такие союзы социальным злом, когда они препятствуют развитию личности.

[271] Доказательства общего отсутствия безбрачия как у диких, так и у варварских народов см., например, Вестермарк, *История человеческого брака*, глава VII.

[272] Например, во Франции насчитывается два миллиона незамужних женщин, в то время как в Бельгии 30 процентов женщин, а в Германии иногда даже 50 процентов, не состоят в браке.

[273] Такая позиция не была бы биологически необоснованной, учитывая значительно преобладающую роль, которую играет самка в половом процессе, обеспечивающем сохранение расы. "Если рассматривать сексуальный инстинкт исключительно с физической стороны", - говорит Д. В. Х. Буш ("*Гешлехтсleben из Вайбов*", 1839, т. i, стр. 201), "женщина не может рассматриваться как собственность мужчины, но с таким же и большим основанием мужчина может рассматриваться как собственность женщины".

[274] Геродот, Вк. i, Гл. CLXXIII.

[275] На то, что власть и взаимоотношения совершенно различны, много лет назад указывал Л. фон Даргун, *Mutterrecht und Vaterrecht*, 1892. Вестермарк (*Происхождение и развитие моральных идей*, том i, стр. 655), который склонен думать, что Штайнмец не доказал окончательно, что происхождение по материнской линии предполагает меньшую власть мужа над женой, делает важное уточнение, что авторитет мужа ослабевает, когда он живет среди родственников своей жены.

[276] Робертсон Смит, *Родство и брак в ранней Аравии*; Дж. Дж. Фрейзер указал (*Академия*, 27 марта 1886 г.), что частично семитские народы на северной границе Абиссинии, не подвергшиеся революционным процессам ислама, сохраняют систему, очень напоминающую браки *бина*, а также некоторые следы противоположной системы, которую Робертсон Смит назвал *брак баала*, при котором жена приобретается путем покупки и становится частью собственности.

[277] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 358.

[278] Рис и Бринмор-Джонс, *валлийский народ*, стр. 55-6; ср. Рис, *кельтское язычество*, стр. 93.

[279] Рис и Бринмор-Джонс, *указ. соч.*, стр. 214.

[280] Кроули ("*Мистическая роза*", стр. 41 и далее) приводит многочисленные примеры.

[281] Разоблачение, "Женщина в Античности", *Азиатский журнал*, 1906, том. vii, p. 57. See, also, Victor Marx, *Beiträge zur Assyriologie*, 1899, Bd. iv, Heft 1.

[282] Дональдсон, *Женщина*, стр. 196, 241 и далее. Ницольд (*Die Ehe в "Египте"*, стр. 17) считает, что утверждение Диодора о том, что ни один ребенок не был незаконнорожденным, нуждается в уточнении, но, безусловно, незаконнорожденный ребенок в Египте не находился в неблагоприятном социальном положении.

[283] Амелино, *Мораль Египта*, стр. 194; Хобхаус, *Мораль в эволюции*, том i, стр. 187; Флиндерс Петри, *Религия и совесть в Древнем Египте*, стр. 131 и далее.

[284] Мэн, *Древний закон*, Ч. V.

[285] Дональдсон, *Женщина*, стр. 109, 120.

[286] *Меркатор*, iv, 5.

[287] Дайджест XLVIII, 13, 5.

[288] Хобхаус, *Мораль в эволюции*, том i, стр. 213.

[289] Чтобы узнать о работе некоторых менее известных из этих пионеров, смотрите Серию статей Харриет Макилкуэм в *Вестминстерском обозрении*, особенно за ноябрь 1898 и ноябрь 1903гг.

[290] Влияние христианства на положение женщин хорошо обсуждалось Леки, *История европейской морали*, том ii. ii, стр. 316 и далее., и совсем недавно Дональдсон, *Женщина*, Вк. iii.

[291] Минье, *Патрология*, том. clviii, стр. 680.

[292] Rosa Mayreder, "Einiges über die Starke Faust," *Zur Kritik der Weiblichkeit*, 1905.

[293] Расмуссен (*Люди полярного Севера*, стр. 56) описывает жестокую ссору между мужем и женой, каждый из которых по очереди сбивал другого с ног. "Несколько позже, когда я заглянул внутрь, они нежно спали, обняв друг друга".

[294] Хобхаус, *Мораль в эволюции*, том. ii, стр. 367. Д-р Штекер в книге *"Любовь и смерть девушек"* также настаивает на значимости такого фактора, как личная ответственность.

[295] Олив Шрайнер особенно подчеркнула пагубность паразитизма для женщин. "Взросшее богатство самца, - замечает она ("Женское движение наших дней", *Harper's Bazaar*, январь 1902 г.), - по необходимости приносит пользу и возвышает самку, на которую он их тратит, не больше, чем взрослое богатство его хозяйки обязательно приносит пользу, умственную или физическую, пуделю, потому что тогда она может дать ему пуховую подушку вместо одной из перьев и курицу вместо говядины". Олив Шрайнер считает, что женский паразитизм - это опасность, которая действительно угрожает обществу в настоящее время, и что, если его не предотвратить, "все женщины в цивилизованных обществах должны погрузиться в состояние более или менее абсолютной зависимости".

[296] В Риме и Японии, отмечает Хобхаус (указ. соч., т. i, стр. 169, 176), патриархальная система достигла своего наивысшего развития, однако законы обеих этих стран ставили мужа в положение практического подчинения богатой жене.

[297] Геродот, Книга ii, глава XXXV. Геродот отмечал, что именно на женщине, а не на мужчине, лежала ответственность за содержание престарелых родителей. Это само по себе предполагало очень высокое экономическое положение женщин. Неудивительно, что некоторым наблюдателям, как, например, Диодору Сицилийскому, казалось, что египтянка была хозяйкой своего мужа.

[298] Хобхаус (*местная цитата*), Хейл, а также Гроссе считают, что хорошее экономическое положение народа предполагает высокое положение женщин. Вестермарк (*Моральные идеи*, том i, стр. 661), соглашаясь здесь с Олив Шрайнер, считает, что это утверждение нельзя принять без изменений, хотя и соглашается с тем, что сельскохозяйственная жизнь благотворно влияет на положение женщин, потому что они сами становятся активно вовлеченными в нее. Хорошее экономическое положение не оказывает реального влияния на повышение положения женщины, если только сами женщины не принимают в этом реального, а не просто паразитирующего участия.

[299] Вестермарк (*Моральные идеи*, том i, глава XXVI, вып. ii, стр. 29) приводит многочисленные ссылки на значительные имущественные и другие привилегии женщин среди дикарей, которые, как правило, утрачиваются на несколько более высокой ступени культуры.

[300] Неуклонный рост доли женщин среди английских работников машиностроительной промышленности начался в 1851 году. В настоящее время, по оценкам, в промышленности занято три с половиной миллиона женщин, не считая полутора миллионов домашней прислуги. (Подробнее смотрите у Джеймса Хэслэма в серии статей в "Англичанке" за 1909 год.)

[301] См., например, Дж. А. Хобсон, *Эволюция современного капитализма*, второе издание, 1907, глава XII, "Женщины в современной промышленности".

[302] Хобхаус, указ. соч., том i, стр. 228.

[303] Филдинг, *Том Джонс*, Книга iii, глава VII.

[304] Даже Церковь в некоторой степени приняла такое распределение ответственности, и "домогательство", т.е. грех исповедника, заключающийся в соращении кающейся женщины, постоянно рассматривается исключительно как грех исповедника.

[305] Адольф Герсон, *Сексуальная проблема*, сентябрь 1908 г., стр. 547.

[306] Уже было необходимо сослаться на печальные результаты, которые могут последовать за невежеством мужей (см., например, "Сексуальное влечение у женщин", т. iii из этих исследований), и они будут необходимы снова в главе. XI настоящего тома.

[307] Пепис, *Дневник*, изд. Уитли, том. vii, стр. 10.

[308] Ломброзо и Ферреро, *"Донна преступница"*; ср. Хэвелок Эллис, *"Мужчина и женщина"*, четвертое издание, стр. 196.

[309] Гурий, *Моральная теология*, статья 381.

[310] "Мужчины не узнают, что такое женщины", - замечает Роза Майредер (*"Критика поведения"*, стр. 199), "пока они не перестанут предписывать, какими они должны быть".

[311] Это было изложено, например, профессором Вармундом в книге *"Эхе и Эхерехт"*, 1908. Едва ли мне нужно снова сослаться на труды Эллен Ки, которые, можно сказать, являются почти эпохальными по своему значению, особенно (в немецком переводе) *"Любовь и Эхе"* (также французский перевод) и (в английском переводе, Патнэм, 1909) ценный, хотя и менее важный труд *"Век ребенка"*. См. также Эдвард Карпентер, *"Совершеннолетие любви"*; Форель, *"Сексуальная жизнь"* (английский перевод, сокращенный, *"Сексуальный вопрос"*, Ребман,

1908); Блох, "Сексуальная жизнь вне времени" (английский перевод, "Сексуальная жизнь нашего времени", Ребман, 1908); Хелен Штекер, "Любовь и смерть девушек", 1906; и Пол Лапи, "Женская танец ла Семья, 1908.

ГЛАВА X.

БРАК.

Содержание

Определение брака—Брак среди животных—Преобладание моногамии—Вопрос группового брака—Моногамия как естественный факт, не основанный на человеческих законах—Тенденция ставить форму брака выше факта брака—История брака—Брак в Древнем Риме—Германское влияние на брак—Продажа невест—Кольцо—Влияние христианства на брак—Большая степень этого влияния—Таинство брака—Происхождение и развитие сакраментального зачатия—Церковь сделала брак публичным актом—Каноническое право—Его прочная основа—Его развитие—Его путаница и абсурдность—Особенности английского брачного права—Влияние Реформации на брак—Протестантская концепция брака как светского договора—Пуританская реформа брака—Мильтон как пионер брачной реформы—Его взгляды на развод—Отсталая позиция Англии в брачной реформе—Критика английского закона о разводах—Традиции канонического права все еще сохраняются—Вопрос о возмещении ущерба за супружескую измену—Сговор как препятствие для развода—Развод во Франции, Германии, Австрии, России и т.д.—Соединенные Штаты—Невозможность законодательного определения причин развода—Развод по обоюдному согласию—Его происхождение и развитие—Препятствуют традиции канонического права—Вильгельм фон Гумбольдт—Современные пионеры—сторонники развода по обоюдному согласию—Аргументы против легализации развода—Интересы детей—Защита женщин—Нынешняя тенденция движения за развод—Брак не контракт—Предложение вступить в брак сроком на несколько лет—Юридические недостатки и неудобства в положении мужа и жены—Брак не контракт, а факт—Только Второстепенные аспекты брака, а не основные, подходящий вопрос для заключения контракта—Юридическое признание брака как факта без каких—либо церемоний—Контракты личности, противоречащие современным тенденциям—Фактор моральной ответственности—Брак как этическое таинство—Личная ответственность предполагает свободу—Свобода лучшая гарантия стабильности—Ложные идеи индивидуализма—Современная тенденция брака—С рождением ребенка Брак перестает быть частной заботой—У каждого ребенка должны быть законные отец и Мать—Как это может быть осуществлено—Прочная основа моногамии—Вопрос о вариациях брака—Такие вариации Не противоречат моногамии—Наиболее распространенные вариации—Гибкость брака допускает различные варианты проверки—Варианты брака по сравнению с проституцией—Брак на разумной и гуманной основе—Резюме и заключение.

Обсуждение в предыдущей главе природы сексуальной морали с включенным в него кратким очерком направления, в котором движется эта мораль, неизбежно оставило многие моменты

расплывчатыми. Все еще может возникнуть вопрос, какие определенные формы сексуальные союзы имеют тенденцию принимать среди нас и какое отношение эти союзы имеют к религиозным, социальным и правовым традициям, которые мы унаследовали. Это вопросы, в отношении которых, по-видимому, преобладает очень значительная степень неопределенности, поскольку нет ничего необычного в том, чтобы услышать революционные или эксцентричные мнения по ним.

Сексуальный союз, предполагающий совместное проживание, временное или постоянное, двух или более лиц и имеющий одной из главных целей производство потомства и заботу о нем, обычно называется браком. Созданная таким образом группа образует семью. Именно в этом смысле слова "брак" и "семья" наиболее правильно употребляются, говорим ли мы о животных или о Человеке. Таким образом, видно, что есть место для вариаций как в отношении времени, в течение которого длится союз, так и в отношении количества особей, которые его образуют, причем главным фактором, определяющим эти моменты, являются интересы потомства. Однако на практике сексуальные союзы не только у Человека, но и у высших животных, как правило, длятся дольше, чем требуется потомству в течение одного сезона, в то время как тот факт, что у большинства видов количество самцов и самок приблизительно равно, делает неизбежным, что как у животных, так и у человека семья создается одной половой парой, то есть моногамия, за сколь угодно многими исключениями, обязательно является фундаментальным правилом.

Таким образом, будет видно, что брак сосредотачивается на ребенке и с самого начала не имеет никаких причин для существования, кроме благополучия потомства. У тех животных низшей организации, которые способны обеспечивать себя с самого начала существования, нет семьи и нет необходимости в браке. У человеческих рас, когда за половыми союзами не следует потомство, могут быть и другие причины для продолжения союза, но это не те причины, к которым Природа или общество в малейшей степени имеют непосредственное отношение. Брак, который возник у животных в результате наследственности на основе естественного отбора и который был продолжен низшими человеческими расами через обычай и традицию, а более цивилизованными расами - через наложенное регулирующее влияние юридических институтов, был браком ради потомства.^[312] Даже у цивилизованных рас, среди которых велика доля бесплодных браков, брак, как правило, строится таким образом, чтобы всегда предполагать зачатие детей и обеспечивать постоянство, необходимое для такого зачатия.

Среди птиц, которые с точки зрения эротического развития стоят во главе животного мира, часто преобладает моногамия (по некоторым оценкам, у 90%), и союзы, как правило, постоянны; примерно то же самое наблюдается и у некоторых высших млекопитающих, особенно у человекообразных обезьян; так, у горилл и орангутанов заключаются постоянные моногамные браки, детеныши иногда остаются с родителями до шестилетнего возраста, в то время как любое проявление распушенности со стороны жены строго наказывается мужем. Возникающие вариации часто являются просто вопросом адаптации к обстоятельствам; так, согласно Дж. Дж. Милле (*Естественная история британских уток*, стр. 8, 63), утка-лопатник, хотя обычно моногамна, становится полиандрической, когда самцов становится больше, причем два самца постоянно и дружелюбно ухаживают за самкой без признаков ревности; среди моногамных крякв также могут встречаться полигиния и полиандрия. См. также R. W. Шуфельдт, "Спаривание среди птиц", *американский натуралист*, март 1907 г.; о браках млекопитающих - ценную статью Роберта Мюллера, "Säugethierehen", *Сексуальная проблема*,

январь 1909 г., а что касается общей распространенности моногамии, Вудс Хатчинсон, "Брак животных", *Современное обозрение*, октябрь 1904 г. и сентябрь 1905 г.

Среди историков брака уже давно идет спор о первой форме человеческого брака. Некоторые предполагают, что примитивный промискуитет постепенно видоизменялся в сторону моногамии; другие утверждают, что человек начался там, где остановились человекообразные обезьяны, и что моногамия преобладала в целом повсюду. Обе эти противоположные точки зрения в крайней форме кажутся несостоятельными, и истина, по-видимому, лежит посередине. Это было показано различными авторами, и особенно Вестермарком (*История человеческого брака*, гл. IV-VI), что нет убедительных доказательств в пользу примитивной распущенности и что в настоящее время мало, если вообще есть, диких народов, живущих в подлинной неограниченной сексуальной распущенности. Эта теория примитивной промискуитета, по-видимому, была предложена, как указал Дж. А. Годфри (*Наука о сексе*, стр. 112), существованием в цивилизованных обществах беспорядочной проституции, хотя на самом деле этот вид промискуитета был результатом, а не источником брака. С другой стороны, вряд ли можно сказать, что существуют какие-либо убедительные доказательства примитивной строгой моногамии, помимо предположения, что ранний человек продолжил сексуальные привычки человекообразных обезьян. Однако представляется вероятным, что большой шаг вперед, связанный спереходом от обезьяны к человеку, был связан с изменением сексуальных привычек, предполагающим временное принятие более сложной системы, чем моногамия. Трудно представить, в какой другой социальной сфере, кроме сексуальной, первобытный человек мог найти упражнение для развития интеллектуальных и моральных способностей, тонких различий и моральных ограничений, для которых строгая моногамия, практикуемая животными, была невозможна. Столь же трудно понять, на какой иной основе, кроме более тесно связанной сексуальной системы, могли бы развиваться объединенные и гармоничные усилия, необходимые для социального прогресса. Вполне вероятно, что по крайней мере одним из мотивов экзогамии, или брака вне группы, является (как, вероятно, впервые было указано святым Августином в его "*О гражданстве*") необходимость создания более широкого круга общения и, таким образом, содействия социальной деятельности и прогрессу. Точно такая же цель достигается сложной системой брака, связывающей большое количество людей общими интересами. Строго небольшая и замкнутая моногамная семья, как бы превосходно она ни служила интересам потомства, не обещала более широкого социального прогресса. Мы видим это как у муравьев, так и у пчел, которые из всех животных достигли высочайшей социальной организации; их прогресс был возможен только благодаря глубокой модификации систем сексуальных отношений. Как сказал Эспинас много лет назад (в своей наводящей на размышления работе "*Общество животных*"): "Сплоченность семьи и вероятность зарождения обществ обратны". Или, как недавно указал Шурц, хотя индивидуальный брак более или менее преобладал с самого начала, ранние социальные институты, ранние идеи и ранняя религия включали сексуальные обычаи, которые модифицировали строгую моногамию.

Наиболее примитивной формой сложного человеческого брака, существование которой до сих пор было продемонстрировано, является так называемый групповой брак, при котором все женщины одного класса рассматриваются как действительные или, по крайней мере, потенциальные жены всех мужчин другого класса. Это наблюдалось среди некоторых центральноавстралийских племен, народа настолько примитивного и настолько изолированного от внешнего влияния, насколько это вообще возможно, и есть свидетельства того, что раньше это было более распространено среди них. "Например, в племени урабунна, -

говорят Спенсер и Гиллен, - группа мужчин действительно постоянно и как нормальное условие поддерживает супружеские отношения с группой женщин. Такое положение дел имеет к полигамии не больше отношения, чем к полиандрии. Это просто вопрос группы мужчин и группы женщин, которые могут законно вступать в то, что мы называем супружескими отношениями. В этом нет ничего ненормального, и, по всей вероятности, эта система так называемого группового брака, служащая для более или менее тесной связи групп индивидов, взаимно заинтересованных в благополучии друг друга, была одним из самых мощных агентов на ранних стадиях восходящего развития человеческой расы" (Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 74; ср. А. У. Ховитт, *Коренные племена Юго-Восточной Австралии*). Групповой брак по женской линии, как это встречается в Австралии, имеет тенденцию трансформироваться на различных этапах прогресса в индивидуальный брак по мужской линии, пережиток группового брака, возможно, сохраняющийся в широко обсуждаемом *праве первой ночи*. (Следует добавить, что г-н Н. У. Томас в своей книге о *родстве и браке в Австралии*, 1908 г., приходит к выводу, что групповой брак в Австралии не был продемонстрирован, и что профессор Вестермарк в своей книге *"Происхождение и развитие моральных идей"*, как и в своей предыдущей *"Истории человеческого брака"*, придерживается скептического мнения в отношении группового брака в целом; он думает, что обычай урабунна, возможно, развился из обычного индивидуального брака, и рассматривает теорию группового брака как "остаточное наследие старой теории брака". распушенность." Дюркгейм также считает, что австралийская брачная система не примитивна (*"Организация австралийского брака"*, *"Социологическая энциклопедия"*, восьмой год, 1905). С достижением определенного уровня социального прогресса легко увидеть, что широкая и сложная система сексуальных отношений утрачивает свою ценность, и более или менее квалифицированная моногамия имеет тенденцию преобладать как более гармонирующая с требованиями социальной стабильности и исполнительной мужской энергии.

Лучшим историческим обсуждением брака по-прежнему, вероятно, является *"История человеческого брака"* Вестермарка, хотя в некоторых моментах она теперь нуждается в исправлении или дополнении; среди более поздних книг, посвященных примитивным сексуальным представлениям, можно особо упомянуть *"Мистическую розу"* Кроули, а факты, касающиеся трансформации брака среди высших человеческих рас, изложены в *"Истории брачных институтов"* Дж. Э. Говарда (3 тома), который содержит многочисленные библиографические ссылки. Существует восхитительно компактный, но ясный и всеобъемлющий очерк развития современного брака у Поллока и Мейтленда, *История английского права*, том ii.

Необходимо учитывать вариации, избегая таким образом крайних теоретиков, которые настаивают на том, чтобы подогнать все факты под свои теории, но мы можем заключить, что — на что указывает приблизительно равное число полов — у человеческого вида, как и у многих высших животных, в целом преобладала более или менее постоянная моногамия. Это факт, имеющий огромное значение в своих последствиях. Ибо мы должны осознать, что находимся здесь в присутствии естественного факта. Сексуальные отношения, как в сообществах людей, так и в сообществах животных, следуют естественному закону, колеблясь по обе стороны от нормы, и здесь нет места теории о том, что этот закон был навязан искусственно. Если бы все искусственные "законы" могли быть отменены, естественный порядок сексуальных отношений

продолжал бы существовать в основном так же, как и в настоящее время. Добродетель, сказал Цицерон, - это всего лишь доведенная до предела Природа. Или, как выразился Гольбах, утверждая, что наши институты стремятся туда, куда стремится Природа, "искусство - это всего лишь Природа, действующая с помощью инструментов, которые она сама создала". Шекспир уже убедился в той же истине, когда сказал, что искусство, дополняющее Природу, "это искусство, созданное Природой". Закон и религия поддерживали моногамию; она основана не на них, а на потребностях и обычаях человечества, и они составляют ее вполне адекватные санкции.^[313] Или, как выразился Коуп, брак - это не создание закона, а закон - это его создание.^[314] Кроули, опять же, на протяжении всего своего исследования примитивных половых отношений подчеркивает тот факт, что наша система официального брака - это не насильственное подавление естественных импульсов, как когда-то предполагали многие религиозные и моральные писатели, а просто жесткая кристаллизация тех естественных импульсов, которые в более изменчивой форме были присущи природе человека с самого начала. Мы должны полагать, что наши традиционные формы не привнесли никаких элементов ценности, хотя в некоторых отношениях они были вредными.

Необходимо иметь в виду, что вывод о том, что моногамный брак является естественным и представляет собой порядок, гармонирующий с инстинктами большинства людей, никоим образом не предполагает согласия с деталями какой-либо конкретной правовой системы моногамии. Моногамный брак является естественным биологическим фактом, как у многих животных, так и у человека. Но ни одна система правового регулирования не является естественным биологическим фактом. Когда высокоуважаемый психиатр доктор Клаустон пишет (*Гигиена разума*, стр. 245): "Существует только один естественный способ удовлетворения сексуального инстинкта и репродуктивного инстинкта - брак", утверждение требует значительного толкования, прежде чем оно может быть принято или даже получить вразумительный смысл, и если мы хотим понимать под "браком" особую форму и последствия английского закона о браке или даже несколько более просвещенного шотландского закона, утверждение абсолютно ложно. Как отмечает Дж. А. Годфри (*Наука о сексе*, 1901, стр. 278), между естественным моногамным браком и нашей правовой системой существует огромная разница: "первый является внешним выражением лучшего, что заложено в сексуальности человека; второй - творение, в котором религиозные и моральные суеверия сыграли важнейшую роль, не всегда на благо индивидуального и общественного здоровья".

Поэтому мы должны остерегаться тенденции думать, что в естественном порядке моногамии есть что-то жесткое или формальное. Некоторые социологи даже еще больше ограничили бы естественность моногамии. Так, Тард ("*Сексуальная мораль*", *Архив криминологии*, январь 1907 г.), признавая естественной в нынешних условиях тенденцию к преобладанию моногамии, смягчаемой более или менее тайным сожителем, над всеми другими формами брака, считает, что это связано не с каким-либо непреодолимым влиянием, а просто с тем фактом, что этот вид брака практикуется большинством людей, включая наиболее цивилизованных.

С принятием тенденции к моногамии мы находимся не в конце сексуальной морали, а только в начале. Главное не в моногамии, а в том, какую жизнь люди ведут при моногамии. Простое принятие моногамных правил лишь немного продвигает нас вперед. Это факт, который не может не произвести впечатления на тех, кто подходит к вопросам секса с психологической точки зрения.

Если моногамия, таким образом, прочно обоснована, то неразумно опасаться или надеяться на какое-либо радикальное изменение института брака, рассматриваемого не с точки зрения его временных религиозных и юридических аспектов, а как порядок, появившийся на земле еще раньше человека. Моногамия является наиболее естественным выражением импульса, который, как правило, не может быть столь адекватно реализован в полной мере в условиях, предполагающих менее длительный период взаимного общения и близости. Вариации, рассматриваемые как неизбежные колебания вокруг нормы, также естественны, но союз в парах всегда должен быть правилом, потому что количество полов всегда примерно равно, в то время как потребности эмоциональной жизни, даже помимо потребностей потомства, требуют, чтобы такие союзы, основанные на взаимном влечении, были, насколько это возможно, постоянными.

Здесь следует еще раз повторить, что именно реальность, а не форма или постоянство брачного союза является его существенной и ценной частью. Это не юридическая или религиозная формальность, которая освящает брак, это реальность брака, которая освящает форму. Филдинг высмеял в "Найтингейле, друге Тома Джонса" поверхностный взгляд на супружеское общество, которое принижает реальность брака, чтобы возвысить его форму. Найтингейлу труднее всего жениться на девушке, с которой у него уже были сексуальные отношения, хотя он единственный мужчина, у которого были с ней отношения. На аргументы Джонса он отвечает: "Здравый смысл подтверждает все, что вы говорите, но все же вы хорошо знаете, что мнение мира настолько противоречит этому, что, если бы я женился на шлюхе, пусть и моей собственной, мне было бы стыдно когда-либо снова показаться на глаза". Нельзя сказать, что сатира Филдинга вообще еще не устарела. Так, в Пруссии, по словам Адель Шрайбер ("Наследники нового поколения", *Die Neue Generation*, февраль 1909 г.), кажется, что для военного офицера все еще практически невозможно жениться на матери своего собственного незаконнорожденного ребенка.

Прославление формы в ущерб реальности брака даже было предпринято Теннисоном в поэзии в наименее вдохновенном из его произведений, *"Королевские идиллии"*. В "Ланселоте и Элейн" и "Гвиневре" (как указывает Джулия Магрудер, *Североамериканское обозрение*, апрель 1905 г.) Гвиневра замужем за королем Артуром, которого она никогда не видела, хотя уже влюблена в Ланселота, так что "брак" был просто церемонией, а не настоящим браком (ср., Мэй Чайлд, "Странности сэра Ланселота", *Североамериканское обозрение*, декабрь 1908 г.).

Кому-то может показаться, что столь консервативная оценка тенденций цивилизации в вопросах сексуальной любви объясняется робкой приверженностью простым традициям. Это не так. Мы должны признать, что брак прочно удерживается на своих позициях под давлением двух противоположных сил. В потоке нашей цивилизации есть два течения: одно, которое движется ко все большему социальному порядку и сплоченности, другое, которое движется ко все большей индивидуальной свободе. В основе кажущегося противостояния этих двух тенденций лежит реальная гармония, и каждая из них действительно является незаменимым дополнением другой. Не может быть реальной свободы для индивида в том, что касается только этого индивида, если не существует согласованного порядка в том, что касается его как социальной единицы. Брак в одном из своих аспектов касается только двух вовлеченных личностей; в другом из своих аспектов он касается главным образом общества. Две силы не могут объединиться, чтобы действовать разрушительно на брак, поскольку одна

противодействует другой. Они объединяются, чтобы поддерживать моногамию во всех существенных аспектах на ее незапамятной основе.

Следует добавить, что в обстоятельствах моногамии, которые не являются существенными, всегда была и всегда должна быть постоянная трансформация. Все традиционные институты, какими бы прочно они ни были основаны на естественных импульсах, в какие-то моменты всегда становятся мертвыми и негибкими, а в другие - дают ростки жизненно важного новообразования. Это усилие по поддержанию их жизнеспособности и сохранению их эластичного приспособления к окружающей среде, которое включает в себя этот процесс трансформации в несущественное.

Единственный способ, которым мы можем плодотворно подойти к вопросу о ценности преобразований, происходящих сейчас в нашей системе брака, - это рассмотреть историю этой системы в прошлом. Таким образом, мы узнаем истинное значение брачной системы и понимаем, какие преобразования связаны или не связаны с развитой цивилизацией. Когда мы знакомимся с изменениями прошлого, мы можем более уверенно смотреть в лицо изменениям настоящего.

История брачной системы современных цивилизованных народов начинается в последние дни существования Римской империи, в то время, когда закладывались основы римского права, оказавшего столь большое влияние в христианском мире. Уже делалась ссылка^[315] на важный факт, что в позднем Риме женщины обрели почти полную независимость по отношению к своим мужьям, в то время как патриархальная власть, все еще осуществляемая над ними их отцами, стала, по большей части, почти номинальной. Такой высокий статус женщин был связан, как это естественно обычно бывает, с высокой степенью свободы в системе брака. Римское право не имело права вмешиваться в заключение браков, и не существовало никаких законных форм брака. Римляне признавали, что брак - это факт, а не просто юридическая форма; в браке *пообычаю* вообще не было церемонии; он заключался в простом факте совместного проживания в течение целого года; и все же такой брак считался таким же законным и завершенным, как если бы он был установлен священным обрядом *confarreatio*. Брак был делом простого частного соглашения, по которому мужчина и женщина подходили друг к другу на равноправной основе. Жена сохраняла полный контроль над своей собственностью; варварство, заключающееся в признании иска о восстановлении супружеских прав, было невозможно, развод был частной сделкой, на которую жена имела такое же полное право, как и муж, и для этого не требовалось инквизиционного вмешательства магистрата или суда; Август действительно постановил, что необходимо публичное заявление, но сам развод был частным правовым актом двух заинтересованных лиц.^[316] Интересно отметить, что эта просвещенная концепция брака преобладает в величайшей и наиболее властной Империи, которая когда-либо господствовала в мире, не в период ее наибольшего могущества — поскольку максимум силы и максимум расширения, бутон и полный цветок, неизбежно несовместимы, — но в период ее наиболее полного развития. В хаосе, последовавшем за распадом Империи, римское право оставалось драгоценным наследием для новых развивающихся стран, но его влияние было неразрывно связано с влиянием христианства, которое, хотя поначалу и не стремилось устанавливать собственные законы о браке, постепенно обнаруживало растущее аскетическое чувство, враждебное как достоинству замужней женщины, так и свободе брака и развода.^[317] С этим влиянием сочеталось влияние, привнесенное через Библию, варварской еврейской брачной системы, предоставляющей мужу права в браке и разводе, в которых жене было

полностью отказано; это было влияние, которое приобрело еще большую силу в Реформацию, когда авторитет, некогда принадлежавший Церкви, был в значительной степени преобразован в Библию. Наконец, в значительной части Европы, включая самые энергичные и обширные районы, существовало влияние немцев, влияние еще более примитивное, чем влияние евреев, включавшее представление о жене как о почти что движимом имуществе своего мужа, а о браке как о покупке. Все эти влияния сталкивались и часто проявлялись бок о бок, хотя и не могли быть гармонизированы. Результатом было то, что полторы тысячи лет, последовавшие за полным завоеванием христианства, представляют собой в целом наиболее деградированное состояние, до которого, как было известно, система брака когда-либо доходила за столь длительный период на протяжении всей истории человечества.

Поначалу действительно благотворное влияние Рима продолжало в какой-то степени преобладать и даже проявляло новые тенденции. Во времена христианских императоров свобода развода по взаимному согласию попеременно сохранялась и отменялась.^[318] Мы даже находим мудрое и дальновидное положение закона, устанавливающее, что договор двух сторон о неразрывном сотрудничестве не может иметь юридической силы. Запрет Юстиниана на развод по обоюдному согласию привел ко многим семейным несчастьям и даже преступлениям, что, по-видимому, и стало причиной того, что он был немедленно отменен его преемником Феодосием, все еще поддерживающим позднеримскую традицию морального равенства полов, позволявшую жене наравне с мужем получать развод за супружескую измену; этого мы в Англии сегодня еще не достигли.

Кажется, со всех сторон признается, что в значительной степени именно фатальное влияние вторжения германских варваров привело к деградации, когда оно не смогло снести, благородной концепции равенства женщин с мужчинами, а также достоинства и свободы брака, медленно превращенной организующим гением римлян в великую традицию, которая до сих пор сохраняет высшую ценность. Влияние христианства поначалу не имело такого унижительного воздействия; поскольку аскетический идеал еще не был преобладающим, священники вступали в брак как нечто само собой разумеющееся, и не было никаких трудностей в принятии брачного порядка, установленного в светском мире; было даже возможно придать ему новую жизненную силу и свободу. Но немцы, со всеми примитивно стяжательскими и воинственными инстинктами необузданных дикарей, пошли намного дальше даже ранних римлян в подчинении своих жен; они действительно позволяли своим незамужним девушкам большую меру снисхождения и даже сексуальную свободу — точно так же, как христиане также почитали своих девственников,^[319] — но немецкая брачная система ставила на первое место жена, по сравнению с женой Римской империи, в состоянии немногим лучшем, чем у домашней рабыни. В той или иной форме, под тем или иным прикрытием, система выкупа жен преобладала среди немцев, и всякий раз, когда эта система пользуется влиянием, даже когда жене оказывают почести, ее привилегии уменьшаются.^[320] У тевтонских народов в целом, как и у ранних англичан, брак действительно был частной сделкой, но он принимал форму продажи невесты отцом или другим законным опекуном жениху. *Обручение* было настоящим договором купли-продажи.^[321] "Продажа-брак" была наиболее распространенной формой заключения брака. Кольцо, действительно, вероятно, по происхождению было не знаком рабства, как предполагают некоторые, а скорее формой выкупа за невесту, или *arra*, то есть задатком по брачному контракту и, следовательно, его символом.^[322] Сначала кольцо было

знаком покупки невесты, только позже оно приобрело значение подчинения жениху, и это значение позже, в средние века, было еще более подчеркнуто другими церемониями. Так, в Англии руководства Йорка и Сарума в некоторых своих формах предписывают невесте после вручения кольца упасть к ногам своего мужа, а иногда и поцеловать его правую ступню. В России тоже невеста целовала ноги своему мужу. В более поздний период, во Франции, этот обычай был ослаблен, и для невесты стало обычным ронять кольцо перед алтарем, а затем наклоняться к ногам мужа, чтобы поднять его.^[323] Феодализм продолжал, и своим военным характером преувеличивал, эти тевтонские влияния. Феод - это земля, которой владеют при условии прохождения военной службы, и из этого факта вытекает характер ее влияния на брак. Женщина получила поместье, и ее собственная воля ничего не значила.^[324]

Христианская церковь вначале приняла формы брака, уже существовавшие в тех странах, в которых она оказалась, римские формы в странах латинской традиции и немецкие формы в тевтонских землях. Он просто требовал (как и в случае с другими гражданско-правовыми договорами, такими как обычная продажа), чтобы они были освящены благословением священника. Но брак признавался Церковью даже при отсутствии такого благословения. Ранее VI века ни на Востоке, ни на Западе не существовало специальной религиозной службы венчания. Просто у супружеской пары был обычай после завершения светских церемоний посещать церковь, слушать обычную службу и принимать причастие. Специальная брачная служба разрабатывалась медленно, и это не было частью настоящего брака. В десятом веке (по крайней мере, в Италии и Франции) начало входить в обычай отмечать первую часть настоящего бракосочетания, которое по-прежнему было чисто мирским актом, за дверями церкви. Вскоре за этим последовала обычная месса для новобрачных, непосредственно соответствующая случаю, внутри церкви. К двенадцатому веку церемонией руководил священник, который теперь включал в себя внушительный ритуал, который начинался снаружи церкви и заканчивался свадебной мессой внутри. К тринадцатому веку священник, заменивший опекунов молодой пары, сам руководил всей церемонией. До того времени брак был чисто частной коммерческой сделкой. Таким образом, после более чем тысячелетнего существования христианства, не по закону, а благодаря медленному распространению обычаев, был установлен церковный брак.^[325]

Несомненно, это было событие очень большого значения не только для Церкви, но и для всей истории европейского брака вплоть до наших дней. Весь наш общественный метод празднования брака сегодня основан на методе католической церкви, установленном в двенадцатом веке и сформулированном в Каноническом праве. Даже оглашение бракосочетания берет свое начало здесь, и тот факт, что в нашем современном гражданском браке публичная церемония проходит в офисе, а не в церкви, может скрывать, но не может изменить того факта, что это прямой и бесспорный потомок публичной церковной церемонии, которая олицетворяла медленную и незаметную победу — настолько медленную и незаметную, что ее историю трудно проследить — христианских священников над личными делами мужчин и женщин. До того, как они поставили перед собой эту задачу, брак повсюду был частным делом заинтересованных лиц; когда они выполнили свою задачу — а она не была полностью завершена до Тридентского собора, — частный брак стал грехом и почти преступлением.^[326]

Может показаться удивительным, что Церковь, которая, как мы знаем, проявляла все большую склонность к почитанию девственности и порицанию сексуальных отношений, все же, параллельно с этим движением и растущим влиянием аскетизма, проявляла столь большое

стремление захватить брак и придать ему общественный, достойный и религиозный характер. Однако противоречия не было. Факторы, которые составляли европейский брак, взятые в целом, действительно имели очень разнообразный характер и часто включали в себя непримиримые противоречия. Но что касается основных усилий церковных законодателей, то здесь существовала определенная и понятная точка зрения. Само обесценивание полового инстинкта влекло за собой необходимость, поскольку инстинкт невозможно было искоренить, создать для него законный канал, так что церковный брак был, как было сказано, "аналогичен лицензии на продажу одурманивающих напитков".^[327] Более того, супружество продемонстрировало силу Церкви наделять лицензию достоинством и отличием, которые четко отделяли бы ее от общего потока похоти. Сексуальное наслаждение нечисто, верующие не могут вкушать его до тех пор, пока оно не будет очищено служением Церкви. Венчание было необходимым результатом освящения девственности. Стало необходимым также освятить брак, и поэтому было разработано неразрывное таинство супружества. Концепция брака как религиозного таинства, концепция далеко идущего влияния, является огромным вкладом католической церкви в историю брака.

Важно помнить, что, хотя христианство внесло идею брака как таинства в основной поток институциональной истории Европы, эта идея была просто развита, а не изобретена Церковью. Это древняя и даже примитивная идея. Евреи верили, что брак - это магико-религиозная связь, имеющая в себе нечто мистическое, напоминающее таинство, и эта идея, говорит Дюркгейм (*Социологическая энциклопедия*, восьмой год, 1905, стр. 419), возможно, очень архаична и зависит от общего магического характера сексуальных отношений. "Сам акт единения, - замечает Кроули (*"Мистическая роза"*, стр. 318) о дикарях, - потенциально является брачной церемонией сакраментального рода. ... Можно даже поверить, что у первых людей-анимистов были какие-то такие смутные представления до того, как какая-либо церемония оформилась ". Суть церемонии бракосочетания, продолжает тот же автор, "заключается в "соединении" мужчины и женщины; говоря словами нашей английской службы, "по этой причине мужчина оставит своего отца и мать и соединится со своей женой; и они двое будут одной плотью ". На другом конце света, у оранг бенуа, эти слова произносит старейшина во время церемонии бракосочетания: "Слушайте все присутствующие; те, кто был далек, теперь объединены; те, кто был разлучен, теперь соединены ". Брачные церемонии на всех этапах часть культуры может быть названа религиозной с таким же правом, как и любая другая церемония. Те, кто был разделен, теперь соединены вместе, те, на кого было наложено взаимное табу, теперь нарушают табу ". Таким образом, брачные церемонии предотвращают грех и нейтрализуют опасность.

Ясно, что католическая концепция брака была, по сути, именно примитивной концепцией. Христианство черпало сакраментальную идею из архаичных традиций в массовом сознании, и его собственный церковный вклад заключался в постепенном придании этой идее формальной и жесткой формы и в объявлении ее нерасторжимой. Как и у дикарей, суть таинства заключалась в акте согласия; вмешательство священника в принципе не было необходимым для придания браку его религиозно обязывающего характера. Суть таинства заключалась во взаимном принятии друг друга мужчиной и женщиной как мужа и жены, и технически священник, председательствовавший на церемонии, был просто свидетелем таинства. Существенным фактом, являющимся, таким образом, мысленным актом согласия, таинство брака имело особый характер отсутствия каких-либо внешних и видимых признаков. Возможно, именно этот факт, инстинктивно ощущаемый как слабость, привел к огромному акценту на

нерасторжимости таинства брака, уже установленного святым Августином. Канонисты выдвигали различные аргументы в объяснение этой нерасторжимости, и частым аргументом всегда было применение в Писании термина "одна плоть" к супружеским парам; но любимым аргументом канонистов было то, что супружество представляет союз Христа с Церковью; это нерасторжимо, и поэтому его образ должен быть нерасторжимым (Esmein, *op. cit.*, том i, стр. 64). Можно также полагать, что идея нерасторжимости брака отчасти возникла в церковном сознании в результате естественной ассоциации идей: обет девственности в монашестве был нерушимым; разве обет сексуальных отношений в браке не должен быть столь же нерушимым? Похоже, что только в 1164 году в *предложениях* Питера Ломбарда было найдено четкое и формальное признание брака как одного из семи таинств (Говард, *указ. соч.*, том i, стр. 333).

Однако Церковь не только превратила брак в религиозный акт, но и сделала его публичным актом. Исполняющий обязанности священника, который теперь стал арбитром в вопросах брака, был связан всеми предписаниями и запретами Церкви, и он не мог позволить себе уступать склонностям и интересам отдельных пар или их опекунов. Было неизбежно, что в этом вопросе, как и в других подобных вопросах, для его руководства должен был постепенно разрабатываться свод церковных предписаний. Эта потребность Церкви, обусловленная ее растущим контролем над мировыми делами, легла в основу канонического права. С развитием канонического права вся область регулирования сексуальных отношений и контроля за их отклонениями стала исключительно церковным делом. Светский закон мог признавать прелюбодеяние не более прямым, чем блуд или мастурбацию; двоеженство, кровосмешение и содомия не были мирскими преступлениями; Церковь была верховной во всей сфере секса.

Именно в двенадцатом веке появилось каноническое право, и Грациан был выдающимся мыслителем, который первым сформулировал его. Он принадлежал к болонской школе юриспруденции, которая унаследовала здравые традиции римского права. Каноны, составленные Грацианом, были, однако, не более простым результатом правовых традиций, чем результатом замкнутых богословских спекуляций. Они были результатом реагирования на практические потребности того времени, когда эти потребности еще не успели сформироваться в основу тонких разработок. В несколько более поздний период, перед концом столетия, итальянские юристы были побеждены парижскими галльскими теологами в лице Питера Ломбарда. Результатом стало введение пагубных сложностей, которые привели к тому, что каноническое право утратило как свою определенность, так и приспособленность к потребностям человека.

Однако, несмотря на все паразитические наросты, которые быстро начали формироваться вокруг канонического права и запутывать его практическую деятельность, это законодательство воплощало — преимущественно в самом начале и более неясно на протяжении всего периода его жизнедеятельности — прочную основуреальную ценности. Каноническое право с самого начала признавало, что существенным фактом брака является фактический сексуальный союз, совершенный с намерением установить постоянные отношения. *Плотская связка*, соединение двоих "одной плотью", согласно библейской фразе, мистическому символу союза Церкви со Христом, была сутью брака, и одного взаимного согласия пары было достаточно для заключения брака, даже без какого-либо религиозного благословения или вообще без какой-либо церемонии. Бесформенный и не благословенный союз все еще оставался настоящим и обязывающим браком, если бы две стороны пожелали, чтобы так было.^[328]

Какие бы нелицеприятные вещи ни говорили о каноническом праве, никогда не следует забывать, что оно пронесло через Средние века до середины шестнадцатого века великую истину о том, что суть брака заключается не в обрядах и формах, а во взаимном согласии двух лиц, вступающих в брак друг с другом. Когда католическая церковь, в своей растущей жесткости, утратила эту концепцию, она была подхвачена протестантами и пуританами на их первой стадии пылкой жизнедеятельности, хотя и была более или менее отброшена по мере того, как они возвращались в состояние подчинения формам. Ее продолжали поддерживать моралисты и поэты. Так, Джордж Чэпмен, драматург, который был одновременно моралистом и поэтом, в "*Джентльмене ашере*" (1606) представляет брак без ритуала своего героя и героини, который последняя представляет следующим образом:

- Разве мы не можем сейчас
заключить наш контракт и пожениться перед Небесами?
Разве законы Бога и Природы не больше
, чем формальные законы людей? Являются ли внешние обряды
более добродетельными, чем сама суть
священного бракосочетания, совершаемого внутри?
. ... Вечные деяния наших чистых душ
Связывают нас с Богом, душой всего мира,
Он будет нашим священником; и с помощью таких обрядов,
которые мы сможем здесь придумать, мы выразим
И твердо утвердим истинные обеты наших сердец,
которые никакое внешнее насилие не отменит".

И сегодня Эллен Ки, выдающийся пророк реформы брака, заявляет в конце своей *книги "Жизнь и благословение"*, что истинный закон о браке содержит только параграф: "Любящие друг друга являются мужем и женой".

Установление брака на этой прочной и натуралистической основе имело еще один превосходный результат: оно поставило мужчину и женщину, которые, таким образом, могли заключить брак по своему согласию, полностью игнорируя желания своих родителей или семей, на один и тот же моральный уровень. Здесь Церковь в равной степени следовала за поздними римлянами и ранними христианами, такими как Лактанций и Иероним, которые заявляли, что то, что дозволено мужчине, дозволено и женщине. Кающиеся также пытались установить один и тот же моральный закон для обоих полов. Канонисты, наконец, признали определенное превосходство мужа, хотя, с другой стороны, иногда казалось, что они отводят жене даже главную роль в браке, и была предпринята попытка вывести слово *matrimonium* от *matris munium*, тем самым объявив материнскую функцию существенным фактом брака.^[329]

Однако с самого раннего периода здоровые элементы концепции брака в каноническом праве были в значительной степени, если не совсем, нейтрализованы словесными тонкостями, которыми они были дополнены, и даже его собственными фундаментальными первоначальными дефектами. Еще в тринадцатом веке его стали можно прикрепить все необходимые силы для брака в устной форме формируется *согласно верба-де-прæsentì* чем один представляет сексуальный союз, в то время как так много препятствий для вступления в брак

были созданы, что стало трудно понять, какие браки являются действительными, важный момент, так как брак даже невинно заключен в запрещенных степенях был только предполагаемый брак. Самой серьезной и наиболее глубоко противоестественной чертой этой церковной концепции брака было вопиющее противоречие между чрезвычайной легкостью, с которой ворота брака распахивались перед молодой парой, даже если они были немногим старше детей, и чрезвычайной строгостью, с которой они запирались на засов, когда они находились внутри. Это все еще недостаток системы брака, которую мы унаследовали от Церкви, но в руках канонистов это подчеркивалось как с точки зрения удобства вступления, так и с точки зрения трудности выхода.^[330] Как с точки зрения разума, так и с точки зрения человечества, врата, в которые легко войти, должны быть легкими и для выхода; или, если выход обязательно труден, при входе необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Но ни одна из этих необходимых предосторожностей не была возможной для канонистов. Супружество было таинством, и все должны быть приглашены к причастию, тем более что в противном случае они могут быть ввергнуты в смертный грех блуда. С другой стороны, поскольку супружество было таинством, которое, будучи однажды по-настоящему оформленным, невозможно было аннулировать словесными придирками, оно никогда не могло быть отменено. Сам институт, который, по мнению Церкви, был создан как оплот против вседозволенности, сам по себе стал инструментом для искусственного создания вседозволенности. Таким образом, конечным результатом канонического права в долгосрочной перспективе стало создание такого положения вещей, которое — в глазах значительной части христианского мира — более чем нейтрализовало обоснованность его первоначальной концепции.^[331]

В Англии, где с IX века церковные и светские власти в целом признавали брак нерасторжимым, каноническое право было, в основном, установлено так же, как и в остальном христианском мире. Были, однако, определенные моменты, в которых каноническое право не было принято законодательством Англии. По английским законам церемония в присутствии священника была необходима для признания брака действительным, хотя в Шотландии была принята доктрина канонического права, согласно которой простого согласия сторон, даже тайного обмена, было достаточно для заключения брака. Опять же, вопрос о недействительном браке, заключенном в невинности, и вопрос о лицах, которые впоследствии вступают в брак друг с другом, являются законными по каноническому праву, но не по общему праву Англии (*Гири, Брак и семейные отношения*, стр. 3; Поллок и Мейтленд, *лок. цит. по*). Канонисты рассматривали недостатки, связанные с незаконнорожденностью, как наказание, налагаемое на родителей-нарушителей, и поэтому считали, что никакое бремя не должно ложиться на детей, если церемония была проведена добросовестно по крайней мере со стороны одного из родителей. В этом отношении английское законодательство менее разумно и гуманно. Именно на Мертонском соборе в 1236 году английские бароны отклонили предложение привести законы Англии в соответствие с каноническим правом, то есть с церковным правом христианского мира в целом, разрешив детям, рожденным до брака, быть узаконенными последующим браком. Гроссетесте изливал свое красноречие и свои аргументы в пользу изменения, но тщетно, и с тех пор закон Англии в этом отношении остается особняком (Фримен, *"Приорат Мертон", английские города и округа*). Это предложение было отклонено в знаменитой формуле "Никаких законов Англии", формуле, которая просто обозначала неразумное и бесчеловечное упрямство.

В Соединенных Штатах, хотя по общему праву последующий брак не является законным для детей, рожденных до брака, во многих штатах последующий брак родителей по закону

определяет законность ребенка, иногда (как в штате Мэн) автоматически, чаще (как в Массачусетсе) посредством специального признания отцом.

Появление Лютера и Реформация привели к упадку системы канонического права в Европе в целом. По многим причинам для протестантских реформаторов было невозможно формально сохранить ни католическую концепцию брака, ни ненадежно сложную правовую структуру, которую Церковь построила на этой концепции. Действительно, вряд ли можно сказать, что отношение протестантов к католической идее брака было в целом ясным, логичным или последовательным. Это был бунт, эмоциональный порыв, а не вопрос разумных принципов. В его неизбежной необходимости, в условиях подъема протестантизма, заключается его оправдание и, в целом, его благотворная обоснованность. Это приняло форму, которая может показаться странной в религиозном движении, провозглашения того, что брак - это не религиозное, а светское дело. Брак, по словам Лютера, "дело мирское", а Кальвин ставил его на тот же уровень, что домостроительство, фермерство или изготовление обуви. Но хотя эта секуляризация брака представляет собой общее и окончательное течение протестантизма, сами лидеры протестантизма не были полностью уверены и дальновидны в этом вопросе. Даже Лютер был немного сбит с толку по этому поводу; иногда кажется, что он называет брак "таинством", иногда "мирским делом", которое должно быть предоставлено государству.^[332] Преобладала последняя точка зрения. Но поначалу в умах реформаторов царил период замешательства, если не хаоса; они не только не всегда были убеждены в своих собственных мыслях; они расходились друг с другом, особенно по очень практическому вопросу о разводе. Лютер в целом принадлежал к более жесткой партии, включая Кальвина и Безу, которые давали развод только за супружескую измену и злонамеренное дезертирство; некоторые, включая многих ранних английских протестантов, выступали за то, чтобы разрешить мужу разводиться за супружескую измену, но не жене. Другая партия, включая Цвингли, находилась под влиянием Эразма в более либеральном направлении и— переходя на точку зрения римского имперского законодательства, допускала различные причины развода. Некоторые, как Буцер, предвосхищая Милтона, даже разрешили бы развод, если бы муж был не в состоянии любить свою жену. Вначале некоторые реформаторы приняли принцип саморазводного процесса, поскольку он преобладал среди евреев и был принят некоторыми ранними церковными соборами. Таким образом, Лютер считал, что причина развода сама по себе привела к разводу без какого-либо судебного постановления, хотя для повторного брака требовалось разрешение мирового судьи. Этот вопрос о повторном браке и обращении с прелюбодеем также был предметом споров. Повторный брак невинной стороны был общепризнанным; в Англии он начался в середине шестнадцатого века, был признан действительным архиепископом Кентерберийским и утвержден парламентом. Однако многие реформаторы были против повторного вступления в брак сторонников прелюбодейства. Буст, Беза и Меланхтон хотели бы повесить его и таким образом решить вопрос о повторном браке; Лютер и Кальвин хотели бы убить его, но поскольку гражданские власти проявили слабость в принятии этой меры, они позволили ему повторно жениться, если это возможно, в какой-нибудь другой части страны.^[333]

Конечным результатом стало то, что протестантизм построил концепцию брака главным образом на юридическом и экономическом факторе — факторе, который не игнорировался, но строго подчинялся канонистам, - и рассматривал его, по сути, как контракт. Поступая таким образом, они, с негативной стороны, осуществляли реальный прогресс, поскольку разрушали власть устаревшей и искусственной системы, но с положительной стороны, они просто возвращались к концепции, которая преобладает в варварских обществах, и наиболее ярко

проявляется, когда брак наиболее уподобляется покупке. Шаги, предпринятые протестантизмом, повлекли за собой значительные изменения в природе брака, но не обязательно какие-либо значительные изменения в его форме. Брак больше не был таинством, но он по-прежнему был общественным, а не частным мероприятием и по-прежнему, пусть и непоследовательно, совершался в Церкви. И поскольку у протестантизма не было конкурирующего кодекса, который можно было бы установить, как в Германии, так и в Англии он вернулся к общим принципам канонического права, видоизменив их в соответствии со своим особым отношением и потребностями.^[334] Это было более позднее пуританское движение, сначала в Нидерландах (1580), затем в Англии (1653), а затем и в Новой Англии, которое ввело серьезную и последовательную концепцию протестантского брака и начало устанавливать его на гражданской основе.

Английские реформаторы при Эдуарде VI и его просвещенных советниках, включая архиепископа Кранмера, придерживались либеральных взглядов на брак и были готовы провести множество замечательных реформ. Ранняя смерть этого короля оказала глубокое влияние на юридическую историю английского брака. Католическая реакция при королеве Марии уничтожила более радикальных реформаторов, в то время как последующее восшествие на престол королевы Елизаветы, чье отношение к браку было неохотным, нелиберальным и старомодным, примерно таким же, как у ее отца, Генриха VIII (о чем свидетельствует, например, ее решительное несогласие с браками духовенства), навсегда повлияло на английское брачное законодательство. Она стала менее либеральной, чем в других протестантских странах, и ближе к католическим странам.

Реформа брака, предпринятая пуританами, началась в Англии в 1644 году, когда был принят Закон, утверждающий, что "брак не является ни таинством, ни чем-то особенным для Церкви Божьей, но общим для человечества и представляющим общественный интерес для каждого Государства". Тем не менее, в Законе добавлялось, что целесообразно, чтобы бракосочетание было совершено "законным служителем Слова". Более радикальный закон 1653 года отменил это положение и сделал брак чисто светским. Оглашение должно было быть опубликовано (специально назначенными регистраторами) в Церкви или (по желанию сторон) на рыночной площади. Брак должен был заключаться мировым судьей; возраст согласия на вступление в брак для мужчины был установлен в шестнадцать лет, для женщины - в четырнадцать (*"Акты и постановления"* Скобелла, стр. 86, 236). Реставрация отменила этот разумный акт и вновь ввела традиции канонического права, но пуританская концепция брака была перенесена в Америку, где она пустила корни и процветала.

Более того, именно из пуританизма, представленного Мильтоном, должна была возникнуть первая по-настоящему современная, хотя и все еще несовершенная концепция брачных отношений. Ранние реформаторы в этом вопросе действовали главным образом из неясного инстинкта естественного бунта в среде плебейского материализма. Пуритане были тронуты своим чувством простоты и гражданского порядка как условий религиозной свободы. Милтон в своей *"Доктрине и дисциплине развода"*, опубликованной в 1643 году, когда ему было тридцать пять лет, провозгласил превосходство сущности брака над его формой, и духовную автономию личности в регулировании этой формы. Он постиг значение той концепции личной ответственности, которая является основой сексуальных отношений в том виде, в каком они начинают представляться мужчинам сегодня. Если бы Мильтон оставил после себя только свои труды о браке и разводе, их было бы достаточно, чтобы наложить на него печать гениальности.

Христианскому миру пришлось ждать полтора столетия, прежде чем другой гениальный человек первого ранга, Вильгельм фон Гумбольдт, с таким же авторитетом и ясностью высказался в пользу свободного брака и свободного развода.

К чести Мильтона и одной из его главных претензий на нашу благодарность является то, что он является первым великим сторонником в христианском мире доктрины о том, что брак - это частное дело, и что, следовательно, он должен быть свободно расторгнут по взаимному согласию или даже по желанию одной из сторон. Мы обязаны ему, говорит Говард, "самой смелой защитой свободы развода, которая когда-либо существовала. Если брать абстрактно и применять одинаково к обоим полам, то это, пожалуй, самая сильная защита, которая может быть выдвинута путем апелляции к простому авторитету;" хотя его аргументы, основанные на разуме и опыте, часто плохо подкрепляются его авторитетом; он действительно говорит языком современного социального реформатора, и труды Мильтона на эту тему в настоящее время иногда оцениваются по важности выше всех его других работ (Masson, *Life of Milton*, vol. iii; Howard, *op. cit.*, vol. ii, стр. 86, вып. iii, с. 251; К. Б. Уилер, "Доктрина Мильтона и дисциплина развода", *Девятнадцатый век*, январь 1907 г.).

Брак, сказал Милтон, "это не просто плотское соитие, но человеческое общество; там, где этого быть не может, не может быть истинного брака" (*Доктрина развода*, Вк. i, гл. XIII); это "завет, само существо которого состоит не в принудительном сожительстве и фальшивом исполнении обязанностей, но в неподдельной любви и мире" (*Ib.*, гл. VI). Любой брак, который меньше этого, - это "идол, ничто в мире". Слабым местом в изложении Милтоном этого вопроса является то, что он никогда прямо не наделяет жену той же властью инициативы в браке и разводе, что и мужа. Однако в его аргументации нет ничего, что препятствовало бы ее равному применению к жене, применению, которое, никогда не утверждая, он никогда не отрицает; и было указано, что он предполагает, что женщины равны мужчинам, и требует от них интеллектуального и духовного общения; как бы Милтон ни был готов предоставить жене полное равноправие при разводе, пуританин семнадцатого века не смог бы добиться какого-либо рассмотрения такой доктрины; его аргументы были бы восприняты, если бы это было возможно, с еще большим пренебрежением, чем они были на самом деле. (Хорошо известен презрительный сонет Мильтона о том, как восприняли его книгу.)

Милтон настаивает на том, что в традиционном христианском браке исключительное значение придается плотской связи. До тех пор, пока эта связь возможна, независимо от того, какая антипатия может существовать между супругами, независимо от того, насколько они ошибались "из-за какой-либо ошибки, сокрытия или несчастного случая", независимо от того, невозможно ли им "жить в каком-либо союзе или довольстве всю свою жизнь", и все же брак остается крепким, двое должны "сливаться воедино" (указ. *цит.*, Вк. i). По его словам, виновато каноническое право, "несомненно, политика дьявола", поскольку Каноническое право ведет к распущенности (указ. *соч.*). Он утверждает, что именно отсутствие разумной свободы приводит к вседозволенности, и именно люди, желающие сохранить привилегии вседозволенности, выступают против введения разумной свободы.

Справедливым основанием для развода является "нездоровье, непригодность или противоречивость ума, возникающие по неизменной причине природы, препятствующей и всегда способной помешать основным преимуществам супружеского общества, которыми являются утешение и мир". Без "глубокой и серьезной истины" взаимной любви брак - "не что

иное, как пустая оболочка простого внешнего брака", простое лицемерие, и он должен быть расторгнут (указ. соч.).

Мильтон выходит за рамки обычной пуританской точки зрения и не только отвергает суды и магистратов, но и одобряет самостоятельный развод; ибо развод не может по праву принадлежать какой-либо гражданской или земной власти, поскольку "часто причины расторжения брака настолько глубоко коренятся в радикальных и невинных склонностях природы, что вмешиваться в это не входит в компетенцию закона". Он добавляет, что для предотвращения несправедливости особые вопросы могут быть переданы мировому судье, который, однако, ни в коем случае не должен иметь возможности запретить развод (*op. cit.*, Вк. ii, глава XXI). Выступая с точки зрения, которой мы еще даже не достигли, он протестует против абсурдности "уполномочивания судебного органа обсуждать и разглашать необъяснимую и тайную причину неприязни между мужем и женой".

В наше время Хинтон привык сравнивать закон о браке с законом о субботе, нарушенным Иисусом. Точно такое же сравнение мы находим у Мильтона. Он верит, что Суббота была создана для Бога. "И все же, когда на чашу весов ложится благо человека, мы слышим голос бесконечной доброты и великодушия, гласящий, что "Суббота была создана для человека, а не человек для субботы". Что когда-либо было создано больше только для человека и меньше для Бога, чем брак?" (указ. соч., Вк. i, гл. XI). "Если человек является господином Субботы, может ли он быть меньше, чем господином брака?"

Мильтон в этом вопросе, как и в других, стоял вне течений своего времени. Его концепция брака произвела на современную жизнь не больше впечатления, чем его *"Потерянный рай"*. Даже его собственная пуританская партия, принявшая Закон 1653 года, странным образом не смогла передать дела о разводах и признании недействительными в светские суды, что, по крайней мере, было бы шагом на правильном пути. Пуританское влияние перешло в Америку и стало той закваской, которая до сих пор действует при создании либеральных, хотя и слишком детально детализированных законов о разводе во многих штатах. Американская процедура светского брака следовала процедуре, установленной Английским Содружеством, и изречению великого квакера Джорджа Фокса: "Мы ни на ком не женимся, но являемся свидетелями этого",^[335] (который действительно был ядром канонического права) рассматривается как дух закона о браке консервативного, но либерального штата Пенсильвания, где совсем недавно, в 1885 году, был принят закон, прямо разрешающий мужчина и женщина, которые торжественно заключают свой собственный брак.^[336]

В самой Англии реформы в области брачного права, проведенные пуританами, во время Реставрации были в значительной степени сведены на нет. Еще два с половиной столетия английские духовные суды управляли тем, что по существу было старым каноническим правом. Развод, действительно, стал более трудным, чем до Реформации, и, как следствие, участь замужней женщины была еще тяжелее. С шестнадцатого века до второй половины девятнадцатого английского брачное законодательство было особенно суровым и негибким, гораздо менее либеральным, чем в любой другой протестантской стране. Обычному английскому законодательству развод был неизвестен, и в отдельных случаях требовался специальный акт парламента, требующий огромных затрат.^[337] В обслуживании этой системы даже присутствовало чувство собственной правоты. Это считалось моральным. Была совершена полная неспособность осознать, что нет ничего более аморального, чем

существование нереальных сексуальных союзов, не только с точки зрения теоретической, но и практической морали, поскольку ни одно сообщество не могло терпеть большинство таких союзов.^[338] В 1857 году наконец с большим трудом был принят закон о реформировании системы. Это была несколько непоследовательная и временная мера, и открыто выдвигалась лишь как шаг к дальнейшей реформе; но она по-прежнему в значительной степени регулирует английскую процедуру и в глазах многих установила постоянный стандарт морали. Дух слепого консерватизма — *Никакого закона об Англии*, — который в этой сфере вновь заявил о себе после жизненно важного движения Реформ и пуританства, все еще сохраняется. В вопросах брака и развода английское законодательство и общественное мнение Англии в равной степени отстают как от латинской земли Франции, так и от пуританской страны Соединенных Штатов.

Автор умелого и сдержанного эссе по *Вопросу английского развода*, суммируя характеристики английского закона о разводе, приходит к выводу, что он: (1) неравный, (2) аморальный, (3) противоречивый, (4) нелогичный, (5) неопределенный и (6) не соответствует современным требованиям. Это было лишь неохотно внесено в законопроект, представленный парламенту в 1857 году, которому упорно сопротивлялись в течение всей сессии не только по религиозным соображениям противники развода, но и сторонники развода, которые желали более либеральной меры. В нем неравноправно относились к полам, давая развод мужу, но не жене, только за супружескую измену. Представляя законопроект, Генеральный прокурор извинился за этот недостаток, заявив, что эта мера не должна была стать окончательной, а просто как шаг к дальнейшему принятию законодательства. Это было более полувека назад, но дальнейший шаг еще не был сделан. Какой бы неполной и неудовлетворительной ни была эта мера, многие, похоже, сочли ее революционной и опасной в высшей степени. Автор статьи о "Современном разводе" в *"Юниверсал Ревью"* за июль 1859 года, хотя и одобрил в принципе создание специального суда по бракоразводным делам, все же заявил, что новый суд "стремится разрушить брак как социальный институт и подорвать женское целомудрие" и что "теперь все являются мужем и женой по своему желанию". "Теперь никто, - добавляет он, - не может справедливо придирается к дефициту супружеской рвоты".

Однако, согласно этому закону, жена даже не может получить развод из-за супружеской измены своего мужа, если только он также не проявит жестокости или не бросит ее. Сначала "жестокость" означала физическую жестокость, причем серьезного рода. Но со временем значение этого слова расширилось до боли, причиняемой разуму, и теперь холодность и пренебрежение почти сами по себе могут составлять жестокость, хотя английский двор иногда испытывал величайшие колебания, принимая самые чудовищные формы утонченной жестокости, потому что в них не было "физического" элемента. "Однако можно с полным основанием ожидать наступления времени, - заявил автор-юрист (Монморанси, "Изменение статуса замужней женщины", *Law Quarterly Review*, апрель 1897 г.), - когда почти любой проступок сам по себе будет считаться причиняющим невиновной стороне такие душевные страдания, что будет представлять собой жестокость, требуемую Законом 1857 года". (Вопрос жестокости полностью обсуждается в *"Комментариях Дж. Р. Бишоп к браку, разводу и раздельному проживанию"*, 1891, т. i, гл. XLIX; ср. Говард, указ. соч., том. ii, стр. 111).

Однако не может быть никаких сомнений в том, что сама по себе жестокость является разумной причиной для развода. Во многих американских штатах, где возможности для развода гораздо

шире, чем в Англии, жестокость сама по себе признается достаточной причиной, независимо от того, является ли жена или муж истцом. Предполагаемые акты жестокости иногда казались очень тривиальными. Так, в Америке были объявлены о разводах на основании "жестокости и бесчеловечного поведения" жены, которая не смогла пришить пуговицы своему мужу, или потому, что жена "нанесла истцу сильный удар своей сумочкой", или потому, что муж не стрижет ногти на ногах, или потому, что "за всю нашу супружескую жизнь мой муж ни разу не предложил мне покататься верхом. Это стало источником огромных душевных страданий и травм". Следует добавить, что во многих других случаях жестокость, совершаемая мужем, даже женой, — хотя обычно, это не всегда бывает муж, который является грубияном, — носит зверский и душераздирающий характер (*Отчет о браке и разводе в Соединенных Штатах*, выпущенный почетным Дж. Кэрролл Д. Райт, комиссар труда, 1889). Но даже во многих, казалось бы, тривиальных случаях — например, когда муж не моется, а жена постоянно проявляет вспыльчивый характер — следует признать, что обстоятельства, которые в более обычных жизненных отношениях можно терпеть, становятся невыносимыми в интимных отношениях сексуального союза. Фактически, в результате тщательного расследования было установлено, что американские суды хорошо взвешивают дела, которые поступают на их рассмотрение, и не проявляют небрежности при вынесении решений о разводе.

В 1859 году преувеличенное значение придавалось грубым причинам развода, пренебрежению тонкими, но не менее фатальными препятствиями для продолжения брака. На это указывал Гладстон, который вообще был против того, чтобы делать супружескую измену причиной развода. "У нас есть много причин, - сказал он, - более фатальных для великого обязательства брака, таких как болезни, идиотизм, преступления, влекущие за собой пожизненное наказание". В настоящее время мы начинаем распознавать не только подобные причины, но и другие, гораздо более интимного характера, которые, как давно понял Мильтон, не могут быть закреплены в законодательных актах или оспорены в судах. Супружеские узы - это не просто физический союз, и мы должны усвоить, что, как отмечает автор книги *"Вопрос об английском разводе"* (стр. 49), "помимо физических различий, на самом деле, безусловно, наиболее важной из первопричин супружеской катастрофы".

В Англии и Уэльсе больше мужей, чем жен, подают прошения о разводе, причем жены, подающие прошения, составляют около 40 процентов от общего числа. Число разводов растет, хотя и невелико: в 1907 году их было около 1300, из которых менее половины вступили в повторный брак. О неадекватности закона о разводе свидетельствует тот факт, что в течение того же года мировыми судьями было издано около 7000 постановлений о раздельном проживании супругов. Эти постановления о раздельном проживании не только не дают права на повторный брак, но и делают невозможным получение развода. По сути, это официальное разрешение на установление отношений вне государственного брака.

В Соединенных Штатах в 1887-1906 годах почти 40% разрешенных разводов были связаны с "дезертирством", которое по-разному толкуется в разных штатах и часто должно означать развод по взаимному согласию. Из остальных 19 процентов были за неверность и столько же за жестокость; но в то время как количество разводов, выданных мужьям из-за неверности их жен, почти в три раза больше, чем разводов, выданных женам из-за супружеской неверности их мужей, что касается жестокости, то все наоборот: жены получают 27 процентов своих разводов на этой почве, а мужья - только 10 процентов.

В Пруссии растет число разводов. В 1907 году было зарегистрировано восемь тысяч разводов, причиной в половине случаев была супружеская измена, а примерно в тысяче случаев злонамеренное дезертирство. В случаях дезертирства мужа оказывались виновными почти в два раза чаще, чем жены, в случаях супружеской измены - только в пятой-восьмой части.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что трудности, путаница, непоследовательность и вопиющая непристойность, окружающие развод и методы его обеспечения, обусловлены исключительно тонким упорством традиций, основанных, с одной стороны, на доктринах канонического права о нерасторжимости брака и греховности половых сношений вне брака, а с другой стороны, на примитивной идее брака как контракта, который экономически подчиняет жену мужу и делает ее личностью или, во всяком случае, ее опеку, его собственностью. Только когда мы осознаем, насколько глубоко эти традиции укоренились в религиозной, правовой, социальной и сентиментальной жизни Европы, мы можем понять, как получилось, что варварские представления о браке и разводе могут сегодня существовать на стадии цивилизации, которая во многих отношениях продвинулась дальше таких представлений.

Концепция канонического права об абстрактной религиозной святости брака, перенесенная в сферу морали, делает нарушение брачных отношений публичным нарушением; концепция контрактного подчинения жены делает такое нарушение с ее стороны и даже, путем переноса идей, с его стороны, кажется частным нарушением. Эти две идеи зла непоследовательно сосуществуют в вульгарном сознании даже сегодня.

Экономическое подчинение жены как вид собственности становится очевидным, когда мы обнаруживаем, что муж может требовать и часто получать крупные суммы денег от мужчины, который сексуально посягает на его собственность, нанося таким посягательством ущерб ей в глазах хозяина.^[339] Психологу было бы очевидно, что муж, которому не хватило умения настолько завоевать и удержать любовь и уважение своей жены, что для нее не совсем легко и естественно отвергать ухаживания любого другого мужчины, обязан ей по меньшей мере таким же ущербом, каким она или ее партнер обязаны ему; в то время как если неудача действительно на ее стороне, если она настолько неспособна отвечать на любовь и доверяет и становится такой легкой добычей для постороннего человека, то, несомненно, муж, далекий от желания какой-либо денежной компенсации, должен считать себя более чем полностью компенсированным, будучи избавленным от необходимости содержать такую женщину. При отсутствии каких-либо ложных традиций это было бы очевидно. На самом деле, возможно, не так уж и неразумно, что муж должен дорого заплатить, чтобы освободиться от жены, в выборе которой, очевидно, он совершил серьезную ошибку. Но предписывать, чтобы мужчина действительно получил компенсацию за то, что он показал себя неспособным завоевать любовь женщины, - это идея, которая не могла бы возникнуть в цивилизованном обществе, не искаженном унаследованными предрассудками.^[340] Тем не менее, в настоящее время существуют цивилизованные страны, в которых по закону муж может обратиться с молитвой о возмещении ущерба любовнику своей жены в сочетании либо с ходатайством о раздельном проживании супругов в судебном порядке, либо о расторжении брака. Таким образом, супружеская измена - это не преступление, а личная травма.^[341]

Однако в то же время влияние канонического права непоследовательно выходит на поверхность и утверждает, что нарушение супружества является общественным проступком, грехом, превращенным государством в нечто почти или очень похожее на преступление. На это

ясно указывает тот факт, что в некоторых странах супружеская неверность карается тюремным заключением, что в настоящее время практически не применяется. Но точно такая же идея прекрасно иллюстрируется доктриной "сговора", которая, теоретически, до сих пор строго соблюдается во многих странах. Согласно доктрине "сговора", условия, необходимые для того, чтобы сделать развод возможным, ни в коем случае не должны быть обеспечены по взаимному согласию. На практике в большей или меньшей степени предотвратить сговор невозможно, но если он будет доказан в суде, это станет абсолютным препятствием для расторжения брака, каким бы справедливым и настоятельным ни было требование о разводе.

Английский закон о разводе 1857 года отказывал в разводе при наличии сговора, а также при предъявлении каких-либо встречных обвинений заявителю, а Закон о супружеских отношениях 1860 года предоставил механизм, гарантирующий эти препятствия для развода. Этот вопрос о сговоре обсуждается Г. П. Бишопом (*соч. cit.*, том ii, гл. IX). "Каким бы справедливым ни было дело, - замечает Бишоп, - если стороны вступают в сговор при его ведении, так что на самом деле обе стороны являются истцами, в то время как в протоколе одна фигурирует как истец, а другая - как ответчик, дело не может быть продолжено. Любое поведение такого рода, препятствующее отправлению правосудия, подпадает под общую идею мошенничества в суде. Такова доктрина в принципе повсюду".

Совершенно очевидно, что с социальной или моральной точки зрения, когда муж и жена больше не могут жить вместе, лучше всего, чтобы они расстались полюбовно и в гармоничном согласии осуществили все приготовления, ставшие необходимыми в результате их расставания. Закон смехотворно запрещает им это делать и заявляет, что они вообще не должны расставаться, если только они не готовы расстаться как враги. Чтобы достичь еще меньшей глубины абсурда и безнравственности, закон продолжает говорить, что если на самом деле им удалось стать врагами друг другу до такой степени, что у каждого есть претензии к другой стороне, они вообще не могут быть разведены!^[342] То есть, когда супружеская пара достигла такой степени разделения, которая делает настоятельно необходимым, не только в их собственных интересах, но и в моральных интересах общества, их разделение и упорядочение их отношений с другими заинтересованными сторонами, тогда они ни в коем случае не должны разлучаться.

Ясно, насколько эти положения закона полностью противоречат требованиям разума и морали. Но в то же время столь же ясно, что никакие усилия юристов, какими бы искусными или гуманными они ни были, не могут привести действующий закон в соответствие с требованиями современной цивилизации. Это не вина юристов; они сделали все, что могли, и в Англии наши устаревшие законы о разводе вообще сохранились исключительно благодаря умелому и осторожному подходу судей, которые, насколько это возможно, привели закон в соответствие с современными потребностями. Ошибочна сама система. Эта система является незаконным порождением канонического права, выросшего вокруг концепций, которые давно умерли. Она предполагает постановку человека, который ставит под угрозу теоретическую нерасторжимость супружеских уз, в положение преступника теперь, когда он больше не может быть публично осужден как грешник. Оказание помощи этому преступнику само по себе является преступлением, и пособник преступника должен, следовательно, быть непоследовательно наказан с помощью любопытного метода воздержания от наказания преступника. Мы открыто не утверждаем, что ответчик по делу о разводе является преступником; это сделало бы абсурдность этого слишком очевидной и, более того, вряд ли соответствовало бы разрешению

требовать возмещения ущерба, основанному на другой идее. Мы неуверенно колеблемся между двумя концепциями развода, обе они плохие, каждая несовместима с другой, и ни одну из них нельзя подтолкнуть к логическим выводам.

В результате, если совершенно добродетельная супружеская пара заявляет о разводе, им говорят, что об этом не может быть и речи, поскольку в таком случае должен быть "ответчик". Они должны быть наказаны за свою добродетель. Если каждый из них совершает прелюбодеяние и они снова заявляют о разводе, им говорят, что об этом все еще не может быть и речи, поскольку должен быть "истец". Раньше они были наказаны за свою добродетель; теперь они должны быть наказаны точно таким же образом за ее отсутствие. Пара должна пойти навстречу закону, приняв курс действий, который может быть совершенно противен обоим. Если только жена одна совершит прелюбодеяние, если только муж совершит прелюбодеяние и также совершит какой-либо акт жестокости по отношению к своей жене, если невиновная сторона опустится до унижения, наняв детективов и разыскивая свидетелей, закон у их ног и спешит предоставить обеим сторонам разрешение на повторный брак. При условии, конечно, что стороны договорились об этом без "сговора". Это означает, что наш закон, с его церковными традициями, стоящими за ним, говорит жене: будь грешницей, или мужу: будь грешником и преступником — тогда мы сделаем все, что ты пожелаешь. Закон придает первостепенное значение греху и преступлению. Чтобы нагромоздить абсурд на абсурд, он утверждает, что это делается во имя "общественной морали". Тем, кто принимает эту точку зрения, кажется, что отмена законов о разводе подорвала бы основы морали. И все же не может быть никаких сомнений в том, что чем скорее такая "мораль" будет подорвана и даже полностью уничтожена, тем лучше будет для истинной морали.

В Англии существует влиятельное движение за реформу бракоразводного процесса на том основании, что нынешний закон несправедлив, нелогичен и аморален, представленное Союзом по реформе бракоразводного процесса. Даже бывший председатель Суда по бракоразводным делам лорд Горелл заявил со скамьи подсудимых в 1906 году, что английское законодательство приводит к плачевным результатам и "полно несоответствий, аномалий и неравенства, доходящих почти до абсурда". Пункты закона, которые вызвали наибольший протест, поскольку они в наибольшей степени отстают от законов других стран, - это большие расходы на развод, неравенство полов, невозможность расторжения брака в случае дезертирства и в случаях безнадёжного умопомешательства, а также отсутствие приказов о раздельном проживании, позволяющих разлученным сторонам снова вступить в брак. Постановления о раздельном проживании выдаются мировыми судьями за жестокость, супружескую измену и дезертирство. Это "раздельное проживание" на самом деле является прямым потомком развода по каноническому праву *a mensa et thoro*, и невозможность вступить в брак, которая с этим связана, является всего лишь пережитком традиции канонического права. В настоящее время магистраты, действуя по своему усмотрению, как это признается, осторожно и осмотрительно, ежегодно издают около 7000 постановлений о раздельном проживании, так что каждый год население увеличивается на 14 000 человек, в основном в возрасте сексуальной активности, а некоторые немногим больше детей, которым закон запрещает вступать в законные браки. Они вносят мощный вклад в великое движение вперед, которое, как было показано в предыдущей главе, характеризует мораль нашего века. Но крайне нежелательно, чтобы свободные браки заключались беспомощными парами, у которых нет выбора в этом вопросе, поскольку маловероятно, что при таких обстоятельствах может быть достигнут какой-либо высокий уровень личной ответственности. Этот вопрос можно было бы

легко исправить, полностью отказавшись от традиции канонического права, которая больше не имеет никакой жизнеспособности или значения, и придав постановлению магистрата о раздельном проживании силу указа о разводе.

Новая Зеландия и австралийские колонии, возглавляемые Викторией в 1889 году, приняли законы о разводе, которые, хотя и более или менее созданы по английскому образцу, представляют собой явный прогресс. Таким образом, в Новой Зеландии основаниями для развода являются супружеская измена с любой стороны, умышленное дезертирство, обычное пьянство и осуждение к тюремному заключению сроком на несколько лет.

Естественно, что англичанин остро ощущает это пятно в законодательстве Англии и желает скорейшего исчезновения системы, столь открытой для едкого сарказма. Естественно, что каждый гуманный человек должен испытывать нетерпение при виде зрелища стольких загубленных жизней, стольких страданий, причиняемых невинным людям — и людям, которые, даже будучи технически виновными, часто становятся жертвами неестественных обстоятельств, — из-за сохранения средневековой системы церковной тирании и инквизиторской наглости в эпоху, когда сексуальные отношения становятся священной тайной лиц, которых это касается, и когда мы все больше и больше полагаемся на ответственность личности за установление и поддержание таких отношений.

Однако, когда мы воздерживаемся от концентрации нашего внимания на конкретных странах и принимаем общее движение цивилизации в вопросе разводов в последнее время, не может быть ни малейших сомнений относительно направления этого движения. Англия была пионером в этом движении полвека назад, и сегодня каждая цивилизованная страна движется в том же направлении. Франция порвала со старой церковной традицией нерасторжимости брака в 1885 году, приняв закон о разводе, в некоторых отношениях весьма разумный. Жена может получить развод на равных правах с мужем (хотя ей грозит тюремное заключение за супружескую измену), соответчица занимает очень подчиненное положение по обвинению в супружеской измене, и для разводапредлагается облегчение на основании простых *причиненных Грейвсу травм* (исключая, насколько это возможно, простую несовместимость характеров), в то время как судья обладает полномочиями, которые он часто успешно применяет, добиться примирения в частном порядке или вынести постановление без публичного судебного разбирательства. Влияние Франции, несомненно, оказало влияние на формирование законов о разводе в других латиноамериканских странах.

В Пруссии ранее действовал просвещенный закон о разводе, согласно которому пара могла расстаться без скандала, когда было ясно показано, что они не могут жить вместе в согласии. Но немецкий кодекс 1900 года ввел положения, касающиеся развода, которые, хотя и являются в некоторых отношениях более либеральными, чем положения английского законодательства, особенно разрешая развод по причине дезертирства и невенчанности, в целом являются ретроградными по сравнению с более ранним прусским законодательством и ставят вопрос на более грубую основу. В течение двух лет после вступления Кодекса в силу количество разводов снизилось; после этого общественность и суды адаптировались к новым положениям (особенно к тому, которое допускало развод из-за серьезного пренебрежения супружескими обязанностями), и количество разводов начало расти с большой скоростью. "Но, - замечает Хиршфельд, - как же больно сейчас стало читать дела о разводе! Одна сторона оскорбляет

другую, выдвигает обвинения самого грубого характера, нанимает детективов для получения необходимых доказательств "бесчестного и аморального поведения", тогда как раньше обе стороны понимали, что они обманулись друг в друге, что они не подходят друг другу и что они больше не могут жить вместе. Таким образом, мы видим, что сужение индивидуальной ответственности в сексуальных вопросах не только не имело практического эффекта, но и привело к серьезным вредным результатам".^[343] В Англии подобное положение вещей преобладало с тех пор, как был установлен порядок развода, но, похоже, оно стало слишком привычным, чтобы вызывать боль или отвращение. Тем не менее, как указал Аднер,^[344] оно продвинулось в направлении, противоположном общей тенденции цивилизации, не только за счет увеличения следственной власти государственных судов, но и за счет подчеркивания чисто внешних причин развода и упразднения более тонких внутренних причин, важность которых постоянно возрастает с развитием цивилизации.

В Австрии до недавних лет каноническое право господствовало абсолютно, и брак был нерасторжимым, каким он до сих пор остается для католического населения. Результаты в том, что касается супружеского счастья, были в высшей степени плачевными. Полвека назад Гросс-Хоффингер исследовал семейное счастье 100 венских пар всех социальных классов без выбора конкретных случаев и подробно представил результаты. Он обнаружил, что 48 пар были положительно несчастливы, только 16 были несомненно счастливы, и даже среди них был только один случай, когда счастье стало результатом взаимной верности, счастье в других случаях было достигнуто только за счет того, что вопрос верности был оставлен в стороне.^[345] Хочется надеяться, что эта картинка больше не соответствует действительности. Существует влиятельная Австрийская ассоциация по реформе брака, издающая журнал под названием *Die Fessel*, или Оковы. "Один был прикован к другому", - говорят нам. "При определенных обстоятельствах это, должно быть, было худшим и наиболее мучительным наказанием из всех. Имели место самые причудливые и отталкивающие соединения. Было, это правда, много нежных товарищеских отношений в цепи. Но было еще много таких, которые навлекли вечные страдания на одного из пары". Следует добавить, что эта цитата не имеет ничего общего с тем, что канонисты, позаимствовав технический термин для обозначения кандалов заключенного, многозначительно называли *vinculum matrimonii*; она была написана много лет назад относительно галер старой французской каторжной системы. Однако об этом напоминает название, которое Австрийская ассоциация брачной реформы присвоила своему официальному органу.

Россия, где законы о браке составляются Священным Синодом при содействии юристов, стоит почти особняком среди великих стран по разумной простоте своих положений о разводе. До 1907 года добиться развода в России было очень трудно, но в том году супружеской паре стало возможно расстаться по взаимному согласию и, прожив раздельно в течение года, получить, таким образом, право на развод, позволяющее им вступить в повторный брак. Это положение соответствует гуманной концепции сексуальных отношений, которая всегда имела тенденцию преобладать в России, куда, следует помнить, никогда полностью не проникали суровые и неестественные идеалы обязательного безбрачия, взлелеянные Западной Церковью; духовенство Восточной Церкви состоит в браке, хотя брак должен состояться до того, как они станут священниками, и они не могли сочувствовать антисексуальному тону брачных правил, установленных безбрачным духовенством Запада.

Опять же, Швейцария, которая считалась политической лабораторией Европы, также стоит особняком благодаря либеральности своего законодательства о разводе. Возобновляемый развод на два года может быть получен в Швейцарии при наличии "обстоятельств, которые серьезно влияют на поддержание супружеских уз". Великому герцогству Люксембург, наконец, принадлежит честь твердо придерживаться на протяжении всего времени великого принципа расторжения брака по взаимному согласию на законных условиях, установленного Наполеоном в его Кодексе 1803 года. Небольшие страны, как правило, опережают крупные в вопросах законодательства о разводе. Норвежское законодательство либерально. Новый кодекс Румынии разрешает развод по взаимному согласию при условии, что оба родителя передают детям равные доли своего имущества. Маленькое княжество Монако недавно ввело разумное положение о расторжении брака, среди прочего, по причине алкоголизма, сифилиса и эпилепсии, защищая таким образом будущее расы.

За пределами Европы наиболее поучительным примером тенденции к разводам, несомненно, являются Соединенные Штаты Америки. Законы Штатов о разводе в основном основаны на пуританских принципах, и они сохраняют не только пуританскую любовь к индивидуальной свободе, но и пуританскую точность.^[346] В некоторых штатах, особенно в Айове, законодатели постоянно занимались принятием, изменением, отменой и повторным введением в действие положений своих законов о разводе, и Говард показал, сколько путаницы и неловкости возникает из-за такой постоянной законодательной возни с мелкими деталями.

Этот неугомонный прецизионизм несколько замаскировал в целом широкую и либеральную тенденцию брачного законодательства в Америке и поощрял иностранную критику американских социальных институтов. На самом деле распространенность разводов в Америке сильно преувеличена. Доля разведенных лиц в населении, по-видимому, составляет менее одного процента, и, вопреки распространенному утверждению, повторный брак разведенных лиц ни в коем случае не является правилом для немедленного вступления в брак. Принимая во внимание особые условия жизни в Соединенных Штатах, распространенность разводов невелика, и их характер ни в коем случае не свидетельствует о низком уровне морали. Беспристрастный и компетентный критик американского народа, профессор Мюнстерберг, отмечает, что реальной причиной, которая в основном приводит к разводу в Соединенных Штатах, — а не просто юридические предлоги, ставшие обязательными из-за точности закона, — является высоконравственное возражение против внешнего продолжения брака, который перестал быть духовно благоприятным. "Особенно женщины, — говорит он, — и, как правило, самые лучшие женщины, предпочитают сделать шаг, со всеми вытекающими из этого трудностями, к продлению брака, который является духовно лицемерным и аморальным".^[347]

Народ Соединенных Штатов, прежде всего, ценит идеалы индивидуализма; это также люди, среди которых, прежде всего, наблюдается наибольшее количество того, что Рейбмайт называет "кровавым хаосом". При таких обстоятельствах трудности супружеской жизни неизбежно достигают максимума, и брачный союз подвержен тонким препятствиям, которые должны навсегда ускользнуть из свода законов.^[348] Не может быть никаких сомнений в том, что практическая проницательность американского народа рано или поздно позволит ему признать этот факт, и что, наконец, следуя пуританскому течению своего законодательства о разводах — как предсказал в его результатах Милтон — он согласится доверить своим собственным гражданам ответственность за решение такого частного вопроса, как их супружеские отношения, разумеется, с авторитетом в суде. суды должны следить за тем, чтобы не было

совершенно никакой несправедливости. Действительно, удивительно, что американский народ, обычно нетерпимый к вмешательству государства, так долго терпел подобное вмешательство в столь частное дело.

Движение за развод не ограничивается христианским миром; это признак современной цивилизации. В Японии доля разводов выше, чем в любой другой стране, не исключая Соединенные Штаты.^[349] Наиболее энергичные и прогрессивные страны - это те, которые наиболее твердо настаивают на чистоте сексуальных союзов. В Соединенных Штатах много лет назад было отмечено, что разводы наиболее распространены там, где уровень образования и морали самый высокий. Именно штаты Новой Англии с сильными пуританскими традициями моральной свободы взяли на себя инициативу по предоставлению возможности развода.

Движение за развод не является, как некоторые глупо предполагают, движением, пропагандирующим безнравственность.^[350] Безнравственность является неизбежным сопровождением расторгнутого брака; акцент на святости чисто формального союза препятствует росту моральной ответственности в отношении гипотетически нечестивых союзов, которые возникают под его сенью. Настаивать, с другой стороны, устанавливая легкость развода, на том, что сексуальные союзы должны быть реальными, значит служить делу морали. Земли, в которых развод по взаимному согласию преобладал дольше всего, вероятно, относятся к числу наиболее, но не наименее моральных земель.

Было выражено удивление по поводу того, что, хотя развод по обоюдному согласию две тысячи лет назад считался явно справедливой и разумной мерой для законопослушных римлян, такое решение до сих пор так редко достигается современными государствами.^[351] Везде, где общество основано на прочно организованной основе и требованиям разума и человечности уделяется должное внимание — даже когда общий уровень цивилизации не во всех отношениях высок, — мы обнаруживаем тенденцию к разводу по взаимному согласию.

В Японии, согласно новому Гражданскому кодексу, как и в Древнем Риме, заключение брака осуществляется путем уведомления об этом регистратора в присутствии двух свидетелей и с согласия (в случае молодых пар) глав их семей. Может быть проведена церемония, но этого не требует закон. Развод осуществляется точно таким же образом, путем простой отмены регистрации, при условии, что и муж, и жена старше двадцати пяти лет. Для молодых пар, состоящих в несчастливом браке, и для случаев, когда невозможно получить взаимное согласие, существует развод в судебном порядке. Это предоставляется по различным конкретным причинам, из которых наиболее важной является "серьезное оскорбление, такое, что делает совместную жизнь невыносимой" (Эрнест В. Клемент, "Новая женщина в Японии", *Американский журнал "Социология"*, март 1903 г.). Такая система, как и многое другое, достигнутое японскими организациями, кажется разумной, осторожной и эффективной.

В совершенно иной и гораздо более древней системе брака Китая развод по взаимному согласию столь же устоявшийся порядок. Такой развод по обоюдному согласию происходит из-за несовместимости темпераментов или когда этого желают и муж, и жена. Однако в китайских законах о браке существуют различные устаревшие и своеобразные положения, и развод обязателен в случае супружеской неверности жены или серьезных физических травм, нанесенных одной из сторон другой. (Брачные законы Китая полностью изложены Полем д'Энжуа, *La Revue*, 1 сентября 1905 г.)

Среди эскимосов (которые, как, вероятно, знают читатели увлекательных книг Нансена об их морали, в некоторых отношениях являются высокосоциализированным народом) помы абсолютно равны, браки совершенно свободны, и расставание столь же свободно. В результате не возникает неподходящих союзов и между мужем и женой не слышно неприятных слов (Стефанссон, *Журнал Harper's*, ноябрь 1908 г.).

У древних валлийцев женщины как до, так и после замужества пользовались большой свободой, гораздо большей, чем предоставлялось христианством или английским общим правом. "Практически любой муж или жена могли расстаться, когда один из них или оба захотели" (Рис и Бринмор-Джонс, *Валлийский народ*, стр. 214). Так было и в древней Ирландии. Женщины занимали очень высокое положение, а брачные узы были очень свободными, так что, казалось бы, практически могли быть расторгнуты по взаимному согласию. Насколько показывают законы Бреона, говорит Гиннелл (*Законы Бреона*, стр. 212), "брачные отношения были чрезвычайно свободными, и развод был таким же легким и мог быть получен на таких же незначительных основаниях, как сейчас в некоторых штатах Американского союза. По-видимому, жене было легче этого добиться, чем мужу. Когда ее ходатайство было удовлетворено, она забрала с собой все имущество, которое привезла своему мужу, все, что ее муж оставил ей после их брака, и вдобавок столько имущества своего мужа, на сколько, по-видимому, давала ей право ее промышленность".

Даже в ранней истории Франции мы находим, что развод по взаимному согласию был очень распространенным явлением. Достаточно было подготовить в двух экземплярах официальный документ на этот счет: "Поскольку между Н. и его женой царит раздор вместо милосердия по воле Бога, и, как следствие, для них невозможно жить вместе, им обоим было угодно расстаться, и они соответственно так и поступили". Таким образом, каждая из сторон была вольна либо удалиться в монастырь, либо заключить другой союз (Э. де ла Бедольер, *История музыки Франции*, том I, стр. 317). Такая практика, как бы она ни соответствовала изначальному принципу согласия, воплощенному в каноническом праве, слишком противоречила церковной доктрине сакраментальной нерасторжимости брака, чтобы быть разрешенной навсегда, и она была полностью искоренена.

Тот факт, что мы так редко встречаем развод по взаимному согласию в христианском мире до начала девятнадцатого века, что тогда потребовался человек колоссального революционного гения, такой как Наполеон, чтобы вновь ввести его, и что даже он не смог сделать это эффективно, очевидно, объясняется огромной победой, которую аскетический дух христианства, твердо воплощенный в каноническом праве, одержал над душами и телами людей. Этот дух настолько подчинил европейские традиции и институты, что даже вулканический эмоциональный подъем Реформации, как мы видели, не смог избавиться от него. Когда протестантские государства естественным образом восстановили контроль над светскими делами, которые были поглощены Церковью, и вырвали из церковных рук то, что относилось к сфере индивидуального сознания, могло показаться, что брак и развод были бы одними из первых забот, которые были бы таким образом переданы. Тем не менее, как мы знаем, Англия была примерно в такой же степени поработочена духом и даже буквой канонического права в девятнадцатом веке, как и в четырнадцатом, и даже современное английское право, хотя и больше не поддерживается чувствами масс, придерживается тех же традиций.

Однако, по-видимому, мало кто сомневается в том, что современное движение за развод неизбежно должно стремиться к достижению цели раздельного проживания по воле обеих сторон или, при надлежащих условиях и ограничениях, по воле одной из сторон. Теперь для заключения брака требуется воля двух лиц; закон настаивает на этом условии.^[352] Логично и просто, что закон должен сделать следующий шаг, связанный с исторической эволюцией брака, и в равной степени настаивать на том, что для сохранения брака требуется воля двух лиц. Это решение, без сомнения, является единственным способом избавления от грубости, непристойностей, неразрешимых сложностей, которые приносятся в законодательство тщетной попыткой детально предвидеть все возможности супружеской дисгармонии, которые могут возникнуть в условиях современной цивилизации. Более того, мы можем быть уверены, что это единственное решение, с которым согласится растущее современное чувство личной ответственности в сексуальных вопросах, описанное в предыдущей главе, — ответственности как женщин, так и мужчин.

Тонкий и сложный характер сексуальных отношений в высокоразвитой цивилизации и печальные результаты их государственного регулирования были хорошо выражены Вильгельмом фон Гумбольдтом в его *"Идее вечного пути к лучшему"*, написанной в 1792 году. "Союз, столь тесно связанный с самой природой соответствующих индивидов, должен сопровождаться самыми пагубными последствиями, когда государство пытается регулировать его законом или, силой своих институтов, заставить его основываться на чем угодно, кроме простой склонности. Более того, когда мы вспомним, что государство может только предполагать окончательные результаты таких правил в отношении гонок, мы будем еще более готовы признать справедливость этого вывода. Можно разумно возразить, что забота о расе приводит только к тем же результатам, что и высочайшая забота о самом прекрасном развитии внутреннего человека. Ибо после тщательного наблюдения было обнаружено, что непрерывный союз одного мужчины с одной женщиной наиболее полезен для расы, и столь же неоспоримо, что ни один другой союз не проистекает из истинной, естественной, гармоничной любви. И далее, можно заметить, что такая любовь приводит к тем же результатам, что и те самые отношения, которые стремятся установить закон и обычай. Радикальная ошибка, по-видимому, заключается в том, что закон повелевает; тогда как такое отношение не может формироваться в соответствии с внешними установлениями, а полностью зависит от склонности; и везде, где принуждение или руководство вступает в столкновение со склонностью, они еще дальше отклоняют ее от правильного пути. Поэтому мне кажется, что государство должно не только ослабить узы в этом случае и предоставить большую свободу гражданину, но что оно должно полностью отказаться от своей активной заботы об институте брака и, как в целом, так и в его частных модификациях, должно скорее предоставить это полностью свободному выбору индивидов и различным контрактам, которые они могут заключать в связи с этим. Меня не удержал бы от принятия этого принципа страх, что могут быть нарушены все семейные отношения, поскольку, хотя такой страх может быть оправдан соображениями конкретных обстоятельств и местности, его нельзя справедливо учитывать при исследовании природы людей и государств в целом. Ибо опыт часто убеждает нас, что как раз там, где закон не налагает оков, мораль наиболее надежно связывает; идея внешнего принуждения совершенно чужда институту, который, подобно браку, основывается только на склонности и внутреннем чувстве долга; и результаты таких институтов принуждения вовсе не соответствуют намерениям, из которых они исходят".

Длинная череда выдающихся мыслителей — моралистов, социологов, политических реформаторов — поддерживала социальные преимущества развода по взаимному согласию или, при определенных обстоятельствах, по желанию одной из сторон. Взаимное согласие было краеугольным камнем концепции брака Мильтона. Монтескье говорил, что настоящий развод должен быть результатом взаимного согласия и основан на невозможности совместного проживания. Сенанкур, похоже, согласен с Монтескье. Лорд Морли (*Дидро*, т. ii, гл. I), повторяя и одобряя выводы книги Дидро *"Дополнение к путешествию по Бугенвилю"* (1772), добавляет, что разлука мужа и жены "сама по себе является совершением совершенно естественным и безупречным, и часто не только похвальным, но и обязанностью". Блох (*Сексуальная жизнь нашего времени*, стр. 240), как и многие другие авторы, подчеркивает истинность высказывания Шелли о том, что свобода брака является гарантией его долговечности. (То, что жизненные факты указывают в том же направлении, было показано в предыдущей главе.) Ученый Каспари (*Die Soziale Frage über die Freiheit der Ehe*), отказываясь от какого-либо предвидения будущего, заявляет, что для сохранения сексуальных отношений или для того, чтобы они стали нравственными, расторжение брака должно быть более легким. Говард в конце своей исчерпывающей истории институтов брака (т. iii, стр. 220), хотя он сам считает, что брак особенно нуждается в регулировании законом, все же вынужден признать, что изучающему историю совершенно ясно, что современное движение за развод является "всего лишь частью могучего движения за социальное освобождение, которое набирало объем и силу со времен Реформации". Подобным же образом осторожный и рассудительный Вестермарк завершает главу о браке своей книги *"Происхождение и развитие моральных идей"* (том ii, стр. 398) заявлением о том, что "когда и муж, и жена желают расстаться, многим просвещенным умам кажется, что государство не имеет права препятствовать им расторгнуть брачный контракт при условии надлежащего ухода за детьми; и что за детьми также лучше присматривать только один родитель, чем двое, которые не могут договориться".

Во Франции лидеры движения за социальные реформы, похоже, почти или совершенно единодушны в том, что следующим шагом в отношении развода является установление расторжения брака по взаимному согласию. Таков, например, был результат, достигнутый на симпозиуме, в работе которого принял участие тридцать один выдающийся мужчина и женщина. Все были за развод по взаимному согласию; единственным исключением была мадам Адам, которая сказала, что достигла состояния скептицизма по отношению к политическим и социальным формам, но признала, что в течение почти полувека она была решительным сторонником развода. Большое количество авторов были за развод по желанию только одной стороны (*La Revue*, 1 марта 1901 г.). В других странах также растет признание того, что такое решение вопроса с должными предосторожностями, позволяющими избежать любых злоупотреблений, которым оно могло бы подвергнуться в противном случае, является правильным и неизбежным решением.

Относительно точного метода, с помощью которого должен быть осуществлен развод по взаимному согласию, мнения расходятся, и этот вопрос, вероятно, будет решаться по-разному в разных странах. Японский план кажется простым и разумным (см. *ante*, стр. 461). Пол и Виктор Маргерит (*Поиски идей*, стр. 3 и последующие), понимая, что конфликт чувств в вопросе личных ассоциаций влечет за собой решения, которые полностью выходят за рамки компетенции судебных инстанций, признают, что такие суды необходимы для того, чтобы иметь дело с имуществом разведенных лиц, а также, в крайнем случае, с вопросом ухода за детьми. Они не должны действовать публично. Эти авторы предлагают, чтобы каждая сторона выбрала

представителя, а эти двое - третьего; и чтобы этот трибунал провел частное расследование и, если они согласятся, зарегистрировал развод, который должен состояться через шесть или двенадцать месяцев, или через три года, если только этого пожелает одна из сторон. Доктор Шуфельдт ("Сексуальная психопатия и развод") предлагает, чтобы судья по бракоразводным процессам проводил единоличное слушание любых случаев супружеских разногласий, при этом муж и жена предстают непосредственно перед ним, без адвоката, хотя, при необходимости, со своими свидетелями; в случае необходимости, медицинские эксперты могут быть вызваны только судьей.

Когда мы осознаем, что длительная задержка с принятием столь справедливого и естественного основания для развода вызвана искусственным напряжением, созданным давлением мертвой руки канонического права — напряжением, ограниченным исключительно христианским миром, — мы также можем осознать, что с окончательным исчезновением этого напряжения справедливый и естественный порядок в этих отношениях восстановится тем быстрее, потому что это облегчение так долго откладывалось. "Природа нигде так не ненавидит пустоты, как в браке", - замечает Эллен Ки на языке устаревших физических метафор; вакуум каким-то образом будет заполнен, и если его нельзя заполнить естественным и упорядоченным образом, он будет заполнен неестественным и беспорядочным образом. Дело общества - следить за тем, чтобы никакие законы не стояли на пути установления естественного порядка.

Проведение реформы на разумной основе было затруднено из-за неудачного сохранения идеи правонарушения. Опираясь на традиции канонистов, мы каким-то образом убедили себя, что развод невозможен, если нет правонарушителя, по-настоящему серьезного правонарушителя, который, если бы получил по заслугам, был бы заключен в тюрьму и обречен на позор. Но в брачных отношениях, как и во всех других отношениях, лишь в очень небольшом числе случаев одна сторона выступает по отношению к другой как преступник, даже обвиняемый. Это часто очевидно на ранних стадиях супружеского отчуждения. Но в конце концов это остается правдой. Жена совершает прелюбодеяние, и муж, как само собой разумеющееся, занимает позицию истца. Но мы не спрашиваем, как получилось, что он не завоевал ее любви настолько, чтобы о ее супружеской измене не могло быть и речи; такое расследование могло бы привести к выводу, что настоящим обвиняемым является муж. И точно так же, когда мужа обвиняют в зверской жестокости, закон не обращает внимания на то, чтобы выяснить, не следует ли привлечь жену к ответственности за нанесение менее жестоких, но не менее острых ранений. Есть несколько дел, но только несколько, в которых отношения истца и ответчика не являются полностью ложными и искусственными отношениями, аморальной юридической фикцией. В большинстве случаев, если бы правда была полностью известна, муж и жена должны были бы бок о бок явиться в суд по бракоразводным процессам и заявить: "Мы оба были неправы: мы не смогли выполнить наши обязательства друг перед другом; мы ошиблись в выборе друг друга". Длинные отчеты по делу в открытом судебном заседании, взаимные обвинения, детективы, служанки и другие свидетели, печально известное расследование интимных тайн — все эти вещи, которые никакая необходимость никогда не могла бы оправдать, совершенно не нужны.

Некоторые говорят, что, если бы не было препятствий для развода, мужчина мог бы быть женат последовательно на полудюжине женщин. Эти простодушные или невежественные люди, по-видимому, не осознают, что даже когда брак абсолютно нерасторжим, мужчина может вступать

и часто вступает в сексуальные отношения не просто последовательно, но, если захочет, даже одновременно с полудюжиной женщин. Однако существует важное различие, заключающееся в том, что в одном случае закон побуждает мужчину верить, что он должен относиться максимум к одной из шести женщин со всем, что приближается к справедливости и гуманности; в другом случае закон настаивает на том, что он должен честно и открыто выполнять свои обязательства по отношению ко всем шести женщинам. Это очень важное различие, и не должно быть никаких сомнений относительно того, какое положение вещей является моральным, а какое аморальным. Государство не должно интересоваться количеством лиц, с которыми мужчина или женщина решают вступить в сексуальные отношения; это частное дело, которое действительно может повлиять на их собственное более тонкое духовное развитие, но совать нос в это дело государству не подобает. Однако забота государства в его собственных коллективных интересах и интересах его членов заключается в том, чтобы не допустить несправедливости.

Но как насчет детей? Это, безусловно, очень важный вопрос. Вопрос о мерах, принимаемых в отношении детей в случае развода, всегда является тем, которому государство должно уделять свое регулирующее внимание, поскольку государство по-настоящему озабочено этим вопросом только тогда, когда есть дети.

Одно время некоторые даже предполагали, что наличие детей было серьезным аргументом против легализации развода. Сейчас обычно придерживаются более разумной точки зрения. Во-первых, признается, что очень большая доля пар, добивающихся развода, не имеет детей. В Англии эта доля составляет около сорока процентов.; в некоторых других странах она, несомненно, еще больше. Но даже когда есть дети, никто из тех, кто понимает, каковы условия в семьях, где родители должны быть вместе, но не разведены, не может сомневаться в том, что обычно эти условия крайне неблагоприятны для детей. Напряжение между родителями поглощает энергию, которую следовало бы посвятить детям. Зрелище обид или ссор родителей деморализует детей и обычно губительно сказывается на любом уважении к ним. В лучшем случае это причиняет детям вред. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что один эффективный родитель намного лучше для ребенка, чем два неэффективных родителя. Здесь следует рассмотреть еще один момент, который часто упускается из виду. Два человека, живущие вместе в разладе — возможно, один из них, что случается нередко, нервно ненормален или болен, — не подходят для того, чтобы стать родителями, и не находятся в наилучших условиях для продолжения рода. Следовательно, это не просто акт справедливости по отношению к отдельному человеку, но мера, необходимая в интересах государства, чтобы новые граждане не попадали в общество по таким несовершенным каналам.^[353] С этой точки зрения все интересы государства находятся на стороне упрощения процедуры развода.

Есть последний аргумент, который часто выдвигается против легкости развода. Говорят, что брак предназначен для защиты женщин; облегчают развод, и женщины лишаются этой защиты. Очевидно, что этот аргумент мало применим в отношении развода по обоюдному согласию. Безусловно, необходимо, чтобы развод был организован только на условиях, которые в каждом отдельном случае получили одобрение закона как справедливые. Но всегда следует помнить, что существенный факт брака не является естественным и никогда не должен искусственно превращаться в экономический вопрос. Возможно — это вопрос, который обществу придется рассмотреть, — что женщине следует платить за материнство на том основании, что она воспитывает новых граждан для государства. Но ни государство, ни ее муж,

ни кто-либо другой не должны платить ей за осуществление супружеских прав. Тот факт, что такой аргумент может быть выдвинут, показывает, насколько мы далеки от здорового биологического отношения к сексуальным отношениям. Столь же несостоятельным является представление о том, что непорочная невеста приносит своему мужу при вступлении в брак важный капитал, который расходуется при первом половом акте и никогда не может быть возвращен. Это понятие сохранилось в цивилизации, но оно принадлежит варварству, а не цивилизации. Насколько это имеет какую-либо ценность, оно находится в сфере эротической извращенности, которая не может быть принята во внимание при оценке моральных ценностей. Однако для большинства мужчин, в любом случае, осознают они это или нет, женщина, посвященная тайны любви, имеет более высокую эротическую ценность, чем девственница, и на этой почве не нужно беспокоиться о жене, потерявшей девственность. Вероятно, важным фактом является то, что это беспокойство о защите женщин путем ограничения возможности развода в основном выдвигается мужчинами, а не самими женщинами. Вступающая в брак женщина лишается обществом и законом собственного имени. До недавнего времени она была лишена права на собственный заработок. Она лишена самых интимных прав в отношении собственной личности. При определенных обстоятельствах она лишается своего собственного ребенка, против которого она, возможно, вообще не совершала никакого преступления. Возможно, едва ли стоит удивляться, что она не очень ценит защиту, предоставляемую ей лишением права на развод с мужем. "Ах, нет, никакой защиты!" блестящая француженка написала. "Мы были защищены достаточно долго. Единственная защита, которую можно предоставить женщинам, - это перестать защищать их".^[354] На самом деле движение за развод, по-видимому, развивается в целом в соответствии с развитием моральной ответственности женщин, прослеженным в предыдущей главе, и там, где развод является наиболее свободным, женщины занимают самое высокое положение.

Понимая природу и направление современного движения за развод, мы не можем не понимать, что конечной тенденцией этого движения является самоустранение. Каким бы необходимым ни был Суд по бракоразводным процессам, который был неизбежным следствием невозможной церковной концепции брака, ни один институт сейчас не является более отвратительным, более чуждым инстинктивным чувствам, порожденным прекрасной цивилизацией, и более противостоящим достоинству женщины.^[355] Его исчезновение и замена частными договоренностями, осуществляемыми сторонами, участвующими в договоре, особенно если есть дети, которых нужно обеспечивать, под законным и, при необходимости, судебным надзором, является и всегда было естественным результатом достижения разумно высокого уровня цивилизации. Суд по бракоразводным процессам был всего лишь этапом в истории современного брака, и этапом, который действительно вызывал отвращение у всех, кто в нем участвовал. Нет необходимости рассматривать проект его окончательного исчезновения с чем-либо, кроме удовлетворения. Это был просто результат искусственной концепции брака. Пришло время вернуться к рассмотрению этой концепции.

Мы видели, что когда католическое развитие архаичной концепции брака как таинства, медленно разрабатывавшееся и окаменевшее благодаря изобретательности канонистов, было, наконец, номинально свергнуто, хотя и не уничтожено движением, связанным с Реформацией, оно было заменено концепцией брака как контракта. Эта концепция брака как контракта все еще пользуется у нас большим уважением.

В браке всегда должны присутствовать сдерживающие элементы, неявные или эксплицитные; это хорошо признавали даже канонисты. Но когда мы относимся к браку как к договору, и ни к чему иному, как к контракту, мы должны понимать, что мы установили очень своеобразную форму контракта, не подлежащую аннулированию, как другие контракты, по соглашению сторон, но расторгаемую скорее как своего рода наказание за правонарушение, чем путем добровольного расторжения уз.^[356] Когда протестантские реформаторы ухватились за идею брака как контракта, на них не повлиял какой-либо аргументированный анализ особых характеристик контракта; они просто стремились обеспечить правдоподобное основание, уже признанное даже канонистами для освещения определенных аспектов супружеского союза, на основании которого они могли бы заявить, что брак - это светское, а не церковное дело, гражданские узы, а не сакраментальный процесс.^[357]

Как и многое другое в протестантском восстании, сила этого отношения заключалась в том факте, что это был протест, основанный на своей негативной стороне на разумных и естественных основаниях. Но хотя протестантизм был прав в своей попытке — ибо это была всего лишь попытка — отрицать авторитет канонического права, с положительной стороны эта попытка была совершенно неудовлетворительной. На самом деле брак не является настоящим контрактом, и никогда не предпринималось никаких попыток превратить его в настоящий контракт.

Различные авторы рассматривали брак как фактический контракт или утверждали, что его следует преобразовать в настоящий контракт. Миссис Мона Кэрд, например ("Мораль брака", *"Двухнедельное обозрение"*, 1890), считает, что, когда брак действительно становится контрактом, "пара должна составить свое соглашение или поручить эту задачу своим друзьям, как сейчас обычно делается в отношении брачных расчетов. Они соглашаются жить вместе на таких-то условиях, оговаривая определенные условия в рамках кодекса". Однако, по ее мнению, государство должно потребовать промежуток времени между уведомлением о расторжении брака и самим разводом, если оно все еще желает этого по истечении этого промежутка. Аналогичным образом, в Соединенных Штатах доктор Шуфельдт ("Необходимый пересмотр законов о браке и разводе", *Медико-юридический журнал*, декабрь 1897 г.) настаивает на том, что брак должен быть полностью передан в руки юристов и "заключен гражданско-правовой договор, четко изложенный в деталях и определяющий условия развода, на случай, если впоследствии будет желательно расторгнуть контракт". Он добавляет, что должны потребоваться медицинские справки об отсутствии наследственных и приобретенных заболеваний, а также должны быть заключены должным образом регулируемые браки с испытательным сроком.

Во Франции депутат Палаты в 1891 году был настолько убежден, что брак - это контракт, как и любой другой контракт, что заявил, что "исполнять музыку на праздновании свадьбы так же нелепо, как посылать за тенором к нотариусу, чтобы отпраздновать продажу древесины". Он придерживался совершенно иного мнения, чем Пепис, который парой столетий ранее был в равной степени возмущен отсутствием музыки на свадьбе, что, по его словам, делало ее похожей на совокупление кобеля и суки.

Частым требованием тех, кто настаивает на том, что брак должен рассматриваться как контракт, является заключение брака сроком на несколько лет. В старой Японии браки могли

заклучаться на срок не более пяти лет, и говорят, что они редко или никогда не расторгались по истечении этого срока. Гете в своей книге *"Wahlverwandschaften"* (часть I, гл. X) случайно представил предложение о заключении брака сроком на пять лет и придавал большое моральное значение продлению брака сверх этого срока без внешнего принуждения. (Блох считает, что Гете, вероятно, слышал о японском обычае, *Сексуальная жизнь нашего времени*, стр. 241.) Профессор Э. Д. Коуп ("Проблема брака", *Открытый суд*, 15 и 22 ноября 1888 г.), аналогично, чтобы вывести брак из сферы каприза и разрешить полное и справедливое судебное разбирательство, выступал за "систему гражданских брачных контрактов, которые должны действовать в течение определенного времени. Эти контракты должны иметь ту же ценность и действие, что и существующий брачный контракт. Сроки должны быть быстро увеличены, с тем чтобы женщины зрелого возраста не были лишены поддержки. Первый контракт не должен быть рассчитан менее чем на пять лет, чтобы дать достаточно возможностей для ознакомления и для преодоления временных разногласий". Этот первый контракт, по мнению Соре, должен быть расторгнут по желанию любой из сторон; второй контракт, рассчитанный на десять или пятнадцать лет, должен быть расторгнут только по желанию обеих сторон, а третий должен быть постоянным и нерасторжимым. Джордж Мередит, выдающийся романист, также, совсем недавно, выдвинул предположение, что браки должны заключаться сроком на несколько лет.

Вряд ли можно сказать, что браки сроком на несколько лет представляют собой очень удовлетворительное решение возникающих в настоящее время трудностей. Они не стали бы хвалить себя перед молодыми влюбленными, которые верят, что их любовь вечна, и, пока союз оказывается удовлетворительным, нет никакой необходимости внедрять тревожащую идею о законном расторжении контракта. С другой стороны, если союз окажется несчастливым, неразумно настаивать на продолжении в течение десяти или даже пяти лет пустой формы, которая не соответствует реальному брачному союзу. Даже если брак заключен на самой прозаической договорной основе, было бы ошибкой и даже невозможностью заранее определять продолжительность его действия. Система предварительного установления продолжительности брака на несколько лет предполагает точно такой же принцип, как и система предварительного установления его на всю жизнь. Можно также возразить, что это несовместимо любыми жизненно важными отношениями. По мере роста спроса на жизненно важную реальность и эффективность в социальных отношениях этот факт становится все более ощутимым. Точно такие же изменения мы наблюдаем у нас в отношении системы назначения фиксированных сроков тюремного заключения преступникам. Отправлять человека в тюрьму на пять лет или пожизненно, без какого-либо учета неизвестной проблемы жизненно важной реакции тюремного заключения на человека — реакции, которая будет разной в каждом отдельном случае, — постепенно начинает рассматриваться как абсурд.

Если бы брак действительно заключался на основе контракта, этот контракт не только мог бы быть оспорен по воле двух заинтересованных сторон без какого-либо вопроса о правонарушении, но и эти стороны с самого начала сами определили бы условия, регулирующие контракт. Но ничто не могло быть более непохожим на наш настоящий брак. Двум сторонам предлагается принять друг друга как мужа и жену; их не приглашают заключать контракт; им даже не говорят, что, как бы мало они об этом ни знали, на самом деле они заключили очень сложный и продуманный контракт, который был составлен на основе принципов, заложенных, по большей части, за тысячи лет до их рождения. Если они не изучали юриспруденцию, они также совершенно не осведомлены о том, что этот контракт содержит

положения, которые при определенных обстоятельствах могут оказаться фатальными для любого из них. Все, что происходит, — это то, что молодую пару, возможно, немногим более детей, на мгновение ошеломленных эмоциями, спешат к священнику или регистратору актов гражданского состояния, чтобы связать себя узами брака на всю жизнь, ничего не зная о мире и едва ли больше друг о друге, ничего не зная также о законах о браке, возможно, даже не столько о том, что существуют какие—либо законы о браке, никогда не понимая, что - как было верно сказано - из того места, куда они входят под гирляндой цветов, по эту сторону смерти нет выхода, кроме как через люк канализации.^[358]

Когда женщина выходит замуж, она отказывается от права на собственную личность. Таким образом, согласно законодательству Англии, мужчина "не может быть виновен в изнасиловании своей законной жены". Стивен, который в первом издании своего *Сборника уголовного права* полагал, что при определенных обстоятельствах мужчине может быть предъявлено обвинение в изнасиловании своей жены, в последнем издании отказался от этого мнения. Мужчина может изнасиловать проститутку, но он не может изнасиловать свою жену. Единожды дав свое согласие на половой акт при вступлении в брак с женщиной, она дала его навсегда, какие бы новые обстоятельства ни возникли, и ему нет необходимости спрашивать ее согласия на половой акт, даже если он сознательно страдает в это время венерическим заболеванием (см., например,, статью "Предвзятость к сексу", *Вестминстер Ревью*, март 1888 г.).

Обязанность жены предоставлять "супружеские права" своему мужу является еще одним аспектом ее юридического подчинения ему. Даже в девятнадцатом веке саффолкская леди из хорошей семьи много лет была заключена в тюрьму в Ипсвич-Голе и питалась хлебом и водой, хотя и страдала от различных болезней, пока не умерла, просто потому, что продолжала игнорировать указ, требующий от нее предоставить супружеские права своему мужу. Это положение вещей было частично исправлено Биллем о супружеских правах 1884 года, и этот законопроект был принят не для защиты женщин, а для мужчин, от наказания за отказ восстановить супружеские права. Несомненно, современная тенденция, хотя и развивается очень медленно, направлена против применения принуждения к мужу или жене с целью отказа от "супружеских прав"; и со времен дела Джексона в Англии муж не может применять силу, пытаясь заставить свою жену жить с ним. Эта тенденция еще более заметна в Соединенных Штатах; так, несколько лет назад Верховный суд Айовы постановил, что чрезмерные требования к половому акту представляют собой жестокость, оправдывающую развод (Дж. Дж. Кирнан, *Психиатр и невролог*, ноябрь 1906 г., стр. 466).

Ограниченная власть жены над своей персоной не ограничивается сексуальной сферой, но распространяется даже на ее право на жизнь. В Англии, если жена убивает своего мужа, раньше это считалось очень серьезным преступлением - "мелкой изменой", и это все еще убийство. Но если муж убивает свою жену и может сослаться на ее супружескую измену и свою ревность, то это всего лишь непредумышленное убийство. (Во Франции, где к ревности относятся крайне снисходительно, даже жену, убившую своего мужа, часто оправдывают.)

Однако не следует предполагать, что все юридические неравенства, связанные с браком, действуют в пользу мужа. Большое количество несправедливостей также совершается по отношению к мужу. Муж, например, несет юридическую ответственность за клевету, высказанную его женой, и он в равной степени несет гражданскую ответственность за мошенничество, которое она совершает, даже если она живет отдельно от него. (Это было,

например, вынесено английским судьей в 1908 году; "он мог только сказать, что сожалеет об этом, поскольку это кажется трудным делом. Но таков был закон".) Белфорт Бакс в последние годы особенно настаивал на трудностях, налагаемых английским законодательством подобными способами. Не может быть никаких сомнений в том, что брак в его нынешнем виде наносит серьезный ущерб как мужу, так и жене.

Следовательно, брак не только не является контрактом в истинном смысле этого слова,^[359] но и в том единственном смысле, в котором это контракт, это контракт чрезвычайно плохого рода. Когда канонисты заменили старую концепцию брака как договора купли-продажи своим сакраментальным браком, они во многих отношениях добились реального прогресса, и возврат к идее контракта, как только его временная ценность как протеста прекратилась, оказывается совершенно несовместимым с любой развитой стадией цивилизации. Он был возрожден за несколько дней до начала восстания против рабства. Личные контракты не согласуются с нашей современной цивилизацией и нашими представлениями о свободе личности. Мужчина больше не может ни превратить себя в раба, ни продать свою жену. Однако брак, рассматриваемый как контракт, относится точно к тому же классу, что и эти сделки.^[360] На каждой высокой ступени цивилизации этот факт четко признается, и молодым парам даже не разрешается безоговорочно вступать в брак. Мы видим это, например, в мудром законодательстве римлян. Даже при христианских императорах этот здравый принцип соблюдался, и юрист Паулюс писал:^[361] "Брак был настолько свободным, согласно древнему мнению, что даже соглашения сторон не разлучаться друг с другом не могли иметь юридической силы". В той мере, в какой суть, а не какое-либо случайное обстоятельство супружеских отношений оформляется в виде контракта, это контракт такого характера, который обе заинтересованные стороны не компетентны заключать. Биологически и психологически она не может быть действительной, и с ростом гуманной цивилизации она недвусмысленно объявляется юридически недействительной.

Ибо, в этом не может быть никаких сомнений, интимный и существенный факт брака — отношения сексуального сношения — не является и не может быть контрактом. Это не контракт, а факт; он не может быть осуществлен каким-либо простым актом воли со стороны заинтересованных сторон; он не может быть поддержан каким-либо простым актом воли. Завещать такой контракт - значит просто разыгрывать худший, чем неприличный фарс. Конечно, многие обстоятельства брака должным образом являются предметом контракта и должны быть добровольно и преднамеренно оговорены сторонами контракта. Но важнейший факт брака — любовь, достаточно сильная, чтобы сделать возможными и желанными самые интимные отношения на неопределенное количество лет, — не может быть предметом контракта. Как с физической, так и с психической точки зрения, никакой обязывающий контракт — а контракт бесполезен, если он не является обязательным, — заключен быть не может. И заключение таких псевдоконтрактов, касающихся будущего брака, до того, как будет установлено, что брак вообще может когда-либо стать фактом, не только невозможно, но и абсурдно.

Конечно, верно, что эта невозможность, этот абсурд никогда не видны договаривающимся сторонам. Они применили к этому вопросу все очень ограниченные тесты, которые им обычно разрешены, и удовлетворительные результаты этих тестов вместе с сознанием обладания

огромным и, по-видимому, неисчерпаемым запасом любовных эмоций кажутся им достаточными для выполнения контракта на протяжении всей жизни, если не вечности.

Семилетним ребенком я случайно оказался на полутропическом острове в Тихом океане, где меня снабжали фруктами, особенно виноградом, с материка, и смуглая продавщица на рынке всегда дарила большую гроздь винограда маленькому незнакомцу-англичанину. Но настал день, когда предложенная гроздь была решительно отвергнута; переизбыток винограда вызвал реакцию отвращения. Потребовалось почти сорок лет, чтобы преодолеть приобретенное таким образом отвращение к винограду. И все же не может быть никаких сомнений в том, что если бы в возрасте шести лет этого маленького мальчика попросили подписать контракт, обязывающий его принимать виноград каждый день, всегда держать его при себе, есть его и наслаждаться им каждый день, он подписал бы этот контракт с такой же радостью, с какой любой лучезарный жених или скромная невеста подписывает реестр в ризнице. Но является ли сложный мужчина или женщина, с неизвестными способностями к изменению или деградации, и с неисчислимыми способностями к причинению пыток и возбуждению отвращения, является ли такое существо более легким для привязанности, чем изысканный фрукт? Все страны мира, в которых все еще ощущается тонкое влияние канонического права христианского мира, еще не усвоили общую истину, которая вполне доступна практическому опыту семилетнего ребенка.^[362]

Представление о том, что такие отношения, как брак, могут покоиться на такой хрупкой основе, как заранее установленный контракт, естественно, никогда не имело широкого распространения в своей крайней форме и было вообще неизвестно во многих частях мира. Римляне, как мы знаем, недвусмысленно отвергали это и даже в сравнительно ранний период признавали законность брака *по обычаю*, фактически заявляя таким образом, что брак должен быть фактом, а не простым обязательством. Широко распространена юридическая тенденция, особенно там, где традиции римского права сохранили какое-либо влияние, рассматривать совместное проживание в браке как существенный факт отношений. Даже при католической церкви существовало старое правило, согласно которому брак можно считать заключенным на основании совместного проживания (см., например, *Zacchia, Questionum Medico-legalium Opus*, издание 1688 года, т. iii, стр. 234). Даже в Англии сожителство уже является одной из презумпций в пользу существования брака (хотя и не обязательно само по себе считается достаточным), при условии, что женщина обладает безупречным характером и не выглядит обычной проституткой (Невилл Гири, *Закон о браке*, глава III). Однако, если, согласно судебному заявлению лорда Уотсона по делу Дайзарт Пэрейдж, мужчина приводит свою любовницу в отель или идет с ней в магазин детского белья и говорит о ней как о своей жене, следует предположить, что он действует ради приличия, и это не является доказательством брака. В Шотландии презумпция брака возникает на гораздо более слабых основаниях, чем в Англии. Это может быть связано с древним и глубоко укоренившимся в Шотландии обычаем заключения брака по взаимному согласию (Гири, указ. соч. гл. XVIII; ср., Говард, *Брачные институты*, том i, стр. 316).

В деле Бредалбейна (*Кэмпбелл против Кэмпбелла*, 1867), которое имело большое значение, поскольку касалось наследования обширных поместий маркиза Бредалбейна, Палата лордов решила, что даже супружеская связь может, перестав быть супружеской, стать супружеской по простому согласию сторон, о чем свидетельствуют привычки и репутация, без какой-либо необходимости указывать супружеский характер связи каким-либо публичным актом, или какой-либо необходимости доказывать конкретный период, когда согласие было получено.

поменялись местами. Это решение было подтверждено в деле Дайзарта (Geary, *loc. cit.*; ср. С. G. Garrison, "Пределы развода", *Contemporary Review*, февраль 1894 г.). Точно так же, как постановил судья Кекевич в деле Вагстаффа в 1907 году, если мужчина оставляет деньги своей "вдове" при условии, что она никогда больше не выйдет замуж, хотя он никогда не был женат на ней и хотя она состояла в законном браке с другим мужчиной, намерения завещателя должны быть подтверждены. Гаррисон в своем ценном обсуждении этого аспекта законного брака (*лок. цит. по*) настойчиво настаивает на том, что по английскому законодательству брак является фактом, а не контрактом, и что там, где существует "поведение, характеризующееся супружеской целью и постоянством", брак существует юридически, брак - это просто "название существующего факта".

В Соединенных Штатах брак "по привычке и репутации" также существует, а в некоторых штатах даже был подтвержден и продлен законом (Дж. П. Бишоп, *Комментарии*, том i, глава XV). "Какой бы ни была форма церемонии, и даже если бы обошлись без всяких церемоний, - сказал судья Кули из Мичигана в 1875 году (в заключении, признанном федеральными судами авторитетным), - если бы стороны согласились немедленно признать друг друга мужем и женой и с того времени открыто жили вместе в этих отношениях, доказательств этих фактов было бы достаточно. ... Это была устоявшаяся доктрина американских судов". (Ховард, *указ. соч.*, том. iii, стр. 177 и далее. Двадцать три штата разрешают гражданские браки, в то время как восемнадцать отвергают или склонны отвергнуть любое неофициальное соглашение.)

Это юридическое признание высшими судебными органами, как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах, того, что брак по сути является фактом, и что для наиболее полного юридического признания брака не требуется никаких доказательств какой-либо формы или церемонии заключения брака, несомненно, влечет за собой чрезвычайно важные последствия. Стало ясно, что реформа брака возможна даже без изменения закона, и что честные сексуальные отношения, даже если они заключены без каких-либо юридических форм, уже имеют право на полное юридическое признание и защиту. Однако едва ли нужно добавлять сюда другие соображения, которые делают реформу в этом направлении неполной.

Таким образом, с ростом цивилизации концепция брака как контракта становится все более и более дискредитированной. С одной стороны, осознается, что личные контракты не гармонируют с нашим общим и социальным отношением, поскольку, если мы отвергаем идею о том, что человек заключает контракт с самим собой в качестве раба, насколько больше мы должны отвергать идею вступления по контракту в еще более интимные отношения мужа или жены; с другой стороны, считается, что идея predetermined контрактов по вопросу, над которым сам индивид не имеет контроля, совершенно нереальна и, когда преобладают какие-либо строгие правила справедливости, неизбежно недействительна. Это правда, что мы все еще постоянно находим авторов, сентенциозно отстаивающих свои представления об обязанностях или привилегиях, связанных с "брачным договором", не предпринимая больше попыток проанализировать значение термина "контракт" в этой связи, чем протестантские реформаторы, но вряд ли можно сказать, что эти авторы все еще достигли азбуки предмета, о котором они догматизируют.

Передача брака от Церкви государству, которой в странах, где это впервые произошло, мы обязаны протестантизму, а в англоязычных странах особенно пуританству, хотя и была необходимым этапом, привела к печальному результату секуляризации сексуальных

отношений. Иными словами, он игнорировал трансцендентный элемент в любви, который действительно является существенной частью таких отношений, и концентрировал внимание на тех формальных и случайных сторонах брака, которые единственно могут быть решены жестким и точным образом и единственно могут должным образом составлять предмет контрактов. Каноническое право, каким бы фантастическим и невозможным оно ни стало во многих своих разработках, по крайней мере, настаивало на естественном и фактическом факте брака как, прежде всего, телесного союза, в то же время рассматривая этот союз не просто как светский деловой контракт, но как священную и возвышенную функцию, божественный факт и символ самого божественного факта в мире. Сегодня мы возвращаемся к канонистской концепции брака на более высоком и свободном уровне, возвращая возвышенную концепцию канонического права, но сохраняя индивидуализм, который пуританин ошибочно полагал, что он может обеспечить на основе простой секуляризации, в то время как, далее, мы признаем, что весь процесс принадлежит частной сфере моральной ответственности. Как хорошо сказал Хобхаус, проследившая эволюционную историю современной концепции брака, сакраментальная идея брака снова возникла, но на более высоком уровне; "из таинства в магическом смысле оно превратилось в таинство в этическом". Таким образом, мы стремимся к браку, заключаемому и поддерживаемому по обоюдному согласию, хотя и не достигли этого юридически, "союзу между двумя свободными и ответственными лицами, в котором соблюдаются равные права обоих".^[363]

Некоторые предполагают, что рассматривать сексуальный союз как таинство - значит обязательно принимать древнюю католическую точку зрения, воплощенную в каноническом праве, согласно которой брак нерасторжим. Это, однако, ошибка. Даже сами канонисты так и не смогли выдвинуть какое-либо связное обоснование нерасторжимости брака, которое могло бы оправдать себя рационально, в то время как Лютер, Мильтон и Вильгельм фон Гумбольдт, которые поддерживали религиозную и священную природу сексуального союза — хотя они были осторожны в использовании термина "таинство" из-за его церковного значения - были далеки от того, чтобы верить, что его святость предполагает нерасторжимость, утверждали в обратном смысле. Эту точку зрения можно отстаивать даже со строго протестантской точки зрения. "Я полагаю, - говорит мистер Г. К. Маберли, - что определение таинства в Молитвеннике - "внешний и видимый знак внутренней и духовной благодати" - общепринято. В браке юридический и физический союзы являются внешними и видимыми признаками, в то время как внутренняя и духовная благодать - это данная Богом любовь, которая создает союз сердца и души: и именно потому, что я придерживаюсь такого взгляда на брак, я считаю, что юридический и физический союз должен быть расторгнут всякий раз, когда прекращается духовный союз бескорыстной, божественной любви и привязанности. Мне кажется, что сакраментальный взгляд на брак вынуждает нас сказать, что те, кто продолжает юридический или физический союз, когда духовный союз прекратился, являются —снова процитирую слова Молитвенника, применяемые к тем, кто принимает внешний знак другого таинства, когда отсутствует внутренняя и духовная благодать, — "вкусными и пьющими свое собственное проклятие".

Если с точки зрения, которой мы сейчас достигли, мы оглянемся назад на вопрос о разводе, то увидим, что по мере того, как современные аспекты брачных отношений будут более четко осознаваться сообществом, этот вопрос будет значительно упрощаться. Поскольку брак - это не просто контракт, а факт поведения и даже священный факт, для его поддержания необходимо свободное участие обеих сторон. Привносить идею правонарушения и наказания в процесс

развода, поощрять взаимные обвинения, раскрывать миру тайны сердца или чувств не только аморально, но и совершенно неуместно. В вопросе о том, когда брак перестает быть браком, верховными судьями могут быть только две заинтересованные стороны; государство, если оно привлечено к делу, может лишь зарегистрировать вынесенный ими приговор, просто следя за тем, чтобы в приведении этого приговора в исполнение не было никакой несправедливости.^[364]

Обсуждая в предыдущей главе направление, в котором сексуальная мораль имеет тенденцию развиваться по мере развития цивилизации, мы пришли к выводу, что в своих основных чертах она предполагает, прежде всего, личную ответственность. Отношения, установленные у диких народов общественным обычаем, который никто не смеет нарушать, а на более высокой ступени культуры - формальными законами, которые должны соблюдаться по букве, даже если они нарушаются по духу, постепенно переносятся в сферу индивидуальной моральной ответственности. Такой перенос неизбежно бессмысленен и даже невозможен, если только растущая жесткость моральных уз не сопровождается уменьшением жесткости формальных уз. Только в процессе ослабления искусственных ограничений естественные ограничения могут проявить свой полный контроль. Этот процесс происходит двумя путями, частично на основе безразличия к официальному браку, которым повсеместно были отмечены массы населения и которое, несомненно, восходит к десятому веку, до того, как началось господство церковного брака, и частично за счет прогрессивной модификации законов о браке, которые стали необходимыми из-за потребностей имущих классов, стремившихся обеспечить государственное признание своих союзов. Весь процесс обязательно является постепенным и действительно незаметным процессом. Невозможно точно установить даты этапов, посредством которых Церковь совершила огромную революцию, посредством которой она захватила и в конечном итоге передала государству полный контроль над браком, поскольку эта революция была совершена без вмешательства какого-либо закона. Она будет одинаково трудно воспринимать передачу контроля брака за счет государства лиц, и сложнее, потому что, как мы увидим, хотя к тому и глубоко личных факт брака не является предметом государственного контроля, есть определенные аспекты брака, которое затрагивает интересы сообщества так тесно, что государство обязано настаивать на их регистрации и проявлять интерес в их населенном пункте.

Иногда говорят, что результатом нарушения формальной строгости брачных отношений стала бы склонность к аморальной распущенности. Те, кто делает это заявление, упускают из виду тот факт, что распущенность имеет тенденцию достигать максимума в результате строгости, и что там, где преобладает чисто внешний авторитет жесткого закона о браке, там наиболее процветают крайние проявления распущенности. Также несомненно верно, и по той же причине, что любое внезапное снятие ограничений обязательно влечет за собой реакцию на противоположную крайность распущенности; раб не превращается одним махом в автономного свободного человека. Тем не менее, мы должны помнить, что порядок заключения брака существовал на протяжении тысячелетий, прежде чем были предприняты какие-либо попытки придать ему произвольные формы с помощью человеческого законодательства. Мы видели, что такое законодательство действительно было попыткой человеческого духа более решительно утвердить требования своих собственных инстинктов.^[365] Но ее конечный результат - скорее подавление и препятствование, чем продвижение инстинктов, которые ее вдохновляли. Его постепенное исчезновение обеспечивает естественному порядку свободный и надлежащий размах.

Великая истина о том, что принуждение на самом деле является силой не на стороне добродетели, а на стороне порока, была ясно осознана гением Рабле, когда он сказал о своем идеальном социальном государстве, Телемском аббатстве, что в его правиле есть только один пункт: *Fay ce que voudras*. "Потому что, - сказал Рабле (Вк. i, гл. VII), - люди свободные, благородного происхождения, хорошо воспитанные и умеющие общаться в честных компаниях, от природы обладают инстинктом и побуждением, которые побуждают их к добродетельным поступкам и уводят от порока. Те же самые люди, когда из-за низкого подчинения и принуждения они подчиняются и удерживаются приниженными, отворачиваются от того благородного расположения, благодаря которому они свободно были склонны к добродетели, чтобы стряхнуть и разорвать эти узы рабства ". Так что, когда мужчина и женщина, жившие под властью Телемы, поженились друг на друге, рассказывает нам Рабле, их взаимная любовь не ослабевала до дня их смерти.

Когда потеря автономной свободы не приводит к распущенному бунту, она сопряжена с противоположным риском и имеет тенденцию к вялой зависимости от внешней поддержки. Таким образом, искусственная поддержка брака с помощью государственного регулирования напоминает искусственную поддержку тела, обеспечиваемую ношением корсета. Причины за и против принятия искусственной поддержки в обоих случаях одни и те же. Корсеты действительно дают ощущение поддержки; они действительно без проблем создают довольно удовлетворительный видимость приличия; они являются реальной защитой от различных несчастных случаев. Но цена, по которой они предоставляют эти преимущества, серьезна, а сами преимущества существуют только в неестественных условиях. Корсет искажает форму и здоровое развитие органов; он ослабляет произвольную мышечную систему; он несовместим с совершенной грацией и красотой; он уменьшает количество активной энергии. Короче говоря, это оказывает такое же влияние на физическую ответственность, как официальный брак на моральную.

Слишком часто забывают, и поэтому необходимо повторить, что женатые люди остаются вместе не из-за каких-либо религиозных или юридических уз; эта связь является просто историческим результатом их естественной тенденции оставаться вместе, тенденции, которая сама по себе намного старше истории. "Любовь существовала бы в мире и сегодня, такая же чистая и такая же стойкая, - говорит Шуфельдт (*Медико-юридический журнал*, декабрь 1897 г.), - если бы человек никогда не изобрел "брак". По-настоящему близкие люди оставались бы верными друг другу всю жизнь. Только когда люди пытаются улучшить природу, в дело вступают преступления, болезни и несчастья". "Отмена брака в той форме, которая практикуется сейчас, - писал Годвин более века назад (*Политическое правосудие*, второе издание, 1796, т. i, стр. 248), - "не принесет зла. Мы склонны представлять это себе как предвестие грубой похоти и разврата. Но на самом деле в этом, как и в других случаях, позитивные законы, созданные для сдерживания наших пороков, раздражают и умножают их ". И профессор Лестер Уорд, настаивая на силе моногамных настроений в современном обществе, справедливо замечает (*Международный журнал этики*, октябрь 1896 г.), что бунт против жестких брачных уз "на самом деле обусловлен самим усилением истинных уз супружеской привязанности в сочетании с рациональной и совершенно правильной решимостью отдельных людей принять в столь важном вопросе не что иное, как подлинную любовь". статья". "Если бы одним ударом, - говорит профессор Вудс Хатчинсон (*"Современное обозрение"*, сентябрь 1905 г.), - все существующие ныне брачные узы были расторгнуты или объявлены незаконными, восемь десятых всех пар вступили бы в повторный брак в течение сорока восьми часов, а семь десятых невозможно было

бы разлучить штыками". Эксперимент такого рода в небольшом масштабе был засвидетельствован в 1909 году в английской деревне Бакингемшире. Было установлено, что приходская церковь никогда не получала лицензии на заключение браков, и, как следствие, все люди, которые прошли через церемонию бракосочетания в этой церкви в течение предыдущих полувека, никогда не состояли в законном браке. Тем не менее, насколько можно было установить, ни одна пара, освобожденная таким образом от юридического принуждения к браку, не воспользовалась дарованной свободой. Перед лицом такого факта очевидно, что невозможно придавать какую-либо моральную ценность форме брака.

Безусловно, неизбежно, что в переходный период естественный порядок в некоторой степени нарушается сохранением, хотя и в ослабленной форме, внешних связей, которые начинают сознательно осознаваться как враждебные авторитетному контролю индивидуальной моральной ответственности. Мы можем ясно проследить это в настоящее время. Чувствительное стремление избежать внешних ограничений приводит к недооценке значения личных ограничений в брачных отношениях. Вероятно, всем знакомы случаи, когда пара прожила вместе долгие годы, не вступая в законные брачные узы, несмотря на трудности в их взаимоотношениях, которые уже давно привели бы к раздельному проживанию или разводу, если бы они состояли в законном браке. Когда трудности, присущие супружеским отношениям, усугубляются трудностями, вызванными внешним принуждением, развитие индивидуальной моральной ответственности идет двумя путями и приводит к результатам, которые не являются полностью удовлетворительными. Это было замечено в Соединенных Штатах Америки, и вдумчивые американские наблюдатели часто обращали на это внимание. Естественно, это особенно заметно у женщин, потому что именно у женщин новый рост личной свободы и моральной ответственности дал о себе знать в первую очередь. Первое пробуждение этих новых импульсов, особенно когда они связаны, как это часто бывает, с неопытностью и невежеством, приводит к нетерпению по отношению к естественному порядку, к требованию невозможных условий существования и к неспособности не только подчиняться произволу закона, но даже к здоровым и необходимым узам социальной жизни человека. Для молодых и идеалистичных людей всегда является тяжелым уроком то, что для того, чтобы повелевать Природой, мы должны повиноваться ей; этому можно научиться только через контакт с жизнью и достижение полного человеческого роста.

Доктор Феликс Адлер (в обращении к Обществу этической культуры Нью-Йорка, 17 ноября 1889 г.) привлек внимание к тому, что он считал наиболее глубоко укоренившейся причиной чрезмерного распространения разводов в Америке. "Ложная идея свободы личности в значительной степени распространена в Америке", и применительно к семейной жизни это часто приводит к нетерпеливому отношению к этим обязанностям, с которыми индивид либо родился, либо добровольно согласился. "Я вынужден думать, что распространенность разводов в немалой степени объясняется влиянием демократических идей, то есть ложных демократических идей, и наша надежда заключается в продвижении к более высокой и истинной демократии". Более поздняя американская писательница, на этот раз женщина, Анна А. Роджерс ("Почему американские браки распадаются", *Atlantic Monthly*, сентябрь 1907 г.) высказывается в том же смысле, хотя, возможно, в слишком неквалифицированной манере. Она утверждает, что частота разводов в Америке обусловлена тремя причинами: (1) неспособностью женщины осознать, что брак - это ее работа в мире; (2) ее растущим

индивидуализмом; (3) утраченным искусством отдавать, замененным высокоразвитой способностью воспринимать. Американская женщина, утверждает эта писательница, обнаруживая свою индивидуальность, еще не научилась управлять ею; это все еще "в значительной степени бесполезный, тревожный фактор, дающий ей лишь немногим больше покоя, чем тем, кто находится в ее непосредственной близости". Ее обстоятельства, как правило, делают из нее "любопытный аномальный гибрид; помесь великолепного, довольно невоспитанного мальчика и избалованной, требовательной *полудурчанки*, которая искренне любит в этом мире только себя". Она еще не поняла, что высшая работа женщины в мире может быть достигнута только через добровольное принятие ограничений брака. Тот же автор указывает, что вина лежит не только на американских женщинах, но и на американских мужчинах. Их идолопоклонство перед своими женщинами в значительной степени ответственно за ту нетерпимость и эгоизм, которые являются причиной стольких разводов.; "Американские женщины в целом избалованы и им поклоняются без всякой причины". Но мужчины, которые поддаются этому, не чувствуют, что они могут относиться к своим женам с таким же товариществом, как французы относятся к своим женам, и не обращаются к ним за советом с таким же доверием; американская женщина возведена на нереальный пьедестал. Еще один американский писатель, Раффорд Пайк ("Мужья и жены", *Cosmopolitan*, 1902), указывает, что лишь небольшая часть американских браков по-настоящему несчастлива, в основном среди представителей более культурных классов, в которых происходит расширение интересов и жизни женщин; чаще жена, чем муж, разочаровывается в браке, и это во многом связано с ее неспособностью объединить, не обязательно подчинять, свою индивидуальность в равноправном союзе с его. "Успех современного брака становится все более и более зависимым от приспособления к психическим условиям. В то время как в прежних поколениях было достаточно, чтобы союз предполагал физическую взаимность, в наш век союз должен включать также и психическую взаимность. И если раньше общность интересов достигалась с легкостью, то теперь это становится намного сложнее из-за тенденции отговаривать женщину, выходящую замуж, от слияния своей отдельной индивидуальности с индивидуальностью своего мужа. И все же, если она не сделает этого, как у нее может быть полный интерес к совместной жизни, и, если уж на то пошло, как у него тоже может быть такой интерес?"

Профессор Мюнстерберг, выдающийся психолог, в своем откровенном, но благодарном исследовании американских институтов "*Американцы*", рассматривая ситуацию более широко, указывает, что влияние женщин на мораль в Америке не было удовлетворительным во всех отношениях, поскольку оно имело тенденцию поощрять поверхностность. "Американская женщина, у которой едва ли есть хоть капля образования, - замечает он (стр. 587), - тщетно ищет какой-либо предмет, по которому у нее уже нет твердых убеждений. ... Высокомерие этого женского недостатка знаний является симптомом глубокой черты женской души и указывает на опасности, исходящие от доминирования женщин в интеллектуальной жизни. ... И ни в одной другой цивилизованной стране этические концепции не изъедены суевериями в такой степени".

Мы видели, что современная тенденция в отношении брака заключается в признании его добровольным союзом, заключаемым двумя свободными, равными и морально ответственными личностями, и что этот союз скорее носит характер этического таинства, чем контракта, так что по своей сути как физическая и духовная связь он находится вне сферы действия государства. Необходимо было проработать этот момент, прежде чем мы подойдем к тому, что многим может показаться не только иным, но даже полностью противоположным аспектом брака. Если

брачный союз сам по себе не может быть предметом договора, он естественным образом приводит к факту, который обязательно должен быть предметом скрытого или эксплицитного договора, более того, к вопросу, в котором сообщество в целом имеет реальный и надлежащий интерес: это факт продолжения рода.^[366]

Древние египтяне, среди которых брачные институты были такими гибкими, а положение женщины таким высоким, признавали временные и незначительные брачные узы с целью проверки плодovitости.^[367] Между нами закон не предусматривает такого положения об отцовстве, оставляя на самих молодых парах ответственность за проведение любых тестов, разрешением, которым, как мы знаем, они в основном пользуются сами, обычно вступая в законные узы брака, однако, до рождения своего ребенка. Эта юридическая связь представляет собой признание того, что введение нового индивида в общество является не просто личным фактом, подобно сексуальному союзу, а социальным фактом, фактом, в котором государство не может не быть заинтересовано. И чем больше мы исследуем тенденцию современного брачного движения, тем больше мы будем понимать, что его позиция свободы, индивидуальной моральной ответственности в формировании сексуальных отношений компенсируется позицией строгости, строгого социального надзора в вопросе продолжения рода. Двое людей, вступающих в эротические отношения, обязаны, когда они приходят к убеждению, что их отношения являются настоящим браком, естественным завершением которого является продолжение рода, подписать контракт, который, хотя и оставляет их лично свободными, все же должен обязывать их обоих выполнять свои обязанности по отношению к своим детям.^[368]

Необходимость в таком начинании двойная, даже помимо того факта, что оно отвечает высшим интересам самих родителей. Это необходимо в интересах ребенка. Это требуется в интересах государства. Ребенок может быть воспитан, и хорошо воспитан, одним эффективным родителем. Но чтобы должным образом подготовить ребенка к его вступлению в жизнь, обычно необходимы оба родителя. Государство, со своей стороны, то есть сообщество, частью которого являются как родители, так и ребенок, обязано знать, кто эти люди, ставшие спонсорами нового человека, который теперь появился в его среде. Самое индивидуалистическое государство, самое социалистическое государство, одинаково обязаны, если они верны интересам, как биологическим, так и экономическим, составляющих их членов в целом, настаивать на полном законном и признанном происхождении отца и матери каждого ребенка. Этого явно требуют интересы ребенка; этого явно требуют также интересы государства.

Препятствием, которое в христианском мире противопоставило себя естественному признанию этого факта, столь пагубного как для ребенка, так и для государства, явно была жесткость системы брака, особенно в том виде, в каком она была сформирована каноническим правом. Канонисты придавали поистине огромное значение *плотской связи*, как они ее технически называли. Они сосредоточивали внимание на браке исключительно во влагалище; их не слишком беспокоило ни наличие, ни отсутствие ребенка. Влагалище, как мы знаем, не всегда было надежным центром поддержки брака, и сейчас этот центр постепенно переносится на ребенка. Если мы обратимся от канонистов к трудам такой современной личности, как Эллен Ки, которая так точно отражает многое из того, что является наиболее характерным и существенным в последних тенденциях развития брака, мы, кажется, вступили в новый мир, даже недавно освещенный мир. Ибо "в новой сексуальной морали, как в *Нотте* Корреджо, свет исходит от ребенка".^[369]

Без сомнения, это изменение в значительной степени зависит от чувства, от, как мы иногда говорим, простого чувства, хотя в человеческих делах нет ничего более могущественного, чем чувство, и революция, совершенная Иисусом, более поздняя революция, совершенная Руссо, были в основном революциями в чувствах. Но это изменение также связано с растущим признанием интересов и прав, и как таковое оно проявляется в законодательстве. Мы едва ли можем сомневаться в том, что приближаемся ко времени, когда будет общепринято, что появлению на свет каждого ребенка без исключения должно предшествовать заключение брачного контракта, который, хотя никоим образом не обязывает отца и мать к каким-либо обязанностям или каким-либо привилегиям по отношению друг к другу, связывает их обоих по отношению к ребенку и в то же время обеспечивает их ответственность перед государством. Для государства невозможно получить больше этого, но для него должно быть невозможно требовать меньшего. Контракт такого рода "женит" отца и мать в той мере, в какой это касается происхождения отдельного ребенка, и ни в каком другом отношении; это контракт, который полностью не затрагивает их прошлые, настоящие или будущие отношения к другим лицам, в противном случае было бы невозможно привести его в исполнение. Во всех частях света это элементарное требование общественной морали постепенно начинает признаваться, и поскольку оно затрагивает сотни тысяч младенцев,^[370] которых ежегодно клеймят как "незаконнорожденных" не по их вине, никто не может сказать, что признание пришло слишком рано. Действительно, пока, похоже, она еще не завершена.

Большинство попыток или предложений по предотвращению внебрачных рождений связаны с легализацией союзов менее обязательной степени, чем нынешний законный брак. Такие союзы служили бы противодействием другим порокам. Так, английский писатель, посвятивший много исследований вопросам секса, пишет в частном письме: "Лучшее средство от распущенности мужчин, соблюдающих целибат, и от умственных и физических проблем, связанных с воздержанием у женщин, можно было бы найти в признанной почетной системе свободных союзов и пробных браков, при которых практикуются профилактические половые сношения до тех пор, пока влюбленные не станут достаточно взрослыми, чтобы стать родителями, и не будут обладать достаточными средствами для содержания семьи. Перспектива существования без любви для молодых мужчин и женщин пылких натур невыносима и так же ужасна, как перспектива мучительной болезни и смерти. Но я думаю, что старый порядок должен скоро измениться".

В тевтонских странах наблюдается ярко выраженное течение настроений в направлении создания законных союзов более низкой степени, чем брак. Они существуют в Швеции, а также в Норвегии, где по недавно принятому закону незаконнорожденный ребенок имеет те же права по отношению к обоим родителям, что и законнорожденный ребенок, носящий фамилию отца и наследующий его имущество (*Die Neue Generation*, июль 1909 г., стр. 303). Во Франции известный судья Маньяр, столь достойно прославившийся своим отношением к случаям детоубийства молодыми матерями, сказал: "Я от всего сердца желаю, чтобы наряду с институтом брака в том виде, в каком он существует сейчас, у нас был свободный союз, основанный на простом заявлении перед магистратом и предоставляющий почти те же семейные права, что и обычный брак". Это пожелание получило широкую поддержку.

В Китае, хотя нельзя сказать, что полигамия в строгом смысле слова существует, интересы ребенка, женщины и государства в равной степени защищены, поскольку мужчине разрешается вступать в своего рода вторичный брак с матерью своего ребенка. "Благодаря этой

системе, - утверждает Поль д'Энжуа (*La Revue*, сентябрь 1905 г.), - которая позволяет мужу жениться на женщине, которую он желает, без каких-либо препятствий со стороны предыдущих и нераскрытых союзов, будет справедливо отметить, что нет соблазненных и брошенных девушек, за исключением тех, кого никакой закон не может спасти от того, что на самом деле является врожденной порочностью; и что нет незаконнорожденных детей, за исключением тех, чьи матери, к несчастью, по своим чувствам ближе к животным, чем к людям по их разуму и достоинству".

Новый гражданский кодекс Японии, который во многих отношениях является настолько продвинутым, позволяет "признать" незаконнорожденного ребенка путем направления уведомления в регистратуру; когда женатый мужчина таким образом признает ребенка, оказывается, что ребенок может быть усыновлен женой как ее собственный, хотя фактически и не признан законнорожденным. Такое положение вещей представляет собой переходный этап; вряд ли можно сказать, что признаются права матери "признанного" ребенка. Можно добавить, что Япония приняла принцип автоматической легитимации в браке детей, рожденных у пары до вступления в брак.

В Австралии, где женщины играют большую роль, чем где бы то ни было, в разработке законов и их исполнении, правам незаконнорожденных детей начинают уделять определенное внимание. Так, в Южной Австралии отцовство может быть доказано до рождения, и отец (по постановлению магистрата) предоставляет жилье на один месяц до и после рождения, а также медсестру, врача и одежду, гарантируя, что он это сделает; после рождения, по решению магистрата, он еженедельно выплачивает сумму на содержание ребенка. "Незаконнорожденная" мать также может содержаться в государственном учреждении за государственный счет в течение шести месяцев, чтобы дать ей возможность привязаться к своему ребенку.

Такие положения вытекают из широко признанного права незамужней женщины требовать поддержки своего ребенка от его отца. Действительно, во Франции и в правовых кодексах, которые следуют французскому примеру, юридически запрещено выяснять отцовство незаконнорожденного ребенка. Излишне говорить, что такой закон одинаково несправедлив и к матери, и к ребенку, и к государству. В Австрии закон идет в противоположном направлении, хотя, безусловно, более разумном, и разрешает даже матери, у которой было несколько любовников, самой выбирать, кого она сочтет ответственным за своего ребенка. Немецкий кодекс использует промежуточный курс и приходит на помощь только незамужней матери, у которой есть один любовник. Однако во всех таких случаях оказываемая помощь является исключительно денежной; она не гарантирует матери признания или уважения, и (как верно сказал Вермунд в своей книге *"Эхе и Эхерехт"*) все же необходимо настаивать на "безусловной святости материнства, которое имеет право, при любых обстоятельствах, на уважение и защиту общества".

Следует добавить, что с социальной точки зрения юридического признания требует не сексуальный союз, а ребенок, который является продуктом этого союза. Более того, было бы безнадежно пытаться легализовать все сексуальные связи, но сравнительно легко легализовать всех детей.

В прошлом было много дискуссий относительно конкретной формы, которую должен принимать брак. Многие теоретики проявили свою изобретательность, изобретая и проповедуя новые и

необычные брачные соглашения как панацею от социальных бед; в то время как другие проявили еще большую энергию, осуждая все подобные предложения как подрывающие основы человеческого общества. Мы можем рассматривать все подобные дискуссии, как с одной, так и с другой стороны, как праздные.

Во-первых, брачные обычаи слишком фундаментальны, слишком тесно связаны с первичной сущностью человеческого и даже животного общества, чтобы их можно было хоть в малейшей степени поколебать теориями или практикой простых индивидуумов или даже групп индивидуумов. Моногамия — более или менее длительное совместное проживание двух особей противоположного пола — была преобладающим типом сексуальных отношений среди высших позвоночных и на протяжении большей части истории человечества. Это признают даже те, кто верит (без каких-либо веских доказательств), что мужчина прошел через стадию сексуальной распущенности. Наблюдались тенденции к вариациям в том или ином направлении, но на низших и высших стадиях, насколько можно судить, преобладающим правилом является моногамия.

Во-вторых, следует также сказать, что естественное преобладание моногамии как нормального типа сексуальных отношений никоим образом не исключает вариаций. Более того, она их предполагает. "В природе нет ничего точного", согласно высказыванию Дидро. Линия Природы — это кривая, которая колеблется из стороны в сторону от нормы. Такие колебания неизбежно происходят в гармонии с изменениями условий окружающей среды и, без сомнения, с особенностями личной предрасположенности. До тех пор, пока не предпринимается произвольных и чисто внешних попыток воздействовать на Природу, жизненный порядок гармонично поддерживается. У некоторых видов уток, когда самцов в избытке, образуются полиандрические семьи, два самца ухаживают за своей партнершей без ревности, но когда количество полов снова становится равным, моногамный порядок восстанавливается. Естественные отклонения человека от моногамного порядка, по-видимому, в целом носят такой характер и в значительной степени обусловлены социальной и экономической средой. Наиболее распространенной вариацией, которая наиболее явно имеет биологическую основу, является тенденция к полигинии, которая встречается на всех этапах развития культуры, даже в непризнанной и более или менее беспорядочной форме в высшей цивилизации.^[371] Однако следует помнить, что признанная полигиния не является правилом, даже там, где она преобладает; это просто попустительство; никогда не бывает достаточного избытка женщин, чтобы позволить нескольким богатым и влиятельным людям иметь более одной жены.^[372]

Далее следует иметь в виду, что определенная эластичность формальной стороны брака, хотя, с одной стороны, допускает отклонения от общего моногамного порядка, когда они полезны для здоровья или необходимы для восстановления равновесия в естественных условиях, с другой стороны, ограничивает такие отклонения в той мере, в какой они обусловлены нарушающим влиянием искусственного принуждения. Большая часть полигинии, а также полиандрии, которая преобладает среди нас сегодня, является совершенно искусственной и неестественной формой многоженства. Браки, которые на более естественной основе были бы расторгнуты, не могут быть расторгнуты юридически, и, следовательно, стороны в них, вместо того, чтобы менять своих партнеров и таким образом сохранять естественный моногамный порядок, берут других дополнительных партнеров и таким образом вводят неестественную полигамию. Всегда будут отклонения от моногамного порядка, и цивилизация, безусловно, не враждебна сексуальным вариациям. Независимо от того, считаем ли мы эти вариации законными или незаконными, они

все равно будут иметь место; в этом мы можем быть уверены. Путь социальной мудрости, по-видимому, лежит, с одной стороны, в том, чтобы сделать брачные отношения достаточно гибкими, чтобы свести к минимуму эти отклонения — не потому, что такие отклонения по своей сути плохи, а потому, что их не следует создавать принудительно, — а с другой стороны, в соответствии с этими отклонениями, когда они происходят, принимать такие меры признания, которые лишат их вредного влияния и позволят восстановить справедливость по отношению ко всем заинтересованным сторонам. Мы слишком часто забываем, что наша неспособность распознать такие различия просто означает, что мы даем в таких случаях незаконное разрешение на совершение несправедливости. В тех частях мира, где полигиния признана допустимой вариацией, мужчина юридически обязан выполнять свои естественные обязательства по отношению ко всем своим половым партнерам и по отношению к детям, которых он заводит от этих партнеров. Ни в одной части мира многоженство не распространено так широко, как в христианском мире; ни в одной части мира мужчине так легко не избежать обязательств, налагаемых многоженством. Мы предполагаем, что если мы откажемся признать факт многоженства, мы можем отказаться признавать любые обязательства, связанные с многоженством. Позволяя мужчине так легко уклоняться от обязательств, связанных с его полигамными отношениями, мы поощряем его, если он беспринципен, вступать в них; мы придаем большое значение безнравственности, которую мы высокомерно осуждаем.^[373] Наше многоженство не имеет юридического существования, и, следовательно, его обязательства не могут иметь юридического существования. Когда-то считалось, что страус прячет голову в песок и пытается свести на нет факты, отказываясь смотреть на них; но есть только одно известное животное, которое придерживается такого образа действий, и называется оно Человек.

Моногамия в фундаментальном биологическом смысле представляет собой естественный порядок, в который всегда естественным образом укладывается большинство сексуальных фактов, потому что это отношения, которые наиболее адекватно соответствуют всем задействованным физическим и духовным фактам. Но если мы осознали, что сексуальные отношения в первую очередь касаются только лиц, вступающих в эти отношения, и если мы далее осознали, что интерес общества к таким отношениям ограничивается детьми, которых они производят на свет, мы также поймем, что устанавливать законом количество женщин, с которыми мужчина должен вступать в сексуальные отношения, и количество мужчин, с которыми женщина должна объединяться, более неразумно, чем было бы устанавливать законом количество детей, которых они должны произвести на свет. Государство имеет право заявлять, нужно ли ему мало граждан или много; но, пытаясь регулировать сексуальные отношения своих членов, государство ставит перед собой невыполнимую задачу и в то же время виновно в дерзости.

На определенных этапах развития цивилизации всегда существует тенденция настаивать на чисто формальном и внешнем единообразии и, соответственно, неспособность увидеть не только то, что такое единообразие нереально, но и то, что оно оказывает вредное воздействие, поскольку сдерживает полезные вариации. Эта тенденция ни в коем случае не ограничивается сексуальной сферой. В Англии, например, существует тенденция принимать строительные законы, предписывающие в отношении мест обитания людей всевозможные положения, которые в целом довольно полезны, но которые на практике действуют пагубно, поскольку они делают многие простые и превосходные жилища людей абсолютно незаконными только потому, что такие жилища не соответствуют правилам, которые при некоторых обстоятельствах не только не нужны, но и вредны.

Вариативность - это факт, который будет существовать независимо от того, хотим мы того или нет; она может стать полезной только в том случае, если мы признаем и допускаем ее. Возможно, нам даже придется признать, что это более выраженная тенденция в цивилизации, чем на более примитивных социальных стадиях. Таким образом, Герсон утверждает (*Сексуальная проблема*, сентябрь 1908 г., стр. 538), что точно так же, как цивилизованный человек не может довольствоваться грубой и однообразной пищей, которая удовлетворяет крестьянина, то же самое происходит и в сексуальных вопросах; крестьянский юноша и девушка в своих сексуальных отношениях почти всегда моногамны, но цивилизованные люди с их более разносторонними и чувствительными вкусами склонны жаждать разнообразия. Sénancour (*De l'Amour*, vol. ii, "Du Partage", стр. 127), по-видимому, допускает возможность вариативности брака, например, совместного проживания жены, при условии, что не делается ничего, что могло бы вызвать соперничество или ослабить искренность души. Леки ближе к концу своей *Истории европейской морализации* заявил о своем убеждении, что, хотя постоянный союз двух лиц является нормальным и преобладающим видом брака, из этого ни в коем случае не следует, что в интересах общества это должна быть единственная форма. Аналогичным образом, Реми де Гурмон (*Physique de l'Amour*, стр. 186), утверждая, что пара является естественной формой брака, а его длительное продолжение является условием человеческого превосходства, добавляет, что постоянства союза можно достичь лишь с трудом. Так же, как и профессор У. Томас (*Секс и общество*, 1907, с. 193), рассматривая моногамию как удовлетворение социальных потребностей, добавляет: "Если говорить с биологической точки зрения, моногамия, как правило, не соответствует условиям наивысшей стимуляции, поскольку здесь проблематичные и неуловимые элементы в некоторой степени исчезают, а объект внимания стал настолько привычным в сознании, что эмоциональные реакции становятся квалифицированными. Это фундаментальное объяснение того факта, что женатые мужчины и женщины часто проявляют интерес к другим людям, а не к своим партнерам по браку".

Пепис, чье бессознательное самоанализирование превосходно иллюстрирует столь многие психологические тенденции, ясно показывает, как — по логике чувства, более глубокой, чем любая интеллектуальная логика, — приверженность моногамии сосуществует бок о бок с непреодолимой страстью к сексуальному разнообразию. С его постоянно повторяющимся своенравным влечением к длинному ряду женщин он сохраняет глубокую и неизменную привязанность к своей очаровательной молодой жене. В уединении своего *Дневника* он часто обращается к ней с нежностью, которую невозможно подделать; он наслаждается ее обществом; он очень придирчив к ее одежде; он восхищается ее успехами в музыке и тратит много денег на ее обучение; он абсурдно ревнует, когда застаёт ее в обществе мужчины. Его второстепенные отношения с другими женщинами непреодолимо повторяются, но у него нет ни желания делать их очень постоянными, ни позволять им чрезмерно поглощать его. Пепис представляет собой распространенный тип цивилизованного "моногамиста", который совершенно искренен и чрезвычайно убежден в своей защите моногамии, как он ее понимает, но в то же время верит и действует исходя из убеждения, что моногамия ни в коем случае не исключает необходимости сексуальных вариаций. Заявление лорда Морли (*Дидро*, т. ii, стр. 20), что "человек инстинктивно полигамен" ни в коем случае не может быть принято, но если мы интерпретируем это как означающее, что человек - инстинктивно моногамное животное с сопутствующим стремлением к сексуальным вариациям, то в его пользу есть много свидетельств.

Женщины должны быть так же свободны, как и мужчины, в том, чтобы строить свою собственную любовную жизнь. Однако многие считают, что такая свобода со стороны женщин будет осуществляться и должна осуществляться в более узких рамках (см., например, Блох, *Сексуальная жизнь нашего времени*, гл. X). Частично это ограничение объясняется большей поглощенностью женщины задачей размножения и воспитания своего ребенка, а частично меньшим спектром психической деятельности. Мужчина, как выразился Г. Хирт, выражая этот взгляд на дело (*Wege zur Liebe*, стр. 342), "имеет не только место в своем интеллектуальном кругозоре для самых разных интересов, но и его способность к эротической экспансии намного больше и дифференцированнее, чем у женщин, хотя ему может не хватать интимности и глубины женской преданности".

Можно возразить, что, поскольку вариации в сексуальном строе неизбежно будут иметь место, независимо от того, признаются они или нет, санкционированы они или нет, вряд ли будет нанесен вред, если использовать вес социальной и юридической власти на стороне той формы, которая обычно считается наилучшей, и, насколько это возможно, прикрывать позором другие формы. В таком отношении есть много очевидных недостатков, помимо в высшей степени важного факта, что очернять сексуальные отношения - значит проявлять презренную жестокость по отношению к женщинам, которые неизбежно являются главными страдальцами. Не в последнюю очередь это несправедливость и ограничение жизненной энергии, которые она наносит лучшим и более щепетильным людям в пользу худших и менее щепетильных. Это всегда происходит, когда авторитет проявляет свою силу в пользу какой-либо формы. Когда в XIII веке епископ Эксетера консультировался с Александром III — одним из величайших и наиболее эффективных властителей, когда-либо правивших христианским миром, - относительно иподиаконов, которые упорствовали в женитьбе, папа поручил ему расспросить о жизни и характерах правонарушителей; если у них были правильные привычки и уравновешенная мораль, они должны были быть насильственно разлучены, а жены изгнаны; если они были мужчинами с заведомо беспорядочным характером, им должно было быть разрешено сохранить своих жен, если они того пожелают (Lea, *История священнослужителей Безбрачие*, третье издание, том I, стр. 396). Это была проницательная политика, проводившаяся тем же папой в другом месте, но легко видеть, что она была полностью противоположна морали во всех смыслах этого слова. Это разрушило счастье и эффективность лучших людей; это оставило худших людей абсолютно свободными. Сегодня мы вполне готовы признать пагубный результат этой политики; она была продиктована папой римским и проводилась в жизнь семьсот лет назад. Тем не менее, сегодня в Англии мы проводим точно такую же политику посредством наших приказов о разделении, которые широко распространяются среди населения. Ни одна из пар, таким образом разлученных — и никогда не приученных к безбрачию, как современное католическое духовенство, - не может вступить в брак снова; мы, по сути, предлагаем более щепетильным из них соблюдать целибат, а менее щепетильным мы разрешаем поступать так, как им нравится. Этот процесс осуществляется в силу коллективной инертности сообщества, и когда он подкрепляется аргументами, если это вообще происходит, они носят антикварный характер, который может вызвать только сочувственную улыбку.

Можно добавить, что есть еще одна причина, по которой обычай клеймить сексуальные отклонения от нормы как "аморальные" не так безобиден, как некоторые склонны считать: такие отклонения, по-видимому, не редкость среди мужчин и женщин с превосходными

способностями, чьи силы беспрепятственно требуются на службе человечеству. Попытка подогнать таких людей под узкие рамки, которые устраивают большинство, является не только несправедливостью по отношению к ним как к личностям, но и преступлением против общества, которое может справедливо утверждать, что его лучшим членам ничто не должно мешать служить ему. Представление о том, что человек, чьи сексуальные потребности отличаются от среднестатистических, обязательно является социально плохим человеком, не подкреплено фактами. Каждое дело должно оцениваться по существу.

Несомненно, наиболее распространенным отклонением от нормальной моногамии на всех этапах развития человеческой культуры была полигиния или сексуальный союз одного мужчины с более чем одной женщиной. Иногда это было социально и юридически признано, а иногда и непризнано, но в любом случае это не могло не произойти. Полиандрия, или союз женщины более чем с одним мужчиной, встречается сравнительно редко и по понятным причинам: мужчины чаще всего находились в лучшем экономическом и юридическом положении, чтобы организовать домашнее хозяйство с самим собой в качестве центра; женщина, в отличие от мужчины, по природе и часто по обычаю непригодна для половых сношений в течение длительного периода времени; более того, мысли и привязанности женщины в большей степени сосредоточены на своих детях. Помимо этого, биологические мужские традиции указывают на полигинию гораздо больше, чем женские традиции указывают на полиандрию. Хотя верно, что женщина может совершать гораздо большее количество половых сношений, чем мужчина, также остается правдой, что явления ухаживания в природе сделали обязанностью мужчины проявлять бдительность, предлагая свое сексуальное внимание женщине, со стороны которой было застенчиво откладывать свой выбор до тех пор, пока она не убедится в своих предпочтениях. Полигинические условия также оказались благоприятными, поскольку они позволили наиболее энергичным и успешным членам сообщества иметь наибольшее количество партнеров и таким образом передавать свои собственные превосходные качества.

"Полигамия, - пишет Вудс Хатчинсон (*Contemporary Review*, октябрь 1904 г.), хотя он и признает преимущества моногамии, - как расовый институт, как среди животных, так и среди людей, имеет в свою пользу множество твердых и весомых соображений и приводила как к человеческому, так и дочеловеческому периоду к созданию очень высокого типа как индивидуального, так и социального развития". Он указывает, что это способствует развитию интеллекта, сотрудничества и разделения труда, в то время как острая конкуренция за женщин отсеивает более слабых и менее привлекательных мужчин.

У наших европейских предков, так же как у германцев и кельтов, полигиния и другие сексуальные формы существовали в виде случайных вариаций. Тацит отмечал многоженство в Германии, а Цезарь обнаружил в Британии, что братья будут содержать своих общих жен, причем дети будут числиться к мужчине, которому женщина была впервые отдана замуж (см., например, "*Социальная Англия*" Трейла, т. i, стр. 103, для обсуждения этого вопроса). Помощница мужа, которая также могла быть вызвана для оплодотворения жены, когда муж был импотентом, существовала в Германии и действительно была общеиндогерманским институтом (Schrader, *Reallexicon*, art. "Zeugungshelfer"). Соответствующий институт наложницы был еще более глубоко укоренившимся и широко распространенным. Действительно, вплоть до сравнительно недавнего времени, в соответствии с традициями римского права, наложница занимала признанное и почетное положение, ниже положения жены, но с определенными

юридическими правами, хотя женатому мужчине не всегда или даже обычно было законно иметь наложницу. В древнем Уэльсе, так же как и в Риме, наложницу принимали и никогда не презирали (Р. Б. Холт, "Брачные законы кимри", *Журнал Антропологического института*, август. и ноябрь 1898 г., стр. 155). Тот факт, что, когда наложница входила в дом женатого мужчины, ее достоинство и правовое положение были ниже, чем у жены, сохранял домашний мир и защищал интересы жены. (Корейский муж не может взять наложницу под свою крышу без разрешения жены, но она редко возражает и, кажется, наслаждается обществом, говорит Луиза Джордан Милн, *Причудливая Корея*, 1895, стр. 92.) В старой Европе мы должны помнить, как указывает Дюфур, говоря о временах Карла Великого (*История проституции*, т. iii, с. 226), "наложница" было почетным термином; наложница ни в коем случае не была любовницей, и ее можно было обвинить в супружеской неверности точно так же, как жену. В Англии конца XIII века Брэктон говорит о *законной наложнице* как о наделенной определенными правами и соображениями, и то же самое было в других частях Европы, иногда на несколько столетий позже (см. Lea, *История жреческого безбрачия*, том i, стр. 230). Раннехристианская церковь часто была склонна признавать наложницу, во всяком случае, если она была привязана к неженатому мужчине, поскольку мы можем проследить в Церкви "желание рассматривать каждый постоянный союз мужчины или женщины как имеющий характер брака в глазах Бога и, следовательно, с точки зрения суда Церкви" (ст. "Наложничество", Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*). Таково было чувство святого Августина (у которого самого до своего обращения была наложница, которая, по-видимому, была христианкой), и Толедский собор признал неженатого мужчину, который был верен наложнице. По мере того, как закон католической церкви становился все более и более жестким, он неизбежно терял связь с человеческими потребностями. Этого не было в ранней Церкви в великие эпохи ее жизненного роста. В те века даже строгое общее правило моногамии смягчалось, когда такое смягчение казалось разумным. Так было, например, в случае половой импотенции. Так, в начале VIII века Григорий II в письме к Бонифацию, апостолу Германии, отвечая на вопрос последнего, отвечает, что, когда жена из-за физической немощи не может выполнять свои супружеские обязанности, мужу разрешается взять вторую жену, хотя он не должен отказываться от содержания первой. Чуть позже архиепископ Йоркский Эгберт в своем *Dialogus de Institutione Ecclesiastica*, хотя и более осторожно, признает, что, когда один из двух женатых людей немощен, другой, с разрешения немощного, может жениться снова, но немощному не разрешается жениться снова при жизни другого. Импотенция во время брака, конечно, делала брак недействительным без вмешательства какого-либо церковного закона. Но Фома Аквинский и более поздние богословы допускают, что чрезмерное отвращение к жене оправдывает мужчину в том, что он считает себя импотентом по отношению к ней. Эти правила, конечно, совершенно отличаются от разрешений нарушать законы о браке, предоставленных королям и принцам; такие разрешения не считаются доказательством правил Церкви, поскольку, как благоразумно постановил Константинопольский собор в 809 году, "Божественный закон ничего не может сделать против королей" (ст. "Двоеженство", *Словарь христианских древностей*). Закон о моногамии также смягчался в случаях вынужденного или добровольного дезертирства. Так, Совет Вермерии (752 г.) постановил, что если жена не желает сопровождать своего мужа, когда он вынужден следовать за своим господином в другую страну, он может жениться снова, при условии, что не видит надежды вернуться. Теодор Кентерберийский (688), опять же, заявляет, что если жена похищена врагом и ее муж не может искупить ее, он может жениться снова через год или, если есть шанс искупить ее, через пять лет; жена может сделать то же самое. Такие правила, хотя и не

являются общими, показывают, как указывает Мейрик (ст. "Брак", *Словарь христианских древностей*), готовность "отвечать на конкретные случаи по мере их возникновения".

По мере того, как каноническое право становилось жестким, а католическая церковь утрачивала свою жизненно важную приспособляемость, сексуальные вариации перестали признаваться в ее сфере. Для дальнейшего движения нам нужно дождаться Реформации. Многие из ранних протестантских реформаторов, особенно в Германии, были готовы признать значительную степень жизненно важной гибкости в сексуальных отношениях. Так, Лютер советовал замужним женщинам с мужьями-импотентами, в случаях, когда не было желания или возможности для развода, вступать в сексуальные отношения с другим мужчиной, предпочтительно с братом мужа; дети должны были причисляться к мужу ("*Die Sexuelle Frage bei Luther*", *Муттершутц*, сентябрь 1908 г.).

В Англии пуританский дух, который в значительной степени был занят реформой брака, не мог не волновать вопрос о сексуальных вариациях, и время от времени мы встречаем предложения легализовать полиганию. Так, в 1658 году "Знатный человек" опубликовал в Лондоне небольшую брошюру, посвященную лорду-протектору, под названием *Средство от нечистоты*. Это было в форме ряда вопросов, спрашивающих, почему мы не должны допускать полигамию во избежание супружеской измены и детоубийства. Автор спрашивает, не может ли это "быть проявлением милосердия и во всех отношениях соответствовать принципам мужчины, боящегося Бога и любящего святость, иметь больше женщин, чем одну, для надлежащего использования. ... Тот, кто отнимает у другого человека быка или осла, несомненно, является преступником; но тот, кто избавляет себя от этого искушения, оставляя себе свое, кажется правильным, честным и исполненным благих намерений человеком".

Более века спустя (1780) способный, образованный и выдающийся лондонский священник с высокой репутацией (который был юристом до прихода в Церковь), преподобный Мартин Мадан, также выступал за многоженство в книге под названием "*Телифтора*", или "*Трактат о женском разорении*". Мадан близко соприкоснулся с проституцией, работая капелланом в больнице Локк, и, подобно пуританскому защитнику полигамии, он пришел к выводу, что только путем реформы брака можно бороться с проституцией и злом внебрачных половых сношений. Его замечательная книга вызвала много споров и сильных настроений против автора, так что он считал желательным покинуть Лондон и поселиться в деревне. С тех пор проекты брачной реформы исходили не от Церкви, а от философов и моралистов, хотя нередко и от писателей определенно религиозного характера. Сенанкур, который был таким деликатным моралистом в сексуальной сфере, ввел умеренное обсуждение полигамии в свой "*О любви*" (том ii, стр. 117-126). Это не показалось ему ни явно противоречащим, ни положительно согласованным с общей тенденцией наших нынешних конвенций, и он пришел к выводу, что "метод примирения, частично, больше не будет заключаться в том, чтобы требовать, чтобы союз мужчины и женщины прекращался только со смертью одного из них". Коуп, биолог, высказал несколько более определенное мнение. При определенных обстоятельствах, если все три стороны согласны, он не видит возражений против многоженства. "Есть некоторые трудные случаи, - сказал он, - которые такое разрешение могло бы исправить. Таковым, например, может быть случай, когда мужчина или женщина стали жертвой хронического заболевания; или когда ни одна из сторон не имеет детей, а также при других непредвиденных обстоятельствах, которые

можно себе представить ". Не было бы принуждения ни в каком направлении и полной ответственности, как в настоящее время. Такие случаи могли бы возникать только в исключительных случаях и не влекли бы за собой социального антагонизма. По большей части, замечает Коуп, "лучший способ справиться с полигамией - оставить ее в покое" (Э. Д. Коуп, "Проблема брака", *Открытый суд*, 15 и 22 ноября 1888 г.). В Англии доктор Джон Чепмен, редактор *Westminster Review* и близкий соратник лидеров радикального движения викторианского периода, выступал против диктата государства в отношении формы брака и считал, что определенное количество сексуальных вариаций будет социально полезным. Так, он писал в 1884 году (в частном письме): "Я думаю, что по мере того, как люди становятся менее эгоистичными, полигамия [*т.е. многоженство*] и даже полиандрия в облагороженной форме будут становиться все более частыми".

Джеймс Хинтон, который несколькими годами ранее уделял много размышлений и внимания сексуальному вопросу и считал его действительно величайшей из моральных проблем, был решительно сторонником большей гибкости брачных правил, адаптации к человеческим потребностям, что признавала раннехристианская церковь. Брак, заявлял он, должен быть "подчинен служению", поскольку брак, как и суббота, создан для человека, а не человек для брака. Таким образом, в случае, если один партнер становится невменяемым, он разрешает другому партнеру снова вступить в брак, при этом требование невменяемого партнера, в случае выздоровления, все еще остается в силе. Это было бы формой полигамии, но Хинтон осторожно указал, что под "полигамией" он имел в виду "не столько конкретный порядок заключения брака, сколько такой порядок, который наилучшим образом служит добру и который, следовательно, должен быть существенно изменчивым". Моногамия может быть хорошим, даже единственно правильным порядком, если она основана на свободном выборе; *нозакон* для нее - совсем другое дело. Сексуальные отношения должны быть *естественными*. Истинной социальной жизнью будут не какие-либо фиксированные и определенные отношения, такие как моногамия, полигамия или что-либо еще, а совершенное подчинение любых сексуальных отношений, какими бы они ни были, разуму и человеческому благу".

Эллен Ки, ярая сторонница моногамии и верящая, что цивилизованное развитие личной любви устраняет всякую опасность роста полигамии, все же допускает существование вариаций. Она имеет в виду такие решения сложных проблем, которые предлагал Гете, когда он сначала предложил в своей *Стелле* представить силу привязанности и нежных воспоминаний как слишком сильную, чтобы допустить разрыв старых уз при наличии новых. Проблема сексуальной изменчивости, отмечает она, однако (*Любовь и этика*, стр. 12), изменила свою форму в современных условиях; это больше не борьба между требованием общества к жесткому брачному порядку и требованием индивида к сексуальному удовлетворению, но это стала проблема согласования облагораживания расы с повышенными требованиями эротического счастья. Она также указывает, что наличие партнера, которому требуется забота другого партнера в качестве медсестры или интеллектуального компаньона, ни в коем случае не лишает этого другого партнера права на отцовство или материнство, и что такие права должны быть гарантированы (Эллен Ки, *Общая любовь и здоровье*, стр. 166-168).

Видного и крайнего защитника полигинии не как простой редкой вариации, а как порядка заключения брака, превосходящего моногамию, в настоящее время можно найти в профессоре Кристиане фон Эренфельсе из Праги (см., например,, его *Сексуалетик*, 1908; "Постулат жизни", *Сексуальная проблема*, октябрь 1908; и письмо Эллен Ки в ее книге "*Любовь и Эхе*", стр. 466).

Эренфельс считает, что число мужчин, неспособных к удовлетворительному воспроизводству, намного больше, чем женщин, и что поэтому, когда они не принимаются во внимание, становится необходимым полигинический порядок заключения брака. Он называет это "воспроизводственным браком" (Zeugungsehe) и считает, что он полностью заменит нынешний порядок заключения брака, которому он морально превосходит. Он будет основан на частных контрактах. Эренфельс считает, что женщины не будут возражать, поскольку женщина, по его мнению, придает мужчине меньшее значение как ухажеру, чем как отцу своего ребенка. Доктрина Эренфельса подверглась серьезным нападкам со многих сторон, и его предложения не соответствуют нашему прогрессу. Не следует ожидать какой-либо радикальной модификации существующего моногамного порядка, даже если бы было общепризнано, что нельзя сказать, что это так, что это желательно. Следует помнить, что вопрос о сексуальных вариациях - это не вопрос введения совершенно новой формы брака, а лишь вопрос признания прав отдельных лиц в исключительных случаях принимать такие аберрантные формы и признания соответствующих обязанностей таких лиц принимать на себя ответственность за любые аберрантные формы брака, которые они могут счесть наилучшими для принятия. Поскольку вопрос о сексуальных вариациях выходит за рамки этого, это, как утверждал Хинтон, динамичный метод работы по искоренению опасной распущенности проституции. Жесткий порядок заключения брака влечет за собой проституцию; гибкий порядок заключения брака в значительной степени — хотя, возможно, и не полностью — делает проституцию ненужной. Демократическая мораль наших дней, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время признакам, противостоит поощрению квазикласса рабов с ограниченными социальными правами, такого, каким всегда в более или менее заметной степени являются проститутки. Совершенно очевидно также, что быстро растущее влияние медицинской гигиены находится на той же стороне. Следовательно, мы можем разумно ожидать в будущем медленного, хотя и неуклонного увеличения признания и даже расширения тех вариаций моногамного порядка, которые в действительности никогда не прекращали своего существования.

Прискорбно, что в этот период мировой истории, почти через две тысячи лет после завершения мудрыми законодателями Рима своей работы, все еще необходимо прийти к выводу, что сегодня мы только начинаем ставить брак на разумную и гуманную основу. Я неоднократно указывал, насколько в значительной степени каноническое право было ответственно за эту остановку развития. Действительно, можно сказать, что вся позиция Церкви, после того как она однажды приобрела полное господство в мире, должна быть признана ответственной. В более ранние века отношение христианства было, в целом, достойным восхищения. Она провозглашала великие идеалы, но воздерживалась от навязывания этих идеалов любой ценой; таким образом, ее идеалы оставались подлинными и не могли вырождаться в простые лицемерные пустые формы; допускалась большая гибкость, когда казалось, что это делается для блага человека и для предотвращения зла и несправедливости. Но когда Церковь достигла светской власти, и когда эта власть была сосредоточена в руках пап, которые подчинили моральные и религиозные интересы политическим интересам, все притязания разума и человечности были отброшены в сторону. Идеал был фактом не более, чем раньше, но теперь к нему относились как к факту. Человеческие отношения остались такими, какими были раньше, такими же сложными и разнообразными, но отныне произвольно устанавливался один жесткий шаблон, достойный восхищения как идеал, но хуже, чем пустота как форма, и все отклонения от него рассматривались либо как несуществующие, либо как заслуживающие осуждения.

Жизненная сила была вытеснена из самых центральных человеческих институтов, и они только сегодня начинают снова поднимать голову.

Если - подводя итог — мы рассмотрим, каким образом регулировался брак в течение христианской эры, единственного периода, который непосредственно касается нас, то нетрудно проследить основные контуры. Брак начинался как частное соглашение, которое Церковь, не имея возможности контролировать, была готова благословить, как она также благословляла многие другие светские дела мужчин, не делая чрезмерных попыток ограничить его естественную гибкость человеческими потребностями. Однако постепенно и незаметно, без посредства какого-либо закона, христианство установило полный контроль над браком, согласовало его со своими уже сложившимися представлениями о зле похоти, о добродетели целомудрия, о смертном грехе блуда и, ограничив под влиянием этих доминирующих представлений гибкость брака во всех возможных направлениях, поставило его на высокий, но узкий пьедестал как таинство брака. По причинам, которые ни в коем случае не заключались в природе сексуальных отношений, но которые, вероятно, казались убедительными священническим законодателям, приравнявшим их к рукоположению, брак был объявлен нерасторжимым. Войти было не так просто, как в врата супружества, но, подобно мышеловке, они открывались внутрь, а не наружу; попав внутрь, не было выхода живым. Хотя церковное регулирование брака, как и безбрачие духовенства, было успешным с точки зрения церковной политики и даже поначалу с точки зрения цивилизации, поскольку оно, по крайней мере, вносило порядок в хаотичное общество, в долгосрочной перспективе было провалом с точки зрения общества и морали. С одной стороны, оно скатывалось к абсурдным тонкостям и придиркам; с другой, не будучи основанным ни на разуме, ни на человечности, оно не обладало той жизненно важной приспособляемостью к жизненным потребностям, которую раннее христианство, хотя и придерживалось строгих идеалов, все еще в значительной степени сохраняло. С точки зрения традиции этот кодекс брачного права стал неуклюжим и непрактичным; с биологической точки зрения он был безнадежно ложным. Таким образом, был подготовлен путь для повторного введения протестантами концепции брака как контракта, которая, однако, была выдвинута не столько по существу, сколько как протест против трудностей и абсурдностей католического канонического права. Ограничительный взгляд, который в значительной степени сохраняется и по сей день, быстро захватил большую часть доктрин канонического права о браке, став на практике своего рода реформированным и секуляризованным каноническим правом. Он был несколько более приспособлен к современным потребностям, но сохранил большую часть жесткости католического брака без его сакраментального характера и никогда не предпринимал никаких попыток стать чем-то большим, чем номинальный контракт. Это носило характер неуместного компромисса и представляло собой переходный этап к свободному частному браку. Мы можем распознать эту фазу в тенденции, хорошо заметной во всех цивилизованных странах, ко все возрастающей гибкости брака. Идея и даже сам факт заключения брака по обоюдному согласию и развода в случае отказа от этого согласия, к которому мы сейчас приближаемся, на самом деле никогда не были полностью изжиты. В латинских странах оно сохранилось вместе с традицией римского права; в англоязычных странах оно связано с духом пуританства, который настаивает на том, что в вещах, касающихся только отдельного человека, верховным судьей должен быть сам человек. Эта доктрина применительно к браку была великолепно утверждена в Англии гением Мильтона, а в Америке она была той закваской, которая все еще действует в брачном законодательстве для достижения неизбежной цели, которая пока едва видна. Брачная

система будущего, по мере того как она движется своим нынешним курсом, будет напоминать старую христианскую систему в том смысле, что она будет признавать священный и сакраментальный характер сексуальных отношений, и она будет напоминать гражданскую концепцию в том смысле, что она будет настаивать на том, что брак, поскольку он предполагает деторождение, должен быть публично зарегистрирован государством. Но в противовес Церкви он признает, что брак, поскольку это чисто сексуальные отношения, является частным делом, условия которого должны быть оставлены на усмотрение лиц, которые в нем участвуют; и в противовес гражданской теории он признает, что брак по своей сути является фактом, а не контрактом, хотя он может приводить к заключению контрактов, пока такие контракты не затрагивают этот существенный факт. И в одном отношении это выйдет за рамки либо церковной, либо гражданской концепции. В последнее время мужчина обрел контроль над своими собственными способностями к деторождению, и этот контроль предполагает смещение центра тяжести брака, поскольку брак является делом государства, с влагалища на ребенка, который является плодом утробы. Брак как государственный институт будет сосредоточен не вокруг сексуальных отношений, а вокруг ребенка, который является результатом этих отношений. Поскольку брак является нерушимым общественным договором, он будет иметь такую природу, что сможет автоматически охватывать своей защитой каждого ребенка, который рождается на свет, так что у каждого ребенка могут быть законные мать и законный отец. Таким образом, с одной стороны, брак имеет тенденцию становиться менее строгим; с другой стороны, он имеет тенденцию становиться более строгим. С личной стороны это священные и интимные отношения, к которым государство не имеет никакого отношения; с социальной стороны это принятие ответственного общественного покровительства новому члену государства. Некоторые из нас работают над развитием одного из этих аспектов брака, некоторые - над развитием другого аспекта. И то, и другое необходимо для установления совершенной гармонии. Необходимо разделять два аспекта брака, чтобы воздать равную справедливость личности и обществу, но по мере приближения брака к своему идеальному состоянию эти два аспекта становятся единым целым.

На этом мы завершили обсуждение брака в том виде, в каком он представляется современному человеку, родившемуся в том, что в средневековье называлось христианским миром. Это непростая тема для обсуждения. Это действительно очень сложная тема, и только по прошествии многих лет становится возможным обнаружить основное течение ее, казалось бы, противоположных и запутанных течений, когда сам оказываешься посреди них. Для англичанина это, возможно, особенно трудно, поскольку англичанин - не что иное, как замкнутый человек; в этом факте заключаются все его добродетели, а также их оборотные стороны.^[374]

И все же стоит попытаться подняться на высоту, с которой мы сможем увидеть поток социальных тенденций в его истинных пропорциях и оценить его направление. Это необходимо сделать, если мы ценим наш душевный покой в эпоху, когда умы людей взбудоражены множеством мелких движений, которые не имеют ничего общего с их великими преходящими интересами, не говоря уже об их вечных интересах. Когда мы достигнем широкого видения твердых биологических фактов жизни, когда мы поймем великие исторические потоки традиций, которые вместе составляют карту человеческих дел, мы сможем безмятежно смотреть в лицо

небольшим социальным преобразованиям, происходящим в нашу эпоху, как они происходили в любую эпоху.

[312] Розенталь из Бреслау с юридической стороны заходит так далеко, что утверждает ("Общий обзор проблем", *Die Neue Generation*, декабрь 1908 г.), что намерение продолжения рода имеет важное значение для концепции законного брака.

[313] Дж. А. Годфри, *Наука о сексе*, стр. 119.

[314] Э. Д. Коуп, "Проблема брака", *Открытый суд*, ноябрь 1888г.

[315] См. *ante*, стр. 395.

[316] Вехтер, *Eheschiedungen*, стр. 95 и далее.; Эсмайн, *Брак по каноническому праву*, том i, стр. 6; Говард, *История брачных институтов*, том I. ii, стр. 15. Говард (соглашаясь с Леки) считает, что свободой развода злоупотребляла лишь небольшая часть римского населения, и что такое злоупотребление, насколько оно существовало, не было причиной какого-либо упадка римской морали.

[317] Мнения отцов христианства были очень разнообразными, и иногда они вызывали сомнения в них; см., *Например*., мнения, собранные Кранмером и перечисленные Бернетом, *История реформации* (изд. Nares), том ii, стр. 91.

[318] Константин, первый император-христианин, издал строгий и своеобразный закон о разводе (разрешающий жене разводиться со своим мужем только в том случае, если он был убийцей, отравителем или осквернителем гробниц), который не мог быть соблюден. Таким образом, в 497 году Анастасий издал указ о разводе по обоюдному согласию. Это было отменено Юстинианом, который разрешал развод только по различным определенным причинам, среди которых, однако, была супружеская измена мужа. Эти ограничения оказались невыполнимыми, и преемник и племянник Юстиниана, Юстин, восстановил развод по обоюдному согласию. Наконец, в 870 году Лев Философ вернулся к постановлению Юстиниана (см., *например*., Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*, arts. "Прелюбодеяние" и "Брак").

[319] Элемент почтения в раннегерманском отношении к женщинам и привилегии, которыми пользовались даже замужние женщины, насколько можно считать надежным руководством Тацита, по-видимому, были сохранившимися пережитками более раннего социального государства на более матриархальной основе. Наиболее отчетливо они проявились на заре немецкой истории. Однако с самого начала, хотя развод по обоюдному согласию, по-видимому, был возможен, немецкий обычай был безжалостен к замужней женщине, которая была неверна, бесплодна или иным образом оскорблена, хотя в течение некоторого времени после введения христианства прелюбодеяние немецкого мужа не считалось преступлением (Вестермарк, *Происхождение моральных идей*, т. ii, стр. 453).

[320] "Эта форма брака, - говорит Хобхаус (указ. соч., т. i, стр. 156), - тесно связана с расширением супружеской власти". Ср. Говард, указ. соч., т. i, стр. 231. Очень подчиненное положение средневековой немецкой женщины изложено Хагельстанге, *Süddeutsches Bauernleben в Mittelalter*, 1898, стр. 70 и далее.

[321] Говард, указ. соч., том i, стр. 259; Смит и Читам, *Словарь христианских древностей*, арт. *Арра*. Однако, по-видимому, "продажа невесты", о которой говорит Тацит, была не только продажей движимого имущества или девушки-рабыни, но и продажей *tund* или опекуна над девушкой. Это правда, что различие, возможно, не всегда было ясно тем, кто принимал участие в сделке. Точно так же англосаксонская помолвка была не столько выплатой выкупа за невесту ее родственникам, хотя на самом деле они могли бы извлечь выгоду из сделки, сколько соглашением, предусматривающим почетное обращение с невестой как с женой и вдовой. Воспоминания об этом, ремарк Поллок и Мейтленд (указ. соч., том. ii, стр. 364), можно найти в "этом любопытном шкафу древностей, брачном ритуале английской церкви".

[322] Говард, указ. соч., том i, стр. 278-281, 386. *Арра* проникла в римское и византийское право в шестом веке.

[323] Дж. Уикхэм Легг, *Экклезиологические очерки*, стр. 189. Можно добавить, что идея подчинения жены мужу появилась в христианской церкви в несколько ранний период и, без сомнения, независимо от германских влияний; святой Августин сказал (*Sermo XXXVII*, сар. vi) что хорошая *мать семейства* не должна стыдиться называть себя служанкой своего мужа (*анцилла*).

[324] См., например,, Л. Готье, *Шевалье*, гл. IX.

[325] Говард, указ. соч., том i, стр. 293 и далее; Эсмайн, указ. соч., том i, стр. 25 и далее; Смит и Читам, *Словарь христианских древностей* искусство. "Брачный контракт".

[326] Любые последующие изменения в католическом каноническом праве были направлены лишь на то, чтобы сделать брак еще более узким и отдаленным от мировой практики. Папским указом 1907 года гражданские браки и бракосочетания в некатолических местах отправления культа объявляются не только греховными и незаконными (каковыми они были раньше), но и фактически недействительными.

[327] Э. С. П. Хейнс, *Наш закон о разводе*, стр. 3.

[328] Именно Тридентский собор в шестнадцатом веке признал церковные обряды необходимыми для скрепления брака; но даже тогда пятьдесят шесть прелатов проголосовали против этого решения.

[329] Эсмайн, указ. соч., том i, стр. 91.

[330] Иногда говорят, что католическая церковь способна уменьшить зло своей доктрины о нерасторжимости брака за счет количества препятствий для вступления в брак, которые она признает, тем самым предоставляя свободу действий по освобождению от брака. Вряд ли это так. Доктор П. Дж. Хейс, который авторитетно выступает в качестве канцлера Католической архиепархии Нью-Йорка, заявляет ("Препятствия для заключения брака в католической церкви", *Североамериканское обозрение*, май 1905 г.), что даже в таком современном и смешанном сообществе, как это, поступает мало заявлений о разрешении из-за препятствий; в Нью-Йорке ежегодно заключается 15 000 католических браков, но едва ли пять в год подвергаются сомнению относительно действительности, и это в основном на основании двоеженства.

[331] Канонисты, скажем, Поллок и Мейтленд (*лок. цит.*), "внесли в закон о браке причудливый беспорядок". "Редко, - говорит Говард (*указ. цит.*, том i, стр. 340), - простая теория и тонкие придирки имели более катастрофические последствия в практической жизни, чем в случай различия между *спонсорством настоящего и будущим*".

[332] Говард, *указ. соч.*, том i, стр. 386 *и далее*. Однако в целом мнение Лютера заключалось в том, что брак, хотя и является священной и таинственной вещью, не является таинством; его различные высказывания по этому вопросу собраны Стрампфом, "*Лютер убер умри*", стр. 204-214.

[333] Говард, *указ. соч.*, том ii, стр. 61 *и далее*.

[334] Вероятно, в результате несколько запутанного и непоследовательного отношения реформаторов Каноническое право брака в измененной форме действительно сохранялось в протестантских странах в большей степени, чем в католических; особенно во Франции оно было изменено гораздо глубже (Esmein, *указ. соч.*, том i, с. 33).

[335] Квakerская концепция брака по-прежнему оказывает жизненно важное влияние. "Почему?" - спрашивает миссис Безант (*Брак*, стр. 19): "не следует ли нам вырвать листок из книги квакеров и заменить нынешние юридические формы брака простым публичным заявлением?"

[336] Говард, *указ. соч.*, том ii, стр. 456. Однако реальная практика в Пенсильвании, по-видимому, мало отличается от обычной в других штатах.

[337] Говард, *указ. соч.*, том ii, стр. 109. "Это действительно замечательно, - замечает Говард, - что великая нация, гордящаяся любовью к равенству и социальной свободе, на протяжении пяти поколений терпит завистливое потворство своим желаниям, вместо того чтобы откровенно и мужественно освободиться от оков церковной традиции".

[338] "Вынужденное продолжение неудачного союза, возможно, самая аморальная вещь, которую когда-либо одобряло, а тем более поощряло цивилизованное общество", - говорит Годфри (*Наука о сексе*, стр. 123). "Мораль союза зависит от взаимного желания, а союз, продиктованный любой другой причиной, находится за пределами морали, как бы обычай его ни санкционировал, или религия и закон ему потворствуют".

[339] Супружеская измена в большинстве диких обществ рассматривается, по словам Вестермарка, как "незаконное присвоение исключительных прав, которые муж приобрел, купив свою жену, как преступление против собственности"; следовательно, соблазнитель наказывается как вор штрафом, нанесением увечий и даже смертью (*Происхождение моральных идей*, т. ii, стр. 447 *и далее*; *ид.*, *История человеческого брака*, стр. 121). У некоторых народов страдает только соблазнитель, а не жена.

[340] Иногда в защиту иска о возмещении ущерба за соращение жены говорят, что женщины часто слабы и неспособны сопротивляться мужским домогательствам, так что закон должен оказывать сильное давление на мужчину, который пользуется этой слабостью. Этот аргумент кажется немного устаревшим. Закон начинает признавать ответственность даже замужних женщин в других отношениях и вряд ли может отказаться признать ее за контроль над ее собственной персоной. Более того, если для женщины так естественно уступать, вряд ли

законно наказывать мужчину, с которым она совершила этот естественный акт. Далее следует сказать, что если супружеская измена жены - всего лишь безответственная женская слабость, то по отношению к ней проявляют самую неоправданную жестокость, публично требуя денежной компенсации от ее любовника. Если мы действительно примем этот аргумент, нам следует вновь ввести средневековый пояс целомудрия.

[341] Говард, указ. соч., том. ii, стр. 114.

[342] В Англии это правило ни в коем случае не является мертвой буквой. Так, в 1907 году жена, покинувшая свой дом, оставив письмо, в котором говорилось, что ее муж не является отцом ее ребенка, впоследствии подала иск о разводе, который, поскольку муж не предпринял никаких действий в защиту, она получила. Но королевский проктор, узнав факты, отменил указ. Затем муж подал иск о разводе, но не смог его получить, поскольку уже признал свою супружескую неверность, оставив предыдущее дело без защиты. Он передал дело в Апелляционный суд, но его ходатайство было отклонено, поскольку суд счел, что "предоставление судебной защиты в таком случае не отвечало интересам общественной морали". Самый безопасный способ в Англии сделать то, что по закону называется браком, абсолютно нерасторжимым, - это для обеих сторон совершить прелюбодеяние.

[343] Magnus Hirschfeld, *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, Oct., 1908.

[344] Н. Аднер, "Die Richterliche Beurteilung der 'Zerrütteten' Ehe," *Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. ii, Teil 8.

[345] Гросс-Хоффингер, "Торговля женщинами и проституция", 1847; Блох представляет полное изложение результатов этого расследования в приложении к главе X своей "сексуальной жизни нашего времени".

[346] Развод в Соединенных Штатах полностью обсуждается Говардом, указ. соч., том iii.

[347] Х. Мюнстерберг, *Американцы*, стр. 575. Аналогичным образом, доктор Феликс Адлер в исследовании "Этика развода" (*The Ethical Record*, 1890, стр. 200), хотя сам не является поклонником разводов, считает, что первой причиной частоты разводов в Соединенных Штатах является высокое положение женщин.

[348] В важной статье с иллюстративными примерами "Нервно-психический элемент супружеского отвращения" (*Журнал нервных и психических заболеваний*, сентябрь 1892 г.) Смит Бейкер ссылается на случаи, в которых "мужчина может обнаружить, что постепенно становится антипатичным из-за признания сравнительно менее развитой личности того, с кем он встречается". чтобы выйти замуж. Вступая в брак, возможно, до того, как он научится точно судить о характере и его склонностях, он осознает тот факт, что по чести обязан прожить всю свою физиологическую жизнь не с настоящей спутницей жизни, а всего лишь с подделкой". Тот же автор отмечает, что еще более многочисленны случаи, когда сексуальный аппетит жены проявляется только в результате воспитания и практики. "Такого рода естественно-неестественное состояние является источником большого разочарования и сильных страданий со стороны женщины, а также неудовлетворенности семьи". Однако такие причины для развода слишком сложны, чтобы быть указанными в законодательных актах, и слишком интимны, чтобы их можно было рассматривать в судах.

[349] Десять лет назад, если не до сих пор, Соединенные Штаты занимали четвертое место по частоте разводов после Японии, Дании и Швейцарии.

[350] Леки, историк европейской морали, указал (*Демократия и свобода*, т. ii, стр. 172) тесная связь в целом между легкостью развода и высоким стандартом сексуальной морали.

[351] Так, например, Хобхаус, *Мораль в эволюции*, том i, стр. 237.

[352] В Англии этот шаг был предпринят в правление Генриха VII, когда принудительный брак женщин против их воли был запрещен законом (3 Генрих VII, с. 2). Однако даже в середине семнадцатого века вопрос о принудительном браке снова пришлось рассматривать (*Индервик*, *Междоусобица*, стр. 40 и далее.).

[353] Вудс Хатчинсон (*Contemporary Review*, сентябрь 1905 г.) утверждает, что при наличии эпилепсии, безумия, моральных извращений, обычного пьянства или преступного поведения любого рода развод ради следующего поколения должен быть не разрешительным, а обязательным. Однако простого развода было бы недостаточно для достижения желаемых целей.

[354] Аналогичным образом в Германии Ванда фон Захер-Мазох, которая сильно пострадала от брака, какими бы ни были недостатки ее характера, пишет в конце книги "*Моя жизнь*", что "до тех пор, пока женщины не наберутся смелости регулировать без вмешательства государства или Церкви отношения, которые касаются только их самих, они не будут свободны". "Вместо этой старой, пришедшей в упадок системы брака, столь противоречащей нашим современным мыслям и чувствам, у нее были бы частные контракты, заключаемые юристом. В Англии, в гораздо более ранний период, Чарльз Кингсли, который был горячим другом женских движений и чье чувство женственности доходило почти до поклонения, писал Дж. С. Миллю: "Мир для женщин никогда не будет хорошим, пока последние остатки канонического права не исчезнут с лица земли цивилизованно".

[355] "Более отвратительного института никогда не было изобретено", - заявил Оберон Герберт много лет назад, раньше времени выразив чувство, которое с тех пор стало более распространенным; "и его существование затягивается, к нашему глубокому стыду, потому что у нас не хватает смелости откровенно сказать, что сексуальные отношения мужа и жены или тех, кто живет вместе, касаются их самих и не затрагивают их интересы". не касайтесь назойливого, злорадствующего, самодовольного и крайне лживого внешнего мира".

[356] Хобхаус, указ. соч. том i, стр. 237.

[357] Та же концепция брака как контракта до сих пор в некоторой степени сохраняется и в Соединенных Штатах, куда ее перенесли ранние протестанты и пуритане. На самом деле, Штаты обычно не устанавливают определения брака, но, по словам Ховарда (указ. соч., vol. ii, стр. 395): "фактически супружество рассматривается как отношения, имеющие характер как статуса, так и контракта".

[358] Эта точка зрения была энергично изложена Полем и Виктором Маргерит, *В поисках идей*.

[359] Я могу заметить, что на это указывал и энергично аргументировал его последствия много лет назад К. Г. Гаррисон, "Пределы развода", *Contemporary Review*, февраль 1894 г. "Можно с уверенностью утверждать, - заключает он, - что брак не представляет собой ни одного атрибута

или инцидента, хотя бы отдаленно напоминающего контракт, ни по форме, ни по средствам правовой защиты, ни по процедуре, ни по результату; но что во всех этих аспектах, напротив, он фатально враждебен принципам и практике такого разделения прав личности". Брак - это не договор, а поведение.

[360] См., например,, П. и Против Маргерит, указ. соч.

[361] Цитируется Говардом, указ. соч., vol. ii, стр. 29.

[362] Эллиен Ки аналогичным образом (В книге "Любовь и здоровье", стр. 343) отмечает, что говорить о "долге пожизненной верности" - это почти то же самое, что говорить о "долге пожизненного сохранения здоровья". Мужчина может пообещать, добавляет она, сделать все возможное, чтобы сохранить свою жизнь или свою любовь; он не может безоговорочно взять на себя обязательство сохранить их.

[363] Хобхаус, указ. соч., том 1, стр. 159, 237-9; ср. П. и В. Маргерит, *Поиски идей*.

[364] "Развод", как выразился Гаррисон ("Пределы развода", *Contemporary Review*, февраль 1894 г.), "является судебным заявлением о том, что поведение, некогда супружеское по характеру и целям, утратило эти качества. ... Развод - это вопрос факта, а не разрешение нарушить обещание".

[365] См., ante, стр. 425.

[366] Было необходимо обсудить воспроизведение в первой главе настоящего тома, и это снова будет необходимо в заключительной главе. Здесь нас интересует только деторождение как элемент брака.

[367] Ницхольд, "Смерть Эхе в Египте за Птолемеевско-римский период", 1903, стр. 3. Эта облигация также предоставляла права любым детям, которые могли родиться за время ее существования.

[368] См., например,, Ellen Key, *Mutter und Kind*, стр. 21. Необходимость сочетания большей свободы сексуальных отношений с большей строгостью родительских отношений была четко осознана в более ранний период другой способной женщиной-писательницей, мисс Дж. Х. Клаппертон, в ее известной книге "Научный мелиоризм", опубликованной в 1885 году. "Изменения в законодательстве, - писала она (стр. 320), - необходимы в двух направлениях, а именно в направлении большей свободы в отношении брака и большей строгости в отношении происхождения. Брачный союз, по сути, является частным делом, в которое общество не имеет права вмешиваться. Роды, напротив, являются общественным событием. Это затрагивает интересы всей нации".

[369] Эллиен Ки, *Любовь и Эхе*, стр. 168; ср. "Столетие ребенка" того же автора.

[370] Только в Германии ежегодно рождается 180 000 "незаконнорожденных" детей, и это число быстро растет; в Англии оно составляет всего 40 000 в год, сильное неприятие таких родов в Англии (как и во Франции) приводит к широкому внедрению методов предотвращения зачатия.

[371] "Где найти настоящих сторонников моногамии?" - спрашивал Шопенгауэр в своем эссе "Умри лучше". И Джеймс Хинтон обычно спрашивал: "В чем смысл сохранения моногамии?"

Хотел бы я знать, есть ли какой-нибудь шанс получить ее? Вы называете английскую жизнь моногамной?

[372] "Почти везде, - говорит Вестермарк о полигинии (которую он подробно обсуждает в главах XX-XXII своей *Истории человеческого брака*), - она присуща меньшей части людей, подавляющее большинство которых моногамны". Морис Грегори (*Contemporary Review*, сентябрь 1906 г.) приводит статистические данные, показывающие, что почти повсеместно наблюдается тенденция к равенству числа полов.

[373] В стране полигамии мужчина, конечно, так же связан обязательствами перед своей второй женой, как и перед первой. Среди нас "вторая жена" мужчины унижается именем "любовницы", и чем хуже он обращается с ней и ее детьми, тем больше одобряется его "мораль", точно так же, как католическая церковь, борясь за установление жреческого безбрачия, больше одобряла священника, имевшего незаконные отношения с женщинами, чем священника, который прилично и открыто женился. Если его пренебрежение побудит любовницу женатого мужчины заявить о своих отношениях с ним, этот мужчина вправе возбудить против нее судебное преследование, и его адвокат, уверенный во всеобщем сочувствии, заявит в суде, что "эта женщина была настолько безнравственной, что написала жене прокурора!"

[374] Говард в своей судебной *истории брачных институтов* (том ii. стр. 96 и далее) не может удержаться от привлечения внимания к почти безумно дикому характеру языка, использовавшегося в Англии не так много лет назад теми, кто выступал против брака с сестрой умершей жены, и он противопоставляет его гораздо более разумная позиция католической церкви. "Были нарисованы картины, - замечает он, - моральной анархии, к которой должны привести такие браки, которые читаются американскими, колониальными и континентальными наблюдателями с недоумением, не без примеси отвращения, и которые, действительно, являются любопытной иллюстрацией крайней замкнутости английского разума". Совсем недавно, в 1908 году нашей эры, в Палату лордов Великобритании был внесен законопроект, предлагающий, чтобы беспричинное дезертирство в течение двух лет было основанием для развода - разумной и гуманной меры, которая является законом в большинстве частей цивилизованного мира. Лорд-канцлер (лорд Лоуберн), либерал, а в сфере политики просвещенный и прозорливый лидер, заявил, что такое предложение "абсолютно невозможно". Палата представителей отклонила предложение 61 голосом против 2. Даже постановления Совета Трента о браке не были утверждены таким подавляющим большинством. В вопросах брачного законодательства Англия едва ли еще вышла из средневековья.

ГЛАВА XI.

ИСКУССТВО ЛЮБВИ.

Содержание

Брак не только ради продолжения рода—богословов на *Sacramentum Solationis*—важности *искусства любви*—основа стабильности в браке и состоянии, за право продолжения рода—искусство любви оплот против развода—единство любви и браке принцип современной морали—христианство и искусство любви—Овидия— "Искусство любви" среди первобытных

народов—начало половой жизни в Африке и в других местах—склонность к спонтанному развитию Искусство любви в начале жизни—флирт—Сексуальную безграмотность у женщин—мужа в половой жизни—сексуальную безграмотность у мужчин—мужа образование для брака—ущерб, нанесенный невежеством мужей—физическое и психическое результаты неумелой коитус—женщины понимают искусство любви лучше, чем мужчины—древние и современные взгляды, касающиеся частоты коитуса—изменения в сексуальной способности—сексуальное влечение,—Искусство любви основаны на биологических фактах сватовство—искусство нравиться женщинам—любовник по сравнению с музыканта—Предложение как часть ухаживания—гадания в искусстве любви—важность прелюдий в ухаживании—несведущие муж часто причиной фригидную жену—сложность ухаживания—одновременный оргазм—зло неполного удовлетворения у женщин—прерванный половой акт—половой акт Reservatus—человеческий способ совокупления—изменения в половом акте—позы в половом акте—лучшее время для полового акта—влияние соитие в браке—преимущества отсутствие в брак—риски отсутствия—ревность—Примитивная функция ревности—его преобладание среди животных, дикарей и т. д., и при патологических состояниях—в антисоциальные эмоции—ревность несовместимы с прогрессом цивилизации—возможность любить больше чем одного человека за раз—платоническая дружба—в условиях, которые делают это возможным—материнского элемента в женской любви—финал развития супружеской любви—проблема любви—одна из крупнейших социальных вопросов.

Из предыдущего обсуждения станет ясно, что в каждом браке есть два элемента, поскольку этот брак является полным. С одной стороны, брак - это союз, основанный на взаимной любви и устойчивый как реальность, помимо его чисто формальной стороны, только благодаря культивированию такой любви. С другой стороны, брак - это метод продолжения рода, имеющий своей целью потомство. В первом аспекте его цель эротическая, во втором - родительская. Обе эти цели уже давно получили всеобщее признание. Мы находим их изложение, например, в брачной службе Англиканской церкви, где утверждается, что брак существует как для "взаимного общества, помощи и утешения, которые один должен иметь от другого", так и для "зачатия детей". Без фактора взаимной любви не могут существовать надлежащие условия для продолжения рода; без фактора продолжения рода сексуальный союз, какими бы прекрасными и священными отношениями он ни был сам по себе, остается, по сути, частными отношениями, неполными, как брак, и не имеющими общественного значения. Следовательно, становится необходимым дополнить предыдущее обсуждение брака в его общих чертах заключительным и более интимным рассмотрением брака по его сути, как охватывающего искусство любви и науку о продолжении рода.

Время от времени уже приходилось ссылаться на тех, кто, исходя из различных точек зрения, стремился ограничить сферу брака и подавить тот или иной из его элементов. (См., например,, *ante*, стр. 135.)

В наше время наблюдается тенденция исключать фактор продолжения рода и рассматривать брачные отношения исключительно как отношения двух сторон друг к другу. Помимо того факта, на который нет необходимости снова привлекать внимание, что с общественной точки зрения брак без детей, каким бы важным он ни был для двух заинтересованных лиц, является отношениями, не имеющими какого-либо общественного значения, далее следует сказать, что при отсутствии детей даже сама личная эротическая жизнь может пострадать, поскольку в нормальной эротической жизни, особенно у женщин, сексуальная любовь имеет тенденцию

перерасти в родительскую любовь. Более того, полное развитие взаимной любви и зависимости достигается с трудом, и отсутствует самая тесная из уз - взаимное сотрудничество двух людей в создании новой личности. Совершенный и завершенный брак в его полном развитии - это троица.

Те, кто стремится исключить эротический фактор из брака как несущественный или, во всяком случае, как допустимый только в том случае, если он строго подчинен цели продолжения рода, время от времени заявляли о себе в разные периоды. Даже древние, как греки, так и римляне, в самые суровые моменты своей жизни выступали за устранение эротического элемента из брака и ограничение его внебрачными отношениями, то есть в той мере, в какой это касалось мужчин; эротические потребности замужних женщин они не могли удовлетворить. Монтень, пропитанный классическими традициями, превосходно изложил причины устранения эротического интереса из брака: "Человек женится не ради себя, что бы там ни говорили; мужчина женится столько же или даже больше ради своего потомства, ради своей семьи; обычай и интересы брака затрагивают нашу расу не только нас самих. ... Таким образом, использование в этом почтенном и священном происхождении усилий и экстравагантности любовной распущенности является своего рода инцестом" (Эссе, Вк. i, гл. XXIX; Вк. iii, гл. V). Эта точка зрения легко понравилась ранним христианам, которые, однако, намеренно упускали из виду ее обратную сторону - установление эротических интересов вне брака. "Вступать в половую связь, кроме как для продолжения рода, - сказал Климент Александрийский (*Педагог*, Вк. ii, Гл. X), - значит наносить вред Природе". Хотя, однако, это утверждение вполне справедливо для низших животных, оно не верно для человека, и особенно не верно для цивилизованного человека, чьи эротические потребности гораздо более развиты и гораздо более тесно связаны с тончайшей и высшей частью организма, чем это имеет место у животных в целом. Для животного сексуального желания, за исключением тех случаев, когда оно вызвано условиями, связанными с необходимостью продолжения рода, не существует. Совсем иначе обстоит дело у человека, для которого, даже когда вопрос о продолжении рода полностью исключен, сексуальная любовь все еще остается настоящей потребностью и даже условием высочайшего духовного развития. Поэтому католическая церковь, хотя и с восхищением взирая на воздержание в браке, которое исключало сексуальные отношения, за исключением окончания деторождения, вслед за святым Августином относится к половому акту отдельно от деторождения со значительной снисходительностью, как к простительному греху. Здесь, однако, Церковь была склонна подвести черту, и, похоже, что в 1679 году Иннокентий XI осудил утверждение о том, что "супружеский акт, совершаемый исключительно для удовольствия, свободен даже от простительного греха".

Протестантские богословы были склонны пойти дальше, и в этом они нашли определенный авторитет даже у католических авторов. Джон Ласко, католический епископ, ставший протестантом и поселившийся в Англии во время правления Эдуарда VI, следовал примеру многих средневековых теологов, когда признавал *sacramentum solationis*, в дополнение к *пролам*, как элемент брака. Кранмер в своей брачной службе 1549 года заявил, что "взаимная помощь и комфорт", а также продолжение рода входят в цель брака (Уикхем Легг, *Экклезиологические очерки*, стр. 204; Говард, *Брачные институты*, том i, стр. 398). Современные богословы говорят еще более отчетливо. "Сексуальный акт, - говорит Норткот (*Христианство и проблемы секса*, стр. 55), - это акт любви. Должным образом регламентированная, она способствует этическому благополучию индивида и повышает его эффективность как социальной единицы. Само действие и окружающие его эмоции

стимулируют в организме мощные движения обширной психической жизни". Также в более ранний период Шлейермахер в своих *Письмах о Люсинде* указывал на огромное значение любви для духовного развития личности.

Эдвард Карпентер верно замечает в книге *"Совершеннолетие любви"*, что сексуальная любовь необходима не только для физического созидания, но и для духовного. Блох, опять же, обсуждая этот вопрос (*Сексуальная жизнь нашего времени*, гл. VI), приходит к выводу, что "любовь и сексуальные объятия имеют целью не только продолжение рода, они составляют цель сами по себе и необходимы для жизни, развития и внутреннего роста самого человека".

Некоторые, признающие взаимную любовь составной частью брака, утверждают, что такая любовь, однажды признанная с самого начала, может считаться само собой разумеющейся и не требует дальнейшего обсуждения; они считают, что искусству любви не нужно ни учиться, ни преподавать; оно дается природой. Ничто не может быть дальше от истины, особенно в том, что касается цивилизованного человека. Даже элементарному факту полового акта необходимо учить. Никто не мог придерживаться более сурового пуританского взгляда на сексуальные отношения, чем сэр Джеймс Пэджет, и все же Пэджет (в своей лекции "Сексуальная ипохондрия") заявил, что "Невежество в сексуальных вопросах, по-видимому, является заметной характеристикой более цивилизованной части человеческой расы. Среди нас несомненно, что методу совокупления нужно обучать, и что те, кого ему не обучают, остаются в полном неведении относительно этого". Галлард, опять же, аналогичным образом замечает (в своей *"Клинике женских болезней"*), что молодым людям, подобно Дафнису в пасторали Лонга, нужен прекрасный Ликен, который дал бы им основательное образование, как практическое, так и теоретическое, в этих вопросах, и он считает, что матери должны наставлять своих дочерей перед вступлением в брак, а отцы - своих сыновей. Философы время от времени осознавали серьезность этих вопросов и дискутировали по ним; так, Эпикур, как сообщает нам Плутарх,^[375] обсуждал со своими учениками различные сексуальные вопросы, такие как подходящее время для коитуса; но тогда, как и сейчас, были мракобесы, которые оставляли даже центральные факты жизни на волю случая или невежество, и они предполагали, что обвиняют философа.

Однако в этих вопросах предстоит узнать гораздо больше, чем просто элементарные факты о половом акте. Искусство любви, безусловно, включает в себя такие первичные факты сексуальной гигиены, но оно включает в себя также всю эротическую дисциплину брака, и именно поэтому его значение так велико для благополучия и счастья личности, для стабильности сексуальных союзов и косвенно для расы, поскольку искусство любви - это, в конечном счете, искусство достижения правильных условий для продолжения рода.

"Представляется чрезвычайно вероятным", - писал профессор Э. Д. Коуп,^[376] - "что если бы этот предмет мог быть должным образом понят и стать, в деталях его практического применения, частью письменной социальной науки, моногамный брак мог бы достичь гораздо большего общего успеха, чем это часто встречается в реальной жизни". Не может быть никаких сомнений в том, что это так. В подавляющем большинстве браков успех зависит исключительно от знания искусства любви, которым обладают два вступающих в него человека. Пожизненный моногамный союз действительно может сохраняться при отсутствии малейшего врожденного или приобретенного искусства любви, из-за религиозного смирения или чистой глупости. Но

сейчас такое отношение становится менее распространенным. Как мы видели в предыдущей главе, разводы становятся все более частыми и легкодоступными в каждой цивилизованной стране. Это тенденция цивилизации; это результат требования, чтобы брак был реальными отношениями, и что когда он перестает быть реальным как отношения, он также должен прекратиться как форма. Это неизбежная тенденция, связанная с нашей растущей демократизацией, поскольку демократия, похоже, больше заботится о реальности, чем о формах, какими бы почтенными они ни были. Мы не можем бороться с этим; и мы были бы неправы, если бы боролись с этим, даже если бы могли.

И все же, хотя мы обязаны поддерживать тенденцию к разводам и настаивать на том, что для поддержания действительного брака требуется воля двух человек, кому-либо трудно утверждать, что развод сам по себе желателен. Это всегда признание своей неудачи. Два человека, которые, если они были в малейшей степени движимы нормальным и закономерным импульсом полового отбора, с самого начала считали друг друга привлекательными, с одной или другой стороны или с обеих оказались не привлекательными. Произошел сбой в фундаментальном искусстве любви. Если мы хотим уравновесить легкость развода, наш единственный разумный курс - повысить стабильность брака, а это возможно только путем совершенствования искусства любви, изначальной основы брака.

Нет никакой необходимости подчеркивать этот момент. Все еще есть много людей, которые не смогли этого осознать. Есть даже люди, которые, кажется, воображают, что неважно, присутствует ли удовольствие в половом акте. "Я не верю, что взаимное удовольствие от полового акта имеет какое-то особое отношение к счастью жизни", - однажды заметил доктор Говард А. Келли.^[377] Такое утверждение означает — если оно действительно что-то значит - что брачные узы не имеют "особого отношения" к человеческому счастью; это означает, что путь к супружеской измене и разводу должен быть свободно открыт. Даже самый порочный аскет Средневековья едва ли отважился сделать заявление, столь вопиюще противоречащее опыту человечества, и тот факт, что выдающийся гинеколог двадцатого века может сделать это с таким видом, словно констатирует прописную истину, является достаточным оправданием того акцента, который в наши дни стало необходимым уделять искусству любви. "Uxor enim dignitatis nomen est, non voluptatis," was indeed an ancient Pagan dictum. Но это не согласуется с современными представлениями. Это даже не вполне соответствовало христианству. Для нашей современной морали, как говорит Эллен Ки Уэлл, единство любви и брака является фундаментальным принципом.^[378]

Пренебрежение искусством любви не было универсальным явлением; оно более характерно для христианского мира. Дух древнего Рима, несомненно, предрасполагал Европу к такому пренебрежению, поскольку с их грубым культивированием воинских доблестей и неспособностью к более тонким аспектам цивилизации римляне были готовы рассматривать любовь как дозволенное потакание своим слабостям, но как народ они не были готовы культивировать ее как искусство. Их поэты в этом вопросе не отражают нравственных чувств своих лучших людей. Действительно, весьма знаменательным фактом является то, что Овидий, самый выдающийся латинский поэт, который много занимался искусством любви, связывал это искусство не столько с моралью, сколько с безнравственностью. С его точки зрения, искусство любви было не столько искусством удержать женщину в ее доме, сколько искусством увести ее оттуда; это было скорее искусство прелюбодея, чем искусство мужа. Такая концепция была бы

невозможна вне Европы, но она оказалась очень благоприятной для роста христианского отношения к искусству любви.

Любовь как искусство, равно как и страсть, по-видимому, получила значительное изучение в древности, хотя результаты этого изучения утеряны. Кадм Милезиус, говорит Суидас, написал четырнадцать больших томов о страсти любви, но сейчас их невозможно найти. У Роде (*"Греческий роман"*, стр. 55) есть краткий раздел о греческих писателях-философах, посвященных любви. Блох (*Руководство по сексуальной психопатии*, Глава I, стр. 191) перечисляет древних писательниц, которые имели дело с искусством любви. Монтень (*Эссе*, лив. ii, гл. V) приводит список древних классических утраченных книг о любви. Бертон (*Анатомия меланхолии*, издание Белла, том. iii, стр. 2) также приводится список утраченных книг о любви. Сам Бертон подробно остановился на многообразных признаках любви и ее печальных симптомах. Буассье де Соваж в начале восемнадцатого века опубликовал на латыни диссертацию *"О любви"*, в которой обсуждал любовь примерно в том же духе, что и Бертон, как психическое заболевание, которое необходимо лечить.

Дыхание христианского аскетизма овевало любовь; она больше не была, как в классические времена, искусством, которое нужно культивировать, а всего лишь болезнью, которую нужно вылечить. Истинным наследником классического духа в этом, как и во многих других вопросах, был не христианский мир, а мир ислама. *"Благоухающий сад"* шейха Нефзауи, вероятно, был написан в городе Тунис в начале шестнадцатого века автором, родившимся на юге Туниса. Вступительная фраза ясно указывает на то, что она сильно отличается от концепции любви как болезни: "Хвала Богу, который поместил величайшие удовольствия мужчины в естественные части женщины и предназначил естественные части мужчины доставлять величайшее наслаждение женщине". Арабская книга *"Эль Ктаб"*, или *"Тайные законы любви"*, - это современное произведение Омера Халеби Абу Османа, родившегося в Алжире от матери-мавританки и отца-турка.

Для христианства разрешение вообще поддаваться сексуальному импульсу было просто уступкой человеческой слабости, потворством, возможным только тогда, когда оно было тщательно ограждено со всех сторон. Почти с самого начала христиане начали культивировать искусство девственности, и они не могли настолько изменить свою точку зрения, чтобы одобрить искусство любви. Все их страстное обожание в сфере секса было направлено на целомудрие. Одержимые такими идеалами, они вообще могли терпеть человеческую любовь, только придавая одной особой ее форме религиозный сакраментальный характер, и даже этот сакраментальный ореол придавал любви квазиаскетический характер, который исключал идею рассматривать любовь как искусство.^[379] Любовь приобрела религиозный элемент, но утратила моральный элемент, поскольку вне христианства искусство любви является частью основы сексуальной морали, где бы такая мораль в какой-либо степени ни существовала. В христианском мире любовь в браке была предоставлена самой себе, насколько это было возможно; искусство любви было сомнительным искусством, которое, как считалось, указывало на определенную торговлю с безнравственностью и даже само по себе было безнравственным. Это чувство, несомненно, усиливалось тем фактом, что Овидий был самым выдающимся мастером в литературном искусстве любви. Его литературная репутация — гораздо большая, чем нам сейчас кажется^[380] — выделяла его как автора главного из дошедших до нас учебников *"Искусства любви"*. С гуманизмом и Возрождением и последующим осознанием того, что христианство упустило из виду одну сторону жизни, *Ars Amatoria* Овидия была поставлена на

пьедестал, которого она не занимала ни до, ни после. Это был шаг вперед в развитии цивилизации; это раскрывало любовь не как простой животный инстинкт или просто взятый на себя долг, но как сложные, гуманные и утонченные отношения, которые требовали совершенствования; "*искусство регендус амор*". Боккаччо сделал мудрого учителя, который передал *Ars Amatoria* Овидия в руки молодежи. В эпоху, все еще угнетенную средневековым духом, это был очень необходимый учебник, но как учебник он обладал фатальным недостатком: эротические притязания личности представлялись оторванными от требований хорошего общественного порядка. Ей так и не удалось утвердиться в качестве общепринятого руководства по любви, и в глазах многих она служила для закрепления за предметом, который в ней рассматривался, статуса предмета, лежащего за пределами добропорядочных норм.

Однако, если мы проведем более широкий обзор и исследуем жизненную дисциплину, которая прививается молодежи во многих частях мира, мы часто обнаружим, что искусство любви, понимаемое по-разному, является неотъемлемой частью этой дисциплины. Краткое изложение, хотя в целом и адекватные, как и методы воспитания примитивных народов, они нередко включают обучение тем искусствам, которые делают женщину приятной для мужчины, а мужчину приятным для женщины в брачных отношениях, и часто более или менее смутно осознается, что ухаживание - это не просто подготовка к браку, но биологически существенная часть брачных отношений на всем протяжении.

Сексуальная инициация проводится очень тщательно в стране азимба, Центральная Африка. Х. Кроуфорд Ангус, первый европеец, посетивший народ азимба, прожил среди них год и описал ченсамвали, или церемонию посвящения девочек. "При первых признаках менструации у молодой девушки ее обучают тайнам женственности и показывают различные позы для полового акта. С влагалищем обращаются свободно, и если оно не было увеличено ранее (что, возможно, имело место на празднике урожая, когда мальчику и девочке разрешают "вести хозяйство" в дневное время самостоятельно, и когда имеет место квазисообщение), то теперь оно увеличено с помощью рога или кукурузного початка, который вставляется и закрепляется на месте полосками ткани из коры. Когда все признаки [менструации] проходят, женщинам в деревне объявляется публичный танец. На этом танце мужчинам присутствовать не разрешается, и мне лишь с большим трудом удалось стать его свидетелем. Девушку, которую нужно "станцевать", отводят обратно из буша в хижину ее матери, где ее держат в одиночестве до утра танцев. В то утро ее кладут на землю в сидячем положении, в то время как танцоры образуют вокруг нее кольцо. Затем исполняется несколько песен, посвященных половым органам. Затем девушку раздевают и заставляют имитировать половой акт, и если движения не выполняются должным образом, как это часто бывает, когда девушкаробкая и застенчивая, одна из женщин постарше занимает ее место и показывает ей, как она должна выполнять. Поется много песен об отношениях между мужчинами и женщинами, и девушку инструктируют относительно всех ее обязанностей, когда она становится женой. Ей также сообщают, что во время менструации она нечиста и что во время месячных она должна закрывать свою вульву подушечкой из волокна, используемой для этой цели. Цель танца - привить девушке знания о супружеской жизни. Девушку учат быть верной своему мужу и пытаться рожать детей, а также ее обучают различным искусствам и методам, позволяющим сделать себя соблазнительной и удобной своему мужу и таким образом удержать его в своей власти". (Х. Кроуфорд Ангус, "Ченсамвали", *Журнал этнологии*, 1898, раздел 6, стр. 479).

В Абиссинии, а также на побережье Занзибара, согласно Штекеру (цитируется Плосс-Бартельсом, *Das Weib*, раздел 119), молодых девушек обучают движениям ягодиц, которые повышают их очарование при половом акте. Эти движения вращательного характера называются Дук-Дук. Не знать Дук-Дук - большой позор для девушки. Среди женщин-суахили Занзибара, действительно, культивируется полная художественная система движений бедрами, которые должны демонстрироваться при половом акте. Это особенно распространено на побережье, и женщина с суахили не считается "леди" (биби), если она не знакома с этим искусством. От шестидесяти до восьмидесяти молодых женщин по восемь часов в день вместе исполняют этот танец ягодиц, снимая всю одежду и напевая при этом. Публика не допускается. The dance, which is a kind of imitation of coitus, has been described by Zache ("Sitten und Gebräuche der Suaheli," *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, Heft 2-3, p. 72). Более опытные танцовщицы вызывают всеобщее восхищение. Во время последней части этого посвящения исполняются различные трюки, чтобы проверить мастерство девушки и ее самоконтроль. Например, она должна протанцевать к костру и вынуть из середины костра сосуд, наполненный водой до краев, не расплескав его. По истечении трех месяцев обучение заканчивается, и девушка отправляется домой в праздничном наряде. Теперь она имеет право выйти замуж. Говорят, что подобные обычаи преобладают в Голландской Ост-Индии и других местах.

У евреев были эротические танцы, которые, несомненно, были связаны с искусством любви в браке, а среди греков и их учеников-римлян все еще существовало представление о любви как искусстве, требующем тренировки, мастерства и самосовершенствования. Эта концепция была разрушена христианством, которое, хотя и освятило институт брака, принижало ту сексуальную любовь, которая обычно является содержанием брака.

В 1176 году барон и дама Шампани вынесли на рассмотрение Суда любви вопрос о том, совместима ли любовь с браком. "Нет, - сказал барон, - я восхищаюсь и уважаю сладкую близость супружеских пар, но я не могу назвать это любовью. Любовь желает препятствий, тайны, украденных благосклонностей. Теперь мужья и жены смело заявляют о своих отношениях; они обладают друг другом без противоречий и сдержанности. Тогда то, что они испытывают, не может быть любовью". И после зрелых размышлений придворные дамы Любви согласились с выводами барона (Э. де ла Бедольер, *История французской культуры*, том. iii, стр. 334). Несомненно, в аргументах барона была доля истины. И все же вполне можно усомниться в том, что в какой-либо нехристианской стране когда-либо было бы возможно добиться признания доктрины о том, что любовь и брак несовместимы. Однако, как указывает Рибо в своей *Логике чувств*, эта доктрина была неизбежна, когда, как среди средневековой знати, брак был всего лишь политическим или домашним договором и, следовательно, не мог быть методом морального возвышения.

"Почему, - спрашивал Ретиф де ла Бретонн в конце восемнадцатого века, - девушки, лишенные морали, более соблазнительны и привлекательны, чем честные женщины?" Это потому, что, подобно греческим куртизанкам, которых учили грации и сладострастию, они изучали искусство доставлять удовольствие. Среди глупых клеветников моих современников ни один не догадался о философской цели почти каждой из этих историй, которая состоит в том, чтобы подсказать честным женщинам способы завоевать любовь. Я хотел бы увидеть институт посвящений, подобный тем, что были у древних. ... Сегодня счастье человеческого рода отдано на волю случая; весь опыт женщин индивидуален, как опыт животных; он теряется с теми женщинами, которые, будучи от природы дружелюбными, могли бы научить других стать

такими. Одни проститутки изучают это поверхностно, и уроки, которые они получают, по большей части столь же вредны, как уроки почтенных греческих и римских матрон, которые были святыми и благородными, приводя лишь к распутству, к истощению как кошелька, так и физических способностей, в то время как целью древних матрон был союз мужа и жены и их взаимная привязанность через удовольствие. Христианская религия уничтожила Мистерии как позорные, но мы можем рассматривать это уничтожение как одно из зол, нанесенных христианством человечеству, как дело рук людей с недостаточным просвещением и ожесточенным рвением, опасных пуритан, которые были естественными врагами брака" (Ретиф де ла Бретонн, *Месье Николя*, переиздание 1883 г., т. х, стр. 160-3). Можно добавить, что Дюрэн (доктор Иван Блох) считает Ретифа "мастером в *Искусстве любви*" и обсуждает его с этой точки зрения в своем *"Ретифе из Бретонны"* (стр. 362-371).

Независимо от того, следует ли считать ответственным христианство или нет, не подлежит сомнению, что во всем христианском мире наблюдалась прискорбная неспособность признать высшую важность искусства любви не только в эротическом, но и в моральном плане. Даже в великом возрождении сексуального просвещения, происходящем сейчас вокруг нас, редко встречается даже самое слабое признание того, что в сексуальном просвещении единственное, что по существу необходимо, - это знание искусства любви. По большей части сексуальное обучение в том виде, в каком оно понимается в настоящее время, носит чисто негативный характер, это просто набор запретов. Если бы эта неудача была вызвана сознательным признанием того, что, хотя искусство любви должно основываться на физиологических и психологических знаниях, оно слишком тонкое, слишком сложное, слишком личное, чтобы быть сформулированным в лекциях и руководствах, это было бы разумно и обоснованно. Но, похоже, это полностью зиждется на невежестве, безразличии или еще на чем похуже.

Занятия любовью действительно, как и другие искусства, частично естественны — "искусство, созданное природой", - и поэтому это естественный предмет для изучения и игровых упражнений. Дети, предоставленные самим себе, склонны как в игровой, так и в серьезной форме практиковать любовь, как с физической, так и с психической стороны.^[381] Но эта игра с физической стороны строго подавляется старшими, когда ее обнаруживают, а с психической стороны над ней смеются. Среди хорошо воспитанных классов его обычно морили голодом в раннем возрасте.

После достижения половой зрелости, если не раньше, существует еще одна форма, в которой искусство любви в значительной степени экспериментируется и практикуется, особенно в Англии и Америке, - форма флирта. В своих элементарных проявлениях флирт совершенно естествен и нормален; мы можем проследить его даже у животных; это просто начало ухаживания, на ранней стадии, когда ухаживание еще можно, при желании, прервать. Однако в современных цивилизованных условиях флирт часто означает нечто большее. Эти условия затрудняют брак; они делают любовь и связанные с ней обязательства слишком серьезным делом, чтобы относиться к ним легкомысленно; они делают фактический половой акт опасным, а также дискредитирующим репутацию. Флирт приспособливается к этим условиям. Вместо того чтобы быть просто предварительной стадией нормального ухаживания, оно превращается в форму сексуального удовлетворения, настолько полную, насколько позволяет должное соблюдение уже упомянутых условий. В Германии, и особенно во Франции, где это вызывает большое отвращение, это единственная известная форма флирта; она рассматривается как

экспорт из Соединенных Штатов и называется "флирт". Его практическим результатом считается "деми-виержа", которая знает и испытала радости секса, сохранив при этом свою девственную плеву нетронутой.

Эта дегенеративная форма флирта, культивируемая не как часть ухаживания, а ради нее самой, была хорошо описана Форелем (*Die Sexuelle Frage*, стр. 97-101). Он определяет его как включающее "все те проявления сексуального инстинкта одного индивида по отношению к другому индивиду, которые возбуждают сексуальный инстинкт другого, всегда исключая коитус". Вначале это может быть просто провокационный взгляд или простое, по-видимому, непреднамеренное прикосновение; и постепенно это может перейти к ласкам, поцелуям, объятиям и даже распространиться на давление или трение половых органов, иногда приводящее к оргазму. Таким образом, упоминает Форел, чувственная женщина давлением своей одежды во время танца может вызвать эякуляцию у своего партнера. Чаще всего этот процесс представляет собой тот сладострастный контакт и мечтательность, которые на английском сленге называются "ложиться ложкой". От начала до конца не требуется никаких явных объяснений, предложений или деклараций ни с одной из сторон, и ни одна из сторон не стремится к каким-либо отношениям друг с другом за пределами периода, посвященного флирту. Однако в одной из форм флирт полностью заключается в возбуждении от разговора, посвященного эротическим и непристойным темам. Как мужчина, так и женщина могут принимать активное участие во флирте, но от женщины требуется больше утонченности и мастерства, чтобы играть активную роль, не отталкивая мужчину и не нанося ущерба своей репутации. Действительно, почти то же самое можно сказать и о мужчинах, поскольку женщины, хотя им часто нравится флирт, обычно предпочитают его более утонченные формы. Существует бесконечное количество форм флирта, и хотя в качестве предварительной части ухаживания он имеет свое нормальное место и оправдание, Форел приходит к выводу, что "как самоцель, никогда не выходящая за пределы самой себя, это явление вырождения".

С французской точки зрения, флирт и заигрывание в целом обсуждались мадам Бенцон ("Семейная жизнь в Америке", *Форум*, март 1896 г.), которая, однако, не понимает естественной основы флирта при ухаживании. Она считает это грехом против закона "Ты не должен играть с любовью", поскольку это должно иметь оправдание непреодолимой страсти, но она думает, что в Америке это сравнительно безобидно (хотя все еще оказывает ухудшающее влияние на женщин) из-за темперамента, образования и привычек людей. Следует, однако, помнить, что игра имеет надлежащее отношение ко всем видам жизнедеятельности и что разумная критика флирта связана скорее с его нормальными ограничениями, чем с его правом на существование (см. Наблюдения о естественной основе кокетства и целях, которым оно служит, в "Эволюции скромности" в томе I *Этих исследований*).

Хотя флирт в его естественной форме — хотя и не в извращенной форме "флирта" — имеет веское оправдание, как метод проверки любовника и приобретения некоторой доли искусства любви, он остается совершенно неадекватной подготовкой к любви. Об этом в достаточной степени свидетельствует частая неспособность к искусству любви и даже к простому физическому акту любви, столь часто проявляемая как мужчинами, так и женщинами в тех самых странах, где флирт наиболее процветает.

Это невежество не только в искусстве любви, но даже в физических фактах сексуальной любви заметно не только у женщин, особенно у женщин среднего класса, но и у мужчин, поскольку цивилизованный человек, как давно заметил Фрич, часто знает о фактах сексуальной жизни меньше, чем доярка. Однако у обоих полов это проявляется по-разному.

Среди женщин сексуальное невежество варьируется от полной невинности в том, что речь идет о каких-либо интимных телесных отношениях вообще, до заблуждений самого различного рода; некоторые думают, что отношения заключаются в том, чтобы лежать бок о бок, многие считают, что половой акт происходит в области пупка, немало таких, которые утверждают, что акт занимает всю ночь. В предыдущей главе было необходимо обсудить общие пороки сексуального невежества; здесь необходимо упомянуть о его более специфических пороках, связанных с брачными отношениями. Девочек воспитывают со смутным представлением о том, что они выйдут замуж — и совершенно правильно, поскольку большинство из них действительно выходят замуж, — но идея о том, что они должны получить образование для карьеры, которая естественным образом выпадет на их долю, — это идея, которая, по-видимому, до сих пор никогда не приходила в голову учителям девочек. Их головы до одури забиты знанием фактов, которые никого не касаются, но в высшей степени важным жизненным опытом они совершенно неспособны научить. Женщин готовят почти ко всем занятиям под солнцем; к высшему призванию жены и материнства их вообще не готовят!

Можно сказать, и это правда, что нынешнее некомпетентное обучение девочек, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока матери девочек не захотят ничего лучшего. Можно также сказать, с еще большей достоверностью, что существует многое, что касается знаний о сексуальных отношениях, которые сама мать может наиболее надлежащим образом передать своей дочери. Далее можно совершенно бесспорно утверждать, что искусству любви, которому мы здесь уделяем особое внимание, можно научиться только на собственном опыте, опыту, который наши социальные традиции затрудняют приобретение добродетельной девушкой с честью. Не пытаюсь здесь распределить долю вины, которая ложится на каждую причину, остается прискорбным, что женщина так часто вступает в брак с наихудшими из возможных предрассудков и неправильного понимания, даже когда она считает, как это часто бывает, что она знает об этом все. Даже при самом лучшем оснащении женщина в нынешних условиях вступает в брак в невыгодном положении. Она пробуждается к полному осознанию любви медленнее, чем мужчина, и, в среднем, в более позднем возрасте, так что ее сексуальный опыт до брака обычно был гораздо более ограниченным, чем у ее мужа.^[382] Таким образом, даже при наилучшей подготовке часто случается, что только через несколько лет после вступления в брак женщина четко осознает свои собственные сексуальные потребности и адекватно оценивает способность своего мужа удовлетворить эти потребности. Мы не можем переоценить личную и социальную важность полной подготовки к браку, и чем больше трудностей возникает на пути развода, тем больший вес неизбежно придается этой подготовке.^[383]

Всем, вероятно, известны многочисленные случаи крайнего невежества женщин при вступлении в брак. Следующий случай, касающийся двадцатисемилетней женщины, которой было предложено выйти замуж, является несколько экстремальным, но не таким уж исключительным. "Она не была уверена в своей привязанности и спросила двоюродную сестру о значении любви. Эта кузина одолжила ей брошюру Эллиса Этельмера "*Человеческий цветок*". Из этого она узнала, что мужчины желают женского тела, и это настолько потрясло ее, что она несколько дней была совершенно больна. В следующий раз, когда ее любовник

попытался приласкать ее, она сказала ему, что это "похоть". С тех пор она прочитала "*Сестру Терезу*" Джорджа Мура, и осознание того, что "женщины могут быть такими же плохими, как и мужчины", опечалило ее". "Истории", содержащиеся в Приложениях к предыдущим томам этих *Исследований*, раскрывают многочисленные примеры прискорбного невежества молодых девушек в отношении наиболее важных фактов сексуальной жизни. Неудивительно, что при таких обстоятельствах брак приводит к разочарованию или отвращению.

Обычно говорят, что обязанность посвящения жены в привилегии и обязанности брака должным образом лежит на муже. Однако, помимо того факта, что несправедливо по отношению к женщине заставлять ее связывать себя узами брака до того, как она полностью осознает, что означает брак, следует также сказать, что женщинам необходимо знать много вещей, которые неразумно ожидать объяснений от мужа. Это, например, особенно верно в отношении более утомительного воздействия полового акта на мужчину по сравнению с женщиной. Неопытная невеста не может знать заранее, что часто повторяющиеся оргазмы, которые делают ее энергичной и сияющей, оказывают угнетающее воздействие на ее мужа, и его мужская гордость побуждает его пытаться скрыть этот факт. Невеста, в своей невинности, не осознает, что ее удовольствие покупается за счет ее мужа, и что то, что не является излишеством для нее, может быть серьезным излишеством для него. Женщина, которая знает (особенно, например, вдова, которая повторно выходит замуж), тщательно следит за здоровьем своего мужа в этом отношении, сдерживая свой собственный пыл, поскольку она понимает, что мужчина не желает признавать, что он неспособен удовлетворить желания своей жены. (Г. Хирт также указал, насколько важно, чтобы женщины до брака знали естественные пределы мужской потенции, *Wege zur Liebe*, стр. 571.)

Незнание женщинами всего, что касается искусства любви, и их полная неподготовленность к естественным фактам сексуальной жизни, возможно, были бы менее дурным предзнаменованием для брака, если бы это всегда компенсировалось знаниями, умениями и внимательностью мужа. Но это далеко не всегда так. В пределах обычного диапазона мы находим, во всяком случае, в Англии, большую группу мужчин, чьи знания о женщинах до брака были в основном ограничены проститутками, и важную и немалую группу мужчин, у которых не было интимных сношений с женщинами, их сексуальный опыт ограничивался мастурбацией или другими аутоэротическими проявлениями, а также флиртом. Несомненно, мужчина чувствительного и интеллигентного темперамента, независимо от его подготовки или отсутствия подготовки, может преуспеть с терпением и рассудительностью в преодолении всех трудностей, возникающих на пути любви из-за невежества и предрассудков, которые так часто у женщин заменяют образование для эротической части ее жизни. Но нельзя сказать, что какая-либо из этих двух групп людей была хорошо подготовлена для выполнения этой задачи. Обучение и опыт, которые мужчина получает от проститутки, даже при довольно благоприятных условиях, едва ли являются надлежащей подготовкой к сближению с женщиной его класса, у которой нет интимного эротического опыта.^[384] Частым результатом является то, что он склонен колебаться между двумя противоположными вариантами действий, и оба они ошибочны. С одной стороны, он может относиться к своей невесте как к проститутке или как к новичку, которого нужно быстро перевоспитать в сексуальную форму, к которой он больше всего привык, рискуя таким образом либо извратить, либо вызвать у нее отвращение. С другой стороны, понимая, что чистота и достоинство его невесты относят ее к совершенно иному классу женщин, которых он знал ранее, он может впасть в противоположную крайность, обращаясь с ней с преувеличенным уважением, и поэтому не сможет ни возбудить, ни удовлетворить ее

эротические потребности. Трудно сказать, какой из этих двух вариантов действий более неудачный; однако результатом обоих часто оказывается то, что номинальный брак никогда не становится настоящим.^[385]

Однако не может быть никаких сомнений в том, что другая группа мужчин, вступающих в брак без какого-либо эротического опыта, подвергаются еще большему риску. Часто это лучшие из людей, как с точки зрения личного характера, так и с точки зрения умственной силы. Поистине удивительно обнаружить, насколько невежественными, как практически, так и теоретически, могут быть очень способные и высокообразованные мужчины в сексуальных вопросах.

"Полное воздержание в молодости, - говорит Фрейд (*Сексуальная проблема*, март 1908 г.), - не лучшая подготовка молодого человека к браку. Женщины догадываются об этом и предпочитают тех своих ухажеров, которые уже зарекомендовали себя как мужчины с другими женщинами". Эллен Ки, ссылаясь на требование, которое иногда предъявляют женщины к чистоте мужчин (*"Любовь и эхе"*, стр. 96), спрашивает, осознают ли женщины эффект, который производит их восхищение опытным и уверенным в себе мужчиной, знающим женщин, на застенчивого и колеблющегося юношу, "который, возможно, упорно боролся за свою эротическую чистоту в надежде, что счастливая улыбка женщины будет наградой за его завоевание, и который обречен видеть, как эта женщина смотрит на него сверху вниз с возвышенным состраданием и с восхищением разглядывает пятна леопарда". Когда любовник в *"Лоре Мархолм"* был на войне? говоря героине: "Я еще никогда не прикасалась к женщине", девушка "с ужасом отворачивается от него, и ей показалось, что по ней прошла холодная дрожь, ледянящий душу обман". То же самое чувство проявляется в преувеличенной форме в страсти, которую часто испытывают энергичные девушки от восемнадцати до двадцати четырех лет к старым развратницам. (Это обсуждалось Форедем, *"Сексуальная жизнь"*, стр. 217 и далее.)

Другие факторы могут влиять на предпочтение женщиной мужчины, который покорила других женщин. Даже самой религиозной и нравственной молодой женщине, замечает Валера (*Донья Луз*, стр. 205), нравится выходить замуж за мужчину, который любил многих женщин; это придает большую ценность его выбору в ее пользу; это также дает ей возможность обратить его к более высоким идеалам. Несомненно, когда неопытный мужчина встречается в браке столь же неопытную женщину, им часто удается приспособиться друг к другу, и формируется постоянный *modus vivendi*. Но это далеко не всегда так. Если жена руководствуется инстинктом или опытом, она склонна возмущаться неловкостью и беспомощностью своего мужа в искусстве любви. Даже если она невежественна, она может надолго отчуждаться и стать хронически фригидной из-за грубой невнимательности своего невежественного мужа при выполнении того, что он считает своими супружескими обязанностями. (Уже было необходимо затронуть этот вопрос при обсуждении "Сексуального влечения у женщин" в томе iii этих *Исследований*.) Иногда, действительно, невесте были нанесены серьезные физические увечья из-за такого незнания мужа.

"Я полагаю, что у большинства мужчин были добрачные сексуальные отношения", - пишет корреспондент. - Но я знала, по крайней мере, одного мужчину, который до двадцати лет не имел даже зачаточного представления о сексе. В двадцать девять лет, за несколько месяцев до

женитьбы, он пришел спросить меня, как совершается коитус, и продемонстрировал невежество, которое, как я могла поверить, не могло существовать в сознании в остальном интеллигентного мужчины. Очевидно, у него не было инстинкта, который руководил бы им, как у животных, и его разум был неспособен предоставить необходимые знания. Очень любопытно, что человек утратил это инстинктивное знание. Я знал другого мужчину, почти столь же невежественного. Он также приходил ко мне за советом по поводу супружеских обязанностей. Оба этих мужчины мастурбировали, и обычно они были страстными ". Такие случаи не так уж редки. Однако обычно определенный объем информации был получен из какого-нибудь по большей части неудовлетворительного источника, и незнание является лишь частичным, хотя от этого не становится менее опасным.

Бальзак сравнил среднестатистического мужа с орангутангом, пытающимся играть на скрипке. "Любовь, как мы инстинктивно чувствуем, - самая мелодичная из гармоний. Женщина - восхитительный инструмент наслаждения, но необходимо знать ее трепетные струны, изучить ее позу, ее робкую клавиатуру, изменчивые и капризные перебирая пальцами. Сколько орангов — я имею в виду мужчин - женятся, не зная, что такое женщина! ... Почти все мужчины женятся в глубочайшем неведении о женщинах и любви" (Бальзак, *Физиология брака*, Размышление VII).

Нойгебауэр (*Monatsschrift für Geburtshülfe*, 1889, Bk. ix, стр. 221 и последующие) собрал более ста пятидесяти случаев нанесения вреда женщинам при половом акте половым членом. Причинами были жестокость, пьянство одной или обеих сторон, необычное положение при половом акте, диспропорция органов, патологические состояния органов женщины (Ср. Р. У. Тейлор, *Практический трактат о сексуальных расстройствах*, глава XXXV). Блюмрайх также обсуждает травмы, причиняемые насильственным половым актом (Senator and Kaminer, *Здоровье и болезни в связи с браком*, vol. ii, стр. 770-779). К. М. Грин (*Бостонский медицинский и хирургический журнал*, 13 апреля 1893 г.) описывает два случая разрыва влагалища при половом акте у новобрачных дам без признаков какого-либо сильного насилия. Майлотт (*Британский медицинский журнал*, 16 сентября 1899 г.) описывает аналогичный случай, произошедший в первую брачную ночь. О силе, иногда прилагаемой при половом акте, свидетельствуют время от времени возникающие случаи, когда половой акт осуществляется через мочеиспускательный канал.

Эйленбург находит (*Сексуальная невропатия*, стр. 69), что вагинизм, состояние спазматического сокращения вульвы и повышенной чувствительности при попытке осуществить коитус, возникает из-за насильственных и неумелых попыток первого коитуса. Адлер (*Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 160) также считает, что рубцовые остатки девственной плевы вместе с болезненными воспоминаниями о насильственном первом половом акте являются наиболее частой причиной вагинизма.

Однако случайные случаи физического увечья или патологического состояния, вызванные насильственным половым актом в начале брака, составляют лишь очень малую часть свидетельств, свидетельствующих о пагубных последствиях преобладающего невежества в отношении искусства любви. Что касается Германии, Фюрбрингер пишет (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 215): "Я совершенно удовлетворен тем, что число молодых замужних женщин, у которых сохраняются болезненные воспоминания о своем первом половом акте, намного превышает число тех, кто отваживается обратиться к врачу". Что

касается Англии, то поучителен следующий опыт: одна дама в один и тот же день наедине спросила шесть замужних женщин подряд об их свадебном опыте. Для всех половой акт стал шоком; двое были абсолютно невежественны в сексуальных вопросах; остальные думали, что знают, что такое коитус, но тем не менее были шокированы меньше. Эти женщины принадлежали к среднему классу, возможно, выше среднего по интеллекту; одна из них была врачом.

Брейер и Фрейд в своем *Исследовании сверхистерии* (стр. 216) указали, что брачная ночь практически часто представляет собой изнасилование и что иногда это приводит к истерии, которая не излечивается до тех пор, пока не будут установлены удовлетворяющие сексуальные отношения. Даже когда нет насилия, Kisch (*Сексуальная жизнь женщины*, часть II) рассматривает неуклюжий и неопытный половой акт, приводящий к неполному возбуждению жены, как основную причину диспареунии или отсутствия сексуального удовлетворения, хотя грубая диспропорция в размерах мужских и женских органов или заболевание у любой из сторон могут привести к тому же результату. Диспареуния, добавляет Киш, встречается удивительно часто, хотя иногда женщины жалуются на нее безосновательно, чтобы вызвать сочувствие к себе как к жертве на алтаре брака; постоянным признаком является отсутствие эякуляции у женщины. Киш также отмечает, что дефлорация в первую брачную ночь часто на самом деле является изнасилованием. Одна молодая невеста, с которой он был знаком, была настолько несведуща в физической стороне любви и настолько ошеломлена первой попыткой своего мужа вступить в половую связь, что сбежала из дома ночью, и ничто и никогда не смогло бы убедить ее вернуться к мужу. (Стоит отметить, что по каноническому праву при таких обстоятельствах Церковь может признать брак недействительным. См. "*Моральную теологию*" Томаса Слейтера, том. ii, стр. 318, и соответствующий пример, оба цитируются преподобным К. Дж. Шеббиром, "Закон о браке в Англиканской церкви", *Девятнадцатый век*, август 1909 г., стр. 263.) Киш также считает, что свадебные туры - это ошибка; поскольку усталость, волнение, длительные поездки, осмотр достопримечательностей, ложная скромность, плохое расположение отелей часто в совокупности неблагоприятно влияют на невесту и вызывают зародыши серьезных заболеваний. Это, несомненно, так.

Адлер настоятельно подчеркивает чрезвычайную психическую важность способа, которым совершается акт дефлорации. Он рассматривает это как частую причину постоянной сексуальной анестезии. "Этот первый момент, в который индивидуальность человека вступает в свои полные права, часто решает всю жизнь. Неумелый, перевозбужденный муж может затем внедрить семя женской бесчувственности и путем постоянной неловкости и грубости развить это в постоянную анестезию. Мужчина, который завладевает своими правами с безрассудной грубой мужской силой, просто причиняет своей жене беспокойство и боль, и с каждым повторением этого акта ее отвращение усиливается. ... Значительная часть холодных женщин представляет собой жертву со стороны мужчин, вызванную либо бессознательной неловкостью, либо, иногда, сознательной жестокостью по отношению к нежному растению, за которым следовало ухаживать с особым искусством и любовью, но которое было лишено великолепия своего развития. На всю свою жизнь задумчивая и трепещущая женщина сохранит воспоминание о жестокой брачной ночи, и, достаточно часто, оно остается постоянным источником сдерживания каждый раз, когда муж пытается заново удовлетворить свои желания, не приспособившись к любовным желаниям своей жены" (О. Адлер, *Die Mangelhafte Geschlechtsempfindung des Weibes*, стр. 159 и далее., 181 и далее.). "Я видел, как честная женщина содрогалась с ужасом при виде приближения мужа", - давным-давно писал

Дидро в своем эссе "О женщинах" : "Я видел, как она ныряла в ванну и чувствовала, что так и не смогла достаточно отмыться от пятна долга". То же самое все еще можно сказать об огромной армии женщин, жертв пагубной системы морали, которая привила им ложные представления о "супружеском долге" и не смогла научить их мужей искусству любви.

Женщины, когда их прекрасные природные инстинкты не были безнадежно извращены ханжеством и предрассудками, которые им так старательно прививают, лучше мужчин постигают искусство любви. Даже будучи немногим старше детей, они часто могут полностью следовать подсказке, которую им подают. Гораздо больше, чем в случае с мужчинами, во всяком случае, в цивилизованных условиях, искусство любви для них является искусством, созданным Природой. Как давным-давно сказал Монтень, они всегда знают о любви больше, чем люди могут их научить, ибо это дисциплина, которая рождена у них в крови. ^[386]

Обширные исследования Сэнфорда Белла (*лок. цит. по*) показывают, что эмоции сексуальной любви могут проявиться уже на третьем году жизни. Следует также помнить, что как физически, так и психически девочки более развиты не по годам, более зрелы, чем мальчики (см., например,, Хэвелок Эллис, "*Мужчина и женщина*", четвертое издание, стр. 34*и далее.*, 200 и т.д.). Таким образом, к моменту достижения возраста половой зрелости у девочки было время стать опытной мастерицей второстепенных искусств любви. То, что возраст полового созревания для девочек является возрастом любви, по-видимому, широко признается массовым сознанием. Так, в популярной песне из Бресса девушка поет:—

"J'ai calculé mon âge,
J'ai quatorze à quinze ans.
Ne suis-je pas dans l'âge
D'y avoir un amant?"

Этот вопрос о сексуальной зрелости девочек имеет важное отношение к вопросу о "возрасте согласия", или возрасте, в котором для девочки должно быть законно давать согласие на половой акт. До тех пор, пока в течение последних двадцати пяти лет не появилась тенденция устанавливать очень низкий возраст (даже такой низкий, как десять лет) в качестве возраста, старше которого мужчина не совершает правонарушений при вступлении в половую связь с девушкой. В последние годы наметилась тенденция впадать в противоположную и столь же прискорбную крайность - доводить его до очень позднего возраста. В Англии Законом о внесении поправок в уголовное законодательство 1885 года брачный возраст был повышен до шестнадцати лет (этот пункт законопроекта был поддержан в Палате общин большинством в 108 голосов). По-видимому, это разумный возраст, с которого следует устанавливать ограничение, и его чрезвычайно высокий предел в странах с умеренным климатом. Этот возраст признан Уголовным кодексом Италии и во многих других частях цивилизованного мира. Гладстон, однако, выступал за увеличение этого числа до восемнадцати, а Говард, обсуждая этот вопрос применительно к Соединенным Штатам (*Брачные институты*, т. iii, стр. 195-203), считает, что этот возраст повсюду следует повысить до двадцати одного года, что совпадает с возрастом юридического совершеннолетия, по достижении которого женщина может вступать в деловые или политические отношения. В последние годы в законодательстве разных американских штатов по этому вопросу существовал большой разброс, разница в двух сроках

составляла целых восемь лет, и в некоторых важных штатах акт полового акта с девушкой моложе восемнадцати лет объявляется "изнасилованием" и карается пожизненным заключением.

Однако следует признать, что подобные акты являются произвольными, искусственными и неестественными. Они не опираются на прочную биологическую основу и не могут быть подкреплены здравым смыслом сообщества. Нет надлежащей аналогии между возрастом совершеннолетия, который устанавливается приблизительно в отношении способности постигать абстрактные интеллектуальные аспекты, и возрастом половой зрелости, который наступает намного раньше, как физически, так и психически, и определяется у женщин очень точным биологическим событием: завершением половой зрелости с началом менструации. Среди народов, живущих в естественных условиях во всех частях света, признано, что девочка становится сексуально женщиной в период полового созревания; в этот период она получает посвящение во взрослую жизнь и становится женой и матерью. Заявлять, что акт совокупления с женщиной, которая в силу естественного инстинкта человечества в целом считается достаточно взрослой для выполнения всех обязанностей женщины, является преступным актом изнасилования, наказуемым пожизненным тюремным заключением, можно только как злоупотребление языком и, что еще хуже, как злоупотребление законом, даже если отбросить все психологические и моральные соображения, поскольку это лишает концепцию изнасилования всего того, что делает ее естественной и должным образом отвратительной.

Здравая точка зрения в этом вопросе, очевидно, заключается в том, что именно половое созревание девочки является критерием преступного действия мужчины при сексуальном сближении с ней. В регионах Европы и Северной Америки с умеренным климатом средний возраст появления менструации, критический момент в установлении полного полового созревания, составляет пятнадцать лет (см., например, Хэвелок Эллис, *Мужчина и женщина*, гл. XI; факты подробно изложены в книге Кича "*Сексуальная жизнь женщины*", 1909). Поэтому вполне разумно, что акт взрослого мужчины по вступлению в половую связь с девочкой моложе шестнадцати лет, с ее согласия или без него, должным образом должен квалифицироваться как уголовное деяние, строго наказуемое. В тех странах, где средний возраст полового созревания выше или ниже, возраст согласия должен быть соответственно повышен или понижен. (Бруно Мейер, выступая против любых попыток повысить брачный возраст выше шестнадцати, считает, что надлежащий брачный возраст обычно составляет четырнадцать лет, поскольку, как он справедливо настаивает, граница проходит между зрелой и незрелой личностью, и, хотя последняя должна быть строго ограждена от сферы сексуальности, на первую следует оказывать влияние только добровольно, а не принудительно. *Сексуальная проблема*, Ар., 1909.)

Если мы примем во внимание более широкие соображения психологии, морали и права, мы найдем достаточно оснований для такой точки зрения. Мы должны помнить, что девочка на протяжении всех лет обычной школьной жизни всегда более развита, как физически, так и психически, чем мальчик того же возраста, и мы должны признать, что эта преждевременность покрывает ее сексуальное развитие; ибо, хотя в среднем активное сексуальное желание у женщин обычно не возникает до несколько более позднего возраста, есть истина и в наблюдении мистера Томаса Харди (*Новое обозрение*, июнь 1894 г.): "Мне никогда не приходило в голову, что паук неизменно мужского пола, а муха неизменно женского". ."

Следовательно, даже когда происходит половой акт между девушкой и юношей несколько старше ее самой, она, вероятно, более зрелая, более самообладающая и более ответственная

из них двоих, и часто та, кто приняла более активное участие в инициировании акта. (Этот момент обсуждался в "Сексуальном влечении у женщин" в томе iii этих *исследований*.) Следует также помнить, что когда девочка однажды достигает половой зрелости и перенимает все манеры и привычки, а также физическое развитие женщины, мужчина уже не может всегда оценивать ее возраст. Легко видеть, что девушка еще не достигла половой зрелости; невозможно сказать, моложе или старше восемнадцати лет зрелая женщина; поэтому, мягко говоря, несправедливо ставить судьбу своего партнера-мужчины на всю жизнь в зависимость от признания различия, которое не имеет под собой оснований в природе. Такие соображения, действительно, настолько очевидны, что нет никаких шансов полностью реализовать на практике доктрину, согласно которой мужчина должен быть пожизненно заключен в тюрьму за половую связь с девушкой старше шестнадцати лет. С юридической точки зрения лучше забрасывать сеть менее широко и быть совершенно уверенным, что она приспособлена для поимки реального и сознательного преступника, который может быть наказан, не оскорбляя здравый смысл сообщества. (МФ. Блох, *сексуальная жизнь нашего времени*, ч. XXIV; он считает, что "возраст согласия" следует начинать с подготовки шестнадцатого года.)

Возможно, необходимо добавить, что установление "возраста согласия" на этой основе никоим образом не подразумевает, что половые сношения с девочками немногим старше шестнадцати лет следует поощрять или даже социально и морально терпеть. Здесь, однако, мы находимся не в сфере права. Естественная тенденция девочки из хорошей семьи и с хорошим воспитанием в цивилизованных условиях - держаться в стороне, и давление, посредством которого эта тенденция поддерживается и усиливается, должно оказываться всем ее окружением, в первую очередь разумным мышлением самой девочки, когда она достигнет подросткового возраста. Воспитывать в молодой женщине, давно перешагнувшей порог половой зрелости, представление о том, что она не несет никакой ответственности за заботу о собственном теле и душе, не соответствует современным представлениям, а также неблагоприятно сказывается на подготовке женщин к жизни в мире. Государства, которые были вынуждены установить высокий возраст согласия, действительно, тем самым сделали унижительное признание своей неспособности поддерживать достойный моральный уровень более законными средствами; они могут с пользой служить скорее предупреждением, чем примером.

Однако знание женщин не может заменить невежество мужчин, а, напротив, лишь служит его выявлению. Ибо в искусстве любви мужчина обязательно должен проявлять инициативу. Именно он должен первым раскрыть тайну интимности и дерзости, которые может таить в себе женское сердце. Риск столкнуться даже с тенью презрения или брезгливости слишком серьезен, чтобы позволить женщине, даже жене, раскрывать секреты любви мужчине, который не показал себя посвященным.^[387] Бесчисленны веселые и довольные мужья, которые никогда не подозревали и никогда не узнают, что их жены постоянно носят с собой, иногда с молчаливой обидой, боль от таинственных *табу*. Ощущение того, что существуют восхитительные приватности и привилегии, о которых ее никогда не просили и не заставляли принимать, часто эротически разводит жену с мужем, который никогда не осознает, чего он лишился.^[388] Случай таких мужей тем более тяжел, что по большей части все, что они сделали, является результатом той морали, которую им проповедовали. С детства их учили быть энергичными, мужественными и чистоплотными, стремиться любыми средствами выкинуть из головы мысли о женщинах или стремление к чувственным удовольствиям. Со всех сторон им говорили, что только в браке правильно и даже безопасно приближаться к женщинам. Они усвоили представление о том, что сексуальное потворство своим желаниям и все, что с ним

связано, - это нечто низкое и унижающее достоинство, в худшем случае просто естественная необходимость, в лучшем случае долг, который необходимо выполнять прямым, благородным и прямолинейным образом. Кажется, никто не говорил им, что любовь - это искусство, и что по-настоящему овладеть душой и телом женщины - задача, требующая от мужчины всех его лучших навыков и проницательности. Вполне может быть, что, когда мужчина усваивает свой урок слишком поздно, он склонен яростно набрасываться на общество, которое своим заговором псевдоморали сделало все возможное, чтобы разрушить его жизнь и жизнь его жены. В некоторых из этих случаев муж или жена или оба наконец-то испытывают влечение к третьему человеку, и развод позволяет им начать все сначала с лучшим опытом под более счастливыми предложениями. Но при нынешнем положении дел это печальный и серьезный процесс, для многих невозможный. Они счастливее, как указывал Милтон, чьи испытания любви до брака "заклучались в стольких разводах, которые научили их опыту".

Об общем невежестве в отношении искусства любви можно судить по тому факту, что, возможно, наиболее часто задаваемый вопрос в этом вопросе - это грубый вопрос о том, как часто должен происходить половой акт. Этот вопрос действительно занимал основателей религии, законодателей и философов человечества с древнейших времен.^[389] Зороастр сказал, что это должно происходить раз в девять дней. Законы Манеса разрешали половые сношения в течение четырнадцати дней месяца, но известный древнеиндийский врач Шушрута прописал это шесть раз в месяц, за исключением летней жары, когда это должно быть раз в месяц, в то время как другие индуистские авторитеты говорят, что три или четыре раза в месяц. Требование Солона к гражданину о том, что половой акт должен совершаться три раза в месяц, вполне согласуется с требованием Зороастра. Мухаммед в Коране предписывает половой акт раз в неделю. Еврейский Талмуд более разборчив и проводит различие между разными классами людей; на энергичного и здорового молодого человека, не вынужденного много работать, налагается один раз в день, на обычного рабочего - два раза в неделю, на ученых людей - один раз в неделю. Лютер считал правильной частотой половых сношений два раза в неделю.

Следует отметить, что, как и следовало ожидать, эти оценки, как правило, допускают большой интервал в более ранние эпохи, когда эротическая стимуляция, вероятно, была меньшей, а эротический эретизм, вероятно, редким явлением, и проявляются чаще по мере приближения к современной цивилизации. Также следует отметить, что вариации происходят в довольно узких пределах. Вероятно, это связано с тем фактом, что эти законодатели во всех случаях были мужчинами. Женщины-законодатели, несомненно, проявили бы гораздо большую склонность к вариациям, поскольку вариации сексуального влечения больше у женщин.^[390] Таким образом, Зенобия требовала, чтобы ее муж приближался к ней раз в месяц, при условии, что оплодотворение не произошло в предыдущем месяце, в то время как другая королева впала в другую крайность, поскольку нам говорят, что королева Арагона после зрелого размышления установила шесть раз в день в качестве надлежащего правила в законном браке.^[391]

Попутно можно отметить, что при оценке надлежащей частоты половых сношений всегда можно исходить из предположения о прекращении полового акта в течение менструального периода. Это особенно верно в отношении ранних периодов культуры, когда половой акт в это время обычно рассматривается либо как опасный, либо как греховный, либо и то и другое вместе. (Этот момент обсуждался в "Феноменах периодичности" в томе I этих *Исследований*.) В цивилизованных условиях сдержанность обусловлена эстетическими причинами: жена, даже если она желает полового акта, испытывает отвращение к тому, что к ней обращаются в то

время, когда она считает себя "отвратительной", имуж легко разделяет это отношение. Можно, однако, указать, что эстетическое возражение в значительной степени является результатом суеверного ужаса перед водой, который все еще широко распространен в это время и который до некоторой степени исчез бы, если бы соблюдалась более скрупулезная чистота. Хорошим общим правилом остается воздержание от половых сношений во время менструации, но в некоторых случаях могут быть достаточные причины для его нарушения. Это происходит, когда желание особенно сильно в это время, или когда половой акт физически затруднен в другое время, но легче во время расслабления частей тела, вызванного менструацией. Следует также помнить, что время, когда менструации начинают прекращаться, вероятно, в большей степени, чем любой другой период месяца, является биологически подходящим временем для полового акта, поскольку в это время половой акт не только наиболее легок и доставляет наибольшее удовольствие женщине, но и предоставляет наиболее благоприятную возможность для обеспечения оплодотворения.

Шуриг уже давно собрал доказательства (*Партенология*, стр. 302 и далее), показывающие, что коитус наиболее легок во время менструации. Некоторые католические богословы (например, Санчес, а позже Лигуори), идя вразрез с распространенным мнением, явно разрешали половой акт во время менструации, хотя многие более ранние богословы считали это смертным грехом. С медицинской точки зрения, Коссмманн (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том I, стр. 249) защищает коитус не только в конце менструации, но даже во второй половине периода, как время, когда женщины чаще всего в нем нуждаются, поскольку, по его словам, выраженная несговорчивость, часто проявляемая женщинами в это время, связана с подавлением естественного желания, которого требует обычай. "Почти всегда во время менструации на супружеском горизонте появляются первые облака".

В наше время физиологи и врачи, которые высказывали какое-либо мнение по этому вопросу, обычно были очень близки к изречению Лютера. Халлер сказал, что половые сношения не должны быть намного чаще двух раз в неделю.^[392] Эктон сказал, что раз в неделю, как и Хаммонд, даже здоровым мужчинам в возрасте от двадцати пяти до сорока.^[393] Fürbringer лишь немного превышает эту оценку, выступая за от пятидесяти до ста одиночных выступлений в год.^[394] Форел рекомендует два-три раза в неделю для мужчин в расцвете мужественности, но он добавляет, что для некоторых здоровых и энергичных мужчин один раз в месяц кажется излишеством.^[395] Мантегацца в своей "*гигиене любви*" также утверждает, что для мужчины в возрасте от двадцати до тридцати два или три раза в неделю соответствует надлежащему количеству половых сношений, а в возрасте от тридцати до сорока пяти - два раза в неделю. Гийо рекомендует делать это каждые три дня.^[396]

Однако представляется совершенно ненужным устанавливать какие-либо общие правила относительно частоты полового акта. Индивидуальное желание и индивидуальные способности, даже в пределах здоровья, сильно различаются. Более того, если мы признаем, что сдерживание желания иногда желательно, а часто и необходимо в течение длительных периодов, то также хорошо воздерживаться от каких-либо видимых утверждений о необходимости половых сношений с частыми и регулярными интервалами. Этот вопрос важен главным образом для того, чтобы уберечься от избытка или даже от попытки жить привычно близко к порогу избытка. Поэтому многие авторитетные источники осторожно указывают на то, что нецелесообразно быть слишком определенным. Таким образом, Эрб, отмечая, что для некоторых изречение Лютера представляет собой крайний максимум, добавляет, что другие

могут безнаказанно выходить далеко за рамки этого количества, и он считает, что такие отклонения являются врожденными.^[397] Риббинг, опять же, выражая общее согласие с правилом Лютера, протестует против любых попыток установить законы для всех и склонен утверждать, что правило действует так часто, как кому угодно, при условии, что нет плохих последствий.^[398]

По-видимому, общепризнано, что неблагоприятные последствия чрезмерного полового акта, когда они все же возникают, у женщин редки (см., например,, Hammond, *Сексуальная импотенция*, стр. 127). Иногда, однако, пагубные последствия проявляются и у женщин. (Возможно, в этой связи следует упомянуть случай с мужчиной, все три жены которого после женитьбы сошли с ума, *Журнал психических наук*, январь 1879 г., стр. 611.) В случаях сексуального избытка часто наблюдается сильное физическое истощение, сопровождающееся подозрительностью и бредом. Хатчинсон зарегистрировал три случая временной слепоты, все у мужчин, в результате сексуальных излишеств после вступления в брак (*Архив хирургии*, январь 1893 г.). Старые медицинские авторы приписывали многие пагубные последствия чрезмерному половому акту. Таким образом, Шуриг (*Сперматология*, 1720, стр. 260 и далее) объединяет случаи безумия, апоплексии, обморока, эпилепсии, потери памяти, слепоты, облысения, одностороннего потоотделения, подагры и смерти, приписываемой этой причине; приведено много случаев смерти, некоторые у женщин, но легко понять, что *пост* часто ошибочно принимали за *проптер*.

Однако есть еще одно соображение, которое вряд ли может ускользнуть от внимания читателя настоящей работы. Почти все оценки желательной частоты полового акта составлены в соответствии с предполагаемыми физиологическими потребностями мужа,^[399] и они, как представляется, обычно составляются в том же духе исключительного внимания к этим потребностям, как если бы речь шла о физиологических потребностях в опорожнении кишечника или мочевого пузыря. Но сексуальные потребности - это потребности двух человек, мужа и жены. Недостаточно выяснить потребности мужа; необходимо также выяснить потребности жены. Результатом должно быть гармоничное согласование этих двух групп потребностей. Одного этого соображения в сочетании с широкими вариациями индивидуальных потребностей достаточно, чтобы придать любым определенным правилам весьма незначительную ценность.

Важно помнить о широких пределах вариаций сексуальной способности, а также о том факте, что такие вариации в любом направлении могут быть здоровыми и нормальными, хотя, несомненно, когда они становятся экстремальными, вариации могут иметь патологическое значение. В одном случае, например, мужчина занимается сексом раз в месяц и находит это достаточным; у него нет ночных поллюций и каких-либо сильных желаний в промежутке; тем не менее, он ведет праздную и роскошную жизнь и не ограничен никакими моральными или религиозными соображениями; если он значительно превышает устраивающую его частоту, он страдает от плохого самочувствия, хотя в остальном вполне здоров, за исключением слабого пищеварения. С другой стороны, счастливая супружеская пара в возрасте от сорока пяти до пятидесяти лет, сильно привязанная друг к другу, вступала в половую связь каждую ночь в течение двадцати лет, за исключением периода менструации и беременности на поздних сроках, которая наступила только один раз; они сердечные, полнокровные, интеллектуальные люди, любящие хорошую жизнь, и они объясняют свою привязанность и постоянство этим частым соитием; единственный ребенок, девочка, не силен, хотя и довольно здоров.

Многочисленны случаи, когда в особых случаях люди, страстно привязанные друг к другу, могут повторить акт коитуса или, во всяком случае, оргазм чрезмерное количество раз в течение нескольких часов. Обычно это происходит в начале интимной близости или после долгой разлуки. Так, в одном случае недавно вышедшая замуж женщина испытала оргазм четырнадцать раз за одну ночь, а ее муж за тот же период испытал его семь раз. В другом случае женщина, которая вела целомудренную жизнь, когда, наконец, начались сексуальные отношения, однажды испытала оргазм четырнадцать или пятнадцать раз против трех у своего партнера. В случае, который, как меня заверили, может быть принят как достоверный, молодая жена с в высшей степени эротичным, очень эретичным, слегка ненормальным темпераментом после месячного отсутствия мужа была возбуждена двадцать шесть раз в течение часа с четвертью; ее муж, мужчина гораздо старше, испытал за этот период два оргазма; жена признала, что после этого почувствовала себя "полной развалиной", но очевидно, что, если этот случай можно считать достоверным, оргазмы были крайне слабой интенсивности. Молодая женщина, недавно вышедшая замуж за физически крепкого мужчину, однажды вступила с ним в половую связь восемь раз за два часа, причем оргазм каждый раз наступал у обеих сторон. Guttzeit (*Dreissig Jahre c Праксис*, объем. второй. стр. 311), в России, знал много случаев, когда молодые люди двадцати двух до двадцати восьми был половой акт более чем в десять раз за одну ночь, однако после четвертого раза иногда возникает спермы. Он знал некоторых мужчин, которые мастурбировали в раннем детстве и начали вступать в связь с женщинами в пятнадцать лет, но оставались сексуально активными в пожилом возрасте, в то время как он знал других, которые поздно вступали в половую связь и теряли силу в сорок. Мантегацца, знавший мужчину, имевшего половую связь четырнадцать раз за один день, замечает, что рассказы старых итальянских романистов показывают, что двенадцать раз считались редким исключением. Берчард, секретарь Александра VI, утверждает, что сын флорентийского посла в Риме в 1489 году "познал девушку семь раз за один час" (J. Burchard, *Diarium*, изд. Туасне, том i, стр. 329). Оливье, рыцарь Карла Великого, хвастался, согласно легенде, что мог бы продемонстрировать свою мужскую силу сто раз за одну ночь, если бы ему разрешили переспать с дочерью Константинопольского императора; говорят, ему разрешили попробовать, и он преуспел тридцать раз (Шульц, *"Жизнь человека"*, том i, стр. 581).

Будет видно, что всякий раз, когда половой акт часто повторяется в течение короткого времени, муж действительно очень редко может поспевать за женой. Это правда, что сексуальная энергия женщины пробуждается медленнее и с большим трудом, чем у мужчины, но по мере того, как она возбуждается, ее импульс возрастает. Мужчина, чья энергия легко возбуждается, легко истощается; женщина часто едва достигает своей энергии до тех пор, пока не пройдет первый оргазм. Иногда молодой муж, находящийся в счастливом браке, с удивлением обнаруживает, что акт полового акта, который полностью удовлетворяет его, только разжигает пыл его жены. Очень многие женщины считают, что повторение акта несколько раз подряд необходимо, чтобы, как они могут выразиться, "очистить систему", и это не только не вызывает сонливости и усталости, но делает их бодрыми.

Молодая и энергичная женщина, которая вела целомудренную жизнь, иногда, начиная сексуальные отношения, чувствует, что ей действительно нужно несколько мужей и что ей необходимо заниматься сексом хотя бы раз в день, хотя позже, когда она привыкает к супружеской жизни, она приходит к выводу, что ее желания не являются ненормально чрезмерными. Муж должен приспосабливаться к потребностям своей жены с помощью своей сексуальной силы, когда он ею обладает, а если нет, то с помощью своего мастерства и

рассудительности. Редких мужчин, обладающих генитальной потенцией, которую они могут использовать для удовлетворения женщин без ущерба для себя, профессор Бенедикт назвал "сексуальными спортсменами", и он отмечает, что такие мужчины легко доминируют над женщинами. Он справедливо рассматривает Казанову как типсексуального атлета (*Archives d'Anthropologie Criminelle*, январь 1896 г.). Нэкке сообщает о случае мужчины, которого он считает сексуальным спортсменом, который на протяжении всей своей жизни имел половые сношения один или два раза в день со своей женой или, если она того не желала, с другой женщиной, пока не сошел с ума в возрасте семидесяти пяти лет (*Журнал сексуальной науки*, август 1908 г., стр. 507). Однако, вероятно, это следует рассматривать скорее как случай патологической гиперестезии, чем сексуального атлетизма.

На этом этапе мы достигаем фундаментальных элементов искусства любви. Мы видели, что многие моральные практики и моральные теории, которые были широко распространены в христианском мире, развили традиции, которые ни в коем случае не исчезли среди нас и которые были глубоко враждебны искусству любви. Возникла идея о "супружеских обязанностях", о "супружеских правах".^[400] Муж имел право совершать половые сношения со своей женой, каковы бы ни были ее желания в этом вопросе, в то время как жена имела долг и право (долг в ее случае обычно ставится на первое место) подчиниться такому половому сношению, которое ее часто учили рассматривать как нечто низкое и просто физическое, неприятную и почти унижительную необходимость, которую ей не мешало бы выбросить из головы. как можно быстрее. Неудивительно, что такое отношение к браку в высшей степени способствовало несчастью в браке, особенно со стороны жены,^[401] и, как правило, способствовало супружеской измене и разводу. Мы могли бы удивиться больше, если бы все было иначе.

Искусство любви основано на фундаментальном естественном факте ухаживания; а ухаживание - это усилие мужчины сделать себя приемлемым для женщины.^[402] "Искусство любви, - сказал Ватсаяна, один из величайших авторитетов, - это искусство доставлять удовольствие женщинам". "Мужчина никогда не должен позволять себе удовольствие со своей женой, - сказал Бальзак в своей *"Физиологии брака"*, - которое он не умеет сначала вызвать в ней желание". В этом заключается все искусство любви. Женщины, естественно и инстинктивно, стремятся сделать себя желанными для мужчин, даже для мужчин, к которым они в высшей степени равнодушны, а женщина, влюбленная в мужчину, в силу столь же естественного инстинкта стремится привести себя в форму, которая индивидуально нравится ему. Эта тенденция на самом деле не меняется из-за фундаментального факта, что в этих вопросах по-настоящему эффективными являются только искусства, созданные Природой. Наконец, именно тем, кто он есть, мужчина вызывает у женщины глубочайшие эмоции симпатии или антипатии, и он часто доставляет ей больше удовольствия, демонстрируя свою пригодность играть важную роль во внешнем мире, чем какими-либо приобретенными достижениями в искусстве ухаживания. Однако, когда начинается серьезная и интимная игра физической любви, женская роль, даже биологически, на поверхности является более пассивной.^[403] Она, с физической стороны, неизбежно является инструментом любви; должно быть, его рука и его смычок вызывают музыку.

Однако, говоря об искусстве любви, невозможно полностью отделить духовное от физического. Сама попытка сделать это, действительно, является фатальной ошибкой. Мужчина, способный воспринимать только физическую сторону сексуальных отношений, находится, как любил

говорить Хинтон, на одном уровне с человеком, который, слушая сонату Бетховена на скрипке, осознает только физический факт трения лошадиного хвоста о внутренности овцы.

Образ музыкального инструмента постоянно возникает у тех, кто пишет об искусстве любви. Бальзаковское сравнение неумелого мужа с орангутангом, пытающимся играть на скрипке, уже цитировалось. Доктор Жюль Гийо в своей серьезной и замечательной маленькой книге *"Бревьер любовных опытов"* прибегает к тому же сравнению: "Существует огромное количество невежественных, эгоистичных и жестоких людей, которые не дают себе труда изучать инструмент, доверенный им Богом, и даже не подозревают, что изучать его необходимо для того, чтобы извлекать из него малейшие аккорды. ... Каждый прямой контакт, даже с клитором, каждая попытка коитуса [когда женский организм не возбужден] вызывает болезненное ощущение, инстинктивное отвращение, чувство брезгливости и отвращения. Любый мужчина, любой муж, который не знает об этом факте, смешон и достоин презрения. Любый мужчина, любой муж, который, зная это, осмеливается пренебрегать этим, совершил преступление. ... В конечном сочетании мужчины и женщины положительный элемент, муж, проявляет инициативу и несет ответственность за супружескую жизнь. Это менестрель, который своей рукой и смычком создаст гармонию или какофонию. Жена, с этой точки зрения, действительно многострунный инструмент, который будет издавать гармоничные или диссонирующие звуки в зависимости от того, хорошо с ней обращаются или плохо" (Гийо, *Бревьер*, стр. 99, 115, 138).

В том, что такая любовь соответствует потребностям женщины, не может быть никаких сомнений. Все развитые женщины хотят быть любимыми, говорит Эллен Ки, не *"en mâle"*, а *"en artiste"* (*Любовь к себе*, стр. 92). "Только мужчина, о котором она чувствует, что он также испытывает к ней радость художника, и который показывает эту радость своим робким и нежным прикосновением к ее душе, как и к ее телу, может сохранить женщину сегодняшней. Она будет принадлежать только мужчине, который продолжает тосковать по ней, даже когда держит ее в своих объятиях. И когда такая женщина вырывается: "Ты хочешь меня, но не можешь приласкать меня, ты не можешь сказать, чего я хочу", - тогда этого мужчину осуждают". Любовь действительно, как замечает Реми де Гурмон, тонкое искусство, к которому, как к живописи или музыке, способны лишь немногие.

Не следует предполагать, что требование к любовнику и мужу подходить к женщине в том же духе, с тем же вниманием и искусством, с каким музыкант берет в руки свой инструмент, - это просто требование современных женщин, которые, вероятно, невротичны или истеричны. Ни один читатель этих *Исследований*, который следил за обсуждениями ухаживания и полового отбора в предыдущих томах, не может не понимать, что — хотя мы пытались обмануть самих себя, придавая незаконный оттенок слову "жестокость", — внимание и уважение к самке практически универсально в сексуальных отношениях животных, стоящих ниже человека; сексуальная "жестокость" вообще распространена только среди самых отдаленных от "зверей", среди цивилизованных людей, и даже там она в основном является результатом невежества. Если мы опустимся так низко, как насекомые, которые не были дисциплинированы семейной жизнью и обычно считаются беспечными и распутными, мы можем иногда обнаружить, что такое отношение к самке полностью развито, и крайнее уважение самца к самке, которую он при этом твердо держит под собой, нежная подготовка, чрезвычайно постепенное приближение к высшему половому акту вполне могут послужить замечательным уроком.

Эта большая трудность и задержка со стороны женщин в реагировании на эротическое возбуждение при ухаживании действительно очень фундаментальна и — как так часто приходилось указывать в предыдущих томах этих *Исследований* — охватывает всю эротическую жизнь женщины, начиная с самого раннего возраста, когда развиваются застенчивость и скромность. Любовь женщины развивается гораздо медленнее, чем у мужчины, в течение гораздо более длительного периода. Существует реальное психологическое значение в том факте, что желание мужчины к женщине имеет тенденцию возникать спонтанно, в то время как желание женщины к мужчине имеет тенденцию пробуждаться лишь постепенно, по мере ее сложно развивающихся отношений к нему. Следовательно, ее сексуальные эмоции часто менее абстрактны, более тесно связаны с отдельным любовником, на котором они сосредоточены. "Путь к моим чувствам лежит через мое сердце, — писала Мэри Уолстонкрафт своему возлюбленному Имлею, — но, прости меня! Я думаю, что иногда есть более короткий путь к твоему". Она говорила от имени лучших, если не от имени большей части представителей своего пола. Мужчина часто достигает полного предела своих физических способностей к любви за один шаг, и может показаться, что достичь его психических пределов зачастую не так уж трудно. Это непреложный факт, лежащий в основе более опасного утверждения, которое так часто делается, что женщина моногамна, а мужчина полигамен.

Что касается физической стороны, Гутцайт утверждает, что через месяц после вступления в брак не более двух женщин из десяти испытали полное удовольствие от полового акта, и, возможно, только в течение шести месяцев, года или даже после рождения нескольких детей женщина испытывает полное наслаждение от физических отношений, да и то только с мужчиной, которого она полностью любит, так что условия сексуального удовлетворения у женщин намного сложнее, чем у мужчин. Аналогичным образом, что касается психической стороны, Эллен Ки замечает (*"Любовь и Эхе"*, стр. 111): "Безусловно, верно, что женщина желает сексуального удовлетворения от мужчины. Но в то время как у нее это желание нередко появляется только после того, как она начала любить мужчину настолько, что готова отдать за него жизнь, мужчина часто желает обладать женщиной физически, прежде чем полюбит ее настолько, чтобы отдать за нее хотя бы мизинец. Тот факт, что любовь в женщине в основном идет от души к чувствам и часто не достигает их, и что в мужчине она в основном идет от чувств к душе и часто никогда не достигает поставленной цели, — это из всех существующих различий между мужчинами и женщинами то, что причиняет наибольшую муку обоим". Читателю четвертого тома этих *Исследований* "Половой отбор у мужчин", конечно, будет очевидно, что метод определения различий, которым хвалились Мэри Уолстонкрафт, Эллен Ки и другие, не совсем корректен, и самая целомудренная женщина, например, приняв слишком горячую ванну, может обнаружить, что ее сердце — не единственный путь воздействия на ее чувства. Чувства — это единственные каналы связи с внешним миром, которыми мы обладаем, и любовь должна приходить по этим каналам или не приходить вообще. Разница, однако, кажется реальной, если мы переведем ее как означающую, что, как мы имели основания полагать в предыдущих томах этих *Исследований*, у женщин (1) имеются преимущественные сенсорные пути передачи сексуальных стимулов, такие как, по-видимому, преобладание тактильных и слуховых путей по сравнению с мужчинами; (2) более массивный, сложный и тонко сбалансированный сексуальный механизм; и, как результат этого, (3) в конечном итоге большее количество нервной и церебральной сексуальной иррадиации.

В то же время следует помнить, что, хотя это различие представляет реальную тенденцию в половой дифференциации, имеющую органическую, а не просто традиционную основу, в нем

нет ничего абсолютного. Существует огромное количество женщин, чьи сексуальные возможности, опять же в силу естественной склонности, а не просто приобретенных привычек, столь же заметны, как и у любого мужчины, если не в большей степени. В сексуальной сфере, как мы видели в предыдущем томе (*Анализ сексуального влечения*), диапазон вариативности у женщин больше, чем у мужчин.

Тот факт, что любовь - это искусство, метод извлечения музыки из инструмента, а не простое совершение действия по взаимному согласию, делает любое устное соглашение о любви незначительным. Если бы любовь была предметом договора, простого интеллектуального согласия, вопроса и ответа, она вообще никогда бы не появилась на свет. Любовь с самого начала возникла как искусство, и последующее развитие обобщенных методов разума и речи не может отменить этот фундаментальный факт. Вряд ли это осознают те опрометчивые любовники, которые считают, что первый шаг в ухаживании — и, возможно, даже все ухаживание в целом — состоит в том, чтобы мужчина попросил женщину стать его женой. Это настолько далеко от истины, что постоянно случается, что преждевременное предъявление стольбольшого требования сразу и навсегда сводит на нет все шансы жениха. Несомненно, прискорбно, что такой серьезный и судьбоносный вопрос, как брак, так часто решается без спокойного обсуждения и разумной предусмотрительности. Но сексуальные отношения никогда не могут и не должны быть просто вопросом холодного расчета. Когда женщина внезапно сталкивается с требованием, чтобы она отдалась в качестве жены мужчине, которому еще не удалось завоевать ее расположение, она не преминет обнаружить — при условии, что она будет поднята над бессердечными мотивами личной выгоды, — что существует множество веских причин, по которым ей не следует этого делать. И, хладнокровно взглянув таким образом прямо на вопрос и решив его, она отныне, вероятно, будет встречать этого ухажера в стальной тунике, облегающей ее грудь.

"Любовь должна *проявляться* поступками, а не *выдаваться* словами. Я считаю ненормальным экстраординарный метод предварительного поспешного признания, поскольку это представляет собой не прямой, а рефлекторный путь передачи. Каким бы сладким и нормальным ни было признание, когда взаимность уже достигнута, как метод завоевания я считаю его опасным и способным привести к обратному желаемому результату". Я беру эти мудрые слова из вдумчивого "Очерка любви" (*Архив психологии*, 1904) швейцарского писателя-непсихолога, который описывает свой собственный опыт и который сильно настаивает на преобладании духовного и ментального элемента в любви.

Следует отметить, что признание того факта, что прямая речь неуместна при ухаживании, не следует рассматривать как проявление утонченности цивилизации. Среди примитивных народов повсюду прекрасно осознается, что предложение любви, а также его принятие или отказ от него должны совершаться символическими действиями, а не грубым методом вопросов и ответов. Среди индейцев Парагвая, которые позволяют большую сексуальную свободу своим женщинам, но никогда не покупают и не продают любовь, Мантегацца утверждает (*Рио-де-ла-Плата и Тенерифе*, 1867, стр. 225), что девушка из народа подойдет к вашей двери или окну и робко, со смущенным видом попросит у вас на языке гуарани глоток воды. Но она улыбнется, если вы невинно предложите ей воды. У мексиканских индейцев тараумари, у которых инициатива в ухаживании принадлежит женщинам, девушка делает первый шаг через своих родителей, затем она бросает в молодого человека мелкие камешки; если он бросает их обратно, дело закрыто (Карл Лумхольц, *Журнал Скрибнера*, сентябрь 1894 г., стр. 299). Во многих

частях мира именно женщина выбирает своего мужа (см., например,, М. А. Поттер, *Сохраб и Рустем*, стр. 169 и далее), и она очень часто использует символический метод предложения. За исключением случаев, когда в браке преобладает коммерческий элемент, аналогичный метод часто используется мужчинами и при составлении предложений руки и сердца.

Не только в начале ухаживания в акте любви остается мало места для официальных заявлений, для требований и признаний, которые могут быть четко определены в речи. То же правило действует даже в самых интимных отношениях старых любовников, на протяжении всей супружеской жизни. Постоянный элемент скромности, который переживает каждую сексуальную инициацию и переплетается со всеми изысканными проявлениями дерзости любви, сочетается с истинным эротическим инстинктом восстать против формальных требований, против словесных подтверждений или отрицаний. Просьбы о любви нельзя выразить словами или правдиво ответить словами: пока длится любовь, все еще необходимо тонкое гадание.

Тот факт, что потребности любви не могут быть выражены, а должны быть угаданы, давно признан теми, кто писал об искусстве любви, как писателями, придерживающимися европейских христианских традиций, так и вне их. Так, Заккья в своем великом медико-правовом трактате указывает, что муж должен быть внимателен к признакам сексуального желания у своей жены. "Женщины, - говорит он, - когда в них возникает сексуальное желание, привыкли задавать своим мужьям вопросы о любви; они льстят и ласкают их; они позволяют обнажить какую-то часть своего тела как бы случайно; их груди кажутся набухшими; они проявляют необычную живость; они краснеют; их глаза блестят; и если они испытывают необычный пыл, они заикаются, говорят не по делу и едва ли владеют собой. В то же время их интимные места становятся горячими и набухают. Все эти признаки должны убедить мужа, каким бы невнимательным он ни был, в том, что его жена жаждет удовлетворения" (*Заккиевый медико-правовой опус*, lib. vii, тит. iii, вопрос. I; т. ii, стр. 624 в изд. 1688 г.).

Древнеиндийские авторы-эротики придавали большое значение как внимательности мужчины к эротическим потребностям женщины, так и его мастерству и осмотрительности во всех предварительных действиях перед половым актом. Он должен сделать все, что в его силах, чтобы доставить ей удовольствие, говорит Ватсьяна. Когда она лежит на своей кровати и, возможно, поглощена разговором, он осторожно развязывает узел ее нижнего платья. Если она протестует, он закрывает ей рот поцелуями. Некоторые авторы, замечает Ватсьяна, считают, что любовник должен начинать с посасывания сосков ее груди. Когда возникает эрекция, он прикасается к ней руками, мягко лаская различные части ее тела. Он всегда должен нажимать на те части ее тела, к которым она обращает свой взгляд. Если она застенчива, и это в первый раз, он положит свои руки между ее бедер, которые она инстинктивно прижмет друг к другу. Если она молода, он положит руки ей на груди, и она, без сомнения, накроет их своими. Если она зрелая, он сделает все, что может показаться уместным и приятным обеим сторонам. Затем он возьмет ее волосы и подбородок между пальцами и поцелует их. Если она очень молода, она покраснеет и закроет глаза. По тому, как она принимает его ласки, он догадается, что доставляет ей наибольшее удовольствие в союзе. Признаки ее наслаждения заключаются в том, что ее тело становится безвольным, глаза закрываются, она теряет всякую робость и принимает участие в движениях, которые наиболее приближают ее к нему. Если, с другой стороны, она не испытывает удовольствия, она бьет руками по кровати, не позволяет мужчине продолжить, ведет себя угрюмо, даже кусается или пинается, и продолжает половой акт, когда

мужчина заканчивает. В таких случаях, добавляет Ватсьяна, его обязанностью является растереть вульву рукой перед соединением, пока она не станет влажной, и он должен выполнять те же движения после этого, если его собственный оргазм наступил первым.

Что касается индийского эротического искусства в целом, и особенно Ватсьяны, который, по-видимому, жил около шестнадцати столетий назад, информацию можно найти у Валентино, "Гигиена супружеской жизни индусов", *Генеральный архив медицины*, 25 апреля 1905 г.; Иван Блох, "Индийская медицина", *Справочник Пушмана по истории медицины*, том. i; Heimann and Stephan, "Beiträge zur Ehehygiene nach der Lehren des Kamasutram," *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, Sept., 1908; also a review of Richard Schmidt's German translation of the *Kamashastra* of Vatsyayana in *Zeitschrift für Ethnologie*, 1902, Heft 2. Уже давно существует английский перевод этого произведения. В пространном предисловии к французскому переводу Ламаиресс указывает на превосходство индийского эротического искусства над искусством латинских поэтов своим более возвышенным духом, большей чистотой и идеализмом. Он повсюду отмечен уважением к женщинам, и его дух выражен в хорошо известной пословице: "Ты не должен бить женщину даже цветком". См. также "*Паутину индийской жизни*" Маргарет Ноубл, особенно главу III "Об индуистской женщине как жене" и гл. IV, "Любовь, сильная, как смерть".

Совет, данный мужьям Гийо (*Справочник по любовному опыту*, стр. 422), близко соответствует совету, данному в совершенно других социальных условиях Заккией и Ватсьяной. "В состоянии сексуальной потребности и желания губы женщины твердые и трепещущие, груди набухшие, а соски напряженные. Интеллигентного мужа эти признаки не обманут. Если их нет, в его обязанности входит провоцировать их своими поцелуями и ласками, и если, несмотря на его нежное и деликатное возбуждение, губы не проявляют жара, а груди не набухают, и особенно если соски неприятно раздражаются при легком посасывании, он должен остановить свой порыв и воздержаться от любого контакта с органами зачатия, поскольку он наверняка найдет их в состоянии истощения и расположенными к отвращению. Если, напротив, вспомогательные органы оживляются или оживляют под действием его ласк, он должен распространить их на детородные органы, и особенно на клитор, который под его прикосновениями наполнится аппетитом и пылом".

Важность предварительной щекотки половых органов подчеркивалась длинной чередой авторов-эротиков и врачей, начиная с Овидия (*Ars Amatoria* конец XVIII века до н.э.). II) далее. Эйленбург ("*Сексуальная невропатия*", стр. 79) считает, что иногда необходимо возбуждение, а Адлер, аналогично настаивающий на предварительных этапах психического и физического ухода ("Руководство к действию для женщин", стр. 188), отмечает, что мужчина, одаренный проникательностью и мастерством в этих вопросах, обладает очарованием, которое вызовет искры чувствительности в самом холодном женском сердце. Совет врача в этом вопросе совпадает с принципами художника-эротика и потребностями любящей женщины. В занятиях любовью не должно быть спешки, писал Овидий: —

"Crede mihi, non est Veneris properanda voluptas,
Sed sensim tarda prolificiunda mora."

"Мужья, как избалованные дети, - написала одна женщина, - слишком часто упускают удовольствие, которое в противном случае могло бы быть у них, требуя его в неподходящее

время. Мужчина, который считает это длительное ухаживание, предшествующее половому акту, утомительным, никогда не испытывал его. Именно подход к супружеским объятиям, а также само объятие составляют очарование отношений между полами".

Нередко случается, замечает Адлер (указ. соч., стр. 186), что бесчувственность жены нужно лечить — в муже. И Гийо, выдвигая ту же точку зрения, пишет (указ. соч., стр. 130): "Если муж, задержавшись на нежном изучении, понял свою молодую невесту, если он способен воплотить для нее невыразимое счастье и мечты юности, он будет любим навсегда; он будет ее господином и полновластным господином. Если он не смог понять ее, он утомит и изматает себя напрасными усилиями и в конце концов отнесет ее к числу равнодушных и холодных женщин. Она будет его женой по долгу службы, матерью его детей. Он найдет свое удовольствие в другом месте, потому что мужчина всегда преследует женщину, которая испытывает генный спазм. Таким образом, смутный и неразумный поиск половинки, которая могла бы соединиться в этом безумном финале, является главной причиной всех супружеских распадов. В таком случае человек напоминает плохого музыканта, который меняет свою скрипку в надежде, что новый инструмент принесет мелодию, которую он не в состоянии сыграть".

Тот факт, что, таким образом, в любви есть искусство и что половой акт - это не просто физический акт, выполняемый силой мышц, может помочь объяснить, почему во многих частях мира дефлорация не осуществляется сразу после вступления в брак.^[404] Несомненно, религиозные или магические причины также могут вмешиваться здесь, но, как это часто бывает, они гармонируют с биологическим процессом. Это имеет место даже среди нецивилизованных народов, которые рано вступают в брак. Потребность в отсрочке и тактичных навыках становится гораздо больше, когда, как у нас, вступление женщины в брак откладывается надолго после наступления половой зрелости до периода, когда труднее разрушить психические и, возможно, даже физические барьеры личности.

Следует добавить, что искусство любви в акте ухаживания не ограничивается подготовкой к одиночному акту совокупления. В некотором смысле любовная жизнь - это непрерывное ухаживание с постоянным развитием. Установление физического контакта - это только его начало. Особенно это касается женщин. "Завершение любви", - говорит Сенанкур,^[405] "которое часто является концом любви к мужчине, является только началом любви к женщине, проверкой доверия, показателем будущего удовольствия, своего рода подготовкой к грядущей близости". "Душа и тело женщины", - говорит другой автор,^[406] "не отдаются одним махом в данный момент; но только медленно, понемногу, понемногу, через множество стадий, оба доставляются любимому. Вместо того чтобы бросать молодую женщину жениху в первую брачную ночь, как пойманную мышь бросают на съедение кошке, было бы лучше позволить молодой новобрачной жить бок о бок, как двум друзьям и товарищам, пока они постепенно не научатся развивать и использовать свое сексуальное сознание". Традиционная свадьба неуместна в качестве предварительного этапа заключения брака, хотя бы на том основании, что невозможно сказать, на какой стадии бесконечного процесса ухаживания она должна состояться.

Женщина, в отличие от мужчины, подготовлена Природой к тому, чтобы искусно играть роль в искусстве любви. Роль мужчины в процессе ухаживания, которая является ролью самца на протяжении всего зоологического цикла, может быть трудной и опасной, но это прямая линия, довольно простая и непосредственная. Женская роль, вынужденная следовать в один и тот же

момент двум совершенно разным импульсам, неизбежно всегда идет зигзагом или кривой. Это означает, что в каждый эротический момент ее действие является результатом совместной силы ее желания (сознательного или бессознательного) и ее скромности. Она должна плыть по извилистому каналу со Сциллой на одной стороне и Харибдой на другой, и избегать любой опасности слишком взволнованно может означать риск кораблекрушения на другой стороне. Она должна быть непроницаема для всего мира, но это должна быть непроницаемость, не слишком темная для предсказания подходящего мужчины. Ее речь должна быть честной, но ни в коем случае не рассказывать всего; ее действия должны быть результатом ее импульсов и именно поэтому поддаваться двоякому толкованию. Только в последнем случае полной близости она может стать идеальной женщиной,

"Чья речь не знает Истины по ее мыслям,
И не любит ее тело по ее душе".

Для многих женщин условия для этого окончательного эротического воплощения — "того великолепного бесстыдства, которое, — как говорит Раффорд Пайк, "является лучшим в совершенной любви", - вообще никогда не возникают. До конца своей эротической жизни она вынуждена быть такой, какой она всегда должна быть в начале, - сложной и двойственной личностью, от природы искусной. При этом она лучше мужчины подготовлена к тому, чтобы сыграть свою роль в искусстве любви.

Однако роль мужчины в искусстве любви отнюдь не легка. Женщины, которые жалуются на его неумение играть в нее, не всегда это осознают. Хотя мужчина не должен культивировать в себе такое же природное двуличие, как женщина, необходимо, чтобы он обладал значительной способностью к предсказанию. Он не очень хорошо подготовлен к этому, потому что традиционная мужская добродетель - это сила, а не проницательность. Нам говорят, что работа мужчины в мире - это доминирование, и именно такое доминирование привлекает женщину. В этой доктрине есть элемент истины, элемент истины, который вполне может ввести в заблуждение человека, который слишком полагается на нее в искусстве любви. Насилие плохо в любом искусстве, а в эротическом искусстве женщина желает, чтобы ее завоевали для любви, а не приказывали любить. Это фундаментально. Иногда мы видим, что дело ставится так, как будто возражение против силы и доминирования в любви представляет собой некое совершенно новое и революционное требование "современной женщины". То есть, вряд ли нужно говорить, что это результат невежества. Искусство любви, будучи искусством, созданным природой, сейчас такое же, каким в основном было всегда,^[407] и оно было хорошо развито еще до появления женщины. Другое дело, что в нее не всегда играли очень умело. И, что касается мужчины, именно эта традиция мужского доминирования способствовала тому, что было трудно умело играть в нее. Женщина восхищается мужской силой; она даже желает, чтобы ее принуждали к тому, чего она в целом желает; и все же она восстает против любого применения силы за пределами этого узкого круга, либо до достижения границы, либо после того, как граница пройдена. Таким образом, положение мужчины действительно сложнее, чем всегда готовы признать женщины, которые жалуются на его неловкость в любви. Он должен культивировать силу не только в мире, но даже для демонстрации в эротической сфере; он должен уметь предугадывать моменты, когда в любви сила перестает быть силой, потому что его собственная воля - это воля его партнера; он должен в то же время держать себя в полной сдержанности, чтобы не впасть в роковую ошибку, уступив собственному импульсу

доминирования; и все это в тот самый момент, когда его эмоции меньше всего находятся под контролем. Едва ли нам нужно удивляться тому, что из мириадом тех, кто пускается в море любви, так мало женщин, так мало мужчин благополучно заходят в порт.

Некоторым все еще может показаться, что, размышляя о законах, которыми руководствуется эротическая жизнь, если мы хотим, чтобы эта жизнь была здоровой и полноценной, мы отклонились от рассмотрения сексуального инстинкта в его связи с обществом. Поэтому, возможно, было бы желательно вернуться к первым принципам и указать на то, что мы все еще цепляемся за фундаментальные факты личной и социальной жизни. Брак, как у нас есть основания полагать, является великим социальным институтом; продолжение рода, которое с общественной точки зрения является его высшей функцией, является великой социальной целью. Но и брак, и продолжение рода основаны на эротической жизни. Если эротическая жизнь не налажена, то брак распадается, практически, если не всегда формально, и процесс продолжения рода осуществляется при неблагоприятных условиях или не осуществляется вообще.

Эта социальная и личная важность эротической жизни, хотя под влиянием ложной морали и столь же ложной скромности ей иногда позволялось отходить на задний план на этапах развития искусственной цивилизации, всегда была ясно осознана теми народами, которые жизненно постигли жизненные отношения. Среди большинства нецивилизованных рас, по-видимому, мало "сексуально фригидных" женщин или их вообще нет. Мало делает чести нашей собственной "цивилизации" то, что сегодня врачи могут утверждать, даже с малейшей долей правдоподобия, что их около 25 процентов. о женщинах, которых можно таким образом описать.

Вся сексуальная структура мира построена на общем факте, что интимный контакт мужчины и женщины, которые выбрали друг друга, доставляет взаимное удовольствие. Под этим общим фактом скрывается более конкретный факт, что при нормальном выполнении акта сексуального завершения два партнера испытывают острое удовлетворение от одновременного оргазма. В этом, как уже было сказано, заключается секрет любви. Это сама основа любви, условие здорового осуществления сексуальных функций и, во многих случаях, что представляется вероятным, также условие оплодотворения.

Даже дикари с очень низким уровнем культуры иногда проявляют терпение и осмотрительность в пробуждении признаков сексуального желания у своих самок и ожидании их появления. (Я могу сослаться на знаменательный случай с жителями Каролинских островов, описанный Кубари в его этнографическом исследовании этого народа и процитированный в томе iv *этих исследований* "Половой отбор в человеке", раздел III.) Во времена католицизма теологическое влияние благотворно действовало в том же направлении, хотя теологи так стремились выявить смертный грех похоти. Это правда, что католическая настойчивость в отношении желательности одновременного оргазма была в значительной степени вызвана ошибочным представлением о том, что для обеспечения зачатия необходимо "оплодотворение" как со стороны жены, так и со стороны мужа, но это не было единственным источником теологической точки зрения. Таким образом, Заккьяобсуждает, должен ли мужчина продолжать со своей женой, пока она не испытает оргазм и не почувствует себя удовлетворенной, и он решает, что это обязанность мужа; в противном случае жена подвергается опасности либо испытать оргазм во время сна, либо, что более вероятно, из-за самовозбуждения: "многие

женщины, когда их желания не были удовлетворены половым актом, кладут одно бедро на другое, прижимая и потирая их друг о друга до наступления оргазма, полагая, что если они воздержатся от использования рук, то не совершат греха". Некоторые богословы, добавляет он, поддерживают эту веру, в частности Уртадо де Мендоса и Санчес, и далее он цитирует мнение последнего о том, что женщины, которые не были удовлетворены во время полового акта, склонны к истерике или меланхолии (*Медико-правовой опус "Заккияэ"*, lib. vii, тит. iii, вопрос. VI). В том же духе некоторые теологи, по-видимому, разрешили *urrumatio* (без эякуляции), при условии, что это только подготовка к нормальному половому акту.

В настоящее время врачи полностью подтвердили веру Санчеса. Хорошо известно, что женщины, у которых по какой бы то ни было причине острое сексуальное возбуждение возникает часто, не сопровождаясь должным естественным облегчением оргазма, подвержены различным нервным и застойным симптомам, которые снижают их жизненную эффективность и, весьма возможно, приводят к нарушению здоровья. Киш описал как кардиальный невроз сексуального происхождения патологическую тахикардию, которая является преувеличением физиологического учащения сердцебиения при сексуальном возбуждении. Дж. Инглис Парсонс (*Британский медицинский журнал*, 22 октября 1904 г., стр. 1062) относится к боли в яичниках, вызванной сильным неудовлетворенным сексуальным возбуждением, часто у энергичных незамужних женщин, и иногда является причиной сильного стресса. Опытный австрийский гинеколог сказал Хирту (*Wege zur Heimat*, стр. 613), что из каждой ста женщин, обращающихся к нему с проблемами матки, семьдесят страдали от застойных явлений в матке, которые он расценивал как результат незавершенного полового акта.

Часто утверждается, что зло неполного удовлетворения и отсутствия оргазма у женщин происходит главным образом из-за мужской абстиненции, то есть *прерывания коитуса*, при котором пенис поспешно извлекается, как только надвигается непроизвольная эякуляция; и иногда говорят, что та же широко распространенная практика также приводит к легким или серьезным результатам у мужчин (см., например, Л. Б. Бэнгс, *Труды Нью-Йоркской медицинской академии*, vol. ix, 1893; Д. С. Бут, "Прерывающийся и резервируемый половой акт как причины глубокого невроза и психоза", *Психиатр и невролог*, ноябрь 1906; также, *Психиатр и невролог*, октябрь 1897, стр. 588).

Несомненно, верно, что прерывание полового акта, поскольку оно предполагает внезапный уход мужчины, независимо от стадии сексуального возбуждения, которой, возможно, достигла его партнерша, часто оказывает вредное нервное воздействие на женщину, хотя вредное воздействие на мужчину, достигающего эякуляции, незначительно или вообще отсутствует. Но эта практика настолько широко распространена, что ее нельзя рассматривать как обязательно связанную с этим пагубным результатом. Я уверен, что не может быть никаких сомнений в том, что Блюмрайх оправдан в своем заявлении (Senator and Kaminer, *Здоровье и болезнь в связи с браком*, vol. ii, стр. 783), что "прерванный половой акт вреден для половой системы только тех женщин, у которых эта форма сожителства нарушает ощущение наслаждения, у которых оргазм не возникает, и которые впоследствии часами продолжают мучиться чувством неудовлетворенного желания". Столь же пагубные последствия возникают при обычном половом акте, когда оргазм мужчины наступает слишком рано. "Следовательно, эти явления, - заключает он, - характерны не для прерванного полового акта, а для последствий несовершенного завершенного сексуального сожителства как такового". Киш, аналогичным образом, в своей тщательно разработанной и авторитетной работе о *сексуальной жизни*

женщины, также утверждает, что вопрос о пагубных последствиях *прерывистого коитуса* у женщин - это просто вопрос о том, получают ли они сексуальное удовлетворение. (Ср. также Фюрбрингер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 232 и далее.) Очевидно, что это наиболее разумная точка зрения относительно того, что является самым простым, наиболее распространенным и, безусловно, самым древним из методов предотвращения зачатия. В Книге Бытия мы находим, что это практиковал Онан, а если вернуться к современности, то в шестнадцатом веке это, по-видимому, было знакомо французским дамам, которые, по словам Брантома, предписывали это своим любовникам.

Резервный коитус — при котором половое сношение сохраняется даже в течение очень длительных периодов, в течение которых женщина может испытывать оргазм несколько раз, в то время как мужчине удается сдерживать оргазм, — не только не причиняет вреда женщине, но, вероятно, является той формой коитуса, которая приносит ей максимальное удовлетворение и облегчение. Однако большинству мужчин представляется вероятным, что этот самоконтроль над процессами, ведущими к непроизвольному акту детумесценции, трудно приобрести, в то время как у слабых, нервных и эретичных людей он невозможен. Однако это желательное условие для полностью адекватного полового акта, и на Востоке это полностью признается, а способность тщательно культивируется. Так, У. Д. Сазерленд утверждает ("*Einiges über das Alltagsleben und die Volksmedizin unter den Bauern Britishchostindiens*", *Мюнхенский медицинский журнал*, № 12, 1906), что индусы курят и разговаривают во время полового акта, чтобы отсрочить оргазм, и иногда с той же целью наносят опиумную пасту на головку полового члена. (См. также vol. iii из этих *Исследований*, "Сексуальное влечение у женщин".) Некоторые авторитетные источники действительно заявляли, что продление акта коитуса вредно по своему воздействию на мужчину. Так, Р. У. Тейлор (*Практический трактат о сексуальных расстройствах*, третье изд., стр. 121) утверждает, что это имеет тенденцию вызывать атоническую импотенцию, а Левенфельд (*Sexualeben und Nervenleiden*, стр. 74) считает, что быстрая и беспрепятственная кульминация полового акта необходима для сохранения силы рефлекторных реакций. Вероятно, это верно для экстремальных и часто повторяющихся случаев неопределенного продления выраженной эрекции без детумесценции, но это неверно в довольно широких пределах в случае здоровых людей. Длительный *резервный коитус* был практикой сложной брачной системы общины Онейда, и покойный Нойес Миллер, который провел большую часть своей жизни в общине, заверил меня, что эта практика не имела никаких пагубных последствий. *Резервный половой акт* был возведен в принцип в сообществе Онейда. Теоретически каждый мужчина в общине был мужем каждой женщины, но каждый мужчина не был волен заводить детей от каждой женщины. Сексуальная инициация происходила вскоре после наступления половой зрелости у мальчиков и несколькими годами позже у девочек гораздо более взрослым человеком противоположного пола. Во время полового акта мужчина вводил свой пенис во влагалище и удерживал его там даже в течение часа без поллюции, хотя у женщины наступал оргазм. У мужчины обычно не было выброса, даже после отмены, и он не чувствовал необходимости в выбросе. Социальное чувство сообщества было движущей силой этой практики, женщины избегали беспечных, неумелых мужчин, в то время как общее романтическое чувство привязанности ко всем женщинам в сообществе также было движущей силой. Мастурбация была неизвестна, и никаких незаконных отношений с лицами за пределами общины не было. Эта практика сохранялась в течение тридцати лет и, наконец, была прекращена не из-за ее недостатков, а из уважения к мнению внешнего мира. Мистер Миллер признал, что эта практика стала более трудной в обычном браке, который способствует более

механической привычке к половым сношениям. Информация, полученная от мистера Миллера, дополнена в брошюре, озаглавленной "*Мужское воздержание*" (так в сообществе называется резервируемый половой акт), написанной в 1872 году основателем Джоном Хамфри Нойесом. Практика основана, по его словам, на том факте, что половой акт состоит из двух актов, социального и разностноительного, и что, если размножение должно быть научным, не должно быть путаницы между этими двумя актами, и деторождение никогда не должно быть произвольным. Он утверждает, что эта идея пришла ему в голову в 1844 году в результате решения воздерживаться от половых сношений из-за слабого здоровья его жены и неспособности рожать здоровых детей, и в его собственном случае он счел эту практику "великим избавлением". Это сделало семью счастливой". Он указывает, что главные члены общины Онейда "принадлежали к самым респектабельным семьям Вермонта, получили образование в лучших школах Новой Англии по вопросам морали и утонченности и были, по обычным стандартам, безупречны в своем поведении в том, что касается сексуальных вопросов, пока они сознательно не начали в 1846 году эксперимент по созданию нового состояния общества, основанного на принципах, которые они долго вызревали и были готовы защищать перед всем миром". Таким образом, что касается мужского воздержания, Нойес считал, что сообщество справедливо можно считать "Комитетом Провидения, проверяющим его ценность в реальной жизни". Он утверждает, что тщательное медицинское сравнение статистических данных сообщества показало, что уровень нервных заболеваний в сообществе был значительно ниже среднего показателя за его пределами, и что имели место только два случая нервных расстройств, которые с какой-либо вероятностью можно было отнести к злоупотреблению мужским воздержанием. Это было подтверждено Ван де Уоркером, который изучил сорок две женщины сообщества, не обнаружив какой-либо чрезмерной распространенности репродуктивных заболеваний, и при этом он не смог обнаружить никаких болезненных состояний, связанных с сексуальными привычками сообщества (ср. К. Рид, *Учебник гинекологии*, 1901, стр. 9).

Нойес полагал, что "мужское воздержание" никогда ранее не было определенно признанной практикой, основанной на теории, хотя иногда к этому можно было приблизиться. Вероятно, это верно, если коитус является *резервным* в полном смысле этого слова, с полным отсутствием поллюции. Однако длительный половой акт, позволяющий женщине испытывать оргазм более одного раза, в то время как у мужчины его нет ни одного, давно признан. Таким образом, в семнадцатом веке Заккья обсуждал, является ли такая практика законной (*Zacchiaie Quæstionum Opus*, изд. 1688 г., lib. vii, тит. iii, вопрос. VI). В наше время это время от времени практикуется без какой-либо теории и всегда ценится женщиной, в то время как на мужчину это, по-видимому, не оказывает плохого влияния. В таком случае случается, что акт коитуса может длиться час с четвертью или даже дольше, при этом максимум удовольствия женщины достигается только по истечении трех четвертей часа; за этот период женщина испытывает оргазм примерно четыре или пять раз, мужчина - только в конце. Иногда может случиться так, что немного позже женщина снова испытывает желание, и половой акт начинается заново таким же образом. Но после этого она удовлетворена, и желание больше не повторяется.

Возможно, было бы желательно на этом этапе кратко остановиться на основных вариациях метода осуществления коитуса в их связи с искусством любви и достижением адекватной и удовлетворяющей детумесценции.

Первичной и существенной характеристикой специфически человеческого метода совокупления является тот факт, что оно происходит лицом к лицу. Тот факт, что при том, что обычно считается типично нормальным методом коитуса, женщина лежит на спине, а мужчина над ней, является второстепенным. С психологической точки зрения такое отношение "лицом к лицу" представляет собой большой прогресс по сравнению с четвероногим методом. Два партнера раскрывают друг другу самые важные, самые красивые, самые выразительные стороны самих себя и таким образом умножают взаимное удовольствие и гармонию интимного акта. Более того, эта позиция лицом к лицу обладает огромным значением в том факте, что это внешний признак того, что человеческая пара переросла животную сексуальную установку охотника, схватившего свою добычу в акте бегства и довольного тем, что наслаждается ею в такой позе, сзади. Можно сказать, что мужчина сохраняет ту же позу, но женщина повернулась; она повернулась лицом к своему партнеру и приблизилась к нему, что символизирует ее осознанное согласие на акт союза.

Человеческие вариации в осуществлении коитуса, как индивидуальные, так и национальные, однако, чрезвычайно многочисленны. "Честно говоря, - говорит Фюрбрингер (Senator and Kammer, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том I, стр. 213), - я с трудом могу припомнить какую-либо комбинацию, которая не фигурировала бы в моих историях болезни как применявшаяся моими пациентами". Мы не должны слишком поспешно делать вывод, что такие вариации вызваны порочным воспитанием. Это далеко не так. Они часто происходят естественно и спонтанно. Фрейд правильно указал (во второй серии своих *"Наставлений по неврологии"*, "Брухштук" и др.), что мы не должны быть слишком шокированы, даже когда идея *фелляции* спонтанно возникает у женщины, поскольку эта идея имеет безвредное происхождение из сходства между пенисом и соском. Точно так же, можно добавить, что желание *куннилинга*, которое, по-видимому, гораздо чаще латентно присутствует у женщин, чем желание его выполнения у мужчин, имеет естественную аналогию в удовольствии от сосания, удовольствии, которое само по себе действительно часто имеет эротическую окраску (см. vol. четвертое из этих *исследований*, "Половой отбор у человека", Touch, раздел III).

Каждое изменение в этом вопросе, отмечает Реми де Гурмон (*Physique de l'Amour*, стр. 264), сопряжено с грехом роскоши, и некоторые теологи действительно рассматривали любое положение при половом акте, кроме того, которое в Европе обычно называют нормальным, как смертный грех. Другие богословы, однако, рассматривали такие вариации только как простительные грехи, при условии, что эякуляция происходила во влагалище, точно так же, как некоторые богословы допускали *ирруматио* в качестве предварительного коитуса, при условии, что эякуляции не было. Фома Аквинский серьезно относился к отклонениям от нормального полового акта; Санчес был более снисходителен, особенно учитывая его доктрину, заимствованную у греческих и арабских натурфилософов, о том, что матка может привлекать сперму, так что естественного конца можно достичь даже в необычных позах.

Какие бы разногласия ни существовали среди древних теологов, современные врачи хорошо признают, что в особых случаях желательны отклонения от обычного метода коитуса. Так, Киш указывает (*Sterilität des Weibes*, стр. 107), что в некоторых случаях женщина может испытывать сексуальное возбуждение только тогда, когда коитус происходит в боковом положении, или *взаднем* положении, или когда обычное положение меняется на противоположное; и в своей книге *"Сексуальная жизнь женщины"* также Киш рекомендует несколько вариантов положения для коитуса. Адлер указывает (указ. соч., стр. 151, 186) на ценность одних и тех же поз в

некоторых случаях и отмечает, что такие вариации часто вызывают скрытые сексуальные чувства, как при помощи обаяния. Такие случаи действительно отнюдь не редки, преимущество необычного положения объясняется либо физическими, либо психическими причинами, и открытие подходящей вариации иногда происходит в результате чисто игровой попытки. Иногда случалось также, что, когда половой акт обычно происходил в ненормальной позе, женщина не испытывала удовлетворения до тех пор, пока не приняла нормальную позу. Единственная довольно распространенная разновидность коитуса, которая вызывает безоговорочное неодобрение, - это эрегированная поза. (См. , например, , Hammond, указ. соч., стр. 257 и далее.)

Лукреций специально рекомендовал четвероногую разновидность полового акта (Вк. iv, 1258), а Овидий описывает (конец Вк. iii из *Ars Amatoria*), которые он считает приемлемыми вариациями, отдавая предпочтение, как самому легкому и незатейливому методу, тому, при котором женщина полулежит на боку. Возможно, однако, вариант, наиболее близкий к нормальной позе и получивший наиболее частое и полное одобрение, - это тот, который, по-видимому, известен арабским авторам эротики как *док эль арз*, при котором мужчина сидит, а его партнерша располагается верхом на его бедрах, обнимая его тело ногами, а шею руками, в то время как он обнимает ее за талию; в арабском "*Благоуханном саде*" утверждается, что это метод, предпочитаемый большинством женщин.

Другой наиболее распространенный вариант - обратная нормальная поза, в которой мужчина лежит на спине, и женщина приспосабливается к этой позе, которая допускает несколько явно выгодных модификаций, особенно когда мужчина намного крупнее своей партнерши. Христианские, а также магометанские богословы, по-видимому, действительно были в целом против этого превосходящего положения женщины, очевидно, потому, что они рассматривали буквальное подчинение мужчины, которое оно предполагает, как символ морального подчинения. Однако свидетельства многих людей сегодня определенно говорят в пользу этого положения, особенно в отношении женщины, поскольку оно позволяет ей лучше приспособиться и лучше контролировать процесс, а также часто получать сексуальное удовлетворение, которое в обычном положении может оказаться трудным или невозможным.

Теологи, по-видимому, были менее негативно настроены к положению, обычному для четвероногих, *a posteriori*, хотя старые кающиеся были склонны относиться к нему сурово, Кающийся Анже предписывал сорокадневную епитимию, а Эгбертовская - трехлетнюю, если практиковалась обычно. (Это обсуждается Дж. Петерманном, "Венера Аверса", *Сексуальная проблема*, февраль 1909 г.). Есть веские причины, по которым во многих случаях эта должность должна быть желательной, особенно с точки зрения женщин, которые действительно нередко предпочитают ее. Следует всегда помнить, как уже указывалось, что в процессе перехода от антропоида к человеку именно женщина, а не мужчина, произвела революцию в способе совокупления. Несмотря на то, что, однако, положение человека лицевой стороной представляет собой психический прогресс, полной физической адаптации женских органов к методу лицевой стороны никогда не было. В частности, по мнению Адлера (указ. соч., стр. 117-119), положение клитора таково, что, как правило, его легче возбудить при половом акте сзади, чем спереди. Более поздний автор, Клотц, в своей книге "*Der Mensch ein Vierfüßler*" (1908) даже занимает слишком экстремальную позицию, согласно которой четвероногий метод коитуса, будучи единственным методом, обеспечивающим должный контакт с клитором, является естественным методом человека. Следует, однако, признать, что задний способ коитуса

является не только широко распространенным, но и очень важной вариацией в любой из двух его наиболее важных форм: метод Помпеи, при котором женщина наклоняется вперед, а мужчина подходит сзади, или метод, описанный Боккаччо, при котором мужчина лежит на спине, а женщина верхом.

Фелляция и *куннилингкус*, хотя они и не являются строго методами коитуса, поскольку они не предполагают проникновения пениса во влагалище, очень широко распространены как предварительные или как замещающие формы коитуса, как у цивилизованных, так и у нецивилизованных народов. Так, в Индии, как мне сказали, *фелляция* почти повсеместна в семьях и рассматривается как естественная обязанность по отношению к отцам семейства. Что касается *кунилингуса*, Макс Дессуар заявил (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, 1894, стр. 5), что, по словам опытных берлинских проституток, около четверти их клиентов желают заниматься этим, и что во Франции и Италии эта доля выше; число женщин, которые находят *кунилингус* приятным, без сомнения, намного больше. Половое сношение *per anum* также следует рассматривать как опосредованную форму коитуса. Это, по-видимому, не редкость, особенно среди низших социальных классов, и хотя чаще всего из-за желания избежать зачатия, это также иногда практикуется как сексуальное отклонение, по желанию мужчины или женщины, при этом задний проход является в некоторой степени эрогенной зоной.

Этнические различия в способах полового акта были кратко обсуждены в том же *Исследовании* "Механизм детумесценции", раздел II. Во всех цивилизованных странах с древнейших времен авторы, посвященные эротическому искусству, формально и систематически излагали различные положения для коитуса. Самым ранним письмом такого рода, дошедшим до наших дней, по-видимому, является египетский папирус, сохранившийся в Турине и датированный 1300 годом до н.э.; на нем представлены четырнадцать различных позиций. Индийцы, согласно Айвану Блоху, признают в общей сложности сорок восемь различных положений; в *Ананга Ранга* описаны тридцать две основные формы. Мусульманский *Благоухающий сад* описывает сорок форм, а также шесть различных видов движений во время коитуса. Восточные книги такого рода в целом превосходят те, что были созданы западным миром, не только своей большей тщательностью, но и более высоким духом, которым они часто вдохновлялись.

Древнегреческие эротические сочинения, ныне полностью утраченные, в которых описывались способы полового акта, почти все приписывались женщинам. Согласно легенде, записанной Суйдасом, самым ранним писателем такого рода была Астианасса, служанка Елены Троянской. Предполагается, что поэтесса Элефантис перечислила девять различных поз. Множество женщин более позднего времени писали на эти темы, и одна книга приписывается Поликрату, софисту.

Аретино, писавший после того, как влияние христианства деградировало эротические материи, опасно приблизившись к той области порнографии, из которой они только сегодня начинают выбираться, в своем *Сонете Луссуриози* описал двадцать шесть различных методов совокупления, каждый из которых сопровождался иллюстративным рисунком Джулио Романо, главного из учеников Рафаэля. Веньеро в своей *Путтана Эрранте* описал тридцать две позиции. Совсем недавно Форберг, главный современный авторитет, перечислил девяносто

позиций, но, как говорят, только сорок восемь могут, даже по самым либеральным оценкам, рассматриваться как попадающие в диапазон нормальных колебаний.

Бесчестие, охватившее половой акт и превратившее его в дело тьмы, несомненно, в значительной степени ответственно за тот факт, что у современных цивилизованных народов главным временем для его совершения является темнота ранней ночи в душных спальнях, когда усталость от дневных трудов борется с искусственным возбуждением, вызываемым обильной едой и алкогольными напитками. Эта привычка частично ответственна за безразличие или даже отвращение, с которым женщины иногда относятся к половому акту.

Многие более примитивные народы более мудры. Согласно Вахнессу, новогвинейские папуасы из залива Астролябии (*Zeitschrift für Ethnologie*, 1900, раздел 5, стр. 414), хотя следует помнить, что ассоциация полового акта с темнотой намного старше христианства и связана с ранними религиозными представлениями (ср. Гесиод, *Труды и дни*, Вк. II), всегда вступайте в половую связь на открытом воздухе. Трудлюбивые женщины островов Гебвука и Буру, опять же, слишком устают для полового акта ночью; он совершается днем под деревьями, а жители островов Серанг также совершают половой акт в лесу (Плосс и Бартельс, "Дас Weib", Вк. i, гл. XVII).

Очевидно, что следовать этим примерам в современных городах практически невозможно, даже если это позволяют профессия и климат. Также принято считать, что за половым актом должен следовать отдых. Однако, по-видимому, нет особых сомнений в том, что раннее утро и дневной свет - более благоприятное время, чем ранняя ночь. Зачатие должно происходить при свете, сказал Мишле (*L'Amour*, стр. 153); половой акт в темноте ночи - это акт, совершаемый с простой самкой животного; днем это союз с любящим и горячо любимым человеком.

Это было широко признано. Греки, как мы узнаем из книги Аристофана "Архарняне", считали восход солнца подходящим временем для коитуса. Южные славяне также говорят, что рассвет - это время для коитуса. Многие современные авторитеты подчеркивают преимущества раннего утреннего коитуса. Утро, сказал Рубо (*Характеристика власти*, стр. 151-3), - это время для коитуса, и даже если желание сильнее вечером, утром больше удовольствия. Осиандер также советовал заниматься половым актом рано утром, а Венетт в более раннем столетии, обсуждая, "в какой час мужчина должен любовно обнимать свою жену" ("*Женитьба человека*", часть II, гл. V), считая, что лучше всего следовать наклонностям, замечает, что "красивая женщина лучше смотрится при солнечном свете, чем при свечах". Несколько авторитетов, таких как Бурдах, удовлетворились признанием обычая ночного коитуса, а Буш ("*История болезни вайбов*", т. i, стр. 214) был склонен считать темноту ночи наиболее "естественным" временем, в то время как Фюрбрингер ("Сенатор и Каминер", "*Здоровье и болезни в связи с браком*", т. i, стр. 217) считает, что раннее утро "иногда" является лучшим временем.

С другой стороны, некоторым осуществление полового акта на солнце и открытом воздухе кажется настолько важным, что они склонны возводить его в ранг религиозного упражнения. Я цитирую сообщение по этому поводу, полученное из Австралии: "Эта постыдная вещь, о которой нельзя говорить или делать (кроме как в темноте), однажды, я верю, станет единственной религиозной церемонией человечества весной. (О, какие пружины!) Люди станут очень здравомыслящими, хорошо воспитанными, аристократичными (все они аристократы) и в целом будут настроены против обрядов и суеверий, поскольку они будут обладать совершенным знанием прошлого. Весеннее соитие влюбленных будет единственной религиозной

церемонией, которую они позволяют себе. Иногда у меня возникает видение священной сцены, но, боюсь, это слишком красиво, чтобы описывать. "Общение полов, о котором я мечтал, невыразимо прекрасно, слишком прекрасно, чтобы его можно было запомнить", - писал целомудренный Торо. Воистину, человеческая красота, радость и любовь достигнут своей божественной высоты в эти первые дни весеннего совокупления. Когда мир превратится в единый Рай, соитие влюбленных, самых молодых и красивых, произойдет в определенных священных долинах на виду у тысяч собравшихся, чтобы засвидетельствовать это. В течение нескольких дней это будет происходить в этих долинах, где солнце будет восходить во сне о страстных голосах, о льнувших человеческих формах, о цветах и водах, а пурпур и золото восхода солнца будут отражаться на холмах, поросших анютиными глазками. [Я не знаю, вспомнил ли автор "Эмалированные анютины глазки, которые до сих пор используют на свадьбах" Джорджа Чэпмена] и повторил на золотистой человеческой плоти и человеческих волосах. В этих священных долинах тонкий аромат анютиных глазок смешивается с божественным ароматом здоровых обнаженных молодых женщин и мужчин в момент весеннего совокупления. Мы с вами этого не увидим, но мы можем помочь сделать это возможным ". Эта рапсодия (бессознательное повторение песни Сен-Ламбера у мадемуазель Дж. Таблица Кино в восемнадцатом веке) служит иллюстрацией бунта, который имеет тенденцию иметь место против неестественной и искусственной деградации полового акта.

В некоторых частях света казалось совершенно естественным и разумным, что такой великий и значимый акт, как коитус, должен быть посвящен божеству, и отсюда возникло бы молитва перед половым актом. Таким образом, Зороастр предписал, чтобы супружеская пара молилась перед половым актом, а после акта они должны сказать вместе: "О, Сапондомад, я доверяю это семя тебе, сохрани его для меня, ибо это мужчина". На архипелаге Горонг также принято, чтобы муж и жена молились вместе перед половым актом (Плосс и Бартельс, *Das Weib*, Bd. i, гл. XVII). Цивилизованный человек, однако, привык считать свой желудок самым важным из своих органов, и он произносит свою обычную молитву не перед любовью, а только перед едой. Даже деградировавшие ритуальные пережитки религиозного признания полового акта трудно найти в Европе. Возможно, мы можем обнаружить это у испанцев с их стойким инстинктом ритуала в торжественном этикете, с которым в семнадцатом веке, по словам мадам д'Ольнуа, было принято, чтобы король входил в спальню королевы: "На нем домашние туфли, черная мантия перекинута через плечо, щит в одной руке, через другую руку на шнурке перекинута бутылка (эта бутылка предназначена не для питья, а для совершенно противоположной цели, о которой вы сами догадаетесь). При всем этом король также должен держать свой огромный меч в одной руке и потайной фонарь в другой. Таким образом, он должен один войти в покои королевы" (Madame d'Aulnoy, *Relationship du Voyage d'Espagne*, 1692, vol. iii, стр. 221).

При обсуждении искусства любви необходимо уделить первостепенное внимание центральному факту полового акта из-за широко распространенного невежества относительно него и прискорбных предрассудков, которые в своих грибовых выводах процветают в зловонной темноте вокруг него. Традиции христианской церкви, распространившиеся по всей Европе и установившие для поклонения Божественную Деву и ее Божественного Сына, которых она тщательно отстраняла от личного контакта с сексуальностью, эффективно подавляли любые попытки найти священный и общепризнанный идеал в супружеской любви. Даже собственные усилия Церкви возвысить супружество были сведены на нет ее собственными идеалами. Это влияние угнетает нашу цивилизацию даже сегодня. Когда Уолт Уитмен писал своих "Детей Адама", он дал несовершенное выражение концепциям религиозной природы сексуальной

любви, которые здоровым и естественным образом существовали во всех частях света, но еще не проникли во тьму христианского мира, где они все еще казались странными и новыми, если не сказать ужасными. А отказ признать торжественность секса повлек за собой наложение покрыва черноты и порочащей репутации на сам высший сексуальный акт. Он был закрыт от солнечного света и исключен из сферы поклонения.

Половой акт важен с точки зрения эротического искусства не только из-за невежества и предрассудков, которые его окружают, но и потому, что он имеет реальную ценность даже в отношении психической стороны супружеской жизни. "Эти органы, - согласно часто цитируемому высказыванию старого французского врача Амброза Паре, - создают мир в доме". Как это происходит, мы время от времени видим на иллюстрациях в Дневнике Пеписа. В то же время вряд ли есть необходимость говорить, после всего, что было до этого, что этот древний источник домашнего спокойствия имеет тенденцию бесконечно усложняться бесконечным разнообразием эротических потребностей, которые становятся все более выраженными с ростом цивилизации.^[408]

Искусство любви, действительно, только начинается с установления полового акта. В налаживании этих взаимоотношений так активно задействованы все силы природы, что при совершенно благоприятных условиях — которые действительно очень редко встречаются в нашей цивилизации — знание этого искусства и возможный навык в его применении приходят почти сами собой. Настоящее испытание влюбленного художника заключается в умении перенести его за пределы периода, когда интересы природы, будучи действительно или кажущимися обеспеченными, начинают ослабевать. Хорошо сказано, что все искусство любви заключается в том, чтобы постоянно находить что-то новое в одном и том же человеке. Искусство любви - это даже больше искусство сохранения любви, чем ее пробуждения. В противном случае она имеет тенденцию вырождаться в шекспировскую похоть,

"Прошлый разум охотился, и не успел,
Прошлый разум возненавидел",

хотя следует помнить, что даже с самой естественной точки зрения переход страсти обычно происходит не к отвращению, а к привязанности.^[409]

Молодые мужчина и женщина, которые оказались в полной разнузданности брака после длительной и неестественной разлуки, во время которой желание и способы удовлетворения желания были искусственно разъединены, безусловно, находятся не в лучших условиях для обучения искусству любви. Они поддаются искушению безрассудного и беспорядочного потворства интимным узам брака, беспечно отбрасывая в сторону все причины, по которым этому искусству стоит учиться. "Есть женатые люди, - как замечает Эллен Ки, - которые могли бы любить друг друга всю свою жизнь, если бы их не заставляли каждый день и весь год направлять свои привычки, волю и наклонности друг на друга".

В личных вопросах все тенденции нашей цивилизованной жизни направлены на индивидуализм; они предполагают специализацию и обеспечивают святость личных привычек и даже особенностей. Этот индивидуализм не может быть внезапно сломлен произвольной диктовкой традиции или даже силой страсти, с которой были сняты ограничения. Из уважения к

условностям и предрассудкам своих друзей, или из-за безрассудного отказа от юношеской любви, или просто из-за страха ранить чувства друг друга, молодые пары часто преждевременно погружались в непрерывную близость, которая еще более пагубна для долговечности брака, чем неспособность вообще когда-либо достичь полной близости. Это одна из главных причин, почему большинство авторов, посвященных моральной гигиене брака, в наши дни рекомендуют отдельные кровати для супружеской пары, по возможности отдельные спальни, и даже иногда, как Эллиен Ки, не видят возражений против их проживания в разных домах. Несомненно, самые счастливые браки часто заключались в самой тесной и нерушимой близости с людьми, специально приспособленными для такой близости. Это далеко не так, что, как утверждал Блох, фамильярность губительна для любви. Она смертельна для любви, у которой нет корней, но это подпитка глубоко укоренившейся любви. И все же верно, что отсутствие необходимо для поддержания острой свежести и прекрасного идеализма любви. "Отсутствие, - как сказал Лэндор, - это невидимая и бестелесная мать идеальной красоты". Женатые любовники, которые могут встречаться лишь на сравнительно короткие периоды между длительными разлуками, часто переживают во время этих встреч череду медовых месяцев длиной в жизнь.^[410]

Не может быть никаких сомнений в том, что как присутствие сопряжено с риском для любви, так и отсутствие сопряжено с риском. Отсутствие, как и присутствие, в конце концов, если оно слишком длительное, стирает память о любви, а отсутствие, кроме того, из-за множества точек соприкосновения с миром, которые оно часто включает, порождает проблему ревности, хотя, следует добавить, действительно трудно обеспечить такую степень ассоциации, которая исключает ревность или даже возможности для мотивов ревности. Проблема ревности настолько фундаментальна в искусстве любви, что на данном этапе необходимо посвятить ей краткое обсуждение.

Ревность основана на фундаментальных инстинктах, которые проявляются в начале животной жизни. Декарт определял ревность как "своего рода страх, связанный с желанием сохранить то, чем обладаешь". Каждый импульс к приобретению в животном мире стимулируется к большей активности присутствием соперника, который может заранее урвать желанный объект. Это, по-видимому, фундаментальный факт в животном мире; это была тенденция к сохранению жизни, поскольку, как было сказано, животное, которое стояло в стороне, пока его собратья насыщались пищей, и не испытывало ничего, кроме чистого удовлетворения от зрелища, быстро погибло бы. Но в этом факте мы имеем естественную основу для ревности.^[411]

Именно в отношении пищи этот импульс проявляется первым и наиболее заметным образом у животных. Хорошо известный факт, что общение с другими животными побуждает животное есть гораздо больше, чем при содержании в одиночестве. Он перестает есть от голода, но ест, как было сказано, для того, чтобы уберечь свою пищу от соперников в единственном известном ему надежном месте. То же чувство переносится у животных на область секса. И далее, в отношениях собак и других домашних животных к своим хозяевам эмоция ревности часто выражена очень остро.^[412]

Ревность - это эмоция, достигшая максимума среди животных, среди дикарей,^[413] среди детей,^[414] у лиц пожилого возраста, у дегенератов и особенно у хронических алкоголиков.^[415] Стоит отметить, что величайшие художники и повелители человеческих сердец, наиболее

полно представившие трагедию ревности, ясно осознавали, что она либо атавистична, либо патологична; Шекспир сделал своего Отелло варваром, а Толстой сделал Позд니щева из своей *Крейцеровой сонаты* сумасшедшим. Это антисоциальная эмоция, хотя некоторые утверждают, что она была причиной целомудрия и верности. Гезелл, например, признавая его антисоциальный характер и собирая цитаты в доказательство пыток и катастроф, которые он вызывает, похоже, считает, что его все же следует поощрять, чтобы способствовать развитию сексуальных добродетелей. Были высказаны весьма решительные мнения в противоположном смысле. Ревность, как и другие тени, говорит Эллен Ки, принадлежит только рассвету и заходу любви, и мужчина должен чувствовать, что это чудо, а не его право, если солнце неподвижно стоит в зените.^[416]

Даже поэтому, если ревность оказывала благотворное влияние на заре цивилизации, а также среди животных — что, вероятно, можно признать, хотя в целом это скорее побочный продукт благотворного влияния, чем само такое влияние, — все равно ни в коем случае не ясно, становится ли она желательной эмоцией на более продвинутых стадиях цивилизации. Существует множество примитивных эмоций, таких как гнев и страх, которые мы не считаем желательным поощрять в сложных цивилизованных обществах, а скорее стремимся сдерживать и контролировать, и даже если мы склонны приписывать ревности первоначальную ценность, кажется, что ее следует отнести к числу этих эмоций.

Мисс Клаппертон, обсуждая эту проблему (*Научный мелиоризм*, стр. 129-137), следует Дарвину (*Происхождение человека*, часть I, гл. IV), полагая, что ревность привела к "насаждению женской добродетели", но она добавляет, что она также была причиной подчинения женщины и теперь должна быть устранена. "Необходимо как можно быстрее избавиться от ревности; в противном случае великое движение в пользу равенства полов неизбежно столкнется с препятствиями".

Рибо (*"Логика чувств"*, стр. 75 и далее.; *"Очерки страстей"*, стр. 91, 175), утверждая, что субъективно оценка ревности должна отличаться в соответствии с принятым идеалом жизни, считает, что объективно мы должны склоняться к неблагоприятной оценке: "Даже кратковременная страсть - это разрыв в нормальной жизни; это ненормальное, если не патологическое состояние, разрастание, паразитизм".

Форель (*"Сексуальная жизнь"*, глава V) очень решительно высказывается в том же смысле и считает, что необходимо устранить ревность путем отказа от продолжения рода у ревнивца. Ревность, заявляет он, "является наихудшим и, к сожалению, наиболее глубоко укоренившимся из "излучений" или, лучше сказать, "контрастных реакций" сексуальной любви, унаследованных от наших животных предков. An old German saying, 'Eifersucht ist eine Leidenschaft die mit Eifer sucht was Leider schafft,' says by no means too much. ... Ревность - это наследие животного начала и варварства; я хотел бы напомнить об этом тем, кто под предлогом "оскорбленной чести" пытается оправдать ее и возвести на высокий пьедестал. Неверный муж в десять раз желаннее для женщины, чем ревнивый муж. ... Мы часто слышим о "оправданной ревности". "Я считаю, однако, что оправданной ревности не существует; она всегда атавистична или патологична; в лучшем случае это не более чем грубая животная глупость. Мужчина, который по природе, то есть в силу своей наследственной конституции, ревнив, несомненно, отравит свою жизнь и жизнь своей жены. Таким мужчинам ни в коем случае не следует жениться. И

образование, и отбор должны работать вместе, чтобы как можно дальше искоренить ревность из человеческого мозга".

Эрик Гиллард в статье "Ревность" (*Бесплатное обозрение*, сентябрь 1896 г.), выступая против тех, кто считает, что ревность "созидает дом", заявляет, что, напротив, это главная сила, разрушающая дом. "До тех пор, пока эгоизм орошает его слезами сентиментальности и защищает от холодных порывов научного исследования, до тех пор он будет процветать. Но придет время, когда это будет сожжено в Саду Любви как вредный сорняк. Его мефитическое влияние в обществе слишком ощутимо, чтобы его не замечать. Это превращает дома, которые могли бы быть убежищами любви, в ад раздора и ненависти; это приводит к самоубийствам и толкает тысячи людей к пьянству, безрассудным излишествам и безумию. Создает дом! Один из ваших женатых друзей-мужчин видит вероятного соблазнителя в каждом мужчине, который улыбается своей жене; другой ревнует к знакомым женщинам своей жены; третий уязвлен тем, что его жена проявляет так много внимания к детям. Некоторые из женщин, которых вы знаете, проявляют ревность ко всем другим женщинам, к знакомым своего мужа, а некоторые - даже к его собаке. Вы, должно быть, полностью монополизированы, или вы не любите по-настоящему. Вы не должны восхищаться никем, кроме человека, с которым вы замуровали себя на всю жизнь. Старая дружба должна быть разрушена, новая дружба не должна заводиться из страха вызвать прекрасные эмоции, которые "создают домашний уют".

Даже если ревность в вопросах секса можно было бы признать эмоцией, действующей на стороне цивилизованного прогресса, все же следует указать, что она действует лишь внешне; она может оказывать незначительное реальное влияние или вообще не оказывать его; ревнивый человек редко делает себя более привлекательным своей ревностью, а часто и гораздо менее привлекательным. Главный эффект его ревности заключается в увеличении, а нередко и в возбуждении причин для ревности и в то же время в поощрении лицемерия.

Все обстоятельства, сопутствующие явления и результаты семейной ревности в их совершенно типичной форме хорошо проиллюстрированы очень серьезным эпизодом из истории семьи Пепис и были полностью и достоверно изложены великим автором дневников. Оскорбление — объятие фрейлины его жены, как ее теперь можно было бы назвать, - было незначительным, но, как признает сам Пепис, совершенно непростительным. Он пишет, находясь на тридцать шестом году жизни, 25 октября 1668 года (День Господень). "После ужина я попросил Деб расчесать мне волосы, что причинило мне самую большую печаль, которую я когда-либо знал в этом мире, потому что моя жена, внезапно поднявшись вверх, действительно застала меня обнимающим девушку. ... Я был в ужасном недоумении из-за этого, и девушка тоже, и я попытался отложить это, но моя жена онемела и рассердилась. ... Искренне сожалею об этой моей глупости. ... Так заканчивается этот месяц, - пишет он несколько дней спустя, - с некоторым спокойствием на душе, хотя и не совершенным, после величайшей ссоры с моей бедной женой и из-за моей глупости с девушкой, которая когда-либо у меня была, и у меня есть причины сожалеть и стыдиться этого, а еще больше беспокоиться за бедную девушку. Шестое ноября. Встал, и вскоре моя жена встала вместе со мной, что она, по ее словам, теперь делает каждый день, чтобы одеть меня, чтобы я не мог видеть Уиллета [Деб] и не смотрел на меня, смотрю я на нее или нет, и не позволял мне заходить в комнату, где она находится. Девятое ноября. Я встал и в маленькой записке, которую бросил Деб, сообщил ей, что продолжаю отрицать, что когда-либо целовал ее, и поэтому она может держать себя в руках. Правда в том, что я действительно рискнул надеяться на то, что Бог простит мне эту ложь, зная, как тяжело это

было бы для меня, что привело бы к разорению бедной девушки, и, кроме того, зная, что, если моя жена узнает все, она никогда больше не сможет быть в мире со мной, и поэтому вся наша жизнь станет неуютной. Девушка прочла и, как я ей велел, вернула мне записку, бросив ее мне, проходя мимо". Однако на следующий день он "сильно обеспокоен", поскольку его жена добилась от девушки признания в поцелуе. В течение нескольких ночей мистер и миссис Пепис оба не спят, с обеих сторон много плачут. Деб получает другое место и уезжает 14 ноября, и Пепис никогда не может увидеться с ней до того, как она уедет из дома, так как его жена постоянно держит его под присмотром. Очевидно, что Пепис сейчас испытывает сильное влечение к Деб, хотя нет никаких свидетельств этого до того, как она стала предметом ссоры. 13 ноября, узнав, что она должна уехать на следующий день, он пишет: "Правда в том, что я очень хочу сохранить девственность этой девушки". Однако он был "еще больше обеспокоен тем, что таким образом моя жена, скорее всего, навсегда отдаст меня в свою власть, а я навсегда останусь ее рабом — то есть только в вопросах удовольствия". В то же время его любовь к жене ни в коей мере не уменьшилась, как и ее любовь к нему. "Здесь я должен отметить, - говорит он, - что я переспал со своей мохер [*то есть, мугер, жена*] в качестве мужа больше раз после этой размолвки, чем, я полагаю, за двенадцать месяцев до этого. И с большим удовольствием для нее, чем за все время нашего брака до этого". На следующий день было воскресенье. В понедельник Пепис сразу же начинает наводить справки, которые выведут его на след Деб. 18-го числа он находит ее. Она садится с ним в карету, и он целует ее и позволяет себе вольности с ней, в то же время советуя ей "заботиться о своей чести и бояться Бога", не позволяя никому другому делать то, что сделал он; он также говорит ей, как она может найти его, если пожелает. Теперь Пепис чувствует, что всеустроено удовлетворительно, и его сердце полно радости. Но радость его недолговечна, ибо миссис Пепис обнаруживает это интервью с Деб на следующий день. Пепис сначала отрицает это, затем признается, и происходит сцена более яростная, чем когда-либо. Пепис теперь по-настоящему встревожен, потому что его жена угрожает уйти от него; он определенно бросает Деб и, вознося молитвы к Богу, решает никогда больше не делать подобного. Миссис Однако Пепис не успокаивается до тех пор, пока не заставляет своего мужа написать письмо Деб, в котором говорит ей, что она немногим лучше шлюхи и что он ненавидит ее, хотя Деб избавлена от этого не благодаря какой-либо уловке Пеписа, а благодаря внимательности друга, которому было доверено доставить письмо. Более того, миссис Пепис договаривается со своим мужем, что в будущем, когда бы он ни выезжал за границу, его везде будет сопровождать его клерк. Мы видим, что миссис Пепис с кажущимся торжествующим мастерством и успехом играет роль ревливой и мстительной жены и безжалостно вонзает свои маленькие французские каблучки в расprostертого мужа и соперницу. К сожалению, мы не знаем, каков был конечный результат, поскольку немного позже из-за проблем со зрением Пепис был вынужден закончить свой Дневник. Однако, когда мы рассматриваем весь этот, возможно, типичный эпизод, становится очевидным, что ни муж, ни жена ни в малейшей степени не были готовы к заурядному положению, в которое они попали; что каждый из них предстает в болезненном, недостойном и унижительном свете; что в результате этого муж испытывает почти искреннюю и сильную привязанность к девушке, которая является причиной ссоры; и, наконец, что, хотя он и вынужден, по крайней мере на время, уступить своей жене, в конце концов он остается точно таким же, каким был в начале. Ни у мужа, ни у жены не было ни малейшего желания расставаться; узы брака оставались крепкими, но они были ослаблены неискренностью с одной стороны и ревнивым стремлением другой обеспечить верность путем принуждения.

Однако, если отвлечься от вопроса о ее эффективности или даже о страданиях, которые она причиняет всем заинтересованным сторонам, очевидно, что ревность несовместима со всеми тенденциями цивилизации. Мы видели, что в сексуальных отношениях, как и во всех других отношениях, присутствует определенная степень вариативности, и если мы не хотим продолжать увековечивать множество зол и несправедливостей, этот факт необходимо признать. Мы также видели, что линия нашего продвижения предполагает постоянное повышение моральной ответственности и самоуправления, а это, в свою очередь, подразумевает не только высокую степень искренности, но и признание того, что ни один человек не имеет никакого права или даже какой-либо власти контролировать эмоции и действия другого человека. Если наше солнцелюбие останавливается в полдень, согласно фразе Эллен Ки, это чудо, которое следует встречать с благоговением и благодарностью, и ни в коем случае не имеет права требовать его. Заявление о ревности подпадает под действие заявления о супружеских правах.

Вполне возможно, замечает Блох (*Сексуальная жизнь нашего времени*, гл. X), любить более одного человека одновременно, почти с одинаковой нежностью и быть честным уверить каждого в страсти, испытываемой к ней или к нему. Блох добавляет, что обширная психическая дифференциация, связанная с современной цивилизацией, увеличивает возможность такой двойной любви, поскольку любому человеку трудно найти свое дополнение в одном человеке, и что это относится как к женщинам, так и к мужчинам.

Георг Хирт также указывает (*Wege zur Heimat*, стр. 543-552), что важно помнить, что женщины, так же как и мужчины, могут любить двух человек одновременно. Мужчины льстят себе, замечает он, предубеждением, что женское сердце, или, скорее, мозг, может вместить только одного мужчину одновременно, и что если есть второй мужчина, то это своего рода проституция. Почти все писатели-эротики, поэты и романисты, даже врачи и психологи, принадлежат к этому классу, говорит он; они смотрят на женщину как на собственность, и, конечно, двое мужчин не могут "обладать" женщиной. (Однако в отношении романистов можно вставить замечание о том, что есть много исключений, и Томас Харди, например, часто представляет женщину более или менее влюбленной в двух мужчин одновременно.) В противовес этому желанию принизить психические способности женщин Хирт утверждает, что женщина не обязательно обязана изменять одному мужчине из-за того, что она воспылала страстью к другому мужчине. "Сегодня, - искренне заявляет Хирт, - только любовь и справедливость могут считаться благородными мотивами в браке. Современный мужчина предоставляет любимой жене и спутнице жизни ту же свободу, которой он сам пользовался до брака и, возможно, пользуется до сих пор в браке. Если она не воспользуется этим, как можно надеяться, — тем лучше! Но пусть не будет ни лжи, ни обмана; незаменимая основа современного брака - безграничная искренность и дружба, глубочайшее доверие, нежная преданность и внимание. Это лучшая защита от супружеской неверности. ... Однако пусть тот, кого, тем не менее, настигла эта вспышка, утешит себя тем несомненным фактом, что из двух настоящих влюбленных предпочтение всегда будет отдаваться самому благородному и проникательному другу". Эти мудрые слова нельзя слишком глубоко вдумывать. Политика ревности успешна — когда она успешна - только в руках человека, который считает внешнюю оболочку любви более ценной, чем зернышко.

Некоторым кажется, что признание вариативности сексуальных отношений, тенденции моногамов выходить за свои границы, установленные самими собой, - это в лучшем случае

печальная необходимость и прискорбное отступление от высокого идеала. Это, однако, противоположно истине. Великим злом моногамии и ее наиболее серьезным недостатком является ее тенденция к самоконцентрации за счет внешнего мира. "Дьявол всегда приходит к мужчине в образе его жены и детей", - сказал Хинтон. Семья оказывает большое социальное влияние в той мере, в какой она является лучшим инструментом для создания детей, которые станут будущими гражданами; но в определенном смысле семья оказывает антисоциальное влияние, поскольку она имеет тенденцию чрезмерно поглощать энергию, необходимую для укрепления общества. Действительно, возможно, что этот факт привел к модификации моногамной системы в ранние периоды развития человеческой истории, когда социальная экспансия и сплоченность были первостепенными потребностями. Семья слишком часто имеет тенденцию напоминать, как кто-то сказал, уединенную коллекцию личинок, которую иногда обнаруживают в их узком жилище, когда мы случайно поднимаем плоский камень в нашем саду. Как ни велики проблемы любви и как ни велико должно быть наше внимание к ним, всегда нужно помнить, что любовь - это не маленький замкнутый круг. Природа любви - излучать. Точно так же, как семейная жизнь существует главным образом для достижения социальной цели - выведения будущей расы, так и семейная любовь имеет свои социальные цели в распространении симпатии и привязанности на тех, кто вне ее, и даже на цели, которые вообще выходят за рамки любви.^[417]

Время от времени обсуждается вопрос о том, насколько возможно для мужчин и женщин поддерживать близкие дружеские отношения друг с другом вне эротической сферы.^[418] Не может быть никаких сомнений в том, что для мужчины и женщины вполне возможно испытывать друг к другу дружбу, которая никогда не вторгается в сексуальную сферу. Однако, как правило, это происходит только при особых условиях, и, как правило, это условия, которые исключают самую тесную дружбу. Если, как мы видели, любовь можно определить как синтез похоти и дружбы, дружба неизбежно переходит в эротическую сферу. Точно так же, как сексуальные эмоции имеют тенденцию перерастать в дружбу, так и дружба между лицами противоположного пола, если они молоды, здоровы и привлекательны, имеет тенденцию включать сексуальные эмоции. Эти два чувства слишком тесно связаны, чтобы между ними можно было без протеста постоянно возводить искусственный барьер. Мужчины, предлагающие женщине дружбу, обычно обнаруживают, что это не вызывает особого удовлетворения, за исключением первого проявления теплых эмоций, а женщины, предлагающие дружбу мужчине, обычно обнаруживают, что он отвечает предложением любви; очень часто "дружба" с самого начала - это просто любовь или флирт, маскирующийся под другим именем.

"В долгосрочной перспективе, - пишет женщина (в письме, опубликованном в *Журнале "Гешлехт и общество"*, Bd. i, раздел 7), - чувства становятся неудовлетворенными из-за их полного исключения. И я верю, что мужчина может установить самую тесную взаимную связь только с женщиной, к которой, сознательно или бессознательно, он испытывает физическое влечение. Он не может вступить в теснейший психический контакт с женщиной, с которой он не мог бы представить себя в физическом общении. Его преобладающее желание - обладать женщиной, всей женщиной целиком, ее душой, а также ее телом. И женщина также не может представить себе интимных отношений с мужчиной, в которых не задействованы сердце и тело, а также разум. (Естественно, я имею в виду людей с крепкими нервами и здоровой кровью.) Может ли женщина поддерживать платонические отношения с мужчиной из года в год без того, чтобы ей иногда не приходила мысль: "Почему он никогда не целует меня?" Неужели я не привлекательна для него?" И в самом потаенном уголке ее сердца не случится ли так, что она

использует это слово "поцелуй" в более широком смысле, в котором его иногда употребляют французы?" Несомненно, в этом утверждении есть доля правды. Граница между эротической любовью и дружбой размыта, и интимное психическое общение, которому категорически запрещено когда-либо проявляться в виде ласки или другого физического проявления нежной близости, имеет тенденцию быть ограниченным и пробуждает невысказанные мысли и желания, которые фатальны для любой полноценной дружбы.

Несомненно, единственно идеальные "платонические дружеские отношения" - это те, которые были достигнуты через портал предварительной эротической близости. В таком случае плохие любовники, когда они решительно преодолели эротическую стадию, могут стать чрезвычайно хорошими друзьями. Удовлетворительная дружба возможна между братом и сестрой, потому что в детстве у них была физическая близость, и все эротические изыски отсутствуют. Самая замечательная "платоническая дружба" часто может быть достигнута мужем и женой, в которых симпатия, привязанность и общие интересы пережили страсть. Почти во всех самых известных дружеских отношениях выдающихся мужчин и женщин — как мы знаем в одних случаях, так и божественных в других — часовая страсть, по словам Сент-Бева, служила золотым ключиком, открывающим самые драгоценные и сокровенные секреты дружбы.^[419]

Дружеские отношения, завязанные через эротический портал, обладают интимностью и сохраняют духовно эротический характер, который не может быть достигнут на основе нормальной дружбы между лицами одного пола. Это верно в гораздо большей степени для предельных отношений, при удачных обстоятельствах, между мужем и женой в годы после того, как страсть стала невозможной. Они перестали быть страстными любовниками, но они не стали просто друзьями и товарищами. В частности, их отношения приобретают элементы, заимствованные из отношения ребенка к родителю, родителя к ребенку. Каждый человек с первых лет жизни сохраняет что-то от ребенка, что не может быть открыто всему миру; каждый приобретает что-то от отцовского или материнского духа-хранителя. Муж и жена являются детьми друг для друга и действительно являются родителем и ребенком по очереди. И здесь женщина все еще сохраняет определенное эротическое превосходство, поскольку до последнего момента она в большей степени ребенок, чем это когда-либо легко удавалось мужчине, и гораздо более существенная мать, чем он отец.

Гроос ("*Эстетический род*", стр. 249) указал, что "любовь" на самом деле состоит как из сексуального инстинкта, так и из родительского инстинкта.

"Так называемые счастливые браки", - говорит профессор У. Томас (*Секс и общество*, стр. 246), "представляют собой равновесие, достигнутое за счет распространения материнского интереса женщины на мужчину, посредством чего она заботится о его личных потребностях так же, как о потребностях детей — лелея его, фактически, как ребенка — или за счет распространения на женщину со стороны мужчины заботы и привязанности, которые в его природе давать домашним животным и всем беспомощным (и предпочтительно бессловесным) существам".

"Когда преданность между матерью и сыном, - пишет женщина, - добавляется к отношениям мужа и жены, брачный союз возвышается до высокого и прекрасного достоинства, которого он заслуживает и которого может достичь в этом мире. Оно подразумевает сочувствие, любовь и совершенное понимание даже ошибок и слабостей обеих сторон". "Основа любви каждой настоящей женщины, - пишет другая женщина, - это материнская нежность. Тот, кого она любит, - ребенок более высокого роста, хотя в то же время она может испытывать к нему

глубокое уважение". (Смотрите также аналогичное мнение другой женщины с выдающимися интеллектуальными способностями в сноске в начале "Психического состояния во время беременности" в томе v этих *Исследований*.)

Именно на основе этих элементарных человеческих фактов развиваются постоянно соблазнительные и вдохновляющие сексуальные отношения, а не благодаря появлению личностей, сочетающих в себе невероятно возвышенные характеристики. "Задача чрезвычайно трудная, - говорит Киш в своей книге *"Сексуальная жизнь женщины"*, - но умная и добродетельная современная жена должна стремиться сочетать в себе чувственную привлекательность Аспазии, целомудрие Лукреции и интеллектуальное величие Корнелии". А в более раннем столетии в романе *"Тиа Фингида"*, который иногда приписывают Сервантесу, говорится, что "женщина должна быть ангелом на улице, святой в церкви, красивой у окна, честной в доме и демоном в постели". Требования, предъявляемые к мужчинам женщинами, с другой стороны, были почти слишком высокими, чтобы вообще поддаваться определенной формулировке. "Девяносто девять из ста любящих женщин, - говорит Хелен Штекер, - безусловно, верят, что если тысяча других мужчин вели себя недостойно, бросали, плохо обращались и обманывали женщину, которую они любят, то мужчина, которого они любят, является исключением, выделяющимся из всех остальных мужчин; вот почему они любят его". Однако можно усомниться в том, что великие любовники когда-либо намного превосходили обычный уровень человечества своим совершенством. Они были людьми, и их искусство любви не всегда исключало наличие человеческих слабостей; действительно, совершенство, даже если бы его можно было найти, создало бы плохую почву для того, чтобы любовь пустила глубокие корни.

Только когда мы осознаем чрезвычайно сложную природу элементов, составляющих эротическую любовь, мы можем понять, как получается, что эта любовь может представлять собой такое потрясающее откровение и оказывать такое глубокое влияние даже на людей величайшего гения и интеллекта и в сфере их самой духовной деятельности. Не просто страсть и не какое-либо сознательное мастерство в эротическом искусстве, какими бы важными они ни были, объясняют отношения Гете к фрау фон Штайн, Вагнера к Матильде Везендонк или Роберта и Элизабет Браунинг друг к другу.^[420]

Теперь читателю, возможно, станет ясно, почему при обсуждении сексуального влечения в его связи с обществом было необходимо обратиться к искусству любви. Это правда, что нет ничего более интимного и личностного, чем эротические похождения индивидуума. Однако столь же верно и то, что эти дела лежат в основе общественной жизни и создают условия — хорошие или плохие, в зависимости от обстоятельств, — для того акта продолжения рода, который является высшей заботой государства. Это происходит потому, что вопрос любви представляет такой чисто частный интерес, что он имеет тенденцию погружаться в вопрос породы. Мы должны осознать не только то, что вопрос любви подчинен вопросу породы, но также и то, что любовь имеет надлежащее, необходимое и даже социально полезное право на самостоятельность и на то, чтобы к ней относились по достоинству.

В глубоко наводящем на размышления исследовании любви, которое выдающийся социолог Тард оставил после своей смерти (*Archives d'Anthropologie Criminelle, loc. cit.*), есть несколько интересных замечаний по этому поводу: "Общество, - говорит он, - было гораздо больше и разумнее озабочено проблемой ответа на "вопрос породы", чем "вопросом любви". Первая

проблема заполняет все наши гражданские и коммерческие кодексы. Вторая проблема никогда не была четко сформулирована и не рассматривалась в лицо, даже в древности, а тем более с приходом христианства, поскольку простого предложения решений проблемы брака и проституции явно недостаточно. Государственные деятели видели только ту сторону, с которой это касается населения. Отсюда и законы о браке. Бесплодная любовь, которую они, по их словам, презирают. И все же очевидно, что, хотя любовь и рождается как раб поколения, цивилизация стремится освободиться от нее. Вместо простого метода продолжения рода это стало целью, это создало себе титул, королевский титул. В наших садах выращивают цветы, которые тем более очаровательны, что они бесплодны; почему двойной венчик любви пользуется более дурной славой, чем стерилизованные цветы в наших садах?" Тард отвечает, что причина в том, что наши политики - всего лишь честолюбивые личности, жаждущие власти и богатства, и даже когда они любовники, они скорее дон Жуаны, чем Вергилии. "Будущее, - продолжает он, - за виргилианцами, потому что, если стремление к власти, царственное богатство американского или европейского миллионерства когда-то казались благороднее, любовь теперь все больше и больше привлекает к себе лучшие и возвышенные части души, где лежит скрытая закваска всего величайшего в науке и искусстве, и все больше множится тех прилежных и творческих душ, которые, увлеченные своей мирной деятельностью, внушают ужас бизнесменам и политикам и однажды преуспеют в том, чтобы отбросить их назад. Это, несомненно, будет великой и капитальной революцией человечества, активной психологической революцией: признанным преобладанием медитативной и созерцательной, любящей стороны человеческой души над лихорадочной, экспансивной, алчной и амбициозной стороной. И тогда станет понятно, что одной из величайших социальных проблем, возможно, самой трудной из всех, была проблема любви".

[375] *Quæstionum Convivialium*, библиотека. iii, вопрос 6.

[376] Э. Д. Коуп, "Проблема брака", *Открытый суд*, ноябрь 1888г.

[377] Собрание Американской медицинской ассоциации в Колумбусе, 1900 год.

[378] Эллен Ки, *О любви и здравии*, стр. 24.

[379] В замечательной статье о Люсинде Фридриха Шлегеля *Mutterschutz*, 1906, Heft 5), Heinrich Meyer-Benfey, in pointing out that the Catholic sacramental conception of marriage licensed love, but failed to elevate it, regards *Lucinde*, со всеми его недостатки, как первое выражение единства чувств и души, и, как таковое, основа новой этики любви. Следует, однако, сказать, что четыре столетия ранее Понтано выразил то же самое эротическое единство гораздо более решительно и цельно, чем Шлегель, хотя написанные им латинские стихи, какими бы свежими и жизненными они ни были, остались без влияния. *Кармина* Понтано, включая "О супружеской любви", была, наконец, переиздана в научном издании Солдати.

[380] С тринадцатого по семнадцатый века Овидий на самом деле был самым популярным и влиятельным поэтом-классиком. Его произведения сыграли большую роль в формировании литературы эпохи Возрождения, не в последнюю очередь в Англии, где Марлоу перевел свои *Любовные романы*, и Шекспир в первые годы своей литературной деятельности был ему во

многом обязан (см., например, Сидни Ли, "Овидий и сонеты Шекспира", *Quarterly Review*, Apr., 1909).

[381] Это уже обсуждалось в главе II.

[382] К двадцати пяти годам, как отмечает Г. Хирт (*Wege zur Heimat*, стр. 541), энергичный и сексуально настроенный мужчина в большом городе по большей части уже имел отношения примерно с двадцатью пятью женщинами, возможно, даже с пятьюдесятью, в то время как хорошо воспитанная и культурная женщина в этом возрасте все еще только начинает осознавать медленно нарастающее возбуждение от секса.

[383] В своем исследовании "Супружеское отвращение" (*Журнал "Нервные и психические заболевания"*, сентябрь 1892 г.) Смит Бейкер указывает на ценность адекватных сексуальных знаний до вступления в брак для уменьшения риска такого отвращения.

[384] "К чести людей можно сказать, - справедливо замечает Адлер (указ. соч., стр. 182), - что, возможно, в этом вопросе виновата не их сознательная жестокость, а просто недостаток навыков и непонимания. Муж, который от природы не наделен особым опытом для психического общения с женщинами, вряд ли из-за своего более раннего общения с Венерой вульгивагой привнесет в брак какие-либо полезные знания, психические или физические".

[385] "В первую ночь, - пишет корреспондент о своем браке, - она сочла этот акт очень болезненным и была напугана и удивлена размером моего пениса и тем, что я внезапно оказался на ней. До брака мы очень открыто говорили о сексе, и мне никогда не приходило в голову, что она не осведомлена о деталях этого акта. Я предполагал, что ей было бы противно говорить об этих вещах, но теперь я вижу, что должен был все ей объяснить. Перед женитьбой я пришел к выводу, что уважение к своей жене несовместимо с любыми разговорами, которые могут показаться неприличными, а также я принял решение не подвергать ее тому, что я тогда считал грязными трюками, даже быть обнаженным и обладать ею обнаженной. На самом деле я стала жертвой притворной скромности; это была искусственная реакция на ту жизнь, которой я жила до замужества. Теперь мне кажется естественным, если ты любишь женщину, делать все, что приходит в голову тебе и ей. Если бы я не считал неправильным поощрять подобные действия между нами, между нами могла бы установиться сексуальная симпатия, которая еще теснее привязала бы меня к ней".

[386] Монтень, *Эссе*, Вк. iii, Гл. V. Важным фактом является то, что даже в том, что касается информации, женщины, несмотря на большое невежество и неопытность, часто лучше подготовлены к вступлению в брак, чем мужчины. Как отмечает Фюрбрингер (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 212), хотя жена обычно более целомудренна в браке, чем муж, все же "она, как правило, более информированный партнер в вопросах, касающихся состояния в браке, несмотря на случайные удивительные признания".

[387] "Она никогда не теряет ни своего самоуважения, ни моего уважения к ней, — пишет мужчина в письме, - просто потому, что мы отчаянно любим друг друга, и все, что мы делаем, - от чего отказалась бы самая низкая проститутка, — кажется всего лишь попыткой одна за другой воплотить нашу страсть в действие. Я никогда раньше не осознавал, не то, что для непорочного все чисто, на самом деле, но что для влюбленного нет ничего неприличного. Да, я всегда это чувствовал, любить ее - это гуманитарное образование". Очевидно, что только наличие такого отношения, как это, может позволить чистой женщине быть страстной.

[388] "Быть по—настоящему понятым", как хорошо выразился Раффорд Пайк, "говорить то, что ей нравится, высказывать свои сокровенные мысли по-своему, отбросить традиционные условности, которые ее раздражают и подавляют, иметь рядом с собой кого-то, с кем она может быть совершенно откровенна, и все же знать, что ни один слог из того, что она скажет, не будет услышан". неправильно истолкованный или ошибочный, но скорее ощущаемый так же, как она чувствует все это - как чудесно сладко это для каждой женщины, и как мало найдется мужчин, которые могут ей это дать!"

[389] В последнее время это обсуждалось в связи с частотой спонтанных ночных выбросов. См. "Феномены сексуальной периодичности", раздел. II в I томе этих *исследований*, и *МВ*. Мистер Перри-Косте выступление на "годовой ритм," в приложении Б такого же объема.

[390] Смотрите "Сексуальное влечение у женщин", том. iii из этих *Исследований*.

[391] На практику Зенобии ссылается Гиббон, "*Упадок*", изд. Бери, том i, стр. 302. Решение королевы Арагона записано юристом из Монпелье Николасом Бохье (Boerius) в его *Решениях* и т. Д., изд. 1579 г., стр. 563; на это ссылается Монтень, *Эссе*, Вк. iii, гл. V.

[392] Халлер, *Физиологические элементы*, 1778, том. vii, с. 57.

[393] Хаммонд, *Половое бессилие*, стр. 129.

[394] Фюрбрингер, сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 221.

[395] Форель, "*Сексуальная жизнь*", стр. 80.

[396] Guyot, *Bréviaire de l'Amour Expérimental*, p. 144.

[397] Erb, *Справочник* Цимссена, Bd. xi, ii, стр. 148. Гутцайт также считал, что обнаруженные очень широкие вариации являются врожденными и естественными. Можно добавить, что некоторые считают, что существуют расовые вариации. Таким образом, было заявлено, что генитальная сила англичан низкая, а у французов (особенно провансальцев, лангедокийцев и гасконцев) высокая, в то время как Левенфельд считает, что германская раса превосходит французов в способности часто повторять половой акт. Вполне вероятно, что этим мнениям придается мало значения и что главные различия носят скорее индивидуальный, чем расовый характер.

[398] Риббинг, *L'Hygiène Sexuelle*, стр. 75. Киш в своей "*сексуальной жизни женщины*" выражает то же мнение.

[399] Мухаммед, который часто проявлял уважение к женщинам, что очень редко встречается у основателей религий, является исключением. Его предписание раз в неделю олицетворяло право жены, совершенно независимо от количества жен, которыми мог обладать мужчина.

[400] Насколько хрупко утверждение о "супружеских правах", может быть в достаточной степени доказано тем фактом, что сейчас многие считают, что сам термин "супружеские права" возник просто по ошибке вместо "супружеских обрядов". До 1733 года, когда судопроизводство велось на латыни, использовался термин *obsequies*, а "права" вместо "обрядов", по-видимому, были просто ошибкой наборщика (см. *Примечания и запросы*, 16 мая 1891 г.; 6 мая 1899 г.). Следует добавить, что это объяснение применимо только к освященному термину, поскольку не может

быть никаких сомнений в том, что лежащая в его основе идея существует совершенно независимо от термина.

[401] "В большинстве несчастливых браков, - говорится в вдумчивой статье Раффорда Пайка "Мужья и жены" (*Cosmopolitan*, 1902), - чаще всего разочаровывается жена, а не муж".

[402] Смотрите "Анализ сексуального влечения", в т. iii из этих *Исследований*.

[403] Однако авторы эротических статей хорошо понимают, что женщины иногда могут принимать сравнительно активное участие. Так, Ватсыяна говорит, что иногда женщина может занять позицию мужчины и с цветами в волосах, с улыбками, смешанными со вздохами, склонив голову, лаская его и прижимаясь к нему грудью, сказать: "Ты был моим победителем; теперь моя очередь заставить тебя молить о пощаде".

[404] Так, у суахили, согласно Заку, *Zeitschrift für Ethnologie*, 1899, II-III, стр. 84, именно на третий день после свадьбы жениху по обычаю разрешается завершить дефлорацию.

[405] *De l'Amour*, том. ii, стр. 57.

[406] Robert Michels, "Brautstandsmoral," *Geschlecht und Gesellschaft*, Jahrgang I, Heft 12.

[407] Я могу еще раз сослаться на факты, собранные воедино в томе iii этих *исследований* "Анализ сексуального влечения".

[408] На это указывал, например, Рутгерс, "Сексуальная дифференциация", *Новое поколение*, декабрь 1908г.

[409] Так, среди эскимосов, практикующих временный обмен женами, Расмуссен утверждает, что "мужчина обычно обнаруживает, что его собственная жена, несмотря ни на что, самая лучшая".

[410] "Я всегда придерживался мнения покойного профессора Лейкока, - замечает Клаустон (*Гигиена разума*, стр. 214), - который был очень тонким исследователем человеческой природы, что супружеской паре не обязательно всегда быть вместе, чтобы быть счастливой, и что на самом деле разумные отлучки и расставания ведут к окончательному и более тесному союзу". То, что продление страсти совместимо только с отсутствием, едва ли нуждается в указании; как давным-давно сказала Мэри Уолстонкрафт (*Права женщины*, оригинальное издание, стр. 61), страсть долговечна только в отсутствии или в несчастье. Однако можно добавить, что в своих любовных письмах к Имлею она писала: "Я всегда заявляла, что два человека, которые хотят жить вместе, не должны надолго расставаться".

[411] "При широком рассмотрении, - говорит Арнольд Л. Гезелл в своем интересном исследовании "Ревности" (*Американский журнал психологии*, октябрь 1906 г.), - ревность кажется настолько необходимым психологическим сопровождением биологического поведения в условиях конкурентной борьбы, что возникает соблазн считать ее генетически одной из старейших эмоций, почти синонимом воли к жить и сделать это едва ли менее фундаментальным, чем страх или гнев. На самом деле, ревность легко переходит в гнев и сама по себе является разновидностью страха. ... В общительности и взаимопомощи мы видим другую сторону счита; но ревность, какой бы антисоциальной она ни была, сохраняет функцию в

зоологической экономике, а именно, защищает индивида от группы. Это великое природное средство для исправления чисто социальных эмоций".

[412] В исследовании Гезелла о "Ревности" собрано множество иллюстраций.

[413] Ревность среди низших рас может быть замаскирована или модифицирована племенными обычаями. Так, Расмуссен (*Люди Полярного Севера*, стр. 65) говорит об эскимосском обычае обмена женами: "Один мужчина однажды сказал мне, что он бьет свою жену только тогда, когда она не принимает других мужчин. Она не хотела иметь ничего общего ни с кем, кроме него, — и это был ее единственный недостаток!" Расмуссен в другом месте показывает, что эскимосы способны на крайнюю ревность.

[414] См., например,, Moll, *Сексуальная жизнь детей*, стр. 158; ср. "Исследование ревности" Гезелла.

[415] Ревность, как известно, распространена среди пьяниц. Как указывает К. Бирнбаум ("*Das Sexualeben der Alkoholisten*", *Сексуальная проблема*, январь 1909 г.), эта ревность в большинстве случаев более или менее обоснована, поскольку жена, испытывающая отвращение к своему мужу, естественно, ищет сочувствия и общения в другом месте. Алкогольная ревность, однако, выходит далеко за рамки своей фактической основы и переплетается с бредом и галлюцинациями. (См., например,, Г. Дюма, "Логика единственного решения", *Философское ревю*, февраль 1908 г.; также Стефановский, "Болезненная ревность", *психиатр и невролог*, июль 1893 г.)

[416] Эллен Ки, *О любви и здравии*, стр. 335.

[417] Шремпф указывает ("Фон Стелла цу Клерхен", *Муттершутц*, 1906, Высота 7, стр. 264), что Гете стремился показать в "*Эгмонте*", что женщину отталкивает любовь мужчины, который не знает ничего, кроме своей любви к ней, и что ей легко посвятить себя мужчине, чьи цели лежат в большом мире за пределами ее самой. В этой точке зрения есть глубокая правда.

[418] Обсуждение "платонической дружбы" такого рода несколькими авторами, в основном женщинами, чьи мнения разделились почти поровну, можно найти, например, в "*Царстве леди*", март 1900г.

[419] Несомненно, существуют важные исключения. Таким образом, знаменитая дружба Мериме с мадемуазель . Дженни Дакен, запечатленная в "*Письмах о невыясненном*", возможно, во всем была платонической на стороне Мериме, мадемуазель. Даквин приспосабливается к его поведению. Cf. A. Lefebvre, *La Célèbre Inconnue de Mérimée*, 1908.

[420] Опубликованы любовные письма всех этих выдающихся людей. Роза Майредер ("*Критика Вайблихкейта*", стр. 229 и далее) обсуждает вопрос о смиренной и абсолютной манере, с которой даже самые мужественные и порывистые мужчины предаются вдохновению любимой женщины. Случай с Браунингами, которых называли "героем и героиней самой замечательной истории любви, которую знает мир", особенно примечателен; (Эллен Ки писала о Браунингах с этой точки зрения в "*Menschen*", и можно сослаться на статью о любовных письмах Браунингов в "*Edinburgh Review*", апрель 1899 г.). Вряд ли нужно добавлять, что эротические отношения могут значить очень много для людей с высокими интеллектуальными способностями, даже если их исход несчастлив; о Мэри Уолстонкрафт, одной из самых интеллектуально выдающихся

женщин, можно сказать, что письма, в которых она рассказывает о своей любви к никчемному Имлею, являются одними из самых страстных и трогательных любовных писем на английском языке.

ГЛАВА XII.

НАУКА О ПРОДОЛЖЕНИИ РОДА.

Содержание

Связь науки о деторождении с искусством любви—Сексуальное желание и сексуальное удовольствие как условия зачатия—Репродукция, ранее оставленная на волю каприза и похоти—Вопрос о деторождении как религиозный вопрос—Кредо евгеники—Эллен Ки и сэр Фрэнсис Гальтон—Наш долг перед потомством—Проблема замены естественного отбора—Происхождение и развитие евгеники—Всеобщее признание евгенических принципов сегодня—Два канала, по которым евгенические принципы воплощаются на практике—Чувство сексуальной ответственности у женщин—Отказ от обязательного материнства —Привилегия добровольного материнства—Причины деградации материнства—Контроль за зачатием —Практикуемый сейчас большинством населения цивилизованных стран—Ошибочность "Расового самоубийства" — Являются ли многодетные семьи клеймом дегенерации?—Контроль за деторождением как результат естественного и цивилизованного прогресса—Рост неомальтузианских верований и практик—Факультативное бесплодие в отличие от неомальтузианства—Медицинская и гигиеническая необходимость контроля за зачатием—Профилактические методы—Аборты—Новая доктрина об обязанности практиковать аборты—Насколько это оправдано?—Кастрация как метод контроля за деторождением—Негативная евгеника и Позитивная евгеника—Вопрос о свидетельствах о браке—Неадекватность евгеники Актом парламента—Оживление общественного сознания в отношении наследственности—Ограничения дарования материнства—Условия, благоприятные для деторождения—Бесплодие—Вопрос об искусственном оплодотворении—Наилучший возраст для деторождения—Вопрос о раннем материнстве—Наилучшее время для деторождения—Завершение Божественного Цикла Жизни.

Мы видели, что искусство любви имеет независимое и вполне оправданное право на существование, совершенно отдельное от продолжения рода. Даже если бы мы все еще верили — как, должно быть, когда-то верили все мужчины, а некоторые жители Центральной Австралии все еще верят^[421] — что половой акт не имеет существенной связи с продолжением рода, он имел бы полное право на существование. В своих более тонких проявлениях как искусство оно требуется цивилизации для полного развития личности, и в равной степени требуется для той стабильности отношений, которая почти везде рассматривается как требование общественной морали.

Когда мы теперь переходим ко второму важнейшему конститутивному фактору брака - продолжению рода, первое, с чем мы сталкиваемся, - это то, что искусство любви здесь также имеет свое место. В древние времена сексуальное соответствие любого мужчины любой женщине считалось настолько само собой разумеющимся, что все вопросы любви и искусства любви можно было не рассматривать. Считалось, что акт размножения может совершаться так

же безлично, так же формально, как отцы раннего христианства представляли, что это совершалось в Раю. Такая точка зрения больше неприемлема. Она не может похвалить себя ни перед мужчинами, ни тем более перед женщинами. Мы знаем, что в цивилизации, во всяком случае, — а среди дикарей часто происходит то же самое, - этика не всегда легка между двумя людьми, выбранными наугад, и даже когда они проходят более специальный отбор. И мы также знаем, исходя из авторитетных гинекологов, что во многих случаях этого недостаточно даже для осуществления полового акта, необходимо также вызвать оргазм, если мы хотим достичь зачатия.

Многие первобытные народы, а также средневековые теологи верили, что сексуальное возбуждение со стороны женщины необходимо для зачатия, хотя иногда они смешивали эту веру с ложной наукой и простым суеверием. Само это убеждение поддерживается некоторыми из самых осторожных и опытных современных гинекологов. Так, Мэтьюз Дункан (Matthews Duncan) в своих лекциях *обесплодии у женщин* утверждал, что отсутствие сексуального желания у женщин и отсутствие удовольствия от полового акта являются мощными факторами, приводящими к бесплодию. Он представил таблицу, основанную на его истории болезни, показывающую, что из почти четырехсот бесплодных женщин только около одной четвертой испытывали сексуальное желание, в то время как менее половины испытывали удовольствие от полового акта. Однако в отсутствие соответствующей таблицы, касающейся фертильных женщин, ничто таким образом не доказывается абсолютно и, самое большое, устанавливается только вероятность.

Киш совсем недавно (в своей книге "*Сексуальная жизнь женщины*") полностью рассмотрел этот вопрос и приходит к выводу, что "чрезвычайно вероятно", что активное эротическое участие женщины в половом акте является важным звеном в цепи условий, приводящих к зачатию. Он отмечает, что это действует одним или обоими из двух способов, вызывая рефлексорные изменения в цервикальных выделениях и, таким образом, облегчая прохождение сперматозоидов, и вызывая рефлексорные изменения эрекции в самой шейке матки с небольшим опусканием матки, что облегчает поступление спермы. Киш ссылается на аналогичный факт, что первому наступлению менструации способствует сексуальное возбуждение.

Некоторые авторитетные источники заходят так далеко, что утверждают, что до тех пор, пока у женщины не возникнет чувственного возбуждения, оплодотворение невозможно. Это утверждение кажется слишком экстремальным. Верно, что возникновение оплодотворения во время сна или при анестезии не может быть противопоставлено этому, поскольку мы знаем, что бессознательность этих состояний никоим образом не препятствует возникновению полного сексуального возбуждения. Однако мы не можем не связать тот факт, что оплодотворение часто не наступает в течение месяцев и даже лет после вступления в брак, с тем фактом, что сексуальное удовольствие от полового акта со стороны жены также часто не наступает в течение аналогичного периода.

"Из всех человеческих инстинктов", - сказал Пинар,^[422] "инстинкт размножения - единственный, который остается в примитивном состоянии и не получил воспитания. Сегодня мы размножаемся так же, как они размножались в каменном веке. Самый важный акт в жизни человека, самый возвышенный из всех актов, поскольку это акт его воспроизводства, человек совершает сегодня с такой же беспечностью, как и в эпоху пещерного человека ". И хотя сам

Пинар, как основатель фруктовой культуры, внес большой вклад в привлечение внимания к огромным судьбам, зависящим от акта деторождения, в этом утверждении все еще остается прискорбная доля правды. "Будущие поколения, - пишет Вестермарк в своей великой истории моральных идей,^[423] "вероятно, с некоторым ужасом будут оглядываться назад на период, когда наиболее важная и по своим последствиям наиболее далеко идущая функция, выпавшая на долю человека, была полностью предоставлена индивидуальному капризу и похоти".

В его *Застольной беседе* нам рассказывается, что великий Лютер имел обыкновение говорить, что Божий способ сотворения человека был очень глупым ("sehr närrisch"), и что если бы Бог соизволил прислушаться к его совету, он настоятельно посоветовал бы Ему создать всю человеческую расу, как Он создал Адама, "из земли". И, конечно, если применить это к небрежной и безрассудной манере, с которой обычно осуществлялось деторождение во времена Лютера, как и все еще по большей части в наши времена, в замечаниях Реформатора был здравый смысл. Если это способ продолжения рода, то было бы лучше заново создать и вылепить каждого человека из земли; таким образом, мы могли бы, во всяком случае, устранить дурную наследственность. Однако было несправедливо возлагать ответственность на Бога. Именно мужчины и женщины порождают людей, которые делают мир хорошим или плохим. Они стремятся свалить зло общества на что-то вне себя. Они видят, насколько большая часть людей неполноценна, плохо обусловлена, антисоциальна, неспособна вести полноценную и красивую человеческую жизнь. На старом теологическом языке часто говорилось, что это "дети дьявола", и сам Лютер часто был готов приписать мировое зло прямому вмешательству дьявола. И все же эти невоспитанные люди, которые засоряют колеса общества, в конце концов, на самом деле являются детьми Человека. Единственный дьявол, к которому мы можем справедливо обратиться в этом вопросе, - это Человек.

Заповедь "Плодитесь и размножайтесь", которую древние евреи вложили в уста своего племенного Бога, была, как указывает Крэкаторп,^[424] команда, предположительно, была произнесена, когда в мире было всего восемь человек. Если когда-нибудь снова наступит время, когда жителей мира можно будет пересчитать по пальцам, такое предписание, как верно замечает Крэкаторп, снова будет разумным. Но мы должны помнить, что сегодня человечество породило себя по всему миру в виде сотен и даже тысяч миллионов существ, значительная часть из которых, как это слишком очевидно, вообще никогда не должна была рождаться, и голос Иеговы теперь звучит через лидеров человечества в совершенно ином смысле.

Неудивительно, что по мере того, как этот факт становится общепризнанным, вопрос о продолжении рода приобретает новое значение и даже приобретает характер нового религиозного движения. Простая мораль никогда не заставит нас беспокоиться о будущем расы, и в былые времена люди протестовали против тенденции подчинять интересы религии требованиям "простой морали". В основе этого протеста лежал здоровый естественный инстинкт, так часто и так энергично высказываемый христианством и вновь возрождаемый сегодня в более разумной форме. Притязания расы - это притязания религии. Мы должны остерегаться, чтобы не подчинить это требование нашей морали. Мораль действительно является неизбежной частью нашего общественного устройства, от которой мы не можем убежать; у каждого сообщества должны быть свои *нравы*. Но мы не имеем права делать фетиш из нашей морали, принося ей в жертву вверенные нам высшие интересы. Нации, которые сделали это, уже подписали себе смертный приговор.^[425] С этой точки зрения все христианство, рассматриваемое справедливо, с его глубокой убежденностью в необходимости

предусмотрительности и подготовки к загробной жизни, было подготовкой к евгенике, школьным учителем, воспитывающим в нас более высокий идеал, чем преподается само по себе, и поэтому мы не можем удивляться прочности основы, на которой развиваются евгенические концепции жизни.

Наиболее выдающиеся пионеры нового движения преданности сотворению расы, по-видимому, независимо друг от друга осознали его религиозный характер. Такое отношение в равной степени отмечено у Эллен Ки и Фрэнсиса Гальтона. В своем *Столетии ребенка* (английский перевод, 1909) Эллен Ки полностью отождествляет себя с евгеническим движением. "Это только вопрос времени", - пишет она в другом месте (*Общая любовь и здоровье*, стр. 445), "когда отношение общества к сексуальному союзу будет зависеть не от формы союза, а от ценности созданных детей. Мужчины и женщины тогда будут с такой же религиозной серьезностью стремиться к психическому и физическому совершенствованию этой сексуальной задачи, с какой христиане стремились к спасению своих душ".

Сэр Фрэнсис Гальтон, написавший несколько лет спустя, но, без сомнения, независимо, в 1905 году, об "Ограничениях в браке" и "Евгенике как факторе религии" (*Социологические статьи* Социологического общества, том. ii, стр. 13, 53), отмечает: "Религиозные предписания, основанные на этике и практике старых времен, требуют переосмысления, чтобы привести их в соответствие с потребностями прогрессивных наций. Мы уже настолько отстали от современных требований, что большая часть нашей практики и наша профессия не могут быть согласованы без незаконной казуистики. Мне кажется, что мало что так необходимо нам в Англии, как пересмотр нашей религии, приведение ее в соответствие с интеллектом и потребностями настоящего времени. ... Эволюция - это грандиозная фантазмагория, но она приобретает бесконечно более интересный аспект при знании того, что разумное действие человеческой воли в какой-то малой степени способно направлять ее ход. Человек в значительной степени способен сделать это, поскольку речь идет об эволюции человечества; он уже так сильно повлиял на качество и распространение органической жизни, что изменения на поверхности земли, просто благодаря его вырубке лесов и сельскому хозяйству, были бы заметны с такого большого расстояния, как расстояние до Луны. Евгеника - это мужественное кредо, полное надежды и обращенное ко многим из самых благородных чувств нашей природы".

Как всегда бывает в любом великом движении, горстка фанатиков довела до абсурда веру в высшую религиозную важность продолжения рода. Любовь, помимо продолжения рода, пишет один из этих фанатиков, Вашер де Лапуж, в духе некоторых отцов раннего христианства (см. *ante* стр. 509), является отклонением, сравнимым с садизмом и содомией. Деторождение - это единственное, что имеет значение, и оно должно стать "юридически предписанной социальной обязанностью", которую должны выполнять только тщательно отобранные лица и запрещать другим, которые по необходимости должны быть лишены права на деторождение, в то время как аборт и детоубийство должны, при определенных обстоятельствах, стать обязательными. Романтическая любовь исчезнет в процессе отбора, как и все религии, за исключением новой формы фаллического поклонения (Г. Вашер де Лапуж, "Кризис сексуальной морали", *Политическое антропологическое ревю*, № 8, 1908). Достаточно указать на то, что любовь является и всегда должна быть естественным путем к зарождению поколений. Подобные проявления детородного фанатизма не могут не иметь места, и они делают тем более необходимым акцент, который здесь был сделан на искусстве любви.

"Что такое сделали для меня потомки, что я должен что-то делать для потомков?" говорят, что один циник задал этот вопрос. Ответ очень прост. Человечество сделало для него все. Все, чем он является и может быть, является его творением; все, что он может сделать, является результатом его кропотливо накопленных традиций. Только работая над созданием еще лучшего потомства, он может отплатить за добрые дары, которые принесла ему человеческая раса.^[426] Подобно тому, как в пределах этой нынешней жизни многие, получившие блага и доброту, которыми они никогда не смогут отплатить настоящим дарителям, находят удовольствие в том, чтобы опосредованно возвращать подобное другим, так и наследие, полученное нами от наших восходящих созданий, мы никогда не сможем вернуть, разве что передав его в лучшей форме нашим потомкам.

Несомненно, верно, что рост евгенических идеалов по большей части не был обусловлен религиозными чувствами. Это было главным образом результатом очень постепенного, но очень всеобъемлющего движения к социальному улучшению, которое продолжалось более века и которое включало в себя прогрессивные усилия, направленные на улучшение всех условий жизни. Идеалы этого движения были провозглашены в восемнадцатом веке, они начали находить выражение в начале девятнадцатого века, в появлении современной системы санитарии, в росте фабричного законодательства, во всех движениях, которые продвигались вперед социализмом рука об руку с индивидуализмом. Неизбежная тенденция постепенно приближалась к корню проблемы; стало видно, что улучшением условий жизни взрослых можно добиться сравнительно немногого; внимание стало концентрироваться на ребенке, на младенце, на эмбрионе в утробе матери, и это привело к плодотворному развитию виноделия, вдохновленному Пинаром, и, наконец, проблема была доведена до ее источника в точке продолжения рода и регулирования полового отбора между стадиями и между особями как основного условия жизни. Здесь мы имеем дело с наукой евгеникой, которую сэр Фрэнсис Гальтон так много сделал для того, чтобы сделать определенным, жизненно важным и практическим исследованием, и которую в более широком смысле он определяет как "науку, имеющую дело с теми социальными евгениками, которые ментально или физически влияют на расовые качества будущих поколений". В своем самом широком аспекте евгеника - это, как сказал Гальтон в другом месте, попытка человека "заменить Естественный отбор другими процессами, более милосердными и не менее эффективными".

В последней главе своих *Воспоминаний о моей жизни* (1908), посвященной "Улучшению расы", сэр Фрэнсис Гальтон излагает происхождение и развитие своей концепции науки евгеники. Термин "евгеника" он впервые использовал в 1884 году в своей работе "*Факультет человека*", но концепция датируется 1865 годом и даже раньше. Совсем недавно Гальтон обсуждал проблемы евгеники в статьях, прочитанных перед Социологическим обществом (*Sociological Papers*, vol. i и ii, 1905), в Лекции Герберта Спенсера "Вероятность - основа евгеники" (1907) и в других местах. Многочисленные мемуары Гальтона на эту тему в настоящее время опубликованы в виде сборника Обществом евгенического образования, которое было основано в 1907 году для развития и популяризации евгенического отношения к социальным вопросам; *Евгенический обзор* публикуется этим Обществом. Что касается более строго научной стороны, евгенические исследования проводятся в Лаборатории евгеники Лондонского университета, основанной сэром Фрэнсисом Гальтоном, и в настоящее время работающей совместно с биометрической лабораторией профессора Карла Пирсона в Университетском колледже. Большая часть статистической работы профессора Пирсона в этом и смежных направлениях является разработкой идей и предложений, выдвинутых Гальтоном. См., например, Лекцию Роберта

Бойля Карла Пирсона "Масштабы и важность для состояния науки национальной евгеники" (1907). "Биометрика", отредактированная Карлом Пирсоном совместно с другими сотрудниками, содержит многочисленные статистические мемуары по евгенике. В Германии *Archiv für Rassen und Gesellschafts-biologie* и *Politisch-Anthropologische Revue* в основном занимаются различными аспектами таких тем, а в Америке *Научно-популярный ежемесячник* время от времени публикует статьи, имеющие отношение к евгенике.

Одно время существовала тенденция насмехаться над евгеническим движением. Это было расценено как попытка разводить мужчин, как мужчины разводят животных, и считалось достаточно легкой задачей отметить это новое движение замечанием, что любовь смеется над засовами и решетками. Сейчас это начинают понимать лучше. Никто, кроме фанатиков, не мечтает об отмене любви, чтобы создать пары по правилам. Это всего лишь вопрос ограничения возможного числа партнеров, из которых каждый может выбрать себе партнера, и мы должны помнить, что это всегда делалось даже дикарями, ибо, как было сказано, "евгеника - древнейшая из наук". Вопрос просто трансформировался. Вместо того, чтобы механически ограничиваться кастой, мы начинаем видеть, что выбор сексуальных партнеров должен быть разумно ограничен фактической пригодностью. Беспорядочные браки никогда не были правилом; возможность выбора всегда была узкой, и самые примитивные народы проявляли наиболее заметные самоограничения. Это относится не только к отдаленным расам, но и к нашим собственным европейским предкам. На протяжении всего периода католического господства каноническое право множило препятствия для заключения брака, поскольку, устанавливая, что кровное родство четвертой степени (троюродные братья), а также духовное родство являются препятствием, и такими произвольными запретами ограничивало круг возможных партнеров по крайней мере настолько, насколько это было бы ограничено более разумными требованиями евгенических соображений.

В наши дни можно сказать, что принцип добровольного контроля за деторождением не ради эгоистичных целей индивида, а для того, чтобы искоренить болезни, ограничить человеческие страдания и повысить общий уровень человечества путем замены вульгарного идеала простого количества идеалом качества, в настоящее время общепризнан как медицинскими патологами, эмбриологами и неврологами, так и социологами и моралистами.

Было бы легко привести множество цитат из авторитетных источников по этому вопросу. Таким образом, Мечникофф указывает (*Essais Optimistes*, стр. 419), что ортобиоз, по-видимому, предполагает ограничение потомства в борьбе с болезнью. Баллантайн завершает свой великий трактат о *антенанальной патологии* утверждением, что "евгеника", или благополучное зачатие, является одной из самых насущных проблем в мире. Доктор Луиза Робинович, редактор *Журнала психической патологии*, в блестящей и вдумчивой статье, прочитанной перед Римским конгрессом психологии в 1905 году, хорошо высказалась в том же смысле: "Нации еще не возвысили энергию генетической функции до уровня энергии. Другие известные нам энергии, даже самого низкого качества, уже давно используются с умом, и их деятельность основана на принципе строжайшей возможной экономии. Такое экономическое использование было обеспечено не путем введения каких-либо законодательных ограничений, а благодаря неуклонно прогрессирующему человеческому интеллекту. Экономическое управление генетической функцией, подобно экономической функции других видов энергии, будет осуществляться посредством устойчивого и прогрессивного интеллектуального развития наций". "Существуют обстоятельства, - говорит Ч. Х. Хьюз ("Ограниченное продолжение

рода", *Психиатр и невролог*, май 1908 г.), - при которых продолжение человеческой жизни может быть таким же тяжким преступлением, как и лишение жизни, которая уже началась".

Как с общебиологической, так и с социологической стороны, принятие одной и той же точки зрения постоянно становится все более общим, поскольку она признается неизбежным результатом движений, которые продолжаются уже давно.

"Уже сейчас, - писал Хейкрафт (*Дарвинизм и расовый прогресс*, стр. 160), ссылаясь на закон о предотвращении жестокого обращения с детьми, - общественное мнение выразилось в общественном правиле, согласно которому мужчина и женщина, зачиная ребенка, должны взять на себя обязательство и ответственность следить за тем, чтобы этот ребенок не подвергался жестокости и лишениям. Это всего лишь один шаг вперед - сказать, что мужчина и женщина обязаны не производить детей, когда очевидно, что из-за недостатка физического развития им придется претерпевать страдания и вести лишь неравную борьбу со своими собратьями". Профессор Дж. Артур Томсон в своем томе *наследственности* (1908) энергично и сдержанно выступает (стр. 528) за рациональные методы евгеники, которые особенно востребованы в эпоху, подобную нашей, когда непригодным было предоставлено больше шансов на размножение, чем когда-либо в любую другую эпоху. Бейтсон, снова ссылаясь на растущие знания о наследственности, замечает (*Принципы наследственности Менделя*, 1909, стр. 305): "Генетические знания, безусловно, должны привести к новым концепциям справедливости, и ни в коем случае не исключено, что в свете таких знаний общественное мнение будет приветствовать меры, которые, вероятно, сделают больше для исчезновения преступников и дегенератов, чем было достигнуто за века введения уголовных наказаний". "Юношей и девушек-подростков", - сказал Антон фон Менгер в своей последней книге "Беременная" *Neue Sittenlehre* (1905), - "необходимо учить тому, что производство детей при определенных обстоятельствах является преступлением; их также следует учить добровольному ограничению зачатия, даже в здоровом состоянии"; такое обучение, справедливо добавил Менгер, является необходимой подготовкой к принятию любого законодательства в этом направлении.

В последние годы многие книги и статьи были посвящены пропаганде евгенических методов. Можно упомянуть, например, о *населении и прогрессе* (1907) Монтегу Крэкенторпа, президента Общества евгенического образования. См. также Хэвелока Эллиса, "Евгеника и святой Валентин", *Девятнадцатый век и после*, май 1906 г. Можно упомянуть, что почти тридцать лет назад мисс Дж. Х. Клаппертон в своем *"Научном мелиоризме"* (1885, гл. XVII) указала, что добровольное ограничение деторождения с помощью неомальтузианских методов, помимо чисто пруденциальных мотивов, которые там четко признаются, является "новым ключом к социальному положению" и необходимым условием "национального возрождения". *"Основы евгеники"* профессора Карла Пирсона (1909), пожалуй, является лучшим кратким введением в предмет. Можно также упомянуть книгу доктора Салиби *"Отцовство и расовая культура"* (1909), написанную популярно и с энтузиазмом.

Насколько широко общие принципы евгеники в настоящее время принимаются как надежный метод повышения уровня человеческой расы, было хорошо показано на заседании Социологического общества в 1905 году, когда после того, как сэр Фрэнсис Гальтон прочитал статьи по этому вопросу, участники совещания заслушали мнения многочисленных социологов, экономистов, биологов и известных мыслителей из разных стран, которые присутствовали или

прислали сообщения. Около двадцати одного высказали более или менее безоговорочное одобрение, и только трое или четверо высказали возражения, в основном по деталям (*Социологические статьи*, опубликованные Социологическим обществом, vol. ii, 1905).

Если мы спросим, по каким каналам этот импульс к контролю за деторождением для возвышения расы находит свое выражение в практической жизни, мы вряд ли сможем не обнаружить, что таких каналов по меньшей мере два: (1) растущее чувство сексуальной ответственности как у женщин, так и у мужчин, и (2) завоевание контроля за деторождением, которое было достигнуто в последние годы благодаря повсеместному внедрению методов предотвращения зачатия.

В предыдущей главе уже было необходимо обсудить далеко идущее значение личной ответственности женщины как элемента изменения сексуальной жизни современных сообществ. Здесь нужно только указать, что автономная власть женщины над своей собственной личностью в сексуальной сфере предполагает с ее стороны согласие на акт деторождения, которое должно быть преднамеренным. Мы склонны думать, что это новое и почти революционное требование; однако, несомненно, естественной, древней и признанной привилегией женщин является то, что они не должны становиться матерями без собственного согласия. Даже в исламском мире из *"Тысячи и одной ночи"* мы находим, что высоко ценятся "добродетель и мужество" женщины, которая была изнасилована во сне, обнажена и брошена на дороге с младенцем, явившимся плодом этого невольного союза, "не желая, - сказала она, - брать на себя ответственность перед Аллахом за ребенка, родившегося без моего согласия".^[427] Одобрение, с которым рассказывается эта история, ясно показывает, что исламской общественности казалось совершенно справедливым и гуманным, что женщина не должна иметь ребенка, кроме как по своей собственной воле. В более поздние времена мы привыкли говорить, что государству нужны дети и что обеспечивать их - дело и обязанность женщин. Но государство имеет не больше прав, чем отдельный человек, насиловать женщину против ее воли. Мы начинаем понимать, что если государство хочет иметь детей, оно должно сделать так, чтобы женщинам было приятно их рожать, как это не может не быть при естественных и справедливых условиях. "Женщины решают вопрос человечества, - сказал Ибсен в одном из своих редких и многозначительных частных высказываний, - и они сделают это как матери". Но немыслимо, чтобы какой-либо вопрос когда-либо решался беспомощным, невольным действием, которое даже не достигло достоинства животной радости.

Иногда предполагается, что требование женщин о том, что материнство никогда не должно быть обязательным, означает, что они не желают быть матерями ни на каких условиях. В некоторых случаях это может быть так, но это определенно не так в отношении большинства здравомыслящих и здоровых женщин в любой стране. Напротив, это требование обычно связано с желанием прославить материнство, если не с мыслью о том, чтобы распространить материнство на многих, кто сегодня лишен его. "Мне кажется, - писала леди Генри Сомерсет несколько лет назад (*"Желанное дитя"*, *Арена*, апрель 1895 г.), - что жизнь будет тем дороже и благороднее, чем больше мы осознаем, что в кульминации и венце творческой мощи нет ничего неприличного, скорее, это высшая слава человечества. Но если добровольное материнство - венец расы, то недобровольное принудительное материнство - полная противоположность. ... Только когда и мужчина, и женщина поймут, что самая священная из всех функций, возложенных на женщин, должна выполняться только по свободной воле, в мире смогут

родиться дети, в которых есть радостное желание жить, которые претендуют на самую сладкую привилегию детства - уверенность в том, что они могут расти в лучах любви, которая им причитается". Эллиен Ки, подобным образом, указывая (*На любовь и Эхе*, стр. 14, 265), что тирания старого протестантского религиозного духа, который предписывал женщинам неограниченное подчинение безрадостному материнству в "белой гробнице брака", теперь разрушается, превозносит привилегии добровольного материнства, признавая при этом, что может быть несколько исключительных случаев, когда женщины могут отказаться от материнства ради других потребностей своей личности, хотя, "как правило, женщина, которая отказывается от материнства, чтобы служить человечество подобно солдату, который накануне битвы готовится к предстоящей борьбе, вскрывая себе вены". Хелен Штекер также рассматривает материнство как одно из требований, действительно одно из растущих требований, которые сейчас предъявляют женщины. "Если сегодня, - говорит она (в предисловии к *Любви и смерти девушек*", 1906), — даже для женщин требуются все блага жизни — интеллектуальное развитие, материальная независимость, счастливое призвание в жизни, уважаемое общественное положение - и в то же время брак и ребенок, как нечто само собой разумеющееся и одинаково необходимое, это требование больше не звучит, как это звучало несколько лет назад, голосом проповедника в пустыне".

Деградация, до которой, по мнению многих, дошло материнство, отчасти объясняется тенденцией лишать женщин какого-либо права голоса в этом вопросе, а отчасти тем, что Герберт Уэллс называет (*Социализм и семья*, 1906) "чудовищной абсурдностью того, что женщины выполняют свою высшую социальную функцию, вынашивая и воспитывая детей, так сказать, в свободное время, в то время как они "зарабатывают себе на жизнь", внося какой-то полумеханический элемент в какой-то тривиальный промышленный продукт". Было бы непрактично и даже нежелательно настаивать на том, чтобы замужним женщинам не разрешалось работать, поскольку работа в мире полезна для всех. По оценкам, более тридцати процентов. большинство работающих женщин в Англии замужем или вдовы (Джеймс Хэслэм, *Англичанка*, июнь 1909 г.), и только на фабриках Ланкашира в 1901 году было занято 120 000 замужних женщин. Но государство легко могло бы в своих собственных интересах устроить так, чтобы работа женщины по профессии всегда уступала место ее материнской работе. Тем более нежелательно запрещать замужним женщинам работать по профессии, поскольку есть некоторые профессии, для которых замужняя женщина, или, скорее, мать, лучше подготовлена, чем незамужняя женщина. Особенно это касается преподавания, и было бы хорошей политикой предоставить замужним женщинам-учителям особые привилегии в виде увеличения количества свободного времени и отпусков. Хотя во многих областях знаний незамужняя женщина может быть превосходным учителем, крайне нежелательно, чтобы дети, и особенно девочки, воспитывались исключительно под влиянием незамужних учителей.

Второй важный канал, по которому импульс к контролю за деторождением для возвышения расы проникает в практическую жизнь, заключается в повсеместном принятии образованными классами всех стран — и следует помнить, что, во всяком случае, в этом вопросе все классы постепенно начинают становиться образованными — методов предотвращения зачатия, за исключением случаев, когда зачатие намеренно желаемо. Больше недопустимо обсуждать обоснованность этого контроля, поскольку это свершившийся факт, ставший частью нашей современной морали. "Если огромное количество в остальном хорошо воспитанных людей, составляющих, вероятно, большинство всего образованного класса страны, привычно и сознательно придерживаются определенной линии поведения", как справедливо выразился

Сидни Уэбб, "мы должны предположить, что это не противоречит их действительному кодексу морали".^[428]

Не может быть никаких сомнений в том, что, насколько это касается Англии, предотвращение зачатия практикуется, из благоразумия или других побуждений, подавляющим большинством образованных классов. Этот факт хорошо известен всем, кто близко знаком с фактами английской семейной жизни. Так, доктор А. В. Томас пишет (*Британский медицинский журнал*, 20 октября 1906 г., стр. 1066): "Исходя из моего опыта врача общей практики, я без колебаний заявляю, что девяносто процентов. доля молодых супружеских пар из обеспеченных слоев населения, использующих профилактические средства ". На самом деле, эта приблизительная оценка, по-видимому, скорее занижена, чем завышена. В уже цитировавшейся очень удачной статье, в которой Сидни Уэбб показывает, что "снижение рождаемости, по-видимому, намного больше в тех слоях населения, которые демонстрируют бережливость и дальновидность", что это снижение "в основном, если не полностью, является результатом преднамеренного волевого воздействия" и что "волевое регулирование брачного режима в настоящее время повсеместно распространено по всей Англии и Уэльсу, среди, по-видимому, значительного большинства населения", приводятся результаты подробного исследования, проведенного Фабианским обществом. Это исследование охватило 316 семей, выбранных случайным образом из всех частей Великобритании и принадлежащих ко всем слоям среднего класса. Результаты тщательно анализируются, и выясняется, что семьдесят четыре семьи были неограничены, а двести сорок две добровольно ограничены. Однако, когда десятилетие 1890-99 годов берется само по себе как типичный период, обнаруживается, что из 120 браков 107 были ограниченными и только тринадцать неограниченными, в то время как из этих тринадцати пять были бездетными на дату возвращения. Таким образом, в этом десятилетии зарегистрировано только семь браков с неограниченной фертильностью из общего числа 120.

То, что верно для Великобритании, верно и для всех других цивилизованных стран, в высшей степени верно для самых цивилизованных стран, и это находит выражение в хорошо известном феномене снижения рождаемости. В наше время это движение к упадку началось во Франции, что привело к медленному, но неуклонному сокращению ежегодного числа рождений, и сейчас во Франции это движение, похоже, почти или совсем остановилось. Но с тех пор это произошло во всех других прогрессивных странах, особенно в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, а также в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Испании, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии. В Англии это продолжается непрерывно с 1877 года. Из великих стран Россия - единственная, в которой это еще не произошло, и среди масс российского населения мы находим меньше образования, больше бедности, более высокий уровень смертности и большее количество болезней, чем в любой другой великой или даже маленькой цивилизованной стране.

Действительно, иногда говорят, что снижение рождаемости происходит не только из-за добровольного контроля за деторождением. Несомненно, верно, что некоторые другие элементы, распространенные в цивилизованных условиях, такие как отсрочка вступления женщин в брак до сравнительно позднего возраста, имеют тенденцию уменьшать размер семьи. Но когда все такие допущения были сделаны, снижение по-прежнему оказывается реальным и значительным. Это было показано, например, статистическим анализом, проведенным Артуром Ньюсхольмом и Т. Х. К. Стивенсоном, а также Г. Юлом, оба опубликованы в *журнале Королевского статистического общества*, апрель 1906 г.

Некоторые предполагают, что, поскольку католическая церковь запрещает неполные половые сношения, это движение за контроль за деторождением вызовет относительно гораздо больший рост среди католического населения, чем среди некатолического. Это, однако, верно только при определенных условиях. Совершенно верно, что в Ирландии не произошло падения рождаемости, и что это падение лишь слабо заметно в тех городах Ланкашира, где преобладает ирландский элемент. Но в Бельгии, Италии, Испании и других преимущественно католических странах снижение рождаемости происходит должным образом. Произошло то, что Церковь— всегда живо занимающаяся сексуальными вопросами, осознала важность современного движения и приспособилась к нему, провозгласив своим более невежественным и необразованным детям, что неполный половой акт является смертным грехом, в то же время воздерживаясь от расспросов по этому поводу среди своих более образованных членов. Этот вопрос был определенно вынесен на рассмотрение папы в 1842 году епископом Ле-Мана Бувье, который очень четко изложил суть дела, представив Папе (Григорию XVI), что предотвращение зачатия становится очень распространенным явлением и что отношение к нему как к смертному греху просто приводит к уклонению кающегося от исповеди. После зрелого размышления Курия Священной Поэзии ответила, указав на распространенный метод изъятия перед поллюцией, что, поскольку это произошло из-за неправильного поступка мужчины, женщина, которую муж вынудил согласиться на это, не совершала греха. Далее епископу напомнили мудрое изречение Лигуори, "самого образованного и опытного человека в этих вопросах", о том, что духовника обычно не призывают расспрашивать по такому деликатному вопросу, как *супружеский долг*, и, если его мнения не спрашивают, он должен молчать (Bouvier, *Dissertatio in sextum Decalogi præceptum; дополнение к трактату о браке*. 1849, стр. 179-182; цитируется Хансом Ферди, *Сексуальная проблема*, август 1908, стр. 498). Таким образом, мы видим, что как среди католического, так и среди некатолического населения внедрение превентивных методов зачатия следует за прогрессом и цивилизацией, и что повсеместное применение таких методов католиками (с молчаливого согласия Церкви) является лишь вопросом времени.

Время от времени многие энергичные люди шумно требовали положить конец снижению рождаемости, поскольку, по их утверждению, это означает "расовое самоубийство". Однако сейчас начинает осознаваться, что этот протест был глупой и пагубной ошибкой. Невозможно пройти по улицам любого большого города, заполненного огромным количеством людей, которые, очевидно, никогда не должны были родиться, не осознавая, что уровень рождаемости все еще намного превышает свой нормальный и здоровый предел. Самые большие государства часто были самыми маленькими с точки зрения простого числа граждан, поскольку важно качество, а не количество. И хотя верно, что увеличение числа лучших типов граждан может только обогатить государство, сейчас становится невыносимым, что нация должна увеличиваться за счет простого сброса отходов воспроизводства в своей среде. Начинает осознаваться, что этот процесс не только обесценивает качества людей, но и возлагает на государство непомерное финансовое бремя.

В настоящее время хорошо признано, что большие семьи ассоциируются с вырождением и, в самом широком смысле, с аномалиями любого рода. Таким образом, несомненно верно, что гениальные люди, как правило, принадлежат к очень большим семьям, хотя тем, кто опасается тревожного снижения гениальности из-за тенденции к ограничению семьи, можно указать, что положение в семье, которое чаще всего занимает гениальный ребенок, является первенцем. (См. Хэвелок Эллис, *Исследование британского гения*, стр. 115-120). Душевнобольные, идиоты, имбецилы и слабоумные, преступники, эпилептики, истерики, неврастеники, туберкулезники -

все, казалось бы, склонны принадлежать к большим семьям (см., например, Хэвелок Эллис, указ. соч., стр. 110; Тулуза, *Причины безумия*, стр. 91; Харриет Александер, "Мальтузианство и дегенерация", *психиатр и невролог*, январь 1901 г.). Действительно, Херон, Пирсон и Горинг показали, что не только старшие по рождению, но и вторые по рождению особенно подвержены патологическим отклонениям (безумию, преступности, туберкулезу). Однако, по-видимому, существует ошибочность в общепринятой интерпретации этого факта. Согласно Ван ден Вельдену (цитируется в *Sexual-Probleme*, май, 1909, стр. 381), эта тенденция полностью уравнивается растущей детской смертностью, начиная с первенца. Большая патологическая склонность ранних детей, таким образом, является просто результатом менее строгого отбора смертью. Поскольку они проявляют какую-либо действительно большую патологическую тенденцию, помимо этой ошибочности, возможно, это связано с преждевременным вступлением в брак. Существует еще одна ошибка в частом утверждении, что дети в маленьких семьях более слабые, чем в больших. Мы должны различать естественно маленькую семью и искусственно маленькую семью. Семья, которая мала просто из-за слабой энергии родителей к продолжению рода, скорее всего, будет слабой семьей; семья, которая мала в результате преднамеренного контроля родителей, конечно, не проявляет такой тенденции.

Как будет видно, эти соображения не изменяют тенденции большой семьи к вырождению. Мы можем связать это явление с предрасположенностью, часто проявляемой нервнобольными и ненормальными людьми, полагать, что у них есть особая склонность производить на свет прекрасных детей. "Я верю, что у каждого есть особое призвание", - сказал один мужчина Марро (*La Pubertà*, стр. 459). "Я считаю, что мое призвание - производить на свет превосходных детей". Он родил четверых — эпилептика, сумасшедшего, страдающего алкоголизмом и приверженца валетудинарии — и сам умер безумным. Большинство людей сталкивались с чем-то похожим, хотя, возможно, и менее выраженным, случаем этого заблуждения. В вопросе, имеющем столь роковое значение для других людей, никто не может безопасно полагаться на свои собственные неподтвержденные впечатления.

Таким образом, требование национальной эффективности соответствует требованию развивающегося гуманизма, который, начав с попыток улучшить условия жизни, постепенно начал понимать, что необходимо идти глубже и улучшать саму жизнь. Ибо, хотя, несомненно, верно, что многого можно добиться, систематически воздействуя на условия жизни, более тщательный анализ неблагоприятных условий окружающей среды служит лишь для того, чтобы показать, что в значительной степени они основаны на самом человеческом организме и были не только внутриутробными, но и до зачатия, поскольку были связаны с качеством родительских или наследственных организмов.

Оставляя в стороне, однако, все гуманитарные соображения, серьезная ошибка попытки остановить прогресс цивилизации в направлении контроля за размножением никогда бы не произошла, если бы были поняты общие тенденции зоологической эволюции, даже в их элементах. Весь зоологический прогресс идет от более плодовитого к менее плодовитому; чем выше вид, тем менее плодовиты его отдельные представители. Та же тенденция обнаруживается и в пределах человеческого вида, хотя и не по неизменной прямой линии; рост цивилизации влечет за собой снижение рождаемости. Это ни в коем случае не новое явление; древний Рим и более поздняя Женева, "протестантский Рим", свидетельствуют об этом; без сомнения, это происходило во всех высших центрах моральной и интеллектуальной культуры,

хотя данных для измерения этой тенденции больше не существует. Когда мы проводим достаточно широкий и осмысленный обзор, мы понимаем, что тенденция сообщества замедлять свой естественный темп роста является существенным феноменом всей развитой цивилизации. Более интеллектуальные нации проявили эту тенденцию первыми, и в каждой нации более образованные классы взяли на себя инициативу, но привести все цивилизованные нации и все социальные классы в каждой нации в соответствие - лишь вопрос времени.^[429] Мы должны помнить, что это движение — вопреки невежественному протесту некоторых потенциальных моралистов и политиков — является благотворительным движением. Это означает большее внимание к качеству, чем к количеству прироста; это предполагает возможность успешной борьбы с таким злом, как высокая смертность, болезни, перенаселенность и все многообразные несчастья, которые неизбежно сопровождают слишком высокий уровень рождаемости. Ибо только в сообществе, которое растет медленно, возможно обеспечить адекватную экономическую адаптацию и изменения окружающей среды, необходимые для нормальной и полноценной гражданской и личной жизни.^[430] Если бы те люди, которые поднимают крик о "расовом самоубийстве" перед лицом снижения рождаемости, действительно обладали знаниями и интеллектом, чтобы осознать многообразие зла, на которое они ссылаются, они заслуживали бы обращения как с преступниками.

С практической стороны знание о возможности предотвращения зачатия, несомненно, никогда полностью не исчезало в цивилизации и даже на низших ступенях культуры, хотя в основном оно использовалось в целях личного удобства или практиковалось в соответствии с общепринятыми социальными правилами, которые требовали целомудрия, и только в последнее время стало служить более широким интересам общества и возвышению расы. Можно сказать, что теоретическая основа контроля за деторождением в его социальных и экономических, в отличие от евгенических, аспектах восходит к знаменитому *Эссе Мальтуса о народонаселении*, впервые опубликованному в 1798 году, книге, отмечающей эпоху, хотя ее центральный тезис не подлежит фактической демонстрации, поскольку он не только послужил отправной точкой современного гуманитарного движения за контроль за деторождением, но и дал Дарвину (и независимо от него Уоллесу) плодотворную идею, которая в конечном итоге была развита в великой эволюционной теории естественного отбора.

Мальтус, однако, был очень далек от мысли, что контроль за деторождением, который он отстаивал на благо человечества, должен осуществляться путем внедрения профилактических методов в половые сношения. Он считал, что цивилизация предполагает возросшую силу самоконтроля, которая позволила бы полностью воздерживаться от половых сношений, когда такое самоограничение требовалось в интересах человечества. Однако более поздние мыслители поняли, что, хотя, несомненно, верно, что цивилизация предполагает большую предусмотрительность и большой самоконтроль, мы не можем ожидать, что эти качества будут развиты в той степени, в какой этого требовал Мальтус, особенно когда стремление к контролю носит столь мощный и взрывной характер.

Джеймс Милль был пионером в пропаганде неомальтузианских методов, хотя высказывался осторожно. В 1818 году в статье "Колония" в приложении к *Британской энциклопедии*, отметив, что средства сдерживания неограниченного роста населения представляют собой "наиболее важную практическую проблему, к которой может быть применена мудрость политика

иморалиста", он продолжил: "Если отбросить детские суеверия и неуклонно придерживаться принципа полезности, найти решение было бы не очень трудно". Четыре года спустя друг Джеймса Милля, радикальный реформатор Фрэнсис Плейс, более отчетливо выразил мысль, которая, очевидно, была у Милля на уме. После перечисления фактов, касающихся необходимости самоконтроля при деторождении и пагубности ранних браков, которым, по его мнению, следует четко учить, Плейс продолжает: "Если бы сотая, возможно, тысячная доля усилий была приложена для обучения этим истинам, которые прилагаются для преподавания догм, можно было бы ожидать, что за короткий промежуток времени во внешности и привычках людей произойдут большие перемены к лучшему. Если бы, прежде всего, было однажды ясно понято, что для состоящих в браке лиц не является позорным пользоваться такими средствами предосторожности, которые, не нанося ущерба здоровью или разрушая женскую деликатность, предотвращали бы зачатие, то можно было бы сразу же принять достаточные меры по сдерживанию роста населения, выходящего за пределы средств к существованию; порок и нищета в огромной степени могли бы быть устранены из общества, и достижению цели м-ра Мальтуса, м-ра Годвина и каждого филантропического деятеля способствовало бы повышение комфорта, интеллекта и морального поведения в массе населения. население. Я полностью убежден, что рекомендованный курс в какой-то период будет применяться людьми, даже если они будут предоставлены самим себе".^[431]

Вскоре пророческие слова Плейса начали сбываться, и еще через полвека движение повлияло на уровень рождаемости во всех цивилизованных странах, хотя пока едва ли можно сказать, что справедливость восторжествовала по отношению к пионерам, которые продвигали его перед лицом многочисленных преследований со стороны невежественной и суеверной общественности, которой они стремились принести пользу. В 1831 году Роберт Дейл Оуэн, сын Роберта Оуэна, опубликовал свою *Моральную физиологию*, излагающую методы предотвращения зачатия. Чуть позже братья Джордж и Чарльз Драйсдейлы (родились в 1825 и 1829 годах), два пылких и неутомимых филантропа, посвятили большую часть своей энергии распространению неомальтузианских принципов. Джордж Драйсдейл в 1854 году опубликовал свою книгу "*Элементы социальной науки*", которая в течение многих лет имела огромный тираж по всей Европе на восьми разных языках. Это ни в коем случае не было во всех отношениях научной или обоснованной работой, но она, безусловно, оказала большое влияние, и она попала в руки многих, кто никогда не видел никаких других работ на сексуальную тематику. Хотя неомальтузианские пропагандисты тех дней часто сталкивались с большим порицанием, их дело было триумфально защищено в 1876 году, когда Чарльз Брэдло и миссис Безант, подвергшаяся судебному преследованию за распространение неомальтузианских брошюр, обвинение было снято, лорд Главный судья заявил, что столь опрометчивое обвинение, вероятно, никогда ранее не выдвигалось в суде. Этот судебный процесс, даже благодаря своей простой публичности и помимо его результатов, дал огромный импульс неомальтузианскому движению. Хорошо известно, что неуклонное снижение рождаемости в Англии началось в 1877 году, через год после судебного процесса. Не могло быть более блестящей иллюстрации того факта, что то, что раньше называлось "инструментами Провидения", на самом деле является бессознательными инструментами для достижения великих целей, к которым они сами были далеки ни от намерения, ни от желания.

В 1877 году доктор К. Р. Драйсдейл основал Мальтузианскую лигу и редактировал периодическое издание *The Malthusian*, которому во всем помогала его жена, доктор Элис Драйсдейл Викери. Он умер в 1907 году. (Благородная и новаторская работа Драйсдейлов до

сих пор не получила должного признания в их собственной стране; благодарная и хорошо информированная статья доктора Германа Поледепа "Dr. C. R. Drysdale, Der Hauptvortreter der Neumalthusianische Lehre" появилась в *Zeitschrift für Sexualwissenschaft*, март 1908 г.). В настоящее время во всех цивилизованных странах существуют общества и периодические издания для пропаганды неомальтузианских принципов, как их все еще обычно называют, хотя было бы желательно избегать использования имени Мальтуса в этой связи. В медицинской профессии пропаганда профилактических методов полового акта, не по социальным, а по медицинским и гигиеническим соображениям, началась так же тридцать лет назад, хотя во Франции, еще раньше, Рачиборски выступал за метод предотвращения близости менструации. В Германии доктор Менсинга, гинеколог, является самым видным защитником с медицинской и гигиенической точки зрения того, что он называет "факультативным бесплодием", которое он впервые выдвинул примерно в 1889 году. Примерно в то же время в России искусственное бесплодие впервые открыто поддержал выдающийся гинеколог, профессор Отт из Санкт-Петербургского акушерско-гинекологического общества. Такие медицинские рекомендации, в конкретных случаях, в настоящее время становятся обычным явлением.

Есть определенные случаи, когда человеку вообще не следует вступать в брак; это так, например, когда произошел приступ безумия; никогда нельзя с уверенностью сказать, что у человека, у которого был один приступ безумия, не будет другого, и люди, у которых были такие приступы, не должны, как говорит Блэндфорд (Ламлейские лекции по безумию, *Британский медицинский журнал*, 20 апреля 1895 г.), "навлекать на своего партнера пожизненное беспокойство и даже опасность нового приступа". Существуют другие и многочисленные случаи, когда брак может быть разрешен или уже заключен при более благоприятных обстоятельствах, но когда крайне желательно, чтобы у них не было детей, или стало таковым. Это тот случай, когда первый приступ безумия возникает после вступления в брак, тем более остро, если пострадавшей стороной является жена, и особенно если заболевание принимает форму послеродовой мании. "Что может быть более прискорбным", - спрашивает Блэндфорд (лок. цит. по), - "чем видеть, как женщина ломается при родах, выздоравливает, снова ломается со следующим ребенком и так далее, у шести, семи или восьми детей, причем выздоровление между каждым из них становится все менее и менее продолжительным, пока она не становится почти хронической маньячкой?" Более того, Тредголдом было обнаружено ("*Ланцет*", 17 мая 1902 г.), что среди детей, рожденных сумасшедшими матерями, смертность в два раза превышает обычную младенческую смертность даже в самых бедных районах. В случаях союзов между лицами с туберкулезным прошлым многие также придерживаются мнения (например, Массалонго при обсуждении туберкулеза и брака на Туберкулезном конгрессе в Неаполе в 1900 году), что следует принять все меры предосторожности, чтобы брак не был бездетным. В третьем классе случаев необходимо ограничить число детей одним или двумя; это происходит при некоторых формах сердечных заболеваний, при которых беременность оказывает прогрессирующее ухудшающее воздействие на сердце (Киш, "*Терапевтическая школа монархии*", февраль 1898 г., и "*Сексуальная жизнь женщины*"; Вине, "*Лайон Медикал*", 8 января 1889 г.); однако в некоторых случаях сердечных заболеваний возможно, что, хотя нет причин для запрета брака, женщине желательно не иметь детей (J. Ф. Блэкер, "*Болезни сердца в связи с беременностью*", *Британский медицинский журнал*, 25 мая 1907 г.).

Во всех подобных случаях рекомендация профилактических методов полового акта, очевидно, является незаменимой помощью врачу в подчеркивании верховенства гигиенических мер

предосторожности. При отсутствии таких методов он никогда не может быть уверен, что его предупреждения будут услышаны, и даже следование его советам будет сопровождаться различными нежелательными результатами. Иногда случается, что супружеская пара соглашается еще до вступления в брак жить вместе без сексуальных отношений, но по разным причинам редко оказывается возможным или удобным сохранять это решение в течение длительного периода.

Именно признание этих и подобных соображений привело — хотя и только в последние годы — с одной стороны, как мы видели, к включению контроля за деторождением в практическую мораль всех цивилизованных наций, а с другой стороны, к утверждению, теперь, возможно, без исключения, всеми медицинскими авторитетами в вопросах секса, что использование методов предотвращения зачатия при определенных обстоятельствах крайне необходимо и совершенно безвредно.^[432] Сегодня вызывает улыбку, когда мы обнаруживаем, что менее века назад способный и уважаемый автор-медик мог заявить, что использование "различных отвратительных средств" для предотвращения зачатия "основано на самом самонадеянном сомнении в консервативной силе Творца".^[433]

Адаптация теории к практике еще не завершена, и мы не могли ожидать, что это должно быть так, поскольку, как мы видели, всегда существует антагонизм между практической моралью и традиционной. Время от времени возникают вопиющие иллюстрации этого антагонизма.^[434] Даже в Англии, сыгравшей новаторскую роль в контроле за деторождением, все еще предпринимаются попытки — иногда в кругах, где мы вправе ожидать лучших знаний, — дискредитировать движение, которое, поскольку оно завоевало как научное одобрение, так и популярную практику, сейчас бесполезно подвергать сомнению.

Было бы неуместно обсуждать здесь различные методы, которые используются для контроля за деторождением, или их соответствующие достоинства и недостатки. Достаточно сказать, что презерватив или защитная оболочка, которые, по-видимому, являются самым древним из всех методов предотвращения зачатия после отмены, в настоящее время рассматриваются почти всеми авторитетными специалистами как при правильном использовании самый безопасный, удобный и безвредный метод.^[435] Это мнение Крафт-Эбинга, Молля, Шренк-Нотцинга, Левенфельда, Фореля, Киша, Фюрбрингера, и это лишь некоторые из наиболее выдающихся медицинских авторитетов.^[436]

Существует определенный интерес к попытке проследить происхождение и историю презерватива, хотя кажется невозможным сделать это с какой-либо точностью. Вполне вероятно, что в зачаточной форме такое приспособление относится к глубокой древности. По-видимому, в Китае и Японии проститутки используют кусочки промасленной шелковой бумаги, чтобы закрывать вход в матку, во всяком случае. Это кажется самым простым и очевидным механическим методом предотвращения зачатия, и, возможно, было предложено надеть оболочку на пенис как более эффективный метод. В Европе, именно в середине шестнадцатого века, в Италии, мы, кажется, впервые слышим о таких приспособлениях в виде льняных чехлов, приспособленных по форме полового члена; Фаллопий рекомендовал использовать такое приспособление. Постепенно были изобретены усовершенствования в производстве; стали использовать цекум ягненка, а затем изостекло. По-видимому, значительное улучшение производства произошло в семнадцатом или восемнадцатом веке, и это улучшение обычно

ассоциировалось с Англией. Таким образом, это приспособление стало известно как английская накидка или мантия, "английский капоте" или "английский редингот", и под последним названием его упоминал Казанова в середине восемнадцатого века (Casanova, *Воспоминания*, изд. Гарнье, т. iv, стр. 464); Однако Казанова, похоже, никогда сам не пользовался этими рединготами, не заботясь, по его словам, "о том, чтобы закутаться в кусок мертвой кожи, чтобы доказать, что я совершенно живой". Эти капоты, тогда сделанные из кожи златобойцев, также, по-видимому, были известны в более ранний период мадам де Севинье, которая не относилась к ним благосклонно, поскольку в одном из своих писем она называет их "кирасами против сладострастия и подвигов Арраньи против зла". Название "презерватив" восходит к восемнадцатому веку, впервые появившись во Франции, и обычно считается, что оно принадлежит английскому врачу или хирургу, который изобрел или, скорее, усовершенствовал это приспособление. Презерватив, однако, не является английским названием, но есть английское имя Condon, от которого "condom" вполне может быть искажением. Это предположение подкрепляется тем фактом, что слово иногда на самом деле писалось "кондон". Так, в строках, процитированных Башомоном в его *Дневнике* (15 декабря 1773 г.) и предположительно адресованных бывшей балерине, ставшей проституткой, я нахожу:—

"Du *condon* cependant, vous connaissez l'usage,

"Le *condon*, c'est la loi, ma fille, et les prophètes!"

Однако остается трудность найти какого-либо англичанина по фамилии Кондон, который мог бы быть правдоподобно связан с презервативом; несомненно, он не позаботился о том, чтобы зафиксировать этот факт, никогда не подозревая о славе, которую принесет его изобретение, или о бессмертии, ожидающем его имя. Я не нахожу упоминания о каком-либо Кондоне в записях Колледжа врачей, а также в Колледже хирургов, где, действительно, старые списки очень несовершенны, мистер Виктор Плarr, библиотекарь, любезно проведя поиск, заверил меня, что там нет упоминания этого имени. Были предложены и другие различные объяснения этого названия, с большей или меньшей уверенностью, хотя обычно без каких-либо доказательств. Таким образом, Хиртл (*Справочник по топографической анатомии*, 7-е изд., т. ii, стр. 212) утверждает, что первоначально презерватив назывался гондом, по имени английского первооткрывателя, кавалера двора Карла II, который первым приготовил его из овечьего амниона; Гондом, однако, такое же английское название, как и Презерватив. Случайно во Франции, в Гаскони, есть город под названием Кондом, и Блох предполагает, без каких-либо доказательств, что это дало название; однако, если это так, маловероятно, что оно было неизвестно во Франции. Наконец, Ханс Ферди считает, что оно происходит от "condus" — то, что сохраняет, — и, в соответствии со своей теорией, он называет презерватив *condus*.

Ранняя история презерватива кратко обсуждается различными авторами, такими как Прокш, *"Возвращение к венерическим кранкхайтенам"*, стр. 48; Блох, *Сексуальная жизнь нашего времени*, главы XV и XXVIII; Кабанес, *"Нескромности истории"*, стр. 121 и др.

Контроль за деторождением путем предотвращения зачатия, как мы видели, стал частью морали цивилизованных народов. Существует другой метод, на самом деле не для предотвращения зачатия, а для ограничения потомства, который имеет гораздо более древнее

появление в мире, хотя в разные времена на него смотрели совершенно по-разному и до сих пор он вызывает широко противоположные мнения. Это метод прерывания беременности.

Хотя практика абортов, как и практика предотвращения зачатия, никоим образом не стала общепринятой в цивилизации, вряд ли она вызывает глубокое отвращение у значительной части населения цивилизованных стран. Большинство женщин, не исключая образованных и высоконравственных, которые беременеют против своего желания, рассматривают возможность проведения аборта без малейших угрызений совести и часто даже не осведомлены об обычном профессиональном отношении Церкви, закона и медицины к абортам. Вероятно, все врачи сталкивались с этим фактом, и даже такой выдающийся и корректный судебно-медицинский эксперт, как Бруардель, заявил^[437], что его нередко просили сделать аборт для себя или своих кормилиц дамы, которые смотрели на это как на совершенно естественную вещь и не имели ни малейшего подозрения, что закон рассматривает это как преступление.

Поэтому неудивительно, что аборты чрезвычайно распространены во всех цивилизованных и прогрессивных странах. Действительно, к сожалению, нельзя сказать, что аборты проводились в соответствии с евгеническими соображениями, и при этом они часто даже не пропагандировались с евгенической точки зрения. Но в многочисленных случаях нежелательной беременности, возникающих у женщин с характером и энергией, не привыкших покорно подчиняться условиям, которых они, возможно, не искали, и в любом случае считают нежелательными, часто прибегают к абарту. Принято рассматривать Соединенные Штаты как страну, в которой эта практика особенно процветает, и, безусловно, страна, в которой активно соблюдаются идеалы целомудрия для незамужних женщин, свободы для замужних женщин, независимости для всех, не может не благоприятствовать практике абортов. Но способ, которым провозглашается распространенность абортов в Соединенных Штатах, вероятно, в значительной степени обусловлен честностью американцев в выявлении и попытке исправить то, что, справедливо или ошибочно, они считают социальными дефектами, и может не указывать на какое-либо реальное превосходство в этой практике. Сравнительная статистика сложна, и, безусловно, верно, что аборты чрезвычайно распространены в Англии, Франции и Германии. Вероятно, что любые национальные различия могут быть объяснены различиями в общих социальных привычках и идеалах. Таким образом, в Германии, где незамужним женщинам предоставлена значительная сексуальная свобода, а замужние женщины очень домашние, аборты могут быть менее частыми, чем во Франции, где от молодых девушек строго требуют чистоты, в то время как замужняя женщина требует свободы для работы и удовольствий. Но такие национальные различия, если они существуют, имеют тенденцию к нивелированию, и обвинения в криминальных абортах постоянно становятся все более распространенными в Германии; хотя это увеличение, опять же, может быть просто связано с большим рвением в расследовании преступления.

Бруардель (указ. соч., стр. 39) приводит мнение о том, что в Нью-Йорке обнаруживается только один аборт из тысячи. Доктор Дж. Ф. Скотт ("*Сексуальный инстинкт*", глава VIII), который сам категорически против этой практики, считает, что в Америке обычай делать аборты достиг сегодня "таких огромных масштабов, что в это почти невозможно поверить", в то время как о "бесчисленных тысячах" случаев никогда не сообщается. "В наши дни и в нашем поколении оно возросло так быстро, - утверждает Скотт, - что вызвало удивление и тревогу в умах всех добросовестных людей, которые осведомлены о масштабах его распространения".

(Предположение о том, что те, кто одобряет аборты, обязательно не являются "добросовестными людьми", как мы увидим, ошибочно.) Изменение произошло с 1840 года. Специальный комитет Мичигана по уголовным абортам сообщил в 1881 году, что из переписки с почти сотней врачей выяснилось, что, как стало известно об этой профессии, на каждые сто беременностей приходилось семнадцать аборт; к ним, по мнению комитета, можно добавить еще столько же, о которых никогда не было известно врачу. Комитет далее процитировал, хотя и без одобрения, мнение врача, который считал, что сейчас происходят изменения в общественном мнении по отношению к специалисту по абортам, которого в Америке начинают рассматривать как полезного члена общества и даже благодетеля.

В Англии, также, по-видимому, в последние годы наблюдается заметный рост числа аборт, возможно, особенно среди бедных и трудолюбивых слоев населения. Автор статьи в *British Medical Journal* (9 апреля 1904 г., стр. 865) считает, что аборты носят "массовый и систематический характер", и приводит четыре случая, имевших место в его практике в течение четырех месяцев, в которых женщины либо пытались произвести аборт, либо просили его сделать это; это были замужние женщины, обычно с большими семьями, с хрупким здоровьем, и они были готовы терпеть любые страдания, если бы это могло избавить их от дальнейшего деторождения. Аборт часто делают или пытаются сделать, принимая "Женские таблетки", которые содержат небольшие порции свинца и, таким образом, могут вызывать очень серьезные симптомы, независимо от того, вызывают они аборт или нет. Профессор Артур Холл из Шеффилда, который специально изучал использование свинца ("Растущее использование свинца в качестве abortивного средства", *Британский медицинский журнал*, 18 марта 1905 г.), находит, что в последнее время эта практика стала очень распространенной в Центральных графствах Англии и, похоже, постепенно расширяет свой круг. Это происходит главным образом среди замужних женщин с семьями, принадлежащих к рабочему классу, и имеет тенденцию становиться особенно распространенным в периоды экономического спада (ср. Г. Ньюман, *Младенческая смертность*, стр. 81). Женщины из более высокого социального класса прибегают к услугам профессиональных специалистов по абортам, а иногда уезжают в Париж.

Во Франции также, и особенно в Париже, за последние годы значительно возросла практика аборт. (See e.g., a discussion at the Paris Société de Médecine Légale, *Archives d'Anthropologie Criminelle*, May, 1907.) Долерис показала (*Бюллетень Общественного здравоохранения*, февраль 1905 г.), что в парижских родильных домах процент аборт при беременности удвоился в период с 1898 по 1904 год, и, по оценкам Долерис, около половины этих аборт были искусственно вызваны. Во Франции аборты в основном проводятся профессиональными специалистами по абортам. Одна из них, мадам Дж. Томас, приговоренная к каторжным работам в 1891 году, призналась, что за восемь лет сделала 10 000 аборт; ее плата за операцию составила два франка и выше. Она была дочерью крестьянина, выросшей в доме своего дяди, врача, чьи медицинские и акушерские книги она проглотила (А. Хамон, *La France*, 1891, стр. 629-631). Французское общественное мнение снисходительно относится к абортам, особенно к женщинам, которые делают операцию на себе; в суд доводится не так уж много дел, и из них сорок процентов are acquitted (Eugène Bausset, *L'Avortement Criminel*, Thèse de Paris, 1907). Однако профессионального специалиста по абортам обычно отправляют в тюрьму.

В Германии также, по-видимому, за последние годы значительно возросло число аборт, и ежегодное число дел о криминальных абортах, переданных в суды, в 1903 году было более чем

вдвое больше, чем в 1885 году. (See, also, Elisabeth Zanzinger, *Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. II, глава 5; и *Сексуальная проблема*, январь 1908, стр. 23.)

Принимая во внимание эти факты, неудивительно, что индуцирование абортов было разрешено и даже поощрялось во многих цивилизациях. Безоговорочное осуждение абортов встречается только в христианском мире и обусловлено теоретическими представлениями. В Турции при обычных обстоятельствах нет наказания за аборт. В классической цивилизации Греции и Рима аборты также были разрешены, хотя и с определенными оговорками и условиями. Платон признавал право матери принимать решение об аборте, но говорил, что вопрос должен быть решен как можно раньше во время беременности. Аристотель, одобрявший аборты, придерживался того же мнения. Зенон и стоики рассматривали плод как плод чрева, душу, приобретаемую при рождении; это соответствовало римскому законодательству, согласно которому плод становился человеком только при рождении.^[438] Среди римлян аборты стали очень распространенным явлением, но, в соответствии с патриархальной основой ранних римских институтов, именно отец, а не мать, имел право осуществлять их. Христианство ввело новый круг идей, основанных на важности души, на ее бессмертии и необходимости крещения как метода спасения от последствий унаследованного греха. Мы уже видим это новое отношение у святого Августина, который, обсуждая, воскреснут ли эмбрионы, умершие в утробе матери, при воскресении, говорит: "Я не беру на себя смелость ни утверждать, ни отрицать, хотя и не понимаю, почему, если они не исключены из числа мертвых, они не должны достичь воскресения мертвых".^[439] Преступность абортов была, однако, быстро установлена, и раннехристианские императоры, в согласии с Церковью, издали множество фантастических и крайних мер наказания за аборты. Эта тенденция продолжалась под безудержным влиянием церкви до тех пор, пока гуманитарное движение восемнадцатого века, когда Беккариа, Вольтер, Руссо и другие великие реформаторы преуспели в том, чтобы повернуть общественное мнение против варварства законов, и смертная казнь за аборт была окончательно отменена.^[440]

Медицинская наука и практика в наши дни — хотя вряд ли можно сказать, что они говорят абсолютно единодушно, — в целом занимают промежуточное положение между позицией классических юристов и позицией более поздних христианских священнослужителей. В целом, это говорит в пользу принесения в жертву плода всякий раз, когда интересы матери требуют такой жертвы. Общее медицинское заключение, однако, в настоящее время не готово идти дальше и явно не склонно помогать родителям в осуществлении безоговорочного контроля над плодом в утробе матери, равно как и практиковать аборты по евгеническим соображениям. Действительно, очевидно, что медицина не может проявлять инициативу в этом вопросе, поскольку первоочередной обязанностью медицины является спасение жизни. Само общество должно взять на себя ответственность за защиту расы.

Доктор С. Макви ("*Мать против ребенка*", *Труды Эдинбургского акушерского общества*, т. xxiv, 1899) подробно обсуждает соответствующие ценности будущего ребенка и взрослого человека на основе ожидаемой продолжительности жизни и приходит к выводу, что будущий ребенок — это просто "паразит, не выполняющий никаких функций", и что "если ожидаемая продолжительность жизни ребенка не охватывает годы, в течение которых его потенциальная возможность преобразуется в действительную, относительные ценности материнской и материнской жизни будут равны фактической и потенциальной". Это утверждение кажется довольно здравым. Баллантайн (*Руководство по дородовой патологии: Плод*, стр. 459) пытается уточнить утверждение, говоря, что "жизнь матери имеет ценность, потому что она

такая, какая она есть, в то время как плод имеет возможную ценность только из-за того, какой он может стать".

Дурлахер, среди прочих, подробно и осмотрительно обсудил различные состояния, при которых врач должен или не должен вызывать аборт в интересах матери ("Der Künstliche Abort", *Wiener Klinik*, август. and Sept., 1906); so also, Eugen Wilhelm ("Die Abtreibung und das Recht des Arztes zur Vernichtung der Leibesfrucht," *Sexual-Probleme*, May and June, 1909). Вильгельм далее обсуждает, желательно ли изменить законы, чтобы предоставить врачу большую свободу при принятии решения об аборте. Он приходит к выводу, что в этом нет необходимости и это может даже нанести вред, чрезмерно ограничивая свободу медицинского обслуживания. Любое изменение в законе, по его мнению, должно быть направлено лишь на утверждение того, что уничтожение плода не является абортом в юридическом смысле, при условии, что это указано правилами медицинской науки. Ссылаясь на робость некоторых медиков при проведении абортов, Вильгельм замечает, что даже при нынешнем состоянии закона врач, который добросовестно производит аборт в соответствии со своими лучшими знаниями, даже если ошибочно, может считать себя защищенным от всех юридических наказаний, и что у него гораздо больше шансов вступить в конфликт с законом, если будет доказано, что смерть наступила в результате его пренебрежения к проведению аборта.

Пинар, который обсуждал право контролировать жизнь плода (*Annales de Gynécologie*, тома. lii и liii, 1899 и 1900), вдохновленный его восторженной пропагандой спасения жизни младенцев, приходит к необоснованному выводу, что никто не имеет права на жизнь и смерть перед плодом; "право младенца на свою жизнь - это неотъемлемое и священное право, которого никакая власть не может у него отнять". Здесь есть ошибка, если только Пинар намеренно не желает, подобно Толстому, противопоставить себя нынешней цивилизованной морали. Младенец не имеет никакого "неотъемлемого права на жизнь", даже взрослый человек в человеческих обществах не имеет такого неотъемлемого права, и уж тем более плод, который, строго говоря, вообще не является человеком. Мы берем на себя право обрывать жизни тех людей, чье антиобщественное поведение делает их опасными, и на войне мы намеренно обрываем, под всеобщие аплодисменты и энтузиазм, жизни людей, которые были специально отобраны для этой цели из-за их физической и общей работоспособности. Было бы абсурдно непоследовательно утверждать, что у нас нет никаких прав на жизнь существ, которые пока вообще не участвуют в человеческом обществе и даже не родились. Здесь мы имеем дело с остатками древней теологической догмы, и не может быть никаких сомнений в том, что, во всяком случае, с теоретической точки зрения, "неотъемлемое право" эмбриона пройдет тем же путем, что и "неотъемлемое право" сперматозоида. Оба права действительно "не подлежат обязательному исполнению".

В последние годы выявился новый и, надо признать, несколько неожиданный аспект этого вопроса об абортах. До сих пор этот вопрос находился всецело в руках людей, сначала, следуя римским традициям, в руках христианских духовных лиц, а позже - представителей профессиональных каст. Тем не менее, на самом деле этот вопрос в значительной степени и действительно в основном касается женщин, и сейчас, особенно в Германии, им активно занимаются женщины. Грифиня Гизела Штрайтберг занимает лидирующее место в этом движении благодаря своей книге "Слово за жизнь", и с 1897 года за ней последовал ряд выдающихся женщин, которые занимают видное место в движении немецких женщин, среди прочих Хелен Штекер, Ода Ольберг, Элизабет Занзингер, Камилла Еллинек. Все эти авторы

настаивают на том, что плод еще не является независимым человеческим существом, и что каждая женщина, в силу права на свое собственное тело, имеет право решать, должна ли она стать независимым человеческим существом. На Женском конгрессе, состоявшемся осенью 1905 года, была принята резолюция, требующая, чтобы аборт был наказуем только в том случае, если он был произведен другим лицом против желания самой беременной женщины.^[441] Принятие этой резолюции представительной ассамблеей является интересным доказательством того интереса, который сейчас проявляют женщины к этому вопросу, и той напряженной позиции, которую они склонны занимать.

Elisabeth Zanzinger ("Verbrechen gegen die Leibesfrucht," *Geschlecht und Gesellschaft*, Bd. II, Глава 5, 1907) умело и энергично осуждает закон, который делает аборт преступлением. "Сама женщина является единственной законной владелицей своего тела и своего здоровья. ... Точно так же, как это личное право женщины и самая интимная забота - преподнести свою девственность в качестве лучшего подарка избраннику своего сердца, так и беременная женщина, безусловно, должна лично беспокоиться, если по причинам, которые кажутся ей благими, она решит уничтожить результаты своего поступка ". Женщина, которая уничтожает эмбрион, который может стать бременем для общества или, вероятно, окажется низшим членом общества, настаивает этот автор, оказывает услугу обществу, которое должно вознаградить ее, возможно, предоставив ей особые привилегии в отношении воспитания других ее детей. Ода Ольберг в вдумчивой статье ("Общая юридическая схема управления жизнью", *Die Neue Generation*, июнь 1908 г.) пытается прояснить все, что связано с усилиями защитить развивающийся эмбрион от организма, который его вынашивает, защитить существо, то есть от самого себя и своих собственных инстинктов. Она считает, что большинство женщин, прерывающих беременность искусственным путем, произвели бы на свет только нежелательных детей, поскольку нормальная, здоровая, крепкая женщина не имеет желания делать аборт. "Есть женщины, которые психически бесплодны, не будучи таковыми физически, и у которых нет ничего от материнства, кроме способности рожать. Они, когда делают аборт, просто исправляют ошибку Природы ". Некоторые из них, замечает она, дойдя до срока, становятся виновными в гораздо худшем преступлении - детоубийстве. Что касается женщин, которые желают аборта просто из соображений тщеславия или удобства, Ода Ольберг указывает, что круги, в которых правят эти мотивы, вполне способны ограничивать своих детей, не прибегая к аборту. Она приходит к выводу, что общество должно всячески защищать молодую жизнь с помощью социальной гигиены, законов о защите трудящихся, распространяя новую мораль на основе законов наследственности. Но нам не нужен закон, чтобы защитить юное создание от его собственной матери, ибо тысячи природных сил побуждают мать защищать своего собственного ребенка, и мы можем быть уверены, что она не ослушается этих сил без очень веских причин. Камилла Еллинек, опять же (*Die Strafrechtsreform* др., Гейдельберг, 1909), в мощном и хорошо информированном выступлении перед Ассоциированной немецкой организацией Frauenvereine в Бреслау, рассуждает в том же смысле.

Юристы очень быстро пришли на помощь женщинам в этом вопросе, без сомнения, с большей готовностью, поскольку традиции величайшего и наиболее влиятельного свода законов уже указывали, по крайней мере с одной стороны, в том же направлении. Действительно, можно утверждать, что именно со стороны закона — а в Италии, классической стране правовых реформ, — впервые зародилось это новое движение. В 1888 году Балестрини опубликовал в Турине свое "*Прерывание беременности*", "*Infanticidio ed Esposizione d'Infante*", в котором он утверждал, что наказание за аборт должно быть отменено. Это была очень талантливая и

образованная книга, вдохновленная большими идеями и гуманитарным духом, но, хотя ее важность сейчас признана, нельзя сказать, что она привлекла большое внимание при публикации.

Особенно в Германии в последние годы юристы следуют примеру женщин-реформаторов, более или менее решительно выступая за отмену наказания за аборт. Такой выдающийся авторитет, как Фон Лист, в частном письме Камилле Еллинек (указ. соч.) заявляет, что он считает наказание за аборт "очень сомнительным", хотя и считает его полную отмену невыполнимой; он считает, что аборт могли бы быть разрешены в первые месяцы беременности, что привело бы к возвращению старого взгляда. Hans Gross states his opinion (*Archiv für Kriminal-Anthropologie*, Bd. XII, стр. 345), что недалек тот момент, когда аборт больше не будут наказываться. Радбрух и фон Лилиенталь высказываются в том же смысле. Вайнберг выступал за изменение закона (*Mutterschutz*, 1905, раздел 8), а Курт Хиллер (*Die Neue Generation*, апрель 1909 г.), также с юридической точки зрения, утверждает, что аборт должен быть наказуем только в том случае, если он сделан замужней женщиной без ведома и согласия ее мужа.

Медицинская профессия, которая в наше время сделала первый шаг к разрешению абортов, в настоящее время не сделала никаких дальнейших шагов. Он удовлетворился установлением принципа, согласно которому, когда интересы матери противоречат интересам плода, именно последним следует пожертвовать. Оно не решалось сделать следующий шаг - поставить аборт на евгеническую основу и заявить о праве настаивать на аборте всякий раз, когда медицинские и гигиенические интересы общества требуют такого шага. Такая позиция совершенно понятна. Медицина в прошлом в основном отождествлялась со спасением жизней, даже никчемных и хуже, чем никчемных жизней; "Сохраняйте все живым! Сохраняйте все живым!" - нервно воскликнул сэр Джеймс Пейджет. Медицина ограничивалась скромной задачей лечения пороков и только сегодня начинает браться за более масштабную и благородную задачу их предотвращения.

"Шаг от убийства ребенка в утробе матери до убийства человека вне утробы опасно узок", - мудро замечает один недавний автор-медик, вероятно, говоря от имени многих других, которым каким-то образом удастся закрывать глаза на тот факт, что этот "опасно узкий шаг" человечество делало слишком свободно на протяжении тысячелетий, задолго до того, как в мире стали известны аборт.

Однако то тут, то там известные медицинские авторы выступали за дальнейшее распространение абортов с соблюдением мер предосторожности и под надлежащим наблюдением в качестве содействия евгеническому прогрессу. Так, профессор Макс Флеш (*Die Neue Generation*, апрель 1909 г.) выступает за изменение закона, разрешающее аборт (при условии, что они проводятся врачом) в особых случаях, например, когда беременность матери была насильственной, когда ее бросили или когда в интересах общества желательно предотвратить распространение умалишенных, преступников, алкоголиков или больных туберкулезом.

Во Франции врач, доктор Жан Даррикаррер, написал замечательный роман "*Право на аборт*" (1906), в котором отстаивает тезис о том, что женщина всегда обладает полным правом на аборт и является высшим судьей относительно того, будет ли она подвергаться боли и рискам, связанным с родами. Однако здесь вопрос, очевидно, ставится не по медицинским, а по гуманитарным и феминистским соображениям.

Мы видели, что как со стороны практики, так и со стороны теории, за последние годы в отношении к абортam произошли большие изменения. Следует, однако, четко признать, что, в отличие от контроля за деторождением с помощью методов предотвращения зачатия, факультативный аборт еще не был воплощен в нашей нынешней общественной морали. Если позволительно вставить личное мнение, я могу сказать, что мне кажется, что наша мораль здесь достаточно разумна.^[442] Я твердо придерживаюсь мнения, что неограниченное разрешение женщинам практиковать абортy в своих собственных интересах или даже сообществам практиковать их в интересах расы означало бы выйти за пределы той стадии цивилизации, которой мы достигли в настоящее время. Как убедительно утверждает Эллен Ки, цивилизация, которая без протеста допускает варварское истребление своих тщательно отобранных взрослых особей на войне, еще не завоевала права преднамеренно уничтожать даже самые низшие продукты жизнедеятельности в утробе матери. Цивилизации, виновной в столь безрассудной трате жизни, нельзя безопасно доверить эту судебную функцию. Слепое и бесцельное стремление лелеять самые безнадежные и деградировавшие формы жизни, даже жизни нерожденной, вполне может быть слабостью, а поскольку это часто приводит к неисчислимым страданиям, то даже к преступлению. Но пока что существует непреодолимый барьер на пути прогресса в этом направлении. Прежде чем мы получим право сознательно отнимать жизнь ради ее очищения, мы должны научиться сохранять ее, устраняя такие разрушительные влияния — войны, болезни, плохие производственные условия, — которые легко доступны нашему обществу как цивилизованным нациям.^[443]

Далее, есть еще одно соображение, которое, как мне кажется, имеет вес. Прогресс цивилизации идет в направлении большей предусмотрительности, большей предупредительности, уменьшения потребности в борьбе с безрассудным отсутствием предвидения. Необходимость абортov - это как раз один из тех результатов опрометчивых действий, которые цивилизация стремится приуменьшить. Хотя мы можем признать, что при более здоровом состоянии цивилизации все еще могло бы иметь место несколько случаев, когда было бы желательно прибегнуть к абарту, представляется вероятным, что число таких случаев скорее уменьшится, чем увеличится. Чтобы покончить с необходимостью абортov и противодействовать пропаганде в их пользу, мы должны в основном полагаться, с одной стороны, на повышенную дальновидность в определении зачатия и на более глубокие знания о средствах предотвращения зачатия,^[444] а с другой стороны, на более эффективное обеспечение государством ухода за беременными женщинами, как замужними, так и незамужними, включая детей. и практическое признание притязаний квалифицированной матери на общество.^[445] Не может быть никаких сомнений в том, что во многих случаях уголовного аборта реальное преступление лежит на тех, кто не выполнил свой социальный и профессиональный долг по распространению более естественных и безвредных методов предотвращения зачатия, или же своим общественным отношением сделал положение беременной женщины невыносимым. Благодаря активным социальным реформам в этих двух направлениях новое движение в пользу абортov может быть сдержано, и может даже оказаться, что стимулирование такой реформы принесло пользу этому движению.

Мы видели, что преднамеренное ограничение зачатия стало частью нашей цивилизованной морали, и что практика и теория факультативных абортів прочно укоренились среди нас. Остается третий и еще более радикальный метод контроля над деторождением, метод полного предотвращения возможности деторождения путем проведения кастрации или другой более легкой операции, оказывающей аналогичное тормозящее воздействие на репродуктивную функцию. Два других метода воздействуют только на единичный акт единения или его результаты, но кастрация влияет на все последующие акты сексуального единения и обычно навсегда разрушает способность к деторождению.

Кастрация для различных социальных и других целей - древняя и широко распространенная практика, применяемая к мужчинам и животным. Однако в целом существовало определенное предубеждение против этого применительно к мужчинам. Многие народы придавали неприкосновенности половых органов очень священное значение. У некоторых первобытных народов удаление этих органов рассматривалось как особо жестокое оскорбление, которое наносилось только в моменты сильного возбуждения, например, после битвы. Медицина выступала против любого вмешательства в половые органы. Клятва, данная греческими врачами, по-видимому, запрещает кастрацию: "Я не буду резать".^[446] В наше время произошли большие изменения, кастрация как мужчин, так и женщин обычно проводится в болезненных состояниях; одна и та же операция иногда пропагандируется и иногда выполняется в надежде, что она может устранить сильные и ненормальные сексуальные импульсы. И в последние годы кастрация использовалась в целях негативной евгеники, действительно, в большей степени из-за ее более радикального характера, чем предотвращение зачатия или абортов.

Движение в пользу кастрации, по-видимому, началось в Соединенных Штатах, где проводились различные эксперименты по ее законодательному закреплению. Впервые это было рекомендовано просто как наказание для преступников, и особенно сексуальных преступников, Хэммондом, Эвертсом, Лидстоном и другими. Однако с этой точки зрения это кажется неудовлетворительным и, возможно, незаконным. Во многих случаях кастрация вообще не является наказанием, а наоборот, приносит пользу. В других случаях, когда оно применяется против воли субъекта, оно может оказывать очень тревожное психическое воздействие, приводя и без того дегенеративных или неуравновешенных людей к безумию, преступности и антисоциальным тенденциям в целом, гораздо более опасным, чем исходное состояние. Евгенические соображения, которые были выдвинуты позже, представляют собой гораздо более веский аргумент в пользу кастрации; в данном случае кастрация проводится ни в коем случае не для того, чтобы применить варварское унижающее достоинство наказание, а с согласия субъекта, чтобы защитить сообщество от риска появления бесполезных или вредных членов.

Тот факт, что кастрацию больше нельзя должным образом рассматривать как наказание, подтверждается возможностью преднамеренного обращения к операции просто ради удобства, как предпочтительной и наиболее эффективной замены принятию профилактических методов при половом акте. В настоящее время я знаком только с одним случаем, в котором был принят этот курс. Этот субъект - врач (пуританского происхождения из Новой Англии), с сексуальной историей которого, которая вполне нормальна, я был знаком уже давно. Его нынешний возраст - тридцать девять. Несколько лет назад, имея достаточно большую семью, он перенял профилактические методы полового акта. Последующие события я пересказываю его собственными словами: "Беспокойство, предусмотрительность и т.д., ставшие

необходимыми в результате профилактических мер, С годами становились для меня все более и более утомительными, и, наконец, я обратился с этим вопросом к другому врачу, и, по его заверениям, и после зрелого обсуждения с моей женой, некоторое время спустя был прооперирован и стал стерильным, обнажив семявыносящие протоки с каждой стороны через разрез в мошонке, затем перевязал в двух местах шелком и разорвал лигатурами. Это было сделано под кокаиновой инфильтративной анестезией и было не таким уж болезненным, хотя боль, которая там была (вытягивание пуповины через разрез и т.д.), Казалась очень невыносимой. Я ни одного дня не выходил из своего офиса, и меня никоим образом серьезно не беспокоили. Через шесть дней все швы на мошонке были сняты, а через три недели я отказался от удерживающей повязки, которая была необходима из-за чрезвычайной чувствительности яичек и пуповины.

"Операция увенчалась полным успехом во всех отношениях. Сексуальные функции *абсолютно никак не затронуты*. В половом тракте нет чувства дискомфорта или беспокойства, и что кажется мне самым странным из всего, так это тот факт, что количество спермы, насколько можно судить обычными средствами наблюдения, не уменьшилось и характер ее не изменился. (Конечно, микроскоп выявил бы его фатальный недостаток.)

"Моя жена в восторге от того, что страх изгнан из нашей любви, и, в целом, мне определенно кажется, что жизнь стала бы значить больше для нас обоих. Кстати, здоровье у нас обоих кажется лучше, чем обычно, особенно у моей жены, и это она объясняет успокаивающим воздействием, которое достигается за счет того, что семенная жидкость откладывается совершенно нормальным образом и остается в контакте с вагинальными выделениями до тех пор, пока они естественным образом не пройдут.

"Поскольку эта операция сравнительно новая и пока нечасто проводится над другими людьми, кроме душевнобольных, преступников и т.д., я подумал, что она может вас заинтересовать. Если я пролью хотя бы малейший луч света на эту величайшую из всех человеческих проблем, ... Я буду искренне рад".

Такой случай, с его пока удовлетворительным исходом, безусловно, заслуживает того, чтобы его зафиксировали, хотя вполне возможно, что в настоящее время ему не будут широко подражать.

Самая ранняя пропаганда кастрации, с которой я столкнулся как с частью негативной евгеники, для конкретной "цели профилактики применительно к улучшению расы и защите общества", принадлежит доктору Ф. Э. Дэниелу из Техаса и датируется 1893 годом.^[447] Даниэль, однако, несколько неразрывно перепутал кастрацию как метод очищения расы, метод, который может быть осуществлен с согласия оперируемого лица, с кастрацией как наказанием, применяемым за изнасилование, содомию, скотоложество, педерастию и даже обычную мастурбацию, причем метод ее выполнения, который является чрезвычайно эффективным. варварский и примитивный метод тотальной абляции половых органов. В последние годы были предложены несколько более справедливые, практичные и научные методы кастрации, не предполагающие удаления половых желез или органов и не в качестве наказания, а просто ради защиты сообщества и расы в целом от бремени, вероятно, непродуктивных и, возможно, опасных представителей. С 1899 года Нэкке неоднократно подчеркивал социальные преимущества этой меры.^[448] Распространение низших элементов общества, настаивает Нэкке, приносит несчастье в семью и является источником больших расходов для государства. Он рассматривает кастрацию как единственный эффективный метод профилактики и приходит к выводу, что,

следовательно, наш долг принять его, точно так же, как мы приняли вакцинацию, позаботившись о том, чтобы заручиться согласием самого субъекта или его опекуна, гражданских властей и, при необходимости, комитета экспертов. Профессор Анджело Цуккарелли из Неаполя также, начиная с 1899 года, подчеркивал важность кастрации при стерилизации эпилептиков, душевнобольных различных классов, алкоголиков, туберкулезников и преступников с инстинктивными нарушениями, а выбор случаев для операции должен осуществляться комиссией экспертов, которые будут обследовать школьников, кандидатов на государственную службу или лиц, собирающихся вступить в брак.^[449] Это движение быстро набирало силу, и в 1905 году на ежегодном собрании швейцарских психиатров было единогласно решено, что стерилизация душевнобольных желательна и что необходимо законодательно урегулировать этот вопрос. Действительно, именно в Швейцарии в Европе были предприняты первые шаги по проведению кастрации в качестве меры социальной профилактики. В шестнадцатом ежегодном отчете (1907 г.) кантонального приюта в Уилле описаны четыре случая кастрации, два у мужчин и два у женщин, проведенной — с разрешения пациентов и гражданских властей — по социальным причинам; у обеих женщин ранее были незаконнорожденные дети, которые были бременем для общества, и все четыре пациента были сексуально ненормальными; операция позволила пациентам освободиться и работать, и результаты были признаны во всех отношениях удовлетворительными для всех заинтересованных сторон.^[450]

Внедрению кастрации как метода негативной евгеники способствовало использование новых методов ее проведения без риска и без фактического удаления семенников или яичников. Для мужчин существует простой метод вазэктомии, рекомендованный Нэкке и многими другими. Для женщин существует соответствующий и почти столь же простой и безвредный метод Керера, заключающийся в рассечении и перевязке фаллопиевых труб через влагалище, как рекомендует Киш, или очень похожая процедура Роуз, легко выполняемая опытной рукой за несколько минут, как рекомендует Цуккарелли.

Было обнаружено, что повторное воздействие рентгеновских лучей приводит к бесплодию у представителей обоих полов, как у животных, так и у мужчин, и рентгенологи должны принимать различные меры предосторожности, чтобы не пострадать от этого эффекта. Было высказано предположение, что применение рентгеновских лучей было бы хорошей заменой кастрации; по-видимому, эффект от применения, вероятно, продлится всего несколько лет, что в некоторых сомнительных случаях может быть преимуществом. (См. *Британский медицинский журнал*, 13 августа 1904 г.; *ib.*, 11 марта 1905 г.; *ib.*, 6 июля 1907 г.)

Мне кажется, вряд ли возможно рассматривать кастрацию как метод негативной евгеники с большим энтузиазмом. Более того, безрассудство, с которым иногда предлагается применять его по закону — без сомнения, из-за того факта, что это не так явно отталкивающе, как менее радикальная процедура аборта, — должно заставить нас быть очень осторожными. Мы также должны отвергнуть идею кастрации как наказания; как таковая она не просто варварская, но и унижающая достоинство и вряд ли окажет благотворное воздействие. Как метод негативной евгеники, он никогда не должен проводиться без согласия субъекта. Тот факт, что в некоторых случаях может быть необходимо принудительное уединение в отсутствие кастрации, несомненно, был бы фактом, оказывающим влияние в пользу такого согласия; но согласие необходимо, если объект операции должен быть защищен от деградации. Мужчина, деградировавший и озлобленный насильственной кастрацией, может быть, и не опасен для

потомства, но очень легко может стать опасным членом общества, в котором он на самом деле жил. При соблюдении надлежащих мер предосторожности кастрация, несомненно, может сыграть определенную роль в возвышении и совершенствовании расы.^[451]

Методы, которые мы рассматривали, в той мере, в какой они ограничивают репродуктивную способность менее здоровых и эффективных особей в сообществе, являются методами евгеники. Не следует, однако, предполагать, что они составляют всю евгенику, или даже что они каким-либо образом существенны для евгенической схемы. Евгеника занимается всеми средствами, которые возвышают и улучшают человеческую породу; аборт и кастрация - это методы, которые могут быть использованы с этой целью, но это не те методы, которые все одобряют, и не всегда ясно, что цели, которых они достигают, не были бы лучше достигнуты другими методами; в любом случае, это методы негативной евгеники. Остается область позитивной евгеники, которая занимается не устранением низших видов, а установлением того, какие виды являются высшими, и усилением их способности к воспроизводству.

Хотя необходимость воздержания от продолжения рода больше не является препятствием для вступления в брак, вопрос о том, должны ли два человека вступать в брак друг с другом, все еще остается в большинстве случаев серьезным вопросом как с точки зрения позитивной, так и с точки зрения негативной евгеники, поскольку нормальный брак не может не включать детей, что, действительно, является его главной и наиболее желанной целью. Мы должны учитывать не только то, какие виды или особи непригодны для размножения, но и то, какие эти виды или особи наиболее пригодны для размножения и при каких условиях размножение может быть осуществлено наилучшим образом. Нынешнее несовершенство наших знаний по этим вопросам подчеркивает необходимость осторожности при подходе к их рассмотрению.

Возможно, здесь уместно сослаться на эксперимент сообщества Онейда по созданию системы распространения научных знаний под руководством человека, чьи способности и выдающиеся достижения как первопроходца только сегодня начинают признаваться должным образом. Джон Хамфри Нойес слишком опередил свое время, чтобы его оценили по достоинству; самое большее, его считали мудрым и успешным основателем секты, а его попытки применить евгенику к жизни вызвали только насмешки и преследования, так что, к сожалению, под давлением извне он был вынужден преждевременно завершить поучительный эксперимент. Его цель и принцип изложены в *Эссе о научной пропаганде*, опубликованном около сорока лет назад, в котором обсуждаются проблемы, которые только сейчас начинают привлекать внимание практического человека, поскольку они относятся к сфере социальной политики. Когда Нойес обратил свой энергичный и практичный ум к вопросу евгеники, этот вопрос находился исключительно в руках ученых, которые чувствовали всю естественную робость человека науки по отношению к реализации его предложений и которые не были готовы ни на волос отступить от общепринятых обычаев своего времени. Эксперимент Нойеса в Онейде ознаменовал новый этап в истории евгеники; какой бы ни была ценность эксперимента — а первый эксперимент не может быть окончательным — с Нойесом вопросы евгеники вышли за рамки чисто академической стадии, на которой они мирно пребывали со времен Платона. "Становится ясно, - заявляет Нойес с самого начала, - что основы научного общества должны быть заложены в научном воспитании людей". Делая это, мы должны обращать внимание на две вещи: кровь (или наследственность) и обучение; и он ставит кровь на первое место. В этом он был заодно с новейшими биометрическими евгениками современности ("нация годами вкладывала деньги в "Окружающую среду", когда "Наследственность" побеждает в легкой

атлетике", как предпочитает выражаться Карл Пирсон), и в то же время продемонстрировал широту своего видения по сравнению с обычным социальным реформатором, который в те дни обычно фанатично верил во влияние обучения и окружения. Нойес излагает позицию Дарвина относительно принципов селекции и шаг за пределы Дарвина, который был сделан Гальтоном. Затем он замечает, что, когда Гальтон доходит до того, что необходимо перейти от теории к обязанностям, которые предлагает теория, он "впадает в кротчайший консерватизм". (Следует помнить, что это было написано на ранней стадии работы Гальтона.) Этот вывод полностью противоречил практическому и религиозному темпераменту Нойеса. "Долг очевиден; мы говорим, что должны это делать — мы хотим это делать; но мы не можем. Закон Божий побуждает нас идти вперед, но закон общества сдерживает нас. Самый смелый курс - самый безопасный. Давайте честно и пристально посмотрим на закон. Только из-за робости и невежества этот долг кажется невыполнимым". Нойес предвосхитил Гальтона в том, что касалось евгеники как вопроса религии.

Нойес предложил назвать работу современной науки по пропаганде "Стирпикulturой", в которой ему иногда следовали другие. Он считал, что обязанностью специалиста по разведению является учет как количества, так и качества поголовья, и он считал, что, не уменьшая количества, можно повысить качество, применяя очень строгую дискриминацию при отборе самцов. На данный момент Нойеса в последние годы поддерживают Карл Пирсон и другие, которые показали, что для производства следующего поколения необходима лишь относительно небольшая часть населения, а на самом деле это двенадцать процентов. из одного поколения человек производит пятьдесят процентов. из следующего поколения. Что нам нужно гарантировать, так это то, что эта небольшая воспроизводящая часть населения будет наилучшим образом приспособлена для этой цели. "*Количество* продукции будет прямо пропорционально количеству фертильных самок, - так Нойес понял вопрос, - а *ценность* произведенной продукции, насколько это зависит от отбора, будет почти обратно пропорциональна количеству оплодотворяющих самцов". В этом вопросе Нойес опередил Эренфельса. Необходимо помнить о двух принципах: "Размножаться от лучших" и "Размножаться постепенно" с осторожным и периодическим введением новых штаммов. (Можно отметить, что Рейбмайн в своей недавней *книге "О гениальности и талантах"* утверждает, что высшие расы и высшие индивидуумы в человеческом роде были созданы благодаря бессознательной приверженности именно этим принципам.) "Путем разделения превосходящих семей и скрещивания их внутри и попеременно можно было бы получить высшие разновидности человеческих существ, которые были бы сравнимы с чистокровными животными всех домашних рас". Он иллюстрирует это на примере ранней истории евреев.

Наконец, Нойес критикует существующий метод или отсутствие метода в вопросах распространения. Наша брачная система, утверждает он, "оставляет спаривание определяться общей борьбой". Игнорируя также огромную разницу между полами в репродуктивной способности, он "ограничивает каждого мужчину, какова бы ни была его потенция и его ценность, количеством продукции, на которое может быть способна одна женщина, выбранная вслепую". Более того, продолжает он, "практически это дискриминирует лучших и в пользу худших; ибо, в то время как хороший человек будет ограничен своей совестью тем, что позволяет закон, плохой человек, свободный от моральных ограничений, будет распространять свое семя за пределами законных границ так широко, как только осмелится". "Мы можем с полной уверенностью сказать, что нет никакой возможности перенести две заповеди научной

пропаганды вучреждение, которое претендует на отсутствие дискриминации, не допускает подавления, предоставляет не больше свободы лучшим, чем худшим, и которое, на самом деле, неизбежно должно проводить неправильную дискриминацию, пока низшие классы наиболее плодовиты и наименее поддаются увещеваниям науки и морали ". Изменяя наши сексуальные институты, Нойес настаивает на том, что необходимо помнить о двух важных моментах: сохранении свободы и сохранении дома. Не должно быть никакого принуждения в распространении научных знаний среди людей; оно должно быть автономным, направляемым самоуправлением ", по свободному выбору тех, кто любит науку настолько, что "делает себя евнухами ради Царства Небесного". Дом также должен быть сохранен, поскольку "брак - лучшее, что есть для человека таким, какой он есть"; но необходимо расширить дом, ибо, "если бы все могли научиться любить других детей больше, чем своих собственных, ничто не могло бы помешать распространению научных знаний в семьях, гораздо лучших, чем те, которые существуют сейчас".

Эта памятная брошюра не содержит описания точных мер, принятых Сообществом Онейда для реализации этих принципов. Двумя существенными моментами были, как мы знаем, "мужское воздержание" (см. *ante* стр. 553) и расширенная семья, в которой все мужчины были фактическими или потенциальными партнерами всех женщин, но никакого союза для продолжения рода не было, кроме как в результате здравого смысла и обдуманного решения. "Община, - говорит Х. Дж. Сеймур, один из первых членов (*Община Онейда*, 1894, стр. 5), - была *семьей*, столь же отчетливо отделенной от окружающего общества, как и обычные домашние хозяйства. Узы, связывавшие их воедино, были такими же постоянными и, по крайней мере, такими же священными, как узы брака. Забота каждого мужчины и все общее имущество были переданы на содержание и защиту женщин, а также на поддержку и образование детей". Маловероятно, что община Онейда подробно представила модель, которой будет соответствовать человеческое общество в целом. Но даже при самой низкой оценке его успех показал, как указал лорд Морли (*Дидро*, т. ii, стр. 19), "насколько изменчивы некоторые из этих фактов существующего человеческого характера, которые вульгарно считаются окончательными и неискоренимыми", и что "дисциплина сексуальных влечений", на которой в значительной степени зиждется будущее цивилизации, очень далека от невозможности.

Во многих отношениях сообщество Онейда опередило свое время - и даже наше, — но интересно отметить, что в вопросе контроля за зачатием наша брачная система пришла в соответствие с теорией и практикой Онейды; действительно, нельзя сказать, что мы всегда контролируем зачатие в соответствии с евгеническими принципами, но тот факт, что такой контроль теперь стал общепринятой привычкой цивилизации, в некоторой степени лишает критику Нойес нашей брачной системы той силы, которой она обладала полвека назад. Другое изменение в наших обычаях — пропаганда и даже практика аборт и кастрации — не встретило бы его одобрения; он был категорически против того и другого, и при высоком моральном уровне, который царил в его сообществе, ни то, ни другое не было необходимо для поддержания господствовавшей культуры стирпайка.

Община Онейда просуществовала на протяжении одного поколения и прекратила свое существование в 1879 году, но отнюдь не из-за признания неудачи, а из-за мудрого уважения к внешнему давлению. Его члены, многие из которых были высокообразованны, продолжали хранить память о практике и идеалах Сообщества. Нойес Миллер (автор книг "*Удар пола*" и

"Открытие Цугассана") до последнего со спокойной уверенностью смотрел на то время, когда, как он и предполагал, великое открытие Нойеса будет принято миром в целом. Другой член Общины (Генри Дж. Сеймур) много лет спустя писал об этой Общине, что "Это было предвосхищение и несовершенная миниатюра Царства Небесного на земле".

Возможно, самый распространенный тип предложения или попытки улучшить биологический уровень расы - это исключение определенных классов дегенератов из брака или поощрение лучших слоев общества вступать в брак. В настоящее время это, по-видимому, самая популярная форма евгеники, и в той мере, в какой она осуществляется не путем принуждения, а является результатом добровольного решения отнестись к вопросу создания расы с ревливой заботой и попечительством, которые связаны с такой чрезвычайно серьезной, такой богоподобной задачей, многое можно сказать в ее пользу и ничего против.

Но совсем другое дело, когда предпринимается попытка законодательно регулировать такой институт, как брак. Во-первых, мы еще недостаточно знаем о принципах наследственности и возможности передачи патологических состояний, чтобы иметь возможность формулировать обоснованные законодательные предложения на этой основе. Даже о таком сравнительно простом вопросе, как связь туберкулеза с наследственностью, вряд ли можно сказать, что он является предметом общего согласия, даже если все же можно утверждать, что мы располагаем достаточным материалом для достижения общего согласия. Более того, предположив, что наши знания по всем этим вопросам были бы гораздо более развитыми, чем есть на самом деле, мы все равно не достигли бы положения, в котором мы могли бы сформулировать общие положения относительно желательности или нежелательности продолжения рода определенными классами людей. Этот вопрос обязательно является индивидуальным, и он может быть решен только после справедливого рассмотрения всех обстоятельств конкретного дела.

Возражение против любого законодательного и обязательного регулирования права на вступление в брак, однако, гораздо более фундаментально, чем соображение о том, что наши знания в настоящее время недостаточны. Причина кроется в необычайной путанице в умах тех, кто выступает за такое законодательство, между законным браком и деторождением. Люди, впадающие в такое замешательство, еще не выучили алфавит предмета, о котором они осмеливаются диктовать, и не более компетентны в законотворчестве, чем ребенок, который не может отличить А от В, способен читать.

Брак, поскольку это партнерство для взаимной помощи и утешения двух людей, которые в таком партнерстве свободны, если им заблагорассудится, вступать в сексуальный союз, является элементарным правом каждого человека, который способен рассуждать здраво, который не виновен в мошенничестве или сокрытии информации и который вряд ли причинит вред выбранному партнеру, поскольку в этом случае общество имеет право вмешиваться в силу своего долга защищать своих членов. Но право вступать в брак, понимаемое таким образом, никоим образом не предполагает права на продолжение рода. Ибо, в то время как бракам по себе затрагивает только двух заинтересованных лиц и никоим образом не влияет на государство, продолжение рода, с другой стороны, в первую очередь влияет на сообщество, которое в конечном итоге состоит из лиц, произведенных на свет, и лишь во вторую очередь влияет на двух индивидов, которые являются инструментами продолжения рода. Таким образом, точно так же, как отдельная пара имеет первое право в вопросе брака, государство

имеет первое право в вопросе продолжения рода. Государство так же некомпетентно устанавливать закон о браке, как отдельный человек - устанавливать закон о деторождении.

Это, однако, лишь половина глупостей, совершенных теми, кто отбирал кандидатов для вступления в брак по закону. Давайте предположим — что на самом деле предположить нелегко, — что сообщество смиренно примет абстрактные запреты свода законов и спокойно разойдется по домам, когда регистратор браков сообщит им, что они лишены права вступать в законный брак из-за новой таблицы запрещенных степеней. Прямой запрет на продолжение рода в браке - это косвенное разрешение на продолжение рода вне брака. Таким образом, нежелательное продолжение рода, вместо того чтобы осуществляться в наименее опасных условиях, осуществляется в наиболее опасных условиях, и конечным результатом для сообщества является не выигрыш, а потеря.

То, что, по-видимому, обычно происходит при наличии официального законодательного запрета на вступление в брак представителей определенного класса, представляет собой сочетание различных зол. Отчасти закон становится мертвой буквой, отчасти его обходят искусством и мошенничеством, отчасти ему подчиняются, чтобы породить худшее зло. Это произошло, например, в Терском округе Кавказа, где по требованию медицинской комиссии священникам было запрещено вступать в брак с лицами, среди родственников или предков которых имели место какие-либо случаи заболевания проказой. Этот приказ причинил столько разного вреда, что он был быстро отозван.^[452]

Если мы вспомним, что католическая церковь более тысячи лет была занята попытками навязать запрет на брак своему духовенству — образованному и тренированному сообществу людей, у которых были все духовные и мирские мотивы принять этот запрет, и, более того, они были воспитаны считать аскетизм лучшим идеалом в жизни,^[453] — мы можем понять, насколько абсурдно пытаться запретить брак. достичь той же цели можно с помощью простых случайных запретов, предписываемых неподготовленным людям, у которых нет мотивов подчиняться таким запретам и нет идеалов безбрачия.

Безнадежность и даже абсурдность осуществления евгенического улучшения расы простым внесением в свод законов запрета определенным классам людей вступать в законные узы брака в том виде, в каком они существуют в настоящее время, показывает слабость тех, кто недооценивает евгеническую важность окружающей среды. Те, кто утверждает, что наследственность - это все, а окружающая среда - ничто, как ни странно, забывают, что именно низшие классы — те, кто в наибольшей степени подвержен влиянию плохой окружающей среды, — производят потомство наиболее обильно, наиболее безрассудно и наиболее катастрофично. Ограничение продолжения рода и сопутствующее ему уважение к наследственности усиливаются *наравне* с улучшением окружающей среды и повышением социального благосостояния. Если даже уже сейчас можно сказать, что, вероятно, пятьдесят процентов. поскольку половой акт — возможно, наиболее продуктивная в плане продолжения рода часть — происходит вне законного брака, становится очевидным, что законодательный запрет непригодным классам воздерживаться от законного брака просто предполагает их присоединение к производящим классам вне законного брака. Также ясно, что если мы должны пренебречь фактором окружающей среды и предоставить низшие социальные классы невежеству и безрассудству, которые являются результатом такой среды, то единственный

практический метод евгеники, который остается открытым, - это кастрация и аборт. Но этот метод — если применять его в массовом масштабе, как это должно быть^[454] и без ссылки на согласие отдельного человека — полностью противоречит современным демократическим чувствам. Таким образом, те близорукие евгенисты, которые упускают из виду важность окружающей среды, упускают из виду единственный практический канал, с помощью которого могут быть реализованы их цели. Внимание к продолжению рода и внимание к окружающей среде не являются, как некоторые предполагают, антагонистическими, но они гармонично играют на руку друг другу. Забота об окружающей среде ведет к ограничению безрассудного продолжения рода, а ограничение продолжения рода ведет к улучшению окружающей среды.

Законодательство о браке, чтобы быть эффективным, должно приниматься дома, в школе, в кабинете врача. Сила здесь бессильна; необходимо образование, не просто наставление, но воспитание совести и воли, а также тренировка эмоций.

Судебный иск может быть направлен на развитие этого процесса образования, хотя и не может заменить его. Таким образом, очень желательно, чтобы в случае сокрытия кем-либо из участников брака серьезного заболевания такое сокрытие служило основанием для развода. Эпилепсию можно рассматривать как типичное заболевание, которое должно препятствовать продолжению рода, а их сокрытие равносильно расторжению брака.^[455] В Соединенных Штатах Верховный суд штата Коннектикут в 1906 году постановил, что Вышестоящий суд имеет право выносить постановление о разводе, когда одна из сторон скрыла наличие эпилепсии. Это весомое изъятие, как было хорошо сказано,^[456] знаменует собой шаг вперед в развитии человечества. Существует множество других серьезных патологических состояний, при которых развод должен быть объявлен или даже произойти автоматически, за исключением случаев, когда от деторождения отказались, поскольку в этом случае государство больше не заинтересовано в отношениях, за исключением наказания за любое мошенничество, совершенное путем сокрытия.

Требование о том, чтобы медицинская справка о состоянии здоровья была обязательной при вступлении в брак, было особенно выдвинуто во Франции. В 1858 году Дидей из Лиона действительно предложил, чтобы все люди без исключения были обязаны иметь справку о состоянии здоровья и болезнях, своего рода санитарный паспорт. В 1872 году Бертильон (статья "Демография", *Энциклопедический словарь медицинских наук*) выступал за регистрацию при заключении брака основных антропологических и патологических черт договаривающихся сторон (рост, вес, цвет волос и глаз, мышечная сила, размер головы, состояние зрения, слуха и т.д., уродства и дефекты и т.д.), однако не столько для предотвращения нежелательных браков, сколько для облегчения изучения и сравнения человеческих групп в определенные периоды. Последующие требования, более ограниченного и частичного характера, о юридических медицинских справках в качестве условия заключения брака были выдвинуты Фурнье ("*Сифилис и брак*", 1890), Казалисом ("*Наука и брак*", 1890) и Жюльеном ("*Болезни и брак*", 1898). В Австрии Хасковец из Праги ("*Супружеский конфликт и гигиена общества*", *Международный конгресс врачей*, Лиссабон, 1906, раздел VII, стр. 600) утверждает, что при вступлении в брак должна быть представлена медицинская справка, подтверждающая, что субъект не болен туберкулезом, алкоголизмом, сифилисом, гонореей, тяжелыми психическими, нервными или другими дегенеративными состояниями, которые могут нанести вред другому партнеру или потомству. В Америке Розенберг и Аронстам утверждают, что каждый кандидат на вступление в брак, мужчина или женщина, должен пройти строгое обследование компетентной комиссией

медицинских экспертов относительно (1) семейного и прошлого анамнеза (сифилис, чахотка, алкоголизм, нервные и психические заболевания) и (2) наличия статуса (тщательное обследование всех органов); в случае удовлетворения, затем будет выдано свидетельство о праве на вступление в брак. Указывается, что мера такого рода сделала бы ненужными акты, принятые некоторыми штатами для наказания штрафом или тюремным заключением за сокрытие болезни. Эллен Ки также считает (*Жизнь и здоровье*, стр. 436), что каждая сторона в браке должна предъявить справку о состоянии здоровья. "Мне кажется столь же необходимым, - замечает она в другом месте (*Столетие ребенка*, гл. I), - требовать медицинского заключения относительно способности к вступлению в брак, как и относительно способности к военной службе. В одном случае речь идет о том, чтобы подарить жизнь; в другом - о том, чтобы отнять ее, хотя, конечно, последний случай до сих пор считался гораздо более серьезным".

Свидетельство, как обычно утверждается, было бы частным, но необходимым подтверждением брака в глазах гражданских и религиозных властей. Такой шаг, необходимый как для защиты супружеского партнера, так и потомства, потребовал бы новой юридической организации супружеского контракта. То, что такие требования предъявляются так часто, является важным признаком роста морального сознания в обществе, и хорошо, что общественность должна быть ознакомлена с настоятельной необходимостью в них. Но крайне нежелательно, чтобы они в настоящее время или, возможно, когда-либо были воплощены в юридических кодексах. Что необходимо, так это культивирование чувства индивидуальной ответственности и развитие социального антагонизма по отношению к тем людям, которые не осознают своей ответственности. Необходимо действовать в соответствии с реальностью брака, а не просто с его юридическими формами.

Добровольный метод - единственный разумный подход в этом вопросе. Дюкло считал, что кандидат на вступление в брак должен иметь справку о состоянии здоровья во многом таким же образом, как и кандидат на страхование жизни, вопрос о профессиональной тайне, а также вопрос о принуждении, не более относящийся к одному вопросу, чем к другому. Нет никаких причин, по которым такие свидетельства, носящие полностью добровольный характер, не должны стать обычным явлением среди тех людей, которые достаточно просвещены, чтобы осознавать все серьезные личные, семейные и социальные проблемы, связанные с браком. Система евгенической сертификации, созданная и развитая Гальтоном, станет ценным инструментом для повышения морального сознания в этом вопросе. Евгенические сертификаты Гальтона касались бы главным образом природных достоинств превосходной наследственной породы — "общественного признания природного благородства", — но они включали бы вопрос личного здоровья и личных способностей.^[457]

Требовать обязательных справок о состоянии здоровья при вступлении в брак - значит начинать не с того конца. Это не только привело бы к уклонениям и антагонизму, но и, вероятно, вызвало бы реакцию. Сначала необходимо воспитать энтузиазм в отношении здоровья, моральную совесть в вопросах продолжения рода, а также, с научной точки зрения, общую привычку регистрировать антропологические, психологические и патологические данные, касающиеся индивидуума, начиная с рождения, совершенно независимо от брака. Таким образом, более ранние требования Дидэ и Бертильона имели не только более обоснованную, но и более осуществимую основу. Если бы такие записи велись с момента рождения каждого ребенка, не было бы необходимости в специальном обследовании при вступлении в брак, и было бы достигнуто множество побочных результатов. В настоящее время существует трудность

в получении таких записей с момента рождения, и, насколько мне известно, до сих пор не предпринималось никаких попыток наладить их систематическую регистрацию. Но вполне возможно начать с начала школьной жизни, и сейчас это делается во многих школах и колледжах Англии, Америки и других стран, особенно в том, что касается антропологических, физиологических и психологических данных, когда каждый ребенок подвергается тщательному антропометрическому обследованию и, таким образом, получает систематическую информацию о его физическом состоянии.^[458] Это обследование должно быть стандартизировано и обобщено и повторяться с фиксированными интервалами. "Каждый отдельный ребенок, - справедливо утверждает доктор Дюкс, врач школы регби, - при поступлении в государственную школу должен проходить такое же тщательное обследование, как если бы речь шла о страховании жизни". Если бы эта процедура была общей с раннего возраста, не было бы никаких трудностей с составлением записи о браке и никакой возможности для мошенничества. Досье каждого человека вполне могло бы быть зарегистрировано государством, как уже зарегистрированы завещания, и, как и в случае с завещаниями, стать свободно доступным для студентов по прошествии столетия. Пока это не будет сделано в течение нескольких столетий, наши знания о евгенике будут оставаться рудиментарными.

Не может быть никаких сомнений в том, что евгеническое отношение к браку и ответственность индивида за будущее расы становятся все более признанными. Постоянно случается, что люди, собирающиеся вступить в брак, обращаются к врачу в состоянии серьезной тревоги по этому поводу. Эркварт, действительно (*Журнал психологии*, апрель 1907 г., стр. 277), считает, что браки редко расторгаются на этой почве; однако это кажется слишком пессимистичным взглядом, и даже когда брак не расторгается, часто принимается решение избегать продолжения рода. Клаустон, который подчеркивает (*Гигиена разума*, стр. 74) важность "запросов каждой из сторон жизненного контракта, их родителей и врачей относительно наследственности, темперамента и здоровья", возлагает на результаты больше надежд, чем Урхарт. "В последние годы я был очень впечатлен, - пишет он (*Журнал психологии*, октябрь 1907 г., стр. 710), - тем, как эта тема овладевает умными людьми, тем, сколько раз к ним обращаются молодые мужчины и девушки, предлагая вступить в брак, или их отцы или матери. Раньше, когда со мной советовались, у меня в глубине души было ощущение, что неважно, что я скажу, это ничего не изменит. Но это имеет значение; и я, и другие могли бы рассказать о множестве браков, которые были расторгнуты из-за рекомендаций психиатра".

Эллен Ки также ссылается на растущую тенденцию как среди мужчин, так и среди женщин поддаваться влиянию евгенических соображений при формировании партнерских отношений на всю жизнь (*Столетие ребенка*, глава I). Признанию евгенического отношения к браку, усилению общественного и индивидуального сознания в вопросах наследственности, а также систематическому введению сертификации и регистрации будет способствовать растущая тенденция к социализации медицины, и, действительно, в ее отсутствие это было бы невозможно. (См. например, Хэвелок Эллис, *Национализация здравоохранения*.) Рост Государственной медицинской организации здравоохранения является устойчивым и непрерывным и постоянно охватывает все более обширную сферу. День частнопрактикующего врача, к которому относились, как выразился Дюкло (*Социальная жизнь*, стр. 263), "как к бакалейщику, в лавку которого покупатель может входить и выходить, когда ему заблагорассудится", несомненно, скоро закончится. Сейчас начинает ощущаться, что здоровье - это слишком серьезный вопрос, не только с индивидуальной, но и с социальной точки зрения,

чтобы полагаться на частный каприз. Действительно, в некоторых кругах существует тенденция опасаться, что однажды общество может броситься в противоположную крайность и преклониться перед медициной с тем же необоснованным почтением, с каким оно когда-то преклонялось перед теологией. Эта опасность все еще очень мала, и маловероятно, что медицина когда-либо будет претендовать на какой-либо авторитет подобного рода. Общеизвестно, что дух медицины был направлен скорее на утверждение скептицизма, чем догмы, и фанатики в этой области всегда будут в безнадежно малом меньшинстве.

Повсеместное введение подлинных личных записей, охватывающих все существенные данные — наследственные, антропометрические и патологические — не может не быть фактором, поддерживающим как позитивную, так и негативную евгенику, поскольку это способствовало бы продолжению рода пригодных, а также ограничило бы размножение непригодных без какого-либо законодательного принуждения. С ростом образования отношение к таким записям как к предваряющему вступлению в брак стало бы таким же само собой разумеющимся, каким когда-то было отношение к ограничениям, налагаемым каноническим правом, и как до сих пор остается отношение к деньгам или касте. Женщина обычно может воздержаться от замужества за мужчину без денег и перспектив; мужчина может быть страстно влюблен в женщину более низкого класса, чем он сам, но он редко женится на ней. Необходимо лишь четкое общее представление обо всем, что связано с наследственностью и здоровьем, чтобы евгенические соображения стали столь же влиятельными.

Избирательное отношение к качеству потомства благотворно скажется на позитивной евгенике, заменив пагубную тенденцию придавать большое значение избытку деторождения более рациональным методом придания большого значения качеству ребенка. Одним из самых печальных результатов маниакального протеста против снижения рождаемости, которое всегда и везде является результатом цивилизации, стало то, что появилась тенденция предлагать особые социальные или денежные преимущества родителям больших семей. Поскольку многодетные семьи, как правило, вырождаются и становятся налогом для общества, поскольку быстрые беременности одна за другой не только серьезно истощают силы матери, но, как известно, серьезно снижают качество потомства, и поскольку, более того, именно в многодетных семьях преобладают болезни и смертность, все интересы общества направлены против того, чтобы делать какие-либо надбавки за многодетные семьи, даже в случае родителей хорошего происхождения. Интересы государства связаны не с количеством, а с качеством его граждан, и предпочтение следует отдавать не семьям, достигавшим определенного размера, а отдельным детям, достигавшим определенного стандарта; достижение этого стандарта вполне может быть основано на наблюдениях, проведенных от рождения до пятого года жизни. Премия на этой основе была бы столь же выгодна государству, сколь губительна премия на чисто числовой основе.

Это соображение с еще большей силой применимо к предложениям о "систематическом обеспечении материнства", о которых мы слышим все больше и больше. Такой умеренный и рассудительный социальный реформатор, как мистер Сидни Уэбб, пишет: "Нам придется столкнуться с проблемой систематического предоставления материнства и поставить эту самую незаменимую из всех профессий на почетную экономическую основу. В настоящее время это игнорируется как занятие, не получающее вознаграждения и никоим образом не почитаемое государством".^[459] Каким бы верным ни было это утверждение, всегда следует помнить, что необходимым предварительным условием для любого предложения о

предоставлении материнства государством является четкое представление о том виде материнства, который требуется государству. Наделять безрассудным и неразборчивым материнством, которое мы видим вокруг нас, поощрять, то есть с помощью государства, производство граждан, значительную часть которых государство, если бы осмелилось, хотело бы уничтожить как непригодных, - это слишком нелепое предложение, чтобы заслуживать обсуждения.^[460] Действительно, единственная веская причина для наделяния материнством заключается в том, что это позволило бы государству в его собственных интересах способствовать естественному отбору подходящих.

Что касается положительных качеств, которыми государство имеет право наделять при поощрении материнства, то пока еще слишком рано говорить с полной уверенностью. Негативная евгеника, как правило, опережает позитивную евгенику; легче обнаружить плохие запасы, чем быть полностью уверенным в хороших запасах. Однако как с научной, так и с социальной стороны мы начинаем приходить к более четкому осознанию цели, которая должна быть достигнута, и к более точному знанию методов ее достижения.^[461]

Даже когда мы получили довольно четкое представление о стадах и индивидуумах, которых мы вправе поощрять к выполнению задачи по производству пригодных граждан для государства, проблемы продолжения рода ни в коем случае не исчерпаны. Прежде чем мы сможем хотя бы поинтересоваться, каковы условия, при которых отобранные особи могут наилучшим образом размножаться, все еще необходимо решить первоначальный вопрос, являются ли эти особи одновременно фертильными и сильными, поскольку это не гарантируется тем фактом, что они принадлежат к хорошей популяции, и даже тот факт, что мужчина и женщина фертильны с другими людьми, не является положительным доказательством того, что они будут фертильны друг с другом. Среди больших масс населения, которые не стремятся узаконить свои союзы до тех пор, пока они не окажутся плодотворными, эта трудность решается простым и практичным способом. Вопрос, однако, является серьезным и опасным при нынешнем состоянии брачного законодательства в большинстве стран для тех классов, которые привыкли связывать себя законными узами брака, не имея никакого представления о своей потенции и плодовитости друг с другом. Этот вопрос в основном оставлен на волю случая, и поскольку законный брак обычно не может быть расторгнут на основании отсутствия потомства, даже несмотря на то, что деторождение обычно объявляется главной целью брака, вопрос приобретает большую серьезность. Обычный диапазон бесплодия составляет от семи до пятнадцати процентов. среди всех браков, и в очень значительной их части, это вызывает серьезную озабоченность. Этого можно было бы избежать, в некоторой степени, путем обследования перед вступлением в брак и почти полностью установив, что, поскольку брак имеет какое-либо отношение к государству только через потомство, законный брак может быть расторгнут по истечении определенного периода по желанию любой из сторон при отсутствии такого потомства.

Раньше предполагалось, что, когда союз оказывался бесплодным, виновата была жена. Это убеждение давно опровергнуто, но даже сейчас мужчина, как правило, гораздо больше обеспокоен своей потенцией, то есть своей способностью совершать механический акт совокупления, чем своей фертильностью, то есть своей способностью производить живые сперматозоиды, хотя последнее условие является гораздо более распространенным источником бесплодия. "Любой мужчина, - говорит Артур Купер (*Британский медицинский журнал*, 11 мая 1907 г.), - у которого есть какой-либо сексуальный дефект или уродство развития, или который страдал каким-либо заболеванием или повреждением мочеполовых органов, даже

если оно сравнительно незначительное или одностороннее, и хотя его копулятивная способность может быть неповрежденной, должен рассматриваться как, возможно, бесплодный, пока не будут получены какие-либо доказательства обратного". В случае бесплодного брака возможную причину следует сначала выяснить у мужа, поскольку сравнительно легко исследовать сперму и установить, содержит ли она активные сперматозоиды. Принцип во всеобъемлющем исследовании бесплодных браков ("Die Sterilen Ehen", *Журнал социальной политики*, 1904, главы 1 и 2) утверждает, что в двух пятых бесплодных браков виноват мужчина; треть таких браков являются результатом венерических заболеваний у самого мужа или передаются жене. Гонорея сейчас не считается столь важной причиной бесплодия, как это было несколько лет назад; Шенк считает, что на нее приходится всего около тринадцати процентов случаев бесплодных браков (ср. Киш, *Сексуальная жизнь женщины*). Пинкус (*Архив гинекологии*, 1907) обнаружил, что из почти пятисот случаев, в которых он обследовал обоих партнеров, в 24,4% в 15,8% случаев бесплодие было вызвано непосредственно мужем. в 15,8% случаев - косвенно, поскольку было вызвано гонореей, которой он заразил свою жену.

Когда бесплодие возникает из-за дефекта в сперматозоидах мужа и не обнаруживается, как это обычно могло бы быть, до вступления в брак, иногда возникает вопрос об оплодотворении жены другими методами. Развод по причине бесплодия невозможен, и, даже если бы это было так, пара, хотя и желает иметь ребенка, обычно не имеет никакого желания расставаться. В этих обстоятельствах, чтобы добиться желаемой цели, не отступая от широко принятых норм морали, иногда предпринимаются попытки произвести искусственное оплодотворение путем инъекции спермы здорового мужчины. Попытки произвести искусственное оплодотворение предпринимались различными выдающимися людьми, от Джона Хантера до Швальбе, но это почти всегда очень трудно осуществить, а часто и невозможно. Это легко объяснить, если мы вспомним, что уже указывалось (*ante*, стр. 577) относительно влияния эротического возбуждения у женщины на обеспечение зачатия; очевидно, что даже для самой восприимчивой женщины вызвать эротический энтузиазм *по поводу* медицинского шприца - серьезная задача. Швальбе, например, описывает случай (*Deutsche Medizinisches Wochenschrift*, август 1908 г., стр. 510), в котором — из-за бесплодия мужа и беспокойства жены, с согласия мужа, оплодотвориться спермой другого мужчины — он предпринимал неоднократные осторожные попытки произвести искусственное оплодотворение; эти попытки, однако, оказались бесплодными, и три заинтересованные стороны в конце концов смирились с естественным методом полового акта, который оказался успешным. В другом случае, зафиксированном Швальбе, в котором муж был импотентом, ноне был стерил, было предпринято шесть попыток произвести искусственное оплодотворение, и дальнейшие попытки были прекращены из-за отвращения всех заинтересованных лиц.

Мнение, в целом, было противоположным практике искусственного оплодотворения, даже если не учитывать вопрос о вероятности успеха. Так, во Франции, где имеется значительная литература по этому вопросу, парижский медицинский факультет в 1885 году, после некоторых колебаний, отклонил диссертацию Жерара об истории искусственного оплодотворения, впоследствии опубликованную независимо. В 1883 году юридический трибунал Бордо объявил, что искусственное оплодотворение незаконно и представляет социальную опасность. В 1897 году Святой Престол также объявил эту практику незаконной ("Искусственное оплодотворение перед инквизицией", *Британский медицинский журнал*, 5 марта 1898 г.). Если отвлечься от такого отношения медицины, закона и Церкви, то, безусловно, может показаться, что тем, кто

желает иметь потомство, было бы лучше, как правило, принять естественный метод, который также является наилучшим, или же передать другим задачу продолжения рода, для которой они недостаточно подготовлены.

Когда мы убедились, что обе особи принадлежат к здоровым стадам и, более того, что они сами по себе обе способны к размножению, остается рассмотреть условия, при которых они могут наилучшим образом произвести потомство.^[462] Возникает, например, часто задаваемый вопрос: Какой возраст лучше всего подходит для продолжения рода?

Соображения, которые имеют значение при ответе на этот вопрос, имеют два разных порядка: физиологический и социальный или моральный. Иными словами, необходимо, с одной стороны, чтобы была полностью достигнута физическая зрелость и полностью развиты половые клетки; в то время как, с другой стороны, необходимо, чтобы мужчина был способен содержать семью и чтобы оба партнера получили жизненную подготовку, достаточную для выполнения обязанностей и тревог, связанных с воспитанием детей. Хотя в разное время существовали различия, вряд ли можно утверждать, что в целом общее мнение относительно наилучшего возраста для продолжения рода сильно менялось в Европе на протяжении многих столетий. Гесиод действительно говорил, что женщина должна выходить замуж около пятнадцати, а мужчина - около тридцати,^[463] но акушеры обычно приходят к выводу, что в интересах как родителей, так и их потомства, деторождительная жизнь не должна начинаться у женщин раньше двадцати, а у мужчин - раньше двадцати пяти.^[464] После тридцати у женщин и после тридцати пяти или сорока у мужчин представляется вероятным, что наилучшие условия для продолжения рода начинают ухудшаться.^[465] В настоящее время в Англии и ряде других цивилизованных стран наблюдается тенденция ко все более позднему возрасту вступления в брак, в среднем на несколько лет позже того, который обычно устанавливается как наиболее благоприятный возраст для начала деторождительной жизни. Но, в целом, средний показатель редко сильно отклоняется от принятого стандарта, и, по-видимому, нет веских причин, по которым мы должны желать изменить эту общую тенденцию.

В то же время из этого никоим образом не следует, что широкие вариации при особых обстоятельствах могут быть не только допустимыми, но и желательными. Самец способен к деторождению, в некоторых случаях, примерно с тринадцати до восьмидесяти лет, и в этом преклонном возрасте потомство, даже если оно не отличается большой физической крепостью, может обладать высокими интеллектуальными качествами. (См., например, Хэвелок Эллис, *Исследование британского гения*, стр. 120 и далее.) Диапазон репродуктивного возраста у женщин начинается раньше (иногда в восемь лет), хотя обычно он заканчивается к пятидесяти или раньше, лишь в редких случаях продолжаясь до шестидесяти или старше. Сообщалось о случаях беременности или родов в возрасте пятидесяти девяти лет (например, *Lancet*, 5 августа 1905 г., стр. 419). Лепаж (*Comptes-rendus Société d'Obstétrique de Paris*, октябрь 1903 г.) сообщает о случае с первородящей в возрасте пятидесяти семи лет; ребенок родился мертвым. Киш (*Сексуальная жизнь женщины*, часть II) относится к случаям беременности у пожилых женщин, и различные ссылки приведены в *Британском медицинском журнале*, 8 августа 1903 г., стр. 325.

Более важным является вопрос о ранней беременности. Несколько исследователей посвятили свое внимание этому вопросу. Так, Спитта (в своей Первой диссертации в Марбурге, 1895 г.) проанализировал клиническую историю 260 родов у первородящих в возрасте 18 лет и младше,

наблюдавшихся в Марбургском родильном доме. Он обнаружил, что общее состояние здоровья во время беременности было не ниже среднего для беременных женщин, в то время как смертность ребенка при рождении и в течение последующих недель была невысокой, а смертность матери ни в коем случае не была высокой. Пикар (в парижской диссертации, 1903) изучал роды у тридцати восьми матерей в возрасте до шестнадцати лет. Он обнаружил, что, хотя таз, безусловно, еще не полностью развит у очень маленьких девочек, суставы и кости гораздо более податливы, чем у взрослых, так что роды не только не являются более трудными, но обычно проходят быстро и легко. Сам процесс родов в этих случаях, по сути, нормальный, и даже при возникновении аномалий (низкое внедрение плаценты является распространенной аномалией) примечательно, что пациентки не страдают от них так, как это обычно бывает у пожилых женщин. Средний вес ребенка составлял три килограмма, или около 6 фунтов 9 унций; иногда за ним требовался особый уход в течение первых нескольких дней после рождения, возможно, потому, что роды в этих случаях иногда протекают медленно. Выздоровление матери в каждом случае было абсолютно нормальным, и тот факт, что эти молодые матери забеременели снова с большей готовностью, чем первородящие более зрелого возраста, еще раз подтверждает, что роды в возрасте до шестнадцати лет никоим образом не наносят вреда матери. Гаше (*Annales de Gynécologie et d'Obstétrique*, декабрь 1904 г.) присутствовал при девяносто одной родовой схватке матерей моложе семнадцати лет в больнице Роусон, Буэнос-Айрес; они принадлежали к так называемой латинской расе, в основном испанкам или итальянкам. Гаше обнаружил, что эти молодые матери ни в коем случае не были более других подвержены аборту или другим осложнениям беременности. За исключением четырех случаев незначительного сужения таза, родоразрешение было нормальным, хотя и несколько более длительным, чем у более старых первородящих. Повреждения мягких частей тела, однако, были редкими, и когда они возникали, то в каждом случае быстро заживали. Средний вес ребенка составлял 3039 граммов, или почти 6 с половиной фунтов. Можно отметить, что большинство наблюдателей считают, что очень ранняя беременность наступает у женщин, у которых менструации начинаются в необычно раннем возрасте, то есть за несколько лет до наступления ранней беременности.

Однако ясно, что молодые матери справляются на удивление хорошо, хотя нет никаких сомнений в том, что они вынашивают необычайно прекрасных младенцев. Кляйнвехтер действительно обнаружила, что чем моложе мать, тем крупнее ребенок. Дети молодых матерей превосходят ее не только физически. Марро обнаружил (*Половое созревание*, стр. 257), что дети матерей моложе 21 года превосходят детей матерей старшего возраста как по поведению, так и по интеллекту, при условии, что отцы не слишком стары или слишком молоды. Подробные отчеты по отдельным случаям подтверждают эти результаты, как в отношении матери, так и ребенка. Так, Милнер (*Lancet*, 7 июня 1902 г.) описывает случай беременности четырнадцатилетней девочки; родовые схватки были очень слабыми, и роды прошли легко. Э. Б. Уэйлс из Нью-Джерси записал историю (воспроизведенную в *медицинских изданиях*, 15 сентября 1890 г.) цветной девочки, которая забеременела в возрасте одиннадцати лет. Она была среднего роста, довольно высокой и стройной, но хорошо развитой, и у нее начались месячные в возрасте десяти лет. Во время беременности она была в добром здравии и настроении и могла работать. Роды прошли легко и естественно, не особенно затянулись и, по-видимому, не были чрезмерно болезненными, поскольку не было слышно ни стонов, ни волнения. Ребенок был прекрасным, здоровым мальчиком, весом не менее одиннадцати фунтов. И у матери, и у ребенка все было хорошо, и было большое количество молока. Уайтсайд

Робертсон (*Британский медицинский журнал*, 18 января 1902 г.) зафиксировал случай беременности в возрасте тринадцати лет у колониальной девочки британского происхождения из Капской колонии, что примечательно и с других точек зрения. Во время беременности у нее была анемия, и она казалась плохо развитой, с сомнительно нормальной формой таза. Тем не менее, роды прошли естественным путем, в доношенный срок, без трудностей или травм, и период лежания был во всех отношениях удовлетворительным. Ребенок был хорошо сложен и весил 7 с половиной фунтов. "Я редко видел, чтобы первородящие наслаждались более легкими родами, - заключил Робертсон, - и я никогда не видел, чтобы кто-то предвкушал счастливое осознание материнства с большим удовлетворением".

Факты, выдвинутые акушерами относительно хороших результатов ранней беременности как для матери, так и для ребенка, еще не получили того внимания, которого они заслуживают. Однако они подтверждаются многими общими тенденциями, которые в настоящее время достаточно хорошо признаны. Известен, например, важный факт, что у матерей старше тридцати лет доля аборт и выкидышей в два раза выше, чем у матерей в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, которые также превосходят в этом отношении матерей в возрасте от двадцати до тридцати (*Статистический журнал Jahrbuch*, Будапешт, 1905). Мэтьюз Дункан в своей лекции в Гулстоуне снова доказал, что вероятность бесплодия у женщины возрастает с возрастом. Далее, было показано (Киш, *Сексуальная жизнь женщины*, часть II), что чем старше женщина в браке, тем больше средний интервал до первых родов, тенденция, которая, по-видимому, указывает на то, что именно очень молодая женщина находится в состоянии, наиболее подходящем для продолжения рода; Киш, на самом деле, не склонен думать, что это применимо к женщинам моложе двадцати, но факт, наблюдаемый другими акушерами, что матери моложе восемнадцати, как правило, снова беременеют с необычно коротким интервалом, во многом нейтрализует исключение, сделанное Киш. Можно также отметить, что среди детей очень молодых матерей количество полов более примерно равно, чем в случае с матерями старшего возраста. Это, по-видимому, указывает на то, что мы находимся здесь в присутствии нормального равновесия, которое будет уменьшаться по мере того, как возраст матери будет постепенно нарушаться в ненормальном направлении.

Следует отметить, что легкость родов в раннем возрасте соответствует равной легкости физического полового акта, и этот факт часто упускается из виду. В России, где брак все еще заключают рано, раньше это было обычным явлением, когда женщине было всего двенадцать или тринадцать лет, и Гутцайт (*Dreissig Jahre Praxis*, т. i, стр. 324) говорит, что женщины, вышедшие замуж в этом возрасте, заверили его, что первый половой акт не представлял особых трудностей.

Несомненно, в настоящее время существует значительное количество предубеждений против раннего материнства. Отчасти это происходит из-за непонимания того, что женщины в сексуальном плане гораздо более развиты, чем мужчины, как физически, так и психически (см. *ante* стр. 35). Разница составляет около пяти лет. Это различие фактически признавалось на протяжении тысячелетий в древнем поверье, что возраст выбора для продолжения рода составляет около двадцати или меньше для женщин, но около двадцати пяти для мужчин; и совсем недавно оно было подтверждено открытием, что, хотя мужчина никогда не способен производить потомство раньше тринадцати лет, женщина может, в редких случаях, забеременеть в восемь. (Некоторые из записанных примеров цитирует Киш.) Отчасти также существует возражение против принятия на себя такой серьезной ответственности, как

материнство, молодой девушкой, и существует вполне обоснованное мнение, что обязательства, связанные с постоянными брачными узами, не следует брать на себя в раннем возрасте. С другой стороны, помимо физических преимуществ, как для матери, так и для младенца, со стороны ранней беременности, для ребенка выгодно иметь молодую мать, которая может сочувственно и безоговорочно посвятить себя его интересам, вместо того чтобы представлять собой жалкое зрелище, которое мы так часто наблюдаем у женщины средних лет, которая обращается к материнству, когда ее молодость и гибкость ума ушли, а привычки и вкусы вошли в другое русло; иногда даже для величайших людей, таких как Гете, иметь молодую мать было большим благословением. Кроме того, во многих случаях было бы большим преимуществом для самой женщины, если бы она могла завершить свою детородную жизнь задолго до достижения двадцатипятилетнего возраста, чтобы затем, не обремененная деторождением и набравшись опыта, свободно заниматься такой более широкой деятельностью в мире, к которой она могла бы быть пригодна.

Такое устройство детородной жизни женщин, очевидно, было бы лишь разновидностью и, вероятно, не подходило бы большинству. Каждый случай должен оцениваться по существу. Вероятно, для большинства женщин лучшим возрастом для продолжения рода по-прежнему будет считаться возраст около двадцати лет. Но в такое время, как настоящее, когда существует прискорбная тенденция к неоправданному затягиванию материнства, становится необходимым настаивать на преимуществах, во многих случаях, раннего материнства.

Существуют и другие условия, благоприятные или неблагоприятные для продолжения рода, которые сейчас нет необходимости обсуждать подробно, поскольку они уже были случайно рассмотрены в предыдущих томах этих *Исследований*. Существует, например, вопрос о времени года и продолжительности менструального цикла, которые могут быть наиболее подходящими для продолжения рода.^[466] Лучшим периодом, вероятно, является период наибольшего сексуального влечения, именно в этот период, по сути, чаще всего происходит зачатие. Это может быть весной или в начале лета,^[467] и сразу после (или незадолго до) менструации. Китайцы заметили, что последний день менструации и два последующих дня, соответствующие периоду оэструса, составляют наиболее благоприятное время для оплодотворения, и Босси из Генуи обнаружил, что подавляющее большинство успехов как в естественном, так и в искусственном оплодотворении приходится на этот период.^[468] Соранус, а также Талмуд, определили период менструации как наилучший для оплодотворения, а Шушрута, индийский врач, сказал, что в это время беременность наступает наиболее легко, потому что тогда устье матки открыто, подобно цветку водяной лилии навстречу солнечному свету.

Теперь мы, наконец, достигли точки, с которой начали, момента зачатия, и ребенок снова находится в утробе матери. Больше говорить не о чем. Божественный цикл жизни завершен.

[421] Спенсер и Гиллен, *Северные племена Центральной Австралии*, стр. 330.

[422] Медицинская академия Парижа, 31 марта 1908г.

[423] *Происхождение и развитие моральных идей*, том. ii, стр. 405.

[424] *Население и прогресс*, стр. 41.

[425] Ср. Рейбмайр, *Энциклопедия талантов и геники*, Bd. II, стр. 31.

[426] "Долг, который мы в долгу перед теми, кто был до нас, - говорит Хейкрафт (*Дарвинизм и расовый прогресс*, стр. 160), - мы можем вернуть только тем, кто придет после нас".

[427] Мардрус, *Les Mille Nuits*, том xvi, стр. 158.

[428] Сидни Уэбб, *Научно-популярный ежемесячник*, 1906, стр. 526 (ранее опубликовано в *Лондон Таймс*, 11, 16 октября 1906 г.). В гл. IX настоящего тома уже было необходимо обсудить значение термина "мораль".

[429] Таким образом, в Париже в 1906 году в богатых кварталах рождаемость на 1000 жителей составляла 19,09; в состоятельных кварталах - 22,51; а в бедных кварталах - 29,70. Здесь мы видим, что, хотя уровень рождаемости падает и повышается в зависимости от социального класса, даже среди бедных и наименее ущемленных слоев населения уровень рождаемости по-прежнему лишь немногим превышает общий средний показатель по Англии, где широко распространена профилактика, и очень значительно ниже среднего показателя (сейчас быстро падающего) по Германии. Очевидно, что даже среди бедняков наблюдается процесс выравнивания в этом вопросе с высшими классами.

[430] Я развил эти моменты более подробно в двух статьях в "*Независимом обозрении*", ноябрь 1903 г. и апрель 1904 г. См. также, Буши, "Снижение рождаемости и его причины", *Ежемесячник "Популярная наука"*, август 1903г.

[431] Фрэнсис Плейс, *Иллюстрации и доказательства принципа народонаселения*, 1822, стр. 165.

[432] См., например,, увесистую главу в журнале "*Сексуальная медицина и нервная система*" Левенфельда, одного из самых авторитетных специалистов по сексуальной патологии. Двадцать пять лет назад, как многие помнят, студента-медика обычно учили, что профилактические методы полового акта приводили к всевозможным серьезным результатам. Однако в то время безрассудные и нежелательные методы профилактики, по-видимому, были более распространены, чем сейчас.

[433] Майкл Райан, *Философия брака*, стр. 9. Чтобы позволить "консервативной силе Творца" воздействовать на мириады зародышевых человеческих существ, выделяемых при жизни хотя бы одним мужчиной, потребовался бы мир, полный женщин, в то время как соответствующая проблема, касающаяся женщины, в целом слишком сложна для решения. Процесс, посредством которого была создана жизнь, далек от того, чтобы быть процессом всеобщего сохранения, это был процесс строгого отбора и масштабного разрушения; прогресс, достигнутый цивилизацией, заключается всего лишь в том, чтобы сделать этот слепой процесс разумным.

[434] Таким образом, в Бельгии в 1908 году (*Sexual-Probleme*, февраль 1909 г., стр. 136) врач (доктор Маско), занимавший видное место в распространении знаний о методах предотвращения зачатия, был приговорен к трем месяцам тюремного заключения за "нарушение морали"! В таком случае, комментирует доктор Хелен Штекер ("*Новое поколение*", январь 1909 г., стр. 7), "мораль" - это другое название невежества, робости, лицемерия, ханжества, грубости и отсутствия совести. Однако, объясняя это несправедливое суждение,

следует помнить, что в течение нескольких прошедших лет клерикальная партия была политически доминирующей в Бельгии.

[435] Были высказаны возражения, что презервативом не могут пользоваться самые бедные из-за его стоимости, но Ханс Ферди в подробной статье (*Sexual-Probleme*, декабрь 1908 г.) показывает, что использование презерватива может быть обеспечено по средствам самым бедным, если позаботиться о том, чтобы хранить его под водой, когда он не используется. Нистрем (*Сексуальная проблема*, ноябрь 1908 г., стр. 736) выпустил брошюру в интересах своих пациентов и других, рекомендующую презерватив и объясняющую его использование.

[436] Таким образом, Киш в своей "*сексуальной жизни женщины*", подробно обсудив различные методы профилактики, принимает решение в пользу презерватива. Фюрбрингер аналогичным образом (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 232 и последующие) приходит к выводу, что презерватив является "относительно самым совершенным средством борьбы с концепциями". Форель ("*Сексуальная жизнь*", стр. 457 и далее) также подробно обсуждает этот вопрос; любое эстетическое возражение против презерватива, добавляет Форель (стр. 544), связано с тем, что мы к нему не привыкли; "очки не являются специально эстетическими, но поэзия жизни не сильно страдает от их использования, без которого во многих случаях нельзя обойтись".

[437] *Увлечение*, стр. 43.

[438] В римском праве и практике, касающихся аборт, есть несколько спорных моментов; они обсуждаются в ценной книге Балестрини "*Абorto*", стр. 30 и далее.

[439] Августин, *De Civitate Dei*, Bk. XXII, Гл. XIII.

[440] Развитие общественного мнения и законодательства в отношении аборт было прослежено Эженом Бауссе, "*Преступление*", Парижская галерея, 1907. Краткое описание практики различных народов в отношении аборт см. У. Г. Самнер, *Народные обычаи*, глава VIII.

[441] *Новое поколение*, май 1908 г., стр. 192. Можно добавить, что в Англии применение какого-либо наказания вообще к аборт, практикуемым в первые месяцы беременности (до того, как произошло "оживление"), является всего лишь современным нововведением.

[442] Даже Балестрини, который выступает против наказания за аборт, не является их сторонником. "Всякий раз, когда аборт становится общественным обычаем, - замечает он (*указ. соч.*, стр. 191), - это внешнее проявление народного упадка, и оно слишком глубоко укоренилось, чтобы его можно было вылечить простой попыткой подавить внешнее проявление".

[443] см. Эллен Ки, *век ребенка*, СН. И. Хирт (*Wege otеля zur Heimat* в, с. 526) также выступает против поощрения аборт, хотя он не был на самом деле наказывать беременную женщину, которая вызывает аборт. Я бы особенно обратил внимание на умелую и убедительную статью Анны Папприц ("*Die Vernichtung des Keimenden Lebens*", *Сексуальная проблема*, июль 1909 г.), которая утверждает, что женщина не является единственным хранителем эмбриона, который она вынашивает, и что не в интересах общества, и даже не в ее собственных интересах, чтобы она была свободна уничтожать его по своему желанию. Анна Папприц признает, что нынешние

варварские законы в отношении аборт должны быть изменены, но утверждает, что их не следует отменять. Она предлагает (1) значительно смягчить наказание за аборт; (2) распространить это наказание на отца, независимо от того, женат он или нет (это положение уже действует в Норвегии как в отношении аборт, так и в отношении детоубийства); (3) разрешить врачу произвести аборт, когда есть веские основания подозревать наследственное перерождение, а также когда женщина была забеременела насильно.

[444] Ср. Доктор Макс Хирш, *Сексуальные проблемы*, январь 1908 г., стр. 23.

[445] Бауссе (указ. соч.) излагает различные социальные меры по уходу за беременными и детородными женщинами, которые будут способствовать сокращению числа криминальных аборт.

[446] Гомперц, *Греческие мыслители*, том i, стр. 564.

[447] Ф. Э. Дэниел, президент Государственной медицинской ассоциации Техаса: "Следует ли позволять безумным преступникам или сексуальным извращенцам производить потомство?" *Медико-юридический журнал*, декабрь 1893 г.; *id.*, "Причина и предотвращение изнасилований", *Техасский медицинский журнал*, май 1904г.

[448] P. Näcke, "Die Kastration bei gewissen Klassen von Degenerierten als ein Wirksamer Socialer Schutz," *Archiv für Kriminal-Anthropologie*, Bd. III, 1899, с. 58; *ид.* "Kastration in Gewissen Fällen von Geisteskrankheit," *Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift*, 1905, No. 29.

[449] Angelo Zuccarelli, "Asessualizzazione o sterilizzazione dei Degenerati," *L'Anomalo*, 1898–99, No. 6; *id.*, "Sur la nécessité et sur les Moyens d'empêcher la Réproduction des Hommes les plus Dégénérés," *International Congress Criminal Anthropology*, Amsterdam, 1901.

[450] Нэкке, *Центральный неврологический центр*, 1 марта 1909 г. Первоначальный отчет об этих операциях воспроизведен в "*Psychiatrischeurologische Wochenschrift*", № 2, 1909, с одобрительным комментарием редактора, доктора Бреслера. Что касается кастрации в Америке, см. Флуд, "Кастрация детей-идиотов", *Американский журнал Psychology*, январь 1899 г.; также, *Психиатр и невролог*, август 1909 г., стр. 348.

[451] Вероятно, что кастрация может оказаться особенно полезной в случае слабоумных. "В Сомерсетшире, - говорит Тредголд ("Слабоумие как социальная опасность", *Евгеническое обозрение*, июль 1909 г.), - я обнаружил, что из общего числа 167 слабоумных женщин почти две пятых (61) родили детей, по большей части незаконнорожденных. Более того, это не редкость, а, скорее, правило, когда этих бедных девочек снова и снова помещают в родильные отделения работного дома, и среднее количество отпрысков у каждой из них, вероятно, составляет три или четыре, хотя даже шесть не редкость". В своей работе о *умственной неполноценности* (стр. 288-292) тот же автор показывает, что размножение среди умственно неполноценных является в Англии "одновременно ужасным и масштабным злом".

[452] Этот пример приводит Ледерманн, "Кожные заболевания и брак", в Senator and Kaminer, *Здоровье и болезни в связи с браком*.

[453] Здесь я могу снова сослаться на поучительную историю жреческого безбрачия Леа.

[454] В Англии ежегодно отклоняется 35 000 заявлений о приеме на службу в военно-морской флот, и хотя физические требования для зачисления в армию в настоящее время чрезвычайно умеренны, по оценкам генерала Мориса, по крайней мере, шестьдесят процентов призывников и потенциальных новобранцев увольняют как негодных. (См., например, Уильям Коутс, "Долг медицинской профессии в предотвращении ухудшения состояния страны", *Британский медицинский журнал*, 1 мая 1909 г.) Вряд ли можно утверждать, что люди, недостаточно подходящие для армии, достаточно хороши для великой задачи создания расы будущего.

[455] Признание эпилепсии препятствием для продолжения рода не является недавним. Говорят, в архивах города Люсон есть запись, в которой эпилепсия была признана уважительной причиной для расторжения помолвки (*Британский медицинский журнал*, 14 февраля 1903 г., стр. 383).

[456] *Британский медицинский журнал*, 14 апреля 1906 г. В Калифорнии и некоторых других штатах, по-видимому, обман в отношении здоровья является основанием для расторжения брака.

[457] Сэр Ф. Гальтон, *Исследования человеческих способностей*, издание Everyman's Library, стр. 211 и далее.; ср. Сборник Эссе Гальтона по евгенике, недавно опубликованный Обществом евгенического образования.

[458] Некоторые сведения о методах и результатах работы в школах см. В книге Бертрама К. А. Уиндла "Антропометрическая работа в школах", *Медицинский журнал*, февраль 1894г.

[459] Наиболее заметные шаги в этом направлении были предприняты в Германии. Отчет об эксперименте в Карлсруэ см. "Новое поколение", декабрь 1908 г.

[460] Виткнудсен (цитируется в *Sexual-Probleme*, декабрь 1908 г., стр. 837) решительно, но не слишком, говорит о безрассудстве любого неразборчивого дарования потомства.

[461] С научной точки зрения, в дополнение к плодотворным методам статистической биометрии, которые уже упоминались, многообещающей является работа в направлении, начатом Менделем; см. У. Бейтсон, *Принципы наследственности Менделя*, 1909; также У. Х. Локк, *Недавние успехи в изучении изменчивости, наследственности и эволюции*, и Р. К. Паннетт, *Менделизм*, 1907 (американское издание с интересным предисловием Гейлорда Уилшира "С социалистической точки зрения", 1909).

[462] Изучение правильных условий для продолжения рода очень древнее. В наше время мы обнаруживаем, что даже самая первая французская медицинская книга на вульгарном языке, "Режим корпуса", написанная Алебрандом Флорентийским (который был врачом короля Франции) в 1256 году, в значительной степени посвящена этому вопросу, относительно которого в ней дается много полезных советов. See J. B. Soalhat, *Les Idées de Maistre Alebrand de Florence sur la Puériculture*, Thèse de Paris, 1908.

[463] Гесиод, *Труды и дни*, II, 690-700.

[464] Это долгое время было общепринятым мнением медицинских авторитетов, о чем можно судить по заявлениям, собранным два столетия назад Шуригом, *Партенология*, стр. 22-25.

[465] Утверждение о том, что в среднем лучший возраст для продолжения рода у мужчин - до, а не после сорока, ни в коем случае не предполагает существования какого-либо "критического" возраста у мужчин, аналогичного менопаузе у женщин. Иногда это утверждается, но на этот счет нет единого мнения. Рестиф де ла Бретонн (*Месье Николя*, том х, стр. 176) сказал, что в возрасте сорока лет деликатность чувств начинает уходить. Фюрбрингер считает (Сенатор и Каминер, *Здоровье и болезни в связи с браком*, том i, стр. 222), что на шестом десятилетии или в середине пятого в жизни мужчины происходит решающий поворот, когда желание и потенция уменьшаются. Дж. Ф. Сазерленд также утверждает (*Международный медицинский конгресс*, 1900, Раздел психиатрии, стр. 471), что примерно к пятьдесят пятому году у мужчин происходит изменение, аналогичное тому, которое наблюдается у мужчин в возрасте до пяти лет. менопауза у женщин, но только у определенной доли мужчин. Похоже, что у большинства мужчин снижение сексуального чувства и потенции происходит очень постепенно и поначалу проявляется в усилении контроля.

[466] Смотрите в томе i исследование "Феноменов сексуальной периодичности".

[467] Среди животных также часто говорят, что весенние пометы являются лучшими.

[468] Результаты Босси обобщены в *Архиве криминологии*, сентябрь 1891 г. Алебранд Флорентийский, врач французского короля в XIII веке, также советовал вступать в половую связь на следующий день после окончания менструации.

ПОСТСКРИПТУМ.

Содержание

"Дело, для которого я был рожден, сделано", - написал великий поэт, когда, наконец, выполнил свою задачу. И хотя я не имею права петь ни одного *Nunc dimittis*, я хорошо осознаю, что задача, которая занимала лучшую часть моей жизни, могла оставить несколько лет и мало сил для любой последующей работы. Прошло более тридцати лет с тех пор, как начало формироваться первое решение написать работу, которая сейчас здесь завершена, все еще смутно, но настойчиво; период изучения и подготовки занял более пятнадцати лет, закончившись публикацией "*Мужчины и женщины*", выдвинутой в качестве пролегомена к основному труду, написание и публикация которого заняли пятнадцать последующих лет.

Возможно, для моего спокойствия было удачей, что я с самого начала не смог предвидеть всех опасностей, подстерегающих меня на пути. Я действительно знал, что те, кто серьезно и глубоко исследует любой предмет, на который люди привыкли смотреть сквозь пальцы, с другой стороны, подвергаются непониманию и даже обмолвкам. Но я предположил, что замкнутый студент, который подходит к жизненно важным социальным проблемам с осторожностью, не обращаясь напрямую к широкой публике, а только к общественным учителям, и который помещает результаты своих исследований в технически написанные тома, доступные немногим, я предположил, что такой студент, во всяком случае, защищен от любой грубой формы нападения со стороны полиции или правительства, под защитой которого, как он воображал, он жил. Это оказалось ошибкой. Когда в Англии был написан и опубликован только один том этих *Исследований*, судебное преследование, спровоцированное правительством,

положило конец продаже этого тома в Англии и привело меня к решению, что последующие тома не должны публиковаться в моей стране. Я не жалуюсь. Я благодарен за раннее и щедрое сочувствие, с которым моя работа была принята в Германии и Соединенных Штатах, и я признаю, что она получила более широкое распространение как на английском, так и на других основных языках мира, чем это было бы возможно при скромном методе издания, от которого правительство моей собственной страны заставило меня отказаться. Также попытка уничтожить мою работу не привела к каким-либо изменениям в этой работе, хотя бы одним словом. С помощью или без нее, я прошел свой собственный путь до конца.

Ибо так случилось, что я происхожу по обе стороны от моего дома из племени англичан, которые почти триста лет назад сталкивались с точно такими же трудностями и опасностями. Действительно, в семнадцатом веке битва развернулась вокруг проблемы религии, как и сегодня вокруг проблемы секса. С тех пор как в последние годы я осознал эту аналогию, я часто думал о некоторых замечательных и безвестных людях, которые были изгнаны, ограблены и преследуемы, некоторые Церковью, потому что в них жил дух пуританства, некоторые пуританами, потому что они цеплялись за идеалы Церкви, но оба одинаково спокойны и непоколебимы, оба одинаково сражались за свободу или порядок на поле, которое теперь уже навсегда завоевано. Эта победа часто казалась хорошим предзнаменованием для, возможно, дегенеративного отпрыска этих людей, который сегодня стремится поддерживать дела свободы и порядка в другой области.

Иногда действительно кажется безнадежной задачей преодолеть давление косных предрассудков, которые ни в коем случае не являются такими стойкими, как в отношении секса. Возможно, это помогло бы восстановить безмятежность нашего оптимизма, если бы мы более ясно осознали, что всего через несколько поколений все эти предрассудки исчезнут и будут забыты. Тот, кто следует по стопам Природы в соответствии с законом, который не был создан человеком, и находится выше человека, имеет на своей стороне как время, так и вечность, и может позволить себе быть терпеливым и бесстрашным. Люди умирают, но идеи, которые они стремятся уничтожить, живут. Наши книги могут быть брошены в огонь, но в следующем поколении этим пламенем станут человеческие души. Трансформация осуществляется врачом в его кабинете для консультаций, учителем в школе, проповедником за кафедрой, журналистом в прессе. Это трансформация, которая медленно, но верно происходит вокруг нас.

Я хорошо понимаю, что многие не почувствуют себя способными принять оценку сексуальной ситуации, изложенную здесь, особенно в последнем томе. Некоторые сочтут эту оценку слишком консервативной, другие - слишком революционной. Ибо всегда есть те, кто страстно стремится крепко держаться за прошлое; всегда есть другие, которые страстно стремятся ухватиться за то, что они считают будущим. Но мудрый человек, стоящий посередине между обеими сторонами и сочувствующий каждой, знает, что мы всегда находимся на переходной стадии. Настоящее в любую эпоху является всего лишь точкой сдвига, в которой встречаются прошлое и будущее, и мы не можем ссориться ни с тем, ни с другим. Не может быть мира без традиций; не может быть и жизни без движения. Как знал Гераклит на заре современной философии, мы не можем дважды искупаться в одном и том же ручье, хотя, как мы знаем сегодня, поток все еще течет по бесконечному кругу. Не бывает такого момента, когда над землей не разгорался бы новый рассвет, и никогда такого момента, когда закат перестал бы гаснуть. Хорошо безмятежно встречать даже первый проблеск рассвета, когда мы его видим, не

спеша к нему с чрезмерной скоростью и не покидая закат без благодарности за угасающий свет, который когда-то был рассветом.

В моральном мире мы сами являемся носителями света, и космический процесс воплощается в нас. На короткое время нам даровано, если мы захотим, рассеять тьму, которая окружает наш путь. Как в древнем забеге с факелами, который Лукрецию казался символом всей жизни, мы продвигаемся вперед с факелом в руке по дистанции. Вскоре сзади появляется бегун, который опережает нас. Все наше мастерство заключается в том, чтобы вложить в его руку живой факел, яркий и не мерцающий, когда мы сами исчезаем во тьме.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.